

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXIV

1898

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1898

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1898 г.

	стр.
I Извѣтъ. (Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ). Е. Н. Опочинина	5
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. XI—XII. (Продолженіе).	40
III. Эмене Шерфе. Повѣсть. (Изъ современной крымской жизни). Л. Е. Оболенскаго	80
IV. Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). Г. П. Н. Полевого	120
V. Памирскій походъ. (Воспоминанія очевидца). XII—XV. (Окончаніе). В. Л. Тагѣева	142
VI. Шпіонъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 г.). М. Д. Платова	164
VII. Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. I—XII. Н. Н. О.	185
VIII. Разказы М. С. Щепкина. М. А. Щепкина	211
IX. Поѣздка въ Нилову-Сорскую пустынь. П. Ф. Тюменева	228
Иллюстраціи: 1) Крестъ на поворотѣ съ Бѣлозерскаго тракта въ Нилову пустынь. — 2) Св. ворота и Покровская церковь въ Ниловой пустыни. — 3) Внутренній видъ Ниловой пустыни. — 4) Ограда и ворота Предтечева скита въ Ниловой пустыни. — 5) Церковь св. Иоанна Предтечи и домъ надъ колодеземъ предподобнаго Нила. — 6) Входъ въ Успенскій скитъ съ внутренней стороны. — Часовни: Голгова и Гессимаія въ Успенскомъ скитѣ.	
X. Къ вопросу о происхожденіи такъ называемаго перваго самозванца. (По поводу открытія о. Павла Пирлинга и сочиненія г. А. Гиршберга). Г. А. Воробьева	245
XI. Русскіе администраторы XVII вѣка. Г. Н. Шмелева	248
XII. Исторія русской фабрики. Б. Б. Глинскаго	253
XIII. По Китайскому побережью. VII. Городъ Амой. (Продолженіе). В. Д. Черевкова	293
XIV. Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ	310
Иллюстраціи: Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.	
XV. Критика и библиографія	352
1) Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ VI-го по XIX-й вѣкъ А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1898. с. — 2) Памятники древней письменности. ОХХVII. А. Н. Пыпинъ. Поддѣлки рукописей и народныхъ гдсенъ. Спб. 1898. н. п. — 3) С. С. Пашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. А. Фаресова. — 4) Ш. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ французскаго. Изданіе И. Д. Сытина. Историко-культурная бібліотека. Спб. 1898. н. — 5) А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. ш. — 6) Угорска Русь и ея русскіе жители. Книжечка для народа съ образками и картою Угрии и Угорской, Галичской и Буковинской Руси. Написалъ Григорій Куцчанко. Вѣденъ. 1898. н. Рышкова. — 7) В. К. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отноше-	

См. слѣд. стр.

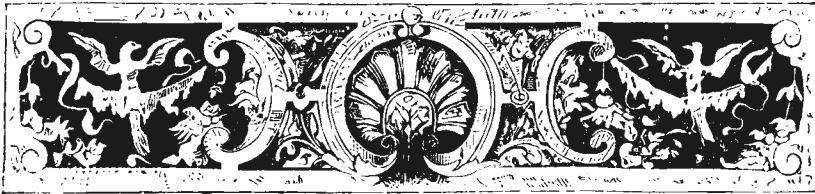
няхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1897. к. — 8) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898. в. т. — 9) Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Труды Сѣверной комисіи. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 1898. щ.—10) Докторъ Леоборъ Нидерле. Человѣчество и доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898. к.—11) Записки научоваго товариства имени Шевченко. Выходятъ у Львові під редакцією Михайла Грушевського. Том XIX. Львів». 1898. н. р.—ва.—12) Вл. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 1898. гл.—13) Józef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolynskie. Warszawa. 1899 (!). к. х. — 14) А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучинкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучинскаго. Кіевъ. 1898. к.—15) И. Тыжновъ. Запѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Часть I. Лѣтописи города Тобольска. Спб. в. р.—ва.—16) «Народная трезвость». №№ 1—8. Спб. 1898. г. л. и.—17) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Выпускъ 2-й. Владиміръ. 1897. п. щ.

- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 386
 1) Старинный итальянскій лѣтописецъ. — 2) Четырехсотлѣтняя годовщина Савонаролы.—3) Новыя сокровища итальянскихъ архивовъ по исторіи Англи.—4) Основатель Квебека.—5) Голландія въ XVII вѣкѣ.—6) Гейдельбергское пугало.
- XVII. Изъ прошлаго 393
 Къ біографіи М. Ю Лермонтова. В. М. Цехановскаго.
- XVIII. Смѣсь 398
 1) Открытіе памятника императору Александру II въ селѣ Вѣлый-Ключъ.—2) Архивъ Московскаго дворянства.—3) Художественная выставка въ Ломжѣ.—4) Некрологи: М. Г. Черняевъ; А. С. Павловъ; С. П. Щепкинъ; Н. Н. Куликовъ.
- XIX. Запѣтки и поправки 411
 1) Къ біографіи Яна Кохановскаго (1530—1584 гг.) и Любарскаго.—2) По поводу статьи «На царскомъ пути». Баронессы Е. Н. Гротгусъ, рожденной Лореръ.—3) Огвѣтъ на запѣтку генерала Фельдмана. Винтора Жерве.
- XX. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ Михаила Семеновича Щепкина. 2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. Е. Венсона. Часть вторая. VIII. Часть третья. I—II. Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).

МИХАИЛЬ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 СЕНТ. 1898 Г. СПБ.

ИЗВѢСТЪ.

(Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ).

На Руси былъ и была,
Только быльемъ давно поросла...
(Мей).

I.

ИМА 1691 года отличалась небывалыми холодами. По крайней мѣрѣ, даже древніе старики въ Пошехонской округѣ не могли вспомнить на своемъ вѣку такихъ морозовъ, какіе ударили въ томъ году въ срединѣ декабря: у людей, при выходѣ изъ теплой избы на улицу, захватывало дыханіе, птицы мерзли на лету. Одни волки шатались по задворкамъ и таскали сторожевыхъ собакъ. Еще раньше выпали глубокіе снѣга. Немудрено, поэтому, что деревня Станокъ, пріютившаяся среди темнаго лѣса, на пологомъ пригоркѣ праваго берега рѣки Нахты, казалась издали двумя рядами бѣлыхъ холмовъ: она вся утонула въ снѣгу, какъ и усадьба стольника Леонтыя Романовича Осорьина, стоявшая на другой сторонѣ. На ея соломенныхъ и гонтовыхъ кровляхъ также висятъ цѣлыя сугробы, и даже боярскія палаты по окна утонули въ снѣгу. Всюду мертвая тишь и безлюдье. Деревня словно вымерла. Только рано утромъ, да когда совсѣмъ свечерѣетъ, замѣтно, что здѣсь живутъ люди: утромъ—изъ длинныхъ долбленыхъ трубъ поднимаются къ небу столбы дыма, около дворовъ и колодцевъ копошатся бабы, а вечеромъ оконницы избъ, какъ волчьи глаза, заморгаютъ огнями.

Улицы деревни заметены недавней метелью, такъ что отъ дороги остался чуть замѣтный слѣдъ въ видѣ двухъ приподнятыхъ краевъ полозницы. Да и ѣзды черезъ Станокъ бываетъ немного: проселокъ небожкій,—равнѣ мужикъ соберется кое-когда за дровами, да бояринъ проѣдетъ въ ближній монастырь къ обѣднѣ. Изъ чужаковъ же сюда зимой не заѣдетъ никто. Глушь и безлюдье кругомъ: куда ни погляди, безконечнымъ плѣсомъ тянется лѣсъ. Онъ идетъ, не перемежаясь, до самой Шексны. Тамъ уже мѣста полуднѣе; деревни и погосты попадаются чаще, а дальше, на другой сторонѣ рѣки, опять пойдутъ сосновые боры, густые, непроѣздные. Съ Шексны есть дорога въ Станокъ, но «зимникъ», идущій въ сторонѣ отъ нея, напрямикъ, замело, какъ и деревенскую улицу, на которой только по окраинамъ, около избъ, видны тропки съ глубоко продавленными ступнями мужицкихъ курпанъ ¹⁾, да нѣсколько лыжницъ по направленію къ лѣсу, гдѣ ставятъ капканы. Усадьба стольника Осорьина, стоящая противъ его же деревни, на другомъ берегу, была похожа на всѣ великорусскія помѣстья XVII вѣка. Только будто построена она крѣпче другихъ, изъ вѣковыхъ сосенъ заповѣднаго бора. Не любилъ кое-какъ дѣлать Леонтій Романовичъ. Надумавъ поселиться въ своей дальней Пошехонской вотчинѣ, онъ пріѣхалъ самъ строить усадьбу, нарядилъ лѣсорубовъ и плотниковъ, осматривалъ каждое дерево въ заповѣдной, прежде чѣмъ признать его годнымъ въ стройку, и, говорятъ, будто изъ ста отборныхъ боровыхъ сосенъ выбиралъ только одну. Зато и стройка вышла на славу. Прямые, какъ струна, бревна въ два обхвата толщины, простоятъ дольше камня, и съ теченіемъ времени будутъ только краснѣть да становиться крѣпче, такъ что и топоръ не возьметъ.

Усадьба невелика: на неширокомъ четырехугольномъ дворѣ, обнесенномъ плотною изгородью изъ соснового, но остро затесаннаго съ концовъ вершинника, стоятъ боярскіе хоромы—въ три большія избы подъ одной кровлей, соединенныя темными сѣнями. Неподалеку, саженихъ въ десяти, на лѣвой сторонѣ двора—поварня, а немного дальше—двѣ поземныя людскія избы; противъ нихъ—конюшенный дворъ, съ сушиломъ наверху, и изба для конюховъ. Почти рядомъ съ дворомъ вотчинника стоитъ одно изъ главныхъ хозяйственныхъ строеній, огороженный высокимъ тыномъ, съ обостренными верхами, житный дворъ, крытый въ два ската. Въ сторонѣ, налѣво отъ хорововъ, пріютилась у самой изгороди малая бревенчатая банька, а дальше, прямо за изгородью, начинается лѣсъ. Сада нѣтъ совсѣмъ,—только по бокамъ хорововъ стоятъ съ каждой стороны по двѣ широкихъ бакуристыхъ сосны, оставленныхъ при расчисткѣ мѣста для постройки усадьбы. Всѣ службы крыты соломой. Только хоромы, срубленные изъ тесаныхъ бревенъ, покрыты

¹⁾ Веревочная плетеная обувь въ родѣ лаптей.

гонтомъ и обнесены «въ кругъ» точеными перилами. На правомъ углу—горница съ особыми сѣнями, надъ которой устроена вышка съ красиво расписаннымъ «прапоромъ». Окна—широкія, съ мелкими переплетами, слюдяныя. Никакой роскоши, никакихъ затѣй и чужеземныхъ новинокъ не замѣтно. Домъ даже не обшитъ тесомъ: онъ внушительно выставляетъ на показъ свои толстые, прямые какъ струна, брусья. Кругомъ него нѣтъ ни «гульбищъ», какъ водилось тогда у богатыхъ людей, ни узорныхъ подзоровъ. Лишь подъ двумя волоковыми окошками коньки украшены затѣйливо вырѣзанными фигурами баснословныхъ птицъ, да на створчатыхъ ставняхъ написаны захожимъ иконописцемъ орлы, олени и цвѣты. Всѣ постройки хотя и не роскошны наружнымъ убранствомъ, но зато крѣпки и надежны. Внѣ усадебной ограды, направо, расположенъ большой скотный дворъ, а ниже, на самомъ берегу, видна рига съ навѣсомъ и неподалеку отъ нея мельница, около которой, несмотря на жестокіе морозы, чернѣетъ незамерзающая глубь.

Былъ вечеръ 22-го декабря 1691 года. Морозъ, нѣсколько смягчившійся было за день, снова крѣпчалъ. На улицѣ деревни, какъ и въ усадьбѣ, не видно было ни души: все живое попряталось по избамъ. Становилось темно. Въ четырехъ среднихъ окнахъ хоромовъ уже свѣтился огонь, какъ бы перемигиваясь съ мерцающимъ свѣтомъ за рѣкой, въ маленькихъ окошкахъ деревни. Въ хорамахъ, изъ полутемной передней, гдѣ, сидя на сундукѣ, дремлетъ челядинецъ, открыта дверь въ просторную горницу, которой убранство стѣитъ того, чтобы на немъ остановиться.

Здѣсь уже нѣтъ того суроваго отпечатка, какой лежитъ на наружной отдѣлкѣ дома. Напротивъ, тутъ, видимо, сдѣлано все, чтобы какъ можно лучше устроить жилье, сдѣлать его красивымъ и удобнымъ. Кругомъ горницы идутъ лавки, крытыя шитыми въ шахматъ, изъ алаго и желтаго сукна, полавочниками; въ углу, направо отъ входа, фигурная изразчатая печь съ лежанкою. На изразцахъ изображенія птицъ, животныхъ и надписи; надъво отъ печи—высокій, весь рѣзной, нѣмецкаго дѣла, шкафъ. Стѣны, поверхъ теса, обиты полотнами, на которыхъ слѣва писаны травы живописныя, а направо—священные изображенія: царь Давидъ и пророки. Дальше, на третьей стѣнѣ—царь Константинъ и царица Елена, а на четвертой—Соломонъ и «пришествіе Савскія царицы». Подволока или потолокъ, также писана по полотну: здѣсь «солнце небесное съ зодіями и съ планетами». Двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ переднюю, а другая, въ правой стѣнѣ, въ слѣдующую горницу,—обшиты краснымъ сукномъ, поверхъ котораго видны длинныя рѣзныя петли изъ луженаго желѣза. Скобы у дверей, также луженныя, украшены фигурными рѣпьями. Въ двухъ мѣстахъ, между оконъ,

стоятъ объемистыя съ полого-круглыми крышками, укладки, обитыя прорѣзнымъ желѣзомъ. На полу—ковры и медвѣжьи шкуры. Въ переднемъ углу—золоченая кіота, съ иконами, передъ которыми горитъ филигранная лампада; а по сторонамъ—двѣ небольшія полочки съ священными книгами и поставленнымъ евангеліемъ, поволоченнымъ червчатымъ бархатомъ, съ серебряною сквозною рѣзбой на лицевой доскѣ. Въ комнатѣ четыре окна съ клинчатыми окончиками, въ которыя глядитъ темная ночь.

Въ переднемъ углу, на лавкѣ, за липовымъ столомъ, на которомъ горятъ свѣчи въ двухъ мѣдныхъ шандалахъ, сидитъ Леонтій Романовичъ Осорьинъ. Опустивъ голову на руки, онъ глубоко задумался; окладистая, съ просѣдью, борода его почти касается стола. На видъ онъ еще не старъ: густые, только кое-гдѣ съ бѣлыми прядями волосы, свѣжее лицо и каріе, свѣтящіеся глаза—позволяютъ дать ему не больше пятидесяти лѣтъ, но, въ дѣйствительности, ему уже за семьдесятъ, и сынъ его, Юрій, сидящій на далекомъ воеводствѣ, давно вышелъ изъ молодыхъ.

Жарко въ натопленной горницѣ,—трубу только что закрыли. Леонтій Романовичъ, недавно вернувшись изъ Никольскаго монастыря, отъ игумена, расположился подомашнему: вмѣсто обычнаго бѣличьяго кафтана, надѣлъ легкій атласный и тяжелые катаные сапоги смѣнилъ сафьянными.

Тихо въ боярскомъ покоѣ; только изъ передней слышится легкое похрапыванье челядинца, да со двора время отъ времени доносится хриплый лай сторожеваго пса. Тишина и тепло, и легкое потрескиванье свѣчей,—все располагаетъ къ дремотѣ. Но не дремлетъ Леонтій Романовичъ: въ глазахъ его отражается тревожная дума... Вотъ, какъ бы очнувшись, онъ всталъ изъ-за стола и ударилъ въ ладоши. Въ передней послышалась сначала легкая возня, затѣмъ появился челоуѣкъ съ широкимъ, скуластымъ лицомъ. Сощуривъ отъ свѣта и безъ того узкіе восточные глаза, онъ наскоро поправилъ съѣхавшую на бокъ тюбетейку и неподвижно остановился передъ бояриномъ.

— Пришли ко мнѣ Мишу,—приказалъ тотъ:—да скажи стремянному и людямъ, чтобъ изготовились къ утру: завтра звѣря пойдемъ выбивать изъ берлоги...

Татаринъ, успѣвшій окончательно проснуться, повернулся было, чтобы идти и исполнить приказъ, но бояринъ остановилъ его новымъ распоряженіемъ:

— Все съ вечера приготовить, — сказалъ онъ:—рогатины пересмотрѣть, крѣпки ли древки. Ножи наточить давно бы надо... А ты все спишь; только у тебя и дѣла... Ступай!

Челядинецъ ушелъ. Леонтій Романовичъ началъ нетерпѣливо ходить по горницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ сѣней вошелъ челоуѣкъ лѣтъ 25, въ послушническомъ черномъ подрясникѣ, пе-

рехваченномъ въ таліа кожанымъ поясомъ съ желѣзною пряжкой. Поклонившись боярину, онъ молча остановился у двери.

— Здорово, Миша!—привѣтливо обратился къ нему Леонтій Романовичъ.— Ты, знать, ужъ на покой собрался, да Будуишь тебя потревожилъ. Не посѣтуй: есть до тебя челобитье...

— Что изволишь, Леонтій Романовичъ?

— Тебѣ, чай, вѣдомо,— началъ тотъ,— что старецъ Говъ поворотилъ изъ Москвы и нынѣ ужъ въ обители...

Леонтій Романовичъ нахмурился и, помолчавъ, продолжалъ:

— Вѣсти онъ мнѣ привезъ, да такія, что и вѣрить охоты нѣтъ: рассказываетъ, будто Екимка Колмыкъ объявился на Москвѣ и подалъ на меня извѣтное письмо въ томъ, что я говорилъ непристойныя слова о великихъ государяхъ... Самъ вѣдаешь,— ничего я не говаривалъ. А онъ на моихъ же бѣглыхъ холопей плется: на Одынца, на Семку Лихонина да на Любишку Яцера, а пуще всего на сосъда, лоштомскаго новаго вотчинника — Артемія Толмачева. Тотъ, будто, слышалъ, какъ я говорилъ о великихъ государяхъ: «Голицыныхъ де извели, а теперъ и за стариковъ принялись; затѣмъ де и Безобразова схватили, что есть чѣмъ поживиться»... И еще много чего онъ на меня измыслилъ: и воръ-то я, и измѣнникъ... Вспомнилъ, страдникъ, мою хлѣбъ-соль,— съ лихвою отплатилъ!— съ горечью въ годосѣ заключилъ свой рассказъ бояринъ и тяжело вздохнулъ.

Вдохнулъ и Миша, но не сказалъ ничего; только худое, блѣдное лицо его еще больше поблѣднѣло, да въ глубокихъ глазахъ зашѣтелились слезы.

— Такъ вотъ что, Миша,— снова заговорилъ стольникъ:— надо наскоро, безъ меледы, написать отписку, да кое-кому грамотки на Москву. Не то тамъ и невѣсть что на меня наплетутъ... Артемію не дремлетъ: мало что онъ бѣглыхъ холопей моихъ у себя на Лоштомѣ хоронить, лѣса мои по лѣтамъ жжетъ, и въ забавѣ, и въ дѣлѣ помѣху мнѣ чинить,— онъ и меня въ конецъ извести хочетъ. Это онъ меня обнесъ передъ царями, Екимкинъ извѣтъ его дѣло— помяни мое слово. Онъ его наговорилъ и наслушалъ, онъ и денегъ ему далъ на дорогу. А тотъ-то, страдникъ, обрадовался, забылъ, что я нищаго и убогаго его пріютилъ. И добре бы холопъ былъ или кабальной,— такъ нѣтъ: жилъ по своей волѣ, въ послуживцахъ считался...

— И завсе такъ бываетъ, Леонтій Романовичъ,— сказалъ на это Миша.— Не даромъ говорится: не кормя, не поя, и ворога не наживешь. Только ты не печалься,— правда свое возьметъ, Господь не попуститъ.

— Правда! Вѣдома мнѣ эта правда!— горячо возразилъ бояринъ.— Хоть бы Безобразова,— по правдѣ что ли судили? Холопъ бѣглый обнесъ по злобѣ, наговорилъ всего, какъ на меня Еким-

ка,— повѣрили и осудили. Повинился, говорятъ, признался! А какъ тутъ не повиниться въ томъ, чего и въ вѣкъ не дѣлывалъ, какъ учнутъ тебя подымать на виску да жилы изъ тебя вытягивать! Какъ знать,— можетъ, и меня то же ждетъ, можетъ, и я повинюсь. Кнутъ-то не свой братъ, да и за спиной лѣтъ много...

— Полно, Леонтій Романычъ,— испуганно заговорилъ Миша:— не бывать этому: Господь милосердный и Никола чудотворецъ защитятъ насъ отъ такой напасти. А ежели бы что и прилучилось, то, прознавъ, еще будетъ время укрыться. Помня твое добро, тебя любовью монастырь у себя схоронить.

— Вотъ ужъ этому такъ не бывать! — горячо прервалъ Мишу старый стольникъ.— Чтобы я, сорокъ лѣтъ прослуживши царямъ, при концѣ берегаючи останніе дни, сталъ хорониться, какъ бѣглый холопъ! Ни въ вѣкъ! Пусть возьмутъ и судятъ! Я послушникомъ никогда не былъ и не буду: самъ приду, коли позовутъ, хоть на плаху... Однако, добро, Миша. Будь что будетъ. Пора и за дѣло,— спокойно проговорилъ Леонтій Романовичъ, и сѣлъ на прежнее мѣсто, за столъ въ переднемъ углу. Послушникъ досталъ съ полицы мѣдную узорную чернильницу и узкій свертокъ бумаги, вынулъ изъ-за пазухи завернутыя въ тряпицу гусинныя перья и также сѣлъ. Скоро въ горницѣ раздавался только неторопливый говоръ стольника, диктовавшаго письма, да въ промежуткахъ скрипъ пера, выводившаго на столбцы, въ искусной рукѣ Миши, ровныя, какъ по линейкамъ, строки, съ вычурными надстрочьями и украшеніями у прописныхъ буквъ.

Когда письма были кончены, принялись за челобитную царямъ, которая начиналась обычнымъ въ то время вступленіемъ:

«Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ — Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу — холопъ вашъ Левка Осорбинъ челомъ бьетъ»... Напоминая обо всѣхъ своихъ службахъ и горячо опровергая обвиненія извѣта, Леонтій Романовичъ, въ заключеніе своей челобитной, просилъ царей «смиловаться надъ нимъ и пожаловать его: велѣтъ извѣтчика Екимку Колмыка спросить про все у пытки».

Была уже поздняя ночь, когда старый стольникъ, надѣвъ круглыя очки, приложилъ перстнемъ свою печать на письмахъ и челобитной. Исполнивъ это дѣло, онъ, видимо, повеселѣлъ. Объ Екимкѣ и его извѣтѣ не было больше и помину. Отдавъ письма Мишѣ и наказавъ ему рано утромъ послать съ ними гонцомъ старосту Арсенья Нефедова, онъ всталъ съ лавки, потянулся и, вспомнивъ про готовящуюся охоту, сказалъ:

— Медвѣдя мнѣ полѣсовщики обошли. Охота завтра поѣхать, старыя кости размять. А то, не ровень часъ, чтобы опять Толмачевъ съ своими не взялъ: по лыжницамъ, песь, дойдетъ до берлоги, и на зло отниметъ потѣху.

Потомъ, какъ бы спохватившись, Леонтій Романовичъ замѣтилъ:— Грѣшникъ я, Миша, говорю про дѣла да про забавы, а о Богѣ и не вспомню... Давно пора спать, а мы еще и не помолились!

Въ отвѣтъ на это послушникъ взялъ съ полки у кіоты часовникъ и, покрестившись истово, началъ читать полунощницу. Голосъ его нервными, звенящими нотами раздавался въ тишинѣ. Старый столыникъ усердно молился, и глубоко въ душу проникали ему слова псалма: «Благъ еси ты, Господи, и благостью Твоею научи мя оправданіемъ Твоимъ»...

II.

На утро, чуть стало свѣтать, Леонтій Романовичъ вышелъ на крыльцо, передъ которымъ уже стояли двѣ конныя подводы: въ пошевняхъ, крытыхъ коврами, — для боярина и въ простыхъ розвальняхъ съ охапкою сѣна—для челядинцевъ, въ числѣ четырехъ человекъ дожидавшихся у крыльца. У нихъ, на поясахъ висѣли длинныя ножи, а у двоихъ, кромѣ того, были въ рукахъ рогатины и топоры. Въ передкѣ пошевней, скорчившись, уже сидѣлъ скуластый Будушъ и держалъ возжи. Легко спустившись по ступенькамъ крыльца, бояринъ усѣлся на ковровое сидѣнье пошевней; одинъ изъ холоповъ вынесъ и положилъ съ нимъ рядомъ нѣмецкую двоествольную фузею, завернутую въ овчину. По слову «трогай» кони рванулись и, слегка переваливаясь на ходу, понеслись вдоль усадьбы по направленію къ рѣкѣ. Здѣсь дорога круто поворачивала влѣво и шла по самому берегу, между рѣдкихъ пока сосенъ начинавшагося бора. Постепенно сгущаясь, лѣсъ переходилъ въ сплошную темную чащу, дорога въ которой была похожа на коридоръ, замкнутый съ обѣихъ сторонъ, словно стѣнами, рядами могучихъ деревьевъ.

Высокая дуга задѣваетъ время отъ времени за сучья и обсыпаетъ охотниковъ снѣгомъ, мелкою пылью покрывающимъ не только соболью шапку боярина, но и его сѣдѣющіе кудри. Но и не думаетъ объ этомъ Леонтій Романовичъ. Онъ лишь встряхивается отъ времени до времени и весело смотреть впередъ. Бодритъ его морозное утро и ожиданіе удалой потѣхи. Скоро лѣсъ сталъ перемежаться небольшими полянами. Темная зелень сосенъ и елей смѣнилась березовыми порослями и ивнякомъ. Проѣхали еще съ версту, и бояринъ далъ знакъ остановиться. Впереди, едва замѣтный подъ свѣжей порошей, видѣлся слѣдъ лыжъ. Это — обкладчикъ вчера провѣдывалъ звѣря. Челядинцы выскочили изъ дровней; вытащили оттуда пять паръ лыжъ и остановились въ ожиданіи новыхъ приказаній. Леонтій Романовичъ раздумчиво посидѣлъ съ минуту въ пошевняхъ, потомъ быстро всталъ и однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя тяжелый волчій тулупъ, очутившись въ короткомъ полупшубкѣ, подпоясанномъ ременнымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ

длинный ножъ въ дорогой узорной оправѣ. Всѣ, кромѣ Булуша, оставшагося у лошадей, стали на лыжи и пошли черезъ неширокую поляну въ чащу, куда вель и вчерашній слѣдъ. Разговоръ не было,—видно, все было условлено раньше. Тишину лѣса нарушало только легкое потрескиваніе мороза да шуршаніе лыжъ. Осорьинъ шелъ вторымъ, въ одинъ слѣдъ за передовымъ челядинцемъ, Васькой Голобоемъ, опытнымъ медвѣжатникомъ, которому всегда поручалось въ барскихъ потѣхахъ первое и наиболѣе отвѣтственное мѣсто. Онъ всегда становился рядомъ съ бояриномъ, принималъ на рогатину звѣря, если тотъ, раненый, напиралъ, и нерѣдко послѣ охоты говаривалъ Леонгій Романовичъ, что еслибъ не Васька, не видать бы ему Божьяго свѣта. Но вдругъ Голобой круто остановился: передъ нимъ, справа, виднѣлись двѣ свѣжія лыжницы, ведущія, очевидно, въ томъ же направленіи, куда шли охотники. Онъ указалъ на нихъ движеніемъ руки и, сокрушенно покачавъ головою, полушепотомъ произнесъ:

— Ну, бояринъ, видно не быть твоей потѣхѣ... Лѣшій-то насъ опередилъ. Вишь, пестъ, чуть что не въ одиночку ходитъ... И какъ это онъ провѣдалъ? Вѣдь ужъ какъ берегли!

Осорьинъ растерянно взглянулъ на лыжницы, рядомъ съ которыми вился собачій слѣдъ. Лицо его покраснѣло отъ гнѣва. Дрожащей рукой онъ схватился за ножъ.

— Постой же!—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Я тебя поворочу, не захочешь болѣ чужой охоты...

— Тихе, тихе, бояринъ!—прошепталъ Голобой:—недалеко они, вѣрь моему слову. Вишь, еще осыпь съ краевъ на лыжню не опала... Мы ихъ догонимъ, — только надать походчѣе, да не калякать, чтобъ не услышали.

И съ этими словами Голобой быстро двинулся впередъ, за нимъ бояринъ и челядинцы. Но, должно быть, охотники до чужой потѣхи далеко опередили Осорьина: болѣе часу шелъ онъ за своимъ вожакомъ, а впереди не видно было никого. Наконецъ, Голобой снова остановился и, ставъ въ полъ-оборота, прислушался. Впереди чуть слышно раздавалось слабое шуршаніе, словно гдѣ нибудь далеко пилили дрова.

— Слышь! Вотъ они идутъ. Теперь скоро настигнемъ...

Дѣйствительно, не прошли наши охотники и полуверсты, какъ среди лѣсной чащи показались двѣ темныя фигуры, идущія рядомъ, а впереди ихъ сѣрая, остроухая собаченка съ завернутымъ, какъ крендель, хвостомъ.

— Стой, стой! — крикнулъ что есть силы Осорьинъ. Одинъ изъ охотниковъ остановился. Онъ высвободилъ ноги изъ мочекъ лыжъ и обернулся лицомъ. Между тѣмъ, равстояніе между обѣими партіями сократилось на нѣсколько шаговъ, такъ что, при яркомъ свѣтѣ утренняго солнца, можно было легко рассмотреть

идущихъ впереди. Тотъ, что обернулся къ боярину, былъ высокъ ростомъ. Черные глаза насмѣшливо смотрѣли изъ-подъ мѣховой островерхой шапки, надѣтой слегка назадъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Черная, какъ смоль, борода кудрявилась вокругъ тонкихъ губъ. На немъ былъ короткій, опоясанный шитымъ кушакомъ, кафтанъ; на ногахъ — сѣрые катаные сапоги. Шедшій впереди его охотникъ, въ сермяжномъ кафтанѣ, несъ на плечѣ рогатину; свади, на спинѣ, былъ заткнутъ за поясъ, топоръ.

— Ты чтожь это, Артемій, портишь мнѣ охоту?—сказалъ Леонтій Романовичъ, когда тотъ, обернувшись на окрикъ, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Не взыщи, бояринъ: въ лѣсу не на пиру, нѣту почетнаго мѣста, а кто ранѣ поспѣлъ, того и удача. Нонѣ, говорю тебѣ прямо,— нечего тебѣ здѣсь дѣлать: управимся и безъ тебя. Ну, а впередъ не загадано, можетъ, и твой чередъ будетъ...

Лѣсъ, гдѣ былъ обложенъ медвѣдь, принадлежалъ къ вотчинѣ Осорьина, и немудрено, поэтому, что наглая отповѣдь лоштомскаго владѣльца Артемія Толмачева (это былъ онъ) вывела изъ себя стараго боярина.

— Такъ ты вотъ какъ, страдниченокъ! — крикнулъ онъ, взмахивая руками.—Изъ моей же вотчины меня выгоняешь! Давно ли видано это, чтобы намъ отъ княжихъ послуживцевъ, вчерашнихъ холоповъ, обиды терпѣть?! Вонъ отсюда! Ступай на свою Лоштому, а ко мнѣ чтобъ ни ногой! Вонъ, говорю! А то батожьемъ велю гнать... Забудешь у меня о медвѣдяхъ!..

Артемій, повидимому, спокойно выслушалъ брань. Однако, лицо его поблѣднѣло, а тонкія губы сжались еще больше. Онъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ, сдѣлалъ короткій оборотъ на лыжахъ и быстро двинулся по прежнему направленію. Леонтій Романовичъ, задыхаясь, послѣдовалъ за нимъ. Двинулись впередъ и челядинцы. Тишины какъ не бывало: охотники вполголоса переговаривались между собой; впереди также слышался говоръ. Даже лѣсъ, и тотъ какъ будто принялъ участіе въ гнѣвной вспышкѣ человѣка: онъ больше трещалъ отъ мороза и скрипѣлъ вѣтвями отъ набѣгавшаго вѣтра.

Надо, однако, сказать, кто былъ противникъ Осорьина. Лѣтъ пять назадъ, впервые услышали въ Попехонской сторонѣ объ Артеміи Толмачевѣ. Говорили, что онъ проявился съ Москвы, что тамъ онъ оказалъ какія-то особыя услуги; но вѣрнаго о немъ не было извѣстно ничего. Знали только, что за службу ему дали помѣстье на Лоштомѣ, верстахъ въ пяти отъ Осорьина, гдѣ онъ и построилъ себѣ деревеньку. Скоро стало слышно, что у него появились и холопы, не то кабальные, не то бѣглые,—все народъ не здѣшній, какіе-то чужаки, говорившіе какъ будто и порусски, да только какъ-то особо, въ родѣ того, какъ говорятъ въ порубежныхъ

воеводствахъ. Съ самаго своего переѣзда въ жалованное помѣстье, Толмачевъ началъ донимать сосѣдей: то чужого холопа у себя приютить, то лошадь угонить. А прїѣдутъ спрашивать, — привяжется и станеть требовать за безчестье. Всѣ кругомъ боялись его и не любили.

Только одинъ богатый вотчинникъ подѣ Арефинымъ, князь Колтовской, дружилъ съ нимъ и считалъ его у себя въ послуживцахъ. Но князь былъ сосѣдъ неближній: вотчина его была отъ Толмачева верстахъ въ 20-ти, да и жилъ онъ больше на Москвѣ, только по лѣтамъ наѣзжая въ свое помѣстье. Говорили, что дружить онъ съ Толмачевымъ не просто. «У нихъ де и раньше были шурымуры, и народу не мало они сгубили». Но какъ бы то ни было, дружба не дружба: Колтовской былъ большой бояринъ, а Толмачевъ — только выслуженецъ, а близость между ними была очевидна. Не проходило и недѣли, чтобы гонцы отъ князя изъ Москвы не прїѣзжали на Лоштому съ какими-то вѣстями, да и отъ Толмачева нерѣдко были къ нему посылы. Что это были у нихъ за дѣла — не зналъ никто. Больше всего донималъ Артемій своего ближняго сосѣда, старика Осорьина. Ножъ острый была для выслуженца его боярская гордость и богатство. За то и тревожилъ онъ его только какъ умѣлъ. То холоповъ его собьетъ въ бѣга черезъ подсылы, то охоту перебьетъ, то, наконецъ, сожжетъ стога на дальнихъ покосахъ. Долго терпѣлъ Леонтій Романовичъ, не желая считаться съ недавнимъ еще «страдникомъ», но теперь, выведенный изъ себя наглостью выслуженца, какъ мы видѣли, не выдержалъ. Къ тому же онъ зналъ, что за мѣсяцъ съ небольшимъ передъ тѣмъ Толмачевъ подбилъ жившаго у него не то холопа, не то послуживца, по имени Екима Колмыка, бѣжать на Москву и подать на него извѣтъ, обвиняя его въ единомысліи съ осужденными недавно Безобразовымъ и Неплюевымъ, его давнишними друзьями, и въ приверженности къ расколу. «Онъ, Леонтій, — говорилось въ извѣтѣ, — держитъ у себя бѣглыхъ монаховъ и справляетъ на дому службы не по уставу». Вотъ почему такъ вспылилъ теперь Осорьинъ, обыкновенно не желавшій замѣчать выходокъ своего недавняго сосѣда. Онъ, къ тому же, зналъ, что Артемій дѣйствуетъ такъ смѣло, рассчитывая на защиту Колтовскаго, и это его еще болѣе бѣсило.

«На мои деревни, псы, ротъ разѣваютъ. Понравилось Колтовскому, что ему дали Вологодское помѣстье послѣ Безобразова, да и этотъ страдникъ не остался безъ дачи: сколько животовъ всякихъ съ Москвы привезъ! — думалъ старый стольникъ. — Вотъ они подыскиваютъ и на меня. Разохотились на чужое... Думаютъ и по мнѣ поживиться. — Ну, да я старое дерево: и согнуть меня непросто».

Между тѣмъ, впереди Толмачевъ съ своимъ охотникомъ остановились. Остроухая собака, вся оцетинившись, пристально воззрилась на небольшой снѣжный бугоръ около обьиндивѣвшей сосновой

кубри, на сучьяхъ которой, недалеко отъ корней, висѣло нѣсколько ледяныхъ сосулекъ. Сильно забилося сердце у Осорьина при видѣ признаковъ несомнѣннаго присутствія звѣря, и онъ, не разсуждая болѣе, бросился впередъ, къ берлогу. Подоспѣвшій челядинецъ подалъ ему ружье и рожокъ съ зельемъ для полки. Голобой шелъ, какъ и раньше, передомъ, оглядываясь на боярина и указывая рукой на берлогу. Онъ весь преобразился: глаза его свѣтились, и какая-то удалъ была замѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Дойдя до Толмачева, еще стоявшаго впереди, онъ обѣхалъ его стороной и сталъ заходить за кубрю. Въ это время собака съ громкимъ лаемъ бросилась къ берлогу и начала неистово рыть снѣгъ. Артемій съ своимъ челядинцемъ уже стояли рядомъ, у самой кубри. Леонтій Романовичъ подошелъ къ нимъ, толкнулъ въ сторону Толмачева и занялъ его мѣсто. Въ то же время бѣлый бугоръ надъ кубрей приподнялся, потомъ разломился надвое, показалась какая-то темная масса. Она быстро повернулась и, взрывая облако снѣжной пыли, бросилась отъ охотниковъ. Раздался выстрѣлъ; но звѣрь, видимо, даже не раненый, вскидывая лапами, направился въ чашу. Голобой, стоявшій за берлогой, бросился ему на перерѣзъ, успѣлъ ткнуть его рогатиной, но при этомъ упалъ въ снѣгъ и, пока старался подняться, медвѣдь безпрепятственно пробѣжалъ нѣсколько сажень и теперь невредимо удалялся отъ охотниковъ, преслѣдуемый собакой. Все это произошло такъ быстро, что Леонтій Романовичъ не успѣлъ и оглянуться. Въ волненіи ссоры онъ выстрѣлилъ на удачу и стоялъ теперь съ поднятымъ къ плечу ружьемъ, растерянно смотря въ слѣдъ удалявшемуся звѣрю. Въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то подходитъ къ нему сзади. Онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Толмачевымъ. Тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отряхивался отъ снѣга.

— Съ полемъ, Леонтій Романовичъ!—сказалъ онъ, усмѣхаясь. Вишь, какъ онъ, лиха-бѣда, уходитъ: какъ настеганный... Испугался видно, тебя, бояринъ, хоть ты и не страшень...

— Эй, Васька! Челпецъ! Ступайте сюда всѣ!—крикнулъ Осорьинъ.

Холопы подбѣжали на его зовъ.

— Взять его!—приказалъ онъ, указывая на Толмачева. — Да положить на лыжи, а какъ дойдемъ до лошадей, бросить его въ розвальни. Тамъ, прїѣдемъ—я укажу, что дѣлать.

Артемій слегка поблѣднѣлъ, но не сталъ сопротивляться и черезъ минуту, связанный, сидѣлъ на скрещенныхъ лыжахъ. Охотникъ его, увидавъ эту сцену, бросился въ сторону, и скоро сермяга его замелькала въ чашѣ.

Люди Осорьина, на пути къ лошадямъ, смѣялись: «вотъ, молъ, медвѣдя не убили, за то воземъ краснаго звѣря». Толмачевъ сердито посматривалъ на нихъ, но упорно молчалъ. Только, когда вышли на дорогу, онъ обернулся къ стольнику и сказалъ ему съ угрозою въ голосъ:

— Смотри, не спокайся, Леонтій Романовичъ, — на свою бѣду не привези меня въ гости...

Осорьинъ отмахнулся рукой.

III.

Подъѣзжая къ своей усадьбѣ, охотники замѣтили въ ней необычное оживленіе: передъ палатами стояла кибитка, у людской поземки, что направо, къ тыну привязаны были двѣ подводы, запряженныя въ дровни; на крыльцѣ виднѣлись какіе-то люди. — «Неужто мой Юрій пріѣхалъ? — радостно подумалъ Леонтій Романовичъ. — Нѣтъ, врядъ ли: ему теперь недосужно. Да и наказывалъ онъ мнѣ съ ловомъ, что ранъ лѣта не будетъ. Такъ кто-жъ бы это?» Но скоро недоумѣніе его разрѣшилось: съ крыльца къ кибиткѣ сошли двое людей, и по одеждѣ онъ узналъ въ нихъ московскихъ стрѣльцовъ. «Такъ вотъ какіе гости ко мнѣ пожаловали!» — съ горечью сказалъ про себя Осорьинъ и гордо выпрямился на сидѣннѣ.

Когда онъ поднимался на крыльцо, стоявшіе тамъ четверо стрѣльцовъ пристально на него посмотрѣли, но не поклонились.

«Плохо дѣло, — подумалъ бояринъ: — ужъ и холопы шапки не ломаютъ».

Въ большой столовой палатѣ онъ засталъ стрѣлецаго пристава, который, сидя на лавкѣ, спокойно разбиралъ бумаги въ стоявшемъ передъ нимъ ларцѣ. Приставъ былъ рослый и еще не старый дѣтина, съ маленькой бородкой и черными лукавыми глазами.

— Добро...—сказалъ онъ, увидя Осорьина, и, не вставая, продолжалъ:—а ужъ я собирался въ дождь за тобою, да холопы твои сказали: уѣхалъ, мошь, въ лѣсъ, по звѣря, такъ недолгѣ будетъ. Не взыщи, хозяйничаю я у тебя: самъ вѣдаешь, — служба, что неволя...

— Дѣлай, что велѣно — отвѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ старикъ.—Только не томи, скажи: по меня что ли ты посланъ? Да будь милостивцемъ: не потаи, въ чемъ меня уличаютъ, какая моя вина.

— Не больно спѣши, бояринъ. Я приставъ Федоръ Шагинъ и посланъ по тебя. Въ чемъ винятъ, увѣдаешь послѣ,—отвѣтилъ приставъ:—всему чередъ будетъ. А вотъ и указъ великихъ государей.

Съ этими словами онъ всталъ и, вынувъ изъ-за пазухи столбецъ за печатью, началъ читать. Осорьинъ былъ блѣденъ; губы его дрожали.

«199 году, декабря, въ 7-й день, великіе государи, цари и великіе князи Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали: стольника Леонтія Осорьина и послушника Алешку изъ обители чудотворца Николы,

что на Тропѣ, противъ извѣту людей его, Леонтьевыхъ, Екимки Колмыка съ товарищи, да бывшаго дьяка приказа розыскныхъ дѣлъ Артемья Толмачева изъ вотчины его, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ, близъ обители св. Чудотворца Николы на тропѣ, для розыску, взять къ Москвѣ»...

Не успѣвъ приставъ дочитать указъ, какъ рядомъ, въ передней, хлопнула дверь, и послышался говоръ и шумъ. Кто-то кричалъ: «Опусти! Опусти, говорю! А то и тебѣ бѣды не миновать»... Затѣмъ, въ палату вошелъ Толмачевъ, съ связанными руками. Въ дверяхъ виднѣлось смущенное лицо Голобова.

— Вотъ тебѣ и колодникъ готовъ,—сказалъ Артемій, обращаясь къ приставу.—Бояринь, вишь, милостивецъ, сострунилъ меня намѣсть звѣря. Являю тебѣ объ этомъ и на всѣхъ холоповъ шлюся... Мало, что онъ о царяхъ говоритъ злыя рѣчи, онъ и слугъ ихъ въ колодникахъ держитъ!»

Приставъ, видимо, потерялся отъ этой неожиданности. Онъ подошелъ къ Толмачеву и самъ развязалъ ему руки. Потомъ уже онъ истово дочиталъ до конца указъ, въ которомъ было сказано, что посылается для взятія Осорьина подполковникъ Федоръ Шагинъ, а съ нимъ московскіе стрѣльцы. «А образы и книги, и животы, и суды серебряные, и мѣдныя, и оловянные и всякую рухлядь и запасы,—говорилось далѣе въ указѣ,—собрать въ одно мѣсто, куда пригоже, и запечатать своею печатью». Прослушавъ до конца указъ, Леонтій Романовичъ безсильно опустился на лавку и поникъ головой. Толмачевъ, о чемъ-то пошептавшись съ Шагинымъ, вышелъ. Черезъ минуту вошли два стрѣльца, перекрестившись на иконы, и, по знаку пристава, стали по сторонамъ стараго стольника.

Скоро въ уютно убранныхъ палатахъ начался полный разгромъ. Стрѣльцы и холопы, по приказанію пристава, вынимали изъ кіотовъ образа, снимали съ поставцевъ серебряные суды и утварь, стаскивали въ одно мѣсто книги, одежду и всякую рухлядь. Явившійся откуда-то подьячій, въ долгополомъ коричневомъ кафтанѣ съ высокимъ воротникомъ, все это наскоро записывалъ на узкихъ полоскахъ бумаги, жадно посматривая на боярское добро. Но вотъ двое стрѣльцовъ принесли восьмиугольный ларецъ. Шагинъ подергалъ крышку и, видя, что онъ запертъ, обратился къ Осорьину. Тотъ вынулъ изъ-за пазухи тѣльникъ на широкой цѣпочкѣ, снялъ съ нея ключъ и молча подалъ его приставу. Когда ларецъ отперли и опрокинули на полъ, изъ него дождемъ посыпались золотые ефимки и мелкія серебряныя монеты. Всѣ, бывшіе въ палатѣ стольника, наклонились надъ грудой денегъ, перебирая ихъ руками. Даже стражники стольника, и тѣ, отойдя отъ него, жадно слѣдили за руками пристава, ссыпавшаго деньги въ большую кожаную суму. Въ толпѣ, окружавшей разсыпанное на полу богатство, были и холопы Осорьина, за исключеніемъ Булуша и Васьки Голобова. Первый,

стоя около дверей и злобно мигая узкими глазами, смотрѣлъ на эту сцену, а второй, будто мимоходомъ, пробрался къ боярину и шепнулъ ему:

— Не сбить ли деревню да не проводить ли гостей-то, бояринъ? Ихъ вѣдь немного, а кони не отпряжены,—мигомъ будемъ въ дорогѣ...

Но Осорьинъ сердито мотнулъ головой и шепотомъ же отвѣтилъ:

— Не смѣй!... Ничего не надо...

Голобой вздохнулъ и отошелъ къ двери.

Начало вечерѣть. По описи, наиболѣе цѣнное имущество стольника, повязанное въ узлы, сложили на воза. Только денегъ не считали и не записывали,—видно забыли. Остальное собрали въ большой чуланъ передъ сѣнями, дверь въ который заперли и запечатали печатью пристава. Шагинъ велѣлъ готовить подводы. На Осорьина надѣли шубу, отложенную при разборкѣ платья. Между тѣмъ, одинъ изъ стрѣльцовъ принесъ колодку и направился съ нею къ старику. Тотъ слегка привсталъ съ лавки и самъ протянулъ руки. Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ, одѣвшись въ широкіе овчинные тулупы, стали выходить на крыльцо. Осорьина, по приказанію пристава, повели изъ палаты. Онъ остановился въ дверяхъ, обернулся лицомъ къ переднему углу, положилъ земной поклонъ и быстро вышелъ, сопровождаемый своими стражниками. Холопы собрались на крыльцѣ. У многихъ на глазахъ были слезы. Изъ людскихъ и поварень черезъ дворъ, съ плачемъ, бѣжали бабы. Поодоль отъ крыльца, понуривъ головы, безъ шапокъ, стояло нѣсколько мужиковъ. Осорьинъ сошелъ съ крыльца и передъ тѣмъ, какъ усесться въ кибитку рядомъ съ Шагинымъ, поклонился на всѣ стороны и громко сказалъ: «Простите! Не поминайте лихомъ»... Обернувшись затѣмъ къ крыльцу, чтобъ проститься съ дворней, онъ увидалъ въ дровняхъ, стоявшихъ сзади кибитки, Мишу. Руки его были скручены на спинѣ... Наконецъ, поѣздъ тронулся, скрипя полозьями по жесткому снѣгу. Впереди кибитки, въ ковровыхъ санкахъ, запряженныхъ воронымъ жеребцомъ, ѣхалъ Артемій Толмачевъ.

IV.

Скрипитъ дыба, свищетъ кнутъ, работаютъ заплечные мастера. Стоны и вопли несутся подъ невысокимъ сводчатымъ потолкомъ застѣнка, прерываясь то громкими выкриками, то еле слышнымъ говоромъ пыточныхъ рѣчей. Нагорѣвшія свѣчи въ высокихъ шандалахъ копятъ и мигаютъ. Кругомъ полумракъ...

Измучился сегодня бояринъ Тихонъ Никитичъ, много было работы... То и дѣло понукаетъ онъ дьяка, что сидитъ сбоку у столика, передъ высокимъ рѣшетчатымъ окошкомъ:

— Пиши прытче!—говорить онъ.—Ковсенощной поспѣвать надо...

— Да что писать будешь, когда онъ молчитъ?—ворчливо спрашиваетъ сухощавый дьякъ Автономъ Ивановъ.—Пока говорилъ,—я писалъ. А теперь, вишь замолкъ, быть что мертвый.—И онъ указалъ на выведеннаго, тѣмъ временемъ, изъ мрачной глубины застѣнка Осорьина. Въ одной длинной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, онъ понуро стоялъ передъ столомъ. Всего два мѣсяца прошло съ той поры, какъ Леонтія Романовича взяли на Станкѣ, а его трудно и узнать: волосы на головѣ и бородѣ совсѣмъ побѣлѣли, лицо осунулось. Только ясные каріе глаза остались тѣ же, но и они будто глубже запали.

Стрешневъ, облокотившись на столъ, наклонился надъ бумагами. Дьякъ началъ читать статьи извѣта. Снова начинался разпросъ.

— Говорилъ ли ты, Левонгій,—спрашивалъ Стрешневъ:—будто великіе государи занарокъ Голицыныхъ извели, а теперь и за стариковъ принялись?

— Николи того не говаривалъ,—твердо отвѣтилъ Осорьинъ, поднявъ голову.—И непередъ твоимъ судомъ, а передъ страшнымъ судомъ Божиимъ то же скажу, бояринъ. Что было, того не тайлъ и не потаю... Послушнику Михаилу я истинно сказала: Безобразова де не по правдѣ судили, съ пытки добыли отъ него повинныя рѣчи. Можетъ, де, и я въ томъ повинюся, чего и въ вѣкъ не бывало, кнутъ-то не свой братъ, да и за спиной лѣтъ много...

Стрешневъ кивнулъ головой дьяку, и тотъ принялся писать точныя рѣчи Осорьина на узкомъ столбцѣ. Однако писать довелось недолго; на всѣ дальнѣйшіе вопросы Леонтія Романовичъ упорно молчалъ. Долго бился съ нимъ Стрешневъ, даже капли пота показались у него на лбу отъ насады, но не могъ выжать изъ него ни слова. Опять стали пытать извѣтчика Колмыка и послѣ поставили его на очную ставку со старымъ стольникомъ. И это не привело ни къ чему: какъ ни обносилъ его Екимка, онъ продолжалъ упорно молчать, только отвернулъ голову, чтобъ не видѣть противнаго скуластаго лица клеветника. Вотъ вводятъ троихъ бѣглыхъ холопей Осорьина, и они начинаютъ оговаривать его по извѣту, свидѣтельствуя обо всемъ, какъ самовидцы,—прямо въ глаза смотритъ каждому изъ нихъ Леонтія Романовичъ, но не вымолвилъ ни слова.

— Повинися!—совѣтуетъ Стрешневъ.—Вишь, тебя всѣ уличаютъ,—знать, есть правда...

Допрашиваемый только взглядываетъ на образъ Спаса, что виситъ въ переднемъ углу. Тогда Стрешневъ машетъ рукой въ глубину застѣнка. Оттуда появляется мужикъ въ синей рубахѣ съ засученными рукавами и, взявъ Осорьина за плечо, уводитъ его за собою. И снова скрипъ дыбы, свистъ кнута и тихіе, подавленные стоны... Но вотъ Стрешневъ снова машетъ рукой, и черезъ минуту

старый стольникъ еще разъ стоитъ передъ столомъ. Дьякъ встаетъ и трижды стучить въ низенькую дверь направо отъ стола. Оттуда вслѣдъ за стрѣльцомъ выходитъ Артемій Толмачевъ. Онъ нарядился, будто на свадьбу: обьяринный, вишневаго цвѣта, кафтанъ его, расшитый витымъ золотнымъ шнуркомъ, сверкаетъ яхонтами серебряныхъ пуговиць; золотыя кисти кушака свѣшиваются по бокамъ; въ рукѣ дорогая шапка изъ отборныхъ соболей. Лицо Артемья слегка блѣдно, въ глазахъ мелькаетъ затаенное опасеніе. Загадочно смотритъ на него Тихонъ Никитичъ. Осорьинъ такъ и впился въ него горящимъ взглядомъ. Чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ Толмачевъ и жметса, будто отъ холода. Жутко становится ему подъ двойнымъ огнемъ. «А, ну, какъ пытать велить?»—пробѣгаетъ у него въ головѣ... Но при первомъ же вопросѣ онъ овладѣваетъ собою, говоритъ ровнымъ голосомъ и слово въ слово, до мелочей, подтверждаетъ извѣтъ.

— Непристойное слово о великихъ государяхъ Левонтіи сказывалъ при мнѣ... слышится его спокойная, увѣренная рѣчь.

Не разъ еще ставили на спросъ Осорьина, но онъ болѣе не сказывалъ ни слова. Такъ прошло около недѣли. Наконецъ, дѣло порѣшили и составили докладную выписку изъ извѣстныхъ рѣчей и разспросовъ и представили ее великимъ государямъ. Большія, неизбытныя вины были введены на Леонтія Романовича: признали, что онъ говорилъ непристойныя слова о великихъ государяхъ, «чего и мыслить грѣхъ и невозможно», что ему Голицыны во всемъ попоровляли, что, наконецъ, онъ, не убоясь страшнаго суда Христова, истиннаго обряда церковной службы отвратился и съ бѣглыми попами и служкой справлялъ у себя въ дому неуставныя службы по невѣдомымъ письменнымъ книгамъ».

«И за такія его, Левонтьевы, вины великіе государи указали: отнять у него честь, боярство, и послать въ ссылку въ Пустоозеро, а помѣстья и вотчины, oprичъ тѣхъ, что за сыномъ Левонтьевымъ, Юрьемъ, отписать на себя, великихъ государей. А людей его кабалныхъ и крѣпостныхъ, oprичъ крестьянъ, отпустить на волю». Послушника Михаила рѣшено было наказать кнутомъ и послать въ Варлааміевъ Хутынской монастырь, въ работу. Какъ и почему случилось, что, противъ тогдашняго обыкновенія, къ дѣлу Осорьина не прицѣпили его сына—неизвѣстно. Или онъ имѣлъ какую нибудь сильную заступу, или вѣрность его была несомнѣнна, или, наконецъ, онъ былъ вѣдъ подозрѣній потому, что сидѣлъ на далекомъ воеводствѣ,—но только его не тронули. Однако, и отцовскихъ помѣстій за нимъ не оставили, а отписали на царей. Впрочемъ, Станокъ, вскорѣ по окончаніи дѣла, отдали Толмачеву. Отпускать на волю людей Осорьина не пришлось: не только кабалные и крѣпостные, но и крестьяне, по крайней мѣрѣ, въ Станкѣ, всѣ ударились въ бѣга. Вскорѣ на дорогахъ отъ Рыбной слободы на Угличъ и Ярославль стало неспокойно.

Появилась смѣлая шайка, грабившая проѣзжихъ и нападавшая по временамъ на усадьбы. Говорили, что среди разбойниковъ видали какого-то начальника ихъ, человѣка съ бритой головой и въ бешметѣ, по обличью словно бы татарина.

А въ это время Юрій Леонтьевичъ Осорьинъ на своемъ далекомъ воеводствѣ только что узналъ о бѣдѣ, постигшей его стараго отца. Онъ сидѣлъ въ своей избѣ съ двумя вящими горожанами, когда къ нему «прибѣжалъ» гонецъ со Станка и рассказалъ на словахъ о безвременьѣ. Всхлонулъ отчаянно руками воевода, мощно двинулъ отъ себя дубовый съ черными орляными вѣзками столъ, такъ что чернила пролились изъ узорной съ «фиништами» чернильницы и бросился къ себѣ въ горницу. Еще не свечерѣло, какъ къ высокому крыльцу воеводской избы подали кибитку, запряженную длинными, гривастыми саврасками, и Юрій уѣхалъ на Москву. День и ночь былъ онъ въ дорогѣ, останавливаясь только на ямахъ для перемѣны коней, но ко времени не поспѣлъ: когда, пріѣхавъ въ бѣлокаменную, онъ зашелъ въ приказъ розыскныхъ дѣлъ, ему сказали, что отца его, уже четвертый день, какъ увезли въ ссылку.

Не любилъ никому кланяться Юрій Осорьинъ, но отцовское несчастье заставило его склонить гордую голову. Уже на утро по пріѣздѣ въ Москву онъ побывалъ у Тихона Никитича Стрешнева, у Петра и Василья Аврамъвичей Лопухинныхъ (съ Оедоромъ онъ былъ не въ ладахъ), у князя Михайла Лыкова, у Юрья Ромодановскаго— и у всѣхъ просилъ за отца заступы. Но мало кто изъ этихъ сильныхъ людей внялъ его слезной мольбѣ. Только добрый князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ, видя Юрьевы слезы, заплакалъ самъ и пообѣщалъ «молвить слово великимъ государемъ и особъ патриарху». Князь сдержалъ свое слово, и, видно, сильна была его заступа: на третьи сутки Юрій, пріѣдя въ приказъ розыскныхъ дѣлъ, узналъ, что «великіе государи, ради его, Юрья, службишекъ, пожаловали его отца и указали изъ дороги въ ссылку его поворотить и жить ему въ малой вотчинѣ Юрьевой на Шаготи ¹⁾, а въ Москву ему ни для какихъ дѣлъ не ѣздить».

V.

По-вешнему пригрѣваетъ мартовское солнце. Рдѣютъ на немъ высокія сосны, что рядами стоятъ по сторонамъ вологодской дороги, пролегающей, какъ канава, среди обнастовѣвшихъ отъ пригрѣвовъ краевъ, въ глубокомъ снѣгу. Начинаетъ вечерѣть, становится холоднѣе, и солнечный свѣтъ червоннымъ, золотомъ загорается на кужлявыхъ сосновыхъ верхушкахъ. Мертвая тишина царить кру-

¹⁾ Шаготъ, иначе село Старо-Александровское—бывшая вотчина князей Буиныхъ-Ростовскихъ, а впоследствии Голицыныхъ, въ Романовскомъ уѣздѣ.

гомъ. Только временемъ донесется откуда-то бормотанье тетерева, да раздастся рѣзкій крикъ сойки, срывающейся съ потемнѣвшей ленты дороги.

Но вотъ издалека слышится слабый пока визгъ полозьевъ и покрякиванья на лошадей. Поджарый волкъ, только что выбравшійся было на дорогу изъ узкаго лѣснаго прогалка, насторожился, повернулъ остроухую голову въ сторону этихъ звуковъ и опрометью бросился въ чащу. Бѣ скорѣ изъ-за поворота дороги показывается низкая рогожная кибитка, запряженная парой малорослыхъ, шаршавыхъ лошадей, гуськомъ, а позади ея—одноконная подвода въ простыхъ розвальняхъ. Ямщикъ въ ушастой шапкѣ похлопываетъ одна о другую желтыми голицами. Вотъ изъ-подъ рогожнаго навѣса кибитки показывается рука въ шитой сафьянной рукавицѣ и слегка дотрогивается до его спины. Тотъ оборачивается.

— Далеко ли до деревни-то?—спрашиваетъ хриплый голосъ, и наружу высовывается голова пристава Шагина въ высокой шапкѣ.

— Тутъ и есть,—отвѣчаетъ ямщикъ.—Только вотъ мостъ перевалить да подняться въ гору,—тамъ и Владычное.

— Скоро и ночлеги, Леонтій Романычъ!—радостно обернулся Шагинъ къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ человеку въ нагольномъ тулупѣ.—Озябъ ты, поди, да и заскорбѣлъ шибко... Погрѣйся, испей!—И онъ протянулъ ему объемистую оловянную четвертину. Безмолвные страданія ссыльнаго столыника даже въ Шагинѣ вызвали жалость.

— Спасибо.. Самъ знаешь—не пью,—отвѣтилъ еле слышно Осорьинъ, не поднимая головы, склоненной къ рогожной обшивкѣ, и, помолчавъ, добавилъ:—доберемся до ночевки,—тамъ отдышусь... Однако, «тутъ и есть» оказалось въ добрыхъ десять верстъ, такъ что прошло больше часа, прежде чѣмъ вѣхали въ село. Тамъ путники остановились у ямской избы. Истерзанный, больной старикъ едва добрался до лавки и тотчасъ же уснулъ. Но спать ему пришлось недолго. Одинъ изъ стрѣльцовъ принесъ откуда-го огромный «скобкаръ» браги. Важеватая стряпуха поставила на столъ вмѣстѣ со щами и треской кубовастую склянницу двойнаго вина. Началось пьянство и гульба на всю ночь. Перепившіеся стрѣльцы, оставя всякіе чины, горланили пѣсни...

«Господи! Хоть бы умереть»... шепталъ разбуженный Осорьинъ. Тѣло его нестерпимо ломило, дышалось съ трудомъ.

— Эй, ты, бояринъ! Спляши, что ли?—заоралъ ему одинъ изъ стрѣльцовъ.

— Не тронь!—попробовалъ унять его тоже захмелѣвшій Шагинъ.—Вишь онъ заскорбѣлъ, еле живъ...

— У насъ и мертвый въ присядь пойдетъ!—продолжалъ стрѣлецъ, вылѣзая изъ-за стола. Нагнувъ голову и оперевъ въ бокъ руки, онъ прошелся, притоцывая, по избѣ и подошелъ къ больному старику.

— Чего сидишь-то, быть истуканъ? Вишь начальные люди гуляютъ... Пляши! ходуномъ ходи!—оралъ онъ, встряхивая ссыльнаго за рукавъ тулупа.

Тотъ сидѣлъ неподвижно, порывисто и тяжело вздыхая.

— Не хочешь плясать—кланяйся! Ниже кланяйся! Земно! Хоть повидать, какъ спина-то у тебя гнется...—продолжалъ свою потѣху пьяный стрѣлецъ и потянулъ Осорьина съ лавки...

— Полно!—еле выговорилъ приставъ. Его совѣзмъ розняло. Двое другихъ стрѣльцовъ, сидя за столомъ, съ любопытствомъ слѣдили за сценой.

Въ это время раздался громкій стукъ въ оконницу. Всѣ встрепенулись. Прерванный въ своей потѣхѣ, стрѣлецъ тяжело опустился на лавку. Стряпуха засуетилась и пошла отпирать ворота. Скоро на «мосту» послышался шумъ шаговъ и говоръ, и въ избу вопло трое людей въ шубахъ, запорошенныхъ погодой. Одинъ изъ вошедшихъ, зорко осмотрѣвшись кругомъ, съ плачемъ бросился къ Осорьину...

— Тутъ, что ли, подполковникъ Шагинъ?—спросилъ другой пріѣзжій, сбрасывая шубу и оказавшись въ формѣ рейтарскаго капитана.

— Здѣсь!—отвѣтилъ приставъ, съ трудомъ вставая изъ-за стола.

— Такъ вотъ тебѣ указъ: стольника Осорьина освободить изъ-подъ караула,—сказалъ пріѣзжій и, подавая два столбца, добавилъ:

— Я рейтарскаго строя капитанъ Семень Климцевъ и посланъ въ доѣздъ занарокъ. Вотъ указъ и наказная память...

Юрій Осорьинъ, день и ночь гнавшій вмѣстѣ съ Климцевымъ по слѣдамъ отца, лишь на десятый день достигъ пристава въ селѣ Владычномъ. Велика была радость встрѣчи отца съ сыномъ, но велика была и скорбь Юрія, увидавшаго вмѣсто своего бодраго, красиваго отца, дряхлаго, еле живого старца. Однако, когда пьяные стрѣльцы, сообразивъ, что ихъ «карауль» больше не нуженъ, а отъ рослаго воеводы, того гляди, наживешь и бѣды,—оставили избу и перебрались на половину ямщиковъ,—старикъ немного оживился и началъ спрашивать сына, кто ему помогъ, «что его поворотили». Тотъ рассказалъ о своихъ «челобитныхъ» походежїяхъ на Москвѣ и добротѣ князя Лыкова. Выслушалъ старый стольникъ и дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Спасибо князю Михайлу Ивановичу. Въ вѣкъ не забуду его милости, что вспомнилъ старую прїязнь. До смерти за него моя молитва. Только вотъ чести мнѣ не вернуть; ничѣмъ батожья-то не снимешь...

И низко опустилъ свою сѣдую голову. О дерзкой выходкѣ стрѣльца онъ даже и не помянулъ сыну.

VI.

Еще не минула весенняя ростепель, какъ Толмачевъ переселился на Станокъ: тамъ и домъ былъ съ боярскимъ убранствомъ, и удобныя службы, и земли больше, чѣмъ на Лоштомѣ. А Артемій совсѣмъ смотрѣлъ въ бояре. Недавно онъ женился въ Москвѣ на княжеской дочкѣ, хотя и захудалаго рода, и жить въ маломъ домѣ ему было теперъ «непригоже». Только одна бѣда — холопей у него было немного, а со Станка всѣ разбѣжались. Даже и деревню-то кинули крестьяне. Говорили, что они ушли на Низовья. Не очень тужилъ объ этомъ новый вотчинникъ: у него, что ни жилье въ округѣ—то крѣпостныя. Никакой управы на него не стало. Работать понадобится,—доѣдетъ до первой деревни съ своими холопами, кнутьями сгонитъ крестьянъ въ лѣсъ, или на поля, и работаютъ они у него, пока не отпуститъ. Плохо работаютъ, лѣнятся — батожемъ понукаетъ. Много разъ ужъ сосѣди собирались его и поучить, да онъ все увертывался: либо въ Москву уѣдетъ, либо заберется къ себѣ въ палаты и сидитъ тамъ съ недѣлю. Когда уляжется все, смотришь—опять на народѣ, да еще и смѣется.

— Дошлый, песь!—говорили о немъ мужики:—полазистый, быть, твоя лиса...

Такъ прошло до поль-лѣта. Много чужихъ коней поугонялъ Артемій съ своими держальниками, много скота перерѣзалъ. Округа роптала, но все только собиралась извести лиходѣя. А тотъ, осмѣлившись, въ одиночку сталъ ѣздить всюду, и до Рыбной слободы, и на Шохну¹⁾, гдѣ на самомъ берегу была у него рыболовная «стайка».

Только что стало смеркаться. Въ нагорѣвшемъ за долгій день воздухѣ потянуло холодкомъ. На лѣсные прогалки и пони спускается туманъ. Бѣлыми ползучими тѣнями плаваетъ онъ надъ Боровымъ ручьемъ и словно подкуриваетъ недвижно стоящему лѣсу. Вотъ молочное облачко протянуло вечернимъ вѣтромъ на узкую Шехонскую дорогу, и оно понеслось, словно въ догонку, за двоими людьми, несгнѣнно идущими по направленію къ рѣкѣ. Черезъ минуту оно уже настигло ихъ, и только двѣ головы тихо двигаются поверхъ тумана: одна, что повыше—въ островерхой шапкѣ, другая, круглая, какъ шаръ,—въ свѣтлой тюбетейкѣ. Но вотъ головы скрылись, а изъ плотной поросли съ краю дороги послышался тихій говоръ:

— Слышь?! Это онъ! Волѣ некому...

— Опъ, вѣстимо. Вишь иноходецъ-то съ дробью идетъ, въ перескачь. Скорѣй завязывай арканъ-то, да гляди, не промахни,—вѣрнѣй кидай петлю...

¹⁾ Народное названіе рѣки Шекны.

Черезъ дорогу мелькнула какая-то тѣнь. Отъ рѣки все ближе и ближе слышался гулкій топотъ коня по кореньямъ. Вотъ, разрѣзая туманъ, на лихомъ иноходцѣ показался верховой... Вдругъ конь съ раабѣга уперся грудью въ протянутую черезъ дорогу веревку и, храпя, взвился на дыбы. Въ это время откуда-то сверху просвистала петля. Всадникъ, сорванный съ сѣдла, покатился на край дороги, а испуганный иноходецъ бросился въ сторону и исчезъ въ темной поросли. Черезъ минуту въ лѣсу раздался громкій жалобный крикъ. Ему отозвалось только эхо да рѣзкое мяуканье совы, и опять настала мертвая тишина.

На утро рыбаки поймали коня Толмачева на берегу. Тѣло его нашли на Шехонской дорогѣ, въ неглубокомъ бочажкѣ Борового ручья, потемнѣвшемъ отъ крови. Оттого, говорятъ, Боровой ручей съ той поры и прозвали Чернымъ, что напоилъ его своей черной кровью Артемій Толмачевъ.

VII.

Прошло два года съ той поры, какъ Юрій Леонтьевичъ Осорьинъ привезъ отца въ свою малую вотчину на Шаготъ. Больше семи мѣсяцевъ прохворалъ старикъ послѣ стрешневской «встряски», какъ называлъ онъ свой допросъ въ розыскомъ приказѣ, но потомъ оправился и сталъ даже бродить по полямъ. «Чаялъ и не встать,— писалъ онъ старцу Досиею ¹⁾,— да, видно, молитва твоя доходна»... Всѣмъ бы хорошо жилось Леонтію Романовичу: палаты, хоть и невелики, а удобны, со всякимъ «уходомъ», и мѣсто красивое—на холмѣ, съ котораго далеко видать деревни и села, что раскинулись вокругъ бывшей вотчины князя Буйносова-Ростовскаго, и дворня ласковая, да гложетъ стараго стольника неомытая обида его боярской чести и достоинства. Надо быть, оттого онъ хмуръ и печаленъ. А и разговорить его некому: сосѣди изъ неслужилыхъ дворянъ его чуждаются, сынъ—на далекомъ воеводствѣ. Только ему и отрады, что бесѣды со старцами-скитниками, что поселились въ лѣсу за его деревней. Объ этихъ новыхъ насельщикахъ ему бы и не знать, если бы не случай.

Какъ-то, лѣтомъ, пошелъ онъ провѣдать старика стремяннаго, припедшаго къ нему съ «воли» и жившаго теперь «на ласковомъ хлѣбѣ» въ дубильной избѣ. Былъ ясный тихій вечеръ, и Осорьина, когда онъ вышелъ отъ Абрама, поманило въ лѣсъ. Онъ пошелъ сначала по рѣчущкѣ Шаготкѣ, на которой стояла «дубилка», и скоро очутился въ пріятной прохладѣ вѣковыхъ деревъ. Задумчиво шелъ онъ все дальше и дальше, вспоминая свою лѣсную вотчину

¹⁾ Досиеей—инокъ Николо-Тропецкаго монастыря, бѣжавшій отъ преслѣдованій за приверженность къ старымъ обрядамъ въ вологодскіе скиты.

на Станкѣ и привольное житѣе въ ней до лихой години... Но вотъ прогалина, по которой онъ шелъ, вывела его на красивую поляну. Въ лицо ему ударило косыми лучами солнце, и онъ очнулся. Смотритъ — и не вѣрить глазамъ: на краю лужайки, у самаго лѣса, стоятъ маленькій, весь сѣдой, старичекъ въ черной мантийкѣ и въ шапочкѣ, будто монахъ, и усердно молится, перебирая лѣстовку. «Мерецится это мнѣ», подумалъ Осорьинъ и перекрестился большимъ крестомъ, какъ привыкъ съ дѣтства. Однако, видѣніе не пропало. Тогда стольникъ смѣло пошелъ къ нему черезъ лужайку. Старикъ пристально воззрѣлъ на него, прикрывъ отъ солнца глаза рукой, потомъ нагнулся, поднялъ плетеное лыковое лукошко съ грибами и повернулъ въ лѣсъ. Осорьинъ, словно испугавшись, что онъ уйдетъ, крикнулъ ему вслѣдъ:

— Отче! Отче! Постой...

Старикъ остановился и, допустивъ до себя стольника шаговъ на пять, сказалъ:

— Перекстись!

Тотъ перекрестился двуперстно, причемъ старикъ прослѣдилъ за его «десной»; потомъ поклонился, коснувшись рукой земли, и произнесъ:

— Прости Христа ради!

Долго пробесѣдовалъ Леонгій Романовичъ со старцемъ и повѣдалъ ему всю свою жизнь до послѣдней невзгоды. Пожалѣлъ его старецъ, утѣшилъ и привелъ къ себѣ въ «скитъ», укрывшійся въ лѣсной труппѣ, верстахъ въ восьми отъ края. «Все сами построили», — сказали онъ, когда они дошли до скитской ограды. Въ скиту оказалось еще два древнихъ старика, Ириней и Памва, бывшіе иноки Соловецкой обители. «Насъ и больше бываетъ», — пояснилъ ему первый его знакомецъ, отецъ Аггей, когда гость удивился, какъ трое старцевъ могли, безъ чужой помощи, соорудить просторную «о дву половинахъ» избу, да еще обнести ее высокой рубленой оградой. Старцы были ласковы и привѣтливы съ своимъ гостемъ. Они подали ему въ плетеной корневой чашкѣ малины, угостили медомъ, показали за особой перегородочкой множество древле-письменныхъ книгъ, между которыми были и «харатейныя», а также и работу отца Ириней, списывавшаго «Бога для» съ древнихъ рукописей «Псалтыри» и «Евангелія». До поздней ночи просидѣлъ гость въ скиту и съ неохотой пошелъ домой. Тотъ же отецъ Аггей вывелъ его на окраекъ лѣса и, прощаясь, молилъ не забывать напередъ.

Съ той поры привлекли опальнаго стольника старцы. По сердцу пришлось ему тихія ихъ бесѣды, нравилась пустынная жизнь, вдали отъ суеты. Тайнственный лѣсной скитъ манилъ его къ себѣ, обѣщая миръ измученной душѣ. Чувство противленія обыденному строю, поселившееся въ немъ отъ пережитой обиды, находило теперь свое

выраженіе и влекло его за рубежь, къ отринутымъ и отреченнымъ. «Пострадали они, какъ и я, незнамо за что,— думалъ онъ объ отпелникахъ,— а теперь ушли отъ людей, и не вѣдаютъ мірской суеты и злобы»...

Къ этому присоединилось еще враждебное чувство къ старо-андреевскому попу Петру, не разъ строго оговаривавшему его за двуперстный крестъ, съ угрозами доносомъ...

Время подходило къ осени. Завернули холода. Чуть не каждый день шли сливные дожди, и ходить въ скитъ увѣчному Осорьину становилось труднѣе и труднѣе, а ѣздить было невозможно: въ лѣсу не было дорогъ, да и старцы, таившіеся отъ всѣхъ, просили «о всяческой опаскѣ». Между тѣмъ, отецъ Петръ, замѣтивъ, что «ссылный» пересталъ ходить въ церковь, удвоилъ за нимъ надзоръ и скоро дознался о его цѣлодневныхъ, «а инорядъ и цѣлонощныхъ» отлучкахъ. Тогда, подозрѣвая уклоненіе въ ересь «раскольщиковъ» (сильно распространенную въ глухой Шаготи), священникъ рѣшилъ увѣщать «заблудшее чадо». Можетъ быть, онъ и не проявилъ бы такого усердія, егли бы не полученный имъ наказъ «смотреть за Леонтьемъ денно и ночью, и буде бѣгле попы или монахи стануть къ нему прѣзжать, или онъ куда отлучится, о томъ наскоро, безъ мотчанья, отписывать»...

Былъ канунъ Покрова. Денекъ выдался погожій, и Леонтій Романовичъ собирался «послѣ обѣда» идти въ скитъ. Съ недѣлю не видался онъ со старцами и томился.

«Подъ праздникъ-то всенощную будутъ пѣть, — вспомнилось ему:— выйдеть Аггей, покадитъ ручной кадиленкой, скажетъ возгласъ... Запоютъ старцы разбитыми голосами, а таково стройно, истово»... Занятый своими думами, онъ и не замѣтилъ, что отецъ Петръ вошелъ и стоитъ на порогѣ...

— Миръ дому сему!

Только тутъ очнулось «заблудшее чадо», но не могло скрыть досадливаго движенія бровей.

— Не взыщи, отче, а крадешься ты, яко тать въ нощи!

— Не тебѣ бы о татяхъ рѣчь заводить!— сурово отвѣтилъ разсерженный неласковымъ приѣмомъ попу и продолжалъ:

— Самъ ты, яко тать, по ночамъ ходишь. А куда? Къ еретикамъ душегубнымъ, церковь поносящимъ... Вотъ къ кому ты ходишь!

И пошелъ, и пошелъ. Осорьинъ, онѣмѣвъ отъ испуга, слушалъ его молча. «Узналъ, — мелькнуло у него въ головѣ,— надо скорѣе повѣстить старцевъ»...

Долго увѣщаль отецъ Петръ «заблудшее чадо». По смущенному виду Осорьина онъ понялъ, что попалъ въ цѣль, хотя, въ дѣйствительности, ничего вѣрнаго онъ не зналъ, а о существованіи скита даже и не подозрѣвалъ. Тѣмъ не менѣе, уходя, онъ пригрозилъ «обо всемъ отписать въ приказъ».

Не на шутку испугала старика эта угроза. «Неужели опять въ Москву, опять холопское безчестье, пытка?»—подумалось ему и представилось словно въявь, какъ мужикъ въ синей рубахѣ, съ засученными руками, беретъ его за плечо... Холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ. «Нѣтъ! Лучше ужь на одинъ конецъ,—рѣшилъ онъ мысленно.—Никогда ослушникомъ не былъ, а нынѣ не дамся, уйду».

Съ этими мыслями, едва суровый іерей скрылся за пригоркомъ на тропинкѣ въ Старо-Андреевское, онъ вышелъ изъ дому, направляясь въ скитъ. Аггей развѣшивалъ на вышкѣ грибы, когда онъ подошелъ къ оградѣ. Старецъ быстро сбѣжалъ внизъ и, отворивъ по условной молитвѣ калитку, радостно сказалъ:

— Христосъ посредѣ насъ ¹⁾! Заждалися мы тебя, не чаяли, что и придешь. Думали не заскорбѣлъ ли, а дознаться, самъ вѣдаешь, не отъ кого...

Вышли Ириней и Памва. Они также обрадовались гостю. А Памва, обыкновенно молчаливый и мрачный, поклонился и заговорилъ:

— Страждетъ церковь отъ слугъ антихристовыхъ, и по реченному гонитъ ее змій въ пустыню ²⁾. Страдное нынѣ житіе въ міру! Остави его, брате, и приходи къ намъ вовсе.

— Отче,—сказалъ Осорбинъ:—съ добромъ вы ко мнѣ и съ привѣтомъ, а я ворогъ вамъ лютой, хоть и неволей. Бѣды я вамъ накликалъ...

И онъ рассказалъ скитникамъ о подозрѣніи старо-андреевскаго попа и его угрозахъ. Выслушали они, переглянулись, но не выказали ни страха, ни смущенія.

— Видно, пострадать время приспѣваетъ. Не чаяли, что такъ-то скоро. Ну, да на все Господня воля!—промолвилъ спокойно Аггей.

— Что-жъ? И пострадаемъ. Не первымъ намъ, да и не послѣднимъ терпѣть отъ Никонова изгнетенія,—сказалъ на это Памва.

А Ириней, самый старый изъ трехъ, добавилъ:

— Давно жду я этого часа. Скучаю привременнымъ симъ житіемъ. Томится мое грѣшное тѣло, ждетъ—не дождется честныя кончины.

А и ветхъ былъ Ириней: лицо все въ морщинахъ, волосъ—только двѣ сѣдыхъ прядки, да и то на вискахъ, борода отъ старости не сѣдая, а какая-то желтая, самъ весь согнутый. Онъ хорошо помнилъ Соловецкое сидѣнье и говаривалъ, что и въ тѣ времена считался однимъ изъ самыхъ старыхъ изъ всей братіи. Несмотря на это, видѣлъ онъ хорошо и былъ искуснымъ «списателемъ» древнихъ книгъ, съ которыхъ писалъ онъ списки «Бога для», съ украшеніями и заставками, а лицевыя—и съ рисунками. Захожіе «раскольщики» изъ скитовъ пошехонскаго Чернолѣсья, а также изъ вологодскихъ лѣсовъ, знавшіе о шаготскихъ пустынножителяхъ, время отъ

¹⁾ Одно изъ обычныхъ привѣтствій старообрядцевъ при встрѣчѣ.

²⁾ Извѣстное пророчество Апокалипсиса, примѣняемое къ себѣ раскольниками

времени брали у него эти списки и разносили вѣрнымъ, нуждающимся въ нихъ, а тѣ давали за книги малыя жертвы. И любилъ же свою работу ветхій старецъ, — даже братія, привыкшіе ко всевозможнымъ трудамъ, и тѣ дивились, откуда у него брались на это силы: по цѣлымъ днямъ, отъ ранняго утра до поздней ночи, сидѣлъ онъ за писаньемъ. Медленно тянулись у него строчки, но за то его ровный, истовый полууставъ можно было отличить отъ работы всѣхъ другихъ писателей: не только въ то время, но и позже, такого письма не было даже и въ Поморьѣ.

Подлинныя древнія книги были частью принесены имъ изъ Соловецкой обители, по разгромѣ ея Мещериновымъ, частью же добыты «радѣльцами» изъ древнихъ монастырей, послѣ замѣны древнихъ книгъ новопечатными. Крѣпко берегъ Иринея свои древлеписменные книги и считалъ ихъ святыней. Поэтому, услышавъ о возможномъ нашествіи на скитъ «слугъ антихриста», онъ рѣшилъ прежде всего оберечь свое сокровище. Съ этою цѣлью, пока Памва и Аггей потчевали гостя своей «немудрой» трапезой, — похлебкой изъ сушеныхъ грибовъ съ сухарями, онъ взялъ топоръ и лопату, пошелъ неподалеку за скитъ и подъ примѣтной сосной-бакурой принялся рыть яму. За этой работой засталъ его о. Аггей, пришедшій звать «начальнаго старца» на вечернюю службу. Онъ изумился и спросилъ Иринея, что онъ дѣлаетъ.

— Самъ видишь: книгамъ святымъ могилу копаю, — да не обрѣтутъ ихъ змѣвыя слуги... — отвѣтилъ тотъ и заплакалъ.

Аггей пытался было его утѣшить, но старецъ не слушалъ и только трясъ желтой бородой. На другой день, послѣ «обѣдницы», онъ снова пошелъ къ своей ямѣ. Осорьинъ, оставшійся ночевать въ скитѣ, и старцы видѣли, какъ Иринея, едва передвигая ноги, шелъ къ калиткѣ ограды, словно еще болѣе согнувъ спину и тяжело опираясь на посохъ. Думали, что къ трапезѣ, положенной въ праздничные дни «о полудни», онъ вернется; но онъ не возвращался. Оттрапезовали, а его все нѣтъ. Тогда Аггей обезпокоился и пошелъ за нимъ, но тотчасъ же вернулся, дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Какъ ни спрашивали его, что случилось съ Иринеемъ, онъ не отвѣчалъ, а только шепталъ молитвы и крестился. Тогда всѣ трое пошли за скитъ, и дивное зрѣлище представилось ихъ глазамъ; около большой и глубокой ямы, подъ вѣковой, въ два обхвата, сосной, недвижно лежалъ Иринея со скрещенными на груди руками. Глаза его были закрыты, губы сомкнуты; изборожденное морщинами лицо словно помолодѣло и покрылось той особенной восковою блѣдностью, какую налагаетъ только смерть.

Погоревали старцы, подивились одночасной, нескорбной кончинѣ Иринея, затѣмъ тѣло снесли въ скитъ, положили въ большую сосновую колоду, заготовленную самимъ покойнымъ, и цѣлую ночь читали надъ нимъ «Псалтырь». На другой день, послѣ «обѣдницы»,

тѣло отпѣли и предали землѣ «честнымъ, староотеческимъ обрядомъ». Погребли Иринея въ ископанной имъ самимъ могилѣ, — ее только пришлось увеличить, чтобы положить съ нимъ и книги, о которыхъ онъ такъ заботился передъ кончиной. Ихъ поклали въ три большія липовыя «дупельки» и поставили на дно могилы въ головахъ гроба.

Тотчасъ же послѣ погребенія Осорьинъ воротился въ свою вотчину. Передъ уходомъ изъ скита, прощаясь со старцами, онъ сказалъ, земно кланаясь, Аггею:

— Отче, благослови меня съ вами пожить и воедино потрудиться!

— Богъ благословитъ! — отвѣтилъ тотъ. Потомъ, покачавъ головой, добавилъ:—только размысли,—можетъ, идешь на страданье, а, можетъ, и на смерть...

— Добро! Не страшитъ меня конецъ,—сказалъ стольникъ.—А на міру мнѣ не житье; томить меня злоба и не даетъ покоя.

На утро онъ рано вышелъ изъ дому, захвативъ съ собой только древнюю икону Богородицы, которую его отецъ, Романъ Осорьинъ, когда-то принесъ «пѣшъ» изъ литовскаго плѣна. Ни денегъ, оставленныхъ ему Юріемъ, ни чего либо цѣннаго изъ «животовъ» онъ не взялъ. Немногочисленная дворня ссыльнаго вотчинника только подивилась, что бояринъ, едва перебивъ ночь дома, опять куда-то уходитъ.

VIII.

Дни проходили за днями, а ожидаемаго нашествія на скитъ не было. Сначала старцы, предупрежденные Осорьинымъ, да и самъ онъ, каждый прожитый день считали послѣднимъ, но мало-по-малу привыкли, тревога ожиданія уступила мѣсто надеждѣ, что «спасенное» мѣсто скита осталось неоткрытымъ, и жизнь пустынножителей потянулась, среди молитвъ и трудовъ, въ полной тишинѣ. Наступила зима. Ограду обнесло снѣжными сугробами. Иной разъ и калитку приходилось откапывать, чтобы сходить за водой на ближній ключъ. Все скрылось и сравнялось подъ бѣлымъ покровомъ: и валежины, и кочки, и муравейники, и даже небольшой бугорокъ надъ могилой Иринея, отмѣченной восьмиконечнымъ крестомъ изъ березовыхъ кругляшей. Только вѣковыя сосны зеленѣли на солнцѣ своими хвойными верхушками, да бурыми пятнами казались среди нихъ непролазныя ольховыя заросли. Въ лѣсной глуши по ночамъ копошилось и бродило звѣрье. Не разъ видали старцы изъ окна верхняго чулана какія-то свѣтлыя точки, двигавшіяся во тьмѣ. Случалось, эти точки останавливались неподалеку отъ ограды, и въ тишинѣ раздавался многоголосный жалобный вой.

— Йшь, «единогласники-то» ¹⁾ запѣли!—скажетъ бывало Аггей.

А старому стольнику вспоминались при этихъ звукахъ былия охоты на Станкѣ. Тогда громко застучить у него сердце, глаза забѣгаютъ по горницѣ, словно отыскивая гдѣ нибудь убранныю «фузею». О. Памва не любилъ волчьего воя, говоря, что это души людей приняли звѣриный образъ и тоскуютъ въ мукѣ осужденія за грѣхи.

Время шло незамѣтно, и зима приходила къ концу. Бывшій стольникъ Леонтій Романовичъ Осорьинъ, превратившійся въ «брата Лаврентія», дѣлилъ со старцами всѣ ихъ труды: ходилъ вмѣстѣ съ ними рубить на дрова сухоподстойникъ, разрубалъ ледъ на кадушкѣ, врытой на ключѣ, носилъ воду, топилъ курную глинобитную печь. Все это занимало не мало времени въ короткіе зимніе дни. А тамъ—утреня, обѣдница, такъ что для сна оставались немногіе часы, а досуга не было и вовсе.

Наступилъ мартъ. На лѣсныхъ низинахъ стала проступать вода. По ночамъ, вмѣстѣ волчьего воя, раздавался рѣзкій крикъ бѣлой куропатки, а на зарѣ около самой ограды, на высокихъ соснахъ щелкали и точили глухари. Подходила красивая сѣверная весна. Радовались старцы, выходя на крылечко и грѣясь на яркомъ весеннемъ солнышкѣ. Но вмѣстѣ съ радостью, которую несетъ съ собою всему живущему весна, къ лѣсному скиту подходила и бѣда.

— Муки на донышкѣ, — сказалъ однажды Аггей. — И сухарей не болѣе какъ недѣли на двѣ станетъ...

Оставалось еще немного грибовъ да нѣсколько пригоршней сушеныхъ ягодъ. Осенній же запасъ остальныхъ продуктовъ, съ осени наношенный отъ «радѣльцевъ» и изъ ближнихъ скитовъ, приходилъ къ концу, и вскорѣ предстояла необходимость кому нибудь идти «по милостыню». Но пока объ этомъ нечего было и думать: дорогъ отъ скита не было, торить ихъ было небезопасно, да и кругомъ лежалъ еще непроходимый глубокій снѣгъ. Надо было ждать, или пока онъ «обнастовѣетъ», т. е. сядетъ и покроется твердой ледяной коркой и будетъ поднимать человѣка, или же пока его не сгонитъ теплыми весенними дождями. Между тѣмъ, настоящаго тепла не было: днемъ, правда, сильно пригрѣвало солнце, но зато крѣпкіе утренники уничтожали всю его работу, и весна шла, какъ говорится, «недружно», изморомъ. Аггей, завѣдывавшій скитскимъ хозяйствомъ, раздѣлилъ весь запасъ муки на троихъ, причемъ каждому досталось по небольшой деревянной чашкѣ, и пересталъ печь «мяконькіе» ²⁾, которыми ранѣе питались скитники. Теперь вся трапеза состояла изъ двухъ небольшихъ сухарей на брата въ день да горсти муки, изъ которой дѣлали общую «бол-

¹⁾ Аггей намекалъ на сторонниковъ «единогласнаго» пѣнія, введеннаго въ русскихъ церквахъ вызванными изъ Малороссіи пѣвчими въ 1651 году.

²⁾ Пшѣнный хлѣбъ безъ дрожжей.

тушку». Грибную похлебку готовили только по праздникамъ. Привычные Памва и Аггей не жаловались на скудость пищи, для брата же Лаврентія такой постъ былъ непосилень: онъ сталъ худѣть и замѣтно ослабѣвать, однако не жаловался и не ропталъ, а даже скрывалъ отъ старцевъ свое недомоганіе. Но не укрылось это отъ прозорливаго Аггея. Однажды, когда Лаврентій, помолвившись послѣ трапезы, пошелъ на крыльцо, онъ остановилъ его и сказалъ:

— Трудно тебѣ наше житье. Скорбна наша скудость, брате любезный,—вижу я давно. Не въ міръ ли тебѣ оборотиться?

Но братъ Лаврентій сурово отвергъ это предложеніе и рѣшительно отвѣтилъ:

— Въ міру мнѣ болѣе не житье: къ вамъ пришелъ, съ вами и помру, какъ Богъ приведетъ. А туда,—махнулъ онъ рукой въ сторону калитки,—мнѣ нѣту поворота. Самъ вѣдаешь, что мнѣ тамъ будетъ...

— А съ нами, можетъ, и того горше.

— Пусть хоть конецъ, хоть муку принять, да не безчестье.

— Гляди, не гордыня ли это въ тебѣ?—сказалъ наставительно Аггей.

Тутъ братъ Лаврентій не выдержалъ.

— Пусть и гордыня, и что хошь, а въ міръ не пойду,—сердито крикнулъ онъ.—Если я въ тяготу вамъ, скажи напрямикъ, безъ загадокъ, а не посылай, куда мнѣ не дорога...

Аггей, понявъ, что онъ разсердилъ брата, низко поклонился и сказалъ:

— Прости Христа ради! Я, грѣшникъ, въ тебѣ усомнился...

Тутъ «простился» и братъ Лаврентій въ томъ, что «огнѣвался» напрасно. На томъ и кончился разговоръ о возвращеніи въ міръ.

На другой день Аггей долго бродилъ по лѣсу, срѣзывая черемховые прутья, потомъ заперся въ чуланѣ наверху, а къ вечеру показалъ старцамъ сплетенную имъ «кужу». ¹⁾

Тѣ подивились, для чего онъ сработалъ кужу, когда негдѣ ловить рыбу, а Аггей только сказалъ, усмѣхаясь:

— Маловѣры вы! Была бы снасть, а рыбу Богъ пошлетъ.

На утро, еще не разсвѣло, какъ онъ, прямо послѣ утрени, захвативъ съ собой кужу и топоръ, куда-то ушелъ, несмотря на просьбы и уговариванія братіи не пускаться въ опасный путь. Вернулся онъ только къ вечеру, весь измокшій и еле живой отъ усталости, но веселый и, какъ всегда, разговорчивый.

— Скоро и рыбка будетъ,—радостно сказалъ онъ старцамъ.—Ручей-то я лѣтось нашелъ, да бочаговъ не вѣдалъ. Утре навѣдаться надо,—авось Богъ пошлетъ.

На слѣдующій день «по рыбу» рѣшили идти вмѣстѣ съ Аггеемъ

¹⁾ Сплетенный кувшинъ для ловли рыбы.

Памва и Лаврентій. Большую и тяжелую путину пришлось сдѣлать имъ по наводопѣвшему снѣгу, среди буреломниковъ и непроходимыхъ почти зарослей, прежде чѣмъ они дошли до лѣснаго ручья, изъ котораго вытекалъ и ключъ около скита. Онъ ранѣе Аггею, а теперь и имъ, служилъ путеводной нитью. Ручей, питаемый многочисленными ключами и вливавшійся въ рѣку, уже выпелъ изъ береговъ и шумѣлъ на весь лѣсъ. Когда Аггей подошелъ къ бочагу и вытащилъ кужу, привязанную на длинномъ шестѣ, въ ней оказалось двѣ большихъ щуки, нѣсколько головлей и другихъ мелкихъ рыбъ. Съ торжествомъ вернулись старцы домой и въ виду исключенія, послѣ трудовъ, рѣшили учинить вечернюю трапезу. Аггей расчетливо сварилъ уху изъ нѣсколькихъ рыбешекъ и, улыбаясь, поставилъ ее на столъ передъ Лаврентіемъ прямо въ глиняномъ черномъ котелкѣ; себѣ же съ Памвой изготавилъ обычную «муру» изъ воды съ мукой и толченымъ сухаремъ.

Видя, что Лаврентій съ изумленіемъ смотритъ на нихъ и не приступаетъ къ пищѣ, Аггей смутился и, потупясь, сказалъ:

— Питайся во славу Божию! Ты болящій, и тебѣ можно, а намъ не положено: четыредесятница нонѣ...

Только тутъ понялъ Осорбинъ, что не о себѣ думали старцы, предпринимая тяжелую для нихъ ловлю. Онъ тоже хотѣлъ было держаться устава, но Аггей сталъ ему доказывать, что больше грѣха, «аще кто постится сѣтующе», и «не сквернитъ то, что въ уста входитъ».

— Не въ укоръ тебѣ мы не приедемъ,—сказалъ онъ въ заключеніе.—Памятуемъ слова Апостола: «не ядый ядущаго да не осуждаетъ», да и намъ ли судити чуждему рабу¹⁾?

Убѣжденія старца, а всего болѣе голодь одолѣли упорство Лаврентія, и онъ отвѣдалъ жидкой ухи. Зато въ ту же ночь, за утреней, онъ положилъ добровольно сто покаянныхъ поклоновъ, а Памва съ Аггеемъ за нарушеніе устава вечернею трапезой въ постъ положили ихъ по триста.

Тихо и однообразно тянулась жизнь въ скитѣ. Прошелъ мартъ, наступила Пасха. Скоро весна по-настоящему вступила въ свои права: теплый вѣтеръ и ночные дожди быстро сгоняли снѣгъ даже и въ лѣсныхъ трупцахъ, а лужайки, пока еще бурья, только и ждали ясныхъ дней, чтобы зазеленѣть. Теперь путь изъ скита былъ открытъ, послѣдніе скудные запасы истощились, и Аггей собрался идти «по милостыню». Однажды, утромъ, онъ вошелъ въ горницу, гдѣ бесѣдовали Памва и Лаврентій, переодѣтымъ въ старый понитникъ, опоясанный посконнымъ кушакомъ. За спиной у него была пустая пока котомка, а на рукѣ плетеная корзина. Волосы, спрятанные за воротъ холщевой рубахи и прикрытые ветхой катаной

¹⁾ Римл., гл. 14, ст. 3.

папкой, вмѣстѣ съ такимъ нарядомъ совсѣмъ преобразили Аггея и сдѣлали его похожимъ на зауряднаго нищаго. Онъ «благословился» у Памвы на предстоящее дѣло, попрощался, вышелъ изъ калитки и скоро исчезъ за густой сѣнной кудрявыхъ елей.

О. Петръ узналъ объ исчезновеніи Осорьина только на пятый день послѣ его ухода. Преданная дворня, думая, что онъ отлучился временно, не находила нужнымъ кому либо объ этомъ говорить и сначала терпѣливо ждала его возвращенія, тѣмъ болѣе, что отлучки по суткамъ бывали и раньше. Но прошло два, наконецъ три и четыре дня, а Леонтія Романовича нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда рѣшили, что съ бояриномъ приключилось что нибудь недоброе, и самый старый изъ холопей, Герасимъ, «повѣстилъ» объ этомъ старостѣ, а тотъ, въ свою очередь—попу. Іерей, уже исполнившій свою угрозу отписать въ приказъ, не на шутку испугался, какъ бы ему не потерпѣть за «несмотрѣнье».

— Куда укрыли вы государя вашего?—строго закричалъ онъ на старосту.

— Мы его не укрывали, а куда ушелъ—не вѣдаемъ: то дѣло его, а не холопье. Настъ за нимъ смотрѣть не ставили,—отвѣтилъ тотъ.

— Погоди; ужъ будетъ тебѣ, да и всѣмъ вамъ, коли не сыщете его. А теперь наскоро, безъ меледы, свези къ воеводѣ на Ярославль отъ меня отписку.

Къ вечеру того же дня, напуганный староста уже гналъ по Романовской дорогѣ съ извѣщеніемъ о бѣгствѣ ссыльнаго Осорьина. На другой день къ вечеру онъ былъ уже въ Ярославль и съ великимъ трудомъ добился допуска къ воеводѣ Льву Кобыякову. Последній, едва прочиталъ отписку старо-андреевскаго іерея, бросилъ ее назадъ старостѣ и сказалъ:

— Кто былъ приставленъ къ Осорьину, тотъ пусть его и ищетъ. А у меня о томъ и наказа нѣтъ...

Такъ ни съ чѣмъ и воротился посланецъ на Шагонь. О. Петръ, выслушавъ отвѣтъ воеводы, каялся, что и посылалъ къ нему.

— Надо бы напередъ облизъ села поискать. Можетъ, и нашли бы,—говорилъ онъ въ раздумьѣ.

Тогда порѣшили поискать «облизъ села». Сбили шаготскихъ старость, человѣкъ 30 крестьянъ, пригласили, въ качествѣ особо опытнаго въ такихъ дѣлахъ человѣка, отставнаго подьячаго Вавулина, и пошли перебирать домъ за домомъ не только въ самой Шаготи, но и въ окрестныхъ деревняхъ. Переполохъ былъ страшный, а толку не вышло никакого: ссыльный стольникъ какъ въ воду канулъ. Наконецъ, розыски бросили и стали терпѣливо выжидать, не окажется ли онъ себя какъ нибудь самъ. Но и эта надежда была напрасна: прошла зима, а никакихъ слѣдовъ Осорьина найдено не было.

О. Петръ, скрѣпя сердце, рѣшился тогда извѣстить приказъ розыскныхъ дѣлъ и со дня на день ждалъ себѣ бѣды. Въ предвидѣніи ея онъ сдѣлался ко всѣмъ ласковѣе и прощае.

Какъ-то послѣ Пасхи, придя изъ-за вечерни, онъ только что усѣлся съ попадѣей за «паужину», какъ въ избу къ нему вошелъ высокій человѣкъ, въ военномъ кафтанѣ и, назвавшись рейтарскаго строя капитаномъ Климцевымъ, объявилъ, что его, о. Петра, зоветъ къ себѣ «для большаго дѣла» стольникъ и воевода Осорбинъ. Иерей, совсѣмъ потерявшійся отъ неожиданности и страха, стоялъ и хлопалъ глазами.

— Не разумѣешь чѣмъ ли?—спросилъ тогда Климцевъ.

— Сыскали таки его? Не укрылся!—радостно вскричалъ наконецъ о. Петръ.

Климцевъ, въ свою очередь изумленный, обратился тогда къ попадѣй, грузно сидѣвшей на лавкѣ и безсмысленно мотавшей головой:

— Али онъ у тебя помутился? Что онъ мелеть—кого сыскали?

— Милостивецъ! Батюшка,—не вѣдаю, какъ тебя и звать-то,—отвѣчала попадѣя:—не помутился онъ, а сказываетъ про Леонтья, про ссыльнаго, что на своей вотчинѣ жить...

— Добро! — обрѣзалъ Климцевъ.—Скажешь и послѣ, а теперь идти надо.

О. Петръ накинулъ рясу и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ. Меньше чѣмъ черезъ часъ они были въ вотчинѣ Осорбина. Въ небольшой хороминѣ было попрежнему уборно. Старый «приказный человѣкъ» вотчинника, Герасимъ, встрѣтилъ ихъ въ передней и проводилъ въ столовую палату. Тамъ за круглымъ нѣмецкимъ столомъ сидѣлъ Юрій Леонтьевичъ Осорбинъ. Когда вошелъ Климцевъ со священникомъ, онъ всталъ и, принявъ отъ о. Петра благословеніе, тотчасъ приступилъ къ разпросамъ объ отцѣ. Оказалось, что холопы, «убоясь государскаго гнѣва», ничего не сказали ему толкомъ объ исчезновеніи Леонтія Романовича, а на всѣ вопросы лишь отвѣчали, что «онъ не у себя». Теперь, выслушавъ подробный рассказъ о. Петра, воевода сильно закручинился. Онъ ли не спѣшилъ обрадовать отца извѣстіемъ о дарованной «ради его, Юрія, службишекъ» государевой милости—дарованіи свободнаго житья, «гдѣ похочетъ, на Москвѣ или въ вотчинахъ»; онъ ли не заботился о выкупѣ Станка отъ вдовы извѣтчика Толмачева? И чего все это ему стоило,—какихъ униженныхъ «челобитій», просьбъ, поклоновъ! А теперь и порадовать некого.. Не дождался! Укрылся, а, можетъ, ужъ и не живъ, — думалъ Юрій Леонтьевичъ. Предположеніе, что отецъ ушелъ къ «раскольщикамъ», не приходило ему и въ голову, а иерей намекать на это не осмѣливался.

Отпуская о. Петра, вотчинникъ далъ ему щедрую жертву на церковь и слезно просилъ пособить ему въ розыскахъ отца. Ободренный теперь священникъ, въ свою очередь, обратился къ нему съ

челобитьемъ о заступленіи за него, въ случаѣ, если его постигнетъ бѣда.

— Нѣту никакой за меня заступы. Смилуйся надо мной хоть ты!— просилъ онъ воеводу:— молви доброе слово, ежели что со мной прилучится. Самъ видишь: человекенка я старый и увѣчный... А я тебѣ и въ «подѣшлыя»¹⁾ мои лѣта служить буду...

Юрій Леонтьевичъ, не понимая хорошенько, въ чемъ можетъ понадобиться его «заступа» священнику, тѣмъ не менѣе обѣщалъ.

День проходилъ за днемъ въ постоянныхъ побѣдкахъ по округѣ, а о старикѣ Осорьинѣ не было ни слуху, ни духу. Съ пріѣзда Юрія Леонтьевича прошло уже болѣе недѣли, а онъ, въ отчаяніи, что всѣ розыски не приводятъ ни къ чему, собрался уже ѣхать «въ свое мѣсто», какъ однажды вѣждалъ къ нему запыхавшійся Вавулинъ.

— Бояринъ, бояринъ! — торопливо говорилъ онъ: — тамъ онъ, вѣрь моему слову... Негдѣ ему болѣ и быть!

— Гдѣ тамъ?—встрепенулся Юрій Леонтьевичъ.

— Въ лѣсу, вота гдѣ! Языка я добылъ. Сказываетъ—онъ избу въ лѣсу видѣлъ, не близь, а далече, верстахъ, може, въ десяти. Не иначе, что его разбойники захватили и у себя держатъ...

Бывшій подьячій, дѣятельно помогавшій въ розыскахъ Осорьина въ ожиданіи щедрой награды, потащилъ воеводу на дворъ, гдѣ, по его словамъ, былъ приведенный имъ «языкъ». Около крыльца стоялъ, держа въ рукахъ шапку, низкорослый мужикъ, одѣтый въ кафтанъ, издали похожій на коверъ отъ покрывавшихъ его разноцвѣтныхъ заплатъ. Онъ поклонился воеводѣ въ ноги и остался передъ нимъ на колѣняхъ.

— Ты чей?—спросилъ его Юрій Леонтьевичъ.

— А изъ Ночевокъ я, милостивецъ, изъ Ночевокъ.

— Что же тебѣ вѣдомо? Гдѣ ты избу въ лѣсу видѣлъ? Далече ли? Встань да скажи.

Мужикъ всталъ и, глядя въ землю, началъ свой рассказъ:

— По осени еще, по первому снѣгу, кунуцу я слѣдилъ. Перво все она ходила по краю, а тамъ, какъ ударились напрямкѣ, и увела меня далече. Ронъ-отъ былъ заправскій: погода передъ тѣмъ была, слѣдить-то—утѣшно,—я и не примѣтилъ, какъ стало темнать. Ну, думаю, надоть въ оборотную, все одно—слѣда впотьмахъ не увидать. И побрелъ я взадъ старымъ слѣдомъ, да, надо быть, сбился или на чужую ступню попалъ, а только иду, иду, краю все нѣтъ какъ нѣтъ: лѣсъ стоитъ большущій, чащи пошли, заломы. Плохо дѣло, думаю, ночевать придется на лѣсу. Только я это подумалъ, гляжу: межъ деревьевъ ровно бы огонекъ свѣтитъ. Помстилось мнѣ, думаю, навожденіе. Какому тутъ быть жилью въ такой глуши? Одначе, пошелъ на огонь, а онъ, быть, вверху свѣтитъ. Подходить

¹⁾ Преклонныи, подходящія къ концу.

сталь — пропаль, а намѣсть того уперся я въ рубленой огородъ. Присмотрѣлся, — за нимъ изба стоитъ. Тутъ опять огонекъ засвѣтилъ. Гляжу—вышка устроена. Оторопь меня взяла и страхъ, инда волосы подъ шапкой зашевелились. Слышу, въ избѣ-то поютъ, да таково-то жалостно, быть, кого отпѣвають. Безъ оглядки бросился я бѣжать и бѣжалъ версты съ двѣ, а то и болѣ...

— А укажешь ли теперь избу-то? Можетъ, со страху-то и пути не запримѣтилъ?—спросилъ мужика Осорьинъ.

— Какъ не указать, милостивецъ, укажу! Я вечерсь опять тамъ былъ...

— Гдѣ? У лѣсной-то избы?

— Да, тамотка. Вишь, къ намъ въ Ночевки стариченка сталь ходить, такой-то чудной,—ветхій, въ чемъ только душа, а поторжнѣй, посовистый. Пристаеть онъ у Лупата,—у того всѣмъ бѣглымъ мѣсто. Переночуетъ, а на утро по деревнямъ пойдетъ. А вечерсь, ужъ солнышко закатилось, гляжу—онъ къ лѣсу правится. Чего, думаю, ему въ лѣсу дѣлать? Дорогъ тамъ нѣтутки. И пошелъ я окрайкомъ за нимъ. Онъ идетъ да оглядывается, а я по кустамъ хоронось. Этакъ-то прошли мы версты съ три. Сѣлъ старикъ, отдыхнулъ малость и пошелъ. Переждалъ и я его за кубрей, тоже отдышался, а тамъ за нимъ опять. Шли мы этакъ версть съ десять отъ краю-то. Ночь настала, темень, а онъ все идетъ. Ужъ хотѣлъ я и воротиться,—боявно стало: не лѣшій ли, думаю, меня водить? Только думаю я это, а впереди старика не слышать стало, намѣсть того, быть, калитка хлопнула... Далъ я пошелъ и пришелъ къ избѣ, что по осени-то нашель. Слышу—мolvъ, а о чемъ баютъ—не разобрать. Только явно, что не одинъ человѣкъ, а много. Посидѣлъ я, отдыхнулъ да и пошелъ въ оборотную, а на пути, на случай, гдѣ сучечки заламывалъ, гдѣ кору на еляхъ зарѣзалъ для примѣты...

— Стало, ты теперь сведешь до избы-то?

— Для че не свести? Сведу до самаго мѣста.

Несмотря на то, что часъ былъ неранній, не мѣшкая, послали съ извѣстіемъ къ отцу Петру, собрали старость, десятка два мужиковъ, вооружили ихъ пищалями изъ воинскаго скарба воеводы и двинулись по направленію къ лѣсу. Къ этому отряду присоединился и капитанъ Климцевъ, еще не уѣзжавшій изъ Шаготи въ надеждѣ, что старикъ Осорьинъ будетъ найденъ, и онъ передастъ ему лично грамоту о помилованіи. Впереди всѣхъ шелъ вожакъ-мужиченко, за нимъ Юрій Леонтьевичъ съ Климцевымъ, а дальше беспорядочная толпа крестьянъ. Чуть не въ пробѣгъ прошли необъятныя поля, перевалили неширокій долѣкъ за рѣчкой и вошли въ лѣсъ. Шарахнулись съ опушки зайцы, слышавъ шумъ. Райко отдало эхо звукъ голосовъ въ лѣсной глубинѣ. Словно еще громче заголосили птицы. А вѣковыя сосны и ели стояли торжественныя, гордыя, словно стѣной загораживая лѣсные прогалки отъ солнеч-

ныхъ лучей. За то въ нихъ, мѣстами, на мшистой поверхности земли стояла вода, а кое-гдѣ уцѣлѣла еще обледенѣвшая корка снѣга. Чѣмъ дальше отъ опушки, тѣмъ идти становилось труднѣе: нога тонула въ моховой болотинѣ и скользила по безчисленнымъ кореньямъ. Нерѣдко буреломникъ и совсѣмъ преграждалъ путь. Тогда приходилось обходить вытянувшихся во всю длину лѣсныхъ великановъ, погубленныхъ бурей, или, почти лежа, пролѣзать подъ нихъ, рискуя оставить глаза на подсохшихъ безчисленныхъ сучьяхъ. Такъ шли нѣсколько часовъ. Небольшія прогалины теперь совсѣмъ исчезли, и все кругомъ слилось въ одну сплошную тьму; только и видны еще были, да и то неясно, одиѣ верхушки деревьевъ, смутно чернѣвшія на ночномъ небѣ. А вожакъ все шелъ впередъ, по временамъ останавливаясь и разбирая только ему одному видимыя и понятныя примѣты. Но вотъ прошли неширокую полянку, и онъ остановился. Понемногу подошли и всѣ остальные, съ Юриемъ и Климцевымъ впереди. Всѣ собрались около высокой рубленой ограды, сдѣланной въ откосъ съ подпорами изъ толстыхъ бревень. Одинъ изъ мужиковъ попытался было влѣзть, но оборвался и упалъ въ выкопанную вокругъ ограды канаву. Какъ ни искали, калитку найти не могли; оказалось, что подошли не съ той стороны. Тогда обошли кругомъ и оцупью отыскивали входъ; но онъ, оказалось, былъ запертъ со двора. Кругомъ царила мертвая тишина. Темная масса избы, которой верхъ увидали, наконецъ, отойдя отъ ограды,— стояла безмолвная, не обнаруживая ничѣмъ, что въ ней были люди. Всѣхъ охватило какое-то жуткое чувство въ этой тишинѣ лѣсной трущобы, скрывавшей въ себѣ какую-то тайну. Долго никто не рѣшался говорить. Но вотъ безмолвіе нарушилъ крикъ ночной птицы. Всѣ вздрогнули, а мужики закрестились и бросились было прочь. Климцевъ остановилъ ихъ и, овладѣвъ собой, застучалъ въ калитку.

— Отпирай, коли крещенье!—крикнулъ онъ громко.—Отпирай по государеву слову!

Въ отвѣтъ послышался только скрипъ отворяемой гдѣ-то двери, и опять все смолкло. Только лѣсъ повторялъ громкій окрикъ. Долго затѣмъ стучали въ калитку, съ угрозами ослушникамъ государева указа,— за оградой не раздавалось ни звука въ отвѣтъ, а только дѣлалось свѣтлѣе, словно гдѣ нибудь близко избы развели костеръ. Скоро справа начали показываться клубы дыма, кругомъ стало свѣтло, какъ днемъ, и верхъ избы съ четырехугольной, на столбахъ, вышкой и кровлей изъ сѣна, прижатого нѣсколькими «спичниками» изъ елокъ съ обрубленными сучьями, выплылъ изъ мрака. Бросились ломать калитку, застучали топоры, шумъ и трескъ пошелъ по лѣсу; это мужики вырубали стяги. А за оградой уже ревелъ пламя. Вотъ откуда-то снизу взвился огненный языкъ, линулъ съ угла кровлю, и черезъ минуту она занялась вся. Въ это

время калитку удалось сломать, и всё бросились на дворъ. Однимъ изъ первыхъ попалъ туда Юрій Осорбинъ. Жаромъ пахнуло ему въ лицо: большая бревенчатая изба вся была обнята пламенемъ. Взглянулъ онъ вверхъ и обомлѣлъ: на вышкѣ, среди огня, стояли три старца въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Лица ихъ были приподняты, глаза устремлены вверхъ, губы двигались. Сквозь свистъ огня Юрій услышалъ напѣвъ какой-то молитвы, несшейся къ темному небу вмѣстѣ съ тысячами искръ. Но вотъ порывомъ вѣтра отмахнуло дымъ, голова одного изъ старцевъ повернулась въ сторону Юрія, и онъ узналъ въ немъ своего отца... Съ крикомъ бросился онъ къ горячей избѣ, но кто-то ухватилъ его сзади. Въ это время съ трескомъ рухнула кровля, и все исчезло въ облакѣ дыма и искръ, а когда дымъ разошелся — вышки уже не было. Только изъ высокога сруба, словно изъ огненнаго колодца, столбомъ поднималось пламя. Скоро огонь dokonчилъ свою жестокую работу, и на мѣстѣ, гдѣ стоялъ скитъ, догорало лишь нѣсколько головокъ. Около нихъ стояла сумрачная толпа людей... А сверху надъ пожарищемъ уже видѣлась блѣдная полоса зари, разгонявшея предразсвѣтный мракъ...

Евгеній Опочининъ.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

ХІ.

Личныя перемѣны въ главномъ штабѣ и въ департаментѣ военныхъ поселеній.—Передѣлки въ зданіи Главнаго штаба.—Графъ Ламбертъ и генераль Герштенцвейгъ.—Американская дуэль между ними и смерть Герштенцвейга.—Казначей инспекторскаго департамента полковникъ Монтандръ; пропача казенныхъ денегъ; ея послѣдствія.—Хозяйственныя комитеты въ казенныхъ зданіяхъ.—Реформы въ Главномъ штабѣ.—Мое новое положеніе въ прежней должности и рѣшеніе оставить ее.—Сдача должности.—Послѣднія работы.—Представленіе военному министру графу Милютину.—Производство въ генералы.—Занятія музыкою моею дочери.—Дрейшокъ и Венявскій.—Петръ Карловичъ Жерве—прокуроръ ковенской уголовной палаты и его отношеніе къ полякамъ.—Покушеніе на жизнь государя 4-го апрѣля 1866 года.—Высочайшій выходъ въ Зимнемъ дворцѣ и милостивая награда Комисарову.—Графъ М. Н. Муравьевъ и его преемникъ К. П. Кауфманъ.—Пріѣздъ графа Муравьева въ Вильну.—Его пріемъ представителей администраціи и рѣчь къ предводителю дворянства графу Тышкевичу.—Казнь ксендза.—Мѣры противъ манифестацій.—Неожиданный вызовъ П. К. Жерве графомъ Муравьевымъ.—Поѣздка П. К. въ Вильну и бесѣда съ графомъ.—Назначеніе Петра Карловича Жерве сувалскимъ губернаторомъ.—Его товарищъ Карповъ; встрѣча съ нимъ у Муравьева.

ЕЖДУ тѣмъ у меня по департаменту военныхъ поселеній произошли довольно большія перемѣны. Еще въ концѣ 1852 года директоръ этого департамента, генераль-лейтенантъ баронъ Николай Ивановичъ Корфъ, съ производствомъ въ генералы отъ артиллеріи, былъ назначенъ на должность начальника всей артиллеріи послѣ смерти генерала отъ артиллеріи Я. Я. Гилленшмита. Его мѣсто заступилъ генераль-лейтенантъ Густавъ Ѳеодоровичъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, служившій до сего въ южныхъ поселеніяхъ, добрый, но весьма недалекій старикъ, который о нашемъ инженерномъ дѣлѣ не имѣлъ серьезнаго по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 789.

нятія. Онъ оставался директоромъ департамента военныхъ поселеній до 1857 года, когда вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе. Его мѣсто занялъ генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Веригинъ.

Вскорѣ рѣшено было департаментъ военныхъ поселеній упразднить. Вся строительная часть и весь корпусъ инженеровъ должны были перейти въ инженерный департаментъ, и офицеры переименованы въ полевые инженеры. Вѣдѣніе иррегулярными войсками должно было перейти въ особое управленіе иррегулярныхъ войскъ, начальникомъ котораго въ 1858 году былъ назначенъ генераль-лейтенантъ А. И. Веригинъ.

Въ Главномъ штабѣ также произошли перемѣны. Въ 1854 году генераль-адъютантъ Бергъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Финляндіи. Мѣсто генераль-квартирмейстера занялъ генераль-адъютантъ баронъ Ливенъ; онъ, какъ и супруга его, были прекрасные люди. Баронесса была некрасивая, но очень образованная женщина, важнаго, чуть не княжескаго рода. Въ концѣ 1857 года, дежурный генераль, генераль-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Оренбургскаго края послѣ графа Перовскаго, а вмѣсто него былъ назначенъ (исправляющимъ должность) свиты его величества генераль-майоръ А. Д. Герштенцвейгъ. Кривошипинъ еще въ 1845 году перешелъ на службу къ графу Клейнмихелю, у котораго занялъ должность начальника штаба. Вмѣсто флигель-адъютанта полковника И. В. Анненкова, въ 1857 году, былъ назначенъ вице-директоромъ гвардіи полковникъ Евгенийъ Егоровичъ Сиверсъ. Впослѣдствіи Герштенцвейгъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а графъ Сиверсъ въ флигель-адъютанты.

Во время пребыванія Герштенцвейга дежурнымъ генераломъ и графа Сиверса вице-директоромъ инспекторскаго департамента, въ зданіи Главнаго штаба было сдѣлано много перестроекъ для улучшенія самаго зданія и удобства квартирующихъ въ немъ. Двѣ изъ числа этихъ построекъ заслужили мнѣ общее вниманіе. Я передѣлалъ военную типографію 2-го отдѣленія изъ темнаго, въ отвратительномъ видѣ содержавшагося помѣщенія для разной прислуги. Главное затрудненіе работы состояло въ томъ, что передѣлываемая часть приходилась подъ самую церковь, въ который 24 колонны, иконостасъ, алтарь и пр. составляли огромную тяжесть. Я взялся проивести всю перестройку подъ церковь, не касаясь ея, и это мнѣ удалось совершенно: въ церкви ничего не повредилось, не оказалось даже признака трещины. Кромѣ того, я выломалъ совсѣмъ одну капитальную каменную поперечную стѣну, а въ двухъ другихъ пробилъ арки, и благодаря этому образовался очень большой, длинный и свѣтлый залъ; здѣсь была помѣщена типографія и устроена паровая печь, приводившая въ движеніе лямки скоропечатной машины.

Другая, также очень смѣлая, работа состояла въ устройствѣ парадной лѣстницы въ квартиру дежурнаго генерала, въ которую до этого времени вела узкая, довольно мрачная, въ нѣсколько поворотовъ лѣстница, совершенно не соответствовавшая прекрасной квартирѣ дежурнаго генерала. Мнѣ пришлось выломать узкую каменную лѣстницу съ ея капитальными стѣнами и упорными столбами въ двухъ нижнихъ этажахъ и оставить ее нетронутою для трехъ верхнихъ этажей. Работа была весьма затруднительная, тѣмъ болѣе что въ единственной оставшейся внутренней поперечной стѣнѣ пришлось выбить широкую арку во всю ширину предполагавшейся лѣстницы. Эта рискованная работа мнѣ удалась вполнѣ, нигдѣ не оказалось ни малѣйшей трещинки; я устроилъ широкую свѣтлую лѣстницу и украсилъ бока арки двумя превосходными кариаидами. Эта работа обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ архитекторовъ Петербурга, и любоваться ею прїѣзжали Александръ Павловичъ Брюловъ, строившій Мраморный дворецъ, Штакеншнейдеръ, строитель дворца великаго князя Михаила Николаевича, Львовъ, Пель и другіе. Наше же начальство хотя осталось довольно моими смѣлыми работами, однако особыхъ милостей мнѣ не проявило; я полагаю, впрочемъ, что это случилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ самый разгаръ работы Герштенцвейгъ оставилъ свою должность—и вотъ по какому случаю.

Графъ Ламбертъ былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Варшаву и упросилъ Герштенцвейга ѣхать съ нимъ товарищемъ. Герштенцвейгъ не очень-то сначала соглашался, но видя, что это было желаніемъ государя, согласился и, какъ показали послѣдствія, къ своей гибели. Въ Варшавѣ устраивались такія оскорбительныя манифестаціи противъ русскаго правительства, что всѣ мѣры снисходительности оказывались совершенно недействительными; въ костелахъ говорились возмутительныя проповѣди, пѣлись революціонныя гимны, и полиція была безсильна въ борьбѣ съ пропагандою. Однажды въ одномъ изъ костеловъ собралось множество революціонеровъ, и необходимо было разогнать ихъ. Графъ Ламбертъ поручилъ это дѣло Герштенцвейгу и разрѣшилъ ему при этомъ, если не подѣйствуетъ убѣжденіе, употребить силу. Герштенцвейгъ въ сопровожденіи конвойныхъ вошелъ въ костелъ и сначала сталъ уговаривать присутствовавшихъ прекратить пѣніе возмутительныхъ гимновъ; но видя, что это не дѣйствуетъ и приходится поступить энергичнѣе, ввелъ войска и силою выгналъ всѣхъ изъ костела, въ томъ числѣ и ксендзовъ. Самъ же вернулся къ графу Ламберту и доложилъ обо всемъ. Между тѣмъ тотъ сообразилъ, что государь будетъ недоволенъ, узнавъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, и сталъ выговаривать Герштенцвейгу, зачѣмъ онъ употребилъ оружіе. Тотъ возмутился такимъ замѣчаніемъ и сказалъ Ламберту, что онъ же самъ приказалъ употребить силу, если уго-

воры не подѣйствуютъ. Тогда Ламбертъ отрекся отъ своихъ словъ. Герштенцвейгъ вышелъ изъ себя и сказалъ ему нѣсколько оскорбительныхъ словъ. Очевидно, послѣ этого дѣло должно было кончиться вызовомъ; но такъ какъ дуэль между Ламбертомъ и Герштенцвейгомъ надѣлала бы много шума и вызвала бы слишкомъ большой скандалъ, то они обратились къ американской дуэли. Герштенцвейгъ выдернулъ узелокъ и застрѣлился, но слишкомъ малою пулею. Вслѣдствіе этого, онъ страдалъ цѣлую недѣлю передъ смертью, но перенесъ эти страданія съ большою твердостью духа; его жена и дѣти успѣли пріѣхать въ Варшаву, онъ простился съ ними и благословилъ ихъ. Странно, что отецъ его, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, будучи полнымъ генераломъ и начальникомъ южныхъ поселеній, также кончилъ свою жизнь застрѣлившись. Ламберта, конечно, уволили, онъ уѣхалъ за границу и тамъ умеръ. На его мѣсто былъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Лидерсъ.

Въ бытность Герштенцвейга дежурнымъ генераломъ, въ инспекторскомъ департаментѣ случилась очень непріятная исторія. Казначеемъ этого департамента уже лѣтъ 15 былъ полковникъ Монтандръ, очень хорошій, добрый старикъ. Ему поручено было однажды отвезти въ крѣпость накопившіяся въ большомъ количествѣ съ умершихъ нижнихъ чиновъ серебряныя медали, присланныя въ департаментъ въ разное время; изъ управленія монетнаго двора онъ долженъ былъ получить за нихъ деньги, съ высочайшаго разрѣшенія, сколько по цѣнности медалей слѣдовать будетъ. По расчету, причиталось 10.000 рублей: Монтандръ эти деньги получилъ, но, какъ говорить, дорогою потерялъ ихъ. Подозрѣвать его въ присвоеніи денегъ почти невозможно было: онъ много лѣтъ занималъ казначейскую должность, всегда былъ весьма аккуратенъ въ своихъ счетахъ и при ревизіяхъ, и всѣ суммы у него всегда оказывались на лицо.

Помнится, я заходилъ по какому-то дѣлу въ кабинетъ Герштенцвейга, часовъ около 3-хъ дня, и только что вышелъ отъ него, какъ Монтандръ вошелъ къ нему въ кабинетъ блѣдный, разстроенный. Тамъ онъ объявилъ о случившемся. Генералъ Герштенцвейгъ принялъ живое участіе въ Монтандрѣ, однако, дѣлать нечего, его пришлось арестовать; но дабы почтеннаго старика не подвергать аресту на гауптвахтѣ, его посадили въ фельдъегерской комнатѣ, отдѣливъ ему уголь. Дѣлу пришлось дать officialный ходъ, но по желанію дежурнаго генерала и вице-директора инспекторскаго департамента графа Сиверса, было предложено всѣмъ служившимъ въ этомъ департаментѣ подписаться, кто сколько могъ и желалъ пожертвовать на пополненіе утерянной Монтандромъ суммы. Бывшій тогда старшимъ адъютантомъ, подполковникъ графъ Апраксинъ, богатый человекъ, при томъ очень уважавшій старика Монтандра, одинъ подписалъ въ его пользу 5000 рублей; остальные

деньги были пополнены подпискою прочихъ служащихъ, въ числѣ которыхъ и я внесъ 25 рублей. Дѣло было доложено государю въ довольно мягкой формѣ, и была выставлена честная долговременная служба Монтандра. Въ результатѣ всего, его только уволили со службы, но тотчасъ же стали хлопотать о другой должности для него; дѣйствительно, онъ получилъ мѣсто полицеймейстера въ Александровской мануфактурѣ, гдѣ прожилъ еще лѣтъ пять до самой смерти.

Протекло нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, у насъ въ Главномъ штабѣ предполагались большія перемѣны. Военный министръ возымѣлъ желаніе во всѣхъ отрасляхъ военнаго вѣдомства ввести коллегіальныя управления, т. е. учредить въ полкахъ и во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ хозяйственные комитеты въ составѣ предсѣдателя, четырехъ членовъ и дѣлопроизводителя. Такъ какъ зданіе Главнаго штаба было однимъ изъ самыхъ большихъ и важныхъ во всемъ военномъ вѣдомствѣ, то и предположено было начать съ него это устройство. Вице-директору инспекторскаго департамента свиты его величества генераль-майору графу Евгенію Егоровичу Сиверсу было поручено заняться этимъ дѣломъ, составить проектъ правилъ и штата хозяйственнаго комитета и представить его на утвержденіе военнаго совѣта, а также военнаго министра. Безъ меня графу Сиверсу трудно было разбираться въ подробностяхъ, и потому онъ пригласилъ меня работать съ нимъ по этому вопросу. Много употребили мы труда, много было переписки, и наконецъ проектъ былъ представленъ; необходимо было еще сдѣлать нѣсколько перемѣнъ и дополненій, послѣ чего онъ былъ окончательно утвержденъ. Комитетъ былъ составленъ изъ предсѣдателя, вице-директора департамента генеральнаго штаба генераль-майора Мещеринова, членами со стороны военно-топографическаго депо были назначены подполковникъ Ротштейнъ, со стороны департамента генеральнаго штаба полковникъ Россетъ, со стороны инспекторскаго департамента подполковникъ Фоссъ и чиновникъ Прокофьевъ, а производителемъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Бакиревъ, служившій въ департаментѣ генеральнаго штаба. Мой старшій помощникъ коллежскій ассессоръ Алексѣевъ просилъ меня уволить его отъ этой должности и хлопотать о переименованіи его въ чиновники главнаго инженернаго управления, что мнѣ удалось; поэтому на его мѣсто, по распоряженію военнаго министра, былъ назначенъ художникъ архитекторъ фонъ-Гаке.

При устройствѣ хозяйственнаго комитета зданія Главнаго штаба, меня оставили попрежнему смотрителемъ его. Само собою разумѣется, новое положеніе не могло мнѣ нравиться: изъ самостоятельнаго строителя и архитектора, изъ полнаго хозяина по всѣмъ отраслямъ администраціи я превратился въ подчиненнаго комитету, безъ разрѣшенія котораго не имѣлъ права сдѣлать ни шагу. При томъ, предсѣдатель и члены комитета, какъ не спеціалисты, не могли

быть вполне знакомы съ обширнымъ хозяйственнымъ управленіемъ и тѣмъ болѣе со строительною частью, въ вѣдѣніе которой входили механическія и гидравлическія работы. Мнѣ слѣдовало бы немедленно отказаться отъ должности въ виду такого ограниченія правъ, но этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ необходимо было сдать въ комитетъ какъ самое зданіе, такъ и водопроводную машину, резервуары, газовые аппараты и пр. Эту сдачу я долженъ былъ непременно произвести, еще состоя въ должности, иначе могли бы возникнуть претензіи и начеты, хотя все было у меня въ отличномъ порядкѣ и дѣла велись, какъ въ департаментѣ—подъ номерами, по реестрамъ и т. п. Въ этомъ, впрочемъ, вскорѣ удостовѣрились и г.г. пріемщики зданія, которые начали было принимать очень подробно, а потомъ бросили ненужныя формальности, и всѣ вѣдомости вскорѣ были подписаны и утверждены комитетомъ.

Я получилъ полную квантію отъ хозяйственнаго комитета за подписью его предсѣдателя и всѣхъ членовъ. При этомъ комитетъ просилъ меня взять на себя, на коммерческомъ правѣ, всѣ работы капитальныя и ремонтныя. Такъ какъ мнѣ необходимо было покончить расчеты съ подрядчиками, то я и согласился на это, тѣмъ болѣе, что по крайней необходимости я уже приступилъ раньше къ нѣкоторымъ ремонтнымъ работамъ.

Покончивъ работы и дождавшись освидѣтельствованія ихъ членами комитета, я твердо рѣшилъ оставить Главный штабъ. На страстной недѣлѣ 1866 года я поѣхалъ однажды вечеромъ къ военному министру генералъ-адъютанту Милютину и передалъ ему мое желаніе оставить должность смотрителя зданія Главнаго штаба. Онъ сказалъ, что хотя и желательно было бы, чтобы я остался еще по крайней мѣрѣ до осени нынѣшняго года, но удерживать меня насильно онъ не въ правѣ, а потому спросилъ что желалъ бы я получить по службѣ. Я сказала, что желалъ бы быть произведеннымъ.

— На это вы имѣете полное право,—отвѣтилъ онъ.—А еще что?

— Желалъ бы также, чтобы меня зачислили по инженерному корпусу. А впоследствии, если позволите, я обращусь при случаѣ къ содѣйствію вашего превосходительства.

Военный министръ на все согласился и на прощанье сказалъ, чтобы на другое утро, то есть въ среду, я зашелъ къ генералъ-майору Мещеринову и попросилъ бы его написать письмо къ генералъ-адъютанту Тотлебену съ просьбою представить меня къ производству. Въ среду утромъ, по приказанію военнаго министра, Мещериновъ написалъ о моемъ производствѣ письмо, которое я отвезъ Тотлебену; онъ обѣщалъ въ тотъ же день послать мое представленіе Милютину. Уже въ пятницу вечеромъ графъ Сиверсъ зашелъ ко мнѣ и поздравилъ съ тѣмъ, что мое производство высочайше утверждено и состоится въ высочайшемъ приказѣ на первый день Пасхи. Платье у меня было приготовлено заранѣе, и такимъ

образомъ къ заутрени во дворець я поѣхалъ уже въ генеральской парадной формѣ.

....Моя младшая дочь Ольга воспитывалась у Вѣры Петровны Заливкиной, пансіонъ которой въ свое время пользовался самою лучшею репутаціею въ Петербургѣ. Я съ женою строго слѣдилъ за воспитаніемъ дочери и, подмѣтивъ въ ней богатые музыкальныя способности, обратилъ на нихъ особое вниманіе.

Еще когда Ольга была послѣдній годъ въ пансіонѣ, я пригласилъ Дрейшока давать ей уроки на фортепіано и, по выходѣ ея изъ пансіона, подарилъ ей прекрасный рояль Беккера. Дрейшокъ самъ выбиралъ инструментъ, за который я заплатилъ около 800 р. Сначала Ольга ѣздила три раза въ недѣлю къ Дрейшоку съ В. П. Заливкиной, а потомъ онъ самъ приходилъ къ намъ въ домъ; я платилъ ему 6 рублей за урокъ. Въ 1863 году, 2-го февраля, въ день моего рожденія, Дрейшокъ устроилъ у насъ квинтетъ: двѣ скрипки, альтъ и віолончель съ аккомпанементомъ рояля. Собралась масса гостей, въ числѣ которыхъ были графъ Сиверсъ съ женою и дочерью, генералъ Бларамбергъ съ дочерью, В. П. Заливкина съ сестрою и другіе. Концертъ удался на славу. Оля исполнила мастерски свою партію, и Дрейшокъ былъ въ полномъ восторгѣ; онъ самъ сыгралъ потомъ двѣ пьесы. Съ осени этого же года, по совѣту Дрейшока, для изученія Олею аккомпанемента, я пригласилъ къ ней извѣстнаго скрипача Венявскаго. Каждый урокъ его доставлялъ всѣмъ намъ истинное наслажденіе: мы собирались въ сосѣдней комнатѣ и, чужь не притаившись, слушали его превосходную игру. Ему я платилъ также по 6 рублей за урокъ. Въ воспоминаніе объ этихъ занятіяхъ Венявскій подарилъ Олѣ свою фотографію, на которой, кромѣ собственнаго автографа, набросалъ также нѣсколько начальныхъ тактовъ изъ сонаты Бетховена, которую они разыгрывали вмѣстѣ. Оля дѣйствительно очень усовершенствовалась въ музыкѣ, и Дрейшокъ высоко цѣнилъ ея дарованіе. Часто во время урока онъ посылалъ въ магазинъ за указанною имъ пьесою въ четыре руки, и они сразу *à livre ouvert* разыгрывали совершенно свободно весьма серьезныя вещи. Дрейшокъ посвятилъ ей двѣ пьесы собственнаго сочиненія: «*Sur l'eau*» и «*Dans la forêt*».

Въ 1860 годахъ мой двоюродный племянникъ Петръ Карловичъ Жерве ¹⁾ занималъ мѣсто прокурора уголовной палаты въ Ковно.

¹⁾ П. К. Жерве, сынъ Карла Леонтьевича Жерве, о которомъ упоминается выше, родился 29 февраля 1832 г. Въ 1853 году онъ окончилъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣній и поступилъ на службу въ сенатъ. Изъ Петербурга онъ былъ назначенъ прокуроромъ уголовной палаты въ Ковно, а оттуда переведенъ губернаторомъ въ Сувалки. Послѣ этого онъ занималъ должность попечителя сначала Дерптскаго, а затѣмъ — Харьковскаго учебныхъ округовъ. Въ 1879 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія. 12 апрѣля 1890 г. въ Петербургѣ Петръ Карловичъ скончался сенаторомъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя орденъ Бѣлаго Орла. В. Ж.

Его служебное положеніе было довольно затруднительно, такъ какъ мѣстные польскіе паны, засыпая кого нужно деньгами, привыкли видѣть всюду полное повиновеніе ихъ авторитету. Какое бы ни было вопіющее дѣло, даже уголовное, не смущало ихъ: паны подкупали судей, и все сходило имъ съ рукъ. И вдругъ явился къ нимъ прокуроръ, котораго никакимъ золотомъ, никакими обѣщаніями нельзя было покупать: если «панъ грабе» или «панъ ксѣнджъ» виноватъ, а мужичекъ правъ, то ни просьбы, ни угрозы, ни подкупы не помогали,—и пана штрафовали безъ дальнихъ околичностей, а мужичка оправдывали. Вся знать, вся аристократія, болѣе или менѣе задѣтая за живое, взбеленилась донельзя, и такъ какъ на прокурора нельзя было дѣйствовать прямымъ путемъ, то начались на него доносы въ Петербургъ, клеветы, жалобы. Но каждый доносъ присылался оттуда въ Ковно Петру Карловичу для надлежащаго разясненія и указанія побудительныхъ причинъ. И когда на три - четыре такихъ доноса онъ далъ самый положительный отвѣтъ, обнаружилъ предъ правительствомъ всю надменность поляковъ, ихъ самонадѣянность и увѣренность въ томъ, что они могутъ затупить всякое дѣло, какъ бы ни было оно несправедливо и противозаконно,—тогда уже всѣ доносы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Послѣ должности прокурора, Петръ Карловичъ получилъ назначеніе предсѣдателемъ ковенской уголовной палаты.

Передъ обѣдомъ 4-го апрѣля 1866 года, когда я жилъ еще въ Главномъ штабѣ, прибѣгаетъ ко мнѣ мой фельдфебель Андрей Николаевъ, блѣдный, запыхавшись и докладываетъ:

— Ваше превосходительство, въ государя стрѣляли въ Лѣтнемъ саду и, къ счастью, промахнулись. Народъ волнуется, вся полиція на ногахъ, страшная суета въ городѣ!...

Я сильно встревожился, но, не совсѣмъ довѣряя разсказу фельдфебеля, выбѣжалъ, чтобы узнать чтонибудь повѣрнѣе. Только что вышелъ изъ подъѣзда, какъ встрѣтилъ графа Сиверса, который закричалъ мнѣ:

— Константинъ Карловичъ, надѣвайте скорѣе полную парадную форму, и пойдѣте сейчасъ въ Зимній дворецъ. Для поздравленія государя со спасеніемъ отъ смерти туда собираются всѣ военные, вся знать, всѣ придворные!

Я тотчасъ вернулся домой, переодѣлся и побѣжалъ во дворецъ. Когда я пришелъ туда, было уже очень много собравшихся, болѣе всего военныхъ, и вотъ что передали мнѣ. Государь гулялъ въ Лѣтнемъ саду и, кончивъ прогулку, вышелъ въ среднія ворота, что ведутъ на набережную Невы. Когда онъ уже сталъ садиться въ экипажъ, то услышалъ выстрѣлъ. Государь обернулся и спросилъ:

— Что это такое?

Оказалось, что нѣкій Каракозовъ, какъ узнали уже позже, выстрѣлилъ въ государя и, промахнувшись, бросился бѣжать къ на-

бережной, чтобы кинуться въ Неву, однако ему это не удалось: его схватила полиція. Счастливымъ промахъ Каракозова объясняли слѣдующимъ образомъ. Въ этотъ день пляпочнаго дѣла подмастерье Комисаровъ праздновалъ свои именины и желалъ пойти помолиться Богу въ домикъ Петра Великаго на Петербургской сторонѣ; но въ то время былъ довольно сильный ледоходъ по Невѣ, мосты были разведены, и сообщенія съ тою стороною не было никакого. Комисаровъ, видя, что ему нельзя ни перейти, ни переѣхать, возвращался назадъ и около Лѣтняго сада замѣтилъ большую толпу народа, который ждалъ здѣсь выхода государя, желая взглянуть на него. Комисарову также захотѣлось посмотрѣть государя, онъ вмѣшался въ толпу и тутъ-то замѣтилъ, что какой-то господинъ все толкалъ его, просовываясь впередъ; но Комисаровъ, самъ желавшій поближе увидѣть государя, не отступалъ отъ него. Однако этотъ господинъ въ концѣ концовъ пробрался впередъ, а Комисаровъ сталъ какъ-разъ подлѣ него и замѣтилъ, когда государь сталъ садиться въ экипажъ, какъ тотъ господинъ вынулъ пистолетъ изъ кармана и сталъ пѣлиться въ государя. Комисаровъ подтолкнулъ его руку—и пуля миновала царя. Комисарова обступили, онъ очень оробѣлъ. Но государь ободрилъ его, приказалъ ему рассказать, какъ все случилось, благодарилъ его и приказалъ тутъ же случившемуся генералъ-адъютанту Тотлебену распорядиться, чтобы Комисарова прислали во дворецъ. Каракозова же, какъ я уже сказалъ, схватили и отправили въ III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Государь сѣлъ въ экипажъ, поѣхалъ въ Казанскій соборъ возблагодарить Бога за свое спасеніе и уже оттуда вернулся во дворецъ.

Когда я прибылъ во дворецъ, Комисаровъ стоялъ по лѣвую сторону отъ входа большой, кажется, Николаевской залы. Это былъ молодой человекъ, съ бѣлымъ, чистымъ лицомъ, съ черными глазами,—вообще весьма красивой наружности, въ синемъ кафтанѣ съ полами, закинутыми одна на другую. За женой его послали. Спустя около получаса, государь подъ руку съ императрицей выпелъ изъ внутреннихъ покоевъ. Ихъ встрѣтили такимъ громкимъ и нескончаемымъ «ура», отъ котораго окна дрожали. Когда по знаку государя «ура» смолкло, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ теплою благодарностью за выраженные чувства. Затѣмъ подозвали Комисарова. Государь благодарилъ его за преданность и находчивость, обнялъ и поцѣловалъ его; императрица также благодарила его и когда подала ему руку, онъ поцѣловалъ ей руку, а государыня поцѣловала его въ щеку.

Послѣ этого государь снова обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ намъ:

— Я желаю Комисарова возвести въ потомственное дворянство за спасеніе моей жизни; надѣюсь, что всѣ вы, господа дворяне, будете согласны на это мое желаніе.

Отвѣтомъ было прежнее оглушительное «ура».

— Я скоро поѣду въ Преображенскій соборъ,—продолжалъ государь,—чтобы отслужить молебствіе, и надѣюсь со всѣми вами встрѣтиться тамъ.

Мы начали разѣзжаться; у самаго выхода встрѣтили только что привезенную жену Комисарова. Насколько самъ онъ былъ красивъ, настолько она была некрасива: лицо самое простое, въ веснушкахъ, волосы рыжіе, глаза сѣрые,—однимъ словомъ, самая простая, неуклюжая деревенская баба. Изъ дворца всѣ поѣхали въ Преображенскій соборъ. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ принести горячія мольбы Создателю за спасеніе дорогой жизни. Густая толпа народа окружала соборъ, вереница экипажей казалась безконечной. Все ожило, все радовалось и ликовало, потому что свѣтлый праздникъ былъ въ душѣ каждого русскаго человѣка...

Покушеніе на драгоценную жизнь государя слишкомъ сильно взволновало всѣ слои общества, и потому толкамъ, сплетнямъ, предположеніямъ не было конца. Государь поручилъ разслѣдованіе этого дѣла только что окончившему поприще начальника Сѣверо-западнаго края графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. На его мѣсто государю угодно было назначить генераль-адъютанта Константина Петровича Кауфмана, несмотря на то, что онъ сначала чрезъ военнаго министра, затѣмъ чрезъ великаго князя Николая Николаевича и, наконецъ, самъ лично просилъ избавить его отъ этого назначенія; онъ ссылаясь на то, что чувствовалъ себя неспособнымъ исполнить это трудное дѣло вполне по долгу службы и совѣсти, не въ состояніи принять на себя всю ту громадную отвѣтственность, которая ложилась на него какъ относительно государя, такъ и всей Россіи. Но ничто не помогло. Кауфманъ поѣхалъ въ Вильну съ грустью и съ тѣмъ сознаніемъ, что онъ не будетъ въ состояніи замѣнить графа Муравьева, такого умнаго, опытнаго и вполне знающаго администрацію края, гдѣ при всемъ томъ ему приходилось сильно бороться съ тѣми подпольными кознями и терроризмомъ, которыми такъ извѣстны были аристократія, шляхта, духовенство и фанатичное женское поколѣніе поляковъ...

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ такая личность, какія рѣдко всплываютъ въ іерархіи государствъ. Своимъ настойчивымъ характеромъ и пронизательнымъ умомъ, своею неутомимою дѣятельностью, при безпредѣльной преданности отечеству, онъ оказалъ неоцѣнимую услугу Россіи во время управленія Сѣверо-западнымъ краемъ въ продолженіе самыхъ ярыхъ волненій, сумасбродствъ, жестокостей и бессмысленныхъ надеждъ польскаго бунта 60-хъ годовъ. Онъ былъ краеугольнымъ камнемъ, о который разбивались всѣ происки замыслы, дерзкія надежды и попытки бунтовщиковъ.

Графъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Вильну съ неограниченными правами; онъ зналъ, что тутъ надо дѣйствовать смѣло, энергически

настойчиво, не останавливаясь ни предъ какими мѣрами, которыя ведутъ къ дѣлу. По прїѣздѣ его, собрались явиться ему представители всѣхъ сословій, всѣ служащіе военные и гражданскіе чины, губернской предводитель дворянства графъ Тышкевичъ, кавалеръ Анны первой степени со звѣздою, многіе уѣздные предводители, епископъ и духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, купечество, мѣщанство и представители отъ крестьянъ. Къ военнымъ и гражданскимъ чинамъ администраціи онъ обратился съ краткой рѣчью, говоря, что съ ними познакомится поближе при производствѣ дѣла, и добавилъ, что всякаго, кто сумѣетъ служить вѣрою и правдою русскому царю, русскому правительству и своему отечеству, того онъ не преминетъ наградить по заслугамъ, а кто этого не сумѣетъ, того самыя сокровенныя думы и мысли будутъ ему извѣстны непременно,—и тогда пусть не пеняютъ на него, если не только строго, но немилосердно будетъ онъ взыскивать. «Тутъ середины нѣтъ», добавилъ Муравьевъ: «или вы русскіе вѣроподданные или враги Россіи».

Затѣмъ онъ обратился къ губернскому предводителю дворянства графу Тышкевичу:

«Вы, ваше сіятельство, по сіе время находили всегда особыя причины не исполнять точно и добросовѣстно приказаній, которыя были вамъ передаваемы бывшимъ генералъ-губернаторомъ въ духѣ требованій русскаго правительства. Не совѣтую вамъ при мнѣ исполнить какое бы то ни было мною данное приказаніе иначе, какъ въ самой щепетильной точности, безъ малѣйшаго разсужденія, а тѣмъ болѣе противорѣчія. Въ противномъ случаѣ предупреждаю ваше сіятельство, что ни это (онъ показалъ на ленту), ни это (онъ ткнулъ въ звѣзду) не спасутъ васъ отъ висѣлицы!»

Потомъ онъ обратился къ епископу:

— Съ вами, — сказалъ онъ, — мнѣ придется расчитаться теперь же, но на это я вамъ назначу другое время.

Съ православнымъ и протестантскимъ духовенствомъ онъ обошелся довольно ласково, шляхту миновалъ молча и съ презрѣніемъ, съ мѣщанами и крестьянами обошелся очень милостиво. Впечатлѣніе, которое Муравьевъ произвелъ на губернскаго предводителя Тышкевича и на все польское дворянство, было ужасное: они увидѣли, что дѣло начинается очень серьезное, что до нихъ скоро доберутся, и что отъ Муравьева ничто не ускользнетъ.

Вскорѣ послѣ этого въ одной шайкѣ повстанцевъ былъ захваченъ ксендзъ, очень извѣстный виленской польской публикѣ; а такъ какъ онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ въ рукопашномъ бою, то его отдали подъ военно-уголовный судъ, который приговорилъ его къ повѣшенію. Муравьевъ приговоръ суда утвердилъ. Наканунъ казни полицеймейстеръ г. Вильны пришелъ къ Муравьеву и доложилъ, что на другой день предстоитъ казнь ксендза, и что онъ

предполагаетъ утромъ, какъ можно раньше, отвезти ксендза на казнь, чтобы не было слишкомъ большого стеченія народа. Муравьевъ посмотрѣлъ на полицеймейстера, улыбнулся и сказалъ ему:

— Напротивъ, вы приготовьте батальонъ войска, съ барабанами и музыкой, сами верхомъ поѣзжайте впереди кортежа и ровно въ 12 часовъ съ полною помпою отправьтесь на лобное мѣсто. Распорядитесь чтобы преступникъ былъ окруженъ жандармами, и чтобы позорная доска висѣла на груди его.

Хотя полицеймейстеръ и былъ нѣсколько озадаченъ подобнымъ приказаніемъ, но разсуждать ужъ тутъ не приходилось, и вся церемонія состоялась такъ, какъ было приказано Муравьевымъ. Стеченіе публики было громадное, польское духовенство скрежетало зубами; но все прошло тихо, спокойно, казнь совершилась вполнѣ благополучно, и повѣшенный ксендзъ былъ снятъ съ висѣлицы только въ 6 часовъ вечера. На другое утро полицеймейстеръ докладываетъ графу, что около мѣста, гдѣ зарыли ксендза послѣ снятія его съ висѣлицы, въ продолженіе почти всей ночи собирались разные лица, въ особенности дамы, и на колѣняхъ тамъ громко молились. Муравьевъ опять съ улыбкой взглянулъ на полицеймейстера и сказалъ:

— Распорядись-ка ты и прикажи, когда смеркнется, вывезти изъ отхожихъ мѣстъ возовъ сорокъ нечистотъ, да пусть ими обольютъ все то мѣсто, гдѣ законанъ ксендзъ. Посмотришь— всѣ убѣгутъ.

Полицеймейстеръ исполнилъ приказаніе, и оно оказалось крайне радикальнымъ: на слѣдующую ночь и послѣ уже никто на это мѣсто молиться не приходилъ.

Въ числѣ попавшихся повстанцевъ находился одинъ молодой человекъ знатной фамиліи; онъ былъ сродни, кажется, княгинѣ Любомирской. Та, имѣя большія связи въ Петербургѣ между аристократами и при Дворѣ и видя, что никакія просьбы, никакія убѣжденія на Муравьева не дѣйствуютъ, прискакала въ Петербургъ и всюду бросалась, чтобы какъ нибудь выручить молодого человека изъ рукъ Муравьева. Она достигла того, что упростила тогдашняго военнаго генераль-губернатора Петербурга князя Суворова узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло ея protégé, чтобы, получивъ отвѣтъ, можно было дѣйствовать при Дворѣ и, если возможно, выпросить помилованіе у государя. Князь Суворовъ послалъ депешу графу Муравьеву съ просьбою увѣдомить, «въ какомъ положеніи дѣло такого-то господина». Часа черезъ 3—4 князь получаетъ за подписью Муравьева отвѣтную телеграмму, въ которой было написано только одно слово: «Угадайте». Суворовъ, и безъ того уже сильно не долюбивавшій Муравьева, этимъ отвѣтомъ былъ страшно взбѣшенъ. Какъ ни хлопотала здѣсь покровительница, сколько ни было письменныхъ просьбъ и моленій, когда мо-

лодой аристократъ оказался виновнымъ въ измѣнѣ, его казнили наравнѣ со всѣми прочими.

Муравьеву нужны были люди честные и преданные русскому правительству, а потому онъ разными путями развѣдывалъ о своихъ подчиненныхъ и получалъ очень вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о всѣхъ служившихъ въ его краѣ, какъ военныхъ лицахъ, такъ и гражданскихъ чиновникахъ. Между прочимъ, и служба Петра Карловича Жерве, который тогда уже былъ председателемъ уголовной палаты въ Ковнѣ, гдѣ губернаторомъ былъ сынъ Муравьева, переименованный изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ генераль-майоры,—не могла не быть извѣстною Муравьеву. Дѣло въ томъ, что Петръ Карловичъ, по своей должности имѣлъ прямыя сношенія только съ министерствомъ юстиціи, вовсе не былъ подчиненъ Муравьеву, не имѣлъ никакого отношенія ни къ нему, ни къ его управленію; а потому былъ крайне удивленъ, когда получилъ прямо отъ Муравьева на свое имя телеграмму, которою онъ требовалъ Петра Карловича къ себѣ въ Вильну для объясненій по службѣ... Онъ самъ и сослуживцы его были крайне озадачены этимъ вызовомъ. Петръ Карловичъ тотчасъ отправился къ губернатору, объявивъ ему о требованіи его отца и немедленно собрался ѣхать въ Вильну. Сослуживцы и многіе знакомые провожали Петра Карловича на желѣзную дорогу, подозрѣвая въ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ что-то недоброе. Впрочемъ, совѣтъ Петра Карловича была чиста: онъ не зналъ за собою не только проступка, но даже упущенія по службѣ, а потому отправился въ Вильну не въ слишкомъ тревожномъ состояніи духа.

Пріѣхавъ въ Вильну, Петръ Карловичъ немедленно отправился къ Муравьеву; по докладѣ о немъ, графъ тотчасъ же приказалъ его принять. Вышелъ адъютантъ и, указывая рукой, пригласилъ его пройти прямо въ кабинетъ Муравьева. Петръ Карловичъ пошелъ было въ указанномъ направленіи, но очутился передъ гладкою стѣною. Въ недоумѣніи обернулся онъ къ адъютанту, который подошелъ къ нему и открылъ предъ нимъ до сихъ поръ невидимую потайную дверь. Когда дверь снова закрылась за Петромъ Карловичемъ, онъ очутился совершенно впотьмахъ и оцупью едва отыскалъ ручку другой двери, которая привела его, наконецъ, въ кабинетъ.

Муравьевъ сидѣлъ, занятый чтеніемъ какой-то бумаги. Петръ Карловичъ поклонился ему, графъ кивнулъ въ отвѣтъ головой и рукой пригласилъ его сѣсть, а самъ снова занялся бумагою. Только спустя нѣкоторое время, онъ обратился къ Петру Карловичу и сталъ спрашивать о Ковнѣ, входя въ самыя мельчайшія подробности всего, что его интересовало.

— Что же тамъ дѣлаетъ вашъ губернаторъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Приказаль передать вашему сіятельству свое глубочайшее уваженіе...—началь было Петръ Карловичъ.

— Да что «уваженіе»,—перебилъ его графъ,—онъ тамъ ничего не дѣлаеть, спать...

Затѣмъ онъ спросилъ, можетъ ли помощникъ Петра Карловича исправлять должность предсѣдателя уголовной палаты. Петръ Карловичъ на это отвѣтилъ, что тотъ очень способный и добросовѣстный господинъ и можетъ замѣнить его.

— Въ такомъ случаѣ, я назначаю васъ, для опыта, губернаторомъ въ Сувалки,—сказаль Муравьевъ. Разговоръ продолжался еще довольно долго, послѣ чего графъ на прощанье сказалъ:—вечеромъ, около 11 часовъ, приходите ко мнѣ; мнѣ надо съ вами еще кое о чемъ переговорить, а завтра приходите обѣдать, теперь же мнѣ некогда.

Петръ Карловичъ крайне удивился всему, что пришлось ему услышать. Онъ только что былъ тогда произведенъ въ коллежскіе совѣтники, никогда и не думаль служить по министерству внутреннихъ дѣлъ, вовсе не зналь обязанностей по губернаторской должности... Но вѣдь разсуждать съ Муравьевымъ или пускаться въ объясненія съ нимъ нельзя было и думать,—оставалось слѣпо во всемъ повиноваться. Притомъ же онъ очень хорошо понималь, что если ему удастся удержаться на посту губернатора, то для его настоящей службы и для будущей карьеры это огромный шагъ впередъ.

При графѣ Муравьевѣ, въ числѣ другихъ находился чиновникъ для особыхъ порученій, товарищъ Петра Карловича по училищу правовѣдѣнія, фамилія его была, кажется, Карповъ. Когда за годъ передъ тѣмъ Петръ Карловичъ пріѣзжалъ представляться Муравьеву, этотъ господинъ почти не узнаваль его, по крайней мѣрѣ, обошелся съ нимъ очень свысока, теперь же первый подошелъ къ Петру Карловичу съ большою любезностью и съ разспросами. Петръ Карловичъ тогда обратился къ Карпову и прямо сказалъ ему:

— Какъ же это прежде вы меня не узнавали, а теперь такъ дружески допытываетесь у меня о разговорѣ съ его сіятельствомъ?

Богъ знаетъ, какимъ путемъ это дошло до графа.

Въ 11 часовъ вечера Петръ Карловичъ пріѣхаль къ Муравьеву, ждалъ пріема около двухъ часовъ, а затѣмъ, когда графъ его приняль, то продержаль до 3¹/₂ часовъ утра. Тутъ шелъ разговоръ дѣловой, пытливый, были и всевозможныя наставленія, но вообще, какъ казалось по крайней мѣрѣ Петру Карловичу, Муравьевъ осталса имъ доволенъ.

На другой день, въ назначенный часъ, Петръ Карловичъ пріѣхаль обѣдать къ графу, у котораго засталъ довольно большое общество. Муравьевъ взяль Петра Карловича за руку, а другою взяль руку Карпова, обоихъ подвелъ къ своей супругѣ и отрекомендовалъ:

— Жерве—будущій сувалкскій губернаторъ и Карповъ—такой важный господинъ, что и товарищей своихъ узнавать не хочетъ.

Карповъ, конечно, страшно сконфузился.

Петра Карловича графъ назначилъ исправляющимъ должность сувалскаго губернатора, не предупредивъ объ этомъ назначеніи ни намѣстника царства Польскаго, ни министра юстиціи, и только спустя три недѣли, его утвердилъ государь въ новой должности съ отчисленіемъ отъ прежней.

Интересныя событія 60-хъ годовъ отвлекли мой рассказъ отъ главной темы мемуаровъ. Я остановился на производствѣ моемъ въ генералы, что было началомъ многихъ переменъ въ моей жизни и службѣ. Какъ я сказалъ выше, мое новое положеніе въ Главномъ штабѣ пришлось мнѣ не по душѣ, и потому я рѣшилъ оставить эту должность, въ которой прослужилъ пріятно и счастливо почти 20 лѣтъ. Я былъ здоровъ и чувствовалъ въ себѣ много силъ, чтобы потрудиться еще, но хотѣлось и немного отдохнуть послѣ долгой и подчасъ нелегкой работы. Къ тому же необходимо было подыскать занятіе, подходящее моимъ способностямъ, годамъ и чину, а для этого нужно было время. Въ ожиданіи новаго дѣла, я съ женою переѣхалъ на частную квартиру и поселился въ Семеновскомъ полку. Утѣхи семейной жизни наполняли избытокъ моего свободного времени, которое я часто проводилъ въ родственномъ кругу: кромѣ другихъ родныхъ, въ то время жили въ Петербургѣ мои два сына, изъ нихъ одинъ женатый, и замужняя дочь Ольга.

XII.

Мое вступленіе въ Общество сооруженія Кіево-Балтской желѣзной дороги.—Зачисленіе въ запасъ инженерныхъ войскъ и отѣздъ изъ Петербурга.—Прибытіе въ Кіевъ.—Старые и новые знакомые.—Обѣдъ въ кіевскомъ дворянскомъ клубѣ.—Русская и польская партіи клубныхъ посѣтителей.—Извѣстіе о покушеніи на жизнь государя въ Парижѣ.—Молебствіе и парадъ на площади Софійскаго собора.—Внутренняя сторона торжества.—Пріѣздъ Фильбля, главноуправляющаго Кіево-Балтскою желѣзною дорогою.—Обязанности моей службы, сборы и отѣздъ на линію.—Размѣщеніе рабочихъ на строившемся пути: ихъ довольствіе, помѣщенія, санитарныя условія.—Путевыя впечатлѣнія.—Церковная служба въ селѣ Романовкѣ; вѣнчаніе у мѣстныхъ крестьянъ.—Помѣщикъ Янковскій; его помѣшанный братъ.—Дальнѣйшая инспекція пути.—Жалоба рабочихъ.—Пріѣздъ въ Винницу.—Мѣстные евреи и паны; ихъ отношеніе къ крестьянамъ Юго-западнаго края.—Нравственное и матеріальное положеніе православнаго населенія.—Пріѣздъ въ Винницу министра путей сообщенія генераль-лейтенанта Мельникова.—Представленіе ему.—Своеволие рабочихъ и другіе безпорядки на линіи.—Побѣгъ изъ Прокурава 300 рабочихъ.—Свиданіе съ Фильблемъ и данныя мнѣ полномочія въ виду побѣга рабочихъ.—Преслѣдованіе ихъ; содѣйствіе властей въ Староконстантиновѣ.—Пріѣздъ въ Житомиръ; свиданіе съ губернаторомъ.—Переговоры съ бѣглецами и благопріятные результаты.—Отѣздъ изъ Житомира и поимка остальныхъ бѣжавшихъ.—Новые безпорядки.

Сдавъ свою должность въ Главномъ штабѣ, я рѣшилъ пріискать себѣ другое мѣсто и остановился выборомъ службы въ какомънибудь обществѣ желѣзныхъ дорогъ. Случайно познакомился я въ

то время съ Егоровымъ, управляющимъ конторою главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ французу Фильёлю, главноуправляющему сооруженіемъ Кіево-Балтской желѣзной дороги общества гг. де-Вріера, Шатанъ, Брюно и К^о. Фильёль очень охотно согласился меня принять, но такъ какъ въ то время уѣзжалъ въ Парижъ для переговоровъ со своими компаньонами, то мнѣ пришлось немного подождать его возвращенія. Не теряя времени, я приступилъ къ практическому изученію желѣзнодорожнаго дѣла и съ этою цѣлью сталъ посѣщать станцію Варшавской желѣзной дороги, гдѣ знакомился съ мастерскими всякаго рода и ихъ производствомъ. Къ моимъ услугамъ всегда бывалъ кто либо изъ служащихъ, съ помощью которыхъ я познакомился съ большими и разнообразными работами по ремонту пути, подвижнаго состава и проч. Кромѣ того, я посѣщалъ музей института корпуса инженеровъ путей сообщеній, гдѣ по моделямъ могъ возобновить въ памяти разныя системы мостовъ желѣзныхъ, чугунныхъ, деревянныхъ съ ихъ скрѣпленіями, устоями и проч. Тутъ же я приобрѣлъ литографированныя записки объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ подробностяхъ.

22-го марта 1867 года я былъ зачисленъ въ запасъ инженерныхъ войскъ, а недѣли черезъ двѣ послѣ того былъ принятъ въ общество постройки Кіево-Балтской желѣзной дороги. Условія мнѣ были предложены достаточно выгодныя, такъ какъ мнѣ назначено было годового содержанія 3.200 рублей и, кромѣ того, всѣ путевыя издержки по службѣ были приняты на счетъ общества; пенсіи своей я не лишался, такъ что въ общемъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Мнѣ дали должность инспектора рабочей силы Кіево-Балтской желѣзной дороги. Впрочемъ, что касается сравнительно большаго содержанія, оно должно было значительно уменьшиться, такъ какъ по оставленіи Главнаго штаба у меня оставалось частнаго долгу 4.000 рублей, которые необходимо было уплатить. Приходилось впослѣдствіи ежемѣсячно удѣлять часть содержанія, что очень отзывалось на моемъ бюджетѣ, въ особенности въ виду необходимости жить врозь съ женой; это же требовалось, благодаря моимъ непрерывнымъ разъѣздамъ по линіи строившагося пути. Наконецъ, я устроилъ всѣ свои дѣла въ Петербургѣ, собрался окончательно и, простившись съ семьей и родными, въ концѣ апрѣля уѣхалъ въ Кіевъ.

Цѣлую недѣлю пришлось мнѣ пробыть въ пути, такъ какъ въ Витебскѣ я едва дождался мальпоста, а въ Могилевѣ долженъ былъ три дня дожидаться парохода, который такъ и не прибылъ, и я выбрался оттуда уже въ тарантасѣ, раздобытомъ какимъ-то услужливымъ жидкомъ. Въ Кіевѣ я остановился въ «Русской гостиницѣ», довольно грязноватой, но не особенно дешевой, и на другой день по приѣздѣ сдѣлалъ нѣсколько официальныхъ визитовъ. Былъ у ге-

нераль-губернатора, генераль-адъютанта Безака, котораго не засталъ, у коменданта, у губернатора, свиты его величества генераль-майора Эйлера, который очень любезно принялъ меня и предложилъ мнѣ свое содѣйствіе всегда, когда это можетъ понадобится во время моихъ работъ. Когда губернаторъ былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ, онъ разсказалъ, что въ настоящее время у его тетки живеть Марія Николаевна Гебенеръ¹⁾, моя старинная знакомая по Свеаборгу. На другой же день я поспѣшилъ навѣстить ее и, конечно, наше свиданіе было самое радостное послѣ промежутка времени въ сорокъ слишкомъ лѣтъ. Былъ я также у начальника округа путей сообщенія, генераль-майора Сергѣя Сергѣевича Бобрицева-Пушкина, инспектора работъ Кіево-Балтской желѣзной дороги. Онъ показался мнѣ чрезвычайно вѣжливымъ, милымъ и образованнымъ человекомъ; мы много съ нимъ говорили, преимущественно о дѣлахъ. На слѣдующій же день онъ отдалъ мнѣ визитъ; выразилъ при этомъ желаніе, чтобы я познакомился съ его семействомъ покороче, запросто бывалъ у него, и пригласилъ меня на другой же день безъ церемоніи къ себѣ обѣдать.

Такъ какъ Фильделя я не засталъ въ Кіевѣ, и до его пріѣзда туда у меня оставалось достаточно свободнаго времени, то я воспользовался имъ, чтобы осмотрѣть городъ. Посѣтилъ Печерскую лавру, Андреевскій, Софійскій и другіе соборы, былъ нѣсколько разъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ въ то время игралъ петербургскій актеръ Васильевъ 2, гулялъ въ Ботаническомъ саду и проч. Въ Кіевѣ я встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, управляющимъ акцизомъ въ губерніи, А. Д. Дмитриевымъ, съ которымъ какъ-то собрался въ дворянскій клубъ пообѣдать. Здѣсь устраивались каждый четверть обѣды по подпискѣ, съ платою по 1 рублю 50 копеекъ съ персоны. Клубъ находился на торговой площади Крещатика, и я нашелъ его помѣщеніе очень хорошимъ и помѣстительнымъ, впрочемъ, съ деревянной лѣстницей—«парадной», какъ ее называли,—не слишкомъ важною; убранство комнатъ, мебель, аксессуары—все очень приличное, сервировка отличная, вазы съ цвѣтами и фруктами и пр. Собравшихся къ обѣду было не болѣе 40 человекъ. Здѣсь я познакомился съ генераль-лейтенантомъ Козляниновымъ, помощникомъ генерала Безака; онъ прежде служилъ въ нашемъ инженерномъ корпусѣ въ гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ. Онъ показался мнѣ нѣсколько страннымъ: то очень фамиллярнымъ съ окружающими, то сдержаннымъ, тонирующимъ; такихъ людей я называю плоскодонными: точно плывутъ себѣ, но въ глубь не врѣзываются и скользятъ безвредно надъ подводными камнями. Дежурнымъ старшиною клуба въ тотъ день былъ генеральнаго штаба пол-

¹⁾ М. Н. Гебенеръ—сестра бывшаго свеаборгскаго коменданта П. Н. Гебенеръ.
См. гл. III. В. Ж.

ковникъ Краснокутскій, родной братъ того Краснокутскаго, который служилъ штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскомъ гусарскомъ полку и старшимъ адъютантомъ въ Главномъ штабѣ при генералѣ Игнатъевѣ. Такъ какъ я хорошо зналъ этого Краснокутскаго, то познакомился и съ его кievскимъ братомъ, съ которымъ долго разговаривалъ: онъ слылъ здѣсь умнымъ и очень обходительнымъ человѣкомъ, острякомъ и большимъ говоруномъ.

Очень страннымъ мнѣ показалось, что русскій клубъ русскаго дворянства въ русскомъ городѣ рѣзко дѣлился на двѣ партіи: на одномъ концѣ сидѣли мы, русскіе, а на другомъ сплошь все поляки, и въ каждой компаніи господствовалъ свой языкъ—у насъ русскій, у нихъ польскій. Я удивился старшинамъ, какъ они допускаютъ подобное раздѣленіе общества. Натурально, что буфетчикъ, дабы угодить своимъ поѣстителямъ полякамъ, охотно нанимаетъ для нихъ польскую прислугу, и такимъ образомъ польскій элементъ можетъ съ большимъ удобствомъ совершенно самостоятельно угнѣздиться въ русскомъ клубѣ. Я обратилъ вниманіе Дмитріева на это обстоятельство и за столомъ громко при всѣхъ высказалъ свое мнѣніе, обращаясь, главнымъ образомъ, къ старшинѣ Краснокутскому. Я доказывалъ, что необходимо принять энергическія мѣры, чтобы уничтожить подобное раздѣленіе общества, и всѣ русскіе со мною согласились. Однако Краснокутскій возразилъ, что средства клуба слишкомъ скудны, и для поддержанія его они отчасти вынуждены допускать эту несообразность, такъ какъ увеличеніемъ числа членовъ изъ поляковъ они увеличиваютъ и средства для содержанія клуба. Я усомнился въ вѣрности этого расчета; по моему мнѣнію, пусть клуба лучше вовсе не будетъ, чѣмъ существованіе его оказывать польскою инициативою. Прибывъ такъ недавно въ Кіевъ, я уже слышалъ, что многіе русскіе не записываются въ члены клуба именно потому, что поляки слишкомъ рѣзко и дерзко отдѣляются отъ русскаго общества (это говорили мнѣ Бурманъ и Копьевъ)¹⁾; можно допускать поляковъ къ подпискѣ членами клуба, но съ разборомъ и чтобы они знали, что это есть большое снисхожденіе къ нимъ членовъ русскаго клуба, но никакъ не допускать изолированія поляковъ, а тѣмъ болѣе ихъ вліянія, тяготящаго на всеобщество.

Прошло лишь нѣсколько дней послѣ того, какъ я обѣдалъ въ клубѣ, гдѣ такъ рѣзко выразились антипатіи поляковъ къ русскимъ, какъ въ Кіевѣ было получено извѣстіе изъ Парижа о покушеніи на жизнь государя императора. Страшная телеграмма гласила, что въ государя стрѣляли, и что преступникъ—полякъ Березовскій, 24 лѣтъ, уроженецъ Волынской губерніи. Впечатлѣніе, произведенное этой де-

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Е. Е. Бурманъ состоялъ въ то время по инженерному корпусу и въ запасныхъ войскахъ. Генералъ-майоръ Копьевъ былъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ въ Кіевѣ.

пеней на здѣшнюю публику, было весьма тяжелое. Французы нашего общества (построенія Кіево-Балтской желѣзной дороги) громкогласно проклинали поляковъ, говоря при томъ, что этотъ случай можетъ лечь пятномъ на парижскую полицію, на которую, какъ извѣстно, тратится до 70 милліоновъ франковъ ежегодно. Мѣстная аристократія польскихъ пановъ сильно встревожилась, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что этимъ несчастнымъ выстрѣломъ Польшу окончательно убили. Въѣстѣ съ тѣмъ каждый чувствовалъ, что въ спасеніи жизни государя виденъ Промыслъ Божій. Въ Парижѣ, конечно, не одна сотня тысячъ пистолетовъ, и Березовскій, вѣроятно, пробовалъ свой пистолетъ, пріучаясь владѣть имъ. И надо же случиться, что именно въ ту минуту, когда онъ выстрѣлилъ въ государя, пистолетъ разорвался и раздробилъ руку Березовскаго. Какъ тутъ не видѣть перста Божьяго! Удивительно, nepocтижимо!

На другой день послѣ полученія телеграммы, по случаю спасенія драгоцѣнной для Россіи жизни царя, назначено было молебствіе въ Софійскомъ соборѣ и церковный парадъ отъ всѣхъ частей войскъ кіевскаго гарнизона и расположенныхъ лагеремъ въ окрестностяхъ города. Я отправился къ Дмитріеву, и вмѣстѣ съ нимъ мы поѣхали въ соборъ. Въ церкви было множество народу; здѣсь же я встрѣтилъ нѣсколько моихъ знакомыхъ.

Митрополитъ Арсеній самъ служилъ всю обѣдню. По окончаніи ея онъ вышелъ изъ собора на площадь съ многочисленнымъ духовенствомъ, причтомъ и хорами пѣвчихъ и направился въ раскинутый шатеръ для молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ молебна митрополитъ обошелъ войска, окропилъ ихъ и знамена святою водою. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо генерала Козлянинова. Салеры прошли гвардейцами, и Дешпъ ¹⁾ на флангѣ перваго взвода. Армейскія войска показались мнѣ очень малорослыми и вялыми; кавалеріи и артиллеріи вовсе не было. Публики собралось очень много, но собственно народу, по моему взгляду, мало. Крики «ура» были какъ-то очень мало одушевлены, и я это приписываю всецѣло генералу Козлянинову. Онъ, какъ видно, совершенно не мастеръ обращаться съ русскимъ солдатомъ: онъ не сумѣлъ воодушевить войско, не сказавъ ни одного привѣтственнаго слова, не воспользовался такою вполне торжественною минутою, не сумѣлъ наэлектризовать солдатъ, указавъ на необъяснимое охраненіе драгоцѣнной жизни обожаемаго царя. Все шло какъ-то вяло, казенно, безъ всякихъ овацій. Не видно было души, энергіи, умѣнья возбудить въ войскѣ, въ народѣ и въ собравшейся публикѣ живительнымъ словомъ великую радость, которую Всевышній ниспослалъ на

¹⁾ Александръ Филипповичъ Дешпъ — впоследствии начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи въ турецкую войну 1877-1878 гг. Скончался въ Варшавѣ въ 1889 году. В. Ж.

всю Россію, охранивъ перстомъ Своимъ того, кого она такъ горячо любить! И это здѣсь, въ Кіевѣ, гдѣ такъ много поляковъ! Здѣсь, гдѣ хотягь обрусить страну! Въ такой торжественный часъ такой вялой, нѣмой начальникъ! Неужели на такія важныя мѣста нельзя избирать людей болѣе способныхъ!..

При богослуженіи, послѣ первой половины обѣдни, было то же самое. Вышелъ какой-то священникъ сказать «назидательную проповѣдь». Не говоря уже о томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей риторической способности, ни даже голоса, онъ во всей своей довольно длинной и скучной рѣчи ни единымъ словомъ не упомянулъ о причинѣ торжества, ни слова о виновникѣ его! Что же это такое? Это имѣетъ видъ, точно все подкуплено, точно направлено къ тому, чтобы придать какъ можно меньше значенія необыкновенному событію. Нѣтъ, далеко нѣтъ того энтузіазма, который требуется въ настоящее время въ краѣ, гдѣ полонизмъ имѣетъ еще такое большое вліяніе ¹⁾. Ни духовенству, ни военное, ни гражданское начальство положительно не умѣютъ влить въ народъ русскую инициативу, не умѣютъ заставить уважать себя, внушить уваженіе къ закону. Напротивъ, всѣ исполняютъ свои обязанности очень холодно, пассивно, апатично, ограничивая это исполненіе возможно болѣе, лишь бы избѣгнуть явной отвѣтственности. Что тутъ можно ожидать хорошаго!

Между тѣмъ въ Кіевъ пріѣхалъ Фильель, котораго я ждалъ такъ долго, и мы заключили съ нимъ подробное условіе касательно моей будущей дѣятельности. На мою обязанность возложено было вѣдать рабочую силу Кіево-Балтской желѣзной дороги, повѣрять подрядчиковъ, слѣдить за продовольствіемъ рабочихъ, ихъ помѣщеніями, санитарными условіями ихъ быта, устранять возникавшія недоразумѣнія, повѣрять паспорта и пр. Я пользовался экипажемъ отъ Общества и получалъ прогоны на три лошади. Въ помощь мнѣ назначили г. Стороженка, отставного драгунскаго офицера, весьма приличнаго молодого человѣка. Намъ необходимо было прежде всего разрѣшить съ нимъ вопросъ о способѣ передвиженія, и мы рѣшили, что лучше всего будетъ ѣздить на своихъ лошадахъ, тѣмъ болѣе, что у Стороженка была пара, и мнѣ слѣдовало только прикупить одну лошадь. Дѣйствительно, открытаго листа на обывательскихъ лошадей правительство не выдавало, слѣдовательно, въ сторону приходилось бы нанимать лошадей посредствомъ станціонныхъ смотрителей, которые безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти брали тройныя и четверныя прогоны отъ станціи до пункта желѣзной дороги; ящики же отдавали лошадей въ наемъ не менѣе какъ за 8 рублей въ сутки. Стороженко нѣсколько разъ раньше проѣзжалъ линію строившейся желѣзной дороги, хорошо зналъ мѣстность, къ тому же у него былъ кучеръ и человѣкъ, который умѣлъ готовить, — и мы рѣшили обходиться своими средствами въ пути.

¹⁾ Писано въ 1867 г.

Въ концѣ мая я выѣхалъ, наконецъ, на инспекцію линіи. На всемъ ея протяженіи рабочіе располагались артелями, смотря по работамъ, человекъ въ 300, 500, 800 и даже болѣе. Вездѣ для нихъ были выстроены бараки, въ которыхъ рабочіе помѣщались достаточно просторно. Въ большинствѣ случаевъ, воздухъ въ помѣщеніяхъ и вентиляція были хороши, нищу я пробовалъ почти во всѣхъ пунктахъ, и вездѣ, за немногими исключеніями, люди оставались довольны ею. Мѣстами, за недостаткомъ воды по близости отъ пути, приходилось привозить ее версты за 2—3; такія же неудобства встрѣчались и относительно пользованія банями. Больные помѣщались всегда отдѣльно, въ ближайшихъ селахъ, и пользовались надлежащимъ уходомъ; докторъ Мерингъ завѣдывалъ первою половиною строившейся линіи и отъ времени до времени обѣзжалъ свой участокъ. Жалобы на нерадивость рабочихъ случались рѣдко, и виновныхъ удавалось смирять безъ труда. На всѣхъ пунктахъ я повѣрялъ паспорта рабочихъ, и часто приходилось мнѣ разбираться въ путаницѣ бумагъ, такъ какъ рабочіе оказывались иногда подъ чужими фамиліями или попадались даже вовсе безъ паспортовъ; нѣкоторые общіе списки рабочихъ не сходились съ наличнымъ числомъ ихъ, многимъ паспортамъ кончались сроки, а новые не выдавались и пр. Приходилось сноситься съ волостями, и эта переписка отнимала у меня не мало времени. Въ одномъ мѣстѣ рабочіе жаловались мнѣ на то, что мировой посредникъ насильно послалъ ихъ на работы; вѣроятно, за ними числились большія недоимки, и такъ какъ это разбирательство не касалось правленія желѣзной дороги, то я предложилъ имъ обратиться къ губернатору. Проѣхавъ верстъ девяносто отъ Кіева, я остановился въ м. Романовкѣ. На пути пришлось устранить не мало безпорядковъ; а потому пославъ донесеніе въ общество о моей инспекціи, я рѣшилъ отдохнуть денька два, пользуясь праздникомъ Св. Троицы.

Здѣсь Стороженко отыскалъ какого-то мѣщанина, который согласился возить насъ по всѣмъ пунктамъ желѣзной дороги за 60 рубл. въ мѣсяцъ на своей тройкѣ. Осмотрѣвъ его лошадей, мы сдѣлали съ нимъ формальное условіе и отправили нашего кучера въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы онъ продалъ лошадей, если представится къ тому удобный случай. Стороженко просилъ своего знакомаго содѣйствовать въ этомъ.

Въ воскресенье я всталъ довольно рано и со стаканомъ кофе сѣлъ у окна подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Въ это время народъ собирался въ церковь; шли почти однѣ только женщины въ своихъ странныхъ костюмахъ. Здѣшнія простолюдинки носятъ рубахи, какую-то разрѣзную юбку, а сверху мужской кафтанъ, повязанный большею частью краснымъ кушакомъ. У всѣхъ бабъ на головѣ гладкій, не высокій цилиндрической уборъ изъ матеріи, похожей на сѣрое накрахмаленное марли, съ безконечными по спинѣ

висящими концами. У дѣвушекъ же въ волосы вплетены цвѣты и разная зелень въ безобразно большомъ количествѣ, точно цѣлый садъ на головѣ, а свѣсившіеся цвѣты, падая массаами на затылокъ, образуютъ наметъ, весьма похожій на огромные пиньоны нашихъ дамъ. По случаю праздника, очень много бабъ и дѣвушекъ были обуты въ сапоги, многіе изъ желтой кожи, похожей на сафьянъ, что въ будни почти никогда не случается: всегда всѣ ходятъ босикомъ.

На слѣдующее утро, въ день Св. Духа, я отправился въ православную церковь. Во всемъ здѣшнемъ краѣ, вслѣдствіе вліянія католицизма, нѣкоторые католическіе обряды смѣшались съ православными. Простолудиновъ католиковъ здѣсь почти вовсе нѣтъ, и все простонародье православное, даже есть цѣлыя деревни старообрядцевъ; но помѣщики все польскіе паны, которые и усердствовали, чтобы передать понемногу католическіе обряды въ православную церковь. Кромѣ того, бросались въ глаза другія особенности церковной службы, которыя ясно доказывали, что мѣстное духовенство не всегда стояло на высотѣ своего положенія. Священникъ церкви, въ которой я былъ, еще довольно молодой человѣкъ, служилъ очень небрежно, точно летѣлъ на почтовыхъ. Вынося Евангеліе, онъ клалъ его прямо на головы наклонявшихся женщинъ, какъ на столъ, и перелистывалъ страницы, а выходя съ чашею, стучалъ ею по головамъ близъ стоявшихъ, какъ попало и насколько доставала рука. Онъ швырялъ чашею такъ проворно, что надо удивляться, какъ онъ не пролилъ причастія, если только оно тамъ было, потому что въ тѣ дни, когда причастники не ожидаютъ, священники въ этомъ краѣ ради экономіи причащаются изъ пустыхъ чашъ. Когда во время службы онъ обходилъ мѣстные образа, то въ правой рукѣ держалъ кадило, а лѣвая была у него открыта и прижата къ груди; онъ нарочно проходилъ чрезъ толпу молящихся въ различныхъ направленіяхъ, и въ это время на ладонь открытой руки сыпались копейки и грони мужиковъ. Послѣ обѣдни священникъ выслалъ мнѣ просфору, но такую черную, точно она была выпечена изъ ржаной муки, и чертвую, какъ камень.

Затѣмъ онъ приступилъ къ вѣнчанію прибывшей молодой пары. Это таинство совершается здѣсь также нѣсколько иначе, чѣмъ я привыкъ его видѣть въ другихъ мѣстахъ. Дружками у молодыхъ были: у невѣсты—дѣвушка, а у жениха—парень, но безъ всякихъ отличительныхъ знаковъ, какъ это водится на настоящей русской свадьбѣ. У молодыхъ особыхъ вѣнчальныхъ колецъ не было; они надѣли простые перстни, какіе попались подъ руку. Дружки принимали вѣнцы руками, обернутыми въ полотенца, и ставили ихъ плотно на головы молодыхъ. Изъ чаши съ виномъ сначала женихъ сдѣлалъ три глотка сряду, а потомъ невѣста столько же, а не попеременно оба, какъ это дѣлается у насъ. Молодымъ свѣчей въ

руки вовсе не давали, а дружки сами держали свѣчи. Передъ обходомъ вокругъ аналая правыя руки молодыхъ накрѣпко связывались платкомъ, во время же обхожденія священникъ не покрывалъ ихъ руки епитрахилью и не водилъ ихъ, а только поманилъ ихъ рукой, и они уже сами пошли; платокъ сдѣлался достояніемъ священника. Дальнѣйшія подробности свадебнаго обряда (послѣ вѣнца) свидѣтельствуютъ о низкой степени какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія здѣшнихъ крестьянъ, ихъ взгляды на роль новобрачныхъ слишкомъ дико, и нужно еще много времени, чтобы простой народъ больше выикъ во внутреннюю сторону таинства.

Несмотря на дождь, на другой день я выѣхалъ изъ Романовки дальше по направленію къ Винницѣ. Проѣхавъ однако верстъ десять, пришлось остановиться въ с. Каменкѣ, такъ какъ дождь усилился, и люди во многихъ мѣстахъ должны были оставить работу. Постоялыхъ дворовъ здѣсь не оказалось, и я вынужденъ былъ захватить къ помѣщику. Подъѣзжая къ воротамъ его дома, я увидѣлъ открытую нетычанку, запряженную четверкою хорошихъ лошадей, которая также остановилась у воротъ. Оказалось, что выскокшій изъ нетычанки молодой человѣкъ былъ помѣщикъ полякъ Леонардъ Михайловичъ Янковскій, который, узнавъ въ чемъ дѣло, пригласилъ къ себѣ меня и Стороженка и принялъ насъ очень любезно. Довольно большою домъ помѣщика имѣлъ весьма приличный видъ и внутри. Мебель, ковры, занавѣси и пр.—все очень хорошо, на столѣ всевозможные журналы, въ числѣ ихъ нѣсколько русскихъ, много газетъ на разныхъ языкахъ, довольно богатая бібліотека, — вообще по первому впечатлѣнію уже можно было судить, что хозяинъ долженъ быть весьма порядочнымъ человѣкомъ. Вскорѣ пришелъ и онъ самъ, принесли чай, мы закурили, и начался очень пріятный и занимательный разговоръ.

Оказалось, что Янковскій окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ и продолжаетъ заниматься науками до сихъ поръ. У него два брата, изъ коихъ старшій былъ въ русской военной службѣ, теперь въ отставкѣ и живетъ въ своемъ имѣніи, а младшій находится въ каторжной работѣ. По словамъ его, этотъ молодой экзальтированный человѣкъ помѣшался на томъ, что онъ сынъ турецкаго султана, что онъ можетъ устроить возстаніе и предводительствовать имъ. Однако его помѣшательство сочли притворнымъ, его отдали подъ военный судъ, который постановилъ заключить его въ крѣпость на два года. Затѣмъ, будто бы по наговорамъ приближенныхъ бывшаго тогда генералъ-губернатора князя Васильчикова, приговоръ этотъ былъ отмѣненъ и замѣненъ ссылкой Янковскаго на 4 года въ каторжныя работы, а потомъ на поселеніе въ Сибирь. Брату стоило много хлопотъ, чтобы отправить его, по крайней мѣрѣ, не пѣшкомъ по этапу, а въ своемъ экипажѣ; кромѣ того, въ мѣсто его ссылки братъ высылалъ ему постоянно деньги, чѣмъ хотя не-

много облегчалъ его горькую участь. Это было въ 1861 — 1862 годахъ, когда о польскомъ возстаніи и помину еще не было. Онъ отбылъ уже срокъ каторжной работы и долженъ былъ быть отправленъ на поселеніе въ Сибирь, но вотъ прошло уже восемь мѣсяцевъ, а братъ никакихъ свѣдѣній о немъ не имѣеть.

Разсказалъ намъ также Янковскій много эпизодовъ, пережитыхъ имъ самимъ во время польскаго возстанія, какъ страдалъ его жондъ, и что дѣлала съ нимъ здѣшняя полиція, а также мужики. Но при всемъ томъ онъ оставался постоянно у себя въ деревнѣ и нигуда не выѣзжалъ, хотя часто бывалъ въ опасности потерять жизнь. Ему удавалось или откупаться или дѣйствовать убѣжденіемъ, такъ какъ ничего противозаконнаго онъ не дѣлалъ. Янковскій разсказывалъ, какія онъ платилъ и какія платитъ еще теперь контрибуціи. Лично ему очень много помогло то, что съ мужиками онъ всегда обходился хорошо, и они его дѣйствительно любили за частую и значительную помощь, которую онъ имъ оказывалъ. Объ этомъ знали и всѣ ближайшія власти.

На другое утро мы напились вмѣстѣ съ хозяиномъ чаю и, сердечно поблагодаривъ его за гостепримство, простились съ нимъ. На слѣдующихъ пунктахъ обнаружились беспорядки: въ одномъ мѣстѣ подрядчикъ кормилъ рабочихъ дурною пищею и люди помѣщались не въ баракахъ, а въ какомъ-то гумнѣ; въ другомъ мѣстѣ рабочіе изъ Могилевской губерніи жаловались на трудности работы, впрочемъ, совершенно неосновательно, что было обнаружено и на другихъ пунктахъ, гдѣ работали люди той же губерніи. Я пригрозилъ имъ, что и осенью ихъ заставятъ работать, и, раздѣливъ ихъ на четыре группы, приказалъ самимъ слѣдить за нерадивыми. Одна партія рабочихъ помѣщалась въ балаганѣ, дурно выстроенномъ, не обдѣланномъ содомою и не обсыпанномъ землею, такъ что черезъ голый плетень вѣтеръ и дождь проходили свободно, крыши текли, наръ не было и т. п.; продукты были также не особенно хороши. Сдѣлавъ всюду строгое внушеніе подрядчикамъ, я обѣщалъ, въ случаѣ повторенія беспорядковъ, на основаніи контракта, удерживать съ нихъ значительный процентъ въ пользу рабочихъ.

По грязи и по лужамъ добрались мы, наконецъ, до Винницы. Сильный дождь, громъ и молнія сопровождали насъ до самаго города, куда мы въѣхали по крутой, дурно вымощенной горѣ. На улицахъ, среди страшной грязи, виднѣлись еврейскія лачуги и торговые балаганы, подалеже—нѣсколько хорошихъ и большихъ каменныхъ домовъ, въ нижнихъ этажахъ которыхъ помѣщались довольно порядочныя лавки. За ними снова рядъ домовъ — все постоянные двory съ «номераами для пріѣзжающихъ», каковыхъ немало собралось въ то время по случаю постройки желѣзной дороги, вслѣдствіе чего за порядочную комнату приходилось платить по 1 руб. 50 коп. въ сутки.

На слѣдующій день я ѣздилъ на 202 версту, гдѣ пришлось разобратъ законныя претензіи рабочихъ на неудовлетвореніе ихъ деньгами, а вернувшись домой, я засталъ предъ моею квартирой 135 человѣкъ рабочихъ, самовольно ушедшихъ съ пункта у д. Могилевки. Они жаловались на то, что ихъ дурно кормятъ и не выдаютъ слѣдующихъ имъ денегъ. Я приказалъ имъ выбрать изъ своей среды пять человѣкъ для объясненій ихъ жалобы и обѣщалъ, чѣмъ могу, помочь имъ. Выслушавъ рабочихъ, я сказалъ имъ, что они напрасно самовольно отлучились съ пункта, имъ слѣдовало выждать моего къ нимъ пріѣзда; здѣсь я ихъ жалобы принять не могъ, потому что не имѣлъ ни списковъ, ни табелей, по которымъ могъ бы повѣрить, сколько кому слѣдуетъ. Между тѣмъ я послалъ сообщить объ этомъ исправнику, чтобы въ случаѣ отказа рабочихъ возвратиться добровольно, отвести ихъ къ мѣсту работъ подѣ конвоемъ, но ни его, ни его помощника, вообще никого изъ мѣстныхъ властей не нашлі; въ конторѣ же я узналъ, что денегъ нѣтъ и ждуть съ часу на часъ присылки ихъ. Тогда я обратился ко всѣмъ рабочимъ, сказалъ, что пріѣду къ нимъ, разберу дѣло на мѣстѣ и привезу деньги или, можетъ быть, пришлю ихъ до моего пріѣзда. Люди были цѣлый день не ѣвши, и я приказалъ имъ выдать изъ моихъ денегъ по 10 коп. на человѣка. Никто не возражалъ, всѣ приняли деньги, поѣли и совершенно тихо отправились на свой пунктъ на работу. Эта исторія продолжалась, однако, до 8 часовъ вечера, и я былъ очень радъ, что такъ удачно успѣлъ кончить дѣло. Правленіе также было очень довольно исходомъ, потому что рабочіе легко могли ворваться въ контору и натворить буйства.

Городокъ Винница, по мѣстоположенію своему, лежитъ довольно красиво, но для общественной жизни въ немъ ничего не устроено. Улицы не мощеныя, и при малѣйшемъ дождѣ, въ особенности осенью, грязь вездѣ непроходимая; крестьянскіе возы часто завязаютъ среди улицы въ грязи. Есть нѣсколько каменныхъ довольно большихъ и нѣсколько деревянныхъ выштукатуренныхъ домовъ очень приличнаго вида; есть опрятненькій отдѣльный одноэтажный домъ, въ которомъ устроенъ порядочный такъ называемый «магазинъ», гдѣ можно получать разныя закуски, сладости, варенье и много другихъ предметовъ довольно хорошаго качества. Но между ними лѣплятся разнаго калибра жидовскія лачуги, грязныя, съ разбитыми и заплаканными стеклами, съ маленькими лавченками, со столиками передъ дверями, предъ которыми выставлены на продажу яблоки, сливы, ягоды или мѣшки съ мѣдными деньгами для размѣна. Около этихъ лачугъ обыкновенно вонь невообразимая не только вслѣдствіе грязи въ нихъ, но и отъ самыхъ лохмотьевъ торгующихъ жидовокъ и отъ чеснока, до котораго всѣ евреи большіе охотники. Неряшливость въ одеждѣ жидовъ въ будніе дни невозможная, но зато по-

смотрите на нихъ въ субботу, «въ шабашъ»: всѣ, въ особенности молодыя женщины и дѣвицы, вымытыя, чистыя, разодѣтыя, въ жемчугахъ и даже въ брилльянтахъ. Нѣкоторые богатые евреи даютъ своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе и большею частію за границею.

Вся торговля въ значительной степени въ рукахъ евреевъ. Совокупностью капиталовъ, поддержкою другъ друга кредитомъ и деньгами они забираютъ въ свои руки всѣ значительныя отрасли торговли, безсовѣстно пользуются нынѣшнимъ безденежемъ польскихъ пановъ, которые еще по сіе время не могутъ отстать отъ привычекъ роскоши и чванства и подъ тяжелые залоги платятъ громадные проценты за занимаемыя деньги. Есть уже нѣсколько примѣровъ, что цѣлыя панскія усадьбы, цѣлыя имѣнія, и нѣкоторыя даже очень большія, перешли отъ пановъ въ руки евреевъ, живущихъ тамъ помѣщиками. Мелочная торговля также почти исключительно въ рукахъ евреевъ, всѣ «пинки» (кабаки) въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ въ ихъ же рукахъ; а пристрастіе простого народа къ водкѣ во всѣхъ этихъ губерніяхъ и умѣніе евреевъ пользоваться пьяными мужиками, у которыхъ забираютъ въ залогъ все, что ни закладываютъ—платье, обувь, хлѣбъ, все идетъ въ дѣло,—страшно разоряютъ народъ, развращаютъ его всѣми средствами и ставятъ его въ полную зависимость отъ евреевъ. И этому, къ несчастью, нельзя предвидѣть предѣла, пока нашъ народъ еще такъ неразвитъ; придется еще долго ждать, пока онъ разовьется и ясно увидитъ и пойметъ ту гибель, въ которую его втягиваютъ друзья-пріатели еврей. А когда это будетъ!.. Въ настоящее время хохолъ не продастъ ни клочка сѣна, ни гарнца зерна, ни одной птицы безъ посредничества еврея, и корчма еврея есть его торговая контора, гдѣ совершаются всѣ покупки, продажи и сдѣлки мужиковъ. Еврей советъ крестьянина, выжимаетъ изъ него весь сокъ, пользуется его кровнымъ трудомъ безъ зазрѣнія совѣсти и держитъ его тѣмъ самымъ въ своихъ острыхъ когтяхъ; а бѣдный простолюдинъ, не имѣя ни въ комъ поддержки, теряется, путается, чувствуетъ свое безвыходное положеніе и поневолѣ покоряется тому гнету, изъ-подъ котораго самому ему не выпутаться, какъ бы ни бился онъ, какъ бы ни мучился.

Вообще, по всему тому пространству, которое мнѣ пришлось проѣхать, ясно было замѣтно вліяніе пронирливыхъ евреевъ, а также деспотизма польскихъ пановъ на судьбу бѣднаго русскаго хохла. Безконтрольно, безъ всякихъ правъ, онъ былъ отданъ подъ неограниченную власть кичливыхъ пановъ, вся цѣль и забота которыхъ состояла именно въ томъ, чтобы держать подвластныхъ имъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы ихъ всякое приказаніе было закономъ непоколебимымъ и свято исполнялось, какъ бы ни было оно тяжело и даже противоестественно. Такъ нерѣдко паны не только обирали своихъ крестьянъ и отнимали у нихъ лошадей, скотъ, но даже приказывали

вали крестьянамъ приводить къ нимъ своихъ молодыхъ, красивыхъ женъ, отцамъ и матерямъ—своихъ невинныхъ дочерей для обезчещенія ихъ— и Боже сохрани, если крестьянинъ осмѣлится пожаловаться или, наконецъ потерявъ терпѣніе, обратится въ судъ. Всѣ члены суда поляки, въ близкихъ отношеніяхъ съ паномъ, у него часто пируютъ цѣлыми днями и подкупа не страшатся: бѣднаго хохла засудятъ, жестоко накажутъ за то, что осмѣлился жаловаться на своего Богомъ поставленнаго пана. Какъ ни невѣроятно это кажется, но есть положительные факты, которые подтверждаютъ истину всего сказаннаго.

Католическая вѣра всегда и вездѣ искала обогащенія духовенства; она разрѣшала не брезгать никакими средствами, чтобы пріобрѣтать деньги, зная, что богатство есть самый сильный рычагъ къ достиженію власти и могущества. Достойные исполнители высшей духовной власти всегда придумывали разные средства, чтобы выманить у народа какъ можно болѣе денегъ. На этомъ стоитъ каждый ксендзь, и всѣ они изыскиваютъ средства любой обрядъ сдѣлать возможно болѣе выгоднымъ для себя.

Зато все, что хоть сколько нибудь касается образованія народа, оставлено безъ всякаго вниманія: ни въ одной деревнѣ, принадлежавшей польскимъ панамъ, не имѣется ни одной школы, грамотѣ здѣсь не только никого не учили, но даже внушили крестьянамъ отвращеніе къ ней. Нашихъ жалкихъ священниковъ, которые находились почти совершенно въ рукахъ пановъ и отъ нихъ зависѣли, паны старались развращать, поили ихъ до безобразія и потомъ издѣвались надъ ними всенародно, открыто. Можно ли послѣ всего вышесказаннаго удивляться, что простолудинъ всей этой окраины крайне загубѣлъ, сосредоточень, убить, безъ всякой самостоятельности и воли. Надо удивляться той тонкой расчетливости, съ которою все братство польскихъ пановъ единодушно дѣйствовало на русскихъ крестьянъ ихъ громаднхъ имѣній, какъ дружно старались они постоянно удерживать весь народъ въ черномъ тѣлѣ и не стѣснялись никакими средствами, дабы задушить всякую народную инициативу, дѣйствовать только деспотически, угнетать, жать и насиловать... Нигдѣ эманципація крестьянъ не произведетъ такихъ благотѣльныхъ результатовъ, какъ именно въ этой странѣ, и она будетъ истиннымъ благословеніемъ для народа, хотя пройдетъ еще много времени, пока онъ успѣетъ сбросить съ себя эту вѣковую кору угнетенія и въ дѣйствительности почувствуетъ всю безпредѣльную благодать ниспосланнаго ему дара.

Только въ этомъ краѣ, прослѣдивъ хотя немного бытъ народа, можно убѣдиться, какое страшное бѣдствіе, какое неограниченное зло приносила польская нація русскому народонаселенію. Польскіе паны безъ всякаго зазрѣнія совѣсти употребляли самый наглый обманъ, самое низкое лицемѣріе, даже клятвопреступленіе,

орудіемъ для достиженія преступной цѣли искоренить всякое русское начало въ народѣ. Вотъ здѣсь-то поляки выказали во всей наготѣ коварное и безсовѣстное злоупотребленіе властью и легли всею силою на народъ, принимая въ участники своихъ замысловъ развращенныхъ ксендзовъ и нравственно испорченныхъ горделивыхъ полекъ. При всемъ томъ здѣшній народъ хотя и угнетенъ, но не глухъ. Напротивъ, онъ хитеръ, недовѣрчивъ, сосредоточенъ и фальшивъ, отъ него истины не скоро добьешься,—и не мудрено: все окружавшее его съ верху до низу, съ пана до «хлопа», жило и держалось только обманомъ и хитростью, а гдѣ можно было—своеволіемъ и беззаконіемъ. Что бы ни заработалъ крестьянинъ трудомъ, потомъ и кровью для улучшенія своего быта, все въ одно мгновеніе могло уничтожиться по капризу пана, который безотвѣтственно и безнаказанно обиралъ своего крестьянина. Потому что у сего послѣдняго исчезла охота къ труду, онъ сдѣлался лѣнивымъ изъ принципа и предпочиталъ пропивать всѣ остатки своихъ заработковъ, а не копить ихъ для кармана пана. Это выводъ, правда, грустный, однако совершенно справедливый... Но когда народъ привыкнетъ къ мысли, что весь его заработокъ будетъ его неотъемлемою собственностью, что всякая оставшаяся отъ обыкновенныхъ нуждъ копейка составитъ его собственный капиталъ и улучшить его положеніе, то можно рѣшительно предполагать, что лѣнь мало-по-малу исчезнетъ. Интересъ и собственность суть два огромныхъ рычага дѣятельности всего человѣчества, почему же это не коснется и здѣсь народа свѣжаго, сильнаго и далеко не глупаго!

Право, надо только удивляться, какъ здѣшній народъ уцѣлѣлъ еще въ такой мѣрѣ, какъ мы его встрѣчаемъ въ настоящее время. Натискъ еврейскаго племени и польскихъ пановъ—это слишкомъ тяжелый гнетъ, и надобно предположить, что корень народа былъ чрезвычайно здоровъ и непоколебимъ, если въ теченіе цѣлыхъ столѣтій противостоялъ этому страшному гнету и не поддавался окончательно столь сильному вліянію. Еврей и полякъ дѣйствовали единодушно, чтобы все забрать въ свои руки, а вычужный страдалецъ силы обоихъ ихъ—хохолъ, русскій мужичекъ, безотвѣтный, безпомощный, безъ опоры ни въ комъ и ни въ чемъ, для котораго существовала только панская воля, для котораго законъ не имѣлъ смысла!..

Однако возвращаюсь къ разсказу.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Винницу туда же пріѣхалъ Фильель, которому я передалъ о найденныхъ мною безпорядкахъ и принятыхъ мѣрахъ; онъ вполне согласился съ моими распоряженіями. Когда я собирался уѣзжать, то Фильель просилъ меня еще остаться въ городѣ въ виду ожидавшагося туда пріѣзда министра путей сообщенія, генераль-лейтенанта Мельникова. Хотя я сказалъ Фильелю, что меня ждуть неотложныя распоряженія по линіи, онъ все-таки задержалъ меня, такъ какъ министръ самъ выразилъ жела-

ніе меня видѣть. Дня черезъ два генералъ Мельниковъ пріѣхалъ въ Винницу, о чемъ меня увѣдомилъ частный приставъ. У меня не было съ собою ни общегенеральскаго ни инженернаго мундира, а потому, одѣвшись въ сюртукъ съ погонами, я пошелъ къ генералу Мельникову. Къ счастью, я засталъ у него генерала Бобрицева-Пушкина, которому объяснилъ, почему являюсь въ такой будничной формѣ, и просилъ его предупредить объ этомъ министра. Затѣмъ онъ представилъ меня генералу Мельникову, передъ которымъ я, въ свою очередь, извинился въ несоблюденіи формы. Министръ принялъ меня очень любезно, посадилъ подлѣ себя и началъ подробно спрашивать обо всемъ видѣнномъ мною; онъ очень интересовался тѣмъ, какую оцѣнку я даю распоряженіямъ Общества и въ особенности Фильёля. Я передалъ ему обо всемъ безъ всякой утайки и краткѣ объяснилъ мои донесенія въ Общество о всѣхъ недостаткахъ администраціи по тѣмъ предметамъ, которые касались моей прямой обязанности; я сообщилъ ему также, какія мѣры указаны мною для прекращенія жалобъ и претензій, изъ коихъ большая часть были совершенно справедливы. Повидимому, онъ остался мною очень доволенъ и просилъ меня впослѣдствіи безъ дальнихъ околичностей продолжать мои донесенія. Нашъ разговоръ длился уже болѣе полчаса и, зная, что генералу время дорого, я всталъ, чтобы уйти, когда доложили, что пріѣхалъ Фильёль. Онъ вошелъ къ министру съ большимъ портфелемъ, полнымъ бумагъ, и спустя часъ они оба съ генераломъ Бобрицевымъ-Пушкинымъ поѣхали по тракту на Кіевъ осматривать работы.

Въ тотъ же день вечеромъ я пошелъ погулять по бульвару, гдѣ играла военная музыка, и въ это время мнѣ принесли донесеніе о томъ, что съ пункта Ярошенко 20 человекъ рабочихъ самовольно ушли въ Винницу и не хотятъ работать. Когда я вернулся домой, то послалъ Стороженку къ исправнику просить его пожаловать ко мнѣ. Сначала онъ отговаривался подъ разными предлогами, а потомъ прислалъ ко мнѣ частнаго пристава просить меня письменно требовать его, если онъ мнѣ нуженъ. Я написалъ ему бумагу, но домъ его оказался со всѣхъ сторонъ запертымъ наглухо, и потому конвертъ принесли обратно. Я рѣшилъ оставить это дѣло до утра, но, вѣроятно, исправникъ надумался и черезъ полчаса самъ пришелъ ко мнѣ. Я не намекнулъ на его бестактный образъ дѣйствій, а прямо сказалъ, что если люди по моему внушенію не возвратятся добровольно и безропотно къ своей работѣ, то приму серьезныя мѣры, чтобы воротить ихъ къ мѣсту работъ съ конвойными и заставить ихъ покориться начальству. Исправникъ обѣщалъ приготовить пять верховыхъ конвойныхъ, готовыхъ явиться по первому моему требованію. Я поблагодарилъ его, и мы разстались, впрочемъ, довольно сухо, такъ какъ я принялъ его официально. Однако конвойными не пришлось воспользоваться. На другой день я призвалъ къ себѣ людей, ушедшихъ съ работъ, распекъ ихъ за самовольную отлучку и

пригрозилъ имъ, послѣ чего они покорно вернулись восвояси. Изъ нихъ только пять человѣкъ оказались дѣйствительно больными и неспособными къ дальнѣйшей работѣ; ихъ пришлось отправить и замѣнить другими.

Послѣ этого я со Стороженкомъ продолжалъ инспекцію. Мѣстами мы находили полный порядокъ, а мѣстами ясно обнаруживалось безсовѣстное нерадѣніе подрядчиковъ. Такъ, напримѣръ, на пунктѣ Новая Гута, гдѣ было сосредоточено около тысячи человѣкъ рабочихъ, я нашелъ хлѣбъ сырымъ, вмѣсто кваса — желтую жидкость въ бочкахъ, говядину испорченною и съ сильнымъ запахомъ и проч.; вода оказалась отвратительною, мутною и негодною для питья, каша съ примѣсю какихъ-то черныхъ зеренъ и противною на вкусъ, масло также скверное. Люди расположены были въ старыхъ наемныхъ сараяхъ съ дырявыми крышами и спали безъ соломы. Вообще, видно было, что подрядчикъ здѣсь сильно плутовалъ, а завѣдывавшій дистанціей смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Рабочіе жаловались на слишкомъ большіе уроки и принесли мнѣ сажень, которою имъ отмѣривали рабочіе участки, и она оказалась на 0,04 больше законной. Я при себѣ же велѣлъ устранить, по возможности, всѣ безпорядки и письменно просилъ Общество принять энергическія и строгія мѣры, дабы предупредить волненіе рабочихъ, къ чему они были очень склонны. Они единогласно просили копія съ контрактовъ и прямо объявляли, что ихъ обманываютъ и не выдаютъ того, что слѣдуетъ. Приказчики также жаловались на то, что, провозая людей къ пунктамъ работъ, они употребили на ихъ прокормленіе собственныя деньги и, несмотря на двукратную просьбу объ удовлетвореніи ихъ, не получили слѣдуемаго. Я обѣщаль людямъ принять мѣры, дабы удовлетворить ихъ и, если возможно будетъ, даже наградить за понесенныя лишенія, — и они обѣщали терпѣливо ожидать результата. Въ случаѣ надобности, я предложилъ имъ прислать трехъ-четырехъ выборныхъ въ Меджибожъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней.

Далѣе на пути снова обнаружились безпорядки: кое-гдѣ пища оказалась недостаточно свѣжею, нѣкоторыя артели требовали выдачи слѣдуемыхъ имъ лѣтней одежды и обуви, другія спрашивали деньги, не доданныя вопреки контракту. На пунктѣ Деряжнѣ многіе рабочіе разбрелись, а другіе были пьяны, заявляли, что работать не хотятъ, и требовали свои паспорта, чтобы вернуться домой. Видно было, что нѣсколько зачинщиковъ и коноводовъ подбивали другихъ на безпорядки, но всѣмъ было объявлено, что безъ уважительной причины никого не отпускаютъ съ работы; если же есть у нихъ законныя претензіи, то могутъ обратиться ко мнѣ черезъ выборныхъ.

Однако, на другой день послѣ моего пріѣзда въ Меджибожъ, туда въ контору Кіево-Волочиской желѣзной дороги явились, вмѣсто выборныхъ, всѣ рабочіе съ пункта Деряжни. Начальникъ этого от-

дѣленія, путей сообщенія полковникъ Павловскій, былъ Обществомъ отправленъ въ Лембергъ для переговоровъ о соединеніи нашей дороги съ австрійской у Волочиска; оставшійся послѣ него г. Самсонъ передалъ мнѣ, что сейчасъ долженъ ѣхать въ Винницу по требованію Фильёля, и такимъ образомъ мнѣ одному оставалось повозиться съ бунтовавшимъ народомъ. Конечно, я не считалъ нужнымъ самому идти въ контору и сталъ дожидаться, чтобы, согласно вчерашнему уговору, пришли къ мнѣ староста и выборные. Вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ мѣстный исправникъ, полковникъ Капгеръ, который передалъ, что разогналъ бунтоващиковъ съ пункта Деряжни и не пожалѣлъ при этомъ своихъ кулаковъ, чтобы заставить коноводовъ молчать. Онъ вынудилъ ихъ возвратиться на свои работы добровольно, пригрозивъ, въ случаѣ сопротивленія, отвести ихъ туда съ военнымъ конвоемъ. Онъ рассказывалъ также, что до него дошли слухи о веленіяхъ рабочихъ на пунктѣ Коржевецъ и такъ какъ подобныя буйства иногда разыгрывались очень серьезно, то мы сговорились съ нимъ отправиться вмѣстѣ на пункты Коржевецъ и Деряжню.

Не зная, однако, чѣмъ можетъ кончиться инцидентъ съ рабочими, я рѣшилъ, на всякій случай, заручиться содѣйствіемъ драгунъ Стародубовскаго полка, который стоялъ въ Меджибожѣ. Съ этою цѣлью на другой день утромъ я послалъ узнать, когда могу застать дома командира полка полковника Дедюлина; посланный доложилъ мнѣ, что полковникъ самъ сейчасъ прибудетъ ко мнѣ. Вовсе не желая беспокоить его, я поторопился одѣться и отправился къ нему. Онъ былъ еще дома, но въ мундирѣ и уже совсѣмъ одѣтъ, чтобы ѣхать ко мнѣ; лошади стояли у подъѣзда. Полковникъ Дедюлинъ со свойственною ему любезностью принялъ меня, и я передалъ ему мою просьбу имѣть наготовѣ человекъ 70—80 драгунъ, въ случаѣ, если бы понадобилось употребить противъ непокорныхъ силу, хотя я очень надѣялся обойтись безъ нея. Такъ какъ одинъ изъ эскадроновъ Дедюлина былъ расположенъ близъ Деряжни, а онъ собирався туда на другой день, то предложилъ мнѣ проѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ было пріятно такое вниманіе, и я очень благодарилъ его за любезное содѣйствіе.

На другой день мы поѣхали съ нимъ туда въ сопровожденіи Стороженка, дистанціоннаго офицера, техника, исправника и двухъ мировыхъ посредниковъ. Къ счастью, на этотъ разъ все обошлось довольно благополучно. Правда, въ Деряжнѣ мы не застали 28 рабочихъ, которые бѣжали съ пункта, но остальные были на мѣстѣ. Пришлось сдѣлать имъ строгое внушеніе и напомнить, что работы, ими производимыя, не частныя, а государственныя, и потому за всякое ослушаніе взыщется съ нихъ особенно строго. Люди согласились работать, но просили денегъ; я обѣщалъ распорядиться о выдачѣ слѣдующаго имъ, если они будутъ усердно работать,—и тѣ дали слово выполнять уроки. Такъ какъ ихъ жалобы поступили

къ мировымъ судьямъ, которые уже сами взялись разобрать все это дѣло, то на другіе пункты я рѣшилъ не ѣздить и возвратился съ Дедюлинымъ въ Меджибожь.

О своей инспекціи я посылалъ донесенія въ контору желѣзной дороги. Служившіе тамъ французы были такъ мало знакомы съ русскимъ языкомъ, что имъ необходимо было прежде отдавать переводить на французскій языкъ мои донесенія и затѣмъ уже дѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Узнавъ объ этомъ отъ конторщика Буске, я, чтобы не затягивать дѣлъ и не затруднять Общества, рѣшилъ писать всѣ донесенія пофранцузски, что для меня не составляло затрудненія, такъ какъ я знаю этотъ языкъ хорошо. Случай къ этому представился очень скоро. На другой же день послѣ поѣздки въ Деряжню я получилъ извѣщеніе, что съ пункта г. Проскурова убѣжало болѣе 300 человѣкъ. Видя, что подобные безпорядки развиваются все болѣе и болѣе, я извѣстилъ объ этомъ Фильеля; объяснивъ ему въ краткихъ словахъ все дѣло, я указалъ при этомъ причины волненія рабочихъ и средства прекратить дальнѣйшее зло. Такъ какъ въ Винницу телеграфа тогда еще не было, то я послалъ свое донесеніе эстафетою и рѣшилъ ожидать распоряженій отъ Фильеля. Вскорѣ послѣ того получилъ я отъ него бумагу, которою онъ просилъ меня пріѣхать въ Проскуровъ для переговоровъ съ нимъ. Я отправился туда со Стороженкомъ и осмотрѣлъ людей и ихъ помѣщеніе. Все было найдено въ очень хорошемъ состояніи; очевидно, что просто люди взбалмошны и лѣнятся работать.

Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ Фильель изъ Волочиска. Когда я пришелъ къ нему, онъ выразилъ неудовольствіе по поводу того, что, узнавъ о побѣгахъ людей съ работы, я не преслѣдовалъ ихъ тотчасъ и не хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ вернули назадъ. Я возразилъ ему на это, что не считалъ себя въ правѣ приняться за такое дѣло, такъ какъ преслѣдованіе рабочихъ никакъ не можетъ согласоваться съ инспекціею ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ я постарался бы самъ сдѣлать это, если бы могъ надѣяться хоть на малѣйшій успѣхъ, потому что на содѣйствіе мѣстной уѣздной полиціи разсчитывать нельзя было: вся сила ихъ состояла изъ нѣсколькихъ жалкихъ инвалидовъ. Слѣдовательно, при энергическомъ сопротивленіи рабочихъ властямъ, я не могъ бы ихъ усмирить силою; я скомпрометировалъ бы лишь себя и скорѣе испортилъ бы дѣла Общества, чѣмъ поправилъ бы ихъ. Обратиться къ содѣйствію войскъ я не имѣлъ права безъ особаго разрѣшенія вышшаго начальства, а если и рѣшился бы прибѣгнуть къ этому крайнему средству, то обязанъ былъ бы донести о томъ прямо государю императору, что могло бы потревожить его величество и набросить весьма неблагоприятную тѣнь на распоряженія Общества по содержанию рабочихъ. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи не было ни-

какихъ суммъ, дабы въ случаѣ необходимости выдать людямъ нѣкоторую часть денегъ, что было бы, пожалуй, справедливымъ и, быть можетъ, единственнымъ средствомъ успокоить взволнованные умы рабочихъ. Однимъ словомъ, пустягъ обѣщанія не могли тутъ подѣйствовать на массу: только энергичныя мѣры или дѣйствительная денежная поддержка могли здѣсь имѣть успѣхъ.

Фильель долженъ былъ согласиться съ моими доводами. Онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ 3.000 рублей, просилъ преслѣдовать рабочихъ и воротить ихъ во что бы то ни стало; онъ ассигновалъ по 30 коп. въ сутки на каждого человѣка за все время ихъ обратнаго пути къ мѣсту работъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что бѣжавшіе рабочіе направились въ Подольскую губернію, онъ далъ мнѣ письмо къ подольскому губернатору.

Преслѣдовать рабочихъ, которые бѣжали нѣсколько дней тому назадъ и, вѣроятно, ушли довольно далеко, я не имѣлъ никакой возможности на собственныхъ лошадяхъ, а потому я рассчитался окончательно съ нашимъ наемнымъ кучеромъ и взялъ почтовыхъ. Проскуровскій исправникъ полковникъ Ивановъ, пожилой, опытный человѣкъ и старожилъ этого края, сказалъ, что ни одна партія бѣглыхъ рабочихъ не направилась къ Каменецъ-Подольску. По его словамъ, всѣ партіи направились на Житомиръ, куда онъ совѣтовалъ ѣхать черезъ Староконстантиновъ; тамъ исправнику извѣстны тракты уѣзда, по которому рабочіе проходили, и онъ долженъ былъ дать всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Не теряя времени, я немедленно пустился въ путь и въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера прибылъ въ Староконстантиновъ. Мѣстный исправникъ подтвердилъ предположеніе исправника Иванова и съ большою готовностью согласился мнѣ помочь. Онъ далъ въ мое распоряженіе двухъ своихъ помощниковъ, отставныхъ офицеровъ, которыхъ я просилъ тотчасъ отправиться въ разныя стороны для преслѣдованія бѣглецовъ. Я просилъ ихъ уговорить рабочихъ вернуться на свои пункты, гдѣ разберутъ ихъ жалобы и удовлетворятъ законныя претензіи, а для содержанія ихъ въ пути разрѣшилъ выдать каждому по 30 коп. въ сутки. Для этого расхода и для другихъ случайныхъ издержекъ, а также на проѣздъ и содержаніе самихъ чиновниковъ, я выдалъ въ распоряженіе каждого по 50 рублей. Я просилъ ихъ сообщать мнѣ по телеграфу или эстафетою обо всемъ, что имъ удастся сдѣлать для возвращенія рабочихъ, а въ случаѣ неудачи—о дальнѣйшемъ направленіи бѣглецовъ, чтобы я могъ, съ своей стороны, принять необходимыя мѣры; просилъ ихъ не стѣсняться въ расходованіи денегъ и, въ случаѣ передержки, обѣщавъ все возратить имъ съ благодарностью. Исправникъ также согласился давать мнѣ свѣдѣнія, если что либо узнаеть по этому дѣлу.

Покончивъ переговоры и напившись чаю у исправника, мы от-

правились въ Житомиръ. Только что проложенная дорога шла по весьма песчаному грунту черезъ просѣку дурно выкорчеваннаго лѣса, такъ что мы подвергались непрерывнымъ толчкамъ, подчасъ очень сильнымъ. Но, несмотря на это, мы ѣхали напролетъ всю ночь; только въ 7 часовъ утра останавливались на какой-то станціи, чтобы выпить чаю и въ 12 часовъ дня пріѣхали въ Житомиръ.

Мы остановились на Киевской улицѣ, въ лучшей гостиницѣ противъ дома губернатора. На большомъ дворѣ передъ губернаторскимъ домомъ я увидѣлъ порядочную кучку людей, человекъ 60; это были рабочіе, бѣжавшіе съ желѣзной дороги. Губернаторъ вышелъ къ нимъ, что-то сказалъ, и они разошлись. Въ одномъ отелѣ со мною остановился пріѣхавшій изъ Кіева по порученію главной конторы Кіево-Балтской желѣзной дороги, отставной штабсъ-капитанъ Герстфельдъ. Онъ служилъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку, который оставилъ, и, вѣроятно, по протекціи своего отца, товарища министра путей сообщенія, получилъ мѣсто въ нашемъ Обществѣ. Онъ былъ присланъ сюда, чтобы расплатиться съ бѣжавшими рабочими и возвратить ихъ на мѣста. Герстфельдъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, очень обрадовался, такъ какъ, по его же словамъ, ему одному было трудно сладить съ рабочими. Какъ служащій въ Обществѣ Кіево-Балтской желѣзной дороги и прибывшій въ городъ, онъ счелъ обязанностью явиться губернатору. Но губернаторъ принялъ его очень нелюбезно: накричалъ на него, бранилъ Общество и Фильёля и жаловался, что рабочіе, осаждающіе его со своими просьбами и жалобами, не даютъ ему покоя. Герстфельдъ возвратился отъ губернатора крайне сконфуженнымъ, но я его успокоилъ, сказалъ, что съ губернаторомъ постараюсь сладить, и если у него нѣтъ отъ Общества никакого другого порученія, чтобы онъ возвращался въ Кіевъ и передалъ, что я беру на себя вернуть людей во что бы то ни стало и успокоить губернатора.

У меня не было съ собою мундира, а потому я въ сюртукѣ пошелъ къ губернатору, состоявшему по армейской пѣхотѣ генераль-майору Галлеру. Я представился ему, извинился въ несоблюденіи формы и объяснилъ причину моего пріѣзда. Онъ и при мнѣ началъ было бранить Общество и Фильёля и высказалъ, сколько эти бѣжавшіе съ работъ люди надѣлали ему безпокойства и заботъ. Но я объяснилъ ему, что въ этомъ ни Общество, ни Фильёлъ нисколько не виноваты, такъ какъ на рабочихъ тратятъ огромныя суммы, а главная причина всѣхъ этихъ безпорядковъ коренится въ лѣни и пьянствѣ; рабочіе, получивъ задаточныя деньги, не хотятъ ихъ отработывать, противъ чего необходимо принять энергичныя мѣры и прекратить произволъ рабочихъ, которые собраны для государственной, а не для частной работы. Я высказалъ губернатору надежду покончить это дѣло миролюбиво, уплатою части заработан-

ныхъ денегъ, какъ это мнѣ постоянно удавалось до сихъ поръ, и благодаря чему я приобрѣлъ между рабочими нѣкоторую популярность; однако я просилъ его дать мнѣ воинскую команду, если бы, паче чаянiя, пришлось силою возвратитъ рабочихъ на мѣста. Губернаторъ совершенно успокоился и сказалъ, что сейчасъ прикажетъ полицеймейстеру явиться ко мнѣ, такъ какъ задержанные люди находятся подъ его присмотромъ, и просилъ меня покончить это непрiятное дѣло вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ.

Я возвратился въ гостиницу, пообедалъ, а потомъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ и Стороженкомъ поѣхалъ въ полицейское управленiе, гдѣ содержались рабочiе. Такъ какъ для такого большого количества арестованныхъ помѣщенiя не было, то людей размѣстили подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, гдѣ они валялись на булыжной мостовой. Трудно себѣ представить, въ какомъ несчастномъ видѣ я ихъ нашелъ: исхудалые, оборванные, иные безъ рубахъ, другiе совѣшь наги, — право, хуже нищихъ. Всѣхъ рабочихъ оказалось здѣсь 105 человекъ, которые бѣжали съ Деряжни, куда мы ѣздили съ Дедюлинымъ, и съ пункта Богдановки, гдѣ я еще не былъ; кромѣ того, въ предыдущую ночь бѣжало изъ полиции 7 человекъ неизвѣстно съ какого пункта, — хорошъ присмотръ! Переговоры съ рабочими длились часа два. Какъ я ни урезонивалъ, ни уговаривалъ ихъ, ничего не помогло: люди стояли на своемъ, желая непременно вернуться домой и ни за что не работать. Я бросилъ ихъ и, правда, не совѣшь въ хорошемъ расположенiи духа. Мы съ полицеймейстеромъ поѣхали къ губернатору передать ему результатъ нашихъ переговоровъ, но онъ не принялъ насъ, отговариваясь головою болью. Все-таки нужно было придумать средство, какъ настоять на своемъ и вернуть людей на работы.

Уже совѣшь подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ рабочихъ артели съ пункта Богдановки, передалъ, что изъ этой артели человекъ 40 будутъ согласны вернуться на работы на извѣстныхъ условiяхъ. Я обѣщалъ ему 5 рублей награды, если вернутся 40, и 7 рублей, если вернется вся артель въ 70 человекъ. При этомъ я предупредилъ его, что готовъ сдѣлать для нихъ все возможное, желая имъ добра, но пусть всѣ знаютъ, что я не выйду изъ Житомира, пока не возвращу всѣхъ до одинаго на работы. А не захотятъ вернуться по доброй волѣ, казаки нагайками погонятъ ихъ отсюда, и работать имъ придется подъ присмотромъ конвойныхъ солдатъ, которые заставятъ ихъ повиноваться. Бунтовщики пусть не надѣются на защиту законовъ, и обѣщанiе свое я исполню.

На слѣдующее утро непокорные стали сдаваться. Въ 7 часовъ утра пришелъ тотъ же рабочiй и сказалъ, что вся артель согласна вернуться на работы, если я отъ себя сдѣлаю съ ними условiе, такъ какъ мнѣ они довѣряютъ. Онъ просилъ часть денегъ выдать имъ на руки для покупки бѣлья, платья и обуви, въ кото-

рыхъ они дѣйствительно крайне нуждались, а другую часть выслать по почтѣ въ ихъ волостныя правленія; впрочемъ, потомъ они раздумали и, боясь задержки, просили лучше выслать деньги на имя священниковъ ихъ сель съ передачею семействамъ рабочихъ. Я выдалъ имъ денегъ на довольствіе здѣсь и въ пути, на покупку платья и обуви на счетъ Общества безвозвратно, кромѣ того, отослалъ въ ихъ села по 5, по 10 и даже по 15 рублей отъ имени каждаго; такимъ образомъ на эту артель было израсходовано болѣе 1.300 рублей. Казалось бы, что на основаніи сдѣланнаго условія и послѣ выдачи такого значительнаго количества денегъ, люди могли бы совершенно успокоиться, но при всемъ томъ то одинъ, то другой приходили еще дѣлать разные вопросы, такъ что стоило много трудовъ и нужно было имѣть страшное терпѣніе съ ними возиться. Впрочемъ, это не мудрено: ихъ такъ часто, такъ безсовѣстно обманывали подрядчики, приказчики и въ особенности ихъ волостныя правленія, что они потеряли всякое довѣріе какъ къ своимъ властямъ, такъ и къ Обществу желѣзныхъ дорогъ. Имъ просто въ диковину было, что я такъ аккуратно съ ними разсчитываюся и держу неизмѣнно данное слово. Получивъ деньги, они обѣщали на слѣдующее же утро выступить всею артелью на мѣсто работъ.

Оставалась еще другая артель, которая, несмотря на добрый примѣръ товарищей, не соглашалась ни на какія условія. На другой день изъ окна своей гостиницы я видѣлъ, что 6 человекъ изъ этой артели пошли къ губернатору. Вѣроятно, онъ послалъ за полицеймейстеромъ, который вскорѣ послѣ того пріѣхалъ и пошелъ къ губернатору. Выйдя отъ него, полицеймейстеръ что-то размахивалъ руками и кричалъ на рабочихъ, которые живо разбѣжались отъ него. Съ часъ спустя, пришли ко мнѣ два человека изъ этой артели и, начавъ объясненія, стали соглашаться на мои условія. Но такъ какъ они все еще тянули и требовали лишняго, то я объявилъ имъ, что уѣзжаю въ 5 часовъ послѣ обѣда и если къ этому времени они не согласятся на мои предложенія, то дамъ формальную бумагу исправнику выслать ихъ на мѣсто работъ подъ конвоемъ. Тѣ ушли, но скоро явились другіе, которыхъ я, впрочемъ, выгналъ, требуя къ себѣ первыхъ. Пришли снова тѣ, съ которыми я началъ говорить раньше, и наконецъ-то ихъ удалось также урезонить. Они получили по расчету первой партіи и тотчасъ тронулись къ мѣсту своихъ работъ.

Въ тотъ же день я получилъ эстафету отъ староконстантиновскаго исправника, что одинъ изъ его чиновниковъ настигъ партію бѣжавшихъ рабочихъ въ 390 человекъ и когда онъ объявилъ имъ, что черезъ день, черезъ два я пріѣду къ нимъ на пунктъ и удовлетворю ихъ претензіи, если онѣ окажутся законными, всѣ люди тотчасъ же и безъ малѣйшаго ропота возвратились къ своимъ работамъ. Какъ это извѣстіе, такъ и успѣхъ личныхъ переговоровъ

съ бѣжавшими были мнѣ очень пріятны, тѣмъ не менѣе нужно было спѣшить выѣздомъ изъ Житомира, чтобы покончить дѣла съ другими партіями рабочихъ.

На другой день въ 12 часовъ я уже былъ въ Староконстантиновѣ, гдѣ исправникъ представилъ мнѣ одного изъ чиновниковъ, преслѣдовавшихъ рабочихъ. Пока покончили здѣсь всѣ расчеты, настала вечеръ, и сдѣлалось очень темно. Но, несмотря на это, мы рѣшили ѣхать дальше. Стали сгущаться тучи, заблестала зарница, послышался громъ, и наконецъ сдѣлалось такъ темно, какъ это бываетъ только въ глубокую осеннюю ночь. Что называется, не видно было ни зги, такъ что ямщикъ и Стороженко шли впереди лошадей и пользовались отблесками молніи, чтобы направляться по настоящему пути. Вдругъ полилъ крупный дождь, который затѣмъ обратился въ потокъ, и мы подвигались шагъ за шагомъ версты двѣ, пока не дотащились до какой-то несчастной жидовской корчмы, стоявшей совсѣмъ отдѣльно на пригоркѣ. Но и здѣсь оказалось не сладко. Весь довольно обширный сарай корчмы былъ занятъ укрывшимся здѣсь обозомъ, а корчма была биткомъ набита хохлами-извозчиками. Еврей хлопоталъ потчевать ихъ водкой при помощи грязной еврейки, которая возилась съ двумя еще болѣе грязными жиденятами. Около кривоногого стола на скамейкахъ и около стѣнъ сидѣли пьющіе хохлы, а другіе, за неимѣніемъ мѣста, расположились на грязномъ, мокромъ глиняномъ полу. Мы распорядились однако по-военному: растолкавъ, по возможности, обозъ въ сараѣ, мы поставили туда нашъ тарантасъ и здѣсь же закусили провизіей, которая была у насъ съ собою.

Гроза все еще продолжалась. Присѣвъ на скамеечкѣ подъ навѣсомъ, я закурилъ сигару и сталъ любоваться величественнымъ явленіемъ природы. Мнѣ случалось часто видѣть сильныя грозы, въ особенности въ бытность мою въ Свеаборгѣ, гдѣ съ высоты Густавъ-сверда представлялась всегда дивная панорама. Небо черное, какъ ночь, и море, отражаясь отъ него, такое же черное. Молніи на горизонтѣ вдругъ освѣщаютъ барашки пѣнящихся громаднхъ волнъ, и кое-гдѣ мелькаетъ иногда парусъ плывущаго корабля или, ближе къ берегу, углой лодки. Молніи вырываются зигзагами изъ-за тучъ и быстрыми стрѣлами на мигъ ярко освѣщаютъ все пространство, ослѣпляя глаза, и затѣмъ снова наступаетъ кромѣшная тьма. Еще моментъ—и опять все освѣщено, и стрѣлы молніи, ударяясь въ морскія волны, поднимаютъ высокіе столбы пѣнистой воды...

Гроза же на югѣ—нѣчто совсѣмъ иное. Предо мною невообразимая степь, весь полукруглый горизонтъ которой горитъ точно отблескомъ громаднаго пожара. Зловѣщій свѣтъ этотъ будто дрожитъ, непрерывно колеблется. То въ томъ, то въ другомъ направленіи онъ дѣлается вдругъ ярче, потомъ опять блѣднѣе, но горитъ и свѣ-

тится все время. Темныхъ тучъ совсѣмъ не видать, а вмѣсто нихъ какія-то длинныя узкія огненныя полосы. Вырывающіяся изъ нихъ молніи кажутся не стрѣлами, а правильными круглыми шарами, которые то поднимаются или опускаются, то направляются въ ту или другую сторону, рѣдко зигзагами, а большею частью дугообразно, представляя собою грандіозный фейерверкъ или подобие сѣвернаго сіянія. Во всякомъ случаѣ это картина великолѣпная, величественная, и я съ часъ просидѣлъ, любуясь ею, пока не отправился ночевать, кое-какъ устроившись въ нашемъ тарантасѣ.

На другое утро мы отправились въ Староконстантиновъ, но опять пришлось двигаться шагомъ, такъ какъ сильнѣйшій дождь всюду изрылъ дороги, въ особенности въ спускахъ и балкахъ, гдѣ приходилось даже вылѣзть изъ тарантаса и поддерживать его. Староконстантиновскій исправникъ, по прїѣздѣ нашемъ въ городъ, представилъ мнѣ другаго своего чиновника, который воротилъ бѣжавшую партію рабочихъ. Съ согласія исправника, я попросилъ его посѣтить со мною тѣ пункты, на которые возвратились рабочіе, и отправился дальше. На ближайшемъ пунктѣ работъ люди сразу согласились на всѣ мои предложенія, но сюда не явились 25 человекъ изъ числа бѣжавшихъ; на слѣдующемъ же пунктѣ мнѣ стоило много труда уговорить рабочихъ, которые жаловались на неудовлетвореніе всѣмъ положеннымъ, здѣсь также не оказалось 30 человекъ бѣжавшихъ. Покончивъ, наконецъ, всѣ скучные переговоры съ рабочими, я выѣхалъ въ Винницу, чтобы сообщить Фильёлю обо всемъ, что мнѣ удалось сдѣлать во время моей поѣздки. Онъ видимо остался очень доволенъ всѣми моими распоряженіями и благодарилъ меня. Изъ Винницы я снова ѣздилъ въ Меджибожь, откуда посѣтилъ нѣсколько пунктовъ работъ. Оказалось, что какъ на этихъ пунктахъ, такъ и на всѣхъ другихъ волненія рабочихъ прекратились, подрядчики вполне довольны ими, и работы продолжались гораздо успѣшнѣе. Я ѣздилъ также въ Проскуровъ и затѣмъ вернулся въ Винницу, нарочно посѣтилъ тѣ участки, гдѣ работали возвращенные мною изъ бѣговъ люди, и лично убѣдился, что они держатъ свое слово и трудятся вполне добросовѣстно.

Вскорѣ по возвращеніи въ Винницу, я получилъ циркулярное извѣщеніе нашего Общества о томъ, что нѣкій Вандермейлеръ назначенъ начальникомъ административнаго отдѣла постройки Кіево-Балтской желѣзной дороги, другими словами,—контролеромъ дѣйствій Фильёля, которому это, конечно, крайне не понравилось. При первомъ же свиданіи со мною Вандермейлеръ наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, сказалъ, что имѣетъ довѣріе ко мнѣ, и что Общество всегда и во всемъ будетъ со мною согласно. Мнѣ былъ крайне пріятенъ подобный отзывъ: можно было предполагать, что мои труды, нѣкоторымъ образомъ, тогда уже получили настоящую оцѣнку.

Волненія и стачки рабочихъ, которыя часто случались въ іюлѣ и совсѣмъ было прекратились въ августѣ, возобновились опять. Однажды техникъ съ пункта Могилевки далъ мнѣ знать, что люди на этомъ пунктѣ положительно отказываются работать, потому что имъ не выдаютъ никакихъ денегъ. Между тѣмъ контора не должна была ничего имъ давать, такъ какъ по смыслу контракта всѣ заработанныя деньги должны были высылаться въ волостныя правленія, въ вѣдѣніи которыхъ находились эти люди. Дѣлать нечего, я отправился на пунктъ непокорныхъ, и со мною поѣхали туда Сто-роженко, мировой посредникъ и путейскій подполковникъ Петерсъ; кромѣ того, я просилъ, чтобы кто нибудь изъ винницкой конторы взялъ съ собою всю сумму денегъ, слѣдуемыхъ людямъ за произведенныя на этомъ пунктѣ работы. Съ трудомъ втолковалъ я людямъ, что деньги есть, но контора не имѣетъ права ихъ выдать имъ на руки. Рабочіе жаловались, что совершенно обносились, въ чемъ, впрочемъ, мы сами могли убѣдиться, и потому, въ концѣ концовъ, рѣшено было сдѣлать такъ: всѣ деньги, слѣдуемыя рабочимъ, сполна положить на храненіе въ денежный ящикъ при церкви м. Могилевки, въ присутствіи старосты рабочихъ и четырехъ челоѣкъ въ выборныхъ изъ числа ихъ, а я взялся извѣстить надлежащія волостныя правленія, прося ихъ распоряженій на счетъ рабочихъ. Долго пришлось провозиться на этомъ пунктѣ, такъ какъ люди успокоились только тогда, когда была приложена церковная печать къ денежному ящику.

Когда Фильель возвратился изъ Одессы, куда ѣздилъ принимать огромный транспортъ рельсъ, онъ просилъ меня освидѣтельствовать винницкій лазаретъ для рабочихъ. Помѣщеніе его оказалось тѣснымъ, воздуху недостаточно, и потому мы пріискали съ докторомъ другое помѣщеніе, вполне соответствующее своему назначенію. Кромѣ того, Фильель утвердилъ смѣту на покупку необходимыхъ лазаретныхъ вещей, разныхъ инструментовъ и пр. и просилъ возможно скорѣе завести все это, дабы исполнѣ обеспечить рабочихъ.

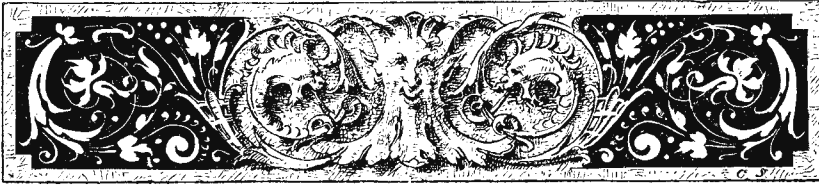
Едва покончилъ я съ этимъ дѣломъ, какъ опять обнаружились безпорядки рабочихъ. Доходило даже до того, что они избивали своихъ десятниковъ и кладовщиковъ, и тѣ, бросивъ кладовыя и работы, въ испугѣ прибѣгали ко мнѣ, прося защиты и правосудія. По мѣрѣ силъ и средствъ, я старался подробно разбирать при этомъ всѣ обстоятельства дѣла и не потакать рабочимъ, когда они вовсе того не заслуживали. Что же касается мировыхъ посредниковъ, то они дѣйствовали въ этихъ случаяхъ очень нераціонально: они держали обыкновенно сторону рабочихъ безъ всякаго основанія и здраваго смысла, а гдѣ считали себя хоть нѣсколько затронутыми въ своемъ самолюбіи рабочими, безмѣрно строго взыскивали съ нихъ; законовъ они не придерживались и часто поступали совер-

шенно по собственному произволу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ приходилось выставлять имъ на видъ такія вещи, что я только удивлялся, какъ они переносили это. Я не могъ допускать произвола мировыхъ посредниковъ и своею властью отмѣнялъ ихъ распоряженія, предоставляя имъ жаловаться на меня, но, вѣроятно, изъ чувства самосохраненія они волею-неволею должны были уступать.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭМЕНЕ ШЕРФЕ.

ПОВѢСТЬ.

(Изъ современной крымской жизни).

Маленькое предисловіе.

СЕНЬЮ 1892 года, въ Ялтѣ, отдѣленіе симферопольскаго окружнаго суда разсматривало уголовное дѣло о загадочномъ убійствѣ, случившемся въ одной горной татарской деревнѣ. Подробный отчетъ о немъ былъ напечатанъ въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» отъ 25-го октября 1892 года.

Пріѣхавъ въ Ялту весной слѣдующаго года, я еще нашелъ мѣстное общество взволнованнымъ этимъ трагическимъ происшествіемъ, его романической подкладкой, а главное — судьбой героини драмы, татарской дѣвушки Эмене Шерфе, деревенской поэтессы-самородка. По рукамъ ходилъ переводъ нѣкоторыхъ ея стихотвореній, которыя она, какъ неграмотная, диктовала обыкновенно своему брату, семнадцатилѣтнему юношѣ. Одно изъ этихъ стихотвореній фигурировало на судѣ, вмѣстѣ съ татарскимъ окровавленнымъ ножомъ, въ числѣ «вещественныхъ доказательствъ».

Нужно ли говорить, какое горячее желаніе явилось у меня ознакомиться ближе съ личностью Эмене Шерфе и съ подробностями ея жизни. На ловца и звѣрь бѣжитъ, говоритъ пословица: помимо данныхъ, которыя я собралъ, посѣтивъ родную деревню Эмене Шерфе, въ мое распоряженіе былъ отданъ весьма полный дневникъ и нѣ-

сколько писемъ молодого русскаго художника (назову его Александромъ Петровичемъ Артовымъ), проживавшаго какъ разъ во время катастрофы въ деревнѣ, гдѣ разыгралась драма, и даже въ томъ домѣ, гдѣ жила Эмене Шерфе. Эти документы освѣтили для меня такія детали, о которыхъ даже и не подозрѣвалъ судъ. Впрочемъ, спѣшу оговориться: живая фантазія впечатлительнаго художника, по всей вѣроятности, преувеличила его нравственную прикосновенность въ совершившейся катастрофѣ, что имѣло затѣмъ и для самого Артова трагическія послѣдствія, о которыхъ читателя узнаютъ дальше. Здѣсь же добавлю, что Артовъ вель дневникъ для друга и товарища своей юности, Дмитрія Петровича С—ва (нынѣ, кажется, доцента одного изъ нашихъ университетовъ). Александръ Петровичъ С—въ когда еще былъ гимназистомъ, а затѣмъ студентомъ, жилъ въ семьѣ Артова въ качествѣ его репетитора. Будучи всего на три года старше своего ученика, но отличаясь выдающейся серьезностью и прилежаніемъ, онъ приобрѣлъ на Артова огромное нравственное вліяніе, которое не только не ослабѣло въ послѣдствіи, но даже усилилось.

Я подобралъ дневникъ и письма Артова такъ, что придалъ матеріалу, заключающемуся въ нихъ, цѣльный, законченный видъ, который вводитъ читателя—какъ въ своеобразную драму Эмене Шерфе, такъ и въ мягущееся душевное состояніе молодого артиста, двоившагося между врожденными эстетическими увлеченіями и морально-гражданскими вліяніями своего друга.

Дневникъ и письма Артова.

Ялта. 19-го мая.

Дорогой другъ и милая моя нянька! Ты вполне правъ, упрекая меня за то, что я такъ долго не писалъ тебѣ послѣ выздоровленія. Заслуживаю за это самаго сквернаго карцера въ аду. Какъ объяснить тебѣ причину? Развѣ я самъ ее знаю? Увѣрю въ одномъ, что каждый день собирался писать, но... «кажинный разъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ» мои благія намѣренія сокрушала *la forza del destino*... Кромѣ того, я зналъ, что о моемъ выздоровленіи тебѣ написала добрейшая и аккуратная, какъ хронометръ, Марья Николаевна... «Клянусь вечернею звѣздой, моей палитрой и кистями», что этого больше не случится. У меня самого вошло въ привычку сообщать тебѣ все, выслушивать твою добрую воркотню, а часто извлекать изъ нея и пользу.

Ахъ, если бы ты зналъ, какъ хорошо чувствуетъ себя человекъ, бывшій на волосокъ отъ смерти, когда онъ «возьметъ одръ свой и начнетъ ходить». Я тоже беру татарскаго «одра» (на хорошихъ ло-

шадяхъ еще боюсь ѣздить) и таскаюсь по окрестностямъ, и мнѣ кажется, что я вижу ихъ въ первый разъ... Опять отрываю отъ письма! Зовутъ въ Массандру! «Виновата ли я? Виновата ли я?» — какъ поется въ одномъ романѣ.

Продолжаю письмо только черезъ восемь дней. Прости, голубчикъ. Самъ видишь: намѣренія были хорошия, но... завертѣлся.

Да, другъ мой, поневолѣ завертѣшься, когда болѣзнь выпустить изъ своихъ когтей, а, вѣдь, я пережилъ сразу: инфлуэнцу, тифъ и воспаленіе легкихъ... Для двухъ кунеческихъ лошадей это было бы немного, но для одного художника *mesci beausour!* Но зато и возненавидѣлъ же я теперь эту хваленую Ялту (за исключеніемъ первыхъ дней по выздоровленіи, когда все казалось хорошо)! Собираюсь убѣжать отсюда куда нибудь въ горы, на молоко, да и докторъ велитъ. Ты скажешь: «а какъ же я покину Марью Николаевну, которая...» и проч. и проч..., «ужъ не женюсь ли?» Ахъ, другъ мой, несмотря на ея райскую доброту, спасшую меня отъ смерти, она меня больше другихъ раздражаетъ. А мнѣ нужно совѣтъ поправить: нервы у меня послѣ болѣзни — какъ натянутыя струны! Вѣдь это ужасно: она только и думаетъ о томъ, чтобы на меня не подулъ какой нибудь предательскій зефиръ, — чтобы «не обострился процессъ въ легкихъ» и т. п. Это мѣстные термины! Какъ они мнѣ опостылѣли! Только и слышишь: «Ахъ, онъ прибавился въ вѣсѣ», «ахъ, процессъ въ легкихъ обостряется», «ахъ, температура повысилась!»

Развѣ это не пытка!?

А тутъ и еще удовольствіе: благодаря лѣтнему безлюдью, квартиры здѣсь теперь дешевы, и вотъ въ Ялту съѣзжаются цѣлыя толпы студентовъ, курсистокъ, учительницъ, и все это валомъ валитъ на поклонъ къ Марьѣ Николаевнѣ! Выпиваютъ у нея по десяти самоваровъ въ день, а въ воздухѣ виситъ гулъ изъ женскихъ и мужскихъ голосовъ, въ которомъ только и можно разобрать: «Марксъ, Энгельсъ, Бельтовъ, Ве-Ве, Николай Онъ», то-есть всѣ святыя двухъ модныхъ лагерей нашей теперешней интеллигенціи! Въ малыхъ дозахъ и я не прочь поболтать объ экономическихъ вопросахъ, «но зачѣмъ же до безчувствія!» — какъ говоритъ Расплюевъ.

Первые дни пробовалъ ѣздить на этюды за городъ, но пока доберешься, пыль набьешь и ротъ, и носъ. А тутъ еще понаѣхали изъ Москвы и провинціи (тоже на дешевыя лѣтнія квартиры) всякія купеческія и чиновничьи жены третьяго разбора и, въ подражаніе настоящимъ сезоннымъ львицамъ, мчатся въ «горы и лѣса» съ татарами-проводниками и чуть не среди бѣлаго дня обнимаются съ ними еще по дорогѣ! Тьфу! Во время «сезона» общество болѣе приличное, и это дѣлается не такъ наглядно, пошло и уродливо.

Нѣтъ, все меня здѣсь начинаетъ раздражать! Надняхъ пріѣхала,

напрямѣрь, изъ Москвы подруга Марьи Николаевны, Сысоева, хорошенькая, какъ мурильевская мадонна, и тоже цѣлые дни у нея на языкѣ вопросы и имена, отъ которыхъ у меня судороги стали дѣлаться! Побѣжала на табачныя плантаціи узнавать, сколько тамъ получаютъ русскія дѣвушки-работницы!

— Послушайте, — говорю ей, — неужели это искренно? Неужели это не мода? Вѣдь въ двадцать лѣтъ сердце должно рваться къ другому сердцу, жаждать отвѣтнаго біенія, впитывать поэзію и красоту жизни и т. д.

Что же она мнѣ отвѣтила?

— Оставьте, — говоритъ, — эти эстетическія тянушки (!) для другихъ... Я знаю, что это теперь входитъ въ моду, но я — старороваѣрка...

Повернулась и ушла!

Въ такія минуты я злюсь на тебя. Ты тоже своими статьями и рѣчами немало содѣйствовалъ этому «утилитарно-гражданскому» направленію! Ахъ, мой другъ, жаль мнѣ тебя, но припекутъ тебѣ на томъ свѣтѣ языкъ каленымъ желѣзомъ...

Нѣтъ, ухожу въ горы! Въ какуюнибудь глухую татарскую деревушку! Надоѣло мнѣ это «культурное» общество! Я жажду свѣжихъ примитивныхъ типовъ, съ естественными, невыдуманными порывами и чувствами!

Помнишь Гейне: «Ухожу отъ васъ я въ горы» и т. д. Правда, здѣсь не «фраки и бѣлые жилеты», но... вся эта «гражданская скорбь» мнѣ надоѣла хуже фраковъ, бѣлыхъ жилетовъ и горькой рѣдьки!..

Слышу шаги Марьи Николаевны. Идетъ напомнить мнѣ о приѣмѣ лѣкарства. Меня еще пичкаютъ этой гадостью. Вотъ если бы она увидѣла, что я написалъ тебѣ!

Да, эта дѣвушка — воплощенная доброта, но доброта накладываетъ на другихъ свои цѣпи, хотя и мягкія, но самыя мучительныя изъ цѣпей, потому что ихъ снять страшно трудно.

Ахъ, какъ хочется свободы, полной свободы! И чистой безъидейной, безсодержательной красоты!.. Убѣгу, убѣгу... Слышу заранѣе твои громы, твои осужденія... Но... мы съ тобой изъ разной глины. Однако, вѣрь, что это не мѣшаетъ мнѣ безпредѣльно любить тебя.

Какъ подвигается твоя диссертация? Не зябнешь ли ты въ Царскомъ Селѣ? Мнѣ изъ дали холодно за тебя. Пожалуйста, очень не брани меня за Марью Николаевну: клянусь, что иначе не могу и не могу!

Деревни Суглукъ-Су, 17-го іюня.

Дорогая и неизмѣнная моя нянька, здравствуй!

Уже три недѣли, какъ я осуществилъ свою мечту: живу въ горной деревенькѣ, дышу, люблююсь и каждый день собираюсь тебѣ пи-

сать! Впечатлѣннѣй такъ много, и такъ они новы, что надо было разобратъся въ нихъ. Впрочемъ больше всего мнѣ мѣшало писать тебѣ то, что надо было сообщить, какъ я разстался съ Марьей Николаевной... А я до сихъ поръ не въ состояннн вспоминаеть объ этомъ, такъ меня мутить воспоминаанн о моемъ побѣгѣ. Послѣ, послѣ напишу, когда успокоюсь!..

А теперь о другомъ, о жнзнерадостномъ, о томъ, что сейчасъ передъ глазами и наполняетъ меня яснымъ безмятежнымъ настроеннмъ.

Нарисуй въ своемъ воображенн слѣдующую картину: деревенька разбросана по скаламъ, составляющимъ одинъ изъ склоновъ крутой горы. Вверху до самыхъ облаковъ—каменные скалы и лѣсъ, а внизу, подъ гору — опять лѣсъ; вершины этого нижняго лѣса кажутся мягкими волнами гигантскаго зеленого водопада, которыя катятся отъ насъ къ морю. А на самомъ дѣлѣ это море отсюда тридцать верстъ! Но кажется, что оно тутъ же внизу, подъ нами,—тамъ, гдѣ кончается эта зеленая лавина... Оно голубой, прозрачной, хрустальной стѣнной поднимается отсюда. И какъ бы высоко я ни забрался въ горы, его горизонтъ поднимается со мной. Въ этомъ есть что-то волшебное!..

И сколько узоровъ, сколько красокъ, сколько оттѣнковъ по этому голубому просвѣчивающему фону! Тутъ и серебро, и золото, и бирюза, и малахитъ! Море постоянно мѣняется—утромъ, въ полдень, вечеромъ, ночью. А какъ оно чудно прозрачно при лунѣ! И какая даль передо мной! На самомъ горизонтѣ вода и небо такъ сливаются, что границы между ними неуловимы: тамъ какая-то серебристая свѣтлая ткань, вся пронизанная лучами солнца.

Ахъ, сколько свѣта—и тамъ вдали, и здѣсь на скалахъ, на деревьяхъ, на фигурахъ молодыхъ татарокъ, которыхъ я вижу сейчасъ на плоской кровлѣ домика, стоящаго у насъ на дворѣ. Это дочери моего хозяина; одна изъ нихъ очень стройная и хорошенькая... Чудные большнє черные глаза! Ее зовутъ Эмене Шерфе (другая—обрубокъ).

Какъ уловить все это! Какъ передать на полотнѣ эту даль, этотъ свѣтъ, эти блики, всю эту огромную, полную, яркую, свѣтозарную жизнь! Ахъ, какъ бессильно искусство!..

Домикъ, въ которомъ я живу, фасомъ выходитъ на море, а задней стѣнной влѣпленъ въ каменную гору такъ, что дорога проходитъ у меня надъ крышей. Домъ двухэтажный, я живу въ верхнемъ этажѣ, у меня галерейка, на которой я сижу и работаю обыкновенно, любуюсь моремъ и прячась за сочные огромные листья «изабеллы». Бя лозы взбѣгаютъ ко мнѣ снизу, обвиваютъ мою галерейку и дѣлають густой живой занавѣсъ. Въ нижнемъ этажѣ живетъ хозяинъ Аджи Усеинъ съ молодой женой Алимэ (онъ женатъ на второй) и двумя ребятишками отъ нея. Двѣ старннн дочери и сынъ отъ пер-

вой жены живутъ съ бабушкой въ другой избѣ, старой, которая стоитъ впереди нашей, нѣсколько ниже, такъ что съ моей галерейки я вижу ея плоскую кровлю, съ широкой глиняной трубой. Отъ этой старой избы нашъ домикъ отдѣленъ крохотнымъ дворикомъ. По бокамъ старой избы стоятъ два гигантскіе тополя, рѣзко обрисовываясь на свѣтозарномъ фонѣ моря и неба.

Нужно прервать это письмо: молодой татаринъ Куртъ Мулла, мѣстный разносчикъ товаровъ, замѣняющій здѣсь почтальона, принесъ мнѣ изъ Ялты твое посланіе и возьметъ мое, такъ какъ сегодня же идетъ въ Симферополь, гдѣ отправить его. Тороплюсь кончить; твое же письмо прочту послѣ—съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Только два слова еще о Куртъ Муллѣ: вотъ отвратительная харя! Я нарисовалъ бы съ него Малюту Скуратова: рыжій, въ веснушкахъ, съ чувственными, толстыми губами и огромными скулами! И такой-то уродъ сватался, говорить, за дочь моего хозяина Эмене Шерфе. Рыжая обезьяна владѣла бы этими чудными черными глазами! Но ему отказали. Сейчасъ онъ ждетъ моего письма тутъ же на галерейкѣ... Если бы ты видѣлъ, какъ онъ смотритъ сквозь сѣты виноградныхъ листьевъ на Эмене Шерфе, которая стоитъ внизу на кровлѣ. Въ первый разъ въ жизни вижу такое выраженіе лица: и злоба, и чувственность, и даже что-то хищное, почти кровожадное! Жилы напряглись на вискахъ. Непремѣнно набросаю этуодъ съ этой рожи, хотя она возбуждаетъ во мнѣ и омерзѣніе и странное чувство жуткости.

Но зато какой хорошій юноша сынъ моего хозяина, Исмаиль! Однако о немъ послѣ! Тороплюсь отпустить Куртъ Муллу.

Вечеромъ.

Твое письмо огорчило и даже немножко разсердило меня. Кажется, это случилось въ первый разъ въ жизни... Ты черезчуръ пересолилъ! Сравнить мое стремленіе въ горы, въ примитивную деревню, къ простымъ и неиспорченнымъ типамъ—съ порывами разныхъ «дамочекъ», которыя скачутъ вокругъ Ялты съ проводниками-татарами!.. Ну, развѣ это не безбожно! Неужели нѣтъ разницы между эстетическимъ стремленіемъ (вѣдь оно и у Гейне было) и чувственностью? Надо быть слѣпымъ къ цѣлой области душевной, чтобы смѣшивать это... Поражаетъ меня, что ты такой чуткій и глубокой во многихъ другихъ областяхъ,—здѣсь являешься настоящимъ слѣпцомъ. Это своего рода дальтонизмъ!

Но зато твои упреки за Марью Николаевну вполне справедливы. Одно мнѣ въ нихъ не нравится. Ты говоришь: «отчего люди твоего типа постоянно ухитряются ошибаться въ своихъ чувствахъ, развивая этимъ чужія жизни!»

Вотъ это словечко «ухитряются» не нравится мнѣ: вѣдь ты отлично знаешь, что у меня происходитъ это непредумышленно, что я самъ больше всѣхъ мучусь отъ этой странной душевной измѣнчивости! Такъ зачѣмъ же это слово «ухитряются»? Или это педагогическій приемъ въ родѣ хорошей пощечины?..

Ты бы лучше научилъ меня, какъ мнѣ передѣлать свою душу.

Но всѣ эти обиды искупаются однимъ мѣстомъ твоего письма, которое просто привело меня въ телячій восторгъ и освѣтило очень многое, что я смутно предчувствовалъ только. Ты говоришь противъ моей выходки о пріятеляхъ Марьи Николаевны; «стремленіе уменьшить на землѣ страданіе, болѣзни, нищету, невѣжество — вѣдуть къ осуществленію на землѣ красоты. Вѣдь, каждое уменьшеніе уродливости служитъ и красотѣ»!..

Какой ты хороший и умный! Какъ это ясно и просто!

Видишь, я не только понимаю тебя, но даже увлекаюсь тобой.

Поэтому успокойся за твоего *enfant terrible*. Успокойся и въ идейномъ, и въ моральномъ отношеніи: во-первыхъ, въ идейномъ—увѣряю тебя, что я, несмотря на мою «эстетическую религію», какъ ты ее называешь, вовсе не такой противникъ «гражданской скорби», какъ показалось твоему материнскому пугливому воображенію. Если я въ первомъ письмѣ хватилъ немножко черезъ край, шутя надъ нашею юной интеллигенціей, которая вопреки второй заповѣди вѣчно творить себѣ кумирова, то вѣдь это была шутка. А главное, это была временная нервность и усталость послѣ болѣзни. Мнѣ былъ страшно нуженъ отдыхъ, и нервы не выносили «гражданской скорби» съ ея вѣчной тревогой, печальными извѣстіями, надеждами, волненіемъ, отчаяніемъ, борьбой.

Та же причина, вѣроятно, заставила меня и отъ Марьи Николаевны сбѣжать... А теперь,—я тебѣ сознаюсь,—съ каждымъ днемъ моя мысль чаще и чаще возвращается къ ней. Иногда я просто тоскую о ней и далъ бы Богъ знаетъ что, если бы можно было увидѣть ее здѣсь... Видишь, какъ плохо ты знаешь меня! Временное состояніе истомленнаго организма ты принялъ за самую суть моей души!

Кстати, я тебѣ до сихъ поръ не въ состояніи былъ описать моего прощанія съ Марьей Николаевной. Вотъ слушай.

Я велъ себя, какъ дрянной трусъ. Повѣришь ли, только накануне отъѣзда, когда все уже было готово, я рѣшился сказать, что уѣзжаю.

И ни одного упрека! Ни одного изъ тѣхъ ядовитыхъ намековъ на прошлое, на какіе такъ способны ординарныя женщины! Она только слегка поблѣднѣла, съ испугомъ взглянула на меня, но сейчасъ же овладѣла собою и сказала почти покойно:

— Завтра? Такъ скоро? Значитъ нужно все приготовить вамъ съ вечера... Ъхать придется долго... Я сейчасъ распоряжусь.

И она торопливо вышла. Если бы не эта торопливость и блѣдность, можно бы подумать, что она рада моему отъѣзду.

И все приготовила! Не забыла ни кипяченаго молока, ни жареныхъ цыплятъ!..

Не напоминаетъ ли это тебѣ евангельскую Мароу?.. А мнѣ въ то время такъ была нужна Марія! Теперь я думаю, что въ ней сидятъ и Марія, и Марса, а тогда меня все раздражало, даже эти жареные цыплята! И раздражали, и умиляли! Странное противорѣчье! Но... я—только правдивый историкъ собственныхъ противорѣчій!

Одного не выдержала Марья Николаевна: послѣдняго прощанья. Я не видѣлъ ее послѣ того, какъ она вышла изъ моей комнаты. Вечеромъ ко мнѣ явилась ея подруга (Сысоева, о которой я писалъ тебѣ въ первомъ письмѣ) и своимъ сухимъ, холоднымъ тономъ сказала:

— Марья Николаевна поручила мнѣ проститься съ вами за нее. Ей понадобилось поѣхать по очень важному дѣлу въ Гурзуфъ.

Я что-то растерянно забормоталъ. Сысоева пошла къ двери, затѣмъ опять вернулась и спросила:

— Вы, повидимому, не возвратитесь въ Ялту?

— Право, не знаю: мнѣ докторъ велѣлъ мѣсяца три прожить въ горахъ...

— Впрочемъ,—прибавила Сысоева,—я должна предупредить васъ, что сдѣлала этотъ вопросъ безъ вѣдома Марьи Николаевны.

Такъ я и уѣхалъ.

Даже поблагодарить ее не удалось за два мѣсяца бессонныхъ ночей!

И до сихъ поръ не написалъ ни строчки!

А теперь... тоска о ней! И такая тоска, что иногда мнѣ противно здѣть все, даже мои этюды, даже татарскіе ребятишки, составляющіе мою постоянную свиту и научившіе меня немножко говорить потатарски.

Можетъ быть, мнѣ такъ стало скучно и отъ того, что главный мой другъ и собесѣдникъ, сынъ хозяина, Исмаилъ, уѣхалъ на нѣсколько дней въ Симферополь, и я остался совсѣмъ одинъ! Ахъ, какой это чудесный юноша!

Ему лѣтъ семнадцать; онъ хорошо говоритъ порусски, потому что долго жилъ въ Симферополѣ; онъ тамъ учился въ татарской школѣ. Какая у него жажда знанія! Я ему перечиталъ вслухъ (порусски онъ не умѣетъ читать) кое-какія книги, оказавшіяся у меня въ чемоданѣ. Между прочимъ Гаршина, Толстого (нѣкоторые рассказы). И какъ онъ чутко все понимаетъ!..

Это письмо пойдетъ къ тебѣ развѣ только недѣли черезъ двѣ. И вотъ я рѣшилъ, что буду въ него вписывать, какъ въ дневникъ, все, что приходитъ въ голову... Бездѣйствіе начинаетъ меня томить. Но зато какъ я поправился! Даже толстѣть началъ отъ горной баранины...

Р. С. Не написать ли мнѣ Марьѣ Николаевнѣ? Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Вечеромъ того же дня.

Разкажу сегодняшній случай, который показываетъ, какая чуткая душа у Измаила. Онъ еще не возвратился, но предвидѣлъ, что безъ него мнѣ будетъ скучно. Уѣхалъ же онъ, не простясь со мной, потому что отецъ послалъ его неожиданно вмѣсто себя рано утромъ, когда я еще спалъ. И вотъ что придумалъ Измаилъ, чтобы меня утѣшить. Разкажу по порядку, какъ деревенскія бабы.

Сегодня вечеромъ я по обыкновенію пошелъ къ горному ручью, падающему по камнямъ шумнымъ каскадомъ, немного выше нашей деревни. Я почти каждый вечеръ хожу туда. Днемъ тамъ постоянно толпы женщинъ: онѣ моютъ здѣсь бѣлье (ты знаешь, что татарки трутъ его и выжимаютъ ногами?), мочатъ полотна и тутъ же разстилаютъ ихъ для бѣленья. Однимъ словомъ, это нѣчто въ родѣ женскаго клуба, какъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ—колодцы: болтаютъ, смѣются, быть можетъ, сплетничаютъ. Тутъ же приостанавливаются и дѣвушки, идущія за водой къ фонтану, лежащему на нѣсколько саженъ выше.

Зато послѣ захода солнца здѣсь нѣтъ никого. Развѣ только запоздалый татаринъ приведетъ поить свою лошадь... Бурливый плескъ ручья въ это время становится слышнѣе, благодаря замирающимъ дневнымъ звукамъ. Вездѣ на скалахъ загораются огоньки въ домикахъ, лѣпящихся тамъ, какъ ласточкины гнѣзда, среди небольшихъ группъ кустовъ и деревьевъ, освѣщаемыхъ послѣдними, брызжущими лучами заката... Откуда нибудь издалека, сверху доносится унылый татарскій напѣвъ, со своими прихотливыми флюригурами, а однообразный несмолкаемый говоръ ручья аккомпанируетъ ему.

Въ такія минуты я люблю сидѣть здѣсь на выступѣ скалы: дышишь всей грудью, вслушиваешься, вглядываешься въ вечернія тѣни, въ огоньки, разбросанные вверху, и какая-то сладкая, тревожная грусть овладѣваетъ сердцемъ; чего-то ждешь, хотя и знаешь, что нечего ждать...

И вотъ сейчасъ я сидѣлъ тамъ. Вдругъ въ вечернемъ золотистомъ полусумракѣ мелькнула стройная женская фигура. Я сразу узналъ Эмене Шерфе и по фигурѣ, и по большимъ глазамъ, хотя было уже довольно темно... Она остановилась у ручья, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, какъ разъ подъ выступомъ скалы, на которомъ я сидѣлъ; сбросила туфли и стала мыть какую-то бѣлую тряпицу (конечно, ногами). Черезъ минуту, оглянувшись кругомъ, она подняла голову и сказала, — замѣть, — сказала порусски: «здравствуй!».

Я поклонился, отвѣтилъ и спросилъ съ удивленіемъ:

— Развѣ ты говоришь порусски?

Она улынулась, покачала отрицательно головой и продолжала уже потатарски, но я почти все понялъ (я очень усердно занимался это время ихъ языкомъ):

— Это меня научилъ братъ такъ сказать тебѣ и еще сказать, чтобы ты не скучалъ, и что онъ скоро вернется.

Она кивнула мнѣ головой, съ мелко заплетенными косами, покрытыми низенькой шапочкой (фесомъ), обшитой золотымъ позументомъ, и, сказавъ порусски «прощай», исчезла въ сумракѣ.

Подумай, что за душа у этого Измаила! Онъ предвидѣлъ, что я буду одинъ, что мнѣ будетъ скучно, и выучилъ ее нѣсколькимъ русскимъ привѣтствіямъ, чувствуя, какъ дорого на чужбинѣ родное слово...

А она? Вѣдь это маленькое геройство съ ея стороны — исполнить такое порученіе. Вѣда, если бы кто нибудь увидалъ насъ здѣсь вдвоемъ, да еще разговаривающими!..

Этотъ маленькій фактъ просто перевернулъ во мнѣ сердце. Мнѣ сразу стало какъ-то теплѣе и роднѣе здѣсь. Значитъ тутъ, вблизи, не одно, а два сердца думаютъ обо мнѣ, заботятся... А что такое я для нихъ? Милые!

Этотъ случай сдѣлалъ меня какъ-то юнѣе, моложе... Слушай, ужъ такъ и быть, я передъ тобой покаюсь въ одной моей лжи... Такое ужъ у меня сейчасъ настроеніе, что хочется быть вполне искреннимъ съ тобою. Я тебѣ не сказалъ, что письмо къ Марѣ Николаевнѣ, о которомъ я мечталъ, ей послано... И въ немъ прошу ее простить меня, объясняю, что не могъ поступить иначе, замѣтивъ свое охлажденіе, и не желалъ обманывать ее. Предупредить ее тоже не могъ, боясь, что не выдержу и останусь, если замѣчу ея печаль: т. е. буду продолжать ложь. Въ концѣ же (и вотъ это самое главное) я прибавилъ, что ошибся, предполагая охлажденіе къ ней, что это было результатомъ болѣзни, страшнаго упадка силъ, и что теперь я безумно тоскую о ней и люблю ее попрежнему и даже больше.

Знаю я впередъ, что ты и за это будешь меня бранить,—знаю все, что ты скажешь... Ну, и брани! Быть можетъ, я этого заслуживаю... Я самъ себя не понимаю... Написалъ ей, а теперь ужъ и не знаю самъ, такъ ли я сильно люблю ее, какъ «сорвалось».

Право, не помню какое число, да и Богъ съ ними, съ числами!

Измаила все еще нѣтъ, и мнѣ сегодня такъ захотѣлось увидѣть опять Эмене Шерфе, что я рѣшился на довольно смѣлый шагъ. Говорю, смѣлый, потому что въ отсутствіе хозяина и Измаила я спустился внизъ и посѣтилъ своихъ хозяекъ. А здѣсь нравы очень строгіе. Измаилъ рассказывалъ мнѣ, что въ сосѣдней деревнѣ одинъ молодой татаринъ за сѣкъ до смерти (возжами) свою жену за то, что она въ его отсутствіи, по просьбѣ мужниныхъ родныхъ, танцевала при русскомъ гостѣ, пріятелѣ ея мужа... Обыкновенно татары превосходно обходятся съ своими женами, не бьютъ ихъ, не бранятъ, но все до извѣстныхъ предѣловъ.

Опишу мой сегодняшній визитъ.

Въ нижнемъ этажѣ, жена хозяина (ее зовутъ Алимэ) жарила кофе на очагѣ, т. е., говоря проще, на кострѣ изъ сухихъ сучьевъ, разложенномъ посрединѣ комнаты (печей нѣтъ, дымъ выходитъ въ отверстіе сбоку потолка). Алимэ не больше двадцати лѣтъ, но на видъ она кажется тридцатилѣтней: блѣдна до синевы, въ лицѣ, прозрачномъ отъ одутловатости, совершенно восковымъ, я замѣтилъ выраженіе досады за мое появленіе. Дѣвочка лѣтъ четырехъ, въ одной рубашенкѣ, но съ фесомъ (шапочка съ позументами) на головѣ и съ крашеными въ красную краску ногтями и волосами, возилась около нея. Грудной ребенокъ, крѣпко припеленутый къ колыбели-качалкѣ (на загнутыхъ полозьяхъ), кричалъ на весь дворъ. Этотъ ребенокъ — мое мученье! Когда Алимэ занята работой или уходитъ изъ дому, она оставляетъ его такъ на цѣлые часы, и я, слушая его концертъ, проклиная и свою жизнь, и Алимэ, и даже свою горную деревню. Въ нижнемъ этажѣ темно, холодновато и сыро. Вотъ отчего Алимэ такъ блѣдна и болѣзненна. Да и почти всѣ замужнія женщины здѣсь не лучше: чахотка здѣсь — самая обыкновенная болѣзнь. И это понятно: еще лѣтомъ онѣ дышатъ воздухомъ, а зимой живутъ въ этихъ холодныхъ, темныхъ и сырыхъ каменныхъ ящикахъ, закупоривая двери и окна, цѣлые дни дрожа отъ стужи.

Я тотчасъ же вышелъ отъ Алимэ, не выдержавъ суровыхъ взглядовъ ея и отвратительнаго воздуха. Подойдя къ домику старой Салгэ (матери хозяина), я прямо наткнулся на нее. Она мазала глиной порогъ и стѣну своей избы. Вотъ прекрасный оригиналь для вѣдьмы изъ Макбета! Черная кожа, вся въ морщинахъ; крючковатый носъ почти сходится съ подбородкомъ, выдающимся впередъ и вверхъ. Маленькіе злые глаза такъ и пронизываютъ. И, къ довершенію прелести, на губахъ и подбородкѣ довольно большіе волосы сѣровато-грязнаго цвѣта! Такова бабушка Эмене Шерфе! Неужели и та будетъ когда нибудь такой же!..

Дѣвушки ткали на открытой галерейкѣ, на станкахъ, поставленныхъ рядомъ. Я потатарски попросилъ у Салгэ позволенія взглянуть на ихъ работу.

— Посмотри! — сказала она сухо и непустила меня на галерейку.

Старшая, — некрасивая, толстая, съ какими-то прыщами на лицѣ, — быстро вскочила съ мѣста и стала въ тѣни у притолоки.

Старуха рѣзко закричала на нее:

— Чего вскочила? Садись, тки!

Но дѣвушка упорно стояла на своемъ мѣстѣ, уставивъ на меня небольшіе сѣрые глаза, блестящіе изъ полутьмы, какъ у хищнаго звѣрька, — и пугливо, и сердито.

Эмене Шерфе продолжала ткать, низко наклонившись надъ ра-

ботой и, повидимому, не обращая на меня никакого вниманія. Я въ первый разъ видѣлъ ее такъ близко при свѣтѣ дня; у нея чудесныя рѣсницы: когда глаза опущены, рѣсницы кажутся черной, кружевной бахромой... Но цвѣтъ лица не ровный... Проклятое отсутствіе гигиены! Мнѣ понравилась ея манера поправлять волосы на лбу правой рукой и при этомъ взглядывать изъ-подъ руки незамѣтно, любопытнымъ, страннымъ взглядомъ. Точно она хочетъ заглянуть въ твою душу и узнать, что ты такое.

Посмотрѣвъ тканье, я ушелъ: ужъ очень недружелюбно смотрѣла на меня старуха, да, кажется, и старшая внучка. Но не младшая! Исмаиль мнѣ какъ-то сообщил по секрету, что она однажды, въ мое отсутствіе, пробралась въ мою комнату, рассматривала мои этюды и была въ дѣтскомъ восторгѣ отъ нихъ. Особенно поразили ее портреты, набросанные съ ея брата и съ отвратительной рожи Куртъ Муллы.

Черезъ три дня.

Ты какъ-то писалъ, что мой идеаль красоты — только внѣшній. Я объ этомъ много думаю. И, знаешь, это не вѣрно. Отчего же я такъ волнуюсь, когда замѣчаю въ себѣ самомъ какую нибудь душевную пошлость и слякоть? Вотъ даже визитъ къ моимъ хозяйкамъ, о которомъ я писалъ, меня тревожитъ: мнѣ все кажется, что это некрасиво, и меня отъ этого мутитъ.

Я былъ прерванъ приходомъ Исмаила, отъ котораго узналъ неожиданную и очень любопытную вещь: представь себѣ, эта неграмотная полудикая Эмене Шерфе — самородная поэтесса, въ своемъ родѣ татарская Сафо. Открылось это такъ: до сихъ поръ я не читалъ Исмаилу стихотвореній, думая, что его это не заинтересуетъ. (Кстати замѣчу одну черту: достоинства авторовъ, которыхъ я ему читалъ, онъ почему-то переноситъ на меня самого и каждый разъ послѣ чтенія уходитъ съ благоговѣніемъ лично ко мнѣ, какъ будто бы я написалъ все это!) Такъ вотъ, прослушавъ стихи Надсона, онъ оживленно воскликнулъ:

- А знаешь что? Эмене Шерфе тоже складываетъ стихи.
- Развѣ она умѣетъ писать? — спросилъ я.
- О, нѣтъ! Она придумаетъ и говоритъ мнѣ, а я записываю...
- Какъ же ты мнѣ не сказалъ объ этомъ до сихъ поръ?
- А что же было говорить? Вѣдь она простая деревенщина, такъ, дурачится! Развѣ это серьезное!
- Ты ошибаешься. Не даромъ, видишь, стихи въ книгахъ печатаютъ.

Я рассказалъ ему о Кольцовѣ, о Ломоносовѣ, которые тоже были изъ простыхъ людей, а стихи сдѣлали ихъ знаменитыми.

— Ну, да у нея не такіе стихи! — сказалъ онъ съ сомнѣніемъ: — она ихъ придумываетъ на разные случаи или вмѣсто писемъ...

— А у тебя есть ея стихи?

— Вотъ! Буду я ихъ беречь!.. Это такъ—пустяки, баловство... Въ родѣ того, какъ она тоже на «птичьемъ языкѣ» говорить съ подругами...

— Какъ на птичьемъ языкѣ?

— А такъ: между словами другія слова вставляють. Нужно, напримѣръ, сказать «лошадь», а у нихъ выходитъ: «ло-бумъ-шадь-бумъ»; онѣ понимаютъ, а другой ни за что не пойметъ! Такъ, дурчатся!.. А я тебѣ хотѣлъ рассказать дѣло поважнѣе. Знаешь ты сочинителя Нордау?

Я даже подскочилъ съ мѣста.

— Откуда ты о немъ слышалъ?

Измаилъ показалъ мнѣ турецкую газету, которую ему далъ въ городѣ татарскій молодой учитель.

— Ты знаешь,—сказалъ Измаилъ таинственно,—эта газета печатается во французской столицѣ, Парижѣ. И печатають ее ученые люди, сочинители, которые убѣжали изъ Турціи. И учитель говоритъ: хорошее тамъ пишутъ! Что Богъ у всѣхъ одинъ и только пророковъ разныхъ посылалъ, а потому изъ-за вѣры враждовать—грѣхъ. Надо, чтобы узнать волю Аллаха, знакомиться и съ другими вѣрами, пришедшими черезъ другихъ пророковъ,—и съ вашей вѣрой, христіанской!.. И много другого хорошаго, что и ты говоришь.

Ты подумай, Димитрій Петровичъ, вѣдь это больше, чѣмъ вѣротерпимость! Это что-то совсѣмъ новое!

Я спросилъ его: а при чемъ же тутъ Нордау, и какъ онъ будетъ читать газету, не зная потурецки?

— А въ этой газетѣ пишутъ и о Нордау. Мнѣ учитель сказалъ. А читать буду съ туркомъ: здѣсь на плантаціи живеть.

Думалъ ли Нордау, что о немъ узнають крымскіе татары?! И почему Нордау? Что такое Нордау для магометанъ? Не понимаю! Но Измаилъ весь поглощенъ новыми мыслями. Даже ко мнѣ охладѣлъ немножко и часто уходитъ къ турку, на плантацію. Впрочемъ у насъ есть и новый пунктъ сближенія: подъ вліяніемъ словъ учителя, онъ просить, чтобы я ему подробно рассказывалъ о «нашемъ пророкѣ» (т. е. о Христѣ)... Удивляется, что у меня нѣтъ его «книги» (т. е. Евангелія). Придется выписать изъ Ялты. А пока я ему рассказываю кое-что. Очень его удивляетъ, что и нашъ «пророкъ» говоритъ о любви къ людямъ, безъ различія націй! При этомъ онъ недовѣрчиво смотритъ въ мои глаза, вѣроятно, вспоминая насмѣшки простого народа надъ татарами съ показываніемъ «свиного уха». Какъ ему объяснить эти противорѣчія? Я по мѣрѣ силъ стараюсь, но мнѣ ужасно странно видѣть себя, поклонника «эстетической религіи», проповѣдникомъ религіи самоотверженія! А между тѣмъ, я увлекаюсь, говорю съ жаромъ и, ей-Богу, искренне: Много прекраснаго въ этомъ идеалѣ самоотверженія! Я готовъ со-

гласиться съ тобой, что если бы этотъ идеаль могъ осуществиться, жизнь стала бы воплощеніемъ красоты! Не было бы этихъ измученныхъ Алимэ, этой стѣны, раздѣляющей, напимѣрь, меня отъ семьи моего хозяина и Эмене Шерфе... Ты смѣешься? Вотъ, молъ, на что свель?! Ну, да, это—смѣшно! Но это первое пришло мнѣ въ голову, потому что ближе... И я, въ самомъ дѣлѣ, много думаю теперь о судьбѣ этой поэтессы-самородка... Не смѣйся: вѣдь это ужасно! Думать, что, быть можетъ, высокая поэтическая душа увядаетъ тутъ близко... А она увянетъ и замретъ здѣсь непременно!..

И развѣ не досадно, что нельзя ближе узнать ее, заглянуть поглубже въ ея душу, подслушать, какъ зарождаются въ ней поэтическіе мечты и порывы!

На той же недѣлѣ. Числа не помню.

Я узналъ секретъ Эмене Шерфе и, по правдѣ сказать, очень разочарованъ...

Сегодня Измаиль пришелъ ко мнѣ нѣсколько смущенный, и я сразу увидѣлъ, что онъ хочетъ что-то рассказать мнѣ, но не рѣшается и чувствуетъ себя неловко.

Даже вопросы о «моей вѣрѣ» предлагаетъ разсѣянно и плохо слушаетъ. Урокъ нашъ по русской грамотѣ (я сталъ его учить читать порусски) прошелъ очень плохо, противъ обыкновенія.

Наконецъ онъ рѣшился:

— Сестра еще стихи придумала—хочешь, прочту?

— Непременно прочти!

— Только, знаешь, это пока большой секретъ. Надняхъ будетъ—не секретъ...

Онъ вынулъ изъ кармана своихъ широкихъ шароваръ клочекъ бумаги и сталъ читать и переводить:

Ты, какъ орелъ въ небѣ,
Когда скачешь на ворономъ конѣ.
Твоя грудь сверкаетъ золотомъ,
Какъ у голубя на яркомъ солнцѣ...
Какъ счастливы тѣ, кого ты провожаешь въ горы!
Отчего не я на ихъ мѣстѣ,—
Чтобы ты только одну меня провожалъ,
И всегда мы были бы вмѣстѣ,
Какъ двѣ неразлучныхъ горлишки...

— Что это?—спросилъ я:—ужъ не какому ли нибудь ялтинскому проводнику она сочинила эти стихи?

— Это—большой секретъ! Ты никому не проговорись, пока. У нея есть женихъ. Да, онъ въ Ялтѣ, проводникомъ тамъ. Онъ изъ нашей деревни... Сеять Меметь. Ты, можетъ быть, знаешь его тамъ? Высокій такой, стройный, усы колечками... Вся грудь въ золотѣ и часы съ золотой цѣпочкой!.. А какой конь! Онъ давно ушелъ от-

сюда, еще мальчикомъ—тамъ у него дядя. Тоже проводникомъ былъ, а теперь у него свой домъ и лавка. Хорошая у нихъ работъ! Много денегъ получаютъ. Здѣсь Сеитъ Меметъ былъ бѣдный, и отецъ его съ матерью здѣсь были бѣдные. А теперь онъ имъ много денегъ посылаетъ. Вонъ тамъ на верху ихъ домъ новый... Дорого стоитъ домъ! Были бѣдные, а теперь богаче всѣхъ!

И все это говорилъ Измаиль! Еще вчера онъ только и думалъ о словахъ симферопольскаго учителя, а сегодня: «грудь въ золотѣ», «часы съ цѣпочкой». Деньги, деньги и деньги...

Я почувствовалъ такое негодованіе, что готовъ былъ наговорить ему жестокихъ вещей, но удержался. Мнѣ захотѣлось узнать подробности.

— Какъ же онъ сдѣлался ея женихомъ, если давно уѣхалъ отсюда? Значить онъ сюда пріѣзжаетъ?

— Да, пріѣзжаетъ, разъ въ годъ, на праздникъ... И надняхъ пріѣдетъ... Она ждетъ—не дождется.

— Гдѣ же они встрѣтились, когда онъ пріѣзжалъ?

— О, нѣтъ, они не встрѣчались! Она съ нимъ никогда не говорила, никогда! Онъ ей письмо прислалъ изъ Ялты съ Куртъ Муллою; въ письмѣ было написано, что хочетъ за нее свататься. Ну, она ему съ Куртъ Муллою послала отвѣтъ. И съ тѣхъ поръ Куртъ Мулла привозитъ его письма, а она посылаетъ свои стихи...

Мнѣ все это показалось подозрительнымъ. Я вспомнилъ, что Куртъ Мулла самъ сватался за Эмене Шерфе и получилъ отказъ; я вспомнилъ, какъ онъ смотрѣлъ на дѣвушку съ моей галереики, и мнѣ показалось невѣроятнымъ, что тотъ же Куртъ Мулла явился посредникомъ между нею и Сеитъ Меметомъ... А, впрочемъ, можетъ быть, у нихъ все это естественно. Но я не понималъ другого: какъ можетъ Измаиль, казавшійся мнѣ такимъ честнымъ и чистымъ,—восхищаться «доходами» Сеитъ Мемета! Неужели онъ не знаетъ, какими путями они получаютъ? И я рѣзкимъ тономъ предложилъ ему вопросъ:

— Знаешь ли ты, какъ наживаются большія деньги яхтинскими проводниками?

— Да, знаю,—покойно отвѣтилъ онъ, нѣсколько удивленный моимъ тономъ:—лошадей даютъ, провожаютъ въ горы богатыхъ людей.

— А больше ничего не знаешь?—я пытливо всматривался въ его лицо. Онъ началъ тревожиться.

— Я, право, больше ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ, выдерживая мой взглядъ своими красивыми глазами. Его блѣдныя щеки покраснѣли, и онъ прибавилъ:—ты мнѣ скажи, если знаешь что худое... Пожалуйста, скажи.

Но отчего онъ покраснѣлъ?

— Я не хочу думать,—сказалъ я,—что ты способенъ говорить

неправду. Но очень странно, что ты ничего не знаешь... Это во всей Россіи извѣстно... Наконецъ, неужели Куртъ Мулла ничего вамъ не рассказывалъ?

— А кто у насъ станетъ разговаривать съ Куртъ Муллою! Я тебѣ когданибудь скажу, что такое Куртъ Мулла и его семья. Ни съ нимъ ни съ его семьей хорошій человѣкъ не станетъ говорить! Ихъ столько разъ хотѣли изъ деревни гнать. Онъ воръ: краденое носить въ Ялгу, все воруетъ, особенно птицу, куръ, утокъ. Въ нашей деревнѣ теперь не смѣть, а вездѣ кругомъ воруетъ и носить въ Ялгу. И мать не лучше... Только говорить тебѣ не хорошо о своихъ же татарахъ.

— А въ Симферополѣ ты никогда не слыхалъ, отчего наживаются проводники въ Ялтѣ?

Измаилъ сильно покраснѣлъ опять и не сразу отвѣтилъ, какъ будто припоминалъ что-то.

— Я тамъ у тетки жилъ. Маленькій былъ тогда... Можетъ, и слыхалъ, да забылъ. А теперь ничего не слыхалъ. Правду тебѣ говорю: разговоровъ такихъ не было.

Я сталъ объяснять ему, въ чемъ дѣло, но оказалось, что это вовсе не такъ легко. Его понятія о женщинахъ и ихъ положеніи мѣшали ему понять меня.

— Это какія нибудь особенныя женщины?—спрашивалъ онъ.

Когда, наконецъ, онъ понялъ, его негодованіе обрушилось не на татаръ-проводниковъ, а на меня и на русскихъ.

— Это—неправда! Это не можетъ нашъ татаринъ!—кричалъ онъ, а жилы налились кровью и выступили у него на лбу:—это вы, русскіе, выдумали на насъ!

— Ты не горячись и не кричи, — сказала я: — если бы русскіе выдумали, то не на васъ однихъ, а и на своихъ женщинъ...

— Не бываетъ такихъ женщинъ,—горячился онъ:—у женщинъ мужъ есть, братъ есть, отецъ есть... Онъ убьетъ за это...

— У насъ не убиваютъ.

— Нельзя этого! Не бываетъ этого! Это—неправда! Одинъ разъ могло быть! А всегда не можетъ быть! Ты меня этимъ очень обидѣлъ! Ты говорилъ, что любишь насъ, и что я тебѣ, какъ братъ,— а что теперь ты говоришь о нашихъ? Какъ ты могъ это повторять! Прощай, я пойду! Я не могу этого слушать... Ты не вѣрный человѣкъ! У тебя на словахъ одно, а въ сердцѣ другое.

И онъ ушелъ, не подавъ мнѣ руки, и цѣлый день его нѣтъ, такъ что молоко принесла мнѣ вечеромъ старая вѣдьма Салгэ.

На другой день.

Измаилъ упорно не заходитъ ко мнѣ. Вотъ характеръ! Я совсѣмъ отрѣзанъ отъ окружающей жизни. Всѣ поглощены предстоящимъ праздникомъ: пекутъ что-то, жарятъ баранину... Стоить чадъ во всей деревнѣ.

Эмене Шерфе вижу или на дворѣ, или на ручьѣ. Она привѣтливо кланяется, значитъ, Измаиль не передалъ ей нашего разговора... Но она какъ-то потеряла для меня интересъ послѣ разсказа Измаила о томъ, кому она пишетъ свои стихи.

Сейчасъ приходилъ Куртъ Мулла: онъ привезъ мнѣ твое письмо, а отъ Марьи Николаевны нѣтъ отвѣта; говорить, что она куда-то уѣхала на нѣсколько дней, а мое письмо онъ передалъ прислугѣ.

Ну, ужъ и письмо ты мнѣ написалъ! Вѣчно тебѣ ужасы обо мнѣ мерещатся! Но за это-то я и люблю тебя, «моя заботливая маленька!» Такъ хочется, чтобы ктонибудь любилъ насъ! Какъ-то теплѣе живется на свѣтѣ! Ты скажешь: «какое противорѣчье! А отъ Марьи Николаевны убѣжалъ!»

Но, вѣдь, ты знаешь (я писалъ тебѣ), какъ я теперь скучаю о ней.

Послушай, какой ты хитрый! Ты отлично изучилъ одну сторону моего характера, состоящую въ томъ, что я боюсь очутиться въ смѣшномъ положеніи, и вотъ ты придумалъ самую ехидную фразу, чтобы опозлить въ моихъ глазахъ мой интересъ къ Эмене Шерфе! Ты пишешь: «тревожить меня эта дочь твоего хозяина, огромные глаза которой ты такъ усердно созерцаешь съ своей галерейки!»

Сколько тутъ яда и хитрости! Но меня не проведешь: я насквозь вижу тебя, и ты весь сказался въ послѣдующихъ строкахъ, гдѣ говоришь: «помни, ради Бога (и даже ради Бога!), что ты въ татарской деревнѣ, а не среди свѣтскихъ дамъ, избаловавшихъ тебя... Дѣло можетъ кончиться плохо или для тебя, или для нея, или для васъ обоихъ!»

Какіе ужасы! Отсюда слышу, какъ билось твое большое, доброе сердце отъ этихъ жуеловъ, грозящихъ мнѣ!

Но успокойся: все это только плоды твоего воображенія. Ты это сейчасъ увидишь, но предварительно я не могу удержаться, чтобы не возразить тебѣ, какъ художникъ, на твою вылазку противъ «большихъ черныхъ глазъ». Ты спрашиваешь: «и почему это непременно красиво? Это просто предразсудокъ,—продолжаешь ты:—хороши тѣ глаза, въ которыхъ выражается чтонибудь хорошее», etc., etc.

Ну, какой же ты эстетикъ послѣ этого!

«Чтонибудь хорошее!» Это значитъ извѣстное, опредѣленное, точное, какъ твоя будущая диссертация?

А, вѣдь, вся и прелесть-то въ томъ, что еще неизвѣстно, ново,—что показываетъ только одинъ свой кончикъ, одинъ уголокъ, заставляя догадываться: «а что же дальше?»

Вся прелесть въ этой манящей неопредѣленности, въ загадкѣ, за которой фантазія можетъ строить что-то чудно-прекрасное, небыва-

лое... И пусть потомъ все это окажется обманомъ! Но минута-то хороша, пока вѣришь и ищешь, и предчувствуешь небывалую, необыкновенную красоту.

Да ты этого не поймешь! Только не бойся: романа здѣсь у меня не будетъ. И деревня, и Эмене Шерфе уже начинаютъ надоѣдать мнѣ, и послѣ татарскихъ праздниковъ я собираюсь уѣхать отсюда, хотя еще не знаю куда.

А праздникъ въ полномъ разгарѣ! Въ деревню понаѣхало много гостей — изъ Бахчисарая, Севастополя, Ялты, Симферополя... Приѣхалъ и женихъ Эмене Шерфе, Сеить Меметь. Я его видѣлъ, и сейчасъ расскажу, при какихъ условіяхъ.

Дѣло было такъ: проснувшись очень рано, я сѣлъ за кофе на своей галерейкѣ и скоро услышалъ съади дома на дорогѣ, проходящей почти надъ моей кровлей, конскій топотъ и веселые звуки молодыхъ голосовъ. Если немного высунуться сбоку галерейки и смотреть назадъ на гору, то можно видѣть часть этой дороги.

Я такъ и сдѣлалъ, и прежде всего увидѣлъ въ уголкѣ двора Эмене Шерфе: она приняла къ пробоинѣ въ каменной стѣнѣ и жадно смотрѣла вверхъ на дорогу. Тамъ группа молодыхъ татаръ (ихъ называютъ здѣсь «уланами») окружила красиваго, стройнаго наѣздника, который, видимо, хвастался своимъ чудеснымъ воронимъ конемъ. Онъ гарцовалъ на немъ по дорогѣ, заставляя скакать его то вверхъ, по кругу подѣму, то назадъ, внизъ, при чемъ по командѣ лошадь останавливалась, какъ вкопанная. Я понялъ, что это и есть Сеить Меметь. На немъ сверкалъ расшитый золотомъ на груди костюмъ проводника (нѣчто въ родѣ дамскаго джерси, перетянутого на талии серебрянымъ поясомъ). Высокіе лакированные сапоги до колѣнъ блестѣли, какъ зеркало.

Я вспомнилъ, что видаль его въ Ялтѣ: онъ и тамъ возбуждалъ во мнѣ отвращеніе своей перетянутой таліей, томными взглядами, бросаемыми на дамъ, и лѣнивыми движеніями записной кокотки; здѣсь же мое отвращеніе усилилось тѣмъ, что свѣжіе, здоровые сверстники его восхищаются каждымъ его движеніемъ и словомъ. А воображаю, что происходитъ въ душѣ Эмене Шерфе! Я взглянулъ на нее. Она какъ будто застыла у стѣны! Я почувствовалъ настоящую ненависть къ этому ломакѣ, съ его миндалевидными глазами и закрученными усиками! Проживетъ онъ здѣсь съ нею послѣ женитьбы нѣсколько дней и уѣдетъ на новые подвиги. А она останется въ чужой семьѣ; замучать ее работой, запрутъ въ затхломъ чадномъ воздухѣ; потомъ пойдутъ ребята, бессонныя ночи... Прощай поэзія!

А Сеить Меметь, погарцовавъ на своемъ скакунѣ и даже не взглянувъ въ сторону нашей избы, сталъ звать куда-то товарищей, и скоро вся ихъ группа исчезла на одномъ изъ поворотовъ дороги. Эмене Шерфе еще долго смотрѣла на улицу, хотя та давно опу-

стѣла. Но вотъ она отдѣлилась отъ стѣны. Румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, а глаза блестѣли. Она не замѣтила меня за виноградными листьями. Прислонившись спиной къ старой стѣнѣ, она смотрѣла вдаль на далекое море. Быть можетъ, она мечтала, какъ поѣдетъ туда, далеко, вмѣстѣ съ нимъ. А, быть можетъ, въ такія минуты въ ней складываются ея пѣсни. Но вотъ она весело хлопнула ладонями и подпрыгнула, какъ дѣлаютъ дѣти, когда очень рады, а затѣмъ быстро скользнула въ дверь старой избы.

Былъ въ гостяхъ у хозяйина. Пилъ кофе съ его друзьями, усѣвшись на подушкахъ въ концѣ нижней галереи. Разговоры ихъ я понималъ на половину. Говорили о хозяйствѣ, разсказывали смѣшныя анекдоты. Упросили одного гостя, очень молодого, спѣть что нибудь. Онъ, кажется, славится своимъ пѣніемъ. Молодой человѣкъ всталъ, прислонился къ периламъ и началъ выдѣлывать голосомъ рулады: первые ноты были не дурны, заунывно-мечтательны, но затѣмъ онъ добрался до такихъ высокихъ нотъ, которыя напоминали и блеяніе овцы, и крикъ пѣтуха. Надсаживался онъ и визжалъ, что было мочи! Я едва удерживалъ улыбку, но остальные слушали съ видомъ знатоковъ и были довольны. Ушелъ я скоро, боясь, что стѣсняю ихъ. Странно, что Сеить Мемета не было въ числѣ гостей.

Послѣ обѣда мое вниманіе привлекъ смѣхъ и щебетанье женскихъ голосовъ на кровлѣ старой избы. Взглянувъ туда, я увидѣлъ Эмене Шерфе и нѣсколькихъ ея подругъ. Онѣ сидѣли на широкомъ коврѣ и весело болтали. Эмене Шерфе что-то съ жаромъ разсказывала. Вотъ она вскочила, подперлась лѣвой рукой, а правой взмахнула такъ, какъ будто била лошадь нагайкой; затѣмъ сдѣлала нѣсколько прыжковъ по кровлѣ. Я понялъ, что она изображаетъ посадку и манеры Сеить Мемета. Ея словъ я понять не могъ, потому что подруги говорили между собою на «птичьемъ языкѣ», на которомъ и мы мальчуганами, помнишь, говорили въ гимназіи, вставляя между слогами каждаго слова какіе нибудь условленные звуки. Помнишь, какъ бѣсился Карлъ Эдуардычъ за то, что не могъ понять нашей болтовни! И вотъ этотъ шаловливый языкъ, напомнимшій мнѣ дѣтство, точно породнилъ меня съ этими дѣвушками: такія же у нихъ шаловливыя дѣтскія души, такія же выдумки, какія были у насъ!

Веселая болтовня подругъ была прервана появленіемъ въ калиткѣ высокой жирной фигуры моего почтальона Куртъ Муллы, или Малюты Скуратова, какъ я называю его (онъ очень доволенъ этимъ названіемъ: я ему сказалъ, что это былъ близкій человѣкъ къ одному изъ могучихъ царей). Если бы ты видѣлъ эту рожу! Сегодня онъ особенно эффектенъ, потому что ради праздника одѣтъ «франтомъ», погородски, т. е. надѣлъ пиджакъ и даже съ воротничками крахмальными! Представь себѣ почти красные волосы;

широкое лицо съ маленькими сѣрыми глазками и приплюснутымъ носомъ, покрытое веснушками; толстыя губы, и на нихъ самая сладчайшая улыбка, обращенная къ дѣвушкамъ. Потертый, узкій, старый пиджакъ чуть не лопается на бокахъ, а его короткіе рукава обнажаютъ выше кисти огромныя руки, покрытыя волосами и веснушками.

Онъ остановился, дѣлаеть Эмене Шерфе какіе-то таинственные знаки, кланяется, прикладывая руку ко лбу и сердцу, и пугливо осматривается кругомъ, готовый при каждомъ шорохѣ броситься со двора.

— Куртъ Мулла! Куртъ Мулла!—закричали съ хохотомъ дѣвушки, махая на него руками, чтобы онъ уходилъ. Одна нашла около трубы кусокъ глины и бросила въ него.

Онъ прикладываетъ палецъ къ губамъ, дѣлаеть уморительныя гримасы, чтобы заставить ихъ вести себя тише, потому что у него есть какой-то секретъ. Этотъ секретъ оказывается довольно большимъ апельсиномъ, который онъ вынимаетъ изъ кармана шароваръ. Но апельсинъ прикрываетъ записку, которую я замѣтилъ подъ нимъ. Повидимому, ее замѣтила и Эмене Шерфе, хотя она еще отмахивается руками отъ апельсина, протягиваемаго къ ней издали Куртъ Муллою; она даже отбѣгаетъ на противоположную сторону, но затѣмъ снова приближается мало-по-малу къ ближайшему краю и говорить торопливо:

— Давай и уходи скорѣй!

Малюта Скуратовъ однимъ прыжкомъ перебѣгаетъ дворикъ, передаетъ ей апельсинъ съ запиской и исчезаетъ за калиткой. Записку дѣвушка быстро прячетъ въ карманъ, апельсинъ же все принимается разсматривать, нѣкоторое время играютъ имъ, какъ мячикомъ, нюхаютъ, болтаютъ что-то съ громкимъ смѣхомъ. Наконецъ одна изъ нихъ беретъ апельсинъ и начинаетъ его чистить, а потомъ, раздѣливъ на ломтики, раздаеть подругамъ. Въ промежуткахъ говорятся, вѣроятно, очень смѣшныя вещи, потому что безпрестанно слышатся серебристые взрывы дѣвичьяго смѣха. Усѣлись въ кружокъ на корточкахъ и ѣдятъ, дѣлають другъ другу гримасы, говорящія «кисло», толкають другъ друга, какъ маленькіе ребята, и опять смѣются, смѣются безъ конца...

Черезъ два дня.

Сегодня Исмаиль въ первый разъ зашелъ ко мнѣ послѣ нашей размолвки изъ-за ялтинскихъ проводниковъ.

Онъ смущенъ. Робко протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ты былъ правъ, а я былъ глупъ. Теперь я узналъ, что такое за птица Сеить Меметь... послѣ расскажу... Неприятно говорить...

— Отчего же онъ у васъ не былъ? Развѣ передумалъ свататься за Эмене Шерфе?

— Не понимаю, что такое!—отвѣтилъ Измаиль смущенно:—Даже глаза не показаль. Онъ ужь уѣхаль...

Я разсказаль ему про апельсинъ и записку. Измаиль очень удивился.

— Она мнѣ ничего не сказала. Вѣрно, ей прочла дочь Али, она грамотная. Да я узнаю!.. Это дѣло не чисто. Пойду сейчасъ.

Вечеромъ онъ сообщилъ мнѣ, что письмо, переданное Куртъ Муллою, было отъ Сеитъ Мемета, и «совсѣмъ нехорошее въ немъ написано». Сеитъ Меметъ пишетъ, что не имѣлъ времени зайти къ намъ, но что скоро прїѣдетъ нарочно для сватовства, а до тѣхъ поръ желаетъ поговорить съ нею наединѣ, въ верхнемъ лѣсу, завтра ночью...

— А ты знаешь,—прибавилъ Измаиль,—онъ уѣхаль уже сутки назадъ. Не живетъ же онъ въ лѣсу! Онъ давно въ Ялтѣ!..

— Да, это подозрительно,—сказаль я:—тутъ какія-то штуки Куртъ Муллы... Послушай, а Сеитъ Меметъ говорилъ кому нибудь изъ здѣшнихъ «уланъ» или тебѣ самому, что хочетъ свататься за сестру?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что никому онъ этого не говорилъ!.. Это она знаетъ только по запискамъ, которыя носилъ Куртъ Мулла... А въ запискахъ вездѣ говорится, чтобы она молчала объ этомъ,—что его родители нашли ему богатую невѣсту, а онъ не хочетъ, а желаетъ сестру, и если родители раньше узнаютъ, то насильно женятъ его на другой!.. Ужъ въ одной запискѣ онъ звалъ ее потихоньку прїйти къ нему съ Куртъ Муллою въ Ялту, гдѣ можно обвѣнчаться тайкомъ...

— И какъ же вы позволяете Куртъ Муллѣ передавать записки? Вѣдь ты самъ разсказываль, что съ нимъ никто въ деревнѣ говорить не хочетъ... Онъ золъ на вашу семью за отказъ... Мало ли что онъ можетъ сдѣлать! Быть можетъ, Сеитъ Меметъ ничего и не знаетъ?.. А Куртъ Муллѣ нужно только завести сестру куда нибудь подальше въ лѣсъ?.. Богъ знаетъ, какія у него мысли!

— Нѣтъ, Сеитъ Меметъ знаетъ. Онъ только скрываетъ отъ своихъ. Боятся... Теперь они разбогатѣли, хотятъ и невѣсту богатую. А Куртъ Мулла что жъ? Вонъ и ты съ нимъ посылаешь письма. Всѣ посылають... Больше не съ кѣмъ... Да, вѣдь, объ этомъ никто изъ нашихъ и не знаетъ, кромѣ меня... А мнѣ она сказала, чтобы я ей стихи записываль, которые она ему послала... Жаль ее стало. Вѣдь онъ женихъ хорошій!.. А худого я тогда о немъ не зналъ... Ну, она плачетъ, просить: «не отнимай счастья моего!»...

— А почему же ты увѣренъ, что Сеитъ Меметъ знаетъ объ этихъ письмахъ?—спросилъ я.

— Очень твердо знаю! Потому что онъ ей всегда подарки присылалъ съ Куртъ Муллою: вотъ апельсинъ; разъ колечко прислалъ. Кто же это присылаетъ, какъ не онъ?..

Это было довольно правдоподобно: Куртъ Мулла могъ быть способенъ на всякую гадость, но не на жертвы, ради любви.

— А что же теперь, когда ты узналъ, что Сеить Меметь не хорошій человекъ? Ты все же будешь имъ помогать?..

— Нѣтъ!—съ негодованіемъ закачалъ онъ головой:—она ему опять вчера стихи придумала, а я не сталъ писать. Онъ разказалъ нашимъ парнямъ, откуда у него деньги... Я не хочу сестрѣ такого мужа. Какая жизнь ея будетъ!..

— Ты бы ей разказалъ все это.

— Разказывалъ,—отвѣтилъ онъ печально:—да она даже этого и не понимаетъ...

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ въ грустномъ раздумѣ.

— Разкажи ты мнѣ, пожалуйста,—робко заговорилъ онъ:—какъ же ваши женщины? Всѣ онѣ такія? И какъ же мужья? Знають они? Заведено у васъ такъ?

Я сталъ его увѣрять, что у насъ такихъ женщинъ очень мало.

— Вѣрно, онѣ и пить его выучили?—продолжалъ Исмаиль:—у насъ законъ строго запрещаетъ пить вино. Если вино на полъ прольешь, то надо выжечь это мѣсто огнемъ! А теперь начинаютъ пить русскую водку. Говорять: «Магометъ запретилъ только виноградное, а это изъ хлѣба». Вчера Сеить Меметь всѣхъ парней увелъ на шоссе: тамъ одинъ грекъ водку продаетъ. И всѣ перепились. Нашимъ съ непривычки довольно глотокъ выпить. Передрались до крови, валялись, всю ночь шумѣли!.. И это въ такой праздникъ!

Помолчавъ немного, онъ добавилъ:

— У насъ этотъ праздникъ очень большой! Прежде, когда я маленькій былъ, его хорошо праздновали... А теперь... До чего дошло! И еще хуже будетъ. Старики говорятъ, что скоро насъ насильно будутъ въ вашу вѣру крестить... Многие изъ-за этого въ Турцію уѣзжаютъ. Ты не слыхалъ?

Онъ поникъ головой и подозрительно взглянулъ на меня исподлобья.

— Какой вздоръ!—воскликнулъ я,—и ты этому вѣришь! Это русскіе кабатчики пускають среди васъ такой слухъ, чтобы ваши имѣнія скушать. А ты спроси-ка учителя въ Симферополѣ... Ахъ, какимъ вы пустякамъ вѣрите!

— Старики не будутъ говорить напрасно,—отвѣтилъ Исмаиль недовѣрчиво.—Я тоже хочу въ Турцію уѣхать, если это начнется... Жаль здѣсь всего — и дома, и тополей старыхъ, и горъ, и ручья... Въ Турціи, говорятъ, люди лучше, добрѣе.

Я никогда не видѣлъ его такимъ печальнымъ: онъ едва сдерживалъ слезы. Мнѣ захотѣлось какой нибудь шуткой развеселить его, и я сказалъ смѣясь:

— Поѣдемъ вмѣстѣ въ Турцію. Возьмемъ и сестру. Я тамъ вашу вѣру приму и женюсь на ней. Будемъ съ тобой братьями.

Измаилъ не только не развеселился, но съ раздраженіемъ всталъ и рѣзко произнесъ:

— Зачѣмъ ты этимъ шутишь? Вѣрой нельзя шутить!

— А если не шучу?

— Это ты нехорошо говоришь! Не надо такъ шутить... Нельзя этого...

Онъ не простился и ушелъ отъ меня.

Черезъ нѣсколько дней.

Сегодня случилась со мной такая пошлость, что стыдно и рассказывать тебѣ! И все это отъ скуки и бездѣлья! Нужно бы уѣхать сейчасъ же послѣ праздника, а я остался, почувствовавъ легкое нездоровье, а потомъ и совсѣмъ расхворался, даже лежалъ два дня... Кромѣ того, стало жаль Измаила: когда я сказалъ ему, что собираюсь уѣхать, онъ едва не заплакалъ.

— Какъ же такъ?.. А наше ученье? Развѣ тебѣ такъ скоро нужно? Отчего же ты раньше говорилъ, что проживешь три мѣсяца?..

И вотъ я остался еще на нѣсколько дней... А это еще хуже: живешь словно на бивуакахъ! И, какъ нарочно, отецъ опять послалъ вчера Измаила въ Симферополь, а я снова одинъ. И вотъ привязалась ко мнѣ мысль объ Эмене Шерфе: «Какъ-то она себя чувствуетъ послѣ исторіи съ Сеитъ Меметомъ? Неужели еще любить и не перестала думать о немъ!» etc., etc... Когда голова работаетъ на эту тему, въ нее Богъ знаетъ что ползетъ! И досадно стало, кромѣ того, что живу я почти подъ одной крышей съ живымъ, чуткимъ существомъ, а между нами точно стѣна каменная... Ну, да однимъ словомъ пошелъ я сегодня къ фонтану,— что на горѣ, надъ ручьемъ,— съ намѣреніемъ завести разговоръ съ Эмене Шерфе, когда она придетъ за водой,— да такой разговоръ, чтобы между нами завязались никому невѣдомыя сношенія и обмѣнъ мыслей... Ну, и пошелъ, выбравъ время, когда она ходитъ туда. Этотъ фонтанъ устроенъ на широкой скалѣ: вода бьетъ изъ камня черезъ металлическую трубку, въ небольшой каменный водоемъ, чистая, какъ хрусталь, холодная, какъ ледъ. На камнѣ высѣчены надписи, должно быть, изъ корана. Нѣсколько деревьевъ склоняются надъ нимъ, давая тѣнь. Я часто сижу здѣсь въ жаркіе дни съ моимъ этюдникомъ. Татарки приходятъ за водой, съ пугливымъ любопытствомъ смотрятъ на меня, подставляютъ подъ серебряную струю свои кувшины съ длинными горлами, а потомъ ловко ставятъ ихъ на плечо и, поддерживая одной рукой, граціозно покачиваясь, спускаются внизъ.

Мнѣ недолго пришлось ждать Эмене Шерфе. Я увидѣлъ сверху, какъ она поднималась по каменистой тропинкѣ. Никого не было у фонтана. Когда она подошла, я поздоровался съ ней порусски, она ласково отвѣтила, мелькомъ взглянувъ на меня. Вотъ она на-

полнила кувшинъ и собралась уходить, но, поправляя своимъ обыкновеннымъ движеніемъ волосы на лбу, снова взглянула на меня изъ-подъ руки: я замѣтилъ въ ея лицѣ тревогу.

— Ты очень блѣдень! — проговорила она потатарски, — очень нездоровъ! И ты все одинъ! Измаила нѣтъ!..

— А тебѣ жаль меня?

— Измаиль тебя очень жалѣеть.

Она осмотрѣлась, не видитъ ли кто насъ, и стала поднимать кувшинъ.

— Ну, а самой тебѣ жаль меня? Ты думаешь когда нибудь обо мнѣ?

— Всѣхъ жаль, кто нездоровъ, — отвѣтила она и торопливо поставила кувшинъ на плечо, собираясь уходить.

— Всѣхъ, но не меня! Всѣ твои мысли только объ одномъ человѣкѣ! А я и нездоровъ оттого, что думаю только о тебѣ!..

— Я не могу этого слушать! — быстро проговорила дѣвушка, сильно покраснѣвъ, и стала спускаться внизъ. Но на поворотѣ, когда мнѣ были видны только ея плечи и голова, она обернулась, посмотрѣла ласково и тихо проговорила: — Мнѣ тебя жаль! И я о тебѣ думаю! Прощай! — Затѣмъ она быстро исчезла.

Черезъ нѣсколько мгновеній все, что я сдѣлалъ, показалось мнѣ дрянной пошлостью, и съ тѣхъ поръ даже во рту у меня какой-то отвратительный вкусъ, и я противенъ самому себѣ.

Другъ мой, милая моя многоученая нянька! Помоги мнѣ разобратъ между двухъ этихъ Артовыхъ, изъ которыхъ одинъ невыносимый пошлякъ, а другой порядочный человѣкъ и терзается пошлостью другого. Или я преувеличиваю, и въ этомъ нѣтъ ничего важнаго, и со всѣми это бываетъ, а я все раздуваю подъ вліяніемъ твоихъ писемъ? Да, я постоянно вижу тебя наблюдающимъ за мной, и вѣчно во мнѣ сидитъ вопросъ: «а что сказалъ бы онъ?» Знаешь, я могу возмутиться противъ твоей власти, возненавидѣть ее: ты сковываешь мою волю.

Ура! Принесли твое письмо!

На другой день.

Ну, я такъ и зналъ, что ты будешь ворчать на меня за послѣднія строки моего письма къ Марьѣ Николаевнѣ! Да, да, три раза да, ты правъ: не нужно было ей писать, что я люблю попрежнему!

Но прежде чѣмъ ты написалъ это, я десять разъ думалъ тоже!

Ты объясняешь мое непостоянство «художественностью» природы, сравнивая это стремленіе къ новому и неизвѣстному съ общимъ стремленіемъ художника творить новыя произведенія, едва окончено старое. Но правъ ли ты? Неужели всѣ художники таковы? Я знаю, наоборотъ, множество самыхъ вѣрныхъ супруговъ между ними! А художники слова? Вспомни Тургенева, который всю жизнь былъ

преданъ одной женщинѣ, да еще платонически! Нѣтъ, моя милая нянька, ты напрасно стараешься въ этомъ отношеніи «облѣить» твоего бѣднаго друга. Нельзя объяснить этого однимъ художественнымъ или поэтическимъ «любопытствомъ», какъ ты говоришь. Я очень и очень опасуюсь, что тутъ есть частичка декадентства, вырожденія... Не виновать ли здѣсь больше всего древній дворянскій родъ? Ты видишь, я не только не сержусь на тебя, но даже нахожу тебя довольно мягкимъ. Во всякомъ случаѣ, очень много правды въ томъ, что ты пишешь. Часто ты служишь мнѣ зеркаломъ, въ которомъ я вижу себя яснѣе... Спасибо тебѣ: ты вѣдь только добра желаешь мнѣ; я чувствую это въ каждомъ твоёмъ словѣ. А какъ полезно было мнѣ и твое послѣднее письмо, сейчасъ расскажу.

Сегодня приходитъ ко мнѣ Измаиль и какъ-то пытливо и возбужденно всматривается въ мои глаза. И тонъ у него какой-то особенный, недовѣрчивый. Я подумалъ, что Эмене Шерфе рассказала ему о проклятой сценѣ у колодца, и что онъ негодуешь на меня, презираетъ меня, быть можетъ, собирается начать рѣзкое объясненіе. Мнѣ было неловко и стыдно.

Но я былъ правъ только наполовину.

— Сестра опять стихи сложила,—сказалъ онъ,—хочешь прочту?

— Пожалуйста.

— Только и ты мнѣ обѣщай, что отвѣтишь потомъ мнѣ на одинъ вопросъ.

— Обѣщаю.

И онъ сталъ читать стихи, безпрестанно взглядывая на меня, какъ будто старался прочесть что-то на моемъ лицѣ.

Вотъ эти стихи. Я съ первыхъ строкъ понялъ, что они написаны обо мнѣ.

Онъ всегда блѣденъ, какъ горный снѣгъ;
Онъ печаленъ, какъ тополь осенью;
Много мыслей бѣжитъ по его лицу,
Какъ много облаковъ бѣжитъ зимой по небу.
Онъ сказалъ, что все думаетъ обо мнѣ.
Ахъ, еслибъ и я могла думать о немъ!
Я думала бы о немъ всегда, всегда...
Я думала бы только о немъ одномъ.

Я чувствовалъ, что краснѣю, и не могъ выдержать его взгляда.

Я ждалъ его вопросовъ, но онъ сидѣлъ молча, опустивъ голову, и молчалъ. На лицѣ выражалась тяжелая грусть.

— Что же ты хотѣлъ спросить меня? Спрашивай,—сказалъ я, чтобы прервать тягостное молчаніе.

— Теперь не нужно, я и самъ знаю,—отвѣтилъ онъ.

— Да что такое? Говори, пожалуйста.

— Это она о тебѣ пишетъ. Это ты ей сказалъ, что думаешь только о ней... Я по лицу твоему это узналъ. Я и раньше дога-

дался и спросилъ ее, но она клялась, что это не о тебѣ, что все это она выдумала изъ головы. Эхъ, Эмене Шерфе! Не ждалъ я, что ты меня обманывать будешь... И отъ тебя не ждалъ! — прибавилъ онъ со слезами на глазахъ.

Опустивъ голову, Измаилъ подперъ ее руками, положенными на столъ, и сталъ печально смотрѣть внизъ, на далекія волны сбѣгающаго лѣса.

— Я тебя и не думалъ обманывать,—возразилъ я:—если бы ты спросилъ меня, я сказалъ бы тебѣ всю правду. Да я постоянно думаю о ней въ послѣднее время. Но въ моихъ мысляхъ нѣтъ ничего плохого. Вѣдь самъ ты рассказывалъ, какъ не хорошо у васъ женщинамъ, какъ много среди нихъ чахоточныхъ и больныхъ всякими болѣзнями отъ дурного воздуха... Вотъ я и думалъ, какъ бы избавить отъ такой участи Эмене Шерфе. Развѣ это дурно? Я тебѣ объяснялъ не разъ, что у насъ очень высоко цѣнятъ тѣхъ, кто умѣетъ писать стихи. Если бы ее увезти отсюда, научить порусски, дать читать хорошия книги, то изъ нея, быть можетъ, вышла бы знаменитость на всю Россію... Вотъ объ чемъ я думалъ и постоянно собирался говорить съ тобой...

Онъ не сразу отвѣтилъ, но лицо его прояснилось. Ужасно онъ ее любитъ.

— И ты серьезно все это говоришь?—спросилъ онъ, взглядывая на меня.

— Совершенно серьезно.

— Ахъ, если бы это было можно,—сказалъ онъ,—чего бы я не сдѣлалъ! Но объ этомъ и думать нечего!

— Мнѣ кажется, что очень можно,—рѣшительно заявилъ я.

— О, ты не знаешь! — сказалъ Измаилъ и опять сталъ печаленъ.— Наши ни за что не отпустятъ ее. Объ этомъ и думать нечего! А потихоньку увезти... Кто же на это рѣшится?.. Догонить отецъ, убѣетъ, а если не убѣетъ сразу, такъ забьетъ ее.

— Можно устроить такъ, что не догонятъ. Она отпросится куданибудь въ гости на нѣсколько дней. А черезъ нѣсколько дней будетъ ужъ далеко отсюда въ Москвѣ, въ Петербургѣ.

— А паспортъ? Нельзя безъ паспорта...

— Ну, можно за границу ее увезти. Тамъ паспортонъ не требуютъ.

— А кто же это будетъ увозить? И откуда столько денегъ взять?

— А если я увезу?

Эти слова точно ударили его. Онъ поблѣднѣлъ, глаза потускнѣли.

— Этого нельзя!—сурово сказалъ онъ:—ты этого мнѣ не говори...

Голосъ его сталъ почти грубъ. Онъ задыхался.

— Да, вѣдь, и ты вмѣстѣ съ нами поѣдешь. Отчего ты разсердился такъ? Я ничего дурного не думалъ.

— Это ты не дѣло говоришь!—воскликнулъ онъ:—кто это слыхалъ, чтобы чужой человѣкъ такія деньги истратилъ такъ себѣ, даромъ! А, вѣдь, насъ двоихъ и кормить надо, и одѣвать... Нѣтъ, ты шутишь, ты не дѣло говоришь... А этимъ шутить нельзя.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Постой,—сказалъ я, схвативъ его за руку и увлекаясь желаніемъ оправдаться передъ нимъ,—ты забываешь, что она станетъ знаменитой, будетъ зарабатывать большія деньги и тогда заплатитъ мнѣ. Да и ты будешь учиться, станешь потомъ работать.

Какъ ни былъ онъ несвѣдущъ въ этихъ дѣлахъ и какъ ни ставилъ высоко Эмене Шерфе, но практическій деревенскій умъ не позволилъ ему повѣрить мнѣ.

— Это—не дѣло!—сказалъ онъ ласковѣе:—я вѣрю, что ты такъ думаешь, но... этого нельзя. Когда она еще выучится! Когда я выучусь! А отецъ? А Салга? Вѣдь они умрутъ съ горя! Такъ нельзя!..

— А ее тебѣ не жаль? Не жаль, что она пропадетъ здѣсь?

— Что же дѣлать! Да и зачѣмъ ей пропадать! Найдутся и здѣсь хорошіе люди... А не то я съ отцомъ повезу ее въ Симферополь... Тамъ найдемъ жениха. Тамъ и учиться можно будетъ...

Онъ ушелъ очень задумчивый и передъ уходомъ еще разъ пылливо взглянулъ въ мои глаза.

Ты спросишь: въ чемъ же сказалося вліяніе твоего письма? Не поступилъ ли я совсѣмъ наоборотъ, взявшись именно за то дѣло, которое ты не совѣтовалъ мнѣ брать на себя? Но неужели ты думаешь, что я вѣрилъ въ то, что говорилъ бѣдному юношѣ? Мнѣ надо было просто успокоить его относительно случая у колодца, который самому мнѣ противенъ. Правда, противна и сегодняшняя ложь, но тутъ была, по крайней мѣрѣ, добрая цѣль. А, сдѣлавъ разъ одну гадость, приходится поправлять ее всегда какой нибудь новой гадостью. Нѣтъ, надо уѣхать и какъ можно скорѣе! Все это меня утомило, надоѣло, и на душѣ чувствуется какая-то слякоть! Или ужъ быть съ тобой вполне откровеннымъ? Слушай: не вѣрь мнѣ! Когда я фантазировалъ передъ Измаиломъ, я забылъ твои совѣты и говорилъ оттого, что чувствовалъ удовольствіе помечтать... Развѣ это не новая пошлость! Вѣдь я не вѣрилъ тому, что говорилъ.

На другой день.

Я никакъ не ожидалъ, что мою вчерашнюю болтовню Измаилъ не отвергъ совершенно. Наоборотъ, рѣшивъ въ первую минуту, что мой планъ невозможенъ, онъ, повидимому, самъ такъ увлекся имъ, что сегодня пришелъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ. Между прочимъ спрашивалъ: сколько стоитъ дорога до Москвы, жизнь за границей и т. п. Принесъ мнѣ шапочку (фесъ) Эмене Шерфе, обшитую турецкими монетами, и спрашивалъ, сколько могутъ дать за нихъ. Наконецъ послѣ долгихъ колебаній сталъ просить меня убѣдить отца,

что у Эмене Шерфе есть талантъ, что она можетъ прославиться и нажить большія деньги, если будетъ учиться и т. д. и т. д. Я общалъ поговорить съ отцомъ.

Но хуже всего то, что онъ, кажется, передалъ мои планы сестрѣ. Я заключаю это изъ того, что она особенно лукаво поклонилась мнѣ сегодня и многозначительно улыбнулась. А теперь безпрестанно появляется на нашемъ дворикѣ и посматриваетъ на мою галерею. Это мнѣ совсѣмъ не нравится! Въ манерахъ ея явилась какая-то самоувѣренность и развязность, и это отняло у нея обычную грацію. Она ходитъ, какъ-то вздрагивая бедрами... И откуда это? Сейчасъ пронесла огромную лохань съ грязными помоями: рукава засучены, платье подобрано, и изъ-подъ него видны некрасивые, пестрые, ситцевые шаровары. И какія у нея худыя руки отъ локтя! Да еще съ волосами на тыльной сторонѣ... Право, я точно вижу не ее, а какую-то совсѣмъ другую особу, съ ухватками развязной горничной... Нѣтъ, этотъ типъ только и хорошъ тогда, когда скромнѣе...

Что это? На улицѣ знакомые русскіе рѣчи и голоса? Спрашиваютъ меня! Да это—Марья Николаевна!

Ночью.

Да, пріѣхала Марья Николаевна съ Сысоевой. Когда я услышалъ ихъ голоса на улицѣ, первое чувство, охватившее меня, было похоже на испугъ и досаду за то, что нарушили мое уединеніе, мой покой. Но я овладѣлъ собой и пошелъ къ нимъ навстрѣчу съ радостными возгласами:—Ахъ, Боже мой! Это—вы! и т. д.

А онѣ были такъ искренно веселы, такъ счастливы, такъ увѣрены въ моей радости!

— Ну, о своемъ житьѣ-бытьѣ вы послѣ расскажете,—говорила Сысоева,—а теперь кормите насъ и напоите! Мы устали, проголодались и сгорѣли на солнцѣ!

Я побѣжалъ внизъ распорядиться. Захватилъ тамъ хлѣба, молока, яицъ. А на моей галерейкѣ звенѣлъ необычный женскій смѣхъ и веселый говоръ.

Въ жизнь мою ворвалось что-то новое, или, вѣрнѣе, очень старое, а все, что я пережилъ здѣсь, стало блѣднѣть и отходить на задній планъ... Мнѣ вдругъ стало жаль этого пережитаго здѣсь... Мнѣ ясно почувствовалось, что не я управляю своей жизнью, а каждый кому не лѣнь! И ты въ томъ числѣ... и Марья Николаевна, и Сысоева, и даже Измаилъ... Что же я-то такое? Неужели на мнѣ оправдываются слова Гейне, что поэтъ (а, значить, и художникъ) похожъ на колоколъ, выставленный на площади, въ который можетъ позвонить каждый!

Все это быстро мелькнуло въ моемъ умѣ, и я всходилъ на свою галерею, нагруженный съѣстными припасами, далеко не съ радужнымъ настроеніемъ...

А мнѣ навстрѣчу уже неслись веселые голоса:

— Теперь мы знаемъ, отчего вы здѣсь забыли насъ. Мы разсмотрѣли всѣ ваши этюды. Очень хорошенъкая эта татарочка!

— И какъ поэтически вы изобразили ее,—путила Сысоева:—около колодца, и самъ вдали на камнѣ, въ позѣ демона, искушающаго Тамару.

Я сдѣлалъ важное лицо и таинственно проговорилъ:

— Если бы вы знали, кто эта дѣвушка! Я открылъ здѣсь перлъ! Представьте себѣ, въ такой глуши, и настоящая поэтесса-самородокъ, даже не грамотная. Послѣ я прочту вамъ ея стихи и сообщу нѣкоторые мои планы, въ которыхъ вы очень можете помочь мнѣ...

Такимъ образомъ я услѣшно прекратилъ шутки, которыя меня покировали, и, въ виду моего обѣщанія все рассказать послѣ, дѣвушки съ аппетитомъ набросились на молоко и хлѣбъ, пока я варилъ яйца на своей бензинкѣ.

Въ промежуткахъ онѣ успѣли рассказать мнѣ, что пріѣхали съ Сеить Меметомъ.

— Онъ изъ здѣшней деревни,—говорила Сысоева,—и очень недорого вялеть съ насъ за лошадей. Но знаете что? Мы его рѣшили отпустить, если здѣсь найдутся лошади и какая нибудь изба, чтобы прожить нѣсколько дней. Вѣдь вы не прогоните насъ, надѣюсь?..

— Здѣсь такъ хорошо!—сказала Марья Николаевна.—А мы бы не въ состояніи были сдѣлать обратный путь, не отдыхая...

Она какъ будто бы оправдывалась. Быть можетъ, ея чуткое сердце подсказало, что я не въ особенномъ восторгѣ отъ ихъ пріѣзда.

Зато Сысоева ничего не замѣчала и уписывала хлѣбъ и яйца на обѣ щеки, что очень не гармонировало съ Мурильевской мадонной, которую она напомнила мнѣ, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ въ Ялтѣ.

Когда голодъ и жажда были утолены, дѣвушки засыпали меня вопросами объ Эмене Шерфе, пришли въ восторгъ отъ ея стиховъ, и Сысоева тутъ же порѣшила, что онѣ не уѣдутъ отсюда, пока не убѣдятъ отца отпустить Эмене Шерфе съ ними. Теперь не трудно будетъ вступить съ ней самой въ прямые переговоры безъ посредства Измаила: вѣдь онѣ свободно могутъ ходить къ ней и даже пригласить ее къ себѣ въ гости.

— Однако, надо отыскать намъ себѣ жилище, — сказала Сысоева: — мы цѣлую ночь не спали, и прежде всего нужно бы выспаться, а вечеромъ вы намъ покажете окрестности. Идемъ отыскивать квартиру!..

Насколько Сысоева была рѣшительна и весела, настолько Марья Николаевна молчалива и грустна, хотя употребляла большія усилія, чтобы скрыть это. Но я отлично изучилъ ее. Впрочемъ, быть можетъ, она просто очень устала. Сысоева, восторгаясь постепенно всѣмъ, начиная съ молока и кончая природой и горнымъ воздухомъ, неожиданно сказала:

— А, знаешь ли, Маша, не перебраться ли намъ сюда изъ Ялты на все остальное лѣто? Вѣдь, и докторъ тебѣ совѣтовалъ пожить въ горахъ... Александръ Петровичъ, вы, помнится, хотѣли прожить здѣсь мѣсяца три?

— Да,—отвѣтилъ я,—но въ послѣднее время мнѣ пришлось измѣнить это рѣшеніе. Я такъ быстро поправился здѣсь, и, говоря откровенно, мнѣ все здѣсь такъ успѣло надоѣсть, что я надняхъ хотѣлъ уѣхать... Нужно и за дѣло приниматься... Впрочемъ, если бы вы рѣшили сюда перебраться, я прожилъ бы здѣсь еще немного...

Марья Николаевна торопливо заговорила неровнымъ голосомъ:

— Это совершенно невозможно! Мнѣ необходимо купаться... Да и вообще я думаю, намъ не слѣдуетъ долго оставаться здѣсь. Отдохнемъ немножко и въ путь. Не удержать ли намъ Сеитъ Мемета? За обратный путь онъ возьметъ дешевле... А что ему стоитъ дождаться какойнибудь день...

Только теперь Сысоева замѣтила ея настроеніе, тревожно взглянула на нее, поропливо посмотрѣла на меня и проговорила спокойно:

— Какъ знаешь. Мнѣ все равно.

Я, конечно, сталъ убѣждать ихъ прожить здѣсь дня три-четыре, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться въ Ялту.

Марья Николаевна ничего не отвѣтила, и мы пошли искать квартиру. Ее скоро удалось найти. Перенесли небольшой багажъ, и я простился съ ними до вечера.

Когда я вернулся домой, Измаиль уже поджидалъ меня. Онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать о моихъ гостяхъ: «кто онѣ? Не родственницы ли мнѣ? А, быть можетъ, одна изъ нихъ моя невѣста? Долго ли пробудутъ? Зачѣмъ пріѣхали?»

— Это мои старые друзья,—отвѣтилъ я и сообщилъ, какъ Марья Николаевна ухаживала за мной во время болѣзни, какъ много я обязанъ ей, и не одинъ я, а многіе одинокіе больные, пріѣзжающіе въ Ялту. Мнѣ, повидимому, удалось вызвать въ немъ уваженіе къ ней: онъ и понятія не имѣлъ о женщинахъ и дѣвушкахъ, посвящающихъ свою жизнь на служеніе другимъ... Ему даже трудно было объяснить это, и пришлось сослаться на нашу «вѣру»... Эта ссылка была ему болѣе понятна.

Отсюда не трудно было перейти и къ вопросу объ Эмене Шерфе. Я рассказалъ Измаилу, какъ горячо приняли къ сердцу мои друзья положеніе его сестры.

— Какъ ты думаешь, быть можетъ, отецъ согласится легче отпустить ее съ ними?

Онъ сомнительно покачалъ головой.

— А все же попробовать не мѣшаетъ?—спросилъ я.

— Я тебѣ ужъ говорилъ, что нужно сказать отцу о томъ, какая польза изъ этого можетъ выйти... Но это нужно не для того, чтобы онъ ее отпустилъ, онъ ея не отпуститъ. Это нужно для дру-

того: если бы она ушла сама, со мной, онъ понималъ бы, что не на худое она ушла и не такъ бы сердился... Не такъ былъ бы огорченъ... Онъ только сдѣлалъ бы видъ, что сердится. А безъ этого онъ не вынесетъ,—умретъ.

Измаиль торопился въ сосѣднюю деревню по какому-то дѣлу и общалъ зайти ко мнѣ вечеромъ.

Но я не успѣлъ побывать у старика: все обдумывалъ, какъ ему сказать. А затѣмъ, вскорѣ послѣ ухода Измаила пришла Марья Николаевна съ Сысоевой: онѣ не могли заснуть, да и жаль было терять время.

— Еще ночью успѣемъ выспаться!—говорила Сысоева:— а теперь покажите намъ, какъ пройти къ вашимъ хозяйкамъ.

Такая ужъ у нея дѣятельная натура! Разъ что нибудь задумано, сейчасъ же нужно приводить въ исполненіе.

— А какъ же вы будете говорить съ ними?—спросилъ я.

— Сысоева хорошо говорить потатарски,—отвѣтила Марья Николаевна:— вѣдь она два года была учительницей въ татарской школѣ.

Я показалъ имъ дорогу и ужъ, конечно, никакъ не могъ ожидать того, что случилось во время этого недолгаго визита...

Не прошло и четверти часа, какъ дѣвушки вернулись ко мнѣ взволнованныя и встревоженные. У Марьи Николаевны были слезы на глазахъ, и она вся дрожала.

А случилось вотъ что: Алимѣ, Салгѣ и дѣвушки приняли сперва очень любезно пріѣзжихъ, осматривали ихъ костюмы, матеріи на платьяхъ, предлагали угостить кофеемъ и т. д. Но Сысоева сдѣлала крупную безтактность: взявъ руку Эмене Шерфе, она стала показывать Марьѣ Николаевнѣ ея окрашенные ногти и объяснять (порусски) этотъ странный обычай, причемъ назвала и тотъ не совсѣмъ чистоплотный матеріалъ, изъ котораго добываютъ краску для ногтей и волосъ. При этомъ она громко засмѣялась. Эмене Шерфе вспыхнула, какъ порохъ, вырвала руку и сильно, нѣсколько разъ ударила Сысоеву по рукѣ, потомъ вытолкала обѣихъ изъ избы¹⁾.

Марью Николаевну пришлось отпавать водой, потому что, рассказавъ мнѣ это происшествіе, она стала истерически плакать, упрекая Сысоеву, что та испортила все дѣло, что теперь даже и поправить его невозможно... Она была очень напугана неожиданностью самаго эпизода.

Сысоева храбрилась и оправдывалась:

— Это просто дикарка какая-то! Много разъ татарки сами смѣялись вмѣстѣ со мной надъ этимъ украшеніемъ! И никогда ничего подобнаго не бывало. Это какая-то бѣшеная! И какъ она меня сильно треснула по рукѣ: до сихъ поръ кость ноетъ...

¹⁾ Истинное происшествіе.

Она, волнуясь, ходила изъ угла въ уголъ по моей комнатѣ и въ припадкѣ раздраженія допла до того, что начала объяснять этотъ случай совсѣмъ поженски:

— Это не просто,—говорила:—ваша хваленая поэтесса просто ревнива. Она увидѣла въ насъ соперницъ и, конечно, сдерживалась, насколько могла, но достаточно было ничтожнаго предлога, и она выдала себя... Васъ можно поздравить! Вы успѣли одержать здѣсь побѣду!..

Эти слова имѣли то полезное дѣйствіе, что противъ нихъ возстала Марья Николаевна, начавъ доказывать невозможность такого предположенія, и это заставило ее забыть тяжелое впечатлѣніе и свой испугъ.

— Вѣдь не могла же Эмене Шерфе рассчитывать на какуюнибудь близость съ Александромъ Петровичемъ!—говорила она:—а если такъ,—нашъ прїѣздъ былъ для нея совершенно безразличенъ.

Я прибавилъ къ этому все, что зналъ о любви Эмене Шерфе къ Сеитъ Мемету. Сысоева доказывала, что это ровно ничего не значитъ: такая дикарка могла любить Сеитъ Мемета, какъ жениха, а въ то же время мое вниманіе къ ней могло льстить ея самолюбію и вскружить ей голову. Ревность же вовсе не зависитъ отъ любви: чаще всего она—дѣло самолюбія и т. д., и т. д.

Благодаря этому спору, нервы успокоились у обѣихъ, и мы отправились въ горы уже въ довольно сносномъ настроеніи.

Черезъ два дня.

Цѣлыхъ два дня ничего не записывалъ въ свой дневникъ, потому что съ утра и до поздней ночи водилъ по горамъ и лѣсамъ Марью Николаевну и ея подругу; остальное время сидѣлъ у нихъ, такъ какъ послѣ исторіи съ Эмене Шерфе имъ неловко было заходить ко мнѣ. Измаила совсѣмъ не вижу. Должно быть, ему стыдно за сестру, и онъ не заходитъ ко мнѣ, когда я возвращаюсь поздно вечеромъ.

Завтра мы собираемся уѣхать; я уже нанялъ въ деревнѣ лошадей и расплатился съ хозяиномъ. Только едва ли успѣемъ завтра. Мои гости непременно хотятъ забраться на Яйлу и, конечно, устать.

И такъ эпизодъ съ Эмене Шерфе конченъ. И довольно таки нелѣпо! Если вѣрны предположенія Сысоевой, что тутъ замѣшана ревность, то, конечно, въ такомъ исходѣ отчасти виноватъ я. Эта нелѣпая фраза, вырвавшаяся у меня около колодца, въ самомъ дѣлѣ не вскружила ли ей голову?

Ну, что дѣлать! Лучше не думать объ этомъ... А жаль мнѣ ее! Я пишу тебѣ теперь (уже поздняя ночь около двѣнадцати часовъ), сидя на своей галерейкѣ, и невольно отрываюсь отъ письма и смотрю на низенькую хатку, гдѣ живетъ Эмене Шерфе... Что она думаетъ,

что она чувствуетъ теперь? Какъ пойдетъ ея жизнь, когда я уѣду? Мелькнулъ ей на мгновеніе какой-то просвѣтъ впереди... Вѣдь Измаиль, конечно, передалъ ей мои планы... И вотъ снова будничная, почти тюремная жизнь!

А бѣдняга Измаиль! Никого у него здѣсь не будетъ! Какъ тяжело, должно быть, у него на душѣ!

И неужели ужъ ничего нельзя поправить?

Мы толковали объ этомъ сегодня. Марья Николаевна рѣшилась даже на маленькую жертву: отправиться къ Эмене Шерфе и объяснить ей, въ чемъ дѣло. Но она не говоритъ потатарски, а Измаиль, который могъ бы служить переводчикомъ, куда-то скрывается. Сысоеву же взять съ собою невозможно.

Такъ и не рѣшили ничего.

А между тѣмъ, по началу, когда только что пріѣхала Марья Николаевна, мой планъ показался мнѣ вовсе не такимъ фантастическимъ, какъ прежде. Марья Николаевна умѣетъ доводить до конца то, что рѣшить.

Странная вещь! Во второй разъ мнѣ кажется, что у насъ по двору кто-то ходитъ осторожно, точно крадется. Одинъ разъ я думалъ, что это Измаиль, и окликнулъ. Мнѣ показалось, что какая-то фигура бросилась къ забору и перескочила черезъ него. Ночь совсѣмъ темная, и тучи застилаютъ луну... По нимъ изрѣдка пробѣгаютъ молніи, слышится отдаленный громъ, подобный тихому стону.

Погашу лампу и буду наблюдать.

Оканчиваю черезъ часъ.

На нашемъ дворикѣ дѣйствительно былъ человѣкъ. Онъ пробирался къ старой избѣ, и когда подошелъ къ ней, я услышалъ едва уловимый звукъ: человѣкъ три раза слегка царапнулъ ногтемъ по стѣнѣ избы. Почти тотчасъ на порогѣ показалась бѣлая фигурка несомнѣнно Эмене Шерфе. Человѣкъ что-то передалъ ей и сейчасъ же скользнулъ, какъ тѣнь, къ забору, за которымъ исчезъ... Фигура высокая, какъ у Куртъ Муллы... Но его нѣтъ въ деревнѣ, иначе онъ зашелъ бы ко мнѣ за письмами или принесъ бы письма и газеты... Я еще нѣсколько минутъ не зажигалъ огня... Бѣлая женская фигура продолжала стоять на порогѣ. Вотъ молнія на мгновеніе освѣтила ее, и я теперь ясно увидѣлъ, что это Эмене Шерфе: она неподвижно смотрѣла на мою галерейку. Какъ она похудѣла! И какая блѣдная! Или это отъ свѣта молніи мнѣ такъ показалось?

А дальше... ужъ не знаю, было ли это обманомъ воображенія въ темнотѣ, или это дѣйствительно случилось, но я видѣлъ, что она подняла къ моей галереѣ сложенные руки, и услышалъ тихій шопотъ: — Прощай, прощай! — А затѣмъ она скрылась въ дверяхъ избы.

Что же все это значить? Что происходитъ въ ея дикой, загадочной душѣ?..

На другой день. Ночью.

Мнѣ все кажется, что я вижу страшный сонъ, что я проснусь, и ужасный кошмаръ исчезнетъ... Но, къ несчастью, то, что случилось,—дѣйствительность, и пробудиться отъ нея нельзя. Эмене Шерфе убѣжала... И это бы еще не бѣда, но я увѣренъ, что она убѣжала съ Куртъ Муллою, который просто заманилъ ее куда-то отъ имени Свйтъ Мемета, и сдѣлаетъ съ ней что нибудь ужасное... Черезъ нѣсколько часовъ все будетъ извѣстно, такъ какъ Измаиль бросился на поиски... Но какъ пережить эти нѣсколько часовъ ужаснаго ожиданія, зная, что подвергается какой-то невѣроятной опасности безсильное, хорошее существо, да еще отчасти по моей же винѣ!..

И вотъ, чтобы хотя немного заглушить невыносимую тревогу, я сталъ писать тебѣ и каждую минуту отрываюсь, прислушиваюсь, иногда выбѣгаю на дорогу... Но ничего не слышно. Ночь лунная, тихая. Каждый звукъ на дорогѣ и даже въ лѣсу на скалахъ отчетливо слышно...

Разскажу тебѣ, какъ все случилось.

Мы были на Яйлѣ, а такъ какъ раньше я уже бывалъ тамъ, то проводника мы не взяли и на обратномъ пути сбились съ тропинки... Пришлось спускаться наобумъ. Устали страшно... Становилось темно. Наконецъ нашли какую-то совсѣмъ неизвѣстную мнѣ дорожку. Спустившись по ней до того мѣста, гдѣ кончался лѣсъ, и откуда мы, къ величайшей радости, увидѣли внизу огоньки нашей деревни, мы успокоились и даже рѣшились посидѣть, отдохнуть, полюбоваться моремъ, надъ которымъ какъ разъ въ тотъ моментъ появилось красное зарево восходящей луны...

Чтобы расположиться поудобнѣе, мы отошли на нѣсколько сажень отъ тропинки, ближе къ скаламъ и усѣлись на нихъ, даже принялись за остатки нашей провизіи... Въ это время я услышалъ, что по тропинкѣ, которую мы только что оставили, кто-то поднимается снизу.

Вотъ можно было даже различить голоса—мужской и женскій, хотя фигуръ не было видно. Женскій голосъ показался мнѣ знакомымъ. Я прислушался, но голоса смолкли. Раздавались только шаги. Вотъ они слышны на одномъ уровнѣ съ нами; а затѣмъ ужъ выше насъ, ближе къ лѣсу... Опять послышались голоса, и теперь мнѣ ясно показалось, что я узнаю голосъ Эмене Шерфе. «Но зачѣмъ она пойдетъ сюда?» подумалъ я и рѣшилъ, что это — обманъ воображенія.

Шаги и голоса замолкли, и я началъ успокаиваться, какъ вдругъ Марья Николаевна сказала:

— Вы слышали, что тамъ въ лѣсу шли какіе-то люди?

— Да, слышалъ.

— А не показалось ли вамъ, что женскій голосъ похожъ на голосъ Эмене Шерфе?

— Такъ и вы то же подумали?

— И мнѣ то же показалось,—сказала Сысоева.

— Ну, въ такомъ случаѣ, почти навѣрное—это она.

Я передалъ имъ часть моихъ вчерашнихъ наблюденій на нашемъ дворикѣ, и мы встревоженные пустились въ путь, чтобы предупредить Измаила. Всѣ мы были согласны, что голосъ спутника Эмене Шерфе былъ не голосъ юноши. Незнакомецъ говорилъ басомъ нѣсколько осиплымъ. Очевидно—это не Измаиль.

Мы спустились не болѣе полчаса. Оставивъ дѣвушекъ у ихъ квартиры, я почти бѣгомъ побѣжалъ къ себѣ, прошелъ въ нижнюю избу, разбудилъ Измаила и вызвалъ его.

— Дома сестра?—спросилъ я.

Онъ удивился, почему я спрашиваю.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—она ушла къ теткѣ, на другой конецъ деревни, дня на два: тамъ работа есть.

Я ему рассказалъ, гдѣ слышалъ ея голосъ.

— Это тебѣ показалось!—отвѣтилъ онъ, но потомъ припомнилъ, что Куртъ Мулла все утро вертѣлся около ихъ дома.

Вечеромъ же Измаиль не видѣлъ сестры, потому что ѣздилъ въ лѣсъ.

— Пойду, посоветуюсь съ бабушкой,—сказалъ онъ и вошелъ въ избу, а черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опять ко мнѣ. Когда я увидѣлъ при лунѣ его лицо, я испугался: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза блуждали.

— Дѣло плохое!—прошепталъ онъ:—она въ самомъ дѣлѣ, должно быть, убѣжала... Бабушка осмотрѣла сундукъ: тамъ нѣтъ ни ея феса съ монетами, ни лучшихъ платьевъ. Но я догоню! Я сейчасъ... верхомъ!.. Убью я его... Ахъ, счастье, что ты видѣлъ, гдѣ они шли...

Все это онъ говорилъ на ходу, а черезъ минуту уже скакалъ по дорогѣ въ горы.

Съ тѣхъ поръ прошло не больше часа, а мнѣ кажется, что пять или десять часовъ длится мое ожиданіе... Сперва былъ слышенъ топотъ лошади, но онъ замолкъ. Тишина мертвая. Изрѣдка гдѣ нибудь залаетъ собака, или крикнетъ сова... Мнѣ все чудится, что сверху изъ отдаленнаго лѣса доносятся вопли... Но это просто звонъ въ ушахъ. У меня настоящая лихорадка.

Чу!.. въ самомъ дѣлѣ издалика пронесся дикій, протяжный вопль... еще разъ... теперь все тихо...

Крикъ ли это Эмене Шерфе? Или Измаиль догналъ ихъ и убилъ Куртъ Мулла (а, быть можетъ, Сеитъ Мемета)? Или это шакаль?... Они кричатъ почти такъ же...

Но почему мнѣ кажется, что ей грозитъ несчастье?

Почему не предположить, что Куртъ Мулла былъ, дѣйствительно, только посредникомъ Сеитъ Мемета, который ждетъ ее въ лѣсу и увезетъ въ Ялгу?

Какой-то инстинктъ упорно говоритъ мнѣ, что Сеитъ Меметь здѣсь не при чемъ, что все это дѣло Куртъ Муллы, который задумалъ что-то ужасное: не даромъ она взяла съ собой и свой фесъ съ золотыми монетами. Онъ стоитъ рублей полтораста. Если бы ты зналъ этого Куртъ Муллу: онъ настоящая смѣсь палача и разбойника. И въ немъ еще говоритъ месть и чувственность.

Меня мучить мысль, что косвенно я виноватъ, если съ ней чтонибудь случится... Вѣдь до прїѣзда Марьи Николаевны и Сысоевой Эмене Шерфе, очевидно, не поддавалась его убѣжденіямъ. Ея мысли обращались уже въ другую сторону: она начинала думать обо мнѣ, писала мнѣ стихи и, быть можетъ, въ ней уже бродили смутныя, дѣтскія мечты о какой-то иной жизни, о большихъ городахъ, о славѣ, о свободѣ... И вотъ прїѣхали горожанки—молоденькія, красивыя, нарядныя, веселыя... Я цѣлые дни съ ними, по цѣлымъ ночамъ меня нѣтъ дома...

Одна изъ нихъ оскорбила ее своимъ смѣхомъ...

Все это вмѣстѣ могло породить въ ея наивной, самолюбивой, дикой душѣ мысль, что и я смѣялся надъ ней, когда общалъ что-то лучшее, увѣряя, что только о ней и думаю. Если къ этому присоединилась, хотя капелька ревности, то очень понятно, какая буря должна была подняться въ этой темной, мечтательной душѣ. И вотъ на эту почву упали слова Куртъ Муллы! Желаніе показать мнѣ, что и безъ меня она найдетъ человѣка,—желаніе отомстить мнѣ чисто поженски—вотъ что заставило ее рѣшиться! И, конечно, я одинъ виноватъ, если она погибнетъ. Вотъ что меня мучить!...

Большая ночная бабочка влетѣла въ комнату; долго и громко билась она о потолокъ и стѣны, а вотъ налетѣла на свѣчку и упала на полъ съ сухимъ стукомъ. Бьется бѣдняжка... А что, если тамъ, высоко въ горномъ лѣсу, бьется, обливаясь кровью, другая бѣдняжка, еще недавно полная наивныхъ грезъ, надеждъ, стремленій!..

И, вѣдь, я могъ бы ей помочь! Могъ бы помочь уйти изъ этой среды! Но... ты былъ правъ... для этого нужно было не заигрывать съ ея сердцемъ, а относиться къ ней, какъ къ сестрѣ, по-братски, по-человѣчески...

А я?..

Но такъ ли ужасно виноватъ я, какъ мнѣ теперь кажется? Вѣдь я не желалъ ей сдѣлать ничего дурного! Я не хотѣлъ играть ея сердцемъ. Мнѣ хотѣлось только заглянуть въ это сердце, посмотреть и почувствовать, какъ оно чувствуетъ, какъ оно загорается, какъ оно бьется... Это какое-то непреодолимое любопытство... Но почему же мнѣ непременно самому хотѣлось быть и объектомъ этого чувства?.. Ну, и наблюдалъ бы за тѣмъ, какъ она любитъ Мемета!.. Нѣтъ, это—не одно любопытство... Но что же это такое? А между тѣмъ это «что-то», что влекло меня къ ней,—что влекло

и къ Марьѣ Николаевнѣ, и ко многимъ другимъ,—это такъ сильно, такъ много мѣста занимаетъ въ моей душѣ, что, если бы у меня отняли это, если бы я вытравилъ его въ себѣ,—жизнь показалась бы мнѣ мертвой, бессмысленной пустыней, могилой... и я, вѣроятно, не сталъ бы жить! Даже, когда я пишу мои картины, то въ моемъ воображеніи рисуются милыя, невѣдомыя женскія лица, очарованные глаза, взволнованное дыханіе...

Въ деревнѣ шумъ, крики!.. Вотъ они стали раздаваться и вверху на горѣ, перекликающіеся, протяжные, далекіе... Тамъ мелькають огни... Значить, Исмаилъ не напелъ ея, и созвалъ деревню!..

Какая ужасная ночь! Эти далекіе протяжные крики, повторяющіе ея имя!.. Эти огоньки, всюду бѣгающіе въ лѣсу и по скаламъ... Въ этомъ есть что-то такое, отъ чего я весь дрожу, какъ въ лихолѣтѣ.

Я слышу голоса Марьи Николаевны и Сысоевой. Разбудили и ихъ... Онѣ идутъ сюда...

На другой день.

Я не могъ выйти на улицу, когда вчера ночью несли ея трупъ. Я видѣлъ только издали огромную толпу съ огнями, спускавшуюся съ горъ; на мгновеніе мнѣ показалось, что я увидалъ и ее, но я не могъ смотрѣть. Говорятъ, она убита ударомъ ножа въ спину... Ножъ вошелъ въ сердце. Смерть была мгновенна.

И на нашемъ дворикѣ, и на улицѣ—толпа народа. А какіе вопли раздаются изъ старой хаты! Это, вѣроятно, мать и сестра... Марья Николаевна и Сысоева все время тамъ, около этихъ несчастныхъ женщинъ. А я не въ состояніи пойти туда!.. Я не могу видѣть ея мертваго лица... Да и вида крови я не выношу.

Въ толпѣ то начинается ревъ, то настаетъ мертвая тишина... Вотъ сейчасъ все затихло...

Это приближалъ Исмаилъ! Вотъ онъ пробирается сквозь толпу и махаетъ высоко надъ головой женскимъ фесомъ. Глаза у него безумные.

— Это ея фесь! Мы отрыли его во дворѣ Куртъ Муллы!--кричитъ онъ изступленнымъ, осипшимъ голосомъ. Лицо его блѣдно до синевы; кое-гдѣ выступаютъ красныя пятна; губы засохли и почернѣли. Онъ все пробирается ближе къ избѣ; все махаетъ шапочкой и кричитъ... Не кажется ли ему, что она воскреснетъ отъ того, что онъ принесетъ ея фесь? Онъ вошелъ въ хату.

Вотъ опять толпа заревѣла, какъ буря... Изъ избы вырвался нечеловѣческой вопль... Я не могу выносить этого. У меня сердце порвется...

На этомъ кончается дневникъ Артова. Послѣдующія событія разсказаны въ письмѣ А. И. Сысоевой къ Д. П. С—ву, которое я нашелъ между листами дневника.

Привожу это письмо цѣликомъ.

«Милостивый государь, Дмитрій Петровичъ, пишу вамъ по просьбѣ Марьи Николаевны, которая до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ всего пережитаго... Вы уже знаете многія подробности изъ газетнаго отчета, который я послала вамъ, а на ваши вопросы о послѣднихъ минутахъ Артова сообщаю все, что извѣстно мнѣ и Марьѣ Николаевнѣ.

«На первый вашъ вопросъ о томъ, какъ мы думаемъ, не ошиблись ли присяжные, оправдавъ Сеитъ Меметъ, такъ какъ его alibi могло быть доказано подговоренными свидѣтелями, мы обѣ отвѣчаемъ вамъ, что Сеитъ Меметъ не могъ быть виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Для чего ему было совершать это ужасное преступленіе? Доказано, что Эмене Шерфе была только убита, и никакого другого болѣе ужаснаго преступленія совершено не было. Ясно, что ради нѣсколькихъ золотыхъ Сеитъ Меметъ, обладающій уже нѣкоторымъ достаткомъ, не могъ бы убить ее. Наоборотъ, противъ Куртъ Муллы говорятъ все: онъ извѣстный воръ. Его прельстили золотыя монеты; имъ руководила и мечь. Быть можетъ, у него были и болѣе ужасныя намѣренія, но ихъ остановило что-то, быть можетъ, встрѣча съ нами. (Куртъ Мулла могъ замѣтить насъ. Крики Эмене Шерфе могли быть услышаны нами, и вотъ онъ покончилъ съ ней сразу, ударивъ ножемъ въ спину, прямо противъ сердца). Хотя онъ увѣрялъ, что фесь, отысканный у него на дворѣ, принадлежитъ его матери и былъ брошенъ за негодностью, однако всѣ дѣвушки признали (по знакамъ, оставшимся отъ монетъ), что это фесь Эмене Шерфе: онѣ помогали ей пришивать къ нему монеты.

«Теперь объ Артовѣ.

«Онъ упрашивалъ насъ уѣхать изъ деревни какъ можно скорѣе, но мы ухаживали за бабушкой и сестрой Эмене Шерфе, которыя совсѣмъ обезумѣли отъ горя. Но больше всего мы надѣялись чтонибудь устроить для Измаила, увезти его въ Ялту, потомъ въ Москву, чтобы дать возможность учиться. Онъ цѣлые дни лежалъ въ темномъ углу своей хаты, не отвѣчая на вопросы, не принимая пищи. Видя, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь, мы рѣшились уѣхать. Передъ нашимъ отъѣздомъ Измаиль куда-то исчезъ.

«Отъѣхавъ верстъ пять отъ деревни, мы увидали его. Онъ сидѣлъ на дорогѣ и, очевидно, ждалъ насъ. Какое ужасное лицо увидѣли мы, когда подѣхали ближе! Блѣдное, воспаленное, съ красными пятнами; глаза, налитые кровью.

«Я замѣтила, что Артовъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ его. До тѣхъ поръ онъ былъ даже веселъ или притворялся веселымъ: шутилъ, острилъ...

«Измаилъ вскочилъ съ земли и, быстро подойдя къ Артову, схватилъ его лошадь за поводья. Въ первый моментъ мнѣ показалось, что онъ хочетъ убить Александра Петровича. Но онъ стоялъ неподвижно, смотря прямо въ его глаза съ такимъ унылымъ, горькимъ укоромъ, что у меня сердце замерло отъ жалости, и хотѣлось заплакать.

«Два раза Измаилъ начиналъ что-то говорить и не могъ отъ волненія. Губы и подбородокъ дрожали у него, какъ у ребенка, который собирается зарыдать.

«Онъ говорилъ только отрывочныя безсвязныя слова; изъ нихъ можно было понять, что Артова онъ винитъ въ смерти сестры:

— «Около фонтана! Около фонтана!..—повторялъ онъ:—зачѣмъ говорилъ тогда ей?.. А послѣ?.. Зачѣмъ общалъ? Зачѣмъ?.. А потомъ сразу уѣзжать захотѣлъ... съ этими... Ты виноватъ! Ты все неправду говорилъ! Ты не вѣрный человѣкъ! Ты все говорилъ неправду...

«На минуту онъ замолкъ, какъ будто обдумывая, что ему сдѣлать съ Артовымъ, затѣмъ сказалъ упавшимъ голосомъ:

— «Но я тебѣ вреда не сдѣлаю... Пусть Богъ...

«Онъ не могъ кончить, заплакалъ и сильно толкнулъ лошадь Артова, такъ что она поднялась на дыбы и сдѣлала нѣсколько скачковъ.

«Мы поѣхали дальше. Я оглянулась. Измаилъ лежалъ на дорогѣ лицомъ внизъ, и все тѣло его билось, быть можетъ, отъ рыданій, а, быть можетъ, это былъ какой нибудь припадокъ.

«Всю дорогу до Ялты Артовъ молчалъ.

«Къ несчастью, ни у меня, ни у Марьи Николаевны не находилось ни одной мысли, чтобы успокоить его. Вѣдь мы не знали, о какихъ словахъ у колодца говорилъ несчастный юноша.

«Мы это поняли только послѣ, когда разобрали и прочли дневникъ.

«Въ Ялтѣ Артовъ сказалъ, что остановится не у Марьи Николаевны, а въ гостиницѣ, куда и отправился. А часа черезъ три отъ него принесли Марьѣ Николаевнѣ записку, въ которой онъ говорилъ, что принялъ ядъ, но теперь жалѣеть объ этомъ и просить какъ можно скорѣе привести къ нему врача, не дѣлая этого никому извѣстнымъ. (У него была какая-то очень ядовитая краска).

«Когда Марья Николаевна явилась съ врачомъ, — помочь было нельзя.

«Вотъ и все.

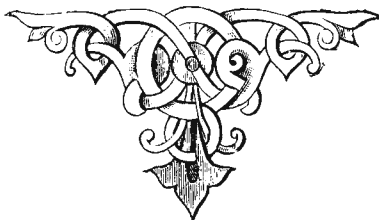
«Ужасно жаль этого человѣка, хотя онъ никогда не былъ мнѣ симпатиченъ.

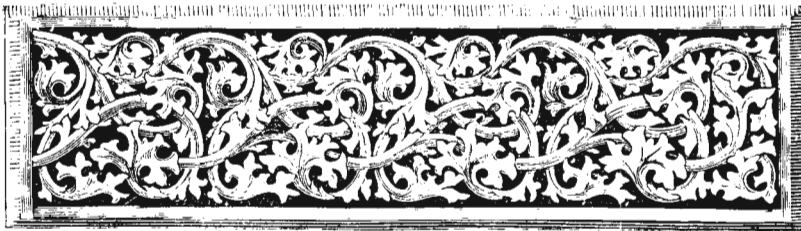
«Одно хотѣлось бы сказать: не кажется ли вамъ, что большинство нашего общества относится къ жизни (и не только крымскихъ татаръ, но и нашей русской деревни) подобно Артову, т. е. почти

исключительно съ эстетической точки зрѣнія? А тамъ идетъ своя жизнь, и этой жизни нужна живая помощь, энергическая помощь интеллигенціи... Но большинство прѣзжаетъ въ Крымъ или деревню—наслаждаться природой, «изучать» типы, писать этюды, картины, повѣсти и романы изъ мѣстной жизни, а самое-то главное—душу и сердце народа, зарождающіяся въ этой душѣ движенія, вопросы, мечты—знаемъ ли мы? Помогаемъ ли мы имъ?

«Что же винить одного Артова? Да онъ и художникъ! И какъ онъ покаралъ себя за всѣхъ!»

Л. Е. Оболенскій.

МОИ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ РАЗОЧАРОВАНІЯ.

(1866—1868 гг.).

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ТО БЫЛО давно... Почти тридцать лѣтъ назадъ! И время-то было горячее—время всякихъ упованій и стремленій. Общество переживало періодъ широко задуманныхъ реформъ, стремилось къ новымъ реформамъ и ожидало отъ нихъ очень много, надѣясь на быстрый прогрессъ и... позабывая о медленномъ, постепенномъ, историческомъ ходѣ развитія всякихъ гражданскихъ обществъ. Не менѣе общества увлекалось и правительство, возлагавшее, повидимому, ужъ слишкомъ большія надежды на добродушіе и здравый смыслъ русскаго человѣка, и нѣсколько спѣшило съ введеніемъ въ дѣйствіе всякихъ новыхъ мѣропріятій, которыя не всегда и не вездѣ легко переваривались и принимались на практикѣ... Многие изъ того, что вводилось, не старались даже закрѣплять и упрочивать, въ виду ожидаемыхъ въ близкомъ будущемъ новыхъ переменъ, преобразованій и совершенствованій... Благодаря такому направленію внутренней политики, во всѣхъ частяхъ русской общественной жизни замѣчалась удивительная шатость, неопредѣленность, неустойчи-

вость; во всѣхъ проявленіяхъ духовной дѣятельности оказывалось множество противорѣчій, несообразностей, даже несомвѣстимыхъ крайностей. И въ литературѣ, и въ практической жизни, и на поприщѣ служебной дѣятельности безпрестанно поднимались «бури въ стаканѣ воды», завязывались споры изъ-за выѣденнаго яйца, разладъ и рознь вносились въ семейныя и общественныя отношенія изъ-за отвлеченнѣйшихъ вопросовъ и туманнѣйшихъ теорій. Ломка шла всюду, и ломка сплошная, не слишкомъ осмысленная, но представлявшаяся всѣмъ необходимою, и притомъ еще ломка стараго не для того, чтобы воздвигнуть на мѣстѣ стараго опредѣленно-извѣстное и лучшее новое, а съ тѣмъ, чтобы воздвигнуть нѣчто иное, не выполнѣ еще опредѣлившееся, но непремѣнно новое. Само собою разумѣется, что рядомъ съ такимъ старымъ, которое слѣдовало сломать, слѣдовало замѣнить лучшимъ новымъ, ломалось сплошь и рядомъ такое старое, котораго вовсе мѣнять не слѣдовало — и даже необходимо было сохранить... Но, увы! самое слово сохранить, охранять — вызывало у всѣхъ улыбку пренебреженія на устахъ, и не было худшаго браннаго слова для публициста и общественнаго дѣятеля, какъ если его было можно, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, назвать консерваторомъ. Кто заслуживалъ этого наименованія, тотъ былъ уже на волосокъ отъ возможности прослыть за ретрограда, за отсталаго, а время-то было такое, что всѣ рвались впередъ, и эти порывы свои считали своею главною гражданскою обязанностью, и вышею гражданскою доблестью... Нѣкоторымъ урокомъ, и даже урокомъ весьма полезнымъ для русскаго общества было начавшееся въ 1863 году польское «повстаніе», которое заставило многихъ серьезныхъ русскихъ людей трезво и просто взглянуть на русскую жизнь и проникнуть въ сущность той массы всякихъ идей, идеаловъ и теорій, которые широко волною вливались къ намъ съ запада. «Польскій вопросъ» — собственно говоря, вопросъ внѣшній по отношенію къ остальной Россіи — являлся въ высшей степени важнымъ вопросомъ внутреннимъ и даже, во многихъ отношеніяхъ, пробнымъ камнемъ для опредѣленія всей суммы гражданскихъ убѣжденій русскаго человѣка. Отношеніе русской интеллигенціи къ польскому вопросу вызвало въ средѣ ея большой разладъ, но зато и выяснило чрезвычайную дряблость и несостоятельность этой интеллигенціи, и выдвинуло на первый планъ инныя силы, опиравшіяся уже не на сложныя теоріи, а на простой, здравый смыслъ русскаго народа. На помощь этимъ силамъ, которыя, конечно, встрѣтили въ началѣ ожесточенный отпоръ и въ обществѣ, и въ прессѣ, при полнѣйшемъ равнодушіи въ сферахъ правительственныхныхъ, — вскорѣ, увы! явились и весьма печальныя явленія, провозвѣстники наступающаго мрачнаго и тягостнаго періода, который предстояло пережить русскому обществу...

Это маленькое введеніе считаю необходимымъ для пониманія

того отрывка изъ моихъ воспоминаній, который я въ настоящую минуту печатаю. Все высказанное выше прошу считать никакъ не осужденіемъ тому прошлому, которое мы переживали въ 60-хъ годахъ и къ которому всѣ мы должны относиться съ несомнѣнною пріязнью, какъ мы вообще относимся къ далекому времени нашей минувшей молодости и нравственной свѣжести; этотъ періодъ увлеченій, стремленій, борьбы и надеждъ былъ весьма естественнымъ переходомъ отъ Николаевскихъ временъ, съ ихъ формализмомъ, застоємъ и внѣшнею дисциплиною — къ эпохѣ новѣйшей и несомнѣнно лучшей; но, 30 лѣтъ спустя, мы уже до нѣкоторой степени получаемъ право относиться критически и болѣе или менѣе безпристрастно даже и къ такому привлекательному періоду, какъ миновавшіе 60-е годы...

Въ описываемое мною время я былъ молодымъ (даже очень молодымъ) доцентомъ только что основаннаго Новороссійскаго университета, и въ теченіе всего 1865—1866 учебнаго года жилъ въ Одессѣ одинъ, безъ семьи, оставленной мною въ Петербургѣ до осени слѣдующаго года, когда я намѣревался ее перевезти на югъ Россіи... Вслѣдствіе этого я, конечно, очень скучалъ, и чрезвычайно былъ обрадованъ первою возможностью увидѣться со всѣми близкими и дорогими мнѣ людьми, покинутыми на родинѣ, въ Петербургѣ, гдѣ я выросъ, воспитался и провелъ все мое дѣтство, отрочество и юность. Возможность эта представилась мнѣ въ видѣ командировки за границу на каникулярное время для занятій въ парижскихъ бібліотекахъ собранными тамъ печатными и рукописными матеріалами по исторіи средне-вѣковой драмы, которая въ ту пору чрезвычайно меня интересовала. Весною 1866 года, эта командировка, благодаря представленіямъ факультета и ходатайству попечителя округа, была мнѣ разрѣшена, и я уже собирался ея воспользоваться и, предварительно заѣхавъ въ Петербургъ для свиданія съ семьей, оттуда направиться въ Парижъ, какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно необычайное и неслыханное... Произошло событіе, которое слѣдуетъ считать однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи царствованія императора Александра II.

Какъ теперь помню, иду я по Херсонской улицѣ, направляясь къ университету, и встрѣчаюсь съ покойнымъ профессоромъ Ценковскимъ, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, отвелъ меня въ сторону и, очень встревоженный, сообщилъ мнѣ только что полученную столичную новость.

— Вы слышали, вчера въ государя стрѣляли?

Я такъ и отшатнулся въ сторону; но потомъ тотчасъ же сообразилъ, что это, вѣроятно, только простой слухъ — одна изъ тѣхъ утокъ, которыя въ Одессѣ весьма обычны, вслѣдствіе ея окраин-

наго положенія и разныхъ заграничныхъ вѣяній. Такъ я и высказалъ Ценковскому.

— Да нѣтъ же! Какая тамъ утка! — почти воскликнулъ онъ: — вотъ читайте сами!

И вынувъ изъ кармана официальную телеграмму, подаль мнѣ для прочтенія.

Я просто обомлѣлъ: въ моемъ сознаніи понятіе о государѣ, какъ о русскомъ царѣ, какъ о самодержцѣ, къ которому, при томъ же, всѣ мы, молодое поколѣніе, относились послѣ 19-го февраля 1861 года съ нѣкотораго рода обожаніемъ, — не совмѣщалось съ идеей о покушеніи на его жизнь, драгоценную для всей Россіи! И я до сихъ поръ не могу забыть того сильнаго, потрясающаго впечатлѣнія, которое на меня произвело это событіе, вызвавшее въ душѣ моей очень сильный переворотъ. Я, кажется, именно, съ этого момента сталъ болѣе и болѣе вдумываться въ факты нашей внутренней жизни и съ большею, критическою осторожностью относиться къ поступкамъ своимъ и къ поступкамъ окружающихъ ¹⁾. Этотъ переворотъ, не смятенный и не сглаженный ни поѣздкой моею на сѣверъ, ни свиданіемъ съ милыми и близкими людьми, ни даже яркими впечатлѣніями перваго путешествія за границу, продолжалъ зрѣть и развиваться въ душѣ моей, конечно, подъ вліяніемъ того, что на глазахъ моихъ происходило въ русской общественной жизни — и я, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время ощутилъ въ себѣ весьма горячее желаніе стать подъ знаменемъ тѣхъ, которые выдавали себя за охранителей порядка, традицій и русскаго духа. Мнѣ даже захотѣлось отвлечься отъ научно-кабинетной дѣятельности и принять непосредственное участіе въ заботахъ чисто-административнаго свойства, конечно, въ той области научно-педагогической дѣятельности, къ которой я себя предназначилъ въ началѣ моей служебной карьеры. Отчасти подъ вліяніемъ этого настроенія, отчасти вслѣдствіе того глубочайшаго отвращенія къ университетской профессорской средѣ, которое внушили мнѣ начавшіеся съ осени 1866 г. раздоры и междоусобія между двумя партіями, на которыя около этого времени такъ рѣзко распалась наша университетская коллегія ²⁾, — я задумалъ покинуть университетъ и искать себѣ мѣста по

¹⁾ Не мѣшаетъ припомнить, что мнѣ, не задолго передъ тѣмъ, только что минуло 27 лѣтъ.

²⁾ Эти раздоры между партіями, вызванныя самымъ составомъ очень разношерстной и враскоря собранной коллегіи, разыгрались подъ конецъ весьма бурными сценами въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта, въ попечительскомъ совѣтѣ и т. д. Тѣ же раздоры и въ частности среди профессоровъ университета привели къ весьма печальнымъ фактамъ, прекрасно характеризующимъ то отдаленное и весьма сумбурное во многихъ отношеніяхъ время... Не останавливаясь здѣсь на этой чрезвычайно интересной страницѣ исторіи тогда еще юнаго университета, потому что намѣренъ вернуться къ ней впоследствии. П. П.

Одесскому учебному округу, во главѣ котораго, взамѣнъ Е. А. Арцимовича, явился тогда новый попечитель, С. П. Голубцевъ.

Сергѣй Платоновичъ Голубцовъ, новый попечитель Одесскаго учебнаго округа, былъ и во всѣхъ остальныхъ смыслахъ homo novus—и вообще, какъ попечитель, представлялъ собою явленіе, характеризующее описываемую мною эпоху. Въ попечители онъ попалъ по волѣ весьма въ то время смѣлаго и энергичнаго министра, графа Д. А. Толстаго; но, собственно говоря, никакихъ данныхъ для занятія такого важнаго поста по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія онъ за собою не имѣлъ. Кажется даже, что мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа было для него скорѣе пріятнымъ сюрпризомъ, нежели цѣлью домогательства и стремленій. Графу Д. А. Толстому онъ былъ извѣстенъ лично, какъ сосѣдь по его имѣнію въ Рязанской губерніи и какъ почетный мировой судья или посредникъ, какъ человѣкъ, вполне обезпеченный и независимый въ матеріальномъ отношеніи,—и графъ не затруднился на этомъ основаніи дать ему мѣсто попечителя. Когда С. П. Голубцовъ прибылъ въ Одессу и свелъ первое знакомство съ университетскою коллегіей, то положеніе его оказалось довольно страннымъ: онъ былъ совершенно чуждъ всѣхъ учено и учебно-педагогическихъ интересовъ, и эти интересы были для него совершеннымъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ онъ ничего не зналъ и никакъ, на первыхъ порахъ, не могъ опознаться... Понятія его о планѣ преподаванія, о программахъ, объ устройствѣ учебныхъ заведеній, были самыя наивныя; своихъ взглядовъ на преподаваніе, на цѣли средняго и высшаго образованія—никакихъ; знанія педагогическихъ теорій или знакомства съ современными движеніями въ педагогіи за нимъ тоже не числилось. Въ той области, въ которую онъ вступилъ уже крупною единицею, все было для него ново и неясно, такъ какъ онъ не вносилъ въ нее съ собою ничего, кромѣ нѣкоторой административной и элементарной юридической подготовки—и только... Даже образованіемъ, даже свѣтскимъ лоскомъ, онъ далеко не блисталъ; не обладалъ и представительною виѣшностью своего предшественника, Е. А. Арцимовича. Однимъ словомъ, впечатлѣніе, при первомъ знакомствѣ, онъ произвелъ на насъ неблагоприятное; но впоследствии оказался человѣкомъ весьма общительнымъ, доступнымъ, крайне любезнымъ и гостепримнымъ, а главное—постоянно готовымъ къ наусерднѣйшему, безпрекословному выполненію всѣхъ распоряженій, предписаній и циркуляровъ, исходящихъ свыше, и потому постоянно пользовался милостивымъ расположеніемъ графа Д. А. Толстаго. Съ университетскою коллегіей онъ успѣлъ вскорѣ поладить, съ равнымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивая жалобы обѣихъ партій, преобладавшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ, и съ равнымъ радушіемъ угощая враждующія стороны прекраснѣйшими и тонко-гастрономическими обѣдами (поваръ, привезенный

имъ изъ рязанскаго помѣстья, не даромъ славился своимъ искусствомъ); а въ управленіи округомъ онъ покорно подчинялся указаніямъ своего правителя канцеляріи, человѣка очень тонкаго, опытнаго въ бумажномъ дѣлѣ, во всякихъ отношеніяхъ и отчетахъ, и славившагося умѣньемъ угодить начальству, какихъ бы взглядовъ и убѣжденій оно ни держалось. И дѣло пошло, какъ по маслу.

Когда я, познакомившись поближе съ Сергѣемъ Платоновичемъ, обратился къ нему съ просьбою—дать мнѣ мѣсто по округу, онъ, видимо, былъ этимъ очень доволенъ, встрѣтилъ мое ходатайство весьма радушно, и, прежде всего, доставилъ мнѣ мѣсто преподавателя русскаго языка въ среднихъ классахъ 2-й Одесской гимназіи, а затѣмъ привлекъ меня и къ знаменитой комиссіи, назначенной для ревизіи гимназическаго преподаванія, весною 1867 года. Не знаю, чѣмъ вызвано было назначеніе этой комиссіи, и были ли подобныя же комиссіи назначены для ревизіи гимназическаго преподаванія въ другихъ округахъ; но твердо убѣжденъ, что подобная мѣра была весьма важна и почти необходима въ то крайне спутанное время, которое, конечно, вліяло весьма дурно на общій строй нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Помню, что я былъ назначенъ, собственно говоря, помощникомъ къ покойному профессору и академику П. С. Билярскому, но этотъ достойнѣйшій человѣкъ, чрезвычайно ко мнѣ расположенный и при томъ весьма болѣзненный, просилъ меня заранѣе принять на себя главную роль въ этомъ довольно затруднительномъ дѣлѣ и предупредилъ меня, что ни въ какія распоряженія мои, ни въ составленіе отчета, онъ входить не будетъ, заранѣе готовый скрѣпить своею подписью то, что я сдѣлаю. А мнѣ только это и было нужно, потому что я принялъ распоряженіе министерства о назначеніи ревизіи вполне серьезно, задумалъ разслѣдовать дѣло въ конецъ и получить возможность представить полную и подробную картину гимназическаго преподаванія въ данное время. Напрасно одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, добрый товарищъ мой и прекрасный человѣкъ, профессоръ Власевъ (давно скончавшійся), старался побудить меня къ тому, чтобы я взглянулъ на свою задачу проще, какъ на выполненіе обычной служебной формальности; тщетно пытался онъ меня убѣдить, что самая ревизія вызвана стараніями одной изъ мѣстныхъ партій, для которой существенно-важно доказать несостоятельность современнаго гимназическаго преподаванія и вызвать тѣмъ самымъ общую реформу всего строя среднихъ учебныхъ заведеній... «Васъ, ревизоровъ, напускаютъ, какъ брандеръ, и вашими трудами воспользуются для постороннихъ цѣлей»,—говорилъ мнѣ Власевъ. Но я, подъ вліяніемъ того новаго нравственнаго настроенія, о которомъ я упоминалъ выше, былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ необходимости добросовѣстно исполнить свой долгъ ревизора, рьяно принялся за ра-

боту—изслѣдовалъ, наблюдалъ, работалъ за четверыхъ и представилъ такой суровый отчетъ по преподаванію русскаго языка въ 1-й Одесской гимназіи, снабдилъ его такими фактическими данными, что онъ произвелъ потрясающее дѣйствіе въ попечительскомъ совѣтѣ. Мнѣ тѣмъ болѣе досадно теперь объ этомъ отчетѣ вспомнить, что тогда я, конечно, повредилъ моимъ излишнимъ усердіемъ преподавателю, который, собственно говоря, былъ лишь на половину виноватъ, потому что слѣпо слѣдовалъ въ своемъ преподаваніи модному въ то время методу; къ тому же, многіе могли подумать, что я, усердствуя на ревизіи, стараюсь отличиться передъ начальствомъ... Но въ ту пору я былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что могли бы обо мнѣ сказать, и чрезвычайно доволенъ былъ своею дѣятельностью. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что оно оказало важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ моей служебной дѣятельности и привело, въ концѣ концовъ, къ тѣмъ разочарованіямъ, которыя въ значительной степени способствовали измѣненію моего жизненнаго пути...

Весною того же года, въ маѣ мѣсяцѣ, попечитель предложилъ мнѣ, опять таки въ качествѣ брандера, отправиться въ Херсонъ, для присутствованія при выпускныхъ экзаменахъ изъ 7-го класса, — и я весьма охотно принялъ эту командировку, уже заранѣе предупреденный о томъ, что преподаваніе русскаго языка и словесности ведется тамъ неправильно и небрежно.

Эта поѣздка въ Херсонъ произвела на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Небольшой и не особенно оживленный провинціальный городокъ, на берегу Днѣпра, который здѣсь расходится на множество рукавовъ, омывающихъ острова, заросшіе цѣлымъ лѣсомъ камышей; маленькій мірокъ со своими крошечными интересами «въ сторонѣ отъ большаго свѣта» одесскаго; чистенькое, весьма привлекательное по внѣшности зданіе гимназіи, съ ея тѣснымъ педагогическимъ кружкомъ, повидимому, безмятежнымъ и связаннымъ тѣсною дружбою — все это, послѣ нескончаемыхъ раздоровъ, сплетенъ и перекоровъ университетской коллегіи, показалось мнѣ очень привлекательнымъ. При томъ и принять я былъ и директоромъ Б., только что перешедшимъ на службу въ здѣшнюю гимназію изъ Екатеринослава, и старымъ инспекторомъ Д. чрезвычайно радушно и просто. Я остался въ Херсонѣ дней пять, уѣхалъ въ Одессу для присутствованія на университетскихъ экзаменахъ, опять пріѣхалъ въ Херсонъ дней на 5—6 и затѣмъ окончательно распрощался съ гимназіей, вынося изъ нея самыя пріятныя впечатлѣнія, конечно, за исключеніемъ впечатлѣній отъ экзаменовъ по русскому языку и словесности, которыя оказались просто плачевными. По возвращеніи въ Одессу я представилъ попечителю свой отчетъ объ экзаменахъ и свои соображенія о преподаваніи русскаго языка, и затѣмъ успокоился на время, переѣхавъ на дачу (на Университетскій ху-

торь), на Средній фонтанъ. Здѣсь мало-по-малу херсонскія впечатлѣнія стерлись и изгладились изъ моей памяти, потому что дѣла у меня было много: по утрамъ я бывалъ въ городѣ, гдѣ работалъ часовъ до 3-хъ въ редакціи «Одесскаго Вѣстника», тогда издававшася подъ редакцію покойнаго Сокальскаго, а по вечерамъ, прогулявшись и выкупавшись, принимался за свои работы надъ выработкою хрестоматіи по особому плану и надъ краткимъ грамматическимъ учебникомъ. И вдругъ, въ концѣ іюля, получаю письмо отъ С. П. Голубцова, который проситъ меня заглянуть къ нему «по дѣлу». Являюсь на другой же день и, весьма любезно встрѣченный, слышу странный вопросъ:

— Не желаете ли занять мѣсто инспектора въ Херсонской гимназіи?

— Да позвольте, ваше превосходительство, вѣдь тамъ же инспекторомъ этотъ добрякъ Д.?

— Д. вчера скончался. Получивъ телеграмму о его смерти, я не велѣлъ никому о ней объявлять, прежде, нежели повидаюсь съ вами.

— Право, не знаю, что вамъ отвѣтить... Хотѣлось бы подумать.

— Ну, если вы продумаете болѣе сутокъ, то я назначу другою гимназію, по словамъ новаго директора, страшно распущена во всѣхъ отношеніяхъ, и туда мнѣ нужно инспектора дѣльнаго и строгаго.

Я раскланялся и тотчасъ поѣхалъ на дачу, гдѣ и сталъ обсуждать свое положеніе съ женой. Результатъ обсужденій былъ такой, что я рѣшился на другой день явиться къ попечителю и объявить ему о своемъ согласіи на его предложеніе.

Недѣлю спустя, я уже былъ въ Херсонѣ и приступилъ къ исправленію своихъ обязанностей... И съ этого то дня началась моя педагогическая Одиссея, которая обогатила меня запасомъ драгоценныхъ наблюденій, дала мнѣ въ руки массу любопытнѣйшихъ данныхъ для изученія нашего педагогическаго міра и убѣдила въ томъ, что живому человѣку, не созданному для чиновничьяго формализма, нечего дѣлать среди мертвящей рутины, которою опутанъ бытъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній ¹⁾.

Съ первыхъ же дней, временно поселенный въ двухъ комнатахъ, выдѣленныхъ отъ главнаго зданія гимназіи (квартира инспектора была занята семьею покойнаго Д.), я получилъ полнѣйшую возможность ознакомиться и съ существующими гимназическими порядками, и съ ближайшимъ начальникомъ своимъ, и со всѣмъ

¹⁾ Я говорю и могу говорить такъ, конечно, только по отношенію къ 60-мъ годамъ. Съ позднѣйшимъ періодомъ нашего гимназическаго воспитанія я знакомъ до нѣкоторой степени только по тому, что могъ узнать отъ дѣтей моихъ, воспитывавшихся въ гимназіи, и отъ людей, ближе стоявшихъ къ нашимъ гимназіямъ. Судя по тому, что я могъ узнать этимъ путемъ,—гимназіи наши не улучшились ни въ 70-хъ, ни въ 80-хъ годахъ, несмотря на сурово проводимую въ нихъ классическую реформу.

персоналомъ, который, будучи подчиненъ и мнѣ, и ему, долженъ былъ способствовать намъ въ управленіи всею гимназическою машиной.

Прежде всего остановлюсь на личности моего начальника, Николая Ивановича Б. Это былъ, въ своемъ родѣ, субъектъ въ высшей степени интересный и съ нѣкоторыхъ сторонъ даже достойный изученія. Представьте себѣ мужчину лѣтъ сорока, средняго роста, тщедушнаго, сухопараго, съ впалой грудью и сутуловатой спиной; на узкихъ, костлявыхъ плечахъ, изъ-за туго накрахмаленныхъ воротничковъ, охваченныхъ чернымъ галстухомъ, выступаетъ тонкая шея, на которой держится маленькая, какъ бы сплюснутая головка съ остренькимъ носикомъ и острымъ подбородкомъ, подслѣповатыми глазами, тускло поглядывающими изъ-за большихъ золотыхъ очковъ, и двумя жиденькими пучками бакенбардовъ, которые торчатъ по обѣ стороны узкаго изможеннаго, прозрачно-блѣднаго лица. Волосы на головѣ бѣлокурые, спускающіеся длинными прямыми прядями и, кажется, даже нарочно отпускаемые подлиннѣе, чтобы прикрыть большіе, оттопыренные уши. Въ лицѣ ни кровинки, въ глазахъ—ни искорки какого бы то ни было огня; тонкія, блѣдныя, сухія, гладко выбритыя губы постоянно сжаты и даже при самомъ оживленномъ разговорѣ едва-едва разжимающіяся и чуть-чуть шевелящіяся, вслѣдствіе чего и рѣчь Николая Ивановича болѣе походила на щebetаніе, чѣмъ на разговоръ. (Съ перваго взгляда на Николая Ивановича, вы видите, что это человѣкъ, который, несмотря на свои еще цвѣтушіе годы, давно уже покончилъ всѣ счеты съ живою дѣйствительностью и живетъ внѣ ея, недоступный никакимъ живымъ впечатлѣніямъ, не поддающійся никакимъ тревогамъ и волненіямъ. Кстати сказать, онъ ихъ всѣми силами старается избѣгнуть, потому что прежде всего, въ частной и личной жизни, болѣе всего трепещетъ за свое драгоценное здоровье, а затѣмъ, въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ и общественныхъ опасается и остерегается рѣшительно всего, что можетъ причинить ему хотя какую нибудь непріятность или какъ бы то ни было нарушить его покой... Его любимое выраженіе, которымъ онъ приправляетъ каждое изъ даваемыхъ имъ распоряженій или приказаній, это «ужъ вы, пожалуйста, поосторожнѣе..... да чтобы, Боже сохрани, чего нибудь изъ этого не вышло»..... Въ числѣ его достоинствъ слѣдуетъ отмѣтить «умѣренность и аккуратность», щепетильную чистоплотность и безукоризненную честность въ денежныхъ отношеніяхъ; но за то Николай Ивановичъ, въ служебномъ смыслѣ, несмотря на то, что служба его чисто-педагогическая, и, слѣдовательно, живое дѣло, представляетъ собою чистѣйшій типъ чиновнаго бюрократа, страстно привязаннаго къ обильному бумагописанію, къ рапортамъ и отношеніямъ, къ циркулярамъ и распоряженіямъ начальника округа. Онъ постоянно рылся въ бумагахъ, постоянно занятъ былъ кан-

целярскою работою, и кто бы ни обращался къ нему по какому нибудь животрепещущему вопросу, касавшемуся воспитательной или учебной стороны гимназіи, онъ всегда могъ только отвѣтить:

— На это скажу вамъ, что въ циркулярѣ его превосходительства г. попечителя округа, за такой-то годъ и за такимъ-то №, было указано слѣдующее,—и цитировалъ циркуляръ.

Въ затруднительныхъ случаяхъ этому отвѣту придавалась другая, болѣе уклончивая форма:

— На вашъ вопросъ не рѣшусь отвѣтить сразу... Надо мнѣ заглянуть въ циркулярчики его превосходительства г. попечителя округа... И только... И больше отъ него ничего нельзя добиться.

Встрѣчаясь на службѣ, въ гимназическомъ коридорѣ или въ пансіонѣ, онъ бывало сунетъ мнѣ въ руку свою худую, бѣленькую, безжизненную и холодную какъ ледъ руку, сообщить тотчасъ же, что скверно провелъ ночь или что чувствуетъ тамъ-то и тамъ-то боли—и тотчасъ заговорить о бумагахъ, о канцеляріи, объ окружномъ начальствѣ и его распоряженіяхъ. Долго оставаться въ стѣнахъ заведенія онъ не любилъ, потому что это нарушало порядокъ его дня, распределеннаго по самой строгой гигиенической системѣ, и спѣшилъ, подъ первымъ предлогомъ, домой, гдѣ за исключеніемъ обязательнаго послѣобѣденнаго отдыха весь день рылся въ бумагахъ, въ графахъ и параграфахъ разныхъ отчетовъ и въ прочемъ канцелярскомъ хламѣ, который дѣйствительно содержался у него въ блистательномъ порядкѣ. Разъ въ мѣсяцъ онъ аккуратнѣйшимъ образомъ отлучался въ обязательную поѣздку по окрестнымъ школамъ въ качествѣ директора училищъ и послѣ 3—5 дней странствованія возвращался домой полубольной и съ недѣлю вовсе не являлся въ гимназію, такъ какъ былъ занятъ подробнымъ занесеніемъ добытыхъ имъ данныхъ въ графы и отдѣлы подготовленнаго отчета.

Таковъ былъ мой начальникъ. Моими подчиненными оказывались двое воспитателей (или надзирателей) по пансіону и одинъ надзиратель надъ приходящими воспитанниками, обязанный наблюдать надъ ихъ поведеніемъ во время перемѣнъ, въ стѣнахъ гимназіи, и въ городскомъ саду и на улицахъ, въ свободное для классовъ время. Послѣдній былъ чисто-русскій сказочный богатырь, нѣкто Алексѣй Петровичъ Бр., болѣе извѣстный въ городѣ подъ названіемъ Алеши Поповича, за свою внушительную внѣшность и медвѣжью силу. Человѣкъ онъ былъ предобродушный, недалекій, крайне апатичный и готовый спать во всякое время дня. Изъ двоихъ воспитателей по пансіону, одинъ, Лов—нъ, былъ человѣкъ весьма не глупый, способный, впечатлительный и чуткій ко всему доброму и прекрасному; ему не доставало только характера для того, чтобы быть мнѣ полезнымъ помощникомъ и дѣйствительно хорошимъ воспитателемъ, тѣмъ болѣе, что ни въ его внѣшности, ни въ мане-

рахъ, ни въ обращеніи съ воспитанниками не было ничего такого, что могло бы имъ не нравиться или вызвать съ ихъ стороны насмѣшку. Лов—нъ случайно попалъ на горемычную дорогу воспитателя, тянулъ эту лямку добросовѣстно, но всѣми силами старался выбиться на другую дорогу, такъ какъ могъ быть дѣйствительно недурнымъ учителемъ въ младшихъ классахъ или въ одномъ изъ низшихъ учебныхъ заведеній. Другой воспитатель, С., былъ человѣкъ совершенно безличныи и безгласный, скорѣе способный повредить, чѣмъ подспорить дѣлу.

Вслѣдъ за воспитателями, какъ живой, выступаетъ передо мною эконокъ гимназіи. Небольшого роста, неуклюжій, неповоротливый человѣкъ съ плоскимъ лицомъ, покрытый крупными темными рябинами, съ небольшимъ остренькимъ носикомъ, коротко остриженными волосами съ просѣдью, съ высоко приподнятыми, какъ у сына, бровями и большими, безмысленно растерянными свѣтло сѣрыми глазами. Это былъ человѣкъ непомѣрно глупый, необычайно добродушный, несноснѣйшій хлопотунъ и торопыга, и удивительный мастеръ все перепутать, перевернуть и обезсмыслить... По счастью, у этого безтолковаго и ни на что непригоднаго человѣка (кстати сказать, вполне честнаго и безкорыстнаго) была замѣчательно умная, толковая, расторопная старушка жена, превосходная хозяйка и прекрасная женщина; она-то и спасала постоянно мужа отъ всякихъ бѣдъ и напастей, направляла его дѣйствія на надлежащій путь и выполняла за него всѣ тѣ приказанія, которыя ему, лично, постоянно представлялись неисполнимыми.

Кромѣ эконома, подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ стояло нѣсколько сторожей, замѣнявшихъ прислугу въ пансіонѣ и дежурившихъ въ классномъ коридорѣ во время классовъ. Изъ нихъ выдавался по смѣтливости и расторопности одинъ по имени Францъ, не то финнъ, не то литвинъ, отставной солдатъ, человѣкъ отлично дисциплинированный, трезвый и толковый. Несмотря на то, что онъ не обладалъ вовсе представительною наружностью и былъ даже очень смѣшонъ въ своемъ долгополомъ швейцарскомъ скюртукѣ, я его возвелъ въ швейцары—и онъ бывалъ не разъ полезенъ мнѣ своею распорядительностью и готовностью услужить.

Итакъ, вотъ съ какими дѣятелями мнѣ пришлось приступить къ завѣдыванью гимназіей, въ которой было около 300 приходящихъ учениковъ и около 30 человѣкъ пансіонеровъ. Но я былъ тогда молодъ, полонъ силъ и энергіи, не боялся труда и, что всего важнѣе, полонъ вѣры въ себя и въ людей; я даже наивно вѣрилъ въ то, что и самъ попечитель не откажется помочь мнѣ, въ случаѣ, если бы встрѣтились какіянибудь затрудненія. Вѣдъ не даромъ же сказалъ онъ мнѣ, при прощаньѣ въ Одессѣ, «чтобы я прямо обращался лично къ нему, если въ какомънибудь случаѣ окажется необходимымъ его участіе или помощь». Я тогда еще не исполнилъ

понималъ значеніе Гамлетовой горькой насмѣшки въ восклицаніи: «слова, слова, слова!».

Прежде всего пришлось возиться съ ремонтными работами и пріемкой ихъ отъ подрядчиковъ въ казну; при этомъ мнѣ гораздо болѣе пришлось потерять времени на нескончаемые переговоры и разсужденія съ директоромъ, ссылавшимся на §§ и пункты разныхъ циркуляровъ, нежели на практическое ознакомленіе съ техническими подробностями дѣла. Но вотъ наконецъ зданіе гимназіи, выбѣленное, вычищенное, выкрашенное и провѣтренное, было готово для начала классныхъ занятій, и начались пріемные экзамены. Тутъ я впервые ознакомился съ составомъ учительской коллегіи и съ пестрымъ составомъ массы поступавшихъ въ гимназію учениковъ. Къ крайнему моему неудовольствію, почти треть всей этой массы принадлежала къ еврейской части населенія, а въ остальныхъ двухъ третяхъ было не болѣе половины русскихъ и православныхъ; остальные принадлежали къ тому пестрому и сложному типу, которому совершенно правильно дается названіе южанъ, южно-русскихъ, потому что въ составъ этого типа входятъ и молдованская, и валашская, и сербская, и даже татарская кровь. Къ удивленію моему, въ гимназіи оказалось много и поляковъ...

Тотъ изумительный по мелочности и придирчивости формализмъ, которымъ Николай Ивановичъ Б. обставилъ пріемъ въ гимназію каждаго ученика, просто выводилъ меня изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе, что этотъ формализмъ вызывалъ массу вопросовъ со стороны родителей, которые считали своимъ долгомъ идти за справкою или за разъясненіемъ недоразуменій не въ канцелярію директора, а ко мнѣ, какъ инспектору, не затрудняясь при этомъ никакимъ временемъ дня и не давая мнѣ покоя, буквально, отъ утра и до ночи. Само собою разумѣется, что особенно невыносимыми оказались родители еврей, по своей крайней безцеремонности и назойливости: отъ тѣхъ ужъ не было никакой возможности отдѣлаться, и нерѣдко приходилось прибѣгать къ помощи швейцара Франца, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости наконецъ оставить меня въ покоѣ.

Едва только окончилась эта страдная пора, какъ начался съѣздъ воспитанниковъ въ пансіонъ, и, нѣсколько дней спустя, послѣ торжественнаго молебна, открылись классныя занятія. Передъ началомъ ихъ Николай Ивановичъ Б. вручилъ мнѣ на большомъ листѣ бумаги четко написанныя «правила поведенія» для воспитанниковъ входящихъ, а на еще большемъ листѣ подробнѣйшій списокъ правилъ, обязательныхъ для пансіонеровъ. Помню, что на первомъ листѣ было начертано 23 правила, и всѣ они относились исключительно къ дисциплинѣ внѣшней. Въ дополненіе къ второму листу, Николай Ивановичъ обязательно предложилъ мнѣ придать еще имъ же составленный сводъ «правиль о наказаніяхъ воспитанниковъ», такъ сказать, уголовный порядокъ... Я имѣлъ неосторожность за-

мѣтить на это, съ улыбкой, что считаю подобныя правила преждевременными, что я долженъ сначала вообще ознакомиться съ общимъ составомъ воспитанникомъ, съ духомъ и направлениемъ, господствующимъ въ ихъ средѣ... Но Николай Ивановичъ очень сухо и внушительно отвѣтилъ мнѣ:

— Но, позвольте, вѣдь вы такъ, пожалуй, подвергнете воспитанника такой мѣрѣ наказанія, которой онъ не можетъ быть подвергнутъ, какъ только съ разрѣшенія директора гимназіи или даже совѣта?

— Зачѣмъ же такъ зарываться въ наказаніяхъ? Если выйдетъ что нибудь важное, то я, конечно, приду къ вамъ съ докладомъ и запросомъ... А если я случайно переступлю разрѣшенную мнѣ мѣру наказанія, то вы, вѣроятно, не будете на это въ претензіи и не сочтете за превышеніе власти съ моей стороны...

— Да, но вѣдь это же не согласно съ циркулярами... Я о всякомъ подобномъ случаѣ обязанъ буду довести до свѣдѣнія г. попечителя, потому что, Боже сохрани, изъ этого мало ли что можетъ выйти...

Но, несмотря на всѣ эти обсужденія и предостереженія, я твердо сталъ на своемъ и на время отстоялъ введеніе «правилъ о наказаніяхъ», подъ тѣмъ предлогомъ, что вообще постараюсь избѣгнуть частаго ихъ примѣненія.

Затѣмъ, вскорѣ послѣ пріемныхъ экзаменовъ, началась возня съ пансіономъ, которой я обязанъ многими неизгладимыми привычками и навыками въ работѣ и въ жизни ¹⁾, многими практическими свѣдѣніями и опытами; эта возня, сверхъ того, принесла мнѣ, въ концѣ концовъ, много пріятнѣйшихъ результатовъ, достигнутыхъ путемъ упорнаго и настойчиваго труда, и при этомъ въ такой относительно короткій срокъ времени, въ который трудно было чего бы то ни было достигнуть. Вотъ почему я и помню эти хлопоты объ устройствѣ пансіона во всей подробности ихъ обстановки.

Прежде всего слѣдуетъ припомнить, что цвѣтущее время нашего либерализма 1860-хъ годовъ совпало съ неистовымъ гонениемъ на всякія закрытыя учебныя заведенія, будь то пансіоны при гимназіяхъ или кадетскіе корпуса. Благодаря этому гоненію, корпуса были обращены въ военныя гимназіи, и ихъ богатѣйшее хозяйство и дорогая обстановка совершенно бессмысленно и непроизводительно разорены, и точно также были при многихъ гимназіяхъ разорены и уничтожены пансіоны, въ которыхъ инвентарь заведенъ былъ изстари, солидный, дорогой и прочный. Когда въ воздухѣ почуялись инья, новыя вѣянія,—явились стремленія и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вернуться къ старому, отвергнутому и заброшенному, и возстановить пансіоны при гимназіяхъ, оказавшіеся существенно-необходи-

¹⁾ Именно въ это время я приучился рано вставать, часовъ въ 5—6 утра, и тотчасъ же приниматься за работу.

мыми. Само собою разумѣется, что разорить пансіоны было гораздо легче, нежели возстановить ихъ въ прежнемъ видѣ, и это возстановленіе оказалось настолько же не легкимъ дѣломъ, какъ и вообще всякое обзаведеніе хозяйствомъ въ большомъ семейномъ домѣ, въ которомъ, при томъ же, средства выдавались на обзаведеніе туго и скупно. При херсонской гимназій пансіонъ былъ возстановленъ предшественникомъ Николая Ивановича Б., директоромъ К., человѣкомъ очень ловкимъ, изворотливымъ и порядочно одурачившимъ Николая Ивановича при сдачѣ ему гимназическаго устройства. Онъ сдавалъ имущество при посредствѣ своего инспектора Д., который ручался за правильность пріема своею подписью, а потомъ скоропостижно умеръ, и когда мнѣ пришлось принимать гимназическое и въ особенности пансіонское имущество на дѣлѣ, то оно оказалось существующимъ только на бумагѣ. Пансіонеры стали сѣзжаться со всѣхъ сторонъ, а въ пансіонѣ гимназій не оказывалось ни бѣлья, ни платья, ни сапогъ въ достаточномъ количествѣ, не оказывалось и множества другихъ предметовъ первѣйшей необходимости, и безъ которыхъ соблюденіе какой бы то ни было опрятности было невозможно. И вотъ началась та ужаснѣйшая хлопотня и возня, о которой я упоминалъ выше. Нужны гребни, гребенки, щетки, полотенца и мыла, мыла какъ можно больше... Всего этого нѣтъ, и полотенецъ оказывается 5 на 25 человѣкъ воспитанниковъ. Вѣгу къ Николаю Ивановичу и излагаю ему положеніе дѣла. Онъ выслушиваетъ меня весьма спокойно и говоритъ:

— Надо писать отношеніе къ К. и сдѣлать ему запросъ, почему всего этого не оказывается на лицо, когда все это значится въ его инвентарѣ.

— Да къ чему же это поведетъ?—возражаю я.—Вѣдь К. сдавалъ Д., а Д. умеръ, значитъ, взятки—гладки! А пансіонеровъ нужно мыть и чесать...

— Въ такомъ случаѣ, подайте рапортъ мнѣ объ этомъ, я пошлю запросъ г. попечителю и буду просить у него дополнительной суммы на обзаведеніе пансіона недостающими по инвентарю предметами...

— Да помилуйте!—горячусь я.—Когда же это будетъ? Вѣдь этого мы не дождемся и черезъ мѣсяць. Тутъ нужна немедленная и одновременная затрата...

— Это меня не касается. Я ни одной копейки разрѣшить не могу...

— Но какъ же быть?!

— Я ничего не могу вамъ посовѣтовать.

— Въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду купить все это на свои деньги и представить вамъ счетъ.

— Предоставляю это на ваше благоусмотрѣніе, — преспокойно отвѣчаетъ мнѣ г. директоръ и углубляется вновь въ свои бумаги.

Я покупаю на свои деньги полотенца, гребни, гребенки и щетки,

и во всѣхъ магазинахъ беру счета съ росписками въ полученіи денегъ. Два дня спустя, приношу эти счета Николаю Ивановичу, который беретъ въ руки мой рапортъ и эти счета, бросаетъ на нихъ слегка бѣглый взглядъ и съ тожерствующей улыбкой говоритъ мнѣ:

— Этихъ счетовъ я не могу принять.

— Почему же это?

— Потому что они написаны не по формѣ.

— Да развѣ въ такихъ пустякахъ нужно соблюденіе формы?

— А какъ же-съ!—съ особеннымъ удареніемъ отвѣчаетъ мнѣ Николай Ивановичъ.—Вѣдь если, чего Боже сохрани, выйдетъ чтонибудь этакое...

— Да что же тутъ можетъ выйти? Вы же знаете, что вещи приобрѣтены, что онѣ необходимы, что онѣ розданы по рукамъ...

— Все это я очень хорошо знаю, а счетовъ все же не могу принять. Ихъ нужно отослать въ подлежащія магазины и потребовать отъ нихъ счета безъ росписокъ въ полученіи денегъ.... А затѣмъ на тѣхъ счетахъ должны быть подписи двухъ лицъ, служащихъ въ гимназіи—въ удостовѣреніе того, что вещи эти магазиномъ доставлены и приняты и занесены именно въ такую-то графу инвентаря, за № такимъ-то... Вотъ тогда я могу принять отъ васъ счета и распорядиться объ уплатѣ по нимъ денегъ...

— Николай Ивановичъ!—говорю я уже съ нескрываемою досадою.—Вѣроятно, К. зналъ всѣ эти формальности, и Д. умѣлъ ихъ соблюдать; однако же вещи-то оказались существующими только на бумагѣ...

Николай Ивановичъ смотритъ на меня съ нѣкоторымъ даже сожалѣніемъ и отдѣлывается молчаніемъ.

И такъ далѣе, и такъ постоянно...

Тутъ насущнѣйшая нужда, необходимость разрѣшенія вопроса моментальная а тамъ цѣлая путаница нескончаемыхъ формальностей, ни къ чему не нужныхъ, тормозящихъ дѣло и охлаждающихъ всякую энергію. А между тѣмъ, съ устройствомъ пансіона было необычайно трудно справиться одному, при помощи непроходимо-тупаго эконома и двухъ малоопытныхъ надзирателей, изъ которыхъ при томъ же ни одинъ ничего не смыслилъ въ практической жизни. Могу сказать, что недѣль пять сряду, работая съ утра и до ночи, забывая о семьѣ и о себѣ, я былъ вынужденъ посвящать все свое время только на заботы о томъ, какъ обшить, обмыть, одѣть и обувъ пансіонеровъ вѣренной мнѣ гимназіи. При этомъ долженъ признаться, что никогда, во всю свою жизнь, я столько не боролся съ неряшливостью и нечистоплотностью русскаго человѣка, какъ за это время, внушая юношеству, составлявшему пансіонъ, элементарнѣйшія правила чистоты и порядка. Одновременно съ этимъ приходилось заботиться и о введеніи правилъ обыденной вѣжливости, и о соблюденіи формы, и о внушеніи юношамъ той дисциплины,

которая не можетъ быть установлена никакими правилами, никакими взысканіями, а только постояннымъ наблюденіемъ старшихъ и соблюденіемъ этой дисциплины и съ ихъ стороны. Припоминаются такіе примѣры.

Одинъ изъ надзирателей постоянно жалуется мнѣ на пансіонеровъ, что они лѣниво встаютъ по утрамъ (вставать положено было въ 6^{1/2}, и въ 7 становиться на молитву), и при этомъ указывалъ мнѣ на того и другого воспитанника, какъ на особенно упрямыхъ...

— Сколько имъ ни говори, сколько ни кричи, — они лежатъ себѣ на кроватяхъ... Ихъ слѣдовало бы, право, хорошенько за это проучить...

— Кричать совсѣмъ не слѣдуетъ, — замѣчалъ я надзирателю. — Я просилъ васъ въ обращеніи съ воспитанниками соблюдать величайшую вѣжливость, чтобы и ихъ вынудить къ тому же.

— Да, помилуйте, ничего не подѣлаешь.

Я не повѣрилъ и избралъ иной способъ дѣйствія. Въ первое же дежурство этого надзирателя я всталъ въ 6 часовъ, и какъ разъ въ то самое время, когда слѣдовало прозвонить къ вставанью, я одѣлся въ форменный виць-мундиръ, подошелъ къ стеклянной двери пансіонской спальни съ колокольчикомъ въ рукахъ, приотворилъ дверь и, не входя въ спальню, прозвонилъ звонокъ. Нѣсколько воспитанниковъ тотчасъ вскочили съ постелей, преимущественно изъ младшаго возраста; старшіе продолжали лежать въ постели, поглядывая на надзирателя, который спалъ съ ними въ одной комнатѣ и продолжалъ преспокойно лежать на постели и потягиваться...

Прошло минутъ пять — и сцена нисколько не измѣнилась. Младшіе довольно медленно одѣвались; старшіе не двигались съ кроватей; а надзиратель, продолжая лежать въ кровати, началъ покрикивать:

— Вставайте же! Что это такое? Пора вставать!

— Самъ вставай! — отозвался кто-то лѣниво, приподымая голову съ подушки.

Тогда я вошелъ въ спальню съ колокольчикомъ и сталъ усиленно звонить, проходя между кроватями и никому не говоря ни слова.

Эффектъ былъ поразительный. Прежде всѣхъ вскочилъ, конечно, надзиратель, а за нимъ вслѣдъ повскакали всѣ воспитанники старшаго возраста, наперерывъ слѣша одѣваться. Тогда я передалъ колокольчикъ дежурному сторожу и, не говоря никому ни единого слова, оставался въ пансіонѣ во все время одѣванья, умыванья воспитанниковъ, присутствовалъ на утренней молитвѣ, и когда пансіонеры отправились въ столовую, я тоже отправился къ себѣ домой пить чай.

На другой день, на третій, на четвертый, я повторилъ то же самое, и затѣмъ съ небольшими перерывами являлся утромъ къ пробужденію воспитанниковъ въ продолженіе 3—4 недѣль. Такимъ об-

разомъ явилась увѣренность въ томъ, что я всегда могу явиться въ эту раннюю пору, и эта увѣренность заставляла надзирателей быть постоянно на стражѣ и подавать примѣръ исправности воспитанникамъ, а меня избавляла отъ необходимости прибѣгать къ высканіямъ.

Точно также, ради избѣжанія всякихъ недоразумѣній, я почти черезъ день являлся на вечернія занятія воспитанниковъ въ пансіонъ, самъ съ ними репетировалъ и заставлялъ старшихъ воспитанниковъ репетировать съ младшими, привлекая къ этой дѣятельности и надзирателей, а въ свободное отъ занятій время запросто бесѣдовалъ то со старшими, то съ младшими, то разрѣшая задаваемые ими вопросы, то самъ задавая имъ вопросы, обсужденіе которыхъ могло быть имъ полезно и вызывало иногда весьма интересные споры въ ихъ средѣ. Такимъ образомъ, между мною и воспитанниками мало-по-малу завязывались отношенія и зарождалась тѣсная связь, основанная на взаимномъ довѣрїи и уваженїи.

Николаю Ивановичу очень не нравились подобныя отношенія, не основанныя ни на какомъ параграфѣ устава и ни на какомъ циркулярѣ окружнаго начальства. Онъ находилъ ихъ «не формальными» и даже склоненъ былъ думать, что я «распускаю пансіонъ». Изрѣдка заглядывая въ пансіонъ, онъ не находилъ возможности ни къ чему придратъся, однако же видимо искалъ ея, и чрезвычайно былъ доволенъ, когда однажды, случайно, поймалъ одного изъ старшихъ воспитанниковъ (кстати сказать, очень хорошаго юношу) въ куренїи. Онъ ничего ему не замѣтилъ, но, уходя изъ пансіона сказалъ дежурному воспитателю, что онъ желаетъ «посадить Краснова на два часа въ карцеръ».

— Прошу васъ передать объ этомъ Петру Николаевичу.

Такой способъ дѣйствія, который, по меньшей мѣрѣ, можно было назвать страннымъ, конечно, задѣлъ меня за живое. Мнѣ представилось дѣло такъ: я, начальникъ, поймалъ юношу въ нарушенїи одного изъ существующихъ правилъ внутренней дисциплины, я и налагаю на него тотчасъ же взысканіе, котораго онъ заслуживаетъ. И вотъ, наложивъ взысканіе, я для порядка извѣщаю инспектора о томъ, что уже сдѣлано. Но поручать исполненіе взысканія третьему лицу и послѣ того извѣщать меня объ этомъ: это какъ будто похоже на желаніе избавить себя отъ неприятной случайности и сложить на другихъ возможныя послѣдствія... Это уже не согласовалось ни съ какимъ тактомъ и не подходило ни подъ какія формальности. Понятно, что когда ко мнѣ пришелъ пансіонскій надзиратель съ докладомъ о приказанїи директора — посадить Краснова въ карцеръ на два часа, я не тронулся съ мѣста и сказалъ ему:

— Что-жъ, посадите. И когда посадите, то доложите г. директору, что вы исполнили его приказаніе.

Но мой отвѣтъ, очевидно, не удовлетворилъ надзирателя: вижу,

что онъ не уходитъ отъ моего стола, и потираетъ руки, и собирается что-то сказать. Я смотрю на него и молчу, и онъ смотритъ на меня и молчить.

— Я, право, не знаю,—наконецъ рѣшается онъ сказать,—не знаю, какъ бы это сдѣлать... При покойномъ Д. мы разъ сажали Краснова въ карцеръ, такъ тогда двое сторожей его едва-едва въ карцеръ упрятали...

— Ну, это очень плохой способъ... Всякое сопротивленіе начальству со стороны воспитанника будетъ новымъ и тяжкимъ преступленіемъ. Попробуйте это дѣло уладить. Вамъ приказано: вы и исполняйте.

Надзиратель ушелъ, но я видѣлъ изъ окна, что онъ шелъ черезъ дворъ очень медленно, еле-еле переставляя ноги...

Не прошло и четверти часа, какъ ко мнѣ прибѣжалъ Францъ и доложилъ торопливо, что «пансіонеры очень бунтуютъ, и г. надзиратель очень проситъ меня пожаловать».

Надѣваю вицъ-мундиръ, форменную фуражку и отправляюсь въ пансіонъ и, по дорогѣ, беру у Франца ключъ отъ карцера, который и сую въ карманъ. Еще внизу, на лѣстницѣ, слышу шумъ и гамъ въ пансіонѣ и крики: «Не дадимъ Краснова, не дадимъ!»

Вхожу въ залъ для занятій старшаго класса и вижу надзирателя въ весьма печальномъ положеніи: онъ стоитъ у дверей, съ двумя сторожами-ассистентами, и не смѣетъ шагу ступить впередъ; а весь старшій возрастъ, сбившись въ кучу въ углу и забравъ Краснова въ середину кучи, кричитъ и шумитъ. Многіе очень возбуждены и грозятъ кулаками.

Когда я переступилъ порогъ и положилъ фуражку на одинъ изъ столовъ, всѣ смолкли тотчасъ же.

Прежде всего я обратился къ сторожамъ и сказалъ имъ строго:

— Ступайте по мѣстамъ! Вы здѣсь не нужны!

Затѣмъ я обратился къ пансіонерамъ и сказалъ имъ твердо:

— Прошу васъ сѣсть по мѣстамъ: я хочу говорить съ вами.

Всѣ сѣли по мѣстамъ; одинъ Красновъ, красный, какъ ракъ, оставался въ углу, не двигаясь съ мѣста, и сердито поглядывалъ исподлобья.

— Красновъ!—обратился я къ нему,—ступайте, выпейте стаканъ холодной воды и приходите сюда поскорѣе, успокоившись.

Юноша повиновался и тотчасъ вернулся назадъ. Тогда я обратился къ надзирателю и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Да вотъ,—поспѣшилъ онъ сказать,—я передалъ Краснову приказаніе директора, а онъ не слушается, а они его защищаютъ...

— Это неправда!—закричало нѣсколько голосовъ.—Онъ прямо пришелъ съ солдатами и хотѣлъ насильно вести Краснова въ карцеръ... Мы и не дали!

— Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы привели сторожей?—обра-

тился я къ надзирателю.—Тутъ дѣло такъ просто, что никакое насиліе не нужно. Красновъ нарушилъ важное правило дисциплины—и самъ долженъ понимать, что такое нарушеніе не можетъ остаться безнаказаннымъ. Вѣдь онъ — ужъ взрослый юноша! И, на мой взглядъ, онъ долженъ благодарить г. директора, что ему назначено такое снисходительное взысканіе: на два часа въ карцеръ! Если бы я поймалъ его на мѣстѣ преступленія, я посадилъ бы его на четыре...

Вижу, всѣ смотрятъ на меня внимательно и серьезно; нѣкоторые даже добродушно улыбаются.

— Ну, такъ зачѣмъ же вы-то вмѣшались въ дѣло?—обращаюсь я къ возрасту.—Вамъ не понравилось насиліе надъ Красновымъ, и вы вздумали отвѣчать на него насиліемъ; да еще упустили при этомъ изъ виду, что вы усиливаете такимъ образомъ виновность Краснова, да и сами ужъ дѣйствуете совершенно неразумно, подвергая и его, и себя весьма тяжкой отвѣтственности.

— Да мы... г. инспекторъ... не то, чтобы... а это такъ вышло!—заговорили нѣкоторые изъ воспитанниковъ уже смущенно.

— Такъ вотъ, чтобъ разъ навсегда покончить со всѣми подобными случайностями, я предлагаю вамъ, г. надзиратель, дѣйствовать такимъ образомъ: если вы отъ меня или отъ г. директора получите приказаніе посадить одного изъ этихъ господъ въ карцеръ, то вы прямо дадите ему ключъ отъ карцера и пошлете его къ швейцару, чтобы тотъ его заперъ... Красновъ!—заключилъ я, обращаясь къ юношѣ, — вотъ вамъ ключъ отъ карцера; ступайте къ Францу и прикажите запереть себя на два часа.

Юноша всталъ со своего мѣста, взялъ изъ рукъ моихъ ключъ и безпрекословно отправился въ карцеръ, чѣмъ весь эпизодъ «бунта» не только былъ исчерпанъ, но еще и на будущее время устранены были всякія попытки сопротивленія со стороны юношей, которымъ мой смѣлый и спокойный способъ дѣйствій очень понравился.

И только тогда уже я счелъ возможнымъ отправиться къ Николаю Ивановичу и довести до его свѣдѣнія обо всемъ случившемся. Онъ попытался было доказывать мнѣ, что я поступилъ совершенно неправильно, что я поблажаю воспитанникамъ, что ихъ всѣхъ слѣдуетъ подвергнуть взысканію, сбавить имъ баллы за поведеніе и т. д.—и заключилъ тѣмъ, что онъ сочтетъ своимъ долгомъ немедленно довести обо всемъ случившемся до свѣдѣнія г. попечителя. Тогда ужъ я вскипѣлъ и высказалъ ему совершенно откровенно:

— Ну, ужъ извините! Неправильно въ данномъ случаѣ поступили вы, а не я! Вы имѣли полное право наложить взысканіе на Краснова, но или ужъ сами должны были распорядиться выполненіемъ его, или поручить мнѣ, какъ прямому начальнику пансіона (по вашему же убѣжденію)... А передавать выполненіе этого приказанія надзирателю было съ вашей стороны неосмотрительно, по

меньшей мѣрѣ. И вотъ надзиратель струсилъ, напуталъ, а мнѣ пришлось распутывать... А вы желаете за всю эту путаницу возложить отвѣтственность на меня и на воспитанниковъ? Предупреждаю васъ, что если вы пошлете доношеніе попечителю, то я сегодня же отправлю съ нарочнымъ письмо къ нему, въ которомъ объясню все въ подробности и въ настоящемъ видѣ!

Моя (можетъ быть, излишняя) горячность, повидимому, озадачила Николая Ивановича, который привыкъ имѣть дѣло не съ живыми людьми, а съ мертвой бумагой; онъ сталъ понемножку отступать, говорить объ обязанности, о своихъ излюбленныхъ параграфахъ и наконецъ сказалъ, что онъ не думаетъ на этотъ разъ тревожить г. попечителя.

Одновременно съ этими всѣми тревоженіями, заботами и хлопотами, шла мелкая, но упорная борьба съ экономомъ изъ-за кормленія воспитанниковъ, съ различными поставщиками — изъ-за ихъ плутней, съ гимназической прислугой, которую приходилось приучать къ чистотѣ, къ аккуратности, къ порядку, къ строгому и точному выполненію данныхъ имъ приказаній. Въ то же время, все утро уходило на ознакомленіе съ преподавателями, съ ихъ методомъ преподаванія, съ ихъ воззрѣніями на постановку балловъ, съ ихъ приемами въ обращеніи въ воспитанниками. Если добавить къ этому еженедѣльные педагогическіе совѣты и возню со всякой канцелярщиной въ видѣ ежедневныхъ рапортовъ, счетовъ, отчетовъ и проч., то не трудно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, что мое инспекторство, въ значительной степени, походило на маленькую миниатюру каторги, которую, впрочемъ, я переносилъ довольно храбро и бодро, и даже не безъ удовольствія, потому что видѣлъ, какъ мои чрезмѣрные усилія начинали увѣнчиваться нѣкоторыми успѣхами... Но зато встрѣчались на пути моемъ и такія препятствія, о которыхъ мнѣ и въ голову не приходило... Припомню изъ области всѣхъ этихъ весьма многосложныхъ отношеній наиболѣе любопытное...

Борьба съ экономомъ сводилась главнымъ образомъ къ тому, что онъ не желалъ признавать никакой нормы въ ежедневныхъ расходахъ, не руководствовался весьма ограниченными предѣлами суммъ, отпускаемыхъ на столъ воспитанниковъ, и потому заканчивалъ каждую недѣлю значительной передержкой, которую Николай Ивановичъ не хотѣлъ признавать, а потому мнѣ приходилось покрывать ее изъ своихъ суммъ. Передержка же являлась изъ-за того, что онъ считалъ необходимымъ скрашивать довольно жиденькіе обѣды непременно третьимъ, сладкимъ блюдомъ, и выходило, что вмѣсто 21 копейки, которыя полагалось тратить на каждого воспитанника въ день (обѣдъ, завтракъ, двѣ кружки чая съ булкой),— онъ вгонялъ расходъ въ 24 копейки, и, по своей крайней безтолковости, не хотѣлъ внимать никакимъ резонамъ съ моей стороны.

Наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія—воспретилъ окончательно «сладкое» блюдо, но зато потребовалъ, чтобы два блюда были простыя, сытныя и свѣжія; а передержку положилъ взыскивать съ эконома, котораго его добрая, разумная и трудолюбивая жена сумѣла наконецъ какъ-то убѣдить въ необходимости подчиниться моимъ требованіямъ.

Но это бывало иногда очень трудно сдѣлать. Какъ теперь, помню исторію съ бочкой воды для питья воспитанниковъ, длившуюся около двухъ недѣль. Дѣло заключалось въ томъ, что при покойномъ инспекторѣ установился очень дурной обычай: воспитанники гимназіи, выбѣгая на дворъ для игръ и прогулки, во время рекреаціи, постоянно заходили въ гимназическую кухню, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ нужно было пить воду. Прикрываясь этимъ предлогомъ, нѣкоторые изъ нихъ проводили въ кухнѣ все время рекреаціи, сидѣли тамъ, болтали съ прислугой, курили и т. д. Желая положить предѣлъ этому дурному обычаю, я приказалъ эконому—никого изъ воспитанниковъ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ кухню не пускать, а для питья имъ поставить въ углу двора бочку, съ крышкою на замкѣ и съ краномъ. Экономъ, какъ водится, отвѣчалъ мнѣ: слушаюсь — и, конечно, ничего не дѣлалъ. На другой день бочки на дворѣ не было, и воспитанники гурьбою направлялись въ кухню, несмотря на всѣ представленія воспитателя «Алеши Поповича».

Я приставилъ особаго надзирателя дежурить въ кухнѣ во время перемѣнъ и выпроваживать оттуда воспитанниковъ; а эконому строго приказалъ, чтобы на слѣдующій день бочка непременно стояла на дворѣ.

Само собою разумѣется, что и на этотъ разъ мое приказаніе не было исполнено; а тутъ еще между воспитателями, дежурившими въ кухнѣ, и воспитанниками произошло нѣсколько неприятныхъ столкновеній. Пришлось нѣсколько человѣкъ наказать. И я опять накинулъ на эконома.

— Уже бѣгу на базаръ! — отвѣчалъ онъ мнѣ, нахлобучивая фуражку и поспѣшно скрываясь у меня изъ глазъ.

На другой день на дворѣ явилась дѣйствительно какая-то грязная, старая бочка, со ржавыми обручами и безъ крышки; воспитанники собирались около нея, бросали въ нее камни, копейки, песокъ и, конечно, воды изъ нея не пили.

Послѣдовала новая сцена съ экономомъ и приказаніе—убрать эту дрянную бочку, замѣнить ее новой, окрашенной и снабженной краномъ. Я не удовольствовался приказаніемъ: я самъ сходилъ съ экономомъ къ бондарю, купилъ бочку, приказалъ къ ней придѣлать складную крышку, съ пробоемъ и накладкой для всякаго замка, самъ купилъ кранъ и передалъ эконому при бондарѣ, чтобы кранъ былъ ввинченъ въ тотъ же день...

Повѣритъ ли мнѣ читатель, что моя бочка на другой день явилась на гимназическомъ дворѣ безъ крышки, безъ замка и безъ крана. Гимназисты пили изъ нея воду, черпая ее фуражками, горстями и деревянными уполовниками, которые кто-то доставилъ имъ изъ кухни. Въ довершеніе бѣдствій, аккуратнѣйшій Николай Ивановичъ, проходя мимо бочки, сдѣлалъ гимназистамъ выговоръ и, придя въ инспекторскую, при учителяхъ и воспитателяхъ, выразилъ мнѣ удивленіе по поводу «допущеннаго мною безпорядка». Тогда я отправилъ Франца за экономомъ и приказалъ его доставить ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ.

— Крышка! Кранъ!!?—набросился я на него необыкновенно свирѣпо.

— Та вже не досугъ все было! Завтра бондарь обѣщалъ мнѣ...

— Не завтра, а сію минуту! И до тѣхъ поръ, пока бочка не будетъ закрыта крышкой на замкѣ, пока не будетъ въ нее ввинченъ кранъ, я не позволю вамъ ни ѣсть, ни пить, ни спать! Не дамъ ни отдыха, ни сроку!

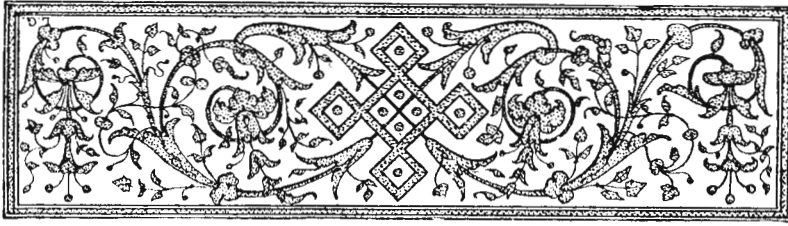
И выполнилъ свою угрозу, приставивъ къ эконому Франца, который долженъ былъ не отходить отъ этого упрямаго глупца до тѣхъ поръ, пока приказаніе мое не было буквально исполнено.

На другой день, нарядная и чистая бочка, съ замкомъ и съ краномъ, стояла на мѣстѣ, въ углу двора, а на дверяхъ подъѣзда, который велъ въ кухню, красовалась массивная задвижка съ большимъ замкомъ, который висѣлъ на ней во время каждой перемѣны.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

П. Полевой.

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

ХІІ.

ОТЪ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

— Что такое?

— Слышали, господа?—сказаль, войдя въ нашу палатку, батальонный адъютантъ.

— Ничего не слышали, да говорите скорѣе. Походъ? двигаемся дальше?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да, какъ раки, назадъ идемъ на Мургабъ.

— Да быть этого не можетъ. Что за чушь, —

сказаль Барановъ.

И тоже не вѣрилъ.

— Ишь Оома невѣрный. Читайте,—сказаль адъютантъ, подавая книгу приказовъ моему сожителю,—а кстати прослезитесь и распишите,—прибавилъ онъ.

Дѣйствительно, въ приказѣ было сказано, что согласно распоряженію военнаго министра—далѣе не двигаться, а возвращаться на Мургабъ для постройки тамъ укрѣпленія для зимовки

— Вотъ тебѣ и Шугнанъ! — сказалъ Барановъ, — и чего это Юновъ сидѣлъ. И безъ провіанта бы дошли. Положимъ, ужъ лучше

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 859.

идти назадъ, чѣмъ безъ цѣли сидѣть на Яшиль-кулѣ, — ворчалъ мой сожитель.

Я былъ съ нимъ вполне согласенъ, и мнѣ ужасно надоѣло это торчаніе здѣсь. Но теперь—вопросъ, идемъ ли мы все обратно въ Маргеланъ, или зазимуемъ на Памирѣ? Все ходили недовольные, грустные, а тутъ еще слухи о холерѣ заставляли семейныхъ безпокоиться о судьбѣ своихъ семействъ. Каждая почта привозила извѣстія о смертности, начавшей проявляться и среди русскаго населенія. Уныніе было всеобщее.

— Когда же выступаемъ?—спрашивали мы другъ друга, но никто ничего не зная.

Настало 22 іюля, день тезоименитства государыни императрицы; былъ назначенъ парадъ. Наканунѣ съ утра все очистилось, и все, по возможности, приводили себя въ парадный видъ, хотя это было довольно мудрено, потому что у большинства вмѣсто одежды висѣли какія-то отрепья, а сквозь сапоги торчали портянки — видъ былъ довольно жалкій. Но свойство русскаго солдата таково, что если приказано быть въ парадной одеждѣ, то, стало быть, это такъ и надо — хоть выдумай, а будь въ цѣлой рубахѣ, чембарахъ и чехлѣ. И дѣйствительно, все были если не прекрасно, то сносно одѣты, и отрядъ имѣлъ достаточно парадный видъ. Въ день парада съ праздничными лицами выстроился баталіонъ развернутымъ фронтомъ, а артиллерія приготовилась для производства салютаціонной стрѣльбы.

Вотъ идетъ начальникъ отряда. На немъ бѣлый китель съ шарфомъ. Офицерскій георгіевскій крестъ красуется въ петлицѣ; штабные чины слѣдуютъ за нимъ. — «Смирно!» — раздается команда. — «На плечо!» — «Слушай,akraуль!» Музыка играетъ встрѣчу.

— Здорово, братцы! — слышится голосъ начальника.

— Здравія желаю, ваше высокородіе! — гудятъ въ отвѣтъ сотни здоровыхъ грудей.

Полковникъ беретъ чарку съ водкой и, поднявъ ее къ верху, говоритъ:

— Ребята! вотъ намъ на «крышѣ міра» приходится отпраздновать торжественный день тезоименитства нашей матушки-царицы. Пусть наши молитвы о ней и громкое искреннее «ура» принесутъ ей величеству счастье и долгоденствіе. За здоровье матушки-царицы «ура»!

И при грохотѣ орудій долго разливалось по ущельямъ эхо дружнаго, громкаго, русскаго «ура». Затѣмъ, послѣ тостовъ и церемоніала, нижніе чины пили водку, а у начальника отряда былъ обѣдъ для офицеровъ.

Иду я на другой день мимо юртъ, въ которыхъ помѣщались плѣнные, какъ вдругъ меня окликнулъ кто-то изъ юрты: «тюра, бери кель» (господинъ, поиди сюда).

Я подошелъ. Смотрю: на кошмѣ въ кибиткѣ сидятъ афганцы,

а между ними и захваченный ихъ офицеръ, который говорилъ по-узбекски.

— А! саломать, тюра, калой-сызъ? ¹⁾—спросилъ онъ.

— Спасибо.—И я пожалъ протянутую руку.

Я любилъ этого афганца; что-то неотразимо-симпатичное было въ выраженіи его лица. Часто я заходилъ поговорить съ нимъ и на сартовскомъ языкѣ бесѣдовалъ по нѣскольку часовъ. Теперь лицо его выражало необыкновенную тоску.

— Правда, что насъ разстрѣляютъ?—спросилъ онъ.

— Что?—вытаращилъ я на него глаза.—Откуда ты это взялъ?

— Да вотъ керекеши говорятъ, что будто приказъ пришелъ такой.

— Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ,—сказалъ я ему:—это все вранье. Васъ навѣрное надняхъ отпустить.

— Эхъ, не вѣрится мнѣ что-то—видно, не увижу я Файзабада. А знаешь, тюра, у меня въ Файзабадѣ жена и сынъ остались; жалко ихъ, безъ меня они пропадутъ. А жена-то красавица кака! Вотъ, и у Гулдабака невѣста осталась, тоже поди ждетъ,—сказалъ онъ, указывая на молодого афганца, уцѣлѣвшаго послѣ стычки.

Афганецъ не понималъ, о чемъ говорятъ, но видя, что рѣчь коснулась его, улыбнулся, оскаливъ свои чудные зубы.

— А жалко, тюра, лошадей нашихъ продали. Я слезами обливался, когда вчера аукціонъ былъ. Вѣдь мой-то конь выросъ со мною, это пигомець мой... эхъ...—афганецъ тяжело вздохнулъ.

Я понималъ его, и мнѣ было стыдно за это распоряженіе. Дѣйствительно, къ чему было продавать афганскихъ лошадей? «*Vae victis!*» ²⁾ вспомнилось мнѣ.

Афганецъ сидѣлъ, низко опустивъ свою красивую голову, и видимо о чемъ-то думалъ. Вдругъ вскинулъ на меня своими глазами и совершенно неожиданно спросилъ меня:

— Хочешь, тюра, я расскажу тебѣ про себя?

— Очень буду радъ, пожалуйста.

Я видѣлъ, что плѣнному хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ горемъ и радостью, онъ хотѣлъ видимо въ рассказѣ утопить то ужасное чувство неизвѣстности, которое переживалъ. Когда онъ увидѣлъ во мнѣ человѣка, расположеннаго къ нему, у него явилось желаніе познакомить меня поближе съ собою и, кромѣ того, хотѣлось отблагодарить за вниманіе къ себѣ. Онъ очевидно подмѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ я отношусь къ его рассказамъ и даже многое записываю, вотъ онъ и рѣшилъ доставить мнѣ удовольствіе.

— Знаешь, тюра, я не афганецъ,—началъ онъ,—я узбекъ, сартъ по рожденію. Родился я въ Кокандѣ, въ то время, когда ханствомъ управлялъ Худояръ-ханъ. Отецъ мой былъ серкеромъ

¹⁾ Здравствуй, какъ здоровье?

²⁾ Горе побѣжденнымъ.

(сборщикомъ податей) и состоялъ на ханской службѣ. Мать моя, какъ я помню, была женщина красивая и молодая. Знаю, что про нее рассказывали, что такой красавицы еще не бывало въ Кокандѣ. Жили мы не бѣдно, и каждый день толпа родственниковъ приходила къ намъ ѣсть пелау (пловъ). Былъ у моего отца братъ — ученый мулла, который училъ молодыхъ людей въ медресе (университетъ). Часто онъ приходилъ къ намъ и всегда сидѣлъ до глубокой ночи. Отецъ его очень любилъ и когда уѣзжалъ надолго, то поручалъ намъ домъ его надзору. Мать моя тоже ласково относилась къ нему. Однажды отца не было дома, время было осеннее, дождь цѣлый день лилъ, какъ изъ ведра, такъ что я не выходилъ на улицу. Дядя мой сидѣлъ пасмурный, какъ и погода, онъ даже съ матерью почти не разговаривалъ. Такъ прошелъ день, и я, помолвившись Аллаху, легъ въ углу сакли, закутавшись въ одѣяло. Было уже поздно, когда меня разбудилъ тихій разговоръ. Я насторожилъ свое ухо и различилъ голосъ дяди, говорившаго, очевидно, моей матери. Я не понималъ тогда, что онъ говорилъ ей, и только помню, что мать какимъ-то печальнымъ голосомъ говорила: «Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Аллахъ не велитъ, нельзя!»

Вдругъ что-то случилось странное. Мать взвизгнула и бросилась въ сторону, а въ темнотѣ раздалось какое-то рычаніе...

Я быстро вскочилъ на ноги и бросился туда, откуда мнѣ послышался крикъ.

Въ это мгновеніе сильная рука дяди схватила меня за воротъ рубашки, и я полетѣлъ въ противоположный уголъ сакли.

— Спи, ахмакъ (дуракъ),—раздалось мнѣ вслѣдъ, и я, перепуганный, легъ на свое ложе и закутался одѣяломъ.

Дядя зажегъ чиракъ (свѣтильникъ), и я увидѣлъ, что лицо его было искажено злобой. Мать моя сидѣла на полу и плакала. Я хотѣлъ броситься къ ней на шею, цѣловать ее, плакать вмѣстѣ съ нею, но я не смѣлъ; я боялся дяди и зналъ, что если я только двинусь съ мѣста, то онъ избьетъ меня. Я лежалъ молча и думалъ, о чемъ можетъ плакать моя мать. Дядя хотя и злой человекъ, соображалъ я, но онъ любитъ мою мать, я самъ сколько разъ слышалъ, когда онъ ей говорилъ объ этомъ, и, размышляя на эту тему, я крѣпко уснулъ. Когда я проснулся, мать моя еще спала—дяди не было. Къ полудню вернулся отецъ и привезъ для матери шелковую рубашку, а мнѣ надѣлъ шитую золотомъ тибетейку; я очень обрадовался, а мать моя, потомъ, когда отецъ ушелъ въ мечеть, начала плакать. Вдругъ она подошла ко мнѣ и, схвативъ меня на руки, прижала къ своей груди и зарыдала. Я тоже началъ плакать. Затѣмъ она порывисто оставила меня и ушла въ сосѣднюю саклю. Нѣсколько минутъ я стоялъ на мѣстѣ, но вдругъ что-то какъ будто потащило меня за матерью, и я побѣжалъ туда, куда ушла она. Въ саклѣ было мрачно, и я сначала никого не замѣ-

тиль; только какой-то тихій храпъ раздавался въ потемкахъ. Я окликнулъ мать—отвѣта не было. Тогда я распахнулъ ставни. Моя мать лежала въ углу сакли, лужа крови была около нея, зубы были сильно оскалены, на шеѣ зіялъ сильный разрѣзъ, а рука конвульсивно сжимала ножъ. Я тогда не понялъ, что она зарѣзала себя, но я понялъ, что совершилось что-то ужасное, и въ страхѣ бросился назадъ въ саклю и, забившись въ уголь, просидѣлъ до вечера. Я видѣлъ, что прибѣжалъ отецъ, сталъ что-то кричать; я слыпалъ, какъ дядя мой кричалъ на отца, что онъ убилъ жену. Но я тогда своимъ дѣтскимъ умомъ понялъ, что не отецъ причина смерти матери, и обвинялъ дядю, какъ убійцу ея. Теперь я понимаю все, но тогда это темное дѣло было для меня чернѣе ночи. Видѣлъ я, какъ связали моего отца и увели. Дядя остался хозяйничать въ домѣ. Никто на меня не обращалъ вниманія—матери я больше не видѣлъ. Черезъ два дня у насъ въ городѣ только и было рѣчи, какъ будутъ казнить моего отца за то, что онъ зарѣзалъ свою жену, и толпа народа пошла на базарную площадь.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ мнѣ дядя: — увидишь, какъ твоего отца зарѣжутъ за то, что онъ убилъ твою мать. Вотъ и тебя также казнятъ, если ты такой же будешь, — сказалъ онъ.

Мнѣ было ужасно страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень хотѣлось посмотреть, какъ это зарѣжутъ отца. Я видѣлъ, какъ барановъ рѣжутъ, и мнѣ тогда только было непонятно, куда же это дѣнется отецъ, когда его зарѣжутъ. Я спросилъ объ этомъ дядю, но онъ меня выругалъ дуракомъ и ударилъ по затылку.

На площади было много народа. Посреди возвышалось лобное мѣсто. Преступниковъ было 30 человѣкъ; были между ними молодые и старые; между послѣдними я узналъ и отца. Онъ, понуря голову, стоялъ, сложивъ на животѣ связанные руки. Пришелъ мулла и прочиталъ молитву, и вотъ одного за другимъ стали брать какіе-то люди, что-то дѣлали съ ними и потомъ бросали ихъ на землю. Вотъ и отецъ мой подходитъ къ джигиту въ красномъ халатѣ. Взглянулъ я, и мнѣ показалось, что отецъ глядитъ на меня своимъ добрымъ взглядомъ—мнѣ вдругъ почему-то стало его жалко, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно хотѣлось увидѣть, какъ это его зарѣжутъ. Палачъ взялъ его за бороду, и больше я ничего не видѣлъ—его бросили, гдѣ лежали и остальные казненные. Не знаю почему, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ страшно, что я затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и, рыдая, побѣжалъ по улицѣ. Опомнился я у городскихъ воротъ, подумалъ мгновеніе, какая-то неестественная сила управляла мною—я вдругъ рѣшилъ не идти обратно и направился впередъ по Маргеланской дорогѣ. Солнце уже совершенно зашло за Алайскія горы, когда я пристѣлъ у дувана ¹⁾ киплака. Я сильно утомился, голодъ

¹⁾ Дуванъ—заборъ.

мучилъ меня, но усталость взяла перевѣсъ, и я крѣпко уснулъ. Проснулся я рано утромъ—кто-то толкалъ меня въ бокъ.

— Чего ты тутъ лежишь!—спрашивалъ меня старикъ съ длинной бѣлой бородою.—Откуда ты?

Я сказалъ.

— А отецъ твой гдѣ?

— Отца зарѣзали.

— А мать?

— И мать зарѣзали.

— Ахъ, ты несчастный,—сказалъ старикъ,—ну, пойдемъ со мной.

Я послѣдовалъ за нимъ въ саклю. Какіе-то люди съ черными бородами, какія бываютъ только у таджиковъ, сидѣли вокругъ подноса, на которомъ лежали лепешки. Мнѣ дали чашку чаю и нанъ ¹⁾). Я съ удовольствіемъ утолилъ свой голодъ. Люди, бывшіе въ саклѣ, говорили потаджицки, и я ничего не понималъ, но замѣчалъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Одинъ изъ нихъ далъ старику денегъ и, взявъ меня за руку, повелъ изъ сакли.

— Садись,—сказалъ онъ мнѣ, указавъ на ишака, жевавшаго клеверъ.

Я сѣлъ, а сзади меня усѣлся и таджикъ—мы отправились. Ъхали мы долго по такимъ большимъ горамъ, что мнѣ часто дѣлалось страшно, и я боялся, что сорвусь и упаду въ пропасть. Таджикъ меня не билъ, не ругалъ, поилъ чаемъ и кормилъ—однимъ словомъ обходился хорошо. Такимъ образомъ мы и пріѣхали въ Файзабадъ. Вотъ тутъ-то и началась моя новая жизнь.

Меня продали одному афганцу, Мусса-Мамату, который взялъ меня вмѣсто сына и, когда мнѣ исполнилось 11 лѣтъ, отдалъ меня въ школу. Учился я хорошо, выучился писать и читать, и вотъ меня мой новый отецъ повезъ въ Кабуль, гдѣ и опредѣлилъ въ военное училище. Трудно было мнѣ учиться въ этой школѣ. Тамъ воспитывались дѣти именитыхъ афганцевъ, и мнѣ приходилось переносить побои и насмѣшки, но я сносилъ все терпѣливо и пробылъ пять лѣтъ въ Кабулѣ. Мнѣ стукнуло 16 лѣтъ, и я уже былъ выпущенъ солдатомъ въ афганскую гвардію, куда попалъ, благодаря своему росту и наружности.

Маджиръ, командиръ полка, полюбилъ меня, и черезъ годъ я былъ дофордаромъ, т. е. унтеръ-офицеромъ. Я часто ходилъ въ гости къ своему начальнику, и мы жили душа въ душу. Но вотъ и мое сердце забило тревогу. У Маджира была дочь—красавица писаная. Полюбилъ я ее всею силой молодой любви, и не ускользали отъ меня и ея долгіе взгляды, когда, бывало, я сиживалъ вечерами у отца ея. Взялъ я да и признался Маджиру въ моихъ чувствахъ къ его дочери. Обрадовался даже старикъ, спросилъ свою Ляйлю,

¹⁾ Нанъ—хлѣбъ.

хочетъ ли она за меня замужъ идти, а она только этого и ждала. Ну, и сыграли свадьбу. Эхъ, какъ счастливъ-то я былъ! Черезъ годъ у меня и сынъ родился—обрадовался я, что не дочь, у насъ, у афганцевъ, считается поворомъ, если первенецъ дѣвочка родится. А тутъ еще эмиръ мнѣ и офицерскій чинъ пожаловалъ; только ты, тюра, не говори, пожалуйста, никому, что я офицеръ. Прошло два года, а тутъ вдругъ возстаніе вспыхнуло. Разстался я съ женой и цѣлый годъ воевалъ въ Шугнанѣ и Рошанѣ, да Аллахъ милостивъ, остался невредимъ—въ какихъ перестрѣлкахъ-то бывалъ, и хоть бы одна пуля задѣла, а вотъ теперь попался въ западню, точно волкъ какой. Ужъ умирать такъ въ бою, а теперь разстрѣляютъ, какъ собаку. Какъ подумаю, такъ просто руки на себя наложить готовъ, а тутъ еще сердце ноетъ, что съ женой да съ сыномъ станется...

У афганца сверкнули слезы, но онъ быстро оправился.

— Ну, кулдукъ, тюра, вижу, что меня любишь, и я тебя люблю. Узнай, пожалуйста, когда съ нами покончатъ.

— Ничего съ вами не сдѣлаютъ, отпустить васъ домой къ себѣ съ Богомъ, вотъ и все,—сказалъ я.

Афганецъ грустно улынулся и ничего не возразилъ, и въ его взглядѣ я прочелъ увѣренность въ своемъ предположеніи и полное недовѣріе къ моимъ словамъ.

— Ну «хощъ»¹⁾,—сказалъ я, пожавъ ему руку, и отправился къ себѣ въ палатку.

XIII.

Настало 25-е іюля—день выступленія, и полковникъ Іоновъ сдѣлалъ распоряженіе, за часъ до отправленія авангарда, освободить плѣнныхъ и снарядить ихъ, какъ слѣдуетъ. Узнавъ объ этомъ, я забѣжалъ въ афганскую юрту.

— А саломатъ, тюра!—привѣтствовалъ меня афганецъ.

— Собирайся, сейчасъ домой васъ отпустить.

— Не можетъ быть.

— Я тебѣ говорю.

Афганецъ перевелъ сотоварищамъ принесенную мною вѣсть.

— Кулдукъ²⁾,—сказалъ онъ,—но въ его тонѣ все-таки слышалось недовѣріе.

— Говорилъ я тебѣ, что отпустить васъ—такъ и вышло.

Въ это время въ юрту вошелъ дежурный по отряду съ переводчикомъ.

— Скажи имъ, что они свободны,—сказалъ онъ.—Имъ дадутъ лошадей, провіанту, и они могутъ себѣ ѣхать на родину.

¹⁾ Хощъ — прощай.

²⁾ Спасибо.

Какъ просіяли лица у несчастныхъ плѣнниковъ, когда переводчикъ сообщилъ имъ о давно ожидаемой свободѣ.

Они повскакали со своихъ мѣстъ и стали одѣваться. Черезъ полчаса афганцы сидѣли на лошадяхъ.

— Ну, прощай, тюра,— сказалъ мнѣ мой пріятель,— да пошлетъ Аллахъ на твою голову счастья и здоровья,—и онъ пожалъ мнѣ руку.

Какъ доволенъ былъ онъ, какое праздничное выраженіе было на его лицѣ. Онъ красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ и ожидалъ, когда разрѣшать ему двинуться въ путь.

— Въ ружье! — раздалась команда.

Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ, и роты, колыхаясь, начали равняться. Небольшая вереница плѣнныхъ потянулась мимо насъ. Они улыбались и, кивая головой офицерамъ, говорили: «хошъ, тюра», «хошъ, тюра», то-есть, прощайте, господа. Около камня Чатыръ-Ташъ отрядъ опять раздѣлился на двѣ части: пѣхота и артиллерія двинулись прямо къ Мургабу, а сотня, уже ходившая на Акъ-Ташъ, была назначена въ новую рекогносцировку, для объѣзда самыхъ отдаленныхъ частей Памира, которыя по донесеніямъ киргизъ были заняты китайцами.

— Ну, съ Богомъ, отправляйтесь, капитанъ,—напутствовалъ полковникъ Ионовъ капитана С., начальника рекогносцировки.

— Сотня, справа по три, шагомъ маршъ! — раздалась команда.

Мы направились вверхъ по рѣкѣ Аличуру и, оставивъ его въ лѣвой сторонѣ, потянулись то лѣвымъ, то правымъ берегомъ рѣки Гурумды. Чудную картину представляли собою горы, окаймляющія долину. Онѣ отвѣсными стѣнами возвышались надъ рѣкою и неровными зубчатыми вершинами, напоминающими сказочные замки, рѣзко выдѣлялись на чистомъ и особенно яркомъ здѣсь небѣ. Мы поднимались къ перевалу Тетеръ-Су и, войдя въ ущелье, остановились на ночлегъ.

— А вотъ завтра опять тутекъ испробуемъ,—сказалъ эсаулъ В.

— Да развѣ и на этомъ перевалѣ онъ есть? — спросилъ я.

— Не на самомъ перевалѣ, а по ту сторону его, это все-таки не такъ несносно: тысячи на четыре футовъ ниже.

Я съ трепетомъ ожидалъ ужасовъ тутека и вспоминалъ рассказы о немъ эсаула. Подъемъ на перевалъ былъ почти незамѣтенъ; путь, пролегающій по каменистому грунту, оказался превосходнымъ, и если бы не снѣгъ съ вѣтромъ, то все было бы прекрасно.

При спускѣ съ перевала я сталъ ощущать слабость, явились симптомы удушья, но не въ сильной степени; только голова очень разболѣлась. Какъ говорили казаки, здѣсь тутекъ былъ несравненно слабѣе, чѣмъ на Маломъ Памирѣ. По другую сторону перевала погода рѣзко измѣнилась; необычайный зной являлся на смѣну снѣга и вѣтра, такъ что мы сняли все верхнее платье и остались въ рубашкахъ. Такимъ образомъ, благополучно миновавъ тутекъ, мы

вступили въ долину рѣки Кормчи и раскинули палатки подъ переваломъ Бендерскаго. Мѣстность эта представляла собою узкую лощину, окруженную заоблачными хребтами. Жалкая полусгорѣвшая трава небольшими островками проглядывала на берегу рѣки, и природа Памира была здѣсь не менѣе мертва, какъ и въ другихъ частяхъ его.

— Ваше высокоблагородіе,—окликнулъ эсаула казакъ.

— Чего тебѣ?

— Траву нашли.

— Гдѣ?

— Да вонъ въ этомъ ущельѣ,—указалъ казакъ на чернѣющуюся передъ нами щель.—Всего версты три будетъ,—просто выше пояса трава.

Мы приказали подать лошадей и отправились. Дѣйствительно, только успѣли палатки наши скрыться за скалами ущелья, какъ мы были поражены метаморфозой ландшафта. Высокая, достигающая колѣнъ трава, великолѣпные ручьи съ чисто зеркальною водою, мелкій кустарникъ—все служило поводомъ къ предположенію заключенія, что въ такомъ оазисѣ суровой «крыши міра» должна обитать какая нибудь тварь. И дѣйствительно, не успѣли мы проѣхать и двухъ верстъ, какъ казакъ подѣхалъ ко мнѣ и, указавъ на небольшой откосъ, сказалъ полупшепотомъ: «гляньте, ваше благородіе, — архары».

Шагахъ въ пятистахъ отъ насъ паслось цѣлое стадо горныхъ барановъ—это были самки. Самцы никогда не ходятъ стадами, а самое большее потрое, чаще же они бродятъ въ одиночку. Мы спѣшились, взяли у казаковъ винтовки и стали подкрадываться къ стаду. Архары долго не замѣчали насъ, такъ что намъ удалось подкрасться къ нимъ шаговъ на сто. Сердце мое сильно билось. «Вотъ и по архарамъ пострѣляю», — думалъ я.

— Ну, довольно, стрѣляйте,—шепнулъ мнѣ эсаулъ.

Два выстрѣла грянули разомъ и, подхваченные эхомъ, понеслись по ущельямъ. Архары вздрогнули и, какъ горохъ, рассыпались по скату. Результатъ былъ удаченъ: двѣ жертвы валялись на травѣ. Приказавъ казакамъ взять обѣ туши, мы, въ надеждѣ убить еще хоть одного архара, побрели по откосу и направились къ зеленѣвшему кустарнику.

— Что это? собака?—удивленно спросилъ я, указывая на необыкновеннаго звѣря, остановившагося въ недоумѣніи противъ насъ.

— Какого чорта собака, это здѣшній медвѣдь,—сказалъ эсаулъ и прицѣлился.

Медвѣдь оставался неподвижнымъ. Онъ очевидно первый разъ видѣлъ людей и относился къ намъ очень довѣрчиво, давая возможность хорошенько себя разглядѣть. Это былъ маленькій, вели-

чиною съ волкодава, медвѣдь, скорѣе похожій на собаку, чѣмъ на медвѣдя. Его грязно-сѣро-бурая шкура была въ какихъ-то плѣшинахъ; повидимому, онъ былъ очень старъ.

— А ну его къ чорту,—сказалъ эсаулъ и опустилъ ружье:— куда намъ съ нимъ возиться—не увеземъ.

Медвѣдь невозмутимо стоялъ въ той же удивленной позѣ и, только когда мы повернули въ сторону, вдругъ побѣжалъ обратно. Однако, болѣе намъ ничего не удалось встрѣтить; мы къ вечеру вернулись въ лагерь и закусили вкусной архариной.

На перевалѣ Бендерскаго опять «тутекъ»—что за наказаніе. Но вотъ мы оставили за собой Малый Памиръ и вышли на большую широкую равнину, съ лѣвой стороны которой тянется гряда закутанныхъ въ облака снѣговыхъ горъ Гинду-куша. Эта долина мѣстами покрыта высокою травою, а мѣстами пересѣчена болотами.

— А вотъ и Базай-и-Гумбезъ,—сказалъ начальникъ развѣзда, указывая на одинъ надгробный памятникъ, возвышавшійся среди нѣсколькихъ могилочъ.

Я приблизился къ нему и сталъ осматривать эту замѣчательную могилу, имѣющую историческое значеніе, а также служащую самымъ южнымъ пунктомъ нашихъ Памирскихъ владѣній. Это было небольшое четырехугольное строеніе, поставленное на невысокомъ фундаментѣ и увѣнчанное куполообразною крышею. Маленькая дверь на востокъ и небольшое окно довершали архитектуру этого строенія. Я вошелъ въ зданіе. На меня пахнуло чѣмъ-то затхлымъ, неприятная темнота царила въ склепѣ, и только тощій лучъ свѣта врывался въ маленькое окно. Ничего особеннаго не представляло собою это строеніе.

— Кому принадлежитъ эта могила?—спросилъ я капитана С., знакомаго хорошо съ исторіею Памира.

— Какъ кому? Базаю-датхѣ.

— Знаю, но кто собственно былъ этотъ самый Базай?—спросилъ я.

— Базай-и-датха былъ однимъ изъ тѣхъ уполномоченныхъ губернаторовъ, которые высылались кокандскими ханами для управленія Памиромъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь видите могилу, стояло небольшое укрѣпленіе, да вотъ и слѣды отъ него, смотрите,—указалъ онъ на развалившіяся глинобитныя стѣны.— Вотъ въ этомъ укрѣпленіи и жилъ Базай-датха со своимъ гарнизономъ. Однажды, когда онъ собиралъ подать съ кочевниковъ и послѣ сборовъ вернулся въ крѣпость, на нее ночью напали ваханскіе и канджутскіе разбойники; это было въ 1864 году. Укрѣпленіе было разрушено, а Базай и его гарнизонъ были мученически убиты и похоронены на этомъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии въ память Базай-и-датхи и поставленъ былъ кокандцами этотъ памятникъ, носящій названіе Базай-и-Гумбезъ, т. е. могила Базая.

— А знаете ли что, господа? вѣдь мы недалеко отъ перевала Ионова ¹⁾, гдѣ нашъ начальникъ отряда чуть не погибъ въ 1891 году, отыскивая его,—сказалъ намъ полковникъ разъѣзда.—Мы здѣсь днюемъ, и я бы вамъ совѣтовалъ проѣхаться и осмотрѣть его—говорять, это самый красивый и самый высокій изъ всѣхъ переваловъ (23.000 ф.), да, кромѣ того, онъ представляетъ собою прямой путь въ Индію; съ него берутъ начало истоки рѣки Инда.

Я не замедлилъ выразить желаніе отправиться на переваль—эсаулъ обѣщаль составить мнѣ компанію. Пообѣдавъ и давъ отдохнуть лошадямъ, мы отправились въ путь. Сильно изломанная, узкая тропа, извиваясь, поднимается вверхъ по почти отвѣсному скату горы. Съ правой и съ лѣвой стороны высятся огромныя голыя скалы какъ бы вылитыя изъ чугуна, а внизъ и взглянуть страшно, тѣмъ болѣе, что ѣхать пришлось по самому краю обрыва, на днѣ котораго бѣжитъ быстрая рѣка, откуда доносились до насъ какъ бы раскаты грома. Это гремѣли катящіеся по дну рѣки камни, увлекаемые исполинскою силою потока. Шумъ рѣки соответственно суживанію ущелья все усиливался и наконецъ дошелъ до того, что я не слышалъ даже самаго громкаго собственнаго крика. Великолѣпная сочная трава покрывала весь нашъ путь, и цѣлый коверъ цвѣтовъ ласкалъ мой, утомленный однообразіемъ, взоръ. Въ одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсною, закутанною въ облака, горою, намъ попались три небольшія строенія, изъ нихъ два безъ крышъ. Строенія эти были безъ всякой связи сложены изъ камня. Въ этихъ первобытныхъ жилищахъ пріютилось нѣсколько ваханцевъ. Живутъ они очень бѣдно; нѣсколько барановъ составляли все ихъ богатство. Едва поравнялись мы съ этими убогими строеніями, какъ оттуда вышло нѣсколько ваханцевъ съ накинутыми на плечи лохмотьями. Они протягивали къ намъ руки и просили милостыни. Какъ удалось мнѣ узнать, эти люди бѣжали въ дебри Памира отъ афганскихъ казней и принуждены скрываться здѣсь, питаются дичиною и разными корнями. Большинство изъ нихъ занимается разбоемъ, нападая на заплутавшіеся караваны, а очень небольшая часть сѣтеъ даже пшеницу, но этимъ могутъ заниматься только жители Вахана, такъ какъ хлѣбъ не вызрѣваетъ выше 9.000 футовъ. Вообще, ваханцы—рослый красивый народъ, принадлежащій къ арійской расѣ, находятся почти въ дикомъ состояніи и живутъ по долинамъ Ваханъ-Дарьи. Длинные волосы, черные какъ смоль, блестящими локонами спадаютъ по плечамъ. Большіе черные глаза, окаймленные широкими, сросшимися надъ переносицею, бровями и носъ съ небольшою горбинкою придаютъ имъ весьма суровый и хищный видъ. Они очень напоминаютъ своей внѣшностью афганцевъ, хотя

¹⁾ Сухеураватъ—названіе по разспроснымъ свѣдѣніямъ до открытія перевала полковникомъ Ионовымъ.

несравненно красивѣе послѣднихъ. Рѣчь ваханцевъ до того мелодична, и они такъ пріятно владѣютъ языкомъ, что мнѣ казалось, что предо мною одичалые французы, и только хорошо вслушавшись, я различилъ азіатское нарѣчіе. Ловкость въ ваханцѣхъ развита необыкновенно. На моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ поймалъ сидѣвшую птицу (грифа). Что за чудное зрѣлище было, когда полуголый дикарь, почти приникнувъ къ землѣ, безъ всякаго шума, переползая по скаламъ, подкрадывался къ намѣченной жертвѣ и вдругъ, не давъ ей опомниться, схватилъ её руками. Кромѣ ловкости, ваханцы еще неутомимые ходоки и на протяженіи 10 верстъ не отстаютъ отъ бѣгущей лошади. Ваханскія женщины отличаются необыкновенной красотою. Это настоящія восточныя красавицы, какихъ мы видимъ лишь на рисункахъ и которыхъ рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ средне-азіатскихъ областяхъ Туркестанскаго края. Я долго издали любовался молодою ваханкой, смотрѣвшей на меня своими большими черными, съ поволокой, глазами, но, когда я подошелъ къ ней ближе, чувство отвращенія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Красавица была такъ грязна и издавала такой ужасный запахъ, что я скорѣе отвернулся отъ нея; впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, сразу уступило чувству омерзѣнія.

Оставивъ Ташъ-хану, гдѣ оставаться на болѣе продолжительное время было невозможно, такъ какъ ни намъ, ни лошадямъ не давали покоя комары и мошки, мы двинулись дальше. Удушье на высотѣ 19.000 футовъ настолько ощутительно, что удивляешься, какъ можно въ подобныхъ мѣстахъ жить болѣе или менѣе продолжительное время. Я положительно задыхался, и только намѣреніе преодолѣть во что бы то ни стало этотъ высокій перевалъ удерживало меня, чтобы не вернуться обратно. Подъемъ на самый перевалъ былъ ужасенъ. Сначала на высотѣ 20.000 футовъ съ трудомъ, проваливаясь, шли мы по рыхлому снѣгу, затѣмъ, поднявшись выше, полѣзли безъ всякаго признака тропинки. Съ большими затрудненіями достигли мы, ведя въ поводу лошадей, до ледниковъ, по которымъ со всѣхъ сторонъ текла вода, и, выбравъ болѣе или менѣе сухое мѣстечко, рѣшили переночевать здѣсь. Съ помощью захваченнаго терескена мы развели огонь и согрѣли воду, которую намъ удалось скипятить въ 5 минутъ, но за то чай почти не заваривался. Это явленіе объяснялось той значительной высотой, на которой мы находились. Привязавъ лошадямъ торбы съ ячменемъ, мы кое-какъ продремали до разсвѣта, и едва забрезжилъ первый лучъ, какъ мы полѣзли на вышку перевала (23.000 ф.). На этотъ самый мѣстѣ чуть не погибъ полковникъ Юновъ, когда, застигнутый на вышкѣ перевала вьюгой, онъ съ своими казаками не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ. Самъ начальникъ отряда, голодая вмѣстѣ съ казаками въ теченіе пяти дней, согрѣвался, лежа между казаками, и всѣ они погибли бы, если бы одинъ изъ нашихъ офицеровъ случайно не отыскалъ пропавшій развѣздъ.

Вышка перевала представляет собою огромную массу снѣга, окруженную небольшими снѣжными холмами. Осмотрѣвъ переваль и записавъ температуру — 2°, мы двинулись обратно и къ вечеру были въ лагерѣ. Надо было дать отдохнуть лошадямъ, такъ какъ на слѣдующій день развѣздъ выступалъ дальше.

Черезъ два дня мы были на Акъ-тапѣ. Я отправился посмотреть на китайское укрѣпленіе, но отъ него не осталось и слѣда. Оказалось, что для разрушенія его была выслана съ Мургаба вторая рота.

— А что китайцы были здѣсь? — спросилъ я киргиза, аульнаго старшину.

— Были, тыксыръ, были, — сказалъ онъ мнѣ.

— Ну, и что видѣли, что сдѣлали наши съ ихъ крѣпостью?

— Видѣли, — отвѣчалъ киргизъ, и ихъ джандаринъ очень сердился и говорилъ, что лишь только вы уйдете съ Памира, то они все равно здѣсь новую крѣпость построятъ.

Вообще дипломатія китайцевъ меня забавляла, они играли съ нами въ прятки. Лишь только мы оставляли какой либо пунктъ, они сейчасъ же появлялись тамъ, но лишь отрядъ выступалъ, чтобы прогнать ихъ, они наканунѣ, предупрежденные киргизами, исчезали. Наконецъ, наше скитаніе по дебрямъ Памира окончилось, мы прибыли на Мургабъ и соединились съ главными силами отряда.

XIV.

— Ну, что рѣшенъ вопросъ, гдѣ поставить укрѣпленіе? — спросилъ я военнаго инженера Серебренникова, входя къ нему въ палатку.

— Да, слава Богу, съ этимъ порѣшили, и теперь остается повозиться надъ выработкой типа зимнихъ помѣщеній.

Онъ отложилъ въ сторону планшетъ и карандашъ и, предложивъ мнѣ походный табуретъ, усѣлся на кровать. Въ палаткѣ было немного душно, и пришлось поднять два противоположныя полотнища, чтобы продувало.

— Вотъ подлый климатъ, — сказалъ капитанъ, — сегодня лѣто, завтра зима, а тамъ навѣрное и дождь будетъ.

— Да, скверно, — согласился я: — не знаешь, во что одѣться, если уходишь версты за двѣ отъ укрѣпленія. Такъ гдѣ же будетъ поставлено укрѣпленіе?

Капитанъ взялъ карту и сталъ мнѣ объяснять географическое и стратегическое положеніе будущей крѣпости.

— Вотъ, видите ли, рѣка Мургабъ, а тутъ въ него впадаютъ Акъ-Су и Акъ-Байталъ, т. е. скорѣе не впадаютъ, а всѣ три рѣки сливаются, образуя Мургабъ. Вотъ тутъ около кладбища Кара-Гуль,

на обрывѣ къ рѣкѣ Мургабу, высотой 8—10 сажень. Находясь такимъ образомъ въ центрѣ Памирской территоріи, оно пріобрѣтаетъ еще одно огромное значеніе тѣмъ, что ляжетъ въ узлѣ славныхъ Памирскихъ дорогъ, такъ что пройти по Памирамъ, миновавъ его, хотя и возможно, но очень затруднительно. Если васъ интересуетъ, я познакомлю васъ съ проектомъ тѣхъ хоромъ, въ которыхъ, быть можетъ, и вамъ придется прожить эту зиму.

— Пожалуйста, это очень любопытно.

— Видите ли, я еще не окончательно рѣшилъ прибѣгнуть къ этому типу помѣщеній, но такъ какъ, сколько я ни ѣздилъ и ни искалъ и вблизи не нашелъ подходящаго строительнаго матеріала, то пока остановился на слѣдующемъ. Хочу я утилизировать юрты для помѣщенія въ нихъ и гарнизона и офицеровъ, кухни, лазарета и т. п. Для этой цѣли будетъ поставлена юрта и вокругъ нея пять юртъ меньшей величины, которыя, непосредственно прилегая къ средней, соединяются съ послѣдней проходами. Такимъ образомъ образуется улитка съ однимъ только входомъ. Въмѣсто кроватей предполагаются нары, которыми будетъ служить земля, т. е. посреди каждой юрты сдѣлается углубленіе. Печи, конечно, желѣзныя придется дѣлать здѣсь же изъ привезеннаго желѣза. Такихъ улитокъ поставимъ по числу людей, рассчитывая каждую на взводъ. Теперь вопросъ остается открытымъ, какъ заслонить эти строенія отъ сильнаго вѣтра и снѣга. Этотъ вопросъ я разрѣшилъ такимъ образомъ: крыши юртъ завалить терескеномъ и густо смазать все глиной, а также и бока, къ которымъ присыпать песокъ и такимъ образомъ, чтобы образовался откосъ градусовъ въ 45. Я вполне убѣжденъ, что эти строенія, за невозможностію пока построить что либо капитальнѣе, будутъ вполне сносными для привыкшихъ уже къ невгодамъ людей. Одно досадно, что до сихъ поръ не извѣстно, сколько человѣкъ остается зимовать, и это очень затрудняетъ составленіе окончательныхъ проектовъ. Что касается печей для выпеканія хлѣба, то онѣ останутся такими же, какъ и теперь, но также будутъ прикрыты юртою. Какъ нибудь ужъ эту зиму пробьемся, ничего не подѣлать, вѣдь спали на снѣгу и подъ палатками, а на будущій годъ ужъ выстроимъ болѣе капитальныя строенія. Ужасная досада, что лѣса нѣтъ. Ѣздилъ я на Кудару и недалеко отъ зимовокъ памирскаго разбойника Сахипъ-Назара нашелъ березу и тополь, но они очень коротки и непригодны къ постройкѣ, да наконецъ и перевозка оттуда весьма тяжела. Вотъ съ рѣчки Джанъ-Каинды удалось привезти нѣсколько деревьевъ, тоже неважныхъ. Но за то сколькихъ лошадей они намъ и стоили!

— А что много развѣ издохло?

— Да штукъ семь и въ два раза болѣе искалѣчено. Особенно тяжело досталось бѣднымъ лошадамъ при переправѣ черезъ переваль Пшартъ. Да и не мудрено. Лѣсины привязывались къ лоша-

дямъ въ родѣ оглобелъ, у которыхъ одинъ конецъ волочился по землѣ; конечно, это не легко, но другимъ способомъ никакъ не перевезешь.

— Да, съ такимъ строительнымъ матеріаломъ трудновато будетъ сооружать зданія,—сказалъ я.

Въ палатку вошелъ денщикъ и поставилъ на землю мѣдный чайникъ.

— Чайку, съ коньячкомъ?—предложилъ мнѣ капитанъ.

Я не отказался.

Мало-по-малу въ палатку капитана собралось еще нѣсколько чело-вѣкъ; всѣ любили симпатичнаго Адриана Георгіевича и охотно на-вѣщали его. Онъ всегда относился ровно ко всѣмъ и никогда не имѣлъ враговъ.

— Такъ завтра работаемъ?—спросилъ кто-то.

— Да завтра, господа, завтра,—сказалъ капитанъ, наливая въ кружки, въ глиняныя чашки и жестяные стаканы чай и угощая собравшихся коньячкомъ.

Раздался сигналъ, и музыка грянула маршъ.

— Ну, вотъ и обѣдъ наконецъ!

Всѣ стали и толпою направились въ общую столовую.

На другой день, чуть свѣтъ, отрядъ, вооруженный въ боевую амуницію, съ лопатами, кирками и носилками отправился къ мѣсту работы; всѣ люди были рассчитаны на двѣ смѣны: одна оставалась въ лагерѣ, а другая работала до обѣда, затѣмъ возвращалась, и мѣсто ея заступала вторая смѣна. Офицеры и унтеръ-офицеры наблюдали за рабочими, которые рѣзали на берегу дернъ, производили трас-сировку и копали рвы. Работа кипѣла дружно, и сердце радовалось при видѣ этихъ сотенъ людей, сооружающихъ на крышѣ міра уго-локъ, въ которомъ придется имъ провести суровую зиму, и откуда русскій флагъ, какъ доказательство могущества Россіи, будетъ ви-денъ всему свѣту. Изо дня въ день кипѣла работа, и укрѣпленіе незамѣтно выросло. Къ 25-му августа фасы были готовы, ровъ очищенъ, устроены барбеты для пулеметовъ. По типу своему укрѣ-пленіе это представляло редутъ усиленной полевой профили, почти квадратной формы, съ барбетами въ двухъ переднихъ углахъ для пулеметовъ и орудій. Впослѣдствіи, вмѣсто улитокъ, военнымъ ин-женеромъ Серебренниковымъ, съ помощію только небольшого гар-низона Памирскаго поста, были сооружены полууглубленныя зем-лянки, каждая на полуроту, удобно приспособленныя для помѣще-нія нижнихъ чиновъ гарнизона и сложенныя изъ сырцоваго кирпича, съ достаточнымъ количествомъ свѣта. Надъ землею онѣ возвыша-ются немного менѣе 2 аршинъ и, благодаря великолѣпно устроен-нымъ печамъ и крышѣ, вполне защищаютъ живущихъ въ нихъ отъ холода и сырости, о чемъ вполне свидѣтельствуетъ хорошее состоя-ніе здоровья чиновъ Памирскаго гарнизона. Лазаретъ и кухня на-

ходятся въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ, поставленныхъ надъ землею также изъ сырцового кирпича. Кромѣ этихъ зданій, тамъ же поставленъ флигель (надъ землею), служащій жилищемъ для офицеровъ, имѣющихъ въ немъ каждый по отдѣльной комнатѣ, за исключеніемъ начальника отряда, которому отведено ихъ двѣ. Офицерская столовая, замѣняющая собраніе, дополняла комфортъ Памирскаго жилища. Складъ вещей, пороховой погребецъ и метеорологическая будка находятся также въ укрѣпленіи, а внѣ его построена только баня. Всѣ зданія и само укрѣпленіе капитально выстроены, какъ я уже сказалъ выше, по проекту и подъ руководствомъ военного инженера Серебренникова, имя котораго останется памятнымъ въ исторіи присоединенія Памира; онъ, при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, построилъ первое русское укрѣпленіе на «крышѣ міра», которое явилось на Памирѣ истиннымъ чудомъ. Шведскій путешественникъ Свенъ-Гединъ, долго работавшій на Памирѣ, неоднократно посѣщалъ наше укрѣпленіе и слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ въ своихъ корреспонденціяхъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ». «Крѣпость,—говоритъ онъ,—выстроена удивительно хорошо и практично и дѣлаетъ честь офицерамъ, которымъ принадлежитъ инициатива въ этомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что пришлось преодолѣть громадныя затрудненія, чтобы достигъ до этого великолѣпнаго конца, который свидѣтельствуетъ, что значить энергія и предприимчивость»...

Начальникъ инженеровъ Туркестанскаго военного округа, генералъ-майоръ Клименко, въ августѣ 1894 года, осматривалъ постройки Памирскаго укрѣпленія ¹⁾ и нашелъ, что «всѣ выполненныя войсками работы по возведенію укрѣпленнаго поста, съ зимними бараками и землянками, вполне удовлетворительны и заслуживаютъ величайшей похвалы, особенно за выполненіе такихъ работъ въ самый короткій срокъ, съ 23 іюля по 31 октября 1893 года, при весьма ограниченномъ числѣ рабочихъ рукъ». Въ настоящее время около укрѣпленія раскинулся небольшой базарчикъ, гдѣ продаются привезенные изъ Ферганы, необходимые жизненные продукты.

Погода вдругъ рѣзко измѣнилась и сдѣлалась отвратительной, каждый день шелъ снѣгъ, по ночамъ вездѣ замерзала вода, начались непогоды, а о нашей участи ничего не было извѣстно, будемъ ли мы зимовать всѣ, или часть возвращается въ Фергану.

«Вѣдь это чертъ знаетъ что такое»,—ворчали мы. При такомъ положеніи дѣлъ, если продлится еще съ недѣлю наше неопредѣленное положеніе, и мы будемъ оставлены здѣсь на зиму, то ничего не удастся выписать изъ Маргелана—перевалы закроются, а между

¹⁾ Капитанъ военный инженеръ Серебренниковъ производилъ постройки на Памирѣ въ концѣ 1892 года и въ 1893 и въ 1894 годахъ. Кромѣ того, статья его «О строительнхъ матеріалахъ на Памирѣ», помѣщенная въ «Военно-инженерномъ журналѣ» въ 1895 году, удостоена была преміи.

тѣмъ на насъ остались лохмотья. Всѣ бродили пасмурные и ругались на свою судьбу. Только 23 августа вопросъ разрѣшился: было получено предписаніе оставить 160 человѣкъ пѣхоты, 40 казачковъ и 8 офицеровъ, остальнымъ же возвращаться въ Маргеланъ.

Задавъ объѣдъ остающимся товарищамъ, отрядъ 25 августа двинулся на озеро Шоръ-куль (12.300 ф.).

«Ну, вотъ, слава Богу, и обратно», думалъ каждый, «по горло надоѣло это сидѣнье на одномъ мѣстѣ». Грустны были лица у оставленныхъ солдатиковъ; они считали себя приговоренными къ смерти тѣмъ болѣе, что о памирскихъ морозахъ киргизы рассказывали всевозможные ужасы. Остались они въ полной готовности бороться съ суровою природою Памира, устроивая себѣ своими руками зимнія жилища, безъ достаточнаго количества теплой одежды и запасовъ, безъ ропота, съ полнымъ сознаніемъ своего долга и убѣжденіемъ, что за Богомъ молитва и за царемъ служба не пропадаютъ.

XV.

21-го сентября, послѣ долгаго скитанія по горамъ и доламъ Памира, отрядъ вступилъ въ г. Маргеланъ.

Рваная обувь, истрепанная одежда, измученныя лица, свидѣтельствовали о томъ, что перенесли солдаты за этотъ тяжелый походъ. Но каково было тѣмъ, которые остались зимовать на «крышѣ міра».

Скучно и однообразно тянулись дни на Памирскомъ посту. Работы по сооружеію улитокъ, заготовка терескену на зиму и другія работы занимали большую половину дня. Почта приходила разъ въ недѣлю, и всѣ съ жадностью хватались за письма и газеты, читая въ нихъ новости, совершавшіяся полтора мѣсяца тому назадъ. Наконецъ, прибылъ и начальникъ гарнизона, капитанъ генеральнаго штаба Кузнецовъ. Произвелъ смотръ, и все опять втянулось въ старую колею. Въ началѣ октября мѣсяца вдругъ вышалъ глубокій снѣгъ, покрывъ своею пеленою и укрѣпленіе, и юрты. Температура замѣтно падала, наступили морозы, прибылъ и транспортъ, доставившій все необходимое шаджанцамъ, а вслѣдъ за нимъ закрылись и перевалы. Сообщение было прекращено, почта не приходила, и небольшая семья шаджанцевъ мирно зажила своею сѣренькою жизнью, отрѣзанная отъ всего міра громадною снѣжною стѣною. Морозы все усиливались, и Памирская зима разразилась со всѣми своими вьюгами и метелями. Ежедневно на ближайшую высоту высылался наблюдательный постъ, на случай появленія противника, были отправлены разѣзды въ сторону афганцевъ, но все было тихо, никто не появлялся, да и кому бы въ голову пришло двинуться теперь въ походъ, когда изъ юрты носу высунуть нельзя, а если вы-

ходить на воздухъ, то только развѣ по службѣ. Хлѣбъ пекли хорошей, супъ съ консервами или щи изъ сушеной капусты были великолѣпны, баранина имѣлась своя, водка, вина и коньякъ были—чего же лучше? Даже книги и карты, всегдашніе спутники офицера въ походѣ, и тѣ имѣлись и разнообразили скучные длинные вечера.

Вотъ съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ удушье сдѣлалось необыкновенно чувствительнымъ. Бывало во время сна хватался за грудь и чувствуешь, будто кто-то мощной рукой давитъ горло. Вскочишь, закричишь, но напрасно—еще хуже становится отъ движенія, наоборотъ нужно, по возможности, оставаться спокойнымъ, такъ какъ пароксизмъ удушья и безъ того былъ вызванъ рѣзкимъ движеніемъ во снѣ. Утромъ иногда во рту появлялась запекшаяся кровь, и многіе жаловались на необыкновенную слабость.

Наступили и дни Рождества Христова, и на «крышѣ міра» зажглась первая елка.

Заботами капитана Кузнецова раздобыли дерево, солдатики на дѣлали украшеній, и свѣчи самодѣльные появились, и вотъ 24-го декабря въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ поставили «елку», украсили ее и зажгли. Сколько торжества-то было! Гармошка, скрипка, гитара, все появилось на сцену, даже и спектакль, неизмѣнный «Царь Максимилианъ», сошелъ блестяще. По приказанію начальника гарнизона, была выдана водка и угощеніе для солдатъ, а офицерство по своему справляло этотъ торжественный день, ознаменовавъ его небольшою кутежкой.

Наступилъ и новый годъ, первый новый годъ, встрѣченный русскими на Памирѣ. Скромно встрѣтили его шаджанцы, пожелавъ другъ другу счастья и здоровья въ наступающемъ 1893 году. Уже нѣсколькихъ челоуѣкъ не досчитывали они, а недалеко отъ крѣпости уже успѣло вырости маленькое шаджанское кладбище, пріютившее подъ свою сѣнь вѣчныхъ памирцевъ.

Ужасно тяжело дѣйствовала на всѣхъ въ укрѣпленіи смерть кого либо изъ членовъ отряда. Безъ священника, безъ обряда погребальнаго, хоронились покойники, провожаемые своими товарищами. Грустно было видѣть эту картину.

На рукахъ, въ сплетенной самими корзинѣ, несли шаджанцы погибшаго собрата. Уныло раздается нестройное пѣніе «Святый Боже!». Слезы выступаютъ изъ глазъ при звукѣ погребальнаго пѣнія. Вотъ и крестъ, наскоро сколоченный изъ оставшихся отъ построекъ брусковъ.

Положили покойника въ яму. Начальникъ отряда читаетъ отходную и провозглашаетъ вѣчную память, горнистъ играетъ погребенье, барабанъ бьетъ отбой.

Могила зарыта, и всѣ идутъ грустные, молчаливые, у каждаго на душѣ, что вотъ-вотъ и его очередь скоро придетъ.

Мало-по-малу привыкали памирцы къ зимовкѣ, и она уже ка-

залась имъ въ порядкѣ вещей. Но вотъ наступилъ мартъ. Стало замѣтно теплѣе. Перевалы одинъ за другимъ открывались, а вмѣстѣ съ ними возобновилось и почтовое сообщеніе. Цѣлая гора газетъ, писемъ, извѣстій, появилась въ укрѣпленіи, всѣ ожили, проіободрились въ надеждѣ скорой смѣны. Наступила и пасха. Въ страстную субботу все приводилось въ порядокъ, украшалось и готовилось къ параду. Куличи, пасха, все было заготовлено изъ навезеннаго киргизами молока, и вотъ надъ крышею міра впервые раздалось «Христосъ Воскресе». Салюты изъ пулеметовъ нарушили тишину, царившую надъ укрѣпленіемъ. Первый разъ слышали сѣдоглавыя вершины этотъ радостный возгласъ, и онѣ, освѣщенные весеннимъ солнцемъ, будто вторили горсточкѣ православныхъ воиновъ, собравшихся у подножія ихъ. «Воистину Воскресе!» будто отвѣчало эхо ихъ черныхъ ущелій. Пасхальный парадъ, затѣмъ христосованіе офицеровъ съ солдатами, питье водки, пляска, гармонія и разныя солдатскія игры, длились три дня, а потомъ наступили и занятія. Во время зимы, когда гарнизонъ не могъ производить строевыхъ ученій, благодаря суровой погодѣ, офицеры занимались словесными занятіями съ нижними чинами, но лишь только наступили первые дни весны, какъ наступили правильныя занятія. Маршировка, гимнастика, ротныя ученія, разсыпной строй, а параллельно съ тѣмъ стрѣльба и сторожевая служба велись самымъ исправнымъ образомъ. Начальникъ отряда, заботившійся, какъ отецъ, о солдатахъ, былъ требователемъ къ службѣ.

Отрадно было видѣть, какъ любили солдаты капитана Кузнецова, пріятно было слышать отзывы ихъ о своемъ начальникѣ. «Капитанъ нашъ—отецъ»,—говорили шаджанцы. Сами солдаты, помимо начальства, собрали деньги и поднесли пашку на память своему командиру съ надписью. Тронутый капитанъ съ благодарностію принялъ подарокъ, но вернулъ затраченныя деньги солдатикамъ. Но вотъ наступилъ май мѣсяцъ, и афганцы стали появляться, тревожа казачьи пикеты, выставленные отрядомъ. Донесеніе за донесеніемъ летѣли съ Памирскаго поста, и, наконецъ, шаджанцы узнали, что изъ Маргелана выступаетъ большой отрядъ.

Въ іюль мѣсяцѣ, уже въ чинѣ генераль-майора, прибылъ на Памирскій постъ Іоновъ въ качествѣ начальника памирскихъ отрядовъ, а въ долину Большого Алая вступилъ большой резервный отрядъ, состоящій изъ 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-горной батареи и № 6 казачьяго Оренбургскаго полка, часть котораго и направилась къ Шаджанскому укрѣпленію.

Прибылъ на Памирскій постъ и смѣнный отрядъ, который долженъ былъ остаться на зимовку. Афганцы не переставали угрожать нападеніемъ на наши посты и намѣревались двинуть войска свои на наше укрѣпленіе—нужно было дать имъ серьезный отпоръ. Для этой цѣли генераль Іоновъ предпринялъ цѣлый рядъ серіоз-

ныхъ рекогносцировокъ. По двумъ путямъ имъ были двинуты два отряда. Одинъ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Юденича, направился вверхъ по рѣкѣ Гунту, а другой, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Скерскаго, выступилъ 19-го іюля по рѣкѣ Шахъ-Даръ.

Ну, и досталось же шахдаринскому отряду. Путь его пролегалъ по искусственно устроеннымъ балконамъ, которые самими же солдатами устраивались высоко надъ бездонными пропастями. Многія лошади, теряя равновѣсіе, обрывались и падали въ ревущую рѣку. Въ нѣкоторыхъ тѣснинахъ, а иногда и по узкимъ карнизамъ, солдаты протаскивали на рукахъ вьюки, лошади разсѣдывались, такъ какъ въ очень узкихъ мѣстахъ онѣ не могли иначе проходить. Иногда ветхіе балконы не выдерживали тяжести даже пѣшаго человѣка, и пришлось приложить немало старанія, дабы хоть немного укрѣпить эти мѣста.

Вообще, горная часть Памира, прилегающая къ Шугнану, отличается неприступностью и суровостью природы. Спуски и подъемы крайне круты и неудобны и представляютъ собою огромное препятствіе путешественнику. Но невозможно умолчать о тѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые на каждомъ шагу встрѣчаются среди горныхъ тущобъ Шугнана. Тамъ природа, несмотря на свой мертвый колоритъ, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ. Громадные обломки скалъ громоздятся другъ надъ другомъ, а среди нихъ, шумя и разлетаясь въ миллионы брызгъ, падаетъ съ неимоверной высоты горный потокъ. Темная, голая скала, на которой гнѣздится узкій, чуть замѣтный карнизъ, мѣстами дополненный балконами, мрачно смотреть на движущихся солдатъ своею огромною массою, и какимъ ничтожествомъ кажется человѣкъ, ползущій по нимъ, въ сравненіи съ этой величественно-дикой природою.

Однимъ изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ Шугнанѣ является спускъ къ ущелью Кара-Донгъ, гдѣ узкая дорожка, извиваясь между камнями, то круто спускается, то поднимается надъ довольно глубокою пропастью, на днѣ которой красиво зеленѣются кустарники дикаго тальника.

— Афганцы, ваше высокоблагородіе, — доложилъ присланный изъ развѣзда казакъ.

— Далеко? — спросилъ начальникъ отряда.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, верстъ на пять отсюда. Значить, это у нихъ тамъ крѣпость поставлена, а они позицію вдоль берега Шахъ-Дары заняли и мостъ черезъ нее сломали.

— А какъ приблизительно много ихъ?

— Да такъ сотни съ три будетъ, ваше высокоблагородіе.

— Господа офицеры, приведите людей въ порядокъ, — скомандовалъ начальникъ отряда.

Быстро пѣхота подтянулась и двинулась дальше въ полномъ боевомъ порядкѣ. Всѣ ждали, что вотъ, вотъ наступитъ столь жданный моментъ. Лишь только отрядъ вышелъ изъ ущелья, предъ нимъ раскрылась довольно широкая равнина, спускавшаяся къ рѣкѣ Шахъ-Дарѣ. Мостъ оказался сломаннымъ. По другую сторону рѣки ясно различались афганцы, и виднѣлась ихъ крѣпость Ропъ-Кала. Отрядъ наступалъ шагомъ и только успѣлъ подойти къ рѣкѣ шаговъ на 400, какъ съ противоположнаго берега сорвались дымки, будто цѣлый рой пчелъ, прожужжали надъ головами пули, и въ догонку имъ раздался дружный залпъ афганцевъ.

Частый огонь изъ новыхъ мгазинокъ заставилъ афганцевъ прекратить стрѣльбу и дать возможность нашимъ силамъ занять позицію. Подъ руководствомъ капитана Серебренникова, была выбрана и укрѣплена позиція, укрѣпленіе которой было, во-первыхъ, усложнено тѣмъ обстоятельствомъ, что афганцами были заняты командующія высоты, и она являлась открытой для непріятельскихъ выстрѣловъ, а, кромѣ того, грунтъ, представлявшій собою сплошной камень, не поддавался никакому инструменту, такъ что окопы пришлось устраивать изъ каменныхъ плитъ, которыя хотя и предохраняли стрѣлковъ отъ пуль, зато давали осколки и были опасны не менѣе выстрѣловъ. Вотъ для устраненія такого неудобства военнымъ инженеромъ были утилизированы капы (мѣшки) съ ячменемъ и сухарями, замѣнявшіе наружный скатъ гласиса и вполне обезпечивавшіе стрѣлковъ отъ осколковъ. Когда же мѣшки опоражнивались отъ провіанта, то ихъ засыпали землею.

Время отъ времени, въ особенности во время работъ, афганцы открывали огонь, который иногда вырывалъ изъ строя людей. Щелкнетъ пуля о камень и, швырнувъ его, запоетъ, какъ майскій жукъ, или застонетъ, увлекая цѣлый вѣеръ осколковъ камня. День и ночь тревожили афганцы отрядъ, а вступать съ ними въ бой было немислимо: какая нибудь полурота не могла одолѣть нѣсколько сотенъ противника; ожидали подкрѣпленія. Между тѣмъ, 18-го августа, афганцы съ утра не открывали огня, и вскорѣ было замѣчено, что крѣпость опустѣла. Оказалось, что, по предписанію Абдурахмана, они оставили позицію и удалились изъ Шугнана. 20-го августа, прибылъ и генералъ Іоновъ, а затѣмъ и подкрѣпленіе, и приказалъ возстановить мостъ.

Кое-какъ, съ помощью веревокъ и остатковъ дерева, связали висячій мостъ, который напоминалъ перекинутую чрезъ рѣку соломинку. По немъ одинъ за другимъ и переправились солдаты, а также перенесли кое-что изъ провіанта и фуража. Лошади были переправлены вплавъ, а часть груза и людей переправилась на гупсарахъ ¹⁾.

¹⁾ Гупсаръ—шкура животного, наполненная воздухомъ.

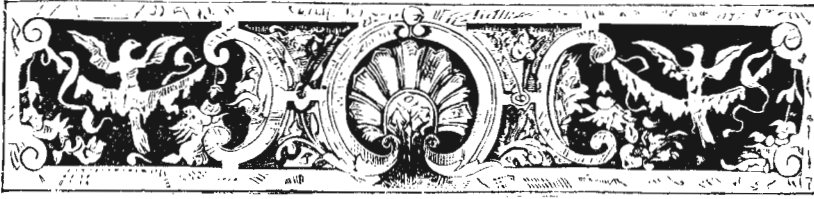
Отсюда отрядъ направился на встрѣчу отряду, слѣдовавшему рѣкою Гунтомъ, который также былъ задержанъ афганцами около селенія Ривака. Оба отряда встрѣтились около мѣстечка Харога, гдѣ и простояли до 15-го сентября, произведя частью силъ двѣ рекогносцировки: одну внизъ по рѣкѣ Пянджу до крѣпости Кала-и Вамаръ въ Рошанѣ, которая и была занята, а другую вверхъ по той же рѣкѣ до аметистовыхъ копей.

Въ 20-хъ числахъ сентября, всѣ рекогносцировочныя партіи и отряды были уже на Памирскомъ посту, а съ 30-го сентября по 2-ое октября, сначала смѣнный, а затѣмъ резервный выступили обратно въ Фергану, оставивъ на Памирскомъ посту на зимовку новый отрядъ. Афганцы съ этого времени уже не появлялись въ нашихъ владѣніяхъ. Шугнанъ и Рошанъ были очищены отъ нихъ навсегда, и эмиръ Абдурахманъ обязался не переступать русской границы. Между Россією и Англіей завязались дипломатическіе переговоры о проведеніи новой границы между русско-афганскими владѣніями, и обѣ державы въ 1895 году выслали своихъ комиссаровъ на раздѣлъ «крыши міра». Памирскимъ походомъ заканчивается окончательное завоеваніе Средней Азіи¹⁾. Этотъ походъ является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ походовъ въ смыслѣ климатическихъ условій, а также служить краснорѣчивымъ доказательствомъ, что нѣтъ такой преграды, черезъ которую бы не перешелъ русскій воинъ.

Борисъ Тагѣвъ.

¹⁾ Въ память этого въ 1896 году отчеканена медаль: съ лицевой стороны изображены 4 велзели «Николай I, Александръ II, Александръ III, Николай II», а съ лѣвой—«за походы въ Средней Азіи съ 1853—1895 гг.» для ношенія на георгіевско-владимірской лентѣ.

Ш П І О Н Ъ.

(Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 г.).

ВЕСНОЙ 1863 года, нашъ казачій полкъ стоялъ въ предѣлахъ Люблинской губ., куда мы пришли уже года полтора. Штабъ полка находился въ мѣстечкѣ С., а нѣкоторыя сотни были расквартированы по окрестнымъ селамъ и деревенькамъ.

Несмотря на носившіеся всю зиму тревожные и неопредѣленные слухи о волненіяхъ среди поляковъ, мы, молодежь, веселились постарому, проводя свободное отъ ученій время въ кругу добрыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе были семейные люди.

Къ веснѣ дѣла перемѣнились. Окрестные паны-помѣщики, доселѣ радушно принимавшіе къ себѣ русское офицерство, начали какъ будто сторониться насъ все болѣе и болѣе.

Наконецъ, стали открыто поговаривать, что готовится возстаніе; поляки покупаютъ за границей оружіе; формируютъ войска, и что появились агенты жонда, собирающіе пожертвованія на благое дѣло освобожденія отчины отъ москалей.

Въ штабѣ, должно быть, получались тоже какія либо свѣдѣнія, потому что нашего сотеннаго командира и майора Жадова, командира квартировавшей съ нами же 12 роты N-скаго полка, неоднократно совершенно неожиданно требовали въ С., а вѣстовые съ пакетами оттуда являлись почти ежедневно, но вѣрнаго мы все-таки еще ничего не знали. Исчезновеніе нѣкоторыхъ молодыхъ сыновей знакомыхъ помѣщиковъ еще болѣе подтвердило общее подозрѣніе.

Большинство женатыхъ людей рѣшили отправить свои семьи подальше, и мы съ часу на часъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ все это разрѣшится.

Однажды, вечеромъ, собравшись въ избенкѣ Жадова, мы весело болтали за стаканами вина въ то время, какъ нѣкоторые изъ насъ перекидывались въ картишки. Было уже часовъ одиннадцать.

Вдругъ подъ окномъ раздался топотъ, и черезъ минуту въ комнату вбѣжали запыхавшись бравый урядникъ третьей сотни, Корневъ. Поздоровавшись съ начальствомъ, онъ сѣбно разстегнулъ сумку и передалъ майору, какъ старшему въ чинѣ, пакетъ съ надписью: «секретно, экстренно».

Понятно, всѣ присутствующіе умолкли, какъ по командѣ; въ душѣ каждаго начали рождаться различныя предположенія, и мы по лицу читавшаго майора старались разгадать содержаніе бумаги. Вотъ онъ кончилъ, нервно потеревилъ себя за усь, перевернулъ бумагу и снова началъ читать ее, изрѣдка останавливаясь и какъ бы стараясь лучше понять или запомнить нѣкоторыя выраженія.

— Молодецъ Корневъ... спасибо тебѣ... скоро поспѣлъ,— обратился онъ, кончивъ чтеніе, къ неподвижно стоявшему уряднику,— вотъ тебѣ!—и онъ протянулъ ему нѣсколько серебряныхъ рублей, взявъ ихъ прямо со стола изъ банка, не спросивъ даже, кому они принадлежатъ.

— Радъ стараться, ваше высочордіе! Въ кальеръ всѣ 15 верстъ отмахалъ!—проговорилъ самодовольно Корневъ, поблагодаривъ за подарокъ.

— Ну, пойди же, отдай выводить коня и оставайся при мнѣ,— приказалъ майоръ казаку, и самъ развернулъ бумагу и окинулъ присутствующихъ какимъ-то необыкновеннымъ взглядомъ. Невольно почувствовалось, что сейчасъ должно совершиться что-то необычайное. Настроеніе у всѣхъ стало особенно торжественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожнымъ.

— Господа...— громко обратился къ намъ добрякъ Жадовъ, и всѣмъ намъ показалось, что голосъ его задрожалъ...— сейчасъ изъ штаба пришло донесеніе, что поляки сегодняшнюю ночью задумали учинить рѣзню русскихъ войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ царства Польскаго. Намъ рекомендуютъ соблюдать полнѣйшую осторожность сегодня ночью, а завтра утромъ выступать въ С., соединившись съ тремя ротами нашего баталіона и другой сотней казаковъ, расположенными по дорогѣ. Завтра къ вечеру, я думаю, мы уже будемъ тамъ. Кромѣ того, надо командировать кого либо изъ васъ въ фольваркъ панны Бржевудской, чтобы арестовать ея сына.

Всѣ сразу задвигались и зашумѣли, но Жадовъ прервалъ насъ, обратившись сперва къ нашему сотенному командиру съ приказомъ немедленно собрать какъ можно тише сотню и учредить во всю ночь разъѣзды кругомъ нашего села. Своимъ двумъ офице-

рамъ онъ велѣлъ вывести роту, поставить ее на площади около костела и отрядить взводъ для патрулей по селу; самъ онъ общалъ находиться при ротѣ, куда и доносить ему о малѣйшемъ подозрительномъ движеніи со стороны жителей. Казакамъ быть насторожѣ, по возможности не производить никакого шума и всѣхъ встрѣтившихся за селомъ немедленно препровождать къ нему.

Мы молча и торопливо разошлись по домамъ, отдавая по пути необходимымъ приказанія. У входа въ квартиру Жадова его денщикъ держалъ въ поводу коня Корнева. Сразу было видно, что бѣдное животное вынесло продолжительную скачку: глубоко и нервно дыша, лопадь стояла, широко разставивъ дрожащія ноги и выпятивъ шею, а Корневъ, не знаю зачѣмъ, теръ ей переносицу и распускалъ подруги.

Приказавъ немедленно сѣдлатъ, я наскоро зарядилъ револьверъ, собралъ кое-какіе особенно дорогіе мнѣ пожитки и сказавъ, чтобы денщикъ убирался на площадь къ пѣхотѣ, вышелъ къ выстроившейся полусотнѣ. Тихо двинулись мы по темнымъ неширокимъ улицамъ къ квартирѣ сотеннаго командира. Воображеніе было настроено такъ, что за каждымъ угломъ ожидалась засада, но на улицахъ не было ни души, и только въ немногихъ домахъ свѣтился тусклый огонекъ. Черезъ 10 минутъ послѣ насъ подошла и вторая полусотня.

Отдавъ приказаніе не шумѣть и не курить въ разѣздахъ, нашъ командиръ отправился съ моей полусотней на одинъ конецъ мѣстечка, а вторая полусотня пошла полемъ въ противоположную сторону.

Дойдя до конца улицы, мы выдвинулись сажень на 50 впередъ и остановились немного въ сторонѣ отъ дороги за темными стѣнами покосившейся риги.

Взводъ казаковъ вмѣстѣ съ сотеннымъ командиромъ, добрымъ товарищемъ Безсоновымъ, остановился здѣсь, а я получилъ приказъ выдвинуться впередъ еще сажень на полтора, остаться самому тамъ, послать объѣздъ по лѣвой сторонѣ рѣки и особенно тщательно наблюдать за опушкой громаднаго лѣса, простиравшагося на нѣсколько верстъ.

Безшумно исполнили мы приказаніе. Казалось, кони и тѣ, по нявъ необычайность нашей ночной поѣздки, старались какъ можно тише передвигать ноги, и только слышно было, какъ изрѣдка потрескивала сухая прошлогодняя трава. Про молодцовъ станичниковъ и говорить нечего. Можно было подумать, что это сидятъ не люди, а неподвижныя статуи: ни одно стремя, ни одна пашка не звянули, и только иногда чуть слышно побрякивали стальные кольца удилъ и наборъ сбруи.

Дойдя до какой-то канавы, мы остановились.

Распредѣливъ разѣзды и подробно растолковавъ, что нужно дѣлать въ случаѣ чего либо подозрительнаго, я еще разъ подтвердилъ,

чтобы соблюдалась полнѣйшая тишина, и «съ Богомъ» отпустилъ казаковъ.

Намъ въ первый разъ приходилось быть въ такой обстановкѣ. Кто знаетъ! Можетъ быть, утро не застанетъ многихъ изъ насъ въ живыхъ, и поэтому послѣ отвѣта своихъ бравыхъ казачатъ: «счастливо оставаться, ваше благородіе», я, оставшись съ нѣсколькими изъ нихъ, почувствовалъ себя крайне сиротливо. Что это? неужели страхъ?—промелькнуло молніей въ головѣ, и краска стыда невольно залила меня, но я тутъ же успокоился: мнѣ просто жалко было отпускать своихъ вѣрныхъ товарищей, потому что, сжившись съ ними въ мирное время, не хотѣлось расставаться въ минуты опасности.

Мы спѣшились и усѣлись по краю канавы, держа лошадей въ поводу.

Прошло съ четверть часа. Напряженно прислушиваясь, я старался уловить малѣйшій шумъ. Такъ и думалось, что вотъ, вотъ раздастся выстрѣлъ, барабанная дробь тревоги, крики и шумъ битвы. Воображеніе рисовало уже и мятежниковъ, показавшихся изъ лѣса, нашихъ казаковъ, отступающихъ подъ прикрытіе пѣхоты, дружные залпы послѣдней... молодецкая атака въ штыки и преслѣдованіе нами бѣгущаго непріятеля...

— Ваше благородіе, а, ваше благородіе, — неожиданно раздался около меня осторожный шепотъ.—Наши прислали изъ разъѣзда Батарчука; тамъ въ оврагѣ схватили оборванца, пробиравашагося къ жилью!

Я живо вскочилъ на сѣдло и въ сопровожденіи присланнаго Батарчука отправился къ мѣсту происшествія.

Отъ невзрачнаго полячишки, котораго я нашелъ окруженнымъ нашимъ разъѣздомъ, нельзя было добиться ни слова, и я распорядился отправить его подъ конвоемъ къ Жадову, предупредивъ казаковъ удвоить бдительность.

Возвращаясь назадъ, я назначилъ другую смѣну и усѣлся опять на днѣ той же канавки.

До разсвѣта оставалось недолго. Потянулъ свѣжій вѣтерокъ, въ семь часовъ началъ раздаваться неясный шумъ просыпающагося народа: вотъ заскрипѣли ворота, послышался говоръ...

Вдругъ рѣзко раздался дребезжащій звукъ трубы.

Мы вскочили, какъ угорѣлые, до того напряжены были нервы. Прислушавшись, разобрали сигналъ сбора, который трубили на площади, и двинулись въ селеніе.

Предупредивъ, что мы выступаемъ въ 6 часовъ утра, майоръ отпустилъ насъ, чтобы мы приготовились къ дорогѣ.

Отъ пойманнаго ночью поляка такъ-таки ничего и не удалось узнать, и только впоследствии стало извѣстно, что въ эту ночь погибло немало русскихъ, захваченныхъ врасплохъ, и, вѣроятно,

этотъ оборванецъ былъ посланъ тоже развѣдчикомъ отъ приближающейся шайки мятежниковъ.

Такимъ образомъ многіе изъ насъ спаслись, благодаря расторопности Корнева, проскакавшаго маршъ-маршъ всѣ 15 верстъ отъ ближайшаго расположенія нашихъ войскъ, и своевременно принятымъ мѣрамъ предосторожности.

II.

Усадьба, или помѣстному фольваркъ, панны Бржевудской находилась верстъ за восемь отъ мѣста нашего выступленія и версты двѣ въ сторону.

Мы почти всѣ бывали здѣсь не разъ, пользуясь радушіемъ самого Бржевудскаго и его жены — добрѣйшей женщины на свѣтѣ. Кромѣ ихъ и юноши сына, котораго я не видалъ ни разу, такъ какъ онъ учился въ Варшавѣ, а прошлое лѣто гостилъ у тетки въ соседней губерніи, съ ними жила еще дальняя родственница, очаровательная дѣвушка по имени Станислава, только что кончившая одинъ изъ петербургскихъ институтовъ.

Какъ самъ Бржевудскій, такъ и вся его семья считались людьми, вполне преданными русскимъ. Нѣкогда онъ былъ управляющимъ казеннаго механическаго завода на сѣверѣ Россіи, прожилъ тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, полюбилъ всей душой свое новое отечество и уже собирался, выйдя въ отставку, покончить свои дни въ Россіи, какъ совершенно неожиданно, лѣтъ 8 назадъ, его жена получила въ наслѣдство отъ дальней родственницы усадьбу въ Польшѣ.

Дѣлать нечего, жалко было бросать добро, и старики Бржевудскіе переѣхали на новое мѣсто.

Отдавъ сына учиться въ Варшаву, старикъ ревностно занялся хозяйствомъ, проводя досуги или на охотѣ, или въ кругу частыхъ гостей за карточнымъ столомъ.

Жили Бржевудскіе открыто, такъ что вся жизнь ихъ была на виду у всѣхъ. Во время частыхъ разговоровъ, касавшихся въ послѣднее время волненій въ народѣ, они всегда показывали, какъ далеки отъ какой либо политики, возмущались легкомысліемъ вѣтряныхъ головъ, старавшихся достигнуть невозможнаго, и съ ужасомъ думали, что будетъ съ ихъ несчастной родиной, если дѣйствительно вспыхнетъ пламя возстанія.

Въ послѣднее время мы стали рѣже бывать у нихъ, отчасти отъ того, что начались усиленныя занятія, а отчасти и отъ того, что послѣ неожиданной и загадочной смерти старика Бржевудскаго стало какъ-то неловко попадаться на глаза его семьѣ и своимъ присутствіемъ какъ бы напоминать, что старикъ, можетъ быть, погибъ за свои симпатіи къ намъ.

Дѣло въ томъ, что мѣсяца за два до описываемыхъ событій въ наше село ночью прискакалъ за докторомъ нарочный изъ усадьбы Бржевудскихъ. Когда докторъ вернулся, то отъ него мы узнали, что старика нашли повѣсившимся въ своемъ кабинетѣ, помочь было уже позадно, и что теперь производится слѣдствіе, которое, кстати сказать, нисколько не выяснило, было ли то гнусное убійство или ничѣмъ не мотивированное самоубійство симпатичнаго старика. Узнали только одно, что въ послѣднее время, вскорѣ послѣ самовольнаго пріѣзда сына изъ Варшавы, въ усадьбѣ стали являться, и притомъ большею частію ночью, какія-то подозрительныя личности, требовавшія всегда свиданія со старикомъ. Каждое посѣщеніе продолжалось довольно долго, и большинство неизвѣстныхъ уѣзжало въ крайнемъ раздраженіи, а Бржевудскій дѣлался разстроеннымъ, но ничего не говорилъ домашнимъ про тайственныхъ ночныхъ гостей.

Въ ночь наканунѣ смерти старика пріѣхали сразу двое. Они были у старика долѣе обыкновеннаго и, несмотря на запертыя двери кабинета, домашніе слышали, какъ злобно звучали ихъ голоса, требовашіе чего-то отъ старика и укорявшіе его неизвѣстно въ чемъ. Бржевудскій отвѣчалъ сперва довольно сдержанно, но потомъ вышелъ изъ себя и, упомянувъ что-то про насъ, просилъ ихъ убираться изъ его дома вонъ.

Прислуга ясно слышала, какъ произносили проклятія незнакомцы, садясь на лошадей, и упоминали имя народнаго жонда.

Весь слѣдующій день старикъ хотѣлъ написать и послать какое-то письмо нашему командиру, съ которымъ онъ особенно сошелся, но почему-то отложилъ свое намѣреніе дозавтра, а ночью его нашли въ кабинетѣ висящимъ на крюкѣ отъ снятой люстры. Слѣдовъ борьбы и чьего либо посторонняго присутствія замѣчено не было, и поэтому, потолковавъ, дѣло это оставили только подъ подозрѣніемъ, не давъ ему надлежащаго хода.

Впослѣдствіи намъ стало извѣстно, что Бржевудскій погибъ жертвой мести за хорошія отношенія къ русскимъ, но тогда приказаніе арестовать сына преданнаго намъ чловѣка показалось мнѣ очень страннымъ; очевидно, для этого имѣлись вѣскія основанія, что и подтвердилось потомъ самымъ печальнымъ для него образомъ. Непріятное исполненіе приказа объ арестѣ выпало на мою долю.

Проводивъ весь отрядъ до поворота въ усадьбу, я простился съ товарищами и, сопровождаемый 14 рядовыми и урядникомъ, направился къ Бржевудскимъ.

Подѣвжая къ усадьбѣ, я приказалъ уряднику съ десятью казаками оцѣпить ее и садъ кругомъ на случай бѣгства молодого пана, а самъ съ остальными станичниками вѣхалъ въ открытыя ворота.

Все было постарому. Домашняя птица и свиньи бродили и копались по всему обширному двору, двѣ лохматыя собаки играя ку-

выркались другъ черезъ друга, а работникъ везъ съ гумна сѣно, направляясь къ хлѣву для скота.

Отвѣтивъ на его привѣтствіе, я спросилъ, дома ли хозяйка и молодой панъ.

— Старая панна дома, а про молодого хозяина я не знаю, панъ поручикъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я оставилъ казаковъ около крыльца, отдалъ имъ свою лошадь и, приказавъ по первому моему зову явиться ко мнѣ, самъ вошелъ въ переднюю, а затѣмъ въ обширную столовую.

Несмотря на ранній часъ, обѣ хозяйки уже встали и встрѣтили меня, видимо встревоженныя такимъ необычайнымъ посѣщеніемъ.

Стараясь приготовить бѣдную мать къ неожиданному удару, я заговорилъ сперва о постороннихъ вещахъ и потомъ какъ бы нечаянно коснулся ея сына. Она очевидно ждала этого вопроса, потому что не выдержала и залилась слезами, прибавивъ, что вотъ ужъ третій день, какъ сынъ ея пропалъ неизвѣстно куда. Дѣло скверное, подумалъ я, но повѣрить на слово ей не рѣшился и поэтому объявилъ ей настоящую причину нашего пріѣзда.

Мы перешарили весь домъ, всѣ надворныя постройки, садъ, гумно, каждый закоулокъ, но пана и слѣдъ простылъ. Очевидно, птичка улетѣла. Приходилось раскланяться съ дамами и уѣзжать.

Не желая дѣлать крюкъ, я по совѣту урядника рѣшилъ, что не стоитъ возвращаться обратно на дорогу, а лучше пройти для соединенія съ остальнымъ отрядомъ черезъ лѣсъ, чѣмъ мы выигрывали верстъ 5—6.

Станичники покурили, напоили коней, и мы отправились, предварительно выславъ впередъ сажень на 200—300 двухъ казаковъ съ приказаніемъ глядѣть въ «оба».

Мы подвигались довольно крупной рысью, разговаривая и строя предположенія, какъ-то прошла эта роковая ночь для другихъ нашихъ соотечественниковъ.

Мы уже отѣхали верстъ пять съ половиной и только что миновали сторожку лѣсника, стоящую на большой открытой полянѣ, какъ вдругъ впереди насъ раздались торопливые выстрѣлы.

Тронувъ коней, мы понеслись на встрѣчу скакавшимъ къ намъ двумъ казакамъ. У одного еще дымилось въ рукахъ ружье, а другой торопливо зажималъ рукой шею лошади. Изъ-подъ руки сочилась густая струя темной крови, пачкая рыжую шерсть и опускаясь неровными жилками по правой ногѣ до самаго копыта.

Изъ ихъ спѣшныхъ отвѣтовъ оказалось, что они наткнулись на многочисленную толпу поляковъ, расположенныхъ кучками подъ деревьями въ сторонѣ отъ дороги, и, прежде чѣмъ успѣли повернуть назадъ, были встрѣчены нѣсколькими выстрѣлами. Не было сомнѣнія, что передъ нами находятся мятежники.

Самое лучшее, что я могъ предпринять въ первую минуту,—это постараться неожиданно пробиться впередъ.

— Пашки вонъ... въ карьеръ!—скомандоваль я, и мы бѣшено промчались впередъ.

Кровь застучала въ вискахъ, пальцы судорожно впились въ рукоятку шашки, и казалось, вотъ мы съ головой окунемся и вынырнемъ изъ бурнаго потока... но, что могли сдѣлать мы, несчастная горсть въ 16 человѣкъ, передъ скопищемъ болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ около трети имѣли ружья и револьверы, а остальные были вооружены косами на длинныхъ древкахъ, топорами, пиками и даже дубинами.

На поворотѣ дороги мы были встрѣчены такимъ густымъ залпомъ, что невольно остановились. Двѣ-три лошади упали, и изъ-подъ нихъ выбирались казаки, слышались стоны.

Я приказаль подобрать раненыхъ и потихоньку отступить подъ прикрытіемъ дѣли изъ восьми казаковъ. Поляки насѣдали, слышны были ихъ ругательства и обѣщаніе не выпустить насъ живыми, но они не осмѣливались схватиться въ рукопашную, благодаря хладнокровнымъ и мѣткимъ выстрѣламъ нашего прикрытія; къ нашему счастью у нихъ не было кавалеріи, а то плохо пришлось бы намъ.

Только выбраться изъ лѣса, думаль я, считая глазами ряды своихъ товарищей, а тамъ мы на свободѣ.

Между тѣмъ поляки, укрываясь за деревьями, забѣгали впередъ насъ и тревожили выстрѣлами съ фронта; я приказаль оставшимся безъ коней казакамъ сѣсть съ товарищами и прибавить шагу.

Мы приближались къ избушкѣ лѣсника, и на открытой полянѣ я рассчитываль еще выиграть разстояніе...

Вдругъ впереди раздались радостные крики, толпа поляковъ человѣкъ въ 50—60 показалась изъ-за деревьевъ и слѣшила занять противоположный выходъ изъ лѣса на поляну.

Оставалось единственное средство, которымъ я и воспользовался,—занять сторожку и крытый дворикъ при ней, что мы немедленно и сдѣлали.

Въ избушкѣ мы не нашли ни души.

На дворѣ, на наше счастье, оказался колодезь и уголь, заваленный сѣномъ — здѣсь мы помѣстили оставшихся 11 лошадей, а сами расположились по возможности по всѣмъ сторонамъ своеобразнаго укрѣпленія.

Посовѣтовавъ беречь патроны до послѣдней крайности и стрѣлять только навѣрняка, я еще разъ привелъ въ извѣстность свои силы.

Двое изъ раненыхъ уже почти умирали, такъ какъ у одного была сквозная рана въ животъ, а у другого прострѣлена голова около уха—оба страшно метались въ агоніи и, упоминая въ бреду

про родныя семьи и кормилецъ Донъ, просили не покидать ихъ на произволъ поляковъ.

Кромѣ того, еще у одного была прострѣлена лѣвая рука повыше кисти, что также лишало его возможности оказать намъ какую либо существенную помощь, у другого тоже рука, но въ мякоти, и одинъ былъ контуженъ.

Перевязавъ, какъ сумѣли, всѣхъ раненыхъ, мы напоили ихъ, напились сами прекрасной холодной воды изъ колодезя—дали корму конямъ и приготовились дорого продать свою жизнь наступающему врагу. Видя, что всѣ на мѣстахъ, я обратился съ небольшою рѣчью къ своимъ казакамъ-молодцамъ и ободрилъ ихъ, какъ сумѣлъ.

Крики поляковъ между тѣмъ усилились,—я подошелъ къ забору и, заглянувъ въ щель, замеръ отъ ужаса.

III.

Четверть часа, проведенныя нами въ караулѣ, не пропали даромъ и у поляковъ...

Несмотря на то, что мы воздерживались отъ бесполезной стрѣльбы,—они, прячась за деревьями, о чемъ-то шумно толковали и очевидно пришли наконецъ къ единодушному рѣшенію, что и выражали громкими криками радости.

Въ то время, когда я выглянулъ въ щель, поляки засуетились и начали что-то предпринимать.

Небольшая часть ихъ изъ-за деревьевъ наблюдали за нашими дѣйствіями, а остальные разсыпались по лѣсу и, когда нѣкоторые изъ нихъ стали возвращаться, я увидѣлъ кучи хвороста, собраннаго ими. Скоро поляки стали посмѣлѣй и почти на виду у насъ начали связывать четыре большія катушки сухихъ вѣтокъ и появившагося неизвѣстно откуда сѣна, должно быть, и его нашли они гдѣ нибудь въ стогу; теперь я началъ понимать ихъ замыселъ: они попросту хотѣли сжечь насъ живьемъ, обложивъ со всѣхъ четырехъ сторонъ хворостомъ. Такимъ образомъ сторожка, въ которой я искалъ спасенія, оказалась западной, приготовленной самими же нами.

Попытаться пробить себѣ дорогу сквозь осаждавшихъ было крайне рискованно, оставалось одно—положиться на Бога и защищаться до послѣдней возможности. На прибытіе же помощи изъ отряда не было никакой надежды...

Я приказалъ открыть стрѣльбу по строгой очереди: это нѣсколько поумѣрило пылъ наиболѣе рьяныхъ изъ поляковъ, и они опять скрылись въ опушкѣ лѣса, высовываясь иногда посмотреть, не предприняли ли что нибудь ненавистные москаля.

На наши рѣдкіе и, къ слову сказать, довольно мѣткіе выстрѣлы поляки почти не отвѣчали. Жалѣли ли они порохъ, или разсудили,

что ихъ большей частью дрянненькія охотничьи ружья принесутъ намъ немного вреда—я не знаю, но они отвѣчали очень неохотно, и ни одинъ изъ выстрѣловъ не достигъ своей цѣли. Очевидно, толстыя стѣны сторожки съ этой стороны могли сослужить намъ хорошую службу, такъ какъ пули изъ гладкоствольныхъ ружей не имѣли силы пробить дерево такой толщины и только вшивались, не принося намъ ни малѣйшаго вреда...

Эта невинная забава скоро очевидно надоѣла осаждавшему насъ сброду, потому что вмѣстѣ съ громкими криками, раздавшимися со всѣхъ сторонъ, изъ лѣса показались вышеупомянутыя гигантскія вязанки, медленно двигавшіяся въ нашу сторону... У нѣкоторыхъ изъ поляковъ, находившихся за своимъ подвижнымъ прикрытіемъ, я увидѣлъ большія дымящіяся головки... Не оставалось сомнѣнія, что я вѣрно угадалъ ихъ адскій замыселъ... Увлеченные своей идеей—уничтожить нашу несчастную горсть, поляки нѣсколько расхрабрились и стали несовсѣмъ осторожно высовываться и перебѣгать изъ-за одной кучи къ другой. Станичники не зѣвали и открыли почти непрерывную стрѣльбу...

Не знаю, какъ ужъ то случилось, но самая большая куча, двигавшаяся къ намъ по вѣтру, неожиданно загорѣлась, находясь еще шагахъ въ 70—80. Должно быть, на нее упала головня, вырonnenная какимъ либо раненымъ, и вся катушка занялась почти одновременно. Растерянные поляки отступились отъ нея и стремглавъ пустились до ласу, устилая свой путь убитыми и ранеными, которые кто ползкомъ, кто начетверенькахъ слѣзили туда же вслѣдъ за своими храбрыми товарищами.

Я въ первый разъ очутился не на ученіи и не на маневрахъ, а въ обстановкѣ дѣйствительнаго сраженія и долженъ сознаться, что у меня не пробудилось ни малѣйшей жалости при видѣ этихъ ужасныхъ послѣдствій войны...

Куча хвороста и сѣна, благодаря сильному вѣтру, догорѣла очень скоро. Поляки, бывшіе подъ ея прикрытіемъ, попрятались въ лѣсъ, а остальные три отряда оставались въ нерѣшительности, такъ какъ хорошо сознавали, что поджигать сторожку противъ вѣтра гораздо труднѣе, а слѣдовательно и рискованнѣе для нихъ.

Скоро изъ лѣса раздались призывные крики, и всѣ три вязанки медленно поползли назадъ.

Черезъ полчаса поляки перетащили всѣ кучи на мѣсто сгорѣвшей, вытянули ихъ въ одну линію и опять начали тотъ же маневръ, но на этотъ разъ гораздо успѣшнѣе, такъ какъ у нихъ получилось болѣе надежное закрытіе отъ нашихъ выстрѣловъ.

Стрѣлять въ осаждавшихъ не представлялось возможности, такъ какъ, наученные предыдущимъ горькимъ опытомъ, поляки искусно прятались, и намъ оставалось съ ужасомъ наблюдать, какъ подвигалась къ намъ страшная стѣна, готовая ежеминутно вспыхнуть со

всѣхъ сторонъ... Каждая секунда приближала все ближе и ближе роковую развязку.

Я приказалъ поскорѣ перетащить раненыхъ изъ избы на дворъ и разломать заднюю стѣнку забора, чтобы выпустить лошадей на поляну, иначе, испугавшись пламени, онѣ могли на небольшомъ дворѣ произвести лишній безпорядокъ, и, пожалуй, перекалѣчить себя и насъ.

Пока выгоняли нашихъ коней, пропуская ихъ по одному въ небольшой проломъ, нѣкоторые казаки занялись тѣмъ, что старались очистить дворъ отъ лежащаго и разбросаннаго по немъ сѣна.

Поляки, опасаясь выстрѣловъ, не дѣлали попытокъ поймать нашихъ лошадей, и онѣ равнодушно бродили по полянѣ, подбирая клочки выбрасываемаго казаками сѣна и пощипывая молодую зеленую травку.

Послѣднее, что успѣли мы сдѣлать, это вымочить въ колодезѣ наши шинели и потники. Ими мы прикрыли кучу дровъ въ углу двора и залегли за ней, ожидая съ минуты на минуту, что вотъ, вотъ запылаетъ со всѣхъ сторонъ избушка и примыкающій къ ней дворикъ.

Напомнивъ еще разъ казакамъ о долгѣ, я подкрѣпилъ ихъ надеждой на помощь, и мы всѣ рѣшили защищаться до послѣдняго издыханія.

Вдругъ, огромный столбъ чернаго дыма высоко взвился къ небу и моментально окуталъ сторожку со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ этимъ послышались крики и беспорядочные выстрѣлы осаждавшихъ... Лошади, испугавшись парохнулись въ сторону... а пламя, раздуваемое вѣтромъ, уже лизало толстыя стѣны, и сырое дерево начало, пища, загораться сразу во многихъ мѣстахъ...

Нѣсколько любопытныхъ головъ заглянули черезъ заборъ во дворъ и увидѣвъ, куда мы укрылись, закричали объ этомъ остальнымъ.

Вслѣдъ за этимъ послышался трескъ сломаннаго забора и шумъ падающихъ воротъ... Густая толпа повстанцевъ ввалилась на дворъ, и нашъ дружный залпъ заставилъ ихъ остановиться лишь на минуту, такъ какъ съ боковъ, сзади, отовсюду лѣзли новыя кучи враговъ, которые, ободряя другъ друга, напирали на насъ со всѣхъ сторонъ... Я успѣлъ крикнуть, чтобы казаки выхватили пашки, ружья въ этой кашѣ оказались бесполезными, и самъ сдѣлалъ то же, разрядивъ предварительно свой револьверъ прямо въ упоръ толпѣ нападавшихъ... Трескъ разваливающихся стѣнъ сторожки, пламя и дымъ пожара, крики и выстрѣлы битвы, стоны и проклятія раненныхъ—все смѣшалось передъ мной въ то время, когда рука безсознательно наносила удары направо и налево... я почти не отличалъ своихъ отъ чужихъ и въ общей сумятицѣ могъ разглядѣть только одну мощную фигуру урядника. Возвышаясь цѣлой головой надъ

всѣми, этотъ геркулесъ, подобно древне-русскому богатырю, наносилъ страшные удары окружающимъ его непріятелямъ неизвѣстно откуда взятой дубиной... Съ глухимъ шумомъ опускалось тяжелое оружіе на головы и плечи враговъ, далеко разбрызгивая мозги и теплую кровь... Съ каждымъ ударомъ кругъ около казака становился все шире и шире...

Вдругъ жгучая боль обожгла мнѣ плечо и шею... все завертѣлось передъ моими глазами... колѣни начали какъ-то странно подгибаться сами собою и, теряя сознание, я почувствовалъ, что падаю на что-то мокрое среди ползающихъ раненыхъ...

IV.

Когда я пришелъ въ себя, то не могъ сообразить, гдѣ я и что со мною. Кругомъ меня была темнота и тишина. Повернувшись, я убѣдился, что лежу на большой мягкой кровати. Страшная боль въ шеѣ и лѣвомъ плечѣ не позволяли мнѣ двигаться, все тѣло было какъ будто разбито и немилосердно ныло... я напрасно старался припомнить всѣ подробности послѣдняго дня и незамѣтно для себя забылся опять.

Яркіе лучи весенняго солнца мягко свѣтили сквозь опущенныя шторы, когда я вторично открылъ глаза.

Въ комнатѣ попрежнему никого не было, но теперь я уже ясно могъ разсмотрѣть всю ея обстановку до малѣйшихъ подробностей. Кровать моя была прямо противъ оконъ, рядомъ съ ней на столѣ виднѣлись многочисленные пузырьки, баночки, вата, обрывки полотна и корпія. Случайно мой взглядъ упалъ на забинтованныя плечо и шею, и я въ первый разъ понялъ, что, должно быть, меня ранили, и весь этотъ арсеналь латинской кухни приготовленъ для меня.

Тутъ же на столѣ лежали мои часы, и стоялъ стаканъ съ приготовленнымъ чѣй-то заботливой рукой прохладительнымъ питьемъ...

Въ углу комнаты помѣщался большой гардеробъ, а между окнами столъ, обитый кисеей съ бантиками по угламъ. На немъ, кромѣ большого зеркала, были флакончики съ духами, коробочки и масса бездѣлушекъ. Пять или шесть мягкихъ стульевъ, разставленные въ беспорядкѣ около стѣнъ, дополняли меблировку.

Я положительно терялся въ догадкахъ, соображая, къ кому это попалъ я...

Черезъ нѣсколько минутъ мое недоумѣніе разъяснилось.

Дверь неслышно отворилась, и въ нее заглянула Стася. Увидя, что я не сплю, дѣвушка вошла въ комнату.

Не успѣлъ я еще и рта открыть, чтобъ забросать ее разспросами, какъ Стася заговорила первая и, приложивъ свой розовый палецъ къ чуднымъ губкамъ, запретила мнѣ что либо говорить, потому что это очень вредно для меня.

— Я сейчасъ сама вамъ расскажу все, что васъ интересуесть; извольте лежать смирно, иначе я уйду... Вы теперь у насъ въ фольваркѣ, куда васъ вчера привезли безъ памяти ваши товарищи. Докторъ немало бился, прежде чѣмъ вы пришли въ себя—это онъ объясняетъ сильной потерей крови, но про рану говорить, что она не опасна, и вы черезъ мѣсяць будете вполне здоровы...

Дальнѣйшій ея рассказъ прервалъ своимъ приходомъ нашъ полевой врачъ. Онъ пожурилъ Стасю за то, что она беспокоить больного, и началъ осматривать меня.

— Ну, батенька, вы не робѣйте—живо на ноги поставимъ. Рана пустяшная. Эти черти хватили васъ или саблей или косою, срѣзали мякоть на плечѣ и довольно глубоко ранили въ шею... Теперь все зашито, забинтовано, и отъ васъ требуется только одно, чтобы вы не возились, а лежали смирно и на первыхъ порахъ разговаривали бы поменьше... Наверно, эта щebetунья,—указалъ добрякъ старый докторъ на Стасю,—васъ совсѣмъ затараторила, но бьюсь объ закладъ, что на главнаго она вамъ и не сказала. Знаете, исключительно кому вы обязаны своимъ спасеніемъ?..

Не успѣлъ докончить докторъ своей фразы, а Стася, выпорхнувшей изъ комнаты, и слѣдъ простыль.

— Какая скромная и вмѣстѣ съ тѣмъ чудная дѣвушка,—замѣтилъ докторъ, продолжая свой рассказъ.—Разставшись съ вами, нашъ отрядъ двинулся въ С. На дорогѣ къ намъ присоединилась еще рота пѣхоты и сотня казаковъ. Только что успѣли мы расположиться обѣдать, какъ къ начальнику отряда подлетѣлъ на взмыленной лошади управляющій Бржевудскихъ и спѣшно сообщилъ, что онъ посланъ барышней предупредить насъ о томъ, что вскорѣ послѣ вашего отъѣзда мимо фольварка прошла шайка повстанцевъ, захватила съ собой троихъ рабочихъ, отняла силой трехъ лошадей и поспѣшила за вами въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько времени раздались ружейные выстрѣлы, и вашъ маленькій отрядъ, вѣроятно, въ опасности. Немедленно отрядили остальную часть вашей сотни, и она во главѣ съ своимъ лихимъ командиромъ, Безсоновымъ, полетѣла къ вамъ на выручку. Не успѣвъ наша помощь еще немного, изъ васъ никого не осталось бы въ живыхъ. Впрочемъ, поляки и теперь порядочно потрепали вашу горсточку, только одинъ молодчина урядникъ вышелъ безъ малѣйшей царапины, остальные всѣ переранены, а шестерыхъ мы сегодня съ музыкой хоронили за садомъ на берегу рѣки... Ну, зато и полячишкамъ славно досталось: тридцать пять человѣкъ осталось на мѣстѣ, а четырнадцать раненыхъ отправлены въ М. Теперь нашъ отрядъ въ составѣ двухъ ротъ, казачьей сотни и полубатарей получилъ приказаніе расположиться здѣсь около фольварка, чтобы заняться окончательнымъ очищеніемъ лѣса отъ появившихся въ немъ шаекъ повстанцевъ. Бржевудская уговорила насъ расположиться у нея въ фольваркѣ,

а Стася уступила вамъ свою комнату и старательно ухаживаетъ за всѣми нашими ранеными. Такимъ образомъ, закончилъ рассказчикъ, вы видите, что своимъ спасеніемъ обязаны этой вострушкѣ, и не пошли она вѣрнаго гонца къ намъ за помощью, вы не имѣли бы больше возможности любоваться ея чудными плутовскими глазками...

V.

Мое выздоровленіе, благодаря заботливому уходу и сильной молодой натурѣ, быстро подвигалось впередъ, хотя мнѣ еще и не позволяли вставать съ постели.

Стася очень часто посѣщала меня, а иногда съ ней заходила и сама Бржевудская, которая вполне радушно относилась какъ ко мнѣ, такъ и къ остальнымъ нашимъ раненымъ, помѣщеннымъ во флигелѣ на дворѣ.

За время болѣзни я привязался къ своей внимательной молодой сидѣлкѣ и бывало скучалъ, если мнѣ долго не приходилось слышать ея звонкій смѣхъ и ласковый голосъ.

Извѣстія о ходѣ событій, благодаря тому, что мы были почти въ центрѣ возстанія, доходили до насъ очень скоро, и нашъ разговоръ съ Стасей часто касался этой темы.

Стася привыкла ко мнѣ и, повидимому, ничего не скрывая, говорила про свои семейныя дѣла. Пользуясь этимъ, я заговорилъ разъ о томъ, гдѣ можетъ находиться теперь молодой Бржевудскій.

Стася отвѣчала, что со времени исчезновенія Яна (такъ звали сына вдовы) онѣ не получали объ немъ никакихъ свѣдѣній, и что онъ, вѣроятно, примкнулъ къ бунтовщикамъ и теперь находится въ ихъ рядахъ.

По ея словамъ, это былъ скрытный, несимпатичный и горячій юноша. Отецъ не особенно любилъ его, но мать, какъ единственнаго сына, баловала. Одно время у стариковъ было намѣреніе когда нибудь женить молодого Бржевудскаго на Стасѣ, но послѣдніе его поступки заставили старика отца навсегда отвернуться отъ своего сына, такъ какъ Стасю онъ любилъ гораздо болѣе и не хотѣлъ связывать ея судьбу съ своимъ безпутнымъ дѣтищемъ.

Теперь мать, потрясенная и безъ того трагической смертью мужа, не можетъ прийти въ себя отъ вѣроломнаго поступка Яна.

Стася прибавляла, что она давно уже стала замѣчать, что Янъ сдѣлался какой-то странный. Часто пропадалъ изъ дома, съ отцомъ почти ничего не говорилъ, а у матери выманилъ много денегъ, которыя, должно быть, пошли въ «народный жондъ».

Передавала она и то, что поляки въ послѣднее время страшно злились за хорошія отношенія Бржевудскихъ къ русскимъ, за равнодушіе къ общенародному дѣлу возстанія и особенно за то, что упра-

вляющимъ въ фольваркѣ былъ вѣрный и честный русскій человекъ, который не давалъ спуску батракамъ, начавшимъ послѣ смерти стараго хозяина подымать было свой носъ повыше.

Иванъ, такъ звали управляющаго, служилъ у Бржевудскихъ уже болѣе 20 лѣтъ, вынянчилъ на своихъ рукахъ Стасю, попавшую въ домъ стариковъ около года отъ рода, привязался ко всей семьѣ и вмѣстѣ съ своимъ добрымъ бариномъ переѣхалъ въ Польшу, гдѣ за свою преданность и честность и былъ возведенъ въ высокое званіе управляющаго небольшимъ имѣніемъ его господъ.

Сама Бржевудская никогда не говорила о Янѣ, а я изъ понятнаго чувства деликатности не рѣшался заговорить первый объ ея блудномъ сынѣ. Но по всему было видно, что старушка горевала страшно, и часто въ безсонныя ночи я слышалъ, какъ она въ софѣдней комнатѣ, своей спальнѣ, громкимъ шепотомъ молилась за Яна почти до разсвѣта, и какъ ея сѣдая голова съ глухими рыданіями билась о коверъ, умоляя Божію Матерь образумить и возвратить ея единственное утѣшеніе въ старости. Мнѣ предстояло скоро разстаться съ добродушными обитателями фольварка, такъ какъ нашъ отрядъ получилъ приказаніе передвинуться въ другое мѣсто, и у всѣхъ насъ неволью являлась мысль, что будетъ съ семьей Бржевудскихъ, которымъ поляки послѣ нашего ухода навѣрное будутъ мстить, потому что великодушный поступокъ Стаси, по всему вѣроятію, былъ извѣстенъ и имъ.

Вдова Бржевудская сознавала это и рѣшила, что лучше, пока въ краѣ не будетъ подавленъ мятежъ, въ чемъ она нисколько не сомнѣвалась,—удалиться на время вмѣстѣ со Стасей въ Россію.

Разбирая какъ-то свои пожитки, я замѣтилъ въ углу большое католическое распятіе необыкновенно художественной работы съ вырѣзанными инициалами «S. V.». Вошедшая въ это время Стася объявила, что это ея крестъ, который она давно и безуспѣшно ищетъ, потерявъ съ мѣсяцъ тому назадъ.

На мой вопросъ, гдѣ она достала такую чудную работу, Стася рассказала, что этотъ крестъ и другой совершенно похожій на него куплены для нея и для Яна покойнымъ Бржевудскимъ у извѣстнаго ювелира въ Варшавѣ, и прибавила, что очень благодарна мнѣ за находку, такъ какъ она весьма дорожитъ этимъ крестомъ, какъ благословеніемъ умершаго старика.

Черезъ три дня, напутствуемая нашими благопожеланіями, Бржевудская и Стася уѣхали, пользуясь случаемъ отправки раненыхъ, съ которыми онѣ должны были добраться до перваго безопаснаго мѣста.

На другой день выступили и мы.

VI.

Нашъ отрядъ въ составѣ трехъ баталіоновъ цѣхоты, эскадрона уланъ, двухъ казачьихъ сотенъ и восьми орудій, подъ начальствомъ храбраго хохла, полковника Дорошенко, оперировалъ въ юго-западной части царства Польскаго и неутомимо преслѣдовалъ уже разрозненныя шайки мятежниковъ.

Особенно донимали насъ партизаны нѣкоего Кислинскаго.

Онъ, какъ мы слышали, происходилъ изъ богатаго аристократическаго дома, получилъ блестящее военное образованіе въ Парижѣ и вложилъ въ дѣло возстанія все свое богатство, знаніе и энергію.

Кислинскій неожиданно появлялся въ разныхъ концахъ района нашихъ дѣйствій, отбивалъ транспорты и плѣнныхъ, перехватывалъ почту—словомъ надоѣдалъ страшно. Несмотря на всѣ наши старанія поймать Кислинскаго или настигнуть его шайку, доходившую до 700 человекъ прекрасно вооруженной молодежи, не представлялось ни малѣйшей возможности.

Самъ предводитель повстанцевъ и его адъютантъ, отличавшіеся наибольшей ненавистью къ русскимъ, давно уже заочно были приговорены къ повѣшенію, и намъ оставалось только одно—постараться скорѣе поймать обоихъ молодчиковъ...

Всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ непріятеля получались въ нашемъ отрядѣ отъ безусловно преданнаго намъ поляка Винцевскаго, по словамъ котораго онъ хотъ этимъ хотѣлъ отомстить ненавистному жонду за смерть отца и брата. Винцевскій былъ портной и работалъ на сторонѣ. Вернувшись въ одинъ прекрасный день домой, онъ нашелъ въ своей квартирѣ обоихъ убитыхъ съ приколотой на каждомъ карточкой «измѣнники народнаго жонда». Вся вина несчастныхъ состояла въ томъ, что они, пользуясь славой болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, отказались дать что либо агентамъ жонда и сами не вступили въ ряды мятежниковъ...

Несмотря на всѣ старанія Винцевскаго, Кислинскій точно смѣялся надъ нами и, казалось, зналъ наши планы насчетъ его, не хуже насъ самихъ, благодаря чему и успѣвалъ всегда скрываться своевременно.

Однажды Винцевскій донесъ, что завтра Кислинскаго можно будетъ захватить въ корчмѣ, куда онъ прибудетъ переодѣтый для свиданія съ другими поляками.

Винцевскій совѣтовалъ, не дѣлая лишняго шума, отправить небольшой отрядъ, человекъ въ тридцать, и схватить Кислинскаго вмѣстѣ съ его главнымъ помощникомъ.

Но, должно быть, и на этотъ разъ предводитель повстанцевъ былъ предупрежденъ, такъ какъ посланный нами взводъ уланъ на-

толкнулся на засаду и почти весь былъ уничтоженъ поляками. Съ этой ночи пропалъ и Винцевскій, должно быть, и онъ погибъ, проводя нашихъ къ корчмѣ. По крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ объ немъ не было ни слуху, ни духу.

Прошло нѣсколько дней... Разъ въ глухую полночь, я былъ разбуженъ вѣстовымъ съ приказомъ сейчасъ же явиться къ Дорошенкѣ.

Оказалось, что было получено извѣстіе о намѣреніи Кислинскаго въ эту ночь перейти въ сосѣднюю губернію для соединенія съ другою не менѣе многочисленной шайкой повстанцевъ. Мы должны были немедленно выступить, настигнуть банду Кислинскаго, помѣшать предполагаемому соединенію и разсѣять объ шайки...

Раздѣлившись на двѣ половины, мы выступили задолго до разсвѣта.

Часамъ къ 8-ми утра наша колонна была уже въ двухъ верстахъ отъ предполагаемаго мѣстонахожденія банды Кислинскаго.

На этотъ разъ мы не ошиблись. На горѣ передъ нами показалась кавалерія непріятеля, который, къ несчастію, уже успѣлъ соединиться.

Численность поляковъ доходила до полуторы тысячи, насъ же было вдвое менѣе, такъ какъ другая половина отряда, посланная въ обходъ, должна была подойти только къ полудню.

Кислинскій, видимо, хорошо сознавалъ выгоды своего численнаго превосходства, такъ какъ вскорѣ показалась густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, предупреждая этимъ нашу атаку скопища.

Дѣлать нечего, мы, кавалерія, отступили въ лѣсъ, а артиллерія, ставъ на позицію подъ прикрытіемъ пѣхоты, встрѣтила наступающую цѣпь дружною картечью.

Но поляковъ было много, и, воодушевляемые своимъ безстрашнымъ красавцемъ предводителемъ, они съ громкими криками устремились съ горы.

Залпы нашей пѣхоты не остановили непріятелей, и наше положеніе дѣлалось довольно критическимъ, такъ какъ пришлось отступать, спасая отъ поляковъ орудія.

Чтобы прикрыть отступление и нѣсколько задержать повстанцевъ, Дорошенко приказалъ двинуть объ наши казачьи сотни съ флаговъ на наступающую густую цѣпь.

Живо разсыпалась историческая казачья лава и послѣ команды: «пики къ атакѣ!» — съ громкимъ гиканьемъ неудержимо понеслась на встрѣчу врагу.

Дрогнула невыдержанная польская шляхта и попыталась было назадъ, но неустрашимый Кислинскій успѣлъ во время къ своей смутившейся молодежи, живо возстановилъ порядокъ и, построивъ карре, встрѣтилъ насъ ровными выдержанными залпами.

Зарвались станичники, не удержалъ ихъ свинцовый дождь поль-

ской пѣхоты, лихо врубилась она въ ряды мятежниковъ и молніею пронеслась сквозь кучки непріятелей, оставивъ позади себя немало труповъ своихъ, а еще больше польскихъ.

Не помогъ на этотъ разъ Кислинскій, и цѣпь начала спѣшно отступать въ гору, откуда насъ осыпали картечью два ихъ орудія.

Нашъ отрядъ ободрился, подтянулся, и мы стали ждать приближенія другой нашей колонны, чтобы нанести противнику окончательный ударъ.

Залпы, вскорѣ раздавшіеся на другой сторонѣ горы, извѣстили насъ о прибытіи давно ожидаемаго подкрѣпленія.

Вслѣдъ за этимъ началось наше наступленіе, поддерживаемое огнемъ артиллеріи...

Нѣсколько разъ поляки отбивали наши почти непрерывныя атаки, мужественно отстаивая каждую пядь горы.

Только къ вечеру, когда наши, измученные за день, солдаты ворвались въ наскоро устроенные ложементы поляковъ,—участь сраженія была рѣшена.

Пѣхотинцы, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ, оставили въ живыхъ немногихъ изъ непріятелей. Часть изъ нихъ успѣла скрыться въ близъ лежащемъ лѣсу, человекъ 70 были взяты въ плѣнъ, а остальные, во главѣ съ своимъ смѣлымъ начальникомъ, нашли смерть на штыкахъ ворвавшихся солдатъ...

Сраженіе кончилось... Дорошенко объѣзжалъ и благодарилъ выстроившіяся войска, которыя, выставивъ послѣ этого цѣпь, начали располагаться на ночлегъ.

Въ сторонѣ, подъ деревьями два доктора и нѣсколько фельдшеровъ окровавленными руками наскоро перевязывали своихъ и чужихъ раненыхъ... Я пошелъ взглянуть на плѣнныхъ поляковъ... Тамъ уже собралась толпа нашихъ офицеровъ, о чемъ-то шумно разговаривавшихъ между собою. Подойдя ближе, я узналъ неожиданную новость: оказалось, что пресловутый адъютантъ Кислинскаго есть не кто иной, какъ нашъ старый знакомый Винцевскій, одурачившій насъ ловкой исторіей объ убитыхъ родственникахъ.

Въ данную минуту онъ находился въ палаткѣ у командующаго отрядомъ, и съ него снимали показанія, на которыя онъ упорно молчалъ.

Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало дѣлу, такъ какъ участь его была рѣшена еще заранѣе, и Дорошенко отдалъ приказаніе, чтобы Винцевскій былъ повѣшенъ утромъ вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, оказавшимися извѣстными «жандармами душителями» и рьяными исполнителями кровавой мести «жонда народнаго».

Ночью, однако, Дорошенко передумалъ и велѣлъ въ назиданіе другимъ совершить казнь въ мѣстечкѣ Раковицы, гдѣ была наша стоянка, и жители котораго отличались дерзостью и неповиновеніемъ русскимъ властямъ.

Рано утромъ мы, похоронивъ убитыхъ, выступили обратно и къ полудню были уже дома.

Винцевскій съ двумя своими товарищами подъ сильнымъ карауломъ былъ посаженъ отдѣльно отъ другихъ плѣнныхъ, и на площади мѣстечка начали возводить три висѣлицы.

Вечеромъ я получилъ приказъ, въ виду возбужденнаго состоянія жителей, быть всю ночь въ разѣздѣ и особенно наблюдать за улицами, ведущими къ дому, гдѣ находился Винцевскій, такъ какъ носились слухи, что мѣстное населеніе намѣревается сдѣлать попытку у освободить заключенныхъ.

Ночь прошла спокойно. Подъ утро я зашелъ взглянуть, какъ чувствуетъ себя бывший нашъ лазутчикъ, оказавшійся впоследствии ловкимъ непріятельскимъ шпиономъ.

Къ приговореннымъ къ смерти полякамъ, по ихъ желанію, былъ приглашенъ ксендзъ, котораго я засталъ выходящимъ изъ дома.

Черезъ часъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ должна была совершиться казнь.

Винцевскій и одинъ изъ жандармовъ были совершенно спокойны и бросали недружелюбные взгляды на третьяго поляка, который до того былъ подавленъ предстоящимъ, что рыдалъ все время, почти не переставая...

Я только теперь въ первый разъ болѣе внимательно взглянулся въ бывшаго адъютанта Кислинскаго.

Это былъ почти еще юноша, лѣтъ 19-ти—20-ти, съ красивымъ лицомъ, которое, однако, сильно портили отпечатокъ скрытности и плохо сдерживаемая ненависть къ русскимъ. Надо было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ этотъ молодой франтикъ на расхаживающаго подъ его окнами часового.

Кто знаетъ, подумалъ я, можетъ быть, и у этого несчастнаго осталась мать, подобно Бржевудской, оплакивающая заблужденія своего сына.

Скоро подъ окнами раздался стукъ подъѣзжающей за преступниками телѣги и топотъ уланскаго конвоя.

У Винцевскаго какъ-то странно перекосило ротъ, и онъ началъ судорожно застегивать воротъ своей рубашки.

Я направился къ выходу. Вдругъ позади меня раздался робкій голосъ:

— Панъ поручикъ, исполните, пожалуйста, просьбу человѣка, который черезъ нѣсколько минутъ покинетъ этотъ міръ несчастій, несправедливости и насилія... Вотъ передайте эту вещь въ какойнибудь изъ костеловъ моего бѣднаго отечества... я не хочу, чтобы послѣ моей смерти она попала въ кощунскія руки вашихъ солдатъ...

Я молча взялъ протянутый мнѣ Винцевскимъ свертокъ и, выходя, столкнулся въ дверяхъ съ палачемъ и конвоемъ, которые входили за осужденными.

Несмотря на цѣлый уланскій эскадронъ, сопровождавшій преступниковъ къ мѣсту казни,— печальное шествіе съ трудомъ прокладывало себѣ дорогу по запруженнымъ густыми толпами народа улицамъ мѣстечка.

Восторженные патриотки нарядились въ трауръ и бросали цвѣты въ телѣгу Винцевскаго, посылали ему воздушные поцѣлуи и громкими криками ободряли пострадавшихъ за «отчизну».

Баталіонъ пѣхоты и казацка цѣпь, окружавшіе три высокія висѣлицы, съ трудомъ сдерживали натискъ толпы, бросавшей недружелюбные взгляды на русскихъ варваровъ и желавшей поближе посмотреть на мученическую смерть своихъ соотечественниковъ.

Уланы, усиливъ цѣпь, нѣсколько отгѣснили толпу, которая съ замираніемъ сердца слѣдила за послѣдними приготовленіями къ казни...

Когда необходимыя формальности были окончены, осужденныхъ ввели на высокій эшафотъ, и палачъ началъ связывать имъ руки. Юноша Винцевскій взглянулъ съ своего позорнаго возвышенія на волнующуюся у ногъ его массу головъ, глаза его заблестали лихорадочнымъ огнемъ, и въ его гордо поднятой головѣ видна была рѣшимость фанатика, не задумываясь, умереть за свои идеи, не зная ихъ сумасбродства...

Преступникамъ стали завязывать глаза и приготовили петли... въ толпѣ раздались сдержанные рыданія растроганныхъ патриотокъ...

Вдругъ среди всеобщаго напряженія послышался нервный крикливый голосъ Винцевскаго.

— Я умираю за свое любезное отечество и ненавижу васъ, подлые палачи и притѣснители несчастнаго народа польска....

Казалось, электрическая искра пробѣжала по площади...

Vivat Polonia... vivat!.. раздался тысячный крикъ толпы... Женщины и мужчины восторженно махали платками и рычали, какъ звѣри, выражая свое сочувствіе послѣднимъ словамъ Винцевскаго... а онъ уже качался высоко надъ толпой, и по нервнымъ подергиваніямъ его членовъ было видно, что несчастный успѣлъ отойти въ тотъ лучший міръ, гдѣ нѣтъ ни людской злобы, ни слезъ, ни волнений страстей человеческихъ

Мятежъ кончился, возстаніе было подавлено, и я ѣхалъ въ отпускъ въ Россію.

По дорогѣ мнѣ случилось слѣдовать лѣсомъ мимо той самой сторожки, гдѣ нѣкогда я нашелъ было себѣ неизбѣжную смерть, отъ которой спасся, благодаря Стасъ.

Все было постарому.

Почернѣвшія обгорѣлыя бревна свидѣтельствовали о героической защитѣ нашей горсти противъ многочисленныхъ непріятелей, надъ

могилой которыхъ была вырѣзана хвастливая надпись о доблести умершихъ за освобожденіе отечества мучениковъ...

Выѣзжая изъ лѣса, я былъ крайне удивленъ, не найдя и слѣдовъ усадьбы Бржевудскихъ.

Въ С. я узналъ, что въ ночь послѣ нашего выступленія съ фольварка поляки зажгли со всѣхъ сторонъ постройки ненавистныхъ Бржевудскихъ. Спустя много времени, въ кучѣ обгорѣлыхъ остатковъ былъ найденъ обуглившійся трупъ человѣка; по догадкамъ оказалось, что это тѣло несчастнаго Ивана, который не успѣлъ выѣхать съ фольварка и палъ жертвой мести поляковъ.

По слухамъ, вдова Бржевудская продала свое помѣстье и навсегда переѣхала вмѣстѣ съ Стасей въ Россію, подалше отъ того мѣста, гдѣ она потеряла мужа и сына.

Только остановившись отдохнуть въ С. и перебирая въ памяти всѣ недавнія событія, я вспомнилъ о завѣщаніи Винцевскаго. Перерывъ всѣ свои вещи, я съ трудомъ отыскалъ свертокъ. Къ моему величайшему удивленію, въ немъ оказался большой крестъ, совершенно тожественный съ тѣмъ, который я нѣкогда видѣлъ у Стаси... На немъ была лаконическая надпись «І. В.»...

Такъ вотъ кѣмъ оказался этотъ увлекшійся юноша, ненавидѣнный отъ всей души насъ и такъ позорно кончившій свою жизнь, которая могла бы быть утѣшеніемъ въ старости его бѣдной старушкѣ матери...

Впослѣдствіи я передалъ крестъ Винцевскаго-Бржевудскаго въ одинъ отдаленный монастырь, и тѣ, кому приходилось любоваться чудной работой кроткаго лика Спасителя, навѣрно не догадывались о трагической исторіи, связанной съ этимъ распятіемъ.

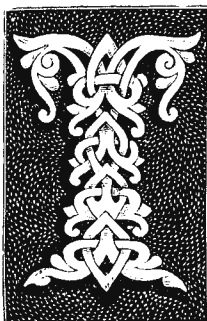
М. Д. Плаховъ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ.

I.

РИ раза судьба сталкивала меня въ роли присяжнаго засѣдателя съ группами совершенно неизвѣстныхъ мнѣ людей, и всякій разъ при окончаніи судебной сессіи являлось искреннее сожалѣніе о предстоящей разлукѣ съ этими людьми, которые такъ быстро сошлись между собою и объединились во имя общаго и великаго дѣла. И такое впечатлѣніе является почти у всѣхъ присяжныхъ. Русскіе люди вообще туго сходятся, но присяжничество составляетъ рѣдкое и счастливое исключеніе. Только въ самомъ началѣ сессіи присяжные, явившись въ свою сборную комнату, чувствуютъ какъ-то не по себѣ и не то что сторонятся, а скорѣе присматриваются и прислушиваются другъ къ другу. Но уже къ концу перваго дня, послѣ разбора нѣсколькихъ дѣлъ, послѣ перерывовъ для завтрака и проч., всѣ успѣваютъ перезнакомиться, изучить личности, намѣтить своихъ «старшинъ», опредѣлить даже «партіи». А на другой—третій день это уже совсѣмъ «свои» люди, знающіе другъ друга по именамъ и отчествамъ, толкующіе не только о вопросахъ присяжничества, но и о своихъ личныхъ дѣлахъ, о городскихъ и политическихъ новостяхъ и т. п. И такое чудо съ неподатли-

вымъ и необщественнымъ вообще русскимъ человѣкомъ дѣлаетъ именно идея присяжничества, какъ всеобщаго служенія великому и доброму дѣлу... Въ этомъ одномъ заключается громадное воспитательное значеніе присяжничества.

Но возьмемъ и другія его стороны: какъ много значить, напримѣръ, одно уже «слявіе сословій». Нигдѣ оно такъ рельефно не выступаетъ, какъ именно въ присяжничествѣ, гдѣ вы поставлены бываете въ необходимость не только познакомиться, но прямо изучить людей тѣхъ званій, профессій и состояній, съ которыми почти никогда не встрѣчаетесь на своемъ обычномъ жизненномъ пути. Но этого мало, что изучаете этихъ людей: вы проникаетесь тутъ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что хорошіе люди вездѣ есть, какую бы кличку они ни носили. Для васъ пропадаютъ тутъ эти ненужные ярлыки—«мѣщанинъ», «дворянинъ» и т. п., и вы прежде всего ищите здѣсь «человѣка» и дѣйствительно вездѣ его находите. Вы привыкаете здѣсь цѣнить только «человѣка», а не его кличку и вывѣску, съ которыми судьба пустила его гулять по бѣлу-свѣту...

Сплошь и рядомъ приходится наталкиваться въ присяжничествѣ, напримѣръ, на такіе факты. Въ послѣднюю мою сессію среди присяжныхъ, одѣтыхъ въ обычные обывательскіе костюмы—сюртуки, пиджаки, чуйки, и проч., рѣзко выдѣлялся одинъ мундирный человѣкъ, даже со штатскимъ оружіемъ на боку. При ближайшемъ изученіи этотъ старикъ—человѣкъ по своей профессіи интеллигентный (библіотекаръ одного учебнаго заведенія), оказался очень почтеннымъ, сердечнымъ и простымъ человѣкомъ. Но въ первые дни онъ держался въ сторонѣ почти отъ всѣхъ и особенно чуждался одѣтыхъ попроче присяжныхъ, не говорилъ съ ними, даже руки имъ не подавалъ. Но смотрю—на 3—4 день онъ уже всѣмъ подаетъ руку—и чуйкамъ и сюртукамъ одинаково, со всѣми любезно бесѣдуетъ, никого не чуждается. Не знаю—самъ ли онъ, по личному убѣжденію, дошелъ до такого переворота, или на него подѣйствовалъ примѣръ товарищей, которые съ перваго же дня не дѣлали ни малѣйшаго различія между сюртуками и чуйками, и ко всѣмъ относились потоварищески. Во всякомъ случаѣ человѣкъ отлично понималъ, что ему неловко быть исключеніемъ среди товарищей, и этого вывода онъ не забудетъ въ аналогичныхъ случаяхъ жизни...

Приведу другой примѣръ. Въ той же сессіи былъ среди насъ одинъ старообрядецъ—высокій, худощавый старикъ съ такъ называемымъ «иконописнымъ», но очень мягкимъ симпатичнымъ лицомъ. По званію—купецъ, по профессіи—огородникъ. По внѣшности (длинная поддевка, высокіе сапоги и пр.) это былъ человѣкъ изъ простонародья (видимо, съ хорошими средствами), но по душѣ, уму знанію жизни онъ стоялъ выше многихъ такъ называемыхъ «интеллигентовъ».

Старообрядчество его ни въ чемъ не выражалось, даже присягу

онъ принялъ вмѣстѣ со всѣми нами отъ православнаго священника, а не отъ предсѣдателя суда, какъ дѣлаютъ разные старообрядцы. Вообще въ нашемъ почтенномъ старообрядцѣ не было ни капли «постнаго масла», чѣмъ такъ сильно иногда несетъ отъ его братіи, особенно отъ стариковъ. Напротивъ это былъ жизнерадостный (въ лучшемъ смыслѣ) старикъ, способный отъ души посмѣяться, тонко и мило поострить, а иногда къ случаю рассказать довольно пикантный анекдотъ изъ жизни, но рассказать безъ всякой грязи и смакованья. Помню, какъ однажды онъ передалъ кстати довольно остроумную карикатуру изъ «Развлеченія». Старообрядецъ—старикъ, читающій хотя бы «Развлеченіе»—явленіе новое, о которомъ и мечтать нельзя было еще такъ недавно...

Но не эту сторону мы всего болѣе цѣнили въ немъ, а всю вообще его цѣльную и симпатичную личность—его чуткую и въ высшей степени правдивую душу, его замѣчательную мягкость и сердечность къ людямъ, громадное знаніе жизни и богатую практику присяжничества (это была его уже 4-я сессія), его убѣжденное, глубокое поклоненіе принципамъ «житейской правды» и ироническое отношеніе къ «правдѣ формальной»... Это была всеобщая оцѣнка, и всѣ присяжные чутко прислушивались къ голосу правдиваго старообрядца, провѣряя правильность своихъ приговоровъ о подсудимыхъ. Самые интеллигентные люди нашей сессіи шли за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ этой скромной поддевки и здѣсь находили успокоеніе для своей колеблющейся совѣсти.

Помню одно очень сложное дѣло, сильно насъ взволновавшее (см. ниже—«романъ купчихи съ кучеромъ») и рѣшенное не такъ, какъ многимъ присяжнымъ казалось... Старообрядецъ въ этомъ дѣлѣ не присяжничалъ, но изъ любопытства присутствовалъ на разбирательствѣ дѣла и основательно изучилъ весь процессъ. Нашъ старинина по этому дѣлу, развитой и сердечный человѣкъ, говорилъ на другой день, что онъ всю ночь не спалъ, считая приговоръ неправильнымъ, но теперь совсѣмъ успокоился, узнавши мнѣніе старообрядца, совпавшее съ приговоромъ... И это былъ не единственный случай, что мы смотрѣли на нашего старообрядца, какъ на человѣка съ высшею совѣстью, приговоры которой не могутъ быть ошибочны. Его нравственный авторитетъ признавали всѣ товарищи, можетъ быть, за исключеніемъ самыхъ «суровыхъ», по натурѣ своей не допускающихъ гуманнаго отношенія къ людямъ...

Помню и другую милѣйшую личность изъ товарищей послѣдней сессіи. Къ его голосу мы всѣ также внимательно прислушивались, хотя это былъ очень скромный человѣкъ по своему положенію—мѣщанинъ, торгующій мясомъ. Профессія его не изъ располагающихъ къ мягкости, но къ удивленію многихъ онъ оказался замѣчательно мягкимъ, сердечнымъ и правдивымъ человѣкомъ, притомъ очень умнымъ, съ богатымъ жизненнымъ опытомъ. Мягкость его

натуры проявлялась даже во внѣшности—въ медленныхъ, порою даже конфузливыхъ, движеніяхъ его невысокой, плотной и нѣсколько полной фигуры, въ добрыхъ голубыхъ глазахъ, въ слабой и какъ бы виноватой улыбкѣ, съ какою, напримѣръ, онъ выходилъ къ мѣстамъ присяжныхъ, когда его вызывали по списку. Все его лице тогда какъ бы говорило, что не ему сидѣть здѣсь и судить другихъ... Но начиналось дѣло, и онъ перерождался: весь былъ вниманіе, ни единой іоты не пропускалъ и все помнилъ до мелочей; иногда онъ даже записывалъ кое-что изъ показаній, чего никто изъ насъ не дѣлалъ. Въ совѣщательной комнатѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ораторовъ и совѣтниковъ, говорить онъ и любилъ, и умѣлъ. Когда товарищи узнали его получше, они всегда заставляли его высказаться по дѣлу, если онъ самъ почему либо молчалъ.

Чаще всѣхъ онъ выступалъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ. Вообще присяжные очень рѣдко задаютъ въ судѣ вопросы подсудимымъ и свидѣтелямъ. Хотя тѣ или другіе вопросы постоянно вертятся на языкѣ у присяжныхъ, ясно видящихъ недостатки предварительныхъ и судебныхъ слѣдствій, но съ языка никогда почти не срываются въ судебной залѣ, вслѣдствіе русскаго неумѣнья говорить публично. Но нашъ мясной торговецъ нерѣдко отбрасывалъ въ сторону эту русскую конфузливость и говорилъ въ судѣ очень дѣльно.

Нашъ старообрядецъ и мясной торговецъ, конечно, не единственные примѣры въ своемъ родѣ, и навѣрное каждый присяжный засѣдатель хранитъ благодарныя воспоминанія о лицахъ изъ «простого народа», которыя головою и сердцемъ стояли выше «интеллигенціи»...

II.

Присяжничество—это живая школа, гдѣ люди пріучаются къ нормальнымъ общественнымъ отношеніямъ. Здѣсь все покоится на силѣ убѣжденія, все заставляетъ съ уваженіемъ относиться къ чужой совѣсти и мнѣнію. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на силу кулака, на «право» сильного... Тутъ всѣ равны предъ вышешо силою—закономъ. А эти начала, вынесенныя присяжными изъ суда и своей совѣщательной комнаты, сослужатъ имъ великую службу и за стѣнами суда—въ обыденной жизни...

Нельзя поэтому не пожелать, чтобы къ службѣ присяжничества привлекалось возможно большее количество лицъ, и чтобы эта священная, но тяжелая гражданская обязанность равномернѣе распределялась между кандидатами, чего теперь совсѣмъ нѣтъ, особенно въ крупныхъ городахъ. Здѣсь одинъ попадаетъ въ присяжные 3 раза за 10 лѣтъ, другой 1—2 раза, а третій, имѣющій одинаковыя съ первыми двумя права на присяжничество,—ни разу къ нему не призывается!

Такая неравномѣрность зависитъ прежде всего отъ чрезчуръ длинныхъ сроковъ судебныхъ сессій (2 недѣли). Напримѣръ, въ томъ городѣ, о которомъ я говорю, изъ миллионнаго населенія ежегодно попадаютъ въ присяжные всего около 1500 человекъ, тогда какъ кандидатовъ нужно считать десятками тысячъ.

Очевидно, для болѣе равномѣрнаго привлеченія къ присяжничеству наибольшаго количества кандидатовъ необходимо сократить продолжительность судебныхъ сессій до пяти или даже трехъ дней.

Въ выигрышѣ тогда будутъ не только присяжные, но и само судебное дѣло. Никто изъ кандидатовъ не станетъ уклоняться отъ присяжничества, какъ сплошь и рядомъ теперь стараются избѣжать тяжелой двухнедѣльной страды, подъ предлогомъ болѣзни и пр. Напримѣръ, въ мою послѣднюю сессію изъ 33 человекъ явилось только 24 человека, а 9 человекъ отсутствовало «по болѣзни»...

Да и говоря по совѣсти, нельзя строго винить уклоняющихся отъ присяжничества, когда нынѣшніе порядки превращаютъ эту гражданскую повинность въ тяжкое подвижничество, не всеми охотно переносимое... Только люди, безусловно свободные отъ всякихъ обязательныхъ занятій, могутъ легко отнестись къ двухнедѣльному засѣданію въ судѣ. Сравнительно легко смотреть на подвигъ присяжничества лица, состоящія на правительственной службѣ, гдѣ не поставятъ въ вину продолжительное отсутствіе, такъ какъ де «казенное дѣло» не медвѣдь...

Совсѣмъ не то на частной службѣ. Хозяева даже крупныхъ предпріятій очень косо смотрятъ на вынужденные прогулы своихъ служащихъ, особенно когда является безусловная необходимость замѣнить отсутствующаго другимъ лицомъ. Одинъ присяжный—машинистъ желѣзной дороги—говорилъ, что жалованье ему сохранено, но за 2 недѣли у него пропадаетъ около 50 рублей «путевыхъ денегъ», которыя вмѣсто него получить замѣнившіи его въ работѣ машинистъ. 50 рублей для него деньги немалыя, и требовать отъ него такой жертвы жестоко и несправедливо, разъ другіе присяжные не несутъ такихъ жертвъ.

Еще больше несутъ потерь лица, ведущія свое дѣло единолично, безъ всякихъ помощниковъ: за 2 недѣли такое дѣло можетъ совсѣмъ погибнуть...

Но когда все будутъ призываться въ присяжные только на 3—5 дней ежегодно, а въ менѣе населенныхъ пунктахъ—въ полгода или даже въ 3 мѣсяца,—никого тогда не будетъ пугать присяжничество, и никто не станетъ уклоняться отъ него. Напротивъ, все охотно пойдутъ тогда въ судъ и будутъ судить еще лучше, еще добросовѣстнѣе, съ свѣжею головою и силами.

Тогда смѣло можно назначать даже по 10 дѣлъ на день—силъ у присяжныхъ хватитъ на 12—14 часовъ работы, которую они

легко выдержать, зная, что черезъ день-два будутъ свободны. А какъ тогда ускорится производство дѣлъ, теперь зачастую тянувшихся возмутительно долго, словно въ дореформенномъ судѣ... Облегчится тогда положеніе подсудимыхъ, иногда болѣе полугода ожидающихъ суда по самымъ пустымъ дѣламъ о «выѣденныхъ яйцахъ»... Уменьшится острожное населеніе и проч. и проч.

III.

Отсутствіе 9 присяжныхъ (въ послѣдней моей сессіи) значительно увеличило заботу добросовѣстно явившихся 24 человекъ (да и то 24-й присяжный, болѣвшій первую недѣлю, сталъ присяжничать только со второй недѣли). Напримѣръ, мнѣ пришлось присяжничать въ 17 дѣлахъ изъ 26 дѣлъ нашей сессіи.

Недоброе чувство шевелилось у насъ къ этимъ «больнымъ»: всѣ знаютъ, что «медицинскія свидѣтельства» могутъ быть въ сущности однимъ пустымъ звукомъ... Тѣмъ съ большимъ негодованіемъ мы отнеслись къ неожиданной «измѣнѣ» одного товарища—молодого, интеллигентнаго купца изъ нѣмцевъ, пожелавшаго вдругъ «заболѣть» передъ однимъ крупнымъ дѣломъ (двукратный поджогъ), которое могло затянуться на два дня, то-есть предполагался ночлегъ присяжныхъ въ судѣ.

Никому, конечно, изъ насъ этотъ ночлегъ не улыбался, однако никто, кромѣ нѣмца, и не подумалъ, какъ бы ускользнуть отъ непріятнаго дѣла. Только строгій къ другимъ и корректный по внѣшности нѣмецъ вдругъ сталъ «заболѣвать» еще наканунѣ большаго дѣла: изъ веселаго, вѣчно хохотавшаго и острившаго малаго вдругъ превратился въ задумчиваго господина, сдѣлалъ постную фізіономію и, какъ только открылось судебное засѣданіе, заявилъ председателю о своей болѣзни и просилъ освободить «только на сегодняшній день»... Его освободили. Но на другой день, когда слушалось большое дѣло, нашъ нѣмецъ еще нахальнѣе потребовалъ, чтобы его опять освободили «только на сегодняшній день»... Судь опять освободилъ, хотя для всѣхъ было ясно, что нѣмецъ «напустилъ» на себя болѣзнь. Понятно, какъ эта незаслуженная поблажка суда была дурно встрѣчена присяжными, особенно тѣми, кто слышалъ отъ нѣмца рассказы о его близкомъ знакомствѣ съ нѣкоторыми членами суда и прокуратуры, какъ онъ съ ними играетъ въ карты въ какомъ-то клубѣ и тому подобное.

Въ составъ 24 присяжныхъ входили—3 дворянъ, 5 чиновниковъ, 9 купцовъ, 7 мѣщанъ. Конечно, что официальное дѣленіе ни о чемъ не говоритъ и нимало не разъясняетъ характера нашей дѣятельности въ эту сессію. Я уже говорилъ выше о купцѣ-старообрядцѣ и мѣщанинѣ-мясникѣ, стоявшихъ неизмѣримо выше многихъ «интеллигентовъ». Точно также слѣдуетъ выдѣлить еще 5-6 куп-

цовъ и 4-5 мѣщанъ, болѣе или менѣе развитыхъ, довольно образованныхъ и стоявшихъ вполнѣ на высотѣ своего положенія. Съ другой стороны—среди дворянъ было, напримѣръ, такое лицо, которое, попавши однажды (и совершенно случайно) въ старшины, только послѣ 3 или 4 репетицій въ совѣщательной комнатѣ сумѣло съ грѣхомъ пополамъ прочесть на судѣ вслухъ вопросные пункты и наши отвѣты о подсудимомъ...

Итакъ, официальные клички присяжныхъ ничего намъ не говорятъ. Гораздо интереснѣе было опредѣлить профессіи 24 присяжныхъ. Но я могъ собрать свѣдѣнія только о 18 товарищахъ. Такъ изъ 3 дворянъ—одинъ былъ оперный режиссеръ (бывшій артистъ), другой служилъ въ правленіи желѣзной дороги (а раньше былъ учителемъ), третій—землевладелецъ. Изъ 5 чиновниковъ трое были на «ученой службѣ»—учитель, бібліотекаръ, архивистъ, четвертый служилъ въ конторѣ государственнаго банка. Среди 9 купцовъ были—огородникъ, трактирщикъ, картузникъ, 3 приказчика. Изъ 7 мѣщанъ—контролеръ и машинистъ желѣзной дороги, одинъ содержалъ прачешную, другой—мясную лавку, третій—чайный магазинъ.

Итакъ среди насъ преобладали люди практической складки ума, а чистыхъ теоретиковъ по своей профессіи было ничтожное меньшинство—5-6 человѣкъ. Понятно, что не послѣдніе давали тонъ нашей сессіи, и не они вносили руководящія начала нашей дѣятельности. Не какіе либо софизмы и теоріи, къ которымъ такъ склонны люди кабинетной жизни, но сама реальная жизнь руководила умомъ и совѣстью присяжныхъ. Именно изъ этой реальной жизни, а не изъ типичныхъ кабинетовъ и не изъ книгъ выносили присяжные свои истины. «житейской правды» и свое отрицательное отношенія къ положеніямъ «правды формальной»...

Это руководящее начало, неизмѣнно сказывающееся всегда въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, очень настойчиво и съ особою силою выразилось въ моей послѣдней сессіи (о которой всего болѣе говорю, такъ какъ и до сихъ поръ нахожусь подъ ея свѣжими впечатлѣніями), когда на нашъ судъ предстало 35 подсудимыхъ, и мы признали виновными только 9 человѣкъ, а остальныхъ 26 человѣкъ освободили... къ немалому ужасу гг. прокуроровъ.

IV.

Не столько по личному характеру присяжныхъ, сколько по ихъ отношеніямъ къ этимъ двумъ «правдамъ»—«житейской» и «формальной», можно подраздѣлить присяжныхъ на 3 группы: на «мягкихъ», «суровыхъ» и «среднихъ». Первые—это безусловные и неизмѣнные поклонники одной лишь житейской правды и сознательные, убѣжденные отрицатели правды формальной.

Во главѣ «мягкихъ» стоялъ вышеупомянутый дворянинъ, когда-то бывшій учитель, а теперь служившій въ правленіи одной желѣзной дороги. Это очень симпатичная, истинно гуманная и высоко интеллигентная личность. Человѣкъ пожилой (между 40 и 50 годами), небольшого роста, нѣсколько полный, съ выразительнымъ и добрымъ лицомъ, съ оживленными и бойкими движеніями, съ всегда умною, веселою и живою рѣчью на устахъ — онъ былъ, что называется, «душою» нашего общества. Вѣчно онъ былъ окруженъ товарищами, вѣчно съ кѣмъ нибудь спорилъ, кого нибудь уговаривалъ, убѣждалъ, надъ чѣмъ нибудь добродушно подсмѣивался, а иногда и очень зло издѣвался. Въ совѣщательной комнатѣ онъ былъ самый дѣятельный ораторъ — убѣжденный, знающій, очень нервный. И всегда его умная и живая рѣчь рѣшительно становилась на сторону подсудимыхъ, разъ существовали хотя бы самые ничтожные доводы въ ихъ пользу. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда все дѣйствительно говорило противъ подсудимаго, — нашъ милѣйшій присяжный молчалъ и молча, скрѣпя сердце, подавалъ голосъ за обвиненіе... Но и тутъ онъ оживалъ, и снова лилась его убѣжденная рѣчь, когда, порѣшивъ съ обвиненіемъ, мы переходили къ обсужденію вопроса о смягченіи участи преступника. Онъ рѣшительно оправдывалъ ту милую кличку, которую далъ ему одинъ присяжный повѣренный, называвшій его «присяжнымъ оправдателемъ»... Его вліяніе на товарищей было значительное: всѣ прислушивались къ его рѣчамъ, и многихъ колебавшихся онъ велъ всегда за собою. Не разъ мы просили его быть старшиною, но онъ всегда упорно отказывался, уступая это почетное мѣсто другимъ.

Къ лагерю «мягкихъ» принадлежали вышеупомянутые огородникъ-старообрядецъ и мѣщанинъ — мясной торговецъ, игравшіе такую вліятельную роль среди товарищей. Сюда же примыкалъ нашъ любимый старшина — бывшій артистъ, человѣкъ уже по своей специальности съ чуткою, отзывчивою душою, очень толково и тактично исполнявшій обязанности старшины, чему немало содѣйствовалъ и его сильный, пріятный баритонъ.

Представители противной партіи — «суровые» — не пользовались вліяніемъ и значеніемъ среди товарищей. Болѣе выдающійся изъ «суровыхъ» — молодой купецъ, кажется, довольно богатый, содержавшій не то каргузное заведеніе, не то магазинъ съ каргузнымъ прикладомъ. Этотъ франтоватый купецъ, съ правильными, но сухими, даже жесткими чертами лица, былъ ярымъ поклонникомъ одной «формальной правды», полагавшій, что устами прокурора всегда глаголетъ сама истина, и что разъ человѣкъ попалъ на скамью подсудимыхъ — значитъ, онъ виновенъ и не заслуживаетъ пощады... Только раза два, три, онъ отступилъ отъ такого примитивнаго взгляда на дѣло суда присяжныхъ и позволилъ себѣ подать голоса за оправданіе. Насколько вообще онъ былъ примитивенъ въ понятіяхъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, показываетъ слѣдующій случай.

Разбиралось дѣло о покушеніи на кражу со взломомъ. Голоса присяжныхъ разбились такъ: 4 за оправданіе, 8 за обвиненіе въ покушеніи на кражу. Когда такимъ образомъ подсудимый былъ обвиненъ (это былъ рецидивистъ, уже разъ оправданный другими присяжными и черезъ недѣлю послѣ того оправданія снова совершившій покушеніе на кражу, которое мы и судили), мы стали обсуждать вопросъ: былъ ли взломъ, или нѣтъ?—Понятно, 4 присяжныхъ, стоявшихъ за полное оправданіе, признавали отсутствіе взлома, чтобы уменьшить обвиненному размѣры наказанія. Горячѣе всѣхъ настаивалъ на томъ нашъ симпатичный «присяжный оправдатель». Вдругъ встаетъ вышеупомянутый «суровый» и рѣзко обращается къ первому:

— Нѣтъ, я вамъ не позволю больше говорить въ пользу подсудимаго!.. Вы теперь не имѣете права разсуждать о немъ...

— Какъ это такъ?! откуда вы это взяли?..

— Очень просто! Вы стояли за оправданіе подсудимаго, но мы большинствомъ признали его виновнымъ, и теперь только мы можемъ обсуждать вопросъ о взломѣ, а вы четверо должны молчать...

— Вотъ тебѣ и на! что за нелѣпость такая... Вы не понимаете своихъ обязанностей, мѣшая высказаться всѣмъ присяжнымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы уже сказали свое мнѣніе и теперь должны молчать!..

Но тутъ всѣ принялись доказывать «суровому», что онъ со всѣмъ неправъ, что всѣ вопросы о подсудимомъ должны рѣшаться всѣми присяжными, что разъ четверо стояли за полное оправданіе, то тѣмъ естественнѣе стоять имъ за смягченіе участи обвиненнаго. «Суровый» никакъ не могъ этого понять и все стоялъ на своемъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить товарищамъ, тѣмъ болѣе, что большинство отвергло взломъ.

Но «суровый» все-таки намъ не повѣрилъ и послѣ дѣла продолжалъ развивать свою нелѣпую теорію, общая лишь тогда согласиться съ нами, когда наше мнѣніе подтвердитъ председатель суда или прокуроръ. Онъ не прочь былъ и въ судебной залѣ поднять этотъ вопросъ, но мы едва уговорили его «не срамиться»... Все же онъ не удержался и, поймавъ въ коридорѣ прокурора, предложилъ на его разрѣшеніе свое глупое недоразумѣніе и, конечно, былъ посрамленъ. Прокуроръ, очевидно, передалъ этотъ курьезъ председателю, и тотъ въ резюме слѣдующаго дѣла снова сталъ разъяснять намъ правила о раздѣленіи нашихъ голосовъ на совѣщаніяхъ и проч., хотя такое разъясненіе мы уже получили въ первомъ засѣданіи и болѣе въ немъ не нуждались, кромѣ этого «суроваго».

Подстать ему былъ и другой «суровый»—пожилой купецъ, на всѣхъ и на все озлобленный—и на подсудимыхъ, и на судъ, и на

свое положеніе присяжнаго, на мѣстную городскую управу, на полицію и пр. и пр. Только и слышно было отъ него, что онъ кого либо или что либо осуждалъ, бранилъ, на что-то жаловался. Это былъ рѣдкій типъ крайне легкомысленнаго и вполнѣ равнодушнаго къ дѣлу присяжнаго, но за то, а вѣрнѣе—именно потому суроваго и жестокаго къ подсудимымъ... Въ судебномъ засѣданіи онъ совсѣмъ не слушалъ дѣлъ и возмутительнымъ образомъ зѣвалъ во всеуслышаніе такъ сочно, что всѣ невольно бросали на него косые взгляды—и судьи, и защитники, и подсудимые...

Остальные «суровые» замѣчательны тою общею имъ особенностью, что внѣ судебной залы всѣ они были люди очень веселые, черезчуръ жизнерадостные, что называется, «добрые малые» среди товарищей. Но какъ только они садились на кресла присяжныхъ,—съ нихъ какъ бы спадала маска веселаго добродушія, и они словно облекались въ тогу строгаго судьи, которому предписано якобы только пресѣкать и карать...

Вообще многими присяжными замѣчено, что «суровые» чаще всего вербуются изъ молодыхъ людей, а «мягкіе» наоборотъ—чаще изъ пожилыхъ или стариковъ. Это и понятно: мягкимъ можетъ быть только поклонникъ житейской правды, а познаніе послѣдней дается только послѣ долгаго жизненнаго пути...

Преимущественно изъ неопытныхъ молодыхъ людей набирается третья группа присяжныхъ—«средняго» направленія, т.е. рѣшавшихъ дѣла по вмѣстѣ съ суровыми, то согласно съ мягкими.

Кстати—объ одномъ мнѣніи А. М. Бобрищева-Пушкина, автора почтеннаго труда «Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ». Онъ утверждаетъ, будто «интеллигентные присяжные строже неинтеллигентныхъ» (стр. 256 и слѣд.). Но кто самъ былъ присяжнымъ, тому приходилось наблюдать какъ разъ обратное явленіе! Да и самъ авторъ противорѣчитъ своему наивному положенію, когда, напримѣръ, считаетъ «самымъ строгимъ» такой составъ присяжныхъ, гдѣ было 4 интеллигентныхъ и 8 неинтеллигентныхъ лицъ (стр. 255).

Съ другой стороны: на чемъ основываетъ авторъ—кажется, товарищъ предсѣдателя суда—свое дѣленіе присяжныхъ на интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ?—очевидно, на чисто внѣшнихъ кличкахъ—«мѣщанинъ», «дворянинъ» и т. п. Но я уже показалъ выше на живыхъ примѣрахъ, что эти клички въ наше время чистѣйшій вздоръ! Нельзя судить объ интеллигентности присяжныхъ, взирая на нихъ съ высоты судейской трибуны... Нужно побыть въ средѣ присяжныхъ, сойтись съ ними, изучить ихъ, и только тогда можно безошибочно рѣшать вопросы объ интеллигентности тѣхъ или другихъ присяжныхъ.

V.

Въ тѣхъ три сессіи, когда мнѣ приходилось присяжничать, я наблюдалъ двоякаго рода «старшинъ» присяжныхъ: одни смотрятъ на эту роль очень серьезно и придаютъ ей большое значеніе, другіе же считаютъ ее пустою формальностью и относятся къ ней спустя рукава. Первые играютъ въ совѣщательной комнатѣ роль настоящаго предсѣдателя суда, обязаннаго дать присяжнымъ послѣднее и настоящее резюме дѣла, затѣмъ руководить преніями товарищей и обстоятельно отобрать ихъ голоса. Симпатіи большинства присяжныхъ на сторонѣ такихъ старшинъ-руководителей: именно ихъ всегда ищутъ, но, къ сожалѣнію, очень рѣдко находятъ...

А между тѣмъ, именно такіе старшины всего необходимѣе и полезнѣе для дѣла. Далекое не всѣ присяжные вполне самостоятельны, притомъ многіе являются въ роли присяжнаго въ первый разъ и очень мало освѣдомлены о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Въ своихъ приговорахъ такіе присяжные будутъ колебаться, или явятся слишкомъ односторонними, или же слѣпо пойдутъ за болѣе самостоятельными товарищами. Для этихъ слабыхъ присяжныхъ нуженъ надежный руководитель, и такимъ всего естественнѣе быть именно излюбленному старшинѣ.

Очень важно на совѣщаніяхъ присяжныхъ дѣятельное и умѣлое руководство преніями. У старшинъ-формалистовъ обыкновенно бываетъ такъ, что говорятъ 2—3 обычныхъ оратора, а остальные присяжные отдѣлываются односложными «да» или «нѣтъ». А между тѣмъ, для пользы дѣла необходимо расшевелить и этихъ послѣднихъ, потребовать отъ нихъ мотивировки такого или иного ихъ рѣшенія, объяснить непонятое ими, опровергнуть ихъ мнѣнія, если они выскажутъ что либо странное. Кто знаетъ—можетъ быть, и эти скромные, молчаливые люди скажутъ чтонибудь дѣльное и именно то, что упущено другими, но что можетъ сразу освѣтить весь вопросъ, поставить его на настоящую дорогу...

Такие случаи бывали, и пренебрегать ими нельзя. Многіе, вѣроятно, замѣтили, что самые скромные присяжные молчатъ въ совѣщательной комнатѣ, а въ сборной и въ другихъ мѣстахъ, въ компаніи 2—3 товарищей, такой скромникъ вдругъ разговорится откровенно и скажетъ чтонибудь новое, оригинальное и именно по тому дѣлу, о которомъ онъ молчалъ на совѣщаніи. Поневоля тогда шевелится досадный вопросъ: да что же ты молчалъ, когда нужно было говорить?.. Вотъ главный долгъ старшины—расшевелить такихъ скромныхъ присяжныхъ, чтобы всѣ дружно участвовали въ общей работѣ, какъ того требуетъ и совѣсть, и польза дѣла, и самый законъ.

Понятно отсюда, какъ важны выборы старшины, и какъ ненормаленъ теперешній порядокъ выборовъ. Прежде это дѣло было лучше поставлено и давало лучшіе результаты. Въ прежнее время (въ первыя двѣ мои сессіи) для выбора старшины присяжные по каждому дѣлу удалялись въ совѣщательную комнату и тамъ на полной свободѣ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, выбирали своихъ дѣйствительно излюбленныхъ людей. Теперь этотъ порядокъ почему-то уничтоженъ...

До крайности я былъ пораженъ въ послѣднюю сессію тѣмъ новымъ порядкомъ, что только по первому дѣлу предсѣдатель суда предложилъ намъ удалиться въ совѣщательную комнату для выбора старшины, а для всѣхъ слѣдующихъ дѣлъ сессіи старшины «избились» тутъ же—въ залѣ суда!..

Понятно, никакихъ «выборовъ» тутъ не происходитъ, а всегда бываетъ такъ, что 2—3 наиболѣе дѣятельныхъ присяжныхъ намѣчаютъ кандидата въ старшины и предлагаютъ ему занять старшинское кресло, причемъ всѣ остальные присяжные молчатъ, хотя бы у нихъ и намѣчался другой, болѣе пригодный, по ихъ мнѣнію, кандидатъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ поднимать галдѣнье въ залѣ суда, предлагать одного, другого и т. д., упрашивать отказывающагося, собирать голоса въ пользу своего кандидата и т. п. Вѣдь во время такъ называемыхъ «выборовъ» старшины судоговореніе прекращается, и всѣ въ судебной залѣ невольно обращаютъ вниманіе на какое-то движеніе среди присяжныхъ, на ихъ возбужденный шепотъ, прорывающіеся возгласы: «Иванъ Ивановичъ!.. Петръ Петровичъ!.. да садитесь же кто нибудь!»... (т. е. въ кресло старшины). И бѣдный Иванъ Ивановичъ садится, не чувствуя ни малѣйшаго призванія быть старшиною, проклиная новые порядки и своихъ пріятелей, чуть не за шиворотъ посадившихъ его на почетное и отвѣтственное кресло старшины...

Нѣтъ, необходимо вернуться къ прежнему порядку выборовъ, представлявшему болѣе гарантій для избранія настоящихъ старшинъ, а не случайныхъ Ивановъ Ивановичей!.. Вѣдь самъ судъ отпустилъ насъ въ совѣщательную комнату для выбора старшины на первое дѣло именно по тому мотиву, что «вы де еще мало знакомы другъ съ другомъ»... Но почему же именно первое дѣло, въ которомъ участвовало всего 12 присяжныхъ, вдругъ и рѣшительно дало намъ возможность вполне узнать всѣхъ присяжныхъ?.. Явная несообразность!..

При нынѣшнихъ порядкахъ неизмѣнно попадаютъ въ старшины одни и тѣ же 2—3 лица, между которыми и теперь, конечно, встрѣчаются вполне достойные люди, но наряду съ лицами, не соответствующими званію старшины. При прежнихъ порядкахъ обыкновенно такъ бывало, что въ старшины по первымъ дѣламъ попадали люди не по уму, а «по платью»: или очень почтенные по лѣтамъ,

или видные по общественному положенію, даже буквально по платью, по фигурѣ наконецъ... Но въ слѣдующихъ дѣлахъ, когда присяжные достаточно уже изучили другъ друга, такіе случайные и нежелательные старшины отстранялись и выбирались уже настояще—именно «по уму». Но теперь послѣднимъ трудно пройти въ старшины, такъ какъ на первыхъ уже остановилось вниманіе присяжныхъ, и они продолжаютъ выбирать только ихъ, именно во избѣжаніе лишнихъ переговоровъ, шума и хлопотъ въ судебной залѣ, на глазахъ у суда и публики.

VI.

Не по всѣмъ дѣламъ происходятъ пренія въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ: иное дѣло настолько просто и ясно, что общее впечатлѣніе уже сложилось у присяжныхъ засѣдателей еще въ залѣ суда, и они напередъ знаютъ, какой приговоръ вынесутъ подсудимому. Тогда совѣщаніе длится не болѣе 5—10 минутъ, чтобы только подписать вопросный листъ.

По поводу этихъ короткихъ совѣщаній въ послѣднюю сессію сложилась среди насъ такая «легенда», будто когда мы входимъ въ совѣщательную комнату, то старшина молча садится за столъ и пишетъ отвѣты на вопросные пункты, а присяжные держатъ шнуръ отъ звонка, чтобы зазвонить, какъ только старшина скажетъ—«готово!»... Въ иныхъ дѣлахъ эта легенда, дѣйствительно, была близка къ истинѣ, а разъ буквально повторилась.

Разбиралось возмутительнѣйшее въ смыслѣ «житейской правды» дѣло—о кражѣ (третьей) котелка цѣною въ 25 копеекъ, совершенной много лѣтъ назадъ (Θемида долго не находила подсудимаго) и уже черезчуръ наказанной полугодичнымъ «предварительнымъ заключеніемъ»... Не знаю, какъ держали себя судьи, слушая это удивительное дѣло, но мы, присяжные, краснѣли за свое положеніе и за эту комедію въ судѣ...

И мы отнеслись къ ней... какъ слѣдуетъ: едва вошли въ совѣщательную комнату, какъ нашъ милѣйшій старшина (артистъ), ни слова намъ не говоря и никого не опрашивая, сталъ подписывать вопросный листъ, а одинъ collega, едва затворились двери, сейчасъ же далъ звонокъ...

Остававшіеся въ залѣ товарищи рассказывали, что нашъ звонокъ изумилъ и заставилъ даже разсмѣяться (надъ кѣмъ они смѣялись?!...) не успѣвшихъ выйти изъ залы членовъ суда... Даже приставъ не успѣлъ еще поставить къ нашимъ дверямъ жандарма съ обнаженнымъ палахомъ... Но предсѣдатель уже успѣлъ выскочить изъ залы, и насъ продержали въ совѣщательной комнатѣ нѣсколько минутъ, пока вернулся предсѣдатель, пока ввели, поставили у дверей и сейчасъ же увели назадъ изумленнаго жандарма...

Замѣчено всѣми въ судѣ и совершенно справедливо, что короткія совѣщанія присяжныхъ всегда означаютъ оправдательные приговоры. Послѣдніе выносятся, конечно, и послѣ долгихъ совѣщаній, если дѣло сложное, но въ общемъ эта примѣта вѣрна: мало совѣщаются присяжные—вынесутъ оправданіе, а долго—скорѣе обвиненіе, чѣмъ оправданіе. Но никогда не бываетъ, чтобы обвиненіе выносилось послѣ короткаго совѣщанія. Крайне рѣдки случаи, чтобы обвиненіе было признано всѣми 12 присяжными, притомъ же всегда возникаютъ пренія по вопросу о смягченіи наказанія обвиненному.

Да и вообще «русская ли жалость» тому причиною, или что другое, но присяжные никогда не торопятся въ залу суда съ обвинительнымъ приговоромъ и оттягиваютъ этотъ моментъ до послѣдней возможности... Напротивъ, съ оправдательнымъ приговоромъ всѣ торопятся, понукаютъ старшину и товарищей, нѣсколько рукъ тянутся къ звонку, удержать трудно... Человѣкъ наблюдательный можетъ безошибочно прочесть тотъ или другой приговоръ на лицахъ и въ фигурахъ присяжныхъ, когда они выходятъ въ залу суда изъ совѣщательной комнаты. Если они выносятъ оправдательный приговоръ, всѣ идутъ спѣшно, бодро, улыбаясь и весело переговаривая другъ съ другомъ. Въ противномъ случаѣ присяжные медленно выползаютъ и молча идутъ къ своимъ мѣстамъ, выглядывая мрачно и серьезно...

Съ внѣшней стороны совѣщанія присяжныхъ чужды всякой формальности и нарочитой торжественности. Голоса отбираются или личнымъ обращеніемъ старшины къ каждому, или вставаніемъ и другими приемами. Впрочемъ, открытое голосованіе рѣдко бываетъ.

Г. Бобринцевъ-Пушкинъ (стр. 351—352) указываетъ «на опасность (?), кроющуюся въ существующей нынѣ открытой подачѣ голосовъ», когда «вмѣсто счета самостоятельно поданныхъ голосовъ получается подборъ (?) голосовъ, такъ какъ голосующіе высказываются съ оглядкою (?) на товарищей и сообщаютъ (?) окончательный результатъ; въ особенности лишается необходимой ему свободы (?) подающій голосъ послѣднимъ: легко представить себѣ всю трудность (?) положенія седьмого присяжнаго, который на глазахъ товарищей своимъ «да» или «нѣтъ»—одинъ (?) рѣшаетъ судьбу подсудимаго»...

Но г. Бобринцевъ-Пушкинъ, очевидно, не знаетъ, что въ совѣщаніяхъ присяжныхъ открытое голосованіе является въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно же совѣщаніе начинается съ обсужденія дѣла всѣми или нѣсколькими присяжными, и тутъ сразу становится для всѣхъ очевиднымъ, сколько имѣется голосовъ за и противъ. Такимъ образомъ, подача голосовъ является здѣсь излишнею и замѣняется простымъ подсчетомъ ихъ. Въ этихъ случаяхъ «седьмаго» присяжнаго не бываетъ, а сразу обнаруживается группа въ 7 человѣкъ, рѣшающихъ дѣло. А когда въ рѣдкихъ случаяхъ и

бываетъ «седьмой», онъ не испытываетъ никакой особой «трудности», такъ какъ знаетъ, что дѣло рѣшается не онъ одинъ, но группа въ 7 человѣкъ.

Если же ввести тайную подачу голосовъ, какъ совѣтуетъ г. Бобринцевъ-Пушкинъ, тогда прекратятся пренія присяжныхъ, въ послѣдній разъ освѣщающія и выясняющія дѣло съ точки зрѣнія «житейской правды», и на мѣсто этого живого отношенія къ дѣлу станетъ мертвящій формализмъ...

VII.

Перехожу къ вопросу объ отношеніяхъ присяжныхъ къ представителямъ короннаго суда—предсѣдателямъ и прокурорамъ.

Присяжные всегда хранятъ благодарныя воспоминанія о тѣхъ предсѣдателяхъ, которые относятся къ нимъ вполне доброжелательно, участливо, и смотрятъ на нихъ, какъ на товарищей по совѣстной работѣ. Помню, напримѣръ, въ предыдущую сессію самаго талантливаго и блестящаго товарища предсѣдателя нашего окружнаго суда (недавно онъ бросилъ коронную службу и перешелъ въ присяжные повѣренные), закончившаго сессію сердечною и умною рѣчью, гдѣ выразилъ искреннее «спасибо» присяжнымъ за ихъ сотрудничество суду... Такія рѣчи не забываются и помогаютъ присяжнымъ легче переносить всѣ тягости своего положенія...

Знаю и такіе факты: въ сессію, предшествовавшую моему послѣдней, разбиралось по тому же отдѣленію суда одно крупное торговое дѣло, продолжавшееся 6 дней. По окончаніи дѣла присяжные пригласили въ сборную комнату товарища предсѣдателя, который велъ это дѣло, и отъ души поблагодарили его за вполне гуманное и доброе отношеніе къ нимъ.

Съ этимъ же симпатичнымъ предсѣдателемъ пришлось и намъ имѣть дѣло, и мы вынесли о немъ такое же отрадное впечатлѣніе. Это былъ идеальный предсѣдатель—ровный, спокойный, правдиво и одинаково относящійся къ положительнымъ и отрицательнымъ сторонамъ дѣла. При томъ же видимо было, что это человѣкъ мягкій, гуманный, способный вполне войти въ положеніе подсудимаго и дать добросовѣстную, вполне объективную оцѣнку доводамъ и защиты и обвиненія. Мы знали, что его резюме не утаитъ ничего существеннаго ни съ той, ни съ другой стороны, и потому всегда слушали его съ глубокимъ вниманіемъ и вѣрили его объективнымъ взглядамъ на дѣло болѣе, чѣмъ одностороннимъ разсужденіямъ защитниковъ и обвинителей. Не скажу, чтобы мы слѣпо шли за предсѣдателемъ, да въ сущности за нимъ и нельзя было намъ идти, такъ какъ онъ только добросовѣстно собиралъ и предлагалъ нашему вниманію всѣ существенные доводы за и противъ подсудимаго, тщательно избѣгая малѣйшихъ намековъ на свое лич-

ное отношеніе къ дѣлу. Только чуткое и всегда приподнятое настроеніе присяжныхъ могло изрѣдка уловить въ умной рѣчи предсѣдателя чуть замѣтную струйку личныхъ симпатій къ подсудимому. «Мягкіе» присяжные всегда мотали это на усъ и, если имъ трудно было иными средствами бороться противъ «суровыхъ», они пускали въ ходъ, какъ послѣдній ресурсъ, что вотъ де и нашъ симпатичный предсѣдатель «склоняется» въ пользу подсудимаго. И этотъ доводъ всегда поражалъ самыхъ «суровыхъ» присяжныхъ: съ такимъ глубокимъ уваженіемъ всѣ одинаково относились къ этому идеальному и гуманному предсѣдателю!..

Къ сожалѣнію, есть и другого сорта предсѣдателя, представляющіе совершенную противоположность первому и, очевидно, по ошибкѣ очутившіеся на такомъ отвѣтственномъ посту. Съ однимъ изъ такихъ нежелательныхъ предсѣдателей намъ пришлось имѣть дѣло въ послѣднюю сессію. Это былъ совсѣмъ не предсѣдатель, а чистѣйшихъ кровей прокуроръ, волею судебъ посаженный на предсѣдательское кресло. Раньше онъ былъ товарищемъ прокурора въ другомъ судѣ, и всѣ прокурорскія замашки и тенденціи перенесъ и на новое мѣсто товарища предсѣдателя. Обвиненіе, повидимому, гнѣздилося въ его крови... Рассказываютъ, что однажды его братъ — присяжный повѣренный — попросилъ написать за него защитительную рѣчь по одному дѣлу. Но какъ ни бился надъ дѣломъ всю ночь этотъ прирожденный прокуроръ, «защитительная рѣчь» вышла у него совсѣмъ обвинительною, отъ которой защитникъ рѣшительно отказался и пошелъ въ судъ съ наскоро сдѣланною импровизаціей.

Такимъ прокурорствующимъ предсѣдателемъ засѣдалъ онъ и въ нашей сессіи... Мы не слышали отъ него ни одного настоящаго предсѣдательскаго резюме: все это были чисто прокурорскія рѣчи, крайне одностороннія и тенденціозныя. Если онъ и останавливался на доводахъ защиты, то только для того, чтобы ихъ опровергнуть. Иногда обвинительный характеръ его резюме до того былъ безпощаденъ и ясенъ, что мы только руками разводили и съ негодованіемъ переглядывались: цѣлыхъ два прокурора на судѣ!.. не слишкомъ ли это много для одного подсудимаго, да еще по дѣлу о «выѣденныхъ яйцахъ»?!

И вѣдь главное дѣло въ томъ, что всѣ прокурорскіе громы этого предсѣдателя гремѣли совсѣмъ попусту и не только не производили на присяжныхъ того впечатлѣнія, на какое онъ самоувѣренно рассчитывалъ, но дѣйствовали совершенно обратно... Помню особенно два дѣла, гдѣ прокуророобразный предсѣдатель до крайности проявилъ свой прокурорскій духъ: это были дѣла о покушеніи на кражу платя въ банѣ и о кражѣ дыряваго самовара и другихъ столь же цѣнныхъ вещей. Предсѣдатель такъ безпощадно громилъ этихъ «ужасныхъ злодѣевъ», что намъ стало ихъ жаль, и мы... оправдали ихъ...

Но и помимо этой совершенно противной закону роли председателя, NN былъ непріятель и всѣмъ вообще своимъ отношеніемъ къ суду и особенно къ защитникамъ. Этотъ самоувѣренный, породистый «баринъ» держалъ себя необыкновенно гордо и любилъ особенно «обрывать» присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Напримѣръ, въ дѣлѣ о дырявомъ самоварѣ защитникъ вручилъ председателю какія-то бумаги подсудимаго. Председатель что-то не разобралъ въ нихъ. Защитникъ сталъ обходить судейскій столъ, чтобы подойти къ председателскому креслу и разъяснить бумаги. Конечно, это движеніе было лишнее, и можно было сдѣлать объясненія черезъ судейскій столъ. Нормальный председатель остановилъ бы защитника въ формѣ просьбы... Но прокуророобразный председатель возвысилъ голосъ и грозно закричалъ присяжному повѣренному: «извольте оставаться на мѣстѣ, а то выйдетъ посемейному!»..

Вообще NN былъ страшный формалистъ, и мы несказанно радовались, когда онъ со всѣмъ своимъ раздутымъ формализмомъ попадалъ нерѣдко въ изумительный просакъ... Напримѣръ, въ томъ же великомъ дѣлѣ о дырявомъ самоварѣ защитникъ сталъ складывать вину съ подсудимаго на неизвѣстныхъ, не пойманныхъ воровъ. Председателю вдругъ «показалось», что защитникъ «опорочиваетъ» свидѣтеля-городового, и председатель грозно остановилъ защитника. Тотъ сначала опѣшилъ, такъ какъ это была явная ложь, показавшая всей залѣ, что председатель дѣла не слушаетъ... Но потомъ защитникъ оправился и очень горячо сталъ оправдываться. Председателю пришлось взять назадъ свой нелѣпый протестъ...

Въ другомъ дѣлѣ тотъ же председатель всѣхъ насмѣшилъ, спрашивая у свидѣтеля — православнаго священника, «православной ли онъ вѣры»... Председатель и здѣсь долженъ былъ извиниться...

Но всего лучше отличился онъ, когда допустилъ, что въ составѣ присяжныхъ по одному дѣлу засѣдалъ присяжный безъ присяги!.. Одинъ изъ нашихъ товарищей явился только со второй недѣли сессіи. Приставъ доложилъ председателю о выздоровѣвшемъ присяжномъ. Билетикъ съ его именемъ сейчасъ же былъ положенъ въ урну и вынутъ по первому же дѣлу. О присягѣ председатель забылъ, а мы молчали... Такъ дѣло и прошло съ безприсяжнымъ присяжнымъ засѣдателемъ!.. Только на другой день мы заявили о томъ приставу, а тотъ новому председателю, и присяга была дана.

VIII.

Выступавшіе передъ нами прокуроры большею частію были блѣдны и безцвѣтны: приходили они на свою... колокольню, звонили тамъ болѣе или менѣе усердно и уходили прочь безъ видимыхъ результатовъ. Изъ этой безцвѣтной толпы выдѣлился въ положитель-

номъ смыслѣ собственно одинъ — почтенный и очень симпатичный старикъ, отличавшійся даромъ говорить необыкновенно просто, ясно, отчетливо. При этомъ рѣдкомъ дарѣ онъ былъ совершенно чуждъ того, что всего болѣе претитъ въ профессиональныхъ прокурорахъ: онъ никогда не забывалъ, что предъ нимъ стоитъ «человѣкъ», а не преступникъ, подлежащій казни по такимъ-то статьямъ закона. Въ старикѣ чувствовалась живая душа и мягкое сердце, способное негодовать только на истинное зло и на подлинныхъ «злодѣевъ» и не причислять къ ихъ рангу разныхъ «несчастныхъ». Онъ и брался только за такія дѣла, гдѣ фигурировали настоящіе преступники. Оттого-то онъ и «имѣлъ успѣхъ» съ прокурорской точки зрѣнія: всѣ дѣла съ его участіемъ обязательно заканчивались обвиненіемъ. Ниразу онъ не выступилъ въ дѣлѣ «о выѣденномъ яйцѣ», и не думаю, чтобы это была случайность: очевидно, старикъ брался за дѣла съ большимъ разборомъ... Присяжные это поняли и знали, что разъ прокуроромъ выступаетъ старикъ — значитъ, дѣло нечистое, къ которому нужно отнестись со всѣмъ вниманіемъ. И мы старательно вникали въ ясную, спокойную, дѣльную рѣчь старика, чуждую всякихъ выходокъ по адресу подсудимыхъ и защитниковъ, и всякихъ прокурорскихъ громовъ на заѣзженные темы о томъ, что «порокъ долженъ быть наказанъ» и т. п. Ничего лишняго, рѣзкаго, вымученнаго не было въ рѣчахъ этого симпатичнаго старика-прокурора, цѣликомъ сохранившаго живую душу среди очерствѣляющихъ условій своей профессіи.

Недуренъ былъ бы еще одинъ товарищъ прокурора изъ молодыхъ, если бы въ немъ не замѣчалось уже исчезновеніе живой души и замѣна ея традиціями «формальной правды»... Говорилъ онъ большею частію умно и дѣльно, но уже какъ профессиональный обвинитель, потерявшій способность видѣть въ подсудимомъ прежде всего «человѣка». Онъ брался больше за крупныя дѣла, выгодныя съ прокурорской точки зрѣнія и интересныя для публики, обязательно попадавшія въ газетные отчеты. Видимо онъ гнался за извѣстностью, «дѣлалъ карьеру» и подсудимыми интересовался только съ этой стороны... Въ этой погонѣ за интересными дѣлами прокуроръ не могъ сохранить живого отношенія къ дѣлу: его рѣчи страдали большою сухостью и формализмомъ, рѣдко выходя изъ узкихъ и одностороннихъ рамокъ обвинительнаго акта. Происходило это всего болѣе оттого, что онъ очень небрежно и равнодушно только присутствовалъ при судебномъ слѣдствіи, а не участвовалъ въ немъ. Очевидно, онъ былъ увѣренъ, что знаетъ уже все по дѣлу и ничего новаго на судѣ не услышитъ: это де только пустая формальность... Явную свою небрежность и невнимательность къ ходу судебного засѣданія онъ видимо подчеркивалъ и настойчиво выставлялъ напоказъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда председателемъ бывалъ вышеупомянутый прокуророобразный председатель.

Присяжные повѣренные объясняли намъ, что оба эти представители суда «терпѣть не могутъ другъ друга»... И это вполне понятно: они такъ близки другъ другу по духу и направленію...

Подобно своему «другу», и прокуроръ-карьеристъ держалъ себя очень гордо и любилъ «обрывать» противниковъ. Такъ, напримѣръ, однажды распушилъ присяжнаго повѣреннаго, назвавшаго прокурора своимъ «визави»: «я вамъ не визави!.. я прокуроръ!..» и проч. Впрочемъ, и защитникъ не остался въ долгу: онъ зло и тонко подсмѣялся надъ прокуроромъ, имѣвшимъ неосторожность назвать «госпожею» одну подсудимую — простую деревенскую бабу...

IX.

Изъ остальныхъ обвинителей выдѣлился съ отрицательной стороны и по особому случаю еще одинъ товарищъ прокурора. Случай этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ яркая характеристика профессиональных плакальщицъ о «поруганномъ законѣ»...

Какъ я уже замѣтилъ, изъ 35 подсудимыхъ послѣдней сессіи мы обвинили только 9 человекъ (да и тѣхъ обвинили помягче прокурорскихъ требованій), а 26 человекъ оправдали. Оправдательная тенденція нашей сессіи сказала уже съ первыхъ дней судебныхъ засѣданій и чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе выражалась. Уже съ половины сессіи прокуроры поняли, что не имъ насъ передѣлать, а потому стали просто «мстить» намъ разными издѣвками и выходками по нашему адресу... Опускаю сравнительные пустяки — разные мелкіе уколы въ прокурорскихъ рѣчахъ, но остановлюсь на томъ рѣдкомъ случаѣ, когда озлобленіе одного молодого товарища прокурора противъ насъ вылилось въ очень возмутительной формѣ...

Нужно замѣтить, что этому прокурору очень «не посчастливилось» въ нашу сессію: мы оправдывали всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ онъ обвинялъ. Онъ прокурорствовалъ въ началѣ сессіи, потомъ опять появился къ концу, уже озлобленный первыми неудачами. Но и второе выступленіе его дало тѣ же результаты: ни одного обвиненія онъ не добился отъ насъ... Разныя шпильки по нашему адресу щедро были разсыпаны въ его рѣчахъ, въ общемъ очень недурныхъ и довольно содержательныхъ. Но вотъ началось одно серьезное дѣло — покушеніе на кражу на деревенскомъ пожарѣ. Въ покушеніи обвинялась молодая и миловидная замужняя крестьянка, сохранившая всю свою наивность и свѣжесть, несмотря на полугодовое предварительное заключеніе. Обвинительныя данныя противъ нея были очень слабы, и все говорило скорѣе о томъ, что она жертва недоразумѣнія или даже отвода, искусно устроеннаго настоящими ворами. Это было общее впечатлѣніе присяжныхъ, раздѣлявшееся даже самыми строгими изъ «суровыхъ». Хорошее впе-

чатлѣвіе производила и сама подсудимая, искренно и подѣтски плакавшая на судѣ...

Но прокуроръ посмотрѣлъ на все прокурорскими глазами и былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ обвиненія, что не сталъ тратить много словъ и произнесъ очень коротенькую и спокойную рѣчь. Только въ концѣ онъ не выдержалъ и ехидно намекнулъ (въ полголоса, такъ что это слышали только ближайшіе къ прокурорской трибунѣ присяжные), что если подсудимая и заслуживаетъ «особаго сожалѣнія», то единственно въ силу ея миловидности...

Эта дерзкая шпилька насчетъ мотивовъ возможнаго оправдательнаго приговора нисколько, конечно, насъ не остановила, и мы вынесли оправданіе. Прокуроръ былъ видимо взбѣшенъ: самое де «вѣрное» было дѣло — и то провалилось!.. Только что старшина окончилъ чтеніе приговора, какъ прокуроръ повернулся къ присяжнымъ и сдѣлалъ ясный жестъ руками (движеніе правой руки отъ боковаго кармана сюртука къ раскрытой ладони лѣвой руки), намекая, что не худо де вамъ, господа присяжные, раскошелиться въ пользу оправданной вами хорошенькой подсудимой... Такой сборъ мы, дѣйствительно, разъ учинили (по инициативѣ защитника) въ пользу одного оправданнаго оборванца, обвинявшагося тѣмъ же прокуроромъ. Но настоящая подсудимая ни въ какой денежной помощи видимо не нуждалась: она была одѣта даже богато для крестьянки.

Неумѣстный жестъ обозленнаго прокурора возмутилъ насъ, и мы очень жалѣли потомъ, что не нашли отвѣтить на него какъ слѣдуетъ: или тутъ же на судѣ попросить объясненій отъ прокурора, съ «занесеніемъ въ протоколъ», или же дѣйствительно сдѣлать сборъ (не въ пользу подсудимой, а на какое нибудь доброе дѣло) и начать его именно съ инициатора — прокурора...

Но дѣло не окончилось однимъ жестомъ: прокуроръ поспѣшилъ вполнѣ разъяснить намъ смыслъ своей мимики... Когда мы вышли изъ залы суда въ коридоръ, онъ подскочилъ къ одному присяжному и ядовито спросилъ: «отчего же вы не собрали подсудимой денегъ на дорогу?». — «А мы потомъ ей соберемъ», — былъ спокойный отвѣтъ присяжнаго неудачнику-прокурору.

Нечего и говорить, что подобныя выходки не увеличивали нашихъ симпатій къ господамъ прокурорамъ и не сбивали насъ съ той дороги, по которой мы увѣренно шли, подъ знаменемъ «житейской правды». Подъ конецъ сессіи прокуроры стали прибѣгать къ отводу неблагонадежныхъ съ ихъ точки зрѣнія присяжныхъ. Но и это не помогло: оправдательные приговоры все прогрессировали...

Въ одномъ серьезномъ дѣлѣ (двукратный поджогъ съ человѣческой жертвою), которое вели «пріятели» — прокуророобразный предсѣдатель и прокуроръ-карьеристъ, насъ до крайности изумила удивительная «случайность», никогда раньше не встрѣчавшаяся въ

моей практикѣ присяжничества: въ составъ присяжныхъ по этому дѣлу попалъ только одинъ офиціальныи интеллигентъ (учитель) и — 13 купцовъ и мѣщанъ!.. Всѣхъ остальныхъ интеллигентовъ «судьба» отпустила домой... Но она напрасно устроила такую «игру»: никакіе интеллигенты не оправдали бы ту подсудимую, которая фигурировала въ этомъ дѣлѣ...

X.

Съ удовольствіемъ перехожу къ противоположной сторонѣ—къ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, усердно и отъ всего сердца помогавшимъ присяжнымъ въ ихъ великой миссиі—судить людей «не по словамъ, а по разуму закона, по судейской совѣсти, по правдѣ» (проф. Коркуновъ). Эта совмѣстная работа, преслѣдующая общую цѣль, естественно сближаетъ обѣ стороны—и присяжныхъ, и защитниковъ. Дѣлается это какъ-то невольно, безъ всякой натяжки, совершенно свободно и сознательно. И въ залѣ суда (во время перерывовъ), и въ коридорахъ и проч. — вездѣ обѣ стороны безъ стѣсненія сходятся и бесѣдуютъ очень дружелюбно.

Между присяжными рѣдко попадаютъ специалисты-юристы, а мы—обыватели, конечно, не знаемъ російскихъ законовъ, ужасающихъ своимъ изобиліемъ... И вотъ только на судѣ въ роли присяжныхъ мы начинаемъ изучать свои законы, и всего болѣе намъ тутъ помогаютъ именно бесѣды съ защитниками. Только отъ нихъ присяжные могутъ, на примѣръ, получить (до постановленія суда) отвѣтъ на самый жгучій вопросъ, всегда сильно ихъ волнующій: какъ будетъ наказанъ обвиненный ими подсудимый?.. Невозможность отвѣтить на этотъ вопросъ, т. е. незнаніе карательныхъ законовъ, очень часто заставляеть насъ оправдывать подсудимыхъ дѣйствительно виновныхъ и именно изъ боязни, что по нашему приговору чело-вѣка накажутъ черезчуръ строго, не по заслугамъ...

Кстати: есть ли какой смыслъ держать присяжныхъ въ потемкахъ по этому существенному вопросу? Здѣсь рѣшительно нѣтъ ни смысла, ни справедливости! Вѣдь это же чистая случайность, что въ одномъ составѣ присяжныхъ попался знающій юристъ, который все разъяснитъ своимъ товарищамъ, а въ другомъ составѣ такого юриста не оказалось, и присяжные бродятъ въ потемкахъ... Съ другой стороны: прошлое подсудимаго рисуютъ откровенно, какъ бы ни было оно грязно, т. е. пользуются лишнимъ и очень крупнымъ доводомъ въ пользу обвиненія, а между тѣмъ совершенно устраняютъ вопросъ о предстоящемъ подсудимому наказаніи, т. е. отбрасываютъ очень маленькій мотивъ въ сторону оправданія...

Вотъ отчего, разъ подсудимый обвиненъ присяжными, они толпятся около защитника, проигравшаго дѣло, и нервно его допрашиваютъ: въ какіе тартарары будетъ препровожденъ преступникъ?..

Но не въ однихъ этихъ случаяхъ, а и всегда присяжные охотно обращаются съ разными вопросами къ защитникамъ и всегда встрѣчаютъ ихъ стороны самое усердное желаніе разъяснить все, что ими требуется. Встрѣчая такое доброжелательное отношеніе защитниковъ, присяжные смотрятъ на нихъ, какъ на союзниковъ и товарищей по дѣлу, какъ не позволяютъ себѣ смотрѣть на суровыхъ прокуроровъ и безстрастныхъ судей, торжественно отправляющихъ обрядъ правосудія. Къ послѣднимъ страшно и подойти, такъ какъ это прежде всего «чиновники», находящіеся «при отправленіи служебныхъ обязанностей»... А защитники — люди, какъ люди, какъ и сами присяжные: къ нимъ легко подойти, такъ какъ они добродушно выслушаютъ самый наивный нашъ вопросъ и охотно разъяснятъ самое странное наше недоразумѣніе. Никогда они не подумаютъ «оборвать» насъ, никогда не подымутъ на смѣхъ наше незнаніе, никогда не прибѣгнутъ къ укорищенной «мимикѣ», когда въ нашемъ обвинительномъ приговорѣ подсудимому найдутъ приговоръ и собственной неудачѣ...

Необходимо, однако, рѣшительно установить тотъ симпатичный фактъ, что въ добрыхъ отношеніяхъ защитниковъ къ присяжнымъ нѣтъ и тѣни какихъ либо «ухаживаній» съ ихъ стороны. Рѣдко бываетъ, чтобы защитники сами начинали знакомство съ присяжными, но почти всегда случается наоборотъ. Никогда, конечно, не бываетъ, чтобы присяжные, попавшіе въ составъ присутствія, подошли къ защитнику еще до разбора дѣла: это физически невозможно при существующей системѣ охраны присяжныхъ отъ всякихъ стороннихъ вліяній и сношеній. Присяжные позволяютъ себѣ заговаривать съ защитниками только послѣ разбора дѣла, т. е. когда для защитниковъ уже не представляется никакого интереса повліять на присяжныхъ.

XI.

Какъ рѣдки талантливые предсѣдатели и прокуроры, такъ точно рѣдки и талантливые защитники, вліяющіе на присяжныхъ главнымъ образомъ силою своего таланта. Но, говоря о рядовомъ большинствѣ защитниковъ, необходимо установить, что вліяніе ихъ на приговоры присяжныхъ самое ничтожное, такъ какъ главными факторами, дѣйствующими на умъ и совѣсть присяжныхъ, всегда являются единственно—суть дѣла и личность подсудимаго.

Выше я указалъ примѣры самостоятельности присяжныхъ, когда самая обвинительная резюме прокуророобразнаго предсѣдателя не могли ни на югу поколебать наше стремленіе къ оправдательнымъ приговорамъ. Могу теперь привести факты самостоятельности присяжныхъ и по отношенію къ защитникамъ.

Подъ руководствомъ того же прокуророобразнаго предсѣдателя разбиралось дѣло о кражѣ платя въ простонародной банѣ. Шансы

на оправданіе были очень слабы у подсудимаго, пойманнаго съ личнымъ. Вдобавокъ, назначенный судомъ защитникъ почему-то не могъ присутствовать на судѣ и передъ самымъ засѣданіемъ передалъ защиту товарищу, не знакомому съ дѣломъ. Это былъ молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, начинавшій адвокатское поприще. Онъ положительно не умѣлъ двухъ словъ связать, путался, краснѣлъ и отъ собственной робости, неумѣлости, незнанія дѣла и еще болѣе отъ «обрываній» грознаго предсѣдателя. Еще во время судебного слѣдствія предсѣдатель жестоко обрывалъ и «пресѣкалъ» разныя увлеченія защитника, хотя они не заключали въ себѣ ничего ужаснаго. Предсѣдатель просто травилъ человѣка, издѣвался надъ нимъ, пользуясь его полною беззащитностью, не давая ему возможности оправиться и высказаться, какъ слѣдуетъ...

Къ началу преній молодой защитникъ до того былъ переконфуженъ и сбитъ съ толку, что, очевидно, не въ силахъ былъ пропунести никакой рѣчи и ограничился буквально 10—15 словами, считая свое дѣло окончательно проиграннымъ. И, при всемъ томъ, несмотря на почти полное отсутствіе защиты, несмотря на двѣ обвинительныя рѣчи (предсѣдателя и прокурора), несмотря наконецъ на то, что нѣкоторые факты дѣла были противъ подсудимаго, — мы его оправдали...

Приведу другой фактъ. Въ сенсаціонномъ дѣлѣ о «романѣ кучера съ купчихой» защищалъ кучера очень талантливый присяжный повѣренный, молодой еврей, отлично изучившій дѣло. Мы уже знали этого умнаго защитника по дѣлу о нарушеніяхъ пробирнаго устава, гдѣ онъ защищалъ одного подсудимаго, оправданнаго нами. И тогда этотъ защитникъ намъ понравился больше всего своею дѣловитостью: ни излишнихъ «цвѣтовъ краснорѣчія», ни банальныхъ лирическихъ обращеній къ сердцу присяжныхъ, ни бесполезныхъ громовъ по адресу прокурорской трибуны—ничего подобнаго онъ не расточалъ предъ нами. Всегда онъ стоялъ только на почвѣ фактовъ и умѣло лавировалъ среди нихъ, ловко отбрасывая все вредное для своей задачи и тонко играя выигрышными для подсудимаго фактами. Видимо, что онъ изучалъ дѣло до тонкости и чувствовалъ себя, какъ дома, среди самыхъ мелочныхъ фактовъ дѣла. Положительно нравились въ немъ не только это рѣдкое умѣнье построить защиту на одной фактической основѣ дѣла, но и всѣ его ораторскіе приемы, даже его голосъ — необыкновенно звучный, пѣвучій, пріятнаго баритональнаго тембра, ясно звучавшій во всѣхъ концахъ залы. Его просто нельзя было не слушать—до того онъ былъ громогласенъ. Если были въ залѣ сонные и дремавшіе люди, они несомнѣнно пробуждались отъ этой пѣвучей трубы...

Кучера-альфонса онъ защищалъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ и знаніемъ дѣла,—и все же, несмотря на всѣ наши симпатіи къ талантливому защитнику, кучеръ былъ обвиненъ...

Если, затѣмъ, мы оправдали двухъ подсудимыхъ, которыхъ защищали два свѣтила мѣстной адвокатуры, то вовсе не благодаря именно ихъ участію, а по сущности самыхъ дѣлъ и личности подсудимыхъ. Впрочемъ, оба свѣтила были настоящими. По дѣлу о кражѣ платковъ изъ склада защищаль главнаго подсудимаго патріархъ мѣстной адвокатуры (нынѣ уже покойный) — глубокой старикъ, передвигавшійся уже съ палочкою, плохо даже слышавшій и тѣмъ не менѣе отлично ведшій защиту. Онъ бралъ и дѣловитостью своею, и отличнымъ знаніемъ жизни, и замѣчательно сердечнымъ отношеніемъ къ подсудимому, и отчасти теплымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ суду присяжныхъ. Невольно чувствовалось, что этотъ симпатичный и честный старикъ не возьмется защищать грязное дѣло и грязнаго подсудимаго... Если это и сознавалось присяжными, то все же не этотъ мотивъ легъ въ основу нашего оправдательнаго приговора, а многіе другіе, вытекавшіе изъ самого дѣла (см. ниже).

По пресловутому дѣлу о покушеніи на кражу котелка въ 25 копеекъ защитникомъ былъ извѣстный профессоръ-юристъ мѣстнаго университета, промѣнявшій «по независящимъ обстоятельствамъ» профессорскую кафедру на трибуну защитника. Просто неловко было видѣть, что по этому смѣхотворному дѣлу выступилъ защитникомъ такой серьезный, знающій, умный ех-профессоръ. Съ его-то головою да по воробьямъ стрѣлять изъ пушки!.. Всѣ въ судѣ или улыбались, или прямо смѣялись, слушая это нелѣпое дѣло—и присяжные, и судьи, и сама «пострадавшая». Только нашъ профессоръ-защитникъ ни разу не улыбнулся и былъ величаво-корректенъ съ начала и до конца дѣла... Въ его небольшой, но отлично скомпанованной рѣчи неожиданно проскользнула струйка такого теплаго, сердечнаго отношенія къ подсудимому, какой мы совсѣмъ не ожидали встрѣтить въ этой по внѣшности замкнутой и черезчуръ корректной фигурѣ... Понятно, однако, что и безъ этихъ достоинствъ профессора подсудимый непременно былъ бы оправданъ нами.

Въ дѣлѣ о кражѣ платковъ обвинялся въ числѣ другихъ, какъ сбытчикъ краденаго, одинъ сапожникъ, защитнику котораго слѣдовало въ своей рѣчи разсѣять нѣкоторыя подозрѣнія противъ своего клиента. Но... возмутительный фактъ!.. Передъ преніями сторонъ защитникъ сбѣжалъ, и бѣднаго сапожника никто не защищаль, а самъ онъ ничего не могъ сказать въ свою пользу... Тѣмъ не менѣе дѣло сапожника не было проиграно: мы оправдали его...

Предсѣдатель, разрѣшившій защитнику на время перерыва отправиться въ какой-то другой судъ (для защиты другого дѣла), сдѣлалъ постановленіе—сообщить объ отсутствіи защитника совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, для дисциплинарнаго взысканія. Защитникъ явился уже послѣ приговора и объяснилъ, что его «задержали» въ другомъ судѣ... Предсѣдатель отмѣнилъ свое постано-

вленіе и, мнѣ кажется, совсѣмъ напрасно: небрежность защитника, погнавшагося за двумя зайцами, была явная и заслуживала наказанія...

Но это было единственное печальное исключеніе, а всѣхъ остальныхъ защитниковъ рѣшительно не въ чемъ упрекнуть: всѣ они были безусловно на высотѣ своего положенія и служили дѣлу безукоризненно, чѣмъ не могутъ похвалиться ихъ профессиональные противники...

XII.

Вышеупомянутаго товарища по присяжничеству — «присяжнаго оправдателя» — спрашиваетъ знакомый: «кого же вы судите?» — «Судимъ, кого не нужно судить, а кого слѣдовало бы—тѣ не являются на нашъ судъ»... И онъ былъ глубоко правъ!.. Если изъ 35 подсудимыхъ нашей сессіи мы отпустили съ миромъ 26 человекъ, то это были именно тѣ, кого «не нужно было судить»: такъ мелки, ничтожны, туманны или просто неосновательны были обвиненія противъ этихъ 26 подсудимыхъ...

Нашему суду подлежало собственно 38 подсудимыхъ, но два дѣла не состоялись по разнымъ причинамъ, а третье закончилось примиреніемъ сторонъ на судѣ. Послѣднее—сравнительно рѣдкое дѣло, и на немъ стоитъ остановиться.

По жалобѣ старухи-матери, оскорбленной молодымъ, сбившимся съ пути сыномъ, послѣдній былъ заключенъ въ тюрьму и предсталъ затѣмъ на нашъ судъ. Но до судебного разбирательства дѣло не дошло, такъ какъ предсѣдатель въ силу закона предложилъ матери простить сына. Мать упорно отказывалась, ссылаясь на крайнюю испорченность сына. Предсѣдатель съ большимъ трудомъ добился наружнаго примиренія сторонъ: мать видимо неохотно согласилась простить сына, а тотъ, подъ явнымъ давленіемъ предсѣдателя, сквозь зубы промывалъ банальную фразу къ матери о прощеніи... По приказу предсѣдателя онъ бухнулъ якобы «въ ноги» матери, хотя онъ былъ за рѣшеткою, а мать около прокурорской трибуны...

Вся эта комедія производила крайне тяжелое впечатлѣніе: всѣ тутъ притворялись—и мать, и сынъ, и самъ симпатичный предсѣдатель, очень сердечный человекъ. Но здѣсь и онъ не находилъ въ себѣ силъ обнаружить хотя каплю сердечности и говорилъ такъ сухо, холодно... Онъ видимо сознавалъ, что дѣлаетъ ненужное, фальшивое дѣло, что нельзя въ нѣсколько минутъ привести къ благополучному концу какую-то большую семейную драму, что тутъ нужны сердечныя усилія близкихъ людей, а не «приказанія его превосходительства», какимъ былъ предсѣдатель для подсудимаго и его матери—людей простыхъ... Всѣ на судѣ сразу увидѣли, что

искренняго примиренія здѣсь не будетъ, что вражда между сыномъ и матерью зашла слишкомъ далеко—до того именно пункта, когда всего лучше для обѣихъ сторонъ не сходятся опять вмѣстѣ, а напротивъ разойтись какъ можно дальше другъ отъ друга. Все это, несомнѣнно, лучше всѣхъ насъ понималъ нашъ предсѣдатель, и все же онъ пошелъ по фальшивой дорогѣ, слѣдуя обязательному предписанію какой-то «статьи» закона...

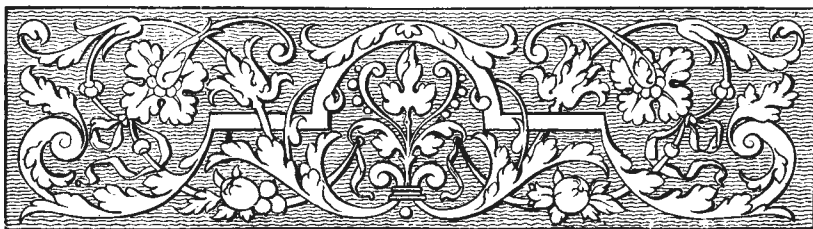
Если примѣненіе этой статьи дѣйствительно такъ обязательно, то пусть вся комедія разыгрывается не въ публичномъ судебномъ засѣданіи, а гдѣ нибудь въ тиши кабинета предсѣдателя и т. п., гдѣ не будетъ ни бесполезныхъ тутъ свидѣтелей, ни излишней торжественности обстановки, ни формализма, умерщвляющаго всякое живое, сердечное движеніе. Тамъ всѣ будутъ держать себя искреннѣе, проще, естественнѣе. Чисто-семейное дѣло и нужно разбирать посемейному...

Передаю здѣсь не свое личное, а общее впечатлѣніе присяжныхъ, которымъ рѣдко приходится присутствовать при такой фальшивой комедіи, сознательно разыгрываемой и судомъ, и сторонами...

Н. Н. О.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗСКАЗЫ М. С. ЩЕПКИНА.

ПЕЧАТАЕМЫЕ ниже рассказы знаменитого артиста Михаила Семеновича Щепкина о своей службѣ въ провинціи и въ Москвѣ, анекдоты и встрѣчи съ извѣстными личностями, записаны, большею частью, младшимъ сыномъ его, Александромъ Михайловичемъ Щепкинѣмъ¹⁾. Михаилъ Семеновичъ любилъ иногда въ семейномъ кругу рассказывать про старину и свои странствія по провинціи; нѣкоторые же рассказы записаны со словъ: А. Н. Аванасьева, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. И. Костомарова и брата М. С., Абрама Семеновича Щепкина. Послѣ смерти А. М. Щепкина, рукопись съ рассказами досталась мнѣ, какъ сыну покойнаго. Она находилась въ бумагахъ моего отца и была сильно растрепана, отдѣльные листы были смѣшаны и перепутаны. Въ настоящее время, приведя въ порядок и сгруппировавъ все эти рассказы, препровождаю ихъ въ «Историческій Вѣстникъ». Думаю, что рассказы Михаила Семеновича Щепкина изъ его долготѣней, полной упорнаго труда, артистической дѣятельности, доставившей ему такую почетную извѣстность, могутъ представить интересъ для будущаго историка театра. Портретъ Михаила Семеновича, приложенный при настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», воспроизведенъ съ фотографической карточка, составляющей большую рѣдкость. Карточку эту, отличающуюся замѣчательнымъ сходствомъ, Михаилъ Семеновичъ, отправляясь въ 1863 году въ Крымъ, передать своей дочери Вѣрѣ Михайловнѣ Щепкиной, скончавшейся 16 января, 1896 г., въ Орлѣ 65 лѣтъ отъ роду. Карточка эта—послѣдній снимокъ съ М. С. несуществующей теперь въ Москвѣ фотографіи «Шейсесъ», помѣщавшейся въ Газетномъ переулкѣ въ домѣ Глѣбова-Стрешнева. Вѣра Михайловна послѣдніе годы своей жизни жила у меня, и послѣ ея смерти карточка М. С. перешла въ мою собственность.

М. А. Щепкинъ.

¹⁾ А. М. Щепкинъ, младшій изъ сыновей покойнаго М. С. Щепкина, бывшій управляющій тульской казенной палатою, умеръ 15 января 1885 года.

* * *

Однажды, въ знатномъ аристократическомъ домѣ въ Москвѣ готовился благородный спектакль; хозяйка пригласила Щепкина на репетицію съ просьбою высказать свое мнѣніе и дать необходимые совѣты. Михайлъ Семеновичъ пріѣхалъ, остался недоволенъ исполненіемъ, разгорячился, и вмѣсто ожидаемыхъ свѣтскихъ любезностей и похвалъ отъ него услышали только горькую правду: «по-моему, если играть, такъ играть! А на вздоры и звать было не зачѣмъ. Ну, вы, графиня! развѣ можно такъ ходить и развѣ такъ вы ходите и кланяетесь въ вашей гостиной, какъ теперь?» и онъ началъ ее представлять съ смѣшными ужимками. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, его уже не думали приглашать на репетиціи «благородныхъ спектаклей».

* * *

Однажды, у графини Ростопчиной собрались московскіе литераторы и художники; въ это время была въ Москвѣ знаменитая артистка Рашель, и разговоръ, разумѣется, зашелъ объ ея игрѣ. Талантъ французской артистки сильно не нравился нашимъ славянофиламъ, и одинъ изъ нихъ сталъ доказывать, что Рашель вовсе не понимаетъ сценическаго искусства, и что игра ея принесетъ нашему театру положительный вредъ. М. С. Щепкинъ выслушалъ рѣзкую тираду и сказалъ: «Я знаю деревню, гдѣ искони всѣ носили лапти. Случилось одному мужику отправиться на заработки, и вернулся онъ въ сапогахъ. Тотчасъ весь міръ закричалъ хоромъ: какъ это дескать можно! не станемъ, братцы, носить сапоговъ; наши отцы и дѣды ходили въ лаптяхъ, а были не глупѣе насъ; вѣдь сапоги мотовство, развратъ... Ну, а кончилось тѣмъ», прибавилъ Михайлъ Семеновичъ съ улыбкою: «что черезъ годъ вся деревня стала ходить въ сапогахъ!»

Въ 1855 году, въ бытность Щепкина въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ встрѣтилъ нѣкоторые затрудненія въ постановкѣ «Ревизора»; нашлись вліятельные люди, не желавшіе видѣть этой пьесы. Михайлъ Семеновичъ рѣшился дать «Ревизора» въ свой бенефисъ и повезъ афишу и билетъ къ одному изъ тѣхъ, которые были противъ такого представленія; хозяинъ встрѣтилъ его словами: «вы хотите надъ нами посмѣяться!»—«Не надъ вами, а надъ плутами!»—отвѣчалъ Щепкинъ.

* * *

Михайлъ Семеновичъ много разъ разсказывалъ о московскомъ театрѣ прежняго времени, часто вспоминалъ князя Шаховскаго и передавалъ объ немъ множество анекдотовъ; слушать эти анекдоты въ передачѣ Михаила Семеновича было истинное наслажденіе; по словамъ М. С., Шаховской отличался необыкновенно пылкою лю-

бовью къ театру, и сценическое дѣло понималъ отлично. Въ немъ было много юношескаго жара и настойчивости; съ этими качествами онъ успѣвалъ всякаго расшевелить и пріохотить къ труду. Какъ извѣстный драматическій писатель и любитель искусства, онъ постоянно являлся за кулисы, ставилъ на московскую сцену свои и чужія пьесы и ставилъ ихъ съ искусствомъ; онъ умѣлъ придавать игрѣ быстроту, и никто, можетъ быть, не обращался къ актерамъ съ болѣе откровенными замѣчаніями, какъ князь Шаховской. Надо было имѣть большое хладнокровіе, чтобы не обидѣться его рѣзкими выходками. На репетиціяхъ онъ обыкновенно горячился, передразнивалъ и сыпалъ колкими фразами. Случалось, что онъ становился на колѣни и, кланяясь въ ноги, плаксиво-карикатурнымъ тономъ упрасивалъ актера выразить чувства теплѣе, почеловѣчески. Фигура князя была комическая, онъ сильно шепелявилъ, и потому не трудно представить себѣ, какимъ чудакомъ долженъ былъ казаться онъ за кулисами. Однажды, какъ разсказывалъ Михайлъ Семеновичъ, назначено было дать на театрѣ двѣ большія пьесы; чтобы не затянуть спектакля, князь Шаховской рѣшился выбросить одну сцену изъ пьесы «Меркурій на часахъ». Сдѣлать это было весьма легко. Къ Меркурію являются музы, и всякая, послѣ длиннаго монолога, показываетъ свое искусство: танцы, пѣніе, музыку и проч., слѣдовательно, стоило только пропустить монологъ, и время было бы выиграно, а ходъ представленія нисколько бы не нарушился. Одну изъ музъ играла сестра актрисы Кавалеровой—дѣвица Борисова. А такъ какъ Шаховской былъ близокъ съ Кавалеровыми, то и обратился къ Борисовой:

- «Знаешь что, душа, ты ужъ свою рѣчь не читай; пропусти ее!»
 - «Это для чего же?»
 - «А то, знаешь, спектакль протянется слишкомъ долго».
 - «Да почему же именно я должна отказаться! Я лучше совсѣмъ не стану играть»...
 - «Ну, что намъ съ тобою считается!»—продолжалъ князь, не замѣчая, что Борисова обидѣлась и уже дрожитъ отъ волненія.
 - «Я вамъ не дѣвочка!»—отозвалась она.
 - «Ахъ, душа, давно знаю, что ты не дѣвочка!»...
- Актриса упала въ обморокъ.
- «Вѣроятно, я сказалъ какую нибудь глупость!» — замѣтилъ растерявшійся князь.

* * *

Однажды, князь Шаховской подготавливалъ одну воспитанницу къ какой-то роли; онъ настаивалъ, чтобы она вслушивалась въ послѣдніе звуки рѣчи того лица, съ которымъ разговариваетъ, и старалась бы отвѣчать ему въ тонъ. Но чѣмъ дальше шло ученіе, тѣмъ хуже: вся естественность пропадала. Щепкинъ, видя все это, подо-

пелъ къ нему и сказалъ: «мнѣ кажется, князь, вы и себя, и ее напрасно затрудняете. Оставьте ее! Чтобы попасть въ тонъ, не нужно науки; это дѣлается само собою». Князь раскипятился: «что, русскій Тальма, что такое?»—и, обратясь къ другимъ актерамъ, прибавилъ: «г. Щепкинъ учить князя Шаховскаго, какъ должно понимать искусство! Когда прикажете явиться къ вамъ брать уроки?» и онъ насмѣшливо поклонился Михаилу Семеновичу. Это Михаила Семеновича затронуло: «вамъ, князь, угодно было обидѣться!»—сказалъ онъ:— «но и я не молодой человѣкъ, я живу пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, а до сихъ поръ ни разу не слыхалъ, чтобы при разговорѣ кто отвѣчалъ не въ тонъ. Отчего это дѣлается, не знаю; но это такъ. А вотъ глухіе такъ всегда отвѣчаютъ не въ тонъ!» Князь разсердился, но къ чести его не надолго. На другой же день, прѣхавъ на репетицію, онъ при всѣхъ подошелъ къ Щепкину, взявъ его за руки и сказалъ громко: «а вѣдь ты правъ! все это декламация сбиваетъ меня».

М. С. передавалъ, что декламация въ то время сильно процвѣтала и въ драмѣ и трагедіи. Кокоскинъ, директоръ московскаго театра, былъ большою приверженецъ ея. Онъ былъ человѣкъ, хорошо образованный, и, по словамъ М. С., такъ превосходно декламировалъ, что его можно было заслушаться. Какъ сторонникъ классическихъ преданій, онъ требовалъ пѣвучей декламации и отъ трагическихъ актеровъ.

* * *

М. С. Щепкинъ передавалъ, что поступилъ въ странствующую труппу Штейна и Калиновскаго 15 августа 1816 года. Труппа была въ Харьковѣ, пригласилъ ее туда П. Е. Барсовъ, который по закрытіи курскаго театра самъ поступилъ въ труппу Штейна и Калиновскаго; прѣхалъ онъ въ Харьковъ съ двумя рублями въ карманѣ, на комическія роли. Составъ труппы былъ слѣдующій: М. С. Щепкинъ, Угаровъ, Барсовъ, Налетова и Пряженковская, а впоследствии О. А. Петровъ, Марксы, Л. Ив. Острякова, Борисоглѣбскій и Зелинскій. При Штейнѣ, какъ передавалъ М. С., въ Харьковѣ не было постоянного театра, труппа имѣла характеръ странствующій: Успенскую и Крещенскую ярмарки она проводила въ Харьковѣ, не всегда даже оставаясь въ немъ до великаго поста; остальное время разъѣзжала по другимъ городамъ и преимущественно странствовала она по южной и юго-западной Россіи. Иногда давались представленія въ сараяхъ и наскоро сколоченныхъ балаганахъ. Театръ въ Ромнахъ, обыкновенно биткомъ набитый во время Ильинской ярмарки ¹⁾, былъ покрытъ соломой. Михаилъ Семеновичъ рассказывалъ, что пробылъ въ труппѣ Штейна съ августа 1816 года до весны

¹⁾ Въ Полтаву Ильинская ярмарка была переведена въ 1852 году.

1821 года; весною въ труппѣ пошли нелады, и онъ долженъ былъ выйти изъ труппы. Въ 1821 году, М. С. изъ нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ распавшейся труппы сформировалъ собственную. Съ нею М. С. прїѣхалъ изъ Полтавы въ Кіевъ, гдѣ и содержалъ театръ до перехода на московскую сцену цѣлый годъ; туда же, по его словамъ, прїѣзжалъ для переговоровъ съ нимъ, по порученію Коконкина, М. Н. Загоскинъ. Въ Кіевѣ съ нимъ были: Барсовъ, Налетовъ, Налетова, Медвѣдева и Угарова. О Налетовой М. С. говорилъ, что она обладала прекраснымъ голосомъ и была извѣстностью на Украинѣ.

* * *

Въ разговорахъ объ исполненіи комедіи «Горе отъ ума» Михаилъ Семеновичъ говорилъ, что Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ въ бытность свою въ Москвѣ читалъ съ нимъ роль «Фамусова» и передалъ ему свои объясненія относительно этой роли, какъ бы онъ желалъ, чтобы она была играна, когда будетъ разрѣшено давать «Горе отъ ума»; такія же наставленія, по словамъ М. С., сдѣлалъ Грибоѣдовъ и актеру Ивану Ивановичу Сосницкому въ Петербургѣ относительно роли Репетилова. Объ исполненіи роли Репетилова М. С. съ большой похвалою отзывался о талантѣ Сосницкаго. «Въ «Горе отъ ума», говорилъ Щепкинъ, много живыхъ портретовъ, въ Репетиловѣ авторъ изобразилъ одного богатаго господина, извѣстнаго въ свое время переносчика литературныхъ вѣстей и сплетней отъ Грибоѣдова и князя Вяземскаго къ ихъ противникамъ и обратно. Роль эта трудная, и только одинъ Сосницкій исполнялъ ее отлично; въ его игрѣ дѣйствительно былъ виденъ баринъ!»

* * *

Объ извѣстномъ Украинскомъ актерѣ Соленикѣ М. С. Щепкинъ отзывался, какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ артистовъ. Соленикъ игралъ на Харьковскомъ театрѣ. «Это былъ человекъ съ громаднымъ дарованіемъ,—говаривалъ М. С.,—которому отчасти вредилъ на русской сценѣ его польскій акцентъ, слышный въ выговорѣ. Онъ постоянно и вполне заслуженно пользовался любовью публики. Прїѣзжаетъ какъ-то въ Харьковъ извѣстный с.-петербургскій актеръ С-въ, и, разумѣется, гдѣ же и заявить свои столичные претензіи, какъ не въ провинціи. На репетиціи онъ вздумалъ прикрикнуть на Соленика: «что ты мамлишь! а еще талантъ! По характеру твоей роли ты не долженъ мнѣ давать и слова вымолвить». Дошло до представленія, и Соленикъ не шутя не далъ ему сказать ни одного слова. Онъ выучилъ обѣ роли: и свою, и ту, что игралъ С-въ, и проговорилъ обѣ, связывая ихъ такими оборотами: «Я знаю, вы на это можете мнѣ возразить то и то; но я вамъ скажу»... и т. д. Да при его огнѣ, и при его веселости Соленикъ произвелъ на публику потрясающее впечатлѣніе; театръ

трещить рукоплеканіями, петербургскій гость совѣмъ позабытъ. Раздраженный онъ выбѣжалъ за кулисы и обратился къ Соленику съ упреками: «что ты со мной сдѣлалъ? вѣдь ты не далъ мнѣ и слова выговорить!»— «Да вы же сами о томъ просили».— «Я совѣмъ не то разумѣлъ».— «Извините, не понялъ!» ¹⁾).

* * *

Познакомился Н. В. Гоголь съ М. С. Щепкинымъ въ 1832 году. Въ то время Гоголь еще былъ далекъ отъ тѣхъ мрачныхъ аскетическихъ взглядовъ на жизнь, которые впоследствии измѣнили его характеръ и такъ много повредили его творческому таланту; онъ бывалъ шутивно веселъ, любилъ вкусно и плотно покушать, и нерѣдко бесѣды его съ М. С. склонялись на исчисленіе и разборъ различныхъ малороссійскихъ кушаній. Винамъ онъ давалъ, по словамъ М. С., названія «Квартальнаго» и «Городничаго», какъ добрыхъ распорядителей, устрояющихъ и приводящихъ въ набитомъ желудкѣ все въ должный порядокъ; а жженкѣ, потому что зажженная горитъ голубымъ пламенемъ,—давалъ имя Бенкендорфа.

— А что?—говорилъ онъ М. С. послѣ сытнаго обѣда,—не отправить ли теперь Бенкендорфа?—и они вмѣстѣ приготавливали жженку.

Остроты Гоголя, по разказамъ М. С., были своеобразны, неизысканны и подчасъ не совѣмъ опрятны. М. С. Щепкинъ помнилъ наизусть одно письмо Гоголя, писанное изъ-за границы къ Бенардаки, гдѣ шутиливость поэта заявила себя съ такою нецеремонною откровенностію, что это любопытное посланіе навсегда останется неудобнымъ для печати.

М. С. говорилъ, что для характера Хлобуева послужила Гоголю образцемъ личность одного господина въ Полтавѣ; а разнообразныя присутственныя мѣста, упоминаемыя при описаніи имѣнія Кочкарева, дѣйствительно существовали нѣкогда въ малороссійскомъ помѣстьѣ князя Кочубея.

* * *

Театру приписывалъ М. С. Щепкинъ и свое собственное нравственное совершенствованіе: «по званію комическаго актера», говорилъ онъ, «мнѣ часто достается представлять людей низкихъ, криводушныхъ, съ гаденькими страстями; изучая ихъ характеры, стараясь передать ихъ комическія стороны, я самъ отдѣлался отъ многихъ недостатковъ и въ томъ, что сдѣлался лучше, нравственнѣе, я обязанъ не чему иному, а театру».

Говоря о пѣсняхъ Малороссіи, М. С. замѣтилъ, «что грусть ихъ

¹⁾ Соленикъ, студентъ Виленскаго университета, дебютировалъ у Штейпа въ Харьковѣ въ 1832 году. Служилъ въ Харьковѣ съ 1833 по 1861 годъ, считался лучшимъ провинціальнымъ комикомъ и специалистомъ по части малороссійскихъ ролей («Основа» 1861 г.).

отличается отъ грусти русскихъ пѣсенъ какою-то мощною энергіей и переходитъ къ широкому раздолью, смѣющемуся надъ тяжкою бѣдою».

М. С. Щепкинъ рассказывалъ слѣдующій анекдотъ: «разъ навѣстилъ я Александра Сергѣевича Пупкина, который, прїѣзжая въ Москву, останавливался всегда у П. В. Нащокина. Тамъ были уже графъ Толстой (американецъ) и Жихаревъ, авторъ «Записокъ студента». Въ то время «Горе отъ ума» возбуждало въ публикѣ самыя оживленные толки. Жихаревъ, желая кольнуть графа, безпрестанно повторялъ за обѣдомъ слѣдующіе стихи изъ комедіи (такъ какъ общая молва относила ихъ именно на его счетъ):

«Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
 «Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
 «И крѣпко на руку не чистъ,
 «Да умный человекъ не можетъ быть не плутомъ»...
 и проч.

Графъ Толстой, какъ человекъ съ большимъ умомъ, не выдалъ себя и при чтеніи этихъ стиховъ самъ хохоталъ отъ души. Такое притворное равнодушіе задѣло Жихарева за живое, и онъ снова вздумалъ повторить стихи послѣ обѣда. Толстой сталъ передъ нимъ, посмотрѣлъ серьезно ему въ лицо и, обратясь къ присутствующимъ, спросилъ: «не правда ли, вѣдь онъ черенъ?—Да!—Ну, а передъ собственной своей душою совершенный блондинъ!» Жихаревъ обидѣлся и замолчалъ.

М. С. Щепкинъ былъ принятъ въ самыхъ различныхъ слояхъ общества, и его вездѣ любили и уважали одинаково, потому что онъ вездѣ держалъ себя съ одинаковымъ достоинствомъ. Встрѣчались, разумѣется, люди, которые смотрѣли на него не иначе, какъ на актера, т. е. какъ на полу-человѣка. Онъ это зналъ, не напрашивался на честь ихъ знакомства и упоминалъ всегда о нихъ со смѣхомъ или съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія: «не возможно ихъ обвинять»,—говорилъ Михаилъ Семеновичъ:—«въ нихъ мысль была забита съ самаго дѣтства. Понятно, что испорченъ желудокъ у человека, котораго кормили съ раннихъ лѣтъ нездоровою пищею». Однажды, одного изъ воспитанниковъ М. С. рекомендовали въ домъ очень извѣстнаго въ Москвѣ аристократа, гдѣ онъ долженъ былъ завѣдывать дѣлами по фабрикѣ или по имѣнію; но вельможа предложилъ молодому человекѣ такую ничтожную сумму, что тотъ отказался. Въ тотъ же вечеръ онъ встрѣтилъ Михаила Семеновича въ Англійскомъ клубѣ.

— Мы не сошлись съ вашимъ воспитанникомъ, г. Щепкинъ,—сказалъ онъ ему,—потому что онъ цѣнитъ слишкомъ дорого свои труды. Онъ, разумѣется, человекъ со свѣдѣніями, но могъ бы сдѣлать мнѣ небольшую уступку на счетъ денегъ, потому что въ моемъ домѣ онъ пользовался бы другими выгодами.

— А какими именно, князь?—спросилъ Михайль Семеновичъ.

— Онъ обѣдалъ бы за моимъ столомъ, — сказалъ аристократъ, — а сознайтесь, что ему не всегда удастся обѣдать съ порядочными людьми.

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ему это постоянно удавалось, ваше сіятельство,—отвѣчалъ М. С.: — онъ съ самаго дѣтства обѣдаетъ со мной, и я съ него за это денегъ не бралъ.

* * *

О послѣднемъ своемъ свиданіи съ Н. В. Гоголемъ Михайль Семеновичъ разказывалъ (спустя двѣ недѣли послѣ смерти Гоголя) слѣдующее: «Какъ-то недавно прихожу къ Н. В. Гоголю. Онъ сидитъ, пишетъ что-то. Кругомъ на столѣ разложены книги, все религіознаго содержанія.

— «Неужели все это вы прочли?—спрашиваю я,

— «Все это надо читать,—отвѣчалъ онъ.

— «Зачѣмъ же надо?—говорю я:—такъ много написано всего для спасенія души, а ничего не сказано новаго, чего не было бы въ Евангеліи.

«Тутъ Гоголь принужденно отшутился, сказавъ что-то въ родѣ: какой шутникъ! А я продолжалъ: «я и заповѣди для себя сократилъ всего на двѣ: люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя». Потомъ,—говорилъ Михайль Семеновичъ,—я разказалъ Гоголю слѣдующій случай. Бѣжалъ я изъ Харькова, въ то время какъ были открыты мощи св. Митрофанія. Дай, думаю, заѣду въ Воронежъ, хотѣлось видѣть, что можетъ сдѣлать вѣра человѣка. Пріѣзжаю въ Воронежъ. Утро было восхитительное. Я пошелъ въ церковь. На дорогѣ попался мнѣ мужикъ съ ведромъ; въ ведрѣ что-то бьется. Смотрю, стерлядь! Думаю себѣ: въ церковь еще успѣю. Сторговалъ, купилъ рыбу и снесъ домой. Потомъ пошелъ въ церковь. Дорогою такъ восхищался природой, какъ никогда не запомню. Было чудесное утро! Прихожу въ церковь. Народу множество, и такая преданность, такая вѣра, что я и самъ умилился до слезъ, и самъ сталъ молиться: «Господи, Боже мой! Весь этотъ народъ пришелъ Тебя молить о своихъ нуждахъ, бѣдахъ и болѣзняхъ. Только я одинъ ничего у Тебя не прошу,—и молюсь слезно! Неужели Тебѣ нужны, Господи, наши лишенія? Ты далъ намъ, Господи, прекрасную природу, и я наслаждаюсь ей, и благодарю Тебя, Господи, отъ всей души». Тогда,—прибавилъ Михайль Семеновичъ,—Николай Васильевичъ Гоголь вскочилъ и обнялъ меня, вскрикнувъ: «Оставляйте всегда при этомъ!»

* * *

Въ концѣ 1852 года, М. С. Щепкинъ прибылъ въ С.-Петербургъ, для участія въ представленіяхъ Александринскаго театра; при со-

дѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ онъ старался снять опалу съ памяти Николая Васильевича Гоголя, изыскивая случай читать разныя его сочиненія во вліятельныхъ салонахъ. При помощи друзей Гоголя, это ему удалось исполнѣ. Михаилу Семеновичу не разъ посчастливилось читать сочиненія Гоголя въ присутствіи покойной великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича. Кромѣ искусства читать, Михаилъ Семеновичъ, весь проникнутый любовью и уваженіемъ къ памяти покойнаго своего друга, умѣлъ такъ трогательно разсказывать о немъ свои воспоминанія и такъ живо изображалъ всю несправедливость гоненія на его память, что невольно подчинялъ своему убѣжденію самыхъ равнодушныхъ слушателей. Горючими слезами оканчивалъ Михаилъ Семеновичъ свою защиту, и слезы благотворно дѣйствовали на слушателей. Весной 1853 года, Михаилъ Семеновичъ вновь прѣхалъ въ С.-Петербургъ и привезъ съ собою нѣсколько рукописей покойнаго Гоголя,— въ числѣ ихъ была и «Развязка Ревизора», которую Михаилъ Семеновичъ читалъ у великаго князя Константина Николаевича въ Стрѣльнѣ. Великій князь, внимая просьбѣ М. С., приказалъ доставить ему отъ Шевырева (онъ разбиралъ бумаги Н. В. Гоголя) для прочтенія посмертныя сочиненія Гоголя. Шевыревъ немедленно исполнилъ желаніе великаго князя и прислалъ его высочеству оставшіяся главы и отрывки изъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» и «Авторскую исповѣдь». Это были первые списки, которые вышли изъ рукъ Шевырева. По прочтеніи этихъ рукописей, великій князь легко могъ убѣдиться, что въ цензурномъ отношеніи они не представляли ни малѣйшаго повода къ какому либо преслѣдованію, а потому, высоко цѣня талантъ покойнаго Гоголя и горячо принимая къ сердцу интересы отечественной литературы, великій князь далъ Михаилу Семеновичу слово, что онъ чрезъ посредство гр. Орлова (шефа жандармовъ) будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о разрѣшеніи семейству Гоголя издать какъ старыя, такъ и посмертныя его сочиненія. Щепкинъ со слезами на глазахъ благодарилъ великаго князя. Вслѣдствіе этого ходатайства, высочайше было повелѣно разсмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя въ московской цензурѣ.

* *
* *

Въ 1857 году, при возвращеніи Тараса Григорьевича Шевченка изъ ссылки, онъ по какимъ-то обстоятельствамъ задержанъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ впредь до особаго распоряженія надъ нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ и домашній арестъ, съ воспрещеніемъ переписки и свиданія съ кѣмъ бы то ни было безъ исключенія. М. С. Щепкинъ, землякъ и большой пріятель Шевченка, узнавъ о задержаніи его, отправился изъ Москвы въ Нижній, чтобы скорѣе увидѣться съ своимъ другомъ и по воз-

можности похлопотать о немъ. Губернаторомъ въ Нижнемъ Новгородѣ былъ въ то время Муравьевъ, съ которымъ М. С. былъ хорошо знакомъ; вотъ къ нему-то и обратился М. С. за разрѣшеніемъ свиданія. Губернаторъ сначала отказывалъ, ссылаясь на строгость воспрещенія, но, наконецъ согласился, съ тѣмъ, однако же, чтобы свиданіе это было въ его присутствіи. Ничего не вѣдая о предстоящемъ свиданіи, Шевченко ходилъ мрачный по комнатѣ, какъ вдругъ дверь отворяется, и передъ нимъ его искренній другъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Друзья бросились другъ къ другу въ объятія и, осыпая взаимными поцѣлуями, разрыдались, какъ дѣти. Сцена эта глубоко тронула Муравьева, человѣка вообще чрезвычайно добродушнаго и гуманнаго. Муравьевъ прослезился, а еще мгновение — и онъ присоединился къ друзьямъ, цѣлуя со слезами умиленія то одного, то другого. Въ это время Михаилъ Семеновичъ быстро освобождается отъ объятій, отскакиваетъ въ сторону и съ свойственнымъ ему комизмомъ обращается къ губернатору: «Ваше превосходительство, вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили!» Случай этотъ значительно облегчилъ положеніе Шевченка въ Нижнемъ Новгородѣ и немало содѣйствовалъ скорѣйшему разрѣшенію его дѣла.

* * *

М. С. Щепкинъ разказывалъ о провинціальномъ парикмахерѣ Пантелеѣ Иванычѣ: «Былъ у меня знакомый парикмахеръ Пантелей Иванычъ,— это было въ Харьковѣ,— человѣкъ онъ былъ простой, добрый, привязанный къ нашей семьѣ; какъ-то мы съ нимъ разстались и долго не видали другъ друга. Разъ подѣзжаю я къ театру и вижу: полицейскій солдатъ ведетъ на веревочкѣ оборваннаго, обшарпаннаго человѣка. Присматриваюсь — и узнаю стараго знакомаго.

— «Пантелей Иванычъ! это ты?—говорю я:—что съ тобою? какъ ты попался?

— «Задолжалъ,— говоритъ со слезами:— вотъ и ведутъ въ яму. Я ужъ упросилъ свести меня къ театру; думаю, не встрѣчу ли васъ.

«Ну, я упросилъ, чтобы съ нимъ, какъ посадятъ въ яму, обращались покамѣсть помягче; а самъ, воротившись домой къ женѣ, разказалъ ей про встрѣчу съ Пантелеемъ Иванычемъ:

— «Выкупимъ, говорю, его, Алѣша ¹⁾).

— «Ну, чтожъ, выкупи!

«Вотъ заплатилъ я за него рублей полтора ста ассигнаціями и взялъ Пантелея Иваныча къ себѣ. Сталъ онъ у меня жить; дѣти его полюбили, жена также. Онъ мнѣ всегда и парикъ причесывалъ; парикмахеръ онъ былъ искусный. Я похлопоталъ, и по моей просьбѣ его опредѣлили въ театръ помощникомъ парикмахера; рублей 15

¹⁾ М. С. такъ называлъ жену свою Елену Дмитриевну.

ассигнаціями въ мѣсяцъ жалованья дали. Что же?—Какъ получить мой Пантелей Ивановичъ жалованье, такъ и запѣть, и до тѣхъ поръ тянеть горькую, пока все спустить. Я ужъ такъ и знаю; ну, Пантелей Ивановичъ нынче получилъ жалованье, стало быть, пьянъ, какъ стелька! Побился я съ нимъ, побился, и говорю женѣ:

— «Надо, Алѣша, разыграть съ нимъ комедію, постражаю его.

«Прихожу къ нему: ну, говорю, Пантелей Ивановичъ! Я все для васъ сдѣлалъ, что могъ; но вы такъ себя ведете, что намъ вмѣстѣ жить не приходится. Прощайте, Пантелей Ивановичъ!

«Ни слова не сказалъ онъ, взялъ свой болванъ, на которомъ исправлялъ парики, ушелъ со двора и присталъ у какой-то знакомой бабы. Вечеромъ приѣзжаю я въ театръ; Пантелей Ивановичъ стоитъ съ своимъ болваномъ; но ужъ я не отдаю ему приглашать моего парика и поручаю эту работу другому. И такъ продолжалось цѣлый мѣсяцъ, и другой, и третій мѣсяцъ—то же. Вижу я: Пантелей Ивановичъ пересталъ пить, и говорю женѣ: «сегодня я хочу помириться съ Пантелеемъ Ивановичемъ; жалко мнѣ старика!» Приѣхалъ въ театръ, увидалъ Пантелея Ивановича и обращаюсь къ нему ласково: «причешите-ка мнѣ, Пантелей Ивановичъ, паричекъ!» Какъ заляется, какъ варыдаетъ мой старикъ! Взялъ парикъ, а руки такъ и дрожатъ... Тутъ мы съ нимъ и помирились; переѣхалъ онъ снова ко мнѣ на житье, и ужъ больше никогда во всю жизнь свою не запивалъ; а такой безграничной преданности, какую питалъ онъ ко мнѣ и къ моему семейству, я ни отъ кого не видалъ».

Когда была поставлена комедія А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ», М. С. Щепкинъ въ лицѣ Любима Торцова угадывалъ своего Пантелея Ивановича, то-есть человѣка хотя падшаго, но въ которомъ еще теплится святая искра человѣческаго достоинства и который потому способенъ подняться и выйти на прямой путь. Игрою Садовскаго въ этой роли М. С. былъ не совсѣмъ доволенъ, говоря, что онъ, прекрасно выражая комическую сторону характера Торцова, мало выдавалъ его внутреннюю борьбу съ самимъ собою.

* * *

Въ 1858 году, М. С. Щепкинъ въ письмѣ къ ярославскому военному губернатору изъяснилъ, что счастливый случай доставилъ ему возможность приобрести портретъ основателя русскаго театра Ф. Г. Волкова, по всей вѣроятности, ему современный; что портретъ этотъ, драгоцѣнный для всякаго сочувствующаго отечественному просвѣщенію и искусству, желалъ бы онъ пожертвовать городу, въ которомъ созрѣла и впервые осуществилась мысль учредить русскій театръ, и что, движимый этимъ завѣтнымъ для него желаніемъ, онъ проситъ принять приношеніе его и препроводить оное для храненія въ бібліотеку Демидовскаго лицея, какъ заведенія, являющагося мѣстнымъ представителемъ науки, такъ тѣсно

связанной въ развитіи своемъ съ изящнымъ искусствомъ, одну изъ отраслей котораго водворилъ въ нашемъ отечествѣ достойный ярославецъ Волковъ.

Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять приношеніе Щепкина и предложилъ управляющему Московскимъ учебнымъ округомъ объявить ему благодарность министерства народнаго просвѣщенія.

* * *

М. С. Щепкинъ рассказывалъ своимъ друзьямъ слѣдующій анекдотъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ самъ. По прїѣздѣ въ Харьковъ ему пришлось участвовать въ представленіи одного балета: на сценѣ происходило взятіе крѣпости, и Михайлъ Семеновичъ долженъ былъ въ числѣ ея защитниковъ стоять на стѣнѣ и отражать нападающихъ. Содержатель театра, Штейнъ (надо замѣтить, что онъ былъ учителемъ фехтованія), объясняя Щепкину его роль, сказалъ:

— «Вы не очень беспокойтесь, только стойте на стѣнѣ и отбивайте удары осаждающихъ; я самъ буду стоять на лѣстницѣ противъ васъ, а вы отражайте мои удары вотъ такъ (и онъ показалъ ему фехтовальные пріемы). А когда нужно будетъ взойти на стѣну, я тогда легко вышибу у васъ оружіе; вы, однако, старайтесь держать его крѣпко и не поддаваться: оно само выпадетъ.

Штейнъ твердо надѣялся на свое фехтовальное искусство. На репетиціи дѣйствительно все прошло благополучно, но во время спектакля Михайлъ Семеновичъ увлекся своею ролью защитника и не уступалъ Штейну, который никакъ не могъ выбить у него саблю, несмотря на всѣ усилія, просьбы и угрозы; по пьесѣ Штейну надо было давно уже взобраться побѣдоносно на стѣну, но онъ ничего не могъ подѣлать съ ея разгоряченнымъ защитникомъ. Наконецъ, другіе нападающіе, видя затруднительное положеніе своего начальника, взобрались на стѣну, водрузили на крѣпости свое знамя и выручили Штейна, напавъ на Щепкина съ тыла.

Штейнъ послѣ того долго сердился на Михаила Семеновича и никогда больше не приглашалъ его участвовать въ балетахъ.

* * *

Въ 1852 году, Ивану Сергѣевичу Тургеневу велѣно было жить въ деревнѣ за письмо по поводу смерти Гоголя. Подробности прїѣзда М. С. Щепкина къ Тургеневу въ Спасское-Лутовиново передалъ мнѣ старикъ камердинеръ Ивана Сергѣевича, кривой Захаръ Балашовъ, неразлучный его спутникъ, который съ нимъ находился и въ С.-Петербургѣ, и въ деревнѣ. Захаръ передалъ мнѣ, что по прїѣздѣ въ Спасское И. С. Тургеневъ первое время очень скучалъ. Разъ, лѣгомъ, въ полдень, послышался звонъ колокольчика, все

болѣе и болѣе приближавшійся. Вдругъ видятъ, что въ ворота усадьбы въѣхалъ почтовый тарантасъ и быстро подкатилъ къ крыльцу. И. С. Тургеневъ вышелъ на встрѣчу. Въ тарантасѣ въ подушкахъ утопала полная фигура, въ большомъ картузѣ, со смѣющимся лицомъ. И. С. Тургеневъ бросился къ тарантасу и началъ обниматься съ прїѣзжимъ, которымъ былъ не кто иной, какъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Онъ первый прїѣхалъ изъ Москвы за 300 верстъ навѣстить Тургенева. На почтовыхъ тогда чего нибудь да стоило такой путь проѣхать.

— «Что, вареники будутъ?»—спросилъ послѣ лобызаній М. С. Щепкинъ.

— «Будутъ,—отвѣчалъ смѣясь Тургеневъ.

— «Чтобы 130 штукъ было, меньше не ѣмъ»,—прибавилъ Михаилъ Семеновичъ.

* * *

Однажды, прїѣхали мы,—разказывалъ М. С.,—всею труппой, въ городъ Ромны на ярмарку и рѣшили сыграть «Кина». Содержателемъ труппы былъ Осипъ Ивановичъ Калиновскій, человѣкъ крайне вспыльчивый, ни на кого не смотрѣвшій; ему все равно! Въ четвертомъ актѣ, когда Кинъ помѣшался и Соломонъ выбѣгаетъ и кричить: «Господа! театральнаго доктора!»—актеръ, игравшій Соломона, дѣйствительно выбѣжалъ и неподражаемо и чрезвычайно натурально закричалъ: «Господа! квартальнаго надзирателя: Осипъ Ивановичъ дерется!»

* * *

«Когда я ѣхалъ въ 1844 году въ С.-Петербургъ,—разказывалъ М. С.,—ко мнѣ въ Твери въ дилижансѣ сѣлъ старый купеческій приказчикъ, и мы съ нимъ разговорились. Замѣтя его любовь къ театру, мнѣ хотѣлось послушать его сужденій о прежнихъ артистахъ. Онъ давно жилъ въ Петербургѣ, свободное время проводилъ постоянно въ театрѣ и прежде помнилъ хорошо. И его подзадорилъ, и онъ началъ: «Семенова... Ахъ! вотъ была королева! Какъ запрокламируетъ, когда, то-есть случится романтическое, ну, ужъ подарить!»—Ну, а каковъ былъ Яковлевъ?—«Яковлевъ игралъ величественнаго и отчаяннаго, какъ вотъ теперь, примѣрно сказать, Каратыгинъ».—Кто же изъ нихъ былъ лучше?—«Ужъ и не знаю! Яковлеву было, то-есть, трудностей больше: подмоги не было».—Ну, а что скажете про Дюра?—«Дюръ, то-есть, я вамъ вотъ какъ доложу: случится, хозяинъ въ лавкѣ побранить или съ женою что выйдетъ, пойдешь въ театръ, выйдетъ это господинъ Дюръ да какъ запоетъ: «здравствуй, кумъ любезный», или про секретаря споетъ, такъ какое ни на есть горестное чувствіе на душѣ, какъ рукой снять!»

* * *

Одна пожилая барыня, разсказывалъ М. С., проживя весь свой вѣкъ въ деревнѣ, прїѣхала въ Петербургъ для опредѣленія своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Наслышавшись чудесъ про искусство г-жи Тальони, она рѣшила потѣшить себя и свое семейство,—взяла ложу въ 4-мъ ярусѣ Большого театра на извѣстный балетъ «Тѣнь» и забралась въ ложу, когда еще не зажигали и лампъ въ театрѣ. По окончаніи спектакля знакомые ее спрашиваютъ, понравился ли ей балетъ. «Какъ же не понравиться,—отвѣчала она,—комедія безподобная, чрезвычайно понравилась. Ну, ужъ ваша Тальони—истинно чудо! Подивилась я на нее! То выскочнетъ изъ-подъ пола, то повиснетъ на стѣнѣ, то по водѣ прогуливается! Потѣшила, голубушка! Какъ почнетъ плясать, такъ мурашки по спинѣ! А ужъ лучше всего мнѣ показалось, когда она встала на самопрялку. Колесо-то вертится, а она, родная, подпрыгиваетъ на немъ на одной ногѣ! Чудеса, истинныя чудеса!.. Хороши и другіе актеры, какъ заплакали,—уморили меня со смѣху!.. Одно не хорошо только, театръ маленько великодень: видѣла я, какъ они и ротъ-то разѣвали, и руками махали, а что ужъ говорили они, ни словечка, милый вы мой, не слыхала».

* *
*

Еще разсказывалъ М. С. слѣдующій случай. Авторъ одного скупнаго водевиля на репетиціи сталъ самъ читать свою пьесу. Актеры, зѣвая, сидѣли и повѣряли свои роли. Мало-по-малу кругъ слушателей началъ рѣдѣть. Уходя одинъ за другимъ, каждый просилъ сосѣда послѣдить его роль; наконецъ остался одинъ помощникъ режиссера, и такъ какъ одному было невозможно смотрѣть во всѣ роли, то и онъ отправился домой. Авторъ, несмотря ни на что и по близорукости не замѣчая отсутствія актеровъ, продолжалъ усердно читать. Остался въ театрѣ одинъ сторожъ, который долго смотрѣлъ на читающаго и все не рѣшался къ нему подойти, но наконецъ рѣшительно подошелъ и, вытянувшись, проговорилъ повоенному: «Ваше благородіе, мнѣ пора обѣдать; я ключи повѣшу на стѣнку; потрудитесь запереть театръ, когда изволите кончить». Повернулся и ушелъ, оставивъ въ недоумѣніи растерявающаго автора.

* *
*

Когда М. С. уѣзжалъ за границу въ 1853 году, у М. П. Погодина былъ устроенъ въ саду прощальный обѣдъ, за обѣдомъ произнесено было много тостовъ, рѣчей и стихотвореній; привожу наиболѣе интересные изъ нихъ, которыя были записаны моимъ отцомъ.

Стихотвореніе, произнесенное Н. В. Бергомъ:

Здѣсь, подъ этими вѣтвями,
Вспомнилъ я обѣдъ другой:
Здѣсь сидѣлъ когда-то съ нами
Именинникъ дорогой ¹⁾.

¹⁾ Н. В. Гоголь.

Въ маѣ, радуясь раздолью
Зеленѣющихъ полей,
Здѣсь любилъ онъ хлѣбомъ-солью
Угощать своихъ друзей.

Будто слышу и досель я
Раздающійся межъ насъ,
Полный чистаго веселья,
Оживленный, вѣщій гласъ...

Нѣтъ его... сокрылся геній!..
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Тины намъ передаетъ.

За великаго актера
Выпьемъ дружно: будь здоровъ,
Городничій «Ревизора»,
Бурдюковъ и Кочкаревъ!

Ѣдешь въ путь ты, но смотри же,
Объѣзжая чуждый край,
На Рашель гляди въ Паризъ
И своихъ не забывай!

Хлестакову здѣсь, пожалуй,
Безъ тебя не одобровать,
Да и «Осипъ», славный малый,
Тожь будетъ горевать,

Да и всѣ друзья и братья..
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертая объятія
Этихъ братьевъ и друзей!

Актера О. П. Домбровскаго—помалороссійски:

Мій милый, мій сердечный тату!
Погодынь тебе и насъ зазванъ до себе въ хату.
Винъ гарными вареныками накормывъ
И шампаньскимъ добре напоивъ.
Мы все прибрали чистенько;
Нався кажный зъ насъ въ смакъ.
Всѣ будутъ загадовать частенько,
Та ще и спасыби скаже всякъ.
Яка жъ тому була причина?..
Ты наша потихо сдына!
Бо насъ оставляешь,
Въ чужки краи отълзжаешь.
Такъ ми вйшлися попрощаться,
На дорогу добре нацловаться.
Прощай! Цилую тебе, мій голубе сызенькій,
Вертайся, вертайся жъ до насъ здоровенькій!
Охъ! Безъ тебе ни съ кимъ мнии Стецька дурного граты.
Москва и я будемъ съ петерпиньемъ тата ждаты.

Юбилей М. С. Щепкина праздновался 26-го ноября 1855 года (число это приходилось въ субботу, день, въ который актеры свободны). Празднество происходило на Мясницкой въ домѣ, гдѣ те-

перь находится училище живописи, ваянія и зодчества. Когда все было готово въ залахъ, и собрались всѣ участвовавшіе, избранные депутаты А. О. Армфельдъ, П. М. Леонтьевъ (за М. Н. Каткова) и И. В. Самаринъ отправились къ М. С. на квартиру просить къ обѣду. М. С. поѣхалъ вмѣстѣ съ депутатами. Лишь только онъ показался въ дверяхъ, грянула музыка. Онъ былъ встрѣченъ учредителями праздника и отведенъ въ среднюю залу и посаженъ на приготовленное ему въ срединѣ за столомъ мѣсто.

Началось чтеніе. К. С. Аксаковъ прочелъ обзорѣніе сценической дѣятельности М. С. Щепкина, сочиненное отцомъ его, С. Т. Аксаковымъ. Статья написана была прекрасно. М. С. плакалъ, слѣдя за годами своей жизни, перелетавшими одинъ за другимъ въ его воображеніи, начиная съ перваго дня, когда онъ, бѣдный мальчикъ, изъ суфлерской будки явился на сцену. Окончаніе рѣчи было встрѣчено рукоплесканіями.

Ө. А. Бурдинъ, пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга, прочелъ привѣтствіе петербургскихъ артистовъ, вызвавшее громъ рукоплесканій. Къ обѣду М. С. Щепкинъ былъ сопровождаемъ М. П. Погодинымъ и С. В. Перфильевымъ. Великолѣпная зала училища, украшенная картинами и статуями, вся горѣла яркими огнями; посрединѣ возвышался бюстъ Щепкина, изваянный Рамазановымъ, осѣненный миртами и розами. Внизу блистала надпись: 1805—1855.

Шумно и весело, среди оживленной бесѣды начался и продолжался пиръ. Но вотъ всѣ присутствующіе умолкли и встали. М. П. Погодинъ произнесъ: «Мм. Гг.! Всѣхъ русскихъ празднествъ одно начало — во славу Царя! Да здравствуетъ державный покровитель искусства и науки и весь августѣйшій домъ его».

Раздалось громогласное «ура», оркестръ заигралъ «Боже, Царя храни».

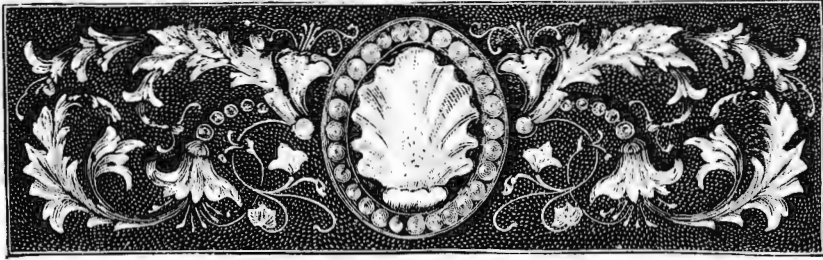
Въ срединѣ обѣда, предлагая тостъ за здоровье честимаго гостя, произнесъ привѣтственную рѣчь М. П. Погодинъ. Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ столу К. П. Барсовъ и выразилъ чувства своей благодарности многолѣтнему благодѣтелю своего семейства. Слезы прерывали его рѣчь. Всѣ присутствующіе были тронуты и осыпали молодого человѣка изъявленіями своего къ нему сочувствія и уваженія. М. К. Гульковскій, старый любитель театра, сказалъ, подойдя къ М. С. Щепкину: «много вы смѣшили меня, Михаилъ Семеновичъ, но все-таки не столько, сколько я теперь плакалъ». Рѣчи слѣдовали одна за другою; говорили: С. П. Шевыревъ, С. М. Соловьевъ, С. В. Шумскій и Н. А. Рамазановъ. Ө. А. Бурдинъ прочелъ два стихотворенія петербургскихъ артистовъ, П. А. Каратыгина и П. И. Григорьева; С. П. Шевыревъ прочелъ письмо петербургскихъ литераторовъ. Растроганный, дрожащимъ голосомъ, М. С. произнесъ благодарственную рѣчь. Послѣ всего М. П. Погодинъ предложилъ тостъ за здоровье старшаго изъ нашихъ драматурговъ, старшаго изъ мо-

сковскихъ друзей М. С. Щепкина, автора читанной передъ обѣдомъ статьи, въ которой такъ вѣрно оцѣнена сценическая дѣятельность нашего знаменитаго артиста,—здоровье Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Въ отвѣтъ на общее сочувствіе, съ которымъ былъ принятъ этотъ тостъ, К. С. Аксаковъ отвѣчалъ тостомъ въ честь общественнаго мнѣнія. По окончаніи обѣда, когда все гости собрались въ среднюю залу, М. С. Щепкину поднесены были приготовленные подарки: серебряный вызолоченный ковшъ—отъ имени славянофиловъ, бокалъ—отъ европейцевъ, подносъ, золотое кольцо съ вырѣзаннымъ числомъ 26 ноября на память о праздникѣ—отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, сочиненія Пушкина и Гоголя въ богатомъ переплетѣ, альбомъ съ портретами знаменитѣйшихъ актеровъ русскихъ и иностранныхъ. Графиня Л. А. Нессельроде прислала въ даръ М. С. Щепкину, при письмѣ на имя Погодина, богатый кубокъ съ вырѣзанными на краяхъ именами всехъ пьесъ, въ которыхъ онъ особенно отличался.

Въ 8 часовъ М. С. уѣхалъ домой. Домъ былъ весь иллюминированъ, плашки горѣли кругомъ. При входѣ въ залу его встрѣтили актрисы: Медвѣдева, Бороздина, Косицкая и другія, съ букетами цвѣтовъ и осыпали поцѣлуями, потомъ слѣдовали поздравленія домашнихъ—жены, неразлучной спутницы въ продолженіе всего почти пятидесятилѣтня, дѣтей, невѣстокъ, внучатъ. Грянула музыка, и начались танцы, продолжавшіеся до поздней ночи. Вдругъ является между танцующими М. С., въ колпакѣ и въ халатѣ, держа въ рукѣ тетрадку съ ролью, которую завтра долженъ былъ играть. На другой день М. С. игралъ. Нѣкоторые любители ѣздили нарочно, чтобы встрѣтить его появленіе рукоплесканіями. Послѣ перваго дѣйствія поднесены были М. С. еще нѣсколько подарковъ: отъ публики Н. А. Жеребцовымъ—богатое брилліантовое кольцо, В. А. Кокоревымъ, который и во вчерашнемъ подношеніи принималъ главное участіе,—большой кубокъ отъ имени нѣкоторыхъ петербургскихъ любителей, и проч. Такъ московскіе друзья засвидѣтельствовали знаменитому русскому актеру свое уваженіе и благодарность за доставляемое имъ публикѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ благородное удовольствіе и почтили постоянную, горячую его преданность своему дѣлу.

Ко всему этому нужно прибавить, что замѣчательнѣе всего то, что весь этотъ праздникъ устроился въ два дня. Обѣдъ на 300 человекъ готовился на Тверской и привозился на подводахъ на Мясницкую и подогревался въ маленькой кухнѣ скульптора Рамазанова. Какъ же все это могло сдѣлаться такъ хорошо? Подите, спрашивайте, какъ у русскаго человѣка дѣло дѣлается, и извольте размѣрять его по европейскому правильному масштабу.

М. А. Щепкинъ.

ПОЪЗДА ВЪ НИЛОВУ-СОРСКУЮ ПУСТЫНЬ.

ВЪ ПЯТНАДЦАТИ верстахъ отъ г. Кириллова и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ глухой лѣсной и болотистой мѣстности, на берегу рѣчки Сорки, находится пустынь преподобнаго Нила, основателя скитскаго житія въ Россіи. Благородная личность этого русскаго подвижника-идеалиста, представляющаго собою одинъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ типовъ XV столѣтія, сама по себѣ внушаетъ настолько уваженія, что мы съ товарищемъ, будучи въ Кирилловѣ, сочли своимъ нравственнымъ долгомъ посѣтить мѣсто подвиговъ преподобнаго и поклониться его гробницѣ.

Тройка была заказана еще съ вечера, и 26-го іюня, въ день Тихвинской Божіей Матери, ящикъ нашъ уже ожидалъ насъ въ 6 часовъ утра у подъѣзда гостиницы. Надо было выѣхать пораньше, чтобы успѣть въ монастырь къ крестному ходу и водосвятию, по случаю праздника.

Путь нашъ лежалъ по бѣлозерскому тракту, соединяющему Бѣлозерскъ съ Кирилловомъ. Дорога вилась лентою между полей и кустарника, то взбѣгая на пригорки, то опускаясь въ ложбины. На горизонтѣ сплошною полосою синѣя, тянулись лѣса. Ближе, тамъ и сямъ, сверкали серебряной гладью озера. По обѣимъ сторонамъ дороги, по окрестнымъ холмамъ, разстилались луга и хлѣбныя поля.

Проѣхавъ восемь верстъ, мы увидали вдали большой деревянный крестъ, подъ деревяннымъ же навѣсомъ, поставленный въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ бѣлозерскаго тракта отдѣляется дорога въ Нилу

пустынь. На самомъ поворотѣ у креста отдыхало нѣсколько богомолокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тарантасъ нашъ уже катился по гладкой монастырской дорогѣ. На ней появились верстовые столбы, отсутствующіе на большомъ трактѣ. Отъ поворота до пустыни считается семь верстъ.

Пока тарантасъ нашъ нырялъ съ пригорка на пригорокъ среди окружавшаго дорогу лѣса, намъ невольно припомнились тѣ отдаленныя времена, когда глухой бѣлозерскій край былъ почти необитаемъ, когда въ его дремучихъ дебряхъ единственными путями сообщенія служили тропинки, кое-какъ протоптанныя одинокими пѣшеходами, и когда въ немъ, именно по причинѣ его дикости и безлюдности, селились такіе великіе подвижники, какъ Кириллъ Бѣлозерскій, Кириллъ Новоезерскій, Мартиніанъ, Ѳерапонтъ и другіе, обратившіе эти непроходимые лѣса, по мѣткому выраженію А. Н. Муравьева, въ русскую сѣверную Оиваиду.

Изъ числа этихъ подвижниковъ, во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, особенно выдѣлилась личность основателя русскаго скитскаго житія, преподобнаго Нила Сорскаго. Несмотря на скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его жизни, свѣтлый образъ русскаго инока-идеалиста вырастаетъ передъ нами во весь ростъ въ его твореніяхъ, посланіяхъ къ разнымъ лицамъ, и тѣхъ поступкахъ, которые извѣстны изъ его біографіи.

Св. Ниль принадлежалъ къ московскому роду Майковыхъ и родился въ 1433 году. Желаніе укрыться отъ тревоженій міра и стремленіе къ подвижничеству для Бога увлекли его изъ столицы въ суровую глушь Бѣлозерскаго края. Достигнувъ обители св. Кирилла Бѣлозерскаго, онъ принялъ здѣсь постриженіе и подчинился во всемъ ея строгому уставу. Но его горячая ревность въ служеніи Богу, его пылкій, пытливый духъ не могли быть удовлетворены простымъ пребываніемъ въ монастырѣ и холоднымъ исполненіемъ возложеннаго на него послушанія. Ему хотѣлось изучить все, что касалось спасенія души, какъ въ твореніяхъ великихъ отцовъ церкви, такъ и въ жизни и правилахъ не только русскаго, но и восточнаго иночества. И вотъ, взявъ себѣ въ товарищи своего кирилловскаго ученика и сподвижника Иннокентія, онъ, не боясь ни лишеній, ни опасностей, тронулся съ береговъ Бѣло-озера въ путь къ далекому Царьграду. Здѣсь онъ обошелъ всѣ монастыри, побывалъ въ извѣстной своимъ уставомъ Студійской обители, затѣмъ перешелъ на Аѳонскую гору и провелъ на ней нѣсколько лѣтъ, изучая въ богатыхъ аѳонскихъ книгохранилищахъ творенія св. отцовъ и наблюдая жизнь и уставы аѳонскихъ подвижниковъ. Здѣсь особенно полюбился ему, неизвѣстный еще въ русскихъ предѣлахъ, уставъ скитскаго житія, который онъ и перевелъ въ свое отечество.

Чтобы понять, какую особенность внесъ преподобный этимъ

уставомъ въ жизнь русскаго иночества, надо припомнить, въ какихъ формахъ выражалась она до этого времени.

Первый и самый обыкновенный видъ иноческой жизни составляло такъ называемое общежитіе, т. е. совместная жизнь иноковъ въ стѣнахъ какого нибудь монастыря, причемъ и пища, и одежда, и келейное имущество, все считалось общимъ, и всѣ работы по обязанности исполнялись сообща всею братіею, жизнь которой находилась всецѣло въ вѣдѣніи игумена. Вторымъ видомъ иноческой жизни было отшельничество, представлявшее собою прямую противоположность общежитію. Здѣсь инокъ совершенно отказывался отъ всякаго общенія съ людьми и, поселясь гдѣ нибудь въ непроходимой глуши дремучаго лѣса, проводилъ дни свои въ полномъ одиночествѣ, забытый людьми, никѣмъ не знаемый, вѣдомый только одному Богу. Въ Россіи до половины XV вѣка были извѣстны только два эти вида, но на востокѣ, въ дополненіе къ нимъ, былъ уже выработанъ третій. Причиною возникновенія этого третьяго вида было то обстоятельство, что общежитіе въ монастырѣ не удовлетворяло многихъ иноковъ, представляясь имъ слишкомъ спокойнымъ и удобнымъ путемъ для достиженія царства небеснаго. Но, съ другой стороны, ихъ пугала мысль и объ отшельничествѣ, всегда сопряженномъ съ серьезными опасностями отъ дикихъ звѣрей, отъ злыхъ людей, отъ собственныхъ галлюцинацій, возникающихъ на почвѣ необъяснимаго страха въ пустынномъ мѣстѣ, и, кромѣ того, обильномъ лишеніями такого рода, которыя, какъ, наприимѣръ, лишеніе пищи, ведутъ часто къ невыносимымъ страданіямъ. Вслѣдствіе этого, восточные иноки и выработали особый видъ такъ называемаго «средняго пути» подвижничества. Они удалялись въ пустыню, но не по одному, а по два или по три человѣка вмѣстѣ, и селились другъ отъ друга на разстояніи, на какое можетъ быть слышенъ человѣчскій голосъ. Они изрѣдка навѣщали одинъ другого для бесѣдъ и назиданій, и кормились трудами рукъ своихъ, мѣняя свои рукодѣлія въ ближайшей населенной мѣстности на съѣстные припасы. Такія группы разбросанныхъ поселеній отшельниковъ получили названіе скитовъ.

Съ этимъ-то среднимъ скитскимъ уставомъ св. Нилъ и вернулся съ Аоонской горы на свою духовную родину, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Сначала онъ поселился неподалеку отъ стѣнъ обители, но потомъ нашель болѣе удобное мѣсто въ пятнадцати верстахъ отъ монастыря, на рѣчкѣ Соркѣ, вытекающей изъ озера Сорожскаго и впадающей въ р. Бородаву. Здѣсь поставилъ онъ крестъ и часовню, вблизи которыхъ устроилъ себѣ келію и выкопалъ колодезь. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ него поселился его слутникъ и духовный другъ, Иннокентій. Мысль преподобнаго — доставить возможность отшельничества всѣмъ стремящимся къ нему, хотя бы и немощнымъ инокамъ, — была встрѣчена съ радостью любителями

безмолвія. Они слѣшили подь его духовное руководство, селились въ уединенныхъ хижинахъ въ лѣсу, и такимъ образомъ возникъ первый въ Россіи скитъ, получившій отъ сосѣдней рѣчки имя Сорскаго. Такъ какъ мѣстность по берегамъ Сорки была низменна и болотиста, братія старалась ставить келіи на небольшихъ возвышеніяхъ, когда же св. Нилъ задумалъ построить для скита небольшую церковь, то самъ своими руками вмѣстѣ съ братією насыпалъ для нея холмъ, на которомъ было устроено и братское кладбище. Церковь была освящена во имя Срѣтенія Господня.

Крестъ на поворотѣ съ Бѣлозерскаго тракта въ Нилуvu пустынь.

По скитскому уставу преподобнаго, братія должна была содержать себя трудами рукъ своихъ; при немъ въ скиту все было общее, и пища, и одежда, и труды, и руководѣлія.

Насколько скромнѣнъ былъ самъ блаженный основатель скита и насколько мало довѣрялъ онъ своей многолѣтней опытности и своему свѣтлому уму, видно изъ одного его письма, въ которомъ онъ разсказываетъ о себѣ: «Теперь особенно занимаюсь я испытаніемъ духовныхъ писаній и прежде всего испытываю заповѣди Господа и ихъ толкованія, и преданія апостоловъ, потомъ житія и наставленія св. отцовъ; о всемъ томъ размышляю, и что, по разсужденію

моему, нахожу богоугоднаго и полезнаго для души моей, то переписываю для себя, тѣмъ поучаюсь и въ томъ нахожу жизнь и дыханіе для себя... Если случится мнѣ что дѣлать, когда не нахожу того въ писаніи, отлагаю на время въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что нибудь». Старець не слѣшилъ предписывать правила и законоположенія для своего юнаго скита, и его «Преданіе ученикомъ о жительствѣ скитскомъ» написано имъ только къ концу жизни. Въ этомъ преданіи, равно и въ посланіяхъ, писанныхъ преподобнымъ къ разнымъ лицамъ, видна его большая начитанность въ священномъ писаніи и основательное знакомство съ твореніями отцовъ церкви.

Духовная опытность старца привлекла къ нему многихъ искреннихъ почитателей. Въ числѣ его учениковъ, кромѣ Иннокентія, основавшаго на р. Нурмѣ, въ 12 верстахъ отъ Грязовца, общежительную обитель, были: Кассіанъ, князь Магнувскій, родомъ изъ Мореи, прибывшій въ Россію съ Софіей Палеологъ и построившій свой монастырь на р. Учмѣ близъ Углича, князь Вассіанъ Косой, Діонисій, князь Звенигородскій, Нилъ Полевъ, происходившій изъ дома Смоленскихъ князей, и многіе другіе.

Будучи приглашенъ на Московскій соборъ 1503 года, семидесятилѣтній старецъ, всю жизнь свою бывшій проповѣдникомъ иноческой бѣдности и нестяженія, не побоялся поднять вопросъ объ отнятіи отъ монастырей вотчинъ, населенныхъ крестьянами, находя, что инокъ не долженъ жить на счетъ чужого труда. Противъ его предложенія возсталъ извѣстный авторъ «Просвѣтителя», игуменъ Волоколамскаго монастыря Іосифъ, смотрѣвшій на иноковъ своего времени, какъ на духовную аристократію, а на монастыри, какъ на интеллигентные центры, проводившіе просвѣщеніе въ массу. Возраженіе свое онъ подкрѣпилъ слѣдующими практическими соображеніями: «Аще у монастырей сель не будетъ», говорилъ онъ: «како честному и благородному человѣку постричися? Аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ колебаніе».—Но подвижникъ-идеалистъ не сдавался на эти доводы и требовалъ, чтобъ чернецы спасали душу, жили въ пустынѣ и кормились рукодѣліемъ. Мнѣніе его поддерживали кирилловскіе и иные старцы, но большинство присутствовавшихъ на соборѣ игуменовъ не пожелало лишиться работавшихъ на нихъ крестьянъ, и предложеніе старца было отвергнуто.

Возвратясь изъ Москвы въ свой Сорскій скитъ, преподобный еще пять лѣтъ управлялъ духовною паствою и мирно скончался 7 мая 1508 года.

Вдали изъ-за лѣса свергнули на солнцѣ кресты обители и снова скрылись, какъ бы опустясь въ зеленую чашу.

Св. вѣрога и Покровская церковь въ Ниловой пустыни.

— Вотъ и пустынь показалась,—замѣтилъ ямщикъ и припустилъ лошадей.—Теперь скоро и ворота будутъ.

— Какія ворота?

— Монастырскія. У нихъ, какъ монастырская земля пойдетъ, плетень начнется, и ворота на дорогѣ поставлены.

Дѣйствительно, вскорѣ показались и деревянные ворота, за которыми потянулся стройный монастырскій лѣсокъ. Мы выѣхали на расчищенную поляну, обращенную въ обширное пахотное поле.

— Это сами монахи сбѣютъ?—спросилъ я, глядя на мягкіе перекиды тихо волновавшейся высокой ржи.

— Сами,—отвѣчалъ ямщикъ.—Здѣсь монахи все изъ крестьянъ, хлѣбопашество у нихъ заведено хорошее.

«Трудъ же и рукодѣліе должно совершать подь кровомъ», припомнились мнѣ слова изъ скитскаго устава преподобнаго: «впрочемъ, по требованію нужды, отцы святыя благословляютъ и похваляютъ работу и на открытомъ мѣстѣ, напримѣръ: воловъ пасти, землю орать и иныя хозяйственныя занятія; но труды эти, похвалныя и надобныя для общежитій, послужили бы въ укоръ для пустыническаго отшельничества».—Отчего бы здѣшнимъ инокамъ,—думалось мнѣ,—не исполнить завѣта преподобнаго и не предаться исключительно келейнымъ рукодѣліямъ.—Но при первомъ же взглядѣ на пустынь, показавшуюся впереди, въ концѣ поля, я убѣдился, какъ далеки были мои мечтанія отъ дѣйствительности.

Вмѣсто скромныхъ деревянныхъ скитскихъ построекъ, предъ глазами нашими предстали каменные монастырскія зданія самаго обыкновеннаго, шаблоннаго типа, обнесенныя каменною оградой съ четырьмя башнями по угламъ. Ничего древняго, ничего скитскаго, своеобразнаго, не было въ развернувшейся передъ нами картинѣ, и пришлось помириться съ тѣмъ, что на мѣстѣ подвиговъ основателя скитскаго житія въ Россіи находится теперь простой общежительный монастырь.

Подѣхавъ къ воротамъ, увѣнчаннымъ каменною церковью, мы, въ ожиданіи крестнаго хода къ Тихвинской часовнѣ, находящейся неподалеку въ полѣ, принялись набрасывать въ альбомъ внѣшній видъ монастыря.

У гостиницы, противъ святыхъ воротъ и вдоль плетня, окружающаго хлѣбное поле, толпился народъ въ ожиданіи благовѣста къ водосвятію. Мимо насъ протащилась грузная помѣщицья долгушка, усаженная сплошь разодѣтыми представительницами прекраснаго пола. Напротивъ вдоль стѣны каменной монастырской ограды расположились молодыя бабы богомолки. Онѣ бесѣдовали съ послушникомъ, юношею лѣтъ семнадцати, и были чрезвычайно веселы. Послушникъ угрюмо смотрѣлъ на бабъ.

— Пойдемъ гулять,—звали его онѣ:—ты хорошенькій, тебя любить можно.

Послушникъ проворчалъ что-то, повидимому, не очень лестное для нихъ и круто повернулъ къ воротамъ.

Подлѣ меня усѣлся старичекъ, кирилловскій старожилъ, также прїѣхавшій изъ города на праздникъ. Мы разговорились.

— Я здѣшній монастырь-то смолоду знаю, еще маленькимъ здѣсь бывалъ,—разсказывалъ онъ,—прежде здѣсь совсѣмъ пустыня была. Лѣсъ подходилъ къ самому монастырю, и ограды тогда не было, а стояли на пригоркѣ двѣ старыя деревянныя церкви. Братскія кельи еле держались, а жили въ нихъ больше штрафные изъ нашего Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря; вѣдь здѣшняя-то пустынь къ нашему монастырю приписана была. Это все годовъ полсотни назадъ отецъ Ниль возобновилъ.

— Какой отецъ Ниль?

— Схимникъ тутъ былъ такой, въ скиту жилъ. Святой жизни челоуѣкъ; много къ нему народу тогда ходило. Про него книжка здѣсь въ монастырѣ продается. Онъ и возобновилъ.

— Что же, онъ—здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній, а былъ онъ прежде,—въ книжкѣ-то сказано,—въ Надеинскомъ монастырѣ гдѣ-то на Волгѣ и пришелъ сюда обновлять обитель по усердію. Много онъ тогда денегъ отъ благодѣтелей собралъ. Я помню, какъ соборъ-то каменный начали строить, а только тутъ у нихъ грѣхъ случился, и сослали его.

— Какъ сослали?

— А подъ началъ, въ Иверскій монастырь. И служить запретили, и ряску сняли.

— За что же?

— Кто ихъ знаетъ. Въ книжкѣ-то сказано, что будто бы, когда копали фундаментъ для собора, нашелъ онъ какія-то мироточивыя кости и положилъ въ своей кельѣ, такъ будто бы за это, а у насъ другой слухъ былъ, будто бы какія-то мощи продавалъ. Впрочемъ, объ этомъ не намъ судить,—дѣло прошлое. Потомъ опять онъ сюда вернулся, только ужъ настоятелемъ не былъ, а жилъ въ скиту простымъ старцемъ.

— Чѣмъ же монастырь содержится въ настоящее время?

— А пожертвованіями. Вы не смотрите, что они въ лѣсу живутъ, здѣшняя пустынь чуть ли не побогаче нашего Кирилловскаго монастыря будетъ. У нихъ капитала въ бумагахъ однихъ тысячъ до шестидесяти есть. При Нилѣ-то много подаваній присылали.

Въ монастырѣ заблагоуѣстили къ водосвятию. Благоуѣсть производился въ разные колокола и наконецъ перешелъ въ общій трезвонъ. Изъ воротъ монастыря показались хоругви и за ними, несомая на плечахъ богомольцевъ, большая икона св. Нила Сорскаго въ ростъ; далѣ слѣдовала Тихвинская икона Богоматери, за нею—духовенство въ полномъ облаченіи, братія и толпа богомольцевъ. Крестный ходъ направился мимо гостиницы въ поле къ часовнѣ.

Внутренній видъ Ниловой пустыни.

По окончаніи водосвятія, когда крестный ходъ двинулся обратно въ обитель, мы присѣли на краю дороги, чтобы сдѣлать набросокъ часовни. Мимо проходили богомольцы, возвращавшіеся изъ поля въ монастырь.

— И чего писать-то!—замѣтила, глядя на насъ, одна изъ проходившихъ старушекъ:—чего писать-то! Вотъ если бы мы боги были, ну, тогда... а то чего ужъ тутъ писать!

Она вообразила, что мы дѣлаемъ моментальные портреты всей проходящей мимо публики.

Окончивъ наброски, мы отправились въ монастырь, гдѣ уже раздавался трезвонъ къ обѣднѣ.

Внутренность монастыря, благодаря почти полному отсутствію зелени, кажется скучною и пустою. Посрединѣ возвышается каменное, некрасивое зданіе собора, построенное надъ мощами преподобнаго и освященное въ концѣ сороковыхъ годовъ. При видѣ этого каменнаго сооруженія мнѣ пришло на память древнее преданіе о томъ, что Іоаннъ Грозный, посѣтивъ въ 1569 г. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, былъ въ Ниловомъ скитѣ и вознамѣрился, изъ уваженія къ памяти преподобнаго, построить каменный храмъ надъ его гробницею, но старецъ явился государю во снѣ и запретилъ постройку каменнаго храма въ своей обители. Нынѣшніе возобновители пустыни, повидимому, скептически отнеслись къ этому древнему преданію.

Неподалеку отъ соборнаго алтаря находится памятникъ послѣдняго изъ почивающихъ здѣсь настоятелей пустыни—Амвросія, скончавшагося 19-го февраля 1890 года. На памятникѣ стихотворная надпись:

Онъ жилъ среди насъ, какъ отецъ:
Любовь, смиренье въ немъ сияли,
И да вселитъ его Творецъ,
Гдѣ нѣтъ болѣзни и печали.

Отъ гробницы этого послѣдняго настоятеля пустыни мы перешли въ соборъ къ гробницѣ перваго ея настоятеля, который, передъ смертью, писалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «Завѣщаваю, яже о себѣ, моимъ господамъ и братіямъ, яже суть моего нрава. Молю васъ, повергните тѣло мое въ пустыни, да изъядятъ е звѣрие и птицы, понеже согрѣшило есть Богу много, и недостойно есть погребенія. Аще ли сие не сотворите, то, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живемъ, со всякимъ безчестіемъ погребите мя. Тщаніе мнѣ было, елико по силѣ моея, да не сподобленъ буду чести и славы вѣка сего ни которыя, якоже въ житіи семъ, тако и по смерти моея». Мощи св. Нила покоятся подъ спудомъ, позади праваго клироса. Надъ ними устроена рака и деревянная сѣнь, «сооруженная въ 1865 г. иждивеніемъ Феклы Прокопьевны г-жи Петровой въ вѣчное поминовеніе въ монастырѣ ея родственниковъ». Ангелы, со свѣчами и кадилами въ рукахъ, поддерживающіе верхъ сѣни, вырѣзаны опытною

рукою. Съ надгробною иконою преподобнаго, написанною въ ростъ, соединяется преданіе о слѣдующемъ событіи. Одинъ богатый чело-
вѣкъ изъ Московскаго государства былъ захваченъ крымскими та-
тарами и долгое время томился въ плѣну, тоскуя о своихъ род-
ныхъ и призывая на помощь угодниковъ Божіихъ. Однажды во снѣ
явился ему святолюбивый старецъ и велѣлъ написать образъ пре-
подобнаго Нила, общая за это освобожденіе изъ плѣна. Плѣнникъ
въ первый разъ въ жизни слышалъ такое имя и, проснувшись,

Ограда и ворота Предтечева скита въ Ниловой пустыни.

долго раздумывалъ о томъ, какъ узнать, кто былъ
этотъ Нилъ преподобный, о которомъ ему возвѣщено
въ видѣніи, и гдѣ найти о немъ свѣдѣнія. Въ слѣдую-
щую ночь видѣніе повторилось. «Нилъ—въ предѣ-
лахъ Бѣлозерскихъ,—сказалъ старецъ,—за пятнад-
цать поприщъ отъ Кириллова монастыря». Плѣнникъ вскочилъ съ по-
стели, желая ясное разглядѣть черты старца, но тотъ исчезъ, оставивъ
за собою струю свѣта и небснаго благоуханія. Плѣнникъ понялъ,
что явившійся ему былъ самъ угодникъ Божій, и молилъ святого
дать ему возможность разглядѣть свой ликъ, чтобы потомъ описать
его иконописцу. На слѣдующую ночь преподобный передалъ плѣн-
нику листъ съ начертаніемъ своего изображенія и велѣлъ идти въ
Русскую землю. Подкрѣпляемый надеждою на Бога и молитвы св.

Нила, плѣнникъ пустился въ путь и, несмотря на ожесточенное преслѣдованіе со стороны татаръ, благополучно перебрался черезъ Донецъ и достигъ русскихъ предѣловъ. Не заходя въ родительскій домъ, онъ прямо отправился къ иконописцу и заказалъ икону преподобнаго, а когда икона была написана, немедленно отправилъ ее Ниловъ скитъ, гдѣ отъ нея совершились многія исцѣленія.

Противъ раки въ иконостасѣ подѣ иконою хранится власяница, которую носилъ преподобный и его массивныя деревянныя четки.

Церковь св. Іоанна Предтечи и домъ надъ колодцемъ преподобнаго Нила.

Осматривая послѣ обѣдни гробницы иноковъ, похороненныхъ подѣ собора, мы нашли старинную плиту конца XVII вѣка, положенную надъ могилою скитскаго строителя Корнилія, умершаго въ 1689 г. Это едва ли не древнѣйшая изъ всѣхъ надгробныхъ плитъ вокругъ храма. Пока мы списывали ея надпись, къ намъ подошелъ старый, но еще бодрый схимникъ. Узнавъ, что мы интересуемся прошлымъ монастыря, онъ сталъ рассказывать:

— Я здѣсь вотъ ужъ сорокъ пять лѣтъ живу. Въ тѣ времена колокола у насъ еще на соснахъ висѣли, а на мѣстѣ собора была усыпальня для монаховъ, горка и липки на ней росли. Женскому полу у насъ дальше часовни ходу не было, да и посейчасъ еще

ихъ въ нашу церковь не пускаютъ; ее съ горки-то схимонахъ (Ниль) перенесъ въ скитъ, тамъ и можете видѣть. Кромѣ этой церкви, да колодца, что преподобный выкопалъ, тоже въ скиту ничего древняго у насъ не осталось. Есть, впрочемъ, еще древняя рака преподобнаго въ Покровской церкви надъ воротами; если угодно, попробуйте.

Онъ распорядился, чтобы намъ показали Покровскую церковь. Церковь эта построена въ 1862 году; до нея надъ воротами была небольшая деревянная церковь Тихвинской Божіей Матери, обращенная потомъ въ часовню и находящаяся теперь на полѣ. На древней деревянной ракъ преподобнаго, хранящейся въ Покровской церкви, вырѣзаны тропарь, кондакъ и молитва. Стѣны храма росписаны по рисункамъ и чертежамъ схимника Нила, который самъ былъ иконописецъ и написалъ не мало иконъ на своемъ вѣку. Въ западной части постройки, на лѣстницѣ, ведущей въ церковь, помѣщены на стѣнѣ два портретныхъ изображенія въ ростъ. Подпись подъ первымъ изъ нихъ, налѣво отъ окна, гласитъ: «Ктиторъ сего св. храма, свше на сіе бывъ званъ, всеубогій, грѣшный, немощный старецъ Ниль іеросхимонахъ...», по другую сторону окна изображенъ Ѳеофанъ, настоятель и строитель Кирилло-Новоозерскаго монастыря, духовный другъ старца Нила.

Намъ оставалось еще осмотрѣть два скита, находящіеся въ лѣсу въ полуверстѣ отъ обители. Проводить насъ туда вызвался очень симпатичный, не старый еще монахъ, оказавшійся впоследствии іеродіакономъ.

Мы прошли съ нимъ на южную сторону монастырской ограды и перешли Сорку, на которой устроена водяная мельница, уже не первая на этомъ мѣстѣ, такъ какъ еще самъ преподобный поставилъ на Соркѣ для нуждъ своего скита небольшую мельницу.

Мы углубились въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ, которая вскорѣ привела насъ къ невысокой деревянной оградѣ скита, построеннаго, по преданію, на мѣстѣ, гдѣ стояла келья преподобнаго. Съ восточной стороны къ оградѣ скита примыкаетъ братское кладбище. Въ угловой башенкѣ ограды устроена небольшая часовня съ иконою св. Іоанна Предтечи, написанною по старинному, съ крыльями и чашею, въ которой изображенъ Богомладенецъ. Этотъ первый скитъ носитъ названіе Предтечева и очень невеликъ по размѣрамъ.

Войдя въ ворота, мы увидѣли налѣво древнюю маленькую церковь св. Іоанна Предтечи, а направо деревянный домъ съ жилымъ помѣщеніемъ, устроенный надъ колодцемъ, выкопаннымъ руками преподобнаго.

Храмъ Предтечи находился прежде въ монастырѣ, на холмѣ, и передъ постройкою каменнаго собора разобранъ и перенесенъ сюда Ниломъ, который, возвратясь изъ Иверскаго монастыря, освятилъ его въ 1852 году, а на слѣдующій день послѣ освященія принялъ

схиму и поселился въ скиту при церкви. Доступъ къ схимнику былъ труденъ даже и для мужчинъ, а женщины совершенно не допускались къ нему. Желавшія получить отъ него совѣтъ или наставленіе, пріѣзжая въ монастырь, останавливались въ гостиницѣ и посылали къ нему съ гостиннымъ монахомъ свои вопросы на запискахъ, на которые онъ писалъ отвѣтъ карандашомъ. Для особо щедрыхъ благотворительницъ обители изрѣдка допускалось слѣдующее исключеніе: имъ позволяли подходить къ воротамъ скита, схим-

Входъ въ Успенскій скитъ съ внутренней стороны.

никъ показывался изъ калитки, молча благословлялъ ихъ и удалялся, не сказавъ ни слова. Въ книжкѣ, о которой говорилъ намъ кирилловскій старожилъ, и которая заключаетъ въ себѣ житіе этого второго Нила, среди многихъ чудесъ, рассказанъ между прочимъ и слѣдующій случай: «однажды въ Предтечевомъ скиту, гдѣ жилъ старецъ Нилъ, двери ограды какъ-то забыли запереть. И вотъ одна женщина-богомолка случайно зашла туда въ середину ограды, но вдругъ почувствовала себя очень дурно: она упала на землю, стала трястись всѣмъ тѣломъ и испускать крики отъ сильной боли во всѣхъ членахъ. На крикъ ея вышелъ изъ келіи своей старецъ Нилъ и, покрывъ ее полой своей мантии, помолился надъ ней Богу. Послѣ этого женщина почувствовала себя здоровою и мирно отпущена была старцемъ, съ наставленіемъ впредъ не любопытствовать и не проникать туда, гдѣ запрещено женамъ бывать».

Теперь въ скиту никто не живетъ, и входъ въ него разрѣшенъ женщинамъ; ихъ не пускаютъ только въ самую церковь Претечи.

На разстояніи ста сажень отъ перваго скита схимникомъ Ниломъ въ 1861 г. построены для себя второй скитъ, Успенскій, съ двухъ-этажнымъ домомъ и двухъэтажною церковью. Второй скитъ втрое обширнѣе перваго, ограда его и выше, и массивнѣе. Все построено здѣсь на широкую ногу. Изъ келлій Нила, помѣщающихся во второмъ этажѣ дома, устроенъ аркою ходъ во второй этажъ церковнаго зданія.

Провожатый повелъ насъ въ келліи Нила, гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и гдѣ скончался въ 1870 году. Мебель и вся обстановка оставлены въ нихъ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ все это было при немъ, но ничего особенно интереснаго или замѣчательнаго мы здѣсь не встрѣтили.

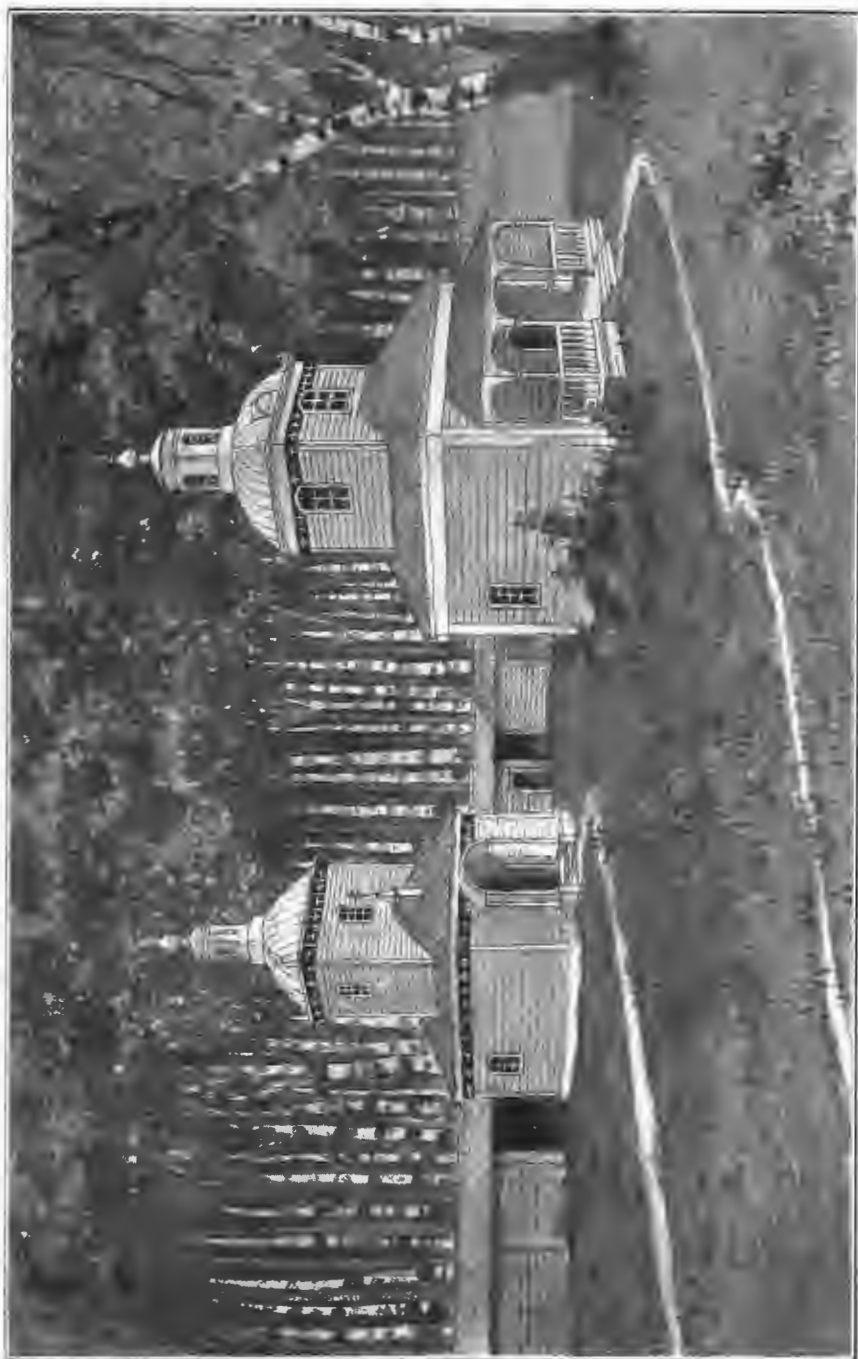
Неподалеку отъ церкви въ скиту возвышаются, одна за другою, двѣ часовни. Нашъ чичероне разказалъ намъ, что обѣ онѣ построены старцемъ Ниломъ: одна въ честь крестной смерти Спасителя и называется Голговою, а другая въ честь Успенія Богоматери и носитъ имя Геосиманія. По сосѣдству съ ними схимникомъ были выкопаны два прудка и разведенъ садъ и огородъ.

Въ этомъ скиту послѣ Нила также никто не живетъ, и все здѣсь мало-по-малу начинаетъ приходиться въ ветхость и разрушаться. Даже крестъ надъ могилою самого схимника, которая помѣщается внизу подъ церковью, успѣлъ уже покривиться.

Показавъ скитъ, нашъ любезный путеводитель дружески разстался съ нами, спросивъ при прощаньи наши имена, а также имена нашихъ ближайшихъ родственниковъ, говоря, что будетъ поминать насъ за церковными службами.

Мы сѣли дѣлать наброски и остались въ скиту одни.

Тишина этого покинутаго людскаго жилища производила на душу неотразимое впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ за оградю, сплошною стѣною, высился лѣсъ, притихшій и точно задремавшій подъ жаркими лучами юньскаго солнца. Ни одна вѣтка, ни одинъ листокъ не шевелились на деревьяхъ. Кругомъ ни звука; все замерло. И куда бы ни обращался взглядъ, вездѣ встрѣчалъ онъ только молчаливую спокойную картину зеленаго, глухого лѣса и высоко вверху голубое небо, по которому тихо скользили разорванныя бѣлыя облачка. Мысль невольно уносилаь снова къ первымъ насельникамъ этого лѣса, къ святому основателю скитскаго житія и его ученикамъ и послѣдователямъ. Она уносилаь къ тому времени, когда, полувросшія въ землю, ютились здѣсь на пригоркахъ ихъ убогія хижины, когда по глухимъ лѣснымъ тропинкамъ собирались они на свой кладбищенскій холмъ, въ церковь, для молитвы и, наслаждаясь душеспасительною бесѣдою старца, снова расходились по келліямъ для безмолвныхъ, уединенныхъ подвиговъ. И невольно

Часовни: Голгоа и Геесиманія въ Успенскомъ скитѣ.

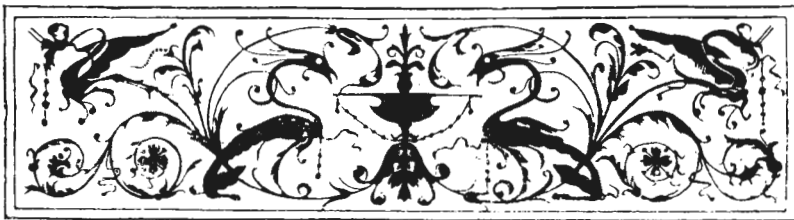
становилось жаль, что надъ пустыннымъ холмомъ, гдѣ покоится преподобный, уже не шумятъ листвою зеленыя липы, что могильный холмъ его придавленъ грузнымъ зданіемъ каменнаго собора и обнесенъ высокою каменною оградю, что иноческій скитъ его, основанный для уединенныхъ отшельническихъ подвиговъ, обращенъ теперь въ обыкновенный общежительный монастырь.

Я далекъ отъ мысли упрекнуть, хоть въ чемъ нибудь, спасающуюся въ этомъ монастырѣ братію, не могу, конечно, порицать и усердія возобновителей пустыни, но все-таки долженъ сознаться, что возобновлена она далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ видѣть ее преподобный. Отправляя ученика своего Иннокентія для устройства общежитія на Нурмѣ, онъ въ то же время выразилъ ясное желаніе относительно своего скита: «Здѣсь же, какъ было при жизни моей, такъ пусть будетъ и по смерти: братія пусть живутъ по одиночкѣ, каждый въ своей келліи».

Когда мы вернулись въ монастырь, ямщикъ, уснѣвшій пообѣдать въ трапезѣ, давно уже заложилъ лошадей и ожидалъ насъ у гостиницы. Черезъ нѣсколько минутъ тарантасъ нашъ катился въ обратный путь мимо хлѣбныхъ полей обители, солнце начинало склоняться къ западу, а по наливающейся густой монастырской ржи попрежнему ходили мягкія лиловато-серебристыя волны.

И. Тюменевъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО ПЕРВАГО САМОЗВАНЦА.

(По поводу открытія о. Павла Пирлинга и сочиненія г. А. Гиршберга ¹⁾).

ОТКРЫТОЕ о. Павломъ Пирлингомъ въ ватиканскомъ архивѣ и фототипически изданное письмо такъ называемаго перваго самозванца, или Лжедмитрія, къ папѣ Клименту VIII произвело (какъ этого и слѣдовало ожидать) огромную сенсацию въ ученомъ мірѣ. Гипотеза, будто первый самозванецъ явился продуктомъ польской интриги противъ Московскаго государства и по своему происхожденію былъ полякъ, изданіемъ этимъ опровергается. Внимательное изученіе вышней, или грамматической, стороны письма самозванца къ папѣ Клименту приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что авторомъ его былъ не полякъ, тѣмъ болѣе не сынъ Стефана Баторія (миѣніе, впервые высказанное Буссовымъ ²⁾), а теперь повторенное г. А. Гиршбергомъ) и даже не ученикъ иезуитовъ (какъ думалъ м. Платонъ ³⁾), а русскій человѣкъ. Конечно, не традиціонный Гришка Отрепьевъ. Въ тождественность этого несчастнаго Гришки съ государемъ, занимавшимъ московскій престолъ подъ именемъ Дмитрія съ 20 іюня 1605 г. по 17 мая 1606 г.

¹⁾ Aleksander Hirschberg: «Dymitr Samozwaniec». Z ilustracjami. We Lwowie. 1898. Str. 292.

²⁾ «Chronicon». Русск. перев. подъ им. «Лѣтописи» Бера (въ «Сказ. соврем. о Дмитріи Самозв.» И. Устрялова, ч. 1, Спб., 1859), 30.

³⁾ «Кратк. церк. рос. ист.», 2 ч., М., 1805, 2-е изд. 1822.

историческая наука уже давно не вѣрить. Но кто же это былъ? Издатель письма объ этомъ пока не говоритъ. О. Пирлингъ общаетъ выводы свои, основанные на изученіи изданнаго имъ документа, представить въ будущемъ. Но если вникнуть глубже въ трагическую исторію самозванца, то едва ли уже этотъ вопросъ не разрѣшится самъ собою... Въ лицѣ перваго Лжедмитрія мы встрѣчаемъ прежде всего убѣжденнаго защитника своихъ царскихъ правъ. Припомнимъ диспутъ съ послами Сигизмунда III, описанный въ дневникѣ царицы (Марины Юрьевны) ¹⁾. Сталь ли бы спорить какойнибудь авантюристъ? Да спорить еще со своимъ патрономъ? Только человѣкъ, убѣжденный въ своемъ происхожденіи, задѣтый за живое, можетъ вступать въ подобные споры... Не мыслимо—съ другой стороны—допустить, чтобы Сигизмундъ III былъ настолько наивенъ, чтобы помогать первому встрѣчному проходимцу, какимъ представляютъ Дмитрія наши историки. «Ловить журавля въ небѣ», т. е., рассчитывать на разладъ въ Московскомъ государствѣ, который должно было вызвать появленіе самозванца на кремлевскомъ престолѣ, разладъ, выгодный для Рѣчи Посполитой только въ будущемъ, было дѣломъ въ высокой степени рискованнымъ, и едва ли могъ на это согласиться король, отвѣтственный въ своихъ дѣйствіяхъ передъ сеймомъ... Совершенно другое дѣло, когда Сигизмундъ захотѣлъ помочь Дмитрію, какъ жертвѣ несчастной судьбы. Тутъ имъ могли руководить надежды приобрести въ Дмитрію могущественнаго союзника противъ общихъ враговъ и, быть можетъ, расчетъ содѣйствовать при помощи облагодѣтельствованнаго имъ московскаго царя распространенію въ Московіи католичества (король, какъ извѣстно, былъ большой клерикалъ) и такимъ путемъ приобрести особенное благоволеніе Рима, съ которымъ въ то время очень и очень приходилось считаться... Нельзя равнымъ образомъ и гордаго сендомірскаго воеводу Юрія Мнишка считать человѣкомъ недалековиднымъ настолько, чтобы онъ могъ рѣшиться выдать свою дочь за какого-то неизвѣстнаго проходимца. Правда, сендомірскій воевода, насколько намъ извѣстно изъ исторіи Марины Юрьевны, не принадлежалъ къ числу особенно нѣжныхъ родителей, но всеже гордость его заставила бы быть болѣе разборчивымъ въ выборѣ жениха для своей дочери, тѣмъ болѣе, что шансы Дмитрія на успѣхъ были тогда только гадательны, но далеко еще не очевидны... А московскій народъ? Правда, въ массѣ онъ былъ невѣжественъ и дикъ, но не забудемъ, что во главѣ его стояли духовенство и бояре, которые предпочли бы сами скорѣе захватить престолъ, чѣмъ отдавать его другому... Наконецъ, нельзя же считать близорукимъ и Ватиканъ, чтобы онъ ни съ того ни съ сего рѣшился поддерживать кандидатуру какого-то невѣдомаго пришельца на московскій престолъ.

¹⁾ «Сказ. соврем. о Дим. Самозв.», ч. 2, Сиб., 1859.

И все-таки, несмотря на поддержку, оказанную королемъ, сеймомъ, аристократическимъ сословіемъ могущественнаго государства и самимъ св. отцомъ, Димитрій недолго продержался на тронѣ.

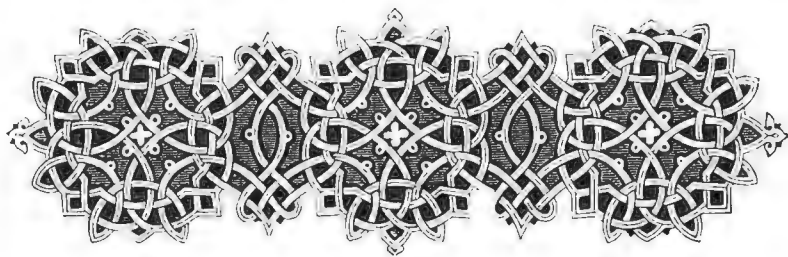
Не понятый народомъ, онъ палъ жертвою боярскихъ происковъ и интригъ. Долговременное пребываніе на Западѣ (въ Польшѣ) и образованіе, тамъ же полученное, сдѣлали царевича европейцемъ. Вращаясь въ средѣ иноземцевъ, онъ отвыкъ отъ русскихъ обычаевъ, а къ религіи относился индифферентно. Не то же ли самое наблюдается въ Петрѣ I-мъ послѣ его побѣдокъ за границу?.. Да тутъ еще необычная живость характера, жажда реформъ ¹⁾, къ воспринятію которыхъ народъ не былъ еще подготовленъ,—поколебали въ москвитянахъ довѣріе къ царю. А интриганы бояре только этого и ждали. Шуйскій (В.) былъ ловчѣе другихъ, первый выступилъ съ своими происками и успѣлъ добиться того, чего хотѣлъ.

Вотъ на какія мысли навело насъ открытіе о. Пирлинга и новый трудъ о Димитріи, какъ самозванцѣ, проф. Львовскаго университета, г. Гиршберга. Но когда исторія сниметъ таинственную завѣсу съ углицкаго убійства 15 мая 1591 г., тогда личность «перваго Лжедимитрія» явится въ истинномъ свѣтѣ. Будемъ надѣяться, что ждать этого придется недолго, тѣмъ болѣе, если справедливъ слышанный нами въ Москвѣ слухъ, что необходимые для разрѣшенія этого вопроса документы уже розысканы въ одномъ изъ мѣстныхъ архивовъ.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ У Костомарова—«Русск. ист.», т. I, Спб., 1880, стр. 639, 640, 642.

РУССКІЕ АДМИНИСТРАТОРЫ XVII ВѢКА ¹⁾.

ОГДА соборные послы, явившись, 14-го марта 1613 г., въ костромской Ипатьевской монастырь, предложили юному Михаилу Феодоровичу возсѣсть на вакантный Московскій престолъ, инокиня Марѳа долго не хотѣла благословить своего сына на царство, мотивируя свое нежеланіе, между прочимъ, тѣмъ, что «люди Московскаго государства измалодушествовались». И Марѳа Ивановна была права: дѣйствительно, «люди Московскаго государства измалодушествовались», измельчали; уровень ихъ нравственности, и прежде невысокій, еще болѣе понизился послѣ смутной эпохи, той печальной эпохи, когда передъ глазами всѣхъ почти каждый день разыгрывались безобразныя сцены убійствъ и насилій; когда попирались самыя священныя права личности, и очень низко цѣнилась человѣческая жизнь; когда, наконецъ, обществу пришлось увидѣть и услышать такую массу лжи и обмана. Подобныя грустныя явленія, часто повторяясь, не могли пройти безслѣдно: неразвитое русское общество должно было мало-по-малу привыкнуть къ нимъ, должно было въ концѣ концовъ признать ихъ почти за нормальныя условія жизни. Смутная пора не только потрясла экономическое благосостояніе русскаго народа,—она въ конецъ распатала и его нравственные устои.

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи: см. столбцы Владимирскаго стола, 30, лл. 348—378.

Пониженіе уровня общественной нравственности не могло не отразиться и на воеводахъ. У большинства воеводъ XVII столѣтія нравственное чувство было развито въ очень слабой степени; какъ люди, совсѣмъ необразованные, они едва ли были въ состояніи усвоить понятіе о долгѣ, о дѣятельности на благо общества; для нихъ на первомъ планѣ стояли личные интересы; они не столько служили, сколько «кормились» и кормились большею частью очень сытно; не довольствуясь законными средствами «кормленія», они сплосъ и рядомъ прибѣгали къ незаконнымъ. Населеніе многихъ городовъ, выведенное изъ терпѣнія воеводскими злоупотребленіями, поднимало бунты, избивало ненавистныхъ администраторовъ; но эти кровавые уроки не вразумляли нашихъ алчныхъ, жестокосердныхъ сатраповъ.

Ефремовскій воевода, Назаръ Колтовскій, и тамошній голова Иванъ Кондаковъ¹⁾ могутъ типами незаконныхъ администраторовъ XVII вѣка. Около 2-хъ лѣтъ²⁾ царили они въ Ефремовѣ, но въ это непродолжительное время допустили такъ много злоупотребленій, надѣлали такую массу зла обывателямъ, что просто удивляешься, когда они успѣли все это сдѣлать. Читая документы, повѣствующіе объ ихъ безобразныхъ подвигахъ, съ трудомъ вѣришь, чтобы подобныя жестокости могли позволить себѣ русскіе по отношенію къ русскимъ же: только непріатели, взбѣшенные упорнымъ сопротивленіемъ вражескаго города, способны такъ расправляться съ его побѣжденными жителями.

Колтовскій и Кондаковъ были связаны тѣсными узами дружбы. Они выбрали себѣ шайку негодяевъ, въ составъ которой входило нѣсколько мѣстныхъ помѣщиковъ и казаковъ, и съ ея помощью производили насилія и грабежи; въ вознагражденіе за свою усердную службу члены шайки получали отъ своего атамана и его помощника разныя подачки; кромѣ того, иногда они на свой страхъ грабили беззащитныхъ обывателей и безраздѣльно пользовались награбленнымъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы управлять городомъ и охранять его отъ внѣшнихъ непріателей, преимущественно отъ крымскихъ татаръ, Колтовскій и Кондаковъ опустошали его не хуже этихъ послѣднихъ.

Поставивъ своей главной, единственной цѣлью обогащеніе, наши пріатели думали, что все позволительно для достиженія намѣченной цѣли. Это были просто какіе-то дикари, для которыхъ не было ничего запрещеннаго, ничего святаго. Они воображали, что трудъ, имущество и личность каждаго ефремовца всецѣло принадлежатъ имъ,

¹⁾ Кондаковъ называется въ нашихъ документахъ просто «головой»: можетъ быть, онъ былъ казачьимъ или стрѣльцкимъ головой, или же—что всего вѣроятнѣе—осаднымъ головой, т. е. комендантомъ.

²⁾ Колтовскій и Кондаковъ неистовствовали въ Ефремовѣ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII столѣтія.

и они могутъ пользоваться ими для своихъ надобностей, въ свое удовольствіе. Они безъ всякаго стѣсненія заставляли ратныхъ людей бесплатно исполнять для нихъ всевозможныя работы: возить дрова, варить пиво, курить вино, таскать воду, топить баню, въ лѣтнее время стеречь лошадей и всякій скотъ, чистить конюшни и проч.

Вскорѣ послѣ своего прїѣзда въ Ефремовъ, наши администраторы, желая, вѣроятно, сразу обнаружить свои богатыя административныя способности, задумали построить казенную мельницу. Мельница эта строилась около двухъ мѣсяцевъ—съ Ильина дня до Покрова. Въ ея постройкѣ должны были принимать дѣятельное участіе ратные люди, которые вслѣдствіе этого не имѣли возможности засѣять своихъ полей и остались безъ хлѣба. Но, проработавъ нѣсколько дней, только что выстроенная мельница остановилась, виновниками чего были сами же Колтовскій и Кондаковъ. Дѣло вотъ въ чемъ: двое изъ ихъ шайки, Михаилъ Косой да казакъ Панкратій Тюря, доложили имъ, что возлѣ новой мельницы, у плотины, таятся богатый кладъ; Колтовскій и Кондаковъ, жадные до денегъ, тотчасъ приказали прорвать плотину, спустить воду и велѣли рыть въ томъ мѣстѣ, которое было указано Косымъ и Тюрей; эти поиски происходили по ночамъ, но, конечно, не увѣнчались успѣхомъ. Приведенный фактъ характеризуетъ отношеніе нашихъ прїятелей къ благосостоянію разныхъ людей и къ казеннымъ интересамъ. Вообще они не считали нужнымъ заботиться объ интересахъ казны, думая, что она для того и существуетъ, чтобы на ея счетъ обогащаться. Такъ, въ городѣ былъ сложенъ казенный лѣсъ (всего 880 бревенъ), приготовленный прежними воеводами для починки городской и острожной стѣны и другихъ казенныхъ надобностей. Недолго думая, Колтовскій и Кондаковъ подѣлили этотъ лѣсъ между собой, изрубили его на дрова и сожгли.

Столь же безцеремонно относились они и къ частной собственности. Однажды Колтовскій приказалъ арестовать корову одного стрѣльца, мирно бродившую по городу, зарѣзалъ ее, а мясо раздѣлил со своимъ другомъ.

На Рождество и на Пасху всѣ ефремовскіе обыватели отправлялись на поклонъ къ Колтовскому и Кондакову и приносили, кто что могъ: одни—свинья и бараньи туши, другіе—пирогі, третьи—гусей и тетеревей и проч. На масляницу повторялось то же самое, съ тою только разницею, что вмѣсто мяса и птицъ (которыхъ Колтовскій и Кондаковъ, какъ люди благочестивые, не кушали въ это время) несли сыръ, масло, яйца и рыбу. Безъ преувеличенія можно сказать, что большую часть года наши прїатели питались на счетъ ефремовскихъ обывателей.

Не довольствуясь этимъ, изобрѣтательный Колтовскій придумалъ очень остроумный источникъ дохода. Онъ запиралъ всѣ городскія ворота и не пропускалъ никого, кто ѣхалъ вѣнчаться, до тѣхъ поръ, пока не получалъ извѣстной суммы денегъ и кувшина вина или

нѣсколько пудовъ меда; иногда же, онъ бесплатно пропустивъ свадебный поѣздъ, запиралъ ворота и не выпускалъ его до тѣхъ поръ, пока не получалъ требуемаго. Одному помѣщику пришлось со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ переночевать въ запертомъ городѣ; Колтовскій выпустилъ его только на разсвѣтъ, взявъ съ него нѣкоторую сумму денегъ, кувшинъ вина и поль-осьмины овса.

Кажется, и говорить нечего о томъ, что ефремовскіе администраторы совсѣмъ не занимались дѣлами, а все почти время проводили въ пьянствѣ; при этомъ Колтовскій нерѣдко, напившись пьянымъ и вооружившись саблей или дубиной, отправлялся (вѣроятно, для развлечения) къ городскимъ воротамъ и начиналъ гоняться за караульными, билъ ихъ, приказывалъ хватать ихъ, раздѣвать донага и въ такомъ видѣ бросать въ тюрьму. Кондаковъ, походя на своего пріятеля въ томъ отношеніи, что не прочь былъ пображничать, питалъ, кромѣ того, большую слабость къ женскому полу. Онъ приказывалъ приводить къ себѣ въ домъ казачьихъ женъ, держалъ ихъ у себя недѣль по пяти по шести и больше и, по выраженію документа, «дѣлалъ надъ ними всякое насильство». Когда одинъ казакъ, жена котораго насильно была отведена въ домъ Кондакова, поѣхалъ было въ Москву жаловаться на сластолюбца, люди Кондакова догнали его на дорогѣ, избили до полу-смерти и притащили къ своему господину, который прошелся по немъ дубиной и потомъ велѣлъ заключить его въ тюрьму; но этимъ не кончились истязанія несчастнаго казака, дерзнувшаго вступить за честь своей жены: впоследствии Кондаковъ нѣсколько разъ велѣлъ приводить его къ себѣ на дворъ и собственноручно стегалъ его плетью, чтобы отбить у него и у другихъ недовольныхъ, которыхъ было очень много, всякую охоту жаловаться.

Но все это пустяки сравнительно съ тѣмъ, что позволяли себѣ ефремовскіе администраторы по отношенію къ состоятельнымъ жителямъ, которыхъ они хотѣли обобрать, или къ тѣмъ несчастливцамъ, которые почему нибудь навлекли на себя ихъ немилость.

Для того, чтобы содрать побольше съ тѣхъ, у которыхъ былъ извѣстный достатокъ, они безъ всякой вины сажали ихъ въ тюрьму, при чемъ зимою приказывали предварительно раздѣть ихъ донага, били дубинами и плетью и прекращали свои мученія только тогда, когда что нибудь получали; они не щадили никого и не брезговали ничѣмъ—брали все, что только можно было взять: лошадей, коровъ, свиней, овецъ, куръ, деньги, медъ, хлѣбъ, борзыхъ собакъ, разную посуду, даже капусту. Такъ, на примѣръ, казака Кондратія Савостьянова они обобрали дочиста, взяли у него все, что только было въ домѣ и на дворѣ: 5 четвертей ржи, 5 четвертей овса, четверть гороха, 3 лошади, 3 коровы, 10 свиней, 4 пѣтуха, 50 куръ, 5 овецъ, 2 бочки дегтя, нѣсколько жернововъ, 2 короба съ мужскими и женскими рубахами и холстомъ, сковороду, 2 сошника, 2 косы, 2 топора, 3 телѣги, 3 хомута и проч. Такимъ образомъ, вслѣдствіе на-

силія Колтовскаго и Кондакова, зажиточный казакъ сдѣлался нищимъ. Другого казака Колтовскій засадилъ въ тюрьму, билъ у себя на дворѣ плетью и даже грозилъ утопить его; перепуганный казакъ долженъ былъ заплатить ему, въ видѣ выкупа за свою жизнь, 10 рублей и дать 3 кувшина вина. Одного священника и казака Колтовскій такъ усердно билъ дубиной, выколачивая у нихъ деньги, что тѣ умерли. Нѣкоторые знатные люди, спасаясь отъ неистовыхъ администраторовъ, покидали Ефремовъ и уходили въ другіе города. Колтовскому и Кондакову это было на руку: имущество ушедшихъ они присвоивали себѣ.

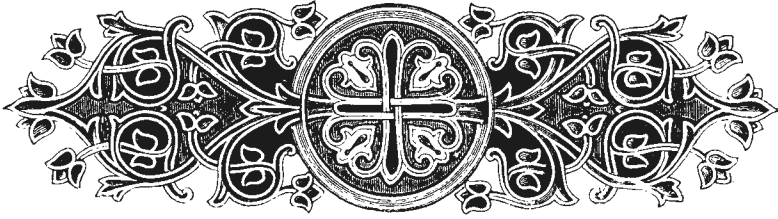
Какъ я уже сказалъ, ефремовскіе администраторы ни съ кѣмъ не церемонились, не щадили никого: съ помѣщиками и священниками они обращались такъ же, какъ со стрѣльцами и казаками. Такъ, напримѣръ, одного помѣщика они силой согнали съ помѣстья, имущество его подѣлили между собой, а его помѣстье Колтовскій подарилъ сыну Кондакова. Однажды Колтовскій приказалъ схватить и привести къ себѣ на дворъ егорьевскаго священника Исаю и билъ его плетью до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ него 3 рубля. Также расправился онъ съ соборнымъ священникомъ Аонасіемъ, котораго терпѣть не могъ за то, что онъ осмѣливался возвышать голосъ противъ его безобразій, и съ его сыномъ Иваномъ.

Наконецъ, «для своей корысти» Колтовскій и Кондаковъ не стѣнялись продавать чужую свободу—свободу помѣщиковъ и ратныхъ людей. Такъ, они продали въ холопство помѣщику Данилу Варыпаеву помѣщика же Кузьму Печерскаго, взявъ за него лошадь и 7 рублей; при этомъ они овладѣли имуществомъ проданнаго въ холопство, а его помѣстье сбыли за 5 рублей. Подобныхъ возмутительныхъ случаевъ можно привести нѣсколько.

Одинъ документъ подводитъ, хотя далеко неполный, но все-таки очень любопытный и краснорѣчивый итогъ административной дѣятельности Колтовскаго и Кондакова. За непродолжительное время своего управленія вотъ что взяли они насильственнымъ путемъ у ефремовцевъ 156 рублей, 16 лошадей, 7 коровъ, 2 быка, 32 свиньи, 50 овецъ, 104 курицы, 18 пудовъ меда, 58 ульевъ съ пчелами, 60 ведеръ вина, 50 четвертей всякаго хлѣба и 12 невыдѣланныхъ овчинъ.

Вотъ какой глубокой слѣдъ оставили послѣ себя наши администраторы. Хорошо еще, что они недолго просидѣли въ Ефремовѣ. Всѣ жители этого города и уѣзда подали государю челобитную, въ которой кратко изложили вопіющія злоупотребленія своихъ управителей. Ихъ жалоба не осталась безъ послѣдствій: Колтовскій и Кондаковъ должны были сдать всѣ дѣла присланному изъ Тулы дворянину и 28 іюня 1640 г. выѣхать въ Новосиль, гдѣ и ждать царскаго указа. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое наказаніе понесли они за свои неистовства.

Гр. Шмелевъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФАБРИКИ.

I.

ЕСНОЮ текущего года вышелъ первый томъ обширнаго изслѣдованія нашего молодого ученаго экономиста, М. Тугана-Барановскаго, подъ заглавiемъ «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», посвященный главнымъ образомъ обзорѣнiю историческаго развитiя русской фабрики въ XVIII и XIX столѣтiяхъ. Одна изъ главъ этого труда, касающаяся развитiя русской промышленности въ новѣйшее время, въ ея статистическихъ данныхъ и выводахъ, послужила для автора темою реферата въ вольно-экономическомъ обществѣ, надѣлавшаго текущею зимою немало шума и явившагося одною изъ многочисленныхъ страницъ въ исторiи все еще длящейся и доннынѣ борьбы нашихъ современныхъ научно-общественныхъ партiй — такъ называемыхъ «марксистовъ» и «народниковъ»¹⁾. «Бой» въ вольно-экономическомъ обществѣ вышелъ жаркiй; въ залѣ отъ собравшейся публики, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть и, несмотря на то, что объектомъ пренiй была по внѣшнему виду матерiя достаточно сухая, въ образѣ статистическихъ таблицъ, диаграммъ и массы голыхъ цифръ, публика, состоявшая преимущественно изъ молодежи съ «вольно-экономическими барышнями» во главѣ, съ нервнымъ напряженiемъ и съ удивительной страстностью слѣдила за каждымъ

¹⁾ Исторiя этой борьбы въ свое время была изложена мною на страницахъ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавiемъ «Регрессивное теченiе».

словомъ и положеніемъ ораторовъ (нѣкоторые говорили полтора часа!), награждая ихъ, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ заранѣе сложившихся симпатій и антипатій, шумными знаками одобренія или несочувствія.

Если судить по количеству сорванныхъ аплодисментовъ, то побѣда какъ будто осталась за марксистомъ-референтомъ и его «друзьямъ» — «главою современной школы матеріалистовъ», г. Струве. Молодежь горячо привѣтствовала апостоловъ русскаго капитализма, относясь вмѣстѣ съ тѣмъ крайне враждебно къ своимъ еще недавнимъ кумирамъ-народникамъ. Таковы были обстановочные результаты «боя 21-го февраля» въ залѣ ученаго общества. Что касается дѣла по существу, что касается серьезной защиты выставленныхъ тезисовъ, то тутъ референтъ не пожалъ лавровъ, и его ученая статистика со всѣми притекающими изъ нея выводами потерпѣла жестокое крушеніе. Изъ возраженій гг. Касперова, Щепотьева, В. Воронцова и Ходскаго выяснилось достаточно убѣдительно, что статистика въ докладѣ г. Тугана частію невѣрна, частію почерпнута изъ непровѣреннаго и сомнительнаго для даннаго случая источника, частію совершенно произвольно и безцеремонно скомбинирована, по поговоркѣ «своя рука владыка», частію же противорѣчитъ основнымъ положеніямъ современнаго нео-марксизма, столь торжественно и шумно нѣкогда установленнымъ г. Струве, въ качествѣ непогрѣшимыхъ догматовъ моднаго экономическаго корана. Вообще, въ глазахъ серьезныхъ людей, интересующихся не «борьбы отчаянной отвагой», а ищущихъ фактовъ, ихъ строгой обоснованности, рефератъ г. Тугана-Барановскаго сыгралъ печальную роль въ развитіи моднаго ученія, носящаго по отношенію молодежи характеръ повальной эпидеміи: безпристрастная статистика не подтвердила апіорныхъ выводовъ глашатаевъ экономическаго матеріализма, и судьбы русскаго капитализма остались далеко не выясненными, остались облеченными тѣмъ же туманомъ, который окутывалъ ихъ и до реферата въ вольно-экономическомъ обществѣ. Главный базисъ, на который опирался референтъ—неимовѣрный ростъ чугуноплавительной и хлопчатобумажной промышленности, сильное увеличеніе числа желѣзнодорожныхъ рабочихъ, этотъ базисъ, повидимости укрѣпленный солидными колоннами статистическихъ данныхъ, въ концѣ концовъ оказался выбитымъ гг. Щепотьевымъ и Касперовымъ изъ-подъ ногъ молодого экономиста. Благодаря названнымъ оппонентамъ, фактъ роста отмѣченныхъ промышленности получилъ совершенно иное освѣщеніе, а слагаемая общаго количества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ оказались совсѣмъ иными, нежели то тѣлился показать г. Туганъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ-то фактахъ, созданныхъ имъ произвольно и съ грубыми статистическими промахами, и заключались плоды чаемой марксистами побѣды. Цифры референта были заподозрѣны, опровергнуты и освѣщены совершенно

иначе изъ источниковъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ ихъ истинности и нелицеприятности. Не менѣе вѣско и строго-последовательно построилъ свои возраженія «глава нашихъ народниковъ», извѣстный экономистъ В. В. Онъ также обличилъ г. Тугана въ ненаучныхъ статистическихъ приемахъ и неправильныхъ арифметическихъ комбинаціяхъ, при чемъ попутно выставилъ достаточно сильную защиту нѣкоторыхъ положеній, установленныхъ въ нашей литературѣ его единомышленниками — Николаемъ — ономъ и г. Карышевымъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о торжествѣ народническихъ идеаловъ, о торжествѣ теории народниковъ и ихъ излюбленныхъ научныхъ положеній, нельзя, однако, не отмѣтить, что въ преніяхъ 21-го февраля имъ удалось достигнуть значительныхъ, въ интересахъ своей группы, результатовъ: они дискредитировали достовѣрность статистики своихъ враговъ и лишили ихъ главнаго орудія, рѣшающаго обыкновенно всѣ ученые споры, — научности выводовъ. Такимъ образомъ, quasi-ученые доводы господъ русскихъ марксистовъ остались, какъ и до преній въ вольно-экономическомъ обществѣ, апріорными, искусственно, по чужому, заграничному шаблону, притянутыми къ толкованію фактовъ современной отечественной жизни и ея реальныхъ интересовъ. Обнищаніе русскаго народа, искусственное созданіе у насъ пролетаріата, во имя проблематическихъ будущихъ благъ обобществленія, всѣ эти излюбленные desiderata нашихъ экономическихъ матеріалистовъ не получили съ рефератомъ г. Тугана-Барановскаго какого либо серіознаго подтвержденія, лишились возможности туманить головы и сбивать съ толку довѣрчивую публику. Оппозиція этимъ притязаніямъ и строгая критика ихъ со стороны гг. Щепотьева, В. В., Касперова и другихъ, должна быть всѣмъ имъ зачтена въ немалую общественную заслугу и несомнѣнно современемъ будетъ по достоинству оцѣнена нашей литературой, когда пройдетъ острый періодъ современной модной болѣзни — увлеченія беспочвеннымъ марксизмомъ, въ его примѣненіи къ истиннымъ фактамъ и условіямъ русской жизни.

Для меня, имѣющаго передъ собою книгу «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», пренія въ вольно-экономическомъ обществѣ 21-го февраля съ вытекавшими изъ нихъ послѣдствіями чрезвычайно важны, отчего я вынужденъ былъ вкратцѣ коснуться этихъ преній и отмѣтить уронъ, понесенный здѣсь г. Туганомъ, и побѣду, одержанную его оппонентами. Рефератъ молодого ученаго, какъ я уже отмѣтилъ въ началѣ, является всего лишь главою (1-я во 2-й части) его настоящаго обширнаго изслѣдованія и при томъ главою въ нѣкоторомъ родѣ кардинальною, съ точки зрѣнія моднаго экономического корана. Дѣло въ томъ, что русскіе марксисты заявляли до послѣдняго времени о своемъ существованіи преимущественно полемическими выходками и публицистическими статьями. Критика

и рѣзкая полемика — вотъ тѣ излюбленные кони, на которыхъ они подчасъ (и нужно отдать въ томъ имъ справедливость!) не безъ успѣха и не безъ эффекта гарцовали передъ публикою. Положительныя части исповѣданія вѣры почерпались цѣликомъ изъ «Капитала» Маркса, и всѣ шумные набѣги и стычки совершались подѣ священнымъ знаменемъ нѣмецкаго экономиста: «Капиталъ есть единственное орудіе прогресса, и мы, Струве, Туганъ-Барановскій, его пророки!»

Но одна полемика, одна критика, какъ бы живы и интересны онѣ ни были, еще недостаточное достояніе и богатство для общественно-научной группы, если только она претендуетъ на руководящее значеніе въ современной жизни. Переводъ иностраннаго сочиненія, имѣющаго при томъ слабое отношеніе къ русской дѣйствительности, тоже мало помогаетъ дѣлу, слѣдовательно необходимо запастись собственной тяжелой амуницией и тяжелой артиллеріей, изготовленной изъ отечественнаго матеріала и домашними средствами. Первой серьезной попыткой въ этомъ направленіи и долженъ быть разсматриваемъ трудъ г. Тугана-Барановскаго, «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», написанный имъ, какъ кажется, въ цѣлю полученія высшей ученой степени—званія доктора политической экономіи.

Сочиненіе молодого экономиста вышло солидное, интересное и чрезвычайно богатое собраннымъ здѣсь матеріаломъ, почерпнутымъ, какъ изъ источниковъ, уже напечатанныхъ, такъ изъ хранившихся доселѣ въ нѣдрахъ нашихъ архивовъ. Пока вышелъ первый томъ всей обширно-задуманной работы, долженствующей, по замыслу автора, обнять всѣ наиболѣе существенные вопросы, неразрывно связанные съ существованіемъ и значеніемъ въ отечественной жизни фабрично-заводскаго производства; отпечатанный томъ посвященъ обзорѣнію историческаго развитія русской фабрики и группируется по слѣдующимъ главнѣйшимъ моментамъ жизни фабрики: фабрика въ XVIII (введеніе), развитіе промышленности въ дореформенной Россіи, дореформенное законодательство (въ царствованія Александра I и Николая I), заработная плата, борьба фабрики съ кустарнымъ производствомъ, отношенія общества и литературы къ фабрикамъ. Таковы главнѣйшіе моменты въ первой части; вторая часть того же тома обнимаетъ собою тѣ же пять моментовъ, обнаруживающихся въ русской пореформенной жизни, начиная непосредственно съ реформы 19-го февраля и кончая нашими днями. Первый томъ слѣдовательно, обрисовываетъ исторію русской фабрики въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ; что касается второго тома, то онъ долженъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ авторъ, выяснитъ современное положеніе фабрики и фабричнаго рабочаго, географическое размѣщеніе нашей фабричной промышленности, условія конкуренціи различныхъ промышленныхъ районовъ, условія конкуренціи фабрики

съ кустаремъ (значеніе связи кустаря съ землей), продолжительность работы въ разныхъ отрасляхъ труда, работу женщинъ и дѣтей, экономическое положеніе современнаго фабричнаго рабочаго и многое другое. Кроме того, онъ въ той же будущей части общается теоретически разобрать вопросъ о значеніи фабрики въ строѣ русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросѣ о «судьбахъ нашего капитализма».

Несмотря на то, что авторъ откладываетъ разсмотрѣніе социальныхъ сторонъ фабрично-заводской жизни до второго тома, тѣмъ не менѣе и въ вышедшемъ уже, первомъ, по настоящему предмету имѣется немало данныхъ и указаній, благодаря чему его книга уклоняется отъ характера специально-историческаго изслѣдованія, вводя читателей въ кругъ вопросовъ и злобъ повседневной жизни. Такое уклоненіе, конечно, не можетъ быть поставлено изслѣдователю въ вину: ему приходилось говорить о законодательствѣ самаго послѣдняго времени, а отсюда неизбежная экскурсія въ область животрепещущихъ вопросовъ, поскольку эти послѣдніе отразили волю законодателя и испытали на себѣ вліяніе тѣхъ или иныхъ общественныхъ факторовъ. Помимо этой невольной, разрушающей историзмъ работы, стороны дѣла, она имѣетъ и иную, доминирующую, въ которую авторъ и вложилъ все святая святыхъ своей экономической доктрины и во имя которой собственно и предпринять весь громоздкій трудъ. Изслѣдователь даже какъ будто отрекается и во всякомъ случаѣ стремится отказаться отъ роли безпристрастнаго историка, болѣе всего ищущаго полноты собираемыхъ явленій, а наоборотъ прямо заявляетъ, что этой полнотой онъ мало былъ заинтересованъ, стремясь лишь во что бы то ни стало объяснить реально существующій фактъ.

Что же это за реально-существующій фактъ, который въ предисловіи, объясняющемъ планъ работы, хотя прямо не названъ, но который лишь намѣченъ, какъ фокусъ, куда должны во что бы то ни стало стянуться все линіи ловко подобранныхъ г. Туганомъ-Барановскимъ явленій русской экономической жизни? фактъ этотъ, радостный и пріятный для изслѣдователя, — «побѣдоносное шествіе по странѣ крупно-капиталистическаго производства», подъ давленіемъ котораго какъ будто уже вымираетъ русскій ремесленникъ кустарь и которое именно въ конечномъ результатѣ должно обезземелить нашихъ крестьянъ, обратить ихъ въ обширный классъ нищихъ пролетаріевъ. Вотъ тотъ реально-существующій фактъ, изъ котораго исходитъ изслѣдователь и который искусственно замыкаетъ собою все изслѣдованіе. Въ этихъ-то цѣляхъ — подтвержденія апріорнаго положенія о благотвѣльномъ вліяніи капитала авторъ и построилъ схему своего научнаго труда: «Моя задача, — говоритъ онъ, — заключалась въ достаточно отчетливомъ, но безъ излишнихъ деталей, изображенія постепеннаго измѣненія внутренняго строя рус-

ской фабрики подъ влияніемъ измѣненія общественно-экономической среды. Мнѣ хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась въ теченіе XVIII в. въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя постепенно отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ. Я старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крѣпостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и въ наше время,—время господства машины. Признавая, что не сознание людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія, я рассматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ. Касаясь законодательной дѣятельности государства, я ставилъ себѣ задачей не столько критику тѣхъ или иныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни».

II.

Приведенное заявленіе автора чрезвычайно характерно. Весь трудъ окрещенъ имъ именемъ «историко-экономическаго изслѣдованія», а первому, вышедшему, тому дано специальное назначеніе обозрѣть «историческое развитіе русской фабрики», вмѣстѣ съ тѣмъ съ первыхъ же строкъ предисловія мы натываемся на категорическое заявленіе: «я вообще не хотѣлъ писать фактической исторіи». Чего же хотѣлъ тогда авторъ? А ему, видите ли, во что бы то ни стало хотѣлось защитить извѣстные марксистскіе тезисы примѣнительно къ русской жизни—о неизбѣжности капиталистической стадіи развитія для нашего отечества, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ прочихъ странахъ Европы. Исторія явилась въ данномъ случаѣ лишь тѣмъ матеріаломъ, тѣмъ новымъ орудіемъ, при помощи котораго отстаиваются все тѣ же давно знакомые тезисы современнаго моднаго экономическаго матеріализма. Исторіей, какъ таковой, авторъ брезгуетъ, отъ роли историка онъ старательно отбояривается, благодаря чему и создаетъ себѣ нѣсколько двусмысленное положеніе: выступая съ историческимъ багажомъ, онъ распоряжается имъ достаточно произвольно, третируетъ его нѣсколько свысока и пренебрежительно и во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ слабый методъ историческаго обслѣдованія явленій.

Но мы уже видѣли, что и въ качествѣ ученаго статистика онъ оказался на преніяхъ 21-го февраля въ вольно-экономическомъ обществѣ чрезвычайно слабымъ. Его ариометика, несмотря на наличность въ ней всѣхъ четырехъ правилъ дѣйствій, носила на себѣ сомнительный характеръ, а разныя приближенія, разныя статистическія искусственныя надстройки, во имя предвзятыхъ цѣлей, просто таки компрометировали то самое дѣло, на защиту котораго былъ выдвигнутъ претенціозный рефератъ. Однако, тотъ же рефератъ, съ тѣми же діаграммами, съ тѣми же статистическими колоннами цифръ, съ тѣми же выводами и заключеніями вошелъ въ составъ и настоящей книги «Фабрика въ прошломъ и настоящемъ», гдѣ первая глава второй части, посвященная «развитію фабричной промышленности въ новѣйшее время», и является той скиніей, куда сложены на хранение священные для русскихъ марксистовъ скрижали завѣта великаго нѣмецкаго учителя. Въ этой главѣ и «побѣдоносная» полемика съ противниками г. Николаемъ—ономъ, В. В., Карышевымъ, Яроцкимъ, тутъ же и знаменитые діаграммы сомнительнаго происхожденія, тутъ же и категорическое заявленіе, что Россія уже вступила въ фазу капиталистическаго развитія, и что крупный капиталъ царить во всей русской торговлѣ и промышленности. Къ этой главѣ, къ этимъ категорическимъ заявленіямъ и внушительнымъ діаграммамъ притянута вся предшествовавшая историческая часть, ей же непосредственно, ради ея полноты и красоты, посвящены и остальные главы работы, до уязвленія г. Михайловскаго, какъ публициста семидесятихъ годовъ, за его несочувствіе фабрикѣмъ включительно. Знакомая въ лагерѣ русскихъ марксистовъ картина! Все сводится къ полемикѣ, все приноравливается къ взятымъ на прокатъ изъ чужого источника положеніямъ!

Но намъ уже извѣстно качество и достоинство центральной части труда г. Тугана-Барановскаго изъ возраженій, сдѣланныхъ послѣднему господами Щепотьевымъ, Касперовымъ, Воронцевымъ. Вѣра въ него, какъ непогрѣшимаго и основательнаго статистика, подорвана; его ариометика уже однажды признана чрезвычайно сомнительною. Въ какомъ же положеніи оказываемся мы и на сей разъ? Можемъ ли мы съ полнымъ довѣріемъ идти на встрѣчу остальнымъ частямъ труда, пестрящимъ безконечными выкладками, можемъ ли мы относиться къ нимъ спокойно и хладнокровно? Мнѣ думается, что нѣтъ. Рефератъ г. Барановскаго былъ прочитанъ въ февралѣ, а въ мартѣ мѣсяцѣ онъ уже писалъ предисловіе къ своей работѣ, появившейся въ началѣ апрѣля мѣсяца на книжномъ рынкѣ. Сомнительно, да и просто невозможно, чтобъ въ этотъ короткій промежутокъ времени авторъ переучился ариометикѣ, исправилъ всѣ свои выкладки и передѣлалъ скороспѣлые выводы. Все осталось по старому, все сохранялось въ томъ видѣ, какъ оно было въ свое время показано публикѣ на засѣданіи ученаго общества... Правда, теперь

съ выходомъ книги дѣло нѣсколько осложнилось: въ примѣчаніяхъ къ изслѣдованію г. Тугана таинственно выставляетъ свою голову отъ времени до времени нѣкій г. Роговинъ. Авторъ ласково киваетъ на него и заявляетъ: «вотъ кто дѣлалъ мнѣ тамъ-то и тамъ-то подсчеты!» Вѣроятно, въ этихъ указаніяхъ кроется какой нибудь дружескій смыслъ, но читателю отъ того не дѣлается легче. Можетъ быть, г. Роговинъ, въ родѣ самого Маркса или его русскихъ учениковъ г. Тугана-Барановскаго и его «друга», г. Струве, непогрѣшимъ, а, можетъ быть, и его ариеметика палить также игриво и неуклюже, какъ она шалила на преніяхъ 21-го февраля въ рукахъ молодого референта; можетъ быть, почтенный г. Роговинъ, таинственно бродя по примѣчаніямъ къ тексту книги, безошибочно комбинируетъ громадныя числа, а, можетъ, въ роли коварнаго Яго, онъ и подводитъ смѣлыми приближеніями своего пріятеля,—Богъ его вѣдаетъ! Какъ бы тамъ ни было и какъ бы ни слагалась роль таинственнаго А. М. Роговина въ книгѣ автора «Фабрика въ прошломъ и настоящемъ», дѣло отъ того не подвигается ни на іоту къ благополучной развязкѣ, и всѣ математическія выкладки г. Тугана остаются подъ сильнымъ подозрѣніемъ.

И вотъ мы оказываемся въ чрезвычайно затрудненномъ положеніи—къ какой же категоріи отнести трудъ молодого ученаго? Историческимъ изслѣдованіемъ онъ его не желаетъ считать, въ спеціально экономическіе трактаты, опирающіеся на строго отвѣтственные статистическія данныя, по сомнительному качеству этихъ данныхъ, онъ тоже не годится; экономическіе выводы не вытекаютъ здѣсь изъ фактовъ, а наоборотъ факты припиливаются къ опредѣленнымъ, заранѣе установленнымъ, положеніямъ. Получается нѣчто среднее между исторіей и политической экономіей, съ перевѣсомъ во всякомъ случаѣ въ сторону исторіи и съ несомнѣнными признаками обширнаго публицистическаго очерка и съ полемическими задачами. Что скажетъ ученый ареопагъ экономистовъ, когда трудъ молодого ученаго предстанетъ передъ его судомъ, гадать заранѣе, конечно, трудно; можетъ быть, трудъ будетъ признанъ очень цѣннымъ вкладомъ въ экономическую науку, и всѣ приемы автора получатъ санкцію, а, можетъ быть, ареопагъ и затруднится сказать свое вѣское слово и потребуетъ по настоящему вопросу отзыва и мнѣнія историковъ. Последнее, т. е. обращеніе къ историкамъ, по моему искреннему убѣжденію, будетъ настоящимъ добрымъ и справедливымъ дѣломъ: они по крайней мѣрѣ сумѣютъ дать снисхожденіе автору книги о русской фабрикѣ и горячо заступятся за г. Тугана-Барановскаго, какъ историка, много и старательно поработавшаго по архивнымъ источникамъ, передъ г. Туганомъ-Барановскимъ, какъ экономистомъ и статистикомъ, такъ высокоумѣнно третировавшимъ самого себя въ исторической части своей работы. Историки, конечно, признаютъ въ своемъ молодомъ собратѣ слабаго экономиста и статисти-

стика, отнесутся отрицательно къ его публицистическимъ аллюрамъ, удостовѣривъ съ фактами и несомнѣнными доказательствами въ рукахъ, что необходимые атрибуты истинной публицистики—даровитость, остроуміе и юморъ, никогда и въ гости не заходили въ ученый кабинетъ г. Тугана, заявлять съ полной убѣдительною, что роль общественного глашатая ему совершенно не къ лицу и даже какъ будто производить нѣсколько смѣхотворное впечатлѣніе, но при всемъ томъ они удостовѣряютъ, что, благодаря неотъемлемымъ качествамъ молодого представителя русской науки—его усидчивости, трудолюбію, широкому знакомству съ обширной литературой предмета, умѣнью справляться и съ архивными первоисточниками, книга «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ»—очень интересная книга, заключающая въ себѣ обширный и частно новый историческій матеріалъ, умѣло расположенный по основнымъ намѣченнымъ группамъ вопросовъ, гладко и вполне литературно написанная и достойная во всякомъ случаѣ значительнаго поощренія. Такимъ образомъ, репутація г. Тугана-Барановскаго послѣ неудачи, постигшей его въ глазахъ серьезныхъ людей, на преніяхъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, будетъ нѣсколько реабилитирована, а ему самому оказана добрая и полезная услуга. Онъ узнаетъ свою настоящую жизненную дорогу, сумѣетъ стать на надлежащее общественное мѣсто и, если Богъ не совѣмъ наказалъ его за многія публицистическія прегрѣшенія разумомъ, сниметъ съ себя тотъ нѣсколько комическій костюмъ, въ которомъ онъ такъ старательно парадировалъ за послѣднее время, въ парѣ съ г. Струве, передъ публикою. Русская историческая и архивная наука, благодаря этимъ результатамъ, достигнутымъ судьями-историками, будетъ въ несомнѣнномъ выигрышѣ: она заполучитъ въ свои ряды новаго работника, который, если и не блистаетъ особыми дарованіями, то во всякомъ случаѣ можетъ много и старательно трудиться надъ выясненіемъ историческихъ судебъ русской земли. А что это послѣднее предположеніе меня не обманываетъ, лучшимъ доказательствомъ служить интересное содержаніе книги г. Тугана, которое я и беру темою своего очерка.

На страницахъ «Истор. Вѣстн.» мнѣ уже приходилось однажды («Фабрично-заводская Россія») касаться роли фабрики въ современной жизни, ея значенія въ общей суммѣ народныхъ отправленій страны, ея экономическихъ и соціальныхъ задачъ, ея болѣстей и золь. Оставляя всѣ эти вопросы въ сторонѣ, я ограничусь на сегодняшній разъ специально исторіей русской фабрики, согласно тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаламъ, которыхъ, въ интересахъ моей задачи, г. Туганъ-Барановскій собралъ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи вполне достаточное количество. Нѣтъ сомнѣнія, что экономическое міросозерпаніе автора должно отчасти отразиться и на настоящемъ очеркѣ, хотя бы въ видѣ нѣсколько односторонне

подобраннаго матеріала, но эта бѣда не столь большой руки: я не дѣлаю никакихъ выводовъ по отношенію современности, не пророчеству устами ученаго марксиста и не воспѣваю фабрики, въ качествѣ единой воспитательной и спасительной инстанціи русскаго народа. Моя задача—показать, какія стадіи прошла русская фабрика отъ Петра Великаго до нашихъ дней, и при какой общественной обстановкѣ сформировалась она въ то учрежденіе, которое привлекаетъ къ себѣ нынѣ всеобщее вниманіе и которому суждено во всякомъ случаѣ играть въ современной жизни страны выдающуюся роль. Данныя для этой задачи я почерпаю изъ книги г. Тугана-Барановскаго, дѣлая его отвѣтственнымъ за правильность и истинность содержащихся здѣсь фактовъ. При разсмотрѣніи же нынѣшняго состоянія русской промышленности, я считаю болѣе удобнымъ обратиться къ труду Ст. О. Гулишамбарова «Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи», вышедшему почти одновременно съ книгою «Русская фабрика».

III.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ впервые на Руси дѣлаются попытки со стороны иностранцевъ и нѣкоторыхъ родовитыхъ бояръ къ устройству, при поддержкѣ и при содѣйствіи правительства, фабрикъ и заводовъ; но таковыя попытки носятъ совершенно случайный характеръ, настолько единичны и рѣдки, что настоящая эра русскаго фабрично-заводскаго производства по всей справедливости должна начинать свое лѣтосчисленіе съ эпохи великаго преобразователя. Что же касается торговли, то эта послѣдняя, наоборотъ, поражала иностранцевъ своимъ широкимъ развитіемъ, такъ что, напримѣръ, Кильбургеръ писалъ: «Всѣ жители Москвы, начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю; въ Москвѣ болѣе лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ, или даже цѣломъ иномъ государствѣ... Болѣе всего замѣчательно и похвально въ Москвѣ то, что для каждаго рода товаровъ, отъ самыхъ лучшихъ до худшихъ, есть особыя улицы и рынки»... Поэтому крупные торговцы являлись чрезвычайно вліятельнымъ общественнымъ элементомъ въ эпоху Алексѣя Михайловича и, какъ слѣдъ этого вліянія, остался въ нашей исторіи изданный въ тѣ дни новоторговый уставъ «по челобитію Московскаго государства гостей и гостинныхъ сотенъ и черныхъ слободъ торговыхъ людей», проникнутый насквозь принципомъ свободной торговли. Крупный торговецъ того времени не обнаруживалъ никакой тенденціи преобразиться въ производителя; захвативъ властью капитала торговый рынокъ, онъ предпочиталъ скупать продукты мелкаго производства, причемъ упорно добивался возможно болѣе широкой свободы привоза иностранныхъ товаровъ, въ интересахъ дешевизны товарнаго рынка. Такимъ образомъ, въ Московскомъ государствѣ, несмотря на разви-

тіе торговли, промышленность носила примитивный характеръ и, можетъ быть, сохранила бы его на долгое время, если бы на выручку здѣсь не выступило энергичное и новаторское правительство Петра I.

Великій преобразователь взглянулъ на устройство фабрикъ почти какъ на государственную службу, почему и считалъ долгомъ всяческими мѣрами поощрять и награждать фабрикантовъ, исполнявшихъ, по его мнѣнію, дѣло первостепенной государственной важности. Такого же взгляда держались въ послѣдующее время и его преемники. Петру для его громадныхъ войнъ нужна была регулярная армія, артиллерія и флотъ; зависимость въ этомъ отношеніи отъ иностранной промышленности его стѣсняла, и вотъ онъ рѣшился завести у себя дома всѣ фабрики, мануфактуры и заводы, необходимыя для обмундированія и снабженія войска и флота всѣми необходимыми орудіями и снаряженіями. Промышленное переустройство Россіи по западно-европейскому образцу, такимъ образомъ, пошло объ руку съ переустройствомъ на европейскій ладъ нашего войска.

Фабрики и заводы, особенно нужные государству, къ каковой категоріи относились заводы горные и оружейные, фабрики суконныя, полотняныя и парусныя, устраивались за счетъ самой казны и затѣмъ уже передавались частнымъ лицамъ. Кромѣ того, казна ссужала значительными капиталами безъ процентовъ частныхъ лицъ, рѣшившихся заводить промышленныя заведенія, снабжала послѣднія инструментами и рабочими; изъ-за границы сюда выписывались мастера. Фабриканты, въ видахъ поощренія, награждались особыми привилегіями, переходившими по наслѣдству къ ихъ потомству, въ видѣ освобожденія отъ всякой государственной службы, подсудности особому суду, избавленія отъ податей и внутреннихъ пошлинъ, права безпошлиннаго привоза изъ-за границы нужныхъ имъ инструментовъ и матеріаловъ, освобожденія ихъ жилищъ отъ воинскихъ постояевъ и т. п. При этомъ сбытъ изготовленныхъ ими издѣлій обезпечивался главнымъ образомъ поставками на казну. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда товаръ не требовался для нуждъ государства, сбытъ фабрикатовъ гарантировался высокой таможенной пошлиной, а иногда и прямымъ запрещеніемъ ввоза однородныхъ товаровъ или даже монополіей производства, предоставленной отдѣльнымъ промышленнымъ фирмамъ. Сохраняя и оберегая въ государствѣ принципъ національности, Петръ стремился сдѣлать и фабрики строго-національными учрежденіями. Большая часть возникшихъ въ то время промышленныхъ заведеній находилась дѣйствительно въ рукахъ природныхъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ круга бывшаго крупнаго торговаго сословія, владѣвшихъ достаточными капиталами для промышленныхъ предпріятій. У Петра было мало денегъ, онъ волею-неволею долженъ былъ быть экономенъ и даже скупъ, поэтому и раздача денегъ въ долгъ, безъ процентовъ или совсѣмъ безъ отдачи, была слишкомъ

обременительна для его казны. Въ силу этого и его старанія были направлены къ тому, чтобы новосоздаваемые фабрики были обеспечены естественными солидными капиталами, которые въ московской Руси и сосредоточивались въ рукахъ торговаго сословія. Такимъ образомъ, иностранцамъ и дворянамъ принадлежала ничтожная доля тогдашнихъ фабрикъ; фабрикантовъ изъ разночинцевъ было также немного, и въ преобладающемъ числѣ случаевъ фабрикантами явились старинные московскіе капиталисты-купцы. Былой торговый капиталъ и послужилъ базисомъ, на которомъ основалось крупное производство эпохи Петра.

Но, несмотря на эти, повидимому, благоприятныя для фабрики условія, промышленность, тѣмъ не менѣе, лишена была возможности успѣшно прогрессировать: у фабрикантовъ не было въ распоряженіи свободныхъ рабочихъ рукъ. Въдѣ, вся масса сельскаго населенія была закрѣпощена — одна часть за государствомъ, другая за помѣщиками; городское же населеніе было немногочисленно и слагалось изъ тѣхъ же слагаемыхъ, что и сельское. Поэтому фабричное рабочее сословіе комплектовалось, главнымъ образомъ, изъ общественныхъ отбросовъ страны — изъ бѣглыхъ, бродягъ, нищихъ и даже преступниковъ, на каковыхъ правительство Петра, въ цѣляхъ поддержанія отечественной промышленности, смотрѣло сквозь пальцы и даже нѣкоторымъ образомъ покровительственно. Тѣмъ не менѣе, фабрикамъ было чрезвычайно трудно комплектоваться нужными имъ рабочими, и стало очевидно, что вольнонаемнымъ трудомъ имъ держаться почти невозможно. Этимъ-то и объясняется знаменитый петровскій указъ 1721 года, которымъ «на купецкихъ людей» распространялось право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни «подъ такую кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно». Благодаря именно этому чрезвычайно важному указу, фабрики начала прошлаго столѣтія въ скоромъ времени и перешли отъ свободнаго къ принудительному труду. Выгода этого рода труда, въ коей легко было убѣдиться, и которая быстро обнаружилась, побудила фабрикантовъ домогаться закрѣпощенія и всѣхъ остальныхъ свободныхъ рабочихъ. Это имъ удалось достигнуть въ 1836 г., и такимъ способомъ состоялось окончательное прикрѣпленіе мастеровыхъ къ фабрикамъ; наша фабрика той эпохи приняла характеръ рабочаго дома, въ которомъ порядокъ поддерживался суровой дисциплиной, а «поощреніемъ къ труду служили тяжелыя наказанія», вызывавшія, въ свою очередь, нерѣдко серьезныя волненія и возмущенія, подавлять которыя приходилось при содѣйствіи обширныхъ воинскихъ командъ. Но если закрѣпощеніе рабочихъ сдѣлало возможнымъ самое существованіе тогдашней фабрики, за то принудительный трудъ печально отразился на качествахъ фабрикатовъ: товары отличались низкимъ достоинствомъ и при томъ дороговизною, а промышленная техника въ теченіе всего XVIII вѣка не дѣлала почти никакихъ успѣховъ.

Низкое качество фабрикатовъ, въ связи съ ихъ высокою цѣною, вызывало справедливое раздраженіе купцовъ, у которыхъ, помимо этой причины, накопилось къ тому времени еще немало неудовольствій противъ представителей отечественной промышленности. Привилегіи, данныя послѣднимъ, монополизация ими рынка и стремленія ихъ захватить въ свои руки и всю розничную торговлю собственными предметами производства — вотъ тѣ основныя причины, которыя создали антагонизмъ между купечествомъ и фабрикантами, антагонизмъ, въ которомъ правительство Петра охотнѣе становилось на сторону представителей промышленности, въ видахъ чего издавъ былъ строго-покровительственный и даже запретительный тарифъ. Но съ наступленіемъ послѣ-петровской эпохи въ развитіи нашей промышленности наблюдаются уже новыя вѣянія, и она вступаетъ въ новую фазу существованія.

Эта эпоха, какъ извѣстно, отмѣчена чрезвычайнымъ возростаніемъ политическаго вліянія дворянскаго сословія, и послѣднее, ратуя за неприкосновенность и исключительность своихъ сословныхъ привилегій, своего политическаго главенства, вступило съ фабрикантами въ рѣзкую борьбу. Результатомъ этого былъ рядъ правительственныхъ узаконеній, стѣснившихъ и даже совершенно прекратившихъ владѣніе фабрикъ крѣпостными, а отсюда логическимъ слѣдствіемъ явилось значительное измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса. Въ то время, какъ среди петровскихъ фабрикантовъ дворяне почти отсутствовали, екатериненское время отмѣчено именно заполненіемъ дворянами рядовъ крупныхъ производителей. Переходъ фабрикъ отъ купечества къ дворянству сталъ еще болѣе быстрымъ въ послѣдней четверти XVIII в., съ запрещеніемъ приписки къ фабрикамъ крѣпостныхъ. Послѣднее было именно въ интересахъ дворянскаго сословія, такъ какъ дворянство сохраняло за собою право пользоваться въ фабричныхъ работахъ крѣпостнымъ трудомъ, а купечество, при заведеніи новыхъ фабрикъ, лишалось этого права. Поэтому-то одна изъ важныхъ отраслей фабричной промышленности того времени — суконная, стала къ началу нынѣшняго столѣтія почти исключительнымъ достояніемъ дворянства. Дворянство, въ союзѣ съ торговымъ купечествомъ, усиленно боролось противъ всякихъ привилегій, дарованныхъ въ свое время фабрикантамъ, настояло на смягченіи охранительнаго тарифа и добилось уничтоженія монополій производствъ.

Отсюда, въ свою очередь, родилось поощреніе кустарной промышленности и переводъ фабрикъ отъ принудительнаго къ свободному труду. Дворянскіе интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ—дворянскіе наказы ходатайствовали о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ, дворянскіе же депутаты отстаивали самымъ либеральнымъ образомъ свободу крестьянскаго торга. «Такимъ образомъ,—говоритъ г. Туганъ-Барановскій,—ученіе

фізіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соответствовало интересамъ господствующаго класса».

Освобожденіе нашей промышленности отъ чрезмѣрной правительственной опеки, а также цѣлый рядъ законодательныхъ распоряженій при Екатеринѣ, создали то, что за 34 года ея царствованія число русскихъ фабрикъ и заводовъ болѣе чѣмъ утроилось и достигло солидной цифры—3.161 (при ея вступленіи на престолъ ихъ было всего 984). Въ значительной степени успѣхи фабричной промышленности въ тотъ періодъ объясняются тѣмъ, что къ тому времени у насъ уже успѣлъ образоваться контингентъ обученныхъ фабричныхъ рабочихъ. Первые фабрики явились въ своемъ родѣ техническими школами для русскаго рабочаго; съ теченіемъ времени число обученныхъ рабочихъ, выучившихся мастерству на самой фабрикѣ, возросло, а устройство фабрики стало менѣ затруднительно. Такимъ образомъ, цифра вольнонаемныхъ рабочихъ на русскихъ фабрикахъ быстро росла въ теченіе второй половины XVIII в. и къ началу XIX значительно превзошла цифру несвободныхъ. Наибольшее значеніе въ этомъ процессѣ роста имѣло распространеніе оброчной системы, вмѣсто барщинной, среди помѣщичьихъ крестьянъ и развитіе, благодаря этому, отхода крестьянъ изъ деревни на дальніе заработки, каковыя всего легче обрѣтались именно на фабрикахъ. Оброчные крестьяне явились главнымъ контингентомъ вольнонаемныхъ фабричныхъ рабочихъ, благодаря чему фабрикантъ получилъ возможность доставать рабочія руки безъ покупки крестьянъ и безъ вербовки на фабрику прежняго сброда.

Рядомъ съ ростомъ крупной промышленности, объ руку съ нею, во второй половинѣ XVIII в. идетъ и возростаніе успѣховъ кустарнаго производства. Въ данномъ случаѣ фабрика была тою школою, гдѣ крестьяне приобрѣли техническія познанія, необходимыя для выдѣлки мелкихъ производствъ. Бывшіе фабричные рабочіе, возвращаясь обратно въ деревню, являлись здѣсь пионерами въ дѣлѣ заведенія новыхъ отраслей крестьянскаго производства. Они устраивали собственныя небольшія мастерскія, стараясь приложить къ дѣлу приобретенныя на фабрикѣ познанія; сосѣди быстро перенимали немудрыя приемы производства, а отсюда возникалъ цѣлый новый промыселъ, отъ котораго начинала кормиться пѣлая деревня. Благотворное воздѣйствіе въ данномъ случаѣ фабрики на деревню внѣ сомнѣнія, причемъ вопросъ о какой либо острой конкуренціи между ними въ теченіе XVIII в. совершенно былъ излишенъ. Тогдашняя фабрика выдѣлывала преимущественно товары, поставляемые въ казну или потребляемые высшими классами населенія; кустари же изготовляли грубые предметы потребленія, нужныя лишь для крестьянскаго обихода. По этой причинѣ въ прошломъ столѣтіи фабрика и кустарная изба мирно уживались бокъ-о-бокъ, почти не конкурируя другъ съ другомъ, причемъ фабрика являлась для кустаря настоя-

щей просвѣтительной школой техники. Конецъ XVIII вѣка, такимъ образомъ, отличается развитіемъ промышленности въ обѣ стороны— въ сторону крупной фабрики и завода и въ сторону мелкой кустарной избы.

IV.

Къ началу XIX столѣтія мы видимъ фабрику уже органически сросшеюся съ хозяйственнымъ и социальнымъ строемъ нашего отечества; промышленность становится социальнымъ факторомъ крупной важности. Въ новѣйшей производительности, по сравненію съ предыдущей, замѣчается, однако, существеннѣйшее различіе. Въ XVIII в. развивались преимущественно тѣ отрасли, которыя удовлетворяли спросу государства (суконное, паруснополотняное, писчебумажное, горнозаводское); въ дореформенной же Россіи на первое мѣсто съ поразительной быстротой выступаетъ то именно производство, которое было вполне независимо отъ спроса государства, а именно хлопчатобумажное. Наблюдая его ростъ за 50 лѣтъ до начала шестидесятыхъ годовъ, мы видимъ, что оно увеличилось болѣе чѣмъ въ 16 разъ. Раньше всего развилась завершительная операція хлопчатобумажнаго производства—ситцепечатаніе (ручная набойка), затѣмъ бумажное ткачество и значительно позже бумагопряденье. Основной причиной развитія хлопчатобумажной промышленности, какъ это объясняется и во всѣхъ прочихъ странахъ, было примѣненіе къ пряденью и ткачеству хлопка машинъ, благодаря которымъ бумажныя ткани и сдѣлались самымъ дешевымъ предметомъ одѣянія. Существовавшій въ Россіи покровительственный тарифъ оказалъ этой промышленности важную услугу, и вскорѣ бумажныя ткани вытѣснили полотняныя изъ народнаго употребленія.

Значительно выросло въ то же время и суконное производство, при чемъ развитіе его совершилось не за счетъ потребностей казны, на плечахъ которой оно вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкогда было взрощено. Новыя фабрики работали исключительно для вольной уже продажи, и сумма ихъ производствъ въ 1850 годахъ превышала въ 3—4 раза производство фабрикъ солдатскаго сукна. Отсюда видно, что суконная промышленность, не достигавшая въ первое время государственнаго спроса, въ началѣ XIX в. значительно превышаетъ этотъ спросъ; поэтому суконное производство теряетъ уже свой государственный характеръ, и для него появляется новый потребитель—само народонаселеніе, сравнительно съ которымъ государство отходитъ на второй планъ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что, несмотря на сильный ростъ этой отрасли промышленности, техническій прогрессъ ея былъ очень не великъ, благодаря отсутствію у насъ хорошихъ машинъ и недостатку механическихъ и химическихъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого жалобы на низкое качество отечественнаго сукна слышатся во весь дореформенный періодъ нашей фабрики.

Обращаясь къ обзорѣнію общаго развитія нашей фабричной промышленности въ это время, мы наблюдаемъ здѣсь слѣдующее любопытное явленіе: до 1847 года число фабричныхъ рабочихъ увеличивается, а затѣмъ начинается съ колебаніями опускаться; точно также размѣръ фабрики (среднее число рабочихъ на 1 фабрику) вырастаетъ до 1843 г., затѣмъ слѣдуетъ паденіе. До сороковыхъ годовъ фабричное производство энергично развивалось, а сами фабрики становились крупнѣе; съ конца этого періода ростъ фабричнаго производства приостановился, и фабрики стали раздробляться. Главной причиной этого явленія былъ быстрый ростъ мелкой кустарной промышленности, для которой сороковые годы были въ своемъ родѣ золотымъ вѣкомъ. Кустарь сталъ по всѣмъ пунктамъ бить фабриканта, вслѣдствіе чего число рабочихъ на фабрикахъ значительно сокращается, и сами фабриканты мельчаютъ.

Разсматривая общій ростъ фабрикъ и заводовъ, за исключеніемъ горныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ, мы видимъ, что въ 1815 г., напримѣръ, ихъ было всего 4189, при 172882 рабочихъ и съ 41 рабочимъ на одну фабрику, а въ 1861 г. эти цифры видоизмѣняются уже такъ: 14.148 фабрикъ, 522.500 рабочихъ и по 37 рабочихъ на фабрику. Совершенно особое мѣсто въ промышленной жизни страны занимаетъ въ тѣ годы чугуноплавительное производство. Если сопоставить развитіе этой отрасли съ общимъ ростомъ населенія, то оказывается, что въ теченіе всей первой половины XIX в. Россія не только не шла впередъ въ добычѣ желѣза, но даже регрессировала и черезъ 50 лѣтъ стояла ниже, чѣмъ въ концѣ XVIII столѣтія, несмотря даже на то, что правительство усиленно покровительствовало чугуноплавительному дѣлу, поддерживало его высокимъ тарифомъ и всяческими льготами. Объясненіе такому странному на первый взглядъ явленію слѣдуетъ искать въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, съ которыми была неразрывно связана эта отрасль промышленности. Она была всецѣло основана не принудительномъ трудѣ, такъ какъ за горными заводами были закрѣпощены сотни тысячъ людей. Благодаря этому, въ XVIII вѣкѣ она достигла значительнаго развитія, не уступая въ данномъ отношеніи даже Англіи; но та же причина въ слѣдующемъ столѣтіи уже служила самымъ большимъ тормазомъ ея развитія. Принудительный крѣпостной трудъ на уральскихъ посессионныхъ заводахъ, въ связи съ строгой правительственной регламентаціей этого труда, внесъ сюда удивительную косность и неподвижность: техника не проявляла никакихъ признаковъ прогресса и отсюда неподвижность цѣнъ на желѣзо въ Россіи, въ то время какъ въ Англіи, напримѣръ, за тотъ же періодъ она упала болѣе, чѣмъ на 60⁰/₀.

Такимъ образомъ, общая картина промышленнаго развитія нашего отечества въ первую, дореформенную, половину текущаго столѣтія, какъ ее изображаетъ г. Туганъ-Барановскій, рисуется такъ: «Про-

мышленность рѣшительно перерастаетъ государственный спросъ. Возникаетъ новая отрасль производства—хлопчатобумажная (безъ всякой поддержки правительства, кромѣ таможенного покровительства) и необыкновенно быстро завладѣваетъ внутреннимъ русскимъ рынкомъ, вытѣсняя продукты старинной полотняной промышленности. Въ Западной Европѣ происходитъ глубокое измѣненіе техники производства, и машина замѣняетъ ручной трудъ. Крѣпостной трудъ, несовмѣстимый съ новыми технологическими условіями, становится рѣшительнымъ тормозомъ промышленности. Тѣ отрасли производства, въ которыхъ крѣпостной трудъ продолжаетъ господствовать, перестаютъ развиваться. Европа быстро перегоняетъ насъ въ техническомъ отношеніи; вывозъ обработанныхъ издѣлій въ Россіи абсолютно сокращается, а относительно нисходитъ до совершенно ничтожной величины... Продукты обрабатывающей промышленности составляютъ около 9% общей цѣнности русскаго экспорта въ 1848—1850 г. Крѣпостное право стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на общее экономическое и въ частности промышленное развитіе страны и было отмѣнено».

Какъ же видоизмѣнилась въ дореформенную эпоху фабрика и что представляла она собою, какъ единица хозяйственная и социальная? Въ половинѣ XVIII вѣка силою вещей у насъ создалась крѣпостная фабрика, но по мѣрѣ роста городского населенія, распространенія отхожихъ промысловъ и вытѣсненія барщинной системы оброчной, пользованіе свободнымъ трудомъ на фабрикахъ стало постепенно рости, такъ что къ началу XIX вѣка количество вольнонаемныхъ рабочихъ равнялось приблизительно 48% всѣхъ рабочихъ Группируя фабрики по производствамъ и по числу въ нихъ рабочихъ, а такъ же выдѣляя отсюда вольнонаемныхъ, мы видимъ, что однѣ отрасли цѣликомъ относились къ принудительному труду, а другія къ свободному. Къ числу первыхъ отходятъ суконныя фабрики, писчей бумага, желѣзныя, игольныя и стальныя, т. е. всѣ тѣ, которыя возникли подъ непосредственнымъ влияніемъ государства; къ числу вторыхъ—ситцевыя и бумаготкатцкія фабрики, шелковыя, кожевенныя и канатныя заводы, сливавшіеся въ своихъ задачахъ съ крестьянскою промышленностью и этою послѣднею вызванныя на свѣтъ Божій. Полотняныя фабрики и стеклянные заводы занимали среднее мѣсто, причѣмъ число рабочихъ здѣсь сливалось между категоріями крѣпостныхъ и свободныхъ. Первый разрядъ фабрикъ былъ по величинѣ ихъ самымъ крупнымъ и находился въ рукахъ богатаго купечества и дворянства, второй болѣе мелкій и составлялъ собственность крестьянъ и мелкихъ капиталистовъ. Осюда мы уже можемъ опредѣлить общественные элементы, составлявшіе классъ фабрикантовъ. Онъ комплектовался изъ торговаго сословія и землевладѣльцевъ, то-есть купцовъ и помѣщиковъ; къ нимъ же въ качествѣ энергичнаго предпринимательнаго класса присоединяется еще

третій—выходцы изъ среды крестьянства. Антагонизма и конкуренціи между фабриками дворянскими и крестьянскими совѣтъмъ не замѣчается, такъ какъ обѣ преслѣдовали совершенно различныя экономическія функціи отправления. Нерѣдко даже крестьянскія фабрики учреждались въ помѣщичьихъ селахъ, и самыя промышленныя села, получившія современемъ широкую извѣстность, принадлежали въ свое время дворянамъ. Дворянство Александровской и Николаевской эпохи не сочувствовало монополизаци промышленности въ рукахъ купечества и отстаивало свободу развитія крестьянской промышленности.

И правительство, въ свою очередь, не имѣло никакихъ основаній задерживать развитіе крестьянской производительности, заботясь лишь о своевременномъ налоговомъ обложеніи. Поэтому съ 1812 г. крестьянамъ была дозволена оптовая и розничная торговля, а также содержаніе фабрикъ и заводовъ, но подъ непремѣннымъ обязательствомъ взятія особыхъ свидѣтельствъ, плата за которыя была назначена такая же, какъ и за соотвѣтствующія гильдейскія свидѣтельства купечества. И такія фабрики съ свободнымъ наемнымъ трудомъ въ первую половину XIX вѣка народились въ значительномъ количествѣ, отгѣсняя собою былую крѣпостную фабрику въ даль минувшаго.

Но исчезновеніе крѣпостной фабрики послѣдовало лишь съ наступленіемъ «эпохи великихъ реформъ», до того же времени она, въ видѣ фабрики вотчинной и фабрики посессионной, продолжала пользоваться широкимъ распространеніемъ, причиняя, однако, своимъ существованіемъ немало заботъ, какъ собственникамъ ея, такъ и правительству. Во всякомъ случаѣ съ каждымъ годомъ она становилась воіюющимъ анахронизмомъ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ тормазомъ широкаго развитія отечественной промышленности и главнѣйше—техники этой промышленности.

Вотчинныя фабрики принадлежали исключительно дворянамъ. Обладая привилегіей крѣпостнаго права, *eo ipso* дворянство имѣло и неотъемлемое право употреблять крѣпостныя руки примѣнительно къ выгодному для него промышленному труду. Въ первой четверти XIX вѣка число такихъ фабрикъ было очень велико, такъ что, на примѣръ, въ 1825 г., изъ числа рабочихъ на всѣхъ главнѣйшихъ фабрикахъ, достигавшаго цифры 210.568 человекъ, 66.795 относятся именно къ категоріи помѣщичьихъ. Условія труда и быта этихъ рабочихъ были очень незавидны (въ иныхъ случаяхъ они не получали никакого вознагражденія и были отягчены неимовѣрной работой), поэтому крестьяне очень тяготились фабричной работой и всячески старались отъ нея уклониться. Правительство, не считавшее для себя удобнымъ ограничивать власть помѣщика, совершенно воздерживалось отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ условія работы на вотчинныхъ фабрикахъ, почему здѣсь и царили тѣ

порядки, которые были угодны помѣщику - землевладѣльцу. Иное было юридическое положеніе рабочихъ на такъ называемыхъ посессионныхъ фабрикахъ.

Намъ уже извѣстно, что указомъ Петра I была разрѣшена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы прикупаемые крестьяне уже навсегда состояли при фабрикѣ и заводѣ, къ которымъ были куплены. Кромѣ того, иногда правительство само прикрѣпляло къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, которые и назывались приписными. Категория приписныхъ слагалась изъ слѣдующихъ разнообразныхъ элементовъ: сюда входили — крестьяне казенные, солдаты, бродяги, преступники, нищіе, а также тѣ крестьяне, которые уже, въ моментъ изданія указа, здѣсь работали, а также которые добровольно приписывались къ фабрикѣ. Существеннымъ отличіемъ посессионныхъ фабричныхъ отъ вотчинныхъ было слѣдующее: они были «крѣпки фабрикѣ», а не владѣльцу. Власть надъ ними фабриканта была ограничена, и правительство оставляло за собою право регулировать взаимныя отношенія владѣльца посессионной фабрики къ рабочимъ. Посессионная фабрика признавалась вмѣстѣ со всѣми находящимися при ней рабочими неравдѣльнымъ цѣлымъ; владѣлецъ не имѣлъ права раздробить фабрику, продавать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики или переводить ихъ на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Правительство могло, по своему усмотрѣнію, устанавливать весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ, опредѣлять всѣ отношенія рабочихъ къ владѣльцу. За неисполненіе обязанностей посессионной фабрики его обязанностей, фабрика могла быть отобрана въ казну; точно также и за притѣсненіе рабочихъ, за неправильное употребленіе ихъ труда, фабриканту грозило освобожденіе рабочихъ, равносильное закрытію фабрики и разоренію владѣльца. Съ своей стороны, и фабрикантъ имѣлъ разнообразныя средства понудить рабочихъ къ полному повиновенію; кромѣ домашнихъ наказаній, фабрикантъ могъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сослать непокорнаго рабочаго въ Сибирь, но только съ разрѣшенія правительства. Таково было въ общихъ чертахъ юридическое положеніе посессионныхъ крестьянъ, какъ его опредѣлило законодательство; что же касается взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, какъ ихъ выработала практика, въ этихъ своеобразныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ XVIII вѣкомъ, то тутъ наблюдается удивительное разнообразіе, доходившее до ужасающей путаницы, со всѣми печальными и кровавыми послѣдствіями этой путаницы. Рабочіе упорно признавали себя лично свободными и не соглашались слѣпо повиноваться велѣніямъ хозяевъ; на этой почвѣ разыгрывались тяжелыя и жестокія драмы, эпилогомъ которыхъ были бунты, возстанія и усмиренія при содѣйствіи мѣстныхъ войскъ. Правда, иногда рабочимъ удавалось добиваться улучшенія своего положенія, но въ большин-

ствѣ случаевъ волненія приводили только къ тяжелымъ жертвамъ со стороны рабочихъ, и все оставалось постарому.

Такимъ образомъ, посессионная фабрика, явившаяся на сцену жизни въ качествѣ естественной и необходимой формы крупнаго фабричнаго производства, съ теченіемъ времени, когда свободный трудъ получилъ широкое право гражданства, стала пережиткомъ былого времени, потерявшимъ свой *raison d'être*. Изъ фактора прогресса и промышленнаго развитія она обратилась въ явленіе регрессивное, въ тормазъ развитія. Сознаніе такого печальнаго положенія вещей все глубже и глубже проникало въ общественное мнѣніе, и правительство Николая I въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ принимаетъ рядъ законодательныхъ мѣръ къ постепенной ликвидаціи посессионнаго владѣнія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія законъ 18 іюня 1840 года, по коему полное увольненіе фабричныхъ предоставлялось усмотрѣнію фабриканта, съ вознагражденіемъ его отъ казны по 36 р. съ ревизской увольняемой души, если рабочій былъ приобрѣтенъ покушкой или приписанъ съ уплатой денегъ въ казну; если же рабочіе были приписаны безъ всякой платы, то при освобожденіи ихъ владѣлецъ не вознаграждался никакими деньгами. Увольняемымъ же рабочимъ предоставлялось на выборъ—или приписываться въ городскія сословія или въ государственные крестьяне. Этотъ законъ развязалъ руки обѣимъ сторонамъ—и фабрикантамъ и рабочимъ, такъ что болѣе половины всѣхъ посессионныхъ фабрикъ перешли въ скоромъ времени отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду, по желанію самихъ фабрикантовъ, сознававшихъ въ интересахъ своего дѣла все преимущество принципа свободнаго труда.

Что касается дореформеннаго фабричнаго законодательства и размѣровъ заработной платы того времени, то по настоящему предмету въ книгѣ г. Тугава-Барановскаго мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія. Какъ вполнѣ основательно авторъ доказываетъ, исторія фабричнаго законодательства должна считать своимъ началомъ не 1882 г., принятый во всѣхъ изслѣдованіяхъ, сюда относящихся, а 1845 г., когда по закону 7 августа воспослѣдовало запрещеніе ночной работы на фабрикахъ малолѣтнимъ до 12-ти-лѣтняго возраста. Правда, этотъ законъ имѣлъ лишь принципиальное значеніе, на практикѣ же его дѣйствіе равнялось нулю, но тѣмъ не менѣе для исторіи фабричнаго законодательства онъ чрезвычайно важенъ, и именно отъ него оно должно вести свое лѣтосчисленіе.

Во все царствованіе Николая бытъ нашихъ фабричныхъ, условія ихъ труда дѣлаются предметами неоднократныхъ обсужденій правительственныхъ сферъ, и по настоящему предмету имѣются нѣкоторые чрезвычайно любопытные проекты, перешедшіе въ полной или видоизмѣненной формѣ въ «Положенія», гдѣ дѣлаются серьезныя попытки урегулировать отношенія рабочихъ къ пред-

принимателямъ. Фабричныя рабочіе уже съ тридцатыхъ годовъ начинаютъ озабочивать правительство, которое постепенно проникается мыслью, что эти рабочіе суть элементъ, внушающій опасеніе съ политической точки зрѣнія, откуда уже естественнымъ образомъ возникало предположеніе, что, въ интересахъ общаго спокойствія, увеличеніе числа фабрикъ не должно быть желательнымъ; чего нибудь серьезнаго въ этомъ направленіи, конечно, нельзя было сдѣлать, да ничего и не было сдѣлано, такъ какъ противъ всѣхъ предположеній такого рода выдвигалась энергичная оппозиція со стороны самихъ фабрикантовъ, вліяніе которыхъ было чрезвычайно сильно, даже въ правительственныхъ кругахъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что, хотя наше фабричное законодательство создавалось не совсѣмъ такъ, какъ въ Западной Европѣ (у насъ особенно видную роль играли соображенія политическаго и полицейскаго свойства), но зато въ одномъ отношеніи замѣчается полное сходство — въ упорной оппозиціи сословія фабрикантовъ всякому вмѣшательству со стороны правительства въ фабричныя порядки, оппозиціи, которая у насъ гораздо больше достигала результатовъ, чѣмъ въ Англии, этой классической странѣ господства буржуазіи.

Обращаясь къ вопросу о заработной платѣ, мы видимъ, что въ Николаевскую эпоху она была сравнительно довольно высока. Объясненіе этому слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ быстромъ ростѣ фабричной промышленности, который создалъ огромный спросъ на рабочія руки, съ другой — въ уменьшеніи этихъ рабочихъ рукъ, благодаря, во-первыхъ, закрѣпощенности населенія, а, во-вторыхъ, благодаря широкому развитію кустарной промышленности, дававшей работу крестьянину у себя дома и избавлявшей его отъ необходимости обращаться къ капиталистамъ.

V.

Выше уже было отмѣчено, что кустарные промыслы достигли въ сороковые годы нынѣшняго столѣтія чрезвычайно широкаго развитія и распространенія. Теряя свое происхожденіе въ глубокой дали времени, они, возникнувъ въ большинствѣ случаевъ изъ домашняго производства, уже въ XVII и XVIII вѣкѣ оказываются въ той или иной степени подчиненными торговому капиталу. Потребитель былъ плотной стѣной отгороженъ скупщикомъ отъ производителя-кустаря, поэтому истиннымъ руководителемъ съ теченіемъ времени промышленныхъ народныхъ предпріятій явился не производитель, а купецъ или предприниматель, въ руки котораго должны были попасть продукты.

Далеко не всѣ, однако, промыслы возникли изъ домашняго производства; во множествѣ случаевъ они явились порожденіемъ фабрики, которая, разложившись, выдѣлила изъ себя именно мел-

кія производительныя единицы — кустарныя избы. Это особенно наглядно наблюдается на судьбѣ бумаго-ткацкаго производства. Эволюція этой промышленности имѣла тотъ характеръ, что самостоятельный кустарь въ этой области явился послѣдней ступеню эволюціи фабричнаго рабочаго, освободившагося отъ подчиненія фабриканту. И такова судьба почти всѣхъ родовъ текстильной промышленности—холстяного производства, полотноткачества, шелкоткачества, пеньковаго производства и т. д. Что же касается обработки металловъ, изготовленія желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, то таковыя уже гораздо въ меньшей степени приурочиваются къ фабрикѣ, хотя и здѣсь во многихъ случаяхъ несомнѣнно вліяніе фабрики; то же самое можно сказать про кузнечный промыселъ, про мастерство скорняжное, щеточное, цвѣтильное, шляпное, пуговичное, золотошвейное, бахромное, мебельное и т. д. Во всѣхъ этихъ промышленныхъ явленіяхъ народной жизни кустарная изба вышла изъ крупной мастерской и неминуемо вступила въ конкурентную борьбу съ послѣдней. Эта борьба явилась естественнымъ результатомъ всего тогдашняго промышленнаго дѣла. Населеніе первоначально освоилось на крупной фабрикѣ съ новыми техническими приемами, а такъ какъ послѣдніе были очень не мудрены и не требовали никакихъ особенныхъ приспособленій и затраты крупнаго капитала (ручной ткацкій станокъ, которымъ работали на фабрикѣ, даже станокъ-самолетъ, стоилъ такъ дешево, что былъ доступенъ всякому крестьянину), то вполне понятно, что они легко могли быть перенесены въ избу и тутъ съ неменьшими результатами оказались сильными въ рукахъ населенія. Фабриканты убѣдились въ невыгодности устройства огромныхъ и дорогихъ фабричныхъ зданій, и такимъ образомъ фабрика раздробилась въ домашнюю производительность. Мелкое производство оказалось сильнѣе крупнаго по той причинѣ, что состояніе техники совсѣмъ не требовало крупнаго производства. Обратившись первоначально въ домашнюю промышленность, промыселъ уже отсюда преобразился въ самостоятельное кустарное производство со всѣми вытекающими отсюда отношеніями посредничества и комиссіонерства между потребителемъ и производителемъ, которыя сохранились и до нашихъ дней.

Такъ слагалось дѣло до появленія на сцену механическаго станка и дорого, но быстро и чисто работающей машины. Эта послѣдняя въ значительной степени послужила къ паденію нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ и явилась въ рукахъ капиталистовъ грознымъ орудіемъ усмиренія непокорнаго рабочаго сословія. Но какъ бы ни сложились обстоятельства впоследствии, характернымъ признакомъ Николаевской Россіи былъ расцвѣтъ кустарничества и его удачная конкуренція съ крупной фабрикой. Это кустарничество во многихъ мѣстностяхъ страны послужило къ подъему матеріальнаго благосостоянія населенія, особенно городского и пригороднаго.

Чрезвычайно любопытныя данныя встрѣчаемъ мы въ книгѣ г. Тугана-Барановскаго, касающіяся отношенія общества и литературы къ фабрикамъ въ дореформенную эпоху. Съ наступленіемъ дворянской эры въ русской жизни, въ обществѣ сказалась оппозиція привилегіямъ промышленниковъ и высокому покровительственному тарифу, и въ печати вопросы о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ становятся излюбленными вопросами. Официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ начала нашего столѣтія «Санктпетербургскій журналъ» удѣляетъ съ любовію много мѣста проповѣди Смита; органомъ же фритредеровъ Александровской эпохи былъ еженедѣльный журналъ «Духъ журналовъ», гдѣ помѣщались немало переводовъ изъ сочиненій Свѣя, Бентама, Сисмонди и др. современныхъ западно-европейскихъ писателей. Главный же интересъ его заключался въ оригинальныхъ статьяхъ по экономическимъ вопросамъ и въ горячей полемикѣ съ протекціонистами. Послѣдніе, съ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ и либераломъ, Мордвиновымъ, во главѣ, признавали необходимость для Россіи фабрикъ; фритредеры же утверждали, что Россія страна земледѣльческая, и что фабрики намъ не нужны, при чемъ они проводили мысль объ обязательности занятій земледѣльцевъ въ свободное время «полезными рукодѣліями», т. е. иными словами, крестьянинъ-земледѣлецъ и кустарь, вотъ чѣмъ долженъ быть, по ихъ мнѣнію, въ Россіи промышленный производитель. Интересно, однако, отмѣтить то любопытное явленіе, что фритредерское изданіе «Духъ журналовъ» при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ свободной торговлѣ и даже свободѣ политической, вмѣстѣ съ тѣмъ горячо защищалъ крѣпостное право. «Совпаденіе защиты свободной торговли и крѣпостнаго права отнюдь не было случайнымъ явленіемъ,—утверждаетъ г. Туганъ-Барановскій. И то, и другое вызывалось одной причиной: реальными классовыми интересами. Земельное дворянство, не имѣвшее фабрикъ, должно было относиться враждебно къ запретительной системѣ; отсюда вытекала неблагоприятная оцѣнка фабричной системы вообще и прославленіе выгодъ земледѣлія, противопоставленіе благополучія нашего мужика крѣпостному безземельному пролетарію Западной Европы. Съ другой стороны, тотъ же интересъ дворянина-помѣщика побуждалъ послѣдняго отстаивать крѣпостное право, на которомъ основалось его хозяйство—то самое земледѣліе, которое признавалось въ теоріи удѣломъ Россіи. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ вполне понятныхъ экономичeskихъ интересовъ, складывалась своеобразная общественная теорія, въ которой симпатіи къ западно-европейскимъ идеямъ соединялись съ неменьшею преданностью такимъ національнымъ устоямъ, какъ крѣпостное право и натуральное хозяйство. Единственный родъ фабрикъ, который пользовался неизмѣннымъ сочувствіемъ «Духа журналовъ», это небольшія помѣщичьи фабрики, обрабатывавшія руками крѣпостныхъ продукты собственнаго хозяйства помѣщика. Что касается до круп-

ныхъ капиталистическихъ фабрикъ, то крѣпостники «Духа журналовъ» громили ихъ съ большою энергіей, при помощи аргументовъ, заимствуемыхъ у западно-европейскихъ критиковъ капиталистическаго строя... Такимъ образомъ, по условіямъ русской жизни, фритредеры, которые на Западѣ были идеологами капитализма и буржуазіи, у насъ, напротивъ, явились идеологами земельного дворянства и защитниками крѣпостнаго права. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. И въ Америкѣ, въ эпоху междоусобной войны, рабовладѣльческой югъ былъ твердыней свободы торговли. Но и сторонники запретительной системы, защитники фабрикъ, какъ, напримеръ, Мордвиновъ, точно также относились къ крѣпостному праву довольно примирительно. Дѣло въ томъ, что въ это время какъ земельное, такъ и промышленное дворянство одинаково было заинтересовано въ сохраненіи этого социальнаго института. Очень многія дворянскія фабрики основывались на крѣпостномъ трудѣ; но если даже работа производилась въ нихъ и по вольному найму, то оброчная система всегда давала помѣщику возможность выгодно утализировать своихъ крѣпостныхъ... По этой причинѣ, какъ противники, такъ и защитники фабрики, изъ дворянской среды, одинаково дружелюбно относились къ крѣпостному праву, основѣ своего хозяйственнаго благополучія».

Фритредерская агитація, которая велась чрезвычайно дружно и энергично, увѣщачала кратковременнымъ успѣхомъ: въ 1819 году былъ изданъ либеральный тарифъ (первый, умѣренный былъ изданъ въ 1816 году), устранившій совершенно запретительныя статьи и сильно понизившій пошлины на товары. Успѣхъ этотъ, однако, былъ недолгъ, и уже, въ 1822 г., по усиленнымъ проискамъ въ особенности суконныхъ фабрикантовъ, Россія вернулась къ прежней запретительной системѣ. Таковы были отличительные признаки общественнаго настроенія Александровской эпохи; нѣчто иное, видоизмѣненное, встрѣчаемъ мы въ періодъ послѣдующій, Николаевскій.

Николаевская эпоха отмѣчена, какъ уже сказано было выше, разложеніемъ старинной фабрики и превращеніемъ въ фабричную контору. Подъ вліяніемъ этого, идеологія эпохи, признавая пользу развитія промышленности, преимущественно имѣла въ виду мелкую, сельскую промышленность. Къ этому времени относится появленіе въ печати экономической теоріи славянофиловъ, впервые громко высказанной на страницахъ «Москвитянина» за 1845 г., подъ редакціей И. Кирѣевскаго. Согласно этой теоріи, и фабричная и кустарная промышленность могутъ существовать рядомъ; но фабрика должна оказывать морализующее вліяніе на рабочаго и лишь въ этомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія. Кустарное производство является наиболѣе желательной формою промышленности, причемъ отношенія фабриканта къ рабочимъ должны быть равнозначащи отношеніямъ отца къ дѣтямъ.

Славянофилы, предпочитая кустарную промышленность крупно-капиталистической, въ то же время чрезвычайно идеализировали эту самую фабрику и нашъ старинный капиталистическій классъ купечества. Объясненіе этому авторъ «Русской фабрики» находитъ въ томъ, что «въ Москвѣ, которая въ это время уже превратилась въ центръ фабричной промышленности въ Россіи, нельзя было при-держиваться архаическаго представленія Александровской эпохи о Россіи, какъ странѣ исключительно капиталистической. Промышлен-ные и купеческіе интересы были слишкомъ сильны въ этомъ городѣ, и потому коренные москвичи, идеализировавшіе нашъ національный хозяйственный строй, не могли относиться совершенно отрицательно къ фабрикѣ. Мужичекъ, работающій нехитрыя издѣлія у себя въ избѣ, былъ гораздо ближе ихъ сердцу, чѣмъ буйный фабричный рабочій; но вѣдь, кромѣ фабричнаго рабочаго, есть еще и фабри-кантъ, сохранившій въ николаевскую эпоху многія черты «истинно-русскаго человѣка». Къ этимъ фабрикантамъ славянофилы чувство-вали инстинктивную симпатію, и потому къ фабрикѣ они относи-лись безъ того критическаго осужденія, которое отличало защит-никовъ интересовъ земельного дворянства въ Александровскую эпоху».

Рядомъ съ идеализаціей сословія фабрикантовъ славянофилы относились сочувственно и къ покровительственной системѣ и за-претительному тарифу 1822 г. Возрѣнія и симпатіи московскихъ славянофиловъ въ этихъ направленіяхъ вполнѣ раздѣлялись и пе-тербургской «Библиотекой для Чтенія».

Совсѣмъ иное отношеніе было къ фабрикѣ западниковъ той эпохи. Не увлекаясь, подобно славянофиламъ ни общиной, ни арте-лями, западники относились съ полнымъ сочувствіемъ къ развитію фабричной промышленности въ Россіи, такъ что Огаревъ мечталъ даже объ учрежденіи во всѣхъ своихъ имѣніяхъ фабрикъ, основан-ныхъ на вольномъ трудѣ, которыя давали бы крестьянину возмож-ность находить всегда готовый заработокъ.

Крупную роль въ исторіи нашихъ общественныхъ настроеній сы-грала книга извѣстнаго прусскаго сановника Гакстгаузена «*Studien ueber die innern Zustände Russlands*», изучавшаго Россію въ теченіе года, съ разрѣшенія нашего правительства. Результаты его наблюде-ній, составившіе означенную книгу, были напечатаны, по распоряже-нію Николая Павловича, за счетъ русскаго правительства и, какъ это ни странно, послужили, по указаніямъ г. Тугана, канвой для полити-ко-экономическихъ разсужденій Герцена и Чернышевскаго. Западно-европейскій консерваторъ нашель въ русской общинѣ и русской ар-тели панацею отъ социальныхъ бѣдъ, угрожавшихъ Западной Европѣ; національная русская фабрика (посессионная), основанная на прину-дительному трудѣ, вызвала его особенный восторгъ, и онъ поэтому ухитрился даже отнести съ сочувствіемъ къ крѣпостному праву

какъ къ патриархальному національному институту. Всѣ воззрѣнія Гакстаузена, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, были очень послѣдовательны и складывались въ стройную систему. «Идеализаторъ русской общины ясно понималъ, что проникновеніе западно-европейскихъ хозяйственныхъ формъ и западно-европейскаго просвѣщенія несомнѣнимо съ сохраненіемъ любезныхъ ему особенностей русскаго соціального строя, и потому даже энергичнѣе славянофиловъ отстаивалъ самобытность Россіи и возставалъ противъ какихъ бы то ни было заимствованій съ запада».

Обращаясь къ отношеніямъ правительства Николая I къ фабричному вопросу, мы видимъ, что извѣстный министръ финансовъ, Канкринъ, не сочувствовалъ фабрикѣ главнымъ образомъ по соображеніямъ моральнаго свойства; онъ утверждалъ, что, благодаря фабрикѣ и машинѣ, «слабые и убогіе по большей части дѣлаются жертвами сильныхъ и богатыхъ», что машины «дѣлаютъ невѣрнымъ существованіе трудящагося класса и часто повергаютъ его въ бѣдствіе». Преимущество русскаго фабричнаго передъ западно-европейскимъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ фабричнаго пролетаріата, склоннаго ко всякаго рода «смятеніямъ». Такъ какъ капитализмъ естественно влечетъ за собою пролетаріатъ, то Канкринъ и не могъ сочувствовать крупной капиталистической промышленности. Взгляды Канкринъ исполнилъ раздѣлялись и другимъ вліятельнымъ министромъ, графомъ Киселевымъ.

Такимъ образомъ, бюрократія Николаевской эпохи признавала фабрику опаснымъ продуктомъ съ политической точки зрѣнія. Для этой бюрократіи деревенскій кустарь былъ гораздо болѣе симпатиченъ, чѣмъ «развращенный» фабричный пролетарій. Только связь фабричнаго съ деревней вѣсколько смягчала отвращеніе бюрократіи, съ которымъ соединялись представленія о «смятеніяхъ» и буйствѣ. Поэтому господствовавшая въ официальныхъ сферахъ доктрина отнюдь не благопріятствовала крупнымъ фабрикамъ и относилась съ полнымъ сочувствіемъ къ кустарному или, иначе, «народному» производству. Но и это сочувствіе кустарю, и эта антипатія къ крупной фабрикѣ были лишь сильны на словахъ. Въ самомъ же дѣлѣ для поддержки кустарнаго производства ничего не предпринималось, ему лишь не препятствовали свободно развиваться; запретительный же тарифъ, прямая денежная помощь фабрикантамъ и заводчикамъ изъ государственнаго казначейства, устройство дорогихъ мануфактуръ (Александровская)—все это, несмотря на теоретическую антипатію, шло непосредственно на пользу фабрикантовъ. Такое несоотвѣтствіе слова и дѣла объясняется г. Туганъ-Барановскимъ тѣмъ, что «въ Николаевскую эпоху крѣпостная Россія начинаетъ перестраиваться на капиталистическій ладъ, соотвѣтственно этому усиливается вліяніе капиталистическаго класса, и выраженіемъ этого общественнаго процесса являлась вся промышленная политика

правительства Николая I». Это-то обстоятельство, по мнѣнію автора, и оправдываетъ положеніе, что «реальная политика диктуется не моральными соображеніями и симпатіями тѣхъ или иныхъ правящихъ лицъ, а реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ».

VI.

Хотя ликвидація вотчинной фабрики началась задолго до великой реформы 19-го февраля, однако полное уничтоженіе крѣпостного права неминуемо должно было вызвать временный кризисъ въ нашей фабричной промышленности, при чемъ болѣе всего пострадали тѣ отрасли производствъ, которыя цѣликомъ основывались на принудительномъ трудѣ: чугуноплавительное, горное, суконное. На другія отрасли промышленности освобожденіе крестьянъ повліяло слабѣе, такъ какъ въ нихъ въ меньшей степени примѣнялся крѣпостной трудъ. Кризисъ хлопчатобумажнаго производства первой половины шестидесятыхъ годовъ былъ вызванъ не великой реформой, а огромнымъ сокращеніемъ подвоза хлопка, благодаря американской междоусобной войнѣ. И въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, хлопокъ и бумажная пряжа неимоверно возросли въ цѣнѣ, а цѣна тканей поднялась значительно меньше. Но этотъ кризисъ былъ временный и случайный; по минованіи его хлопчатобумажная промышленность снова значительно возросла, какъ равно возросли въ текущую четверть столѣтія и всѣ прочія русскія производства.

Мы уже видѣли, что на преніяхъ 21-го февраля въ вольно-экономическомъ обществѣ данныя г. Тугана-Барановскаго, относящіяся къ современной дѣйствительности, во многихъ частяхъ его реферата потерпѣли крушеніе, были опровергнуты и не оправдались выставленными его оппонентами контръ-данными. Это обстоятельство побуждаетъ и меня въ настоящей части моего очерка отнестись съ осторожностью къ новѣйшимъ фактическимъ свѣдѣніямъ автора «Русской фабрики» и для выясненія современнаго состоянія отечественной промышленности обратиться къ другому болѣе спокойному и объективному источнику — обширному труду извѣстнаго въ нашей литературѣ экономиста, инженера С. О. Гулишамбарова «Всемирная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи». Авторъ послѣдней книги не преслѣдовалъ никакихъ полемическихъ и узко-тенденціозныхъ цѣлей, въ намѣреніи защитить какое нибудь апріорное положеніе и подтвердить излюбленную теорію. Онъ спокойно изложилъ фактическую сторону промышленнаго роста нашего отечества, причемъ пользовался исключительно строго-официальными источниками министерства финансовъ.

Г. Гулишамбаровъ свидѣтельствуетъ, что вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ послѣдовало и освобожденіе наиболѣе значитель-

ныхъ отраслей тогдашней промышленности отъ откуповъ. Замѣна послѣднихъ акціонной системой дала возможность частной инициативѣ шире проявить свою самодѣятельность, и разнообразныя заводы стали возникать повсемѣстно въ Россіи, чему въ значительной степени содѣйствовало появленіе въ обращеніи свободныхъ капиталовъ, полученныхъ помѣщиками за отошедшихъ отъ нихъ крестьянъ. Одновременно съ этимъ началась и постройка желѣзныхъ дорогъ, потребовались новыя силы и новыя капиталы для предпріятій, прямо или косвенно связанныхъ съ торгово-промышленною дѣятельностью и сооруженіемъ рельсовыхъ путей. Прежде капиталы помѣщались въ фондахъ или лежали безъ употребленія, теперь же они пошли въ обращеніе и прежде всего обогатили собою промышленныя предпріятія. Появилось множество новыхъ фабрикъ и заводовъ, открылись банки для содѣйствія услугамъ промышленности и сельскаго хозяйства, появились биржи, регулирующія куплю-продажу, и производительныя силы отдаленныхъ окраинъ Россіи пришли въ ближайшее общеніе между собою. Повсюду началась живая и плодотворная дѣятельность, которая свободно развивалась подѣ сѣнью миролюбивой политики освободительнаго царствованія. Новизна дѣла и выгодность первыхъ предпріятій увлекла, однако, многихъ не въ мѣру, и очень скоро оказалось, что фабрикъ и заводовъ настроено гораздо больше, чѣмъ ихъ требовали дѣйствительныя нужды страны. Многие понесли убытки, и уже въ концѣ 1860 годовъ увлеченіе фабрикою стало смѣняться разочарованіемъ. Это было, по указанію г. Гулишамбарова, первый кризисъ, который пришлось пережить послѣреформенной промышленности, не оказавшій, однако, особенно вреднаго вліянія на дальнѣйшее преуспѣяніе страны.

Восточная война семидесятыхъ годовъ, по счастью, не имѣла для нашего отечества столь печальныхъ результатовъ, какъ крымская; на этотъ разъ Россія вышла полной побѣдительницей и между прочимъ приобрѣла на Черномъ морѣ превосходный никогда не замерзающій Багумскій портъ. По заключеніи мира, вновь начинается у насъ дома оживленная дѣятельность промышленнаго развитія, которая благополучно и правильно продолжается и въ наши дни, безъ рѣзкихъ уклоненій въ ту или другую сторону. Эксплоатація производительныхъ силъ страны постепенно разнообразится и расширяется, и это расширеніе съ особенною наглядностью можетъ быть между прочимъ характеризовано увеличеніемъ нашихъ обыкновенныхъ доходовъ, которые возросли съ 64,9 милл. рублей серебромъ въ 1801 году до 1.368,7 милл. рублей серебромъ въ 1896 году.

Быстрому росту отечественныхъ производительныхъ силъ въ значительной степени содѣйствовала наша таможенно-тарифная политика. Со второй половины 1850-хъ годовъ нашъ тарифъ принимаетъ характеръ умѣренно-покровительственный, и въ правящихъ

сферах беретъ верхъ настроеніе фритредерское. Результатомъ этого настроенія явился тарифъ 1868 года, который и продержался около десяти лѣтъ. Съ семидесятыхъ годовъ начинается переходъ къ покровительственной системѣ, и первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было введеніе въ 1877 году взиманія пошлинъ золотомъ. Съ этого времени постоянно и систематически нашъ таможенный тарифъ придерживается умѣренно-охранительной и отчасти покровительственной системы, которая съ большою полнотою выразилась при общемъ пересмотрѣ его въ 1890 году. Въ тарифѣ 1891 года систематизированы и урегулированы частичныя постановленія предыдущихъ лѣтъ; ввозимое сырье обложено сравнительно высокой пошлиной, чтобы вызвать добычу такового внутри имперіи. Отпускъ взять подъ особое покровительство, и вывозныя пошлины сохраняются лишь на весьма немногіе товары, не имѣющіе большого значенія въ торговлѣ.

Разсматривая исключительно обрабатывающую промышленность съ точки зрѣнія ея роста по нѣкоторымъ годамъ, мы получимъ слѣдующую многозначащую картину:

	1801.	1825.	1850.	1865.	1888.	1893.
число фабрикъ . . .	2.423	5.261	9.843	23.050	21.663	22.483
число рабочихъ (въ тысячахъ).	95	202	518	459	842	1.407
производительность фабрикъ, милл. р.	25	46,5	166,9	397,4	1.209	1.759,3
средняя производи- тельность рабоча- го, рублей	263	236	322	866	1.436	1.250
средняя производи- тельность фабрикъ въ тысяч. рубляхъ	10,3	8,8	16,9	17	55,8	78,2

Данныя этой таблицы приводятъ г. Гулишамбарова къ выводу, который всѣми силами старается утвердить въ своей книгѣ и г. Туганъ-Барановскій, о сильномъ ростѣ нашего капиталистическаго производства. Правда, писатель, у котораго я почерпнулъ цифровой матеріалъ, не спѣшить отъ этого обстоятельства перейти къ пророчеству о грядущихъ судьбахъ Россіи, но во всякомъ случаѣ онъ съ увѣренностью констатируетъ побѣду капиталистическаго производства надъ мелкимъ. Но лица, не менѣе компетентныя, чѣмъ оба названныхъ писателя, каковыми по всей справедливости могутъ считаться гг. Касперовъ, Щепотьевъ и Воронцовъ (В. В.), утверждаютъ, что этотъ выводъ слишкомъ скороспѣлый, такъ какъ современный капитализмъ — преимущественно «казенный», искусственно созданный правительствомъ, въ видахъ, главнымъ образомъ, поддержанія металлургическаго производства. Высокія пошлины на ввозный чугунъ и лихорадочное желѣзнодорожное строительство

послѣднихъ лѣтъ—вотъ тѣ основныя причины, тѣ крупныя слабаемыя, которыя совершенно неестественно вздувають результаты нашей обрабатывающей промышленности. Съ окончаніемъ постройки желѣзныхъ дорогъ, рядъ металлическихъ заводовъ, питающихся нынѣ исключительно этой постройкой, обречены будутъ на жалкое прозябаніе и даже совершенно закроются. По вычисленіямъ г. Щепотьева, удовольствіе пользоваться фабрикатами этихъ заводовъ обошлось уже странѣ въ 100 милліоновъ рублей, уплаченныхъ русскимъ заводчикамъ, сверхъ обычной прибыли ихъ иностранныхъ собратій.

Такимъ образомъ, при убѣдительности доводовъ въ пользу и противъ роста нашего капиталистическаго строя, всего лучше оставить этотъ вопросъ пока открытымъ. Можетъ быть, дѣйствительно съ пониженіемъ пошлины на чугуны, съ окончаніемъ лихорадочной постройки желѣзныхъ дорогъ, а главнымъ образомъ съ опубликованіемъ результатовъ послѣдней переписи, факты получатъ нѣкоторую иную перестройку, выяснятся съ большею очевидностью, и тогда лишь возможно будетъ прійти къ какимъ нибудь болѣе опредѣленнымъ результатамъ въ этомъ жгучемъ и спорномъ вопросѣ.

Обращаясь къ болѣе детальному разсмотрѣнію роста нашей промышленности, мы видимъ, что по послѣднему 1893 отчетному году о фабрикахъ и заводахъ общая производительность ихъ опредѣляется въ 1,759 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ главнѣйшими предметами производства служатъ: пряжа бумажная на 135,3 милліона рублей, шерстяная на 34,7, издѣлія бумажныя на 157,8, шерстяныя на 77,8, красильные и набивные фабрикаты на 118, бумага писчая и картонъ на 20,7, лѣсъ пиленный на 25,3, химическіе продукты на 21,2, кожи на 32,6, желѣзо на 58,6, сталь на 14,4, стальные издѣлія на 30,9, машины на 66, проволочныя издѣлія на 16, разныя металлическія издѣлія на 23, мѣдь и издѣлія изъ нея на 25,6, нефтяные продукты на 16,3, муки на 146,8, масла растительныя на 22,2, сахара на 193, спиртъ на 42, водка на 27,8, пиво на 24, табакъ на 33,4, резиновыя издѣлія на 17 милл. рублей.

Къ этимъ свѣдѣніямъ не лишне будетъ прибавить, что за послѣднее время замѣчается видимое перемѣщеніе центра тяжести хозяйства въ нашемъ отечествѣ. Сѣверный и центральный районъ далеко отстаютъ въ своемъ развитіи отъ юга, который, главнымъ образомъ, благодаря металлургической горячкѣ быстро выдвинулся въ промышленномъ отношеніи на первый планъ, вслѣдствіе чего и цѣнность земли здѣсь возросла поддесятинно до невѣроятныхъ размѣровъ.

VII.

Выше было отмѣчено, что исторія фабричнаго законодательства беретъ свое начало въ серединѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтїя, но то, что было сдѣлано тогда, оставалось мертвою буквою и сводилось на практикѣ къ нулю. Поэтому серьезно говорить о фабричныхъ законахъ приходится лишь съ знаменательной эпохи шестидесятихъ годовъ.

Уже съ 1859 года въ канцеляріяхъ различныхъ вѣдомствъ начинаютъ усиленно разрабатывать вопросъ о средствѣ недопущенія къ фабричной работѣ дѣтей и ограниченія рабочаго дня несовершеннолѣтнихъ. По этому вопросу коммиссія при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ выработала особый проектъ, участіе въ которомъ приняли впервые представители петербургскаго фабрикантскаго класса. Этотъ интересный фактъ въ послѣдующей исторіи фабричнаго законодательства встрѣчается неоднократно, причемъ здѣсь наблюдается любопытное явленіе: часто крупные петербургскіе фабриканты поддерживаютъ многія мѣры законодательной охраны рабочихъ, въ то время какъ московскіе и провинціальныя фабриканты имъ энергично противодѣйствуютъ. Эта борьба нашей сѣверной столицы съ провинціей и первопрестольной Москвою встрѣчается на протяженіи изслѣдованія г. Тугана-Барановскаго нѣсколько разъ и, по его толкованію, имѣетъ слѣдующій *raison d'être*: различіе заработной платы вотъ то основаніе, на которомъ зиждется кажущійся либерализмъ петербургскихъ фабрикантовъ. Заработная плата въ петербургскомъ районѣ значительно выше, чѣмъ въ московскомъ—примѣрно на $\frac{1}{2}$ и даже болѣе. Центральный промышленный районъ населенъ настолько густо, что значительная часть его населенія уходитъ въ отхожіе заработки въ другія губерніи. Московскія и владимірскія фабрики никогда не страдаютъ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Напротивъ, факты дальняго отхода изъ Ярославской, Костромской, Тверской и другихъ центральныхъ губерній доказываютъ, что мѣстные заработки не удовлетворяютъ спросу на нихъ населенія. Петербургскій же районъ расположенъ на слабонаселенной окраинѣ, почему и значительная часть его рабочаго населенія пришлые крестьяне, для привлеченія которыхъ Петербургъ и долженъ устанавливать большую плату, чѣмъ та, которую они получаютъ у себя на мѣстѣ. Кроме того, петербургскія фабрики лучше оборудованы въ техническомъ отношеніи, а чѣмъ совершеннѣе техника, тѣмъ важнѣе производительность работы. Мало продуктивная ночная работа, выгодная въ Москвѣ, при низкой платѣ, невыгодна въ Петербургѣ. Поэтому здѣсь преобладаетъ дневная работа, на московскихъ же фабрикахъ—круглыя сутки. Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ выгоднѣе замѣна рабочаго машиной, поэтому при совершен-

ствѣ послѣдней въ сѣверномъ районѣ не представляется нужды въ ночной работѣ малолѣтнихъ; въ московскомъ же районѣ замѣна человѣческихъ рукъ машинами вслѣдствіе дешевизны труда въ центральныхъ губерніяхъ можетъ грозить большими убытками. «Если далѣе мы примемъ въ расчетъ конкуренцію петербургскихъ и московскихъ фабрикъ, говоритъ г. Туганъ-Барановскій, то намъ будетъ понятно, почему петербургскіе фабриканты нерѣдко прямо настаивали на ограниченіи законодательнымъ путемъ продолжительности рабочаго времени. Московскія фабрики, непрерывно работающія круглыя сутки, пользующіяся крайне дешевымъ трудомъ, подрываютъ производство петербургскихъ фабрикъ, съ болѣе короткимъ рабочимъ днемъ и болѣе высокою заработной платой. Законодательное сведеніе московскаго рабочаго дня до уровня петербургскаго весьма существенно улучшитъ условія конкуренціи Петербурга съ Москвой, и потому Петербургъ выступаетъ съ гуманными проектами охраны рабочаго, а Москва упорно противится таковымъ проектамъ». Петербургскіе представители крупной промышленности шли въ своихъ либеральныхъ планахъ и предложеніяхъ подчасъ даже далѣе тѣхъ проектовъ и предположеній, которые возникали въ нѣдрахъ правительственныхъ органовъ. Проекты же эти во весь реформаторскій періодъ русской жизни, а еще болѣе въ пореформенный (съ начала 1880-хъ годовъ) возникали въ значительномъ количествѣ и все обстоятельнѣе и энергичнѣе обнимали собою социальныя и экономическія условія работы на фабрикахъ. Какъ я уже отмѣтилъ выше, первая комиссія по фабричному вопросу была собрана въ 1859 году при петербургскомъ генераль-губернаторѣ, которая и выработала по настоящему предмету обстоятельный проектъ, въ основаніе котораго между прочимъ легла и мысль о фабричномъ инспекторатѣ, какъ инстанціи, контролирующей порядки на фабрикахъ. Начала, выработанныя этой комиссіей, были предложены обсужденію и провінціальныхъ фабрикантовъ, причѣмъ встрѣтили среди нихъ сильнѣйшую оппозицію.

Проектъ комиссіи 1859 г. былъ въ томъ же году положенъ въ основу работъ другой комиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Штакельберга. Комиссія эта выработала проектъ новаго промышленнаго устава, при чемъ проектировала очень широкія реформы, между прочимъ уничтоженіе цеховъ, ограниченіе работы малолѣтнихъ, правительственный инспекторатъ, промышленный судъ, въ составъ котораго входили бы по избранію въ равномъ числѣ представители капитала и представители труда, надзоръ не только за крупными фабриками, но и за кустарными избами, на которыхъ эксплуатація труда имѣетъ наиболѣе тяжкія формы для рабочихъ. Такимъ образомъ, проектъ выдвинулъ на очередь такія серьезныя стороны жизни, которыя и потомъ еще не получили въ нашемъ законодательствѣ своего разрѣшенія. Судьба этого про-

екта, однако, оказалась печальною. Московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта употребило всѣ силы, чтобъ его провалить, и онъ былъ положенъ подъ сукно, хотя нѣкоторыя частности его и прошли современнымъ въ законодательство; вообще вся работа комиссіи не прошла безслѣдно, бросивъ въ общество не мало живыхъ и прекрасныхъ мыслей.

Исторія семидесятыхъ годовъ обнаруживаетъ рядъ попытокъ административныхъ сферъ осуществить мысль объ ограниченіи времени работы несовершеннолѣтнихъ, но всѣ эти попытки разбивались о сопротивленіе фабрикантовъ. Въ разработкѣ этого вопроса приняло особенно дѣятельное участіе императорское русское техническое общество, которое, благодаря энергіи извѣстнаго покойнаго нынѣ дѣятеля по народному образованію, Е. Андреева, сумѣло собрать громадный матеріалъ по настоящему предмету и дать вопросу его истинное освѣщеніе. Собранный техническимъ обществомъ матеріалъ былъ переданъ для разсмотрѣнія особой комиссіи изъ членовъ общества, нѣкоторыхъ административныхъ лицъ и фабрикантовъ, которая и выработала первый настоящей проектъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ. По инициативѣ того же г. Андреева, была въ томъ же направленіи принята и резолюція съѣзда машиностроителей въ 1875 г.; въ томъ же смыслѣ состоялись и представленія земства. Но только въ 1882 г., въ министерство Н. Х. Бунге, черезъ 23 года послѣ перваго возбужденія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ вопроса о регулированіи фабричнаго труда малолѣтнихъ, былъ изданъ законъ, запрещавшій на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ работу дѣтей до 12 лѣтъ отъ роду; работа малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ была ограничена 8 часами въ сутки; ночная работа малолѣтнихъ запрещена, какъ точно и работа въ воскресенье и праздничные дни. На владѣльцевъ заведеній возлагалась обязанность предоставить возможность малолѣтнимъ рабочимъ, не кончившимъ курса въ низшихъ народныхъ школахъ, поступать въ таковыя, а для надзора за исполненіемъ закона былъ назначенъ особый правительственный инспекторъ. «Законъ 1882 г.,—говоритъ г. Туганъ-Барановскій,—имѣлъ огромное принципиальное значеніе. Несмотря на противодѣйствіе московскихъ фабрикантовъ, правительство сдѣлало первый шагъ въ области огражденія интересовъ рабочихъ; фабричный инспекторъ—это новая фигура на фабрикѣ, долженъ былъ внести новыя начала въ отношенія хозяевъ къ рабочимъ».

За закономъ 1882 г. послѣдоваль рядъ другихъ. 12 іюня 1884 г. былъ изданъ законъ о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, о продолжительности ихъ работы и о фабричной инспекціи; въ этомъ же году были составлены правила о производствахъ, въ которыхъ допускается ночная работа дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, а также правила о производствахъ, въ которыхъ работа малолѣтнихъ до 15-ти лѣтняго возраста безусловно

воспрещается. Въ 1884 г. была обнародована инструкція чинамъ фабричной инспекціи и правила относительно исполненія постановленій закона владѣльцами промышленныхъ заведеній. Въ 1885 г. вышелъ весьма важный законъ, воспрещающій для женщинъ и подростковъ, не достигшихъ 17-ти-лѣтняго возраста, ночную работу на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ (въ видѣ опыта на 3 года). Наконецъ, 3 іюня 1886 г. былъ обнародованъ законъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы, а съ 1 октября того же года вошли въ дѣйствіе особыя правила о надзорѣ за фабричными заведеніями и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ.

Такимъ образомъ очевидно, что результаты энергичной законодательной работы были очень велики: отношенія хозяевъ и рабочихъ подверглись весьма тщательной регламентаціи, надзоръ фабричной инспекціи сдѣланъ болѣе дѣйствительнымъ, ночная работа женщинъ и дѣтей въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности уничтожена. Въ значительной степени достигнута этихъ результатовъ и сломать здѣсь сопротивленіе фабрикантовъ удалось, благодаря постигнутому, какъ наше отечество, такъ и другія страны, промышленному застою, вызванному сокращеніемъ работъ на фабрикахъ и даже закрытіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Особенно важное значеніе для всего фабричнаго строя имѣлъ законъ 3 іюня 1886 г., который кореннымъ образомъ измѣнилъ условія найма рабочихъ и самое положеніе рабочаго на фабрикѣ, совершенно уничтожилъ прежнюю неограниченную «свободу труда» и сдѣлалъ фабричнаго инспектора весьма вліятельнымъ. Наболѣе существенныя постановленія этого закона были слѣдующія: онъ строго опредѣлилъ порядокъ и условія найма рабочихъ, а также и расторженія рабочаго договора. Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного или двухъ разъ въ мѣсяцъ (смотря по условіямъ договора); раслата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, хлѣбомъ, товарами и иными предметами воспрещается; при производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ; завѣдующему фабрикою воспрещается взымать съ рабочихъ проценты за деньги, выданныя имъ въ ссуду; запрещается взымать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ и пользование орудіями производства; договоръ о наймѣ можетъ быть расторгнутъ завѣдывающимъ фабрикой въ случаѣ дерзости или дурного поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу фабричнаго управления; рабочему предоставляется требовать расторженія договора въ случаѣ неполученія платы, побоевъ, тяжкихъ оскорбленій, нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ, а также вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на его здоровье. Вмѣстѣ

съ тѣмъ законъ 1886 г., будучи вызванъ рабочими волненіями, значительно усиливаетъ уголовную репрессію за таковыя.

Главной отличительной чертой новаго фабричнаго строя явилось то, что подъ вліяніемъ ряда законодательныхъ мѣръ прежняя свобода капиталистической эксплуатаціи смѣнилась тщательной и детальной регламентаціей взаимныхъ отношеній фабриканта и рабочаго. Понятно, что новый *modus* фабричнаго *vivendo* не могъ пользоваться сочувствіемъ промышленнаго сословія, и оно пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ для агитаціи противъ закона. Въ этой агитаціи приняла самое дѣятельное участіе московская консервативная печать съ «Московскими Вѣдомостями» и «Русскимъ Вѣстникомъ» во главѣ, обвиняя министра въ увлеченіяхъ «тлетворными западноевропейскими доктринами» и настаивая на необходимости его смѣны человекомъ, практически освѣдомленнымъ съ условіями русской жизни. Послѣдовавшая дѣйствительно вскорѣ отставка Н. Х. Бунге и назначеніе на постъ министра финансовъ И. В. Вышнеградскаго оживили нѣсколько приниженный духъ фабрикантовъ и окрылили ихъ надеждами на возвращеніе къ старому порядку вещей. Министру поданы были соответствующія записки, къ нему обращены были солидныя ходатайства, результатомъ коихъ и вышелъ законъ 24 апрѣля 1890 г., въ существенныхъ пунктахъ измѣнившій ненавистные особенно московскимъ фабрикантамъ законы 1882 и 1885 годовъ и предоставлявшій административному усмотрѣнію все то, что при Бунге рѣшалось самимъ закономъ.

Согласно новымъ правиламъ 1890 г., ночная работа малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ была вновь дозволена въ стеклянномъ производствѣ; фабричной инспекціи предоставлено право разрѣшать воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ, ночная работа женщинъ и подростковъ отъ 15—17 лѣтъ также могла быть разрѣшаема, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, фабричнымъ присутствіемъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—губернаторомъ. Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено допускать, въ теченіе извѣстнаго срока къ фабричнымъ работамъ и дѣтей отъ 10—12 лѣтъ. Изложивъ содержаніе законовъ второй половины 1880 годовъ и 1890 г., г. Туганъ-Барановскій говоритъ: «мы не можемъ судить о практическихъ послѣдствіяхъ закона 1890 г., также какъ и предшествовавшихъ законовъ 1885 и 1886 гг., такъ какъ послѣдніе печатные отчеты фабричныхъ инспекторовъ относятся къ 1885 г. Мы не знаемъ, какъ пользовались губернаторы и фабричныя присутствія своимъ правомъ позволять воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ, ночную работу женщинамъ и подросткамъ. При существующемъ порядкѣ, все опредѣляется усмотрѣніемъ администраціи. Отъ нея зависитъ ослабить или усилить дѣйствіе закона, свести на практикѣ эти законы къ нулю или сдѣлать изъ нихъ вполнѣ дѣйствительное средство охраны рабочаго. Общее направленіе дѣя-

тельности министерства финансов послѣ Бунге и измѣненіе личнаго состава фабричной инспекціи вызываетъ опасеніе, что первое гораздо чаще имѣло мѣсто, чѣмъ второе».

Съ 1897 г. въ судьбѣ фабричнаго законодательства произошелъ нѣкоторый переломъ. До тѣхъ поръ это законодательство, подобно англійскому и многимъ другимъ, нормировало рабочее время только дѣтей и женщинъ. 3-го іюня этого года, вышелъ чрезвычайно важный принципиально законъ, ограничивающій продолжительность рабочаго дня и для взрослыхъ рабочихъ. Сущность новаго закона заключается въ слѣдующемъ: для всѣхъ фабрикъ и заводовъ Россійской имперіи устанавливается максимальный рабочий день въ 11¹/₂ часовъ въ сутки. Если работа хотя отчасти захватываетъ ночное время, она не должна продолжаться болѣе 10 часовъ. Работа въ воскресные и особенно именованные праздничные дни запрещается. Этотъ законъ явился подъ давленіемъ извѣстныхъ стачекъ рабочихъ въ 1896 и 1897 гг. и составилъ въ видѣ компромисса между требованіями петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Онъ сократилъ рабочий день почти до нормы, предлагаемой петербургскими фабрикантами, но въ интересахъ ихъ московскихъ собратьевъ не воспретилъ ночной работы, а лишь ограничилъ ее 10 часами.

VIII.

Послѣ освобожденія крестьянъ заработная плата фабричныхъ рабочихъ измѣнилась въ другомъ направленіи, чѣмъ раньше. Въ крепостную эпоху эта плата росла, въ пореформенную упала. Быстрое развитіе промышленной производительности, въ связи съ разрушеніемъ старинныхъ бытовыхъ условій и съ уменьшеніемъ земельной обеспеченности крестьянина, дали въ результатъ паденіе заработной платы и ухудшеніе условій труда: предложеніе рабочихъ рукъ значительно превысило спросъ на нихъ.

Обращаясь къ вопросу объ отношеніяхъ крупнаго фабричнаго производства къ мелкому, кустарному, мы видимъ, что, въ то время, какъ въ дореформенной Россіи фабрики не только содѣйствовали росту кустарничества, но даже часто подавлялись имъ, въ пореформенный періодъ нашей жизни наблюдается обратное явленіе. Фабрики, по совершенству своихъ техническихъ орудій и возможности довести цѣну фабрикатовъ до *minimum'a*, бьютъ на повалъ кустарное производство и вытѣсняють его съ его исконныхъ рынковъ. Въ книгѣ г. Тугана-Барановскаго посвящено этой сторонѣ современной русской жизни немало страницъ, гдѣ онъ всѣми силами и часто съ неопровержимыми фактами въ рукахъ доказываетъ, что наше кустарное производство во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ переживаетъ предсмертную агонію и обречено въ недалекомъ будущемъ къ окон-

чательному вымиранію. Правда, авторъ не скрываетъ того, что рядомъ съ его мнѣніемъ существуетъ и другое, утверждающее, что параллельно съ ростомъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, фабрикъ наблюдается сокращеніе мелкихъ фабричекъ, свѣтелокъ, и переходъ кустарнаго ткачества изъ свѣтелокъ въ избу. Такъ извѣстный московскій статистикъ г. Вернеръ говоритъ: «Съ развитіемъ ткачества увеличивается число болѣе или менѣе самостоятельныхъ производителей, работающих не у владѣльца свѣтелки, а въ собственныхъ домахъ; самыя промышленныя единицы становятся мельче, и большая часть населенія находитъ возможность вести самостоятельное дѣло или вступать въ непосредственныя отношенія съ работодателями».

Но этотъ самый фактъ, въ которомъ гг. «народники» видятъ проявленіе живучести народа, его силу сопротивленія и гарантію противъ возможности поголовнаго обнищанія, пророчествуемаго ему «марксистами», этотъ самый фактъ наводитъ г. Тугана-Барановскаго на иного рода размышленія въ духѣ современнаго ученаго «экономическаго материализма». «...Кажущаяся побѣда мелкаго производства, въ дѣйствительности, есть его умираніе — утверждаетъ онъ. — Дѣло вотъ въ чемъ. Крупное машинное производство борется съ кустарнымъ дешевизной продукта. Каждый новый шагъ машинной техники знаменуетъ собой и паденіе цѣны продукта. Такъ какъ техника ручнаго производства не прогрессируетъ, то удешевленіе продукта влечетъ за собой и уменьшеніе выручки производителя. Чѣмъ больше промыселъ страдаетъ отъ конкуренціи машины, тѣмъ меньше выручаютъ кустари. Наконецъ, цѣна продукта падаетъ такъ низко, что мелкіе мастерки, находившіе раньше возможнымъ устроить небольшія мастерскія (свѣтелки) и нанимать отъ себя рабочихъ, прекращаютъ производство, такъ какъ ихъ предпринимательская выручка не окупаетъ расходовъ по содержанію мастерской. Иногда предпринимательская прибыль совсѣмъ исчезаетъ..., свѣтелка закрывается, а ткачи начинаютъ работать на дому, за нищенскую плату, изъ которой ничего нельзя выкроить въ пользу мелкаго предпринимателя; производство раздробляется, но именно потому, что расстѣтъ крупное производство, фабрика, уничтожающая мелкія мастерскія и загоняющая кустаря въ избу, изъ которой онъ въ болѣе или менѣе скоромъ времени, отчаявшись сохранить свою кажущуюся «самостоятельность», переходитъ на ту же фабрику рабочимъ. Раздробленіе мелкой мастерской является такимъ образомъ предсмертною агоніей кустарнаго производства».

Существованіе такимъ образомъ двухъ мнѣній о состояніи кустарнаго промысла въ современной русской жизни позволяетъ намъ оставить и вопросъ о его грядущихъ судьбахъ недостаточно выясненнымъ; но что онъ во всякомъ случаѣ переживаетъ нѣкоторый періодъ кризиса, это фактъ несомнѣнный, хотя всякіе выводы отсюда и преждевременны.

Русская жизнь послѣ реформы 19 февраля еще не закончила своего періода упорядоченія и строительства, и многія стороны этой жизни еще не пришли въ должное равновѣсіе, въ необходимую гармонию. Періодическіе пароксизмы лихорадокъ въ тѣхъ или иныхъ сферахъ нашего государственнаго и общественнаго бытія, можетъ быть, еще нерѣдко будутъ насъ трепать, но надежда на радикальное исцѣленіе отъ всевозможныхъ недуговъ не должна насъ покидать, и меньше всего, конечно, слѣдуетъ болѣзненное состояніе принимать за нормальное, радоваться ему и поспѣшно отклонять всяческія средства врачеванія.

Что касается отношенія общества и литературы къ фабрикамъ въ переживаемый періодъ, то въ первыя двадцать лѣтъ мы встрѣчаемся здѣсь, какъ это имѣло мѣсто и въ предшествовавшіе годы, два рѣзко-враждебныхъ другъ другу направленія—фритредеровъ и протекціонистовъ. Журналы уже конца пятидесятихъ годовъ переполняются статьями, посвященными за и противъ свободной торговли, и полемики здѣсь принимаютъ подчасъ очень острый характеръ. Наиболѣе виднымъ представителемъ въ печати фритредерскаго направленія былъ «Экономическій указатель», журналъ извѣстнаго экономиста Вернадскаго, а «Вѣстникъ промышленности», органъ, специально посвященный промышленнымъ интересамъ, представлялъ собою направленіе протекціонистовъ. Между фритредерами новаго времени и ихъ предшественниками въ Александровскую эпоху заключалась та существенная разница, что въ то время какъ послѣдніе, оправдывая и защищая крѣпостное право, были непримиримыми врагами капитализма, фритредеры—Вернадскій, Горловъ, Бутовскій, Вунге и другіе, горячо защищая принципы свободной торговли, не только не считали капиталистическое производство зломъ, но, напротивъ, принадлежали къ его поклонникамъ.

«Свобода торговли пользовалось ихъ сочувствіемъ,—свидѣтельствуе г. Туганъ-Барановскій,—какъ одно изъ проявленій промышленной и торговой свободы, которая такъ необходима для промышленнаго и культурнаго прогресса каждой страны. Защищая свободу торговли, они отнюдь не желали задержать промышленное развитіе Россіи и навсегда оставить ее земледѣльческой страной. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, возможно большее развитіе иностранной конкуренціи должно болѣе всего благоприятствовать развитію русской промышленности, страдавшей отъ монополюющей власти туземныхъ фабрикантовъ надъ внутреннимъ рынкомъ... Фабрика, въ ихъ глазахъ, была болѣе прогрессивной формой промышленности, развитіе которой въ Россіи было вполне желательно, но только развитіе «естественное», не основанное на устраненіи международнаго соперничества. Протекціонизмъ, по ихъ мнѣнію, не могъ повести къ созданію въ Россіи вполне жизнеспособнаго фабричнаго производства».

Фритредеры 1850-1860 г.г. преклонялись передъ либеральнымъ

буржуазнымъ строемъ Западной Европы и горячо сочувствовали всякому проявленію свободы, въ особенности же свободы промышленности; поэтому они не столько выражали собою интересъ торговаго класса, сколько интересъ финансоваго и биржеваго міра. «Экономическій указатель», энергично ратовавшій за свободу торговли, отводилъ широкое мѣсто на своихъ страницахъ биржевой хроникѣ, давалъ совѣты, какія акціи слѣдуетъ покупать, слѣдилъ за отчетами акціонерныхъ компаній и т. д. въ томъ же родѣ.

О протекціонистахъ говорить много не приходится; программа «Вѣстника промышленности» была ясна, и статьи, здѣсь появлявшіяся, были, конечно, посвящены защитѣ интересовъ крупныхъ капиталистовъ, обязательно должныствующихъ быть огражденными высокими пошлинами, запретительнымъ тарифомъ и разными воспомощеніями изъ казны.

Что касается передовой журналистики въ лицѣ «Современника», то эта послѣдняя относилась съ отвращеніемъ къ биржевой вакханаліи тѣхъ дней, отрицала благоденствіе капитала и стремилась на первую очередь выдвинуть освободительные политическіе идеалы Западной Европы. «Современникъ», въ статьяхъ своего наиболѣе виднаго представителя, Чернышевскаго, не былъ собственно безусловнымъ противникомъ фабрики, такъ какъ и эта послѣдняя все же даетъ заработокъ населенію, но онъ рѣшительно предпочиталъ ей кустарную промышленность. Такимъ образомъ, въ шестидесятые годы наблюдается по отношенію фабрики слѣдующая общественная группировка: буржуазное теченіе, включившее въ себя, какъ фриредеровъ, такъ и протекціонистовъ, относилось съ полной симпатіей къ фабрикѣ и было на сторонѣ воплощенія Россіей формъ экономической жизни Западной Европы; напротивъ, ультра-прогрессистское теченіе, которое отражалъ въ своихъ статьяхъ Чернышевскій, относилось къ фабрикѣ отрицательно и, во имя интересовъ труда, стояло за сохраненіе вѣковыхъ формъ русской жизни. Но существовалъ одинъ пунктъ, по которому наблюдалось почти полное согласіе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ той эпохи, именно преклоненіе передъ принципомъ ассоціаціи или артели, какъ формы будущаго социальнаго строя. Увлеченіе артелью было всеобщимъ. Различіе въ данномъ случаѣ между радикалами и либералами заключалось, по показанію г. Тугана-Барановскаго, лишь въ томъ, что радикалы требовали государственной помощи артелямъ, а либералы возлагали свои надежды на частную инициативу и протестовали противъ всякаго насильственнаго вмѣшательства государства.

Я не послѣдую за г. Туганомъ-Барановскимъ въ его изложеніи взглядовъ на «рабочій вопросъ» публицистики семидесятыхъ годовъ въ лицѣ «Отечественныхъ Записокъ». Тутъ приходится имѣть дѣло съ очень щекотливой стороною дѣла нашей общественной жизни, когда главные представители этого органа печати сплошь и рядомъ

вынуждены были по нѣкоторымъ соображеніямъ говорить «эзоповымъ» языкомъ, вынуждаемы были обстоятельствомъ подмѣнивать терминологию и за кулисами одного вопроса ревностно биться ради торжества другого. Дыханіе того времени еще вѣетъ на насъ, и во всякомъ случаѣ все, что тогда говорилось и писалось, не сдѣлалось еще достояніемъ объективной исторіи. Наконецъ, нѣкоторые дѣятели той сложной эпохи еще живы, и они, по всей вѣроятности, не откажутся разъяснить читающей публикѣ, все ли такъ изобразилъ авторъ книги о «Русской фабрикѣ», какъ у него сказано, и такъ ли нужно понимать представленные имъ факты, какъ они освѣщены и истолкованы въ его книгѣ. Не стану я, во избѣжаніе повторенія, излагать здѣсь и современную литературу о русской фабрикѣ, такъ какъ въ свое время на страницахъ «Историческаго Вѣстника» это уже было мною сдѣлано отчасти въ очеркѣ о «Фабрично-заводской Россіи», отчасти въ статьѣ «Регрессивное теченіе». Къ нимъ я и отсылаю читателей, желающихъ ознакомиться, или возстановить въ памяти, что о современной фабрикѣ, ея режимѣ и ея нуждахъ говорятъ писатели, наиболѣе интересующіеся всѣми этими вопросами и ихъ наиболѣе ревностно разрабатывающіе въ повременной журналистикѣ.

Б. Глинскій.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ¹⁾.

VII.

Городъ Амой.

Ъ ЧИСЛѢ первыхъ пяти портовъ, открытіе которыхъ Китаемъ для иностранной торговли явилось слѣдствіемъ требованія Англии, по окончаніи такъ называемой войны изъ-за опиума въ 1842 году, находился и Амой. Небольшой уѣздный городъ Фокіенской области былъ такимъ образомъ поставленъ на одну доску съ Кантономъ, Фу-чжоу, Нин-по и Шангаемъ, что уже само по себѣ достаточно свидѣтельствуешь, какую важность придавалъ ему тогда англійскій торговый міръ.

Здѣсь сказалось вліяніе старыхъ историческихъ и торговыхъ традицій Амоя и то обстоятельство, что онъ былъ первымъ портомъ, гдѣ нѣкогда Англии удалось вступить въ прямыя, непосредственныя сношенія съ Срединной имперіей. Память о блескѣ былой славы округа, къ которому принадлежитъ Амой, также сыграла здѣсь свою роль. Къ сѣверо-востоку отъ Амоя есть бухта Чиммо, откуда недалеко до Чинчю, или Тсиенчау-фу, древняго города, описаннаго еще Марко-Поло. Знаменитый венеціанскій путешественникъ XIII вѣка добрался до него послѣ пятидневнаго странствованія изъ Фу-чжоу по дорогѣ, представлявшей тогда рядъ постоянно смѣняющихся цвѣтущихъ городовъ и селеній. «У этого города, го-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIII, стр. 617.

ворить онъ, между прочимъ, есть гавань Зейтонъ, посѣщаемая всѣми судами изъ Индіи... сюда ввозятся поразительныя количества разныхъ товаровъ, драгоценныхъ камней и жемчуга». Изъ Зейтона же Кублай-ханомъ отправлены были извѣстныя экспедиціи на Яву и въ Японію для покоренія ихъ власти монгольскаго завоевателя. Тсиенчау-фу до сихъ поръ извѣстенъ торговою предприимчивостью своихъ обитателей; но онъ и его гавань съ теченіемъ времени потеряли свое прежнее значеніе: центръ тяжести торговли округа перемѣстился въ Амой, рейдъ котораго оказался болѣе удобнымъ для туземныхъ джонокъ. Верстахъ въ пятидесяти къ западу отъ Амоя находится другой важный и старый городъ, Чанчау, или Чанчу. Прежде онъ производилъ много шелка и бархата, пользовавшагося очень широкой извѣстностью. И донинѣ еще изъ Чанчау посылается ежегодно ко двору въ Пекинъ, въ видѣ дани, небольшое количество бархата, приготовляемаго здѣсь специально для этой цѣли.

Городъ Амой лежитъ въ юго-западномъ углу острова Амоя, или Хеймуна, при устьѣ рѣки Люн-чанъ, подъ $24^{\circ}40'$ сѣверной широты и $118^{\circ}20'$ восточной долготы. Рѣка Люн-чанъ, имѣющая въ длину около 400 верстъ, орошаетъ южные округа Фокиенской области. Вблизи впаденія ея въ море находится масса острововъ, изъ которыхъ самыми большими являются Амой и Квеммой. Островъ Амой имѣетъ въ окружности около 70 верстъ; кромѣ города того же имени, на немъ имѣется значительное количество деревень. Городскаго населенія насчитываютъ до 100.000 душъ, да по деревнямъ на островѣ живетъ еще столько же.

Рейдъ Амоя — одинъ изъ лучшихъ на всемъ побережьѣ Китая. Западная часть этого рейда образована островомъ Кулансу, имѣющимъ около двухъ верстъ въ длину и верстъ пять въ окружности. На немъ главнымъ образомъ и расположились дома мѣстной европейской колоніи, вѣрнѣе будетъ сказать — разбросались вдоль узкой береговой полосы между заливомъ и огромными гранитными глыбами, составляющими главную массу поверхности острова. По ту сторону залива, куда ни помотришь, поднимаются тоже острые пики гранитныхъ скалъ. Масса маленькихъ острововъ причудливыхъ очертаній окаймляютъ рейдъ. Тамъ и сямъ торчатъ изъ воды отдѣльныя скалы мрачнаго гранита. На Кулансу только зелень садииковъ европейскихъ резиденцій смягчаетъ немного общій суровый видъ острова. Кромѣ европейскаго мѣстечка, здѣсь есть еще нѣсколько бѣдныхъ, жалкихъ китайскихъ селеній. Часть рейда заполнена туземными джонками и европейскими судами. Около версты воднаго пространства отдѣляютъ Кулансу отъ острова Хеймуна, или Амоя. Здѣсь, по сосѣдству съ берегомъ, тоже имѣются европейскія зда-

нія,— торговля и другія дѣловыя конторы, затерянные среди китайскихъ домовъ грязнаго предмѣстья. Самый городъ, то-есть застѣнный Амой, отдѣленъ отъ своего пригорода грядою скалъ, по вершинѣ которыхъ вѣется крѣпостная стѣна. Амой, вѣроятно, самый грязный городъ въ Китаѣ; особенно отвратительны его пригороды. На многихъ туземныхъ домахъ, на каждомъ концѣ верхушки крыши, находится еще по добавочной кривизнѣ, открытой кверху,—архитектурное украшеніе, совершенно чуждое остальному югу Китая. Храмъ и памятникъ въ честь Коксинги, знаменитаго китайскаго пирата, составляютъ единственную достопримѣчательность города. Женщины одѣты въ платья яркихъ цвѣтовъ, между которыми преобладаетъ красный; въ другихъ мѣстахъ собственнаго Китая одежда такихъ цвѣтовъ считается неприличной для порядочной женщины. Многіе горные склоны за городомъ покрыты кладбищами: это—ряды могилъ на поверхности земли въ видѣ тѣсно прижавшихся другъ къ другу холмиковъ, залитыхъ бѣлой плотной массой, похожей на цементъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не приходилось встрѣчать такого устройства могилъ и такого колоссальнаго количества ихъ, какъ здѣсь. Кромѣ могилъ, одну изъ достопримѣчательностей ближайшихъ окрестностей Амоя составляетъ громадный кусокъ гранита, опирающійся на другой камень, гораздо меньшихъ размѣровъ такимъ образомъ, что эту массу въ нѣсколько тысячъ пудовъ можно привести въ движеніе усиленіемъ руки; одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ устойчиваго равновѣсія; въ ущельѣ подъ этимъ камнемъ расположилось нѣсколько домовъ. Глыбы гранита разсѣяны вездѣ въ изобиліи; но на островѣ Амоѣ его все-таки не такъ много, какъ на маленькомъ Кулансу.

Островъ Кулансу представляетъ типическую береговую формацию южнаго Китая. Идя къ сѣверу отъ Гонконга до Чифу черезъ Амой, Фу-чжоу, Нин-по и Шангай, мы переходимъ отъ болѣе старыхъ геологическихъ формаций къ болѣе молодымъ. Граниты и діориты Гонконга суть древнѣйшія скалы Китая,—геологическій скелетъ его, на который отложились новѣйшіе пласты, занимающіе гораздо ббльшую поверхность страны. Эти граниты снова можно видѣть въ Амоѣ и Фу-Чжоу. У Нин-по они скрываются подъ новѣйшими вулканическими породами; одна такая порода,—прекрасный крапчатый агломератъ,—даетъ великолѣпный строительный камень, изъ котораго, между прочимъ, сложены многія зданія въ Шангаѣ. Отъ Нин-по почва понижается къ широкой равнинѣ Янтсе; граниты смѣняются затѣмъ древними кристаллическими скалами, вѣроятно, лаврентіевской эпохи; онѣ тянутся по всему пути до Чифу на Печилійскомъ заливѣ, сѣверные берега котораго въ Чжили и Манчжуріи образованы пластами, принадлежащими къ угольной системѣ. Идя отъ морскаго побережья внутрь страны, находимъ гра-

ниты, надъ ними — кристаллическіе сланцы, гнейсы и кварциты, надъ которыми опять лежатъ угольные пласты съ клочками вулканическихъ породъ между ними ¹⁾).

Годовыя колебанія температуры въ Амоѣ совершаются въ предѣлахъ отъ 40 до 96 градусовъ стоградуснаго термометра. Жара здѣсь сухая, умѣряемая свѣжимъ морскимъ бризомъ, начинающимся обыкновенно съ приливомъ въ дополуденное время и прекращающимся вечеромъ. Ночи болѣею частью томительно душны.

Здѣсь существуютъ три гранитныхъ дока, которыми владѣютъ и распоряжаются иностранцы. Самый большой изъ нихъ имѣетъ 310 футъ длины и 60 футъ ширины. Иностранная колонія Амоа насчитываетъ до 300 членовъ; изъ нихъ около 70 человекъ миссіонеровъ.

Римско-католическіе миссіонеры изъ Маниллы посѣтили впервые Южный Фокіенъ въ 1589 году, но имъ не позволили остаться здѣсь. Вторая попытка въ этомъ направленіи, сдѣланная въ 1631 году, оказалось болѣе удачной: испанскіе доминиканцы изъ той же Маниллы положили прочное начало католической пропагандѣ въ Фокіенской области. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда во главѣ мѣстной католической миссіи стоялъ епископъ Григорій Ло, первый и, кажется, единственный епископъ изъ туземцевъ на китайской почвѣ, испанскіе миссіонеры, по распоряженію китайскихъ властей, были изгнаны изъ страны. Вскорѣ, впрочемъ, они опять вернулись сюда. Власти не разъ воздвигали гоненія на здѣшнихъ христіанъ. Самое большое такое гоненіе было въ 1747 году, когда епископъ и четыре испанскихъ священника были замучены до смерти.

Въ 1892 году, личный персоналъ католической миссіи южнаго Фокіена составляли: одинъ епископъ, резиденціей котораго служитъ г. Амоѣ, семь испанскихъ и двадцать туземныхъ священниковъ. Въ вѣдѣніи епископа находятся 22 церкви и часовни, одна семинарія, 4 школы для мальчиковъ и 8 школъ для дѣвочекъ, два воспитательныхъ дома, гдѣ находятъ пріютъ до 600 брошенныхъ дѣтей. Всѣхъ христіанъ-католиковъ считается здѣсь 2.620 человекъ.

Первые протестантскіе миссіонеры явились въ Амоѣ въ 1842 году, когда городъ находился еще во власти англійскихъ войскъ, овладѣвшихъ имъ въ сентябрѣ 1841 года. Въ настоящее время въ Южномъ Фокіенѣ существуютъ три протестантскія миссіонерскія общества: два англійскія и одно американское. Миссіонеровъ — 20, изъ нихъ 6 врачей; миссіонеровъ — 27; священниковъ-туземцевъ — 35, христіанъ до 3.500 душъ. Церквей, часовенъ и такъ называемыхъ залъ для собраній вѣрующихъ — 127. Число разныхъ учеб-

¹⁾ «Across Shantung», by Sidney R. I. Scertchly.

ныхъ и благотворительныхъ учрежденій для туземцевъ доходить до 58; распредѣляются они такимъ образомъ: пять госпиталей, одинъ сиротскій пріютъ, гдѣ воспитываются 115 дѣтей, два колледжа съ 34 студентами, три школы для полныхъ пансіонеровъ съ 57 учениками, 6 такихъ же школъ для дѣвочекъ съ 172 воспитанницами, 34 школы для приходящихъ мальчиковъ съ 474 учениками, три такихъ же школы для дѣвочекъ съ 27 ученицами, наконецъ, четыре учебныхъ заведенія для взрослыхъ дѣвушекъ и женщинъ, приготавливаемыхъ къ роли школьныхъ учительницъ и проповѣдницъ, гдѣ обучаются 136 женщинъ.

1867 годъ былъ критическимъ годомъ въ новѣйшей исторіи дѣятельности мѣстныхъ иностранныхъ миссій: народъ, подстрекаемый учеными и властями, возсталъ въ разныхъ частяхъ Южнаго Фокіена противъ миссіонеровъ. Особенно пострадала католическая миссія: всѣ церкви и часовни ея были уничтожены, а миссіонеры спаслись только тѣмъ, что бѣжали въ горы.

Амой поддерживаетъ правильное пароходное сообщеніе съ Гонконгомъ, Сватау и Фу-чжоу и находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Формозой, Маниллой и Сингапуромъ.

Стоимость одной лишь иностранной торговли порта равняется 13 милліонамъ тѣль.

Главные предметы иностраннаго ввоза составляютъ: керосинъ, спички, опиумъ, американская мука и индѣйская хлопчато-бумажная пряжа: керосину возится больше милліона галлоновъ, спичекъ (преимущественно японскихъ) до 320.000 гроссъ, хлопчато-бумажной пряжи до 60.000 пикулей. Ввозится сюда также много риса изъ Сайгона и пшеницы изъ Японіи.

Важнѣйшими предметами ввоза изъ другихъ китайскихъ портовъ являются: бобы и бобовые жмыхи изъ Ньючуана (больше милліона пикулей), хлопокъ-сырецъ, рисъ и пшеница изъ Шангаи.

Главные предметы экспорта за границу: чай, котораго въ 1896 году было вывезено 50.000 пикулей ¹⁾, и сахаръ—234.000 пикулей. Въ другіе китайскіе порта идутъ отсюда: табакъ, киноваръ, травяныя и хлопчато-бумажныя ткани, желѣзныя сковороды, сосновый лѣсъ, разныя лѣкарственные снадобья, между которыми такъ называемый лѣчебный чай и пирожки изъ Чинчю пользуются большой извѣстностью во всей странѣ. Амойскія желѣзныя сковороды не такъ давно чуть не вызвали серьезнаго столкновенія между Китаемъ и... Германіей! Въ 1881 году, двѣ фирмы, одна германская, другая англійская, открыли въ Амоѣ фабрикацію желѣзныхъ тазовъ, на которые давно уже существовалъ здѣсь большой спросъ. Мѣст-

¹⁾ Пикуль около 3½ пудовъ.

ныя китайскія власти сразу же заявили свой протестъ противъ такой выдѣлки: торговля желѣзомъ и издѣліями изъ него въ этой части Китая предоставляется только лицамъ, имѣющимъ на то специальное правительственное разрѣшеніе, такъ какъ данный продуктъ считается военной контрабандой по обычаю, допедшему отъ времени первобытнаго веденія войны. Протестъ китайскихъ чиновниковъ не остановилъ, однако, иностранныхъ предпринимателей. Тогда туземныя власти наложили арестъ на тазы, сфабрикованные германской фирмой. Недѣль черезъ шесть послѣ этого происшествія, на рейдъ Амоя явился германскій военный корабль; корабль тотчасъ же свезъ на берегъ десантъ; десантъ отправился въ китайскую таможену, силою взявъ находившіяся тамъ подъ арестомъ тазы германской фабрикаціи и доставилъ ихъ въ германское консульство. Возникла, конечно, дипломатическая переписка, и результатомъ инцидента явилось запрещеніе китайскимъ правительствомъ вывоза изъ своихъ портовъ желѣзныхъ тазовъ, фабрикуемыхъ здѣсь иностранцами, — курьезное постановленіе, въ высшей степени характерное для китайской администраціи: производство иностранцамъ въ странѣ не запрещено, но вывозъ изъ нея продуктовъ такого производства въ свои же собственные порты запрещенъ совершенно. Вывозъ чая, этого важнѣйшаго мѣстнаго продукта, за послѣдніе годы рѣзко упалъ: въ 1877 году, напримѣръ, было вывезено отсюда 90.000 пикудей чая, а въ 1896 году уже только 50.000 пикудей. За границу изъ Южнаго Фокіена идутъ главнымъ образомъ такъ называемые улонги, высшіе сорта зеленыхъ чаевъ. Главный рынокъ Амойскихъ улонговъ — Сѣверная Америка. До 1881 года они находили себѣ здѣсь очень хорошій сбытъ; но когда культивировка такихъ же чаевъ развилась въ Японіи и на Формозѣ, амойскіе стали терять почву на американскомъ рынкѣ: новыя плантаціи, особенно формозскія, давали продуктъ, гораздо болѣе нѣжный и ароматичный, чѣмъ старыя, истощенныя почвы Южнаго Фокіена; а бѣдность мѣстныхъ китайскихъ крестьянъ не позволяла имъ дѣлать новыя затраты на улучшеніе своего продукта; и въ концѣ концовъ получилось то, что знаменитые нѣкогда улонги Амоя едва оплачиваютъ теперь стоимость своей перевозки. Первобытные пути сообщенія въ странѣ, высокія вывозныя пошлины и другіе накладные расходы доводятъ издержки доставки до 34% первоначальной стоимости продукта; немудрено, поэтому, что въ то время, какъ экспортъ въ Америку чаевъ изъ Японіи, гдѣ налоги на чай гораздо меньше, чѣмъ въ Китаѣ, а дороги не оставляютъ желать ничего лучшаго, за послѣднее десятилѣтіе удвоился, — вывозъ амойскихъ чаевъ упалъ на 50%¹⁾.

¹⁾ «Decennial Reports».

Туземныхъ банковъ въ Амоѣ очень много. Ихъ — два сорта: одни принадлежать мѣстнымъ банкирамъ, другіе — уроженцамъ провинці Шаньси. Шаньсійская губернія, изрѣзанная горами, весьма бѣдна мѣстными произведеніями. Зато она весьма богата тѣмъ благомъ, что ея жители отличаются предъ всѣми остальными китайцами необыкновенной способностью къ торговлѣ. Главные принципы въ ихъ торговой дѣятельности: пользоваться малымъ барышемъ; жить безъ всякихъ излишествъ; не принимать ни компаньоновъ, ни приказчиковъ, ни даже работниковъ не земляковъ своихъ, не шаньсійцевъ; вести дѣла своей фирмы во всегдашнемъ секретѣ. Шаньсійцы никогда не торгуютъ въ одиночку, а непременно въ товариществахъ; новыхъ къ себѣ товарищей принимаютъ только изъ среды приказчиковъ своей фирмы, послѣ продолжительныхъ услугъ, часто тяжкихъ и голодныхъ. Многія ихъ товарищества организованы въ колоссальныхъ размѣрахъ; такъ, нерѣдко встрѣчаются между ними фирмы съ сотнями, даже около тысячи товарищей, съ капиталами въ нѣсколько десятковъ миллионовъ рублей. Есть фирмы, существующія по триста, четыреста лѣтъ. Сильныя своими средствами, ихъ фирмы, кромѣ того, и могущественны, благодаря вліянію извнѣ, главнымъ образомъ изъ Пекина, гдѣ у каждой непременно есть нѣсколько высокопоставленныхъ, тайныхъ покровителей, лично заинтересованныхъ въ прибыляхъ фирмы. Пользуясь возможностью покупать въ Китаѣ чины, сами товарищи фирмы часто пріобрѣтаютъ высшіе ранги чиновъ (безъ связанныхъ съ ними служебныхъ обязанностей) и тѣмъ еще тверже упрочиваютъ свое вліяніе. Борьба съ такими титулованными становится неравною; въ полиціи и въ судѣ она причиняетъ много заботъ. Такъ, недавно, исправникъ одного изъ уѣздовъ Шаньсійской губерніи, жалуюсь губернатору на самоуправство жителей его уѣзда, рапортовалъ: «Дайте мнѣ званіе по крайней мѣрѣ генераль-губернатора, чтобъ я могъ справляться съ мѣстными богачами, накупившими себѣ званія генераловъ, областныхъ правителей и т. п.». Эти шаньсійскія фирмы суть главнѣйшіе представители богатства и движенія капиталовъ во всей Китайской имперіи. Въ ихъ рукахъ находится масса банкирскихъ конторъ, разсѣянныхъ по всему государству; они монополисты чуть ли не всѣхъ конторъ для заклада движимостей, безъ помощи чего не обходится ни одинъ китаецъ... Кредитъ въ Китаѣ развитъ на самыхъ широкихъ началахъ; между шаньсійскими торговцами разныхъ фирмъ деньги рѣдко переходятъ изъ рукъ въ руки; платежи исполняются простыми памятными записками, которыя, подобно векселямъ, принимаются и дисконтируются въ банкахъ во всей имперіи. Банкротства между ними весьма рѣдки, при поддержкѣ одной фирмы другою или нѣсколькими вмѣстѣ» ¹⁾.

¹⁾ Скачковъ «Очерки Китая».

Очень оригинальны нѣкоторые обычаи этого своеобразнаго торговаго братства, пользующагося въ Китаѣ такимъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Они ведутъ свое начало, вѣроятно, отъ временъ глубокой древности. Банкиры Шаньси выбираютъ довѣренныхъ лицъ для завѣдыванія филиальными отдѣленіями своихъ банковъ исключительно только изъ собственнаго роднаго селенія или города. Когда такой довѣренный получаетъ назначеніе въ одну изъ банкирскихъ конторъ, банкъ беретъ его семью на свое попеченіе и держитъ ее въ видѣ залога честности и хорошаго поведенія этого лица. Всякое письмо, посылаемое имъ своей семьѣ, вскрывается хозяиномъ; самъ довѣренный не получаетъ никакой денежной платы, пока находится на своемъ посту; все, что ему нужно, покупается банкомъ, который ведетъ точный счетъ такимъ расходамъ. Черезъ три года довѣренный возвращается на родину, въ домъ патрона, привозитъ съ собой счетъ денегъ, издержанныхъ на него за все время, и подвергается здѣсь самому тщательному обыску. Если послѣ разсмотрѣнія отчетовъ будетъ найдено, что онъ велъ свои дѣла аккуратно, и операціи банка шли хорошо за время его управленія, то онъ получаетъ щедрое вознагражденіе и разрѣшеніе отправиться къ своей семьѣ, которая немедленно освобождается. Въ противномъ же случаѣ, плата и все, что было на немъ, конфискуется, а семья его держится въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выплаченъ имъ соотвѣтственный штрафъ, или самъ онъ не будетъ заключенъ въ тюрьму.

У амойскихъ купцовъ существуетъ обычай усыновлять довѣреннаго, когда они посылаютъ его куда нибудь торговать за ихъ счетъ. Иногда такимъ довѣреннымъ бываетъ усыновленный рабъ.

Рабство въ Китаѣ представляетъ явленіе очень распространенное, имѣющее свою длинную исторію и пользующееся санкціей закона и общественнаго мнѣнія. Въ странѣ, гдѣ личность сама по себѣ, какъ таковая, правъ не имѣетъ и пользуется ими только въ качествѣ члена семьи, гдѣ семья составляетъ альфу и омегу общественнаго строя, а сохраненіе ея въ цѣляхъ непрерывности культа предковъ — верховный нравственный законъ, — тамъ рабство явилось, между прочимъ, однимъ изъ средствъ поддержанія рода. Всякій китаецъ долженъ имѣть сына для принесенія жертвъ и моленій у табличекъ предковъ и на отцовской могилѣ. Если у него нѣтъ собственнаго сына, онъ усыновляетъ чужаго ребенка. При невозможности почему либо такого прямого усыновленія, онъ прибѣгаетъ къ покупкѣ мальчика, котораго затѣмъ усыновляетъ. Иногда богатые, бездѣтные люди покупаютъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Такіе рабы дѣлаются просто членами купившихъ ихъ семей, и положеніе ихъ ничѣмъ не отличается отъ положенія настоящихъ сыновей и дочерей въ семьяхъ.

Вторую категорію рабовъ, уже не членовъ семьи, а дѣйстви-

тельныхъ рабовъ, представляютъ дѣти, проданныя въ рабство своими родителями, которыхъ побуждаетъ къ этому крайняя нужда, или лицами, сдѣлавшими себѣ промыселъ изъ похищенія и продажи малолѣтнихъ ребятъ. Участь мальчиковъ при этомъ бываетъ гораздо хуже, чѣмъ дѣвочекъ: большею частью они остаются рабами на всю жизнь; дѣвушка-рабыня можетъ выйти замужъ, и съ замужествомъ ея рабство кончается. Дѣвочки продаются въ возрастѣ отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ, но чаще—7-ми, 8-ми или 10-ти лѣтъ. Онѣ стоятъ отъ 10 до 100 рублей на наши деньги и цѣнятся вообще дороже мальчиковъ; за красивыхъ платятъ больше, такъ какъ при выдачѣ ихъ въ послѣдствіи замужъ онѣ приносятъ въ семью, откуда ихъ берутъ, столько подарковъ, что сумма денегъ, заплаченная за нихъ при покупкѣ, покрывается иногда въ нѣсколько разъ; собственникъ рабыни никогда, впрочемъ, не остается въ накладѣ, пользуясь даровымъ трудомъ ея втеченіе многихъ лѣтъ.

Обыкновенно купля-продажа маленькихъ рабовъ совершается при участіи третьяго лица, играющаго роль посредника между обѣими сторонами. Иногда родители выговариваютъ себѣ право приходить навѣщать проданнаго ребенка. Если дѣло идетъ о дѣвочкѣ, то въ письменный договоръ очень часто включается пунктъ, которымъ покупатель обязывается не продавать въ послѣдствіи дѣвушку-рабыню въ домъ терпимости.

D. Ball говоритъ, что въ Гонконгѣ, Кантонѣ и Макао всѣ молодыя служанки или няньки при дѣтяхъ въ богатыхъ китайскихъ семьяхъ принадлежатъ къ классу рабынь; незамужняя, свободная, молодая китайка сама не идетъ въ прислуги; идутъ въ услуженіе только старыя женщины. Почти всѣ молодыя обитательницы китайскихъ домовъ терпимости — рабыни, составляющія полную ответственность ихъ хозяевъ. Главный контингентъ такихъ дѣвушекъ составляютъ дѣти, похищенные и потомъ проданныя въ рабство, и сироты, которыхъ заманили въ такіе дома обманомъ, обѣщаніемъ какой нибудь работы, большею частью швейной. Въ древнія времена въ Китаѣ были государственные рабы, но теперь рабство замѣняется изгнаніемъ, то-есть ссылкой въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, отдача въ рабство и донныѣ практикуется правительствомъ. Такъ, напримѣръ, монахини, основывающія новые монастыри безъ разрѣшенія правительства, становятся государственными рабынями; жены, дѣти и ближайшіе родственники мятежниковъ отдаются въ рабство правительственнымъ чиновникамъ ¹⁾.

¹⁾ D. Ball, «Things Chinese».

Амой славится выдѣлкой искусственныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, въ особенности бѣлыхъ и желтыхъ нарциссовъ и *Enkuanthus reticulatus*. Цвѣтами этими въ Китаѣ украшаютъ комнаты на новый годъ, и на югѣ страны считается особенно счастливымъ знакомъ, если живой, конечно, цвѣтокъ, напримѣръ, нарцисса раскроетъ свою первую почку въ первый день Новаго года.

Изъ другихъ мѣстныхъ производствъ интересны рѣзные издѣлія изъ дерева, оливковыхъ косточекъ, серебра, такъ называемаго мыльнаго камня, выдѣлка туши, бѣлилъ и румянъ.

Рѣзьба на твердыхъ, какъ камень, оливковыхъ косточкахъ поражаетъ чрезвычайной мелкостью работы.

Китайскія серебряныя издѣлія представляютъ вещи, большею частью, довольно грубыя на европейскій вкусъ, но нѣкоторыя изъ нихъ бывають удивительно тонки и изящны.

Серебро на Дальнемъ Востокѣ въ такомъ же почетѣ, какъ у насъ золото. Для китайскаго артиста, ученаго, коллекціонера оно — царь всѣхъ драгоценныхъ металловъ. Здѣсь играетъ роль не столько дешевизна, — такъ какъ нефритъ, напримѣръ, который у туземцевъ пользуется такой же симпатіей, какъ серебро, цѣнится гораздо дороже золота, — сколько вѣковая привычка, обычай, мода своего рода; быть можетъ, извѣстное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что цвѣтъ золота составляетъ императорскій цвѣтъ, и никто, за исключеніемъ лицъ, непосредственно стоящихъ у трона, не смѣетъ употреблять его ни для платья, ни для другихъ цѣлей. Серебряныя драгоценности въ Китаѣ имѣютъ самое широкое распространеніе: ихъ носятъ тамъ всѣ, — у жены бѣднаго кули, или лодочника, есть обыкновенно серебряныя браслеты и серьги. Самый большой центръ серебряныхъ издѣлій — Кантонъ, но Амой, Фу-чжоу, Нанкинъ и Пекинъ имѣютъ тоже своихъ замѣчательныхъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, славящихся своимъ искусствомъ во всей имперіи. Издѣлія мастеровъ Амоя можно раздѣлить на слѣдующіе четыре разряда. Одинъ изъ нихъ составляютъ миниатюрныя воспроизведенія различныхъ предметовъ обыденной жизни, людей, животныхъ и мифологическихъ существъ. Они употребляются для ушныхъ серегъ и какъ украшенія для часовъ. Наиболѣе любимыми такими предметами являются: пагоды, джонки, носилки, женскіе башмачки, богиня милосердія, сидящій Будда, драконъ, молящійся бонза, тигръ, левъ, лошадь, свинья, буйволъ, слонъ, черепаха, обезьяна, кошка и собака. Самыя большія изъ этихъ изображеній не достигаютъ и двухъ дюймовъ въ длину, маленькія — величиною въ кукурузное зерно. Другой сортъ образуютъ подражанія канатамъ, веревкамъ и шнуркамъ. Иногда эти издѣлія тонки, какъ шелковая нить. Серебряныя шнурки употребляются для браслетовъ, замковъ у ожерелій, поясовъ, украшеній сабель и конской сбруи. Они очень крѣпки и въ то же время могутъ быть согнуты въ лю-

бомъ направленіи. Третій сортъ составляютъ предметы домашняго обихода: спичечныя коробки, пепельницы, блюда для опійныхъ трубокъ и такъ далѣе. Наконецъ, четвертый—филигранныя вещи и инкрустаціи, сдѣланныя изъ тончайшей серебряной проволоки,— высшій сортъ этого рода художественныхъ произведеній. Въ теченіе многихъ вѣковъ лучшіе туземные артисты изощряли свое искусство именно надъ такого рода издѣліями. Нѣтъ сомнѣнія, что Марко Поло привезъ образчики подобныхъ вещей въ Европу изъ Китая и такимъ образомъ поспособствовалъ развитію знаменитыхъ гильдій серебряныхъ дѣлъ мастеровъ Италія и Франціи.

Обработка такъ называемаго мыльнаго камня представляетъ горный промыселъ, очень распространенный на всемъ побережьи Китая отъ Венчоу до Амоя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскій консулъ въ Венчоу посѣтилъ копи этого минерала, находящіяся отъ города въ разстояніи 70-ти верстъ, при чемъ около 60-ти верстъ ему пришлось сдѣлать по рѣкѣ, поднявшись вверхъ по теченію, а верстъ 12 сухопутьемъ по очень тяжелой дорогѣ. То, что онъ говоритъ о тамошнихъ копяхъ, приложимо и къ другимъ мѣстностямъ въ Китаѣ, гдѣ добывается стеатитъ, то-есть жировикъ, или мыльный камень. Холмы близъ Венчоу, содержащіе стеатитъ, находятся во владѣніи 20 — 30 семей; однѣ изъ нихъ разрабатываютъ копи сами, другія нанимаютъ для этого постороннихъ рабочихъ. Галлерей вырыты по склонамъ холмовъ и часто простираются въ длину почти на двѣ версты. Почва мягкая, и галлерей шахтъ поддерживаются деревянными подпорками; на полу ихъ — грязь и тина; рабочіе носятъ специальное платье, сдѣланное изъ грубой травяной ткани. Живутъ они очень бѣдно въ соломенныхъ хижинахъ на склонахъ холмовъ. Камень, только что вынутый, мягокъ, но на воздухѣ быстро твердѣетъ. Его выносятъ изъ копей лопатами и продаютъ тутъ же на мѣстѣ рѣзчикамъ по одной цѣнѣ,— приблизительно двѣ копейки за футъ, если покупатель беретъ все оптомъ, не дѣлая никакого выбора; но стоимость добытаго продукта очень разнится, смотря по размѣрамъ глыбы, ея виду и, главное, цвѣту. Цвѣта минерала слѣдующіе: пурпурно-красный, дымчато-красный, черный, темно-голубой, свѣтло-голубой, сѣрый, бѣловатый, бѣлый, какъ яичный бѣлокъ, восковой, нефритовый и ледяной, то-есть похожій на кусокъ льда. Изъ нихъ бѣлая разновидность нефрита-ваго и ледяной сорты—наиболѣе цѣнные, особенно послѣдній: хорошіе экземпляры ледянаго жировика стоятъ значительно дороже даже самого нефрита. Копи близъ Венчоу даютъ заработокъ 2.000 рабочихъ и рѣзчиковъ.

Страна лака, шелка, бархата и чая, родина многихъ полезнѣйшихъ изобрѣтеній и производствъ, Китай является и родиной производства туши. Говорятъ, впрочемъ, что изобрѣли тушь собственно корейцы; китайцамъ же принадлежитъ только усовершенствованіе этого производства. Рассказываютъ именно, что въ 620 году нашей эры король Кореи вмѣстѣ съ обычной ежегодной данью китайскому императору прислалъ нѣсколько кусковъ великолѣпной туши: она была приготовлена изъ копти, добытой при жженіи отборныхъ старыхъ сосенъ, срубленныхъ въ горахъ. Съ того времени китайцы стали также готовить тушь, но высокаго совершенства въ этомъ дѣлѣ они достигли только около 900 года. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Голкевичъ, въ «Трудахъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ» сообщилъ о способѣ приготовленія туши, заимствованномъ имъ изъ книжки, которую написалъ въ 1398 году нѣкій Шэнь-цзи-сунъ. Книга эта, рассмотрѣнная въ концѣ прошлаго столѣтія особою комиссіею, назначенною указомъ царствовавшаго тогда въ Китаѣ императора, вошла въ составъ собранія лучшихъ сочиненій, извѣстнаго подъ именемъ Сы-ку-цзюань-шу.

«Я, говоритъ китайскій авторъ, перепробовалъ всѣ способы приготовленія туши; но чѣмъ больше употреблялъ разныхъ выхвалеваемыхъ веществъ, тѣмъ хуже выходила тушь. Наконецъ, когда по совѣту одного знаменитаго дѣлателя туши бросилъ всѣ эти вещества, а только хорошенько перемѣшалъ сажу съ клеемъ, распарилъ эту смѣсь и перемялъ, — тушь вышла черная и блестящая, словно глазки у ребенка. Впослѣдствіи я узналъ еще способъ приготовленія туши отъ одного монаха, и теперь, соединивши тотъ и другой вмѣстѣ, думаю, что сдѣланная по моему способу тушь близко подойдетъ къ древней. Въ древности дѣлали тушь изъ сосновой сажи, но нынѣ для этого добываютъ сажу изъ разныхъ маселъ, и въ особенности изъ масла Тунъ-ю. Разумѣется, для этого годится и всякое другое масло, и дѣйствительно одни употребляютъ масло конопляное, кунжутное, другіе — деревянное, капустное и такъ далѣе. Только изъ масла Тунъ-ю и сажи получается больше, и тушь выходитъ черная, блестящая, которая день ото дня все болѣе чернѣетъ; напротивъ, изъ всякаго другаго масла и сажи добывается меньше, и тушь бываетъ блѣдная, тусклая, и чѣмъ дольше лежитъ, тѣмъ блѣднѣе становится».

Очень важенъ выборъ хорошей свѣтильни для горѣнія масла, копотъ котораго является однимъ изъ главнѣйшихъ веществъ при выдѣлкѣ туши. Свѣтильни у китайцевъ дѣлаются изъ сердцевины одного растенія, называемаго у нихъ поэтому ламповымъ растеніемъ, — дэнъ-цао. Для добыванія сажи авторъ совѣтуетъ готовить свѣтильни такимъ образомъ: отобравши сердцевинъ дэнъ-цао, довольно толстыхъ и плотныхъ, желтоватаго цвѣта, надобно обрѣ-

заты ихъ, чтобы онѣ имѣли въ длину девять дюймовъ, и, связавши 12 штукъ въ одинъ пучекъ, раскатывать его на доскѣ до тѣхъ поръ, пока не образуется изъ всего круглая, ровная палочка; палочки эти надобно поварить немного въ отварѣ изъ краснаго сандала и, высушивши, хранить до употребленія, защищая отъ пыли и сырости.

Жженіе масла производится въ тихую погоду, въ особой комнатѣ, которой окна и двери должны быть плотно закрыты, чтобы воздухъ внутри имѣлъ какъ можно меньше движенія. Каждый часъ снимаютъ одну за другою крышечки, что установлены надъ свѣтильниками, горящими въ чашечкахъ съ масломъ, и сбѣвшая на нихъ копоть, или сажа сметается перомъ въ небольшія посудины. Изъ 100 частей масла получается среднимъ числомъ 8 частей сажи. Передъ тѣмъ какъ дѣлать тушь, сажу просѣиваютъ.

Кромѣ сажи, въ составъ туши входятъ еще чернила, составляемая изъ различныхъ красильныхъ веществъ. Такими веществами служатъ: гранатовая корка, цинь-пи, то-есть кора дерева цинь, красный сандалъ, *Anchusa tinctoria*, желѣзный и мѣдный купоросъ, гуммигутъ, киноваръ, драконова кровь и листовое золото, мускусъ, яичный бѣлокъ и ву-тоу. Авторъ не говоритъ, въ какой пропорціи и какъ употреблять всѣ эти средства; видно только, что первыя шесть веществъ варятся, и въ процѣженный отваръ ихъ прибавляются въ порошокъ слѣдующія четыре. Чернила, говоритъ авторъ, употребляются не только для того, чтобы тушь имѣла надлежащій цвѣтъ, отличный блескъ и запахъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы она могла сохраняться долгое время, чтобы клей отъ давности не портился, цвѣтъ не мѣнялся, плотность всегда равнялась рогу носорога и камню, словомъ, чтобы тушь, по тонкости и плотности, способна была принять и сохранить самыя тонкія рисунки формы. Вотъ для чего употребляются разныя вещества съ древнѣйшихъ временъ. Нѣкоторыя изъ этихъ веществъ, дѣйствительно, имѣютъ приписываемыя имъ хорошія качества, а другія вовсе не отвѣчаютъ цѣли, съ какой ихъ употребляютъ. Такъ, напримеръ, желѣзный и мѣдный купоросъ портятъ тушь, мускусъ и яичный бѣлокъ притягиваютъ сырость, гранатовая корка и гуммигутъ уменьшаютъ черноту; напротивъ, цинь-пи не даетъ измѣняться цвѣту туши на бумагѣ, ву-тоу не позволяетъ ослабѣвать силѣ клея, *Anchusa*, сандалъ, драконова кровь, киноваръ и листовое золото усиливаютъ черноту. Но никакіе составы не сдѣлаютъ тушь хорошей, если главные матеріалы не надлежащаго качества и не обработаны надлежащимъ образомъ. Чтобы тушь была хороша, требуется, во-первыхъ, чистая сажа, во-вторыхъ, лучшаго качества клей и, наконецъ, въ-третьихъ, приготовленное изъ сажи и клея тѣсто необходимо толочь, какъ можно дольше. Клей для туши берется мядринный въ смѣси съ рыбьимъ. Въ продажѣ есть два

рода туши: одна называется тушью на горячемъ, другая — тушью на холодномъ клею. Тушь перваго рода готовится такимъ образомъ: когда клей достаточно разварится, къ нему приливаютъ понемногу опредѣленное количество чернилъ, не снимая съ огня: потомъ всю эту жидкость вливаютъ въ сажу, полученную массу хорошо переминаютъ и, пока она еще не остыла, раскладываютъ въ формы. Тушь втораго рода дѣлается еще проще: разваривши клей, вливаютъ его въ чернила, прибавляютъ сажу, мѣшаютъ и раскладываютъ въ формы. Понятно, какъ несовершенна будетъ тушь этого рода; но и такъ называемая тушь на горячемъ клею далеко уступаетъ хорошей. Для доброты туши недостаточно однихъ хорошихъ матеріаловъ, нужно еще соединить эти матеріалы надлежащимъ образомъ, и приготовленное изъ нихъ тѣсто растереть руками, распарить, затѣмъ толочь пестами и колотить молотками до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается мягко, какъ воскъ, на что требуется не мало часовъ времени (чѣмъ больше, тѣмъ лучше). Каждый кусокъ такого тѣста передается затѣмъ главному рабочему, который раскатываетъ его, прибавляетъ какихъ нибудь душистыхъ веществъ и вытискиваетъ въ форму. По вынутіи изъ формы, каждая палочка туши завертывается въ пропускную бумагу и сушится въ золѣ.

Главными мѣстами производства туши въ Китаѣ являются: Пекинъ, Кантонъ, Фу-чжоу и Амой.

Тушь, кисточка, небольшой четырехугольный кусокъ полированного мрамора, съ выемкой на одномъ концѣ, и бумага составляютъ вмѣстѣ то, что китайцы на своемъ языкѣ зовутъ ссе-пау,—четыре драгоценныхъ вещи. Кусокъ мрамора въ этомъ ассортиментѣ письменныхъ принадлежностей играетъ роль нашей чернильницы: въ выемку, сдѣланную на одномъ его концѣ, передъ тѣмъ какъ хотятъ писать, наливаютъ немного воды, необходимой для смачиванія туши; слегка смоченная тушь растирается затѣмъ на сухомъ, гладко отполированномъ концѣ мрамора, откуда писецъ и набираетъ ее кистью. Кисти дѣлаются изъ волосъ различныхъ животныхъ: дорогія—изъ волосъ соболя и лисицы, матеріалъ для дешевыхъ даютъ волосы козы, кошки, волка и кролика. Отъ кисти требуется, чтобы она была нѣжна и эластична. Когда китайцы пишутъ, они не держатъ кисть косо или наклонно, какъ это дѣлаютъ художники, а совершенно вертикально, будто собираются колоть бумагу.

Въ древности китайцы не знали бумаги и писали на маленькихъ кускахъ бамбука, употребляя вмѣсто пера или кисти тонкій желѣзный рѣзецъ. Чтобы сдѣлать твердый бамбукъ болѣе податливымъ, они слегка обжигаютъ его на огнѣ, не снимая коры. Такія маленькія дощечки, связанныя вмѣстѣ, составляли томы ихъ сочиненій.

Легко представить себѣ, какъ тяжелы и неудобны были подобныя книги. Затѣмъ, уже во времена Цинской династіи, они стали писать на шелкѣ и другихъ тканяхъ. Бумага въ Китайъ была, вѣроятно, введена впервые изъ Индіи, гдѣ она выдѣлывалась изъ хлопчатника лѣтъ за 100 до Рождества Христова.

Въ годъ, соотвѣтствующій 95 году нашей эры, одинъ китайскій придворный сановникъ, по имени Тсей-Лунъ, изобрѣлъ собственный способъ выдѣлки бумаги. Путемъ продолжительной варки, выпариванія и разминанія, Тсей-Лунъ обрацалъ кору различныхъ деревьевъ, куски шелка и стараго пеньковаго платяя сначала въ жидкую, затѣмъ въ тѣстообразную массу и приготавливалъ изъ нея различныя сорты бумаги¹⁾.

Китайцы приготавливаютъ теперь бумагу изъ бамбука, хлопчатника, шелковицы, эльма и др. растеній, причемъ у бамбука и хлопчатника идутъ въ дѣло всѣ части ствола, а у остальныхъ растеній только кора, то-есть собственно нижняя наружная кожаца, какъ болѣе нѣжная. Больше всего въ Китаѣ дѣлается бумаги изъ бамбука. На старыхъ бамбукахъ выбираютъ вѣтви, имѣющія возрастъ одного года, снимаютъ съ нихъ наружную зеленую кожицу и раскалываютъ вдоль на узкіе куски въ нѣсколько футъ длиною: стволъ бамбука, будучи составленъ изъ длинныхъ, тонкихъ волоконъ, легко раскалывается вдоль и очень трудно рѣжется поперекъ. Расколотые такимъ образомъ куски погружаютъ въ тинистый прудъ, чтобы они размякли. Черезъ двѣ недѣли ихъ вынимаютъ изъ тины, обмываютъ чистой водой, раскладываютъ въ большія, сухія канавы и покрываютъ сверху известкой. Черезъ нѣсколько дней ихъ опять вынимаютъ, обмываютъ, расщепляютъ на нити и выставляютъ на солнце для просушки и побѣлки. Потомъ эти нити кладутъ въ большіе катки, гдѣ ихъ варятъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не превратятся въ жидкую массу, которую пестами уплотняютъ въ тѣсто. Тѣстообразныя массы тонкимъ слоемъ разливаютъ въ формы, и бумага готова.

Чтобы тушь не могла расплываться по бумагѣ, послѣднюю обрабатываютъ квасцами. Бумага изъ хлопчатника бѣлѣе и нѣжнѣе бамбуковой бумаги. Употребленіе бумаги въ Китаѣ колоссально, ибо, кромѣ огромныхъ количествъ ея, поглощаемыхъ ученымъ классомъ и учащимися, она массами идетъ на оклейку стѣнъ, потолоковъ, вмѣсто стеколъ въ домахъ и проч.,—и на печатаніе книгъ.

Сочиненія китайскихъ классиковъ дали первый толчекъ и китайскому книгопечатанію. Они были выгравированы на камнѣ въ 177 году нашей эры, и съ нихъ тогда же сдѣлали оттиски. Печатаніе съ деревянныхъ досокъ стало извѣстно уже въ концѣ VI вѣка;

¹⁾ A Description of the Empire of China etc. from the French of P. J. R. Du Halde, jesuit. London. MDCCXXXVIII.

но китайскіе классики были отпечатаны впервые съ такихъ досокъ только въ 952 году по особому указу императора ¹⁾).

Такъ какъ нашъ алфавитъ состоитъ изъ очень небольшого числа буквъ, которыя своими различными сочетаніями могутъ производить безконечное множество словъ, то мы не имѣемъ надобности въ большомъ количествѣ знаковъ для печатанія: тѣ, которые были употреблены для перваго листа, могутъ пойти для втораго, третьяго и т. д. Число китайскихъ знаковъ колоссально громадно; отлить ихъ все было бы почти невозможно, и если бы они были отлиты, то большая часть ихъ употреблялась бы очень рѣдко. Китайцы при печатаніи своихъ книгъ поступають слѣдующимъ образомъ: сочиненіе переписывается тщательно искуснымъ писцомъ на хорошей бумагѣ; граверъ кладетъ каждый листъ его лицевой стороной на доску, сдѣланную изъ апельсиноваго, грушеваго, или сливаваго дерева и гладко обтесанную; пальцами, смоченными въ водѣ, онъ растираетъ бумагу, и знаки, изображенные на ней, отпечатываются на доскѣ; затѣмъ, дѣйствуя различными рѣзцами и кускомъ дерева, какъ колотушкой, граверъ вырѣзываетъ, до глубины въ $\frac{1}{4}$ дюйма, всю поверхность дерева, которая не покрыта письменами, оставляя ихъ такимъ образомъ выпуклыми. Доска, толщина которой около $\frac{3}{4}$ дюйма, иногда вырѣзывается и на нижней сторонѣ. Каждая поверхность доски содержитъ обыкновенно двѣ страницы печатаемой книги. Значитъ, число различныхъ досокъ, какія долженъ приготовить мастеръ, равно одной четверти, или половинѣ числа страницъ даннаго сочиненія. Послѣ того, какъ были сдѣланы 16.000 оттисковъ, доски требуютъ известной подправки, послѣ чего можно бываетъ приготовить еще 10.000 оттисковъ; затѣмъ доски окончательно изнашиваются. Хорошій мастеръ получаетъ приблизительно одинъ рубль за тысячу вырѣзанныхъ знаковъ. Чернила для печатанія выдѣлываются изъ древесной сажи, смѣшанной съ растительнымъ масломъ.

Честь изобрѣтенія подвижнаго шрифта для печатанія принадлежитъ одному китайскому кузнецу, по имени Пи-Шину, жившему около 1000 года нашей эры. Свои шрифты онъ дѣлалъ изъ пластической, фарфоровой глины. Фарфоровые шрифты, по обжиганіи ихъ въ печи, клались въ желѣзную форму, куда наливалась масса изъ воска, камеди и извести для ихъ укрѣпленія. Сдѣлавъ известное число оттисковъ, массу эту расплавляли, а шрифты употребляли для слѣдующей серіи оттисковъ. Этотъ способъ не получилъ, однако, широкаго распространенія и не замѣнилъ печатанія съ досокъ, то-есть неподвижнымъ шрифтомъ.

Иностранные миссіонеры, въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія среди китайцевъ переводовъ священныхъ христіанскихъ

¹⁾ Du Halde, op. cit.

книгъ и другихъ сочиненій религіознаго содержанія, ввели много усовершенствованій въ тамошнемъ книгопечатаніи; особенно потрудились надъ этимъ дѣломъ протестантскіе миссіонеры.

Книги въ Китаѣ печатаются всѣхъ размѣровъ отъ маленькихъ, такъ называемыхъ рукавныхъ изданій, до томовъ величиною въ 12—14 квадр. дюймовъ (доски большихъ размѣровъ приготовить трудно). Цѣна варьируетъ отъ одной копейки за брошюру въ 25—30 страницъ до 1½ рубля за томъ въ 100 листовъ. Въ Фу-Чжоу или Кантонѣ «Исторія трехъ царствъ», — сочиненіе въ 21 томъ въ 12-ю долю листа, напечатанное на бѣлой бумагѣ, продается обыкновенно за 75 коп. или 1 рубль экземпляръ. Словарь императора Канхи въ 21 томъ въ 8-ю долю листа, напечатанный на желтой бумагѣ, стоитъ 4 рубля; а всѣ девять классиковъ можно купить меньше, чѣмъ за два рубля¹⁾.

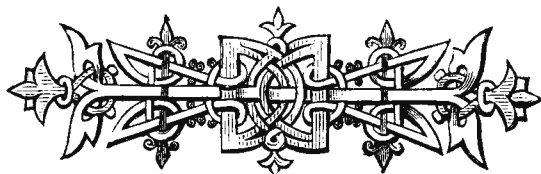
Въ Китаѣ запрещено только писать что либо о нынѣшней династии. Никакихъ другихъ цензурныхъ правилъ или законовъ тамошняя пресса не знаетъ. Авторскія права также не ограждены законами страны.

Въ Амойскомъ округѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Китая, выдѣляются значительныя количества румянъ и бѣлилъ, имѣющихъ такое широкое распространеніе среди женской половины китайскаго человѣчества.

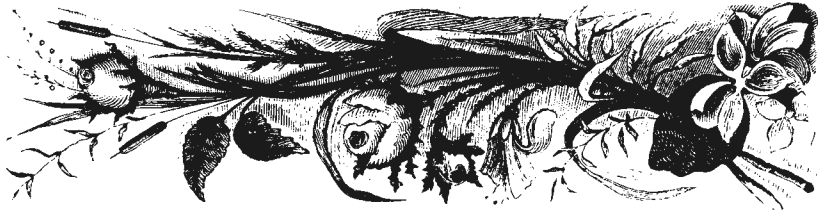
Китайскія бѣлила не что иное, какъ крахмаль изъ сарацинскаго пшена, а румяна добываются китайцами изъ сафлора (*carthamus tinctorius*).

В. Черевковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

1) W. Williams «The Middle Kingdom».

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

I.

ВЪ МОСКОВСКОМЪ кремлѣ состоялось 16-го августа торжественное открытіе памятника императору Александру II, ознаменованное блистательными торжествами, отвѣчающими значенію событія. Уже за нѣсколько дней до празднествъ начали собираться въ Москву многочисленныя отряды войскъ, назначенныя состоять при открытіи, иностранныя туристы и корреспонденты, чины дворцоваго и придворнаго вѣдомства, представители различныхъ сословій и мѣстностей Россіи, высшей администраціи, духовенства, печати, приближенныя къ императору Александру II лица, получившія приглашенія на торжество, депутаціи отъ иностранныхъ правительствъ и армій и, наконецъ, особы императорской фамиліи. Помимо официальныхъ участниковъ церемоніи происходилъ оживленный сѣздъ множества любопытныхъ, переполнившихъ всѣ гостиницы и меблированныя комнаты. Вездѣ происходили приготовления къ праздничному убранству улицъ, площадей и зданій, къ иллюминаціи и народнымъ увеселеніямъ.

15-го августа, въ Москву прибыли ихъ величества государь императоръ и государыня императрица Александра Теодоровна съ августѣйшими дѣтьми. Встрѣтить ихъ величествовъ выѣзжалъ въ Клинь августѣйшій московскій генералъ-губернаторъ, великій князь Сергѣй Александровичъ съ великой княгиней Елисаветой Теодоровной. Съ 3½ часовъ дня на Николаевскій вокзалъ на-

чали съѣзжаться должностныя и почетныя лица для встрѣчи. Дебаркадеръ желѣзной дороги красиво былъ убранъ флагами и гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ. Входъ въ императорскія комнаты и лѣвая сторона платформы, устланная коврами, были декорированы тропическими растеніями и задрапированы красной матеріей съ золотой бахромой и кистями. Налѣво отъ императорскихъ комнатъ стоялъ почетный караулъ отъ 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки на правомъ флангѣ. Къ 4^{1/2} часамъ дня на дебаркадерѣ собрались министры, члены государственнаго совѣта, главноуправляющіе отдѣльными частями, сенаторы, статсъ-секретари и почетные опекуны; первые и вторые чины высочайшаго двора и придворные кавалеры; свита государя императора и великихъ князей; придворныя дамы, городскія дамы, имѣющія пріѣздъ ко двору; особы бывшей свиты въ Бозѣ почившаго императора Александра II; особы первыхъ четырехъ классовъ, имѣющія пріѣздъ ко двору; начальствующія лица московскихъ административныхъ учрежденій, представители судебного вѣдомства и георгіевскіе кавалеры, а также военные и гражданскіе чины, имѣющіе знакъ отличія военнаго ордена, какъ отставные, такъ и состоящіе на дѣйствительной службѣ; московскіе губернской и уѣздные предводители дворянства, московскій городской голова и члены московской городской управы и начальники отдѣльныхъ управленій, находящихся въ Москвѣ; представители сельскаго населенія, въ томъ числѣ инородческаго. Въ числѣ присутствующихъ лицъ находились: генераль-адъютантъ графъ Д. А. Милютинъ, генераль-фельдмаршалъ генераль-адъютантъ І. В. Гурко, генераль-адъютантъ графъ П. И. Воронцовъ-Дашковъ, генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, кіевскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ М. И. Драгоміровъ, варшавскій генераль-губернаторъ свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій, главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ генераль-адъютантъ князь Г. С. Голицынъ, исправляющій должность финляндскаго генераль-губернатора генераль-лейтенантъ Гончаровъ, командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ князь Оболенскій, генераль-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ, генераль-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, генераль-адъютантъ Н. Н. Обручевъ, генераль-отъ-инфантеріи М. П. Даниловъ, генераль-отъ-инфантеріи Н. Н. Малаховъ, московскій губернаторъ гофмейстеръ Булыгинъ, исправляющій должность московскаго оберъ-полицеймейстера Треповъ, предводитель дворянства князь Трубецкой съ уѣздными предводителями и депутатами дворянства, городской голова князь Голицынъ, съ товарищемъ головы и членами городской управы, предсѣдатели губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ и начальники разныхъ отдѣльныхъ гражданскихъ управленій. Къ 5-ти часамъ дня на вокзалѣ собрались особы императорской фамиліи въ полномъ ея составѣ. Ихъ высочества и лица свиты государя и ве-

ликихъ князей и княгинь помѣстились близъ лѣваго фланга почетнаго караула.

Прибытіе императорскаго поѣзда къ Москвѣ возвѣстили ударъ большого колокола на Ивановской колокольнѣ, за которымъ тотчасъ же послѣдовалъ звонъ во всѣхъ церквахъ столицы. Въ 5¹² часовъ дня подошелъ къ дебаркадеру императорскій поѣздъ. Раздалась команда: «Слушай!». Гренадеры взяли «на караулъ», и знамя склонилось. Хоръ музыки заигралъ «встрѣчу». По остановкѣ поѣзда первой изволила выйти изъ салонъ-вагона государыня императрица Александра Феодоровна, затѣмъ его величество государь императоръ въ сопровожденіи московскаго генераль-губернатора великаго князя Сергѣя Александровича и великой княгини Елисаветы Феодоровны и великаго князя Михаила Александровича. Подоровавшись съ великими князьями и княгинями, собравшимися на вокзалъ для встрѣчи, государь императоръ съ государыней императрицей въ сопровожденіи всѣхъ августѣйшихъ особъ при звукахъ народнаго гимна направился по фронту почетнаго караула. здороваясь съ нимъ. У входа въ императорскія комнаты московскій губернскій предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой удостоился поднести ея величеству роскошный букетъ изъ орхидей, а супруга московскаго городского головы княгиня Голицына—букетъ изъ чайныхъ розъ. Здороваясь здѣсь съ высокопоставленными лицами, его величество изволилъ осчастливить городского голову князя В. М. Голицына милостивою краткою бесѣдою. Прослѣдовавъ черезъ императорскія комнаты, ихъ величества изволили сѣсть въ открытую коляску и при громкихъ крикахъ «ура» отправились въ Кремль. Во второй коляскѣ слѣдовали великіе князья Сергѣй Александровичъ и Михаилъ Александровичъ, а въ слѣдующихъ экипажахъ другія августѣйшія особы. Впереди ѣхалъ исправляющій должность оберъ-полицеймейстера Д. Θ. Треповъ, а передъ нимъ ихъ императорскія высочества великія княжны Ольга и Татіана Николаевны со своими воспитательницами. Царскій поѣздъ замыкался длинной вереницей экипажей съ лицами, встрѣчавшими ихъ величества. Во время слѣдованія ихъ величества не смолкали одушевленные привѣтствія столичнаго населенія, вышедшаго въ количествѣ сотенъ тысячъ навстрѣчу государю и государынѣ. Безпрерывное «ура» слилось съ колокольнымъ звономъ и звуками народнаго гимна, исполнявшагося хорами музыки частей войскъ. По лѣвой сторонѣ отъ Николаевского вокзала до кремлевскаго дворца стояли шпалерами войска московскаго гарнизона. Всѣ войска были въ парадной формѣ въ пѣшемъ строю. Завѣдывалъ всею линіей шпалеръ командиръ 1-й бригады 2-й гренадерской дивизіи генераль-майоръ Засуличъ. Изъ церквей, расположенныхъ по пути отъ вокзала до дворца, выходило навстрѣчу ихъ величествамъ духовенство въ праздничныхъ золотыхъ облаченіяхъ, причемъ свя-

Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.

щенники осѣнили государя и государыню крестомъ, діаконы совершали кажденіе, а псаломщики въ стихаряхъ держали зажженные свѣчи. У Иверской часовни ихъ величества встрѣчены были пресвященнымъ Тихономъ, епископомъ можайскимъ, съ крестомъ и, войдя въ часовню, приложились къ иконѣ Божіей Матери. У Большаго кремлевскаго дворца ихъ величествъ на собственномъ подъѣздѣ встрѣтили: завѣдующій придворною частью въ Москвѣ генераль-адъютантъ А. Д. Столыпинъ съ чинами дворцоваго управленія и многія высокооставленные лица, прибывшія изъ Петербурга. Государыня императрица съ великою княгиней Елисаветой Ѳеодоровной вошли во дворецъ, а государь императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Сергѣя Александровича, изволилъ пройти по фронту стоявшаго передъ подъѣздомъ почетнаго караула отъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго императора Александра III полка и, принявъ ординарцевъ, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ. Войдя въ собственные покои дворца, гдѣ ихъ величествъ посѣтили великій князь Михайлъ Александровичъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, великая княгиня Марія Павловна и великій князь Павелъ Александровичъ, его императорское величество черезъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ государыней императрицей, въ сопровожденіи великаго князя Сергѣя Александровича и великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны, изволилъ прослѣдовать черезъ дворецъ въ Большой Успенскій соборъ, гдѣ ихъ величествъ встрѣтило мѣстное духовенство. Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, ихъ величества возвратились во дворецъ, а великій князь Сергѣй Александровичъ и великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна — въ генераль-губернаторскій домъ. Послѣ высочайшаго фамиліаго обѣда въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, ихъ величества посѣтили августѣйшаго московскаго генераль-губернатора великаго князя Сергѣя Александровича и великую княгиню Елисавету Ѳеодоровну. Площадь передъ генераль-губернаторскимъ домомъ въ это время была переполнена народомъ, привѣтствовавшимъ ихъ величествъ одушевленными кликами. Ихъ величества возвратились во дворецъ около 12-ти часовъ ночи. Вмѣстѣ съ ихъ величествами прибыли въ Москву министр императорскаго двора генераль-адъютантъ баронъ В. Б. Фредериксъ, фрейлина ея величества княжна Оболенская, дворцовый комендантъ генераль-адъютантъ Гессе, гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, флигель-адъютантъ баронъ Мейендорфъ. Въ Москвѣ вступили въ дежурство при государѣ императорѣ генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ, свиты его величества генераль-майоръ Бибииковъ и флигель-адъютантъ полковникъ Троцкій.

II.

Наступилъ день открытія памятника. Утромъ, въ 8 часовъ, 5 пушечныхъ выстрѣловъ съ Тайницкой башни Кремля возвѣстили Москвѣ о началѣ торжества. Но уже до этихъ выстрѣловъ, съ 7 часовъ и раньше, началось сильное движеніе вокругъ Кремля. Всѣ, кто могъ проникнуть за его стѣны, спѣшили попасть туда; толпы народа стояли у кремлевскихъ воротъ, смотря на съѣздъ приглашенныхъ; но главнымъ образомъ народъ затопилъ Софійскую набережную, откуда видна ограда памятника и верхняя часть — голова статуи императора подъ величественной стѣнью. Торжеству открытія памятника предшествовалъ высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ къ божественной литургіи. Прекрасная погода благоприятствовала торжеству. Съ 8-ми часовъ утра въ Кремль и Большой Кремлевскій дворецъ начался съѣздъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, придворныхъ и городскихъ (т.-е. женъ и дочерей сановниковъ) дамъ, всѣхъ находящихся и пріѣзжающихъ въ Москву генераловъ и адмираловъ, а также штабъ- и оберъ-офицеровъ, назначенныхъ распоряженіемъ военнаго начальства, всѣхъ бывшихъ лицъ свиты императора Александра II, всѣхъ начальствующихъ московскихъ административныхъ и судебныхъ учреждений, губернскихъ предводителей дворянства и представителей дворянъ отъ разныхъ губерній и областей, уѣздныхъ предводителей московскаго дворянства съ дворянами-депутатами, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, городскихъ головъ губернскихъ и равнозначущихъ имъ городовъ, депутатовъ отъ великаго княжества Финляндскаго, членовъ московской губернской и предсѣдателей московскихъ уѣздныхъ земскихъ управъ, членовъ управы и гласныхъ отъ московской городской думы, городскихъ головъ и старостъ городовъ Московской губерніи, представителей русскаго и иностраннаго московскаго купечества, московскихъ мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ, ямскаго и биржевого. Всѣ присутствующіе мундирные были въ полной парадной формѣ. Великолѣпные залы кремлевскаго дворца наполнились многолюдной, блестящей толпой, среди которой церемоніймейстеры, въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, съ тростями, украшенными бантомъ изъ андреевской ленты, водворяли порядокъ, указывали мѣста и очищали дорогу къ высочайшему шествію. Придворныя дамы и лица свиты вступали въ залы подъ зимнимъ садомъ; фрейлины, придворные чины, дворяне и представители сословій блестящимъ потокомъ стремились черезъ главный великолѣпный подъѣздъ, гдѣ изъ стѣней грандіозно поднимается колоссальная великолѣпная лѣстница въ 66 ступеней, своды которой поддерживаются мраморными колоннами, а правую стѣну украшаетъ грандіозная картина Куликовской битвы; всѣ военные проходили черезъ министерскій

подъѣздъ. Въ 10 часовъ съѣздъ кончился. Залы наполнены, лишь оставлена широкая дорога для царскаго шествія. Придворныя дамы, въ свѣтлыхъ высокихъ платьяхъ, заняли правую сторону Екатерининскаго зала, противъ дамъ—сплошная золотая шпалера придворныхъ чиновъ и кавалеровъ. Въ Андреевскомъ залѣ собрались представители военнаго міра. Здѣсь золотые и серебряные эполеты, эксельбанты, всѣхъ цвѣтовъ мундиры. Этотъ великолѣпный залъ поддерживается десятью величественными пилонами, покрытыми сплошь золоченой лѣпной работой, а стѣны обтянуты голубой матеріей цвѣта ленты ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ простѣнкахъ оконъ помѣщены изображенія орденской цѣпи и знаковъ. Въ глубинѣ зала, въ видѣ громаднаго шатра, возвышается великолѣпный тронъ, сдѣланный для коронаціи ихъ величествъ по рисункамъ графа Комаровскаго. Шатеръ трона изъ золотой грани, усѣянной государственными гербами на подбоѣ изъ горностаея, по краямъ окаймленный широкой бахромой съ золотыми кистями, охватываетъ все пространство между двумя средними колоннами Андреевскаго зала. Верхъ шатра въ видѣ сѣни представляетъ замѣчательную рѣзбу по дереву, матово позолоченному (рисунокъ заимствованъ изъ древняго орнамента на престольной церкви въ Ярославлѣ). Плафонъ сѣни изъ золотой грани, съ громаднымъ государственнымъ орломъ по срединѣ и кругомъ цѣпью ордена. Верхъ шатровой сѣни украшенъ по краямъ четырьмя золочеными орлами и императорскою короною по срединѣ. По правую сторону трона группировались лица государевой свиты, по лѣвую—остальные военные. Въ громадномъ Александровскомъ залѣ, съ колоссальнымъ куполомъ, мраморными стѣнами нѣжно-розоваго цвѣта, покрытомъ массою позолоты, собрались въ богатыхъ туалетахъ городскія дамы. Чудный Георгіевскій залъ, одинъ изъ громаднѣйшихъ въ мірѣ, вмѣстилъ всѣхъ гражданскихъ чиновъ и представителей дворянствъ и земствъ. Восмиугольный, съ розово-мраморными стѣнами и пилястрами, и послѣдній, ближайшій къ Святымъ сѣнямъ, Владимірскій залъ на половину чернѣлъ фраками и гражданской одеждой. Здѣсь собрались представители сословія Москвы и биржевое купечество.

Поданъ сигналъ, что началось шествіе, и въ залахъ воцарилась тишина. Въ 10¹/₂ час. изъ внутреннихъ покоевъ вышли ихъ величества—государь императоръ въ мундирѣ Екатеринославскаго полка; попарно двигались въ своихъ красныхъ мундирныхъ фракахъ, обшитыхъ по борту золотымъ шитьемъ, гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, за ними длинной лентой тянулись залитые золотомъ камеръ-юнкеры, камергеры, вторые и первые чины высочайшаго двора. Въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера шли ихъ величества, за ними министръ императорскаго двора, королева элиновъ и всѣ августѣйшія особы; камеръ-лажи слѣдовали за великими княгинями. Рядъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ продолжалъ шествіе, а за ними уже слѣдовала

государева свита и свита великихъ князей. Ихъ величества, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, слѣдовали черезъ Екатерининскій залъ въ Пикетную комнату, гдѣ выставленъ былъ караулъ отъ Сумскаго драгунскаго полка, черезъ Андреевскій, Александровскій, Георгіевскій и Владимірскій залы въ Святыя сѣни, Красное Крыльцо и черезъ площадь въ Успенскій соборъ.

Въ Георгіевскомъ залѣ московскій губернскій предводитель дворянства князь Трубецкой привѣтствовалъ ихъ величества рѣчью: «Съ восторженною радостью въ стѣнахъ древняго Кремля привѣтствуетъ васъ дворянство, великій государь, и государыню императрицу, въ торжественную минуту шестія вашего къ мѣсту, гдѣ единодушною любовью народа русскаго воздвигнуть памятникъ блаженной памяти дѣду вашему. Русское дворянство съ глубокимъ волненіемъ и благодарною памятю вспоминаетъ нынѣ о великихъ и мудрыхъ дѣяніяхъ незабвенной памяти Царя-Освободителя и о всегдашнемъ царственномъ довѣрїи почившаго монарха. Мы горды сознаниемъ, что намъ дано было счастье явиться исполнителями августѣйшихъ его предначертаній, и одинаково мы будемъ счастливы положить всѣ силы, всю жизнь свою на служеніе славы вашей, возлюбленный государь, и величію Россіи». Государь благодарилъ дворянство нижеслѣдующими милостивыми словами: «Благодарю васъ, господа, за выраженные чувства. Мнѣ особенно отрадно слышать ихъ сегодня, когда вся Россія вспоминаетъ великій подвигъ моего дѣда, столь необходимый для блага Россіи. Онъ совершилъ его такъ смѣло и осуществилъ такъ мирно и благополучно, благодаря самоотверженному и безкорыстному содѣйствію дворянства. Я и Россія это помнимъ и исторія занесетъ подвигъ этотъ на свои скрижали золотыми письменами. Съ довѣріемъ я буду и впредь полагаться на дворянство при дальнѣйшемъ совмѣстномъ служеніи на благо нашей родины». Тутъ же государь принялъ хлѣбъ-соль отъ города Москвы, поднесенную депутаціей, съ городскимъ головой княземъ Голицынымъ во главѣ, также привѣтствовавшимъ ихъ величества рѣчью: «Высоко знаменательно настоящее вступленіе вашего императорскаго величества въ священную ограду Московскаго кремля. Здѣсь, въ этомъ «алтарѣ Москвы», какъ нѣкогда выразился усопшій родитель вашъ, вѣками созидалось собираніе и строеніе Русской земли; здѣсь возросталъ духомъ Великій Петръ; здѣсь родился незабвенный Дѣдъ вашъ, кому было дано возвысить Россію по путямъ гражданскаго преуспѣянія. И вотъ нынѣ здѣсь же, по почину Москвы, воздвигается образъ великаго монарха, рожденнаго въ Москвѣ и любовью всего русскаго народа увѣковѣчивается слава его царствованія. Москва и съ нею всѣ русскіе города, твердые въ сознаниіи щедротъ, царскимъ изволеніемъ его дарованныхъ имъ, повергаютъ къ стопамъ Державнаго его внука свои вѣрно-подданичскія благопожеланія на царство въ

силѣ и духѣ московскихъ царей и могуществомъ Петра, въ любвеобильномъ благосердіи Александра II». Его величество изволилъ отвѣтить: «Передайте населенію Москвы, что императрица и я очень тронуты вчерашнимъ сердечнымъ приѣмомъ, обычнымъ для Москвы. Матушка поручила мнѣ передать, что она искренно сожалѣетъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не быть на торжествѣ вмѣстѣ съ нами. Еще разъ благодарю васъ». Во Владимірскомъ залѣ имѣли счастье поднести хлѣбъ-соль московскія общества—купеческое, мѣщанское, ремесленное и ямское, а въ Святыхъ сѣняхъ—хоругвеносцы Успенскаго собора и храма Христа Спасителя. Здѣсь ихъ величества встрѣчены были придворнымъ духовенствомъ, во главѣ котораго находился протопресвитеръ Янышевъ съ придворными псаломщиками. Ихъ императорскія величества прикладывались ко кресту.

Величественна была картина, когда въ предшествіи духовенства, при звонѣ колоколовъ, царское шествіе, при охватившемъ всю площадь восторгѣ, вышло изъ Святыхъ сѣней дворца и стало спускаться по Красному крыльцу. Гудѣлъ колоколъ Ивана Великаго, разливалось «ура», заглушая воинскую почесть дворцоваго караула. По помосту, устланному краснымъ сукномъ, шествіе направилось черезъ площадь къ Успенскому собору. На паперти встрѣтилъ ихъ величества, въ золотомъ облаченіи, окруженный архимандритами и соборнымъ духовенствомъ, высокопреосвященный митрополитъ московскій Владиміръ, съ крестомъ и св. водою. Владыко осѣнилъ крестомъ и окропилъ царя и царицу и краткимъ словомъ привѣтствовалъ ихъ величествъ. «Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный государь императоръ,—говорилъ владыка,—священный дѣписатель, повѣствуя объ освященіи храма истинному Богу, замѣчаетъ, что въ то время «царь сотворилъ великій праздникъ съ народомъ своимъ у храма, его же созда, и весь народъ радовался и благодарилъ Бога о благихъ, яже Онъ сотвори ему» (3 Цар. 8, 65). Нѣчто подобное сотворилъ сейчасъ и Ты въ нашемъ первопрестольномъ градѣ Москвѣ. Въ этомъ храмѣ и сердцѣ Россіи торжествуетъ и Твой народъ, взирая на чудный памятникъ, воздвигнутый его любовью своему Царю-Освободителю и имѣя невыразимое счастье видѣть на этомъ праздникѣ тебя, Богомъ вѣнчанную царицу, и многихъ членовъ царственнаго дома; радуется онъ и глубоко благодаритъ Всевышняго, что удостоилъ его принести царю своему этотъ даръ благодарной любви. Пройдутъ года, пронесутся столѣтія, и доколѣ жива Россія, этотъ памятникъ будетъ живымъ воспоминаніемъ о величайшемъ изъ царей Александрѣ II, Царѣ-Освободителѣ, Царѣ-Крестonosцѣ, Царѣ-Мученикѣ. Но это памятникъ рукотворенный, а для его безсмертнаго духа наиболѣе благоугоденъ былъ бы памятникъ другого рода — памятникъ нерукотворенный, въ душахъ нашихъ воздвигнутый. Къ утѣшенію своему и почившаго Авгу-

стѣйшаго страдальца мы можемъ сказать, что у насъ есть надежда на доставленіе Ему и сей радости, ибо невинно пролитая имъ на русскую землю кровь Его не должна пропасть для него даромъ, безслѣдно. Но какъ нѣкогда кровь христіанскихъ мучениковъ служила для міра сѣменемъ вѣры и истины, такъ и кровь Царя-Мученика послужитъ для нашего отечества сѣменемъ отрезвленія, нравственнаго исправленія и обновленія, какъ нѣкогда на гробницахъ мучениковъ устраивали престолъ Христовъ, такъ и на костяхъ Царя-Мученика создается мало-по-малу алтарь вѣры и вѣрности долгу, строго гуманной, чуждой себялюбія, полной законности, уваженія въ правдѣ и порядку, честности въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, и—благодареніе Богу!—этотъ алтарь уже создается. Начало ему положено блаженныя и вѣчныя памяти достойнымъ августѣйшимъ Родителемъ Твоимъ, императоромъ Александромъ III, этимъ носителемъ идеала Русскаго царя и народа. Бодро вступивъ на прародительскій престолъ въ смутное время крамолы, онъ твердо повелъ Россію по пути вѣры и вѣрности кореннымъ и здоровымъ началамъ народной жизни и въ короткое время Своего царствованія возвелъ ее на такую высоту, до которой она прежде никогда не достигала. Но вотъ волей Божіей онъ умеръ, но не умерло Его дѣло, переданное Имъ въ Твои надежныя руки. Благочестивѣйшій государь! Не изъ словъ только Твоихъ, съ восторгомъ недавно прочитанныхъ нами, но и изъ дѣлъ Твоихъ мы убѣждаемся, что Ты съ царицей нашею выше всего чтить и любишь Свою родную православную церковь, и, будучи воспитанъ въ правилахъ незабвеннаго Твоего Родителя, ведешь Свою Россію тѣмъ же путемъ Господнимъ, которымъ велъ ее и Онъ. Горячо молимъ Всевышняго, да продлитъ Онъ и впредь свою милость къ намъ подъ Твоимъ мудрымъ управленіемъ и да сотворитъ Онъ Тебя достойнымъ продолжателемъ великаго дѣла созиданія нерукотвореннаго памятника августѣйшему дѣду Твоему Императору Александру II, а ему да усвоитъ еще имя спасителя Россіи отъ современныхъ ея заблужденій и развращенія. Да будетъ благословенно вхожденіе Твое къ намъ и исхожденіе Твое отъ насъ». Въ предшествіи духовенства вошли ихъ величества въ соборъ и стали на правой сторонѣ. Въ соборѣ уже находились всѣ высшіе чины имперіи, члены государственнаго совѣта и министры, въ парадныхъ мундирахъ, группа сенаторовъ выдѣлялась своими красными, шитыми золотомъ мундирами, статсъ-секретари, почетные опекуны и бывшія особы свиты императора Александра II заполняли правую сторону собора. Голова императорскаго шествія включительно до вторыхъ чиновъ двора прослѣдовала черезъ соборъ и вышла налѣво, на пристроенный къ собору помостъ, первые чины остались въ соборѣ, а затѣмъ придворныя дамы и государева свита, шедшіе позади ихъ величествъ, заняли лѣвую сторону собора. Высокопреосвященный митрополитъ

Владиміръ совершилъ божественную литургію при пѣніи хора придворныхъ пѣвчихъ, въ ихъ малиновыхъ кафтанахъ и мундирахъ, занявшихъ оба клироса собора. По окончаніи богослуженія митрополитъ осѣнилъ крестомъ ихъ величества, и государь съ государыней и всею царскою фамиліею, въ предшествіи духовенства и митрополита, при колокольномъ звонѣ прошли по красному сукну въ Чудовъ монастырь, гдѣ поклонились его святителямъ, и внутреннимъ ходомъ, благословленные митрополитомъ, прошли въ Николаевскій дворець, куда были перенесены изъ Кремлевскаго дворца августѣйшія дѣти ихъ величества.

На папери Чудова монастыря выстроена рота дворцовыхъ гренадеръ: сѣдые ветераны боевой русской славы (многіе изъ нихъ участвовали въ походахъ вмѣстѣ съ царемъ-освободителемъ и украшены георгиевскими крестами) въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ красныхъ съ золотыми петлицами лацканахъ на груди мундировъ и широкой золоченой португелѣ. Знаменщикъ съ 4-мя Георгіями держитъ золотое знамя роты, рядомъ съ высокимъ барабанщикомъ съ золотымъ барабаномъ, маленькій, ему по поясъ флейтчикъ, внукъ одного изъ этихъ ветерановъ. На флангѣ стоитъ командиръ роты, генераль-майоръ Пастуховъ. Колокольня Ивана Великаго, три высокія трибуны у кремлевскихъ соборовъ и кремлевская стѣна у Москвы-рѣки усѣяны были народомъ. У памятника устроены ряды помостовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Передъ самымъ памятникомъ средній — назначенъ для духовенства и царской фамиліи, справа отъ него, на крайнемъ помостѣ, сосредоточились всѣ высшіе чины имперіи; тутъ плотная группа золотыхъ мундировъ, звѣздъ, лентъ и орденовъ, здѣсь съ 1 часу дня стоятъ члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, статсъ-секретари, почетные опекуны, за ними лица, бывшія въ свитѣ императора Александра II, на сосѣднемъ помостѣ представители сословій. На помостѣ слѣва городскія дамы, имѣющія орденъ св. Екатерины, по сосѣдству съ ними гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ. У входа на средній помостъ, гдѣ были для молебствія приготовлены аналои для иконъ, сгруппировался комитетъ по сооруженію памятника. Возлѣ помоста, съ лѣвой стороны, большая группа представителей сельскаго населенія и окраинъ, отчасти она пестрѣетъ національными костюмами: тутъ выдѣляются одежды кавказскихъ горцевъ, ихъ папахи, кафтаны, черкесски, расшитыя шнурами и золотомъ цвѣтныя куртки, цвѣтныя халаты и чалмы представителей Самарканда и закаспійскихъ мѣстностей. Передъ памятникомъ по всей площади были выстроены войска. Ихъ стройныя линіи, идущія въ глубь площади, красивыя формы гвардейцевъ, блескъ мѣдныхъ касокъ кирасиръ, бѣлые султаны гусаръ и уланъ, папахи казаковъ, красивые бѣлые, синіе и нѣжно-голубые мундиры кавалеріи, маленькими пестрыми квадратами выдѣлялись въ этой строевой массѣ; группы

музыкантовъ ярко блестяли на солнцѣ, а надъ строемъ возвышалась роща знаменъ и штандартовъ. Сюда были собраны представители всей гвардіи, всѣхъ войскъ московскихъ и всѣхъ полковъ, въ которыхъ императоръ былъ шефомъ. Войска были выстроены покоемъ. Вообще, на церемонію были назначены только старшіе въ чинѣ, старшіе генералы командовали сводными частями, старшіе полковники—эскадронами и ротами, старшіе капитаны—взводами. За войсками оставался широкій проходъ и море головъ учащихъ съ ихъ начальниками и учителями, а налѣво, по сторонамъ царя-колокола, угломъ были расположены трибуны—пестрыя, живыя горы привилегированныхъ зрителей; справа отъ памятника уголь дворца. Вся картина мѣстности очень красива, ее стараются зарисовать художники-корреспонденты; на углу, у царя-колокола видны аппараты старающихся поймать моментъ фотографовъ. Пробыло два часа. Вотъ какое-то движеніе, раздается команда: *накраулъ!* Изъ Чудова монастыря вышелъ государь съ великими князьями и своею свитой. Бьютъ барабаны, играетъ музыка, склоняются знамена, штандарты и флагъ. Государь обходитъ линію войскъ и здороваается. Бойко несутся радостные отвѣтные клики солдатъ. Музыка играетъ «*Боже, царя храни*». Государь, обойдя войска, возвратился въ Чудовъ монастырь. Кромѣ войскъ, у памятника, на берегу Москвы-рѣки выстроились для салюта гвардейская артиллерійская бригада. Въ свитѣ государя находились: германскій генералъ-адъют. фонъ-Вердеръ, австрійскій военно-уполномоченный генералъ Клепшъ, французскій военный агентъ полковникъ де-Мулленъ, всѣ бывшіе при императорѣ Александрѣ II. У памятника же помѣстилась и германская депутація отъ прусскаго полка гвардейскихъ гренадеръ имени Александра II (командиръ флигель-адъютантъ германскаго императора полковникъ фонъ-Мольтке, полковой адъютантъ фонъ-Бисмаркъ, командиръ батальона фонъ-Ротенгеймъ, ротный командиръ фонъ-Утманъ, офицеры Тюркъ, Верфельдтъ, фельдфебель и ефрейторъ).

Прошло минутъ десять послѣ обхода войскъ государемъ... Ударилъ колоколъ съ Ивана Великаго: разъ, другой, третій — вся Москва вторитъ ему съ своихъ колоколенъ; изъ Чудова монастыря показалось шествіе. Послѣдовала команда: «*на-плечо! на-краулъ!*» Хоры музыки заиграли «*Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*». Черезъ площадь по красному помосту, мимо тысячи учениковъ и ученицъ и войскъ, выходитъ къ памятнику крестный ходъ. Впереди за фонаремъ хоругвеносцы въ форменныхъ кафтанахъ несутъ двѣ бархатныя хоругви 1812 года, за ними попарно синодальные пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ, пономари Большого Успенскаго собора со свѣчами, въ золотыхъ облаченіяхъ, іеромонахъ съ запрестольной иконой Богоматери изъ алтаря Успенскаго собора, икону поддерживаютъ два діакона собора, два пресвитера собора несутъ хрустальные корсунскіе кресты, третій—образъ Божіей Матери,

затѣмъ священники несутъ иконы, пожертвованныя въ Успенскій соборъ императоромъ Александромъ II, Божіей Матери и св. Александра Невского, украшенныя золотыми окладами съ драгоценными камнями, древнюю икону Владимірской Божіей Матери, икону святителей московскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, за ними два діакона со свѣчами; сакеларій собора несетъ на блюдѣ на престольный крестъ, другой сакеларій — св. Евангеліе, за ними по два въ рядъ двигаются протоіереи полковыхъ церквей, благочинный придворныхъ соборовъ о. Благоразумовъ, настоятель храма Христа Спасителя о. Соколовъ, протопресвитеры Большого Успенскаго собора Пльинскій и придворнаго духовенства, духовникъ ихъ величествъ, Янышевъ, всѣ въ облаченіяхъ изъ золотой парчи. Въ предшествіи иподіаконовъ съ трикиріемъ и дикариемъ въ полномъ облаченіи слѣдуетъ московскій митрополитъ съ двумя протодіаконами и своими причетниками сзади. По сторонамъ процессіи идутъ придворные лакеи въ статсъ-ливрехъ, а съ того мѣста, гдѣ идутъ священники — разставлены рѣдкими рядами дворцовые гренадеры. За митрополитомъ слѣдуютъ ихъ величества государь и государыня. За ихъ величествами министръ императорскаго двора; дежурные генералъ-адъютантъ, свиты генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ. За ихъ величествами слѣдовали и всѣ бывшія утромъ въ Успенскомъ соборѣ высочайшія особы. За царскою фамиліею непосредственно слѣдуютъ статсъ-дамы и фрейлины, за ихъ бѣлою группою тянется блестящая золотая лента придворныхъ чиновъ и кавалеровъ. Духовенство, ихъ величества и царская фамилія вошли на средній помостъ, придворные стали на правой сторонѣ за почетными опекунами. Тутъ же размѣстились и георгіевскіе кавалеры. Музыка смолкла, митрополитъ совершилъ благодарственное молебствіе, прочиталъ молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ молебствія протодіаконъ Шаховцевъ провозгласилъ царское многолѣтіе. Смолкло пѣніе «Многая лѣта», протодіаконъ началъ: «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой». Государь накрылъ голову, выступилъ впередъ къ войскамъ и скомандовалъ: «накройсь». Протодіаконъ продолжалъ: «подаждь Господи усопшему рабу Твоему благочестивѣйшему императору Александру II и сотвори ему вѣчную память». Государь скомандовалъ войскамъ: «накраулъ!». Великіе князья, царская свита и духовенство склонили колѣни. Сверкнули штыки и сабли, забили барабаны, заиграли хоры музыки «Преображенскій маршъ», всѣ отдаютъ честь. Гудятъ колокола, и съ Тайницкой башни грянулъ выстрѣлъ салюта и съ башни, и внизу загремѣла пальба пушекъ. Пѣвчіе поютъ: «Вѣчная память». Въ этотъ торжественный моментъ съ памятника упало покрывало, и статуя императора представилась глазамъ присутствующихъ.

Кончилось пѣніе, войска снова сняли шапки, взяли ружья къ ногѣ, протодіаконъ возгласилъ: «Христолюбивому россійскому по-

бѣдоносному воинству—многая лѣта». Снова трезвонъ колоколовъ, продолжающійся салютъ, пѣвчіе поютъ: «Многая лѣта», митрополитъ осѣняетъ крестомъ царя и народъ, окропляетъ памятникъ; государь, государыня, королева элиновъ, вся царская фамилія прикладываются ко кресту. Съ мѣста памятника крестный ходъ съ митрополитомъ и архіереями въ томъ же торжественномъ порядкѣ, какъ шелъ къ памятнику, возвратился при общемъ колокольномъ звонѣ всей Москвы въ Чудовъ монастырь. Данъ отбой, войска накрывшись. Ихъ величества и особы императорской фамиліи, въ сопровожденіи лицъ ближайшей свиты и комитета по сооруженію памятника, сошли съ помоста и прошли къ памятнику для его обозрѣнія. Ихъ величества со всѣми августѣйшими особами вошли въ правую сѣнь памятника и, пройдя по всей галлерей, вышли черезъ лѣвую сѣнь. Въ лѣвой части галлерей, задрапированной матеріей цвѣта бордо, была поставлена для августѣйшихъ особъ золоченая мебель. Здѣсь августѣйшимъ предѣдателемъ комитета по сооруженію памятника великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ поднесены были ихъ величествамъ и королевѣ элиновъ по комплекту медалей въ память открытія монумента. Медали заключены были въ обитый бархатомъ футляръ съ золотыми инициалами императора Александра II. Въ каждомъ футлярѣ находились большія и малыя золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, всего 6 штукъ. На медаляхъ изображенъ открытый памятникъ съ надписью вокругъ: «Императоръ Александръ III заложилъ въ 1893 г., императоръ Николай II открылъ въ 1898 г.». На обратной сторонѣ изображенъ вензель императора Александра II съ надписью: «Родился 17-го апрѣля 1818 г. Скончался 1-го марта 1881 г.» Такой же ассортиментъ медалей поднесенъ былъ другимъ августѣйшимъ особамъ, присутствовавшимъ при открытіи памятника, министромъ двора. Затѣмъ раздалась команда къ церемониальному маршу, и государь императоръ и великіе князья изволили выйти изъ сѣни памятника къ помосту. Его величество повелъ войска церемониальнымъ маршемъ передъ памятникомъ и отдалъ честь статуѣ императора Александра II. Затѣмъ войска проходили предъ государемъ повзводно, причемъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыхъ великіе князья состоятъ шефами, ихъ высочества проходили предъ государемъ императоромъ на правыхъ флангахъ. Торжество закончилось въ 3 часа дня. По отбытіи ихъ величествъ и другихъ августѣйшихъ особъ на памятникъ возложенъ былъ лавровый вѣнокъ съ пальмовыми вѣтвями и живыми цвѣтами прибывшей на торжество германской депутаціей. Въ 3 часа дня, на площадкѣ у церкви Спаса-на-Бору состоялся обѣдъ для волостныхъ старшинъ, казачьихъ атамановъ, нижнихъ чиновъ, имѣющихъ отличіе военнаго ордена и другихъ представителей сельскаго населенія. Обѣдъ происходилъ въ особо устроенныхъ для этого четырехъ палаткахъ. Ихъ величества изволили об-

ходить столы, приче́мъ его величество обращался къ нѣкоторымъ старшинамъ и обратился ко всѣмъ присутствующимъ со слѣдующими словами: «Я очень радъ снова васъ увидѣть. Благодарю васъ за службу, а въ особенности георгиевскихъ кавалеровъ. Пью за ваше здоровье, братцы, и благоденствіе. Ура!». Каждому изъ участниковъ обѣда предоставлено взять на память о настоящемъ торжествѣ его обѣденный приборъ съ изображеніемъ государственнаго герба. Въ 8 часовъ вечера, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ былъ данъ обѣдъ всѣмъ кавалерамъ ордена св. Георгія и высшимъ чинамъ и дворянству въ Георгіевской залѣ. Высочайшій столъ былъ расположенъ покоемъ, украшенъ великолѣпнымъ сервизомъ и цвѣтами. Отъ него шли три линіи столовъ, и далѣе, во второй половинѣ залы—четыре линіи. Ихъ величества государь императоръ и государыня императрица сидѣли, окруженные высочайшими особами и ближайшими придворными. Въ первыхъ трехъ линіяхъ столовъ заняли крайнюю—члены государственнаго совѣта, министры, почетные опекуны; среднюю—генералъ-адъютанты и фрейлины; другую крайнюю—предводители дворянства. Въ слѣдующихъ четырехъ линіяхъ: первую—высшіе представители судебныхъ мѣстъ, вторую—представители думы, третью—протопресвитеръ и генералы свиты, четвертую—иностранныя депутаціи и русскіе генералъ-майоры и флигель-адъютанты. Во время обѣда исполнялись оркестромъ, хорами и солистами многочисленныя номера музыкальной программы.

III.

Въ тотъ же день въ газетахъ было опубликовано три официальныхъ документа первостепенной важности: указъ правительствующему сенату, рескриптъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву и правительственное сообщеніе по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. «Радостный день открытія памятника Незабвенному Дѣду Нашему Императору Александру Николаевичу,—говорится въ высочайшемъ указѣ,—сооруженнаго въ первопрестольной Москвѣ—мѣстѣ Его рожденія, всецѣло посвящая свѣтлой памяти Великаго Государя, Мы, по сердечному Нашему влеченію, особенно останавливаемся на знаменательномъ благодѣяніи Его народу: на освобожденіи Имъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, надѣленіи ихъ землею и прочномъ устройствѣ разнаго наименованія лицъ сельскаго состоянія на обширномъ пространствѣ Россійскаго государства. Всевышній благословилъ полнымъ успѣхомъ этотъ царственный подвигъ Императора Александра Второго, учиненный Имъ безтрепетною рукой, въ твердомъ сознаніи необходимости его для блага любимой родины, при самоотверженномъ, истинно благородномъ содѣйствіи руссійскаго дворянства, и въ устахъ благодарнаго народа за почившимъ

Монархомъ увѣковѣчено славное именованіе Царя-Освободителя. Желая вѣщшимъ образомъ закрѣпить воспоминаніе объ этомъ историческомъ Его дѣяніи и о сподвижникахъ онаго, признали Мы за благо содѣлать наследственнымъ ношеніе и храненіе медали, которая была пожалована Имъ этимъ сподвижникамъ въ изъявленіе Всемилостивѣйшаго Его одобренія ихъ трудовъ. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: ношеніе медалей, пожалованныхъ за участіе въ подготовительныхъ работахъ и составленіи Положеній, Высочайше утвержденныхъ Императоромъ Александромъ II 19-го февраля 1861 года, объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 27-го іюня 1863 года, о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а также за участіе въ составленіи и рассмотрѣніи высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1864 года постановленій объ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ царства Польскаго и высочайше утвержденныхъ въ 1863—67 годахъ Положеній объ устройствѣ быта военно-заводскаго населенія,—предоставить, по кончинѣ лицъ, коимъ медали за сіи труды пожалованы были, старшимъ изъ находящихся въ живыхъ потомковъ ихъ мужскаго пола по прямой линіи, по смерти же лицъ, имѣющихъ получить на такомъ основаніи упомянутыя медали, онѣ подлежатъ навсегда сохраненію у потомковъ сихъ лицъ на вѣчную память о заслугахъ, оказанныхъ отечеству ихъ предками.

Рескриптъ К. П. Побѣдоносцеву равнымъ образомъ пріуроченъ къ воспоминаніямъ о царствованіи императора Александра II. «Въ сегоднешній день всенароднаго торжества открытія памятника въ Бозѣ почивающему Дѣду Моему Императору Александру Николаевичу,—гласитъ рескриптъ,—Москва, а за нею и вся Россія сливаются со Мною въ чувствѣ благоговѣйной благодарности за Его самоотверженныя заботы о нуждахъ народа и за Его плодотворные труды на благо дорогой родины. Память о достигнутыхъ въ Его царствованіе рѣшительныхъ успѣхахъ по всѣмъ отраслямъ нашей государственной жизни пребудетъ незыблемою на страницахъ русской исторіи, столь обильной патріотическими подвигами ея вѣнценосныхъ Вождей. Изъ всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ, стоявшихъ при почившемъ Монархѣ во главѣ отдѣльныхъ отраслей управленія, вы одни поднесъ занимаете ввѣренный Имъ вамъ отвѣтственный постъ. Миѣ пріятно по этому поводу мысленно остановиться на свѣше полувѣковомъ государственномъ поприщѣ вашемъ». По обзорѣніи, затѣмъ служебнаго поприща К. П. Побѣдоносцева, въ рескриптѣ въ заключеніе говорится: «Незабвенный Мой Родитель, питаю къ вамъ сердечное расположеніе и высоко ставя по личному опыту ваше профессорское искусство, привлеку васъ къ участію въ преподаваніи Миѣ законовѣдѣнія и тѣмъ далъ Миѣ возможность еще въ годы юности достойно оцѣнить обширныя познанія ваши въ наукѣ права, горячую любовь вашу къ отечеству и свойственное вамъ откровенное

прямодушіе. Я не забуду также участія вашего въ учрежденномъ въ 1891 году подъ Моимъ предсѣдательствомъ особомъ комитетѣ для помощи нуждающимся въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и вашего ревностнаго содѣйствія въ этомъ первомъ, довѣренномъ Мнѣ покойнымъ Государемъ, важномъ государственномъ дѣлѣ. По восшествіи же Моемъ на престолъ, Я съ чувствомъ истинной отрады лично удостовѣрился въ значительности заслугъ, оказываемыхъ вами глубокочтимой Мною Православной Церкви, а равно вашихъ неуспынныхъ заботъ о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, улучшеніи хозяйственнаго его быта и усиленіи религіозно-нравственнаго воздѣйствія его на паству и вашихъ попеченій объ умноженіи школъ и развитіи церковнаго просвѣщенія въ народѣ. На ряду съ этимъ Я не могу не упомянуть, что, будучи однимъ изъ лучшихъ современныхъ мастеровъ русскаго слова, вы часы досуга посвящаете научно-литературнымъ занятіямъ и приобрѣли громкое имя вашимъ обширнымъ трудомъ по разработкѣ русскаго гражданскаго права. Столь отмѣнная, по истинѣ выдающаяся дѣятельность ваша на пользу Церкви и Отечества побуждаетъ Меня нынѣ здѣсь, въ самомъ сердцѣ Россіи, среди Святынь Московскихъ, вновь обратиться къ вамъ со словами душевной благодарности, вещественнымъ знакомъ коей да послужатъ препровождаемый у сего ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Искренно желая, чтобы Божественное Провидѣніе долгие еще годы дало Мнѣ пользоваться вашимъ многоопытнымъ содѣйствіемъ, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный и душевно благодарный Николай».

Наконецъ, наиболѣе знаменательнымъ государственнымъ актомъ, отмѣтившимъ праздникъ памяти народной, было, безспорно, дипломатическое сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ о созывѣ международной конференціи по вопросу объ ограниченіи мирныхъ вооруженій: «Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготящихся надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ челоуколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго моего Государя. Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соответствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благоприятно для изысканія, путемъ международного обсуждения, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохра-

неніе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира, великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Однако, усилія эти не могли пока привести къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ желаемого умиротворенія. Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены, въ большей своей части, отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни миллионовъ расходуются на приобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждого государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ. Очевиднымъ поэтому представляется, что, если бы такое положеніе продолжилось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка... Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ. Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи. Съ Божьею помощію, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ».

IV.

Вечеромъ, 15-го, 16-го и 17-го августа, Москва была роскошно иллюминирована въ ознаменованіе торжественныхъ дней и во мнѣгомъ напоминала грандіозную иллюминацію, бывшую два года тому назадъ, во время торжествъ коронованія. Въ девятомъ часу вечера, какъ только стало темнѣть, въ различныхъ частяхъ города начали вспыхивать отдѣльныя яркія пятна разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, которыя, быстро сливаясь въ обширныя освѣщенные пространства на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, превращались въ длинные огненные потоки, разбѣгались по всему городу прихотливыми зигзагами, отъ центра къ заставамъ, и скоро превратились въ одно сплошное море огней. Благодаря смѣшанной системѣ освѣщенія, состоявшаго изъ газа, электричества, всевозможнаго вида и цвѣта шкаликовъ, кубастиковъ, шаровъ и т. п., московскіе улицы и переулки образовали цѣлую сѣть разноцвѣтныхъ огней, начинавшуюся у предмѣстій отдѣльными линиями, которыя постепенно перепутывались самымъ причудливымъ образомъ и становились все ярче по мѣрѣ приближенія къ Кремлю. Общая картина получилась эффектная. Основнымъ фономъ иллюминаціи служило безчисленное множество цвѣтныхъ шаровъ и кубастиковъ, которыми освѣщены были карнизы домовъ и тротуары улицъ и переулковъ. Длиныя гирлянды такихъ же шаровъ тянулись между фонарными столбами и черезъ проѣзды нѣкоторыхъ центральныхъ улицъ. По линіи тротуаровъ чередовались изображенія государственнаго герба и инициалы ихъ императорскихъ величествъ, транспаранты съ гербомъ г. Москвы, газовыя звѣзды и т. п. На общемъ фонѣ огней ярко выдѣлялись всевозможныя комбинаціи изъ флаговъ и матеріи національныхъ цвѣтовъ, темнѣли гирлянды зелени. Въ продолженіе всего вечера, пока не погасла иллюминація, ближайшія къ центру улицы и площади были переполнены толпами народа, сплошными массами подвигавшагося по тротуарамъ и мостовой. Наибольше тѣсныя толпы двигались по линіи отъ Красной площади по Тверской до самой заставы, по линіи бульваровъ, захватившей часть развѣзда экипажей катавшихся, и вдоль всего пути отъ площади вокзаловъ по Мясницкой улицѣ къ Кремлю. Длинная линія огней тянулась по всему пути отъ Николаевского вокзала къ Кремлю. Начинаясь она отъ вокзальной площади, представлявшей изъ себя одно сплошное море разноцвѣтныхъ огней. Ряды шкаликовъ и гирлянды цвѣтныхъ шаровъ, которыми украшены тротуары Каланчевской улицы, начиная отъ Красныхъ воротъ, все чаще и чаще пересѣкались яркими пятнами отдѣльныхъ иллюминированныхъ зданій. Громадныя инициалы ихъ величествъ изъ электрическихъ лампочекъ красного, желтаго и зеленаго цвѣтовъ, устроенныя на зданіи, гдѣ помѣщается заводъ Липгардта, во всю вышину фасада, все время останавливали вниманіе проходящихъ. Яркимъ бѣлымъ пятномъ вы-

ступало въ мрака противоположное зданіе, усѣянное газовыми огоньками по всему контуру и архитектурнымъ линиямъ. Необыкновенно эффектно была иллюминація дома г. Солдатенкова, составленная изъ безчисленнаго множества цвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ, образующихъ двѣ громадныя гирлянды съ государственнымъ гербомъ посрединѣ. Цѣлый рядъ зданій образуетъ огненную ленту, попеременно составленную то изъ газовыхъ нитей, то изъ цвѣтныхъ шаровъ и кубастиковъ во всевозможныхъ сочетаніяхъ. Вся рѣшетка и входы Мясницкой больницы изображаютъ очень сложный и красивый орнаментъ, составленный изъ однихъ молочно-бѣлыхъ кубастиковъ. Изъ нихъ же устроены оригинальныя колонны надъ входами. Изъ остальныхъ зданій на Мясницкой красиво убранъ входъ во дворъ почтамта, представляющій одно сплошное бѣлое пятно, и фасадъ зданія, гдѣ помѣщается фирма Перлова. Такъ какъ зданіе это выстроено въ китайскомъ вкусѣ, то въ этомъ же вкусѣ выстроены передъ нимъ оригинальныя колонны, сплошь унизанныя цвѣтными шкаликами. Эффектное зрѣлище представляетъ бассейнъ на Лубянской площади. Въ этомъ мѣстѣ все время толпилось особенно много народа. Весь бассейнъ очень красиво декорированъ флагами, цвѣтной матеріей, зеленью и огромными пальмами. Посрединѣ бьетъ огромный фонтанъ, освѣщаемый снизу электричествомъ; цвѣта то и дѣло мѣняются и переливаются всеми отѣнками радуги. Впечатлѣніе еще болѣе усиливается при окружающемъ полумракѣ, въ которомъ тонетъ вся площадь. Фасадъ громаднаго вновь выстроеннаго зданія, выходящаго на эту же площадь, декорированъ и иллюминированъ не менѣе оригинально. Впереди его высится копія шатра, освѣщающаго памятникъ императору Александру II. Красивая золоченая вышка покоится на столбахъ, украшенныхъ красной матеріей съ кистями, и усѣяна по верхнему карнизу цвѣтными фонариками. На средней мансардѣ зданія — громадная императорская корона, вѣнчающая транспарантъ съ инициалами ихъ величествъ. Очень сильный электрическій прожекторъ, въ видѣ движущагося маяка, поставленъ былъ на Сухаревой башнѣ и во время иллюминаціи бросалъ во все стороны лучи свѣта.

Очень эффектно убрана и иллюминирована была часть Тверской улицы отъ старыхъ триумфальныхъ воротъ до Страстнаго монастыря. Ряды мачтъ, окрашенныхъ красками національныхъ цвѣтовъ, масса флаговъ всѣхъ величинъ, иллюминаціонныхъ шаровъ, кубастиковъ, газовыхъ звѣздъ и другихъ украшеній, дѣлали улицу совершенно неузнаваемою. Если взглянуть отъ Садовой улицы, то глазамъ представлялась длинная галлерей изъ множества флаговъ, окаймляющихъ улицу съ обѣихъ сторонъ до самаго верха домовъ и перекидывающихся гирляндами на высотѣ домовъ съ одной стороны улицы на другую. Вечеромъ во время иллюминаціи получилось еще болѣе красивое зрѣлище. Множество цвѣтныхъ фо-

нариковъ, покачиваемыхъ вѣтеркомъ, представляли колеблющіяся цвѣтныя огненные нити, надъ которыми, ярко освѣщенныя электрическими фонарями, развѣвались гирлянды флаговъ, переливаясь національными цвѣтами. Еще выше съ крыши домовъ мѣстами спускались на стѣгахъ огромные флаги, красиво извивающіеся отъ вѣтра. На общемъ цвѣтномъ фонѣ рельефно выдѣлялся домъ губернатора и нѣкоторые другіе, декорированные одноцвѣтными кубастиками молочнаго цвѣта инициалы ихъ императорскихъ величествъ изъ электрическихъ лампочекъ и газа на красивыхъ щитахъ изъ горностаея, малиноваго бархата и фольги, газовые щиты, звѣзды, ковры, зелень, постаменты электрическихъ фонарей, задрапированные флаги, и матеріи національныхъ цвѣтовъ. У Страстнаго монастыря картина иллюминаціи мѣняется. Кубастики и шары уступаютъ мѣсто газу и электричеству. На угловомъ домѣ по лѣвой сторонѣ Тверской блестятъ звѣзды и гирлянды изъ газовыхъ огней, прихотливо мигающихъ отъ вѣтра и все время мѣняющихъ очертанія фигуръ. Далѣе выступаютъ ряды электрическихъ огоньковъ, которыми унизано по всемъ выступамъ зданіе булочной Филиппова. Рельефно выдѣляются балконы и окна съ инициалами ихъ императорскихъ величествъ. По мѣрѣ приближенія къ Кремлю иллюминація принимаетъ все болѣе грандіозные размѣры. У дома августѣйшаго генералъ-губернатора съ верха балкона спускаются, расходясь къ низу, газовыя гирлянды съ орлами и звѣздами. Надъ перилами помѣщены инициалы ихъ величествъ съ орломъ надъ ними. Напротивъ высятся изящныя обелиски песочнаго цвѣта съ бѣлыми лѣпными инициалами ихъ величествъ, гербами города Москвы, помѣщенными въ медальонахъ на фонѣ цвѣта бордо. Вершины обелисковъ увѣнчаны изящно сдѣланными лѣпными же бѣлыми двуглавыми орлами подъ коронами. Освѣщенные яркимъ свѣтомъ электричества, орлы кажутся парящими въ воздухѣ. Напротивъ, точно сотканная изъ цвѣтныхъ огненныхъ нитей, блеститъ декорация, закрывающая зданіе Тверской части. Низъ ея сдѣланъ въ видѣ крѣпостной стѣнки и освѣщенъ бѣлыми кубастиками. Надъ ней посрединѣ большой орелъ съ расходящимися внизъ лучами. По бокамъ размѣщены красивыя фигурки, связанныя между собою нитями кубастиковъ. Надъ орломъ и по бокамъ его свѣтятся большія звѣзды. Подъ фигурами все время зажигаются бенгальскіе огни разныхъ цвѣтовъ. Площадь полна народа, сплошною массою передвигающагося внизъ по Тверской къ зданію думы и театрамъ. Зрителямъ, вступающимъ черезъ арку, составленную изъ двухъ мачтъ, убранныхъ гербами г. Москвы и флагами, и перекинутого во всю ширину улицы полотна съ надписью «Боже, Царя Храни», на Воскресенскую площадъ, представляется грандіозная картина иллюминаціи зданія городской думы. Удачное сочетаніе трехъ родовъ освѣщенія — электричество, газъ и кубастики — даетъ поразительный эффектъ. Не-

подвижность яркихъ электрическихъ лампочекъ оживляется газомъ, принимающимъ при дуновеніи вѣтра самыя причудливыя формы. Громадный щитъ, скрывающій почти все зданіе, горитъ въ центрѣ электрическимъ свѣтомъ. Съ крыши зданія спускаются газовыя звѣзды и другія фигуры, а на самомъ верху свѣтится большая корона. Обѣ боковыя стороны декораціи унизаны звѣздами и фестонами изъ кубастиковъ молочнаго цвѣта.

Изъ зданій, окружающихъ Театральную площадь, былъ наиболѣе эффектно иллюминированъ и выдѣлялся множествомъ огней фасадъ Большаго театра. Весь онъ декорированъ флагами разной величины, гирляндами зелени и пунцовой матеріей, усѣянной золотыми орлами, совершенно скрывающей заборъ, которымъ онъ въ настоящее время обнесенъ. По всему фасаду разсыпаны цвѣтные кубастики и стаканчики, красиво и разнообразно сгруппированные. Посрединѣ фасада, между колоннъ, поддерживающихъ конную группу Аполлона, помѣщены огромныхъ размѣровъ, инициалы ихъ величествъ подъ императорской короной, составленные изъ цвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ; по сторонамъ размѣщены транспаранты съ такими же инициалами и лиры изъ электрическихъ лампочекъ. На фасадѣ Малаго театра, выходящемъ на площадь, помѣщенъ громадный транспарантъ, изображающій государственный гербъ на желтомъ фонѣ. Такой же транспарантъ, но меньшихъ размѣровъ, находится на углу новаго казеннаго театра. Оба зданія этихъ театровъ также декорированы массой флаговъ и гирляндой зелени.

Изъ центральныхъ улицъ красиво былъ иллюминированъ и близко наминалъ послѣднюю коронаціонную иллюминацію Кузнецкій мостъ. Угловой домъ, выходящій и на Лубянку, гдѣ помѣщается магазинъ Швабе, выступалъ особенно ярко, благодаря электрическимъ эффектамъ. Въ верхней части фасада, гдѣ помѣщается обсерваторія, устроено было большихъ размѣровъ движущееся сегнерово колесо, составленное изъ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ, свѣтъ которыхъ усиливается зеркальнымъ рефлекторомъ. Его окружалъ въ видѣ обода рядъ такихъ же лампочекъ. Получалось впечатлѣніе необыкновенно красивой, яркихъ цвѣтовъ, движущейся звѣзды. Такія же маленькія звѣзды разсыпаны и по всему пространству фасада. Изъ всей массы огня ярко выступалъ вензель ихъ величествъ подъ короною, составленный также изъ электрическихъ лампочекъ. Все это было декорировано гербами губерній, зеленью и флагами. Не менѣе выдѣлялся, благодаря строгой простотѣ иллюминаціи, противоположный домъ, убранный по карнизамъ и архитектурнымъ линиямъ кубастиками молочно-бѣлаго цвѣта. Далѣе, по направленію къ Петровкѣ, красиво былъ иллюминированъ магазинъ Дитмаръ оригинальными цвѣтными фонариками многогранной формы. Красиво иллюминированы и убраны были витрины и окна эстампныхъ магазиновъ, сплошь заставленные на плато изъ зелени и цвѣтовъ портретами и бюстами

высочайшихъ особъ, освѣщенные съ разныхъ сторонъ электрическими лампочками. Такія же упрания были выставлены и въ нѣкоторыхъ другихъ магазинахъ. Окно одного изъ нихъ изображало цѣлую картину, скомпанованную съ большимъ вкусомъ. На фонѣ изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ помѣщается бюстъ императора Александра II, передъ которымъ среди цвѣтовъ бьетъ крошечный фонтанчикъ. Бюстъ освѣняетъ помѣщенное сзади изображение Россіи, написанное на стеклянномъ транспарантѣ. Все это освѣщено сильными лучами электрическаго прожектора, находящагося внутри магазина. Эффектно выдѣлялись въ витринѣ цвѣточного магазина на Петровкѣ среди зелени и массы превосходныхъ орхидей бюсты государя императора и государынь императрицъ, освѣщенные электричествомъ. Весь Кузнецкій мостъ и прилегающая къ нему Петровка были иллюминированы также массой стаканчиковъ и шаровъ, висящихъ гирляндами въ промежуткахъ уличныхъ фонарей. По линіи бульваровъ очень изящно былъ декорированъ и освѣщенъ электричествомъ домъ московскаго оберъ-полицеймейстера. Надъ балкономъ былъ устроенъ большой щитъ, на которомъ помѣщалась развернутая горностаевая порфира съ малиновымъ бархатомъ. Посрединѣ мантии рельефно выдѣлялись инициалы ихъ императорскихъ величествъ, сдѣланные изъ розовыхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ лампочекъ съ разноцвѣтною короною надъ ними. Красивыя гирлянды зелени съ разсѣянными въ ней бѣлыми электрическими огоньками спускались внизъ отъ порфиры и обвивали балконъ, перила котораго, карнизъ и столбики были унизаны разноцвѣтными огоньками. Гирлянды шли также и къ обонмъ боковымъ подѣздамъ, надъ которыми установлены красивыя цвѣтныя звѣзды. На противоположной сторонѣ бульвара эффектно было освѣщено зданіе Земельнаго банка. У него много газовыхъ звѣздъ и гербовъ. Вдоль рѣшетки забора перекинуты гирлянды изъ электрическихъ лампочекъ зеленого и бѣлаго цвѣтовъ. По фасаду видѣющагося въ глубинѣ двора дома по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ были разсѣяны электрическіе разноцвѣтные огоньки, подобранные такимъ образомъ, что всѣ отдѣльныя части зданія ярко опредѣлялись цвѣтами лампочекъ.

Очень изящно было иллюминировано зданіе Румянцевскаго музея. Вельведеръ былъ весь унизанъ красными, синими и бѣлыми огоньками; на крышѣ фасада, выходящаго на Моховую, изъ кубастиковъ національныхъ цвѣтовъ было изображено «Боже, Царя храни». Въ срединѣ главнаго корпуса помѣщенъ былъ большой орелъ съ короною, а крыши боковыхъ фасадовъ были окаймлены бѣлымъ бордюромъ. Нужно отмѣтить очень красиво и изящно декорированную набережную. Стѣны боковаго флигеля дома Эйнемъ были эффектно убраны фигурками, свѣтящимися золотистыми, красными и зелеными огоньками, среди группъ флаговъ, развѣвающихся по всему дому. Въ глубинѣ двора видѣлся большой балконъ, увитый живыми цвѣтами, а надъ ними

на маленькомъ балконѣ, среди тропическихъ растений были установлены бюсты ихъ императорскихъ величествъ и императора Александра II, задрапированные флагами. Еще выше, на горностаевой порфирѣ, блестяли огоньками національныхъ цвѣтовъ инициалы ихъ величествъ съ золотистою короною. По бокамъ на крышѣ свѣтились по одиночкѣ и группами бѣлыя, красныя и зеленыя электрическія звѣзды. У сосѣдняго дома Маріинскаго училища были установлена въ саду нѣсколько выше забора, на семь его протяженіи, декорація съ гирляндами изъ кубастиковъ и инициалами ихъ величествъ посрединѣ, помѣщенными въ рамкѣ изъ зеленыхъ огоньковъ. Блестяще былъ иллюминированъ слѣдующій большой сѣрый домъ, утопавшій во флагахъ, зелени и множествѣ гербовъ государственныхъ и города Москвы. Центральное зданіе по всемъ архитектурнымъ линиямъ было убрано массою лампіоновъ молочнаго и нѣжно-голубаго цвѣта. Большія окна второго этажа украшены были болѣе крупными лампіонами молочнаго цвѣта. Посрединѣ во всю вышину зданія были установлены матчы, затянута матеріей-бордо, съ укрѣпленными на щиткахъ гербами—государственными и города Москвы. Такіе же щиты и золотые государственные рѣзные гербы были разсѣяны по рѣшеткѣ забора, сплошь задрапированнаго національными флагами и матеріями. На высотѣ третьяго этажа былъ укрѣпленъ громаднѣйшій щитъ съ развернутою горностаевою порфирой, въ срединѣ которой на синемъ фонѣ, окаймленномъ бордюромъ изъ золотистыхъ лампочекъ, блестяли на бѣлой фольгѣ инициалы ихъ величествъ (величиною около 1 сажени) изъ множества лампочекъ, безпрестанно мѣняющихъ цвѣта. Щитъ былъ увѣнчанъ массивною короною, горящею синими огоньками, съ красными камками и ярко-бѣлымъ крестомъ. Боковые флителя также были залиты бѣлыми и свѣтло-голубыми огоньками съ отгнѣнными зеленымъ бордюромъ окнами. Подъ самой крышей на золоченомъ щитѣ блестялъ государственный гербъ въ рамкѣ изъ синихъ и желтыхъ лампочекъ. Въ стороны отъ него шли дубовыя вѣтви съ разсѣянными по нимъ золотистыми и синими огоньками. Въ нишѣ, устроенной на балконѣ праваго зданія, красиво задрапированномъ красными, синими и бѣлыми матеріями и убранномъ большими флагами, среди тропическихъ растений виднѣлись бюсты ихъ императорскихъ величествъ и императора Александра II. Въ глубинѣ ниши блестяли расходящіяся кверху электрическіе лучи краснаго, золотистаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ. Посрединѣ этого же зданія былъ установленъ синій щитъ съ большимъ дубовымъ вѣнкомъ изъ зеленой фольги, внутри котораго изображены серебряные инициалы государынь императрицъ и золотой вензель его величества подъ короною. Все это было освѣщено лампочками соотвѣтствующихъ цвѣтовъ. Архитектурныя линіи верхняго этажа, подъ цвѣтъ къ вѣнку, также зеленыя. Эффектъ иллюминаціи этого дома усиливался еще электрическимъ рефлекторомъ, который освѣщалъ со двора верхнюю часть зданія,

расположеннаго въ глубинѣ двора. Многіе другіе дома по этой же набережной были убраны газовыми звѣздами и щитами. Ниже Москворѣцкаго моста, на Раушской набережной, высоко въ воздухѣ блестѣла большая звѣзда надъ зданіемъ новой электрической станціи. Она была составлена изъ крупныхъ лампочекъ бѣлаго, розоваго и зеленого цвѣта. Карнизы и края крыши были сплошь усыяны обыкновенными бѣлыми лампочками. Иллюминація всѣхъ домовъ на набережной очень много выигрывала отъ отраженія всѣхъ ея украшеній въ водѣ. Очень эффектна была иллюминація вокзаловъ. Все пространство передъ ними было переполнено толпами зрителей. Вокзалъ Московско-казанской желѣзной дороги былъ иллюминированъ преимущественно цвѣтными стаканчиками и кубастиками и, несмотря на это, производилъ наиболѣе эффектное впечатлѣніе и рѣзко выдѣлялся изъ всей массы огней, заливавшей вокзальную площадь. Цвѣтные огненные нити бѣжали по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ фасада самаго вокзала, а также и прилегающаго къ нему зданія, гдѣ помѣщается управленіе дороги. Подобнымъ же образомъ были иллюминированы станціонныя ворота, ведущія отъ Каланчевскаго проѣзда во дворъ, къ платформѣ приходящихъ поѣздовъ. Огромныхъ размѣровъ щитъ на башнѣ вокзала, въ формѣ горностаевой мантии, съ инициалами ихъ величествъ подъ императорской короной, былъ освѣщенъ электричествомъ. По бокамъ фасада были помѣщены орлы изъ электрическихъ лампочекъ накаливанія. Основнымъ фономъ, на которомъ все это безчисленное множество огней образовало необыкновенно красивую декорацію, служила масса флаговъ, гербовъ и матерій, которою эффектно былъ задрапированъ главный подъѣздъ. Вокзалы Ярославскій и Николаевскій, также красиво убранные матеріей и флагами и ярко иллюминированные, дополняли общую декорацію площади. Подъѣздъ Ярославскаго вокзала былъ превращенъ въ настоящій шатеръ изъ бѣлой и голубой матеріи со всевозможными украшениями и освѣщался гирляндами изъ электрическихъ лампочекъ и кубастиками. Такими же кубастиками было выдержано въ одномъ тонѣ освѣщеніе Николаевского вокзала. Эффектна была иллюминація, исключительно газовая, вокзала М.-Курской и М.-Нижегородской ж. дорогъ. Всѣ контуры фасада и его отдѣльныхъ деталей—окна, входъ, карнизъ и всѣ архитектурные выступы—были обведены тонкой, колеблющейся отъ вѣтра, нитью газовыхъ огоньковъ. Такимъ же ярко-бѣлымъ контуромъ были нарисованы громадная порфира надъ порталомъ входа съ инициалами ихъ величествъ и государственные гербы по бокамъ. Весь рисунокъ иллюминированнаго такимъ образомъ зданія выдѣлялся сразу на темномъ фонѣ окружающихъ домовъ своей легкостью и исключительной простотой освѣщенія. Иллюминація Брестскаго вокзала совмѣщала въ себѣ три способа освѣщенія. Основнымъ фономъ служили кубастики матоваго цвѣта, красиво обрисовывающіе архитектурныя линіи фасада. На этомъ общемъ фонѣ ярко выступали миниатюрныя

газовыя звѣдочки, изъ которыхъ была составлена большая полуарка надъ подъѣздомъ. Такія же звѣзды, но большихъ размѣровъ, были размѣщены по бокамъ. Самымъ яркимъ пятномъ выступала электрическая иллюминація верхнихъ ярусовъ вокзала. На вышкѣ средней башни горѣли громадныя инициалы ихъ величествъ подъ короной, а по сторонамъ—орлы. Все это изъ электрическихъ лампочекъ одного ярко-блага тона, который только мѣстами, въ видѣ отдѣльныхъ небольшихъ бликовъ, тронуть другими цвѣтами: зеленымъ, краснымъ, синимъ и блѣдно-лиловымъ. Этотъ послѣдній вокзалъ своимъ эффектнымъ освѣщеніемъ привлекалъ исключительное вниманіе зрителей. Красивое и оригинально была задумана иллюминація и многихъ другихъ отдѣльныхъ зданій въ разныхъ частяхъ города. Такъ, очень эффектно были иллюминированы фасады—московской уѣздной земской управы цвѣтными кубастиками, въ видѣ небольшой декораціи, и губернской управы электрическимъ вензелемъ. Эта же послѣдняя въ одномъ изъ угловыхъ оконъ выставила большой бюстъ императора Александра II, украшенный зеленью и цвѣтами и красиво освѣщенный сверху. Только на второй день празднествъ старая электрическая станція, все время работавшая даже по ночамъ вслѣдствіе массы заказовъ на иллюминацію, окончила убранство зданія самой станціи. Вся стѣна, выходящая на Дмитровку,—была въ гирляндахъ зелени, обвивающихся вокругъ оконъ, перекидывающихся съ одного выступа на другой и поднимающихся на крышу и къ угловой башенкѣ, гдѣ были сосредоточены главныя фигуры изъ электрическихъ лампочекъ. Среди зелени, увивавшей все зданіе, было разсѣяно множество разноцвѣтныхъ сто-вольтовыхъ лампочекъ. На вершинѣ угловой башенки и на боковомъ фасадѣ блестѣли инициалы ихъ величествъ изъ золотистыхъ, зеленыхъ и красныхъ лампочекъ подъ золотистою короною. Верхняя гирлянда, шедшая отъ короны къ угламъ зданія, рѣзко выдѣлялась бѣлымъ цвѣтомъ. Надъ башнею былъ установленъ рефлекторъ, который бросалъ снопы свѣта по направленію къ Охотному ряду.

V.

Мы не будемъ долѣе останавливаться на послѣдующихъ дняхъ пребыванія въ Москвѣ ихъ императорскихъ величествъ, августѣйшей фамиліи и прочихъ участвовавшихъ въ торжествахъ лицъ, такъ какъ пространное описаніе московскихъ празднествъ одно способно уже заполнить цѣлую книгу. Но для полноты обзора мы дадимъ въ заключеніе нѣсколько свѣдѣній о внѣшнемъ видѣ и исторіи сооруженія памятника. Характеристика самаго сооруженія по существу дана въ высочайшемъ рескриптѣ великому князю Сергѣю Александровичу отъ 18-го августа. «Особенно же радостенъ былъ

для меня, говорится въ этомъ рескриптѣ, день открытія величественнаго памятника въ Бозѣ почивающему дѣду моему императору Александру II, воздвигнутаго подъ ближайшимъ наблюдениемъ вашего высочества. Движимые чувствомъ благоговѣйной преданности къ памяти дорогого родителя вашего, проникнутые сознаниемъ важности ввѣреннаго вамъ всенароднаго дѣла, вы отдали на его веденіе ваши силы и соединенныя съ основательною художественною подготовкою богатыя природныя дарованія, неослабно слѣдя за постепеннымъ ходомъ строительныхъ работъ, давая цѣнныя указанія высокоталантливымъ вашимъ сотрудникамъ и вдохновляя ихъ вашимъ примѣромъ. Благодаря просвѣщенному руководству вашему, они вполне оправдали ожиданія мои и безгранично любимой мною родины, обогативъ сердце ея, Москву, выдающимся—по изяществу замысла, строгой выдержанности отдѣльныхъ частей и художественности исполненія—произведеніемъ ваянія и зодчества, имѣющимъ занять мѣсто на ряду съ наиболѣе славными твореніями нашего народнаго духа. Сооруженіе это достойно увѣковѣчить свѣтлый образъ монарха, посвятившаго жизнь свою заботамъ о благѣ возлюбленнаго отечества, и украсить стѣны Кремля образцомъ родного искусства, строго согласованнымъ во всѣхъ подробностяхъ съ окружающими его памятниками древней русской святыни».

Эти сжатые и вѣскія слова прекрасно дополняются изящнымъ описаніемъ законченнаго памятника, помѣщеннымъ въ № 221 «Московскихъ Вѣдомостей». «Новый памятникъ, говоритъ описаніе, до такой степени гармонируетъ съ окружающимъ его Кремлемъ, что онъ немислимъ ни въ какой другой обстановкѣ. Поставьте здѣсь сооруженіе въ чисто русскомъ стилѣ XVII вѣка—оно рѣзало бы глазъ. Кремлевскія зданія въ высшей степени живописная смѣсь русскихъ формъ съ итальянскими, которыя были занесены строителями-итальянцами. Въ этомъ смѣшанномъ стилѣ сооруженъ и памятникъ. Русскія патровыя кровли отлично уживаются въ немъ съ итальянскими орнаментами пилястръ, чудныя византійскія мозаики сводовъ и купола служатъ достойною рамкой для портретовъ князей, царей и императоровъ, а изъ сада нижняя часть памятника представляется новою кремлевскою башней темно-краснаго цвѣта, необыкновенно пріятнаго тона, на которомъ выдѣляются изящныя двери изъ зеленой бронзы. Памятникъ гармонируетъ не только съ Кремлемъ, но даже съ Василиемъ Блаженнымъ. Красный гранитъ и зеленая бронза орнаментовъ средней сѣни—это тѣ же тоны, которые преобладаютъ въ Василии Блаженномъ, глядящемъ на новаго собрата изъ-за кремлевской стѣны. Красивѣе всего памятникъ несомнѣнно сбоку, когда видна не только средняя сѣнь и оба входа, но и колоннада, и вся раскинувшаяся по зеленому холму нижняя часть. Точно будто жаръ-птица принеслась изъ невѣдомой дали, опустилась на самый край площади и, гордо поднявъ свою золотую головку, распустила рос-

кошныя цвѣтныя перья внизъ по зеленому холму. Памятникъ царю-освободителю—первый въ Россіи, который является совершенно новинкой по своей идеѣ. Это не только статуя или безличная колонна, обелискъ, пирамида. Это цѣлое сооруженіе. Небольшой, сравнительно, размѣръ его, если смотрѣть съ площади, миниатюрность колоннады,—это не недостатокъ, какъ нѣкоторымъ кажется, а достоинство. Всякое большое сооруженіе было бы здѣсь въ высшей степени неумѣстно, такъ какъ оно «задавило бы» кремлевскіе небольшіе соборы и лѣзло бы назойливо въ глаза. Любопытно, что памятникъ не только не уменьшилъ поверхности площади, но даже увеличилъ ее, и вы теперь гуляете по такимъ мѣстамъ, гдѣ носились лишь туманы да ласточки. Съ этихъ «новыхъ мѣстъ», а именно съ крайняго праваго угла галлерей, открывается, между прочимъ, совершенно новый, немислимый до сихъ поръ, видъ на храмъ Христа Спасителя. Раньше, съ края обрыва, храмъ этотъ приходился всегда лишь около Водовзводной башни, теперь же, съ указаннаго мѣста, открывается восхитительный видъ. На первомъ планѣ двѣ старыя коричневатого-зеленыя, какъ бы обросшія мохомъ, башни. И какъ разъ между этими двумя темными живописными массами (Тайницкой и Безыменной башнями) сіяетъ яркимъ пятномъ золотая глава Спаса. Получается чудная картина и благодарнѣйшая тема для пейзажиста».

VI.

Мысль о сооруженіи памятника Царю-Освободителю возникла одновременно въ Московской городской думѣ и Московскомъ губернскомъ земствѣ. Въ чрезвычайномъ собраніи Московскаго губернскаго земства, состоявшемся 7 марта 1881 года и созванномъ по поводу потрясающаго событія мученической кончины императора Александра II, предсѣдатель губернской земской управы, Д. А. Наумовъ, внесъ предложеніе ходатайствовать о сооруженіи въ Московскомъ кремлѣ памятника въ Бозѣ почивающему императору Александру II. По предложенію предсѣдателя управы, собраніе приняло слѣдующую резолюцію: «Благоговѣнно чтя память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича и желая выразить посылно чувства, его одушевляющія, земство Московской губерніи признаетъ священнымъ долгомъ сохранить навсегда въ потомствѣ вѣчныя славы достойныя дѣянія Царя, душу Свою положившаго за благо Россіи, освободившаго миллионы крестьянъ, создавшаго земское и городское самоуправленія, даровавшаго правый и скорый судъ,—сооруженіемъ въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, и въ Кремлѣ, русской святыни и колыбели усопшаго, памятника Царю-Освободителю. А потому Московское губернское земское собраніе постановляетъ: 1) повергнуть предъ Его Императорскимъ Величе-

ствомъ всеподданѣйшее ходатайство о сооруженіи въ Московскомъ Кремлѣ памятника въ Божѣ почившему Государю Императору Александру Николаевичу. 2) Такъ какъ памятникъ этотъ долженъ быть выраженіемъ благоговѣйной дани Русскаго народа Царю-Освободителю и сооруженъ на средства всей земли Русской, то, въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ земства и города Имперіи единодушно отзовутся на призывъ къ участию въ этомъ сооруженіи, всеподданѣйше ходатайствовать, дабы разрѣшено было Московскому земству принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ». На сооруженіе въ Кремлѣ памятника императору Александру II Московскимъ губернскимъ земствомъ было асигновано потомъ 25.000 рублей.

На другой день, 8 марта 1881 года, состоялось экстренное собраніе Московской городской думы, въ которомъ городской голова С. М. Третьяковъ обратился къ гласнымъ со слѣдующею рѣчью: «Сегодня я возвратился отъ гроба въ Божѣ почившаго Императора Александра II, я видѣлъ образъ ангельской доброты со слѣдами мученической смерти. Я не въ силахъ передать чувство скорби, удручающей меня въ настоящую минуту. Московская городская дума, услыхавъ о всеобщемъ русскомъ горѣ и выслушавъ глубоко-прочувствованную рѣчь князя А. А. Щербатова, такъ вѣрно выразившую настроеніе думы, постановила въ чрезвычайномъ собраніи 3 марта послать депутацію для выраженія скорби у гроба почившаго Государя и заявленія вѣрно-подданническихъ чувствъ Императору Александру III. Но затѣмъ мы должны подумать, чѣмъ слѣдуетъ Москвѣ увѣковѣчить память о Царѣ-человѣкѣ, посвятившемъ всю Свою жизнь для блага вѣреннаго Ему народа и не только Своего народа. Мнѣ пришла мысль при гробѣ почившаго императора, что Москва должна воздвигнуть Ему памятникъ народный въ Кремлѣ, среди русской святыни, предъ дворцомъ, гдѣ Онъ родился. Сегодня я узналъ, что подобная мысль возникла и въ Московскомъ земствѣ. Я очень радъ, что московскіе люди единомыслятъ, и увѣренъ, что вся Россія горячо отнесется къ нашей общей мысли. Прошу думу обсудить мое предложеніе». Послѣ рѣчи городского головы гласный Д. (). Самаринъ высказалъ слѣдующее: «Вы предлагаете думѣ обсудить мысль о сооруженіи въ Москвѣ памятника покойному государю. Этой мысли не можетъ не сочувствовать всякій русскій человѣкъ. А здѣсь, въ думѣ, мы всѣ—русскіе люди, всѣ мы скорбимъ общою народною скорбію. Это чувство упраздняетъ всѣ разномыслія и тяжкимъ гнетомъ удручаетъ каждаго изъ насъ. Скорбь стоитъ въ воздухѣ, господствуетъ надъ всѣми помыслами и овладѣла всѣмъ народомъ русскимъ; вся Русская земля скорбитъ по мученикѣ царѣ. Въ комъ нѣтъ отзывчивости къ этой скорби, тотъ не отъ народа и не съ нимъ. Мысль о памятникѣ почившему царю родилась въ этой общей народной скорби; отъ этого она возникла одновременно здѣсь, въ московскомъ земствѣ, и у васъ, когда вы отъ имени Москвы преклонили колѣна предъ доро-

гимъ намъ всѣмъ прахомъ въ Бозѣ почившаго. Да будетъ же этотъ памятникъ вѣки свидѣтельствовать о той скорби, которою скорбѣлъ русскій народъ по Царѣ-Освободителѣ. Да будетъ онъ проявленіемъ русскаго народнаго духа, завѣтнаго и неразрывнаго союза русскаго народа съ его царемъ». Городская дума постановила всеподданнѣйше ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи открыть какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи подписку на сооруженіе памятника императору Александру II въ Московскомъ Кремлѣ; при этомъ думой было асигновано на памятникъ 100.000 р. Приговоръ городской думы былъ представленъ на высочайшее воззрѣніе.

17 марта того же года, въ засѣданіи городской думы прочитанъ былъ высочайшій рескриптъ на имя московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова, слѣдующаго содержанія: «Князь Владиміръ Андреевичъ! Мнѣ былъ представленъ приговоръ московской городской думы, 8 сего марта, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, одушевляющихъ населеніе первопрестольной столицы, а также съ ходатайствомъ объ открытіи какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи подписки на сооруженіе среди святынь Кремля памятника въ Бозѣ почившему блаженнаго и вѣчнаго славы достойному императору Александру II. Въ дни радости, какъ и въ години тяжкихъ испытаній, слои населенія Москвы всегда являли вѣрный откликъ чувствамъ своихъ государей. Поручаю вамъ изъяснить московской городской думѣ Мою искреннюю сердечную благодарность. Согласно желанію города Москвы, да будутъ стѣны Кремля вмѣщать въ себѣ воздвигнутый всею Россіею, по почину Москвы, памятникъ Тому, Кто всю жизнь Свою посвятилъ на служеніе возлюбленному отечеству». Вмѣстѣ съ тѣмъ, до свѣдѣнія гласныхъ было доведено, что, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, государю императору благоугодно было всемилостивѣйше разрѣшить открыть повсемѣстно въ имперіи подписку для сооруженія памятника императору Александру II въ Московскомъ кремлѣ.

Въ виду послѣдовавшаго высочайшаго разрѣшенія о повсемѣстной подпискѣ на сооруженіе памятника императору Александру II, было немедленно приступлено къ организаціи дѣла по осуществленію высочайшаго повелѣнія. Для завѣдыванія постройкой памятника былъ учрежденъ комитетъ подъ предѣлательствомъ московскаго генераль-губернатора. Въ составъ комитета, по высочайше утвержденному положенію, входили: московскій губернаторъ, московскій губернский предводитель дворянства, городской голова, предѣлатель губернской земской управы, губернский инженеръ, губернский архитекторъ, директоръ Императорской Академіи Художествъ и старшины купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія. Управляющимъ дѣлами комитета былъ назначенъ Ю. Ю. Рафальскій, остававшійся имъ все время. Комитетъ по сооруженію памятника открылъ

свои дѣйствія въ іюлѣ 1881 года, когда состоялось первое его засѣданіе послѣ открытія сбора пожертвованій. Въ этомъ засѣданіи, между прочимъ, обсуждался вопросъ о назначеніи конкурса на составленіе проекта памятника. Согласно опубликованнымъ условіямъ конкурса, послѣдній срокъ представленія проектовъ назначался 30 августа 1882 года. Мѣстомъ для памятника была избрана площадь на Кремлевскомъ плацѣ-парадѣ, противъ Николаевского дворца, у склона Кремлевскаго холма. Характеръ, форма и размѣры памятника предоставлялись усмотрѣнію составителя проекта, но требовалось, чтобы памятникъ былъ вѣрнымъ и яснымъ изображеніемъ личности, великихъ дѣлъ и событій славнаго царствованія императора Александра II. За лучшіе проекты были назначены четыре преміи: въ 6.000, 4.000, 3.000 и 2.000 рублей. На конкурсъ было представлено 36 проектовъ. Комиссія судей, засѣдавшихъ подѣ предсѣдательствомъ профессора архитектуры А. И. Резанова, нашла, что представленные проекты, за немногими исключеніями, весьма небогаты оригинальностью замысла, и въ основѣ многихъ изъ нихъ видны заимствованные приемы уже существующихъ памятниковъ. Лучшимъ комиссія признала проектъ подѣ девизомъ Правда, удостоенный первой преміи. Авторъ проекта положилъ въ основу своего произведенія мысль освободительнаго значенія царствованія въ Бозѣ почившаго императора. Достойнымъ второй преміи комиссія признала проектъ подѣ девизомъ Волга, который представлялъ статую императора на высокомъ пьедесталѣ, увѣчанную сѣнью; пьедесталъ украшался барельефными композиціями, относящимися къ реформамъ царствованія, а подѣ пьедесталомъ, по угламъ широкой платформы, возвышались аллегорическія фигуры. Третья премія назначена была за проектъ подѣ девизомъ Звѣзда, представлявшій конную статую императора на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, въ угловыхъ уступахъ котораго помѣщались въ сидячемъ положеніи бронзовыя аллегорическія статуи, изображающія: храбрость, благотворительность, науку и правосудіе, а между статуями, по четыремъ сторонамъ цоколя, глубокія впадины вмѣщали въ себѣ барельефныя композиціи, изображающія, соответственно аллегорическимъ фигурамъ, эпизоды изъ жизни императора, съ портретнымъ воспроизведеніемъ сподвижниковъ. Четвертой преміи удостоенъ былъ проектъ подѣ девизомъ Ярославль, такъ же представляющій статую императора на конѣ, въ порфирѣ, помѣщавшуюся на храмовидномъ высокомъ постаментѣ съ дорическими колоннами. Присудивъ четыре преміи, комиссія признала, что ни одинъ изъ представленныхъ на конкурсъ проектовъ не достоинъ быть исполненнымъ, какъ памятникъ императору Александру II. Комитетъ по сооруженію памятника утвердилъ заключеніе комиссія судей по конкурсу и назначилъ: первую премію за проектъ подѣ девизомъ Правда академика Шервуда и скульптора Кадэки, вторую—за проектъ подѣ девизомъ Волга академикомъ Опе-

кушина и Парланда, третью — за проектъ подъ девизомъ Звѣзда профессора Флорентійской академіи художествъ Ригера и четвертую — за проектъ Ярославль, академика Опекушина.

Въ виду того, что ни одинъ изъ проектовъ не былъ признанъ удовлетворительнымъ, съ Высочайшаго соизволенія былъ объявленъ второй конкурсъ. Преміи оставлены были въ прежнемъ размѣрѣ, и послѣднимъ срокомъ представленія проектовъ было назначено 3 сентября 1884 года. Второй конкурсъ привлекъ снова 36 проектовъ. Комиссія судей снова имѣла своимъ предсѣдателемъ профессора А. И. Резанова. Въ результатѣ своихъ работъ комиссія опять пришла къ заключенію, что ни одинъ изъ представленныхъ проектовъ и на второй конкурсъ не былъ признанъ достойнымъ для памятника императора Александра II. Тѣмъ не менѣе, комиссія нашла возможнымъ присудить первую премію за проектъ подъ девизомъ Заря, изображавшій статую покойнаго императора въ порфирѣ на высокомъ постаментѣ, въ основаніи четырехъугольномъ, затѣмъ принимавшемъ закругленную и, наконецъ, совершенно круглую форму. Въ правой рукѣ государя — корона, а лѣвая покоится на сердцѣ: царь молится, глаза его обращены къ небу. Ниже, вокругъ постамента, помѣщались четыре женскія фигуры, олицетворяющія могущество, науку, правосудіе и исторію, а еще ниже — барельефы на четырехъугольной части постамента указываютъ на главнѣйшіе факты войнъ въ царствованіе императора Александра II: покореніе Кавказа, переправу черезъ Дунай, переходъ черезъ Балканы и Ахаль-Текинскую экспедицію. У подножія памятника, на краю широкихъ ступеней, располагались на отдѣльныхъ пьедесталахъ четыре группы: освобожденіе крестьянъ, освобожденіе Болгаріи, олицетвореніе русской арміи и олицетвореніе народнаго ополченія. Вторая премія присуждена была комиссіей за проектъ по девизомъ Волга. Въ этомъ проектѣ фигура императора поставлена была на очень высокомъ кругломъ постаментѣ. Статуя царя выражала величіе и кротость, съ которыми онъ, совершивъ свои великія дѣла, смѣло является на судъ исторіи. На постаментѣ горельефныя композиціи изображали: типы народовъ, которыхъ коснулась „освободительная реформа; редакціонную комиссію, работающую надъ вопросами освобожденія крестьянъ; реформу всеобщей воинской повинности; освобожденіе Болгаріи. Надъ поясомъ горельефныхъ композицій, у подножія верхней части постамента, размѣщались фигуры: генія свободы, развертывающаго свитокъ со словами манифеста: Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и аллегорическія женскія фигуры правосудія, могущества и милосердія. Въ нижнемъ поясѣ постамента намѣчены были барельефы, изображающіе важнѣйшія реформы: народное просвѣщеніе, гласный судъ, земство, городское самоуправленіе, свободу печати, отмену тѣлеснаго наказанія, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Достойнымъ

третьей преміи признанъ былъ проектъ подъ девизомъ По терніямъ къ звѣздамъ, въ которомъ статуя государя, съ непокрытою головою, изображена была въ порфирѣ, со скипетромъ въ рукахъ, а на четырехъ выступахъ постамента располагались аллегорическія фигуры, олицетворявшія освобожденіе, войну, миръ и законодательство; ниже помѣщались барельефы главныхъ событій царствованія императора Александра II. Наконецъ, четвертая премія присуждена была проекту подъ девизомъ Москва, представлявшему изящную композицію въ стилѣ Возрожденія. На высокомъ пьедесталѣ—статуя императора со скипетромъ въ лѣвой рукѣ, а правая протянута въпередъ. На двухъ боковыхъ сторонахъ цоколя—двѣ группы, изображающія освобожденіе крестьянъ и освобожденіе болгаръ; крылатая фигура Славы, помѣщенная посрединѣ на нижней части постамента, указываетъ приподнятымъ лавровымъ вѣнкомъ на Царя-Освободителя, а на противоположной сторонѣ пьедестала помѣщалось изображеніе Россіи.

Когда изъ всѣхъ 72-хъ проектовъ, представленныхъ на оба конкурса, ни одинъ не былъ одобренъ для сооруженія по нему памятника, предсѣдатель комитета московскій генералъ-губернаторъ, кн. В. А. Долгоруковъ, вошелъ къ его императорскому высочеству великому князю Владиміру Александровичу, августѣйшему президенту академіи художествъ, съ просьбою указать художниковъ, которымъ комитетъ могъ бы поручить составленіе проекта памятника. Такими художниками указаны были скульпторы: фонъ-Бокъ, Лаврецкій, Опекушинъ, Чижевъ и Антокольскій. Комитетъ пригласилъ этихъ лицъ къ участию въ составленіи проектовъ памятника и назначилъ каждому изъ нихъ за проектъ — будетъ ли онъ одобренъ или нѣтъ — вознагражденіе въ размѣрѣ 5.000 рублей, причѣмъ проекты ихъ должны поступить въ собственность комитета. вмѣстѣ съ тѣмъ объявленъ былъ третій конкурсъ, въ которомъ могли участвовать и другіе, не приглашенные комитетомъ, русскіе художники, не получающіе, однако, никакого вознагражденія за свои проекты; въ случаѣ же, если какой нибудь изъ проектовъ, представленныхъ этими лицами, былъ бы признанъ заслуживающимъ особаго вниманія, то комитетъ могъ приобрести его въ собственность съ выдачею его составителю вознагражденія въ размѣрѣ 5.000 р. Срокомъ представленія проектовъ на конкурсъ назначено было 2-е октября 1887 года. Въ условіяхъ третьяго конкурса говорилось: «Памятникъ долженъ быть вѣрнымъ и яснымъ изображеніемъ личности почившаго государя и точнымъ выраженіемъ важнѣйшихъ дѣяній и событій его царствованія, а также лично ему присущихъ глубоко-христіанскихъ добродѣтелей, которыми отличалась вся его жизнь. Нежелательно изображеніе государя на конѣ, изображеній аллегорическихъ, мифологическихъ, а также сподвижниковъ его въ отдѣльныхъ фигурахъ, какъ нежелательно и устройство въ памятникѣ часовень, кіотовъ съ образами и тому

подобныхъ религіозныхъ предметовъ». Составителю избраннаго комитета и высочайше утвержденнаго проекта предоставилось исполненіе его въ натурѣ съ тѣмъ, что избранные имъ художники-сотрудники, въ томъ числѣ и архитекторы, содѣйствіе которыхъ будетъ ему необходимо при сооруженіи памятника, представляются исполнителемъ памятника на утвержденіе комитета, а въ случаѣ отказа составителя принятаго проекта отъ исполненія его въ натурѣ комитетъ назначалъ ему вознагражденіе въ количествѣ 25 тыс. руб. Изъ 32-хъ проектовъ, представленныхъ на конкурсъ, комиссіей судей признаны были подлежащими критической оцѣнкѣ 22. По примѣру предыдущаго конкурса всѣ проекты были выставлены въ историческомъ музеѣ въ октябрѣ 1887 г. Лучшими изъ нихъ, по оцѣнкѣ комиссіи, оказались проекты, исполненные по заказу. Изъ пяти проектовъ гг. Чижова и Васильева одинъ изображалъ фигуру императора, поставленную на возвышенномъ пьедесталѣ, обработанномъ въ нѣсколько ярусовъ; по мнѣнію комиссіи «цѣльность, простота линий и впечатлѣніе общей гармоніи всего проекта отводятъ ему одно изъ выдающихся мѣстъ среди выставленныхъ произведеній». Но въ этомъ проектѣ комиссія нашла статую императора мало выразительной и не возбуждающей въ зрителѣ мысли о величіи и благодати незабвеннаго государя. По проекту Опекупина, колоссальная статуя императора, изображеннаго въ сюртукѣ, возвышается на постаментѣ, состоящемъ изъ квадратныхъ уступовъ съ отсѣченными углами и помѣщенномъ на широкомъ квадратномъ цоколѣ; царь держитъ въ правой рукѣ фуражку, а въ лѣвой свитокъ манифеста 19-го февраля. Съ лицевой стороны цоколя выступаютъ полукружіемъ ступени, на которыхъ расположена группа изъ двухъ фигуръ: дряхлый, согбенный старикъ одной рукою указываетъ мальчику на разорванныя цѣпи, другой—на царя, порвавшаго эти цѣпи рабства. Особыми достоинствами отличается фигура царя, являющаяся, по мнѣнію комиссіи, лучшею изъ всѣхъ выставленныхъ на конкурсъ по характерной передачѣ личности въ Божѣ почившаго императора, по простотѣ и изящному спокойствію. Памятникъ задуманъ съ единствомъ основной идеи великой дѣятельности императора и, несмотря на не вполне удовлетворительную форму постамента, выдѣляется тѣмъ, что онъ свободенъ отъ какого либо фальшиво-вычурнаго или несоответственно-игриваго стиля. Но, по мнѣнію комиссіи, группа старика и мальчика не монументальна, не имѣетъ никакой художественной связи съ сооруженіемъ, и, при ясности по замыслу, выразительности и реалистической жизненности ея, чувствуется дисгармонія этихъ двухъ фигуръ съ аллегорическимъ изображеніемъ цѣпей, а постаментъ, поддерживающій прекрасную статую, не соответствуетъ ей, слишкомъ слабъ для нея. По другому проекту Опекупина, составленному совмѣстно съ Гуномъ, статуя государя изображена въ порфирѣ на высокомъ постаментѣ четырехгранной формы; лѣвой рукой

царь опирается на свитокъ манифеста 19-го февраля съ вырѣзанными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ» и проч.; правая рука государя опущена, и ея пальцы сложены какъ бы для крестнаго знаменія; голова нѣсколько приподнята, со взоромъ, обращеннымъ къ небу. На переднемъ фасѣ пьедестала барельефъ изображаетъ возложеніе знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго на новорожденнаго великаго князя Александра Николаевича. Подъ барельефомъ, на ступеняхъ, окружающихъ пьедесталъ, помѣщена фигура Россіи въ видѣ женщины, обращенной къ барельефу и готовящей порфиру новорожденному; на остальныхъ фасахъ пьедестала предполагалось помѣстить барельефы съ изображеніемъ эпизодовъ изъ исторіи царствованія императора Александра II по выбору историковъ. Коммиссія признала, что постановка и художественное выполнение фигуры императора избличаютъ художника съ выдающимся талантомъ, и что въ общемъ проектъ представляетъ цѣлое спокойнаго монументальнаго характера, за исключеніемъ женской фигуры, недостаточно ясной и выразительной. Далѣе къ числу лучшихъ на конкурсѣ коммиссія причислила проектъ профессора скульптуры А. Р. фонъ-Бока и художника архитектуры Н. Ф. Монтандра, представляющей фигуру императора величиною въ $3\frac{3}{4}$ саж. на постаментѣ около 10 саж. высоты. Признавая основную мысль памятника грандіозной, коммиссія нашла, что фигура государя, несмотря на свои колоссальные размѣры, слишкомъ легка по отношенію къ пьедесталу и теряетъ свое первенствующее значеніе, тѣмъ болѣе, что на такой высотѣ невозможно невооруженнымъ глазомъ разсмотрѣть подробности фигуры. Террасы, проектируемыя по наклону кремлевской горы, коммиссія сочла слишкомъ сложными, а павильоны, ниши—нѣсколько вычурными и невыдержанными въ архитектурныхъ деталяхъ, въ которыхъ встрѣчается смѣсь итальянскаго ренессанса съ намеками на русскій стиль. Изъ проектовъ, исполненныхъ не по заказу, коммиссія отнесла къ числу лучшихъ на настоящемъ конкурсѣ проектъ академика скульптуры Забѣлло и академика архитектуры Вергейма. По этому проекту, статуя императора въ порфирѣ возвышается на прямоугольномъ пьедесталѣ; взоръ царя поднятъ къ небу; правая рука нѣсколько протянута впередъ, а лѣвая придерживаетъ порфиру. Общая идея памятника — «Миръ и правда да водворяются въ царствѣ моемъ», и художникъ желалъ изобразить государя, какъ бы произносящимъ эти слова, обращаясь къ Россіи. Поднятый взоръ какъ бы призываетъ помощь Божію для осуществленія задуманныхъ предначертаній. Однако, эта идея безъ пояснительной записки осталась бы неясной, но какъ въ положеніи фигуры, такъ и въ общей композиціи статуи и пьедестала коммиссія признала характеръ спокойствія безъ особыхъ вычуръ и прикрасъ, причемъ общее довольно гармоничное впечатлѣніе нарушается лишь не вполне удачнымъ расчлененіемъ пьедестала. Въ заключеніе коммиссія судей изъ всѣхъ

проектовъ, представленныхъ и на третій конкурсъ, не одобрила ни одного для сооруженія по нему памятника императору Александру II. Со всѣхъ проектовъ первыхъ двухъ конкурсовъ дѣлались фотографическіе снимки, составлялись изъ нихъ альбомы и раздавались участникамъ въ слѣдующихъ конкурсахъ. Премированные проекты перваго и втораго конкурса представлялись на всемилостивѣйшее усмотрѣніе его величества государя императора, причемъ испрашивалось разрѣшеніе на объявленіе дальнѣйшихъ конкурсовъ. Изъ третьяго конкурса на возрѣніе государя императора представлены были какъ заказанные проекты, такъ и купленный комитетомъ проектъ проф. Шредера; при этомъ комитетъ выразилъ пожеланіе, чтобы ихъ авторамъ поручено было пересоставленіе проектовъ. Вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла оставался открытымъ до 1890 года. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года предсѣдателемъ комитета московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ представленъ былъ на всемилостивѣйшее возрѣніе проектъ памятника императору Александру II, составленный гражданскимъ инженеромъ Н. В. Султановымъ и художникомъ П. В. Жуковскимъ, который и получилъ высочайшее утвержденіе въ томъ же мѣсяцѣ. Изъ капитала на постройку памятника за премированные проекты было выдано 30 тыс. руб., 25 тыс. рубл. за проекты заказанные и одинъ купленный и 10 тыс. руб. уплачено за проектъ гг. Султанова и Жуковскаго, который былъ выставленъ осенью 1890 года въ историческомъ музеѣ.

Послѣ высочайшаго утвержденія составленнаго Н. В. Султановымъ и П. В. Жуковскимъ проекта памятника въ Бозѣ почившему государю императору Александру Николаевичу, съ 1-го іюня 1890 года было приступлено къ планировкѣ плаца противъ Малаго Николаевского двора въ Кремлѣ и изслѣдованію грунта и почвы въ мѣстѣ, огведенномъ подъ постройку монумента, къ постройкѣ конторы, бараковъ для рабочихъ и къ другимъ подготовительнымъ работамъ. Такъ какъ составъ комитета по сооруженію памятника былъ довольно многочисленный, что являлось теперь неудобнымъ для учрежденія чисто исполнительнаго, призваннаго быстро рѣшать всѣ детали дѣла по постройкѣ, то осенью 1890 года возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи комитета, и 1-го ноября 1890 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ измѣненіи состава комитета, въ который, подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора, включены были слѣдующіе члены: московскій губернаторъ, московскій губернский предводитель дворянства, городской голова, губернский инженеръ, Н. В. Султановъ и П. В. Жуковскій въ качествѣ производителей работъ, камеръ-юнкеръ высочайшаго двора Ю. Ю. Рафальскій, какъ управляющій дѣлами комитета, и казначей дѣйствительный статскій совѣтникъ И. А. Ляминъ. За смертью Лямина въ 1895 году былъ назначенъ казначеемъ коммерціи со-

вѣтникъ П. П. Боткинъ. Въ 1890 и 1891 годахъ производились земляныя работы по раскопкамъ кремлевскаго холма для устройства фундамента. Какъ только начали рыть почву, оказалось, что мѣсто, отведенное для памятника, представляетъ собою наносную землю, нараставшую постепенно вѣками, и тутъ же найдены были остатки зданій бывшихъ приказовъ. Раскопки земли и сломка зданій дали интересные результаты въ археологическомъ отношеніи. Въ приказахъ найдены мебель, изразцы, чернильницы глиняныя и желѣзныя, гусинья очиненныя перья, ядра каменные и желѣзныя, кандалы, цѣпи, монеты и серебряныя и мѣдныя. Зданія стояли на дубовыхъ сваяхъ. При дальнѣйшихъ раскопкахъ открыто было кладбище. Одинъ гробъ найденъ былъ нетронутымъ. По открытіи его, въ немъ оказался покойникъ въ одеждѣ русскаго боярина, съ сохранившимся лицомъ, съ перстнемъ на пальцѣ и тѣльникомъ на шеѣ. Но эта иллюзія продолжалась нѣсколько минутъ, и все быстро истлѣло; остались только перстень, тѣльникъ и подковы отъ обуви. Всѣ кости, найденныя при раскопкахъ, были погребены на одномъ изъ городскихъ кладбищъ. Изъ гробовъ сохранился только одинъ, сдѣланный изъ цѣльной дубовой колоды. Когда при земляныхъ работахъ дошли до 15-ти аршинъ глубины, то посредствомъ буровыхъ скважинъ было опредѣлено, что для того, чтобы дорыться до твердаго грунта, до мячковой гряды, идущей ниже дна Москвырѣчки, нужно было идти еще на значительную глубину. Тогда комитетъ, по указанію производителей работъ, рѣшилъ опустить два кессона, на которые и положить фундаментъ. Кессоны были исполнены и опущены инженеромъ Гюгененъ-Вирто за 42 тысячи рублей. Каждый кессонъ вѣсилъ около 1.700 пуд. Опусканіе въ землю кессоновъ произошло замѣчательно удачно. Производя въ кессонахъ (металлическіе ящики 3-хъ-аршинной высоты, сверху закрытые) выемку земли, поднимавшейся по трубамъ на поверхность паровою машиною, рабочіе дошли до твердаго грунта—продолженія мячковой гряды. Оставленные въ этомъ грунтѣ кессоны и легли въ основаніе памятника.

Въ 1891 и 1892 годахъ шли работы по бутовой кладкѣ и пр., а 14-го мая 1893 года, когда фундаментъ центральной части монумента былъ уже сложенъ отъ основанія на 8 сажень высоты, произведена торжественная закладка памятника въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ и высочествъ. Надъ углубленіемъ въ восточной части фундамента, сдѣланнымъ въ гранитной обтесанной и отполированной глыбѣ, когда брошены были въ него монеты, положена доска съ слѣдующею надписью: «Въ лѣто отъ рожденія Бога Слова 1893-е, мая 14-го дня, при державѣ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего императора Александра Александровича всея Россіи, при супругѣ его благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ, при

наслѣдникъ его благовѣрному государѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и при благовѣрному государѣ великому князѣ Сергѣѣ Александровичѣ, генераль-губернаторѣ московскомъ, заложень сей памятникъ почившему въ Бозѣ въ лѣто 1881, марта въ 1-й день, великому государю нашему императору Александру Николаевичу всея Россіи, созидаемый добротнымъ иждивеніемъ русскаго народа въ кремлѣ Московскомъ, по чертежамъ и подъ наблюденіемъ художника П. Жуковскаго и зодчаго Н. Султанова». Затѣмъ членами комитета на трехъ серебряныхъ блюдахъ были поднесены ихъ величествамъ и ихъ высочествамъ известъ, камни и серебряные молотокъ и лопатка. Камни были заготовлены трехъ родовъ: 1) изъ краснаго сибирскаго кварцита съ золотыми надписями: «императоръ Александръ Александровичъ», «императрица Марія Теодоровна»; 2) изъ бѣлаго мрамора съ красными надписями для особъ императорской фамиліи и 3) изъ бѣлаго же мрамора съ синими надписями для членовъ строительнаго комитета. Первый камень положилъ государь императоръ, второй—государыня императрица, третій—наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай Александровичъ, а слѣдующіе камни, особы императорской фамиліи. Торжество закладки сопровождалось салютационной пальбой 101 холостымъ выстрѣломъ, начавшейся въ то время, какъ государемъ императоромъ положень былъ первый камень. На сооруженіе памятника, кромѣ 100 тысячъ рублей, ассигнованныхъ московскою думою, и 25 тысячъ рублей, назначенныхъ московскимъ губернскимъ земствомъ, наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣланы были ихъ императорскими высочествами, августѣйшими сыновьями въ Бозѣ почившаго государя, великими князьями: Владиміромъ Александровичемъ, Алексѣемъ Александровичемъ, Сергѣемъ Александровичемъ и Павломъ Александровичемъ, изъ которыхъ каждый пожертвовалъ по 50 тыс. рублей. По подпискѣ среди московскаго купеческаго сословія собрано на памятникъ 65.474 рублей, чрезъ московское губернское казначейство поступило отъ дворянствъ, земствъ и пр. 409.806 рублей и непосредственно въ комитетъ по сооруженію памятника поступило 61.993 рублей.

VII.

Въ заключеніе предлагаемъ читателямъ общее описаніе этого монумента. Памятникъ императору Александру II въ Московскомъ кремлѣ построенъ, какъ и самый кремль, въ стилѣ, представляющемъ собою смѣсь итальянскихъ формъ съ русскими. Какъ извѣстно, стѣны и нижнія части кремлевскихъ башенъ сооружены въ концѣ XV вѣка итальянскими зодчими, верхнія же ихъ части въ XVII вѣкѣ — московскими мастерами, а потому первыя по стилю отлича-

ются безусловно итальянскимъ характеромъ, а вторыя представляютъ вполне русскія формы. Равнымъ образомъ Архангельскій соборъ по общему виду является совершенно сходнымъ съ нашими древними соборами, но такъ какъ онъ строился въ началѣ XVI вѣка итальянскимъ зодчимъ Фрязинымъ, не могшимъ освободиться отъ вліянія архитектурныхъ формъ своего времени, то въ украшающихъ соборъ деталяхъ господствуетъ стиль эпохи Возрожденія. Въ виду этого и сооруженный въ кремлѣ памятникъ императору Александру Николаевичу, по высочайше одобренному проекту Н. В. Султанова и П. В. Жуковского, представляетъ собою сліяніе двухъ стилей: по общему виду и по формѣ крыши это вполне русское сооруженіе, а по деталямъ — это зданіе въ стилѣ Возрожденія, согласованное по цвѣту своихъ матеріаловъ съ общимъ характеромъ итальяно-русского, бѣлокаменнаго, златоглаваго кремля. Памятникъ, построенный по южному склону кремлевскаго холма, противъ Малаго Николаевского дворца, имѣетъ 19 саж. протяженія по лицевому фасаду, обращенному внутрь кремля, и 17 саж. по боковому фасаду, занимающая площадь въ 323 кв. саж. Если смотрѣть на монументъ съ Замоскворѣчья или со стороны Спасскихъ и Боровницкихъ воротъ, то все сооруженіе представляется какъ бы выростающимъ изъ нижняго кремлевскаго сада, примыкая верхней своей площадью къ внѣшнему краю плаца. По боковымъ сторонамъ памятника спускаются отъ плаца по склону холма двѣ высокія каменные лѣстницы, заканчивающіяся общей площадкой и широкимъ сходомъ, ведущимъ въ садъ близъ церкви свв. Константина и Елены. При проектированіи памятника пришлось считаться съ большими задрудненіями, заключающимися въ условіяхъ мѣстности. Какъ бы велика ни была статуя императора, она должна была казаться малою сравнительно съ такими высокими сооружениями, какъ колокольня Ивана Великаго и Спасская башня, между которыми ей предназначено стоять. Въ виду этого статуя поставлена подъ высокой сѣнью въ 17 саж. высоты, въ томъ расчетѣ, что при такихъ размѣрахъ памятника его не могутъ подавлять своей величиной окружающія сооружения.

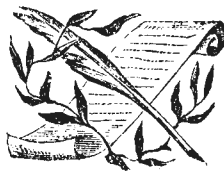
Памятникъ по внѣшнему своему виду состоитъ изъ поднимающагося надъ склономъ кремлевскаго холма выступа въ 8 саж. высоты, обрамленнаго сверху съ трехъ сторонъ сквозною галлерейкою, статуей государя, помѣщенной посрединѣ его подъ высокимъ балдахиномъ или сѣнью съ шагрвымъ верхомъ. Выступъ этотъ виденъ только съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ Замоскворѣчью, Боровицкой и Спасской башнямъ, и обработанъ съ внѣшней стороны на подобіе стѣнъ и башенъ кремля и Китай-города. Всѣ части выступа облицованы необычайно твердымъ метлахскимъ кирпичемъ краснаго натурального цвѣта. Съ середины двухъ боковыхъ лѣстницъ, спускающихся по сторонамъ памятника, и съ площадки нижняго широкаго схода въ Александровскій садъ, во внутреннюю часть

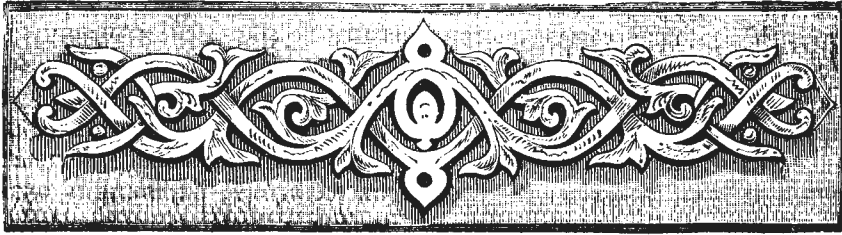
выступа ведутъ три бронзовыхъ двери, украшенныхъ орнаментомъ въ итальянскомъ стилѣ, съ изображеніемъ на нихъ древняго государственнаго герба въ видѣ орла. Внутри выступа въ центрѣ возвышается 4-хъ-угольный сложенный изъ кирпича столбъ, служащій фундаментомъ для статуи государя съ сѣнью. Поднимаясь надъ уровнемъ нижняго кремлевскаго сада на 8 сажень, столбъ этотъ подъ поверхностью сада углубляется въ землю на 6 сажень. Столбъ, на разстояніи около сажени, окруженъ стѣной, на которую опирается наружная галлерейка; между стѣной и столбомъ помѣщаются пробныя кружалы для опредѣленія степени осадки грунта. Въ теченіе трехъ лѣтъ не оказалось никакихъ признаковъ осадки, и въ сооруженіи не замѣчается никакихъ трещинъ. Ступени и площадки лѣстницъ, обнесенныя баллюстрадой, сдѣланы изъ свѣтло-сѣраго финляндскаго гранита. Чтобы подняться изъ сада по этой лѣстницѣ на площадь кремлевскаго холма, нужно пройти 96 ступенекъ. Сквозная галлерейка, идущая по верхнему краю выступа, сооружена изъ бѣлаго песчаника и имѣетъ въ длину 35 саж., въ ширину 2¹/₂ саж. и въ высоту до крыши 2 саж. Въ арки и своды поддерживаются 152-мя колоннами, расположенными въ два ряда. По фризу галлерей, начиная съ лѣвой ея стороны, высѣчена надпись: «Сооруженъ добровольнымъ иждивеніемъ русскаго народа. Заложень въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1893-е Великимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и окончень при Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ въ лѣто 1898-е». Крыша галлерейки состоитъ изъ бронзовыхъ зеленыхъ оксидированныхъ и вызолоченныхъ черезъ огонь черепицъ, расположенныхъ въ узоръ, и украшена массивнымъ, отлитымъ изъ бронзы и вызолоченнымъ конькомъ. На двухъ заднихъ углахъ конька возвышаются бронзовыя вызолоченныя фигуры въ видѣ распустившагося цвѣтка. Спускающіяся съ галлерей водосточныя трубы сдѣланы также изъ оксидированной бронзы съ золочеными кольцами. Въ галлерейку ведутъ два входа, въ видѣ сѣней, сооруженныхъ изъ бѣлаго песчаника и покрытыхъ шатровыми крышами, одинаковыми съ общей кровлей галлерей. Надъ крышей праваго входа помѣщенъ гербъ дома Романовыхъ, представляющій грифона съ мечомъ и щитомъ, а надъ лѣвой входной сѣнью—гербъ города Москвы, изображающій Георгія Побѣдоносца. Оба герба вылѣплены профессоромъ Опекушинымъ, исполнены изъ бронзы и вызолочены чрезъ огонь. Высѣченные изъ камня орнаменты на входныхъ сѣняхъ сдѣланы въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Внутри галлерей, по обѣимъ ея сторонамъ, между колоннами, помѣщены скамьи изъ песчаника, покрытыя дубовыми накладками. Скамьи поставлены для отдыха обозрѣвателей памятника, которые при этомъ могутъ любоваться открывающейся передъ ними панорамой Замоскворѣчья. Своды галлерей украшены мозаичнымъ золоченымъ орнаментомъ въ

стиль итальянскаго ренессанса, въ видѣ розетокъ и звѣздъ. Эта мозаика служитъ узорнымъ фономъ, на которомъ расположены, въ самой срединѣ сводовъ, большіе медальонные мозаичные портреты русскихъ государей, начиная съ св. Владиміра и кончая императоромъ Николаемъ I. Всѣхъ портретовъ 33. Они начинаются съ лѣвой стороны галлерей, за входной ея сѣнью, и оканчиваются передъ правой входной сѣнью. Портреты до середины галлерей располжены головами по направленію обозрѣвателя, идущаго отъ праваго или лѣваго входа; находящійся же въ срединѣ свода галлерей портретъ царя Θεодора Ивановича обращенъ головой къ главной сѣни съ статуей государя. По бокамъ портретовъ изображены года начала и конца царствованія каждого государя. Эскизы портретовъ и орнаментовъ свода галлерей писаны художникомъ П. В. Жуковскимъ. По этимъ эскизамъ мозаика портретовъ и всей галлерей сдѣлана въ Венеціи двумя фабриками: Venezia-Murano и Società Musiva Veneziana. Въ двухъ заднихъ углахъ галлерей и въ ея входныхъ сѣняхъ орнаментъ свода сложнѣе, чѣмъ въ среднихъ частяхъ галлерей. Въ углахъ, кромѣ розетокъ и звѣздъ, на свѣтло-бирюзовомъ фонѣ, помѣщены еще мозаичные гербы дома Романовыхъ и древніе государственные гербы, а во входныхъ сѣняхъ по четыремъ сторонамъ изображены двуглавыя орлы старинныхъ государственныхъ гербовъ. Полъ галлерей покрытъ полированнымъ финляндскимъ гранитомъ. Въ боковыхъ входахъ и въ углахъ галлерей подвѣшены къ своду четыре бронзовыхъ вызолоченныхъ лампадорія для электрическаго освѣщенія памятника. Кромѣ того, будетъ освѣщаться еще четырьмя наружными электрическими фонарями, изъ которыхъ первые два поставлены по линіи фасада, а другіе два противъ угловъ террасы въ нижнемъ Александровскомъ саду.

Площадь между галлерей и главной сѣнью со статуей императора, возвышающаяся на четыре ступени надъ уровнемъ плаца, покрыта темно-розовымъ, свѣтло-сѣрымъ и темно-зеленымъ финляндскимъ гранитомъ; четыре ведущихъ къ ней ступени—изъ темно-зеленаго полированнаго гранита. Подножіе средней или главной сѣни, расположенное тремя большими уступами, сооружено изъ темно-розоваго финляндскаго гранита. Высоко поднимающаяся надъ галлерей сѣнь сдѣлана также изъ темно-розоваго финляндскаго гранита и убрана украшеніями изъ темно-зеленой бронзы съ золотой бликовкой, изготовленными на фабрикѣ Берто въ Петербургѣ. Весь матеріалъ для главной сѣни, въ видѣ громаднхъ, до 650-ти пудовъ, обдѣланныхъ и полированныхъ кусковъ гранита, доставленъ изъ Ганга. Орнаментъ сѣни исполненъ также въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Колонны сѣни, по четыре у каждого угла, и карнизъ ея, кромѣ этого орнамента, украшены бронзовыми гербами, входящими въ составъ російскаго государственнаго герба. Четырехсторонняя кровля главной сѣни, круто поднимающаяся кверху,

сдѣлана изъ бронзовыхъ листовъ чеканной работы, вызолоченныхъ чрезъ огонь и украшенныхъ слабо-рельефнымъ орнаментомъ съ заливкою фона темно-зеленою эмалью. По общему своему виду кровля представляетъ собою какъ бы колоссальный парчевой шатеръ. Отъ гранитнаго карниза сѣни къ шатровой кровлѣ сдѣланъ красивый переходъ изъ вызолоченной бронзы съ валикомъ, перевитымъ эмалевой лентой. Накладки на ребрахъ кровли—витыя изъ золоченой бронзы. Шатеръ главной сѣни увѣнчанъ большимъ бронзовымъ золоченымъ двуглавымъ орломъ, модель котораго была слѣплена А. М. Опекушинымъ. Куполь средней сѣни украшенъ болѣе крупными, чѣмъ своды галереи, мозаичными розетками и звѣздами. Въ центрѣ его — изображеніе императорской короны въ золотыхъ лучахъ. На трехъ-угольныхъ сводахъ, или парусахъ, поддерживающихъ куполь, изображены мозаичные же громадныя двуглавые орлы. По краямъ купола сдѣлана слѣдующая надпись золотыми буквами: «Родился 17-го апрѣля 1818 г. Вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 г. Вѣнчался на царство 26-го августа 1856 г. Въ Возѣ почилъ 1-го марта 1881 г.». При высотѣ сѣни въ 17 саж. отъ поверхности площади до вершины орла, ширина ея $4\frac{1}{2}$ саж., а пролеты ея арокъ равняются 3 саж. Статуя государя помѣщается подъ сѣнью на четырехъ-стороннемъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Исполненная профессоромъ скульптуры А. М. Опекушинымъ, статуя отлита изъ темно-зеленой бронзы; высота ея 7 арш. Императоръ Александръ II изображенъ въ оубяніи, въ которомъ вѣнчался на царство, въ полной генеральской формѣ и въ императорской порфирѣ. На лицевой сторонѣ пьедестала сдѣлана надпись: «Императору Александру II любовію народа».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Церковная исторіографія въ главныххъ ея представителяхъ съ IV-го по XIX-й вѣкъ А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1898.

ЗВѢСТНЫЙ у насъ представитель церковно-исторической науки, профессоръ Московскаго университета, А. П. Лебедевъ, по случаю исполнившагося въ 1895 году двадцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности, предпринялъ напечатать полное собраніе своихъ церковно-историческихъ сочиненій, большая часть которыхъ первоначально была опубликована въ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и сдѣлалась малодоступною для читателей, а другая часть, вышедшая въ видѣ отдѣльныхъ изданій, стала почти библиографическою рѣдкостью. Все собраніе будетъ состоять изъ трехъ серій, въ каждой изъ коихъ будетъ по четыре тома. Такимъ образомъ, предпріятіе ученаго профессора довольно значительно. Нельзя отъ души не привѣтствовать такого прекраснаго дѣла, имѣющаго цѣлью оживить и усилить въ русской публикѣ интересъ къ судьбамъ христіанской церкви, исторія коей у насъ, сравнительно, мало изслѣдована и разработана. Въ настоящее время почтенный профессоръ напечаталъ уже всю первую серію своихъ сочиненій, въ количествѣ четырехъ томовъ. О трехъ изъ нихъ была уже рѣчь на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1896 г., декабрь; 1897 г., апрѣль, ноябрь). Предъ нами теперь четвертый (по счету автора—первый) томъ этой серіи, которая вся посвя-

цена исторія древней церкви. Означенный томъ имѣеть своимъ предметомъ церковную историографію отъ ея возникновенія до настоящаго времени, иначе сказать—авторъ задался цѣлью прослѣдить въ настоящей книгѣ, какъ возникла и развивалась научная разработка исторіи греко-восточной церкви, какіе церковно-историческіе труды и гдѣ именно составлялись, кому они принадлежатъ, какое имѣють научное значеніе и т. д. Книга раздѣляется на три отдѣла, каждый изъ коихъ, въ свою очередь, дѣлится на главы.

Въ первомъ отдѣлѣ книги обзрѣвается греческая церковная историографія древнихъ временъ. Отдѣлъ состоитъ изъ введенія и девяти главъ. Въ введеніи (стр. 3 — 6) даются общія свѣдѣнія о греческихъ церковныхъ историкахъ IV—VI вѣковъ. Ихъ труды были первыми въ области церковной историографіи и имѣють важное научное значеніе. Между тѣмъ, не только у насъ, но и въ иностранной литературѣ наблюдается равнодушно-холодное, игнорирующее отношеніе къ нимъ со стороны ученыхъ изслѣдователей. Идя на встрѣчу намѣченной научной потребности, профессоръ А. П. Лебедевъ въ первыхъ трехъ главахъ перваго отдѣла (стр. 7—101) ведетъ рѣчь объ «отцѣ церковной исторіи», ученомъ кесарійскомъ епископѣ Евсевіи. Евсевій жилъ между 260 и 340 годами, былъ, значитъ, современникомъ самаго жестокаго гоненія на христіанъ при императорѣ Діоклегіанѣ, а потомъ — торжества христіанства при Константинѣ Великомъ. Евсевій отличался глубокою и разностороннею эрудиціей, за которую его превозносятъ и древніе писатели, и современные ученые (Эли, Гельцеръ, Ранке). Онъ написалъ два сочиненія: «Церковную исторію» и «Жизнь Константина». Первое появилось около 325 года, состоитъ изъ десяти книгъ и содержитъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій сборникъ повѣствованій о христіанствѣ первыхъ трехъ вѣковъ. Это сочиненіе написано на основаніи различныхъ источниковъ: *Ἱστορίαι* Эгезиппа (II в.), хронографіи Юлія Африкана (оба эти сочиненія не сохранились до нашего времени), произведеній отцовъ и учителей христіанской церкви и писателей нехристіанскихъ, личныхъ впечатлѣній и наблюденій и свидѣтельства современниковъ. Къ своимъ источникамъ Евсевій относился критически. Основныя его воззрѣнія, изложенныя въ «Церковной исторіи», отличаются оригинальностью и возвышенностью. Исторія, по взгляду Евсевія, есть результатъ дѣятельности двухъ началъ, положительнаго—Бога и отрицательнаго—дьявола; тогъ и другой принципъ проявляются въ исторіи человѣческой соотвѣтственно своему существу и присущимъ каждому свойствамъ: начало доброе выражается въ правильномъ и истинномъ ходѣ дѣлъ, отличающихся характеромъ неизмѣнности, а начало злое вноситъ въ исторію человѣчества явленія ненормальныя, неправильныя и переходящія. Задача историка въ томъ и состоитъ, чтобы прослѣдить въ жизни человѣческой положительныя и отрицательныя явленія и описать ихъ. И Евсевій въ составъ своей «Церковной исторіи» вноситъ слѣдующіе предметы, какъ проявленія добраго начала въ христіанствѣ: исторію канона новозавѣтныхъ книгъ священнаго писанія, преемство епископской власти (отъ апостоловъ) и изслѣдованіе о жизни и писаніяхъ отцовъ и учителей церкви; отрицательную же сторону въ исторіи христіанства составляютъ ереси и гоненія на христіанъ. Изложенныя принципиальныя воззрѣнія Евсевія отчетливо проходятъ черезъ весь

его церковно-историческій трудъ, сообщаютъ ему библейскій характеръ и придаютъ возвышенность и назидательность. Но ихъ нельзя признать правильными, такъ какъ внесеніемъ въ человѣческую исторію сверхъестественнаго элемента наносится ущербъ свободной человѣческой волѣ и личность человека отстраняется на задній планъ; кромѣ того, наблюдается крайнее однообразіе въ изложеніи историческихъ событій, причины коихъ уже напередъ извѣстны историкѣ, а характеристики историческихъ лицъ выходятъ блѣдными, безжизненными, шаблонными. Тѣмъ не менѣе, Евсевій за свой трудъ признается отцомъ церковной исторіи, такъ какъ онъ первый составилъ исторію христіанства за довольно значительный періодъ и описалъ здѣсь жизнь христіанства со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ—его взгляды отличаются широтою и даже универсальностью. Во второмъ сочиненіи Евсевія («Жизнь Константина») описывается царствованіе императора Константина Великаго, съ которымъ авторъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и велъ даже переписку. Это сочиненіе ниже по значенію «Церковной исторіи», такъ какъ Евсевій допустилъ здѣсь тенденціозность въ изображеніи состоянія христіанства и слишкомъ идеализировалъ личность своего друга.

Въ слѣдующихъ пяти главахъ (IV—VIII) книги проф. Лебедева (стр. 102—221) обозрѣваются церковно-историческіе труды продолжателей Евсевія V-го вѣка — Сократа, Созомена и Теодорита. Всѣ эти писатели въ своихъ трудахъ обозрѣвали исторію церкви за одинъ и тотъ же періодъ, именно, съ 306 до 439 года, но они не имѣли такого таланта и эрудиціи, какъ Евсевій, посему ихъ труды однообразны и монотонны, не отличаются высотой возрѣній, строгою послѣдовательностью плана и изложенія. Въ частности, Сократъ-схоластикъ написалъ свою «Церковную исторію» въ 440—441 годахъ, воспользовавшись, въ качествѣ источниковъ, трудами Евсевія, латинскаго писателя V-го вѣка Руфина, греческихъ писателей—Филосторгія, Савина и Филиппа Сидита, твореніями отцовъ и учителей церкви, актами соборовъ и другими. Главнымъ достоинствомъ сочиненія Сократа нужно признать безпристрастность въ описаніи событій и въ характеристикѣ лицъ. Созомень-схоластикъ составилъ свою «Церковную исторію» между іюнемъ 443 года и второй половиной слѣдующаго года. Его трудъ носить компилятивный характеръ и написанъ, главнымъ образомъ, на основаніи исторіи Сократа, откуда онъ взялъ, по словамъ Гарнака, три четверти своего труда. Теодоритъ, епископъ Кирскій, написалъ свою «Церковную исторію» въ сороковыхъ годахъ V-го столѣтія, значить — послѣ Сократа и Созомена. Онъ пользовался трудами этихъ послѣднихъ, но имѣлъ въ распоряженіи и другіе церковно-историческіе матеріалы. Въ своей исторіи Теодоритъ имѣлъ въ виду раскрыть историческое значеніе антиохійской церкви, къ которой онъ принадлежалъ, и показать, что оно не ниже значенія церкви александрійской, а въ иныхъ случаяхъ и выше. Трудъ Теодорита отличается ученостью и витіеватостью въ изложеніи; научное его значеніе профессоръ Лебедевъ опредѣляетъ такъ: «Послѣ Сократа Теодоритъ — самый нужный изъ продолжателей Евсевія». Кромѣ указанныхъ церковно-историческихъ произведеній, въ VI вѣкѣ были составлены компилятивные труды Теодора Чтеца и Магна Аврелія Кассіодора. Компиляція перваго настолько незначительна, что

до настоящаго времени не издава; и сочиненіе Кассіодора, составленное на основаніи трудовъ Сократа, Созомена и Теодорита, неудовлетворительно, и какъ переводъ ихъ, и какъ компиляція.

Въ послѣдней (IX) главѣ перваго отдѣла (стр. 222—233) рѣчь идетъ о продолжателяхъ Евсевія VI-го вѣка — Теодорѣ Чтецѣ и Евагріи. Церковная исторія Теодора сохранилась лишь въ извлеченіяхъ, а въ полномъ своемъ объемѣ описывала событія отъ конца царствованія Теодосія Младшаго до начала царствованія Юстина I. Орывки содержатъ интересныя свѣдѣнія о монофиситахъ. Исторія Евагрія обнимаетъ время отъ 431 до 594 года, состоитъ изъ шести книгъ и написана на основаніи многихъ источниковъ церковныхъ и свѣтскихихъ. Она имѣетъ немалое научное значеніе, такъ какъ полно описываетъ свое время. Въ заключеніи перваго отдѣла разсматриваемой книги (стр. 234—236) профессоръ Лебедевъ кратко характеризуетъ византійскихъ историковъ VI-го и дальнѣйшихъ вѣковъ.

Во второмъ отдѣлѣ книги излагается исторія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи. Здѣсь, въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ различнымъ ея представителямъ, рѣшаются слѣдующіе вопросы: какими путями шла протестантская церковно-историческая наука въ Германіи, что новаго дала она богословской наукѣ, какія задачи поставляла и какъ рѣшала ихъ, какимъ методомъ вела свое дѣло и т. п. Отдѣлъ состоитъ изъ семи главъ. Въ главѣ первой (стр. 243—278) изслѣдуются такъ называемыя магдебургскія центуріи и церковно-историческій трудъ Готтфрида Арнольда. Магдебургскія центуріи были первымъ церковно-историческимъ трудомъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ протестантской наукѣ. Онъ состоитъ изъ 13 томовъ in folio, явились между 1559 и 1574 годами въ Магдебургѣ и названы центуріями на томъ основаніи, что здѣсь каждое столѣтіе (centium) разсматривается отдѣльно, какъ цѣлое, какъ періодъ. Магдебургскія центуріи изданы корпораціей протестантскихъ ученыхъ, съ Матвѣемъ Фляціемъ (1520 — 1575 гг.) во главѣ, и написаны съ цѣлью доказать правоту протестантскихъ богословскихъ воззрѣній и неправоту ученія римско-католическаго. Проф. Лебедевъ подробно говоритъ о происхожденіи, составѣ и характерѣ центурій. Послѣ магдебургскихъ центурій значительнымъ явленіемъ въ области протестантской церковно-исторической науки нужно считать сочиненіе Готтфрида Арнольда (1666 — 1714) подъ заглавіемъ: «Безпристрастная исторія церкви и ересь». Этотъ трудъ развился на почвѣ піетистическаго протестантскаго направленія, которое, придавая слишкомъ малое значеніе формуламъ и опредѣленіямъ вѣры, сущность христіанства полагало лишь въ дѣятельной христіанской жизни, въ благочестіи сердца. Арнольдъ въ своемъ сочиненіи и держался указаннаго основнаго воззрѣнія и придалъ своему труду полемическій характеръ. Во второй главѣ (стр. 278 — 298) рѣчь идетъ о трудахъ Вейсманна и Мосгейма (XVIII в.). Въ ихъ трудахъ церковная исторіографія получила супранатурально-прагматическое направленіе, то-есть, эти историки вѣрили въ божественное происхожденіе христіанства, но не совсѣмъ рѣшительно допускали обнаруженіе божественныхъ дѣйствій въ дальнѣйшемъ развитіи христіанской церкви, — держались библии, но скептически относились къ той формѣ христіанства, въ какой оно явля-

лось въ той или другой церкви; съ другой стороны, они не ограничивались простымъ изложеніемъ фактовъ, но и объясняли ихъ, указывали внутреннюю между ними связь и въ психологіи человѣческой находили ихъ причины (прагматизмъ). Первымъ представителемъ этого новаго направленія въ историографіи былъ тюбингенскій профессоръ Христіанъ Эбенгардъ Вейсманнъ († 1747 г.), издавшій курсъ церковной исторіи подъ заглавіемъ: «Introductio in memabilia ecclesiastica historiae sacrae Novi Testamenti», а его послѣдователь — Іоаннъ Лоренцъ Мосгеймъ († 1755), которому принадлежитъ сочиненіе: «Institutiones historiae ecclesiasticae». Во второй половинѣ XVIII вѣка въ протестантской церковной историографіи возникло новое направленіе—прагматично-раціоналистическое, создавшееся подъ вліяніемъ философіи Вольфа, критицизма Канта и французскаго энциклопедизма. Это направленіе не только не призвало Провидѣнія, распоряжающагося судьбами человѣчества, но и въ самомъ происхожденіи христіанства видѣло лишь обыкновенное, естественное явленіе, а въ лицѣ Христа—обыкновенное историческое лицо; при этомъ одни изъ историковъ раціоналистическаго направленія равнодушно, безъ любви и ненависти смотрѣли на христіанство, а другіе съ саркастическою насмѣлкой относились къ исторіи церкви и старались сдѣлать изъ нея зрѣлище человѣческихъ страстей и заблужденій; въ методѣ изслѣдованія у тѣхъ и другихъ наблюдается и прагматическій элементъ. Представителями такого направленія были историки: Іоганнъ Соломонъ Землеръ (1791), издавшій полный курсъ церковной исторіи подъ заглавіемъ: «Historiae ecclesiasticae selecta capita», въ трехъ томахъ;—Готтлибъ Іаковъ Планкъ (1753—1833 г.), написавшій пятитомный трудъ «Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschafts-Verfassung», и Генрихъ Генке († 1809 г.), которому принадлежитъ «Allgemeine Geschichte der christlich. Kirche nach Zeitfolge». Профессоръ Лебедевъ обстоятельно анализируетъ означенныя сочиненія въ третьей главѣ (стр. 298—318) и критически обозрѣваетъ воззрѣнія этихъ ученыхъ. Четвертая глава (стр. 318—355) посвящена Августу Неандеру (1789—1850), который прозванъ «отцомъ новѣйшей церковной исторіи». Неандеръ написалъ очень большое количество сочиненій, которыя составляютъ цѣлую эпоху въ развитіи церковно-исторической науки и воспитали цѣлую школу его учениковъ и послѣдователей. Главнымъ изъ его сочиненій признается «Общая исторія христіанской религіи и церкви» (Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche), въ пяти томахъ. Въ этомъ трудѣ положено начало новому направленію въ церковной историографіи, возникшему вслѣдствіе пробужденія и развитія въ Германіи религиозныхъ интересовъ, подъ вліяніемъ философіи Шеллинга и Гегеля и богословія Шлейермахера. Отличаясь религиознымъ характеромъ, церковно-историческіе труды Неандера проникнуты истинно-научною объективностью, надлежащимъ прагматизмомъ и уваженіемъ къ церкви и христіанству. Въ своей «Общей исторіи» Неандеръ разрѣшаетъ слѣдующіе основные вопросы: 1) въ какомъ отношеніи христіанство, какъ элементъ сверхъестественный, стоитъ къ человѣчеству, какъ элементу естественному; 2) въ какомъ отношеніи христіанство, какъ абсолютная истина и совершенство, стоитъ въ исторіи къ конечной и неустойчивой въ истинѣ и добрѣ природѣ человѣка, и 3) въ какомъ отношеніи

христіанство, какъ религія духа, какъ чисто-нравственное освященіе и духовная жизнь, находится къ христіанству историческому съ его внѣшней церковностью. Всѣ означенные вопросы обстоятельно раскрываются проф. Лебедевымъ на основаніи сочиненій Неандера, а также критически оцѣниваются разрѣшенія ихъ нѣмецкимъ ученымъ. Одновременно съ возникновеніемъ въ Германіи школы Неандера, извѣстной подъ именемъ протестантско-ортодоксальной, здѣсь возникла и другая школа, совершенно-противоположнаго характера. То была школа ново-тюбингенская или раціоналистическая, развившая до послѣднихъ крайностей раціоналистическія воззрѣнія, какъ по вопросу о происхожденіи христіанства и ново-завѣтнаго канона, такъ и по вопросу о развитіи церковно-исторической жизни вообще. Главой ново-тюбингенской школы былъ Фердинандъ Христіанъ Бауръ (1792—1860 гг.), изложеніемъ и оцѣнкой церковно-историческихъ воззрѣній котораго занимается пятая глава (стр. 355—404). Въ шестой главѣ (стр. 404—437) обобщаются учебники по церковной исторіи протестантскихъ ученыхъ текущаго столѣтія, а именно: Гизелера, Газе, Ниднера, Гассе, Герцога и другихъ. Наконецъ, въ главѣ седьмой (стр. 437—489) разсматривается учено-литературная дѣятельность Адольфа Гарнака, состоящаго и теперь профессоромъ Берлинскаго университета. Гарнакъ унаслѣдовалъ тенденціи Баура и, по примѣру послѣдняго, пытается объяснить происхожденіе христіанства и развитіе церкви путемъ чисто естественнымъ. Лучшимъ выраженіемъ раціоналистическихъ взглядовъ Гарнака служить его «Исторія догматовъ», гдѣ изложена его философія древней исторіи церкви; съ этимъ сочиненіемъ проф. Лебедевъ очень подробно и знакомитъ своихъ читателей въ главѣ, посвященной Гарнаку.

Отдѣлъ третій разсматриваемой книги содержитъ нѣсколько свѣдѣній, замѣчавій и наблюденій касательно хода развитія церковно-исторической науки въ Россіи. Отдѣлъ состоитъ изъ двухъ главъ, въ первой изъ коихъ (стр. 490—520) описывается возникновеніе и развитіе русской церковно-исторической науки и состояніе ея въ настоящее время (см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1896 г. отзывъ о «Вступительной лекціи по исторіи церкви, прочитанной проф. А. П. Лебедевымъ въ Московскомъ университетѣ»), а во второй главѣ (стр. 520—538) выясняется отношеніе русской церковно-исторической науки къ протестантской-германской.

Наконецъ, въ качествѣ приложения помѣщены слѣдующія статьи: 1) Древне-латинскій (IV—V в.) церковный историкъ Сульпицій Северъ (стр. 539—541), 2) Римско-католическіе церковные историки Флери (XVII в.) и Тильманъ (стр. 541—555), и 3) Церковный историкъ Александръ Васильевичъ Горскій († 1875 г.), состоявшій ректоромъ въ Московской духовной академіи (стр. 555—579). Таково содержаніе книги профессора А. П. Лебедева.

Трудъ профессора Лебедева отличается глубокою эрудиціей. Почтенный ученый весьма внимательно и основательно изучилъ выдающуюся церковно-историческую литературу отъ ея возникновенія въ древнее время и до нашихъ дней. Ни одинъ серьезный памятникъ древне-греческой церковной историографіи и историографіи протестантско-германской не оставленъ нашимъ ученымъ безъ вниманія. Обстоятельно изложилъ содержаніе изученной имъ церковно-

исторической литературы, проф. Лебедевъ даетъ въ своей книгѣ и весьма основательную критику историческихъ воззрѣній различныхъ церковныхъ писателей. Критическій элементъ въ его книгѣ весьма обширенъ и важенъ. Онъ въ достаточной степени показываетъ, какого солиднаго ученаго имѣетъ русская наука въ лицѣ проф. Лебедева, какъ разумно, основательно и глубоко судить этотъ ученый о различныхъ сторонахъ церковно-исторической жизни и какими опредѣленными и ясными воззрѣніями онъ обладаетъ. Не говоримъ уже о томъ, что жизнь и дѣятельность каждаго представителя церковно исторической науки изображена въ разсматриваемой книгѣ весьма отчетливо и разносторонне, что авторъ пишетъ языкомъ простымъ и яснымъ. Словомъ, въ полномъ собраніи церковно-историческихъ сочиненій проф. Лебедева разсмотрѣнная книга есть первый и основной томъ, волютѣ заслуживающій вниманія читателей. Недостатки, здѣсь встрѣчающіеся, или незначительны, или спеціального характера. Такъ, оцѣнивая историческія воззрѣнія Евсевія Кесарійскаго, проф. Лебедевъ повторяется и объ одномъ и томъ же предметѣ говоритъ дважды (стр. 61 и 81). Едва ли также можно согласиться съ характеристикой византійской историографіи, сдѣланной проф. Лебедевымъ на стр. 234—236 своей книги. Не говоря уже о краткости, данная здѣсь характеристика расходится съ воззрѣніями на византійскую историографію такого просвѣщеннаго и авторитетнаго византолога, какимъ признается мюнхенскій профессоръ Карлъ Крумбахеръ (см. его *Geschichte der byzantinischen Litteratur. Zweite Auflage. München. 1879. S. 226—230*).

С.

Памятники древней письменности. СХХVII. А. Н. Пыпинъ. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ. Спб. 1898.

Докладъ г. Пыпина, читанный въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности 12 февраля 1897 года, появился теперь, въ нѣсколько дополненномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что «совсѣмъ не коснулся... поддѣлокъ стараго времени»; дѣйствительно, его обзоръ касается только литературныхъ фальсификацій XIX вѣка.

Въ началѣ книги находимъ главу, носящую названіе: «Поддѣльныя рукописи Сулакадзева». Здѣсь мы съ большимъ интересомъ знакомимся съ составомъ бібліотеки автора «Боянова гимна» и тому подобныхъ «древностей» по каталогу ея, составленному самимъ владѣльцемъ. Свѣдѣнія о принадлежавшихъ послѣднему рѣдкостяхъ могли бы быть пополнены однимъ указаніемъ Сошкова, у котораго въ «Опытѣ россійской библиографіи» подъ № 6389 находимъ:

«Мѣсяцесловъ на 1774 годъ; Сиб., форматомъ въ квадратный полувершокъ: весь гравированный.

Въ бібліотекѣ А. И. Сулакадзева».

Сколько намъ извѣстно, мѣсяцеслова этого никто изъ библиографовъ не видалъ; г. Собко въ брошюрѣ «Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцесловы за 100 лѣтъ (1725—1825)», (Берлинъ, 1880, стр. 42) ограничился воспроизведеніемъ свѣдѣній Сошкова.

Въ числѣ упоминаемыхъ въ «Книгорокѣ» (такъ называлъ Сулакадзе въ каталогъ своей библіотеки) находимъ между прочимъ (стр. 15):

«Луцидаръ, о разныхъ предмѣтахъ, сущихъ на небесахъ, на земли и въ водахъ въ 8^о—1498. На богемскомъ. Печат. въ Новомъ—Пплзентѣ».

«Календарь; изд. Никол. Бакаларіемъ, на богемскомъ, въ Новомъ Пплзентѣ, 1489».

Если только Сулакадзе въ не списалъ этихъ данныхъ изъ какого либо пособия (напримѣръ, Добровскаго, «Geschichte der Böhmisches Sprache und ältern Literatur», Prag, 1818, ganz umgearbeitete Ausgabe гдѣ о Луцидаріусѣ говорится на стр. 313, а о календарѣ на 311), то было бы весьма любопытно знать, куда дѣлись названныя книги изъ библіотеки автора «Боянова гимна», такъ какъ единственный извѣстный (и то дефектный) экземпляръ Луцидаріуса 1498 г., находившійся во времена Добровскаго (см. выше), Ганки («Bibliografie prvotiskuv českých od 1468 az do 1526 léta», v Praze, 1853, стр. 7) и Юнгманна («Historie literatury české», v Praze, 1849, стр. 33, № 80) въ чешскомъ національномъ музеѣ, въ настоящее время исчезъ (см. Архангельскій, А. С.: «Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ», Казань, 1897, стр. 49), а «Календаря» 1489 года никто изъ историковъ чешской литературы даже не видалъ.

По поводу «гимна Боянова», сочиненнаго приблизительно въ 1810 году (см. въ брошюрѣ г. Пыпина, на стр. 3, отрывокъ изъ письма Евгенія Божовитинова къ проф. Городчанину въ январѣ 1811 г.), замѣтимъ, что еще раньше появленія въ печати «Слова о полку Игоревѣ» (1800 г.) имя Бояна было извѣстно русскимъ литераторамъ; по крайней мѣрѣ въ предисловіи номеръ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» за 1798 г. (ч. XX, стр. 378—384) уже помѣщена «Пѣснь Владимиру кievскихъ баяновъ (на прибытіе его въ столицу по совершеніи Херсонскаго похода, во время котораго онъ крестился)», принадлежащая В. Нарѣжному; послѣднему, вѣроятно, слово баянъ, принятое въ смыслѣ нарицательнаго, сдѣлалось извѣстнымъ изъ анонимной замѣтки Карамзина въ журналѣ «Spectateur du Nord» 1797 года, гдѣ авторъ, между прочимъ, такъ перифразируетъ воззваніе къ Баяну: «je n'ai pas le talent du grand Bayan, ce rossignol des tems passés!» (цитируемъ по перепечаткѣ въ книгѣ: «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву», Спб., 1866, стр. 474; г-жа Н. Вьлозерская въ книгѣ: «Василій Трофимовичъ Нарѣжный»², Сиб., 1896, ч. II, стр. 21, хотя и говоритъ объ этой «пѣснѣ», но не объясняетъ происхожденія въ ней термина баянъ).

Съ особымъ интересомъ узнали мы изъ брошюры г. Пыпина, что къ Сулакадзеву перешли нѣкоторыя рукописи по смерти «нѣкоего Каржавина, повидимому, также любителя рукописей въ концѣ прошлаго столѣтія» (стр. 13); ниже указно и имя его—Федоръ; безъ сомнѣнія, это былъ небезызвѣстный литераторъ, свѣдѣнія о трудахъ котораго можно найти: въ «Архивѣ князя Воронцова», т. III, стр. 322; автобіографія и перечень трудовъ въ «Русской Старинѣ» 1875 года, № 2, стр. 272—297; списокъ трудовъ также въ «Словарѣ» Геннади, т. II, стр. 116—117 и 397—398; «Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. IX, Спб., 1872, стр. 420—424 и др. Для насъ этотъ Каржавинъ интересенъ потому, что онъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ

XVIII столѣтія, имѣвшихъ кое-какія свѣдѣнія о славянскихъ языкахъ. Въ 1794 году «во градѣ Святаго Петра» имъ была издана книга подъ заглавіемъ: «Вожакъ, показывающій путь къ лучшему выговору буквъ и реченій французскихъ. Le Guide Français par Theodore Karjavine» съ эпиграфомъ: «Le véritable honneur est d'être utile aux hommes» (8°, 4 вен. + 286 + 2 вен. стр.). Здѣсь, въ главѣ «О буквахъ французскихъ» читаемъ: «Одни почти Германцы печатаютъ и понынѣ старинными буквами свои сочиненія; да еще Чехи, живущіе въ городахъ Богемскихъ, изображаютъ ими же свой Славено-Чехской языкъ. Однако многія и Германскія книги выходятъ въ свѣтъ, напечатанныя Латинскими буквами, какъ Поляки и Рагузкіе Далматы употребляютъ нынѣ Латинскія жъ буквы для изображенія своихъ нарѣчій, Славено-Польскаго и Славено-Рагузкаго» (стр. 12), а въ концѣ книги помѣщены: «Примѣръ Славено-Чехскаго нарѣчія», взятый изъ книги: «Handbuch zum Gebrauche der Jugend bey Erlernung der deutsch-französisch und böhmischen Sprachen», Prag, 1775 (стр. 273—276; разговоры напечатаны въ три столбца, порусски, пофранцузски и почешки en regard), «Примѣръ Славено-Польскаго нарѣчія», заимствованный изъ учебника Дюшенибилко: «Nowy sposob do nauczenia sie latwo y pretno szycac, pisac y gadac po Francusku» ¹⁾, Warszawa, 1699 (стр. 277—278; разговоры напечатаны въ два столбца, en regard попольски и порусски), «Другіе примѣры польскіе», къ которымъ присоединенъ русскій «Переводъ по словамъ» и «Примѣчанія» (стр. 279—281).

Примѣчаніе второе настолько любопытно, что не лишнимъ будетъ привести его цѣликомъ:

«Вѣжство Примѣра Славено-Рагузкаго нарѣчія, я скажу здѣсь о себѣ, что по-Далматски не умѣю и въ Рагузѣ не бываю; однако въ многолѣтнемъ теченіи странствованій (sic) моихъ, когда я жилъ въ Гаванѣ на Кубскомъ острову, Рагузиане, живущіе съ Испанцами, употребили меня не однократно для писанія имъ на ихъ языкѣ писемъ; а какъ я, при первой просьбѣ, сталъ было отговариваться незнаніемъ Рагузкаго письма, то они мнѣ сказали, что postydnoye dyelo yest Mosevalu, ktory vyedal po Latinsku, ne rozumovati kako yest treba gramotku pissati po Slovensky, budi rodu Slovenska yest yak oni sami y Zemlyak. «Постыдное дѣло русскому челоуѣку, вѣдающему по-латынѣ не знать какъ должно письмо по-Славенски написать, когда самъ онъ идетъ отъ роду Славенскаго, какъ они, и есть ихъ землякъ» (по языку). Сей выговоръ понудилъ меня писать Латинскими буквами все то, что они мнѣ сказывали; и видно, что писаніе мое было вразумительно, когда на оно изъ Рагузы ко удовольствію ихъ получены отвѣты». Какъ видно изъ приведеннаго Каржави-

¹⁾ Орфографія Каржавина соблюдена въ точности; впрочемъ, въ относящемся сюда примѣчаніи первомъ авторъ «Вожака» отговаривается: «Въ семъ примѣрѣ Польскаго нарѣчія, правописаніе не во всемъ согласно съ употребляемымъ нынѣ: причина тому такая, что здѣсь нарѣчіе уже столѣтнее; а что не достаетъ разныхъ точекъ надъ буквами, причина тому, что Польскихъ препинательныхъ значковъ въ Шворовой Типографіи нѣтъ: но сила въ томъ, что Польскія книги печатаются Латинскими буквами, а близость Польскаго нарѣчія къ языку Славенскому сама по себѣ явствуетъ изъ приложеннаго перевода».

нымъ «Рагузскаго» текста, Гаванскіе «рагузіане» говорили почти по мало-русски.

Въ примѣчаніи третьемъ Каржавинъ указываетъ «любопытному читателю» «пространный примѣръ илирійскаго нарѣчія Латинскими буквами» въ известной книгѣ аббата Фортиса, которую авторъ «Вожака» зналъ по французскому переводу: «Lettre de Mr. L'Abbé Fortis sur les mœurs et usages des Morlaques appellés Monténégrins» (Verne, 1778). «Сей примѣръ», продолжаетъ Каржавинъ, «есть Жалостная пѣсенка на смерть племенитыя супруги Асана Аги; или: Xalostna pjesanza plemenite Asan Aghinize, начинающаяся сими словами: Sto se bjeli u gorje zelenoi? al sut snjezi, al sut Lebedevi? da sut sniezi, vech-bi okopruli; Lebedevi, vech-bi poletjeli: что бѣлѣется въ лѣсу зеленомъ? снѣги-ль это, или лебеди? коль-бы это снѣги, вѣдь бы окапнули (растаяли): а коли лебеди, вѣдь бы полетѣли» и прочая. «Эта пѣсня, по замѣчанію акад. П. В. Ягича (въ статьѣ «Gradja za slovinski narodnu poeziju» — «kad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti», Knjiga XXXVII, Zagreb, 1876, стр. 134), произвела переворотъ въ исторіи сербохорватской народной поэзіи и между прочимъ заинтересовала Гете, переведшаго ее, по его словамъ, съ французскаго на нѣмецкій и помѣстившаго въ 1-ой части книги Гердера «Volkslieder», которая въ позднѣйшихъ изданіяхъ была названа «Stimmen der Völker». Какъ видимъ, эта же самая пѣсня была первою изъ сербскихъ, съ которою познакомился хоть одинъ русскій литераторъ «вѣка просвѣщенія». Правда, онъ переименовалъ сербскій текстъ, приблизивъ его къ русскому языку, подобно тому, какъ въ выше приведенномъ примѣрѣ словъ «Рагузіанъ», но все же далъ хотя и наивный, но вѣрный переводъ «жалостной пѣсенки». Спустя почти 70 лѣтъ (въ 1861 году), въ Парижѣ вышла книжка нѣкогда F. L. Levasseur'a, озаглавленная «La Dalmatie ancienne et moderne. Son histoire, ses lois, ses mœurs, ses usages, sa littérature, ses monuments, ses éléments de prospérité et de grandeur future» (12°, 3 вен. + 424 стр., съ картою Далмаціи), въ которой находимъ также «Triste ballade de la noble épouse d'Asan Aga» (стр. 394—397), причемъ переводчикъ изъ прилагательнаго Xalostna—жалостная (въ до-Гаевскомъ хорватскомъ правописаніи X обозначало ж) сдѣлалъ собственное имя Ксалестина!

За примѣрами нарѣчій «Далматскаго, Кроатскаго, Сербскаго, Карніольскаго, Лузатскаго, Лехскаго и Чехскаго, Латинскими буквами» Каржавинъ отсылаетъ читателя къ лондонскому изданію (1700 г., 4°) полиглотты Молитвы Господней.

Относительно поддѣлокъ Бардина, вскользь упомянутыхъ г. Пышинымъ (стр. 22), сохранился любопытный анекдотъ, рассказанный въ «Москвитинѣ» 1841 года, ч. II, № 3, стр. 245, и перепечатанный въ № 165 «Московскихъ Вѣдомостей» (18 іюня) за текущій годъ по поводу появленія въ печати брошюры г. Пышина.

Говоря о Краледворской рукописи и Судѣ Любуши, г. Пышинъ выражается такъ: «... Только въ самое послѣднее время чешскимъ и другимъ ученымъ удалось вычеркнуть эти фальсификаты изъ исторіи древней чешской литературы» (стр. 19); не знаемъ, что разумѣлъ здѣсь авторъ подъ «самымъ послѣднимъ»

временем», но можемъ напомнить, что не далѣе, какъ въ 1896 году одинъ изъ учениковъ проф. Гебауэра, д-ръ В. Фляйшгансъ, бывший ранѣе рьянымъ противникомъ подлинности заподозрѣнныхъ памятниковъ, перешелъ въ лагерь ея сторонниковъ (см. апрѣльскіе и майскіе номера газеты «Hlas Národa» 1896 г.) и напечаталъ въ органѣ Чешскаго Музея («Casopis Musea království českého», и отдѣльно, 8^о, 2 вен. + 88 стр.) статью «Voj o rukopisu», въ которой доказываетъ, что съ филологической стороны нѣтъ препятствій къ признанію Краледворской рукописи подлинною; по слухамъ, проф. Гаттала печатаетъ обширную апологію упомянутыхъ памятниковъ... Такимъ образомъ, о томъ, что Краледворская и Зеленогорская рукописи уже «вычеркнуты» изъ исторіи древней чешской литературы, говорить еще рано, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ быть убѣжденнымъ въ ихъ подложности.

Говоря о подправкахъ Сахарова въ изданныхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, г. Пыпинъ напрасно довѣрился словамъ Безсонова о «размалевкѣ» пѣсни «Ты рябинушка, ты кудрявая» именно Сахаровымъ (стр. 28); названную пѣсню «размалевалъ» еще М. Н. Макаровъ («Русское національное пѣснопѣіе», Москва, 1809, ч. I, стр. 20—21), Сахаровъ же («Сказанія русскаго народа»³, Сиб., 1841, т. I, кн. 3, стр. 203—204) сдѣлалъ въ текстѣ Макарова весьма незначительныя измѣненія; впрочемъ, стихъ «Вѣтры теплые, вы осенніе» принадлежитъ Сахарову, такъ какъ у Макарова въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ находимъ: «Вѣтры теплые, вы весеніе» (sic).

Относительно «Хожденія Стефана Новгородца» (стр. 30) можемъ замѣтить, что у насъ подъ руками имѣется списокъ его, относящійся къ XVIII вѣку; извѣстія о списываніи книгъ новгородцами въ Студійскомъ монастырѣ тамъ не находится, такъ же, какъ и разсказа о цареградскомъ патріархѣ Исидорѣ и любви его къ Россіи (Сахаровъ, «Сказанія»³, т. II, кн. 8, стр. 51); между тѣмъ, упоминаніе этого патріарха служило Сахарову опорнымъ пунктомъ для опредѣленія времени путешествія Стефана. Н. П.

С. С. Пашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898.

С. С. Пашковъ принадлежитъ къ числу писателей 1860—1870-хъ годовъ, группировавшихся вокругъ Г. Е. Благосвѣтлова въ журналѣ «Дѣло» и чрезвычайно ярко отразившихъ въ своихъ сочиненіяхъ господствовавшіе въ тѣ годы взгляды на русскую жизнь и литературу. Преобладающимъ трудомъ въ «Собраніи сочиненій» С. Пашкова являются его монографіи по женскому вопросу: «Историческія судьбы женщины», «Дѣтубійство», «Проституція» и «Исторія русской женщины». Въ первой изъ нихъ, рисуя униженное положеніе женщинъ у первобытныхъ народовъ: поландрію и общность женщинъ, отсутствіе романтической любви и т. д., — авторъ, затѣмъ, постепенно раскрываетъ борьбу женщинъ за свои права, водворившихъ въ концѣ концовъ торжество моногаміи и добившихся участія въ общественныхъ дѣлахъ, въ промышленности, религіи, медицинѣ и т. д. За тѣмъ, заслуживаютъ вниманія статьи о «дѣтубійствѣ» и «проституціи», хотя авторъ и не былъ знакомъ съ позднѣйшей теоріей выро-

жденія и наслѣдственнаго, прогрессивнаго психопатизма, на почвѣ которыхъ по преимуществу растетъ порочный типъ женщины. Въ 1860—1870 годахъ преобладала теорія о происхожденіи пороковъ, исключительно отъ бѣдности, и потому Шашковъ, нисколько не сомнѣваясь, писалъ: «Общепризнанный фактъ, что всѣ проститутки не только не находятъ рѣшительно никакого удовольствія въ развратѣ, но даже чувствуютъ всегда непобѣдимое отвращеніе къ нему, — новое доказательство, что ихъ загоняетъ въ проституцію и удерживаетъ въ ней только крайняя необходимость. Поэтому большинство ихъ только въ пьяномъ видѣ и можетъ заниматься своимъ ремесломъ». Несомнѣнно, конечно, что «крайняя необходимость» часто толкаетъ дѣвушку на уличную жизнь, но великое множество изъ нихъ, претерпѣвая ту же крайность и бѣдность, остаются, однако, добродѣтельными, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть разницу между ними ихъ душевнаго склада. Шашковъ приводитъ всѣ социальныя бѣдствія къ одному знаменателю: къ нищетѣ, невѣжеству, войнамъ и т. п. слишкомъ общимъ причинамъ, не видя ближайшихъ и болѣе непосредственныхъ.

Не менѣе интересна его работа «Исторія русской женщины», въ которой авторъ знакомитъ насъ съ равноправной ея ролью въ древне-славянской семьѣ, съ постепеннымъ порабощеніемъ ея подъ влияніемъ византизма, противодѣйствіемъ домостроевскимъ порядкамъ при Петрѣ Великомъ и полнымъ торжествомъ въ наше время. Вообще, какихъ бы вопросовъ ни касался покойный писатель, всѣ его работы согрѣты горячей вѣрой въ прогрессъ, и эта вѣра въ торжество отвлеченныхъ требованій до такой степени ослѣпляетъ его, что онъ не допускаетъ даже литературной критики въ наличныя силы прогрессивной партіи и ея умѣнье согласовать слова съ дѣлами и жизнью. По женскому вопросу онъ побѣдоносно заявляетъ: «возраженія противниковъ женскаго дѣла, равно какъ и ихъ враждебные этому дѣлу постушки, не въ силахъ поборотъ великую идею, увлекающую все болѣе и болѣе честныхъ сердецъ и проникающую въ самые отдаленные уголки цивилизованнаго міра. Что значать анаемеи католическаго духовенства, доводы беззубой науки, инсинуаціи Стебницкихъ, вонючіе романы Писемскаго? Ихъ громкій лай свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что мы «ѣдемъ», дорогая читательница». Нужно ли говорить, что имя Шашкова, даже по женскому вопросу — теперь уже незначительно, и его идеи о женщинѣ въ большинствѣ случаевъ давно усвоены русскимъ обществомъ. Между тѣмъ романы Стебницкаго (Н. С. Лѣсковъ) и Писемскаго еще долгое время будутъ вращаться въ русскомъ обществѣ, содѣйствуя къ просвѣтлѣнію тѣхъ же женщинъ изображеніями тиличныхъ сторонъ русскаго быта и горькой правды, которой никогда не скрывали названные беллетристы въ моменты всеобщаго увлеченія Суслowymi, Кошеваровыми-Рудневыми, Гончаровыми, Боковыми и Цебриковыми, именами коихъ Шашковъ стыдитъ своихъ противниковъ.

Для Лѣскова и Писемскаго недостаточно было видѣть женщину съ дипломомъ иностраннаго университета, часто совершенно негодную и для семьи и для простаго знакомства. Можно быть вполнѣ научно-развитымъ и полноправнымъ человекомъ, но отличаться въ то же время наглостью, безстыдствомъ, неуживчивостью, легкомысліемъ, самовнѣніемъ бездарности, клеветничествомъ и т. п. качествами «высочки», о которыхъ Лѣсковъ и Писемскій никогда не забы-

вали, изображая вчерашняго крѣпостника и нынѣ полноправнаго и образованнаго россиянина. Шашковъ, вѣрный сынъ своего времени, не понималъ всесторонняго освѣщенія вопроса и чѣмъ болѣе онъ не видѣлъ нѣкоторыхъ его сторонъ, тѣмъ смѣлѣе и болѣе дерзка была его рѣчь съ противниками. Въ этомъ случаѣ его труды и присныхъ ему à la Шелгуновъ напоминаютъ собою и любопытное время, и любопытный типъ писателя-борца на почвѣ 1860-1870-хъ годовъ.

Что касается остальныхъ статей Шашкова, какъ, напримѣръ: «Русскія реакціи», то эти работы чисто компилятивныя; статьи же о Сибири, Испаніи и Ирландіи, по чужимъ книгамъ, за давностью своей, мало пригодны для точнаго представленія о современномъ положеніи Сибири и Европы. За то эти работы, по выраженію одного критика, весьма характерны для «публицистическаго вкуса» самого Шашкова. Вообще, прибавимъ мы, собраніе его сочиненій имѣетъ значеніе для характеристики каждой личности, воспитавшейся въ знаменитую эпоху 1860-хъ годовъ, исполненную крайняго идеализма въ будущее и вражды къ порядкамъ и взглядамъ непросвѣщеннаго большинства.

А. Фаресовъ.

**III. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ французскаго.
Изданіе И. Д. Сытина. Историко-культурная библіотека.
Спб. 1898.**

Летурно — «модный» современный соціологъ, занимающійся эволюціей обществъ — написалъ настоящую монографію въ видѣ дополненія къ предыдущимъ работамъ, въ которыхъ часто приходилось говорить о рабствѣ. Методъ Летурно, котораго онъ держится во всѣхъ его сочиненіяхъ — аналогическій, проведенъ и здѣсь. Опираясь на факты и разсмотрѣвъ всѣ человѣческія расы, Летурно пытается такимъ путемъ проникнуть къ первоисточникамъ рабства. Хотя, разсуждаетъ онъ, Аристотель и не правъ, что человѣческимъ обществамъ абсолютно присуще рабство, но рабство, несомнѣнно, сильно распространено въ человѣчествѣ. Только въ самомъ первобытномъ обществѣ рабства нѣтъ. Слѣдя за эволюціей общества и классифицируя различные факты, Летурно получилъ тягостное впечатлѣніе отъ исторіи рабства и невольно задастъ вопросъ: исчезнетъ ли и наемный трудъ? Въ этой работѣ Летурно ставитъ себѣ рядъ вопросовъ: почему зародилось рабство, значеніе его въ эволюціи обществъ, что способствовало его смягченію, какіе слѣды въ умственной жизни и современныхъ учрежденіяхъ оно оставило и т. п. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, онъ не выдѣляетъ человѣка изъ ряда другихъ существъ, потому что «между человѣкомъ и животнымъ разница только въ ступени». Поэтому Летурно старается найти въ нравахъ общественныхъ животныхъ и человѣческихъ обществъ аналогичныя черты. Свои поучительныя сопоставленія онъ начинаетъ съ муравьевъ-рабовладѣльцевъ и даетъ картину общества термитовъ, которые достигли общественной дифференціаціи, не прибѣгая къ рабству. У муравьевъ, т. е. высшихъ безопозвоночныхъ, существуетъ организованное рабство, источникомъ котораго, какъ и у людей, является война. Отъ общества животныхъ Летурно переходитъ къ обществу дикарей и разсматриваетъ эволюцію рабства въ Ме-

ланезіи, Африкѣ и мелкихъ африканскихъ монархіяхъ, въ Америкѣ, Мексикѣ, Перу, Полинезіи, рабство у азиатскихъ народовъ монгольскаго происхожденія. Свой обзоръ рабства Летурно начинаеть съ наименѣ развитыхъ представителей челоѣчества, восходя къ болѣе культурнымъ. Во всѣхъ своихъ экскурсіяхъ Летурно внимательно слѣдитъ за положеніемъ женщины, въ сущности, того же раба, и приходитъ къ тому выводу, что эры женскаго владычества, какъ нѣкоторыя утверждаютъ, никогда не было. Даже въ эпоху матриархата, по мнѣнію Летурно, женщина не пользовалась политической властью: тогда она всего лишь была менѣ порабощена, чѣмъ впоследствии. Какъ у черныхъ, такъ и желтыхъ расъ эволюція рабства одна и та же — вездѣ оно является слѣдствиемъ войны, укореняется по мѣрѣ усложненія общественной организаціи и смягчается у цивилизованныхъ племенъ, переходя въ крѣпостное состояніе. Сдѣлавъ обзоръ исторіи рабства у цвѣтныхъ племенъ, Летурно переходитъ къ бѣлымъ расамъ — Египту, семитамъ, рабству въ Индіи, Персіи, Греціи, Римѣ и у европейскихъ народовъ. Исторія Греціи и Рима, гдѣ рабство играло такую важную роль, даетъ предлогъ автору высказать свой взглядъ на эти государства. Указавъ на ту роль, какую играло общество женщины въ нравственномъ разложеніи Рима, Летурно старается оправдать женщину того времени, говоря, что она, скорѣе, поддается вліянію нравственнаго регресса, чѣмъ сама даетъ толчекъ этому регрессу. На исторію Рима онъ смотритъ съ точки зрѣнія нравственной и утилитарной. «Римъ, можно сказать, былъ не что иное, какъ великое торжествующее преступленіе». Политика римлянъ — «разбойничья» (стр. 307). Последнія главы посвящены рабству у европейскихъ варваровъ, народовъ Кавказа и славянъ, германцевъ и кельтовъ, далѣе разсматривается подневольный трудъ въ среднеѣковыхъ монархіяхъ и дальнѣйшее развитіе крѣпостного права. Редакція перевода книги Летурно, «въ виду недостаточнаго знакомства автора съ исторіей рабства и крѣпостного права въ Россіи», выпустила благоразумно тѣ немногія страницы, которыя отведены для восточныхъ славянъ (см. примѣчаніе къ 917 стр.). Заканчиваетъ Летурно свою монографію маленькой, но сильной главой о наемномъ трудѣ, который въ настоящее время является важнымъ социальнымъ вопросомъ. Книга Летурно читается съ большимъ интересомъ, написана просто, иллюстрирована яркими примѣрами и знакомитъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ великимъ социологическимъ зрѣлищемъ — переходомъ отъ раба къ наемному рабочему. Автору не удалось, конечно, избѣжать общихъ мѣстъ и поверхностныхъ замѣчаній, но это не лишаетъ научности его труда. К.

А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Въ наше время, кажется, нѣтъ нужды доказывать необходимость и значеніе частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ трудомъ преодолевая различныя препятствія, во множествѣ разсѣянныхъ по пути шестивы, частная инициатива съ каждымъ днемъ дѣлаеть все новыя и новыя завоеванія въ той темной и суровой области, которую зовутъ народнымъ образованіемъ. Разнаго

рода обстоятельства вызываютъ помѣхи въ этой области. Интеллигентный человекъ, желающій практически приложить свои силы къ дѣлу, открыть школу, завести народныя чтенія, устроить библиотечку, останавливается въ недоумѣннн на мѣстѣ отправленія, не зная, какъ и что сдѣлать, куда идти, къ кому обращаться... «Процедура разрѣшенія на открытїе разнаго типа школъ, библиотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній и т. д. опредѣляется у насъ цѣлой массой разнаго рода законоположеній, правилъ, инструкцій и множествомъ всевозможныхъ циркуляровъ, въ обилии которыхъ нерѣдко занутываются и не въ состояннн разобраться даже официальные лица, въ родѣ членовъ училищныхъ совѣтовъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и дѣлныя общественныя учрежденія, какъ, напр., земскія и городскія управы и т. д...». Въ печати не разъ уже указывалось на случаи, когда не только частныя лица, но даже общественныя учрежденія, въ родѣ органовъ крестьянскаго, земскаго и городского самоуправленія, въ теченіе долгихъ лѣтъ тщетно добивались разрѣшенія на открытїе народной читальни или устройства народныхъ чтеній... Если ужъ начало дѣла такъ обставлено, то понятнн, это дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ расхолаживающемъ образомъ. Въ интересахъ дѣла самое нужное и понятное — это упрощеніе всей этой процедуры, но, быть можетъ, она является слѣдствіемъ «высшихъ соображеній», а пока частная инициатива сама должна изыскивать средства, какъ выйти изъ вышеописанныхъ затрудненій. А. С. Пругавинъ, извѣстный дѣятель по народному образованію, уже въ теченіе многихъ лѣтъ призывающій интеллигенцію къ работѣ въ этой области, рѣшилъ помочь бѣдѣ, встрѣчающей первые шаги работниковъ, давъ имъ въ руки «особую справочную книгу, заключающую въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнн»... Заглавіе этой книги мы выписали въ началѣ рецензіи...

Различны образовательныя средства: въ послѣднее время, напимѣръ, выдвинуты такія, о которыхъ и не помышляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ родѣ народнаго театра, чтеній съ волшебными фонарями и т. д. Люди, ищущіе приложенія своимъ силамъ, могутъ дѣлать выборъ по душѣ и, на какомъ бы родѣ дѣятельности они ни остановились, въ книгѣ г. Пругавина они найдутъ всѣ справочныя данныя. Не нужно, конечно, говорить о томъ, что всѣ сколько нибудь существенныя правительственныя распоряженія по начальнымъ народнымъ училищамъ собраны составителемъ: они занимаютъ большую часть книги. Здѣсь вы найдете положенія о сельскихъ, городскихъ начальныхъ, уѣздныхъ, частныхъ, фабричныхъ училищахъ, о школахъ на нашихъ окраинахъ и т. д. О воскресныхъ школахъ есть обстоятельная статья г-жи Е. С. Костроминой. Есть свѣдѣнн объ учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ, о педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ училищъ. Этотъ отдѣлъ книги заканчивается статистическими свѣдѣннми о начальномъ народномъ образованнн. Дальше — данныя о городскихъ и общественныхъ публичныхъ библиотекахъ въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ (даются уставы Харьковской, Пензенской, Херсонской, Череповецкой, Богородицкой, Чердынскон и Майкопскон библиотекъ). Слѣдующія страницы книги г. Пругавина посвящены безплатнымъ народнымъ читальнымъ и школьнымъ библиотекамъ. Помимо уставовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ учреждений, приводится

каталогъ книгъ и періодическихъ изданій, допущенныхъ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ. обстоятельно знакомитъ г. Пругавинъ съ устройствомъ народныхъ чтеній, приводя правила и уставы различныхъ обществъ... Даются свѣдѣнія о цензурѣ, о порядкѣ изданія книгъ, о типографіяхъ и литографіяхъ, о книжной торговлѣ. За этими свѣдѣніями помѣщены уставы обществъ, содѣйствующихъ начальному народному образованію— С.-Петербургскаго и Московскаго, Харьковскаго, Нижегородскаго, Томскаго и Ярославскаго. Послѣднія страницы книги посвящены театру и литературно-музыкальнымъ вечерамъ для народа. Наконецъ, не пропущены свѣдѣнія даже объ обществахъ трезвости.

Мы дали только краткое содержаніе труда г. Пругавина. По содержанію можно судить, насколько цѣненъ и необходимъ этотъ трудъ. Мы пожаловались бы, пожалуй, не на недостатокъ свѣдѣній, а на ихъ обиліе. Въ такихъ книгахъ, какъ разбираемая, обиліе свѣдѣній является дѣйствительнымъ недостаткомъ, такъ какъ оно неизбѣжно влечетъ за собой увеличеніе стоимости книги. Можно было бы, кажется, исключить цензурныя свѣдѣнія, какъ легко находимыя; лишними являются также правила Императорской Публичной Библіотеки, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея, нѣкоторыхъ провинціальныхъ большихъ библіотекъ... Г. Пругавинъ предназначаетъ свою книгу для практическихъ дѣятелей, а они, несомнѣнно, безъ всякаго труда могутъ ознакомиться съ этими правилами. Можно было бы наконецъ сократитъ число примѣрныхъ уставовъ различныхъ учреждений. Или всѣ уставы нужно было приводить или же очень немногіе; за что, въ самомъ дѣлѣ, обижать нѣкоторыя изъ учреждений, напримѣръ, хотя бы, воронежскія (комиссія народныхъ чтеній, библіотеки, и большая публичная, и малыя общедоступныя, въ память Кольцова и Никитина). А ихъ дѣятельность имѣетъ не меньше правъ на знакомство, чѣмъ работа другихъ общественныхъ учреждений. Если бы сдѣлать все эти сокращенія, это значительно уменьшило бы очень высокую теперь цѣну книгу (3 рубля 50 коп.). Кое-какія прибавленія слѣдовало бы сдѣлать въ отдѣлѣ о народномъ театрѣ: въ настоящемъ своемъ видѣ онъ даетъ немного данныхъ. Больше нужно было библиографическихъ свѣдѣній, т. е. указаній на литературу предмета.

Отмѣченные намъ недостатки не обезцѣниваютъ, конечно, труда г. Пругавина: безъ сомнѣнія, «Законы и справочныя свѣдѣнія» стануть настольною книгой всехъ трудящихся на поприщѣ начальнаго народнаго образованія; безъ сомнѣнія также, книга г. Пругавина облегчитъ дѣятельность этихъ лицъ. Цѣль ея, слѣдовательно, будетъ достигнута. Щ.

Угорска Русь и ея русски жители. Книжечка для народа съ образками и картою Угріи и Угорской, Галической и Буковинской Руси. Написалъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898.

Авторъ этой небольшой (62), изящно изданной книжки—извѣстный буковинскій народный дѣятель и редакторъ-издатель единственныхъ иллюстрированныхъ журналовъ въ Буковинѣ на русскомъ языкѣ— «Просвѣщеніе» и «Вѣ-

ночекъ». Послѣдній является первымъ и весьма удачнымъ опытомъ русскаго дѣтскаго журнала для Буковинской Руси. Журналъ же «Просвѣщеніе» предназначенъ для буковинскихъ «господарей», т. е. крестьянъ-хозяевъ. Соответственно этому онъ представляетъ собою въ общемъ маленькую энциклопедію необходимыхъ для крестьянина свѣдѣній изъ области хозяйственной, ремесленной, экономической, врачебной и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ номерѣ его помѣщаются популярно изложенные историческіе, этнографическіе и географическіе очерки, посвященные, главнымъ образомъ, русскимъ и славянскимъ землямъ. Изъ такихъ очерковъ Угорской Руси и составлена г. Купчанко названная книга. Въ ней онъ прежде всего кратко рассказываетъ исторію Угорской Руси до присоединенія ея къ Венгріи, описываетъ появленіе мадьяръ въ Угріи и подчиненіе Угорской Руси мадьярской власти. Больше подробно затѣмъ авторъ останавливается на судьбахъ христіанства въ описываемой землѣ, яркими красками изображаетъ гоненіе на православную вѣру и паденіе ея (введеніе униі) въ Угорской Руси. Описывая дальнѣйшую исторію Угорской Руси, со времени подчиненія Венгріи австрійской державѣ, авторъ выдѣляетъ періодъ правленія Маріи-Терезіи и особенно 1848—1849 гг., когда ненависть мадьяръ ко всему русскому тяжелою гнетомъ отозвалась на положеніи Угорской Руси. Современное состояніе угорорусскаго народа авторъ изображаетъ, нисколько не сгущая красокъ, въ очень печальномъ и неприглядномъ видѣ. Онъ уподобляетъ теперешнюю Угорскую Русь кладбищу мертвецовъ, гдѣ между гробами иногда ходятъ немногіе живые люди, печальные и заплаканные. Со скорбью авторъ замѣчаетъ, что, если это безотрадное состояніе, въ какомъ находится несчастная Угорская Русь, продолжится еще нѣсколько лѣтъ, то отъ нея не останется и слѣда, угороруссы «сдѣлаются мадьярами или мадьярскими и жидовскими прислѣбниками», а кто не сдѣлается мадьяромъ («мадьярономъ», какъ теперь говорятъ объ угорорусскихъ перебѣжчикахъ въ мадьярскій лагерь), тотъ уйдетъ въ Америку. Это пессимистическое замѣчаніе автора, къ сожалѣнію, совершенно справедливо. «Вынародовливаніе» угороруссовъ идетъ гигантскими шагами. Отданные всецѣло и безконтрольно подъ власть мадьяръ, они находятся теперь въ тискахъ грубаго мадьярскаго насилія, противиться которому нѣтъ у нихъ возможности. У нихъ отнята русская школа, русскій языкъ преслѣдуется даже въ частныхъ сношеніяхъ, изгоняется изъ ихъ церквей русская проповѣдь и славянское богослуженіе, избранные народомъ парламентскіе депутаты устраняются обманомъ или грубымъ насиліемъ, — словомъ отнимается всякая возможность бороться противъ мадьяризаціи. И вотъ число угороруссовъ съ каждымъ годомъ убываетъ, и съ каждымъ годомъ притѣняемая, преслѣдуемая, нежелающая мадьяриваться, Угорская Русь все болѣе и болѣе погружается во мракъ нищеты и невѣжества. Ея интеллигенція почти вся омадьярена. Ея современная литературная жизнь выражается лишь въ изданіи одной небольшой газетки «Листокъ» и одного угорорусскаго церковнаго календаря!..

Послѣ историческаго описанія Угорской Руси авторъ переходитъ къ этнографическому. Отмѣтивъ особенности говора и внѣшнія характерныя черты угорорусса, онъ сравнительно подробно описываетъ нравы, обычаи, одежду, хозяйство и постройки угороруссовъ. Заканчиваетъ книгу авторъ главою о до-

машнемъ житьѣ ихъ. Здѣсь онъ еще разъ обращаетъ вниманіе читателя на безотрадное матеріальное положеніе угрорусскаго мужика и указываетъ причины такого положенія: «умственную темноту» и «заливаніе несчастной доли горѣлкою». «Черезъ то, говоритъ нашъ авторъ, угрорусски мужики ведутъ теперь надсвычайно тяжкое, горькое и сумное житье. Какъ стари, такъ и молодіи работаютъ цѣлую недѣлю, а придетъ воскресенье или свято (праздникъ), то они идутъ до корчмы, оставляютъ тамъ весь свой горькій заработокъ и дѣлаютъ еще долги. Ихъ ѣсть нужда, страшная нужда, котору нема кому убить, бо просвѣщенни русски люди въ Угріи сдѣлались мадыярами и ворогами своего несчастнаго рѣднаго народа, а тѣ изъ просвѣщенныхъ угроруссовъ, которіи не сдѣлались еще мадыярами, сидятъ и молчатъ. Бѣдный народъ! Бѣдни дѣти! Бѣдная ты, Угорска Русь!..»

Эти восклицанія—скорбная, но правдивая эпитафія на надгробномъ камнѣ умирающей Угорской Руси...

Н. Рышковъ.

В. А. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отношенія къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1879.

Отношеніе философіи вѣры и чувства къ героическому вѣку раціонализма и сокрушающей критической философіи до сихъ поръ въ общихъ трудахъ по исторіи философіи очень мало изслѣдовано, да и специальныхъ сочиненій по этому вопросу въ европейской литературѣ весьма немногo. Поэтому, естественно, вниманіе читателя останавливаетъ цитируемое нами изслѣдованіе г. Кожевникова. Философію вѣры онъ разсматриваетъ съ исторической, а не догматической точки зрѣнія. Отсюда—и стремленіе его придать особо важный характеръ этому философскому направленію, которое, по мнѣнію автора, воишь отразило въ себѣ духовную потребность своего времени. Признавая огромное историческое значеніе за философіей вѣры, относясь съ симпатіей къ этому направленію, авторъ полагаетъ, что запросы этой философіи и въ настоящее время являются чрезвычайно важными, «что недостаточность односторонняго раціонализма и сентиментализма даетъ себя живо чувствовать и въ настоящую минуту... что синтезъ вѣры и знанія, объединеніе нравственныхъ, дѣятельныхъ силъ человѣка съ его познавательными способностями для согласнаго направленія просвѣщеннаго ума... на всеобщее, общепольное дѣло составляетъ конечную, возвышенную задачу философіи». Его интересуетъ вопросъ о томъ: «что надо дѣлать для того, чтобы философія изъ предмета ученой любознательности превратилась въ могучую, жизненную силу?». Таковы задачи автора. Вся книга его распадается на три части. Въ первой—рѣчь идетъ о подготовкѣ и «обще-культурномъ» значеніи философіи чувства. Читателя поражаютъ многочисленныя ссылки и примѣчанія, особенно тамъ, гдѣ и ссылаются незначѣмъ. Никто, напр., не сомнѣвается, что Руссо зачитывались,—къ чему доказывать эту избитую мысль ссылкой на Канта (стр. 14)? Всякому, далѣе, извѣстно, что на просвѣщенный абсолютизмъ возлагались большія надежды,—тутъ и

«истор. вѣстн.», октябрь, 1893 г. т. LXXIV.

24

доказывать нечего и т. д. Весь этот огромный томъ пестритъ выдержками, доказывающими, нерѣдко, избитыя положенія.

Философія чувства, отличавшаяся жизненностью, не имѣла прочнаго фундамента подъ собою — научности, она не могла слить объективнаго умозрѣнія и субъективнаго начала въры, — таковъ выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ обзора религіознаго броженія XVIII в. Собственно, философін чувства, въ ея отношеніи къ сенсуализму и раціонализму XVIII в., а также къ литературѣ этой эпохи, авторъ посвятилъ двѣ главы, изъ которыхъ одна разсматриваетъ философію Гемстергюп, а другая — Гаманна. Гемстергюп теперь забыть, хотя среди современниковъ онъ пользовался громкою славой. Останавливается на немъ г. Кожевниковъ потому, что онъ представляетъ собою переходъ отъ сенсуализма къ философін чувства. Въ ряду представителей философін чувства, Гемстергюп важенъ потому, что онъ признавалъ чувство за основное начало, не только религіозное и нравственное, но и познавательное. Гаманнъ — вождь антираціоналистическаго движенія — олицетворяетъ собою боевую сторону философін чувства. Эга загадочная натура, штавшая отвращеніе къ систематическому мышленію, вся состоявшая изъ безотчетныхъ стихійныхъ порывовъ, вдохновляла философовъ въры, но не создала ничего новаго и оригинальнаго. Значенію и разбору взглядовъ Гаманна отведено въ книгѣ 624 стр. изъ 757 стр. На этихъ 624 стр. разбросано столько именъ и добросовѣстныхъ ссылокъ, что читатель въ концѣ концовъ теряетъ общую нить разсужденія. Нѣтъ рельефа никакого, не выдвинуты впередъ болѣе крупныя явленія, — все въ книгѣ г. Кожевникова какъ-то безсвязно и безцвѣтно. Наконецъ, тяжелый, ужасно тяжелый слогъ автора, который въ этомъ отношеніи превзошелъ Канта, дѣлаетъ его громадную книгу трудночитаемою.

Е.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898.

Большинство бумагъ, хранящихся въ драгоценномъ для изученія XVII и преимущественно XVIII столѣтій архивѣ князя Ѳ. А. Куракина, принадлежитъ боярину кн. Григорію Семеновичу Куракину, первому воеводѣ казанскому при царѣ Алексѣѣ, его сыну, боярину кн. Ивану Григорьевичу, намѣстнику Смоленскому, его внуку, кн. Борису Ивановичу, посланнику въ Англію, Ганноверѣ, Голландію и Францію при Петрѣ I, правнукамъ, кн. Александру Борисовичу, послу въ Парижѣ, и кн. Алексѣю Борисовичу, генералъ-прокурору и министру внутреннихъ дѣлъ, наконецъ, праправнукамъ, сенаторамъ, кн. Борису Александровичу, умершему въ 1764 г., и кн. Борису Алексѣевичу, скончавшемуся въ 1852 г. Въ вышеданныхъ прежде шести томахъ помѣщены только бумаги кн. Б. П., въ томъ числѣ его мемуары, и начата печатаніемъ переписка кн. А. Б. съ разными лицами, а недавно появившійся седьмой томъ заключаетъ въ себѣ два отдѣла: переписку кн. Б. П. въ 1713 г. изъ Гаги съ гр. Р. И. Головкинымъ, барономъ П. П. Шафировымъ, кн. В. Л. Долгоруковымъ и т. д. и бумаги кн. Б. П., въ число которыхъ входятъ не только его переписка отъ 1771

но 1795 гг. съ гр. А. Музинымъ-Пушкинымъ, лейденскимъ профессоромъ Пестелемъ, французомъ Керру, Сальдерномъ, вел. кн. Павломъ Петровичемъ, Н. Хотинскимъ, кн. Н. А. Репиной, кн. Дашковой, гр. С. Румянцевымъ, братомъ кн. А. Куракинымъ и т. д., но и письма между другими близкими ему лицами, между прочимъ письмо Дидеро изъ Петербурга къ кн. Дашковой. Въ предисловіи В. Н. Смольянинова сообщаются біографическія данныя о князьяхъ Александрѣ и Алексѣѣ Борисовичахъ, а въ концѣ книги приложены примѣчанія, частью составленныя П. И. Баргеновымъ, и алфавитные указатели личныя именъ, русскихъ и иностранныхъ. Письма кн. В. И. Куракина, о которомъ Сень Симонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что это былъ «человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный, съ отгѣнкомъ своего знатнаго происхожденія отъ Ягеллоновъ, съ большимъ умомъ, знаніемъ иностранныхъ языковъ, хорошимъ образованіемъ», относятся къ тому періоду его жизни, когда онъ былъ посланникомъ въ Голандію и большею частью, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ посвященъ дипломатическимъ дѣламъ. Переписка кн. А. Б. гораздо разнообразнѣе, она ведется въ Парижѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Хотинѣ и т. д., а предметомъ ея служатъ самые разнообразные предметы; такъ, въ письмахъ, къ вел. кн. Павлу Петровичу изъ Парижа, гдѣ онъ былъ простымъ путешественникомъ, князь описываетъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ дебюты знаменитой актрисы Гокуръ, которая провела свои юныя годы въ Петербургѣ, гдѣ ея отецъ состоялъ придворнымъ актеромъ, отзывается о Д'Аламберѣ, какъ о мудрецѣ XVIII вѣка и величайшемъ геометрѣ, описываетъ блестящія церемоніи въ Версалѣ, клеймитъ страсть къ картежной игрѣ выпасаго французскаго общества и т. д. Иногда онъ пускается въ философствованія и по поводу путешествій говоритъ: «Ничто такъ не развиваетъ истинныхъ идей о прекрасномъ и полезномъ, какъ безпристрастныя и подробныя сравненія различныхъ предметовъ, а для этого лучшая школа—путешествія по чужеземнымъ странамъ. Конечно, многого ждешь, а находишь мало и проникаешься истинной, что нигдѣ нельзя лучше исполнить то назначеніе, къ которому призвалъ васъ творецъ, какъ на родинѣ. Но также безспорно, что, изучая нравы различныхъ народовъ, уничтожаешь въ себѣ врожденные предразсудки, чувствуешь, что спадаетъ съ глазъ повязка, и видишь истину болѣе проникательными взглядами». Неизвѣстно, для кого кн. А. Б. составилъ на французскомъ языкѣ, на которомъ писалась большая часть его писемъ, краткую записку о чтеніи, но въ ней высказано много вѣрныхъ мыслей. По его словамъ: «Чтеніе распространяетъ познанія, освѣщаетъ умъ, вылѣчиваетъ отъ суевѣрій, приводитъ къ открытію истины и даетъ высшую полировку», но чтобъ получить всѣ эти блага отъ чтенія, надо владѣть искусствомъ чтенія, безъ чего оно не только не принесетъ пользы, но дѣлаетъ большой вредъ. Искусство же чтенія заключается въ томъ, чтобъ читать ни много, ни мало, съ выборомъ, вкусомъ, вниманіемъ и размышленіемъ о томъ, что читаешь. Изъ писемъ тѣхъ лицъ, съ которыми переписывался кн. И. Б., наиболѣе интересны письма его брата Алексѣя, которыя бросаютъ свѣтъ на воспитанье въ Лейденѣ будущаго государственнаго человѣка, а въ числѣ писемъ постороннихъ лицъ первое мѣсто занимаетъ письмо Дидеро къ кн. Дашковой, начинающееся словами: «Это совершенно справедливо:

я въ Петербургѣ». Далѣе онъ говоритъ, что имѣетъ честь видѣть императрицу такъ часто, какъ желаетъ, что нашелъ ее такой, какой описывала ее Дашкова, что у Екатерины душа Бруга, а прелести Клеопатры, наконецъ, что, великая государыня на тронѣ, она была бы частной женщиной очень пріятной и вертѣла бы головы многимъ. Въ концѣ письма философъ высказываетъ очень характеристичную мысль: «Я дѣлаю всевозможное, чтобъ просвѣтить себя, а на это существуетъ два способа: первый—спрашивать у знающихъ людей о томъ, чего самъ не знаешь, приближаясь такимъ образомъ къ истинѣ, и второй — говорить глупость, когда она входитъ въ голову, потому что по ея выходѣ закрываешь дверь, и она уже болѣе не входитъ».

В. Т.

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Труды Сѣверной комиссіи. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекцій рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 1898.

Лишь въ самое послѣднее время началъ разсѣиваться мракъ незнанія и пренебреженія, окутывавшій нашъ сѣверъ; лишь въ самое послѣднее время донесся и былъ услышанъ гласъ воиющихъ въ пустынѣ поморовъ. Газеты и журналы открыли свои страницы для обсужденія значенія сѣвера, ясно сознававшаяся еще великимъ преобразователемъ Россіи. Стали писать о нуждахъ «заброшеннаго края», стали думать о томъ, какъ пособить его бѣдамъ. Наконецъ, года 4 года тому назадъ, поѣздкой г. министра финансовъ было засвидѣтельствовано возбужденіе интереса къ краю и въ правительствѣ. Общество для содѣйствія русскому торговому мореходству, которому болѣе, чѣмъ какому либо учрежденію, надлежитъ вѣдать вопросы сѣвера, дѣятельнѣе прежняго взялось за ихъ рѣшеніе. Въ засѣданіи С.-Петербургскаго отдѣленія этого общества, 15-го ноября, 1896 года, было рѣшено образовать комиссію для разработки возбужденныхъ въ отдѣленіи вопросовъ: о научно-промысловыхъ изслѣдованіяхъ въ сѣверныхъ водахъ, о рыбацкихъ школахъ, инспекціи рыбныхъ промысловъ и т. д. Трудами этой комиссіи выяснилась настоятельная необходимость научно-промысловыхъ морскихъ изслѣдованій у Мурмана. Непосредственное завѣдываніе ими должно было быть отдано комитету для помощи поморамъ русскаго сѣвера. Въ засѣданіи этого комитета, 25 янв. 1897 г. было доложено, что для детальнаго разсмотрѣнія всѣхъ возбужденныхъ въ обществѣ вопросовъ образована комиссія, для краткости названная Сѣверной. 8 февр. 1897 г. было первое засѣданіе Сѣверной комиссіи, съ этого времени начались дѣятельныя работы по вопросу о поднятіи благосостоянія Сѣвернаго края. Теперь передъ нами лежитъ объемистый томъ трудовъ Сѣверной комиссіи. Такъ какъ вся производительность и благосостояніе нашего Сѣвера всецѣло зависятъ отъ положенія рыбныхъ промысловъ, то, естественно, оно нашло себѣ всестороннее освѣщеніе въ докладахъ членовъ комиссіи гг. Книповича, Никольскаго, Варнаховскаго и др. Мы думаемъ, что ваши читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы подробнѣе остановимся на со-

держаніи этих докладовъ: это будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что «Историческій Вѣстникъ» удѣлилъ уже немало вниманія сѣверному краю и въ статьяхъ.

Чтобы понять степень важности рыбныхъ промысловъ для нашего Сѣвера, достаточно указать на двѣ цифры: цифру ежегоднаго улова на Мурманѣ — 600 — 700 тысячъ пудовъ рыбы, и цифру ежегоднаго ввоза изъ Норвегіи — около 600 тысячъ пудовъ. Нужно принять во вниманіе, что числа эти, извлеченныя изъ официальныхъ данныхъ, значительно меньше дѣйствительныхъ. Рыбный промыселъ играетъ важную роль не только среди самихъ ловцовъ: рыба служитъ пищей для нашего сѣвернаго населенія, а въ послѣднее время значительно увеличился вывозъ рыбы въ С.-Петербургъ и другіе порты Балтійскаго моря. Является вопросъ, можно ли повысить русскую производительность, не отвѣчающую въ настоящее время потребностямъ Россіи? Докладъ г. Книшовича, подкрѣпленный замѣчаніями другихъ членовъ комиссіи, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ утвердительномъ отвѣтѣ. Слѣдующія мѣры могутъ и должны поднять мурманское рыболовство: 1) увеличеніе числа промышленниковъ, которое произойдетъ послѣ соединенія Мурмана желѣзной дорогой съ остальной Россіей; 2) измѣненія въ организаціи промысла, основанныя на развитіи артельного начала; 3) увеличеніе успѣшности промысла вслѣдствіе вводимыхъ въ него улучшеній типа промысловыхъ судовъ и способовъ лова; 4) увеличеніе района промысла и увеличеніе продолжительности промыслового сезона; 5) введеніе новыхъ промысловъ и развитіе промысловъ заброшенныхъ, и 6) введеніе новыхъ болѣе совершенныхъ способовъ утилизаціи продуктовъ промысла. Самыми важными мѣрами въ этомъ планѣ должны быть увеличеніе района промысла и продолжительности промыслового сезона. Первое должно быть сдѣлано, такъ сказать, «на счетъ моря». Ловъ, унасъ производящійся у самыхъ береговъ, при переносѣ его на значительное разстояніе отъ берега, даетъ хорошіе результаты. Кроме того, ловъ, вмѣсто опредѣленнаго теперь незначительнаго промежутка времени, можетъ начинаться очень рано и продолжаться большую часть года, то по близости отъ береговъ, то въ значительномъ разстояніи отъ нихъ. Опредѣленные и точные отвѣты на вопросы, когда, въ какомъ разстояніи отъ берега и какую рыбу можно ловить, можетъ дать только научное изслѣдованіе, поставленное по возможности широко. Оно, безъ сомнѣнія, откроетъ новые промыслы и обратитъ вниманіе на заброшенные. Вотъ, такъ сказать, въ теоріи значеніе научно-промысловыхъ изслѣдованій сѣверныхъ водъ, а практическая ихъ польза очевидна, если мы обратимся къ исторіи рыбныхъ промысловъ въ иностранныхъ государствахъ. Достаточно сказать, что норвежское рыболовство стояло на такой же степени развитія, на какой находится въ настоящее время наше, но съ тѣхъ поръ, какъ Норвегія стала тратиться на изслѣдованіе своихъ водъ (теперь ежегодный расходъ на эту часть до 20.000 кронъ), она мало-помалу совершенно забила нашихъ промышленниковъ, производящихъ ловъ только у береговъ и только въ опредѣленное время. Г. Никольскій въ своемъ сообщеніи указалъ на то, что научныя изслѣдованія должны рѣшить имѣющій большое практическое значеніе вопросъ о пользѣ или вредѣ китовъ и тюленей. За замѣчанія и докладъ другихъ членовъ комиссіи всесторонне освѣтили вопросъ о

научно-промысловыхъ изслѣдованіяхъ. Г. Книповичъ, изучавшій по порученію комиссіи постановку дѣла за границей, далъ отчетъ о своихъ занятіяхъ. Въ засѣданіяхъ комиссіи дѣятельно обсуждалось практическое осуществленіе плана, дѣлались смѣты расходовъ. Наконецъ, сдѣланы были представленія министрамъ: финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и военному, были отпущены деньги, и въ настоящее время экспедиція, находящаяся въ завѣдываніи г. Книповича, уже начала свои изслѣдованія. Быть можетъ, надежды, возлагаемыя г. Книповичемъ на результаты экспедиціи, и слишкомъ оптимистичны, такъ какъ дать промышленнику полезныя указанія еще очень мало: слишкомъ жалко его экономическое положеніе. Но во всякомъ случаѣ известную и даже большую пользу изслѣдованія г. Книповича принесутъ. Они важны и какъ несомнѣнный признакъ начавшейся дѣятельной работы на пользу нашего сѣвера.

Въ «Трудахъ сѣверной комиссіи» обращаютъ вниманіе разсужденія и о другихъ мѣрахъ къ улучшенію теперяшняго положенія рыболовства. Настоятельными и неотложными мѣрами комиссія признала учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ. Оно, по мнѣнію комиссіи, можетъ содѣйствовать какъ научно-промысловому изученію водъ и развитію и упорядоченію промысловъ, такъ и всестороннему выясненію современнаго экономическаго положенія промысловаго населенія и выработкѣ мѣръ для его улучшенія и для развитія, а также болѣе правильной постановки торговли продуктами промысла. И въ вопросъ объ учрежденіи инспекторовъ, станцій и школъ сѣверная комиссія остается на научной почвѣ: по ея мнѣнію, дѣятельность этихъ учреждений нельзя ставить въ опредѣленные рамки, и тѣмъ болѣе соединять ее съ полицейскими обязанностями. Настроенные оптимистически нѣкоторые изъ членовъ комиссіи склонны приписывать этимъ колоніямъ, составленнымъ ихъ рыбной инспекціи, біологической станціи и рыбопромышленной школы, значеніе колонизаціонныхъ и культурныхъ пунктовъ. И относительно этихъ учреждений читатель найдетъ въ «Трудахъ Сѣверной комиссіи» богатый матеріалъ. Кромѣ «общихъ соображеній по устройству на Мурманѣ колоніи для рыбной инспекціи и т. д.», въ «Трудахъ» есть и чертежи построекъ колоніи, и смѣты, и объяснительныя записки къ нимъ.

Теоретическій характеръ, которымъ проникнуты «Труды», въ большей степени зависитъ, кажется, отъ присутствія въ комиссіи цѣлаго кружка ученыхъ спеціалистовъ, составляющаго, такъ сказать, ядро комиссіи. Конечно, можно только привѣтствовать тѣсное единеніе общества съ наукой.

Щ.

Докторъ Леоборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ө. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898.

Появленіе въ русской литературѣ, весьма небогатой сочиненіями о первобытномъ человѣчествѣ, капитальнаго труда чешскаго профессора Нидерле представляетъ собою выдающееся явленіе. У насъ есть лишь единственное

законченное сочиненіе, имѣющее общій характеръ доисторической археологіи въ Россіи, — графа А. С. Уварова «Археологическая Россія, каменный вѣкъ», Москва, 1881 г. Другой трудъ — «Русскія древности» Н. П. Кондакова и графа И. Н. Толстого, еще не оконченъ. Наши археологическіе съѣзды и общества отличаются большою оживленностью, издано много матеріала, но систематизація его до сихъ поръ нѣтъ. Трудъ Нидерле не только даетъ цѣнный, замѣчательно объективный сводъ взглядовъ и теорій западно-европейской науки, но представляетъ изъ себя попытку «соединить въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточной, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соответственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра». Отличаясь высокою нѣмецкой эрудиціей и знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей, Нидерле въ то же время знакомъ съ современнымъ состояніемъ русской археологіи.

Его объемистый трудъ имѣетъ еще ту цѣнность, что онъ заново пересмотрѣнъ и дополненъ существенно для русскаго перевода. Переводъ выполненъ знакомомъ этнологомъ Ѳ. К. Волковымъ подъ редакціей профессора Д. Н. Анучина, который присоединилъ къ переводу нѣсколько важныхъ примѣчаній. Задавшись широкимъ планомъ, Нидерле, однако, не отступаетъ отъ весьма систематическаго распредѣленія археологической программы. Онъ ее блестяще, до тонкости, выполняетъ, благодаря огромному матеріалу, который ему дали археологическія розысканія въ Россіи и славянскихъ земляхъ. Въ своемъ введеніи Нидерле разбираетъ значеніе доисторической археологіи, даетъ очеркъ ея развитія и современнаго состоянія этой науки. Весь трудъ распадается на двѣ части. Въ первой Нидерле разсматриваетъ исторію человѣчества въ періодъ дометаллическій, во второй — въ періодъ металловъ. Первые двѣ главы, послѣ очерка геологическихъ измѣненій земли, даютъ картину ледниковаго періода, о которомъ особенно подробно авторъ говоритъ, и знакомятъ читателя съ глубокою древностію существованія человѣка — съ такъ называемою палеолитической эпохой. Дальше, авторъ переноситъ насъ въ эпоху неолитическую. Это время иллюстрируется имъ чрезвычайно обстоятельно тѣми немногими памятниками, которые представляютъ собою остатки могилъ, жилищъ. Въ эту эпоху, по мнѣнію Нидерле, человѣкъ уже былъ знакомъ съ гончарнымъ искусствомъ. IV-я глава посвящена доисторическимъ племенамъ каменнаго вѣка въ Европѣ и высказаннымъ по этому вопросу теоріямъ ученыхъ. Во второй части Нидерле переходитъ къ эпохѣ металловъ. Взглядъ автора тотъ, что Европа въ доисторическое время дѣлится на 4 культурныя эпохи: каменную, мѣдную, бронзовую и желѣзную (201 стр.). При этомъ, Нидерле — и въ этомъ широта его взгляда — эпоху опредѣляетъ не общеизвѣстностью мѣди, бронзы или желѣза, а «для каждой страны временемъ, въ теченіе котораго мѣдь, бронза или желѣзо преобладали» (209 стр.). Замѣчательно подробно и систематично изложена глава о бронзовомъ вѣкѣ и его происхожденіи, о памятникахъ этого вѣка, расположенныхъ авторомъ въ стройномъ порядкѣ. Въ VII-й главѣ Нидерле переходитъ къ древнѣйшему желѣзному вѣку въ Европѣ; для нашей археологіи этотъ вопросъ представляетъ живой интересъ. Двѣ послѣднія главы тѣсно связаны со славянами и славянскими древностями (чешскими, хорватскими),

антропологическимъ типомъ славянъ и видоизмѣненіемъ этого типа. Здѣсь Нидерле выставилъ свою теорію о первоначально длинноголовомъ и свѣтломъ типѣ славянъ, высказываясь въ томъ смыслѣ, что славяне не представляютъ собою чистой антропологической единицы, и наиболѣе чистый типъ сохранился теперь у бѣлоруссовъ. Масса любопытнѣйшаго матеріала, литература предмета, представленная читателю, осторожность выводовъ и простота изложенія, дѣлають книгу Нидерле весьма цѣнною въ научномъ отношеніи. Издано сочиненіе отлично, прекрасные рисунки и переводъ этого труда, вѣроятно, сдѣлають его необходимою книгою для всякаго образованнаго человѣка.

К.

„Записки наукового товариства імени Шевченко. Выходятъ у Львові під редакцією Михайла Грушевського. Том XIX. Львів“. 1898.

Литературно-научная жизнь современной Галицкой Руси, сравнительно съ такою же жизнью другихъ русскихъ «провинцій» Австро-Венгріи, течетъ широкимъ потокомъ, и ея производительность развивается все болѣе и болѣе. Въ то время, напримѣръ, какъ литературно-научная жизнь Угорской Руси теперь всецѣло исчерпывается одною газеткою и церковнымъ ежегодникомъ (календарь), а на Буковинѣ — нѣсколькими народными газетками (4), 2 — 3 книжками для народа и русско-румынскимъ церковнымъ сборникомъ, — въ Галицкой Руси уже болѣе сорока лѣтъ назадъ ¹⁾ было организовано, благодаря дѣятельности патріотовъ — Яхимовича, Качковскаго и др., нѣсколько литературно-научныхъ обществъ во главѣ съ существовавшимъ уже ранѣе Станиславскимъ институтомъ (такъ переименовано было Львовское братство, основанное въ 1586 году), и тогда же появилось нѣсколько галицко-русскихъ газетъ. Литературныя общества издавали книги, разработывали и печатали историческіе документы и памятники, заводили школы. Съ подъемомъ національнаго самосознанія начали появляться историческія изслѣдованія и монографіи о прошломъ и настоящемъ Червонной Руси, появилась изящная литература — историческая и бытовая. Проснувшійся послѣ вѣковой дремы русскій духъ работалъ съ мощною силой. Итакъ, счастливо возрождающаяся литературно-научная жизнь Галицкой Руси, несомнѣнно, пошла бы впередъ гигантскими шагами, если бы среди сыновъ ея не случился литературно-национальный расколъ, раздѣлившій и размельчившій теченіе этой жизни. Пятригами польской партіи, обезпеченной духовнымъ и национальнымъ ростомъ Галицкой Руси, и стараніями полонифильствующихъ украиннофиловъ-сепаратистовъ, галицко-русская интеллигенція разбилась на три враждебныхъ лагеря: старорусскую партію, украинно-фило-сепаратистическую и радикальную, причемъ двѣ послѣднія, страдая кошмаромъ «московскихъ» призраковъ, яростно обрушились на первую, т. е. старорусскую, которая въ своей дѣятельности стояла и теперь стоитъ на почвѣ

¹⁾ Въ настоящемъ году исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени основанія перваго литературнаго общества «Галицко-русская Матица» и появленія первой русской газеты «Заря Галицкая» во Львовѣ.

литературнаго и національнаго единства съ Россіей. Тѣ же партіи, наоборотъ, провозгласили, что литературу малорусскую или русско-украинскую нужно считать отдѣльною («окремою») отъ литературы російской, потому что «народность русско-украинская отдѣльна (sic!) отъ народности російской». Сообразно съ этимъ, онѣ ввели у себя, вмѣсто русскаго грамматическаго правописанія, — фонетическое, занялись изобрѣтеніемъ и кованьемъ новыхъ словъ для выраженія тѣхъ понятій, для которыхъ не находилось выраженій въ малорусскомъ языкѣ, — богатомъ и выразительномъ въ области лирики и юмора, но совершенно несостоятельномъ въ области научной, — занялись коверканьемъ русскихъ и получившихъ въ русскомъ языкѣ права гражданства интернациональных словъ (лишь бы не было порусски!) и такимъ образомъ начали создавать свою «окремую» литературу на языкѣ, въ которомъ и сами украинноманы порой не могутъ разобраться. Пользуясь поддержкою правительственной партіи, украиннофилы захватили въ свои руки университетскую кафедру русскаго языка во Львовѣ и нѣкоторыя литературныя русскія общества, и основали нѣсколько ученыхъ и политическихъ обществъ, между которыми выдѣляется своею литературно-научною дѣятельностью «Товарищество имени Шевченко» (основ. въ 1873 г.). Украиннофилы горделиво называютъ теперь это общество малорусскою академіею наукъ! И наивно думаютъ, что оно будетъ таковою, когда поляки помогутъ имъ «одбудовать» украинское «королевство» (sic!)... Но если это литературное товарищество и далеко отъ званія «академіи наукъ», то во всякомъ случаѣ литературно-научная дѣятельность его довольно усердна. Оно имѣетъ три отдѣленія: «історично-філософічне», «історично-фільбѣгичне» (т. е. филологическое) и «історично-археографичне». Члены этихъ отдѣленій составляютъ рефераты и монографіи, которые читаются въ собраніяхъ и затѣмъ печатаются. И если бы эти труды издавались на литературномъ русскомъ языкѣ, или бы даже на Галицко-русскомъ нарѣчій (говорѣ), какъ было прежде, а не на исковерканномъ и обезображенномъ фонетикою, quasi-научномъ и подозрительно-малорусскомъ языкѣ, который даже малоруссу нужно сначала изучать, — то эти труды, несомнѣнно, содѣйствовали бы росту и развитію литературно-научной жизни галицкой Руси, и, дѣлаясь достояніемъ всей читающей Руси, имѣли бы большую научную цѣнность и значеніе.

Органомъ «Товарищества имени Шевченко» служатъ приведенныя въ заголовкѣ «Записки». Поставивъ ихъ предметомъ настоящей замѣтки, мы затѣмъ нѣсколько уклонились въ сторону, считая необходимымъ вкратцѣ познакомить русскихъ читателей съ литературнымъ движеніемъ и литературно-политическими партіями современной Галицкой Руси. Теперь перейдемъ къ самимъ «Запискамъ».

Большую половину разсматриваемаго тома занимаетъ статья г. Томашевскаго «Податкови ухвали (рѣшенія) при Казимірѣ Ягайловичѣ въ Польшѣ».

Авторъ считаетъ вопросъ о податяхъ очень важнымъ въ «исторіи средне-вѣковой политической эволюціи» вообще. Такимъ онъ считаетъ его и въ исторіи Польши въ указанную эпоху въ частности, тѣмъ болѣе, что это былъ вѣкъ усиленія польской шляхты въ ея борьбѣ съ центральной властью, когда шляхта добивалась автономіи между прочимъ и въ «вопросѣ податномъ». Послѣ такой

точки зрѣнія автора на «податной вопросъ» естественно ожидать, что онъ постарается дать полную картину польской казенной доходности во второй половинѣ XV вѣка. Этого, однако, мы не видимъ въ разбираемой статьѣ. Авторъ ея собралъ рѣшенія о податяхъ, касающихся только собственно срединной Польши, и ничего не говоритъ о такихъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ для литовскихъ, мазовецкихъ и прусскихъ владѣній королевства. Кромѣ того, въ трудѣ г. Томашевского указаны не всѣ постановленія о податяхъ и въ срединной Польшѣ. Тамъ, напримѣръ, нѣтъ рѣчи о торговомъ мытѣ, о казенныхъ доходахъ съ соляныхъ копей, о развитіи мѣстнаго акциза. Новаго и оригинальнаго, сравнительно съ данными, имѣющимися по этому вопросу въ «Польской исторіи» Длугоша и въ «Codex diplomaticus majoris Poloniae», авторъ сказалъ очень мало.

Весьма интересно въ разсматриваемомъ томѣ «Записокъ» описаніе рукописныхъ церковныхъ книгъ въ Стрыйскомъ повѣтѣ Галиціи, относящихся къ XVI вѣку. Библиографическій отдѣлъ довольно обширенъ, но посвященъ, главнымъ образомъ, обзорѣнью «Епархіальныхъ Вѣдомостей» Юго-Западной Россіи.

Н. Р.—въ.

Вл. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 1898.

Авторъ настоящей книги—студентъ здѣшняго университета, въ свое время представившій свою работу на курсовое соисканіе медали. Дѣйствительно, работа его оказалась настолько удовлетворительною, что юридическій факультетъ присудилъ г. Пландовскому не только золотую медаль, но и предложилъ молодому ученому пасть его трудъ за счетъ университета. Такое рѣшеніе факультета является несомнѣнно большою наградою молодому автору и, должно замѣтить, наградою вполне справедливою, такъ какъ работа его есть не простое ученическое упражненіе на заданную тему, но дѣйствительно серьезный научный трудъ, посвященный вопросу, чрезвычайно мало разработанному въ нашей литературѣ. Въ то время какъ у сосѣднихъ культурныхъ націй статистическая литература изобилуетъ учеными трактатами, посвященными какъ исторіи народной переписи, такъ и ея современной теоріи и техники, у насъ въ этомъ отношеніи существуетъ значительный пробѣлъ, и мы не можемъ указать ни на одно монографическое изслѣдованіе объ этомъ характерномъ видѣ массоваго наблюденія. Работа г. Пландовскаго предназначена восполнить означенный пробѣлъ и посему является совершенно самостоятельнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ статистическую литературу. «Народная перепись» распадается на двѣ части. Въ первой (общей) части излагается исторія, теорія и современное состояніе народоисчисленія цивилизованныхъ народовъ; вторая (особенная) посвящена исторіи и современному состоянію русскаго народоисчисленія. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе именно на вторую часть: 1) на исторію русскаго народоисчисленія потому, что у насъ вовсе нѣтъ таковой, если не считать краткой и не вполне точной ревизіи фонъ-Бушена и подобнаго же, еще менѣе удовлетворительнаго труда академика Кеппена, и 2) на первую всеобщую русскую народную перепись, въ виду ея важнаго значенія для Россіи.

Эта вторая часть разработана г. Пландовскимъ чрезвычайно тщательно, и въ основаніе ея положены всѣ главнѣйшіе труды русской исторической и экономической науки, до журнальныхъ статей включительно, такъ или иначе относящихся къ вопросу о народонаселеніи. Такимъ образомъ, изслѣдованіе молодого студента сразу создаетъ ему прочное имя въ ряду серьезныхъ работниковъ ученаго цеха и общается въ будущемъ, если только онъ не ослабнетъ въ своемъ рвеніи, нашей родинѣ въ его лицѣ даровитаго и полезнаго представителя экономической науки. Излагая предметъ ровно и объективно, онъ не спѣшитъ къ быстрымъ и поверхностнымъ выводамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря прекрасному изложенію, освобождаетъ свой трудъ отъ томительной сухости, которая такъ часто присуща работамъ этого сорта. Поэтому, привѣтствуя г. Пландовскаго съ первымъ удачнымъ дебютомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшимъ ему напомнить изреченіе: «кому много дано, съ того много и взыщется», такъ какъ на нашихъ глазахъ нерѣдко случалось, что многіе и очень многіе изъ учащагося юношества всѣ начинали, какъ будто осѣненные лучами надеждъ, но потомъ именно подъ влияніемъ легко добытаго успѣха сходили на нѣтъ и явились съ годами на академической кафедрѣ не болѣе, какъ красивыми пустоцвѣтами. Отъ всей души желаемъ г. Пландовскому избѣгнуть этой печальной участи. Россіи страшно нужны такіе рабочіе, какъ онъ, и именно на томъ поприщѣ русскаго историческаго самопознанія, на которомъ онъ нынѣ съ такимъ успѣхомъ выступаетъ.

Гл.

Józef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolynskie. Warszawa. 1899 (!).

Исходя изъ того соображенія, что старо-шляхетскіе типы все болѣе исчезаютъ и вымираютъ, что телерешнему поколѣнію мало понятны ихъ достоинства и, если ужъ на то пошло, высокія добродѣтели, г. Дуинь-Карвицкій рѣшилъ очеркнуть нѣкоторые изъ такихъ типовъ въ надеждѣ, что эти очерки послужатъ къ болѣе всестороннему освѣщенію недалекаго прошлаго. Побужденіе это, высказанное г. Дуинимъ-Карвицкимъ въ предисловіи къ настоящей книжкѣ, заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія и, сумѣй авторъ удержатъ въ надлежащихъ рамкахъ свои симпатіи къ этому недавнему прошлому, могла бы получиться очень любопытная, не лишенная общаго интереса, картина старыхъ нравовъ, стараго склада жизни. Подобное описаніе послужило бы превосходнымъ дополненіемъ къ беллетристической обработкѣ бытоваго матеріала, какую мы находимъ у польскихъ романистовъ. Между тѣмъ, г. Дуинь-Карвицкій удѣлилъ въ своей книгѣ самое широкое мѣсто лиризму: за страницей описанія непремѣнно слѣдуютъ три страницы изліянія восторга и умиленія по поводу того, что сейчасъ рассказано авторомъ, при чемъ авторъ пробуетъ идеализировать даже печальной памяти явленія (напримѣръ, отношенія помещиковъ и крестьянъ при крѣпостномъ правѣ въ гл. III «Obywatel przedreformowu»).

Если откинуть эту лирическую струю (правильнѣе было бы сказать—волну), то въ очеркахъ г. Дуинна-Карвицкаго окажется гораздо болѣе смѣшного и не-

чальнаго, чѣмъ заслуживающаго идеализаціи. Типы, рисуемые авторомъ, за немногими исключеніями, не могутъ вызвать симпатіи читателя. Вотъ, напримѣръ, старые наполеоновскіе жолнеры и офицеры: по признанію автора, въ свое время они едва ли даже были сержантами или вахмистрами, теперъ ихъ всё титулуютъ «панъ кашитанъ» и «панъ поручикъ». Всё они—врали самой высокой пробы, о чемъ читатель можетъ заключать по слѣдующему (сообщаемому авторомъ) разсказу одного изъ нихъ о смерти кн. Юсіфа Понятовскаго: «Когда кн. Юсіфъ Понятовскій приближался къ рѣкѣ, бѣшено легя на своемъ ворономъ ковшѣ, то Наполеонъ, видя опасность, крикнулъ ему громко: «Кумъ! Побереги себя!» (Онъ былъ крестнымъ отцомъ его дочери... я ужъ сто разъ вамъ уноминалъ объ этомъ). Однако кн. Юсіфъ не обратилъ на это вниманія и, не сдерживая коня, крикнулъ во всю глотку, такъ что всё мы отлично слышали: «Кумъ! Гоноръ не позволяетъ!» (с. 35). И тутъ же палъ подъ пулей». Скорѣе сожалѣніе, чѣмъ восторгъ, вызываетъ у читателя рисуемый авторомъ типъ приживальщика, какіе обязательно бывали въ каждомъ зажиточномъ польскомъ домѣ («Ostatni z rezydentów»). Хотя г. Дуининъ-Карвицкій старается всячески смягчить краски, но читателю ясно, что даровой хлѣбъ этихъ людей бывалъ горекъ. «Каждый изъ нихъ старался быть чѣмъ нибудь полезнымъ: тотъ понемногу присматривалъ за сельскимъ хозяйствомъ, другой пріучалъ къ охотѣ собакъ, выучалъ канареекъ пѣть, дроздовъ—свистать, разставлялъ силки на птицъ, мышеловки или ядъ для крысъ, растиралъ нюхательный табакъ для господъ, дѣлалъ разныя настойки и т. д.» (с. 133). Затѣмъ въ число обязанностей ихъ входило—сопровождать пана во время охоты и разныхъ поѣздкахъ; когда пріѣзжали гости, они «старались оживлять бесѣду, приспособляясь къ хорошему или дурному расположенію духа ясновельможнаго панства». Во время же большихъ собраній на ихъ обязанности лежало потчевать гостей и поддерживать безчисленные тосты, при чемъ приживальщикъ, туго поддающийся хмелю, былъ высоко цѣнимъ: онъ пользовался широкой извѣстностью въ околоткѣ, его старались переманить къ себѣ другіе паны (с. 134). Таковъ типъ старосвѣтскаго польскаго приживальщика, вызывающій высокое умиленіе г. Дунина-Карвицкаго.

Болѣе свѣтлое впечатлѣніе производятъ представители высшей дворской челяди («Dawni oficyalisci»), въ которыхъ читателя подкупаютъ строгая честность и дѣйствительно замѣчательная привязанность къ дому и семьѣ владѣльца. Въ отношеніи послѣдней черты не надобно, впрочемъ, забывать, что не малую роль игралъ здѣсь тотъ общій укладъ жизни, который созданъ былъ крѣпостнымъ правомъ. По всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ эта восхваляемая авторомъ привязанность была не чѣмъ инымъ, какъ маскированной подневольностью. Не надобно также забывать и того, что авторъ передаетъ свои личныя дѣтскія и юношескія воспоминанія и впечатлѣнія. Если бы матеріалъ для своего повѣствованія онъ почерпнулъ изъ болѣе широкаго источника, воспользовавшись, напримѣръ, разсказами подневольныхъ крестьянъ объ этихъ прежнихъ «офиціалистахъ»,—сколько тогда крови и слезъ пришлось бы ввести ему въ свои очерки недавно минувшаго, которое кажется предествнымъ и милымъ только изъ прекраснаго далекаго дѣтства и юности...

И напрасно г. Дунинъ-Карвицкій расточилъ столько чувствительности, переживая далекіе годы, воспѣвая это, къ счастью, «невозвратное время». Сквозь розовую дымку авторскаго лиризма предъ читателемъ невольно рисуется сѣрая толпа, даровой трудъ которой гарантировалъ беззаботную и безпечальную жизнь тѣхъ, чей произволь и самодурство г. Дунинъ-Карвицкій пытался представить въ столь мягкихъ, ласкающихъ очертаніяхъ.

К. Х.

А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1898.

Исторіи XIX вѣка посчастливилось у насъ въ послѣднее время: вышло цѣлыхъ 3 изданія книги Сеньбоса «Политическая исторія современной Европы». Тому же вопросу посвящена и книга Торсое. Разница между ними громадная, какъ въ распредѣленіи матеріала, такъ и въ освѣщеніи его. Исторія XIX вѣка богата сложными движеніями — политическими, социальными и національными, движеніями, волнующими ее и теперь. Цѣль, которую поставилъ себѣ Торсое, — изученіе выдающихся событій въ ихъ внутренней связи и развитіи особенно для послѣднихъ двухъ десятилѣтій, — выполнена имъ, пока, не вполне удачно. Вышедшій первый томъ охватываетъ событія съ 1815 года по 1863 годъ. Всю внутреннюю исторію этого времени Торсое разбиваетъ на нѣсколько періодовъ: первый отъ 1815 г. до 1830 года, второй отъ 1830 г. до 1848 года. Третій, почему-то, охватываетъ время до 1863 года. Очевидно, послѣдній періодъ, которымъ авторъ заканчиваетъ первый томъ, носитъ совершенно произвольный характеръ, потому что правильнѣе было бы ограничить его рамками (1848—1870 гг.), то-есть февральской революціи и второй имперіи. Разбивъ жизнь Европы на періоды, Торсое излагаетъ довольно живымъ языкомъ внутреннюю исторію и внѣшнюю каждаго государства. За такими разсказами теряется общая нить страны, такъ какъ Торсое нигдѣ не намѣчаетъ того угла зрѣнія, подъ которымъ онъ разсматриваетъ событія. Отсюда — нѣкоторое отсутствіе рельефа. Рядомъ съ крупными событіями уживаются въ небольшомъ томѣ и мелочи чисто внѣшней исторіи. Такъ, у него подробно, сравнительно, разсказывается о битвахъ при Балаклавѣ, Инкерманѣ, Черной рѣчкѣ и т. д. (стр. 402 и дальше), но за то весь томъ страдаетъ плохимъ освѣщеніемъ культурно-соціальной стороны Европы. Глубокія движенія либеральной буржуазіи и реакціонной аристократіи, развитіе социализма, экономическая сторона исторіи XIX вѣка, которая играетъ такую громадную роль со времени французской революціи, — все это у Торсое лишь намѣчено. Вообще, внутренняя исторія государствъ представлена слабо. Въ исторіи Англій есть громадныя пробѣлы: Торсое даже не упоминаетъ объ отмінѣ въ 1828 году стѣснительныхъ для новоконформистовъ законовъ. Кромѣ европейскихъ странъ, Торсое даетъ въ своей книгѣ также исторію Соединенныхъ Штатовъ. Но и здѣсь существенный вопросъ — невольничій — заслоненъ перечнемъ и разсказомъ сраженій.

Не представляя собою ничего особеннаго, книга, которой пока вышел первый томъ, Торсое полезна уже потому, что у насъ ничего нѣтъ для общаго знакомства съ XIX вѣкомъ. Читается она очень легко, но въ ней множество опечатокъ.

К.

И. Тыжновъ. Запѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Часть I. Лѣтописи города Тобольска. Спб. 1898.

Кромѣ общихъ сибирскихъ лѣтописей: Есиповской, Строгоновской и Ремезовской, существуютъ, какъ извѣстно, еще цѣлый рядъ городскихъ лѣтописей Сибири, о которыхъ до сихъ поръ давались лишь нѣкоторые указанія въ сибирской историографіи. Г. Тыжновъ, не раздѣляя мнѣнія нѣкоторыхъ историковъ о ничтожномъ значеніи этихъ лѣтописей, а, напротивъ, приписывая имъ историко-литературный интересъ и характеръ второстепенныхъ историческихъ источниковъ, какъ вообще для исторіи Сибири, такъ и въ особенности для исторіи сибирскихъ городовъ XVI, XVII и начала XVIII вв., рѣшился сдѣлать болѣе или менѣе подробный историко-литературный разборъ этихъ лѣтописей и на первый разъ обозрѣлъ лѣтописи г. Тобольска.

Хорошо ознакомленный съ литературою предмета, онъ предварительно дѣлаетъ обзоръ всѣхъ вообще сибирскихъ городскихъ лѣтописей, извѣстныхъ по печатнымъ источникамъ, и затѣмъ уже останавливается на лѣтописяхъ Тобольска, изъ которыхъ прежде всего обозрѣваетъ «Книгу записную, сколько въ Сибирѣ, въ Тобольску и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ и острогахъ, съ начала взятія атамана Ермака Тимофеева, въ которомъ году и кто имена бояръ и околичныхъ и столниковъ и дворянъ и стряпчихъ на воеводствахъ бывали, и дьяковъ и писанныхъ головъ и съ приписью подьячихъ. И кто которой городъ ставилъ и въ которомъ году, и отъ котораго Государя Царя онъ былъ».

«Книга записная» хранится въ рукописи въ ризницѣ Тобольскаго собора; содержаніе ея обнимаетъ эпоху отъ 1572 до 1687 г. До сихъ поръ было только извѣстно, что она первоисточникъ «Записокъ, къ сибирской исторіи служащихъ». Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ извѣстій той и другой лѣтописи г. Тыжновъ пришелъ къ убѣжденію, что основа ихъ одна и та же, что въ нихъ «мы имѣемъ одинъ и тотъ же памятникъ, но только на различныхъ ступеняхъ его развитія», и что «Книга» древнѣе по времени составленія. Разногласія между ними сводятся, съ одной стороны, къ извѣстіямъ одиночнымъ, которыя и приводятся авторомъ, и съ другой, къ противорѣчивымъ. Первая, по своему характеру, «почти все относится къ церковной жизни г. Тобольска», а вторая «касаются, по большей части, датъ, цифровыхъ данныхъ и лишь въ немногихъ случаяхъ относятся къ именамъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей».

Слѣдующій памятникъ, къ разсмотрѣнію котораго переходитъ авторъ, есть упомянутая «Записки, къ сибирской исторіи служащая». Обозрѣвъ довольно подробно ихъ содержаніе, онъ пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: 1) «Записки» образовались изъ «Книги записной»; 2) по своему содержанію онѣ представляютъ сборникъ извѣстій о событіяхъ въ Сибири, среди которыхъ значительную часть составляютъ извѣстія о г. Тобольскѣ; 3) время составле-

нія ихъ относится къ 1683—1685 гг.; 4) авторъ «Записокъ» — человекъ, близко стоявшій къ Тобольской администраціи, и 5) «Записки» могутъ считаться достовернымъ второстепеннымъ, а иногда и первостепеннымъ, источникомъ.

Далѣе обозрѣвается «Сибирскій летописецъ», который, по словамъ г. Тыжнова, описываетъ преимущественно жизнь г. Тобольска за время съ 1590 до 1715 гг., составленъ въ первой четверти XVIII в. и можетъ служить дополнительнымъ источникомъ къ «Запискамъ».

Последнимъ разсматривается «Краткое показаніе о бывшихъ, какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ съ начала взятія сибирскаго государства, воеводахъ и губернаторахъ и прочихъ чинахъ и кто они именно, и въ какихъ городахъ были, и кто какой городъ строилъ и когда».

Какъ видно уже изъ самаго заглавія, «Показаніе» состоитъ преимущественно изъ перечисленія служивыхъ людей и только относительно г. Тобольска сообщаетъ, кромѣ того, свѣдѣнія о церковной жизни, о пожарѣ и проч. Будучи памятникомъ болѣе поздняго времени, именно 1791 г., сравнительно съ «Записками», оно, по утверженію г. Тыжнова, и составлено преимущественно на основаніи послѣднихъ, но съ значительными уклоненіями отъ истины, что придаетъ «Показанію» значеніе только литературнаго памятника. Поутно г. Тыжновъ исправляетъ утвержденіе редакціи «Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», гдѣ за 1883 г. было напечатана изъ «Показанія» статья о г. Тобольскѣ, о личности автора «Показанія», говоря, что послѣдній неизвѣстенъ; редакція же «Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» приписывала составленіе «Показанія» архіепископу тобольскому Варлааму I.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Тыжнова, которое, несомнѣнно, восполняетъ, бывшій до сихъ поръ, пробѣлъ въ нашей исторіографіи и открываетъ новые источники для исторіи сибирскихъ городовъ по преимуществу.

В. Р.—въ.

„Народная трезвость“. №№ 1 — 8. Спб. 1898.

Съ текущаго года въ качествѣ бесплатнаго приложенія въ ежемѣсячному популярному сельско-хозяйственному журналу «Наше хозяйство» стало выходить и разсылаться всѣмъ подписчикамъ новое ежемѣсячное иллюстрированное изданіе «Народная трезвость». Главное руководство означеннымъ изданіемъ принялъ на себя извѣстный публицистъ и дѣятель въ обществѣ трезвости, Д. И. Бородинъ, а участіе свое обѣщали журналу и уже внесли сюда извѣстныя лепты такіе выдающіеся общественные дѣятели, какъ проф. А. П. Чупровъ, проф. В. Г. Яроцкій, Л. Е. Оболенскій, д-ръ Нижегородцевъ, Н. П. Дружининъ и многіе другіе. Цѣль означеннаго изданія прійти на помощь одному изъ существеннѣйшихъ народныхъ и общественныхъ недуговъ, каково злоупотребленіе алкоголемъ, разумными указаніями и совѣтами по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ, главнымъ образомъ, сельскому и фабричному населенію страны и вообще жителю провинціи. Программа симпатичнаго литературнаго предпріятія, какъ она изложена въ объявленіи на подписку и въ первой редакціонной статьѣ, состоитъ изъ: 1) законодательныхъ мѣръ и законоположеній по вопросу

о питейной реформѣ, распоряженій правительства относительно торговли виномъ въ интересахъ охраненія народной нравственности и сокращенія пьянства. Совѣты и указанія, какъ пользоваться на практикѣ всѣми законоположеніями и распоряженіями правительства по питейной части, не прибѣгая къ помощи повѣренныхъ и ходатаевъ. 2) Западно-европейскія законодательства и мѣропріятія иностранныхъ правительствъ по урегулированію питейнаго дѣла. 3) Руководящія статьи о способахъ борьбы съ пьянствомъ. 4) Самостоятельныя и переводныя статьи и замѣтки о развитіи пьянства въ Россіи и за границей. 5) Обзоръ и сообщенія о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ обществъ трезвости и попечительствъ о народной трезвости. 6) Корреспонденціи, біографіи, очерки и рассказы, соответствующіе цѣлямъ изданія. 7) Отвѣты на вопросы читателей въ предѣлахъ программы. 8) Портреты выдающихся ревнителей трезвости, рисунки, чертежи и т. п., касающіеся программы изданія.

Какъ выяснила уже практика вышедшихъ №№ журналовъ и какъ это видно изъ приведенной программы, третій и четвертый отдѣлы этой программы являются центромъ новаго журнала, и въ этихъ отдѣлахъ главнымъ образомъ и сосредоточивается общественная служба редакціи. Здѣсь помѣщаются также всѣ тѣ данныя, такъ называемой, чистой науки, которыя могутъ способствовать развитію обществъ трезвости и попечительствъ о народной трезвости, и которыя нужны имъ, какъ указанія для рациональнаго веденія дѣла. Живой интересъ имѣютъ также 5-й и 6-й §§ программы, гдѣ на примѣрѣ общественной работы отдѣльныхъ лицъ, въ изображеніи конкретныхъ фактовъ и явленій, въ живомъ общеніи съ читателями, редакція имѣетъ возможность широко и плодотворно вести необходимую пропаганду трезвости и поставить дѣло борьбы съ пьянствомъ близко къ цѣли, а главное жизненно и интересно. И дѣйствительно, нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ уже біографій и корреспонденцій представляютъ собою для нашей общественной жизни богатый и поучительный матеріалъ, дающій возможность читателямъ легко и съ пользою воспользоваться примѣромъ и опытомъ другихъ лицъ и общественныхъ группъ.

Врядъ ли приходится здѣсь много распространяться на тему, поскольку заслуживаетъ сочувствія новое литературное предпріятіе. Борьба съ алкоголизмомъ одна изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ общественной жизни нашихъ дней, и всѣ тѣ, кто такъ или иначе принимаетъ въ этой борьбѣ дѣятельное участіе, заслуживаютъ самой горячей признательности и поддержки. Поэтому желательно, чтобъ русскій читатель всѣми зависящими отъ него мѣрами оказалъ сочувствіе полезной работѣ г. Бородинъ и обратилъ на изданіе «Народной трезвости» серьезное вниманіе, какъ это уже сдѣлали своими письмами въ редакцію такіе выдающіеся дѣятели, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, гр. Л. Н. Толстой и другіе, выразившіе не только платоническое сочувствіе, но и обѣщавшіе сильную помощь¹⁾. Въ заключеніе остается прибавить, что всѣ семь вышедшихъ №№ составлены чрезвычайно разнообразно, отпечатаны на прекрасной бумагѣ,

¹⁾ На случай, если бы провинціальныя читатели «Истор. Вѣстн.» пожелали войти съ руководителемъ изданія «Народная трезвость» въ личныя сношенія, сообщаемъ его адресъ для корреспонденціи: Спб., Никольская площадь, № 6.

иллюстрированы недурно сдѣланными портретами и видами. Можно только пожалѣть, что отдѣльные №№ не поступаютъ въ розничную продажу, что въ значительной степени должно ослабить боевое, такъ сказать, значеніе журнала, такъ какъ онъ, предлагаемый къ покупкѣ въ мѣстахъ скопленія народныхъ массъ, всегда легко могъ бы вербовать кліентовъ дѣлу борьбы съ алкоголизмомъ. Сразу раскошелиться на три (3) рубля (годовая подписка) не для всякаго возможно, а, можетъ быть, именно среди этихъ-то немущихъ всего и легче составить обширные кадры борцовъ за народную трезвость. О розничной продажѣ журнала «Народная трезвость» обязательно слѣдуетъ войти съ ходатайствомъ въ надлежащія инстанціи, гдѣ само дѣло, сама симпатичная цѣль этого дѣла скажетъ за себя горячее слово, которое и будетъ несомнѣнно встрѣчено съ должнымъ сочувствіемъ.

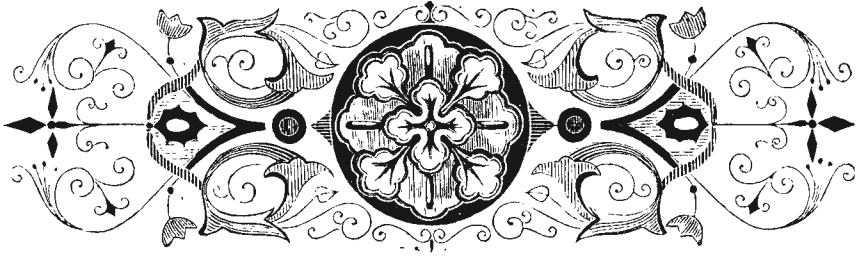
Г. Л. И.

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Выпускъ 2-й. Владиміръ. 1897.

Первый выпускъ изданія г. Смирнова вышелъ въ 1896 году. Въ немъ было помѣщено 20 біографій владимірскихъ уроженцевъ, во второмъ—столько же. Большою частью, очерки совершенно компилятивны и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ составлены по новымъ даннымъ. Біографіи — чисто внѣшняго характера и представляютъ голый перечень годовъ, чиновъ и орденовъ. За біографіей слѣдуетъ библиографія. И біографическія, и библиографическія свѣдѣнія отличаются большой полнотой и обстоятельностью.

Тѣхъ дѣятелей, о которыхъ идетъ рѣчь въ книжкахъ г. Смирнова, удобно подѣлить на два разряда. Къ первому ойдутъ лица, дѣятельность которыхъ тѣсно связана съ роднымъ краемъ (Голышевъ, Алякринскій), а во второмъ разрядѣ останутся тѣ, вся связь которыхъ съ Владимірской губерніей ограничивается только тѣмъ, что они родились въ ней. Таковы, наиримѣрь, архіепископъ Савва, М. II. Богословскій, Воскресенскій и др. Конечно, наибольшій интересъ представляютъ въ книжкахъ г. Смирнова біографіи мѣстныхъ дѣятелей, такъ какъ относительно ихъ г. Смирновъ имѣетъ возможность сообщить что нибудь новое. Біографіи лицъ, отношеніе которыхъ къ Владимірской губерніи определяется чисто внѣшнимъ признакомъ — ихъ рожденіемъ, представляютъ очень мало интереса, такъ какъ являются компиляціями, какъ, наиримѣрь, свѣдѣнія о Богословскомъ, Соколовѣ. Намъ кажется, что если бы г. Смирновъ пересталъ заниматься подобными компиляціями, а ограничился сообщеніемъ всѣхъ матеріаловъ, какіе только можно найти во владимірскихъ источникахъ, то тогда его книжки были бы любопытнѣе и важнѣе, и имѣли бы даже научное значеніе. Впрочемъ, мы вовсе не хотимъ отнимать у труда г. Смирнова значеніе добросовѣтно составленнаго справочнаго пособія.

П. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТАРИННЫЙ итальянскій лѣтописецъ. Эмиль Гебгардтъ представляетъ въ сентябрьской книжкѣ «Revue de l'art ancien et moderne¹⁾» интересную характеристику мало-извѣстнаго итальянскаго лѣтописца XIII вѣка, Салимбене. Онъ былъ монахомъ францисканскаго ордена и вель подобно большинству тогдашнихъ монаховъ жизнь кочующую, или, какъ тогда говорили «духовное бродяжничество», благодаря чему онъ видѣлъ много и многихъ, а такъ какъ онъ имѣлъ привычку записывать все, что видѣлъ и слышалъ, то послѣ него осталась любопытнѣйшая хроника для знакомства съ нравами и обычаями тринадцатаго вѣка въ Италіи. Онъ видѣлъ всѣхъ выдающихся историческихъ фигуръ своего времени: императора Фридриха II, короля Людовика Святаго, папу Иннокентія IV, Эзеліно Романскаго, Юанна Пармскаго, и рассказалъ на очень картинномъ латинскомъ языкѣ великія политическія и религіозныя событія въ Италіи и на западѣ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Очень умѣлый и живой лѣтописецъ, онъ рельефно изображалъ и искусно характеризовалъ замѣчательные факты. Напримѣръ, весьма ловко онъ очертилъ личность Людовика Святаго, котораго встрѣтилъ въ 1248 году въ Сенсѣ на дорогѣ въ Палестину. Отправляясь въ крестовый походъ, король шелъ нѣшкомъ позади блестящей кавалькады рыцарей, «молясь и посящая бѣднхъ, скорѣе какъ монахъ, чѣмъ воинъ». «Онъ былъ», продолжаетъ Салимбене, «довольно высокаго роста; худощавый, иснигой, съ граціозной фигурой и ангельскимъ лицомъ». Лѣтописецъ проводилъ до Ровны державнаго паломника. Однажды утромъ онъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ бѣдную сельскую церковь, полъ которой былъ земляной. Изъ смиренія св. Людовикъ сѣлъ на

¹⁾ Hra Salimbene, par E. Gebhardt. Revue de l'art ancien et moderne. Septembre.

песокъ и сказалъ окружающимъ его монахамъ: «Venite ad me, patres dulcissimi, et audete verba mea». Салимбене также простъ и наивенъ, рисуя картины доманихъ нравовъ своей эпохи и Гебгардъ приводитъ въ своей статьѣ прелестный рассказъ, очевидно вдохновившій кисть живописца, изобразившаго ту часть «торжества смерти» въ Кампо Санто въ Пизѣ, которая называется «Conversatione» и представляетъ группу молодыхъ людей и женщинъ, забавляющихся музыкой въ тѣни кустовъ и не замѣчающихъ ничего, что дѣлается вокругъ нихъ. Въ 1229 г., находясь въ своемъ монастырѣ въ Пизѣ, Селимбене пошелъ однажды собирать пожертвованія по городу съ товарищемъ монахомъ. Переходя изъ дома въ домъ, они случайно вошли въ обширный дворъ, окруженный виноградной лозой, которая «располагала своей зеленой листвою и тѣнистой прохладой къ нѣгѣ». «Въ клѣткахъ видѣлись леопарды и другіе заморскіе звѣри, которыхъ мы съ удовольствіемъ разсматривали, — продолжаетъ Салимбене: — тамъ также было много молодыхъ людей и дѣвушекъ одного возраста; благодаря красотѣ ихъ одежды и граціозности фигуръ, они представляли очень привлекательное зрѣлище. Въ рукахъ у нихъ были гитары, виолы и другіе музыкальные инструменты, на которыхъ они играли нѣжные мотивы, сопровождаемые соответствующими жестами. Не было при этомъ ни малѣйшаго безпорядка; никто не говорилъ, а всѣ слушали безмолвно. Пѣніе отличалось рѣдкой красотой какъ по словамъ, такъ по разнообразію голосовъ и сладости мелодій, такъ что, слушая ихъ, мы чувствовали, что наше сердце уносится небесной радостью. Они намъ ничего не сказали, и мы также не проронили ни слова. Пока мы тамъ оставались, они не прерывали музыки и пѣнія; а намъ было такъ приятно слушать ихъ, что мы съ трудомъ ушли. Какъ мы попали на такое плѣнительное зрѣлище, не знаю, но мы никогда ничего не видывали подобнаго ни прежде, ни послѣ».

— Четырехсотлѣтняя годовщина Савонаролы. 23-го мая минуло ровно четыре столѣтія казни знаменитаго флорентинскаго монаха, и къ удивленію она прошла незамѣченною на родинѣ этого пламеннаго религіознаго и общественнаго реформатора XV вѣка. Въ августовской книжкѣ норвежскаго журнала «Klingsjaa» докторъ Густавъ Бангъ ¹⁾ посвящаетъ нѣсколько красно-рѣчныхъ страницъ этому пропущенному безъ вниманія юбилею человека, который своими зажигательными проповѣдями и грозными предсказаніями сдѣлался на время, хотя очень короткое, кумиромъ и нравственнымъ руководителемъ веселой, развратной Флоренціи его времени. Маскарадные костюмы, драгоценные уборы, игральныя кости, картины и всевозможные предметы роскоши сносились массаи на торговую площадь и предавались огню. Цѣлые три года суровый проповѣдникъ и патриотъ держалъ флорентійцевъ подъ своимъ всепоглощающимъ вліяніемъ. Купцы отдавали свой незаконный барышъ, а пѣніе исалмовъ, чтеніе библіи и раздача милостыни замѣнили пьянство, веселье, развратъ. Флоренція сдѣлалась республикой подъ управленіемъ этого мистическаго аскета. Одинъ Христосъ признавался царемъ, а родъ Медичи былъ упраздненъ. Пламенный апостоль, дерзнувшій громить даже папу, былъ безграничнымъ диктаторомъ. Но векоръ энтузіазмъ охладѣлъ, и флорентійцы

¹⁾ Savonarola, G. Bang—Klingsjaa, august.

отвернулись от суроваго брата Джероламо, ненависть къ нему замѣнила прежній культъ, и въ ихъ сердцахъ проснулась жизнерадостная сила, которую не могли окончательно заглушить аскетизмъ. Имъ надоѣло посыпать голову пшелоу и бить себя въ грудь. Въпная толпа осадила обитель св. Марка, настоятелемъ которой былъ Савонарола, и предала своего недавшаго кумира суду церкви, которая радостно подвергла его пыткамъ и, наконецъ, сожгла, какъ еретика на костръ 23 мая 1498 г.

— Новая сокровища итальянскихъ архивовъ по исторіи Англій. Недавно вышелъ новый томъ, изданный подъ редакціей Гораціо Брауна, «государственныхъ бумагъ, касающихся до англійскихъ дѣлъ въ венеціанскихъ архивахъ и другихъ бібліотекахъ сѣверной Италіи» ¹⁾. Онъ обнимаетъ эпоху отъ января 1592 года до смерти Елисаветы, и помѣщенные документы преимущественно касаются отношеній Англій къ Испаніи, Франціи и Голландіи. Значительная часть ихъ имѣетъ предметомъ несчастныя экспедиціи Дрэка въ Востъ-Индію и Есіека въ Испанію, а также политику короля Филиппа II. Одной изъ жемчужинъ этой коллекціи драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ является характеристика Филиппа, сдѣланная въ депешѣ Фравческо Соранцо, венеціанскаго посланника въ Ескуріалѣ. «Это былъ государь,—говоритъ онъ,—который сражался золотомъ, а не сталью, мозгами, а не оружіемъ. Онъ болѣе пріобрѣлъ сидя, спокойно, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, чѣмъ его отецъ вооруженіями и войной. Глубоко религиозный, онъ любилъ миръ и спокойствіе; одинаково выказывалъ хладнокровіе въ успѣхъ и неудачѣ, наконецъ въ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о вѣденіи войны, или поддержкѣ междоусобій въ Франціи, онъ не жалѣлъ денегъ и бросалъ золото не считая. Но въ мелкихъ дѣлахъ, въ придворныхъ расходахъ, подаркахъ и наградахъ, онъ обнаруживалъ скупость, не соответствовавшую его положенію». Новый свѣтъ проливается этими документами на экспедицію Филиппа въ Ирландію и на дѣйствія англійскихъ корсаровъ въ Средиземномъ морѣ и у береговъ обѣихъ Индій. Между прочимъ мы находимъ такое свидѣтельство современника: «добыча, пріобрѣтенная лордомъ Кумберландомъ, не была такъ велика, какъ сначала предполагалось. Экспедиція принесла мало пользы. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ Порторико десять дней, но не имѣя приказаній королевы и не обладая средствами къ дальнѣйшему сохраненію острова, онъ вынужденъ былъ покинуть его и вернуться въ Англію, послѣ своихъ корсарскихъ подвиговъ». Еще въ высшей степени интересны подробности о дворѣ турецкаго султана.

— Основатель Квебека. 15-го сентября открыли съ большимъ торжествомъ въ Квебекѣ памятникъ французцу, Самюелю Шамплену, который основалъ эту столицу англійской Канады во времена Ришелье. Вообще понятно, что пріяхный историкъ той эпохи французской исторіи, Ганото посвятилъ небольшую, но блестящую статью этому невѣдомому французскому герою XVII вѣка въ «Figaro» ²⁾. Самюель Шампленъ родился въ Бруажѣ, былъ шкиперомъ, хо-

¹⁾ State papers relating to english affairs, existing in the archives of Venice. Edited by H. Brawn. London. 1898.

²⁾ Samuel Champlain, par G. Hanotaux. «Figaro». 31 august, 1898.

диль въ отдаленныя моря и написалъ руководство для моряковъ подъ заглавіемъ «Трактатъ о морскомъ дѣлѣ и о хорошемъ морякѣ». На колоніальное поприще, онъ вступилъ подъ покровительство маркизы де-Гершвилъ, придворной дамы Маріи Медичи, которая вывела въ люди Ришелье. Она не только была красавица, но также что тогда составляло рѣдкость, добродѣтельная, что доказываетъ ся знаменитый отвѣтъ Генриху IV: «Государь, я не довольно высококаго происхожденія, чтобъ быть вашей женой, но слишкомъ хорошей семьи, чтобъ быть чѣмъ-то другимъ», однако, принимала участіе въ коммерческихъ дѣлахъ и въ распространеніи по всему свѣту славы Франціи и католической религіи. Съ этой тройной цѣлью: коммерческой, политической и религіозной, она собрала капиталъ для основанія въ 1610 г. перваго общества колонизаціи Канады. Шампленъ, уже бывавшій нѣсколько разъ въ Сѣверной Америкѣ, поступись на службу этой компаніи, которая поддерживала миссіонеровъ и вела мѣховую и рыбную торговлю. Въ одной изъ прежнихъ своихъ экспедицій онъ напалъ на мѣстность, гдѣ должна была сосредоточиться дѣятельность новой колоніи. Поднявшись по рѣкѣ св. Лаврентія и пройдя мимо порта Тадусакъ, гдѣ до тѣхъ поръ производился торгъ мѣхомъ, Шампленъ остановился въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣка суживается. «Найдя самое узкое мѣсто рѣки, — говоритъ онъ самъ, — называемое туземцами Квебекъ, я выстроилъ тамъ жилище, устроилъ садъ и вспахалъ поля». Вотъ скромное начало будущей столицы Канады и того цвѣтущаго, большого англійскаго города, который теперь поставилъ статую своему французскому основателю. Его жизнь въ новой колоніи была интереснымъ романомъ приключеній, и онъ самъ очень любознательно рассказываетъ его въ книгѣ, посвященной Ришелье. Руководясь однимъ инстинктомъ, онъ странствовалъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, находя особое удовольствіе жить среди первобытной природы и дикихъ племенъ. Онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ св. Лаврентія, перебрался черезъ водопадъ и выбралъ мѣста для будущихъ городовъ: Монреала и Оттавы. На пути онъ наткнулся на два озера: это Онтарио и Гюронъ. Немного южнѣе, онъ открываетъ третье озеро, которому даетъ свое имя. Но сѣверъ его болѣе привлекаетъ, какъ страна мѣховъ и эскимосовъ, а главное его манитъ туда увѣренность, что, идя все впередъ, онъ, наконецъ, дойдетъ до моря. Но за недостаткомъ средствъ ему пришлось остановиться, когда онъ уже былъ недалеко отъ Гудзонова залива. Несмотря на эту неудачу, онъ ясно поставилъ цѣлью своихъ странствій соединеніе морскимъ путемъ Европы съ Китаемъ и Индіей. Еще другая мечта, болѣе грандіозная, составляла предметъ всѣхъ его стремленій. Онъ предвидѣлъ великую будущность, которая ожидала тогда никѣмъ не занятыя пространства теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, и хотѣлъ соединить въ одну великую колоніальную имперію всѣ земли, лежащія между сѣверными французскими колоніями въ Канадѣ и южными — въ Луизианѣ. «Необходимо, — говоритъ онъ на первой страницѣ своей книги: — чтобъ въ царствованіе Людовика Справедливаго Франція увеличилась и расширилась пріобрѣтеніемъ страны, имѣющей въ длину 1.600 миль, а въ ширину 500 миль, и то на континентѣ, который не оставляетъ ничего желать лучшаго, какъ по плодородію земли, такъ и по той пользѣ, какую

можно извлечь изъ нея для торговли и личнаго благоденствія». Этотъ планъ созданія французской Америки былъ цѣлью всей его жизни, и двадцать разъ онъ переплывалъ Атлантическій океанъ туда и назадъ въ своемъ маленькомъ галіотѣ въ 15 тоннъ, обращался въ Парижѣ ко всемъ сильнымъ міра и ходатайствовалъ передъ Ришелье за созданную имъ колонію. Но могущественный министръ былъ занятъ внутренними смутами и до такой степени обращалъ мало вниманія на Новый Свѣтъ, что даже уступилъ Англии въ 1629 году Новую Францію, которая вся погибла бы для метрополи, еслибъ Шамплену не удалось лично отстоять Канаду, которая возвращена Франціи. Съ тѣхъ поръ эта колонія подъ управленіемъ такого энергичнаго челоѵка, какъ Шамплень, и подъ покровительствомъ Ришелье, чего онъ, наконецъ, сумѣлъ добиться, начала быстро развиваться, и когда Шамплень умеръ въ 1635 году, то она находилась въ цвѣтущемъ состояніи, хотя ей суждено было достигнуть того великаго значенія, которое предвидѣлъ основатель Квебека, въ рукахъ не его соотечественниковъ, а болѣе предприимчивыхъ и стойкихъ колонизаторовъ англичанъ.

— Голландія въ XVII вѣкѣ. Недавно вышедшая книга Ваддингтона: «Республика Соединенныхъ Голландскихъ провинцій, Франція и Испанскіе Нидерланды отъ 1630 до 1650»¹⁾, освѣщаетъ новымъ свѣтомъ мало извѣстную эпоху исторіи Голландіи. Это тѣмъ болѣе желательное пополненіе пробѣловъ исторической литературы, что существуютъ прекрасные труды по исторіи освобожденія Голландіи отъ Испанскаго владычества и ея процвѣтанія при Іоаннѣ ванъ-Виттѣ. Посвятивъ свои два тома времени штатгальтерства Фридриха, — Генриха и Вильгельма II, Ваддингтонъ точно опредѣлилъ поставленную себѣ задачу: «Какъ и почему Голландія осталась республикой, несмотря на всѣ притязанія къ верховной власти Оранскаго дома, говоритъ онъ, — какъ Франція, сначала помогавшая Голландіи, стала союзницею Испаніи, и какъ испанскіе Нидерланды, угрожаемые съ двухъ сторонъ, сдѣлались необходимымъ для Голландіи буферомъ?» Вотъ три вопроса, сосредоточивающіе вокругъ себя всю исторію Голландіи во второй четверти XVII вѣка до Мюнстерскаго трактата и бурныхъ событій 1649—1650 гг. Ихъ тѣсная связь проявляется сама собой: война постоянно увеличиваетъ силу Оранскаго дома; Франція побуждаетъ Фридриха-Генриха и Вильгельма II сдѣлаться неограниченными государями, а съ другой стороны боязнь монархическаго переворота подъ покровительствомъ Франціи заставляетъ республиканскую партію въ Голландіи искать помощи Испаніи; побѣды Людовика спасаютъ испанскіе Нидерланды, но вселяютъ такой страхъ въ соседней республикѣ, что она начинаетъ считать существованіе между обѣими странами буфера столь необходимымъ, что если бы его не существовало, то его надо было бы создать. Исполняя съ замѣчательнымъ успѣхомъ эту программу, Ваддингтонъ тонко анализируетъ конституцію Голландіи въ эту переходную эпоху, когда единство было только видимое и государство отвлеченной идеей.

¹⁾ La republique des Provinces Unies, la France et les Pays Bas Espagnols de 1620 à 1650, par R. Waddington. Lion. 1898, 2 vol.

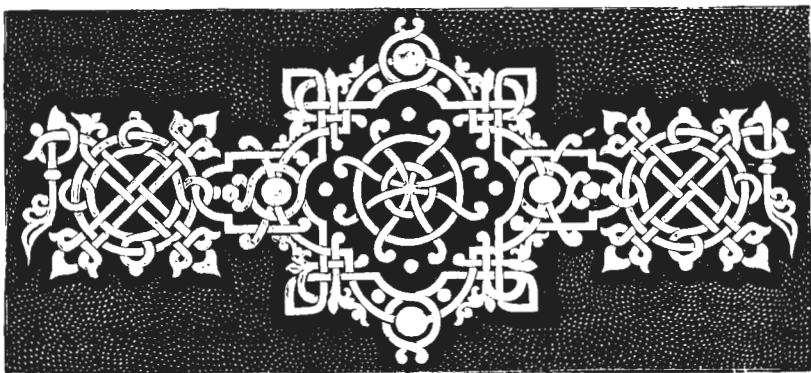
генеральные штаты были, по выраженію Дидеро, только «собраніемъ представителей государей». Къ тому же, эти представители не имѣли опредѣленнаго полномочія, а по большинству вопросовъ отсрочивали подачу голоса до разрѣшенія своихъ господъ, а эти господа были провинціальныя штаты или скорѣе регенты, именитые главы буржуазіи, почти наслѣдственно управлявшіе городами. Трудно разобраться въ этой сложной системѣ и строго опредѣлить исполнительную власть голландской республики, хотя она при случаѣ дѣйствовала съ необыкновенной энергіей. Эта исполнительная власть составляла ставку, изъ-за обладанія которой постоянно боролись генеральные штаты, государственный совѣтъ, буржуазный глава Голландіи и штатгальтеръ. Этотъ послѣдній былъ самымъ своеобразнымъ изъ президентовъ республикъ. Онъ представлялся единымъ и многолицымъ. Въ сущности, штатгальтерство—это провинціальная должность, и столько было штатгальтеровъ, сколько провинцій. Но обыкновенно четыре или пять, даже шесть провинцій выбирали одного штатгальтера. Тогда являлся въ странѣ одинъ штатгальтеръ и въ лицѣ представителя Оранскаго дома, а такъ какъ принцы этого дома отличались энергіей, то, естественно, возникала борьба между привинціальнымъ партикуляризмомъ и династіей могущественныхъ штатгальтеровъ. Между двумя конечными столбами этой династіи, хорошо извѣстными историческими фигурами Вильгельма Молчаливаго и Вильгельма III, былъ рядъ мало знакомыхъ общему читателю личностей Морица, Фридриха, Генриха и Вильгельма II, характеристики которыхъ очень рельефно рисуетъ Ваддингтонъ. Первый былъ храбрымъ полководцемъ и веселымъ холостякомъ, проводившмъ всю свою жизнь на полѣ брани и въ средѣ красивыхъ женщинъ, или за кружкой пива въ шумныхъ кермесахъ, что, однако, не помѣшало ему быть героемъ мрачной фанатической драмы, окончившейся казнью Барневельда. Фридрихъ-Генрихъ, сынъ французки Луизы Колинъи, отличался любезностью и приятными манерами, снискивавшими ему общее расположеніе и прокладывавшими ему дорогу къ верховной власти, вмѣстѣ съ принятымъ имъ титуломъ высочества. Сынъ его, Вильгельмъ II, обнаруживалъ еще большія притязанія на верховную власть, но его государственный переворотъ не удался, и Оранскому дому пришлось ждать двадцать лѣтъ, чтобъ возстановить снова при Вильгельмѣ III свое значеніе.

— Гейдельбергское пугалѣ. Викторъ Гюго въ своей книгѣ «Le Rhin» рассказываетъ, что въ Гейдельбергѣ онъ слышалъ часто имя Меллака, приносимое съ негодованіемъ, что оно служило пугаломъ для дѣтей, что злая собака обыкновенно носила эту кличку. Кто же былъ этотъ Меллакъ? Не существуетъ его біографіи, и только Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ упоминаетъ вскользь о немъ, какъ о своемъ родственникѣ и героѣ войны съ Германіей, гдѣ онъ наводилъ страхъ своею жестокостью. Довольно полную характеристику представляетъ теперь Поль Боннефонъ въ «Revue Bleue» ¹⁾ этого звѣрскаго рубака XVII вѣка, изъ котораго нѣмецкія легенды сдѣлали фантастическое пугало на томъ основаніи, что Меллакъ, какъ одинъ изъ генераловъ

¹⁾ Mellac et l'incendie du Palatinat, par P. Bonnefon. Revue Bleue, 30 juillet.

Тюрена, являясь исполнителемъ его приказаній на счетъ ужаснаго опустошенія Палатината, естественно несъ на себѣ отвѣтственность за совершенныя неистовства. Принадлежа къ буржуазной семьѣ Жиронды, Меллакъ родился въ 1620 году и очень рано поступилъ на военную службу въ отрядъ Шомберга, дѣйствовавшій въ Португаліи. Оттуда онъ перешелъ во Фландрію и отличился при Мастрихтѣ на глазахъ Людовика XIV. Съ этихъ поръ онъ сталъ славиться своей распорядительностью и жестокостью. Когда надо было навести ужасъ на жителей, сжечь и ограбить деревню или собрать большую контрибуцію—дѣло поручалось Меллаку, и онъ исполнялъ эти порученія, какъ никто. Вотъ какъ онъ самъ доносилъ о подобной экспедиціи. «Деревня была совершенно ограблена и сожжена; мы начали поджигать съ одного конца и дошли до другаго. Надѣюсь, что я исполнилъ точно данныя мнѣ приказанія». Но главнымъ театромъ его звѣрскихъ подвиговъ былъ Палатинатъ и Гейдельбергъ; при этомъ онъ только строго исполнялъ приказанія своего начальника Тюрена и полагалъ, что иначе нельзя было вести войну, а потому считалъ себя патриотомъ, добросовѣстно исполнявшимъ свой долгъ. Мангеймъ, Вормсъ, Спиръ, Франкенталь и въ особенности Гейдельбергъ испытали его тяжелую руку. Послѣдній городъ находился въ рукахъ французовъ и Меллаку было приказано держаться въ немъ до крайности. Онъ исполнилъ это порученіе, какъ храбрый воинъ, но когда явилась невозможность долѣе тамъ оставаться, онъ, прежде чѣмъ покинуть городъ, взорвалъ на воздухъ цитадель и стѣны, а дома всѣ сжегъ. Когда Гейдельбергъ отстроился, то онъ вторично овладѣлъ имъ и вторично сжегъ его при отступленіи. При этихъ систематическихъ поджогахъ, конечно, царилъ огульный грабежъ, а слѣдовательно, не трудно понять, почему до нашего времени сохранился страхъ имени Меллака въ Гейдельбергѣ. Но онъ также поступалъ вездѣ, поджигая и грабя Палатинатъ безъ всякаго сожалѣнія. Онъ даже предложилъ герцогу Шуазелю цѣлый планъ уничтоженія всѣхъ городовъ по Рейну, Маасу, Одеру и другимъ рѣкамъ посредствомъ брандеровъ. Этотъ планъ, по счастью для нѣмцевъ, не былъ принятъ, но и того, что совершилъ Меллакъ въ Германіи, было достаточно для обращенія его имени въ страшное пугало. Подобными дѣйствіями французы разжигали въ нѣмецкихъ сердцахъ ту вѣковую ненависть, которая, наконецъ, нашла себѣ исходъ въ кампаніи 1870—1871 года. Что же касается до желзнаго героя XVII столѣтія, то онъ умеръ въ Парижѣ въ 1704 году еще бодрымъ старикомъ и довольно странною смертью. Вернувшись домой послѣ прогулки верхомъ, онъ вдругъ закричалъ безъ всякой причины: «карауль, грабятъ!» и упалъ на землю мертвымъ во дворѣ своего дома.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова.

РОШУ дать мѣсто на страницахъ «Историческаго Вѣстника» настоящей замѣткѣ, безынтeресной, можетъ быть, для лицъ, почитающихъ память великаго нашего поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Въ селѣцѣ «Кропотова» (Тульской губ., Ефремовскаго уѣзда), бывшемъ постояннымъ жительствою отца и родныхъ тегокъ поэта, по наслѣдству доставшемся родной моей матери — двоюродной сестрѣ Михаила Юрьевича, въ которомъ и онъ часто бывалъ, пріѣзжая на свиданія съ отцомъ, — хранились пор-

треты прадѣда, дѣда, отца и матери его, а также нѣкоторые документы. Портреты переданы сестрою моею музею имени поэта, при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, а документы находятся у меня, и изъ нихъ особаго вниманія заслуживаютъ два:

1) Духовное завѣщаніе тетки поэта Елены Петровны Віолевой, урожденной Лермонтовой, которымъ наслѣдственное право на изданіе сочиненій она передала моей матери.

Это завѣщаніе категорически опровергаетъ «легенду» о томъ, что поэтъ, отправляясь въ ссылку на Кавказъ, будто бы, находясь въ критическихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, продалъ право на изданіе всѣхъ его сочиненій Глазунову на вѣчныя времена и проч. Въ документѣ ясно указано, что право

это было дано «почетн. гражд. Ивану Ильичу Глазунову» не поэтомъ, а послѣ смерти его наслѣдницею Віолевою по «нотаріальному договору отъ 1-го іюля 1835 года» и то лишь на четыре изданія; пятое же — оставалось за нею, и право на него и дальнѣйшія она завѣщала своей матери, Аннѣ Антоновнѣ Цехановской, урожденной Пожогоиной-Отрашкевичъ, родной своей племянницѣ.

2) Духовное завѣщаніе Юрія Петровича Лермонтова (отца) сыну-поэту, — глубоко прочувствованное отеческое наставленіе, изложенное для того времени прекраснымъ языкомъ. Это — посмертное благословеніе сыну отца, истаго христианина, не помнящаго зла.

Оно, отчасти, проливаетъ свѣтъ на отношенія завѣщателя къ матери его жены — Маріи Михайловнѣ, урожденной Арсеньевой, къ бабушкѣ поэта, воспитавшей его.

Сельцо Кропотово было пріобрѣтено дѣдомъ поэта, Петромъ Юрьевичемъ, въ обмѣнъ на село Измайлово, Костромской губ., считавшееся съ незапамятныхъ временъ Лермонтовскимъ родовымъ. Въ семействѣ нашемъ сохранился старинный образъ Тихвинской Божіей Матери, на чеканной серебряной ризѣ котораго вырѣзано: «Села Измайлова Юрія Петровича Лермонтова» (прадѣда поэта, сибирскаго воеводы). Въ этомъ Кропотовѣ еще живы бывшіе дворовые люди, хорошо помнящіе поэта, отца и мать его. По ихъ рассказамъ, поэтъ былъ рѣзвый, шаловливый мальчикъ, крѣпко любившій отца и всегда горько плакавшій при отъѣздѣ обратно къ бабушкѣ. У отца съ сыномъ, уже офицеромъ, существовали особые отношенія: это были истинные друзья, въ самомъ сильномъ значеніи этого слова. Многіе помнятъ поэта въ послѣдній его пріѣздъ проститься съ отцомъ, при отъѣздѣ на Кавказъ.

Вотъ эти два завѣщанія дословно:

I.

Во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Я, ниже подпсавшаяся, надворная совѣтница Елена Петрова Віолева, урожденная Лермонтова, будучи въ полномъ умѣ и совершенной памяти, заблагоразсудила учинить сіе духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: «послѣ смерти» покойнаго племянника моего, поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, состою я единственною наслѣдницею на изданіе сочиненій его и это право передаю для напечатанія полнаго собранія почетному гражданину Ивану Ильичу Глазунову, по условію, сдѣланному 1835 г. іюля 1-го дня, явленному у публичнаго нотаріуса Егора Попова, въ которомъ условіи именно сказано: «пятое изданіе полнаго собранія сочиненій Лермонтова самой ли мною или по продажѣ другому, не раньше, должно быть, какъ по истеченіи назначеннаго срока въ томъ условіи, впрочемъ, при остаткѣ у него, Глазунова, налицо четырехсотъ экземпляровъ, я, Віолева, имѣю право и до истеченія срока приступить къ новому изданію или продать другому безъ всякаго, со стороны Глазунова, спора.

Вслѣдствіе сего я заблагоразсудила вышеозначенное сочиненіе Лермонтова, т. е. право на него, со всеми предположеніями, изъясненными въ упомянутомъ условіи, безъ измѣненія оныхъ, предоставить, по смерти моей, въ полное и

единственное распоряженіе родной своей племянницѣ, штабсъ-капитаншѣ Аннѣ Антоновнѣ Цехановской, на весь срокъ оставшагося срочнаго времени, назначеннаго въ упомянутомъ условіи. Февраля 17-го дня 1856 года. Сіе духовное завѣщаніе писано въ полномъ умѣ и совершенной памяти самою завѣщательницею, надворною совѣтницею Еленою Петровою Віолевою, урожденной Лермонтовою.

Что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно учинено надворною совѣтницею Еленою Петровою Віолевою, урожденной Лермонтовою, въ твердомъ умѣ и совершенной памяти и писано собственною ея рукою, въ томъ удостовѣряю, отецъ ея духовный, Вознесенской, что на Царицыной улицѣ, церкви, священникъ Петръ Евилловъ Соколовъ. Далѣе, подписи свидѣтелей: 1) Титулярный совѣтникъ Петръ Егоровъ... (фамилія неразборчива), и 2) Губернск. секр. Александръ Семеновичъ Левашовъ.

II.

Во Имя Бога Отца, Сына и Св. Духа. Аминь.

По благости Милосердаго Бога, находясь въ совершенномъ здравіи души и тѣла, нашель я за нужное написать сіе мое родительское наставленіе и, вмѣстѣ, завѣщаніе тебѣ, дражайшій сынъ мой Михаилъ, и, какъ наслѣднику небольшого моего имущества, объявить мою непремѣнную волю, которую выполнить въ точности прошу и заклинаю тебя, какъ отецъ и христіанинъ, будучи твердо увѣренъ, что за невыполненіе оной ты будешь судиться со мною предъ лицомъ Праведнаго Бога.

Итакъ, благословляю тебя, любезнѣйшій сынъ мой, Именемъ Господа нашего Іисуса Христа, Котораго молю со всею тешлою вѣрою нѣжнаго отца, да будетъ Онъ милосердъ къ тебѣ, да осѣнитъ тебя Духомъ Своимъ Святымъ и наставитъ тебя на путь правый: шествуя имъ, ты найдешь возможное блаженство для человѣка. Хотя ты еще и въ юныхъ лѣтахъ, но я вижу, что ты одаренъ способностями ума, — не пренебрегай ими и всего болѣе страшись употреблять оныя на что либо вредное или бесполезное: это талантъ, въ которомъ ты долженъ будешь нѣкогда дать отчетъ Богу! Ты имѣешь, любезнѣйшій сынъ мой, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самою несправедливостію и неблагодарностію людей, ибо съ ожесточеніемъ ты самъ вступишь въ презираемые тобою пороки. Вѣрь, что истинная, нелицемѣрная любовь къ Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно.

Благодарю тебя, безцѣнный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ и нѣжное твое ко мнѣ вниманіе, которое я могъ замѣчать, хотя и лишенъ былъ утѣшенія жить вмѣстѣ съ тобою.

Тебѣ извѣстны причины моей съ тобою разлуки, и я увѣренъ, что ты за сіе укоряешь меня не станешь. Я хотѣлъ сохранить тебѣ состояніе, хотя съ самою чувствительнѣйшею для себя потерей, и Богъ вознаградилъ меня, ибо вижу, что я въ сердцѣ и уваженіи твоемъ ко мнѣ ничего не потерялъ.

Прошу тебя увѣрить свою бабушку, что я вполне отдавалъ ей справедливостъ во всѣхъ благоразумныхъ поступкахъ ея въ отношеніи твоего воспитанія.

ніа и образованія и, къ горести моей, долженъ былъ молчать, когда видѣлъ противное, дабы избѣжать неминуемаго неудовольствія.

Скажи ей, что несправедливости ея ко мнѣ я всегда чувствовалъ очень сильно и сожалѣлъ о ея заблужденіи, ибо, явно, она полагала видѣть во мнѣ своего врага, тогда какъ я былъ готовъ любить ее всѣмъ сердцемъ, какъ мать обожаемой мною женщины!.. Но Богъ да проститъ ей сіе заблужденіе, какъ я ей его прощаю!

Наконецъ, тебѣ, любезнѣйшій сынъ мой, извѣстно, какія нѣжныя узы родства и дружбы связывали меня съ моимъ семействомъ, и сколько сія дружба услаждала горестные дни моей жизни, и такъ за сію-то любовь и за сіи жертвы вправѣ я требовать отъ тебя, какъ преемника сердца и души моей, продлить и за гробомъ мою любовь и нѣжное о нихъ попеченіе, которыя я имѣлъ во всю жизнь мою. А потому, для законнаго и справедливаго дѣлежа, не раздѣленаго еще между мною и тремя сестрами моими, имѣнія, долгомъ почитаю объяснить тебѣ теперь твою волю, а именно: сельцо Любашевка (Кропотово тожъ) составляетъ все наше недвижимое имѣніе, въ коемъ считается по 7-й ревизіи 159 мужск. пола душъ; изъ числа сихъ душъ, по 4 мужск. пола дворовыхъ людей, отдѣлены еще покойной матерью моею каждой сестрѣ и числятся за ними по ревизіи, слѣдовательно, остается 147 душъ. Сіе число должно быть раздѣлено пополамъ между тобою, любезнѣйшій сынъ мой, и тремя сестрами моими Александрю, Натальею и Еленюю, которыя, между собою, раздѣляютъ по равной части; движимость, находящаяся въ домѣ, должна быть отдана тремъ упомянутымъ сестрамъ. Предоставить имъ право жить по смерти ихъ въ семь домѣ и быть опекунами, или попечительницами.

Имѣніе сіе заложено въ опекуномъ совѣтѣ, и потому долгъ ляжетъ на число доставшихся каждому душъ. Кромѣ сего, еще имѣется на мнѣ партикулярнаго долга три тысячи пятьсотъ рублей, а именно, капитаншѣ Дарьѣ Васильевнѣ Скерлетовой—двѣ тысячи рублей и надворной совѣтницѣ Демидовой—тысяча пятьсотъ рублей, которыя и прошу заплатить изъ имѣющихся двѣнадцати тысячъ рублей въ долгахъ по заемнымъ письмамъ, на господинѣ чиновникѣ 7-го класса Лукѣ Алексѣевичѣ Левшинѣ — пять тысячъ рублей, на тайной совѣтницѣ Авдотѣ Евгеньевнѣ Боборыкиной — пять тысячъ рублей и на двѣнадцати Екатеринѣ и Елизаветѣ Кошкиныхъ—двѣ тысячи рублей. (Зачеркнуто: инженеръ-капитаншѣ Маріи Васильевнѣ Боборыкиной шести тысячъ рублей). Изъ остальныхъ же, за уплатою моего долга восьми тысячъ пяти сотъ рублей, опредѣляю четыремъ сестрамъ моимъ, полагая въ томъ числѣ и замужнюю Авдотью Петровну Пожогину-Отрашкевичеву, каждой по двѣ тысячи рублей асигнаціями, а остальные (слово зачеркнуто) пять сотъ рублей, отпущенному на волю сестрою моею Александрю, малолѣтнему Александру по крестномъ отцѣ, Петрову.

Если же до смерти моей въ семь капиталъ произойдетъ убавокъ, то, оставя послѣдній пунктъ въ полторы тысячи въ своемъ видѣ, остальные деньги раздѣлить по равной части, между упомянутыми четырьмя моими сестрами, а сему младенцу Александру испрашиваю твоего покровительства.

Выполненіемъ въ точности сего завѣщанія моего, дражайшій сынъ мой, ты успокоишь духъ отца твоего, который, въ вѣчности, благословлять и молить за тебя у Престола Всевышняго будетъ.

Сего 1831 года генваря 28-го дня.

Отецъ твой Юрій Петровъ Лермонтовъ.

P. S. Поправка и вычеркъ сдѣланы собственною моею рукою, по случаю перемѣны въ капиталѣ.

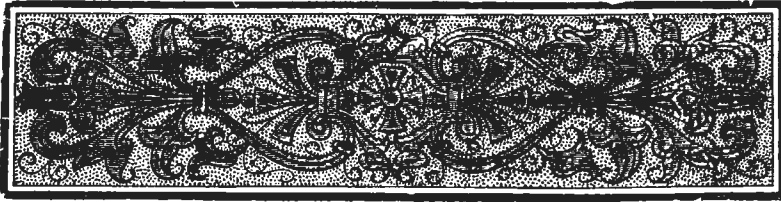
Сего іюня 29-го дня 1831 года.

Юрій Лермонтовъ.

Точность этихъ копій съ подлинными документами можетъ быть провѣрена во всякое время.

В. М. Цехановскій.

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА императору Александру II въ селѣ Бѣлый-Ключъ. Одновременно съ открытіемъ памятника императору Александру II въ Москвѣ, въ Симбирской губерніи, въ Корсунскомъ уѣздѣ, въ с. Бѣлый-Ключъ, 18-го августа, состоялось, открытіе памятника Царю-Освободителю, сооруженнаго мѣстнымъ населеніемъ въ знакъ признательности за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Исторія этого памятника такова. Почти вслѣдъ за изданіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, именно въ 1862 г., у крестьянъ Бѣло-Ключевской волости возникла мысль ознаменовать и увѣковѣчить память объ этомъ событіи открытіемъ памятника императору Александру II. Открытая подписка принесла 900 р. Но постройка памятника въ 1881 г. была задержана другимъ предложеніемъ, а именно—соорудить въ гор. Корсунѣ памятникъ-соборъ по поводу того же событія. Началась другая подписка, по которой было собрано 20.000 руб. Но такъ какъ этой суммы было недостаточно для скорѣйшей постройки собора, и дѣло обѣщало затянуться на долгое время, то крестьяне Бѣло-Ключевской волости рѣшили одни на собранныя ими средства (3.000 р.) соорудить памятникъ Царю-Освободителю, что и было ими исполнено въ скоромъ времени. По полученіи надлежащаго утвержденія проекта памятника, крестьянами былъ заказанъ въ Пензѣ чугунный монументъ Царю-Освободителю. Ко дню открытія, 18 августа, прибылъ изъ Симбирска пресвященнѣйшій епископъ Никандръ, который былъ торжественно встрѣченъ множествомъ народа, духовенствомъ, корсунскимъ предводителемъ дворянства, земскими начальниками и др. Утромъ, къ началу литургіи, прибылъ и. д. симбирскаго губернатора, вице-губернаторъ А. П. Наумовъ, встрѣченный мѣстными властями. Послѣ литургіи, изъ храма открылся торжественный крестный ходъ, который направился

къ покрытому монументу, усыпанному цвѣтами. Преосвященный Никандръ, взойдя на устроенный помостъ, обратился громкимъ голосомъ къ присутствовавшимъ съ рѣчью по поводу торжества. Затѣмъ начался молебенъ, послѣ котораго, вслѣдъ за возгласеніемъ многолѣтія благополучно царствующему императору Николаю Александровичу и всему царствующему дому, было возгласена «вѣчная память» Царю-Освободителю, въ Бозѣ почившему императору Александру II, при чемъ сдернуто покрывало съ памятника. Онъ представляеть Царя-Освободителя во весь ростъ на мраморномъ пьедесталѣ съ фужайкой въ рукахъ. На пьедесталѣ надпись: «Царю-Освободителю и Благодѣтелю Александру II—1818—1881 г.», а на верхней части пьедестала—годъ открытія памятника—1898. Картина была умилительная. Всѣ крестьяне со слезами на глазахъ произносили «вѣчная Тебѣ память, нашъ батюшка Царь!» Епископъ Никандръ отъ лица народа возносилъ молитвы ко Всевышнему. На памятникъ были возложены вѣнки. Затѣмъ послѣдовало многолѣтіе строителямъ памятника. Этимъ молебенъ закончился, и крестный ходъ при колокольномъ звонѣ возвратился въ храмъ. И. д. симбирскаго губернатора А. П. Наумовъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой, кратко сказавъ о настоящемъ событіи, остановился на мысли о тѣсномъ союзѣ между крестьянами и дворянствомъ, необходимомъ для общаго матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Присутствовавшимъ на торжествѣ гостямъ предложенъ былъ завтракъ, за которымъ были провозглашены тосты. По окончаніи завтрака, владыка съ и. д. губернатора и всѣми присутствовавшими ходили осматривать памятникъ въ подробностяхъ. Послѣдній стоитъ на открытомъ и самомъ возвышенномъ мѣстѣ, среди села, близъ церкви и утвержденъ на гранитномъ фундаментѣ. Народъ все время толпился около него, и происходили различныя повѣствованія о жизни въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Отъ лица преосвященнаго розданы были народу брошюры соответствующаго содержанія. Мысль о постройкѣ памятника-собора въ гор. Корсунѣ не оставлена. Предполагается ассигновать на соборъ 60.000 рублей.

Архивъ Московскаго дворянства. Московское депутатское собраніе едва ли не первое положило начало разборкѣ и приведенію въ порядокъ богатаго матеріала, скопившагося въ его архивахъ за время свыше ста лѣтъ (по 1885 годъ) и имѣющаго несомнѣнно научный интересъ. Уже около двухъ лѣтъ подъ руководствомъ приглашеннаго для этой цѣли проф. Н. Я. Грота архивъ депутатскаго собранія приводится въ порядокъ и систему. Въ настоящее время печатается уже подробная опись всего матеріала и, вѣроятно, съ осени архивъ сдѣлается доступнымъ для занятій. Всѣ дѣла его раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы, указывающіе на значеніе его матеріаловъ не только для исторіи и характеристики дворянства Московской губерніи: I) Выборы. Обряды и правила выборовъ; общіе и спеціальныя выборы и баллотировки предводителей, депутатовъ и проч. II) Предводители и депутаты. Утвержденіе и вступленіе въ должности, отпуски, командировки, увольненія и замѣщенія; спеціальная переписка, рапорты и представленія; указы изъ сената и губернскаго правленія и журналы собраній. III) Сношенія съ дворянствомъ. О государственныхъ учрежденіяхъ и уставахъ; объ учрежденіи ученыхъ Обществъ и

поступленіе въ нихъ; объ изданіи книгъ, журналовъ, газетъ и подписка на нихъ. IV) Чиновники. О выборахъ, утвержденіи, назначеніи и увольненіи чиновниковъ, о неопредѣленіи и злоупотребленіяхъ чиновниковъ; о службѣ выборныхъ отъ дворянства чиновниковъ. V) Собраніе депутатское. Объ опредѣленіи, службѣ и увольненіи служащихъ въ собраніи; общія и канцелярскія дѣла; хозяйственныя и денежныя дѣла и отчетность. VI) Празднества и церемоніи. Празднества, встрѣчи и проводы Высочайшихъ Особъ и поздравленія; о событіяхъ въ Императорскомъ Домѣ; встрѣчи иностранныхъ представителей и гостей. VII) Высочайшія благодарности, награды и пожалованія. VIII) Дворянство. О дворянскихъ доказательствахъ, достоинствѣ и свидѣтельствахъ разныхъ фамилій; о дворянскихъ грамотахъ, гербовникахъ и мундирахъ; списки дворянъ Московской губерніи. IX) Доходы. Дворянскіе и помѣщичьи; о доходахъ съ домовъ, городскихъ доходахъ и купеческихъ. X) Пожертвованія дворянства. На государственныя и патріотическія дѣла; на общественныя и благотворительныя дѣла. XI) Заботы о нуждахъ дворянства и служащихъ въ дворянствѣ. Объ учрежденіи учебныхъ заведеній и опредѣленіи въ нихъ дѣтей дворянъ; о пенсіяхъ, пособіяхъ и вспоможеніи бѣднымъ дворянамъ. XII) Опекѣ дворянскія и опекунскія дѣла. Общія дѣла, распоряженія и переписка по опекунскимъ дѣламъ; назначенія опеку надъ малолѣтними и наложенія опеку на имѣнія. XIII) Дѣла о дворянахъ. Тяжбы дворянъ между собою; о поведеніи отдѣльныхъ дворянъ, умопомѣшательство дворянъ. XIV) Крестьяне. Устройство быта; увольненіе въ свободныя хлѣбопашцы, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (здѣсь собраны дѣла о случаяхъ жестокаго обращенія съ крестьянами, о бунтахъ крестьянъ и т. п.). XV) Продовольствіе Москвы, губерніи и запасныя магазины; сельское хозяйство, урожай, посѣвы и различныя улучшенія. XVI) Повинности дворянства—государственныя, земскія и др. общія; исправленіе дорогъ, мостовъ и перевозовъ, устройство шоссе и желѣзныхъ дорогъ; содержаніе почтъ, почтовыхъ станцій и лошадей. XVII) Военная служба дворянъ. О военной службѣ и поведеніи отдѣльныхъ дворянъ на службѣ, награжденія за военныя отличія. XVIII) Войско, дѣла о постояхъ, укомплектованіи лошадьми и волами; поставка провіанта и фуража. XIX) Рекрутскіе наборы и ополченія. Рекрутскіе наборы, общее дѣлопроизводство, списки, протоколы и журналы; рекрутскіе наборы, спеціальное производство о недоборѣ складочныхъ денегъ, врачейъ и проч.; ополченія, ратники и милиція. XX) Военныя дѣла разныя. Объ отдѣльныхъ войнахъ и рекрутскихъ квитанціяхъ; о судьбѣ пострадавшихъ на войнѣ.

Художественная выставка въ Ломжѣ. 29-го августа открыта въ первый разъ въ Ломжѣ художественная выставка. Выставку эту нельзя ставить на ряду съ подобными предпріятіями въ большихъ городахъ и постоянными галереями произведеній большой артистической цѣны, посѣщаемыми въ краѣ или же за границей многими изъ зажиточныхъ людей; для большинства жителей Ломжи и окрестностей она является практическою школою развитія эстетическихъ чувствъ и чувства красоты. Кромѣ такой нравственной цѣли, имѣется также въ виду, доходомъ отъ выставки, увеличить далеко недостаточныя средства мѣстнаго благотворительнаго общества. Учредители выставки, составивъ изъ

себя комитетъ для наблюденія за цѣлостью предназначенныхъ для нея предметовъ, обратились съ просьбою ко всѣмъ владѣльцамъ историко-археологическихкихъ и художественныхъ собраний прислать ихъ на выставку. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ откликнулись очень многіе, и въ залахъ «Пріота старцевъ и калѣкъ», гдѣ помѣстилась выставка, въ настоящее время собраны многія цѣнныя произведенія науки и искусства. Отмѣтимъ наиболѣе выдающіяся изъ нихъ. По живописи: картины—П. К. Айвазовскаго, Фанъ-деръ-Верфа († 1722) Рибера (1588—1659), Тевьера мл. († 1685), Ф. Цинка, Я. Суходольскаго, Зимлера, профессора В. Герсона, Дукшта-Дукшинской († 1897) Лампи (1751—1830), Ф. Жмурко и др., рисунки Бачіарелли (1731—1818), Орловскаго (1777—1832), Каневскаго (1809—1869), Яна Матейко († 1893), Артура Гротгера († 1868), Брандта, Герсона и Ф. Костржевскаго; гравюры и эстампы: Чемесова († 1765), ак. Л. А. Сѣрякова († 1881), профессора П. П. Пожалостина и др. По библиографіи: нѣсколько цѣнныхъ изданій изъ бібліотеки Г. А. Воробьева («Ethimolog. libri XX» Псидора Иеналійскаго, ed. 1472 г., «De occulta philosophia» Г.—К. Агриппы, 1533, Hist. delle vite de somni pontefici)—В. Платины 1608, коллекція эльзевировъ и др.), молитвенникъ королевы Маріи-Людвиги, собраніе древнихъ географическихкихъ картъ и изданій XVII ст. (г. Цаберга), разные документы, съ автографами коронованныхъ особъ и государственныхъ людей: Стефана Баторія, Владислава IV, Яна-Казимира, Станислава-Августа Понятовскаго, Наполеона I, Андрея Замойскаго, собственноручныя письма королевы Маріи-Казиміры и короля Станислава-Августа. По археологіи: значительная часть коллекціи ископаемыхъ предметовъ каменнаго вѣка извѣстнаго археолога Ф. К. Тарчинскаго изъ Плоцка, богатая коллекція такихъ же предметовъ гр. де-Флери, каменные ядра, найденныя на днѣ Нарева въ предѣлахъ Ломжинской губерніи, С. Глогера; нумизматическія собранія Соколовскаго (монеты польскія съ 980 г. по 1775 г.), Рудскаго (тоже XVIII—XIX ст.), К. Вашкевича и Ф. Тушовскаго, сорокъ снимковъ съ разныхъ историческихкихъ памятниковъ плоцкомазовецкой земли (козелы, замки, синагоги, утварь и въ томъ числѣ оттискъ печати города Плоцка 1781 г.), доставленныхъ Г. А. Воробьевымъ; древняя икона Божіей Матери, найденная кородемъ Яномъ III подъ Вѣною, съ автографомъ на оборотѣ королевы Маріи-Казиміры (собств. кн. М. Радзивиллъ), крестъ изъ слоновой кости XVI ст. (его же); старинныя,—мебель (кресла короля Яна Собѣскаго), одежды костюмъ одной изъ фрейлинъ королевскаго двора, въ которомъ она присутствовала при коронаціи Станислава-Августа, слуцкіе пояса, вѣра и утварь (часы, канделябры, столовые и чайныя сервизы северскаго, саксонскаго, китайскаго и японскаго фарфора), предметы древняго вооруженія (палаши, пишаки, племы, булавы). Въ заключеніе нельзя не упомянуть о картинахъ—пейзажахъ, вышитыхъ шелкомъ,—изъ галлерей гр. Враницкихъ, составляющихъ нынѣ собственность гг. Старжинскаго и Э. Ковальскаго, и о художественныхъ работахъ (рисунки на деревѣ посредствомъ выжиганія, живопись на атласѣ, фигуры изъ воска) г-жи Божемяновой.

† **М. Г. Черняевъ.** 4-го августа скоропостижно скончался въ своемъ родовомъ имѣніи Тубышки, Могилевскаго уѣзда, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1898 г., т. LXXIV.

26

Покойный родился 22 октября 1828 года. Родители его были небогатые помѣщики Могилевской губерніи; они дали своему сыну строгое религіозно-нравственное воспитаніе. Двѣнадцати лѣтъ М. Г. Черняевъ былъ опредѣленъ въ Дворянскій полкъ, въ которомъ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ, и 14 августа 1847 года вступилъ на службу прапорщикомъ, въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, но въ скорѣе пожелалъ продолжать свое образованіе въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. По окончаніи курса въ 1853 году, Черняевъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ назначенъ на должность дивизионнаго квартирмейстера 11-й пѣхотной дивизіи. Въ это время онъ принялъ участіе въ Крымской кампаніи въ составѣ Севастопольскаго гарнизона. По окончаніи войны М. Г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи; но онъ искалъ болѣе активной дѣятельности и въ 1857 году былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ въ распоряженіе оренбургскаго генераль-губернатора Катенина, при начальникѣ Степной линіи Данзасѣ, что позволило ему познакомиться съ нынѣшнимъ Туркестанскимъ краемъ еще въ 50-хъ годахъ. Въ 1858 году, онъ командовалъ русскимъ отрядомъ, посланнымъ для поддержки жителей Кунграда, возставшихъ противъ Хивинскаго хана. Въ 1859 году, онъ вернулся въ Петербургъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ назначенъ былъ состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи. Затѣмъ черезъ годъ онъ былъ назначенъ обер-квартирмейстеромъ войскъ Терской области при графѣ Евдокимовѣ. Покойный постоянно находился въ дѣлахъ съ горцами и обстоятельно ознакомился съ пріемами веденія партизанской войны. Въ 1862 году, онъ опять вернулся въ Оренбургскій край, гдѣ ему пришлось исполнять должность начальника штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Покойный не сошелся съ генераль-губернаторомъ Безакомъ по вопросу объ управленіи башкирами и возвратился въ Петербургъ. Здѣсь ему было предложено состоять для особыхъ порученій при главномъ управленіи генеральнаго штаба. Не задолго предъ этимъ генераль Н. П. Игнатьевъ, управлявшій тогда азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Англіей, возбудилъ вопросъ о необходимости произвести диверсію къ Индіи. Составленіе проекта было поручено М. Г. Черняеву, но самый проектъ не былъ осуществленъ. Тѣмъ не менѣе пріѣздъ въ Петербургъ оказался для него ксатати. Въ это время другой проектъ о соединеніи Оренбургской и Сибирской стениныхъ линій между собою занятіемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ уже утвержденъ. М. Г. Черняеву было поручено командованіе Западно-Сибирскимъ отрядомъ, чему много способствовалъ Н. П. Игнатьевъ, имѣвшій возможность оцѣнить способности молодого полковника. Въ 1864 году, М. Г. Черняевъ отправился въ Вѣрное, гдѣ долженъ былъ формировать отрядъ. По экономическимъ расчетамъ было рѣшено предпринять эту экспедицію на остатокъ интендантскихъ суммъ Западно-Сибирскаго округа, что значительно стѣсняло сформированіе и дѣйствія отряда. Михаилу Григорьевичу Черняеву удалось справиться съ затрудненіями. Принявъ начальство надъ отрядомъ въ концѣ мая 1864 года, онъ въ началѣ іюня взялъ приступомъ первый укрѣпленный городъ Ауліэату безъ потерь, построилъ укрѣпленіе на рѣкѣ Чу, у горнаго прохода, близъ уро-

чица Токмакъ, и затѣмъ принялъ видное участіе въ усмирениі возставшихъ кокандцевъ, поднявшихъ зеленое знамя пророка и объявившихъ хазавать. Во время борьбы съ кокандцами М. Г. Черняевъ, по своему обыкновенію находившійся впереди солдатъ и личнымъ примѣромъ поощрявшій ихъ, занялъ крѣпость Чимкентъ, которая считалась неприступною. Занятіе удалось по водопроводу—деревянному ящику, проходившему въ крѣпость чрезъ сводчатое отверстіе въ стѣнѣ. Онъ бросился по водопроводу къ проходу въ стѣнѣ, за нимъ послѣдовали солдаты. Беззавѣтная отвага увѣнчалась успѣхомъ. Гарнизонъ до такой степени растерялся, что не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Быстро подвигаясь впередъ, Черняевъ подступилъ къ Ташкенту и занялъ этотъ населенный городъ послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ которой проявилъ замѣчательное самоотверженіе и большую распорядительность. Занявъ предварительно крѣпость Нязбекъ, отвѣдя два главные рукава Чирчика, М. Г. Черняевъ приступилъ къ осадѣ средне-азиатской твердыни. Послѣ отчаяннаго штурма въ ночь на 15 іюня 1865 года русскія войска вступили въ Ташкентъ, имѣя во главѣ своего неизмѣннаго любимца. Далѣе уже безъ всякаго сопротивленія занявъ еще нѣсколько городовъ, Черняевъ съ горстью храбрыхъ воиновъ мѣняе чѣмъ въ два года присоединилъ къ Россіи почти весь Туркестанскій край. За свои подвиги предводитель Западно-Сибирскаго отряда былъ произведенъ въ генералъ-майоры, получивъ золотое украшенное брилліантами оружіе и нѣсколько орденовъ, въ томъ числѣ Георгіевскій крестъ 3-й степени. Съ 1865 года по 1866 годъ Черняевъ былъ военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, затѣмъ вышелъ отставку и въ 1874 г. вновь вступилъ на службу въ распоряженіе командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; но здѣсь онъ оставался недолго. Въ 1875 году въ Сербіи всыхнула война съ турками. Черняевъ, выйдя въ отставку, однимъ изъ первыхъ откликнулся на зовъ страждущихъ единоплеменниковъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ принялъ на себя командованіе сербскою арміею. Онъ составилъ превосходный планъ кампаніи. Несмотря на скудость средствъ и почти полное отсутствіе организаціи въ сербской арміи, Черняеву удалось удержать натискъ турокъ. Подъ его начальствомъ сербы, плохо вооруженные и недостаточно дисциплинированные, быстро воспитывались въ высокихъ чувствахъ, одушевлявшихъ ихъ вождя, и много разъ одолѣвали турокъ, сильнѣйшихъ численностью, вплоть до 1877 года, когда была объявлена русско-турецкая война. Во время кампаніи Черняевъ находился въ распоряженіи великаго князя Михаила Николаевича, затѣмъ состоялъ въ распоряженіи генеральнаго штаба. Въ 1882 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа. Черняевъ обратилъ особенное вниманіе на утверженіе твердой власти, законности и уваженія къ личной собственности. Въ Туркестанѣ покойный пробылъ лишь два года, такъ какъ въ февралѣ 1884 г. былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Въ 1886 году онъ вышелъ въ отставку и въ 1890 году вновь поступилъ въ военный совѣтъ. Въ минувшемъ году праздновалось пятидесятилѣтіе службы М. Г. въ офицерскихъ чинахъ, когда, между прочимъ, въ сильной степени выразились симпатіи къ славному боевому русскому

дѣятелю. Кончина Черняева дала новый поводъ къ ихъ горячему проявленію. Въ многочисленныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ нѣсколькихъ храмахъ обѣихъ столицъ были отслужены торжественныя панихиды, на которыхъ, кромѣ представителей военной и гражданской высшей администраціи и литературы, присутствовали и дипломатическіе представители балканскихъ государствъ, проживающихъ въ Россіи славянъ и учащейся молодежи. Множество вѣнковъ было прислано изъ разныхъ мѣстъ Россіи и славянскихъ земель. Для возложенія вѣнка на могилу усопшаго отправлены были депутаціи: отъ туркестанскихъ войскъ въ составѣ сподвижниковъ покойнаго генераль-лейтенанта Иванова, отставнаго генераль-майора Войцеховича и полковника Шорохова, заслужившаго георгіевскій крестъ подъ начальствомъ генерала Черняева, и отъ чиновъ гражданского вѣдомства въ лицѣ отставнаго статскаго совѣтника Южакова, состоявшаго правителемъ канцеляріи генерала Черняева въ Туркестанѣ. Многочисленные некрологи, какъ въ славянскихъ, такъ и русскихъ газетахъ, живо свидѣтельствуя также о томъ, сколь горестно отозвалась во всемъ славянскомъ мірѣ эта прискорбная утрата. «Кромѣ Скобелева, писало «Новое Время» въ послѣднія тридцать лѣтъ не было другого имени, столь родного русскому солдату, столь популярнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ имя Черняева. Какъ полководецъ, какъ государственный человѣкъ, Скобелевъ, конечно, былъ выше и талантливѣе Черняева, но жизнь ихъ обоихъ озарили двѣ однѣ и тѣ же идеи: о необходимости завоевать Среднюю Азію, чтобы въ русской политикѣ всегда имѣлась, на страхъ Англіи, возможность «диверсіи къ Индіи», и идея славянская. Духъ и того и другого былъ русскій, народный. Тотъ и другой высоко цѣнили свои отношенія къ печати. Черняевъ былъ даже редакторомъ газеты «Русскій Міръ». Влпстательная военная карьера Скобелева протекала въ непрерывномъ возрастаніи и повышеніи, Черняеву же суждены были лишь историческіе моменты: взять Ташкентъ, спасти Сербію отъ турецкаго разрома и вызвать войну за освобожденіе Болгаріи, приступить къ органической работѣ въ томъ же Ташкентѣ уже въ качествѣ генераль-губернатора. А между этими моментами и послѣ нихъ—сколько лѣтъ бездѣйствія, даже полной отставки... Патриотъ, выдающійся генераль и администраторъ корпѣлъ безъ дѣла; натура живая, пламенная, умъ выдающійся, полная охота къ дѣлу—и полное бездѣйствіе... За Черняевымъ солдаты пошли бы также или почти такъ же, какъ за Скобелевымъ. Онъ владѣлъ великимъ даромъ — даромъ общенія съ народною душою. И смерть его горестно встрѣчена во всѣхъ славянскихъ странахъ. Славяне заграничныя даже лучше цѣнили его историческій подвигъ, чѣмъ цѣнили до сихъ норъ дома, позволяя заглушевывать его завистью мелкихъ людей къ большому человѣку, зубоскальствомъ, надменнымъ непониманіемъ. Мертвому Черняеву уже не за что и не зачѣмъ мстить, и чѣмъ больше будетъ проходить лѣтъ, тѣмъ чище и возвышеннѣе будетъ представляться онъ благодарной народнои памяти. Если въ какомъ либо изъ современныхъ русскихъ дѣятелей воплощался въ наши дни скромный образъ былинныхъ русскихъ богатырей, такъ это несомнѣнно въ личности Черняева. Два крупныхъ историческихъ момента связаны неразрывно съ его именемъ: проникновеніе въ сердце Средней Азіи и руководство борьбой сербовъ за независимость. Съ занятіемъ Таш-

кента положено было прочное основаніе не только завоеванію Туркестана, но и движенію навстрѣчу той искони враждебной намъ силѣ, которая и въ настоящую минуту не покидаетъ своей бесплодной работы надъ созданіемъ всякихъ затрудненій на пути политическаго и государственнаго развитія Россіи. Геройское руководство борьбой за освобожденіе сербовъ явилось тоже прелюдіей къ коренному повороту въ судьбахъ славянскихъ народовъ и зарей будущаго торжества ихъ въ союзѣ со старшимъ братомъ. И только теперь, когда уже четверть столѣтія отдѣляетъ насъ отъ событій, совершившихся въ обстановкѣ болѣе чѣмъ скромной, отчетливо обрисовываются послѣдствія тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ Черняевъ вложилъ столько личнаго самостоятельнаго почина, что народъ своимъ прирожденнымъ историческимъ чувствомъ, еще при жизни Михаила Григорьевича, сталъ складывать про него былинну». — «Какъ военачальникъ, говоритъ военный обозрѣватель той же газеты, М. Г. Черняевъ былъ рѣшителенъ, очень смѣлъ, находчивъ и храбръ; ясно и остроумно излагалъ свои мысли; отлично понималъ и любилъ солдатъ и самъ былъ ими любимъ; тяготы походной жизни переносилъ легко; былъ привѣтливъ и простъ съ подчиненными. Однимъ словомъ, онъ обладалъ всѣми качествами, отличающими выдающагося военачальника: всѣ его военныя предпріятія отличались быстротою и рисковъ; медленной атакѣ онъ предпочитаетъ штурмъ; въ этомъ отношеніи въ немъ было нѣчто суворовское, и вообще это былъ истинно русскій вождь». «Московскія Вѣдомости» отозвались на смерть Черняева слѣдующими строками: «Кому въ Россіи не было знакомо это имя, подобно имени Скобелева! Съ тѣхъ поръ, какъ 30 лѣтъ назадъ М. Г. Черняевъ съ горстью русскихъ солдатъ разбилъ войска Бухарскаго эмира и взялъ штурмомъ Ташкентъ, онъ явился въ представленіи народномъ лучшимъ представителемъ русской арміи, и довѣріе, которое питали въ народѣ къ его военнымъ способностямъ, лучше всего выразилось въ томъ потокѣ тысячи русскихъ добровольцевъ, устремившихся въ Сербію, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ сербскою арміей. Неравная борьба закончилась на Дюнишскихъ высотахъ пораженіемъ, но что М. Г. Черняевъ съ такою арміей, какъ сербская, могъ въ теченіе шести дней выдерживать бой противъ втрое сильнѣйшаго противника, показало не только его военныя способности, но и силу нравственнаго вліянія, какое онъ имѣлъ надъ арміей». «Имя М. Г. Черняева, говорится въ той же газетѣ, неразрывно связано со взятіемъ Ташкента, чѣмъ положено прочное основаніе созданію нынѣшняго русскаго Туркестана, и съ борьбою сербовъ за независимость. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ военачальниковъ, которые пользуются широкими народными симпатіями. Смѣлость, рѣшительность, умѣнье быстро приспосабливаться къ обстановкѣ, заботливость о солдатѣ—вотъ тѣ цѣнныя качества, которыми былъ одаренъ М. Г. Черняевъ». Однѣ изъ лучшихъ и обстоятельнѣйшихъ статей о Черняевѣ были помѣщены въ «Свѣтѣ». Между прочимъ, «Свѣтъ» удачно напоминалъ о Гладстонѣ, высокую роль котораго въ балканскомъ вопросѣ европейскія газеты (а также и наши) поставили такъ высоко. Въ сущности отъ заступничества Гладстона, превознесеннаго печатью, балканскимъ христіанамъ не было ни тепло, ни холодно, ни до войны, ни послѣ нея; это нужно помнить, когда рѣчь идетъ

о роли Гладстона въ турецкихъ дѣлахъ. Черняевъ же зажегъ сердца русскихъ людей дѣломъ. «Свѣтъ» справедливо указываетъ, что если «освобожденіе совершилось въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ было намѣчено русскимъ санъ-стефанскимъ договоромъ, это вина Европы и прежде всего соотечественниковъ Гладстона». Недоброжелательству или зависти бывшихъ враговъ «Свѣтъ» даетъ вѣрную оцѣнку: «Говорили, что побѣда надъ средне-азіатскими «халатниками» вещь не важная и нетрудная; но этимъ халатникамъ далъ совѣтъ не такую атестацію Скобелевъ, который имѣлъ возможность основательно извѣдать ихъ боевыя качества. «Говорили, что русскіе добровольцы въ Сербіи прославились только отрицательными качествами, что Черняевъ и его соратники не одерживали блестящихъ побѣдъ надъ турками, только держались противъ нихъ, а это де не особенный подвигъ. Но когда, годъ спустя, русская армія встрѣтилась съ турками подъ Плевной и Шипкой, когда извѣдала ихъ прекрасное англійское вооруженіе, ихъ стойкость, бѣшенныя атаки, тогда можно было себя представить, чего стоило Черняеву почти три мѣсяца держаться противъ перевѣса турецкихъ силъ съ горстью русскихъ добровольцевъ и только что взятыми отъ сохи невинственными сербами. И этотъ великій подвигъ совершилъ Черняевъ—русскій горой, простой и скромный человѣкъ и христіанинъ, своихъ соратниковъ исполнявшій своимъ духомъ». Князь Менцерскій, отдавая въ «Гражданинѣ» должное памяти Черняева, какъ полководца, «легендарнаго героя» и «гражданина своего отечества», замѣчаетъ, между прочимъ: «Легко понять оттого, какъ грустно и какъ стыдно видѣть, что о смерти Черняева узнала Россія мимоходомъ, и ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не собрались русскіе люди помолиться за упокой души Черняева». «Вржевыя Вѣдомости» дали слѣдующую характеристику Черняева: «Молодежь не помнитъ, говоритъ газета, а зрѣлые люди и старики не забудутъ никогда того удивительнаго всеобщаго одушевленія, которое охватило русское общество, когда оно узнало, что Черняевъ повелъ слабые сербскіе полки противъ мощныхъ турецкихъ полчищъ. Подъемъ былъ необычайный, и не было города, который торжественно не снаряжалъ бы добровольцевъ въ Сербію на подмогу безстрашному Черняеву, завоевателю Средней Азіи, вынужденному, повинуваясь неугомонному духу своему, нескать славы подъ чужими знаменами, но во имя русскихъ идеаловъ. Не даромъ вся Россія откликнулась на гулъ дюнишскихъ пушекъ и, наконецъ, возгорѣлась знаменательная русско-турецкая война, положившая начало новой жизни славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ (и, вѣроятно, эта война разрѣшила бы турецкій вопросъ еще нѣсколько иначе, если бы Черняевъ не остался, неожиданно для всѣхъ, не у дѣлъ). Во всякомъ случаѣ, Михаилъ Григорьевичъ принадлежалъ къ тѣмъ богатырямъ русскимъ, которые способны на великія дѣла и совершаютъ ихъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ однимъ взмахомъ, но за то вызываютъ противъ себя неудовольствіе и зависть, оттирающія ихъ отъ историческихъ задачъ и обрушивающія на нихъ, въ довершеніе всего, градъ клеветъ. Представьте себя человѣка съ кипучею душою, съ желѣзною энергіею, имѣющаго за собою рядъ безсмертныхъ заслугъ, оказанныхъ государству, и тѣмъ не менѣе, вынужденнаго бездѣйствовать вплоть до кончины своей. Психологія Черняева—траги-

ческая психологія». («Московскія Вѣдомости» №№ 215—222; «Новое Время» №№ 8060—8070).

† **А. С. Павловъ**. 16 августа, въ Москвѣ, скончался заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета тайный совѣтникъ Алексѣй Степановичъ Павловъ, три дня не дожившій до сорокалѣтняго юбилея своей учено-литературной дѣятельности, посвященной главнымъ образомъ русскому церковному праву. Покойный, сынъ причетника Томской епархіи, родился въ 1832 году и уже 9 лѣтъ отъ роду, какъ онъ самъ рассказывалъ знакомымъ, отданъ былъ, по бѣдности родителей, казачкомъ въ семью одного изъ декабристовъ. Тамъ онъ приобрѣлъ свои первыя скудныя знанія. Между прочимъ, по его словамъ, въ это время ему какъ-то попался латинскій словарь, и этогъ словарь, за неизмѣнимъ ничего другого, послужилъ ему и книгою для чтенія и долго единственнымъ источникомъ познаній въ латинскомъ языкѣ и словесности. Насколько суровую школу пришлось проходить знаменитому ученому въ началѣ жизни, свидѣтельствуетъ его собственный разсказъ о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ, въ сибирскихъ трупобахъ, онъ былъ завезенъ въ сторону отъ дороги, ограбленъ, брошенъ на снѣгъ въ лѣсу и какъ послѣ его горячихъ молитвъ набрелъ на него громадный сибирскій обозъ, сбитый съ пути въ пустынь. Вскорѣ, однако, судьба ему улыбнулась, и онъ получилъ возможность учиться, воспитывался сначала въ Тобольской семинаріи, а потомъ въ Казанской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1858 году первымъ магистромъ богословія, онъ былъ назначенъ, съ 19 августа того же года, въ Казанскую семинарію преподавателемъ общей и церковной русской исторіи, но скоро, съ 10 января 1859 года, былъ переведенъ въ родную академію бакалавромъ литургіки и каноники. Тогда же, кромѣ чтенія лекцій, ему пришлось начать и свою учено-литературную дѣятельность въ академическомъ журналѣ «Православный Собесѣдникъ», гдѣ были помѣщены слѣдующіе его труды: Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ» (1858 г., ч. II), «Древнія русскія пасхалии» (1860 г., кн. 11) и «Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI вѣкѣ» (1863 г., кн. 3 и 7). Открытіе кафедры церковнаго права въ Казанскомъ университетѣ (по уставу 1863 года) побудило покойнаго оставить академію и съ февраля 1864 года перейти доцентомъ въ названный университетъ, гдѣ скоро онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора (1867 г.) и заграничную командировку. Къ этому времени относились слѣдующія его ученыя работы, напечатанныя въ «Запискахъ Казанскаго университета»: «О кормчей пнока-князя Вассіана Патрикѣева» (1864 г.), «Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву» (1865 г.), «Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія каноническаго права», актовая рѣчь (1866 г.) и отдѣльно: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ» (Казань, 1869 г., 100 стр.)—очень важный трудъ, награжденный Уваровскою преміей. Съ 9 сентября 1869 года, Новороссійскій университетъ избралъ А. С. Павлова ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ церковнаго права, и покойный переѣхалъ въ Одессу. По собственному признанію почившаго, пять лѣтъ пребыванія въ Новороссійскомъ университетѣ составляли лучшую пору его научно-литературной дѣятельности.

Дѣйствительно, тамъ онъ получилъ степень доктора правъ (1873 г.); тамъ въ сравнительно короткое время имъ были написаны такія изслѣдованія, какъ напримѣръ: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи» (Записки Новороссійскаго университета 1871 г.; премирено Академіей Наукъ), «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ» (Одесса, 1872 г., VIII+240 стр.; удостоено Уваровской награды), «Наказный списокъ по Стоглаву» (Записки Новор. унив. 1873 г., т. IX), «Отрывки греческаго текста кононическихъ отвѣтовъ митрополита Іоанна II» (Записки Академіи Наукъ, 1873 г., т. XXII, № 5), «Замѣчанія о Грузинскомъ Номоканонѣ» (1874 г., т. XXV, кн. 1), «Замѣтки о греческихъ рукописяхъ кононическаго содержанія въ Московской Синодальной библиотекѣ» (Одесса, 1874 г.) и «Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями» (Одесса, 1875 г.). Наконецъ, съ іюня 1875 года, А. С. Павловъ перешелъ ординарнымъ профессоромъ на ту же кафедру церковнаго права въ Московскій университетъ, гдѣ и состоялъ до дня кончины, болѣе двадцати трехъ лѣтъ, и гдѣ съ 1884 года получилъ званіе заслуженнаго профессора. Это продолжительное и достойное служеніе въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ, доставившее покойному самое авторитетное имя лучшаго современнаго канониста и давшее ему право вѣсколко разъ занимать мѣсто председателя въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ, отмѣтилось еще болѣе длинною вереницей научныхъ трудовъ. Къ нимъ принадлежали: «Новый переводъ толкованій на церковныя правила» (Правосл. Обзор., 1876 г., кн. 4), «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянь» (Сиб., 1878 г., VI+210 стр.), «О книгѣ Заозерскаго «Церковный судъ»» (Критическое Обзорѣніе 1879 г., № 4), «Теорія восточнаго канонизма» (Прав. Обзор. 1879 г., кн. 11 и 12), «Памятники древнерусскаго каноническаго права» (Русск. Истор. Библиотека, Сиб., 1880 г., т. VI), «О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому митрополиту Георгію» (Правосл. Обзор. 1881 г., кн. 2), «Вопросъ о ереси жидовствующихъ» (Соврем. Извѣстія, 1884 г., № 266), «Книги законныя» (Сиб., 1886 г., 92 стр.), «50 глава Кормчей Книги» (М., 1887 г., 452 стр.), «Могутъ ли незаконнорожденные быть поставляемы на священнослужительскія степени?» (Церковн. Вѣдомости, 1889 г., № 9), «Неизданный памятникъ церковнаго права XII вѣка» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1890 г., кн. 10), «По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ церковнаго права» (Чтенія въ Обществѣ Люб. Дух. Просв., 1891 г., кн. 5—6) «Два отвѣта В. С. Соловьеву объ инквизиціи на востокѣ» (Моск. Вѣдом. 1891 г., № 341; 1892 г., № 8), «Минимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго права» (Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1891 г. кн. 11—12; 1892 г., кн. 1—4), «Недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ и духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку» (1893 г., кн. 3—4), «О началѣ Галицкой и Литовской митрополій (Русское Обзорѣніе, 1894 г., кн. 5), «Полемика противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ» (1894 г., кн. 12), «О каталогѣ греческихъ рукописей Іерусалимской патріархіи» (Древности Моск. Арх. Общ. 1894 г., т. XV, вып. 1) «Неизданные памятники церковнаго права» (Византійскій Временникъ 1896 г.)

и «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ», новое отъ начала до конца переработанное изданіе (Ученыя записки Моск. унив., вып. 14 и отдѣльно: М. 1897 г., 520 стр.). За всѣ эти труды многопотрудившійся авторъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ и въ члены различныхъ ученыхъ обществъ. «А. С., говорится въ одномъ изъ некрологовъ, имѣлъ весь обликъ русскаго ученаго стараго закала, далекаго отъ жизни, но человѣчнаго, воспитаннаго въ школѣ суровой, но возвышенной. Свое ученье покойный любилъ вспоминать; школа не была ему мачихой, а заботливо вывела его на дорогу. Въ душевныхъ разказахъ Алексѣя Степановича оживали своеобразные порядки старыхъ духовныхъ училищъ, но оживали симпатично, видна была живая разумная система, направленная къ обереганію, закалу дарованій. Несомнѣнно, съ покойнымъ уходитъ въ могилу блестящій питомецъ отжившей дисциплины, одно изъ лучшихъ ея оправданій какъ школьнаго направленія, одухотвореннаго извѣстными идеалами». Нельзя не указать въ заключеніе, среди какихъ неблагопріятныхъ и тяжелыхъ условий протекала жизнь покойнаго ученаго и развивалась его выдающаяся научная дѣятельность. Получаемаго за лекціи въ университетѣ жалованья ему не доставало, почему онъ и старался дополнять его побочными заработками—преподаваніемъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, печатаніемъ статей въ разныхъ изданіяхъ и другими. Но по вопросамъ церковнаго вѣдѣнія и каноническаго права сочиненія его по своей спеціальности не могли ему давать мало-мальски достаточнаго вознагражденія. Онъ сдѣлалъ его извѣстнымъ, весьма авторитетнымъ въ ученomъ мѣрѣ, оставивъ его поцрежнему въ необезпеченномъ и печальномъ положеніи. Только со введеніемъ гонорара въ университетскомъ преподаваніи А. С. Павловъ оживилъ и повеселѣлъ, но и при новыхъ условіяхъ онъ не могъ себя считать вполне обезпеченнымъ. Командировки для предсѣдательства въ экзаменныя комиссіи были ему не понутру, но ради полученія нѣсколькихъ сотъ рублей онъ принималъ отъ министерства предложенія и ѣздилъ по разнымъ университетскимъ городамъ. Онъ не пожалѣлъ даже себя и въ началѣ лѣта текущаго года поѣхалъ въ Петербургъ больнымъ и возвратился оттуда обезсиленнымъ отъ продолжавшейся тамъ болѣзни. Разныя невзгоды преслѣдовали А. С. и въ послѣдніе дни его жизни и довели до печальнаго, извѣстнаго намъ исхода. Знакомые врачи, къ которымъ больной имѣлъ довѣріе, находились въ отлучкѣ, незнакомые же, побывавъ одинъ или два раза, тоже уѣзжали, кто на дачу, въ деревню или за границу, и такимъ образомъ въ продолженіе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ перебывало у постели до десяти докторовъ, не принесшихъ страдавшему никакой пользы, а скорѣе вредъ. Уже когда смерть висѣла надъ головой А. С. Павлова, пріѣхалъ врачъ-профессоръ и выразилъ крайнее сожалѣніе что больнаго держали въ постели болѣе мѣсяца, чѣмъ окончательно ослабили хрупкій его организмъ. («Моск. Вѣд.» №№ 225, 228, 229, 233; «Нов. Вр.» № 8074).

† С. И. Щенкинъ. 25 августа, въ Петербургѣ, скончался членъ совѣта и ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ Сергѣй Павловичъ Щенкинъ. Покойный, сынъ профессора Московскаго университета, родился въ Москвѣ 24 сентября 1824 года. Окончивъ

курсъ Московскаго университета по математическому факультету, С. П. Щепкинъ въ 1845 году началъ службу въ Петербургской палатѣ государственныхъ имуществъ, откуда черезъ 4 года перешелъ въ департаментъ сельскаго хозяйства. Занимая затѣмъ различныя должности, онъ былъ назначенъ послѣ А. П. Заблоцкаго редакторомъ «Земледѣльской Газеты» и «Сельскаго Листка». Во время своего редакторства С. П. Щепкинъ обратилъ особенное вниманіе на увеличеніе въ газетѣ статей научнаго содержанія и улучшеніе отдѣла «Торговыхъ и Хозяйственныхъ извѣстій». Послѣ назначенія покойнаго въ 1865 г. инспекторомъ сельскаго хозяйства, ему поручено было изслѣдованіе различныхъ отраслей сельской промышленности, и съ этой цѣлью онъ объѣхалъ почти всю южную Россію. Результаты своихъ изслѣдованій С. П. Щепкинъ помѣщалъ въ журналѣ «Сельское хозяйство и Лѣсоводство». Изъ нихъ назовемъ: «Простое овцеводство въ южной полосѣ Россіи» (1868 г.), «Виноградарство въ Бессарабіи» (1869 г.), «Мериносное овцеводство» (1868 г.), «Табачная промышленность въ Россіи» (1870 г.), «Виноградарство въ долинахъ Крыма» (1872 г.). Въ своихъ командировкахъ С. П. не могъ не обратить вниманія на недостатокъ сельско-хозяйственныхъ знаній среди русскихъ землевладѣльцевъ и русскаго крестьянства. Съ цѣлью распространенія этихъ знаній онъ издавалъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ рядъ популярныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности. Кромѣ того, въ 1869 году, министерствомъ былъ изданъ его трудъ подъ заглавіемъ «Овцеводство въ Россіи». Съ 1874 по 1885 годъ С. П. Щепкинъ занималъ должность вице-директора департамента земледѣлія и сельской промышленности. Въ 1884 году, онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства и въ этой должности оставался до дня своей кончины. Покойный былъ старѣйшимъ членомъ ученаго комитета министерства, въ трудахъ котораго принималъ участіе болѣе 40 лѣтъ, сначала, какъ дѣлопроизводитель комитета, а съ 1865 года назначенъ его членомъ. Въ теченіе своей долготѣйшей службы С. П. Щепкинъ принималъ участіе въ очень многихъ комиссіяхъ, составленныхъ для выработки мѣръ и способовъ поднятія земледѣлія и сельской промышленности. Въ 60-хъ годахъ С. П. Щепкинъ былъ непремѣннымъ членомъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1872 году былъ посланъ въ Берлинъ для участія на статистическомъ конгрессѣ. Покойный имѣлъ всѣ русскіе ордена до Вѣлаго Орла включительно. («Моск. Вѣд.» № 238; «Нов. Вр.» № 8.081).

† **Н. Н. Куликовъ.** 24-го августа, на Митрофаньевскомъ кладбищѣ похороненъ скончавшійся въ С.-Петербургѣ, небызвѣстный драматическій писатель, чиновникъ особыхъ порученій собственной его величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Куликовъ. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ пьесъ, изъ которыхъ многія съ большимъ успѣхомъ шли на сценѣ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и обошли почти всѣ провинціальныя сцены. Изъ нихъ назовемъ комедіи: «Тетенька», «Тайна», «По особому порученію» и другія. Въ драматической литературѣ покойный извѣстенъ подъ всевѣдомомъ Николаева. Н. Н. былъ сынъ извѣстнаго въ свое время драматурга Н. Н. Куликова. Родился онъ 12-го іюня 1844 года. По окончаніи курса

въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, онъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Н. Н. преподавалъ русскій языкъ и словесность въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ: Павловскомъ военномъ и Николаевскомъ инженерномъ училищахъ, Маріинской и Царкосельской женскихъ гимназіяхъ и друг. Какъ опытный и хорошій педагогъ, Н. Н. имѣлъ много частныхъ уроковъ. Съ 1881 по 1883 годъ покойный былъ директоромъ Тульской гимназіи, затѣмъ служба его сосредотилась въ вѣдомствѣ учреждений императрицы Маріи. Онъ имѣлъ рядъ командировокъ для производства ревизій въ разныхъ провинціальныхъ женскихъ гимназіяхъ и принялъ дѣятельное участіе въ преобразованіи воспитательныхъ домовъ. Чинovníкомъ особыхъ порученій при собственной его величества канцеляріи по учреждениямъ императрицы Маріи покойный былъ съ 1889 года («Нов. Вр.» № 8.079).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи Яна Кохановскаго (1530—1584 г.).

I.

Прочитавъ въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» рецензію о книгѣ Н. Э. Глюкке подъ названіемъ: Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка, считаю не лишнимъ указать, что въ польскомъ народномъ календарѣ, изданномъ въ Варшавѣ г. К. Промыкомъ на 1884 г., по поводу трехсотлѣтія со дня смерти Кохановскаго, помѣщена обстоятельная статья о жизни этого древнѣйшаго поэта, въ связи съ его произведеніями, изъ которыхъ приведены многочисленныя выдержки.

О событіяхъ, предшествовавшихъ кончинѣ даровитаго поэта, и о судьбѣ его останковъ приведены въ календарѣ (который нашелся въ моей бібліотекѣ) любопытныя свѣдѣнія. Послѣдніе годы своей жизни Кохановскій мирно и счастливо проживалъ въ кругу своей семьи, въ собственномъ небольшомъ имѣньищѣ Чернолѣсѣ, недалеко отъ мѣстечка Зволеня нывѣйшей Радомской губерніи, занимаясь хозяйствомъ, при чемъ пользовался всякимъ случаемъ проливать свѣтъ званій и религіи на окрестное населеніе. Но эта безмятежная жизнь продолжалась недолго. Потерявъ одну за другою двухъ дочерей, онъ—нѣжный и любящій семьянинъ—такъ былъ потрясенъ этимъ несчастіемъ, что сразу захирѣлъ, хотя до тѣхъ поръ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Вскорѣ Кохановскаго постигло новое горе. Близкій и любимый другъ его, братъ жены, Подледовскій былъ отправленъ польскимъ королемъ въ Турцію для покупки лошадей. Исполнивъ порученіе, Подледовскій возвращался на родину, но въ пути былъ убитъ турецкими разбойниками. Вѣсть объ этомъ трагическомъ происшествіи жестоко поразила друга и сестру, жену Кохановскаго. Однакомъ, оплакавъ тяжкую потерю,—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—супруги начали утѣ-

пашься смутною надеждой, что, быть можетъ, дорогой сердцу человѣкъ не былъ убитъ, а только взятъ въ неволю съ цѣлью полученія за него выкупа. Такъ въ тревогахъ и ожиданіи вѣстей прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, въ августѣ 1584 г., пріѣхалъ въ Люблинъ Стефанъ Баторій для разбора какого-то дѣла. Пользуясь недалекостью своей деревни отъ Люблина, Кохановскій отпратилъ туда въ надеждѣ представиться королю и просить его снести съ Турціей объ освобожденіи родственника, если живъ, или о наказаніи разбойниковъ, если его убили. Сильно тревожился Кохановскій неизвѣстностью, какъ приметъ его король, котораго онъ никогда не видѣлъ, хотя и восхищалъ въ своихъ стихахъ его подвиги. Отъ всего этого здоровье Кохановскаго такъ ослабѣло, что онъ едва держался на ногахъ, а когда долженъ былъ предстать на аудіенцію, то вдругъ упалъ, сраженный апоплексіей, и испустилъ духъ. Это случилось 22 августа новаго стила 1584 г., въ началѣ шестого десятка лѣтъ жизни поэта. Слѣдовательно со времени смерти Яна Кохановскаго прошло уже 315 лѣтъ.

Тѣло поэта было перевезено въ Зволень и погребено въ склепѣхъ подъ костеломъ. Надъ гробомъ его былъ сооруженъ памятникъ, а въ костельную стѣну вдѣлана памятная доска съ соответственными надписями, сохраняющимися до сихъ поръ. Здѣсь покоился прахъ поэта болѣе двухъ вѣковъ. Но уже въ нашемъ столѣтіи, всего нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вышло распоряженіе, чтобы не держать мертвыхъ въ склепахъ подъ костелами, въ избѣжаніе вреда для здоровья живыхъ людей. «Распоряженіе это, — говорится въ статьѣ, — относилось только къ свѣжымъ покойникамъ, но не къ такимъ, отъ которыхъ остались лишь сухія кости. Однакожъ въ Зволени костельная администрація не поняла этого и перенесла изъ-подъ костела кости всѣхъ тамъ похороненныхъ на кладбище въ общую могилу, не поставивъ надъ ней даже никакого знака. Такимъ образомъ останки нашего славнаго барда перемѣшались со многими другими».

Къ этому авторъ прибавляетъ, что часть дорогихъ останковъ, кажется, уцѣлѣла, ибо еще передъ этимъ вторичнымъ погребеніемъ, «учиненнымъ по слѣпотѣ и глупотѣ», одинъ изъ князей Чарторыйскихъ съ цѣлью сохранить въ подобающемъ почетѣ вещественную память о писателѣ, добылъ изъ костельнаго гроба черепъ Кохановскаго, который и теперь бережно хранится въ музеѣ древностей, принадлежащемъ фамиліи Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Такимъ образомъ, въ буквальномъ смыслѣ только отчасти исполнились слова поэта въ одной изъ его пѣсенъ, что прахъ костей его не пребудетъ въ небреженіи.

Польскій авторъ характеризуетъ Яна Кохановскаго, какъ народнаго писателя, въ слѣдующихъ теплыхъ словахъ: «Триста лѣтъ минуло, какъ улетѣлъ духъ этого человѣка, но онъ и теперь живетъ среди насъ и бесѣдуетъ съ нами, живетъ и бесѣдуетъ въ своихъ пѣсняхъ, которыя перейдутъ къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ звучать говоръ нашъ. Мы должны быть благодарны этому славному покойнику не только за его пѣсни, которыя набожно поемъ или которыми развлекаемся, но должны благословлять его и за то, что онъ, хотя и не первый, началъ писать попольски,

но первый показалъ, какъ можно писать складно и красиво, первый научилъ поляковъ этому искусству. Если бы не онъ, то мы не имѣли бы ни такихъ книгъ, ни такихъ писателей, какихъ имѣемъ теперь, и не было бы способа къ сѣвяю просвѣщенія среди люда, среди народа нашего».

Чтобы понять такую оцѣнку, необходимо пояснить, что муза Кохановскаго обнимала самые разнообразныя мотивы: молитвенныя обращенія къ Богу, переложенія псалмовъ, факты изъ отечественной исторіи, призывъ согражданъ къ народному единодушію, чтобы не накликать бѣдствій на отечество, воззваніе къ честному труду и доброй жизни, юмористическія картинки и пр. Все это Кохановскій укладывавалъ въ правильно размѣренную рѣчь гладкихъ для своего времени стиховъ, тогда какъ до него польская письменность, можно сказать, еще не выходила изъ литературныхъ пеленокъ, ибо интеллигентный классъ въ Польшѣ, согласно обычаю того времени, обходился еще латинскимъ языкомъ, и только лѣтъ на тридцать раньше Кохановскаго нѣкій Николай Рей первый появился на литературномъ поприщѣ съ стихотворными попытками, далеко не удачными, на родномъ языкѣ. Если же Кохановскій, не имѣя предшественниковъ, выступилъ на невоздѣланную еще ниву и сразу заговорилъ въ печати изящнымъ и сильнымъ роднымъ словомъ, то это слѣдуетъ приписать, кромѣ прирожденнаго таланта, основательному знакомству поэта съ лучшими національными образцами западно-европейской словесности, уже вытѣснявшею латинизмъ изъ интеллигентнаго обихода, — знакомству, пріобрѣтенному во время продолжительнаго пребыванія его, съ образовательною цѣлью, за границей—въ Австріи, теперешней Германіи, Италіи и Франціи.

Не всякій народъ можетъ похвалиться столь талантливымъ представителемъ родной письменности съ древнѣйшихъ временъ.

И. Любарскій.

II.

По поводу статьи „На царскомъ пути“.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья г. Д. В. Федорова подъ заглавіемъ «На царскомъ пути (черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена)». По словамъ Д. В. Федорова, онъ собиралъ сообщенный имъ матеріалъ, проѣзжая чрезъ Елисаветградскій уѣздъ Херсонской губерніи и совершенно неожиданно очутившись въ имѣніи наследниковъ графа Сакена. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что авторъ статьи не имѣлъ никакихъ сношеній съ фамиліей графовъ Остенъ-Сакенъ или съ людьми, близко знакомыми съ покойнымъ Дмитріемъ Ерошеевичемъ, но передалъ все то, что слышалъ отъ постороннихъ, не будучи въ состояніи провѣрить правдивость сообщенныхъ ему свѣдѣній.

Этимъ и объясняется неточность и даже ложность собранныхъ свѣдѣній. Авторъ, однако, не ограничился представленіемъ будто бы «вѣрной картины» частной жизни графа Остенъ-Сакена, но сообщилъ между прочимъ и

мнимыя обстоятельства изъ моей жизни, которыя уже настолько ложны и прямо обидны для памяти моего покойнаго мужа, что я прямымъ долгомъ считаю моими показаніями возстановить истину.

Мой отецъ былъ сосланъ въ Сибирь въ числѣ декабристовъ, будучи неженатымъ, и возвращенъ послѣ службы на Кавказъ, не благодаря графу Сакену (котораго онъ тогда совсѣмъ не зналъ), а по просьбѣ своей родной племянницы П. О. Смирновой, урожденной Россетъ. Родовымъ имѣніемъ Лореровъ во время ссылки моего отца управлялъ старшій его братъ Д. П. Лореръ. Возвратясь изъ ссылки, мой отецъ женился и поселился въ упомянутомъ родовомъ имѣніи Водяной. Такъ какъ у Д. П. Лорера (женатаго на княжнѣ Волконской) не было дѣтей, то я была единственною наследницею довольно значительнаго состоянія, т. е. родового имѣнія Водяная въ 6000 десятинъ. Изъ этого явствуетъ ложность соображеній г. Федорова, по которымъ моя матеріальная необеспеченность была долгое время причиною къ браку, который состоялся, будто бы, только благодаря покровительству графа Сакена, обѣщавшаго, по словамъ г. Федорова, моему будущему мужу сдѣлать его въ самомъ непродолжительномъ времени полковымъ командиромъ. На самомъ же дѣлѣ мужъ мой, когда я съ нимъ познакомилась, уже давно былъ полковымъ командиромъ.

Что касается семьи графовъ Остенъ-Сакенъ, то они были нашими ближайшими сосѣдями и съ давнихъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моими родителями, и на меня перенесли ласку и любовь. Мужъ мой нѣсколько лѣтъ былъ личнымъ адъютантомъ графа Остенъ-Сакена, пользовался большою его любовью и былъ преданъ всею душою графу и его семьѣ. Равнымъ образомъ ложны всѣ сообщенія г. Федорова о мнимомъ разореніи моего наследства. Имѣнія, доставшіяся мнѣ по смерти моего двоюроднаго брата В., внослѣдствіи были проданы нами незаложенными, а родовое имѣніе Водяная, хотя и было заложено въ банкъ, но не только не было разорено, а напротивъ приведено въ благоустройство, только благодаря стараніямъ моего мужа. «Великолѣпныя зданія усадьбы Д. П. Лорера» никогда не существовали. Старый домъ былъ напротивъ такихъ скромныхъ размѣровъ, что моему мужу пришлось пристроить 2 флигеля. Частныхъ кредиторовъ и долговъ у моего мужа никогда не было. Также ложно сообщеніе о поѣздкѣ моей въ Италію для воспитанія дѣтей, что будто бы способствовало окончательному разстройству нашего состоянія. Желая возвратиться на родину моего мужа, мы продали всѣ имѣнія и поселились въ родовомъ имѣніи Гротгусовъ въ Курляндской губерніи, приобретенномъ моимъ мужемъ не «на крохи» нашего состоянія, какъ говоритъ г. Федоровъ, а на сравнительно маленькую часть довольно значительнаго капитала, вырученнаго отъ продажи имѣнія въ Херсонской губерніи. На всѣ эти ложныя данныя Д. В. Федорова я, можетъ быть, совсѣмъ не отвѣтила бы, тѣмъ болѣе, что они мало кого могутъ интересовать. Но я была возмущена до глубины души наглою клеветой, бросившею пятно на честь моего покойнаго мужа. Г. Федоровъ пишетъ: «. . . . несмотря на свободное отъ всякихъ долговъ помѣстье и на перевозку въ усадьбу значительной части полковаго имущества, нашъ молодой хозяинъ скоро успѣлъ такъ запутаться» и т. д.

Всѣмъ, кто зналъ моего покойнаго мужа, хорошо извѣстны его безукориз-

ненная честность и благородство. Сослуживцы его могут подтвердить, что онъ даже не щадилъ собственныхъ средствъ въ интересахъ вѣреннаго ему полка и своихъ подчиненныхъ, и приобрѣлъ всеобщее уваженіе не только въ полку, но и въ мѣстѣ, гдѣ онъ неустанно такъ много дѣлалъ добра. Полкъ былъ сданъ имъ въ полномъ порядкѣ, и поэтому и рѣчи быть не можетъ о «перевозкѣ въ усадьбу полковаго имущества».

Надѣюсь, что моимъ правдивымъ и искреннимъ словамъ повѣрятъ, и что такимъ образомъ мнѣ удалось снять тѣнь, брошенную на свѣтлую, честную личность покойнаго.

Баронесса Е. Н. Гротгусъ, рожденная Лореръ.

III.

Отвѣтъ на замѣтку генерала Фельдмана.

Въ «Воспоминаніяхъ К. К. Жерве», между прочимъ, помѣщены свѣдѣнія о генералъ-адъютантѣ Фельдманѣ, сынъ котораго, генералъ-лейтенантъ Ѳ. А. Фельдманъ, въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», называетъ эти свѣдѣнія «вымышленными данными». Справедливость своихъ словъ ген.-лейт. Фельдманъ желаетъ доказать ссылками на хронологическія даты службы его отца.

Печатаю «Воспоминанія» моего дѣда, К. К. Жерве, я избѣгалъ исправлений и дополненій, такъ какъ всякая неточность, при достаточномъ основаніи, можетъ быть легко исправлена путемъ печати на страницахъ того же «Историческаго Вѣстника». Въ виду этого обстоятельства, я не считалъ нужнымъ искать гдѣ либо провѣрки разсказа моего дѣда о ген.-адъют. Фельдманѣ и полковникѣ Дзичканцѣ («Историческій Вѣстникъ», іюнь, стр. 772 и 773), тѣмъ болѣе, что подобныя свѣдѣнія ни въ какомъ документѣ нельзя разыскать, а чѣмъ же достовернымъ и провѣрять ихъ, какъ не документами!

Прочитавъ замѣтку ген.-лейт. Фельдмана «По поводу воспоминаній К. К. Жерве», я попытался для провѣрки разсказа дѣда розыскать и разспросить тѣхъ лицъ, которые могли бы мнѣ дать хотя какое нибудь указаніе для выясненія истины, но, къ сожалѣнію, напрасно. Изъ всѣхъ этихъ лицъ только сыну вышеупомянутаго полковника Дзичканца, генералу А. І. Дзичканцу, извѣстно, что его отецъ имѣлъ дѣйствительно въ Кіевѣ крупную несприятность по службѣ, но въ чемъ эта исторія заключалась—генералъ Дзичканецъ положительно сказать не можетъ, такъ какъ его покойный отецъ разсказывалъ о томъ давно и очень не любилъ, когда кто нибудь вспоминалъ при немъ его кіевскую службу.

Генералъ-лейтенантъ Фельдманъ дѣлаетъ упрекъ и мнѣ за то, что я опубликовалъ «Воспоминанія» моего дѣда, «не убѣдившись въ ихъ правдивости и не провѣривъ фактовъ». Положительно не могу принять на себя этотъ упрекъ, и вотъ почему. Не говоря уже о томъ, что провѣрка мною всѣхъ фактовъ, упоминаемыхъ дѣдомъ, явилась бы самостоятельнымъ, громаднымъ и даже невоз-

можнымъ трудомъ, я все же не достигъ бы цѣли, такъ какъ разныя интересныя мелочи, разговоры, характеристики, наконецъ, личныя впечатлѣнія дѣда не поддались бы документальной проверкѣ. Къ сожалѣнію, часто и въ документахъ трудно разобраться и найти необходимыя подтвержденія. Доказательство налицо.

Вѣроятно, на основаніи солидныхъ документальныхъ данныхъ ген.-лейт. Фельдманъ приводитъ хронологическія въ цифрахъ свѣдѣнія о прохожденіи службы его отца ген.-адъют. Фельдмана. Онъ говоритъ, что его отецъ преподавателемъ инженернаго училища былъ въ 1817 г., строителемъ Ревельскихъ укрѣпленій назначенъ только въ 1825 г., а вице-директоромъ инженернаго департамента только въ 1846 г. Между тѣмъ, въ «Историческомъ очеркѣ инженернаго управленія въ Россіи», составленномъ ген.-лейт. А. П. Савельевымъ, изд. 1894 г. (ч. III, стр. 186), указано, что А. П. Фельдманъ занимается съемкою въ инженерномъ училищѣ былъ назначенъ въ 1819 г., строителемъ Ревельскихъ укрѣпленій—въ 1823 г. и вице-директоромъ инженернаго департамента—въ 1836 году. Эти свѣдѣнія приведены на основаніи официальныхъ документовъ, какъ это видно изъ предисловія автора къ указанной мною книгѣ, гдѣ сказано, что онъ руководствовался въ своемъ трудѣ только архивными документами, не подлежащими никакому сомнѣнію.

Теперь, при самомъ искреннемъ желаніи исправить въ рассказѣ моего дѣда хронологическія неточности, я все-таки не знаю, на которомъ изъ двухъ упомянутыхъ здѣсь источниковъ мнѣ остановиться...

Викторъ Жерве.

VIII.

Греческій лагерь, расположенный на этомъ никѣмъ не посѣщаемомъ скалѣ Тайгета, походилъ на птичье гнѣздо, свитое на горной вершинѣ. Онъ находился по обѣ стороны горнаго ручья, переполненнаго отъ таянїя снѣговъ и быстро направлявшагося по крутой ложбинѣ въ Каламатскую равнину. На немъ въ пятистахъ шагахъ возвышался маякъ на уединенной, каменной площадкѣ, окруженной узкими ущельями отъ главной массы горъ. Николай выбралъ эту мѣстность и очень удачно, потому что лагерь скрывался внутри горъ и былъ защищенъ отъ сѣвернаго вѣтра; маякъ могъ служить обсервационнымъ пунктомъ въ двухъ шагахъ отъ главной квартиры. На сѣверѣ подъ нимъ разстилалась Аркадїйская равнина, по которой только что пробирались Митсось и Яни; на западѣ лежала, какъ на ладони, Мессенская долина, съ ея главнымъ центромъ Каламатой, а на югѣ—извивался Лангардскїй горный проходъ черезъ Тайгетъ, между Мессеной и Спартой.

Лагерь былъ окруженъ крѣпкимъ плетнемъ изъ хвороста, а внутри онъ состоялъ изъ шалашей на жердяхъ, переплетенныхъ основными вѣтвями и покрытыхъ въ видѣ крыши камышемъ. Въ центрѣ, у самаго ручья стоялъ шалашъ Петровїа и Николая. Онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, кромѣ развѣвавшагося надъ нимъ синебѣлаго флага съ греческимъ крестомъ надъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Немного поодаль, среди нѣсколькихъ деревьевъ, видѣлась болѣе основательная постройка, покрытая досками и войлокомъ: это былъ складъ пороха, снарядовъ и оружія.

Въ лагерѣ было все оживлено, какъ въ пчелиномъ ульѣ, только что прибывшїй обозъ съ порохомъ изъ Каливіи и Цимовы быстро разгружался. Самъ Петровїй наблюдалъ за тѣмъ, какъ относили порохъ въ магазины. Во всѣхъ концахъ видѣлись костры, на которыхъ варили кофе для утренней трапезы, а вдали сверкали въ воздухѣ топоры молодцовъ, рубившихъ сосны на различныя потребности лагеря. Въ продолженіе послѣднихъ двухъ ночей много прибыло изъ окрестныхъ деревень патриотовъ съ оружіемъ, провизіей и даже цѣлымъ стадомъ овецъ и козъ, которыя паслись въ оврагѣ, подъ лагаремъ. Уже отрядъ вмѣщалъ въ себѣ двѣсти человѣкъ, а черезъ три дня Петровїй надѣялся довести его до восьмисотъ. Въ недалекомъ разстоянїи на откосахъ горы были расположены еще три лагеря, такъ что общее число вооруженныхъ людей, которые могли при первой надобности спуститься съ Тайгета въ Каламату, доходило до трехъ тысячъ. Всѣ они были уроженцы Лаконїи, Арголиды и южной Аркадїи, а изъ населенной Мессенской долины ожидалось еще двѣ тысячи человѣкъ. Патриоты сѣверной Греціи должны были еще возстать въ Ахайѣ при первомъ блескѣ маяковъ.

Въ лагерѣ соблюдались строгая дисциплина, порядокъ и правильная организація. Извѣстное число юношей помѣщалось на вершинѣ горы, съ приказаніемъ увѣдомлять о всякомъ движеніи, замѣченномъ въ окрестностяхъ, и останавливать силою каждаго турка, который направлялся бы изъ Мессены въ Спарту, изъ опасенія, чтобъ онъ не принесъ въ Триполи вѣсти о сборѣ патриотовъ. Въ сущности это опасеніе было основано не на существованіи лагерей, которыхъ не видно было съ дороги, а на выбитіи значительнаго числа жителей изъ окрестныхъ деревень съ ихъ мулами и стадами; но и это обстоятельство не могло возбудить подозрѣнія, такъ какъ обыкновенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поселяне отправлялись на время въ горы, чтобъ пасти овецъ и козъ на тучныхъ пастбищахъ и жечь сосны на уголь. Во всякомъ случаѣ бѣгство Петровія, Николая и Яни могло возбудить различныя предположенія турокъ, а потому было очень важно, чтобъ изъ Каламаты не сообщили въ Триполи никакихъ извѣстій, грозившихъ опасностью этому городу, который за послѣднія недѣли сталъ быстро укрѣпляться съ цѣлью представить надежное убѣжище для турецкихъ семействъ въ случаѣ возстанія грековъ.

Всѣ люди, оружіе, мулы, лошади и скотъ въ лагерѣ находились въ распоряженіи Петровія. Такъ какъ онъ былъ главою многочисленнаго рода Мавромихали, изъ членовъ котораго преимущественно состоялъ отрядъ, занимавшій лагерь, то Николай нашелъ полезнымъ вручить ему высшее начальство, а самъ онъ, какъ говорилъ игумену, вполне довольствовался честью служить родинѣ. Петровій не злоупотреблялъ этимъ благороднымъ порывомъ родственника и согласился исполнить желаніе Николая, подъ тѣмъ условіемъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать безъ совѣта послѣдняго, и что Николай всегда приметъ начальство, если отрядъ этого захочетъ. Между тѣмъ ему было препоручено наблюденіе за часовыми и развѣдчиками, которые поддерживали сношеніе между лагерями. Переѣздивъ часовыхъ на маякѣ, Николай отправился съ обоими юношами къ Петровію. Онъ былъ занятъ разгрузкой муловъ, но, увидавъ сына, бросился къ нему.

— Слава Богу, — воскликнулъ онъ: — что ты спасенъ, но мы уже давно васъ ждали обоихъ, отчего вы такъ замѣшкались? О Митсось, какъ я тебѣ благодаренъ за твою помощь! Идите теперь съ Николаемъ въ мой шалашъ. Я послѣдую за вами, когда покончу дѣло, и мы тогда позавтракаемъ.

Выгрузка пороха, по мнѣнію Петровія, требовала большой осторожности. Онъ получался въ корзинахъ, которыя подвязывались по обѣимъ сторонамъ муловъ, и былъ сверху покрытъ углемъ или какимъ нибудь сельскимъ произведеніемъ. Эти корзины бережно относились въ магазинъ, а тамъ порохъ разсыпался въ маленькія бутылки, вмѣстѣлище которыхъ равнялось обычному пантронташу.

Такихъ бутылокъ было приготовлено 800, по одной на каждого молодца, а то количество пороха, которое осталось бы послѣ ихъ пополненія должно было сохраняться въ легкихъ деревянныхъ ящикахъ, болѣе удобныхъ для перевозки на мулахъ, чѣмъ корзины.

Цѣлый день прибывали въ лагерь новыя группы добровольцевъ по 8 и 10 человекъ, и получались вѣсти изъ другихъ лагерей, что и тамъ силы быстро пополнялись. Между прочимъ присоединились къ патріотамъ пятьдесятъ человекъ изъ Навплии и Аргосской равнины, въ числѣ которыхъ были отецъ Андрей и Константинъ. Митсось былъ назначенъ адъютантомъ къ Николаю и потому остался въ лагерѣ Мавромихали, но вообще при распредѣленіи лицъ строго держались географическихъ условій, такъ какъ Петровій зналъ по опыту, что люди, близкіе другъ къ другу, храбрѣе дерутся вмѣстѣ. Каждый лагерь былъ организованъ по образцу лагеря Мавромихали, и начальники ихъ добровольно подчинились высшей власти Петровія, такъ какъ до сихъ поръ еще не возникали ссоры, вполнѣдствіи нанесшія столько вреда патріотамъ. Къ тому же клубъ гетеріи со времени бѣгства князя Александра Ипсиланти строго приказалъ, чтобъ управленіе дѣлами на югѣ было сосредоточено въ рукахъ кого либо изъ мѣстныхъ вождей, причемъ прямо указалъ на Петровія или Николая.

Прошла недѣля; лагеря были переполнены людьми, и Петровій съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій. Благодаря принятымъ предосторожностямъ и счастливому случаю, не произошло еще ни одного столкновенія съ турками, и, повидимому, Каламата ничего не подозрѣваетъ. Два дня тому назадъ было получено извѣстіе, что два турецкихъ военныхъ судна были отправлены для защиты этого города и спасенія турецкихъ его жителей въ случаѣ возстанія грековъ; но, несмотря на то, что съ утра до вечера наблюдали съ маяка за бухтой, не виднѣлось и слѣда этихъ кораблей.

Наконецъ 2-го апрѣля въ полдень развѣдчикъ съ маяка явился въ лагерь и объявилъ, что маленькій отрядъ турокъ въ двѣнадцать вооруженныхъ человекъ и съ обозомъ муловъ поднимался по горному проходу изъ Каламаты.

— Остановить ихъ!—скомандовалъ Петровій и послалъ двадцать человекъ на подкрѣпленіе маячнаго поста, а еще дюжинѣ приказалъ быть наготовѣ, чтобы отправиться туда же при первой надобности.

Прошло нѣсколько времени, и послышалась перестрѣлка, а затѣмъ, спустя полчаса, получила вѣсть о томъ, что приказаніе Петровія исполнено, и турки остановлены.

Петровій вскочилъ изъ-за стола, за которымъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Николаемъ, и громко воскликнулъ, сверкая глазами:

— Наконецъ-то наступила минута жатвы!

Не теряя ни секунды, онъ тотчасъ отправилъ своего адъютанта

Яни съ приказаніемъ, чтобъ за часъ до заката солнца вся армія выступала въ Каламаты. Всюду начались энергичные сборы, но, несмотря на общее одушевленіе, нигдѣ не были нарушены порядокъ и строгая дисциплина. Все дѣлалось быстро, но аккуратно и методично. Къ четыремъ часамъ окончены были всѣ приготовления, и мулы навьючены багажемъ и снарядами.

Между тѣмъ нѣсколько нарочно отряженныхъ для этого людей нанесли груды дровъ на вершину горы для костра, который долженъ былъ служить маячнымъ сигналомъ не только для другаго маяка въ Басеѣ, но и для патриотовъ въ селеніяхъ Мессенской равнины. Митсосу было поручено зажечь этотъ маякъ, который долженъ былъ распространить по всей Греціи огненное слово свободы, какъ только наступитъ темнота, а затѣмъ онъ долженъ былъ присоединиться къ отрядамъ, которые со всѣхъ сторонъ стянутся къ Каламатѣ.

Въ 5 часовъ началось общее движеніе, и Митсось, оставшись одинъ въ лагерѣ, свободно поужиналъ, а затѣмъ сталъ ждать ночи, въ которую суждено было народиться Греціи. День былъ жаркій, душный, и юноша, отправивъ съ обозомъ теплый шерстяной плащъ, данный ему Николаемъ взамятъ того, который онъ бросилъ во время бѣгства изъ Триполи, — былъ одѣтъ въ полотняной рубашкѣ и такихъ же шароварахъ и открытой албанской курткѣ. Въ воздухѣ было тихо, но съ вершинъ Тайгета тихо надвигались облака. Хотя къ закату солнца они застилали все пространство до Итома, но сверху небо было чисто, и маячный пикъ рельефно выдавался въ окружающемъ полусвѣтѣ. Задолго до наступленія темноты Митсось отправился къ маяку и устроилъ тамъ большой костеръ изъ дровъ, валежника и сухого мха. Едва успѣлъ онъ окончить свою работу и уже собирался внизъ за тлѣвшими углями, которые при вѣтрѣ быстро разожгли бы костеръ, какъ сталъ накрапывать дождь. Юноша быстро закрылъ сосновыми вѣтвями приготовленный костеръ и побѣжалъ внизъ, но дождь усиливался, и поднялась сильная гроза. Однако онъ набралъ въ свою шапку горсть горячихъ углей и, снеся ихъ въ шалашъ, сталъ разжигать на нихъ груды почернѣвшихъ углей.

Между тѣмъ наступила ночь темная, ненастная. Положеніе Митсоса было критическое. По всѣмъ вѣроятіямъ, костеръ такъ помогъ, что не было возможности его зажечь. Но тутъ юноша вспомнилъ, что Петровій оставилъ ему фляжку со спиртомъ. Но не успѣлъ онъ достать ее, какъ услышалъ невдалекѣ шаги какого-то человѣка, поднимавшагося по горной тропинкѣ.

Кто бы это былъ? Едва ли это могъ быть какойнибудь оставшій грекъ или гонецъ отъ Петровія, или заблудившійся поселянинъ; скорѣе всего на лагерь набрелъ какойнибудь турокъ, и Митсось, выйдя изъ шалаша, сталъ озираться во всѣ стороны. Почти

въ ту же минуту сверкнулъ въ темнотѣ огненный языкъ, и пуля, пролетѣвъ мимо его головы, вонзилась въ одну изъ жердей шалаша.

— Кто идетъ? — воскликнулъ Митсось, взводя курокъ у своего пистолета, но вмѣсто отвѣта послышался второй выстрѣлъ.

Юноша спрятался за уголь шалаша и сталъ дожидаться, чтобъ невидимый врагъ подошелъ поближе. Но шаги стали удаляться, и Митсось пустился въ догону за незнакомцемъ, который очевидно былъ турокъ и могъ оповѣстить Спарту о наступленіи на Каламату возставшихъ грековъ.

Спустя три минуты, Митсось догналъ своего врага. Тотъ остановился и выстрѣлилъ въ него изъ ружья, но не попалъ, и также безплоденъ былъ второй выстрѣлъ изъ пистолета. Онъ еще разъ прицѣлился изъ ружья, и юноша видя, что ему грозитъ вѣрная смерть, съ отчаянья бросилъ ему въ лицо изо всей силы пистолеть. Онъ зашатался, забрызганный кровью, а Митсось бросился на него, выхватилъ изъ его рукъ ружье и нанесъ ему смертельный ударъ прикладомъ по головѣ. Онъ грохнулся на землю, и юноша почувствовалъ на своихъ рукахъ и одеждѣ что-то мокрое, мягкое. Онъ остановился, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли убилъ турка, а потомъ бѣгомъ пустился къ маяку.

Только теперь онъ увидалъ, что у него на рукѣ была рана, изъ которой текла кровь. Онъ оторвалъ отъ рукава рубашки кусокъ полотна, перевязалъ рану и, захвативъ уголь и спиртъ, продолжалъ свой путь къ маяку. Какъ онъ ожидалъ, костеръ совѣмъ промокъ, и невозможно было его зажечь. Конечно, съ помощью углей, еще тлѣвшихъ въ его шапкѣ, и спирта можно было поддержать огонь, но надо было прежде всего получить этотъ огонь, а это было невозможно, такъ какъ все вокругъ пропиталось дождемъ.

Неожиданно свѣтлая мысль озарила голову Митсоса: онъ снялъ съ себя рубашку, которая оставалась сухой, завернулъ въ нее угли и сталъ дуть на нихъ изъ всѣхъ силъ. Наконецъ появился маленькій огонекъ; Митсось подлилъ въ него спирта, и огонь весело запылалъ, пожирая рубашку. Тогда юноша захихалъ ее въ самую середину костра, гдѣ еще находилось сухое топливо и сталъ сверху поливать спиртомъ. Мало-по-малу дрова загорѣлись, и Митсось старательно поддерживалъ пламя спиртомъ и сухими полѣньями, которыя онъ выхватывалъ изнутри костра и бросалъ въ огонь. Наконецъ весь костеръ представилъ пылающую грудку, которую не могъ затушить дождь, все болѣе и болѣе ослабѣвавшій.

Тогда Митсось почувствовалъ въ спинѣ холодъ, такъ какъ дождь пронизалъ его обнаженное тѣло, а въ груди боль отъ огня, противъ котораго онъ не принималъ никакой предосторожности. Мысль о великомъ дѣлѣ, которое онъ совершалъ, объ освобожденіи Греціи, которое предвѣщала свѣтъ этого маяка, не давала ему до сихъ поръ времени подумать о себѣ. Теперь онъ отскочилъ отъ костра, и глаза его неожиданно остановились на горизонтѣ.

Что это такое? На самомъ горизонтѣ свѣтилась какая-то большая звѣзда. Нѣтъ, это не могла быть звѣзда. Она находилась слишкомъ низко, и свѣтъ ея былъ красный. Къ тому же за ней чернѣлась гора. Очевидно, это былъ отвѣтный свѣтъ маяка въ Бассѣ.

Митсось вернулся въ лагерь, отыскалъ тѣло убитаго имъ турецкаго солдата и взялъ его пистолеть и ружье. Затѣмъ онъ покрылъ трупъ сосновыми вѣтвями, чтобы предохранить его отъ хищныхъ звѣрей, и перекрестившись, какъ всегда дѣлаетъ грекъ передъ мертвецомъ, побѣжалъ подъ гору за своимъ отрядомъ.

Греки двигались тихо, такъ какъ хотѣли подойти къ Каламатѣ за часъ до разсвѣта. Поэтому Митсось скоро ихъ нагналъ на привалѣ у подножія Тайгета. Отыскавъ Петровія у разведеннаго костра, онъ только что хотѣлъ передать ему о томъ, что онъ сдѣлалъ, какъ послѣдній съ улыбкой махнулъ рукой и продолжалъ свой разговоръ съ Николаемъ и отцомъ Андреемъ.

— Такъ слышишь, отецъ Андрей,—говорилъ онъ:—городъ надо взять во что бы то ни стало, но чѣмъ мы меньше потеряемъ людей, тѣмъ лучше. Я предпочелъ бы капитуляцію штурму, но безъ всякихъ условій. Всѣ турки... Ты понимаешь?

— Понимаю,—отвѣчалъ отецъ Андрей.

— Луна ихъ пожретъ своими лучами,—продолжалъ Петровій:—а теперь, о. Андрей, пойди, отдохни. Ну, Митсось, мы видѣли, какъ ты зажегъ маякъ, но какъ ты это сдѣлалъ въ дождь, я, право, не понимаю. Рассказывай-ка!

Митсось молча раскрылъ свою куртку и показалъ обнаженную грудь.

— Рубашка иногда очень полезна,—произнесъ онъ и подробно рассказалъ о случившемся.

— На этомъ юношѣ Божіе благословеніе,—промолвилъ тихо Петровій, когда онъ кончилъ свой рассказъ, и съ удивленіемъ взглянулъ на него.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Ночью сильный вѣтеръ разогналъ облака, и солнце взошло на свѣтломъ голубомъ небѣ. Прежде чѣмъ выступить въ путь послѣ кратковременнаго отдыха, Петровій созвалъ вождей остальныхъ трехъ лагерей и далъ имъ окончательную инструкцію. Три роты изъ майнозовъ, аргонидцевъ и лаконидцевъ должны были атаковать цитадель, а аркадцамъ предстояло соединиться съ двумя ро-

тами изъ Мессены и, направившись на гавань, уничтожить тамъ всѣ суда, кромѣ четырехъ легкихъ барказовъ, ждѣть прибытія турецкихъ военныхъ кораблей. Мессенцы съ благороднымъ патриотизмомъ просили Петровія назначить начальника трехъ ротъ, не выставляя своего мѣстнаго кандидата, и онъ указалъ имъ на Никиту изъ Спарты, который пользовался большою популярностью и недавно вернулся съ Ионическихъ острововъ, такъ какъ турки дорого оцѣнили его голову въ случаѣ его выдачи.

Цитадель Каламаты стояла на возвышеніи въ милѣ разстояніи отъ гавани, но она была малаго размѣра, и ее соединяло съ гаванью ничѣмъ не укрѣпленное предмѣстье, жители котораго занимались торговлей и производствомъ шелка. Самая же цитадель была защищена со всѣхъ сторонъ стѣною, и три ея стороны выходили на крутые утесы въ тридцать футовъ вышины. На западѣ подѣ самой стѣной извивался горный потокъ, который лѣтомъ пересыхалъ, но теперь былъ переполненъ водою отъ таянія снѣговъ на горныхъ вершинахъ. Съ этой стороны городъ былъ неприступенъ, особенно для грековъ, которые не имѣли пушекъ, а были снабжены лишь старыми ружьями; точно также была бы только потерей времени атака съ сѣвера или востока. Однако на сѣверѣ были въ стѣнѣ ворота, которыя выходили на каменные ступени, выбитыя въ утесѣ. Поэтому планъ Петровія заключался въ томъ, чтобъ сразу овладѣть нижнимъ не защищеннымъ городомъ и, поставивъ отрядъ солдатъ передъ сѣверными воротами, блокировать цитадель, изъ которой не было другаго выхода. На это дѣло онъ назначалъ три роты, а остальные три должны были отрѣзать гавань отъ города.

Такимъ образомъ на разсвѣтѣ и подѣ прикрытіемъ сильнаго тумана греческая армія раздѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ спустилась въ гавань, а другая, обойдя цитадель, направилась къ нижнему городу. Спустя полчаса, солнечные лучи разогнали туманъ, и часовые на цитадели неожиданно увидели передъ собою три роты солдатъ на разстояніи полмили. Тотчасъ забили тревогу, и вѣсть о наступленіи грековъ распространилась съ быстротою молніи по нижнему городу. Немедленно улицы наполнились толпами мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые въ испугѣ метались во всѣ стороны. Но черезъ нѣсколько времени эти толпы двинулись по двумъ опредѣленнымъ направленимъ—въ цитадель и въ гавань. Въ это время греки тихо, безмолвно заняли городъ безъ одного выстрѣла, не нанося ни малѣйшаго вреда перепуганнымъ жителямъ, а только возбраняя имъ искать спасеніе въ Триполи. Къ западу отъ города находился мостъ, перекинутый черезъ потокъ, и тамъ Петровій поставилъ нѣсколько сотъ человекъ, чтобъ помѣшать кому нибудь покинуть городъ съ этой стороны, но вскорѣ понадобилось сосредоточить свѣ силы въ городѣ, и Яни дано порученіе уничтожить мостъ. Онъ былъ деревянный, но уже сдѣланы были приготовленія

построить желѣзный, а потому рядомъ лежало нѣсколько брусковъ. Одинъ изъ нихъ обратили въ рычагъ, и съ его помощью двадцать здоровенныхъ молодцевъ подняли съ полдюжины досокъ, а находившіяся подъ ними бревна подпилили. Черезъ нѣсколько минутъ мостъ обрушился и былъ унесенъ теченіемъ. Между обѣими сторонами потока образовалась бездна, и путь изъ города былъ пресѣченъ испуганнымъ жителямъ.

Тамъ и сямъ виднѣлись одинокіе дома, которые были закрыты и защищены изнутри, но вообще всѣ жилища были покинуты ихъ обитателями и стояли настежь открытыми. Только одинъ турокъ оказалъ сопротивленіе и, выстрѣливъ изъ окна, убилъ грека. Самъ Петровій съ нѣсколькими молодцами ворвались въ домъ, и тамъ слышались выстрѣлы. Затѣмъ они вернулись и молча продолжали свой путь.

Площадь нижняго города находилась прямо подъ цитаделью, и на сѣверной ея сторонѣ стояло нѣсколько шелковыхъ мастерскихъ. Всѣ онѣ были покинуты хозяевами и рабочими, а потому Петровій помѣстилъ тамъ отрядъ изъ Майны. Какъ только этотъ отрядъ и аргосцы прошли черезъ весь городъ, побуждая жителей искать спасенія или въ цитадели или въ гавани, были вызваны спартанцы, сдерживавшіе бѣглецевъ на восточной сторонѣ, и расположили ихъ противъ цитадели съ юга. Между тѣмъ, аргосцы были раздѣлены были на двѣ части: одна сторожила ворота на сѣверѣ, а другая заняла мѣстность между майнотами и рѣкой. Такимъ образомъ блокада цитадели была полная: съ запада и востока ее окружали непроходимые утесы, съ юга греческая армія, а съ сѣвера ворота, у которыхъ стояли аргосцы.

Туркамъ были открыты три пути къ спасенію: они могли или сдѣлать вылазку, какъ только появятся ихъ военныя суда, и достигъ моря, или вступить въ бой съ греками и возстановить сношенія съ Триполи, или выдержать осаду до полученія помощи извнѣ. Въ первыя минуты паники, объявшей жителей при неожиданномъ появленіи грековъ, жители бѣжали въ цитадель и переполнили ее невооруженными людьми. Каждый изъ нихъ думалъ только о себѣ и своей личной базопасности. Среди этой толпы бѣглецевъ были сотни грековъ; нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ голову отъ страха, скрылись въ цитадели, но большинство присоединилось къ своимъ соотечественникамъ, жалуясь на перенесенныя отъ турокъ жестокости. Петровій принялъ въ ряды своей арміи всѣхъ, которые желали служить родинѣ и годились на военную службу, и поручилъ имъ розыскать по домамъ скрывавшихся тамъ турокъ. По его приказанію, этихъ плѣнныхъ не слѣдовало ни убивать, ни подвергать дурному обращенію, а просто держать взаперти. Но дикая мечь столь много претерпѣвшихъ рабовъ не знала границъ, и всѣ турки, найденные въ домахъ, были тайно убиты.

Главная слабость цитадели состояла въ дурномъ водоснабженіи. Существовалъ въ ней только одинъ колодезь, и его не было достаточно для потребностей того громаднаго числа людей, которые искали тамъ спасенія. Около полудня, Димитрій, командовавшій сѣвернымъ отрядомъ, замѣтилъ, что со стѣнъ цитадели опускаютъ на веревкахъ ведра въ рѣку и поднимаютъ ихъ потомъ съ водой. Онъ взялъ нѣсколько людей и подобрался къ самой стѣнѣ: въ эту минуту надъ ихъ головами показались два ведра, и они спокойно отвязали ихъ отъ веревокъ. Продолжая эту продѣлку, они отвязали въ полчаса до двадцати ведеръ. Осажденные старались достать воды нѣсколько ниже, но тамъ утесы представляли острые углы, и ведра, зацѣпляясь за нихъ, или отрывались или выливали воду.

Между тѣмъ столбъ дыма, поднявшійся надъ гаванью, обнаружилъ, что мессенцы дѣйствовали энергично. Часть ихъ разсѣялась по берегу и жгла суда и лодки, а другая брала въ плѣнъ турокъ, штыкавшихся спасти моремъ. Нѣкоторые изъ нихъ пустились бѣгомъ черезъ равнину въ горы, но по нимъ стрѣляли, и они падали мертвые. Большинство же, видя себя между двухъ огней, отрѣзанными отъ цитадели отрядомъ Петровія и отъ моря мессенцами, сдались Никитѣ, который заперъ ихъ по группамъ въ гаванскихъ зданіяхъ. Между тѣмъ аркадцы, выстроившись вдоль берега, ждали прибытія турецкихъ судовъ и отъ нечего дѣлать курили и пѣли цѣлое утро.

Въ два часа дня начальнику турецкаго гарнизона въ цитадели, Али-агѣ, доложили, что въ морѣ показались два корабля, которые при попутномъ вѣтрѣ могли черезъ нѣсколько часовъ войти въ гавань Каламаты. Али все утро бѣсновался, въ безпомощной злобѣ видя, какъ греки уничтожали суда и лодки; запасъ у него оружія и воды былъ далеко недостаточенъ для отраженія осады и существованія бѣглецовъ, переполнившихъ цитадель. Поэтому онъ ясно понималъ, что если изъ Триполи не подоспѣетъ помощь, а на это рассчитывать было нельзя,—такъ быстро установили греки осаду, то единственной для него надеждой на спасеніе было дѣйствовать заодно съ подходившими съ моря двумя военными судами, при чемъ являлась возможность самихъ грековъ поставить между двухъ огней. Но для этого ему приходилось ждать приближенія судовъ и ихъ вступленія въ бой съ греками.

Спустя полчаса, аркадцы, стоявшіе на берегу, ясно увидѣли подходившія турецкія суда, повидимому, военныя. Никита воспользовался для встрѣчи враговъ строившимся, но неоконченнымъ молемъ, благодаря чему валялось на берегу много большихъ камней.

— Турки строили молъ, — воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ сподвижникамъ:—но Богъ и всѣ святые руководили ими на благо грековъ. Спрячьтесь за этими камнями, а когда войдутъ въ гавань, то мы незамѣтно набросимся на нихъ. Молъ скрываетъ насъ отъ моря, и турки насъ не увидятъ, пока, обогнувъ уголъ,

они очутятся въ нашихъ рукахъ. Здѣсь глубоко, и они подойдутъ близко.

Онъ потребовалъ на помощь одну изъ ротъ мессенцевъ и расположилъ 1.600 человекъ за камнями подъ защитой мола; а самъ ползкомъ добрался до его оконечности и съ улыбкой сталъ ожидать судовъ, первое изъ которыхъ уже находилось въ нѣсколькихъ стахъ футахъ отъ берега.

Подойдя къ концу мола, судно, на которомъ видѣлось много пушекъ, круто повернуло и пошло вдоль каменной стѣны на разстояніи пятидесяти футовъ. Никита приказалъ своимъ людямъ открыть огонь, какъ только судно поравняется съ ними. 1600 ружей ожидали момента для стрѣльбы.

Красиво и медленно подвигалось судно къ устроенной ему засадѣ. Матросы бѣжали по палубѣ и унизывали реи, готовясь къ спуску парусовъ и отданію якоря. На мостикѣ стоялъ капитанъ съ двумя офицерами, а на палубѣ было выстроено двѣсти молодыхъ солдатъ съ ружьями. Въ головахъ спрятанныхъ за камнями грековъ блеснула одна мысль: «сначала солдатъ», на нихъ былъ направленъ огонь сотни ружей. За этимъ залпомъ слѣдовалъ второй, третій, и турки падали, какъ кегли, а корабль продолжалъ тихо двигаться. Въ числѣ первыхъ жертвъ были капитанъ и два офицера. Всѣмъ экипажемъ овладѣла паника: одни спасались въ каютахъ, другіе прыгали въ воду, третьи, словно очарованные, стояли неподвижно, ожидая своей судьбы. Только немногіе солдаты сохранили присутствіе духа, выдвинули пушку и стали заряжать ее. Но одни за другими они падали подъ мѣткими выстрѣлами турокъ. И все-таки гордое судно не прекращало своего хода мимо направленныхъ на него ружей, и палуба его покрылась горами мертвыхъ тѣлъ. Вскорѣ некому было руководить ходомъ судна, и оно, повернувшись по вѣтру, ударилося носомъ въ противоположный низкій песчаный берегъ. Сѣвъ на мель, оно какъ бы окаменѣло, съ поднятыми, но неподвижными парусами.

Только тогда Никита и остальные греки вспомнили о второмъ суднѣ и обернувшись обратили на него свои взоры. Оно все еще находилось на разстояніи четверти мили, но на немъ видно было сильное движеніе, и Никита сталъ бояться, что не приводятъ ли турки въ движеніе свои большія орудія. Но это опасеніе продолжалось недолго; судно перемѣнило ходъ и быстро удалилось въ море. Эта недостойная трусость возбудила негодованіе грековъ, и они стали съ громкой бранью стрѣлять по бѣглецамъ, что, конечно, Никита быстро прекратилъ, не желая даромъ терять снарядовъ.

Между тѣмъ на первомъ суднѣ оставшіеся въ живыхъ тридцать человекъ съ отчаянія стали стрѣлять и даже зарядили пушку, но греки перебили еще человекъ пять или шесть, и тогда остальные бросили пушку, предпочитая защищаться ружьями. Но имъ прихо-

дилось стрѣлять въ невидимыхъ враговъ, а они служили имъ ясной мишенью. Что касается до турокъ, бросившихся въ воду, то ихъ перестрѣляли, какъ утокъ, и только одинъ выбрался на берегъ, но едва онъ успѣлъ стряхнуть съ себя воду, какъ пуля сразила его.

Пока все это происходило, Али-ага наблюдалъ изъ цитадели за гибелью одного судна и бѣгствомъ другаго. Въ ту минуту, какъ первое судно вошло въ гавань, онъ открылъ огонь по Майнотскому отряду, но греки, повинуваясь приказаніямъ Петровія, попрятались за зданія шелковыхъ мастерскихъ и даже не считали нужнымъ отвѣчать на безцѣльную стрѣльбу. Поощряемый этимъ и видя, что въ гавани происходитъ бой, онъ уже хотѣлъ двинуться къ гавани съ половиной гарнизона, какъ онъ увидаль, что одно судно сѣло на мель, а другое ушло въ море. Ему оставалось тогда одно — ждать, и дѣйствительно вылазка безъ помощи судовъ была бы безуспѣшнѣе.

Въ сумерки перестрѣлка замерла, и лодка отплыла отъ судна съ бѣлымъ флагомъ. Немногіе турки, оставшись въ живыхъ, сдались, и ихъ удалили на берегъ, гдѣ сдали подъ караулъ. Никита, отправившійся на корабль не могъ смотрѣть безъ уваженія на трупы людей, такъ мужественно сражавшихся. Вся палуба была залита потоками крови. Ружья, порохъ, деньги въ количествѣ 500 піастровъ, найденныя въ капитанской каютѣ, и все, что годилось грекамъ, было взято ими. Они даже старались стащить пушки, но это было имъ не по силамъ безъ надлежащихъ приспособленій. Подконецъ они подожгли судно, чтобъ турки снова не овладѣли имъ. Всю ночь оно горѣло пылающимъ костромъ. Такъ кончился первый день осады.

Весь слѣдующій день блокада продолжалась, но не сдѣлано было ни одного усилія—ни произвести вылазку, ни пойти на штурмъ. Горные проходы изъ Аркадіи и чрезъ Тайгетъ, по которымъ могли прійти подкрѣпленія изъ Триполи, были охраняемы Петровіемъ, который не хотѣлъ даромъ жертвовать своими людьми, зная, что могъ достичь того же терпѣніемъ. Съ своей стороны Али готовъ былъ скорѣе сдаться, чѣмъ съ своими плохо вооруженными полутора тысячею людьми пойти на бой съ шестью полками молодцевъ, въ результатъ котораго было бы полное избіеніе всѣхъ турокъ въ Кадаматѣ.

Рано утромъ на третій день стало очевиднымъ, что не дожидаться помощи изъ Триполи, и что если она когда нибудь придетъ, то повдно. Водоснабженіе изсякло, и началъ ощущаться голодъ среди толпы полубоженныхъ жителей города, которые выскочили изъ своихъ кроватей раздѣтые во время набѣга грековъ и въ этомъ видѣ искали спасенія въ цитадели. Въ греческой же арміи царили довольство и порядокъ. Греки были удобно расположены и пользовались всѣми городскими запасами; кромѣ того, они забрали значи-

тельное количество добычи, половина которой была раздѣлена между солдатами, а остальная часть предназначена Петровіемъ на военный фондъ.

Съ полчаса уже раздались звуки первой трубы, и греки собрались завтракать, какъ бѣлый флагъ взвился на угловой башнѣ, и Али-ага, одинъ съ пажемъ, который несъ трубку, направился въ лагерь осаждающихъ. Нѣкоторые изъ грековъ, испытавшіе его жестокости, окружили тирана и стали осыпать его бранью, даже плевать на него. Но онъ хладнокровно отвѣчалъ имъ избранными ругательствами и такъ громко кричалъ на нихъ, называя ихъ собаками и собачьими дѣтьми, что они мало-по-малу отстали отъ него. По дорогѣ онъ увидалъ слѣпого грека, который, сидя на землѣ, просилъ милостыню; Али остановился, распахнулъ свою красную одежду, подбитую лисьимъ мѣхомъ, вынулъ нѣсколько мелкихъ монетъ и бросилъ нищему. Потомъ онъ еще разъ остановился, снялъ туфлю съ одной ноги и выбросилъ попавшій туда камешекъ. Еслибъ онъ выражалъ хоть малѣйшій слѣдъ страха, то его убили бы сто разъ, но онъ презрительно обходился съ толпой, и она не дотронулась до него.

Петровій сидѣлъ передъ занимаемымъ имъ домомъ, когда увидалъ подходящаго турка. Онъ всталъ, поклонился и приказалъ слугѣ подать трубку. Но Али не отвѣчалъ на поклонъ и движеніемъ руки указалъ, что онъ принесъ свою трубку. Для него всѣ греки были собаками, и онъ обращался съ Петровіемъ, какъ съ своимъ рабомъ.

— Я нахожу нужнымъ сдаться, — сказалъ онъ на прекрасномъ греческомъ языкѣ, — и пришель, чтобъ сговориться насчетъ условій.

Глаза Петровія блеснули огнемъ. Онъ отличался мягкимъ характеромъ и молча сѣлъ, скрестивъ ноги, а турокъ остался стоять передъ нимъ.

— Я не соглашусь ни на какія условія, — отвѣчалъ онъ, — но и прикажу, чтобъ не было общей рѣзни, а все-таки совѣтовалъ бы тебѣ и твоимъ не выводить изъ терпѣнія грековъ своими нахальными манерами.

Али покачалъ головой, сѣлъ безъ приглашенія и махнулъ рукою пажу, слѣдовавшему за нимъ съ трубкой.

— Ты, напримѣръ, не дашь намъ свободнаго пропуска въ Триполи? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ты не оставишь намъ оружіе?

— Никогда, — отвѣчалъ Петровій со смѣхомъ и прибавилъ гнѣвно, — а вотъ что я сдѣлаю для тебя: я запрещу моимъ людямъ убить тебя сейчасъ, какъ собаку, но болѣе ничего.

Али пожалъ плечами и, взявъ трубку отъ пажа, обратился къ одному изъ стоявшихъ подлѣ грековъ съ просьбой одолжить ему уголекъ, зажечь трубку и сталъ спокойно курить.

— Твои условія жестокиа, — сказалъ онъ наконецъ, — но я не говорю, что совершенно отказываюсь ихъ принять. Только мнѣ необходимо пять часовъ на размышленіе.

— Ты надѣешься на то, что въ это время поспѣетъ помощь изъ Триполи. Нѣтъ, я не согласенъ ждать. Говори сейчасъ: да или нѣтъ.

— А если я не скажу ни да, ни нѣтъ, что тогда?

— Тогда я велю проводить тебя въ цитадель въ полной безопасности, но когда мы доведемъ васъ до голодной смерти и возьмемъ вашу твердыню, то я не отвѣчаю за твою безопасность. У насъ съ тобой и твоими давніе счета. Здѣшніе греки имѣютъ много причинъ жаловаться на тебя.

— Еще бы, собаки. Я принимаю твои условія.

— Такъ считай себя моимъ плѣнникомъ, — сказалъ Петровій, вставая и не смогря на него, — возьмите его, Христо и Горгы, а ты, Яни, прикажи, чтобъ всѣ три роты выстроились.

— А прежде дайте мнѣ еще уголекъ, — произнесъ Али, — у меня очень сырой табакъ.

Спусти полчаса, всѣ турецкіе солдаты и городскія власти вышли безоружные изъ цитадели среди двухъ рядовъ греческихъ молодцовъ. Они были тотчасъ раздѣлены между различными отрядами и сдѣлались рабами грековъ, какъ греки были столько лѣтъ ихъ рабами. Многіе были выкуплены друзьями, а многіе, по выраженію грековъ, были «пожраны луной». Греческій флагъ былъ поднятъ на башняхъ цитадели, и дѣло освобожденія Греціи, возвѣщенное Митросомъ съ Тайгетскаго маяка огненнымъ словомъ, началось.

И въ этотъ день зарожденія греческой свободы всѣ греческія сердца, терпѣливо дожидавшіяся такъ долго этой радостной минуты, ликовали, а небо и земля, повидимому, раздѣляли ихъ торжество. Солнце лучезарно свѣтило на безоблачной синевѣ; море весело катило свои волны, словно смѣясь, а зеленые луга алѣли безконечными цвѣтами.

Какъ только окончилось распредѣленіе плѣнныхъ, вся греческая армія выстроилась на площадкѣ у цитадели и вознесла горячія молитвы къ небу, благодаря его за дарованную побѣду. Въ этой открытой церкви, гдѣ солнце было лампадой, а легкій сѣверный вѣтерокъ — виміамомъ, искренно молилась первая армія свободныхъ грековъ со времени римскаго ига. Всѣ старики, которымъ не было суждено дожить до апогея свободы, и юноши, смотрѣвшіе на борьбу съ тиранами, какъ на забаву, чувствовали, что сердца ихъ бьются одной радостью на зарѣ вѣками ожидаемаго возрожденія цѣлаго народа.

Посрединѣ на небольшомъ холмѣ стояло сорокъ два священника, а впереди всѣхъ отецъ Андрей. Глаза его блестя, какъ у горнаго ястреба, и жажда кровавой мести свѣтилась въ нихъ. А когда зыч-

нымъ голосомъ, громче котораго не было въ Греціи, онъ запѣлъ «Тебѣ Бога хвалимъ», то вся тысячная толпа стала вторить ему съ радостью въ сердцѣ и слезами на главахъ.

Петровій молча смотрѣлъ на стоявшаго подлѣ него Николая, за которымъ виднѣлись Митсосъ и Яни. Крупныя слезы струились по его загорѣлому лицу. Для него, какъ и для всѣхъ окружающихъ, не было теперь ни прошедшаго, ни будущаго, а все сливалось въ одномъ лучезарномъ настоящемъ. Они были наконецъ послѣ столькихъ вѣковъ неволи свободнымъ народомъ и благодарили Бога за успѣхъ перваго удара, нанесеннаго врагамъ, за первую дарованную небомъ побѣду.

Когда молебень кончился, Петровій сказалъ Николаю:

— Старый другъ!

Но слезы помѣшали ему продолжать.

Николай отвѣчалъ также:

— Старый другъ!

Болѣе они не могли ничего произнести, да и слезы радости, катившіяся по ихъ щекамъ, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

II.

Еще два дня оставалась греческая армія въ Каламатѣ, предавая своей радости. Петровій разставилъ нѣсколько военныхъ пикетовъ на отрогахъ Тайгета и въ проходѣ изъ Аркадіи, съ цѣлью отрѣзать путь подкрѣпленію изъ Триполи, если таковое будетъ послано. Упоенные первую побѣдою, греки хотѣли прямо идти на эту твердыню, но Петровій былъ остороженъ. Онъ зналъ, что дѣло подъ Каламатой не было серьезной пробой военныхъ способностей его арміи; они, въ сущности, стояли съ сложными руками, и добыча свалилась съ неба къ ихъ ногамъ. Атаковать сильно укрѣпленную позицію съ большимъ корпусомъ было нѣчто совершенно иное. Для этого у него теперь не было довольно ни людей, ни оружія, и благоразуміе требовало довольствоваться небольшими стычками, пока возстаніе не распространится по всей странѣ и не сдѣлается общимъ. Поэтому онъ остался въ Каламатѣ, дожидаясь извѣстій съ сѣвера Мореи о послѣдствіяхъ тамъ зажженія маяковъ и въ надеждѣ соединить свои силы съ отрядами изъ Патраса и Мегаспелайона. Какъ главнокомандующій первой греческой арміи, вступившей въ бой съ турками, онъ издалъ прокламацію и заявилъ, что греки рѣшились свергнуть съ себя магометанское иго, и просилъ помощи всѣхъ христіанъ для ихъ единовѣрцевъ, боровшихся за свободу.

Между тѣмъ епископы и духовенство Мореи, приглашенные въ Триполи въ концѣ марта, воспользовались стратегемой, придуманной Митсосомъ, и воздержались отъ этой поѣздки. Германъ, говорившій

и писавшій потурецки, составилъ подложное письмо, будто бы написанное отъ дружественно настроеннаго турка изъ Триполи, который предупреждалъ его, что Магометъ-Саликъ, подозрѣвая близкое востаніе грековъ, хотѣлъ убить двухъ или трехъ выдающихся духовныхъ лицъ, и тѣмъ убить двухъ зайцевъ: навести панику на весь народъ и лишить его вождей. Съ этимъ подложнымъ письмомъ въ карманѣ онъ спокойно отправился къ Калавриту, гдѣ находились въ сборѣ всѣ высшіе представители духовенства. Германъ прибылъ туда вечеромъ и, прежде чѣмъ лечь спать, далъ письмо своему слугѣ, Ламбросу, и приказалъ ему отправиться по дорогѣ въ Триполи, а около полудня вернуться и, встрѣтивъ ихъ на полупути, отдать Герману письмо, объяснивъ, что онъ получилъ его отъ встрѣтившагося ему турка, который просилъ какъ можно скорѣе передать его Герману.

Ламбросъ, имѣвшій пристрастіе южанина ко всему таинственному и драматическому, исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе, и когда духовныя лица, отправившись утромъ въ путь, остановились для полудневнаго отдыха, онъ подскочилъ къ нимъ, соскочилъ поспѣшно съ лошади и подаль своему господину подложное письмо. Германъ пробѣжалъ его съ удивленіемъ и страхомъ, а потомъ прочелъ въ слухъ товарищамъ, которые пришли въ ужасъ. Никто не зналъ, что дѣлать, и всѣ ждали авторитетнаго совѣта Германа.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ, братья, — сказалъ онъ, — если вы одобрите мой планъ. Я пошлю это письмо моему почтенному другу Магомету-Салику, котораго я все-таки считаю таковымъ, и попрошу, чтобъ онъ поручился за нашу безопасность, конечно, только для проформы, что онъ и сдѣлаетъ немедленно, если другой мой почтенный другъ, написавшій это письмо, введенъ въ заблужденіе. Но пока намъ необходимо дѣйствовать согласно его предостереженію, принимая его за справедливое. Поэтому я предлагаю, чтобъ мы разѣхались и окружили себя небольшимъ числомъ тѣлохранителей. А прежде чѣмъ придетъ отвѣтъ, — прибавилъ онъ, пристально смотря на всѣхъ патріотовъ, — можетъ быть, у насъ на рукахъ будетъ другое дѣло.

Быть можетъ, нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ догадались, что письмо подложное, но они были слишкомъ рады предлогу не ѣхать въ Триполи и охотно приняли планъ Германа.

Затѣмъ наступили десять дней лихорадочнаго ожиданія, во время котораго Петровій подготавливалъ взятіе Каламаты. Вечеръ за вечеромъ люди взбирались на горную вершину, гдѣ былъ собранъ матеріалъ для маяка, и съ нетерпѣніемъ смотрѣли на горизонтъ, карауля, не засвѣтится ли вдали маякъ. И каждое утро они возвращались къ своимъ товарищамъ патріотамъ, говоря: «Ничего, ничего». Наконецъ въ одну темную ночь показался желанный свѣтъ, и зажглись маяки по всей странѣ съ юга до сѣвера съ главной

вѣстью о наступленіи зари греческой свободы. Въ Калавритѣ, гдѣ былъ нанесенъ первый ударъ на сѣверѣ, турки были еще менѣе подготовлены къ защитѣ, чѣмъ въ Каламатѣ, и 3-го апрѣля городъ сдался также подъ условіемъ, что не будетъ поголовной рѣзни. Этотъ городъ былъ не важный, но обладаніе имъ имѣло громадное значеніе для возставшихъ грековъ, такъ какъ онъ лежалъ среди богатѣйшей во всей Греціи долины и вблизи Мегаспелайона и сдѣлался центромъ ихъ дѣйствій на сѣверѣ. Кромѣ того, въ Калавритѣ жило нѣсколько очень богатыхъ турокъ, и ихъ деньги, попавшія въ руки грековъ, были большою помощью для веденія войны.

Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, Петровій рѣшился дѣйствовать. Успѣхъ на сѣверѣ доказывалъ, что тамъ не нуждались въ помощи, а совмѣстныя дѣйствія двухъ армій, гнавшихъ турокъ съ юга и сѣвера въ Триполи, главную твердыню Порты въ Греціи,—составляли уже давно его излюбленную мечту. Однако тѣмъ болѣе надо было дѣйствовать осторожно и трезво; при извѣстіи о взятіи Калаврита его молодцы стали требовать немедленнаго похода на встрѣчу сѣверянамъ и осады Триполи, но Петровій, котораго стойко поддерживалъ Николай, выказалъ твердость Тайгета: такой шагъ могъ только кончиться катастрофой, потому что они еще не были опытны въ военныхъ дѣйствіяхъ и могли разомъ погубить святое дѣло греческой свободы. Они должны еще научиться азбукѣ войны, и лучшей школы было трудно придумать, какъ ихъ лагерь на скалахъ Тайгета, гдѣ не могла дѣйствовать противъ нихъ турецкая конница. Поэтому, сдѣлавъ громадныя бреши въ стѣнахъ цитадели, засыпавъ колодезь и уничтоживъ ея значеніе, какъ твердыни, Петровій отвелъ свою армію обратно въ лагерь на горномъ откосѣ, но уже съ лучезарной славой побѣдителя.

Спустя три ночи, Яни и Митесось сидѣли послѣ ужина у бивачнаго огня.

— О Яни,—говорилъ Митесось:—ты теперь сталъ такой толстый поросенокъ отъ долгого откармливанія въ Триполи, что, право, жаль, что нельзя тебя поджарить.

— Еслибъ тебя такъ откармливали, Митесось, какъ меня,—отвѣчалъ Яни:—то ты былъ бы еще толще.

— Вѣдный Магометъ,—продолжалъ Митесось со смѣхомъ:—онъ даромъ старался. Знаешь, что, Яни, въ прошедшемъ году въ Навилии показывали на ярмаркѣ толстую женщину, но, право, ты толще ея. Нѣтъ, серьезно, я ненавижу толстяковъ, и тебѣ надо скорѣе похудѣть. Вотъ посмотри на дядю Николая,—продолжалъ юноша, не замѣчая, что Николай выпелъ изъ своего шалаша и стоялъ за ними:—онъ выше тебя на двѣнадцать вершковъ и на сорокъ лѣтъ старше, а тебѣ не препоясаться его ремнемъ.

— Полно болтать пустяки,—сказалъ Николай, весело смѣясь:—идите оба ко мнѣ; для васъ готова работа.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Адамовичъ, С. Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи съ приложеніемъ таблицъ первоначальныхъ чиселъ до 10.000, нечетныхъ составныхъ до 10.000 и т. д. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.

Альбомъ въ память священнаго коронованія 14-го мая 1896 г. Рисунки торжествъ Священнаго Коронованія. Въ альбомѣ 245 рисунковъ на 59 листахъ. М. 1898 г. Ц. въ переплѣтъ 4 р., въ переплѣтъ 5 р.

Александръ II, Царь-Освободитель. Е. Л. Съ портретомъ и тремя рисунками. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Аметистова, Н. Когда люди будутъ любить другъ друга? (новое воспитаніе и образованіе дѣтей). Харьковъ. 1898 г. Ц. 8 к.

Багреева-Сперанская, Е. Аонскій подвижникъ. Разсказъ изъ жизни ва Аонѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Балобанова, Е. Рейнскія легенды. Илюстраціи А. Шнейдера. Спб. 1898 г. Ц. въ переплѣтъ 1 рубль.

Барановская, А. Легкая азбука. Первая книжка для дѣтей. Съ прописями, картинками и матеріаломъ для рисованія по сѣткѣ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Бееръ, в. Руководство къ примѣненію устава о гербовомъ сборѣ. Орель. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Блюкоровъ, С. О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1898 г. Ц. 3 р.

Бертло, М. Наука и нравственность. Извлеченіе изъ Science et morale, съ предисловіемъ К. Тимирязева. М. 1898 г. Ц. 60 к.

Боровъ, Евгений (проф.). О понятіи бытія. Ученіе Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.

— Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань. 1898 г. Ц. 35 к.

Бокъ, Э. (проф.). Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Перев. съ 16-го нѣмецк. изд. подъ редакціи д-ра В. И. Рамма. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. за три тома 4 р.

Брамсонъ, Ф. Краткіе очерки классической мифологіи для учащихся обоего пола. Изд. 4-е, испр. и дополн. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Брандесъ, Г. Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Англійская литература. Натурализмъ отъ Англій. Озерная школа. Байронъ и его группа. Перев. съ нѣмец. М. Юлшина. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками Н. К. Айвазовскаго и др. Изд. 2-е, вновь обработанное и дополненное. М. 1898 г. Ц. 3 р.

Бриллиантовъ, А. Іоаннъ Скотъ Эригена и его отношеніе къ богословію восточному и западному. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Булгаковскій, Д. Что такое пьянство и какъ избавиться отъ него? Народное чтеніе со свѣтвыми (туманными) картинками. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

— Горь горемычное. Старья и новья рѣчи противъ пьянства и его ужаснѣйшихъ послѣдствій и добрые совѣты, какъ избавиться отъ него. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

— Какъ отстать отъ вина. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.

— Эхо. Пьянство и его послѣдствія въ рисункахъ. Альбомъ въ 17 рисункахъ и 9 раскрашенныхъ снимкахъ съ внутреннихъ органовъ здороваго человѣка и пьяницы. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Булгаковъ, Ф. Венера и Аполлонъ въ живописи и скульптурѣ. 40 фотогравюръ, in-folio, съ наилучшихъ произведеній знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи возрожденія. Съ познательнымъ описаніемъ произведеній и біографіями ихъ авторовъ. Вып. VIII. Спб. 1898 г. Ц. по подпискѣ на 8 вып. 16 р.

Бульверъ-Литтонъ, Э. Ренци, послѣдній изъ римскихъ грибуновъ. Переводъ съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

- Бургардъ, В.** Полный практическій и теоретическій курсъ французскаго языка для взрослыхъ. 4 изд., испр. и дополн. Ч. II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бурже, П.** Три новеллы. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Вансель, Л.** Руководство для начинающихъ охотиться съ ружьемъ и легавой собакой. Изданіе пятое, иллюстрированное и дополненное соответственно современнымъ условіямъ охоты и ружейной техники. Редакція П. В. Сивьсарева. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Венгеровъ, С.** Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XXVII. Бунаковъ-Бутлеровъ. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Вересаевъ, В.** Очерки и рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вернь, Ж.** Южная звезда. (Страна алмазовъ). Романъ. Съ рис. М. 1898 г. Ц. 35 к.
- Виндельбандъ.** Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. проф. А. М. Введенскаго. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Волновъ, Л.** Итоги польско-русскаго примиренія. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Воронинъ, Л.** Соломея. Повѣсть изъ быта сектантовъ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Гаане, В.** Происхожденіе животнаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго. Вып. I. Ц. по подпискѣ на 15 вып. 6 р.
- Гасселькусъ, П.** Очерки промысловъ Россіи. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Герценштейнъ, Г.** (д-ръ). Краткій очеркъ домашней гимнастики. Съ 8 рис. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Гиддингсъ, Г.** Основанія социологіи. Анализъ явленій ассоціаціи и социальной организаціи. Перев. съ англ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Глаголевъ, М.** Краткое ученіе объ оснѣ и оплодотвореніи. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусствъ. Т. III. Вып. 9-й. Съ 6 раскраш. таблицами и 164 рис. Спб. 1898 г. Ц. по подпискѣ на 12 вып. 12 р.
- Гобчанскій, I.** Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Голубевъ, Г., и Дм. Суриновъ.** Новобранецъ. Для молодыхъ людей, поступающихъ на военную службу. М. 1898 г. Ц. 10 к.
- Голубинскій, Ф.** Лекціи философіи. Метафизическая психологія. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Гофманъ, М.** Ботаническій атласъ по системѣ де-Кандоля. Вып. 8-й. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 10 к.
- Грефъ, М.** Альбомъ рисунковъ древне-германской и готической комнатной мебели въ примѣненіи къ современнымъ требованіямъ. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Гуринъ, Ев.** Современное лѣченіе ревматизма суставовъ и мышцъ мѣстной и общей дезинфекціей. Изд. 3-е, дополн. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 коп.
- Происхожденіе и коренное лѣченіе герморы. Изд. 2-е, доп. Кіевъ. 1898 г. Ц. 15 к.
- Мочеполовыя болѣзни. Бѣли и перелон, какъ причина глубокихъ заболѣваній всего организма. Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- Чахотка. Вып. I. Природа, признаки, распознаваніе и предупрежденіе ея. Изд. 2-е. Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- Hutte.** Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ, съ дополненіями для русскіхъ техниковъ, подъ редакціей инженера Г. Л. Зандберга. Изд. 4-е, переработанное. Болѣе 1.100 чертежей. М. 1898 г. Ц. за 2 тома 5 р.
- Дебэ, А.** Гигіена удовольствій сообразно возрасту, темпераменту и времени года. Перев. съ 12-го франц. изд. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Дмитріевъ, В.** Отъ совѣсти. Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 9 к.
- Доброхотовъ, Н.** Путевыя замѣтки по городамъ между Одессой и Владивостокомъ и путеводитель для туристовъ. Одесса. 1898 г. Ц. 35 к.
- Додэ, А.** Волненія красной куропатки. Рассказы для дѣтей. Перев. съ франц. А. Погожевой. М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Дорогобузинновъ, Иванъ Сусанинъ,** какъ онъ подожилъ жизнь за царя. Изд. 9-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.
- Дюпрель, К.** (д-ръ). Загадочность человѣческаго существа. Введеніе въ изученіе оккультическихъ наукъ. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Дьяконовъ, М.** Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII в.). Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жебелевъ, С.** Изъ исторіи Аонія. 229—31 годы до Р. Хр. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Житецкій, П.** Теорія поэзіи. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Очерки изъ исторіи поэзіи. Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ.** Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Повседневныя записки генералнаго Ея Императорскаго Величества дежурства. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ. Вып. 2-й. 1752 г. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Загоскинъ, М.** Полное собраніе сочиненій Т. IV. Спб. 1898 г. Ц. по подпискѣ на 10 томовъ 15 руб.
- Засодимскій, П.** Черныя вороны. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.
- Зброжень, О.** Курсъ внутреннихъ водныхъ сообщеній. Съ атласомъ изъ 136 таблицъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 12 р. 50 к.
- Землевѣдѣніе.** Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 1898 г. Книжка I—II. Подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Золотаревъ, Л.** Этика брака. М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Золя, Э.** Парижъ. Романъ. Переводъ съ французскаго М. Л. Лихтенштадтъ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Зудерманъ, Г.** Тихое счастье. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ Владимірова. М. 1898 г. Ц. 1 р.

*) **Ивашенцовъ, А.** Охота и спортъ. 180 рисунковъ въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 4 р.

Избранныя рѣчи Бисмарка до учрежденія сѣверо-германскаго союза (1847 - 1867). Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Изоумовъ, Н. Сооруженіе обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ. I. Полныя таблицы кривыхъ. Для строителей, инженеровъ и техниковъ. М. 1898 г.

Исаевъ, А. Начала политической экономіи. Изд. четвертое дополн. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

*) **Найгородовъ, Д.** Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. VIII. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Нартавовъ, М. Думы и мукы. Стихотворенія. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Наръевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I. Вып. II. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Kastex, A. Гигіена голоса для пѣвцовъ, певцовъ, ораторовъ и разговорной рѣчи. Перев. съ франц., съ рис. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Нязевъ, Г. Братья Кирѣевскіе. Біографическіе очерки. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Комаровскій, Л. А., гр. (проф.). Успѣхъ идеи міра. М. 1898 г. Ц. 80 к.

Королевъ, С. Сборникъ важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ и упражненій для начального обученія. М. 1898 г. Ц. 25 к.

Котвичъ, Вл., и Бродовскій, Л. Ляо-дунъ и его порты: Портъ-Артуръ и Да-Лянь-Вань. Историко-географическій очеркъ. Съ картою Ляо-дуна и двумя планами. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Кочетова, О. Краткая пластическая анатомія для начинающихъ. Съ 90 рис. на отдѣльн. 7-ми таблицахъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Кошвицъ, Э. Руководство къ изученію французской филологіи. (Для студентовъ, учителей и учительницъ). Съ приложеніемъ статьи: О лѣтнихъ ваканціонныхъ курсахъ въ Парижѣ и Марбургѣ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ общей патологической анатоміи. Составленъ по руководствамъ Орта, Циглера, Ивановскаго и др. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Крестный календарь на 1899 годъ. Ц. 15 к.

Нуницкій, С. Краткія общія указанія и главнѣйшія данныя для проектированія мостовыхъ сооружений. Съ 8-ю таблицами. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.

Куперъ, Ф. Браво. Романъ. М. 1898 г. Ц. 60 к.

— **Сатанстоа.** Романъ. М. 1898 г. Ц. 60 к.

— **Морскіе львы.** Романъ. М. 1898 г. Ц. 50 к.

— **Слѣдопытъ.** Романъ. М. 1898 г. Ц. 60 к.

Курдюмовъ, В. Матеріалы для курса строительныхъ работъ. Вып. I. Дерево. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Земляныя работы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Куриловъ, Н. Вспомогательныя таблицы, при разработкѣ статистики урожая хлѣбовъ и травъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Лебедевъ, А. Церковная историографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX. М. 1898 г. Ц. 3 р.

Лееръ. Стратегія. Тактика театра военныхъ дѣйствій. Часть. I. Главныя операціи. Съ картами и приложеніями. Изд. 6-е. Спб. 1898 г. Ц. 7 р. Часть II. Подготовительныя и дополнительныя операціи. Изд. 6-е съ приложеніями. Спб. 1898 г. Ц. 6 р.

Леруа-Болье, П. Повныя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія, Южная Африка. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Лоренцъ, Н. Орнаменты всѣхъ временъ и стилей. 100 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1898 г. Ц. за 10 вып. 15 р.

Лутовиновъ, Амф. Начатки грамматики китайскаго разговорнаго языка, приспособленнаго къ формамъ языка русскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 15 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе рассказы. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Марновъ, А. Катагогъ джедаирскихъ монетъ. Съ 4 цинкографіи и 15 ксилографіи. рисунками и друг. Спб. 1897 г. Ц. 6 р.

Марисъ, К. Капиталъ. Критика политической экономіи. Томъ I. Книга I. Процессъ производства капитала. Изд. 3-е, исправл. и дополненное по четвертому нѣмецкому изданію. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Мейбюсъ, О. (д-ръ). Мигрень (головныя боли). Гигіена, дѣта и лѣченіе. Съ нѣм. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Милль, Д. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложене принциповъ доказательствъ въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англ. С. И. Ершова. Вып. IV. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ 3 р.

Милоновъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ I. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Наумовъ, Н. Умалишенный. Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 8 к.

— **Фургончикъ.** Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 6 к.

Независимый. Этика обыденной жизни. Третье изданіе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Нѣмецъ, Я. Промышленное плодоводство въ Сѣв. Америкѣ. Съ 223 рис. и чертежами. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. Наборщица. Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 4 к.

— **Собака.** Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 3 к.

— **Забывтый рудникъ.** Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 6 к.

— **Иванъ бродяга.** Рассказъ. Спб. 1898 г. Ц. 8 к.

— **Плевна и Шибка.** Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изъ событій послѣдней войны. Киевъ. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Основы коннозаводства. Тетрадь 2-я. Величина животныхъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Отоцій, П. Литература по русскому почвовѣднію съ 1765 по 1896 г. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Охрана материнства. Луи Франкъ. д-ръ Кебфферъ, Луи Менжи. Переводъ А. И. Рахманова. Съ предисловіемъ проф. А. М. Матвѣева. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Павловичъ. Переписица. Маленькій романъ изъ желѣзнодорожнаго міра Сибири. Томскъ. 1898 г. Ц. 50 к.

- Павловичъ, М.** Учебникъ исторіи древней русской литературы. Спб. 1898 г. Ц. 85 к.
- Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей.** Подъ ред. П. И. Веселовскаго. Т. III. Царствование Михаила Феодоровича. (Продолженіе). Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Панченко, Б.** О тайной исторіи Проконія. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Парусъ.** Мировой рынокъ и сельско-хозяйственный кризисъ. Экономическіе очерки. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Паульсенъ, Ф.** Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Пер. съ нѣм. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Первый русскій карманный счетчикъ.** Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 65 к., въ перепл. 75 к.
- Петерсонъ, К.** Краткое наставленіе къ разведенію плодовыхъ деревьевъ. Съ 38 рис. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Петровъ, И.** Проекціонное черченіе. Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Киевъ. 1898 г. Ц. съ атласомъ 1 р. 25 к.
- Писаревъ, Л.** Святой Ипполитъ, епископъ римскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.
- Позняковъ, Н.** Вѣсточки. Воспоминанія и рассказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Покровская, М.** (врачъ). Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Поповъ, А.** Простое пчеловодство, какъ отрасль сельскаго хозяйства въ средней полосѣ Евр. Россіи. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Пополампъ.** Театральный сборникъ стихотвореній и рассказовъ въ исполненіи на сценѣ репертуара. В. М. Дѣвирова. Нижній-Новгородъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- Поталенно, И.** Новый. (Изъ хроники южно-русскаго села). М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Приготовление потравъ для дерева и подѣлка (имитация) простыхъ породъ деревьевъ подѣлкой городовня.** Изд. 3-е. испр. и значит. дополн. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Принсъ, А.** (проф.). Преступность и репрессія. Уголовно-юридическій очеркъ. Перев. подъ ред., съ предислов. и примѣч. В. Пржевальскаго. М. 1898 г. Ц. 80 к.
- Proust, A., и Ballet, G.** Гигіеническое леченіе неврастениі. Перев. съ франц. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Пѣтуховъ, С.** Стеклодѣліе. Руководство для производствъ: бутылочнаго, листового, зеркальнаго, посуднаго и прочаго стекла, съ изложженіемъ теоретическихъ данныхъ для заводской практики. Съ 198 рис. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 20 к.
- Рамбо, А.** Живописная исторія древней и новой Россіи. Съ рисунками. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Регель, Э.** (д-ръ). Содержаніе и воспитаніе расеній въ комнатахъ. Часть I. Отдѣлъ общій и выгонка. Изд. 7-е, вновь обработанное Робертгомъ Эдуардъ Регелемъ. Съ 408 политипажными. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Ренненкампфъ, Н.** Юридическая энциклопедія. Второе, исправ. изданіе. Киевъ. 1898 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Рнешотарскій, А.** Микроскопическія изслѣдованія желѣза, стали и чугуна. Съ 12-ю чертежами подѣльнымими атласомъ, съ 90-ю фототипіями. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Рѣдинъ, Е. О. И.** Вуслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологій искусства. Харьковъ. 1898 г. Ц. 60 к.
- Сатневичъ, Ал.** Логарифмографическія таблицы для расчета всѣхъ системъ центральнаго отопленія и вентиляціи. Таблицы составлены при участіи военнаго инж. З. А. Колонтая. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Сафоновъ, А.** Царь-Освободитель императоръ Александръ II. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Сергій** (архимандритъ). На Дальнемъ Востоку. (Письма японскаго миссіонера). Изд. 2-е. Арзамасъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Православное ученіе о спасеніи. Опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи Св. Писанія и твореній свято-отеческихъ. Изд. 2-е. Казань. 1898 г. Ц. 1 р.
- Серновскій, С.** Пособіе для распознаванія микробовъ. Съ приложеніемъ діагностическихъ таблицъ и изложеніемъ главнѣйшихъ способовъ изслѣдованія. Съ предисл. пр. Пр. П. Скворцова. Харьковъ. 1898 г. Ц. 2 р., въ перепл. 3 руб.
- Кънендіумъ эпизоотіологій съ ветеринарною полиціею призывательно къ программамъ медицинскою комиссіи для студентовъ медиковъ. (Просмотрѣно проф. Пр. П. Скворцовымъ). Харьковъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Синайскій, А.** свщ. Краткій очеркъ церковно-общественной дѣятельности преп. Максима Грека по части обученія и исправленія заблужденій, недостатковъ и пороковъ русскаго общества XVI в. (1518—1556 г.). Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Краткое описаніе жизни преп. Максима Грека. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Система счетоводства,** спеціально приспособленная для употребленія въ промышл. и сберегательныхъ (потребительныхъ) обществахъ. Пер. съ англ. Н. Ф. Жеребятъевъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скальковскій, К.** Въ Парижѣ. Изд. 2, исправл. и знач. допол. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сноровъ, А.** Сводъ уставовъ горныхъ по изданію VII тома Св. Законовъ 1893 г. и продолженію 1895 г. со включеніемъ всѣхъ послѣднихъ опубликованныхъ узаконеній и распоряженій правительства. Изд. 4-е. М. 1898 г. Ц. 5 р. 50 к.
- Снугаревскій.** 1812-й годъ отъ начала войны до Смоленска включительно. Практическіе приемы изученія военной исторіи. Казань. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сляскій, Я., и Васильевскій, Ф.** вспомогаельныя таблицы для химиковъ. Изд. 2-е. Киевъ. 1898 г. Ц. 4 р.
- Смѣловъ, А.** Аркеть и другіе рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Смирновъ, Стефанъ** (свщ.). Алфавитный сборникъ распоряженій, необходимыхъ для каждаго члена причта. Настольная книга. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, С.** Электро-гомеопатія графа Маттенъ. 9-е испр. изданіе. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Соборъ св. князя Владиміра въ Кіевѣ. 105 иллюстрацій въ текстѣ и 42 иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 10 р.

Современный календарь на 1899 г. Ц. 15 к.

Спенсеръ, Г. Хорошее и дурное поведение. (Развитіе поведения и поведение вообще). Пер. съ англ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

*) Суворинъ, А. С. Въ концѣ вѣка. Любовь. Романъ. Изданіе третье, значительно дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) Суворинъ, А. А. Палестина. Выпускъ 29-й. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Но поднимется на 30 выпусковъ 35 р. Допускается разсрочка.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его учение. Изд. 4-е съ приложеніемъ «Наши антидарвинисты». М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

То-о иновъ, И. Учебникъ акушерства. Съ 277 рис. М. 1898 г. Ц. 5 р.

Труды факультетской терапевтической клиники проф. П. М. Попова. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Труссо, А. Практическія лекціи по терапіи глаза. Пер. съ франц. покойной женщины-врача Е. П. Серебренниковой. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Умановъ-Наплуновскій, В. «Незагнѣтныя драмы». — «Млечный путь». — «Стрести» и другіе рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Успенскій, Порфирій, еписк. Книга бытія моего. Изъ воспоминаній о Востоцкѣ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Федоровъ, А. Введеніе въ курсъ гражданскаго права прибалтійскихъ губ. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р.

Флавицкій, Ф. Общая или неорганическая химія. 2-е изд. Съ 96 рис. Казань. 1898 г. Цѣна Ц. 2 р. 50 к.

Харузинъ, Н. Очерки первобытнаго права. I. Семья и родъ. М. 1898 г. Ц. 60 к.

Череванскій, Вл. «Двѣ волны». Историческая хроника. Иллюстраціи Н. Н. Каразина и др. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.

Шаревичъ, Л. Начала геометрическаго черченія и землемѣрія для епархіальныхъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и второ-

классныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ текстѣ 193 чертежа. Изд. 2-е, испр. и дополн. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50 к.

Швидченко, Е. (Б. Востровъ). Рождественская елка, ея происхожденіе, смыслъ, значеніе и программа съ погнвты приложеніемъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Шимковичъ, В. Популярныя биологическіе очерки. Съ 65 рисунками въ текстѣ и 4 портретами. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шиффъ, Вѣра. Сборникъ упражненій и задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Ч. I. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Шнольный календарь 1898 - 1899 г. Изд. ред. журн. «Народное Образованіе». Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. Живыя изгороди и лѣсныя опушки. Со введеніемъ Н. А. Стебута. 4-е испр. и дополн. изданіе. Съ 29-ю ориг. рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

Schuster, D-r. Bax Nauheim. Переводъ Л. Айхенвальда. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Эберсъ, Г. Арахна. Историческій романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эзовъ, Г. Сношенія Шетра Великаго съ армянскимъ народомъ. I. Введеніе Г. А. Эзова, заключающее историческій обзоръ отношеній русскаго правительства къ армянскому народу. II. Документы, извлеченныя изъ Московскаго Главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, Королевско-Баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учреждений. III. Приложенія. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Энгельмейеръ, П. Техническій итогъ XIX вѣка. М. 1898 г. Ц. 80 к.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 48. Полярныя сіянія - Прага. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Яблонскій, П. Альманахъ-ежегодникъ на 1899 г. Ц. 1 р.

Юмичевъ, С. Стихотворенія. 1897—1898 г. Ц. 1 р. 10 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Изданія А. С. Суворина,

внесенныя въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

Андреевскій, С. Литературныя чтенія. Баратавскій. — Достоевскій. — Гаршинъ. — Некрасовъ. — Лермонтовъ. — Л. Толстой. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Аленсъевъ, В. Древне-греческіе поэты въ біограф. и образцахъ. Съ портрет. Ц. 3 р., на велен. бум. Ц. 5 р.

Анненковъ, П. В. и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка. 1835 - 1885 г. I. 665 стр. Ц. 3 р.

Бенкеръ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I, II и III. Съ 165 рис. и 2 раскр. картами Ц. 1-й и 2-й ч. по 1 р., а 3-й 1 р. 50 к.

Бичеръ-Стоу, Генр. Хизина дяди Тома. Съ приложеніемъ біографіи этого произведенія Джоржа Буллена. 2 т. Ц. 1 р. 20 к.

Благово, Д. Рассказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портрет. Ц. 3 р.

Брайвинъ, Э. Дружба съ природой. Разсказы въ изложеніи Д. Кайгородовъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Булгановъ, Ф. И. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. 1. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

Ванъ-деръ-Бергъ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикянъ). Съ 24-ми графюрами и выѣтками. Ц. 60 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Бриннера, профессора Юрьевского университета. Гравюры на деревѣ: Панин-магера и Матвѣ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубочаннова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заславный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Шанова. (Осталось небольш. колич. экзempl.). Ц. 25 р.

Иллюстрированная исторія Екатерины II. Издана по тому же плану, какъ и «Иллюстр. Исторія Петра Великаго», и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Р. Брикнера, профессора Юрьевского университ. 3 тома. (Осталось небольш. колич. экз.). Ц. 15 р.

Гельвальдъ, Фрид. Естественная исторія племень и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племень и народовъ земнаго шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ; типы расъ, предметы ихъ домашняго быта и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. (Осталось небольш. колич. экзempl.). Ц. 12 р.

Глинна, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

Гомеръ. Иліада. Переводъ П. И. Гнѣдича. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Гречъ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 2 р. 50 к.

Данилевскій, г. п. На Индію при Петрѣ I.—Нотемкинъ на Дунай. Историческ. романы. Ц. 1 р. 50 к.

Дютше, Олимпъ. Мифологія древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Ершовъ, А. И. Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

— Иллюстриров. словарь общепользыхъ свѣдѣній подъ ред. Эльне. Съ 1708 рис. Ц. въ переплетѣ 3 р.

***Найгородовъ, Д.** Собираніе грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнейш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таб. Изд. 3-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растений. Со многими рисунк. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к., въ издѣльномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы воробьяго рода). Съ 4-мя хромолит. табл. 25 к.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярн.

очерки изъ міра русскихъ птицъ. Со многими рисунк. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.

— Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье (хвойный лѣсъ). Со многими рис. Изд. 4-е исправл. и дополн. Ц. 1 р.

— Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. 2-я серія. Чернолѣсье (лиственный лѣсъ). Популярныя очерки изъ жизни и употребленія русскихъ лѣсныхъ, древесныхъ и кустарныхъ породъ. Со многими рисунками. Изд. 3-е, испр. и дополн. Ц. 1 р.

— Лепестки. Разск., очерки и наброски. Ц. въ издѣл. папкѣ 1 р. 50 к.

— О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 4-е. Ц. 20 к.

Ниллингъ, Редіардъ. Разсказы изъ жизни дѣтей и животныхъ въ Индіи. Перев. съ англ. М. Коршъ. Съ 40 рис. въ текс. Спб. 1895 г. Ц. въ папкѣ 2 р., въ перепл. 2 р. 30 к.

Крестовскій, В. Псевдонимъ. Собраніе сочин. 5 больш. том. убористаго шрифта 2358 страницъ. Съ биографіей и портретомъ автора. Ц. 15 р.

Любе, Иллюстрированная исторія искусства. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка (для школы, самообученія и справокъ. 150 рисун. и порт. композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополн. изданіе. Перев. Ф. Булгакова. съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. Крылатая слова. Ц. 3 р.
Магаффи. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратиллава. Ц. 60 к.

Менро, Д. Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Перев. съ англ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Милюновъ, А. Литературныя встрѣчи и знакомства. 1890. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Годъ войны. Дневникъ русск. корреспондента (1877—1878 г.). 2 т. Ц. 4 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

Неплюевъ, Ив. Ив. Записки (1693—1773). Новое полное изданіе съ примѣчаніями. Ц. 2 р.

Островская, Н. Разсказы для дѣтей съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія, 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

Пирлингъ, Павелъ. Россія и Востокъ. (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). Ц. 1 р. 50 к.
Полевой, всен. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. 1 т. 583 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портр. Ц. 3 р.

Пешель, Осн. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакц. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.

Пушкинъ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти том. болѣе 4000 стр. Съ бюгр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хро-

нологич. указ. къ всѣмъ его произв. Изд. 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ издѣльномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

Сентсбери, Д. Братская исторія французской литературы. Ц. 40 к.

Твэнъ, Маркъ. (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. романъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисунками. Изд. 4-е. Ц. въ папкѣ 2 р.

— Приключенія Тома. Переводъ съ англ., съ 106 рис. Ц. въ папкѣ 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рисун. въ текстѣ. Пер. съ англ. Изд. 2-е. Ц. въ хромо-молотграфир. папкѣ 3 р.

Трубачевъ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880 гг.). Ц. 2 р.

Чернасовъ, А. Записки охотника Вост. Сибири. Изд. 2-е. исп. и доп. Съ рис. Ц. 4 р.

Фриманъ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратлатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

Шиллеръ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 33 рисунк. Ц. 1 р. 50 к., въ издѣлч. перепл. 2 р. 10 к.

Вышеславцевъ, А. Рафаэль. Посмертное изданіе. Съ 53 рис. Спб. 1884 г. Ц. 8 р.

«Русскій странникъ» — Евгений Львовъ. По студеному морю. — Потѣшка на смерть. Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Трондгелъмъ, Стокгольмъ, Петербургъ. Съ 30 рис. съ натуре, исполненн. художниками К. А. Коровинымъ и В. А. Сѣровымъ. М. 1895 г. Ц. 3 р.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мукшкетера. Ром. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.

5. Бальзанъ. Шагреновая кожа. Романъ.

6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриэ. Ром.

7. Крэкъ, А. Д. Эмилиѣ. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.

8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.

9. — То же. Томъ II.

10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.

11. Мериме, П. Жакеріи. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.

14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.

15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козцакаго дворянства. Романъ.

16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.

17. — То же. Томъ II-й.

18. — То же. Томъ III-й.

19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ.

20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.

21. — То же. Томъ II-й.

22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.

23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последние дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.

24. — То же. Томъ II-й.

25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ біографіи этого произведенія Джоржа Вудлена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.

27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.

28. — То же. Томъ II-й.

29. — То же. Томъ III-й.

30. — То же. Томъ IV-й.

31. — То же. Томъ V-й.

32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.

33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Вовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.

35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.

36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской и другіе рассказы.

37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.

39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ **четвертый томъ** сочиненія

Н. К. Шильдера:

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. СУВОРИНА).

Въ четвертомъ томѣ, обнимающемъ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра, съ 1816 по 1825 годъ, помѣщены, въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ, **135 портретовъ и иллюстрацій**, въ томъ числѣ: **10 хромофотографій въ 9—12 красокъ, 2 фототипіи и 4 большихъ ксилографіи**. Кромѣ того, приложены **8 автографовъ**, и „Указатели“ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ настоящаго сочиненія, и портретовъ и иллюстрацій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Съ выходомъ четвертаго тома трудъ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ законченъ.

Цѣна за всѣ четыре тома тридцать рублей. Пересылка по разстоянію, за 30 фунтовъ.

Разсрочка платежа можетъ быть сдѣлана по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени».

Для любителей напечатано 100 экземпляровъ на роскошной бумагѣ. Цѣна за такой экземпляръ **сорокъ пять рублей**.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНИЕ.

НОЯВРЬ, 1898 г.

	стр.
I. Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). I—V. Н. Н. Потапенко	419
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве . XIII—XIV. (Продолженіе).	450
III. Позднее счастье. (Изъ воспоминаній). В. Е. Томилина	502
IV. Воспоминанія Екатерины Ивановны Раевской . I—V.	523
V. Памятный крещенскій сочельникъ. (Страничка изъ семейной жизни). К. Икскуль	557
VI. Карль Карлович Мердеръ . (Воспитатель императора Александра Николаевича). Г. П. Анненкова	578
Иллюстраціи: 1) Надгробная плита на могилѣ К. К. Мердера въ Римѣ.— 2) Памятникъ на могилѣ К. К. Мердера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.	
VII. Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). II. (Окончаніе). П. Н. Полевого	617
VIII. Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. XIII—XXV. (Окончаніе). Н. Н. О.	639
IX. Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). I—VII. А. В. Круглова	664
Иллюстраціи: 1) Фрязиново.—2) Турундаево.—3) Рабанга на Сухонѣ.— 4) Село Кубенское.	
X. Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ. Н. Писаревского	689
Иллюстрація: Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.	
XI. Новорожденный мессіаниззмъ страны доллара и Старый Свѣтъ. (Соціологическій очеркъ). Евгенія Правдина	704
XII. Яковъ Петровичъ Полонскій . (Некрологъ).	722
Иллюстрація: Яковъ Петровичъ Полонскій.	
XIII. Общественныя язвы и борьба съ ними. Б. Б. Глиискаго	734
XIV. Сочиненія Вильяма Кокса о Россіи. Н. Викторова	778
XV. Критика и библиографія.	788

1) Н. Кантеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Спб. 1898. с. — 2) Изданіе Симбирской губернской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Подивановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго двorca. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Сапожникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая замѣтка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898. М. с.—наго.—3) В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. г. т. — 4) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1893. (Библиотека для самообразованія. XII), п. щ. — 5) Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Про-

См. слѣд. стр.

фессора А. Трачевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **к. Лосскаго.**—6) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Соч. К. Харламовича. Казань. 1898. **и. Лобарскаго.**—7) Экономическое ученіе Карла Маркса. — Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 1898. **б. Гл.**—8) О писательствѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898. **а. Фаресова.**—9) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Последнее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—1871 г. Дополненія: Коммуна. Исторія третьей республики до окончательнаго утвержденія ея въ 1879 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ ред. П. В. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. **а. н.**—10) А. Д. Бряцовъ. Патриархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V-й, кн. М. С. Воронцовъ и кн. Елис. Ксавер. Воронцова въ ихъ частной перепискѣ. Съ тремя портретами и приложеніями. Тифлисъ. 1898. **щ.**—11) Четырехсотлѣтіе російскаго государственнаго героя. Е. Н. Воронца. Харьковъ. 1898. **с. ш.**—12) Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый профессоромъ А. А. Козловымъ. М. 1898. **н. Лосскаго.**—13) Наша родина. Иллюстрированный сборникъ для просвѣдательскаго чтанія. Составилъ Григорій Кущанко. Вѣдень. 1898. **н. Рышнова.**—14) Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ II. Спб. 1898. **с. ш.**—15) Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ французскаго. Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **н.**

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 821

1) Олимпія де-Гужъ. —2) Нельсонъ въ Неаполѣ въ 1799 г.—3) Германскій императоръ у Гроба Господня въ XIII столѣтіи.—4) Иоанна Безумная.—5) Процессъ маршала Нея.—6) Парижская стачка въ 1740 г.

XVII. Смѣсь 832

1) Присужденіе Уваровскихъ премій.—2) Императорское Русское археологическое общество.—3) Общество исторіи и древностей російскихъ въ Москвѣ.—4) Археологическое общество.—5) Антропологическое общество.—6) Антропологическій отдѣлъ.—7) Раскопки въ Херсонесѣ.—8) Археологическая находка.—9) Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ.—10) Выставка въ память императора Александра II.—11) Некрологи: Н. П. Боголюбовъ; Н. Ф. Красносельцевъ; А. А. Макуринъ.

XVIII. Замѣтки и поправки 844

1) По поводу разсказа «Шліонъ», в. фонъ-Валъ.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Карла Карловича Мердера. 2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Венсона.** Часть третья. III—VII. Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Русское Богатство».

Въ конторѣ Русскихъ Вѣдомостей и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карба-
сникава, «Новаго Времени» и другихъ, въ Тифлисъ—въ Центральной книжной
торговлѣ постушила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

„БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ВЪ ТУРЦІИ АРМЯНАМЪ“.

2-е переработанное и значительно дополненное изданіе.

Изыящный томъ въ 940 страницъ большаго формата, съ 150 рисунками

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 70 к.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1899 году
(двѣдцатый годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1899 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія девятнадцать лѣтъ (1880—1898).

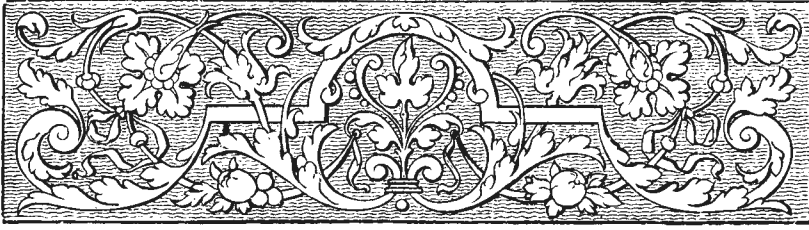
Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ МЕРДЕРЪ.

ЦЗВ. ЦЕНЗ. 27 ОКТ. 1898 Г. СПБ.

ДВѢ ПОЛОСЫ.

(Эпизодъ изъ недавняго прошлаго).

I.

У, СЛАВА Богу, вещи почти уложены! Фу, терпѣть не могу этой возни!

Это восклицаніе произнесъ Чепуренко грубымъ, мужественнымъ голосомъ, который совсѣмъ не умѣлъ быть тихимъ, — неизвѣстно для кого, такъ какъ въ комнатѣ онъ былъ одинъ. По всей вѣроятности, это просто было сдѣлано для облегченія души. Правда, въ сосѣдней комнатѣ или, быть можетъ, въ коридорѣ или въ кухнѣ—это все равно, потому что голосъ Чепуренко былъ всюду слышенъ — находилась квартирная хозяйка Аделаида Петровна. Но до нея это вовсе не касалось.

Вещи, о которыхъ шла рѣчь, были уложены въ чемоданчикъ, самый маленькій, какіе только существуютъ на свѣтѣ. Онъ былъ раскрытъ, лежалъ на полу, изъ него выглядывалъ въ одномъ углу обшлагъ ситцевой рубашки, въ другомъ помятая гильзы для домашней набивки папирось, въ третьемъ корешокъ книги, а въ остальныхъ вещи въ такомъ же родѣ. Чемоданчикъ былъ набитъ добросовѣстно, между тѣмъ Чепуренкѣ предстояла еще трудная задача. На столѣ лежалъ толстѣйшій томъ «Капитала» Маркса, и вотъ эту-то

штуку надо было во что бы то ни стало втиснуть между ситцевой рубашкой и гильзами.

Чепуренко подошелъ къ окну, гдѣ въ газетной бумагѣ лежалъ табакъ, взялъ листикъ папирсной бумаги, свернулъ папиросу совершенно невѣроятной толщины и закурилъ ее. Затѣмъ онъ вернулся къ чемодану и, посматривая то на него, то на «Капиталь» Маркса, обдумывалъ трудную задачу.

Комната была невелика и довольно пустынна. Узенькая деревянная кровать, некрашенный столъ, до послѣдней степени дырявый стулъ, куча негодныхъ, выброшенныхъ при укладываніи бумагъ, множество стоптанныхъ окурковъ на полу, вотъ все, что составляло обстановку этой комнаты.

Самъ Чепуренко по внѣшнему виду походилъ отчасти и на угловатую деревянную кровать, которая составляла его ложе, и на некрашенный четырехъугольный столъ, за которымъ онъ провелъ не мало часовъ, и на несуразно-длинную комнату, въ которой онъ прожилъ больше двухъ лѣтъ, и отчасти на увѣсистый томъ «Капитала» Маркса, который составлялъ для него главный источникъ мудрости. Онъ былъ высокъ, плечистъ, мускулистъ, широколицъ, волосастъ, но въ его обросшемъ лицѣ было столько прямоты, что всякому встрѣтившемуся съ нимъ и вошедшему въ такія или иныя сношенія прежде всего хотѣлось во что бы то ни стало повѣрить этому человѣку и довѣриться ему. Довольно было взглянуть въ это лицо, чтобы сказать себѣ: «вотъ человѣкъ, который никогда не подведетъ». На немъ былъ костюмъ, весь изъ однообразнаго грубаго сукна верблюжьяго цвѣта. Досталъ онъ это сукно у какого-то товарища-болгарина, который получилъ цѣлую штуку съ своей родины, гдѣ ее выткали его сестры. Чепуренкъ сукно это нравилось тѣмъ, что въ немъ было что-то грубое и дикое.

Повидимому, онъ придумалъ рѣшеніе задачи, взялъ со стола «Капиталь» Маркса, сталъ на колѣни передъ чемоданомъ и началъ при-страивать книгу, втискивая ее въ средину другихъ вещей.

Тихо, осторожно вошла въ комнату женщина, или скорѣе дама, средней комплекціи и, повидимому, среднихъ лѣтъ. Чепуренко не оглядываясь догадался, что это квартирная хозяйка Аделаида Петровна.

— Вы сегодня уѣзжаете, Кондратій Семеновичъ?—спросила она съ какою-то необыкновенною почтительностью.

— Я сегодня уѣзжаю, Аделаида Петровна,—отвѣтилъ Чепуренко, не выпуская изо рта толстую папиросу и не переставая работать надъ «Капиталомъ» Маркса.

— Я хотѣла вамъ напомнить, Кондратій Семеновичъ... За вами есть маленькій долгъ...

— Семь съ полтиной, Аделаида Петровна, за комнату за этотъ мѣсяцъ? Чувствую. Но, право же, сейчасъ у меня нѣтъ. Я вамъ приплю ровно черезъ мѣсяцъ, ей-ей, приплю, Аделаида Петровна,

заработаю и пришло. Первое жалованье ваше. Вѣдь я буду получать жалованье, Аделаида Петровна! Вообразите себѣ.

— Что-жъ, это—слава Богу, только...

— Только лучше бы теперь, не такъ ли? Вы совершенно правы, но вѣдь нѣтъ же, ей-Богу, нѣтъ. Я пришло. Вѣдь вы не сомнѣваетесь въ этомъ, Аделаида Петровна?

Лицо Аделаиды Петровны выразило ужасъ при одномъ только подозрѣннн, что она можетъ сомнѣваться въ Чепуренкѣ. Сама она была дама мягкая, тонная, изъ обѣднѣвшихъ чиновницъ, старавшаяся, всѣми силами, борясь съ бѣдностью, поддерживать свое достоинство. Чепуренко по своему внѣшнему виду, по обстановкѣ, по приемамъ, рѣшительно противорѣчилъ всѣмъ ея взглядамъ и требованіямъ отъ людей. И тѣмъ не менѣе она его уважала и безусловно довѣряла ему. Довѣряла, несмотря на то, что за двухлѣтнее пребываніе его въ квартирѣ онъ довольно часто бывалъ неаккуратенъ и почти каждый мѣсяцъ задерживалъ платежъ квартирныхъ денегъ. Такой ужъ это былъ человекъ, такое у него было лицо, что никакъ нельзя было усомниться въ немъ.

— Развѣ я могу сомнѣваться въ васъ, Кондратій Семеновичъ? Но... когда-жъ нужно, очень нужно...

— Гм, нужно? Это доводъ, это дѣйствительно доводъ.

Чепуренко задумался, но не надолго. На лицѣ его блеснула мысль и онъ началъ быстро рыться въ чемоданѣ.

— Пойдите! Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ. Есть у меня тутъ одна вещичка...

И онъ, дорывшись до дна, досталъ оттуда довольно доброкачественный пестиствольный револьверъ и подаль его Аделаидѣ Петровнѣ, которая, впрочемъ, не рѣшалась взять.—Это—вещичка не старая, стоила она двадцать три рубля, а дадутъ за нее рублей шесть-семь. Ну, вотъ вамъ, берите же, о чемъ вы задумались?

— Но какъ же? Можетъ быть, вамъ понадобится?..

— Ха, ха, ха!—звонко разсмѣялся Чепуренко.—Револьверъ-то? На какой онъ мнѣ чортъ, Аделаида Петровна? Вѣдь я ѣду въ деревню, учительствовать тамъ буду, понимаете, ребятишекъ учить. Ну, что-жъ я имъ тамъ куръ стрѣлять буду, что ли, или индѣекъ? Вѣдь это было куплено такъ себѣ, для обстановки, знаете... «Чтобы бороться съ темными силами!»—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Ну, однимъ словомъ, мальчишество. Все это было, какъ бы вамъ сказать, «плѣнной мысли раздраженье». А теперь надо дѣло дѣлать. Ну, слѣдовательно оружіе для меня бесполезно...

— Такъ, значить, совсѣмъ уважаете, Кондратій Семеновичъ?

— Совсѣмъ. Мѣсто взялъ, учительское мѣсто, понимаете? Въ деревнѣ.

— А какъ же университетъ?

— Къ чорту, Аделаида Петровна!—спокойно и просто отвѣтилъ

Чепуренко. Онъ уже благополучно втиснулъ «Капиталъ» Маркса въ чемоданъ и теперь просто сидѣлъ на корточкахъ, докуривая папиросу и глядя на хозяйку.

— Ай-ай-ай!—молвила Аделаида Петровна, —перешли на четвертый курсъ и бросаете; вѣдь это совсѣмъ жаль. Черезъ годъ дипломъ получили бы.

— Время дорого, Аделаида Петровна. Что-жъ все учиться да учиться? Надо и дѣлать чтонибудь... Вѣдь поѣздъ уходитъ въ четыре?

— Въ четыре часа двадцать минутъ, — глубоко сокрушеннымъ голосомъ отвѣтила Аделаида Петровна.

— Ну, а теперь три,—значитъ, поспѣемъ; такъ вотъ-съ, Аделаида Петровна, возьмите этотъ инструментъ и продайте его, а что недovyручите, то я вамъ пришлю.

Послышались издали глухія, частые шаги. Кто-то быстро взбирался по деревянной лѣстницѣ и, видимо, человекъ легкаго сложения. Потомъ въ передней раздался звонокъ и чей-то голосъ:

— Чепуренко дома?

— Дома!—отвѣтила кухарка.

— Онъ уѣзжаетъ?—чрезвычайно торопливо спросилъ пришедшій.

— Да, собираются.

И вслѣдъ за этимъ дверь порывисто распахнулась, и въ комнату, какъ мячъ, вкатился маленькій, худенькій субъектъ болѣзненнаго вида съ жиденькой остренькой бородкой, съ выдающимися скулами и рѣдкими волосами на головѣ.

— А, Зубровъ? Спѣшное дѣло, не бойсь, а? У тебя всегда вѣдь спѣшное дѣло, и непременно—чужое! Ну, рассказывай!—промолвилъ Чепуренко.

Хозяйка почему-то стыдливо спрятала револьверъ въ широкій рукавъ своей кофты и стушевалась. Зубровъ сѣлъ на дырявый стулъ и, утомленный подъемомъ по лѣстницѣ, тяжело переводилъ духъ.

— Ъдешь?—лаконически спросилъ онъ.

— Какъ видишь!—отвѣтилъ Чепуренко.

— Что такъ поспѣшно?

— Да чего же ждать? Мѣсто есть, назначеніе получилъ, слава тебѣ Господи. Зачѣмъ же время терять? Теперь сентябрь, какъ разъ самая пора начинать занятія.

— Да я ничего, я такъ.

Зубровъ помолчалъ, потомъ слегка откашлялся, прикрывая ротъ кончиками пальцевъ.

— Скажи откровенно, Чепуренко,—проговорилъ онъ опять,—ты имѣешь въ виду когданибудь жениться?

Чепуренко поднялся, быстро повернулся къ нему и посмотрѣлъ на него большими глазами.

— Я? Что я—сумасшедшій, что ли?

— Да нѣтъ, почему же? тутъ ничего нѣтъ невозможнаго.

— Ну, нѣтъ, братъ, ужъ это не дѣло. Ужъ одно изъ двухъ или работать или любовью заниматься.

— Но, однако-жъ, иные женятся.

— Ну, и пусть ихъ женятся. И мы видимъ, что изъ этого выходитъ, въ особенности, когда являются на свѣтъ дѣти. Ужъ тутъ поневолѣ станешь эгоистомъ. Какая ужъ тутъ работа?

— Ну, такъ вотъ видишь ли ты, въ чемъ дѣло. Такъ какъ ты никогда не женишься, такъ тебѣ значить ничего не стоитъ обвѣнчаться.

— То-есть это какъ же?

— Ну, такъ вотъ,—обвѣнчаться и уѣхать себѣ на мѣсто и никакихъ перемѣнъ.

— Почему же это надо?..

— Да, вотъ именно надо, даже необходимо.

— Объясни.

— Да, видишь ли, есть тутъ одна дѣвица,—славная барышня, душевная, хорошій человекъ, работать хочетъ, а нельзя.

— Кто такая?

— Отецъ ея пшеничными дѣлами занимается, богачъ. По фамиліи Латугинъ.

— Слышалъ. Откуда жъ вы ее взяли?

— Постромкинъ давалъ тамъ уроки брату ея, что ли. Среда отчаянная: отецъ грошевикъ, только и дѣлаетъ, что деньги считаетъ; мать наоборотъ—транжирка: по баламъ шляется, по магазинамъ разтѣвжаетъ. Онъ смотритъ,—дѣвица блѣдная, годъ тому назадъ институтъ кончила. По всему видно, что ницетъ чего-то выпяго, а гдѣ найги, не знаетъ. По цѣлымъ днямъ и ночамъ романы Дюма-фиса читаетъ, ну, и всякую тамъ ерунду. Онъ познакомился ближе. Бокля подсунулъ ей, прочитала, не поняла. Онъ растолковалъ. У Постромкина, знаешь, даръ особенный есть разжевывать и въ ротъ класть, это завидный даръ. Сталъ Писарева носить, проглотила. Однимъ словомъ, оказалась милая душа. И тутъ почувствовала, что ей душно жить, захотѣлось какого нибудь полезнаго дѣла. По наивности, къ отцу обратилась: пустите, молъ, въ деревню дѣтей учить. У того, разумѣется, глаза на лобъ выскочили. Ну, а жить она постарому не можетъ, вотъ мы и придумали. Что-жъ, вѣдь это одна формальность.

— Ты знакомъ съ ней?—спросилъ Чепуренко, поправляя что-то въ чемоданѣ.

— Такъ, немного. У Постромкина было общее чтеніе,—Спенсера читали, такъ видѣлъ ее, познакомился. Съ часикъ проговорилъ съ нею. Видно, что честная душа.

— Гм... А почему же Постромкинъ не обвѣчается?

— У него романъ съ Анчуровой.

— Вотъ свинство! Романами занимается. Нашелъ время.

— Ну, такъ какъ же, Чепуренко? Ты согласенъ, что ли?

Чепуренко вновь свертѣлъ папиросу, втянулъ въ себя невѣроятную массу дыму и выпустилъ его.

— Чортъ бы васъ побралъ! Вѣдь это придется поѣздку откладывать.

И онъ съ видимымъ недовольствомъ взъерошилъ свои волосы. Это было единственное, что его затрудняло.

— Да ты въ какія мѣста?—спросилъ Зубровъ.

— Въ К—скій уѣздъ, село Бултыхи,—можетъ быть, знаешь?

— Бултыхъ не знаю, а К—скій уѣздъ,—такъ это тебѣ лучше парходомъ ѣхать. Это и удобнѣе и прятнѣе. А парходъ идетъ въ полночь.

— Ну?

— Да и дешевле, гораздо дешевле. По желѣзной дорогѣ третій классъ стоитъ восемь рублей до К., а на парходѣ два съ полтиной.

— Это заманчиво! Пять съ полтиной въ карманѣ. Весьма заманчиво. У меня вѣдь въ обрѣзъ. На пищу 15 копеекъ оставилъ.

— Ну, вотъ видишь! такъ идетъ?

— Постой. А ты ручаешься за то, что она потомъ ко мнѣ не прилипнетъ?

— Ну, что ты? Вѣдь я же говорю тебѣ: чудная душа, открытая, честная.

— Да вѣдь, знаешь, бывали примѣры. Положимъ, влюбиться въ меня трудно,—прибавилъ онъ, и ротъ его раскрылся въ широкую улыбку: — очень трудно! Ну, а все-таки! Вдругъ возьметъ, да и прилипнетъ.

— Нѣтъ, этого не случится. Вѣдь она не ребенокъ, ей девятнадцать лѣтъ, и она такъ смотритъ на дѣло убѣжденно и твердо.

— Ну, однимъ словомъ ты ручаешься?

— Головой ручаюсь!

— Ну, идетъ! Такъ ты тамъ все обдѣлай и потомъ скажешь мнѣ, когда и что. Только условіе: непременно сегодня все кончить. Въ полночь парходомъ я уѣду. И затѣмъ — денегъ у меня нѣтъ, слѣдовательно тамъ всякіе расходы...

— Прелестно!—съ восторгомъ воскликнулъ Зубровъ:—я на тебя надѣялся! Такъ я бѣгу, Чепуренко.

Онъ схватилъ свою свѣтло-сѣрую поярковую шляпу, которая была гораздо больше его головы, и убѣжалъ. Слышно было, какъ онъ скатывался по лѣстницѣ, перепрыгивая заразъ по три ступеньки. Черезъ минуту опять вошла хозяйка.

— Можетъ быть, вамъ за извозчикомъ послать, Кондратій Семеновичъ?—предложила она.

— Да нѣтъ, Аделаида Петровна, тутъ маленькая задержка вышла. Ужъ я парходомъ въ полночь поѣду.

— А что же это?

— Да обвѣнчаться тутъ надо.

Аделаида Петровна не поняла. Она была въ полной увѣренности, что это сказано въ какомъ нибудь образномъ смыслѣ.

— Да вы что такъ смотрите? Вы думаете, я шучу? Обвѣнчаться въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ.

— Да что вы это?—съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ ужасомъ воскликнула Аделаида Петровна.

— Да вы чего же это испугались? Ну, обвѣнчаюсь, потомъ возьму свой чемоданчикъ и поѣду въ свои Бултыхи, а черезъ недѣлю забуду объ этомъ. Это такъ надо, Аделаида Петровна, для дѣла. Понимаете? Человѣка прижимаютъ, надо его выручить, вотъ и все.

— Ужъ этого я даже понять не могу, Кондратій Семеновичъ. Смотрите, какъ бы васъ не скрутили.

— Меня-то?—со смѣхомъ спросилъ Чепуренко и выпрямился:—Этакого-то? ну, знаете, наврядъ меня скрутить можно.

II.

Зубровъ принялся за работу. Его маленькія ноги бѣгали чрезвычайно быстро. Онъ задыхался, потому что у него была слабая грудь. Но надо было спѣшить. Прежде всего онъ забѣжалъ къ Постромкину. Это былъ довольно чисто одѣтый молодой человѣкъ, прилично содержавшій свою наружность, брюнетъ съ темными блестящими глазами, имѣвшій, очевидно, привычку исправно стричься и подстригать бородку. Онъ ходилъ въ волненіи по своей комнатѣ, поджидая Зуброва.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ онъ, когда тотъ вошелъ.

— Устроилъ!—отвѣтилъ Зубровъ, прямо съ бѣгу бросаясь на стулъ. Онъ дѣлалъ это всегда, когда входилъ въ квартиру, потому что вѣчно бѣгалъ по спѣшнымъ дѣламъ и вѣчно задыхался.

— Согласенъ?

— Безъ всякихъ разговоровъ! Развѣ ты его не знаешь? Вѣдь это душа-человѣкъ. Только онъ торопится, сегодня онъ уѣзжаетъ на мѣсто. Хотѣлъ ѣхать сейчасъ, но я посоветовалъ ему пароходомъ, въ полночь. Ну, значить, все надо продѣлать сегодня же.

— Экая поспѣшность! Впрочемъ что-жъ, почему же и не сегодня?

— А документы-то, документы!

— Есть. Они всегда лежали у нея въ шифоньеркѣ. И вотъ они гдѣ теперь.

Постромкинъ выдвинулъ ящикъ стола и показалъ Зуброву институтскій дипломъ дѣвицы Дарьи Григорьевны Латугиной и метрическое свидѣтельство, и прибавилъ:—это все, что нужно! Вотъ только нѣкоторые батюшки на счетъ согласія родителей беспокоятся! Такъ это надо какъ нибудь устроить.

— Устроимъ! Ну, такъ я побѣгу!

И Зубровъ, не успѣвъ какъ слѣдуетъ отдышаться, уже помчался. Онъ рѣшилъ сперва пойти въ ближайшую церковь и безъ всякихъ хитростей прямо обратиться къ батюшкѣ. Церковь была въ двухъ шагахъ, какъ разъ въ это время звонили къ вечернѣ, и, когда онъ вошелъ въ ограду, то встрѣтилъ высокаго, пожилого священника, направлявшагося въ церковь. Зубровъ подошелъ прямо къ нему, приподнял шляпу и сказалъ:

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова, батюшка!

Батюшка сверху внизъ посмотрѣлъ на маленькаго прихожанина и пробасилъ:

— Извольте, къ услугамъ вашимъ!

— Надо повѣнчать одну пару!

— Что-жъ, ежели все имѣется въ порядкѣ, мы готовы.

— А что же собственно нужно? Документы въ исправности.

— А кто такіе?

— Женихъ—бывшій студентъ, теперь народный учитель, а не-вѣста—дѣвица Латугина.

— Дочь здѣшняго купца? — спросилъ батюшка и прищурилъ глаза.

— Да, да, дочь купца Латугина.

— Гм... странно! Сколько мнѣ извѣстно, Латугины живутъ въ соборномъ приходѣ. Люди они богатые, почему жъ бы ихъ дочери не вѣнчались въ соборѣ, а у насъ?

— Мнѣ кажется, что это все равно!—отвѣтилъ Зубровъ, начиная уже чувствовать, что дѣло здѣсь не выгоритъ.

— Гм... какъ вамъ сказать! Могутъ быть разныя обстоятельства, напримѣръ, противъ воли родителей. А Латугинъ человѣкъ сильный. Знаете, потомъ хлопотъ не оберешься. Нѣтъ, ужъ это вы какънибудь устройте въ другой церкви. Тѣмъ болѣе, что мы и права не имѣемъ вѣнчать чужихъ прихожанъ. Съ насъ взыщутъ.

Зубровъ принялся было убѣждать батюшку, но тотъ наотрѣзъ отказался и, вѣжливо поклонившись ему, пошелъ въ церковь. Тогда Зубровъ вспомнилъ, что у него есть знакомый семинаристъ, и отправился прямо въ бурсу, гдѣ жилъ его пріятель. Пріятель былъ въ богословскомъ классѣ и, слѣдовательно кончалъ курсъ. Зубровъ вызвалъ его и наскоро объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ ли у васъ какогонибудь батюшки знакомаго?—спросилъ онъ.—Знаете, надо выручить...

Семинаристъ подумалъ.

— Да у меня братъ есть; онъ въ предмѣстьѣ священникомъ, версты четыре отсюда! Далеконько!

— Да это ничего, а только согласится ли онъ? Онъ какъ, въ какомъ родѣ?

— Да онъ-то человѣкъ либеральный!—отвѣтилъ семинаристъ,—

согласиться-то, онъ согласится, да вотъ что: удрать-то мнѣ никакъ нельзя. Какъ разъ отецъ инспекторъ теперь въ коридорѣ ходитъ... А братъ у меня идейный, это что и говорить!

Но тутъ случайно подвернулся другой семинаристъ, на которомъ была шапка, а шапка въ сущности была единственнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ пріятелю Зуброва удрать. Черезъ минуту, послѣ нѣкоторыхъ краснорѣчивыхъ убѣжденій, шапка случайнаго семинариста очутилась на его головѣ, а еще черезъ минуту они были за воротами и затѣмъ мчались на извозчикѣ въ предмѣстье.

«Идейный батюшка» былъ еще очень молодой человѣкъ, недавно окончившій семинарію; у него еще и волосы на головѣ не отросли, какъ слѣдуетъ, и бородка была совсѣмъ маленькая. Онъ встрѣтилъ ихъ привѣтливо и сказалъ, что всегда готовъ оказать содѣйствіе молодежи, что онъ вообще врагъ всякихъ стѣсненій и не слишкомъ-то боится консисторіи.

— А кто же эти молодые люди, которыхъ надо вѣнчать?—спросилъ онъ.

Зубровъ объяснилъ и замѣтилъ, что фамилія невѣсты произвела на батюшку особенное впечатлѣніе.

— Латугина... Латугина... Ну, это, знаете, какъ бы вамъ сказать, того... съ этакимъ человѣкомъ вступать въ борьбу... Того, знаете...

И «идейный батюшка» въ безпокойствѣ началъ ходить по комнатѣ. Зубровъ, а въ подмогу ему и семинаристъ, старались разогнать его страхи, увѣряя, что Латугинъ не станетъ заводить дѣла, что онъ побоятся скандала, что онъ очень любитъ свою дочь и потому скоро проститъ ее, и при этомъ все это они говорили на свой страхъ, потому что не знали ни Латугина, ни его отношенія къ подобному вопросу. Но батюшка продолжалъ безпокоиться.

— Большая птица онъ! Ежели бы человѣкъ попроче, другое дѣло, а то, знаете, онъ и къ благочинному поѣдетъ, и до самого архіерея доберется, а у меня жена и грудной ребенокъ... Знаете, что я вамъ посоветую? Вы къ полковому отправляйтесь. Имъ что? Имъ все равно, они консисторіи не боятся, у нихъ свое начальство...

Однимъ словомъ дѣло и здѣсь не выгорѣло, но Зубровъ воспользовался добрымъ совѣтомъ и отправился въ полковую церковь. Семинаристъ уже не отставалъ отъ него; ему казалось заманчивымъ участвовать въ такомъ хорошемъ дѣлѣ, какъ освобожденіе дѣвицы отъ родительскаго деспотизма. Такъ какъ время шло, и имъ надо было торопиться, то они дѣйствовали напроломъ и, когда имъ сказали, что батюшка спитъ, они попросили разбудить его.

Батюшка оказался глубокимъ старцемъ; онъ не разсердился на нихъ за то, что они помѣшали его сну, и совсѣмъ не интересовался подробностями дѣла. Вѣнчать? Отлично. Онъ повѣнчаетъ. А кто такіе? Это будетъ видно изъ документовъ. Онъ былъ такъ старъ, что его не пугали никакія консисторіи и никакое начальство. Договорившись

въ цѣнѣ, онъ согласился съ двухъ словъ и назначилъ вѣнчаніе въ семь часовъ.

Зубровъ вышелъ на улицу и вытеръ потъ съ лица. Отсюда онъ вмѣстѣ съ семинаристомъ помчался къ Постромкину, забѣжалъ къ нему на одну минуту, сообщилъ, что слѣдуетъ, потомъ двинулся къ Чепуренкѣ и тутъ сдѣлалъ соответствующее сообщеніе и наконецъ совершенно утомленный пошелъ домой. Семинаристъ не отставалъ отъ него; очень ужъ интриговала его оригинальная свадьба. Кстати, онъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Зуброва.

Здѣсь уже давно ждали отца семейства. Въ маленькой квартиркѣ помѣщались, кромѣ Зуброва, его жена, мать и пятеро ребятишекъ. Воздухъ былъ здѣсь скверный, пахло сыростью, слѣды которой можно было замѣтить на стѣнахъ и потолкѣ. Зубровъ, несмотря на свое крайне слабое здоровье, мужественно боролся съ жизнью, добывая средства для всей этой компаніи. Онъ состоялъ ночнымъ корректоромъ при мѣстной газетѣ. Поэтому послѣ обѣда ему необходимо было прилечь и заснуть. Но онъ отъ этого отказался.

— Товарищеское дѣло!—объяснялъ онъ женѣ:—нельзя, надо выручить, никакъ невозможно.

И онъ не спалъ. Ему предстояло еще много работы, надо было подыскать шаферовъ и свидѣтелей. Онъ опять прихватилъ съ собой добродушнаго семинариста и сталъ бѣгать по студенческимъ квартирамъ. Среди его знакомыхъ студентовъ—а ихъ у него было половина университета—нашлось столько, сколько было нужно. Ихъ нашлось бы даже гораздо больше, потому что всякій, кому онъ ни предлагалъ, нисколько даже не допытываясь подробностей, охотно соглашался.

— Теперь вотъ что,—сказалъ Зубровъ своему спутнику:—надобно пару дамъ или хоть одну какую нибудь, а то какъ-то неловко вѣнчаніе безъ дамъ.

— У меня нѣтъ ни одной дамы знакомой!—скромно сказалъ семинаристъ.—Есть одна дьяконша, ну, да вѣдь она не пойдетъ, у нея девять человекъ дѣтей, и она цѣлые дни только и дѣлаетъ, что вытираетъ имъ носы и прочее...

Зубровъ старательно потеръ свой лобъ, какъ бы выжимая изъ него мысль, и наконецъ придумалъ:—Анчурова! пойдемъ къ Анчуровой!

Они побѣжали въ другой конецъ города, гдѣ жила Анчурова, и Зубровъ, разумѣется, очень скоро уговорилъ ее. Такимъ образомъ всѣ приготовления были сдѣланы. Было шесть часовъ. Семинаристъ вспомнилъ, что въ это время въ бурсѣ по коридору ходитъ помощникъ инспектора, заглядываетъ въ классы, и въ особомъ спискѣ, всегда имѣющемся у него въ карманѣ, отмѣчаетъ всѣхъ отсутствующихъ. Но онъ махнулъ на это рукой и вмѣстѣ съ Зубровымъ отправился въ полковую церковь. Впрочемъ, Зубровъ по дорогѣ еще

разъ забѣжалъ къ Чепурenkѣ и поднялся къ нему наверхъ единственно для того, чтобы пріотворить дверь, просунуть голову и впопыхахъ проговорить:—смотри же, не надуй; въ семь часовъ въ полковой церкви, на Новой улицѣ.

И тотчасъ же онъ захлопнулъ дверь и помчался по лѣстницѣ внизъ, гдѣ его ждалъ семинаристъ.

Когда Зубровъ ушелъ послѣ перваго своего визита, Чепуренко, чтобъ не терять даромъ времени, досталъ изъ чемодана съ такимъ трудомъ втиснутый туда «Капиталъ» Маркса, разлегся на кровати, раскрылъ книгу на 325 страницѣ и все время читалъ ее, дѣлая на поляхъ необходимыя отмѣтки. Онъ вовсе не думалъ о томъ, что ему предстояло. Разъ онъ такъ рѣшилъ, то, значитъ, это сбудется, вотъ и все. Такъ какъ, благодаря доброму совѣту Зуброва, предвидѣлась экономія въ цѣлыхъ пять съ полтиной, то онъ успѣлъ уже изъ этой суммы выдѣлать трехрублевку и вручить ее Аделаидѣ Петровнѣ, нисколько не лишая ее права распорядиться по ея усмотрѣнію съ револьверомъ. Благодаря этому, онъ испытывалъ слегка пріятное чувство человѣка, уплатившаго свой долгъ. Въ половинѣ седьмого онъ всталъ, выкурилъ еще одну толстѣйшую папиросу, имѣя въ виду то обстоятельство, что, вѣроятно, въ продолженіе по крайней мѣрѣ полутора часовъ нельзя будетъ курить, взялъ даже щетку и прошелся ею нѣсколько разъ по своему пиджаку и затѣмъ отправился въ полковую церковь. Онъ охотно надѣлъ бы сюртукъ и крахмальную рубашку, но все его имущество заключалось въ томъ, что было на немъ надѣто, поэтому онъ остался въ пиджакѣ и въ мягкой сорочкѣ, вышитой малороссійскимъ узоромъ.

Когда онъ подошелъ къ дому, гдѣ помѣщалась полковая церковь, то нашелъ передъ входомъ Анчурову, двухъ знакомыхъ студентовъ и четырехъ совершенно неизвѣстныхъ ему молодыхъ людей. Все это были первокурсники, и потому онъ никогда съ ними не встрѣчался. Онъ поздоровался съ Анчуровой, съ двумя знакомыми, а остальныхъ ему назвали. Онъ также назвалъ себя и шутиливо прибавилъ:

— Смотрите же, запомните хорошенько, что меня зовутъ Кондратіемъ Семеновичемъ Чепуренко, а то вѣдь вамъ свидѣтельствовать придется, еще перепугаете!

Зуброва здѣсь не было. Онъ виѣстъ съ семинаристомъ заблаговременно забрался въ церковь и тамъ принималъ мѣры, чтобы все было въ порядкѣ. У него нашлись какія-то деньги для того, чтобы зажечь нѣсколько лишнихъ свѣчей, хотя дѣло это до него совершенно не касалось, но ужъ онъ вошелъ въ него всей душой, и ему хотѣлось, чтобы была нѣкоторая торжественность. Скоро явился Постромкинъ и объявилъ, что невѣста сейчасъ будетъ, а минутъ черезъ пять подкатила закрытая коляска, и изъ нея вышла стройная молодая дѣвушка съ лицомъ, закрытымъ густой вуалью, въ скромномъ прямомъ коричневомъ платьѣ, въ скромной шляпкѣ

съ двумя черными перышками. Изъ церкви выбѣжалъ Зубровъ и своей суетливостью устроилъ нѣкоторое движеніе, необходимое въ такихъ случаяхъ. Дѣвушка, повидимому, встрѣчалась со всѣми этими людьми, за исключеніемъ Зуброва и Постромкина, въ первый разъ. Даже сквозь вуаль можно было видѣть, что она сильно смущена.

Зубровъ взялъ за руку Чепуренко и отвелъ его въ сторону, затѣмъ подвелъ къ нему дѣвушку.

— Я думаю,—сказалъ съ комической усмѣшкой:—что вамъ не мѣшаетъ познакомиться. Вотъ это,—прибавилъ онъ, указывая на Чепуренко,—Кондратій Семеновичъ Чепуренко, а вотъ это Дарья Григорьевна Латугина. Впрочемъ, черезъ полчаса она будетъ тоже Чепуренко. Въ этомъ вѣдь и вся суть!

Дѣвушка протянула руку, которую Чепуренко крѣпко пожалъ. Въ то же время онъ всматривался въ ея лицо. Она показалась ему миловидной. У нея были большіе темные глаза съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ удивленія или недоумѣнія. Лицо ея было блѣдно, но когда Зубровъ знакомилъ ихъ, оно начало покрываться красными пятнами — признакъ сильнаго волненія. Какая-то беспомощность видна была во всей ея фигурѣ, въ движеніяхъ, даже въ голосѣ, которымъ она произнесла нѣсколькихъ незначительныхъ словъ. Чепуренкъ показалось, что его громоздкій волосатый видъ какъ бы нѣсколько испугалъ ее. Онъ усмѣхнулся своей широкой открытой добродушной улыбкой и сказалъ ей:

— Вы меня не бойтесь, я не такъ страшень, какъ кажусь... ей-Богу же, я не виноватъ, что природа дала мнѣ такую наружность.

— Да я, право же, и не боюсь васъ,—отвѣтила она:—вы такъ были добры...

— Ну, что еще тамъ?—грубовато возразилъ Чепуренко:—только я—простите меня—я вамъ вотъ что скажу, барышня. Я васъ мало знаю и, можетъ быть, этого вамъ и не надо говорить... Чтobъ вы потомъ когда нибудь объ этомъ не пожалѣли...

— Нѣтъ, нѣтъ,—нервно, порывисто отвѣтила она:—мнѣ этого не надо, мнѣ никогда не надо будетъ этого!..

— Ну, такъ пойдемте въ церковь!—просто сказалъ Чепуренко и неособенно галантно предложилъ ей руку.

Они пошли въ церковь и вошли туда послѣдними, потому что всѣ остальные были уже тамъ.

Несмотря на то, что вѣнчаніе это было слажено въ нѣсколько часовъ, и никому объ немъ не объявлялось, тѣмъ не менѣе какими-то неисповѣдимыми путями въ церкви оказалась публика. Неподалеку отъ столика, вокругъ котораго должны были водить новобрачныхъ, стояли четыре простыхъ бабы, а съ другой стороны двѣ дѣвицы въ шляпкахъ, съ необыкновенно любопытными лицами. Когда

женихъ съ невѣстой вошли, то и четыре бабы и двѣ дѣвицы съ любопытными лицами почти въ ужасѣ отступили отъ нихъ. Женихъ въ сѣромъ пиджакѣ и въ мягкой рубашкѣ съ узоромъ, невѣста въ коричневомъ платьѣ, безъ цвѣтовъ, безъ фаты,—все это показалось необычайнымъ этимъ постояннымъ посѣтительницамъ свадебъ. Когда же вышелъ старый батюшка и взглянулъ на нихъ, то въ первую минуту даже какъ будто зацнудся и впалъ въ размышленіе. Не говоря ужъ о женихѣ и невѣстѣ, внѣшній видъ которыхъ совершенно не подходилъ къ случаю, шафера тоже представляли изъ себя какую-то странную пестроту. Батюшка какъ бы размышлялъ нѣкоторое время, вѣнчать ли ужъ ихъ, но потомъ очевидно мысленно махнулъ рукой и сказалъ въ сердцѣ своемъ: э, все равно, Богъ разберетъ ихъ,—и приступилъ къ вѣнчанію.

Болѣе всѣхъ волновался Зубровъ, какъ будто вѣнчали не Чепуренка и Латугину, а его самого.

Вѣнчаніе кончилось. Батюшка ушелъ въ алтарь; свидѣтели подошли къ столику, куда пригласилъ ихъ дьякъ, и росписались во всемъ, что требовалось. Затѣмъ всѣ вышли изъ церкви. Никто никого не поздравлялъ, потому что всѣ были слишкомъ мало знакомы. Только Зубровъ подбѣжалъ къ Чепуренкѣ и крѣпко молча пожалъ ему руку. Шафера и свидѣтели очень быстро простились и исчезли.

— Ну, до свиданья, господа,—скавалъ Чепуренко, обращаясь одинаково къ Дарьѣ Григорьевнѣ, къ Постромкину, къ Зуброву и къ Анчуровой. Семинаристъ держался поодаль и только наблюдалъ, какъ человекъ, непрічастный къ дѣлу.

Дарья Григорьевна страшно волновалась и, какъ можно было видѣть по ея лицу, все время что-то собиралась сказать, но ей не удавалось. Наконецъ, она собралась съ силами и протянула руку Чепуренкѣ.

— До свиданья!..—почти шепотомъ произнесла она и, сколько было силъ, пожала ему его руку.

У нея въ головѣ было приготовлено много словъ, которыми она хотѣла выразить ему свою благодарность, но она не смогла произнести ни одного изъ нихъ. Волненіе не давало ей говорить. Постромкинъ взялъ ее за руку и, чтобъ прекратить эту сцену, повелъ къ коляскѣ и усадилъ ее вмѣстѣ съ Анчуровой. Коляска укатила, а онъ еще разъ подошелъ къ Чепуренкѣ и простился съ нимъ.

— А я съ тобой, Кондратій Семеновичъ,—сказалъ Зубровъ.— Намъ надо поговорить о нѣкоторыхъ формальностяхъ.

— Какъ, развѣ еще что нибудь предстоитъ?—спросилъ Чепуренко.

— Не предстоитъ, а можетъ предстоять. Такъ на всякій случай... Онъ кивнулъ издали семинаристу, и они пошли вдвоемъ.

III.

Квартира Чепуренка была недалеко отсюда, и они скоро достигли ее. Зубровъ еще на дорогѣ началъ толковать о томъ, что онъ называлъ «нѣкоторыми формальностями».

— Видишь ли, все, конечно, можетъ обойтись благополучно. Это зависитъ отъ того, какъ на это посмотреть pater Латугинъ. А чортъ его знаетъ, какъ онъ посмотритъ? Во всякомъ случаѣ, твоя роль будетъ роль, какъ бы тебѣ сказать, *deus ex machina*. Чуть что, сейчасъ ты потрясешь своей увѣсистой лапой, и все должно смиряться, потому что ты мужъ, глава и повелитель,—понимаешь?

И онъ старался ввести его въ нѣкоторыя подробности, но Чепуренко слабо воспринималъ все это. Въ его головѣ такія вещи какъ-то не укладывались.

— Да ты мнѣ скажи ясно: вотъ то-то и то-то я долженъ сдѣлать, а вотъ того-то я не долженъ дѣлать, такъ ужъ я и буду знать.

— Да вѣдь я только объ этомъ и стараюсь!—воскликнулъ Зубровъ, начинавшій уже выбиваться изъ силъ. Въ это время они уже сидѣли въ квартирѣ Чепуренка.

— Видишь ли,—говорилъ Зубровъ, сильно помогая своему краснорѣчю жестикуляціей.—Сперва она просто-напросто уйдетъ изъ дому. Сдѣлаетъ она это завтра или тамъ послѣзавтра. Ну, конечно, подымется тревога; тогда она напишетъ роднымъ: такъ и такъ, молъ, я замужемъ, мужъ мой такой-то и, слѣдовательно, я уже не такая-то, а такая-то. Вотъ тутъ дѣло зависитъ отъ того, какъ поведетъ себя родня. Можетъ быть два случая: или они простятъ ее и дадутъ ей средства устроиться съ какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ. Тогда тебѣ не будетъ никакого безпокойства и никакихъ хлопотъ; или они разозлятся и станутъ преслѣдовать ее. Тутъ придется тебѣ вступиться. Но первымъ дѣломъ ты долженъ выдать ей паспортъ. Разъ у нея въ рукахъ есть паспортъ, законный, то-есть выданный съ разрѣшенія мужа, то никто не имѣетъ права къ ней привязываться. А разъ этого нѣтъ, съ нею могутъ сдѣлать все, что хотять. Но, видишь ли, это надо сдѣлать гдѣ нибудь въ другомъ городѣ,—здѣсь ее всѣ знаютъ, и это произведетъ сенсацію прежде, чѣмъ надо.

— Какъ въ другомъ городѣ? Такъ это, значитъ, я долженъ та-скаться въ другой городъ?

— Зачѣмъ же? Это мы устроимъ проще! Ты вотъ что: возьми перо и напиши довѣренность. У меня въ Киевѣ есть одинъ пріятель, адвокатъ... Да нѣтъ, и этого не надо,—вѣдь ты сегодня уѣжаешь въ К., завтра въ полдень ты будешь тамъ. Ну, вотъ сейчасъ отправляйся къ исправнику, и—это вѣдь дѣло какихъ нибудь

двадцати минутъ—тебѣ выдадутъ для нея паспортъ, и ты вышлешь его сюда...

Чепуренко взялся за голову: — Вотъ ужъ чего я не умѣю дѣлать, такъ этого; и навѣрно я чтонибудь тамъ напутаю!

— Да нѣтъ же,—это такъ просто; я тебѣ все это на бумажкѣ напишу. Я напишу тебѣ, какъ надо прийти, куда, что сказать. Ну, слушай дальше: если ее станутъ преслѣдовать или тамъ родители потребуютъ къ себѣ въ домъ, ты долженъ будешь официальнымъ порядкомъ потребовать ее къ себѣ!

— Что такое? Это зачѣмъ еще?

— Ахъ, ты не понимаешь самыхъ простыхъ вещей. Ну, такъ, законъ такой. По закону мужъ имѣетъ право потребовать къ себѣ жену.

— Пстой, голубчикъ, такъ это и она имѣетъ право меня потребовать?

— Нѣтъ, она не имѣетъ этого права. Ты потребуешь ее къ себѣ, она, разумѣется, къ тебѣ не поѣдетъ. Это только для того, чтобы къ ней не приставали, но ты долженъ будешь дать согласіе ей на свободное проживаніе во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи.

— Какое согласіе? Да я и такъ на все согласенъ!

— Да не въ томъ дѣло! Какъ ты не понимаешь!... вѣдь это только для виду, пойми.

Но голова Чепуренко рѣшительно отказывалась умѣстить все это.

— Нѣтъ, ты вотъ что,—сказалъ наконецъ Чепуренко: — ты вырази, что я ничего этого не слышалъ отъ тебя, потому что въ дѣйствительности это почти такъ и есть. Я слышалъ, но затѣмъ все это въ головѣ моей перепутается, а потомъ совсѣмъ вылетитъ, потому что я занятъ другими вещами, у меня не это на умѣ. Но, разумѣется, я сдѣлаю все, что надо. И вотъ какъ это будетъ: когда чтонибудь отъ меня потребуютъ, пусть ктонибудь — ты, или Постромкинъ, или она, подробно и точно напишетъ мнѣ: надо сдѣлать то-то и то-то, и я совершенно такъ сдѣлаю.

— Ну, вотъ и отлично! — согласился Зубровъ,— такъ мы и будемъ поступать. Я впрочемъ надѣюсь, что все обойдется какъ нельзя спокойнѣе. Не думаю, что они такъ глупы, чтобы стали спорить съ совершившимся фактомъ. По всей вѣроятности, они примирятся съ нимъ, и дѣло обойдется безъ твоего участія. Ну, а теперь прощай, желаю тебѣ всего лучшаго, не забывай насъ и хоть изрѣдка пиши о томъ, какъ тебѣ живется. Ты славный малый, и мнѣ жаль съ тобой разставаться. Ну, прощай, Кондратій Семеновичъ!

Они поцѣловались, и Зубровъ ушелъ. Когда Чепуренко остался одинъ, у него явилось какое-то тревожное чувство. Онъ припомнилъ такъ поразившій его видъ безпомощности, который сквозилъ и въ голосѣ, и въ фигурѣ и въ движеніяхъ Дарьи Григорьевны. Ко-

нечно, онъ совсѣмъ ея нэ знаетъ и не можетъ о ней судить, но едва ли она принадлежитъ къ людямъ съ большимъ характеромъ и съ твердой волей. А что, если онъ взялъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность? Что, если она окажется слабымъ существомъ, неспособнымъ шагу сдѣлать безъ руководства, безъ посторонней помощи? Можетъ быть, все это стремленіе къ высокому, которое теперь кажется горячимъ и искреннимъ, только навѣяно мимолетнымъ влияніемъ? Можетъ быть, не слѣдовало такъ быстро соглашаться, а лучше было бы оттянуть и дать время ей выясниться. Прошло бы время, и тогда стало бы ясно, насколько это въ ней прочно; а то, чего добраго, подулъ бы другой вѣтеръ и унесъ бы съ собой также легко то, что было принесено вѣтромъ, подувшимъ раньше съ другой стороны. И онъ испытывалъ ощущеніе, похожее на то, какъ если бы человѣкъ, подъ влияніемъ какого нибудь благороднаго порыва, принесъ для другого нѣкоторую жертву, и вдругъ оказалось, что этимъ только причинилъ ему вредъ. «Эхъ, право, скорѣй бы уѣхать!»—мысленно восклицалъ онъ и все поглядывалъ на свой чемоданъ и на часы, которые, какъ ему казалось, шли слишкомъ медленно.

Стемнѣло. Онъ слышалъ, какъ въ кухнѣ шумѣлъ самоваръ, и Аделаида Петровна звенѣла посудой. Въ передней раздался звонокъ. «Ну, надѣюсь, что это не ко мнѣ, что меня уже оставляютъ въ покоѣ!»—подумалъ онъ. Но прислушался и убѣдился, что спрашивали его. Его имя произносилъ женскій голосъ, который казался ему незнакомымъ. Онъ вскочилъ съ постели и поспѣшно зажегъ свѣчу, потомъ пріотворилъ дверь и выглянулъ въ коридоръ. Прежде всего ему бросился въ глаза темный вуаль и подъ нимъ блестящіе глаза, потомъ при слабомъ свѣтѣ коридорной лампы онъ разглядѣлъ коричневое платье, а загѣмъ и всю стройную, тонкую фигуру Дарьи Григорьевны. Онъ отступилъ и совсѣмъ отворилъ дверь.

— Я здѣсь!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его въ первую минуту слышалась порядочная досада. Но когда она вошла въ комнату, онъ смутился и прежде всего сталъ извиняться передъ нею и за то, что у него такая безобразная обстановка.

— Ужъ вы, пожалуйста, не взыщите!—говорилъ: онъ—у меня безпорядокъ, вѣдь я собрался уѣзжать...

Какъ будто раньше, когда онъ не собирался уѣзжать, у него въ комнатѣ было больше порядка. Но ему въ самомъ дѣлѣ показалось, что его комната совсѣмъ не годится для пріема дамъ. Эта грубая кровать, грубый столъ, окурки на полу, куча ненужныхъ бумагъ въ углу, раскрытый чемоданъ, изъ котораго виднѣется скучное бѣлье... Онъ подбѣжалъ къ чемодану и закрылъ его. Въ замѣпательствѣ онъ даже схватилъ со стола «Капиталь» Маркса и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто и его хотѣлъ куда-то спрятать,

но потомъ сообразилъ, что въ немъ нѣтъ ничего неприличнаго, и опять положилъ его на старое мѣсто.

Она тоже была очень взволнована. Она подняла вуаль и совершенно такъ же, какъ и въ церкви, ея блѣдныя щеки покрылись красными пятнами.

— Пожалуйста, садитесь!—сказалъ онъ, немного запинаясь, что, кажется, случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни. Онъ указалъ, было, на стулъ, но тутъ же съ ужасомъ спохватился. Первый разъ въ жизни онъ обратилъ вниманіе на то, до какой степени этотъ стулъ дырявъ и мало годится для сидѣнія. Тогда онъ бросился къ двери и крикнулъ въ коридоръ:

— Аделаида Петровна... пожалуйста, дайте стулъ.

Дарья Григорьевна смотрѣла на него и изумлялась его волненію. Она никакъ не могла представить его такимъ. Между тѣмъ Аделаида Петровна принесла стулъ и, конечно, не пропустила случая пристально взглянуть въ лицо гостя. По всей вѣроятности, она догадывалась, кто это, да и не трудно было догадаться, потому что у Чепуренка до сихъ поръ никогда не бывали дамы.

Наконецъ, все уладилось, Дарья Григорьевна сѣла на принесенный стулъ.

— Простите, пожалуйста!—начала она какъ-то робко, слегка дрожащимъ голосомъ: — я только потому рѣшилась прійти, что тогда не сумѣла сказать вамъ... сказать вамъ — спасибо, а мнѣ хочется, чтобы вы знали, какъ я вамъ благодарна... вы принесли мнѣ такую громадную жертву...

— Жертву? Полноте! что вы? Я отдалъ вамъ то, что мнѣ все ненужно!

— Нѣтъ, нѣтъ, это страшная жертва!

— Да помируйте, если бы это было такъ, почему бы я сталъ это дѣлать? Вѣдь согласитесь, что я васъ вовсе не знаю, и почему бы въ такомъ случаѣ я сталъ жертвовать для васъ чѣмъ нибудь большимъ? Право же, все это гораздо проще. Мнѣ сказали, что вы хорошій человѣкъ, что вы искренно стремитесь къ честной работѣ, и вамъ препятствуютъ,—а я самъ къ тому же стремлюсь, вотъ и посмотрѣлъ на васъ, какъ на товарища,—сказали люди, которымъ я довѣряю, ну, я и пошелъ. Это просто товарищеская услуга. Это все равно, какъ если бы я нуждающемуся товарищу далъ взаимы пять рублей, вотъ и все...

— Какой вы, должно быть, хорошій человѣкъ, Кондратій Семеновичъ!—воскликнула Дарья Григорьевна:—и знаете, не потому, что вы это сдѣлали, а потому, какъ вы все это говорите,—такъ просто и прямо...

— Полноте, такихъ хорошихъ много на свѣтѣ! Я не говорю, что я дурной человѣкъ. Я не считаю себя дурнымъ, а просто — обыкновенный, средней руки, человѣкъ. Но — простите меня — меня

немного беспокоить только одно... Я не знаю, насколько это въ васъ серьезно, вотъ это стремленіе къ полезной работѣ? Можетъ быть, это такъ, временно, не глубоко!.. Тутъ не было бы ничего дурного... но если это такъ, то въ послѣдствіи могутъ быть для васъ излишнія страданія?..

Она съ большой твердостью отрицательно покачала головой.— Я знаю только одно,—сказала она,—что дома, въ моей обстановкѣ, въ моемъ кругу, я задыхаюсь...

— Но этого мало, Дарья Григорьевна, право же, этого мало! Вы задыхаетесь въ этомъ кругу, но кто можетъ поручиться за то, что вы точно такъ же не будете задыхаться въ другомъ?

— Нѣтъ, я за себя увѣрена... Я пришла только поблагодарить васъ... и я хочу сказать вамъ, что буду беречь ваше имя...

— Мое имя?—съ удивленіемъ воскликнулъ онъ:—да сдѣлайте милость, дѣлайте съ нимъ что вамъ угодно. Я дорожу своей личностью и забочусь о томъ, чтобъ она всегда оставалась честной, а мое имя вѣдь это—случайность.

— Вы сегодня уѣзжаете?—спросила она и поднялась.

— Да, въ двѣнадцать часовъ отходить пароходъ въ К.

Она протянула ему руку.— Ну, такъ желаю вамъ всего самаго лучшаго. Я хотѣла бы когда нибудь услышать, что вы очень счастливы.

— Вы почти уже можете услышать это теперь, Дарья Григорьевна. Въ настоящую минуту я счастливъ, потому что иду работать дѣлу, которое люблю. Вѣдь это счастье.

— Да.

Она еще разъ крѣпко пожала его руку и ушла.

Было уже около половины одиннадцатаго. Чепуренко увязалъ свой чемоданчикъ и пригласилъ къ себѣ Аделаиду Петровну, чтобы окончательно проститься съ ней.

— Такъ это она, Кондратій Семеновичъ?—съ несказаннымъ любопытствомъ и почему-то сильно понизивъ голосъ, спросила Аделаида Петровна.

— Она самая!—съ комической торжественностью отвѣтилъ Чепуренко.

— И вы уѣзжаете? Она на востокъ, а вы на западъ?

— Я ничего не имѣю противъ того, если она пойдетъ и на сѣверъ и на югъ, вообще куда ей понравится, Аделаида Петровна!

— Странные люди нынче пошли! Непонятные люди!

— Ну, Аделаида Петровна, вы обдумайте это на свободѣ и, можетъ быть, что нибудь тутъ поймете, а теперь прощайте, желаю вамъ хорошаго квартиранта, который бы платилъ вамъ деньги исправнѣе, чѣмъ я!

Онъ захватилъ свой чемоданчикъ, пожалъ руку Аделаидѣ Петровнѣ и уѣхалъ на пароходъ. Здѣсь оказалось, что Зубровъ былъ

правъ,—билетъ дѣйствительно стоилъ два съ полтиной. Онъ пріѣхалъ къ первому звонку и сталъ устроиваться на пароходной палубѣ. Было довольно свѣтло; луна спорила и состязалась съ фонарями, и отъ этого для пассажировъ получалась прямая выгода; гладкая поверхность рѣки блестяла, отражая въ себѣ все небо; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью и изряднымъ холодкомъ, что заставляло палубныхъ пассажировъ сосредоточиваться поближе къ пароходной трубѣ, которая замѣняла имъ печку. Пассажиры торопливо тащили свои узлы и стлали ихъ, гдѣ попало. На пристани была суматоха, шумъ, раздавались крики. Чепуренко расположился у самой трубы и мечталъ о томъ, чтобъ поскорѣе заснуть. Оно любилъ спать на свѣжемъ воздухѣ, а, живя въ городѣ, трудно было пользоваться этимъ удовольствіемъ. Но въ тотъ моментъ, когда онъ, подмостивъ подъ себя пальто, разлегся, онъ замѣтилъ, что на пароходѣ между пассажирами появилась какая-то тревожная фигура, которая бѣгала по пароходу, повидимому, кого-то розыскивая. Онъ поднялся, самъ не зная почему, но первая мысль, какая пришла ему, была мысль о Дарьѣ Григорьевнѣ. И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько секундъ тревожная фигура проходила мимо него, и онъ остановилъ ее.

— Дарья Григорьевна!

Она вздрогнула, съ смущеніемъ оглянулась вокругъ и наконецъ, замѣтивъ его, быстро направилась къ нему. Онъ стоялъ уже передъ нею и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Зачѣмъ она здѣсь и почему она такъ порывисто пожимаетъ его руку, и у нея на глазахъ слезы?

— Что съ вами?—спросилъ онъ.— Право же, я ничего этого не заслужилъ.

— Ахъ, вы не понимаете!—промолвила она взволнованнымъ прерывистымъ голосомъ:— вы не понимаете... вашъ поступокъ... даже нѣтъ, не это, а простота, съ которой вы его сдѣлали... развѣ это можетъ не трогать до глубины души?

Онъ видѣлъ, что по мѣрѣ того, какъ она говоритъ, волненіе ея усиливается, и потому заговорилъ о другомъ.—Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ.

— Постромкинъ обѣщаль мнѣ мѣсто въ школѣ. Онъ знакомъ съ школьнымъ начальствомъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—такъ желаю вамъ успѣшно работать и главное—не разочароваться въ томъ пути, который вы выбираете.

— Спасибо, спасибо! Спасибо вамъ, Кондратій Семеновичъ!

Она еще разъ крѣпко пожала его руку и убѣжала. Шаги ея были неровны. Онъ слѣдилъ за нею и видѣлъ, какъ ея тонкая фигура колебалась, когда она поспѣшно шла по трапу, и у него даже явилась тревожная мысль, какъ бы она не свалилась въ воду. Но она благополучно дошла до пристани и скрылась изъ его глазъ.

На этотъ разъ онъ не легъ на свою импровизированную постель, а въ волненіи ходилъ по палубѣ парохода. Второй свистокъ уже раздавался; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ третьяго; ему казалось, что когда пароходъ отчалить, это волненіе пройдетъ, и онъ войдетъ въ норму. Вотъ раздался и третій свистокъ. На палубѣ произошло волненіе. Махали платками и шляпами; раздавались пожеланія счастливаго пути, а кое-гдѣ и тихій плачь родственниковъ; онъ невольно обратилъ туда взоры, и глаза его встрѣтились съ парой теперь уже хорошо знакомыхъ ему глазъ. Она стояла впереди всѣхъ; свѣтъ отъ фонаря падалъ прямо на ея лицо, она его видѣла и кивала ему головой и повторяла:—будьте же счастливы! Я хочу, чтобъ вы были очень счастливы!

Онъ отвѣтилъ ей поклономъ. Пароходъ отчалилъ.

IV.

Чудный сентябрьскій вечеръ. День былъ жаркій, а чуть солнце склонилось къ западу, разомъ исчезла духота, и въ воздухѣ разлилась пріятная свѣжесть. Большое село, стоявшее при рѣчкѣ, тянулось версты на три въ длину. Между двухъ рядовъ хатъ шла широкая улица. При каждой хатѣ былъ дворъ и небольшой садикъ; подъ окнами—заваленки. Всюду возвышались хозяйственные постройки,—сарайчики, хлѣвы, а позади хатъ торчали стоги сѣна и соломы. Кое-гдѣ еще раздавались звуки молотящихъ цѣповъ,—это запоздавшіе хозяева доканчивали молотьбу. Но почти все село уже окончило лѣтнія работы.

Это была главная, коренная улица, на которой жили родоначальники семействъ или ихъ прямые потомки. Но въ послѣдніе годы, когда уже стало неудобнымъ тянуть улицу въ длину, молодья поколѣнія начали устроиваться по новымъ линіямъ, и село съ каждымъ годомъ разрасталось въ ширь. На главной улицѣ хаты большею частью были старыя, инныя уже покосились на бокъ, другія съ задней стороны были снабжены деревянными подпорками, потому что имъ грозила опасность повалиться. И сады при нихъ были густы, и деревья давали уже тѣнь. А подъ гору въ ширь все стояли новыя хаты съ красивыми камышовыми ровно подрѣзанными крышами, съ граблями на верхушкахъ, и при нихъ были разведены молодые садочки съ молодыми вишневыми деревьями, которыя не давали еще тѣни.

Сельская школа была тоже не изъ молодыхъ зданій, но на ней красовалась свѣжая въ прошломъ году только положенная черепица, еще не успѣвшая почернѣть и порости мохомъ. У заваленки, на улицѣ, стоялъ небольшой столикъ, покрытый скатертью, съ чайною посудой, съ самоваромъ на низенькомъ табуретѣ. На стулѣ сидѣла

дама, съ виду очень молодая, какъ казалось, здоровая, съ длинной густой косою свѣтлыхъ золотистыхъ волосъ; рядомъ съ нею на высокомъ стулѣ мальчикъ лѣтъ четырехъ, а на заваленкѣ бородатый мужчина съ двухлѣтней дѣвочкой на колѣняхъ. Мужчина былъ въ темной суконной блузѣ, безъ шляпы. Волосы у него на головѣ были очень густы, и тѣмъ удивительнѣе было то обстоятельство, что на самой макушкѣ у него совершенно явственно пробивалась небольшая лысинка. Тутъ же, у самыхъ ногъ его, лежалъ огромный мохнатый, совершенно черный, песъ, въ которомъ при нѣкоторой наблюдательности и опытности можно было разглядѣть слабые признаки крови водолаза. Порода его выражалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ при появленіи каждаго мужика не вскакивалъ и не кидался на него съ глупымъ лаемъ, а только приподымалъ голову и вопросительно взглядывалъ на своего хозяина. Онъ какъ бы ждалъ распоряженій и, не получая никакихъ, принималъ это за разрѣшеніе оставаться въ покоѣ.

А мужики и бабы проходили здѣсь очень часто. Это была проѣзжая дорога. Иные сидѣли на возахъ съ запряженными въ нихъ волами. Но попадались и повозки, которыя везли лошади. И не было ни одного мужика и ни одной бабы, ни одного мальчишки или дѣвочки, которые, проходя или проѣзжая мимо школы, не поклонились бы бородатому господину и дамѣ съ золотистой косою. Иные останавливались или останавливали воловъ и вступали въ разговоръ.

— Добраго здоровья, Кондратъ Семенычъ,—говорилъ въ такомъ случаѣ мужикъ, снималъ шапку, потомъ опять надѣвалъ ее и подходилъ поближе къ столу.

— Здравствуй! (тутъ произносилось имя мужика, которое непременно было извѣстно Кондрату Семеновичу) присаживайся къ намъ!

— Покорно благодарю, да только мнѣ не время! (мужикъ непременно говорилъ это, хотя бы у него было и достаточно времени. Онъ понималъ, что со стороны хозяевъ это деликатность, а что стѣснять ихъ слипкомъ долгимъ присутствіемъ не слѣдуетъ). Я вотъ насчетъ своего мальчишки...

— А что? Придумалъ въ школу посылать?

— Да, должно быть, такъ выйдетъ, что придется прислать его къ вамъ.

— То-го и есть, я тебѣ давно это говорилъ.

— А то завидно. Сосѣдскіе ребята всякую книгу читаютъ, а мой ни въ зубъ.

— Какъ же ты хотѣлъ, чтобы онъ читалъ, когда ты его не учишь?

— Да оно такъ. Да, знаете, все думалось постарому: что, молъ, вотъ же мы прожили вѣкъ безъ грамоты. А выходитъ, что нашъ вѣкъ былъ одинъ, а теперешній совѣмъ другой.

— Такъ оно и есть. Ну, такъ ты присылай мальчика.

— Да я все боялся, Кондрать Семеновичъ, что, можетъ, у васъ мѣста нѣтъ.

— Присылай, присылай, мѣсто всегда найдется. Для того, кто учиться хочетъ, у насъ всегда мѣсто есть.

— Ну, вотъ, покорно васъ благодаримъ.

Мужикъ опять снималъ шапку и опять надѣвалъ ее и шелъ своей дорогой.

Случалось, разумѣется, что бесѣда велась о другихъ предметахъ, совсѣмъ не имѣвшихъ отношенія къ грамотѣ. Тотъ жаловался Кондрату Семеновичу на какуюнибудь болѣзнь, другой сообщалъ, что у него въ домѣ появились крысы, третій докладывалъ, что у него старшій сынъ избаловался и отбился отъ дѣла; бабы чаще всего жаловались на мужей, что они пьянствуютъ и добро переводятъ. И всѣ просили у Кондрата Семеновича совѣта, какъ имъ быть и какъ бороться съ врагами. Кондрать Семеновичъ иногда давалъ такой совѣтъ, но чаще всего, въ особенности, если это относилось къ какомунибудь спеціальному вопросу, общалъ гдѣ-то справиться, прочитать въ какой-то книжкѣ и просилъ заходить завтра или черезъ три дня, а то и черезъ недѣлю.

По лицу Кондратія Семеновича, съ перваго взгляда чрезвычайно суроваго, что зависѣло отъ необыкновеннаго обилія волосъ, разлито тихое довольство. Видно, что и эта женщина, сидящая противъ него, и мальчикъ и дѣвочка, его хорошіе друзья, и что ему съ ними живетъ прекрасно. Видно, что въ душѣ его нѣтъ и тѣни разочарованія, что онъ доволенъ своей работой и своей жизнью, что онъ съ вѣрой смотритъ въ будущее и не жалѣетъ о прошломъ.

— А вѣдь сегодня, Соня, день не простой,—говоритъ онъ, обращаясь къ женщинѣ съ золотистой косой.

Она подымаетъ на него глаза и глазами спрашиваетъ: почему?

— Сегодня ровно семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда. Да, ровно семь лѣтъ. Помню, какъ все это было, какъ бросилъ я университетъ, подалъ прошеніе, взялъ бумагу. Многие тогда предостерегали, говорили: что ты дѣлаешь? Зачѣмъ торопиться? Подождать бы годъ, получилъ бы дипломъ, вѣдь никогда не поздно, дипломъ ничему не помѣшаетъ. Гм... какъ не помѣшаетъ? Дипломъ, это соблазнъ. Вѣдь были трудныя минуты; почему я знаю, быть можетъ, если бы у меня въ рукахъ былъ дипломъ, въ одну, изъ такихъ минутъ я ослабѣлъ бы духомъ и соблазнился бы, бросилъ бы свое дѣло, пошелъ бы въ городъ и сталъ бы жить на готовыхъ хлѣбахъ. Даже Аделаида Петровна, моя квартирная хозяйка, и та совѣтовала мнѣ годикъ подождать и получить дипломъ. Да признаться, и въ мою душу закрадывались сомнѣнія. А что, думалось, какъ ты окажешься негоднымъ, тебя не поймутъ, не признаютъ? А теперь—сколько друзей,—цѣлая деревня друзей! Отлично. Я доволенъ. Нѣтъ, семь лѣтъ не пропали даромъ.

Но вдругъ лицо его покрылось чуть замѣтной тѣнью, и онъ продолжалъ уже не такимъ яснымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Вчера тоже было семилѣтіе!

— Чему?—просто спросила Софья Андреевна.

— Развѣ не знаешь?

— Ахъ, да, это! Ты разстроенъ?

— Нѣтъ, чтожъ разстроиваться! Дѣло прошлое; только все же въ этомъ было много легкомыслія.

— Нѣтъ, не легкомыслія! Я не вижу въ этомъ легкомыслія!—мягко, но въ то же время очень убѣжденно возразила Софья Андреевна,—вы только оба были слишкомъ довѣрчивы.

— Слишкомъ? Но, къ счастью, это не оказалось слишкомъ. Довѣріе оправдалось съ обѣихъ сторонъ. Я не злоупотребилъ имъ, и меня тоже не беспокоили. Въ первыя недѣли приходилось что-то писать, подавать какія-то прошенія, затѣмъ съ тѣхъ поръ ничего. Но я говорю, что было легкомысліе относительно будущаго, относительно тебя и вотъ этихъ...

— Полно!—перебила его Софья Андреевна,—въ этомъ я больше всего цѣню твою непосредственность и простоту.

— Да, я тогда былъ слишкомъ молодъ, я не зналъ, что общая служба любимому дѣлу можетъ связать двухъ людей неразрывными узами, и тогда эти узы ничему не мѣшаютъ. Развѣ нашъ союзъ помѣшалъ чемунибудь? Развѣ дѣло отъ этого пошло хуже? Нѣтъ, лучше, гораздо лучше, стройнѣе, въ немъ стало больше жизни, больше души, потому что двое лучше, чѣмъ одинъ.

— Что до меня,—сказала Софья Андреевна,—то я довольна, я ничего больше не хочу, и не будемъ говорить объ этомъ. Намъ хорошо, и мы не имѣемъ права желать лучшаго.

Онъ поцѣловалъ ея руку и при этомъ замѣтилъ, что глаза ея были грустны. Онъ подумалъ: «такъ ли она чувствуетъ, какъ говоритъ? Мнѣ кажется, что она слишкомъ много думаетъ о моемъ спокойствіи!»

И онъ посмотрѣлъ вдаль въ томъ направленіи, куда шла деревенская улица. На разстояніи трехъ или четырехъ хатъ шель высокій мужикъ въ длинной сѣрой свиткѣ, въ большихъ сапогахъ. Онъ приближался къ школѣ. Кондратій Семеновичъ узналъ его,—это былъ десятскій.

— А вотъ и почту несутъ! — сказалъ онъ и поднялся, чтобъ пойти навстрѣчу десятскому, который несъ въ рукахъ свертокъ съ газетами и письмами. Собака тоже поднялась и пошла вслѣдъ за нимъ. Они встрѣтились съ десятскимъ, тотъ поздоровался и передалъ ему почту. Кондратій Семеновичъ, возвращаясь къ столу, просматривалъ поочередно адреса на письмахъ, стараясь по почерку узнать, отъ кого они. Все были знакомые почерки, но передъ однимъ онъ въ недоумѣніи остановился. Странныя, длинныя, сильно

покосившіяся на бокъ буквы. Почтовый штемпель ничего не объяснилъ ему. Тамъ былъ обозначенъ губернской городъ, въ которомъ у него было немало знакомыхъ. И этому письму, какъ загадочному, конечно, было суждено быть распечатаннымъ раньше другихъ. Онъ развернулъ бумагу, взглянулъ на первую страницу и на подпись, которая была тутъ же. Въ первую минуту онъ ничего не понялъ, но сейчасъ же все въ головѣ его прояснилось, и сердце его забилося сильнѣе. Письмо состояло изъ нѣсколькихъ строчекъ и было подписано просто: «Дарья Григорьевна», — безъ фамилии.

Съ минуту онъ раздумывалъ, какъ поступить съ этимъ письмомъ, — показать ли его сейчасъ Софьѣ Андреевнѣ или отложить это на послѣ, чтобъ не портить такъ хорошо начавшейся вечеръ, или, быть можетъ, чтобъ не усиливать ту грусть, которая свѣтилась въ ея глазахъ. Но прежде надо было прочитать эти нѣсколько строчекъ. Онъ остановился, приблизилъ письмо къ глазамъ и прочиталъ:

«Глубокоуважаемый Кондратій Семеновичъ, еще одинъ разъ въ жизни я поставлена въ необходимость нарушить вашу покой. Мнѣ это очень нужно; но если бы оказалось, что для васъ это очень тяжело, то вы откажите мнѣ. Но лучше не отказывайте. А просьба моя состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили мнѣ повидаться съ вами. Вотъ все. Прошу васъ назначить мнѣ день, когда бы я могла пріѣхать къ вамъ; я попросила бы васъ пріѣхать въ городъ, но знаю, что вы очень заняты и не можете оторваться отъ дѣла на цѣлый день. Во всякомъ случаѣ простите, если это доставитъ вамъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Дарья Григорьевна».

Въ самомъ низу стоялъ адресъ. Кондратій Семеновичъ былъ безконечно удивленъ, когда увидѣлъ, что тамъ названъ домъ Латугина, тотъ самый домъ, изъ котораго такъ стремилась уйти Дарья Григорьевна, и чему онъ помогъ.

Какъ ни старался онъ скрыть свое волненіе, но оно сквозило во всѣхъ его движеніяхъ, въ выраженіи лица, въ дрожаніи голоса. Вѣдь онъ ничего не умѣлъ скрывать отъ Софьи Андреевны, — и онъ это чувствовалъ, и ему вдругъ сдѣлалось стыдно, что онъ хотя бы и съ благими намѣреніями хотѣлъ что-то скрыть отъ нея. Онъ вынулъ письмо изъ кармана, куда успѣлъ уже было его положить, и далъ ей.

— Право, — сказалъ онъ, — можно подумать, что было что-то роковое въ нашемъ разговорѣ пять минутъ тому назадъ! Вотъ прочитай!

Софья Андреевна прочитала письмо и молча положила передъ собой. Она не сразу высказалась, но въ лицѣ ея онъ не замѣтилъ ничего тревожнаго, ничего такого, что говорило бы о непріятномъ волненіи, о какомънибудь чувствѣ досады или безпокойствѣ. Затѣмъ она сказала:

— Это въ порядкѣ вещей! Если она страдала, если ея жизнь сложилась неудачно, то она ни къ кому другому не могла обратиться, какъ къ тебѣ.

— Почему? Мы такъ мало знали другъ друга.

— Но твой поступокъ по отношенію къ ней былъ, по всеи вѣроятности, самымъ крупнымъ, самымъ значительнымъ изъ всѣхъ, какіе только она встрѣчала въ жизни; это непременно такъ. Ты остался въ ея воспоминаніи, какъ человекъ, сдѣлавшій ей добро и притомъ совсѣмъ безкорыстно, безрасчетно. Ты, можетъ быть, самое свѣтлое явленіе въ ея жизни. А въ трудныя минуты мы обыкновенно ищемъ въ своей памяти чего нибудь свѣтлаго, отраднаго и на этомъ воспоминаніи отдыхаемъ. Ты долженъ исполнить ея просьбу.

— Я это сдѣлаю,—отвѣтилъ онъ.

— Ты долженъ отвѣтить ей сейчасъ же. Поди въ комнату и напиши.

— Что я напишу ей?

— Напиши, что она можетъ пріѣхать къ тебѣ во всякое время, что ты готовъ сдѣлать для нея все, что въ твоихъ силахъ. Да вѣдь ты самъ знаешь. Вѣдь мы съ тобой обо всемъ думаемъ одинаково, и если бы ты взялъ въ руки перо, то непременно написалъ бы точно такъ.

— Я такъ и сдѣлаю.

Онъ пошелъ въ домъ, написалъ письмо и тотчасъ же отправилъ его въ городъ.

V.

На другой день Кондратій Семеновичъ проснулся, по обыкновенію, очень рано,—часовъ въ пять, и отправился совершать свою обычную прогулку... Сперва онъ прошелся по полямъ, окружавшимъ село, затѣмъ пересѣкъ степную дорогу, дошелъ до огромнаго помѣщичьяго сада, похожаго скорѣе на лѣсъ, такъ какъ въ немъ совершенно отсутствовали фруктовыя деревья. Садъ былъ старый, насаженный еще въ тѣ времена, когда трудъ человѣческій ничего не стоилъ, и когда можно было для одного только удовольствія владѣльца засадить тополями, дубами, вербами нѣсколько десятковъ десятинъ земли. Кондратій Семеновичъ любилъ запущенныя аллеи этого сада и шагаль по нимъ каждое утро вплоть до той поры года, когда съ деревьевъ опадали послѣдніе листья. Безъ этихъ утреннихъ прогулокъ онъ совсѣмъ не могъ обходиться. Онъ сдѣлался его потребностью съ перваго же дня его прибытія въ Бултыхи. Если ему по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эта прогулка не удавалась, то онъ цѣлый день чувствовалъ, что ему какъ бы чего-то не достаетъ. Всѣ его воспоминанія, вся исторія

его водворенія на новомъ мѣстѣ и приспособленія къ новымъ условіямъ—все это было тѣсно связано съ этими прогулками. Здѣсь онъ, оставаясь наединѣ и на полной свободѣ, оставаясь самъ съ собою, приводилъ въ порядокъ свои мысли и уяснялъ новыя впечатлѣнія. Здѣсь онъ набирался силъ на работу предстоящаго дня, здѣсь въ инныя минуты онъ переживалъ и колебанія и сомнѣнія, которыя, однако жъ всегда кончались его побѣдой надъ ними.

До его назначенія сюда, въ этомъ большомъ селѣ, тянувшемся чуть не на нѣсколько верстъ въ длину, вовсе не было школы. Такихъ селъ въ то время было немало. По всей Россіи лихорадочно возводились школьныя зданія, но приходилось разомъ строить ихъ столько, и такова была въ нихъ потребность, что цѣлые уѣзды должны были терпѣливо ждать своей очереди. Какимъ образомъ большое село, гдѣ были и торговыя лавки, и ярмарка, и два кабака, и волость, могло обходиться безъ школы? Развѣ не было потребности въ грамотѣ? Потребность, очевидно, была, но она удовлетворялась случайно. Заходили случайные учителя—изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, пропившихся лицъ духовнаго званія, проигравшихся въ карты и выгнанныхъ изъ полка офицеровъ. Не странно ли, что въ то время грамотность на Руси въ сильной степени распространялась такъ или иначе людьми, выброшенными изъ общества, и по тѣмъ или другимъ причинамъ считавшимися его негодными членами. Они дѣлали это, конечно, не изъ любви къ дѣлу, а просто потому, что надо было что нибудь ѣсть. Большею частью, они самое дѣло ненавидѣли и приступали къ нему съ зубовнымъ скрежетомъ. Но все равно,—все-таки не кто другой, какъ они, распространялъ грамотность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не было заведено организованныхъ школъ. Хотя противъ воли, гонимые только одной нуждой, тѣмъ не менѣе они приносили въ деревню кое-что изъ того, чему ихъ когда-то учили и что случайно у нихъ осталось въ памяти. Деревня довольствовалась и этимъ, потому что у нея ничего другаго не было.

Кондратій Семеновичъ пріѣхалъ сюда, конечно, когда уже существовало новое школьное зданіе. Но онъ засталъ еще здѣсь доброхотнаго учителя, у котораго было десятка два учениковъ. Это былъ горбунъ, человекъ больной и совершенно невѣжественный. Откуда онъ получилъ свои познанія въ грамотѣ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что и онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, благодаря своему уродству, которые никакъ не могли пристроиться къ обществу. Въ немъ Кондратій Семеновичъ встрѣтилъ врага. Это было естественно, потому что новая школа прямо вырвала у него изо рта кусокъ хлѣба. Съ этимъ нельзя было не считаться. Новый учитель только взглянулъ на своего предшественника и понялъ, что ни на какой другой трудъ онъ не годится, и что пройти мимо него значило бы—пустить его по міру. И это было его первой задачей—устроить такъ, чтобы не

лишить горбуна куска хлѣба. Грамотность этого человѣка была ужасна, а понятія, которыя онъ передавалъ дѣтямъ, были невѣроятны. Исторія о трехъ китахъ, на которыхъ стоитъ земля, была основой его міроученія, она передавалась, какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Если обитатели деревни когда либо рассказывали объ этомъ другъ другу, какъ сказку, то учитель заставлялъ ихъ думать, что это такъ и есть въ дѣйствительности. Но въ виду его глубокой и непоколебимой убѣжденности во всѣхъ такого рода вещахъ, а также и въ виду его беспомощности, на него рука не подымалась. Кондратій Семеновичъ прежде всего задумался надъ вопросомъ, какимъ образомъ дать ему хлѣбъ. Онъ предложилъ ему остаться при школѣ чѣмъ-то въ родѣ помощника, хотя заранѣе далъ себѣ слово никогда не пользоваться его помощью въ дѣлѣ обученія дѣтей. У горбуна были въ селѣ большія связи, и ему ничего не стоило выхлопотать себѣ у общества харчи и кое-какое грошевое жалованье. Такимъ образомъ судьба его устроилась недурно. Но это-то обстоятельство и зародило въ головѣ его горделивыя мысли: онъ мечталъ о томъ, чтобы какъ-нибудь спихнуть съ мѣста учителя и забрать школу въ свои руки. Это, разумѣется, была нелѣпая мечта, но горбунъ слишкомъ мало зналъ условія новой жизни, которая только начала проникать въ село и первымъ лучомъ которой, быть можетъ, былъ Кондратій Семеновичъ, — и замышлялъ это очень серьезно. Съ новымъ учителемъ онъ хотѣлъ бороться, конечно, своими средствами.

Какъ-то былъ урокъ, на которомъ Кондратій Семеновичъ объяснялъ своимъ школьникамъ, что такое земля, солнце, луна, звѣзды, какъ они движутся и отчего. Горбунъ присутствовалъ на этомъ урокѣ. Это былъ его конекъ, и потому въ продолженіе всего урока саркастическая усмѣшка не сходила съ его губъ.

— Вы, кажется, не вѣрите во все это?—сказалъ ему Кондратій Семеновичъ.—У васъ такой видъ.

— Да-съ,—отвѣтилъ горбунъ,—это все не такъ-съ.

— А какъ же по-вашему?

— А вотъ какъ-съ!

Онъ отправился въ свой чуланъ, въ которомъ была его постель и сундукъ, и вынесъ оттуда книгу—толстую, квадратную, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, напечатанную какимъ-то раскольничьимъ шрифтомъ, дюймовыми буквами (хотя самъ онъ никогда не былъ раскольниковъ); въ этой книгѣ рассказывались всевозможныя небылицы на счетъ тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ Кондратій Семеновичъ бесѣдовалъ съ дѣтьми. Въ особенности здѣсь напиралось на трехъ китовъ, которые были краугольнымъ камнемъ этого своеобразнаго ученія и міросозерцанія самого горбуна.

— Полноте! — началъ, было, убѣждать его Кондратій Семеновичъ,—вѣдь это все сказки, ни на чемъ не основанныя, все это

нелѣпость, которой не слѣдуетъ вѣрить. Вѣдь въ этомъ нѣтъ смысла.

И онъ началъ было доказывать ему, что земля никоимъ образомъ не можетъ держаться на китахъ, но очень скоро увидѣлъ, что предпринялъ совершенно бесполезное дѣло.

— Но вѣдь это же я не съ вѣтру-съ! — возражалъ горбунъ, — это напечатано... нелѣпость напечатать не могутъ. Тутъ даже цензура-съ проставлена!..

Кондратій Семеновичъ махнулъ на него рукой. Но горбунъ не удовольствовался этимъ теоретическимъ состязаніемъ, а написалъ по начальству своимъ оригинальнымъ стилемъ, лишеннымъ всякихъ признаковъ грамотности, — написалъ, что новый учитель распространяетъ безбожное ученіе о томъ, что земля будто бы вертится вокругъ солнца, и что солнце больше земли. Само собою разумѣется, что начальство посмотрѣло на это правильно и прислало Кондратію Семеновичу запросъ: какимъ образомъ этотъ человѣкъ попалъ къ нему въ школу и на какомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ школьныя дѣла? Кондратій Семеновичъ отписалъ, насколько могъ мягко, стараясь всячески защитить озлобленнаго горбуна, а его самого перевелъ на другую должность. Онъ оставилъ его при школѣ, но уже не въ званіи своего помощника, а сторожемъ. Горбунъ былъ очень оскорбленъ этимъ, но больше уже не дѣлалъ попытокъ свергнуть учителя, и года черезъ два умеръ отъ огорченія и множества болѣзней, которыя сопровождали всю его жизнь.

Школа, въ томъ видѣ, какъ ее поставилъ Кондратій Семеновичъ, была въ селѣ дѣломъ совершенно новымъ, а обыватели села ко всему новому относились осторожно и недоувѣрчиво; поэтому въ первое время у него было совсѣмъ мало учениковъ, и cadaго новаго приходилось ему почти завоевывать, но онъ дѣйствовалъ энергично. Онъ весь съ головой ушелъ въ это дѣло. Онъ ходилъ по домамъ, знакомился съ хозяевами и, чуть завидитъ, что въ домѣ есть мальчуганъ, тотчасъ же заведетъ рѣчь:

— Вотъ этого мужчину, — говорилъ онъ своимъ шутивнымъ тономъ, — слѣдовало бы грамотѣ поучить.

— Да, оно, конечно, слѣдовало бы, — отвѣчалъ хозяинъ: — чтожь, оно, извѣстно, грамота дѣло хорошее!..

— Ну, такъ зачѣмъ же остановка?

— Да ни зачѣмъ... Такъ, можетъ подождать еще съ годикъ, пускай еще побѣгаетъ на волѣ... Да и при хозяйствѣ надобень бываетъ...

Кондратій Семеновичъ очень хорошо понималъ, что это просто отговорки, что отъ него хотѣли какъ нибудь отдѣлаться. Хохлы народъ тяжелый на подъемъ, они сходятся съ людьми туго и ко всякому дѣлу долго готовятъ. Но онъ дѣйствовалъ настой-

чиво, повторялъ свои визиты и изъ десяти по крайней мѣрѣ пріобрѣталъ одного.

Сойтись поближе съ мужиками ему помогли двѣ черты его характера, которыя всегдѣ бросались въ глаза и въ тѣхъ мѣстахъ очень цѣнились. Въ деревнѣ всякій, кто только одѣвался не въ свитку, непремѣнно начиналъ изображать изъ себя начальство. Духовное лицо, писарь, приказчикъ, конторщикъ, все это были люди, которые требовали, чтобы мужикъ передъ ними снималъ шапку, былъ почтителенъ и предоставлялъ имъ всякія преимущества. Одно время въ селѣ былъ даже кузнецъ, который причислялъ себя къ этого рода высшимъ существамъ. Когда онъ покидалъ свои мѣхи и молоты и выходилъ изъ кузницы, то любилъ пофрантить. Онъ явился сюда изъ города и вывезъ оттуда пиджакъ и фуражку съ плисовымъ околышкомъ. Это давало ему право покрикивать на мужиковъ, говорить имъ: «ей, ты, что стоишь, разинувъ ротъ? Попелъ съ дороги!» Кондратій Семеновичъ избѣгалъ этого пуще огня. У него и въ натурѣ не было этихъ наклонностей, но онъ кромѣ того, зналъ, что мужикъ подозрителенъ, и потому даже нѣсколько преувеличивалъ свою природную простоту и скромность. Когда мужикъ или баба, принимая во вниманіе его пиджачную пару, соломенную шляпу и званіе учителя, при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапку и низко кланялись, Кондратій Семеновичъ тоже спѣшилъ снять свою шляпу и кланялся еще ниже.

Точно также всякій, не одѣвавшійся въ свитку и смазные чоботы, считалъ себя вправѣ выпрашивать у мужиковъ все, что только попадется ему на глаза. На это существовали установленныя формы, — ѣздили по деревнѣ, по хуторамъ, съ повозками, съ боченкомъ водки, угощали мужиковъ и за это требовали то мѣрку жита, то поросенка, то десятокъ яицъ, то курицу, — кому что надо и смотря потому, что попадалось на глаза. Кондратій Семеновичъ жилъ исключительно на свое учительское жалованье и отказывался даже отъ добровольныхъ приношеній, къ которымъ пріучили мужиковъ его случайные предшественники.

Все это было такъ ново, что сразу выдѣлило его изъ ряда другихъ и внушило къ нему нѣкоторое довѣріе. Но все же года два ему приходилось очень трудно, дѣло шло туго, его обученію почему-то не довѣряли. Наконецъ, къ нему приглядѣлись и стали замѣчать, что грамота, которую получаютъ дѣти въ школѣ, приносить пользу, стали замѣчать разницу между грамотнымъ и неграмотнымъ и стали посылать въ школу не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Въ началѣ третьяго года наплывъ учениковъ былъ такъ великъ, что пришлось расширить зданіе школы. Кондратій Семеновичъ выхлопоталъ себѣ второй классъ, и ему прислали помощницу.

Софья Андреевна Безсонова явилась къ нему совершенно новичкомъ въ школьномъ дѣлѣ. Это была ея первая школа. Молодая, недурная собой, избалованная прежнею жизнью, она ничего не умѣла и совсѣмъ не была подготовлена къ дѣлу. Она прямо объявила, что явилась сюда не изъ любви къ дѣлу, что самое дѣло находить скучнымъ, неинтереснымъ, а что пригнала ее сюда нужда... Отецъ ея былъ бухгалтеромъ при какомъ-то большомъ торговомъ предпріятіи, зарабатывалъ много и все проживалъ; умеръ, не оставивъ дѣтямъ ни одного рубля. Были кой-какія связи, доставившія ей на первое время мѣсто младшей учительницы. Работа раздражала ее; въ ней было что-то желчное, нетерпимое, держалась она особнякомъ, совсѣмъ не признавала Кондратія Семеновича, говорила съ нимъ вызывающимъ тономъ и глядѣла на него насмѣшливо. Онъ въ самомъ дѣлѣ казался ей угловатымъ, нелѣпымъ и смѣшнымъ. И дѣйствительно, по внѣшности онъ былъ таковъ, онъ не выдерживалъ ни малѣйшаго сравненія съ тѣми молодыми людьми, которые въ городѣ, при жизни отца, бывали у нихъ въ домѣ и съ которыми она привыкла проводить время. А онъ на это не обижался и говорилъ ей съ своей широкой добродушной улыбкой:

— Эхъ, барышня, что сердиться? Мы съ вами избранники, многіе намъ позавидовали бы. Вы только посмотрите, при какомъ мы съ вами святомъ дѣлѣ состоимъ! Тутъ что важно? То, что если даже и не хочешь, то все же будешь полезенъ. Вотъ что важно, а вы сердитесь! Эхъ, барышня!

Его добродушіе совершенно обезоруживало ее. Какъ она ни сторонилась отъ него, какъ ни старалась замкнуться въ себя, а незамѣтно присматривалась къ нему и, наконецъ, разглядѣла этого взрослого ребенка, прямого, простого и безкорыстно преданнаго святому дѣлу. Трудно было ей, постоянно, на каждомъ шагѣ сталкиваясь съ нимъ на одномъ и томъ же дѣлѣ, долго выдержать свою суровость по отношенію къ этому непоколебимому добродушію. Она познакомилась съ нимъ ближе и узнала, что онъ оставилъ университетъ наканунѣ самаго выпуска, и задумалась надъ этимъ. Задумавшись разъ, она стала останавливаться и надъ другими вопросами, на которые наводилъ ее этотъ человѣкъ. Она задумалась и надъ его словами о «святомъ дѣлѣ» и какъ-то незамѣтно для себя самой смирилась. Скоро и мысли ея приняли другое направленіе, и въ жизни она стала искать чего-то другого, непохожаго на то, чего искала прежде. «Да, --- думала она, --- люди оттого несправедливы и злы, что Богъ далеко отъ нихъ, что онъ не съ ними. Вотъ этотъ человѣкъ... въ немъ живетъ Богъ, и отъ этого при немъ становишься лучше». Скоро и она сама, глядя на то, съ какимъ вдохновеніемъ онъ отдается своему скромному и простому дѣлу, — обученію дѣтей уму-разуму, — и сама увлеклась и вся отдалась тому же дѣлу. Она какъ бы заразилась его искренностью. А тутъ уже недолго было

и до личной близости. Двое одинокихъ и въ то же время живущихъ рядомъ, у нихъ общее дѣло и общая любовь къ нему. Она, разумѣется, узнала самое главное, что было въ его жизни; между прочимъ онъ разсказалъ ей и о своемъ вѣнчаніи съ Дарьей Григорьевной. Она выслушала этотъ разсказъ и, не промолвивъ ни слова, подала ему руку.

— Вы и тутъ поступили, какъ взрослый ребенокъ! — сказала она ему потомъ.

Есть удивительныя натуры, которыя всегда остаются чистыми, въ какую бы грязь ни заставила ихъ окунуться жизнь. Это—алмазныя натуры. Софья Андреевна казалось, что къ такимъ натурамъ принадлежитъ онъ.

Но передъ тѣмъ, какъ рѣшить вопросъ объ окончательномъ сближеніи, Кондратій Семеновичъ пережилъ немало мучительныхъ сомнѣній и думъ. Онъ задавалъ себѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли онъ на это право, можетъ ли онъ дать ей тотъ покой, который далъ бы ей всякій другой человекъ.

— Вѣдь у насъ могутъ быть дѣти!—говорилъ онъ ей. — Ихъ положеніе будетъ особенное...

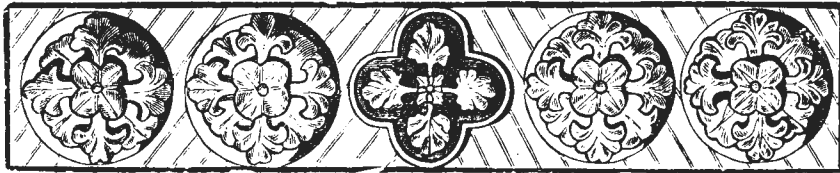
— Мы постараемся, чтобы они были честными людьми! — отвѣтила на это Софья Андреевна.

И этимъ отвѣтомъ было рѣшено все.

И. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

XIII.

Прїѣздъ въ Винницу генераль-губернатора Безака. — Обѣдъ у него. — Отвѣтныи обѣдъ Фильбеля и неожиданныи отѣздъ генераль-губернатора. — Помѣщикъ В. П. Собѣщанскій и его былое. — Помѣщикъ С. П. Ризничъ; судьба его братьевъ. — Ефимовичъ и его разсказъ о кievскомъ комендантѣ Муслинскомъ. — Заключеніе Ефимовича въ крѣпости. — Мой поѣздка въ Кіевъ. — Представленіе генералу Безаку. — Жалоба рабочихъ. — Отѣздъ изъ Винницы; остановка въ Кіевѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Балъ въ Зимнеи дворцѣ. — Роскошъ царскихъ приемовъ. — Танцы. — Мои знакомые. — Любезность государя наследника. — Мой отѣздъ на сооруженіе Кіево-Валтской желѣзной дороги. — Бездѣйствіе въ Меджибожѣ. — Частная жизнь. — Графъ Лидерсъ. — Полковой праздникъ Стародубовскаго драгунскаго полка. — Командиръ полка и его офицеры. — Производство полковника Дедюлина въ генералы. — Генераль-лейтенантъ Хитрово. — Продѣлка Фильбеля. — Мой поѣздка къ нему и результатъ этого. — Возвращеніе въ Меджибожъ. — Перенеска съ Фильбелемъ. — Окончателныи расчетъ съ нимъ. — Отѣздъ генерала Дедюлина и проводы его въ полку. — Мой отѣздъ изъ Меджибожа. — Прибытіе въ Винницу и попытка къ дальнѣйшему путешествію по желѣзной дорогѣ. — Первая неудача и возвращеніе въ Винницу. — Вторичныи отѣздъ. — Новыи препятствія. — Неожиданныи приютъ. — Дальнѣйшій путь и послѣдняя задержка. — Прибытіе въ Кіевъ. — Окончаніе путешествія. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Семья.

ВЪ НАЧАЛѢ сентября въ Винницу прїѣхалъ генераль-губернаторъ Безакъ. Когда я представлялся ему вмѣстѣ съ Фильбелемъ и Вандермейлеромъ, онъ принялъ насъ довольно любезно. Официальный приемъ окончился черезъ полчаса; во время разговора Безакъ вспомнилъ, что мы съ нимъ старые знакомые, встрѣчались у Дзичканца и даже вмѣстѣ играли въ карты.

На другой день послѣ прїѣзда Безака, состоявшій при немъ для особыхъ порученій г. Сварчевскій передалъ мнѣ приглашеніе на обѣдъ къ генераль-губернатору; форма — мундиръ съ орденами и погонами. Довольно большой

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIV, стр. 40.

домъ, въ которомъ остановился генераль-губернаторъ, стоялъ противъ дома исправника; онъ имѣлъ опрятный наружный видъ и внутри былъ весьма прилично меблированъ, полы въ двухъ пріемныхъ комнатахъ паркетные. Когда я пришелъ, то засталъ уже нѣсколько человѣкъ, собравшихся къ обѣду. Въ 4 часа двери изъ гостиной растворились, вышелъ Безакъ, со всѣми раскланялся, кое съ кѣмъ поговорилъ. Къ этому времени уже всѣ собрались, кромѣ одного Фильёля. Наконецъ, начали закусывать, подождали еще съ полчаса и сѣли къ столу безъ Фильёля, оставивъ ему мѣсто по правую руку отъ меня.

Посреди стола сѣлъ генераль-губернаторъ, а рядомъ съ нимъ начальникъ артиллеріи Кіевскаго военного округа, генераль-лейтенантъ Майдель, и начальникъ 32-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ Циммерманъ, мой старый знакомый. Противъ Безака сидѣлъ я; подлѣ генерала Майделя сидѣлъ извѣстный хирургъ Пироговъ, высокій, не очень плотный господинъ, во фракѣ, съ аннинскою лентою на жилетѣ, но одѣтый весьма неряшливо и въ бѣльѣ почти грязномъ; онъ живетъ въ 8-ми верстахъ отъ Винницы, въ своемъ имѣніи. На обѣдѣ присутствовали также командиръ артиллерійской бригады, четыре полковыхъ командира, исправникъ, предводитель дворянства Винницкаго уѣзда, два предсѣдателя мировыхъ сѣздовъ, помѣщикъ С. И. Ризничъ, служащіе въ нашемъ Обществѣ, Петерсъ и Павловскій, а также Сварчевскій; два адъютанта генерала Безака, Санниковъ и Тягѣвъ, сидѣли за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ. Едва мы сѣли, какъ пріѣхалъ Фильёль, подошелъ къ генераль-губернатору и очень извинялся, увѣряя, что въ его экипажѣ дорогою сломалось колесо, а пока привезли другой экипажъ, прошло немало времени. Безакъ, по обыкновенію, былъ молчаливъ, хотя, впрочемъ, изрѣдка обращался къ своимъ сосѣдямъ и долго спустя сказалъ что-то Фильёлю, который все время сидѣлъ точно на иголкахъ, почти ничего не ѣлъ и видимо былъ встревоженъ. Послѣ жаркаго подали шампанское, Безакъ всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье государя. Мы всѣ встали, крикнули дружное ура, музыка заиграла гимнъ. Въ это время Фильёль вздумалъ обратиться со спичемъ къ Безаку, но тотъ ему мигнулъ, а другіе сказали, что во время гимна говорить нельзя. Опять неловкая оплошность Фильёля заставила Безака вспыхнуть; видно было, что его передернуло, но онъ удержался. Когда послѣ гимна всѣ сѣли, Фильёль всталъ и обратился къ Безаку съ рѣчью, въ которой высказалъ ему искреннюю благодарность Общества строителей Кіево-Балтской желѣзной дороги за его просвѣщенное и могучее содѣйствіе, которое даетъ возможность Обществу вполне выполнять взятые на себя обязанности, въ заключеніе онъ предложилъ выпить за здоровье генераль-губернатора. Крикнули ура, музыка заиграла тушь. Однако Безакъ ни слова не отвѣтилъ Фильёлю на его привѣтствіе, кивнулъ ему головой,

поблагодарилъ всѣхъ присутствующихъ поклономъ, всталъ и пошелъ въ гостиную съ Пироговымъ, генераломъ Майдедемъ и нѣсколькими другими лицами. Фильель былъ страшно сконфуженъ: онъ не ожидалъ такого непріятнаго финала. Обѣдъ былъ очень обыкновенный: пять-шесть блюдъ, недурно приготовленныхъ, десертъ и фрукты. Послѣ кофе всѣ раскланялись и разошлись. Вечеромъ былъ назначенъ смотръ и ученіе артиллеріи, но я при этомъ не присутствовалъ.

На слѣдующій день Фильель давалъ отъ себя обѣдъ въ честь генераль-губернатора; но еще утромъ пришелъ ко мнѣ Стороженко и сообщилъ, что, по слухамъ въ городѣ, генераль Безакъ на обѣдѣ не будетъ. Говорили, будто ночью онъ получилъ какую-то важную эстафету, которая ему сильно испортила расположеніе духа и вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ немедленно выѣхать въ Кіевъ. Вѣроятно же всего, что Безакъ узналъ о m-me Mathilde, подругѣ Фильеля, которая всегда и всюду сопровождаетъ его. Конечно, Безаку, какъ генераль-губернатору, щекотливо было бы сидѣть съ нею за общимъ столомъ во время официальнаго обѣда въ честь его; кромѣ того, вѣроятно, онъ желалъ дать почувствовать Фильелю все неприличіе опаздывать на обѣдъ къ генераль-губернатору и начальнику края. Какъ бы то ни было, отъѣздъ генерала Безака былъ крайне непріятенъ Фильелю, но обѣдъ не былъ отказанъ, такъ какъ гости были приглашены заранѣе.

Не получивъ настоящаго извѣщенія объ отъѣздѣ генераль-губернатора, я надѣлъ инженерный мундиръ и поѣхалъ съ С. И. Ризничемъ къ Фильелю въ м. Стрижевку, верстахъ въ восьми отъ Винницы, гдѣ собственно онъ имѣлъ постоянную квартиру. Здѣсь мы застали многихъ изъ тѣхъ, съ которыми обѣдали наканунѣ, и въ томъ числѣ Циммермана со своими полковыми командирами. Генерала Безака не было, онъ дѣйствительно уѣхалъ. M-me Mathilde выпла къ гостямъ; она оказалась очень любезною хозяйкою, хорошо воспитанною и порядочно образованною. Къ обѣду собралось человѣкъ 25. Столъ былъ очень богато убранъ бронзою разнаго рода, вазами, пирамидами, канделябрами и прекрасными живыми цвѣтами въ изобиліи. Обѣдъ былъ дѣйствительно роскошный. Мы встали изъ-за стола въ 9 часовъ, а сѣли въ 5-ть. Сидѣть четыре часа сряду было крайне утомительно, тѣмъ болѣе, что общаго разговора почти не было; болѣе всѣхъ ораторствовалъ Циммерманъ, который подчасъ ужъ слишкомъ развязно рассказывалъ всякія *salôts* насчетъ французскихъ актрисъ и вообще *demi-monde'a* въ Петербургѣ. Фильель хотя и показывалъ «*bonne mine au mauvais jeu*», но видно было, что онъ очень досадовалъ на отсутствіе генерала Безака и считалъ этотъ день «*roug une journée perdue*». Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, если бы генераль Безакъ и присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, онъ врядъ ли остался бы доволенъ, потому что такая роскошная обстановка и изысканность обѣда срав-

нительно съ тѣмъ скромнымъ обѣдомъ, какимъ угощаль насъ наканунѣ генераль-губернаторъ, не могла бы подѣйствовать на него пріятно. Вскорѣ послѣ обѣда гости начали разѣзжаться, и я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Въ Винницѣ я познакомился съ Вильгельмомъ Игнатьевичемъ Собѣщанскимъ, помѣщикомъ, который строилъ сторожевыя будки по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ. По разнымъ неудачамъ и несчастіямъ въ жизни онъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Чертами лица онъ удивительно напоминаетъ французскихъ королей бурбонской линіи; фигурой, рѣзкими и крупными чертами лица онъ былъ совершенно схожъ съ Людовикомъ XVI, но былъ плотнѣе и меньше его ростомъ. До крайности довѣрчивый, добрѣйшей души и слабый характеромъ, онъ былъ большимъ обожателемъ женскаго пола; имѣлъ жену и дочь, но жена его въ то время постоянно жила за границею. Собѣщанскій былъ когда-то очень богатъ, имѣлъ тысячъ шестьдесятъ годового дохода и жилъ весьма открыто. Въ 50-хъ годахъ уѣздный городъ Староконстантиновъ, принадлежавшій графу Ржевусскому, продавался за долги. Купить это «имѣніе» было чрезвычайно выгодно, потому что однѣ оброчныя статьи давали болѣе 40 тысячъ дохода, не считая доходовъ съ 30 или 40 тысячъ десятинъ земли, лѣса, скота, мельницъ и разныхъ другихъ экономическихъ построекъ. Собѣщанскому хотѣлось купить Староконстантиновъ, и онъ согласился съ другимъ помѣщикомъ сдѣлать покупку пополамъ. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы только разузнать, какъ приступить къ дѣлу, и взялъ съ собою лишь 300 рублей. Пріѣхавъ туда утромъ, онъ узналъ, что торги будутъ производиться въ тотъ же день, и что желающій купить долженъ внести 300 тысячъ рублей въ губернское казначейство къ часу дня, а узналъ онъ о продажѣ въ 9 часовъ утра. Можно легко себѣ представить, какой громадный кредитъ имѣлъ Собѣщанскій въ Кіевѣ, если съ 9-ти до часу успѣлъ достать 300 тысячъ рублей и представилъ ихъ къ назначенному сроку въ казначейство.

Между тѣмъ, помѣщикъ, съ которымъ Собѣщанскій покупалъ имѣніе пополамъ, злоупотребилъ крайнею довѣрчивостію Собѣщанскаго и устроилъ дѣло въ свою пользу: онъ воспользовался деньгами своего компаньона, но имѣніе перевелъ на свое имя. Конечно, когда Собѣщанскій узналъ объ этомъ, онъ подалъ жалобу, затѣялъ процессъ. Этотъ помѣщикъ былъ уличенъ въ подлогѣ и, кромѣ того, судился даже по нѣсколькимъ уголовнымъ дѣламъ, по окончаніи которыхъ, правда, былъ сосланъ въ Сибирь на каторжныя работы, но процессъ тянулся почти 11 лѣтъ; въ это время Собѣщанскій много потерялъ, такъ какъ долженъ былъ платить большіе проценты за занятыя имъ 300 тысячъ. Наконецъ, онъ выигралъ процессъ, сенатъ утвердилъ его владѣльцемъ Староконстантинова, но въ то же самое время, по случаю польскаго возстанія, былъ объявленъ высочайшій указъ,

что полякамъ и польскимъ уроженцамъ католическаго исповѣданія запрещается покупать имѣнія въ Россіи, а въ особенности въ Западномъ краѣ. На Староконстантиновъ наложили секвестръ, хотя Собѣщанскій фактически доказалъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ возстаніи и тѣмъ самымъ возбудилъ противъ себя ненависть поляковъ, которые намѣтили его подлежащимъ повѣшенію за то, что онъ не платилъ жонду денегъ и вообще не оказывалъ ему помощи. С. И. Ризничу, встрѣтившемуся съ Собѣщанскимъ въ Лембергѣ, стоило чрезвычайно много хлопотъ и труда, чтобы спасти Собѣщанскаго отъ висѣлицы, и онъ успѣлъ въ этомъ только потому, что нарядилъ Собѣщанскаго въ женское платье и подъ видомъ своей кухарки вывезъ его изъ Лемберга въ свое имѣніе. Но все это ни къ чему не привело. Собѣщанскому не платили процентовъ за внесенныя имъ 300 тысячъ, которыя однако тотчасъ же употребили на уплату долговъ графа Ржевусскаго, но ввели его во владѣніе Староконстантиновымъ и лишили его доходовъ съ этого имѣнія; а между тѣмъ, когда была наложена контрибуція на всѣ имѣнія, принадлежавшія польскимъ помѣщикамъ, Собѣщанскаго признавали владѣльцемъ Староконстантинова и взыскивали съ него ежегодную контрибуцію. Въ тотъ годъ, когда я съ нимъ познакомился, ему пришлось въ теченіе десяти дней уплатить 8.000 руб. серебромъ контрибуціи... Это просто невѣроятно, а между тѣмъ горькая истина. Само собою разумѣется, что подобными распоряженіями Собѣщанскаго совсѣмъ разорили, но при всемъ томъ съ доходовъ отъ другихъ своихъ имѣній онъ успѣлъ уплатить 200 тысячъ долгу, и когда я жилъ въ Винницѣ, онъ ожидалъ рѣшенія этого сложнаго и запутаннаго дѣла.

Тогда же я довольно близко познакомился съ помѣщикомъ Степаномъ Ивановичемъ Ризничемъ. Онъ былъ въ севастопольской кампаніи, зналъ Петра Любимовича Жерве, любилъ рассказывать эпизоды изъ своей боевой и частной жизни, благодаря чему мы съ удовольствіемъ проводили вмѣстѣ пріятные вечера.

Второй братъ Ризнича, очень красивый и довольно хорошо образованный человѣкъ, служилъ когда-то въ гусарахъ. Онъ имѣлъ много интригъ какъ въ Россіи, такъ и за границей и, прокутившись въ конецъ и потерявъ свою репутацію, уѣхалъ въ Америку, гдѣ долженъ былъ вести очень трудную жизнь. Младшій братъ Ризнича, Иванъ Ивановичъ, который служилъ въ нашемъ Обществѣ, окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ и путешествовалъ по Европѣ. У него явилось сильное желаніе повидаться со своимъ исчезнувшимъ братомъ, и онъ также отправился въ Америку. Здѣсь онъ много претерпѣлъ. Сначала, пока у него были деньги, привезенныя съ собою, ему жилось недурно, но потомъ его положеніе стало крайне затруднительно: высылка денегъ изъ Россіи была не безпрепятственна и отнимала много времени изъ-за дальности разстоянія,

притомъ же, отыскивая брата, онъ постоянно путешествовалъ, такъ что не могъ никогда въ точности опредѣлить городъ, куда ему высылать деньги. Поэтому случались такіе дни, когда онъ долженъ былъ пропитывать себя черною поденною работою, былъ носильщикомъ, дровосѣкомъ и т. п. Наконецъ, ему удалось таки отыскать брата, который, впрочемъ, упрекалъ его за прїѣздъ и розыски въ Америкѣ. Средній братъ чрезвычайно измѣнился: изъ свѣтскаго, веселаго, беззаботнаго и легкомысленнаго человѣка онъ сдѣлался сосредоточеннымъ, угрюмымъ, молчаливымъ, недовѣрчивымъ,—видно было, что упрекъ испорченной жизни лежалъ на немъ тяжелымъ гнетомъ.

Одно время они оба особенно нуждались въ деньгахъ, но имъ все-таки нужно было ѣхать въ Филадельфію, куда, по всему вѣроятію, имъ должны были выслать деньги. На наличныя деньги они могли доѣхать только за двѣ станціи до Филадельфіи, остальной же путь до города они предполагали идти пѣшкомъ. Взявъ билеты, они получили на наши деньги 20 коп. сер. сдачи и пустились въ путь. Иванъ Ивановичъ въ первый разъ въ своей жизни находился въ такой крайности. Когда онъ съ братомъ уже подъѣзжалъ къ той станціи, съ которой они должны были сойти, одна молодая дама обратилась въ вагонъ къ публикѣ и, въ надеждѣ на ея сочувствіе и помощь, рассказала о несчастіи, постигшемъ ея семейство вслѣдствіе пожара. Подобныя выходки въ Америкѣ повторяются довольно часто и, какъ видно, не безъ успѣха. Такъ и на этотъ разъ: тотчасъ зашевелились всѣ кошельки, дама обошла пассажировъ, подошла и къ Ризничу, которому страшно стало отдать ей свои послѣднія 20 копеекъ. Онъ затруднялся, но братъ его, сидѣвшій подлѣ него въ это время и лучше его знавшій американскіе нравы, толкнулъ его слегка локтемъ и сказалъ порусски: «отдай». Тотъ отдалъ послѣднюю монету. Молодой человѣкъ, съ солиднымъ образованіемъ и съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, въ первый разъ стоялъ лицомъ къ лицу къ нуждѣ; ему страшно взгрустнулось, и онъ присѣлъ въ уголокъ въ большомъ раздумьѣ. Ему рисовалась перспектива идти двѣ станціи пѣшкомъ, притащиться въ совершенно ему чужой городъ, не зная, гдѣ преклонить свою бѣдную голову, какъ утолить голодь. Братъ, не любившій разговора во время путешествія, рѣдко сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и подлѣ Ивана Ивановича усѣлся, какъ надо было полагать по наружности и по выговору, дородный нѣмецъ, который началъ было спрашивать его, но, получивъ два-три короткихъ, отрывочныхъ отвѣта, оставилъ его въ покоѣ. Однако, въ продолженіе всего пути нѣмецъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то участіемъ и добродушнымъ соболѣзнованіемъ, а, выходя изъ вагона, сунулъ что-то Ивану Ивановичу въ руку и незамѣтно исчезъ. Ризничъ увидѣлъ у себя въ рукѣ два доллара. Стыдъ, что онъ получилъ подаваніе, и радость, что хотя на первое время онъ можетъ поддержать себя,—

были неописуемы. И дѣйствительно, эти два доллара освободили ихъ отъ грозившей нужды и послужили имъ поддержкою, пока они получили деньги, которыя имъ были высланы въ Филадельфію.

Иванъ Ивановичъ еще до встрѣчи съ братомъ принималъ участіе въ междоусобной войнѣ, свирѣпствовавшей тогда между сѣверными и южными штатами Америки изъ-за эмансипаціи негровъ. Онъ поступилъ въ военную службу волонтеромъ въ званіи простого солдата, но тоска по исчезнувшемъ братѣ заглушила боевой пылъ, и онъ бросилъ военную службу. Впрочемъ, впоследствии онъ вынужденъ былъ оставить и брата, далъ ему 300 рублей, а самъ съ остальными присланными ему тремястами рублей пустился въ обратный путь. Иванъ и Степанъ Рязничъ и послѣ того постоянно высылали своему брату въ Америку деньги и, кромѣ того, ему помогали лица, которыя скрывали свои имена. Степанъ Ивановичъ предполагалъ, что главнымъ образомъ ему помогала ихъ сестра графиня Келлеръ, очень богатая женщина. Нѣсколько же лѣтъ спустя, они получили положительныя свѣдѣнія, что братъ ихъ въ Америкѣ умеръ.

Въ Винницѣ же я познакомился съ Ефимовичемъ, который прежде служилъ въ какомъ-то кавалерійскомъ полку, а потомъ занимался земляными работами въ Обществѣ Кіево-Балтской желѣзной дороги. Блондинъ, лѣтъ 37, красивой наружности полякъ, онъ былъ хорошо образованъ, и видно было, что много читалъ. Въ жизни его было немало приключеній, и потому съ нимъ интересно бывало побесѣдовать и послушать его рассказы. Между прочимъ, онъ рассказывалъ также о бывшемъ кіевскомъ комендантѣ, генераль-лейтенантѣ Мусницкомъ, который былъ извѣстенъ своею ограниченностью и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами, еще когда служилъ въ гвардіи. Онъ командовалъ, кажется, Измайловскимъ полкомъ и самъ хвасталъ тѣмъ, что когда спрашивали когонибудь изъ его солдатъ, какъ бы шутя, куда бы они желали идти: къ чорту или къ Мусницкому, всегда отвѣчали: «лучше къ чорту!»

Мусницкій былъ католикомъ, и когда вспыхнулъ первый польскій мятежъ, для усмиренія котораго гвардія должна была выступить въ походъ, въ Бозѣ почившій императоръ Николай предоставилъ право всѣмъ полякамъ и католикамъ выходить изъ полковъ или въ отставку или переходить въ тѣ полки, которые не выступали въ Польшу. Однако Мусницкій остался въ полку и по собственной просьбѣ, по ходатайству начальства и съ разрѣшенія государя, выступилъ въ походъ. Уже на старости лѣтъ, когда Мусницкій былъ комендантомъ въ Кіевѣ, онъ пожелалъ принять православіе, но до того, какъ было получено высочайшее соизволеніе и былъ назначенъ день крещенія, Мусницкаго поразилъ апоплексическій ударъ. По собственному желанію, уже на смертномъ одрѣ, онъ принялъ причастіе, какъ православный, но миропомазать его не успѣли, такъ какъ онъ скончался. Поэтому возникъ вопросъ, какъ

хоронить его—по католическому или по православному обряду; телеграфировали въ Петербургъ, и было получено разрѣшеніе хоронить его по обряду православному.

Ефимовичъ служилъ въ полку, который стоялъ въ Москвѣ, женился тамъ, и ровно черезъ три недѣли послѣ свадьбы, въ одинъ прекрасный день, его схватили, съ конвоемъ привезли въ Кіевъ и посадили въ крѣпость. Онъ не зналъ за собою никакой вины, ни въ какихъ сношеніяхъ съ поляками не былъ и даже на польское возстаніе смотрѣлъ, какъ на сумасбродство отдѣльныхъ честолюбцевъ, которые съ помощью ксендзовъ силою и угрозою и разными обольщеніями возбуждали къ возстанію простой народъ. Ефимовичъ предполагалъ, что его заключили по какому либо подозрѣнію, такъ какъ его родной братъ, докторъ, попался въ числѣ мятежниковъ. Какая-то паненка, вѣроятно, со злости, что другой братъ служить въ рядахъ русскаго войска и не поддается ни на какія приманки и убѣжденія, написала анонимное письмо, благодаря которому его и схватили. Онъ просидѣлъ три дня и, теряя терпѣніе, чрезъ плацъ-адъютанта попросилъ къ себѣ коменданта. Пришелъ Мусницкій, котораго Ефимовичъ просилъ объяснить, за что его держать въ заключеніи. Но комендантъ отвѣтилъ, что, къ крайнему своему сожалѣнію, никакого отвѣта дать ему не можетъ, такъ какъ самъ о немъ и объ его винѣ положительно ничего не знаетъ, а получилъ только формальное предписаніе содержать его арестованнымъ въ крѣпости. Жена Ефимовича телеграфировала по начальству и получила лаконическій отвѣтъ, что ея мужъ живъ и находится въ крѣпости въ Кіевѣ. Тогда она пріѣхала въ Кіевъ, но генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Анненковъ отказалъ ей въ свиданіи съ мужемъ. Между тѣмъ Ефимовичъ, по представленію начальства, за отличную службу получилъ награду—орденъ св. Анны 3-й степени, конечно, до его ареста. Комендантъ самъ принесъ ему приказъ о награждѣ; Ефимовичъ очень хладнокровно прочелъ приказъ и отложилъ его въ сторону. Мусницкій удивился и ушелъ. Въ то же время о заключенномъ производилось слѣдствіе, которое совершенно оправдало его, такъ какъ по всѣмъ справкамъ и отзывамъ начальства и сослуживцевъ его нельзя было обвинить ни въ чемъ. Ефимовича продержали два мѣсяца въ крѣпости и наконецъ освободили.

Между тѣмъ мои дѣла складывались такъ, что въ Винницѣ мнѣ положительно нечего было дѣлать; къ тому же Фильсѣль, по своему безпокойному характеру, вѣчно уѣзжалъ то туда, то сюда, и видѣться съ нимъ совсѣмъ не приходилось. Ризничъ и Собѣщанскій собирались въ Кіевъ, Стороженко также долженъ былъ съѣздить туда по семейному дѣлу, и я рѣшилъ прокатиться вмѣстѣ съ ними. По пріѣздѣ въ Кіевъ я явился генераль-губернатору Безаку. Это былъ пріемный день, и я засталъ у него множество разныхъ лицъ. Адъютантъ доложилъ обо мнѣ, и когда

изъ кабинета генераль-губернатора вышелъ какой-то господинъ, находившійся тамъ, Безакъ тотчасъ пригласилъ меня войти. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ онъ былъ очень ласковъ, посадилъ меня подлѣ себя и сталъ разспрашивать о нашемъ Обществѣ; онъ въ особенности настойчиво допытывался, какого я мнѣнія о Фильёлѣ и, главное, какъ я смотрю на его администрацію и вообще на ходъ работъ. Я былъ остороженъ, но тѣмъ не менѣе не считалъ нужнымъ скрывать отъ Безака своего взгляда на дѣло, тѣмъ болѣе, что и самому Фильёлю я прямо говорилъ, если находилъ что либо предосудительное въ его распоряженіяхъ. Безакъ согласился почти со всѣми моими воззрѣніями и если дѣлалъ возраженія, то только для того, чтобы болѣе уяснить себѣ предметъ, о которомъ я говорилъ. Бесѣда продолжалась болѣе двадцати минутъ, послѣ чего я раскланялся съ нимъ и ушелъ.

Я пробылъ въ Кіевѣ недѣли полторы. Предъ самымъ отъѣздомъ ко мнѣ явились рабочіе изъ числа тѣхъ, которыхъ я вернулъ изъ бѣговъ въ Житомирѣ, и жаловались, что выданныя имъ мною деньги безвозмездно на покупку одежды и обуви считаютъ долгомъ за ними и, кромѣ того, притѣсняють ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Мнѣ было очень непріятно, что данныя мною рабочимъ обѣщанія не были исполнены, и я немедленно написалъ Вандермейлеру довольно энергичное письмо, ссылаясь на полномочія, данныя мнѣ Фильёлемъ, и на его личное одобреніе моихъ распоряженій. Хотя Вандермейлеръ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ указывалъ на то, что рабочіе показывали дурной примѣръ другимъ и потому не заслуживали поощренія, однако, въ концѣ концовъ, обѣщаль удовлетворить всѣ мои требованія въ пользу рабочихъ, что дѣйствительно было исполнено впоследствии.

Въ Винницѣ я оставался до 20-го ноября, когда работы этого сезона окончились совершенно, люди были рассчитаны и отпущены, и я самъ получилъ возможность уѣхать въ Петербургъ, гдѣ ждала меня семья послѣ долгой разлуки. Впрочемъ, по дорогѣ въ Петербургъ я застрялъ еще въ Кіевѣ, гдѣ болѣе трехъ недѣль пришлось ждать пріѣзда Фильёля, съ которымъ мнѣ необходимо было видѣться по случаю прекращенія работъ до слѣдующей весны. Но неаккуратный французъ и на этотъ разъ остался вѣренъ себѣ, и я не могъ дожидаться его, такъ какъ къ рождественскимъ праздникамъ рѣшилъ непременно быть дома; къ тому же онъ извѣстилъ, что самъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ декабря я пріѣхалъ въ Петербургъ и вздохнулъ свободно въ своемъ гнѣздѣ послѣ долгой и, съ непривычки, тяжелой разлуки съ близкими родными и друзьями.

Четыре съ половиною мѣсяца я пробылъ въ Петербургѣ и былъ счастливъ, что могъ отдохнуть въ кругу моихъ дорогихъ родныхъ.

Шумъ столицы почти не доходилъ до нашего семейнаго очага, такъ какъ большую часть времени я проводилъ дома съ женою и съ сыномъ Владиміромъ, или посѣщаль другого сына и замужнюю дочь, которые также въ то время жили въ Петербургѣ и часто навѣщали меня. Общественными развлечениями я какъ-то мало пользовался, не считая собраній въ домахъ родныхъ и изрѣдка посѣщеній театровъ; только одинъ разъ, въ началѣ января, мнѣ пришлось быть въ большомъ свѣтѣ—на балу въ Зимнемъ дворцѣ.

Придворные балы всегда славятся и привлекаютъ своею роскошью, многолюдствомъ и разнообразіемъ, и мнѣ захотѣлось воспользоваться случаемъ развлечь себя въ столь блестящей обстановкѣ. На балы подъѣзжаютъ обыкновенно съ Салтыковскаго подъѣзда, перваго отъ праваго угла фасада со стороны набережной Невы. Великолѣпная широкая лѣстница вся устлана широкимъ, аршина въ три, мягкимъ красивымъ ковромъ и освѣщена прекрасно. Она ведетъ въ довольно длинный коридоръ, въ которомъ разставлены въ большихъ кадкахъ лимонныя, померанцевыя и апельсинныя деревья, всевозможныя пальмы и проч. Этотъ свѣтлый коридоръ какъ бы состоитъ изъ арокъ, аршина въ четыре ширины, и въ каждой изъ нихъ, по обѣ стороны, стоятъ придворные лакеи. Всѣ они въ красныхъ ливреяхъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ позументами съ черными орлами, въ красныхъ суконныхъ жилетахъ и въ красныхъ же плисовыхъ короткихъ панталонахъ, въ шелковыхъ бѣлыхъ чулкахъ и лакированныхъ съ серебряными пряжками башмакахъ. Въ перемежку съ ними стоятъ егеря придворнаго вѣдомства въ своихъ зеленыхъ съ золотыми позументами костюмахъ и въ большихъ лакированныхъ ботфортахъ со шпорами; на черной лакированной перевязи, съ большою позолоченною пряжкой впереди, виситъ охотничій ножъ; въ рукахъ у cadaго изъ нихъ треугольная шляпа съ петлицею и зеленымъ пѣтушьямъ султаномъ. За ними нѣсколько человекъ скороходовъ въ такой же почти формѣ какъ и придворные лакеи, но въ особомъ головномъ уборѣ въ видѣ кеши съ краснымъ треугольнымъ впереди заворотомъ, обшитымъ неширокимъ галуномъ, съ золотымъ орломъ посреди и съ плюмажемъ изъ черныхъ страусовыхъ перьевъ. Скороходы всегда по всему дворцу, даже въ присутствіи царской фамиліи, ходятъ съ покрытыми головами. Эта шпалера придворной прислуги, симметрично разставленной—лакеи, егеря, скороходы и т. д., продолжается почти до самаго входа въ Николаевскій залъ. По величинѣ, такого зала, какъ Николаевскій, говорятъ, нѣтъ ни въ одномъ дворцѣ всей Европы. И дѣйствительно, за исключеніемъ лицъ, близкихъ къ царской фамиліи, всѣ остальные приглашенные, дамы и кавалеры, въ этомъ залѣ собираются въ числѣ часто до 2.000 человекъ—и не тѣсно. Освѣщеніе здѣсь великолѣпное: 8 огромныхъ люстръ и вся колоннада по обѣимъ сторонамъ зала обвита бронзовыми вѣнками, между ко-

торыми сплошь сверху до низу вставлены свѣчи; однимъ словомъ, освѣщеніе въ полномъ смыслѣ «а djorno». Эстрада, красиво убранная зеленью, цвѣтами и экзотическими растеніями, занята хоромъ превосходной бальной музыки, подъ управленіемъ Лядова. Во время баловъ дирижеръ Лядовъ и всѣ музыканты всегда одѣты въ особый костюмъ. У двери въ первую гостиную стоятъ парные часовые, два дворцовыхъ гренадера въ полной парадной формѣ, облитые золотомъ, въ своихъ громадныхъ медвѣжьихъ шапкахъ; а по другой сторонѣ двери стоятъ два негра въ богатыхъ костюмахъ и въ чалмахъ. При входѣ въ залъ, по правую руку стоитъ длиннѣйшій покрытый скатертью столъ—открытый буфетъ. Здѣсь предлагается чай, фрукты, конфекты, сельтерская вода, разнаго рода лимонадъ и оршадъ и пр.; шампанскаго сколько угодно.

Баль начинается почти всегда въ 10 часовъ, но съѣзжаются съ 9-ти. Когда растворяются двери изъ гостиной, оттуда выходятъ два гофмаршала въ шитыхъ золотомъ мундирахъ; въ рукахъ у нихъ длинныя трости съ большими набалдачниками изъ слоновой кости. Предъ ними образуется свободный проходъ, музыканты начинаютъ играть польскій, обыкновенно изъ оперы «Жизнь за Царя», и появляются блестящія пары полонеза. Государь никогда не выступаетъ въ первой парѣ, и на этотъ разъ впереди шла императрица съ княземъ Василиемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, бывшимъ военнымъ министромъ, а впослѣдствіи шефомъ жандармовъ и главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Князь Долгоруковъ отказался отъ этого поста послѣ покушенія Каракозова, откровенно доложивъ государю, что не считаетъ себя способнымъ занимать этотъ важный постъ. Государь всемилостивѣйше уволилъ его отъ этой должности и назначилъ его оберъ-камергеромъ двора его величества, оставивъ его притомъ же въ званіи генераль-адъютанта. Такимъ образомъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ при генераль-адъютантскомъ мундирѣ носилъ брилліантами осыпанный ключъ и двѣ кисточки изъ брилліантовыхъ нитокъ на андреевской лентѣ. Во второй парѣ шествовалъ государь съ великою княгинею Марією Николаевною, за ними поочередно всѣ прочіе члены царской фамиліи, иностранные принцы и посланники, наша фешенебельная аристократія и заслуженные старики. Полонезъ продолжается обыкновенно съ полчаса и даже болѣе, потому что государь отъ времени до времени выбираетъ то ту, то другую изъ присутствующихъ дамъ, женъ иностранныхъ министровъ и пословъ, или русскихъ близкихъ къ престолу аристократическихъ фамилій. Какъ только польскій кончается, начинаются другіе танцы, которыми всегда дирижируетъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Молодежь танцуетъ безъ всякой женировки со знакомыми дамами, а также съ великими княгинями, но съ послѣдними лишь по ихъ личному выбору. Направо изъ большой залы идетъ длинная, довольно

узкая, въ видѣ коридора, комната, въ которой устроены два богатыхъ буфета. Изъ этого коридора первая дверь направо ведетъ въ большую гостиную. Я вошелъ туда. Здѣсь собрались около пятнадцати дамъ, которыя представлялись императрицѣ по разнымъ случаямъ. Въ числѣ ихъ была Софья Карловна Ротъ. Императрица была одѣта чрезвычайно эффектно: на ней было пышное, легкое бѣлое платье съ большимъ количествомъ бантовъ, а на каждомъ бантѣ была прикрѣплена прекрасно сдѣланная золотая бабочка, осыпанная брилліантами и рубинами. Поясъ былъ сплошной брилліантовый; на головѣ изъ крупныхъ брилліантовъ очень изящной работы діадема, а на шеѣ такое же ожерелье, средній брилліантъ котораго около $\frac{3}{4}$ вершка, а остальные уменьшаются въ обѣ стороны, кончаясь полудюймовыми брилліантами. Пониже брилліантоваго ожерелья висѣли огромные жемчуги въ видѣ грушъ. Цесаревна Дагмара была почти въ такомъ же нарядѣ, но брилліантовые украшенія на ней были нѣсколько меньшихъ размѣровъ, поясъ поуже. Великая княгиня Александра Іосифовна, еще весьма красивая и видная, была также одѣта съ большимъ вкусомъ и весьма богато. Не видно было на балу ни одного фрака, такъ какъ всѣ гражданскіе чины были въ шитыхъ мундирахъ; военные же въ полковыхъ—мѣстамъ и лицамъ присвоенныхъ мундирахъ, что придавало всему балу чрезвычайно красивый, пышный и разнообразный видъ.

Изъ гостиной я вошелъ въ смежную комнату. Тамъ было разставлено нѣсколько карточныхъ столовъ, изъ которыхъ многіе были заняты играющими. За однимъ столомъ я засталъ княгиню Елизавету Александровну Барятинскую въ партіи съ княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Я раскланялся съ ними, мы поговорили нѣсколько времени, и я отправился въ дамскій буфетъ. Посреди огромной круглой комнаты стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣли дамы; нѣкоторыя изъ нихъ пили чай, другія кушали мороженое, фрукты, конфекты. Здѣсь я нашелъ многихъ знакомыхъ дамъ: генеральшъ Веригину и Герштенцвейгъ, графиню Гейденъ, баронессу Ливенъ съ дочерью, Елену Павловну Захаржевскую, гофмейстерину двора ея высочества Маріи Николаевны, и другихъ. Я подошелъ къ дамамъ, мы разговорились, и бесѣда наша приняла очень оживленный и веселый характеръ. Было довольно жарко, и мнѣ захотѣлось пить. Я всталъ, подошелъ къ буфету и приказалъ подать себѣ сельтерской воды. Въ это время къ тому же буфету подошелъ государь наслѣдникъ, остановился возлѣ меня и спросилъ:

— Что, генераль, жарко?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Вѣрно, напитокъ пришли. И я тоже. Подайте сельтерской воды и два стакана,—обратился наслѣдникъ къ лакею.

Подали сельтерскую воду, и наслѣдникъ показалъ рукою, чтобы я первымъ взялъ стаканъ. Но я отклонилъ отъ себя эту честь, и великій

князь взялъ стакаль. Когда мы кончили пить, онъ поклонился мнѣ и ушелъ. И все это такъ просто, безъ всякаго этикета, что, право, въ умиленіе приходишь отъ такой привѣтливости царской фамиліи.

Я опять вошелъ въ большую залу и любовался танцами, въ особенности цесаревною Дагмарою: она такъ просто, такъ привѣтливо и притомъ такъ граціозно обходилась со всѣми, что я съ особеннымъ удовольствіемъ долго смотрѣлъ на нее. Очень близко за мною стоялъ французскій посланникъ, генераль Флѣри, и, видимо, также любовался избраннымъ обществомъ. Въ это время къ нему подошелъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ князь Горчаковъ, и генераль Флѣри сказалъ ему:

— Voilà une soirée qu'on peut faire voir et à ses amis et à ses ennemis ¹⁾!

Въ 12 часовъ, государь повелъ императрицу къ ужину, мы послѣдовали за ними и съ Меликовымъ ²⁾ и Володей ³⁾ сѣли за большой столъ въ той же комнатѣ, гдѣ стоялъ столъ для царской фамиліи. Государь обходилъ всѣ столы, за которыми ужинали его гости. Ужинъ, конечно, былъ прекрасный и состоялъ изъ пяти блюдъ; шампанскимъ угощали вдоволь.

Послѣ ужина государь и императрица обыкновенно уходятъ въ свои покои, но балъ еще продолжается, молодежь танцуетъ, сколько душѣ угодно; продолжаютъ подавать чай, кофе, шоколадъ, что кому угодно. Этотъ балъ, какъ говорили послѣ, продолжался до 5 часовъ утра, но я не оставался такъ долго и вскорѣ послѣ ужина возвратился домой.

Незамѣтно подошла весна, а съ нею настало время дальнѣйшихъ работъ на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ. Фильѣль извѣстилъ меня, что мнѣ снова предоставляется служба въ ихъ Обществѣ, и что въ маѣ мнѣ придется выѣхать на мѣсто работъ. Опять приготовился я къ долгой разлукѣ съ семьей, опять собрались проводить меня родные, и я выѣхалъ изъ Петербурга 10 мая 1868 года. У меня нашелся попутчикъ, служившій въ нашемъ Обществѣ докторъ Рибуръ, который дѣлилъ со мною грустныя впечатлѣнія шестидневнаго томительнаго пути до Меджибожа. Только до Бѣлостока мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, а уже оттуда пришлось ѣхать на лошадахъ. Мѣстами дорога была прескверная, а около Брестъ-Литовска намъ пришлось ѣхать по такимъ пескамъ, что, несмотря на легкость дорожной коляски, намъ запрягали восемь лошадей, хотя мы платили только за шесть.

Къ сожалѣнію, въ противоположность предыдущему году, мнѣ

¹⁾ Вотъ вечеръ, какой можно пожелать видѣть и другу и недругу.

²⁾ М. М. Лорисъ-Меликовъ, полковникъ л.-гв. Павловскаго полка, впоследствии нечаянно убитый офицеромъ того же полка. См. о немъ гл. XIV. В. Ж.

³⁾ Владиміръ Константиновичъ Жерве, сынъ дѣда. В. Ж.

очень долго приходилось оставаться безъ дѣла. Я поселился въ Меджибожѣ, гдѣ поджидалъ Фильёля, отъ котораго надѣялся получить какую нибудь инструкцію относительно моихъ будущихъ обязанностей, но безнокійный директоръ былъ попрежнему неуловимъ для всѣхъ: въ Меджибожѣ его никто не видѣлъ, даже въ Кіевѣ никогда нельзя было предугадать его пріѣздъ, онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ. Мнѣ не могло нравиться такое бездѣйствіе, и я положительно тосковалъ безъ занятій; кромѣ того, мнѣ было просто неловко предъ самимъ собою, такъ какъ дѣла я не дѣлалъ, а содержаніе все-таки получалъ полностью (въ мѣсяцъ 266 рублей съ копейками). Наконецъ, мнѣ надоѣло такое непріятное положеніе, и я рѣшилъ официальнымъ письмомъ напомнить Фильёлю о себѣ. Но и это не помогло: отвѣта не было.

Въ частной жизни я устроился въ Меджибожѣ, въ сущности, недурно. У меня была небольшая квартирка съ балкономъ, на которомъ я могъ съ удовольствіемъ по утрамъ пить кофе, заниматься чтеніемъ, отъ скуки даже переводами статей изъ нѣмецкихъ журналовъ и любоваться прекраснымъ видомъ на Бугъ и его берега, видѣвшіеся вдали. Я получалъ газеты и журналы, велъ переписку съ женой и родными, почти ежедневно гулялъ по мѣстечку и его окрестностямъ, чему такъ благопріятствовала прекрасная южная погода. Кромѣ другихъ моихъ сослуживцевъ по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, въ Меджибожѣ жилъ путей сообщенія подполковникъ Павловскій; мы были близкими сосѣдями и часто видѣлись другъ съ другомъ. Здѣсь же я хорошо познакомился съ инженернымъ капитаномъ Череповымъ, очень хорошимъ человѣкомъ, и близко сошелся съ семействомъ полковника Дедюлина, командира Стародубовскаго драгунскаго полка, который и годъ тому назадъ стоялъ тамъ же. Это оказались премилые люди, пользовавшіеся общимъ расположеніемъ полка, а также другихъ обитателей скромнаго мѣстечка. У нихъ часто собиралось довольно большое общество, устраивались танцы, спектакли, пикники и проч.

Въ 8-ми верстахъ отъ Меджибожа жилъ въ то время старикъ графъ Лидерсъ, тотъ самый, который во время турецкой кампаніи въ 1828 году командовалъ полкомъ и изъ полковниковъ былъ разжалованъ въ рядовые за растрату казенныхъ суммъ. Но покойный государь Николай Павловичъ зналъ, что Лидерсъ храбрый и дѣльный офицеръ и зналъ также, что онъ взялъ на себя вину, чтобы только спасти своего казначея, и потому чрезъ сутки Лидерсу былъ возвращенъ чинъ полковника, и онъ опять былъ назначенъ командиромъ полка. Послѣ этого онъ быстро возвысился. Въ той же турецкой кампаніи онъ былъ произведенъ въ генералы, отличился во время усмиренія польскаго возстанія 1831 года и въ венгерской кампаніи, въ 1866 году, уже полнымъ генераломъ, генераль-адъютантомъ и графомъ былъ назначенъ намѣстникомъ царства Польскаго.

Живя въ Варшавѣ, онъ гулялъ однажды въ саду Лазенковского дворца и въ это время какимъ-то негодяемъ-полякомъ былъ раненъ пулею въ затылокъ. Онъ вынужденъ былъ оставить Варшаву и поѣхалъ лѣчиться въ свое имѣніе подлѣ Меджибожа. Это — огромное, вполне благоустроенное и прекрасно содержимое помѣстье, въ которомъ графъ Лидерсъ царькомъ жилъ со своимъ семействомъ.

Въ Меджибожѣ онъ почти не показывался, а потому я оказался здѣсь старшимъ представителемъ военной власти. Конечно, я былъ весьма далекъ отъ мысли играть какую нибудь роль, тѣмъ болѣе передъ строемъ войска, но полковникъ Дедюлинъ самъ относился ко мнѣ всегда съ особеннымъ почтеніемъ: на примѣръ, 22-го іюля, въ день тезоименитства государыни императрицы, онъ просилъ меня принять парадъ. Я отказывался, ссылаясь на то, что я вовсе не строевой генералъ, но онъ все-таки убѣдилъ меня согласиться, увѣряя, что это необходимо для войска. Въ августѣ лагерь оживился, такъ какъ прибыли другіе полки, съѣхалось начальство, начались смотры, маневры и проч. Здѣсь собиралась 33-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ Николая Михайловича Хитрово, моего стараго знакомаго.

15-го августа, я былъ приглашенъ на полковой праздникъ Стародубовскаго драгунскаго полка. Къ сожалѣнію, дождь нѣсколько помѣшалъ полному блеску парада, поэтому празднованіе, главнымъ образомъ, сосредоточилось въ офицерскомъ собраніи. Къ столу собралось около 70 лицъ, и, кромѣ офицеровъ полка, были также нѣкоторыя постороннія лица. Хитрово и меня посадили на почетныя мѣста; противъ насъ сидѣла м-мъ Дедюлина съ дочерьми и полковья, а также нѣкоторыя постороннія дамы. Обѣдъ былъ очень хорошъ, приготовленъ отлично и столъ былъ убранъ довольно богато. Послѣ обычныхъ тостовъ за царя и шефа полка принца Ольденбургскаго, послѣ гимна, повтореннаго два раза, Хитрово сказалъ: «надо выпить за здоровье полка и полковаго командира», но безъ всякихъ спичей, безъ привѣтствій. Все кончилось крикомъ «ура», шумомъ, тушемъ и больше ничего. Поэтому я рѣшился сказать хоть нѣсколько словъ привѣтствія полковому командиру, и когда Хитрово провозгласилъ тостъ за здоровье полка и его командира, я всталъ и попросилъ сказать нѣсколько словъ.

«Мы всѣ, столкнувшіеся здѣсь со всѣхъ концовъ нашей матушки-Россіи, — сказалъ я, — нечаянно-негаданно нашли здѣсь, въ этомъ отдаленномъ, глухомъ мѣстечкѣ, гостепріимный привѣтъ и радушный пріемъ въ средѣ славнаго драгунскаго полка. Здѣсь проявляется стезя, по которой опредѣлено пройти русскому современному человѣку, виденъ трудовой путь, по которому проходить нашъ почтенный, радушный хозяинъ Александръ Яковлевичъ, съ честью исполняя свой долгъ и преданный государю и отечеству безпредѣльно. Гдѣ искренній привѣтъ встрѣчаетъ истинное достоин-

ство, тамъ бѣдны слова для выраженія всѣхъ теплыхъ чувствъ, а потому намъ остается только поблагодарить отъ искренней души всѣхъ нашихъ милыхъ хозяевъ и главу — Александра Яковлевича, пожелать ему и его почтенному семейству благоденствія, исполненія всѣхъ его желаній и радость въ цвѣтущемъ его поколѣннн. Кто сочувствуетъ моему привѣту, пусть подыметъ свой бокаль и выпьетъ за здоровье уважаемаго Александра Яковлевича и его полковой семьи и воскликнетъ наше вѣковое, знаменательное русское ура!»

Какъ видно было, мой привѣтъ произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣнн: офицеры очень тепло благодарили меня, а Дедюлинъ былъ очень тронуть и, обнимая меня, выражалъ мнѣ свою искреннюю признательность; Наталья Николаевна Дедюлина послѣ обѣда также очень благодарила меня. Когда нѣсколько времени спустя дамы разѣхались, Дедюлинъ и офицеры полка, подъ звуки музыки, продолжали еще кутить, пѣть и плясать, какъ это всегда водится среди молодежи. Надо отдать полную справедливость гг. офицерамъ Стародубовскаго драгунскаго полка, что они всегда держали себя достойно, гдѣ бы ни были они: въ большомъ ли обществѣ, въ своемъ ли товарищескомъ кругу, всегда они оставались въ границахъ приличія, и потому я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ веселье. Вообще за все то время, которое я прожилъ въ Меджибожѣ, не случилось съ ними ни одной исторіи, никогда не слышно было ни малѣйшей жалобы на нихъ, напротивъ, всѣ ихъ хвалили, всѣ были ими очень довольны. Правда, всѣ офицеры любили своего полковаго командира безъ души, и чтобы не огорчать его, никто изъ нихъ никогда не рѣшился бы сдѣлать что нибудь ему непріятное.

Въ концѣ августа, въ Меджибожѣ пріѣзжалъ генераль-лейтенантъ Козляиновъ, помощникъ генерала Безака, и дѣлалъ смотръ собравшемуся отряду. Онъ остался очень доволенъ войсками, въ особенности драгунами Дедюлина, который къ тому же 30-го августа былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ помощникомъ начальника какой-то кавалерійской дивизіи. Эта вѣсть была встрѣчена обществомъ съ большою радостью, и всѣ отъ души поздравляли его. Черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Меджибожѣ былъ устроенъ концертъ. Дедюлинъ съ семействомъ также собирался туда. Узнавъ объ этомъ, Н. М. Хитрово просилъ меня послать Дедюлину мои эпюлеты, чтобы онъ могъ уже генераломъ явиться въ общество. Я съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Хитрово, что, видимо, было очень пріятно молодому генералу и его семейству.

Въ половинѣ сентября, отъ управляющаго винницкою конторою нашего Общества г. Буске я получилъ письмо, которымъ онъ извѣстилъ, что моя должность съ 1-го октября слѣдующаго (1869) года упраздняется, но если я желаю, то мнѣ предоставляется право

оставаться еще на службѣ Обществу до окончанія срока моего контракта (значить, еще полтора года); если же я захочу быть свободнымъ теперь же, то Общество предлагаетъ мнѣ полугодовое содержаніе, т.-е. 1.600 рублей. Это меня крайне удивило. Когда я встрѣтилъ А. А. Грече, служившаго въ конторѣ Ризнича и Собоуцанскаго по подрядамъ на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, я сообщилъ ему о полученномъ мною письмѣ; тотъ прямо сказалъ, что все это Общество, кажется, составлено изъ мошенниковъ, и самый главный мошенникъ и плутъ—самъ г. Фильель, который не стѣняется никакими правилами чести и обязанностью держать свое слово. Дѣло въ томъ, что, по смыслу моего контракта съ Обществомъ, оно обязано было мнѣ выдать годовое содержаніе впередъ, если мои услуги обществу будутъ болѣе не нужны. Однако въ этомъ случаѣ Фильель употребилъ хитрость: онъ не уволилъ меня, а предоставилъ моей доброй волѣ оставаться въ Обществѣ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не предлагали дѣла на будущее время, то, конечно, пріятнѣе было бы тотчасъ оставить службу въ Обществѣ, хотя, съ другой стороны, я лишился при этомъ 1.600 рублей. Чтобы разъяснить это дѣло, я рѣшилъ съѣздить къ Фильелю въ Винницу. Онъ жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ м. Стрижевкѣ, гдѣ принималъ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло. Когда я пріѣхалъ къ нему, оказалось, что его пріемный часъ уже кончился, а по заведенному у него въ домѣ порядку, никто не смѣлъ докладывать ему о чемъ бы то ни было, когда онъ послѣ завтрака отправлялся на половину своей *bien-aimée m-me Mathilde*. Мнѣ оставалось только запискою извѣстить его о томъ, что я нарочно пріѣхалъ изъ Меджибожа благодарить его за предоставленную мнѣ возможность продолжать службу въ Обществѣ, и что если онъ желаетъ видѣть меня у себя, то я буду ожидать его приглашенія до 4 часовъ слѣдующаго дня; если же отвѣта отъ него не послѣдуетъ, то безъ приглашенія я къ нему не поѣду. На другой день отвѣта отъ Фильеля я не получилъ. Вѣроятно, ему совѣстно было видѣть меня и хотя я скрылъ настоящую причину моей поѣздки къ нему, онъ догадался, очевидно, что безъ уступокъ въ мою пользу отдѣлаться нельзя, и предпочелъ молчать. Не получивъ отвѣта отъ Фильеля, я возвратился въ Меджибожь и написалъ отвѣтъ Буске, которому сообщилъ, что еще съ 12-го іюля предыдущаго года, по точному приказанію, которое я получилъ отъ Фильеля, моя должность инспектора рабочей силы не существуетъ болѣе, такъ какъ съ этого дня я не дѣйствовалъ уже въ качествѣ инспектора; поэтому извѣщать объ упраздненіи должности, которая не существуетъ уже болѣе года,—по меньшей мѣрѣ неосновательно.

Вскорѣ послѣ этого, Павловскій увѣдомилъ меня, что Фильель предполагалъ черезъ два дня выѣхать изъ Стрижевки, и потому, не надѣясь на аккуратность отвѣта отъ Буске, я написалъ самому

Фильёлю. Пришлось напомнить ему, что письмомъ отъ 15 апрѣля предыдущаго (1867) года Общество предложило мнѣ мѣсто инспектора рабочей симы съ содержаніемъ въ 3.200 рублей сер. въ годъ и на срокъ 3 лѣтъ; въ то же время оно сохраняло за собою право уволить меня, предупѣдивъ за годъ о томъ. Я сообщилъ ему о полученномъ мною, по его указанію, письмѣ отъ Буске, который извѣстилъ меня объ упраздненіи моей должности съ 1 октября 1869 года, не извѣщая однако о томъ, уволенъ ли я съ 1 октября 1868 года или долженъ служить Обществу еще годъ. Я писалъ Фильёлю, что согласно контракту, выданному мнѣ самимъ же Обществомъ, мнѣ слѣдуетъ теперь получить полное годовое содержаніе, если моя должность упраздняется; въ противномъ же случаѣ, я долженъ остаться на службѣ въ Обществѣ, согласно условіямъ контракта. Просилъ его прислать мнѣ отвѣтъ, который согласился ждать до 15 октября (я писалъ ему 30 сентября), и предупредилъ его, что послѣ этого дня, по примѣру прошлаго года, уѣду въ Петербургъ. Чтобы это письмо во-время было получено Фильёлемъ, я послалъ его со своимъ человѣкомъ въ Летичевъ, откуда приказалъ съ эстафетою доставить его въ винницкую контору. Но прошло двѣ недѣли, а отвѣта отъ Фильёля никакого. Тогда ужъ я рѣшилъ написать ему еще одно, послѣднее письмо.

«Monsieur! Vous m'avez fait avertir par une lettre de M. Bousquet, que ma position que j'occupais dans notre Société expirera dès le 1 octobre 1869. Vous comme moi nous savons très bien que cette position a cessé d'exister dès le 13 juillet 1867 par votre ordre précis que j'ai reçu alors à Prosskouroff et dès ce temps j'ai cessé d'agir comme inspecteur des chantiers. M'annoncer l'expiration après une année d'une charge alors quand elle n'existe plus depuis quatorze mois est un nonsens et n'a aucun fondement.

«Dans tout cela je vois malheureusement rien que des chicanes et votre intention pas trop louable. Vous n'avez pas eu le courage de finir avec moi loyalement et franchement, vous avez eu besoin des détours pour ne pas suivre le sens clair de mon contract.

«Croyez moi, monsieur, que cette malveillance de votre part m'a donné un chagrin profond. Pourquoi suis-je si malheureux de me tromper toujours dans mes sympathies? J'avais une si haute opinion de vous, j'avais une si grande confiance dans la probité de vos maximes,—faut-il que je me désenchante à présent pour une paye mesquine, un rien pour la Société? C'est dur.

«Il me faut absolument une réponse décidée de vous, monsieur, dois je rester ici? Pourrais-je partir jusqu'au printemps à Petersbourg? Pourrais-je recevoir là bas mes appointements? De votre réponse sur ces sujets dépendront mes dispositions à faire.

«Je ne sais pas si vous appréciez profondément les convenances et si c'est assez clair pour vous, que votre silence sur mes lettres est

choquant, il surpasse les limites de la bienséance et de l'estime réciproque! Je n'ose pas supposer que ces sentimens délicats vous manquent... Mais c'est possible que le poids de vos occupations les a, du moins en partie, meurtrisé...

«Veuillez agréer, monsieur, l'assurance de ma haute considération» ¹⁾.

Вѣжливѣ этого выругать человѣка и назвать его просто подлецомъ—трудно. Отправляя это письмо, я надѣялся, что Фильель отвѣтитъ мнѣ, или, въ противномъ случаѣ, подтвердитъ то нелестное мнѣніе, какое я составилъ себѣ о немъ. Прошла еще недѣля, но и послѣднее письмо осталось безъ отвѣта. Пришлось отправиться въ контору и просить лично Буске объяснить причину этого молчанія. Тотъ сказалъ, что въ виду моего желанія придерживаться условій контракта, контора не отвѣчала, предоставивъ моей доброй волѣ оставаться на службѣ въ Обществѣ и получать полное годовое содержаніе. Когда же я спросилъ его, какія условія Общество можетъ мнѣ предложить въ случаѣ моего желанія расчитаться съ нимъ теперь же, Буске отвѣтилъ, что уполномоченъ предложить мнѣ половинное содержаніе (1.600 р. сер.) и 100 р. на дорогу. Ясно было видно, что Общество старалось не выполнить условій контракта, и потому я рѣшилъ скорѣе съ нимъ развязаться во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній въ будущемъ. Я предлагалъ Буске выдать мнѣ полугодовое содержаніе, на дорогу 150 рублей и считать уплоченною

¹⁾ «Милостивый государь! Вы просили извѣстить меня письмомъ г. Буске, что должность, которую я занималъ въ нашемъ Обществѣ, упразднится 1 октября 1869 года. Вы знаете такъ же, какъ и я, что эта должность перестала существовать съ 13 июля 1867 года по вашему точному приказанію, которое я получилъ тогда въ Проксуровѣ, и съ этого времени я пересталъ дѣйствовать въ качествѣ инспектора рабочихъ. Извѣщать меня объ упраздненіи должности черезъ годъ послѣ того, какъ она перестала существовать,—бесмысленно и вполнѣ неосновательно.

«Во всемъ этомъ, къ сожалѣнію, я вижу только придирки, а ваше намѣреніе не слишкомъ похвальнымъ. У васъ не было духу покончить со мною честно и откровенно, вамъ понадобились уловки, чтобы не сообразоваться съ яснымъ смысломъ моего контракта.

«Вѣрите мнѣ, милостивый государь, это недоброжелательство съ вашей стороны мени глубоко оскорбило. Почему я такъ несчастливъ, что всегда ошибаюсь въ своихъ симпатіяхъ? Я имѣлъ о васъ такое высокое мнѣніе, у меня было такъ много довѣрія къ честности вашихъ правилъ, долженъ ли я теперь разочароваться изъ-за ничтожной суммы, пустяка для Общества? Это жестоко.

«И долженъ непременно получить отъ васъ, милостивый государь, опредѣленный отвѣтъ, остаться ли мнѣ здѣсь. Могу ли уѣхать до весны въ Петербургъ? Могу ли я тамъ получить мое содержаніе? Отъ вашего отвѣта по этимъ предметамъ будутъ зависѣть мои распоряженія.

«Не знаю, глубоко ли вы цѣните приличія и достаточно ли вамъ ясно, что ваше молчаніе на мои письма оскорбительно, оно выѣ границъ приличія и взаимнаго уваженія. Не смѣю предполагать, что у васъ недостаетъ этихъ тонкихъ чувствъ... По возможно, что бремя вашихъ занятій ихъ отчасти заглушило...

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи».

недоимку въ 250 рублей, которые я взялъ какъ-то раньше въ счетъ жалованья. Тотъ обѣщалъ списаться объ этомъ съ Фильёлемъ и извѣстить меня о результатѣ.

Наконецъ, недѣли полторы спустя, я получилъ изъ конторы извѣщеніе о томъ, что Фильель согласенъ на предложенныя мною условія. Не теряя времени я рассчитался съ Обществомъ и былъ чрезвычайно доволенъ, что получилъ возможность возвратиться въ Петербургъ. Правда, я терялъ сравнительно съ тѣмъ, что могъ бы получить по условіямъ контракта, но рѣшилъ довольствоваться и этимъ, чтобы избѣжать болѣе крупныхъ непріятностей съ Фильёлемъ. Я предпочелъ скорый, хотя и менѣе выгодный расчетъ также потому, что жизнь вдали отъ семьи была крайне тяжела для меня въ нравственномъ отношеніи и вызывала не мало лишнихъ расходовъ. Мнѣ было пріятно, что втеченіе послѣднихъ полутора лѣтъ удалось расплатиться со всѣми долгами, и это было для меня лучшею наградою за все то, что пришлось перенести въ далекомъ одиночествѣ.

Около этого же времени состоялся отъѣздъ Дедюлина изъ Меджибожа. Офицеры устроили въ честь его балъ, на который пригласили и меня. Кромѣ всего полкового общества, собралось еще человѣкъ 60 гостей, въ числѣ которыхъ было много почетныхъ лицъ Меджибожа. Танцовало паръ 20. Былъ устроенъ открытый буфетъ, красиво убранный, а послѣ танцевъ—ужинъ. Много было выпито шампанскаго, и много говорилось рѣчей. Офицеры поднесли Дедюлину альбомъ своихъ фотографій, въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ съ золотыми арабесками, а его супругѣ—небольшой серебряный подносикъ и на немъ серебряную вызолоченную вазочку, очень изящной работы. Особенно хорошо была сдѣлана серебряная салфеточка, накинутая на вазочку. Послѣ ужина офицеры подхватили Дедюлина, долго качали его и затѣмъ на рукахъ отнесли въ большую залу, здѣсь опять пили за его здоровье и, наконецъ, на рукахъ же свесли Дедюлина въ его квартиру. Ясно видно было, что офицеры искренно любили и уважали Дедюлина. Впрочемъ, безъ этого ему нельзя было бы поставить полкъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ высоко, какъ онъ стоялъ. Нижніе чины полка, съ своей стороны, предложили пожертвовать свое третнее жалованье, чтобы на эти деньги приобрести образъ и поднести его Дедюлину. Это дѣйствительно рѣдкій примѣръ преданности нижнихъ чиновъ цѣлаго полка своему командиру, тѣмъ болѣе, что это дѣлалось безъ всякаго участія или же вліянія со стороны офицеровъ.

Проводивъ Дедюлина и его семейство, а также простившись со всѣми другими добрыми знакомыми, 4 ноября утромъ я выѣхалъ, наконецъ, изъ Меджибожа. Погода стояла холодная и вѣтреная, дождь шелъ вмѣстѣ со снѣгомъ, но такъ какъ у меня была крытая бричка, то я не очень чувствовалъ вліяніе погоды. Нигдѣ не останавливаясь, я доѣхалъ прямо до Литина и остановился въ гости-

ницѣ «пани маіурѳвой», которая и прежде давала мнѣ пріютъ и теперь отдала мнѣ отличную комнату. На другое утро я выѣхалъ въ Виницу, куда прибылъ около 4 часовъ дня. Отсюда я предполагалъ ѣхать дальше по вновь строившейся желѣзной дорогѣ, но въ день пріѣзда ничего не могъ узнать объ отходѣ поѣзда. На слѣдующее утро я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и здѣсь никого изъ французовъ не засталъ, безъ нихъ же добиться толку было невозможно. Черезъ нѣсколько времени меня извѣстили, что всѣ французы, служащіе въ Обществѣ, черезъ полчаса придутъ отъ Фильеля на станцію, гдѣ я могу съ ними увидѣться и переговорить. Я отправился вторично на станцію и засталъ здѣсь гг. Дидона и Лебле, которые сказали мнѣ, что въ этотъ день отправляется поѣздъ для отвоза рабочихъ; поэтому если я желаю отправиться съ этимъ поѣздомъ въ Кіевъ, то они готовы прицѣпить для меня отдѣльный вагонъ, но, кромѣ товарнаго, холоднаго вагона, другого нѣтъ. Пришлось примириться и съ этимъ. Я поблагодарилъ ихъ и къ двумъ часамъ со своимъ багажемъ устроился въ отведенномъ мнѣ вагонѣ. Свободнаго мѣста у меня было очень много. Спустя нѣсколько времени подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, отставной путейскій офицеръ, и попросилъ моего разрѣшенія помѣститься вмѣстѣ со мною. Я былъ очень радъ попутчику и предложилъ ему расположиться какъ удобнѣе. Еще немного погодя, явились рабочіе, которые спросили, можно ли въ нашъ вагонъ положить вещи какой-то княгини Ухтомской; мѣста все еще оставалось много, и потому я не препятствовалъ имъ. Всѣ эти приготовленія продолжались до 4 часовъ.

Ужъ предъ самымъ отправленіемъ пришелъ ко мнѣ начальникъ поѣзда, молодой человѣкъ г. Попандопуло, который предложилъ мнѣ перейти въ его вагонъ, хотя также холодный, но свѣтлый и меблированный. Я съ благодарностью принялъ его любезное предложеніе. Мои вещи тотчасъ перенесли въ его вагонъ, и я расположился очень удобно на большомъ диванѣ, занявъ часть его; разостлавъ свою теплую шинель и укрывшись мѣховымъ халатомъ, я не чувствовалъ холода. Въ вагонѣ сидѣлъ еще какой-то полицейскій чиновникъ, назначенный для наблюденія за порядкомъ между рабочими и еще какихъ-то два лица. Наконецъ мы тронулись. Дорогою мнѣ захотѣлось выпить рюмку водки и закусить. Я досталъ водку и свой запасъ провизіи, предложивъ Попандопуло и другимъ раздѣлить мою трапезу. Холодный вѣтеръ дулъ страшно, даже вагоны пошатывались; снѣгъ и вьюга продолжались съ прежнею силою. Отѣхавъ верстъ 40, мы остановились у chateau d'eau, гдѣ машина должна была налиться водою, чтобы продолжать путь. Но оказалось, что здѣсь не было ни капли воды, помпы замерзли, и ихъ сняли. Очевидно, пуститься дальше въ дорогу безъ воды было невозможно. Потолковали, подумали и рѣшили, вмѣсто того, чтобы всю ночь въ такой морозъ и въ такую вьюгу оставаться въ чистомъ полѣ, лучше вернуться

на Винницкую станцію. Но, узнавъ объ этомъ, рабочіе, которыхъ было въ поѣздѣ человекъ 400, подняли страшный шумъ, форменно взбунтовались. И дѣйствительно, правду сказать, было изъ-за чего: въ такой холодъ возить бѣдный народъ взадъ и впередъ при такой жалкой одеждѣ, какая была на нихъ (большинство было въ однѣхъ свиткахъ)—просто безбожно! Но, съ другой стороны, при новомъ дѣлѣ, притомъ столь обширномъ, пока все устроится, пока все приведется въ порядокъ, подобныя приключенія почти неизбежны. При этомъ шумѣ рабочихъ пьяный машинистъ вцѣпился было въ драку съ ними, но они его порядкомъ отколотили.

Поѣхали обратно. Прибывъ въ Винницу, я оставилъ свои вещи въ вагонѣ на отвѣтственности Попандопуло и отправился въ ту же самую гостиницу, въ которой останавливался наканунѣ. Такъ какъ моихъ вещей со мною не было, то мой старый знакомый, Мишурисъ Шмуиль, прекрасно всемъ распорядился: подаль мнѣ чай и закуску такъ чисто, такъ опрятно и на такомъ красивомъ сервизѣ, что лучшаго и требовать нельзя было. Послѣ чая пришелъ ко мнѣ молодой французъ и сказалъ, что поѣздъ пойдетъ на другой день въ 7 часовъ утра. Я поторопился лечь спать, чтобы на другое утро встать какъ можно раньше.

Въ 5 часовъ утра я уже былъ на ногахъ, напился кофе и отправился на станцію желѣзной дороги. Но, увы, здѣсь я никого не засталъ, и не замѣтно было никакихъ приготовленій къ отходу поѣзда... Съ грустью вернулся я въ Винницу, а въ 2 часа снова поѣхалъ на станцію. Часа два провозились съ нашимъ поѣздомъ, пока, наконецъ, въ 4 часа мы пустились въ путь. Около 8 часовъ вечера, не доѣзжая версты полторы до станціи Казятина, поѣздъ остановился: въ одной небольшой выемкѣ навѣяло такъ много снѣгу, что паровозъ не могъ пробиться чрезъ него. Начались хлопоты. Наняли изъ числа ѣхавшихъ съ нами рабочихъ 40 человекъ, но пока уговорились, добились инструментовъ, пока откинули снѣгъ, прошло много времени, такъ что эта работа кончилась только въ 2 часа ночи. Когда же поѣздъ долженъ былъ тронуться, въ паровозѣ не оказалось ни капли воды, и на бѣду все пары были выпущены; такимъ образомъ даже несчастныя 1½ версты до станціи поѣздъ не могъ одолѣть. Между тѣмъ Попандопуло, машинисты и все прочія лица, вѣдавшія подвижной составъ, отправились пѣшкомъ въ Казятинъ, бросивъ поѣздъ съ рабочими людьми въ чистомъ полѣ на произволъ судьбы. При этомъ Попандопуло, зная, что я остался въ холодномъ вагонѣ, былъ ко мнѣ настолько невнимателенъ, что даже не распорядился прискаты мнѣ какуюнибудь подводку, чтобы перевезти меня въ Казятинъ, гдѣ я бы могъ какънибудь пріютиться. Такимъ образомъ я провелъ всю ночь въ холодномъ вагонѣ при сильнѣйшей снѣговой вьюгѣ, въ открытомъ полѣ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что замѣтно пошатывалъ нашъ вагонъ. Несмотря на то, что я былъ тепло одѣтъ и укрытъ, но

лежа на диванѣ, почувствовалъ охлажденіе въ спинѣ, пришлось обложить стѣну теплою шинелью, чѣмъ нѣсколько устранилъ холодъ. Такъ я долженъ былъ проваляться до 2 часовъ дня. Какъ провели бѣдные рабочіе эту ужасную ночь при такой страшной непогодѣ, можно легко себѣ представить.

Около двухъ часовъ дня молодой человѣкъ и одинъ изъ служащихъ, которые ѣхали со мною въ вагонѣ, добыли самоваръ, достали яицъ и печенаго картофеля. Всего этого вмѣстѣ съ запасами и водкою, бывшими со мною, оказалось достаточнымъ, чтобы удовлетворить насъ, проголодавшихъ 24 часа. Между тѣмъ рабочіе ведрами наполнили машину, она тронулась и наконецъ въ 3 часа дня достигла станціи Казятина. Но тутъ же мнѣ передали, что черезъ часъ поѣздъ идетъ обратно въ Винницу, такъ какъ впереди на станціяхъ нѣтъ ни воды, ни дровъ, и потому дальнѣйшее движеніе невозможно. Значитъ, опять сюрпризъ! Я ни за что не согласился вернуться въ Винницу и началъ хлопотать какъ бы отыскать лошадей до ближайшей почтовой станціи, отъ которой предполагалъ уже до Кіева ѣхать на почтовыхъ, тѣмъ болѣе, что у меня была еще казенная подорожная.

Въ это время подошелъ ко мнѣ Хартулари, начальникъ станціи и участка, и попросилъ меня захватить къ нему обогрѣться. Онъ сказалъ, что или выхлопочетъ мнѣ лошадей до ближайшей почтовой станціи или, что вѣроятнѣе, пойдетъ поѣздъ, такъ какъ изъ Кіева ожидаютъ два паровоза для поѣзда, пришедшаго въ Казятинъ. Я очень поблагодарилъ Хартулари, который привезъ меня къ себѣ и принялъ весьма радушно. Изъ разговора оказалось, что онъ сынъ полковника Хартулари, служившаго когда-то въ департаментѣ военныхъ поселеній, съ которымъ я служилъ также и былъ знакомъ. Хартулари послалъ раздобыть мнѣ лошадей, и вскорѣ ему сообщили, что до ближайшей станціи г. Бѣлой Церкви лошади есть, и ямщикъ просить за нихъ 6 рублей. Я согласился и былъ доволенъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, на другой день могъ быть въ Кіевѣ. Но немного спустя явился кондукторъ, прибывшій съ паровозомъ изъ Кіева, и объявилъ, что ему поручено довести рабочихъ въ Кіевъ и распустить ихъ тамъ. Такъ какъ было уже поздно, то Хартулари распорядился, чтобы на другой день къ 8-ми часамъ утра поѣздъ былъ готовъ. Я рѣшилъ ѣхать также по желѣзной дорогѣ и просилъ сообщить о томъ ямщику. Мы поужинали и пораньше улеглись спать. Признаюсь, было весьма пріятно уснуть въ теплой комнатѣ на свѣжей постели послѣ столь непріятной предыдущей ночи.

Утромъ, когда я проснулся, было свѣтло, установилась прекрасная погода, солнце свѣтило ярко и весьма чувствительно грѣло. Съ моимъ любезнымъ хозяиномъ мы напились чаю; онъ приказалъ запрячь лошадей, уложили мои вещи въ экипажъ, и мы отправились на желѣзнодорожную станцію. Найдены были и теплый вагонъ, который нагрѣвался чугуною печью; одну половину этого вагона

Хартулари отдалъ въ мое полное распоряженіе. Я еще разъ поблагодарилъ его за предупредительность, сѣлъ въ вагонъ и скоро тронулся въ путь. Мы ѣхали благополучно почти до самаго Кіева, но, не доѣзжая 11 верстъ до Кіева, поѣздъ вдругъ получилъ значительный толчекъ и остановился; нашъ вагонъ чувствительно пошатнулся, но остался на рельсахъ. Оказалось, что два переднія колеса тендера сошли съ рельсъ вслѣдствіе чрезвычайно быстрой ѣзды. Машинистъ второго тендера хвасталъ, что съ послѣдней станціи довезетъ насъ до Кіева въ 20 минутъ, значитъ, ѣхалъ со скоростью 60 верстъ въ часъ, — скорость слишкомъ большая, въ особенности при новой дорогѣ, еще не испытанной. Пришлось подымать тендеръ. Пока подвели подъ него домкраты, къ счастью оказавшіеся при поѣздѣ, пока подняли тендеръ и поставили его вновь на рельсы, прошло столько времени, что мы прибыли на Кіевскую станцію только въ 2 часа ночи... Итакъ, значитъ, чтобы проѣхать по желѣзной дорогѣ отъ Винницы до Кіева (около 270—280 верстъ), мы прибыли въ пути 2¹/₂ сутокъ, не считая еще однѣхъ сутокъ на неудачное путешествіе изъ Винницы 40 верстъ и обратно!

Несмотря на глубокую ночь, по пріѣздѣ въ Кіевъ, я нанялъ двухъ извозчиковъ, размѣстилъ свои вещи и отправился въ Англійскую гостиницу, въ которой иногда останавливался и раньше. Здѣсь я случайно встрѣтился и познакомился съ херсонскимъ помѣщикомъ Бредихинымъ, весьма почтеннымъ господиномъ, который также собирался въ Петербургъ и предложилъ мнѣ совершить это путешествіе вмѣстѣ. Я былъ очень радъ имѣть попутчика, и мы рѣшили съ нимъ выѣхать въ каретѣ до Витебска, а оттуда по желѣзной дорогѣ чрезъ Динабургъ въ Петербургъ. Мѣсто въ почтовой каретѣ мнѣ обошлось 6 рублей съ багажомъ, который былъ при мнѣ; большую же часть его я отправилъ чрезъ контору транспортовъ «Надежда». Мы выѣхали на другой день по пріѣздѣ въ Кіевъ, около 11 часовъ вечера, и такъ какъ насъ было только двое пассажировъ, то мы располагали каретою, какъ собственнымъ экипажемъ, и останавливались, гдѣ и сколько желали. Экипажъ былъ запряженъ шестеркою и оказался весьма помѣстительнымъ и покойнымъ. По всей шоссеиной дорогѣ почтовые станціи были весьма прилично устроены, и при каждой находились парадныя комнаты для пріема членовъ царской фамиліи и знати. Мнѣ, какъ генералу, всюду открывали парадныя комнаты, при которыхъ находилась полная сервировка какъ для обѣда, такъ и для чая; но рѣдко гдѣ можно было получить что нибудь съѣстное, такъ какъ не всѣ смотрители станцій держали запасы. Въ лучшихъ случаяхъ намъ предлагали только щи или борщъ; у насъ была съ собою закуска и водка, и это должно было составлять нашъ обѣдъ или ужинъ. Около 3¹/₂ сутокъ мы ѣхали почти безостановочно до Витебска. Только здѣсь намъ удалось пообѣдать съ комфортомъ, послѣ чего мы вскорѣ сѣли въ поѣздъ и отправились въ Петербургъ. Сюда я прибылъ 16-го ноября утромъ и былъ встрѣченъ на вок-

залѣ женою, дѣтьми и другими родными. Радостно было это свиданіе послѣ долгой разлуки, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ въ виду не покидать болѣе семьи и Петербурга и прискаты себѣ здѣсь подходящее занятіе.

Къ сожалѣнію, получить порядочное мѣсто было не такъ легко, какъ могло казаться. Главное, у меня не было протекціи, безъ чего, какъ извѣстно, въ Петербургѣ трудно что нибудь устроить. Правда, меня зналъ довольно хорошо генераль Тотлебенъ, ко мнѣ всегда любезно относился военный министръ Д. А. Милютинъ, я встрѣчался также съ нѣкоторыми изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Главному штабу, которые значительно подвинулись по службѣ, но всего этого было недостаточно, чтобы получить вполне подходящее мѣсто. Впрочемъ, отчасти я самъ былъ тому причиною. Съ производствомъ въ полковники, мнѣ слѣдовало бы оставить службу въ Главномъ штабѣ и перейти обратно въ инженерный корпусъ, гдѣ моя карьера приняла бы болѣе правильное теченіе; но я предпочелъ остаться въ Петербургѣ, чтобы здѣсь докончить воспитаніе дѣтей, и ради этого пренебрегъ выгодами службы. Теперь же мнѣ слишкомъ трудно было вернуться въ инженерный корпусъ, да я и не хлопоталъ объ этомъ, желая остаться въ Петербургѣ и въ кругу родныхъ, съ которыми мнѣ было такъ тяжело переносить разлуку.

XIV.

Пятидесятилѣтній юбилей инженерной академіи и училища 24-го ноября 1869 г.—Приглашеніе отъ начальника академіи.—Первый день праздника: молебствіе, представленіе государю: старые товарищи; завтракъ.—Второй день праздника: актъ; Высочайшія награды; рѣчи; обѣдъ и инцидентъ съ генераломъ К.—о.—Третій день праздника: балъ.—Представленіе турецкому посланнику Рустемъ-бею.—Назначеніе Петра Карловича Жерве на должность попечителя Дерптскаго учебнаго округа.—Его переговоры съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ и представленіе министру внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанту Тимашеву.—Резолюція намѣстника графа Берга.—Слова государя.—Высочайшая награда П. К. Жерве.—Представленіе его государю.—Обѣздъ имъ Дерптскаго учебнаго округа и первое впечатлѣніе.—Лифляндскій предводитель дворянства Эттингеръ; его безтактность и дерзость.—Нѣмцы Остзейскаго края.—Заботы правительства о восстановленіи православныхъ церквей въ краѣ.—Безпорядокъ въ Дерптскомъ университетѣ.—Представленіе П. К. Жерве государю и удовольствіе императора.—Назначеніе П. К. Жерве на должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа.—Юбилей министра графа Толстого.—Оригинальная женитьба Н. Ф. Аккерманъ.—Убіиство полковника М. М. Лорисъ-Меликова.—Генераль Мельницкій; мнимая растрата имъ денегъ и обнаруженіе виновнаго.—Кража книгъ въ императорской публичной библиотекѣ богословомъ А. Пихлеромъ.—Возмутительный безпорядокъ на холерномъ кладбищѣ.—Франко-прусская война.—Телеграмма императора Вильгельма къ государю.—Пасквиль французъ на бѣдствіи своего отечества.—Подозрительная случайность въ присутствіи принца Наполеона.

24-го ноября 1869 года, Николаевская инженерная академія и училище праздновали пятидесятилѣтіе своего существованія. Мнѣ было очень пріятно, что и я могъ принять участіе въ торжествѣ заведенія,

въ которомъ получилъ образованіе. Еще за мѣсяць до юбилея я былъ у генерала Зейме (помощника начальника главнаго инженернаго управленія), который сообщилъ мнѣ, что въ канцеляріи инженернаго училища можно записаться на участіе въ юбилеѣ. Я отправился въ Инженерный замокъ, гдѣ уже было приступлено къ большимъ работамъ, въ виду предстоявшаго праздника. Въ канцеляріи я засталъ полковника Иванова, завѣдывавшаго казначейскою и хозяйственною частью, у котораго подписался и внесъ 25 рублей. Онъ пошелъ къ начальнику академіи и училища и вскорѣ принесть мнѣ формальное приглашеніе за подписью генераль-маіора Тидебеля.

За недѣлю до юбилея въ «Инвалидѣ» было объявлено, что молебствіе по случаю юбилея инженерной академіи и училища будетъ 23-го, а не 24-го ноября, какъ предполагалось раньше, такъ какъ 24-го, въ Екатерининъ день, была назначена закладка памятника императрицѣ Екатеринѣ II, въ скверѣ противъ Александринскаго театра. Послѣ этого въ «Инвалидѣ» же былъ объявленъ порядокъ празднованія юбилея, торжество котораго распредѣлили на два дня— 23-го и 25-го ноября.

Въ первый день нашего юбилея, въ 11 часовъ утра, я поѣхалъ въ Инженерный замокъ и остановился у подъѣзда противъ Лѣтняго сада. Поднявшись наверхъ, я засталъ уже въ залахъ множество прибывшихъ на праздникъ. До пріѣзда государя оставалось еще часа полтора, которые каждый изъ насъ провелъ пріятно, безпрестанно встрѣчая старыхъ товарищей и знакомыхъ.

Тутъ я встрѣтилъ, какъ дунь, бѣлаго генераль-лейтенанта Люце, который при мнѣ въ училищѣ былъ поручикомъ и дежурнымъ офицеромъ; инженеръ-генерала Герстфельда, тремя выпусками старше меня, и генераль-лейтенантовъ Ганзена, Клеменса и Фелькнера, которые состояли въ то время при его высочествѣ генераль-инспекторѣ. Здѣсь же былъ отставной генераль-лейтенантъ Александръ Антоновичъ Аврежіо, единственный представитель моего выпуска 1821 года, бывшій со мною на-лицо. Изъ инженерныхъ генераловъ, въ числѣ другихъ, я встрѣтилъ здѣсь Биркина, начальника инженеровъ въ Кіевѣ, гдѣ я съ нимъ познакомился, и Рейтлингера, командира 2-й саперной бригады. Изъ московскихъ пріѣзжихъ тутъ были подполковникъ Г. І. Дзичканецъ, сынъ Іосифа Гедеоновича, и капитаны Н. М. Горбенковъ¹⁾ и Н. К. Штальманъ. Здѣсь собралось много лицъ, которыхъ я совсѣмъ не зналъ; нѣкоторые были въ гражданскомъ платьѣ, другіе—въ военной формѣ, но не всегда саперной или инженерной. Общее вниманіе присутствовавшихъ привлекали монашескія одѣянія Чихачева и Брянчанинова, бывшихъ инженерныхъ офицеровъ. Чихачевъ былъ въ то время монахомъ Сер-

¹⁾ Н. М. Горбенковъ, нынѣ генераль-майоръ и двинскій комендантъ.

гівскаго монастыря, что на Петергофской дорогѣ, а Брянчаниновъ, бывшій настоятель этого монастыря, по болѣзни, тогда уже оставилъ свою должность и жилъ на покоѣ въ какой-то пустыни.

Парадный входъ со двора Инженернаго замка былъ чрезвычайно красиво убранъ. Надъ всею лѣстницею, въ ширину входныхъ дверей, была натянута полосатая палатка и лѣстница убрана большими деревьями, экзотическими растеніями и цвѣтами. На стѣнѣ первой площадки красовался огромный, во весь ростъ, портретъ покойнаго императора Николая, въ золоченой рамѣ, убранной зеленью, цвѣтами и флагами.

Незадолго до пріѣзда государя, профессора академіи и училища со всѣми служащими въ этомъ заведеніи, а также обучающіеся въ академіи офицеры были собраны въ отдѣльный залъ; насъ же всѣхъ поставили по выпускамъ, старшихъ на правомъ флангѣ. На лѣстницѣ государя встрѣтили его высочество генераль-инспекторъ по инженерной части въ мундирѣ инженернаго училища (т. е. прежній инженерный мундиръ), при немъ товарищъ его генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ инженерномъ мундирѣ, генераль-майоръ Тидебель и другіе. Государь, наслѣдникъ и великій князь Владиміръ Александровичъ были въ мундирахъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.

Какъ были представлены государю чины училища, академіи, технического комитета и служащіе при нихъ—я не знаю, потому что это происходило въ другой залѣ, которая намъ не была видна. Когда же государь вошелъ въ залъ, гдѣ мы стояли по порядку выпускамъ, то на правомъ флангѣ первымъ былъ генераль-лейтенантъ Люце, офицеръ съ 1817 года; государь не зналъ его, но обратился къ нему съ нѣсколькими словами, затѣмъ что-то сказалъ Герстфельду. Подойдя къ нашему выпуску, онъ вспомнилъ, что видѣлъ Аврежію въ Варшавѣ, а, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: «А, Жерве!» и, съ улыбкой кивнувъ мнѣ головою, прошелъ дальше. Такимъ образомъ государь обошелъ всѣ выпуски, довольно длинную вереницу. Я забылъ сказать, что между залой, гдѣ государю были представлены служащіе въ академіи, и залой, гдѣ мы стояли по выпускамъ, была еще промежуточная небольшая зала, въ которой построилась рота инженерныхъ юнкеровъ. При входѣ государя рота взяла «на крауль», хоръ музыкантовъ заигралъ гимнъ, а юнкера закричали «ура», долго потомъ не смолкавшее.

Обойдя всѣ выпуски, государь пошелъ въ церковь, гдѣ отслужили краткое молебствіе. Роту инженерныхъ юнкеровъ перевели въ залу, смежную съ тою, гдѣ былъ накрытъ столъ для высочайшаго завтрака, и построили въ колонну. На особомъ столѣ въ этой залѣ были приготовлены: рельефная карта Севастополя, прекрасной работы, историческій очеркъ главнаго инженернаго училища, въ бархатномъ переплетѣ, и большая золотая медаль, выбитая въ память инженернаго юбилея. На одной сторонѣ медали изображено:

государь Александръ I сидитъ за столомъ, а покойный государь Николай I, тогда еще инспекторъ по инженерной части, вмѣстѣ съ графомъ Опшерманомъ и графомъ Сиверсомъ представляютъ государю на утверждение проектъ учрежденія главнаго инженернаго училища и кондукторской роты; на другой сторонѣ: три портрета государей Александра I, Николая I и Александра II, съ обозначеніемъ годовъ 1819 и 1869, съ сіяніемъ и надписью. Все это было приготовлено для поднесенія государю.

Когда государь вошелъ въ залъ, рота снова взяла «на краулъ», снова «ура», подхваченное всѣми присутствовавшими,—и овація самая восторженная. Государь махнулъ рукой, все утихло. Онъ очень милостиво принялъ приношенія, поднесенныя ему великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Послѣ этого государь обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой благодарилъ всѣхъ служащихъ въ инженерномъ корпусѣ именемъ покойныхъ императоровъ Александра I, Николая I и своимъ за доблестную службу, принесшую такъ много пользы отечеству и престолу, и въ особенности за то, что никогда ни одинъ изъ служащихъ въ этомъ корпусѣ чиновъ не совращался съ прямого пути службы, и всегда всѣ служившіе въ немъ были вполне преданы и вѣрны престолу и отечеству. Въ заключеніе своей рѣчи государь сказалъ:

«Я надѣюсь, что и впредь всѣ чины славнаго инженернаго корпуса будутъ служить съ тою же вѣрностью и преданностью, имѣя предъ собою примѣръ служащаго вѣрою и правдою Эдуарда Ивановича Тотлебена»,—и при этомъ государь протянулъ ему руки и поцѣловалъ его.

Затѣмъ государь вошелъ въ столовую, которая была убрана и освѣщена превосходно. На стѣнахъ были развѣшаны портреты графа Опшпермана и всѣхъ начальниковъ училища съ 1819 года въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ въ золоченыхъ рамахъ, украшенныхъ зеленью, цвѣтами, флагами и роскошно драпированы. Портретъ государя приходился какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занималъ во время завтрака. Сервировка стола была роскошная, а завтракъ самый изысканный и всѣ блюда чрезвычайно красиво убраны. Такъ, напримѣръ, подавалось жаркое на блюдахъ, на концахъ которыхъ были установлены чучела орловъ, осѣнявшихъ блюда распущенными крыльями; мороженое было сдѣлано въ видѣ крѣпости съ валомъ, амбразурами и маленькими позолоченными орудіями, съѣдобная же часть мороженаго стояла на одномъ концѣ крѣпости въ видѣ круглой башни съ золотымъ орломъ и штандартомъ. Вообще разнообразіе и роскошь замѣчательныя. Для всѣхъ присутствовавшихъ на юбилей былъ сервированъ завтракъ на столахъ тридцати; здѣсь также все было очень хорошо и вдоволь; въ особенности шампанское лилось рѣкой. Тостъ за здоровье государя былъ принятъ съ величайшимъ воодушевленіемъ и восторгомъ;

исполнили гимнъ. Послѣ этого государь всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и громко произнесъ тостъ за процвѣтаніе инженернаго корпуса, академіи и училища и самъ воскликнулъ «ура». Всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа, веселы, тостамъ не было конца...

Когда завтракъ кончился, государь всталъ и очень горячо благодарилъ великаго князя Николая Николаевича и генерала Тотлебена. Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, я отправился домой и, признаюсь, былъ въ полномъ восторгѣ: такого великолѣпнаго праздника я во всей своей жизни не видалъ ни до, ни послѣ этого, тутъ было все, что можетъ радовать и веселить стараго служиваго славнаго корпуса. Я увѣренъ, что этотъ день навсегда остался въ памяти всѣхъ, кто участвовалъ въ юбилеѣ.

25-го ноября, въ 10 часовъ утра, я поѣхалъ въ инженерный замокъ на юбилейный актъ. Когда прибылъ туда великій князь Николай Николаевичъ, мы всѣ вслѣдъ за нимъ вошли въ большую залу, гдѣ полукружіемъ были разставлены стулья для приглашенныхъ, а въ центрѣ стоялъ большой столъ и за нимъ каедрa, обитые краснымъ сукномъ. Позади стульевъ, съ правой стороны, стояла рота инженерныхъ юнкеровъ. На актъ пріѣхали великіе князья Константинъ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Владиміръ Александровичъ; наслѣдника не было, хотя его и поджидали.

Актъ начался молитвой «Днесъ благодать Святаго Духа», пропѣтой юнкерами училища. Затѣмъ, согласно программѣ, военный министръ прочелъ высочайшую грамоту, послѣ которой юнкерами былъ исполненъ гимнъ. Потомъ военнымъ министромъ были прочитаны рескрипты на имя генераль-инспектора по инженерной части и генерала Тотлебена, и былъ объявленъ высочайшій приказъ о наградахъ, милостиво пожалованныхъ многимъ лицамъ инженернаго корпуса.

Послѣ этого генераль-адъютантъ Тотлебенъ прочелъ рескрипты наслѣдника цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, высочайше назначенныхъ почетными членами академіи, а затѣмъ назвалъ лицъ, назначенныхъ почетными членами конференціи академіи и училища: военнаго министра Милютина, генераловъ Шарнгорста и Герстфельда и генераль-адъютантовъ Кауфмана 1-го и Кауфмана 2-го. Затѣмъ свиты его императорскаго величества генераль-майоръ Тидебель выразилъ глубокую признательность академіи и училища за пожалованныя имъ государемъ награды и милости. При этомъ великій князь Николай Николаевичъ выразилъ свою благодарность чинамъ инженернаго корпуса, за заслуги котораго онъ удостоился монаршаго вниманія, выраженного въ рескриптѣ государя на имя его высочества; обратясь же къ юнкерамъ, великій князь выразилъ надежду, что въ будущемъ и они постараются слѣдовать примѣру ихъ предшественниковъ.

Послѣ гимна, исполненнаго юнкерами и оркестромъ лейбъ-гвардіи

Сапернаго баталіона, послѣдовали поздравленія отъ военно-учебныхъ заведеній, морского училища, горнаго института, медико-хирургической академіи, петербургскаго университета, отъ всѣхъ военныхъ академій и другихъ заведеній. При этомъ депутація отъ университета заявила, что генераль Тотлебенъ избранъ почетнымъ членомъ университета, по постановленію его. Начальникъ академіи и училища сказалъ послѣ этого небольшую привѣтственную рѣчь. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ тихо, вяло, безъ всякаго воодушевленія, хотя подъ впечатлѣніемъ милостей и наградъ государя тему можно было развить широко и, при дарѣ слова, произвести сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, но ничего этого не было. Затѣмъ инспекторъ классовъ военный инженеръ полковникъ Савурскій прочелъ отчетъ о пятидесятилѣтнемъ существованіи училища, но такъ же сухо и скучно. Въ заключеніе, профессоръ генераль-майоръ Болдыревъ прочелъ о состояніи военно-инженернаго искусства въ Россіи за послѣднія 50 лѣтъ. Безъ лести и съ тактомъ, безъ лишнихъ словъ, но ясно и дѣльно, онъ изложилъ свою прекрасную статью; видно было, что онъ глубоко вникъ въ свой предметъ и хорошимъ слогомъ передалъ слушателямъ свои мысли и убѣжденія. Затѣмъ юнкера пропѣли молитву «Достойно есть яко во истину», а послѣ нея гимнъ, вмѣстѣ съ музыкой. По окончаніи акта, великій князь Николай Николаевичъ всталъ и съ мѣста сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, обращаясь вообще ко всѣмъ присутствовавшимъ инженерамъ. Послѣ этого великіе князья и другія лица осматривали новую модель Севастополя и разныя работы обучавшихся въ академіи и училищѣ. Въ 2½ часа мы всѣ разошлись, чтобы въ тотъ же день снова собраться на товарищескій обѣдъ.

Къ 5 часамъ мы съѣхались въ Инженерный замокъ, гдѣ все уже было великолѣпно убрано и освѣщено. Столы блестяли сервировкой, и на всѣхъ приборахъ лежали карточки съ обозначеніемъ чина и фамиліи каждаго изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ. У меня было очень хорошее мѣсто, вблизи отъ мѣстъ великихъ князей. Меню обѣда было очень красиво разрисовано красками и украшено видами саперныхъ работъ, а также эмблемами инженернаго искусства; тутъ же были приложены программа музыкальныхъ пьесъ, исполненныхъ хоромъ лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона, и порядокъ тостовъ во время обѣда.

Нашъ обѣдъ почтили своимъ присутствіемъ великіе князья: Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Владиміръ Александровичъ. Первый тостъ за здоровье государя императора произнесъ великій князь Николай Николаевичъ, слова котораго были покрыты дружнымъ «ура» и гимномъ. Затѣмъ слѣдовали тосты за великихъ князей, за военнаго министра и за всѣхъ бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ академіи и училища. Послѣ этого великій князь Николай Николаевичъ всталъ и провозгласилъ тостъ за здо-

ровье Эдуарда Ивановича Тотлебена. Обѣдъ былъ прекрасный, порядокъ соблюдался полный, не было ни толкотни, ни суеты.

Когда мы встали изъ-за стола, образовались кружки, въ которыхъ продолжалась товарищеская бесѣда за стаканомъ вина, слышались рѣчи и привѣтствія. Уже къ концу вечера вошелъ въ залъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ съ сигарою во рту. У него въ рукахъ была телеграмма, и онъ сказалъ:

— Телеграмма, господа, издалека, съ Суэцкаго канала, отъ находящихся тамъ нашихъ товарищей, генераль-майора Тилло и другихъ. Поздравляютъ насъ съ днемъ юбилея и пьютъ за наше здоровье.

Отвѣтомъ было «ура», подняли Тотлебена на руки и покачали его, но осторожно, въ виду его раненой ноги. Потомъ подхватилъ его другой кружокъ, за нимъ слѣдующій, и такъ покачали его разъ пять. Онъ поблагодарилъ за вниманіе и остался въ залѣ слушать, какъ порядочный кружокъ офицеровъ пѣлъ разныя пѣсни; къ нимъ присоединились и наши юнкера, для которыхъ также въ ихъ столовой былъ приготовленъ очень хорошій обѣдъ. Время мы провели весьма пріятно. Вообще надо сказать, что врядъ ли въ Россіи есть корпорація офицеровъ, которые держались бы такъ дружно, такъ тѣсно другъ друга, какъ офицеры инженернаго корпуса — саперы и инженеры. За обѣдомъ близъ меня сидѣли фонъ-Энденъ и Данзасъ, мои старые знакомые, съ которыми я пріятно провелъ время.

Какъ обыкновенно при большомъ стеченіи публики трудно соблюсти полный порядокъ и обойтись безъ недоразумѣній, такъ и въ этотъ разъ случился инцидентъ. Къ обѣду пріѣхалъ инженеръ генераль-майоръ В. В. К—о. Непонятно, по какому случаю не оказалось прибора съ карточкой на его имя. Онъ обошелъ всѣ столы, не нашелъ своего имени на билетикѣ, разсердился и уѣхалъ. Я увѣренъ, что это произошло случайно, безъ всякаго умысла со стороны распорядителей, такъ какъ они сами стали упрашивать его остаться и обѣщали указать мѣсто. Но, съ другой стороны, можно заподозрѣть и умыселъ: дѣло въ томъ, что К—о былъ въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Тотлебенемъ, встрѣчи котораго съ К—о всегда были непріятны Эдуарду Ивановичу. Кто знаетъ, можетъ быть, кто либо изъ близкихъ друзей его и не желалъ испортить его хорошее расположеніе духа за обѣдомъ встрѣчею съ К—о.

Послѣ обѣда я оставался еще часа три въ кругу старыхъ товарищей, но, чувствуя усталость, долженъ былъ покинуть ихъ общество и довольно рано вернуться домой.

27 ноября былъ данъ инженерный балъ. Около 10 часовъ вечера я поѣхалъ въ Инженерный замокъ, который снаружи былъ великолѣпно иллюминированъ. Въѣздныя ворота были освѣщены газомъ, надъ ними красовался вензель государя и двуглавый орелъ;

отъ павильоновъ по всей дорогѣ горѣли большія звѣзды, во всѣхъ окнахъ фасада зданія горѣли свѣчи въ треугольникахъ во всю высоту оконъ. Вообще видъ замка при значительной величинѣ его былъ очарователенъ.

Когда я вошелъ въ танцевальный залъ, собралось уже очень много народу, танцевали первый вальсъ. На балъ пріѣхали великіе князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ Старшій, Михаилъ Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Николай Николаевичъ Младшій, сей послѣдній въ формѣ роты юнкеровъ главнаго инженернаго училища. Великая княгиня Александра Петровна прибыла также и была очень внимательна и любезна со всѣми окружающими, въ особенности съ инженерными дамами, которыя ей были представлены здѣсь же на балу. Около 11 часовъ пріѣхалъ государь и съ нимъ фельдмаршалъ графъ Бергъ, уже въ мундирѣ Орденскаго драгунскаго полка, коего шефомъ былъ только наканунѣ назначенъ. Великіе князья принимали участіе въ танцахъ, и пріятно было смотрѣть, какъ они со всѣми милы и обходительны. Къ сожалѣнію, какъ ни увеличивали танцевальную залу, какъ ни громадны вообще залы Инженернаго замка, — при такой массѣ публики зала оказалась тѣсною, было жарко, душно. Царская фамилія вообще оставалась недолго на балу: государь съ небольшимъ часъ, а прочія особы — часа два. Угощеніе для дамъ было великолѣпное: три открытыхъ буфета и, кромѣ того, человекъ двадцать прислуги все время разносили фрукты, конфекты, мороженое и разное питье. Шампанское и другія вина лились рѣкой, но закуски и водки для кавалеровъ не было въ буфетахъ, это предполагалось, вѣроятно, подавать позже.

Здѣсь я непрерывно встрѣчался со старыми товарищами и знакомыми; вспоминали старину, доброе и хорошее время, и хорошо чувствовалъ себя каждый изъ насъ на этомъ праздникѣ инженерной семьи. Къ сожалѣнію, я былъ утомленъ всѣми предшествовавшими торжествами, чувствовалъ себя нездоровымъ и потому, не дождавшись ужина, часа въ два уѣхалъ домой. Такъ отпраздновали мы нашъ славный юбилей, полный живыхъ впечатлѣній и самыхъ лучшихъ воспоминаній о золотой юности.

Теперь, съ возвращеніемъ въ Петербургъ, моя жизнь приняла еще болѣе ровное теченіе, чѣмъ прежде, когда я служилъ въ Главномъ штабѣ, и нашъ юбилей былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда я появлялся въ такъ называемомъ «свѣтѣ». Правда, я съ большимъ удовольствіемъ и довольно часто посѣщаль театры, навѣщаль родныхъ и старыхъ знакомыхъ, но официальныхъ выѣздовъ, по возможности, избѣгалъ. Впрочемъ, въ декабрѣ слѣдующаго года я получилъ приглашеніе отъ турецкаго посланника Рустемъ-бея и, не имѣя понятія о подобныхъ дипломатическихъ цере-

моняхъ, рѣшилъ отправиться къ нему. Приглашеніе было довольно лаконично и гласило слѣдующее:

«L'Ambassadeur de Sa Majesté Impériale le Sultan, ayant été admis à présenter ses lettres de créance à Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, a l'honneur de prévenir Monsieur le général Gervais, qu'il sera chez lui le 19 et le 20 décembre depuis 9 heures du soir» ¹⁾.

Одѣвшись въ парадную форму, я поѣхалъ къ турецкому посланнику на Исаакіевскую площадь, такъ какъ мнѣ сказали, что онъ живетъ тамъ, но, объѣхавъ всю площадь, не нашелъ его. Въ канцеляріи оберъ-полицмейстера мнѣ никто не могъ сообщить его адреса, потому я попытался узнать о томъ въ участкѣ на Большой Морской, но и тамъ никто не зналъ квартиры посланника. Удивительно, какъ это въ полиціи нельзя было добиться его адреса! Я уже думалъ вернуться домой, какъ какой-то господинъ, услышавъ, что я ищу турецкаго посланника, подошелъ ко мнѣ, отрекомендовался комиссіонеромъ турецкаго посольства и передалъ мнѣ, что турецкій посланникъ живетъ на Дворцовой набережной, въ домѣ Радзивиллъ. Я поблагодарилъ его за любезность и поѣхалъ по указанному адресу.

Передъ квартирой посланника стояли кареты, суетились полицейскіе чины, жандармы. Войдя въ сѣни, я отдалъ шубу своему человѣку и сталъ подыматься по парадной лѣстницѣ. Вся она была великолѣпно убрана экзотическими растеніями и освѣщена отлично; по всей лѣстницѣ во всю ширину ступеней были разостланъ богатый коверъ; швейцаръ внизу и множество лакеевъ въ роскошныхъ ливреяхъ услужливо встрѣчали пріѣзжихъ. На верхней площадкѣ лѣстницы меня встрѣтилъ молодой, очень красивый господинъ въ весьма богато вышитомъ мундирѣ съ полковничьими эполетами. Этотъ штабъ-офицеръ спросилъ мою фамилію, поискалъ ее въ списокѣ, отмѣтилъ и чрезъ небольшую комнату проводилъ меня въ залу. Здѣсь сидѣлъ посланникъ. Какой-то господинъ въ придворномъ мундирѣ громко назвалъ по-русски мой чинъ и фамилію. Посланникъ всталъ. Тогда какой-то другой господинъ передалъ посланнику мой чинъ и фамилію уже по-французски. Посланникъ небольшого роста, сильный брюнетъ, но не очень смугль, довольно красивый и еще молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, много 35-ти. Онъ подвинулся на шагъ впередъ, подаль мнѣ руку, я отрекомендовался со всею вѣжливостью этикета. Онъ довольно чисто говорилъ по-французски; мы обмѣнялись нѣсколькими фразами, и я откланялся. Меня прово-

¹⁾ Посланникъ его величества султана, удостоившись представить свои вѣрительныя грамоты его величеству императору всероссійскому, имѣетъ честь извѣстить генерала Жерве, что онъ будетъ принимать у себя 19 и 20 декабря, отъ 9 часовъ вечера.

дили въ противоположную сторону, чрезъ гостиную, меблированную весьма роскошно и съ большимъ вкусомъ,— въ просторный залъ. Тамъ стоялъ огромный длинный столъ, красиво убранный цвѣтами и фруктами въ роскошныхъ вазахъ; на немъ были разставлены въ большомъ количествѣ разныя сладости, вина и красовался серебряный самоваръ,— это былъ открытый буфетъ. Здѣсь я засталъ, въ числѣ другихъ, одного полковника генеральнаго штаба, котораго я зналъ, когда служилъ въ Главномъ штабѣ (фамиліи его не помню). Тотчасъ послѣ меня представлялись два брата генераль-адъютанты графы Гейдены, старшій—адмиралъ и младшій—начальникъ Главнаго штаба,— та же процедура, послѣ которой и они вошли въ залъ. За ними представлялся генераль-адъютантъ вице-адмиралъ Посыетъ—то же самое. Такъ какъ всѣ мы были знакомы между собою, то поговорили съ четверть часа и, не коснувшись буфета, разѣхались по домамъ... Какъ видно, все была лишь одна формальность, этикетъ и больше ничего. Графъ Гейденъ замѣтилъ, что мало лицъ пріѣзжаютъ, хотя турецкому посланнику въ то время слѣдовало бы показать болѣе вниманія, такъ какъ наши отношенія къ Турціи принимали тогда весьма благопріятный оборотъ. Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ больше не ѣздить на эти дипломатическія представленія, хотя въ слѣдующемъ же году получилъ подобныя приглашенія отъ германскаго и французскаго посланниковъ.

Я упоминалъ раньше о назначеніи графомъ Муравьевымъ Петра Карловича Жерве на должность сувалкскаго губернатора. Это мѣсто онъ занималъ, кажется, лѣтъ пять и затѣмъ, совершенно неожиданно для него, перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Въ ноябрѣ 1869 года, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ у меня и, по секрету, сообщилъ мнѣ, что получаетъ другое назначеніе. Это случилось такъ.

Въ этомъ году, лѣтомъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, осматривая всѣ учебныя заведенія и школы въ Привислянскомъ краѣ, заѣзжалъ и въ Сувалки; здѣсь онъ останавливался у Петра Карловича и прожилъ у него нѣсколько дней. Въ это время графъ Толстой ближе узналъ Петра Карловича, который ему очень понравился. Прибывъ въ Варшаву, онъ à haut cris всѣмъ говорилъ:

— Я объѣхалъ всѣ губерніи царства Польскаго и нашелъ только одного настоящаго губернатора — это Жерве.

Отзывъ такого лица былъ очень лестенъ Петру Карловичу, но пока тѣмъ дѣло и ограничилось. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ получаетъ отъ Всеволода¹⁾ телеграмму, которою его извѣщали о болѣзни матери. Петръ Карловичъ немедленно телеграфируетъ въ Варшаву князю Черкасскому, прося его объ отпускѣ, и безъ про-

¹⁾ Всеволодъ Карловичъ Жерве, родной братъ Петра Карловича, былъ женатъ на дочери дѣда, Ольгѣ. Онъ жилъ въ то время въ Петербургѣ. В. Ж.

медленія получилъ разрѣшеніе отправиться въ Петербургъ. Уже передъ самымъ отъѣздомъ получаетъ онъ отъ графа Толстого телеграмму, въ которой тотъ предлагаетъ ему мѣсто попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Петръ Карловичъ тотчасъ же телеграфировалъ въ отвѣтъ графу, что на слѣдующій день выѣзжаетъ изъ Сувалокъ въ Петербургъ по домашнимъ обстоятельствамъ и немедленно явится къ нему. Такъ и сдѣлалъ. Мѣсто, которое ему предлагали, конечно, почетное и видное, но именно въ этомъ округѣ очень затруднительно и щекотливо, такъ какъ нѣмцы Остзейскихъ провинцій не хотятъ подчиняться русскимъ законамъ, высочайше утвержденнымъ для всей остальной имперіи, и противодѣйствуютъ всѣми возможными средствами всему тому, что русское правительство желаетъ провести и укоренить въ этомъ краѣ. Бывшій попечитель Дерптскаго округа графъ Кейзерлингъ былъ уволенъ отъ должности именно потому, что слишкомъ сильно потворствовалъ нѣмцамъ и дѣйствовалъ категорически противъ постановленій русскаго правительства. Все это подробно было извѣстно Петру Карловичу, который притомъ никогда не служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не зналъ ни правилъ, ни порядковъ этого министерства и хотя владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но не настолько, чтобы на этомъ языкѣ вести рѣчь противъ нѣмцевъ-профессоровъ и ученаго міра; вообще эта должность была для него совершенно новымъ поприщемъ во всѣхъ его фазисахъ, условіяхъ и предначертаніяхъ, и обо всемъ этомъ онъ подробно передалъ графу Толстому. На это графъ возразилъ, что, насколько онъ узналъ Петра Карловича, можетъ быть совершенно увѣренъ, что тотъ справится со всѣми трудностями и усвоитъ свои обязанности. Толстой высказалъ убѣжденіе, что его выборъ вполне оправдывается впоследствии, совѣтовалъ ничего не бояться и, съ своей стороны, обѣщалъ сильную поддержку; на случай же какихъ либо особыхъ затрудненій, далъ Петру Карловичу право писать прямо къ нему, не какъ попечитель къ министру, а какъ Жерве къ Толстому. Кромѣ того, Петръ Карловичъ передалъ графу, что по должности губернатора онъ получалъ съ добавочными содержаніе въ 6.000 рублей серебромъ, а содержаніе попечителя составляетъ 5.000 рублей. Графъ отвѣтилъ на это, что, само собою разумѣется, не можетъ предложить ему мѣсто въ его министерствѣ съ содержаніемъ меньшимъ, чѣмъ то, которое онъ получалъ въ прежней должности, и къ 5.000 рублямъ серебромъ прежняго содержанія попечителя прибавляетъ ему 3.000 рублей.

Послѣ этого Петру Карловичу ничего болѣе не оставалось, какъ благодарить графа Толстого и отдаться въ его полное распоряженіе. Дѣло въ томъ, что этого мѣста добивались родственникъ графа, также графъ Толстой, и графъ Апраксинъ, имѣвшій сильную руку; о первомъ изъ нихъ ходатайствовала великая княгиня Елена Пав-

ловна, одинъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ своего времени, но министръ обоимъ претендентамъ положительно отказалъ.

Затѣмъ графъ Толстой передалъ Петру Карловичу, что онъ уже заранѣе переговорилъ съ графомъ Шуваловымъ, шефомъ жандармовъ и управляющимъ III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, чтобы онъ при случаѣ предупредилъ государя объ его предполагаемомъ докладѣ по поводу назначенія попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жерве. Онъ сообщилъ также, что успѣлъ переговорить о своемъ намѣреніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантомъ Тимашевымъ, и тотъ уже телеграфировалъ въ Варшаву намѣстнику графу Бергу.

Когда Петръ Карловичъ по своей обязанности явился къ генераль-адъютанту Тимашеву, министръ встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Сегодня я васъ принимаю съ неудовольствіемъ.

— Вѣроятно, ваше превосходительство, потому, — отвѣтилъ ему Петръ Карловичъ, — что меня берутъ въ другое министерство; но въ этомъ дѣлѣ я нисколько не виноватъ, такъ какъ не искалъ этого мѣста.

— Знаю, знаю, — сказала Тимашевъ: — знаю даже и то, что вы не только не искали этого мѣста, но даже отказывались отъ него. Я телеграфировалъ объ этомъ графу намѣстнику, и вотъ его отвѣтъ, прочтите: «На переводъ Жерве препятствій нѣтъ. Съ душевнымъ сожалѣніемъ расстаюсь съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго и замѣнить затрудняюсь. Доложите государю, что я желалъ бы на его мѣсто назначить... (числовой прифѣтъ)».

Большей любезности, какъ отъ графа Берга, такъ отъ генераль-адъютанта Тимашева ожидать было трудно.

Вскорѣ послѣ этого, по приказанію графа Толстого, Петръ Карловичъ явился къ шефу жандармовъ графу Шувалову. Тотъ принялъ его очень любезно, пригласилъ къ завтраку, много разспрашивалъ объ его службѣ, увѣрилъ, что у него будетъ должная поддержка, и потому совѣтовалъ безъ затрудненія принимать мѣсто. Визитъ у Шувалова продолжался два часа и произвелъ на Петра Карловича самое лучшее впечатлѣніе.

Когда графъ Толстой представлялъ о немъ докладъ государю, то государь, сказавъ, что знаетъ Петра Карловича, согласился на это назначеніе и на увеличеніе содержанія до 8.000 рублей, а также на выдачу ему на подъемъ 3.000 рублей, къ которымъ графъ Толстой изъ своихъ суммъ прибавилъ еще тысячу. Графъ передалъ государю, что новый попечитель ѣдетъ на этотъ постъ съ нѣкоторымъ страхомъ, на что государь сказалъ:

— Это лучше, чѣмъ ѣхать съ большою самоувѣренностью¹⁾.

До этого назначенія помощникъ попечителя жилъ постоянно въ Ригѣ и въ виду того, что попечитель былъ нѣмецъ, пользовался нѣкоторыми исключительными правами. Теперь же Петръ Карловичъ настоялъ, чтобы его помощника перевели къ нему въ Дерптъ, и чтобы его права слились съ правами попечителя. Это необходимо было для полной самостоятельности дѣйствій попечителя. Недѣли черезъ двѣ-три состоялся высочайшій приказъ объ утвержденіи его въ должности попечителя Дерптскаго учебнаго округа, а по представленію намѣстника царства Польскаго фельдмаршала графа Берга и по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанта Тимашева, государь пожаловалъ Петру Карловичу Станислава 1-й степени; это было весьма необходимо для большей представительности его въ новой должности. Когда Петръ Карловичъ представлялся государю, то государь принялъ его очень милостиво въ своемъ кабинетѣ, говорилъ съ нимъ минутъ двадцать, причемъ передалъ ему свои мысли относительно Остзейскаго края. Государь желалъ, чтобы остзейцы, какъ русскіе подданные, знали русскій языкъ, но вовсе не намѣренъ былъ касаться ихъ національности, предоставляя имъ оставаться нѣмцами. Затѣмъ, государь спросилъ

¹⁾ Въ «Кіевской Старинѣ» (январь 1894 г.) въ «Отрывкахъ изъ записокъ А. А. Солтановскаго» помѣщено нѣсколько замѣчаній о службѣ П. К. Жерве въ должности сувальскаго губернатора. Авторъ «Записокъ», вѣроятно, изъ личныхъ чувствъ къ покойному Петру Карловичу, «не одобряетъ» его дѣятельности, которая лишила его, будто бы, даже всякаго авторитета въ глазахъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Мало того, г. Солтановскій увѣряетъ, будто «Жерве чувствовалъ, что подъ нимъ нѣтъ почвы на посту сувальскаго губернатора, а потому исплопоталъ (!) себѣ новое мѣсто, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія». «Когда онъ возвращался изъ Петербурга», — повѣствуетъ дальше авторъ, — «куда ѣздилъ съ цѣлью устройства себя (какъ это просто!) на новомъ мѣстѣ, то, благодаря всякимъ прислужникамъ, ему искусственно была устроена торжественная встрѣча»... Эта встрѣча и проводы губернатора по всей его губерніи описаны дѣйствительно заманчиво: пожалуй, даже гоголевскому городничему не мерещилось ничего подобнаго, «но она возбуждала болѣе ироническихъ замѣчаній, чѣмъ помогла Жерве стать на ноги», — заключаетъ г. Солтановскій.

Сравнивъ это повѣствованіе съ тѣмъ, что говоритъ мой дѣдъ о П. К. Жерве, не трудно видѣть, что г. Солтановскій очень ошибается. Если даже допустить, что дѣдъ можетъ отзываться пристрастно о Петрѣ Карловичѣ, какъ о своемъ родственникѣ, то, такъ сказать, официальная сторона дѣла говоритъ сама за себя. Трудно «исхлопотать» себѣ мѣсто въ другомъ министерствѣ, не имѣя какихъ либо заслугъ за собою, и притомъ сразу занять отвѣтственную должность. Трудно предположить, чтобы на постъ попечителя именно Дерптскаго округа былъ назначенъ человѣкъ, не умѣвшій поставить себя на должную высоту въ мятежномъ краѣ: вѣдь въ Остзейскомъ краѣ ему предстояла та же борьба и, пожалуй, еще болѣе тонкая, дипломатическая. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ — судить не берусь. Высочайшія же награды Петру Карловичу и расположеніе къ нему государя, полагаю, достаточно доказали, что онъ былъ вполне на мѣстѣ и оправдалъ оказанное ему довѣріе.

В. Ж.

его, знаетъ ли онъ своего преемника губернаторской должности Головина, и когда Петръ Карловичъ отвѣтилъ утвердительно, то государь изъявилъ свою волю, чтобы онъ лично передалъ губернію. Вообще государь былъ къ нему чрезвычайно милостивъ.

Мѣсяца три спустя, уже принявъ округъ, Петръ Карловичъ былъ въ Петербургѣ и заѣзжалъ ко мнѣ. При этомъ онъ рассказывалъ, что, объѣхавъ весь край, вполне убѣдился, что вся нѣмецкая клика страшно вооружена противъ всего русскаго. При осмотрѣ учебныхъ заведеній въ разныхъ городахъ, все шло довольно сносно, но въ Дерптскомъ университетѣ нѣмцы показали себя. Ректору этого университета Петръ Карловичъ написалъ, конечно, порусски о своемъ прибытіи и вступленіи въ должность. Въ отвѣтъ на это послѣдовало длинное на пяти страницахъ нѣмецкое письмо съ поздравленіемъ и разными любезностями. Петръ Карловичъ опять таки на русскомъ языкѣ вторично отправилъ бумагу, въ которой лаконически сообщилъ, какъ онъ будетъ осматривать университетъ по приѣздѣ своемъ въ Дерптъ. Когда онъ прибылъ въ университетъ, то ректоръ и деканъ встрѣтили его внизу въ мундирахъ, а студенты стояли по ступенямъ лѣстницы въ шубахъ и шапкахъ. Петръ Карловичъ, поднимаясь по лѣстницѣ, все время разговаривалъ съ ректоромъ и не обратилъ вниманія на стоявшихъ по лѣстницѣ студентовъ. Это, какъ узналъ онъ послѣ, ихъ очень обидѣло. Ректоръ предупредилъ Петра Карловича, что при входѣ начальствующихъ лицъ въ аудиторію у нихъ принято, что студенты не встаютъ, а только шаркаютъ подъ столами ногами въ видѣ привѣтствія. Петръ Карловичъ на это ничего не сказалъ: если, молъ, у нихъ принятъ такой обычай, пусть такъ и будетъ. Войдя въ аудиторію, онъ раскланялся со студентами, сдѣлалъ имъ очень вѣжливое привѣтствіе, въ отвѣтъ на которое нѣсколько студентовъ въ заднихъ рядахъ, а потомъ и всѣ встали и при уходѣ очень вѣжливо съ нимъ раскланялись. Затѣмъ ректоръ передалъ ему, что студенты очень обижены тѣмъ, что при входѣ въ университетъ попечитель не обратилъ на нихъ вниманія. Петръ Карловичъ возразилъ, что, не видя со стороны студентовъ должнаго выраженія вѣжливости, считалъ своею обязанностью такъ поступить; но если студентамъ угодно будетъ избрать изъ своей среды по одному отъ cadaго факультета, то онъ готовъ ихъ принять и передать что слѣдуетъ. Пять человѣкъ избранныхъ студентовъ всѣ оказались изъ филологическаго факультета. Когда они собрались, Петръ Карловичъ передалъ имъ все, что считалъ нужнымъ внушить, объяснилъ свой взглядъ на университетское образованіе, коснулся даже русскаго языка, разъясняя имъ, что этотъ языкъ для нихъ необходимъ, если они хотятъ служить Россіи и пр. Студенты остались очень довольны приѣмомъ новаго попечителя. Вообще онъ нашелъ, что молодые люди какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, прекрас-

ные, большинство весьма здраво судить и навѣрное съ охотою подчинились бы требованію правительства, но, къ сожалѣнію, ими руководятъ нѣсколько закоснѣлыхъ, высококомѣрныхъ нѣмцевъ, которые сильно гнетутъ всѣ прекрасныя склонности болѣе развитой молодежи. Эти скептики-нѣмцы даютъ дурное направленіе, а между тѣмъ, опираясь на свое богатство и баронство, имѣютъ во всей администраціи сильный голосъ.

Въ концѣ 1870 года Всеволодъ ѣздилъ къ Петру Карловичу, который незадолго передъ тѣмъ получилъ отъ бывшаго генераль-губернатора Остзейскихъ провинцій генераль-адъютанта Альбединскаго очень любезное письмо, въ которомъ тотъ прощался съ нимъ въ виду оставленія своего поста и очень сожалѣлъ, что долженъ былъ съ нимъ разстаться. Петръ Карловичъ дѣйствительно былъ съ Альбединскимъ въ отличныхъ отношеніяхъ и, сколько могъ, всегда содѣйствовалъ ему въ его трудномъ и щекотливомъ положеніи. Его преемникомъ назначенъ князь Багратіонъ.

Всеволодъ слышалъ тогда отъ брата рассказъ о слѣдующемъ интересномъ случаѣ. Предводитель дворянства Лифляндской губерніи Эттингеръ отправился въ Петербургъ съ цѣлымъ ворохомъ просьбъ, петицій и докладовъ на имя государя, въ надеждѣ выпросить разныя милости и льготы для своей губерніи. По порядку іерархической постепенности, Эттингеръ прежде всего долженъ былъ явиться къ министру внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанту Тимашеву. Министръ принялъ его и началъ съ нимъ разговоръ порусски; но Эттингеръ сдѣлалъ видъ, что порусски не понимаетъ. Тимашевъ догадался, къ чему это клонится, сталъ съ нимъ говорить пофранцузски,—то же самое. Тогда Тимашевъ сказалъ ему уже порусски, что послѣ этого ему не приходится говорить съ Эттингеромъ, такъ какъ понѣмецки онъ не говорилъ (надо сказать, что генераль-адъютантъ Тимашевъ очень хорошо говорилъ понѣмецки).

Въ этотъ день онъ дѣлалъ докладъ государю, которому, между прочимъ, доложилъ, какой гусь изволилъ пожаловать, и рассказалъ о случившемся. На слѣдующій день Эттингеръ вмѣстѣ съ губернаторомъ Осокинымъ представлялся государю. Государь обратился къ Эттингеру и порусски спросилъ его, давно ли онъ пріѣхалъ. Эттингеръ молчитъ. Государь сдѣлалъ ему другой вопросъ, порусски же. Эттингеръ опять молчитъ. Тогда государь сказалъ:

— Если вы пріѣхали представляться русскому царю, то слѣдовало бы вамъ, какъ русскому подданному, прежде всего поучиться русскому языку, которымъ совѣтую вамъ позаняться. Прощайте!

И вслѣдъ за этимъ пригласилъ Осокина къ себѣ въ кабинетъ.

Правда, Эттингеръ ни съ чѣмъ вернулся восвояси, не успѣвъ ни въ чемъ, и всѣ его ожиданія остались безплодными, но все-таки надо удивляться терпѣнію и добротѣ государя. Право, слѣдовало бы

такого господина, какъ онъ былъ, въ полной парадной формѣ, отправить хоть на недѣлку въ Тобольскъ: это навѣрное отбило бы охоту у другихъ рѣшаться на подобную продѣлку!

Въ декабрѣ 1870 года Петръ Карловичъ прїѣзжалъ въ Петербургъ и представлялся государю, который принялъ его очень милостиво и ласково. Министры графъ Толстой и Тимашевъ, а также шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ принимали его также прекрасно и остались весьма довольны всѣми его распоряженіями. Петръ Карловичъ не скрывалъ, что ему стоило много труда, настойчивости и терпѣнія пробивать понемногу ту ледяную кору, которою завязанная остзейская аристократія покрыла себя. По его словамъ, онъ только и бралъ тѣмъ, что пользовался ея малѣйшими промахами, которые, впрочемъ, случались рѣдко, но были неизбѣжны при той неразумительной надменности, которою она мечтала подавить русскій элементъ. Ему приходилось очень сильно бороться съ нѣмецкою партіею, что особенно затруднительно при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ нашего правительства, которое нетвердо проводило свои предначертанія и тѣмъ ставило въ весьма затруднительное и часто безвыходное положеніе исполнителей его воли. Петръ Карловичъ какъ-то уже въ слѣдующемъ году рассказывалъ, что нѣмцы интригуютъ противъ всего русскаго всякими способами, а къ тому же генераль-губернаторъ князь Баграціонъ рѣшительно не умѣетъ держать себя какъ слѣдуетъ. Рижскій русскій клубъ устраивалъ официальный обѣдъ по случаю годовщины его существованія, и на этотъ обѣдъ не были приглашены ни Петръ Карловичъ, ни губернаторъ, а генераль-губернаторъ, несмотря на это, присутствовалъ на обѣдѣ... Петръ Карловичъ говорилъ, что его, главнымъ образомъ, сокрушалъ въ то время Дерптъ и то лишь потому, что тамъ нѣсколько человѣкъ закоренѣлыхъ нѣмцевъ, въ числѣ которыхъ самъ ректоръ университета, сильно противодѣйствовали всему русскому, противъ чего правительство не принимало никакихъ энергическихъ мѣръ и этимъ ставило попечителя въ крайне непріятное положеніе; во всѣхъ же другихъ остзейскихъ городахъ онъ дѣйствовалъ гораздо свободнѣе¹⁾.

¹⁾ Вскорѣ послѣ смерти П. К. Жерве (12-го апрѣля 1890 г.) въ «Новомъ Времени» появилась замѣтка, которая вполнѣ подтверждаетъ все, что сказано о немъ въ рассказѣ дѣда. Вотъ что было напечатано въ ней между прочимъ:

«Зная отношенія покойнаго Жерве къ балтійскому вопросу, мы считаемъ долгомъ напомнить, что немалое вліяніе на его дѣятельность оказывали тѣ затрудненія, съ которыми, въ особенности въ 70-хъ годахъ, приходилось считаться русскимъ чиновникамъ въ Балтійскомъ краѣ и которыя окончательно устранены только съ наступленіемъ настоящаго царствованія. Нельзя не упомянуть покойнаго нѣ- которыми мѣрами по вѣдомству народнаго просвѣщенія, направленными къ водворенію въ краѣ русскихъ началъ, совпавшими съ бытностью его попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, и всегда правдивымъ изображеніемъ имъ въ отчетахъ даринскаго въ то время въ балтійской школѣ нѣмецкаго направленія. Школа служила орудіемъ онѣмеченія мѣстнаго населенія, и на это покойный постоянно обращалъ вниманіе высшихъ сферъ. За это и за многое другое онъ подвергался нападкамаъ заграничной нѣмецкой прессы балтійскаго лагеря». В. И.

Въ 1870 году, наконецъ, правительство серьезно принялось за исправленіе старыхъ и возведеніе новыхъ православныхъ церквей въ Остзейскихъ провинціяхъ, при чемъ на этотъ предметъ казна ассигновала 800.000 рублей сер. Кромѣ того, сдѣланы очень значительныя пожертвованія церковной утвари, ризъ, иконостасовъ, какъ царскою фамиліею, такъ и частными лицами, вслѣдствіе чего можно считать всю сумму до милліона рублей. Нѣмецкимъ баронамъ и дворянамъ это распоряженіе крайне не понравилось, тѣмъ болѣе, что содержаніе духовенства также было увеличено, и поэтому нѣмцы разными продѣлками старались тормозить дѣло. Между прочимъ они назначили неимоვნю высокія цѣны на всѣ лѣсные матеріалы. Министръ государственныхъ имуществъ испросилъ у государя разрѣшеніе и, съ соизволенія императора, приказалъ отпустить изъ казенныхъ дачъ, принадлежащихъ министерству въ Остзейскихъ провинціяхъ, 32.000 бревенъ на сумму болѣе 19 тысячъ рублей безвозмездно для постройки и поправки церквей. Остзейское дворянство осталось въ дуракахъ: у нихъ не купили ни щепки, хотя многіе уже успѣли нарубить и приготовить лѣсъ, въ надеждѣ на большіе барыши. Это распоряженіе принесло еще и ту громадную пользу, что цѣны на другіе матеріалы и плата рабочимъ чувствительно понизились.

Спустя года два послѣ этого, въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что во время празднованія одной изъ корпорацій Дерптскаго университета между студентами произошли беспорядки, недостойныя какъ русскаго университета, такъ и подданныхъ русскаго государства. Студенты пѣли: «Deutsches Vaterland», «Die Wacht am Rhein», и дошли, наконецъ, до того, что громко прокричали: «Vivat Polonia». Начальство университета всполошилось, хотя нѣсколько профессоровъ, какъ говорили, также участвовали въ пиршествѣ. Петру Карловичу эта исторія была очень непріятна, но онъ не могъ ничѣмъ предупредить ее, такъ какъ въ то время находился въ Ригѣ, слишкомъ далеко отъ мѣста скандала. Для него лично эта исторія обошлась благополучно, и когда вскорѣ послѣ того онъ былъ въ Петербургѣ, то былъ здѣсь, какъ всегда, хорошо принятъ государемъ и высшимъ начальствомъ. Если не ошибаюсь, онъ настаивалъ тогда на увольненіи двухъ профессоровъ, которые принимали участіе въ празднествѣ корпораціи, а также самого ректора университета. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, два профессора, Клаузель и Шульцценъ, были, по прошенію, уволены изъ университета, но не знаю, тѣ ли это самыя, которые безобразничали вмѣстѣ со студентами.

Въ 1874 году Петръ Карловичъ опять пріѣзжалъ въ Петербургъ, представлялся государю, который принялъ его очень хорошо и, между прочимъ, сказалъ:

— Передаю тебѣ хорошую новость. Шуваловъ показалъ мнѣ

письмо, написанное извѣстнымъ писателемъ противъ всего русскаго въ остзейскихъ провинціяхъ. Онъ сознается, что, проживъ теперь болѣе двухъ лѣтъ въ Германіи и Швейцаріи, долженъ отдать полную справедливость Россіи въ томъ, что тамъ менѣе всего и всѣхъ преслѣдуютъ вѣроисповѣданія и свободу совѣсти, и потому совершенно отступаетъ отъ всего, что прежде писалъ и печаталъ противъ Россіи.

Вообще государь былъ очень милостивъ къ Петру Карловичу и, какъ видно, очень хорошо зналъ все, что дѣлалось въ его округѣ. Когда черезъ годъ его произвели въ тайные совѣтники, и онъ снова представлялся государю (въ 1872 году онъ получилъ Анну 1-й степени), то былъ очень милостиво принятъ имъ въ кабинетѣ. Министръ же и всѣ прочія начальствующія лица выказывали ему столько вниманія и расположенія, что у него являлось даже опасеніе, искренни ли эти приемы, и не слѣдуетъ ли ему видѣть въ этомъ особое для себя значеніе.

Въ томъ же году, вмѣсто тайнаго совѣтника Воскресенскаго, Петръ Карловичъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, а его мѣсто занялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабуровъ.

Въ апрѣлѣ 1876 года, минуло десять лѣтъ со дня назначенія графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія, и по этому случаю Петръ Карловичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для поздравленія графа отъ Харьковскаго округа. Онъ показывалъ мнѣ великолѣпный альбомъ, который долженъ былъ быть поднесенъ отъ округа графу Толстому. Массивный альбомъ въ синемъ бархатномъ переплетѣ, работы Овчинникова, имѣлъ очень изящный видъ и превосходную отдѣлку въ самыхъ мельчайшихъ частяхъ; на верхней доскѣ, покрытой украшеніями въ русскомъ вкусѣ, красовался гербъ графа Толстого. Этотъ превосходный подарокъ стоилъ 1.000 рублей, но не могъ быть поднесенъ по назначенію, такъ какъ оказалось, что всякіе частные юбилеи высочайше воспрещены. Петру Карловичу пришлось обратно отвезти альбомъ въ Харьковъ и уже тамъ рѣшить дальнѣйшую судьбу его, въ зависимости отъ желанія всѣхъ участвовавшихъ въ подаркѣ.

Дабы не прерывать разсказа о Петрѣ Карловичѣ и не возвращаться болѣе къ нему, я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени случилось не мало перемѣнъ, какъ въ моей личной жизни, такъ и вообще въ кругу родныхъ; совершилось нѣсколько событій, важныхъ въ общественной жизни, было и нѣсколько случаевъ сравнительно незначительныхъ, но интересныхъ по странной игрѣ судьбы или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ. Братъ моей belle-fille (жены сына Николая) Николай Федоровичъ Аккерманъ служилъ по судебной части въ Орлѣ, гдѣ занималъ довольно хорошее мѣсто. Однажды, это было въ 1869 году,

ему попался на глаза номеръ газеты «Кавказъ», въ которой онъ прочелъ о слѣдующемъ происшествіи:

«Въ Тифлисъ живетъ вдова князя Абашидзе со взрослою красивою и хорошо образованною дочерью; вдова не особенно богата, но все же имѣетъ порядочное состояніе, такъ что ея дочь не безприданница. Какой-то мѣстный грузинскій князь влюбился въ княжну Абашидзе и, какъ тамошній владѣлецъ, также не бѣдный, успѣлъ познакомиться въ домѣ княгини Абашидзе, а затѣмъ и посватался къ княжнѣ. Однако, этотъ князь не понравился молодой дѣвушкѣ, и та ему рѣшительно отказала. У азіата вспыхнувшая страсть къ дѣвицѣ омрачила всѣ чувства приличія и благоразумія и, лишенный возможности достигнуть своей цѣли путемъ взаимности, сокрушаясь отказомъ любимаго имъ предмета, онъ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ. Тамъ, на Кавказѣ, буйныя страсти еще не умѣютъ смирять, цивилизація не успѣла еще упрочиться, а потому влюбленному князю не трудно было подговорить шайку, съ помощью которой онъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями дѣвицы и, наконецъ, ухитрился увезти молодую княжну. Но ея мать, хорошо зная необузданный характеръ своихъ земляковъ, могла ожидать всего и потому очень зорко слѣдила за княземъ: какъ только княжна исчезла, мать немедленно подняла тревогу, послали за нимъ въ погоню, настигли его, освободили сильно встревоженную дѣвушку и возвратили ее матери цѣлою и невредимою».

Хотя изъ всего разсказа видно, что бѣдная княжна Абашидзе совершенно невиновата въ дерзкомъ поступкѣ грузинскаго князя, все же по крайне нелогичной строгости правилъ и обычаевъ (въ этомъ отношеніи) края, на княжну пала нѣкоторая тѣнь, положеніе ея сдѣлалось непріятнымъ; изъ-за этого она легко могла бы остаться навсегда дѣвицею и не выйти замужъ. Н. О. Аккерманъ давно намѣревался жениться и уже два раза сватался, но оба раза получалъ отказъ, главнымъ образомъ, благодаря его странному, экзальтированному характеру, хотя въ сущности онъ, говорятъ, хорошій и добрый чоловікъ. Прочтя объ этомъ случаѣ въ газетѣ, Н. О. Аккерманъ почувствовалъ жалость къ княжнѣ и задался цѣлью постараться жениться на ней. Началась переписка между Николаемъ Федоровичемъ и княгинею Абашидзе; послѣдняя написала, что не можетъ вручить судьбу дочери незнакомому ей человѣку, но если онъ лично пріѣдетъ въ Тифлисъ, познакомится въ ея домѣ и понравится дочери, то съ ея стороны никакихъ препятствій къ браку не будетъ. У Аккермана въ Тифлисъ служилъ родной братъ въ саперномъ батальонѣ, который, вѣроятно, болѣе или менѣе зналъ семейство Абашидзе и могъ руководить имъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а потому, недолго думая, онъ взялъ отпускъ на Кавказъ и поѣхалъ въ Тифлисъ.

Репутація семейства княгини Абашидзе оказалась весьма хоро-

шею, и Николай Федоровичъ познакомился съ ея домою. Молодые люди другъ другу понравились, и спустя нѣсколько времени онъ сдѣлалъ княжнѣ формальное предложеніе, которое она съ удовольствіемъ приняла. Княгиня дала свое согласіе, хотя прибавила при этомъ, что ей очень тяжело разставаться со своею единственною дочерью и отпускать ее такъ далеко отъ себя; но вмѣстѣ съ тѣмъ его поступокъ такъ благороденъ, что она рѣшается вручить ему, человѣку, ей еще весьма мало знакомому, судьбу своей дочери. Свадьба Николая Федоровича состоялась вскорѣ за тѣмъ.

Однимъ изъ лучшихъ друзей нашего круга родныхъ былъ полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка М. М. Лорисъ-Меликовъ. Михайлъ Моисеевичъ обладалъ счастливымъ характеромъ: всегда веселый балагуръ, шутникъ и проказникъ, онъ былъ душою общества; любезный и въ высшей степени добрый человѣкъ, Меликовъ былъ нашимъ общимъ любимцемъ и постояннымъ гостемъ; рѣдкій день мы не видѣлись съ нимъ, а всякія случайныя празднества, пикники, прогулки и проч. никогда не обходились безъ него. И вдругъ, къ нашему общему горю, несчастный случай лишилъ насъ этого рѣдкаго человѣка. Дѣло было такъ.

5 мая 1870 года, около часу дня, прибѣгаетъ, вся запыхавшись, горничная Оли, вызываетъ мою жену и говоритъ ей:

— Сударыня, вы не пугайтесь. Ольга Константиновна приказала передать вамъ, что Михаила Моисеевича Меликова убили.

— Что такое? какъ убили?

— Да, — говоритъ дѣвушка, — они играли съ какимъ-то офицеромъ и тотъ его убилъ.

Мы съ женою страшно встревожились. Я сейчасъ же взялъ извозчика и поѣхалъ въ Павловскія казармы на квартиру Меликова. Уже изъ передней я увидѣлъ Михаила Моисеевича лежащимъ въ мундирѣ, бездыханнымъ подъ покровомъ... Долго не могъ я отдать себѣ отчетъ и не вѣрилъ глазамъ; помолился надъ нимъ и, грустный, вышелъ изъ осиротѣлой квартиры. Меня встрѣтилъ дежурный по полку штабсъ-капитанъ Мевесъ ¹⁾, который разсказалъ подробности этого несчастнаго случая.

Въ этотъ день начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Денъ, назначилъ смотръ полку, и Меликовъ долженъ былъ командовать батальономъ. Люди были выведены, верховая лошадь стояла у подъѣзда. Офицеры полка собрались пока въ дежурной комнатѣ въ ожиданіи времени, когда пора будетъ выходить на плацъ; Михайлъ Моисеевичъ, какъ всегда, былъ очень веселъ, шутилъ. Въ его батальонѣ былъ прикомандированный изъ арміи офицеръ У—ій, котораго Меликовъ очень любилъ и протезировалъ ему. Этотъ мо-

¹⁾ Р. Т. фонъ-Мевесъ, впоследствии командиръ л.-гв. Павловскаго полка, нынѣ командуетъ 2 гвардейскою пѣхотною дивизіею. В. Ж.

лодой офицеръ также пришелъ въ дежурную комнату въ парадной формѣ, но безъ револьвера. Меликовъ это замѣтилъ и приказалъ сторожу подать ему револьверъ изъ числа тѣхъ, которые находились у него на сохраненіи. Ему попался револьверъ офицера, находившагося въ то время въ отпуску. Когда этотъ офицеръ предъ отъѣздомъ разряжалъ револьверъ, то успѣлъ вынуть только 5 пуль, шестая же осталась въ револьверѣ, такъ какъ въ это самое время ему дали знать, что его больной матери сдѣлалось очень дурно; второпяхъ онъ бросилъ револьверъ сторожу при дежурной комнатѣ и побѣжалъ къ матери, а затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ, конечно, забывъ о револьверѣ. Взявъ злополучное оружіе, У—ій спросилъ, не заряжено ли оно, и ему сказали, что нѣтъ. Онъ самъ сталъ пробовать револьверъ, который дѣйствительно сначала казался незаряженнымъ, но когда У—ій нѣсколько разъ спустилъ курокъ, стоя прямо противъ Меликова, вдругъ раздался выстрѣлъ, и пуля попала въ лѣвый глазъ Михаила Моисеевича, пробралась въ мозгъ, какъ оказалось впоследствии, и остановилась у задней стѣнки черепа. Несчастный даже не вскрикнулъ, даже не вздохнулъ, а медленно повалился навзничь и тутъ же скончался. Неожиданный выстрѣлъ ошеломилъ всѣхъ; однако тотчасъ же послали за докторомъ, который жилъ по той же лѣстницѣ. Онъ явился немедленно, но все уже было кончено. Меликовъ былъ мертвъ.

Страшно было смотрѣть и на молодого У—го, который сдѣлался невольнымъ убійцею любимого имъ человѣка. Надо сказать, что У—ій былъ прежде католикомъ, но потомъ принялъ православіе противъ воли своихъ родителей, которые, узнавъ о совершившемся фактѣ, сказали сыну: «смотри, тебя за это Богъ накажетъ». Въ настоящую минуту, припоминая слова родителей, молодой человѣкъ придавалъ имъ особое, роковое значеніе и видѣлъ въ случившемся кару Бога. За него стали опасаться и, по распоряженію начальства, съ нимъ постоянно находились два офицера посмѣнно.

На дворѣ я встрѣтилъ Николая Моисеевича, старшаго брата убитаго Меликова. Онъ былъ страшно взволнованъ, разстроенъ и не переставалъ упрекать молодого У—го въ неосторожности, послѣдствіемъ которой было то, что его брата убили, «какъ собаку». Я пробовалъ его уговаривать и просилъ также войти въ несчастное положеніе и такъ уже убитаго горемъ молодого человѣка; доказывалъ ему, что его выраженія неумѣстны и жестоки: имѣя право думать, что хочетъ, онъ не долженъ такъ выражаться вслухъ, чѣмъ оскорбляетъ не только У—го, но можетъ обидѣть и офицеровъ, которые всѣ были свидѣтелями несчастнаго случая, и ничего болѣе. Мало-по-малу удалось урезонить его, и онъ утихъ.

Въ этотъ день дѣти и нѣкоторые другіе родные обѣдали у насъ. Михайлъ Моисеевичъ только наканунѣ вечеромъ также обѣщалъ

пріѣхать къ намъ обѣдать... Какъ мало можетъ человѣкъ предвидѣть, что съ нимъ случится! Никогда мы не проводили вечеръ въ своемъ кругу въ такомъ грустномъ настроеніи, какъ этотъ разъ. Имя покойнаго не сходило съ языка, его не доставало въ нашемъ обществѣ, всякое движеніе, всякій шагъ напоминали намъ о немъ.

На слѣдующій день вечеромъ мы съ женою поѣхали на выносъ тѣла Меликова въ полковую церковь. Церемонія была очень торжественная, полковые пѣвчіе прекрасно пѣли; командиръ полка и всѣ офицеры были на выносѣ и сами несли гробъ на рукахъ до церкви, гдѣ собралось довольно много народу. Здѣсь я разговаривался съ командиромъ полка, свиты его величества генераль-майоромъ Брантомъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывался о Михаилѣ Моисеевичѣ и сказалъ, что это былъ общій любимецъ полка; по его словамъ, во всемъ полку, кажется, не найдется ни одного человѣка, который былъ бы съ нимъ не только въ непріязненныхъ, но даже холодныхъ отношеніяхъ, что ясно доказываетъ его прекрасный характеръ, доброту и умѣнье заслужить общую любовь.

8 числа были похороны Меликова. На это печальное торжество въ церковь собрался весь нашъ кругъ родныхъ; здѣсь же, кромѣ братьевъ покойнаго, его командира полка и товарищей, съѣхалось множество генераловъ и другихъ лицъ. Въ числѣ ихъ я замѣтилъ генераль-адъютанта Паткуля, генераль-лейтенантовъ Дена и Геденова, генераль-майоровъ Махотина и Пѣтухова. Обѣдню и панихиду отслужили очень торжественно, съ пѣніемъ стройнаго хора полковыхъ пѣвчихъ. Когда погребальная процессія тронулась отъ казармъ, за гробомъ послѣдовалъ батальонъ, въ послѣдній разъ провожавшій своего начальника, музыка заиграла похоронный маршъ. На Смоленскомъ кладбищѣ для Меликова была приготовлена могила, которая, принявъ его, сразу покрылась массою цвѣтовъ и вѣнковъ, такъ краснорѣчиво говорившихъ объ общей къ нему любви и уваженіи. Грустно было на вѣки разставаться съ этимъ хорошимъ человѣкомъ; точно родного теряли мы въ его лицѣ...

Въ слѣдующемъ году мы собрались однажды у нашихъ дальнихъ родственниковъ, и въ этотъ самый день у нихъ въ домѣ и по той же лѣстницѣ застрѣлился молодой кирасирскій офицеръ Мельницкій. Причина самоубійства осталась невыясненною, и даже самъ отецъ не зналъ, что могло сына заставить такъ печально кончить съ собою. Несмотря на болѣе или менѣе таинственную смерть молодого Мельницкаго, судьба его отца гораздо болѣе замѣчательна. Онъ служилъ когда-то адъютантомъ при начальникѣ, кажется, Новгородскаго округа военныхъ поселеній. Генераль поручилъ Мельницкому, какъ довѣренному лицу и весьма честному и дѣльному офицеру, отвезти значительную сумму денегъ въ Петербургъ и сдать ее въ департаментъ военныхъ поселеній. Эту сумму

генераль при Мельницкомъ сосчиталь, при немъ вложилъ въ портфель, заперъ на ключъ и отдалъ его Мельницкому; портфель обвязали шнуромъ и концы шнура припечатали казенною печатью. Мельницкій прѣхаль въ Петербургъ въ воскресный день и немедленно явился къ бывшему тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній генераль-лейтенанту барону Н. И. Корфу. Такъ какъ сумма, привезенная Мельницкимъ, была очень крупна, и ее нельзя было оставить непринятою, то баронъ Корфъ сдѣлалъ экстренное распоряженіе для пріема денегъ: онъ созвалъ казначея департамента военныхъ поселеній Весселя, смотрителя дома департамента майора Дитмара, двухъ штабъ-офицеровъ, Маханева и Хартулари, и члена общаго присутствія департамента дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сытенко. Всѣ они собрались въ казначейство департамента, и въ ихъ присутствіи Мельницкій сломалъ казенную печать на портфель, развязалъ шнуръ, досталъ изъ кармана ключъ, которымъ открылъ портфель, и высыпалъ изъ него деньги на столъ. Стали пересчитывать деньги, и оказалось, что одной пачки въ 10.000 рублей не достаесть.

Легко себѣ представить удивленіе и испугъ Мельницкаго. Онъ самъ вмѣстѣ съ генераломъ считаль и укладываль въ портфель деньги въ полномъ количествѣ, открылъ портфель въ присутствіи всѣхъ лицъ, назначенныхъ для пріема денегъ,—и вдругъ недостаесть 10 тысячъ! Это что-то непонятно... Стали вновь пересчитывать—результатъ тотъ же. Донесли о случившемся барону Корфу, тотъ также удивился, зная Мельницкаго съ отличной стороны. Нечего было дѣлать. Пока не выяснилась пропажа, поневолѣ пришлось Мельницкаго посадить на гауптвахту, а оказавшіяся на лицо деньги приняли въ казначейство. Послали курьера къ генералу въ округъ военныхъ поселеній, и тотъ отвѣтилъ, что дѣйствительно самъ съ Мельницкимъ уложилъ полностью всю сумму, самъ заперъ портфель и отдалъ ему ключъ и самъ же приложилъ казенную печать. Просто непонятно!..

Мельницкій сидѣлъ 8 мѣсяцевъ на гауптвахтѣ, дѣло тянулось, но никакихъ слѣдовъ къ открытію такъ загадочно исчезнувшихъ денегъ не оказалось... Между тѣмъ смотритель дома департамента военныхъ поселеній майоръ Дитмаръ, одинъ изъ присутствовавшихъ при пріемѣ денегъ, сталъ какъ будто богаче жить въ сравненіи съ прежнимъ, началъ пріобрѣтать цѣнныя вещи, заводить предметы роскоши и пр. За нимъ стали слѣдить и, наконецъ, арестовали по подозрѣнію въ обладаніи сомнительными средствами и полной несоотвѣтственности расходовъ его содержанію. Только тогда, по его же сознанію, оказалось, что Мельницкій, высыпая деньги, совершенно незамѣтно для присутствовавшихъ, обронилъ одну пачку прямо на колѣни Дитмару; тотъ соблазнился, не устоялъ противъ искушенія и припряталъ деньги. По выясненіи дѣла, его отдали подѣ

судъ, а Мельникаго освободили, и какъ бы въ вознагражденіе за невинно понесенную кару, великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и способствовалъ его движенію по службѣ. Принимая во вниманіе семейное положеніе майора Дитмара (жена и четверо дѣтей) и по добротѣ почтеннаго барона Н. И. Корфа, его не разжаловали въ солдаты, а уволили безъ чиновъ въ отставку, дали ему негласную пенсію и потомъ даже выхлопотали ему какое-то мѣсто.

Мельницкій былъ родственникомъ капитана Свенскаго, служившаго тогда въ Пажескомъ корпусѣ, и чрезъ него познакомился въ домѣ Платона Егоровича Гольмана, у котораго я его и встрѣчалъ впоследствии нерѣдко¹⁾.

Въ 1871 году въ Петербургѣ случилась исторія, въ свое время надѣлавшая много шума. Одинъ весьма ученый мюнхенскій богословъ, докторъ теологіи, Алоизій Пихлеръ, принялъ православіе и въ предъидущемъ году былъ посланъ нашимъ правительствомъ въ Римъ на соборъ для разрѣшенія вопроса о папской непогрѣшимости. Здѣсь онъ оказался весьма полезнымъ нашему правительству, былъ щедро награжденъ государемъ и, въ виду его богословской учености, назначенъ завѣдывать богословскимъ отдѣломъ Императорской публичной библіотеки. Спустя нѣкоторое время послѣ того, начали замѣчать, что изъ этого отдѣла пропадаютъ книги. Стали слѣдить и, между прочимъ, швейцару библіотеки было дано приказаніе осторожно замѣчать, не выносятъ ли кто нибудь книги изъ библіотеки.

Въ одно прекрасное утро, по окончаніи занятій, выходитъ г. Пихлеръ изъ своего отдѣла. Швейцаръ подаетъ ему пальто; замѣтивъ на немъ какое-то пятно, сталъ оттирать его рукавомъ и почувствовалъ у спины что-то твердое; тогда онъ сталъ ощупывать уже обѣими руками и ясно ощутилъ формы книгъ. Швейцаръ попросилъ Пихлера зайти въ комнату; тотъ сначала было воспротивился, но потомъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію швейцара и нѣсколькихъ собравшихся здѣсь чиновниковъ. Въ комнатѣ уже при многихъ свидѣтеляхъ съ Пихлера сняли пальто, а затѣмъ и сюртукъ, на спинѣ котораго нашли довольно большой карманъ и въ немъ три книги, одну большую и двѣ маленькія. Послали за полиціей и, въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ, Пихлера отправили въ его квартиру. Тамъ у него нашли до 4.000 томовъ, упакованныхъ въ ящики, которые были совершенно готовы къ отправленію за границу; эти книги принадлежали Императорской публичной библіотекѣ и были выкрадены Пихлеромъ въ теченіе, вѣроятно, довольно долгаго времени. Къ счастью, ему не уда-

¹⁾ П. Е. Гольманъ былъ женатъ на Еленѣ Карловнѣ Жерве, которая умерла въ молодыхъ годахъ, оставивъ послѣ себя маленькую дочь, Софію, воспитывавшуюся въ домѣ дѣда. В. Ж.

лось еще отправить книги за границу: врядъ ли онѣ были бы потомъ возвращены въ цѣлости.

Похитителя книгъ Алоизія Пихлера прокурорскій надзоръ не допустилъ выслать за границу, принимая во вниманіе, что если бы это воровство Пихлера не выяснилось формальнымъ слѣдствіемъ и гласнымъ судомъ во всей наготѣ своей мерзости, то, пожалуй, наши заграничные пріятели приписали бы его высылку произволу, подвергли бы великодушіе государя клеветѣ и нашли бы тысячу причинъ обвинить русское правительство, чтобы оправдать своего ученаго собрата. Все это немислимо послѣ формальнаго суда, и потому Пихлеръ сначала содержался подъ арестомъ, а потомъ долженъ былъ быть преданъ уголовному суду за воровство, — пріятное положеніе для такого ученаго мудреца! Цѣнность покражи, по однимъ слухамъ, опредѣлили въ 30, а по другимъ—въ 80 тысячъ рублей сер.

Въ томъ же году въ Петербургѣ, только въ другомъ мѣстѣ, обнаружился безпорядокъ, хотя и не столь ощутительный въ денежномъ отношеніи, какъ кража книгъ въ публичной библиотекѣ, но не менѣе важный по возможнымъ послѣдствіямъ. Какъ извѣстно, царскосельская желѣзная дорога проходитъ недалеко отъ холернаго кладбища, и вотъ правленіе этой дороги донесло оберъ-полицмейстеру, что когда поѣзда слѣдуютъ мимо кладбища, то отъ него слышенъ сильный запахъ тлѣющихъ мертвыхъ тѣлъ, на что пассажиры заявляютъ жалобы; правленіе предполагало при этомъ причину въ небрежномъ зарываніи труповъ. Генераль-адъютантъ Треповъ немедленно послалъ на кладбище состоявшаго при немъ генерала, дабы на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости донесенія правленія царскосельской желѣзной дороги. Дѣйствительно, оказалось, что трупы холерныхъ зарываются лишь на глубину $\frac{3}{4}$ аршина, и отъ нихъ слышенъ очень сильный запахъ. Тогда Треповъ приказалъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій чиновнику съѣздить къ митрополиту, получить отъ него разрѣшеніе вырыть на холерномъ кладбищѣ глубокія ямы и въ нихъ закопать мелко зарытые трупы. Митрополитъ далъ свое разрѣшеніе, и когда объ этомъ было доложено Трепову, онъ приказалъ на другой день приступить къ работѣ. Съ 8 часовъ утра до поздняго вечера отрывали и зарывали могилы въ присутствіи того же чиновника, участковаго пристава, околоточныхъ и городскихъ; работало 12 человекъ землекоповъ. Только на другой день была вполне окончена эта непріятная и тяжелая работа. Оказалось, что на всемъ кладбищѣ находился только одинъ могильщикъ, старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, который, конечно, не въ силахъ былъ одинъ вырывать столько могилъ, сколько необходимо было тогда вслѣдствіе эпидеміи. Смотритель же кладбища, нѣкій Бракеръ, получавшій на сей предметъ особыя деньги, нисколько не заботился объ этомъ и благополучно клалъ деньги себѣ въ карманъ.

Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ происходило все то, о чемъ я сейчасъ рассказывалъ, въ Западной Европѣ горѣла франко-прусская война. Не касаюсь ея подробностей, которыя извѣстны всякому, кто интересовался ходомъ ея военныхъ дѣйствій. Для меня лично она имѣла нѣсколько особый интересъ, такъ какъ въ ряду именъ извѣстныхъ французскихъ генераловъ мнѣ было хорошо знакомо имя маршала Базена, котораго отецъ когда-то училъ меня въ институтѣ путей сообщенія. Думалъ ли я тогда, что сынъ моего почтеннаго наставника и преподавателя черезъ 50 лѣтъ станетъ извѣстнымъ, благодаря постыдной сдачѣ неприступной крѣпости Меца съ 200 тысячною арміею! Послѣ поражений при Вертѣ, Седанѣ, Мецѣ и другихъ городахъ, голодный Парижъ также сдался на капитуляцію и подписалъ миръ, отдавая нѣмцамъ Эльзасъ, часть Лотарингіи и приплачивая къ этому пять миллиардовъ франковъ.

Маститый императоръ Вильгельмъ, тотчасъ по достиженіи успѣшныхъ результатовъ, извѣстилъ о томъ нашего государя, своего лучшаго друга. Его телеграмма, какъ историческій документъ и доказательство признательности Пруссіи русскому царю, достойна особаго вниманія. Вотъ она дословно:

«Версаль, ¹¹/₂₆ февраля, въ 2 часа 7 минутъ.

«Его императорскому величеству государю императору всероссійскому Александру II.

«Съ невыразимымъ чувствомъ я вознесъ благодареніе Всевышнему! Увѣдомляю васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора и Нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи; пять миллиардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціи; по мѣрѣ выплаты этой суммы страна будетъ очищена въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частью занятъ до утвержденія мира національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности мирнаго договора будутъ обсуждаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, мы, наконецъ, достигнемъ конца войны, столь же славной, сколь кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ.

«Никогда Пруссія не забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь!

«До конца жизни признательный другъ

«Вильгельмъ».

Государь нашъ благоволилъ на эту телеграмму дать слѣдующій отвѣтъ:

«Императору германскому, королю прусскому.

«С.-Петербургъ 15 февраля 1871 года.

«Благодарю васъ за сообщеніе подробностей о предварительныхъ условіяхъ мира и раздѣляю вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣд-

ствіемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать вамъ мое сочувствіе. Да будетъ дружба, насъ связывающая, залогомъ счастья и славы нашихъ обоихъ государствъ.

«Александръ».

Телеграмма германскаго императора ясно доказала, что онъ вполне цѣнилъ ту громадную помощь, которую Россія оказала Германіи своимъ нейтралитетомъ, благодаря чему вся остальная Европа воздержалась отъ вмѣшательства въ ея дѣла съ Франціей. Вскорѣ императоръ Вильгельмъ снова обратился къ нашему государю съ выраженіемъ самой теплой дружбы и признательности. Вотъ его письмо:

«Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ, сердечно любимый братъ, племянникъ и другъ!

«Въ нынѣшній день, въ который я произвелъ подъ стѣнами Парижа смотръ моей гвардіи, напоминаеть мнѣ то время, когда наши арміи, связанные между собою тѣснымъ братствомъ по оружію, вступили въ непріятельскую столицу подъ предводительствомъ почившихъ въ Бозѣ его величества императора Александра I и моего отца. Поэтому я радуюсь отъ души, что ваше императорское величество, въ милостивое вниманіе къ моей арміи, изволили благосклонно принять званіе шефа моего 1-го гвардейскаго гренадерскаго императора Александра полка, которому на вѣчныя времена присвоено имя почившаго въ Бозѣ императора Александра I. Въ твердой увѣренности, что новое почетное отличіе, дарованное храброму полку, который всегда стремился оказать себя достойнымъ своего достославнаго наименованія, побудить его снискать себѣ и вашу, государь, благосклонность. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить вашему величеству выраженіе глубочайшаго уваженія и искренней дружбы, съ которымъ остаюсь

«вашего императорскаго величества душевно преданный вамъ братъ, дядя и другъ

«Вильгельмъ.

«Главная квартира въ Версали. 3-го марта 1871 года».

Тяжкое бѣдствіе постигло Францію, но, несмотря на общее угнетенное состояніе народа, какъ видно, находились такіе французы, которые оставались и теперь вѣрны своему беззаботному характеру. У меня есть остроумный пасквиль неизвѣстнаго француза, написанный имъ на свое отечество, состояніе котораго онъ рисуетъ немногими... буквами, даже не словами:

La nation française A. B. C. . . abaissée
 Sa gloire F. A. C. . . effacée
 Son armée D. P. C. . . dépécée
 Ses places fortes O. Q. P. . . occupées
 Deux provinces C. D. cedées

Les peuples	E. B. T. . .	hébétés
Les loix	L. U. D. . .	éludées
Les juges	H. T. . . .	achetés
La liberté	F. M. R. . .	effémère
Le crédit	B. C. . . .	baissé
Les prix des denrées	L. V. . . .	élevés
La ruine.	H. V. . . .	achevée
La honte seule	R. S. T. . .	est restée ¹⁾ .

Удивительный народъ французы! Ихъ страна гибнетъ отъ страшнаго разоренія и сотенъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, а они на развалинахъ своей чести и славы готовы острить, хохотать, чуть не плясать... Но, съ другой стороны, нужно отдать справедливость тонкости ихъ остроумія, умѣнію выразиться и даже поступить въ иныхъ случаяхъ такъ, какъ того не удастся сдѣлать любому представителю цивилизованной Европы. Напримѣръ, за годъ до несчастнаго низверженія императора Наполеона III, его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, присутствовалъ на гонкѣ яхтъ въ Гаврѣ. Состязались слѣдующія суда: «Miserable», «Prince Napoléon», «Cours après» и «Olivier». Эти четыре судна, слѣдовавшія одно за другимъ, составили довольно ѣдкую эпиграмму, ибо изъ ихъ названій сама собою составлялась фраза: «Жалкій принцъ Наполеонъ, бѣги за Оливье». Принцу эта случайность, надо полагать, была очень неприятна.

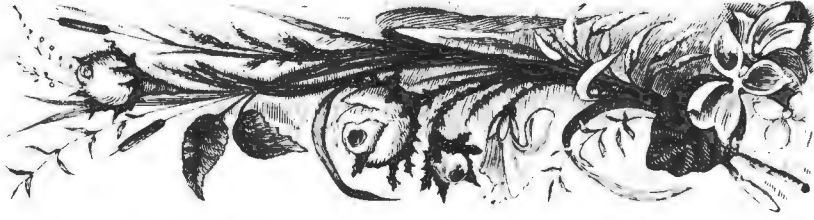
К. Жерве.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Остроуміе этого пасквиля ясно лишь на французскомъ языкѣ, такъ какъ основано на случайномъ созвучіи словъ съ буквами французскаго алфавита. Вотъ переводъ его:

Французская республика	(A. B. C.)	унижена.
Ея слава	(F. A. C.)	уничтожена.
Ея армія	(D. P. C.)	разсѣяна.
Ея крѣпости	(O. Q. P.)	заняты.
Двѣ провинціи	(C. D.)	уступлены.
Жители	(E. V. T.)	обезумлены.
Законы	(L. U. D.)	въ пренебреженіи.
Судьи	(H. T.)	подкуплены.
Свобода	(F. M. R.)	призрачна.
Кредитъ	(B. C.)	пониженъ.
Цѣнность свѣтлыхъ припасовъ	(L. V.)	повышена.
Паденіе	(H. V.)	совершено.
Только позоръ	(R. S. T.)	остался.

ПОЗДНЕЕ СЧАСТЬЕ.

(Изъ воспоминаній).

I.

СЖОРЪ послѣ освобожденія крестьянъ, я поступилъ управляющимъ въ имѣнїе, принадлежавшее одному молодому землевладѣльцу, Алексѣю Петровичу Колычеву. Онъ никогда не заглядывалъ въ имѣнїе, и вся отвѣтственность по его управленію лежала на мнѣ. Въ имѣнїи насчитывалось до двухъ тысячъ десятинъ, и занимало оно одну окружную межу, охваченную со всѣхъ сторонъ крестьянскимъ надѣломъ села Михайловки. Это село, принадлежа къ торговымъ мѣстечкамъ С—каго уѣзда, возникло въ прошломъ столѣтїи и, находясь въ очень выгодныхъ условїяхъ для торговли, вскорѣ заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношенїи. Барскїй домъ и всѣ службы находились въ сторонѣ отъ села и настолько далеко, что крестьяне, прежде чѣмъ попасть въ экономїю, должны были проѣхать мостъ, перекинутый черезъ довольно широкую рѣку, а потомъ сдѣлать порядочный объѣздъ кругомъ возвышенности, на которой живописно расположились постройки, съ тянувшимся къ рѣкѣ садомъ. Домъ былъ построенъ полукругомъ. Главный фасадъ величественно возвышался надъ окрестностью, а по бокамъ его, въ обѣ стороны, тянулись боковыя пристройки, составляя съ домомъ одно цѣлое. Недалеко отъ него находился флигель или, вѣрнѣе сказать, тоже домъ, служившїй искони для пребыванія управляющихъ.

Флигель былъ свѣтлый, уютный и хорошо обставленъ. Все имѣніе носило на себѣ отпечатокъ довольства и сытой жизни. Я лично не принадлежу къ тѣмъ управляющимъ, которые имѣютъ обыкновеніе при поступленіи на новое мѣсто изгонять все старое и заводить все новое на свой образецъ, нисколько не задаваясь вопросомъ, какія условія существуютъ въ данной мѣстности, и насколько новыя условія примѣнимы и цѣлесообразны уже существующихъ. Однакожившись съ внутренней жизнью имѣнія, я нашелъ, за весьма лишь немногими исключеніями, что мой предшественникъ вель дѣло умѣло и былъ человѣкомъ опытнымъ, и что мнѣ, съ своей стороны, остается только поддерживать разъ существующій порядокъ. Меня лишь нѣсколько поразило то обстоятельство, что въ имѣніи, въ личномъ распоряженіи управляющаго, находится такая масса прислуги и ведется такой большой расходъ провизіи и жалованья, который былъ мыслимъ развѣ тогда, когда самъ владѣлецъ привыкъ, въ силу своего богатства, ничѣмъ не стѣсняться. На конюшнѣ стояло нѣсколько четверокъ сытыхъ лошадей, которыя ничего не дѣлали, а только ѣли, и когда выводили этихъ львовъ на водопой, то надо было имѣть большую сноровку, чтобы справиться съ ними. Кромѣ этихъ лошадей, имѣлись три тройки съ лихими иноходцами, и при нихъ находился необходимый штатъ кучеровъ и конюховъ. Въ довершеніе всего, нѣсколько станковъ были отведены для верховыхъ лошадей, всевозможныхъ породъ и качествъ, и для нихъ имѣлся берейторъ—отставной вахмистръ. На позарской безмятежно проживались три повара, вся обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы накормить одного человѣка, то-есть меня; когда же они были свободны, а свободны они были почти всегда, то брали—кто скрипку, кто гармонию или балалайку, выходили на крыльцо и усѣвшись начинали играть. На этотъ призывъ стекалась вся дворня, и скоро раздавалось неумолкаемое пѣніе, а потомъ гулъ отъ нѣсколькихъ десятковъ расходившихся ногъ. Последнія сборища, впрочемъ, происходили большей частью по вечерамъ, когда вся дворня была свободна отъ дѣлъ. Но мое изумленіе достигло высшаго предѣла, когда конторщикъ принесъ вѣдомость. Въ ней было исчислено то количество пудовъ муки, пшена и сала, которое раздавалось въ видѣ «отвѣснаго». Боже мой, сколько тутъ нашлось пенсіонеровъ, о существованіи которыхъ я и не подозрѣвалъ. Долго держалъ я вѣдомость въ рукахъ и, не зная, что предпринять, недоумѣвающе смотрѣлъ на конторщика. Тотъ поспѣшилъ разсѣять мои сомнѣнія, показавъ рукою на дворъ. Я вышелъ изъ флигеля. На лужайкѣ, находящейся передъ домомъ, расположились въ нѣсколькихъ группахъ пенсіонеры. Я подошелъ къ одной изъ нихъ.

— Кто вы такая?—обратился я къ маленькой старушкѣ, задумчиво облокотившейся на палку.

— Кормилица Алексѣя Петровича!—отвѣчала она, не измѣняя своего положенія.

— Вы давно получаете отвѣсное?

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ перестала кормить барина!

— А вы?—спросилъ я другую не менѣе почтенную особу.

— Нянька, сударь, Алексѣя Петровича.

— А вамъ давно приказано давать мѣсячное?

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ перестала няньчить барина.

— Срокъ довольно почтенный!—сказалъ я и подошелъ къ другой группѣ, состоявшей преимущественно изъ мужчинъ, одѣтыхъ въ старомодные сюртуки и узкіе штаны на выпускъ.

— Что вы собрались здѣсь?—спросилъ я этихъ отживающихъ орловъ.

— За отвѣснымъ,—отвѣчалъ самый старый изъ нихъ.

— Ваше занятіе?

— Бывшіе музыканты стараго барина!

Въ одной группѣ я замѣтилъ нѣсколько молодыхъ людей, къ которымъ успѣшилъ подойти.

— Что вамъ нужно?

— Того же, что и другимъ!—былъ нѣсколько грубый отвѣтъ одного изъ нихъ.

— Кто ты такой?

— Ключницы сынъ!

— Твоя мать жива?

— Нѣтъ!

— Вѣдь отвѣсное давалось твоей матери, а вовсе не тебѣ, и ты настолько молодъ и способенъ къ работѣ, что, право, тебѣ стыдно получать мѣсячное.

— Приказа объ отнѣнѣ не было!

Я больше не спрашивалъ и велѣлъ выдать провизію. Когда я уходилъ, то за мной раздался ропотъ и возгласы:

— Видали мы такихъ!

За разъясненіемъ вопроса объ «отвѣсномъ» я обратился въ главную контору и получилъ «ордеръ» «оставить все попрежнему». Я самъ никогда не видѣлъ владѣльца Михайловки и поступилъ по рекомендаціи его главнаго управляющаго; но слышалъ, что онъ еще молодой человѣкъ, и, судя по тому, какъ онъ поступаетъ съ своей многочисленной дворней,—я могъ думать, что, кромѣ того, онъ и добрый человѣкъ. Дни шли за днями; я посвящалъ все время хозяйству, не имѣя возможности вырваться изъ имѣнія и сѣздить къ Колычеву, какъ вдругъ получилъ приказаніе приготовить домъ для пріѣзда Алексѣя Петровича.

II.

На другой день я занялся уборкой дома. Вся дворня, съ участіем пенсіонеровъ-музыкантовъ, принялась за дѣло. Выказанное ими соревнованіе подобающимъ образомъ встрѣгить своего покровителя произвело на меня очень пріятное впечатлѣніе. Въ этихъ старикахъ проявилось столько хлопотливости и готовности угодить каждому, что они дѣйствовали на меня подкупающимъ образомъ и внушали полную увѣренность въ чистотѣ ихъ намѣреній. Они съ большимъ рвеніемъ натирали въ залѣ паркетъ и, выкидывая очень мудренныя пѣна на половыхъ щеткахъ, невольно заставили меня улыбнуться и унести въ мысляхъ къ тому времени, когда они, полныя силъ и здоровья, изображали изъ себя жрецовъ Полигимніи и, играя въ оркестрѣ, были свидѣтелями шумныхъ пировъ и другихъ увеселеній отжившаго барства. Между ними я замѣтилъ человѣка, который, какъ своею наружностью, такъ и манерами, рѣзко отличался отъ остальныхъ. Его лице носило на себѣ слѣды нравственныхъ страданій и угнетенности. Онъ часто смотрѣлъ безпокойными глазами на меня и также скоро опускалъ ихъ, когда замѣчалъ, что я за нимъ наблюдаю. Длинные волосы, зачесанные назадъ, густыми прядями падали на плечи, открывая спереди большой лобъ, испещренный мелкой сѣтью морщинъ. Голубые, съ загадочнымъ выраженіемъ, глаза, казалось, просили о пощадѣ и будто извинялись, что ихъ обладатель дошелъ до такого положенія. Бѣлая, выхолонная, съ длинными, тонкими пальцами, руки говорили, что этотъ человѣкъ давно не прикасался ни къ какой черной работѣ и если исполняетъ ее теперь, то единственно изъ нежеланія отстать отъ своихъ товарищей и не заслужить упрека въ холодности къ тому, кто поддерживаетъ его бѣдственное и, можетъ быть, никому ненужное существованіе. Въ его жизни я заподозрѣлъ драму и рѣшилъ сойтись съ нимъ настолько, чтобы заставить его высказаться и прійти чѣмъ возможно къ нему на помощь. Мое любопытство настолько было возбуждено, что я не могъ утерпѣть, чтобы не предложить ему нѣсколько вопросовъ.

— Скажите, пожалуйста, вы тоже принадлежите къ числу бывшихъ музыкантовъ?

— Да! — отвѣчалъ онъ, растерянно смотря на меня.

— Ваша фамилія?

— Пучковъ.

— Ваша специальность?

— Скрипка, — я бывший капельмейстеръ, — отвѣчалъ онъ, горько улыбаясь.

— Гдѣ получили образованіе?

— Въ Вѣнѣ!

— У кого?

Онъ мнѣ назвалъ знаменитаго скрипача того времени и, желая, вѣроятно, избѣгнуть дальнѣйшей исповѣди, умоляюще взглянулъ на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и больше не разспрашивалъ, да и въ эту минуту меня окружили его товарищи и заявили, что начнутъ прибирать гостиную. Мелкими шажками тронулись старички; я послѣдовалъ за ними. Гостиная была громадная комната, съ высокимъ потолкомъ, украшеннымъ затѣйливыми арабесками, двумя каминами, нѣсколькими зеркалами и отдѣланными подъ мраморъ стѣнами. Я невольно залюбовался, какъ ея меблировкой, такъ и зимнимъ садомъ, посредствомъ стеклянной двери сообщавшимся съ гостиной. Войдя въ оранжерею, съ фонтаномъ посрединѣ, я былъ встрѣченъ двумя садовниками. Осмотрѣвъ все подробно, я не преминулъ похвалить ихъ за усердіе и возвратился въ гостиную, гдѣ, къ моему изумленію, нашелъ полное бездѣйствіе.

— Чего вы дожидаетесь? Отчего не прибираете?—спросилъ я у инвалидовъ-музыкантовъ, нѣсколько возвышая голосъ.

— По той причинѣ, что припасу нѣтъ?—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, съ опухшей фізіономіей и багровымъ носомъ. По его лицу нетрудно было догадаться, что онъ находится въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Бахусомъ.

— Какого еще припасу вамъ нужно?—спросилъ я.

— А стѣны чѣмъ чистить!

Я положительно недоумѣвалъ, чѣмъ въ этой гостиной чистятъ стѣны. Старички улыбались и находили забавнымъ мое невѣжество и незнаніе.

— Я думаю, что ихъ совсѣмъ не надо чистить!—наконецъ, надумался я сказать.

— Въ томъ воля ваша, но если ихъ почистить, то онѣ будутъ куда на поглядъ лучше!

— Чего же вамъ приказать выдать?

— Двѣ бутылки спирту и двѣ булки.

— Какъ, вы хотите спиртомъ мыть стѣны?

— При старомъ баринѣ всегда такъ было,—сказалъ чей-то увѣренный голосъ,—вы не извольте беспокоиться, мы при васъ пробу сдѣлаемъ.

Спиртъ и бѣлый хлѣбъ были принесены. Музыканты поставили лѣстницы и принялись чистить стѣны. Обмакнувъ булку въ чашку со спиртомъ, они терли ею стѣну, и она пріобрѣтала лоснящійся и блестящій видъ. Я ушелъ успокоенный и отправился осмотрѣть другія отросли хозяйства. Походить мнѣ пришлось довольно долго, и когда я снова направился къ дому, чтобы посмотреть на успѣхи пенсіонеровъ, то у крыльца встрѣтилъ куда-то спѣшившаго въ большомъ смущеніи Пучкова; на мой вопросъ, что дѣлается въ гостиной, онъ, какъ-то безнадежно махнувъ рукою, пустился бѣжать,

точно преслѣдуемый какимъ-то грознымъ призракомъ. Не понимая, что означаетъ странное поведеніе Пучкова, я поспѣшилъ въ гостиную и, войдя, остановился въ изумленіи. Вся заштатная команда была поголовно пьяна и положительно, что называется, языкомъ не ворочала, а многіе изъ нихъ довольно удобно расположились спать съ грязными ногами на диванахъ и громко храпѣли. Проклиная свою довѣрчивость и негодуя на себя, что такъ легко поддался обману, я только что хотѣлъ распорядиться уборкою тѣлъ, какъ вошедшій дворецкій, къ ужасу моему, объявилъ, что Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ и ожидаетъ меня въ кабинетѣ.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать! — воскликнулъ я и беспомощно смотрѣлъ на дворецкаго.

— Не извольте беспокоиться, — ободрилъ онъ меня: — займите подольше барина, а мы ихъ-съ уберемъ сейчасъ.

Я направился въ кабинетъ, который находился на противоположномъ концѣ дома.

III.

Нарочно замедляя шаги, чтобы отдѣлаться отъ тяжелого впечатлѣнія, которое я вынесъ при видѣ этой разнузданной шайки «бывшихъ соколовъ», я вступилъ въ длинный коридоръ, по сторонамъ котораго шель безконечный рядъ дверей съ обширными и свѣтлыми комнатами, служившими когда-то для пріема многочисленныхъ гостей. Какая шумная жизнь кипѣла здѣсь прежде! Сколькихъ радостей и слезъ были свидѣтелями эти молчаливыя стѣны, и сколько тайнъ погребено въ нихъ! Здѣсь нѣсколько поколѣній дворянъ смѣняло другъ друга, и они всѣ, сообразно своему характеру и взглядамъ на жизнь, налагали на все свой собственный отпечатокъ. Вонъ, въ пріотворенную дверь, изъ тяжелой съ позолотой рамы, выглянулъ портретъ перваго владѣльца Михайловки, избѣженнаго красавца екатерининскихъ временъ, въ парикѣ и розовомъ кафтанѣ, а сбоку его портретъ молодой, красивой женщины, съ роскошнымъ бюстомъ, но грустными мечтательными глазами и страдальческой улыбкой на устахъ; ниже ихъ портретъ отца Алексѣя Петровича. Въ его чертахъ видна непреклонная воля и самовластіе, и при взглядѣ на него въ моей головѣ, быстро, какъ въ панорамѣ, пронеслись чудовищные поступки, которые до сихъ поръ раздаются изъ устъ его бывшихъ крестьянъ, какъ страшное эхо. Онъ внушалъ такое отталкивающее впечатлѣніе, что я невольно боялся, какъ бы его единственный отпрыскъ, предъ которымъ я долженъ былъ сейчасъ появиться, не былъ похожъ на этотъ портретъ. Безшумно отворилъ я дверь кабинета и остановился около порога. Прямо противъ меня, за большимъ письменнымъ столомъ, въ высоконъ старинномъ креслѣ, сидѣлъ Колычевъ, погруженный въ раз-

смотрѣніе какихъ-то бумагъ. Мое появленіе было настолько безшумно, что первое время онъ не замѣтилъ моего присутствія и продолжалъ попрежнему сидѣть съ низко-опущенной головой. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ вьющимися, каштановыми волосами, съ небольшою круглою бородой и замѣчательнымъ цвѣтомъ лица, которой сдѣлалъ бы честь любой красавицѣ. Я видѣлъ въ своей жизни много красивыхъ людей, но по тому обаянію, которое Колычевъ произвелъ на меня, онъ превосходилъ всѣхъ. Здѣсь я впервые испыталъ ту силу, которая бессознательно влечетъ васъ къ человѣку, хотя вы видите его первый разъ, и который съ каждымъ мгновеніемъ овладѣваетъ вами и дѣлается властелиномъ всего существа вашего. Не прошло и пяти минутъ съ моего знакомства съ Колычевымъ, какъ мы уже очень дружески бесѣдовали съ нимъ. Онъ подробно спрашивалъ какъ обо мнѣ самомъ, такъ и о хозяйствѣ въ имѣніи. Изъ этихъ разговоровъ я понялъ, что Алексѣй Петровичъ слѣдитъ за прогрессивнымъ движеніемъ въ этой области и большой любитель всякихъ «новшествъ» по культурѣ малоиспытанныхъ растеній и способамъ обработки земли. Свое всегдашнее отсутствіе изъ Михайловки онъ мнѣ объяснилъ тѣмъ, что все время былъ занятъ введеніемъ въ другомъ имѣніи многопольнаго оборота, которое совершалось подъ присмотромъ его самого, а также главнаго управляющаго, и что подобное измѣненіе онъ желалъ бы со временемъ ввести и въ Михайловкѣ. Казалось, не существовало ни одной отрасли знанія, съ которой бы не былъ знакомъ Колычевъ. Обо всемъ онъ рассказывалъ съ увлеченіемъ и такъ хорошо и съ такимъ умѣніемъ, что постоянно поддерживалъ интересъ въ слушатель. Алексѣй Петровичъ много путешествовалъ, сталкиваясь съ людьми всевозможныхъ профессій, и, какъ я замѣтилъ, очень близко стоялъ къ музыкальному міру и былъ знакомъ съ многими извѣстными композиторами, виртуозами и пѣвцами и называлъ ихъ: «мои друзья изъ міра звуковъ». Перейдя на эту тему, онъ освѣдомился, не имѣется ли въ Михайловкѣ какого нибудь мальчика съ музыкальными способностями, которому онъ могъ бы дать средства развить ихъ. Этимъ вопросомъ онъ какъ бы самъ наводилъ меня на мысль коснуться его дворовыхъ музыкантовъ и Пучкова. Я воспользовался этимъ и указалъ, что при современномъ положеніи хозяйства «отвѣсное» ложится тяжелымъ бременемъ и приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ пенсионеры эти, исключая Пучкова, всѣ кормятся на застольной, а мѣсячное продаютъ и пропиваютъ, а если они находятъ возможнымъ поступать такимъ образомъ, то слѣдовательно оно не составляетъ для нихъ насущную потребность.

— Оставимъ имъ это «отвѣсное» въ награду за то,—отвѣчала съ грустью Колычевъ,—что они безропотно умѣли страдать и также безропотно выносили всѣ оскорбленія!

Я молча поклонился Колычеву, какъ бы соглашаясь съ нимъ, и направился къ двери.

— Позвольте,—остановилъ меня Алексѣй Петровичъ,—вы произнесли фамилію какого-то...

— Пучкова,—подсказалъ я.

— Да! Кто онъ такой?

— Бывшій капельмейстеръ оркестра и ученикъ одного извѣстнаго музыканта, фамилію котораго не вспомню. Къ этому я больше ничего не могу прибавить. Онъ проживаетъ на селѣ, и я самъ только нынче встрѣтился съ нимъ въ первый разъ.

— Узнайте о немъ все подробно и не дальше какъ завтра сообщите, что вамъ удастся узнать, — сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ, протягивая руку въ знакъ того, что аудіенція кончена.

Выйдя изъ кабинета, я направился опять въ гостиную; оттуда выносили послѣднее тѣло дѣйствительно «безропотнаго страдальца».

IV.

Вечеромъ я отправился розыскивать Пучкова. Мнѣ предстояло пройти чуть не все село, на краю котораго онъ проживалъ. Я быстро дошелъ до моста. Отъ Михайловки неслись звуки пѣсни, которые то замирали въ тепломъ воздухѣ ночи, то снова широкой волной доносились ко мнѣ, а въ рѣку задумчиво глядѣлся мѣсяць, освѣщающая ее серебристымъ цвѣтомъ. Войдя въ село, я замѣтилъ, что все населеніе еще бодрствовало и отъ мала до велика высыпало на улицу; кто сидѣлъ на заваленкѣ около хаты и, задумчиво опершись рукой о подбородокъ, безцѣльно смотрѣлъ въ даль, другіе, собравшись въ кружокъ, любовались ловкимъ «гопакомъ» молодца парня, который, мѣрно постукивая ногою, отбивалъ тактъ подъ звуки балалайки, а потомъ, точно что-то вспомнивъ, стремительно бросался къ стоявшей тутъ же дѣвушкѣ и, схвативъ ее безцеремонно за рукавъ, выводилъ на средину и, какъ гусакъ, топоталъ ногами на одномъ мѣстѣ, бросая страстные взгляды на не разопедшуюся красавицу.

Но вотъ я взоселъ на довольно высокій пригорокъ, у подножія котораго изъ-за разросшихся деревьевъ выглянула крыша строенія. По тому описанію, которое я получилъ отъ служащихъ, я безъ труда узналъ жилище Пучкова. Въ отворенное окно, изъ-подъ чьей-то вдохновенной руки, лились и рыдали звуки скрипки. Вотъ она—эта скорбная пѣснь,—пѣснь разбитыхъ надеждъ и не осуществившихся желаній. Сколько въ ней муки, сколько въ ней жалобъ и горькихъ слезъ! На кого сѣтуетъ изболѣвшая душа музыканта, и кому плетъ она свои проклятія, выражая ихъ то шумнымъ *brío*, то блистательными диссонансами, переходящими въ гармоническія разрѣшенія. Дрожитъ и плачетъ скрипка, и море звуковъ вливается въ мою взвол-

нованную душу, поднимая въ ней безконечную скорбь къ Пучкову. Да, это артистъ съ ногъ до головы, и только подъ его послушными пальцами, здѣсь, въ Михайловкѣ, можетъ издавать такіе звуки скрипка! Какія суровыя обстоятельства могли препятствовать Пучкову къ прославленію своего дарованія, и какія неудачи встрѣтилъ онъ на артистическомъ поприщѣ? Но вотъ звуки оборвались; я тихо подошелъ къ отворенному окну и заглянулъ: прямо предо мною стоялъ Пучковъ, съ опущенными глазами и наклоненной головой, густые волосы въ беспорядкѣ свѣсились на лобъ и закрывали часть блѣднаго лица. Длинные руки безпомощно были вытянуты внизъ. Все лицо нервно подергивалось и искривлялось подъ вліяніемъ сильнаго аффекта, переживаемаго имъ. Онъ былъ далекъ отъ всего окружающаго и парилъ въ другой сферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительностью и той убогой обстановкой, которая представилась моимъ глазамъ: это была очень маленькая комната, выбѣленная глиной, со сгнившимъ на половину поломъ, столomъ и нѣсколькими скамейками грубой работы. Противъ окна стояла убогая постель, прикрытая поношеннымъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ порваннымъ одѣяломъ и запачканными двумя подушками въ головахъ. Въ углу висѣлъ образъ, съ теплившейся лампадой, а на стѣнѣ хорошей работы портретъ; какъ потомъ оказалось, онъ изображалъ знаменитаго учителя Пучкова. Портретъ былъ украшенъ вѣнкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, вѣроятно, ежедневно перемѣняемыхъ Пучковымъ. Въ этомъ проявленіи исчерпывалась глубокая привязанность Пучкова къ своему учителю, а въ заботѣ объ украшеніи портрета свѣтилась дѣтско-наивная душа блѣднаго музыканта, который, невзирая на всю суровую обстановку жизни, не забывалъ своего маэстро и дѣлалъ все возможное, чтобы поставить его на высоту и хоть чѣмъ нибудь отличить отъ окружающаго. Приблизившись къ калиткѣ, я постучалъ. Черезъ минуту показалась львиная голова Пучкова, и онъ, поклонившись мнѣ съ большимъ достоинствомъ, гостепріимно открылъ двери своего жилища.

V.

Пучковъ поставилъ къ столу табуретку и просилъ меня садиться. Въ его обращеніи со мной не проглядывало никакого заискиванія; онъ велъ себя просто. Видно было, что этотъ человекъ зналъ лучшую пору жизни и до сихъ поръ не утратилъ изящности манеръ и привѣтливости. Одѣтъ онъ былъ въ довольно поношенный пиджакъ, наглухо застегнутый, изъ-за воротника котораго выглядывала бѣлая кайма рубашки.

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ?—спросилъ я Пучкова.

— Василий Ивановичъ,—отвѣчалъ онъ съ небольшою вибраціей въ голосѣ.

— Знаете ли вы, что пріѣхалъ Алексѣй Петровичъ?

Онъ оживился, и глаза его радостно заблистали.

— Ахъ, какъ я радъ! Вы не повѣрите, какъ я радъ. Я слышалъ, что Алексѣй Петровичъ человѣкъ съ отзывчивой душой и интересуется музыкой. Можетъ быть, онъ обратитъ на меня вниманіе и дастъ возможность заглядить тѣ...

Пучковъ остановился и сконфуженно посмотрѣлъ на меня.

— Несправедливости—хотѣли вы сказать,—поддержалъ я его:— прошу васъ продолжать, Василий Ивановичъ, я присланъ, по порученію Колычева, узнать всѣ подробности вашей жизни и донести о нихъ завтра же, а потому, въ вашихъ собственныхъ интересахъ, совѣтую ничего не скрывать.

— О, какъ тяжело передавать вамъ все это и беречь старыя раны, которыя закрылись подъ спудомъ времени; но разъ Алексѣй Петровичъ этого требуетъ, то я готовъ выложить вамъ свою душу.

— Я бывшій крѣпостной отца Алексѣя Петровича, Петра Даниловича Колычева, и родился при очень грустныхъ обстоятельствахъ. Отецъ мой за какія-то провинности былъ отданъ Петромъ Даниловичемъ въ солдаты, гдѣ и исчезъ безслѣдно, а мать моя, произведя меня на свѣтъ, вскорѣ умерла, и я былъ выкормленъ грудью одной сердобольной скотницы, которая, кормя своего собственного ребенка, находила возможнымъ часть молока удѣлять заброшенному сиротѣ. Первое мое самосознаніе появилось съ семилѣтняго возраста, и всѣ послѣдующія событія я помню съ полною ясностью и такъ отчетливо, что точно ихъ переживаю сейчасъ. Мы жили въ постройкѣ, которая носила названіе «бани», такъ какъ нѣкогда оправдывала свое назначеніе, но съ теченіемъ времени баня была упразднена и приспособлена къ жительству нѣсколькихъ семействъ дворовыхъ. Для каждой семьи было отведено по комнатѣ съ перегородкой и отдѣльной печкой для варки пищи, въ предупрежденіе встрѣчъ между женами дворовыхъ и ссоръ за печку и чугуны. Каждому семейству выдавались по реестру, вносимому въ экономическую книгу, нѣсколько горшковъ, кастрюль и другихъ необходимыхъ принадлежностей. Я попрежнему помѣщался въ семьѣ скотницы, а сбоку насъ жила семья столяра Ивана, хорошаго мастера, но, къ несчастью, большого пьяницы, который имѣлъ единственную дочь Наташу да жену. Несмотря на всю строгость, царившую въ усадьбѣ Петра Даниловича, столяръ Иванъ зачастую являлся по вечерамъ въ нетрезвомъ видѣ и, находясь въ такомъ состояніи, превращался въ совершеннаго звѣря. Онъ билъ чѣмъ ни попало свою несчастную жену, а также не упускалъ случая дать нѣсколько подзатыльниковъ бѣдной дѣвочкѣ, которая, отъ страха забившись въ одной рубашenkѣ въ дальній уголъ, дрожала всѣмъ тѣломъ. Часто среди ночи разда-

вался раздирающій душу крикъ жены столяра, дѣвочка прибѣгала къ намъ съ просьбою спасти бѣдную «мамку», которую бьетъ «тятка». Скотникъ бросался къ столяру и избавлялъ жертву отъ насилій, уводя ее къ намъ и заперевъ двери; но еще долго потомъ шумѣлъ Иванъ, стуча кулакомъ въ дверь и произнося площадныя ругательства, а потомъ, обезсиленный злобой и водкой, падалъ въ изнеможеніи на полъ. Вы можете себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе подобныя сцены производили на мою дѣтскую душу и въ то же время невольно возбуждали жалость къ этой бѣдной, забытой дѣвочкѣ, съ русой головкой, большими глазами, въ которыхъ свѣтились умъ и доброта. Дни шли за днями, и мы почти все время были не разлучны съ Наташей. Нерѣдко мы отправлялись въ лѣсъ, гдѣ, нарвавъ цвѣтовъ, плели вѣнки и украшали ими себѣ головы. Эта страсть осталась до сихъ поръ у меня, и вамъ не трудно убѣдиться въ этомъ, взглянувъ на портретъ незабвеннаго моего учителя. Въ лѣтніе вечера, когда бывало заснуть всѣ дворовые, мы, прокравшись съ Наташей потихоньку чрезъ длинный коридоръ, выходили на лужайку и, сѣвъ гдѣнибудь въ уединенномъ мѣстѣ, полные трепета и неодолимаго страха, задумчиво смотрѣли на небо, усѣянное звѣздами, и при каждой падающей звѣздѣ, фосфорической полоской бороздившей на мгновеніе небо, мы вздрагивали и ближе прижимались другъ къ другу, причемъ Наташа сквозь слезы увѣряла меня, что съ каждой закатившейся звѣздой гдѣнибудь на свѣтѣ угасаетъ жизнь человѣка. Я думалъ, что нашей совмѣстной жизни не будетъ конца, но судьба сулила другое... Въ одинъ день я замѣтилъ необыкновенное движеніе въ комнатѣ столяра и, будучи не въ силахъ побѣдить свое любопытство, вошелъ къ нему. Тамъ одѣвали въ новое платье рыдающую Наташу. Около нея суетилась мать, поминутно исправляя кос-какія погрѣшности костюма. Столяриха сообщила мнѣ, что Наташа съ нынѣшняго дня поступаетъ въ пѣвчія, что ея голосъ уже опробовалъ нѣмецъ капельмейстеръ, и что ее сейчасъ отведутъ во флигель, гдѣ она будетъ жить постоянно. Я такъ и обмеръ, громко рыдая, бросился въ лѣсъ на то мѣсто, гдѣ мы часто сиживали съ Наташей, и цѣлый день проплакалъ. Мою дѣтскую душу томила безотчетная тоска, и съ этого времени я далъ слово во что бы то ни стало попасть въ дворню; но какъ это сдѣлать, когда дѣтямъ дворовыхъ безъ опредѣленнаго дѣла подѣ страхомъ суровой отвѣтственности запрещалось показываться въ усадьбу Петра Даниловича. Случай помогъ мнѣ. Въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ жилъ я, находился уволенный по болѣзни отъ занятій въ оркестрѣ старикъ Сидоровичъ, нѣкогда хорошій музыкантъ и не менѣе добродушный человѣкъ; къ нему-то задумалъ я обратиться за помощью.

— Дяденька,—сказалъ я, явившись къ нему,—заставь за себя вѣчно Богу молить: выучи меня хоть немножко играть на скрипкѣ.

— Ишь чего захогѣлъ пострѣленокъ, старъ я становлюсь, и больно не въ моготу мнѣ възжаться съ тобой!

— Голубчикъ, дяденька, не откажи,—просилъ я рыдая и бросился старику въ ноги.

— Что ты, что съ тобою! Опомнись, съ чего тебѣ такъ приспичило, аль задумаль что?

— Ей-Богу, ничего я, дяденька, не задумаль: меня страсть беретъ, охота...

Слезливые, но пронизательные глаза Сидоровича усталились на меня, и подъ этимъ могучимъ взглядомъ я покраснѣлъ. Моя невинная ложь не удалась.

— Сколько тебѣ лѣтъ, малышъ?—спросилъ старикъ.

— Десять.

— А врешь такъ, что старику въ пору. Говори по правдѣ, что задумаль?

Не утаивая ничего, я долженъ былъ разсказать, что влекло меня быть музыкантомъ. Моимъ безхитростнымъ разсказомъ я побѣдиль упрямство старика, и онъ, посмотрѣвъ на меня еще разъ очень внимательно, сказалъ:

— Ну, ужъ если у васъ съ Наташей такая дружба, инъ быть по-твоему. Приходи, буду учить помаленьку.

— Ты, дяденька, не говори никому, что я тебѣ разсказаль.

— Безъ тебя знаю, пострѣленокъ,—еще учить меня хочешь въ этакихъ дѣлахъ...

Занимался я съ Сидоровичемъ очень старательно, и по прошествіи двухъ лѣтъ мой старикъ привелъ меня къ капельмейстеру и заставилъ играть. Капельмейстеръ сначала небрежно отнесся ко мнѣ, но съ каждымъ ударомъ смычка лицо его дѣлалось серьезнѣе, и онъ не сводилъ съ меня глазъ. Когда я кончилъ, нѣмецъ поздравилъ меня съ успѣхомъ, погладилъ по головѣ и поцѣловаль, а потомъ на ломаномъ русскомъ языкѣ сказалъ, что такое чудо онъ обязанъ показать самому Петру Даниловичу. Предъ тѣмъ, какъ идти къ Колычеву, капельмейстеръ проинтудироваль со мной нѣсколько пьесъ, и когда я, по его мнѣнію, усвоилъ нужные отгѣнки въ исполненіи, то онъ просилъ меня сохранить самообладаніе и не теряться. Меня одѣли въ новое платье, остригли волосы, и въ такомъ видѣ я предсталъ предъ грозныя очи властелина нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ.

VI.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, то при видѣ Колычева меня охватилъ такой страхъ, что я невольно схватился за косякъ двери, чтобы не упасть. Капельмейстеръ укоризненно взглянулъ на меня, — я, призвавъ все присутствіе духа, настолько овладѣлъ собою, что прямо взглянулъ въ глаза Петра Даниловича. Вообразите предъ со-

бой человекъ очень большаго роста, съ узкими плечами, маленькой головой на длинной тонкой шеѣ, коротко остриженными волосами, торчащими, какъ у ежа, вверхъ, худого, донельзя костляваго, съ длиннѣйшими усами и какими-то неподвижными, зеленоватыми глазами, лихорадочно блестящими и обдававшими васъ холодомъ смерти; казалось, на этомъ мертвенномъ лицѣ не играла никогда улыбка, а его ротъ, съ блѣдными, тонкими, какъ шнурокъ губами, могъ только издавать одни суровыя приказанія. Одѣтъ онъ былъ въ венгерку и непомѣрно узкіе, синіе рейтузы, заткнутые въ сапоги съ кисточками. Эта обязанность костюма, если можно такъ выразиться, еще болѣе увеличивала уродливость его фигуры.

— Это тотъ, о которомъ ты говорилъ?—спросилъ Колычевъ какимъ-то рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ.

Капельмейстеръ, униженно кланяясь, послѣшилъ утвердительно отвѣтить.

— Ну, играй, поросенокъ,—сказалъ Колычевъ,—да, смотри, не ври, а то я тебя велю на конюшнѣ другой музыкой угостить!

Призвавъ на себя заступничество Всевышняго, я началъ, не стараясь думать о Петрѣ Даниловичѣ. Предо мной, какъ въ туманѣ, промелькнуло личико Наташи, и я болѣе не сознавалъ, что въ этотъ часъ рѣшается моя судьба. Когда я кончилъ, то по лицу нѣмца замѣтилъ, что онъ доволенъ мною; но Петръ Даниловичъ оставался такой же безстрастный, холодный и угрюмый. Казалось, въ этомъ человекѣ всѣ чувства умерли, и онъ не живетъ внутренней жизнью.

— Возьми этого поросенка къ себѣ и учи!—приказалъ односложно Колычевъ и повелительно указалъ намъ на дверь.

Испытаніе мое кончилось, и ставка была выиграна. Когда мы вышли въ переднюю, то я, самъ не помня себя, бросился благодарить капельмейстера. Онъ принималъ мои ласки, но умолялъ не шумѣть, чтобы не побеспокоить Петра Даниловича. Нѣмецъ все сильнѣе и сильнѣе оттаскивалъ меня за руку отъ дверей кабинета, а лакеи саркастически улыбались, и немало плоскихъ остроумій сыпалось на меня. На дворѣ я встрѣтилъ Наташу и сообщилъ ей мою радость. Нечего говорить, что она приняла эту вѣсть восторженно, и все ея милое личико зардѣлось отъ удовольствія. Долгіе годы учился я у нѣмца и совершенствовался въ любимомъ занятіи, ставшемъ моею насущной потребностью, и изъ мальчика обратился въ юношу, полнаго надеждъ и лучшихъ стремленій, а моя дорогая подружка стала прелестной дѣвушкой, съ большимъ успѣхомъ подвизавшаяся на домашней сценѣ Колычева. Мы съ ней такъ сжились, и насъ соединяло такое сродство, что въ одинъ вечеръ мы дали слово принадлежать другъ другу. Я со страхомъ заглядывалъ въ это будущее, такъ какъ зналъ, что мы не имѣемъ собственной воли, которая парализована другой волей, и что мы не что иное, какъ игрушки въ рукахъ Колычева, который, сообразуясь съ своимъ

желаніемъ, могъ сдѣлать съ нами все, что придетъ въ голову. Наташа утѣшала меня и просила не падать духомъ, она надѣялась, что все современемъ устроится, и Колычевъ дастъ намъ позволеніе жениться. Мы жили съ ней надеждой, и она только поддерживала насъ во время тѣхъ тяжелыхъ минутъ, рассказывать которыя отказывается языкъ и холодѣетъ душа при ихъ воспоминаніи. Въ то время многіе помѣщики имѣли крѣпостныхъ музыкантовъ и пѣвчихъ, и вотъ однажды разнесся слухъ, что графъ С., ближайшій сосѣдъ и непримиримый врагъ Петра Даниловича, командируетъ двухъ молодыхъ людей за границу для обученія ихъ на скрипкѣ. Эта вѣсть дошла до Колычева и вызвала въ немъ сильный припадокъ бѣшенства: какъ онъ, Колычевъ, уступить какому нибудь захудалому графу, нѣтъ, никогда: онъ тоже пошлетъ, но выдумаетъ иначе и отмѣнитъ этого противнаго графа, который, какъ бѣльмо, вѣчно мутитъ ему глаза. Результатомъ всего этого послѣдовало приказаніе позвать нѣмца капельмейстера.

— Гдѣ можно получить самое высшее музыкальное образованіе?—спросилъ Петръ Даниловичъ.

Не подготовленный къ этому вопросу, нѣмецъ бухнулъ:

— Въ Вѣнѣ.

— Распорядись отправить туда Ваську Пучкова! А въ какомъ государствѣ совершенствуются пѣвицы?—продолжалъ Колычевъ.

— Въ Италіи!—отвѣчалъ капельмейстеръ.

— Распорядись отправить туда Наташку Маркову.

Опѣшившій нѣмецъ хотѣлъ высказать неудобства, сопряженныя съ этимъ отправленіемъ, но получилъ строгій окрикъ:

— Не разсуждать, а дѣлать, что тебѣ приказываютъ!

Такъ велика была страсть преобладанія и тщеславія у Петра Даниловича! Я не буду во всей подробности касаться моего пребыванія въ Вѣнѣ, а Наташи въ Италіи, но только скажу, что мы оба съ успѣхомъ окончили образованіе и удостоились самыхъ лестныхъ отзывовъ отъ корифеевъ тогдашняго музыкальнаго міра. Четыре года я не видалъ Наташи, и при свиданіи мы съ ней немало пролили слезъ радости. Колычевъ встрѣтилъ насъ попрежнему холодно, сдѣлалъ строгое, особенно мнѣ, внушеніе, чтобы я велъ себя прилично, съ подобающей серьезностью:

— А то,—сказалъ онъ,—хотя ты птица и заграничнаго полета, но ничто не запрещаетъ мнѣ выпоротъ тебя порусски.

Проглотивъ это оскорбленіе, я ждалъ дальнѣйшихъ приказаній, которыя заключались въ томъ, чтобы я принялъ въ свое завѣдываніе оркестръ, оставшійся за смертью добряка нѣмца безъ капельмейстера, и готовился бы съ Наташей къ предстоящему концерту, который будетъ осчастливленъ присутствіемъ очень важнаго сановника, извѣстнаго знатока музыки. Этотъ день наступилъ. Со всѣхъ концовъ уѣзда начали съѣзжаться помѣщики, съ громаднымъ шта-

томъ прислуги, горничныхъ, приживалокъ и другихъ атрибутовъ, знаменующихъ барство. Самъ Колычевъ встрѣчалъ приглашенныхъ въ громадномъ вестибюлѣ, украшенномъ тропическими растеніями, вынесенными изъ оранжереи. По стѣнамъ стояли попарно лакеи въ новыхъ ливреяхъ и съ холодною важностью, означавшей хорошую школу, принимали одежду отъ гостей. Петръ Даниловичъ каждому гостю, какъ ни высоко было его служебное или общественное положеніе, протягивалъ два пальца и снисходительнымъ мановеніемъ руки приглашалъ въ залу, залитую огнями и уставленную стульями съ перламутровой инкрустаціей. Въ залѣ возвышалась эстрада, устланная краснымъ сукномъ. Я долженъ былъ играть соло, а Наташа пѣть подъ аккомпаниментъ оркестра, помѣщавшагося за эстрадой и отдѣленнаго отъ публики изящной перегородкой съ бархатной обивкой. Наканунѣ мы согласились съ Наташей, что если концертъ пройдетъ блистательно, и Петръ Даниловичъ останется доволенъ нами,—просить позволенія перевѣнчаться, и потому вы можете понять, какое громадное значеніе въ нашей жизни игралъ этотъ вечеръ; а для тщеславія Колычева онъ, можетъ быть, имѣлъ еще большую важность уже потому, что ожидаемый сановникъ имѣлъ случай присутствовать у графа С. на вечерѣ и слышалъ тѣхъ музыкантовъ, которыхъ графъ посылалъ за границу. Но вотъ Колычеву, который находился въ залѣ, донесли, что вельможа пріѣхалъ. Негоропливо, соблюдая чувство собственного достоинства, поднялся онъ со стула и медленной походкой пошелъ навстрѣчу гостя. Музыканты, по обычаю того времени, встрѣтили мецената торжественнымъ маршемъ. Онъ, предшествуемый Петромъ Даниловичемъ, привѣтливо кланяясь на всѣ стороны поднявшейся для встрѣчи его публикѣ, прошелъ все зало и сѣлъ въ назначенное кресло. Первый номеръ былъ Наташи. Она исполнила свою вещь прелестно, обнаруживъ большой голосъ, умѣнье и непередаваемое чувство. Раздались бурные аплодисменты, но сейчасъ же затихли подъ холоднымъ взглядомъ Колычева, презрительно отнесшагося къ проявленію этого участія. Наступала моя очередь. Не въ похвалу себѣ скажу вамъ, что впечатлѣніе отъ моей игры получилось громадное, вы можете судить объ этомъ ужъ изъ того, что гости, не обращая вниманія на Колычева, разразились громкими криками одобренія, а самъ сановникъ, вставъ со стула, подошелъ ко мнѣ и, крѣпко пожимая руку, сказалъ:

— У васъ рѣдкій талантъ! Берегите его и совершенствуйтесь!

Искусство разбило ледъ и изгладило различіе происхожденія!

Колычевъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и, обращаясь ко мнѣ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Цѣни великодушное обращеніе съ тобою его сіятельства и не зазнавайся! Спасибо!

Вотъ все, что я услышалъ за долгіе годы отъ Петра Данило-

вича! Но все-таки изъ его словъ я понялъ, что онъ былъ доволенъ, и что я своей игрой затмилъ музыкантовъ графа С. Послѣ концерта, который окончился полнымъ триумфомъ, какъ для меня, такъ и для Наташи, я, проходя одну изъ отдаленныхъ комнатъ дома, услыхалъ два голоса о чемъ-то очень жарко спорящихъ. Въ разговаривающихъ я узналъ Колычева и сановника.

— Ради меня, — говорилъ гость, — сдѣлайте уступку вашимъ убѣжденіямъ и отпустите молодыхъ людей на волю!

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не просите, я не могу поступиться своими принципами.

— Но если эти принципы жестоки, не гуманны и идутъ въ разрѣзъ съ понятіемъ о достоинствѣ человѣка.

— Это, ваше сіятельство, строй, на которомъ держится дворянство.

— Въ такомъ случаѣ продайте Пучкова и Маркову мнѣ.

— А вы ихъ отпустите на волю. Не такъ ли, ваше сіятельство?

— Мнѣ кажется, Петръ Даниловичъ, что вы ничего не потеряете отъ этой сдѣлки!

— Многое, а самое главное, что графъ С. будетъ имѣть надо мною превосходство, чего я не хочу и не могу допустить!

Въ комнатѣ послышалось движеніе, я поспѣшилъ уйти, потерявъ всякую надежду вырваться изъ рукъ Колычева. Гость уѣхалъ недовольный и прекратилъ всѣ сношенія съ Петромъ Даниловичемъ.

VII.

На слѣдующій вечеръ, когда большая часть помѣщиковъ еще не разѣхались и продолжали веселиться у Колычева, я, пользуясь тѣмъ, что онъ занятъ съ гостями, улучилъ свободную минуту и чрезъ дѣвочку-судомойку далъ знать Наташѣ, чтобы она вышла въ садъ, къ берегу рѣки. Это было уединенное мѣсто, рѣдко посѣщаемое публикой, а царившая теплая, темная ночь казалась мнѣ хорошимъ прикрытіемъ отъ глазъ Петра Даниловича и его соглядатаевъ. Я шелъ на условленное мѣсто, полный какихъ-то тревожныхъ опасеній, и далеко не былъ похожъ на того счастливаго любовника, который, добившись свиданія, соединяетъ съ нимъ надежду о на половину достигнутомъ счастьѣ и скорой возможности обладанія любимой дѣвушкой. Наши отношенія были до сихъ поръ дѣвственно чисты, какъ въ то время, когда мы съ Наташей слѣдили за падающими звѣздами. Меня убивала полная беззащитность нашего положенія, и въ эту грустную минуту я даже забывалъ, что развитіемъ моихъ способностей я все-таки обязанъ Петру Даниловичу. Никто, какъ онъ, далъ мнѣ возможность и средства къ этому, хотя побужденія его по существу скорѣе достойны порицанія, чѣмъ похвалы, въ силу того, что имъ руководило не желаніе блага мень-

шей братіи, а низменное тщеславіе. Въ насъ же съ Наташей онъ видѣлъ лицъ, способныхъ съ успѣхомъ выполнить его цѣли. Онъ побѣдилъ графа и удовлетворенъ вполнѣ, намъ же, какъ въ волшебной картинѣ, показалъ лучшую жизнь и также безжалостно отнялъ ее, заточивъ навсегда въ деревнѣ, гдѣ заглохнутъ наши стремленія, и погаснетъ та искра Божія, которую называютъ талантомъ. Да, горькое и ничѣмъ не поправимое зло, и намъ больше ничего не остается, какъ примириться и нести тяжелый крестъ, выпавшій на нашу долю. Не мы одни страдаемъ, а страдаютъ и стонутъ миллионы людей подъ крѣпостнымъ игомъ и не дождутся, когда заря новой жизни загорится надъ ними. Такъ размышлялъ я въ то время, подходя къ берегу рѣки и сядя на скамейку.

Углубленный въ свои горькія думы, я не замѣтилъ, какъ чья-то нѣжная рука обвилась вокругъ моей шеи, и русая головка Наташи горячей щекой прильнула къ моему лицу. Она была одѣта въ черное платье.

— Ты точно заранѣе оплакиваешь наше счастье, — сказалъ я невольно, усаживая ее около себя и показывая ей на печальный костюмъ.

Она вздрогнула.

— Такъ не замѣтишь, — прошептала она, — охота тебѣ, Вася, пугать меня. Кажется, теперь все благополучно. Петръ Даниловичъ доволенъ нами, и нѣтъ причины опасаться, что онъ будетъ противъ нашего брака.

— Я тебѣ еще не рассказалъ, какъ гость просилъ Колычева отпустить насъ на волю, а въ крайнемъ случаѣ продать.

— И что же отвѣтилъ Петръ Даниловичъ? — спросила Наташа съ живѣйшимъ интересомъ.

— Развѣ ты не знаешь Колычева и его мнѣніе на этотъ счетъ? Былъ ли хоть одинъ подобный примѣръ? Онъ даже никого на оброкъ не пускаетъ.

— Скажи, милый, когда ты думаешь просить Петра Даниловича?

— Завтра, — отвѣчалъ я неувѣренно.

— Ты, кажется, боишься?

— Я боюсь не Петра Даниловича, а его отвѣта!

— О, Богъ милостивъ, Вася, онъ не захочетъ, чтобы мы были несчастны, — и Наташа, набожно скрестивъ руки, съ дѣтскою вѣрою, устремила глаза на небо, сплошь покрытое тяжелыми тучами.

— А, вы вотъ гдѣ каналы! — раздался около насъ, какъ ударъ грома, голосъ Колычева.

Я до сихъ поръ не понимаю, какъ Петръ Даниловичъ узналъ о нашемъ свиданіи.

— Амуры у меня заводятъ! Иди, потаскушка, домой! — продолжалъ Колычевъ, — а ты, сладкоголосый соловей, жди на завтра рѣшеніе тво-

ей участи,— и двѣ звонкихъ пощечины были наградой за мой поступокъ.

Я не помню, какъ дотащился до флигеля и, упавъ на постель, корчился въ нервномъ припадкѣ. Когда я пришелъ въ себя, то у меня явилось одно только сознаніе, что я навсегда разбилъ свою и Наташину жизнь. Вскорѣ послѣдовало безпощадное приказаніе, что я назначаюсь въ младшіе скотники, а Наташа выдается замужъ за кучера Петра, иначе сказать, сына скотницы, или моего молочнаго брата. Относительно меня рѣшеніе было приведено въ исполненіе, но относительно Наташи оно не могло быть выполнено потому, что на другой же день она заболѣла горячкой и ее больницу, почти безъ чувствъ, отправили въ самую глухую вотчину Колычева, и всякій слухъ надолго замолкъ объ ней. Четыре года я пребывалъ на скотномъ дворѣ, вынося всѣ возможные оскорбленія, и всѣ мои домогательства испросить прощеніе у Петра Даниловича остались тщетны.

Наконецъ, все чаще и чаще начали къ намъ проникать слухи объ освобожденіи крестьянъ. Колычевъ съ каждымъ днемъ становился грознѣе и недоступнѣе... и вотъ однажды мы узнали, что ѣдетъ посредникъ читать высочайшій манифестъ (объ освобожденіи крестьянъ). Мы всѣ вострепнулись и съ надеждой устремляли взоры въ то свѣтлое будущее, которое лежало передъ нами. Все населеніе вышло на дугъ. Показался посредникъ, сопровождаемый блѣднымъ, съ судорожно сжатыми губами, Колычевымъ. Мы обнажили головы.

— Подойдите поближе! — сказалъ представитель власти.

Мы подошли. Наступила мертвая тишина.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ», — произнесъ отчетливо и громко посредникъ. Всѣ набожно перекрестились. Я взглянулъ на Колычева. Онъ медленно поднималъ руку и хотѣлъ сотворить крестное знаменіе, но она внезапно повисла: Петръ Даниловичъ запнулся и упалъ. Его унесли въ домъ, а чрезъ два дня онъ умеръ. Гордая, властолюбивая натура Петра Даниловича не могла примириться съ мыслью, что тѣ нѣсколько тысячъ крестьянъ, надъ которыми онъ считалъ себя властителемъ,— уже болѣе ему не принадлежатъ. Насъ допустили къ нему проститься, когда священникъ читалъ надъ нимъ отходную, и здѣсь при этомъ еще живомъ трупѣ я въ жаркой молитвѣ просилъ Бога простить ему всѣ проступки противъ меня и моей дорогой Наташи. Вотъ теперь я стою на распутьѣ, еще полный бодрости и тѣхъ вѣрованій, которыя никогда не покидаютъ человѣка; я вѣрю въ мое призваніе, а также надѣюсь, что Алексѣй Петровичъ приметъ во мнѣ участіе и поможетъ выйти на жизненную дорогу. Мой рассказъ конченъ. Прошу его передать Колычеву,— сказалъ Пучковъ, вставъ и извиняясь, что задержалъ меня такъ долго.

— Позвольте, Василій Ивановичъ,— сказалъ я,— неужели вы за все время не прилагали стараній найти Маркову?

Онъ на это горько усмѣхнулся и показалъ письмо. Я съ живѣйшимъ интересомъ началъ его читать. Въ немъ Наташа писала, что за все время своего изгнанія она думала только о томъ, чтобы соединиться съ Василиемъ Ивановичемъ. Ея жизнь, благодаря тому, что она понравилась управляющему, была сносна, и онъ, узнавъ объ ея музыкальномъ образованіи, взялъ къ себѣ, въ качествѣ учительницы пѣнія для старшей дочери, и благодаря этому обстоятельству, она имѣла возможность еще болѣе развить свой голосъ, а потому шутя прибавляла, что она еще не настолько стара, чтобы отказаться отъ мысли прельстить своего стараго друга. Далѣе она писала, что покидаетъ мѣсто своего заточенія и скоро будетъ въ Михайловкѣ.

Я отъ души поздравилъ Василія Ивановича и, дружески попрощавшись, направился къ двери.

— Николай Николаевичъ, позвольте мнѣ проводить васъ? — спросилъ Пучковъ.

— Мнѣ совѣстно, право, васъ беспокоить! — отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, вы этимъ мнѣ доставите большое удовольствіе, и если позволите, то я переночую у васъ...

Я догадался, зачѣмъ Василій Ивановичъ вызвался провожать меня. Ему хотѣлось быть представленнымъ Колычеву и получить какія-то бумаги, касающіяся его пребыванія за границей. Это обстоятельство и ожидаемый пріѣздъ Наташи были главной причиной, что Пучковъ такъ долго зажился въ усадьбѣ. Впрочемъ, въ то время многіе дворовые слѣдовали примѣру Василія Ивановича и не тотчасъ пускались въ новое, неизвѣданное жизненное море. Передъ уходомъ, Василій Ивановичъ изъ-подъ постели выдвинулъ микрокопическихъ размѣровъ сундучекъ и порывшись досталъ какое-то платьѣ, которое аккуратно завязалъ въ узелокъ. Это былъ, вѣроятно, тотъ парадный костюмъ, въ которомъ онъ фигурировалъ на концертѣ въ день посѣщенія знатнаго гостя. Подойдя къ образу, съ теплившейся лампадой, онъ сдѣлавъ три земныхъ поклона, затушилъ ее, затѣмъ подошелъ къ портрету и долго, задумавшись, смотрѣлъ на него и вдругъ порывисто, взявъ меня подъ руку, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Жизнь Пучкова во всѣхъ подробностяхъ была передана мною Алексѣю Петровичу. Слушая это грустное повѣствованіе, Колычевъ, казалось, переживалъ всѣ страданія, выпавшія на долю этой несчастной, но оставшейся вѣрной другъ другу четы. Его поражало терпѣніе русскаго человѣка, который, несмотря на всевозможныя превратности судьбы, обильныя при крѣпостномъ правѣ, все-таки смогъ остаться сравнительно нравственно чистымъ. По его мнѣнію,

только люди глубоковѣрующіе способны на этотъ подвигъ,— ихъ постоянно поддерживаетъ религія и не даетъ упасть настолько низко, чтобы дать умереть лучшимъ движеніямъ души. На мой вопросъ, не желаетъ ли онъ лично переговорить съ Пучковымъ, Алексѣй Петровичъ сказалъ, что еще не готовъ къ этому свиданію и не считаетъ себя настолько мужественнымъ. Я заключилъ изъ этого, что Колычевъ боится этой встрѣчи и стыдится поступковъ своего отца. Алексѣй Петровичъ просилъ только помѣстить Пучкова ко мнѣ въ домъ и принять въ немъ участіе. Василій Ивановичъ, согрѣтый моимъ вниманіемъ, оживалъ съ каждымъ днемъ. Всѣ свои вещи онъ перенесъ ко мнѣ и помѣстился въ одной дальней комнатѣ съ окнами въ садъ. Этотъ выборъ онъ сдѣлалъ самъ, говоря, что музыканты народъ отдѣльный, и когда всѣ порядочные люди спятъ, они играютъ и проводятъ ночь безъ сна. Часто во время игры на скрипкѣ, когда Василій Ивановичъ мало сознавалъ, что вокругъ него происходитъ, я посылалъ за Колычевымъ, и онъ, помѣстившись гдѣ нибудь въ уголкѣ, такъ что бы не быть видимымъ Пучкову, разстроганный, слушалъ дивные звуки, лившіеся изъ-подъ смычка артиста. Но однажды Алексѣй Петровичъ, во время исполненія молитвы Страделлы «*Se i miei sospiri*» не выдержалъ и съ крикомъ:

— Господи, и такого человѣка помѣстить на скотный дворъ!— бросился въ комнату Пучкова.

Послышался дребезжащій звукъ упавшей скрипки, и въ то же мгновеніе раздался громъ быстро затворявшейся двери задняго крыльца. Я бросился къ окну и увидалъ, какъ два человѣка быстро направлялись къ дому, то были Колычевъ и Василій Ивановичъ. Что произошло въ кабинетѣ, осталось для меня тайной, но я думаю, что тамъ Алексѣй Петровичъ просилъ прощенія за своего суроваго отца. Съ этого дня Василій Ивановичъ все рѣже заглядывалъ ко мнѣ и окончательно перешелъ жить въ домъ. Онъ съ Алексѣемъ Петровичемъ былъ положительно не разлученъ, ихъ соединила вѣчно живая страсть къ искусству. Разъ, когда я былъ въ оранжереѣ, за мной изъ флигеля, запыхавшись, прибѣжалъ слуга и доложилъ, что пріѣхала какая-то барыня и желаетъ меня видѣть. Не придавая этому посѣщенію особеннаго значенія, я пошелъ къ себѣ и въ залѣ увидѣлъ молодую, прекрасную женщину, которая, заложивъ руки за спину, взволнованно ходила по комнатѣ.

— Чѣмъ могу быть полезенъ? — началъ я, раскланиваясь...

— Тѣмъ, если вы будете такъ добры и пріютите меня на короткое время. Я пріѣхала издалека и очень устала.

— Вы собственно по какому нибудь дѣлу ко мнѣ ѣхали?

— Нѣтъ, я пріѣхала къ Василию Ивановичу Пучкову.

— Ваша фамилія Маркова!

— Да! Развѣ вамъ Василій Ивановичъ говорилъ, что ждетъ меня?

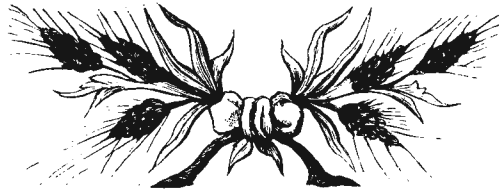
— Не только говорилъ, но и показывалъ ваше письмо; не прикажете ли послать за нимъ?

— Пожалуйста, и если можно скорѣе!

Сказать по правдѣ, я боялся этого свиданія и вздохнулъ только тогда легко, когда Василій Ивановичъ выплакался на груди своей дорогой Наташи. Впрочемъ, отъ счастья не умирають.

Черезъ два года, по дѣламъ одной торговой фирмы, мнѣ пришлось приѣхать въ Берлинъ. Вечеромъ, не зная, куда дѣвать время, я отправился въ концертъ, даваемый русскими солистами, и можно вообразить все удивленіе и радость, когда въ афишѣ я прочелъ фамилію Пучковыхъ. Это были они, мои дорогіе, старые знакомые. Концертъ прошелъ очень оживленно, при тепломъ сочувствіи публики, а послѣ него я провелъ у Василя Ивановича и его жены Натальи Аванасьевны нѣсколько такихъ дней, которые никогда не изгладятся изъ моей памяти.

В. Томилинь.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ.

I.

Мой отецъ и мать.—Дядя князь П. Н. Оболенскій.—Дядя Д. А. Новосильцовъ.—
Бабушка В. И. Бибикова.—Е. Е. Давыдова.—А. П. Бибиковъ и его семейство.—
Г. И. Бибиковъ.—Разказы моего отца про свое дѣтство.

ОТЦА МОЕГО звали Иваномъ Петровичемъ Биби-
ковымъ. Матушка моя, Софья Гавриловна, была
также рожденная Бибикова, но не родня отцу, хотя
родоначальникъ у нихъ былъ общій ¹⁾.

Матушка моего отца, Варвара Александровна,
была родомъ Новосильцова, а бабушка его — ро-
жденная княжна Оболенская, потому Новосильцовы
и князья Оболенскіе считаются намъ родствен-
никами.

Дядю моего отца, князя Петра Николаевича
Оболенскаго, я еще видала у насъ въ дѣтствѣ
своемъ, и къ нему насъ, дѣтей, возили. У него былъ свой большой
домъ въ Москвѣ, на Новинскомъ бульварѣ.

Это былъ старичекъ небольшого роста, съ высокимъ лбомъ, за-
чесанными назадъ, напудренными бѣлыми волосами, умными го-
лубыми глазами, любезный, веселый и рѣзвый, несмотря на его
преклонныя лѣта.

Другой дядя моего отца, братъ его матери, Дмитрій Александро-

¹⁾ Смотри «Родословную семейства Бибиковыхъ» въ приложеніи къ этимъ
воспоминаніямъ.

вичъ Новосильцовъ, былъ совершенною противоположною князю Петру Николаевичу Оболенскому. Высокаго роста, широкоплечій, довольно тучный, онъ держалъ себя съ прирожденнымъ достоинствомъ, былъ ума серьезнаго, почти суроваго и строгаго, хотя привѣтливъ къ намъ, дѣтямъ.

Длинные, бѣлые, напудренные волосы окаймляли его красивое, съ правильными чертами старческое лицо и падали почти до плечъ, глаза его были черные, строгіе. Онъ былъ замѣчательно умнымъ человѣкомъ. Смерть единственнаго сына, убитаго на дуэли, разбила его жизнь и, вѣроятно, наложила печать на всю его внѣшность.

Варвара Александровна Бибикова была женщина богомольная, въ духѣ прошлаго столѣтія. Она, говорятъ, обѣдни и всенощныя выстаивала въ Москвѣ въ церкви Василія Блаженнаго, надѣвъ на плечи желѣзныя вериги этого святаго угодника. Эти вериги до сихъ поръ хранятся въ храмѣ, во имя его построенномъ; я ихъ тамъ видѣла. Ни одна изъ насъ, современныхъ женщинъ, обѣими руками не была бы въ состояніи ихъ поднять.

Бабушка Варвара Александровна скончалась въ 1787 году, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія моего отца, который былъ восьмимѣсячнымъ недоноскомъ. Первое время его завертывали въ мѣховое одѣяло, а подъ одѣяло подкладывали грѣтые кирпичи. Несмотря на то, что, по мнѣнію врачей, восьмимѣсячные недоноски жить не могутъ, отецъ мой выросъ, былъ крѣпкаго сложенія, обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и до старости былъ неутомимъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

По кончинѣ жены, дѣдушка Петръ Петровичъ Бибиковъ уѣхалъ за границу. Новорожденное дитя осталось на попеченіи роднаго дѣда Петра Ивановича Бибикова. И любилъ и баловалъ же его этотъ дѣдъ! Отецъ мнѣ рассказывалъ, что у него, у маленькаго, были три крѣпостныя няньки, которыя, кушалъ ли барченокъ или что другое дѣлалъ, безъ устали передъ нимъ плясали. Вадумаетъ барчукъ прокатиться, запрягаютъ ему линейку, гдѣ онъ съ няньками усаживается, а около него скачутъ верховые, вооруженные арапниками и длинными пиками, и по деревнѣ то дразнятъ пиками дворныхъ собакъ, то арапниками хлещутъ все и вся, что ни попадетъ на глаза, чтобъ забавить этимъ дитѣ. Наскучить и это барчуку.

— Дѣдушка! — кричитъ мальчикъ. — Дѣдушка! хочу, чтобъ тебя водой окачивали!

И дѣдушка-старикъ, во всякую погоду, становится у колодца: лакеи изъ колодца его окачиваютъ холодной водой, а мальчикъ хохочетъ, глядя, какія гримасы корчитъ продрогшій баловникъ-дѣдушка.

Не понимаю, какъ при такомъ воспитаніи могъ выработаться образованный, гуманный человѣкъ, какимъ былъ мой отецъ. Онъ владелъ грамотно-литературнымъ русскимъ и французскимъ язы-

комъ, отличался лоскомъ лучшаго общества и тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Полагаю, что онъ этимъ обязанъ возвращенію отца своего изъ-за границы и второму его браку. Мачиху свою Екатерину Евдокимовну, рожденную Давыдову ¹⁾, отецъ мой любилъ и почиталъ, какъ родную мать: она же вполнѣ была достойна этой любви и уваженія. Женщина умная и добрая, она пеклась о пасынкѣ, какъ о родномъ сынѣ: своихъ дѣтей у нея не было. Мужъ ея, занятый болѣе путешествіями за границу и ведя жизнь роскошную знатнаго барина тогдашняго времени, оставилъ послѣ себя дѣла въ жалкомъ положеніи. Мачиха моего отца, разсудительная, умная и честная женщина, стала приводить въ порядокъ дѣла мужа, не щадя и собственнаго состоянія для уплаты его долговъ. Батюшка это видѣлъ и вполнѣ цѣнилъ. Когда ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ въ одно прекрасное утро продалъ за сто тысячъ тѣ пятьсотъ душъ, что наслѣдоваль отъ родной матери Варвары Александровны, привезъ эти деньги мачихѣ и отдалъ ей.

— Матушка, — сказалъ онъ, — я поступилъ въ военную службу. Уѣзжаю офицеромъ на Кавказъ. Меня тамъ, можетъ быть, убьютъ. Мнѣ ничего не нужно. Я продалъ имѣніе. Вотъ вамъ деньги.

Екатерина Евдокимовна расплакалась и горячо обняла его.

— Иванъ Петровичъ! — сказала она рыдая, — сынъ мой! Все, что мое, будетъ твое.

Когда отецъ женился, Екатерина Евдокимовна полюбила матушку мою, какъ родную дочь; часто со слезами рассказывала она ей вышеописанную трогательную сцену; отъ матери мы не разъ о ней слышали, поэтому могу, не ошибаясь, слово въ слово ее здѣсь записать.

Несмотря на разницу лѣтъ, матушка со свекровью были искренними друзьями. Во все время послѣдней болѣзни Екатерины Евдокимовны, продолжавшейся нѣсколько недѣль, матушка день и ночь за ней ходила и, вмѣстѣ съ благословеніемъ, приняла ея послѣдній вздохъ. Это было за нѣсколько дней до рожденія моей меньшей сестры Елисаветы.

Екатерина Евдокимовна не забыла обѣщанія, даннаго ею пасынку. Она, по завѣщанію, оставила ему свое имѣніе Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, село Сергіевское ²⁾, куда мы переселились нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти.

Братъ моего дѣда, Петра Петровича, Александръ Петровичъ Бибииковъ, раздѣляя вкусы брата, такъ же, какъ и онъ, жилъ роскошно, ѣздилъ за границу, гдѣ покупалъ картины лучшихъ мастеровъ и составилъ себѣ цѣлую галерею. И онъ такъ же, какъ и

¹⁾ Тетку поэта и партизана Дениса Давыдова.

²⁾ По дарственной отъ отца моего принадлежитъ теперь моему племяннику Гавриилу Ильичу Бибиикову, сыну брата моего Ильи Ивановича (1895 г.).

братъ, разорился; умирая оставилъ молодую вдову, двухъ дочерей, Марью и Софью, и малолѣтняго сына Виктора въ плачевномъ состояніи. Но молодая вдова такъ же, какъ и Екатерина Евдокимовна, принялась энергично за дѣло, распродала всѣ картины, роскошныя коллекціи мужа, даже дорогіе паркеты его дома и расплатилась со всѣми кредиторами. Посвятивъ всю жизнь дѣтямъ, она скромно жила то въ деревнѣ, то въ отдаленномъ кварталѣ города Москвы ¹⁾ и сумѣла составить дѣтямъ независимое состояніе. Старшую дочь, Марію, при выходѣ ея замужъ за князя Хованскаго, наградила крупнымъ капиталомъ. Сынъ ея, Викторъ Александровичъ Бибииковъ, сначала служилъ въ гвардіи, потомъ былъ шталмейстеромъ при дворѣ императора Александра II. Онъ получилъ отъ матери отличное состояніе, которое даже увеличилъ, хотя, унаслѣдовавъ вкусы отца, ѣзжалъ за границу и составилъ себѣ богатую коллекцію картинъ, которыя, умирая холостымъ, завѣщаль императорскому дому ²⁾.

Отецъ мой, будучи на шестнадцатомъ году круглымъ сиротою и владѣя собственнымъ хорошимъ состояніемъ, былъ свободенъ дѣлать все, чего бы ни захотѣлъ. Мачиха руководила имъ только вліяніемъ любящаго сердца. Часто ѣзжалъ онъ тогда къ моему дѣду по матери, Гавріилъ Ильичу Бибиикову, о которомъ буду говорить ниже.

Гавріилъ Ильичъ не былъ родственникомъ моему отцу ³⁾, но очень любилъ его, цѣня въ этомъ юношѣ, почти мальчикѣ, природный, образованный умъ и благоразуміе не по лѣтамъ.

— Какъ жаль, — говаривалъ Гавріилъ Ильичъ, — что Иванъ Бибииковъ такъ молодъ! Если бъ не его лѣта, я былъ бы очень радъ, если бъ одна изъ моихъ старшихъ дочерей вышла за него замужъ.

Прибавлю, что самъ Гавріилъ Ильичъ и жена его, моя бабушка, были очень разборчивы на жениховъ для дочерей своихъ. Во время этихъ посѣщеній отецъ мой, съ самаго юношества, страстно влюбился въ мою мать, вторую дочь Гавріила Ильича, но жениться на

¹⁾ Матушка насъ къ нимъ возила. Дочь ея Софья была замѣчательная бѣлокурая красавица. Она скончалась въ молодыхъ годахъ дѣвницей.

²⁾ Другихъ близкихъ родныхъ у моего отца не было; были троюродные дяди, которыхъ я знала, помѣщики Данковского уѣзда, Рязанской губерніи, почтенныя личности, но они скончались, не оставивъ мужскаго потомства, кромѣ внука Павла Матвѣевича, холостого.

Есть еще въ томъ же уѣздѣ два брата: всѣми почитаемый Иванъ Павловичъ Бибииковъ, бывшій много лѣтъ предводителемъ дворянства, дальній родственникъ моего отца, и братъ его Александръ Павловичъ, оба пожилые холостяки. Другихъ родственниковъ Бибииковыхъ не знавала. Былъ Бибииковъ, Василій Ивановичъ, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, но скончался; сыновей не оставилъ. У брата же его Дмитрія Ивановича одинъ сынъ Михаилъ, а у него сынъ Дмитрій, женатый на Болотовой.

³⁾ Хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій: Жидимиръ, изъ князей Силей Орды.

ней удалось ему только въ 1814-мъ году, по окончаніи войны съ Наполеономъ. Въ этой войнѣ такъ же, какъ и въ турецкой кампаніи, участвовалъ мой отецъ, будучи адъютантомъ генерала Тормазова. Тутъ же былъ онъ ядромъ сильно контуженъ въ ногу.

Отецъ въ старости любилъ рассказывать про свое дѣтство, а мы любили его слушать.

«Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ», говорилъ онъ, «я наслѣдовалъ послѣ отца мальтійскій орденъ, пожалованный ему императоромъ Павломъ Петровичемъ ¹⁾. Вотъ и вздумалось мнѣ поцеголять: надѣлъ красный мальтійскій мундиръ, орденъ и отправился на балъ. Отплясываю тамъ во всю мочь». (Танцевалъ мой отецъ очень хорошо, и всѣ въ то время молодые люди). «Вдругъ слышу, кто-то изъ гостей говоритъ:

— «Смотри-ка, смотри-ка! какъ этотъ красный-то, красный-то ногами что выкидываетъ! Словно бѣсъ какой!

«Ну-съ, съ тѣхъ поръ баста! краснаго мундира больше не надѣвалъ!»

— Расскажите, папá, какъ вы у мачихи своей жили?

«Со мной»,—сказалъ отецъ,—«воспитывались племянники моей мачихи, Давыдовы ²⁾, и братъ мой двоюродный, Петръ Бибиковъ ³⁾. Петръ не отличался умственными способностями, но былъ добрый малый; Давыдовы же были умницы. Бѣдный Петръ часто страдалъ отъ нашихъ насмѣшекъ. Разъ, шутки наши и шалости едва не кончились трагически. Вздумали мы Петра повѣсить на люстрѣ въ большой залѣ, куда рѣдко кто заходилъ. Уговорили его; привязали веревку къ люстрѣ, а на другомъ концѣ ея сдѣлали петлю; петлю надѣли Петру, на шею, а подъ ноги подставили ему высокую скамью.

«Вдругъ слышимъ шаги въ коридорѣ. Мы испугались, Давыдовы и я бросились бѣжать. Повѣшенный также испугался, хотѣлъ соскочить; скамейка опрокинулась, онъ повисъ на веревкѣ! Къ счастью, шаги приблизились, вошелъ нашъ дядька и вынулъ изъ петли Петра уже посинѣвшаго и почти потерявшаго сознание.

«Этотъ же дядька съ нами бѣдовую шутку было сыгралъ. Мы, потихоньку отъ мачихи, хаживали въ деревнѣ на охоту съ ружьемъ, а порохъ лѣгомъ прятали въ печкѣ, у себя въ флигелѣ. Однажды, вечеромъ, мы уже легли спать, но, къ счастью, не успѣли еще заснуть. Видимъ, крадется дядька со свѣчей къ печкѣ и ворчитъ про себя.

— «Повѣсы! шалуны! задамъ вамъ потихоньку отъ барыни на

¹⁾ Въ то время мальтійскій орденъ, послѣ смерти отца, переходилъ по наслѣдству старшему сыну.

²⁾ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный партизанъ 1812 г., и братья его Левъ Васильевичъ и Евдокимъ Васильевичъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, раненый на войнѣ, остроумнѣйшій человекъ своего времени.

³⁾ Убить подъ Бородинымъ, еще молодымъ человекомъ, холостымъ.

охоту ходить! Подпалю вашъ проклятый порохъ! Нечѣмъ вамъ будеть ружья-то заряжать!

«Самъ несеть поджижки, суетъ ихъ въ печку, гдѣ боченокъ съ порохомъ стоитъ, а свѣчу подносить къ поджижкамъ... Мы только успѣли съ кроватей повскакать, да свѣчу его затупить. А онъ на насъ пуще ругается.

— «Дуракъ! что ты дѣлаешь? Вѣдь ты насъ, и себя, и весь флигель разнесъ бы? Хорошо, что мы услышали твое ворчанье.

«Когда онъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, то затрясся всѣмъ тѣломъ.

— «Голубчики! только барынѣ обо мнѣ не сказывайте! а сами стрѣляйте сколько угодно; я никому про то не скажу».

— Памá! расскажите еще чтонибудь про ваши проказы.

«Ужъ подлинно—проказы! Расскажу вамъ, какъ я напугалъ старую барышню Х***. Повадилась она въ Москвѣ ѣздить къ мамахъ моей и надоѣдать намъ своими нравоученіями. Приѣзжаетъ она разъ весной, сидитъ у матушки, а запряженная карета на дворѣ у насъ стоитъ. Лошадей привязали возлѣ сарая, лакей съ кучеромъ ушли въ людскую. Я этимъ воспользовался, залѣзъ въ карету. Тогдашнія кареты были просторныя, не то, что нынѣшнія, а подъ сидѣніемъ бывало пустое мѣсто, въ родѣ ящика, куда клали клажу и провизію съѣстную на дорогу. Я забился въ это пустое мѣсто и жду. Вотъ слышу—подають карету; ѣдетъ старая дѣвка домой. Я немного подождать, пока не выѣдутъ на людную улицу: тутъ сталъ кричать не своимъ голосомъ: Батюшки! задавили! задавили!

«Старуха дергаетъ шнурокъ, что привязанъ къ рукѣ кучера.

— «Стой! стой!—кричить.

«Останавливаютъ карету, лакей слѣзаетъ съ запрятокъ.

— «Что вы смотрите, ротозѣи?—сердится барыня. — Мы кого-то задавили!

— «Никого нѣтъ-съ, сударыня! Никого не задавили.

«Поѣхали. Какъ отѣхали нѣсколько шаговъ, я опять кричу:

— «Батюшки! задавили!

«Барыня бросается къ окну, опускаетъ его, зоветъ людей. Опять останавливаются, смотрятъ подъ каретой, вездѣ—нѣтъ никого. И такъ разъ десять, пока не доѣхали до ея дома, повторялась та же комедія. Повѣришь ли? Вѣдь старуху полу-мертвую изъ кареты на рукахъ вынесли! Она была увѣрена, что нечистая сила надъ ней подшучивала; такъ при этомъ и осталась, никогда правды не узнала».

Отецъ не терпѣлъ лгуновъ, а особенно лгуновъ-хвастуновъ; за эти два качества досталось отъ него троюродному брату, имя и фамилію котораго позабыла. Это было еще до отѣзда отца на Кавказъ, въ царствованіе Павла Петровича, когда все трепетало, не

только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ отецъ тогда жилъ. Приѣзжаетъ къ нему нашъ хвастунъ. Отецъ прикидывается очень озабоченнымъ: задумчивый и нахмуренный ходитъ по комнатѣ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ гость.

— До вотъ, братецъ, пишутъ мнѣ изъ Петербурга: на достроенномъ недавно Исакиевскомъ соборѣ надпись нашли. Умно-то, очень умно написано, да что изъ этого будетъ?

— А что написано?

Двухъ царствіевъ се памятникъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ—кирпичный.

— Знаютъ, кто написалъ ¹⁾?

— Нѣтъ, не знаютъ, а должно быть—умница!

— Хочешь, я скажу тебѣ, кто сочинилъ?—говоритъ нашъ хвастунъ.

— А кто?

— Я!

— Ахъ, ты, враль! дуракъ! — перемѣнивъ тонъ, говоритъ ему отецъ.—А знаешь ли ты, что приказано сдѣлать съ авторомъ, если его найдутъ?

— Что?

— Языкъ отрѣзать и правую руку, и сослать въ Сибирь.

Хвастунъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, на мѣстѣ присѣлъ, съ нимъ сдѣлалось дурно... Отецъ принужденъ былъ стащить его къ себѣ на кровать: оттуда его еле-живого отвезли домой.

Отецъ рассказывалъ намъ также о впечатлѣніи, произведенномъ въ Москвѣ извѣстіемъ о кончинѣ Павла I.

«Ничего еще не знаю, иду я по улицѣ,—говорилъ онъ, вижу, летитъ мнѣ навстрѣчу, стоя на дрожкахъ, на всѣхъ рысяхъ, знакомый господинъ, машетъ мнѣ шапкой и кричитъ, что есть мочи:

— «Императоръ умеръ!

— «Ты съ ума сошелъ!—говорю.—Что ты кричишь!

— «Ничего! ничего! правда! правда!

«Въ домахъ, на улицахъ обнимали другъ друга съ радостными слезами».

Не то было при кончинѣ Александра I Благословеннаго. Я была тогда еще ребенкомъ, но видѣла, какъ отецъ и мать плакали съ горя, и каково было всеобщее уныніе. Не то было при кончинѣ Николая I, который оплаканъ былъ многими, ему преданными и близко

¹⁾ Настоящій авторъ этого двустишія остался неизвѣстнымъ, но былъ заподозрѣнъ одинъ господинъ, имя котораго я позабыла. Ему отрѣзали языкъ и сослали въ Сибирь, откуда онъ былъ возвращенъ при вступленіи на престолъ Александра I. Отецъ мой часто видалъ этого несчастнаго въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ. У него на шеѣ висѣла аспидная доска и грифель. На этой доскѣ онъ писалъ свои отвѣты во время разговора.

его знающими ¹⁾. Не то было при кончинѣ Александра II Освободителя: въ Москвѣ, въ домахъ, въ церквахъ, на улицахъ, плакали навзрыдъ. Не то было при кончинѣ Александра III Миротворца, оплаканнаго не только всей Россіею, но и всей Европой ²⁾. То были воистину пари народа русскаго, о которомъ говоритъ Достоевскій въ предсмертномъ «Дневникѣ» своемъ отъ 1-го января 1881 года: «Есть у него (у народа русскаго) только—Богъ и царь,—вотъ этими двумя силами и двумя великими надеждами онъ и держится».

II.

Любовь моего отца къ изысному.—Стихотворенія отца.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Д. В. Давыдовъ.—Камердинеръ отца Латуръ.—Посылка отца курьеромъ.—Императоръ Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна.—Императрица Александра Оседоровна.—Баронъ Мирбахъ.—Императоръ Николай I.

Бибиковы, изъ семьи моего отца, были всѣ бѣлокурые, съ голубыми глазами и не отличались особенной красотой. У отца моего было лицо пріятное, выражающее благородство его души, умъ и доброту, красавцемъ же его назвать было нельзя. Всѣ же Бибиковы, его семьи, были, безъ исключенія, образованы, умны, обладали тонкимъ пониманіемъ изящнаго и любовью къ искусству, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Дѣдъ мой по отцу, Петръ Петровичъ, и братъ его Александръ Петровичъ Бибиковы много путешествовали по Европѣ, откуда вывезли замѣчательныя галереи картинъ, въ числѣ которыхъ были Рембранты, Ванъ-Дейки, Рубенсы и другія произведенія знаменитыхъ мастеровъ ³⁾. Колыбель моего отца стояла въ этой галереѣ, и съ колыбели, можно сказать, развился у него вкусъ къ изысному. Онъ сталъ замѣчательнымъ знатокомъ въ картинахъ, и стоило ему одного взгляда, чтобы опредѣлить имя живописца, къ чьей кисти картина принадлежитъ. Впослѣдствіи отецъ выстроилъ въ имѣніи матери моей, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Михайловскомъ, большой, красивый домъ и въ немъ картинную галерею, гдѣ помѣщались произведенія хорошихъ мастеровъ ⁴⁾.

¹⁾ Я свидѣтельница тому, какъ свѣтлѣйшій князь Александръ Карловичъ Ливень и жена его Екатерина Никитична, рожденная Папкратьева, дочь Анны Гавриловны, сестры моей матери, оба съ горя занемогли и долго были больны.

²⁾ О томъ свидѣтельствуютъ письма, полученныя мной изъ-за границы.

³⁾ Послѣ ихъ смерти картины были распроданы. Въ 1840-хъ годахъ я видѣла нѣкоторыя изъ нихъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ деревнѣ, въ домѣ Николая Семеновича Мосолова, извѣстнаго знатока въ живописи, дѣда академика—гравера Мосолова. Между прочимъ былъ Кунигондъ Ванъ-Дейка.

⁴⁾ О селѣ Михайловскомъ и картинной галереѣ буду говорить ниже.

Кромѣ любви къ живописи, отецъ понималъ музыку, обладалъ голосомъ и отличнымъ слухомъ. Любилъ въ досужее время писать стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ. Въ «Посланіи» къ дядѣ Ильѣ Гавриловичу Бибикову ¹⁾, брату моей матери и лучшему другу моихъ родителей, исчисляя всѣ деревенскія удовольствія, онъ говоритъ:

«Иль будемъ критики писать?
Примѣромъ ихъ—романъ «Графъ Нулинъ».
Въ немъ про охоту говорятъ
Невыгодно; и тѣмъ онъ дуренъ.
Я не скажу, какъ тотъ чудакъ:
«Прости, жена! не жди къ обѣду!»
Охотникъ я, но не дуракъ:
И повторю женѣ: «Приѣду!»
Хотя и съ тощимъ животомъ.
Ты жъ сладкимъ угости столомъ».

По выходѣ въ свѣтъ этого «Посланія» отецъ сидѣлъ, по обыкновенію, вечеромъ въ англійскомъ клубѣ въ Москвѣ, игралъ въ вистъ. Подходить къ нему Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

— Иванъ Петровичъ! Неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ не нравится мой «Графъ Нулинъ?»

— Полноте,—отвѣчалъ отецъ.— Я пошутилъ: въ риему пришлось!

Много, бывало, рассказывалъ отецъ про свою военную службу: онъ былъ и за Кавказомъ, и въ турецкомъ походѣ при князѣ Кутузовѣ, и за время войны 1812 и 1813 года служилъ адъютантомъ при генералѣ Тормазовѣ. Когда въ 1813 году императоръ Александръ I посѣтилъ веймарскій дворъ, отецъ былъ въ свитѣ государя, въ Веймарѣ посѣтилъ Гёте и былъ пораженъ величественнымъ видомъ этого гениальнаго мужа. Отецъ говорилъ, какъ тогда, при этомъ германскомъ дворѣ, всѣ были любезны и внимательны къ русскимъ. Жалѣю, что я тогда же не записала рассказовъ отца, который много видѣлъ и былъ знакомъ со столькими замѣчательными личностями своего времени ²⁾. Но тогда, хотя я и слушала съ удовольствіемъ, все же молодость брала свое, увлекаая меня своими стремленіями, надеждами... жизнь кипѣла ключемъ, настоящее было такъ ярко, что прошедшее передъ нимъ блѣднѣло... Потеряннаго не воротить; то, что помню, теперь запишу.

Съ княземъ Михаиломъ Горчаковымъ, впоследствии главнокомандующимъ во время крымской кампаніи, два года жилъ отецъ на Кавказѣ въ одной палаткѣ, искренно былъ съ нимъ друженъ; вмѣ-

¹⁾ Впоследствии генералъ-губернаторъ г. Вильны.

²⁾ Когда читаю въ «Русскомъ Архивѣ» статьи, относящіяся къ той эпохѣ, то встрѣчаю все имена людей, знакомыхъ мнѣ по рассказамъ отца и матери.

стѣ раздѣляли они опасности, деньги и лишения. «Миша, Ваня» — такъ называли они другъ друга. Во время крымской кампаніи 1855 года мои оба брата были на войнѣ¹⁾. О младшемъ сынѣ, Ильѣ, отецъ долго не имѣлъ никакого извѣстія. Онъ написалъ князю Михаилу Горчакову, тогда главнокомандующему, и, вспоминая прежнюю дружбу, просилъ его розыскать сына его, Илью. Князь Горчаковъ отвѣтилъ ему тѣмъ письмомъ, что напечатано было въ журналѣ «Русская Старина».

Братъ Илья былъ розысканъ и вернулся невредимымъ по окончаніи войны.

Партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ былъ, какъ я выше сказала, племянникомъ мачихи моего отца, съ которымъ вмѣстѣ росли. Въ походахъ Д. В. Давыдовъ надоѣдалъ товарищамъ разными своими выходками.

«Въ 1812 году, — говорилъ отецъ, — усталые, измученные, мы сдѣлали привалъ. Мой La Tour²⁾, неощенный человекъ въ походахъ, тутъ же смастерилъ намъ чаю, разлилъ въ стаканы, снабдилъ трубочками, табакомъ, и мы разсѣлись на разостланныхъ по землѣ коврахъ, готовясь угоститься и отдохнуть. Откуда ни возьмись Денисъ. Подлетѣлъ, наплевалъ во всѣ наши стаканы чая и всѣ выпилъ, потому что мы, конечно, отъ нихъ отказались».

Такъ какъ я упомянула о La Tour'ѣ, то скажу о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ крѣпостнымъ человекъ моего дѣда, но былъ имъ отданъ въ пансіонъ, гдѣ и воспитывался, зналъ отлично французскій языкъ. Настоящаго имени его не помню, но былъ прозванъ «La Tour» по тогдашней модѣ все французить. «Латуръ» слѣдовало за моимъ отцомъ во всѣхъ его походахъ; ловкостью своей и находчивостью былъ ему вездѣ очень полезенъ. Но не забывалъ La Tour и своихъ выгодъ. Въ отцовскихъ выюкахъ онъ тайкомъ помѣщалъ всегда свой чай, табакъ, ромъ, сахаръ, которые продавалъ офицерамъ иногда по червонцу за фунтъ табаку или за фляжку водки. Когда отецъ женился, La Tour былъ еще при немъ камердинеромъ, но вскорѣ послѣ того отецъ далъ ему вольную и отпустилъ его. Нѣсколько лѣтъ спустя, лакей приходитъ докладывать матушкѣ, что пріѣхалъ г-нъ X. и настойчиво просить, чтобъ она къ нему вышла. Матушка выходитъ въ приемную, видитъ передъ собой очень хорошо одѣтаго, приличнаго господина среднихъ лѣтъ, который ей кланяется.

— Извините, — говоритъ матушка, — я не имѣю удовольствія васъ знать.

¹⁾ Старшій братъ мой, Александръ Ивановичъ Вибииковъ, будучи ротнымъ командиромъ, тамъ и погибъ, оставивъ вдову и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

²⁾ Латуръ — русскій, крѣпостной камердинеръ моего отца, прозванный «La Tour», потому что онъ корчилъ француза и отпуская французскія фразы.

— Софья Гавриловна, неужели вы меня не узнаете?

— Извините, не узнаю.

Незнакомецъ улыбается и, немного конфузясь, наклоняется къ матушкѣ и шепчетъ: «La Tour».

Матушка вскрикнула отъ удивленія. Да! La Tour имѣлъ уже тогда свой каменный домъ въ Москвѣ, свой экипажъ, онъ былъ женатъ, и дѣти его воспитывались въ пансіонѣ.

Въ турецкую кампанію 1808 года князь Кутузовъ отправилъ отца моего курьеромъ въ С.-Петербургъ отвезти государю Александру I Павловичу первыя отбитыя у турокъ знамена и извѣстить о первой надъ врагами побѣдѣ. Отецъ на перекладной телѣгѣ мчался изъ Турціи въ Петербургъ.

«Подъѣзжаешь къ станціи»,— рассказывалъ отецъ, — «а другая телѣжка уже запряжена, лошадей взваживаютъ. Подымутъ тебя, раба Божья, на руки, да какъ чурку на другую телѣжку переложать. Тѣла своего ужъ не чувствуешь, ноги не дѣйствуютъ.

«На одной изъ станцій ямщики что-то долго прокопались. Народъ обступилъ мою телѣжку.

— «Что это, ваше благородіе, везете?

— «Турецкія знамена, братцы. Побѣда!

«Всѣ перекрестились.

— «Вишь ты!—заговорилъ народъ.—И знамена-то у нихъ заподлинно басурманскія! Глядь—всѣ лохматыя!»

Чтобъ предохранить знамена отъ дождя и грязи, отецъ прикрылъ ихъ своей буркой. Мужики бурку приняли за знамена.

Такимъ образомъ проскакалъ отецъ нѣсколько тысячъ верстъ. Въ С.-Петербургѣ его, запыленного, забрызганнаго грязью, провели прямо въ кабинетъ государя. Государь тотчасъ повелѣлъ попросить къ себѣ императрицу Елисавету Алексѣевну. Оба они милостиво обласкали курьера, привезшаго первую радостную вѣсть съ театра войны.

— Ступай теперь, Бибиковъ, отдохни, навѣрное усталъ, — улыбаясь сказалъ Александръ I.

По словамъ всѣхъ, издавшихъ этого государя, улыбка его была очаровательна. Онъ былъ обворожительно добръ и плѣнялъ ласкающимъ выраженіемъ своего взгляда.

Отца отвели тутъ же во дворцѣ въ особенную комнату, гдѣ ему подали завтракъ, послѣ котораго онъ, умывшись, повалился на тутъ же приготовленную постель, гдѣ проспалъ цѣлыя сутки богатырскимъ сномъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1818 году отецъ и мать видѣли царственную чету въ Москвѣ на придворномъ балѣ. Государь при-

гласилъ матушку на полонезъ, а государыня подошла къ моему отцу.

— Monsieur Bibicoff,—сказала она,—veuillez aider ma mémoire. Je me souviens très bien de vous, mais j'ai oublié le nom de la victoire dont vous nous avez apporté la nouvelle. Veuillez me la rap-peler ¹⁾).

Елисавета Алексѣевна такъ же, какъ и государь, обладала даромъ привлекать сердца привѣтливымъ умомъ и ласковымъ словомъ.

Не могу не прибавить здѣсь замѣчательную черту этой милой, умной и образованной женщины, которая на престолѣ провела жизнь уединенную, незамѣченную и грустную: никогда никѣмъ не была она оцѣнена по достоинству. Государь Александръ I горячо любилъ свою мать, вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну: на балахъ, на выходахъ онъ всегда являлся рука объ руку съ матерью, а молодая супруга его шла позади ихъ ²⁾). Въ супружеской жизни она совершенно заслонена была красавицей Марьей Антоновой Нарышкиной, которая всесильна была при дворѣ.

Радости материнской любви и тѣ судьбой у нея были отняты. Дѣти ея умирали при прорѣзаніи первыхъ зубовъ. Придворный медикъ, ихъ лѣчившій, рассказывалъ моей матери объ отчаяніи императрицы Елисаветы Алексѣевны, когда явились у втораго ея ребенка тѣ же самые болѣзненные припадки, которые погубили перваго.

— Представьте себѣ мое положеніе, — говорилъ врачъ, — когда ночью, у изголовья умирающаго ребенка, мать его, императрица всероссійская, бросилась, рыдая, къ ногамъ моимъ, обнимала мои колѣна, умоляя меня спасти ея ребенка! А я видѣлъ, что вся наука моя бессильна. Всѣ дотолѣ извѣстныя средства я употребилъ, рылся въ книгахъ, рѣшался даже прорѣзать десна малютки, чтобъ ускорить появленіе зуба, и все—напрасно! Не говорю уже о той славѣ, которую стяжалъ бы, спасая царскаго ребенка, но, ради невыразимаго отчаянія этой, рыдающей у ногъ моихъ, женщины, я готовъ былъ на все. И ничего не помогло — погибли эти дѣти, которыя были бы ей единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни.

Елисавета Алексѣевна, пріѣхавъ въ Москву, послѣ разгрома 1812 года, была принята съ восторгомъ и народомъ и обществомъ. Даны были три бала для царя. Желая примѣромъ своимъ обуздать ту роскошь, которая подѣ влияніемъ запада начинала вкрадываться въ русскіе нравы, императрица на всѣ три бала являлась въ одномъ и томъ же платьѣ ³⁾). Танцевала одни полонезы ⁴⁾).

¹⁾ Г-нъ Бибииковъ, будьте такъ добры, помогите моей памяти. Васъ я очень хорошо помню, но забыла ту побѣду, вѣсть о которой вы намъ привезли. Прошу васъ, напомните мнѣ о ней».

²⁾ Слышала отъ очевидцевъ.

³⁾ Рассказъ очевидцевъ.

⁴⁾ Полонезъ состоитъ изъ прогулки тихимъ шагомъ подѣ музыку, дама подѣ руку съ кавалеромъ.

Не могу умолчать о той разницѣ въ обращеніи, которая во время оно поразила въ юной императрицѣ, супругѣ Николая I Павловича. Во время его коронаціи, красивая и граціозная молодая царица, на балахъ танцевала всѣ легкіе танцы, вальсируя безъ усталости. Кавалерами государыня избирала себѣ не знатныхъ и заслуженныхъ придворныхъ сановниковъ, какъ бывало прежде, не образованныхъ, а ловкихъ, хорошо танцующихъ гвардейскихъ офицеровъ. Однимъ изъ привилегированныхъ былъ Мирбахъ.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, записавъ свое знакомство съ Мирбахомъ: оно вполне характеризуетъ уровень образованія этого флигель-адъютанта.

Это было въ сороковыхъ годахъ, когда разрѣшили, наконецъ, хотя съ обрѣзками, но все же давать на московской сценѣ давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое представленіе безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». До тѣхъ поръ это классическое произведеніе ходило по рукамъ въ рукописи и, конечно, всѣ знали его наизусть.

Какъ только объявлено было, что даютъ въ маломъ театрѣ «Горе отъ ума», мужъ мой немедля взялъ ложу. Наглядѣться не могли мы на незабвеннаго Михаила Семеновича Щепкина въ роли Фамусова, да и вся труппа тогда была безукоризненна.

Сидимъ мы, т. е. сестра моя, мужъ и я, въ ложѣ, еле дышимъ, чтобъ не пропустить словечка. Вдругъ входитъ къ намъ братъ мой старшій, Александръ, а за нимъ два незнакомыхъ намъ военныхъ: одинъ изъ нихъ генералъ, другой—флигель-адъютантъ.

— Сестра, — говоритъ мнѣ Александръ, — позволь мнѣ представить тебѣ генерала *** (имя позабыла) и флигель-адъютанта Мирбаха. Прощу тебя, позволь этимъ господамъ помѣститься въ твоей ложѣ. Они сейчасъ только пріѣхали изъ Петербурга и ни одного мѣста не нашли, даже въ райкѣ.

Театръ дѣйствительно былъ переполненъ.

— Очень рады.

Усѣлись. Послѣ перваго дѣйствія Мирбахъ обращается ко мнѣ.

— *Comme c'est joli!* Кто это написалъ? ¹⁾

Я остолбенѣла.

Отступленіе завлекло меня слишкомъ далеко. Возвращаюсь къ отцу.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, отецъ, по неотступной просьбѣ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, съ которымъ тогда былъ друженъ, бросилъ свою покойную, сельскую жизнь и вновь поступилъ на службу. Въ чемъ она заключалась, подробно сказать не могу. Отецъ жилъ въ Мо-

¹⁾ Какъ это мило.

сквѣ, носилъ военный полковничій мундиръ и безпрестанно ѣздилъ на ревизіи то въ Одессу, то въ Крымъ, то на Нижегородскую ярмарку и проч. Когда Николай I дѣлалъ маневры войскамъ близъ г. Вязьмы, отецъ былъ временно туда откомандированъ ¹⁾).

Осталось въ моей памяти то, что отецъ, въ разговорѣ съ ма-тушкой, всегда хвалилъ молодого царя.

«Онъ любитъ Россію», говорилъ отецъ, «онъ желаетъ всей душою способствовать ея благоденствію; всѣми силами старается водворить въ ней порядокъ, искоренить злоупотребленія. Вино-вать ли онъ, если, желая всему положить прочный фундаментъ, требуетъ—гранита, а ему подають—гнилой кирпичъ?»

Отъ отца же я слышала, что Николай I съ первыхъ шаговъ сталъ заботиться объ уменьшеніи тратъ на свою собственную лич-ность, сталъ пересматривать дворцовый бюджетъ, входилъ во все, до самыхъ мелочей. Говорять, онъ вознегодовалъ, увидавъ, что ассигновано было сто рублей въ день на благовонное куреніе во дворцѣ. Тутъ же зачеркнулъ эту цифру и на мѣсто назначилъ — сто рублей на мѣсяцъ. На ежедневный, семейный обѣдъ государя выдавалось по полуторы тысячи рублей въ день (ассигна-ціями). Николай I повелѣлъ выдавать только по двадцати пяти рублей на день, и т. д. въ этомъ же родѣ.

Императрицу государь любилъ искренно, и она ему платила тою же самоотверженною привязанностью. Онъ уважалъ ее и за-ставилъ ее занимать при дворѣ то высшее мѣсто, которое и слѣ-довало ей занять. Все при дворѣ измѣнилось. Когда государь при-сутствовалъ при парадахъ или гдѣ либо по обязанности своего сана, то по окончаніи того, что считалъ какъ бы своей службой, онъ слѣшилъ всегда назадъ во дворецъ, говоря своимъ прибли-женнымъ:

— Моя баба меня ждетъ, слѣшу домой.

Слѣдую примѣру царя, царедворцы стали щеголять своею вѣр-ностью семейнымъ узамъ точно такъ же, какъ бывало щеголяли со-вершенно противоположнымъ.

¹⁾ О путешествіи въ Нижній Новгородъ и о пребываніи въ Вязьмѣ говорю ниже въ главѣ: «Моя мать».

III.

Выходъ отца въ отставку.— Охота отца.— Походъ охоты отца на Кавказъ и въ Киргизскія степи.— Массонство.— Французъ Картри.— Массонскія перчатки.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ, отецъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, хотя вернулось ему здоровье, но онъ уже предпочелъ жить покойной помѣщичьей жизнью. Онъ страстно любилъ охоту во всѣхъ ея видахъ. Неумоимо ходилъ онъ съ ружьемъ по болотамъ, приносилъ иногда по сто паръ разной дичи, прохотивъ за ней не болѣе одного дня. Въ Рязанской губерніи тогда мѣста были привольныя, болотъ еще не осушали: дупели, бекасы, кулики и прочая болотная птица вспархивали чуть не на каждомъ шагу. И псовая охота могла вестись на просторѣ; осенью отецъ предавался ей въ широкихъ размѣрахъ.

Сборъ на псовую охоту представлялъ живописное зрѣлище. Стая отборныхъ гончихъ, при нихъ два или три доѣзжачихъ, десять своръ борзыхъ собакъ различныхъ породъ; тутъ были и густопсовыя, и чисто псовыя, англійскія, брудастыя, куцыя, волкодавы огромнаго роста; при нихъ десять псарей и стреманныхъ въ красныхъ курткахъ и шапкахъ, на сѣрыхъ, казацкихъ или степныхъ скакунахъ. Звукъ роговъ, лай собакъ, красивые кони, вообще оживленіе упоительно дѣйствовали на бывшего война, который, какъ полководецъ, управлялъ подвластнымъ ему войскомъ и велъ его на враговъ—степныхъ звѣрей. По четыре матерыхъ волка, по тринадцать лисицъ привозилъ отецъ, поохотившись одно только утро. Какъ устоять противъ такого соблазна?

Не могу здѣсь, говоря объ охотѣ, не забѣжать на много лѣтъ впередъ и не рассказать, единственнаго, вѣроятно, въ лѣтописи помѣщичьей охоты, похода моего отца съ своей рязанской стаей по равнинамъ киргизскихъ степей.

Въ 1845 году, отецъ поѣхалъ на Кавказъ въ Пятигорскъ съ княземъ Дмитріемъ Николаевичемъ Оболенскимъ, первымъ мужемъ моей сестры, которому предписано было лѣченіе водами. Когда курсъ лѣченія кончился, въ августѣ мѣсяцѣ, князь Д. Н. Оболенскій возвратился въ Москву; отецъ мой написалъ матушкѣ, чтобъ она выслала ему въ Пятигорскъ часть его псовой охоты, которую ей назначилъ.

Такъ и сдѣлали. Снарядили на Кавказъ двухъ своихъ дворовыхъ людей: кучера, онъ же и охотникъ, Илью Васильева, стреманнаго Василя Пахомова ¹⁾ и двухъ наемныхъ охотниковъ, доѣз-

¹⁾ Онъ въ 1883 году спокойно доживалъ свой вѣкъ въ имѣніи и усадьбѣ сына моего Дмитрія Раевского и на полномъ его содержаніи.

жачаго ¹⁾ Федора Матвѣева и стремленного ²⁾ Михайла Андреева. Они поѣхали верхами на своихъ охотничьихъ лошадахъ; съ ними шла отборная стая гончихъ и нѣсколько своръ борзыхъ ³⁾ собакъ. При нихъ шла тройкой фура съ овсомъ для лошадей, овсяной мукой для собакъ, крупой и прочей провизіей для людей: взяли съ собой и ружей, пороха и дроби. Кучеру Ильѣ Васильеву, какъ трезвому и честному, матушка вручила на дорогу четыреста рублей ассигнаціями. Шли они большими дорогами ⁴⁾, дѣлали привалъ въ чистомъ полѣ, вдали отъ деревень, около какого нибудь лѣсочка, путали и пускали на траву лошадей, а сами варили себѣ въ котелкѣ кашу, куда для навара клали дичь, что стрѣляли въ степи, а собакамъ варили овсянку. Такъ дошли они изъ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, вплоть до Кавказа, куда прибыли въ концѣ сентября. Привели лошадей и собакъ въ отличномъ видѣ, а Илья Васильевъ вручилъ отцу моему сдачу съ полученныхъ имъ дорожныхъ денегъ. Такихъ людей теперь ужъ нѣтъ!

Изъ Пятигорска отецъ съ охотой своей пошелъ въ Киргизскія степи, гдѣ травилъ медвѣдей, кабановъ, стрѣлялъ дикихъ лебедей, фазановъ, которыми питался, ночуя на чистомъ воздухѣ или въ калмыцкихъ кибиткахъ. Тамъ охотники наши привыкли къ кирпичному чаю, который имъ очень нравился. Они его варили въ котелкѣ съ перцемъ, солью и молокомъ. Вернувшись домой уже въ концѣ декабря мѣсяца, они состряпали этотъ напитокъ и меня имъ потчевали, но я ни единого глотка его не могла проглотить: такимъ онъ мнѣ показался отвратительнымъ.

Отецъ привезъ съ собой много битыхъ и живыхъ фазановъ. Битыми мы лакомились всю зиму, живые прожили у насъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Много разсказовъ привезли путешественники наши изъ Киргизскихъ степей. Въ 1884 году, дѣти мои зазвуютъ, бывало, къ себѣ семидесятилѣтняго Пахомыча, угостятъ его водкой; онъ оживетъ и съ жестами и возгласами начнетъ описывать имъ, какъ съ батюшкой Иваномъ Петровичемъ онъ на охоту ѣздилъ, какъ на Кавказѣ медвѣдя зарѣзалъ и проч. и проч.

¹⁾ Доѣзжачимъ зовутъ охотника, ѣздящаго подъ гончими, т. е. управляющаго стаей гончихъ собакъ.

²⁾ Который при стремени у барина, ведетъ его свору собакъ борзыхъ.

³⁾ Сворой называютъ 2-хъ собакъ, которыхъ придерживаютъ на длинномъ ремнѣ, и спускаютъ при встрѣчѣ со звѣремъ.

⁴⁾ На большихъ степныхъ дорогахъ (конечно, не шоссевыхъ) растетъ трава въ изобиліи до сихъ поръ (1896 г.). Желѣзныхъ дорогъ на югѣ, конечно, тогда еще не было.

Отецъ мой, какъ большая часть образованныхъ людей своего времени, принадлежалъ къ массонству. Онъ былъ мейстеромъ, или мастеромъ, въ одной изъ московскихъ ложъ. Гроссмейстеромъ былъ тогда старикъ-негоціантъ Розенштраухъ, къ высококачественной и почетной личности котораго всѣ питали глубочайшее уваженіе. Я его видала не разъ, когда съ отцемъ посѣщала его роскошный магазинъ золотыхъ и бронзовыхъ вещей, который въ 30-хъ годахъ считался лучшимъ во всей Москвѣ: онъ помѣщался на углу Кузнецкаго моста и Рождественки, напротивъ бывшихъ клиникъ, на правой рукѣ, идя вверхъ по Кузнецкому мосту.

У отца хранился какой-то массонскій орденъ или знакъ—бронзовый треугольникъ на зеленой, муаровой лентѣ, съ узенькой, кажется, бѣлой каймой; онъ надѣвался на шею. Потомъ опоясывали что-то въ родѣ фартука и держали въ рукахъ обнаженную шпагу. Отецъ писалъ рѣчи, которыя читалъ въ своей ложѣ: эти рѣчи были на французскомъ языкѣ; намъ онъ ихъ никогда не читалъ и не говорилъ о томъ, что въ ложѣ происходило.

Въ 1850 году, пріѣхалъ къ намъ со своими воспитанниками, дѣтьми Мясоѣдовыми, гостить въ село наше, Никитское, старикъ французъ, *monsieur Cartry* (г. Картри). Я тогда давно уже была замужемъ, семейство наше было большое, обѣденный столъ часто накрывался на 30 приборовъ въ большой залѣ, а ужъ не въ обыкновенной столовой. Обѣдали у насъ въ тотъ день отецъ и мать мои. Отецъ, какъ всегда, занималъ почетное мѣсто, у главы стола, матушка сидѣла возлѣ него по правую руку, а я—налѣво. Возлѣ меня не помню кто, а дальше г. Картри—французъ. Онъ налилъ себѣ стаканъ краснаго вина. Отецъ сдѣлалъ неуловимый жестъ рукой, выпилъ также вина и сказалъ г. Картри:

— *Chargez votre canon de poudre rouge*¹⁾.

— *Frère*²⁾!—сказалъ Картри.

— *Frère!*—отвѣтилъ отецъ и засмѣялся.

Два брата-массона по условленному знаку узнали другъ друга. Но по какому знаку познали они другъ друга братьями, того не хотѣли намъ открыть: то была тайна ордена, и они клялись свято ее хранить.

Матушка мнѣ рассказывала, что отецъ принесъ ей однажды изъ ложи пару бѣлыхъ перчатокъ. Она этимъ подаркомъ была очень тронута и сохранила эти перчатки, какъ святыню. Одна же изъ ея подругъ, получивъ отъ мужа такія же перчатки, ужасно разсердилась, разорвала ихъ, растоптала ногами, расплакалась и осыпала мужа упреками, увѣряя, что онъ привезъ ей перчатки своей любовницы. Произошла тяжелая сцена. Мужъ не могъ, по данному

¹⁾ Зарядите вашу пушку краснымъ порохомъ.

²⁾ Братъ!

въ массонствѣ обѣту, растолковать женѣ, насколько она ошибалась; онъ огорчился, оскорбился, и съ этихъ поръ пошли размолвки въ супружествѣ.

Теперь извѣстно, что массонъ приносилъ эти бѣлыя перчатки въ даръ той женщинѣ, которую болѣе всѣхъ прочихъ уважалъ.

IV.

Родные моей матери.— А. И. Бибииковъ.— Посѣщеніе его императрицей Екатериной II.— Село Барцовка.— Семейная легенда.— Коичина А. И. Бибиикова.— Милости императрицы.— Стихи въ его память.— А. И. Рибопьеръ.— Княгиня Н. И. Голицына.— Г. И. Бибииковъ.— Бабушка Е. А. Бибиикова.— Дядя и тетки.— Воспитаніе матери.— Театръ въ Гребневѣ.— Образъ жизни того времени.— Графъ А. Г. Орловъ.— Его обращеніе съ дочерью.— Манимаска.— Огаревъ.— Скрипачъ Потапъ.— М. М. Муромцевъ.

Семья Бибииковыхъ, къ которой принадлежала моя мать, не походила во многомъ на семью моего отца, хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій. Были въ этой семьѣ знаменитые полководцы и не менѣе извѣстные гражданскіе дѣятели ¹⁾, люди, отличающіеся умомъ и образованіемъ, но чувство изящнаго, любовь къ искусству, способности къ художеству были имъ чужды: исключеніе было рѣдко. Ни одного живописца, ни музыканта, даже почти ни одного любителя этихъ искусствъ между ними не было. За то вся семья была одарена природою замѣчательно красивой наружностью. «Les beaux yeux noirs des Bibicoffs» ²⁾ вошли въ пословицу во время оного. Не разъ слышала я это отъ стариковъ, знавшихъ мою матушку, тѣтушекъ и дядей.

Имя старшаго брата моего дѣда, Гавріила Ильича Бибиикова, Александра Ильича, принадлежитъ исторіи, какъ одного изъ орловъ царствованія императрицы Екатерины II.

Воинскія дарованія его въ войнѣ съ Пруссіей пріобрѣли ему уваженіе и вѣтъ отечества. Фридрихъ Великій, король прусскій, писалъ ему, что желаетъ съ нимъ познакомиться и приглашаетъ въ свой лагерь при Мариенвердерѣ; но Александръ Ильичъ отклонился отъ сего предложенія тѣмъ, что занятія его не позволяли ему отлучиться. Въ отвѣтъ король къ нему писалъ отъ 14-го іюня 1772 г. съ большей благосклонностью ³⁾, «что генераль, жертвующій удовольствіями долгу службы, пріобрѣтаетъ полное его уваженіе».

Александръ Ильичъ былъ въ дружеской перепискѣ со знатнѣй-

¹⁾ О нихъ буду говорить ниже.

²⁾ «Прекрасные черные глаза Бибииковыхъ».

³⁾ «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибиикова». Изданіе 1817 г., стр. 187. «Письмо Фридриха».

шими людьми своего времени ¹⁾, какъ-то: съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, съ Суворовымъ, съ графомъ П. А. Румянцовымъ; отъ наслѣдника Павла Петровича получилъ два дружескихъ письма, гдѣ онъ называетъ его «любезный другъ» и подписывается: «навсегда вашъ вѣрный другъ Павелъ» ²⁾.

А отъ Екатерины Великой удостоился имѣть много собственноручныхъ писемъ, не считая милостивыхъ ея рескриптовъ ³⁾.

17 мая 1767 года, Александръ Ильичъ удостоился посѣщенія самой императрицы Екатерины II, которая въ сопровожденіи блестящей свиты, возвращаясь изъ Казани по Волгѣ на галерахъ, прѣѣхала въ село Барцовку, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, принадлежащее князьямъ Козловскимъ, на дочери которыхъ женатъ былъ Александръ Ильичъ Бибииковъ. Это богатое село лежитъ на высококомъ берегу Волги. Усадьба была великолѣпная: окружали ее цвѣтники и сады фруктовые; домъ былъ большой, каменный, съ него открывался чудный видъ на широкую Волгу, на дремучіе лѣса и необъятныя поля, простирающіяся до дальняго горизонта. Церковь была деревянная, оштукатуренная.

Государыня изволила остановиться противъ церкви села Барцовки, у пристани, покрытой краснымъ сукномъ, которое лежало по всей горѣ до самой церкви. Мѣстные крестьяне, съ своими помѣщиками князьями Козловскими и Бибииковыми, вышли встрѣтить ея величество на берегъ, а духовенство ожидало въ церкви села Барцовки. Государыня, поднявшись въ гору, вошла въ деревянную церковь, гдѣ было отслужено молебствіе, за которымъ Александръ Ильичъ Бибииковъ читалъ Апостола.

Послѣ службы, ея величество любовалась Волгой, сидя подъ деревомъ близъ церкви. Къ сожалѣнію, это дерево было впоследствии срублено. Въ этой церкви князья Козловскіе прибили къ правому клиросу мѣдную доску съ вырѣзанной на ней слѣдующей надписью:

«17-го мая 1767 года здѣсь стояла императрица Екатерина II; а генераль Александръ Ильичъ Бибииковъ во время молебствія читалъ Апостола».

Эти подробности я слыхала не разъ отъ матери моей, Софьи Гавриловны Бибииковой, родной племянницы Александра Ильича, а подтвердилъ мнѣ ихъ зять мой, баронъ Владимиръ Михайловичъ Менгенъ ⁴⁾, который въ молодости (въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія) часто бывалъ въ селѣ Барцовкѣ и читалъ въ церкви эту надпись.

¹⁾ Тѣ же «Записки», гдѣ помѣщены ихъ письма.

²⁾ См. «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибиикова», изданіе 1817 года, стр. 189. Приложенія, гдѣ напечатаны эти 2 письма.

³⁾ Тѣ же «Записки», стр. 147 и многія другія; всѣ письма напечатаны.

⁴⁾ Въ 1897 году дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ государственнаго совѣта.

Бабушка моего зятя, барона Менгдена, была княжна Козловская, сестра жены Александра Ильича Бибикова. Село Барцовка лежитъ въ 20-ти верстахъ отъ имѣнія отца моего зятя, покойнаго генераль-майора Михаила Александровича фонъ-Менгдена. Всѣ Менгдены часто посѣщали князей Козловскихъ, съ которыми были близко знакомы и по родству дружны.

Въ 1840 году, старая деревянная церковь развалилась: разобранный изъ нея лѣсъ пошелъ на обжиганіе кирпича, изъ котораго сложили каменный храмъ на другомъ концѣ села, а на мѣстѣ ея поставили часовню, которая сохранилась до сего времени.

Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи не дорожатъ историческими памятниками старины. Мѣдная доска съ надписью пропала съ тѣхъ поръ, какъ село Барцовка перешло изъ владѣнія прежнихъ коренныхъ помѣщиковъ князей Козловскихъ въ разныя руки. Осталась только въ народѣ между старожилами легенда, перешедшая отъ пра-дѣдовъ къ правнукамъ. Изъ нея выписываю слѣдующія подробности ¹⁾.

«Во время отдыха государыни подъ деревомъ представлены были ея величеству два мальчика, шестилѣтній князь Козловскій и трехлѣтній Саша Бибиковъ ²⁾, котораго крестьяне очень любили. Государыня обратилась къ нимъ со слѣдующими милостивыми словами:

— «Что? ждали моего приѣзда?»

«Маленькій Бибиковъ бойко отвѣтилъ:

— «Да, матушка царица! ждали, какъ краснаго солнышка!

«Князь же Козловскій такъ переконфузился, что ничего не могъ сказать и только ревѣлъ на всю улицу.

«Государыня тутъ же взяла Сашу Бибикова на руки, посадила къ себѣ на колѣни и пожаловала его въ подпрапорщики лейб-гвардіи Измайловскаго полка.

«Потомъ благоволила откушать у князей Козловскихъ ³⁾.

«По поводу приѣзда Екатерины II была въ народѣ сложена пѣсня, въ которой, между прочимъ, упоминалось о маленькихъ мальчикахъ «Бибиковѣ и Козловскомъ»; въ ней перваго восхваляли, а послѣдняго осмѣивали. Пѣсня эта въ настоящее время забыта».

Александръ Ильичъ родился 30-го мая 1723 года, скончался 9-го апрѣля 1774 года, на сорокъ пятому году отъ рожденія въ бѣдной татарской деревнѣ Бугульмѣ (нынѣ уѣздный городъ Самарской губерніи). Свели его въ могилу непосильные труды, истощившіе душевныя и тѣлесныя его силы, и пренебреженіе здоровьемъ по ревности къ исполненію великаго своего служенія при избавленіи оте-

¹⁾ Этими подробностями и слѣдующей легендой обязана я любезности государственнаго секретаря, г. Плева, который, будучи въ Костромской губерніи, приказалъ въ Барцовкѣ собрать всѣ эти свѣдѣнія и доставить ихъ мнѣ въ 1896 году.

²⁾ Второй сынъ Александра Ильича Бибикова, впоследствии сенаторъ.

³⁾ Эти подробности частью изложены и въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Б.», стр. 76.

чества отъ угрожающей ему опасности. Онъ, будучи генералъ-аншефомъ, предводительствовалъ тогда войскомъ противъ Пугачева, которому онъ первый далъ отпоръ, когда злодѣй самозванецъ уже укрѣпился и завладѣлъ многими городами, въ томъ числѣ Оренбургомъ и Самарой, которые Бибикову удалось освободить¹⁾.

На службѣ, по безкорыстію, честности и великодушію въ отношеніи къ нуждающимся, Александръ Ильичъ не только ничего не приобрѣлъ, но, при всей своей скромной жизни, истратилъ и свое достояніе и часть женинаго имѣнія. Послѣднія же предъ кончиною слова его достойны были добродѣтельнаго теченія его жизни. Когда предстоящіе при смертномъ одрѣ напоминали ему о женѣ и о дѣтяхъ, коихъ онъ оставлялъ въ недостаткѣ, онъ отвѣчалъ:

— «Милосердая государыня, конечно, ихъ призритъ; но болѣе жалѣю и стражду, оставляя въ бѣдствіи отечество».

Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича, удостоила его слезъ своихъ и щедрою рукою изліяла благодаренія на оставшуюся неутѣпную семью. Пожаловала супругѣ и дѣтямъ 2.500 душъ въ Бѣлоруссіи, старшаго сына Павла произвела въ полковники и въ свои флигель-адъютанты, второго, десятилѣтняго, въ офицеры гвардіи, а дочь въ фрейлины. Императрица, недовольствуясь сими милостями, повелѣла спросить у вдовы покойнаго, чего бы она особенно для себя желала, но достойная супруга Александра Ильича просила только воззрѣть на состояніе одного родственника ея мужа, съ отличіемъ служившаго подъ его начальствомъ. Екатерина пожаловала ему 500 душъ²⁾.

Александра Ильича воспѣвали современные поэты и при жизни его и послѣ его кончины, какъ-то:

«Съ простымъ ты былъ простой,
Мудрецъ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
Любезный другъ съ друзьями».

Другъ его Н. В. Леонтьевъ, по кончинѣ его, написалъ слѣдующее стихотвореніе:

«Онъ былъ искусный вождь въ браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣнно:
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ».

¹⁾ Тѣ же «Записки», стр. 310 и 317.

²⁾ «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», изданіе 1817 г., стр. 321.

Дочь Александра Ильича была замужемъ за Рибопьеромъ. Извѣстенъ анекдотъ о сынѣ ея: мальчику было пять лѣтъ, когда императрица Екатерина II, услыша о красотѣ и умѣ внука Александра Ильича, пожелала его видѣть.

Его привели къ ней, и она имъ очень любовалась, даже на прощанье подарила ему свой портретъ.

Уѣзжая въ четырехмѣстной каретѣ, мальчикъ поставилъ портретъ государыни на почетное мѣсто, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку.

Впоследствии онъ избралъ дипломатическую карьеру и былъ нашимъ посломъ при прусскомъ дворѣ.

Будучи ребенкомъ, я видала у насъ Рибопьера, графа Александра Ивановича Остермана-Толстого и всѣхъ родныхъ, внуковъ и внучекъ князя Михаила Иларіоновича Кутузова. Родители мои со всѣми ими были въ дружескихъ отношеніяхъ.

Рибопьеръ былъ средняго роста и очень хорошъ собой; волоса его тогда были совсѣмъ бѣлые, но лицо свѣжее, брови черныя такъ же, какъ и большіе блестящіе глаза, Бибиковскіе.

Графъ А. И. Остерманъ-Толстой былъ очень высокаго и стройнаго роста, волоса его были черныя, а большіе черныя глаза смотрѣли сурово изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Онъ рѣдко пріѣзжалъ въ Россію и подъ старость больше жилъ за границей, гдѣ и скончался.

Съ сестрой его, княгиней Натальей Ивановной Голицыной, мы видались очень часто; она была нашей сосѣдкой въ деревнѣ, а въ Москвѣ держала открытый домъ, очень пріятный, который я часто посѣщала.

Сама княгиня Наталья Ивановна по вечерамъ играла въ кабинетѣ своемъ въ карты со своими сверстницами, а нами, молодежью, распоряжалась ея племянница и воспитанница, княжна Дарья Андреевна Ухтомская. Тутъ собиралось все избранное московское общество; иногда танцовали, а болѣе занимались музыкой. Туда приглашались первоклассные артисты, какъ, на примѣръ, пьянистъ Тальбергъ. Тутъ Теофилъ Толстой пѣвалъ одинъ или дуэтомъ съ двоюродной сестрой, Д. А. Ухтомской, свои прелестныя романсы. Пѣвали и родственница ихъ Чернышева и красавица г-жа Киреева, рожденная Алябьева. Словомъ вечера эти были самыя пріятныя въ Москвѣ; домъ княгини Н. И. Голицыной былъ открытъ ежедневно: она принимала радушно, и это удваивало удовольствіе ея посѣтителей.

Послѣ кончины княгини Голицыной, княжна Д. А. Ухтомская вышла замужъ за ея сына Валеріана, и они поселились въ нашемъ сосѣдствѣ, въ селѣ Архангельскомъ, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, и наши семьи подружились.

Дѣдъ мой, отецъ моей матери, меньшей братъ Александра Ильича, Гавріиль Ильичъ Бибииковъ, генераль времени Екатерины II, былъ писанный красавецъ-брюнетъ. Жена его, моя бабушка Екатерина Александровна, рожденная Чебышева, была извѣстная въ Москвѣ красавица, черноволосяя, высокаго роста; она и въ старости поражала величественнымъ видомъ и остатками прежней красоты.

Дѣдушки я не знавала: онъ скончался въ 1802 году, задолго до моего рожденія, но бабушка—какъ теперь передо мной съ накинутой на плечахъ бѣлой, турецкой шалью: такъ сидѣла она въ своемъ кабинетѣ, стѣны котораго были изъ блага мрамора. Къ нему вела безконечная анфилада залъ и гостиныхъ. Бальная же зала была въ сторонѣ по лѣвую руку отъ парадной лѣстницы: она была громадная, въ два свѣта и, когда я знавала бабушку, эта зала была всегда заперта. Намъ, дѣтямъ, по напей просьбѣ, ее одинъ разъ отперли и показали; она также была бѣлая, мраморная.

Домъ бабушкинъ каменный, съ нижнимъ этажемъ подъ сводами, съ мезониномъ и антресолями, былъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ: окна фасада и балконъ съ колоннами были обращены на улицу; передъ домомъ простирался большой мощный дворъ, отгороженный отъ улицы высокой, желѣзной рѣшеткой; въ серединѣ ея—такія же ворота. По обѣимъ сторонамъ двора—два двухъэтажные каменные флигеля. Съ противоположной стороны опять огромный дворъ и цѣлый кварталъ службъ, флигелей, конюшенъ, сараевъ и проч. выходящихъ во весь переулокъ, кажется, Штатный, а задѣми на Остоженку. Кромѣ того, по ту сторону переулка принадлежалъ ей двухъэтажный домъ, гдѣ мы съ матерью и отцемъ прожили одну зиму и весну: тамъ родился мой братъ, Илья, котораго крестила бабушка, а мнѣ съ братомъ Александромъ позволили тутъ же быть воспріемниками. Мнѣ было шесть лѣтъ, Александру пять: идя за бабушкой съ зажженными свѣчами, мы подожгли ея турецкую шаль.

Послѣ смерти бабушки, дяди мои, служившіе всѣ въ Петербургѣ, дома эти продали. Одно время ими владѣла баронесса Розень¹⁾.

Говорять, бабушка очень любила и уважала моего отца, и что по этому случаю я была ея любимицей. До сихъ поръ у меня хранится письмецо, ею мнѣ написанное, а писать письма она была не охотница. Но ласки отъ бабушки мы, внуки и внучки, никогда не видали. Признаться, мы бабушки не любили, но уважали и боялись ея. Кажется, то же чувство внушала она и дѣтямъ своимъ. У нея ихъ было двѣнадцать взрослыхъ: пять сыновей и семь дочерей, всѣ семейныя, кромѣ меньшаго сына Александра. Тѣ же изъ нихъ, которые помнили отца, особенно матушка, Софья Гавриловна, гово-

¹⁾ Она купила эти дома за 40,000 ассигнаціями, а дочь ея Аладина перепродала ихъ за 110,000 р. сер. кн. Голицыной; теперь этотъ домъ отданъ въ наймы подъ гимназію.

рили о немъ съ большой любовью. Всѣхъ же дѣтей у бабушки было семнадцать.

Бабушка изъ всѣхъ дѣтей своихъ болѣе любила старшаго сына Павла и старшую дочь Екатерину ¹⁾, но болѣе всего на свѣтѣ любила бабушка мужа своего, которому сохранила вѣрность незапятнанную, хотя и осталась, послѣ его смерти, молодой красивой вдовой. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія это было рѣдкимъ явленіемъ.

Матушка мнѣ рассказала, что однажды отецъ ея опасно занемогъ. Бабушка собрала всѣхъ двѣнадцать дѣтей своихъ, велѣла имъ стать на колѣни, сама пала съ ними ницъ передъ образами и со слезами громко молила Бога, чтобъ Онъ взялъ у нея всѣхъ дѣтей до единого, а сохранилъ ей мужа. Дѣдушка выздоровѣлъ.

Бабушка однажды показала намъ въ кюветѣ своемъ образъ Божіей Матери, весь вышитый жемчугомъ, и рассказала, что прапрабабушка ея, будучи еще дѣвушкой, была въ числѣ тѣхъ благородныхъ дѣвицъ, которыхъ повезли во дворецъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, чтобъ изъ нихъ онъ избралъ себѣ невѣсту. Прапрабабушка была тогда обрученной невѣстой и горячо любила своего жениха. Ослушаться царскаго указа было невысказанно. Прапрабабушку повезли на смотръ, но она дала обѣтъ, что, если царь не выберетъ ея, то она, изъ собственнаго рукодѣля, вымѣнитъ образъ Божіей Матери и украситъ ризу его жемчугомъ. Известно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ избралъ въ супруги бѣдную, дворянскаго рода дѣвицу незнатной фамиліи. Прапрабабушка вышла за любимаго ею жениха и въ точности исполнила свой обѣтъ. Вымѣненный ею образъ по наслѣдству достался моей бабушкѣ.

По воскресеньямъ, всѣ дѣти, бывшія въ Москвѣ, внуки и внучки собирались къ бабушкѣ въ Пречистенскій домъ. Подходили мы къ ручкѣ бабушки, а потомъ спѣшили въ огромныя залы побѣгать и поиграть подальше отъ нея. Не только боялись мы бабушки, но трепетали даже передъ ея старой горничной и экономкой, Аксиной Яковлевной, которая, въ высокомъ бѣломъ чепцѣ, съ очками на носу, была не менѣе важна и горда самой бабушки.

И матушка, и тѣтушки, и дяди были чернобровые красавицы и красавицы. Особенная отличительная черта ихъ была—большіе, чудные, черные глаза. Говорятъ, что въ Москвѣ, на счетъ бабушкиныхъ дѣтей, сложена была пѣсня, начинающаяся

«Кто хочетъ съ ума сойти,
Тотъ по Пречистенкѣ пройди» и т. д.

¹⁾ Екатерина Гавриловна 16-ти лѣтъ вышла замужъ за А. Арсеньева, который былъ старше ея на 20 лѣтъ. Она была красавица во всемъ смыслѣ слова. Съ мужемъ была очень несчастлива и скончалась лѣтъ 30-ти не болѣе.

Старики, какъ князь Петръ Петровичъ Оболенскій, Михаилъ Федоровичъ Орловъ и другіе, въ тридцатыхъ годахъ съ восторгомъ мнѣ говорили о красотѣ моей матери и ея сестеръ. Одна только, меньшая изъ всѣхъ сестеръ, Александра Гавриловна, по мужу Рóславлева, была мала ростомъ и, несмотря на большіе черные глаза, некрасива собой; но эту тѣтку мы обожали, до того она была добра, весела, остроумна и ласкова къ намъ, дѣтямъ. Сестра ея старшая, Анна Гавриловна Панкратьева, молодая скончалась, оставивъ четырехъ сиротъ. Александра Гавриловна, ходившая за сестрой во время ея болѣзни и присутствовавшая при ея смерти, взяла на свое попеченіе всѣхъ четырехъ ея дѣтей, двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, пеклась о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, обожала ихъ до страсти, а они любили ее, какъ родную мать.

Тѣтушка Александра Гавриловна была замужемъ за вдовцемъ, у котораго были двѣ дочери: Марья ¹⁾ 17 лѣтъ и Софья 13 лѣтъ ²⁾. Своихъ дѣтей у тѣтушки не было. Съ падчерицами ей было много хлопотъ, особенно съ Марьей, которая была очень своевольна.

Говоря о тѣтушкѣ Александрѣ Гавриловнѣ, не могу умолчать о большой странности, хорошо извѣстной всей ея семьѣ. Какъ ни смѣшно въ нашъ вѣкъ объ этомъ говорить, но она замѣчательно вѣрно гадала по картамъ. Раскладывала она ихъ по методѣ Le Normand ³⁾, знаменитой гадальщицы, которой вѣрилъ такъ слѣпо Наполеонъ I. Всѣ карты раскладывались какъ-то полукругомъ на столѣ, потомъ что-то по нимъ считалось. Гадая такимъ образомъ, тѣтушка вѣрно предсказала всѣ событія, совершившіяся въ семьѣ, въ томъ числѣ смерть сестры Анны Гавриловны Панкратьевой, замужество племянницъ, свое замужество и смерть; также замужество старшей племянницы Екатерины Никитичны Панкратьевой, ею воспитанной и вышедшей замужъ уже послѣ смерти тѣтки, но согласно ея предсказаніямъ, за свѣтлѣйшаго князя Александра Карловича Ливена.

Дѣдушка Гавриилъ Ильичъ Бибиковъ владѣлъ пятью тысячами душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Числа десятинъ обладаемой имъ земли онъ, вѣроятно, самъ не зналъ: въ то время считалось только число душъ человѣческихъ, т. е. мужскихъ, въ женщинахъ души не признавали, да и до сихъ поръ не признаютъ.

По зимамъ живаль дѣдушка въ Москвѣ, въ Пречистенскомъ домѣ, куда ежедневно и при немъ и послѣ его смерти къ бабушкѣ прїѣзжали всѣ дѣти, племянники и племянницы родные, двоюродные и прочіе. Если-бъ день прошелъ и кто либо изъ нихъ не явился, тотчасъ получилъ бы выговоръ. Да и въ голову никому бы не пришло уклониться отъ долга, развѣ только по болѣзни.

¹⁾ Марья вышла замужъ за извѣстнаго поэта Огарева, друга А. И. Герцена; ей было тогда далеко за 20 лѣтъ.

²⁾ Софья очень молодая вышла за Каракозова. Одно время сестра жила у нея.

³⁾ Ле Норманъ.

Дѣти бабушкины, едва родившіяся, уносились немедленно въ мезонинъ, гдѣ кормили ихъ привезенныя изъ деревень крѣпостныя бабы-кормилицы, а воспитывали няньки, также изъ крѣпостныхъ. Были и гувернантки-иностранки. Закону Божію обучалъ приходскій священникъ. Пока дѣдушка былъ живъ, онъ слѣдилъ за уроками, даже нѣкоторые уроки старшимъ двумъ дочерямъ давались при немъ, въ его кабинетѣ. Но послѣ него врядъ ли кто о нихъ заботился. Изъ всѣхъ дочерей одна матушка опередила свой вѣкъ. Она мнѣ говорила, что умный и образованный отецъ ея, котораго она лишилась на четырнадцатомъ году отъ рожденія, до тѣхъ поръ постоянно держалъ ее при себѣ, и что его вліянію она обязана любовью своей къ наукѣ ¹⁾.

Съ молодыхъ лѣтъ матушка усердно училась сама, а впослѣдствіи обучала меньшихъ сестеръ и брата Илью: они всѣ ее любили и уважали болѣе какъ мать, нежели какъ сестру. Этому и я была свидѣтельницей. Будучи молодой дѣвушкой, матушка читала всѣ тогдашнія историческія и философскія книги, за что и выносила немало насмѣшекъ отъ родныхъ. Конечно, это было уже послѣ смерти любившаго ее образованнаго отца.

Матушка была религіозна, но понимала христіанскую вѣру во всей чистотѣ: суевѣрій у нея не было вовсе. Эта черта ея характера въ семьѣ не нравилась. Вѣдь то, о чемъ я пишу, относится къ концу восемнадцатаго и къ началу девятнадцатаго вѣка.

Когда матушка по воскресеньямъ и праздникамъ ходила къ обѣднѣ, то старыя и молодыя родственницы тутъ же пересмѣивались между собой:

— Вотъ нашъ Волтеръ идетъ.

Кличка «Волтеръ» была у нихъ браннымъ словомъ. Но матушку не смущали эти насмѣшки и пересуды: она продолжала твердо идти своимъ путемъ.

У дѣдушки и у бабушки строго соблюдались посты. Не только по установленнымъ большимъ постами, но и по средамъ и пятницамъ скоромнаго не подавали. Матушкѣ ставили въ непростительный грѣхъ то, что желудокъ ея не выносилъ постнаго масла. За постнымъ столомъ она ѣла только гречневую кашу съ квасомъ. Но въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году не принимать теплой пищи было слишкомъ трудно молодому организму. Иногда, бывало, она въ своей комнатѣ и оскоромится. Боже, какой грѣхъ!

При жизни дѣдушки и послѣ него вся семья проводила лѣто въ подмосковномъ селѣ своемъ Гребневѣ. Домъ тамъ былъ огромный, каменный, окруженный большими садами, среди которыхъ выконаны

¹⁾ У нея къ тому же была воспитательница, очень образованная французженка-эмигрантка изъ высшего круга, съ которой она усердно занималась. Къ сожалѣнію, имени ея не помню.

были огромные пруды съ нѣсколькими на нихъ островами, а на островахъ также разбиты сады и выстроены бесѣдки. Но дѣти этими прелестями не пользовались. Когда прїѣзжали гости изъ сосѣдства или изъ Москвы, тогда запрягали линейки, ѣздили всѣмъ обществомъ по широкимъ дорожкамъ сада, на паромѣ переправлялись на острова и въ бесѣдкѣ чай пили. Кромѣ этихъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, никогда не позволяли дѣтямъ, особенно дочерямъ, выходить въ садъ. Объ окрестностяхъ же Гребнева матушка не имѣла никакого понятія. Грустное дѣтство! грустное лѣто проводили тамъ дѣти и молодыя дѣвушки, точно за монастырской стѣной!

У дѣдушки въ селѣ Гребневѣ выстроены были въ саду театр со сценой, кулисами и всякими приспособленными къ нимъ декораціями. Тутъ игралъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ¹⁾; давались балеты, гдѣ фигурировали крѣпостныя же танцовщицы, для обученія которыхъ выписывались учителя музыки и балетмейстеръ. При нравахъ восемнадцатаго столѣтія эти забавы казались вполне естественными.

Матушка помнила, какъ бабушка, въ угоду мужу, беременная на снось, становилась на колѣни на полу и прикалывала цвѣты къ юбкамъ доморощенныхъ танцовщицъ.

Тотъ же танцмейстеръ, обучающій крѣпостныхъ артистовъ, давалъ уроки и барскимъ дѣтямъ.

«Мы»,—говорила матушка,—«учились танцевать съ четырехлѣтняго возраста и обучались танцамъ систематически, какъ наукѣ. Я, пяти лѣтъ, исполняла соло въ балетѣ, на домашней сценѣ.

«Когда, позднѣе, я взрослой дѣвицей выѣзжала въ свѣтъ, то набирались пары четыре, не болѣе, умѣющія танцевать французскую contredanse со всѣми балетными пѣ. Тогда все балльное общество окружало насъ; старики бросали карты, многіе становились на стулья, чтобъ лучше видѣть: всѣ смотрѣли на эту кадрили, какъ на сценическое представленіе. Подъ конецъ танца раздавались дружные аплодисменты танцующимъ. Часто на балахъ танцевали то, что лучше кто умѣлъ: менуэтъ, гавоть, pas de châte и прочіе характерные танцы, а остальное общество въ видѣ зрителей окружало дѣйствующихъ лицъ».

Графъ Алексѣй Орловъ, будучи въ немилости у двора, проживалъ въ Москвѣ отъ 1802 до 1809 года. Онъ давалъ для единственной дочери своей, Анны, балы, куда съѣзжалось все великосвѣтское московское общество: бывала, конечно, у него бабушка съ дочерьми. У самого же единственнымъ удовольствіемъ было мчаться по московскимъ улицамъ на бѣшеныхъ своихъ рыскахъ, которыми всегда самъ правилъ. Завидя его издали, всѣ сворачивали съ дороги.

¹⁾ Изъ нихъ нѣкоторые отпущены были на волю и впоследствии сдѣлались извѣстными артистами.

— «У Орлова»,— рассказывала матушка,— «поразили меня окна дома: въ нихъ зимой стекло вставлено было маленькое, только посреди рамы, а кругомъ все окно было обито войлокомъ. Бальная зала и гостинья освѣщены были сальными свѣчами. Въ то время лампъ еще не было, но балы вездѣ освѣщались восковыми свѣчами. Гостей у Орлова была толпа, угощеніе роскошное, а свѣчи—сальные!

«Однажды на балу у Орлова попросили одну изъ московскихъ красавицъ, жену его незаконнаго сына, протанцовать «*pas de châte*»¹⁾. Она согласилась и, ставъ посреди залы, будто невзначай, выронила гребень, удерживавшій ея волосы. Роскошные, какъ смоль, черные волосы разсыпались по плечамъ и скрыли станъ ея почти до колѣнъ. Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ восторга и умоляли ее исполнить танецъ съ распущенными волосами. Она только того и хотѣла; исполнила танецъ при общихъ рукоплесканіяхъ.

— «Анна!— закричалъ Орловъ дочери,— распusti волоса и протанцуй па-де-шаль!

«Ослушаться отца-Орлова было немислимо. Несчастная ушла съ нами въ свою комнату и, обливаясь горячими слезами, стала снимать фальшивую косу и расплетать жиденкія свои косички. Графиня Анна была некрасива и вовсе неграціозна, и она вполнѣ это сознавала. Волоса ея, распущенные, казались еще жиже, еще мизернѣе. Съ красными отъ слезъ глазами, съ распухшими вѣками возвратилась она въ бальную залу и, по приказанію отца, протанцовала «*pas de châte*». Послѣ красавицы, ей предшествовавшей, она показалась еще хуже, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Очень мнѣ было ее жаль».

Графъ Алексѣй Орловъ вообще обращался²⁾ съ дочерью деспотически, по-старинному. Когда пріѣзжалъ къ нему утромъ гость—мужчина, которому онъ радъ былъ, онъ тотчасъ, бывало, кричитъ:

— Зовите сюда Анну!

Робко является она къ отцу.

— Анна! дорогой гость пожаловалъ! Мой для него полъ! Для дорогого гостя — полъ мыть!

И, несмотря на смущеніе и протестъ гостя, Орловъ кричалъ:

— Дочери не пожалѣю!

Несчастная графиня³⁾ приносила полотенце, воды и сама полъ мыла въ гостиной.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

¹⁾ «Па-де-шаль» — соло, танцуется съ легкимъ газовымъ шарфомъ въ рукахъ: танцующая то обмываетъ имъ, то распускаетъ его.

²⁾ Рассказы современниковъ.

³⁾ Графиня Анна Алексѣевна Орлова не захотѣла замужъ итти и, послѣ смерти отца, посвятила себя вполнѣ молитвѣ и добрымъ дѣламъ, надѣясь святостью жизни искупить грѣхъ отца и вымолить у Бога спасеніе души его. Она много жертвовала по церквамъ. Большой имѣнія и конный заводъ завѣщала Казаковымъ.

Кромѣ характерныхъ танцевъ, въ то время танцовали на балахъ польскіе, экосезы, русскіе кадрили и манимаску. Эту манимаску никто теперь не помнитъ, и нигдѣ не читала я, чтобъ о ней упоминали; поэтому позволю себѣ небольшое отступленіе и запишу здѣсь, какъ я съ ней ознакомилась.

Въ 40-хъ годахъ я была уже замужемъ и матерью семейства. Два изъ сосѣднихъ дома, гдѣ были дѣти ровесники моимъ, сложившись со мной, согласились выписать на лѣто изъ Москвы въ деревню танцмейстера для обученія нашихъ дѣтей разнымъ танцамъ. По отъѣздѣ учителя и его скрипача, стали даваться у насъ танцевальные вечера, гдѣ я исполняла роль тапѣра, а иногда замѣняли меня скрипачъ Потапъ Егорычъ, старикъ, бывший крѣпостнымъ артистомъ сосѣда нашего Огарева ¹⁾, разорившагося на садахъ и доморощенныхъ музыкантахъ. Сады были великолѣпны, оркестръ черезчуръ плохъ. Старикъ Потапу въ сороковыхъ годахъ нашего девятнадцатаго столѣтія было 80 лѣтъ, но онъ неутомимо и фальшиво могъ проигрывать пѣлыя ночи сряду. Иногда затѣмъ безумный гроссъ-фатеръ по всему двухъэтажному нашему никитскому дому: Потапъ идетъ за нами по лѣстницамъ и коридорамъ, играетъ не-

¹⁾ Сады у Огарева были чудные, съ большимъ вкусомъ посаженные и роскошно содержавшіеся, не по средствамъ хозяина-помѣщика. Онъ запрудилъ рѣчку Рыхотку, впадающую въ Донъ, и провелъ ее въ садъ. Тутъ, вмѣсто газона, былъ у него «Флоринъ лугъ», весь усаженный цвѣтами; гора была вся устлана дерномъ; тутъ были и лѣсочки, и развалины, и мостики, и бесѣдки, а на рѣкѣ купальня стеклянная!

Попали мы къ Огареву неожиданно. Это было, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ, я была еще ребенкомъ. Мы съ матушкой ѣхали изъ села Сергіевскаго къ двоюродной сестрѣ ея, Толстой, рожденной княжнѣ Кутузовой-Смоленской, и близилась съ дороги. Послали въ господскій домъ просить провожатаго. Выходитъ самъ старикъ Огаревъ и проситъ матушку осчастливить его, войти къ нему отдохнуть. Отказать ему было бы неучтиво. Мы вышли изъ кареты. Хозяинъ повелъ насъ въ садъ свой. Лишь только матушка вошла въ него, какъ за кустами грянула музыка, и невидимый хоръ запѣлъ:

«Здравствуй, милал, пригожая моя!
Чернобровая, красавица душа!»

Матушка съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Тотъ оркестръ и хоръ перебѣгали по лѣсочкамъ и незримые сопровождали насъ во все время прогулки.

Огаревъ, кромѣ сада и оркестра, до-нельзя фальшиваго, хвастался еще тѣмъ, что когда онъ во всякое время дни закричитъ: «Подавайте чаю!» — тотчасъ явится лакей съ подносомъ и налитыми чашками чая. Дѣло въ томъ, что чайникъ съ чаемъ весь день прѣлѣ въ кухонной печи и, по приказанію барина, немедленно разливался въ чашки и подавался гостямъ. Но что это было! Въ ротъ его взять не было возможности!

Матушка любила чай и понимала въ немъ толкъ; она тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло, и отказалась отъ поданнаго напитка за себя и за насъ. По несчастной нашей англичанка Сарра попала въ удочку. Мы забавлялись гримасами, которая она исподтишка строила, глотая отвратительный настой.

Теперь наследники Огарева вырубилъ роскошный садъ, а Рыхотка вернулась къ прежнему теченію.

умолкая. Однажды, какъ-то бѣжимъ мы ужъ слишкомъ скоро подъ веселый темпъ гроссъ-фатера. Потапъ сорвался съ верхней ступеньки и покатился внизъ на спинѣ, скрипки же изъ рукъ не выпустилъ и, катясь, продолжалъ пилить свой гроссъ-фатеръ!

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ прѣзжаетъ къ намъ дядя Матвѣй Матвѣевичъ Муромцевъ, мужъ сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Въ свое время дядя былъ блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, адъютантомъ Ермолова, раненъ пулей при Кульмѣ и украшенъ кульмскимъ крестомъ. Танцевалъ онъ отлично, какъ и всѣ свѣтскіе молодые люди той эпохи. Онъ до старости сохранилъ свой веселый характеръ, и мы всѣ его очень любили. Ему тогда было за 60 лѣтъ.

— Что вы тутъ танцуете, дѣти? — закричалъ онъ. — Давайте-ка я васъ поучу манимаскѣ!

— Поучите! поучите, дядя! — закричали мы хоромъ.

Но тутъ лица у всѣхъ вытянулись.

— Кто-жъ, дядюшка, сыграетъ намъ манимаску? Музыка къ ней уже не существуетъ!

Вдругъ блеснула мнѣ счастливая мысль.

— Потапъ! — кричу я ему изо всѣхъ силъ, потому что онъ былъ глухъ: — Потапъ! умѣешь ты играть манимаску?

— Умѣю, сударыня.

Мы захопали въ ладоши. Допотопный скрипачъ помнилъ допотопную манимаску.

Дядя разставилъ пары, взялъ меня своей дамой, дирижировалъ при всеобщемъ хохотѣ, и пошла манимаска, какъ по маслу. Это было что-то въ родѣ кадрили, съ вальсомъ и разными затѣйливыми фигурами. Шестидесятилѣтній дядя вальсировалъ вдвое лучше молодыхъ кавалеровъ, но вальсировалъ въ три темпа, а не въ два, какъ танцевали ¹⁾ въ 1890 году.

V.

Обычай, нравы и моды начала нынѣшняго столѣтія. — Фуры. — Прически. — Карикі. — Рога изъ фальшивыхъ волосъ. — Незаконныя дѣти. — Меледа. — *Parfilage de l'or*. — Куреніе.

На домашнемъ театрѣ въ селѣ Гребневѣ игравали дѣти дѣдушкины съ двоюродными сестрами и братьями: играли болѣе всего французскія пьесы, какъ-то «*La gageure imprévue*», а иногда и нѣкоторыя комедіи Мольера.

¹⁾ Въ 1896 году два темпа въ вальсѣ считаются отсталыми. Три темпа — опять въ модѣ. «*Dans les modes il n'y a de neuf que ce qui est oublié* (въ модахъ ново только то, что позабыто).

Удивляюсь, какъ это занятіе, называемое благороднымъ спектаклемъ, которое не далѣе какъ въ наше время, т. е. въ 1881 году, многіе осуждали, какъ предосудительное для молодой дѣвушки, тогда въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, свободно дозволялось молодежи. А тогда въ Россіи куда какъ строже нынѣшняго соблюдали всѣ приличія! Молодыхъ дѣвушекъ держали немного лучше ихъ бабушекъ, чуть ли въ терема не запирали!

Матушка рассказывала, что за обѣдомъ онѣ, взрослыя, не смѣли громко говорить, а смѣяться—избави Богъ! Бабушка тотчасъ бросала на нихъ грозные взгляды, неминуемые предвѣстники послѣ обѣденной бури, строжайшаго выговора и приговора.

«Обѣденный столъ былъ у насъ ежедневно человѣкъ на тридцать», рассказывала матушка. «Я и невѣстка Лиза, жена старшаго брата моего Павла, были очень смѣшливы; нарочно усядемся на самый конецъ стола, подальше отъ предсѣдательскаго мѣста матушки, чтобы не попасть впросакъ. А братья родные и двоюродные, какъ нарочно, усядутся около насъ и смѣшать во все время обѣда. Мы сидимъ ни живы ни мертвы. Особенно одинъ изъ нихъ умѣлъ, скорчивъ самое серьезное лицо, нести такую смѣшную чепуху, что мы невольно расхохочемся; а онъ на насъ строго смотреть, плечами пожимаетъ, головой качаетъ, а свое все несетъ. Видимъ, матушка грозно на насъ глядитъ... Бѣда! что тутъ дѣлать? Начнешь сморкаться, притворишься, что кровь носомъ пошла, встанешь со стула и скорѣе уйдешь. Невѣстка Лиза даже ухитрялась добиться, что при неминуемой гибели у нея дѣйствительно кровь носомъ шла. Почти ни одного обѣда не обходилось, чтобы она или я не убѣгали изъ-за стола. Такъ не ѣвши и оставались. А братья-шалуны тому и рады».

Когда матушка была ребенкомъ, она и сестры ея надѣвали на парадныхъ праздникахъ парчевыя и газовыя фуро¹⁾, вышитыя золотомъ и серебромъ, а въ будни у нихъ были два фура ситцевыя, изъ которыхъ одно мылось, а другое носилось. Въ воскресные дни надѣвали бѣлое каленкоровое фуру. Въ то время была еще въ модѣ пудра для волосъ: матушка помнила, какъ ихъ, дѣтей, ежедневно мучилъ крѣпостной парикмахеръ Глазовъ²⁾, взбивалъ булки, жирно напوماживалъ ихъ, а потомъ пудрилъ.

«Отъ этой пудры», говорила матушка, «у самыхъ чистоплотныхъ заводились въ волосахъ паразиты. Насъ ежедневно вычесывали чистымъ гребнемъ, но избавились мы отъ паразитовъ только тогда, когда избавились отъ пудры».

«Моя мать», продолжала матушка, «была большая щеголиха. Мы,

¹⁾ Foucau—платье широкое, въ родѣ блузы.

²⁾ Глазовъ впоследствии получилъ вольную, имѣлъ свой магазинъ и большую въ Москвѣ практику. Глазова и я еще помню старикомъ.

старшія, всегда присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Ежедневно въ продолженіе двухъ часовъ вычесывала она пудру изъ длинныхъ своихъ черныхъ волосъ. Передъ ней горничная держала серебрянный тазъ; въ этотъ тазъ вмѣстѣ съ пудрой сыпались паразиты. Они были такимъ нормальнымъ явленіемъ, что никто ими не стыдился и не стѣснялся. Помню, какъ на званомъ обѣдѣ у моего отца одинъ изъ гостей, молодой человекъ въ расшитомъ золотомъ бархатномъ кафтанѣ, почесалъ у себя въ напудренной головѣ, досталъ оттуда паразита и тутъ же подъ столомъ его раздавилъ. Никто этому не удивился и не погнушался».

Бабушка, по словамъ матери моей, всегда въ молодости носила шелковыя платья атласныя, бархатныя, гро-де-туровыя¹⁾ и проч. Для выѣзда въ саняхъ у нея была узкая, по талии, шубейка изъ соболей, крытая парчей или газетомъ; на головѣ шапочка изъ золотой парчи, съ собольей оторочкой. Этотъ нарядъ въ концѣ прошлаго восемнадцатаго столѣтія былъ въ большомъ употребленіи.

Въ началѣ же девятнадцатаго столѣтія стали молодыя женщины носить для осеннихъ выѣздовъ карики изъ казимира, родъ мягкаго, тонкаго сукна; они шились узкіе по талии, съ пелеринкой. Когда выѣзжали на балъ, надѣвали легкія газовыя или крѣповыя платья, иногда вышитыя шелками, золотомъ и серебромъ. Лифы носили короткіе, платья узкія, слѣдуя французскимъ модамъ временъ революціи. Башмаки на балъ надѣвались открытые, низкіе, безъ каблучковъ, изъ цвѣтнаго сафьяна, иногда зеленаго или краснаго; чулки всегда шолковыя. По случаю короткихъ платьевъ вся нога была на виду.

«Прическу», рассказывала матушка, «каждая изъ насъ, дѣвушка или замужняя женщина, носила, какую ей вздумается, смотря по тому, какая ей была къ лицу, что очень способствовало разнообразію ихъ красоты. Многія молодыя женщины, слѣдуя парижской модѣ, остригли себѣ волосы и завивали ихъ «à la victime» или «à la Titus», какъ вы видите на современныхъ портретахъ. Одна изъ московскихъ красавицъ, замужняя графиня N***, никогда не носила другого головнаго убора, кромѣ платка, повязаннаго на головѣ концами назадъ, какъ носятъ крестьянскія бабы. На балѣ этотъ платокъ былъ газовый цвѣтной, иногда вышитый золотомъ или шелками, иногда парчевый или газетовый. Она находила, что никакой уборъ не соотвѣтствовалъ лучше ея красотѣ, какъ эта повязка, и никто не подумалъ осуждать въ ней этой оригинальности».

Не могу забыть, какъ въ 1835 году, когда я, пишущая эти воспоминанія, выходила замужъ, въ Москвѣ обязательно было каждой женщинѣ, замужней или дѣвушкѣ, надѣвать на самую маковку два

¹⁾ Gros de Tours.

безобразные изъ фальшивымъ волосъ рога ¹⁾). Поэтому въ театрѣ можно было счесть число женщинъ по числу этихъ отвратительныхъ паръ роговъ!

Тогдашнія же барыни аристократки не занимались рукодѣльемъ по примѣру прабабушекъ своихъ, сидѣвшихъ за прялками въ высокихъ теремахъ. И чтеніемъ онѣ не особенно интересовались; матушка моя была въ свое время рѣдкимъ исключеніемъ. У бабушки моей и у свекрови я видала игру меледу, которой онѣ занимались. Меледà состоитъ изъ вилочки съ соединенными закругленными концами: на этой вилочкѣ надѣто извѣстное число колець, которыя слѣдуетъ то вдѣвать на вилочку, то снимать съ нея, для чего, если постоянно этимъ заниматься, то требуется нѣсколько сутокъ времени. Еще игрывали въ плоское, сплошное колесо, размѣра двухъ съ чѣмъ-то вершковъ, которое посредствомъ шнуручка то поднималось, то опускалось: эти колесики дѣлались изъ разнаго матеріала, какъ-то чернаго дерева, слоновой кости, иногда украшались драгоценными камнями. Но самымъ моднымъ занятіемъ было «le parfilage de l'or», т. е. свѣтскія дамы дома и даже на званныхъ вечерахъ занимались тѣмъ, что распускали золотое шитье поношенныхъ мундировъ и кафтановъ, отдѣляя чистое золото отъ шелка, на которомъ оно было обито, и это золото потомъ обмѣнивали въ магазинахъ на другой товаръ. Мужчины, ухаживающіе за молодыми дамами, пользовались этой модой, чтобъ дѣлать имъ иногда очень цѣнные подарки, которые легкомысленныя красавицы принимали безъ зазрѣнія совѣсти.

«Я видѣла», говорила матушка, «какъ молодые люди приносили для «parfilage'a совершенно новые воротники, золотомъ шитые, и даже вещицы, видимо только что купленные изъ магазина и стоящія по нѣсколько сотъ рублей. Какимъ образомъ рѣшались молодые женщины хорошихъ семей принимать такіе дорогіе подарки? Но мода все извиняла»...

Мужчины играли въ вистъ, «ombre» (омбрь) ²⁾. Женщины въ карты не играли, по крайней мѣрѣ, рѣдко: въ карты только гадали.

«Въ началѣ нашего столѣтія», продолжала мать, «во время рѣдкихъ моихъ прогулокъ съ гостями внѣ ограды садовъ, я иногда издали видѣла садоваго сторожа, отставнаго солдата, сидящаго за каменной оградой у воротъ и курящаго изъ короткой трубочки, но лишь завидитъ онъ издали господъ, трубка его немедленно исчезала. Въ домѣ же никто никогда не курилъ. Считали это чѣмъ-то несообразнымъ, невозможнымъ. Какое же было удивленіе, ужасъ, ко-

¹⁾ Называли ихъ: Noeuds d'Apollon.

²⁾ Отъ этой игры «l'ombre» (л'омбрь) просходитъ названіе: ломберный столъ или карточный.

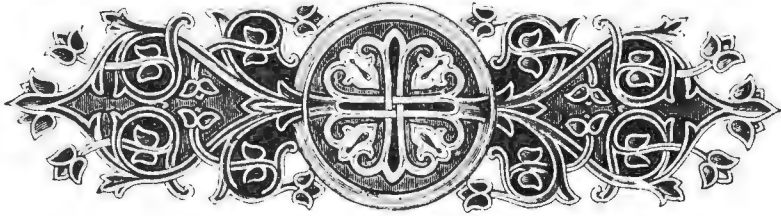
гда, послѣ кампаніи 1812-го года, мои братья вернулись съ чубуками и трубками! Мать и слышать объ этомъ не хотѣла, но въ своихъ комнатахъ братья курили, а мы, сестры, понемногу привыкли къ этому безобразію».

Часто я думала: что бы сказала матушка, увидавъ меня и сестру мою Лизу курящими пахитосу или папиросу?

Е. Раевская.

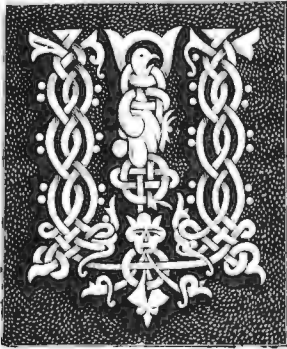
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТНЫЙ КРЕЩЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

(Страничка изъ семейной хроники).

ЕДРАЯ ВЫДАЛАСЬ зима въ 1825 году; какъ повалилъ снѣгъ съ первопутки, такъ и пошелъ валить безъ удержу, безъ мѣры; сыпалъ по днямъ, по суткамъ, по цѣлымъ недѣлямъ безъ передышки, позасыпалъ всѣ дороги, сравнялъ овраги, спряталъ подъ собою мосты, вѣхи, гдѣ какія торчали, превратилъ поля въ сплошное «бѣло-море-океанъ», и ищи тутъ пути и проѣзда, какъ знаешь!

Не въ мѣру расшалившаяся зима превратила и маленькое село Богданово во что-то крайне странное и необычное; на виду изъ всего села оставались только церковь да большой, двухъэтажный барскій домъ, самая же деревушка, со всѣми ея строеніями, совсѣмъ исчезла подъ снѣгомъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла она, лишь тянулись вдоль узкой ложбины, гдѣ въ обычное время пролегалла улица, длинные сугробы снѣга, которые въ извѣстные часы курились наподобіе огнедышащихъ горъ, и только по этому дыму да по прорытымъ отъ дороги тоннелямъ и коридорамъ, оканчивавшимся черными, закоптѣлыми дверями, проѣзжіи могъ догадаться, что онъ ѣдетъ по деревнѣ, и что въ этихъ снѣговыхъ горахъ есть живые обитатели. Хлопотъ мужикамъ задала зима немало; всѣ руки отвергѣли они, прочищая по нѣсколько разъ на день путь къ сараямъ и хлѣвамъ, чтобы задать кормъ скоту, и даже нерѣдко приходилось отчищать трубы на избахъ, чтобы дать выходъ

дыму, но, несмотря на лишнюю работу, они только весело похлопывали руками, вѣря въ примѣту стариковъ, что обильная снѣгомъ зима непремѣнно вела за собой урожайное лѣто. Въ барскомъ домѣ вначалѣ тоже потѣшались надъ продѣлками щедрой зимы, но въ послѣдніе дни и пріуныли немножко отъ этой щедрости, въ особенности когда въ ночь на крещенскій сочельникъ закурила легенькая подземка. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день назначена была помолвка старшей дочери богдановскаго барина, Георгія Николаевича Бордовицына — Александры, съ сыномъ сосѣда-помѣщика Платономъ Борисовичемъ Страховымъ, — помолвка и безъ того неособенно-то радостная и желательная для семьи, и отъ которой собиравшаяся разыгаться мятель могла отнять и послѣднее веселье. Конечно, болѣе всего было огорчено непогодой молодое поколѣніе барскаго дома, но нельзя сказать, чтобы и хозяева его относились къ этому непріятному обстоятельству совсѣмъ равнодушно. Вѣдь пиръ затѣвался на весь міръ, приглашеній было разослано чуть не на три уѣзда, и изъ губернскаго города, начиная съ предводителя и губернатора, ожидался самый цвѣтъ аристократіи; приготовленія къ балу дѣлались въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что о немъ, по крайней мѣрѣ, должны были говорить цѣлый сезонъ въ губерніи, и вдругъ все это рухнетъ, и изъ пышнаго бала выйдетъ простая вечеринка съ однимъ, другимъ десяткомъ гостей! При такихъ соображеніяхъ досада и волненіе хозяевъ были вполне понятны. Но, прежде чѣмъ продолжать о балѣ, нужно сказать что нибудь о тѣхъ, кто давалъ его.

Георгій Николаевичъ Бордовицынъ считался въ свое время однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ губерніи. Я не знаю въ точности, сколькими дупами и въ какихъ именно губерніяхъ владѣлъ онъ, но, судя по тому, что въ нашъ родъ перешло отъ него по женской линіи около трехъ тысячъ десятинъ земли въ Смоленской губерніи, должно думать, что состояніе его, дѣйствительно, было весьма значительное, тѣмъ болѣе, что эта часть досталась намъ уже послѣ большого раздробленія, какому подверглось его имущество, по его смерти, при раздѣлѣ между его дѣтьми. А семья у дѣдушки (мнѣ Бордовицынъ приходился прадѣдомъ по матери, но я какъ привыкла, такъ и буду называть его дѣдушкой) была такъ велика, что мнѣ и до сихъ поръ нужны на подмогу или пальцы, или клочекъ бумаги, чтобы сосчитать всѣхъ моихъ дядюшекъ и тетушекъ изъ рода Бордовицыныхъ. Оставляя въ сторонѣ дядюшекъ, я насчитываю девять дочерей у дѣдушки и все-таки не могу поручиться, что не пропустила какой нибудь, такъ какъ многихъ изъ нихъ не знала лично, а считать по рассказамъ сбиваюсь въ именахъ.

Говорятъ, что всѣ барышни изъ рода Бордовицыныхъ были очень красивы, а старшая дочь дѣдушки — Александра, которую звали въ семьѣ Татей, въ дни своей молодости носила даже громкое и нема-

до значившес въ тѣ времена званіе «губернской красавицы». Теперь, когда все становится столь скоропреходящимъ, когда жизнь катитъ на всѣхъ парахъ, и одно стремительно несется на смѣну другому, странно даже и слышать такой титулъ и еще труднѣе представить себѣ, чтобы онъ могъ имѣть весьма серьезное значеніе не только для самой носительницы его, но даже и для всей ея семьи. Но въ старину былъ совсѣмъ иной строй жизни и вещей, и притомъ тогда все было какъ-то очень крѣпко, основательно и, вѣроятно, поэтому—значительно. Тогда, напримѣръ, даже дворянское общество имѣло строгое разграниченіе и подраздѣленіе, и попасть изъ одного круга въ другой стоило неимовѣрныхъ и подчасъ, увы! все-таки безплодныхъ усилій. А между тѣмъ для семья, въ которой была губернская красавица, не только настежь открывались всѣ двери, но не проходило ни одного бала, раута или какого либо иного, болѣе или менѣе значительнаго въ губернской жизни событія, на которое она не получала бы самаго любезнаго приглашенія. А это одно ужъ чего стоило! Тутъ составлялись хорошія партіи, являлись связи, протекція. Впрочемъ, о протекціи и хлопотать было нечего. Такой семьѣ каждый старался угодить, чѣмъ могъ, ее всячески вытягивали, чтобы дать красавицѣ подобающее положеніе. При бракахъ кого либо изъ членовъ этой семьи о «мезальянсахъ» не могло быть и рѣчи: женится ли братъ красавицы, будь онъ хоть мелкопомѣстный дворянинъ, на графинѣ—графиню не осудятъ и не удивятся, выйдетъ ли сама красавица за незначительнаго человѣка—она своего достоинства и положенія не теряла. Правда, что давалось такое званіе не первому смазливому личику, но зато ужъ и держалось крѣпко. Тетушкѣ моей Александрѣ Георгіевнѣ было бы теперь, если бы она была въ живыхъ, восемьдесятъ девять лѣтъ, и повѣрить ли читатель, что достаточно и въ настоящее время упомянуть при комъ либо, не говорю изъ старожиловъ, но и изъ сравнительно молодыхъ, только лишь коренныхъ губернскихъ обывателей, фамилію Бордовицныхъ, какъ непремѣнно услышишь вопросъ: «ахъ, это не тѣ ли Бордовицны, гдѣ была Александра Георгіевна? Вотъ, говорятъ, красавица-то была! Вѣдь на выборъ первые въ губерніи женихи за нее сватались». А если собесѣдникъ попадетъ изъ знавшихъ лично тетушку, то тутъ похвалъ и восторговъ наслушаешься вдоволь. И нужно отдать справедливость старинѣ: она знала толкъ въ красотѣ и ненапрасно расточала свои похвалы. Я не мастеръ описывать красавицъ и поэтому, не вдаваясь въ такія описанія, просто укажу на сходство, на такое сходство, по которому кто знаетъ одну, получить вѣрное представленіе и о другой, а кто не знаетъ ни той, ни другой, воображенію того, все равно, едва ли помогутъ и мои описанія. Тетушка моя имѣла удивительное сходство съ Н. Н. Гончаровой, женой поэта Пушкина, но (да проститъ мнѣ великій поэтъ), думается мнѣ, была красивѣе послѣдней, думаю такъ

потому, что, во-первыхъ, при такой же правильности и тонкости чертъ, выраженіе лица тетушки было необыкновенно доброе и привѣтливое, во-вторыхъ, она была нѣжнѣе, какъ-то воздушнѣе Пушкиной, и, кромѣ того, въ ея красотѣ, должно быть, было что-то еще болѣе строгое и правильное, ибо, судя по портрету Пушкиной, снятому въ зрѣломъ возрастѣ, должно думать, что къ старости въ ней не осталось и слѣда ея прежней красоты, тогда какъ тетушка и въ старости была положительно красива, конечно, соотвѣтственно своему возрасту, но все-таки настолько, что при первомъ же взглядѣ на нее видно было, что въ молодости она была красавицей. Въ остальномъ же сходство между ними было настолько сильно, что, глядя на пушкинскую выставкѣ на портретъ жены поэта, мнѣ все казалось, что я вижу мою тетю Тату, немножко лишь располнѣвшую и отъ этого утрагившую нѣкоторую долю своей воздушности и снятую въ дурномъ расположеніи духа, поэтому, хотя и улыбающуюся по привычкѣ, но дѣланною, холодною улыбкой.

Въ «красавицы» тетушка моя попала очень рано: говорятъ, что когда она спала еще въ люлькѣ, всѣ, кому удавалось видѣть ее, предсказывали дѣдушкѣ, что его дочь будетъ красавица, но, конечно, такимъ раннимъ предсказаніямъ сначала никто не придавалъ настоящаго значенія, принимая ихъ просто за желаніе сказать родителю что нибудь пріятное о его первенцѣ-ребенкѣ, и лишь когда Тата стала подыматься на ноги, всѣ убѣдились, что въ предсказаніяхъ этихъ заключалась не одна лесть, и что изъ дѣвочки, дѣйствительно, должна выйти женщина рѣдкой красоты. Дѣдушка былъ въ семьѣ главнымъ центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ заботы и вниманіе, который давалъ въ домѣ тонъ всему, однимъ словомъ *qui faisait la pluie et le beau temps*, гордый и самолюбивый, онъ возблаговѣлъ передъ своей дочерью, которая своей красотой какъ нельзя болѣе льстила его отцовской гордости, а за нимъ передъ Татой возблаговѣло и все, что имѣло близкія отношенія къ дому Бордовицныхъ. Для Таты дѣлалось все, чего бы она ни пожелала, знакомые наперерывъ старались доставить ей какое нибудь удовольствіе, дворня почитала за счастье угодить чѣмъ либо Александрѣ Георгіевнѣ, меньшіе братья и сестры «обожали» ее. Къ чести тетушкиному уму должно сказать, что такая обстановка не испортила ея характера: она была неизмѣнно добродушна, крайне деликатна и поэтому нетребовательна, привѣтлива и скромна. Отлично зная свою силу въ домѣ, она пользовалась ею лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ходатайствовать за кого нибудь передъ дѣдушкой. Само собою разумѣется, что такое соединеніе нравственныхъ достоинствъ съ физическими лишь подымало шансы Таты и усиливало всеобщую любовь къ ней. Но вотъ Тата выросла, ее повезли на первый балъ въ губернскій городъ, и съ этого бала начался длинный, непрерывный рядъ настоящихъ триумфовъ ея въ

свѣтъ. Дѣдушка таялъ отъ удовольствія: все заговорило о его дочери, слухи о ея красотѣ разнеслись не только по своей, но и по сосѣднимъ губерніямъ, всѣ искали случая видѣть ее, быть ей представленнымъ, и отцу пришлось широко раскрыть двери его большого дома въ Богдановѣ. Вскорѣ одинъ за другимъ стали появляться и искатели руки юной красавицы. Но Тата, не задумываясь, отказывала направо и налево. Предполагая, что такіе стремительные отказы сыплются просто потому, что его дочери никто не успѣлъ еще понравиться, дѣдушка относился къ этому равнодушно, хотя въ числѣ претендентовъ были и такіе, которые даже и по его понятіямъ могли быть подходящей партіей для Таты, но когда послѣдовалъ отказъ и на предложеніе столь блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ жениха, подобнаго которому другого трудно было и ожидать въ провинціи, дѣдушку немного озадачило это, и онъ даже рѣшился предложить дочери пораздумать надъ этимъ предложеніемъ.

— Нѣтъ, папа, я все равно не пойду, стало быть, и раздумывать нечего,—спокойно отвѣчала Тата.

— Но почему же, мой другъ? Онъ прекрасный человѣкъ и имѣетъ блестящее положеніе.

— Я знаю все это, но онъ нисколько не нравится мнѣ.

Но такой, казалось бы, естественный и искренній отвѣтъ не удовлетворилъ дѣдушку и даже вызвалъ въ немъ подозрѣнія относительно свободы сердца его дочери. Явилось ли это подозрѣніе слѣдствіемъ того, что самъ онъ находилъ жениха прекраснымъ, и поэтому ему трудно было повѣрить, что онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на молодую дѣвушку, или, быть можетъ, онъ уловилъ въ отвѣтѣ Таты какую нибудь фальшивую нотку, только съ этого времени онъ сталъ слѣдить за ней. Но задача эта была не легка: Тата съ дѣтства отличалась большой сдержанностью и самообладаніемъ, и дѣдушкѣ пришлось употребить немало времени и бдительности, пока его наблюденія привели его къ весьма невеселому для него открытію. Оказалось, что Татѣ нравился сынъ ихъ сосѣда-помѣщика—Платонъ Страховъ. Противъ самой личности Платона дѣдушка не имѣлъ ничего, но, какъ партію для Таты, находилъ его совсѣмъ неподходящимъ. Страховы были очень небогатые люди, и хотя сынъ ихъ и служилъ въ гвардіи, но эта служба стоила такихъ натяжекъ для семьи, что не было никакого сомнѣнія, что Платонъ долго на ней не продержится и долженъ будетъ перейти въ армію. Такимъ образомъ, нельзя даже было рассчитывать, чтобы онъ сдѣлалъ хотя хорошую служебную карьеру, тѣмъ болѣе, что и дѣдушка не могъ поддержать его, такъ какъ по своей многосемейности не могъ дать очень большого приданаго за дочерью. Эти неприятыя обстоятельства осложнились еще глубокимъ и впечатлительнымъ характеромъ Таты; дѣдушка былъ увѣренъ, что въ его дочери такое чувство, какъ первая любовь, не можетъ быть мимолетнымъ, легкимъ

увлечением, и эта уверенность вызывала в нем серьезное безпокойство. После долгих размышлений он решился переговорить с Татой по этому поводу и, позвав ее однажды к себе в кабинет, сказал:

— Тата, не знаю, ошибаюсь я или нет, но мне кажется, что ты увлечена Платономъ Страховымъ?

— Да, папа, он нравится мне,—со свойственною ей характеру прямою отвѣтила Тата.

— Но, мой другъ, подумала ли ты об этомъ? Какая же онъ для тебя партія? Сынъ мелкаго помѣщика, поручикъ, который не сегодня-завтра вынужденъ будетъ снятъ, по недостатку средствъ, гвардейскій мундиръ,—это ли женихъ для Таты Бордовицыной?

— Если вы, папá, находите его недостойнымъ вступить въ нашу семью, я, конечно, не пойду за него замужъ... но не пойду и ни за кого другого.

На этомъ объясненіе кончилось. Дѣдушка никакъ не ожидалъ такого крутого оборота дѣла и былъ крайне смущенъ. Предъ нимъ вдругъ выпала задача, двоякое рѣшеніе которой было одинаково ему больно и прискорбно. Воспрепятствовать браку? Но что же выиграется этимъ? Онъ зналъ характеръ своей дочери и зналъ, что эти слова: «не пойду и ни за кого другого», въ ее устахъ не пустая фраза, но что оно такъ будетъ и на дѣлѣ. Надъ его мечтами о блестящей партіи для Таты поставленъ былъ крестъ. Допустить? Но видѣть свой кумиръ, свою красавицу Тату женою бѣднаго армейскаго офицера—это казалось ему чудовищной несообразностью.

Между тѣмъ, пока старикъ молчалъ и раздумывалъ, не любившая секретовъ и ложныхъ положеній Тата сочла нужнымъ объявить семьѣ о своемъ разговорѣ съ отцемъ. Само собою разумѣется, что сообщеніе это произвело на всѣхъ членовъ семьи крайне тяжелое впечатлѣніе.

Мать пробовала уговаривать Тату, та терпѣливо выслушивала ее доводы и резоны, но въ концѣ концовъ неизмѣнно повторяла одно: что если родители не желаютъ ей брака съ Страховымъ, то ему, конечно, не быть, такъ какъ она не сдѣлаетъ ничего противъ ихъ воли, но, въ свою очередь, просить уважить и ее волю въ такомъ дѣлѣ, которое ближе всего касалось ее. Братья и сестры тоже были смущены выборомъ Таты и даже представить себѣ не могли рядомъ съ ихъ красавицей сестрой, для которой, по ихъ понятіямъ, и въ цѣломъ мѣрѣ не было достойнаго жениха, фигуру Платона Страхова, который часто бывалъ у нихъ, лишь какъ ближайшій сосѣдъ, но котораго они привыкли считать за ничто. Но больше всѣхъ вскипѣла гнѣвомъ старая няня, вынянчившая все молодое поколѣніе Бордовицыныхъ, не знавшая цѣны своей старшей питомицѣ и безъ умолку пѣвшая гимны ей недѣтскому уму и разсудительности.

— Чтожъ это ты, Александра Егоровна, за Платона Страхова замужъ собралась?—обозумѣвъ отъ такой безразсудности своей любимицы, накинулась она на нее при первомъ удобномъ случаѣ. — Аль не съ того конца выбирать стала и хуже ужъ ничего не нашла? Опомнись! Тебѣ ль, дочери Егора Николаевича, выходить за какого-то юнкеришку?

— Во-первыхъ, няня, не сочиняй: ты знаешь, что онъ не юнкерь, а офицеръ, а, во-вторыхъ, хотя бы и такъ, что изъ этого? И папа былъ когда-то юнкеромъ, а дослужился до генерала,—возражала Тата.

— Вотъ нашла кого приравнять! У папеньки твоего, когда онъ и юнкеромъ былъ, може, миллионъ денегъ въ карманѣ лежалъ, а тутъ на всю братію 400 душъ крестьянъ. Тутъ и Платонъ твой, и двѣ сестры не выданныхъ, да и стариковъ живыхъ въ яму не покидаешь. И что подѣялось съ тобой? Аль приворожили тебя, или еще какое лихо стряслось?

— Еще что выдумай? Ничего со мной не подѣялось...

— Какъ ничего? А гдѣжъ твой умъ сразу дѣвался?

— Умъ, какой былъ, при мнѣ остался, а понравился мнѣ Платонъ, и больше ничего.

— Ну, такъ я и говорю, что тутъ неладно! Вишь, умъ при ней остался, а того, что тебѣ любить-то его не стать,—этого не понимаешь.

— Почему же это мнѣ любить его не стать?

— А потому, что знай всякъ сверчокъ свой шестокъ: люби всякъ, кому кого подобаетъ, а то, може, и мнѣ полюбился бы нашъ предводитель, графъ?.. такъ чтожъ бы это, по твоему, умно-бъ было? А оно-бъ значило, что я дура сквозная—и больше ничего.

— Вотъ нашла-то сравненіе.

— Не дергай, милая, плечами, я какъ разъ въ линію угадала: что ты — и Платонъ Страховъ, то я — и предводитель. Вѣдь коли тебя за Платона выдавать, такъ тогда Елизавету Егоровну надоть выдать за Ванюшку Симкевича, что у твоего папеньки изъ милости на конномъ заводѣ надзирателемъ служить. Вѣдь онъ тоже шляхтичъ и, може, у себя на родинѣ такой же дворянинишко, какъ и твой Платонъ.

— Э, няня, ну, что городить глупости! Да и что толковать? Свадьбы не будетъ,—стало быть, и говорить не о чемъ.

— Свадьба? Да не то, что свадьбы, а я-бъ тебя за однѣ твои думки такія, за одно твое любленіе высѣкла! Много тебѣ воли дали, разбаловали тебя, въ надеждѣ, что ты умная, анъ, ты дурь да блажь на себя и напустила.

Здѣсь няня ужъ прямо противорѣчила себѣ; ей, наоборотъ, всегда казалось, что для ея ненаглядной Шурочки дѣлаютъ слишкомъ мало, что она стоитъ большаго баловства, но, видно, старуху

сильно задѣло за живое неблагоразуміе ея питомицы, и она долго еще пилила ее, несмотря даже на отданный дѣдушкою приказъ, чтобы въ домѣ никто не смѣлъ больше говорить о Страховѣ, какъ о женихѣ. А отданъ былъ такой приказъ въ томъ соображеніи, что дѣдушка не хотѣлъ показать, что придаетъ серіозное значеніе своему разговору съ Татой и ея увлеченію; онъ все-таки желалъ, хотя и плохо вѣрилъ въ успѣхъ своихъ намѣреній, прежде чѣмъ рѣшиться дать свое согласіе на этотъ бракъ, испробовать все, что, по его понятіямъ, могло отвлечь сердце его дочери отъ ея первой, неудачной любви; и въ число придуманныхъ имъ для этого средствъ входила и оттяжка, то-есть время.

Цѣлыхъ два года крѣпился дѣдушка и не давалъ своего согласія; но, къ прискорбію своему, видѣлъ, что положеніе дѣла въ теченіе этого періода времени нисколько не измѣнилось. Тата по-прежнему много выѣзжала, по-прежнему производила фуроръ... и по-прежнему отказывала женихамъ. Пробовалъ дѣдушка не разъ вышучивать ея любовь и слова, какъ дѣтскій будто бы капризъ,— Тата молчала и улыбалась, но когда онъ или мать передавали ей о предложеніи какого нибудь новаго жениха, она отвѣчала:

— Вѣдь я же просила васъ, чтобы вы отказывали сами, какъ хотите. Зачѣмъ же заставлятъ ожидать, лишній день томить человека неизвѣстностью?

И въ концѣ концовъ дѣдушка, какъ ни горько это ему было, долженъ былъ согласиться на бракъ своей любимой дочери съ Платономъ Страховымъ. Случилось это на Рождественскихъ святкахъ, когда Платонъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Петербурга, а такъ какъ отпускъ жениха былъ непродолжителенъ, и 5-е января было днемъ рожденія дѣдушки, то и рѣшено было отпраздновать въ этотъ день помолвку. Узнавъ объ этомъ, старая нянька, и раньше говорившая, что все-то въ этомъ сватовствѣ «дѣялось не путемъ», возмутилась:

— Какая помолвка въ сочельникъ? Господи Іисусе! Видно, всѣ голову потеряли, всѣ съ ума посошли,—заворчала она, но ея основательная воркотня ничего не могла уже измѣнить, такъ какъ большая часть приглашеній была уже разослана. Казалось бы, и толковать было не о чемъ, но старость нелегко примиряется съ тѣмъ, что противно ея убѣжденіямъ, и когда въ ночь на сочельникъ закурила подземка, няня разворчалась такъ, что дѣдушка даже не выдержалъ и крикнулъ на нее:

— Да будетъ тебѣ каркать, старая ворона!

Но «старая ворона» не очень-то боялась барскихъ окриковъ и отвѣчала на него длинной, поучительной тирадой:

— Чего, батюшка, расходился, чего кричишь? Нешто не видишь, что тутъ и безъ всякаго карканья дѣло дрянъ выходитъ. Да и подѣломъ тебѣ! Не затѣвай въ сочельникъ сговоры назначать да балы

давать, не затѣвай гостей на плясы собирать, когда добрые люди постятся да кутью ѣдятъ! А теперь и гляди! Посозвали всѣхъ, по-приготовились, анъ, въ такую-то погоду, почитай, никто и носа изъ дома не покажетъ. Да ужъ кабы никто, а то изъ дальнихъ-го, може, кто и тронулся, и выйдетъ изъ твоего сговора ни балъ, ни будни: готовили про попа, а поѣлъ кто попаль.

Но, къ общему удовольствію, предсказанія старой няни на этотъ разъ не сбылись; къ полдню заметъ прекратилась, и къ Бордовичинскому дому стали одинъ за другимъ подѣзжать запряженные шестерками и четверками на выносъ возки и сани. Гостей собиралось много, но, къ огорченію дѣдушки, между ними не было губернатора. Это отсутствіе удивляло его, такъ какъ онъ былъ съ губернаторомъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и зналъ, что безъ особенно важной причины тотъ не оставитъ безъ своего участія такого его семейнаго торжества, какъ помолвка Таты.

Но вотъ уже и смерклось; большая, въ два свѣта съ хорами и эстрадой для музыки зала запылала огнями, гости разоплись передѣваться къ балу, а губернатора все не было.

Въ десять часовъ начался балъ, многолюдный, оживленный, съ роскошными туалетами дамъ, съ фамильными кружевами и бриллиантами, съ привезеннымъ изъ Москвы оркестромъ музыки. Невѣста въ своемъ воздушномъ, сдѣланномъ изъ блѣднорозоваго газа туалетѣ была такъ восхитительна, что у дѣдушки больно-пребольно жжалось сердце, когда онъ увидалъ ее. «И такая-то красота, такой-то ангелъ достается какому-то Платону Страхову», подумалъ онъ и старался даже не смотрѣть на дочь. А Платонъ Страховъ отъ восторга просто не чуюлъ земли подъ собой. Желая какъ нибудь примирить съ нимъ дѣдушку, бабушка не разъ указывала мужу на жениха и говорила:

— Ну, чтожъ, за то другой, можетъ быть, и не цѣнилъ бы такъ своего счастья, а на этого, по крайней мѣрѣ, отрадно смотрѣть, настоящій женихъ: счастливъ до одурѣнія и восхищенъ своей невѣстой до полной, должно быть, слѣпоты ко всему остальному.

Дѣдушка какъ бы пропускалъ мимо ушей слова жены, но, желая уломать себя, искоса наблюдалъ за женихомъ, и подчасъ нѣчто въ родѣ сдержанной, довольной улыбки мелькало на его лицѣ. Но вотъ случилось что-то странное; посреди бала, пробираясь позади стульевъ танцующихъ, къ Страхову подошелъ его старый лакей и, нагнувшись, что-то тихо доложилъ ему. Платонъ сразу было махнулъ рукой, чтобы онъ уходилъ, но старый слуга продолжалъ настойчиво говорить что-то, и Страховъ вдругъ смертельно поблѣднѣлъ и, даже не сказавъ ничего сидѣвшей подлѣ него невѣстѣ, поспѣшно вышелъ за своимъ лакеемъ въ швейцарскую. Черезъ минуту онъ вернулся въ залъ и, подойдя къ Татѣ, сталъ что-то быстро говорить ей, причемъ замѣтно было, какъ дрожала его ниж-

няя челюсть. На лицѣ Таты сначала выразилось удивленіе, а потомъ тревога, но, по привычкѣ владѣть собою, она быстро подавила свое волненіе и осталась на мѣстѣ, продолжая любезно разговаривать съ сидѣвшими ближе къ ней гостями. Выбравъ удобную минуту, дѣдушка подошелъ къ дочери и, уклонившись съ нею отъ гостей, спросилъ:

— Что такое случилось? Куда побѣжалъ Платонъ?

— Не знаю, папѣ. Онъ долженъ былъ немедленно уѣхать по какому-то, вѣроятно, очень важному дѣлу.

— Уѣхать? Отъ помолвки? Но онъ, конечно, вернется?

— Не знаю, впрочемъ, вѣроятно, сегодня не вернется, потому что онъ все просилъ меня не беспокоиться, а если бы его отсутствіе продолжалось всего нѣсколько часовъ, о какомъ же безпокойствѣ могла бы быть рѣчь?

— Да что онъ сказалъ тебѣ?

— Право, и понять хорошенько было трудно: онъ былъ очень взволнованъ и спѣшилъ. Проговорилъ только: «ради Бога, простите, что я долженъ уѣхать отъ васъ въ такую минуту. Я отлично понимаю, какую непріятность причиняю этимъ всѣмъ вамъ, но, надеюсь, вы поймете, что поступить такъ меня могутъ заставить лишь совершенно исключительныя обстоятельства». И ушелъ.

Дѣдушка былъ ошеломленъ. Онъ не могъ придумать, какія такія исключительныя обстоятельства могли заставить Платона уѣхать съ помолвки, но понималъ, что, во всякомъ случаѣ, этотъ стремительный отъѣздъ не сулил ничего хорошаго. Сохраняя наружное спокойствіе, онъ прошелся по комнатамъ и увидѣлъ, что отецъ, мать и сестры Платона были на лицо и, повидимому, ничего не знали о случившемся,—слѣдовательно, съ семейной стороны все обстояло благополучно. Войдя въ кабинетъ, онъ остановился на минуту у карточнаго стола, дѣлая видъ, что слѣдитъ за игрой, а между тѣмъ обдумывалъ, какъ же и чѣмъ объяснить гостямъ неожиданное исчезновеніе жениха.

— Баринъ, Георгій Николаевичъ, — слышался полушепотъ сзади.

Дѣдушка оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ, ведшихъ въ коридоръ, своего камердинера.

— Что тебѣ?—не отходя отъ стола, спросилъ онъ.

— Пожалуйте-съ на минуточку... Пріѣхалъ исправникъ и проситъ немедленно доложить вамъ. Говоритъ, очень важное дѣло, — сообщилъ слуга, когда дѣдушка вышелъ къ нему въ коридоръ.— «Ага! Только полиціи для полнаго скандала и не доставало»,—подумала дѣдушка и, обращаясь къ камердинеру, спросилъ:

— Гдѣ же исправникъ?

— Въ няниной комнатѣ. Они не пожелали войти, чтобъ не обезпокоить гостей.

Дѣдушка пошелъ по длинному коридору, въ самомъ концѣ котораго находилась маленькая комнатка старой няни.

— Извините, ваше превосходительство, что такъ несвоевременно беспокою васъ, но обязанности службы...—проговорилъ исправникъ, когда дѣдушка вошелъ въ комнату.

— Обязанности вашей службы ко мнѣ?—сурово спросилъ дѣдушка.

— Нѣтъ-съ, я былъ въ усадьбѣ г. Страхова, но прислуга сказала мнѣ, что всѣ они уѣхали къ вамъ... А, между тѣмъ, дѣло не терпитъ отлагательства...

— Къ кому же именно изъ Страховыхъ имѣете вы дѣло?

— Къ сыну Бориса Алексѣевича, гвардіи поручику Платону Борисовичу Страхову.

— Гм... И такое важное дѣло, что его нельзя отложить даже до утра? Вы знаете, что сегодня помолвка этого самаго Страхова съ моей дочерью?

— Слыхалъ объ этомъ, ваше превосходительство. Это, конечно, еще болѣе затрудняетъ исполненіе моихъ обязанностей, но долгъ службы...

Дѣдушка отворилъ дверь въ коридоръ и, не выходя изъ комнаты, позвалъ лакея.

— Поди, попроси сюда Платона Борисовича,—приказалъ онъ.

Онъ, конечно, зналъ, что Платона уже не было въ домѣ, и дѣйствовалъ такъ почти инстинктивно; онъ только понималъ, что если Платонъ послѣшилъ уѣхать до прибытія исправника и не встрѣтился съ нимъ въ дорогѣ, то, стало быть, онъ уѣхалъ не для того, чтобы предупредить это прибытіе, а, вѣроятно, имѣя надобность сдѣлать что нибудь дома, и слѣдовательно, ему надо было дать выиграть время, задержавъ насколько возможно дольше исправника.

Черезъ нѣсколько минутъ лакей вернулся и доложилъ, что онъ нигдѣ не нашелъ Страхова.

— Вотъ это мило!—разсмѣялся дѣдушка.—Жениха не нашелъ! Ну ступай, ищи еще, авось и найдешь гдѣ нибудь.

— Нѣтъ, позвольте, ваше превосходительство,—заволновался исправникъ.—Нельзя ли это мнѣ?.. Я какъ нибудь объясню свой пріѣздъ.

— Что такое? Я ничего не понимаю. Вы хотите искать Страхова? Да чтожь онъ прятаться отъ васъ станетъ, что ли?

— Очень можетъ быть... Тутъ, видите ли, такое дѣло... Я не могу объяснить... Извините, пожалуйста, ваше превосходительство,—но въ случаѣ чего, мнѣ можетъ такъ нагорѣть, что и службы лишусь, и даже худшее...

— И все-таки ничего не понимаю. Вамъ нуженъ Страховъ—его сейчасъ и позовутъ. Ступай, ищи!—крикнулъ онъ на лакея.

Но едва ушелъ лакей, какъ въ дверяхъ комнаты показался камердинеръ.

— Ваше превосходительство приказать изволили позвать къ себѣ Платона Борисовича. Они уѣхали домой. За ними пріѣзжали изъ Лялина, кто-то дожидается ихъ тамъ по важному дѣлу. Они взяли лошадь и поѣхали верхомъ.

— Ну, вотъ видите: вы за нимъ, а онъ за вами,—сказалъ дѣдушка исправнику.—Какъ же теперь быть? Вы, что же, подождете его здѣсь. Вѣдь онъ, конечно, вернется, узнавъ, что вы поѣхали сюда.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, этого никакъ нельзя. Я ужъ поѣду.

Простившись съ исправникомъ, дѣдушка вернулся въ залъ и шутливо объявилъ гостямъ, что женихъ нечаянно-негаданно украденъ съ бала: вызванъ эстафетой въ Петербургъ, но, какъ ни прискорбно это, онъ усерднѣе проситъ веселиться безъ него, чтобы невѣста не пришла ужъ въ полное отчаяніе отъ этого неожиданнаго похищенія. Въ первую минуту гости были нѣсколько озадачены этимъ сообщеніемъ, и одна изъ дамъ даже громко выразила свое недоумѣніе.

— Какъ же это: прямо съ помолвки и скакать въ Петербургъ?

— Что же дѣлать, сударыня? Служба не разсуждаетъ,—возразилъ дѣдушка:—а Платонъ не былъ при новомъ воцареніи. Говорятъ, тамъ вышло какое-то недоразумѣніе съ присягой, и вотъ, вѣроятно, поэтому и требуютъ экстренно всѣхъ офицеровъ къ своимъ частямъ.

До губерніи успѣли уже дойти, хотя и очень смутные, слухи о событіяхъ 14-го декабря, и поэтому объясненіе дѣдушки показалось гостямъ настолько правдоподобнымъ, что они, выразивъ лишь невѣстѣ свое соболѣзнованіе, по случаю неожиданнаго отъѣзда ея жениха, преспокойно продолжали веселиться. Правду узналъ только отецъ жениха и подъ предлогомъ, что все-таки нужно проводить сына, уѣхалъ съ женою домой.

Между тѣмъ дѣдушка, какъ-то случайно натолкнувшись на мысль о событіяхъ въ столицѣ, остановился на ней. А что если и въ самомъ дѣлѣ это событіе имѣло связь съ тѣмъ, что происходило теперь здѣсь? Но причѣмъ же тутъ могъ быть Платонъ? Какіе-то уличные беспорядки—и гвардейскій офицеръ! А между тѣмъ этотъ пріѣздъ исправника, это ничѣмъ не объясненное исчезновеніе Платона, его испугъ!.. «Однако, хорошъ же гусь губернаторъ», съ досадою думалъ дѣдушка. «Не могъ предупредить меня. А еще приятелемъ называется!» Но этотъ укоръ былъ совершенно напрасенъ. На разсвѣтъ, нарочный, нѣсколько запоздавшій, по случаю тяжелой дороги, привезъ ему письмо отъ губернатора, въ которомъ тотъ писалъ: «Любезный другъ, Григорій Николаевичъ. Спѣшу предупредить васъ и боюсь, удастся ли мнѣ это (всѣ люди въ разгонѣ, и голова идетъ кругомъ), чтобы вы отмѣнили подъ какимъ либо благо-

виднымъ предлогомъ помолвку Александры Георгіевны. Всѣхъ гостей, за краткостью времени, конечно, предупредить объ этомъ нельзя, но если съѣдутся они, пусть будетъ просто балъ и безъ Страхова, (пусть заболѣетъ онъ, что ли). Почему?—объясню при личномъ свиданіи».

Это письмо не оставляло сомнѣнія въ томъ, что надъ Платономъ, стало быть, дѣйствительно стряслось что-то и серьезное и, вѣроятно же всего,—неблаговидное. Но что именно? Распроводивъ на слѣдующій день гостей, дѣдушка, чтобы удовлетворить желанію Таты, которая хотя и не знала ни о пріѣздѣ исправника, ни письмѣ губернатора, но все-таки волновалась неизвѣстностью о женихѣ, поѣхалъ къ Страховымъ. Но тамъ онъ нашелъ всю семью въ полномъ отчаяніи и почти такой же неизвѣстности на счетъ участи сына, въ какой находились и Бордовицны. Отъ старика лакея знали только, что ночью въ Лялино (такъ называлось имѣніе Страховыхъ) прискакалъ исправникъ съ двумя жандармами и, доставшись въ ворота, а потомъ и въ домъ, потребовалъ, чтобы его прямо проводили въ комнату Платона. Лакей отвѣчалъ, что его барина нѣтъ дома, что по случаю его помолвки съ Бордовицынской барышней всѣ господа находятся въ Богдановѣ.

— Экая напасть! Какъ теперь туда ѣхать? А не миновать,—проговорилъ исправникъ.

Старый слуга, жившій все время и въ Петербургѣ съ Платономъ и запримѣтившій кое-что странное въ поведеніи своего барина и его товарищей по полку, быстро сообразилъ, что пріѣздъ исправника съ жандармами не предвѣщаль ничего хорошаго, и, желая предупредить объ этомъ своего господина, пробовалъ задержать исправника.

— Какъ же вы, ваше благородіе, поѣдете туда? Вѣдь тамъ гостей полонъ домъ. До утра-бъ изволили обождать.

— Никакъ нельзя этого, старина: дѣло очень слѣшное,—пояснилъ исправникъ.

— Это, извѣстно, вамъ лучше знать, да ѣхать-то туда ночью—бѣда. Вѣдь Лялино отъ Богданова и недалече, а между ними Чортова балка лежитъ. Господа вотъ и днемъ ѣхали, а и то ихъ цѣлый конвой верховыхъ провожалъ, и все-таки пришлось откапывать да на рукахъ возокъ вытаскивать: лошади чуть не по уши ушли. А ночью тамъ и совѣмъ застрянете, и все равно до утра просидите.

— Какая же это Чортова балка? Гдѣ она?

— Да такъ тутъ одинъ оврагъ называется, черезъ него и лѣтомъ-то съ опаской ѣздить, а теперь тамъ понасыпало снѣгу вровень съ краями, и, почитай, не ѣздитъ никто.

— Да вѣдь ѣздить же какънибудь!

— Кому у насъ и ѣздить-то, сударь? Извѣстно, случается нужда, только больше все ѣздить проселкомъ, въ объѣздъ. Только ѣхать

проселкомъ—нужно крѣпко хорошо дорогу знать, потому сами изволите видѣть, сколько ноничь снѣгу навалило, да къ тому-жъ еще днемъ мело порядкомъ. Если угодно, я дамъ проводить верховаго съ фонаремъ, а то лучше-бъ до утра остались.

— Нельзя, братецъ, нельзя; мнѣ нужно еще въ одно мѣсто поспѣть. Если можно, пожалуйста, дай провожатаго.

— Слушаю-съ. Я сейчасъ пойду, разбужу парня и прикажу собраться.

Но оказалось, что на сборы провожатаго потребовалось очень много времени, и только настойчивое со стороны исправника «поскорѣй» кое-какъ подвинуло дѣло. Исправника повезли въ объѣздъ, съ расчетомъ, чтобы онъ добрался до Богданова, по крайней мѣрѣ, хотя на часъ, на полтора позднѣе старика лакея, поскакавшаго туда же напрямикъ, такъ какъ въ дѣйствительности никакой опасности для проѣзда чрезъ Чоргову балку не существовало. Извѣщенный о случившемся Платонъ, по отъѣздѣ изъ Богданова, всего лишь на нѣсколько минутъ заѣзжалъ въ свое имѣніе; онъ взломалъ только ящикъ письменнаго стола въ кабинетѣ отца и, взявъ оттуда деньги, оставилъ послѣднему коротенькую записку, такого содержанія: «папа, деньги взялъ я. Извини, что беру всѣ, но онѣ мнѣ крайне нужны. Пожалуйста, не безпокойся чрезмѣрно, если до тебя дойдутъ какіе нибудь слухи изъ Петербурга». И послѣ этого, перемѣнивъ лошадей, онъ уѣхалъ изъ Лялина, но куда—никто не зналъ,

И изъ Петербурга дѣйствительно не замедлили дойти слухи, и на этотъ разъ уже болѣе ясны. Стало извѣстно, что въ столицѣ произошли не уличные безпорядки, не мимолетная вспышка черни, вызванная какимъ нибудь недоразумѣніемъ или пустою случайностью, но настоящій бунтъ, въ которомъ принимали участіе, и даже преимущественно, войска и которому предшествовалъ заговоръ. Рассказывали о большихъ будто бы развѣтвленіяхъ этого заговора и о произведенныхъ по всей Россіи арестахъ. Изъ всего этого можно было уразумѣть, какого рода была вина Платона, и какая опасность угрожала ему. Теперь было уже несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ этому заговору, но въ какой мѣрѣ и куда и зачѣмъ уѣхалъ, нужно ли ему было предупредить кого нибудь изъ соучастниковъ, схватили ли и арестовали его, гдѣ находился онъ теперь?—всѣ эти вопросы оставались пока безъ отвѣта.

— Нѣтъ, молодой государь слишкомъ великодушенъ! Позволить женамъ этихъ бунтарей слѣдовать за мужьями и даже приказать оказывать имъ всякое содѣйствіе—это, какъ хотите, доброта выше мѣры. Вѣдь это самое существенное облегченіе участи виновныхъ, съ которымъ соединена цѣлая тысяча всякихъ другихъ льготъ. А

стоятъ ли они этого, эти негодные люди, осмѣлившіеся возмущать войска и народъ противъ своего государя?

Это говорилъ за обѣдомъ у дѣдушки губернаторъ и говорилъ горячо, подбирая изъ сообщеній о декабрьскихъ событіяхъ такіе эпизоды и подробности, которыя должны были возможно больше унижить заговорщиковъ. Дѣлалось это главнымъ образомъ потому, что за столомъ сидѣла и Тата. Хотя она со дня своей злосчастной помолвки почти ни слова не говорила о Платонѣ, но дѣдушка боялся, что она зато слишкомъ много думала о немъ, и, желая всякими способами «образумить» свою дочь, онъ всячески старался развѣнчать въ ея глазахъ предметъ ея первой любви. Губернаторъ зналъ это и съ своей стороны хотѣлъ попріятельски помочь ему, но на этотъ разъ слова, хотя и щедро уснащенные всякими не лестными для заговорщиковъ эпитетами, привели къ совершенно неожиданному результату. Въ тотъ же день вечеромъ Тата вошла въ кабинетъ отца и, опускаясь передъ нимъ на колѣни, проговорила:

— Папа, я имѣю къ вамъ очень большую просьбу... очень большую и... необыкновенную. Ради Бога, не откажите мнѣ.

Дѣдушка и безъ того не умѣлъ отказывать своей любимой дочери, теперь же, видя ее на колѣнахъ, блѣдную и взволнованную, онъ совсѣмъ растерялся.

— Что такое, что такое? Говори, мой другъ,—сказалъ онъ, подымая Тату съ колѣнъ.

— Папа, не пугайтесь, я предупредила васъ, что моя просьба будетъ необыкновенна... Ради всего прошу васъ, если можно, завтра же поѣдьте въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? Зачѣмъ же, Тата? Въ чемъ дѣло?—догадываясь, что дѣло касается Платона, и еще больше теряясь, спросилъ онъ.

— Я дала слово Платону быть его женой и должна раздѣлить его участь, какова бы она ни была.

— Но, Тата, опомнись. Неужели же ты согласишься стать женою государственнаго преступника? Неужели ты можешь сочувствовать этому негодню? Тебя, кажется, не такъ воспитывали. Пощади же меня.

— Мы не знаемъ, папа, сути заговора, но слышите, какіе все люди замѣшаны въ немъ? Развѣ могутъ всѣ они быть негодьями?

— Для насъ достаточно знать, что они осуждены государемъ, а государь рыцарски честенъ и справедливъ, ему можно вѣрить.

— Ахъ, папа, не въ томъ дѣло. Они, конечно, заслуживаютъ своей участи за бунтъ, но я хочу сказать, что, можетъ быть, самая идея ихъ не есть идея негодяевъ, какъ вы ихъ называете. Однимъ словомъ, папа, я сама хочу знать все и даю вамъ слово, что если Платонъ окажется не честнымъ члѣвкомъ, я не выйду за него, но до тѣхъ поръ, пока не узнаю всего сама, я не успокоюсь.

Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, дѣдушка, конечно, сдался

на просьбы Таты и, заручившись отъ моего дѣда съ отцовой стороны письмомъ къ его другу и сослуживцу, графу Алексѣю Федоровичу Орлову, поѣхалъ съ дочерью въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Тата, боясь, чтобы отъ нея не скрыли чегонибудь, всюду неотступно слѣдовала за отцомъ; вмѣстѣ отправились они и къ графу Орлову. Орловъ принялъ ихъ, общалъ навести самыя тщательныя справки о Страховѣ и назначилъ день, когда они должны были пріѣхать за отвѣтомъ.

Въ назначенный день дѣдушка явился съ дочерью въ приемной графа, о нихъ доложили и попросили въ кабинетъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу дать вамъ большихъ свѣдѣній относительно участи интересующаго васъ молодаго человѣка,—проговорилъ Орловъ, когда дѣдушка съ Татой вошли въ кабинетъ:—онъ бѣжалъ.

— Бѣжалъ? О какое гадкое слово!—могла только промолвить Тата.

— Pardon, mademoiselle, если хотите—скрылся. Въ списокѣ противъ его фамиліи стоитъ слово «бѣжалъ». Я велѣлъ просмотрѣть все дѣло, и въ послѣднемъ отчетѣ значитъ: «не отысканъ».

На другой же день Тата уѣхала съ отцемъ изъ Петербурга домой.

Прошло два года. О Страховѣ за все это время не было ни слуху, ни духу. Тата никогда не вспоминала о немъ, но и замужъ не выходила, и родителямъ волей-неволей приходилось мириться съ мыслью, что ихъ красавица дочь, мечтать о блестящемъ положеніи которой было такъ радостно, навсегда останется при нихъ.

Однажды вечеромъ, когда вся находившаяся на лицо семья дѣдушки сидѣла за вечернимъ чаемъ на террасѣ, дѣдушкѣ доложили о пріѣздѣ Бориса Алексѣевича Страхова. Дѣдушку передернуло. Послѣ неудачнаго сватовства, отношенія Бордовицныхъ и Страховыхъ держались лишь на официальныхъ визитахъ, и поэтому этотъ неожиданный и безпричинный пріѣздъ Бориса Алексѣевича встревожилъ дѣда. Онъ взглянулъ на дочь; на лицѣ Таты тоже можно было уловить волненіе, хотя она и дѣлала усилія сохранить наружное спокойствіе.

Страховъ вошелъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій и кое-какихъ вступительныхъ фразъ, оглядываясь по сторонамъ, не слышитъ ли кто изъ прислуги, тайно объявилъ, что пріѣхалъ Платонъ.

— Гдѣ же былъ онъ до сего времени?—сухо спросилъ дѣдушка.

— А за границей. Онъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, прекрасно устроился тамъ. И, знаете, совсѣмъ настоящей французъ сталъ, такъ это усвоилъ всѣ ихъ манеры, привычки,—охотно пустился было въ рассказы, очевидно, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко Страховъ. Но дѣдушка перебилъ его.

— Какія же это вліятельныя лица могли оказывать ему содѣйствіе?—спросилъ онъ.

— Да, знаете, изъ этихъ же... Вѣдь тамъ всякіе были замѣшаны, принимали участіе... Такъ вотъ ихъ родственники. Нужно отдать имъ справедливость: у нихъ большое, можно даже сказать, примѣрное единодушіе...

— Кагальность, какъ всегда у подпольныхъ дѣльцовъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Георгій Николаевичъ, такъ выражаться? Ихъ все-таки не нужно смѣшивать... Они все-таки благородные люди, могу васъ увѣрить въ томъ. Возьмите ихъ идеи, онѣ, конечно, сумасбродны, но основа ихъ...

— Изъ уваженія къ тому, что это говоритъ отецъ, хотѣлъ бы вѣрить, но подпольная дѣятельность, какими бы идеями она ни вызвалась, вообще претитъ моему характеру, правиламъ и понятіямъ о благородствѣ.

Разговоръ оборвался, и нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Положеніе было натянутое. Всѣ понимали, что Страховъ пріѣхалъ «съ чѣмъ-то», и не желали дать ему возможность высказать это «что-то», а самъ онъ терялся и не зналъ, какъ и съ чего начать. Онъ нѣсколько разъ многозначительно взглядывалъ на Тату, какъ бы прося ее какимъ нибудь вопросомъ помочь ему, вывести его изъ затрудненія, но она тоже молчала, и холодное, безстрастное выраженіе ея лица давало понять, что она относится къ происходящему совершенно безучастно. Дѣдушка былъ взволнованъ больше всѣхъ; онъ не зналъ, какое въ сущности составилось въ головѣ его дочери понятіе о декабристахъ, ибо Тата никогда не говорила о нихъ, и, боясь, чтобы новые по ихъ адресу панегирики старика не подлили масла въ огонь, искалъ предлога увести его. Наконецъ, онъ надумался предложить ему осмотрѣть какія-то нововведенія, сдѣланныя на конномъ заводѣ. Страховъ уцѣпился и за это.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Георгій Николаевичъ, я уже много слыхалъ объ этомъ, но позвольте мнѣ прежде исполнить порученіе сына, передать его почтительнѣйшую просьбу... Платону, какъ сами понимаете, не совсѣмъ удобно показываться, знаете, лишніе глаза — лишній и языкъ, а время теперь строгое... Онъ и такъ безумно рисковалъ, летя сюда, настоящее сумасшествіе... но сердце не слушаетъ внушеній ума. Поэтому онъ позволяетъ себѣ почтительнѣйше просить пожаловать васъ и Александру Георгіевну къ намъ. Онъ надѣется, что вы, конечно, простите ему эту смѣлость, принимая въ соображеніе обстоятельства, иначе онъ, понятно, давно бы самъ былъ здѣсь... Надѣюсь, Александра Георгіевна, — обратился старикъ уже прямо къ Татѣ, — вы не откажете безумцу, который ради васъ рискуетъ головой. Такое чувство и вѣрность, думаю, достойны вашей доброты.

Дѣдушка замеръ, ожидая отвѣта Таты.

— Передайте, Борисъ Алексѣевичъ, вашему сыну, что я очень цѣню и благодарна ему за память обо мнѣ, но встрѣчаться съ нимъ

не вижу надобности, — проговорила Тата и, поднявшись съ плетенаго диванчика, на которомъ сидѣла, ушла съ террасы въ домъ.

На слѣдующій день въ Богданово прискакалъ Платонъ. Узнавъ, вѣроятно, о побѣдѣ Таты въ Петербургѣ, онъ, очевидно, не хотѣлъ примириться сразу съ такимъ отвѣтомъ ея и, предполагая тутъ какое нибудь недоразумѣніе, должно быть, надѣялся при личномъ свиданіи объяснить и измѣнить ея рѣшеніе. Войдя въ гостиную, онъ засталъ тамъ только бабушку съ ея компаньонкой, но вскорѣ пришелъ и дѣдушка, извѣщенный о пріѣздѣ Платона.

— Могу я видѣть Александру Георгіевну? — просидѣвъ минуту, спросилъ Платонъ. — Надѣюсь, она не лишитъ меня чести быть принятымъ ею.

— Но, кажется, дочь вчера сказала вашему отцу то, что находила нужнымъ сказать, — возразилъ дѣдушка, много успокоенный вчерашнимъ отвѣтомъ Таты, но все-таки боявшійся личнаго свиданія дочери съ ея прежнимъ женихомъ.

— Да, отецъ передалъ мнѣ. Но я желалъ бы слышать, желалъ бы многое знать отъ самой Александры Георгіевны.

Дѣдушка пожалъ плечами, но, обращаясь къ компаньонкѣ, сказалъ:

— Пожалуйста, скажите Татѣ, какъ она желаетъ.

Тата вошла. Лицо ея было спокойно, но по легкому дрожанію голоса и пятнами вспыхивавшему по временамъ румянцу видно было, чего стоило ей это наружное спокойствіе.

— Скажите, Тата, — едва только она вошла въ комнату и поздоровалась съ нимъ, заговорилъ Платонъ, — чѣмъ провинился я такъ передъ вами, что заслужилъ такой отвѣтъ? Если я виноватъ передъ царемъ, то я и несу кару, но за что же вы?.. Что сдѣлалъ я? Объясните мнѣ, пожалуйста, сами вашъ отвѣтъ, что это: измѣна ли, то-есть забыли ли, разлюбили вы меня, или тоже кара? Но за что? Неужели за то, что заговорщикъ, преступникъ я? Но вѣдь нужно же, Тата, разбирать вещи. И я надѣялся на васъ, я думалъ, вы потрудитесь вникнуть въ суть нашего дѣла — и поймете, что нельзя же всѣхъ преступниковъ подводить подъ одну категорію, что можно, и будучи по извѣстнымъ понятіямъ преступникомъ, оставаться въ то же время... ну, хотя не заслуживающимъ презрѣнія близкихъ людей человѣкомъ. Вѣрьте, Тата, что не всегда іезуитское правило: «цѣль оправдываетъ средства», можетъ быть примѣнено для прикрытія лишь низкой дѣятельности... Неужели вы не поинтересовались узнать, чего искали и желали мы? Мнѣ больно ставить вамъ этотъ вопросъ. Я боюсь его, потому что въ немъ заключается объясненіе всего: если вы не поинтересовались узнать — стало быть, я для васъ чужой человѣкъ; если узнали и гоните... долженъ ли я думать, что не заговоръ тому причиной? Ради Бога отвѣчайте, Тата.

— Я никогда не думала обвинять васъ за ваши идеи, ужъ по одному тому, что всего не знаю, а судить по слухамъ — возможенъ ли такой судъ?

— Такъ, стало быть, я долженъ думать послѣднее, потому что не смѣю же я думать, что въ вашихъ убѣжденіяхъ произошла такая перемѣна, что васъ отвращаетъ мое теперешнее положеніе, — положеніе лишеннаго званія государственнаго преступника. Я знаю о вашей поѣздкѣ въ Петербургъ, знаю, съ какимъ великодушнымъ намѣреніемъ вы ѣздили туда, и это дало мнѣ смѣлость явиться къ вамъ и просить объясненія.

— Если знаете, тѣмъ лучше: мнѣ, стало быть, не нужно увѣрять васъ, что не участь жены ссыльно-каторжнаго останавливаетъ меня. Но... Тата запнулась на минуту; лицо ея вспыхнуло, и она даже встала отъ волненія. Видно было, что ей стоило большого труда выговорить послѣдующую фразу, но, подавивъ кое-какъ свое волненіе, она обрывавшимся чуть не на каждомъ словѣ голосомъ проговорила: — Но стать женою бѣглаго дворянина — смѣли ли вы ожидать этого отъ меня?

Страховъ, очевидно, никакъ не ожидалъ обвиненія съ этой стороны, и въ первую минуту опѣшилъ и молчалъ.

Тата, между тѣмъ, продолжала:

— Простите, Платонъ Борисовичъ, за весьма, быть можетъ, горькую для васъ откровенность, но, во-первыхъ, вы сами просили меня быть откровенной, а, во-вторыхъ, я вижу, что вынуждена вамъ это сказать, такъ какъ ваше удивленіе доказываетъ, что вы, вѣроятно, никогда не задумывались надъ вашимъ поступкомъ, но когда я узнала, что вы заочно лишены дворянскаго достоинства, я готова была поклониться въ ноги государю за эту кару. Дворянину возможно, конечно, иногда, какъ и всякому человѣку, впасть по слабости ли характера, по неосмотрительности или увлеченію, въ ошибки и проступки, но онъ долженъ и тутъ помнить, что онъ дворянинъ, долженъ, по крайней мѣрѣ, открыто, не изворачиваясь и не вилія, держать отвѣтъ за нихъ и, если нужно, понести и наказаніе... Такъ поступили и ваши соучастники; они и на допросѣ, и, я увѣрена, теперь въ своихъ арестантскихъ халатахъ остались тѣмъ же, чѣмъ были, между тѣмъ какъ вы...

— Но, Тата, вѣдь я же и бѣжалъ изъ-за васъ. Смѣлъ ли я думать, что въ случаѣ ареста и суда надо мною вы рѣшитесь раздѣлить мою участь? Для меня сдаться значило отказаться отъ васъ навсегда, а это было выше силъ моихъ.

— И вы бѣжали, рассчитывая изъ «бѣговъ» явиться за мной? Какъ же плохо вы знали меня, Платонъ Борисовичъ! Вѣдь я тоже дочь дворянина и, право, не безъ смысла ношу это званіе. Я, можетъ быть, еще примирилась бы съ вами, объяснивъ вашъ посту-

покъ неожиданностью, испугомъ, смятеніемъ ума, если бы вы, хотя вполсѣдствіи, одумались и исправили его...

— Для этого, Тата, время не ушло; я и теперь могу явиться государю, рассказать ему все и просить суда надъ собой.

Дѣдушка заволновался при этихъ словахъ Платона и устремилъ испуганный взглядъ на дочь. Но та спокойно отвѣчала:

— Конечно. Но только знайте, что въ моихъ глазахъ вашъ поступокъ не будетъ уже имѣть настоящей цѣны, такъ какъ онъ не самопроизвольный... а подсказанъ вамъ мною, и, слѣдовательно, вы остаетесь — вы. Больше я, кажется, ничего не имѣю сказать вамъ,—проговорила Тата и, поклонившись Страхову, вышла изъ комнаты.

Это было послѣднее свиданіе тети Таты съ ея женихомъ; больше они никогда не встрѣчались, но, вѣрная себѣ, она ни за кого не вышла замужъ и умерла дѣвицей. Скончалась тетя Тата въ Петербургѣ въ 1880 году и по странному совпадению — въ крещенскій сочельникъ. Она заранѣе указала на этотъ день, какъ на день своей кончины. Когда за недѣлю до смерти жившая при ней сестра предложила ей пріобщиться, Тата отвѣчала, что сама знаетъ, когда это нужно исполнить.

— Я, впрочемъ, умру въ крещенскій сочельникъ,—сказала она:— это роковой для меня день.

— Но неужели же, Тата, ты помнишь до сихъ поръ Страхова и твою злополучную помолвку?—удивленно спросила сестра.

— Соесѣмъ тутъ не въ Страховѣ дѣло, но этотъ день рѣшилъ одну мою участь—здѣсь, навѣрное, онъ же рѣшитъ и другую.

И она дѣйствительно умерла въ крещенскій сочельникъ. При этомъ мнѣ вспоминается одинъ маленькій эпизодъ, происшедшій на ея похоронахъ. Хоронили тетушку въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; по петербургскимъ правиламъ гробъ въ теченіе всей службы оставался закрытымъ, и лишь въ концѣ отпѣванія его открыли, чтобы дать усопшей разрѣшительную молитву, а роднымъ — проститься съ ней. Когда крыша была снята, въ группѣ стоявшихъ позади меня богомолкъ вдругъ послышался сдержанный полусшепотъ: «ахъ, да и красавица же какая!» Я невольно при этомъ подумала: «вотъ ужъ по истинѣ съ чѣмъ въ колыбелькѣ — съ тѣмъ и въ могилкѣ». А сзади между тѣмъ опять послышалось: «и чего жъ это они ее въ чепецъ нарядили?»

— Да какъ же иначе? Вѣдь она же старуха,—сказала я.

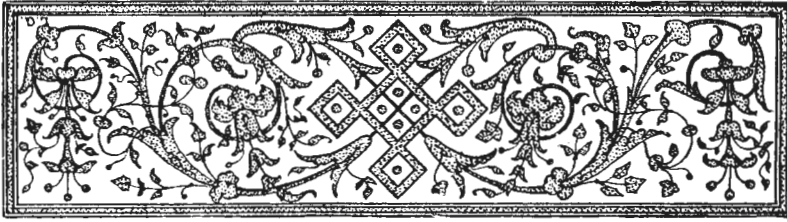
— Что вы, матушка, какая старуха? Нешто мы ослѣпли, не видимъ.

Я взглянула на тетю Тату. Среди лентъ, кружевъ и кисей нѣжно вырисовывался на обшитой рюшемъ подушкѣ ея тонкій, словно выточенный изъ слоновой кости профиль, она похудѣла за болѣзнь,

смерть сгладила и послѣднiя, бывшiя кое-гдѣ морщинки съ ея лица и придала ея до старости сохранившей свою прозрачность и бѣлизну кожѣ лишь легкiй желтоватый оттѣнокъ, и, глядя на нее съ того мѣста, гдѣ стояли мы, да еще слыша, что на эктенiяхъ упоминаютъ «дѣвицу» Александру, дѣйствительно, можно было подумать, что въ гробѣ лежитъ молодая красавица. Да, тетупка безспорно была красавица, но, увы, ея красота не дала ей счастья.

К. Иксуль.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ МЕРДЕРЪ.

(Воспитатель императора Александра Николаевича).

В ТЕКУЩЕМЪ году исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со времени основанія школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, переименованной впоследствии въ Николаевское кавалерійское училище.

Юбилей учрежденія, задуманнаго императоромъ Николаемъ I, въ бытность его еще великимъ княземъ, даетъ намъ поводъ вспомнить объ одномъ изъ пионеровъ этого дѣла, положившемъ немало труда на приведеніе школы въ состояніе, соответствовавшее предначертаніямъ августѣйшаго ея инициатора, а именно о первомъ ротномъ командирѣ Карлѣ Карловичѣ Мёрдерѣ.

Жизнь и дѣятельность покойнаго генералъ-адъютанта Мёрдера, осчастливленнаго впоследствии назначеніемъ на высокій постъ воспитателя великаго князя Александра Николаевича, уже нѣсколько разъ служила матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій.

Авторъ настоящей статьи, задавшись цѣлью дать, по возможности, болѣе полный біографическій очеркъ генерала Мёрдера, сгруппировалъ эти, разбросанныя въ различныхъ изданіяхъ, данныя въ одно цѣлое и дополнилъ ихъ неизданными матеріалами, почерпнутыми изъ семейнаго архива.

I.

Воспитатель наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, генераль-адъютантъ, Карль Карловичъ Мёрдеръ, по рожденію своему, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, о которомъ имѣются документальныя извѣстія уже съ первой половины XIII вѣка (съ 1244 года). Въ мужскомъ поколѣніи родъ Мёрдеръ съ начала восемнадцатаго столѣтія пресѣкъся въ Германіи, но, въ лицѣ прадѣда Карла Карловича, служившаго подъ знаменами курфюрста саксонскаго, утвердился въ Вѣлоруссіи.

Отецъ К. К. Мёрдера, Карль-Адамъ¹⁾, вступилъ въ военную службу въ 1772 году, по старому обыкновенію, едва достигнувъ четырнадцати лѣтъ. Во время польскаго возстанія онъ былъ раненъ, затѣмъ въ 1781 году, въ бытность свою въ Варшавѣ, женился на дочери капитана королевско-польскихъ надворныхъ драгунъ, эмигранта—француза Де-Франсе-Ле-Телье; оставилъ военную службу; вступилъ въ должность городничаго въ городѣ Бѣлицахъ Могилевской губерніи, и тамъ 8 января 1788 года родился Карль Карловичъ.

Карль-Адамъ Мёрдеръ, безъ сомнѣнія, не могъ не имѣть непосредственнаго вліянія на характеръ и нравственное развитіе своего сына, а потому считаю необходимымъ упомянуть о немъ нѣсколько подробнѣе.

Знавшіе его лично помѣщики Могилевской губерніи, гг. Лизогубъ, Кельчевскій, Кученевъ, Миклашевскій и другіе, въ оставленныхъ ими запискахъ, свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ былъ честный и прямой служака, вмѣстѣ съ тѣмъ правдивый и безпристрастный, но нѣсколько крутой, что, по требованіямъ того времени, дѣлало его человѣкомъ, вполне подходящимъ къ мѣсту, которое онъ занималъ.

Любя строгость и дисциплину, онъ подчинилъ ей все его окружающее и всегда оставался вѣренъ тѣмъ привычкамъ, съ которыми сроднился въ военной службѣ. Чуждый всякихъ, даже поверхностныхъ, научныхъ познаній, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ образованіи, онъ оставался при убѣжденіи, что, кромѣ военныхъ наукъ, всякія другія человѣку бесполезны.

Понятно, что при такомъ узкомъ взглядѣ и пристрастіи къ военной службѣ онъ спѣшилъ ей посвятить своего сына, и едва ребенку минуло одиннадцать лѣтъ, отправилъ его въ Петербургъ и помѣстилъ въ первый кадетскій корпусъ.

Домашняя жизнь, при той суровой обстановкѣ, которая была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ строгаго и отчасти грубаго характера

¹⁾ Карль-Адамъ Мёрдеръ родился 15 марта 1759 г., † 5 ноября 1808 г.

отца, сдѣлала глубокое впечатлѣніе на его сына, и въ то же время имѣла особенное вліяніе на его нравственное развитіе и характеръ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ уже началъ сосредоточиваться и привыкъ обдумывать и обсуждать каждое слово и каждый поступокъ.

Такимъ образомъ, если домашнее воспитаніе не положило въ основу будущей дѣятельности Карла Карловича никакого образованія, за то суровая и честная натура его отца и нѣжная любовь его матери имѣли на него весьма благодѣтельное вліяніе. Онъ съ дѣтства былъ кротокъ, правдивъ, почтителенъ и привыкъ къ безпрекословному исполненію возлагаемыхъ на него обязанностей.

Мѣсто городничаго, при томъ безкорыстіи, которое было отличительною чертой Карла-Адама Мёрдера, едва обеспечивало существованіе его семьи, поэтому для его сына, не избалованнаго роскошью, переходъ изъ дома родителей къ жизни корпусной былъ вовсе не чувствителенъ, и онъ скоро съ нею свыкся. Кадетская жизнь того времени, со всею ея тяжелою дисциплиною и фронтовою выправкою, прошла для него незамѣтно въ продолженіе пяти съ чѣмъ-то лѣтъ, которыя онъ находился въ заведеніи. Привыкнувъ къ труду и занятіямъ въ родительскомъ домѣ, онъ съ любовью предался наукамъ въ корпусѣ, и 14 ноября 1804 года былъ выпущенъ корнетомъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ.

Карлъ Карловичъ, повидимому, очень хорошо сознавалъ, что только образованіе способствуетъ развитію тѣхъ нравственныхъ достоинствъ, которыя служатъ лучшимъ украшеніемъ жизни cadaго чловѣка, а потому онъ не ограничился свѣдѣніями, пріобрѣтенными въ корпусѣ, но постоянно стремился увеличить свои познанія посредствомъ чтенія литературныхъ и ученыхъ произведеній. Такая склонность не могла остаться безъ послѣдствій самыхъ благопріятныхъ для его ума и сердца, способствуя еще болѣе развитію въ немъ собственнаго достоинства, чуждаго впрочемъ всякаго эгоизма.

Въ 1805 году, полкъ, въ которомъ служилъ Мёрдеръ, назначенъ былъ въ походъ за границу; здѣсь Карлъ Карловичъ имѣлъ случай неоднократно выказать не только основательное и точное исполненіе служебныхъ обязанностей въ должности адъютанта командира полка, генераль-майора фонъ-деръ-Остенъ-Сакена 3-го, но и личную свою храбрость въ дѣлахъ съ непріятелемъ.

Вотъ что объ этомъ рассказываетъ лѣтопись Елисаветградскаго гусарскаго полка.

Въ Аустерлицкомъ сраженіи Елисаветградскій полкъ пошелъ въ атаку на французскихъ кирасиръ. Кирасиры, внезапно раздавшись направо и налево, открыли батарею, и гусары, встрѣченные картечнымъ огнемъ, были опрокинуты. Баронъ Остенъ-Сакентъ, горячо любимый полкомъ, скоро остановилъ его и повелъ вторично въ атаку. Французы повторили тотъ же маневръ, и наши гусары, осыпанные картечью, снова были опвокинута и на этотъ разъ горячо

преслѣдуемы французскими латниками. Напрасно шефъ полка старался остановить бѣгущихъ; его не слушали. Тогда баронъ Остенъ-Сакенъ вдругъ остановилъ свою лошадь и сказалъ своему адъютанту Мёрдеру: «я болѣе срамиться не буду!». Мёрдеръ безмолвно послѣдовалъ за своимъ начальникомъ. Они вдвоемъ устремились въ ряды французской кавалеріи: ихъ окружало до пятидесяти латниковъ. Въ одну минуту киверъ съ барона Остенъ-Сакена былъ сбитъ и голова разрублена до самаго мозга. Мёрдеръ получилъ также три раны въ голову; ихъ стащили съ лошадей и повлекли назадъ; но въ это самое время прискакали наши гусары подъ командою поручика Сотникова, и послѣ рукопашной схватки выручили плѣнныхъ. Мёрдеръ кое-какъ пѣшкомъ добрался до своего полка, но Остенъ-Сакена привезли безъ чувствъ, и жизнь его долгое время находилась въ опасности.

Этотъ подвигъ чести и самоотверженія шефа, его адъютанта Мёрдера и Сотникова не можетъ не внушить читателю полного сочувствія и умиленія,— говоритъ означенная лѣтопись.

II.

Мёрдеръ, обезсиленный полученными ранами, долженъ былъ остаться въ г. Лембергѣ, и это время, проведенное въ бездѣйствіи, онъ всегда называлъ потеряннымъ въ своей жизни. Послѣ дѣла при Аустерлицѣ генераль-адъютантъ Уваровъ представилъ его, какъ отличнаго офицера, государю императору Александру I, который осчастливилъ его своимъ личнымъ вниманіемъ.

Послѣ заживленія ранъ Карлъ Карловичъ догналъ полкъ и вернулся въ отечество, но здоровье его сильно пошатнулось, такъ что фронтовая служба сдѣлалась для него невозможною, и онъ былъ переведенъ на должность дежурнаго офицера въ тотъ же первый кадетскій корпусъ, въ которомъ самъ воспитывался.

Переходъ отъ боевой службы къ службѣ корпусной считался въ то время переходомъ отъ дѣятельности къ покою. Такое возрѣніе могло сложиться, очевидно, только вслѣдствіе слишкомъ односторонняго взгляда на обязанности дежурныхъ офицеровъ, главною задачею которыхъ обыкновенно ставили развитіе въ кадетахъ понятія о воинской дисциплинѣ. Таково было общее направленіе военно-учебныхъ заведеній той эпохи. Что же касается до нравственнаго развитія кадетъ, то воспитатели заботились о немъ настолько, насколько сами были подготовлены въ тѣхъ же заведеніяхъ.

Прибывъ въ корпусъ въ 1809 году, К. К. Мёрдеръ иначе взглянулъ на свои новыя обязанности, и потому тотчасъ же замѣтилъ, что обычай пользоваться покоемъ былъ здѣсь далеко неумѣстенъ, и что новыя занятія требовали отъ него труда и энергіи, едва ли не болѣе прежняго.

Въ дѣтяхъ, вѣрренныхъ его надзору, онъ видѣлъ не школьничковъ, которыхъ нужно держать постоянно подъ страхомъ, а родную семью, связанную съ нимъ нравственно. Интересы этой семьи были для него дороги, и потому онъ употреблялъ всѣ свои старанія на то, чтобы пріобрѣсти ея полное довѣрїе и такимъ образомъ укоренить въ воспитанникахъ тѣ честныя побужденія, о развитіи которыхъ постоянно заботился.

Кадеты любили его; любили потому, что въ взысканіяхъ онъ употреблялъ самыя кроткія мѣры и всегда былъ врагомъ тѣхъ устарѣлыхъ пріемовъ воспитанія, которые скорѣе могутъ убить чувство человѣческаго достоинства, нежели пробудить въ ребенкѣ сознаніе какого бы то ни было долга. Но становясь другомъ дѣтей, умѣя вызвать ихъ чистосердечную привязанность, Мёрдеръ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ поддерживать въ нихъ глубокое уваженіе къ себѣ, никогда не допускавшее въ дѣтяхъ даже тѣни фамиллярности, которая, вкрадываясь въ отношенія младшихъ къ старшимъ, нерѣдко имѣетъ самое пагубное вліяніе, особенно въ дѣлѣ воспитанія.

Восьмага сентября 1814 года, Мёрдеръ женился на Саррѣ Николаевнѣ Оксфордъ (Hawksford), англичанкѣ по происхожденію. Счастливое ихъ супружество длилось почти двадцать лѣтъ и было прервано смертью Карла Карловича. Сарра Николаевна пережила своего мужа на тридцать девять лѣтъ и, оставшись вдовою, посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей, которыхъ у нея было шесть человѣкъ ¹⁾.

III.

Въ 1823 году, была сформирована въ С.-Петербургѣ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Главною задачею ея было выпускать въ гвардію офицеровъ, образованныхъ, развитыхъ нравственно и полныхъ сознанія своего долга и своихъ обязанностей. Въ нее вступали не дѣти, а люди взрослые, слѣдовательно уже нѣсколько знакомые съ жизнью, успѣвшею произвести на каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе различное впечатлѣніе. Разнообразное воспитаніе молодыхъ людей очевидно должно было обратить на себя вниманіе начальства. Нужно было дать этой школѣ единство направленія и прежде всего не столько въ отношеніи научномъ, но и нравствен-

¹⁾ А именно: 1) Марія Карловна, по мужу Корвинъ-Гонсѣвская (род. 1815, † 1870); 2) Петръ Карловичъ, род. 1819, † 1894 въ званіи генераль-адъютанта, генерала отъ кавалеріи; 3) Павелъ Карловичъ, род. 1823, † 1873 въ чинѣ полковника; 4) Николай Карловичъ, род. 1823, † умеръ 1891 въ чинѣ генераль-лейтенанта; 5) Александра Карловна, род. 1828, по мужу Анненкова, нынѣ главная надзирательница Екатерининской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ, и 6) Иванъ Карловичъ, род. 1832, нынѣ въ званіи штаб-мейстера Е. И. В. и почетный опекунъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.

номъ, чего достигнуть можно было не иначе, какъ посредствомъ благоразумнаго вліянія на воспитанниковъ тѣхъ лицъ, которымъ поручался непосредственный за ними надзоръ.

Великій князь Николай Павловичъ, принявъ эту школу въ свое личное завѣдываніе, сталъ искать такихъ офицеровъ, которые, принявъ на себя обязанности воспитателей, могли бы впоследствии оправдать, какъ высочайшее довѣріе къ нимъ, такъ равно и надежды, возлагавшіяся тогда на учреждаемое заведеніе. Лучшіе гвардейскіе офицеры того времени не замедлили изъявить желаніе перейти на службу въ школу. Преподаваніе наукъ приняли на себя пользовавшіеся извѣстностію профессора петербургскихъ учебныхъ заведеній и царскосельскаго лицея. Оставалось только высокому покровителю школы выбрать изъ нихъ достойныхъ и вполне надежныхъ командира школы, инспектора и командира роты, которые поняли бы и оцѣнили намѣренія великаго князя.

На ротнаго командира школы, какъ ближайшаго руководителя молодыхъ людей, великій князь, очевидно, долженъ былъ возложить самую тяжелую обязанность, главная задача которой состояла въ томъ, чтобы изъ молодыхъ людей, получившихъ домашнее воспитаніе, подъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ жизни и еще болѣе различныхъ примѣровъ, отчасти уже усвоенныхъ ими, образовать такихъ гвардейскихъ офицеровъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ могли бы поддержать честь русской гвардіи.

Первымъ командиромъ школы подпрапорщиковъ былъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Павелъ Петровичъ Годеинъ. По воспоминаніямъ бывшихъ его питомцевъ, онъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, отлично знавшій строевую службу, но въ первое время совершенно отодвинутый на второй планъ особою великаго князя Николая Павловича, отъ котораго исходили всѣ распоряженія, касавшіяся не только внутренняго порядка, но и улучшеній учебной части. При ежедневныхъ посѣщеніяхъ школы, великій князь прямо дѣлалъ указанія на тѣ или другіе замѣченные имъ недостатки, такъ что полковнику Годеину оставалось быть только безусловнымъ исполнителемъ его распоряженій.

Первымъ инспекторомъ классовъ въ школѣ, по личному выбору великаго князя, назначенъ былъ адъютантъ его высочества, полковникъ генеральнаго штаба Деллинсгаузенъ, пользовавшійся репутаціей высоко-ученаго офицера. Занимая двѣ должности разомъ, Деллинсгаузенъ не могъ ежедневно посѣщать классы; но тѣмъ не менѣе учебная часть школы была поставлена имъ превосходно. Отличаясь благоразумною строгостью и полною справедливостью, онъ поставилъ себѣ задачею не пропускать ни малѣйшаго промаха, какъ ученику, такъ и учителю; его любили, но и побаивались.

Если при такомъ энергическомъ и дѣятельномъ помощникѣ, полковникъ Годеинъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ за

учебную часть своего заведенія, то съ другой стороны еще менѣе могли озабочивать его въ первое время строевая часть и нравственное воспитаніе юношей, такъ какъ по счастливому стеченію обстоятельствъ дѣло это попало въ руки К. К. Мёрдера, представлявшаго собою, по словамъ современниковъ, идеаль нравственнаго совершенства.

IV.

Назначеніе Мёрдера командиромъ роты гвардейскихъ подпрапорщиковъ состоялось совершенно случайно, и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

К. К. Мёрдеръ, продолжая заниматься живописью, къ которой онъ съ дѣтства имѣлъ склонность и большія способности, сдѣлалъ превосходный миниатюрный портретъ императора Александра I и черезъ бывшаго своего батальоннаго командира, генерала Арсеньева, тогда завѣдывавшаго учрежденіями императрицы Маріи Ѳеодоровны, поднесъ его царствующей государынѣ. Въ то самое время, когда императрица представила портретъ государю, и государь любовался работою, вошелъ великій князь Николай Павловичъ.

— Нашелъ ли ты ротнаго командира для своихъ подпрапорщиковъ? — спросилъ его государь.

Великій князь отвѣчалъ отрицательно.

Тогда государь показалъ ему работу Мёрдера и сказалъ:

— Вотъ тебѣ на счастье ротный командиръ; возьми его: онъ мнѣ извѣстенъ давно, еще съ аустерлицкаго похода.

Такимъ образомъ состоялось назначеніе Карла Карловича, который тотчасъ же былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ капитаномъ. Но этимъ не ограничилось вниманіе государя: приказано было, не въ примѣръ другимъ, производить ему столовые деньги по одной тысячѣ пятисотъ рублей изъ суммъ военнаго вѣдомства и, сверхъ того, выдать въ единовременное пособіе на обзаведеніе три тысячи рублей изъ кабинета его величества.

Мёрдеръ вступилъ въ новую свою должность въ самый день открытія школы—18-го августа 1823 года.

Здѣсь мало было одной энергіи и исполнительности, требовалось полное пониманіе педагогіи въ ея практическомъ примѣненіи, съ опытностью и умѣніемъ взяться за дѣло. Въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при усиленныхъ трудахъ со стороны ближайшихъ начальниковъ школы, послѣдняя начала принимать характеръ военно-учебнаго заведенія, болѣе другихъ рациональнаго, и постепенно образовала одну общую стройную семью, въ которой ротный командиръ былъ болѣе другомъ юнкеровъ, чѣмъ ихъ начальникомъ, но въ то же время и лицомъ для нихъ вполнѣ вліятельнымъ.

V.

Всякое учебно-воспитательное заведеніе, въ первое время своего существованія, обыкновенно находится въ самомъ шаткомъ положеніи, и для того, чтобы утвердить его на началахъ болѣе положительныхъ, необходимо умѣть воспользоваться самыми первыми отношеніями воспитанниковъ къ ихъ воспитателямъ. Мёрдеръ, по отзыву своихъ сотрудниковъ по школѣ, какъ нельзя лучше успѣлъ воспользоваться этими отношеніями и тѣмъ самымъ положилъ въ школѣ прочное основаніе нравственному развитію.

Подпрапорщиковъ тогда обучали знанію рекрутской школы, стрѣльбѣ въ цѣль, и вообще всему, что касалось до караульныхъ обязанностей, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, къ званію которыхъ они готовились въ школѣ. Въ этомъ отношеніи, по словамъ современниковъ, Мёрдеръ былъ незамѣнимымъ дѣятелемъ. Онъ ежедневно въ семь часовъ утра являлся въ роту и начиналъ съ того, что принималъ ординарцевъ въ полной парадной формѣ, причемъ всѣ остальные подпрапорщики присутствовали въ шинеляхъ и должны были отвѣчать на вопросы своего ротнаго командира. Подобныя строевыя занятія съ ротою Карлъ Карловичъ никогда не довѣрялъ никому, а офицерамъ поручалъ одиночныя ученія, и то всегда подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ.

Посѣщая ежедневно школу, августѣйшій ея попечитель внимательно слѣдилъ за дѣятельностью новаго начальства. Великій князь, неоднократно одобряя образъ дѣйствій Мёрдера, совершенно совпадавшій съ его взглядами, имѣлъ случай вполне убѣдиться въ нравственныхъ достоинствахъ ротнаго командира, которыя должны составлять неотъемлемую принадлежность каждаго воспитателя. Если къ личному вниманію великаго князя прибавить еще постоянные похвальные отзывы о Мёрдерѣ бывшихъ его начальниковъ, то сдѣлается совершенно понятнымъ, почему въ непродолжительномъ времени на его долю выпала другая, болѣе высокая и болѣе священная дѣятельность.

Но служба Карла Карловича въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ при всемъ стараніи и трудѣ, которыми онъ отличался, не обходилась для него и безъ непріятностей и строгихъ выговоровъ со стороны великаго князя Николая Павловича, неусыпно и ревниво слѣдившаго за ходомъ дѣлъ въ этой школѣ.

Однажды, во время представленія въ Зимнемъ дворцѣ государю императору фельдфебелей ротѣ имени его величества—преображенскаго и семеновскаго полковъ, государь принималъ одного изъ подпрапорщиковъ школы, а именно Назимова, который вмѣстѣ съ Мёрдеромъ пріѣхалъ рано утромъ на главную гауптвахту. Послѣ перюдѣванія, ихъ провели въ арабскую комнату, гдѣ были уже собраны

фельдфебеля обоихъ полковъ. Вскорѣ пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ и началъ дѣлать выговоръ Мёрдеру за ординарцевъ школы, которые въ этотъ день, сверхъ обыкновенія, почему-то ему крайне не понравились. Но едва великій князь успѣлъ осмотрѣть Назимова, какъ начался пріемъ у государя. Представленіемъ Назимова его величество остался особенно доволенъ и поблагодарилъ великаго князя, который, по выходѣ отъ государя, обнялъ передъ всѣми ординарца, представилъ его собраннымъ здѣсь дивизионнымъ и полковымъ командирамъ и сказалъ:

— Впередъ учи мнѣ всѣхъ ординарцевъ, которые будутъ являться отъ школы.

Въ другой разъ Мёрдеръ получилъ выговоръ отъ великаго князя по слѣдующей причинѣ. Какъ-то разъ, посѣтивъ школу, Николай Павловичъ замѣтилъ, что дежурный офицеръ школы, Арсеньевъ, былъ съ хрипотой и вообще простуженъ; приписывая это вліянію окна, около котораго тотъ спалъ, великій князь приказалъ Мёрдеру распорядиться, чтобъ тотчасъ же сдѣлать ставень, обитый съ обѣихъ сторонъ войлокомъ. Ночью его высочество снова пріѣхалъ въ школу нарочно для того, чтобы провѣрить, исполнено ли его приказаніе, и когда нашелъ Арсеньева спящимъ попрежнему у не заставленнаго окна, то гнѣву Николая Павловича не было предѣловъ. Онъ тотчасъ потребовалъ въ школу Годеина, Мёрдера, всѣхъ офицеровъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ, и всѣмъ имъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе.

VI.

Восьмого іюля 1824 года, великій князь Николай Павловичъ окончательно рѣшилъ взять Мёрдера къ себѣ, ввѣривъ ему воспитаніе своего старшаго сына, Александра Николаевича, которому тогда только что минуло шесть лѣтъ.

Въ Красномъ Селѣ, гдѣ находился великій князь Николай Павловичъ, былъ въ этотъ день парадъ, на которомъ присутствовалъ и государь императоръ Александръ Павловичъ. Великая княгиня Александра Феодоровна, зная намѣреніе и рѣшеніе своего супруга относительно выбора Мёрдера въ воспитатели ихъ первенца, представила его государю. Императоръ, взявъ Карла Карловича за руку, сказалъ:

— Мнѣ весьма пріятно снова съ вами свидѣться и показать вамъ ту отличную довѣренность, которою я васъ облакаю. Примѣрная служба ваша увѣряетъ меня, что вы оправдаете мое о васъ мнѣніе. Я васъ еще помню адъютантомъ генерала Сакена. Скажите, семеновскаго полка капитанъ Мёрдеръ братъ вамъ? У васъ есть еще братья? Гдѣ онъ служить?

Великій князь Николай Павловичъ, возвратясь съ парада, поздравилъ Мёрдера слѣдующими словами:

— Ну, теперь все кончено; ты мой, государь оставляетъ тебѣ все теперешнее содержаніе.

На слѣдующій день Карлъ Карловичъ со своимъ августѣйшимъ воспитанникомъ былъ на маневрахъ. Императоръ, увидя его въ Ропшинскомъ дворцѣ, сказалъ:

— Здравствуй, братъ Мёрдеръ, ты съ своимъ молодцомъ тоже здѣсь. Онъ, я думаю, охотникъ до всего военного.

Двѣнадцатаго іюля 1824 года, Мёрдеръ официально вступилъ въ исправленіе обязанностей по должности воспитателя.

Прощаніе Карла Карловича съ прапорщиками было весьма трогательное. Къ нему ходила депутація отъ роты, и горячія, полныя благодарныхъ выраженій рѣчи молодыхъ людей до глубины души растрогали его.

VII.

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ слѣдующій по старшинству лѣтъ за бездѣтнымъ императоромъ Александромъ I, былъ наслѣдникомъ престола. Но онъ отрекся отъ престола, хотя официально объ этомъ никто еще не зналъ. Правда, давно ходили о томъ слухи, но положительныхъ свѣдѣній никто не имѣлъ. Знали только вся царская семья и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, собственноручно составлявшій и писавшій текстъ этого отреченія и контрастировавшій его.

Когда Мёрдеръ былъ назначенъ воспитателемъ, то великій князь Николай Павловичъ уже могъ предполагать, что его первородному сыну предстоитъ въ будущемъ замѣстить его на русскомъ престолѣ. Поэтому его высочеству было желательно, чтобы воспитаніе будущаго императора, отъ юныхъ лѣтъ, сближало его со всѣми проявленіями жизни и быта русскаго народа, которымъ со временемъ ему придется управлять. Въ этомъ случаѣ, сердечная любовь Карла Карловича къ Россіи вполне совпадала съ его назначеніемъ и могла служить самымъ вѣрнымъ ручательствомъ передъ великимъ княземъ и отцомъ, что его сынъ возрастетъ для блага своихъ подданныхъ.

Мёрдеръ очень хорошо понималъ, что въ новомъ его положеніи одной шестнадцатилѣтней практической дѣятельности по воспитанію молодежи было весьма недостаточно, и что для священной обязанности воспитателя великаго князя необходима еще и научная подготовка.

Поэтому онъ съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ изучать лучшихъ писателей, заимствуя у нихъ все то, что, по его мнѣнію, могло быть примѣнимо къ тому отвѣтственному дѣлу, которое ему было ввѣрено.

Одаренный отъ природы любознательностью и склонностью къ дѣятельности, Мёрдеръ постоянно трудился, приобретаая новыя свѣ-

дѣнія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи подѣлиться ими со своимъ воспитанникомъ.

Со времени своего назначенія Карлъ Карловичъ сталъ безотлучно находиться при великомъ князѣ; супруга же его со своимъ семействомъ жила въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ ей была отведена квартира.

Осень 1824 года царская семья проводила въ Гатчинѣ, и Мёрдеръ, жившій тамъ же съ своимъ воспитанникомъ, обмѣнивался съ своею женою письмами. Въ одномъ изъ нихъ, а именно отъ двадцать четвертаго октября, онъ сообщаетъ свои первыя впечатлѣнія, произведенныя на него взаимными отношеніями царской семьи.

«Сегодня имѣлъ я счастье,—писалъ Мёрдеръ,—видѣть государя. Онъ, взявъ меня за руку, изволилъ высказать весьма много любезнаго. Когда же вдовствующая императрица стала меня хвалить, то государь сказалъ:

— «Господинъ Мёрдеръ уже доказалъ мнѣ, какъ ревностно исполняетъ онъ свои обязанности.

«Напрасно я бы сталъ,—продолжаетъ Карлъ Карловичъ,—отыскивать слова, моя милая, чтобы описать ту любовь, съ которой великій государь обращается къ царицѣ-матери и всѣмъ своимъ роднымъ. Около получаса я оставался съ ними въ той же комнатѣ и потому былъ этому очевидцемъ».

VIII.

Двѣнадцатаго декабря 1824 года, Мёрдеръ былъ произведенъ въ полковники и высочайше утвержденъ въ своей должности. Этимъ какъ бы закончилось его испытаніе, и въ то же время офиціально признана его система воспитанія, которая въ началѣ девятнадцатаго вѣка была далеко не всѣмъ понятна. Система эта, исключавшая всякую строгость, почти всякія наказанія и все, что могло поселить робость въ воспитанникѣ передъ воспитателемъ, была новшествомъ, къ которому многія лица при дворѣ относились съ недовѣріемъ и порицали новатора.

Но императорская семья, какъ было уже сказано, раздѣляла взгляды Карла Карловича и ожидала отъ нихъ хорошихъ результатовъ, въ чемъ и не обманулась. Полугодовой опытъ, продолженіе котораго вліяніе воспитателя на его августѣйшаго воспитанника выразилось чрезвычайно благотворно, послужилъ только въ пользу воспитанника, а порицателей принудилъ умолкнуть.

Мёрдеръ, такимъ образомъ, одержалъ побѣду надъ старыми рутинными взглядами на воспитаніе. Друзья его, сочувствовавшіе его трудной задачѣ и для которыхъ торжество взглядовъ Карла Карловича являлось залогомъ счастья всей Россіи, ликовали.

Поэтому Мёрдеръ получилъ много поздравительныхъ писемъ; изъ нихъ я приведу здѣсь только одно, написанное стихами, въ довольно шутливой формѣ, но дающее вполне ясное понятіе о радости противниковъ аракеевской строгости.

Авторомъ его былъ Александръ Васильевичъ Устиновъ, одинъ изъ учителей лицейскаго пансіона, лучший другъ Карла Карловича.

Царское Село, 15-го декабря 1824 г.

Mon Colonel!

И такъ двѣнадцатое декабря
Отнынѣ знаменито вѣчно!
Благодарю великаго Царя
За васъ, какъ за себя—сердечно!
Пора, давно уже пора!
Ура! Ура! ура!
Когда ушей моихъ коснулась
Сія торжественная вѣсть,
То чуть со стула не свернулась
Моя учительская честь.
Неужли?—я вскричалъ стократно,—
О утро памятно, пріятно!
О вѣчно незабвенный часъ!
Скачи, земля! Скачите, воды!
Вези, вези скорѣй, Пегасъ,
Мои торжественныя оды!
А ты, кудрявый Аполлонъ,
Вы, старыя дѣвицы, Музы,
Скорѣй спѣшите въ пансіонъ
Прямехонько ко мнѣ на дворъ
И разомъ грянемъ хоръ
Короткій, но краснорѣчивый:
Да здравствуетъ полковникъ терпѣливый,
Привѣтствуемъ его во блескъ зполетъ.
.....

VIII.

Несмотря на то, что Мёрдеръ былъ лютеранинъ, онъ всегда съ особеннымъ уваженіемъ относился къ греко-россійской церкви, изучалъ ея догматы, вѣрованія, обряды, и вообще любилъ бесѣдовать о религіи съ русскимъ духовенствомъ, чтобы еще болѣе уяснить себѣ ея истинное значеніе. Послѣднее обстоятельство служило одной изъ причинъ тому, что онъ находился въ самыхъ искреннихъ дружескихъ отношеніяхъ съ протоіереемъ Павскимъ ¹⁾, законоучителемъ великихъ князей и княженъ.

¹⁾ Герасимъ Петровичъ Павскій, въ то время священникъ Андреевскаго собора въ С.-Петербургѣ.

Чтобы судить о томъ, какое значеніе Карлъ Карловичъ придавалъ религіи, и какъ высоко онъ ставилъ ее въ жизни человѣка, достаточно привести слѣдующія слова изъ его замѣтокъ: «религія,—говоритъ онъ,—для всѣхъ одна; то же вліяніе, какое она имѣетъ на скромную жизнь частнаго человѣка, должна она имѣть и на высокую судьбу государя. Надобно, чтобъ она вошла въ душу, сдѣлалась источникомъ дѣятельности, освящала нравственность. Религія, въ истинномъ смыслѣ, другъ просвѣщенія, хранитель, стражъ блага народнаго и частнаго. Она одна, во всѣ времена, не противилась нуждамъ времени; врагъ притѣсненія, поощритель образованія, она не боится вести человѣчество впередъ, напротивъ, летитъ сама передъ нимъ съ свѣтильникомъ просвѣщенія, ибо чѣмъ болѣе свѣта, тѣмъ яснѣе блага религіи»...

Съ такимъ свѣтлымъ взглядомъ на религію и съ подобными христіанскими традиціями, Мёрдеръ, безъ сомнѣнія, могъ быть достойнымъ руководителемъ великаго князя.

Въ письмахъ Карла Карловича имѣется также слѣдующая замѣтка:

«Всѣ наши познанія вмѣстѣ утверждаютъ въ насъ одну только главную мысль, что жизнь человѣческая есть училище, въ которомъ учитель Богъ, и что мы здѣсь только для того, чтобы каждому на своемъ мѣстѣ быть достойнымъ своего Учителя».

Таковы были убѣжденія Мёрдера, и въ нихъ-то онъ почерпалъ ту религіозно-нравственную силу, подъ вліяніемъ которой прошла вся его жизнь.

IX.

Во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе лица, окружающія особъ царственнаго дома; они постоянно являются предметомъ общественныхъ пересудовъ.

Конечно, и Мёрдеръ, призванный къ своей высокой обязанности изъ самой скромной среды, интересовалъ общественное мнѣніе. Незвѣстность его въ придворномъ кругу и необходимость сближенія съ нимъ, при условіяхъ жизни совершенно для него новой, не могли обойтись безъ сильной нравственной поддержки.

Къ великому счастью Карла Карловича, съ первыхъ дней поступленія его ко двору, поддержку эту онъ постоянно находилъ въ самыхъ милостивыхъ отношеніяхъ къ нему великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны.

Въ письмахъ Карла Карловича къ его супругѣ, писанныхъ въ 1824 и 1825 годахъ изъ Павловска и Гатчины, постоянно проглядываетъ то отрадное впечатлѣніе, которое на него производили вниманіе и симпатія къ нему ихъ высочествъ. Почти въ каждомъ письмѣ сообщалъ онъ, что грусть, по случаю разлуки съ его соб-

ственнымъ семействомъ, совершенно исчезаетъ, вслѣдствіе мило- стиваго обращенія съ нимъ государя, императрицы, великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Феодоровны, которая часто была такъ добра, что передавала ему о встрѣчахъ съ его женой и о здоровьѣ дѣтей.

Къ чести о похвальной скромности Карла Карловича должно быть отнесено также и то обстоятельство, что объ этомъ располо- женіи и полномъ довѣрїи августѣйшихъ особъ онъ, въ письмахъ своихъ, ниразу не упоминаетъ. Мёрдеръ не говорилъ объ этомъ даже лицамъ, самымъ близкимъ къ нему. Доказательствомъ же того, что подобное расположеніе дѣйствительно существовало, служатъ собственноручныя письма Николая Павловича, писанныя имъ, какъ въ бытность его еще великимъ княземъ, такъ равно и по восшествїи уже на престоль.

Вотъ одно изъ нихъ, относящееся къ первому году вступленія Карла Карловича на должность воспитателя великаго князя Алек- сандра Николаевича.

«Берлинъ. 14 (26) сентября 1824 года.

«Съ большимъ удовольствіемъ читаль я, Карлъ Карловичъ, письмо ваше, добрыя вѣсти о сынѣ моемъ меня душевно радуютъ, и я молю Бога, дабы укрѣпилъ его во всемъ добромъ. Продолжайте съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ вы начали, новую свою долж- ность, утвердите и оправдайте доброе мое о васъ мнѣніе. Мнѣ весьма прїятно слышать, сколь магушка довольна успѣхами Александра Николаевича и вашимъ съ нимъ обхожденіемъ. Будьте увѣрены въ моей къ вамъ признательности и въ искреннемъ моемъ уваженїи, съ коими пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательный Николай».

Такимъ же довѣріемъ и расположеніемъ къ себѣ Мёрдеръ поль- зовался и со стороны вдовствующей императрицы. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ нему, а именно отъ 17 юня 1825 года (изъ Петергофа), ея величество пишетъ:

«Tausend Dank für jhre guten Nachrichten, es freut mich zu sehen, dass Sascha sich so benimmt, und das er Ziele und Achtung gewinnt. Wir sind wohl, und meine gute Gesellschaft sehr lustig. Es freut mich zu denken, dass ich sie morgen mit unseren drei kleinen Würmern sehen werde, es verbleibet für immer Ihre wohl affectionirte».

«Марія».

(Тысячу благодарностей за ваши добрыя вѣсти; меня радуетъ извѣстіе, что Саша ведетъ себя такъ, что прїобрѣтаетъ любовь и уваженіе. Мы здоровы, и окружающее меня доброе общество очень весело. Радуюсь при мысли, что завтра увижу васъ вмѣстѣ съ нашими тремя маленькими червяками. Остаюсь навсегда вамъ добро- желательная Марія).

А затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ ¹⁾, Карль Карловичъ удостоился получить отъ ея величества слѣдующее письмо:

«Ich bitte Ihnen mein guter Herr von Mörder, mir den Gefallen zu erweisen, für mein Geschenk an unseren lieben kleinen Alexander Sorge zu tragen, um zu bestellen. Sie wissen, was ihm Vergnügen machen kann. Alles, was sie bestellen werden, [wird mir recht sein. Sie werden in diesem Auftrage mein Zutrauen zu Ihnen, wie auch, dass ich bin und sein werde ihre wohl affectionirte».

«Marie».

(Я прошу васъ, мой добрый господинъ фонъ-Мёрдеръ, оказать мнѣ одолженіе взять на себя заботу заказать подарокъ для нашего любимаго маленькаго Александра. Вы знаете, что ему можетъ сдѣлать удовольствіе. Я буду довольна всѣмъ, что вы бы ни заказали. Въ этомъ порученіи вы можете быть увѣрены въ моемъ довѣрїи, равно какъ и въ томъ, что я есть и буду вамъ доброжелательная Марїя).

X.

Дѣятельность Мёрдера при Александрѣ Николаевнѣ, начавшаяся въ то время, когда великому князю было только шесть лѣтъ, конечно, не могла не затруднять воспитателя по крайней мѣрѣ въ первое время. Прежде, нежели онъ могъ разсчитывать на благотворное вліяніе своихъ совѣтовъ, ему необходимо было имѣть увѣренность, что тотъ, къ кому они будутъ относиться, питаетъ къ нему полное довѣріе, которое безъ любви и привязанности невозможно. Такимъ образомъ, первымъ дѣломъ Карла Карловича было свискать къ себѣ не только любовь, но и довѣріе ребенка.

Дѣло это было далеко не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, что общаго могло быть между шестилѣтнимъ отрокомъ и человѣкомъ, достигшимъ тридцатилѣтняго возраста? Само собою разумѣется, что, начиная съ понятій, всѣ душевныя ощущенія ихъ были діаметрально противоположны. Эти-то несоотвѣтствія прежде всего и слѣдовало устранить отъ тѣхъ взаимныхъ отношеній воспитателя къ воспитаннику, которыя необходимы въ дѣлѣ воспитанія; при этомъ нужно было устранить ихъ такъ, чтобы не впасть въ крайность, еще болѣе не соотвѣтствующую цѣлямъ.

Какъ человѣкъ, уже достаточно опытный въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, онъ успѣлъ составить себѣ вѣрное понятіе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которымъ ребенокъ начинаетъ подчиняться сознательно, даже съ самаго ранняго своего возраста, и что, по врожденной склонности людей къ общительности, дитя постоянно нуждается въ по-

¹⁾ 4 апрѣля 1826 г.

стороннемъ лицѣ, которое бы сочувствовало или, по крайней мѣрѣ, дѣлало бы видѣ, что сочувствуетъ его дѣтскимъ интересамъ.

Основываясь на этомъ весьма правильномъ познаніи дѣтской натуры, Мёрдеръ отдалъ самого себя, все свое время, отдыхъ и досугъ, своему августѣйшему воспитаннику, принимая самое живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣтскихъ играхъ, забавахъ, и не оставлялъ его безъ надзора ни днемъ ни ночью. Это давало ему возможность, незамѣтно для самого воспитанника, постоянно наблюдать за его нравственнымъ развитіемъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтать себѣ его любовь и довѣріе.

Кромѣ того, онъ добился отъ ребенка величайшей откровенности; въ привычки Александра Николаевича вошло, на примѣръ, по вечерамъ, передъ молитвою, рассказывать Карлу Карловичу все, что онъ дѣлалъ и думалъ въ продолженіе дня, и все безъ утайки, какъ на духу.

Ясно, что, заручившись такою привязанностью и такимъ довѣріемъ великаго князя, воспитатель могъ вліять на него почти безгранично. Но такая система требовала неимовернаго самообладанія воспитателя и выдержки, на которую способны немногіе.

Такимъ путемъ онъ началъ свое дѣло, увѣнчавшееся тою драгоценною любовью къ нему великаго князя, выраженіе которой такъ отчетливо выступаетъ въ письмахъ Александра Николаевича къ Мёрдеру, въ то время, когда послѣдній былъ за границею, больной, т. е. черезъ десять лѣтъ.

Незамѣтно располагая къ себѣ августѣйшаго ребенка, Карлъ Карловичъ въ то же время привязывался къ нему самъ всею силою своего любящаго сердца. Дѣлать его дѣтскій восторгъ, сочувствовать его печали, для Мёрдера становилось потребностью его собственной жизни. Всѣ мысли, всѣ желанія его были направлены только къ тому, чтобы видѣть великаго князя вполнѣ счастливымъ, и чтобы это счастье послужило Александру Николаевичу въ будущемъ еще къ большей связи съ его подданными.

Какъ трофей одержанной Мёрдеромъ побѣды надъ суровостью того времени и противниками его гуманной системы воспитанія, онъ сохранялъ, какъ святыню, первое письмо будущаго освободителя своего народа, первое написанное слово котораго было сказано любовью и благодарностью.

Это клочекъ бумажки, сложенной пополамъ. Нетвердымъ, дѣтскимъ почеркомъ на одной сторонѣ ея написано:

«Карлъ Мердеръ 1-го февраля 1825 г.»

на другой:

«люблю Мердера моего».

XI.

Четырнадцатаго декабря 1825 года, въ самый разгаръ мятежа, Мёрдеръ, по повелѣнію государя императора, переданному черезъ флигель-адъютанта Кавелина, долженъ былъ перевезти своего августѣйшаго воспитанника изъ Аничкова въ Зимній дворець.

Когда Карлъ Карловичъ, въ сопровожденіи Кавелина, вошелъ въ комнату великаго князя, чтобы передать ему волю его величества, Александръ Николаевичъ, ничего еще не вѣдавшій о происходящемъ бунтѣ, преспокойно сидѣлъ и раскрашивалъ литографированную картинку, изображавшую переходъ Александра Македонскаго черезъ Граникъ.

Они успѣшили усадить цесаревича въ извозчичью карету, сами сѣли въ нее и помчались въ Зимній дворець, куда имъ удалось безпрепятственно прибыть со стороны набережной. Всякій можетъ представить себѣ, какія тяжелыя минуты пришлось пережить Мёрдеру и Кавелину, исполнявшимъ столь отвѣтственное порученіе императора.

За успѣшное выполненіе упомянутаго высочайшаго повелѣнія Мёрдеръ въ тотъ же день удостоенъ былъ благодарностью государя и пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта.

На большомъ парадѣ, бывшемъ въ Москвѣ 3 сентября 1826 года, императоръ Николай Павловичъ сказалъ герцогу Рагузскому:

— «Я покоенъ на счетъ моего сына, онъ въ хорошихъ рукахъ».

Мёрдеръ, передавая своей супругѣ столь знаменательныя слова государя, писалъ:

«Вотъ, мой другъ, награда, которую ни на что въ мірѣ не промѣняю. Если дастъ Богъ услышать черезъ десять лѣтъ отъ государя: сынъ мой былъ въ хорошихъ рукахъ, онъ человѣкъ, какого я желалъ въ немъ видѣть, тогда счастливѣе меня не будетъ человѣка».

Эти мечты, эти надежды, могутъ служить самыми лучшими доказательствами того, до какой степени Мёрдеръ былъ преданъ своему святому дѣлу. Въ искренности ихъ нельзя сомнѣваться уже потому, что онъ высказывался въ этомъ случаѣ очевидно лишь подъ вліяніемъ задушевныхъ чувствъ, которыми желалъ подѣлиться съ женою.

XII.

Не большаго труда стоило воспитателю замѣтить въ своемъ воспитанникѣ врожденную нѣжность, чувствительность и полную готовность къ добру и состраданію. Этими-то душевными качествами Александра Николаевича Мёрдеръ успѣшилъ воспользоваться, чтобы цесаревичъ усвоилъ ихъ себѣ сознательно. Поэтому онъ сосредото-

точиваль всѣ свои заботы на томъ, чтобы нравственное, умственное и даже физическое развитіе великаго князя постоянно имѣло въ своемъ основаніи тѣ наклонности, которыя были присущи ему отъ рожденія. Съ этою цѣлью онъ распредѣлялъ игры, забавы и занятія наслѣдника такъ, чтобы онъ не могъ находить свое положеніе исключительнымъ въ отношеніи другихъ дѣтей.

Впослѣдствіи же, когда Карлу Карловичу приходилось объяснять великому князю его законное преимущество передъ другими, какъ сына государя, онъ постоянно проводилъ такую мысль, что это преимущество есть одно изъ самыхъ драгоценныхъ, потому что оно открываетъ широкій путь возможности миловать и благотворить.

Когда же у его высочества начались классныя занятія, то Мёрдеръ, неотступно преслѣдуя идею высшаго нравственнаго развитія въ своемъ воспитанникѣ, сумѣлъ и тутъ примѣнить ее къ дѣлу въ видѣ поощренія, вполне достойнаго наслѣдника престола.

— Не считаете ли вы,—спросилъ разъ Карлъ Карловичъ великаго князя и его товарищей—Паткуля и Ыбельгорскаго,—что пріобрѣсти возможность помочь несчастному, въ бѣдности изнемогающему семейству, достойно благороднаго, нѣжнаго сердца, и что такое пріобрѣтеніе должно быть величайшимъ счастьемъ и самою высокою наградою?

— Разумѣется!—отвѣчали всѣ трое въ одинъ голосъ.

— И такъ, кто изъ васъ въ продолженіе недѣли,—закончилъ воспитатель,—получить тридцать шесть отмѣтокъ «очень хорошо», тотъ пріобрѣтетъ право помочь бѣднымъ.

Вскорѣ послѣ того Мёрдеръ учредилъ особую «кассу благотворенія», долженствовавшую состояться изъ взносовъ, соотвѣтствующихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведеніи всѣхъ трехъ воспитанниковъ, соразмѣрно полученнымъ ими отличнымъ отмѣткамъ. Два раза въ годъ, послѣ каждаго экзамена, предполагалось считать, сколько кѣмъ собрано денегъ на какое либо благотворительное дѣло.

Проектъ этотъ вызванъ соображеніемъ Карла Карловича, что «право дѣлать добро—величайшая награда». И прежде изъ суммъ наслѣдника удѣлялась извѣстная часть на оказаніе помощи нуждающимся, и такое добро дѣлалось именемъ его высочества безъ личнаго его участія и даже безъ вѣдома его, и потому Мёрдеръ полагалъ, что великій князь и его товарищи должны отличнымъ прилежаніемъ и поведеніемъ заслужить «право дѣлать добро». Государь вполне согласился съ мыслью воспитателя, и «касса благотворенія» дѣйствовала во все время воспитанія наслѣдника.

XIII.

Императоръ Николай Павловичъ обыкновенно во всемъ и совершенно соглашался съ Мёрдеромъ во взглядахъ на воспитаніе наследника цесаревича и постоянно одобрялъ его дѣйствія на этомъ поприщѣ, но случались между ними иногда несогласія и споры.

Вдова Карла Карловича, Сарра Николаевна, неоднократно рассказывала о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ, и я считаю не безинтереснымъ привести въ этомъ очеркѣ одинъ изъ нихъ, наиболѣе характерный.

Какъ-то разъ, Мёрдеръ, по возвращеніи съ доклада его величеству, вошелъ въ комнату своей супруги совершенно разстроенный и сказалъ ей:

— Ну, другъ мой, дѣлу моему пришелъ конецъ; я не согласился съ мнѣніемъ государя и, безъ сомнѣнія, буду уволенъ отъ должности.

Но только что успѣлъ онъ произнести послѣднія слова, какъ въ комнату вбѣжалъ скороходъ и, распахнувъ двери, сказалъ:

— Его величество.

Вслѣдъ за симъ вошелъ Николай Павловичъ, подошелъ къ Мёрдеру, обнялъ и, крѣпко поцѣловавъ, произнесъ, обращаясь къ его супругѣ:

— Уговорите его, Сарра Николаевна, на меня не сердиться; я погорячился, но теперь вполне сознаю, что былъ не правъ. А ты, — сказалъ онъ Карлу Карловичу, — будь всегда такимъ: такіе мнѣ нужны. Я много бы далъ, чтобы имѣть и въ другихъ дѣлахъ совѣтниковъ, тебѣ подобныхъ. Спасибо, и еще разъ прошу не сердись, — и снова его обнялъ.

XIV.

Не меньше единодушія существовало между Мёрдеромъ и Жуковскимъ, который, во время пребыванія Василия Андреевича за границею въ 1826 и 1827 годахъ, дѣятельно съ нимъ переписывался. Жуковский высоко цѣнилъ душевныя качества и педагогическія способности своего сотоварища по воспитанію великаго князя Александра Николаевича, его ровный и спокойный нравъ, любовь къ царственному питомцу, умѣніе съ нимъ обращаться, вліять на него, внушать ему довѣріе и привязанность къ себѣ. Но всѣ эти достоинства не возмѣщали въ глазахъ поэта-наставника одного существеннаго пробѣла: недостатка въ высшемъ образованіи.

Находя излишнимъ приводить цѣликомъ письма Василия Андреевича къ Мёрдеру, такъ какъ ихъ много и они уже напечатаны, ограничусь здѣсь только нѣкоторыми выдержками изъ нихъ, гдѣ ме-

жду прочимъ наиболѣе ясно выступаютъ любовь и довѣріе, которыя приобрѣлъ Карль Карловичъ у Жуковскаго.

(19—31 августа 1826 г.). «...Благодарю васъ отъ всего сердца за письмо. Оно доставило мнѣ истинную радость, ибо въ немъ выражается ваша ко мнѣ дружба, которую я цѣню весьма высоко и за которую, въ чемъ вы уже давно увѣрились, я плачу вамъ тою же монетою. Мѣсто, которое мы другъ подлѣ друга занимаемъ въ этой жизни, должно утвердить и усовершенствовать нашу дружбу. Мы рука въ руку идемъ къ той же цѣли, которая одна уже можетъ составить высокое счастье для души высокой: быть вѣрными товарищами на нашей святой дорогѣ есть быть друзьями. Идти по ней нельзя безъ жаркаго энтузіазма къ добру, къ пользѣ, ко всему, что есть прямо дорогоцѣннаго въ здѣшнемъ мірѣ. Я знаю, что мы съ вами согласны въ этомъ чувствѣ. За васъ, какъ и за себя, поручусь, что личная выгода никогда не замѣшается въ нашу дѣятельность, что вы дѣйствуете безъ самолюбія, безъ корысти и что всегда готовы пожертвовать собственнымъ для успѣха своего дѣла. Увѣренность, что мы такъ дѣйствуемъ, и неутомимость въ исполненіи своего долга составляетъ для васъ, какъ и для меня, примѣрную награду нашу и въ то же время нашу независимость отъ всего случайнаго. Это наше неотъемлемое. Успѣхъ принадлежитъ не намъ; онъ во власти Провидѣнія. Ему и предоставляемъ его. Да благословитъ оно истинность нашего рвенія. Однимъ только имъ можемъ заслужить его благословеніе... Въ ожиданіи того, что повелитъ мнѣ государь императоръ, я займусь составленіемъ плана тѣхъ занятій, которыя надобно будетъ поручить Жиллю на все время моей отлучки, а вамъ, безцѣнный другъ, поручаю успѣхъ и судьбу ихъ...».

Мердеръ, повидимому, сдѣлалъ все, отъ себя зависящее, чтобы облегчить Жуковскому задачу приведенія плана занятій въ дѣйствіе, и позаботился успокоить его относительно всего того, что волновало и озабачивало Василія Андреевича.

Это усматривается изъ послѣдующихъ писемъ, въ которыхъ слышится тонъ уже гораздо болѣе увѣренный.

(1 октября 1826 г.). «Прочитавъ ваше письмо и письма Жилля, мой безцѣнный Карль Карловичъ, я искренно пожалѣлъ, что вы оба не стояли передо мною; я обнялъ бы васъ обоихъ съ чувствомъ дружбы и благодарности. Какое-то ясное спокойствіе наполнило мнѣ сердце при мысли, что мое отсутствіе нисколько не повредитъ нашему общему святому дѣлу. Я могу теперь беззаботно заниматься своимъ здоровьемъ и вполне предаться трудамъ своимъ, которые здѣсь, на свободѣ, безъ всякой тревожащей душу мысли, должны имѣть успѣхъ совершенный...».

(10-го января 1827 г.). «..... Поистинѣ можетъ насъ успокоить только мысль, что мы истинно, безкорыстно будемъ стремиться къ этой цѣли, забывъ все собственное, уничтоживъ самое самолюбіе съ

готовностью на великое пожертвованіе. Такъ разумѣю васъ, и увѣренность въ этомъ есть для меня также источникъ истиннаго счастья и спокойствія душевнаго... Можно дѣйствовать, когда отецъ государь такъ доступенъ и вѣритъ тѣмъ, на кого возложилъ такую святую должность. Онъ не потребуеъ отъ насъ, чтобы мы когда нибудь дѣйствовали вопреки своему убѣжденію. Безъ полной, святой свободы нѣтъ возможности дѣйствовать полезно. Государь это знаетъ, онъ видитъ въ насъ людей, которыхъ главная цѣль — не быть угодниками, а просто дѣйствовать для добра и пользы, безъ всякихъ постороннихъ видовъ. Я уже знаю на опытъ, съ какою свободою можно сообщать ему свои мнѣнія, и какъ онъ доступенъ всему, что сказано прямо и отъ сердца. Это открытіе сдѣлалъ я съ тѣхъ поръ, какъ онъ на тронѣ. Мы можемъ свободно идти къ своей цѣли: въ немъ найдемъ постоянно помощника».

Отношенія между Мёрдеромъ и В. А. Жуковскимъ становились съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сердечны, и между ними существовало полное согласіе, какъ это видно, напримѣръ, изъ письма Василія Андреевича къ императору Николаю Павловичу отъ 8-го іюля 1828 года.

Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «что же касается до меня, то я совершенно счастливъ моимъ товариществомъ съ нашимъ почтеннымъ, рѣдкимъ Мёрдеромъ. Мы идемъ съ нимъ къ святой нашей цѣли рука объ руку; еще не было между нами ни въ чемъ разногласія. Его твердый характеръ и прекрасное сердце даютъ всему ходъ спокойный и постоянный».

XV.

Что любовь и довѣріе Жуковскаго къ Мёрдеру были вполнѣ чистосердечны и искренни, служатъ доказательствомъ какъ только что приведенное письмо Василія Андреевича къ государю, такъ равно и письма его къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Вотъ одно изъ нихъ отъ 1-го (13-го) іюля 1827 года:

«... Вашъ сынъ, государыня, переданъ нынѣ на попеченіе двухъ лицъ, изъ которыхъ каждому предназначена своя особенная обязанность. На Мёрдера возложено нравственное воспитаніе; мнѣ поручено наблюденіе за учебною частію... Мёрдеру хорошо знакомъ дѣтскій міръ; онъ самъ отецъ; онъ уже имѣлъ надзоръ за чужими дѣтьми, у него характеръ твердый и, что весьма важно, чрезвычайно ровный, такъ что онъ въ состояніи выполнять свой долгъ съ постоянствомъ и выполнять его такъ, чтобы онъ не былъ ни тягостенъ для него, ни обременителенъ для его воспитанника. Такой человекъ драгоцененъ, и мы весьма счастливы, что имѣемъ его...».

XVI.

Но, при всей любви къ Мёрдеру, Жуковскій признавалъ въ немъ хорошаго человѣка — не болѣе, и если находилъ его вполне пригоднымъ для должности воспитателя наслѣдника, то только въ дѣтскіе годы, предвидя, что настанетъ пора, когда онъ не окажется на высотѣ своего призванія, и не будетъ въ состояніи стать просвѣщеннымъ руководителемъ будущаго государя Россіи.

Впрочемъ, къ самому себѣ Жуковскій относился съ тою же строгостью, признавая и себя наравнѣ съ своимъ товарищемъ неспособнымъ направлять первые шаги ученика своего на царственномъ пути, по недостаточности собственнаго знанія и знакомства со свѣтомъ, «не съ тѣмъ свѣтомъ,— пояснялъ онъ,— который называется обществомъ, гдѣ бушуютъ мелкія страсти, возбуждаемыя мелкими интересами, а со вселенною, составляющею великое общество государей и народовъ, въ которомъ рѣчь идетъ объ интересахъ первостепенной важности, о счастіи и славѣ народовъ, всего человѣчества».

Сомнѣнія свои по этому вопросу онъ откровенно высказалъ въ письмѣ къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ: «Дѣло не въ насъ съ Мёрдеромъ, государыня,— дѣло идетъ о Россіи, о ея будущемъ, о судьбѣ и славѣ вашего сына. Необходимо дать ему въ руководители человѣка, который по своему нравственному и общественному характеру подходилъ бы къ идеалу, мною начертанному. Мы съ Мёрдеромъ пригодны только для мелочей. Вы можете положиться на нашу преданность, но намъ нужна личность, которая могла бы въ общихъ чертахъ наблюдать за нами, направлять наши труды къ главной цѣли, словомъ, придать имъ тотъ окончательный отпечатокъ, который мы не въ силахъ имъ сообщить, по совершенной нашей къ тому неспособности. Онъ наблюдалъ бы за воспитаніемъ въ общихъ чертахъ, руководилъ бы всѣмъ и сумѣлъ бы довести это дѣло до его главной цѣли. А мы оставались бы тутъ же, для вседневныхъ занятій и для всего того, что требовало бы простого выполненія. Мёрдеръ состоялъ бы при особѣ великаго князя, гдѣ онъ незамѣнимъ, а я продолжалъ бы наблюдать за учебною частію».

Это лицо, о которомъ говоритъ Жуковскій, былъ графъ Каподистрія, но предположенію назначить послѣдняго руководителемъ-воспитателемъ наслѣдника не суждено было осуществиться, и главнымъ воспитателемъ цесаревича назначенъ былъ генераль-лейтенантъ П. П. Ушаковъ. Въ качествѣ же помощника Мёрдеру, съ 10-го ноября 1826 года, былъ данъ сослуживецъ его по кадетскому корпусу, артиллеріи капитанъ Семень Алексѣевичъ Юрьевичъ¹⁾, имъ ре-

¹⁾ С. А. Юрьевичъ (впоследствии генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ) происходилъ изъ древняго рода дворянъ Могилевской губерніи. Онъ родился 10-го мая 1798 года; † 13-го іюня 1865 года. Воспитаникъ перваго кадетскаго корпуса, выпуска 1817 года.

комендованный, какъ человекъ, вполне заслуживающій занять эту должность.

Карлъ Карловичъ очень любилъ и цѣнилъ Юрьевича, и еще за годъ до официального назначенія Семена Алексѣевича, испросилъ у государя разрѣшеніе вызывать Юрьевича къ великому князю Александру Николаевичу, когда находилъ то необходимымъ.

XVII.

Перваго іюля 1832 года, государь произвелъ наследника цесаревича въ чинъ ротмистра, послѣ чего онъ сталъ и на ученыхъ исполнять обязанности офицера, командуя взводомъ.

Къ этому времени относится замѣчательный разговоръ императора Николая Павловича съ Мёрдеромъ, сообщенный послѣднимъ въ письмѣ его къ Саррѣ Николаевнѣ.

— «Я замѣтилъ»,—сказалъ Мёрдеру однажды государь,—«что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ сего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ. Мнѣ казалось, что я замѣтилъ, что онъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военного дѣла».

Мёрдеръ возразилъ, что всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы воспитать въ цесаревичѣ «рыцаря безъ страха и упрека», что онъ всячески старается ему дать понять, что нужно, чтобы сдѣлаться великимъ полководцемъ, быть прежде всего добродѣтельнымъ и, чтобы достигнуть этого, слѣдуетъ быть хорошо образованнымъ. Великій князь понимаетъ очень хорошо, что значить быть военнымъ въ настоящемъ смыслѣ слова; понимаетъ также, что солдаты только тѣмъ преданы, которые ихъ ведутъ на бой и на побѣду, дѣла ихъ опасности, и что напрасно ожидать, чтобы они могли привязаться къ тѣмъ, которыхъ они видятъ только на парадахъ и ученіяхъ. Если же великій князь находитъ удовольствіе въ парадахъ, то нельзя обвинять его въ томъ, потому что у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важные. Въ заключеніе, воспитатель просилъ государя провѣрить его слова, переговоривъ съ самимъ наследникомъ объ этомъ предметѣ.

— Я вамъ вѣрю и имѣю полную довѣренность ко всему вами сказанному, — отвѣчалъ императоръ, — но хотѣлось бы скорѣе видѣть его занимающимся этимъ дѣломъ, какъ я имъ занимался въ его лѣта.

XVIII.

Заступничество за царственнаго питомца предъ государемъ было какъ бы лебединою пѣснью нѣжно любившаго его воспитателя.

Мёрдеръ посвятилъ себя своимъ священнымъ обязанностямъ, и постоянные труды и заботы, очевидно, не могли не отразиться на его организмѣ, потрясенномъ еще въ молодости боевою жизнью, полученными ранами и, наконецъ, испугомъ, имѣвшимъ, по засвидѣтельству медиковъ, большое вліяніе на быстрое развитіе болѣзни сердца.

Испугъ этотъ произошелъ отъ паденія великаго князя съ лошади, во время прогулки (16-го апрѣля 1832 г.) на Марсовомъ полѣ.

«Я имѣлъ новое доказательство безпредѣльнаго милосердія Всевышняго ко мнѣ»,—писалъ Мёрдеръ по поводу этого случая,—«и я вполнѣ увѣренъ, что онъ покровительствуетъ питомцу моему и бдитъ о сохраненіи дней его драгоценныхъ.

«Въ шесть часовъ по полудни мы поѣхали верхами кататься вокругъ качелей; сдѣлавъ нѣсколько круговъ, мы проѣхали на Марсово поле; великій князь былъ на своей любимой лошади, Малекъ-Адель, осѣдланной казацкимъ сѣдломъ и на одной уздечкѣ.

«Прибывъ на плацъ, мы подняли лошадей въ галопъ и, наконецъ, пустили въ карьеръ. Великій князь меня обскакалъ и, не будучи въ состояніи остановить свою лошадь, хотѣлъ сдѣлать вольтъ передъ веревкою, протянутою вокругъ плаца, но лошадь, будучи близъ веревки, перепрыгнула черезъ нее; великій князь не ожидалъ этого и упалъ на мостовую.

«Испугъ мой былъ невыразимъ, когда я увидѣлъ его, лежавшаго на землѣ безъ движенія. Подойдя къ нему и приподнявъ его съ помощію, проходившаго въ эту минуту возлѣ насъ, мѣщанина, первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣть, не зашиблена ли голова; не видя никакихъ знаковъ, я разстегнулъ ему воротникъ и развязалъ галстухъ, но онъ все оставался въ безпамятствѣ; тогда я велѣлъ близъ стоявшему извозчику принести воды, которою я брызнулъ ему въ лицо, вслѣдствіе чего онъ очнулся и пришелъ въ себя. Къ счастью, между лицами, собравшимися вокругъ насъ, находился полковникъ Романовичъ, который предложилъ свою коляску; я принялъ его предложеніе съ благодарностью и такимъ образомъ привезъ его высочество во дворецъ. Съ плаца еще я послалъ г. Багратіона, офицера лейбъ-гвардіи уланскаго полка, за г. Арендтомъ, докторомъ и хирургомъ его величества, а также за докторомъ Крейтономъ; не прошло болѣе десяти минутъ съ прибытія нашего въ комнаты великаго князя, какъ г. Крейтонъ явился. Онъ осмотрѣлъ великаго князя и, къ невыразимому моему удовольствію, объявилъ, что, кромѣ сильнаго помятія мускула у праваго плеча, ничего не

было. Послѣ сего я рѣшился везти великаго князя къ ихъ величествамъ съ тѣмъ, чтобы самъ онъ объявилъ имъ обо всемъ случившемся. Такимъ образомъ ихъ величества не испытали никакого испуга. Государь выразилъ великому князю свое неудовольствіе за небрежность, съ кою онъ ѣздитъ верхомъ, и въ особенности укорялъ его, что онъ не имѣетъ надъ собою власти и не можетъ удерживать слезъ своихъ».

XIX.

Это происшествіе, вызвавшее сильный испугъ Карла Карловича, было для него роковымъ. Болѣзнь сердца, которою онъ уже страдалъ, сильно обострилась, припадки сердцевенія все учащались и лѣкарства, помогавшія ему раньше, болѣе не облегчали его страданій.

Двѣнадцатаго сентября онъ почувствовалъ снова весьма сильное біеніе сердца, и такъ какъ никакія средства не могли уснокоить этотъ припадокъ, то принуждены были пустить кровь, и, на этотъ разъ такъ много, что ему сдѣлалось дурно.

Великій князь Александръ Николаевичъ, видя, что Мёрдера переносили изъ его комнатъ въ квартиру, занимаемую его семействомъ въ такъ называемомъ циркулѣ большаго царскосельскаго дворца, былъ неутѣшенъ. Его высочество навѣщалъ своего больнаго воспитателя ежедневно по нѣсколько разъ въ день; окружалъ его самою нѣжною заботливостію и ласками, но что болѣе всего трогало Мёрдера, это то, что во все время, въ теченіе котораго онъ принужденъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, поведеніе и прилежаніе его высочества были примѣрны, и Юрьевичъ и всѣ учителя аттестовали его отлично.

Двадцатаго сентября, Карла Карловича перевезли въ Петербургъ, гдѣ первое время онъ оставался въ Зимнемъ дворцѣ, въ квартирѣ своей супруги, а затѣмъ, когда ему стало легче, онъ вновь поселился въ спальнѣ великаго князя, который тогда переѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ.

Здѣсь, однажды вечеромъ, когда Мёрдеръ чувствовалъ себя не хорошо, наслѣдникъ цесаревичъ, желая его утѣшить и еще разъ высказать ему свою привязанность, взялъ его руку, положилъ къ себѣ на сердце и сказалъ:

— Знаете, мой дорогой Карлъ Карловичъ, что мнѣ кажется, что мое и ваше сердце связаны вмѣстѣ, и иногда мнѣ чудится, что я это даже чувствую.

— Я очень доволенъ, Александръ Николаевичъ,—отвѣчалъ ему Мёрдеръ,—что вы испытываете это чувство, такъ какъ навѣрное ваше сердце извѣщаетъ васъ о радости моего въ тѣ минуты, когда я узнаю о вашемъ хорошемъ поведеніи.

XX.

Оправившись насколько было можно от приступа, подтачивавшей его жизнь, болѣзни, Карлъ Карловичъ вновь принялся со свойственной ему энергіей за выполнение возложенныхъ на него обязанностей, но припадки сердца подчасъ дѣлали его раздражительнымъ и слишкомъ требовательнымъ въ отношеніи своего воспитанника. Эта болѣзненная раздражительность не могла не отразиться на его отношеніяхъ къ наслѣднику, и онъ приходилъ въ волненіе отъ малѣйшей его провинности и проступка. Тѣмъ въ большее умиленіе приводили его трогательныя доказательства любви и преданности, которыя давалъ цесаревичъ «безцѣнному», какъ самъ онъ называлъ его, Карлу Карловичу.

Съ того дня, какъ Мёрдеръ замѣтилъ ему, что его нерадѣніе, возбуждая тревогу и безпокойство, вредно дѣйствуетъ на его разстроенное здоровье, въ Александрѣ Николаевичѣ произошла разительная переменна. То, что не удавалось достигнуть увѣщаніями и даже строгостью, совершилось само собою, силою признательности и привязанности наслѣдника къ любимому наставнику и другу.

Карлъ Карловичъ восхищался этой переменною; великій князь не только безукоризненно велъ себя, но выказывалъ примѣрное и постоянное прилежаніе въ занятіяхъ; его уроки были прекрасно приготовлены, и всѣ учителя совершенно имъ довольны. Въ то же время онъ, во всѣ свободныя минуты, не отходилъ отъ больнаго, то успокаивалъ, то утѣшалъ его, то плакалъ самъ, и только силой могли оторвать его отъ постели больнаго.

Радостью своею Мёрдеръ поспѣшилъ подѣлиться съ Жуковскимъ, который, проведя лѣто на водахъ, уединился [на зиму въ Верне, близъ Веве, на Женевскомъ озерѣ.

Оттуда писалъ Василій Андреевичъ цесаревичу: «благодарю васъ, милый великій князь, за ваше письмо и за подробности, кои вы сообщаете мнѣ о ходѣ вашихъ занятій. Еще болѣе благодарю васъ за то, что мнѣ пишетъ о васъ Карлъ Карловичъ. Онъ извѣщаетъ меня, что нашъ общій ненавистный врагъ, съ которымъ такъ трудно было бороться, врагъ, называемый лѣнью, почти побѣжденъ, что нашъ естественный бодрый союзникъ, называемый чувствомъ должности, болѣе и болѣе приобрѣтаетъ силы, и что есть большая надежда, что мы, съ помощію этого союзника, наконецъ, завоюемъ тотъ чудотворный талисманъ, который поможетъ на предстоящей намъ дорогѣ безопасно прійти къ цѣли своей среди всѣхъ чудищъ, которыя будутъ насъ пугать и стараться сбить съ ногъ, талисманъ, называемый нравственное достоинство. Безъ аллегорій: у меня сердце поворотилось отъ радости, и слезы благодарности къ Богу наполнили мои глаза, когда я прочиталъ безцѣнныя строки

Карла Карловича о васъ и происшедшей въ васъ переменѣ, мой безцѣнный, вѣрный другъ. Я увѣренъ, что, разъ пробудившись, вы не заснете...».

XXI.

Къ веснѣ болѣзнь Мёрдера настолько усилилась, что врачи потребовали немедленнаго отправления его за границу, и четырнадцатаго марта 1833 года, онъ, въ сопровожденіи своей супруги и старшей дочери Маріи Карловны, уѣхалъ изъ Россіи, куда уже болѣе не возвращался.

Въ самый день отъѣзда, государь въ воздаяніе беззавѣтнаго и самоотверженнаго исполненія въ продолженіе девяти слишкомъ лѣтъ обязанностей нравственнаго руководителя старшаго сына, пожаловалъ Мёрдеру званіе генераль-адъютанта съ оставленіемъ при его высочествѣ наслѣдникъ цесаревичѣ, и послалъ великаго князя отнести своему воспитателю генераль-адъютантскіе эполеты и аксельбанты.

Александръ Николаевичъ глубоко чувствовалъ всю тяжесть разлуки съ неразлучнымъ дотолѣ спутникомъ его дѣтства. «Это первое, могу сказать, несчастіе», писалъ онъ ему, «которое я испытывалъ въ жизни моей». И въ другомъ письмѣ: «Это первое испытаніе, которое на меня наложилъ Всемогущій Отецъ».

Въ продолженіе цѣлаго года цесаревичъ переписывался съ Карломъ Карловичемъ аккуратно каждую субботу ¹⁾, называя его «безцѣннымъ, милымъ другомъ», увѣряя въ безпредѣльной любви и преданности, отдавая ему отчетъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ, поступкахъ, помыслахъ, замѣчая, что письменный съ нимъ разговоръ— настоящее наслажденіе.

Письма Александра Николаевича дышатъ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ, столь же лестнымъ для воспитателя, какъ и приносящимъ честь его августѣйшему питомцу.

Замѣстителемъ Мёрдера былъ назначенъ генераль-майоръ Кавелинъ, а на Юрьевича возложена обязанность составлять отчеты, представляемые ихъ величествамъ о ходѣ воспитанія наслѣдника, и завѣдываніе его канцеляріей.

XXII.

В. А. Жуковскій, по поводу разлуки великаго князя съ Мёрдеромъ, котораго называлъ «добрымъ, благодѣтельнымъ другомъ, гениемъ хранителемъ наслѣдника цесаревича», писалъ великому князю Александру Николаевичу: «Надѣясь на милость Божию, смѣю вѣрить, что этотъ тяжелый опытъ не будетъ продолжителенъ, но,

¹⁾ См. «Письма цесаревича Александра Николаевича къ его воспитателю К. К. Мёрдеру», «Русская Старина», 1886 г.

вы, при первомъ несчастіи жизни, научитесь достойнымъ образомъ переносить его. Вся наша жизнь есть не иное что, какъ непрерывное стараніе сохранить наше достоинство въ опытахъ, посылаемыхъ намъ Провидѣніемъ. Эта наука вамъ нужнѣе, нежели комунибудь, и вотъ случай доказать, что вы не даромъ имѣли такого друга въ вашемъ младенствѣ, каковъ несравненный Карлъ Карловичъ. Вотъ случай воспользоваться всѣмъ тѣмъ добромъ, которымъ его любовь къ вамъ обогатила вашу душу. Если чтонибудь можетъ ускорить зрѣлость вашего характера, то именно это несчастіе, слишкомъ рано — и, надѣюсь, ненадолго посланное вамъ Богомъ. До сихъ поръ, имѣвъ подлѣ себя столь надежнаго руководителя, имѣвъ въ немъ, такъ сказать, олицетворенную должность передъ глазами своими, вы могли быть болѣе безпечны; во всякую минуту было подлѣ васъ сердце, въ которомъ все ваше откликалось и доброе и худое; былъ голосъ, который тотчасъ или одобрялъ васъ, или укорялъ и, въ обоихъ случаяхъ, приносилъ вамъ пользу. Теперь это перемѣнилось: вы болѣе преданы самому себѣ,—что въ ваши лѣта опасная утрата,—и вы теперь вдвое должны за самого себя бодрствовать. Въ этомъ-то и состоитъ теперь ваша обязанность, эту бдительностію за самимъ собою сохраните вы и свое достоинство въ несчастіи, и въ то же время вы докажете ею и всю благодарность за оказанное вамъ добро. Живите такъ, какъ будто не было съ вами никакой перемѣны, то-есть, не забывайте ни минуты того, кто теперь не всегда съ вами вмѣстѣ; глядите широкими глазами вашего вѣрнаго друга; это будетъ вамъ опытною наукою добродѣтели и въ то же время облагородитъ еще болѣе ваше сердце благодарною любовію, коей выраженіе состоитъ не въ ласкахъ и не въ другихъ словахъ, а въ согласіи души съ душою тѣхъ, кого мы любимъ, и въ дѣлахъ, достойныхъ одобренія ихъ, когда они подлѣ насъ, или возбуждающихъ сладкое воспоминаніе о нихъ, когда они не съ нами. Примите этотъ совѣтъ отъ другаго вашего истиннаго друга и послѣдуйте ему. То, что мнѣ пишутъ о васъ и Карлъ Карловичъ, и всѣ другіе, увѣряетъ меня, что вы теперь способны послѣдовать такому совѣту».

XXIII.

Уѣхавъ за границу, Мёрдеръ не переставалъ заботиться о своемъ воспитанникѣ, часто писалъ ему, давалъ совѣты, благодарилъ за тѣ хорошіе отзывы о поведеніи цесаревича, которые получалъ отъ В. А. Жуковскаго и другихъ лицъ, сообщавшихъ ему интересовавшія его свѣдѣнія.

Опасное положеніе больного скрывали отъ цесаревича какъ самъ Карлъ Карловичъ, такъ равно и его супруга, тоже довольно часто писавшая наслѣднику, а потому великій князь Александръ

Николаевичъ почти въ каждомъ письмѣ выражаетъ свою увѣренность скоро свидѣться съ своимъ воспитателемъ.

Выѣхавъ четвертаго марта, Мёрдеръ со своими спутниками, ровно черезъ мѣсяцъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ представился королю прусскому. Его величество пожаловалъ ему (22-го апрѣля) звѣзду къ ордену Краснаго Орла второй степени.

Двадцать пятаго апрѣля, Карлъ Карловичъ былъ въ Потсдамѣ, а шестнадцатаго мая прибылъ въ Баденъ, гдѣ и поселился на нѣкоторое время. Отсюда онъ ѣздилъ въ Шлангенбадъ, гдѣ видѣлся съ В. А. Жуковскимъ, а затѣмъ черезъ Цюрихъ пріѣхалъ въ Веве.

Пробывъ лѣто въ Швейцаріи, Мёрдеръ рѣшилъ провести зиму въ Италіи и перваго ноября пріѣхалъ въ Римъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ этотъ городъ, Карлъ Карловичъ почувствовалъ себя снова крайне плохо. Припадки болѣзни сердца и удушья съ каждымъ днемъ все учащались и сильно мучили больного. Ему ставили пиявки, пускали кровь, но эти средства помогали плохо.

Въ началѣ марта 1834 года, ему стало легче, и онъ, по совѣту докторовъ предпринялъ путешествіе въ Неаполь. Вернувшись черезъ нѣсколько дней въ Римъ, онъ окончательно слегъ и двадцать четвертаго числа скончался.

О кончинѣ его, въ старой памятной книжкѣ рукою супруги его, Сарры Николаевны, записано: «*Mon chér ami a cessé de respirer samedi 24 mars (5 avril) à une demie heure après minuit. Lundi le 7 il a été enterré*». (Мой дорогой другъ пересталъ дышать въ субботу 24-го марта (5-го апрѣля) въ половинѣ перваго по полудни. Въ понедѣльникъ, 7-го, онъ былъ погребенъ).

Онъ умеръ сорока шести лѣтъ отъ роду, изъ которыхъ тридцать отдалъ службѣ государю и отечеству, а послѣднія десять лѣтъ изъ этихъ тридцати, посвятилъ исключительно на пользу августѣйшаго своего воспитанника, котораго онъ горячо и нѣжно любилъ.

XXIV.

Привязанность Мёрдера къ великому князю была такъ велика, что даже послѣднее слово, произнесенное имъ въ агоніи, было драгоценное для него имя наслѣдника, для котораго какъ бы забыто было все земное.

Его заслуги въ дѣлѣ воспитанія были оценены еще при жизни, и онъ умиралъ съ яснымъ сознаніемъ честно исполненныхъ отвѣтственныхъ обязанностей, возложенныхъ на него волею императора Николая Павловича.

Изъ писемъ къ нему государя и В. А. Жуковскаго онъ зналъ, что былъ понятъ и любимъ тѣми, кому служилъ, и въ немъ не могло

не окрѣпнуть убѣжденіе, что его десятилѣтняя трудная работа служила въ пользу его воспитанника.

Вотъ два письма, изъ цѣлаго ряда, наиболѣе ясно о томъ свидѣтельствующія. Первое отъ его величества государя императора Николая Павловича, а второе отъ В. А. Жуковскаго.

«С.-Петербургъ. 20-го декабря 1833 года.

«Благодарю тебя, любезный Карлъ Карловичъ, за поздравленіе съ днемъ моихъ именинъ; желалъ бы сердечно, чтобъ день сей пропраздновали бъ мы вмѣстѣ, чѣмъ знать тебя въ такомъ удаленіи, но надѣюсь на милость Божию, что время сіе, проведенное въ спокойствіи и въ хорошемъ климатѣ, возвратитъ тебѣ утерянное здоровье и дастъ тебѣ возможность посвятить вновь труды свои Александру Николаевичу. Вообще, я имъ доволенъ, сердце доброе и готовое на все хорошее и благородное. Только ты вернись къ намъ здоровымъ; спутникамъ своимъ прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ. Прощай и вѣрь искренней моей дружбѣ».

«Твой доброжелатель Н.».

«Верне. 1833 года.

«Письмо ваше огорчило меня весьма описаніемъ вашей болѣзни. Мое сердце болитъ вашимъ. Сохрани васъ Богъ, мой милый другъ! Говоря это, я эгоистъ; мнѣ вы необходимо надобны, сколько для моей къ вамъ нѣжной дружбы, столько и для успѣха нашего общаго дѣла. Впрочемъ, вы уже и теперь можете смѣло стать на судъ передъ людьми и передъ Богомъ; никакое мѣсто не было, конечно, столь совѣстно, столь честно занято, какъ ваше вами; все то, что вы могли сдѣлать съ совершеннымъ забвеніемъ самого себя,— сдѣлано, а что сдѣлано, то весьма много. Только съ вашимъ прямодушіемъ, съ вашей удаленностью отъ всякаго мелкаго честолюбія могло быть возможно утвердить этотъ братскій душевный союзъ, который существуетъ между вами и мною»...

Послѣднее письмо, которое написалъ Мёрдеру его августѣйшій воспитанникъ, было слѣдующее:

«С.-Петербургъ. 14-го апрѣля 1834 года.

«Третьяго дня получилъ я, наконецъ, ваше письмо, мой милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, которое я такъ долго ждалъ. Я очень сожалѣю, что погода вамъ не благопріятствовала въ Неаполѣ, но и то слава Богу, что припадки ваши теперь сдѣлались ничтожными; дай Богъ, чтобы они скоро совсѣмъ кончились.

«Вы, вѣроятно, теперь уже знаете, что мнѣ черезъ недѣлю предстоитъ. Я увѣренъ, что вы будете обо мнѣ думать, равно какъ и я о васъ, мой милый, безцѣнный другъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ мнѣ должно быть грустно, что васъ, моего

второго отца, въ этотъ важный въ жизни моей день здѣсь не будетъ. Но всю эту скорбь я забуду, лишь бы вы возвратились ко мнѣ совсѣмъ здоровымъ, чтобы окончить вами начатое дѣло. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что Сперанскій приготовлялъ меня къ присягѣ и въ прошедшую субботу прочелъ мнѣ ее. Она удивительно хорошо написана, и всякій человѣкъ съ чувствомъ не можетъ ее хладнокровно прочесть. Коль скоро она будетъ напечатана, я вамъ ее пришлю. Завтрашній день, въ Вербное воскресенье, отправляемся мы, какъ обыкновенно, въ Аничковскій для говѣнія. Время мы проводимъ очень весело. Третьяго дня былъ вечеромъ карусель, въ которомъ я съ Александровой ѣздилъ. Вчера вечеромъ былъ на патриотическомъ концертѣ. Прощайте, мой милый другъ. Папа, мама, сестрицы, равно какъ и всѣ, васъ любящія, вамъ кланяются. Мое почтеніе вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ, милый другъ, отъ всего сердца.

«Вашъ навсегда, Александръ».

Когда наслѣдникъ цесаревичъ писалъ эти строки, Карлъ Карловичъ уже не былъ въ живыхъ. Вѣсть о его кончинѣ достигла Петербурга незадолго до дня, назначеннаго для торжественнаго принесенія присяги цесаревичемъ по случаю исполнившагося его совершеннѣйшаго, и, по приказанію государя, была на время скрыта отъ его высочества.

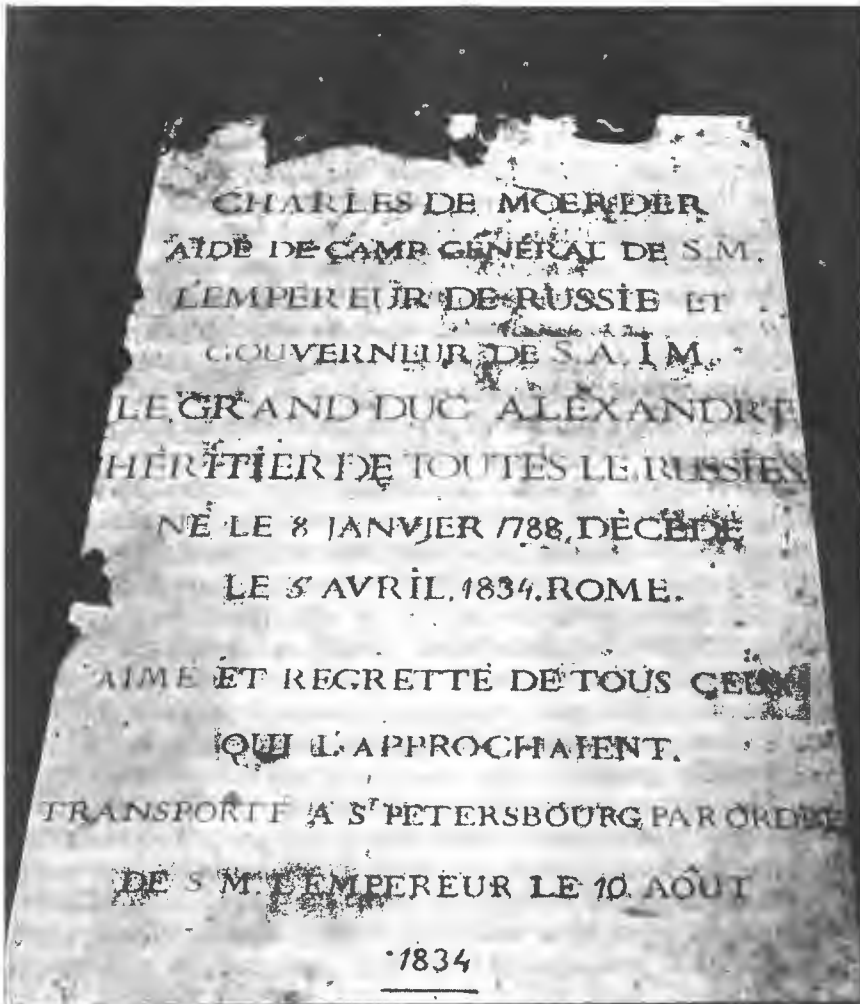
Седьмого апрѣля (по новому стилю) состоялось погребеніе Мёрдера въ Римѣ, на кладбищѣ близъ Цестіевой пирамиды. На похоронахъ присутствовало много русскихъ, жившихъ въ то время въ этомъ городѣ, а папскіе гренадеры и драгуны окружали могилу его и отдали послѣднюю земную почесть умершему.

Памятникъ, поставленный надъ его могилой въ Римѣ, цѣль и понынѣ, несмотря на то, что прахъ Мёрдера былъ вырытъ и перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и покоится на Смоленскомъ кладбищѣ.

Этотъ памятникъ представляетъ большую квадратную плиту бѣлаго мрамора, со слѣдующей, высѣченной на ней надписью:

Charles de Moerder
aide de camp général de S. M.
l'Empereur de Russie et
gouverneur de S. A. I. M.
Le Grand Duc Alexandre
Héritier de toutes les Russies.
Né le 8 janvier 1788, décédé
le 5 avril, 1834. Rome.

Aimé et regretté de tous ceux
qui l'approchaient.
Transporté à St. Pétersbourg par ordre
de S. M. l'Empereur le 10 août.
1834.

Надгробная плита на могилѣ К. К. Мердера въ Римѣ.

XXVI.

Когда вѣсть о кончинѣ Мёрдера достигла Петербурга, А. С. Пушкинъ записалъ въ свой дневникъ слѣдующее:

«1834 года, среда на Святой... Мёрдеръ умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таять извѣстіе, чтобы не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала, 28-го...».

Жуковский посвятилъ памяти своего друга довольно пространное «Воспоминаніе», которое я позволю себѣ привести здѣсь цѣли-

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. LXXIV.

13

комъ, такъ какъ оно сообщаетъ подробно о послѣднихъ минутахъ почившаго и еще разъ подтверждаетъ доброе мнѣніе Василя Андреевича о достойномъ своемъ сотрудникѣ по воспитанію цесаревича.

«Двадцать четвертаго марта (1834 года) скончался въ Римѣ генералъ-адъютантъ Карлъ Кадловичъ Мёрдеръ, послѣ пятидневной горячки, причиненной простудю. Покинувъ холодный климатъ петербургскій, для возстановленія силъ своихъ, разстроенныхъ припадками болѣзни, уже неисцѣлимой, хотя еще не смертельной, онъ провелъ все лѣто прошедшаго года на водахъ въ Баденъ-Баденъ; осенью переселился въ Италію, прожилъ всю зиму въ Римѣ, въ началѣ весны посѣтилъ Неаполь и, возвратившись въ Римъ, собирался уже послѣ Пасхи отправиться снова къ водамъ въ Германію, дабы потомъ ѣхать обратно въ Россію. Но Провидѣнію угодно было устроить иначе. Слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ генерала Мёрдера заимствованы изъ писемъ очевидца ¹⁾. Восемнадцатаго числа, въ самый день Пасхи, пошелъ онъ на площадь св. Петра смотрѣть церемонію папскаго благословенія; былъ бодръ и веселъ, но, разгоряченный сильнымъ жаромъ того дня, вѣроятно, простудился ввечеру, когда осматривалъ иллюминацію купола Базилики, ибо, возвратясь домой, почувствовалъ сильную усталость и расслабленіе, легъ въ постель и болѣе уже не покидалъ ея. На другой день открылась жестокая горячка. Лучшіе доктора Рима были призваны, но напрасно: ничто уже не могло спасти его. Двадцать третьяго марта, въ двѣнадцатомъ часу утра, пригласили пастора для причащенія его св. тайнъ; онъ былъ въ памяти, но говорить уже не могъ, только два ручья слезъ показывали его умиленіе и святые чувства истиннаго христіанина. Въ пять часовъ собрались доктора и рѣшили пустить ему кровь, чтобъ облегчить его дыханіе, но то была слишкомъ слабая помощь. Біеніе сердца увеличивалось безпрестанно и къ полночи сдѣлалось такъ сильно, что его можно было слышать въ двухъ шагахъ; больной лежалъ неподвижно, безъ чувствъ, руки и ноги холодѣли; наконецъ, въ половинѣ перваго часа утра сердце его остановилось — онъ скончался. Лицо мертваго сохраняло нѣсколько минутъ слѣды минувшихъ страданій; но скоро они изгладились: на немъ распространилось выраженіе добродушія, тихости; явилась улыбка, такимъ оно и осталось. Погребеніе совершено было 26-го марта, на англійскомъ кладбищѣ, близъ Цестіевой пирамиды.

«Вмѣстѣ со вдовой и дочерью покойнаго, и всѣ русскіе, находившіеся въ Римѣ, провожали его тѣло. У стѣны кладбища были

¹⁾ А. В. Устинова, который на пути своемъ изъ Италіи встрѣтился съ генераломъ Мёрдеромъ въ Баденъ-Баденѣ, съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ обратно въ Италію, но отходилъ отъ него во все время послѣдней его болѣзни и имѣлъ горестное утѣшеніе закрыть глаза своему лучшему другу.

выстроены папскіе гренадеры и драгуны. При двухъ стахъ выстрѣлахъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и засыпанъ землею.

«Такъ, вдалькѣ отъ отечества, кончилъ дни свои незабвенный нашъ Мёрдеръ. Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей посвятилъ онъ тридцать на службу государю, и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ его высочества наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено.

«Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ семи свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстію, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на дуплѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полного развитія растений. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ, самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе—могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ челоуѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

«Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мёрдера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту, важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступалъ въ храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ при переходѣ въ лучшій міръ простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое, здѣшнее имя: Александръ, Александръ... невятно повторялъ тупѣющій языкъ его въ то время, когда прерывалось его дыханіе, и смерть къ нему приближалась. Другой, при переходѣ изъ отрочества въ юность, встрѣченный пѣніемъ: «Христосъ воскресъ», передъ святымъ Евангеліемъ окруженный величіями земными, произносилъ присягу свою въ такую минуту, когда надъ нимъ совершилось уже первое несчастіе жизни (тогда еще ему неизвѣстное), утрата любимаго друга. Одинъ, безпорочно исполнивъ свое земное

дѣло, имѣлъ завидное счастье заснуть сномъ смертнымъ такъ тихо, какъ младенецъ засыпаетъ сномъ колыбельнымъ; имя его чисто, и память его будетъ любима. Другой... да сохранится его жизнь навсегда въ теперешней своей непорочности, да будетъ она вся прекрасна, какъ его утро, расцвѣтшее подѣ кроткимъ вліяніемъ хранительной дружбы и чистыхъ семейственныхъ нравовъ; вся величественна и полна высокаго значенія, какъ сія первая присяга въ храмѣ; да будутъ, наконецъ, и самыя испытанія, необходимо съ нею соединенныя, подобны сей утратѣ друга, услаждаемой великимъ словомъ: «Христосъ Воскресе!».

XXVII.

По окончаніи торжествъ принесенія присяги наслѣдникомъ цесаревичемъ по случаю исполнившагося его совершеннолѣтія и по переѣздѣ въ Царское Село, императоръ Николай Павловичъ взялъ на себя сообщить сыну о скорбной утратѣ, имъ понесенной, въ лицѣ горячо любимаго своего наставника.

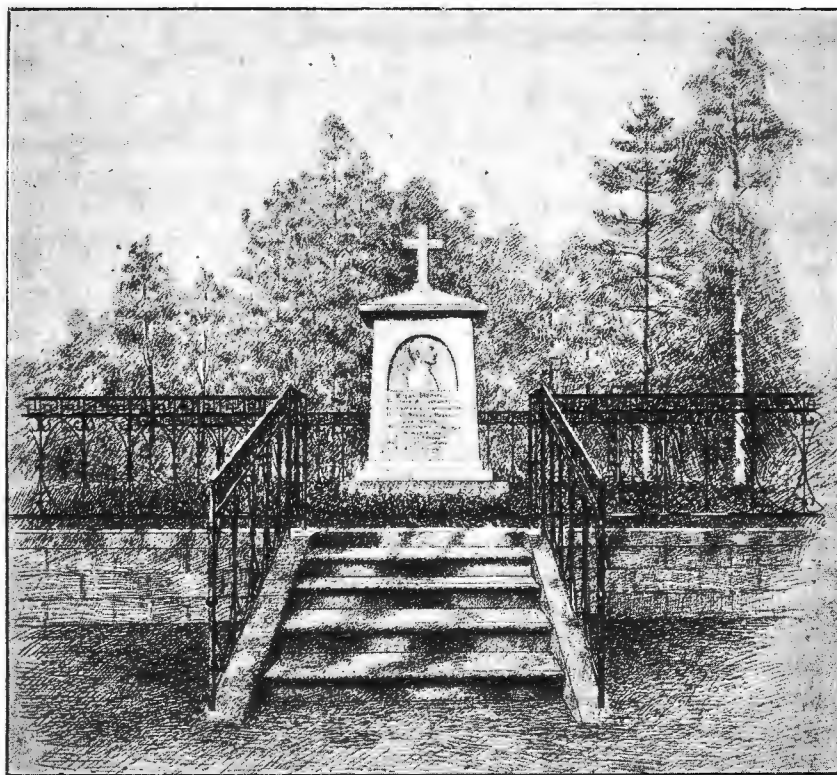
Семень Алексѣевичъ Юрьевичъ, бывшій личнымъ свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое произвела неожиданная горестная вѣсть на великаго князя, передаетъ объ этомъ довольно подробно въ письмѣ своемъ (отъ шестаго мая 1834 года) къ тецѣ Карла Карловича, Маріи Ивановнѣ Оксфордъ, а потому я привожу его здѣсь.

«Какъ мнѣ пріятно, милостивая государыня Марія Ивановна, сообщить вамъ, что государь императоръ приказалъ оставить для Сарры Николаевны, на лѣто, въ Царскомъ Селѣ, квартиру, которую вы занимали въ прошломъ году. Узнавъ объ этомъ, милый нашъ великій князь (Александръ Николаевичъ) ходилъ осматривать ее, чтобы удостовѣриться, что она можетъ быть пригодна для семейства вашего, особенно по возвращеніи Сарры Николаевны. Въ китайской деревнѣ всѣ квартиры уже распредѣлены, а въ цыркулѣ не нашлось ни одной, которая была бы удобнѣе и обширнѣе вапей.

«Не могу безъ особеннаго чувства рассказать вамъ, какъ пораженъ былъ великій князь неожиданною для него вѣстью о кончинѣ незабвеннаго, безцѣннаго своего друга и наставника, единственнаго Карла Карловича. Въ среду, въ восемь часовъ вечера, государь, по прибытіи въ Царское Село, сообщилъ ему самъ эту слишкомъ чувствительную для нѣжнаго сердца его,—столь горячею любовію привязаннаго къ своему другу—эту слишкомъ горестную вѣсть. Я сидѣлъ въ это время за работой, въ той самой комнатѣ, которую занималъ нѣкогда Карлъ Карловичъ,—какъ внезапно вбѣгаетъ ко мнѣ великій князь въ сильномъ разстройствѣ — въ слезахъ, рыдая, бросается онъ на колѣна передъ диваномъ. Въ первый моментъ, я какъ бы не вдругъ понялъ причину сего внезапнаго отчаянія,—но мнѣ не нужно было долго догадываться о при-

чинѣ,—рыданія великаго князя объяснили мнѣ оную,—и, вмѣсто утѣшенія, я смѣшалъ слезы мои съ его слезами. Давъ время [облегчить слезами столь сильный порывъ сердечный скорби, я подъялъ великаго князя; обнимая меня, онъ сказалъ:

— «Не понимаю, какъ вы могли скрывать отъ меня свои чувства, и какъ я не могъ догадаться объ ожидавшей меня горести.

Памятникъ на могилѣ К. К. Мердера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Боже мой! я все надѣялся, что скоро увижу моего безцѣннаго Карла Карловича!

«Слезы и рыданія прерывали нѣсколько разъ слова его. Объяснивъ волю государя императора, чтобы удалить отъ него всякое подозрѣніе о семъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи, и собственно мнѣ данное его величествомъ приказаніе скрывать скорбь мою,—я не могъ не сказать, что скорбь была тѣмъ тяжелѣе для моего сердца и мучительнѣе, ибо не могла быть ни съ кѣмъ раздѣлена. Послѣ нѣкотораго размышленія великій князь присовокупилъ:

— «Какъ хорошо, однакожь, сдѣлали, что не сказали мнѣ... передъ присягой моей.

«Поуспокоившись нѣсколько, онъ припомнилъ, что Карлъ Карловичъ въ первый разъ почувствовалъ пагубную болѣзнь свою въ этой самой комнатѣ, и на этомъ самомъ диванѣ въ первый разъ открывали ему кровь, чтобы облегчить сильное бѣненіе сердца.

«Это было девятаго сентября, въ четыре часа по полудни. На слѣдующій день, въ четвергъ, я прочиталъ великому князю письма Александра Васильевича (Устинова)—новыя слезы, новыя рыданія. Когда дошло до желанія Сарры Николаевны, чтобы тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ, онъ весьма тому обрадовался и сказалъ, что государь отнюдь не будетъ противъ сего.

«Сегодня его величество изволилъ разспрашивать меня о великомъ князѣ — и когда я сообщилъ описанныя мною выраженія чувствъ скорби его, которая до сихъ поръ ясно обнаруживается и на лицѣ его и въ его дѣйствіяхъ, равно и то, что онъ часто и долго стоитъ, погружаясь въ размышленія, передъ портретомъ незабвеннаго Карла Карловича, его величество изволилъ сказать мнѣ:

— «Я весьма этимъ доволенъ; таковыя чувства его мнѣ весьма пріятны; надобно, чтобы онъ чувствовалъ свою потерю.

«Надняхъ, т. е. въ среду или четвертокъ, надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ: мы должны быть на парадѣ,—лично дополню на словахъ, чего не досказалъ вамъ на бумагѣ, о миломъ нашемъ великомъ князѣ и прекрасномъ его сердцѣ. Да сохранить Богъ его съ такими чувствами навсегда для счастья многихъ, многихъ».

XXIX.

По возвращеніи своемъ изъ-за границы, вдова Карла Карловича исходатайствовала соизволеніе государя императора на перевозъ тѣла своего супруга въ С.-Петербургъ.

Гробъ съ его тѣломъ былъ перевезенъ изъ Рима въ Ливорно на лошадахъ, а оттуда моремъ на кораблѣ вплоть до Петербурга. Подпоручикъ папской гвардіи Юлій Маццоти изъ личнаго уваженія къ покойному, съ которымъ онъ познакомился и подружился въ Италіи, самъ предложилъ свои услуги сопровождать тѣло Мёрдера.

Двадцать пятаго мая корабль, на которомъ везли тѣло Мёрдера, вошелъ въ Неву и, по исполненіи всѣхъ формальностей, во вторникъ двадцать восьмага числа состоялось погребеніе Карла Карловича на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ, на мѣстѣ, избранномъ и купленномъ его вдовою (въ 9-мъ участкѣ).

Очень много лицъ желало отдать послѣдній долгъ усопшему и присутствовать при похоронахъ, но его высочество наслѣдникъ цесаревичъ выразилъ свое желаніе самъ принять участіе въ печаль-

ной церемоніи и просилъ, чтобы были приняты мѣры къ тому, чтобы на похороны прибыли лица, исключительно только близкія къ покойному. Поэтому семья покойнаго вынуждена была отказывать многимъ, а пригласила только однихъ интимныхъ друзей Карла Карловича.

На погребеніе прибыли наслѣдникъ цесаревичъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, Паткуль, Віельгорскій, Жуковскій, генераль Годеинъ, полковникъ Игнатьевъ, Ланевскій, Устиновъ, Маццоти и семья покойнаго.

Пасторъ Петро-Павловской церкви докторъ богословія Фольбортъ, который былъ первымъ учителемъ и воспитателемъ Карла Карловича, по окончаніи обычной молитвы, произнесъ надгробное слово, въ коемъ кратко, но вѣрно изобразилъ жизнь и дѣятельность покойнаго. Наслѣдникъ цесаревичъ съ другими присутствовавшими опустилъ гробъ своего воспитателя въ могилу.

На другой же день послѣ похоронъ былъ поставленъ памятникъ изъ итальянскаго бѣлаго мрамора въ видѣ усѣченной пирамиды съ мѣднымъ золоченымъ крестомъ на верху. Этотъ памятникъ стоитъ и до сей поры на могилѣ Карла Карловича. На одной его сторонѣ въ медальонѣ находится барельефъ съ изображеніемъ Мердера въ профиль и надпись:

Карль Мердеръ
Генераль-Адъютантъ
Его Императорскаго Величества
Государя Николая Павловича
и Наставникъ
Его Императорскаго Высочества
Великаго Князя
Александра Николаевича
Наслѣдника Всероссійскаго Престола

Род. 8 Января 1787 г.
Сконч. 24 Марта 1834 г.

На противоположной сторонѣ памятника изображенъ геній войны съ опущеннымъ внизъ факеломъ и гербъ рода Мердеръ, а на третьей высѣчены слѣдующіе стихи, приписываемые одними В. А. Жуковскому, другими Устинову, третьими же Горемыкину:

И Богу и Царю слуга нелицемѣрный,
Другъ нѣжный ближнему, супругъ, отецъ примѣрный,
Онъ былъ утѣхою семейства своего;
Вся жизнь прекрасная его
Прошла въ трудѣ неутомимо,
Но не судилъ ему Творецъ
Увидѣть подвига начатаго конецъ
И сладко отдохнуть въ кругу семьи любимой,

Не на землѣ, на небесахъ
 Ему его досталась доля...
 О Боже! Ты премудръ и благъ!
 Твоя да будетъ воля!

XXX.

Ко времени погребенія К. К. Мёрдера литографическое заведеніе Мюнстера издало, очень удачно исполненную литографіей, копію съ акварельнаго портрета его, сдѣланнаго съ натуры въ Римѣ въ 1834 году русскимъ художникомъ Каневскимъ.

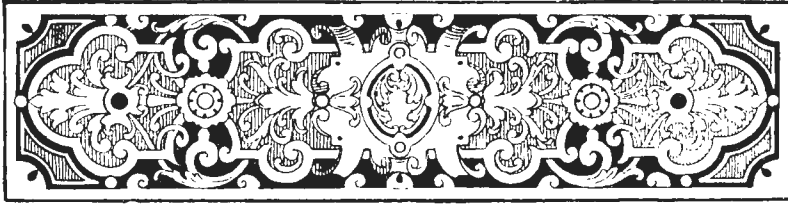
Репродукція съ этой литографіи приложена къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», равно какъ и исполненный художникомъ Г. Т. Наваренко видъ могилы Карла Карловича, находящейся на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что большой мраморный бюстъ этого замѣчательнаго человѣка поставленъ въ видѣ памятника въ Царскомъ Селѣ, на Дѣтскомъ островѣ, близъ Александровскаго дворца.

Памятникъ этотъ воздвигнуть былъ по повелѣнію императора Николая Павловича на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покойный любилъ сидѣть, наблюдая за играми своего августѣйшаго воспитанника. Въ настоящее время этотъ бюстъ, когда-то отличавшійся большимъ сходствомъ, довольно сильно поврежденъ ударомъ молніи.

Г. П. Анненковъ.

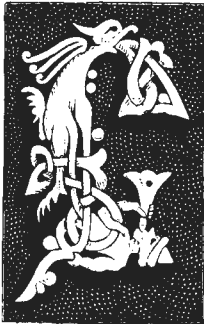

МОИ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ РАЗОЧАРОВАНІЯ (1866 — 1868) гг. ¹⁾

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

II.

ВЪ УЧИТЕЛЬСКИМЪ персоналомъ я знакомился постепенно и въ теченіе мѣсяца успѣлъ ознакомиться настолько основательно, что мнѣ стали совершенно ясны всѣ отношенія, всѣ характеры и свойства этого небольшого кружка лицъ... Не могу не признать того, что въ средѣ его было не мало лицъ, достойныхъ уваженія и симпатіи, было нѣсколько прекрасныхъ преподавателей, хотя и большихъ чудаковъ и педагоговъ стараго закала; но былъ и такой элементъ, который не заслуживалъ никакого уваженія, не выдерживалъ никакой критики и, несомнѣнно, подлежалъ неизбѣжному увольненію въ ближайшемъ будущемъ, если только дѣло шло о пользѣ гимназіи... Для меня это было совершенно ясно, и я воображалъ себѣ, что всѣхъ этихъ плохихъ учителей будетъ очень легко удалить и замѣнить другими, лучшими; но Николай Ивановичъ остановилъ меня на первыхъ же словахъ, когда я ему высказалъ свои предположенія относительно нѣкоторыхъ преподавателей и подтвердилъ ихъ неопровержимыми фактами.

— Это все ничего не значитъ-сь! Мы должны ихъ терпѣть...

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 120.

Можете их направлять, даже дѣлать имъ выговоры... Но о смѣщеніи ихъ нечего и думать...

— Такъ какъ же это? Вы знаете, напримѣръ, что такой-то преподаватель не только не приноситъ пользы, а даже и прямо вредитъ дѣлу,— и не можете отъ него избавиться?...

— Сохрани Боже! Изъ этого, пожалуй, можетъ еще что нибудь выйти... Это дѣло окружного начальства. Мы можемъ представлять ему, что тотъ или другой преподаватель не пригоденъ къ дѣлу, а оно можетъ оставить его на мѣстѣ и даже воспретить намъ всякія поползновенія къ его смѣщенію...

Я, конечно, не повѣрилъ Николаю Ивановичу, но вскорѣ мнѣ самому пришлось стать лицомъ къ лицу именно съ такимъ абсурдомъ, о чемъ и будетъ рѣчь ниже. Но въ настоящую минуту, для общей характеристики учительскаго персонала, замѣчу, что онъ распадался на нѣсколько рѣзко опредѣленныхъ партій, которыя не сходились между собою и вели непрерывную, хотя и не всегда явную борьбу. Рѣзче всего выдѣлялась изъ учительствующей братіи группа поляковъ, которые, въ числѣ четырехъ человѣкъ, держались особнякомъ и вели себя чрезвычайно надменно и самостоятельно: главнымъ представителемъ этой группы былъ нѣкто Б—цкій, отличный латинистъ, получившій образованіе въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, человѣкъ умный, талантливый и не безъ образованія и притомъ весьма беззащитный и способный на все, ради карьеры и успѣха. При этихъ качествахъ онъ обладалъ и превосходною вѣжностью, и свѣтскою развязностью, и очень тонкимъ умѣньемъ понравиться и угодить начальству. Рядомъ съ нимъ стоялъ Дз—скій, человѣкъ сумрачный и хмурый, всегда готовый ссориться и переходить въ наступленіе, если кто нибудь даже нечаянно задѣвалъ его кичливый гоноръ, а въ сущности — единица совершенно дюжинная и преподаватель (математики) весьма посредственный. Третьимъ, въ польской группѣ, являлся нѣкто Гр—скій, человѣкъ дрянненькій, низенькій, гаденькій, одновременно состоявшій и учителемъ французскаго языка въ гимназіи и чѣмъ-то въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ при губернаторѣ. Это былъ типичный образецъ дурнаго польскаго типа: лукавый, угодливый, примазывающийся ко всѣмъ и каждому, низкопоклонный передъ начальствомъ, лгунъ и сплетникъ первой руки. Французскій языкъ онъ зналъ очень плохо, преподавалъ его дурно, говорилъ пофранцузски съ запинкой и большими ошибками, но... зато пользовался расположеніемъ высшаго губернскаго начальства и могъ быть полевенъ въ томъ случаѣ, «если бы, Боже сохрани, случилось что нибудь этакое»... Четвертымъ полякомъ былъ К., старикъ лѣтъ 85, сѣдой, сторбленный, съ большимъ краснымъ носомъ и потухшими глазами; онъ преподавалъ латинь въ младшихъ классахъ гимназіи, и во время перемѣнъ, въ инспекторской, всегда садился въ одинъ

и тотъ же уголь, на тотъ же стуль, и молча, сосредоточенно сосалъ свою ужасную сигару, и, подавая руку директору, обыкновенно кланялся ему въ поясъ, бормоча подъ носъ:

— Мое ушанованье пану директору...

Въ группѣ русскихъ учителей одно изъ видныхъ мѣсть занималъ старый преподаватель латинскаго языка, нѣкто Рубонистый, человѣкъ стараго закала и съ семинарскимъ образованіемъ, но чрезвычайно толковый, разумный и положительный. Не лишенный нѣкоторой хохлацкой хитрости, онъ былъ однако же человѣкомъ хорошимъ и честнымъ, и на его слово всегда можно было положиться. Рядомъ съ нимъ по возрасту (но никакъ не по нравственнымъ достоинствамъ) стоялъ учитель исторіи, Пиль—ковъ, человѣкъ, прекрасно владѣвшій своимъ предметомъ, знающій, образованный, но, по характеру, слабый, подозрительный и обидчивый, способный придраться къ мелочамъ и изъ-за каждаго пустяковъ спорить и препираться по цѣлымъ часамъ. За этими двумя стариками мнѣ вспоминается группа преподавателей молодыхъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько очень способныхъ и хорошихъ людей, относившихся ко мнѣ съ пріязнью и сочувствіемъ, народъ веселый, шумливый, горячій, жизненно и сердечно принимавшій участіе въ рѣшеніи вопросовъ, ежедневно возбуждавшихся въ нашей педагогической средѣ, и не слишкомъ склонный потакать чиновничьему формализму Николая Ивановича. За спиною этой группы, составлявшей лучшее ядро педагогическаго персонала гимназій, стояло еще 2 — 3 человѣка, представлявшихъ ту безличную, безхарактерную посредственность, которая отличалась внѣшнею дѣловитостью и суетливымъ исполненіемъ обязанностей, а въ педагогическомъ совѣтѣ гимназій никогда не рѣшалась противорѣчить г. директору и непремѣнно подавала голосъ съ нимъ заодно.

Характеристика учительскаго персонала была бы не полна, если бы я не добавилъ, что къ ней принадлежали еще два человѣка: законоучитель, священникъ одного изъ ближайшихъ къ гимназій приходовъ, и раввинъ. По странной и весьма прискорбной случайности, эти два лица представляли полнѣйшую противоположность: раввинъ былъ человѣкъ очень умный, любезный, добрый товарищъ и потому состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ большинствомъ учителей; а законоучитель былъ человѣкъ недалекій, лукавый, вздорный и властолюбивый, всегда готовый привязаться къ каждому пустяшному поводу, чтобы затѣять ссору и довести дѣло до непріятности¹⁾. Само собою разумѣется, что никто его не любилъ, и всѣ старались держаться отъ него подальше, что еще болѣе раздражало этого непріятнаго и недобраго человѣка.

¹⁾ Чрезвычайно любопытно, что этотъ пастырь во время разныхъ совѣтскихъ междоусобій любилъ держаться заодно съ группою поляковъ.

Со всѣми учителями я познакомился очень скоро, съ нѣкоторыми изъ нихъ сошелся даже весьма близко и съ удовольствіемъ видѣлъ, что мой простой семейный кровъ пришелся имъ по душѣ. Съ нѣкоторыми — въ особенности съ «золотою посредственностью» и съ отцомъ законоучителемъ — держался въ предѣлахъ вѣжливыхъ и полуофициальныхъ отношеній. Съ поляками соблюдалъ крайнюю осторожность, по разнымъ причинамъ, хотя они были со мною чрезвычайно любезны и старались вызвать меня на сближеніе; но потомъ разомъ отъ меня отшатнулись, когда мнѣ, волей-неволей, пришлось затронуть одного изъ ихъ земляковъ. Случилось это такъ.

Однажды, кажется, въ концѣ втораго мѣсяца ученія, я проходилъ по коридору съ цѣлой кипой всякихъ счетовъ и рапортовъ по пансіону, какъ вдругъ услышалъ въ одномъ изъ параллельныхъ отдѣленій 2-го класса неумолкаемый хохотъ учениковъ. Я подошелъ къ двери, заглянулъ въ классъ черезъ стеклянное круглое окошечко, и просто обомлѣлъ... Старый полякъ, учитель, К., стоялъ среди класса, красный какъ ракъ, показывалъ ученикамъ языкъ и, топая ногами, кричалъ:

— Э-э-э! о-то синѣкдоха!

А потомъ перевернулся на одной ногѣ, показалъ имъ два кукиша и крикнулъ еще громче:

— А о-то метафора!

А хохотъ пуще и пуще: ученики смотрятъ на стараго шута и заливаются со смѣху.

Я вошелъ въ классъ, прикрикнулъ на учениковъ и осадилъ ихъ неумѣстную веселость; затѣмъ присѣлъ на одну изъ скамеекъ и сталъ слушать.

Оказалось, что старикъ, совершенно выжившій изъ ума, вмѣсто того, чтобы проходить съ учениками первыя главы элементарной грамматики Кюнера, читаетъ имъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, пересыпанномъ польскими фразами, — курсъ стилистики, приправляя его примѣрами и образцами изъ Горація, Овидія, Цицерона и т. д. въ подлинникѣ. Ученики слушаютъ его, разумѣется, ничего не понимая, переглядываются между собою и съ большимъ трудомъ удерживаются отъ смѣха, глядя на обезьянья ужимки старика и слушая, какъ онъ коверкаетъ русскую рѣчь. Пробормотавъ съ полчаса свой стилистическій сумбуръ, К. начиналъ спрашивать учениковъ, заставляя ихъ повторять термины, скандировать произнесенные имъ поэтическіе отрывки, и такъ какъ они говорили, что не понимаютъ и не умѣютъ, онъ выходилъ изъ себя, топалъ ногами, кричалъ и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, принимался ругать учениковъ:

— О-то галгалы, дурни! Шалены, палки!

Я не вытерпѣлъ, поднялся съ мѣста и попросилъ почтеннаго старца пожаловать со мною вмѣстѣ въ инспекторскую, а «старшему» изъ учениковъ велѣлъ смотрѣть за классомъ.

— Скажите, пожалуйста, что вы такое преподаете? — спросилъ я у К.

— Я преподаваю имъ тропи и фигуры,—преспокойно отвѣчалъ мнѣ К., вперивъ въ меня свой мутный и бессмысленный взглядъ.

— Да вѣдь они еще склоненій не знаютъ! Помилосердуйте!

— Ну, пускай глядятъ въ грамматика, тогда узнавають и *declinatio* и *conjugatio*. А теперь пусть учатъ *loci topici*. Потомъ бендземы писать *themata*... зачиненія...

— Да это же вовсе не нужно! Они этого и понять еще не могутъ; а вы должны проходить съ ними то, что назначено по программамъ...

— Какой программъ... Я же не вѣмъ, что за программъ...

— Какъ же можно не знать программы?—заговорилъ я съ досадой.—Вотъ возьмите ее и, пожалуйста, придерживайтесь ея строго.

К. заглянулъ въ программу и съ небреженіемъ бросилъ ее на столъ.

— Я старіи ученъ Вилѣнскаго универзитету и полатинску могэ мувить, а такому глупству, якъ тутъ написано, учить не могэ...

— Если не можете, то заявите объ этомъ г. директору; я же съ своей стороны долженъ буду заявить ему, что вы преподаете не по программѣ и притомъ обращаетесь съ учениками неприлично.

— Барзо добже! Вы до пана дыректора и я до пана дыректора!—почти прикрикнулъ на меня полоумный старикъ.

На томъ мы и разошлись съ нимъ.

По окончаніи классовъ я дѣйствительно отправился къ директору и заявилъ ему, что К. ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпимъ въ гимназіи, какъ преподаватель, и рассказалъ ему все, что видѣлъ.

Николай Ивановичъ выслушалъ меня совершенно спокойно и потомъ сказалъ:

— К. еще прежде васъ заходилъ ко мнѣ и горько на васъ жаловался...

— Онъ жаловался?!

— Жаловался, что вы на него кричали, топали ногами и приказали ему учиться латинскимъ склоненіямъ... Если это дѣйствительно было такъ, то это очень странно съ вашей стороны...

— Да помилуйте—это все полнѣйшая ложь и клевета! И если этотъ старый плутъ позволяетъ себѣ еще и такія выдумки, то я положительно заявляю вамъ, что не могу примириться съ допущеніемъ К. къ преподаванію въ младшихъ классахъ.

— Заявляйте, сколько вамъ угодно, я тутъ ничего не могу сдѣлать... Я самъ знаю, что онъ не можетъ быть учителемъ, что давно выжилъ изъ ума, но его посадилъ на это мѣсто бывшій попечитель, Е. А. Арцимовичъ, у котораго онъ въ дѣтствѣ былъ гувернеромъ, и старику надо дать умереть спокойно...

— Николай Ивановичъ! Да за что же, ради прихоти бывшаго нашего попечителя, обращать гимназію въ богадѣльню для калѣкъ и идіотовъ! Поймите, что К. вреденъ для учениковъ.

— Понимаю-съ, но ничего не предприиму, потому что изъ этого, чего Боже сохрани, можетъ выйти чтонибудь этакое...

— Если вы не желаете предпринимать, то ужъ извините, я вижу себя вынужденнымъ написать объ этомъ попечителю и просить его, чтобы онъ избавилъ гимназію отъ этого чудака...

— Сдѣлайте одолженіе—пишите! — съ язвительной насмѣшкой замѣтилъ Николай Ивановичъ.—Только я предупреждаю васъ, что изъ этого ничего не выйдетъ...

На томъ мы и разстались. Я дѣйствительно въ тотъ же вечеръ написалъ длинное письмо попечителю, въ которомъ все рассказалъ подробно и настоятельно просилъ его, чтобы онъ избавилъ гимназію отъ К. Не знаю, писалъ ли Николай Ивановичъ попечителю какія-нибудь жалобы на меня, но знаю навѣрно, что поляки приняли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы воздѣйствовать, въ пользу К., на С. П. Голубцова, къ которому и самъ К. поѣхалъ съ жалобами на меня и съ мольбами о томъ, чтобы онъ оставленъ былъ на службѣ. И въ результатѣ получилась совершенная неожиданность: К. вернулся изъ Одессы, обласканный попечителемъ и обнадеженный, а я получилъ весьма любезный выговоръ, въ которомъ совершенно ясно высказано было мнѣ, что я «суюсь не въ свое дѣло». Въ довершеніе всего, К., по возвращеніи изъ Одессы, пересталъ со мною раскланиваться при встрѣчахъ въ гимназіи и называлъ меня въ разговорахъ съ другими не иначе, какъ «эта злая полевая лисица». Предоставляю каждому судить о томъ, каково было мнѣ получить этотъ щелчокъ за всѣ мои труды и усердіе на пользу гимназій?

Это непріятное для меня событіе случилось весьма незадолго до чрезвычайно любопытнаго эпизода—посѣщенія гимназій новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, который, въ началѣ своего управленія министерствомъ, очень любилъ объѣзжать ежегодно одинъ или два учебныхъ округа, для личнаго ознакомленія съ мѣстными порядками и составомъ служащихъ лицъ. Идея этихъ объѣздовъ (представлявшая нѣчто въ родѣ ревизій) была живая и новая, и надо отдать полную справедливость покойному графу Толстому, что онъ умѣлъ извлечь пользу изъ этихъ ревизій, которыя были не бѣглымъ обзоромъ à vol d'oiseau, а весьма тщательнымъ и серьезнымъ выясненіемъ всѣхъ достоинствъ и недостатковъ наблюдаемой среды, въ которой лишь очень немногое могло укрыться отъ зоркаго наблюдателя.

Само собою разумѣется, что о пріѣздѣ министра мы были за цѣлый мѣсяць извѣщены окружнымъ начальствомъ, и что ожиданіе этого пріѣзда доставило много безсонныхъ ночей Николаю Ивано-

вичу, который въ теченіе этого мѣсяца успѣлъ мнѣ ужасно надоѣсть своими разными предостереженіями, указаніями, распоряженіями «о выѣденномъ яйцѣ» и т. д. По крайней мѣрѣ, разъ пять онъ все переспрашивалъ меня:

- А есть ли у васъ мундиръ?
- Шьется, заказанъ.
- Хм! А не опоздаетъ ли портной?
- Обѣщаль спать къ сроку.

Еще пройдетъ два дня, и опять тотъ же вопросъ, который, наконецъ, надоѣлъ мнѣ невыносимо. Я, наконецъ, разсердился.

— Да что вамъ до моего мундира! Вѣдь если онъ не будетъ готовъ, такъ и во фракѣ можно явиться министру!

— Чт... Что вы? Во фракѣ? Да это сохрани Боже, еще можетъ выйти что нибудь этакое—подумають, что вольнодумство... А вѣдь вы официальное лицо-сь!—почти съ испугомъ залепеталъ Николай Ивановичъ.—Я этого даже и представить не могу, и прошу васъ обязать вашего портного...

Но обязывать не пришлось: мундиръ былъ готовъ наканунѣ трепетно ожидаемаго дня.

Не могу теперь припомнить, что это былъ за день. Былъ ли это царскій день или день какого нибудь мѣстнаго праздника, сопряженный съ крестнымъ ходомъ, помню только, что уже съ утра мы оба, и директоръ и я, затянутые въ мундиры, при шпаконкахъ и треуголкахъ, присутствовали на какомъ-то благодарственномъ молебнѣ, на площади, передъ зданіемъ гимназіи, а потомъ директоръ поспѣшилъ на извозчикѣ, на пароходѣ, навстрѣчу министру и попечителю, которые должны были къ 12 часамъ прибыть въ гимназію. Мнѣ же было поручено собрать всѣхъ учителей въ инспекторской, а всѣхъ учениковъ въ гимназической залѣ, и встрѣтить министра у входа въ гимназію.

Ждать пришлось недолго: пароходъ, на этотъ разъ, пришелъ изъ Одессы во-время, и четверть часа спустя графъ Д. А. Толстой, съ сопровождавшимъ его чиновникомъ особыхъ порученій (кажется, фонъ-Братке), съ попечителемъ и директоромъ, подѣхалъ къ гимназіи въ коляскѣ, любезно предложенной въ его распоряженіе мѣстнымъ вице-губернаторомъ, камеръ-юнкеромъ К—вичемъ, въ домъ котораго графу Толстому была приготовлена и квартира¹⁾. Министръ выскочилъ изъ коляски первый и, прежде чѣмъ С. П. Голубцовъ успѣлъ вылѣзть изъ коляски съ директоромъ и чиновникомъ особыхъ порученій министра, я долженъ былъ подойти къ министру и рекомендоваться.

Онъ оглядѣлъ меня довольно недовѣрчиво съ головы до ногъ и спросилъ:

¹⁾ Помнится, что вице-губернаторъ К—вичъ, за отсутствіемъ губернатора Клущина, исправлялъ въ это время должность начальника губерніи.

— Въ какомъ университетѣ вы окончили курсъ?

— Въ С.-Петербургскомъ.

— Давно ли?

— Въ 1861 году.

Графъ отступилъ отъ меня, какъ ужаленный, и, нахмутивъ брови, спросилъ съ непріятной усмѣшкой:

— Такъ вы, пожалуй, тоже ходили по улицамъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я ему совершенно спокойно,—когда другіе ходили по улицамъ, меня уже не было въ Петербургѣ: я состоялъ на службѣ въ провинціи и былъ женатъ.

— А!—протянулъ графъ многозначительно, и только тогда подалъ мнѣ руку и переступилъ черезъ порогъ гимназіи.

За этой сценой, происходившей у подъѣзда, послѣдовало представленіе учителей директоромъ, во многомъ напоминавшее извѣстную сцену изъ «Ревизора» и сопровождавшееся комическими эпизодами, теперь уже улетучившимися изъ памяти.

Помню только, что учитель исторіи, Пи—ковъ, такъ засмотрѣлся на министра изъ-за своихъ темныхъ очковъ, что когда тотъ обратился къ нему съ вопросомъ, гдѣ онъ кончилъ курсъ, и гдѣ состоялъ на службѣ,—тотъ три раза заставилъ повторить себѣ этотъ вопросъ... За то ужъ потомъ, когда миновалъ этотъ столбнякъ, онъ однимъ духомъ прочелъ, безъ записки, весь свой формулярный списокъ... Помню также, что старикъ К. на тотъ же вопросъ отвѣтилъ:

— Въ Виленскомъ универзитету...

Потомъ отступилъ на шагъ, прекомично распаркался и прочелъ привѣтствіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ строкъ латинскихъ стиховъ. За этимъ представленіемъ учительскаго персонала, которое, повидимому, произвело пріятное впечатлѣніе на министра, послѣдовалъ подробный осмотръ гимназіи, отъ чердака и до подвала, при чемъ графъ Толстой собственноручно откидывалъ простыни, одѣяла и подушки и даже перевернулъ два тюфяка. Онъ, между прочимъ, остался доволенъ тѣмъ, что бѣлье, хотя и чистое, не было вполне свѣжимъ, то есть очевидно положеннымъ на показъ для его пріѣзда. Объясненія, при осмотрѣ гимназіи, давалъ Николай Ивановичъ, а я все время держался въ сторонѣ и отвѣчалъ только на вопросы, обращенные лично ко мнѣ. Послѣ окончанія осмотра сановные гости удалились къ себѣ на квартиру, чтобы не много отдохнуть и приготовиться къ офиціальному обѣду у вице-губернатора К—ча, къ которому было приглашено все наиболѣе крупное землевладѣльческое дворянство, всѣ мѣстныя власти и интеллигенція, а въ числѣ ея и мы съ Николаемъ Ивановичемъ. Помню, что насъ, какъ представителей интеллигенціи, и посадили противъ министра и его спутника; благодаря этому положенію, я слышалъ отъ слова

до слова ту рѣчь ¹⁾, которою графъ Дмитрій Андреевичъ отвѣчалъ на тость хозяина «за здоровье дорогого гостя». Рѣчь касалась того значенія, которое должно имѣть дворянство, въ настоящемъ и будущемъ Россіи, несмотря на реформы, поколебавшія его матеріальное положеніе. Само собою разумѣется, что рѣчь была выслушана дворянствомъ съ восторгомъ, почти съ благоговѣніемъ, и никто изъ присутствующихъ не подумалъ отнестись къ ней хотя бы сколько нибудь критически. Но у меня въ памяти удержались кое-какія слабыя мѣста рѣчи, которыя невольно бросались въ глаза стороннему и спокойному наблюдателю. Это обстоятельство совершенно случайно пригодилось мнѣ на другой день, когда графъ Телстой явился въ гимназію для присутствованія на урокахъ. Въ первую же рекреацію, зайдя въ инспекторскую покурить, вмѣстѣ съ попечителемъ, онъ, можетъ быть, для того, чтобы испытать меня и вызвать на разговоръ, спросилъ послѣ первыхъ фразъ:

— А какъ вамъ понравилась моя вчерашняя рѣчь?

— Въ общемъ,—отвѣчалъ я,—я прослушалъ вашу рѣчь съ большимъ удовольствіемъ; но въ частномъ я бы позволилъ себѣ указать вамъ на нѣкоторыя неточности.

Помню, что при этихъ моихъ словахъ попечитель взглянулъ на меня нѣсколько удивленно, а графъ Дмитрій Андреевичъ очень любезно сказалъ:

— Пожалуйста, укажите.

— Прежде всего, меня удивило, когда ваше сіятельство изволили назвать наше дворянство кастою...

— Почему же? Почему?

— Потому что каста есть нѣчто совершенно замкнутое, а наше дворянство никогда вполне замкнутымъ сословіемъ не было, а со временъ Петра Великаго стало постоянно пополняться изъ рядовъ служилыхъ людей, хотя бы они, по происхожденію, принадлежали и къ низшимъ сословіямъ...

— Да, да... Это справедливо—сказалъ графъ, какъ бы вдумываясь и припоминая.—Ну, а еще что?

Я указалъ еще на два пункта, менѣе важныхъ; графъ и въ тѣхъ пунктахъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и въ заключеніе разговора весьма любезно благодарилъ меня за мои замѣчанія. Помню, что и попечитель при этомъ свой удивленный взоръ смѣнилъ на любезную улыбку.

Упоминаю объ этомъ маленькомъ эпизодѣ потому, что онъ, очевидно, произвелъ на графа Д. А. Толстого нѣкоторое пріятное

¹⁾ Графъ Д. А. Толстой, въ началѣ своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, любилъ говорить рѣчи при каждомъ удобномъ случаѣ. Говорилъ онъ очень складно, даже красиво, но, не обладая сильно развитымъ органомъ, говорилъ тихо, и потому издали его трудно было разслышать.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. lxxiv.

впечатлѣннѣе; по крайней мѣрѣ, въ остальные два дня пребыванія своего въ Херсонѣ онъ былъ чрезвычайно со мною любезенъ, внимателенъ, обращался съ вопросами по гимназическому образованію исключительно ко мнѣ и, уѣзжая, пожелалъ мнѣ успѣха на моемъ новомъ поприщѣ. Эта любезность графа «по неизмѣннымъ законамъ отраженія» (какъ выражается Гоголь) отозвалась и на отношеніи ко мнѣ попечителя, который неоднократно почти извинялся передо мною въ томъ, что долженъ былъ оставить старика К. на его мѣстѣ, добавляя каждый разъ:

— Но повѣрьте, только до конца года... А тамъ я его постараюсь сбыть съ рукъ.

Въ общемъ ревизія гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній Херсона окончилась весьма благополучно, и Николай Ивановичъ удостоился благодарности; однако же онъ видимо былъ очень недоволенъ тѣмъ, что онъ называлъ моимъ «вольнодумствомъ», и тѣмъ, что по отношенію къ высшему начальству я ставилъ себя такъ самостоятельно. Ему хотѣлось бы видѣть инспектора въ роли второго, подручнаго лица, а тутъ выходило какъ-то такъ странно, что у меня роль была ни первая, ни вторая, а своя, съ которой меня очень не легко было сбить. Отъ него не ускользнуло и любезное отношеніе ко мнѣ графа, и въ душѣ его заговорило не то оскорбленное самолюбіе, не то зависть, не то опасеніе, «чего Боже сохрани», какихънибудь происковъ и интригъ съ моей стороны... По крайней мѣрѣ, я замѣтилъ, что именно со времени этого посѣщенія Херсона графомъ Д. А. Толстымъ Николай Ивановичъ круто по отношенію ко мнѣ измѣнился, сталъ гораздо сдержаннѣе, осмотрительнѣе, скрытнѣе и старался вездѣ, гдѣ было возможно, оказывать мнѣ либо прямую, либо косвенную оппозицію. Въ теченіе нѣкотораго времени я, конечно, не обращалъ на это никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что по природѣ своей не склоненъ ни къ интригамъ, ни къ проискамъ и предпочитаю прямой способъ дѣйствій всѣмъ остальнымъ; но, видя, что наши отношенія сильно пошатнулись, и это весьма становится замѣтно и совсѣмъ неудобно при каждодневныхъ обязательныхъ (даже по нѣскольку разъ въ день) свиданійхъ и объясненійхъ служебныхъ,—я наконецъ спросилъ, что именно Николай Ивановичъ противъ меня имѣеть, и выразилъ полнѣйшую готовность подчиниться всѣмъ его желаніямъ, если онъ найдетъ возможность указать мнѣ на какіянибудь неправильности въ моемъ способѣ дѣйствій или въ моихъ распоряженіяхъ по пансіону и гимназіи. Николай Ивановичъ отвѣчалъ весьма уклончиво, что онъ ничего противъ меня не имѣеть и ничего не можетъ мнѣ указать, тѣмъ болѣе, что въ его указаніяхъ не могу и нуждаться, такъ какъ все лучше его и знаю, и понимаю въ дѣлѣ воспитанія юношества... Иронія была для меня совершенно ясна въ этихъ словахъ моего начальника, и тогда я высказалъ ему не обинуясь, что ему

дѣйствительно, «можетъ быть, нуженъ былъ бы иной инспекторъ».

— Какъ-съ? Въ какомъ смыслѣ вы это мнѣ говорите?—спохватился нѣсколько встревоженный Николай Ивановичъ.

— Говорю въ прямомъ смыслѣ: вамъ нуженъ былъ бы инспекторъ, человѣкъ, инспекторъ-исполнитель вашихъ распоряженій... А я привыкъ дѣйствовать самостоятельно и всю душу отдаваться моей дѣятельности. Вотъ это-то вамъ и не нравится...

Какъ всегда водится, подобное объясненіе ничего не объяснило, а только еще болѣе обострило наши отношенія, которыя уже не улучшались съ тѣхъ поръ, и напротивъ, день ото дня, становились все хуже и непріязненнѣе отъ многихъ причинъ. Николай Ивановичъ имѣлъ связи и знакомства въ городѣ, тщательно имъ поддерживаемыя, а я, напротивъ того, избѣгалъ всѣми мѣрами знакомства въ городѣ, потому что составъ провинціального общества былъ мнѣ не понутру, интересы его казались мнѣ очень мелкими, а къ картамъ, обязательнымъ для всѣхъ, желавшихъ бывать въ херсонскомъ «большемъ свѣтѣ»,—я питалъ полнѣйшее отвращеніе; къ тому же и мое матеріальное положеніе, какъ инспектора, едва-едва давало мнѣ возможность сводить концы съ концами, и я потому уже не могъ поддерживать большого круга знакомствъ, что самъ не имѣлъ средствъ для приемовъ. Въ Херсонѣ, какъ и во всякомъ другомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, гдѣ каждый чиновникъ есть уже въ нѣкоторомъ родѣ «персона»,—такое отдаленіе отъ общества истолковывалось прямо не въ пользу мнѣ... Для объясненій моего уединеннаго способа жизни придумывались всякія небылицы, одна другой нелѣпѣе, а затѣмъ уже, конечно, не безъ участія Николая Ивановича и нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, противъ меня образовалась въ обществѣ цѣлая коалиція, состоявшая изъ лицъ, которыя знали меня только по наслышкѣ, видѣли только мелькомъ, но почему-то считали меня и гордецомъ, и выскочкой, и человѣкомъ заносчивымъ, относящимся съ презрѣніемъ ко всему провинціальному строю жизни. Не скрою, что особенно негодовали противъ меня дамы, удостоившія меня приглашеніемъ, но не видѣвшія меня въ своихъ салонахъ, не встрѣчавшія меня и на вечерахъ въ городскомъ собраніи. А тутъ же, кстати, подвернулся и такой случай, который окончательно оттолкнулъ отъ меня Николая Ивановича, вызвалъ меня на открытую борьбу съ нимъ и далъ возможность враждебному для меня городскому элементу выказать мнѣ свою непріязнь самымъ осязательнымъ образомъ.

Отъ начальства учебнаго округа пришло къ Николаю Ивановичу предложеніе—пригласить всѣхъ служащихъ подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ лицъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ на составленіе капитала имени графа Д. А. Толстого, въ память посѣщенія имъ Одесскаго учебнаго округа. Николай Ивановичъ

буквально исполнилъ предложеніе начальства: немедленно составилъ въ своей канцеляріи подписные листы и циркуляры и разослалъ ихъ по ввѣреннымъ ему учебнымъ заведеніямъ. Началась каждому изъ насъ хорошо извѣстная процедура подписки на такъ называемое «добровольное пожертвованіе»; но, при всемъ стараніи, сборъ шель весьма туго, медленно, вяло... Тогда мнѣ пришло въ голову— прочесть въ залѣ гимназіи три-четыре лекціи по русской словесности и сборъ съ этихъ лекцій обратить въ пользу стипендіи графа Толстого. Я сообщилъ Николаю Ивановичу свой планъ, и онъ пришелъ въ ужасъ...

— Да нѣтъ-съ! Какъ-же это можно? Что изъ этого выйдетъ— и когда же теперь объ этомъ хлопотать?.. Да еще, Боже сохрани, выйдетъ что нибудь этакое...

Но я упорно настоялъ на своемъ, написалъ С. П. Голубцова, прося его дать разрѣшеніе на мои лекціи поскорѣе, и вышелъ курьезъ: мысль моя очень пришлась по вкусу попечителю, и тотъ не только весьма быстро утвердилъ мою программу лекцій, но еще написалъ Николаю Ивановичу, чтобы онъ далъ мнѣ всѣ способы къ осуществленію моей «прекрасной мысли». И вотъ Николаю Ивановичу пришлось хлопотать объ устройствѣ тѣхъ самыхъ лекцій, которыя онъ собирался не допустить, и онъ очутился въ очень неловкомъ положеніи... 13-го ноября 1867 г. особымъ отношеніемъ попечителя херсонскій губернаторъ былъ извѣщенъ о разрѣшеніи мнѣ прочесть три публичныя лекціи по русской словесности, на основаніи представленной мною программы, а 14-го ноября я уже получилъ это разрѣшеніе и въ теченіе недѣли прочелъ лекціи, которыя были въ Херсонѣ новостью и потому привлекли публику въ гимназическую залу въ достаточномъ количествѣ. Сборъ, не смотря на дешевизну назначенной мною входной платы, оказался весьма значительнымъ, и я имѣлъ возможность доставить попечителю 200 руб. въ пополненіе суммы на стипендію имени графа Толстого¹⁾. Такой неожиданный успѣхъ моей затѣи совсѣмъ сбилъ съ толку Николая Ивановича: онъ опасался и собирался препятствовать, а начальство одобрило и изъявило благодарность... Пришлось поджать хвостъ и прикинуться равнодушнымъ; однако же, Николай Ивановичъ «счелъ долгомъ своимъ» заявить мнѣ, что духъ моихъ лекцій весьма не понравился «многимъ особамъ» изъ высшаго херсонскаго общества. Я не обратилъ на это никакого вниманія, и впоследствии, въ посту, прочелъ еще нѣсколько публичныхъ лекцій въ залѣ гимназіи «о литературномъ типѣ русской женщины», въ которыхъ, ратуя на пользу молодого поколѣнія, увлекавшася новѣйшими теоріями Чернышевскаго и Писарева, я указывалъ прямо на фальшивость

¹⁾ Отъ 28-го ноября я получилъ письмо С. П. Голубцова, въ которомъ онъ изъявлялъ мнѣ «душевную благодарность» за мое сочувствіе къ этому дѣлу.

современныхъ стремленій къ эмансипаціи женщинъ (тогда модный вопросъ!) и старался доказать, что въ представленіе наше о древнерусской женщинѣ и ея положеніи въ обществѣ вкралось много очевидной фальши и преувеличенія... На эти лекціи я роздалъ много даровыхъ билетовъ гимназистамъ и гимназисткамъ херсонскимъ, среди которыхъ (въ старшихъ классахъ) Писаревъ и Чернышевскій являлись совершенными пророками.

Публики, въ настоящемъ смыслѣ слова, на этихъ лекціяхъ моихъ было не много, но всѣ мои порицатели были на лицо, и на послѣдней лекціи, въ то время, когда большинство зала (и въ особенности молодое поколѣніе) горячо мнѣ аплодировало, послышались шиканья небольшого кружка лицъ, которыя поспѣшили скрыться изъ залы. Изъ этого шиканья, конечно, какъ водится въ провинціальномъ маленькомъ центрѣ, образовался «инцидентъ»: общество рѣзко раздѣлилось на партіи, изъ которыхъ одна, составлявшая большинство, засыпала меня словесными и письменными заявленіями своего сочувствія, а другая объявила меня «ретроградомъ», защитникомъ Домостроя и плетки. Въ такомъ тонѣ была даже отправлена въ «Одесскій Вѣстникъ» «одной почтенной дамой» корреспонденція о моихъ лекціяхъ.

Упоминаю объ этихъ мелочахъ моей херсонской жизни для того, чтобы дорисовать общую картину, бѣгло набрасываемую мною, и пояснить, что педагогическая моя дѣятельность одновременно (хотя и по совершенно различнымъ поводамъ) встрѣчала неодобреніе съ двухъ разныхъ сторонъ: съ одной стороны, къ ней крайне несочувственно относился мой ближайшій начальникъ, типичный представитель педагогическаго канцеляризма, съ другой—либералы херсонскихъ салоновъ, которые отлично понимали, что между мною и ими нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Сплетнямъ и толкамъ обо мнѣ, особенно послѣ моихъ лекцій, не было конца, и многое изъ этихъ толковъ, передаваемое мнѣ досужими пріятелями, выводило меня изъ терпѣнія и заставляло досадовать на тотъ чуждый всякимъ серьезнымъ интересамъ центръ, въ который я попалъ на службу. При томъ и Николай Ивановичъ систематически докучалъ и надобдалъ мнѣ своими мелочными привязками и дрязгами, которыя нерѣдко приводили меня въ бѣшенство и вызывали къ рѣзкимъ выходкамъ. Зная мою постоянную занятость и отлично понимая, что я ужъ никакъ не могъ дѣлать больше того, что дѣлалъ,—Николай Ивановичъ все-же приступалъ ко мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ съ такими требованіями, которыя оказывались на практикѣ совершенно неисполнимыми. Такъ, напримѣръ, онъ настаивалъ на провѣркѣ книгъ гимназической библиотеки, принятой мною послѣ смерти моего предшественника въ наличномъ составѣ, а не по актамъ и описямъ документальнымъ, а я постоянно отъ этого отказывался, по невозможности отдѣлать на это хотя какую нибудь-

часть моего времени. Точно также тяготился я соблюденіемъ и другихъ мелкихъ, никому не нужныхъ формальностей въ денежныхъ счетахъ и въ приѣмѣ вещей пансіонскаго имущества, а для него только эти мелочи и имѣли жизненное, существенное значеніе. И вотъ, несмотря на то, что въ декабрѣ 1867 года я получилъ официальное изъявленіе благодарности отъ попечителя за мою дѣятельность¹⁾, я сталъ искать выхода изъ моего положенія, которое уже начинало становиться для меня невыносимымъ со своей официальной стороны. Выходъ этотъ вскорѣ и нашелся: одинъ изъ моихъ родственниковъ, служившій въ царствѣ Польскомъ и знакомый съ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, извѣстилъ меня, что въ Варшавской главной школѣ (впослѣдствіи преобразованной въ Варшавскій университетъ) открывается три каѳедры: каѳедры русской словесности, русскаго и церковно-славянскаго языка и русской исторіи. Родственникъ мой побуждалъ меня хлопотать о занятіи каѳедры русской словесности, соблазняя разными льготами службы въ Варшавѣ. Я поддался главному соблазну: возможности выйти изъ моего тягостнаго положенія въ Херсонѣ и опять вернуться къ моимъ любимымъ научнымъ занятіямъ... И дѣйствительно, я написалъ письмо къ попечителю Варшавскаго учебнаго округа, въ которомъ высказалъ желаніе занять при главной школѣ въ Варшавѣ открывающуюся каѳедру русскаго языка и словесности. Вскорѣ я получилъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что каѳедра русской словесности уже занята другимъ лицомъ, и предлагалъ мнѣ занять каѳедру русскаго и церковно-славянскаго языка. Я ухватился за эту возможность и поспѣшилъ отвѣтить, что принимаю предложеніе, и дѣло пошло такъ быстро, что уже 12 марта 1868 года я былъ назначенъ и. д. ординарнаго профессора въ Варшавскую главную школу...

Хотя это назначеніе и озадачило Николая Ивановича своею неожиданностью (я сумѣлъ вести дѣло въ полной тайнѣ отъ него), однако же оказалось, что получить мѣсто профессора въ Варшавѣ было гораздо легче, нежели развязаться съ мѣстомъ инспектора въ Херсонской гимназіи. Завязалась цѣлая война по сдачѣ мною находившагося на моихъ рукахъ имущества гимназіи... Николай Ивановичъ неумолимо требовалъ сдачи по описямъ и нумерамъ, съ провѣркою по статьямъ разныхъ книгъ и документовъ, и, по приблизительному расчету, такая сдача требовала отъ меня по крайней мѣрѣ полугода времени, а попечитель Варшавскаго учебнаго округа торопилъ меня пріѣздомъ въ Варшаву, и по существующимъ правиламъ, если бы я не явился въ опредѣленный срокъ къ мѣсту

¹⁾ Въ отзывѣ попечителя было именно сказано, что «пансіонъ при херсонской гимназіи, приближавшійся къ закрытію, не только поддержанъ въ его существованіи, но и во всѣхъ отношеніяхъ приведенъ въ отличное состояніе» — моими скромными трудами.

служенія, я могъ потерять право на полученіе подъемныхъ денегъ (въ данномъ случаѣ суммы весьма значительной!).. Какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, къ затрудненіямъ и препятствіямъ прибавились новыя осложненія и затрудненія, и я пережилъ очень тяжелый мѣсяць—послѣдній мѣсяць моего пребыванія въ Херсонѣ. Не затрудняю читателя описаніемъ и перечисленіемъ всякихъ мелочныхъ эпизодовъ этого эпилога моей инспекторской дѣятельности, не останавливаюсь на сплетняхъ, которыя не давали мнѣ въ это время покоя¹⁾, упомяну только о двухъ крупныхъ фактахъ этого періода моей жизни — о столкновеніи съ губернаторомъ П. И. Клушинымъ, изъ котораго я вывернулся довольно ловко, благодаря нѣкоторой находчивости и присутствію духа, и о случаѣ съ пансіонеромъ М-скимъ, котораго мнѣ пришлось грудью отстаивать противъ Николая Ивановича, и спастись отъ очень тяжелой кары—исключенія изъ гимназіи.

П. И. Клушинъ, впослѣдствіи прославившійся своими ревизіями такъ называемыхъ «дореформенныхъ» губерній, былъ человѣкомъ въ высшей степени оригинальнымъ. Чиновникъ стараго, Николаевского времени, строгій и взыскательный, но не въ канцелярскихъ мелочахъ, а въ соблюденіи дисциплины и порядка, онъ умѣлъ держать все губернское начальство въ рукахъ: его не на шутку боялись, потому что онъ всегда дѣйствовалъ очень круто и любилъ придерживаться буквы закона, не давая никому никакихъ снисхожденій и не принимая въ соображеніе ни обстоятельства, ни семейное положеніе провинившагося. Гдѣ бы ни появилась высокая, сухая, въ струну вытянутая фигура губернатора, всѣ тотчасъ чувствовали себя какъ-то неловко, кланялись очень низко и робѣли въ отвѣтахъ: и дѣйствительно, въ носастомъ, красномъ, гладко-выбритомъ лицѣ П. И. Клушина, въ его тонкихъ, поджатыхъ губахъ и острыхъ зоркихъ глазахъ, сумрачно глядѣвшихъ сквозь болія дымчатая стекла очковъ, въ толстой золотой оправѣ, было очень мало внушающаго довѣрія и располагающаго къ благодушію. И несмотря на то, что П. И. Клушинъ былъ человѣкъ очень умный и въ обществѣ пріятный, даже съ нѣкоторою склонностью къ остроумію и притомъ большой поклонникъ женской красоты,—никто не искалъ его общества и не старался поддерживать съ нимъ знакомство, къ чему онъ, впрочемъ, и самъ никого не побуждалъ, ведя жизнь очень уединенную и по скупости своей стараясь тратить какъ можно меньше денегъ на всякое представительство и приемы. Будучи весьма дѣльнымъ и опытнымъ администраторомъ,

¹⁾ Одною изъ наиболѣ распространенныхъ сплетенъ былъ слухъ о томъ, будто бы я произвелъ растраты въ казенныхъ деньгахъ и казенномъ имуществѣ на весьма значительную сумму, и что меня не выпускаютъ изъ Херсона, пока я этой суммы не уплачу.

онъ, однако же, отличился, именно какъ администраторъ, двумя довольно неприятными слабостями: любилъ окружать себя чиновниками поляками¹⁾ и блисталъ неожиданными выходками, иногда дѣйствительно очень оригинальными, иногда чрезвычайно грубыми и пошлыми. Онъ даже имѣлъ нѣкоторое пристрастіе къ тому, чтобы заставить въ обществѣ говорить о себѣ, рассказывать анекдоты о томъ, какъ губернаторъ осыпалъ на базарѣ жидовку гнилыми сливами, которыя она продавала, какъ онъ оборвалъ пріѣзжаго контрольнаго чиновника, какъ, вмѣсто отвѣта на докучную, много разъ повторенную просьбу одной барыни, взять сирипку съ этажерки и нѣсколько минутъ пилилъ передъ нею смычкомъ на одной и той же струнѣ... И вотъ въ одинъ прекрасный день этотъ провинціальный Гарунъ-аль-Рашидъ обрушился и на меня всею тяжестью своего олимпійскаго гнѣва.

Въ числѣ учениковъ, кажется, 3-го класса гимназіи былъ одинъ мальчишкѣ, довольно тщедушный и слабый, сынъ смотрителя херсонской тюрьмы, поляка М—скаго, одного изъ любимцевъ Клушина. Какъ теперь, вижу передъ собою фигуру этого господина: мужчина вершковъ четырнадцати росту, широкоплечій и стройный, съ черными какъ смоль волосами и большими черными, глубокими глазами. И взглядъ его, и все выраженіе его въ сущности весьма красиваго и мужественнаго лица ясно выказывали, что этотъ человѣкъ обладалъ огромною физическою силою и несокрушимую силою воли. Говорили, что арестанты его трепетали, хотя онъ обращался съ ними безъ всякой особенной жестокости, былъ справедливъ и честенъ въ исполненіи своей тяжелой обязанности. Тотъ мальчишкѣ, о которомъ я выше упомянулъ, былъ чуть ли не единственнымъ его сыномъ. И вдругъ стряслась бѣда...

Въ то время, когда я въ первую переѣзду ходилъ по гимназическому коридору съ однимъ изъ надзирателей, я услышалъ въ одномъ изъ классовъ шумъ и возню, и затѣмъ громкій, пронзительный крикъ... Вмѣстѣ съ надзирателемъ мы бросились тотчасъ же туда и увидѣли слѣдующую картину: М—скій, блѣдный, какъ полотно, лежалъ въ растяжку на полу, около доски, безъ движенія, съ широко-открытыми глазами... Всѣ воспитанники, встревоженные и перепуганные, стояли около него толпою, въ нерѣшительности и недоумѣніи. Разспрашивать и розыскивать было не время: я понялъ, что дѣло плохо, и что прежде всего нужна медицинская помощь... Поднявъ несчастнаго мальчишкѣ на руки, я при помощи надзирателя и сторожей перенесъ его въ больницу, подаль ему первую помощь

¹⁾ Свое пристрастіе къ полякамъ онъ оправдывалъ очень оригинально. «Полякъ удивительно исполнительный человѣкъ»,—говаривалъ П. И. Клушинъ:—«русскому скажешь: «поди, повѣсь такого-то»,—онъ еще станетъ соображать, да сожалеать, да раздумывать. А полякъ побѣжить и повѣситъ».

и тотчасъ отправилъ фельдшера за докторомъ, который явился въ больницу четверть часа спустя и констатировалъ сотрясеніе мозга. Немедленно довелъ я объ этомъ до свѣдѣнія Николая Ивановича, который перепугался на смерть и поспѣшилъ разслѣдовать дѣло, чтобы немедленно отправить о немъ рапортъ попечителю. Изъ разслѣдованія оказалось, что ученики 3-го класса во время переменъ возились и бѣгали, а одинъ изъ нихъ, на бѣгу, нечаянно оттолкнулъ М—скаго, загородившаго ему дорогу, но такъ сильно и такъ несчастливо, что тотъ полетѣлъ съ ногъ, ударился затылкомъ объ уголъ классной доски и упалъ безъ чувствъ на полъ. Провинившійся самъ плакалъ горькими слезами, рассказывая намъ, какъ это случилось, и всѣ товарищи подтвердили полную справедливость разсказа. Оставить его безнаказаннымъ было нельзя, и мы, по общему совѣщанію съ директоромъ, назначили провинившемуся (но не преднамѣренно) высшую степень взысканія, какая была въ нашемъ распоряженіи: посадили его на два дня въ карцеръ на хлѣбъ и на воду. Затѣмъ, Николай Ивановичъ, предоставивъ мнѣ послать за отцомъ М—скаго и объясниться съ нимъ, благоразумно поспѣшилъ удалиться въ свое бумажное царство.

Нужно ли говорить, какъ тяжело было мнѣ у постели несчастнаго мальчика объяснять глубоко-пораженному отцу все, что случилось съ его сыномъ. Не могу не отдать справедливости М—скому: онъ велъ себя при этомъ тягостномъ объясненіи въ высшей степени сдержанно и съ большимъ достоинствомъ, а затѣмъ изъявилъ немедленно желаніе, чтобы его сынъ былъ отвезенъ къ нему на квартиру, и я тотчасъ же исполнилъ это желаніе его, отрядивъ Алешу Поповича, который бережно уложилъ ребенка въ наемный экипажъ и доставилъ его въ квартиру отца.

Хотя эпизодъ съ вѣшной стороны своей былъ, такимъ образомъ, исчерпанъ; однако же впечатлѣніе его, глубокое и невыносимо тяжелое, тяготило мнѣ душу, словно какое нибудь личное мое прегрѣшеніе или проступокъ. Я не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія во все остальное время дня и, придя домой, по окончаніи классовъ, не могъ ни обѣдать, ни даже смотрѣть на игры дѣтей моихъ, и поспѣшилъ поскорѣе вернуться изъ дома въ пансіонъ гимназіи. Въ то время, когда я переходилъ черезъ дворъ гимназіи, вижу, навстрѣчу мнѣ бѣжитъ Францъ, видимо ужасно встревоженный.

— Его превосходительство васъ къ себѣ требуетъ! — доложилъ онъ мнѣ впопыхахъ.

— Кто такой?

— Его превосходительство господинъ губернаторъ.

— Меня? Прислалъ за мною?

— Они сами изволятъ быть здѣсь.

Вхожу въ зданіе гимназіи и вижу, что дѣйствительно Клушинъ,

въ своей форменной фуражкѣ съ кокардою, въ пальто, застегнутомъ на всѣ пуговицы, расхаживаетъ большими шагами по пустому коридору гимназіи, размахивая хлыстомъ.

Я подошелъ къ нему, раскланялся и просилъ его войти въ инспекторскую. Круто обернувшись ко мнѣ на каблукахъ, не снимая фуражки и не отвѣчая на мой поклонъ, П. Н. Клушинъ, сложивъ руки на груди, вытянулся во весь ростъ и принялся кричать на меня во все горло:

— Это что же у васъ? Разбой въ гимназіи? Денной разбой? А!

Понимая, что это не вопросъ, а прелюдія, я стоялъ молча передъ его превосходительствомъ и смотрѣлъ ему въ лицо.

— Да, да! Повторяю: разбой! Людей убиваютъ—убиваютъ!! Понимаете вы это, милостивый государь!

— Ваше превосходительство,— началъ было я,— этотъ несчастный случай...

— Какой случай? Что вы мнѣ рассказываете? Развѣ это случай? Это убійство, а не случай, милостивый государь.

— Я никакъ не могу съ этимъ согласиться...

— Я и не спрашиваю васъ о согласіи! Я прямо вамъ говорю— убійство! Вы знаете, что ребенокъ умираетъ?

— Нѣтъ, я имѣю свѣдѣнія, что онъ очнулся...

— Я вамъ говорю, умираетъ!.. Ну-съ, а что вы сдѣлали, какъ вы поступили съ убійцей? Позвольте-ка узнать?

— Мы примѣнили къ нему высшую степень взысканія, какая находится въ нашемъ распоряженіи,— отвѣчалъ я и сообщилъ о распоряженіи директора.

— Ха, ха, ха!.. Прекрасно — безподобно! За убійство — два дня карцера, на хлѣбъ и на воду. Превосходно — и весьма либерально-съ! Но только вотъ что-съ, милостивый государь! Вы изволите забывать, что надъ вами власть есть, что я-съ—начальникъ губерніи, въ которой вы служите, и что вотъ лично вамъ этотъ случай не пройдетъ даромъ!

— Я не могу считать себя въ данномъ случаѣ виноватымъ, ваше превосходительство! Несчастный случай произошелъ почти на глазахъ у меня, я тотчасъ подалъ помощь и сдѣлалъ все отъ меня зависящее... всѣ распоряженія...

— Всѣ распоряженія, и потому не виноваты? Да? Такъ? А знаете ли вы, сударь, что я, какъ губернаторъ, имѣю право о выдающихся событіяхъ въ моей губерніи возносить непосредственные, личные доклады на высочайшее имя? Знаете ли вы это?

Молчу и смотрю въ лицо его превосходительства.

— Ну, такъ вотъ-съ! О васъ и о случившемся у васъ сегодня я буду имѣть честь составить особый докладъ на высочайшее имя!..

— Какъ будетъ угодно вашему превосходительству... На то ваша воля!—отвѣчалъ я коротко и сухо.

— Такъ вотъ-съ! Такъ и знайте!—внушительно добавилъ Клушинъ, быстро повернулся на каблучкахъ и быстрыми, большими шагами направился къ выходнымъ дверямъ, размахивая на ходу хлыстомъ.

Само собою разумѣется, что я, несмотря на выказанное мною спокойствіе, остался послѣ этого объясненія въ очень тяжеломъ и угнетенномъ настроеніи духа. И въ самомъ дѣлѣ: неожиданно, нежданно, безъ всякой вины съ моей стороны, на меня обрушилась гроза, отъ которой мудрено было искать защиты... Да и на кого понадѣяться, положиться?.. Борьба съ такою властью была невозможна; но еще болѣе невозможнымъ казалось мнѣ преклоненіе передъ произволомъ г. губернатора, который счелъ своимъ долгомъ оборвать на мнѣ свой гнѣвъ и пугать меня своими чрезвычайными полномочіями... Я заперся въ своей инспекторской, долго ходилъ, обдумывая свое положеніе, и, наконецъ, придумалъ изъ него выходъ, по моему тогдашнему разумѣнію, единственный...

Я отправился на станцію и подалъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Москва, Михаилу Никифоровичу Каткову. Сегодня, при исполненіи мною служебныхъ обязанностей, произошло несчастіе, котораго я не могъ предупредить. Это привело меня къ столкновенію съ высшей администраціей, преимущественно покровительствующей полякамъ, которыхъ здѣсь очень много. Подробности сообщая письмомъ, которое прошу напечатать въ ближайшемъ № газеты».

Подъ телеграммой стояла моя полная подпись. Телеграфистъ, принимавшій отъ меня телеграмму, перечелъ ее не одинъ разъ, потомъ отложилъ ее въ сторону, потолковалъ съ товарищемъ и, наконецъ, сказалъ:

— Вашей телеграммы я не могу принять.

— Позвольте узнать—почему?

— Да вы же сами понимаете, почему?

— Нѣтъ, не понимаю и не признаю вашей цензуры. Телеграмму вы отправите обязаны... А если не примите, то я припишу въ своемъ письмѣ къ М. Н. Каткову, что чиновникъ такой-то не принялъ отъ меня телеграммы, предназначенной для «Московскихъ Вѣдомостей».

Не знаю, была ли отправлена моя телеграмма; но убѣжденъ, что она въ тотъ же вечеръ попала въ руки П. И. Клушина, и, вѣроятно, охладила нѣсколько его администраторскій пылъ, потому что никакого доклада на высочайшее имя отъ него не было подано. Я же, съ своей стороны, и не подумалъ написать письмо Каткову, не тревожилъ его моимъ херсонскимъ приключеніемъ...

Весь описанный эпизодъ былъ только одной изъ случайностей, которыя такъ и цѣплялись одна за другую, все оттягивая и отдаляя мой обязательный отъѣздъ изъ Херсона, тѣмъ болѣе, что Николай Ивановичъ упорно стоялъ на своемъ—не принималъ отъ меня ни

гимназической библиотекы, ни книжнаго склада, безъ документальной провѣрки ихъ, хотя и зналъ, что я и то и другое принялъ отъ моего покойнаго предшественника непровѣреннымъ и теперь не имѣлъ ни малѣйшей возможности исполнить его требованіе. Въ довершеніе всего, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи, пансіонеръ М—рскій, ученикъ VI класса, въ сущности, милый, добрый и честный юноша, поссорился какъ-то на репетиціи съ однимъ изъ надзирателей, наговорилъ ему кучу дерзостей, и когда выходилъ изъ комнаты, то такъ сильно хлопнулъ дверью, что стекла изъ нея посыпались на полъ...

Поднялась, конечно, исторія, которую Николай Ивановичъ особенно горячо принялъ къ сердцу, потому что дѣло шло объ одномъ изъ моихъ любимцевъ. Не отвѣчая на мои разспросы о томъ, какое онъ думаетъ назначить взысканіе М—рскому, Николай Ивановичъ очень холодно и сухо сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ предоставить рѣшеніе этого вопроса педагогическому совѣту гимназіи...

— Но когда же вы думаете назначить этотъ совѣтъ? Мнѣ бы хотѣлось присутствовать на этомъ засѣданіи; а вѣдь вы знаете, что я здѣсь могу остаться всего 4—5 дней.

— Я назначаю совѣтъ 12 апрѣля вечеромъ,—холодно сказала Николай Ивановичъ, стараясь поскорѣе отъ меня отдѣлаться.

— Отлично придумано! Засѣданіе совѣта въ день, назначенный мною для отъѣзда!

На томъ мы и разстались. Я очень хорошо понялъ, что значила эта передача рѣшенія дѣла въ педагогическій совѣтъ: Николай Ивановичъ, очевидно, хотѣлъ предложить, чтобы М—рскій былъ исключенъ изъ гимназіи, чего, безъ согласія большинства членовъ совѣта, привести въ исполненіе было нельзя. А такъ какъ мое присутствіе обезпечивало большинство за мною и моимъ мнѣніемъ, то онъ рѣшился назначить засѣданіе въ день моего отъѣзда, когда многіе изъ людей, мнѣ близкихъ, могли, пожалуй, не явиться въ совѣтъ, а другіе—согласиться безразлично съ мнѣніемъ директора. Сообразивъ все это, я рѣшилъ отложить мой отъѣздъ на утро 13 апрѣля, присутствовать на засѣданіи, а по окончаніи его вынудить Николая Ивановича къ пріему отъ меня денегъ, имущества и всего, что числилось за мною, на моей отвѣтственности.

Къ сожалѣнію, я не могу теперь живо и ясно припомнить всѣхъ подробностей этого любопытнаго засѣданія педагогическаго синедріона, на которое обѣ партіи, моя и директорская, явились во всеоружіи и въ полномъ составѣ, въ полной готовности къ борьбѣ не на животъ, а на смерть. Помню только, что вся надежда выиграть предстоящее сраженіе основывалась на одномъ важномъ пунктѣ: на чью сторону тянетъ старикъ Рубонистый, человекъ стараго закала, вполнѣ честный, но суровый и строгій въ своихъ воззрѣніяхъ на молодежь. Какъ я ни старался его расположить въ пользу М—рскаго, онъ твердилъ мнѣ все одно и то же:

— Нѣтъ-съ, какъ хотите-съ, не могу! Хотя онъ и не дурной юноша, и ученикъ прекрасный, но грубостей надѣлалъ, да еще послѣ этого стекла бить сталъ...

— Да вовсе же не сталъ бить стекло...

— Ну, ужъ тамъ, какъ бы ни было, а не могу-съ! Это противъ моихъ убѣжденій...

Помню, что засѣданіе началось въ 7 часовъ вечера, а кончилось въ 12 часовъ ночи. Помню, какъ прекрасно все было построено, чтобы рѣшить участь юноши, сообразно съ желаніемъ Николая Ивановича... Помню, какъ странно на всѣхъ подѣйствовало мое изложеніе обстоятельства столкновенія надзирателя съ воспитанниками и опредѣленно высказанное заявленіе, что въ данномъ случаѣ вина скорѣе падаетъ на надзирателя, чѣмъ на юношу, поддавагося порыву гнѣва и дѣйствовавшаго въ раздраженіи. Помню также, что въ ту минуту, когда всѣ пренія уже были окончены, и Николай Ивановичъ обратился ко всѣмъ «съ покорнѣйшею просьбою пустить вопросъ на голоса», — я вскочилъ со своего мѣста и въ одномъ изъ тѣхъ порывовъ, которые не поддаются никакому контролю и расчетамъ ума, сталъ говорить рѣчь въ защиту несчастнаго юноши, рисуя яркими красками его семейное положеніе и его настроеніе въ ожиданіи суроваго приговора. Я говорилъ долго, горячо и, вѣроятно, достаточно сильно, потому что старикъ Рубонистый первый очнулся отъ впечатлѣнія, произведеннаго моею рѣчью, и со слезами на глазахъ проговорилъ:

— Какъ хотите, г. директоръ, а я не могу погубить этого юношу...

И подаль голосъ въ пользу назначенія взысканія, предложеннаго мною. Это такъ на всѣхъ подѣйствовало, что даже отецъ законоучитель потянулъ въ нашу сторону, и огромный, неожиданный перевѣсъ остался на сторонѣ моего мнѣнія. Николай Ивановичъ, поднявшись съ своего мѣста, заявилъ, съ принужденною улыбкою, что рѣшеніе совѣта является для него неожиданностью, и что онъ подастъ г. попечителю отъ себя особое мнѣніе.

Сказавъ это, онъ уже собирался уходить изъ совѣтской комнаты, когда я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы позволите мнѣ зайти къ вамъ теперь же, на квартиру, чтобы сдать вамъ имѣющіяся у меня на рукахъ суммы и расчеты?

— Помилуйте! Да теперь вѣдь ужъ полночь! Какъ же я отъ васъ все это стану принимать... Да наконецъ и имущество гимназическое—я этого допустить не могу.

— Я долженъ выѣхать завтра на пароходѣ, отходящемъ въ 8 часовъ—это крайній срокъ. Имущество уже сдано мною воспитателямъ, Л—гину и Бр—ву, и вотъ ихъ подписи въ томъ, что все принято ими въ цѣлости... Потому мнѣ остается передать вамъ только денежные суммы, а на это достаточно получаса времени... Притомъ же, я не уклоняюсь ни отъ какой отвѣтственности, и вы знаете, куда вамъ нужно будетъ адресовать ваши претензіи...

Николай Ивановичъ убѣдился въ томъ, что далѣе удерживать меня невозможно, и принялъ отъ меня бывшія у меня на рукахъ суммы и расчеты по авансамъ, выданнымъ на пансіонъ.

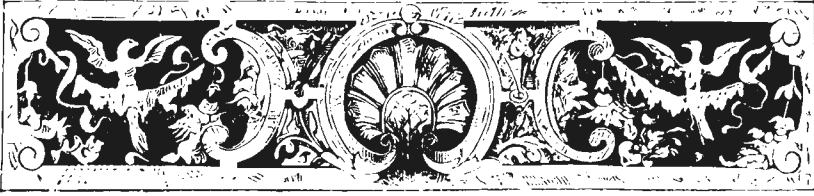
Въ первомъ часу ночи мы разстались, и никогда болѣе не встрѣчались въ жизни ¹⁾.

Мой разсказъ былъ бы, конечно, не полонъ, если бы я не добавилъ къ нему, что Николай Ивановичъ не простилъ моимъ добрымъ пріятелямъ той важной услуги, которую они мнѣ оказали, давъ мнѣ возможность такъ неожиданно окончить злосчастную пріемку отъ меня гимназическаго и пансіонскаго имущества. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда онъ назначилъ строжайшее разслѣдованіе этой пріемкѣ, произвелъ провѣрку имущества по документамъ, со всѣми тонкостями канцелярскаго крючкотворства, и пришелъ къ убѣжденію, что казеннаго имущества не хватаетъ на сумму 150 рублей серебромъ, «на каковую сумму слѣдуетъ произвести начетъ въ полученіи сей суммы изъ жалованья воспитателей Л—гина и Бр—ова». Объ этомъ, конечно, составлено было на 12 страницахъ подробнѣйшее доношеніе попечителю; а на основаніи доношенія завязалась переписка и со мною, такъ какъ я заявилъ, что принимаю на себя всю отвѣтственность въ данномъ случаѣ. Переписка эта длилась ни болѣе ни менѣе, какъ 8 мѣсяцевъ, вызывая меня къ подробнымъ и обстоятельнымъ отпискамъ, и только уже 30 декабря 1868 г. я былъ наконецъ обрадованъ извѣщеніемъ попечителя о томъ, что «вслѣдствіе (моего) письма отъ 10 минувшаго ноября директоръ училищъ Херсонской губерніи призналъ возможнымъ исключить изъ каталога бібліотеки пансіона при херсонской гимназіи растроченныя книги на сумму 150 рублей и затѣмъ прекратить переписку о взысканіи этихъ денегъ съ бывшаго комнатнаго надзирателя Л—на».

И вотъ восемь мѣсяцевъ велась переписка со мною и съ Л—нымъ о взысканіи съ насъ денегъ за книги, которыхъ мы не принимали и которыхъ, быть можетъ, никогда даже не были пріобрѣтены... И въ концѣ восьмого мѣсяца нашли возможнымъ несуществовавшія книги признать несуществующими и не взыскивать съ насъ за нихъ деньги... Такъ, на бумагѣ, единымъ почеркомъ пера закончились мои отношенія къ педагогическому канцеляризму... Дальнѣйшія мои скитанія въ той же области должны были привести къ еще болѣе горькимъ окончательнымъ разочарованіямъ...

П. Полевой.

¹⁾ Къ разсказу моему долженъ добавить, что Н. П. окончилъ очень печально свою жизненную карьеру: года два-три спустя послѣ описываемыхъ мною событій, онъ повѣсилъ на лѣстницѣ, ведущей въ его квартиру, въ припадкѣ меланхоліи.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ¹⁾.

ХІІІ.

О ГЛАВѢ дѣлъ, окончившихся обвинительными приговорами присяжныхъ, слѣдуетъ поставить любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло «о кучерѣ альфонсѣ», рисующее нравы купеческой среды нашего крупнаго города. Недаромъ прокуроръ по этому дѣлу (симпатичный старикъ) очень тонко отгѣнилъ именно такое значеніе кучерскаго дѣла: онъ убѣдительно говорилъ, что это дѣло «въ нравахъ» нашего купечества и «слишкомъ заурядно» въ его средѣ, что подобныя дѣла «уже не смущаютъ» даже интеллигентныхъ представителей купечества, они де «вполнѣ освоились» съ ними и т. д.

Героиня кучерскаго «романа» — молодая жена богатаго, но пожилого и отчасти болѣзненнаго купца, мать двухъ дѣтей. Конечно, купчиха не явилась на судъ «по болѣзни». Защитникъ кучера просилъ отложить слушаніе дѣла «до ея выздоровленія». Но судъ отказалъ, справедливо полагая, что купчиха никогда не выздоровѣетъ для суда и не явится сюда по скандальному для нея дѣлу...

Пожилой мужъ скоро надоѣлъ молодой женщинѣ, и она обратила благосклонное вниманіе на собственнаго кучера... Это былъ высокій, статный, здоровый парень лѣтъ 26—28, женатый (жена жила въ деревнѣ), довольно грамотный, но, повидимому, очень не-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 185.

далекій. Купчиха же, напротивъ, судя по ея письмамъ къ кучеру, читавшимся въ судѣ, была женщина довольно развитая и не безъ нѣкотораго образованія.

Кучеръ быстро освоился съ своимъ положеніемъ и былъ имъ очень доволенъ, особенно тѣми денежными милостями, какія сыпались на него отъ благодарной купчихи. Слѣдователь нашелъ у него книжку сберегательной кассы на 800 рублей и нѣсколько серій. Защитнику (какъ мы узнали послѣ) кучеръ обѣщалъ 1.000 рублей за оправданіе (за обвиненіе 100 рублей). Словомъ, денегъ у него было немало для кучерскаго положенія. Кучеромъ онъ продолжалъ оставаться и послѣ того, какъ сошелся съ хозяйкою, но кучеромъ на особомъ положеніи: при мужѣ онъ только кучеръ, а безъ мужа — полухозяинъ, который смѣло входитъ въ домъ, садится бесѣдовать съ хозяйкою, обѣдаетъ съ нею и т. д.

Конечно, приказчики и прислуга скоро все поняли, и ничего не понималъ, какъ полагается, одинъ мужъ... Съ теченіемъ времени онъ сталъ относиться къ кучеру даже съ особымъ довѣріемъ, очевидно, подъ вліяніемъ жены. Когда вся семья переѣзжала на дачу, въ городѣ оставался смотрѣть за домомъ именно кучеръ, а не кто либо изъ приказчиковъ. Къ этому-то времени относятся любопытныя письма купчихи къ любовнику, гдѣ ясно рисуются очень нѣжныя отношенія и полное довѣріе съ обѣихъ сторонъ.

Въ послѣднее лѣто мужъ купчихи скоропостижно умеръ на дачѣ, когда кучеръ былъ въ городѣ... Объ обстоятельствахъ этой неожиданной смерти мы, къ удивленію, ровно ничего не услышали на судѣ, хотя присяжныхъ сильно подмывало узнать: было ли разслѣдованіе о причинѣ смерти? что оно дало? было ли вскрытіе тѣла?... Присяжные, понятно, заподозрѣли естественность смерти купца, которая была желательна многимъ въ его домѣ... Но намъ невозможно было поднимать этотъ темный и страшный вопросъ, разъ ни слѣдователь, ни прокуроръ надъ нимъ не задумались и ничего, повидимому, не предприняли...

Но все же мы сдѣлали маленькую попытку навести судъ на заинтересовавшій насъ вопросъ... Въ одномъ изъ писемъ купчихи къ кучеру насъ поразила ея жалоба, что одинъ родственникъ первой жены купца «сосетъ ее» (вторую жену) и предлагаетъ ей какое-то дѣло, отъ котораго «сначала будетъ страшно, а потомъ хорошо»... Дѣло это, очевидно, было такого рода, что вполне откровенная съ любовникомъ купчиха не рѣшилась довѣрить бумагѣ эту тайну...

Этотъ родственникъ, о которомъ писала купчиха, былъ свидѣтелемъ по дѣлу и на всѣхъ производилъ впечатлѣніе крайне несимпатичнаго, не внушающаго довѣріе человѣка. Мы предложили ему и кучеру разъяснить заинтересовавшія насъ выраженія изъ письма купчихи. Но оба они отдѣлались фразами, что не знаютъ и не понимаютъ, о чемъ это писала купчиха... Однако, родствен-

никъ видимо смутился и сейчасъ же послѣ нашего запроса удраля изъ суда, хотя дѣло еще не закончилось, и конецъ не могъ не интересовать его. Какъ будто онъ боялся новыхъ, щекотливыхъ для него вопросовъ...

Итакъ, волновавшій насъ вопросъ замеръ безъ отвѣта... И если въ нашемъ сомнѣніи оказалось чутье «гласа народа», — нельзя не пожалѣть, что судъ не пришелъ къ намъ на помощь и не помогъ намъ разъяснить это темное дѣло. Если вѣрна наша догадка, что смерть купца была насильственная, то вѣдь въ этомъ фактѣ лежитъ и вся разгадка дальнѣйшихъ поступковъ купчихи и кучера, которые иначе представляются совершенно непонятными...

Но возвращаюсь къ дѣлу, какъ его поняли слѣдователь и прокуроръ... Итакъ, мужъ скоропостижно умеръ на дачѣ, оставивъ женѣ по завѣщанію все состояніе. Городское имущество цѣлый мѣсяцъ охранялъ не кучеръ, а вызванный вдовою вышеупомянутый подозрительный родственникъ. Возвращается купчиха въ городъ, принимаетъ отъ родственника имущество и въ несгараемомъ сундукѣ, въ кладовой не находитъ серій на 15 тысячъ...

Всего естественнѣе, казалось бы, заподозрѣть въ покражѣ родственника, охранявшаго имущество... Но нѣтъ! купчиха сразу заподозрѣла самаго близкаго и дорогого ей раньше человека — кучера, и заявила о томъ полиціи. При обыскѣ у кучера нашли 4 серіи — подарокъ любовницы, какъ онъ увѣрялъ. Не сознававшегося въ кражѣ кучера засадили въ тюрьму, куда чрезъ нѣсколько времени онъ вызвалъ на свиданіе свою купчиху, явившуюся съ довѣреннымъ лицомъ — нянькою. При ней кучеръ объявилъ любовницѣ, что «отдастъ 15 тысячъ», если она освободитъ его изъ тюрьмы. На судѣ кучеръ не сознался въ этомъ, но не могъ поколебать общаго довѣрія къ показанію няньки, видимо, порядочной женщины.

Послѣ свиданія въ тюрьмѣ, купчиха подала заявленіе слѣдователю, что беретъ назадъ свое первое заявленіе, такъ какъ де серіи нашлись. Кучера освободили, и онъ снова сталъ жить у купчихи въ прежней роли кучера-любовника. Продолжалось это нѣсколько мѣсяцевъ, все шло у нихъ, повидимому, ладно и вдругъ опять измѣнилось: купчиха подаетъ заявленіе слѣдователю, гдѣ снова настаиваетъ, что серіи украдены кучеромъ... Она де повѣрила его обѣщаніямъ отдать деньги, нѣсколько мѣсяцевъ ожидала ихъ и не дождалась. Опять возникло дѣло о кражѣ, но кучеръ оставался уже на свободѣ до суда.

Вотъ и всѣ данныя, какія были добыты слѣдствіемъ и съ какими обвинительная камера предложила дѣло нашему суду: данныя очень скудныя, только намѣтившія кое-какія стороны этого темнаго дѣла, но не освѣтившія его вполне, со всѣхъ сторонъ. Вся суть дѣла, очевидно, лежитъ въ отношеніяхъ между купчихою и кучеромъ, а именно эти-то отношенія и не были надлежаще выяснены

слѣдствіемъ. Почему самыя близкія отношенія между этими лицами вдругъ измѣнились такъ круто и именно тогда, когда исчезло главное препятствіе для полнаго счастья любовниковъ, когда умеръ мужъ? Кучеръ ли надоѣлъ купчихѣ, или она ему, или между ними стало новое, третье лице?.. Съ другой стороны: дѣйствительно ли у купчихи пропали серіи? или это только оговоръ на кучера?.. Развѣ не могъ украсть серіи кто либо другой, напримѣръ, охранявшій имущество родственникъ? развѣ трудно было ему украсть и натравить купчиху на надоѣвшаго ей кучера?.. Правда, кучеръ обѣщаль «отдать» 15 тысячъ, но вѣдь «отдать» можно не одно только украденное, а и всякій подарокъ...

И вотъ съ такими-то сомнѣніями, вызванными возмутительною неполнотою и небрежностью предварительно слѣдствія, насъ отпустили въ совѣщательную комнату... Ни по одному дѣлу мы не совѣщались такъ продолжительно, бурно и горячо, какъ теперь. А это несомнѣнный признакъ того, что дѣло и само по себѣ темное, и еще болѣе затемнено недостатками слѣдствія...

Для болѣе развитой части присяжныхъ было несомнѣнно, что по предложеннымъ на судѣ даннымъ нельзя найти виновнаго, что имъ могъ быть и кучеръ, но могло быть и другое лицо. Большія усилія дѣлали эти присяжные, чтобы склонить къ своему мнѣнію остальныхъ, поверхностно судившихъ о дѣлѣ и ничего не видѣвшихъ далѣе и глубже того, что имъ далъ судъ. Къ сожалѣнію, послѣднихъ было большинство и сломить ихъ примитивный взглядъ на дѣло не удалось: кучеръ былъ обвиненъ въ кражѣ 15 тысячъ, но «съ снисхожденіемъ». Судъ приговорилъ кучера на 8 мѣсяцевъ въ тюрьму.

XIV.

Въ тотъ же день разбиралось нами другое крупное дѣло о покушеніи мужа на убійство жены. Само по себѣ дѣло это было несложное: пьяница-мужъ, плохой сапожникъ, желавшій жить на средства работающей и порядочной жены, въ припадкѣ ревности нанесъ ей очень опасную рану въ животъ, отъ которой она, однако, совсѣмъ оправилась, благодаря счастливымъ случайностямъ въ ходѣ раны. Но дѣло интересно по разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ.

Дѣло сапожника разбиралось вслѣдъ за дѣломъ кучера-альфонса. Большинство присяжныхъ было изъ состава по предыдущему дѣлу, которое сильно насъ взволновало и потребовало значительнаго нервнаго напряженія. Подъ впечатлѣніями перваго дѣла мы находились и во время слушанія втораго, такъ что вполне отдаться ему не могли... Старанія добросовѣстныхъ присяжныхъ отдать новому дѣлу все свое вниманіе стоили имъ страшныхъ усилій. Одинъ изъ присяжныхъ былъ близокъ къ обмороку и едва справился съ собою...

Очевидно, нельзя назначать къ слушанію подъ рядъ два крупныхъ дѣла, требующихъ сильнаго напряженія вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣете вы сосредоточить все вниманіе на одномъ дѣлѣ и вполне изучить личность и поступки одного подсудимаго, какъ дѣло уже заканчивается, и вашему вниманію предлагаютъ новое дѣло и новаго подсудимаго, которыми вы должны также добросовѣстно заняться. А между тѣмъ, вы еще полны впечатлѣніями перваго дѣла и не скоро отъ нихъ освободитесь. Вы прислушиваетесь къ новому дѣлу и присматриваетесь къ новому подсудимому, а у васъ стоитъ еще предъ глазами прежній, и вапа мысль невольно къ нему обращается. Особенно это наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда первое дѣло было очень сложное, запутанное и вызвало большіе споры въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ. Ваше положеніе становится просто мучительнымъ, если вашъ голосъ оказался въ меньшинствѣ, и приговоръ вынесенъ вопреки вашему убѣжденію... Вы упрекаете себя, что не приняли всѣхъ мѣръ, чтобы склонить товарищей къ своему взгляду, что въ рѣшительную минуту вы не нашли у себя всѣхъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія, и они являются только теперь, когда уже поздно исправить дѣло...

И это происходитъ не только въ первые дни присяжничества, когда воспримчивость впечатлѣній особенно сильна, и не только у присяжныхъ особенно впечатлительныхъ. У всѣхъ вообще присяжныхъ впечатлительность бываетъ болѣе или менѣе приподнята и не только въ періодъ сессіи и въ залѣ суда, но и долго спустя послѣ и вездѣ за предѣлами суда. Неразъ приходилось слышать отъ присяжныхъ послѣ серьезныхъ и сложныхъ дѣлъ, что они «ночи не спали», обдумывая всѣ обстоятельства разобраннаго дѣла, всѣ доводы за и противъ подсудимаго, взвѣсивая приговоръ и проч.

Помимо этихъ соображеній, дѣло сапожника поразило присяжныхъ однимъ, на первый взглядъ, мелочнымъ обстоятельствомъ. На судъ былъ вызванъ экспертъ-докторъ. Всѣ знаютъ, что эксперты получаютъ отъ суда вознагражденіе, и никого это не удивляетъ. Но присяжныхъ страшно покорило, когда докторъ сейчасъ же послѣ своей экспертизы, освященной присягою, тутъ же на судѣ потребовалъ гонорара... Не доставало еще, чтобы доктора тутъ же на судѣ и удовлетворили красненькою.

Вѣроятно, такое заявленіе экспертовъ требуется по закону, но этотъ порядокъ слѣдуетъ измѣнить: пусть эксперты дѣлаютъ свои заявленія о платѣ гдѣ нибудь въ канцеляріи суда, но никакъ не въ публичномъ судебномъ засѣданіи, гдѣ не должно быть мѣста никакой торговлѣ. Это просто неприлично заводить рѣчь о бакшишѣ въ «храмѣ правосудія»... То же слѣдуетъ сказать и о вознагражденіи свидѣтелей, пріѣхавшихъ издалека: и они должны дѣлать заявленія о прогонахъ не въ судебной залѣ, какъ сейчасъ это дѣлается, а въ канцеляріи суда.

Курьезенъ былъ одинъ эпизодъ въ дѣлѣ сапожника-отелло. Жена его имѣла любовника, который былъ въ числѣ свидѣтелей. Подсудимый очень наивно, но пресерьезно просилъ предсѣдателя не допускать любовника къ присягѣ, такъ какъ де это «близкій родственникъ»... Но предсѣдатель разъяснилъ подсудимому, что по закону любовникъ не числится ни въ какихъ степеняхъ родства... Сапожникъ былъ видимо удивленъ...

Не помню уже, какому наказанію подвергнуть сапожникъ, обвиненный нами въ нанесеніи тяжелой раны, а не «въ предумышленномъ покушеніи на убійство жены», какъ неосновательно требовала прокурорская власть. Всѣ наказанія этого времени значительно уменьшались въ силу снисхожденія «высочайшаго манифеста».

Вообще, не было у насъ ни одного дѣла, гдѣ обвинительный приговоръ присяжныхъ вполне соответствовалъ бы требованію прокурора: всегда мы уменьшали виновность подсудимыхъ на одну и нѣсколько степеней. Уже на что было преступно дѣло двухъ 60-лѣтнихъ старухъ—жены коллежскаго регистратора и крестьянки, обвинявшихся въ двукратномъ поджогѣ имущества первой, имѣвшей пуховое заведеніе, причемъ во время перваго пожара задохлась одна женщина, но и здѣсь присяжные единогласно обвинили только хозяйку, и то съ снисхожденіемъ (сослана на житье въ Иркутскую губернію), а крестьянку оправдали, такъ какъ пособничество ея было не ясно, притомъ она уже понесла достаточное наказаніе въ видѣ продолжительнаго предварительнаго заключенія.

XV.

Любопытно въ бытовомъ отношеніи «артельное дѣло», въ которомъ фигурировали городскія «щуки», уловляющія деревенскихъ «карасей»... Роль главной щуки блистательно сыгралъ одинъ артельщикъ, когда-то состоятельный, потомъ опустившійся и начавшій поправлять свои обстоятельства разными темными дѣлишками. У него было 4 мѣста въ артели, а онъ сталъ набирать людей и замѣщать 8 артельныхъ мѣстъ. На этомъ онъ и сорвался.

Комиссіонеромъ его, пріискивавшимъ карасей, была какая-то темная личность, явившаяся на судъ подъ стражею, въ арестантскомъ платьѣ (онъ уже отбывалъ наказаніе по точно такому же дѣлу, съ участіемъ того же артельщика). Этотъ комиссіонеръ артельщика предложилъ одному молодому крестьянину, половому въ деревенскомъ трактирѣ фабричной мѣстности, добыть ему выгодное мѣсто въ одной изъ городскихъ артелей. Крестьянинъ охотно согласился. Поѣхали въ городъ, гдѣ комиссіонеръ выдалъ артельщика за артельного старосту, могущаго дать мѣсто. Половой сталъ ухаживать за нимъ и его компаніей, въ которой принимало нѣкоторое участіе еще одно лице (третій подсудимый), состоявшее на посылкахъ у

артельщика. До утомительности обстоятельно рассказывалъ половой эпопею своихъ ухаживаній и угощеній мошеннической компаніи: въ какихъ трактирахъ они были, сколько сидѣли, что выпили и съѣли и проч. Повторялось это нѣсколько разъ — во всѣ пріѣзды его въ городъ, и обошлось пострадавшему болѣе 30 рублей. Но этого мало: артельщикъ взялъ у деревенскаго парня 150 р. за опредѣленіе на артельное мѣсто, въ чемъ выдалъ простую расписку. Позже, когда дѣло повернулось въ опасную для артельщика сторону, онъ послалъ въ деревню комиссіонера и замѣнилъ расписку векселемъ.

Отдавши артельщику 150 р., крестьянинъ бросилъ мѣсто своего и жилъ въ деревнѣ у отца, ожидая артельного мѣста. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ въ городъ, находилъ въ условленномъ мѣстѣ артельщика или его комиссіонера, снова угощалъ ихъ и выслушивалъ обѣщанія, что мѣсто въ артели вотъ-вотъ откроется... Прошло такъ нѣсколько мѣсяцевъ, и крестьянинъ сталъ догадываться, что его надули ловкіе проходимцы. Подозрительность его усиливалась, такъ какъ вся мошенническая компанія стала скрываться отъ него въ городѣ. Окончательно глаза его раскрылись, когда онъ узналъ, что не его одного, а многихъ кліентовъ уже надули подобнымъ образомъ артельщикъ и комиссіонеръ. Съ большимъ трудомъ розыскалъ крестьянинъ квартиру артельщика, но его самого ни разу не засталъ дома и велъ переговоры съ его женою, требуя возврата 150 р. Долго его и тутъ кормили завтраками, но разъ жена артельщика выдала 15 рублей и заявила, что больше онъ не получить, а мѣсто де ожидается... Но крестьянинъ уже не повѣрилъ и подалъ заявленіе прокурору. Вся компанія найдена и предстала на нашъ судъ.

Артельщикъ и комиссіонеръ производили отгалкивающее впечатлѣніе, особенно первый, державшійся на судѣ крайне нахально, вызывающимъ образомъ. Онъ (какъ и его товарищи) не призналъ себя виновнымъ и очень неуклюже разыгрывалъ совѣмъ не идущую къ нему роль «угнетенной невинности»... Просто тошно было на него смотрѣть, какъ онъ сидѣлъ, развалившись на скамьѣ подсудимыхъ (онъ и третій подсудимый были на свободѣ), и, выпятивши брюхо, поигрывалъ на немъ толстыми, грязными перстами... При обращенныхъ къ нему вопросахъ онъ неохотно вставалъ или даже старался отвѣчать сидя. Обстоятельный рассказъ пострадавшаго артельщика нѣсколько разъ дерзко и грубо прерывалъ, несмотря на всѣ предупрежденія предсѣдателя, пока послѣдній не вынужденъ былъ, наконецъ, рѣшительно заявить, что онъ прикажетъ вывести подсудимаго изъ залы суда, если онъ не уgomонится... Подсудимый тогда разобидѣлся и замолчалъ совершенно, не проронивши ни слова и только ерзалъ по скамьѣ, или возводилъ горѣ свои плутовскія очи, когда показанія свидѣтелей очень дурно его обрисовывали... На присяжныхъ онъ ни разу не взглянулъ, совѣмъ ихъ игнорируя...

Но присяжные отлично его раскусили и—рѣдкій случай!—единогласно обвинили и даже безъ «снисхожденія», которое дали его комиссіонеру, а третьяго подсудимаго оправдали, такъ какъ его участіе въ дѣлѣ было невидное. Первые два артиста по уловленію деревенскихъ карасей приговорены на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму. Но артельщикъ вышелъ изъ суда пока свободнымъ: кто-то изъ благопріятелей взялъ его на поруки.

По вопросу о векселѣ въ 150 рублей (писалъ ли его комиссіонеръ или кто другой?) были вызваны два эксперта—учителя чиstopисанія. Путались они изрядно и вызвали негодующую, но справедливую отповѣдь защитниковъ подсудимыхъ... На предварительномъ слѣдствіи эксперты сомнѣвались, чтобы вексель писалъ комиссіонеръ, а на судѣ вдругъ отбросили всякія сомнѣнія и рѣшительно признали комиссіонера составителемъ векселя!.. Слабость экспертизы уличилъ даже предсѣдатель, нашедшій въ почеркѣ векселя такія своеобразности, какія ускользнули отъ специалистовъ-экспертовъ. Понятно, что вслѣдствіе полной несостоятельности экспертизы присяжные отвергли все вопросы суда о составителѣ векселя.

XVI.

Для характеристики нашихъ слѣдствій и слѣдователей цѣнно дѣло о кражѣ платковъ на 400 рублей изъ склада богатаго купца-фабриканта. Въ складѣ много лѣтъ производилось приказчиками систематическое хищеніе товаровъ. Когда черезчуръ довѣрчивый хозяинъ сталъ чутъ что-то неладное въ своей торговлѣ, приказчики обратили его вниманіе на одного молодого товарища, воровавшаго платки. Стали слѣдить за нимъ и однажды, дѣйствительно, поймали его по выходѣ изъ лавки съ похищенными дорогими платками, обмотанными подъ платьемъ.

Хозяинъ торжествовалъ, но недолго: произвели генеральный учетъ товара въ складѣ, и оказалось, что похищено его на 10 тысячъ рублей—по мнѣнію приказчиковъ, а по расчету хозяина—на 20 тысячъ. Но пойманный воръ-приказчикъ, служившій въ складѣ около года, доказалъ, что онъ могъ украсть только на 400 рублей. Куда же дѣвался остальной товаръ на 20 тысячъ? Этотъ существенный вопросъ остался совершенно не разъясненнымъ... Слѣдователь слѣпо пошелъ по слѣдамъ, намѣченнымъ приказчиками—ухватился за мелкаго ворюшку, а другихъ болѣе крупныхъ воровъ и не подумалъ искать... Настоящіе воры очень ловко натравили хозяина и слѣдователя на одну жертву и тѣмъ искусно замели свои слѣды...

Но даже относительно попавшаго случайно въ руки правосудія молодого приказчика слѣдователь не добился того, что слѣдовало

непремѣнно разузнать: что именно заставило его такъ неожиданно измѣниться, когда раньше онъ былъ вполне честнымъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ у хозяина? Послѣдній довѣрялъ этому приказчику полученіе на почтѣ иногда по нѣсколько тысячъ денегъ, и ни разу онъ не обманулъ хозяйскаго довѣрія. На тысячи онъ не льстился, а тутъ вдругъ сталъ похищать десятки рублей!..

Молодой приказчикъ былъ крайне сдержанъ и какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіяхъ никого изъ товарищей не выдалъ и не объяснилъ, на что понадобились ему деньги. Не могъ онъ только скрыть и сразу, при поимкѣ, выдалъ сбытчика краденыхъ платковъ: это былъ сторожъ тѣхъ рядовъ, гдѣ помѣщался оптовый складъ платковъ.

Сторожа арестовали агенты сыскаго отдѣленія, которымъ онъ сознался въ покупкѣ ворованныхъ платковъ, но у слѣдователя и на судѣ отвергалъ это свое показаніе. Былъ ли обыскъ въ квартирѣ сторожа?—для насъ это осталось неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, на судѣ не было о томъ и рѣчи... Приходилось, такимъ образомъ, судить сторожа только по оговору подсудимаго, да по показаніямъ сыскныхъ агентовъ, никогда и никому не внушающихъ довѣрія...

Къ счастью, мы—присяжные... сами дополнили предварительное слѣдствіе: случайно мы узнали объ этомъ рядскомъ сторожѣ кое-что побольше того, что дало намъ невозможное по халатности предварительное слѣдствіе... Нѣкоторые изъ нашихъ коллегъ-купцовъ и приказчиковъ кое-что знали и рассказали намъ, какъ объ этомъ сторожѣ, такъ и о другихъ рядскихъ сторожахъ, специально занимающихся подстрекательствомъ къ воровству юныхъ приказчиковъ и сбытомъ украденныхъ товаровъ.

Только благодаря этимъ, совершенно случайнымъ и не отъ суда полученнымъ свѣдѣніямъ, мы могли обвинить сторожа, а никакъ не по тѣмъ ничтожнымъ даннымъ, какія угодно было собрать наивному слѣдователю и какія, не мудрствуя лукаво, поднесъ намъ на судѣ прокуроръ... Понятно, какъ не нормаленъ этотъ случай, когда присяжнымъ пришлось руководиться собственными, не предъявленными суду, обвинительными данными, не будь которыхъ, преступникъ былъ бы оправданъ!..

Когда уже шло слѣдствіе о приказчикѣ и рядскомъ сторожѣ, пострадавшій купецъ получаетъ анонимное письмо, которое указывало новаго сбытчика краденыхъ платковъ—скромнаго сапожника-кустара, работавшаго сапоги приказчикамъ склада. Бѣдный слѣдователь, все время шедшій на помочахъ у какихъ-то не подозрѣваемыхъ имъ руководителей дѣла, съ радостью ухватился за сапожника и торжественно усадилъ его на скамью подсудимыхъ... Догадался слѣдователь даже обыскъ произвести у своей новой жертвы и, дѣйствительно, нашелъ нѣсколько дешевенькихъ платковъ, всего

на 30 рублей. Но слѣдователь тутъ позабылъ одно маленькое обстоятельство: и купецъ, и приказчики, всѣ согласно показывали, что крались и сбывались только дорогіе и небольшіе платки, тонкіе до того, что цѣлую дюжину ихъ можно было унести незамѣтно подъ платьемъ. Умные воры не таскали большихъ, тяжелыхъ и дешевыхъ платковъ, тѣмъ болѣе, что свободно получали ихъ для себя въ подарокъ отъ хозяина или за ничтожную плату.

Сапожникъ очень резонно доказывалъ, что найденные у него дешевые платки онъ получилъ отъ приказчиковъ за работу сапоговъ и какъ подарокъ на Пасху. Общіе отзывы свидѣтелей были рѣшительно въ пользу сапожника, и мы, конечно, оправдали его, несмотря даже на то, что его защитникъ сбѣжалъ изъ суда передъ началомъ преній, и никто несчастнаго подсудимаго не защищалъ (см. выше).

Оправдали мы и приказчика, очень порядочнаго, повидимому, юношу, котораго защищалъ симпатичный патріархъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Приказчикъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи, и это сидѣнье мы сочли достаточнымъ искупленіемъ за совершенное имъ зло. Болѣе строгаго наказанія онъ не заслужилъ, такъ какъ не онъ былъ виновникомъ тысячныхъ хищеній. Его подсунули слѣдователю другіе, настоящіе воры, укрывшіеся за его спиною... Прошлое подсудимаго и то отеческое участіе, которое видимо принялъ въ немъ старикъ-защитникъ, служили ручательствомъ, что полученный юношею урокъ послужитъ ему въ пользу и направитъ его на лучшую дорогу. Рядской сторожъ былъ приговоренъ, кажется, къ годовому заключенію въ тюрьму.

XVII.

Упомяну еще объ одномъ обвинительномъ дѣлѣ, любопытномъ по мотивамъ нашего приговора. Обвинялся въ покушеніи на кражу со взломомъ молодой бродяга, который раньше судился у мировыхъ судей за двѣ кражи, затѣмъ былъ въ одномъ, такъ называемомъ, «исправительномъ пріютѣ», откуда сбѣжалъ влѣдствіе побоевъ смотрителя и другихъ беспорядковъ этого учрежденія, неизвѣстно почему считающагося «образцовымъ» въ нашемъ городѣ... На свободѣ онъ, однако, недолго былъ: скоро попался въ покушеніи на третью кражу, арестованъ и судимъ присяжными, которые его оправдали.

Ровно черезъ недѣлю послѣ этого оправданія, нашъ бродяга совершаетъ новое покушеніе на кражу уже со взломомъ: въ сѣняхъ одного дома онъ оторвалъ замокъ въ кладовой, вошелъ туда, но ничего не успѣлъ взять и былъ арестованъ. По этому-то дѣлу онъ и предсталъ на нашъ судъ, просидѣвши въ предварительномъ заключеніи ровно полгода!

Меньшинство присяжныхъ находило, что онъ уже наказанъ и даже черезчуръ за одно покушеніе на кражу. Но большинство рѣшительно настояло на обвиненіи и именно потому, что онъ уже разъ былъ оправданъ присяжными и не исправился: черезъ недѣлю послѣ оправданія совершилъ новое преступленіе... На это замѣчали противники, что ничего иного онъ и не могъ сдѣлать: его паспортъ былъ «замаранъ» нѣсколькими судимостями, и никто не бралъ его въ услуженіе или на работу, а ѣсть хотѣлось.

Но какой это больной и большой вопросъ—о судьбѣ преступниковъ, выпущенныхъ послѣ наказанія съ «замаранными» паспортами, лишающими ихъ права на честную работу!.. Сколько разъ этотъ вопросъ возникалъ предъ нами и въ слезныхъ показаніяхъ подсудимыхъ, и въ страстныхъ рѣчахъ защитниковъ, и въ нашемъ собственномъ горькомъ сознаніи.

А вѣдь какъ не трудно совѣмъ упразднить этотъ ужасный вопросъ! Пусть составляются списки судимости и хранятся тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть—въ судахъ, полиціи и т. п. Но паспортъ, если онъ уже такъ необходимъ, долженъ быть чистъ отъ всякихъ записей о судимости и отбытомъ наказаніи. Это спасетъ отъ новыхъ преступленій людей, не испорченныхъ окончательно, но только споткнувшихся случайно, или въ силу какихъ либо неотразимыхъ обстоятельствъ, чаще всего съ голоду... Люди, въ конецъ испорченные, всегда скажутся и съ совершенно чистымъ паспортомъ. Для дѣйствительныхъ же «несчастныхъ» чистые паспорта будутъ настоящимъ якоремъ спасенія...

Вышеупомянутаго бродягу судъ приговорилъ на 2 мѣсяца въ тюрьму, тогда какъ въ пресловутомъ «предварительномъ» заключеніи онъ просидѣлъ цѣлыхъ полгода!.. Выходитъ явная насмѣшка и надъ «скорымъ» судомъ, и надъ актомъ возмездія за преступленіе... Человѣкъ, еще только подозрѣваемый въ преступленіи, сидитъ полгода, а обвиненный — всего 2 мѣсяца!.. Серьезная Θεмида, видимо, непрочъ иногда пошутить, но какъ ужасны и возмутительны ея шутки для живыхъ людей, отказывающихся понять эту «формальную правду», столь радикально расходящуюся съ «правдою житейскою»...

XVIII.

Меня всегда удивляетъ поразительное легкомысліе, съ какимъ многіе позволяютъ себѣ судить и осуждать присяжныхъ за ихъ оправдательные приговоры при наличности преступленія и сознаніи подсудимаго. Шаткія основы для своихъ скороспѣлыхъ сужденій и дутаго негодованія они черпаютъ только изъ газетныхъ отчетовъ о разбиравшихся дѣлахъ, а не изъ личныхъ наблюденій въ судебной залѣ. Эти верхогляды не хотятъ понять, что самый обстоятельный стенографическій отчетъ даетъ только сухой сколокъ съ дѣла, а

никакъ не полное и живое представленіе о немъ. Нужно быть въ залѣ суда, все видѣть и слышать, притомъ не въ качествѣ сторонняго, только любопытствующаго зрителя, а въ положеніи отвѣтственнаго участника дѣла — и только тогда вы поймете мотивы неожиданныхъ, повидимому, оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ. Я не знаю ни одного дѣла, гдѣ присяжные оправдали бы преступника, что называется, зря, безъ вѣскихъ мотивовъ. Мотивы эти очень разнообразны, и я постараюсь именно на нихъ обратить вниманіе въ обзорѣ выдающихся оправдательныхъ дѣлъ нашей послѣдней сессіи. Начинаю съ дѣла о «выфденныхъ яйцахъ»...

Самымъ типичнымъ представителемъ ихъ было дѣло о покушеніи на кражу... котелка съ 3 огурцами, всего цѣною на 25 копеекъ. Это ужасное преступленіе было совершено еще въ 1889 г. Преступникъ тогда исчезъ, и Фемида ровно 6 лѣтъ мучилась, пока не нашла злодѣя и не отдала его въ 1895 году на нашъ судъ.

Шесть лѣтъ назадъ этотъ невѣроятный преступникъ—молодой крестьянинъ, жилъ въ нашемъ городѣ, занимаясь ремесломъ старьевщика-мусорщика, конечно, въ качествѣ грязнаго, ободраннаго и голоднаго работника у сытаго хозяина. Работа его была въ буквальномъ смыслѣ грязная: нужно было рыться въ помойныхъ ямахъ, сорныхъ кучахъ и т. п. Вознагражденіе за трудъ было ничтожное, едва оплачивавшее полуголодное существованіе. Не мудрено, что нашъ мусорщикъ не выдержалъ «искушенія» и два раза стащилъ какіе-то пустяки на черныхъ дворахъ, за чтѣ и былъ наказанъ мировымъ судомъ.

Въ 1889 году, продолжая заниматься тѣмъ же ремесломъ, онъ какъ-то, проходя въ одномъ домѣ по коридору, замѣтилъ въ открытомъ чуланѣ котелокъ съ тремя солеными огурцами и схватилъ его. На шумъ выскочила хозяйка того чулана, закричала на воришку и отняла котелокъ. Собрался народъ, мусорщика отравили въ участокъ и составили протоколъ. Однако, преступника почему-то не арестовали сейчасъ, а онъ этимъ воспользовался и удралъ въ свою деревню. Здѣсь онъ вскорѣ женился и сталъ хозяйничать, за старостью родителей. Словомъ, человѣкъ совсѣмъ остепенился и 6 лѣтъ жилъ мирно, честно работая на семью и забывши совершенно городскія повадки на чужое добро.

Оставалось только радоваться за человѣка, а дѣло о котелкѣ предать волѣ Божіей... Но... Фемида не дремала и 6 лѣтъ ревностно искала свою жертву и не находила (почему — не понимаю), пока подсудимый не былъ обнаруженъ случайно. Пріѣхалъ онъ зачѣмъ-то въ городъ, предъявилъ полиціи паспортъ, а та его и арестовала: намъ де ты, голубчикъ, и нуженъ! Шесть лѣтъ тебя ищемъ... Посадили его въ предварительное и ровно три мѣсяца держали до начала суда: во что обошелся ему, единственному работнику въ семьѣ, этотъ жалкій котелокъ съ тремя солеными огурцами!..

На судъ крестьянинъ явился, видимо подавленный обрушившимся на него несчастьемъ... Всѣ его помыслы вертѣлись около оставленной въ деревнѣ семьи и хозяйства: только объ нихъ онъ и думалъ, и постоянно къ нимъ возвращался въ своихъ рѣчахъ... Его защищаль вышеупомянутый ех-профессоръ, который лишнихъ словъ не тратилъ: дѣло было такъ возмутительно ясно и просто...

Къ удивленію, котелокъ не фигурировалъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ, но подлѣ него стояла «пострадавшая»—хозяйка котелка, и съ нескрываемымъ изумленіемъ смотрѣла на эту коллегію изъ двухъ десятковъ почтенныхъ людей, всерьезъ разбирающихъ столь смѣхотворное дѣло... Хозяйка женщина не совсѣмъ простая и довольно развитая, рассказывала полузабытое происшествіе съ котелкомъ не безъ ироніи и съ улыбкою, не сходявшею съ лица... Подсудимаго она, конечно, не узнала.

У прокурора не хватило... гражданскаго мужества, что ли, отказаться отъ обвиненія, и онъ смѣло что-то такое говорилъ... Но мы его не слушали и едва дождались момента, когда насъ отпустили въ совѣщательную комнату. Не успѣла за нами затвориться дверь, какъ сейчасъ же раздался нашъ звонокъ, и мы поспѣшили закончить эту недостойную суда комедію... Конечно, мы съ радостью отпустили крестьянина въ деревню, къ его семьѣ и работѣ...

XIX.

Подстать было другое дѣло—покушеніе на ограбленіе платка цѣною въ 35 копеекъ... Отставной георгіевскій кавалеръ, портной-кустарь, вышелъ въ лѣтнія свѣтлыя сумерки на бульваръ около городской стѣны—мѣсто очень людное, бойкое. Видитъ онъ—у стѣны лежитъ какая-то женщина, оказавшаяся пьяною. Онъ подошелъ и сталъ къ ней «приставать», какъ она потомъ показывала: сталъ ее подымать, куда-то звалъ съ собою и проч. Происходила обычная бульварная сценка въ эротическомъ жанрѣ... Но женщиной, называвшей себя богомолкою, приставанья пожилаго кавалера не понравились, и, чтобы отдѣлаться отъ него, она обратилась къ защитѣ двухъ прохожихъ. Спьяна она пожаловалась имъ, что кавалеръ будто сначала просилъ у нея милостыни, а послѣ отказа сталъ де тащить съ нея головной платокъ. Прохожіе этого не видѣли, равно и никакихъ криковъ или шума не слышали, но за женщину вступились, позвали городского, который всѣхъ отвелъ въ участокъ, для составленія протокола о покушеніи... даже не на честь женщины, а на грабежъ...

«Потерпѣвшая» не была потомъ розыскана, и на судѣ читалось ея показаніе очень страннаго характера. Она что-то много наболтала разныхъ неидущихъ къ дѣлу разсужденій и почти никакихъ фактовъ не сообщила. Ясно одно, что она была пьяна и не пони-

мала, или не хотѣла рассказать о цѣляхъ приставанія кавалера... Что онъ тащилъ съ нея платокъ—это она допускаетъ, но покушеніемъ на грабежъ не считаетъ.

Самъ кавалеръ, уже пожилой человѣкъ, просидѣвшій въ предварительномъ болѣе полгода, отрицалъ покушеніе на грабежъ, но сознавался, что тащилъ съ собою пьяную бульварную женщину, а куда и зачѣмъ тащилъ—скромно умалчивалъ...

Полугодичное, да еще «предварительное» заключеніе за эротическое покушеніе на бульварную женщину—что же это такое?!... Конечно, мы оправдали кавалера, какъ оправдали бы его даже въ томъ случаѣ, если бы слѣдствіе доказало, что здѣсь было и покушеніе на ограбленіе стараго, дыряваго платка, цѣною въ 35 копеекъ.

До чего халатно производилось здѣсь слѣдствіе, достаточно сказать, что мы не имѣли показаній ни городского, отводившаго всю компанію въ участокъ, ни околоточнаго, составлявшаго протоколъ. Показанія обоихъ были бы важны для установленія факта, насколько были пьяны «грабитель» и «пострадавшая». Затѣмъ, какъ могъ слѣдователь не заинтересоваться вопросомъ: не принадлежала ли эта бульварная богомолка къ тѣмъ ночнымъ феямъ низшаго разбора, которыя занимаются своимъ ремесломъ скрытно отъ полицейскаго надзора? Если бы слѣдствіе вникло въ этотъ вопросъ, оно постыдилось бы назвать «покушеніемъ на грабежъ» простую сцену бульварнаго недоразумѣнія между двумя подвыпившими субъектами...

XX.

Перехожу къ дѣламъ нѣсколько посерьезнѣе. Начинаю съ громкаго по названію дѣла «объ откушенномъ носѣ». Перепилась какъ-то компанія картузниковъ, и въ пьяной свалкѣ одинъ изъ нихъ откусилъ у усмирявшаго ихъ дворника маленькій кусочекъ носа (отъ ноздри). Никакого вреда для здоровья пострадавшаго не произошло. Правда, носъ былъ обезображенъ, но экспертъ—докторъ заявилъ, что недостающій кусочекъ можно вставить, и останется только небольшой шрамъ. Дворникъ—человѣкъ уже пожилой и женатый—не хлопоталъ о возможномъ исправленіи носа и вообще не особенно возмущался обезображеніемъ его. Наказаніе подсудиму предстояло нѣсколько суровое, отзывы о немъ даже пострадавшаго дворника были хорошіе, звѣрскій порывъ его объясняется «пьянымъ дѣломъ», и мы не рѣшились знакомить молодого парня съ острожною школою...

Дѣло о кражѣ дыряваго самовара, разбитой лампы и бутылки съ деревяннымъ масломъ... Отставной солдатъ проживалъ въ нашемъ городѣ, занимаясь какимъ-то ремесломъ, чѣмъ содержалъ свою «незаконную» жену и 4 дѣтей. Этотъ бракъ былъ почестнѣе иного законнаго, но что-то мѣшало солдату обвѣнчаться съ любимую жен-

щиною. Изрѣдка солдатъ непрочь былъ кутнуть, и однажды, выспавшись послѣ кутежа, пошелъ онъ на рѣку купаться, гдѣ встрѣтилъ двухъ купающихся мужчинъ. Недалеко отъ ихъ платья онъ увидѣлъ мѣшокъ, чѣмъ-то наполненный. Одѣвшись, двое купальщиковъ стали уходить, не беря мѣшка. На замѣчаніе солдата они отвѣтили, что мѣшокъ не имъ принадлежитъ. Раскрывши мѣшокъ, онъ увидѣлъ старый самоваръ, разбитую лампу и бутылку съ масломъ. Выкупавшись, солдатъ захватилъ мѣшокъ, какъ свою находку, и понесъ продавать старьевщику.

Но дорогою попадается городской, спросившій о мѣшкѣ,—солдатъ замаялся и былъ отведенъ въ участокъ. А тамъ уже знали, что въ эту ночь произведена кража со взломомъ въ кладовой священника городской больницы. Священникъ призналъ самоваръ и лампу своими, украденными изъ кладовой. Последняя запиралась старымъ замкомъ, чуть державшимся на распатанныхъ кольцахъ, которыя легко было вынуть. Словомъ, «взломъ» здѣсь былъ развѣ только въ прокурорской фантазіи...

Солдатъ просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи 7 мѣсяцевъ!.. Если даже именно онъ укралъ эти дрянныя вещи, цѣна которымъ была ломаный грошъ, и которыя въ полной неприкосновенности вернулись къ «потерпѣвшимъ», и то онъ уже искупилъ свою вину съ излишкомъ...

Но подсудимый такъ убѣдительно и горячо доказывалъ, что онъ только воспользовался находкою, и такъ естественно ее объяснял (воры де бросили мѣшокъ, опасаясь солдата, какъ свидѣтеля), что мы охотно повѣрили его невинности. Притомъ и самъ подсудимый, и присутствовавшая въ судѣ его жена съ милымъ ребенкомъ производили впечатлѣніе порядочныхъ людей. Защитникъ представилъ письменныя доказательства прежней честной жизни подсудимаго, которымъ нельзя было не повѣрить. Подсудимый былъ человекъ пожилой, прямой и съ сильнымъ характеромъ: 7-ми-мѣсячное пребываніе въ острогѣ не могло его испортить, и мы смѣло вернули его семьѣ... Нужно было видѣть послѣ нашего приговора, съ какою глубокою и трогательною благодарностью взглянули на насъ и подсудимый, и его жена...

XXI.

Дѣло о кражѣ со взломомъ въ мясной лавкѣ и винномъ погребокѣ. Въ темную осеннюю ночь городской, стоявшій на посту на одной изъ бойкихъ улицъ города, услышалъ въ 2 часа ночи подозрительный шумъ въ запертой мясной лавкѣ. Городовой заглянулъ съ улицы въ стекло на входныхъ дверяхъ и при слабомъ мерцаніи горѣвшей въ лавкѣ лампы замѣтилъ какую-то фигуру, возвышующуюся около конторки. Городовой пошелъ къ воротамъ того дома и какъ

разъ въ воротахъ встрѣтилъ прилично одѣтаго господина, который спокойно прошелъ мимо городского и, поровнявшись съ фонаремъ, посмотрѣлъ на свои часы. Городовой его не тронулъ и пошелъ во дворъ, къ заднему входу въ мясную лавку. Дверь въ сосѣдній винный погребокъ также была отбита. Потомъ оказалось, что въ мясной лавкѣ воръ взялъ 15 р., а въ погребокѣ 10 р.

Городовой бросился къ воротамъ, чтобы задержать выходившаго человѣка, но его и слѣдъ простыль. Дворникъ и ночной сторожъ на улицѣ замѣтили, что мимо ихъ прошелъ кто-то и направился въ сосѣднюю улицу. Бросились туда, но никого не нашли. Тогда городской вызвалъ дворника сосѣдняго дома—подозрительнаго по своимъ обывателямъ, и сталъ его разспрашивать: не входилъ ли кто сейчасъ къ нимъ на дворъ? Дворникъ никого не замѣтилъ.

Пока они бесѣдовали у воротъ, и городской сѣтовалъ, что упустилъ вора, къ воротамъ подошелъ со двора какой-то господинъ. Городовому такъ хотѣлось поправить свой промахъ, что онъ сразу заподозрѣлъ выходившаго человѣка и нашелъ въ немъ «нѣкоторое сходство» съ тѣмъ, котораго онъ мелькомъ видѣлъ и упустилъ въ воротахъ дома, гдѣ были обокрадены двѣ лавки... «Сходство» же заключалось лишь въ томъ, что оба они были одѣты въ пальто, и у обоихъ были часы...

Городовой остановилъ господина и спросилъ, откуда онъ вышелъ. Тотъ отвѣтилъ, что изъ квартиры № 27. Дворникъ побѣжалъ туда провѣрить показаніе, но хозяйка квартиры заявила, что у нихъ никого не было... Между тѣмъ, задержанный господинъ, не дождавшись дворника, бросился отъ городского бѣжать внизъ по улицѣ, но былъ пойманъ и отведенъ въ участокъ.

Задержанный господинъ когда-то служилъ въ казенномъ театрѣ (не артистомъ), затѣмъ лишился мѣста и сталъ опускаться: два раза судился за кражи, у мирового былъ наказанъ, но въ окружномъ оправданъ и административно высланъ изъ города. Незадолго до настоящаго дѣла онъ самовольно вернулся въ городъ, проживая скрытно отъ полиціи. Тянула его сюда, кажется, привязанность къ сестрѣ хозяйки квартиры № 27...

Онъ доказывалъ, что именно въ этой квартирѣ провелъ тѣ часы, когда былъ совершенъ взломъ въ сосѣднихъ лавкахъ, и изъ этой квартиры вышелъ, какъ сразу заявилъ городовому. Хозяйка и ея сестра скрыли это отъ дворника, чтобы не наводить подозрѣній на себя за приемъ ночныхъ посѣтителей... Но въ полиціи и у слѣдователя, потомъ и въ судѣ, онъ сознался, что арестованный присидѣлъ у нихъ тотъ вечеръ и часть ночи.

Свой побѣгъ отъ городского подсудимый естественно объяснялъ тѣмъ, что онъ самовольно явился въ городъ и долженъ былъ скрываться отъ полиціи. Участіе въ разгромѣ лавокъ онъ рѣшительно отвергалъ. Очень доказательно онъ говорилъ, что если бы чувство-

валъ за собою этотъ грѣхъ, то ни за что не подошелъ бы къ воротамъ, гдѣ—онъ видѣлъ—стояли городской и два дворника, о чемъ-то взволнованно бесѣдовавшіе. Онъ могъ дожидаться дня въ квартирѣ № 27, или даже перескочить черезъ заборъ на сосѣдній дворъ, гдѣ шла большая постройка, въ которой легко было укрыться до утра и затѣмъ выйти незамѣченнымъ. Но онъ смѣло пошелъ къ воротамъ, мимо городского и дворниковъ, рассчитывая, что на него не обратятъ вниманія, какъ на прилично одѣтаго господина. Бросился же онъ бѣжать, когда понялъ, что его въ чемъ-то подозрѣваютъ... Онъ тогда пожалѣлъ, что указалъ квартиру № 27: полиція должна была придратъся къ хозяйкѣ квартиры за пріемъ и укрывательство административно-ссылнаго...

Если сопоставить это естественное объясненіе подсудимаго съ столь же естественнымъ желаніемъ олуха—городоваго, упустившаго вора, найти послѣдняго во что бы то ни стало, и во имя этого побужденія привязавшагося къ первому встрѣчному на улицѣ, то понятно, что присяжные почти не колебались, когда рѣшили вынести подсудимому оправдательный приговоръ.

Удивило присяжныхъ въ этомъ дѣлѣ одно странное обстоятельство: слѣдователь... не догадался допросить дворниковъ того дома, гдѣ были обокрадены лавки. Ворота дома были открыты, дежурный дворникъ сидѣлъ у воротъ и «дежурилъ», т. е. спалъ... Еще понятно, что онъ не слышалъ того шума въ лавкѣ, который возбудилъ вниманіе городского на улицѣ. Но когда мимо дворника прошелъ городской во дворъ и не потревожилъ мирно спавшаго коллегу, чтобы идти осмотрѣть лавку—это что-то странное, подозрительное... Мало того: дворники этого дома не участвовали въ поимкѣ вора....

Взломъ могли сдѣлать только хорошо знакомые съ ходами въ лавку] и съ ея запорами. Чтобы снять замокъ съ заднихъ дверей, нужно было запастись сверломъ и другими инструментами. Тяжелую конторку могли свернуть на полъ и разбить только нѣсколько лицъ.

Сопоставьте все это, и у васъ невольно явится мысль: не произошелъ ли разгромъ лавокъ при благосклонномъ участіи и охранителей этого дома?.. Какую роль сыгралъ тогда городской и сыгралъ ли онъ ее сознательно, или нѣтъ—судите сами...

XXII.

Съ такою же точно слѣпотою слѣдствія пришлось намъ познакомиться и въ дѣлѣ о кражѣ на деревенскомъ пожарѣ. Подсудимая—молодая замужняя крестьянка—дорогою въ нашъ городъ проѣзжала черезъ одно подгородное сельцо въ моментъ происхо-

дивнаго тамъ пожара. Послѣдній ее заинтересоваль, и она сошла съ своей подводы, которая отправилась дальше.

Проѣзжая бросилась въ ближайшую избу, гдѣ жила земская акушерка, и предложила свои услуги—спасать вещи. Акушерка дала ей узелъ съ платьемъ (на 50 р.), который крестьянка отнесла на сосѣдній огородъ и спрятала тамъ въ копнѣ сѣна. Сходивши затѣмъ посмотрѣть на горѣвшую избу, крестьянка вернулась къ копнѣ, чтобы убѣдиться въ цѣлости спрятаннаго. Подходить и видѣть около копны крестьянина и двухъ крестьянокъ сосѣдней горѣвшей избы. Крестьянинъ—владѣлецъ того огорода—сразу набросился на проѣзжую, ударилъ ее и схватилъ съ крикомъ: «вотъ воровка!».

Сбѣжался народъ, разворотили копну и, кромѣ узла акушерки, нашли еще нѣсколько штукъ платья, неизвѣстно кѣмъ вынесеннаго изъ горѣвшей избы... Замѣьте, что проѣзжая побывала около этой избы уже послѣ того, какъ вещи оттуда были кѣмъ-то вынесены и спрятаны въ копнѣ, куда она раньше положила узелъ акушерки. Послѣдняя подтвердила разсказъ проѣзжей о томъ, какъ она получила узелъ на сохраненіе. Но отъ остальныхъ найденныхъ въ копнѣ вещей проѣзжая рѣшительно отказалась, не зная, какъ онѣ очутились въ копнѣ.

Хорошо это зналъ одинъ хозяинъ того огорода, гдѣ стояла копна. Поведеніе этого крестьянина очень подозрительно... Когда копна была осмотрѣна, онъ вдругъ обращается къ толпѣ и говоритъ: «дай-ка, поищу въ своемъ сараѣ, не спряталъ ли кто чего въ моей соломѣ?» Пошелъ въ сарай и дѣйствительно сейчасъ же нашелъ въ соломѣ еще нѣсколько вещей изъ горѣвшей избы... Удивительная находчивость и прозорливость!..

Однако этого прозорливца никто не заподозрѣлъ—ни полиція, ни слѣдователь, и никто не полюбопытствовалъ дознаться, не онъ ли запряталъ вещи въ копну и солому. Если это такъ, то очень естественно, что онъ успѣшилъ отдѣлаться отъ вещей, когда неожиданно увидѣлъ узелъ акушерки, кѣмъ-то другимъ спрятанный. Воръ почуялъ здѣсь присутствіе другого вора и, не зная его, побоялся вступить съ нимъ въ компанію... Подошедшую къ копнѣ неизвѣстную проѣзжую женщину онъ счелъ за воровку узла и ловко свалилъ на нее свой грѣхъ.

Но слѣдствіе ничего этого не замѣтило и схватилось за проѣзжую, благо она сама подвернулась подъ руку... Однако и здѣсь слѣдствіе упустило очень существенныя обстоятельства. Если проѣзжая сказала правду, что ея извозчикъ проѣхалъ дальше, то какъ же это никому въ голову не пришло — поискать извозчика. Скажутъ: до того ли было крестьянамъ на пожарѣ! Но на пожарѣ присутствовали всѣ мѣстныя власти — становой, урядникъ и др., значить было кому подумать и о найденной преступницѣ. Если она замышляла украсть узелъ акушерки, то извозчикъ несомнѣнно поджидалъ ее

(иначе—что бы она сдѣлала съ узломъ?!...) гдѣ нибудь вблизи сельца. А это была бы крупная улика противъ подозрѣваемой.

Однако, если извозчикъ поджидалъ ее за сельцомъ,—какъ бы она пронесла къ нему узелъ?—замѣтите, что она спрятала узелъ всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ пожара, отъ зарева котораго было очень свѣтло, да и начинало уже разсвѣтать. Кругомъ шли строенія, вездѣ бѣгали люди: мыслимо ли было тутъ пронести незамѣтно узелъ за околицу?! Между тѣмъ, если бы проѣзжая замышляла воровство, она должна была огородами пронести узелъ на зады дворовъ, откуда легко было выбраться изъ сельца и добраться до своего извозчика. Но она поступила какъ разъ наоборотъ: спрятала «похищенное» на виду у всѣхъ.

Допустите, что ею руководили самыя честныя побужденія: спасти вещи акушерки. За что же тогда она просидѣла въ предварительномъ болѣе 5 мѣсяцевъ?!...

Понятно, что всѣ эти соображенія и обстоятельства заставили насъ оправдать молодую крестьянку, видимо не испорченную даже продолжительнымъ предварительнымъ заключеніемъ.

XXIII.

Отмѣчаю еще дѣло серебрянниковъ, чтобы еще разъ показать недостатки слѣдствія, обязательно ведущіе къ оправдательнымъ приговорамъ.

Двое чиновниковъ пробирной палаты производили осмотръ одного магазина средней руки съ золотыми и серебряными вещами. Въ витринѣ, стоявшей открыто, они нашли среди массы нормальныхъ вещей нѣсколько браслетовъ, колець и проч. низкопробныхъ, съ невѣрными «клеймами» и съ неизвѣстными «именниками» (такъ называются вырѣзываемые на вещахъ инициалы имени и фамиліи мастера, сработавшаго вещь). Хозяинъ магазина объяснилъ, что часть этихъ подозрительныхъ вещей получилъ изъ склада одного купца, а другую—отъ одного мелкаго мастерка. Хозяинъ склада сослался на другого мастерка. И вотъ эти 4 лица были преданы нашему суду.

Ни намъ—присяжнымъ, ни короннымъ представителямъ суда, ни защитникамъ—никому рѣшительно не были извѣстны тонкости «пробирнаго устава». Естественно было ожидать, что судъ позаботится о приглашеніи экспертовъ-специалистовъ дѣла. Судъ дѣйствительно снесся съ пробирной палатой, и та обѣщала прислать своего представителя. Что же оказалось?—палата назначила представителемъ того самаго чиновника, который производилъ выемку заподозрѣнныхъ вещей, т. е. являлся свидѣтелемъ по дѣлу... Судъ узналъ объ этомъ будто бы только въ судебномъ засѣданіи и, по закону, долженъ былъ устранить этого свидѣтеля отъ роли эксперта.

Но разъ судъ заранѣе не позаботился о назначеніи настоящаго

эксперта, ему слѣдовало смотрѣть сквозь пальцы на естественныя попытки защитниковъ превратить свидѣтеля въ эксперта. Но каждый разъ предсѣдатель «пресѣкалъ» такія попытки защиты, т. е. сознательно оставлялъ всѣхъ въ полной темнотѣ. И выходило такъ, что и самъ предсѣдатель, и прокуроръ, и присяжные, и защитники—всѣ путались въ пробирныхъ тонкостяхъ и временами ровно ничего не понимали!

Путались, однако, немало и сами пробирные чиновники-свидѣтели... Они же говорили, что даже средствами пробирной палатки невозможно вполне установить «низкопробность» вещей, и рѣшительно засвидѣтельствовать ее можетъ только монетный дворъ. Понятно, что маленькій магазинъ тѣмъ менѣе могъ провѣрить пробу продаваемыхъ имъ, но не имъ изготовленныхъ вещей. Одинъ золотой браслетъ оказался съ «припаяемъ» внутри, т.-е. для увеличенія вѣса былъ припаянъ кусокъ неблагороднаго металла во внутренней пустотѣ золотого ободка. Но пробирные чины убѣдились въ этомъ обманѣ только случайно, сломавши браслетъ, не возбуждавшій въ нихъ никакихъ сомнѣній ни вѣсомъ, ни наружнымъ видомъ. Понятно, что такихъ «опытовъ» не можетъ дѣлать хозяинъ небольшого магазина, всѣ вещи котораго наперечеть.

Этотъ припай въ браслетѣ былъ самымъ крупнымъ нарушеніемъ пробирнаго устава (низкопробность остальныхъ вещей ничтожная). Но мастеръ, у котораго купленъ браслетъ, самъ вещей не дѣлалъ, а скупалъ ихъ на аукціонахъ для перепродажи.

Другой мастеръ обвинялся только въ томъ, что, не имѣя собственнаго «именника», накладывалъ на вещи чужіе именники. Но это оказалось самымъ обычнымъ дѣломъ у мелкихъ мастерковъ, начинающихъ самостоятельное дѣло и еще не получившихъ отъ пробирной палатки права употреблять собственные именники. Оказалось также, что сама палатка знаетъ именника одного своего округа, а полный списокъ всѣхъ русскихъ именниковъ хранится только на монетномъ дворѣ въ Петербургѣ.

Итакъ, «преступленія» серебрянниковъ были ничтожны, и никто отъ нихъ не пострадалъ: не было жалобъ отъ покупателей (дѣло возбудили чины пробирной палатки). Если нашъ оправдательный приговоръ для всѣхъ 4 подсудимыхъ былъ, можетъ быть, и черезчуръ мягокъ, въ этомъ виноватъ судъ, не постаравшійся обставить судебное слѣдствіе экспертизою...

XXIV.

Въ заключеніе сессіи былъ поданъ намъ настоящій десертъ— дѣло о «мошенничествѣ» отставнаго поручика, богатаго землевладѣльца и извѣстнаго коннозаводчика. Само по себѣ дѣло было довольно серьезное, но личность подсудимаго и его поведеніе на судѣ

возбуждали такое веселое настроеніе, какое рѣдко бываетъ въ судебныхъ залахъ. Временами стоялъ въ залѣ съ трудомъ сдерживаемый хохотъ и публики, и даже присяжныхъ. Улыбка же все время не сходила съ лицъ присутствующихъ, не исключая и коронныхъ представителей суда...

Важный баринъ самъ защищалъ себя — и въ этомъ была вся его бѣда и весь трагикомизмъ его положенія. Вѣрно опредѣлили его предсѣдатель въ своемъ резюме: это де типъ сутяги, любящаго судиться и воображающаго, что онъ отлично знаетъ законы и всегда сумѣетъ самъ себя защитить... На самомъ же дѣлѣ онъ схватилъ только верхушки кое-какихъ юридическихъ познаній, которыми пользуется вкривь и вкось, а нерѣдко даже съ положительнымъ вредомъ для себя. Только человѣкъ съ болѣзненнымъ самомнѣніемъ и склонностью къ сутяжничеству могъ такъ неосторожно влопаться въ сѣти, ловко разставленныя искусными ростовщиками»...

Барину очень не хотѣлось итти на «судъ улицы», и онъ сдѣлалъ для этого нелѣпую выходку, не имѣвшую, однако, успѣха. Дебютъ его въ залѣ суда былъ такъ оригиналенъ, что сначала баринъ показался намъ «травленнымъ волкомъ» и всѣхъ вооружилъ противъ себя... Но мы скоро его раскусили и убѣдились, что это очень немудреный человѣкъ, опасный только для самого себя. Подъ конецъ онъ сталъ казаться просто жалкимъ человѣкомъ, къ которому нельзя было не отнестись снисходительно.

Онъ вооружился большой коллекціей сборниковъ законовъ, разными нужными и ненужными бумагами, массою наполовину безпольныхъ, а частію и прямо вредныхъ для себя свидѣтелей. Иногда онъ обнаруживалъ знаніе даже юридическихъ подробностей (кассационныхъ рѣшеній сената и т. п.) и толковалъ законы вполнѣ здраво, но иногда вдругъ упорно останавливался на такомъ оригинальномъ толкованіи, что судъ только улыбался да руками разводилъ... Юридическихъ обрядностей и требованій судебной обстановки онъ совсѣмъ не зналъ и не признавалъ, такъ что предсѣдателю приходилось на каждомъ шагу его останавливать и поправлять. Только что остановленный предсѣдателемъ баринъ на минуту смирялся, но скоро забывалъ предостереженіе и вновь сворачивалъ на старое. У предсѣдателя лопалось терпѣніе, и онъ не разъ вынужденъ былъ грозить подсудимому, что липитъ его слова, даже прикажетъ вывести изъ залы суда...

Иногда подсудимый положительно забывалъ свое положеніе и судебную обстановку, и начиналъ просто болтать съ хорошими знакомыми изъ свидѣтелей. Былъ, на примѣръ, такой эпизодъ: одинъ свидѣтель случайно упомянулъ о болѣзни лошади, купленной у подсудимаго. Баринъ встрепенулся и забросалъ свидѣтеля вопросами: когда это случилось? почему? какая болѣзнь? чѣмъ лѣчили?.. и проч. Предсѣдатель не безъ труда пресѣкъ эту неумѣстную любознатель-

ность, за что баринъ даже разобидѣлся... Рѣчь свою онъ обильно уснащалъ канцелярскими выраженіями прошлаго вѣка: предсѣдателя называлъ — «г. предсѣдатель сущій» (дѣйствительно, это былъ не «предсѣдатель окружнаго суда», а «товарищъ предсѣдателя»), присяжнымъ совѣтовалъ «обратить высокомилостивое вниманіе» по поводу каждаго пустяка и т. п.

Но съ присяжными онъ сталъ любезничать не сразу, а когда убѣдился, что суда ихъ ему не избѣжать... Сначала же онъ огорчился насъ и судъ отводомъ 10 присяжныхъ (изъ 24-хъ), очевидно, надѣясь этимъ путемъ отложить разбирательство дѣла. Оказывается, баринъ стороною собралъ всевозможныя справки о присяжныхъ и на основаніи ихъ сталъ доказывать, что 10 человекъ не имѣли права быть присяжными засѣдателями!.. Объ одномъ товарищѣ онъ заявилъ, что тотъ хотя и присутствуетъ въ судѣ, но есть въ сущности миеъ, такъ какъ де въ адресномъ столѣ нѣтъ его адреса, значить онъ «не существуетъ» въ городѣ... Другіе де присяжные живутъ въ городѣ только еще 1—2 года, третьи де живутъ «въ работахъ» и т. п.

Сначала присяжныхъ смущала эта выходка подсудимаго, нѣкоторые даже очень волновались, но скоро поняли, въ чемъ тутъ дѣло, и успокоились особенно послѣ заявленія предсѣдателя, что судъ не входитъ въ разсмотрѣніе правъ присяжныхъ засѣдателей на это званіе, но что подсудимый въ случаѣ сомнѣній можетъ принести жалобу въ комиссію по составленію списковъ присяжныхъ. Подсудимый, однако не уговорился и просилъ разрѣшенія суда «допросить» ему еще 3 присяжныхъ... Конечно, судъ отказалъ въ этомъ оригинальномъ требованіи, и мы такъ не узнали, о чемъ это хотѣлъ насъ «допрашивать» подсудимый... Потерпѣвши полное фіаско въ задуманномъ маневрѣ, баринъ нѣсколько успокоился и ограничился своимъ законнымъ правомъ отвода (негласнаго) 3 присяжныхъ: отвелъ, кажется, 3 купцовъ.

Въ виду такого отношенія подсудимаго къ присяжнымъ, предсѣдатель посовѣтовалъ намъ (черезъ пристава) держаться какъ можно осторожнѣе, чтобы не дать барину ни малѣйшаго повода придратъся къ намъ. Никогда такъ строго не примѣнялись правила полной изоляціи присяжныхъ отъ суда и публики, какъ теперь. Во время частыхъ перерывовъ (дѣло разбиралось съ 1 ч. дня до 8 ч. вечера) приставъ неотступно вертѣлся около насъ и ни на минуту не оставлялъ однихъ. Подсудимый, бывшій на свободѣ, зорко слѣдилъ за нами, такъ что мы опасались даже переглядываться съ оставшимися въ залѣ свободными товарищами...

Сущность дѣла заключалась въ слѣдующемъ: барину понадобились какъ-то деньги, и онъ занялъ у извѣстнаго въ городѣ ростовщика 2.700 р., давши вексель въ 3.000 р. и «неустойчивую запись» въ 1.000 р. Въ это же время ростовщикъ купилъ у барина хорошую

лошадь его завода въ 1.000 р., но денегъ этихъ не отдалъ, обѣщая разсчитаться при уплатѣ по векселю. Но чтобы обезпечить себя на случай падежа лошади, ростовщикъ взялъ съ барина фиктивную расписку въ томъ, будто послѣдній получилъ съ покупателя 1.000 р. за коня... Баринъ не догадался чѣмъ нибудь обезпечить себя противъ этой расписки и слишкомъ понадѣялся на свидѣтелей (служащихъ нотаріальной конторы), присутствовавшихъ при составленіи фиктивного акта. Однако, въ нужную минуту свидѣтели оказались на сторонѣ ростовщика и отдѣльвались «запамятованіемъ» обстоятельство составленія расписки-ловушки...

Баринъ не могъ въ срокъ уплатить долга, и окружный судъ взыскалъ съ него 3.000 р. по векселю и 1.000 р. по неустоечной записи. Обозленный баринъ, недолго думая, предъявилъ къ ростовщику встрѣчный искъ объ уплатѣ 1.000 р. за коня. Тогда ростовщикъ представилъ въ судъ фиктивную расписку о полученіи баринѣмъ денегъ за коня и объявилъ его искъ «вторичнымъ взысканіемъ денегъ»... Баринъ опоздалъ на разбирательство дѣла, окружной судъ заочно отказалъ ему въ искѣ и далъ прокурору предложеніе возбудить уголовное преслѣдованіе противъ барина за «мошенничество».. Это-то дѣло мы и судили.

Доказать намъ свою правоту юридически подсудимый не могъ, тѣмъ болѣе, что масса выставленныхъ имъ разношерстныхъ свидѣтелей скорѣе показывала противъ него. Но житейская правда, несомнѣнно, была на его сторонѣ и ясно говорила, что этотъ богатый и взбаломошный баринъ попался въ ловко разставленные сѣти ростовщика и самъ по своей самонадѣянности еще болѣе въ нихъ зачухался...

Всѣ его выходки противъ присяжныхъ и суда и все вообще его смѣхотворное поведеніе на судѣ было, конечно, забыто нами, и мы почти единогласно вынесли ему оправдательный приговоръ. Выслушавши его, баринъ даже перекрестился... Увѣренъ, что теперь онъ иначе будетъ относиться къ суду присяжныхъ и изъ сословнаго (но врядъ ли принципіальнаго) противника его превратится навѣрное въ горячаго адепта...

XXV.

Горячими поклонниками суда присяжныхъ неизбѣжно становятся всѣ, кто хотя разъ самъ присяжничалъ и сумѣлъ устоять на высотѣ той «житейской правды», которая такъ естественно и неумолимо «расходится» съ «правдою формальною» (А. Θ. Кони). Но общество, слѣдящее за судомъ присяжныхъ издали, совсѣмъ не можетъ стать на эту единственно справедливую точку зрѣнія и продолжаетъ винить присяжныхъ за массу оправдательныхъ приговоровъ. Обвинители, однако, забываютъ, что суть дѣла лежитъ здѣсь совсѣмъ не въ какой-то спеціальной «русской жалости» къ «не-

счастливымъ», а кое въ чемъ другомъ... Именно, на первомъ мѣстѣ приходится здѣсь поставить возмутительные недостатки предварительнаго слѣдствія.

Мы видѣли только на нѣсколькихъ дѣлахъ, какъ неосновательно, небрежно, неумѣло ведется слѣдствіе въ одномъ изъ самыхъ центральныхъ пунктовъ Россіи. А если бы пройти всю Россію и разсмотрѣть протоколы всѣхъ слѣдователей ея хотя бы за одинъ годъ — найдется ли такой могучій прокуроръ, который сумѣлъ бы составить обвинительный актъ противъ всей небрежности и неумѣлости слѣдователей?!...

Вотъ гдѣ главный «корень зла», откуда пошли многія нареканія на судъ присяжныхъ, вынужденный теперь зачастую судить не тѣхъ, «кого нужно судить», а разныхъ ничтожныхъ и фиктивныхъ преступниковъ... Между тѣмъ, вѣдь есть очень немудреное, давно уже предлагаемое средство: стоитъ только допустить къ предварительному слѣдствію защитниковъ подслѣдственныхъ лицъ. Одинъ свѣжій человѣкъ, свободный отъ профессиональныхъ увлеченій и слѣпоты слѣдователя, въ силахъ будетъ разрушить всѣ нелѣпости фальшивыхъ разслѣдованій и направить слѣпотаго слѣдователя на настоящую дорогу. Слодователи станутъ тогда добросовѣстнѣе и вдумчивѣе относиться къ своему дѣлу и будутъ уловлять только тѣхъ, «кого нужно судить», а не перваго встрѣчнаго-поперечнаго, неизвѣстно въ чемъ и почему подозрѣваемаго...

Значительно менѣе можно отмѣтить недостатковъ судебного слѣдствія, и едва ли не самымъ существеннымъ слѣдуетъ признать излишнюю торжественность и нарочитую помпезность судоворенія... Все это совсѣмъ не въ духѣ русскаго народа, да и никому и ни на что не нужно, даже скорѣе вредно... Введите въ судебную залу побольше простоты и свободы (но отнюдь не халатности и распушенности), и посмотрите, какая произойдетъ тогда благотворная переменѣ! Подсудимые и свидѣтели перестанутъ пугаться непривычной обстановки и будутъ говорить откровеннѣе, естественнѣе, правдивѣе. Коронные представители суда, особенно гг. прокуроры, сдѣлаются проще, доступнѣе и человѣчнѣе... Присяжные станутъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ судебномъ слѣдствіи, т. е. будутъ оказывать суду такую серьезную помощь, о какой онъ и не мечтаетъ... Присяжные почувствуютъ тогда, что они въ судебной залѣ не то, что терпимые только и случайные гости, но желанные и равноправные сочлены суда...

Напримѣръ, какъ стѣсняетъ присяжныхъ это нелѣпое правило, требующее, чтобы всѣ вопросы подсудимымъ и свидѣтелямъ присяжные обращали «черезъ предсѣдателя», т. е. присяжный долженъ сказать свой вопросъ предсѣдателю, а тотъ повторяетъ вопросъ по адресу... Правило удивительно вздорное уже по тому одному, что даетъ подсудимому или свидѣтелю, къ кому обращенъ вопросъ, воз-

возможность хорошенько взвѣсить и обдумать свой отвѣтъ. А вѣдь вопросы, возникающіе у присяжныхъ, очень часто на то именно и рассчитаны, чтобы захватить подсудимаго или свидѣтелей врасплохъ, вырвать у него какое нибудь признаніе и тѣмъ разъяснить что нибудь темное, запутанное въ дѣлѣ...

Но оправдательные приговоры присяжныхъ вызываются не столько недостатками предварительныхъ и судебныхъ слѣдствій и другими вышеуказанными обстоятельствами (продолжительностью такъ называемаго «предварительнаго заключенія», опасностью перваго знакомства съ «острожною школою» и проч.), сколько вообще требованіями «житейской правды», которую нельзя формулировать, какъ общее понятіе, но которая такъ или иначе сказывается въ мотивахъ каждаго оправдательнаго приговора присяжныхъ. Эти мотивы очень разнообразны, и чаще всего мы тутъ встрѣчаемъ вынужденность преступленія, вызваннаго разными социальными нестроеніями (голодъ, отсутствіе работы и т. п.) и непорядками личной жизни (порча характера съ дѣтства, отсутствіе семьи и т. п.).

Другимъ главнымъ мотивомъ оправданій, подсказываемымъ житейскою правдою, является ничтожность такъ называемыхъ «преступленій» и несоотвѣтствіе ихъ положеннымъ наказаніямъ. Вспомните возмутительныя по своей мелочности дѣла о «выѣденныхъ яйцахъ»...

Особенно возмутительно для житейской правды юридическое понятіе о «покушеніяхъ», отъ которыхъ никто не пострадалъ: человекъ покусился украсть выжатый лимонъ, но его остановили и выжатый лимонъ въ полной неприкосновенности вернули счастливымъ обладателямъ его... Житейская правда никогда не пойметъ такого «преступленія» и всегда досадливо отвернется отъ такого «преступника»...

Но если Оемида въ подобныхъ случаяхъ не въ силахъ уловить смыслъ и точку зрѣнія житейской правды, пусть она (Оемида) возится съ такими ужасными по своей ничтожности преступниками, но только не при содѣйствіи суда присяжныхъ. Подобныя мелочныя дѣла слѣдуетъ передать мировому суду и не тревожить ими представителей общественной совѣсти, для суда которыхъ всегда въ обиліи найдутся дѣла покрупище, съ глубокимъ общественнымъ значеніемъ... Серьезнаго дѣла для присяжныхъ засѣдателей много найдется на Руси, черезчуръ даже много: впору съ нимъ только справиться!...

Н. Н. О.

ПОЪЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года былые,—
Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
Почили въ Господѣ подвижники святые,
Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣ нынѣ—
Скорбѣвшіе за всѣхъ своей душой въ пустынѣ.
К.

I.

Пере мѣна погоды. — Холодное утро. — Пароходъ «Кубина». — Часовня на берегу р. Вологды. — Съ пароходной палубы.

ОГОДА быстро измѣнилась. Еще 22-го мая было тепло, и на старинномъ вологодскомъ бульварѣ дамы гуляли въ однихъ платьяхъ, а мужчины въ легкихъ пиджакахъ. Прошелъ всего день, и вдругъ потянуло холодкомъ. Пролился крупный дождь и подулъ сѣверный вѣтеръ. Такая пере мѣна погоды не благоприятствовала поѣздкѣ по озеру, но я рѣшилъ непремѣнно ѣхать въ Каменный монастырь, куда собирался два года подрядъ и какъ-то все не могъ попасть. Если выждать тепла, можно опять не собраться: кто знаетъ, когда погода измѣнится къ лучшему, а тутъ дѣла требуютъ въ Москву, и опять откладывая поѣздку до будущаго лѣта. Нѣтъ, если ѣхать—такъ ѣхать во что бы ни стало.

Мнѣ подали въ номеръ самоваръ.

— Разбудите меня завтра въ семь часовъ, — сказалъ я лакею.

— Хотя бы и «погодило»?

— Все равно.

Лакей разбудилъ меня на другой день съ нѣмецкой точностью.

— Какая погода?—спросилъ я.

— Холодновато и похоже, что будетъ дождь.

Я быстро одѣлся, умылся, напился чаю и въ восемь часовъ отправился на пристань. Утро стояло дѣйствительно холодное. Сѣрое небо грозило дождемъ. Въ демисезонномъ пальто и въ плащѣ мнѣ было только въ пору.

— Того и гляди, дождь будетъ, а ты безъ «верха» и безъ фартука,—замѣтилъ я извозчику.

— Здѣсь на рѣдкость, если у кого «верхъ», потому зачѣмъ? Полиція не понуждаетъ. А «фартухъ» у меня есть.

— Гдѣ же?

— А это-то.

Онъ указалъ на свои ноги.

— Да я не про то говорю... Сѣдоку надо закрыться.

— У насъ этого не заведено...

У пристани толпились народъ, слышался крикъ. Это «ломовики» разговаривали на своемъ языкѣ.

Пассажиры съѣзжались. Рабочій съ парохода взялъ мой чемоданчикъ.

«Кубина» — маленькій пароходъ, окрашенный въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Она—того же типа, что и пароходы, ходившіе прежде по Волхову, но съ большими удобствами: на ней есть рубка для перваго класса, помѣщающаяся на носовой части. Рубка — маленькая комнатка со столомъ посрединѣ. По винтообразной лѣстницѣ вы спускаетесь изъ рубки въ каюты перваго класса. Налѣво — общая мужская, направо—дамская, а прямо съ лѣстницы—отдѣльная, скорѣе похожая на чуланъ, чѣмъ на каюту. Мужское отдѣленіе—самое просторное. Здѣсь два стола и диваны вокругъ стѣнъ. Диваны раздѣлены перегородками, обозначающими число мѣстъ. Каюты низкія, и въ нихъ душно.

Я замѣтилъ это рабочему, внесшему мой чемоданъ въ мужское отдѣленіе.

— Въ рубкѣ сидѣть можно,—сказалъ онъ.—Да какъ отчалить—духоты и не будетъ, особливо если окошечко открытъ.

Давило на голову. Открыть окно было неудобно: вѣтеръ холодной струей врвался въ узкія отверстія, да и тянуло съ воды пронизывающей сыростью.

— Не великъ пароходъ!

— А больше и нельзя. Спадеть вода, и этому ходить трудно,—отвѣтилъ рабочій.

Я поднялся на палубу.

Старикъ-крестьянинъ усердно молился, обратившись лицомъ къ часовнѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Я также благоговѣнно перекрестился, припоминая великаго печальника земли Русской, св. митрополита Филиппа.

Часовня служитъ памятникомъ далекаго историческаго событія—перенесенія въ 1594 году черезъ Вологду въ Соловецкій монастырь мощей угодника, почивавшаго въ Отрочевомъ монастырѣ.

Фрязиново.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, были останавливаемы для народнаго поклоненія мощи святителя, передъ перенесеніемъ ихъ на корабль.

Когда старикъ кончилъ молиться, я подошелъ къ нему. Мнѣ хотѣлось узнать, извѣстно ли ему, по какому поводу построена часовня. Я задалъ вопросъ.

— А что это за часовня, дѣдушка?

— Часовня-то?

Онъ поглядѣлъ на меня слезящимися глазами и произнесъ:

— А чтобы Богу молиться передъ ултытіемъ... вотъ и часовня для чего.

Онъ не зналъ правды. Это немудрено. Но правды не знаетъ и большинство «просвѣщенныхъ» вологжанъ. Если мужикъ отвѣтитъ вамъ «ни къ чему», вы ему извините его «нелюбопытство». Но если «ни къ чему» и грамотному горожанину, то дѣло выглядитъ иначе, то уже «россійское нелюбопытство» — некрасиво. Быть можетъ, однако, если бы въ дни, когда церковь чувствуетъ память великаго святителя, служились молебны въ часовнѣ, вологжане знали бы, почему она построена.

Видъ рѣки съ парохода очень красивый. Рѣка здѣсь довольно широка. За нашей пристанью и впереди нея—другія пристани. Военный пароходъ «Николай» гораздо больше «Кубины» и выглядитъ наряднымъ. Множество барокъ и лодокъ. По обоямъ берегамъ тянутся постройки. На правомъ берегу, у котораго стоитъ «Кубина», среди хорошенькихъ домиковъ выдѣляется темнымъ пятномъ высокое необитаемое зданіе съ выбитыми стеклами. На углу, у Краснаго моста, расположенъ каменный корпусъ реального училища. На лѣвомъ берегу изъ-за построекъ виднѣется церковь Николая Чудотворца во Владычной, въ видѣ неровной ленты тянется Фрязиновская набережная съ церковью Преображенія въ концѣ.

Раздался свистокъ.

— Скорѣе, скорѣе нагружайте! — послышался властный хозяйскій голосъ.

До отхода оставалась всего четверть часа.

II.

Панорама Вологды.— Село Турундаево.— Покойный А. В. Сорокинъ и его па-
лаццо.— Въ рубкѣ.— Пассажиры.— Въ ожиданіи хорошей воды.

Послѣ третьяго свистка сбросили трапъ, заработала машина, и, незамѣтно отдѣлившись отъ берега, мы поплыли внизъ по р. Вологдѣ. Побѣжали мимо насъ назадъ береговья строенія, и постепенно развертывалась картина. На Пречистенской набережной (справа) за первымъ рядомъ построекъ поднялся другой, болѣе лучшій, въ перемежку съ купами зелени, съ храмами,— фонъ сдѣлался красивѣе самой картины. Онъ развертывался все шире и шире... Мы какъ бы объѣзжали городъ вокругъ и смотрѣли на него снизу вверхъ; передъ нами быстро мелькали его улицы, смѣнялись площади. Самой красивой частью панорамы надо признать ту, когда вдругъ открывается видъ на Спасскій соборъ со Спасской улицей, окан-

чивающейся у площади громаднымъ лиловатымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщается лучшая гостиница «Золотой Якорь» и окружающей судъ.

— Какъ чудесно!—вырвалось невольное восклицаніе у какой-то дамы, державшей на рукахъ болонку.

Но краски начали тускнѣть, городъ кончался, промелькнула его панорама, и по берегу потянулся рядъ сѣрыхъ невзрачныхъ домишекъ. Силуэты ихъ долго мелькали передъ глазами, прерываясь громоздкими постройками не то заводовъ, не то амбаровъ. Это скучное однообразіе картины скрасили только двѣ вѣтряныя мельницы на холмѣ. Ихъ воздушная стройка пріятно выдѣлялась среди тяжелыхъ приземистыхъ сосѣднихъ зданій.

Показалась желѣзнодорожная вѣтка, устроенная специально для перевозки хлѣбныхъ грузовъ. На берегу стоитъ обширный сарай, почти до верху наполненный мѣшками съ мукой. Когда мы проѣзжали, на рельсовомъ пути пыхтѣлъ паровозъ. По всѣмъ направленіямъ копошились люди.

Вѣтка подходитъ къ селу Турундаеву, состоящему изъ ряда сѣрыхъ домиковъ и украшенному красивой церковью. Въ самомъ селѣ обращаетъ на себя вниманіе большой каменный домъ съ роскошнымъ садомъ. Это — бывшее палаццо извѣстнаго комерсанта, Александра Васильевича Сорокина, гремѣвшаго въ Вологдѣ и хорошо извѣстнаго въ промышленномъ мірѣ обѣихъ столицъ. Покойный Сорокинъ — типъ «русскаго американца», какъ выразился (покойный же) вологодскій статистикъ, писатель Ф. А. Арсеньевъ. Сорокинъ всѣмъ состояніемъ былъ обязанъ исключительно себѣ, и не только своимъ выдающимся природнымъ способностямъ, но и своему трудолюбію. Обладая недюжиннымъ умомъ, желѣзной волей, громадной энергіей, смѣлый и предприимчивый, онъ сумѣлъ изъ простаго бѣднаго крестьянина сдѣлаться купцомъ, добился званія городского головы, смѣнивъ армякъ на вышитый золотомъ мундиръ, и изъ обладателя курной избы превратился во владѣльца роскошнаго палаццо и чуть ли не сотни каменныхъ и деревянныхъ домовъ въ Вологдѣ. Нѣкоторое время это былъ — самый видный человѣкъ въ городѣ. Незадолго до смерти дѣла Сорокина пошатнулись, но онъ съ мужествомъ перенесъ свое «крушеніе».

Сорокинъ не получилъ никакого образованія, но поражалъ цѣлностью міровоззрѣнія, ясностью взглядовъ, логичностью разсужденій и широкимъ пониманіемъ жизни. Онъ много читалъ и интересовался литературой. Я никогда не забуду одного разговора съ нимъ. Я былъ тогда восемнадцатилѣтнимъ юношей. Прочитавъ мой очеркъ въ «Искрѣ» («Роковое слово»), Сорокинъ замѣтилъ:

- Довольно зло, молодой человѣкъ. А вы служить не думаете?
- Нѣтъ.
- Хотите быть писателемъ?

- Хочу.
— Но вѣдь это тоже служба, и болѣе тяжелая... Это — подвижъ.
Я бы не могъ быть писателемъ и при талантѣ.
— Отчего?
— Люблю жизнь. Быть подвижникомъ трудно, а иначе и нельзя:
честный писатель — подвижникъ.

Турундаево.

Такъ понимать службу писателя въ пору и самому образованному человѣку.

Съ грустью я смотрѣлъ на бывшее палаццо «русскаго американца». Вспомнились мнѣ далекіе годы, юныя мечты... Въ этомъ громадномъ роскошномъ саду я и отдыхалъ не разъ послѣ работы и дѣлился пылкими надеждами и планами съ товарищами. Мы часто изъ города на лодкѣ пріѣзжали въ Турундаево шумной компаніей.

Въ настоящее время Сорокинскій палаццо принадлежит купцу Пермикову.

За Турундаевымъ берега пошли совершенно ровные, низменные, мѣстами поросшіе лишь кустарникомъ. Изрѣдка встрѣчался чахлый, жалкій лѣсокъ. Вологодскій уѣздъ вообще быстро обезлѣсивается.

«Кубина» шла мѣрно, безъ толчковъ и встряхиваній.

Сквозь тучи блеснуло солнышко. Но только блеснуло. Тучи побѣдили его. Вѣтеръ крѣпчалъ. Любоваться однообразными унылыми берегами — занятіе, не представляющее собою ничего привлекательнаго.

Я отправился въ рубку.

Тамъ было трое пассажировъ. Изъ нихъ выдѣлялся тучный человекъ, средняго роста, лѣтъ 55, съ сѣдою бородою патріарха и основательнымъ славянскимъ носомъ. Трудно представить себѣ болѣе типичную фигуру боярина. Казалось, Маковскій писалъ съ него своего боярина. Но въ нѣмецкомъ пиджакѣ онъ проигрывалъ.

Вблизи «боярина», какъ прозвалъ я тучнаго пассажира, оказавшагося адвокатомъ, сидѣла женщина, напоминавшая собою зажиточную крестьянку на «купеческой линіи». Она была вся въ черномъ, съ отпечаткомъ скорби на лицѣ, которое все испестрили тонкія морщинки.

Рядомъ съ ней, въ уголку, помѣстилась миловидная дѣвушка, углубившаяся въ чтеніе «Нивы». Дѣвушка курила, не уступая въ этомъ адвокату, который первый заговорилъ со мною.

— Если не ошибаюсь...

Онъ назвалъ мою фамилію.

— Да.

— Помолиться или освѣжиться?

— На Каменный.

— Стоитъ. И пристань устроена, удобно.

— Развѣ теперь пристань? Прежде на лодкахъ приходилось подѣзжать.

— Новый игумень устроилъ. Онъ хозяинъ и прекрасный человекъ.

— Недавно онъ настоятельствоетъ?

— Не особенно давно. Раньше былъ въ Прилуцкомъ монастырѣ. Если бы «поученіе», могъ бы тамъ быть начальникомъ. Онъ и управлялъ за настоятеля.

— Не важнѣ ли учености жизнь монаха?

— Нуженъ престижъ учености... Архимандритъ тамъ нынѣ. Да и о. Павелъ могъ бы быть архимандритомъ... Ему прежній архіерей и предлагалъ. «Годы и долгіе годы монастырской жизни — та же наука», — говорилъ онъ. Оно и вѣрно. Но о. Павелъ скромный, не искатель почестей и уклонился, чтобы не возбудить зависти.

Въ рубку вошелъ молодой красивый еврей, лѣтъ 25, съ интел-

лигентнымъ выраженіемъ лица, одѣтый съ претензіей, даже въ бѣломъ галстукѣ и въ сѣромъ фетрѣ.

Молодой человѣкъ поздоровался съ адвокатомъ и спустился въ каюту.

— Кто это?—спросилъ я.

— Сынъ здѣшняго часового мастера. Свой хорошій часовой магазинъ.

Адвокатъ назвалъ фамилію.

— Нельзя подумать. И какъ хорошо говорить порусски.

— Онъ много читаетъ, совсѣмъ интеллигентный.

Я убѣдился въ справедливости этихъ словъ, когда молодой еврей поднялся въ рубку, и мы съ нимъ разговорились. Его интересовало все, что могло интересовать образованнаго человѣка. У него недурная библіотека, онъ выписываетъ нѣсколько журналовъ. Онъ любитъ книгу и не живетъ только интересами своего ремесла. Но онъ и не презираетъ ремесла, работаетъ и помогаетъ отцу въ магазинѣ. Торговля не мѣшаетъ ему жить умственной жизнью, а умственные интересы не захлеснули другихъ. Книга не сдѣлала его бѣлоручкой. Это пріятно и можно поставить на видъ русскому человѣку. Я не юдофилъ и не космополитъ. Но правда для меня всего дороже. Хорошее вездѣ хорошо. Возьмите нашего рабочаго. Въ будни за работой—онъ чумичка. Въ праздникъ, въ дни отдыха, онъ надѣнетъ новую рубаху, пиджакъ — и не отмоетъ, какъ слѣдуетъ, грязи отъ рукъ. А чѣмъ онъ развлекается? «Гуляетъ»! А нѣмецъ? Развѣ онъ такъ живетъ? Средства не причемъ. Возьмите достаточнаго торговца, ремесленника-хозяина. Онъ нарядится, на пальцахъ перстень, на золотой цѣпочкѣ—дорогіе часы, а все-таки это—«мужичокъ». Объ умственныхъ запросахъ нечего и говорить. «Помилуйте, когда книжку читать, нешто о такихъ пустякахъ думать время!» И дѣйствительно времени нѣтъ: въ будни работа, въ праздники «гулянье», т. е. водка и развлеченія въ такомъ же трактирномъ духѣ.

— Это правда,—согласился адвокат.—Оттого и выходитъ изъ евреевъ, напримѣръ, столько талантовъ. Вѣдь ихъ у насъ не меньше, но мы ими не дорожимъ, не цѣнимъ. Нѣмецъ или еврей изъ послѣдняго, но дастъ сыну или дочери возможность развить талантъ. А мы? мы его загубимъ въ сапожной мастерской или въ лавкѣ. По-нашему все «вздоръ».

Да, я помню грустный фактъ. У русскаго портного сынъ проявилъ любовь къ живописи. Извѣстный художникъ, случайно увидѣвшій рисунки мальчика, долго убѣждалъ отца его, но тотъ остался непреклоненъ и въ рисовальную школу сына не отдалъ. «Пустяки—все, надо своимъ дѣломъ заниматься». Мальчика били за «пачкотню», рвали рисунки и лишили Россію, быть можетъ, недюжиннаго художника, подаривъ ей лишняго неважнаго портняжку.

Вдругъ раздалась пѣсня.

Какой-то худощавый блондинъ въ рубахѣ на выпускъ, но въ «спинжакѣ», сидя у борта, затянулъ теноркомъ:

Прощай, батюшка родной,
 Не работничекъ я твой—
 Я изъ трактира половой...
 За работу батька билъ,
 За гульбу гармонь купилъ.
 Ты гармонка—матушка,
 Лучше матки, батюшки!

— Вотъ она, русская-то современная пѣсня, куда пошла!—сказалъ адвокатъ.

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но вдругъ парень вскинулъ кудрями и перешелъ на веселую:

Возьму сотню,
 Пойду въ Тотьму,
 Дружка выкуплю назадъ,
 Не кому не указать...
 Возьмемъ двѣсти,
 Пойдемъ вмѣстѣ,
 Мы до Вологды дойдемъ,
 Мы нигдѣ не пропадемъ,
 Мы читать, писать умѣемъ,
 Въ писаринки попадемъ!

— Еще лучше!

Мы вышли изъ рубки и подошли къ парню.

— Гдѣ ты выучилъ эти пѣсни?

— А въ трактирѣ. Я половымъ служу.

— Ёдешь домой?

— Домой... Отдохнуть...

— И тамъ будешь эти же пѣсни пѣть?

— Буду... А развѣ худа?

— Старья лучше.

— Старыхъ мы не поемъ... Мы эти все... Онѣ смѣшнѣй, да и моднѣе!

— А «Не бѣлы снѣги» знаешь?

— Скушная это... А то вотъ, баринъ, недавно я списалъ пѣсню... форсистая!..

— Какая?

— Спѣть?

— Ты такъ скажи... Прочитай.

И парень прочелъ:

Вотъ идетъ моя возлюбленная,
 Топорожъ она разрубленная,
 Топорищемъ развороченная,
 Во три палочки колоченная!

- Ха, ха, ха!—залился парень...
- И глупая пѣсня!—сказалъ я.—Вѣдь въ ней смысла никакого нѣтъ!
- Э—э! Пѣсня—форсистая!..
- Вотъ она «сивилизація-то»!—произнесъ адвокатъ.—Подарокъ деревнѣ отъ фабрики, трактира...
- Все это очень грустно. «Новая пѣсня» уже проникаетъ въ глушь, даже фабрикуется въ глуши.
- Мы вернулись въ рубку.
- Давайте пить чай!—предложилъ я.
- Вотъ будетъ Сухона... Въ Вологдѣ вода мутна и плоха..
- А Сухона скоро?
- Черезъ четверть часа... Покажется домикъ на берегу, вотъ и Сухона...

Домикъ показался, но, благодаря извилисту теченію Вологды, мы нескоро подошли къ нему, одиноко стоявшему на мысу. Ни сада, ни лѣса вблизи. Здѣсь перевозъ и въ домикѣ живетъ содержатель перевоза, съ семьей.

III.

По Сухоиѣ-Рабангѣ.—Раздѣленіе Сухоны.—Теченіе всячь.—Лодки рыбаковъ и «кориковъ». — Чаепитіе въ каютѣ.—О лѣсныхъ дачахъ, русскихъ помѣщикахъ и вообще русскомъ человѣкѣ.—Какъ русскій человѣкъ понимаетъ свободу.

Нашъ пароходъ повернулъ влѣво и вошелъ въ Рабангскую Сухону. Сухона вытекаетъ изъ юго-восточной оконечности Кубенскаго озера, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Святолуцкой волости, и до впаденія рѣки Вологды называется Рабангской Сухоной или просто Рабангой. Далѣе Сухона на протяженіи верстъ 50, до впаденія рѣчки Двиницы, называется Сухоню, и затѣмъ на всемъ остальномъ своемъ протяженіи до слиянія съ Югомъ носитъ наименованіе Великой Сухоны. На обыденномъ языкѣ Сухону дѣлятъ на Рабангскую и Двинскую. Повернувъ влѣво, въ Рабангскую Сухону, мы оставили въ правой рукѣ Сухону Двинскую. Еще существуетъ такъ называемая Окольная Сухона, нѣкогда составлявшая большую излучину рѣки, имѣющую длины около 20 верстъ, а перешеекъ излучины 260 сажень. На этомъ разстояніи въ 1242 году былъ сдѣланъ, по приказу князя Глѣба Бѣлозерскаго, перекопъ, образующій нынѣ настоящее ложе Сухоны. На пароходѣ кто-то увѣрялъ меня, что перекопъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Здѣсь, кстати замѣтить, что многое, сдѣланное другими и въ разное время, приписывается Петру Первому. Мощная личность царя-работника, обращавшаго на

всякую мелочь свое вниманіе, въ народномъ представленіи заслонила другихъ историческихъ дѣятелей.

Рабангская Сухона значительно шире Вологды (отъ 50 до 60 сажень, тогда какъ Вологда maximum 45 сажень), и ея теченіе величавѣе. У Сухоны есть еще своя особенность: она не всегда течетъ изъ Кубенскаго озера, а иногда и обратно. Это бываетъ весною, въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ и происходитъ оттого, что рѣки Вологда, Лежа и нѣкоторыя другія, впадающія въ Сухону недалеко отъ ея истока, вскрываются раньше, чѣмъ притоки Кубенскаго озера, и, поднявшись отъ тающихъ снѣговъ на двѣ-три сажени надъ меженнымъ уровнемъ, подпираютъ теченіе Сухоны, и она «обрацается вспять».

— А вотъ и коряки плывутъ,— промолвила пожилая пассажирка.

— Какіе коряки? — спросилъ я.

— Мужики съ корой.

Лодки были высоко нагружены корою. Края лодки чуть-чуть не касались воды. Обиліе ивняка даетъ возможность крестьянамъ заработать «копейку». Этотъ промыселъ былъ бы очень выгоденъ, если бы не существовало «эксплуатація» со стороны скупщиковъ, да мужья не пропивали бы денегъ, полученныхъ за кору, содранную женами. У бабъ руки болятъ, съ рукъ кожа послѣзла отъ дранья ивы, а пьянчужка мужъ или отецъ продастъ, загуляетъ и пропьетъ денежки: часть-то уже обязательно, а случается и всѣ деньги оставить въ кабачкѣ или трактирѣ. Конечно, не все пропьетъ, но найдутся «добрые люди» и оберутъ пьянаго.

Шныряли и рыбацья лодки.

— Ушицы бы похлевать,—выразилъ желаніе адвокатъ, большой любитель рыбы.

— Можно заказать.

— Кухни на пароходѣ нѣтъ. Въ буфетѣ — водка, чай, да залежалая колбаса и, можетъ быть, варенныя яйца, и то не всегда. Если вы купите рыбу—уху сварятъ.

— Гдѣ же взять рыбы?

— Иногда рыбаки предлагаютъ. Однажды мы чудесную ушицу хлебали.

Сегодня рыбы не было, пришлось ограничиться чаемъ и булками. Мы заказали самоваръ, и намъ подали его въ общую каюту.

Мы сѣли за свободный столикъ. Два другіе уже занимали пассажиры, раньше насъ заказавшіе самовары. За столикомъ налѣво помѣщалась купеческая компанія, къ которой присоединился и часовою мастеръ, а потомъ и женщина «крестьянскаго облика», но «на купеческой линіи». Барышня, читавшая «Ниву», сѣла неподалеку отъ насъ, примкнувъ къ нашему самовару.

Среди купцовъ шли разговоры о лѣсныхъ дачахъ. Упомянули

бывшее имѣніе моего дѣда. Это меня заинтересовало. Я спросилъ у одного изъ купцовъ объ имѣніи.

— Хорошее имѣніе-съ.

— Кто купилъ его?

— Да теперь наше.

— Дешево, поди, купили?

— Совсѣмъ за пустяки. Сынъ торопился... Это, стало, вашъ дяденька?

— Да, дядя. Зачѣмъ же онъ продалъ дешево? Въ деньгахъ онъ не нуждался, кажется.

— Не знаемъ-съ... А торопили... Тогда вообще дешево продавали.

— Дали бы и дороже?

— Безпремѣнно. Придержи тогда вашъ дяденька—надбавили бы. Теперь эта дачка лѣсная—капиталецъ хорошенькій.

Собесѣдникъ дохлебнулъ чай съ блюдечка и прибавилъ:

— Не сидѣлось какъ-то господамъ на родномъ мѣстѣ... Все вонь тянуло... Оттого и размотали имѣнья... И выкупныя и дачки... все протратили. А отъ этого только убытокъ.

— Себѣ же.

— И себѣ и вообще... Деревни запустили... все обрушилось. Рощи какія богатыя были, а гдѣ онѣ? Срубили все.

— И вы на срубъ купили?

— Да-съ... Намъ иначе къ чему же? Правду надо сказать,—признался купецъ:—на Руси у насъ это дѣло разорительно ведется... И знаемъ, какъ надо бы, а все постарому... потому барышъ бы взять!

— А лѣсовъ меньше стало.

— Обезлѣсивается губернія, что и говорить... Да развѣ только здѣсь? На Волгѣ то же самое... Отчего она и мелѣть-то, матушка.

— Послушайте, но вы могли бы иначе вести дѣло, если сами сознаете...

— Эхъ, сударь! Сознать сознаемъ, да привычка ужъ такая, ну, и жадность заѣла, такъ будемъ говорить прямо. Хочется поскорѣй взять съ барышемъ. А кто, впрочемъ, и держить.

— Купецъ съѣлъ барина,—сказалъ я.

— Не такъ выражаетесь. Не купецъ съѣлъ, а баринъ самъ себя съѣлъ...

— Самъ не самъ, а только въ ротъ лѣзъ и просилъ: скушай!—сострилъ адвокатъ.

— А теперь плачутся!

— Локоть и близко, да не укусишь.

Купецъ торжествовалъ и откровенно высказывалъ правду. Ему уже нечего бояться.

— За границей иначе поставлено дѣло,—замѣтилъ кто-то изъ сосѣдней компаніи.

— Что за граница! Она не указъ,—отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ.— Русскій человѣкъ любить свободу.

— Развѣ ея нѣтъ за границей?—сказалъ я.

— Какая тамъ свобода! Тамъ одно стѣсненіе!—пренебрежительно произнесъ купецъ.—Былъ мой пріятель въ Финляндіи... Ужъ какая это за граница, и не настоящая, а чухонская, такъ сказать, маргариновая за граница, а ужъ русской воли нѣту! Не смѣй выругаться, а по уху съѣздить и не думай! Въ Москвѣ пріятель мой съ ногъ до головы полового пивомъ облилъ и горчицей лысину вымазалъ— и ничего: двѣ красенькія, и дѣло въ шляпѣ. А тамъ онъ салфеткой смазалъ чухну и чуть въ кутузку не угодили. Какая же это воля, къ чорту!

— Да, такой свободы за границей меньше.

— Ужъ что говорить, русскій человѣкъ лучше другихъ!—сказалъ мой собесѣдникъ.

— Чѣмъ?

— Прямой, безъ хитрости.

— Да, но за нимъ смотри и смотри... А то сейчасъ подмѣпаетъ, обвѣситъ... «Заграница» потеряла всякое довѣріе къ русскому человѣку.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшій въ углу и до сего времени молча слушавшій разговоры.—Если Русь отчего гибнетъ и погибнетъ, такъ отъ недобросовѣстности... Какое-то повальное надувательство. И что обидно: образованіе не спасаетъ и не улучшаетъ людей...

— Ну, это уже черезчуръ,—замѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ-съ, сударыня: взгляните только въ жизнь. Мнѣ самому больно... Я вѣдь коренной русакъ, а стараюсь покупать у иностранца, закаывать иностранцу... Надежиѣ!..

Раздался свистокъ.

— Никакъ Рабанга?

— Да, это она,—отвѣтилъ мнѣ купецъ, владѣтель имѣнія моего дѣда.

Я допилъ чай и отправился наверхъ. За мной послѣдовали многіе изъ пассажировъ.

IV.

Село Рабанга.—Дилижансъ, дѣлающій рейсы до Кадникова.—Изъ бесѣды съ пассажиромъ въ казинетовомъ пиджакѣ.—Нареканія на строящуюся дорогу отъ Вологды до Архангельска.—Заводъ Соколова.—Карпово.—Куда идутъ деньги рабочихъ.—Деревни на пути.—Тѣсопильный заводъ Вѣляева.—Въ погоню за городомъ.

Мы приближались къ селу. Какъ село—Рабанга невзрачна. Дома сѣрые, однообразной стройки, по большей части не опущенныя тесомъ, не выкрашенныя, безъ балкончиковъ. Вообще въ сельской

стройкѣ мало видно прогресса... Тонъ сѣрый, пейзажъ унылый. Настоящая сѣверная русская деревня. Только обиліе зелени да рѣка и придаютъ красоту селу.

Пристани нѣтъ, мы причалили къ баркѣ.

На берегу стоялъ дилижансъ—линейка ужаснаго вида.

— Это куда?—спросилъ я у пассажира въ казинетовомъ пиджакѣ.

— На Кадниковъ.

— Далекъ отсюда?

— Верстъ десять.

— Хорошая дорога?

— Кто какъ привыкъ. Если кто попрочнѣе, ничего-съ... А то бокамъ достанется.

Рабанга на Сухонѣ.

— Отчего поудобнѣ экипажа не заведутъ? Сколько же мѣстъ?

— Кажется, восемь.

— А куда же багажъ?

— Особливо много нельзя-съ... Подводу бери... Вы говорите, отчего лучше нельзя экипажъ... Оно, извѣстно, можно... Да гдѣ же стойцику обдумать это, если и умнѣй которые, а тоже ничего подобнаго въ соображеніе не принимаютъ!

Незнакомецъ выражался витіевато.

— Вы это про что?—спросилъ я.

— А хотя бы на счетъ господъ инженеровъ... Дорога до Архангельска проводится... А Кадниковъ и другія жилия селенія ободнены, въ сторонѣ, значитъ. По безлюднымъ пустынямъ, можно сказать, путь-то идетъ. Это для чего же-съ?

— Почва неудобная!..

— Да тамъ-съ еще хуже... А все-таки по худой-то землѣ и идетъ путь... Изволите видѣть: даже Семигородная пустынь обижена... Что вы скажете на это?

Отвѣтить не легко. Нареканій много на дорогу, т.-е. на ея строителей.

— Жаль, что дорога узкоколейная,—сказаль кто-то.

Да, это жаль. Потомъ все равно придется ее мѣнять на широкую, какъ и вологодско-ярославскую. Говорять: пока нѣтъ моста черезъ Волгу — къ чему ширококолейная. Да пора давно и мостъ выстроить. Деньги найти можно. Вѣдь онѣ находятся на потребности менѣе важныя, даже совсѣмъ призрачныя и фантастическія.

— Какое невзрачное село,—замѣтилъ я, помолчавъ.

— Сѣро живутъ здѣшніе мужички,—отвѣтилъ незнакомецъ... — Далеко отъ столицъ, глушь. Ну, зато народъ проще, не такой прожженный...

— Бѣдны, должно быть?

— А гдѣ нонѣ богачи? Развѣ что кулаки... Деревня расползается.

— Какъ расползается?

— Да какъ платье по швамъ, такъ и она. Смотрѣть за нею некому.

— Мнѣ кажется, это невѣрно...

— Народу-го, зрителей то-есть — дѣйствительно немало. Да у семи нянекъ дитя безъ глазу... Особливо если дитя чужое, не свое... Что за корысть!

Я посмотрѣлъ на знакомаго и спросилъ его:

— Вы откуда?

— Дальній... Вотъ и поѣхали, — прибавилъ онъ, указывая на дилижансъ...

Лошади трусили, хотя ямщикъ и настегиваль ихъ изъ всей силы.

— Гонимъ не кнутомъ, а овсомъ, — промолвилъ незнакомецъ и направился въ третій классъ. На ходу онъ раскланялся съ однимъ изъ тѣхъ, съ которыми мы пили чай въ каютѣ.

— Кто это?—обратился я къ пассажиру.

— Изъ мужичковъ... только теперь къ мѣщанству приписанъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Да въ конторѣ въ Москвѣ, по части отправки грузовъ... Бдетъ къ домамъ, повидать родителейъ.

Мы стали отчаливать. Я не пошелъ въ каюту и остался на палубѣ. Вскорѣ за Рабангой показался заводъ Соколова съ пристанью. Живописное мѣстечко. Заводъ строится для выдѣлки бумаги изъ дерева. Такъ какъ для постройки завода негдѣ достать по близости кирпича, то онъ дѣлается на мѣстѣ. На берегу сложены штабели готоваго кирпича.

Почти сейчас же за Соколовским заводом—деревня Карпово, лежащая возлѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Сухону.

Началась выгрузка бочекъ. Разъ, двѣ, три, четыре... восемь...

— Да съ чѣмъ же это? — спросилъ я у старика, стоявшаго на берегу.

— Съ водкой.

— Куда же столько?

— Нешто рабочиыхъ мало? Желѣзнодорожные, съ Соколовскаго завода опять... Сагиновъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Кто такой Сагиновъ?

— А чья земля... Раньше Понгову принадлежала, а у него Сагиновъ за 5.000 купилъ... Кабакъ, стало, и торговля.

— Значить, что добудутъ рабочіе, все и пропьютъ?

— Ужъ это какъ есть!..

— Скверно.

— Не пей, коли не хочешь... А торговцу что за дѣло... Ему бы барышъ былъ...

«Деревня расплзается»,—вспомнились мнѣ слова мѣщанина. И никому нѣтъ до нея дѣла. Мужикъ пропиваетъ не только здоровье, но и совѣсть. Кому это больно? Кому дорого «чужое дитя»? Баринъ бѣжитъ изъ деревни, предпочитая землѣ службу, чиновникъ— всегда только чиновникъ. А Колупаевы, не друзья деревни. Это— хищники. Одна надежда на хорошую школу и церковь. И здѣсь большое «но». Хорошо жить на дачѣ, ни о чемъ не думая, ни на что не обращая вниманія. А жить въ деревнѣ, вникать въ ея условія, задумываться объ ея судьбѣ— невыносимая мука для того, кто любитъ родину, у кого въ груди бьется не индифферентное космополитическое сердце...

Двѣ вѣтряныя мельницы подошли почти къ самому мосту и словно застыли въ удивленіи. Мостъ воздушной стройки и очень красивъ.

— Этогъ и ползетъ?

— Да, если правду только говорятъ газеты, — отвѣтилъ адвокатъ.

— Ползъ,—поправилъ стоявшій невдалекѣ купецъ,—а теперь, слышно, укрѣпили...

— Дай Богъ!

— Сильна русская троица: «авось, небось и какъ нибудь!» Ее исповѣдуютъ не только мужички, а и всѣ мы...

— Это и плохо!

— На томъ и Русь стоитъ. «Земля на трехъ китахъ»... Если не вся, то Русская земля несомнѣнно на трехъ китахъ: авось, небось и какъ нибудь...

Мы прошли подъ мостомъ. Впереди видѣлась деревенька Юнца, небольшая, но красивенькая... Мы плыли ровно, не торопясь, оста-

навливались довольно часто. Деревеньки попадались одна за другою. Вотъ Борокъ, Шатровово, Бохтюга (въ сторонѣ), Клыжево и дер. Паротино, гдѣ лѣсопильный заводъ Бѣляева. Это—цѣлый городокъ, кипящій жизнью. Заводскія зданія—каменные, громадныя. Кругомъ масса заготовленнаго матеріала. На рѣкѣ тѣснота отъ барокъ и плотовъ.

На берегъ высыпали парни и дѣвки, работающіе въ заводѣ.

— Ишь, сколько ихъ, красавиць! Покупай на гривну, пару дадутъ!—острилъ матросъ.

— Какъ здѣсь рабочая плата?—полюбопытствовалъ я.

— Дешевая... Работы иной нѣту. А дѣвкамъ деньгà нужна...

— Почему дѣвкамъ? Тѣсть всѣмъ надо.

— Имъ нешто на хлѣбъ? Имъ на наряды... Избаловались нонѣ... Одѣваются, какъ городскія...

— Иная прочая даже курсеть носить!

— Стегать бы ихъ!—сказалъ старый матросъ сердито.

— За что?

— А не балуйся!.. Въ избѣ-то стеколъ нѣту, корова безъ корму, а то и коровы нѣтъ, а ей подавай наряды...

Вездѣ это горе. Потянулась деревня за городомъ, «да не въ ту сторону», по выраженію одного лейкинскаго героя. Именно «не въ ту».

Когда мы, отчаливъ отъ пристани, завернули за мысъ, адвокатъ сообщилъ мнѣ, что «скоро и шлюзъ».

— Значить и озеро?

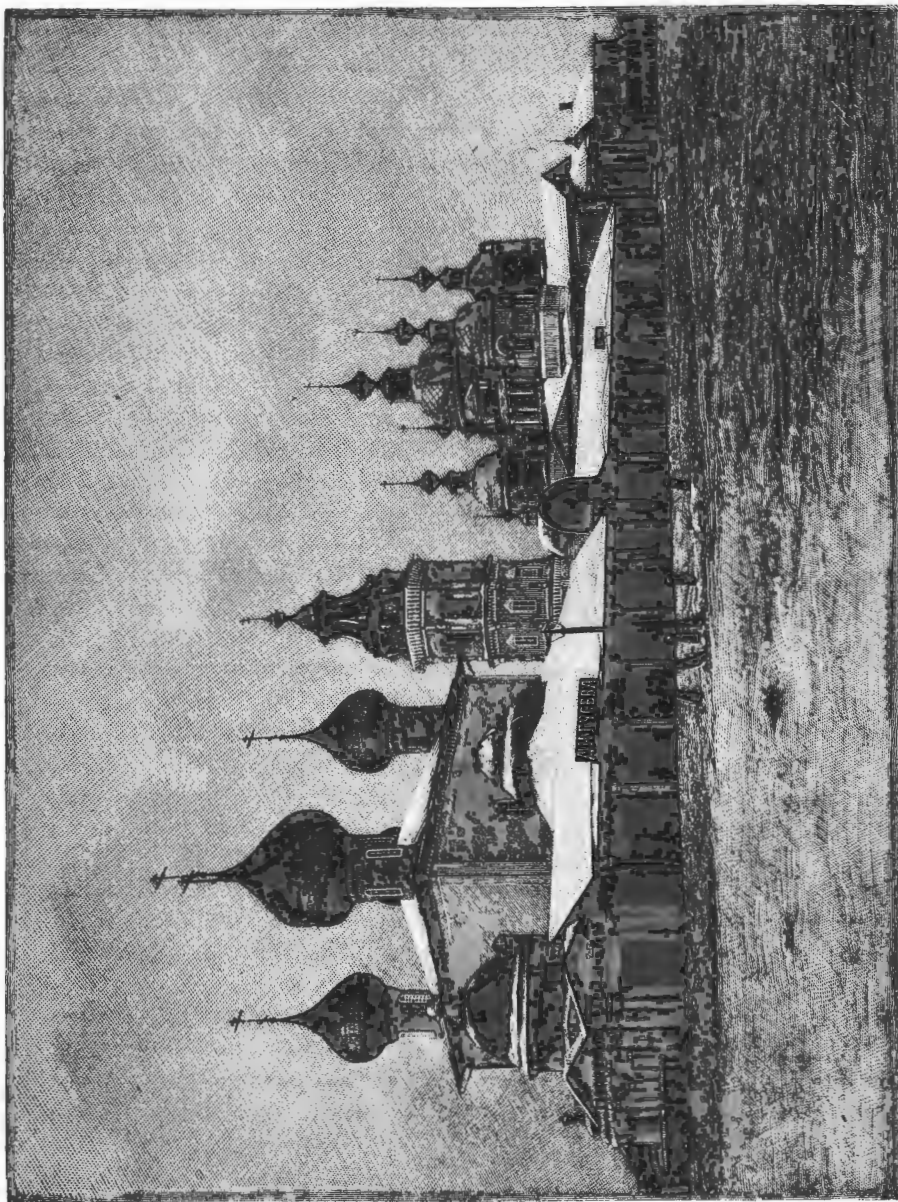
— Да, отъ шлюза до озера всего восемь верстъ.

V.

«Знаменитый» шлюзъ. — Святая Лука и Шерра. — Кубенское озеро. — Опасность плаванія по озеру.—Изъ прошлаго.

Мы медленно приближались къ шлюзу. Ворота его уже были распахнуты. Пароходъ вошелъ, и мы очутились въ небольшомъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, облитые лучами показавшагося солнца. Сдѣлалось душно. Мы были словно взяты въ плѣнъ этими людьми, стоявшими по сторонамъ шлюза. Пылкая фантазія могла нарисовать что угодно. Глубокая тишина нарушалась только карканьемъ воронъ, гнѣзда которыхъ густо усѣяли деревья бульвара по бокамъ шлюза. Сторожъ, имѣвшій видъ угрюмаго тюремщика, «поѣхалъ» на закрывавшихся воротахъ, стоя на придѣланномъ къ нимъ балкончикѣ. Онъ заперъ ворота, перешелъ на балкончикъ вторыхъ воротъ, отперъ ихъ и опять «поѣхалъ». Нашъ пароходъ занялъ почти всю камору.

Открылись ворота, и мы вышли на «вольную воду».

Село Кубенское.

Надѣво отъ насъ виднѣлась на устьѣ Сухоны плотина, преграждающая естественное теченіе рѣки. Шлюзъ, называющійся Знаменитымъ, и плотина устроены въ 1834 году съ цѣлью удержать воду озера на высокомъ горизонтѣ. Между тѣмъ, послѣ такого сооруженія вода въ Сухонѣ и въ озерѣ значительно упала противъ прежняго. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? По словамъ мѣстныхъ жителей, до построения Знаменитаго шлюза вода уходила изъ озера и, подпираемая водами рѣкъ Вологды и Лежи, разливалась по лугамъ, оставляя на нихъ иль, и потомъ стекала чистою; теперь же она производитъ осадки на днѣ озера.

— Вѣрно ли это объясненіе?—спросилъ я у старика, жителя села Устье.

— Оно точно, пожалуй,—отвѣтилъ устьянецъ.—Но главная бѣда отъ безлѣсицы. Когда лѣса-то окружные были въ сохранности, снѣгъ въ нихъ таялъ исподоволь, и бѣжали въ озеро ручьи тихіе да приточки. А теперь и не то. Снѣга таютъ быстро, вода катится въ озеро бурно, отъ береговъ-то отмывается земля и заваливаетъ дно въ озерѣ. Надо бы беречь Божье добро разумно, а мы лѣса дремучіе измотали, вотъ и озеро страдаетъ изъ-за этого.

Шерра—сѣренькая деревенька, съ плохими домишками. Ея имя извѣстно, благодаря лѣсопильному заводу, стоящему возлѣ нея. Убогая деревянная часовенка, прилѣпившаяся къ двумъ домишкамъ, наводитъ на невеселыя думы. Вѣдны ли жители, или «имъ все равно»? Хотя бы заводъ пришелъ на помощь. Или и ему все равно, и часовня, построенная еще тогда, когда люди «кое-что помнили», скоро совсѣмъ разрушится? Герценъ, стоя передъ миланскимъ соборомъ и изумляясь тому, что столько денегъ ухлопано на постройку собора, пришелъ къ слѣдующему выводу: люди охотно жертвуютъ на то, что имъ совсѣмъ не нужно. А что нужно? Неужели то, что можетъ удержать деревню отъ «расползанія»,—лишнее въ жизни?

За Шеррой идетъ большая коса, далеко вдавшаяся въ воду; это—Святая Лука, на которой стоитъ церковь во имя евангелиста Луки. Около церкви церковный домъ, и больше никакихъ жилыхъ строеній. Храмъ стоитъ одиноко среди зелени. Село того же названія въ сторонѣ. Это мѣстечко Сухоны въ срединѣ жаркаго лѣта такъ пересыхаетъ, что по дну рѣки можно ѣхать въ телѣгѣ съ большимъ возомъ.

Мы приближаемся къ озеру. Здѣсь Сухона довольно широка, и глазъ не сразу замѣчаетъ, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ озера. Слева вдали виднѣется село Кубенское, широко разсѣвшееся и окутанное зеленью. Блѣдуютъ храмы, вѣнчанные золотыми крестами. Издали живописное село кажется прелестнымъ уголкомъ. Въ моей памяти воскресаютъ далекіе юные годы, когда я гащивалъ въ этихъ мѣстахъ, катался по озеру.

Въ длину озеро 60 верстъ, а въ ширину отъ 5 до 10; оно имѣетъ продолговатое очертаніе и прилегаетъ западнымъ и южнымъ

берегами къ Вологодскому уѣзду, а сѣвернымъ къ Кадниковскому. Озеро окаймлено террасообразною возвышенностію, идущею отъ него на разстояніи 15 верстъ. Пространство между озеромъ и возвышенностію заливается весенней водою и называется на мѣстномъ языкѣ «поймою». Дно озера почти вездѣ песчаное, значительная его часть поросла разными водяными растеніями, осокою, кувшиниками и различными породами потамогентовъ, которые являются пищей и убѣжищемъ рыбному молодежнику.

«Кубенское озеро—не море, а плавать по немъ горе»,—говорятъ крестьяне. Дѣйствительно, плаваніе по озеру на судахъ сопряжено съ большою опасностію. Много жизней человѣческихъ погребено на двѣ маленькаго бурнаго озера. Плоскіе безлѣсные берега не препятствуютъ разгулу вѣтра, и бури на озерѣ частыя. Судамъ негдѣ укрыться отъ бурь. Дно узкаго фарватера усыяно мелями, встрѣчаются каменные гряды. Не забыть мнѣ гибели рыбаковъ, которыхъ я зналъ лично. Это было много лѣтъ тому назадъ. Пять человѣкъ на маленькомъ баркасѣ отправились на озеро, чтобы свезти рыбу перекупщикамъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и всѣ надѣялись, что благополучно возвратятся назадъ. Но вдругъ набѣжали тучи, взволновалось озеро, и во тьмѣ, охватившей окрестность, все сильнѣе и чаще стали раздаваться удары грома: яркая молнія, пронизывая тьму, лишь на мигъ освѣщала клокочущее озеро и черное необъятное небо. Тщетно ждали рыбаки, что скоро утихнетъ: буря продолжалась съ тою же силою. Тяжело нагруженный баркасъ могъ легко потонуть, и было рѣшено пожертвовать для своего спасенія грузомъ. Жертва не принесла пользы. Лодку кидало и захлестывало. Рыбаки держались. Вдругъ что-то треснуло. Баркасъ попалъ на мель. Не прошло и минуты, какъ баркасъ уже лежалъ на боку. Два рыбака упали въ воду. Одинъ успѣлъ спастись, но другой потерялся во тьмѣ, и его унесла волна. Гроза не прекращалась. Дождь усиливался. Рыбаки кое-какъ держались за бортъ и мачту, на которой парусъ уже былъ сорванъ. Валы такъ и хлестали о баркасъ, такъ и набѣгали на него; картина—ужасная. Съ каждой минутой силы измѣняли рыбакамъ. Они съ отчаяніемъ глядѣли во тьму, прислушивались къ реву волнъ. Вдругъ раздался сильный раскатъ грома, рѣзнула молнія, и набѣжалъ валъ. Онъ захлестнулъ баркасъ и снесъ въ воду обезсиленныхъ рыбаковъ. Вѣтеръ заглушилъ крики несчастныхъ. Изъ всѣхъ спасся только одинъ, которому удалось болѣе получаса продержаться на водѣ, ухватившись за обломокъ мачты. Волна выкинула его на берегъ.

Этотъ случай—только одинъ изъ многихъ. Но повторяющіяся несчастія не ослабляютъ отваги въ людяхъ, и прибрежные жители пускаются въ озеро не только на карбасахъ и большихъ лодкахъ, но и на своихъ «лодчонкахъ», въ которыхъ мы съ вами побоимся ѣхать и по рѣкѣ въ вѣтряную погоду.

VI.

Рыболовные промыслы на озерѣ.

Нельзя обойти рыбныхъ промысловъ, которые служатъ большою доходной статьей для приозернаго населенія. Но я коснусь этого кратко, пользуясь, кромѣ своихъ юныхъ воспоминаній, и данными, почерпнутыми мною изъ мѣстныхъ источниковъ, заслуживающихъ полного довѣрія.

Озеро очень богато рыбою, благодаря благопріятнымъ условіямъ, къ числу которыхъ относится разнообразный характеръ выдающихся въ него рѣкъ.

Въ озерѣ водятся: окунь, ершъ, налимъ, сигъ, щука, сорога и— чѣмъ особенно славится озеро—нельма. Небольшая рыба этой породы, называемая нельмушкой, водится исключительно только въ Кубенскомъ озерѣ и нигдѣ болѣе. Не особенно давно, лѣтъ тридцать всего тому назадъ, стала попадаться стерлядь. По рассказамъ рыбаковъ разводу стерляди въ озерѣ помогъ случай. Однажды везли въ пловучемъ садкѣ въ Петербургъ двинскую стерлядь. Садокъ разбился, и послѣ этого стерлядь появилась въ озерѣ.

Ловъ рыбы производится артельно. Артель избираетъ себѣ хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами артели: назначаетъ мѣсто и время лова, продаетъ пойманную рыбу и дѣлитъ деньги поровну между участниками предпріятія.

Когда озеро, вскрывшись ото льда, разольется по лугамъ и лѣсамъ сѣверо-восточнаго берега, и рыба пойдетъ метать икру въ затопленные мѣста, разставляются верши на расчищенныхъ дорожкахъ въ неводномъ лѣсу. Это—ловля по тропкамъ. Верши ставятся отверстіемъ противъ отверстія, на разстояніи саженъ трехъ одна отъ другой, и соединяются сѣтчатою перегородкою, которая дѣлитъ отверстіе той или другой верши на двѣ равныя половины. Этимъ способомъ ловли, очень дешевымъ, занимаются даже и тѣ, которые въ другое время года не рыбачатъ. Ловятъ рыбу также вересчанками, которыя ставятся на неглубокихъ мѣстахъ озера. Вересчанки обтыкаются или обкладываются можжевельникомъ, для того чтобы скрыть сѣтъ и въ вѣрномъ предположеніи, что рыба охотно идетъ къ кучамъ вѣтвей; толпясь около вершъ, она попадаетъ внутрь верши-вересчанки черезъ воронкообразное горло, не выпускающее обратно своей добычи.

Ловятъ еще батальницами и, когда вода спадетъ, сѣтями, которыми ловятъ рыбу и въ зимнее время.

Къ Петрову дню (29 іюня) всякій ловъ прекращается, потому что крестьянъ отвлекаютъ отъ озера полевая работа. Съ Ильина дня (20 іюля) начинается ловъ молодого подроста, только что выведен-

наго весною. Въ дѣло идутъ мутники. Такъ какъ озеро мелко, то мутниками ловятъ не только около берега, но и на срединѣ озера. Ловцы отправляются на лодкѣ по двое, выбираютъ удобное мѣсто, бросаютъ якорь, выматываютъ мутникъ и тянутъ его, какъ неводъ, захватывая за одинъ разъ до пуда и болѣе мелкоты разныхъ породъ. Это страшно вредный способъ ловли, потому что уничтожаетъ массу рыбы, не успѣвшей еще подрости. Прежде ежегодно вылавливалось до милліона пудовъ мелкой рыбешки. Нынѣ, послѣ запрещенія ловить подростка, его добываютъ уже значительно меньше, потому что дѣло ведется осторожно и не такъ широко, какъ раньше.

— А все-таки ловятъ?—спрашивалъ я.

— Ловятъ.

— Развѣ не понимаютъ вреда?

— Ну, что тамъ еще будетъ, а теперь выгодно... Всякій сегоднешнимъ днемъ живетъ...

Мы не только въ одномъ этомъ случаѣ забываемъ о «завтрашнемъ днѣ».

Во время лова рыбаки живутъ на берегу, въ построенныхъ для этой цѣли избушкахъ. Это—рыбачьи станы. Избушки раскинуты на большое пространство и находятся близко одна къ другой. Въ каждой такой избушкѣ, вдоль всей стѣны, противоположной входу, устроена печь, вѣрнѣе—рядъ печей, раздѣленныхъ между собою перегородками. Въ вышину и ширину печь—около трехъ четвертей аршина, а въ глубину аршина два. Полъ печи покатъ къ устью. Передъ печами—платформа, на которую выгребаются уголья, послѣ того, какъ печи достаточно накалятся. Когда выгребутъ уголья изъ печей—ихъ замечываютъ, и кладутъ въ нихъ рыбешку, предварительно усыпавъ кирпичный «подъ» пескомъ для того, чтобы рыбешка не пригорѣла. Высохшую рыбешку складываютъ въ мѣшки и продаютъ на вѣсъ подъ именемъ суща. Изъ суща варятъ щи, супъ, его ѣдятъ съ квасомъ, жарятъ съ картофелемъ и лукомъ. Щи изъ суща—прекрасные, да и селянка—очень вкусная. Для бѣднаго люда—это незамѣнимое кушанье, благодаря своей питательности и относительной дешевизнѣ. Много суща идетъ на монастырскія трапезы и въ плотничьи артели.

Существуетъ еще лученіе рыбы. Но это уже болѣе спортъ, и ему предаются любители. Лучать рыбу, т. е. бьютъ ее острогой, при поэтической обстановкѣ... Выѣзжаютъ на лодкѣ въ темную ночь, привинтивъ къ носу лодки лучильникъ (желѣзную корзину, наполненную смольемъ), и ѣдутъ медленно, безъ плеска. Смолье горитъ, освѣщая путь, а острогарь—весь нимаіе—стоитъ и пристально смотреть въ воду, выжидая момента, чтобы вонзить острогу въ спящую рыбу.

Для истаго рыболова лученіе—настоящій праздникъ.

VII.

Въ озерѣ.—Картинки.—Устье.—Устьянская повелла.—Веселый звонъ.—У монастырской пристани.

«Кубина» медленно подвигалась впередъ, разсѣкая волны озера. Вода скрадываетъ разстояніе, и озеро кажется очень маленькимъ, въ видѣ широкой рѣки, потому что все время видны его берега.

Тихо сдѣлалось на озерѣ. Я стоялъ на палубѣ и любовался картинками. Словно точки, мелькали рыбацьи лодки; монастырскія главы ясно вырѣзывались на голубомъ небѣ. На горизонтѣ впереди вода сливалась съ небомъ. Виднѣвшіеся берега, покрытые зеленью, густо населены. То тамъ, то здѣсь — деревни, села съ церквями. Вотъ—Песочное, расположенное на холмѣ и видное, какъ на ладони. Ярко блестятъ кресты и главы на церквяхъ. Мирная красота сельскаго пейзажа чаруетъ взоры и улаживаетъ душу... Чтобы не отравить этихъ минутъ, не надо думать объ оборотной сторонѣ медали, слѣдуетъ забыть о всѣхъ язвахъ сельской жизни, превращающихъ элегію въ драму и мѣшающихъ отдыху современнаго человѣка, бѣгущаго изъ города въ родныя веси.

— Будете чай пить еще?—крикнулъ мнѣ адвокатъ, проходя въ рубку.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и остался на палубѣ.

Мнѣ не хотѣлось отвести глазъ отъ чуднаго ландшафта.

Монастырь какъ бы осѣлъ немного, но скоро начинаетъ возвышаться все болѣе и болѣе, и наконецъ кажется уже стоящимъ на небѣ. Стараясь объяснить эту иллюзію, я пришелъ къ заключенію, что она получается вслѣдствіе отраженія монастыря въ водѣ. Говорятъ, что во время ледохода монастырь кажется плывущимъ вмѣстѣ со льдомъ.

На правомъ берегу озера теряется въ зелени монастырь Александра Куштскаго (на рѣкѣ Куштѣ), находящійся подъ вѣдѣніемъ игумена Спасокаменнаго монастыря. За нимъ—Лысая гора и большое богатое село Устье, на правомъ берегу рѣки Кубины, входившее въ составъ Заозерскаго княжества. Говорятъ, что еще въ 30—40 годахъ виднѣлись какія-то развалины древнихъ построекъ, гдѣ въ старину жили князья. Не могу сказать, сколько правды въ этихъ словахъ. Устье славится лѣсопильными заводами и издѣліями изъ рога. Это бойкій уголокъ Заозерья. Устьяне еще задолго до 19 февраля 1861 года хотѣли выкупиться, но сдѣлать имъ этого по разнымъ причинамъ не удалось, и они стали вольными, благодаря царю-освободителю.

— Вотъ тамъ и наше Устье родимое,—промолвилъ высокій шаптеъ, въ длинномъ сюртукѣ и въ характерномъ русскомъ картузѣ.

Вблизи, кромѣ меня, никого не было, и я отвѣтилъ, обращаясь къ устьянцу.

— Да, славный уголокъ!

— А вы изволили быть?

— Очень давно, еще учась въ гимназіи. Хочу снова завернуть.

— Стоить! Сельцо хоть куда... Дома какіе... Въ базарный день если—такъ стойно городу, совсѣмъ даже-съ, какъ въ городѣ...

— Ладно, расхваливай свое Пошехонье!—произнесъ купецъ, недовольный отсутствіемъ за границей «русской свободы».

— Почему Пошехонье?—обратился я съ вопросомъ къ подошедшему къ намъ человѣку «съ широкой натурой».

— Да вы читали о похиженіяхъ пошехонцевъ?

— Такъ что же?

— И устьянцы не умнѣй!

— Что вы: устьянецъ—человѣкъ смысленый, дѣльный.

— Вотъ, вотъ, вѣрно!—поддакнулъ радостно пассажиръ въ длиннополомъ сюртукѣ.

— Дѣльный? А знаете, какъ устьянецъ солдата за колдуна принялъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ! не выдумка, а истинная правда... всякъ знаетъ... Рассказать вамъ?

— Пожалуйста?

— Умора и только... Рубилъ, изволите видѣть, устьянецъ дрова въ лѣсу. Сидитъ на деревѣ, да на самомъ сучкѣ, и ну его подрубить. Идетъ мимо солдатъ, увидѣлъ и говоритъ: вѣдь ты, говоритъ, упадешь. Вотъ еще что выдумалъ, отчего упаду... не упаду! И рубить себѣ опять. Ну, подрубилъ, да вмѣстѣ съ сучкомъ и бухъ на землю. Ишь ты, чортъ, воскликнулъ мужикъ: вѣдь солдатъ-то узналъ, знать, онъ колдунъ. Постой, я его попытаю. Побѣждалъ устьянецъ за солдатомъ, догналъ его. «Служивый, а служивый!»—Что тебѣ?—«Угадай,—сколько у меня коровъ? угадаешь—обѣ твои!» Солдатъ улыбнулся и говоритъ—двѣ! Тутъ ужъ умница устьянецъ совсѣмъ изумился. Экій человѣкъ: все знаетъ! Надо отдать. Пошли до дому. «Ну, жена, давай коровъ». — Зачѣмъ?—«Солдату отдай»... Это за что ему?—«Да все знаетъ... уговоръ былъ такой». И рассказалъ женѣ. А та оказалась умнѣй мужа, и давай его ругать. Ха, ха, ха!.. Вотъ они какіе умницы!

— Все это сплетки, выдумки!—сказалъ устьянецъ обиженнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не выдумки, а правда!

Уже по возвращеніи изъ монастыря я натолкнулся на очерки Устья, принадлежащіе перу Н. О. Бунакова, и нашелъ въ его этюдѣ нѣсколько устьянскихъ бывальщинъ, въ числѣ которыхъ и вариантъ о солдатѣ-колдунѣ. Эти новеллы, конечно, нисколько не

свидѣтельствуеть о глупости устьянца, а характеризуютъ его, какъ остроумнаго юмориста, осмѣивающаго несообразительность, видящаго идеаль въ смышленности и практичности.

Пароходъ нашъ приближался къ острову. Монастырь опять началъ опускаться въ воду, и затѣмъ вдругъ предсталъ взорамъ во всей своей красѣ. Островокъ такъ малъ, всѣ постройки расположены такъ близко къ водѣ, что онѣ кажутся стоящими на самомъ озерѣ, надъ которымъ островъ возвышается очень немного.

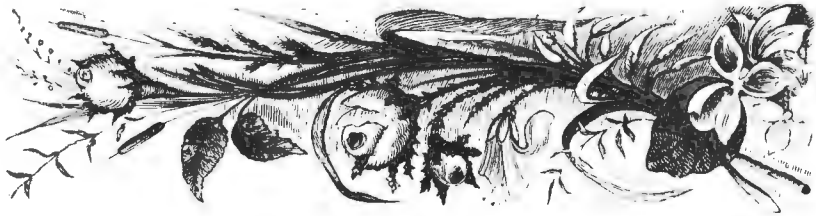
«Кубина» дѣлаетъ поворотъ къ монастырской пристани. Въ этотъ мигъ на монастырской колокольнѣ раздается веселый звонъ, которымъ всегда привѣтствуются прибывающіе богомольцы... Далеко несется по водѣ звонъ — веселый, радостный, радостно дѣлается на сердцѣ, и благоговѣнно осѣняешь себя крестнымъ знаменіемъ... А въ памяти возстають рассказы о далекихъ временахъ, когда этотъ островокъ былъ еще единственнымъ маякомъ православія въ краю, окутанномъ туманомъ языческаго лжеученія.

— О Господи!.. Угодничекъ Божій, Юсафъ Преподобный!.. шепчетъ старуха-богомолка, и глаза ея увлажняются слезами умиленія... Свистокъ... Звонъ смолкъ. Мы подошли къ пристани.

А. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТНИКЪ РУССКИМЪ ВОИНАМЪ ВЪ ДАНЦИГЪ ¹⁾.

ГОРОДЪ ДАНЦИГЪ, объ основаніи котораго нѣтъ ясныхъ историческихъ данныхъ, является къ концу X вѣка уже въ цвѣтущемъ состояніи, могущественнымъ и главнымъ городомъ верхней Помераніи. Адальбертъ, епископъ Прагскій, проповѣдывалъ здѣсь христіанство въ 997 году по Р. Х. Померанскій герцогъ Субиславъ въ 1185 году построилъ вокругъ Данцига, называемаго тогда Гиданицкъ (Gudaniçz — Гданскъ), крѣпкія стѣны. Въ 1221 году Данцигъ подпалъ подъ власть короля Вольдемара II, но уже въ 1225 году онъ снова былъ возвращенъ подъ власть Помераніи герцогомъ Свантополкомъ III, который, чтобы обезопасить

¹⁾ Данцигъ — главный городъ и второклассная крѣпость провинціи Западной Пруссіи — до сихъ поръ одинъ изъ важныхъ торговыхъ городовъ: ввозъ въ него достигаетъ 80 милліоновъ марокъ, вывозъ до 160 милліоновъ марокъ, а общій денежный оборотъ до 660 милліоновъ марокъ. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу мертвой Вислы (вслѣдствіе постоянныхъ наводненій, Висла отведена въ море за нѣсколько верстъ выше города); съ западной стороны его защищаютъ значительныя возвышенности (Hagelsberg и Bischofsberg), а съ остальныхъ сторонъ онъ окруженъ цвѣтущими лугами и полями. Глубина Вислы въ городѣ достигаетъ 5 метровъ, что даетъ возможность огромнымъ морскимъ судамъ входить въ центръ города. Самый городъ, окруженный предместьями: Альбрехтъ, Старая Шотландія, Шидлицъ и др., раздѣляется на четыре части, которыя прорѣзываются Вислой, Радауномъ и многочисленными каналами, что даетъ поводъ къ названію Данцига «Нѣмецкой Венеціей». Архитектура построекъ довольно различна: она сохраняетъ средневѣковый характеръ, но соединяетъ вмѣстѣ съ нимъ итальянскую и португальскую архитектуру. Эта архитектура — своего рода характеристика данцигскаго бюргерства, создавшаго величіе города. На верфяхъ Данцига ежегодно заняты 5 тысячъ рабочихъ. Не бѣденъ Данцигъ просвѣтительными и благотворительными учрежденіями и учеными обществами; но желающаго подробнѣе ознакомиться съ ними мы отсылаемъ къ ниже цитруемымъ источникамъ: Гралатъ,

городъ отъ набѣговъ пруссовъ, штурмовавшихъ городъ въ 1225 году, пригласилъ для помощи нѣмецкій рыцарскій орденъ. Его сынъ, Мествинъ II, враждовавшій съ своимъ братомъ, призвалъ противъ него бранденбургцевъ, которые и заняли Данцигъ; но Мествинъ II выгналъ ихъ оттуда въ 1271 году и снова завладѣлъ Данцигомъ. Послѣ Мествина II не осталось мужского потомства, и Данцигъ послѣ большихъ смуть подпалъ подъ власть польскаго короля Пржемыслава II (Przemyslaw), а послѣ его смерти († 1296) подъ власть его наслѣдника, Владислава Локѣтека, снова призвавшаго на помощь противъ Бранденбурга нѣмецкій рыцарскій орденъ. Маршалъ Бранденбургскій былъ дважды разбитъ; нѣмецкій орденъ занялъ городъ и удержалъ его, какъ собственность (1309 года), такъ какъ ему не было уплочено обѣщанное за помощь вознагражденіе, и польскій король Казимиръ III, по договору въ Калишѣ (1343 года), долженъ былъ формально уступить Данцигъ рыцарскому ордену. Несмотря на всѣ эти войны, Данцигъ быстро возвышался, достигъ пвѣтущаго состоянія и вступилъ въ Ганзейскій союзъ (1358 года). Въ концѣ XIV вѣка, Данцигъ былъ уже настолько силенъ, что велъ самостоятельно, въ союзѣ съ Даніей, войну со шведами, а въ XV вѣкѣ онъ совершенно освободился отъ власти рыцарской и сталъ подъ защиту польскаго короля Казимира IV (1454 года), причемъ Данцигъ, согласно привилегіи (Privilegium Casimirianum), сдѣлался вольнымъ городомъ, имѣлъ своихъ чиновниковъ, свой судебный кодексъ («Danziger Willkür»), былъ свободенъ отъ всѣхъ пошлинъ, имѣлъ свое войско и пользовался правомъ объявлять войну, заключать миръ и вступать въ дипломатическія сношенія съ другими государствами. Въ 1523 году, Данцигъ ввелъ у себя реформацію, недовольный интригами католическихъ епископовъ, испорченностью монаховъ и фанатизмомъ священниковъ, и Лютеръ, призванный для проповѣди въ Данцигъ, поставилъ здѣсь перваго пастора, Іакова Кнаде.

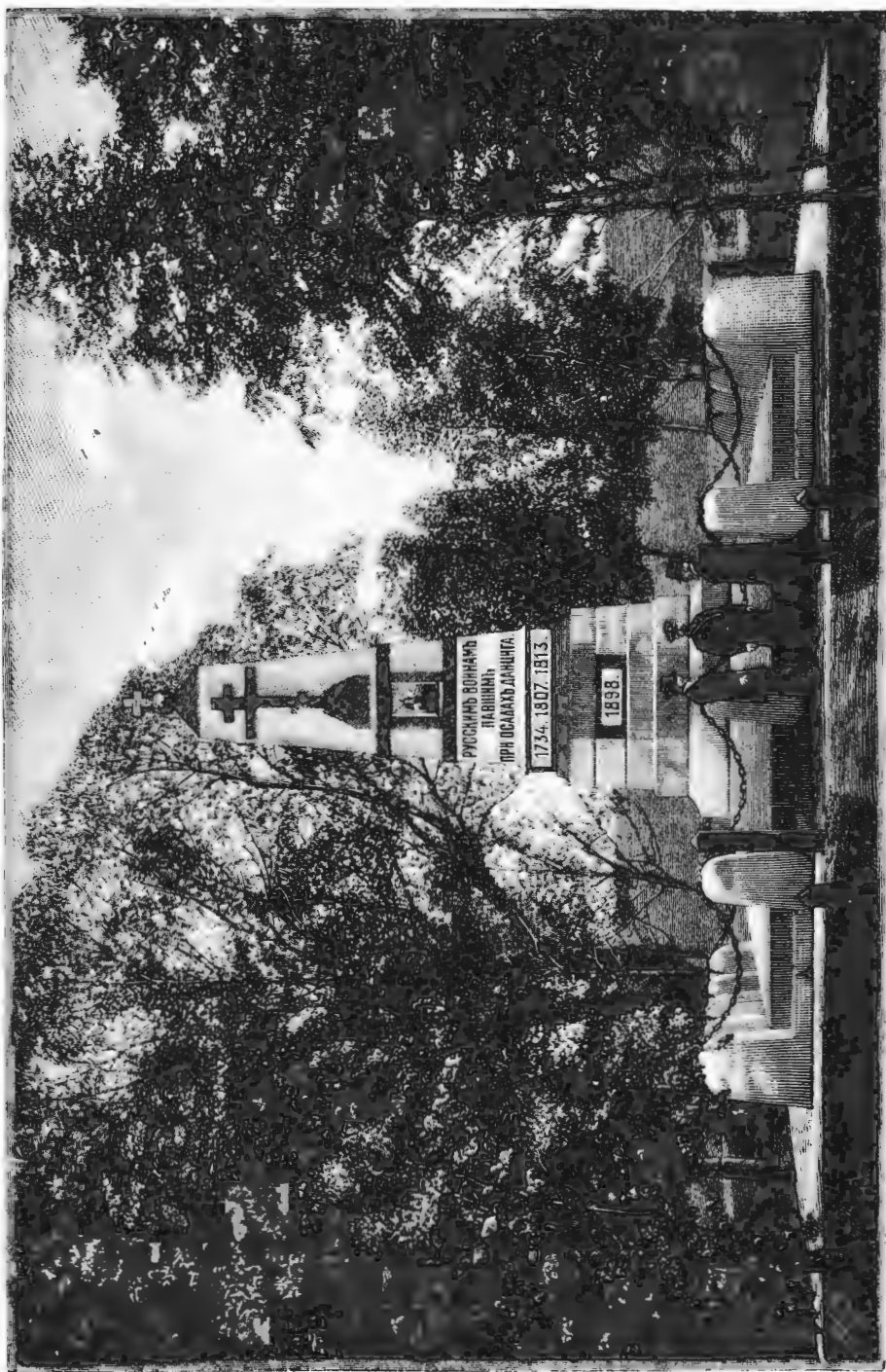
Но если суверенитетъ Польши надъ Данцигомъ много способствовалъ возвышенію его, то онъ же былъ и причиной страшныхъ бѣдствій Данцига. Шведско-польская война привела Данцигъ въ печальное состояніе. При колебаніи военнаго счастья городъ былъ постоянно занимаемъ то шведами, то русскими, подвергался не только

Исторія Данцига, vol. 3, Königsberg, 1789 — 1792. Лѣшницъ, Ист. Данц., Danzig, 1822. Вистуланусъ, Ист. гор. Д., Д., 1891. Квинбургъ, Ист. осады и блокады Д. съ древн. временъ. 1808. Влехъ, Ист. семилѣтн. страдан. гор. Д. 1815. Защита Д. въ 1813 г. Военные докум. г.-л. Кампредона. Paris. 1888. Гиршъ, Ист. торговл. и пром. Д. подъ владыч. нѣм. ордена. Leipzig, 1858. Шульцъ, Данцигъ и его постройки. Berlin, 1873. Врандшгетеръ, Страна и люди округа Данцигъ, Д., 1879. Данцигъ въ естественно-научномъ и медицинск. отношеніи, Д., 1880. Пютнеръ, Д., бывшій свободный имперскій торговый городъ, нынѣ главный городъ провинціи Западной Пруссіи, Д., 1894, и мн. др.

разграбленію, но платили огромную контрибуцію и прекращали совершенно морскую торговлю, пока не заключенъ былъ миръ въ Оливѣ въ 1660 году. Въ сѣверную войну, которую вели Карлъ XII и Петръ Великій въ союзѣ съ Польшей и Даніей, вся область Данцига подверглась новому бѣдствію. Шведы высадились въ Путцигѣ, и Карлъ XII чрезъ графа Штенбока поставилъ Данцигу ультиматумъ сдаться, въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ разрушить городъ, превратить его въ гнѣздо совъ и все, что останется отъ этого разрушенія, отправить въ Швецію. За каждый часъ промедленія онъ назначилъ штрафъ въ 1.000 талеровъ. Данцигъ медлилъ 67 часовъ, но долженъ былъ уступить силѣ: онъ заплатилъ 67.000 талеровъ и этимъ купилъ себѣ пощаду. Русскіе также проникали до Данцига, но въ самый городъ они не входили. Только съ заключеніемъ мира въ 1720 году Данцигъ вздохнулъ свободно и оправился отъ своихъ бѣдствій. Но это спокойствіе продолжалось недолго. Споры за польскій престолъ вовлекли Данцигъ въ новыя бѣдствія. По смерти Августа II (1733), короля польскаго, русское правительство вмѣшалось въ дѣло о наслѣдствѣ польскаго престола и поддерживало саксонскаго курфюрста Августа III противъ его соперника короля Станислава Лещинскаго, которому помогали французы и отчасти ковенно шведы и турки. По указу императрицы Анны Іоанновны, министры, сенатъ и генералитетъ, выслушавъ донесенія, присланныя графомъ фонъ-Левенвольдомъ, разсудили: 1) по русскимъ интересамъ Лещинскаго и другихъ, которые зависятъ отъ короны французской и шведской и, слѣдовательно, отъ турецкой, до короны польской допустить никакъ нельзя; 2) для того отправляемые въ Польшу министры должны усильно стараться денежныя и другіе пристойныя способы употреблять, сообщая съ министрами союзниковъ, чтобы поляковъ отъ избранія Лещинскаго и другихъ подобныхъ ему отвратить; для этого этихъ министровъ надобно снабжать денежными суммами; 3) а такъ какъ можетъ случиться, что вышеозначенные способы для отвращенія такихъ вредныхъ русскому государству предпріятій окажутся недостаточными, и надобно будетъ силу оружія употребить, то признается нужнымъ, безъ упущенія времени, на самыхъ границахъ поставить 18 полковъ пѣхоты и 10 полковъ конницы, и расположить ихъ въ такомъ разстояніи, чтобъ, въ случаѣ нужды, немедленно могли собраться и маршировать; 4) къ этому корпусу регулярному нарядить нерегулярнаго войска—Донскихъ казаковъ 2.000, гусаръ Украинскихъ сколько есть, слободскихъ полковъ 1.000, изъ Малороссіи 10.000, чугуевскихъ калмыковъ 150, да волжскихъ тысячи три и т. д. Обстоятельства сложились такъ, что избраннымъ на польскій престолъ, благодаря интригамъ польскаго примаса Федора Потоцкаго, оказался Станиславъ Лещинскій, и русскія войска вступили подъ начальствомъ генерала Ласси въ Польшу, изгнали Станислава, который былъ принятъ и

нашелъ защиту въ Данцигѣ. Но для утверженія на польскомъ престолѣ Августа III русскимъ необходимо было выгнать Станислава изъ Данцига, куда къ нему на помощь легко могли явиться моремъ, и дѣйствительно явились, французы и другіе союзники. Вотъ поэтому-то Ласси получилъ приказаніе отъ русскаго двора немедленно идти къ Данцигу, причемъ онъ могъ взять съ собой лишь 12 тысячъ человѣкъ. Ласси занялъ Торнъ и двинулся къ Данцигу, жители котораго рѣшили твердо держаться Станислава, надѣясь на французскую помощь и на то, что и другія, особенно морскія державы не позволятъ разорить такой важный торговый городъ. Но они ошиблись въ расчетахъ. Русскаго полководца Ласси, котораго весьма стѣснялъ въ дѣйствіяхъ графъ Левенвольдъ, смѣнилъ первый полководецъ имперіи графъ Минихъ. 9-го марта 1733 года, онъ взялъ штурмомъ богатое предмѣстье Данцига, Шотландію, а на другой день началъ бомбардировку города, но, временно приостановивъ ее, онъ сталъ захватывать важныя укрѣпленія на Вислѣ, дабы пресѣчь всякія сношенія съ городомъ. Военныя дѣйствія продолжались цѣлый годъ, сопровождаясь болѣе или менѣе значительными стычками съ французами. Въ концѣ апрѣля 1734 года, Минихъ рѣшился положить конецъ осадѣ взятіемъ сильнаго укрѣпленія Гегельберга. Три тысячи солдатъ должны были идти на приступъ и пять тысячъ ихъ поддерживать. Около полуночи русскіе двинулись на приступъ въ необыкновенномъ порядкѣ и сохраняя глубокое молчаніе, они овладѣли уже батареею съ семью пушками; но, по рѣдкому несчастью, предводители всѣхъ трехъ колоннъ, почти всѣ офицеры генеральнаго штаба и инженеры были убиты или ранены при первомъ залпѣ непріятели. Колонны, вмѣсто того, чтобы идти отдѣльно, смѣшались, и солдаты, не имѣя вождей, остановились и стояли неподвижно три часа сряду подъ страшнымъ огнемъ осажденныхъ. Минихъ, замѣтя безпорядокъ, послалъ адъютантовъ съ приказомъ отступить, но солдаты не послушались и отвѣчали, что всѣ лягутъ на мѣстѣ, а не отступятъ ни на шагъ, и только появленіе между ними любимаго генерала Ласси, уговаривавшаго ихъ отступить, побудило ихъ выйти изъ этой бойни. Русскіе потеряли здѣсь болѣе 2.000 тысячъ солдатъ и 120 офицеровъ. Но осажденные не воспользовались неудачей русскихъ, и Минихъ, получивъ подкрѣпленія, принудилъ Данцигъ сдаться 28-го іюня на волю и милосердіе русской императрицы. Городъ обязался отправить въ Петербургъ торжественную депутацію изъ знатнѣйшихъ гражданъ съ просьбою о всемилостивѣйшемъ прощеніи, обязался никогда не принимать подъ защиту своихъ стѣнъ враговъ императрицы и заплатилъ два милліона тридцать тысячъ золотыхъ ефимковъ контрибуціи. Станиславъ Лещинскій успѣлъ уйти, перодѣвшись въ крестьянское платье.

Въ дальнѣйшей исторіи Данцига русскіе являлись уже не вра-

Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.

гами, а защитниками Данцига. Первый раздѣлъ Польши (1772 г.) нанесъ Данцигу рѣшительный ударъ: король прусскій Фридрихъ Великій получилъ все восточное побережье Балтійскаго моря и заперъ доступъ къ Данцигу, а въ 1793-мъ году городъ подпалъ окончательно подъ власть Пруссіи, несмотря на ненависть къ ней за ея насилія. Данцигъ покончилъ свое самостоятельное существованіе; но этимъ не кончились для него тяжкія испытанія. Съ открытіемъ Наполеоновскихъ войнъ, Данцигъ испыталъ все бѣдствія ихъ. Прусская армія вмѣстѣ съ русскою потерпѣла нѣсколько поражений и, послѣ осады Данцига (1807 г.), длившейся 52 дня, причемъ въ Данцигѣ находился русскій отрядъ въ 4.800 человекъ подъ начальствомъ князя Щербатова, должна была отступить. Данцигъ былъ занятъ французскимъ генераломъ Лефевромъ, уплатилъ 20 милліоновъ франковъ контрибуціи и подвергся всевозможнымъ поруганіямъ со стороны врага, который ограбилъ все сокровища Данцига. Это было ужасное время для Данцига, но оно стало еще ужаснѣе, когда въ 1812 году остатки арміи Наполеона стали собираться въ Данцигъ, и генералъ Раппъ получилъ приказаніе сдѣлать изъ Данцига точку опоры для отступленія. Голодъ, болѣзни, грабежи, пожары, довели городъ до полного истощенія, и онъ вздохнулъ свободно лишь 29-го ноября 1813 года, когда русскія войска подъ начальствомъ Витгенштейна, послѣ 11½ мѣсяцевъ осады, изгнали войска Наполеона изъ Данцига.

Съ этого времени снова начинается возвышеніе Данцига: онъ быстро оправляется отъ потерь, погашаетъ свои долги, заводитъ торговый флотъ, выпускаетъ изъ своихъ доковъ многочисленныя корабли, ведетъ оживленную торговлю лѣсомъ и хлѣбомъ и обрабатываетъ на своихъ фабрикахъ массу сырья. Численность его населенія достигла въ настоящій моментъ до 130 тысячъ. При всемъ этомъ Данцигъ нынѣ значительная второклассная крѣпость и сухопутная и морская, въ которой находится масса войскъ и запасовъ, а для флота прекрасныя доки.

Почти два столѣтія прошло (164 года), какъ русскіе оросили своей кровью поля Данцига при Гательсбергѣ, и почти столѣтіе (91 годъ), какъ многіе пали изъ нихъ, защищая Данцигъ. Здѣсь, среди высокихъ холмовъ, они покоились въ одной общей могилѣ, которая и носила названіе «русской могилы» (Russisches Grab). На ней лежала лишь каменная плита съ надписью: «русскимъ воинамъ, павшимъ при осадахъ Данцига 1734, 1807, 1813 гг.». Но боевые товарищи—въ лицѣ русскаго военнаго министерства—не забыли русскихъ героевъ и воздвигли имъ прекрасный памятникъ, который сохранить въ памяти потомковъ славныя дѣянія русскихъ воиновъ ¹⁾.

¹⁾ Стоимость памятника простирается свыше 112 тысячъ рублей.

Памятникъ построенъ изъ финляндскаго гранита, въ видѣobelиска, увѣнчаннаго крестомъ, ниже котораго помѣщенъ образъ св. Георгія Побѣдоносца. На передней сторонѣ памятника сохранена прежняя надпись съ прибавленіемъ даты постановки памятника (1898 г.); отъ подножія памятника, въ видѣ отлогой плоскости, идетъ во все четыре стороны площадка изъ гранита, которую окружаютъ громадныя гранитныя тумбы, соединенныя другъ съ другомъ толстыми бронзовыми цѣпями и увѣнчанныя на верху также крестомъ. Памятникъ своимъ внѣшнимъ видомъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ общимъ видомъ мѣстности: между высокими холмами, поросшими сосновымъ лѣсомъ, памятникъ поражаетъ своимъ величіемъ и приковываетъ къ себѣ взоръ всякаго. Несомнѣнно, что онъ будетъ интересовать каждаго, кто посѣтитъ Данцигъ, и будетъ напоминать о доблести русскихъ героевъ, нашедшихъ себѣ славную смерть на чужбинѣ.

Къ торжеству открытія и освященія памятника 15-го (27-го) сентября прибыли представители русской арміи¹⁾ и представители германской арміи²⁾. Въ 11 часовъ дня, при чудной погодѣ, двинулись депутаціи съ знаменами отъ всехъ германскихъ полковъ данцигскаго гарнизона. На возвышенности за памятникомъ помѣстились гусары и отрядъ конныхъ егерей и матросовъ, по правую сторону помѣстилась артиллерія, по лѣвую инфантерія, а у главнаго входа почетная рота. Свободное пространство между полками и памятникомъ заняли офицеры. На самой площадкѣ памятника, убранной живыми цвѣтами, лѣвую сторону заняли дамы и представители печати, а правую представители города и русскіе, посрединѣ помѣстились представители русской и германской арміи. Все остальное пространство было занято громадной толпой народа. Торжество освященія³⁾ началось ровно въ 12 часовъ, а за симъ послѣдовала панихида, послѣ которой провозглашено было многолѣтіе русскому государю императору и всему царствующему дому, императору германскому (на нѣмецкомъ языкѣ) и христолюбивому, всероссійскому побѣдоносному воинству, за симъ провозглашена была вѣчная память воинамъ, за вѣру, царя и отечество на брани животовъ свой положившимъ (также на нѣмецкомъ языкѣ); при пѣніи «вѣчная память» завѣса, окутывавшая памятникъ, стала спадать, войска взяли на караулъ, музыка заиграла русскій гимнъ при салютационной

¹⁾ Полковникъ князь П. Н. Вигальцевъ, полковникъ Ожаровскій, капитанъ Кульчинскій и фельдфебель отъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, который (полкъ) одинъ только участвовалъ во всехъ этихъ походахъ, стротель капитанъ Курженевскій и др.

²⁾ Генералы: фонъ-Ленце, представитель германскаго императора фонъ-Лигиницъ, фонъ-Гейдебренкъ, представители города и депутаціи отъ германскихъ полковъ.

³⁾ Для освященія прибылъ причтъ берлинской посольской церкви съ хоромъ посольской церкви.

пальбѣ изъ пушекъ. Генераль фонъ-Лигницъ возложилъ на памятникъ лавровый вѣнокъ отъ императора Вильгельма II съ императорскими инициалами. Послѣ обхода памятника и фронта представителями, всѣ участвующіе въ торжествѣ приглашены были русскимъ представителемъ на завтракъ, прекрасно сервированный въ лучшей гостиницѣ города. За завтракомъ были произнесены рѣчи, посвященныя торжеству. Первую рѣчь произнесъ командиръ 17-го армейскаго корпуса фонъ-Ленце. Коротко, но сильно обрисовалъ генераль Ленце роль русской арміи въ войнахъ 1806—1814 года, доблестное поведеніе русскихъ воиновъ и ту несравнимую роль, какую Россія выполнила въ дѣлѣ умиротворенія Европы. Свою рѣчь онъ заключилъ возгласомъ «ура» въ честь германскаго императора, принявшаго участіе въ этомъ торжествѣ. Командиръ 3-го армейскаго корпуса, фонъ-Лигницъ, въ своей рѣчи высказалъ, что онъ является представителемъ германскаго императора, который поручилъ ему возложить вѣнокъ на могилу русскихъ героевъ и выразить, что онъ высоко чтитъ подвиги русской арміи, но еще болѣе онъ цѣнитъ миролюбіе русскаго государя императора и желаетъ, чтобы это почтеніе раздѣляла и его армія. «Hoch» русскому государю императору Николаю III! Послѣ отвѣта на эту рѣчь русскаго представителя, указавшаго, что русская армія чтитъ нынѣ, какъ своихъ сыновъ, покоящихся подъ стѣною креста, такъ и сыновъ другихъ армій, проявившихъ свою любовь въ отечеству, выразившаго искреннюю признательность за ту честь, какая оказана русской арміи со стороны вождя германской арміи императора Вильгельма II, и произнесшаго «hoch» германской арміи, комендантъ Данцига, генераль фонъ-Гейдебренкъ, высказалъ пожеланіе, чтобы единеніе русской и германской арміи никогда не прекращалось, чтобы обѣ арміи служили къ общему благу, и закончилъ свою рѣчь громкимъ «ура» въ честь представителей русской арміи. На вечеръ русскіе представители были приглашены къ коменданту города.

Что особенно поражаетъ посѣтителя Данцига—это то, что Данцигъ, несмотря на столь многія осады, несмотря на многія жертвы, которыхъ требовали отъ него потребности новаго времени, ростъ населенія и отчужденіе для уличнаго сообщенія, сохранилъ характеръ средневѣковаго города къ удивленію и восхищенію всякаго чужестранца-знатока искусства. Его оригинальная архитектура, узкіе переулки, въ которые не заглянетъ лучъ солнца, зданія, въ стѣнахъ которыхъ красуются пушечныя ядра со времени осадъ, разнородное населеніе и характеръ его—трудно поддаются описанію. Пройдите по улицамъ города, прочтите многочисленныя надписи на различныхъ домахъ и зданіяхъ города—и ваше вниманіе найдетъ обильный и поучительный матеріалъ. Вотъ предъ вами церковь Маріи: на стѣнѣ ея на камнѣ высѣчена (въ 1558-мъ г.) надпись: «мы

строимъ здѣсь огромные и прочныя дома и суть все же только пришедьды; а для того, гдѣ мы должны быть вѣчно, мы не строимъ ровно ничего». Идемъ далѣе, и предъ нашими глазами въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ новыя надписи, сдѣланныя въ столь же древнее время: «Бога бойся, короля чти» (1558), «Никого не бойся и никого не оскорбляй» (1609), «Бойся Бога, дѣлай правду и болѣе никого не бойся» (1609), «Помощь моя отъ Господа» (1752), «Посѣтилъ насъ востокъ свыше» (1569), «Время проходитъ, приходитъ смерть: человѣкъ! дѣлай правду и бойся Бога», «Боже! помоги мнѣ честно прожить и блаженно скончаться», «Надежда на Бога есть высшее благо: она не боится ни мѣста, ни смерти, ни адскаго огня; посему, человѣкъ, предпочти ее всѣмъ богатствамъ міра, и твоя душа будетъ вѣчно покоиться въ Бозѣ», «Человѣкъ! помысли о своей смертности, презри свое тщеславіе—это путь къ блаженству» (1656), «Этотъ домъ построили во славу Божию, въ помощь бѣднымъ и къ чести этого города», «Братъ, постучи въ эту дверь, и ее отворятъ тебѣ; но открой и ты свое сердце предъ Богомъ, Который далъ его тебѣ», «Начать легко, но конецъ вѣнчаетъ дѣло» (1730), «Вышніе гибнутъ чрезъ порокъ, низшіе возвышаются чрезъ добродѣтель». Но наряду съ этими серьезными изреченіями встрѣчаются и такія, которыя отзываются юморомъ, или же содержатъ историческую дату о томъ или другомъ извѣстномъ лицѣ. Такъ, напримѣръ, надъ нѣкоторыми гостиницами красуются такія надписи: «Здѣсь, у «Чернаго медвѣдя», хорошо живется» и «Въ «Желтомъ Башмакѣ» — не дурно»; но идемъ далѣе, и предъ нами новыя надписи: «Іоганнъ Гевеліусъ. Астрономъ 1611—1687», «Въ этомъ домѣ провела юность Іоганна Шопенгауэръ, урожденная Трозине: 1766—1785», «Въ этомъ домѣ родился Артуръ Шопенгауэръ 22-го февраля 1788 года» и т. п. Но перечислить всѣ надписи нѣтъ возможности, хотя нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно интересны.

Не менѣе интересно познакомиться съ достопримѣчательностями Данцига и съ его окрестностями. Между старыми постройками Данцига первое мѣсто занимаютъ церкви, между которыми самая красивая и обширная главная приходская церковь св. Маріи, о которой говорятъ, что она пятая, по своей величинѣ, во всемъ мірѣ и можетъ вмѣщать до 25-ти тысячъ человѣкъ. Но ея значеніе заключается въ чрезвычайномъ богатствѣ историческихъ, научныхъ и художественныхъ памятниковъ, изучить и описать которые—задача недостижимая для цѣлой жизни одного человѣка. На мѣстѣ, гдѣ находится теперь церковь, еще до основанія правой части города, стояла малая капелла Приснодѣвы Маріи. Нынѣшняя церковь основана въ 1343 году и расширена до настоящаго объема отъ начала до конца XV-го вѣка. Кромѣ колокольни въ 242 фута высоты, на ней по стѣнамъ находятся для украшенія еще десять башенокъ, а стѣны увѣнчаны зубцами. Церковь крестообразной формы, сѣвер-

ная часть ея, вслѣдствіе недостатка мѣста, нѣсколько короче, чѣмъ южная, съ тремя равной высоты нефами, звѣздные своды которыхъ украшены живописью и поддерживаются богато убранными колоннами. Гербы—обозначаютъ строителей свода. Огромныя ядра, которыя торчатъ въ сводахъ, свидѣтельствуютъ объ осадахъ Данцига, которыя претерпѣло вмѣстѣ съ Данцигомъ и это достойное удивленія зданіе въ 1577, 1734, 1807 и 1813 годахъ. Огромныя богатства церкви были похищены для нуждъ города, но и то, что сохранилось до сихъ поръ, вызываетъ чувство удивленія. Тридцать капеллъ и 46 алтарей, въ которыхъ, кромѣ главнаго пастора и его помощниковъ, служатъ еще 128 духовныхъ лицъ, напоминаютъ, что церковь принадлежала католическому культу. Она перешла къ протестантамъ въ 1557—1572 годахъ, когда въ ней начали отправлять протестантское богослуженіе. Въ капеллѣ, посвященной имени десяти тысячъ дѣвственницъ, находится огромное, чудно вырѣзанное распятіе отъ конца XV-го вѣка, о которомъ преданіе рассказываетъ, что художникъ, изготовившій его, пригвоздилъ ко кресту въ своей мастерской прекраснаго юношу, жениха своей дочери, чтобы получить жизненно правдивый образъ для своего произведенія. Огромныя богослужебныя книги, написанныя на пергаментѣ и украшенныя орнаментами и инициалами, церковная библіотека, картины на стѣнахъ, статуи (весьма замѣчательна статуя Лютера во весь востъ), епитафій, знамена—шагъ за шагомъ приковываютъ глаза зрителя, чудная и мощная игра огромнаго органа и возвышенность храма производятъ прямо поражающее впечатлѣніе. Но вотъ предъ нашимъ взоромъ и картина Мемлинга «Страшный судъ» въ капеллѣ Доротеи, привезенная въ Данцигъ знаменитымъ пиратомъ Павломъ Бенеке, получившимъ эту картину, какъ призъ, съ ограбленной галеры. Несмотря на то, что папа Сикстъ IV, по требованію знатнѣйшихъ флорентійцевъ и братьевъ Лоренцо и Юліана Медичи въ 1477 году, произнесъ «анаѣму пирату Павлу Бенеке» и его товарищамъ и требовалъ возвратить картину въ опредѣленный срокъ, она осталась въ Данцигѣ. Замыселъ и выполненіе его въ этомъ прекрасномъ произведеніи въ малѣйшихъ подробностяхъ обличаютъ совершеннѣйшее художественное твореніе, а потому о немъ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. Картина находится въ боковомъ запертомъ алтарѣ. На ней представлены мужчина и женщина съ ихъ эмблемами, а на заднемъ планѣ старость. Эмблема мужчины — черный левъ на золотомъ щитѣ, прикрытый вкось бѣлой, представляющей серебро, линіей, — эмблема женщины — золотой левъ на красномъ полѣ съ голубыми линіями и золотыми щиппами; кромѣ того, на красномъ полѣ находится также золотой циркуль, который выдается изъ бѣлаго пука со словами: «Роуг non falig». Форма щитовой эмблемы позволяетъ относить происхожденіе картины къ концу первой половины XV-го вѣка. Горизонтъ картины, приблизительно на поло-

вину высоты, ограниченъ цѣпью холмовъ и моремъ. Красно-желтый тонъ воздуха въ глубинѣ переходитъ напротивъ въ вышнѣ въ эфирно-голубой, облачный. Въ золотомъ сіяніи, на радугѣ, въ красномъ одѣяніи возсѣдаетъ на тронѣ Христосъ, благословляя правою рукою своихъ избранныхъ и отклоня лѣвою осужденныхъ; вправо отъ его главы бѣлая лилія — символъ вѣры, влѣво — извергающій огонь мечъ—символъ суда. Обнаженные ноги съ знаками язвъ покоятся на золотомъ земномъ шарѣ, на которомъ изображена слава, какъ подножіе. По сторонамъ Христа расположены апостолы, сидящіе другъ около друга на облакѣ, впереди ихъ также на облакѣ—колѣнопреклоненные Марія и Іоаннъ. На золотомъ фонѣ славы въ одномъ углу летятъ два ангела, несущіе орудія мученія Спасителю, нѣсколько ниже—три другихъ, пробуждающіе трубнымъ звукомъ умершихъ къ воскресенію, четвертый, носясь надъ адомъ, возвѣщаетъ страшный судъ. Въ нижней части картины видно наступленіе страшнаго дня: возстаютъ умершіе—на ихъ лицахъ отражается изумленіе, радость, мука. Ниже Спасителя стоитъ на возвышеніи колоссальной величины, сравнительно съ людьми, архангелъ Михаилъ, украшенный павлиньими перьями и въ золотыхъ доспѣхахъ. Пурпуро-красное одѣяніе, украшенное золотомъ и перлами, у него сдерживается на груди огромной пряжкой и ниспадаетъ съ плечъ назадъ. Въ правой рукѣ у него, украшенный на верху крестомъ и опущенный остриемъ внизъ, мечъ, въ лѣвой вѣсы, одна чашка которыхъ съ праведными опущена книзу, тогда какъ другая съ грѣшниками поднимается кверху; діаволъ схватываетъ послѣднихъ за волосы, какъ желанную добычу. На камнѣ одной изъ раскрывшихся могилъ сидитъ молодая женщина, ломая руки; позади ея ангелъ съ крестовиднымъ посохомъ ограждаетъ мужчину, котораго уже готовъ былъ схватить діаволъ. Не иллюстрація ли это силы освобождающей молитвы любви? Направо отъ архангела начинается входъ праведныхъ въ небесныя врата, а налѣво осужденные низвергаются въ адъ діаволами. Страхъ и отчаяніе изображаются въ взорахъ и положеніяхъ послѣднихъ. Ихъ низверженіе въ пламень внизъ головой — возбуждаетъ ужасъ, тогда какъ пріемъ праведныхъ въ небесныхъ вратахъ поражаетъ великолѣпьемъ и величіемъ. Ангелы предлагаютъ благочестиво и блаженно шествующимъ сюда праздничныя одѣянія, усыпаютъ ихъ путь цвѣтами и украшаютъ ихъ драгоценными камнями. Сіяющій лучъ изъ небесныхъ вратъ предносится предъ ними, возвѣщая вѣчную радость. Эта картина, изъ всѣхъ существующихъ, есть величественнѣйшее и художественнѣйшее изображеніе страшнаго суда.

Но описать всѣ рѣдкости этой церкви—дѣло для насъ непосильное, мы упомянемъ еще лишь о часахъ, стрѣлка которыхъ указываетъ перемѣну мѣсяца. О величинѣ ихъ можно судить уже потому, что римскія цифры въ нихъ достигаютъ величины человѣка.

Надѣво отъ этихъ часовъ находятся другіе—астрономическіе часы, приготовленные въ 1464—1470 годахъ Гансомъ Дюрингеромъ и показывающіе, до какого художества дошло часовое производство уже въ 15-мъ вѣкѣ. Эти часы показывали движеніе солнца, мѣсяца и звѣздъ, служили календаремъ, причемъ при ихъ боѣ появлялись апостолы. Преданіе передаетъ, что художникъ былъ ослѣпленъ, дабы онъ не могъ изготовить подобные же часы для другихъ городовъ, но что онъ отомстилъ, разрушивъ всю систему колесъ; но съ другой стороны есть извѣстія, что эти часы были въ ходу еще въ 1560 году.

На колокольню этой церкви ведутъ 325 ступней, и съ нея открывается чудный видъ на городъ и страну, на рѣку и море; на ней висятъ шесть большихъ колоколовъ: самый большой изъ нихъ, отлитый въ 1453-мъ году, вѣситъ 121^{1/2} центнеръ (около 500 пудовъ). Въ различныхъ этажахъ колокольни помѣщены огромные баки съ водой на случай пожара.

Въ 1893-мъ году, умеръ лучший знатокъ и изслѣдователь этой церкви, архидіаконъ Бертлингъ, прослужившій въ ней 25 лѣтъ, но и онъ не состояннй былъ описать всѣ ея памятники и древности.

Изъ другихъ церквей заслуживаетъ вниманія по своей древности церковь св. Екатерины съ искусной мелодіей ея колоколовъ, играющихъ цѣлыя піесы. Эта колокольная игра составлена изъ 35 колоколовъ и устроена Юган. Ник. Деркомъ изъ Нидерландъ. Не менѣе интересна и замѣчательна въ ней прекрасная картина Mitzewitla «Входъ Иисуса въ Іерусалимъ». Къ этой церкви почти примыкаетъ церковь св. Бригитты, замѣчательная по своимъ замысловатымъ надписямъ. Для примѣра приведемъ двѣ изъ нихъ: первая отъ 1667-го года состоитъ изъ пяти рядовъ буквъ:

G S M S G Gott Sei Mir Sünder Gnädig.
 S S E S S So Stirbt Ein Sünder Selig.
 M E M E M Mein Einziger Mittler Erlöse Mich.
 S S E S S So Stirbt Ein Sünder Selig.
 G S M S G Gott Sei Mir Sünder Gnädig.

Другая надпись на надгробномъ камнѣ отъ 1616 года содержитъ слѣдующее исповѣданіе: «Я вѣрю тому, чему вѣрить и святая мать римско-католическая церковь — и ничему другому. Но Боже, такъ какъ это заблужденіе, то мы оба обмануты тобой». Самая большая и великолѣпная изъ католическихъ церквей—св. Николая, называемая также доминиканской или церковью черныхъ монаховъ. Она принадлежитъ къ постройкамъ померанскихъ герцоговъ 12-го вѣка. Въ ней находится хроника Симона Трунау, который писалъ ее въ 1524 году, и которому новѣйшіе историки дали прозвище «величайшаго лжеца»; изъ этой же церкви вышелъ (въ 1536 году) и Панкратій Клемме, первый и важнѣйшій дѣятель реформации въ Данцігѣ. Изъ храмовъ другихъ исповѣданій нельзя не отмѣ-

титъ еврейскую синагогу, отличающуюся своимъ великолѣпиемъ и построенную извѣстными архитекторами Енде и Бѣкманъ.

Но описать всѣ архитектурныя достопримѣчательности Данцига невозможно: это сѣдая старина, гдѣ почти каждое зданіе носитъ какое нибудь архитектурное отличіе. Особенно интересно здѣсь осмотрѣть два или три средневѣковыхъ торговыхъ дома, ихъ убранство и расположеніе. Замѣчательно также и то, что такіе дома отапливались снаружи. Весьма выдаются также по своей старинѣ и оригинальности «Krahnthor», относящіяся къ началу 15-го вѣка и служившія для поднятія мачтъ на суда, при помощи сильныхъ колесъ, крюковъ и цѣпей.

Любитель рѣдкихъ книгъ найдетъ для себя въ Данцигѣ въ городской библіотекѣ богатое сокровище рукописей и не менѣе богатое — печатныхъ произведеній. Библіотека основана въ 1580-мъ году и, несмотря на всѣ несчастія Данцига, сохранила большую часть своихъ богатствъ. Число книгъ въ библіотекѣ свыше ста тысячъ томовъ.

«Провинціальный музей» привлечетъ вниманіе посѣтителя огромнымъ минерало-геологическо-палеонтологическимъ собраніемъ янтаря, угля и др., зоологическимъ собраніемъ всей фауны Балтійскаго моря, птицъ, рыбъ и біологическимъ собраніемъ инсектовъ. Здѣсь собраны всѣ археолого-этнологическія древности восточной Пруссіи, а собраніе бабочекъ — единственное изъ гдѣ либо существующихъ. Не безъинтересно здѣсь и ботаническое собраніе по рѣдкости нѣкоторыхъ растений.

Изъ другихъ музеевъ Данцига самый замѣчательный «городской музей». Масса картинъ и гравюръ, копии съ знаменитыхъ скульптурныхъ произведеній древняго и новаго времени, оружія, монетъ, древнихъ церковныхъ сосудовъ и замѣчательныхъ остатковъ ставятъ этотъ музей на одно изъ видныхъ мѣстъ въ Европѣ. Не менѣе дадутъ матеріала для обозрѣвателя пейзаузовъ и ратуша, замѣчательная по своей древней архитектурѣ и убранству. Описать всѣ достопримѣчательности этихъ зданій — значитъ написать цѣлую книгу. Стоитъ лишь отмѣтить, что на высокой башнѣ ратуши особенно замѣчателенъ флагъ съ вызолоченнымъ изображеніемъ въ полный ростъ короля Сигизмунда-Августа въ коронѣ и бронзѣ, но босикомъ; не менѣе интересны и надписи на флагѣ: «вѣяніе сильнаго вѣтра поворачиваетъ меня туда и сюда; но пусть благо отечества стоитъ прочно и непоколебимо», «золотое время снова настанетъ для Сарматіи, и тогда это остріе покажется въ новомъ сіяніи». При входѣ въ ратушу на одной изъ стѣнъ красуется надпись: «прежде трудъ, а потомъ честь», а въ одной изъ залъ на столѣ стоитъ желтоватый камень съ надписью, характеризующей отношенія жителей Данцига къ приходящимъ къ нимъ: «Другъ,

для тебя довольно, если ты бесплатно вкушаешь нашу дружбу, но за нашъ трудъ ты заплатишь намъ чистыми деньгами. Желаетъ ты что нибудь—принеси съ своей стороны также что нибудь; на рѣчь и ты отвѣчай рѣчью». Изъ картинъ, находящихся въ ратушѣ, стоитъ отмѣтить: «Орфей, укрощающій игрой на арфѣ дикихъ звѣрей» Ганса де-Ври 1590 года, «Борьба Гораціевъ и Куриціевъ»—Штеха, «Діана на охотѣ»—Шерра, «Осада Мариенбурга Ягелломъ» 1410 года, «Христіанская церковь», представляющая аллегорически судно, летящее къ небу, на которое напрасно монахи и священники пытаются забросить канаты, чтобы спастись, «Страшный судъ»—ученика Рафаэля, Антона Мёллера, отъ 1601-го года, замѣчательная тѣмъ, что художникъ изобразилъ въ ней современниковъ, причемъ «надменность» здѣсь изображаетъ дочь бургомистра, а въ лодку, плывущую въ адъ, посажены городскіе совѣтники. Далѣе слѣдуютъ аллегорическія картины, снабженныя относящимися сюда изреченіями: «Единодушіе и раздоръ», «Свобода и рабство», «Молитва», «Легкомысліе», «Испытаніе», «Равенство», «Бодрость», «Любовь», «Исслѣдованіе» и множество другихъ. Соотвѣственно живописи сдѣланы и скульптурныя изображенія и подобрана мебель. Особенно бросается здѣсь въ глаза чудной работы столъ, крышка котораго сдѣлана изъ порфира и прелестно украшена перламутромъ, слоновой костью и серебромъ, вложеннымъ въ эбеновое дерево, по которому старо-нѣмецкимъ шрифтомъ выложена надпись: «не сѣлуй на низкую ложь, если она несправедливо коснется тебя. Время прекрасно покажетъ, что это только выдумка. Способствуй всякому хранить незапятнаннымъ свое имя, и ты въ короткое время обрѣтешь свое счастье. Кто осуждаетъ другаго—осуждаетъ себя. Кто достигъ такой высоты благородства—тотъ свободенъ отъ всякаго недостатка».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о чудныхъ окрестностяхъ Данцига. Съ возвышенностей «Höhe's Höhe и Johannesberg» открывается чудный видъ на окрестности и море. Прелестное мѣстечко представляетъ изъ себя «Oliva» съ своимъ садомъ и монастырской церковью, гдѣ на возвышеніи «Karlsberg» стоитъ прекрасная статуя королевы Луизы. Не менѣе интересно проѣхать къ морю въ Цопотъ и Вестерплатте, на морскія купанья. Въ послѣднемъ, среди лѣса, возникъ цѣлый городокъ виллъ, устроены курзалъ, дѣтскій садъ и пр. Вестерплатте, по своей красотѣ, морскимъ купаньямъ прелестному виду на море, представляетъ всѣ удобства для посѣтителя. Стоитъ посѣтить и Гейбуде (Heubude), расположенное среди лѣса, ради его красоты и плодородія. Это любимое мѣсто жителей Данцига для загородныхъ прогулокъ.

Мы заканчиваемъ описаніе Данцига, гдѣ напли себѣ послѣдній приютъ русскіе герой-воины. Смѣемъ думать, что посѣтитель, будетъ ли онъ ученый археологъ, или простой путешественникъ, не

посѣтуетъ, если когда либо попадетъ въ Данцигъ: здѣсь, помимо поклона могилѣ земляковъ-храбрецовъ, онъ найдетъ столько замѣчательнаго и интереснаго, при удобствахъ и недорогой жизни, что съ удовольствіемъ проведетъ время и вынесетъ богатый запасъ наблюдений и знаній. Въ Данцигѣ онъ найдетъ также и очень сносный театръ.

Н. Писаревскій.

Берлинъ 22 сентября.
Calvin Strasse, 29, I.

НОВОРОЖДЕННЫЙ МЕССИАНИЗМЪ СТРАНЫ ДОЛЛАРА И СТАРЫЙ СВѢТЪ.

(Соціологическій очеркъ).

ОТЯ политическая исторія федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, которой усвоено наименование цѣлаго материка, болѣе извѣстна европейской публикѣ и европейской интеллигенціи, нежели ея внутреннее устройство, ея учрежденія, ея нравы и обычаи, ея общественная жизнь и ея поистинѣ ужасающая дѣйствительность, тѣмъ не менѣе однако знакомство это настолько поверхностно и ничтожно, что даже европейскія правящія сферы и подавляющее большинство органовъ европейской печати въ только что закончившейся войнѣ ея съ Испаніей видятъ совершенную случайность, вызванную взрывомъ американскаго военнаго корабля «Maine» въ гавани столицы о. Кубы, г. Гаваниѣ, въ ночь съ 15-го на 16-ое февраля (н. с.) текущаго года.

Между тѣмъ, война эта, во многихъ отношеніяхъ весьма знаменательная и въ высшей степени назидательная, не только является естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ всей политической и соціальной эволюціи республики Соединенныхъ Штатовъ, но и сверхъ того нѣсколько приподымаетъ таинственную завѣсу будущаго и открываетъ такія государственно-общественныя перспективы, передъ которыми должны серьезно призадуматься, какъ европейскія державы, такъ и весь цивилизованный міръ вообще.

Исторія Новаго Свѣта, т. е. обѣихъ Америкъ, представляетъ собой исторію какой-то фатальной и неизбѣжной утраты европейскими державами своихъ въ нихъ колоній. Если Англія до сего еще времени удерживаетъ за собой Канаду, то при всей пронырливости и изворотливости англійскихъ политическихъ дѣятелей и правителей связь этой нынѣ единственной европейской колоніи въ Америкѣ съ ея метрополіей въ настоящее время представляется совершенно номинальной, и несомнѣнно недалеко уже то время, когда и она раздѣлитъ участь всѣхъ прочихъ европейскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ, закончивъ процессъ постепеннаго исчезновенія этихъ послѣднихъ изъ западнаго полушарія.

Въ то же время республика Соединенныхъ Штатовъ возростаетъ съ неимоверной быстротой. Ростъ этотъ отличается отъ роста юныхъ государствъ, обыкновенно относимыхъ къ числу цивилизованныхъ, въ томъ отношеніи, что онъ былъ всецѣло дѣломъ ея населенія или такъ называемаго «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), а федеральное правительство республики лишь закрѣпляло (формально и утверждало официально то, что было уже достигнуто и сдѣлано этимъ послѣднимъ. Искатели богатства, быстрой наживы, счастья и приключеній, въ поискахъ своихъ за непочатыми дѣятельными землями, безъ всякаго труда приносящими обильные урожанъ, за минеральными богатствами, дающими возможность моментальнаго обогащенія, за дарами природы наиболѣе щедрыми и условіями существованія наиболѣе благодатными, бурными потоками устремлялись за предѣлы республики, первоначально составившейся изъ тринадцати британскихъ колоній, отложившихся отъ своей метрополи. Искатели эти, среди которыхъ было не мало элементовъ бродяжническаго и разбойническаго свойства, не только занимали земли, до того времени еще никѣмъ не занятыя, не только захватывали территоріи, занятыя различными индѣйскими племенами, истребляя эти послѣднія, но также вторгались въ предѣлы иностранныхъ владѣній и колоній. Мѣжду тѣмъ, отчаянные американскіе флибустьеры (flibustiers) или, выражаясь проще и точнѣе, морскіе разбойники, которые и до сего еще времени пошалаиваютъ у атлантическаго побережья Сѣверной Америки, въ особенности вблизи полуострова Флориды, около острова Кубы и въ Мексиканскомъ заливѣ, и которыми и до сихъ поръ еще полонъ Тихій океанъ вблизи американскаго побережья, не только грабили попадавшіяся имъ подъ руку купеческія суда, но не щадили также прибрежныхъ обитателей и проникали далеко въ глубь материка, нимало не стѣсняясь границами иностранныхъ владѣній и колоній. Эти-то отряды морскихъ разбойниковъ и эти-то ватаги сухопутныхъ разбойниковъ и искателей богатствъ и наживы, одновременно, хотя и безъ всякаго плана, чисто стихійнымъ образомъ дѣйствуя съ моря и съ суши, и расширили территорію федеративной республики Соединен-

ныхъ Штатовъ до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ мы видимъ ее въ настоящее время. На представленія французскаго правительства, которое въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія и въ первые годы настоящаго еще владѣло Луизианой, мексиканскаго правительства, которое до войны своей съ Соединенными Штатами (1846—1848 г.) владѣло тою огромною промежуточною между двумя государствами территоріей, которая составляетъ нынѣ штаты: New Mexico, Arizona, Nevada, Utah и California, и наконецъ русскаго правительства, которому тѣ же флибустьеры и сухопутные искатели добычи и наживы причиняли немало хлопотъ своими набѣгами и вторженіями въ отдаленную и негостепріимную Аляску, — федеральное правительство неизмѣнно отвѣчало, что оно не въ состояніи воспретить своимъ «гражданамъ» (citizens) переходить за границы республики, и если они «производятъ безпорядки», т. е. точнѣе выражаясь разбой, грабежи и насилія, въ иностранныхъ владѣніяхъ, то защищать эти послѣдніе лежитъ на обязанности правительствъ этихъ владѣній. Подобные стереотипные отвѣты правительства республики Соединенныхъ Штатовъ, практическій смыслъ которыхъ помимо, быть можетъ, желанія этого послѣдняго сводился къ тому, что съ разбойниками надлежитъ расправляться соответственнымъ образомъ, не прибѣгая къ правовымъ гарантіямъ и официальнымъ процедурамъ, и были главной причиной тому, что во избѣжаніе непрерывныхъ конфликтовъ и необходимости содержать значительныя сухопутныя и морскія военныя силы, Франція продала этой республикѣ Луизиану (1803 г.), а Россія—Аляску съ Алеутскими островами (1867 г.). Такимъ образомъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ, первоначально составившееся въ значительной степени изъ забудыгъ, правдошатаевъ, бродягъ и разбойниковъ, въ нашемъ, просвѣщенномъ вѣкѣ повторивъ подвиги придорожныхъ рыцарей средневѣковой Германіи и дѣянія Запорожской Сѣчи, Ермака Тимоосевича и поволжскихъ «разбойничковъ», въ теченіе всего лишь 91 года (1776—1867) увеличило территорію федеративной республики въ пять разъ. Нынѣ предъ возникновеніемъ войны съ Испаніей территорія эта составляла и пока еще составляетъ 3.602.990 квад. миль съ населеніемъ въ 74.500.000 душъ, какъ по пространству, такъ и по населенію занимая четвертое мѣсто на земномъ шарѣ (Китай, Великобританія, Россія).

Столь быстрый ростъ федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ происходитъ періодически, подчиняясь одному и тому же опредѣленному закону: всякое новое поколѣніе ея «народа» (the people) не довольствуется тѣмъ, что добыто поколѣніемъ предшествующимъ, и ищетъ новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, домогается новыхъ земельныхъ захватовъ. Эти періодическіе порывы земельного голода, эти періодическіе припадки территоріальной жажды, являясь социальнымъ факторомъ совершенно стихійнаго свойства, требуютъ все-непремѣннаго и неизбѣжнаго удовлетворенія, хотя бы для того при-

пилось прибѣгнуть къ дипломатическимъ сношеніямъ полуугрожающаго свойства (Мексика, Испанія, Великобританія), либо покупкѣ (Франція, Россія), либо наконецъ благопріятному положенію, созданному разыгравшейся войной (Франція, Мексика). Тридцать лѣтъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ своеобразный «народъ» этой своеобразной республики удовлетворилъ свой послѣдній позывъ земельного голода покупкой Аляски, и вотъ съ самаго начала девяностыхъ годовъ, т. е. текущаго десятилѣтія, начинается онъ обнаруживать замѣтное безпокойство и естественные признаки новаго періодическаго припадка этого голода.

Но успѣли уже совершенно измѣниться все условія его насыщенія и прежде всего условія внѣшнія. Границы республики, съ востока и запада упирающейся въ океаны Атлантическій и Великій, далеко отодвинулись къ сѣверу и югу, упираясь тамъ въ преобразованную и почти независимую Канаду съ одной стороны и Мексиканскую республику съ другой: первая, будучи покаместъ совершенно довольна своимъ положеніемъ, состоитъ подъ эгидой могущественнѣйшей имперіи, вторая же нынѣ является государствомъ достаточно сильнымъ, чтобы дать должный отпоръ иностранному вторженію. При подобныхъ условіяхъ «народу Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), территоріальное голоданіе котораго къ исходу нашего вѣка получило характеръ остраго пароксизма, пришлось обратить свои голодные взоры подалыше за предѣлы американскаго материка, и здѣсь онъ скоро успѣлъ замѣтить прежде всего дряхлую, слабую Испанію, неспособную подавить возстаніе на островѣ Кубѣ, между тѣмъ какъ островъ этотъ представляетъ собой лакомый кусочекъ въ полномъ смыслѣ слова. Но кусокъ этотъ можно было отобрать только силой, и потому война съ Испаніей стала совершенно неизбѣжною, являясь естественнымъ и необходимымъ результатомъ всего государственно-общественнаго развитія федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ, что впрочемъ въ весьма слабой степени сознается самими американцами.

Въ послѣднее время американская пресса, ранѣе не вѣдавшая и не признававшая никакихъ почти интересовъ и вопросовъ, кромѣ интересовъ корпорацій, промышленности, торговли, мѣстныхъ и партійныхъ, заговорила вдругъ объ интересахъ и дѣлахъ «національныхъ», о системѣ «національной» политики. Тонъ и характеръ ея статей становился все болѣе и болѣе провинистскимъ; возникло такъ называемое «желтое» или воинствующее направленіе, которое въ концѣ концовъ охватило собой всю почти область американской печати, заставивъ смолкнуть или вовсе прекратить свое существованіе органы, несогласные съ его доктринами, требованіями и планами. Извѣстная Ньюйоркская газета «New York Journal», одинъ изъ главныхъ органовъ демократической партіи, приняла на себя руководящую роль въ созданіи и проведеніи такой системы «національ-

ной политики. Она черезъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ вошла въ непосредственныя сношенія съ кубанскими инсургентами, отъ имени «редакціи» преподнесла почетную саблю главнокомандующему повстанческими войсками генералу Гомецу, всячески обнадеживала ихъ и обѣщала имъ поддержку республики Соединенныхъ Штатовъ; она посылала на мѣсто дѣйствія въ качествѣ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ и уполномоченныхъ (commissio-ners) сенаторовъ и депутатовъ федеральнаго законодательнаго собранія республики, т. е. вашингтонскаго конгресса, заставляя ихъ затѣмъ произносить въ семь послѣднемъ зажигательныя рѣчи, основанныя на довольно преувеличенномъ описаніи кубанскихъ «ужасовъ»; она описывала эти ужасы на всѣ лады, сопровождая такое описаніе иллюстраціями самаго потрясающаго свойства, не совсѣмъ соответствующими дѣйствительности; она громоздно требовала вмѣшательства правительства республики въ кубанскія дѣла и полнѣйшаго истребленія «испанцевъ» (spanard), довольно неосторожно отождествляя испанское населеніе о. Кубы съ испанскими войсками и чиновниками; она безпощадно поносила политическихъ дѣятелей, университетскихъ профессоровъ и органы печати, которые рѣшались хотя бы чисто принципиально высказываться противъ такого вмѣшательства или одного лишь истребленія испанцевъ. Циркуляція газеты быстро возростала, и нынѣ среднее ея обращеніе составляетъ сравнительно колоссальную цифру — 1.213.751 нумеръ въ день, между тѣмъ, какъ извѣстный парижскій Petit Journal, до сего времени являвшійся самымъ распространеннымъ изданіемъ на земномъ шарѣ, расходится въ среднемъ лишь въ количествѣ 1.000.000 нумеровъ въ день.

Система «національной» американской политики, впервые провозглашенная и съ величайшими настоятельностью и усердіемъ пропагандируемая газетой «New-York Journal», нынѣ самой распространенной газетой на земномъ шарѣ, заключается въ нижеслѣдующемъ: 1) занятіе прочнаго стратегическаго положенія на островахъ Кубѣ и Порто-Рико, 2) присоединеніе Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ въ Тихомъ океанѣ, 3) прорытіе Никарагуаскаго канала, 4) созданіе могущественнаго флота и 5) превращеніе военной академіи Соединенныхъ Штатовъ въ г. West-Point и морской академіи Соединенныхъ Штатовъ въ г. Annapolis въ огромныя національныя образовательныя и воспитательныя учрежденія, которыя выпускали бы количество армейскихъ и морскихъ офицеровъ, достаточное для руководства и командованія огромной арміей и огромнымъ флотомъ. Пропаганда этой «національной» политики, поднятая и руководимая означенной газетой, взбудоражила мысли американскаго народа и преисполнила его воинственнымъ духомъ. Воинственное настроеніе обуяло его, этотъ диковинный «народъ», отъ высшихъ его слоевъ до низшихъ, начиная съ первостепен-

ныхъ политическихъ дѣятелей и кончая праздношатающими и бродягами (tramps), которыхъ въ этой «странѣ свободы» такое великое множество и которые составляютъ готовую уже армію, достаточно подготовленную въ мирное время къ боевымъ дѣйствіямъ вооруженными схватками съ поѣздной прислугой и пассажирами задерживаемыхъ въ глухихъ мѣстностяхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, жестокими сѣчами съ отрядами полицейскихъ чиновъ и разбоями на большой дорогѣ. На публичныхъ собраніяхъ разныхъ корпорацій, организацій и политическихъ партій, въ кафе, клубахъ и ресторанахъ, въ заведеніяхъ раздробительной продажи спиртныхъ и неспиртныхъ напитковъ (saloons) и, наконецъ, въ частныхъ собраніяхъ произносились воинственныя рѣчи, предъявлялись требованія вооруженнаго вмѣшательства въ кубанскія дѣла и заявлялись домогательства «истребленія испанцевъ». Когда же подъ воздѣйствіемъ и напоромъ подобныхъ требованій и домогательствъ для нѣкотораго внѣшняго ихъ удовлетворенія посланъ былъ президентомъ республики въ портъ столицы о. Кубы, гор. Гаванны, якобы для дружественнаго сосѣдскаго визита, американскій военный корабль «Maine» и таковой въ гавани этой былъ вскорѣ взорванъ, очевидно, посредствомъ подводной мины, страна, извѣстная подъ именемъ республики Соединенныхъ Штатовъ и сама себя именующая «величайшей демократіей на земномъ шарѣ», обратилась въ положительный адъ. Раздались вопли и завыванія, требующія отомщенія за взрывъ корабля и истребленія съ лица земли «жестокой, кровожадной и предательской испанской націи» (cruel, bloodthirsty and treacherous Spanish Nation); со страницъ газетъ «наиболѣе передовыхъ» и «наиболѣе демократическихъ» и въ особенности вышеозначеннаго «New-York Journal» неслись военные кличи и человѣкоистребительные вопли, какихъ можно ожидать лишь изъ устъ вождя сіуксовъ, апачевъ или команчей, какого либо «Сидящаго Ыка» или «Воющаго Волка»; политическіе дѣятели и университетскіе профессора, которые отваживались утихомирить и отрезвить этотъ бурный разливъ человѣкоистребительнаго бѣсновательства, были встрѣчены оплеваніемъ, издѣвательствами, поношеніями и даже обвиненіями въ измѣнѣ «національному дѣлу» и «національной чести» (national policy, national honor); рѣчь бывшаго президента республики Grover Cleveland, имъ произнесенная въ годовщину основанія такъ называемой высшей школы въ гор. Lawrenceville штата New Jersey, въ которой онъ подвергъ серьезной критикѣ новоизданную программу «національной» политики, осуждалъ воинственный азартъ и высказывался противъ войны и завоеванія новыхъ территорій, была пройдена безразличнымъ или презрительнымъ молчаніемъ; Филадельфійское отдѣленіе такъ называемой «Лиги всеобщаго мира» (Universal Peace Union) и его предсѣдатель А. Н. Love, которые предъ самымъ объявленіемъ войны послали королевѣ-регентшѣ

Испанія письмо, выражающее ей сочувствіе и признательность лиги за ея усилія сохранить миръ, подверглись жестокиѣмъ преслѣдованіямъ и поношеніямъ, а тотъ же «New-York Journal» требовалъ преданія означеннаго предсѣдателя Love уголовному суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, подвергая произвольному и ухищрительному толкованію статью федеральной конституціи относительно состава преступленія государственной измѣны (high treason); всеобщее воинственное возбужденіе обуяло, наконецъ, и вашигтонскій конгрессъ, и этотъ послѣдній въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, 19-го апрѣля сего года, вотировалъ ультиматумъ Испаніи немедленно отказаться отъ своего суверенитета надъ о. Кубой и удалить съ сего послѣдняго всё свои военныя и морскія силы, который былъ равносильнъ объявленію войны. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что посылка американскаго военнаго корабля «Maine», послѣдовавшая съ согласія испанскаго правительства, якобы для дружественнаго визита, въ дѣйствительности произведена была съ цѣлью подрѣпленія такого же ультиматума, который тогда уже предполагалось предъявить. Ходъ и результаты войны достаточно извѣстны, и мы о нихъ распространяться не станемъ. Острова Кубы и Порто-Рико нынѣ находятся въ фактическомъ обладаніи республики Соединенныхъ Штатовъ, и каковы бы ни были формальныя манипуляціи, чрезъ которыя суждено пройти первому изъ нихъ, онъ, если не сейчасъ же, то очень скоро наравнѣ со вторымъ будетъ присоединенъ къ ея составу.

Такимъ образомъ, пунктъ первый новообъявленной системы американской «національной» политики уже осуществленъ. Точно также во время этой войны и собственно благодаря таковой, осуществленъ и второй ея пунктъ, а именно—присоединеніе къ республикѣ Гавайскихъ острововъ: проявившаяся оппозиція сломлена была военными соображеніями и доводами военной необходимости текущей минуты. Отчасти и даже въ значительной степени осуществленъ уже и четвертый ея пунктъ, то-есть созданіе могущественнаго флота, ибо передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій и во время самой войны республикой куплено у иностранныхъ государствъ и вновь заказано къ постройкѣ немало военныхъ судовъ первостепеннаго значенія. Не такъ далеки наконецъ къ осуществленію и пункты третій и пятый этой «національной» политики, то-есть открытіе работъ по прорытію никарагуаскаго канала, долженствующаго соединить между собой два океана, и превращеніе военной и морской академіи Соединенныхъ Штатовъ въ первостепенныя и первенствующія національныя воспитательно-образовательныя учрежденія. Насколько возможно понять этотъ послѣдній пунктъ новопровозглашенной программы «національной» американской политики, то онъ заключается въ томъ, чтобы нынѣ существующія военную и морскую академіи, пока, замѣтимъ кстати, ни по уровню своихъ

научно-преподавательскихъ силъ, ни по своимъ программамъ, совершенно не оправдывающія своихъ громкихъ наименованій, преобразовать въ первостепенные, національные университеты, національные прежде всего въ государственномъ значеніи этого слова, ибо всѣ нынѣ существующія въ странѣ высшія учебныя заведенія основаны либо частными лицами, либо акціонерными компаніями, либо вѣроисповѣдными организаціями, либо наконецъ отдѣльными штатами и носятъ въ большей или меньшей степени мѣстный, провинціальный характеръ. Въ проектированныхъ національныхъ университетахъ каждый студентъ, помимо избранной имъ спеціальнойности, обязательно проходитъ курсъ военныхъ либо морскихъ наукъ, такъ что по окончаніи курса онъ является подготовленнымъ не только къ профессиональной дѣятельности, но и къ занятію офицерскаго поста въ арміи, либо флотѣ, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій.

Однако сверхъ объявленныхъ пяти пунктовъ новопровозглашенной системы американской «національной» политики западный отдѣлъ американскаго флота и значительный отрядъ сухопутныхъ войскъ республики занимаютъ нынѣ портъ столицы главнаго изъ Филиппинскихъ острововъ г. Маниллы и самый городъ, фактически командуя всѣмъ заливомъ и цѣлымъ о. Luzon. Нынѣ правительствомъ республики твердо рѣшено удержать въ своемъ владѣніи если не всю группу Филиппинскихъ острововъ, главный изъ которыхъ находится уже въ его обладаніи, то по крайней мѣрѣ этотъ послѣдній. Такимъ образомъ Соединенные Штаты пріобрѣтаютъ прочную точку опоры и становятся твердой ногой не только на Атлантическомъ океанѣ, но также и на Тихомъ, что даже вовсе не входило въ вышеочерченную программу «національной» политики и ею вовсе не было предусмотрено. И все это въ сравнительно весьма короткое время совершенно отнюдь не правительствомъ федеративной республики, а тѣмъ же самымъ «народомъ Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), который въ періодическіе припадки земельного голода разѣе въ теченіе всего лишь 91 года (1776—1861) увеличилъ ихъ территорію въ 5 разъ. Газета «New-York Journal», являясь олицетвореніемъ и воплощеніемъ желаній и стремленій огромнаго большинства этого народа, затѣяла и создала войну съ Испаніей, которая, какъ мы доказали уже выше, была совершенно неизбежной. Но и во время самой войны газета эта продолжала свою энергичскую дѣятельность. На ея развѣдочныхъ судахъ испытанные и отважные корреспонденты изо дня въ день не только раздобывали извѣстія и изготовляли самоновѣйшія сообщенія у ихъ первоисточника, нерѣдко въ самомъ разгарѣ жаркаго боя, подъ громъ огромныхъ морскихъ пушекъ, предупреждая всегда официальные рапорты и сообщенія, но также и давали очень часто командующимъ отдѣльными военными и морскими отрядами чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія о мѣстѣ

нахожденія непріятели, расположені непріятельскихъ войскъ и отрядовъ, ихъ движенія и приготовленія. Со страницъ газеты этой почерпали самоновѣйшія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій какъ на сушѣ, такъ и на морѣ не только заурядные читатели, но также и всѣ правительственные органы и инстанціи, кончая министрами и президентомъ республики, которые на основаніи ихъ отдавали свои официальные распоряженія. James Greelman, одинъ изъ старѣйшихъ корреспондентовъ «New-York Journal», «интервьюировавшій» въ теченіе своей многолѣтней корреспондентской карьеры весьма многихъ первостепенныхъ политическихъ дѣятелей Старога Свѣта и въ томъ числѣ коронованныхъ особъ, былъ серьезно раненъ въ одной изъ схватокъ на Кубѣ. Edward Marshall, другой ея корреспондентъ, смертельно раненный въ небызвѣстной битвѣ между отборной американской волонтерской кавалеріей и испанскимъ кавалерійскимъ отрядомъ при г. El Caney, нынѣ находится въ госпиталѣ на излѣченіи. Mumford, Langdon Smith и Follansbee, три другихъ корреспондента, серьезно переболѣли изнурительной кубанской лихорадкой, а Sidney Tovey, неутомимо выполнявшій свои корреспондентскія обязанности въ гг. Havana, Cardenas и Тампа, умеръ отъ таковой. Высшее федеральное правительство, и въ особенности президентъ республики и предѣдатель палаты представителей (speaker) всячески старались избѣжать войны съ Испаніей, но тотъ же «народъ Соединенныхъ Штатовъ», взбудораженный и взбаламученный главными органами печати, а въ особенности «New-York Journal», пробужденный въ своихъ звѣрскихъ и кровожадныхъ инстинктахъ, которые составляютъ основную сущность его психологіи и логики, вылъ, скрежеталъ зубами и напиралъ на правительство, требуя войны, и президентъ подчинился его требованіямъ. Когда же война эта закончилась, и Испанія приступила къ очищенію оо. Кубы и Порто-Рико, то же федеральное правительство республики и ея президентъ рѣшили на Филиппинскихъ островахъ ограничиться лишь морской станціей либо г. Маниллою и ея заливомъ, но тутъ снова тотъ же «Journal» забилъ тревогу, взбудоражилъ «народъ» и печать, и подъ взаимнымъ ихъ напоромъ рѣшено было высшимъ правительствомъ потребовать отъ Испаніи, если не всю группу Филиппинскихъ острововъ, то, по крайней мѣрѣ, весь островъ Luzon съ г. Маниллою и его гаванью и заливомъ. Судя по всему ходу государственно-общественнаго развитія федеральной республики Соединенныхъ Штатовъ, по исторіи ея территоріальнаго расширенія, можно было бы заключить, что этотъ «народъ Соединенныхъ Штатовъ» на одно, а, быть можетъ, даже и на два поколѣнія удовлетворится сдѣланными земельными приобрѣтеніями, будетъ довольствоваться произведенными территоріальными захватами и въ ближайшемъ будущемъ займется исключительно благоустройствомъ и развитіемъ своихъ новыхъ владѣній на Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ,

расширеніемъ своей торговли и промышленности въ ихъ предѣлахъ и изысканіемъ на нихъ новыхъ поприщъ для помѣщенія своихъ капиталовъ. Но внутреннее состояніе республики въ настоящее время настолько сложно и серьезно, а условія ея послѣдняго территориальнаго расширенія, происходящаго и разыгрывающагося на нашихъ глазахъ, отличаются такими специфическими особенностями, что вступленіе ея въ совершенно новый фазисъ ея соціальной эволюціи представляется очевиднымъ и несомнѣннымъ, а ея будущее чревато событіями, надъ которыми долженъ призадуматься всякій серьезный государственный умъ и всякій другъ цивилизаціи.

Основатель, первый президентъ и отецъ нынѣшней республики Соединенныхъ Штатовъ, Вашингтонъ, покидая арену общественнаго служенія и удаляясь на покой, въ своей прощальной рѣчи (1797) далъ завѣтъ своимъ современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ страны довольствоваться своей территоріей, не домогаться ея расширенія и не вступать въ союзы и соотношенія съ иными державами. Общій смыслъ завѣтовъ этихъ, не совсѣмъ одинаково понимаемыхъ самими американцами, сводился къ тому, что такъ какъ для расширенія государственной территоріи пришлось бы вступить въ сложные и довольно рискованныя соотношенія съ иными государствами, дружить съ одними изъ нихъ и враждовать съ другими, а, быть можетъ, случилось бы даже быть вовлеченнымъ въ войну, то лучше довольствоваться тѣмъ, что имѣется и пребывать въ мирѣ и покоѣ. Собственно говоря, завѣты эти до послѣдняго времени американскимъ народомъ соблюдались, ибо хотя онъ и расширялъ свою территорію самымъ дѣятельнымъ образомъ, но зато исключительно въ предѣлахъ сѣверо-американскаго материка и, что главное, безъ всякаго вступленія въ союзы, коалиціи и какія бы то ни было соотношенія съ иными государствами и народами. Если, въ видахъ того же расширенія, онъ и воспользовался результатами войнъ — французской (1798—1800) и мексиканской (1846—1848), то къ войнамъ этимъ молодая республика была вынуждена совсѣмъ иными причинами и мотивами, ничего общаго съ расширеніемъ ея территоріи не имѣющими. Нынѣ, на нашихъ глазахъ, этотъ диковинный «народъ Соединенныхъ Штатовъ» впервые въ теченіе своей двадцатидвухлѣтней исторіи (1776—1898) рѣшительно нарушилъ завѣты основателя республики, выступивъ за ея естественныя границы, съ оружіемъ въ рукахъ бѣшено ринувшись на острова Атлантическаго и Тихаго океановъ и вступивъ на путь завоеваній, который раньше или позже долженъ привести его къ союзамъ и соотношеніямъ съ иными, собственно говоря, европейскими державами. Такимъ образомъ, то совершенно изолированное положеніе, какое республика Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе всего своего существованія неизмѣнно занимала, нынѣ прекратилось, и подъ дикій ревъ многомилліонной толпы, смѣшанный со звуками побѣдныхъ

маршей, выступает она на поприще всемирной истории со всеми данными къ занятію мѣста седьмой великой державы. Въ общемъ ходѣ новѣйшей истории выступленіе это имѣетъ огромное, перво-степенное значеніе, и въ ряду событій всемирнаго значенія оно занимаетъ, по нашему мнѣнію, первое мѣсто послѣ великой французской революціи.

Въ качествѣ позднѣйшаго изъ періодическихъ территоріальныхъ расширеній республики, оно рѣзко и существенно отличается ото всѣхъ предшествующихъ ея расширеній не только по условіямъ внѣшнимъ, которыя указаны и очерчены уже нами выше, но также и по своимъ внутреннимъ условіямъ и причинамъ. Тѣ беспорядочныя ватаги вольныхъ переселенцевъ, которыя, въ значительной степени состоя изъ жадныхъ авантюристовъ, разныхъ забулдыгъ, всевозможныхъ бродягъ, негодяевъ всевозможныхъ сортовъ, преступниковъ разныхъ градацій и, наконецъ, убійць всѣхъ странъ и всѣхъ націй, въ теченіе настоящаго вѣка, именуемаго вѣкомъ прогресса и просвѣщенія, повторили подвиги придорожныхъ рыцарей средневѣковой Германіи, набѣги новгородской и псковской вольницы на пермскій и вятскій край, походы Ермака на Сибирь, набѣги запорожской сѣчи на Оттоманскую имперію, Венгрію и Валахію и, наконецъ, позднѣйшіе подвиги поволжскихъ «разбойничковъ», въ концѣ концовъ осябли и утвердились въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и изъ всей этой амальгамы всевозможныхъ, по преимуществу отверженныхъ элементовъ всевозможныхъ національностей, поставляемыхъ Старымъ Свѣтомъ, подъ ассимилирующимъ воздѣйствіемъ англійскаго языка и нивелирующимъ вліяніемъ спеціально американскихъ учреждений, образовалась совершенно новая нація, представляющая особый типъ какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Вполнѣ естественно, что разъ нація эта, въ теченіе слишкомъ столѣтія находившаяся въ періодѣ своего новообразования, достигла, наконецъ, извѣстной цѣлостности и изъ 3 всего милліоновъ первоначальныхъ обывателей 13 англійскихъ колоній, отложившихся отъ своей метрополи, достигла численности въ 75 милл., то ея потребность въ территоріальномъ расширеніи и стремленія къ такому, независимо отъ измѣненія внѣшнихъ условій ихъ удовлетворенія, не могли не подвергнуться совершенному измѣненію во внутреннемъ существѣ своемъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, являясь, такимъ образомъ, первоначальной причиной для возникновенія такъ называемой американской національной политики, сущность которой нами выше уже очерчена.

Но помимо этой первоначальной причины ея зарожденія несомнѣнно имѣется еще гораздо болѣе важная основная причина какъ самаго ея возникновенія, такъ и въ особенности ея роста, укрѣпленія и столь быстро и успѣшнаго осуществленія. Промышленность «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», какъ добывающая, такъ

и обрабатывающая, отличаются необычайнымъ поразительнымъ хищничествомъ. Если принять во вниманіе, изъ какихъ элементовъ составился по преимуществу такъ называемый «американскій народъ», или «народъ Соединенныхъ Штатовъ», а равно то обстоятельство, что всѣ эти пришельцы являлись и являются сюда съ исключительной и единственной цѣлью быстро нажиться и скоро разбогатѣть, то подобный характеръ американской промышленности, а вслѣдъ за нею и торговли, представляется естественнымъ и неизбѣжнымъ. Обрѣтя площадь, изобилующую каменнымъ углемъ или драгоценными металлами, американецъ, пользуясь совершенной «свободой» и полнѣйшимъ «государственнымъ невмѣшательствомъ» въ его предпринимательскіе гешефты, съ жадностью хищника набрасывается на эту площадь и, окончательно истощивъ такую въ самое короткое время, ее бросаетъ, подкопавшись весьма нерѣдко подъ проѣзжія дороги и близъ лежащіе города, благодаря чему окрестные обыватели отъ времени до времени внезапно проваливаются въ преисподнюю со своими лошадьми и экипажами на дорогахъ и своими лицами, чадами и домочадцами въ чертѣ городовъ. Убѣшенная и мошенническая спекуляція иногда создаетъ цѣлые города тамъ, гдѣ не имѣется никакихъ данныхъ для ихъ существованія, а когда затѣмъ темные спекулянты, обобравъ и ограбивъ тысячи своихъ согражданъ, внезапно исчезаютъ, тогда и эти послѣдніе, обыватели подобнаго скоропалительнаго града, унылые и окопаченные, разбѣгаются во всѣ стороны, покинувъ свои дома и земельные участки. Однимъ изъ образчиковъ подобныхъ городовъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія представляется г. West Lynne въ штатѣ North Dakota. Тяжелое впечатлѣніе производитъ подобный «городъ мертвецовъ» (city of the dead). Эти осколки зеркальныхъ стеколъ магазиновъ, покрытые слоями пыли и грязи, эти полуразрушенныя крыши, эти выбитыя и почернѣвшія окна, эти улицы и ихъ тротуары, поросшіе сорными травами, эти жалкіе остовы каменныхъ и деревянныхъ домовъ, надъ которыми носятся хищныя птицы, единственныя живыя существа въ этомъ мертвомъ царствѣ, безмолвно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ бѣшенъ и безпощаденъ этотъ человѣкъ-хищникъ. Не лучшее впечатлѣніе производятъ и бывшія угледомни и розсыпи. Эти горы мусора, грязи и минеральныхъ отбросовъ, маскируя еле замѣтные входы и спуски въ заброшенныя и покинутыя шахты, точно запущенныя гробницы, зловѣще чернѣютъ среди роскошныхъ холмовъ или цвѣтущихъ долинъ, знаменуя собою тотъ путь, по которому прошелъ этотъ самый человѣкъ-хищникъ. Неудивительно, что при подобномъ хищническомъ характерѣ американской промышленности производство «страны свободы» далеко превышало всегда ея потребленіе, а въ два послѣднихъ десятилѣтія превысило его настолько, что открытіе и заполненіе новыхъ рынковъ сбыта стало для этой страны предметомъ настоящей и

неизбѣжной необходимости. Такъ какъ при этомъ перепроизводство страны свободы и хищничества въ это послѣднее десятилѣтіе истекающаго вѣка далеко превысило перепроизводство всѣхъ иныхъ странъ за тотъ же періодъ, то немедленное овладѣніе новыми рынками сбыта стало для республики Соединенныхъ Штатовъ вопросомъ остраго жизненнаго значенія. Вотъ почему эта диковинная страна, бывшая до послѣдняго времени лишь «житницей всего свѣта», неизмѣнно державшейся своей «блестящей изолированности», послѣдно отрѣшается отъ сей послѣдней и съ нѣкоторой отчаянностью бросается въ омутъ коммерческой конкуренціи съ иными странами, прочими производителями всемірнаго рынка. Невозможно отрицать, что нынѣ американскіе пищевые продукты и мануфактуры можно найти на всѣхъ важнѣйшихъ рынкахъ земного шара. Изъ этого всеобъемлющаго, почти стихійнаго движенія къ овладѣнію новыми областями для сбыта этого колоссальнаго перепроизводства, къ захвату новыхъ и новыхъ рынковъ, родится столь же непреодолимое, также болѣе или менѣе стихійное, стремленіе къ овладѣнію «колоніями», къ приобрѣтенію «сферъ политическаго вліянія», которыя въ наибольшей и наивысшей степени должны стать рынками такого сбыта, рынками гарантированными, неизмѣнными, огражденными болѣе или меньшею степенью политической зависимости отъ метрополіи-производительницы и высокими въ ея пользу покровительственными тарифами, рынками, такъ сказать, закрѣпленными. Въ этомъ вся сущность и весь смыслъ новопровозглашенной американской національной политики. Овладѣніе рынками сбыта и созданіе крупнаго коммерческаго флота составляютъ ея основу и дѣйствительную задачу, а этотъ внушительный военный флотъ, который могъ бы «потягаться со всякимъ инымъ флотомъ на свѣтѣ», является лишь полицейскою силой, долженствующею прикрывать, ограждать и подкрѣплять движенія и дѣйствія флота коммерческаго. Весь этотъ небывалый воинственный азартъ, весь этотъ бурный разливъ патріотизма, всѣ эти изліянія національной гордости, всѣ эти вопли о національной чести, всѣ эти громозверженія о національномъ призваніи, будучи взбудоражены главнымъ образомъ взрывомъ американскаго военнаго корабля «Maine» въ гавани г. Гаванны, столицы острова Кубы, въ ночь съ 15-го на 16-е февраля текущаго года, являются въ дѣйствительности лишь осложненнымъ выраженіемъ коммерческихъ страстей, рыночныхъ вождельнѣй, хищническихъ стремленій.

Предметъ этотъ представляется болѣе сложнымъ, нежели это можетъ казаться съ перваго взгляда. Американскій народъ никогда не имѣлъ никакихъ идеаловъ ни національныхъ, ни безнаціональныхъ. Тѣ политическіе идеалисты, которые создали такъ называемую декларацию независимости (declaration of independence) и конституцію Соединенныхъ Штатовъ, были собственно продуктами анг-

лійскої цивилизаціи конца прошлаго и начала настоящаго вѣковъ, во всякомъ случаѣ сложившимся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскимъ. Эта небольшая горсточка политическихъ идеалистовъ, успѣвъ поднять грубыя и невѣжественныя массы хищническаго народа во имя «свободы» (liberty), которую эти послѣдніи понимали по-своему и совѣмъ не такъ, какъ эти ихъ восторженные вожди, и затѣмъ достигнуть политической независимости, естественно не оставили въ странѣ послѣ себя ни прочныхъ слѣдовъ, ни послѣдователей. Точно также тѣ сравнительно немногочисленныя единицы и группы, которыя искали въ Новомъ Свѣтѣ осуществленія новыхъ политическихъ идей, либо примѣненія новыхъ экономическихъ доктринъ, путемъ образованія кооперативныхъ земледѣльческихъ колоній, не только не успѣли вдохнуть въ американскій народъ какихъ либо идеаловъ, но даже произвести на него какое либо впечатлѣніе. Единственнымъ стимуломъ всего существованія американца, предметомъ всѣхъ его желаній, цѣлью всѣхъ его стремленій, центромъ всѣхъ его душевныхъ отпавленій является стяжаніе, хищеніе и урваніе доллара. Извѣстное выраженіе «всемогущій долларъ» (allmighty dollar), примѣненное къ американцамъ однимъ изъ англійскихъ писателей, чрезвычайно мѣтко характеризуетъ все содержаніе американской жизни и всю сущность государственно-общественнаго строенія «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Этотъ круглый серебряный долларъ является дѣйствительнымъ божествомъ американскаго народа, въ жертву которому онъ приноситъ спокойствіе, совѣсть, честь, здоровье и наконецъ жизнь какъ свои собственныя, такъ и своихъ ближнихъ. Тотъ извѣстный англо-саксонскій субъективизмъ, въ силу котораго всѣ существующія учрежденія какъ общественныя, такъ и государственныя, равно какъ и само государство, представляются лишь средствами и способами къ достиженію и огражденію благосостоянія отдѣльной личности, на американской почвѣ, въ силу хищничества, разнузданности, и невѣжества американскаго народа выродился въ чисто коммерческую спекуляцію учрежденіями, властями и компетенціями, въ биржевую игру на государственно-общественное зданіе и его ресурсы, въ вѣчное разбойничье побоище ради захвата государственныхъ и общественныхъ кассъ. Всѣ эти столь краснорѣчивыя и широкообъщательныя программы отдѣльныхъ политическихъ партій являются лишь способами овладѣнія властью, должностями, компетенціями и классами, системами подступа къ государственно-общественному пирогу и захвата такового, простыми средствами для удовлетворенія стремленій властолюбиваго хищничества, а отнюдь не принципиальными, продуманными, искренними планами государственно-общественнаго строительства, какъ это можетъ казаться людямъ простодушнымъ, легковѣрнымъ и наивнымъ, не системами государственнаго зиждительства, которыя имѣли бы

самостоятельное существованіе и сами по себѣ составляли бы цѣль стремленій и дѣятельности ихъ сторонниковъ. При извѣстномъ государственномъ-общественномъ укладѣ и извѣстномъ уровнѣ государственного-общественнаго развитія даже для хищеній требуются стройныя и завлекательныя системы, придающія таковымъ характеръ трудовъ, подъемлемыхъ на пользу государственную, радѣнія о благѣ народномъ, подвиговъ на пользу отечества.

Вполнѣ естественно поэтому, что когда хищническіе инстинкты, захватительныя вождедѣнія и огромные аппетиты извѣстной категории американскихъ дѣльцовъ, дѣятелей и коноводовъ были раздражены такимъ лакомымъ кускомъ, какъ о. Куба, то понадобилось прежде всего изобрѣсть и выставить благовидную, сладкозвучную, благородную, широковшщательную систему подступа къ этому куску и овладѣнія таковымъ. Изъ обширнаго американскаго арсенала громкихъ словъ и пышныхъ фразъ, которыя имѣли кое-какое значеніе въ «странѣ свободы» въ доброе старое время, но нынѣ утратили уже всякій смыслъ и превратились въ звукъ пустой, извлечены были два слова наиболѣе заманчивыхъ, а именно—«человѣчность» (humanity) и «свобода» (liberty), и стали извергаться въ безконечномъ рядѣ болѣе или менѣе напыщенныхъ выраженій, сопровождаясь неизмѣннымъ требованіемъ, дабы во имя таковыхъ вся испанская нація была истреблена. Словоизверженіе это, принятое на себя преимущественно газетами такъ называемаго демократическаго направленія и руководимое газетой New-York Journal, возымѣло, какъ мы видѣли уже выше, свое дѣйствіе и создало войну съ Испаніей, нынѣ закончившуюся. Когда такимъ образомъ желаемые результаты были достигнуты, то съ «освобожденными» хищные янки не стали особенно церемониться. Кубанскій генераль Callixto Garcia, протестовавшій противъ наглого образа дѣйствій американскаго генерала Shafter, былъ такъ называемымъ кубанскимъ временнымъ республиканскимъ правительствомъ удаленъ отъ командованія восточной кубанской повстанческой арміей, несмотря на то, что какъ означенное временное правительство, на заднихъ лапкахъ стоящее предъ американцами, такъ равно и американская армія, на Кубѣ, которой означенный Shafter состоялъ главнокомандующимъ, весьма многимъ обязаны именно означенному Garcia. Что же касается филиппинскихъ инсургентовъ, то противъ нихъ, бывшихъ американскихъ союзниковъ и крайне цѣнныхъ помощниковъ въ сраженіяхъ съ испанскими сухопутными войсками, нынѣ высылаются пятидесяти-тысячная американская армія въ видахъ ихъ усмиренія. Освободительная комедія закончена, заманчивыя фразы болѣе не нужны, и разнузданный, жадный, звѣроподобный янки, околпачивъ всѣхъ и вся, со своей неподражаемой безцеремонностью, со всей своей цинической откровенностью, показываетъ всѣмъ этимъ «освобожденнымъ» свои когти. Наконецъ и главнокомандующій кубанской по-

встанческой арміей, генераль Махімо Gomez, руководившій двумя возстаніями о. Кубы противъ испанскаго владычества, отказался отъ такого командованія, заявляя свой протестъ и негодованіе по поводу «столь пассивнаго подчиненія положенію, созданному американцами, которое являеть собой игнорированіе и устраненіе кубанской республики, какъ таковой, и утвержденіе абсолютной власти Соединенныхъ Штатовъ».

Но подобная коммерческо-освободительная трагикомедія, являя собой образчикъ политическаго мошенничества и международнаго разбоя самаго наглаго свойства, отнюдь не представляется актомъ единичнымъ, вызваннымъ или созданнымъ исключительными обстоятельствами данной минуты. Передъ войной и во время самой войны американскіе политики, коммерческіе дѣльцы, литераторы или, точнѣ говоря, газетные строчилы извѣстной категоріи и наконецъ священники (попреимуществу протестантскіе) въ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и церковныхъ проповѣдяхъ единогласно заявляли, что эта «величайшая демократія на земномъ шарѣ», поднявшая оружіе яко бы «въ интересахъ человѣчности», предопредѣленіемъ судьбы, самимъ провидѣніемъ, предназначена къ приобрѣтенію огромныхъ владѣній, къ первенствующему голосу и рѣшающему значенію въ дѣлахъ международныхъ, къ освобожденію всѣхъ подчиненныхъ и угнетенныхъ народовъ, къ расширенію свободы, человѣчности и цивилизаціи. Такимъ образомъ сложилось и утвердилось въ «странѣ свободы» совершенно новое ученіе американскаго національнаго мессіанизма, представляющаго собой совершенную противоположность извѣстному страдательному мессіанизму Польши, созданному Товянскимъ. Если по ученію Товянскаго Польша, согласно предопредѣленію свыше, должна пройти чрезъ очистительное горнило страданій, этимъ именно путемъ собственныхъ страданій вести народы къ освобожденію, то согласно ново-сфабрикованному ученію американскаго національнаго мессіанизма «Америка», то-есть республика Соединенныхъ Штатовъ, путемъ безпощадной войны и разгрома преобладающихъ народностей, должна вести къ такому же освобожденію. Всякій народъ, «географически отдѣльный», долженъ быть освобожденъ отъ чужеземной власти и получить государственное самоуправленіе. Такимъ образомъ и племена и народы черной, желтой и красной расъ посредствомъ якобы непобѣдимаго оружія «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» должны быть освобождены отъ владычества бѣлой расы и, изгнавъ «блѣднлицыхъ», предаться благамъ собственнаго самоуправленія и собственной культуры. Всѣ эти чернокожіе, краснокожіе и желтокожіе, будучи снабжены американцами надлежащимъ оружіемъ и всѣми техническими усовершенствованіями военнаго дѣла нашего времени, подъ ихъ руководствомъ и при ихъ помощи, должны возстать противъ народовъ, ими управляющихъ, и, свергнувъ владыче-

ство этихъ послѣднихъ, получить полнѣйшую свободу, постепенно подготовляясь къ самоуправленію на началахъ американскихъ государственныхъ и правовыхъ понятій, для чего впродъ до окончанія подобнаго подготовленія пребывать подъ опекой, покровительствомъ и дружественнымъ якобы руководствомъ плутоватыхъ янки. Само собою разумѣется, хотя въ новозаявляемомъ ученіи національнаго мессіанизма умалчивается, что этого подготовительнаго періода, продленіе котораго зависитъ притомъ отъ опекуновъ и учителей, то-есть американцевъ, совершенно достаточно, чтобы высосать съ «освобожденныхъ» и «подготавливаемыхъ» всѣ соки и обобрать ихъ до послѣдней нитки. Если по окончаніи междуособной войны (1865 года) орды мошенниковъ и проходимцевъ, нагрянувшія изъ побѣдоносныхъ сѣверныхъ штатовъ, совершенно разорили и опустошили югъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», если по приобрѣтенія отъ Россіи Аляски (1867) американскія промышленныя компаніи и банды всевозможныхъ негодяевъ, нагрянувшія изъ «страны свободы» на этотъ злополучный полуостровъ и прилегающіе къ нему Алеутскіе острова, буквально грабили ихъ обитателей и путемъ открытаго разбоя захватывали ихъ промысла и въ особенности склады цѣнныхъ звѣриныхъ шкуръ, подкупая или, правильнѣе говоря, содержа на откупъ всѣхъ подлежащихъ чиновниковъ какъ мѣстныхъ, такъ и федеральныхъ; если вся система американской промышленности представляется разбойничьей и опустошительной, если нынѣ составила уже промышленная компанія съ капиталомъ въ 18 милліоновъ для эксплуатаціи о. Кубы и составляются таковыя же для разграбленія оо. Порто-Рико и Люзонъ (главный изъ Филиппинскихъ); если хищная лапа прожорливаго янки, подъ предлогомъ «расширенія свободы, человѣчности и цивилизаціи» распространяется надъ вышеозначенными островами, уже въ столь короткое время дала себя почувствовать настолько, что наиболѣе выдающіеся изъ кубанцевъ и филиппинцевъ запротестовали и поднялись противъ мнимыхъ «освободителей», то отсюда обнаруживается съ полною очевидностью, что то «расширеніе свободы, человѣчности и цивилизаціи», о которой съ своей столь неподражаемой наглостью и своимъ столь недостижимымъ цинизмомъ прокричали и вопяли политики, дѣльцы, проповѣдники и наконецъ просто проходимцы и негодяи «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», явится не чѣмъ инымъ, какъ высасываніемъ соковъ, грабежомъ и разореніемъ. Если сами эти политики, дѣльцы, газетчики извѣстной категоріи и проходимцы со всей положительностью утверждаютъ, что въ своемъ освободительномъ походѣ и выполненіи своей народо-освободительной миссіи они «соединяютъ дѣло освобожденія подчиненныхъ и угнетенныхъ съ собственной выгодой, являющейся лишь скромнымъ за такое вознагражденіемъ», то отсюда явствуется, каковъ истинный смыслъ этого новопровозглашеннаго національнаго мессіанизма, и какова дѣйствительная цѣнность

наго національнаго мессіанизма, и какова дѣйствительная цѣнность всего этого дѣла, именуемаго дѣломъ освобожденія подчиненныхъ (subjects) и угнетенныхъ (oppressed).

Но помимо перспективы ограбленія, обобрая и разоренія, какая ожидаетъ всѣ тѣ народы, которымъ суждено попасть въ кругъ примѣненія новосфабрикованнаго американскаго національнаго мессіанизма, ограбленія дѣльцами, промышленниками и чиновниками «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», имѣется также въ этомъ промышленно-освободительномъ мессіанизмѣ еще и иная, болѣе опасная сторона. Не подлежитъ сомнѣнію, что побѣда кубанцевъ и въ особенности филиппинцевъ надъ испанцами при помощи американскаго оружія является кровавой и унижительной побѣдой низшей расы надъ высшей, варварства надъ цивилизаціей. Всѣ эти черные, красные и желтые народы, снабженные самоновѣйшимъ оружіемъ и посвященные въ тайны новѣйшаго военнаго искусства «величайшей демократіей на земномъ шарѣ», быстро истребятъ элементы культурныхъ народностей, осѣвшіе въ ихъ средѣ, и живо сметутъ всякіе слѣды европейской цивилизаціи, прививавшейся къ нимъ вѣками. Вѣроломный янки, безъ всякихъ церемоній истребляющій своихъ «краснокожихъ», ограничивающій права негровъ и исподволь ихъ убивающій, не допускающій вовсе въ свои предѣлы китайцевъ, съ цинизмомъ выступаетъ въ качествѣ защитника и покровителя этихъ самыхъ «цвѣтнокожихъ» (colored) въ иныхъ частяхъ свѣта и даже провозглашаетъ ихъ «освобожденіе», наравнѣ съ бѣлокожими, своей національной миссіей. Американецъ, въ своей внутренней жизни беззастѣнчиво спекулирующій на политическія, религиозныя и патріотическія чувства, все и вся приносящій въ жертву «всемогущему доллару» (allmighty dollar), онъ нынѣ вдругъ выступаетъ на поприще всемірной исторіи, международной жизни и международныхъ отношеній, нимало не заботясь о такихъ пустякахъ, какъ уничтоженіе болѣе или менѣе прочныхъ зачатковъ европейской цивилизаціи въ странахъ дикихъ и полудикихъ и возможное истребленіе пришлыхъ культурныхъ элементовъ осатанѣвшими туземцами, спѣшащими воспользоваться своей «свободой». Такимъ образомъ, осуществленіе новоизмышленной программы американской національной политики, является прежде всего прямой угрозой европейской цивилизаціи въ ея завоеваніяхъ въ Африкѣ и въ особенности въ Азіи. Эта хищная англосаксонизированная орда, сложившаяся и продолжающая слагаться изъ всемірнаго сброда, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстная внѣ предѣловъ своего распространенія, ради захвата намѣченныхъ рынковъ, ради промышленной спекуляціи, ради наживы, ставитъ на карту спокойствіе, благосостояніе, миръ и достоинство цивилизованныхъ націй всего земнаго шара. Надъ этимъ стоитъ призадуматься Старому Свѣту и его политическимъ вождямъ.

Пенсильванія,
сентябрь 1898 года.

Евгеній Правдинъ.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. LXXIV.

20

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛОНСКІЙ.

(Некрологъ).

ОКТАБРЯ 18, въ Петербургѣ, послѣ продолжительной болѣзни скончался Яковъ Петровичъ Полонскій, одинъ изъ самыхъ видныхъ и популярныхъ поэтовъ нашихъ, чьи произведенія болѣе шестидесяти лѣтъ являлись истиннымъ украшеніемъ отечественной литературы. Слухи о болѣзни мастистаго писателя уже циркулировали съ лѣта; наконецъ, они проникли въ печать, гдѣ и сообщалось о безвыходномъ положеніи больного, но какъ-то невольно не хотѣлось вѣрить, что жизни дорогого всѣмъ поэта грозитъ серьезная опасность, что роковой исходъ не избѣженъ, близокъ. Утреннія газеты 19-го октября разсѣяли всѣ сомнѣнія, всѣ упованія: печальное извѣстіе въ траурной рамкѣ кратко гласило, что уже не стало того, кто и какъ человекъ и какъ заслуженный представитель литературы такъ долго былъ вдохновеннымъ выразителемъ русской мысли и русскаго чувства.

Полонскій скончался, и надъ свѣжимъ могильнымъ холмомъ поэта прежде всего умѣстно припомнить длинный путь жизни его, воскресить все то бывшее, которое и ему самому такъ хотѣлось окинуть окомъ съ горныхъ высотъ міровой вѣчности—

Вѣдь если смерть ко мнѣ придетъ,
Воспряну духомъ я, очнусь на вѣки зрячимъ—
И все бывшее оживетъ.—

сказать онъ незадолго до своей кончины.

Я. П. Полонскій родился 6 декабря 1820 г. въ Рязани, гдѣ и протекли его дѣтскіе и отроческіе года. На десятомъ году жизни мальчикъ потерялъ нѣжно любимую его мать и остался въ настоящемъ смыслѣ сиротою, такъ какъ отецъ, вскорѣ по смерти жены, переѣхалъ на службу въ Закавказье, поручивъ дѣтей попеченіямъ ихъ тетокъ. Въ 1831 г. Полонскій поступилъ въ мѣстную гимназію, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе начальства и товарищей своимъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ и любовью къ отечественной словесности. Эти дарованія и эта любовь проснулись въ немъ очень рано, когда, еле выучившись грамотѣ, ему случайно попала въ рукописи поэма Пушкина «Братья разбойники». Это произведеніе нашего гениальнаго поэта настолько плѣнило и поработило его чувство, что отнынѣ Пушкинъ до конца дней Якова Петровича остался его «вѣчнымъ спутникомъ», великимъ учителемъ и ангеломъ-хранителемъ его литературной дѣятельности. На гимназической скамейкѣ онъ, вмѣсто внимательнаго отношенія къ класснымъ занятіямъ, погружается именно въ чтеніе запретныхъ тогда произведеній великаго поэта, а вскорѣ и самъ болѣе или менѣе удачно начинаетъ ему подражать. Извѣстность Полонскаго, какъ гимназическаго поэта, начинается расти, и вотъ, когда начальство съ волненіемъ ожидало посѣщенія учебнаго заведенія наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, ему поручаютъ даже написать приветственные стихи, но такъ, чтобы «одинъ куплетъ можно было проговорить изустно, а другой пропѣть на гимнъ «Боже, Царя храни!» Молодой стихотворецъ справился съ возложенной на него задачей, но прочесть и пропѣть въ присутствіи наслѣдника своего произведенія ему не удалось, хотя оно и было поднесено его высочеству. Стихотвореніе Полонскаго очень понравилось Жуковскому, сопровождавшему своего августѣйшаго ученика въ поѣздкѣ по Россіи; онъ похвалилъ юнаго гимназиста и передалъ ему отъ имени цесаревича въ награду золотые часы. Это вниманіе къ поэту гимназисту произвело сенсацію въ губернскомъ городѣ, и архіепископъ Евгеній произнесъ даже проповѣдь по адресу юнаго литератора, печатный экземпляръ которой и препроводилъ ему съ надписью: «Піицу Полонскому А. Евгеній».

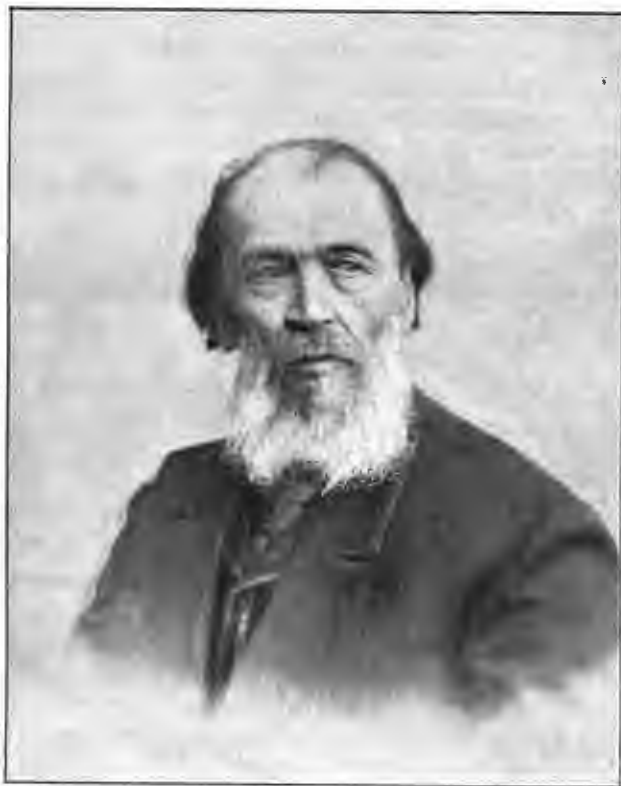
Въ 1840 г. Яковъ Петровичъ окончилъ курсъ гимназій и поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго уни-

верситета, получивъ на приѣмныхъ экзаменахъ пять изъ словесности и единицу по математикѣ. Воспитанникомъ своего факультета онъ оказался, однако, слабымъ, предпочитая слушать сборныя лекціи, по собственному выбору, другихъ аудиторій, куда болѣе влекло въ данный моментъ чувство любознательности и увлеченіе тѣмъ или инымъ предметомъ. Студенчество, совпало съ тяжелыми днями жизни Полонскаго, погрузившими его въ жестокія матеріальныя лишенія и нужду; разстроенныя дѣла его отца и распатанное здоровье послѣдняго побудили молодого студента отказаться отъ аккуратнаго посѣщенія университета и отдать большую часть времени добыванію частными уроками средствъ жизни, какъ для самого себя, такъ и для родительской семьи. Въ 1844 г. онъ окончилъ курсъ университета и вскорѣ затѣмъ издалъ сборникъ въ числѣ 32 своихъ стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ «Гаммы», встрѣченный тогдашнею журнальною критикою благосклонно, въ томъ числѣ и похвалами Бѣлинскаго, бывшаго всегда строгимъ судьей начинающихъ поэтовъ.

Не находя себѣ въ Москвѣ опредѣленныхъ, обезпечивающихъ занятій, Полонскій, по совѣту одного пріятеля, рѣшилъ попытать счастье въ провинціи, съ которой отнынѣ на многіе годы и связалась его жизнь. Попавъ сначала въ Одессу, онъ встрѣтился здѣсь съ школьнымъ товарищемъ, Бакунинымъ, назначеннымъ профессоромъ въ Ришельевскій лицей. Бакунинъ добылъ уроки своему другу, познакомилъ его со многими интеллигентными семьями южной Пальмиры, въ томъ числѣ съ семействомъ писательницы Зонтагъ, и такимъ образомъ жизнь Полонскаго понемногу начала поворачиваться къ лучшему. У него явились уже средства, на которыя ему и удалось выпустить второй сборникъ стихотвореній, судьба котораго, однако, съ точки зрѣнія критической оцѣнки журналистикой, была не столь удачною, какъ въ первый разъ. Изъ Одессы Полонскій перебрался въ Тифлисъ, получивъ тамъ занятія при канцеляріи князя М. С. Воронцова, а потомъ сдѣлался помощникомъ редактора «Закавказскаго Вѣстника». Здѣсь, на страницахъ официального изданія, онъ печатаетъ рядъ статей, а также цѣлую серію стихотвореній, каковыя и издаетъ въ 1849 г. подъ грузинскимъ заглавіемъ «Сизандаръ», что значитъ въ переводѣ— «Пѣвецъ». Въ 1851 г. онъ выпускаетъ новый сборникъ своихъ граціозныхъ поэтическихъ произведе-

ній и въ тотъ же періодъ времени становится самымъ желаннымъ гостемъ на страницахъ столичныхъ журналовъ «Литературныхъ Вечеровъ», «Библіотеки для Чтенія», «Москвитянина», «Современника» и др.

Отъ небольшихъ поэмъ и стихотвореній нашъ поэтъ дѣлаетъ попытку перейти къ болѣе трудному роду творчества,

Яковъ Петровичъ Полонскій.

къ драмѣ, толчкомъ къ каковому переходу послужило открытіе, по инициативѣ Воронцова, въ Тифлисѣ казеннаго театра. Написанная имъ историческая драма въ стихахъ «Дареджана Имеретинская», для постановки ея на сценѣ, нуждалась въ разрѣшеніи со стороны столичной цензуры. Взявъ отпускъ по службѣ и заручившись рекомендательнымъ пись-

момъ отъ своего главнаго начальника къ графу Борху, онъ отправился въ Петербургъ. Но представительство Борха не выручило Полонскаго, и драма его не была разрѣшена къ постановкѣ, вмѣсто чего пришлось ограничиться напечатаніемъ ея съ пропусками въ «Москвитянинѣ» Погодина. Волокита съ цензурными хлопотами, сношенія съ старыми знакомыми и по литературнымъ дѣламъ привели къ тому, что чиновникъ канцеляріи Воронцова просрочилъ отпускъ и, не рѣшаясь подвергнуться непріятностямъ со стороны начальства, вышелъ въ отставку. Вмѣсто Кавказа его потянуло въ родную Рязань повидаться съ больнымъ отцомъ и семьею; послѣ побывки на родинѣ Полонскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ и посвящаетъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ, появляясь непрерывно на страницахъ лучшихъ здѣшнихъ журналовъ, то въ роли стихотворца, то въ качествѣ прозаика. За это именно время имъ напечатаны: «Забытое преданіе», «Квартира въ татарскомъ кварталѣ», «Статуя весны» «Груня», «Шатковъ», «Повѣсть» и др. Но литературная работа не могла дать писателю нужныхъ для жизни средствъ; пришлось прибѣгнуть къ испытанному заработку, тяжкому и утомительному, даванію частныхъ уроковъ, съ докучливой бѣготней изъ одного конца города въ другой. Эта тревожная и трудовая жизнь въ теченіе дѣлаго года разстроила окончательно здоровье Якова Петровича, такъ что, съ наступленіемъ весны, онъ вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и уѣхать въ Гапсаль, а оттуда въ Гельсингфорсъ, въ дѣляхъ возстановленія разстроеннаго здоровья морскими купаньями. По возвращеніи въ столицу, онъ выпустилъ 5-е изданіе своихъ поэтическихъ произведеній, подъ заглавіемъ «Стихотворенія Я. П. Полонскаго» (Спб., 1856 г.), куда вошли всѣ стихи, напечатанные имъ въ четырехъ предшествовавшихъ изданіяхъ, за исключеніемъ пяти стихотвореній въ «Гаммахъ», тринадцати—изъ изданія 1845 г. и драмы «Дареджана». Зимѣ 1856 г. поэтъ провелъ въ Варшавѣ, а весною слѣдующаго года онъ выѣхалъ за границу.

Въ теченіе лѣта и осени Полонскій объѣхалъ всю Германію и Швейцарію, а зиму провелъ въ Римѣ; съ наступленіемъ весны, онъ переселился изъ Рима въ южную Италію, а оттуда въ Парижъ. Здѣсь, въ семействѣ русскаго псаломщика Устюжскаго онъ соединился бракомъ съ дочерью Устюжскаго, Еленой Васильевной; но счастье семейной жизни было для него непродолжительно: черезъ пол-

тора года Елена Васильевна, въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты, внезапно скончалась, и Яковъ Петровичъ снова остался обреченнымъ на тяжелую жизнь одинокаго бобыля. Но какъ бы въ вознагражденіе этой печальной стороны существованія, жизнь послала ему въ этотъ періодъ нѣкоторое матеріальное довольство: онъ былъ приглашенъ издателемъ «Русскаго Слова», гр. Г. А. Куселевымъ-Безбородко, въ редакторы журнала, каковыя обязанности и исполнялъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1859—1860). Въ «Русскомъ Словѣ» Полонскій помѣстилъ рядъ своихъ стихотвореній, а также нѣсколько прозаическихъ и критическихъ статей. Осенью 1860 г., во время отлучки его изъ Петербурга, редація журнала была передана издателемъ нѣкому Хмѣльницкому, не имѣвшему ничего общаго съ литературой. Это обстоятельство побудило нашего поэта искать постоянное служебное мѣсто, каковое ему и было предоставлено, когда открылась вакансія секретаря комитета иностранной цензуры. Но этотъ благоприятный поворотъ въ судьбѣ не былъ полнымъ: жестокая болѣзнь, какъ слѣдствіе лишеній, безпокойствъ и волненій предшествовавшихъ годовъ, сломила его организмъ, и Полонскому прежде всего пришлось обратиться къ восстановленію силъ распатаннаго организма. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой постановки жизненнаго дѣла была его вторая припудительная поѣздка за границу, гдѣ въ теченіе всего лѣта 1861 года онъ и пролѣчился въ Ишлѣ, Бадгастейнѣ и Теплицѣ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ окончательно здѣсь оправился подъ неуспынными попеченіями врачей и зажилъ, наконецъ, жизнью, если не богатою, то во всякомъ случаѣ свободною отъ постоянныхъ лишеній и заботъ о завтрашнемъ днѣ.

Въ 1866 г. Яковъ Петровичъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Юзефиной Антоновной Рюльманъ, отъ которой и имѣлъ трехъ дѣтей. Отнынѣ семейный домъ Полонскихъ сталъ настоящимъ приютищемъ литературнаго и артистическаго міра, куда стремилось все столичное, что дышало и жило высшими интересами искусства, и гдѣ самъ хозяинъ съ своею молодою сунругою являлись дѣйствительными центрами, вокругъ которыхъ группировались собравшіеся. Юзефина Антоновна, какъ и ея прославившійся уже мужъ, была не чужда служенію искусства, составивъ себѣ почетное имя въ области валянія и обративъ на себя особенное вниманіе работой бюста Тургенева.

Въ теченіе послѣдовавшихъ тридцати лѣтъ, Яковъ Петровичъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ продолжаетъ дарить русскую литературу своими произведеніями, прозаическими и поэтическими (послѣдними главнымъ образомъ), появляясь на страницахъ самыхъ разнообразныхъ журналовъ, всѣхъ литературно-общественныхъ фракцій и направленій: «Библиотеки для Чтенія», «Времени», «Эпохи», «Вѣстника Европы», «Зари», «Гражданина», «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла», «Русской Мысли» «Сѣвернаго Вѣстника», «Нивы», «Живописнаго Обозрѣнія» и т. д., и т. д. Въ апрѣлѣ текущаго года редакція «Историческаго Вѣстника» имѣла также удовольствіе напечатать небольшой очеркъ Якова Петровича—«Къ біографіи Н. В. Успенскаго», а въ день объявленія о кончинѣ маститаго писателя на столбцахъ «Новаго Времени» появились его два посмертныхъ стихотворенія, написанныя уже въ періодъ тяжелой болѣзни.

Въ апрѣлѣ 1887 г. русское общество торжественно отпраздновало полулѣтней юбилей литературной дѣятельности нашего поэта, что было для Якова Петровича дружною и всеобщою отечественною признательностью за долги понесенныя имъ труды на славу нашей родины. Чествованіе юбиляра происходило въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія, куда на обѣдъ собрались многочисленныя почитатели честной, трудолюбивой и изящной музы поэта. Еще утромъ къ нему на квартиру явилась депутація, въ лицѣ Я. К. Грога и М. П. Сухомлинова, отъ Академіи Наукъ съ адресомъ, каковой потомъ былъ прочитанъ и на обѣдѣ. Торжество обѣда было открыто сообщеніемъ друга юбиляра, нынѣ также покойнаго Аполлона Николаевича Майкова, о высочайшемъ пожалованіи Якову Петровичу, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, удвоенной пенсіи по 2.500 р. въ годъ. Затѣмъ А. Н. Плещеевъ прочелъ рѣчь о «праздникѣ золотой свадьбы Я. П. съ музой», послѣ чего послѣдовало чтеніе привѣтственныхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ— отъ Академіи Наукъ, Общества любителей сценическаго искусства, отъ литераторовъ и художниковъ, отъ дирекціи начальныхъ училищъ, отъ К. П. Побѣдоносцева, М. Н. Каткова, славянскаго академическаго общества въ Лейпцигѣ, отъ русскихъ галичанъ въ Москвѣ, московской оперной труппы и консерваторіи, отъ редакціи «Русской Мысли», гг. Айвазовскаго, Кони, директора гимназіи Гуревича, сообщившаго объ основаніи имъ стипендіи имени Я. П. Полонскаго и пр. Рѣчи

говорили гг. Вейнбергъ, Лининъ и др.; стиховъ было прочитано множество: г.г. Майкова, Минаева, Фофанова, Иванова-Классика, Висковатова, Тютчева, Мартова, Языкова, Зотова, Рейнгольда и др.

Въ своемъ стихотворномъ посланіи къ другу, А. Н. Майковъ чрезвычайно удачно и граціозно опредѣлили положеніе юбиляра въ ряду прочихъ литераторовъ. Приводимъ это стихотвореніе полностью.

Тому ужъ больше, чѣмъ полвѣка,
 На разныхъ русскихъ широтахъ,
 Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
 За высшій жребій челоѣка
 Считая чудный даръ стиховъ.
 Имъ предались невозвратно...
 Имъ рано старыхъ мастеровъ.
 Поэтовъ Греціи и Рима,
 Далось почувать красоты:
 Бывало, вѣтливый лучъ Авроры
 Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы.
 Руминя вѣтхіе листы,—
 Они сидить, ловя намеки.
 И ихъ восторгъ растеть, растеть,
 Но мѣръ той какъ трудъ идетъ.
 И сквозь разобранныя строки
 Чудесный образъ возстаеть...
 И старши съ своихъ высотъ
 На нихъ, казалось, взирали,
 И улыбались межъ собой.
 И ихъ улыбкой ободрили...
 Тѣ трое были... милый мой.
 Ты понять?.. Феть и мы съ тобой...
 Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній,
 И тотъ же стиль, и тотъ же вкусъ
 Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
 Нашъ уготовили союзъ.
 Другъ друга мы тотчасъ признали
 Почти на первыхъ же шагахъ.
 И той же радостью въ сердцахъ
 Усѣхъ другъ друга принимали.
 Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
 Провозгласимъ мы тость примѣрный
 За поэтическій, нашъ вѣрный,
 Нашъ добрый тройственный союзъ!

Итакъ, Майковъ опредѣлили мѣсто Полонскому по характеру его поэтическаго дарованія рядомъ съ собою и Фетомъ, то-есть такими писателями, которые въ своей дѣятельности изъ числа всѣхъ остальныхъ представителей литера-

туры были преданы разработкѣ вопросовъ духа, вопросовъ искусства, вопросовъ міровой красоты. Но объ этой сторонѣ дѣятельности только что почившаго поэта напоминаетъ и отрывокъ изъ стихотворенія, тоже нынѣ покойнаго, постоянного сотрудника нашего журнала, В. Р. Зогова, отмѣтившаго въ своемъ привѣтствіи на юбилеѣ, что Полонскій

.....поэтъ, не искавшій
 Въ жизни дороги обычной,
 Темныхъ путей избѣгавшій,
 Знамя поэта державшій
 Твердо, рукою привычною,
 Сильныхъ земли онь не славилъ;
 Чуждый стремленія къ свѣту,
 Здѣсь высоко онь поставилъ
 Чистое званье поэта.
 Честно служилъ онь полѣвка
 Правдѣ, природѣ, искусству.
 Вѣрный высокому чувству,
 Въ долѣ и вѣнца человека
 Видѣлъ свое назначенье.
 Пѣлъ — если пѣлось — въ мгновенья
 Скорби, веселья, волненья,
 Если его вдохновенье
 Свѣтлымъ крыломъ обняло.
 Жизни вседневной боренье
 Музу его не пѣняло,
 Лишь красоту поклоненье.
 Истинѣ вѣчной служенье
 Сердце его наполняло...

Приглашенный на обѣдъ извѣстный датскій критикъ Георгъ Брандесъ сказалъ нѣсколько словъ пофранцузски о значеніи русской литературы, «звать которую — значить уважать». Кромѣ рѣчей и тостовъ, юбиляру поднесено было также нѣсколько цѣнныхъ подарковъ. По окончаніи обѣда, начался артистическій вечеръ: А. Г. Рубинштейнъ игралъ фантазіи на русскіе мотивы и бетховенскую сонату, г. Галкинъ — на скрипкѣ, пѣли г-жи Меньшикова, Вертенсонъ-Скальковская и др.; на сценѣ появлялись живыя картины, поставленныя Н. Каразинымъ на темы изъ стихотвореній Полонскаго.

Такъ оживленно, торжественно и дружно протекъ юбилей Якова Петровича, оставившій въ воспоминаніяхъ всѣхъ бывшихъ на юбилеѣ самое лучшее теплое чувство и явно показавшій юбиляру, какъ высоко ставитъ общество его заслуги передъ русской литературой, и какъ дорогъ ему

образъ сѣдовласаго старца-поэта, такъ неутомимо и честно потрудившагося въ свой долгій вѣкъ.

Дальнѣйшія событія жизни Полонскаго не отличались сложностью. Дни его протекали мирно и тихо въ кругу любящей семьи, друзей и почитателей, и только темными тучами на жизненномъ ясномъ небосклонѣ являлись слѣдовавшія за послѣднее время тяжкія утраты тѣхъ, съ кѣмъ такъ тѣсно связана была его поэтическая дѣятельность—кончина Фета, Плещеева, Майкова, Страхова и другихъ представителей нашей словесности. Во второй половинѣ текущаго десятилѣтія Яковъ Петровичъ, по предложенію нынѣшняго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, перешелъ на службу членомъ совѣта этого управленія, въ каковомъ званіи и застала его 18-го октября кончина.

Послѣ Полонскаго остается родинѣ обширное и цѣнное поэтическое наслѣдіе. Изъ числа послѣдняго наибольшей извѣстностью пользуются: поэмы—«Кузничикъ-музыкантъ», «Мими», «Келіотъ», «Ночь въ лѣтнемъ саду», и др.; стихотворенія: «Солнце и мѣсяцъ», «Смерть малютки», «Пѣсня цыганки», «Послѣдняя встрѣча», «Старая няня», «Роза», «Степь», «Волшебный мѣсяцъ», «Колокольчикъ», «За окномъ въ тѣни мелькаетъ», «Затворница» и др. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній переложены на музыку Рубинштейномъ, Ивановымъ, Чайковскимъ, Галкинымъ и др. и пользуются, въ качествѣ романсовъ, самую широкую извѣстностью въ публикѣ и даже народной массѣ, которая и о сию пору съ такою любовью распѣваетъ извѣстную пѣснь:

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ...

Многія изъ произведеній почившаго писателя вошли также въ хрестоматіи, и всѣ мы на зарѣ нашихъ дней съ любовью запоминали, на примѣръ, наизусть — «Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ» и т. п. красивые образы и картины. Можно было бы даже въ настоящемъ краткомъ некрологѣ, который пишется, когда еще крышка гроба не совсѣмъ прикрыта отъ нашихъ взоровъ дорогіе останки, сказать многое, чѣмъ покойный и какъ добрый и превосходный человѣкъ и какъ талантливый художникъ, близокъ и дорогъ намъ; можно было бы сейчасъ

же приступить къ характеристикѣ друга Майкова и Фета, блестящаго представителя пушкинскихъ завѣтовъ поэзіи, можно было бы припомнить то многое, разнорѣчивое и разногласное, что при жизни покойнаго такъ часто произносилось надъ его дѣятельностью въ видѣ «суда критики». Но... мы предпочитаемъ этого не дѣлать, не желая тревожить дорогой тѣни, не желая подымать въ настоящіе скорбные дни той пыли земли, которая такъ назойливо и часто докучала и при жизни незабвеннаго покойника, тревожила мирное и ясное теченіе его дней. Мнѣніе о себѣ, какъ поэтѣ, какъ выразителѣ думъ, чувствъ и настроеній роднаго народа, онъ считалъ наилучшимъ и наиболее вѣрнымъ своего друга и тонкаго знатока русской литературы, Н. Н. Стрехова, сказавшаго про Полонскаго: «Направление у Полонскаго — есть. Это направление дѣйствительно не имѣетъ въ себѣ ничего рѣзкаго, узкаго, бросающагося въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно есть. Это знаменитое направление, лучшимъ представителемъ котораго былъ Грановскій. Это — поклоненіе всему прекрасному, и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку. По мѣсту духовнаго развитія, Полонскій принадлежитъ Москвѣ и Московскому университету сороковыхъ годовъ — и онъ до конца остается вѣрнѣйшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература, и которые въ сущности никогда не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всеми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи Полонскаго. Если онъ не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ».

Эти слова, и по нашему мнѣнію, всего лучше опредѣляютъ Полонскаго, какъ поэта и какъ представителя опредѣленнаго поколѣнія людей, идеаламъ которыхъ онъ такъ вѣрно служилъ всю жизнь и во все теченіе своей литературной дѣятельности. Идеалистъ сороковыхъ годовъ, онъ смиренно шелъ своей жизненной дорогой, со взоромъ, непрестанно обращеннымъ къ небу, и съ словами на устахъ:

То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну,
 Крутятся, шаръ земли погружаетъ меня;
 Чытають, чытають мой разумъ и вѣру
 То призраки ночи, то призраки дня.

Не вѣрю я мраку, не вѣрю я свѣту,—
Они — грезы духа, въ нихъ ложь и обманъ...
О, вѣчная правда, откройся поэту,
Отвѣй отъ него разноцвѣтный туманъ,
Чтобъ могъ онъ великій, въ сознаньи обмана,
Ничтожный, какъ всплескъ посреди океана,
Постичь, какъ сливаются вѣчность и мигъ,
И сердцемъ проникнуть въ святая святыхъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЯЗВЫ И БОРЬБА СЪ НИМИ.

I.

Ы СТОИМЪ на рубежѣ двухъ столѣтій, и не за горами тѣ дни, когда придется приступить къ выясненію наличности и качества общественнаго наслѣдія, передаваемого для реализаціи грядущему вѣку. Предстоитъ задача чрезвычайно сложная, трудная, и, по всей вѣроятности, она потребуетъ совокупной работы цѣлаго ряда лицъ, которыя дадутъ себѣ трудъ резюмировать съ различныхъ точекъ зрѣнія итоги современной научной и общественной мысли. Вѣдь и прошлое-то столѣтіе съ его шумными заключительными годами, когда такъ громко и властно были провозглашены «права человѣка», еще далеко не обследовано въ должной степени, и многія событія и перипетіи того времени и о сю пору, по прошествіи цѣлыхъ ста лѣтъ, рисуются намъ въ загадочныхъ, затуманенныхъ формахъ и образахъ. Неясность и невыясненность наслѣдія восемнадцатаго вѣка, каковымъ оно перешло въ преемственность времени, послужили во многихъ отношеніяхъ причиною, что нѣкоторыя, и при томъ чрезвычайно существенныя, задачи и идеи долго пребывали въ зачаточномъ состояніи и, подавленные ходомъ событій послѣдующихъ годовъ, оставались какъ бы забытыми и затерявшимися въ потокахъ времени. Потребовалось затѣмъ немало напряженія, усилій и борьбы, сопря-

женной съ значительными жертвами, чтобы снять накупъ этого времени, очистить отъ разнообразныхъ наслоеній и вновь вызвать къ жизни тѣ самыя идеи, которыя такъ ярко и чисто горѣли на горизонтѣ обновленной исторической жизни человѣчества. Освобожденіе личности отъ рабства и гнета деспотизма, матеріальное благосостояніе всѣхъ классовъ населенія, въ связи съ нивелирующимъ прогрессивнымъ развитіемъ цивилизаціи,—эти два устоя, эти два принципа человѣческаго бытія, рѣзко выдвинутые концомъ прошлаго столѣтія, померкли, какъ извѣстно, въ общемъ ходѣ вещей первой половины текущаго вѣка и выдвинулись во всеобщемъ сознаніи съ новой и необычайной силой лишь во второй его половинѣ. Если процессъ осуществленія этихъ принциповъ, полное воплощеніе ихъ конкретными фактами въ реальную дѣйствительность, и не завершился еще и въ наши дни, если мы на каждомъ шагу даже наталкиваемся на грубое ихъ попираніе, то все же мы смотримъ на это, какъ на зло, какъ на аномалію, которыя рано или поздно, но непремѣнно, должны отойти въ область преданій, должны дать мѣсто торжеству права и правды. Сознаніе этого нынѣ такъ органически и неразрывно срослось со всею нашею цивилизаціей, нашею культурой, что уже двадцатому вѣку не придется логически обосновывать ихъ законность, начиная дѣло съ азовъ, не придется подыскивать имъ нужнаго философскаго освѣщенія. Въ этомъ отношеніи работа нѣсколькихъ поколѣній не пропала безслѣдно, и главная ея сила легла всею своею тяжестью не на представителей начала вѣка, а на ихъ преемниковъ, которые черезъ головы отцевъ и дѣдовъ протянули руки людямъ конца восемнадцатаго столѣтія.

Уроки прошлаго не должны проходить безплодно. Если уже однажды, въ періодъ новѣйшей жизни человѣчества, послѣднее испытало горечь утеряннаго времени и имѣетъ возможность произвести оцѣнку упущенному, то желательно, чтобы опытъ былого послужилъ добрымъ руководствомъ въ назиданіе современнымъ нашимъ обязанностямъ и отношеніямъ къ будущему. Мы, люди пера, собирающіе, по мѣрѣ силъ и возможности, въ своихъ работахъ публицистическаго характера, какъ въ фокусѣ, отраженія современной намъ жизни, ея запросы, нужды и болѣзни, болѣе, чѣмъ какой либо иной профессиональный классъ, обязаны озаботиться о передачѣ наступающему вѣку всего того существеннаго и типичнаго, что выработала на благо человѣчества современная мысль и чего она не успѣла, или оказалась почему либо не въ силахъ, осуществить и воплотить въ конкретныя явленія. Это типичное должно быть старательно выдѣлено изъ всего побочнаго, случайнаго и детальнаго, должно быть рѣзко отмѣчено штемпелемъ существенности и въ такомъ видѣ, въ формѣ разумно составленнаго духовнаго завѣщанія, передано къ исполненію идущимъ на смѣну поколѣніямъ

и годамъ. Вотъ при такой-то дружной работѣ, выполненной въ такой-то обязательной формѣ, можно надѣяться, наслѣдіе нашего вѣка не забудется и не затеряется въ грядущемъ будущемъ; его не придется пережевывать сначала, и тѣмъ самымъ будетъ спасена во всей своей неприкосновенности конечная мысль о благѣ человѣчества, надъ которой поработало съ такимъ усердіемъ и съ такою самоотверженной любовью столько лучшихъ представителей нашего современнаго общества.

Я уже отмѣтилъ, что завѣтами XVIII вѣка своему преемнику было освобожденіе личности отъ рабства и гнета деспотизма и матеріальное благосостояніе всѣхъ классовъ населенія, въ связи съ нивелирующимъ прогрессивнымъ развитіемъ цивилизаціи. Врядъ ли нужно распространяться, сколько нашъ вѣкъ поработалъ въ означенномъ направленіи, и какихъ значительныхъ результатовъ онъ здѣсь достигъ. Рабство, какъ духовная подчиненность одного другому, совсѣмъ исчезло изъ понятій по крайней мѣрѣ европейскаго цивилизованнаго человѣчества; принципы нивелирующей цивилизаціи установлены почти повсемѣстно настолько твердо и непоколебимо, что защита ихъ цѣлесообразности, разумности и законности требуется лишь въ отношеніи вооруженныхъ злѣю волею или недальновидныхъ. Наиболѣе открытымъ въ наши дни и только въ смыслѣ его достиженія остается вопросъ о матеріальной обеспеченности всѣхъ классовъ въ болѣе или менѣе равной и справедливой степени. Въ то время, какъ одни съ статистическими цифрами и фактами въ рукахъ утверждаютъ, что каждый годъ и каждый часъ вносятъ въ нашу современную цивилизацію экономическое неравенство, раздѣляя человѣчество на враждующіе классы, готовые ринуться въ бездну кровавой борьбы, другіе не менѣе убѣдительно доказываютъ, что зло не такъ ужъ велико, и что во всякомъ случаѣ параллельно временному нарастанію экономическаго неравенства и пауперизма, какъ переходной ступени цивилизаціи, дѣятельно принимаются мѣры къ смягченію этой жестокой стороны современной жизни. Эти мѣропріятія, направленные дружными усилиями общества и государства на борьбу съ зломъ пауперизма, уже сами по себѣ должны быть разсматриваемы, какъ счастливые и благодѣтельные предвѣстники лучшаго будущаго. Они, имѣя своимъ источникомъ завѣты любви и братства, не ограничиваются, однако, простыми звуками фразы, а также далеки отъ бездушныхъ и блѣдныхъ образовъ жалкой филантропіи «для очищенія совѣсти»; въ нихъ внесенъ разумный принципъ помощи, одновременно и воспитывающей и оздоравливающей и менѣе всего оскорбляющей чувство щепетильности и гордости. Этой сторонѣ общественной нашей жизни въ настоящемъ очеркѣ имѣетъ быть посвящена одна изъ главъ, теперь же мнѣ важно лишь отмѣтить, что именно сюда направлено въ значительной степени вниманіе общества и государства, и въ

этомъ самомъ вниманіи наглядно проявляется желаніе выполнить одинъ изъ завѣтовъ прошлаго вѣка. Вопросы политическіе и государственныя въ значительной мѣрѣ за послѣднее время какъ бы отступили передъ силою и властью вопросовъ экономическихъ и даже, по толкованію многихъ, поставлены въ непосредственную связь и зависимость отъ послѣднихъ. Отсюда та страстность, та нервность, которыя проявляютъ современники всякій разъ, когда рѣчь идетъ о вопросахъ экономическихъ, какъ бы послѣдніе ни были поставлены и формулированы.

Такимъ образомъ, за сто протекшихъ лѣтъ, составляющихъ привычное понятіе «нашего столѣтія», многое изъ того, что пришло къ намъ изъ предыдущаго вѣка, или уже получило свое принципиальное разрѣшеніе, или намѣчено въ ближайшую очередь разсмотрѣнія. Опущенное лѣтъ 75—80 тому назадъ до извѣстной степени нами уже нагнано, такъ что врядъ ли мы заслужимъ упрекъ отъ поколѣній девятисотыхъ годовъ въ нерадивости и небрежномъ отношеніи къ духовному завѣщанію XVIII вѣка. Но вѣдь не одной же толчеей на мѣстѣ и пережевываніемъ все стараго и лишь стараго были заняты представители нашего столѣтія, вѣдь выдвинули же и они какія нибудь новыя самодовлѣющія задачи, являющіяся типическою особенностью если не цѣлаго вѣка, то по крайней мѣрѣ конца его? Конечно, да, и одною изъ такихъ главнѣйшихъ задачъ, по моему искреннему убѣжденію, является задача оздоровленія человѣчества, безъ чего послѣднее ни въ коемъ случаѣ не въ состояніи справиться со всѣми многочисленными, лежащими на немъ обязанностями и отравленіями.

Это оздоровленіе понимается лучшими представителями научной и общественной мысли не въ смыслѣ исключительной тренировки тѣла съ какими нибудь специальными цѣлями, въ видѣ задачъ атлетики или служенія чувственнымъ наслажденіямъ, гдѣ духовное человѣка приносится въ жертву тѣлесному, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ античномъ мірѣ. Равнымъ образомъ, это оздоровленіе должно быть разсматриваемо не въ исключительномъ направленіи воспитанія духа, въ ущербъ его тѣлесной оболочкѣ, противопоставленія духа и плоти, гдѣ послѣдняя разсматривается во образѣ темничныхъ оковъ, подлежащихъ скорѣйшему разрушенію ради торжества несчастнаго и скорбнаго узника. Средневѣковой мистицизмъ, съ его мрачною проповѣдью умерщвленія плоти, сыгравшій въ судьбахъ человѣчества столь печальную роль, получаетъ лишь въ наши дни справедливую оцѣнку и должное возмездіе. Деятнадцатый вѣкъ нанесъ ему окончательный ударъ и, не отрицая никоимъ образомъ значенія и потребностей духа, громко возвысилъ свой авторитетный голосъ въ защиту тѣла. Всесторонняя забота о человѣкѣ, какъ вышемъ представителѣ животнаго царства, въ бытіи котораго духъ и тѣло должны пользоваться одинаковымъ

вниманіемъ и попеченіемъ, въ качествѣ жизненныхъ факторовъ взаимодополняющихъ и взаиморуководящихъ—такова задача, которую, во всей ея научной разработкѣ и обоснованности, сходящій со сцены вѣкъ передаетъ въ наслѣдство грядущему.

Задача оздоровленія человѣчества, борьба съ его недугами, явившимися, съ одной стороны, слѣдствіемъ чрезмѣрнаго пренебреженія правильными отправлениями и правильнымъ воспитаніемъ нашей плоти и, съ другой, слѣдствіемъ излишней заботы о культѣ разума, эта задача и эта борьба одна изъ самыхъ интересныхъ и свѣтлыхъ страницъ современной жизни, происхожденіемъ которой мы всецѣло обязаны стараніямъ и проповѣди представителей медицинской науки. Изучая человѣка всесторонне, во всемъ его объемѣ и во всѣхъ его отправленияхъ, встрѣчаясь повсемѣстно съ самыми разнообразными положеніями соціальной и экономической жизни, накопивъ по настоящимъ предметамъ громаднѣйшій запасъ выводовъ и наблюденій, служители этой науки сумѣли привести доказательства, что большая часть нашихъ современныхъ горестей и несчастій лежитъ въ насъ самихъ, въ тѣхъ ненормальныхъ и безобразныхъ условіяхъ, которыя мы сами себѣ создали, исключительно заботясь о своемъ духовномъ, политическомъ, гражданскомъ и экономическомъ «я» и совершенно забывая свое «я» физическое, зоологическое. Въ поискахъ мгновеннаго или временнаго счастья, въ какихъ бы формахъ и проявленіяхъ оно ни выражалось, будь оно чувственное или духовное, человѣкъ забылъ свое высшее назначеніе—быть хранителемъ рода человѣческаго, крѣпкаго, здороваго и гармонически уравновѣшеннаго, какимъ его создала природа и какимъ она ему предназначила быть. Человѣкъ, какъ таковой, благодаря своей недалекости, своей исковерканности, своей некультурности, въ полномъ значеніи этого слова, создалъ себѣ въ концѣ концовъ ужасающія условія бытія, такъ что надъ его бѣдной и неразумной головой повисъ грозный призракъ вырожденія, явившагося слѣдствіемъ глубоко и повсемѣстно вкоренившейся соціальной патологіи. Данныя современной медицинской науки, подкрѣпленные солиднымъ статистическимъ матеріаломъ, рисуютъ человѣчеству, если только оно не образумится, ужасающую и нелѣпую перспективу: громаднѣйшій запасъ знаній, открытій и изобрѣтеній въ настоящемъ и будущемъ, направляемыхъ, повидимости, къ усовершенствованію цивилизаціи во имя блага и счастья человѣчества, и въ результатъ этого усовершенствованія—гибель человѣчества, исчезновеніе его съ лица земли подъ напоромъ самого процесса усовершенствованія. Повсемѣстныя психіатрическія лѣчебницы, учрежденія для алкоголиковъ, сифилитиковъ, исправительныя заведенія, карательныя тюрьмы, пріюты для убогихъ и неспособныхъ къ труду, всѣ великолѣпно обставленные, выстроенные по послѣднему слову науки,

съ усовершенствованнымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ—вотъ тѣ истиннѣ ужасныя и мрачныя «храмы счастья», куда въ своемъ ослѣпленіи стремится бѣшено родъ людской!

II.

Современное опытное знаніе организма человѣческаго поставило въ наши дни ребромъ вопросы о физическомъ благополучіи людей, ихъ обязанностяхъ въ отношеніи грядущихъ поколѣній; оно подвергло анализу всѣ части нашей общественной жизни, наши привычки, отправления и укоренившіеся обычаи, ко всему этому отнеслось съ отрицательной критикой, указывая, что жить по-старому невозможно, что современное наше существованіе нуждается въ коренной реформѣ, иначе мы придемъ къ гибели и прекращенію рода человѣческаго. Въ числѣ особенно вредныхъ обычаевъ и привычекъ, кои подвергались со стороны науки ожесточеннымъ нападкамъ, и которымъ нынѣ объявлена война не на животъ, а на смерть, на первомъ мѣстѣ наукою поставлены издавніе культы Венеры и Бахуса. Эти культы, столь громко, звучно и старательно воспѣтые на всѣ лады жрецами чистаго искусства и только тщетно осужденные моралистами, лишь въ наши дни представлены человѣчеству въ ихъ истинномъ свѣтѣ, со всею ихъ разрушительною работою и гибельными послѣдствіями. Красивые звуки и сочныя риомы, посвященные прославленію вина и женщинъ, какъ исключительныхъ предметовъ чувственныхъ наслажденій, въ словахъ «алкоголизмъ», «проституція» и «сифилисъ» получаютъ совершенно иное значеніе и истинное толкованіе. Такая перестройка основныхъ понятій нашей жизни обязана только по внѣшнему виду холодной, а по существу дѣла самой любвеобильной работѣ людей врачебнаго опыта. Проповѣдь моралистовъ, самая пламенная и громкая, на темы о воздержаніи и умѣренности, не имѣла и не могла имѣть должныхъ результатовъ: это все были, хотя и красивыя, но все же слова, слова, слова... Иначе оказалось дѣло, когда оно попало въ руки людей науки и опытнаго знанія; они съ неопровержимой ясностью, во всеоружіи безпристрастной статистики, показали человѣчеству, до чего оно дошло въ служеніи вѣковымъ предрассудкамъ, взявшимъ свое происхожденіе изъ необузданной похоти и прихоти и обратившимся въ самыя гибельныя привычки, плоды которыхъ нынѣ грозятъ безчисленными бѣдами, болѣзнями и невзгодами, какъ этапами къ вырожденію.

Вотъ эта-то борьба съ соціальной патологіей и забота объ оздоровленіи рода человѣческаго и является знаменательнымъ наслѣдіемъ нашего вѣка—вѣку грядущему, о чемъ я говорилъ выше, и о чемъ помину не было въ вѣка предшествовавшіе. Если послѣдніе создали и выработали борцовъ за свободу мысли и духа, то наше время выдвигаетъ

вудо съ поразительной энергіей типы иныхъ героевъ, можетъ быть, не столь громкихъ и обаятельно яркихъ, но значеніе которыхъ для блага человѣчества не менѣе первыхъ. Герой этотъ — смиренный врачъ, цѣлитель плоти, борецъ съ современной психопатологіей во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, тотъ опытный наставникъ, убѣдительно указывающій намъ, какъ слѣдуетъ людямъ организовывать свою жизнь и свой бытъ, дабы не сдѣлаться неразумной и преждевременной жертвой разрушенія и истощенія. Подвигъ этого героя почти невозможно учесть во всемъ его объемѣ, онъ не поддается краткой и выразительной обрисовкѣ; ясно лишь одно, что безъ его присутствія, безъ его опеки и наставленія, почти каждая функція нашего соціального строя оказывается неспособною правильно работать. Съ его мнѣніемъ и часто съ его рѣшающимъ голосомъ приходится считаться повседневно и повсемѣстно; онъ регулируетъ страсти и психическія побужденія, онъ консультируетъ нынѣ при обсужденіи самыхъ сложныхъ и существенныхъ вопросовъ государственнаго порядка. Вотъ почему нынѣ сплошь и рядомъ можно слышать высокое мнѣніе, что многое изъ начинаній и починновъ человѣческихъ рукъ дало бы совсѣмъ иные результаты, предупредило бы общество отъ многихъ бѣдъ и золъ, если бы предварительно о нихъ было испрошено мнѣніе современнаго лучшаго друга человѣчества—врача. И недалеко то время, когда этотъ вѣрный другъ займетъ въ государственной и правительственной іерархіи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, получить власть всѣми силами и способами предстательствовать за благо народное и напоминать непрестанно человѣчеству о его священнѣйшихъ обязанностяхъ, возложенныхъ на него природою. Политическій дѣятель былыхъ временъ такимъ образомъ неминуемо, въ силу всего хода вещей, долженъ подѣлиться своимъ обаяніемъ и своимъ значеніемъ съ незамѣтнымъ пѣкогда представителемъ врачевой помощи. Послѣдній принялъ на себя священнѣйшую заботу объ оздоровленіи человѣчества, о спасеніи его отъ конечной гибели и отыгилъ то наиболѣе существенное изъ общественныхъ язвъ, что систематически и упорно разъѣдаетъ нашъ соціальный организмъ. На первую очередь пока поставлена борьба съ охватившимъ всѣ классы общества душевнымъ разстройствомъ, борьба съ алкоголизмомъ, съ сифилисомъ и проституціей, которые, какъ выяснила наука, являются главнѣйшими факторами современнаго истощенія человѣчества и предвѣстниками его вырожденія. Борьба эта только-только возгорѣлась въ наши дни, въ ея правильной и научной постановкѣ вопросовъ, пути ея будущаго развитія еще только намѣчены, и конецъ ея во всякомъ случаѣ не близокъ, если только ему когда нибудь суждено наступить, въ формѣ заключительнаго громкаго акорда. Вотъ это-то начало борьбы и является тѣмъ главнымъ наслѣдіемъ, которое поколѣніе нашего вѣка съ благоговѣніемъ пере-

даетъ наступающему двадцатому, въ видѣ обязательнаго духовнаго завѣщанія, отмѣнить которое не имѣетъ права никакая будущая касаціонная инстанція. Мы, по мѣрѣ силъ и возможности, выполнили завѣтъ XVIII вѣка, равнымъ образомъ и наша воля должна быть священна для смѣняющихъ насъ поколѣвій. Въ краткой формулировкѣ эта воля выражается въ обязательной заботѣ объ оздоровленіи челоуѣчества путемъ искорененія на первыхъ порахъ изъ нашей жизни многовѣковыхъ привычекъ пьянства и разврата. Передавая, однако, это завѣщаніе къ исполненію, мы по всей справедливости и съ полнымъ сознаниемъ понесенныхъ въ этой области трудовъ считаемъ долгомъ повѣдать грядущимъ поколѣніямъ, кто собирательный авторъ завѣщанія и кому будущее спасеніе челоуѣчества болѣе всего обязано намѣченными средствами. Пусть героиборцы нашего времени не будутъ забыты въ лѣтописяхъ исторіи, и грядущія поколѣнія твердо вѣдаютъ, при какихъ условіяхъ возникла новая эра оздоровленія рода людскаго.

Такимъ образомъ, читатели изъ самой постановки вопросовъ, намѣченныхъ мною въ этихъ двухъ вводныхъ главахъ, легко поймутъ, что настоящій мой очеркъ въ извѣстной мѣрѣ посвященъ такимъ сторонамъ нашей жизни, къ которымъ принято относиться съ нѣкоторымъ конфузомъ и съ нѣкоторой безгливостью, которыя даже обычно вызываютъ молчаливое презрѣніе и игнорированіе. Но я вполне раздѣляю справедливую точку зрѣнія профессора В. М. Тарновскаго, заявившаго въ своемъ превосходномъ трудѣ «Проституція и аболіціонизмъ», что «на факты общественной жизни еще можно не обращать вниманія, когда они мало извѣстны, недостаточно обнаружены; разъ же они выяснились во всѣхъ подробностяхъ ихъ ужасающихъ, губительныхъ послѣдствій для челоуѣчества, съ ними нельзя не считаться. Разъ общество сознаетъ вредъ, приносимый проституціей и сифилисомъ, по меньшей мѣрѣ необходимо, отбросивъ неумѣстную безгливость, взглянуть имъ прямо въ глаза, и съ ними энергически и дружно, общими силами, бороться». Эта точка зрѣнія на предметъ громадной общественной важности побуждаетъ и меня просить читателей откинуть неумѣстную безгливость, отказаться отъ непростительнаго предрасудка и дать себѣ трудъ, хоть на нѣсколько мгновеній, стать прямо, лицомъ къ лицу, съ тѣмъ общественнымъ зломъ, которое, какъ показано будетъ дальше, пустило въ нашу современную жизнь такъ глубоко свои растлѣвающіе корни. Кромѣ этихъ «конфузныхъ», такъ сказать, вопросовъ, мой очеркъ обнимаетъ собою и современную борьбу съ алкоголизмомъ, въ которой, со введеніемъ въ наше отечествѣ винной монополіи, принимаютъ столь дружное участіе лучшіе представители медицинскаго міра совмѣстно съ правительственной властью. Равнымъ образомъ, здѣсь изложена и та сторона наслѣдія XVIII вѣка, которая относится къ борьбѣ съ пау-

перизмомъ, явившимся слѣдствіемъ неправильнаго распредѣленія богатства и ложнаго склада социальныхъ условій жизни. Въ полной мѣрѣ исчерпать эту сторону современной жизни въ краткомъ очеркѣ, разумѣется, невозможно; я лишь коснусь тѣхъ мѣропріятій, которыя направлены въ послѣднее время, если не на радикальную борьбу съ пауперизмомъ, то по крайней мѣрѣ предназначены къ нѣкоторому облегченію бѣдственности неимущихъ и обреченныхъ злою волею судьбы на безработицу.

Посвящая свои очерки посильной разработкѣ исключительно отечественныхъ вопросовъ жизни, я и въ настоящемъ случаѣ ограничусь разсмотрѣніемъ лишь того матеріала, который имѣетъ непосредственное отношеніе и касательство къ русской дѣйствительности, при чемъ, по обыкновенію, изъ этого матеріала останавливаюсь лишь на томъ, что относится къ новѣйшему времени и является послѣднею новинкою литературнаго рынка.

III.

На страницахъ еженедѣльнаго изданія г. Шарапова «Русскій Трудъ» (№№ 14 и 41 сего года) нашли себѣ мѣсто чрезвычайно любопытныя и знаменательныя заключенія небезызвѣстнаго доктора С. Дедюлина о вырожденіи русскаго народа, основанныя имъ преимущественно на «Отчетахъ военнаго министра».

Какъ извѣстно, изслѣдованіе молодыхъ людей, ежегодно призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, по отношенію къ ихъ здоровью, физическимъ силамъ и развитію, можетъ дать точныя показанія тѣхъ бытовыхъ и хозяйственныхъ условій, среди которыхъ росла и развивалась до вступленія въ армію эта молодежь. Приведа рядъ статистическихъ данныхъ о числѣ забракованныхъ, неспособныхъ и уволенныхъ при осмотрахъ въ воинскихъ присутствіяхъ, г. Дедюлинъ (въ № 14) приходитъ къ слѣдующимъ печальнымъ заключеніямъ: «1) что весь бракуемый составъ долженъ быть признанъ неспособнымъ къ труду вообще, если не для личнаго пропитанія, то какъ работникъ-кормилецъ семьи, а главное, что имѣетъ особо важное государственное значеніе, составляетъ существо всего вопроса, какъ производитель здороваго потомства, дать такового очевидно не могущій, а вмѣсто того обѣщающій потомство больное и хилое; 2) населеніе имперіи, живя впроголодь, при постоянномъ недоѣданіи и при самыхъ противохозяйственныхъ условіяхъ, идетъ по пути замѣтнаго вырожденія, и призывной 20-тилѣтній возрастъ, четверть вѣка назадъ бывшій вполне нормальнымъ, оказывается слишкомъ раннимъ возрастомъ въ смыслѣ возмужалости; 3) заботливостью и попеченіемъ военной администраціи, ввѣренный ей государствомъ составъ молодыхъ людей, лучшихъ силъ народа, оздоравливаясь и физически развиваясь, возвращается ею государству,

въ видѣ наиболѣе способнаго къ труду и производительности населенія вообще, и 4) воинскія присутствія, съ цѣлью сокращенія цифры недобора, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ признакамъ болѣзней, дѣлающихъ призываемыхъ неспособными къ военной службѣ, принимаютъ ихъ, однако, на службу въ войска, увеличивая тѣмъ число опротестованныхъ и возвращаемыхъ обратно».

Въ числѣ любопытныхъ указаній, почерпнутыхъ г. Дедюлинымъ изъ отчетовъ военнаго министра, слѣдуетъ отмѣтить, что на каждыхъ почти 5 человекъ призываемыхъ является 1 неспособный, на каждыхъ 3 человекъ принятыхъ на службу въ войска — 2 неспособныхъ; на каждыхъ 2 человекъ умершихъ солдатъ четырехлѣтняго срока службы приходится трое умершихъ однолѣтокъ солдатъ и на каждого неспособнаго изъ старослужащихъ солдатъ приходится два неспособныхъ однолѣтка. Значительная убыль нижнихъ чиновъ на первомъ и второмъ году службы есть слѣдствіе недостаточнаго развитія физически слабыхъ, а также страдающихъ тѣми или другими болѣзнями, дѣлающими ихъ неспособными, и хотя очень значительное число такихъ неправильно принятыхъ людей немедленно увольняютъ изъ частей по протесту врачей, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ остаются въ частяхъ и современемъ исключаются изъ послѣднихъ, уже какъ неспособные. Что же касается сравнительно значительной убыли нижнихъ чиновъ на первомъ и второмъ году службы, то она главнымъ образомъ должна быть поставлена въ связь съ тѣмъ, что въ ряды арміи ежегодно попадаетъ извѣстный процентъ новобранцевъ, непригодныхъ для службы, увольняемыхъ впоследствии, какъ неспособные. Изъ числа болѣзней этого разряда людей на золотушное худосочіе приходится 15,8% вслѣдствіе недостатка питанія (макроковіе, золотуха, сифились и проч. разновидности порчи крови).

На статью г. Дедюлина послѣдовалъ въ томъ же «Русскомъ Трудѣ» (№ 38) отвѣтъ военнаго министерства, гдѣ сдѣлана довольно неудачная попытка опровергнуть достовѣрность статистическаго матеріала почтеннаго представителя врачебной науки. Послѣдній не остался въ долгу, и въ № 41 того же изданія г. Шаратовъ помѣстилъ новую статью подъ категорическимъ заглавіемъ «Да! русскій народъ вырождается», гдѣ рядомъ діаграммъ только подтвердилъ свои уже разъ высказанныя положенія, добавивъ сюда лишь нѣсколько новыхъ статистическихъ комбинацій, съ содержаніемъ, почерпнутымъ изъ наблюденій большаго числа годовъ. Г. Дедюлинъ и на этотъ разъ усиленно подчеркиваетъ болѣзненный ростъ страны и говоритъ: «Не такъ давно по численности негодныхъ къ военной службѣ, въ средѣ европейскихъ государствъ Россія занимала послѣднее мѣсто, а въ настоящее время она стоитъ уже на 3-мъ мѣстѣ, выше Франціи и даже Италіи!» Другими словами, оставаясь странною земледѣльческою, Россія непродвинутою (неспособною) рабочею

силою превысила страны съ промышленностью обрабатывающей (фабрично-заводской). Опирируя нѣсколькими довольно удачно составленными статистическими комбинаціями, г. Дедюлинъ приходитъ къ слѣдующему положенію: «По теоріи вѣроятности, если предположить, что экономическія условія быта населенія и прочія условія воинской разверстки не подвергнутся измѣненію къ лучшему, то черезъ 8 лѣтъ воинская разверстка намъ представится въ двухъ равныхъ, по численности, арміяхъ: одна для обороны государства, а другая непродуктивная, но требующая отъ государства прокормленія съ усиленною о себѣ заботою, превышающая болѣе, чѣмъ на 70,0 третью армію, меньшую по численности, но здоровую рабочую силу съ новымъ тягломъ на плечахъ». Средствами предотвратить надвинувшееся зло авторъ считаетъ исключительно мѣропріятія финансово-экономическія и говоритъ, что только крутой поворотъ нашей финансово-экономической политики въ пользу кореннаго земледѣльца и его коренной промышленности въ состояніи вывести насъ изъ тягостнаго положенія, независимо отъ общихъ экономическихъ мѣропріятій, во главѣ которыхъ должны стоять: рѣшеніе продовольственнаго вопроса, на началахъ взаимопомощи всего населенія имперіи, упорядоченіе хлѣбной торговли (сѣть элеваторовъ по всей странѣ) и обязательная всеобщая грамотность».

Врядъ ли кто станетъ спорить съ г. Дедюлинымъ, что въ печальномъ фактѣ вырожденія русскаго народа выдающуюся роль играетъ разстройство нашей финансово-экономической политики, народное обнищаніе, сопровождаемое систематическими неурожаями и голодовками. Вѣчное недоѣданіе несомнѣнно повліяло на развитіе худосочія въ населеніи, но вѣдь онъ самъ же далъ указаніе, что порча крови народной находится также въ прямой зависимости и отъ развитія среди населенія сифилиса и прочихъ разновидностей, въ число каковыхъ онъ позабылъ поставить и рубрику алкоголизма. А отъ этихъ народныхъ язвъ врядъ ли возможно избавиться исключительно финансово-экономическими мѣропріятіями. Въ качествѣ врача, онъ долженъ бы былъ знать, что въ настоящемъ случаѣ заботы объ оздоровленіи русскаго народа должны быть обдуманы и намѣчены внѣ зависимости отъ излюбленной г. Параловымъ полемики съ финансовой политикой нынѣшняго министра С. Ю. Витте, противъ котораго изъ каждаго № «Русскаго Труда» направляется редакторомъ туча стрѣлъ.

Что не только одно хозяйственное оскудѣніе русскаго народа виновно въ паденіи его физическаго здоровья, лучше всего явствуетъ изъ недавно вышедшаго «Отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1893—1895 годъ», гдѣ имѣются чрезвычайнаго любопытнаго указанія по интересующему насъ предмету.

Принимая общее количество населенія (по старому еще исчисленію) въ 102.761.181 человекъ на всю имперію и размѣщая боль-

ныхъ изъ этого количества по интересующимъ насъ группамъ заболѣваній, оставляющихъ особенно тяжкія послѣдствія въ организмѣ и особенно воздѣйствующихъ на качество наслѣдственности, мы видимъ, наприимѣръ, что въ 1895 г. было зарегистрировано больныхъ:

Сифилисомъ	804.402 чел.
Венерическими болѣзнями	223.251 »
Болѣзни нервной системы	2.155.120 » ¹⁾
Разстройствомъ общаго питанія	1.270.948 »

Конечно, эти данныя не даютъ еще общаго понятія, поскольку означенные больные непосредственно повліяли на разрушеніе здоровья остального населенія, но во всякомъ случаѣ даже нѣкоторыя общія поверхностныя соображенія легко наводятъ насъ на заключеніе, что зло пустило уже глубокіе корни, и одними финансово-экономическими мѣропріятіями здѣсь не обойтись. Гораздо справедливѣе примкнуть къ мнѣнію медицинскаго департамента, полагающаго, что средствами борьбы должны явиться правильно-организованныя санитарныя мѣропріятія, улучшеніе общественной и личной гигиены, а также болѣе широкое просвѣщеніе народной массы, какъ то утверждаетъ и д-ръ Дедюлинъ.

Такимъ образомъ, устанавливая основной фактъ вырожденія русскаго народа, какъ на то указываетъ авторъ статей въ «Русскомъ Трудѣ», я обращаюсь далѣе къ разсмотрѣнію, что же полагаетъ дѣлать и что дѣлаетъ медицинская корпорація въ борьбѣ съ этимъ вопіющимъ и ужасающимъ бѣдствіемъ.

IV.

Въ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ, конечно, не приходится касаться столь громоздкаго и обширнаго вопроса, какъ вопросъ о необходимости поднять общенародное просвѣщеніе и народное экономическое благосостояніе ради культурнаго блага самого народа. Можно лишь отъ всей души пожелать, чтобы бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія былъ во много разъ увеличенъ, чтобы остальные министерства, земства, частныя общественныя группы — короче, вся Россія, сверху до низу, бодро воспряла, воодушевленная единымъ благимъ пожеланіемъ повсемѣстнаго устройства школъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, школъ—общихъ и спеціальныхъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ; чтобы какъ можно скорѣе и энергичнѣе была введена всеобщая грамотность, даже въ качествѣ принудительной государственной повинности; чтобы повсемѣстно учреждались библіотеки, музеи, организо-

¹⁾ Изъ этого числа болѣе половины падаетъ на мышечный ревматизмъ.

вывались лекціи и научныя бесѣды, чтобы право преподаванія и лекторства не было ограничено никакими формальностями, и чтобы просвѣтительное дѣло стало дѣломъ воистину живымъ, бодрящимъ и продуктивнымъ. Чѣмъ скорѣе въ этомъ отношеніи мы догонимъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей—финляндцевъ, шведовъ, норвежцевъ, датчанъ, тѣмъ, несомнѣнно, мы приблизимся къ конечной цѣли нашихъ стремленій—оздоровленія населенія. Этими общими пожеланіями и приходится на этотъ разъ ограничиться, такъ какъ детальная разработка вопроса уже является самостоятельной темою для иного очерка—«о народномъ просвѣщеніи» вообще.

То же можно сказать, и обращаясь къ общему вопросу о подъемѣ экономическаго благосостоянія. Да, необходимо всѣми силами и мѣрами стремиться, чтобы народъ не голодалъ, чтобы совсѣмъ исчезло понятіе о недоѣданіи и истощеніи организмовъ, но какія опредѣленныя и всеобъемлющія мѣропріятія финансово-экономической политики здѣсь нужно указать, чтобы они дѣйствительно, а не гадательно были плодотворны и разрѣшали дѣло по существу, я не берусь очертить единымъ почеркомъ пера. Думаю даже, что подобная задача будетъ не подъ силу единому человѣку, такъ какъ въ данномъ случаѣ по обсуждаемому предмету будетъ столько мнѣній, сколько лицъ, имъ занимающихся, а всѣхъ этихъ мнѣній резюмировать и собрать невозможно. Можно сдѣлать указаніе на ту или иную экономическую мѣру, которая въ извѣстномъ направленіи, можетъ быть, и окажется полезною, но изобрѣсти сразу единую панацею отъ всѣхъ экономическихъ бѣдъ и клонящуюся къ полному искорененію пауперизма, еще до сихъ никому не удавалось, кромѣ развѣ утопистовъ, всѣ фантастическіе планы которыхъ были всегда болѣе чѣмъ далеки отъ настоящей дѣйствительности и не имѣли подъ собою реальной почвы. Такимъ образомъ, и въ данной области приходится лишь сказать: да, необходимо принять всѣ зависящія мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія, и благо нашимъ днямъ, когда съ высоты престола раздался громкій и властный голосъ молодого монарха, приглашающаго всѣ сосѣднія государства къ разоруженію, во имя нравственныхъ и экономическихъ интересовъ народовъ. Въ извѣстномъ сообщеніи нашего министра иностранныхъ дѣлъ отъ 12-го августа сего года иностраннымъ представителямъ сказано между прочимъ: «Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на приобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или

направляются на ложные пути. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ представленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ».

Мотивы, высказанные столь прекрасными и справедливыми словами въ защиту идеи мира, въ интересахъ народнаго благосостоянія, духовнаго и экономическаго, лучше всякихъ теорій и партійныхъ программъ намѣчаютъ, изъ какого источника скорѣе и легче всего возвратить народной массѣ тѣ миллионы, которые дотолѣ такъ безжалостно и жестоко у нея отымались, въ ущербъ ея счастью, здоровью и общему благоденствію. Предложеніе нашего молодого государя, если только оно благопріятно будетъ принято остальными державами, проще всякихъ сложныхъ и путанныхъ финансовыхъ мѣръ даетъ народу то, въ чемъ онъ больше всего нуждается—сбереженіе его бюджета и сохраненіе семьѣ лучшихъ работниковъ въ ихъ наиболѣе продуктивномъ, цвѣтущемъ возрастѣ. Но эта мѣра, конечно, вся въ будущемъ, пока же, должно признаться, дѣло обстоитъ довольно печально, и тяжесть обѣдненія, при современной борьбѣ за существованіе, ложится на народное благосостояніе нашего отечества горькимъ бременемъ. Каждый день выбрасываетъ на улицу большее и большее число бѣдняковъ, тщетно простирающихъ руки за милостыней и громко вопіющихъ: хлѣба и работы! Число этихъ бѣдняковъ растетъ съ невѣроятной быстротой, и общество уже оказывается не въ силахъ прійти имъ на помощь частною благотворительностью, какъ бы широко и чистосердечно она ни была организована. Потребовался для настоящаго случая болѣе мощный и энергичный факторъ, который и не замедлилъ реализоваться въ видѣ «Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ», учрежденнаго 1-го сентября 1895 г. подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны.

О высокогуманныхъ побужденіяхъ, вызвавшихъ къ жизни это учрежденіе, и благихъ цѣляхъ, которымъ оно признано служить, именной указъ его императорскаго величества, данный правительствующему сенату, гласитъ слѣдующее: «Въ непрестанныхъ заботахъ о всѣхъ вѣрноподанныхъ нашихъ, мы обратили вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта.

«Стремясь къ облегченію участи неимущихъ доставленіемъ имъ честнаго труда, какъ единственнаго залога счастливой и на христіанскихъ началахъ основанной жизни, признали мы за благо учре-

дить особое попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах, предназначаемое оказывать существующимъ подобнаго рода учреждениямъ необходимую поддержку и помощь, а также содѣйствовать приумноженію ихъ въ имперіи.

«Любезнѣйшая супруга наша, ея императорское величество государыня императрица Александра Феодоровна, раздѣляя эти душевныя попеченія наши и движимая влеченіемъ любвеобильнаго сердца своего къ наилучшему осуществленію предначертаній нашихъ, выразила желаніе принять упомянутое попечительство подъ непосредственное свое покровительство.

«Въ твердой увѣренности, что великодушная готовность ея величества поднять труды на пользу нуждающихся встрѣчена будетъ съ умиленіемъ во всѣхъ частяхъ обширнаго отечества нашего, и призывая благословеніе Всевышняго на предстоящую попечительству дѣятельность, повелѣваемъ: утвержденное нами сего числа Положеніе объ изъясненномъ попечительствѣ привести въ дѣйствіе».

Положеніе о попечительствѣ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его задачи и способы ихъ осуществленія: оно имѣетъ цѣлью содѣйствовать устройству домовъ трудолюбия, а равно оказывать поддержку дальнѣйшему развитію и преуспѣянію существующихъ благотворительныхъ заведеній подобнаго рода; назначеніе домовъ трудолюбия—приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и неимѣющимъ еще заработка, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія и всѣмъ вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность—предоставленіемъ имъ честнаго труда и пріюта. Для достиженія означенной цѣли попечительство: а) способствуетъ учрежденію домовъ трудолюбия и оказываетъ въ потребныхъ случаяхъ денежныя пособія на открытіе означенныхъ домовъ; б) поддерживаетъ существованіе учрежденныхъ уже домовъ трудолюбия выдачею имъ единовременныхъ пособій и срочныхъ ссудъ и в) сообщаетъ надлежащія указанія, какъ относительно устройства домовъ трудолюбия, такъ и о способахъ къ наиболѣе успѣшной постановкѣ ихъ дѣятельности.

Управленіе дѣлами попечительства ввѣряется особому комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ августѣйшей покровительницы попечительства изъ вице-предсѣдателя (или вице-предсѣдательницы) и десяти дѣйствительныхъ членовъ, назначаемыхъ предсѣдательницею на три года; кромѣ того, при комитетѣ состоитъ секретарь и казначей. Основнымъ фондомъ матеріальныхъ средствъ попечительства является отчисленный, съ высочайшаго соизволенія, изъ состоящихъ въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ суммъ общественнаго призрѣнія капиталъ въ 500.000 рублей. Этоть послѣдній и единовременные членскіе взносы образуютъ неприкосновенный капиталъ попечительства, въ кото-

рый постуцають, кромѣ того, пожертвованія по назначенію самихъ жертвователей и нѣкоторая, опредѣляемая комитетомъ, часть всѣхъ вообще поступленій въ кассу попечительства. Кромѣ доходовъ съ указаннаго капитала, средства попечительства состояются изъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ его, членскихъ взносов, пожертвованій всякаго рода, сборовъ съ устроенныхъ попечительствомъ спектаклей, концертовъ, базаровъ и т. п.

Чтобы придать дѣлу разумнаго благотворенія возможно широкую гласность, при попечительствѣ основанъ журналъ «Трудовая помощь», призванный отражать и объединять интересы учрежденій трудовой помощи. Въ этихъ видахъ означенное изданіе имѣетъ задачи: 1) выясненіе идеи и значенія трудовой помощи, какъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ рациональной постановки дѣла вспомошествованія бѣднымъ; 2) подробное ознакомленіе съ устройствомъ и дѣятельностью существующихъ домовъ трудолюбія и другихъ учрежденій трудовой помощи; 3) сосредоточеніе всякаго рода свѣдѣній и указаній, могущихъ быть полезными для интересовъ успѣшной постановки дѣла въ существующихъ домахъ трудолюбія и для дальнѣйшаго развитія у насъ учрежденій трудовой помощи; 4) разработку практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ нуждами домовъ трудолюбія, на основѣ указаній опыта, сообщаемыхъ журналу дѣятелями домовъ трудолюбія; 5) ознакомленіе съ развитіемъ и дѣятельностью учрежденій трудовой помощи въ иностранныхъ государствахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду тѣсной связи, существующей между различными отраслями и видами попеченія о бѣдныхъ, журналъ даетъ обзоръ и освѣщеніе всѣхъ вообще вопросовъ въ области призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности въ широкомъ смыслѣ, а также удѣляетъ вниманіе и вопросамъ, соприкасающимся съ общественною благотворительностью.

Начавъ выходить съ 1-го ноября прошлаго года, подъ редакціей г. Дерюжинскаго, «Трудовая помощь» въ вышедшихъ №№ имѣла возможность собрать на своихъ страницахъ довольно разносторонній и любопытный матеріалъ, позволяющій судить о развитіи и организаціи дѣла благотворенія у насъ въ Россіи съ давнихъ поръ и о результатахъ дѣятельности попечительства по настоящее время. Статьи гг. Кони, Герье, Е. Максимова, Обнинскаго, Дриля, Гогеля и много другихъ даютъ возможность подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» кое-какими любопытными свѣдѣніями, освѣщающими вопросъ о русскомъ науперизмѣ и о мѣрахъ борьбы съ нимъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

V.

Редакція почитнаго журнала постаралась всѣми мѣрами выяснить читателямъ принципы современной трудовой помощи, столь далекой по своему значенію отъ началъ простой частной благотворительности, милостыни, гдѣ лицо, получающее поддержку, находится цѣликомъ въ зависимости отъ руки дающей, которая можетъ въ иныхъ случаяхъ и оскорбить несчастнаго просителя. Въ интересномъ очеркѣ извѣстнаго юриста и общественнаго дѣятеля П. Обнинскаго: «Трудовая помощь, какъ общественный коррективъ», сдѣлана удачная попытка выяснить въ полномъ объемѣ принципы той помощи, которую въ наши дни правительство взяло энергично подъ свое покровительство, и надъ осуществленіемъ которой именно работаетъ «попечительство о домахъ трудолюбія». Почтенный авторъ говоритъ: «...Во главѣ всѣхъ видовъ и способовъ помощи нуждающемуся должна быть поставлена помощь трудомъ: обезпечивая матеріальныя потребности тружениковъ, онъ возрождаетъ его нравственно, тогда какъ инныя формы благотворенія, преслѣдуя лишь первую цѣль, нерѣдко, — мимолетно, конечно, достигаютъ ея въ ущербъ второй. Случайная и переходящая милостыня въ данномъ случаѣ превращается въ неприкосновенный капиталъ, консолидируется, такъ сказать, обладатель его получаетъ возможность жить на проценты вплоть до потери трудоспособности, а, быть можетъ, и далѣе, если успѣлъ сдѣлать сбереженія. Но это еще не все. Благотворя заразы и тѣлу и дуплѣ, трудовая помощь обладаетъ и другимъ могучимъ факторомъ не индивидуальнымъ только, а общественнымъ съ нравственнымъ воздѣйствіемъ самаго широкаго и самаго глубокаго значенія».

Приведя рядъ примѣровъ практики нужды и труда изъ повседневныхъ примѣровъ нашихъ общественныхъ недуговъ, г. Обнинскій утверждаетъ, что именно оздоровленіе трудовой сферы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей жизни современнаго человѣчества, органически входитъ въ задачу трудовой помощи, составляетъ ту существенную ея часть, безъ которой помощь эта не только утрачиваетъ свое значеніе, но и уподобляется морфію, который, утоляя на время мѣстную боль, разрушаетъ затѣмъ весь организмъ.

«Итакъ... трудовая помощь въ цѣлокупномъ значеніи своей идейной задачи не ограничивается доставленіемъ труда тому, кто ищетъ заработка, — свидѣтельству авторъ, — не ограничивается она и домами трудолюбія, составляющими лишь одинъ изъ видовъ благотворительности, способныхъ полезно функционировать только въ общей системѣ. Трудовая помощь регулируетъ и вольный трудъ, освобождаетъ его отъ злоупотребленія силами труженика, отъ всякой вредной примѣси, отъ обстановки нравственно или физически губительной, и отъ всѣхъ подобныхъ условий, которыя превращаютъ великое, живительное по при-

родъ своей начало въ мученическое искаженіе души и тѣла человѣка. Мы видимъ далѣе, что вспомоществуемый и контролируемый трудъ становится могущественнымъ факторомъ общественнаго преуспѣянія и, наоборотъ, предоставленный на произволъ хищнической эксплуатаціи, разрушаетъ, какъ экономическіе, такъ и нравственные устои общества. Отсюда понятно великое социальное значеніе трудовой помощи, обладающей широкими перспективами и распадающейся на нѣсколько основныхъ задачъ: 1) доставленіе труда и заработка, 2) установленіе возможной гармоніи между свойствомъ доставляемаго труда и природными склонностями и способностями труженника и 3) улучшеніе существующихъ условій труда. Совмѣстивъ въ своемъ практическомъ воздѣйствіи эти три присущія идеалу основныя функціи, разрастающаясь въ ширь и въ глубь на почвѣ дѣйствующей во имя Христа благотворительности, трудовая помощь приобретаетъ значеніе общественнаго корректива первостепенной важности. И тогда исполнится общіеаніе: «пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы».

Такимъ образомъ, г. Обнинскій, какъ это видно изъ приведенныхъ его словъ, ставитъ вопросъ о трудовой помощи въ очень широкія рамки и далекъ видѣть въ нынѣшнихъ домахъ трудолюбія панацею отъ всѣхъ золъ пауперизма. Повидимому, мнѣніе почтеннаго юриста радѣляется и самой редакціей «Трудовой помощи», которая въ этихъ видахъ, удѣляя естественно на страницахъ журнала немало мѣста хроникѣ жизни домовъ трудолюбія, засѣданіямъ комитета попечительства, отчетамъ по управленію домами, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится какъ можно шире исчерпать научно-соціальное значеніе современной постановки разумно организованной помощи слабымъ и обездоленнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція въ рядѣ очерковъ, посвященныхъ «частной благотворительности», принадлежащихъ перу небезызвѣстнаго публициста Е. Д. Максимова, знакомитъ читателей, какъ былъ поставленъ вопросъ о благотворительности въ нашемъ отечествѣ съ издавнихъ временъ. Точно также въ «Трудовой помощи» обстоятельно изложена исторія «проекта реформы общественнаго призрѣнія въ Россіи» (статья С. В. Сперанскаго), а равно выяснено все значеніе современнаго дома трудолюбія (В. И. Герье).

Работа г. Максимова, основанная на старательно подобранномъ историческомъ матеріалѣ, обстоятельно знакомитъ, какъ съ давнихъ временъ складывалось въ нашемъ отечествѣ дѣло благотворенія, какова была его законодательная постановка, и что на практикѣ выполнялось по выясненіи нуждъ въ настоящемъ и потребностей въ будущемъ. При отсутствіи для настоящаго предмета уже обслѣдованной и хорошо обработанной литературы, очерки г. Максимова представляютъ значительный историческій интересъ и солидную самостоятельность, являясь настоящимъ украшеніемъ симпатичнаго журнала. Начавъ разсмотрѣніе дѣла государственнаго и общественнаго благотворенія съ царскаго періода московской Руси и продолживъ свой анализъ послѣдовательно до новѣйшаго времени, онъ

съ особенною обстоятельностью остановился на «типахъ благотворительныхъ заведеній», — на примѣръ, на ночлежныхъ домахъ, бесплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ, заведеній для убогихъ, домахъ милосердія и т. д. Имѣющая выйти дальше часть его работъ, согласно обѣщанію автора, будетъ посвящена существующей организаціи заведеній спеціально для рабочихъ и въ частности для рабочихъ отхожаго промысла, фабричныхъ, сельско-хозяйственныхъ переселенцевъ и другихъ группъ. Трудъ г. Максимова имѣетъ то особенное значеніе, что здѣсь въ историческомъ освѣщеніи нарисована полная картина заботъ русскаго народа о несчастныхъ и даетъ возможность сдѣлать нѣкоторые любопытные выводы о нашемъ самобытномъ духѣ милосердія, поскольку онъ вызывался вопіющими фактами жизни, и поскольку онъ отливался въ тѣ или инныя учрежденія разумной и оригинальной самодѣятельности.

Прекраснымъ дополненіемъ¹⁾ къ очеркамъ г. Максимова служить и работа г. Сперанскаго (№ 7 «Трудовой помощи»), посвященная «проекту реформы общественнаго призрѣнія въ Россіи», то-есть такому вопросу, который нынѣ уже находится на очереди обсужденія въ правящихъ сферахъ. Отмѣтивъ, какъ поставлено дѣло призрѣнія бѣдныхъ въ селахъ и городахъ, авторъ констатируетъ, что въ этомъ отношеніи у насъ наблюдается полное неустройство и хаотичность; одинаковыми чертами выдается и законодательство по сему предмету. «Уставъ объ общественномъ призрѣніи вполнѣ соответствовалъ дореформенному порядку вещей, когда главнымъ органомъ призрѣнія бѣдныхъ являлись приказы общественнаго призрѣнія, — говоритъ г. Сперанскій. Послѣ реформъ Александра II сдѣлалась необходимою коренная переработка этого устава. Между тѣмъ она не была предпринята, дѣло ограничилось только введеніемъ въ уставъ частичныхъ измѣненій и дополненій, плохо вяжущихся какъ другъ съ другомъ и съ прежними статьями устава, такъ особенно съ другими узаконеніями о бѣдныхъ, разбросанными по различнымъ томамъ Свода Законовъ». Необходимость упорядочить дѣло призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи и измѣнить существующія узаконенія по сему предмету вызвала учрежденіе въ 1892 году съ высочайшаго соизволенія особой правительственной комиссіи для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о призрѣніи бѣдныхъ и составленія проекта законодательныхъ мѣръ, обнимающихъ дѣло призрѣнія. На разработку означеннаго вопроса было положено немало усилій и трудовъ; были опрошены мѣстные

¹⁾ Въ интересахъ лицъ, желающихъ ознакомиться болѣе близко съ вопросами, разрабатываемыми на страницахъ «Трудовой помощи», можетъ быть также рекомендована прекрасная работа самого г. Дерюжинскаго «Замѣтки объ общественномъ призрѣніи», имѣющаяся въ отдѣльномъ изданіи фирмы «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни» (серія № 10. цѣна 40 коп., М., 1897 г.).

учрежденія, специалисты-профессора, свѣдущіе люди, плодомъ чего и явился въ концѣ концовъ обстоятельный проектъ, съ обзорѣніемъ намѣченной организаціи и законодательнаго контроля надъ ней со стороны низшихъ и высшихъ учреждений. Оставляя по недостатку мѣста разсмотрѣніе намѣченной организаціи, отмѣчу лишь, что, согласно проекту, высшее направленіе дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ имперіи предположено оставить за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ котораго должно быть создано центральное управленіе дѣломъ призрѣнія въ видѣ особаго отдѣла хозяйственнаго департамента. При означенномъ отдѣлѣ должны состоять особые инспектора по призрѣнію, которые бы изучали дѣло на практикѣ и руководили имъ.

Обращаясь къ вопросу, и при томъ самому существенному, о матеріальномъ обеспеченіи будущей организаціи, г. Сперанскій говоритъ:

«Наличность необходимыхъ матеріальныхъ средствъ для призрѣнія имѣетъ столь же существенное значеніе, какъ и самая организація призрѣнія. Однако проектъ совершенно не находитъ возможнымъ коснуться вопроса о средствахъ, необходимыхъ на дѣло призрѣнія, такъ какъ считаетъ настоящимъ моментомъ совершенно неблагоприятнымъ для этого. Предполагая, что число нуждающихся въ призрѣніи превышаетъ въ Россіи 3.000.000 чел. обою пола и что на призрѣніе ихъ, въ дополненіе къ тому, что теперь тратится, при правильной организаціи призрѣнія понадобилось бы еще нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, проектъ высказываетъ убѣжденіе, что настоящее положеніе государственнаго казначейства не позволяетъ разсчитывать на сколько нибудь значительныя казенныя ассигновки на призрѣніе бѣдныхъ, мѣстное же обложеніе (земское и городское) въ свою очередь весьма значительно (такъ земское поземельное обложеніе по даннымъ министерства финансовъ поглощаетъ въ среднемъ 12,6% земельного дохода) и исключаетъ возможность сколько нибудь значительнаго увеличенія. Чтобы разрѣшить вопросъ о средствахъ на призрѣніе, потребовалось бы произвести коренную реформу тѣхъ основаній, на которыхъ покоятся земскіе и городскіе финансы, т. е. потребовалось бы пересмотрѣть земское и городское положеніе, уставъ о земскихъ повинностяхъ и рядъ другихъ связанныхъ съ ними законовъ. Если рѣшиться на это, нельзя было бы и предвидѣть конца пересмотру законовъ о призрѣніи. Приходится, потому, пока подождать касаться вопроса о новыхъ источникахъ средствъ на призрѣніе. Практическое изученіе дѣла призрѣнія даетъ, по мнѣнію проекта, основаніе думать, что улучшеніе организаціи призрѣнія, привлеченіе къ нему общественныхъ силъ съ дозволеніемъ широко пользоваться правомъ сбора добровольныхъ приношеній, контроль за дѣломъ призрѣнія, все это способно съ одной стороны привлечь на это дѣло новыя средства, а съ другой дать затрачиваемымъ уже теперь средствамъ болѣе производительное назначеніе. Къ этимъ соображеніямъ проектъ добавляетъ, что въ настоящее время предполагается освободить земства и города отъ дѣлага ряда обязательныхъ расходовъ на квартирное довольствіе слѣдователей и чиновъ полиціи, на отопленіе и освѣщеніе тюремъ, на содержаніе воинскихъ присутствій, губернскихъ и по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, инспекторовъ народныхъ училищъ, полицейскихъ урядниковъ и т. д. Освободившіяся этимъ путемъ средства могутъ быть удѣлены земствами и городами именно на дѣло призрѣнія».

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. LXIV.

22

Такимъ образомъ, мы видимъ, что редакція «Трудовой помощи» въ возможныхъ предѣлахъ старается поставить въ извѣстность своихъ читателей обо всемъ, что дѣлается на пользу обездоленныхъ и обремененныхъ въ той широкой постановкѣ вопроса, какъ это намѣтилъ г. Обнинскій, и какъ то подсказываютъ требованія науки и социальной справедливости. Охватившее общество и правительственные сферы настроеніе въ пользу страждущихъ нашло себѣ вѣрное отраженіе въ журналѣ, редакція коего и не остановилась предъ тѣмъ, чтобъ поставить вопросъ объ оздоровленіи страны отъ пауперизма на подлежащую почву черезъ посредство работъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла.

VI.

Въ числѣ этихъ знатоковъ мы встрѣчаемъ и имя извѣстнаго ученаго Д. Дриля, помѣстившаго также въ сентябрьскомъ № журнала чрезвычайно интересную статью, посвященную вопросу о борьбѣ съ бродяжничествомъ и нищенствомъ, т.-е. такому вопросу, который уже издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе русскаго общества. Вопросъ этотъ уже неоднократно дебатировался даже въ ученыхъ обществахъ (напримѣръ, въ вольно-экономическомъ) и въ нашей изящной и спеціально-ученой литературѣ имѣетъ свою далеко не краткую исторію. Вспомните переселенцовъ Григоровича, вспомните превосходную книгу С. В. Максимова «Бродячая Русь», загляните въ надѣлавшія столько шума прекрасныя новѣйшія повѣсти Горькаго, загляните въ любопытные очерки А. Свирскаго, и передъ вами, навѣрное, возстанетъ длинная вереница знакомыхъ и оригинальныхъ типовъ, которые вы ежедневно на улицахъ и большихъ дорогахъ нашего необъятнаго отечества встрѣчаете въ поражающемъ количествѣ. Все это тотъ убогій, несчастный и опустившійся людъ, который останавливаетъ на себѣ серьезное вниманіе современнаго общества, и изъ среды котораго расползаются по всей нашей землѣ болѣзни, преступления, пороки и всѣ тѣ факторы, ведущіе къ вырожденію, коимъ и посвященъ мой настоящій очеркъ. Авторъ «борьбы съ бродяжничествомъ и нищенствомъ» ставитъ также этотъ людъ передъ лицомъ читателя, разсматриваетъ мѣропріятія, которыя въ отношеніи этого люда принимались, тѣ учрежденія, кои ихъ вѣдали, и въ концѣ своей работы дѣлаетъ слѣдующій ободряющій выводъ, дающій въ будущей перспективѣ надежду на искорененіе этого зла нашей жизни.

«Въ рукахъ современнаго государства и его учреждений,—говоритъ г. Дриль,—считая въ ихъ числѣ городскія и земскія учрежденія, и въ рукахъ содѣйствующей имъ частной благотворительности съ ея организаціей въ общества и союзы ихъ, находится могущественныя средства для противодѣйствія и постепеннаго значительнаго ослабленія и даже, быть можетъ, уничтоженія зла, для чего, какъ и

всегда, необходимо главнымъ образомъ воздѣйствіе на самыя причины, его вызывающія. Средства эти двойнаго рода. Во-первыхъ, мѣры призрѣнія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для нуждающихся въ немъ и устройство для каждаго ихъ разряда учреждений, соответствующихъ его особенностямъ. Во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, широкія мѣры государственно-общественнаго предупрежденія, направленныя къ тому, чтобы, по возможности, не нарождались и не множились та захудалая и оскудѣлая порода людей, мѣръ «въ духѣ заботливости объ экономически слабѣйшей части населенія и нравственнаго ученія христіанства», какъ выразился въ своемъ извѣстномъ указѣ теверешній императоръ Германіи, и въ духѣ повышенія общаго благосостоянія этой части населенія, а тѣмъ самымъ и въ направленіи поднятія и расширенія внутренняго рыцка. Было бы слишкомъ долго перечислять конкретно все эти мѣры. Укажу хотя бы только на нѣкоторыя. Уничтоженіе разряда «заброшенныхъ, ничьихъ дѣтей» устройствомъ хорошо организованныхъ воспитательныхъ заведеній для нихъ; общедоступное и хорошо поставленное общее и профессиональное обученіе; уничтоженіе норъ и берлогъ и устройство здоровыхъ, удобныхъ и дешевыхъ жилищъ (это вполне возможно и на коммерческомъ началѣ, потому что никто не платитъ за жилища такъ дорого, какъ бѣдняки); правильная организція (безъ излишнихъ посредниковъ) снабженія доброкачественными и сравнительно дешевыми продуктами, служащими для удовлетворенія жизненныхъ потребностей (что вполне возможно также на коммерческомъ началѣ); способствованіе распространенію и накопленію въ массахъ техническихъ свѣдѣній, умѣній и навыковъ, и для этого устройство общедоступныхъ профессиональныхъ классовъ, чтеній, демонстрацій, музеевъ, выставокъ и проч.; различныя формы способствованія приобрѣтенію и примѣненію орудій труда; поддержки кустарныхъ производствъ и способствованіе возникновенію артельныхъ и кооперативныхъ предпріятій, охраняющихъ экономическую самостоятельность; организція непосредственнаго сбыта; надлежащая организція посредничества для сведенія работодателей и рабочихъ; распространеніе въ массахъ гигиеническихъ свѣдѣній (эти свѣдѣнія обыкновенно воспринимаются очень охотно) и энергическая и цѣлесообразная борьба съ алкоголизмомъ и другими подобными злоупотребленіями и устройство здоровыхъ и народныхъ развлеченій и удовольствій (въ этомъ отношеніи кое-что уже начало дѣлаться); изученіе причинъ нищеты (попечительства) и оказаніе помощи не тогда, когда человекъ уже опустился, а напротивъ, главнымъ образомъ тогда, когда начинаютъ замѣчаться первые признаки его шатанія; постепенно увеличивающееся урегулированіе, при посредствѣ закона и тщательнаго наблюденія за его исполненіемъ, отношеній между рабочими, особенно ремесленными, и предпринимателями. Только при примѣненіи такихъ мѣръ постепенно будутъ нарождаться здоровыя поколѣнія, а силы народа будутъ расти и множиться».

Слова почтеннаго г. Дриля, какъ нельзя лучше, но еще полнѣе, охватываютъ собою тѣ указанія, которыя сдѣланы и д-ромъ Дедюлинымъ, и медицинскимъ департаментомъ, относительно средствъ, необходимыхъ для оздоровленія населенія. Съ уничтоженіемъ нищенства, съ исчезновеніемъ понятія о бѣдности и обнищаніи (пауперизмъ), неминуемо послѣдуетъ и параллельное поднятіе производительныхъ живыхъ силъ страны, т.-е. населенія, его здоровья физическаго, тѣлеснаго, а также послѣдуетъ сокращеніе тѣхъ язвъ общественныхъ, на борьбу съ которыми поднялись нынѣ лучшія

силы страны. Къ мѣрамъ, въ общихъ выраженіяхъ указаннымъ и другими писателями, г. Дриль счелъ нужнымъ прибавить одну чрезвычайно существенную, о коей доселѣ въ моемъ очеркѣ еще не было рѣчи, а именно «уничтоженіе» «заброшенныхъ, ничьихъ» дѣтей устройствомъ хорошо организованныхъ воспитательныхъ заведеній для нихъ. Эта сторона нашей общественной жизни одна изъ чрезвычайно слабыхъ и не только въ отношеніи «заброшенныхъ» дѣтей, но и всѣхъ почти другихъ. Можно отъ души порадоваться, что редакція «Трудовой помощи» включила и «дѣтскій вопросъ» въ кругъ очередныхъ вопросовъ, посвятивъ имъ не одинъ интересный очеркъ, гдѣ дѣтское дѣло разсмотрѣно съ знаніемъ, любовью и необходимымъ вниманіемъ. Статьи гг. Гогеля, Подобы, Астрова, Калачевой, Виреніуса выдвигаютъ чрезвычайно существенную сторону нашей бытовой и государственной жизни, и въ дальнѣйшемъ, нѣсколько ниже, я остановлюсь на этой сторонѣ, но воспользуюсь для этой задачи инымъ матеріаломъ, нежели заключеннымъ въ перечисленныхъ статьяхъ. Я уже достаточно пользовался содержаніемъ «Трудовой помощи», нѣсколько даже въ ущербъ остальнымъ источникамъ, подобраннымъ мною для настоящаго очерка, но мнѣ не приходится никоимъ образомъ жалѣть объ этомъ, если только мнѣ удалось хоть нѣсколько обратить вниманіе читателей на задачи и работу выдающагося изданія крупнаго общественнаго значенія, систематически, въ рядѣ талантливыхъ и обстоятельныхъ статей, трактующаго предметы насущной важности, въ непосредственной связи съ которой стоитъ такой существенный вопросъ, какъ вопросъ о нашемъ оздоровленіи. Но, разставаясь съ редакціей «Трудовой помощи», я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ по дѣлу, которому она ближайшимъ образомъ, въ первый годъ своей жизни, такъ много послужила, а именно о домахъ трудолюбія.

Читатели «Историческаго Вѣстника» уже знаютъ изъ обстоятельной статьи С. И. Уманца «Дома трудолюбія въ С.-Петербургѣ» (№ 8), что представляютъ собою эти дома въ нашей столицѣ, какимъ цѣлямъ и задачамъ они служатъ, и какова ихъ организація. Резюмируя въ своей статьѣ (№ 1 «Т. П.») послѣднія, В. И. Герье говоритъ:

«По характеру своихъ обитателей дома трудолюбія могутъ представлять собою нѣсколько различныхъ типовъ. Эти обитатели могутъ по отношенію къ оказываемой имъ трудовой помощи быть вполне способными, малоспособными и неспособными къ самостоятельной трудовой жизни. По отношенію къ людямъ перваго разряда дома трудолюбія должны имѣть характеръ лишь кратковременнаго пристанища: но задача должна заключаться въ томъ, чтобы оказывать помощь только до первой возможности обойтись безъ нея. Людей, занимающихся, напримѣръ, поденнымъ трудомъ, слѣдуетъ держать въ домѣ трудолюбія лишь для того, чтобы дать имъ возможность подкрѣпиться пищей, одѣться и заработать себѣ пропитаніе на нѣсколько дней вперед; конечно, могутъ быть исклю-

чительные случаи дороговизны хлѣба, безработицы и т. д., когда за неимѣніемъ заработка, поденщика, выпущеннаго изъ дома трудолюбія, скоро придется опять принять; но въ общемъ необходимо держаться принципа, чтобы принятые въ домъ трудолюбія не становились его пансіонерами. Конечно, людей, имѣющихъ опредѣленную профессію или ремесло, или занимающихъ должность, напримѣръ, прислугу безъ мѣста, приходится дольше держать въ домѣ трудолюбія до принсканія мѣста и занятій, но и относительно ихъ нужно имѣть въ виду, чтобы они не заживались.

«Съ точки зрѣнія принципа, что домъ трудолюбія долженъ быть для здороваго труженика лишь временнымъ пристанищемъ, на крайній случай, нельзя одобрить стремленія привлекать въ домъ трудолюбія и по возможности долго удерживать въ нихъ умныхъ и способныхъ работниковъ. Такое стремленіе понятно. Руководители учрежденія легко увлекаются желаніемъ поднять его: въ данномъ случаѣ похвастаться издѣліями дома трудолюбія, представить блистательный отчетъ, доказать, что долгъ ихъ окупается, что оно даже приноситъ барышъ и т. д. Но увлеченіе показной стороной въ благотворительности еще вреднѣе, чѣмъ въ школьномъ дѣлѣ. Чтобы достигнуть такого результата, руководители домовъ трудолюбія, которые нерѣдко бываютъ вліятельные люди, доставляютъ своему учрежденію заказы казенныхъ и общественныхъ учрежденій, понижаятъ цѣны, и въ концѣ концовъ домъ трудолюбія наполняется не тѣми людьми, для которыхъ онъ назначенъ, а тѣми, которымъ онъ нуженъ, не имѣють въ него доступа; случается, что домъ трудолюбія убиваетъ какой нибудь мѣстный промыселъ, и кормящіеся имъ прежде люди изъ самостоятельныхъ рабочихъ превращаются въ нищихъ и принуждены искать убѣжища въ томъ самомъ учрежденіи, которое ихъ разорило. Выходитъ то, что часто случается и съ другими учрежденіями, а именно, что домъ трудолюбія становится самъ для себя цѣлью, забывая, что онъ долженъ быть средствомъ для другой, высшей цѣли.

«Малоспособность къ самостоятельной трудовой жизни можетъ обусловливаться двумя причинами: ослабленіемъ физическихъ силъ или нравственнымъ паденіемъ. Отсюда—двѣ новыя категории людей, нуждающихся въ домѣ трудолюбія, и два новыхъ типа этого учрежденія. Въ одну изъ этихъ категорий входятъ люди, недоучившіеся или не имѣющіе профессій, люди выбившіеся изъ коленъ, утратившіе силу воли и энергіи, а иногда и стыдъ, алкоголики и т. п. Для этихъ патологическихъ субъектовъ нуженъ домъ трудолюбія съ воспитательнымъ, лѣчебнымъ характеромъ, по образцу Благочиннаго дома трудолюбія въ Петербургѣ. Для этихъ людей недостаточно кратковременнаго пребыванія, ихъ недугъ хроническій, и для ихъ лѣченія или ослабленія его требуется время. Здѣсь нужна жертва, и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы доходъ отъ проданныхъ издѣлій покрывалъ расходъ и т. п.

«Во второй разрядъ входятъ люди не порочные, но по слабости силъ или немѣлкости не зарабатывающіе всего, что имъ нужно для пропитанія себя. Имъ необходима не милостыня, которая ихъ испортитъ, а трудовая помощь въ томъ смыслѣ, чтобы дать имъ возможность посредствомъ труда, оплачиваемаго нѣсколько дороже, чѣмъ онъ стоитъ, спастись отъ крайней нужды. Организация таковой трудовой помощи можетъ быть очень различна, сообразно съ семейнымъ положеніемъ вѣдомствуемыхъ, и можетъ быть болѣе или менѣе продолжительна. Но и тутъ руководители дома трудолюбія должны ставить себѣ задачею не обращать трудолюбцевъ въ пансіонеровъ, а стараться каждаго изъ нихъ по возможности удерживать на уровнѣ самостоятельной трудовой жизни... Неспособные по возрасту къ

самостоятельной трудовой жизни — дѣти и престарѣлые — не должны быть въ домѣ трудолюбія, ибо для нихъ немислима трудовая помощь; дѣтямъ нужна школа, а старости пріютъ. Но это не значить, что ручной трудъ долженъ быть изгнанъ изъ дѣтскихъ пріютовъ и колоній!»

Изъ приведенныхъ словъ г. Герье, какъ равно и изъ мнѣній г. Дриля, мы видимъ, что редакція «Трудовой помощи» далеко не считаетъ учрежденіе домовъ трудолюбія окончательной и всеобъемлющей панацеей отъ всѣхъ золъ и невзгодъ отечественнаго пауперизма. Авторъ приведенной длинной выдержки указываетъ даже на возможность неблагоприятнаго направленія домовъ трудолюбія, гдѣ можетъ найти себѣ мѣсто нежелательная «показная» сторона, въ ущербъ остальнымъ. И дѣйствительно, въ печать уже проникли свѣдѣнія, что не вездѣ съ дѣломъ организаціи трудовой помощи обстоятъ благополучно, а также указанія, что дома трудолюбія во многихъ случаяхъ не достигаютъ своей цѣли. Стоитъ только ознакомиться съ разсужденіями по настоящему предмету г. Радецкаго, появившимися нѣсколько лѣтъ тому назадъ на столбцахъ «Орловскаго Вѣстника» или съ картинкой съ натуры «Не въ идеѣ, а на дѣлѣ» г. Линева-Далина въ его второй книжкѣ «Не сказокъ», какъ станетъ очевиднымъ, что дома трудолюбія далеко и далеко не могутъ оправдать въ полной мѣрѣ возлагаемыя на нихъ слишкомъ пылкими ихъ поклонниками надежды. Но я уже подчеркнул соображенія и тенденцію редакціи «Трудовой помощи», которая и сама не склонна сосредоточивать свое исключительное вниманіе на домахъ трудолюбія, отвѣдя широкое мѣсто обсужденію и иныхъ сторонъ помощи физически и духовно недомогающему населенію и настаивая на необходимости энергичной заботы о дѣтяхъ и борьбы съ социально-патологическими явленіями современной жизни, въ видѣ, на примѣръ, борьбы съ алкоголизмомъ и иными видами общественной распущенности.

VII.

«Въ дѣтяхъ — будущее человѣчество!» съ такими словами на своемъ общественномъ знамени ѣздитъ изъ конца въ конецъ по лицу Русской земли небезызвѣстный писатель И. М. Радецкій, пробуждая горячими воззваніями, лекціями и брошюрами вниманіе общественныхъ центровъ нашихъ большихъ и малыхъ городовъ къ такъ называемому «дѣтскому дѣлу». Дѣятельность моего собрата по литературной профессіи чрезвычайно любопытна, скажу даже — знаменательна, какъ характерный признакъ переживаемого нами времени съ его стремленіями объ оздоровленіи человѣчества черезъ посредство подрастающаго поколѣнія. Дѣятельность г. Радецкаго обрисована въ предисловіи къ сборнику «За дѣтей»¹⁾, составленному

¹⁾ И. М. Радецкій: «За дѣтей». Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. Од. 1886.

изъ его собственныхъ работъ и отчетовъ о его организационныхъ трудахъ, слѣдующимъ образомъ: «Въ началѣ, когда И. М. выступилъ со своими проектами и взялся за устройство дѣтскихъ садовъ и организацію обществъ содѣйствія воспитанію дѣтей, нѣкоторыя газеты и разнаго рода «скентики-специалисты» встрѣтили его насмѣшками, инсинуаціями и даже доносами (что, къ сожалѣнію, тогда тормовило начинанія), но, невзирая на глумленія и насмѣшки, онъ неустанно продолжалъ дѣйствовать, съ глубокимъ убѣжденіемъ шель впередъ къ намѣченной цѣли, призывая общество къ самодѣятельности въ великомъ дѣлѣ воспитанія и защиты подростовающаго поколѣнія. И послѣдствія показали, что онъ не ошибался, и что всѣ усилія его были не напрасны: въ настоящее время дѣло развивается, обѣщая въ будущемъ обильные плоды. Конечно, это только начало великаго дѣла, которое будетъ продолжать общество, и г. Радецкій стремится къ тому, чтобы въ каждомъ городѣ организовать общество воспитанія и защиты дѣтей, чтобы въ каждомъ городѣ существовали дѣтскіе сады, колоніи, арены, ясли, чтобы воспитаніе дѣтей составляло главную задачу общества и государства и всѣ дѣти были выведены изъ смрадной атмосферы замкнутыхъ помѣщеній на лоно природы... «Въ дѣтяхъ—будущее человѣчество»—вотъ, девизъ И. М. Радецкаго, и этимъ объясняется вся его неутомимая общественная и литературная дѣятельность въ извѣстномъ направленіи».

Объясняя читателямъ въ статьѣ «Какъ я организовалъ общества содѣйствія воспитанію дѣтей» тѣ соображенія, наблюденія и чувства, кои его подвинули взять подъ свою защиту «дѣтское дѣло», г. Радецкій говоритъ... «Все несчастіе людей въ большинствѣ есть слѣдствіе отсутствія воспитанія съ дѣтства, матеріальной и духовной нищеты, что главною задачею общества и государства должно быть разумное воспитаніе подростовающаго поколѣнія, и что всѣ «несчастные» и преступники не болѣе, какъ жертвы нашихъ общихъ грѣховъ и немощей. «Но вѣдь въ человѣкѣ есть «свободная воля», скажутъ многіе. Хорошо говорить о «свободѣ воли» тому, въ комъ развита эта воля и сознаніе, кто получилъ съ дѣтства воспитаніе и доброе направленіе, но повседневная жизнь, наука и исторія убѣждаютъ насъ, что такъ называемая «злая воля» человѣка есть слѣдствіе разстройства индивидуальныхъ силъ духа, происшедшаго влѣдствіе совокупности безконечнаго ряда внутреннихъ наслѣдственныхъ и внѣшнихъ социальныхъ условий, и «злыя дѣянія» «свободнаго человѣка» часто были роковою неизбѣжностью... Нѣтъ слѣдствія безъ причины—истина, которую не хотятъ признавать люди.

«Какъ обвинять человѣка въ тѣлесной и духовной нищетѣ, когда, со дня появленія на свѣтъ его морили голодомъ, изнуряли въ то время, когда ему нужно было хорошее питаніе и здоровая обстановка, когда вмѣсто развитія и просвѣтлѣнія души его всячески уродовали и превращали въ калѣку? Такимъ образомъ, я пришелъ

къ глубокому сознанию необходимости созданія такихъ условій, при которыхъ личность человѣка-ребенка не подавлялась бы, а правильно, согласно стественнымъ законамъ, развивалась бы при участіи и содѣйствіи всего общества... Отъ вопросовъ призрѣнія и защиты брошенныхъ и беззащитныхъ естественно необходимо было перейти къ вопросамъ оздоровленія всего общества, ибо болѣзненное состояніе и вырожденіе физическое и нравственное не подлежатъ никакому сомнѣнію—и въ этомъ корень зла».

Г. Радецкій, слѣдовательно, именно въ видахъ оздоровленія населенія намѣчаетъ, въ качествѣ необходимаго условія организациі обществъ физическаго воспитанія дѣтей, оздоровленіе всего дѣтскаго быта, не исключая семейнаго и школьнаго режима, при наличности которыхъ должны исчезнуть тѣ печальные факты вырожденія Россіи, которые констатируетъ г. Дедюлинъ. Новаго чего нибудь, конечно, г. Радецкій не говоритъ и, если мнѣ приходится въ данномъ случаѣ остановить вниманіе читателей именно на его дѣятельности, то это потому, что въ ней наиболѣе рельефно сконцентрировалось то общественное теченіе, которое отмѣчено трогательною, возвышенною и разумною заботою о дѣтяхъ. Дѣятельность поэту И. М. Радецкаго имѣетъ въ данное время главнымъ образомъ принципиальное значеніе: но громкій, для многихъ, можетъ быть, надобдливый и докучливый крикъ — «въ дѣтяхъ будущее человѣчество!» берeditъ общественную совѣсть, толкаетъ мысль въ опредѣленномъ направленіи и, въ видѣ реального воздѣйствія на среду, энергично выдвигаетъ существенный факторъ жизни. До сихъ поръ изъ всей дѣятельности пропагандиста «дѣтскаго дѣла», правда, практическаго еще мало что вышло, и всѣ предпріятія провинціальной среды ограничались по большей части канцелярскимъ пріемомъ подписанія протоколовъ общихъ собраній будущихъ обществъ физическаго воспитанія; но въ данномъ случаѣ важно, что дѣлу вообще данъ толчекъ, что самая идея сосредоточилась не въ кличкахъ, не въ ученыхъ статьяхъ и спеціальныхъ научныхъ обществахъ, а постепенно проникла въ живую среду, гдѣ обязательно, такъ или иначе, но оставитъ свой слѣдъ. Пусть, на примѣръ, появленіе г. Радецкаго на аренѣ того или иного города въ данный моментъ и не реализировалось фактически желательной для него организацией тутъ дѣтскаго воспитанія и дѣтскаго обязательнаго режима; важно въ данномъ случаѣ, что въ инертную и косную русскую среду живой человѣкъ забросилъ живую мысль, хоть на мигъ «всколыхнулъ болото стоячее». Пройдетъ, можетъ быть, нѣкоторое, хотя бы и длинное время, и искра мысли, заброшенная нѣкогда рукою странствующаго проповѣдника, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вспыхнетъ и зальетъ современемъ общественную среду широкимъ пламенемъ дѣятельной любви и заботы о «малыхъ сихъ».

Эта забота о подрастающемъ поколѣніи, выдвинутая съ такою

силою въ послѣднее время, наукою и литературою, принадлежить къ необыкновенно отраднымъ явленіямъ нашего вѣка. Если былое исторіи содержитъ въ себѣ немало ужасающихъ картинъ массовыхъ избіеній младенцевъ, то мы съ гордостью можемъ заявить, что XIX столѣтіе, какъ бы желая загладить историческіе грѣхи предковъ, тщится всѣми силами поставить идеаль ухода за ребенкомъ, заботу о его гармоническомъ развитіи и воспитаніи на возможную высоту, требуя для этого самыхъ радикальныхъ жертвъ со стороны общества и государства. Люди врачебнаго опыта съ неопровержимой ясностью нынѣ показываютъ, что мы—палачи и тираны своихъ дѣтей, что современная цивилизація, съ ея нервной лихорадочной стремительностью, при наличности уродливой домашней обстановки и безобразныхъ школъ, гдѣ надъ всѣмъ прочимъ царитъ культъ разума, гибельна для дѣтей и грозитъ будущему роду человѣческому неисчислимыми бѣдами и невзгодами, до вырожденія включительно. Признаки этого вырожденія уже на лицо, и они должны положить предѣлъ нашему безумію. Вся социальная среда мѣрами общественными и государственными въ этихъ видахъ должна быть реформирована и, если это во время не будетъ сдѣлано, то быть худу. Освобожденіе дѣтей отъ жестокаго обращенія со стороны порочныхъ родителей, мастеровыхъ и торговцевъ-хозяевъ, улучшеніе гигиены питанія, даже если это сопряжено съ нѣкоторыми лишеніями въ области роскоши для взрослыхъ, исправленіе нравственности послѣднихъ, улучшеніе ихъ семейныхъ отношеній, борьба съ воздушнобоязнью, царящею въ большинствѣ нашихъ домашнихъ очаговъ, радикальная реформа нашихъ безобразныхъ школьныхъ системъ и школьныхъ режимовъ, устройство здоровыхъ прогулокъ, игръ и развлеченій, гимнастики и т. д.—вотъ тѣ наиболее существенные, уже выработанные нынѣ наукою пути, которые указаны человѣчеству въ интересахъ его возрожденія. Безъ правильной постановки дѣтскаго воспитанія все будущее нашей цивилизаціи есть мракъ, есть абсурдъ, такъ какъ, за вырожденіемъ человѣчества, никому будетъ пользоваться плодами этой цивилизаціи: хилое поколѣніе людей не выдержитъ ея тяжести на своихъ плечахъ и рухнетъ подъ ея обломками. Что же касается больныхъ и порочныхъ маленькихъ членовъ въ обществѣ, то по отношенію ихъ, въ интересахъ ихъ численнаго сокращенія, слѣдуетъ принимать не карательныя мѣры, а мѣры разумно-исправительныя, въ видѣ устройства исправительныхъ колоній и учреждений. Карать своихъ дѣтей за то, чѣмъ мы сами грѣшны, что мы привили имъ съ молокомъ матерей, жестоко и нелѣпо; большая часть ихъ пороковъ есть слѣдствіе нашихъ же собственныхъ привычекъ, нашей наслѣдственности, нашихъ условій цивилизаціи, жи, разврата, пьянства и скудомыслія. Тутъ не о наказаніяхъ слѣдуетъ помышлять, а объ изоляціи изъ нашей порочной среды и перемѣщеніи въ иныя условія существованія, гдѣ въ

ихъ распоряженіе будутъ предоставлены въ качествѣ лучшихъ факторовъ исправленія—здоровая обстановка, разумный трудъ, лѣченіе отъ нами же переданныхъ имъ болѣзней въ видѣ алкоголизма, сифилиса и неврастеніи, просвѣщеніе не въ духѣ нашей языческой цивилизаціи, а въ духѣ высшаго очищенія христіанской морали.

Исправленіе такимъ образомъ челоувѣчества указано наукой съ момента его пребыванія въ колыбели и, если нашъ XIX вѣкъ въ этомъ направленіи мало что успѣлъ сдѣлать, то всѣ упованія должны быть возложены на слѣдующее столѣтіе, которому и завѣщается прежде всего быть вѣкомъ здоровыхъ дѣтей.

VIII.

Въ любопытныхъ очеркахъ А. И. Свирскаго «Погибшіе люди», посвященныхъ обстоятельному изображенію міра трущобнаго, тюремнаго, міра нищихъ и пропойць, есть любопытная, фотографированная съ дѣйствительности картинка: мальчикъ лѣтъ десяти; съ нахальнымъ, циническимъ выраженіемъ на лицѣ и махорочной «цигаркой» во рту, стоитъ передъ растрепанной, оборванной женщиной и, едва достигая до ея колѣнъ, поднявши голову вверхъ, охрипшимъ отъ пьянства голосомъ упрекаетъ ее въ измѣнѣ...

Не правда ли, ужасная картинка, полная страшнаго трагизма и глубокаго соціального смысла! Но это не единичная картинка въ трехъ томикахъ очерковъ г. Свирскаго; ихъ можно найти тамъ сколько угодно и, если читатель только интересуется современными общественными язвами, я рекомендую ему ознакомиться съ поучительными разсказами автора, посвященными изученію «всѣхъ проявленій зоологическаго трущобнаго прозябанія». Онъ хорошо произвелъ свое изысканіе, для чего,—по собственнымъ показаніямъ,—побѣдилъ въ себѣ чувство гадливости, нарядился въ соответствующій костюмъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, переѣзжая изъ города въ городъ, скитался по разнымъ трущобамъ. Результатомъ такихъ кочеваній и явились очерки «Погибшіе люди», не претендующіе на значеніе итоговъ художественнаго творчества, но являющіеся вѣрно воспроизведенной панорамой отечественной печальной дѣйствительности съ содержаніемъ изъ міра отверженцевъ общества.

Параллельно съ очерками г. Свирскаго я рекомендовалъ бы читателямъ ознакомиться съ героями изъ «босаяцкаго» міра въ «Очеркахъ и разсказахъ» М. Горькаго, гдѣ талантливый молодой писатель въ поразительныхъ краскахъ обрисовалъ малознакомый намъ бытъ и нравы отечественныхъ бродягъ, золоторотцевъ, босаяковъ. Какъ и въ картинкахъ съ натуры г. Свирскаго, мы встрѣтимся и у г. Горькаго съ длинной вереницей представителей вырождающихся

людей, погрязшихъ въ нищенствѣ и бѣдности, со всѣми аксессуарами этихъ золь—развратомъ, цинизмомъ, худосочиємъ и алкоголизмомъ. Дѣйствующія лица здѣсь положительно купаются въ сивухѣ, и все ихъ существованіе насквозь пропитано алкогольнымъ отравленіемъ: водка шкаликами, бутылками, ведрами, такъ и мелькаетъ передъ глазами читателей, и становится вчужѣ страшно за несчастное населеніе, систематически и съ какимъ-то упоеніемъ, точно на зло самому себѣ и окружающимъ, распатывающее свое здоровье и всѣ соціальныя устои жизни. Вглядѣвшись только пристально въ измученные и истощенныя лица героевъ обоихъ названныхъ авторовъ, вы дѣйствительно начинаете понимать, что здѣсь однимъ экономическимъ улучшеніемъ быта, одною моралью и проповѣдью обойтись нельзя; зло слишкомъ глубоко пустило свои корни, и прежде чѣмъ хвататься за мѣры общаго свойства, которыя я, конечно, меньше, чѣмъ кто либо, готовъ отрицать, надо прежде всего обратиться къ медицинской помощи, къ указаніямъ врачебнаго опыта и тѣмъ средствамъ лѣченія надломленныхъ организмовъ, о которыхъ люди науки такъ настойчиво намъ твердятъ—къ заведеніямъ для душевно-больныхъ, къ больницамъ для сифилитиковъ, къ учрежденіямъ для алкоголиковъ, къ тѣмъ самымъ грознымъ «храмамъ счастья», кои завершаютъ въ концѣ концовъ печальные итоги нашей роскошной цивилизаціи! Десятилѣтній герой, алкоголикъ и развратникъ, оборванная проститутка, заражающая своими сифилитическими лобзаніями маленькаго любовника—вотъ въ живыхъ образахъ, глубокихъ своимъ потрясающимъ значеніемъ, обратная сторона эмблемы современной цивилизаціи! Тутъ ужъ ни политическая экономія, ни благодушная мораль ничего не помогутъ—тутъ на борьбу со зломъ должны быть подняты исключительно силы медицины, которыя съ должнымъ знаніемъ дѣла, во всеоружіи послѣдняго слова опытной науки, сумѣютъ расгруппировать этихъ несчастныхъ дегенератовъ по опредѣленнымъ рубрикамъ соціальной патологии и возмуть ихъ подъ свой непосредственный контроль и въ свое непосредственное пользованіе. Главнѣйшихъ этихъ рубрикъ, помимо отмѣченныхъ уже выше, когда шла рѣчь объ исправительныхъ заведеніяхъ, намѣчается три, обнимающихъ собою: 1) простыхъ неврастениковъ и душевно-больныхъ, 2) нуждающихся въ пользованіи отъ зараженія сифилисомъ и 3) алкоголиковъ. Сдѣлать хотя бы примѣрный учетъ заведеній, потребныхъ для всѣхъ этихъ видовъ дегенератства, чрезвычайно трудно, но медицинѣ удалось по отношенію лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлать кое-какія приблизительныя опредѣленія, которыя могутъ всего лучше дать намъ понятіе, какъ широко расплодилось зло, ведущее главнымъ образомъ русскій народъ къ вырожденію.

Такъ въ «Вѣстникѣ общественной гигиены, судебной и практической медицины», издаваемомъ медицинскимъ департаментомъ,

имѣется за настоящей годъ (юль) любопытная статья В. Л. Мартиновскаго «Къ вопросу о прирѣннн душевно-больныхъ», гдѣ вопросъ разсмотрѣн въ его историческомъ постепенномъ развитіи и съ указаніемъ, что дѣлается уже въ настоящее время у насъ и что надлежитъ еще сдѣлать. Установивъ фактъ неудовлетворительнаго положенія дѣла прирѣннн душевно-больныхъ въ имперіи, ничтожныя въ большинствѣ случаевъ результаты дѣятельности мѣстныхъ органовъ по устройству прирѣннн, отсутствіе системы, проникнутой одной, общей идеей, затруднительность и даже невозможность для отдѣльныхъ земствъ справляться съ прирѣнннмъ душевно-больныхъ, неравномѣрное развитіе этого дѣла въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ, г. Мартиновскій справедливо подчеркиваетъ необходимость государству принять на себя попеченіе о душевно-больныхъ и даетъ по настоящему предмету чрезвычайно любопытныя указанія практическаго и статистическаго характера. Установивъ, что въ Россіи въ настоящее время отъ 180 до 200 тысячъ душевно-больныхъ, нуждающихся въ попеченіи и прирѣннн, онъ говоритъ: «Для установленія предѣла, до котораго должна простираться забота государства о душевно-больныхъ, необходимо опредѣлить, какія формы болѣзней представляютъ больные въ общей своей массѣ. Клиническія наблюденія позволяютъ по формамъ душевнаго разстройства всѣхъ душевно-больныхъ раздѣлить на 3 больнія группы: 1) больные съ острыми явленіями (напримѣръ, буйство, значительный угрожающій жизни упадокъ силъ, тяжелыя соматическія осложненія); 2) больные съ затяжными формами душевнаго разстройства, которыя по характеру своихъ болѣзненныхъ припадковъ представляютъ безусловную опасность для окружающихъ или для самихъ себя и требуютъ помѣщенія въ спеціальныя лѣчебницы; 3) больные хроники, окончательные инвалиды, частью требующіе только призора, частью же только болѣе или менѣе благоприятныхъ условій, при которыхъ они могли бы жить и среди семьи».

Сопоставляя и комбинируя по опредѣленнымъ статистическимъ формуламъ всѣ три отмѣченныя категоріи больныхъ, г. Мартиновскій опредѣляетъ, что 1-я категорія составляетъ около 20-22 тысячъ больныхъ, а число кроватей, необходимыхъ для ихъ помѣщенія—7000, для остальныхъ—около 40.000 больныхъ, подлежащихъ безусловно лѣченію, которые составятъ II категорію больныхъ и пребываютъ въ лѣчебницахъ отъ 2 до 10 и болѣе лѣтъ, необходимо въ настоящее время около 40.000 кроватей; для всего же числа больныхъ, требующихъ безусловнаго и постояннаго лѣченія, требуется такимъ образомъ 47.000 кроватей, занятыхъ 62 тысячами больныхъ. Эти цифры, по мнѣнію автора, и есть тотъ минимальный предѣлъ, который должно имѣть въ виду при необходимой въ настоящее время организаци прирѣннн и лѣченія душевно-больныхъ въ нашемъ отечествѣ. Между тѣмъ сейчасъ для этихъ 62 тысячъ больныхъ су-

существует во всей имперіи 12.880 штатныхъ кроватей, въ томъ числѣ 500 кроватей, содержимыхъ частными лицами и доступныхъ только для матеріально обеспеченныхъ лицъ. Число призрѣваемыхъ во всѣхъ лѣчебницахъ, при условіи крайняго переполненія ихъ и при существующемъ обмѣнѣ кроватей, около 30.000 больныхъ, а 32.000 остаются безъ всякаго призрѣнія, благодаря чему эта сторона народной жизни и ложится тяжкимъ гнетомъ на населеніе, порождая въ немъ рядъ аномальныхъ и опасныхъ проявленій. Обращаясь къ вопросу, на чье же попеченіе возложить заботы объ этихъ несчастныхъ, г. Мартиновскій приходитъ къ слѣдующему заключенію: для призрѣнія больныхъ первой группы, которые требуютъ, тотчасъ по обнаруженіи заболѣванія, изоляціи и быстрой подачи медицинской помощи, необходимы лѣчебницы, устроенныя для возможно небольшихъ районовъ. Въ означенныя лѣчебницы должны быть помѣщаемы и больные, подлежащіе судебному или административному освидѣтельствуванію, до постановленія о нихъ рѣшенія судебного или административнаго учрежденія; лѣчебницы для подобныхъ больныхъ могли бы быть устроены даже въ видѣ отдѣленій при большихъ общихъ больницахъ. Призрѣніе душевно-больныхъ второй группы могло бы быть съ наибольшей пѣлесообразностью осуществлено въ формѣ государственныхъ большихъ лѣчебницъ, устроенныхъ по типу окружныхъ лѣчебницъ. Разбирая далѣе вопросъ, на чьи же средства должны быть призрѣваемы больные, онъ говоритъ: «попеченіе о больныхъ первой группы, душевное расстройство которыхъ протекаетъ болѣе или менѣе быстро, или которые нуждаются въ кратковременномъ приютѣ внѣ дома вслѣдствіе обостренія болѣзни или условій ихъ домашней жизни,—естественно падаетъ на обязанности мѣстныхъ учреждений, для которыхъ призрѣніе этой группы больныхъ нисколько не обременительно. Душевно-больные второй группы, составляющіе тотъ контингентъ больныхъ, который заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ по своей численности, такъ и по тому вреду, который они приносятъ государству, и относительно которыхъ и возникаютъ по преимуществу вопросы правовые,—требуютъ попеченія государства, такъ какъ попеченіе это представляется непосильнымъ для мѣстныхъ органовъ по состоянію ихъ бюджетовъ. Это тѣмъ болѣе справедливо и необходимо, что по сущности своей призрѣніе душевно-больныхъ является дѣломъ несомнѣнно общегосударственнымъ, такъ какъ помѣщаемые, въ отличіе отъ прочихъ больныхъ, точно такъ же, какъ и преступники, а, можетъ быть, и въ большей степени, являются нетерпимымъ элементомъ, и, кромѣ того, способствуя психическому и физическому вырожденію населенія, наносятъ существенный вредъ государству и въ будущемъ. Наконецъ, забота о больныхъ третьей группы, составляющихъ по преимуществу богадѣлennyй элементъ, могла бы быть предоставлена усмотрѣнію мѣстныхъ органовъ, вѣдающихъ призрѣніе вообще».

Вотъ тѣ болѣе или менѣе приблизительныя данныя о развитіи въ нашемъ отечествѣ дѣла прирѣнія душевно-больныхъ, какъ оно есть въ дѣйствительности, и какъ оно нуждается для своего улучшения въ правильной постановкѣ. Авторъ статьи «Къ вопросу о прирѣнии душевно-больныхъ» не скрываетъ, что 32.000 больныхъ, остающихся нынѣ внѣ попеченія, несомнѣнно способствуютъ психическому и физическому вырожденію населенія, но при этомъ также не утаиваетъ, что установленная имъ цифра есть приблизительная, официальная, т. е. такая, которая безъ всякаго даже злого умысла, имѣетъ скорѣе въ виду успокоить читателей, нежели ихъ утратить. Если бы возможно было доискаться болѣе точной цифры, то, вѣроятно, число серіозно душевно-больныхъ оказалось бы еще значительнѣе, и опасность населенію еще большая. Картина должна еще болѣе затуманиться, когда примешь во вниманіе ту нетвердо установившуюся рубрику психопатовъ и неврастниковъ, которая нигдѣ еще не учтена и которая вмѣщаетъ единицы населенія, стоящія на грани безумія. Если эта категорія полубольныхъ и не является прямо и непосредственно вредною и опасною для благоденствія населенія, то, во всякомъ случаѣ, въ потомственномъ отношеніи, какъ естественная производительница рода человѣческаго, она также въ значительной степени содѣйствуетъ нашему вырожденію и вноситъ въ кровь народную начало порчи и худосочія. Съ болѣею или меньшею вѣроятностью можно установить положеніе, что потомство отъ этихъ полу-больныхъ, въ большемъ своемъ процентѣ, также поколѣніе нездоровое, анормальное, психопатическое, съ опредѣленнымъ признакомъ вырожденія и неврастенія, представителей какового можно встрѣтить въ настоящее время въ громадномъ числѣ не только въ классахъ привилегированныхъ, но и въ низшихъ слояхъ народа, славившагося доселѣ именно своимъ здоровьемъ и въ послѣднее время уже подарившаго намъ ярко-выраженный типъ «крестьянина-неврастеника».

IX.

Если г. Мартиновскій вполне основательно указываетъ обществу и правительству на неотложность мѣръ во имя блага населенія въ отношеніи душевно-больныхъ, то легко себѣ представить, какой энергіи должны достигнуть эти мѣры въ дѣлѣ врачеванія и изоляціи представителей второй намѣченной мною соціально-патологической группы—зараженныхъ сифилисомъ, венериковъ, тѣхъ служителей культа Венеры, которые носятъ въ обыденной рѣчи наименованіе страдающихъ «секретными болѣзнями». По вопросу объ этой категоріи больныхъ имѣются въ настоящее время чрезвычайно цѣнныя данныя, которыя во всѣхъ ихъ подробностяхъ и во всемъ

ихъ ужасающемъ значеніи можно найти въ двухъ томахъ «Трудовъ высочайше разрѣшеннаго съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи», бывшаго при медицинскомъ департаментѣ съ 15 по 22 января 1897 года.

Рядъ докладовъ на съѣздѣ, отпечатанныхъ въ «Трудахъ», исчерпалъ занимающій насъ вопросъ въ широкихъ рамкахъ и обрисовалъ, какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло въ городахъ, селахъ, въ арміи, флотѣ и среди фабричныхъ рабочихъ, а также отмѣтилъ основы лѣчебной борьбы съ ужасающимъ зломъ и значеніе лѣчебныхъ станцій въ дѣлѣ врачеванія этого недуга. Рефераты докторовъ Гребенщикова, Уварова, Петерсена, Л. Бертенсона, Сухова, Герценштейна, Шолковского, Штюмера, Введенскаго, Чистякова и др. рисуютъ намъ ужасающую картину и какъ нельзя лучше объясняютъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ возросло зло секретныхъ болѣзней, и какую рѣшающую роль онѣ должны играть въ существующемъ фактѣ вырожденія русскаго народа. Предѣлы моей статьи не позволяютъ ознакомить читателей даже въ малыхъ размѣрахъ съ данными, установленными почтенными представителями науки, которыхъ я въ началѣ своего очерка отнесъ къ категоріи современныхъ героевъ борцовъ, и въ дѣятельности которыхъ я вижу признаки будущаго оздоровленія человѣчества. Изъ всего пересмотрѣннаго мною, мнѣ по необходимости надо остановиться на наиболѣе типическомъ, собирательномъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены итоги съѣзда, и гдѣ покоится его общественное истолкованіе. Таковое именно я почерпаю въ заключительныхъ рѣшеніяхъ съѣзда, высказанныхъ его предсѣдателемъ Л. Ф. Рагозинымъ и въ рѣчи проф. В. М. Тарновскаго при открытіи съѣзда.

Послѣдній, уже давно заявившій себя энергичнымъ борцомъ съ проституціей ¹⁾ и врачевателемъ тяжкаго недуга, сумѣлъ въ талантливой рѣчи, какъ нельзя лучше, представить ужасное значеніе болѣзни, глубоко поразившей населеніе и требующей самой дѣятельной организаціи противъ зла. Проф. Тарновскій устанавливаетъ, что въ 1888 году, въ 29-ти земскихъ губерніяхъ было зарегистрировано свыше 1⁰/₀ сифилитиковъ на все населеніе въ 93 уѣздахъ; въ 1891 году въ тѣхъ же 29-ти губерніяхъ зарегистрировано свыше 1⁰/₀ сифилитиковъ въ 117 уѣздахъ. Другими словами, въ теченіе 3-хъ только лѣтъ прибавилось 24 уѣзда, въ которыхъ процентъ сифилитиковъ сталъ свыше 1⁰/₀ на все населеніе, причемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ онъ достигъ чудовищной цифры 7⁰/₀, т. е. на 15 жителей одинъ зараженъ сифилисомъ ²⁾. Указавъ на ростъ

¹⁾ Для интересующихся мнѣніями профессора Тарновскаго о значеніи и исторіи проституціи можетъ быть рекомендовано прекрасное сочиненіе «Проституціи и аболіціонизмъ».

²⁾ Свѣдѣнія послѣдняго отчета медицинскаго департамента показываютъ, что наиболѣе пострадавшими мѣстностями являются губерніи: Воронежская, Костром-

ужасной болѣзни и на необходимость энергичной борьбы съ нею, ораторъ обратился къ главному источнику ея происхожденія. «Возьмите любой случай заболѣванія сифилисомъ, — говорилъ онъ, — по видимому, ничего общаго съ проституціей не имѣющей, и доведите его черезъ рядъ лицъ, иногда поколѣній, до первоначальнаго источника, всегда вы найдете въ концѣ концовъ проститутку, отъ которой, какъ отъ центра во все стороны, распространяется болѣзнь. Вотъ почему борьба съ сифилисомъ постоянно соединялась съ вопросомъ о проституткахъ, надзорѣ за ними, способахъ упорядоченія, оздоровленія и т. п. Въ свою очередь проституція такъ тѣсно связана съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ соціальныхъ вопросовъ, что разсмотрѣніе ея врачами исключительно съ точки зрѣнія распространенія сифилиса по необходимости страдало и страдаетъ одно-сторонностью».

Далѣе ораторъ очертилъ весь вредъ, приносимый проститутками, ихъ особенности антропологическія и біологическія, которыя не позволяютъ смѣшивать ихъ съ обыденнымъ типомъ нормальной женщины, и перешелъ къ людямъ, пользующимся проституціей. Нравственно притупленные, имѣющіе врожденно повышенное половое побужденіе или другія отклоненія, свойственныя вырождающимся, они относятся къ проституткамъ совершенно такъ же, какъ эти послѣднія къ своимъ посѣтителямъ. Сознывая себя больными, способными передать заразу, они тѣмъ не менѣе обращаются къ проституціи. У нихъ нѣтъ даже извиненія въ той нуждѣ и лишеніяхъ, которыя нерѣдко заставляютъ женщину искать заработка въ проституціи. Ими руководитъ исключительно половой инстинктъ, необузданное стремленіе къ удовлетворенію народившагося желанія, которое они нерѣдко преднамѣренно вызываютъ алкоголизмомъ, заранѣе предвкушая прелесть полу-вмѣняемаго состоянія, въ какое они впадаютъ. Какъ проститутки вносятъ заразу въ здоровое населеніе, такъ ихъ въ свою очередь заражаютъ въ большинствѣ случаевъ эти нравственные калѣки, истинные отбросы современнаго общества, санитарный надзоръ за которыми столь же необходимъ, какъ и за проститутками. По мнѣнію профессора, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ укрѣпляется убѣжденіе въ важности зараженія сифилисомъ, необходимо усиливать отвѣтственность всѣхъ, сознательно передающихъ болѣзнь ни въ чемъ неповиннымъ людямъ. Особенно серіозныя требованія предъявилъ ораторъ къ врачамъ и педагогамъ. Имъ слѣдуетъ проводить въ жизнь необходимость полового воздержанія въ самомъ широкомъ значеніи, — сказалъ онъ. Недостаточно только проповѣдывать пользу воздержанія, должно

ская, Нижегородская, Пензенская, Псковская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, т. е. наиболѣе коренныя великорусскія губерніи, гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣзнь поразила болѣе 20% на 1000 жителей.

направить къ этой цѣли все воспитаніе: до minimum'a сидѣніе въ классахъ, усилить всѣ формы учебныхъ экскурсій, развитіе физическія упражненія на воздухѣ, поощрить всѣ виды атлетическаго соревнованія и видѣть въ нихъ не дѣло спорта или моды, а одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для подавленія полового чувства. Наглядные результаты такого рода воспитанія даетъ Англія, гдѣ, по словамъ врачей, среди интеллигентной части молодежи-студентовъ университетовъ и высшихъ школъ заболѣваніе сифилисомъ составляетъ рѣдчайшее исключеніе, половое же воздержаніе общее правило. Профессоръ предъявилъ требованіе энергичной борьбы противъ всѣхъ общественныхъ предрасудковъ, содѣйствующихъ растлѣнію молодежи и дѣтей и указалъ на рядъ принциповъ, необходимыхъ для коренной прививки къ жизни, организованной на новыхъ началахъ, а также намѣтилъ широкопоставленныя задачи лѣченія и изоляціи страждущихъ, причемъ на основаніи фактовъ установилъ то существенное положеніе, грустное и ужасное, что «развитіе путей распространенія сифилиса далеко опережаетъ у насъ культурный и экономическій ростъ страны».

Рѣчь профессора Тарновскаго обняла принципиально самыя важныя стороны работъ съѣзда и совмѣстно съ прочитанными рефератами и дебатами, имѣла несомнѣнное вліяніе на многія окончательныя постановленія собравшихся. Эти постановленія, направленные къ борьбѣ со зломъ и обнимающія собою средства борьбы, были резюмированы предсѣдателемъ при закрытіи съѣзда въ слѣдующей главнѣйшей постепенности.

1) Развитіе народныхъ чтеній, народныхъ читаленъ, публичныхъ бесѣдъ врачей съ населеніемъ и прочія мѣры популяризаціи гигиеническихъ и медицинскихъ знаній, съ допущеніемъ устныхъ бесѣдъ врачей съ населеніемъ, въ селахъ, на фабрикахъ, заводахъ и пр.

2) Правильная врачебно-санитарная организація въ губерніяхъ и уѣздахъ, земскихъ и неземскихъ, такъ, напримѣръ, устройство врачебныхъ участковъ съ постоянными при нихъ амбулаторіями и больничками, организація постоянныхъ санитарныхъ совѣтовъ, комиссій и т. п. изъ врачей и представителей общественныхъ учрежденій, губернское санитарное бюро и періодическіе съѣзды врачей.

3) Бесплатное амбулаторное лѣченіе всякаго рода больныхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ для мѣстнаго и пришлага населенія земскихъ и неземскихъ губерній.

4) Отсутствіе принудительнаго характера лѣченія, изоляціи и всѣхъ прочихъ мѣръ борьбы съ сифилисомъ.

5) Непринудительные осмотры по добровольному согласію участоваго врача съ населеніемъ. Осмотры рабочихъ при поступленіи на фабрики, врачебные осмотры нижнихъ чиновъ черезъ 3 недѣли, болѣвшихъ же сифилисомъ—каждую недѣлю.

6) Изслѣдованіе количественнаго вліянія отхожихъ промысловъ на развитіе сифилиса по отдѣльнымъ видамъ отхода.

7) Организація бесплатной врачебной помощи передвигающимся массамъ населенія въ главныхъ пунктахъ ихъ сосредоточенія, устройство врачебно-продо-

вольственныхъ пунктовъ и организація врачебной помощи на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ.

8) Снабженіе воинскихъ чиновъ, отпущенныхъ въ запасъ, свѣдѣніями о времени и формѣ заботлванія сифилисомъ и о леченіи, съ сохраненіемъ безусловной врачебной тайны.

9) При недостаткахъ мѣстныхъ средствъ у общественныхъ учрежденій желательность помощи правительства, сообразно съ ходатайствомъ этихъ учреждений, въ формѣ содѣйствія къ устройству специальныхъ отдѣленій при существующихъ участковыхъ больницахъ, къ сооруженію новыхъ общихъ больницъ при участкахъ.

10) Организація врачебной помощи, сообразно мѣстнымъ условіямъ, въ Сибири и окраинахъ имперіи.

11) Устройство яслей для дѣтей въ деревняхъ, въ лѣтнее время, подъ надзоромъ медицинскимъ надзоромъ.

12) Надзоръ за дѣтьми въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ и всякаго типа.

13) Учрежденіе въ неземскихъ губерніяхъ періодическихъ съѣздовъ для улучшенія, сообразно мѣстнымъ условіямъ, организаціи медицинской помощи населенію.

14) Пересмотръ существующихъ законоположеній относительно оспопрививанія и оспопрививателей.

По вѣдшему виду незначительныя и сравнительно скромныя постановленія съѣзда отличаются, однако, практическимъ характеромъ, благодаря которому, можно надѣяться, будетъ дѣйствительно въ скорости кое-что сдѣлано и практически осуществлено. Люди опыта и громадной практики, врачи несомнѣнно сознавали, что слишкомъ широко поставленныя требованія не найдутъ себѣ реальной почвы и окончатся лишь пустыми фразами, за которыми пострадаетъ то великое дѣло спасенія родного народа, ради котораго они собирались и въ интересахъ котораго понесено ими столько труда и изученія сложнаго соціально-патологическаго вопроса. Не нашли мы здѣсь и какой либо опредѣленной заключительной мотивировки относительно проституціи; этотъ вопросъ только какъ будто принципиально былъ поставленъ профессоромъ Тарновскимъ, но не реализировался никакимъ постановленіемъ. Упрекъ въ этомъ съѣзду по меньшей мѣрѣ былъ бы несостоятеленъ: послѣдній имѣлъ задачу обсужденіе вопросовъ относительно мѣръ борьбы съ сифилисомъ, преимущественно какъ съ клиническимъ явленіемъ, почему и не могъ касаться такого сложнаго явленія, какъ проституція, требующаго для своего рѣшенія совершенно особаго совѣщанія, которое, можно съ большей или меньшей вѣроятностью предполагать, не пришло бы въ настоящее время ни къ какому опредѣленному точному рѣшенію. Если мы видѣли, что профессоръ Тарновскій, въ видахъ борьбы съ проституціей, выдвигаетъ мѣры общественной и государственной регламентаціи, то рядомъ съ нимъ въ наукѣ и практикѣ имѣются также чрезвычайно серьезные борцы (аболиціонисты), которые совершенно не допускаютъ даже мысли о какомъ либо признаніи проституціи, какъ факта терпимаго, пользующагося покровительствомъ и опекою правительства. Борьба аболиціонистовъ и практиковъ-регламента-

торовъ чрезвычайно любопытное явленіе современной жизни; какъ повсемѣстно въ Европѣ, такъ и у насъ, она далеко еще не завершилась, и трудно съ полною точностью опредѣлить, на чьей сторонѣ истина. Если бы кто, однако, пожелалъ ближе ознакомиться съ этимъ сложнымъ и поистинѣ громаднымъ вопросомъ, то я могъ бы ему рекомендовать два труда, являющіеся отголоскомъ противоположныхъ мнѣній—профессора Тарновскаго «Проституція и аболіціонизмъ» и д-ра В. Окорокова «Международная торговля дѣвушками для цѣлей разврата и мѣры къ ея прекращенію». Не входя такимъ образомъ въ подробное обсужденіе настоящаго вопроса, могу лишь отмѣтить, что проституція, какъ факторъ соціально-патологической нашей жизни, съ полнымъ сознаниемъ серьезности вопроса, поставленъ на очередь рѣшенія науки и общества и что недалеко то время, когда онъ, въ интересахъ счастья и блага народа, его физическаго и духовнаго оздоровленія, будетъ рѣшенъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и отвѣтственностью за послѣдствія этого рѣшенія. XIX вѣкъ своего рѣшенія по настоящему предмету произнести не успѣлъ, онъ поставилъ его на очередь и лишь въ такомъ видѣ передаетъ на рѣшеніе смѣняющему его XX столѣтію.

X.

Если мы не успѣли и не могли по самому существу дѣла справиться съ такимъ опредѣленнымъ и ясно отчеканеннымъ явленіемъ, какъ сифилисъ, и допустили, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества поразилъ свыше 7⁰/₁₀ населенія, то большіе результаты можно отмѣтить въ иной сферѣ соціальной борьбы—борьбы съ алкоголизмомъ, участіе въ которой приняли не только наука, литература, образованное общество и правительство, но и самъ народъ, окончательно въ лицѣ многихъ своихъ обществъ проникшійся сознаниемъ вреда пьянства и приложившій радикальныя мѣры къ искорененію этого недуга.

Мы уже видѣли, когда шла рѣчь о разновидностяхъ соціальной патологии, что всѣ изслѣдователи ихъ единодушно указывали на алкоголизмъ, какъ на главный ингредиентъ нашихъ золъ и болѣзней, поставившихъ насъ въ концѣ концовъ лицомъ къ лицу съ ужасающимъ явленіемъ вырожденія. Поэтому борьба съ алкоголизмомъ, какъ съ законнымъ дѣтищемъ поэтического и веселаго культа Вахха, воспѣтаго съ испоконъ вѣка звучными стихами и гимнами служителями чистаго искусства, вступила нынѣ въ чрезвычайно любопытную полосу, когда во имя этой борьбы повсемѣстно ополчились противъ вѣковаго навыка пьянства и разгула и сама масса, такъ сильно пострадавшая отъ алкоголической распущенности, и образованные представители этой массы. И нужно отдать честь и справедливость

нашему времени—оно въ очень короткій промежутокъ уже успѣло кое-что сдѣлать: вино признано зломъ человѣчества, принципиально осуждено, государство отказалось отъ бывшей до сихъ поръ главнѣйшей статьи дохода съ вина въ своемъ бюджетѣ, попечительства о народной трезвости получили широкое распространѣніе и поддержку правительства, и по вопросу объ алкоголизмъ уже засѣдаютъ серьезныя комиссіи, намѣчающія дальнѣйшіе цѣлесообразныя пути борьбы. Все это во всякомъ случаѣ чрезвычайно отрадныя симптомы нашей жизни и, если полное оздоровленіе человѣчества вообще и нашего народа въ частности отъ алкогольнаго отравленія наступитъ не Богъ вѣсть какъ скоро, то, вѣдь, надо же имѣть въ виду и тѣ соображенія, что алкоголизація народовъ производилась систематически съ незапамятныхъ временъ, что само правительство, въ интересахъ своей денежной казны, губило народъ, и что вино въ концѣ завоевало такое право гражданства и сдѣлалось такимъ нераздѣльнымъ спутникомъ нашей жизни, какъ вода, воздухъ, пища, одежда и прочее и прочее. Предразсудокъ и заблужденіе, что вино есть обязательный факторъ веселія, что всякое радостное явленіе жизни, а въ иныхъ случаяхъ и горестное (напримѣръ, поминки), обязательно должны сопровождаться изліяніями въ той или иной степени, такъ глубоко вкоренились въ наши нравы и весь нашъ бытъ, что скорое освобожденіе отъ этихъ понятій, конечно, немислимо. Потребуется еще немало жертвъ современному молоху—пьянству, пронесется надъ нашей жизнью еще немало страданій и несчастій, будутъ заражены алкоголизированными даже интеллигентными родителями еще многія потомства, короче—дѣло еще долго на практикѣ будетъ держаться прежняго уровня; но всеже просвѣтъ будущей, очищенной отъ водки, трезвой жизни уже начинаетъ мерцать даже въ наши дни, и есть надежда, что настанетъ время, когда объ алкоголѣ, какъ главномъ факторѣ нашихъ соціальныхъ золъ и нашего вырожденія, не будетъ и помину. Къ этому по крайней мѣрѣ идетъ дѣло, и мы, современники пьянаго вѣка, съ надеждами взираемъ на охватившее человѣчество стремленіе къ оздоровленію и жадно ловимъ всякое извѣстіе изъ этой области. Съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ должны быть встрѣчены крупныя почины на пути отрезвленія, будутъ ли они исходить отъ правительства, отъ частныхъ лицъ, или коллегіальныхъ учреждений, въ видѣ ученыхъ обществъ. Работу всѣхъ этихъ трехъ инстанцій я и обрисую въ краткихъ чертахъ для заключенія настоящаго очерка объ общественныхъ язвахъ.

Единичныя явленія борьбы въ Россіи съ пьянствомъ и алкоголизмомъ относятся къ очень древнимъ временамъ и составляютъ немало свѣтлыхъ страницъ въ жизни и дѣятельности нашего духовенства. Когда все коснѣло въ нашемъ отечествѣ и купалось въ волнахъ алкоголя, оно одно въ лицѣ своихъ іерарховъ и скромныхъ служителей церкви поднимало голосъ противъ этого зла и съ

высоты каѳедры громило, какъ высшіе, такъ и низшіе слои общества. Съ теченіемъ времени, съ возникновеніемъ у насъ раскола и съ развитіемъ сектантства, выдѣлились, подъ вліяніемъ чистаго евангельскаго ученія, отдѣльныя многочисленныя группы населенія, которыя въ основаніе своей жизни именно положили принципъ полнаго воздержанія отъ вина. Раскольники, старовѣры и сектанты и о сю пору являются самой трезвой частью русскаго народа, и зло алкоголизма менѣе всего коснулось этихъ общественныхъ группъ.

Церковная проповѣдь, однако, не всегда была свободна отъ принудительнаго вліянія правительства и администраціи, которые усматривали въ словахъ представителей церкви нѣкоторымъ образомъ посягательство на благосостояніе казны и на обязательный ростъ акцизнаго дохода, являшагося до послѣдняго времени самой существенной стороной нашего государственнаго прихода. Въ силу такихъ соображеній духовенству сплошь и рядомъ запрещалась слишкомъ рѣзкая проповѣдь воздержанія, и провинившимся въ этомъ дѣлались внушенія. Тѣмъ не менѣе потокъ вліянія на населеніе въ духѣ противленія пьянству не прекращался, и нѣкоторые представители церкви оставляютъ въ этомъ отношеніи значительный слѣдъ по себѣ. Стоитъ лишь назвать имена о. Іоанна Кронштадтскаго, о. Матвѣя Соколова, о. Орнатскаго и др., какъ передъ глазами всякаго интеллигентнаго русскаго человѣка широко развернется картина воистину эпической борьбы съ историческимъ отечественнымъ грѣхомъ. Пастырь церкви явился въ этой борьбѣ тѣмъ единственнымъ приближеннымъ, куда со слезами и рыданіями имѣла возможность прибѣгать женщина-мать и жена, взывая къ духовному отцу о спасеніи хотя бы крохъ ея семейнаго очага... Слабые и безвольные алкоголики только въ молитвѣ и наставленіи служителя церкви почерпали нѣкоторую силу противодѣйствія охватившему ихъ пороку... Но все это были столь незначительные и слабые слѣды борьбы съ алкоголизмомъ, что чего нибудь дѣйствительно существеннаго въ общемъ укладѣ жизни населенія они создать не могли. Но все же церковная проповѣдь кое-что сдѣлала, и, на примѣръ, какъ сообщило текущимъ лѣтомъ «Новое Время», о. Сергѣй Павловичъ Пермскій, села Нахибина Московской губерніи, получилъ въ глазахъ мѣстнаго населенія ореолъ истиннаго цѣлителя пьянства, которому удается увѣщеваніемъ и внушеніемъ возвращать на истинный путь жизни немало заблудшихся безвольныхъ людей.

Обращаетъ на себя вниманіе также широкая литературная и общественная дѣятельность петербургскаго священника о. Д. Г. Булгаковскаго, подарившаго литературному рынку въ наши дни серію изящныхъ дешевыхъ изданій и брошюръ, посвященныхъ злу алкоголизма: «Какъ отстать отъ вина?», «Что такое пьянство и какъ избавиться отъ него?», «Горе горемычное. Старыя и новыя рѣчи противъ пьянства и его ужаснѣйшихъ послѣдствій и добрые совѣты, какъ избавиться отъ него»,

«Пьянство. Изреченія и мнѣнія о пьянствѣ и его ужаснѣйшихъ послѣдствіяхъ древняго и новаго времени», «Указатель книгъ и статей противъ пьянства въ новѣйшей русской литературѣ и памятниковъ древней письменности» и, наконецъ, изящно выполненный альбомъ «Эхо», гдѣ въ рядѣ выразительныхъ иллюстрацій авторъ рисуетъ печальныя послѣдствія алкоголизма... Всѣ работы о Булгаковскаго исполнены чрезвычайно тщательно, съ глубокимъ знаніемъ психологической стороны дѣла, а въ смыслѣ вліянія на массу, нуждающуюся въ популярныя и дешевыя брошюрахъ, онѣ несомнѣнно могутъ принести огромную пользу. Особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ альбомъ «Эхо», который, въ качествѣ орудія гипнотическихъ внушеній, можетъ оказаться чрезвычайно плодотворнымъ въ умѣлыхъ и благожелательныхъ рукахъ. Картины, полныя ужаса и мрака, представленныя въ альбомѣ о. Булгаковскаго, несомнѣнно вліяютъ на чувства зрителя и могутъ вызвать содроганіе нервныхъ людей, оттолкнувъ ихъ этимъ самымъ отъ злого порока, которому они такъ долго служили. Но въ общей сложности, какъ я это уже отмѣтилъ, дѣятельность представителей церкви все же не могла имѣть значительныхъ практическихъ результатовъ, и алкоголизація населенія, главнымъ образомъ послужившая на почвѣ систематическаго недоѣданія факторомъ вырожденія, продолжала свое разрушительное дѣло, пока на борьбу со зломъ не выступили во всеоружіи опытнаго знанія представители медицинской науки. Этимъ героямъ-борцамъ исключительно обязано будущее оздоровленіе человѣчества своимъ просвѣтительнымъ процессомъ, и ихъ имена современемъ будутъ занесены на скрижали исторіи съ чувствомъ глубокой признательности и благоговѣнія. Движеніе правильно поставленной и научно организованной борьбы съ алкоголизмомъ вышло всецѣло изъ нѣдръ клиникъ и врачебныхъ кабинетовъ, и благо нашему правительству, что оно сумѣло въ наши дни чутко отнестись къ благожелательнымъ и просвѣщеннымъ голосамъ адептовъ науки.

Винная монополія, установленная въ нашемъ отечествѣ за текущее десятилѣтіе энергичными мѣропріятіями нынѣшняго министра финансовъ, С. Ю. Витте, имѣетъ не только государственно-фискальное значеніе, но и этическое. Какъ свидѣлствуетъ И. Минцловъ въ своемъ докладѣ комиссіи доктора Нижегородцева, о которой будетъ рѣчь дальше, «наша монопольная система преслѣдуетъ двѣ совершенно отдѣльныя цѣли: гигиеническую и нравственную. Гигиеническая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы въ народное потребленіе поступало хлѣбное вино, возможно лучше очищенное, содержащее въ себѣ возможно меньше выспихъ гомологовъ этиловаго спирта, альдегидовъ, фурфурола и другихъ вредно дѣйствующихъ веществъ... Другая цѣль нашей казенной продажи — нравственная: измѣненіе числа и характера заведеній, торгующихъ спиртными напитками. Извѣстно, что душевое потребленіе спиртныхъ напитковъ нераз-

ривно, органически связано съ численностью питейныхъ заведеній, что число питейныхъ заведеній растетъ параллельно съ приростомъ потребленія... Потребленіе спирта находится въ нѣкоторой зависимости отъ числа питейныхъ заведеній и отъ личныхъ качествъ, или иначе отъ личнаго интереса хозяевъ этихъ заведеній и отъ способа продажи: распивочно и навыносъ»...

Указавъ и развивъ на примѣрахъ значеніе обѣихъ сторонъ нынѣшней русской монополіи, ораторъ резюмировалъ въ слѣдующихъ словахъ національный характеръ питейной реформы: «Поэтому я и думаю, — сказалъ онъ, — что въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ наша система монополіи дошла до крайнихъ предѣловъ того, что можно запретить, и что дальнѣйшія запретительныя мѣры привели бы, при современномъ состояніи нашего общественнаго развитія, къ отрицательнымъ результатамъ».

«Я далекъ отъ мысли, — продолжаетъ онъ, — что наша казенная продажа искоренитъ всероссійское пьянство, что ея результаты уже теперь безукоризненно хороши, но думаю... что наша система, при современной степени нашего развитія и образованія, лучше другихъ системъ, примѣняемыхъ въ иностранныхъ государствахъ. Если монополичный законъ еще не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали, то это не потому, что онъ не хорошъ, а потому, что общество недостаточно прониклось его духомъ, относится къ нему недовѣрчиво и ставитъ ему, такъ сказать, всякое лыко въ строку, само же со своей стороны ничего не дѣлаетъ, чтобы прійти ему на помощь. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ дѣйствія правительственныхъ органовъ всегда будутъ парализованы безучастностью общества, его индифферентизмомъ».

Я намѣренно привелъ для характеристики нашей современной системы винной продажи слова посторонняго незаинтересованнаго лица, избѣгая пользоваться показаніями официальными, казенными. Какъ извѣстно, монополія встрѣтила и посейчасъ встрѣчаетъ немалую оппозицію въ печати тѣхъ, кто систематически ведетъ кампанію противъ всѣхъ мѣропріятій С. Ю. Витте; поэтому, не входя въ детальное разсмотрѣніе дѣятельности монополіи, ея организаціи и практическаго осуществленія, замѣчу лишь, что съ точки зрѣнія людей науки, безпристрастныхъ радѣтелей блага народнаго — врачей, монополія безусловно содержитъ въ себѣ зачатки будущаго оздоровленія населенія и ставитъ, во всякомъ случаѣ, точку прежней кабацкой распушенности съ ея эксплуатаціей народныхъ достатковъ и народнаго имущества. Семейное имущество, дѣтское носильное платье и даже послѣдняя рубашка, отнынѣ не находятъ себѣ уже радушнаго пріема въ нѣдрахъ кабацкой стойки. Уже это одно есть нѣкоторый шагъ къ упорядоченію народнаго хозяйства..... Конечно, монополія встрѣтитъ на своемъ пути немало терній, мелкихъ и случайныхъ неудачъ, промаховъ и сомнительныхъ случаевъ, но что же въ томъ? Какое же дѣло, гдѣ затронуты

существенные устои жизни, когда и гдѣ проходило совершенно гладко? Вѣдь оно выполняется руками человѣческими, а люди всегда останутся людьми со всѣми ихъ недостатками, злою волею и порочными наклонностями — отсюда естественныя и вполне законныя ея несовершенства, и потому-то къ нимъ надлежитъ относиться снисходительно, серьезно, а не съ полемическимъ задоромъ и желаніемъ во что бы то ни стало ловить правительство на промахахъ и неудачахъ. Если же даже, несмотря на такое необходимое въ дѣлѣ отрезвленія народа отношеніе, все-же найдутся люди, которые отнесутся къ нему скептически именно потому, что на немъ стоитъ казенный штемпель, или потому, что оно связано съ именемъ опредѣленнаго государственнаго дѣятеля, если даже и найдутся скептики, — то мы обязаны, нравственно обязаны, быть чуткими къ ихъ голосу, какъ голосу людей науки, которые во всеуслышаніе спѣшаютъ завѣрить: въ интересахъ народнаго здравія, въ интересахъ народной этики, въ интересахъ народнаго хозяйства—казенная монополія есть благое дѣло! Мы обязаны имъ повѣрить, такъ какъ ими въ данномъ случаѣ руководитъ не сомнительное чувство партійности, не корыстныя побужденія личной выгоды, а только, и только, самая возвышенная любовь къ страждущему человѣчеству и глубокое знакомство съ соціально-физиологическимъ значеніемъ порока, которому объявлена нынѣ беспощадная война. Что именно таково отношеніе людей науки и къ монополіи и къ мѣрамъ борьбы съ пьянствомъ, всего лучше усматривается изъ только что появившихся въ продажѣ «Трудовъ комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ», засѣдающей при Обществѣ охраненія народнаго здравія, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго психіатра, доктора М. Н. Нижегородцева. Но прежде чѣмъ сказать кратко о трудахъ этой комиссіи, я считаю долгомъ покончить съ вопросомъ о монополіи.

Съ введеніемъ казенной продажи вина, въ 13 губерніяхъ за 1896 г. дѣйствовали и учрежденныя «попечительства о народной трезвости», на обязанности которыхъ возложена именно главная борьба съ пьянствомъ народа. Воспособляемая правительствомъ, эти попечительства образуютъ свои денежныя средства черезъ членскіе взносы, пожертвованія и выручки съ разныхъ общественныхъ починовъ. На имѣющіяся средства эти попечительства устраиваютъ чайныя, столовыя, разумныя народныя развлеченія, чтенія, бесѣды, преимущественно морально-практическаго характера, въ цѣляхъ отвлеченія народа отъ разгула и пьянства и въ цѣляхъ поднятія его физическаго питанія и духовныхъ вопросовъ. Какъ видно изъ послѣдняго «Отчета главнаго управленія неокладныхъ сборовъ», попечительства эти еще только находятся въ процессѣ своей формации, и дѣятельность ихъ еще слабо выражается на практикѣ. Тѣмъ не менѣе организаціонная часть дѣла уже успѣла завершиться и, можно на-

дѣяться, недалеко то время, когда практика жизни покажетъ ихъ тѣсную органическую связь съ населеніемъ. Даже краткій вышедшій отчетъ даетъ по настоящему предмету кое-какія указанія, и мы видимъ, что столовыя, чайныя, чтенія и прочіе функционирующіе органы попечительства, уже успѣли заявить о себѣ народу съ прекрасной стороны и обратиться въ тѣ центры сельской, главнымъ образомъ, жизни, куда современемъ народъ будетъ собираться, въ полномъ сознаніи полезности этихъ органовъ и съ увѣренностью, что въ самомъ ихъ возникновеніи заложена прекрасная идея—оздоровленія отъ гнусныхъ пороковъ. Такова официальная работа правительства въ направленіи борьбы съ факторомъ, главнѣйше содѣйствующимъ вырожденію населенія. Не менѣе энергично ведется эта борьба и медицинскимъ персоналомъ. Не имѣя времени и мѣста, чтобы очертить эту борьбу въ полномъ ея объемѣ и повсемѣстно, укажу лишь на названную выше комиссію М. Н. Нижегородцева, привлекающую къ себѣ нынѣ вниманіе лицъ, искренно преданныхъ народному благу и видящихъ въ серьезной и обстоятельной постановкѣ программы занятій главную гарантію практической полезности въ будущемъ.

И личность почтеннаго д-ра Нижегородцева, и разнообразный и компетентный составъ ея членовъ, обѣщаютъ, что задача, ради которой они собрались, для нихъ дѣло близкое, дорогое, въ которое они сумѣютъ вложить лучшія силы своего ума и сердца. Работы комиссіи еще не завершились; послѣ лѣтнаго перерыва, который былъ употребленъ, чтобы отпечатать отчеты протекшихъ засѣданій, появившіеся нынѣ въ полномъ живомъ интереса 1-мъ выпускѣ «Трудовъ» комиссіи, она вновь собралась для продолженія своихъ благихъ трудовъ, и газеты уже пестрѣютъ отчетами о ея весеннихъ засѣданіяхъ, съ ихъ живымъ содержаніемъ рефератовъ, преній и отдѣльныхъ компетентныхъ мнѣній, гдѣ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ предложеніи, видится прекрасное чувство борцовъ за народное счастье. Я не имѣю возможности дать подробный отчетъ о вышедшемъ 1-мъ выпускѣ «Трудовъ» комиссіи; позволю себѣ лишь рекомендовать читателямъ, если тема настоящей статьи возбудила хоть нѣкоторый ихъ интересъ, ознакомиться самимъ по оригиналу «Трудовъ» съ ходомъ занятій комиссіи. Это будетъ лучшею—я увѣренъ—наградой почтенному М. Н. Нижегородцеву въ его громадной важности работѣ, а для самихъ читателей это послужитъ нѣкоторымъ шагомъ къ активному сближенію съ дѣломъ, во имя котораго поднялись лучшія силы нашего общества. Чѣмъ больше народу приметъ въ этомъ дѣлѣ участіе, тѣмъ всенароднѣе, такъ сказать, будетъ покаяніе въ нашихъ историческихъ грѣхахъ, и тѣмъ солиднѣе будетъ обставлено духовное завѣщаніе, которое въ наши дни готовится для передачи вѣку грядущему и обзорѣнію котораго посвященъ настоящій очеркъ.

Б. Глинскій.

СОЧИНЕНІЯ ВИЛЬЯМА КОКСА О РОССИИ.

ИЛЬЯМЪ Коксъ, авторъ очень интереснаго описанія путешествія по Россіи при Екатеринѣ II, — одинъ изъ извѣстныхъ англійскихъ писателей конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. Его сочиненія, главнымъ образомъ историческаго характера, представляли крупное явленіе въ современной автору англійской литературѣ, и не потеряли до сихъ поръ серьезнаго научнаго значенія. Насколько цѣнятся до сихъ поръ въ Англии сочиненія Кокса, видно изъ того, что на полкахъ читальной залы Британскаго музея выставлены и въ настоящее время почти всѣ сочиненія Кокса, какъ необходимое справочное пособіе для читателей.

Сочиненія Кокса цѣнились такъ высоко не только въ его родной литературѣ, но и за границей. Тотчасъ по появленіи въ печати они обыкновенно переводились на иностранные языки и выдерживали по нѣсколько изданій.

Стоитъ заглянуть хотя бы, на примѣръ, въ «Catalogue de la section des Russica», изданный въ 1873 г. петербургской публичной бібліотекой, чтобы убѣдиться, какимъ значительнымъ успѣхомъ пользовались сочиненія Кокса о Россіи, хотя они не были наиболѣе крупными и значительными изъ произведеній Кокса. Въ упомянутомъ «Catalogue» перечислено 27 отдѣльныхъ изданій сочиненій Кокса о Россіи, каждое въ нѣсколькихъ томахъ, на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и др. языкахъ. Въ каталогѣ Британскаго музея заглавія однихъ отдѣльныхъ изданій сочиненій Кокса и ихъ переводовъ на иностранные языки занимаютъ 5 страницъ in folio.

Уже одни приведенныя нами отрывочныя данныя о литературной дѣятельности Кокса могутъ показать читателю, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ писателемъ во всякомъ случаѣ незауряднымъ. Ближайшее знакомство съ сочиненіями этого писателя можетъ лишь подтвердить такой взглядъ.

Вильямъ Коксъ (William Coxe) родился въ 1747 г. ¹⁾ Послѣ окончанія курса въ Кембриджѣ, онъ былъ рукоположенъ въ діаконъ ²⁾, но, несмотря на свои глубоко-религіозныя убѣжденія, которыя онъ сохранилъ въ продолженіе своей жизни, стремленіе къ научной и литературной дѣятельности не дозволило Коксу ограничиться предстоявшей ему скромной дѣятельностью священника.

Коксъ скоро оставилъ занимаемое имъ діаконское мѣсто и поступилъ воспитателемъ къ старшему сыну герцога Мальборо, а черезъ два года, воспользовавшись предложеніемъ лорда Герберта ³⁾, отправился съ нимъ, въ качествѣ его секретаря, путешествовать по Европѣ. Имя и огромныя средства лорда Герберта позволили Коксу, въ качествѣ его секретаря, видѣть много такого, что едва ли бы ему удалось увидеть, путешествуя онъ одинъ. Предъ знатнымъ путешественникомъ всюду открывались двери дворцовъ, кабинетовъ ученыхъ и двери секретныхъ казематовъ, куда простые смертные имѣютъ случай попадать не въ качествѣ любопытствующихъ путешественниковъ и не для научно-описательныхъ цѣлей...

Первымъ путешествіемъ Кокса и гр. Герберта было ихъ путешествіе въ Швейцарію въ 1775—1776 гг. Результатомъ этой поѣздки было прекрасное описаніе Швейцаріи, сдѣланное Коксомъ и доказавшее, какимъ онъ былъ уже и тогда свѣдущимъ и наблюдательнымъ путешественникомъ. Въ 1778—1779 гг. лордъ Гербертъ вмѣстѣ съ Коксомъ предпринялъ новое путешествіе, на этотъ разъ въ сѣверныя края, между прочимъ, и въ Россію.

Коксу было уже за 30 лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію, и надо признать, что подготовка его къ описанію была такъ же хороша, какъ были хороши условія, при которыхъ ему приходилось дѣлать свои наблюденія.

Тогда былъ еще «либеральный» періодъ царствованія императрицы Екатерины II, и она внимательно прислушивалась къ голосамъ и совѣтамъ европейскихъ либеральныхъ писателей и заботилась о

¹⁾ О Коксѣ см. въ «Dictionary of National Bibliography», edited by Leslie Stephen, 1887; въ Quarterly Review, 1834, т. 50 («Life and Posthumous Works of Archdeacon Coxe»); въ «Gentleman's Magazine» 1828, т. 98 (его некрологъ), въ энцикл. словарѣ Ларуса и пр.

²⁾ Англійскій «deacon»—одна изъ низшихъ ступеней англійской церковной іерархіи, хотя не вполне соответствующая русскому «дьякону».

³⁾ Гербертъ (Георгъ-Августъ, графъ Пенброкъ) род. 1759 г., умеръ въ 1827 г.—извѣстный англійскій дѣятель, былъ женатъ на дочери гр. Семена Романовича Воронцова, Екатерины Семеновны (объ этомъ бракѣ см. «Русск. Арх.» 1879 г., т. I).

томъ, что говорятъ въ Европѣ объ ней и ея управленіи Россіей. Коксъ, не скрывавшій своего желанія издать описаніе своего путешествія по Россіи, былъ желаннымъ гостемъ, «нужнымъ» человѣкомъ, отъ котораго зависѣло такъ или иначе обрисовать то, что было дорого императрицѣ и, слѣдовательно, и всей той средѣ, которая ее окружала.

Этимъ объясняются, конечно, всѣ «ухаживанія» и предупредительныя услуги, которыми былъ окруженъ Коксъ въ Россіи. Всѣ старались показать товаръ лицомъ и не осрамиться передъ литераторомъ иностранцемъ, который не сегодня-завтра представитъ вниманію читающей Европы рассказъ о томъ, что онъ встрѣтилъ въ Россіи. Кое-что, конечно, систематически замалчивалось и запрятывалось, но все-таки, благодаря согнанъ встрѣчъ и разговоровъ иногда очень интимнаго характера, Коксу удалось увидать въ Россіи много любопытнаго, что запечатлѣлось въ его памяти и было тогда же занесено имъ въ его записныя книжки. Было бы очень любопытно прослѣдить тѣ пути и источники, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія о Россіи Коксъ, не знавшій порусски. Отвѣты на этотъ вопросъ могутъ дать отчасти его позднѣйшія печатныя признанія, а еще въ большей степени—его рукописи.

Благодаря лорду Герберту, Коксъ имѣлъ аудіенцію у императрицы Екатерины и велъ съ ней длинный разговоръ. Впрочемъ, быть можетъ, правильнѣе будетъ сказать, что лордъ Гербертъ былъ такъ радушно и внимательно встрѣченъ, благодаря Коксу, автору будущаго сочиненія о Россіи.

Какъ бы то ни было, императрица Екатерина очень внимательно отнеслась къ Коксу, и онъ, съ ея разрѣшенія, задалъ ей письменно нѣсколько вопросовъ о госпиталяхъ и тюрьмахъ Россіи. Эти вопросы показываютъ намъ, съ какими гуманными взглядами пріѣхалъ Коксъ. Г-жа Вѣлзерская, о статьѣ которой мы будемъ говорить ниже, дѣлаетъ очень основательныя соображенія насчетъ того, что эти вопросы Кокса произвели глубокое впечатлѣніе на Екатерину, на ряду съ сочиненіями и разговорами Говарда, и биографъ Екатерины долженъ будетъ обратить на нихъ вниманіе.

На письменные вопросы Кокса Екатерина отвѣчала сама и тоже письменно, а, кромѣ того, поручила сдѣлать то же самое человѣку, котораго она по справедливости очень высоко цѣнила, какъ администратора, а именно новгородскому губернатору Сиверсу ¹⁾.

¹⁾ Въ 1778 г., слѣдовательно уже послѣ появленія описанія путешествія Кокса по Россіи, Екатерина писала Гримму: «Je n'ai lu de William Coxe que quelques feuilles en anglais, je l'ai vu deux fois, et voila tout ce que j'en sais; il paraît être véridique et ne pas voir en noir; cependant il a été trompé dans les *ouï-dire* dans plusieurs choses» («Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества»).

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, графъ Алексѣй Орловъ и др. лица, стоявшія тогда у кормила правленія, были чуть ли не ежедневными, очень внимательными и предупредительными собесѣдниками Кокса.

Академики Палласъ, Миллеръ и др. усердно снабжали Кокса своими рукописями и старались выяснить ему тѣ вопросы, касающіеся Россіи, которые имѣлъ въ виду Коксъ затронуть въ своемъ будущемъ описаніи путешествія по Россіи.

Были у Кокса и интимные совѣтники, знакомство съ которыми онъ, кажется, старался замаскировать по ихъ же просьбамъ.

Такъ, еще до пріѣзда въ Россію, въ Варшавѣ онъ встрѣтился съ близкимъ къ императрицѣ Екатеринѣ лицомъ—русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ Штакельбергомъ ¹⁾, который, по словамъ Кокса, познакомилъ его съ интимными сторонами русско-польскихъ отношеній того времени и показывалъ ему секретные документы, относящіяся къ нимъ. Прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Сольмсъ, читалъ Коксу свои записки (не знаемъ, сохранились ли онѣ и изданы ли теперь) о жизни императрицы Екатерины и ея царствованіи и о судьбѣ бывшаго императора Іоанна III, убитаго въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1764 г.

Такихъ руководителей имѣлъ Коксъ, когда онъ приготовлялся писать свою книгу о Россіи.

Голоса всѣхъ этихъ лицъ, начиная съ императрицы Екатерины и кончая Сольмсомъ, несомнѣнно запечатлѣлись на страницахъ описанія путешествія Кокса по Россіи, и это обстоятельство придаетъ его сочиненію очень важное значеніе, въ особенности въ виду личности самого автора—умѣлаго и добросовѣстнаго писателя. Въ Россіи Коксъ пробылъ съ сентября 1768 года по февраль 1769 г. Результатомъ этой его поѣздки по Россіи были нѣсколько его сочиненій объ ней, между прочимъ: 1) «Account of the Russian discoveries between Asia and America», Лондонъ, 1780 (Отчетъ о русскихъ открытіяхъ между Азіей и Америкой); 2) «Account of the prisons and hospitals in Russia, Sweden and Denmark», London, 1781 (Отчетъ о тюрьмахъ и госпиталяхъ въ Россіи, Швеціи и Даніи) и 3) наиболѣе важное сочиненіе «Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark», London, 1784 (Путешествіе въ Польшу, Россію, Швецію и Данію).

Это послѣднее сочиненіе уже отчасти знакомо русскимъ читателямъ. Въ «Русской Старинѣ» за 1877 г. (18 и 19 тт. №№ 2 и 5, «Россія сто лѣтъ тому назадъ») г-жей Вѣлзерской были уже помѣщены двѣ большія статьи съ выдержками изъ книги Кокса. Статьи эти, впрочемъ, далеко не исчерпывали всего интереснаго для русскихъ читателей, что заключается въ книгѣ Кокса.

¹⁾ Его обширная переписка съ императрицей Екатериной напечатана въ «Русской Старинѣ».

Вообще же надо сказать, что русскіе писатели, изучавшіе царствованіе императрицы Екатерины, рѣдко пользовались сочиненіями Кокса, и у нихъ изрѣдка лишь (напримѣръ, у Бильбасова въ его статьяхъ о книгѣ Гельбиха) находишь ссылки на это сочиненіе. Чаще ссылки дѣлались на статью г-жи Вѣлозерской.

Нельзя не пожалѣть о такомъ незаслуженно-пренебрежительномъ отношеніи къ этому писателю, который, какъ мнѣ кажется, требуетъ болѣе внимательнаго отношенія: и личность путешественника, и условія, при которыхъ онъ собиралъ свои свѣдѣнія о Россіи,—все это дѣлаетъ изъ книги Кокса не дюжинное описаніе праздношатающимся иностранцемъ страны, гдѣ онъ пробылъ безъ году недѣлю, едва успѣвъ узнать что либо толковое.

Для насъ, конечно, представляютъ мало интереса оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, сдѣланныя Коксомъ въ его книгѣ; еще менѣе интересна его точка зрѣнія вѣрующаго англиканца на инныя событія, но, помимо этого, у Кокса есть много цѣннаго: его наблюденія и сообщенные имъ факты.

Коксъ представляетъ собой типичнаго англійскаго путешественника. Онъ дѣловитъ, точенъ, знающъ, серьезно относится къ своей задачѣ; свободолобіе настолько развито въ немъ, что онъ способенъ здраво понимать и безпристрастно относиться къ тому, съ кѣмъ онъ не согласенъ. Онъ скорѣе умолчитъ, чѣмъ будетъ называть бѣлымъ то, что на самомъ дѣлѣ черно.

Въ сочиненіяхъ, подобныхъ «Travels» Кокса, важнѣе всего точность автора. Въ этомъ отношеніи автора упоминаемой книги едва ли можно упрекнуть даже въ мелочахъ. Въ книгѣ Кокса, какъ и въ его рукописяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, какъ бы въ фонографѣ, сохранились рѣчи многихъ интересныхъ русскихъ людей той эпохи, которыхъ Коксъ встрѣчалъ въ Россіи въ 1768—1769 году. Русскому историку остается только вслушаться въ эти рѣчи и опредѣлить ихъ значеніе для изученія русской жизни того времени.

Одной изъ отличительныхъ особенностей, которыя бросаются въ глаза при чтеніи рассказовъ Кокса, нельзя не признать его осторожность въ передачѣ событий, и эта осторожность не на словахъ только и не служитъ лишь удобной декорацией, за которой обыкновенно скрываютъ легкомысленное записываніе досужими путешественниками всего, безъ разбора, что только имъ попадается на глаза и что имъ удастся услышать. Во всѣхъ разказахъ Кокса чувствуется осторожная критическая оцѣнка историческаго писателя, уже искусившагося въ разборѣ источниковъ и документовъ.

У Кокса, конечно, имѣются и ошибочныя данныя и невѣрные объясненія фактовъ,— у кого изъ писавшихъ воспоминанія нельзя этого встрѣтить? Но даже и эти его ошибки представляютъ своеобразный интересъ. Его ошибки — не результатъ небрежнаго или

недобросовѣстнаго, пристрастнаго отношенія къ дѣлу, а ошибки — его источниковъ. Если онъ передаетъ какое либо ошибочное свѣдѣніе, то можно быть увѣреннымъ, что онъ и въ данномъ случаѣ принялъ всѣ возможные въ его положеніи предосторожности для точной передачи фактовъ и, если его свѣдѣнія все-таки оказались въ концѣ концовъ ошибочными, то это значитъ, что въ то время это заблужденіе Кокса было заблужденіемъ большинства даже наиболѣе, повидимому, компетентныхъ людей, и что на фонѣ этихъ ошибочныхъ свѣдѣній большинство дѣйствовало, строило свои планы и опредѣляло свои отношенія къ разнымъ лицамъ. Для историка изученіе ошибочныхъ мнѣній и свѣдѣній, имѣвшихъ историческое значеніе въ жизни общественныхъ дѣятелей, такъ же необходимо, какъ и изученіе дѣйствительныхъ фактовъ. Не имѣютъ никакого, кромѣ отрицательнаго, значенія сочиненія такихъ повѣствователей, которые наполнили свои воспоминанія личными ошибочными соображеніями или соображеніями вообще мало интересныхъ лицъ. Но Коксъ не относится къ разряду подобныхъ рассказчиковъ. Если и окажется ошибочнымъ его свѣдѣніе о томъ, что погибшая въ 1775 году въ Петропавловской крѣпости княжна Тараканова — дѣйствительная дочь Елисаветы, то вѣдь эта ошибка была убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ, среди которыхъ вращался въ 1778—1779 годахъ Коксъ, и слова которыхъ онъ, какъ точный фонографъ, передалъ намъ для изученія, а это свѣдѣніе — безразлично для историка. Для изучающаго эпоху Екатерины безынтересно, напримѣръ, знать, что среди самыхъ близкихъ къ ней людей еще въ 1778—1779 годахъ не было сомнѣній на счетъ «коликъ», отъ которыхъ умерла княжна Тараканова. Да за нѣкоторыя ошибки даже трудно винить Кокса. Теперь, когда серьезная историческая критика сдѣлала очень много для изученія самыхъ темныхъ и щекотливыхъ вопросовъ, для насъ сдѣлалось яснымъ въ эпохѣ императрицы Екатерины многое, чего не знали наиболѣе посвященные въ государственныя дѣла ея современники. Нѣкоторыя ошибочныя свѣдѣнія Кокса относятся къ такимъ вопросамъ, которые теперь стали достояніемъ исторіи, и объ нихъ рассказываютъ студентамъ на лекціяхъ, а тогда они составляли государственную тайну, а изслѣдованіе и опубликованіе ихъ — государственное преступленіе.

Осторожностью Кокса объясняются и многія его умолчанія о такихъ вещахъ, которыя были ему несомнѣнно извѣстны. Тутъ имѣла мѣсто, конечно, и особая щепетильность автора, когда ему приходилось говорить о живыхъ еще лицахъ, и извѣстная боязнь сказать что нибудь особенно непріятное сильнымъ міра сего, въ родѣ Екатерины, и англійская чопорность, переходившая иногда въ лицемеріе и стремленіе избѣгнуть всего, что можетъ показаться «shocking» (а въ исторіи царствованія Екатерины такихъ эпизодовъ было довольно) и т. д. Многія лица, сообщавшія Коксу свѣдѣнія, какъ,

напримѣръ, знаменитый историкъ Миллеръ, брали съ него слово не опубликовывать нѣкоторыхъ свѣдѣній при ихъ жизни.

Въ рукописяхъ Кокса мы нашли нѣсколько такихъ, которыя онъ, очевидно, не рѣшился опубликовать. Къ печатанію этихъ рукописей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми интересными отрывками изъ его изданныхъ сочиненій, мы и приступаемъ въ настоящее время.

Насколько серьезно относился Коксъ къ своимъ историческимъ работамъ, можно заключить изъ обзора его бумагъ.

Мы не знаемъ, всѣ ли рукописи Кокса попали въ Британскій музей (а есть основаніе думать, что далеко не всѣ), но въ немъ находятся 206 переплетенныхъ томовъ его рукописей и матеріаловъ, собранныхъ имъ для его работъ, съ собственноручными его отмѣтками почти на каждомъ изъ документовъ. Здѣсь вы встрѣтите нѣсколько десятковъ томовъ копій съ тайной дипломатической переписки (главнымъ образомъ касающейся исторіи Англіи въ XVIII столѣтіи), снятыхъ специально для Кокса, нѣсколько томовъ писемъ такихъ лицъ, о которыхъ Коксу приходилось писать, и т. д.

Кромѣ матеріаловъ о Россіи, разбросанныхъ въ разныхъ томахъ, имѣются еще 4 тома, специально посвященные исторіи Россіи. Тутъ находятся статьи о княжнѣ Таракановой¹⁾, графѣ Бобринскомъ и несчастномъ Иоаннѣ III,—а также большая статья о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, дневникъ Кокса за время его пребыванія въ Россіи, гдѣ онъ говоритъ о своемъ посѣщеніи Шлиссельбургской крѣпости, передаетъ разговоры съ Панинымъ, съ императрицей и т. д. Всѣ эти статьи записаны Коксомъ въ 1778—1779 годахъ на мѣстѣ, въ самой Россіи, со словъ свѣдущихъ лицъ, дѣлившихся съ нимъ своими свѣдѣніями.

Въ тѣхъ же 4-хъ томахъ, специально посвященныхъ Россіи, имѣются рукописи, принадлежащія и другимъ лицамъ, какъ-то: Палласу, Миллеру и т. д., или ими только переданныя Коксу, какъ это можно видѣть изъ его собственноручныхъ отмѣтокъ. Имѣется, между прочимъ, копія (въ многихъ экземплярахъ) съ французскаго оригинала вопросовъ о тюрьмахъ и госпиталяхъ, которые Коксъ задалъ императрицѣ Екатеринѣ, и съ отвѣтовъ на эти вопросы, какъ самой Екатерины, такъ и новгородскаго губернатора Сиверса. Часть этихъ вопросовъ (8 изъ 21) были въ англійскомъ переводѣ помѣщены Коксомъ въ его «Travels», а оттуда уже были переведены на французскій и др. языки,—между прочимъ, и на русскій языкъ г-жей Бѣлозерской въ «Русской Старинѣ» 1877 г. (т. 19-й, стр. 39)²⁾.

¹⁾ Эта статья была уже напечатана проф. Староженко въ «Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей» 1870 г., т. 3-й, среди бумагъ, извлеченныхъ изъ Британскаго музея, но безъ означенія фамиліи автора.

²⁾ Въ каталогѣ манускриптнаго отдѣленія Британскаго музея за №№ 9266—9269 значится: «Account of the state of Europe, by Archdeacon Coxе (printed, but never published). In four volumes». Изъ приложеннаго при этомъ отпечатанномъ,

Для передачи содержанія «Travels» Кокса г-жа Бѣлозерская пользовалась 5-мъ изданіемъ этой книги (1802 г.). Очевидно, ей не было извѣстно 6-е изданіе 1803 года. Дѣлая обстоятельный (хотя далеко не полный) перечень того, что написалъ Коксъ, перечисляя отдѣльныя изданія его сочиненій, г-жа Бѣлозерская ничего не говоритъ объ этомъ 6-мъ очень любопытномъ изданіи «Travels». Это изданіе, впрочемъ, кажется, вообще не извѣстно въ Россіи, на примѣръ, въ упомянутомъ уже «Catalogue de la section des Russica» также говорится только о 5-ти изданіяхъ «Travels». А. О. Бычкову, директору Петербургской публичной бібліотеки, придется занести въ «libri desiderati» это изданіе, безъ надежды, впрочемъ, приобрести его когда либо. Въ англійской литературѣ мы также не встрѣчали ссылокъ на это 6-е изданіе «Travels» Кокса, но оно занесено въ печатный каталогъ Британскаго музея, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Only 50 copies printed».

Шестое изданіе «Travels» очень любопытно, и мы потому считаемъ нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Оно выпущено не для публики, а «для друзей», и напечатано, какъ это видно изъ предисловія автора, лишь въ 50 экземплярахъ. Прежніе пять томовъ небольшого формата прежнихъ изданій этого сочиненія составили три громадныхъ тома стр. въ 400 каждый, въ форматѣ газеты «Недѣля». Изданіе это было въ свое время послѣднимъ словомъ искусства,—видно, что лорды и графы, для которыхъ печаталась эта книга, не жалѣли денегъ на ея изданіе.

Къ этому 6-му изданію «Travels» Кокса приложено много рисунковъ, плановъ и портретовъ русскихъ дѣятелей. Особенное вниманіе обращаетъ на себя замѣчательный портретъ Павла, снятый съ него въ 1791 году, когда онъ еще былъ великимъ княземъ. Это лучшій портретъ Павла, какой намъ приходилось видѣть. Такое художественное выполненіе, какое мы видимъ въ этой гравюрѣ, рѣдко приходится встрѣчать теперь. Павелъ изображенъ во весь ростъ, при звѣздахъ и съ лентой черезъ плечо, на головѣ трехуголка, сзади видна шага, опирается онъ на палку.

Этотъ портретъ не упомянутъ Васильчиковымъ въ его книгѣ «Liste alphabétique de portraits russes». Да онъ, конечно, и не могъ

по не изданномъ сочиненіи Кокса, объявленіи, помѣченнаго 1792 г., видно, что въ этомъ сочиненіи авторъ хотѣлъ дать описаніе всѣхъ государствъ, между прочимъ особый отдѣлъ долженъ быть посвященъ специально Россіи. Въ четырехъ томахъ этого сочиненія, имѣющихся въ манускриптномъ отдѣленіи Британскаго музея, главъ, посвященныхъ специально Россіи,—нѣтъ, но ей посвящено много страницъ при обзорѣ другихъ государствъ, на примѣръ, Австріи. Почему не было выпущено это сочиненіе, четыре тома котораго (а можетъ быть, и больше) были почти совсѣмъ закончены печатаніемъ,—неизвѣстно намъ. Коксъ, судя по упомянутому объявленію, рассчитывалъ все сочиненіе выпустить въ теченіи 1793 года.

быть извѣстенъ Васильчикову, разъ не было извѣстно до сихъ поръ 6-е изданіе «Travels» Кокса. Портретъ, снятый съ Павла въ 1791 г., былъ подаренъ имъ тогдашнему англійскому посланнику въ Петербургѣ, лорду Витворту (бывшему въ Россіи съ 1788 по 1800 г.), съ которымъ Павелъ тогда находился въ очень дружелюбныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи, когда Павелъ былъ уже на престолѣ, онъ въ 1800 г. поссорился съ Витвортомъ и заставилъ его уѣхать изъ Россіи. Извѣстно, какая роль приписывалась молвой лорду Витворту въ подготовленіи событія 12 марта 1801 года ¹⁾).

Лордъ Витвортъ былъ однимъ изъ тѣхъ 50-ти, для которыхъ печаталось 6-е изданіе «Travels» Кокса, и онъ позволилъ ему снять для этого изданія портретъ Павла.

По словамъ Кокса, съ гравированной доски портрета Павла было снято только 50 оттисковъ, послѣ чего доска была уничтожена, и такимъ образомъ лучшій портретъ императора Павла до сихъ поръ остается собственностью нѣсколькихъ англійскихъ семей. (На портретѣ имѣется надпись: «Paul Emperor of Russia», «Published for the Rev-d W-m Coxe», San-y 1, 1803 г.; и подпись гравера: «П. Шукинъ: 1791»).

До извѣстной степени 6-е изданіе отличается отъ предыдущихъ и въ литературномъ отношеніи.

Еще въ 5-мъ изданіи «Travels» Коксъ счелъ возможнымъ добавить кое-что изъ того, что онъ не рѣшился опубликовать изъ своихъ записокъ о Россіи и о чемъ умалчивалъ до тѣхъ поръ «from motives of prudence, could not disclose in the former editions», какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ 5-му изданію. Въ этомъ изданіи было добавлено нѣсколько новыхъ страницъ о Потемкинѣ, Станиславѣ Понятовскомъ, Суворовѣ, смерти Екатерины, депеша Кейта отъ іюня 1762 г. и т. д.

Въ шестомъ изданіи добавлено еще кое-что, но многое, что Коксъ записалъ въ Россіи, и что, напримѣръ, осталось въ его рукописяхъ, онъ не рѣшился напечатать и въ изданіи для друзей по тѣмъ же «motive of prudence». Коксъ далеко не принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которые придерживаются русской пословицы: «что въ печи, все на столъ мечи!».

Русскими дѣлами Коксъ интересовался и послѣ своей поѣздки въ 1778 г.

Въ 1786 году онъ еще разъ посѣтилъ Россію и снова издалъ томъ объ этомъ своемъ путешествіи, представляющій значительно меньшій интересъ, чѣмъ его описаніе перваго путешествія.

Среди рукописей Кокса и въ рукописяхъ другихъ лицъ, переплетенныхъ въ собраніи манускриптовъ Кокса, имѣются письма

¹⁾ О Витвортѣ см. замѣтку гг. Лобанова-Ростовскаго въ XVIII т. «Русск. Старинны» (стр. 573—575).

Палласа, Гутри и др., жившихъ въ Россіи и занимавшихся ея изученіемъ. Изъ этихъ писемъ видны интимныя отношенія Кокса къ этимъ лицамъ въ продолженіе всѣхъ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Палласъ продолжалъ снабжать Кокса изданіями о Россіи и рукописными матеріалами.

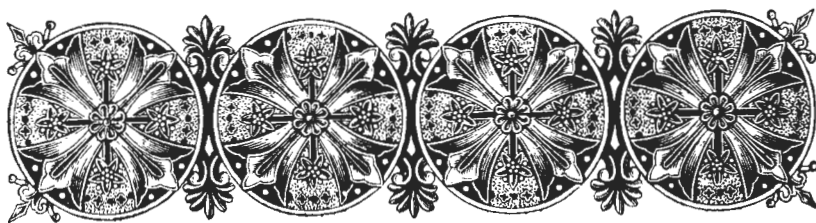
Однимъ изъ очень интересныхъ собесѣдниковъ Кокса о Россіи сталъ въ Лондонѣ съ 1800 г. лордъ Витвортъ, знавшій, конечно, много интереснаго о тогдашнихъ русскихъ дѣлахъ.

Послѣ возвращенія изъ Россіи, Кокса сдѣлали архидіакономъ (этотъ духовный чинъ въ Англіи очень близокъ къ епископскому) и ректоромъ одного высшаго учебнаго заведенія. Въ 1803 г. онъ женился на дочери русскаго консула въ Лондонѣ. Въ 1818 г. Коксъ ослѣпъ, но продолжалъ, при помощи секретарей, энергично работать надъ излюбленными историческими темами.

Скончался В. Коксъ въ 1828 году.

Н. Викторовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтїи (1815—1844 гг.). Спб. 1898.

АСТОЯЩАЯ книга представляетъ продолженіе очерка «Сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія», изданнаго г. Каптеревымъ въ 1896 году (см. «Историческій Вѣстникъ» за 1896 г., июль, стр. 275—276). Здѣсь, во второмъ очеркѣ, описываются сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (1815—1844 г.). Очеркъ дѣлится на двѣ главы. Въ главѣ первой (стр. 511—579) излагается исторія сношеній съ русскимъ правительствомъ іерусалимскаго патріарха Поликарпа (1815—1827 г.). Эти сношенія имѣли строго опредѣленный спеціальный характеръ. Всѣ они состояли единственно въ просьбахъ и ходатайствахъ патріарха Поликарпа о полученіи изъ Россіи милостыни для обремененной долгами іерусалимской патріархіи; къ этой единственной цѣли были направлены всѣ усилія и хлопоты патріарха, и объ этомъ только онъ и писалъ въ своихъ посланіяхъ къ русскому святѣйшему синоду, къ его оберъ-прокурору—князю А. Н. Голицыну, и къ московскимъ митрополитамъ. Никакіе другіе вопросы или отношенія никогда не затрогивались въ грамотахъ патріарха Поликарпа; онъ никогда ничего не говорилъ въ нихъ о жизни и положеніи іерусалимской церкви и не сообщалъ о событіяхъ, въ ней происходившихъ, исключая постоянныхъ указаній на громадную задолженность патріархіи и самыхъ общихъ заявленій о насиліяхъ православнымъ со стороны

иновѣрцевъ. Но за то патріархъ никогда не касался и русской церковной жизни и, повидимому, вовсе ею не интересовался: желанія войти въ общеніе съ русскою церковью по дѣламъ и вопросамъ церковнымъ, вызвать взаимный обмѣнъ мнѣній о нихъ, нѣтъ у него и слѣдовъ. Патріархъ Поликарпъ въ своихъ посланіяхъ на Русь — это только проситель милостыни, озабоченный и хлопочущій единственно о томъ, какъ бы получить изъ Россіи милостыню и притомъ побольше, поэтому всѣ его посланія отличаются краткимъ однообразіемъ и полною безсодержательностью, если исключить изъ нихъ вопросъ о милостынѣ. Святѣйшій синодъ, съ своей стороны, выражалъ всегда полную готовность оказать всякую помощь бѣдствующей іерусалимской патріархін. Онъ ходатайствовалъ предъ государемъ императоромъ о одновременной посылкѣ іерусалимскому патріарху двадцати пяти тысячъ рублей, утвердилъ владѣніе за іерусалимскою патріархіею вновь основаннымъ въ городѣ Таганрогѣ греческимъ монастыремъ, позволилъ посланнымъ патріархомъ лицамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собирать милостыню по всей Россіи, предписавъ епархіальнымъ архіереямъ оказывать іерусалимскимъ сборщикамъ всякое содѣйствіе; утвердилъ, согласно высочайшей волѣ, за іерусалимскою патріархіею въ вѣчное владѣніе церковь св. апостола Филиппа въ Москвѣ, съ принадлежащею къ ней землею, и затѣмъ заботливо слѣдилъ за устройствомъ и процвѣтаніемъ образовавшагося такимъ образомъ іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, направляя всѣ усилія къ тому, чтобы оно оказывало существенную помощь іерусалимской патріархін, ради чего поручилъ московскому митрополиту внимательно слѣдить за жизнью и дѣятельностью завѣдывавшаго подворьемъ архимандрита Арсенія, за правильнымъ веденіемъ имъ отчета и расходованія собранныхъ суммъ, и, когда возникли сомнѣнія относительно правильности жизни и дѣятельности Арсенія, произвелъ по этому поводу дознанія и разслѣдованія, съ цѣлью оградить отъ ущерба интересы и выгоды іерусалимской патріархін и Св. Гроба (стр. 578 — 579).

Во второй главѣ (стр. 580—808) описываются сношенія съ русскимъ правительствомъ іерусалимскаго патріарха Аѳанасія (1827 — 1844 г.). Со стороны патріарха Аѳанасія, эти сношенія велись въ томъ же духѣ и направленіи, какъ они велись его предшественникомъ, патріархомъ Поликарпомъ. Такъ какъ святогробское братство было обременено громаднымъ долгомъ, то патріархъ Аѳанасій напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы уплатить этотъ долгъ. Съ этою цѣлью онъ просилъ русскій святѣйшій синодъ разрѣшить ему сборъ милостыни по всей Россіи и, когда это разрѣшеніе было дано, послалъ въ Россію, въ качествѣ сборщика милостыни, своего предполагаемаго преемника на патріаршей кафедрѣ, еаворскаго архіепископа Героея, который прожилъ въ Россіи пять лѣтъ и собралъ въ ней крупную сумму отъ добродѣтельныхъ подаяній, что немало содѣйствовало уплатѣ долга Св. Гроба, тѣмъ болѣе, что съ этого времени во всѣхъ русскихъ церквахъ завели особія кружки для сбора добродѣтельныхъ подаяній въ пользу палестинской церкви, и этотъ такъ называемый кружечный сборъ ежегодно сталъ отсылаться въ Іерусалимъ. Со стороны свѣтскаго и духовнаго мѣснаго правленія Кавказа возникло было стремленіе отобрать имѣнія Св. Гроба, существовавшія издавна въ Грузіи и Імеретіи, въ

виду тѣхъ безпорядковъ, какіе въ управленіи этими имѣніями допускали присылаемые патріархомъ архимандриты-греки. Патріархъ Аѳанасій возсталъ противъ этого, нашелъ себѣ рѣшительную поддержку въ нашемъ святѣйшемъ синодѣ, и дѣло съ святогробскими имѣніями на Кавказѣ было оставлено въ прежнемъ видѣ, какъ того желалъ патріархъ Аѳанасій. Въ 1835 году, армяне выхлопотали у турецкаго правительства фирманъ, въ силу котораго отняли у грековъ нѣкоторыя принадлежащія имъ въ Іерусалимѣ св. мѣста. Въ виду этого патріархъ Аѳанасій и все святогробское братство обратились съ просьбою къ русскому государю и въ святѣйшій синодъ защитить ихъ отъ нападокъ армянъ и возвратить имъ отнятыя у нихъ армянами св. мѣста. По высочайшему повелѣнію, нашему послу въ Константинополь приказано было сдѣлать представленіе турецкому правительству о незаконномъ захватѣ св. мѣстъ армянами, вслѣдствіе чего новымъ султанскимъ фирманомъ грекамъ возвращены были въ Іерусалимѣ всѣ св. мѣста, и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлены были и вновь подтверждены прежнія ихъ права и преимущества, и даже дано было имъ новое право — ремонтировать и псиравлять свои священныя зданія. Затѣмъ іерусалимское подворье въ Москвѣ должно было приносить значительные доходы патріарху и Св. Гробу, но, однако, не оправдало возлагаемыхъ на него надеждъ. Неурядочные безпорядки въ управленіи этимъ подворьемъ, существовавшіе въ патріаршество Поликарпа; продолжались и при патріархѣ Аѳанасіи, исключая времени пребыванія въ Россіи еаворскаго архіепископа Геродея. Всѣ усилія русскаго святѣйшаго синода и московскаго митрополита Филарета привести дѣла подворья въ должный порядокъ не имѣли успѣха, вслѣдствіе неблагонадежности лица, присылаемыхъ патріархами для управленія подворьемъ, поэтому преемникъ патріарха Аѳанасія. Наконецъ, въ послѣдніе годы патріаршества Аѳанасія совершилась рѣшительная и коренная перемѣна въ характерѣ отношеній русскаго правительства къ іерусалимской патріархіи и къ святогробскому братству. Доселѣ всѣ сношенія русскихъ властей съ іерусалимскими патріархами имѣли въ виду, главнымъ образомъ, оказать или денежную помощь бѣдствующей и постоянно крайне задолженной іерусалимской патріархіи, или помощь политическую, когда русское правительство выступало предъ Оттоманскою Портою на защиту православныхъ іерусалимскихъ грековъ, которыхъ обижали и тѣснили иновѣрцы — католики и армяне, причѣмъ наше правительство совершенно не знало, что въ Іерусалимѣ и въ цѣлой Палестинѣ, кромѣ пришлыхъ грековъ, существовала туземная православная народность — сирійцы, презираемые и притѣсняемые пришельцами греками. Оказывая іерусалимской патріархіи денежную и иную помощь, русское правительство вообще мало интересовалось дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ Палестинѣ, смотрѣло на происходившія тамъ событія глазами тамошнихъ грековъ и не заботилось о непосредственномъ и безиребранномъ изученіи палестинскихъ дѣлъ на мѣстѣ ихъ совершенія. Только въ концѣ патріаршества Аѳанасія наше правительство рѣшилось послать въ Палестину довѣренное компетентное лицо, на которое было возложено на мѣстѣ тщательно изучить положеніе дѣла въ Палестинѣ и обо всемъ представить правительству подробный, обстоятельный отчетъ. Та-

кимъ лицомъ былъ избранъ знаменитый архимандритъ, а потомъ епископъ, Порфирій Успенскій († 1885 г.), который блестящимъ образомъ выполнялъ возложенное на него трудное и ответственное порученіе, выяснивъ русскому правительству, что задача Россіи по отношенію къ Палестинской церкви состоитъ теперь не только въ томъ, чтобы оказывать ей денежную помощь, покровительство и защиту предъ турецкимъ правительствомъ, какъ это было раньше, но, главнымъ образомъ, въ насажденіи просвѣщенія среди тамошнихъ грековъ и особенно сирійцевъ, въ надлежащемъ воспитаніи тамошняго бѣлаго и чернаго духовенства, въ упорядоченіи всей тамошней церковно-экономической жизни, въ установленіи правильныхъ отношеній между пастырями и пасомыми, словомъ, Россіи предстоитъ по отношенію къ Палестинѣ выполнить теперь очень сложную и трудную задачу христіански-культурнаго характера, — внести высшую христіанскую культуру въ тамошнюю темную, погрязшую въ невѣжествѣ и порокахъ православную среду. Со времени командировки архимандрита Порфирія въ Палестину (въ 1843 году) и открылась новая по своему характеру эпоха сношеній Россіи съ іерусалимскими патріархами, — эпоха культурнаго воздѣйствія нашего отечества на Палестину, а чрезъ него и на весь православный востокъ (стр. 805—808). Въ такомъ видѣ г. Каптеревъ формулируетъ свои выводы по вопросу о сношеніяхъ русскаго правительства съ іерусалимскими патріархами въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Главное и существенное достоинство разсматриваемой книги г. Каптерева заключается въ ея документальности. Книга составлена почти исключительно на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода и раздѣляющихся на два отдѣла: на дѣла архива святѣйшаго синода и на дѣла канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Кромѣ того, авторъ пользовался нѣкоторыми бумагами епископа Порфирія Успенскаго, находящимися въ архивѣ императорскаго Палестинскаго общества, и впервые утилизировалъ весьма цѣнный историческій матеріалъ, заключающійся въ первыхъ, уже напечатанныхъ, томахъ «Книги бытія моего» того же знаменитаго Порфирія Успенскаго. Такимъ образомъ, со стороны документальности книга г. Каптерева не должна возбуждать нашихъ сомнѣній. И научная обработка архивнаго матеріала, представленная въ книгѣ г. Каптерева, заслуживаетъ похвалы. Авторъ всюду старается говорить языкомъ документовъ, весьма удачно располагаетъ и комбинируетъ архивный матеріалъ, избѣгаетъ преждевременныхъ сужденій и заключеній и лишь въ концѣ каждой главы даетъ общій логическій выводъ изъ предложенныхъ документальныхъ посылокъ касательно характера сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ за тотъ или другой періодъ времени. Значитъ, книга г. Каптерева отличается въ высокой степени и объективностью. Нечего и говорить, что г. Каптеревъ не пмѣлъ предшественниковъ въ разработкѣ своего вопроса и составилъ трудъ вполне оригинальный и новый по своему содержанію. Онъ довелъ свою работу до того времени, когда наступила особая эпоха въ отношеніяхъ Россіи къ Палестинѣ, именно эпоха культурнаго воздѣйствія Россіи на Святую Землю и вообще на православный востокъ. Какъ Россія, сначала въ лицѣ нашей духовной іерусалимской миссіи, а потомъ императорскаго православнаго Палестинскаго общества, самымъ

дѣломъ выполняла и теперь продолжаетъ выполнять свою высокую и трудную культурно-просвѣтительную задачу въ видахъ обновленія и возрожденія современной палестинской церкви, — это долженъ показать будущій историкъ Палестинскаго общества и продолжатель труда г. Каптерева. А то, что сдѣлано г. Каптеревымъ, сдѣлано хорошо и притомъ своевременно, такъ какъ православный Востокъ теперь сталъ привлекать на себя усиленное вниманіе со стороны Запада, въ лицѣ его религиозныхъ и политическихъ дѣятелей, въ лицѣ тружениковъ науки и агентовъ промышленности, въ лицѣ многочисленныхъ паломниковъ, даже изъ числа коронованныхъ особъ и т. д. Трудъ г. Каптерева ясно показываетъ и намѣчаетъ тотъ историческій путь, по которому шло и должно идти наше отечество въ своихъ отношеніяхъ къ православному Востоку.

О.

Изданія Симбирской губернской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Поливановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Сапожникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая замѣтка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898.

Симбирская архивная комиссія, за три года своего существованія, немало сдѣлала для изученія края въ историческомъ отношеніи. Въ числѣ ея изданій значатся такіе памятники, какъ «Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы» (1665—1667 гг.) и «Книга строевая г. Симбирска», проливающая свѣтъ на первоначальную исторію города. Первую изъ этихъ книгъ покойный археологъ Жизневскій не безъ основанія назвалъ метрикой Симбирска. Особенно оживилась издательская дѣятельность комиссіи въ настоящемъ году. Только что вышедшія изданія ея, перечисленные въ началѣ предлагаемой замѣтки, влѣтъ съ серією изданій правителя дѣлъ комиссіи, приурочены ко времени празднованія городомъ его 250-ти-лѣтняго юбилея (3—5 октября 1898 года) и представляютъ собою солидный вкладъ въ исторію средняго Поволжья.

Первый изъ вышеозначенныхъ трудовъ знатока мѣстной старины П. Л. Мартынова вызванъ непосредственно этимъ юбилеемъ. Почтенный авторъ задался скромною цѣлью — собрать возможно болѣе свѣдѣній о Симбирскѣ и, объединивъ ихъ въ одно цѣлое, изложить ихъ въ извѣстной системѣ. Исполнить эту задачу было, однако, не легко: всѣ городскіе архивы были уничтожены пожаромъ 1864 года, такъ что, не говоря уже о рукописныхъ матеріа-

лахъ, даже многія свѣдѣнія, заключающіяся въ прежнихъ изданіяхъ, пришлось отыскивать у частныхъ лицъ; при томъ для автора, обязаннаго, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, жить въ Симбирскѣ, не было возможности пользоваться ни архивами, ни бібліотеками столицъ или университетскихъ городовъ. Если принять во вниманіе эти обстоятельства, въ которыя поставлено большинство провинціальныхъ авторовъ, то нельзя не признать, что первый историкъ г. Симбирска превосходно справился съ своею задачею. Его объемистый трудъ (VII+400+V) распадается на три части: въ первой (1—52) излагается внѣшняя исторія города; вторая и главная часть (53—348) посвящена современному состоянію города, съ обстоятельными историческими очерками учреждений и различныхъ сторонъ общественной жизни, равно какъ и наиболѣе замѣчательныхъ зданій и другихъ сооружений; наконецъ, въ приложеніи, помѣщены нѣкоторые документы, касающіеся основанія и первоначальной исторіи города, списки симбирскихъ воеводъ, комендантовъ, намѣстниковъ, генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, головъ и проч. Большая часть свѣдѣній, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Мартынова, относится къ XVII и къ XIX столѣтіямъ; XVIII же вѣкъ въ исторіи Симбирска почти отсутствуетъ: таково, впрочемъ, свойство, сохранившихся матеріаловъ... Современное состояніе города представлено съ такою обстоятельностью, что не остается желать большаго; встрѣчаются подробности, которыя едва ли не излишни въ подобномъ трудѣ; таково, напримѣръ, указаніе числа городовыхъ, по каждой части отдѣльно, равно какъ и числа пожарныхъ и состава пожарнаго обоза (101) и т. п. Къ сожалѣнію, одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ «Общественная жизнь» (часть II, глава VIII) не получила надлежащей обработки, по обстоятельствамъ, которыя хорошо извѣстны всякому провинціальному литератору, поставленному въ необходимость считаться съ условіями, о которыхъ не имѣетъ понятія его столичный собратъ. Между тѣмъ общественная жизнь Симбирска, города дворянскаго *par excellence*, въ правдивомъ изображеніи историка, къ какому волюнѣ способенъ авторъ, представила бы много интереснаго, не съ мѣстной только точки зрѣнія. Впрочемъ, авторъ добросовѣстно излагаетъ то, о чемъ говоритъ, и не остановился предъ опроверженіемъ легенды, которая проникла и въ мѣстные изданія и по которой императрица Екатерина II пожаловала будто бы Симбирску гербъ (колонна, увѣнчанная короною), желая этимъ оказать ему особое свое благоволеніе за оборону отъ Разина и за вѣрность присягѣ и вѣрноподданническому долгу во время пугачевского бунта (28—29), и будто бы отъ этого герба симбирскіе (а затѣмъ пные) дворяне стали называться «столбовыми». Будучи правдивымъ историкомъ, г. Мартыновъ не чуждъ, однако, излишняго оптимизма, что иногда невыгодно отзывается на его трудѣ. Такъ о мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» онъ говоритъ, какъ объ органѣ, который будто бы «успѣшно старается быть выразителемъ нуждъ и интересовъ края» (210). Въ дѣйствительности же «Симбирскія Губернскія Вѣдомости» есть «Губернскія Вѣдомости» и только...

Въ заключеніе, мы должны сказать, что, по своей внѣшности, книга г. Мартынова выгодно отличается отъ большинства провинціальныхъ изданій:

она напечатана на хорошей бумагѣ, новымъ шрифтомъ и украшена превосходными рисунками, изготовленными цинкографіей А. И. Вильборга, въ Петербургѣ. Кромѣ многочисленныхъ видовъ города и отдѣльныхъ зданій, здѣсь помѣщено нѣсколько снимковъ съ рѣдкихъ гравюръ изъ коллекціи П. Я. Дашкова. Къ сожалѣнію, снимокъ съ превосходной гравюры, относящейся ко времени путешествія Екатерины II по Волгѣ и представляющей видъ Симбирска, слишкомъ миниатюрень, вслѣдствіе чего зданія сливаюся въ пятна. Къ недостаткамъ книги должно быть отнесено отсутствіе при ней указателя, безъ котораго трудно дѣлать справки.

Въ 1648 году, когда для соединенія вновь строившагося г. Симбирска съ существовавшимъ уже городомъ Карсуномъ проводили пограничную черту, то на этой чертѣ, въ 50 верстахъ отъ Симбирска, построили небольшой городокъ, предназначенный служить складомъ оружія и припасовъ, а рядомъ съ нимъ, въ слободахъ, были поселены ротные и служилые люди, защищавшіе мѣстность отъ разбойничьихъ набѣговъ инородцевъ. Городокъ этотъ — Тагай, который съ 1781 по 1796 г. былъ уѣзднымъ городомъ, а затѣмъ упраздненъ. Теперь это — большое село. Историко-статистическому описанію его и посвящена брошюра П. А. Мартынова, подъ вышеназваннымъ заглавіемъ.

«Казанскій профессоръ Загоскинъ справедливо замѣтилъ, — говорятъ гг. Поливановъ и Красовскій, — что архивы правительственныхъ мѣстъ и учрежденій Приволжья содержатъ въ себѣ самое незначительное количество актовъ, относящихся къ допетровской эпохѣ: пожары и время съ роковою послѣдовательностью совершали дѣло постепеннаго истребленія ихъ. Не здѣсь слѣдуетъ искать письменныхъ памятниковъ исторіи мѣстнаго края: ихъ слѣдуетъ искать у частныхъ лицъ, въ грудахъ старыхъ книгъ и бумагъ, нерѣдко цѣлыми сундуками хранящихся по помѣщичьимъ домамъ и усадьбамъ. Замѣчаніе это особенно относится къ Симбирску, въ виду того, что вѣданный его приказъ казанскаго дворца сгорѣлъ въ 1701 году, а съ нимъ погибли и документы. Изданные подъ редакціею названныхъ лицъ матеріалы поступили въ архивъ комиссіи изъ собраній мѣстныхъ дворянъ П. В. Анненкова, А. В. Толстого, В. П. Мещеринова, Л. А. Прушакевича и др. Это изданіе, по характеру вошедшихъ въ него письменныхъ памятниковъ, по времени и мѣсту, къ которымъ они относятся, имѣетъ непосредственную связь съ изданнымъ въ 1882 году П. П. Загоскинымъ сборникомъ историческихъ матеріаловъ района бывшаго приказа казанскаго дворца и является такимъ образомъ отвѣтомъ на его запросъ о желаемомъ появленіи второго тома. Въ виду этого, составители приняли однообразное расположеніе актовъ и дали сборнику то же наименованіе». Въ книгѣ помѣщено 67 документовъ, относящихся къ концу XVII и началу XVIII вѣковъ. Это: а) царскія грамоты, указы и различные акты, изданные правительственными лицами; б) челобитныя и в) книги, дѣла и выписи изъ нихъ. Въ своей совокупности, они даютъ обширный матеріалъ «для изученія колонизаціи Симбирскаго края, знакомятъ насъ съ постепеннымъ водвореніемъ здѣсь русскаго служилаго элемента и представляютъ цѣнныя данныя къ опредѣленію помѣстной системы и вотчинныхъ правъ» (IV). Въ концѣ сборника приложены указатели: лицъ, мѣстностей и предметовъ.

Трудъ г. Холмогорова представляетъ также сырой матеріалъ для изученія исторіи края, за тотъ же періодъ—до второй половины XVIII вѣка. Онъ посвященъ описанію Симбирской и Карсунской десятины патріаршей области. Кромѣ свѣдѣній о церквахъ и дани, которую онъ платили, здѣсь немало данныхъ о землевладѣніи. Матеріалы эти извлечены изъ дѣлъ и книгъ бывшихъ патріаршихъ приказовъ, а также изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ и производствъ Вотчинной коллегіи, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Главнымъ источникомъ служили документы патріаршаго казеннаго приказа. Изъ нихъ видно, что въ 1651 году Симбирскъ и его уѣздъ были приписаны къ патріаршей области. Въ 1657 году городъ съ уѣздомъ былъ отданъ митрополиту казанскому Лаврентію, съ условіемъ взноса въ патріаршую казну, ежегодно 50 руб.; но у митрополита съ духовенствомъ «учинился споръ и симбирской десятины поновъ на него челобитье». Причина раздора была, вѣроятно, въ требованіи дани въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ духовенство платило раньше патріарху. Поэтому въ 1659 году Симбирскъ былъ опять присоединенъ къ патріаршей области, въ которой и числился до 1667 года. Въ книгѣ имѣются указатели личный, географическій, а также алфавитъ церквей, монастырей и часовень.

Изъ того же богатаго источника, изъ московскаго архива министерства юстиціи, извлечены и матеріалы, изданные въ трехъ, перечисленныхъ нами въ заглавіи, брошюрахъ Д. П. Сапожниковымъ. Въ первой изъ этихъ брошюръ содержится разсказъ о вѣкомъ Яковѣ Яровѣ, симбирскомъ посадскомъ человѣкѣ, который, по распоряженію подлежащихъ властей, былъ сожженъ въ 1736 году, по подозрѣнію въ какомъ-то еретичествѣ и чудесничествѣ. Этотъ, очевидно, психически больной человѣкъ, говорилъ на допросѣ, что онъ «отрекся отъ всетворца истиннаго Бога, но при этомъ отъ Христа вовсе не отрекался... діавола и сатану чтить и владыками ихъ признаеть» и т. п. Остальныя двѣ брошюры г. Сапожникова имѣютъ мало отношенія къ мѣстной исторіи. Въ одной изъ нихъ помѣщено найденное авторомъ прошеніе Алексѣя Яковлевича Шубина, который былъ «первымъ предметомъ сердечнаго влеченія цесаревны Елисаветы Петровны»; прошеніе подано имъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1744 году и содержитъ просьбу объ отставкѣ «отъ службы и отъ всѣхъ дѣлъ». Онъ получилъ отставку и чинъ генераль-поручика. Г. Сапожниковъ сопровождаетъ этотъ документъ выписками изъ исторіи Соловьева и другихъ источниковъ о жизни Шубина, а также приводитъ описаніе образа, подареннаго Шубину государыней и находящагося теперь въ церкви с. Работокъ Нижегородской губерніи, бывшей его вотчины. Въ послѣдней брошюрѣ напечатано шесть писемъ патріарховъ: 1) константинопольскаго Іереміи, 1723 года; 2) антиохійскаго Аѳанасія, того же года; 3) антиохійскаго же Сильвестра, 1731 года; 4) александрійскаго Космы, того же года; 5) архіепископа синайскаго Никифора, 1732 года и 6) архимандрита галацкаго Николаевскаго монастыря, Филарета, 1733 года. Въ первыхъ двухъ письмахъ выражается согласіе патріарховъ на учрежденіе въ Россіи синода, а остальныя письма содержатъ просьбы русскому правительству о денежныхъ пособіяхъ. Письма напечатаны по старому переводу, хранящемуся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

М. С —кій.

В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898.

Недавно вышедшая книга г. Березовскаго представляет собою самый значительный по объему (524 стр.) изъ появившихся до сего времени у насъ опытовъ собрать въ одно цѣлое накопившійся матеріалъ о русской музыкѣ историческаго, біографическаго и критическаго характеровъ. Трудъ г. Березовскаго дѣйствительно вызванъ потребностью времени. Русская музыка за послѣднее полу столѣтіе проявилась ярко и качественно и количественно и успѣла обратить на себя должное вниманіе за границей. Между тѣмъ нѣтъ книги, которая, будучи посвящена исторіи музыкальнаго искусства въ Россіи, удовлетворяла бы не только строгимъ, но прямо таки необходимымъ, существеннымъ требованіямъ современности. Такія книги, какъ далеко не полный и даже не захватившій Глинку «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи» Вл. Михневича, вышедшій еще въ 1879 г.,—страдаютъ прежде всего отсутствіемъ чисто музыкальных свѣдѣній. Прекрасный, сжатый до конспективности очеркъ исторіи русской музыки Дурова тоже заканчивается до Глинки. «Исторія музыки въ Россіи» (учебное руководство и пособіе) Перепелицына преслѣдуетъ больше учебныя цѣли и отличается нѣсколько протокольнымъ характеромъ. Это сочиненіе, изданное 10 лѣтъ тому назадъ, хотя и является бесспорно наилучшимъ, но не даетъ жизненной исторической картины развитія русской музыки. Изъ иностранныхъ сочиненій по исторіи русской музыки наиболѣе значительныя появлялись у французовъ, чему способствовала, вѣроятно, извѣстная книга П. А. Кюи «La musique en Russie», написанная блестяще съ большимъ знаніемъ дѣла, но не имѣющая спеціально историческаго характера. Заграничныя сочиненія страдаютъ крупнымъ недостаткомъ—всюду сквозящимъ непониманіемъ психологіи русской души, безъ чего невозможно истинное пониманіе русской музыки, а потому невозможна и ея исторія.

Что же даетъ намъ въ своей книгѣ г. Березовскій? Періоду до Глинки посвящено введеніе (25 стр.) чрезвычайно бѣглое и бѣдное фактами. Мало существеннаго найдемъ мы здѣсь о русскомъ народномъ творчествѣ, о народныхъ инструментахъ и пѣсняхъ. Совсѣмъ не выяснено значеніе скомороховъ, какъ единственныхъ представителей національной свѣтской музыки вплоть до половины XVII в. (см. Фаминцынъ «Скоморохи на Руси»). Исторія нашей церковной музыки за этотъ періодъ совершенно не интересуетъ г. Березовскаго. Объ изслѣдованіяхъ по церковной музыкѣ Д. П. Разумовскаго и Ю. К. Арнольда, должно быть, вовсе не извѣстно автору. Построеніе нашихъ народныхъ пѣсень, въ такъ называемыхъ церковныхъ ладахъ, въ изложеніи автора является невольнымъ обличителемъ его некомпетентности въ теоріи музыки. Исторія изслѣдованій и записей русскихъ народныхъ пѣсень также почти пройдена молчаніемъ, если не считать упоминанія о сборникахъ пѣсень Балакорева, а также Римскаго-Корсакова въ главѣ объ этихъ композиторахъ. Невнимательное отношеніе къ народной музыкѣ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что самъ же г. Березовскій эниграфомъ ко II-ой главѣ, трагующей о Глинкѣ, выставяетъ его слова: «создаетъ музыку народъ, а мы художники, — только ее арранжи-

руемъ». Такимъ образомъ введеніе не заслуживаетъ названія даже историческаго очерка. Еще менѣе историческаго найдемъ мы далѣе. Фактическая сторона жизни и дѣятельности Глинки, которому посвящена 1-ая глава (60 стр.), и Даргомыжскаго (до 40 стр.), а также значеніе ихъ мало выяснены, а среда, въ которой имъ приходилось дѣйствовать, мало охарактеризована. Вотъ каковы, напримѣръ, біографическія свѣдѣнія о Глинкѣ. Въ нихъ не сообщается самаго важнаго объ его ученическихъ годахъ; не указывается точно, въ какомъ учебномъ заведеніи онъ воспитывался, не говорится про его громадныя успѣхи за это время въ занятіяхъ фортепьянной игрой подъ руководствомъ тогдашней знаменитости Фильда, давшего впрочемъ ему только три урока, въ которыхъ однако Глинка успѣлъ выучить его дивертиссементъ, и Карла Мейера, занятія съ которымъ были такъ благотворны, что при выпускѣ изъ «Благороднаго пансіона при Педагогическомъ институтѣ» въ 1822 г. — (кстати сказать, годъ этотъ, какъ и многіе другіе, не указанъ) — Глинка сыгралъ публично фортепьянный концертъ Гуммеля. Не говорится, на какихъ композиторахъ Глинка воспитался. Не говорится про неудачную службу Глинки помощникомъ секретаря въ канцеляріи совѣта путей сообщенія съ 1824 по 1828 г., когда онъ долженъ былъ выйти въ отставку «изъ-за запятой», по его собственному выраженію въ своихъ «Запискахъ». Не говорится про неудавшуюся семейную жизнь Глинки, про среду, окружавшую его, про засѣданія такъ называемой «братіи». Наконецъ не сказано, гдѣ Глинка похороненъ; не упоминаютъ о торжественномъ открытіи ему памятника на родинѣ — въ Смоленскѣ, и о музеѣ Глинки въ новомъ зданіи консерваторіи въ Спб. Не упомянуто и про сестру Глинки Л. И. Шестакову, много сдѣлавшую для памяти своего знаменитаго брата; между тѣмъ имя ея заслуживаетъ упоминанія хотя бы потому, что она сохранила у себя переписанный второй экземпляръ партитуры «Руслана», оставшіяся единственнымъ послѣ того, какъ подлинникъ сгорѣлъ. Мы нарочно нѣсколько подробнѣе остановились на Глинкѣ для характеристики книги г. Березовскаго.

Видно, что г. Березовскій знакомъ съ главнымъ источникомъ для біографіи Глинки — съ его «Записками», изданными подъ редакціей В. В. Стасова, въ книгѣ приводятся въ кавычкахъ выписки изъ нихъ, но точной ссылки на этотъ источникъ не сдѣлано, между тѣмъ одинъ изъ второстепенныхъ источниковъ: «Воспоминанія г. Дубровскаго», указанъ (стр. 80) при разсказѣ о страсти Глинки къ пѣвчимъ птицамъ. Вообще нужно сказать, что біографія въ книгѣ совсѣмъ отсутствуетъ. Неизвѣстно, какими источниками пользовался авторъ.

Фактическая сторона жизни и дѣятельности Даргомыжскаго выяснены больше, но и здѣсь видна эскизность и поверхностность изложенія автора. Исторія зарожденія такъ называемой «новой русской музыкальной школы» и самъ организаторъ и душа этого движенія М. А. Балакиревъ не достаточно ярко отразились въ книгѣ г. Березовскаго, тогда какъ по этому предмету въ многочисленныхъ статьяхъ В. В. Стасова собранъ фактической матеріалъ, весьма цѣнный для исторіи русской музыки. Почти совсѣмъ не охарактеризованы и условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать и бороться композиторамъ этой школы (Балакиреву, Кюи, Мусоргскому, Римскому-Корсакову и Бородину) въ

то трудное время (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ), когда самъ основатель Русскаго музыкальнаго общества» — А. Г. Рубинштейнъ, даже къ Глинкѣ относился отрицательно. Объ этомъ у г. Березовскаго нѣтъ ни слова. Въ томъ же духѣ написана и остальная часть книги г. Березовскаго, въ которой онъ трактуетъ о жизни и произведеніяхъ Бородина, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Чайковскаго, Кюи, Глазунова, Лядова, Щербачева, Соколова, Витоля, Аренскаго, Пполита-Иванова и проч.; послѣдняя (VIII) глава книги посвящена «теченію западному» — Сѣрову и его «послѣдователю» Соловьеву и Автону Рубинштейну, а также Направнику и проч. композиторамъ. Г. Березовскій видимо стремился дать полную картину русской музыки послѣдняго полустолѣтія и боялся, какъ это видно изъ предисловія автора, что его очеркъ будетъ черезчуръ конспективенъ. Между тѣмъ въ его книгѣ много лишняго: много мѣста отнимаютъ пересказы содержанія оперъ, а иногда и дословно приводимыя программы оркестровыхъ произведеній; совершенно ненужнымъ грузомъ являются его критическія сужденія, попадающіяся на каждомъ шагѣ, сравненія однихъ музыкальныхъ произведеній съ другими и разныя мнѣнія въ области специально-музыкальной, въ которой онъ вовсе не компетентенъ, на чемъ за неимѣніемъ мѣста и за специальностью самаго предмета мы вовсе не будемъ останавливаться; пусть любопытный читатель обратится къ тѣмъ страницамъ книги г. Березовскаго, гдѣ говорится, напримѣръ, объ оперной увертюрѣ къ оперѣ «Майская ночь» Римскаго-Корсакова или о симфонической формѣ вообще въ оперѣ. Лучше было бы, если бы г. Березовскій обратилъ вниманіе исключительно на чисто фактическую сторону русской музыки. Тогда, по крайней мѣрѣ, не было бы въ его книгѣ такихъ промаховъ, какъ, напримѣръ, указаніе, что опера Римскаго-Корсакова «Псковитянка» написана на сюжетъ Мея «Царская невѣста», ничего общаго съ нею не имѣющей и представляющей, какъ и первая, самостоятельное драматическое произведеніе Мея.

Итакъ, мы видимъ, что г. Березовскій при всей своей неоспоримой благонамѣренности не пополнилъ указанный нами въ самомъ началѣ замѣтки пробѣлъ въ исторической литературѣ о русской музыкѣ. Но, можетъ быть, самые недостатки книги г. Березовскаго вызовутъ желаніе у людей, больше его подготовленныхъ, восполнить этотъ пробѣлъ.

Г. Т.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1898. (Библіотека для самообразованія. XII).

Въ лежащемъ предъ нами сборникѣ статей по русской исторіи, по какому-то недорозумѣнію названномъ на обложкѣ «русскою исторіей», разсматривается исторія русской жизни въ тотъ періодъ, когда вся она сосредоточивалась въ Днѣпровской Руси. Составитель сборника имѣлъ полное право выдѣлить въ особый отдѣлъ этотъ періодъ, «не хронологически только, но и реально очень далекой отъ послѣдующей исторіи собственно Россіи, выросшей изъ удѣльнаго княжества сѣверо-восточной Руси». Исторія этой начальной Руси уясняется изслѣдованіемъ вопросовъ объ общественномъ и государственномъ ея строѣ.

Этимъ вопросамъ, кардинальнымъ въ русской исторіи, посвящена, какъ и слѣдовало ожидать, большая часть книги. Такъ какъ ихъ изслѣдованіе и до сихъ поръ не пришло къ окончательнымъ результатамъ, то составитель въ этомъ отдѣлѣ долженъ былъ дать мѣсто цѣлому ряду разнообразно и умѣло выбранныхъ обстоятельныхъ отрывковъ по сочиненіямъ Соловьева, Леонтовича, Аксакова, Никитскаго, Кавеллина, Чичерина, Костомарова, Градовскаго, Ключевского и Сергѣевича. Жаль только, что договорная теорія Сергѣевича, развитая въ его первомъ трудѣ «Вѣче и князь», нашла себѣ мѣсто въ сборникѣ только въ изложеніи Градовскаго, сдѣланномъ въ рецензій на книгу Сергѣевича. Знакомить читателя съ цѣлыми теоріями по изложенію полемистовъ и критиковъ не совсѣмъ удобно. Выписки изъ самаго сочиненія Сергѣевича были бы вполнѣ умѣстны и по той причинѣ, что «Вѣче и князь» — книга распроданная и рѣдкая. Вторая часть сборника посвящена состоянію Южной Руси XI — XII вв. Политическій и социальный строй кievской Руси представленъ слѣдующими статьями по Ключевскому, Сергѣевичу, Грушевскому, Сторожеву: политическое значеніе древнерусскаго города и князя въ связи съ заграничной торговлей, кievская городская община и ея вѣче, общая характеристика княжеской власти, составъ и значеніе дружины, дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи, зависимое и несвободное населеніе (смерды, закуны, холопы). Отдѣлъ о юридическомъ строѣ посвященъ детальному и разностороннему разбору «Русской Правды», при чемъ дается и самый текстъ и хорошій переводъ этого памятника на современный языкъ. Помѣщеніе перевода составляетъ немаловажное достоинство сборника, такъ какъ, по справедливымъ словамъ г. Сторожева, «у насъ едва ли найдется достаточно преподавателей, которые рискнули бы на переводъ въ классѣ очень многихъ статей Правды». Для освѣщенія Правды взяты статьи Владимірскаго-Буданова, Н. Л. Дювернуа, Покровскаго: Русская Правда, какъ юридическій сборникъ древней Руси; судъ въ эпоху Русской Правды; преступленіе и наказаніе по Русской Правдѣ; отраженіе экономическаго быта въ Русской Правдѣ. Наконецъ, культурному строю XI и XII вв. отводится мѣсто въ отрывкахъ по Дьяконову (политическія темы древнерусской письменности въ связи съ церковными и политическими отношеніями къ Византіи) и, преимущественно, по Голубинскому (характеристика Патерика Печерскаго, о пространствѣ и значеніи церковнаго суда, просвѣщеніе и грамотность въ кievской Руси). Приводится выдержка изъ Патерика, дается поученіе Владиміра Мономаха. Этотъ отдѣлъ сборника нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. По приведеннымъ въ немъ статьямъ совершенно нельзя уяснить хотя бы, на примѣръ, отреченной литературы. Впрочемъ, это, можетъ быть, будетъ сдѣлано въ слѣдующемъ выпускѣ сборника.

Какъ и всѣ изданія «Библиотеки для самообразованія», разбираемая нами книга неразрывно связана съ программами домашняго чтенія, издаваемыми московскою комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Сборникъ г. Сторожева на ряду съ учебникомъ Елизатьевскаго и, конечно, очерками П. Н. Миллюкова представляетъ основной фондъ для читателей, изучающихъ русскую исторію по московскимъ программамъ. Такимъ образомъ оцѣнка сборника тѣсно связана съ оцѣнкой самой программы по русской исторіи, но такъ какъ

здѣсь не мѣсто и не время вдаваться въ разборъ этой программы и такъ какъ ея репутація, какъ дѣльнаго пособия, уже установилась, то замѣчанія наши по поводу сборника явились бы излишними и мало мотивированными, если бы составитель не приписывалъ самостоятельнаго значенія своему труду, какъ книгѣ, «содѣйствующей болѣе успѣшной и нормальной постановкѣ дѣла преподаванія нашей исторіи». Съ этой точки зрѣнія къ сборнику можно предъявить нѣкоторыя требованія. Безъ сомнѣнія, въ общемъ сборникъ составленъ очень удачно: составитель, опуская частности и детали, останавливаетъ вниманіе читателя на самомъ существенномъ въ исторіи кievской Руси, на устояхъ ея жизни. Послѣдовательное чтеніе всѣхъ статей сборника даетъ о ней яркое представленіе. Но, разсматривая книгу г. Сторожева, какъ хрестоматію, предназначенную для удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей, нельзя не пожаловаться на отсутствіе въ ней нѣкоторыхъ вопросовъ русской исторіи, каковы вопросы о доисторическомъ положеніи нашей страны, о славянскихъ отношеніяхъ, о варягахъ-руси. Мы не станемъ оспаривать взгляды составителя, считающаго эти вопросы неважными для своей цѣли, но дѣло въ томъ, что преподаватель, обращаясь къ сборнику, какъ хрестоматіи, въ правѣ потребовать отъ него и этихъ отдѣловъ.

Сборникъ предназначенъ для лицъ, серьезно занимающихся изученіемъ русской исторіи и не отступающихъ передъ трудностью статей. «Въ составѣ сборника редація не намѣчаетъ ни трудныхъ, ни легкихъ статей — всѣ одинаково требуютъ изученія, и отъ читателя требуется терпѣніе одолѣть книгу отъ начала и до конца и обдумать прочитанное». Отвѣчая современному состоянію научно-историческихъ знаній, сборникъ г. Сторожева, безъ сомнѣнія, явится важнымъ подспорьемъ для студентовъ-филологовъ, слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ: они-то, собственно, и должны быть настоящими читателями этой книги.

Привѣтствуя появленіе перваго выпуска сборника, отъ души желаемъ г. Сторожеву скорѣйшаго его окончанія. Съ появленіемъ въ свѣтъ всѣхъ выпусковъ этотъ сборникъ будетъ крупнымъ приобрѣтеніемъ для нашей научно-популярной литературы.

П. Щ.

Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Профессора А. Трачевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Тотъ, кто сталъ бы отыскивать въ означенной книгѣ, какъ и вообще во всѣхъ почти произведеніяхъ профессора Трачевскаго, строго-научной обоснованности данныхъ или особенной глубины и серьезности заключеній и выводовъ, своей цѣли навѣрное никогда бы не достигъ. Но ставить это почтенному автору въ вину нѣтъ никакихъ основаній: онъ и не претендуетъ вовсе на научное значеніе большинства своихъ трудовъ; сознавая очевидно, что трактатовъ по самымъ спеціальнымъ историческимъ вопросамъ, трактатовъ очень солидныхъ, доказывающихъ громадную эрудицію своихъ авторовъ, но, увы! недоступныхъ большинству читающей публики, у насъ, въ оригинальной русской исторической литературѣ, очень много, а между тѣмъ книгъ характера

популярнаго почти совсѣмъ нѣтъ, а если и есть, то главнымъ образомъ переводныя, — профессоръ Трачевскій почти всю свою жизнь посвятилъ популяризованію историческихъ знаній и, надо сознаться, принесъ этимъ русскому читающему обществу весьма существенную пользу.

Выпущенная имъ теперь первая часть книги «Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе» составляетъ почти дословную перепечатку статей автора о томъ же вопросѣ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1875 годъ. Въ этихъ статьяхъ авторъ полно и послѣдовательно выясняетъ намъ, какимъ образомъ изъ «богоспасаемаго хаоса», который представляла изъ себя Германія до половины нынѣшняго вѣка, образовалось сплоченное и сильное государство, владѣющее громадными богатствами и одной изъ огромнѣйшихъ и наилучше устроенныхъ армій. Главную причину такой метаморфозы профессоръ Трачевскій видитъ въ свойствахъ характера всѣхъ представителей Гогенцоллернскаго дома, вполне противоположныхъ инертнымъ, способствовавшимъ всей своей дѣятельностью распаденію Священной Римской имперіи, Габсбургамъ. «Габсбургъ — олицетворенная флегма, Гогенцоллернъ — сангвиникъ. Тотъ — идеаль консерватора, этотъ — истый революціонеръ. Гогенцоллернъ отваженъ и нервенъ. Онъ любитъ играть въ большую игру, любитъ сильныя ощущенія. Онъ самонадѣявъ, какъ въ своихъ мысляхъ, такъ и въ поступкахъ. Если Гогенцоллернъ заберетъ собѣ что нибудь въ голову, онъ идетъ напроломъ и не задумывается о средствахъ. Въ минуты порыва онъ считаетъ себя стихійной силой, и тогда нѣтъ для него преградъ, нѣтъ ничего святого; тогда выступаетъ разрушительная сила его непреклонной воли и настойчивости. Онъ становится аскетомъ, недоступнымъ мягкимъ движеніямъ души. Онъ недосыпаетъ ночей, не доѣдаетъ куска. Гогенцоллернъ не любитъ и не знаетъ покоя. «Immer vorwärts! все вперед!» къ неизмѣнной цѣли — вотъ его лозунгъ. Таковъ и вообще пруссакъ: Гогенцоллернъ — вѣрный представитель свойствъ своего народа» (стр. 134). Такую характеристику Гогенцоллерновъ нельзя не признать блестящей, смѣлой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко истинной, и рядъ такихъ характеристикъ, коими преисполнены первые 20 главъ книги профессора Трачевскаго, ставятъ эту книгу въ число произведеній, знакомство съ которыми должно быть желательно каждому, интересующемуся исторіей Германіи, русскому человѣку.

Къ несчастью, однако, авторъ не ограничился напечатаніемъ одной первой части своего труда, а присоединилъ къ ней еще нѣсколько главъ, посвященныхъ обзору нынѣшняго состоянія Германіи, а потому расширяющихъ задачу автора за предѣлы избраннаго имъ же самимъ заглавія. Цѣль включенія этихъ главъ излагается профессоромъ Трачевскимъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія къ нимъ: «насколько извѣстно автору, у насъ нѣтъ сжатаго, но, по возможности, всесторонняго изложенія предмета, которое могло бы служить нѣкоторымъ руководствомъ для широкой публики, хотя бы при чтеніи массы запутанныхъ газетныхъ извѣстій о Германіи» (стр. III). Такую цѣль нельзя не признать похвальной, но надо сознаться, что профессоръ Трачевскій ея не достигъ: онъ самъ публицистъ, самъ слишкомъ много писалъ о политикѣ въ духѣ извѣстной партіи, а потому безстрастно отнестись къ различнымъ

газетнымъ извѣстіямъ и выяснитъ читателю скрывающуюся въ массѣ лжи крупишку истины онъ не въ состояніи. Послѣднія главы труда его носятъ характеръ чисто публицистическій и ничѣмъ не выше передовицъ любой газеты, притомъ съ слегка юдофильскимъ направленіемъ; мы врядь ли ошибемся, если скажемъ, что главы эти очень напоминаютъ «Политическую лѣтопись», нѣсколько лѣтъ подрядъ печатавшуюся профессоромъ Трачевскимъ на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Какъ тамъ, такъ и здѣсь глубина содержания замѣняется хлесткой фразой, парадоксъ нагромождается на парадоксъ, образуя въ умѣ неподготовленнаго читателя цѣлый хаосъ какихъ-то обрывковъ мыслей безъ единой связующей идеи: тутъ и характеристика Бисмарка, и обзоръ партій нѣмецкаго рейхстага, и изложеніе доктринъ социализма и марксизма, и т. п., и т. п.; все это въ высшей степени кратко, не останавливаетъ на себѣ вниманія читателя, а главное, заключая въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей, въ общемъ слишкомъ односторонне и даже лживо. Врядь ли кто, напримѣръ, кромѣ постоянныхъ читателей «Сѣвернаго Вѣстника» и присныхъ ему газетъ и журналовъ, согласится съ такой характеристикой марксизма, какую приводитъ, напримѣръ, Трачевскій. Онъ утверждаетъ, что появленіе книги Маркса есть симптомъ новаго Возрожденія, установленія научности въ экономикѣ. «Сынъ націи-скитальца, скиталецъ самъ, нашедшій пріютъ въ странѣ «набобовъ», вскормленныхъ «эгоизмомъ» правотѣрной экономики, Марксъ — критикъ неправды, социальный философъ: ему легко было усвоить положеніе своего учителя, Гегеля, что зло — бродило жизни. Но только не въ смыслѣ дряблага пессимизма: человекъ гордой энергіи и остраго ума, Марксъ выступилъ, чтобы разоблачить «бредни умозрительной философіи» да утопіи субъективизма въ социологіи. Питомецъ эволюціоннаго реализма, онъ изучалъ социальное развитіе, какъ естественно-историческій процессъ, ибо общество — «не твердый кристаллъ, а организмъ въ вѣчномъ превращеніи». Жизнь этого организма состоитъ въ борьбѣ классовъ, а классы — плодъ экономики, которая сама зависитъ отъ имманентныхъ, ей присущихъ, безсознательныхъ силъ. Отсюда своего рода типы творенія и въ природѣ обществъ. Средніе вѣка жили землей, и они запечатлѣны господствомъ первыхъ двухъ чиновъ или феодализмомъ, который вскармливается крѣпостничествомъ; теперь орудуютъ капиталъ съ фабрикой и царствуетъ третій чинъ, питаемый пролетаріатомъ. Но приближается новѣйшій типъ: «пауперизмъ», или нищенство пролетарія, показывающъ, что уже паразитъ долженъ кормить своего раба, вмѣсто того, чтобы сосать его соки» (стр. 240). Здѣсь не мѣсто входить съ профессоромъ Трачевскимъ относительно значенія Маркса въ полемику. Напомнимъ только читателямъ, что если ученіе Маркса встрѣтило въ наукѣ много сторонниковъ, то еще болѣе у него противниковъ между выдающимися учеными, а потому смѣлѣя, но воплѣтъ голословныя утвержденія профессора Трачевскаго могли бы быть съ успѣхомъ имъ опущены, что только возвысило бы научное значеніе его собственнаго труда.

К. Лосскій.

Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви.
Соч. К. Харламповича. Казань. 1898.

Авторъ поименованнаго сочиненія уже извѣстенъ въ литературѣ своими изысканіями въ области исторіи просвѣщенія въ Западной Россіи. Не далѣе, какъ въ прошломъ (1897) году вышли въ свѣтъ двѣ его весьма обстоятельныя монографіи: «Къ исторіи западнорусскаго просвѣщенія (виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія)» и «Острожская православная школа».

Нынѣ почтенный авторъ выступилъ съ капитальнымъ и объемистымъ трудомъ (524 страницы), собравъ въ систематическое цѣлое всѣ добытыя имъ данныя о западнорусскихъ школахъ избранной эпохи, чѣмъ восполнилъ замѣтный пробѣлъ въ знаніяхъ относительно хода просвѣщенія на западномъ пространствѣ географическаго расселенія Руси—въ періодъ времени, наименѣе разработанный русскою наукой. Мы совершенно одобряемъ исходную точку автора, опредѣлившаго грани своего изслѣдованія этнографическимъ принципомъ, ибо какъ бы ни измѣнялись границы политическія (а такой передѣлъ въ государствахъ практикуется и до нашихъ дней),—народныя обличья не поддаются кореннымъ измѣненіямъ, и разорванныя части однороднаго племени, оставаясь даже подъ чуждымъ владычествомъ, сохраняютъ прирожденныя имъ общія черты. Наглядное тому доказательство представляютъ русскіе въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи, не утратившіе своего этнографическаго облика, тождественнаго съ русскимъ типомъ въ Привислинскомъ краѣ и Западной Россіи. Такимъ образомъ въ рамку изслѣдованія захвачены всѣ русскія земли, принадлежавшія въ указанную эпоху польско-литовскому государству и жившія политической жизнью, отдѣльною отъ московской Руси. Этотъ районъ составляютъ вышнія губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Смоленская, Могилевская, Минская, Виленская, Витебская, Гродненская, отчасти Сѣдлецкая, Люблинская, Ковенская и Галичина (четыре послѣднія—въ границахъ русскаго племени).

На пространствѣ всего этого новаго произведенія автора красною нитью проходитъ мысль, что существеннымъ стимуломъ къ умственному оживленію въ польско-литовскомъ государствѣ служила вѣроисповѣдная ревность двухъ народностей—польской и русской.

Въ XVI вѣкѣ поляки уже значительно ввѣдрились въ литовско-русскія земли съ ихъ пропагандой католицизма. Но вотъ появились здѣсь протестанты различныхъ толковъ, и закипѣла ожесточенная борьба ихъ съ католиками, въ которую были вовлечены и православные. Такъ какъ протестантамъ приходилось еще завоевывать себѣ положеніе въ обществѣ, то они должны были, наряду съ устной и письменной пропагандой своихъ идей, организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ школьное образованіе въ духѣ своего вѣроисповѣданія. Этому натиску католики старались противопоставить тѣ же самыя орудія борьбы и, не надѣясь на свои учлища, существовавшія здѣсь уже

давно, но оказавшіяся не довольно сильными въ войнѣ съ реформаціей, вызвали извѣстныхъ тогда въ европейскомъ мірѣ педагоговъ — членовъ іезуитскаго ордена. Іезуиты сразу овладѣли положеніемъ и повели школьную и литературную атаку на два фронта противъ протестантовъ и православныхъ. Пришлось и послѣднимъ подумать о защитѣ своей прародительской вѣры и спасеніи народности умноженіемъ своихъ школъ и приспособленіемъ ихъ къ новымъ религіознымъ и умственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ у православныхъ явились: знаменитое острожское училище и цѣлый рядъ братскихъ. Въ разсматриваемой книгѣ подробно описаны училища трехъ лагерей, ихъ организація, средства, внутренняя жизнь, взаимныя отношенія, способы воздѣйствія на народъ и успѣхи пропаганды.

Сопоставляя описанныя въ книгѣ силы и средства православныхъ въ борьбѣ съ католиками (лютеране, какъ менѣе опасные, не вызывали особаго направленія у православныхъ), нельзя не усмотрѣть, что радѣтели нашей народной вѣры были слабѣ католическихъ своихъ противниковъ и числомъ и средствами. Казалось бы, что въ главѣ движенія должны были стоять духовныя лица, какъ представители церкви и выразители народной идеи. Но существовавшее въ Польскомъ королевствѣ право патроната успѣло къ описываемому времени произвести глубокую порчу въ нравахъ православнаго духовенства. На основаніи этого прва каждый помѣщикъ-полякъ назначалъ настоятелемъ православной церкви въ своемъ имѣніи такого священника или кандидата въ священство, который равнодушенъ къ интересамъ своей вѣры или же посулилъ заплатить патрону больше, чѣмъ другіе конкуренты. Такимъ путемъ подборъ священства образовался не въ пользу церкви¹⁾. Этимъ правомъ пользовались не только паны и магнаты, но и польско-литовскіе короли. Отъ нихъ зависѣло назначеніе не только на настоятельскія мѣста въ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ въ ихъ имѣніяхъ, но и утвержденіе рекомендуемыхъ панами игуменовъ и даже поставленіе православныхъ епископовъ во всемъ государствѣ. Какъ широко пользовались короли этимъ правомъ, видно изъ того, что они давали иногда епархіи и монастыри не духовнымъ только, но и свѣтскимъ «угодовымъ» людямъ за ихъ гражданскія и военныя заслуги. При этомъ случалось, что одно лицо назначалось епископомъ на нѣсколько епархій, или же королевскій ставленникъ получалъ каѳедру еще при жизни занимавшаго ее епископа. То же практиковалось и съ настоятельскими мѣстами въ монастыряхъ и церквахъ. Случалось даже, что мужскіе монастыри получали женщины—«до живота своего» (пожизненно) или даже «на вѣки».

Въ результатъ такого «подаванія» (патроната) образовалась глубокая деморализація въ значительной части духовенства, особенно высшаго. Такъ какъ многіе монастыри и каѳедры представляли по своему богатству лакомые куски, то на каждое такое мѣсто всегда бывало немало конкурентовъ, тѣмъ болѣе, что для этого не требовалось ни призванія, ни богословской подготовки. Но

¹⁾ Патронатъ польскихъ помѣщиковъ надъ русскими приходами и до сихъ поръ сохранился въ Галичинѣ ко вреду вѣроисповѣдныхъ и народныхъ интересовъ.

такъ какъ съ другой стороны добиться выгоднаго мѣста стоило многихъ «накладовъ (расходовъ), праць (хлопотъ) и разныхъ практикъ» (пзворотовъ), то счастливыцы прилагали потомъ все усилія къ тому, чтобы вознаградить себя за понесенныя издержки. И вотъ дѣятельность большинства епископовъ сосредоточивается на томъ только, чтобы умножить свое имущество какими бы то ни было способами, даже путемъ насилій. Актовые книги городскихъ и трибунальныхъ судовъ полны жалобъ и дѣлъ о епископскихъ грабежахъ, разбояхъ, нападенияхъ на монастыри, церкви, имѣнія. Архіереи даютъ въ ростъ деньги, дѣлаютъ долги подъ залогъ церковныхъ имѣній, занимаются подрядами, ведутъ тяжобныя дѣла, заводятъ семейныя отношенія и пр.

Могли ли быть ревнителями вѣры и просвѣщенія такіе представители церкви, когда они всецѣло были поглощены своими личными грѣховными интересами! Нравственный обликъ духовенства того времени рисуетъ современный писатель Іоаннъ Вышенскій слѣдующими, быть можетъ, нѣсколько сгущенными красками: «Что за чинъ въ нашей церкви нынѣ на принятіе стану (сана) духовнаго? Не тотъ ли — присмотрися и признай, если правду (правду ли) глаголю — днесъ катъ (палачъ), а завтра священникъ; днесъ мучитель, завтра учитель; днесъ корчмаръ и тавцоводецъ, а завтра богословъ и народоводецъ; днесъ убійца, а завтра святитель и епископъ; доднесъ жертвоваль сатанѣ все время вѣка своего, а нынѣ предъ алтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приносптъ».

Такіе владыки тѣмъ болѣе не могли быть ревнителями и руководителями просвѣщенія русскаго народа, что сами не имѣли надлежащей подготовки, да и не считали нужнымъ, занимая уже кафедры, восполнять недостатки своего образованія, — не тѣмъ была занята ихъ мысль. «Они, по свидѣтельству того же писателя, вмѣсто каноновъ и книжнаго ученія и поученія въ заковѣ Господнемъ, день и ночь надъ статутами (гражданскими законами) и ложью весь свой вѣкъ упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія учатся хитростямъ человѣческимъ, адвокатской лжи и діавольскому празднословію». Если наши владыки и дѣлали кое-что для просвѣщенія въ началѣ разсматриваемой эпохи, то только по побужденію людей свѣтскихъ.

Поборниками образованія русскаго народа были главнымъ образомъ уцѣлѣвшіе въ православіи аристократы и горожане въ составѣ братствъ, и самое почетное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ присвоинамятный князь Константинъ Острожскій. Въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія онъ учредилъ въ г. Острогѣ самостоятельную школу «для размноженія наукъ вѣры православной», снабдилъ ее богатыми средствами, поставилъ ученыхъ педагоговъ, а для печатанія книгъ церковнаго и учебнаго характера завелъ типографію, выпустившію много цѣнныхъ изданій. Это учебное заведеніе было поставлено столь прочно и столь высоко, что распространяло свое просвѣтительное вліяніе, какъ солнце лучи, на самыя отдаленныя области; сюда приходили учиться даже изъ Литвы и Галичины.

Братскія школы, учреждаемыя при монастыряхъ и церквахъ, также сослужили добрую службу въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа. Болѣе значительныя изъ нихъ дѣйствовали: въ Кіевѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могн-

левѣ, Луцкѣ; кромѣ того, въ книгѣ описано еще 29 меньшихъ школъ, находившихся въ Галичинѣ и нынѣшнемъ Западномъ краѣ. Тяжелую судьбу испытывали почти все братскія школы. Терня зачастую недостатокъ въ средствахъ, онѣ не только не пользовались покровительствомъ государственныхъ законовъ, но и были лишены защиты правительственныхъ органовъ и существовали какъ бы среди враждебнаго лагеря, подвергаясь иногда полному разгрому. Въ книгѣ г. Харламповича приведено немало подобныхъ фактовъ и трагическихъ сценъ. Толпы польскихъ мѣщанъ, а большею частью іезуитскіе и униатскіе студенты, подъ предводительствомъ своихъ педагоговъ, вооружившись дреколіями и даже ножами, внезапно напали на ненавидимыя имъ школы, избивали иногда до полусмерти и разгоняли православныхъ учениковъ и учителей, нерѣдко наносили имъ раны, а въ зданіяхъ уничтожали все учебные предметы, ломали мебель, выбивали стекла, разламывали крыши. Если при школахъ была типографія, то истребляли ее дотла. Такое разбойничество оставалось обыкновенно безнаказаннымъ, а пострадавшія школы мало-по-малу собирались съ силами и вновь продолжали свою скромную просвѣтельную дѣятельность.

Братскія школы, несмотря на претерпѣваемыя бѣдствія и всяческія затрудненія, все же достигали добрыхъ результатовъ. Будучи веселословными, онѣ способствовали пробужденію и укрѣпленію въ массѣ народно-православнаго самосознанія. Наибольшую услугу оказали эти школы, конечно, догматическому богословію составленіемъ и изданіемъ катихизисовъ и церковно-полемическихъ сочиненій, въ которыхъ обслѣдованы спорные вопросы между восточною церковью съ одной стороны и католическою и протестантскою съ другою. Но религіозное воспитаніе не было исключительною цѣлью этихъ школъ. Братства расширяли программы ихъ, вводя постепенно въ кругъ обученія и свѣтскія науки, для чего составлялись необходимые учебники. Такимъ образомъ братскія школы принесли большую пользу и общему просвѣщенію народа.

Въ одномъ только не могли оказать желаннаго усилія русскія школы и ихъ руководители, именно: онѣ оказались безсильными выработать такой книжный и устный языкъ, развитіе котораго во всехъ деталяхъ исходило бы отъ корней роднаго слова.

Русскіе люди даже образованнаго слоя, вслѣдствіе постоянного обращенія среди поляковъ, иммигрировавшихъ властью, общественнымъ значеніемъ и богатствомъ, естественно усвоивали себѣ польскія слова и обороты. Отчасти способствовало искорененію русскаго языка и то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще не вполне были ополячены, въ католическихъ училищахъ преподаваніе происходило порусски, а такъ какъ естественно предположить, что власти назначали и въ такія школы учителей изъ поляковъ или же іезуитскихъ воспитанниковъ изъ русскихъ, то понятно, что отсюда исходилъ русскій языкъ со всевозможными полонизмами и распространялся въ населеніи. Вообще вліяніе польскаго языка сильно отражается на всехъ русскихъ печатныхъ произведеніяхъ означеннаго времени.

Для наглядности достаточно сравнить древнѣйшую русскую письменность съ западно-русскими печатными памятниками XVI вѣка, чтобы убѣдиться, что

первая, сохраняя характер нашего церковно-славянскаго языка, ближе къ современной русской литературѣ, чѣмъ вторая.

Вообще читатель найдетъ въ интересной книгѣ г. Харламповича много любопытныхъ и знаменательныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ (кромѣ печатныхъ источниковъ) изъ архивныхъ дѣлъ и древнихъ актовъ. Положивъ немало труда на составленіе этого сочиненія, уважаемый авторъ внесъ въ науку вкладъ большого значенія. Для будущаго историка просвѣщенія русскаго народа во всемъ его объемѣ, съ его нарѣчіями и поднарѣчіями, книга г. Харламповича послужитъ, по нашему мнѣнію, цѣннымъ источникомъ.

И. Любарскій.

Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 1898.

Книга г. Слонимскаго составила изъ многочисленныхъ статей его, появившихся въ свое время (1896—1897 гг.) на страницахъ «Вѣстника Европы», нынѣ нѣсколько переработанныхъ и дополненныхъ значительнымъ количествомъ литературно-біографическихъ ссылокъ и существенныхъ примѣчаній, касающихся иногда чрезвычайно важныхъ вопросовъ. Три заключательныхъ главы въ отдѣльномъ изданіи написаны заново и появляются нынѣ впервые; кромѣ того, авторъ, въ интересахъ русскихъ читателей, счелъ нужнымъ приложить и знаменитое въ своемъ родѣ «Письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи». Статьи г. Слонимскаго въ періодъ своего появленія въ журналѣ г. Стасюлевича обратили на себя серьезное вниманіе нѣмецкой печати и были изданы въ переводѣ отдѣльнымъ изданіемъ, хотя и съ нѣкоторыми перемѣнами и сокращеніями въ текстѣ.

Отдѣльное изданіе труда г. Слонимскаго у насъ имѣетъ большое значеніе въ настоящее время, когда ученіе Маркса возводится его русскими доморощенными почитателями въ непогрѣшимое исповѣданіе вѣры, обязательное для всякаго мыслящаго интеллигента, причемъ, однако, это самое ученіе не излагается во всей полнотѣ и точности, а преподается читателямъ, какъ нѣчто общезвѣстное и всѣми крѣпко усвоенное. Правда, нынѣ въ нашей литературѣ «Капиталъ» Маркса во всѣхъ его трехъ томахъ имѣется уже въ переводѣ, но такъ какъ это сочиненіе чрезвычайно обширное, спеціальное и малодоступное широкому кругу читателей, то волею-неволею эти читатели судятъ о знаменитомъ нѣмецкомъ экономистѣ, главнымъ образомъ, по категорическимъ утвержденіямъ его учениковъ, ихъ толкованіямъ и выводамъ. Въ нашей литературѣ новѣйшаго времени, до работы г. Слонимскаго, не было обстоятельнаго изложенія труда ученаго экономиста, съ критическимъ анализомъ и выясненіемъ его общаго значенія и роли, какъ въ рядахъ прочей литературы, посвященной политической экономіи, такъ и въ примѣненіи къ реальнымъ явленіямъ европейской жизни. Попытка такого выясненія и такого анализа, и притомъ въ довольно широкихъ предѣлахъ, нынѣ сдѣлана именно публицистомъ «Вѣстника Европы», и съ этой стороны она заслуживаетъ серьезнаго вниманія нашей публики. Весьма возможно, спеціальная литература и присяжные экономисты кое въ чемъ не

согласятся съ г. Слонимскимъ, найдутъ его отношеніе къ нѣмецкому ученому слишкомъ суровымъ, можетъ быть, это и случится, и не надо будетъ удивляться, если наша журналистика обогатится не одной статьею полемическаго свойства, ведущую свое происхожденіе отъ книги рецензируемаго нами автора. Вопросы политической экономіи, такъ тѣсно связанные со всѣмъ обиходомъ нашей жизни, вопросы чрезвычайно сложные, жгучіе, такъ что естественно, что около нихъ группируются столь разнообразныя современныя общественныя группы, хотя и преслѣдующія общія конечныя цѣли, но рѣзко расходящіяся въ средствахъ осуществленія этихъ цѣлей. Нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторыя изъ полемикъ, коихъ мы будемъ свидѣтелями, не обнаружатъ особенной деликатности и сдержанности—такова ужъ общая судьба нашихъ литературныхъ споровъ, и это врядъ ли кого удивитъ. Важно то, что г. Слонимскій, не задѣвая, или задѣвая очень слабо вопросы дня, оставилъ свою книгу солиднымъ научнымъ антуражемъ и съ почвы публицистической совокъ «русскій марксизмъ» на почву научную, на почву серьезнаго объективнаго обследованія. Заключительное резюме автора не въ пользу разсматриваемаго имъ нѣмецкаго ученаго и, не отказывая ему въ большомъ умѣ, яркомъ талантѣ и оригинальности, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подводитъ довольно-таки печальные итоги его дѣятельности. «Философско-историческія идеи Маркса, при всей своей неясности и неопредѣленности, обладаютъ несомнѣнною притягательною силою. Различныя, послѣдовательно проходимыя фазисы развитія, временный историческій характеръ капитализма, неизбежныя переходы отъ одной формы хозяйства къ другой,—все это дѣйствуетъ успокоительно на умъ читателя, позволяетъ смотрѣть равнодушно на современныя бѣдствія человѣчества и направляетъ мысль въ область заманчивыхъ самообольщеній и иллюзій. Но порядокъ вещей, принимаемый за временную стадію развитія или «эволюціи», можетъ продолжаться цѣлыя вѣка или даже тысячелѣтія. Переменчивость, историчность явленій не исключаетъ упорнаго повторенія ихъ въ различныя и весьма отдаленныя между собою эпохи; часто мѣняются только формы, но сущность остается. Нынѣшнее право собственности было точно формулировано еще римскими юристами; всѣ основныя начала нашего современнаго имущественнаго или гражданскаго права, образующаго, по Марксу, продуктъ хозяйственныхъ отношеній, надстройку экономическаго быта,—унаслѣдованы нами отъ древняго Рима и сохранены съ тѣхъ поръ въ неизмѣненности, вопреки всѣмъ экономическимъ и социальнымъ переменамъ, какъ бы насмѣхаясь надъ идеями Маркса. Если мы скажемъ, что господство римскаго права, опредѣляющаго частныя имущественныя отношенія, характеризуетъ извѣстную историческую стадію развитія, то это еще нисколько не облегчаетъ намъ пониманія прошлаго и настоящаго и не даетъ намъ никакихъ утѣшительныхъ указаній относительно будущаго. Пройдетъ ли эра капитализма черезъ пять сотъ лѣтъ, какъ полагалъ Родбертусъ, или она окончится немедленно, какъ предсказывалъ Марксъ, теченіе цѣлаго полувѣка,—это безразлично для отвлеченной исторіи, но чрезвычайно существенно для дѣйствительной жизни народовъ; самые народы могутъ погибнуть въ ожиданіи будущей стадіи развитія, удовлетворяющей наивныхъ доктринеровъ. Наконецъ, и дальнѣйшая стадія эволюціи явится съ тѣмъ же преходящимъ, временно

историческимъ характеромъ, какъ и предшествовавшіе фазисы развитія; она принесетъ съ собою новые элементы разложенія и опять отброситъ въ сторону идеалы высшей правды, чтобы доставить торжество, быть можетъ, еще худшимъ началамъ общественнаго строя, чѣмъ нынѣшнія. Все исторично, и хорошее, и дурное, и пока поклонники Маркса радуются этой историчности и борются на этой почвѣ противъ абстрактнаго капитализма, они незамѣтно для самихъ себя подканываются и подъ свои собственные «историчные» идеалы. А тѣмъ временемъ реальный капитализмъ извращается въ безпутное хищничество, не щадящее ни земли, ни народа; реальныя народныя массы бѣдствуютъ подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условий, отчасти вопиющаго устранимыхъ; и борьба съ реальнымъ экономическимъ зломъ все болѣе уходитъ на задній планъ, подъ влияніемъ напрасной погони за призраками».

Таковы заключительные итоги разсужденій г. Слонимскаго, которыя, безъ сомнѣнія, вызовутъ противъ него бурю негодованія русскихъ публицистовъ марксистскаго направленія, имѣющихъ обыкновеніе пользоваться догматами великаго нѣмецкаго учителя для широкихъ и грозныхъ пророчествъ касательно грядущихъ судебъ нашего отечества. Вотъ въ этихъ-то видахъ, дабы хоть нѣсколько успокоить читателей въ послѣднемъ отношеніи, г. Слонимскій и прилагаетъ письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи, изъ коего далеко не усматривается та категоричность утвержденій, которая такъ рѣзко бросается въ глаза при чтеніи русскихъ работъ, претендующихъ на популяризацию догматовъ великаго учителя.

В. Гл.

О писательствѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898.

Послѣ книги «Думы о счастьѣ» г. Меньшиковъ выпустилъ новую книгу «О писательствѣ», трактующую о «литературѣ и писателяхъ», о «литературномъ безсиліи», «о чтеніи», «о талантѣ и честности», «о литературѣ будущаго», «о критикѣ» и т. д. По мнѣнію автора, безсиліе современной литературы въ дѣлѣ культурнаго перерожденія общества объясняется природою натуралистическаго романа, какъ господствующей въ литературѣ формы. «Фалусовы, Молчалины, Титъ Титычи, Карамазовы, Лудушки—все это герон, которымъ ни подражать, ни поклоняться не тянетъ... Эти тины грязнятъ ваше представленіе о жизни; невольно свыкаешься съ уродами, теряешь вѣру въ возможность лучшихъ—не только идеальныхъ, но даже просто хорошихъ людей. Привыкнувъ къ дурной средѣ, какъ къ нормальной, невольно начинаешь къ ней приспособляться. Таково нравственное внушеніе натуралистической школы». Эгого отзывъ о реальной школѣ, разумѣется, ошибоченъ. Она, по мнѣнію г. Меньшикова, не можетъ благотворно вліять на читателя, потому что полна отрицательныхъ типовъ и ничего не имѣетъ общаго съ идеалистической литературой, которая есть проявленіе совѣсти человѣка, а не воспроизведеніе голаго факга. Г. Меньшиковъ въ этомъ случаѣ забываетъ, что мы пробуждаемъ совѣсть людей именно фактами... Для дальнѣйшаго движенія общества, по мнѣнію г. Меньшикова, реальный романъ устарѣлъ, а нужна для этой цѣли пророческая литература. Онъ вѣритъ, что мы живемъ наканунѣ художественнаго пророчества—

вышей миссии писателя. Здѣсь, разумѣется, г. Меньшиковъ правъ. «Лучшіе изъ писателей, говоритъ онъ, охотно называли себя пророками; вспомните пушкинскаго или лермонтовскаго «Пророка» --оба они написаны, какъ Седо поэзіи». Современнымъ художникамъ подняться на степень проповѣдническаго романа, съ художественно-обработанными типами, по мнѣнію г. Меньшикова, мѣшаетъ хаосъ и анархія въ современной культурѣ. «Основное условіе для проявленія величія человѣческаго духа (въ литературѣ или иной области)-- это сосредоточеніе народной души въ формѣ какой нибудь, хотя и бѣдной, но опредѣленной культуры». Мы живемъ среди развалинъ крѣпостной культуры. «Въ нашей цивилизаци, въ нашемъ бурномъ прогрессѣ, недостаетъ культуры, установившихся нормъ, своей религіи, въ которой духъ человечества могъ бы сосредоточиться. Стремительный прогрессъ наукъ внесъ анархію въ область духа, растлилъ народную душу, разсыпалъ складывавшуюся вѣками народную психологію. Въ цивилизованномъ обществѣ, при неисчерпаемыхъ приобрѣтеніяхъ духа, нѣтъ того, что «единое на потребу»: успокоенія, самочувствія силы и здоровья, которое является только въ уравновѣшенномъ и строго-организованномъ тѣлѣ. Вотъ это-то уравновѣшеніе, организація духа и есть величайшая изъ потребностей нашего времени». Такимъ образомъ безсиліе литературы обусловлено отсутствіемъ устоявшихся типовъ въ жизни и безпочвенностью для пророческаго творчества писателей. «Пока не сложится сколько нибудь прочно новый гражданскій бытъ, новые нравы и вѣрованія, пока не образуется новое сосредоточеніе духа --великіе художники едва ли явятся. Даже на несомнѣнныхъ талантахъ будетъ лежать печать безсилія и уныадка. Только великое общество, великая культура, могутъ дать великую литературу. Чтобы быть великимъ, общество должно поставить себѣ великія цѣли. Оно должно усмотрѣть въ жизни не безконечное множество задачекъ, а одну, въ данное время величайшую задачу, которую и слѣдуетъ взять для направленія своей дѣятельности. Вся тайна человѣческаго величія--искреннее служеніе не маленькимъ, не среднимъ, а именно самымъ великимъ по данному времени интересамъ. Литература должна угадать эти интересы въ то время, когда они еще скрываются въ хаосѣ, и указать ихъ обществу. Существовали эпохи героическія--безконечныхъ войнъ за національность или народную честь; литература пользовалась благороднѣйшими элементами героизма: явились великія поэмы Гомера, Аріоста, Камюэнса, трагедіи Шекспира, драмы Корнеля. Эпоха религіозная выдвигаетъ Данте и Мильтона, этихъ «отцовъ церкви» католической поэзіи. Въ моменты, когда жизнь общества ветшала, переполнялась отжившими формами, величайшій интересъ времени состоялъ въ разрушеніи этихъ формъ, и литература выдвигала рядъ сатириковъ, отъ Сервантеса до Гоголя и Щедрина. Изъ множества интересовъ нашего времени необходимо найти самый возвышенный и важный, -- ту основную мысль, которая могла бы служить именовъ для готовой сложиться культуры. И эта мысль уже носится въ воздухѣ, уже озаряетъ отдѣльные умы». Надо думать, что г. Меньшиковъ здѣсь говоритъ о возрожденіи христіанства, какъ основной мысли пророческаго искусства. Во славу новаго культа писатели сложатъ гимны борьбѣ со зломъ не учрежденіями съ ихъ принудительными силами, столь дороги стоящими; но

простымъ людямъ, умѣющимъ бороться съ грѣхами и зломъ единственно братскими силами, семейнымъ вліяніемъ, сознаниемъ собственной передъ Богомъ грѣховности и милосердіемъ къ ближнему.

«Въ Думахъ о счастьѣ» г. Меньшиковъ подробно развиваетъ этотъ «верховный интересъ» времени, при помощи котораго наша литература можетъ сдѣлаться законодательной и пророческой, какъ была для древняго читателя «Иліада», для средневѣковаго — «Божественная комедія», для реформаторовъ — Библия. Говоря столь возвышенно о будущности русской литературы и ссылаясь на священное преданіе о томъ, что словомъ сотворенъ міръ и слову же принадлежитъ устроеніе міра во всѣ вѣка, г. Меньшиковъ не ослѣпленъ въ то же время этимъ величіемъ и энергичнымъ образомъ обнаруживаетъ темныя стороны современной литературы, какъ европейской, такъ и русской, приводя изумительные примѣры шантажа, рекламы и продажности ея. До чего доходитъ журнальное мошенничество въ Европѣ, свидѣтельствуютъ два изданія «La France Commerciale» и «L'Union Sociale». Оба близко походили другъ на друга по программѣ и содержанію, съ тою лишь разницею, что это были смертельные враги и держались абсолютно противоположныхъ мнѣній. Стоило редактору одной газеты, Дюшателю, сказать «да», чтобы редакторъ другой, Дюмонъ, ожесточенно провозгласилъ «нѣтъ». Газеты держались отдѣльныхъ промышленныхъ округовъ и искусно сѣяли раздоры между ними. Дюшатель отстаивалъ одинъ округъ, Дюмонъ — другой; полемика между ними отличалась крайней страстностью и переходила въ личныя оскорбленія и ругательства. Наконецъ, Дюшатель въ своей газетѣ обозвалъ Дюмона литературнымъ мерзавцемъ и пригласилъ къ барьеру, обѣщая, въ случаѣ отказа, надавать ему пощечины при первой встрѣчѣ. Но такъ какъ оба редактора усленно вымогали субсидіи съ отстаиваемыхъ промышленныхъ округовъ, то тутъ случился какой-то грѣхъ, заинтересовавшій и прокурорскій надзоръ. Возникло дѣло, и тутъ обнаружилось, что г. Дюшатель, редакторъ «La France Commerciale», и г. Дюмонъ, руководитель «L'Union Sociale», — одно и то же лицо; что онъ единолично основалъ обѣ газеты и въ одной распинался за то, что въ другой горячо опровергалъ; что не кого иного, а самого себя онъ ругалъ литературнымъ мерзавцемъ и самого себя же вызвалъ на дуэль, все съ нехитрой цѣлью брать субсидіи какъ съ одного промышленнаго округа, такъ и съ другого.

Таковы нравы французской печати. У себя дома мы тоже не безъ грѣха... «Въ началѣ 90-хъ годовъ петербургскій градоначальникъ привлекалъ къ отвѣтственности шестнадцать репортеровъ четырехъ столичныхъ газетъ за вѣточничество съ содержателями разныхъ увеселительныхъ заведеній. Съ репортеровъ была взята подписка въ томъ, что впредь они вымогать за свои рецензіи не будутъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, явилась необходимость въ особомъ циркулярѣ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ циркулярѣ говорилось, что, «все чаще и чаще стали появляться разныя статьи и замѣтки, которыя, подъ видомъ критической оцѣнки игры артистовъ, наполняются почти исключительно всевозможными инсинуаціями противъ личностей артистовъ и доходить даже до вторженія въ ихъ частную жизнь». Въ заключеніе слѣдуетъ сказать о г. Меньшиковѣ, что, приглашая интеллигенцію воздерживаться «цен-

тровъ», и, такъ сказать, «онародиться» въ деревняхъ и глухихъ провинціяхъ, онъ въ то же время возлагаетъ на нее обязанность бытъ выше толпы и править ею не насильемъ, конечно, а «очарованіемъ духовнаго превосходства и красотой разума». Онъ называетъ ее «аристократіей духа» и т. д. Съ своей стороны, мы должны замѣтить, что, разумѣется, «аристократія духа» есть украшеніе человѣчества во всякой глуши, но еще болѣе она необходима въ центрахъ нашей соціальной и политической жизни. Не раздѣляя взглядовъ г. Меньшикова на необходимость для лучшей интеллигенціи прежде всего «вселиться въ крестьянство», а не въ государство для будущихъ реформъ, мы полагаемъ, что было бы ужасно для прогресса, если бы государственная работа очутилась въ рукахъ худшихъ, а лучшіе («аристократія духа») занялись бы крестьянскимъ трудомъ съ цѣлью оживотворить христіанскимъ духомъ народныя массы. Разумѣется, мы возражаемъ автору чисто съ практической точки зрѣнія, а не съ принципиальной. Охотно въ теоріи присоединяемся къ г. Меньшикову, когда онъ говоритъ о поднятій толпы до христіанскаго пониманія жизни, но въ то же время сознаешь, что эта толпа на практикѣ нигде не поднимается, а сама ждетъ отъ руководящихъ классовъ примѣра дѣятельной любви въ интересахъ народныхъ массъ.

А. Фаресовъ.

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—1871 г. Дополненія: Коммуна. Исторія третей республики до окончательнаго утвержденія ея въ 1879 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ ред. П. В. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897.

Четвертый томъ исторіи Франціи, излагающій событія, которыми были свидѣтелями нынѣшніе 50-лѣтніе люди, и которыя переживалъ самъ авторъ, будучи уже вполне зрѣлымъ человѣкомъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо интереснѣе предыдущихъ; скажемъ слѣдующее: это одна изъ самыхъ интересныхъ, самыхъ волнующихъ читателей книгъ, какія только могутъ быть на свѣтѣ. Наблюдая прозаически тихое и ровное настоящее, люди часто жалуются на томительную скуку и однообразіе нашей высоко-цивилизованной жизни и чуть не весь XIX вѣкъ (за исключеніемъ полутора первыхъ десятилѣтій) обвиняютъ въ недостаткѣ драматическихъ моментовъ, романтическихъ эпизодовъ. Чтобы убѣдиться въ невѣрности такого взгляда, достаточно вспомнить франко-прусскую войну и послѣдующія за ней событія, въ которыхъ столько поэтическаго, столько страннаго, почти чудеснаго, что если бы внослѣдствіи по какой либо случайности исчезли все современные документы, все газеты того времени, и только остались пять-шесть такихъ общихъ обзоровъ, какъ книга Грегуара, наши потомки имѣли бы полное право принять эти рассказы за нѣчто въ родѣ персидской «Книги царей», гдѣ нѣсколько крупнѣе исторической правды покрыты цѣлымъ садомъ поэзіи. Даже теперь съ трудомъ вѣришь, что все это дѣйствительно происходило на нашихъ глазахъ, и у насъ до одуренія не закружились головы! Въ нѣсколько недѣль лучшая въ мірѣ, непобѣдимая армія

обращается въ толпу ободранныхъ, безоружныхъ вѣщихъ, которыхъ полицейскіе эскортируютъ по кутузкамъ; въ нѣсколько часовъ безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ капли крови падаетъ самая могущественная имперія и въ моментъ отчаянной борьбы съ непріателемъ, когда наиболѣе свободолюбивые народы учреждаютъ у себя диктатуры, смѣняется демократической республикой! А эта невозможная война побѣжденнаго народа съ побѣдоносной арміей; эта фантастическая осада Парижа съ воздушными шарами, на которыхъ летаютъ члены правительства, съ голубиными циркулярами и рапортами! А этотъ небывалый героизмъ правителей, которые одновременно борются и съ вѣншимъ въ сто разъ сильнѣйшимъ врагомъ, и съ ежедневными возстаніями, которые насильно удерживаютъ свои позиціи, ни для кого, ни въ какомъ отношеніи не лестныя! Изъ-за этихъ героевъ мы должны бы забыть всѣхъ Леонидовъ,Themistoclovъ и Муціевъ, еслибъ потомъ герой не оказывался самыми обыкновенными людьми съ мелкими страстями и самолюбіями (въ чемъ, конечно, и римскіе Муціи были не лучше ихъ). Не странно ли, что во французской средней школѣ учитель заставляетъ учениковъ восхищаться, какъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, доблестью сенаторовъ, которые благодарили побѣжденнаго консула за то, что онъ «не отчаялся въ спасеніи республики», когда донельзя расчетливые и практичные отцы учениковъ такъ довольны своимъ совершенно безплоднымъ сопротивленіемъ, стоившимъ сотни тысячъ жизней и миллиарды денегъ, но возстановившимъ честь націи, предметъ, который не имѣетъ никакой рыночной цѣны?

А каннибальская междоусобная война въ виду злорадствующаго непріателя—нѣчто безпримѣрно ужасное, но глубоко поучительное. А быстрое возрожденіе растерзанной, можно сказать, уничтоженной націи только потому не кажется намъ невѣроятнымъ чудомъ, что оно произошло на нашихъ глазахъ, и что *post factum* легко находить объясненія.

Не трудно о такихъ событіяхъ написать интересную книгу, но невозможно требовать, чтобы человѣкъ, переживавшій ихъ, могъ отнестись къ нимъ съ научной объективностью, посмотрѣть на нихъ съ птичьяго полета. Какъ наблюдательный и талантливый современникъ, пересказываетъ ихъ и Грегуаръ, невольно выдающій иногда въ тонъ популярнаго оратора. Вотъ, напр., какими характерными словами заканчиваетъ онъ главу 11-ю, гдѣ изложена седанская катастрофа и ея послѣдствія (248—249):

«Таковъ былъ конецъ имперіи, навшей подъ тяжестью своихъ военныхъ и политическихъ ошибокъ; но, надавая, она увлекла въ свое грустное паденіе и Францію; это было третье нашествіе, которое несчастная страна терпѣла со времени появленія на ея горизонтѣ Наполеоновъ; оно оказалось самымъ ужаснымъ и самымъ разорительнымъ, и Франціи пришлось жестоко искупать свое ослѣпленіе и свою слабость въ 1848 и въ 1852 гг. и свои восемнадцать лѣтъ рабства. Каковы бы ни были ошибки дѣятелей 4-го сентября, они заслужили благодарность Франціи за свою рѣшимость продолжать войну, они спасли ея честь и внушили симпатію и сочувствіе къ ней во всей Европѣ».

Переводъ этого тома также безукоризненъ. Но нельзя не пожалѣть, что переводчикъ не потрудился составить указатель.

А. К.

А. Д. Ерицовъ. Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V-й, кн. М. С. Воронцовъ и кн. Елис. Ксавер. Воронцова въ ихъ частной перепискѣ. Съ тремя портретами и приложеніями. Тифлисъ. 1898.

Нерсесъ V-й, патріархъ всѣхъ армянъ съ 1843 по 1857 г., оставилъ по себѣ хорошую память у своихъ соотечественниковъ: его патріаршество было цвѣтущимъ періодомъ въ жизни армянскаго народа. Умный и энергичный Нерсесъ V соединялъ въ себѣ качества, необходимыя для патріарха, служащаго интересамъ своего народа и русской власти. Лучшее время его патріаршества падаетъ на годы управленія Кавказскимъ краемъ князя Мих. Сем. Воронцова. Знакомство намѣтника съ патріархомъ началось въ 1813 году; тогда Воронцову было всего лишь 21 годъ, и онъ состоялъ адъютантомъ при главнокомандующемъ кн. П. Д. Циціановѣ, а Нерсесъ, въ то время 32-лѣтній армянскій архимандритъ, прибылъ посломъ отъ эриванскаго хана. Дружественныя отношенія продолжались и во время ихъ совмѣстнаго служенія въ юго-западномъ краѣ, гдѣ Воронцовъ былъ намѣстникомъ Бессарабіи, а Нерсесъ былъ епархіальнымъ начальникомъ. Когда въ 1845 г. Нерсесъ, утвержденный патріархомъ, ѣхалъ въ Эчміадзинъ, онъ получилъ вѣсть о назначеніи Воронцова намѣстникомъ Кавказскаго края, и съ этого времени, въ силу служебныхъ обстоятельствъ ихъ отношенія становятся оживленнѣе, переписка — чаще. Кончается она со смертію Воронцова.

Г. Ерицовъ напечаталъ въ своей книжкѣ эту переписку по даннымъ Эчміадзинскаго архіепа, сдѣлавъ необходимыя объяснительныя примѣчанія. Изданныя имъ письма не проливаютъ свѣта на исторію русскаго владычества на Кавказѣ, въ нихъ вы напрасно стали бы искать свѣдѣній о государственныхъ соображеніяхъ Воронцова, о видахъ патріарха. Переписка въ цѣломъ оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ будто перебрасываются письмами очень хорошо знакомыя, частныя лица, не состояція ни у какихъ важныхъ дѣлъ, какъ будто Воронцовъ и Нерсесъ сговорились ни однимъ словомъ не касаться политическихъ событій. По однимъ этимъ письмамъ судить объ истинномъ характерѣ отношеній, связывавшихъ намѣтника съ патріархомъ, было бы очень рискованно. Письма почти сплошь написаны съ обычными официальными любезностями, сожалѣніями о невозможности видѣться, восторгами по поводу предполагаемаго свиданія. Все время корреспонденты обмѣниваются услугами, пересылаютъ другу подарки. Всякое письмо наполнено изысканными увѣреніями въ дружбѣ. По письмамъ, Воронцовъ окажется, пожалуй, подъ сильнымъ вліяніемъ патріарха, а такое представленіе о князѣ врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности, насколько можно возстановить ее по рассказамъ и запискамъ современниковъ. М. С. Воронцовъ былъ типичнѣйшимъ дипломатомъ, скрывающимъ свои намѣренія, говорящимъ одно и дѣлающимъ другое.

Матеріалы, изданные г. Ерицовымъ, ничего не прибавляя къ характеристикѣ Воронцова, даютъ нѣсколько новыхъ чертъ личности армянскаго патріарха. Между прочимъ, говоря о его воздержности, г. Ерицовъ приводитъ въ выпискѣ ручную тетрадь ежедневнаго расхода на покушку провизіи для патріаршатаго стола, въ Тифлисѣ, съ 16 іюля по 31 августа 1849 года. Изъ нея вы

почерпнете свѣдѣнія о томъ, «что за это время куплено на базарѣ сухарей на 5 рубл. 50 коп., крупы на 1 рубль 25 коп., говядины и баранины на 15 рубл. 57 коп., щиплять на 9 рубл. 74 коп., молока на 8 руб. 43 коп. и т. д. (списокъ провизіи занимаетъ 1½ стр.)». Не понимаемъ, какой интересъ и значеніе могутъ имѣть эти данныя! Стоило ли ихъ приводить въ доказательство никѣмъ неоспариваемой истины о воздержности Персеса. Извѣстный интересъ въ книжкѣ г. Ерицова могутъ представить свѣдѣнія о приѣмѣ императора Александра II во время его путешествія по Закавказью.

Вотъ все содержаніе произведенія г. Ерицова, но мы были бы несправы, если бы не упомянули о приложеніяхъ, занимающихъ 70 стр. изъ 170. Въ нихъ собраны извлеченные изъ архивовъ кавказской археографической комиссіи высочайшіе рескрипты, грамоты, донесенія, письма генераловъ и патріарховъ и тому подобныя документы, рисующіе дѣятельность армянъ во славу русскаго оружія (любопытныя свѣдѣнія объ армянскомъ ополченіи) и отношенія къ нимъ русскихъ властей. Въ виду того значенія, которое пріобрѣтаетъ теперь армянскій вопросъ, эти данныя, собранныя въ одну картину, имѣютъ несомнѣнный интересъ, если, конечно, предварительно согласиться въ томъ, что уроки прошлаго не должны игнорироваться въ настоящемъ. Во всякомъ случаѣ публицистика, черпающая въ армянскомъ вопросѣ матеріалъ, большею частью, изъ лпчныхъ впечатлѣній, обязана познакомиться съ книгой г. Ерицова.

Изъ документовъ, помѣщенныхъ здѣсь, наше вниманіе остановилъ рескриптъ Александра I, «не достаточно извѣстный русской публикѣ, но въ высшей степени характеризующій благороднѣйшія качества сираведливой души высокогуманнаго императора Александра I». Въ этомъ рескриптѣ отъ 26 сент. 1801 г. рѣчь идетъ объ утвержденіи патріархомъ Давида. Дѣло въ томъ, что вопреки народнымъ чувствамъ, вопреки желанію турецкаго правительства, утверждавшаго тогда армянскихъ патріарховъ, вмѣсто законно-избраннаго Давида получилъ миропомазаніе грузинъ Давидъ. Только благодаря настойчивымъ требованіямъ нашего посланника, одержавшаго блестящую дипломатическую побѣду надъ турецкими министрами, могъ Давидъ сохранить за собой кафедру. И вотъ Александръ, узнавшій изъ прошенія армянскихъ патріотовъ объ истинномъ положеніи дѣлъ, рѣшилъ отказаться отъ результатовъ нашихъ дипломатическихъ усилій. Въ своемъ рескриптѣ къ послу государь пишетъ: «Народъ армянскій... призываетъ на престолъ Давида, и прошенія армянъ... единогласно утверждаютъ это избраніе. Уваженія сіи въ правилахъ моихъ столько представляются мнѣ сильны, что не могу я колебаться отступить отъ той поверхности, которую надъ расположеніемъ турецкаго министерства званіемъ и дѣятельностію вашею въ семь дѣлъ вы снискали; и хотя по послѣднимъ вашимъ реляціямъ утвержденіе Давида на патріаршескомъ престолѣ должно считать совершенно оконченнымъ, то сколько бы право перевѣса въ выборѣ армянскихъ патріарховъ, утвержденіемъ симъ одержанное, ни казалось для Россіи выгоднымъ, я лучше хочу на сей разъ имъ пожертвовать, нежели пренебречь гласъ народный и прикоснуться къ нарушенію сираведливости, выше всего мною чтимой». Эти строки прекрасно иллюстрируютъ настроеніе императора Александра въ первые годы его царствованія.

Къ книжкѣ г. Ерицова приложены фототипическіе портреты патріарха Нерсеса, кн. М. С. Воронцова и кн. Е. К. Воронцовой. Щ.

Четырехсотлѣтіе російскаго государственнаго герба. Е. Н. Воронца. Харьковъ. 1898.

По случаю исполнившагося въ 1897 г. четырехсотлѣтія со времени перваго нормальнаго проявленія русскаго государственнаго герба (1497 г.), г. Воронецъ издалъ брошюру, въ которой подробно рассказываетъ исторію этого герба, едва ли многимъ извѣстную.

Русскій государственный гербъ образовался путемъ историческимъ и наслѣдственнымъ. Исторія его тѣсно связана съ исторіей печатей московскихъ государей. На печатяхъ и монетахъ удѣльныхъ и московскихъ князей найдутся разнообразныя изображенія, преимущественно же лики соименныхъ имъ святыхъ; но на серебряныхъ монетахъ Дмитрія Донскаго появляется уже скачущій всадникъ съ мечомъ, изображающійся на гербахъ и монетахъ и послѣдующихъ князей московскихъ. Однообразная же форма герба установилась послѣ брака Іоанна III съ греческой царевной Софіей Ѳоминичной Палеологъ, послѣдней представительницей послѣдняго императорскаго рода Византіи. Бракъ этотъ, послѣ паденія Царьграда, получилъ значеніе какъ бы передачи наслѣдственныхъ правъ императоровъ Греціи русскому царскому роду и, вмѣстѣ съ царевной Софіей, воплотилъ Византію въ юной, окрѣпшей Руси. Вслѣдствіе этого, Іоаннъ III принялъ символическій гербъ Византійской имперіи, какъ видимый, внѣшній знакъ новыхъ правовыхъ отношеній Руси къ Греціи и Константинополю. Этотъ гербъ изображалъ двуглаваго орла, какъ символъ двухъ главъ міра: Рима и Царьграда; одна голова была обращена на востокъ, другая на западъ.

Идея сліянія историческихъ задачъ Византіи съ задачами Руси въ символическомъ государственномъ гербѣ впервые проявлена на изображеніи печати Іоанна III, въ 1497 году. Печать эта двухсторонняя. На одной сторонѣ ея скачущій, крылатый всадникъ, который поражаетъ копьемъ змѣя, а на другой двуглавый орелъ съ опущенными, распластанными крыльями и короной на каждой главѣ.

Такъ образовался русскій государственный гербъ, въ существенно основныхъ своихъ элементахъ оставшійся отъ 1497 года донинѣ неизмѣннымъ. Бывавшія же въ этомъ гербѣ частныя, временныя дополненія касались, большею частью, различныхъ комбинацій двухъ неизмѣнныхъ основныхъ элементовъ, орла и всадника, и проявлялись въ присоединеніи къ двуглавному орлу различныхъ эмблемъ и гербовъ областей и губерній. Важнѣйшимъ изъ такихъ частныхъ видоизмѣненій было соединеніе въ гербѣ въ одно изображеніе обѣихъ составныхъ частей его, орла и всадника; именно всадникъ перенесенъ на грудь орла. Затѣмъ, вокругъ орла стали изображать гербы главнѣйшихъ областей, присоединенныхъ къ Московскому государству. Изъ многихъ частныхъ и мелкихъ видоизмѣненій и дополненій русскаго государственнаго герба можно указать, напримѣръ, на то, что до 1625 года коронъ надъ орломъ было только двѣ, и между головами орла

и двумя коронами изображался, начинавшийся отъ шеи орла, шестиконечный крестъ съ сіяніемъ, какъ символъ православія, введенный царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ, а съ 1625 повелѣно замѣнить крестъ изображеніемъ третьей, большой короной надъ двумя меньшими. При царѣ Василіи Іоанновичѣ главы орла стали изображаться съ открытыми клювами и выдающимися изъ нихъ языками. Со временъ царя Михаила Θεодоровича въ лапы орла даны скипетръ и держава, а крылья его стали изображаться поднятыми, а не опущенными. Съ учрежденіемъ въ 1699 году ордена св. Андрея Первозваннаго, гербъ московскій на груди орла стали окружать цѣпью ордена св. Андрея. Всадника, изображавшагося съ обнаженной головой, изображали то въ шишакѣ, то въ княжескомъ вѣнцѣ, а обращенъ онъ былъ то въ правую, то въ лѣвую сторону.

Учрежденною Петромъ Великимъ особою геральдическою комиссіей, окончившей свои изслѣдованія уже при Петрѣ II, установлено признать во всадникѣ древняго московскаго герба изображеніе св. Георгія Побѣдоносца. Въ 1728 году, 10 іюня, высочайшимъ указомъ изъ верховнаго тайнаго совѣта присланъ былъ въ военную коллегію высочайше утвержденный рисунокъ государственнаго герба, при слѣдующемъ описаніи: «Гербъ государственный по старому двуглавый, черный орелъ, на главахъ короны, а на верху по срединѣ большая императорская корона золотая: въ срединѣ того орла Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змѣя, зпача и конь желтый, вѣнецъ желтый же, змѣй черный, поле кругомъ бѣлое, а по срединѣ крестъ».

Наконецъ, въ 1857 году, былъ образованъ особый комитетъ, которому поручено установить изображеніе русскаго государственнаго герба, сообразно съ перемѣнами, происшедшими въ русской жизни, и составить твердые правила о томъ, когда употреблять государственную печать въ различныхъ ея видахъ. Составленный комитетомъ проектъ государственнаго герба былъ высочайше утвержденъ въ 1857 году. Этимъ новымъ положеніемъ о гербѣ сохранено его историческое существо, и указано только изображать его съ отличіями въ большой, средней и малой государственныхъ печатяхъ.

Въ нынѣ дѣйствующихъ основныхъ государственныхъ законахъ о священныя правахъ верховной власти, въ статьѣ 39, государственный гербъ описанъ такъ: «Россійскій государственный гербъ есть въ золотомъ щитѣ черный, двуглавый орелъ, коронованный двумя императорскими коронами, надъ которыми третья, такая же, въ большомъ видѣ, корона съ развѣвающимися лентами ордена святаго Андрея Первозваннаго. Государственный орелъ держитъ золотые скипетръ и державу. На груди орла гербъ Московскій: въ червленномъ щитѣ святой великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій на конѣ, поражающій дракона золотымъ конемъ».

Въ примѣчаніи къ упомянутой 39 статьѣ сдѣлано полное и подробное описаніе всѣхъ частныхъ государственнаго герба и тѣхъ отличій, которыя должны входить въ большой, средний и малый гербы.

Въ брошюрѣ г. Воронца заключается немало любопытныхъ подробностей, касающихся государственнаго герба и печатей, и всѣ занимающіеся не только геральдикой, но и русскою исторіей, будутъ ему благодарны за его обстоятельное изслѣдованіе.

С. III.

Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый профессоромъ А. А. Козловымъ. М. 1898.

Авторъ сборника излагаетъ въ немъ особое міросозерцаніе, которое онъ называетъ панпсихизмомъ. Главное отличіе этого міросозерцанія заключается въ томъ, что имъ не признается реальное существованіе матеріи и всѣхъ формъ, въ которыхъ она выражается, хотя, поскольку дѣло касается міра явленій или міра кажущагося и представляющагося въ пространствѣ и времени, оно согласуется съ данными естественныхъ наукъ. Къ міру же реальному въ панпсихизмѣ принадлежитъ то, что въ матеріализмѣ кажется какимъ-то несущественнымъ, случайнымъ придаткомъ, именно весь нашъ психическій міръ чувствъ, ощущеній, желаній и мыслей.

Міросозерцаніе это настолько обстоятельно выражено въ «Сборникѣ», что мы смѣло можемъ рекомендовать лицамъ, интересующимся философіею, познаться съ нимъ, и при этомъ мы убѣждены, что если бы они ни въ одномъ положеніи не согласились съ авторомъ, все-таки это знакомство было бы не бесполезно для расширенія ихъ философскаго горизонта. Въ подтвержденіе своихъ словъ сошлемся, на примѣръ, на ученіе о перевоплощеніи, вытекающее изъ основъ панпсихизма (№ 5, стр. 131—133): въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи видовъ и о наслѣдственности оно можетъ дать совершенно новыя точки зрѣнія и своеобразно освѣтитъ теоріи естественныхъ наукъ, воспользовавшись всѣми фактами, собранными въ нихъ. Въ заключеніе въ двухъ словахъ изложимъ содержаніе пяти книгъ всего изданія. 1 книга заключаетъ какъ бы введеніе и обосновку общаго міросозерцанія, 2 книга спеціально трактуетъ о понятіи бытія и устанавливаетъ реальность міра нашего «я», въ 3 и 4 книгахъ разсматриваются кажущіяся намъ неизбѣжно, по законамъ дѣятельности, формы пространства и времени, и 5—о формахъ движенія и матеріи. Кроме того, въ этой послѣдней книгѣ вкратцѣ излагается все предыдущее въ статьѣ «Мысли о нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ, преобладающихъ въ современной русской литературѣ, и объ одномъ возможномъ въ будущей».

Н. Лосскій.

Наша родина. Иллюстрированный сборникъ для простонароднаго чтанья. Составилъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898.

По своему содержанію названный сборникъ раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ излагается исторія славянъ вообще (сербовъ, болгаръ, хорватовъ, словинцевъ, словаховъ, чехо-моравовъ, поляковъ и русскихъ) отъ древнѣйшихъ временъ до паденія Галицко-русскаго княжества (1340 г.). Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ исторію Австро-Венгріи и подвластныхъ ей славянскихъ земель. Здѣсь сначала авторъ рассказываетъ объ основаніи и дальнѣйшей исторіи австрійской державы, ея народонаселеніи вообще, этнографическомъ подраздѣленіи и проч., а затѣмъ даетъ подробное историческое и этнографическое описаніе Буковинской, Галицкой и Угорской Руси отъ начала ихъ существованія. Эта послѣдняя часть цѣликомъ составлена изъ прежде изданныхъ тру-

довъ того же автора о Буковинской, Галицкой Руси (1895—1996 гг.) и выше разсмотрѣнной книги его объ Угорской Руси. Наибольшею полнотою отличается историко-этнографическое описаніе Буковинской Руси. Сборникъ снабженъ многочисленными рисунками. Къ нему также приложено 9 картъ и нѣсколько статистическихъ таблицъ. Книга эта предназначена для простолюдиновъ Прикарпатской Руси, и потому она написана языкомъ народнымъ, тѣмъ говоромъ, которымъ говорятъ тамошніе простолюдины, не знающіе (слава Богу!) навязываемой имъ сепаратистами «ученой» фонетики. «Наша родина», несомнѣнно, будетъ сердечно принята русскими простолюдинами и окажетъ немало важную услугу въ развитіи ихъ національнаго самосознанія.

Н. Рышковъ.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ II. Спб. 1898.

Второй томъ этого капитальнаго изданія, заключающій въ себѣ букву В (Бабаевъ-Богатырь), съ перечисленіемъ 3.160 авторовъ, отличается тѣмъ же достоинствами, какъ и первый, т.-е. подробными и точными свѣдѣніями какъ о писателяхъ, такъ и объ ихъ произведеніяхъ. Только такой страстный и опытный библиографъ, какъ С. А. Венгеровъ, могъ взять на себя кропотливую и неблагодарную работу просмотра и описанія десятковъ тысячъ книгъ, по всевозможнымъ спеціальностямъ, изданныхъ въ Россіи. Съ необычайнымъ терпѣніемъ и настойчивостью онъ продолжаетъ подвигать впередъ свой громадный трудъ, зная очень хорошо, что въ настоящее время онъ можетъ быть оцѣненъ только одними специалистами. Не менѣе самоотверженія выказываетъ и Г. В. Юдинъ, давая значительныя средства на изданіе, которое не можетъ имѣть распространенія въ публикѣ и едва ли когда возвратитъ затраченный на него капиталъ. Это, безспорно, большая заслуга передъ русской литературой, и можно лишь искренно желать, чтобы какая нибудь случайность не прервала столь полезный трудъ, и онъ былъ бы доведенъ до конца. С. Ш.

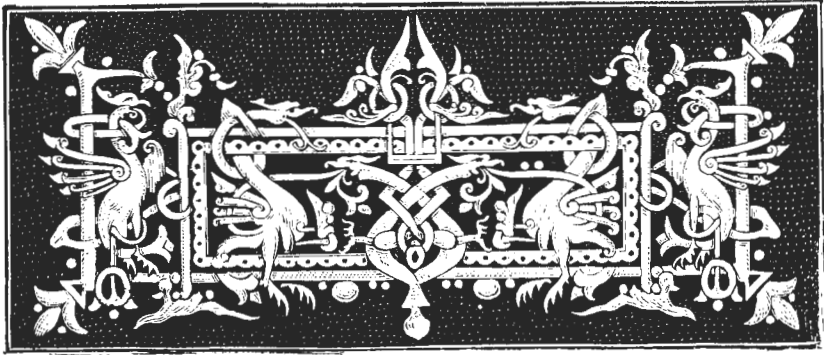
Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ французскаго. Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Французская революція служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ сложныхъ движеній XIX вѣка. Особенною содержательностью и драматизмомъ отличается исторія Италіи въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Здѣсь широко развилась національная идея, которая осложнилась борьбой либерализма съ реакціей. Поэтому весь интересъ исторіи Италіи сосредоточивается въ тѣхъ внутреннихъ движеніяхъ, которыя волновали ее. Сочиненіе Эли Сорена очень скудно освѣщаетъ

именно эту сторону. Его не интересует культурно-социальная сторона истории Италии, и онъ даетъ въ своей книжкѣ лишь внѣшнюю историю Италии, а потому читатель не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ. Итальянскіе города, сыгравшіе такую важную роль въ жизни Италии, совсѣмъ не охарактеризованы авторомъ, не выдвинута роль буржуазіи, которая въ XIX вѣкѣ вступила въ схватку съ защитниками аристократическихъ привилегій. Въ главѣ «Австрійцы въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ» авторъ не знакомитъ насъ съ организаціей карбонаріевъ, масонства, не анализируетъ программъ итальянскихъ революціонеровъ. О знаменитомъ меморандумѣ 1831 года читатель очень мало узнаетъ изъ книги Сорена (стр. 105), содержанія его нѣтъ въ ней. Мы не видимъ, какое отношеніе имѣла испанская конституція къ планамъ революціонеровъ 20-хъ годовъ, особенно неаполитанскихъ карбонаріевъ и пьемонтцевъ. Для этого, необходимо было указать на отличительныя особенности испанской конституціи. Характеристика такого замѣчательнаго человѣка, какъ Мадзини, плохо удалась автору, онъ не можетъ развернуть его идей, не знакомитъ съ программой «Молодой Европы». Вообще, Соренъ не передаетъ того настроенія, того движенія въ пользу объединенія Италии, которое началось среди ученыхъ и литераторовъ и выразилось въ цѣломъ рядѣ блестящихъ манифестовъ и политическихъ сочиненій. Авторъ совсѣмъ не замѣчаетъ громаднаго значенія неовельфизма и даже не упоминаетъ о знаменитомъ Джиоберти, который въ 1843 году привлекъ вниманіе всей Италии своимъ *Primato morale e civile degli Italiani*. Весь періодъ такъ называемаго «Воскресенія» (*Risorgimento*) авторомъ упущенъ. Наконецъ, Соренъ не останавливается на пьемонтскомъ статутѣ 1848 года: онъ только упоминаетъ о немъ; между тѣмъ, этотъ статутъ есть зерно всей нынѣшней итальянской конституціи. Даже о внутренней политикѣ Кавура, его экономическихъ преобразованіяхъ Соренъ очень недостаточно говоритъ, хотя дѣятельности Кавура отведено, сравнительно, много: изъ 359 стр. — 71 стр. (244 — 315). Социальная история Италии авторомъ оставлена безъ вниманія: мы не видимъ, каковы были крестьянскія и аграрныя отношенія, хотя въ Италиі, какъ извѣстно, уже въ началѣ XIX вѣка было обостреніе аграрнаго и рабочаго вопроса. Читатель, къ сожалѣнію, выноситъ слабое впечатлѣніе изъ описанія Сореномъ великой борьбы итальянцевъ за свободу. Характеристики довольно блѣдны у автора. Приложение къ книгѣ Сорена «Италія въ царствованіе Гумберта I» написано очень хорошо, ярко и содержательно В. В. Водовозовымъ.

К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОЛИМПІЯ ДЕ ГУЖЪ. Французскій публицистъ и историкъ Леопольдъ Лакуръ посвятилъ себя изученію женщинъ революціи, и, недавно напечатавъ характеристику Тероины де Мерикуръ, онъ теперь въ первой сентябрьской книжкѣ «Revue de Paris» рисуетъ портретъ Олимпіи де Гужъ ¹⁾. Эта женщина, хотя малоизвѣстная, принадлежитъ тройко исторіи, какъ участница въ великихъ событіяхъ французской революціи, какъ писательница и какъ родоначальница женскаго движенія во Франціи. Кромѣ того, несмотря на всѣ свои недостатки, на развратную жизнь, болѣзненное самолюбіе и т. д., она отличалась возвышенной душой, искренней любовью къ униженнымъ, жаждой общаго блага и по временамъ удивительнымъ политическимъ предвидѣніемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Олимпіа де Гужъ заслуживаетъ вниманія, и Лакуръ вполне правъ, посвятивъ ей сочувственный очеркъ. Она родилась въ Монтобанѣ въ 1748 г. и собственно называлась Маріей Гузъ. Ея отецъ былъ мясникомъ, и хотя она потомъ гордилась, что ея настоящимъ отцомъ былъ маркизь Франъ-де-Помпіньякъ, аристократъ и поэтъ, но это обстоятельство ничѣмъ не доказано. Объ ея юности ничего не извѣстно, и первый достовѣрный фактъ въ ея жизни — замужество съ поваромъ Обри. Повидимому, этотъ бракъ семнадцатилѣтней

¹⁾ Olimpe de Gouges. par L. Lakour. Revue de Paris. Septembre.

красавицы съ пожилымъ, грубымъ челоѣкомъ не былъ счастливымъ. Въ концѣ концовъ она убѣжала отъ мужа и начала веселую жизнь куртизанки, измѣнивъ свое имя и фамилію на болѣе громкую кличку Олимпіи-де-Гужъ. Съ кѣмъ она жила и какъ проводила время въ эту эпоху своей жизни, неизвѣстно; многіе ее любили и разорялись на нее—вотъ все, что достовѣрно. Хотя она отличалась страстной натурой и безумно бросала деньги, но все-таки отъ ея веселой развратной жизни она сохранила 80.000 ливровъ и прожила ихъ, когда посвятила себя литературѣ. Она стала писать пьесы, романы, брошюры, а когда вспыхнула революція, то смѣло погрузилась въ ея водоворотъ. Всѣ ея пьесы, хотя нѣкоторыя давались на сценѣ французской комедіи, были очень посредственныя, быть можетъ, за исключеніемъ «Милость Пинновы». Также можно сказать и объ ея романахъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ характеръ автобіографическій, именно «Мемуары де-Вальманъ». Но ея брошюры были замѣчательны по искренней гуманности, любви къ народу и защитѣ женскихъ правъ. Въ послѣднемъ отношеніи всего замѣчательнѣе брошюра, посвященная королеви подъ заглавіемъ «Декларация правъ женщины гражданки», въ которой Олимпія требовала полнаго уравненія правъ женщины и мужчины. «Законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ,—говорила она,—всѣ граждане и гражданки должны одинаково имѣть право занимать всѣ мѣста, должности и общественныя положенія согласно ихъ способностямъ, талантамъ и добродѣтелямъ». Въ политическомъ отношеніи, Олимпія-де-Гужъ была сначала либеральной монархисткой, и даже когда послѣ бѣгства въ Парижъ она сдѣлалась пламенной республиканкой, то все-таки мужественно просила разрѣшенія у конвента явиться защитницей Людовика XVI во время его суда, котораго она хотя и признавала виновнымъ, какъ короля, но, какъ челоѣка, считала болѣе обманутымъ, чѣмъ обманщикомъ. «Истинные республиканцы,—говоритъ она въ своемъ замѣчательномъ письмѣ, къ сожалѣнію, очень неграмотномъ, такъ какъ она всегда диктовала свои сочиненія за неумѣніемъ писать правильно,—всегда имѣли принципы болѣе возвышенные, чѣмъ рабы, а потому англичане обезчестили себя, отрубивъ голову Карла I, а римляне обезсмертили себя, изгнавъ Тарквинія; недостаточно обезглавить короля, чтобъ его убить; онъ остается живъ послѣ смерти, но онъ дѣйствительно умреть послѣ паденія». Эта же идея, какъ и многія другія, высказанныя Олимпіей относительно революціи, были потомъ развиты Эдгаромъ Кинне. Вообще Олимпія была рыанымъ врагомъ смертной казни и питала ненависть къ терору и ея апостоламъ Марату и Робеспьеру. Она мечтала о «революціи, философской, достойной челоѣка», и смѣло говорила: «кровь даже виновныхъ оскверняетъ на вѣки революцію». Еще смѣлѣе нападала она на Робеспьера и расклеивала на домахъ свои памфлеты, въ которыхъ говорила между прочимъ: «ты, Максимилианъ, считаешь себя единственнымъ творцемъ революціи, ты съ ума сошелъ, ты былъ, есть и будешь вѣчно ея безчестьемъ и пятномъ». На напечатанье этихъ нападокъ на могущественнаго Робеспьера она расходовала послѣднія деньги, сохранившіяся у нея отъ ея веселыхъ дней куртизанки, такъ что въ своемъ «политическомъ завѣщаніи» она прямо говоритъ, что у нея осталось только 1.500 ливровъ. Ея республиканское сердце всецѣло принадлежало жирондистамъ, хотя она востор-

галась Дантономъ, признавая за нимъ «великую пронипцательность» и «возвышенный характеръ». Она недолго пережила паденіе жирондистовъ, которыхъ открыто прославляла послѣ ихъ казни. Ее арестовали 20 іюля 1793 г., и 3 ноября Олимпія-де-Гужъ погибла на гильотинѣ. До послѣдней минуты она сохранила мужество; твердыми шагами взонла на эшафотъ, пристально посмотрѣла на окружавшую ее толпу и громко воскликнула: «дѣти народа, отомстите за меня». Толпа отвѣчала крикомъ: «да здравствуетъ республика».

— Нельсонъ въ Неаполѣ въ 1799 г. По случаю недавняго столѣтняго юбилея побѣды Нельсона при Нилѣ, или Абукарѣ, которая, по мнѣнію новѣйшаго морскаго историка, капитана Мэана, «была величайшей и наиболѣе полной побѣдой, когда либо одержанный англійскимъ флотомъ», англійскіе журналы и газеты помѣстили цѣлый рядъ статей о своемъ любимомъ героѣ. Но среди днѣрамбовъ и панегириковъ нашли себѣ мѣсто новые матеріалы о дѣйствіяхъ Нельсона противъ неаполитанской республики въ 1799 г., которые рисуютъ въ очень мрачномъ свѣтѣ кумира англійскаго патриотизма. Эти матеріалы итальянскаго происхожденія напечатаны въ послѣдней книжкѣ «English Historical Review» и послужили предметомъ краткаго, блестящаго очерка въ «Daily Chronicle» П. Водгама подъ заглавіемъ «Нельсонскій грѣхъ въ Неаполѣ»¹⁾. Нельсону было поручено неаполитанскимъ королемъ, которому англичане оказывали помощь, уничтожить Неаполитанскую республику взятіемъ послѣднихъ двухъ твердынь республиканцевъ, фортовъ Нуово и Дель-Ово. Но, прибывъ на мѣсто, онъ узналъ, что Руффо, представитель короли, и Футъ, начальникъ англійской эскадры въ Неаполитанскомъ заливѣ, заключили съ республиканцами трактатъ, который уже былъ отчасти исполненъ. На основаніи условій этого трактата болѣе половины гарнизоновъ разошлись по домамъ, а оставшіеся въ фортахъ люди ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ отплыть во Францію. Нельсонъ пришелъ въ ярость: онъ опоздалъ и не могъ сдѣлать то, что обѣщаль королю и королевѣ. Изъ-за нѣсколькихъ часовъ времени его великая экспедиція должна была окончиться позорнымъ фіаско. Нѣтъ, это было немислимо. Онъ объявилъ, что не дозволить никому удалиться изъ фортовъ и возьметъ ихъ приступомъ. Кардиналъ Руффо отказался ему содѣйствовать и въ концѣ концовъ послалъ ему ультиматумъ, грозя въ случаѣ осуществленія плана англійскаго адмирала возстановить прежнее положеніе вещей, удалиться изъ позицій, занятыхъ согласно трактату, и предоставить англичанъ дѣйствовать однимъ. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ увѣдомилъ гарнизоны, что выдаетъ имъ свободный пропускъ сухимъ путемъ. Такимъ образомъ намѣченныя Нельсономъ жертвы ускользали изъ его рукъ, и въ порывѣ злобы онъ сдѣлалъ то, на что никогда не рѣшился бы въ хладнокровную минуту. Онъ прикинулся, что уступаетъ доводамъ Руффо, и заявилъ, что не будетъ препятствовать отплытью гарнизоновъ согласно условіямъ капитуляціи, но какъ только суда съ солдатами выплыли изъ порта, онъ нагналъ ихъ и взялъ въ плѣнъ. Затѣмъ онъ столь же неправильно и коварно захватилъ стараго адмирала Кароччело, котораго повѣсилъ за то лишь, что онъ остался на службѣ при рес-

¹⁾ Nelsons Sapse at Naples, by Badham. Daily Chronicle, 23 July.

публикѣ. Цѣлую недѣлю онъ хладнокровно смотрѣлъ, какъ на вербованные кардиналомъ Руффо въ Калабрию разбойники и бѣглые преступники грабили Неаполь. Онъ выдалъ въ руки королевскаго правительства 8.000 плѣнныхъ, и при всемъ этомъ онъ дѣйствовалъ вовсе не въ интересахъ Англіи, а лишь угождая королю и королеви чужой страны. Въ результатѣ, за одинъ мѣсяць было въ Неаполь посажено въ тюрьму 3.000 человекъ, пропало 7.000 и 9.000 убито, въ томъ числѣ 300 на плахѣ. Поведеніе Нельсона такъ неопостижимо, что долго его причину искали въ безумной страсти къ лэди Гамильтонъ, которую королева нарочно послала съ нимъ въ Неаполь, приказавъ ей настаивать, чтобы Нельсонъ «дѣйствовалъ относительно неаполитанцевъ, какъ будто они прландскіе мятежники, и не давалъ никому пощады, ни женщинамъ, ни дѣтямъ». Но какъ сильно ни было вліяніе лэди Гамильтонъ на Нельсона, оно не снимаетъ съ него отвѣтственности за его позорное, преступное обращеніе съ Неаполемъ, и его поведеніе въ виду новыхъ итальянскихъ матеріаловъ можно скорѣе объяснить его ненавистью къ такъ называемымъ якобинцамъ, которая въ то время доводила людей ненавидѣвшихъ французскую революцію до изступленія, до самоубвенія.

— Германскій императоръ у Гроба Господня въ XIII столѣтіи. По поводу паломничества Вильгельма II въ Святой Землѣ Эмиль Гебгартъ въ *Journal des Debats*¹⁾ вспоминаетъ о посѣщеніи Иерусалима другимъ германскимъ императоромъ, Фридрихомъ II, шестьсотъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Этотъ гордый представитель гогенштауфеновъ былъ послѣ Карла Великаго и Григорія VII самой великой исторической фигурой среднихъ вѣковъ, и его царствованіе поражаетъ длиннымъ рядомъ вызововъ, брошенныхъ всѣмъ политическимъ, религіознымъ и общественнымъ принципамъ того времени. Императоръ Германіи, онъ предоставилъ ее своимъ сыновьямъ, а перенесъ средоточіе своей имперіи въ Южную Италію, гдѣ гибелины провозглашали его «зерцаломъ міра», а гвельфы антихристомъ; феодальный государь, онъ уничтожилъ въ своемъ итальянскомъ королевствѣ феодальное рыцарство, основанное въ Неаполѣ норманами, и общинныя вольности, замѣнивъ то и другое личною тираніей хуже той, какая царила въ Багдадѣ или Каирѣ; христіанинъ и ученикъ Иннокентія III, онъ мечталъ сдѣлать папу своимъ старшимъ каноникомъ, лишивъ его свѣтской власти, и любезничалъ съ еретиками, еврейскими раввинами или арабскими имамами, переполнявшими его дворъ. Наконецъ, внукъ Барбаруссы, онъ послѣ долгихъ отказовъ предпринять крестовый походъ рѣшился мирнымъ путемъ переговоровъ разрѣшить вопросъ о Святой Землѣ. Онъ вступилъ въ Иерусалимъ, не проливъ ни капли крови, какъ другъ мусульманъ, и за противохристіанскій поступокъ былъ проклятъ церковью, считавшей, что къ Гробу Господню можно подойти христіанну лишь съ обгренными мусульманскою кровью руками. Это своеобразное паломничество средневѣковаго германскаго императора заслуживаетъ полнаго вниманія. Фридрихъ глубоко сознавалъ безцѣльность крестовыхъ походовъ, столько разъ не-

¹⁾ Un empereur allemand au St. Sepulcre (1229), par. E. Gebgart. *Journal des Debats*, 12 octobre.

уси́бно предпринимаемыхъ, и задумалъ примирить христіанскій міръ съ мусульманскимъ. Перенеся центръ своей имперіи на Средиземное море, вступивъ въ семейныя сношенія съ никейскимъ императоромъ и поддерживая интеллектуальную связь съ Востокомъ какъ въ Кордовѣ, такъ и Багдадѣ, онъ подготавливалъ новую историческую эволюцію. Въ 1228 году обстоятельства, казалось, ему благоприятствовали. Властитель Египта, Малекъ-Камиль, искалъ помощи Германской имперіи противъ своего брата, султана Дамасскаго, и не только заключилъ съ Фридрихомъ коммерческій трактатъ, но предложилъ ему ключи Іерусалима, который подпалъ подъ власть Малека-Камиля вмѣстѣ съ большей частью Палестины. 28 іюня, императоръ съ небольшимъ эскортомъ предпринялъ изъ Бриндизи свое оригинальное паломничество. Какъ отлученный отъ церкви, за свою борьбу съ папой и дружбу съ невѣрными, онъ явился въ Святую Землю только съ отрядомъ въ тысячу конейщиковъ, набранныхъ изъ итальянцевъ и пѣмцевъ, бродившихъ въ Малой Азіи и не боявшихся папскихъ громовъ. Въ Яфѣ онъ вступилъ въ переговоры съ султаномъ Капрскимъ и вскорѣ заключилъ съ нимъ трактатъ, по которому султанъ уступилъ ему Іерусалимъ и всю территорію отъ Вилеема до Яффы: портъ Сидонъ, Назаретъ и города до Итолемаиды. Мусульмане сохранили за собою въ Іерусалимѣ мечеть Омара, и между обоими государями было заключено перемиріе на 10 лѣтъ. Мусульманское населеніе съ слезами и воплями удалилось изъ Іерусалима, и ни одинъ храбрый крестоносецъ, ни Годфридъ Бульонскій, ни Филиппъ-Августъ, никогда не совершали такого счастливаго крестоваго похода. 18 марта 1229 г. Фридрихъ вступилъ въ святой городъ, поклонился Гробу Господню и помѣстился въ домѣ кади, подлѣ большой мечети. Въ тотъ же вечеръ муэдзинъ, вопреки приказаніямъ султана, сталъ по обыкновенію призывать правовѣрныхъ съ высоты минарета, кади сдѣлалъ ему за это выговоръ, но Фридрихъ заступился за него, сказавъ: «Никто не долженъ запускать требованій своей религіи». На слѣдующій день онъ увидалъ христіанскаго священника, хотѣвшаго насильно войти въ мечеть съ евангеліемъ въ рукахъ, и гнѣвно приказалъ ему удалиться. На 18 марта онъ назначилъ торжество своего вѣнчанія императорской короной въ церкви Воскресенія, но папскій легатъ, архіепископъ Цурейскій, запретилъ духовенству совершать церковныя службы при отлученномъ отъ церкви императорѣ и приказалъ вынести изъ церкви всѣ священные предметы, а Гробъ Господень покрыть черной тканью. Это странное мрачное зрѣлище не остановило, однако, Фридриха и въ мертвой, обнаженной церкви, въ присутствіи епископовъ Парижскаго и Капуанскаго, онъ надѣлъ на себя корону, сѣлъ на тронъ и приказалъ прочесть полатини и по-нѣмецки манифестъ, которымъ онъ извѣщалъ весь міръ о безкровномъ возвращеніи Іерусалима христіанскому міру. Однако, то обстоятельство, что церковь отвергала даръ халифа, произвело на Фридриха сильное впечатлѣніе, и онъ уже хотѣлъ предпринять покаянное пилигримство на берегъ Іордана, съ цѣлью разжалобить папу, но неожиданно получилъ отъ Малека-Камиля извѣстіе, что храмовники предлагали выдать его сарацинамъ, и тотчасъ рѣшилъ вернуться въ Европу. Онъ это и сдѣлалъ, предварительно приказавъ укрѣпить башню Давидову и возстановить городскія стѣны. Въ Итолемаидѣ Фридрихъ

нашелъ положеніе дѣлъ еще печальнѣе. Папгіархъ закрылъ всѣ церкви по случаю прибытія отлученнаго папою государя, и такъ какъ въ то время была страстная недѣля, то народная толпа возстала противъ императора. Чтобы усмирить беспорядки, Фридрихъ приказалъ подвергнуть тѣлесному наказанію доминиканцевъ и францисканцевъ, подстрекавшихъ беспорядки. Узнавъ объ этомъ, папа произнесъ новую анаѳему противъ императора и сталъ возбуждать Италію и Германію противъ него. Фридрихъ поспѣшилъ вернуться въ Бриндизи и продолжалъ энергичнѣе, чѣмъ прежде, борьбу съ папой, который помѣшалъ ему помирить Европу съ Азіей. Спустя десять лѣтъ, по истеченіи срока перемирія, мусульмане взяли обратно Іерусалимъ.

— Іоанна Безумная. Въ октябрскихъ номерахъ *Revue des Deux Mondes* помѣщенъ историческій очеркъ гр. Шарля де-Муи ¹⁾ объ Іоаннѣ Безумной, дочери Фердинанда Католика и матери Карла V, по новымъ испанскимъ матеріаламъ. Какъ извѣстно, долго исторія повторяла легенды о сумасшествіи королевы Іоанны, и только тридцать лѣтъ тому назадъ открытіе документовъ въ Симанкскомъ архивѣ побудило нѣмецкаго профессора Бергенрота привести новую теорію о томъ, что эта несчастная женщина была не сумасшедшей, а напротивъ жертвой самолюбія и фанатизма ея отца и сына. Но теперь въ Симанкѣ и Мадридѣ нашлись новые матеріалы, и Родригенъ Вилла, руководствуясь ими, вернулся къ прежней теоріи и блестяще доказалъ въ почтенномъ историческомъ трудѣ, что дѣйствительно Іоанна была сумасшедшей. Его взгляды поддерживаютъ другой испанскій историкъ Фуензе и французскій публицистъ Гапарь, а гр. Муи резюмируетъ ихъ выводы въ своемъ интересномъ очеркѣ. Іоанна, дочь Фердинанда и Изабеллы, родилась въ 1479 г. и получила старательное воспитаніе, такъ что она знала даже латинскій языкъ. Пятнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за эрцгерцога Филиппа, сына императора Максимилиана, самаго красиваго принца своего времени, тогда какъ она сама была меланхоличной, болѣзненной молодой дѣвушкой, лишенной всякой прелести интеллектуальной и физической. Обвѣнчавшись въ Антверпенѣ, она прожила пять лѣтъ въ Фландріи съ своимъ мужемъ, но въ 1501 году должна была вернуться на родину, такъ какъ неожиданная смерть ея брата инфанта дона-Жуана и старшей сестры, Изабеллы, вышедшей замужъ за португальскаго короля, сдѣлали ее наследницей кастильскаго и арагонскаго престоловъ. Филиппъ сопровождалъ свою жену, и они приняли присягу своихъ будущиxъ подданныхъ, а также сами присягнули вѣрно сохранять права и привилегіи соединенныхъ королевствъ. Вслѣдъ за этими церемоніями Филиппъ уѣхалъ въ Фландрію, а Іоанна осталась одна въ Испаніи, такъ какъ была беременна. Несмотря на горячій характеръ мужа и его частыя измѣны, она страстно его любила, и разлука съ нимъ приводила ее то въ мрачное уныніе, то въ пламенное, даже ожесточенное волненіе. Тутъ впервые обнаружались признаки умственнаго расстройства, которое впоследствии все болѣе и болѣе развивалось. Родители не хотѣли отпускать ее въ такомъ положеніи къ мужу, даже послѣ родовъ, но она такъ упорно настаивала

¹⁾ Jeanne la Folle, par le comte Ch. de-Moui, *Revue des Deux Mondes*. 1—15 octobre.

и прибѣгала къ такимъ скандаламъ, какъ, на примѣръ, къ насильственному отъѣзду изъ Сегави, что пришлось ей уступить. Прибывъ въ Брюссель, Иоанна узнала, что Филиппъ завелъ себѣ новую любовницу, и публично избилъ ее; Филиппъ не остался въ долгу и нанесъ ей также побои. Эта сцена окончательно потрясла слабый умственный организмъ Иоанны, и съ тѣхъ поръ она уже никогда не была въ полномъ умѣ, и ея нервные кризисы принимали такой острый характеръ, что Филиппъ подвергъ ее постоянному, строгому надзору. Узнавъ объ этомъ, Изабелла такъ опечалилась, что вскорѣ умерла въ 1506 г., оставивъ завѣщаніе, по которому Иоанна получала только номинально королевскую власть въ Кастиліи, а дѣйствительное управление страной поручалось ея отцу, арагонскому королю Фердинанду, до совершеннолѣтія старшаго сына Иоанны, будущаго Карла V. Филиппъ не согласился на такое удаленіе отъ власти и потребовалъ, чтобы тестъ удалился въ Арагонъ, но Фердинандъ отвѣчалъ на это созваніемъ въ Таро кортесовъ, которые присягнули Иоаннѣ и ея мужу, какъ королевѣ и королю, а Фердинанду, какъ правителю. При этомъ впервые было публично заявлено о «болѣзненномъ разстройствѣ ума королевы Иоанны», отчего она не можетъ лично управлять страной. Однако, чтобы окончательно упрочить свою власть, Фердинандъ послалъ къ дочери вѣрнаго человѣка, секретаря Изабеллы, Лопеца Кантиллу, чтобы добиться отъ нея документальнаго подтвержденія своей власти. Кантилла ловко исполнилъ данное ему порученіе и досталъ отъ Иоанны письмо, въ которомъ она подтверждаетъ, что Фердинандъ долженъ временно управлять страной. Но Филиппъ узналъ объ этомъ, посадилъ въ тюрьму Кантиллу и заставилъ Иоанну добромъ или силой написать противоположный документъ, въ которомъ она предоставляла своему мужу управление королевствомъ и объясняла приписываемое ей сумасшествіе ревностью, отъ которой она, съ Божіей помощью, избавилась, подобно ея матери, которая страдала тѣмъ же. Такимъ образомъ въ Кастиліи находились два управления, основанныя одинаково на письменномъ документѣ королевы. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, оба наследника заключили конвенцію въ Саламанкѣ, по которой признавались права всѣхъ трехъ, королевы, короля, ея мужа и отца, въ качествѣ правителя. Неспособность королевы управлять страной признавалась сыномъ и отцомъ, подпись которыхъ была достаточной для того, чтобы скрѣпленные ими акты пріобрѣтали законную силу. На основаніи этой конвенціи, Филиппъ явился съ женою въ Испанію и сразу взялъ въ свои руки всю власть; Фердинандъ протестовалъ, но видя, что исходомъ ихъ разрыва будетъ междоусобная война съ сомнительнымъ результатомъ, онъ подчинился обстоятельствамъ и удалился въ Арагонъ, предоставивъ Филиппу Кастилію въ полное завѣдываніе. Филиппъ подписалъ съ нимъ новый трактатъ въ Виллафилѣ и обнародовалъ документъ, официально удалившій отъ управления Иоанну по причинѣ умственнаго разстройства. Онъ поселился въ Бургасъ, подвергъ жену строгому заключенію во дворцѣ и сталъ царить неограниченно. Но это продолжалось недолго: 17 сентября 1506 г. онъ неожиданно умеръ, на двадцать девятомъ году, вслѣдствіе неправильной, развратной жизни. Несмотря на его измѣны и жестокость, Иоанна такъ любила

мужа, что окончательно потеряла послѣднія умственные способности, которыя у нея еще оставались. Она рѣшила не разставаться съ мертвымъ мужемъ, не позволила его хоронить и, сохраняя его гробъ при себѣ, постоянно открывала его, чтобъ осыпать нѣжными ласками хладный трупъ. Эти скандальныя сцены продолжались много лѣтъ, и только въ царствованіе ея сына Карла V тѣло Филиппа было предано землѣ въ Гренадскомъ соборѣ рядомъ съ его заклятымъ врагомъ Фердинандомъ Католикомъ, который послѣ его смерти спокойно управлялъ Кастиліей шестнадцать лѣтъ. Во все это время Іоанна жила въ укрѣпленномъ замкѣ Тардереллѣ подъ надзоромъ майордома Феррера, который обращался съ ней очень жестоко, даже прибѣгалъ, по словамъ легенды, къ побоямъ, когда Іоанна въ порывахъ изступленія морила себя голодомъ: странно сказать, но это историческій фактъ, что у бѣдной Іоанны нашелся въ эту печальную эпоху ея жизни женихъ, да еще король. Генрихъ VII, король англійскій, предложилъ свою руку несчастной женщинѣ изъ политическихъ цѣлей, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе, такъ какъ Фердинандъ согласился на этотъ чудовищный бракъ. Послѣ смерти Фердинанда управленіе Кастиліей и корона арагонская перешли къ его внуку, будущему Карлу V, которому тогда было пятнадцать лѣтъ. Онъ сталъ поступать еще круче съ Іоанной, чѣмъ дѣдъ, и отнялъ у нея дочь инфанту Катерину, которую вернулъ матери, только когда та прибѣгла къ своему обычному способу протеста, именно къ отказу отъ пищи. Приставленный къ ней новый майордомъ, маркизъ Деніа, превратился въ тюремщика и всячески притѣснялъ бѣдную женщину, а Карлъ не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлали съ его матерью. Только возстаніе городскихъ общинъ Кастиліи и Арагона въ 1520 г. напомнило ему, что у него есть мать: возмущившіеся испанцы прикрылись именемъ королевы, овладѣли Тардереллой, основали тамъ резиденцію временнаго правительства и стали управлять страной. Іоанна сначала разыгрывала роль королевы и вмѣшивалась въ дѣла, но вскорѣ ея безумныя выходки приняли такой невозможный характеръ, что ее подвергли новому, столь же строгому, какъ прежде, заключенію. Вскорѣ возстаніе однако было усмирено министрами Карла, который въ это время отсутствовалъ, подготавливая свое избраніе въ императоры. Іоанна привѣтствовала побѣдителей и допустила ихъ до торжественнаго цѣлованія своей руки. Это былъ послѣдній замѣчательный эпизодъ въ жизни несчастной Іоанны. Ее подчинили, какъ прежде, строгому надзору маркиза Деніа, и въ продолженіе долгаго управленія страной Карла V онъ врядъ ли когда нибудь посѣтилъ свою мать. По странной проницательности судьбы, она умерла въ 1555 году въ глубокой старости въ то самое время, какъ онъ удалялся въ монастырь, гдѣ скончался черезъ два года. Въ концѣ своей статьи графъ де Муи высказываетъ мнѣніе, что сумасшествіе Іоанны было наследственное, такъ какъ ея бабка со стороны матери страдала умопомѣшательствомъ, а несчастная любовь къ мужу и его преждевременная кончина только усугубили ея недугъ. Наконецъ авторъ находитъ доказательство основательности своей исторіи въ томъ фактѣ, что Іоанна передала своимъ потомкамъ эту наследственную черту: Карлъ V, мучимый странными припадками, доведшими его до монастырской обители, Филиппъ II мрачный и же-

стокій, юный Донъ-Карлосъ, переходившій отъ бѣшенства къ тихому сумасшествію, Филиппъ III и Филиппъ IV, страдавшіе умственной анеміей, наконецъ Карлъ II, подвергавшійся галлюцинаціямъ,—все были жертвами того наслѣдственнаго умственнаго разстройства, которое перешло къ нимъ по прямой линіи отъ Юанны Безумной.

— Процессъ маршала Нея. Въ октябрьской книжкѣ «Revue du Palais» помѣщена статья Генри Лейре ¹⁾ о процессѣ маршала Нея, который считается одной изъ самыхъ позорныхъ страницъ судебной исторіи Франціи. Дѣйствительно, одинъ изъ славнѣйшихъ героевъ французской арміи былъ казненъ съ нарушеніемъ всехъ основъ справедливости и правосудія, а также всехъ правилъ судопроизводства, какъ ясно доказываетъ новый комментаторъ этого знаменитаго политическаго скорѣе, чѣмъ судебного убійства, такъ какъ приговоръ былъ постановленъ не военнымъ судомъ, а палатой пэровъ. Вся суть печальнаго дѣла заключалась въ томъ, что Людовикъ XVIII, возвратясь на престоль послѣ ста дней, нарушилъ заключенную маршаломъ Даву капитуляцію отъ имени арміи, въ силу которой никто не могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за свои поступки во время ста дней. Но не успѣлъ онъ вступить въ Тюльери, какъ предать суду восемнадцать маршаловъ и генераловъ, въ томъ числѣ Нея, Лобедуазера, Камброна, Бертрана и Груши. Сначала Нея судилъ военный судъ подъ предсѣдательствомъ маршала Журдана, такъ какъ назначенный въ предсѣдатели старшій маршалъ Мансей смѣло отказался отъ сообщничества въ убійствѣ, за что его подвергли трехмѣсячному аресту. Однако, военный судъ послѣдовалъ его примѣру и также отказался судить славнаго товарища судей, среди которыхъ находились маршалы: Масена, Ожеро, Мортъе, на основаніи некомпетентности, согласно закону, краснорѣчиво выясненному защитникомъ Нея, знаменитымъ адвокатомъ Берье. Но правительство Людовика XVIII, несмотря на то, что во главѣ его находился благородный гуманный герцогъ Ришелье, предало Нея суду палаты пэровъ. Пятьдесятъ три ея члена отказались отъ участія въ такомъ нечестивомъ дѣлѣ, но все-таки судъ состоялся подъ предсѣдательствомъ канцлера Дамбрэ, который безобразно ограничивалъ свободу защиты и не давалъ свидѣтелямъ говорить. Кромѣ вопроса о компетентности, который былъ устраненъ, защита, веденная снова краснорѣчивымъ Берье при содѣйствіи Дютна, была построена на капитуляціи, обезпечившей безотвѣтственность лицъ, перешедшихъ на сторону Наполеона со всей Франціей во время ста дней, и для правильнаго выясненія смысла конвенціи вызванъ былъ заключавшій ее отъ имени французской арміи маршалъ Даву, который прямо показалъ: «Если бъ не принята была статья, гарантировавшая личную безопасность, то я не принялъ бы капитуляціи и далъ бы сраженіе». Но когда Берье задалъ маршалу прямой вопросъ о смыслѣ этой статьи и капитуляціи, то прокуроръ Белларъ воспротивился такому вопросу и съ этой минуты ни онъ, ни предсѣдатель не давали возможности защитникамъ сказать ничего, такъ что, наконецъ, Нея заявилъ: «Я благодарю моихъ защитниковъ за оказанную мнѣ помощь, но лучше имъ

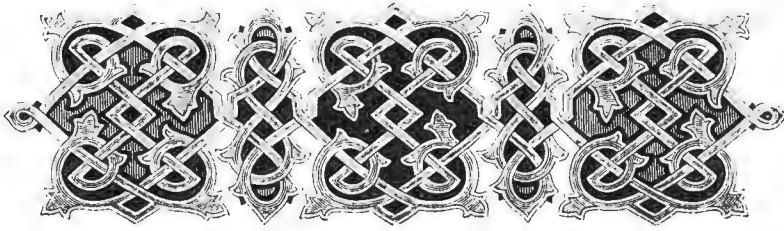
¹⁾ Le procès du maréchal Ney, par H. Leyrot.—«Revue du Palais». Octobre.

прекратить мою защиту, чѣмъ подчиниться ея ограниченію. Я апеллирую, какъ Моро, къ потомству». Несчастный герой зналъ, что судьба его предрѣшена, и не ошибся насчетъ кассациі потомствомъ несправедливаго приговора. 7-го декабря 1815 года, онъ былъ разстрѣлянъ въ аллеѣ Обсерваторіи, а спустя 38 лѣтъ ему воздвигли на этомъ же самомъ мѣстѣ статую. Хотя эту статую поставило декабрьское правительство и открывалъ ее Сентъ-Арно, палачъ государственнаго переворота, но его слова, что въ тотъ день совершили актъ національнаго возстановленія оскорбленной чести героя, вполне справедливы. Впрочемъ, это возстановленіе было сдѣлано равнѣ. Съ самаго начала іюльской монархіи Арманъ Карель, Беранже и Лафайетъ, а потомъ Луи Бланъ подняли агитацію въ пользу реабилитаціи Нея, а Ламартинъ совершилъ ее послѣ революціи 1848 года, краснорѣчиво бичуя это «судебное убійство», которое должно было, по его словамъ, удержать послѣдующія поколѣнія отъ фанатизма реакціи.

— Парижская стачка въ 1840 г. По поводу недавно оконченной мирнымъ путемъ громадной стачки рабочихъ строительнаго дѣла въ Парижѣ, газета *Liberté* приводитъ любопытный отрывокъ изъ неизданныхъ мемуаровъ графа Пеле-де-ла-Лозерь, бывшаго въ 1840 г. министромъ финансовъ въ кабинетѣ Тьера. Эта стачка такъ же, какъ теперь, была возбуждена каменщиками изъ-за сокращенія рабочихъ часовъ и увеличенія заработной платы. Къ ней мало-помалу пристали другіе рабочіе, и движеніе разрослось до такой степени, что правительство вызвало на подкрѣпленіе парижскаго гарнизона войска изъ лагеря подъ Фонтенбло. «7-го сентября, рассказываетъ графъ Пеле-де-ла-Лозерь, былъ понедѣльникъ, по обыкновенію день не рабочій. 50.000 рабочихъ наполнили улицу предмѣстія св. Антонія тѣсно сплоченной массой, сквозь которую нельзя было проникнуть, а въ сосѣднихъ улицахъ возведены были барикады. Войска изъ Фонтенбло прибывали на пароходахъ, а батальоны парижскаго гарнизона и національной гвардіи занимали позиціи. Всюду слышенъ былъ барабанный бой, словно передъ битвой, и магазины запирались. Мы, члены министерства, собрались у короля въ большой галлерей Лувра, но большую часть времени выслушивали вѣсти о томъ, что дѣлалось на улицахъ, и смотрѣли въ окна, выходившія на набережную Сены. Каждую минуту являлись офицеры съ рапортами, между прочимъ, знаменитый живописецъ, Орасъ Верне, въ мундирѣ національнаго гвардейца прискакалъ верхомъ съ словеснымъ донесеніемъ отъ маршала Жерара; который въ качествѣ начальника національной гвардіи командовалъ всѣми войсками. Онъ объявилъ, что народныя толпы расходятся, и что, по всей вѣроятности, дѣло обойдется безъ кровопролитія. Дѣйствительно день окончился безъ тѣхъ несчастій, которыхъ всѣ опасались. Премьеръ и министры военный и внутреннихъ дѣлъ прошли по всѣмъ улицамъ предмѣстія св. Антонія въ 10 часовъ вечера и убѣдились, что все было спокойно. На слѣдующій день рабочіе вернулись въ мастерскія. Но, прибавляетъ министръ финансовъ, когда столкновеніе войска съ народомъ угрожало каждую минуту, я не могъ безъ ужаса думать, что стануть стрѣлять изъ пушекъ въ массу рабочихъ. Какое несчастье, говорилъ я мысленно, находится у власти въ такую минуту и вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать хорошей админи-

страціей и хорошими законами улучшенію доли всѣхъ гражданъ, быть вынужденнымъ принимать жестокія репрессивныя мѣры противъ части этихъ гражданъ. Невольно при этомъ я вспомнилъ печальную исторію одного швейцарскаго молодого офицера. Онъ долженъ былъ въ качествѣ артиллерійскаго поручика командовать батареей, выстроенной по приказанію женевскаго правительства противъ возставшихъ гражданъ. Но, исполнивъ свой служебный долгъ, онъ впалъ въ мрачное отчаяніе, и его не могли успокоить даже увѣренія тѣхъ, противъ которыхъ онъ сражался, что онъ только исполнилъ свой долгъ. Наконецъ онъ занемогъ и умеръ отъ горячки, во время которой повторялъ въ бредѣ: «Я стрѣлялъ въ своихъ согражданъ».

С М Ъ С Ъ.

ПРИСУЖДЕНИЕ УВАРОВСКИХЪ ПРЕМІИ. Въ малой конференцъ-залѣ императорской Академіи Наукъ, 25 сентября, въ часъ дня, состоялось сороковое присужденіе наградъ графа Уварова. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ академіи Л. Н. Майковъ; отчетъ былъ прочитанъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. На соисканіе Уваровскихъ наградъ въ нынѣшнемъ году представлено было восемь сочиненій и, сверхъ того, оставались три сочиненія, отложенныя отъ прошлагодняго конкурса. Для разсмотрѣ-

нія ихъ была назначена, коммисія, состоявшая изъ вице-президента Л. М. Майкова и академикомъ А. Ѳ. Бычкова, В. Г. Васильевского, А. А. Куника, Н. Ѳ. Дубровина и А. А. Шахматова. По полученіи рецензій коммисія эта единогласно признала заслуживающимъ большой преміи въ 1.500 рублей сочиненіе Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина, томы VIII—XII; Спб. 1894—1898». Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя проф. императорскаго Казанскаго университета Д. А. Корсаковъ и въ своемъ отзывѣ замѣчаетъ, что долгая жизнь Погодина была столь тѣсно связана съ событіями его времени, а дѣятельность его на поприщѣ учено-литературномъ и общественно-политическомъ столь разнообразна, что повѣсть о жизни и дѣятельности Погодина въ силу необходимости является «повѣстью временныхъ лѣтъ» русской образованности за три четверти XIX вѣка. Подробное разсмотрѣніе учено-литературной и журнальной дѣятельности Погодина, поскольку она выразилась въ VIII—XII томахъ его біографіи, привело рецензента къ тому заключенію, что книги г. Барсукова заключаютъ въ себѣ множество интересныхъ данныхъ, рисующихъ весьма характерно какъ общее направленіе 1845—1852 годовъ Россіи, такъ и дѣятельность Погодина за это время. Здѣсь же

выводится цѣлая фаланга лицъ изъ міра какъ литературнаго, такъ и служебнаго, — лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Погодину. Такъ, Н. П. Барсуковъ посвящаетъ 10 главъ изложенію отношеній Кавелина къ «Современнику», «Отечественнымъ Запискамъ», къ Погодину и славянофиламъ въ 1846 и 1847 гг.; двѣ главы описанію полемики Кавелина съ Хомяковымъ; цѣлая глава отведена участію Кавелина въ докторскомъ диспутѣ Соловьева. Также подробно разсмотрѣны авторомъ и отношенія Погодина къ Соловьеву и къ первому тому его «Исторіи Россіи». Распрѣ Погодина съ учеными школы родового быта и изложенію ихъ воззрѣній отведены авторомъ 24 главы. Всѣ эти подробности даютъ обильный матеріалъ для изученія не только историческихъ воззрѣній, но вообще научныхъ стремленій и общественныхъ отношеній столь выдающихся въ умственной русской жизни дѣятелей, какъ Кавелинъ, Хомяковъ, Самаринъ, Соловьевъ, Грановскій и т. д. Подробности эти вводятъ насъ въ интимный міръ этихъ людей, посвящаютъ въ тайны того процесса, посредствомъ котораго постепенно формировались ихъ несомнѣнные теперь для насъ ученые заслуги, и какія терніи встрѣчали они на своемъ ученомъ пути. Указавъ на нѣкоторые недостатки цитируемаго сочиненія, рецензентъ тѣмъ не менѣе заключаетъ, что общій типъ книги Н. П. Барсукова, несмотря на его поэтическій лиризмъ, преисполненъ серьезнаго отношенія къ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ интересамъ русскаго народа и глубокою, искреннею вѣрой въ великія судьбы этого народа въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Неполныя преміи, въ 500 руб. каждая присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ: I. «Г. В. Барсовъ: 1) Святѣйшій синодъ въ его прошломъ. Сиб. 1896. и 2) Синодальныя учрежденія прежняго времени. Сиб. 1897». Разсмотрѣніе и оцѣнку этихъ сочиненій произвелъ проф. С.-Петербургскаго университета протоіерей М. П. Горчаковъ. По отзыву рецензента, первая книга представляетъ собою соединеніе журнальныхъ статей, разновременно, періодически и по различнымъ предметамъ печатавшихся въ «Христіанскомъ Читеніи». Матеріалы второй книги извлечены авторомъ изъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія» и изъ «Описанія документовъ и дѣлъ синодальнаго архива». Тѣмъ не менѣе обѣ книги имѣютъ значеніе въ современной церковно-исторической литературѣ. Опытъ автора служитъ показателемъ того, что уже наступило время и возможность изслѣдованія исторіи святѣйшаго синода и учрежденій, его окружавшихъ и окружающихъ. II. «П. А. Тихомировъ. «Обозрѣніе лѣтописныхъ сборниковъ (отгиски изъ Журнала министерства народнаго просвѣщенія и изъ X выпуска Лѣтописи занятій Археологической комиссіи). Сиб. 1896». Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ. Указавъ на нѣкоторые приемы автора по изученію лѣтописей и на нѣкоторые недостатки его труда, рецензентъ приходитъ въ своемъ заключеніи къ тому выводу, что точность изслѣдованія, систематичность въ изложеніи и умѣнье ставить вопросы, подлежащіе научному разрѣшенію, настолько выдвигаютъ труды автора среди другихъ работъ по нашему лѣтописанію, что они вполне заслуживаютъ награжденія Уваровскою преміей. Одновременно съ присужденіемъ этихъ денежныхъ наградъ Академія, по недостатку денежныхъ средствъ, присудила почетные отзывы слѣдующимъ

сочиненіямъ: I. «Г. Я. Кипріяновичъ. Жизнь Іосифа Сѣмашка, митрополита литовскаго и виленскаго, и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г. Изданіе 2-е. Вильна. 1897». Отзывъ объ этомъ трудѣ данъ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи П. Н. Жуковичемъ, который нашель, что въ книгѣ г. Кипріяновича и постепенная подготовка, и самый ходъ воссоединенія униатовъ, и его значеніе и характеръ, обрисованы ясно и съ знаніемъ дѣла. Ни одинъ существенный моментъ не упущенъ. Указано какъ все то, что облегчало дѣло, такъ и все то, что его тормазило въ той или другой его стадіи. П. Е. І. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія (1086—1796). Три книги. Спб. 1890—1895». Для разсмотрѣнія этого обширнаго труда, занимающаго 875 страницъ, академія обращалась къ содѣйствию С. И. Пономарева. По его мнѣнію, еще въ прошломъ вѣкѣ лучшіе люди Россіи сознавали, что чѣмъ образованнѣе женщина, тѣмъ вліяніе ея сильнѣе и благотѣльнѣе; но какъ шло это образованіе въ нашемъ отечествѣ, на этотъ вопросъ доселѣ въ литературѣ нашей не было полнаго отвѣта. И вотъ, теперь, подъ скромнымъ заглавіемъ «Матеріаловъ для исторіи женскаго образованія», является добросовѣстный критическій трудъ многихъ лѣтъ, и въ немъ поражаетъ какъ обширная начитанность автора, такъ его трудолюбіе. Мало того, авторъ объясняетъ часто данный вопросъ параллельно съ положеніемъ его въ другихъ государствахъ и исчерпываетъ иностранную литературу. Въ виду всего этого рецензентъ признаетъ, что «долгій и усердный другъ Е. І. Лихачевой достоинъ быть почтенъ Уваровскою второстепенною преміей». По присужденіи премій Академія выразила свою глубокою признательность гг. рецензентамъ и, на основаніи положенія о наградахъ графа Уварова, назначила золотыя уваровскія медали: М. П. Горчакову, А. С. Лаппо-Данилевскому, С. И. Пономареву, П. Н. Жуковичу, Д. А. Корсакову и И. А. Линвиченку.

Императорское Русское археологическое общество. Въ собраніи отдѣленія славянской и русской археологіи, 2-го октября 1898 г., подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова, А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе «о нѣкоторыхъ древностяхъ позднихъ южно-русскихъ кочевниковъ». Въ этомъ докладѣ референтъ имѣлъ въ виду обсужденіе вопроса о томъ, кому принадлежать курганы съ погребеніями кочевническаго типа, раскопанные въ бассейнѣ р. Роси профессоромъ Самоквасовымъ, Н. Е. Бранденбургомъ и другими лицами. Анализируя находки изъ этихъ кургановъ, референтъ высказалъ мнѣніе, что они должны быть отнесены приблизительно къ одному времени, именно къ XII—XIII в.в. Для опредѣленія времени изъ находокъ особенно важны шейныя гривны, костяныя украшенія колчановъ и сѣделъ, зеркала и наконечники стрѣлъ: эти предметы встрѣчены съ монетами XII, а нѣкоторыя даже XIV в. Профессоромъ Самоквасовымъ въ одномъ изъ кургановъ даннаго типа найдена половина византійской монеты XII в. Такъ какъ по лѣтописнымъ извѣстіямъ (особенно 1105, 1193, 1093 и 1169 гг.) на р. Росавѣ, сосредоточившей наибольшее количество этихъ кургановъ, слѣдуетъ предполагать въ XII—XIII вв. торковъ и г. Торческъ, то представляется вполне допустимымъ, что они принадлежали торкамъ. Берендичи, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ 1169, 1177 и 1162 гг., занимали Бѣлоцерковскую стѣну и верховья Роси. Въ

этихъ мѣстахъ также обнаружены курганы съ погребеніями кочевническаго характера, но правильныхъ раскопокъ здѣсь еще никѣмъ не было произведено. Печенѣговъ и половцевъ въ Поросьи, повидимому, никогда не было. Каневскіе печенѣги, извѣстные лѣтописи, представляютъ собой, по всей вѣроятности, остатки печенѣговъ, явившихся въ Кіевской области съ Дону въ 1116 г. Второе сообщеніе сдѣлалъ С. Л. Пташицкій о письмѣ перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 года. Польскій текстъ письма перваго Самозванца, изданный о. Пирлингомъ, по своей формѣ долженъ быть разсматриваемъ со стороны языка и со стороны графики. По своему языку въ стилистическомъ, синтаксическомъ, грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ онъ представляется вполне соответствующимъ современнымъ ему произведеніямъ польскаго языка. Въ стилистическомъ отношеніи видно тонкое знакомство съ языкомъ—умѣнье пользоваться омонимами, синонимами, рядъ риторически построенныхъ оборотовъ. Въ синтаксическомъ отношеніи въ немъ нѣтъ ни одного оборота, какого бы мы не нашли въ современныхъ ему польскихъ произведеніяхъ; при этомъ письмо изобилуетъ специально польскими идиотизмами, какъ-то: *ktom iest* (кто я), *ktomum się zwierzył* (которому я открылся); *ja tam na tym dosyć* (мнѣ довольно того) и т. п. Въ грамматическомъ отношеніи встречаемъ чисто польскія формы: *do stolice* (столицы); *wolcj* (воли); *napodleisza* (наиподлѣйшая). Въ лексическомъ отношеніи специально польскія слова—въ родѣ: *walę* (осмѣливаюсь), *państwo przyspadające* (приходящее по наслѣдству), *zсугaz* (несчастье). Всѣ эти свойства языка изобличаютъ лицо, прекрасно владѣющее языкомъ, знающее всѣ его тонкости и легко ими распоряжающееся. Въ графическомъ отношеніи письмо изобличаетъ лицо, неуверенно пользующееся польской графикой. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе несвязность написанія (каждая почти буква выводится отдѣльно), раздѣленіе словъ внутри строкъ безъ всякой необходимости, пропускъ отдѣльныхъ буквъ. Это такія свойства, которыя прямо указываютъ на то, что лицо, писавшее письмо, твердо не владѣло языкомъ, а не только правописаніемъ. Написаніе словъ *prigoda*, *prigodilosia*, формы *sia*, *koscielnoi szagew* (осмысленное съ русскимъ прилагательнымъ) изобличаютъ въ лицѣ, писавшемъ письмо, русскаго, написаніе же *W. S.* въ концѣ письма въ видѣ церк.-славянскаго ѿ и з подъ продолжнымъ титломъ съ тысячнымъ знакомъ съ лѣвой стороны указываетъ въ переписчикѣ на привычку къ московскому письму. Въ виду всего этого слѣдовало бы думать, что письмо написано лицомъ, прекрасно владѣющимъ польскимъ языкомъ, перенесено же человекомъ, не привыкшимъ къ свободному пользованію польской рѣчью и графикой, и притомъ набившимъ руку Кирилловскимъ письмомъ московскаго характера. Въ бесѣдѣ, возникшей по поводу реферата г. Пташицкаго, между прочимъ принялъ участіе краковскій ученый, академикъ І. Бодуэнъ де Куртене, мнѣніе котораго сводилось къ тому, что авторомъ и переписчикомъ текста письма могло быть одно лицо, вѣроятно, не польскаго происхожденія, но хорошо говорившее и много читавшее попольски, однако не имѣвшее навыка писать польскимъ алфавитомъ.

Общество исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ. Въ засѣданіи 26-го сентября, предсѣдатель В. О. Ключевскій сдѣлалъ сообщеніе объ уче-

ной дѣятельности скончавшагося дѣйствительнаго члена Общества А. С. Павлова. Въ своемъ очеркѣ референтъ характеризовалъ покойнаго ученаго, какъ одного изъ лучшихъ канонистовъ нашего времени не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который обогатилъ свою науку открытіемъ и образцовымъ изданіемъ многихъ памятниковъ каноническаго права, греческихъ и славяно-русскихъ, а также рядомъ капитальныхъ изслѣдованій въ этой области. Въ заключеніе референтъ выразилъ надежду на возможность изданія курса каноническаго права, читаннаго покойнымъ профессоромъ, и второй части его «Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права». Дѣйствительный членъ Е. И. Соколовъ въ обстоятельномъ очеркѣ изложилъ содержаніе хранящихся въ библиотекѣ общества и разобранныхъ имъ бумагъ Венелина.

Археологическое общество. 22-го сентября состоялось подъ председательствомъ барона В. Р. Розена засѣданіе восточнаго отдѣла общества, первое послѣ лѣтнаго перерыва. П. М. Меліоранскій прочелъ докладъ о двухъ орхонскихъ надписяхъ, найденныхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ г. Калауромъ въ Сыръ-Дарьинской области. Разсмотрѣвъ концы этихъ надписей, вообще крайне плохо сохранившихся, референтъ пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ изъ себя надписи надгробныя. Орхонскихъ надписей извѣстно немного. Затѣмъ слѣдовалъ докладъ А. Э. Шмидта: «О грамматическихъ воззрѣніяхъ Аш-Ша'рани, арабскаго ученаго и мистика X вѣка гиждры». Аш-Ша'рани, желавшій дать возможность ученикамъ суфі (мистиковъ) черпать всю науку изъ руководствъ, составленныхъ суфіями, составилъ, между прочимъ, для нихъ грамматику. Для насъ въ ней интересны остроумныя помытки ученаго мистика придать логическое значеніе грамматическимъ окончаніямъ словъ: у, и, а.

Антропологическое общество. Состоявшееся 28-го сентября, подъ председательствомъ профессора А. П. Таренецкаго, общее собраніе открылось чтеніемъ отчета о дѣятельности общества за истекшій 1897—1898 г., изъ котораго видно, что въ отчетномъ году общество изъ среды своихъ членовъ потеряло скончавшагося приватъ-доцента академіи С. Н. Данилло. Въ настоящее время общество насчитываетъ 12 почетныхъ, 19 членовъ-учредителей и 61 дѣйствительнаго члена. Дѣятельность общества въ теченіе пятаго года его существованія выразилась въ шести засѣданіяхъ, на которыхъ сдѣлано было девять научныхъ сообщеній и значительное число демонстрацій съ научною цѣлью. Въ отчетномъ году окончены печатаніемъ третій томъ трудовъ общества, бібліотека обогащена новыми книгами, а музей значительнымъ числомъ интересныхъ череповъ, доставленныхъ изъ Афганистана и Туркестана и переданныхъ музею изъ зоологическаго кабинета череповъ изъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ—Аляски, Алеутскихъ острововъ и др. Средства общества къ началу года составляли всего 168 рублей, приходъ выразился въ суммѣ 157 рублей, расходъ—249 рублей, въ томъ числѣ на изданіе трудовъ и типографскіе расходы 206 рублей. Изъ оставшихся 72 рублей предполагается приобрести на ассигнованные на то 37 рублей фотографическій аппаратъ. Послѣ чтенія годового отчета докторъ Щусевъ, одинъ изъ членовъ экспедиціи въ Абиссинію, сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи къ источникамъ Голубого Нила и черезъ озеро Цана. Нѣкоторая часть пройденнаго докладчикомъ пути еще нико-

гда не была изслѣдована и описана европейцами. Описанный докладчикомъ путь удалось ему пройти въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, благодаря грамотамъ и открытымъ листамъ, врученнымъ ему негусомъ Менеликомъ при содѣйствіи начальника нашей миссіи и представителя Италіи въ Абиссиніи. Имѣя съ собою четырехъ слугъ, данныхъ ему Менеликомъ, и четырехъ муловъ, докладчикъ 21-го мая выступилъ изъ Аддисъ-Абебы. На седьмой день докладчикъ достигъ береговъ Голубого Нила у города Лайе. Для перехода Нила понадобилось время для подысканія удобнаго брода, и пришлось выстрѣлами разогнать крокодиловъ. Постѣ подробнаго описанія богатой картины Нила, береговъ, водопадовъ и зоологическихъ богатствъ его водъ, докладчикъ перешелъ къ описанію своего дальнѣйшаго путешествія къ источникамъ Нила у о. Цана. Воды истоковъ Нила считаются туземцами священными и цѣлебными, и докладчику удалось ознакомиться съ ними, только благодаря грамотѣ Менелика. При описаніи водъ истоковъ Нила докладчикъ, между прочимъ, перedalъ эпизодъ, какъ онъ подвергся лѣченію водою источниковъ Нила отъ бывшаго у него насморка и о случайномъ усѣшномъ результатѣ лѣченія. Въ свою очередь туземцы охотно пользовались медицинскими совѣтами д-ра Щусева. Пройдя озеро Цанъ, докладчикъ уже приближался къ конечному пункту путешествія по Абиссиніи; прошелъ мѣста, облитыя кровью и усѣянныя могилами итальянцевъ и абиссинцевъ, и нѣсколько глухихъ мѣстностей съ притоками разбойниковъ, остатки дѣйствій которыхъ—человѣческіе черепа, въ количествѣ 16 штукъ, имъ предоставлены въ распоряженіе антропологическаго общества.

Антропологическій отдѣлъ. 26-го сентября, въ политехническомъ музеѣ состоялось засѣданіе антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ. Въ началѣ засѣданія профессоръ Д. Н. Анучинъ прочиталъ сообщеніе, посвященное памяти Юрія Дмитріевича Филимонова и французскаго археолога Габріеля Моргилля и предложилъ почтить память ихъ вставаніемъ. Затѣмъ послѣдовало сообщеніе В. В. Воробьева: «О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ». Извѣстно, что при уменьшеніи роста отдѣльные органы уменьшаются не пропорціонально съ первымъ: голова карликовъ относительно роста весьма велика, голова же великановъ, обратно, — чрезвычайно мала; равнымъ образомъ, окружность груди у карликовъ болѣе, чѣмъ это слѣдовало бы по пропорціи, и пр. Референтъ, на основаніи своихъ наблюденій (около 450) надъ фабричными уроженцами Московской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній, пришелъ къ выводу, что большому росту соответствуетъ голова относительно меньшая во всѣхъ своихъ размѣрахъ, какъ въ черепной, такъ и въ лицевой части, чѣмъ вполне подтверждается положеніе, выставленное ранѣе г. Рождественскимъ на основаніи большаго числа наблюденій.

Раскопки въ Херсонесѣ. Императорская археологическая комиссія съ 1888 г. начала производить систематическія раскопки Херсонесскаго городища и его обширныхъ кладбищъ. Но почти въ то же время и монастырь занялся своимъ благоустройствомъ, а также и военное вѣдомство соорудило береговыя укрѣпленія. Все это послужило большимъ препятствіемъ для правильныхъ ар-

хеологическихъ изысканій. Огромная нынѣшняя площадь, обнесенная высокою монастырскою стѣной, и вновь образованный изъ мелкаго камня и щебня отъ кося, во время планировки площади и постройки храма, съ 1861 по 1892 г. сдѣлались въ настоящее время недоступными для раскопокъ. Такимъ образомъ въ всего городища по серединѣ остается бѣлымъ пятномъ, гдѣ на долгіе годы будутъ погребены многіе историческіе памятники. При сооруженіи батарей, въ жертву имъ была принесена большая часть древней оборонительной стѣны, прилегающая къ Некрополю круглая фланговая башня, главные ворота и входившій въ городъ трубный водопроводъ. При устройствѣ для минной станціи блиндажа, сверху котораго насыпанъ курганъ земли, взятой изъ городища, погибло много древностей и, вѣроятно, недостающіе куски отъ пьедестала, съ надписью въ честь царя Аспурга, которые могли бы разъяснить сомнѣнія относительно существовавшей зависимости Херсонеса отъ Босфорскаго царства. Несмотря, однако, на это, произведенныя въ послѣдніе годы раскопки открыли много новаго и дали обширный матеріалъ для дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій по городищу и Некрополю. Несомнѣннымъ теперь представляется, что нынѣшній монастырь расположенъ въ самомъ центрѣ древняго города. Тамъ находился храмъ Артемиды и лучшія зданія. Неоспоримымъ также становится, что Херсонесъ переживалъ нѣсколько различныхъ эпохъ. Обнаружены кварталы верхняго византійскаго города съ улицами, водостоками и цистернами. Открыто около $\frac{2}{3}$ версты древней оборонительной стѣны вдоль берега Карантинной бухты съ башней и пристанью. Въ XI вѣкѣ береговая стѣна была уже застроена торговыми складами и жилыми домами византійскаго періода. Широкія дороги тогда шли отъ главныхъ воротъ города къ Камышевой и Казачьей бухтамъ, также къ Георгіевскому монастырю и служили сообщеніемъ Херсонеса съ укрѣпленными и заселенными пунктами. Разслѣдованіе остатковъ субструктуры обнаружило болѣе древнія постройки изъ большихъ плитъ, отесанныхъ со всѣхъ сторонъ и плотно пригнанныхъ безъ извести, древне-греческаго города, съ красивыми и хорошими улицами. Предполагается, что древнѣйшій Херсонесъ находился въ 12 — 15 верстахъ отъ нынѣ существующаго монастыря. Некрополь, или городъ мертвыхъ, расположенный у Карантинной бухты, буквально опоясываетъ городъ живыхъ, а пространствомъ и населеніемъ значительно превосходитъ послѣдній и, подобно нашимъ кладбищамъ, обнесенъ оградой. Доказано, что жители Херсонеса въ римскую и византійскую эпохи пользовались для погребенія готовыми древне-греческими катакомбами. Изъ найденныхъ въ разное время предметовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: въ большой ямѣ, наполненной камнями и землей, открытъ глиняный кружокъ съ изображеніемъ внутри его св. Фоки, съ распростертыми кверху руками, котораго Припоптійскія колоніи считали покровителемъ всѣхъ мореплавателей. Эта интересная находка составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію византійскаго Херсонеса. Въ вырубленномъ въ скалѣ помѣщеніи обнаружены урны красивой формы, съ тремя ручками, относящіяся къ древне-греческой эпохѣ. Найдена гробница, представляющая собою сочетаніе трехъ разныхъ эпохъ: греческой, римской и византійской. Въ одной изъ катакомбъ обнаружены три остова; у одного изъ нихъ оказалась очень большая и деформированная голова. Около

него лежала большая серебряная, поясная пряжка, такъ называемаго готскаго типа. Совмѣстное и одновременное погребеніе члена этой загадочной народности съ двумя греками-христіанами составляетъ важное открытіе. Раскрыто нѣсколько катакомбъ съ нишами на подобіе косякъ и множество гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, относящихся къ древне-греческой эпохѣ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, изъ большихъ древне-греческихъ черепицъ или просто истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ. Въ одной гробницѣ найдено золотое ожерелье изъ медальоновъ съ подвѣшанною бабочкой, подобно другому, открытому въ 1891 году въ Ольвіи, вмѣстѣ съ золотыми листиками овальной формы, въ видѣ очковъ, для покрытія рта и глазъ покойника. Въ числѣ каменныхъ плитъ, изъ коихъ сложены гробницы римской эпохи, обнаружены греческіе карнизы и надгробныя стѣлы съ надписями, относящимися къ III—II в. до Р. Х. Гробница съ крышей на два ската представляетъ рѣдкое погребальное сооруженіе. Въ ней найдены глиняныя и свинцовыя урны съ прахомъ, кусочками тонкаго листоваго золота (непремѣнная принадлежность урны съ жженными костями) и много другихъ вещицъ. Чрезвычайно рѣдкую находку представляютъ: горло родосской амфоры съ греческими надписями на обѣихъ характерно изогнутыхъ ручкахъ, и также терракоты художественнаго исполненія III в. до Р. Х. Собрано отъ раскоповъ въ Некрополѣ много древнихъ предметовъ изъ золота, серебра, бронзы, желѣза, свинца, мрамора, камня, глины, стекла, разноцвѣтной пасты, янтаря, раковинъ, кости и рога, дерева и кожи. Въ 1861 году открыты были въ городницѣ остатки базилики. При святіи верхняго слоя тамъ же обнаружены: часовня съ усыпальницами, уллицы съ остатками мостовой и жилия помѣщенія. Въ числѣ другихъ предметовъ собрано множество монетъ серебряныхъ и, въ особенности, бронзовыхъ, дохристіанскихъ, христіанскихъ, херсонесскихъ, разныхъ греческихъ колоній, Босфорскаго царства, римскихъ и византійскихъ императоровъ. При одномъ остоѣ найдена бронзовая монета, находившаяся между зубами, причемъ передніе зубы окрасились въ зеленый цвѣтъ отъ окислившейся мѣди. На днѣ одной ямы открыта серебряная монета автономнаго Херсонеса съ изображеніями головы Артемиды и колчана — съ одной и бѣгущаго звѣря и надписью — съ другой стороны. Изъ монетъ христіанскаго періода одна бронзовая Романа I и Христофора — чрезвычайно рѣдкая. Другія монеты крымскихъ и золотоордынскихъ хановъ, Кесарія кавказской, одна — Амиса, бронзовая — босфорскаго царя Котиса I, серебряная Гордіана III, бронзовыя Константина II и Аркадія, двѣ римскія монеты Юлія Семиса и Гордіана III, и одна съ характерными изображеніями тамги и печати Соломона. Въ этомъ очеркѣ, конечно, не упомянуто все собранное въ отдѣльномъ зданіи музея Херсонеса; но не трудно уразумѣть, какое великое значеніе имѣютъ производимыя много лѣтъ раскопки для уясненія преимущественно древней исторіи мѣстности, прилегающей къ Севастополю. Въ теченіе 8 лѣтъ раскопокъ вскрыто и подробно описано болѣе тысячи разнородныхъ погребальныхъ сооружений, но по пространству разслѣдованій это составляетъ менѣе одной сотой. Если и въ будущемъ раскопки будутъ производиться, какъ и до сего времени, то, несомнѣнно, нынѣ скудный еще запасъ свѣдѣній о Херсонесѣ значительно обогатится, и на мѣстѣ возникнетъ одинъ изъ рѣдчайшихъ и поучительнѣйшихъ музеевъ.

Археологическая находка. Два года тому назадъ, рабочіе, разрывавшіе древній городской валъ во Владимірѣ, остатокъ крѣпостныхъ сооруженій великокняжеской эпохи, сдѣлали весьма важную въ археологическомъ отношеніи находку: на глубинѣ двухъ аршинъ при подножіи вала ими найденъ былъ горшокъ со спрятаннымъ въ немъ кладомъ, заключавшимъ въ себѣ остатки цѣнныхъ украшеній древнихъ одеждъ XII—XIII вѣковъ, какъ-то: витую серебряную гривну, двѣ золотыя съ эмалевыми изображеніями серьги, два записья, серебряный витой браслетъ и другія весьма цѣнные вещи, поступившія въ императорскую археологическую комиссію и затѣмъ въ императорскій эрмитажъ. Въ настоящемъ году, на глубинѣ двухъ аршинъ, ниже насыпи вала, докопались до грунта и встрѣтили четыре остова погребенныхъ здѣсь въ древности лицъ, очевидно ранѣе, чѣмъ былъ насыпанъ земляной валъ (XII—XIII вѣковъ). О находкѣ дано было знать живущимъ здѣсь членамъ императорскаго московскаго археологическаго общества А. В. Селиванову и В. Т. Гергіевскому, которые немедленно прибыли на мѣсто производившихся работъ и со всею тщательностью произвели дальнѣйшее изслѣдованіе найденныхъ костей. Когда найденные скелеты были освобождены отъ земли, то оказалось, что всѣ они были положены лицомъ на востокъ, и на одномъ изъ погребенныхъ, около шейныхъ позвонковъ, найденъ былъ кусокъ шелковой парчи, очевидно остатокъ воротника, длиной въ четверть аршина и шириною немного болѣе вершка. Къ верхнему краю воротника припята парчевая тесьма шириной около четверти вершка, обшитая въ свою очередь по краю узкимъ шелковымъ шнуромъ. Древняя шелковая ткань рудожелтаго цвѣта напоминает по цвѣту ткань, хранящуюся въ ризницѣ Владимірскаго Успенскаго собора и составляющую остатки великокняжескихъ одеждъ, извлеченныхъ изъ гробницъ великихъ князей владимірскихъ при обрѣтеніи ихъ мощей, но отличается тѣмъ, что новонайденная ткань гладкая, а тѣ — съ вытканымъ рисункомъ. Въ замѣнъ того на этой ткани рисунокъ вышитъ золотыми и серебряными нитями въ видѣ витого шнура. Ткань такъ хорошо сохранилась, что вышуклый рисунокъ явственно виденъ. Онъ представляетъ изъ себя двойныя линіи золотого шнура, которыя, переплетаясь, образуютъ нѣсколько круглыхъ медальоновъ. Въ этихъ медальонахъ большаго размѣра вышиты орнаментальныя птицы: одна, очевидно, бывшая въ срединѣ воротника, представляетъ орла въ геральдической постановкѣ съ распростертыми крыльями и съ головою, обращенною въ правую сторону;— другая, по лѣвую сторону, рядомъ съ орломъ и обращенная всѣмъ туловищемъ къ нему, представляетъ изъ себя фантастическую птицу, болѣе уже орнаментальнаго характера, чѣмъ первая, съ хвостомъ загнутымъ кверху и оканчивающимся двухлопастными акантовыми листьями, столь характерными въ византійско-русскихъ орнаментахъ XII—XIII вѣковъ. На головѣ птицы хохолъ съ тремя подобными же завитками. Третья птица (голубь?) болѣе естественна, съ характернымъ для птицы поворотомъ головы налѣво, и лишь загнутое правое крыло, оканчивающееся столь излюбленнымъ русско-византійскою орнаментикой XII—XIII вѣковъ, трехлопастнымъ кринкомъ напоминаетъ орнаментальный характеръ изображенія. Очевидно, ткань эта не позднѣе XII—XIII вѣковъ. Фантастическія птицы, украшающія ее, еще не

имѣють тѣхъ вытянутыхъ почти геометрическихъ формъ, уже совершенно стилисныхъ, свойственныхъ орнаментамъ XIII—XIV вѣковъ. Этотъ обрывокъ представляетъ весьма цѣнную находку, особенно въ виду крайней скудости у насъ по части тканей домонгольского періода.

Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ. Движеніе въ области сохраненія древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ нашло себѣ въ послѣднее время еще одно выраженіе въ лицѣ вновь учрежденной кіевскимъ губернаторомъ ученой комиссіи, по мысли П. П. Житенкаго. Комиссія, по словамъ газеты «Жизнь и Искусство», имѣетъ цѣлью возстановленіе древнихъ названій мѣстностей Кіева на основаніи данныхъ науки. Комиссія состоитъ изъ лицъ, наиболѣе компетентныхъ въ исторической топографіи Кіева. Результаты, выработанные комиссіей, были изложены представителямъ города въ общемъ собраніи 14-го сентября въ домѣ губернатора и заключаются, между прочимъ, въ слѣдующемъ: Слободу за ближними пещерами предложено назвать Пятницкою. Отъ Михайловскаго монастыря до Владимірской горки мимо костела — Святополковъ спускъ. Отъ Михайловскаго монастыря до Андреевской церкви — Княжій дворъ. Южный конецъ Большой Житомирской — Владиміровъ валъ. Въ концѣ Десятинной улицы, при пересѣченіи ея Большой Владимірской — Батыевы ворота. Вверху Софійской улицы — Лядскія ворота. Въ концѣ Золотоворотской улицы — Золотыя ворота. Въ началѣ Львовской улицы, отъ сѣнной площади — Жидовскія ворота. Жилианская улица будетъ переименована въ Желанскую (Желань—бывшее загородное великокняжеское мѣсто).

Выставка въ память императора Александра II. 31-го августа, въ московскомъ коммерческомъ училищѣ открылась и продолжалась нѣсколько недѣль выставка въ память императора Александра II, устроенная по инициативѣ и подъ непосредственнымъ руководствомъ директора училища К. Н. Козырева, при участіи хранителя отдѣла изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей Румянцевскаго музея С. И. Щурова и преподавателей училища П. Е. Кусѣва и В. И. Розанова. Устройствомъ ея имѣлось въ виду оживить воспоминанія о царствованіи Царя-Освободителя, вызванныя торжествами по поводу открытія ему памятника въ московскомъ Кремлѣ, причемъ особенное вниманіе было обращено на то, чтобы дать возможность учащемуся юношеству наглядно познакомиться съ лицами и событіями царствованія императора Александра II. Для облегченія этого знакомства къ большинству выставленныхъ предметовъ былъ приложенъ краткій объяснительный текстъ. Матеріаль для выставки, состоящей изъ отдѣльныхъ гравюръ, картинъ, иллюстрацій, листовъ и т. п., былъ доставленъ изъ частныхъ коллекцій: К. Н. Козырева, А. В. Морозова, наследниковъ воспитателя императора Александра II С. А. Юрьевича, Ѳ. А. Витберга, А. И. Шувалова, Г. А. Джаншиева и гг. Аванцо и Даццаро. При выборѣ матеріала обращено было особенное вниманіе на то, чтобы выставить возможно большее число портретовъ императора Александра Николаевича съ дѣтскихъ лѣтъ до его кончины; и такихъ портретовъ удалось собрать до 500. Среди выставленныхъ гравюръ было не мало выдающихся въ художественномъ отношеніи. Первый отдѣлъ выставки представляли портреты предковъ импера-

тора Александра II по прямой линіи, начиная съ Феодора Никитича Романова и его супруги монахини Марыи, въ мірѣ Ксеніи Ивановны, урожденной Шестовой. Здѣсь особенно замѣчательны по художественному исполненію были портреты императора Петра I, работы голландскаго гравера Хубракна, портреты Петра III и Екатерины II, гравера Штенглина, и Павла I и его супруги императрицы Маріи Теодоровны, работы гравера Клаубера. Во второмъ отдѣлѣ среди портретовъ и иллюстрацій, представляющихъ частную жизнь императора Александра II, его дѣтство, юность, совершеннолѣтіе, бракъ и семейную жизнь, интересны портретъ императрицы Александры Теодоровны съ ея дѣтьми цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжной Маріей Николаевной отъ 1826 г. и портретъ наследника цесаревича Александра Николаевича 1827 г. Интересна также гравюра, изображающая посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ вмѣстѣ съ супругой императрицей Александрой Теодоровной и наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ выставки «русскихъ произведеній и промышленности» въ Москвѣ, въ залахъ Кремлевскаго дворца, 2-го ноября 1831 года. Картина изображаетъ моментъ, когда экспонентъ, городской голова Титовъ, подноситъ государынѣ императрицѣ полотно. Надпись подъ гравюрой между прочимъ говоритъ: «Зная, что дѣти фабриканта Титова были въ Англіи и Франціи, государь замѣтилъ, что образованіе онъ почитаетъ необходимымъ для совершенствованія всякаго дѣла, что надо ѣздить за границу и учиться у иностранцевъ для пользы отечества, — учиться доброму, а не худому», — прибавилъ онъ. Любопытной является также гравюра, изображающая моментъ, когда императоръ Николай I, выходя изъ засѣданія совѣта министровъ, созваннаго имъ послѣ полученія извѣстій о событіяхъ въ 1830 году въ Парижѣ, встрѣтилъ въ залахъ дворца двѣнадцатилѣтняго наследника престола Александра Николаевича, остановилъ его и сказалъ: «сынъ мой, будетъ время, когда ты замѣнишь меня на престолѣ Петра I и Александра I; тогда ты долженъ будешь исполнять высокія обязанности свои, какъ отецъ и государь своихъ подданныхъ, всего себя посвящая доставленію имъ благополучія, общаго благосостоянія и славы отечеству». Другія двѣ гравюры изображаютъ: одна—императора Николая I, благословляющаго на смертномъ одрѣ передъ своею кончиной, 18-го февраля 1855 года, сына своего цесаревича Александра Николаевича на царство, а другая—императора Александра II, посылающаго у праха своего отца, въ первый день по своемъ воцареніи, гонца въ Сибирь объявить помилованіе многимъ заключеннымъ отъ имени скончавшагося своего родителя. Въ коллекціи наследниковъ С. А. Юрьевича, портретъ котораго, писанный масляными красками художникомъ Мюллеромъ, находился на выставкѣ, обращали на себя вниманіе дѣтскій мундиръ, преподнесенный наследнику цесаревичу Александру Николаевичу Коннымъ его императорскаго высочества полкомъ въ 1823 году, первые флигель-адъютанскіе эполеты великаго князя Александра Николаевича, подаренныя его высочествомъ своему воспитателю С. А. Юрьевичу въ 1834 году, собственноручные рисунки его высочества отъ 1836 г., подпись наследника цесаревича при посѣщеніи въ 1837 году страннопріимнаго дома гр. Шереметева въ Москвѣ, нѣсколько его портретовъ и собственноручное письмо пяти-

лѣтняго наслѣдника цесаревича Николая Александровича, писанное въ 1853 году. Въ коллекціи С. А. Юрьевича находились также портреты перваго воспитателя императора Александра II, генерала К. К. Мердера, поэта В. А. Жуковскаго отъ 1839 года, графа А. Вѣльгорскаго, воспитывавшагося съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, и портретъ государя императора Александра II съ собственноручной подписью. Довольно обширенъ былъ также отдѣлъ, посвященный коронаванію императора Александра II. Здѣсь были сосредоточены портреты государя императора Александра Николаевича и государыни императрицы Маріи Александровны въ коронаціонныхъ одѣяніяхъ, иллюстраціи, изображающія торжественный вѣздъ въ Москву 17-го августа 1856 года, высочайшее шествіе изъ Успенскаго собора въ Кремлевскій дворецъ послѣ коронаванія 26-го августа и другіе моменты изъ коронаціонныхъ торжествъ, а также церемоніалы высочайшаго вѣзда въ Москву и торжества коронаванія, печатныя объявленія по случаю коронаціонныхъ торжествъ отъ дворцоваго управленія, московской администраціи и военнаго вѣдомства. Слѣдующіе отдѣлы представляли главнѣйшія событія царствованія императора Александра II въ журнальныхъ иллюстраціяхъ, народныхъ изданійхъ и портретахъ сотрудниковъ государя и выдающихся дѣятелей его царствованія, а также портреты иностранныхъ современныхъ государей и ихъ министровъ. Въ этихъ отдѣлахъ были представлены внѣшняя политика и войны императора Александра Николаевича: Крымская 1855 года съ главнѣйшими ея дѣятелями и парижскимъ конгрессомъ 1856 года; присоединеніе Амура и Уссури, покореніе Кавказа, Средней Азии, усмирненіе польскаго мятежа 1863 года и русско-турецкая война 1877—1878 года. Весьма полно были представлены также реформы императора Александра II въ иллюстраціяхъ, листкахъ и портретахъ главнѣйшихъ дѣятелей: освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, судебной реформы 1864 г., отменны тѣлесныхъ наказаній, преобразованія арміи и флота, по народному образованію, по развитію желѣзнодорожной сѣти, по церковной жизни и вообще по развитію русской культуры, науки, литературы и искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ на выставкѣ находились манифесты, автографы, медали по поводу выдающихся событій царствованія императора Александра II.

† **Н. П. Боголюбовъ.** 7-го сентября, въ Москвѣ, скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Боголюбовъ, извѣстный ревностный дѣятель по вопросамъ русскаго флота, а въ литературѣ—плодовитый авторъ популярныхъ книгъ, брошюръ и статей. Внукъ извѣстнаго писателя Радищева и младшій братъ умершаго два года тому назадъ художника-мариниста А. П. Боголюбова, покойный родился въ 1825 году и воспитывался въ Морскомъ корпусѣ. Произведенный въ мичманы, а затѣмъ въ лейтенанты, онъ скоро покинулъ службу въ русскомъ флотѣ и перешелъ въ гражданское вѣдомство, занимая въ послѣдніе годы (1891—1895) должность члена дѣлопроизводителя въ императорскомъ Обществѣ для содѣйствія русскому торговому мореходству. Съ такими служебными занятіями Н. П. Боголюбовъ въ теченіе болѣе тридцати пяти лѣтъ соединялъ свои литературныя работы. Къ нимъ, прежде всего, относились два большіе труда — «Волга отъ Твери до Астрахани» (Сиб., 1862 года, 415 стр., съ политическими и картою)—подробное описаніе великой русской

рѣки, большею частію на основаніи личныхъ наблюденій автора—и «Исторія корабля» (М., 1879—1880 гг., два тома съ рисунками)—общедоступное изложеніе судостроенія и судоходства всѣхъ прибрежныхъ народовъ, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ включительно, замѣчательное по интересу и ясности изложенія. Затѣмъ Н. П. Боголюбовъ издалъ вереницу популярныхъ книжекъ и брошюръ, по предмету своей любимой спеціальности, какъ, напримѣръ: Вліяніе нашихъ мореходныхъ школъ на прибрежныхъ жителей (М., 1881 г., 16 стр.), Средства и способы для спасенія людей при кораблекрушеніяхъ (М., 1881 г., 31 стр.), Разказы стараго матроса (М., 1885 и 1879 гг.), Главная оборона Петропавловскаго порта (Спб., 1885 г., 31 стр.), Купецъ Иголкинъ (Спб., 1886 г., 17 стр.), Удалые Поморцы (Спб., 1887 г., 32 стр.), Лейтенантъ Казарскій (Сиб., 1888 г., 12 стр.) и Графъ Морицъ Веніовскій, разсказъ (М., 1894 г.). Наконецъ, покойный помѣстилъ длинный рядъ статей и разсказовъ изъ морскаго быта въ такихъ журналахъ, какъ «Вокругъ Свѣта», «Дѣтскій Отдыхъ», «Досугъ и Дѣло»: это были живыя біографіи русскихъ мореплавателей (Беллинггаузена, Лазарева, Крузенштерна, Коцебу, Головнина), описаніе замѣчательныхъ кораблекрушеній, подвиговъ матросовъ и занимательныя повѣствованія изъ «жизни моря», необыкновенно интересовавшія по своимъ литературнымъ достоинствамъ не только дѣтей, но и взрослыхъ читателей. Незадолго до смерти Н. П. передалъ въ Румянцевскій музей свои воспоминанія подъ заглавіемъ «Изъ видѣннаго и слышаннаго», оставивъ на изданіе воспоминаній необходимыя средства. Большую часть своихъ средствъ и художественныхъ произведеній покойный завѣщалъ Радичевскому музею и саратовской рисовальной школѣ, основанной его братомъ, художникомъ А. П. Боголюбовымъ («Моск. Вѣд.» № 248; «Русск. Вѣд.» № 189; «Нов. Вр.» № 8097).

† **Н. Ф. Красносельцевъ.** 13 сентября, въ Константинополѣ, скончался профессоръ Новороссійскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи Николай Ѳомичъ Красносельцевъ. Покойный родился 3 декабря 1845 года въ селѣ Верхосульѣ (Самарской губерніи), воспитывался въ Уфимской семинаріи и въ Казанской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенію магистра богословія, въ 1870 году онъ недолго служилъ преподавателемъ Св. Писанія въ Самарской семинаріи и уже съ 18 марта 1871 года былъ утвержденъ доцентомъ Казанской духовной академіи по кафедрѣ литургіи и церковной археологіи, а съ 1884 года—экстраординарнымъ профессоромъ. Съ 16 марта 1889 года покойный перешелъ съ тѣмъ же званіемъ въ Новороссійскій университетъ на кафедру церковной исторіи, гдѣ и состоялъ до своей кончины. Часто совершая научныя поѣздки то въ Западную Европу, то на Востокъ, онъ и умеръ въ Константинополѣ, заканчивая свое послѣднее путешествіе. Къ научнымъ трудамъ Н. Ф. Красносельцева относились: магистерская диссертация «Западныя миссіи противъ татарь-язычниковъ и особенно противъ татарь-мусульманъ» (Казань, 1872 г.) и слѣдующія изслѣдованія: «Очерки изъ исторіи христіанскаго храма» (1881 г.), «Древне-христіанскія усыпальницы» (1883 г.), «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки» (1885 г.), «Изъ исторіи православнаго богослуже-

нія» (1889 г.), «Матеріалы для исторіи чиновослѣдованія литургіи Св. Іоанна Златоустаго» (1889 г.), «О значеніи археологическихъ открытій для обработки древней церковной исторіи» (Одесса, 1891 г.), «Типикъ церкви Св. Софїи въ Константинополѣ» (1891 г.), «Патріархъ Фотій и византійское богослуженіе его времени» (Одесса, 1892 г.). («Моск. Вѣд.» № 257; «Нов. Вр.» 8105).

† **А. А. Макуринъ.** 11-го сентября, скончался въ С.-Петербургѣ, на 29 году жизни, одинъ изъ скромныхъ литературныхъ дѣятелей Андрей Автоновичъ Макуринъ. Покойный уроженецъ Пермской губ., окончилъ въ 1894 г. историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и, состоя на службѣ въ государственномъ контролѣ, занимался литературной и частной педагогической дѣятельностью. Его статьи, посвященныя обсужденію разнаго рода общественныхъ вопросовъ, помѣщались въ «Пермскихъ Губ. Вѣд.», «Русской Школѣ» (поди А. Перминъ), «Курской Газетѣ», «Сынѣ Отечества» и друг. изданіяхъ. («Нов. Вр.» № 8099).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

—

По поводу разсказа „Шпіонъ“.

I.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ напечатанъ разсказъ М. Д. Плахова, озаглавленный: «Шпіонъ, эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 года». Судя по этому заглавію и тому, что статья появилась на страницахъ историческаго журнала, читатели готовы принять эту повѣсть за описаніе дѣйствительно бывшаго факта. Такое мнѣніе высказывалось мнѣ всѣми лицами, которыя, прочитавъ ее, говорили со мной о ней. Допускаю возможность, что и редакція журнала могла быть введена въ заблужденіе, а потому, какъ близко знакомый съ исторіей этого времени (я состоялъ въ рядахъ войскъ бывшей I-ой арміи, а затѣмъ Варшавскаго военнаго округа съ 1861 по 1874 годъ и участвовалъ въ большомъ числѣ экспедицій противъ мятежниковъ), считаю полезнымъ заявить, что разсказъ г. Плахова, отъ начала до конца, во всѣхъ своихъ деталяхъ, есть плодъ фантазіи автора и притомъ вымышленъ не вполне удачно.

Начать съ того, что авторъ не знаетъ даже времени, когда вспыхнуло возстаніе.

Начало своего разсказа, онъ относитъ въ такъ называемой «Вареоломеевской ночи», т. е. къ той ночи, когда на всемъ пространствѣ бывшаго царства Польскаго толпы вооруженнаго народа неожиданно напали на наши войска (смотри внизу стр. 167). Это была ночь съ 10 на 11 января 1863 года, т. е.

глубокой зимой. Между тѣмъ авторъ пишетъ, что это было весной (стр. 165), а дальше (стр. 174) говоритъ, что вынужденныя за ограду сторожки лошади стали цѣнать «молодую, зеленую травку». Это 11 января — подъ снѣгомъ!

Изъ «журнала военныхъ дѣйствій» за 1863 годъ (изданнаго штабомъ войскъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ) легко убѣдиться, что между начальниками отрядовъ, имѣвшихъ стычки съ мятежниками, не было полковника Дорошенко. Не имѣя подъ рукой списка начальниковъ отдѣльных частей войскъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ въ 1864 году, не могу сказать, существовалъ ли вообще въ то время въ рядахъ этихъ войскъ полковникъ, носящій эту фамилію; но положительно утверждаю, что никакой полковникъ Дорошенко не имѣлъ дѣла въ повстанцахъ. Точно также между начальниками мятежниковъ не было никакого Кислинскаго.

Описаніе сраженія (стр. 181) мало похоже на дѣла наши съ повстанцами. Последніе только въ рѣдкихъ случаяхъ давали серьезный отпоръ. Случаи эти наперечетъ извѣстны, и между ними описываемаго авторомъ дѣла нѣтъ. Пущекъ у мятежниковъ не было. Диктаторъ Лангевичъ возилъ съ собою нѣсколько деревянныхъ пущекъ, чтобы видомъ ихъ произвести впечатлѣніе на обывателей, но стрѣлять изъ нихъ, да еще картечью, разумѣется, нельзя было.

Смертная казнь примѣнялась исключительно по приговору военного суда и никогда по приказу начальника отряда, какъ рассказываетъ авторъ. Притомъ приговоры суда приводились въ исполненіе только послѣ конфирмаціи ихъ намѣстникомъ въ царствѣ. Только во второй половинѣ 1863 года нѣкоторымъ начальникамъ большихъ отрядовъ предоставлено было судить начальниковъ шакъ полевымъ судомъ и подтверждать смертные приговоры, которые приводились въ исполненіе на мѣстахъ ихъ поимки. Это было примѣнено только въ весьма немногихъ случаяхъ, въ числѣ которыхъ рассказаннаго авторомъ нѣтъ.

Описаніе самой казни исполнѣ фантастическое. Авторъ очевидно не видѣлъ ни одной казни: толпа въ такихъ случаяхъ допускалась только на извѣстное разстояніе, и, разумѣется, никогда не могла стѣснять движеніе войскъ и перевозку осужденныхъ. Послѣ прочтенія приговора суда горнисты и барабанщики играютъ и бьютъ походъ, что продолжается до окончанія казни, такъ что, если бы даже палачъ дозволилъ говорить осужденному, то никто бы словъ его слышать не могъ. Осужденнымъ на повѣшеніе не завязываютъ глаза, а надѣваютъ длинный, бѣлый саванъ съ капюшономъ, который накидывается на голову и совершенно закрываетъ лицо осужденнаго, руки котораго длинными рукавами савана завязываются на его спинѣ. Глаза завязываютъ только при разстрѣляніи.

Толпа не могла кричать «*Vivat Polonia!*» Латинскіе крики простымъ народомъ не употребляются. Толпа, если бы ей дозволили кричать бывшій тутъ войска, кричала бы исключительно польски: *Niech żyje Polska!* Но и это исполнѣ немислимо при той обстановкѣ, при какой бывали казни.

Единственная мѣстность, названная въ рассказѣ, мѣстечко Раковицы, на картѣ Люблинской губерніи не существуетъ.

(случай объ уничтоженіи мятежниками взвода уланъ, понавшего въ засаду (стр. 179), вымышленъ. Случай, чтобы уланы попали въ засаду, былъ только одинъ—съ эскадрономъ л.-гв. Уланскаго полка, между Варшавой и Гурой Кальваріей, и послѣдствія были самыя ничтожныя. Объ уничтоженіи этой части войскъ и рѣчи быть не могло.

Эпизодъ въ лѣсной сторожкѣ также не существовалъ, какъ видно изъ «журнала военныхъ дѣйствій» за 1863 г. Онъ, вѣроятно, созданъ на основаніи свѣдѣній о геройскомъ дѣлѣ штабъ-ротмистра л.-гв. Гродненскаго полка Грабе при дер. Севидовицы, интересное описаніе котораго напечатано было въ № 208 «Русскаго Инвалида» за 1863 годъ.

Рассказъ «Шпионъ» едва ли написанъ военнымъ, на что указываютъ слѣдующія выраженія:

На стр. 166 говорится, что казакъ «теръ переносицу своей лошади». Такъ не могъ выразиться кавалерійскій офицеръ. На стр. 164 майоръ Жадовъ названъ «нашъ сотенный командиръ»—слѣдовательно и авторъ и Жадовъ казакъ; но на стр. 165 авторъ говоритъ о «3-хъ ротахъ нашего баталіона»—слѣдовательно авторъ пѣхотинецъ. Дальше, на той же страницѣ майоръ Жадовъ обращается «къ нашему сотенному командиру»—слѣдовательно не Жадовъ сотенный командиръ; тамъ же Жадовъ приказываетъ 2-мъ своимъ офицерамъ вывести роту—очевидно, тутъ Жадовъ оиять пѣхотинецъ. Такую путаницу не могъ создать военный.

Въ заключеніе привожу еще одинъ промахъ изложенія. На страницѣ 181 читаемъ:

«Съ В. снимали показанія, на которыя онъ упрно молчалъ».

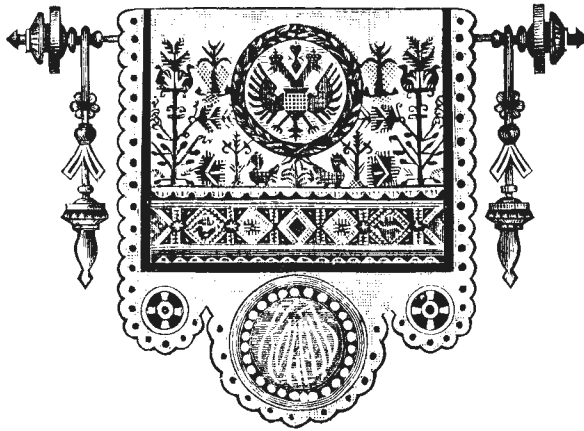
Какъ это можно молчать на снимаемыя показанія? Непонятно! Едва ли такъ могъ выразиться военный человѣкъ.

На той же стр. 181 авторъ говоритъ о жандармахъ душителяхъ. Въ царствѣ Польскомъ были извѣстны только жандармы вѣшатели и кивжалъцики. Ихъ исключительно такъ называли. Слово душитель никогда не употреблялось, ни въ официальной перепискѣ, ни въ разговорахъ, и вызываетъ сомнѣвіе, чтобы авторъ былъ въ Польшѣ во время возстанія.

В. фонъ-Валя.

Отъ редакціи. Мы охотно печатаемъ замѣтку генерала фонъ-Валя по поводу разказа г. Плахова «Шпионъ» и благодаримъ его за любезное вниманіе къ нашему журналу. Но, въ виду очевиднаго недоразумѣнія, возбужденнаго означеннымъ разказомъ, должны пояснить, что это есть беллетристическое прозведеніе, къ которому никоимъ образомъ нельзя предъявлять строго историческихъ требованій. По словамъ генерала фонъ-Валя, онъ и нѣкоторыя его знакомые приняли разказъ г. Плахова за описаніе истиннаго происшествія по заглавію (?) и тому, что онъ помѣщенъ въ историческомъ журналѣ. Но «Историческій Вѣстникъ» вовсе не спеціальнѣй историческій журналъ, что обозначено и въ его подзаголовкѣ (журналъ историческій и литературный), и

въ каждой его книжкѣ, въ текстѣ и приложеніяхъ, помѣщаются романы, повѣсти и рассказы, причемъ лишь дается преимущество романамъ, повѣстямъ и рассказамъ историческаго и бытоваго содержанія; къ числу ихъ принадлежитъ и рассказъ «Шпіонъ», автору котораго нельзя ставить въ вину ни вымысла нѣкоторыхъ событій, ни вымышленныхъ именъ, такъ какъ и то и другое не только допускается, но даже неизбѣжно въ беллетристическомъ произведеніи. Единственно, за что можно укорить г. Плахова, это за маленькіе промахи относительно военной техники.

Яни быстро вскочилъ и воскликнулъ радостно:

— Намъ надо ѣхать и вдвоемъ. Отлично.

— Ну, войдемъ въ шалашъ,— произнесъ Николай: — и я расскажу вамъ, въ чемъ дѣло.

Онъ въ двухъ словахъ объяснилъ имъ свой новый планъ. Турецкое судно, подходившее къ Каламатѣ, вернулось въ Навплию и должно было перевезти въ Афины нѣсколько богатыхъ турецкихъ семействъ, которыя не считали себя тамъ безопасными, а изъ Афинъ доставить въ Навплию грузъ оружія и снарядовъ. Пора было пустить въ ходъ брандера.

— Николай говоритъ, что ты, Митсось, хорошо знаешь Навплийскую бухту,— сказалъ Петровій.

— Да, я знаю ее, какъ свои пять пальцевъ,— отвѣчалъ юноша, покраснѣвъ отъ удовольствія:— когда мнѣ отправляться?

— Завтра утромъ. Турецкое судно прибыло въ Навплию три дня тому назадъ, но оно останется тамъ еще пять дней. Напасть же на него надо въ открытомъ морѣ, когда уже ему нельзя вернуться обратно. Но тебѣ надо товарища. Кого бы хотѣлъ взять съ собою?

— Конечно, тошаго Яни,— отвѣчалъ Митсось съ улыбкой.

— А толстый Яни этого желаетъ?

— Ему все равно,— произнесъ Яни, сіяя отъ удовольствія.

— Полно болтать, и выслушайте мою инструкцію, — произнесъ Петровій и подробно объяснилъ планъ дѣйствія.

Внимательно дослушавъ рѣчь Петровія, жители вышли на свѣжій воздухъ и долго весело разговаривали, покуривая трубки, пока, наконецъ, Николай, обходя часовыхъ, не замѣтилъ ихъ и не прогналъ спать.

На слѣдующее утро они отправились въ путь налегкѣ, такъ какъ ихъ ожидало въ Навплии все нужное для устройства брандера изъ канка. Они взяли съ собою только одну лошадь для «толстяка», и ихъ проводили до горнаго прохода въ Спарту Петровій и Николай.

Дальнѣйшая ихъ дорога лежала черезъ равнину, и имъ предстояло обойти окольнымъ путемъ Триполи и переправиться черезъ Навплийскую бухту въ лодкѣ, чтобъ миновать Аргосъ. Въ Навплии они должны были остановиться въ домѣ Константина, но какъ можно скрытнѣе. Что же касается до канка, то онъ находился на сохраненіи у Леласа, содержателя кофейни.

Путешествіе совершилось благополучно. Вечеромъ перваго дня они находились въ концѣ Лангардскаго прохода: передъ ними простиралась громадная плодородная Спартанская равнина, то зеленая, то сѣровая, изъ масличныхъ плантацій. Въ разстояніи мили оттуда гнѣздилися у подошвы горнаго прохода маленькій турецкій городокъ Мистра, и друзья его обошли горной тропинкой изъ боязни,

чтобъ турки не получили извѣстiя о событiяхъ въ Каламатѣ и не поджидали появленiя грековъ. Но, очутившись на другой сторонѣ города, Яни обернулся и съ удивленiемъ сказалъ:

— Странно, въ домахъ не видно свѣта.

— Да, диковинно, — отвѣчала Митсось: — погоди. Надо посмотрѣть.

Они оба сѣли на землю и стали ждать подъ защитой сумерекъ, чтобъ въ городѣ, казавшемся совершенно пустымъ, явился какой нибудь признакъ жизни. Но время шло, а въ окнахъ не появлялось свѣта, и никого не было видно, никого не было слышно въ этомъ странномъ человѣческомъ селенiи.

— Пойдемъ потихоньку къ городскимъ воротамъ, — сказала Яни: — прiятнѣе будетъ ночевать въ домѣ, чѣмъ на холодной землѣ.

— Ишь какъ ты привыкъ къ теплымъ жилищамъ Триполи, — отвѣчалъ со смѣхомъ Митсось: — ну, да ничего, пойдемъ.

Отправились къ воротамъ, которыя были широко открыты.

— Странно, пойдемъ дальше, — произнесъ Митсось.

Всѣ дома, мимо которыхъ они проходили, были пусты къ отвореннымъ настежь дверямъ.

— Вѣроятно, жители получили вѣсть о взятiи Каламаты, — сказалъ Митсось, — и бѣжали. Здѣсь не осталось ни одной души. Дойдемъ-ка до конца улицы.

Они оставили лошадь во дворѣ мечети и осторожно продолжали путь. Вездѣ была та же пустота, то же безмолвiе. Въ окна виднѣлись валявшiяся шелковыя турецкiя платья, роскошныя изданiя корана и т. д. У входа въ старинную греческую церковь, превращенную въ мечеть, стояли два высокiхъ серебряныхъ канделябра на двадцать свѣчей.

— Знаешь что, — сказала Яни, смотря пристально на эти канделябры: — было бы недурно поужинать при свѣтѣ этихъ диковинъ. Возьмемъ-ка ихъ, Митсось. Ай, ай, какъ они тяжелы!

— Но куда мы ихъ дѣнемъ?

— Поставимъ въ красивомъ домѣ, который я уже присмотрѣлъ. Тамъ еще виднѣлся боченокъ съ виномъ, а я непрочь теперь хорошо выпить. Э! какое чудесное женское платье! Да и его хозяйка была, вѣроятно, красавица.

Домъ, понравившiйся Яни, былъ двухэтажной кофейней. Въ верхнiй этажъ вела наружная лѣстница изъ сада, и какъ только они подошли къ ней, явилась неизвѣстно откуда кошка и стала подозрительно коситься на нихъ. Внизу было три комнаты, и въ наружной виднѣлись слѣды поспѣшнаго бѣгства. На полу валялся длинный турецкiй нарлиле съ янтарнымъ мундштукомъ, на полкѣ лежало нѣсколько чубуковъ, а на столѣ виднѣлся полуоткрытый кيسеть съ табакомъ. Низенькiй покойный диванъ съ мягкими подушками занималъ три стѣны комнаты, и конка, повидимому, почув-

ствовавшая неожиданное расположеніе къ чужестранцамъ, спокойно усѣлась въ одномъ изъ угловъ дивана и стала весело мяукать. Вторая комната была переполнена ящиками съ кофе и табакомъ, а на среднемъ столѣ помѣщалась лаханка съ двумя полуоципанными циплятами. Третье помѣщеніе нижняго этажа была конюшня; въ одномъ углу ея было навалено свѣжее сѣно, а въ другомъ виднѣлась печка съ грудой угля передъ нею. На заглохнувшихъ угляхъ внутри печки стояли два маленькихъ мѣдныхъ кофейника.

— Я надѣюсь, что вы будете сегодня ужинать у меня, Митсось,—сказалъ Яни искусственно жеманнымъ тономъ, когда они осмотрѣли всѣ комнаты.

Митсось молча поклонился.

Потомъ они заперли ставни и зажгли канделябры.

Затѣмъ они осмотрѣли двѣ верхнія комнаты, и въ нихъ оказались въ одной двѣ кровати, а въ другой одна. Онѣ не были постланы, очевидно, спавшіе на нихъ бѣжали прямо съ постели, поэтому Митсось съ отвращеніемъ отдернулъ простыни, на которыхъ спали турки.

Покончивъ съ обзоромъ помѣщенія, Яни сталъ разводить огонь, чтобъ сварить курицъ, а Митсось заглянулъ въ кладовую.

— Что это, анчоусы?—воскликнулъ онъ:—прекрасно. Мы ими закусимъ; это обостритъ нашъ аппетитъ. Пресвятая Дѣва, тутъ есть еще табакъ и набитыя трубки. Нечего сказать, мы проведемъ здѣсь превеселый вечеръ. Но наша лошадь ждетъ у воротъ. Я пойду за ней, а ты поторопись съ ужиномъ.

Яни засмѣялся.

— А, право, турки славные люди. Они намъ приготовили провизіи, которой хватить до Навплии, и намъ нечего будетъ покупать хлѣба и вина въ селеніяхъ, въ сумерки.

Яни поставилъ циплять вариться и, пока Митсось пошелъ за лошадью, чтобъ поставить ее въ конюшню, сталъ для забавы примѣрять женское турецкое платье, которое они нашли на улицѣ. Когда Митсось позвалъ его въ конюшню, то онъ не снялъ свой костюмъ, а такъ отправился къ своему другу, который въ первую минуту удивился появленію турецкой женщины, а затѣмъ весело расхохотался.

— Что, женщина, мой ужинъ готовъ?—воскликнулъ онъ весело.

Они со смѣхомъ сѣли за столъ и принялись съ аппетитомъ за циплять и анчоусы, запивая виномъ, которое Митсось нашелъ въ кладовой. Особенно ихъ потѣшало, что они ѣли и пили на турецкій счетъ.

— Славный турецкій ципленокъ,—воскликнулъ Яни:—прекрасное турецкое вино! Отличный турецкій табакъ! Мы унесли бы отсюда съ удовольствіемъ эти красивые турецкіе подсвѣчники, но

еслибъ мы потащили ихъ на спинѣ, то слишкомъ обратили бы на себя вниманіе по дорогѣ.

Послѣ обѣда они вышли въ садъ и стали курить турецкія трубки. Все было тихо, только вдали журчалъ ручей, или слышалась трель соловья. Кошка бѣгала по саду, то лазая на деревья, то прыгая за какой-то воображаемой добычей. А когда они пошли въ домъ, чтобы лечь спать, она торжественно предшествовала имъ и, вспрыгнувъ на кровать Митсосу, стала нѣжно мяукать.

III.

На слѣдующее утро, очень рано, они нагрузили лошадь различной провизіей и направились на юго-востокъ. Спарта съ ея красными крышами и масличными рощами осталась налѣво, а передъ ними извивались холмы, покрытые верескомъ и полевыми цвѣтами. Спустя два часа, они очутились на берегу серебристо извивавшагося Еврота. Митсось, взросшій на водѣ, не могъ устоять отъ соблазна и, быстро раздѣвшись, сталъ весело плавать. Прошло еще два часа, и они достигли подножья горы; тамъ они сдѣлали привалъ и поѣли.

Такимъ образомъ, они продолжали свой путь еще два дня, и наконецъ, миновавъ Триполи и Аргосъ, вышли на берегъ Навплійской бухты у Милая. Тамъ ихъ ждала лодка, и при свѣтѣ восходящаго солнца Митсось снова увидалъ знакомую ему синеву бухты, на противоположной сторонѣ которой бѣлѣла стѣна, скрывавшая жилище его возлюбленной.

Въ десять часовъ они были уже въ домѣ Константина, откуда ясно виднѣлся турецкій корабль. Очевидно, они успѣли во-время. Нападеніе по инструкціи Петровія должно было произойти, конечно, ночью, а черезъ содержателя кофейни, Леласа, они узнали, что корабль уйдетъ въ море въ тотъ же вечеръ, около 12 часовъ, что было для нихъ удобно, такъ какъ въ случаѣ ухода корабля днемъ имъ пришлось бы слѣдовать за нимъ до наступленія темноты и совершить свое рискованное дѣло въ открытомъ морѣ, далеко отъ берега. Леласъ показалъ имъ каикъ, который по распоряженію Николая онъ долженъ былъ отдать Митсосу, и юноша объявивъ, что надо испробовать ходъ лодки, вскочилъ въ нее. Оттолкнувъ отъ берега, онъ мигнулъ Яни, и тотъ отвѣтилъ съ улыбкой.

— Очень жаль, я не могу отправиться съ тобой.

Онъ очень хорошо зналъ, куда спѣшилъ Митсось, хотя у него не было ни малѣйшаго шанса увидѣть днемъ Зулейму, и, вернувшись домой, сталъ терпѣливо ждать его возвращенія.

Но прежде чѣмъ онъ разстался съ Леласомъ, послѣдній хотѣлъ во что бы то ни стало вывѣдать у него, на что нуженъ былъ каикъ Митсосу.

— Я увѣренъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—что каккъ понадобится для какихъ нибудь военныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Но Яни не удовлетворилъ его любопытства, напротивъ узналъ отъ своего собесѣдника всѣ навилійскія сплетни, которыя касались преимущественно поспѣшнаго удаленія турокъ изъ города. Кто бѣжалъ въ Константинополь, кто въ Аѳины, а многіе искали спасенія на военномъ кораблѣ, стоявшемъ въ гавани. Такъ велика была паника, которая распространилась между турками, благодаря взятію Каламаты.

Между тѣмъ, Митсось прямо направилъ каккъ къ бѣлому дому. Вѣтеръ дулъ попутный, и такъ какъ парусъ на каккъ былъ болѣе, чѣмъ на лодкѣ юноши, то онъ и летѣлъ быстрѣе. По этой именно причинѣ, вѣроятно, его и выбралъ Николай, бывшій опытнымъ морякомъ, и Митсось, смотря на виднѣвшійся вдали корабль, мысленно говорилъ себѣ:

— Я тебѣ дамъ 15 минутъ впередъ и догону въ продолженіе часа.

Вскорѣ онъ очутился подъ самой стѣной. На террасѣ никого не было, и это показалось ему страннымъ, такъ какъ прежде всегда видѣлись тамъ женщины или слуги. Но если онъ не видѣлъ Зулеймы, то все-таки ему было отрадно чувствовать, что она близко и, можетъ быть, въ эту самую минуту говорить о немъ съ Зулейкой.

Въ стѣнѣ была маленькая калитка, всегда запертая, а теперь, случайно приблизившись къ ней отъ движенія воды, Митсось съ удивленіемъ увидѣлъ, что она настѣжъ открыта. Онъ поблѣднѣлъ. Страшная мысль блеснула къ его головѣ. Онъ выскочилъ на берегъ и вошелъ въ калитку. Садъ былъ пустой, и двери дома растворены; какой-то заяцъ выскочилъ изъ-за кустовъ и спрятался въ цвѣточной куртнѣ.

Юноша вздрогнулъ. Домъ былъ покинутъ, и Абдулъ бѣжалъ со всѣми своими людьми. Мало того, по всей вѣроятности, онъ нашелъ убѣжище на кораблѣ, который Митсось долженъ былъ поджечь.

Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ не могъ подвергнуть смерти Зулейму вмѣстѣ съ остальными турками на кораблѣ и, слѣдовательно, брандера не надо было пускать въ ходъ. Но Яни былъ съ нимъ, и ничто не могло удержать его отъ исполненія своего долга. Нѣтъ, ему надо было отправиться съ нимъ на каккъ и потомъ, подъ предлогомъ отсутствія отлива или чего либо другаго, отложить уничтоженіе турецкаго судна до другаго раза.

Возвращаясь домой, Митсось все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ не могъ подвергнуть вѣрной смерти Зулейму, хотя этого требовалъ долгъ и преданность Николаю и родинѣ. Зулейма была ему дороже всего. Она была его первой любовью, его сокровищемъ, его женой передъ Богомъ, и къ тому же...

Яни обѣдалъ, когда вошелъ въ комнату Митсось, но, увидѣвъ его, онъ вскочилъ.

— Что случилось? Что съ тобой?—воскликнулъ онъ.

Митсось посмотрѣлъ на него молча, и жажда подѣлиться съ другомъ своею печалью взяла верхъ надъ его рѣшимостью не говорить Яни о случившемся, и онъ промолвилъ:

— Яни, нельзя поджечь турецкій корабль. Абдуль бѣжалъ съ Зулеймой и всѣми домочадцами. Они, вѣроятно, на этомъ кораблѣ. Я не могу предать ее смерти.

Яни въ отчаяніи бросился на диванъ.

— Митсось! Бѣдный Митсось!—воскликнулъ онъ:—Боже милостивый!

— Отчего ты называешь меня бѣднымъ, вѣдь я не могу...

— Ты не можешь, а клятва, а родина...

— Есть кое-что святѣе клятвы и родины. Къ чорту клятва, къ чорту родина!

Яни молчалъ.

— Какъ ты смѣешь молчать! Какъ ты смѣешь осуждать меня!—продолжалъ Митсось, выходя изъ себя:—я спасъ тебя два раза отъ вѣрной смерти, а ты...

— Митсось...—могъ только прошептать Яни.

Митсось закусилъ губу и смолкъ. Черезъ минуту онъ заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Яни,—сказалъ онъ, немного успокоившись:—прости меня, но я не могу, не могу этого сдѣлать. Это сверхъ моихъ силъ.

Яни обнялъ своего друга, и они стали плакать вмѣстѣ.

— Бѣдный Митсось,—прошепталъ наконецъ Яни, первый прерывая молчаніе:—что дѣлать? Можетъ быть, Николай и мой отецъ освободили бы тебя отъ твоей клятвы, если бы они знали. Но они далеко. А если ея нѣтъ на кораблѣ?

— А если она тамъ?

Снова наступило молчаніе.

— Нечего объ этомъ болѣе говорить, — промолвилъ, спустя нѣсколько минутъ, Митсось:—будетъ, что будетъ. Рѣшиться на это страшное дѣло я не могу и отказаться отъ него также невозможно. Пожалѣй меня, Яни, и прости за все, что я наговорилъ тебѣ непріятнаго.

Яни улыбнулся.

— Прощать мнѣ нечего, милый Митсось. Ты не можешь меня оскорбить!

— Такъ забудь, миланка, я, право, не сознавалъ, что говорилъ.

— Да, да, я ничего не помню.

Часы шли за часами, а Митсось все лежалъ неподвижно на верандѣ, какъ раненый звѣрь. Яни оставилъ его въ покоѣ, зная, какая тяжелая борьба происходила въ его сердцѣ. Однако, мало-помалу онъ успокоился, всякая тѣнь нерѣшимости исчезла изъ его глазъ, и ясно было видно по ихъ выраженію, что онъ рѣшился на одно или другое.

— Съѣшь чтонибудь,—сказалъ Яни, подходя наконецъ къ нему, когда уже солнце было близко къ закату.

— Не хочу,—отвѣчаетъ Митсось.

Яни поднесъ къ его губамъ стаканъ съ виномъ.

— Выпей скорѣе,—сказалъ онъ:—это тебя подкрѣпитъ.

Митсось повиновался, какъ ребенокъ.

— Ты долженъ на чтонибудь рѣшиться,—промолвилъ Яни послѣ минутнаго молчанія:—если ты рѣшишь ничего не дѣлать, то мнѣ надо чтонибудь придумать.

Митсось кивнулъ головой.

— Оставь меня на полчаса одного,—сказалъ онъ:—а потомъ я тебѣ скажу, на что я рѣшусь.

Яни ушелъ съ горькой печалью въ сердцѣ. Ему жаль было друга, но онъ ничѣмъ не могъ ему помочь.

Прошло болѣе получаса, и въ дверяхъ комнаты, гдѣ сидѣлъ Яни, показался Митсось. Онъ былъ очень блѣденъ и едва держался на ногахъ.

— Пойдемъ, Яни,—сказалъ онъ, не смотря на своего друга:—пора отправляться. Гдѣ дрова и сосуды съ терпентиномъ?

— Въ лодкѣ; я уже снесъ ихъ.

— Такъ ты хотѣлъ одинъ исполнить наше порученіе, если-бъ я отказался?

— Я постарался бы сдѣлать, что возможно.

Не разъ люди всходили на эшафотъ твердыми шагами, и мученики твердо смотрѣли на смерть близкихъ имъ людей. Точно въ такомъ же настроеніи находился теперь Митсось. Всѣмъ сердцемъ и душой онъ вѣрилъ въ святость дѣла освобожденія Греція и уничтоженія турокъ, а потому онъ далъ клятву повиноваться руководителямъ этого святаго дѣла и не могъ нарушить ее. Онъ добровольно сдѣлался однимъ изъ колесъ патріотической машины, и одно колесо не можетъ отказаться отъ движенія, когда весь механизмъ пущенъ въ ходъ. Поэтому онъ твердыми шагами, но совершенно машинально направлялся къ лодкѣ, осмотрѣлъ, все ли было приготовлено, и сѣлъ на руль.

Предпріятіе двухъ юныхъ друзей было опасное. Каккъ былъ переполненъ горючимъ матеріаломъ: въ немъ находилось четыре сосуда съ терпентиномъ, которымъ они должны были пропитать парусъ и грузъ валежника. Планъ дѣйствія заключался въ томъ, чтобъ подойти незамѣтно къ турецкому кораблю, прицѣпить къ снастямъ каккъ, поджечь его и самимъ спастись въ маленькой лодкѣ, которую они вели на буксирѣ. Но такъ какъ огонь быстро распространился бы по какку, то имъ предстояла двойная опасность—сгорѣть, прежде чѣмъ имъ удалось бы попасть въ лодку и отойти отъ брандера, или быть убитыми отъ турецкихъ выстрѣловъ. Но именно этотъ элементъ опасности и поддерживалъ мужество Митсоса.

По крайней мѣрѣ ночь вполне благоприятствовала подвигу: небо было покрыто тучами, и вѣтеръ дулъ довольно сильный, такъ что они могли подойти къ кораблю незамѣтно и быстро. Иначе при свѣтлой ночи рискъ удвоивался бы. Вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока и приходилось подождать, пока военное судно, пройдя съ милою, повернуло бы къ югу для выхода изъ бухты. Тогда оно находилось бы далеко отъ берега, и всего удобнѣе было дѣйствовать противъ него. Сначала слѣдовало подойти къ нему за четверть мили и ждать, пока каравль снимется съ якоря.

Времени было много, и Митсось направилъ прежде лодку къ бѣлой стѣнѣ, съ которой онъ хотѣлъ проститься навѣки. Яни понялъ его намѣреніе и отвернулся, чтобъ не видѣть его отчаянія. Дѣйствительно, несмотря на твердую рѣшимость исполнить свой долгъ и клятву, онъ испытывалъ самую мучительную пытку. Сердце его разрывалось на части. Приблизившись къ бѣлой стѣнѣ, Митсось бросилъ на нее такой взглядъ, какимъ прощаются люди съ любимымъ умершимъ существомъ. Для него Зулейма была мертвой, и онъ думалъ о ней, какъ о покойницѣ, которую любилъ и собственно-ручно предалъ смерти. Съ глубокимъ вздохомъ онъ перемѣнилъ курсъ лодки, и она быстро понеслась назадъ къ Навплии, которая вскорѣ засвѣтилась вблизи.

Передъ ея многочисленными огоньками чернѣла темная масса военного корабля. Палуба его была блестяще освѣщена, и на ней слышались громкіе разговоры и веселый смѣхъ. Матросы очевидно приготовлялись поднять якорь, такъ какъ по временамъ виднѣлись люди, лазавшіе по снастямъ, и слышалась команда. Наконецъ раздался звонъ колокола, вѣроятно, сигналъ къ отплытію.

Но друзьямъ пришлось еще прождать два часа, такъ медленно шли приготовленія къ отходу на турецкомъ кораблѣ. Мало-по-малу зажглись фонари на главной мачтѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ судна. Наконецъ подняли якорь и поставили малый парусъ, достаточный для того, чтобъ выйти изъ бухты. Тихо, величаво двинулся корабль, оставляя за собою городъ съ его многочисленными огоньками.

Митсось молча расправилъ свой парусъ, и каикъ пошелъ въ слѣдъ за большимъ судномъ, мимо гавани, и вскорѣ они очутились среди бухты, вдали отъ берега, и со всѣхъ сторонъ ихъ окружали только грозныя морскія волны.

— Вылей одинъ сосудъ на хворость лежащій на днѣ,—сказалъ Митсось вставая,—и дай мнѣ другой.

Яни повиновался, и его товарищъ взлѣзъ на мачту и оттуда полилъ парусъ легко воспламеняющейся жидкостью. Затѣмъ они оба опорожнили два сосуда на остальныя части каика.

— Распусти парусъ и прыгай въ лодку,—скомандовалъ Митсось глухимъ голосомъ:—подай мнѣ прежде фонарь.

Яни быстро все исполнилъ, и каикъ быстро полетѣлъ впередъ. Митсось хладнокровно направилъ его прямо на чернѣвшуюся передъ ними массу. Черезъ нѣсколько минутъ каравль повернулъ къ югу, и мачта каика врѣзалась въ него своимъ концомъ, разбивъ вдребезги стекло въ одномъ изъ люковъ. Въ ту же секунду лодку отбросило въ сторону, и Митсось прыгнулъ въ нее, держа высоко фонарь.

— Скорѣе, скорѣе,—промолвилъ онъ:—я не могу.

И онъ передалъ фонарь Яни. Тотъ мгновенно открылъ фонарь и сунулъ его въ облитый терпентиномъ хворостъ, который вспыхнулъ, какъ спичка. Еще минута, и весь каикъ, зацѣпившись мачтой за разбитое стекло въ люкъ корабля, представлялъ громадный костеръ. Между тѣмъ Митсось отрѣзалъ веревку, которой лодка была привязана къ каику, и они оба взялись за весла. Горѣвшій каикъ скрывалъ ихъ отъ турокъ, и спустя пять минутъ лодка отошла отъ корабля на такое разстояніе что была внѣ всякой опасности. Тогда Митсось бросилъ весло и упалъ на дно лодки, какъ мертвый.

На темномъ горизонтѣ рельефно вырвался столбъ огня. Плававшій каикъ поджегъ коравль, и онъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ. Крики и вопли неслись изъ каютъ и съ палубы, гдѣ толпились объягья ужасомъ женщины, дѣти. Матросы пытались спустить лодку, но насмоленная веревка загорѣлась, и лодку унесло, прежде чѣмъ въ нее попали спасавшіеся люди. Между тѣмъ огонь пожиралъ внутренность и палубу корабля, а затѣмъ длинными языками поднялся по мачтамъ къ парусамъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, и наступила конечная катастрофа. Огонь достигъ пороховаго магазина, послышался страшный взрывъ, коравль разлетѣлся на части, и все исчезло въ темотѣ и бушующихъ волнахъ.

Взрывъ заставилъ очнуться Митсосу, и, поднявъ голову, онъ промолвилъ:

— Это что?

— Все кончено,—отвѣчалъ Яни:—корабль взорвало на воздухъ, и остатки его погружаются въ море.

— Слава Богу, что все кончено,—произнесъ едва слышно Митсось и снова опустился на дно лодки.

Яни налегъ на весла: ему было очень трудно грести противъ вѣтра. Но все-таки, спустя часъ онъ причалилъ къ берегу противъ дома Константина.

— Мы дома,—сказалъ онъ, взявъ за плеча Митсосу.

Послѣдній всталъ и молча послѣдовалъ за Яни. Войдя въ домъ, онъ сѣлъ къ окну и бессмысленно устремилъ глаза въ темноту.

Прошло нѣсколько минутъ, и кто-то постучалъ въ дверь. Яни спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я, Леласъ,—отвѣчалъ голосъ за дверью. Яни неохотно отперъ дверь, и въ комнату вошелъ веселый, толстый содержатель кофейни.

— Гдѣ вы пропадали?— произнесъ онъ съ улыбкой.— Вы потеряли прекрасное зрѣлище. Турецкій корабль сгорѣлъ въ морѣ и низвергнулся послѣ страшнаго взрыва въ мрачную пучину, такъ что ни одна душа не спаслась. Жаль, что на немъ не было свиньи Абдула съ его бабами.

— Что? Какого Абдула!—громко воскликнулъ Митсось, схватывая за плеча Леласа и неистово встряхивая его.

— Что съ вами, оставьте меня!—завопилъ толстякъ:—я говорю о проклятомъ Абдулѣ-Ахметѣ, который вчера уѣхалъ со всѣми домо-чадцами въ Триполи.

Митсось преобразился. Глаза его сверкали радостью, и онъ смотрѣлъ на Яни, какъ безумный. Наконецъ онъ обнялъ Леласа и сталъ цѣловать его на обѣ щеки.

— Ай да толстякъ!—воскликнулъ онъ:—вотъ молодець. Я тебя люблю за эту радостную новость. Яни, напоимъ его въ сласть. Я принесу вина.

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что Митсось сошелъ съ ума?—спросилъ Леласъ, ничего не понимая.

— Да, совсѣмъ, но только отъ радости,—отвѣчалъ Яни.

И онъ выбѣжалъ за нимъ. Митсось стоялъ на порогѣ, и лицо его сіяло счастьемъ. Яни молча обнялъ его. Они понимали другъ друга и не нуждались въ словахъ.

IV.

Въ греческій лагерь на Тайгетѣ ежедневно прибывали свѣжіе отряды повобранцевъ, со всѣхъ сторонъ и всѣ бойцы за свободу рассказывали о подвигахъ своихъ товарищей. Взятіе Каламаты было искрой, которая подожгла пороховую нить, и въ сотни селеній возстали патріоты противъ ненавистныхъ турокъ, убивая родовыхъ враговъ, поджигая ихъ жилища и уводя въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Въ немногихъ случаяхъ турки были подготовлены, и грековъ ожидала жестокая рѣзня, но почти вездѣ турки дремали въ своей изнѣженной истомѣ, пока неожиданно не обрушилась на нихъ тяжелая кара за всѣ ихъ преступленія. Конечно, подвиги грековъ не отличались безукоризненною нравственною славой, ихъ месть была жестока, но справедлива, и вообще рабы, возставая противъ своихъ тирановъ, никогда не могутъ дѣйствовать вполне законно. Насытившись местию, каждый отрядъ патріотовъ стягивался къ одному изъ центровъ— Калавритѣ или Тайгету, но преимущественно къ послѣднему, такъ какъ тамошняя армія, все еще состоявшая подъ начальствомъ Петровія, славилась первой побѣдой грековъ надъ турками при Каламатѣ.

Но вскорѣ число патріотовъ настолько увеличилось и съ ними стало такъ трудно справляться, что Николай рѣшилъ нанести туркамъ второй ударъ.

Въ Мессеніи, гдѣ единственною твердыней турокъ была Каламата, имъ ничего не оставалось дѣлать, кромѣ партизанскихъ набѣговъ, но въ Аркадіи было нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, которыми необходимо было овладѣть прежде, чѣмъ двинуться на Триполи. Главнѣйшее изъ нихъ, Каритена, находилось на отвѣсной вершинѣ надъ Алфеемъ. Это былъ укрѣпленный городъ, почти исключительно турецкій, и Петровій рѣшилъ избрать его второй цѣлью своихъ военныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, уже давно была пора организовать настоящую армію изъ толпы вооруженныхъ людей, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ, ничего не дѣлавшихъ и не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое война. Поэтому Петровій предложилъ Николаю сформировать нѣчто въ родѣ полка, кадрами котораго послужили бы люди, уже бывавшіе въ бою и взявшіе Каламату. Съ этимъ полкомъ онъ долженъ былъ атаковать Каритену и, если возможно, овладѣть ею. Во всякомъ случаѣ, даже если они не одержатъ побѣды, новобранцы научились бы военнымъ приѣмамъ и дисциплинѣ. Между тѣмъ Петровій перевелъ бы свою главную квартиру далѣе въ горы, между аркадійской равниной и Триполи, такъ что, въ случаѣ пораженія, Николай могъ туда ретироваться, а съ другой стороны Петровій имѣлъ возможность слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ турецкой крѣпости. Однако онъ долженъ былъ оставить небольшіе отряды въ горномъ проходѣ между Аркадіей и Мессеніей, а также на мѣстѣ теперешняго лагеря, такъ что если бы турки вздумали высадить войска въ Каламатѣ, то нашли бы оба горные прохода изъ Мессеніи занятыми.

Николай одобрилъ этотъ планъ, и, спустя два дня, двинулся въ путь съ отрядомъ самыхъ неопытныхъ и мало обученныхъ солдатъ. Но онъ самъ намѣренно выбралъ такой негодный для войны матеріалъ, зная, что необходимо для торжества греческаго дѣла создать изъ нихъ регулярную армію. Съ одной стороны онъ считалъ, что подобное превращеніе было возможно, такъ какъ его солдаты были мужественные, здоровые люди, умѣвшіе переносить всякаго рода лишения, а съ другой, если бы они оставались въ лагерѣ безъ всякаго занятія, то скоро бы среди нихъ распространилась деморализація.

Сначала, чтобы сразу ихъ не испугать, онъ дозволилъ имъ перелазить черезъ горы, какъ кто умѣлъ, и только назначилъ имъ сборный путь на равнинѣ, гдѣ намѣревался приступить къ ихъ военному обученію. Тамъ долженъ былъ ихъ ждать обозъ, который выступилъ раньше ихъ на нѣсколько часовъ.

Два дня подобнаго движенія въ разсыпную привели Николая со его молодцами въ Мегалополісъ, находившійся среди зеленой аркадійской равнины. Этотъ городъ уже былъ въ рукахъ грековъ,

и занимавший его отрядъ въ двѣсти человѣкъ тотчасъ присоединился къ войску Николая. Тутъ впервые обнаружилось зло, которое впоследствии надѣлало столько вреда, именно ссоры за добычу; но Николай съ пламеннымъ негодованіемъ сталъ осыпать ихъ упреками.

— Что, — спрашивалъ онъ ихъ: — вы возстали для пріобрѣтенія нѣсколькихъ пиастровъ? Вы жертвуете дѣломъ освобожденія родины, чтобы пріобрѣсть бочку вина или турецкую невольницу?

Затѣмъ онъ взялъ на себя раздѣлъ добычи и половину отложилъ на покрытіе военныхъ расходовъ, а другую раздѣлил между всѣми молодцами, насколько возможно справедливо.

Изъ Мегалополиса до Каритены было только четыре часа ходьбы, и онъ хотѣлъ достигнуть этого мѣста рано утромъ, такъ чтобы никто не зналъ о наступленіи грековъ. Мегалопольцы также мало знали военное дѣло, какъ и его люди, но имъ хорошо была извѣстна окрестная страна, и онъ организовалъ изъ нихъ отрядъ развѣдчиковъ, которые должны были идти впереди и перехватывать всякаго, кто вздумалъ бы увѣдомить Каритену о грозившей ей опасности. Единственнымъ средствомъ взятія этого города было захватить его врасплохъ, какъ Каламату.

Каритена, подобно Каламатѣ, могла быть взята лишь съ одной стороны, но тамъ шла дорога вдоль крѣпостной стѣны, и нападающіе могли подвергнуться по всей этой дорогѣ огню осажденныхъ. Такъ и вышло на дѣлѣ, и Николай попалъ въ заранѣе подготовленную турками западню.

Развѣдочная партія выступила передъ закатомъ, а остальной отрядъ долженъ былъ вскорѣ послѣслѣдовать за нею такъ, чтобы подойти къ городу въ полночь, и тотчасъ ночью же пойти въ атаку, а въ случаѣ, если бы это оказалось невозможнымъ, — обложить городъ, который на разсвѣтѣ увидѣлъ бы себя въ осадѣ. Но развѣдчики пошли далѣе инструкціи Николая и такъ поторопились, что турки узнали объ ихъ наступленіи и подготовили ловкую стратагему для слѣдующаго утра. Между тѣмъ Николай прибылъ въ полночь и, видя, что все спокойно, а городскія ворота хорошо укрѣплены, рѣшилъ отложить до утра атаку. Сдѣлавъ лично рекогносцировку непріятельской позиціи, онъ вернулся въ свой отрядъ и отдалъ приказаніе о дизлокаціи отряда. Самыхъ надежныхъ солдатъ, именно аргосцевъ, онъ разставилъ по дорогѣ и у моста черезъ Алфей, а наименѣе опытные солдаты заняли посты на сѣверѣ и югѣ, откуда нельзя было ждать нападенія. Самъ Николай помѣстился среди этихъ неопытныхъ рекрутовъ, а аргосцевъ предоставилъ самимъ себѣ.

Солнце взопло на безоблачномъ небѣ, и Николай, вставъ ранехонько, пошелъ посмотреть, не видно ли какого движенія въ цитадели. Къ величайшему своему удивленію онъ увидѣлъ, что городскія ворота были открыты, и нѣсколько турокъ лѣниво гнали муловъ по дорогѣ. Николай не ожидалъ такого удобнаго случая для

штурма цитадели и потому, быстро вернувшись къ своему отряду, приказалъ немедленно наступать. Впереди шли аргосцы, затѣмъ мегалопольцы, а въ арьергардѣ находился онъ самъ со своими рекрутами.

Но не успѣли они поровняться съ городской стѣной, какъ турки открыли по нимъ ружейный огонь. Непривычные къ военному дѣлу, греки остановились и стали отвѣчать на выстрѣлы, что было совершенно неблагоприятно, такъ какъ ихъ противники были скрыты за стѣной, а греки служили имъ открытой мишенью. Но аргосцы, несмотря на многочисленныя потери, мужественно продолжали путь къ отвореннымъ воротамъ. За ними слѣдовали рекруты, и, непривыкшіе къ огню, они при первыхъ турецкихъ выстрѣлахъ дрогнули и обратились бы въ бѣгство, если бы Николай не бросился впередъ съ крикомъ:

— За мной, ребята! Мы дадимъ себя знать туркамъ.

Греки сомкнули ряды, быстро рѣдѣвшіе, и мужественно послѣдовали за Николаемъ, который, съ гордостью смотря на нихъ, мысленно говорилъ:

— Вотъ этого-то имъ и нужно было. Они молодцы и живо привыкнуть къ огню.

Между тѣмъ аргосцы достигли воротъ, и въ ту самую минуту неожиданно выскочилъ изъ цитадели отрядъ кавалеріи въ пятьсотъ человѣкъ. Аргосцы остановились и встрѣтили турокъ ружейнымъ огнемъ, но они не могли выдержать напора всадниковъ и побѣжали. Видя это, Николай понялъ, что весь его отрядъ будетъ истребленъ, и со стѣсненнымъ сердцемъ онъ громко крикнулъ:

— Спасайтесь, ребята, какъ кто умѣетъ!

Началось отчаянное бѣгство, и по пятамъ за бѣгущими гнались турецкіе всадники, которые рубили саблями своихъ несчастныхъ жертвъ и стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ.

По счастью для грековъ вблизи отъ дороги возвышались горы, покрытыя лѣсами. Тамъ погоня становилась трудной, и греки могли легко достигнуть Вальтезы, гдѣ Петровій хотѣлъ раскинуть лагерь. Николай случайно оступился и, повредивъ себѣ ногу, принужденъ былъ отстать отъ своего отряда, а чтобы не попасть въ руки турокъ, онъ сталъ осторожно пробираться за кустами и деревьями.

Добравшись до вершины горы, онъ взглянулъ назадъ и увидѣлъ, что турецкая кавалерія преспокойно возвращалась въ городъ, найдя невозможнымъ далѣе преслѣдовать враговъ. Вся дорога была усыяна трупами, преимущественно греческими, хотя и турки понесли потери, такъ какъ нѣсколько лошадей безъ сѣдоковъ лѣниво щипали траву. Николай подобрался къ одной изъ нихъ и вскочилъ на нее. Повернувъ ее въ кусты, онъ сталъ осторожно пробираться между деревьями и скоро выбрался на лѣсную тропинку. Оглянувшись по сторонамъ, онъ увидѣлъ въ недалекомъ разстояніи небольшое селеніе, которое онъ легко призналъ за Серину, гдѣ жила семья его жены, и гдѣ онъ самъ женился.

Приблизившись къ селенію, онъ убѣдился, что оно было покинуто греками, которые, вѣроятно, истребивъ турокъ, присоединились къ Петровію. Ему страстно захотѣлось взглянуть на тотъ домъ, изъ котораго онъ взялъ свою несчастную жену, и на церковь, въ которой онъ съ нею вѣнчался.

Какъ этотъ домъ, такъ и церковь были отворены, и онъ посѣтилъ то и другое зданія, съ мрачными мыслями въ головѣ, хотя въ настоящую минуту къ его грусти присоединилось и радостное чувство, что месть за жену и дочь уже началась. Онъ вспомнилъ про свою клятву надъ трупами дорогихъ ему существъ и въ виду того, что эта клятва стала осуществляться, онъ возблагодарилъ Бога, избравшаго его мстителемъ.

При закатѣ солнца онъ пустился снова въ путь и къ полуночи выбрался на дорогу, на которой стоялъ кабачекъ, въ которомъ Митсось и Яни останавливались во время ихъ пути въ Триполи. Увидавъ свѣтъ въ окнахъ, онъ подкрался къ одному изъ нихъ и увидалъ, что все внутреннее помѣщеніе было переполнено бѣглецами греками. Одни изъ нихъ спали, а другихъ хозяинъ кабака, Анастасій, угощалъ хлѣбомъ и кофе.

Привязавъ лошадь, Николай вошелъ въ домъ и тотчасъ услышалъ знакомый голосъ:

— Дядя Николай! Это ты?

— Конечно, я, Митсось! Но какъ ты попалъ сюда?

— Петровій меня прислалъ сюда сегодня утромъ, чтобы узнать, не видали ли и не слышали ли о тебѣ. Признаюсь, когда я узналъ о случившемся, то испугался за тебя.

— Меня турки скоро уходятъ. Анастасій, я никогда не забуду, что ты пріютилъ бѣглецовъ. А теперь дай-ка и мнѣ кофе.

Николай сѣлъ въ кресло и, попивая кофе, продолжалъ:

— Я не знаю, Митсось, что тебѣ рассказали, но я тебѣ расскажу то, что видѣлъ. Передъ моими глазами отрядъ людей, никогда не видавшихъ войны, стойко выдержалъ непріятельскій огонь и только потому, что въ этомъ заключался ихъ долгъ. Ни одинъ изъ нихъ не побѣжалъ, прежде чѣмъ я не приказалъ имъ спастись.

Митсось слегка покраснѣлъ, а лежавшіе вокругъ греки стали подымать головы и прислушиваться къ словамъ Николая, который продолжалъ:

— Я, какъ теперь, вижу, что съ одной стороны на нихъ напираютъ всадники, а съ другой сыплется градъ пуль. Нѣтъ! я никогда не видалъ такихъ мужественныхъ храбрецовъ.

Митсось подошелъ къ ближайшему отъ него греку и, протянувъ руку, сказалъ:

— Прости меня. Я отказываюсь отъ своихъ словъ.

— А что ты сказалъ, Митсось?—спросилъ Николай.

— Я говорилъ, что они трусы, а теперь я вижу, что виноваты передъ ними.

— Да нечего тебѣ и просить прощенія,—возразилъ рослый, плечистый грекъ, къ которому обратился Митсось:—я также тебѣ хорошо отвѣтилъ: я назвалъ тебя лжецомъ.

— Еще бы, и мы чуть съ тобой не подрались. Но теперь мы навсегда друзья. Но отчего ты, дядя Николай, хромаешь, и какъ ты, хромой, добрался сюда?

— Я пріѣхалъ на прекрасной турецкой лошади.

Изъ вопроса Николаемъ окружающихъ грековъ оказалось, что это были послѣдніе бѣглецы, и среди нихъ не было раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ турками, или отправлены на мулахъ въ лагерь. По расчету Николая, онъ потерялъ триста человѣкъ, но если бы онъ не приказалъ своимъ молодцамъ спастись бѣгствомъ, то эта потеря была бы въ пять разъ больше.

— Ну, а ты, Митсось, когда вернулся, и что ты сдѣлалъ съ кораблемъ?—спросилъ онъ у юноши.

— Мы вернулись два дня послѣ того, какъ ты отправился въ Тайгетъ, а корабль не существуетъ.

— Расскажи мнѣ все подробно

Разсказъ Митсоса былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ, и послѣ его окончанія Николай произнесъ съ улыбкой:

— Ты молодецъ, и я горжусь тобой. Однако, ребята, скоро будетъ свѣтать, и намъ пора въ дорогу.

Спустя четверть часа, они пустились въ путь и черезъ часъ достигли укрѣпленія, которое воздвигалъ Петровій на горной вершинѣ. Увидавъ ихъ издали, Петровій поскакалъ къ нимъ на встрѣчу и крикнулъ Николаю:

— Ну, слава Богу, что ты вернулся: значить, нѣтъ позора.

— Ты правъ. Если бы былъ позоръ, то я не вернулся бы. Наши молодцы дрались, какъ львы, а если кто и виновенъ въ чемъ либо, то одинъ я.

И онъ разсказалъ о всемъ случившемся.

— Наши молодцы покрыли себя славой, но ты, приказавъ спастись, поступилъ мужественнѣе всѣхъ.

— Если бы я не далъ этого приказанія, то былъ бы дуракомъ,—отвѣчалъ Николай со смѣхомъ.

V.

Со времени прибытія Петровія въ Вальтезу, три дня передъ тѣмъ онъ не зналъ покоя ни днемъ ни ночью, укрѣпляя съ лихорадочной быстротой занятую имъ позицію на вершинѣ горнаго отрога, отъѣсно опускавшася въ нижнюю долину. Эта позиція была вдвойнѣ удобная: турецкая кавалерія не могла тутъ атаковать ихъ, сюда

было трудно втащить крупныя орудія для осады. Кромѣ того, занимая Вальтезу, Петровій отрѣзывалъ Триполи отъ Каламаты, куда, по всей вѣроятности, турки должны были прислать экспедицію.

Триполи лежало въ восьми миляхъ къ сѣверо-востоку, и необходимо было какъ можно скорѣе окончить укрѣпленіе Вальтезы. Для возведенія оборонительныхъ верковъ Петровій приказалъ ломать турецкіе дома въ селеніи, а греки помѣщались въ шалашахъ, выстроенныхъ изъ жердей, перевитыхъ хворостомъ. Верки имѣли чрезвычайно странный видъ, такъ какъ въ нихъ виднѣлись то большіе камни, то обломки византійскихъ колонъ, то венеціанскіе капители съ львиными головами, то кирпичи, то куски порфира; но, несмотря на разнообразіе матеріала, стѣны были высоки и толсты, и, по словамъ Петровія, имъ нужно было создать основательное укрѣпленіе, а не красивое зданіе для гарема.

Внутри укрѣпленія, кромѣ солдатскихъ шалашей, возвышалось только два дома, для оружія и снарядовъ. Петровій и Николай, какъ всегда, занимали такіе же шалаша, какъ у солдатъ. Мулы и стада овецъ содержались ночью въ загонахъ, къ югу отъ лагеря, а днемъ паслись на ближайшихъ горныхъ скатахъ, подъ прикрытіемъ. Припасовъ было вдоволь, и люди казались довольными, такъ какъ добыча была значительна.

Прошло еще десять дней, и къ концу апрѣля укрѣпленіе было окончено. Тогда Петровій, по давно уже составленному плану, началъ дѣлать днемъ и ночью набѣги на селенія, окружающія Триполи. При этомъ самыя селенія предавались огню, мужчины, женщины и дѣти—смерти, а имущество—грабежу. Конечно, подобныя дѣйствія не приносили большой славы грекамъ, но они входили въ общую программу возстанія, и греки считали, что, только благодаря такимъ дѣйствіямъ, они могутъ добиться освобожденія родины; что касается до ихъ потерь, то ихъ можно было перечесть по пальцамъ, такъ какъ очень рѣдко турки давали имъ отпоръ. Въ теченіе немногихъ дней всѣ маленькія, бѣлыя селенія вокругъ Триполи представляли дымящіяся развалины.

Петровій устроилъ еще другой лагерь въ горахъ, на востокъ отъ Триполи, для охраны дороги между этимъ городомъ и равниной, гдѣ находились Аргось и Навплия. Греки уже имѣли стычку съ турецкими войсками, вышедшими изъ Навплии. Потеря первыхъ равнялась ста человѣкамъ, а турки потеряли вдвое большій уронъ, такъ какъ неповоротливые толстые турки не могли противостоять мужественной отвагѣ легкоподвижныхъ горныхъ жителей. На этотъ разъ греки устроили западню для турокъ и, засѣвъ въ кусты по обѣ стороны дороги, разомъ открыли перекрестный огонь по проходившимъ по дорогѣ полкамъ. У турокъ была кавалерія, чего не доставало грекамъ, но она была бесполезна въ гористой и лѣсистой мѣстности. Когда же турки оправились отъ смущенія и стали

выбивать изъ кустовъ грековъ, то послѣдніе въ порядкѣ ретировались. Подобная партизанская война не давала покоя туркамъ, которымъ казалось, что они воюють съ призраками. Хотя въ началѣ войны турокъ было болѣе, чѣмъ грековъ, но послѣ каждой стычки число первыхъ уменьшалось, а послѣдніе постоянно увеличивались свѣжими подкрѣпленіями. Если бы въ этотъ періодъ войны за освобожденіе Греціи Петровій вступилъ въ открытый бой на равнинѣ, то, по всей вѣроятности, греческая армія была бы совершенно уничтожена, а потому избранная имъ форма войны дѣлала ему честь, хотя онъ лично возставалъ противъ нея. Но греки съ каждымъ днемъ пріобрѣтали опытность и знаніе въ военномъ дѣлѣ, а турки не могли, при такой системѣ войны, пускать въ ходъ кавалерію и артиллерію, составлявшія ихъ главныя силы.

Однако на сѣверѣ дѣла не шли такъ успѣшно. Германъ, бывшій въ сущности начальникомъ арміи въ Калавритѣ, оказался менѣе благоразумнымъ, чѣмъ его товарищъ по оружію въ Вальтезѣ, и, рискуя атаковать Патрасскую цитадель, потерпѣлъ пораженіе. Его отрядъ также заманили въ западню и одинаково напустили на нихъ кавалерію, но онъ не хотѣлъ искать спасенія въ бѣгствѣ, какъ Николай, а рѣшился взять стойкостью. Турки послали кавалерійскій отрядъ въ обходъ и отрѣзали ему отступленіе. Греки сражались, какъ львы, и пробили себѣ дорогу, но ихъ потери были громадны въ сравненіи съ турецкими, и они не выиграли ничего, такъ какъ Патрасская цитадель осталась въ рукахъ непріятеля.

Вѣсть объ этой катастрофѣ дошла до Вальтезы 5 мая, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что турецкій отрядъ, въ восемьсотъ всадниковъ и полторы тысячи пѣхоты, пошелъ на востокъ, вдоль берега Коринфскаго залива. Этотъ отрядъ находился подъ начальствомъ способнаго турецкаго офицера, Ахмета-бея. Спустя нѣсколько дней, турки достигли Аргоса, а затѣмъ, пока ихъ авангардъ поддерживалъ перестрѣлку съ греками, весь отрядъ спокойно прошелъ въ Триполи, куда и вступилъ вечеромъ того же дня. Это движеніе было сдѣлано очень искусно и смѣло, а потому Петровій сталъ ежедневно ожидать нападенія на свои войска.

Ахметъ-бей нашолъ Триполи въ болѣе несчастномъ положеніи, чѣмъ предполагали греки. Послѣдніе своими постоянными набѣгами лишили Триполи продовольствія и, напротивъ, увеличили его населеніе многочисленными бѣглецами изъ сожженныхъ и опустошенныхъ ими селеній. Очевидно, прежде всего было необходимо установить сообщеніе съ Мессеніей, такъ какъ Аргосская равнина была занята отрядами возставшихъ грековъ. Правда, Навплия все еще оставалась въ рукахъ турокъ, но ее также отрѣзывали отъ внутренней страны, занимавшіе равнину, греки, и вновь созданный греческій флотъ поддерживалъ нѣчто въ родѣ морской блокады, такъ что доставка провіанта становилась очень затруднительной.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. LXXIV.

Не зная, что Петровій установилъ посты на Тайгетѣ, между Каламатой и Аркадіей, Ахметъ-бей рѣшился успешной атакой Вальтезы открыть правильныя сношенія съ Мессеніей и моремъ.

Эта атака была произведена 24 мая, рано утромъ. На разсвѣтѣ часовые на стѣнахъ Вальтезы увидѣли, что изъ южныхъ воротъ Триполи выѣзжалъ кавалерійскій отрядъ, а за нимъ тянулась пѣхота. Спустя четверть часа, весь лагерь былъ на ногахъ. Петровій установилъ систему сигналовъ съ постомъ, находившимся на противоположной сторонѣ долины, но онъ не подалъ ему никакого сигнала, потому что Ахметъ могъ попасть на этотъ постъ, занимавшій горный проходъ, по которому шла дорога въ Аргосъ.

Утро было свѣтлое послѣ холодной ночи, и выходившія изъ воротъ войска рельефно выдѣлялись своими двумя орудіями. У Николай былъ прекрасный телескопъ, который ему подарилъ одинъ англійскій шкиперъ въ отвѣтъ за какую-то услугу, и онъ, вмѣстѣ съ Петровіемъ, пристально слѣдилъ за движеніемъ непріятели.

— Я понимаю, чего они хотятъ, — сказалъ Николай, обращаясь къ своему другу:—они желаютъ заманить насъ и нашъ постъ, стоящій по другую сторону долины, въ открытую равнину; но я полагаю, что намъ лучше остаться дома. Я вовсе не желаю встрѣчи съ ихъ блестящей кавалеріей и двумя убійственными орудіями. Намъ нечего торопиться. Пойдемъ-ка и спокойно позавтракаемъ.

Онъ велѣлъ дать сигналъ для роздыха, и Петровій сказалъ солдатамъ, чтобы они хорошо поѣли, такъ какъ обѣда въ этотъ день не предполагалось.

— Но за то будетъ хорошій ужинъ, — прибавилъ онъ, указывая на подходившаго непріятели.

Черезъ нѣсколько минутъ зажглись сотни огоньковъ, на которыхъ греки стали варить кофе, а на стѣнахъ остались только двое или трое часовыхъ, которымъ Петровій приказалъ дать ему знать, когда непріятельская колонна, покинувъ дорогу, по которой она двигалась, повернетъ или на западъ, къ Вальтезѣ, или на востокъ, къ лежавшему на противоположной сторонѣ горъ посту. Но не успѣли Николай и Петровій сѣсть за завтракъ, какъ къ нимъ подошелъ ординарецъ и объявилъ, что постъ, по другую сторону долины, подалъ сигналъ.

— Я не состою въ сигнальномъ отрядѣ, другъ мой, — отвѣчалъ Петровій, продолжая завтракать:—пусть переведутъ сигналы и сообщатъ мнѣ. Не хочешь ли, Николай, еще кофе? Онъ, мнѣ кажется, сегодня особенно вкусный.

Спустя двѣ минуты, изъ сигнальнаго отряда сообщили, что постъ спрашиваетъ приказаній.

— Оставайтесь на посту, — продиктовалъ Петровій въ отвѣтъ:—и зорко наблюдайте, не идутъ ли турецкія подкрѣпленія изъ Аргоса. Если дѣйствительно увидите ихъ, то дайте тотчасъ знать. Если войска,

вышедшія изъ Триполи, нападутъ на васъ, то обратитесь въ бѣгство и заманите ихъ какъ можно далѣе, пока мы будемъ сражаться за васъ. Молитесь за насъ!

По окончаніи завтрака Николай обратился къ Петровію со словами:

— Ну, теперь поговоримъ.

Прошолъ еще часъ, и новый ординарецъ явился съ извѣстіемъ, что турецкія войска шли прямо на Вальтезу.

Петровій вскочилъ и громко скомандовалъ:

— Всѣ по мѣстамъ на стѣны! Но не смѣть стрѣлять безъ приказаній. Яни, передай мои приказанія всѣмъ ротнымъ командирамъ.

Всѣ стѣны были изрыты узкими отверстиями для ружей, и передъ каждымъ изъ нихъ помѣщалось четыре человѣка, изъ которыхъ двое стрѣляли, а двое заряжали ружья. Снаружи стѣны имѣли девять футовъ вышины, а внутри онѣ имѣли не болѣе пяти футовъ, такъ какъ находились на горномъ скатѣ.

Петровій помѣстился надъ воротами въ стѣнѣ, откуда онъ могъ слѣдить за движеніемъ непріятеля. Онъ издали замѣтилъ, что турецкая пѣхота раздѣлилась на два отряда, изъ которыхъ одинъ направился къ посту по ту сторону долины, а другой прямо шолъ на Вальтезу. Кавалерія слѣдовала за вторымъ отрядомъ, но остановилась, когда горный путь сталъ все болѣе и болѣе отвѣснымъ. Очевидно, турки намѣревались своимъ первымъ отрядомъ выманить грековъ на равнину, а кавалерія, остановившаяся подъ Вальтезой, помѣшала бы отправить имъ подкрѣпленіе. Петровій былъ очень доволенъ этой дизлокаціей турокъ, хотя онъ зналъ, что въ отрядѣ, наступавшемъ на Вальтезу, находились албанскіе наемники, которые отличались храбростью и звѣрствомъ.

Разбитые на группы въ четыре человѣка, греки дѣлились на сотни, состоявшія подъ начальствомъ капитановъ, а всего на стѣнахъ находилось двѣ тысячи человѣкъ. Изъ числа остальныхъ пятьдесятъ занимались раздачей оружія и снарядовъ, сто человѣкъ представляли запасную силу, а остальные восемьсотъ стояли подъ ружьемъ среди лагеря, подъ начальствомъ Николая. Согласно плану, составленному Петровіемъ и Николаемъ, они еще не предназначались въ дѣло, а потому Николай дозволилъ имъ разойтись, но съ тѣмъ, чтобы они не уходили далеко и могли выстроиться при первой надобности. Митсось находился при Николаѣ, а Яни не покидалъ Петровія и готовъ былъ разносить его приказанія по всему лагерю.

Прошолъ часъ, прежде чѣмъ албанская пѣхота показалась на возвышеніи, въ пятистахъ шагахъ отъ Вальтезы, и все-таки въ греческомъ лагерѣ все было тихо, спокойно. Непріятель очевидно хотѣлъ штурмовать греческое укрѣпленіе, не зная, насколько оно было сильно. Уже слышались въ его рядахъ приказанія къ штурму, а греки попрежнему не двигались, только Яни подбѣжалъ къ

Николаю и передалъ ему приказаніе Петровія—быть наготовѣ. Въ четверти мили отъ греческаго лагеря албанцы остановились, скрытые уступомъ горы. Въ двухъ миляхъ разстоянія сверкало вооруженіе турецкой кавалеріи, вдали, на востокѣ, виднѣлись, какъ черныя точки, тѣ войска, которыя двинулись въ обходъ.

Нервы грековъ были натянуты до невозможности. Они знали, что черезъ нѣсколько минутъ невидимый врагъ откроетъ огонь, и они болѣзненно ждали этого момента. Каждый по-своему выражалъ эту нервность. Яни, стоя близъ Петровія, вполголоса проклиналъ турокъ, и лице у него алѣло, какъ макъ; юный рекрутъ изъ Мегалополиса искусственно смѣялся, не переставая даже, когда его ударилъ по уху унтеръ-офицеръ; Митсось, не отходя ни на шагъ отъ Николая, насвистывалъ пѣснь винодѣловъ; отецъ Андрей, упросившій, чтобы ему дозволили хотя заряжать ружья для солдатъ, пѣлъ вполголоса: «Тебе Бога хвалимъ»; Николай молча сверкалъ глазами, а большинство нетерпѣливо семенило ногами. Одинъ только Петровій былъ совершенно спокоенъ и, быть можетъ, потому, что онъ долженъ былъ думать за всѣхъ.

Наконецъ изъ-за горы показались турки двумя колоннами. Петровій быстро окинулъ ихъ взглядомъ и быстро сказалъ, обращаясь къ Яни:

— Они сразу ударятъ на эти ворота и на противоположныя. Бѣги туда какъ можно скорѣе и самъ направляй огонь. Ты знаешь команду.

Яни бросился черезъ лагерь на другую сторону и, подбѣгая къ тамошнимъ воротамъ, услыхалъ ружейный залпъ въ той мѣстности, гдѣ находился Петровій. Дѣйствительно албанцы атаквали разомъ тѣ и другія ворота, но прошло довольно времени, пока они показались передъ позиціей, которую поручено было защищать Яни. Когда они отстояли отъ стѣны на шестьдесятъ шаговъ, и уже можно было различить ихъ лица, Яни командовалъ:

— Пли!..

Первый залпъ грековъ былъ неудаченъ, такъ какъ большинство пуль перелетѣло черезъ головы албанцевъ; второй и третій оказались болѣе мѣткими. Это не мѣшало большей части наступающихъ попрежнему приближаться, а незначительная группа, остановившись на горѣ, открыла отвѣтный огонь, который, однако, былъ безвреденъ для грековъ, такъ какъ ихъ прикрывала стѣна.

Между тѣмъ греки, стоявшіе въ центрѣ, между двумя воротами, находились въ бездѣйствіи, но не прошло нѣсколько минутъ, какъ они понадобились Петровію, и онъ прислалъ имъ приказъ, чтобы они выстроились за первыми воротами, которыя могли, по его расчету, не выдержать непріятельскаго натиска. Николай сдѣлалъ то же относительно вторыхъ воротъ. При этомъ и тутъ и тамъ первая шеренга людей стояла на колѣняхъ.

Не прошло и пяти минутъ послѣ перваго появленія албанцевъ

передъ позиціей Петровія, какъ, охраняемая имъ, ворота съ шумомъ раскрылись, и турки хлынули во внутренность укрѣпленія; но ихъ встрѣтилъ дождь пуль, и они тотчасъ обратились въ бѣгство. Тогда Николай увидалъ, что насталъ моментъ для дѣйствія. Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части и быстро двинулъ его въ открытыя ворота; одну половину онъ пустилъ въ погоню за бѣжавшими турками, а другую повелъ въ тылъ албанцамъ, атаковавшимъ вторыя ворота.

Увидавъ, что происходило, Яни прекратилъ огонь и, по приказанію Петровія, отворивъ свои ворота, сдѣлалъ смѣлую вылазку. Окруженные албанцы дрогнули и побѣжали. Вскорѣ горные скаты покрылись бѣглецами, съ которыми вступали въ единоборство догнавшіе ихъ преслѣдователи. Турецкіе резервы не могли оказать никакой помощи, такъ какъ имъ приходилось бы при этомъ стрѣлять по своимъ.

Долго продолжалась погоня и одиночный рукопашный бой. Сначала албанцы были многочисленнѣе грековъ, но въ виду понесенныхъ ими потерь они стали уступать и численностью.

Во время общей сумятицы Митсось столкнулся съ Яни, и въ ту же самую минуту передъ ними очутился рослый, волосатый албанецъ съ поднятой саблей. Митсось бросился на него, какъ дикая кошка, и ударилъ его прямо по лицу своимъ короткимъ кинжаломъ. Сабля выпала изъ рукъ албанца, и онъ грохнулся на землю.

— Ну, теперь тебя не признаетъ и мать родная!—воскликнулъ Митсось, смотря на залитое кровью лицо своего врага.

Греки и турки бились теперь грудь съ грудью. Яни ударялъ наотмашь прикладомъ ружья, а Митсось продолжалъ дѣйствовать своимъ кинжаломъ.

— Что это съ тобой, Митсось?—спросилъ наконецъ Яни:— у тебя вся голова въ крови. Ужъ не раненъ ли ты?

Дѣйствительно черныя кудри Митсоса были забрызганы кровью, и между ними виднѣлась небольшая рана, на которую онъ не обращалъ вниманія. Яни оторвалъ у себя кусокъ рубашки и обвязалъ голову друга, а затѣмъ они снова бросились въ бой. Хотя греки, видимо, брали верхъ, но и албанцы, прислонясь къ утесамъ, старались дать твердый отпоръ. Полагая, что непріятель оправится и снова поведетъ атаку на ворота, Петровій повелъ назадъ нѣсколько сотенъ своихъ людей, а остальнымъ приказалъ не продолжать далеко преслѣдованія, чтобы не натолкнуться на турецкую кавалерію, находившуюся въ резервѣ.

Дѣйствительно, албанцы отступили къ своей кавалеріи и тамъ стали отдыхать съ явнымъ намѣреніемъ повторить атаку. Черезъ часа два снова началось движеніе впередъ, и на этотъ разъ кавалерія близко слѣдовала за пѣхотой, пока гористая мѣстность это позволяла.

Петровій зналъ, что ему слѣдовало сдѣлать, но колебался. Его соблазнила мысль отрѣзать турокъ отъ оставленнаго ими вдали обоза; но онъ боялся, отправивъ для этой цѣли значительной отрядъ, ослабить защиту своего лагеря. При этомъ Николай упорно сопротивлялся этому плану: по его мнѣнію, ничѣмъ не слѣдовало рисковать, и никакая добыча не могла сравниться съ охраной своей позиціи. Наконецъ, какъ бы ловко ни былъ устроенъ обходъ непріятеля, его развѣдчики могли замѣтить греческую стратагему и, предупредивъ турецкихъ начальниковъ, испортить все дѣло.

Въ продолженіе трехъ часовъ албанцы четыре раза наступали на тѣ и другія ворота, но каждый разъ вынуждамы были отступать, благодаря то вылазкамъ грековъ, то ихъ дружному огню со стѣнъ. Наконецъ, когда уже солнце стало клониться къ западу, послышался отбой, и турки послѣдно отступили къ своей кавалеріи. Тутъ, по мнѣнію Николая, настала минута и для того обходнаго движенія, которое Петровій хотѣлъ совершить въ неудобный моментъ. Онъ взялъ сто человекъ майнотовъ и двинулъ ихъ въ обходъ, а Петровій, со всѣми своими силами, двинулся вслѣдъ за отступавшимъ непріателемъ. Ахметъ-бей ликовалъ и тѣшилъ себя надеждой, что греки все-таки попадутъ въ западню и, увлекшись преслѣдованіемъ, незамѣтно сдѣлаются жертвами его кавалеріи.

Однако греки снова напали съ двухъ сторонъ на турокъ и открыли по нимъ перекрестный огонь. Видя, что отрядъ Николая ударилъ ему въ тылъ и могъ отбить обозъ, Ахметъ сначала хотѣлъ послать кавалерію на выручку послѣдняго, но потомъ передумалъ и предпочелъ воспользоваться помощью кавалеріи для своей собственной защиты. Поэтому, жертвуя обозомъ, онъ двинулъ кавалерію на преслѣдовавшихъ его грековъ.

— Отступайте бѣгомъ, вразсыпную! — командовалъ Петровій.

И когда турецкая кавалерія доскакала до той мѣстности, гдѣ находились греки, то не увидѣла передъ собою враговъ: они разсѣялись во всѣ стороны.

Еще разъ турки начали отступление, и греки, вернувшись, сомкнули свои ряды и продолжали преслѣдованіе. Однако оно продолжалось недолго, такъ какъ уже смеркалось. Тогда, въ свою очередь, Петровій приказалъ бить отбой, и греки двинулись въ порядкѣ къ своему лагерю. По дорогѣ они громко пѣли пѣсню клефта, которая становилась гимномъ возстанія.

VI.

Петровій быстро воспользовался одержаннымъ успѣхомъ. Теперь очевидно было, что грекамъ нечего было бояться столкновенія съ турецкими силами, сосредоточенными въ Триполи. Но если турки не могли выбить грековъ изъ ихъ сильной горной позиціи, то съ

другой стороны и грекамъ нельзя было противостоять туркамъ въ равнинѣ, гдѣ могла дѣйствовать кавалерія. Но и оставаться въ Вальтезѣ грекамъ было нельзя, такъ какъ ихъ силы постоянно увеличивались отъ прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ новыхъ отрядовъ, и являлась необходимость создать другое звено въ желѣзной цѣпи, долженствовавшей сковать въ концѣ концовъ Триполи.

Къ западу отъ этого города и на разстояніи ружейнаго выстрѣла съ его стѣнъ находились три отвѣсныхъ горныхъ отрога, извѣстныхъ подъ названіемъ: Три Корфа. Соединены были эти три вершины плоскогоріемъ, и Петровій рѣшилъ создать новую укрѣпленную позицію. Дѣло пошло быстро, и турки не мѣшали возведенію укрѣпленій. Такимъ образомъ, въ началѣ іюня гарнизонъ Вальтезы раздѣлился на двѣ части: аргосцы остались въ старомъ гнѣздѣ, подъ начальствомъ Димитрія, а Петровій съ майнотами занялъ сѣверный пикъ въ новой позиціи, Николай съ аркадцами — южный, а спартанцы со своимъ вождемъ Понирополусомъ — средній.

Между тѣмъ со всѣхъ концовъ страны получались свѣдѣнія уже не о рѣзніѣ беззащитныхъ турокъ въ отдѣльныхъ хижинахъ, а о правильныхъ осадахъ турецкихъ городовъ, частью увѣнчанныхъ побѣдой, частью еще продолжавшихся. Нѣкоторые изъ греческихъ острововъ, какъ Исара, Спеція и Гидра, возстали и выслали цѣлый флотъ для охраны береговъ и уничтоженія турецкихъ судовъ, прекращая тѣмъ всякую доставку турками подкрѣпленій людьми, оружіемъ и припасами. Уже въ маѣ мѣсяцѣ греческій флотъ отличился нѣсколькими смѣлыми подвигами, въ числѣ которыхъ наиболѣе славно было уничтоженіе турецкаго флота, на которомъ везли изъ Малой Азіи людей и оружіе. Греки остановили этотъ фрегатъ близъ Навплии, и послѣ отчаянной защиты онъ былъ взятъ и преданъ огню.

Два дня спустя послѣ этого морского боя, два гидріотскіе брига нагнали турецкое судно, шедшее изъ Константинополя въ Египетъ съ богатыми подарками отъ султана къ Магомету-Али. Всѣ турки на судахъ были безжалостно перебиты, а богатая добыча до того растлила греческихъ моряковъ, что они забыли клятву отдавать половину добычи для веденія войны за независимость и, вкусивъ прелестей легкой добычи, сдѣлались не бойцами за свободу, а пиратами. Они вернулись на Гидру, попрятали свою добычу и снова вышли въ море, уже съ одной цѣлью набивать себѣ карманъ. Однако и среди гидріотовъ были истинные патріоты, даже патріотки, какъ, на примѣръ, прекрасная Капсина, которая сама командовала кораблемъ, отважно боролась съ турецкими судами и, чтобы загладить вину своихъ земляковъ, ничего изъ добычи не брала себѣ, а все отдавала на военные расходы.

Три судна изъ Спеціи явились къ пелопонезскому берегу для оказанія помощи спартанцамъ, осаждавшимъ съ сухого пути Монемазію. Этотъ городъ славился своимъ богатствомъ, и начальникъ

осаждающихъ, видя невозможность довести городъ до капитуляціи, пока онъ получалъ съ моря припасы, пригласилъ на помощь флотъ. При этомъ онъ условился, что одна треть добычи пойдетъ солдатамъ, другая флоту, а третья національному казначейству; но какъ только прибыли суда, то начались постоянные споры между сухопутными и морскими силами. Солдаты обвиняли матросовъ въ томъ, что они хотѣли стакнуться съ турками и отвезти ихъ въ Малую Азію на своихъ судахъ, причемъ вся добыча досталась бы въ ихъ руки, а напротивъ моряки обвиняли солдатъ въ томъ, что они намѣревались сдѣлать ложный штурмъ и выпустить на свободу осажденныхъ за выдачу имъ всей добычи. Каждый думалъ только о себѣ, и никто не заботился объ интересахъ націи, но всего невыносимѣе для солдатъ было поведеніе трехъ епископовъ, которые принимали на себя надменный тонъ турецкихъ властей, а хотя возбужденная война имѣла отчасти религіозный характеръ, но поселяне не желали мѣнять однихъ горделивыхъ владыкъ на другихъ.

Дѣйствительно, сановники церкви, которые до турецкаго владычества пользовались не только духовной но и свѣтской властью, вздумали теперь вернуть свое прежнее положеніе. Многіе изъ нихъ, подобно Герману изъ Патраса, искренно трудились въ дѣлѣ освобожденія родины и теперь, когда народъ начиналъ пользоваться ихъ трудами, также желали получить свою награду. Но никогда подобное требованіе не было предъявляемо столь не кстати, такъ какъ военачальники оказывали, естественно, противодѣйствіе притязаніямъ духовенства, и между ними происходили непріятныя столкновенія, сѣя всюду недовѣріе и подозрѣніе. Духовныя особы прямо упрекали военныхъ предводителей въ томъ, что они заботились лишь о собственныхъ интересахъ, а съ своей стороны военные упрекали духовныхъ въ томъ, что они выходили изъ своей области.

Послѣднее обвиненіе ставилось рѣзче и усложняло отношенія между военными и духовными, когда служители алтаря, какъ, на примѣръ, Германъ, принимали личное участіе въ войнѣ съ мечомъ въ рукахъ.

Значительное вліяніе, которымъ пользовались Петровій и Николай, умѣряло означенное зло въ арміи подъ Триполи; но и они оба чувствовали, что ихъ положеніе не прочное и зависѣло отъ ихъ популярности въ народѣ. Когда явился въ лагерь Германъ съ вооруженнымъ отрядомъ, то дѣло приняло критическій оборотъ. Надо ему отдать справедливость, что онъ руководился не желаніемъ личной власти, а стремленіемъ къ господству церкви. Какъ служитель алтаря и викарій Господа, онъ считалъ себя выше всѣхъ и совершенно забылъ завѣтъ Господній о смиреніи.

Въѣздъ Германа въ лагерь подъ Триполи нимало не напоминалъ входа въ Іерусалимъ Іисуса Христа. Передъ Германомъ шелъ отрядъ вооруженныхъ людей, за которыми слѣдовали шесть послуш-

никовъ съ кадилницами и священникъ съ большимъ серебрянымъ крестомъ, который былъ купленъ Германомъ на доставшуюся ему добычу. Наконецъ, самъ архіепископъ двигался торжественно, сидя на креслѣ, которое несли четыре монаха. Голова его была обнажена, такъ какъ въ рукахъ онъ держалъ золотые причастные сосуды, подаренные императоромъ Палеологомъ Мегаспелайонской обители. По его плечамъ ниспадали его длинные черные волосы, съ легкой просѣдью. Бѣлая шелковая риза, съ красной каймой, покрывала его съ шеи до ногъ, а въ верху была закрѣплена золотой застежкой съ крупнымъ изумрудомъ. За Германомъ шло остальное духовенство, неся хоругви. Вся его свита состояла изъ трехсотъ человекъ.

Конечно, вести войну въ такомъ видѣ было безуміемъ, но это безуміе не лишено было возвышенной идеи, такъ какъ Германъ только думалъ о славѣ и достоинствѣ церкви. Пять дней продолжалось его шествіе изъ Калавриты, и всѣ греческіе посты встрѣчали его съ глубокимъ уваженіемъ; но отъ пріема въ арміи подъ Триполи зависѣлъ успѣхъ предпринятаго имъ дѣла, такъ какъ майноты всегда смотрѣли презрительно на духовныхъ лицъ. Съ его точки зрѣнія онъ явился туда, чтобъ закрѣпить господство церкви надъ православными, и въ исполненіи своей обязанности онъ не могъ допустить ни малѣйшей уступки.

Яни и Митсось издали увидѣли приближеніе торжественнаго шествія, и первый, знаменательно свистнувъ, сказалъ:

— Быть обѣдѣ. Германъ добрый и преданный роднячъ человекъ, но не всѣ духовные походятъ на него.

— Хорошо бы было, если бы они не вмѣшивались въ наши дѣла,— отвѣчалъ Митсось.— Они всѣхъ увѣряютъ, что борьба ведется во славу Божию. Положимъ, это такъ; но для борьбы необходимы войны, а попы — плохіе воины. Однако, посмотри, Яни, какъ великолѣпенъ Германъ. Жаль, что я не родился архіепископомъ.

Шествіе поровнялось съ молодыми людьми и, увидавъ, что Германъ держитъ въ рукахъ Святые Дары, они оба упали на колѣни. Яни сталъ набожно креститься, а Митсось насунилъ брови.

Петровій встрѣтилъ архіепископа съ глубочайшимъ уваженіемъ и устроилъ для него шалашъ рядомъ со своимъ. По всему лагерю было заявлено, что на другой деиь рано утромъ греки обязаны присутствовать на обѣднѣ, которую будетъ совершать архіепископъ. Но наканунѣ, послѣ ужина, Петровій и Николай пригласили къ себѣ Германа для откровенной бесѣды, а къ величайшему удовольствію Митсоса ему было поручено, съ двадцатью охотниками, сдѣлать набѣгъ на сосѣднюю турецкую позицію. Германъ относился къ нему очень милостиво, и потому онъ благословилъ его на путь.

— Ты всегда отличался умѣньемъ обращаться съ людьми,— сказалъ архіепископъ, обращаясь къ Николаю: — и, надо отдать тебѣ справедливость, ты сумѣлъ подготовить къ жизненной дѣятельно-

сти лучшаго юношу Греціи. Но намъ нужно переговорить о совершенно иныхъ вещахъ, и прежде всего дай мнѣ пожать тебѣ руку, потому что, можетъ быть, мои слова тебѣ не понравятся. Мы вѣдь, не правда ли, съ тобой друзья?

— Старые друзья,—отвѣчалъ съ улыбкой Николай:— и дай Богъ, чтобы мы вѣчно остались друзьями.

— И я на это надѣюсь,—продолжалъ Германъ:— впрочемъ извѣстіе, которое я принесъ, можетъ только скрѣпить нашу старую дружбу. Нашъ патріархъ Григорій, котораго ты, вѣроятно, знавалъ, казненъ въ Константинополѣ, по приказанію султана.

Николай и Петровій вскочили со своихъ мѣстъ.

— Не можетъ быть!—воскликнули они оба въ одинъ голосъ.

— Да, онъ казненъ, и самымъ позорнымъ образомъ. Его повѣсили на воротахъ патріаршаго дома. Но Божія кара вскорѣ постигнетъ нечестивыхъ, и смерть этого святого мученика вопіетъ къ небу! Дай-то Богъ, чтобы это печальное событіе связало насъ еще большими дружескими узами. Злобные турки не довольствовались преданіемъ святого человѣка смерти, а оставили въ продолженіе трехъ дней его трупъ висѣть на улицѣ, такъ что его дергали и кусали собаки; а затѣмъ этотъ трупъ былъ выданъ евреямъ, которые хуже собакъ. Они проволокли его по всѣмъ улицамъ и бросили въ море. Но набожные люди спасли тѣло святого человѣка, отвезли его въ Одессу и тамъ предали землѣ по уставу церкви. Несмотря на свою смерть, Григорій совершалъ чудеса на кораблѣ, на которомъ его тѣло было доставлено въ Одессу. Среди людей, находившихся на этомъ кораблѣ, была одна женщина, пораженная параличемъ, и какъ только ее поднесли къ тѣлу патріарха, то она немедленно выздоровѣла.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!—воскликнулъ Николай:— этотъ мученикъ будетъ нашимъ заступникомъ передъ Господомъ.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!—повторилъ Петровій крепостясь:—но, отецъ, расскажи, какъ это случилось.

— Онъ умеръ за насъ,—отвѣчалъ Германъ:— онъ умеръ, защищая свободу грековъ! Вамъ извѣстно, что онъ дѣйствовалъ заодно съ патріотами, и его письма къ членамъ клуба были перехвачены. Вотъ какимъ путемъ турки узнали о его патріотической дѣятельности и отомстили ему. Послѣ его казни назначены были выборы новаго патріарха, и выбранъ Евгеній, изъ Писидіи. А этотъ выборъ утвержденъ убійцей Григорія.

— Я не хочу повиноваться такому выбору!—воскликнулъ Николай, ударяя кулакомъ по столу:— церковь не игрушка для дьяволовъ турокъ.

— Я хотѣлъ узнать твое мнѣніе,—продолжалъ Германъ:— а ты, Петровій, раздѣляешь взглядъ родича? Но все-таки, вѣдь церковь остается безъ главы.

— А какъ слѣдуетъ поступать послѣ смерти патріарха? — спросилъ Николай.

Германъ молчалъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, а потомъ продолжалъ:

— Почему я не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ: дѣло въ томъ, что, по уставу церкви, до выбора новаго патріарха вся власть сосредоточивается въ рукахъ старшаго архіепископа.

— И прекрасно!—воскликнулъ Николай, вставая:—нѣтъ человѣка достойнѣе тебя, и я готовъ признать твою власть и повиноваться тебѣ во всемъ, что касается духовныхъ дѣлъ, во славу Божию.

Николай и Петровій подошли подъ благословеніе Германа, и онъ осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ.

— Я отчасти для того и прибылъ сюда,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—чтобы побудить греческую армію признать главенство святой церкви. Среди постоянныхъ стычекъ мы не должны забывать, что мы сражаемся не только за свободу, но и во славу Божию. Повѣрьте мнѣ, друзья мои, я вполне сознаю, что недостойнъ того высокаго положенія, которое случайно выпало на мою долю; но помогите мнѣ устоять отъ соблазна, отказаться отъ непосильной мнѣ тяготы. Я знаю, что вы оба пользуетесь большимъ вліяніемъ, а потому можете оказать мнѣ громадную помощь. Вѣдь если я подчинюсь волѣ Божіей и возьму на себя тяжелую отвѣтственность быть главою греческаго народа, возставшаго за свою свободу, то я буду ревниво защищать свою власть не изъ личнаго самолюбія, а изъ ревниваго служенія Господу.

Николай хотѣлъ отвѣтить Герману, но Петровій незамѣтнымъ знакомъ удержалъ его, и архіепископъ продолжалъ:

— Подъ чьимъ началомъ мы боремся, если не подъ Божьимъ? Отъ кого зависить побѣда, какъ не отъ Бога? А я, смиренный его служитель, являюсь пастыремъ Божьяго стада. Не истолкуйте, друзья, моихъ словъ во зло, я говорю не за себя, а за Бога. Уже среди насъ возникли враги не хуже турокъ. Въ Калавритѣ и Монемазій, но я надѣюсь не здѣсь, появились корыстные, нечестивые люди, которые сами дѣйствуютъ и побуждаютъ своихъ сторонниковъ дѣйствовать лишь съ цѣлью наживы и достиженія своихъ самолюбивыхъ замысловъ. Эти недостойные люди равняются разбойникамъ, которые грабятъ беззащитныхъ.

— Прости меня, отецъ,—отвѣчалъ Петровій:—но если подобные люди встрѣчались на греческихъ судахъ, то еще ничего подобнаго не видно въ арміи. Половину нашей добычи мы отдаемъ на расходы войны, а другую половину справедливо дѣлимъ между тѣми, которые ее приобрѣли.

— Ты, другъ мой, именно затронулъ тотъ вопросъ, о которомъ я хотѣлъ говорить,—произнесъ Германъ:—по твоимъ словамъ, вы откладываете половину на расходы войны, и хотя, я полагаю, это

слишкомъ большая доля, но не будемъ объ этомъ говорить. Я хочу обратить ваше вниманіе на совершенную несправедливость дѣла остальной половины между всѣми воинами. За что мы боремся: за пріобрѣтеніе богатства или за свободу? Конечно, за свободу и во славу Божию. Значить, бороться за такое дѣло и даже погибнуть за него выше всякой награды. Поэтому все, что мы пріобрѣтаемъ своей борьбой, должно идти во славу Божию, то-есть святой церкви. Вѣдь Богъ, а не кто иной даетъ намъ силу побороть турокъ, и что же — каждый человекъ получаетъ свою долю, а только церкви ничего не даютъ. Поэтому намъ слѣдуетъ подумать о Богѣ и о церкви съ ея служителями. Имъ слѣдуетъ отдать половину добычи, а не дѣлить ее между всѣми.

Петровій и Николай слушали его молча, потому что они уважали въ немъ и человекъ и архіепископа. Въ его искренности и честности они также не сомнѣвались; но проповѣдываемая имъ теорія была самая непрактичная: неужели онъ думалъ, что грубые, необразованные люди вели бы войну ради интересовъ церкви? Уже и то духовныя лица дѣлали много зла, придавая себѣ неимовѣрную важность и возбуждая неудовольствіе грековъ въ томъ, что они входили въ сдѣлки съ турками, которые покупали свою жизньъ уступкой имущества. Самъ Германъ вполне добросовѣстно и безкорыстно проводилъ мысль объ отчисленіи половины добычи церкви, но другія духовныя лица на него не походили, а главное, какъ могли Петровій въ качествѣ главнокомандующаго и Германъ, пастырь Божьяго народа, явиться въ толпѣ смѣлыхъ молодцовъ и сказать имъ:

— Вы рисковали своею жизнью вчера, рискуете ею сегодня и будете рисковать завтра только для того, чтобы обогатить церковь и ея служителей, а вы сами, если не умрете на полѣ брани, то останетесь попрежнему бѣдняками.

Однако, несмотря на всю честность Германа, Петровій и Николай понимали, что, дѣйствуя во славу Божию, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремился и къ удовлетворенію своего самолюбія. Онъ отличался неимовѣрной жаждой власти и если его выбрали бы на мѣсто убитаго патріарха, то его силъ и могуществу не было бы ничего равнаго въ странѣ. Что подобная мысль приходила ему въ голову и не давала ему покоя, доказали послѣдующія слова:

— И какое великое дѣло,—продолжалъ онъ:— быть во главѣ такой церкви, имѣющей верховную власть духовную и свѣтскую. Я не промѣнялъ бы такого положенія на роль самого папы. Духъ захватываетъ думать, что я, недостойный, могу до этого возвыситься!

— Отецъ,—перебилъ его Николай, насунивъ брови:— зачѣмъ ты это говоришь? Вѣдь, стремясь къ усиленію церкви во славу Божию, ты не думаешь ни о чемъ другомъ.

— Ты правъ,—отвѣчалъ Германъ послѣ минутнаго молчанія:—я стремлюсь только къ возвеличенію церкви Божіей.

— Я еще хотѣлъ сказать тебѣ, отецъ,—продолжалъ Николай:—мы съ Петровіемъ должны думать и о другихъ интересахъ, кромѣ интересовъ церкви. Въ послѣднее время у насъ въ арміи, хотя и меньше, чѣмъ въ другихъ отрядахъ, возникли распри, что можетъ вызвать самыя ужасныя послѣдствія. Въ нашемъ лагерѣ есть духовныя лица, которыя говорятъ солдатамъ то же самое, что ты, но не съ столь безкорыстной цѣлью. По ихъ словамъ, мы начали войну изъ-за религіи и должны преклоняться передъ духовными лицами, но наши молодцы не хотятъ ихъ слушать. Тогда они пускаются на хитрость и увѣряютъ, что бѣдные солдаты проливаютъ кровь за то, чтобъ обогатились ихъ начальники. Клянусь Богомъ! Это гнусная клевета, но нельзя поручиться, что если дѣла не измѣнятся, то дѣйствительно можетъ произойти нѣчто подобное. Вотъ, напримѣръ, въ Менемвазіи уже теперь творится недоброе: туда стекаются отряды съ заранѣе выбранными начальниками, и эти начальники прямо говорятъ, что если духовныя лица, ничего не дѣлая, хотятъ присвоить себѣ добычу, то лучше же имъ взять эту добычу себѣ, такъ какъ они несугъ всю тяжесть борьбы. И вотъ такимъ образомъ происходитъ внутренняя распря между духовными лицами и военными предводителями, а мало-по-малу и солдаты начинаютъ дѣйствовать каждый въ свою пользу. А во всемъ виновато духовенство. Ему не мѣсто въ нашей средѣ. Прежде чѣмъ духовные появились въ лагеряхъ, не было и помину о чемъ либо подобномъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Николай говорилъ съ жаромъ, и глаза его гнѣвно блестѣли. Неужели побѣда будетъ вырвана изъ рукъ грековъ по милости ихъ самихъ, а онъ зналъ, что какъ ни близка была гибель Триполи, но съ деморализованной арміей ничего нельзя было сдѣлать.

— Ты не правъ, Николай!—воскликнулъ Германъ, выходя изъ себя:—ваша армія не достаточно уважаетъ духовныхъ лицъ и скорѣе походитъ на толпу мальчишекъ, вырвавшихся изъ-подъ учительской ферулы, чѣмъ на храброе войско, повинующееся и уважающее какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Николай:—первый долгъ солдата—повиноваться своимъ начальникамъ, и въ этомъ отношеніи наши молодцы безупречны.

— Но ваши солдаты—люди, а первый долгъ человѣка—повиноваться тѣмъ, которые поставлены надъ ними Богомъ!

— Но, отецъ!—воскликнулъ Николай:—теперь не время говорить объ этомъ. Конечно, ты правъ: люди должны уважать служителей Бога, но во время войны духовнымъ лицамъ не слѣдуетъ возбуждать распри. Я не спорю, что мы ведемъ борьбу во славу Божію, но не мѣшайте намъ, дайте намъ свободу дѣйствовать!

— Вамъ никто и не мѣшаетъ, если вы стремитесь дѣйствительно къ славѣ Божіей.

Николай ничего не отвѣчалъ, а только покачалъ головой.

— Теперь не время ссориться, — сказалъ Петровій, молчавшій до тѣхъ поръ: — поговоримъ серьезно и практично. Николай правъ, что въ нашихъ войскахъ священники сѣютъ смуту. Поговори съ ними, отецъ. Убѣди ихъ, что не слѣдуетъ возбуждать солдатъ противъ начальниковъ, а напротивъ ихъ долгъ проповѣдывать среди солдатъ уваженіе къ предводителямъ.

Петровій очень ловко поставилъ вопросъ, и Герману нельзя было съ нимъ не согласиться, но съ другой стороны исполнить его совѣтъ значило признать неправильность дѣйствій со стороны духовенства. Нѣсколько минутъ Германъ колебался, а потомъ сказалъ:

— Я не хочу выходить изъ своей области, я глава церкви, а не военачальникъ, поэтому не могу вмѣшиваться въ то, что касается арміи.

— Если ты не можешь, то какъ же могутъ это дѣлать твои подчиненные! — воскликнулъ Николай: — скажи имъ, отецъ, чтобы они слѣдовали твоему разумному примѣру.

Германъ не зналъ, что отвѣчать.

— Вотъ видишь, — продолжалъ Николай: — ты только что просилъ нашей помощи, а теперь мы просимъ, чтобы ты намъ помогъ. Если ты не хочешь говорить своимъ священникамъ, то поговори съ начальниками отрядовъ, можетъ быть, они тебя послушаются.

— Во всякомъ случаѣ я не просилъ вашей помощи для усмиренія моихъ подчиненныхъ, — отвѣчалъ Германъ гнѣвно: — а если вы хотите, чтобы я помогъ вамъ противъ вашихъ людей, то я могу только сказать...

Онъ остановился, и во время, такъ какъ хотѣлъ сказать нѣчто очень оскорбительное.

Петровій тяжело вздохнулъ, а Николай отвѣтилъ саркастически:

— Если ты думаешь, что наши дѣла находятся въ безпорядкѣ, то къ чему же ты просишь нашей помощи? Позволь мнѣ повторить твои же слова и сказать, что я дѣйствую не въ своихъ интересахъ, а въ интересахъ арміи, которая борется за святое дѣло. Къ тому же, я убѣжденъ, что Богъ на нашей сторонѣ.

Германъ задумался и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ мягкимъ тономъ:

— Конечно, Богъ стоитъ за такого человѣка, какъ ты, Николай. Не будемъ болѣе ссориться: я виноватъ, я первый затѣялъ ссору. Поговоримъ хладнокровно. Нельзя ли положить конецъ тѣмъ распрямъ, которыя, по твоимъ словамъ, возникли въ войскахъ. Ты взводишь всю вину на духовныхъ лицъ, не такъ ли это?

— По крайней мѣрѣ, до ихъ появленія въ лагеряхъ все было спокойно, — отвѣчалъ Николай.

— Я придумалъ планъ, чтобы выйти изъ затрудненія. Духовныя лица и военачальники раздѣлили нашу армію на два лагеря.

Нельзя ли помочь горю назначеніемъ верховнаго совѣта изъ военачальниковъ и духовныхъ лицъ?

— Это только усугубить путаницу, — отвѣчалъ Николай, качая головой: — намъ теперь предстоитъ осада Триполи, и какое участіе могутъ принять въ ней духовныя лица? Хорошо я былъ бы, если бы меня посадили въ синодъ!

Глаза Германа засверкали. Онъ понялъ, что предложенный Петровіемъ общій совѣтъ могъ доставить ему первенствующую роль, и тотчасъ принялся уговаривать Николая согласиться на этотъ проектъ.

— Любезный другъ, — сказалъ онъ, — я очень сожалѣю, что ты не засѣдаешь въ синодѣ, и, конечно, ты достигъ бы этого, если бы пошолъ въ священники; но ты избралъ другое поприще, на которомъ ты выше всякихъ похвалъ. Но подумай, Николай, вѣдь это движеніе національное, а церковь національное учрежденіе и всегда имѣла голосъ въ національныхъ дѣлахъ. Не бойся, мы не станемъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, и ни одинъ изъ насъ не поведетъ атаки, или не возьмется руководить огнемъ противъ непріятеля. Тебѣ, конечно, извѣстно, что въ Англіи существуетъ двѣ палаты: въ одной сидятъ лорды, не имѣющіе инициативы, но сдерживающіе другую палату, состоящую изъ представителей народа. Вы, военные начальники, — избранныки народа, а мы — сдерживающее начало. Ты видишь, Николай, я иду на сдѣлку. Теперь не время толковать о главенствѣ церкви. Дайте намъ только голосъ въ вашихъ совѣтахъ, и намъ больше ничего не нужно. Если начальники военные и духовные будутъ дѣйствовать заодно, то Греція спасена!

— Хорошо, если этотъ планъ предложенъ Петровіемъ, то я согласенъ, — отвѣчалъ Николай.

Германъ не выказалъ своего торжества и послѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ сталъ говорить о скоромъ прибытіи въ Пелопонезъ князя Димитрія Ипсиланти, котораго гетерія, или клубъ патриотовъ сѣверной Греціи, назначила на мѣсто его неспособнаго измѣнника брата. До сихъ поръ этотъ клубъ дѣйствовалъ тайно, чрезъ немногихъ своихъ агентовъ въ родѣ Николая и Германа, но въ виду успѣха войны таиться было не къ чему, и члены клуба, обнаруживъ свою дѣятельность, стали открыто вести дѣло освобожденія Греціи. По словамъ Германа, Петровій и Николай пользовались большимъ уваженіемъ клуба, и князь Димитрій былъ очень расположенъ къ нимъ. Онъ также заявилъ, что князь не хотѣлъ вмѣшиваться въ веденіе войны, находя, что греческіе военачальники были люди опытные и способные, а самъ намѣревался играть роль гетерія, организовавшей войну, а также нашедшей для нея финансовыя средства.

— И я вполне убѣжденъ, — прибавилъ Германъ, — что князь Ипсиланти одобритъ наше рѣшеніе образовать національный сенатъ, главою котораго онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается самъ.

VII.

Разговоръ между Николаемъ, Петровіемъ и Германомъ создалъ пелопонезскій сенатъ, и никогда не придумывали столь непрактичнаго орудія для управленія націей, какъ это злополучное учрежденіе. Съ самаго начала застѣвавшія въ немъ военныя и духовныя лица находились во враждѣ, и единственнымъ практическимъ результатомъ дѣятельности сената было возбужденіе проволокчекъ и помѣхъ въ дѣлѣ осады Триполи. Сенатъ не только не примирилъ распрей въ арміи, но еще болѣе ихъ развилъ. Не разъ Петровій хотѣлъ отказаться отъ своего мѣста въ сенатѣ, но это значило бы окончательно передать власть въ руки духовенства. Что же касается до Николая и Германа, то между ними завязалась смертельная борьба, такъ какъ, по мнѣнію Николая, Германъ его обманулъ. Онъ увѣрялъ, что у него цѣли возвышенныя, альтруистическія, а въ сущности имъ руководило только личное самолюбіе. Когда онъ говорилъ Николаю и Петровію о своемъ стремленіи во славу Божію, то онъ былъ вполне искрененъ, но мало-по-малу личные интересы стали въ немъ преобладать надъ идеальными цѣлями.

Николай много рассчитывалъ на пріѣздъ князя Ипсиланти, но ему и въ этомъ пришлось разочароваться. Армія встрѣтила князя съ восторгомъ, такъ какъ ей надоѣли постоянныя интриги. Петровій немедленно занялъ подчиненное положеніе, но князь объявилъ ему, что желаетъ оставить веденіе осады въ прежнихъ рукахъ. Германъ также привѣтствовалъ его очень радушно, въ надеждѣ завладѣть имъ и переманить его на сторону церкви.

Если бы князь Дмитрій былъ человѣкъ сильной воли, то онъ могъ бы произвести общее примиреніе; но, по несчастью, онъ былъ совершенно неспособенъ для той роли, которая досталась ему. Онъ имѣлъ благія намѣренія и благородные принципы, но былъ слабъ и нерѣшителенъ. Онъ сконялся то въ пользу одной партіи, то въ пользу другой и дѣлалъ это самымъ неумѣлымъ образомъ, обнаруживая полное незнаніе людей и неувѣренность въ себѣ. Въ глазахъ солдатъ его слабохарактерность выражалась даже въ его наружности. Онъ былъ ниже средняго роста, а манеры его отличались то застѣнчивостью, то дерзостью. Лице его было худощавое, испитое, а волосы его были сѣдые, хотя ему только что минуло тридцать два года. Отличаясь близорукостью, онъ постоянно моргалъ, какъ филинъ, по словамъ Митсеса, а голосъ его былъ рѣзкій, крикливый. Всѣ эти внѣшніе недостатки вполне соответствовали его внутреннимъ слабостямъ. Онъ былъ прямой, благородный, храбрый человѣкъ, но на его мѣстѣ менѣе достойная личность принесла бы болѣе пользы, если бы отличалась силой характера. Въ эту критическую минуту отъ предводителя требовалось одно: рѣшительность, а яв-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРЕЖЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАВРЬ, 1898 г.

	СТР.
I Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). VI—XIII. (Окончаніе). Н. Н. Потапенко	851
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве . XV. (Окончаніе).	901
III. Въ интеллигентной колоніи. М. Е. Ермолиной	909
IV. Воспоминанія Екатерины Ивановны Раевской . VI—X. (Окончаніе).	936
V. Деревенскіе дѣльцы. Новые баре. В. А. Тимашева-Беринга	976
VI. Обь изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. А. Н. Кирпичникова	1014
VII. Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. I—VII. (Окончаніе) В. А. Тиханова	1026
VIII. Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). VIII—XII. (Окончаніе). А. В. Круглова	1045
Иллюстраціи: 1) Общій видъ Спасо-Каменнаго монастыря.—2) Храмъ и па- стоятельскій корпусъ Спасо-Каменнаго монастыря.—3) Настоятель Спасо-Ка- меннаго монастыря игуменъ о. Павелъ.—4) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Иосифа въ Спасо-Каменномъ монастырѣ.	
X. Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816— 1825. В. А. Тимирязева	1076
Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императору Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.— 4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императору Александръ I.—5) Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго сто- лѣтія.—6) А. П. Михайловскій-Данилевскій.—7) Михаилъ Леонтьевичъ Магниц- кій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 7 ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.	
XI. Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ	1113
Иллюстрація: 1) Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильно.	
XII. Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова . Е. С. Шумигорскаго	1124
XIII. По китайскому побережью. IX. Городъ Кантонъ. X. Городъ Нью- Чуанъ. (Окончаніе). В. Д. Черевкова	1132
XIV. Критика и библіографія.	1169
1) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстри- рованное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. Г. Эрастова .—2) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова . Спб. 1898. н. х. —3) Сочиненія К. К. Случевского . Изданіе А. Ф. Маркса . Спб. 1898. А. Круглова .—4) Кенетъ Грэмъ. Золотой возростъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелеева . Спб. 1898. Г—снаго .—5) В. Н. Хипрово . Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. с. —6) На- стоятельный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей прив.-доц. спб. унив. П. И. Вейнберга . Книгоиздательство Н. С. Аскарханова . Выпуски I и II. Спб. 1898. Бориса Городецкаго .—7) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Кур- ганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова . Т. III и по- слѣдній. Спб. 1898. Б. г. —8) А. Штылько . Астраханская лѣтопись. 1554— 1897 гг. Астрахань. 1898. А. Титова .—9) Общественная жизнь Англии. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, правы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до на- стоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля . Томъ III. Отъ вѣпанія Генриха VIII до смерти Елизаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева . Изд. К. Т. Сол- дащенкова . Москва. 1897. А. к. —10) Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Вѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 г.). Спб. 1898. Р. Рудакова .— 11) Н. Тиклиевъ . Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Ново- указныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898. з. — 12) В. М. Грябовскій (Гридень). Студенческіе разказы. Спб. 1898. щ. — Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эри-	

Ом. слѣд. стр.

геевы. Изслѣдованіе Александра Бриллиантова. Спб. 1898. к. х.—13) Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками Н. К. Айвазовскаго, заставками Сурьянца съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Г.—14) Вѣстникъ археологии и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898. В. Б—ва. — 15) М. А. Орловъ. Исторія русской литературы. Т. II. Пушкинскій періодъ Спб. 1898. А. л—на.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1188

1) Новая біографія Александра Македонскаго.—2) Гамлетъ въ Исландіи.—3) Женщины въ эпоху возрожденія.—4) Дневникъ Самюэля Пелиса.—5) Расинъ и дѣло объ отравѣхъ.—6) Авантюристы XVIII столѣтія.—7) Герцогъ Ричелье на Ахенскомъ конгрессѣ.—8) Англичане о Россіи.

XVI. Смѣсь 1214

1) Церковь—памятникъ императору Александру III.—2) Открытіе памятника П. П. Чайковскому.—3) Присужденіе презій А. А. Котляревскаго.—4) Юбилей Симбирска.—5) Юбилей А. К. Шеллера.—6) Къ юбилею Пушкина.—7) С.-Петербургское археологическое общество.—8) Московское археологическое общество.—9) Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ.—10) Отдѣленіе русскаго языка и словесности при педагогическомъ обществѣ въ Москвѣ.—11) Географическое общество.—12) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія.—13) Экспедиція въ верховья Аму-Дарьи.—14) Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.—15) Русское отдѣленіе археологическаго общества.—16) археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ.—17) Мозика Ломоносова.—18) Московскій историческій музей.—19) Мѣсто убіенія митрополита Филиппа.—20) Некрологи: Н. А. Новосельскій; Е. И. Конради; А. Д. Михельсонъ; С. З. Бураковскій; А. А. Смирновъ. А. Ф. Лишинъ; П. Ф. Борель.

XVII. Замѣтки и поправки 1245

1) По поводу воспоминаній К. К. Жерве о графѣ М. Н. Муравьевѣ.—2) Къ воспоминаніямъ Е. И. Раевской. С. Бибиновой.—3) Дополненія къ статьѣ «Вѣдлинскій въ русской литературѣ». Н. Бахтина.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Константина Карловича Жерве.—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. Е. Бенсона. Часть третья. VII—IX. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго. (The Vintage).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1898 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

При настоящей книжкѣ разсылаются городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленія о подпискѣ: 1) на «Ниву». 2) «Дѣтское чтеніе».

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются

СТИХОТВОРЕНІЯ А. В. КРУГЛОВА.

Изящно-изданный томъ въ 26 печ. листовъ. Ц. 1 р. 25 к. безъ пересылки. Иногороднихъ просятъ обращаться:

Москва, книжный складъ Спиридонова, Б. Спасскій, Каретный рядъ, кв. 31.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1898 года).

	стр.
Извѣтъ. (Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ).	
Е. Н. Опочинина.	5
Воспоминанія Константина Карловича Жерве. XI — XV. (Окончаніе).	40, 450, 901
Эмене Шерфе. Повѣсть. (Изъ современной крымской жизни). Л. Е. Оболенскаго.	80
Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). П. Н. Полевого.	120, 617
Памірскій походъ. (Воспоминанія очевидца). XII — XV. (Окончаніе). Б. Л. Тагѣева.	142
Шпіонъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 г.). М. Д. Плахова.	164
Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. Н. Н. О.	185, 639
Разказы М. С. Щепкина. М. А. Щепкина.	211
Поѣздка въ Нилову-Сорскую пустынь. И. Ф. Тюменева.	228
<i>иллюстраціи:</i> 1) Кресть на поворотѣ съ Бѣлозерскаго тракта въ Нилову пустынь. — 2) Св. ворота и Покровская церковь въ Ниловой пустыни. — 3) Внутренній видъ Ниловой пустыни. — 4) Ограда и ворота Предтечева скита въ Ниловой пустыни. — 5) Церковь св. Іоанна Предтечи и дождь надъ колодеземъ преподобнаго Пила. — 6) Входъ въ Успенскій скитъ съ внутренней стороны. — Часовни: Голгова и Геосиманія въ Успенскомъ скитѣ.	
Къ вопросу о происхожденіи такъ называемаго перваго самозванца. (По поводу открытія о. Павла Пирлинга и сочиненія г. А. Гиршберга). Г. А. Воробьева.	245
Русскіе администраторы XVII вѣка. Г. Н. Шмелева.	248
Исторія русской фабрики. Б. Б. Глинскаго.	253
По китайскому побережью. VII—X. (Окончаніе). В. Д. Черевкова.	293, 1132
Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ	310
<i>иллюстрація:</i> Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.	
Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). И. Н. Потепенно.	419, 851
Позднее счастье. (Изъ воспоминаній). В. Е. Томилина.	502
Воспоминанія Екатерины Ивановны Раевской.	523, 938
Памятный крещенскій сочельникъ. (Страичка изъ семейной жизни). К. Иксуль.	557
Карлъ Карловичъ Мёрдеръ, (воспитатель императора Александра Николаевича). Г. П. Анненкова.	578
<i>иллюстраціи:</i> 1) Надгробная плита на могилѣ К. К. Мёрдера въ Римѣ. — 2) Памятникъ на могилѣ К. К. Мёрдера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.	
Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). А. В. Круглова.	664, 1047
<i>иллюстраціи:</i> 1) Фразиново. — 2) Турундаево. — 3) Рабанга на Сухонѣ. — 4) Село Кубенское. — 5) Общій видъ Спасокаменнаго монастыря. — 6) Храмъ и настоятельскій корпусъ Спасокаменнаго монастыря. — 7) Настоятель Спасокаменнаго монастыря, игумень о. Павелъ. — 8) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.	

	стр.
Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ. Н. Писаревскаго	689
Иллюстрація: Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.	
Новорожденный мессіаниззмъ страны доллара и Старый Свѣтъ. (Соціологическій очеркъ). Евгенія Правдина	704
Яковъ Петровичъ Полонскій . (Некрологъ)	722
Иллюстрація: Яковъ Петровичъ Полонскій.	
Общественныя язвы и борьба съ ними. Б. Б. Глинскаго	734
Сочиненія Вильяма Кокса о Россіи. Н. Викторова	778
Въ интеллигентной колоніи. М. Е. Ермолиной	909
Деревенскіе дѣльцы. Новые бары. В. А. Тимашева-Беринга	976
Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. А. И. Кирпичникова	1014
Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. (Окончаніе). В. А. Тихонова	1026
Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816 — 1825. Реакція. В. А. Тимирязева	1076
Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императоръ Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.—4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I.—5) Казармы л.-гв. Семеповскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—6) А. И. Михайловскій-Данилевскій.—7) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Навожденіе въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.	
Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ	1110
Иллюстрація: Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.	
Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова . Е. С. Шумигорскаго	1124
КРИТИКА и БИБЛЮГРАФІЯ	352, 788, 1169

1) Церковная историографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го по XIX-й вѣкъ А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1898. с.—2) Памятники древней письменности. СХХVII. А. Н. Пыпинъ. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсней. Спб. 1898. н. п. —3) С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. А. Фаресова.—4) Ш. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ французскаго. Изданіе И. Д. Сытина. Историко-культурная бібліотека. Спб. 1898. н. —5) А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. щ.—6) Угорска Русь и ея русскіи жители. Книжечка для народа съ образками и картою Угрии и Угорской, Галичской и Буковинской Руси. Написалъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898. н. Рышкова.—7) В. К. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1897. н.—8) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898. В. т.—9) Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Труды Сѣверной коммисіи. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбачьихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 1898. щ.—10) Докторъ Леоборъ Нидерле. Человѣчество и доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898. н.—11) Записки науковаго товариства имени Шевченко. Выходятъ у Львови під редакцію Михайла Грушевскаго. Том XIX. Львівъ. 1898. н. Р.—ва.—12) Вл. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 1898. гл.—13) Józef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Туру і образки Wolynskie. Warszawa. 1899 (I). к. X.—14) А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1898. н.—15) И. Тыжновъ. Запѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Часть I. Лѣтописи города Тобольска. Спб. В. Р.—ва.—

16) «Народная трезвость». №№ 1—8. Спб. 1898. г. л. и.—17) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣтели Владимірской губерніи, получившіе известность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-бібліографическаго словаря). Выпускъ 2-й. Владиміръ. 1897. п. щ.—18) Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Спб. 1898. с.—19) Изданіе Симбирской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Подливановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Саложникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая записка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898. м. с.—наго.—20) В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. г. т.—21) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1893. (Библіотека для самообразованія. XII). п. щ.—22) Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Профессора А. Трачевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. н. Лосснаго.—23) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Соч. К. Харламповича. Казань. 1898. и. Любарскаго.—24) Экономическое ученіе Карла Маркса.—Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 1898. Б. гл.—25) О писателствѣ М. О. Меньшикова. Спб. 1898. А. Фаресова.—26) Л. Грегуръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Последнее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—1871 г. Дополненія: Коммуна. Исторія третьей республики до окончательнаго утвержденія ея въ 1879 г. Переводъ М. В. Лучинкой, подъ ред. П. Б. Лучинскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. А. и.—27) А. Д. Крицовъ. Патріархъ всѣхъ армянъ Персесъ V-й, кн. М. С. Воронцова и кн. Елис. Ксавер. Воронцова въ ихъ частной перепискѣ. Съ тремя портретами и приложеніями. Тифлисъ. 1897. щ.—28) Четырехстолѣтіе російскаго государственнаго герба. Е. Н. Воронца. Харьковъ. 1898. с. ш.—29) Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый профессоромъ А. А. Козловымъ. М. 1898. н. Лосснаго.—30) Наша родина. Иллюстрированный сборникъ для простонароднаго чтанья. Составилъ Григорій Купчанковъ. Вѣдень. 1898. н. Рышкова.—31) Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ II. Спб. 1898. с. ш.—32) Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ французскаго. Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. н.—33) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. г. Эрастова.—34) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова. Спб. 1898. н. х.—35) Сочиненія К. К. Случевскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. А. Круглова.—36) Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1898. Г.—снаго.—37) В. Н. Хитрово. Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. с.—38) Настоянный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета П. И. Вейнберга. Книгоиздательство Н. С. Аскаרחанова. Выпуски I и II. Спб. 1898. Бориса Городецаго.—39) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Исслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и последній. Спб. 1898. Б. г.—40) А. Штылько. Астраханская глыбопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898. А. Титова.—41) Общественная жизнь Англій. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. А. и.—42) Евг. Соловьевъ (Скряба). В. Г. Вѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 гг.). Спб. 1898. Р. Руданова.—43) Н. Тиктинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго исслѣдованія. Одесса. 1898. С.—44) В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе рассказы. Спб. 1898. щ.—45) Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Исслѣдованіе Александра Вриллантова. Спб. 1898. н. х.—46) Братская помощь пострада-

вшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Авазовскаго, заставками Сурьянца, съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. г.—47) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. 1898. В. 5-ва. — 48) М. А. Орловъ. Исторія русской литературы. Т. II. Пушкинскій періодъ. Спб. 1898. А. л.—на.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 386, 824, 1198

1) Старинный итальянскій летописецъ. — 2) Четырехсотлѣтняя годовщина Савонаролы. — 3) Новыя сокровища итальянскихъ архивовъ по исторіи Англій. — 4) Основатель Квебека. — 5) Голландія въ XVII вѣкѣ. — 6) Рейдльбергское пугало. 7) Олимпія де-Гужъ. — 8) Вельсонъ въ Неаполь въ 1799 г.—9) Германскій императоръ у Гроба Господни въ XIII столѣтіи. — 10) Иоанна Безумная. — 11) Процессъ маршала Нен. — 12) Парижская сгачка въ 1740 г.—13) Новая біографія Александра Македонскаго. — 14) Галлетъ въ Исландіи. — 15) Женщины въ эпоху возрожденія. — 16) Дневникъ Самюэля Пенна. — 17) Расинъ и дѣло объ отравѣхъ. — 18) Авантюристъ XVIII столѣтія. — 19) Герцогъ Ришелье на Ахенскомъ конгрессѣ. — 20) Англичане о Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 393

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. В. М. Цехановскаго.

СМѢСЬ 398, 832, 1214

1) Открытіе памятника императору Александру II въ селѣ Вьльи-Ключъ. — 2) Архивъ Московскаго дворянства. — 3) Художественная выставка въ Ломжѣ. — 4) Присужденіе Уваровскихъ премій. — 5) Императорское Русское археологическое общество. — 6) Общество исторіи и древности россійскихъ въ Москвѣ. — 7) Археологическое общество. — 8) Антропологическое общество. — 9) Антропологическій отдѣлъ. — 10) Раскопки въ Херсонѣ. — 11) Археологическая находка. — 12) Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ. — 13) Выставка въ память императора Александра II. — 14) Церковь-памятникъ императору Александру III. — 15) Открытіе памятника П. И. Чайковскому. — 16) Присужденіе премій А. А. Котляревскаго. — 17) Юбилей Симбирска. — 18) Юбилей А. К. Шеллера. — 19) Къ юбилею Пушкина. — 20) С.-Петербургское археологическое общество. — 21) Московское археологическое общество. — 22) Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ. — 23) Отдѣленіе русскаго языка и словесности при педагогическомъ обществѣ въ Москвѣ. — 24) Географическое общество. — 25) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія. — 26) Экспедиція въ верховья Аму-Дарьи. — 27) Общество любителей естествознанія, антропологи и этнографы. — 28) Русское отдѣленіе археологическаго общества. — 29) Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ. — 30) Мозаика Ломоносова. — 31) Московскій историческій музей. — 32) Мѣсто убіенія митрополита Филиппа. — 33) Некрологи: М. Г. Черняевъ; А. С. Павловъ; С. П. Щепкинъ; Н. Н. Куликовъ; Н. П. Боголюбовъ; Н. Ф. Новосельцевъ; А. А. Макуринъ; П. А. Новосельскій; Е. И. Конради; А. Д. Михальсонъ; С. З. Бураковскій; А. А. Смирновъ; А. Ф. Диниянъ; П. Ф. Борель.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 411, 844, 1245

1) Къ біографіи Яна Кохановскаго (1530—1584 гг.). и Любарскаго. — 2) По поводу статьи «На царскомъ пути». Баронессы Е. Н. Гроттусъ, рожденной Лореръ. — 3) Отзывъ на замѣтку генерала Фельдмана. Витора Жерве. — 4) По поводу разсказа «Шпіонъ». В. фонъ-Валя. — 5) По поводу воспоминаній К. К. Жерве о графѣ М. Н. Муравьевѣ. — 6) Къ воспоминаніямъ Е. И. Раевской. С. Бибиновой. — 7) Дополненія къ статьѣ «Бѣлинскій въ русской литературѣ». Н. Бахтина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: М. С. Щенкина, К. К. Мёрдера и К. К. Жерве. — 2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Бенсона.** Часть вторая. VIII. Часть третья. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго. (The Vintage). — 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1898 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». — 4) Объясненія.

КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ ЖЕРВЕ.

Дозв. ценз. 24 НОЯБРЯ 1898 г. Спб.

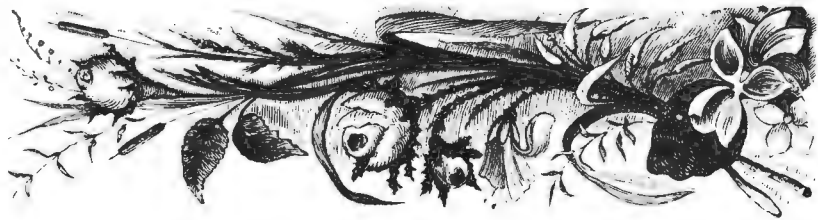
О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1899 году
(двѣдцатый годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1899 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія девятнадцать лѣтъ (1880—1898).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ДВѢ ПОЛОСЫ ¹⁾.

VI.

В ЭТОГО времени у нихъ начали устанавливаться новыя отношенія къ окружающимъ. Кондратій Семеновичъ, съ головой ушедшій въ свое дѣло, конечно, ничего не видѣлъ и не замѣчалъ, но Софья Андреевна не даромъ была молчалива, отъ ея внимательнаго взгляда не ускользало ничто. Впрочемъ, ничего и не было такого очевиднаго, что могло бы бросаться въ глаза, все это было необыкновенно тонко и едва сквозило во взглядахъ, намекахъ и словахъ.

Могъ ли, напримѣръ, замѣтить Кондратій Семеновичъ такую тонкость, какъ то обстоятельство, что старый батюшка, который относился къ нему и Софьѣ Андреевнѣ съ большимъ уваженіемъ, въ ихъ присутствіи тщательно избѣгалъ говорить о брачной жизни? Со стороны батюшки это была своего рода деликатность. Когда заходила объ этомъ рѣчь, онъ какъ-то вдругъ замолкалъ и вздыхалъ при этомъ, или же перемѣнялъ разговоръ такъ поспѣшно и неловко, что надо было быть такимъ ненаблюдательнымъ, какъ Кондратій Семеновичъ, чтобъ не обратить на это вниманія.

Матушка держалась другихъ пріемовъ; она не пропускала случая сказать съ видомъ искренняго соболѣзнованія: конечно, ваше такое положеніе... и, не докончивъ фразы, она договаривала ее вы-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 419.

разительнымъ взглядомъ. Или подойдетъ къ дѣтямъ, сочувственно посмотритъ на нихъ, погладитъ по головкѣ, и ни съ того ни съ сего скажетъ: ахъ, бѣдняжки!

Въ сущности, все это было, разумѣется, неважно, и всѣ эти люди несомнѣнно относились къ нимъ искренно; они только не умѣли выразить своего сочувствія, но это слишкомъ близко касалось Софьи Андреевны, и она часто задумывалась. Съ Кондратіемъ Семеновичемъ она никогда не рѣшилась бы заговорить объ этомъ. Боже, сохрани! Прежде всего, это было бесполезно, потому что перемѣнить положеніе на другое было не въ его власти, и потомъ это омрачало бы его ясную душу; но эти маленькіе уколы — ежедневные, непрерывные, въ видѣ особыхъ, какъ бы нарочно для нихъ изобрѣтенныхъ, взглядовъ, вздоховъ и тихихъ восклицаній, хотя ими и хотѣли выразить сердечное расположеніе, были ей горьки. Они всякій разъ заставляли ее обращать вниманіе на разницу между своими дѣтьми и другими. Но были случаи, которые заставляли ее испытывать болѣе реальное горе. Люди, знавшіе ихъ съ того времени, какъ они поселились здѣсь, и потому знакомые съ ихъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ, стѣснялись и сдерживались въ ихъ присутствіи, но люди новые, заставшіе ихъ уже живущими вдвоемъ и съ дѣтьми и еще не успѣвшіе достаточно ознакомиться съ мѣстными сплетнями, иногда противъ желанія попадали въ самое больное мѣсто. И былъ такой случай, который заставилъ даже Кондратія Семеновича упасть на землю съ своей идеальной высоты.

Въ село назначенъ былъ новый псаломщикъ, человекъ молодой, недавно кончившій семинарію, не злой, но и не умный. У него была семья, и ему все не везло съ прислугой. Въ особенности онъ былъ недоволенъ деревенской нравственностью. Какъ-то собралось общество у бабушки, были тамъ Кондратій Семеновичъ и Софья Андреевна, и такъ какъ здѣсь былъ и псаломщикъ, то роковымъ образомъ рѣчь зашла о прислугѣ.

— Можете себѣ вообразить, — съ негодованіемъ рассказывалъ псаломщикъ, — наша-то Федосья, вѣдь она дѣвка, и вдругъ, представьте себѣ, оказалась въ такомъ положеніи! И ужъ это оказывается у нея второй. Ну, нечего сказать, хороша здѣсь нравственность, а я еще такъ много наслышался о деревенской добродѣтели! Понятно, чего можно ожидать отъ такого народа.

Софья Андреевна поблѣднѣла и нахмурила брови. Кондратій Семеновичъ замѣтилъ это. Собственно говоря, онъ почти забылъ уже, что самъ онъ въ особомъ положеніи, онъ такъ свыкся съ своею жизнью, что не находилъ въ ней ничего ненормальнаго, но тутъ онъ вспомнилъ все и противъ своего обыкновенія, даже, какъ казалось, въ противность своему характеру, вскипѣлъ.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! — замѣтилъ онъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ.

— Почему же-съ? — спросилъ псаломщикъ, который вообще не любилъ возраженій, считая каждое изъ нихъ оскорбленіемъ своему самолюбію. У него было большое и больное самолюбіе.

— Потому что вамъ самимъ приходится иногда жать руку такимъ людямъ! — отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

Софья Андреевна встала и промолвила презрительно и гордо: — но больше ужъ не придется!

И она сейчасъ же вышла въ другую комнату.

Псаломщикъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и продолжалъ добиваться:

— Но отчего же, отчего? Я, право, не понимаю-съ!

— Это очень просто: моя жена со мной не обвиняна.

Псаломщикъ былъ обиженъ уже нѣсколько больше, чѣмъ онъ могъ допустить, и потому сильно былъ расположенъ къ дерзостямъ. Онъ сказалъ:

— А если не обвиняна, то, значитъ, и не жена-съ.

Батюшка счелъ своимъ долгомъ вступиться въ качествѣ хозяина и добраго знакомаго Софьи Андреевны:

— Но позвольте, — сказалъ онъ тономъ благоразумія, — бываютъ особыя положенія. Такъ судить невозможно. Конечно, съ точки зрѣнія религіи подобный союзъ не одобряется, но человѣкъ слабъ, и не вамъ, какъ лицу, готовящемуся въ пастыри, не знать того, что часто приходится быть снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ...

Псаломщикъ, услышавъ такую отвѣдь отъ батюшки, который былъ его начальствомъ, поспѣшилъ пойти назадъ; онъ старался придать своимъ словамъ другой смыслъ, объяснялъ ихъ незнаніемъ, но впечатлѣніе было произведено. Послѣ этого онъ долго не заходилъ въ школу, но однажды явился и чуть не плача попросилъ у Софьи Андреевны извиненія. Она простила, и онъ сталъ у нихъ частымъ гостемъ, а потомъ сдѣлался добрымъ пріятелемъ.

Мужики въ это время уже безповоротно прониклись къ Кондратію Семеновичу и Софьѣ Андреевнѣ безконечнымъ уваженіемъ и довѣріемъ и потому прощали имъ все, что бы они ни сдѣлали. Иные прямо спрашивали у него:

— А что не вѣнчаются, Кондратій Семеновичъ?

— Нельзя, — отвѣчалъ онъ, — вѣнчанъ съ другою!

— А! экое жалкое дѣло! Ну, что-жъ, это бываетъ, тутъ и Богъ простить!

И вся деревня какъ-то молчаливо, безъ всякаго уговора, признавала Кондратія Семеновича и Софью Андреевну съ дѣтьми «семьей», про Софью Андреевну говорили: «учительева жена», а про дѣтей ихъ говорили: «учительевы дѣти».

Одно время была опасность со стороны начальства. Былъ назначенъ новый инспекторъ, неизвѣстно откуда взявшійся, но, повидимому, съ большимъ влияніемъ, потому что онъ былъ слишкомъ мо-

лодь для этого мѣста. Человѣкъ онъ былъ необыкновенно крикливый по части морали, всюду и всемъ объявлялъ, что у него въ округѣ нравственность прежде всего, и что онъ не потерпитъ никакихъ отступлений. Съ Кондратіемъ Семеновичемъ у него выпелъ разговоръ.

— Я слышалъ,—строго сказалъ инспекторъ,— что вы находитесь въ незаконномъ сожителствѣ съ учительницей Безсоновой.

— Мнѣ кажется, что это не относится къ моимъ школьнымъ обязанностямъ,—рѣзко отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Но, однако же, вы можете подать дурной примѣръ...

— Развѣ вы видите среди моихъ учениковъ чтонибудь дурное? Если да, то вы можете на это сослаться...

— Я не могу допустить,—еще болѣе строго продолжалъ инспекторъ,—чтобы мѣсто учительницы занимала дѣвица, которая...

— О которой я не позволю вамъ говорить въ этомъ смыслѣ, милостивый государь!—грубо оборвалъ его Кондратій Семеновичъ.

— А, не позволите говорить? Въ такомъ случаѣ я буду дѣйствовать...

— Только не забудьте, господинъ инспекторъ, дѣйствовать по закону и по совѣсти.

Разумѣется, инспекторъ уѣхалъ съ рѣшимостью устроить дерзкому учителю чтонибудь самое скверное изъ всего, что было въ его распоряженіи, а Кондратій Семеновичъ цѣлую недѣлю ходилъ совершенно разстроенный: «вотъ,—говорилъ онъ,—шесть лѣтъ боролся, достигалъ и, наконецъ, достигъ многого, и этотъ случайный человѣкъ, которому въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до просвѣщенія, все можетъ разрушить однимъ взмахомъ. Это тяжело. Тяжело, когда посторонній человѣкъ вооруженъ правомъ забираться въ твою душу и забрасывать грязью твою святыню».

Но случилась странная вещь. Какъ разъ въ это время надъ «моральнымъ инспекторомъ», какъ его называли, вдругъ стряслась бѣда. Его необыкновенно быстро куда-то убрали и при такихъ обстоятельствахъ, что онъ позыбылъ о своемъ намѣреніи «дѣйствовать»; ему было не до этого. Такъ это и прошло безслѣдно. Его преемникъ былъ человѣкъ мягкій и деликатный; онъ старался вникать въ сущность человѣческихъ отношеній и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Такимъ образомъ Кондратія Семеновича спасла какая-то непредвидѣнная случайность. Только благодаря ей, онъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Никто изъ окружающихъ видимо не оскорблялъ ихъ, все старались въ ихъ присутствіи обходить этотъ вопросъ, но Софья Андреевна очень хорошо видѣла, что они именно стараются объ этомъ, и иногда даже неволью преувеличивала. Все это вмѣстѣ было единственное, что омрачало ея жизнь и отражалось также на Кондратіи Семеновичѣ. При этомъ она часто задумывалась о времени, когда дѣти вырастутъ, и ихъ придется отдавать въ школу. Время это было не

за горами, а вѣдь тогда могутъ наступить обиды и для нихъ. Это ужъ было совсѣмъ горько.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ оба они считали себя какъ бы образцами счастья. Ихъ средства были ничтожны, но потребности еще меньше. Все у нихъ было просто и незатѣйливо до послѣдней степени, но они этого не замѣчали. Оба они были такъ созданы, что придавали значеніе только внутреннимъ, душевнымъ отношеніямъ.

Но нѣтъ такого положенія, съ которымъ не свыкся бы человѣкъ, и они свыклись съ своимъ единственнымъ горемъ, и каждый переживалъ его молча. Они никогда не говорили о немъ.

VII.

И вотъ это письмо вдругъ напомнило разомъ обо всемъ. Странное положеніе! Былъ въ его жизни всего на всего одинъ такой день, когда они увидѣлись. Они сказали другъ другу по сотнѣ словъ, это самое большее. Потомъ не встрѣчались больше ни разу въ теченіе семи лѣтъ. Каждый жилъ своей особой жизнью, у каждаго были свои интересы, своя борьба, ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ потребности въ томъ или другомъ смыслѣ обратиться къ другому, каждый жилъ на свой страхъ и на свою совѣсть, и вдругъ оказывается, что между ними все-таки есть какая-то связь.

Онъ припоминалъ теперь обстоятельства, которыя произошли послѣ вѣнчанія. Когда онъ уѣхалъ на пароходѣ изъ губернскаго города, то вслѣдъ ему въ тотъ же день уже было послано отъ Зуброва письмо. Оказалось, что онъ забылъ самое главное,—брачное свидѣтельство, безъ котораго нельзя было ни о чемъ хлопотать. Онъ досталъ ей паспортъ на три года и отослалъ и затѣмъ уѣхалъ на свое новое мѣсто, въ полной увѣренности, что теперь оставятъ его въ покоѣ. Но черезъ недѣлю опять получилъ извѣстіе отъ Зуброва и притомъ самаго тревожнаго свойства. Старикъ Латугинъ поднялъ тревогу, поѣхалъ къ губернатору и даже, кажется, къ архіерею. Посыпались и къ нему официальные запросы, въ которыхъ ясно намекалось на то, что бракъ его съ дѣвицей Латугиной имѣетъ явно злонамѣренный характеръ. Кажется, его подозрѣвали въ намѣреніи разбогатѣть на счетъ купца Латугина. Его спрашивали, почему онъ женившись предоставилъ женѣ жить отдѣльно, тогда какъ у него есть постоянное мѣстожительство. Онъ не зналъ, что съ этимъ дѣлать, и потребовалъ отъ Зуброва подробныхъ инструкцій. Онъ получилъ ихъ и отвѣтилъ. Вообще, это доставило ему много непріятныхъ волненій. «Тестъ» присылалъ ему угрозы, требованія развода и всякаго рода оскорбленія. Но тутъ уже ему было предписано Зубровымъ, чтобъ онъ молчалъ, какъ могила, и онъ добросовѣстно молчалъ. Потомъ все вдругъ затихло. Отъ Зуброва онъ по-

лучилъ извѣстіе, что Дарья Григорьевна взяла мѣсто учительницы въ предмѣстьѣ, и онъ сказалъ себѣ: «ну, и слава Богу!»—и скоро забылъ обо всей этой исторіи.

Года два послѣ этого онъ, погруженный въ свое дѣло, ни разу не ѣздилъ въ губернской городъ, но вотъ онъ получилъ приглашеніе на учительскій съѣздъ и поѣхалъ туда. У него явилось желаніе розыскать своихъ старыхъ товарищей, но нашлись очень немногіе, остальные разбрелись по свѣту. Зуброва онъ совсѣмъ не нашелъ и узналъ про него печальныя вещи. Послѣ того, какъ они разстались, онъ долго еще велъ страшную борьбу съ нуждой, семейство его еще увеличилось, и, наконецъ, онъ не выдержалъ и умеръ,—чахотка просто таки съѣла его.

У него была странная встрѣча. Онъ шелъ по главной городской улицѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ франтовато одѣтымъ, красивымъ и довольно представительнымъ господиномъ, взглянулъ на него и узналъ въ немъ Постромкина. Что онъ былъ одѣтъ франтомъ, въ этомъ Чепуренко не находилъ ничего страннаго,—у Постромкина всегда и прежде была склонность къ франтовству. Это была его слабость, а это право каждаго—имѣть слабости; но Постромкинъ пристально взглянулъ ему въ лицо и отвернулся въ тотъ самый моментъ, когда Кондратій Семеновичъ поднесъ руку къ шляпѣ, чтобъ приподнять ее, и готовъ уже былъ раскрыть объятія. Это показалось ему необъяснимымъ; онъ обернулся и долго стоялъ на мѣстѣ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Постромкину.

Была и другая встрѣча: Анчурову онъ нашелъ почти безъ перемѣны. Такое же короткое прямое платье, такая же шапочка, похожая на мужскую, такой же суетливый видъ, все это было по-прежнему, и такъ же, какъ прежде, она была красива, только слегка похудѣла и поблѣднѣла.

— Что-жъ вы теперь дѣлаете?—спросилъ ее Кондратій Семеновичъ.

— Въ Петербургъ собираюсь, на медицинскіе курсы,—отвѣтила Анчурова.

— Вотъ какъ! Что-жъ, это хорошо. А развѣ вы не замужемъ?

— Почему же вы думаете, что я должна быть замужемъ?

— Да такъ. Вѣдь тогда былъ разговоръ, помните? Вы собирались за Постромкина.

Анчурова какъ-то вся вскипѣла и замахала на него руками.

— Ахъ, пожалуйста, не напоминайте мнѣ о немъ! Это такой негодяй, такой негодяй... Я не желала бы, чтобы вы съ нимъ встрѣтились!

— Да я и такъ встрѣтился съ нимъ, но только онъ меня не узналъ.

— Еще бы! Онъ теперь никого не узнаетъ.

— Да что же съ нимъ? Почему это такъ вдругъ?

— Да просто негодяй, и только всего. Я всегда это подозрѣвала, но не была увѣрена. Онъ вѣдь очень ловкій, этотъ Постромкинъ. Да вѣдь не я одна, а всѣ ошибались въ немъ...

Такъ Чепуренко и не добился отъ нея, въ чемъ заключается негодяйство Постромкина. Онъ впрочемъ особенно и не добивался. Что онъ на ней не женился, это было очевидно, но Анчурова едва ли была способна за одно только это произвести человѣка въ негодяи. Было, очевидно, еще что нибудь. Но очевидно было также и то, что самой Анчуровой объяснять это непріятно. Онъ разстался съ нею, пожелавъ ей успѣха въ Петербургѣ.

Года черезъ два ему опять пришлось быть въ губернскомъ городѣ. Тутъ онъ узналъ, что Постромкинъ занимается адвокатурой, что у него большая практика, что живетъ онъ очень широко. Но отъ этого было еще слишкомъ далеко до негодяя. Вѣдь многіе такъ живутъ и умѣютъ при этомъ сохранять порядочность. Нельзя требовать, чтобы всѣ отказались отъ личнаго блага. А больше ничего онъ не узналъ про Постромкина.

Въ губернскомъ городѣ у него пошли совсѣмъ новыя знакомства, изъ другого міра, и тотъ старый міръ пересталъ интересоваться его. Въ сущности что же и связывало его съ тѣмъ міромъ? Что было тамъ въ немъ такого, что могло бы привязывать его къ себѣ? Большею частью тамъ были все одни только слова да слова.

О Дарьѣ Григорьевнѣ онъ не слышалъ и никого не разспрашивалъ. Почему онъ долженъ былъ интересоваться ею? Они встрѣтились случайно и, можетъ быть, никогда больше не встрѣтятся.

Весь этотъ день онъ чувствовалъ, что нервы его какъ-то необычно напряжены. Что-то такое постороннее ворвалось въ его жизнь, которая текла такъ тихо и мирно. Онъ рассчитывалъ, что письмо можетъ быть получено сегодня утромъ, и что если въ самомъ дѣлѣ у Дарьи Григорьевны есть такое спѣшное дѣло, то она, пожалуй, можетъ къ вечеру пріѣхать. И онъ готовился къ этой встрѣчѣ съ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ.

Занятія въ школѣ шли своимъ чередомъ. Софья Андреевна, казалось, не думала о предстоящемъ визитѣ; она только была сдержаннѣе и молчаливѣе, чѣмъ всегда. Онъ между дѣломъ посматривалъ на нее и думалъ: «она страдаетъ. Это заставляетъ ее думать о дѣтяхъ, я знаю!» Она тоже наблюдала за нимъ и думала: «онъ мучится. Онъ думаетъ обо мнѣ».

Въ то же время она была озабочена вопросомъ о томъ, гдѣ помѣстить гостью, и на чемъ она будетъ спать.—Вѣдь если она пріѣдетъ сегодня вечеромъ, то должна будетъ ночевать здѣсь!—говорила она.

— Почему же?

— Но куда же ей дѣваться ночью? Если она рѣшается пріѣхать и нуждается въ этомъ послѣ семи лѣтъ разлуки, то, по всей вѣроятности, дѣло ея заключается не въ двухъ словахъ.

И она придумала какую-то импровизированную постель для себя, а свою рѣшила поставить въ школьной комнатѣ для Дарьи Григорьевны. Вѣдь у нихъ въ домѣ не было рѣшительно ничего лишняго, всего было ровно столько, сколько было необходимо.

— Только жаль, что ей придется завтра рано вставать!—озабоченно соображала она:—вѣдь школьники собираются къ семи.

— Завтра праздникъ!

— Ахъ, да! а послѣзавтра воскресенье,—два праздника подъ рядъ!

И вмѣсто того, чтобы обрадоваться этому, какъ это непременно было бы въ обыкновенное время, она произнесла послѣднія слова съ видимою грустью. Два праздника подъ рядъ,—это такъ рѣдко случается, и они пропадутъ, эти праздники. Въ праздникъ они обыкновенно забирали съ собой провизию и съ утра на цѣлый день отправлялись въ самый конецъ сада, версты за четыре отъ села. Здѣсь садъ уже совсѣмъ походилъ на лѣсъ, въ немъ не было даже запущенныхъ аллей, а все росло дико, на полной свободѣ. Къ нимъ присоединялось нѣсколько мальчишекъ и дѣвочекъ, и цѣлый день не прекращалась веселая бѣготня и смѣхъ. Школьники ходили съ ними поочереды. Вотъ ужъ и теперь, когда кончались занятія, тамъ среди этихъ пестрыхъ головъ съ непокорными шевелюрами замѣтно было волненіе, и можно было слышать шепотъ. Гадали о томъ, кто пойдетъ завтра въ лѣсъ, а кто послѣзавтра. Школьники обожали эти экскурсіи.

— А кому завтра будетъ идти?—спросилъ наконецъ одинъ изъ школьниковъ, изъ болѣе бойкихъ. Онъ обратился къ Софьѣ Андреевнѣ, которая обыкновенно распоряжалась этими экскурсіями.

Софья Андреевна задумалась и какъ бы нѣсколько смутилась.—Завтра... Завтра, дѣти... Я не знаю, пойдемъ ли... Впрочемъ, можетъ быть, только со мной!—прибавила она, взглянувъ на Кондратія Семеновича!—Я завтра сама зайду за вами...

Школьники переглянулись: они никогда еще не видѣли въ ея глазахъ такого неспокойнаго блеска, и не понимали, что это значить. Она назначила, кому на всякій случай завтра утромъ быть дома. Въ сущности ничего важнаго не случилось, а между тѣмъ всѣ переживали какое-то тревожное состояніе. И вотъ даже дѣти испытывали лишеніе.

Дѣти еще были въ школѣ и кончали занятія, когда къ воротамъ подѣхалъ верховой. Оказалось, что это разсылный изъ ближайшей телеграфной станціи, отстоявшей верстахъ въ десяти. Онъ привезъ Кондратію Семеновичу телеграмму. Тамъ значило: «будьте великодушны, пріѣзжайте сами, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дочь отсутствію считаю опаснымъ. Латугинъ».

Это совсѣмъ запугало ихъ. Они окончательно не знали, что подумать.—Значить, она больна или вообще въ опасномъ положеніи!—высказывала Софья Андреевна.

И тутъ явился новый проектъ:—на эти два праздничныхъ дня мы можемъ поѣхать въ городъ всѣ. Кстати, дѣтямъ надо обновить одежду къ зимѣ; у Сони башмаковъ нѣтъ...

Рѣшено было ѣхать сегодня на ночь.

— Ну,—сказала Софья Андреевна, обращаясь къ школьникамъ,—эти два праздника вы погуляете сами; въ лѣсъ не пойдемъ; мы ѣдемъ въ городъ.

Школьники разошлись. Чепуренки отыскивали подводу и уѣхали въ К., который отстоялъ отъ села верстахъ въ двадцати пяти.

VIII.

Въ губернскомъ городѣ они прямо съ вокзала поѣхали въ меблированныя комнаты Аделаиды Петровны. Эти комнаты состарѣлись точно такъ же, какъ и сама Аделаида Петровна. Отъ всего въ нихъ вѣяло дряхлостью, отъ дверей, печей, обоевъ, мебели. Сама Аделаида Петровна изъ дамы довольно полного сложенія превратилась въ сухощавую старуху съ морщинистымъ лицомъ, съ множествомъ болѣзней, на которыя она постоянно жаловалась. Лѣтами она была еще не такъ-то стара, но таковъ, видно, былъ воздухъ меблированныхъ комнатъ.

Она встрѣтила Чепуренку съ семействомъ вся сіяющая. Она испытывала какую-то непонятную радость всякій разъ, когда къ ней являлся Кондратій Семеновичъ. Для него у нея всегда была комната, если же оказывалось, что всѣ заняты, то она уступала ему свою, а сама ютилась гдѣ нибудь въ кухнѣ или чуланѣ. У этой женщины осталось къ Кондратию Семеновичу глубокое уваженіе.

— Ну, вотъ, слава Богу, собрались таки съ семействомъ,—говорила она совершенно такимъ тономъ, какимъ принимаютъ родственниковъ:—а я ужъ думала, что больше и не увижу. Болѣзни одолѣваютъ! Что ни день, то новая болѣзнь,—просто ужъ и не знаю, какъ и быть. Сперва къ докторамъ ходила, а теперь и на это махнула рукой. Столько ихъ, этихъ болѣзней, что всѣхъ и не перелѣчишь. Иной разъ лежишь, стонешь и думаешь; а что какъ вдругъ онѣ всѣ разомъ за меня примутся, вѣдь задушатъ! Но пока еще, видно, щадятъ,—не разомъ, а по очереди дѣйствуютъ.

На этотъ разъ у нея нашлось двѣ свободныхъ комнаты, такъ что ей самой не пришлось перебираться въ кухню. Она любовалась дѣтьми Чепуренка, находила ихъ необыкновенными красавцами и умницами, совершенно такъ, какъ будто приходилась имъ бабушкой, хотя въ дѣйствительности это были самыя обыкновенныя дѣти. Съ Софьей Андреевной она уже была знакома и перенесла на нее то же чувство уваженія и трогательной привязанности, которыя питала къ ея мужу. Она близко вникала въ ея дѣла и опять же «по-родствен-

ному» позволяла себѣ иногда касаться предметовъ щекотливыхъ и въ такихъ случаяхъ невольно наводила Софью Андреевну на грустные размышленія. При Кондратіи Семеновичѣ она немного какъ бы трусила и держалась въ струнѣ, но какъ только оставалась наединѣ, то спѣшила выразить ей сочувствіе своеобразнымъ способомъ. Она начинала жалостно смотрѣть на дѣтей и говорила съ сокрушеніемъ:

— Вотъ, нужно же было ему тогда этакъ-то съ вѣтру обкрутить себя! Беззаботный человѣкъ! Никогда онъ для себя дальше завтрашняго дня не заглядывалъ. Вотъ теперь и надо бы да нельзя.

— Мнѣ этого не надо, Аделаида Петровна,—отвѣчала Софья Андреевна такимъ тономъ, который явно показывалъ, что она хотѣла бы прекратить разговоръ.

— Вамъ-то не надо, вы вѣдь все такія! Да вотъ дѣтямъ-то надо!...

Софья Андреевна, конечно, и сама это слишкомъ хорошо знала.

Часовъ въ десять Кондратій Семеновичъ началъ приводить въ порядокъ свой внѣшній видъ; онъ собирался въ домъ Латугина. На лицѣ его можно было разглядѣть смущеніе. Никогда онъ не былъ дѣловымъ человѣкомъ и не умѣлъ вести тонкіе разговоры съ тонкими людьми, а тутъ именно предполагалось, что это предстоитъ ему.

— Чортъ его знаетъ, этого Латугина!—грубовато говорилъ онъ, по своему обыкновенію:—вѣдь онъ, должно быть, дока, еще запутаетъ меня какънибудь. Какая досада, что Зубровъ поторопился отправиться на тотъ свѣгъ. Вотъ теперь бы онъ пришелъ и все бы мнѣ на бумажкѣ написалъ: какъ мнѣ ступить и гдѣ сѣсть и что сказать. Незамѣнимый былъ человѣкъ, покойникъ!

Софья Андреевна, желая ободрить его, старалась острить надъ нимъ:—Ты одѣвайся въ парадный костюмъ... Вѣдь къ богатому тестю идешь,—это нельзя какънибудь.

Кондратій Семеновичъ осматривалъ свой «парадный костюмъ», и ему приходило на мысль, что, пожалуй, его не впустятъ на лѣстницу. Этотъ «парадный костюмъ» былъ въ то же время и его единственнымъ костюмомъ. Это происходило, разумеется, не отъ бѣдности, такъ какъ, несмотря на скудное содержаніе, все же онъ могъ бы приобрести себѣ другую пару для перемѣны. Но онъ держался мнѣнія, что костюмъ слѣдуетъ перемѣнять на новый лишь тогда, когда старый уже никуда не годится, и потому всегда донашивалъ свою одежду до послѣдней возможности. Этому пиджаку, который теперь онъ усердно теръ щеткой, было отъ роду четыре года, и онъ такимъ образомъ находился только въ среднемъ возрастѣ, потому что ему еще года три предстояло украшать плечи Кондратія Семеновича. Но больше всего смущала его малороссійская рубашка, которой онъ никогда не измѣнялъ, и которая въ блестящихъ чертогахъ Латугина должна была обратить на себя не слишкомъ благосклонное вниманіе.

— А, можетъ, тамъ меня убьютъ!—полушута говорилъ онъ, когда уже былъ совсѣмъ одѣтъ и держалъ уже шляпу въ рукахъ.

— Тебя-то? Этакого-то большого человѣка? Да вѣдь ты не дашься!—тѣмъ же тономъ возражала Софья Андреевна.

— Ну, это неизвѣстно,—на всякаго большого человѣка всегда найдется еще большій! Вотъ что, Аделаида Петровна,—помните, я вамъ когда-то подарилъ револьверъ? Что вы съ нимъ сдѣлали?

Револьверъ оказался въ цѣлости. Аделаида Петровна въ тѣ трудныя минуты не поддавалась искушенію продать его, хотя за него и давали хорошую цѣну. Она оставила его себѣ на память о старомъ квартирантѣ.

— Да, пожалуй, возьмите на всякій случай, только у меня зарядовъ нѣтъ.

— Позвольте, Аделаида Петровна, но зачѣмъ же мнѣ револьверъ безъ зарядовъ?

Аделаида Петровна согласилась, что револьверъ безъ зарядовъ не имѣетъ значенія. Кондратій Семеновичъ ушелъ невооруженный.

Домъ Латугина былъ хорошо извѣстенъ всему городу. Возвышавшаяся въ четыре этажа, онъ занималъ цѣлый кварталъ и стоялъ какъ бы особнякомъ среди огромной площади. Нижний этажъ его представлялъ собою нѣчто въ родѣ гостиного двора, такъ какъ весь былъ занятъ разнообразными магазинами. Домъ этотъ былъ цѣлый городъ, съ многочисленнымъ населеніемъ, съ мастерскими, съ трактиромъ, съ рестораномъ, съ цвѣточнымъ заведеніемъ и даже съ банями. Въ немъ было нѣсколько подъѣздовъ, и Кондратію Семеновичу пришлось обойти ихъ съ полдюжины, прежде чѣмъ онъ попалъ въ тотъ съ котораго жилъ самъ домохозяинъ. Съ улицы подъѣздъ не представлялъ ничего особеннаго и ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ, но вестибюль оказался обширнымъ и свѣтлымъ, и въ немъ Чепуренка встрѣтилъ швейцаръ. Въ губернскомъ городѣ насчитывалось домовъ пять—шесть, въ которыхъ были швейцары, включая сюда и губернаторскій, въ остальныхъ обходились безъ нихъ.

— Вамъ кого?—спросилъ его швейцаръ, впрочемъ нисколько не грубо. Видно было, что онъ привыкъ обходиться съ людьми, небогато одѣтыми.

— Мнѣ Латугина или... или его дочь...

— А которую собственно? Ихъ двѣ. Одна будетъ барышня, а другая—мадамъ, такъ вамъ Чепуренкову?

Хотя для Кондратія Семеновича не было новостью, что Дарья Григорьевна носить его фамилію, но все же на него произвело странное впечатлѣніе то обстоятельство, что ее такъ называютъ не въ шутку, а совершенно серьезно. Онъ отвѣтилъ:

— Ну, да, вотъ именно ее.

— А какъ объ васъ сказать?

Онъ запнулся и нѣкоторое время подумаль. Было бы проще всего сказать свою фамилію. «Но зачѣмъ,—подумаль онъ,—приводить въ изумленіе этого спокойнаго и, повидимому, довольнаго собой и своей должностію человѣка?» Ему пришло въ голову также и то соображеніе, что, можетъ быть, Латугинъ и не желаетъ, чтобы слуги знали о прибытіи господина Чепуренка.

— Скажите, что господинъ изъ... ну, однимъ словомъ, изъ деревни.

— Изъ деревни-съ?—переспросилъ швейцарь.

— Ну, да, изъ деревни Бултыхи.

Швейцарь, очевидно, ничего не слышалъ про Бултыхи. Слово это не произвело на него никакого впечатлѣнія.

— Хорошо-съ,—сказаль онъ,—я доложу. Только, ежели вы по просительнымъ дѣламъ, то они по праздникамъ не принимаютъ. Только по буднямъ до полудня.

— Нѣтъ, я не по просительнымъ!—уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ; швейцарь начиналъ надѣдаться ему.—Я по дѣлу Дарьи Григорьевны.

— Ага! А онѣ сейчасъ нездоровы.

— А что съ нею?

— А Богъ ихъ знаетъ. Невры у нихъ. Вчера съ какой-то припадкомъ былъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите самому Латугину.

Швейцарь поднялся на первую площадку, затѣмъ остановился, обернулся къ Кондратію Семеновичу и спросилъ:

— Я, извините, прозваніе деревни-то и позабылъ! Болтуны-съ?

— Бултыхи!—строго поправиль его Чепуренко.

— Ага, да, да, да, Бултыхи...

И швейцарь пошелъ дальше. Онъ поднялся въ бель-этажъ, позвонилъ и доложилъ, не самому господину Латугину, а только его лакею, и затѣмъ остался ждать, пока лакей ходилъ съ докладомъ къ хозяину. Минуты черезъ двѣ швейцарь уже не шелъ обратно по лѣстницѣ, а бѣжалъ, и въ лицѣ у него было не только почтеніе, а настоящее сіяніе.

«Ну,—подумаль Кондратій Семеновичъ,—по крайней мѣрѣ не убьютъ».

— Пожалуйте-съ! васъ ждуть! Именно сегодня и ждали!

И, говоря это, онъ сдираль съ плечъ Кондратія Семеновича пальто, весьма сомнительнаго достоинства. Но, несмотря на это, онъ такъ былъ исполненъ уваженія, которое только что почерпнулъ тамъ на площадкѣ въ бель-этажѣ, что даже не замѣтилъ, какой, съ его точки зрѣнія, странный костюмъ у этого гостя, котораго все утро ждали у Латугиныхъ.

Кондратій Семеновичъ поднялся наверхъ, былъ почтительно встрѣченъ лакеемъ и приглашенъ въ гостиную. Здѣсь ему пришлось

ждать такъ мало, что онъ не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, разглядѣть обстановку. Но онъ замѣтилъ, что богатство и роскошь—и все это далеко не безъ вкуса—глядѣли изъ каждаго угла. Здѣсь была масса ненужныхъ вещей, но онѣ были такъ хорошо поставлены, что, казалось, занимали именно то самое мѣсто, которое было предназначено имъ самой судьбой. «Экую школу здѣсь можно бы устроить!»—подумалъ Кондратій Семеновичъ, какъ истый специалистъ своего дѣла.

Вдругъ дверь справа распахнулась, и на порогѣ показался высокий, чрезвычайно почтеннаго вида, старикъ съ длинной сѣдой бородой, съ очень спокойными глазами. Онъ пошелъ прямо къ Кондратію Семеновичу, издали протягивая ему обѣ руки, но когда между ними осталось разстоянія не болѣе двухъ шаговъ, онъ на секунду остановился, очевидно, нѣсколько огорошенный его «параднымъ костюмомъ», но это была просто непривычка имѣть дѣло съ людьми, такимъ образомъ одѣтыми. Онъ тотчасъ же примирился съ узорчатой рубашкой гостя и продолжалъ свое шествіе къ нему.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ!—сказалъ онъ, обѣими руками крѣпко пожимая руку Кондратія Семеновича:—прошу васъ, пойдите ко мнѣ въ кабинетъ и тамъ поговоримъ. Прошу васъ!

Кондратій Семеновичъ, несмотря на благопріятные признаки, обнаруживавшіеся уже тамъ внизу, у швейцара, все-таки не ожидалъ такого ласковаго приѣма. Онъ не рассчитывалъ на то, что его выгонять, такъ какъ въ такомъ случаѣ незачѣмъ было бы вызывать его въ городъ, но всеже онъ ждалъ порядочной сухости и холодности, въ особенности со стороны старика Латугина.

Кабинетъ Латугина оказался такимъ же обширнымъ, въ немъ было такъ же много свѣта, какъ и въ гостиной, но обстановка здѣсь была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Здѣсь все имѣло дѣловой видъ, все было тяжело, крѣпко, практично и располагало не къ нѣгѣ, а къ работѣ. Латугинъ прошелъ къ своему обычному мѣсту за огромнымъ массивнымъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ комнаты, и сказалъ:

— Сядемте, Кондратій Семеновичъ.

При этомъ онъ сѣлъ, а его примѣру послѣдовалъ и Чепуренко.

— Прежде всего,—сказалъ Латугинъ,—я долженъ извиниться передъ вами, что оторвалъ васъ отъ работы. Я, вѣдь, знаю, вы человекъ—преданный вашему дѣлу...

— У насъ два праздника подъ рядъ,—возразилъ Кондратій Семеновичъ.—Все равно мы въ эти дни не занимаемся.

— Вы, конечно,—продолжалъ Латугинъ,—удивляетесь, что я сразу принимаю васъ, какъ родного. Вы, можетъ быть, ожидали чегонибудь другого, на примѣръ, суроваго приѣма, рѣзкихъ выраженій. По всей вѣроятности, вы изъ разныхъ слуховъ составили обо мнѣ совсѣмъ неблагопріятное мнѣніе. Ну, и признаюсь, я и не стараюсь быть похожимъ на другихъ, а вѣдь въ этомъ вся суть. Кромѣ того,

нѣсколько лѣтъ тому назадъ, именно тогда, когда произошло это событіе, я имѣлъ неосторожность оскорбить васъ скверными подозрѣніями...

— Да,—просто согласился Чепуренко,—признаюсь, я ожидалъ здѣсь самаго худшаго.

— Ну, вотъ! И это въ порядкѣ вещей, иначе и быть не могло. Но то было время для меня слишкомъ горячее. Вы должны понимать, что я не могъ относиться ко всему этому хладнокровно и вполне разумно. Я не могъ быть безпристрастнымъ. Это такъ поразило меня, это такъ было для меня неожиданно и такъ мало соответствовало моихъ планамъ и надеждамъ... Ну, просто, я долгое время не могъ освоиться съ этимъ, понять. Я долженъ былъ допустить одно изъ двухъ, или что здѣсь имѣла мѣсто недобросовѣстность, или что цѣлая группа людей, довольно многочисленная, дѣйствовала въ состояніи какого-то умопомѣшательства; послѣднее было невѣроятно, поэтому я взялъ первое. Потомъ... потомъ я вдумался во все это и многое тутъ понялъ. Но главное, что я не имѣлъ о васъ ни малѣйшаго понятія, а теперь моя дочь познакомилась со мною съ вами.

— Дарья Григорьевна?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Да, она сохранила о васъ воспоминаніе, какъ о самомъ свѣтломъ явленіи въ ея жизни, и передала мнѣ это.

— Но Дарья Григорьевна меня совсѣмъ не знаетъ...

— Вы правы, она васъ не знаетъ. Но бываютъ вѣдь такіе случаи, что вотъ вы идете по улицѣ, въ толпѣ, разсѣянно смотрите по сторонамъ или даже озабочены какой нибудь одной мыслью, и вдругъ передъ вами промелькнетъ лицо, можетъ быть, самое обыкновенное лицо, но въ немъ вы замѣтите какую нибудь одну удивительную черту, одинъ мимолетный взглядъ, и уже никогда не забудете его. Развѣ вамъ не случалось это? Такъ вотъ и вы для нея. Въ особенности, примите во вниманіе, что она тогда совсѣмъ не знала ни жизни, ни людей. При томъ же люди познаются по сравненію. Все, что она пережила потомъ, всѣ, кого она видѣла, кто былъ ей близокъ, оказывались такими недостойными людьми...

— Неужели всѣ?

— О, да, почти всѣ, въ особенности же тѣ, что имѣли важное вліяніе на ея жизнь... Ахъ, Кондратій Семеновичъ, она такъ несчастна, моя дочь! Но не думайте, что я васъ виню, Боже сохрани! Я вѣдь хорошо знаю, въ чемъ состояла ваша роль. Вы повѣрили на слово, что это необходимо, что это можетъ спасти отъ чего-то... ну, отъ чего-то дурного, отъ какого-то насилія, и поступили своеобразно,—необдуманно, незрѣло, если хотите, но порыварски. Вы не задумываясь отдали ей то, чѣмъ обыкновенно люди дорожатъ, вы отдали ей свою свободу. А ваши дальнѣйшія дѣйствія доказали ваше рыцарство еще больше.

Этотъ тонъ и это обиліе похвалъ почему-то показались Кондратію Семеновичу нѣсколько навязчивыми и подозрительными. «Къ чему все это?—думалъ онъ:—да оно и неправдоподобно»,—и онъ, желая прекратить этотъ потокъ любезностей, немного рѣзко возразилъ:

— Признаюсь, я понималъ дѣло такъ, что Дарья Григорьевна попала въ большую бѣду, и что я могу въ чемъ-то быть ей полезенъ...

— О, да, и вотъ еще разъ—вы простите меня, что я отвлекъ васъ отъ главнаго—и вотъ еще разъ; на основаніи нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ вы слышали тяжелый вздохъ,—на основаніи нѣсколькихъ словъ, написанныхъ вамъ женщиной, и въ сущности вамъ совершенно чужой, вы поднимаетесь, бросаете, можетъ быть, дѣло и являетесь по первому зову...

— Но въ чемъ же собственно дѣло?—съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ спросилъ Чепуренко.

— Это нельзя такъ просто объяснить. Надо, чтобъ вы прежде узнали все. Скажите, у васъ есть время и терпѣніе? Не хотите ли, позавтракаемъ здѣсь вдвоемъ?

Кондратій Семеновичъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Неслышными шагами, легко ступая по мягкому ковру, вошла и вдругъ появилась у самаго стола Дарья Григорьевна.

Она была въ широкомъ свободномъ бѣломъ капотѣ, какъ прежде—тонкая и стройная, но страшно худая; въ ея взорѣ было что-то неподвижное, какая-то какъ бы окаменѣвшая грусть. Онъ быстро поднялся; она внимательно посмотрѣла ему въ лицо и молча крѣпко пожала ему руку, и почему-то у нея на глазахъ выступили слезы.

— Вотъ, опять вы пришли выручать меня! — промолвила она съ какой-то тихой, слабой, больной улыбкой.

— Если только сумѣю!—отвѣтилъ онъ.—И вотъ все никакъ не могу узнать, въ чемъ дѣло...

Въ это время лакей возился около круглаго стола, здѣсь же, въ кабинетѣ, приготовляя все къ завтраку. Латугинъ, какъ бы не желая вмѣшиваться въ ихъ разговоръ, отошелъ въ сторону и на небольшомъ пространствѣ кабинета въ терпѣливомъ ожиданіи ходилъ взадъ и впередъ. Она отвѣтила:

— Да, я хотѣла бы все сама рассказать вамъ, но, видите ли, я веду себя очень дурно... даже совѣстно. То и дѣло со мной случаются обмороки, и я навѣрно не смогу этого сдѣлать!—съ усмѣшкой прибавила она.—Стану рассказывать, и непременно со мной сдѣлается дурно.

Латугинъ подошелъ къ нимъ и вмѣшался въ разговоръ.—Вотъ видите, какъ, значить, все это было хорошо!

— Но если вамъ такъ плохо жилось, Дарья Григорьевна, и вы,

насколько я вижу, такъ довѣряли мнѣ, почему же вы не подѣлились со мной своимъ горемъ?

— Развѣ я смѣла? Я знала, что вы всего себя отдали нашему дѣлу.

— И даже со мной ни слова!—опять сказалъ Латугинъ.—Вѣдь всего только полтора мѣсяца, какъ мы съ нею увидѣлись послѣ всего того.

Онъ сказалъ это съ легкимъ укоромъ, потомъ подошелъ къ дочери, положилъ руку ей на плечо и промолвилъ:—Мы будемъ завтракать, Даша!

Она поняла это, какъ приглашеніе уйти и не мѣшать имъ говорить о дѣлѣ. Она сказала:

— Я хотѣла бы еще не одинъ разъ повидаться съ вами и поговорить о многомъ... Не о дѣлахъ!—прибавила она,—о дѣлахъ,—это ужъ вы съ папой поговорите... Но у меня такъ много накопилось въ душѣ. Мнѣ почему-то кажется, что только вы можете разрѣшить, больше никто. Это—когда буду не такъ слаба. Вы будете завтракать? Я не хочу вамъ мѣшать.

Она опять подала ему руку и затѣмъ вышла также тихо и легко, какъ вошла въ кабинетъ.

«Экая бѣдняжка!—подумалъ Кондратій Семеновичъ,—а любопытно,—если бы я тогда отказался, было ли бы это для нея лучше или хуже».

— Ну-съ, такъ прошу васъ, позавтракаемте!—промолвилъ Латугинъ, указывая на столъ, приготовленный для завтрака.

Кондратій Семеновичъ съ смущеніемъ взглянулъ на тонкую сервировку стола, съ нѣсколькими бутылками вина и еще какихъ-то неизвѣстныхъ ему напитковъ въ странныхъ бутылкахъ, и сказалъ себѣ: «ну, что-жъ, завтракать,—такъ завтракать! Будемъ завтракать!»

IX.

Онъ ушелъ отъ Латугина часовъ около пяти, но рассказъ далеко не былъ оконченъ. Но на основаніи того, что онъ уже услышалъ, дѣло представлялось ему такъ.

Постромкинъ вошелъ въ домъ Латугиныхъ по рекомендаціи одного профессора, которому онъ приходился родственникомъ. Онъ сразу произвелъ въ домѣ благопріятное впечатлѣніе. Прежде всего важно было то, что онъ бралъ за уроки не грошевую плату, на которую обыкновенно накидывались бѣдняки-студенты, а назначилъ такую, которая соответствовала солидному положенію фамилии Латугиныхъ. Его внѣшній видъ тоже говорилъ въ его пользу. Онъ совсѣмъ не походилъ на другихъ студентовъ, не одѣвался во что попало, не придавая значенія костюму, а напротивъ, очевидно, при-

давалъ ему много значенія и обращалъ на него все вниманіе. Онъ и вести себя умѣлъ въ гостиной, и манерами обладалъ мягкими, спокойными, онъ никогда не терялся, всегда умѣлъ найтись, всегда знать, кому что сказать, и рѣшительно всѣмъ нравился. На Дарью Григорьевну онъ сразу обратилъ вниманіе. Онъ замѣтилъ, что эта миловидная дѣвушка обладаетъ натурой нервной, слегка экзальтированной, легко поддающейся сильному влиянію. Онъ засталъ ее въ тотъ моментъ ея жизни, когда въ душѣ ея уже выросъ протестъ противъ окружающей среды. Большую часть времени изъ послѣднихъ восьми лѣтъ она провела не дома, а въ стѣнахъ института, и потому не успѣла сродниться съ домашней обстановкой. Тамъ были мечты и книги, и тѣ и другія, быть можетъ, нелѣпыя и ни на чемъ не основанныя, но красивыя и благородныя. Здѣсь она встрѣтила съ одной стороны суровую дѣловитость, основанную на какой-то, для нея непонятной, постоянно возрастающей жадѣ къ приобрѣтенію, въ то время, какъ приобрѣтено уже было такъ много, всего было вдоволь, а съ другой — легкомысліе, смѣшное и обидное для женщины за сорокъ лѣтъ, матери семейства и хозяйки такого солиднаго дома, какимъ былъ домъ Латугиныхъ. Въ особенности возбуждала въ ней протестъ мать. Она не только сама убивала все свое время на тасканіе по концертамъ и всякаго рода вечерамъ, но и ее насильно заставляла ѣздить съ собой. Это была женщина, почти лишенная развитія, почти вульгарная, сдѣлавшаяся женой Латугина случайно, благодаря только своей красотѣ, и дорвавшаяся до богатства и свободы дѣлать, что угодно. И вотъ Постромкинъ, дѣйствительно обладавшій какимъ-то необыкновеннымъ талантомъ располагать къ себѣ людей, нашель въ душѣ молодой дѣвушки совершенно готовую почву. Она уже была недовольна. Она уже искала чего-то другаго, чего-то высшаго, непохожаго на то, что ее окружало. Она только не видѣла передъ собой ничего положительнаго, за что можно было бы ухватиться. Надо было только намекнуть ей на это. Путь, которымъ слѣдовало идти, у Постромкина былъ всегда наготовѣ; это былъ тотъ самый путь, который въ свое время однихъ привелъ къ благородной цѣли, другихъ спихнулъ съ ихъ дороги и оставилъ на полъ-пути, третьихъ роковымъ образомъ довелъ до озлобленія и отчаянія. Прежде всего на сцену явились книги. Покойный Зубровъ въ немногихъ словахъ отлично рассказалъ это, когда явился къ Кондратію Семеновичу передъ вѣнчаніемъ. За книгами послѣдовало посѣщеніе собраній. Въ книгахъ понималось только то, что прямо отвѣчало горячему, благородному стремленію. На собраніяхъ производило глубокое впечатлѣніе не то, о чемъ тамъ говорилось, а горящіе священнымъ огнемъ молодые глаза, жадно ищущіе истины. И вотъ она уже готова, она уже знаетъ, что выше той среды, въ которой она задыхается, она знаетъ, гдѣ найти свѣжій воздухъ, которымъ можно

дышать, и все это въ ея глазахъ представлялъ собою Постромкинъ, который отворилъ передъ нею двери въ этотъ новый міръ.

Она не знала только одного, что Постромкинъ, создавая новыя связи, никогда не прерывалъ старыхъ, оставляя и ихъ за собою, на всякій случай. Даже при ней, когда она еще была въ домѣ отца, въ присутствіи Латугина, онъ всегда имѣлъ такой видъ, какъ будто не соглашался съ нею, а скорѣе съ нимъ. Это легко было объяснить. Онъ дѣлалъ это для того, чтобы отвлечь подозрѣніе, и она признавала это. Но когда она ушла изъ дому, то Постромкинъ первый явился къ ея отцу и выразилъ негодованіе и даже принесъ повинную. Онъ смиренно призналъ себя виноватымъ въ томъ, что слишкомъ поспѣшно познакомилъ Дарью Григорьевну съ чуждымъ ей міромъ, и далъ понять, что его роль только этимъ и ограничилась. Однимъ словомъ онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Латугинымъ и съ Дарьей Григорьевной, но ни одному изъ нихъ никогда не говорилъ объ этомъ. Онъ былъ своимъ человѣкомъ и считался другомъ въ обоихъ лагеряхъ, стоявшихъ другъ противъ друга, какъ непріатели.

Зачѣмъ онъ повѣнчалъ ее? Зачѣмъ ему понадобилось это? По этому поводу старикъ Латугинъ за завтракомъ сказалъ: «О, повѣрьте мнѣ, эти люди умѣютъ разомъ убивать двухъ зайцевъ. Онъ поступилъ съ нею, какъ тотъ охотникъ, который заставилъ бы другихъ поймать медвѣдя, привязалъ бы его къ дереву и сталъ бы въ него цѣлить и стрѣлять. Вѣдь это значитъ мѣтить навѣрняка!»

Онъ велъ себя необыкновенно корректно. Онъ пристроилъ Дарью Григорьевну при школѣ, гдѣ у нея было отдѣльное помѣщеніе, и такимъ образомъ она съ перваго же шага устроилась сносно. У него было хорошее знакомство у школьнаго начальства, и ему это ничего не стоило.

Ни для кого не были тайной его отношенія къ Анчуровой. Зубровъ сказалъ тогда: «у него романъ съ Анчуровой», но этотъ романъ давно уже принялъ вполне реальный характеръ. Онъ считался ея женихомъ, они даже жили въ одной квартирѣ. Въ то время было нерѣдкостью, что молодежь селилась, изъ дешевизны и удобства, въ большихъ квартирахъ цѣлыми колоніями. Тутъ были молодые люди и дѣвушки, но отношенія между ними сохранялись кристально-чистыми. Всѣ были проникнуты общимъ воодушевленіемъ къ наукѣ и къ какому-то святому дѣлу, о которомъ пока еще только мечтали, но за то мечтали горячо... Анчурова распорядилась собой иначе. Она была совсѣмъ ослѣплена Постромкинымъ и отдалась ему безразсечно. Само собою разумѣется, что онъ считалъ ее своею женой и «формальность» откладывалъ только до окончанія курса. Тутъ были разныя соображенія, между которыми находились и основательныя. Во-первыхъ, это помѣшало бы учиться, а, во-вторыхъ— и это самое главное—онъ еще зависѣлъ отъ родныхъ, которые да-

вали ему средства. А родные, какъ это всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, почему-то не хотѣли этого брака, и онъ откладывалъ его до того времени, когда получить дипломъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самостоятельность.

Съ Дарьей Григорьевной у него установились, повидимому, дружескія отношенія. Такъ какъ она жила въ предмѣстьѣ, то онъ не могъ посѣщать ее часто. Онъ являлся къ ней разъ въ недѣлю, просиживалъ цѣлый вечеръ, велъ себя очень сдержанно, былъ всегда уменъ и краснорѣчивъ, но по временамъ дѣлалъ мрачное лицо, вздыхалъ и какъ будто чего-то не договаривалъ.

Въ школѣ у нея дѣло шло плохо. Она сама такъ мало знала и такъ мало подходила къ этой роли; главное же, что она совсѣмъ не имѣла понятія о дѣтяхъ и не умѣла съ ними обращаться. Она обращалась съ ними такъ, какъ будто ждала, что они сразу, съ перваго слова, постигнутъ и поймутъ всю грамоту и всѣ тѣ познанія, которыя она имъ передавала. Они, конечно, этихъ надеждъ не оправдывали, требовали возни и всевозможныхъ хлопотъ. Между тѣмъ она только недавно пережила цѣлую драму. Этотъ рѣзкій переходъ отъ стараго міра къ новому, этотъ разрывъ съ родительскимъ домомъ, потомъ вѣнчаніе при такой необыкновенной обстановкѣ, вѣнчаніе, которое Зуброву казалось такимъ простымъ, легкимъ дѣломъ, пустой формальностью, о которой можно было забыть на другой день, и которая на нее произвела глубокое впечатлѣніе; потомъ заочные переговоры съ отцомъ, съ матерью, обиды, угрозы, страхъ за то, что изъ-за нея тревожатъ и оскорбляютъ человѣка, съ такой готовностью давшаго ей свое имя и свободу, — все это вмѣстѣ разстроило ее и безъ того не сильные нервы. Малѣйшая неудача раздражала ее и доводила до слезъ.

Все-таки Постромкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, утѣшавшимъ ее. Она должна была цѣнить его постоянство, его готовность оказывать ей услуги. Вѣдь ходилъ же онъ къ ней каждую недѣлю и притомъ совершенно безкорыстно. Она рѣшительно не могла бы представить себѣ, какія выгоды онъ могъ извлечь изъ нея, да это и не приходило ей въ голову. Зубровъ забѣгалъ къ ней очень рѣдко, — онъ вѣчно былъ занятъ, онъ вѣчно устраивалъ какое нибудь чужое дѣло, — то собиралъ деньги по подпискѣ какому нибудь бѣдному студенту, который не могъ заплатить денегъ за ученіе, то пускалъ въ ходъ всѣ свои скудныя связи, чтобъ выгородить изъ отвѣтственности какого нибудь юношу, провинившагося передъ начальствомъ, благодаря своей пылкости, — и такъ безъ конца. Это былъ человѣкъ, который буквально кипѣлъ въ чужихъ интересахъ, въ интересахъ ближняго. А потомъ онъ началъ болѣть и залеживаться въ постели, иногда по два и по три дня. Между тѣмъ ему приходилось еще и работать и нести такой тяжелый трудъ, какъ обязанности ночного корректора. Къ Постромкину она при-

выкла, онъ сдѣлался для нея своимъ человѣкомъ и при томъ совершенно необходимымъ. Онъ никогда не говорилъ ей о своихъ отношеніяхъ къ Анчуровой, хотя она знала это отъ другихъ, и ему это было извѣстно. Онъ не скрывалъ ихъ, а только не подчеркивалъ.

Школа совсѣмъ не пошла у нея. Она просто увидѣла, что на этомъ поприщѣ не приноситъ пользы, а къ ужасу ея—даже вредъ. Сдѣлавъ это открытіе, она уже не могла оставаться при школѣ, и стала искать другого дѣла. «Нѣтъ,—говорила она себѣ,—это не такъ легко—быть полезнымъ. Прежде всего, чтобы быть полезнымъ для другого, надо умѣть быть полезнымъ для себя. А я вѣдь развѣ смогла бы безъ посторонней помощи сдѣлать себѣ самой что нибудь полезное?» Латугинъ прибавилъ даже отъ себя: «скажу больше,—себѣ она принесла только вредъ». Въ это время въ городѣ открылась на артельныхъ началахъ чулочная мастерская. Постромкинъ и тамъ не остался безъ нѣкоторой роли,—онъ оказалъ содѣйствіе, что-то выхлопоталъ у властей, благодаря своимъ связямъ, и за это пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ. Ему ничего не стоило оказать Дарьѣ Григорьевнѣ новую услугу и пристроить ее къ мастерской. Она сдѣлалась членомъ артели и горячо принялась за дѣло. Она дѣлала чулки. Какъ странно, что иногда и чулки могутъ быть предметомъ горячаго стремленія и осуществлять собой свѣтлый идеалъ! Но мастерская просуществовала мѣсяцевъ шесть и погибла. Тогда для Дарьи Григорьевны наступили тяжелые дни,—она испытала нужду. Но такъ какъ она испытывала ее не одна, а вмѣстѣ со всей артелью, то это переносилось все-таки довольно легко. Постромкинъ и тутъ что-то придумалъ и нашелъ ей какой-то урокъ, относительно котораго у нея и теперь осталось сомнѣніе: не былъ ли этотъ урокъ его выдумкой, какъ приличный способъ давать ей собственныя деньги? Къ ней являлся какой-то молодой человѣкъ, съ которымъ она должна была полчаса говорить пофранцузски. Въ этомъ заключался урокъ. При этомъ по лицу молодого человѣка было видно, что французскій языкъ ему вовсе не нуженъ. Онъ всегда старался прійти позже и уйти раньше и такимъ образомъ сократить часы занятій. Когда она догадалась объ этомъ, то была очень тронута, но отъ урока поспѣшила отказаться. Постромкинъ увѣрялъ ее, что она ошиблась, но урокъ уже не возобновился.

Однажды онъ явился къ ней мрачный и заговорилъ такимъ тономъ, какого прежде она отъ него не слышала. На него напало какое-то разочарованіе. Онъ, всегда поощрявшій ее къ терпѣнію, всегда доказывавшій, что въ жизни есть много хорошаго, что никогда не слѣдуетъ падать духомъ, вдругъ объявилъ, что жизнь для него начинается утрачивать свою цѣнность.

— Да,—говорилъ онъ,—жить стоитъ, но только тогда, когда человѣкъ, вниманіемъ котораго ты дорожишь, понимаетъ тебя, ви-

дить твою душу, сочувствуетъ тебѣ. А вѣдь въ жизни обыкновенно бываетъ наоборотъ. Можно прожить съ человѣкомъ сто лѣтъ, встрѣчаясь съ нимъ каждый день, и на повѣрку оказывается, что ему нѣтъ до тебя никакого дѣла. Послѣ этого какой же интересъ въ жизни? И зачѣмъ, скажите, пожалуйста, тогда жить среди людей, почему не забраться въ пустыню, или на необитаемый островъ? Да и зачѣмъ жить вообще?

Онъ говорилъ въ такомъ тонѣ много, горячо и краснорѣчиво. Онъ вообще умѣлъ говорить гладко и по цѣлымъ часамъ. Ей показалось, что въ голосѣ его есть какое-то затаенное страданіе? Наконецъ, онъ какъ-то вдругъ оборвалъ свою рѣчь, нервно взялъ шляпу и отрывисто сказалъ:

— Ну-съ, такъ досвиданья!

— Что съ вами?—спросила она его съ участіемъ:—почему это вы сегодня такой? Я никогда васъ такимъ не видѣла. Почему это?

— Почему? вы не знаете, почему?—спросилъ онъ, какъ-то особенно пристально вглядываясь въ ея лицо.

— Право, я не знаю!—совершенно искренно отвѣтила она.

Онъ взялся за ручку двери и пріотворилъ ее.

— А потому,—сказалъ онъ какимъ-то прерывающимся голосомъ:—потому... потому, Дарья Григорьевна, что я не могу безъ васъ жить...

И онъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты, шумно захлопнувъ за собою дверь.

Она широко раскрыла глаза и долго въ оцѣпенѣніи простояла на мѣстѣ, все еще глядя на дверь, за которой онъ скрылся. Это было неожиданно, это было непонятно. Она ничего подобнаго не ожидала и не подозрѣвала. Но Анчурова? Развѣ ихъ отношенія уже порваны? Въ ней тогда не шевельнулось ни капли чувства, которое отвѣчало бы на его слова. Она пока еще только ничего не понимала...

Х.

На другой день утромъ Дарья Григорьевна получила отъ него письмо.

«Простите за минутное изумленіе, которое я заставилъ васъ пережить,—писалъ Постромкинъ:—я очень хорошо знаю, что вы не могли испытать ничего, кромѣ изумленія. Я это зналъ и вчера, и давно, и всегда. Но, можетъ быть, вы оцѣните мою выдержку и силу характера, если узнаете, что этому чувству отъ роду ровно столько лѣтъ, сколько знаю я васъ. Да, вы видите, что оно родилось не вчера, и потому отнеситесь къ нему по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ. Оно зародилось въ ту минуту, когда я впервые увидѣлъ васъ. По звуку вашего голоса, по выраженію вашего взгляда,

я увидѣлъ и понялъ вашу горячую душу. Быть можетъ, это покажется страннымъ и смѣлымъ, но я скажу, что въ ту минуту я узналъ васъ настолько хорошо, какъ будто былъ знакомъ съ вами уже много лѣтъ. И вотъ во мнѣ началась борьба: боролись два чувства—глубокое уваженіе къ вамъ, и другое, которое я назову желаніемъ безконечной близости. Первое въ то время одержало побѣду надъ вторымъ, но, какъ послѣ оказалось, оно побѣдило только на время. Я скажу даже больше: мнѣ только казалось, что оно побѣдило, но это была побѣда Пирра, потому что она была для меня сопряжена съ полусознательнымъ, но въ то же время глубокимъ скрытымъ страданіемъ. Быть можетъ, вы захотите знать и спросите меня, почему тогда, когда возникъ вопросъ о вашемъ освобожденіи, я самъ не предложилъ вамъ своего имени, почему я не обвинчался съ вами, а допустилъ, чтобы сдѣлалъ другой, совершенно неизвѣстный вамъ человекъ? Вѣдь это было бы проще, это поставило бы меня ближе къ моей цѣли, потому что сблизило бы меня съ вами. Но это случилось именно потому, что побѣдило первое чувство, т. е. мнѣ казалось, что оно побѣдило. А, можетъ быть, тутъ былъ и тайный страхъ, что если бы это случилось, то второе, т. е. побѣжденное, могло бы поднять голову и заявить свои права, между тѣмъ я былъ слишкомъ скромнень и слишкомъ сознавалъ свою ничтожность передъ вами, чтобы признавать такія права. Однимъ словомъ, я боялся... Я не знаю, какъ это точнѣе выразить... я боялся самого себя, боялся, что мое чувство заставитъ меня злоупотребить своимъ положеніемъ. Я не говорю, что все это было мнѣ тогда совершенно ясно, какъ ясно теперь. Тогда я ничего этого не понималъ, но несомнѣнно, что это было такъ, и теперь это я вижу: да, это было такъ и иначе не могло быть, но были и другія обстоятельства. Вѣдь вамъ извѣстны мои отношенія къ Анчуровой. Я никогда не скрывалъ ихъ отъ васъ, хотя и не говорилъ съ вами о нихъ. Я просто зналъ, что они вамъ извѣстны, и этого было съ меня уже слишкомъ много. Но вы, быть можетъ, не знаете, что эти отношенія были для меня мукой. Вы поймете это, если я вамъ скажу, что въ нихъ для меня въ это время остался одинъ только долгъ. Конечно, такъ не могло идти всегда, и рано или поздно это насиліе надъ моей личностью должно было кончиться. Но въ томъ-то и дѣло, что такое отношеніе было не обоюдное, а только съ моей стороны. Съ ея стороны было какъ разъ наоборотъ: у нея въ это время чувство достигло своей высшей точки, и если бы я вздумалъ поступить рѣшительно, я просто могъ бы убить ее, я могъ бы убить человека. Да, это было бы убійство. Безъ подготовки, это подѣйствовало бы на нее, какъ внезапно разразившійся громъ надъ головой. Вы съ вашей благородной душой поймете мое положеніе. Не вы, конечно, посоветовали бы мнѣ быть рѣшительнымъ и правдивымъ. Это тотъ случай, когда ложь бываетъ спасительна

и необходима. Но чувство мое къ вамъ заставило меня еще больше затянуть петлю, которую набросила на мою шею эта связь. Я, какъ бы на зло самому себѣ, сталъ увѣрять себя въ томъ, что люблю именно Анчурову и что никогда еще такъ не любилъ ея, какъ въ то время. Я почти сознательно обманывалъ себя. А въ глубинѣ души моей рана расширялась, и передо мною все больше и больше раздвигалась пропасть. Мы видѣлись съ вами часто, но вы не могли замѣчать этой раны, вы не видѣли, какъ я томился и страдалъ, вамъ было не до этого. Я не хочу этимъ сказать, что вы были невнимательны къ человѣческому горю. Нѣтъ, просто вы были слишкомъ поглощены новыми впечатлѣніями, новизной той жизни, къ которой стремилась ваша душа, и которую наконецъ она нашла. Но вотъ мнѣ стало невыносимо жить съ такой глубокой раной въ груди, и вчера изъ этой груди вырвался стонъ. Да, это былъ взрывъ, который я не могъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Но теперь я опомнился и умоляю васъ забыть объ этомъ, какъ будто бы этого никогда не бывало. Вы вправѣ негодовать на меня,—я обманулъ ваше довѣріе, но вѣдь я боролся съ своимъ чувствомъ, какъ съ самымъ заклятымъ врагомъ, и былъ побѣжденъ. Оно оказалось сильнѣе меня. И теперь я прошу васъ только объ одномъ: смотрите на меня, какъ смотрѣли всегда прежде, и не лишайте меня своего довѣрія. Позвольте мнѣ бывать у васъ попрежнему и быть вашимъ другомъ и слугой. Вѣрьте мнѣ, что это никогда болѣе не повторится. Мнѣ не нужно прибавлять, съ какимъ безконечнымъ нетерпѣніемъ я жду вашего отвѣта. Я жду его, какъ тяжкій грѣшникъ ждетъ отъ своего духовника отпущенія грѣховъ».

Письмо дышало искренностью,—по крайней мѣрѣ на нее оно произвело такое впечатлѣніе. Развѣ у нея хватило бы силы отказать ему въ его очень скромной просьбѣ, ему, который такъ внимательно всегда къ ней относился, и которому она была обязана многимъ? Прежде всего надо пожалѣть человѣка и постараться излѣчить его рану. Потомъ можно будетъ обсудить его поступокъ, а теперь не время. И она отвѣтила ему: «я ничего не помню; приходите, какъ всегда, и мы будемъ друзьями». Она забыла задать себѣ только вопросъ, а это было очень важно: «но каковы же теперь его отношенія съ Анчуровой?»

Но въ тотъ же день утромъ у нея была одна подруга, съ которой онѣ вмѣстѣ прогорѣли въ чулочной артели, и гостья невольно навела ее на этотъ вопросъ. Эта была необыкновенно бойкая и говорливая особа. Разговоръ шелъ о бракѣ; гостья утверждала, что тутъ важнѣе всего взаимное согласіе, что общественное мнѣніе ничего не стоитъ. Признаетъ ли оно, или не признаетъ, это рѣшительно все равно.

— И вотъ вамъ примѣръ,—пояснила гостья:—Постромкии съ Анчуровой. Они не вѣнчаны, значитъ общественное мнѣніе не на ихъ сторонѣ, но скажите, пожалуйста, чего имъ не достаетъ?

— А что, развѣ они живутъ хорошо?

— О, да, лучше трудно себѣ и представить.

— Вы въ этомъ увѣрены?—съ сомнѣніемъ спросила Дарья Григорьевна.

— Да помилуйте, я сейчасъ только отъ нихъ. Я никогда въ жизни не видала ничего нѣжнѣе... при мнѣ онъ сдѣлалъ ей сцену ревности, и потомъ тутъ же состоялось самое нѣжное примиреніе.

«Это странно,—подумала она.—Это не вяжется со вчерашнимъ,—но тѣмъ лучше! Значитъ, это была ошибка».

А вечеромъ явился самъ Постромкинъ. Теперь, когда она жила въ городѣ, онъ чаще бывалъ у нея. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ея за руку и съ благодарностью поцѣловалъ ее.

— Спасибо, больше никогда не буду!—промолвилъ онъ полушутливымъ, простымъ товарищескимъ тономъ и сейчасъ же заговорилъ о другомъ:—вчера у насъ была сходка, а я прозѣвалъ ее и очень жалѣю объ этомъ. Много было интереснаго, подымались такіе вопросы, по поводу которыхъ я давно собирался высказаться...

Онъ началъ подробно излагать, въ чемъ заключались эти вопросы, но вдругъ, какъ бы самъ того не замѣчая, замолчалъ, задумался и съ мрачнымъ видомъ уставился въ одну точку.

— О чемъ вы думаете?—осторожно спросила его Дарья Григорьевна.

Онъ встрепенулся, какъ разбуженный отъ дремоты:—какъ? развѣ я... да, въ самомъ дѣлѣ, я и не замѣтилъ... Это такъ... пустое... Такъ представьте себѣ,—опять продолжалъ онъ прежнимъ эпическимъ тономъ,—что по этому вопросу былъ разговоръ въ нашемъ кружкѣ, и я держался того мнѣнія...

Онъ видимо напрягалъ силы, чтобы взять себя въ руки, и старался говорить о постороннихъ вещахъ, но въ лицѣ его была печать усталости; онъ скоро какъ бы изнемогъ, часто закрывалъ глаза и затѣмъ началъ прощаться. Онъ опять взялъ ея руку и медленно поцѣловалъ ее.

— Позвольте мнѣ, Дарья Григорьевна, всегда цѣловать вашу руку. Вѣдь это не много,—произнесъ онъ слегка разбитымъ голосомъ, и въ лицѣ его она разглядѣла муку.

Латугинъ по этому поводу высказалъ слѣдующее: «видите ли вы, Кондратій Семеновичъ, всю его тонкую игру: онъ сперва основательно изучилъ почву, т. е. характеръ моей дочери, и нашелъ, что на этой почвѣ надо сѣять страданіе, что передъ страданіемъ она не усойтъ, что страданіе должно непремѣнно вызвать въ ней сочувствіе, а сочувствіе непремѣнно перейдетъ въ любовь. Да, онъ удивительно тонко изучилъ мою дочь. Это именно такая натура. Но вы видите также, что онъ не самонадѣянъ. Онъ распустилъ, что расчеты его могутъ и не удался, поэтому на всякій случай онъ пока оставлялъ за собой Анчурову».

Постромкинъ продолжалъ свои посѣщенія и былъ необыкновенно корректенъ. Онъ какъ бы старался какъ можно точнѣе напомнить собою прежняго Постромкина, прежняго «друга и слугу». Но бывали моменты, когда онъ вдругъ дѣлался задумчивъ,—это были моменты слабости, но затѣмъ онъ скоро овладѣвалъ собой. Иногда Дарья Григорьевнѣ казалось, что онъ значительно измѣнился по наружности. Онъ умѣлъ подчинять своей волѣ и своимъ цѣлямъ даже лицо. Иногда онъ казался ей сильно похудѣвшимъ, даже глаза его нѣсколько вваливались въ орбиты, и вообще все обличало въ его наружности глубоко скрытое страданіе. Какимъ образомъ онъ достигъ этого? Это былъ его секретъ, но почему не допустить мысль, что онъ испытывалъ дѣйствительное страданіе, страданіе эгоиста, жаждущаго во что бы то ни стало обладать женщиной, которая разбудила въ немъ страсть, въ особенности если принять во вниманіе, что онъ, быть можетъ, уже терялъ надежду на удачу.

Минуты задумчивости какъ бы учащались, онъ замѣтно худѣлъ, глаза его все болѣе и болѣе углублялись въ орбиты. Однажды онъ обнаружилъ крайнюю нервность уже съ перваго момента, какъ только пришелъ къ ней. Онъ какъ бы не въ силахъ былъ болѣе сдерживать себя. Онъ говорилъ много, нервно и горячо, говорилъ нѣсколько туманныя вещи о счастьи, высказывая сомнѣніе въ томъ, что оно существуетъ на землѣ, и вдругъ, закрывъ лицо руками, началъ плакать.

Дарья Григорьевна растерялась, подошла къ нему и начала утѣшать его.

— Полноте, это малодушіе, вы ведете себя, какъ женщина!

— Да, да, пусть такъ, пусть малодушіе, пусть, пусть, пусть!— воскликнулъ онъ и вдругъ, какъ бы ужъ окончательно не будучи въ силахъ сдержать свой порывъ, онъ упалъ на колѣни и сталъ обнимать и цѣловать ея ноги, потомъ поднялся и въ какомъ-то безуміи обхватилъ ее всю и привлекъ къ себѣ.

— Изъ состраданія... изъ состраданія!— страстно шептали его сухія, дрожація губы.

Было ли это состраданіе? Не превратилось ли оно уже въ другое чувство? Вѣдь онъ такъ долго завоевывалъ ея сердце, у него все шло такъ стройно, съ такой удивительной постепенностью, и при томъ вѣдь онъ былъ красивъ и обладалъ какою-то особенною способностью привлекать къ себѣ сердца. Къ тому же онъ былъ первый, разрѣшившій всѣ мучительныя загадки, которыя въ домѣ отца жгли ея мозгъ, онъ былъ первый, показавшій ей путь къ свѣту. Онъ познакомилъ ее съ этимъ міромъ честныхъ, безкорыстныхъ стремленій и скромнаго труда. Сама она, испытавъ себя на этомъ поприщѣ, уже пришла къ заключенію, что почти непригодна, но она постоянно видѣла этихъ людей, враждалась среди нихъ, многихъ изъ нихъ считала своими пріятелями и видѣла близко, какую страшную

борьбу вели они съ жизнью, достигая во что бы то ни стало своихъ безкорыстныхъ цѣлей, и она всей душой была на ихъ сторонѣ. Она допустила минутное забвеніе и принадлежала ему.

Но когда она очнулась, то первая мысль, какая пришла ей въ голову, была мысль объ Анчуровой. Онъ объяснилъ: между ними уже давно нѣтъ близости. Ихъ отношенія сохранили только свою прежнюю внѣшность.

— Но зачѣмъ?—спросила она.

— Не могу же я не признавать правъ ея самолюбія! Вѣдь все привыкли считать насъ семействомъ. Тѣ, кто не зналъ о нашихъ истинныхъ отношеніяхъ, называли ее моею невѣстой. Нужно дать ей время привести въ порядокъ свои чувства, иначе устроить свою жизнь.

— Я невольно узнала недавно о томъ, что это не совсѣмъ такъ... нерѣшительно сказала Дарья Григорьевна. И она рассказала ему все то, что передавала ей тогда гостыя о сценѣ ревности и нѣжнаго примиренія.

— О, да, это все вѣрно, все это было такъ!—отвѣтилъ онъ просто и искренно.—Но развѣ мое положеніе не могло заставить меня прибѣгнуть къ насилію надъ своимъ чувствомъ? Развѣ я не имѣлъ права какими бы то ни было средствами заглушить то чувство, которое не имѣло исхода? Да, я хотѣлъ обмануть себя, но это мнѣ не удалось. Но теперь въ этомъ уже нѣтъ надобности...

И вѣдь въ самомъ дѣлѣ на другой день у него въ квартирѣ произошли странныя событія. У нихъ разыгралась страшная сцена, кончившаяся тѣмъ, что Анчурова забрала свои вещи и уѣхала въ гостиницу. Суть была въ томъ, что онъ оскорбилъ ее и оскорбилъ именно такъ, что послѣ этого она уже не могла оставаться въ его квартирѣ. Только онъ умѣлъ это дѣлать и дѣлалъ это именно тогда, когда было надо.

Анчурова, разумѣется, скоро узнала обо всемъ и совершенно неожиданно пришла къ ней. Видѣя ее не обѣщавъ ничего хорошаго, она даже не поздоровалась, а войдя посмотрѣла на нее вызывающе и промолвила:—скажите мнѣ прямо, вы знали о нашихъ отношеніяхъ съ Постромкинымъ?

Дарья Григорьевна смутилась и растерялась.—Я знала... но вѣдь у васъ все было кончено.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Да.

— Ну, поздравляю васъ. Вы приобрѣли негодяя. Спасибо, однако, что избавили меня отъ него. По крайней мѣрѣ, благодаря тому, что вы подвернулись, онъ для меня сталъ ясенъ. А впрочемъ,—прибавила она,—я вѣдь все это презираю...

И она повернулась и быстро вышла. Дарья Григорьевна весь этотъ день была сама не своя. Она чувствовала себя какъ бы

украденной чужое благо. Когда же вечеромъ пришелъ Постромкинъ и услышалъ отъ нея рассказъ о посѣщеніи Анчуровой и при этомъ почувствовалъ въ тонѣ Дарьи Григорьевны какъ бы колебаніе и сомнѣніе, то весело разсмѣялся и промолвилъ.

— Да неужели же для тебя неясно, что это самая мелкая, самая низкая месть? Вѣдь все это выдуманно отъ начала до конца. Если бы она была искренна, если бы она хоть чуточку страдала, то не пришла бы такъ нахально къ тебѣ. Вѣдь должна же бы она была понимать тогда, что если тутъ кто нибудь виноватъ, такъ это я, а ни въ какомъ случаѣ не ты.

Да, онъ обладалъ удивительной способностью заставлять вѣрить ему. И она повѣрила, и ей теперь припомнилось, что Анчурова въ самомъ дѣлѣ странно вела себя. Почему она была такъ озлоблена, и почему она такъ презрительно говорила съ ней? Вѣдь страданіе далеко не тоже, что злоба, и если бы оно было, то непременно почувствовалось бы.

Въ это время Постромкинъ кончилъ курсъ и началъ пристраиваться къ адвокатурѣ. Дѣло это въ то время было еще вновь и считалось однимъ изъ самыхъ выгодныхъ. Его личные средства были плохи, отецъ его разорился, и они, живя вмѣстѣ, почти бѣдствовали. А тутъ явилось еще одно обстоятельство: Дарья Григорьевна была беременна. Но удивительно, что у нея какъ-то вдругъ явился наплывъ новыхъ силъ. Она не только не падала духомъ, но, напротивъ, оживилась и какъ бы выросла въ собственныхъ глазахъ. Въ этомъ было что-то роковое. Въ сущности она была создана для личной жизни, ея натура, всѣ ея склонности, которыя пока еще таились въ ней, все направлялось къ этому и, какъ только на нее повѣяло тепломъ и тишиной семейной жизни, какъ только она почувствовала себя въ своемъ углу, среди маленькихъ узкихъ интересовъ теплаго гнѣздышка, она тотчасъ почувствовала подъ собой почву. Онъ былъ съ нею нѣженъ, и у нея не было никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ привязанъ къ ней, и что она счастлива. Онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ по городу, искалъ дѣлъ, пристраивался. Она уже сдѣлалась матерью, прошелъ годъ и другой. Оказалось, что онъ бѣгалъ даромъ. О немъ всюду стали говорить, какъ о талантливомъ адвокатѣ, у него явились дѣла, сперва мелкія, потомъ крупнѣе. Онъ завелъ уже нѣчто въ родѣ собственнаго бюро и приемовъ. Потомъ было нѣсколько поѣздокъ въ другіе города, тоже по дѣламъ. Онъ отсутствовалъ сперва три дня, потомъ недѣлю, потомъ и больше.

Въ это время она стала замѣчать въ немъ нѣкоторую перемену. Его иногда раздражали такія вещи, которымъ онъ прежде не придавалъ значенія. Онъ оказался способнымъ сдѣлать маленькую исторію изъ-за того, что пересоленъ супъ, или недожарена птица. Все это, разумѣется, были пустяки, но дѣло въ томъ, что всякая

такая маленькая сцена вела за собой замѣтное охлажденіе въ немъ. Онъ уходилъ изъ дому и не являлся весь вечеръ. Сцены дѣлались чаще, значительнѣе и продолжительнѣе, хотя поводы были все тѣ же.

— Вы посмотрите,—пояснилъ Латугинъ,—какая удивительная система была у этого человѣка: онъ никогда не бросалъ женщину, а всегда велъ дѣло такъ, чтобъ она сама бросила его. Такъ поступилъ онъ съ Анчуровой, и, какъ вы сейчасъ увидите, этого онъ станетъ добиваться и здѣсь.

Онъ все чаще и чаще останавливался на темѣ о томъ, что у людей не всегда слова сходятся съ дѣлами. Она не понимала значенія этого, а онъ, не дождавшись, чтобъ она поняла сама, сдѣлалъ наконецъ намекъ.

— Да,—говорилъ онъ,—горячія слова, какъ желѣзо: когда оно раскалено, то горитъ, пылаетъ, искры изъ него сыплются; а остываетъ, лежитъ холодное и скучное, и никому отъ него не жарко. Вотъ хоть бы и ты: съ какимъ огнемъ ты стремилась тогда изъ дому, и на что только ты не была готова, чтобъ добраться до полезнаго дѣла? И что же? Гдѣ это дѣло? Ни въ чемъ его не видно...

Но Дарья Григорьевна слишкомъ цѣнила свой маленькій теплый уголь и слишкомъ цѣпко держалась за него. Ради этого она была способна многое простить. Тысячу разъ у нея являлись смутныя подозрѣнія. У Постромкина былъ теперь новый кругъ пріятелей, съ которыми онъ проводилъ долгіе вечера, совершались кутежи и попойки; она сидѣла дома одна. Эти новые пріятели, когда являлись къ нимъ въ домъ, производили на нее крайне непріятное отгалкивающее впечатлѣніе. Объ этомъ кругѣ въ городѣ составилось опредѣленное мнѣніе и все, что слышала она о немъ, было не въ его пользу. Они вели тотъ родъ жизни, который называется «холостой жизнью», т. е. жизнь, полную всякихъ безобразій. Впрочемъ, онъ и не скрывалъ отъ нея, что въ ихъ кругу были извѣстнаго рода женщины, но когда она намекала ему на то, что, быть можетъ, онъ ей измѣняетъ, онъ отвѣчалъ:

— О, нѣтъ, это было бы очень скучно—возиться съ этимъ.

И это было очень тонко сказанное оскорбленіе. Онъ отрицалъ измѣну и въ то же время оскорблялъ ее, давая понять, что только потому не измѣнялъ ей, что это было бы скучно.

Наконецъ, для него стало совершенно ясно, что она больше ему не нужна. Онъ уже опредѣлилъ планъ своей жизни и пріискалъ себѣ невѣсту, которая должна была своимъ состояніемъ сразу поставить его адвокатскую практику на широкую ногу. Тогда разыгрался финалъ, одна изъ тѣхъ сценъ, которыя онъ всегда приберегалъ къ концу и въ которыхъ былъ такой мастеръ.

Шелъ разговоръ о женскомъ трудѣ. Какъ разъ въ это время нѣкоторые уцѣлѣвшіе члены прогорѣвшей чулочной артели начали

организовывать какое-то новое предпріятіе. Дарья Григорьевна высказывала желаніе присоединиться къ нимъ.

Постромкинъ саркастически усмѣхнулся на это.—Полно! Все равно, это ни къ чему не поведетъ.

— Почему же?—спросила она, чувствуя уже въ его тонѣ готвящееся оскорбленіе. Отношенія ихъ въ это время были крайне напряжены. Онъ давно уже систематически добивался отъ нея рѣшительнаго конца.

— Да вѣдь это, все равно, всегда кончается одинаково!—отвѣтилъ онъ.—И главное тебѣ въ этомъ нѣтъ надобности. Тѣ еще не пристроены, вотъ онѣ и толкутся, и хватаются за что ни попало. Все это больше для того, чтобъ было о чемъ говорить. У женщинъ вѣдь всегда такъ: онѣ громко говорятъ слова о стремленіи къ самостоятельному труду, но при первомъ же случаѣ хватаются за перваго попавшагося мужчину съ очень опредѣленной цѣлью, чтобъ онъ ее содержалъ...

Она вспыхнула и бросила ему съ негодованіемъ: — я понимаю твой намекъ, но ты лжешь, я за тебя не хваталась; ты забылъ о своихъ слезахъ и мольбахъ, ты забылъ, какъ ты долго и искусно игралъ на страданіи...

— О,—воскликнулъ онъ, — вы слишкомъ поспѣшно страданіе превратили въ страсть!

Это было новое оскорбленіе, и она больше не могла выдержать. На минуту она забыла о своемъ дорогомъ гиѣздышкѣ, которымъ теперь дорожила больше всего на свѣтѣ.

— Вы просто негодяй!—швырнула она ему въ лицо,—и я презираю себя за то, что могла заблуждаться...

И этимъ все было кончено. Онъ понялъ, что оскорбленіе достаточно велико, и что цѣль достигнута, и ушелъ изъ дому, какъ бы давая ей время и свободу довести дѣло до конца. Она уѣхала съ дѣтьми къ одной изъ своихъ подругъ. На другой день онъ прислалъ ей деньги, но она съ презрѣніемъ отослала ихъ обратно. Тутъ она услышала объ Анчуровой. Та энергично добивалась своей цѣли, она не упала духомъ, занялась наукой и теперь была въ Петербургѣ и училась тамъ медицинѣ.

«Да,—подумала Дарья Григорьевна,—это хорошо, это побѣда, но у Анчуровой не было дѣтей и, можетъ быть, былъ характеръ, а я разбита, я совѣмъ безъ силъ».

Тутъ уже ей пришлось испытать настоящую нужду. Двое дѣтей было у нея на рукахъ. За это время она рѣшительно ничему не научилась, за то потеряла всѣ силы. Послѣдній годъ ея жизни съ Постромкинымъ былъ непрерывной тревогой и мукой. Между тѣмъ нельзя было сидѣть, сложа руки, надо было дѣлать все, что ни попадалось, за плату, какую бы ни дали. И она дѣлала все: давала грошевые уроки, дѣлала грошевые переводы, шила и даже вязала

чулки. Старикъ Латугинъ ни на минуту не упустилъ ея изъ виду и много разъ уже раньше пробовалъ завести съ нею сношенія. Ему показалось, что это былъ благопріятный моментъ, и онъ прислалъ къ ней одного изъ близкихъ ему людей. Но она отвѣтила просто:—Нѣтъ, я не могу, я слишкомъ оскорбила отца!

И сказала это такимъ тономъ, который не оставлялъ никакой надежды на перемѣну ея взгляда. Наконецъ, она совсѣмъ выбилась изъ силъ; тогда ей оставалось одно, она рѣшилась написать отцу. И вотъ старикъ черезъ какихъ нибудь десять минутъ послѣ того, какъ прочиталъ давно желанныя строки, былъ уже у нея и безъ словъ съ однѣми только слезами беспорядочно собиралъ ея вещи, укладывалъ ихъ, забралъ дѣтей и всѣхъ вмѣстѣ увезъ къ себѣ въ домъ. Это было полтора мѣсяца тому назадъ.

— Мнѣ кажется, — прибавилъ Латугинъ, когда уже время подходило къ пяти часамъ, — что все это я долженъ былъ вамъ рассказать. Скажите теперь, могъ ли бы я что нибудь отвѣтить на вашъ вопросъ, когда вы не знали этого? Но я попрошу васъ удвоить вниманіе и выслушать отъ меня остальное.

Кондратій Семеновичъ взглянулъ на часы и поднялся. Онъ сказалъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами. Сегодня у меня есть дѣла, но завтра у меня еще цѣлый день свободный. Я могу выслушать васъ.

Онъ простился съ Латугинымъ, старикъ проводилъ его въ гостиную. Здѣсь на порогѣ онъ встрѣтилъ Дарью Григорьевну, которая, какъ казалось, поджидала его.

— Вы уходите? спросила она, — мы увидимся?

И она протянула ему руку.

— Завтра я буду у васъ, — отвѣтилъ онъ и на этотъ разъ внимательно взглянулъ ей въ лицо. Онъ нашелъ въ этомъ лицѣ слѣды всѣхъ пережитыхъ ею мукъ, о которыхъ только что узналъ отъ Латугина. Онъ пришелъ домой въ отвратительномъ настроеніи. Всю дорогу кулаки его какъ-то сами сжимались, и ему казалось, что если бы онъ въ эту минуту встрѣтилъ Постромкина, то, несмотря на свой мирный характеръ и добродушіе, грубо и жестоко избилъ бы его. Онъ тотчасъ же все рассказалъ Софьѣ Андреевнѣ.

— Но въ чемъ же ты можешь помочь ей? — спросила она.

— А вотъ этого-то я и не знаю! — отвѣтилъ онъ.

XII.

Софья Андреевна никогда еще ни видала Кондратія Семеновича такимъ разстроеннымъ, какъ въ этотъ день. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и все нервно ходилъ изъ угла въ уголъ. Казалось, онъ ничего не слышалъ, когда она говорила ему о своихъ покуп-

какъ, показывала ему то, что купила въ этотъ день, и сообщала о предположеніяхъ на завтра. Когда она все это разложила передъ нимъ, онъ ничего не видѣлъ, ни на что не обратилъ вниманія.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, угловато размахивая руками, съ видомъ человѣка, глубоко возмущеннаго:—нѣтъ, но вѣдь такимъ образомъ нельзя жить въ обществѣ! Какое же это общество, если мы будемъ допускать спокойно жить въ немъ такихъ негодяевъ? Вѣдь, онъ членъ этого общества и, можетъ быть, еще почтенный, вѣдь я знаю его близко, жилъ съ нимъ, мы съ нимъ сидѣли на одной скамьѣ, мы горѣли однимъ огнемъ... какъ казалось, конечно... Ну, хорошо, вотъ существуетъ общество и живетъ себѣ изо дня въ день, въ немъ есть опредѣленные добродѣтели. Онѣ всѣ изложены въ законахъ; кто нарушаетъ ихъ, того судятъ и наказываютъ. Но вѣдь это—это гнусность, это нарушеніе самыхъ элементарныхъ правъ человѣка, и такъ систематически, обдуманно, съ десятками жертвъ, которыя оставляются въ беззащитномъ положеніи, это не предусмотрено въ законахъ, и этотъ человѣкъ, сдѣлавшій своею спеціальностью гнусность, спокойно живетъ и процвѣтаетъ въ обществѣ...

И онъ съ каждой минутой все больше и больше приходилъ въ негодованіе. Напрасно Софья Андреевна говорила ему, что такихъ негодяевъ много, и что его волненіе бесполезно: все равно отъ этого Постромкинъ не станетъ лучше, а тѣмъ, кого онъ сдѣлалъ своими жертвами, не будетъ легче жить. Онъ отвѣчалъ на это:

— О, это безразлично! Для меня это безразлично. Все равно, будетъ ли отъ этого польза, или нѣтъ, но каждый, сохранившій способность возмущаться подлостью, долженъ, если у него есть возможность, сказать подлецу въ глаза, что онъ подлецъ. И я это непременно сдѣлаю!—прибавилъ онъ и рѣшительно взялъ шляпу.

— Куда ты?—спросила его Софья Андреевна.

— Я пойду и сдѣлаю то, что сказалъ.

Софья Андреевна ничего не возразила. Она знала, что этотъ мягкій, сговорчивый человѣкъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда его что нибудь слишкомъ глубоко возмущало, проявлялъ непоколебимое упорство, и тогда напрасно было ему возражать и приводить разумные доводы. Онъ непременно дѣлалъ посвоему. Поэтому она и въ этомъ случаѣ не пыталась остановить его.

Кондратій Семеновичъ вышелъ на улицу. Было часовъ шесть вечера, солнце еще свѣтило ярко. На городскихъ улицахъ было праздничное оживленіе. На главной улицѣ, которую ему пришлось перейти, на тротуарахъ праздничная публика двигалась колоннами, стояли говоръ и шумъ. Кондратій Семеновичъ забѣжалъ къ одному знакомому, который занимался адвокатурой.

— Вы знаете Постромкина?—спросилъ онъ его.

— Это адвоката?

— Ну, да. Мнѣ нужно его адресъ и затѣмъ, когда онъ бываетъ дома.

— А что, у васъ судебное дѣло?

— Да, да, дѣло!—разсѣянно отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— По всей вѣроятности, сегодня онъ цѣлый день дома. Вѣдь праздникъ. А адресъ его...

Пріятель порылся въ какомъ-то календарѣ и нашелъ адресъ Постромкина. Кондратій Семеновичъ записалъ и тотчасъ поспѣшно ушелъ. Постромкинъ жилъ недалеко отсюда. Онъ занималъ верхній этажъ небольшого особняка съ садикомъ и съ широкимъ балкономъ. Подъѣздъ и лѣстница были шикарны. «Вѣдь, пожалуй, не приметъ,—подумалъ Кондратій Семеновичъ:—не даромъ же онъ тогда на улицѣ отвернулся. Да, конечно, не даромъ, и теперь я понимаю, почему». Онъ остановился у подъѣзда и началъ обдумывать, какимъ образомъ устранить возможность со стороны Постромкина отказа принять его. Онъ придумалъ. Такъ какъ карточекъ у него не было, то онъ досталъ изъ кармана листикъ чистой бумаги, затѣмъ вошелъ въ подъѣздъ и, склонившись надъ подоконникомъ, написалъ: «Мнѣ необходимо повидаться по очень важному личному дѣлу. Чепуренко».

Онъ свернулъ бумажку и съ нею поднялся наверхъ. Онъ думалъ: «онъ, конечно, пойметъ, что я буду говорить о Дарѣ Григорьевнѣ, и побоится скандала. Этого они больше всего боятся».

Онъ позвонилъ и, когда вышелъ лакей, не спрашивая, дома ли хозяинъ, онъ просто подалъ ему бумагу и сказалъ:

— Передайте это сейчасъ г. Постромкину; это очень спѣшно.

Лакей, быть можетъ, въ такихъ случаяхъ, привыкшій говорить, что Постромкина нѣтъ дома, на этотъ разъ не нашелся и, своевременно ничего не возразивъ, долженъ былъ взять бумагу.

— Хорошо-съ!—отвѣтилъ онъ.—Только они теперь обѣдаютъ.

— Это ничего, вы все-таки отдайте.

Лакей ушелъ. Кондратій Семеновичъ остался ждать за дверью. Повидимому, записка его заставила Постромкина подумать, потому что ему пришлось простоять минуты двѣ. Но затѣмъ лакей попросилъ его войти и проводилъ въ кабинетъ. Обстановка у Постромкина была только приличная, но не было ничего лишняго, никакихъ дорогихъ украшеній, ни ковровъ, ни картинъ. Кабинетъ былъ не великъ, но обставленъ съ расчетомъ на впечатлѣніе дѣловитости: тяжелый столъ, высокая конторка, шифоньерка для бумагъ, съ растворенными дверцами, гербовые листы, множество письменныхъ принадлежностей, юридическіе журналы, законы и тому подобные атрибуты юриста. Кондратій Семеновичъ и сюда принесъ свое волненіе и потому, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же заходилъ изъ угла въ уголъ, какъ бы продолжая совершать ту прогулку, которую началъ дома. Но вотъ онъ обернулся и увидѣлъ входящаго Постромкина.

Высокій, статный, такой же красивый, какъ прежде, онъ слегка только растолстѣлъ. На немъ была коротенькая визитка, пестрый галстукъ съ воткнутой въ него булавкой, широкіе свѣтлые штаны. Онъ пріятно облизывалъ губы,—очевидно, его оторвали отъ вкуснаго обѣда. На лицѣ его была написана радость, которую надо было отнести къ воспоминанію о старомъ товариществѣ. Онъ остановился на порогѣ, выразилъ изумленіе и протянулъ обѣ руки впередъ.

— А, Боже мой, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вотъ сюрпризъ! Кондратій Семеновичъ! какими судьбами? а я ужъ думалъ, что мы никогда не встрѣтимся.

— Мы встрѣчались!—рѣзко промолвилъ Кондратій Семеновичъ, не двигаясь съ своего мѣста.

— Что? Какъ? Когда?

— Однажды на улицѣ. Вы смотрѣли мнѣ въ лицо и постарались не узнать. Впрочемъ, вы очень хорошо это знаете.

— Право, не помню.

И по голосу Постромкина можно было узнать, что онъ уже почувствовалъ, въ чемъ заключается смыслъ этого посѣщенія, и поспѣшно старался обдумать, какую принять ему позицію.

— Ну, да впрочемъ это и не важно!—сказалъ Кондратій Семеновичъ.—Я пришелъ ненадолго и вовсе не для того, чтобъ доставить вамъ удовольствіе. Сегодня я видѣлъ Дарью Григорьевну и узналъ всю ея исторію, а также исторію Анчуровой... Вѣроятно, есть и другія исторіи, которыхъ я не знаю... И вотъ въ чемъ мое дѣло, съ которымъ я къ вамъ пришелъ: я пришелъ сказать вамъ, что вы негодяй и подлець!

Постромкинъ опѣшилъ и подался назадъ.

— Но... Какъ же вы смѣете?—пробормоталъ онъ; у него вздрагивали губы, и онъ слегка заикался.

Кондратій Семеновичъ смотрѣлъ ему въ глаза прямо и твердо, какъ человѣкъ, исполняющій свой священный долгъ.

— Да, еще тверже прежняго,—сказалъ онъ,—я это смѣю. Я повторяю: вы негодяй и подлець! Вѣдь другого суда на васъ нѣтъ, такъ вотъ пусть хоть это будетъ. Я считаю для себя позорнымъ, что когда-то былъ вашимъ товарищемъ и жалъ вашу грязную руку. Я только это и хотѣлъ сказать вамъ, что вы негодяй и подлець.

И, сказавъ это, Кондратій Семеновичъ пошелъ прямо къ двери, которую загоразживалъ своей фигурой Постромкинъ. Можно было думать, что здѣсь произойдетъ страшное столкновение, что Постромкинъ набросится на него и сдавитъ ему горло, но вмѣсто этого тотъ отступилъ на два шага въ сторону и пропустилъ гостя. Кондратій Семеновичъ быстро прошелъ въ переднюю комнату и затѣмъ внизъ по лѣстницѣ, сильно стуча своими тяжелыми, грубыми сапогами.

Выйдя на улицу, онъ тотчасъ же почувствовалъ какое-то облегченіе, а когда пришелъ домой, то на лицѣ его было то добродушное выраженіе, которое сіяло на немъ всегда.

— Ну, вотъ, слава Богу!—говорилъ онъ.—Я сказалъ ему, что онъ подлець и негодяй, и у меня отлегло отъ сердца. Вѣдь больше ничего нельзя подѣлать; это все, что у насъ еще осталось противъ этой дряни. Ну, показывай же, что ты тамъ такое накупила?

Софья Андреевна усмѣхнулась и начала показывать ему покупки.

XIII.

На другой день, часовъ въ одиннадцать утра, Кондратій Семеновичъ отправился къ Латугину. Швейцарь на этотъ разъ призналъ его и отнесся къ нему съ почтеніемъ.

— А ихъ дома нѣту,—сказалъ онъ.

— Кого?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Да самого барина, старика.

— Но какъ же? Вѣдь мы условились.

— Не могу знать! Они съ полчаса, какъ уѣхали. Должно быть, какое нибудь непредвидѣнное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ я зайду позже...

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста,—возразилъ швейцарь,—барыня, Дарья Григорьевна, у себя и просили, въ случаѣ ежели вы пожалуете...

— Дарья Григорьевна?

— Да, сами приказали.

Кондратій Семеновичъ отдалъ ему пальто и поднялся наверхъ. Знакомымъ путемъ онъ прошелъ прямо въ кабинетъ, а черезъ минуту туда вошла Дарья Григорьевна. Сегодня она, повидимому, готовилась къ его визиту и ждала его. Она была уже не въ капотѣ, а въ легкомъ шелковомъ платьѣ, очень стройная, какъ въ тотъ день, когда они стояли подъ вѣщомъ. Лицо ея было очень блѣдно, и въ глазахъ замѣтно было тревожное волненіе.

— Отчего вы не садитесь? — сказала она. — У васъ, вѣроятно, много своихъ дѣлъ, а мы заставляемъ васъ возиться съ нами. Вы были гдѣ нибудь, въ театрѣ? Или, впрочемъ, теперь нѣтъ театровъ...

Она волновалась и, очевидно, умышленно говорила о постороннихъ вещахъ. Онъ сѣлъ и молчалъ. Поговоривъ еще о чемъ-то, не имѣвшемъ никакого отношенія къ дѣлу и совершенно не интересовавшемъ его, она сѣла въ кресло и промолвила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Папа вчера рассказалъ вамъ мою глупую исторію...

— Скорѣе печальную!—отозвался Кондратій Семеновичъ.

— Да, и печальную и глупую. Я сама должна была бы рассказать вамъ, но силъ не было... я вѣдь слаба до смѣшного. А

вы, Кондратій Семеновичъ, не расскажете мнѣ про вашу жизнь, про вашу дѣятельность?

И на ея блѣдныхъ щекахъ сразу выступили красныя пятна. Видно было, что сказать всѣ эти незначительныя слова ей было не легко.

— Ну, чтожъ, — грубовато отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ, — моя жизнь простая, и дѣятельность тоже несложная... Самая простая, маленькая, незамѣтная...

— Но по крайней мѣрѣ полезная!—промолвила она.

— О, да, безусловно полезная!

— Да, это слово здѣсь очень годится: «безусловно». Какъ много есть людей, всю жизнь работающихъ надъ дѣломъ, полезность котораго только условна... Расскажите мнѣ подробнѣе...

— Ахъ, право же, ничего такого нѣтъ, чтобъ рассказывать. Я живу и работаю, какъ всѣ простые работники. Ну, чтожъ, утромъ встаю, гуляю, потомъ приходятъ школьники, занимаюсь, въ обѣдъ отпускаю ихъ, потомъ иногда опять приходятъ они, вечеромъ читаю чтонибудь или такъ своими дѣлами занимаюсь...

— Но неужели вамъ не трудно дѣлать все это одному?

— Я не одинъ!—отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Но кто же вамъ помогаетъ!

— Моя жена.

— Жена?

Она произнесла это съ широко раскрытыми глазами и затѣмъ, какъ бы не понявъ, въ чемъ дѣло, уставилась въ одну точку, напряженно стараясь понять:—Да... да... да, это такъ, это понятно!—говорила она, какъ бы рассуждая сама съ собой.—Но нѣтъ, какъ же вы... вы... отрицали вѣдь... тогда, помните? Вы сказали, что отдаете мнѣ то, что вамъ не нужно... Ну, да, значитъ, время все мѣняется...

Она говорила эти слова, точно въ какомъ-то нервномъ забытьѣ,—очень быстро, съ порывистыми остановками, какъ бы не помня себя, и потомъ вдругъ какъ будто спохватилась:—Ахъ, что я?.. я говорю глупости... Не правда ли? Я вѣдь не имѣю права, да и вообще все это глупости...

А онъ смотрѣлъ на нее и ясно видѣлъ, что въ глубинѣ ея души зашевелилось какое-то страданіе, и ему было жаль, что онъ такъ прямо, безъ всякихъ оговорокъ сказалъ ей это. Надо было употребить другое слово, или какънибудь обойти это. Но вотъ голосъ ея прервался, плечи начали вздрагивать, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ, и съ нею сдѣлалось что-то въ родѣ истерики. Онъ вскочилъ, сталъ искать воды и нашелъ ее на каминѣ. Тутъ же нашелся одеколонъ и флакончикъ со спиртомъ; все это онъ пустилъ въ дѣло.

Дарья Григорьевна пришла въ себя и поблагодарила его слабымъ кивкомъ головы.—Ну, вотъ видите,—тихо промолвила она,—

какъ я мало гожусь на что бы то ни было! Но теперь у меня нервы спокойны; они такъ утомились, что уже не помѣшаютъ мнѣ сказать вамъ все... Всѣ мои думы...

— Можетъ быть, лучше было бы отложить на послѣ? — попытался возразить Кондратій Семеновичъ:—вамъ теперь трудно.

— О, нѣтъ, надо все сразу! При томъ же это теперь имѣетъ только историческій интересъ!.. Вѣдь все это была только ошибка. Ну, вотъ видите, я помнила, какъ вы тогда относились къ этому. Вы, Кондратій Семеновичъ, произвели на меня въ тотъ день, въ тѣ полчаса, какое-то неотразимое впечатлѣніе чего-то высшего, духовнаго... чего-то стоящаго выше слабостей и земныхъ страстей... Вы уже знаете, какъ жизнь завертѣла меня; она не разъ окунала меня въ грязь... но глаза мои были закрыты, я не видѣла истины, и я не знала, что это грязь. Но въ тяжкія, самыя страшныя минуты моей жизни воспоминаніе о васъ, Кондратій Семеновичъ, озаряло мою душу. Я думала: есть все-таки на свѣтѣ существо, которое стоитъ выше всего этого. Оно далеко, оно не думаетъ обо мнѣ, у него свое дѣло и заботы, но всеже душа моя ему сродни... И мнѣ дѣлалось легче и, можетъ быть, это-то воспоминаніе дало мнѣ силы вынести все. Когда все это кончилось, и я пришла къ отцу, то вотъ первое, что я сказала ему: что есть только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ меня спасти, и этотъ человѣкъ—вы! Все, что ниже васъ, казалось мнѣ не стоящимъ, чтобъ о немъ даже думать. Я думала: онъ работаетъ, онъ всѣ силы отдаетъ любимому дѣлу, онъ приноситъ пользу людямъ, — неужели же онъ оттолкнетъ меня съ моею готовностью помогать ему? Только помогать... не думайте, Кондратій Семеновичъ, что тутъ было что нибудь болѣзненное, какое нибудь необъяснимыми путями зародившееся чувство къ человѣку, котораго видѣли одинъ разъ въ жизни. У меня ничего нѣтъ къ вамъ, Кондратій Семеновичъ, кромѣ глубокаго уваженія... Я думала спасти себя работой съ вами, съ вами, съ такимъ простымъ, прямымъ, убѣжденнымъ, твердымъ человѣкомъ, и въ то же время я думала найти моимъ дѣтямъ такого вотъ именно отца... Простите... Вѣдь у васъ тоже есть дѣти?

— Да, двое...

— И они... они не могутъ быть названы вашими...

— Конечно... вы знаете...

— Это громадное лишеніе.

— Я не думаю, чтобъ громадное, но всеже это впоследствии будетъ имѣть для нихъ значеніе.

Она вдругъ чрезвычайно заволновалась, и по лицу ея уже было видно, что ей предстояло сообщить что-то необыкновенно важное. Она сказала съ усиленіемъ:

— А между тѣмъ эти дѣти, эти... мои... вѣдь я должна же ска-

затѣ вамъ это... хотя я не имѣла на это права... но они записаны, какъ законныя, то-есть ваши.

— Это въ порядкѣ вещей!—замѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразила она.—Это можно было сдѣлать только съ вашего разрѣшенія. Но это не я сдѣлала, это онъ сдѣлалъ... Я не посмѣла бы...

— Это хорошо!—просто замѣтилъ Кондратій Семеновичъ,—по крайней мѣрѣ хоть эти не будутъ ощущать неудобства... Но послушайте, Дарья Григорьевна, если вы все-таки хотите работать,—хотя вамъ сперва надо подумать о своемъ здоровьѣ,—но если ужъ вы такъ непремѣнно хотите, то у насъ въ двѣнадцати верстахъ школа свободная. Вамъ, то-есть вашему отцу, будетъ очень нетрудно выхлопотать это мѣсто для васъ.

Она медленно покачала головой.—Я ничего не смогу, ничего!

— Но почему же? Мы будемъ часто видѣться, я буду помогать вамъ совѣтомъ, научу васъ разобраться въ новомъ дѣлѣ,—вѣдь это такъ просто, мы можемъ видѣться каждый день.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я ничего не смогу... Я изъ тѣхъ созданий, которыя могутъ работать и быть полезными только подъ непосредственнымъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго человѣка... Нѣтъ, нѣтъ... благодарю васъ.

Она страшно, непомѣрно волновалась, и Кондратію Семеновичу было тяжело смотрѣть на это. Онъ видѣлъ, что ни въ чемъ помочь ей не можетъ, и ему хотѣлось какъ нибудь прекратить этотъ разговоръ. Но заговорить о другомъ не было никакой возможности. Она неспособна была отозваться теперь ни на что другое. Она не слышала бы его вопроса.

Въ это время въ кабинетъ мягкими, чуть слышными шагами вошелъ старикъ Латугинъ и, взглянувъ сперва на дочь и, по всей вѣроятности, многое прочитавъ на ея лицѣ, вопросительно посмотрѣлъ на Кондратія Семеновича.

Кондратій Семеновичъ всталъ и началъ прощаться. Дарья Григорьевна какъ-то рѣшительно оправилась, выпрямилась и спросила его тономъ почти дѣловымъ:

— Вы остановились тамъ же... гдѣ тогда?

— Да, я всегда тамъ останавливаюсь.

— Вы завтра уѣзжаете, не правда ли?

— Да, раннимъ утромъ. У насъ завтра занятія въ школѣ.

— Прощайте, Кондратій Семеновичъ!

Она крѣпко пожала ему руку. Латугинъ, очевидно, еще ничего не понимая и рассчитывая сейчасъ получить объясненіе, молча сдѣлалъ то же.

Кондратій Семеновичъ вышелъ.

Около двухъ часовъ ночи, когда въ меблированныхъ комнатахъ Аделаиды Петровны всѣ жильцы спали глубокимъ сномъ, послышался тревожный стукъ въ дверь и затѣмъ порывистый звонокъ. Оказалось, что это былъ тотъ самый старикъ швейцаръ, который сторожилъ лѣстницу Латугинскаго дома.

— Господину Чупуренкѣ записка и очень спѣшное дѣло!—говорилъ онъ внушительно и торопливо Аделаидѣ Петровнѣ, которая смотрѣла на него сонными и ничего не понимающими глазами.

Всѣ жильцы высунули головы изъ своихъ комнатъ, проснулся и Кондратій Семеновичъ и, разслушавъ свою фамилію, наскоро одѣлся и выбѣжалъ въ переднюю; схвативъ записку, онъ вернулся къ себѣ въ комнату и носпѣшно распечаталъ ее. Въ ней было:

«Ради Господа, пріѣзжайте сію минуту. Съ Дашей нехорошо. Можетъ быть, еще спасемъ. Ради Господа Бога, умоляю васъ, не откажите и простите. Вашъ Г. Латугинъ».

Кондратій Семеновичъ не успѣлъ даже переговорить съ Софьей Андреевной. Онъ только передалъ ей записку и, схвативъ шляпу, выскочилъ изъ квартиры. Швейцаръ, который былъ теперь не въ ливреѣ, а въ обыкновенной одеждѣ, поджидалъ его на лѣстницѣ. Они спустились внизъ, сѣли на извозчика и покатали.

— Что же съ нею?—спрашивалъ по дорогѣ Кондратій Семеновичъ.

Швейцаръ только качалъ головой и неопредѣленно мычалъ себѣ подъ носъ:—Богъ ихъ знаетъ... Народъ нынче такой, что и не разберешь его. Ужъ, кажется, чего бы—и богатство, и уваженіе, и все, чего хочешь, а вотъ, поди-жъ, изъ родительскаго дома ушла, намучилась, настрадалась, а теперь вотъ...

— Но что же, что же съ нею?

— Не знаю, баринъ. Вотъ пріѣдемъ, все узнаете, а я что-жъ,—миѣ приказано, я и исполняю.

Они пріѣхали. У швейцара былъ ключъ отъ двери, онъ отперъ ее, Кондратій Семеновичъ вбѣжалъ наверхъ, тамъ дверь была открыта; онъ вошелъ. Въ гостиной было свѣтло, но не оказалось ни души. Онъ въ нерѣшительности постоялъ съ полъ-минуты и затѣмъ пошелъ направо въ кабинетъ. Здѣсь тоже никого не было. А между тѣмъ другихъ частей квартиры онъ не зналъ. Пройти туда, изъ гостиной налѣво? Но, можетъ быть, онъ попадетъ въ чью нибудь спальню! Онъ зналъ, что въ домѣ есть еще дѣвушка, сестра Дарьи Григорьевны. (Мать ея умерла за это время). Онъ не рѣшался, но надо было что нибудь дѣлать, иначе его присутствіе становилось бесполезнымъ; онъ опять пошелъ въ гостиную. Въ это время слѣва дверь растворилась, и на порогѣ показался Латугинъ. Онъ былъ блѣденъ и совершенно подавленъ. Кондратій Семеновичъ пошелъ къ нему.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Латугинъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой и промолвилъ:

— Все кончено, Кондратій Семеновичъ.

Тотъ вопросительно посмотрѣлъ на него, все еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Все кончено!—повторилъ старикъ:—Даша... она приняла ядъ.

И старикъ, совершенно обезсиленный, повалился въ кресло.

Кондратій Семеновичъ стоялъ передъ нимъ, пораженный извѣстіемъ. Дома онъ прочиталъ письмо наскоро и не обратилъ вниманія на то, что тамъ ясно говорилось объ опасности. Такъ вотъ какъ это кончилось! Неужели же онъ виноватъ въ судьбѣ Дарьи Григорьевны? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ тогда отказался вѣнчаться съ нею, можетъ быть, все пошло бы иначе? Вѣдь этотъ бракъ въ ея рукахъ былъ орудіемъ противъ отца, противъ родного дома; онъ далъ ей возможность не возвращаться туда. Да нѣтъ, нѣтъ... Это не онъ, а время было такое, и всякій другой на его мѣстѣ поступилъ бы точно также. Навѣрно напелся бы и другой, также мало придававшій значенія «формальности»...

Всѣ эти мысли вихремъ проскользнули въ его головѣ. Латугинъ пришелъ въ себя, крѣпко сжалъ обѣими руками голову и промолвилъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ:—я не говорю, что ктонибудь виноватъ... если дѣти не могутъ ужиться въ домѣ, то, значить, въ этомъ домѣ плохо... Да, я теперь многое понимаю. Молодость, горячая душа, крылья... крылья... А тутъ нажива... съ одной стороны нажива, а съ другой безсмысленное проживаніе нажитого... вотъ она и рвалась... да, да, все это такъ... говорилъ старикъ, поникнувъ головой, и глаза его были полны слезъ.—Только ради Бога не вините себя!—промолвилъ онъ, схвативъ руку Кондратія Семеновича и крѣпко сжавъ ее.—Да, пойдите въ кабинетъ!.. она оставила вамъ письмо, я нашелъ его на столѣ...

Онъ съ трудомъ поднялся и шатаясь пошелъ въ кабинетъ. Кондратій Семеновичъ послѣдовалъ за нимъ. Старикъ подошелъ къ столу, поднялъ массивную чернильницу и вынулъ изъ-подъ нея запечатанный конвертъ съ надписью: «Кондратію Семеновичу Чепуренко». Кондратій Семеновичъ прочиталъ вслухъ:

«Я пришла къ естественному концу, глубокоуважаемый Кондратій Семеновичъ. Послѣ вашего ухода я думала много и, сколько ни старалась, не могла найти для себя мѣста въ жизни. Я больше ни на что негодна. Но если моя жизнь не можетъ быть никому полезна, то по крайней мѣрѣ устраненіе меня принесетъ пользу вашимъ дѣтямъ. Умоляю васъ только объ одномъ: возьмите къ себѣ моихъ дѣтей и сдѣлайте ихъ такими простыми, прямыми и честными людьми, какъ вы сами. Желаю вамъ, Кондратій Семеновичъ, счастья и успѣха тому великому дѣлу, которому вы служите. Прощайте».

Когда Кондратій Семеновичъ поднялъ глаза, то увидѣлъ на лицѣ старика новыя слезы, которыя градомъ катились изъ его глазъ.

— Вотъ видите,—промолвилъ Латугинъ:—она и теперь не доврѣяетъ мнѣ... Дѣтей-то вамъ...

— Вы дорожите ими?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Вы спрашиваете!—промолвилъ старикъ.

— Я отъ всей души желалъ бы исполнить завѣтъ Дарьи Григорьевны,—сказалъ Кондратій Семеновичъ,—но я не посмѣю отнять у васъ дѣтей. Если вы этого желаете, то они останутся у васъ...

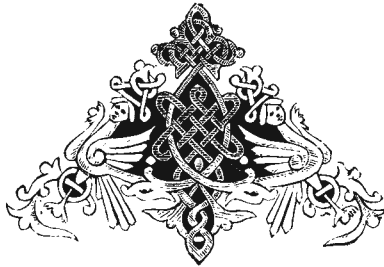
— Но вы у меня не въ послѣдній разъ, надѣюсь? — спросилъ Латугинъ, схвативъ его обѣ руки и крѣпко пожимая ихъ.

— Я рѣдко бываю въ городѣ,—просто отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ,—но когда случится, всякій разъ буду у васъ... Къ сожалѣнію, завтра я не могу остаться. Мнѣ надо быть при дѣлѣ. Да вѣдь и помочь уже ничего не могу...

Онъ посидѣлъ еще немного въ кабинетѣ Латугина и затѣмъ, простившись съ нимъ, пошелъ домой. Софья Андреевна не спала; не зная, въ чемъ дѣло, она не рѣшилась укладываться, думая, что быть можетъ, имъ придется остаться въ городѣ. Дѣти спали.

Но они скоро уложились и уѣхали на вокзалъ, а затѣмъ съ раннимъ поѣздомъ отправились въ К. Мѣсяца черезъ два они обвѣнчались.

И. Потапенко.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

XV.

Мое назначеніе на должность презуса военно-судной комиссіи при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи.— Отъѣздъ моей дочери съ семействомъ изъ Петербурга.— Моя поѣздка въ Ковно.— Болѣзнь и смерть жены.— Вторичная поѣздка въ Ковно; его достопримѣчательности.— Проѣздъ чрезъ Ковно германскаго императора Вильгельма.— Приѣздъ въ Петербургъ персидскаго шаха.— Пятидесятилѣтній юбилей моей службы.— Высочайшая награда.— Семейный праздникъ.— Смерть графа Берга въ Петербургѣ.— Личность графа.— Приѣздъ въ Петербургъ австрійскаго императора Франца-Иосифа.— Осмотръ столицы и торжества въ честь императора.— Моя поѣздка въ Ковно.— Проводы виленскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Потапова въ ковенскомъ лагерѣ.— Бракосочетаніе великаго князя Владиміра Александровича съ герцогинею Марією Мекленбургъ-Шверинскою.— Назначеніе моего сына Владиміра командиромъ полка.— Проводы его товарищами-семеновцами и отъѣздъ изъ Петербурга.— Моя поѣздка въ Ковно.— Розговѣно у губернатора Базилевскаго.— Царскій день въ провинціи.— Мой переѣздъ въ Павловскъ.— Моя болѣзнь и возвращеніе въ Петербургъ.— Занятія въ военно-судной комиссіи.— Недоразумѣніе по поводу развода въ высочайшемъ присутствіи.— Кончина великой княгини Маріи Николаевны.— Событія на Балканскомъ полуостровѣ.— Объявленіе войны съ Турціею.— Мои сборы къ отъѣзду въ Житомиръ.— Заключеніе.

ПОТЕКЛО три года послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, но, несмотря на довольно значительный промежутокъ времени, мнѣ не удалось получить подходящее мѣсто. Я чувствовалъ себя вполне здоровымъ и бодрымъ, былъ бы радъ имѣть опредѣленные занятія, къ которымъ такъ привыкъ, но обстоятельства складывались не въ мою пользу. Все это время я жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ и лишь на лѣто переѣзжалъ въ Лѣсной, гдѣ поселялся на дачѣ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и внуками.

Только въ концѣ 1871 года я получилъ, наконецъ, назначеніе. Оно не обѣщало мнѣ ни матеріальныхъ, ни другихъ особыхъ вы-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 450.

годъ, но было пріятно тѣмъ, что доставляло мнѣ постоянное и довольно продолжительное занятіе, безъ котораго я положительно скучалъ; кромѣ того, я имѣлъ случай снова перейти на дѣйствительную службу, что было очень кстати въ виду моего пятидесятилѣтняго юбилея. Наконецъ, это назначеніе давало мнѣ возможность оставаться жить въ Петербургѣ, къ чему я всегда стремился. Послѣ смерти генераль-лейтенанта Ивапинцева, открылась должность презуса временной комиссіи военнаго суда при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи. Комендантъ, генераль-адъютантъ И. В. Анненковъ, весьма охотно согласился предоставить мнѣ это мѣсто и вызвался не только сдѣлать обо мнѣ офиціальное представленіе великому князю главнокомандующему, но, кромѣ того, написать отдѣльно письмо начальнику штаба округа, графу Шувалову. Начальникъ главнаго штаба графъ Гейденъ согласился на мое назначеніе и даже общалъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать успѣху его, а вскорѣ послѣ этого послѣдовало также согласіе его высочества главнокомандующаго и главнаго военнаго суда.

Но, несмотря на согласіе главныхъ лицъ и инстанцій, а также вполне сочувствовавшаго этому назначенію коменданта, съ офиціальной стороны дѣло тянулось порядочно долго: въ іюлѣ началась переписка, и только въ концѣ октября комендантъ извѣстилъ меня о назначеніи на должность презуса. Что же касается моего содержанія, то и тогда еще этотъ вопросъ не былъ выясненъ, и я оказался въ затруднительномъ положеніи: изъ главнаго штаба была получена бумага о томъ, что никакого дополнительнаго содержанія къ получаемому (то-есть, къ пенсіи) мнѣ не слѣдуетъ, а между тѣмъ, съ зачисленіемъ на дѣйствительную службу, я лишился пенсіи. Анненковъ написалъ объ этомъ недоразумѣніи военному министру, и только въ январѣ слѣдующаго года я получилъ бумагу о высочайшемъ утвержденіи моего содержанія, но безъ квартирныхъ денегъ. Это вызвало новую переписку, и въ концѣ концовъ почему-то пришли къ заключенію выдать мнѣ квартирныя деньги по окончаніи суднаго дѣла въ видѣ «пособія». Не знаю, право, почему квартирныя деньги превратили въ пособіе, такъ какъ мои предшественники получали ихъ, по положенію, полностью. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому «превращенію», съ опредѣленіемъ на службу, я сталъ получать меньше, чѣмъ получалъ прежде, и только въ виду офиціальнаго обѣщанія выдать мнѣ впоследствии эту разницу въ видѣ «пособія», я согласился принять должность.

Въ концѣ декабря 1871 года, я открылъ засѣданія военно-судной комиссіи, которая разбирала дѣло объ отставномъ поручикѣ Ивановѣ и другое о статскомъ совѣтникѣ Шредерсѣ. Засѣданія назначались въ различные промежутки времени, въ зависимости отъ хода дѣлъ. Въ особенности дѣло Шредерса ¹⁾ требовало большой пере-

¹⁾ Къ сожалѣнію, не указано, въ чемъ оно заключалось.

В. Ж.

писки и сношеній даже съ заграничными торговыми фирмами; приходилось множество бумагъ переводить съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ на русскій и обратно, что также отнимало немало времени. Благодаря этому и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, дѣло затянулось гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ прежде, и подъ конецъ даже тяготило меня: по измѣнившимся семейнымъ обстоятельствамъ, мнѣ необходимо было уѣхать изъ Петербурга, а я былъ связанъ здѣсь службою, которую нельзя было никакъ оставить до окончанія суднаго дѣла.

Въ исходѣ 1872 года, мужъ моей дочери получилъ назначеніе въ Ковно, куда они оба съ семействомъ должны были выѣхать послѣ постоянного жительства въ Петербургѣ. Жена и я очень грустили о неизбѣжной разлукѣ; весь кругъ родныхъ сочувствовалъ намъ и устроилъ въ честь отъѣзжавшихъ шумный загородный пикникъ. Чтобы помочь имъ устроиться на новосельѣ, жена рѣшила проводить дочь въ Ковно и прогостить у нея нѣкоторое время, а послѣ ихъ отъѣзда я также взялъ отпускъ и вскорѣ пріѣхалъ туда на рождественскіе праздники. Ковно произвело на меня впечатлѣніе зауряднаго губернскаго города какъ по наружной физіономіи, такъ и по внутренней жизни; впрочемъ, городское общество оказалось весьма симпатичнымъ. На праздникахъ не разъ устраивались вечера въ клубахъ и въ частныхъ домахъ, большею частью съ елками для дѣтей, иногда съ благотворительною цѣлью. Вообще праздники мы провели довольно пріятно, насколько это было возможно при первой разлукѣ съ остальными родными и вдали отъ Петербурга, къ которому мы все такъ привыкли. Здѣсь же мы встрѣтили новый, 1873 годъ, столь памятный для меня навсегда!

Въ день Крещенія я долженъ былъ выѣхать изъ Ковна, такъ какъ мой отпускъ кончался 8-го января, а жена рѣшила остаться тамъ еще съ мѣсяцъ, чтобы окончательно устроить дочь. Наконецъ, къ моему большому удовольствію, и жена возвратилась въ Петербургъ, но я напелъ въ ней большую перемѣну: она значительно ослабѣла и пожелтѣла. Докторъ опредѣлилъ у нея желчныя камни и прописалъ карлсбадскія соли, которыя она стала пить съ видимою для себя пользою. Прошло около мѣсяца, въ теченіе котораго она чувствовала сильныя боли только раза три, въ общемъ же состояніе ея здоровья значительно улучшалось, и мы уже мечтали объ ея лѣтней поѣздкѣ въ Карлсбадъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно для меня и для всѣхъ она скончалась. Еще наканунѣ дня смерти она ходила гулять, обѣдала со мною и сыномъ и лишь къ вечеру почувствовала сильныя боли и рвоту. Я давалъ ей эфиръ, прописанный еще раньше докторомъ, ночью снова давалъ ей лѣкарство, послѣ котораго она какъ будто успокоилась, всхрипнула раза два и утихла. Когда же въ 5 часовъ утра (12-го марта) я подошелъ посмотреть, какъ она себя чувствуетъ, то предо мною лежалъ уже

окоченѣвшій трупъ. Докторъ, прїѣхавшій вскорѣ послѣ того, сказалъ, что причина смерти — сильнѣйшій мозговой ударъ, какъ вѣроятное слѣдствіе невыносимыхъ рвотъ; кромѣ того, на нравственное состояніе жены очень подѣйствовала разлука съ дочерью, и въ этомъ, отчасти, можно было видѣть причину ея болѣзни. Не стану говорить, какимъ страшнымъ ударомъ была для меня смерть жены. Я прожилъ съ нею счастливо почти 43 года и имѣлъ въ ней самаго лучшаго и любящаго друга. Это была примѣрная жена и примѣрная мать, достоинства которой уважалъ не я одинъ. Съ отъѣздомъ любимой дочери мнѣ стало очень тяжело, а теперь, когда я потерялъ жену и чувствовалъ на своихъ плечахъ 70 лѣтъ жизни, какъ невыносимо грустно казалось мнѣ мое положеніе!..

Чтобы разсѣяться и хоть сколько нибудь облегчить свое горе, недѣли черезъ полторы послѣ смерти жены, я опять уѣхалъ въ Ковно къ дочери. Въ обществѣ ея, зятя и внуковъ не такъ болѣзненно отзывалась эта скорбь, потому что я былъ въ кругу тѣхъ, которые также дороги моему сердцу. Новая обстановка, новыя впечатлѣнія и лица дѣйствовали благотворно на меня, и мнѣ было легче. Въ Ковнѣ я пробылъ мѣсяць, который мы провели преимущественно въ своей семьѣ и въ обществѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ. Мы не разъ предпринимали также прогулки по городу и его окрестностямъ, которыя здѣсь очень живописны. Въ томъ же году я прїѣзжалъ въ Ковно еще два раза: въ августѣ и въ декабрѣ. Лѣтомъ городъ понравился мнѣ еще больше. Послѣ Петербурга онъ кажется утопающимъ въ зелени, а горы, окружающія городъ, придаютъ ему еще болѣе красивый видъ. Здѣсь есть нѣсколько мѣстностей, имѣющихъ свое особое названіе и даже нѣкоторое историческое значеніе: на примѣръ, Наполеонова гора, съ которой, по преданію, императоръ французовъ въ 1812 году смотрѣлъ на переправу своихъ войскъ и руководилъ ею, долина Мицкевича, гдѣ любимый польскій поэтъ отдавался вдохновенію своей музыки, Петровская гора, Зеленая гора, Красная мыза и другія.

Когда я былъ въ Ковнѣ весною, то германскій императоръ Фридрихъ-Вильгельмъ IV проѣзжалъ черезъ Ковно въ Петербургъ. Мнѣ хотѣлось видѣть маститаго побѣдителя въ недавней франко-прусской войнѣ, и потому въ день его проѣзда я отправился на вокзалъ. Къ 12 часамъ дня туда собрались въ парадной формѣ губернаторъ князь Оболенскій, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Зотовъ, генералы Мясковскій, Веревкинъ и Ритчеръ, предводитель дворянства и высшіе чины военнаго и гражданскаго вѣдомства. Генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Потаповъ, еще въ 4 часа утра въ этотъ день прибылъ изъ Вильна и къ приходу поѣзда прїѣхалъ на вокзалъ. Губернаторъ меня представилъ ему, мы перебросились нѣсколькими словами. Наконецъ, прибылъ поѣздъ. Императоръ Вильгельмъ не выходилъ изъ вагона, но нѣсколько разъ

подходилъ къ окну. Славное лицо красиваго, бодрата старика производило самое пріятное впечатлѣніе. Къ нему въ вагонъ вошелъ генераль-адъютантъ Потаповъ, потомъ императоръ принималъ генераль-лейтенанта Зотова, губернатора и предводителя дворянства. При каждомъ появленіи императора у окна публика кричала ура. Князь Бисмаркъ былъ въ сюртукѣ (съ желтымъ воротникомъ) своего кирасирскаго полка, а графъ Мольке—въ сюртукѣ русскаго генеральнаго штаба. Поѣздъ простоялъ у дебаркадера не болѣе десяти минутъ и затѣмъ отошелъ отъ станціи, красиво убранной зеленью и флагами.

Въ томъ же году, въ маѣ, въ Петербургъ пріѣзжалъ персидскій шахъ и пробылъ здѣсь около недѣли. Интересно было посмотрѣть восточнаго властителя въ полномъ блескѣ, а потому я поѣхалъ въ Зимній дворецъ на выходъ, по случаю его прибытія. Мы ждали почти два часа, пока, наконецъ, показались придворные чины попарно, младшіе впереди, а за ними государь и по правую руку отъ него шахъ Насреддинъ, невысокій, довольно плотный мужчина лѣтъ сорока, очень смуглый, съ черными, какъ смоль, волосами и усами. На немъ было темно-синее одѣяніе, не очень длинное, все расшитое брилліантами въ видѣ петлицъ и застежекъ, но какъ-то безъ вкуса, аляповато, вслѣдствіе чего прекрасные крупные брилліанты много теряли. Эполеты брилліантовые, портупея, какъ и богато отдѣланная пашка, или ятаганъ, тоже горѣли брилліантами. Но, по-моему, и здѣсь они казались насаженными слишкомъ густо, почему не было должнаго эффекта. Какъ у всѣхъ персіянъ, и у шаха была обыкновенная остроконечная черная пашка, но съ большимъ брилліантовымъ султаномъ, прикрѣпленнымъ весьма красивымъ крупнымъ аграфомъ. Шахъ шелъ довольно апатично и не раскланивался въ стороны. Можетъ быть, богато вышитые мундиры придворныхъ, а также масса генералитета и прочихъ военныхъ въ разнородныхъ формахъ озадачили его такъ, что онъ забылъ кланяться, а, можетъ быть, это и въ нравахъ азіатскихъ деспотовъ—не кланяться всѣмъ, кто по положенію стоитъ ниже ихъ. Шахъ былъ въ русской андреевской лентѣ, а государь въ персидской зеленой.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда шаха въ честь его былъ назначенъ парадъ. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на него наша стройная гвардія въ полной парадной формѣ. Смѣло можно сказать, что ничего подобнаго онъ въ своей жизни не видѣлъ, да нигдѣ и не увидитъ.

На время его пребыванія, въ Эрмитажѣ были отведены и великолѣпно отдѣланы помѣщенія совершенно въ восточномъ вкусѣ: здѣсь были устроены особые диваны, фонтаны, ванны, и все это было богато убрано.

5-го ноября 1873 года, я праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей моей скромной службы въ офицерскихъ чинахъ. Не могу сказать,

что въ службѣ я былъ особенно счастливъ. Первые годы ея, когда я служилъ въ Финляндіи, а затѣмъ въ Бобруйскѣ и на югѣ, служба была болѣе разнообразна и поучительна, хотя, правда, требовала многихъ трудовъ; но трудиться было пріятно, а когда къ тому же мы видѣли поощреніе своихъ трудовъ въ лицѣ самого государя, то и трудъ становился незамѣтнымъ. Въ главномъ штабѣ, обласканный военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, я шелъ по тому же пріятному пути труда, который и здѣсь поощрялся свыше; я жилъ въ Петербургѣ, гдѣ могъ дать надлежащее воспитаніе дѣтямъ, и въ этомъ видѣлъ существеннѣйшую выгоду службы въ главномъ штабѣ. Но, съ другой стороны, собственно военно-инженерная практика въ это время была оставлена мною, вслѣдствіе чего, когда я не пожелалъ оставаться въ прежней должности изъ-за стѣснѣвшихъ мое независимое положеніе реформъ, мнѣ было трудно возвратиться въ инженерный корпусъ и пришлось довольствоваться частнымъ мѣстомъ. Правда, служба по желѣзнымъ дорогамъ матеріально обезпечивала меня вполне, но вѣчные разъѣзды и разлука съ семьей и родными пришлись мнѣ не по душѣ, я снова вернулся въ Петербургъ. Какъ сказано выше, три года я ждалъ здѣсь какого нибудь назначенія, котораго, наконецъ, дождался, но должность презуса военно-судной комиссіи давала мнѣ лишь нѣкоторое положеніе, и не болѣе того. Вотъ главные причины, почему къ пятидесятилѣтію моей службы я ушелъ не такъ впередъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которые держались строго одной дороги, и которыми, конечно, покровительствовала болѣе счастливая фортуна.

Впрочемъ, отъ природы я не честолюбивъ, и въ день моего юбилея главная скорбь моя была о томъ, что со мною не было моей дорогой жены... Восьми мѣсяцевъ она не дождалась, чтобы быть свидѣтельницей моего скромнаго торжества, которое, впрочемъ, имѣло характеръ гораздо болѣе семейный, чѣмъ officialный. Чтобы смягчить мою грусть въ тяжеломъ одиночествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ принять участіе въ празднованіи юбилея, моя дочь съ мужемъ наканунѣ этого дня пріѣхали изъ Ковна, что меня крайне обрадовало и тронуло. Всѣ мои дѣти были со мною, большинство родныхъ было также здѣсь, не доставало только моего лучшаго друга, моей незабвенной жены.

Въ день юбилея, въ 8 часовъ утра, фельдъегерь привезъ мнѣ высочайшую награду, орденъ св. Станислава 1-й степени, при весьма любезномъ письмѣ военнаго министра Д. А. Милютина. Комендантъ генераль-адъютантъ И. В. Анненковъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ его высочества великаго князя Николая Николаевича. Вскорѣ послѣ него пріѣхали 2-й петербургскій комендантъ генераль-майоръ Банашъ фонъ-деръ-Кейтъ, полковникъ Боссе и всѣ свободные отъ службы плацъ-адъютанты, а также секретари военно-судной комиссіи. Затѣмъ пріѣхалъ поздравить меня генераль-майоръ Коссинскій, которому ге-

нераль-адъютантъ Тотлебенъ поручилъ передать мнѣ поздравленіе какъ отъ его имени, такъ и отъ всего главнаго инженернаго управленія; Эдуардъ Ивановичъ просилъ передать его извиненіе, что самъ не могъ поздравить меня лично, ибо у него въ квартирѣ, именно въ эти часы, былъ назначенъ какой-то комитетъ, задержавшій его.

Послѣ официальныхъ поздравленій, собрались свои близкіе, друзья и многіе знакомые.

Къ 5 часамъ я поѣхалъ къ Пѣвческому мосту въ ресторанъ *Donon*, гдѣ мои дѣти, родные и друзья устроили въ честь меня обѣдъ. Всѣхъ насъ собралось до тридцати человекъ; распорядителемъ обѣда былъ Эдуардъ Александровичъ¹⁾. Столъ былъ очень красиво сервированъ и убранъ, меню обѣда было прекрасное, вина и шампанскаго вдоволь. Первый тостъ сказалъ Эдуардъ Александровичъ; я отвѣтилъ благодарностью собравшимся роднымъ и друзьямъ за сочувствіе моему празднику. Спустя нѣсколько времени, полковникъ С. И. Бутенковъ сказалъ спичъ, въ которомъ немногими, но сильными словами пожелалъ указать, какое значеніе я имѣлъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, какъ семьянинъ, гражданинъ и человекъ; онъ говорилъ красно, но ужъ слишкомъ превозносилъ мои достоинства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Я еще разъ горячо поблагодарилъ все общество за выраженное мнѣ сочувствіе. Обѣдъ прошелъ весьма пріятно, вполне *en famille* и безъ всего того, что составляетъ обыкновенно непріятную сторону официальныхъ обѣдовъ. Въ тѣсномъ кругу родныхъ и искреннихъ друзей почти до полуночи мы праздновали памятный для меня день, который провели такъ пріятно и хорошо. На слѣдующій день вся эта компанія родныхъ и друзей собралась у меня къ обѣду, во время котораго я снова благодарилъ всѣхъ за расположеніе ко мнѣ, выказанное наканунѣ.

Вскорѣ послѣ дня юбилея, я представлялся по начальству и былъ у всѣхъ, кто почтилъ меня поздравленіемъ. Я являлся великому князю Николаю Николаевичу, а послѣ него — генераль-адъютанту Тотлебену. Эдуардъ Ивановичъ принялъ меня чрезвычайно любезно и опять извинялся, что не могъ быть у меня изъ-за комиссіи. Военный министръ также очень любезно принялъ и поздравилъ меня; между прочимъ, спрашивалъ, какъ я устроился послѣ смерти жены. Графъ Гейденъ былъ боленъ, лежалъ въ постели, и потому я его не видѣлъ. Въ его канцеляріи мнѣ сказалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Акимовъ, что графъ непремѣнно желалъ быть у меня въ день юбилея и приказалъ Акимову напо-

¹⁾ Д. А. Минде, впоследствии начальникъ инженеровъ московскаго военного округа, былъ женатъ на двоюродной внучкѣ дѣда, С. И. Гольманъ. Умеръ въ 1886 году.

мнить ему объ этомъ; но слегъ и прохвораль нѣсколько времени. Кромѣ того, я былъ у обоихъ комендантовъ, у генерала Коссинскаго и у другихъ. Государь въ то время находился въ Ливадіи, вслѣдствіе чего высочайшую грамоту съ собственноручною подписью государя я получилъ только черезъ мѣсяць.

11-го января 1874 года, было назначено бракосочетаніе великой княгини Маріи Александровны съ герцогомъ Единбургскимъ, и къ этому торжеству пріѣхаль въ Петербургъ намѣстникъ царства Польскаго генераль-фельдмаршалъ графъ Бергъ. Уже съ 1-го января онъ страдалъ воспаленіемъ въ легкихъ, а поѣздка въ Петербургъ еще ухудшила состояніе его здоровья; къ тому же онъ повредилъ себѣ тѣмъ, что, какъ говорили, не въ мѣру покушалъ омаровъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Послѣ этого здоровье его ухудшилось настолько, что 6-го января въ 6 часовъ утра онъ пріобщился св. тайнъ у генераль-суперъинтендента доктора теологіи Фроммана; потомъ послѣдовалъ параличъ легкихъ, и въ 10 часовъ 20 минутъ фельдмаршалъ скончался въ присутствіи государя императора, который въ это время пріѣхаль навѣстить больного. Тотчасъ были сдѣланы распоряженія, дабы браннымъ останкамъ усопшаго оказать всѣ почести, которыя подобають его высокому сану и положенію. Въ гостиницѣ Демуть, гдѣ графъ остановился, вся его квартира, включая и лѣстницу, была обращена въ траурные покои, обита чернымъ крепомъ, и устроена парадная траурная зала. Въ 2 часа былъ выставленъ почетный караулъ предъ гостиницей Демуть отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Четыре офицера того же полка составляли почетный караулъ около гроба графа, а четыре унтеръ-офицера стояли у дверей его квартиры. Всѣ великіе князья и многія великія княгини пріѣзжали помолиться надъ прахомъ усопшаго. Въ день смерти графа, въ 7 часовъ вечера, въ парадномъ залѣ отслужили панихиду по покойномъ по православному обряду. Залъ былъ великолѣпно убранъ тропическими растеніями, а катафалкъ — свѣжими розами и фіалками, только что полученными изъ Ниццы. На панихидѣ присутствовали наслѣдникъ и великіе князья. Останки генераль-фельдмаршала были перевезены съ подобающими воинскими почестями въ лютеранскую церковь Св. Петра и Павла, что на Невскомъ проспектѣ, а потомъ съ тою же церемоніей отправлены изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Графа Берга я зналъ давно и довольно хорошо, такъ какъ во время моей службы въ главномъ штабѣ онъ занималъ должность генераль-квартирмейстера того же штаба. При моемъ вступленіи въ новую должность, графъ принялъ меня холодно, предполагая, что я занялъ мѣсто въ главномъ штабѣ по интригамъ и спихнулъ моего предшественника, полковника Петерсона, protégé графа Берга. Но вскорѣ онъ узналъ истину, самъ убѣдился, что дѣло пошло лучше во всѣхъ отношеніяхъ, и сталъ выказывать мнѣ свое полное распо-

ложе. Признаюсь откровенно, что во всей моей жизни въ лицѣ графа мнѣ удалось въ первый разъ встрѣтить человѣка съ такимъ обширнымъ, тонкимъ и дипломатическимъ умомъ. Правда, при преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, онъ мало прислушивался къ голосу сердца, но за то и не останавливался ни предъ какими препятствіями, не стѣснялся никакими средствами.

Къ торжествамъ по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Единбургскимъ въ Петербургъ пріѣзжалъ австрійскій императоръ Францъ - Іосифъ и оставался здѣсь около недѣли. Государь съ подобающими почестями встрѣтилъ въ Гатчинѣ императора Франца, съ которымъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ на улицахъ его ожидали толпы народа. Въ числѣ другихъ важныхъ сановниковъ, австрійскаго императора сопровождалъ его первый министръ графъ Андраши, обращавшій на себя общее вниманіе какъ своимъ чрезвычайно моложавымъ видомъ и стройною фігурою, такъ и роскошнымъ національнымъ венгерскимъ костюмомъ.

Францъ-Іосифъ съ удивительною энергіею осматривалъ все болѣе или менѣе выдающіяся достопримѣчательности города, ежедневно посѣщая три-четыре различныхъ заведенія и учрежденія; кромѣ того, онъ былъ участникомъ нѣсколькихъ баловъ, офиціаль-ныхъ обѣдовъ, парадныхъ спектаклей, охоты и прочихъ торжествъ, устроенныхъ по случаю его пріѣзда. Австрійскій императоръ былъ два раза въ высочайшемъ присутствіи на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ ему представлялись все находившіеся тамъ военные. Кромѣ того, на Дворцовой площади состоялся войскамъ парадъ, которымъ государь изволилъ командовать лично. При объѣздѣ фронта войскъ австрійскій императоръ ѣхалъ впереди, а государь слѣдовалъ сбоку и нѣсколько позади; при проходѣ же войскъ церемоніальнымъ маршемъ, государь, во главѣ свиты и собственнаго его величества конвоя, прослѣдовалъ мимо императора Франца-Іосифа, которому салютовалъ. Наканунѣ смотра были пожалованы австрійскіе ордена, по три на каждую отдѣльную часть и всеѣмъ начальствующимъ на смотру лицамъ, до командировъ отдѣльныхъ частей включительно; австрійскій императоръ пожелалъ, чтобы эти ордена были розданы войскамъ заблаговременно, дабы все вновъ пожалованные кавалеры могли быть на парадѣ въ орденахъ. Въ Петропавловскомъ соборѣ онъ былъ въ первый же день по пріѣздѣ и возложилъ вѣнокъ на гробницу императора Николая; кромѣ того, онъ посѣтилъ римско-католическій кафедральный соборъ и слушалъ мессу въ Мальтійской церкви Пажескаго корпуса. Изъ ученыхъ учреждений, въ числѣ другихъ, императоръ посѣтилъ инженерную академію и училище, горный институтъ и военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба; онъ съ большимъ интересомъ разсматривалъ карты нашего производства и выразилъ удовольствіе по поводу большихъ успѣ-

ховъ русскаго искусства; здѣсь же была представлена громадная зоологическая коллекція генеральнаго штаба капитана Пржевальскаго, который составилъ ее во время своихъ путешествій по Средней Азіи. Кромѣ того, Францъ-Іосифъ посѣтилъ Кронштадтъ, гдѣ осматривалъ доковое адмиралтейство, морское собраніе и морскую бібліотеку, а также форты крѣпости.

Вообще, какъ видно, австрійскій императоръ остался крайне доволенъ оказаннымъ ему приѣмомъ и пришелъ въ восторгъ отъ самого Петербурга. Принимая членовъ австрійскаго посольства, онъ съ одушевленіемъ воскликнулъ: «что за красивый городъ!»—что отчасти объясняется праздничнымъ нарядомъ столицы. Наши солдаты также чрезвычайно ему понравились, и онъ выразился о нихъ: «что за молодцы солдаты! въ жизни своей я еще не видалъ такихъ!». Въ честь царскаго гостя было устроено нѣсколько баловъ: въ концертномъ залѣ Зимняго дворца, у наслѣдника цесаревича, у великой княгини Маріи Николаевны, въ дворянскомъ собраніи и у князя Владиміра Бярятинскаго. Изъ Петербурга австрійскій императоръ уѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ дня два и осматривалъ достопримѣчательности нашей древней столицы, а затѣмъ отправился за границу.

Въ этомъ году лѣтомъ я воспользовался отпускомъ и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ у меня были родные, а оттуда въ Ковно къ дочери. Случайно здѣсь съѣхались нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ, въ кругу которыхъ мы провели нѣсколько пріятныхъ дней; остальное же время пользовались прекраснымъ воздухомъ и живописными окрестностями города, который лѣтомъ оживлялся, благодаря сборамъ войскъ въ лагерь. Я нашелъ здѣсь общество, знакомое мнѣ по прежнимъ приѣздамъ; изъ новыхъ лицъ я встрѣтилъ только вновь назначеннаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. И. Базилевскаго. Мы познакомились съ нимъ, при чемъ онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе: высокій, плотный брюнетъ, съ красивыми и выразительными глазами, онъ казался джентльменомъ какъ по внѣшности, такъ и по любезному и всегда внимательному отношенію ко всѣмъ, за что пользовался симпатіей ковенскаго общества. Въ Ковнѣ я прогостилъ мѣсяца полтора. Въ это время виленскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Потаповъ получилъ назначеніе шефомъ жандармовъ вмѣсто графа Шувалова и приѣзжалъ въ Ковно прощаться съ гарнизономъ города. По этому случаю былъ объѣздъ лагеря и зря съ церемоніей.

Генераль Потаповъ объѣзжалъ лагерь съ довольно большою свитою, послѣ чего остановился противъ середины лагеря и слѣзъ съ лошади. Въ это время здѣсь собрались всѣ оркестры музыки, а противъ нея стали въ одну линію, не бывшіе въ строю генералы, офицеры и мы всѣ; съ нами былъ и губернаторъ во фракѣ и съ

Владиміромъ на шеѣ. Потаповъ очень любезно раскланялся со всѣми, сталъ разговаривать съ нѣкоторыми лицами и съ дамами. Увидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и заговорилъ очень привѣтливо. Въ это время музыканты начали играть разныя пьесы; хоры сыгрались хорошо и достаточно стройно исполняли свои номера. Начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Зотовъ просилъ меня на чай, устроенный войсками для генерала Потапова. Мнѣ показалось страннымъ, почему генераль Зотовъ пригласилъ меня, а постоянно жившій въ Ковнѣ генераль-майоръ Лебедевъ не былъ приглашенъ. Неужели это только потому, что я знакомъ съ Потаповымъ, который къ тому же былъ весьма любезенъ со мною. Въ 9 часовъ, музыканты, горнисты и барабанщики исполнили зарю, послѣ чего ихъ отпустили, а мы вслѣдъ за генераломъ Потаповымъ отправились къ чаю въ весьма красиво убранный баракъ Донского полка, которымъ командовалъ полковникъ баронъ Дризенъ ¹⁾. Весь лагерь также былъ очень красиво убранъ зеленью, флагами и вензелями. Генераль Потаповъ сѣлъ играть въ карты съ губернаторомъ, генераль-майоромъ Веревкинымъ и еще съ кѣмъ-то, не помню. Когда я случайно подошелъ къ ихъ столу, Потаповъ предложилъ мнѣ играть съ ними пятымъ, но я поблагодарилъ его и отказался, подсѣвъ къ другой партіи. Тотчасъ послѣ зари дамы разъѣхались, такъ что оставалось одно мужское общество. Угощеніе было очень хорошее, и хозяйева весьма заботливо хлопотали о своихъ гостяхъ. Послѣ ужина генераль-адъютантъ Потаповъ опять подошелъ ко мнѣ и сталъ спрашивать о моихъ родныхъ, такъ какъ во время своей службы онъ имѣлъ дѣло со многими лицами нашей фамиліи, съ нѣкоторыми былъ хорошо знакомъ, съ другими вмѣстѣ служилъ. Начатыя за ужиномъ тосты продолжались и послѣ того; всѣ съ большимъ энтузіазмомъ пожелали генералу Потапову всего лучшаго на его новомъ поприщѣ. Онъ очень сердечно благодарилъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и, видимо, былъ тронутъ овациями, съ которыми его приняли и провожали. Вскорѣ послѣ ужина онъ уѣхалъ. Я также послѣдовалъ его примѣру, откланявшись и поблагодаривъ хозяевъ за сдѣланную мнѣ честь. На слѣдующій день въ домѣ губернатора генераль Потаповъ прощался съ военными, затѣмъ съ гражданскими чинами, духовенствомъ, кучествомъ и пр., послѣ чего уѣхалъ въ Вильно.

Въ концѣ іюля, я возвратился изъ Ковна въ Петербургъ, гдѣ было еще пусто, какъ всегда въ это время. Только мой старшій сынъ и весьма немногіе родные находились въ Петербургѣ, второй же сынъ былъ въ лагерѣ, большинство знакомыхъ на дачахъ, въ отъѣздѣ. Петербургскія развлечения лѣтомъ, въ сущности, довольно

¹⁾ Баронъ П. О. Дризенъ—цѣлѣ генераль-лейтенантъ, нач. 25 пѣх. дивизіи.
В. Ж.

однообразны и безсодержательны, и потому я скучновато проводилъ время до сентября, когда у меня снова начались занятія въ военно-судной комиссіи. Впрочемъ, въ августѣ, Петербургъ встрепенулся на нѣсколько дней, благодаря бракосочетанію великаго князя Владиміра Александровича и торжествамъ по этому случаю.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, мой второй сынъ, Владиміръ, служившій тогда полковникомъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку, былъ назначенъ командиромъ 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка въ Самару. Я былъ чрезвычайно радъ успѣхамъ въ службѣ сына, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сильно взгрустнулось при мысли о предстоявшей новой разлукѣ. Мы съ нимъ надолго почти никогда не разставались, а въ послѣднее время даже жили вмѣстѣ на одной квартирѣ,—естественно, что мнѣ было тяжело отпускать отъ себя сына надолго, быть можетъ, навсегда ¹⁾... Большой отрадой для меня предъ разлукою съ нимъ были проводы его въ полку. Общество офицеровъ устроило въ честь его вечеръ и просило меня также почтить своимъ присутствіемъ этотъ вечеръ. Мнѣ показалось нѣсколько неловкимъ, точно постороннимъ человѣкомъ, присутствовать на вечерѣ семеновскихъ офицеровъ, но ихъ депутатъ просилъ меня не отказать имъ въ этомъ удовольствіи, и я принялъ приглашеніе. Мы отправились въ офицерское собраніе вмѣстѣ съ Володей, который подъ звуки полкового марша былъ встрѣченъ командиромъ полка, свиты его величества генераль-майоромъ Эттеромъ, и всѣми офицерами. Я услышалъ здѣсь много лестныхъ отзывовъ командира и офицеровъ о службѣ Володи, объ его нравственныхъ качествахъ, какъ товарища, и пр., что меня тронуло отъ души. Когда подали шампанское, командиръ полка сказалъ спичъ по адресу сына и затѣмъ передалъ ему большой ящикъ орѣховаго дерева съ прекраснымъ серебрянымъ сервизомъ на 12 персонъ, съ монограммою на каждой вещи и съ надписью на серебряной дощечкѣ поверхъ крышки. Конечно, это еще болѣе тронуло сына, а мнѣ не менѣе того было радостно видѣть подобное доказательство расположенія къ нему товарищей. Послѣ этого мы сѣли играть въ карты. Затѣмъ была подана прекрасная закуска, во время которой снова пили шампанское и раздавались тосты въ честь Володи, Эттера и офицеровъ; не забыли и меня. Музыка играла весь вечеръ, а также во время закуски. Эти сочувственные проводы товарищей моего сына были и для меня большою утѣхою; мнѣ какъ будто легче было разставаться съ нимъ, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

До сихъ поръ я жилъ съ сыномъ въ его казенной квартирѣ. Теперь пришлось подыскать себѣ частную квартиру и поселиться уже совсѣмъ одинокимъ человѣкомъ,— не такъ, какъ бывало когда-

¹⁾ Дѣйствительно, разставшись съ сыномъ, дѣдъ съ нимъ болѣе не увидѣлся.
В. Ж.

то прежде... Мои занятія въ судной комиссіи продолжались попрежнему, но всеже у меня оставалось не мало свободнаго времени, которое я употреблялъ на чтеніе, посѣщеніе театровъ, родныхъ и знакомыхъ, кругъ которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшался все больше и больше. Меня самого тянуло изъ Петербурга, гдѣ изъ близкихъ у меня оставалось только одно семейство старшаго сына Николая, который, впрочемъ, самъ могъ ожидать перевода отсюда; но меня удерживало здѣсь судное дѣло, которое затянулось сверхъ всякихъ ожиданій. Мнѣ хотѣлось уѣхать къ дочери въ Ковно, провинціальная жизнь въ которомъ была бы для меня отдыхомъ на старости лѣтъ, не говоря уже объ удовольствіи жить вмѣстѣ съ дочерью и ея семьей.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года я ѣздилъ въ Ковно, гдѣ провелъ недѣли три и встрѣтилъ Пасху. Розговѣнье, вѣроятно, по мѣстному обычаю, происходило у губернатора, у котораго послѣ заутрени собралось человѣкъ полтора. Онъ весьма любезно угощалъ своихъ гостей, въ распоряженіи которыхъ оказались два стола, красиво убранные и богато уставленные всевозможными закусками, жаркими, мазурками, «плясками», фруктами, конфетами и разными произведеніями мѣстнаго искусства.

День рожденія государя пришелся въ четвергъ на Святой недѣлѣ, и въ этотъ день было молебствіе въ соборѣ, а затѣмъ церковный парадъ, конечно, весьма мизерный въ сравненіи петербургскими парадами. Войскамъ, участвовавшимъ въ парадѣ, городомъ было предложено угощеніе на соборной площади, и тутъ же губернаторъ провозгласилъ тостъ за государя, императрицу, наслѣдника и цесаревну. За этимъ тостомъ слѣдовало еще много другихъ за лицъ городской администраціи, военной и гражданской, что показалось мнѣ вовсе не кстати. Вѣроятно, порядочное количество бутылокъ шампанскаго соблазнило присутствовавшихъ, — не оставлять же ихъ нераскупоренными! Въ тотъ же день у губернатора былъ парадный обѣдъ, къ которому были приглашены высшіе представители гражданскаго вѣдомства, генералы, командиры частей и еще нѣсколько военныхъ лицъ; обѣдъ вполне соотвѣтствовалъ торжеству дня, шампанскимъ угощали немало. Вечеромъ состоялся балъ въ городскомъ клубѣ. Танцы шли весьма оживленно; передъ ужиномъ губернской предводитель дворянства предложилъ тосты за здоровье государя и царской фамиліи, послѣ чего снова предлагались тосты за постороннихъ лицъ. Вообще въ этотъ день шампанскаго пришлось выпить гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно случается въ табельные дни въ Петербургѣ.

Спустя мѣсяцъ по возвращеніи изъ Ковно, я переѣхалъ въ Павловскъ. Сначала я жилъ здѣсь одинъ, а потомъ со мною поселилось семейство моего сына Николая, съ которымъ я пріятно провелъ здѣсь лѣто. Снова очутился я въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, 55 лѣтъ тому

назадъ, проводилъ такъ весело и беззаботно юность воспитанникомъ главнаго инженернаго училища, когда мы стояли лагеремъ въ окрестностяхъ Павловска и занимались съёмками. Пріятно было взглянуть на знакомыя мѣста, но какъ много перемѣнъ я нашель здѣсь! Вокзалъ желѣзной дороги, масса дачъ, музыка на вокзалѣ, сама жизнь въ этихъ мѣстахъ — все было ново... Посѣтилъ я Розовый павильонъ, — и, Боже, сколько воспоминаній проснулось въ моей памяти! Когда-то мы танцевали здѣсь, обласканные вниманіемъ покойнаго государя Николая Павловича, тогда еще юнаго великаго князя, императора Александра I и всей царской фамиліи, а теперь никого изъ нихъ уже не было въ живыхъ, и на своихъ плечахъ я уже чувствовалъ восьмой десятокъ лѣтъ жизни. Тогда Розовый павильонъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ своему названію, такъ какъ былъ окруженъ громаднымъ количествомъ весьма красиво посаженныхъ розъ, которыя до самой крыши густо покрывали весь павильонъ; теперь же я не видѣлъ ни одного розанчика, только кое-какую зелень вокругъ...

Во время лѣта мнѣ приходилось довольно часто пріѣзжать въ Петербургъ на засѣданія моей судной комиссіи. Я употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы возможно больше подвинуть дѣло впередъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ цѣлью по окончаніи его совѣтъ, уѣхать изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, несмотря на видимую пользу дачной жизни, я заболѣлъ сильнымъ катаромъ желудка, осложненнымъ лихорадочнымъ состояніемъ. Сначала я не обратилъ на это особаго вниманія и, несмотря на нездоровье, поѣхалъ въ комиссію, но здѣсь почувствовалъ себя такъ худо, что вынужденъ былъ раньше времени закрыть засѣданіе; я едва дошелъ до квартиры сына (здѣсь же въ комендантскомъ управленіи), вмѣстѣ съ которымъ потомъ поселился. Благодаря осложненію болѣзни и большой слабости, пришлось долго пролежать въ постели и отказаться отъ всякихъ занятій. Моя прислуга и вещи позже возвратились съ дачи, которую я покинулъ такъ неожиданно. Въ октябрѣ, я снова, наконецъ, обратился къ дѣлу, а въ декабрѣ обвиняемому Шредерсу былъ уже представленъ окончательный начѣтъ въ 55 тысячъ рублей, которыя онъ и внесъ въ видѣ залога. Тѣмъ не менѣе другія обстоятельства дѣла еще не были выяснены къ этому времени, хотя члены комиссіи добивались возможно скорого окончанія дѣла.

Въ февралѣ слѣдующаго года, была получена бумага отъ главнаго военнаго суда съ просьбою поспѣшить окончаніемъ дѣла Шредерса; такое напоминаніе мнѣ было очень непріятно, и я рѣшилъ по этому поводу переговорить лично съ генераль-прокуроромъ статсъ-секретаремъ Философовымъ. Онъ принялъ меня прекрасно, и я объяснилъ ему, что бумагу, полученную отъ главнаго военнаго суда въ военно-судной комиссіи, какъ презусъ этой комиссіи, я считаю косвеннымъ замѣчаніемъ для себя. Но онъ возразилъ, что

это нисколько меня лично не касается, что это одна формальность, которая дѣлается вообще безъ всякой цѣли кого либо затрогивать, и просилъ меня нисколько не принимать ея на свой счетъ, такъ какъ онъ знаетъ, что дѣло у насъ ведется хорошо. Когда я всталъ, чтобы откланяться, онъ два раза поблагодарилъ меня за посѣщеніе, на французскомъ языкѣ представилъ меня своей супругѣ, которая при этомъ случайно вошла въ залу, и затѣмъ проводилъ меня до самыхъ дверей залы, несмотря на мою просьбу не беспокоиться. Однако въ послѣдствіи членъ главнаго военно-суднаго управленія тайный совѣтникъ Крыловъ говорилъ мнѣ, что противъ нашей временной комиссіи военного суда составила цѣлая коалиція, враждебно толковавшая всѣ ея дѣйствія.

Въ декабрѣ 1875 года, великая княгиня Марія Николаевна заболѣла. Несмотря на энергичныя мѣры и самый бдительный уходъ, состояніе ея здоровья въ началѣ февраля уже стало внушать очень серьезныя опасенія. Въ воскресенье, 8 числа, ждали распоряженія объ обычномъ разводѣ въ присутствіи государя въ Михайловскомъ манежѣ. Государь раньше назначилъ разводъ, но, въ виду опаснаго положенія здоровья великой княгини, окончательное распоряженіе о немъ было отложено до утра воскресенья. Поэтому у дежурнаго плаццъ-адъютанта были заготовлены двѣ записки: одна — на случай назначенія развода, другая — на случай отказа его. Послѣдовало приказаніе о назначеніи развода. Въ это время дежурный плаццъ-адъютантъ по дѣламъ службы находился въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца, а писарь, недолго думая, подписался за него, но не на той запискѣ, на какой слѣдовало, а на запискѣ объ отказѣ развода. Произошла страшная кутерьма. Государь узналъ о сдѣланномъ распоряженіи чрезъ начальника телеграфовъ генераль-майора Щелкова; немедленно послали контръ-ордръ, но все-таки многіе не были на разводѣ. Дежурившаго плаццъ-адъютанта арестовали; конечно, досталось писарю и другимъ виновнымъ.

9 февраля, великая княгиня Марія Николаевна скончалась, тѣло ея съ подобающею церемоніею перевезли въ Петропавловскій соборъ, гдѣ 13 числа состоялось погребеніе.

Весною я ѣздилъ въ Ковно къ дочери, мужъ которой въ это время получилъ новое назначеніе въ Житомиръ. Не зная навѣрное, скоро ли я освобожусь отъ своихъ дѣлъ въ Петербургѣ, я рѣшилъ воспользоваться Пасхою, чтобы въ послѣдній разъ побывать въ Ковно, такъ какъ поѣздка въ Житомиръ была бы гораздо затруднительнѣе: во-первыхъ, Житомиръ почти вдвое дальше отъ Петербурга, чѣмъ Ковно, а, во-вторыхъ, маѣ не хотѣлось откладывать свиданія съ семействомъ дочери предъ ея отъѣздомъ еще дальше отъ меня. По возвращеніи изъ Ковна, моя жизнь потекла прежнимъ мирнымъ порядкомъ; я жилъ скромно, изрѣдка пользуясь общественными развлеченіями, читалъ, насколько могъ, слѣдилъ за европей-

ской политикой, которая въ это время становилась все болѣе и болѣе интересною, благодаря событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1875 году, началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, жители которыхъ изнемогали подъ игомъ ненавистныхъ имъ турокъ. Этотъ вѣковой гнетъ варварской Турціи уничтожалъ всякую самобитность несчастныхъ сербовъ, и тѣ взялись, наконецъ, за оружіе. Возстаніе христіанъ было сочувственно встрѣчено многими у насъ въ Россіи, образовались разныя общества для сбора денегъ и вещественныхъ пожертвованій въ пользу угнетенныхъ, въ Сербію на защиту ея отправилось немало добровольцевъ. Но такъ какъ турки не прекращали своихъ вѣроломныхъ дѣйствій и звѣрствъ, то, по инициативѣ нашего государя, Россія, Австрія, Германія, Англія, Франція и Италія, чрезъ своихъ пословъ, потребовали прекратить бѣдствія славянъ, на что Турція согласилась, но не исполнила своего обѣщанія. Положеніе дѣлъ стало затруднительнымъ, гроза чувствовалась въ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что расположенный къ русскому вліянію султанъ Абдуль-Азисъ былъ свергнутъ съ престола, а Англія, подъ личиною нейтралитета, въ сущности, помогала туркамъ оружіемъ и деньгами. Государь твердо рѣшилъ тѣмъ или инымъ способомъ добиться побѣды христіанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ рука объ руку идти съ другими европейскими державами.

Въ январѣ ¹⁾ война уже казалась неизбежною; если о ней писали еще неопредѣленно, то говорили, по крайней мѣрѣ, довольно ясно. На выходѣ, 6 января, я встрѣтился въ Зимнемъ дворцѣ съ генералъ-адъютантомъ Тотлебенемъ, который разговорился со мною и, между прочимъ, спрашивалъ объ Э. А. Минде ²⁾. Я сказалъ, что послѣ нервнаго удара, поразившаго Эдуарда Александровича, несмотря на заграничную поѣздку, онъ все-таки очень нездоровъ, а теперешнія усиленныя работы много вредятъ его здоровью; поэтому ему необходимъ переводъ изъ Одессы, о чемъ онъ и просить. На это Тотлебенъ отвѣтилъ мнѣ, что имѣеть въ виду перевести Минде въ Петербургъ на мѣсто Тилло, но въ настоящее время это сдѣлать нельзя, потому что «Минде произвелъ всѣ оборонительныя работы въ округѣ, хорошо знаетъ все, что требуетъ отъ него правительство, и послать на его мѣсто новаго человѣка, можетъ быть, наканунѣ войны,—невозможно». Эдуардъ Ивановичъ просилъ меня написать Э. А. Минде, чтобы тотъ поберегъ пока свое здоровье, насколько это можно, а о переводѣ Тотлебенъ уже говорилъ съ военнымъ министромъ, который далъ свое согласіе и постарается возможно скоро его устроить.

Разговоръ съ Тотлебенемъ, который стоитъ близко къ правящимъ

¹⁾ 1877 года.

²⁾ Э. А. Минде былъ въ то время начальникомъ инженеровъ Одесскаго военного округа.

сферамъ и знаетъ многое, что намъ неизвѣстно официальнымъ путемъ, ясно указалъ на то, что война близка. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ была объявлена война Турціи.

Въ то время, когда на горизонтѣ европейской политики разрѣшались событія исторической важности, въ моей скромной жизни также совершалась перемѣна: покончивъ, наконецъ, занятія въ военно-судной комиссіи, я получилъ свободу, которая давала мнѣ возможность совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Оля писала мнѣ, что ждетъ меня съ нетерпѣніемъ и готвить новую квартиру, чтобы жить со мною вмѣстѣ, и я самъ чуть не считалъ дни, когда увижусь съ нею и ея семействомъ. Я спѣшилъ къ ней и потому, что Всеволодъ, въ виду войны, получилъ назначеніе ближе къ нашей юго-западной границѣ, и Оля оставалась въ Житомирѣ одна съ дѣтьми.

3 мая, мнѣ прислали изъ главнаго штаба бумагу, которая извѣщала о томъ, что мнѣ назначена субсидія въ 727 рублей 51 коп. Я недоумѣвалъ сначала, что это за «субсидія», а потомъ оказалось, что это и есть то самое «пособіе», въ видѣ котораго я долженъ былъ получить квартирные деньги за время нахожденія въ судной комиссіи; къ сожалѣнію, вмѣсто слѣдуемыхъ мнѣ почти 4,000 р. квартирныхъ денегъ, я получилъ только 727 рублей! Правда, теперь у правительства крайняя нужда въ деньгахъ, во всѣхъ субсидіяхъ и вспомошествованіяхъ положительно отказываютъ, но въ данномъ случаѣ я страдаю неповинно; все мое несчастье въ томъ, что дѣло кончилось въ такое тяжелое время.

И такъ, я уѣзжаю изъ Петербурга, въ которомъ прожилъ такъ долго, сначала счастливо, а подъ конецъ въ заботахъ и почти въ одиночествѣ. Я простился съ прахомъ моей дорогой жены, въ послѣдній разъ отслуживъ панихиду на ея могилѣ, навѣстилъ своихъ немногихъ родныхъ и друзей и теперь готовъ покинуть эти мѣста навсегда, чтобы поселиться съ дочерью и, наконецъ, отдохнуть на старости лѣтъ...

На этомъ кончаются воспоминанія дѣда. Вѣроятно, путешествіе по желѣзной дорогѣ и хлопоты съ переѣздомъ пріостановили его дневникъ, который онъ велъ такъ аккуратно. Послѣдній день дневника помѣченъ 25-мъ мая, но, какъ видно, уже второпяхъ, карандашемъ... Дѣду немного пришлось «отдохнуть на старости лѣтъ». Правда, осуществилась его мечта,—онъ переѣхалъ въ Житомиръ къ своей любимой дочери (моей матери), но въ нашемъ домѣ онъ прожилъ только недѣли три: 20 іюня 1877 года дѣдъ скончался. Здоровье его еще въ Петербургѣ сильно пошатнулось въ послѣднее время, и хотя по день смерти дѣдъ оставался на ногахъ, онъ чувствовалъ порядочную слабость и жаловался на боль въ лѣвомъ

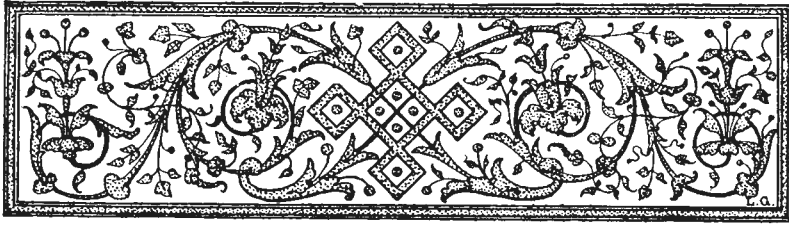
плечѣ и лѣвой сторонѣ груди. Пользовавшій его врачъ находилъ его вообще очень ослабѣвшимъ и предупреждалъ, что его жизнь едва ли будетъ продолжительна. Весьма возможно, что незначительный случай настолько сильно его встревожилъ, что былъ отчасти причиною его скорой смерти.

Одинъ изъ мальчиковъ, игравшихъ на сосѣдномъ дворѣ, попалъ подъ припертыя къ забору ворота, которыя упали и придавили его. Прислуга сосѣдей, не разобравъ, кого ушибли ворота, прибѣжала сообщить моей матери, что несчастіе случилось съ однимъ изъ насъ, дѣтей. Мать въ это время сидѣла съ дѣдомъ и хотя была вызвана горничною въ другую комнату, но та слишкомъ громко передала о случившемся и сказала, что кто-то изъ насъ «убить». Конечно, мать, сильно встревоженная и не помня себя отъ страха, побѣжала тотчасъ къ мѣсту происшествія, но оказалось, что ворота придавили чужого мальчика, который къ тому же отдѣлался только небольшимъ ушибомъ и испугомъ. Между тѣмъ дѣдъ услышалъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ изъ тревожнаго сообщенія прислуги, сильно испугался и долго не могъ прійти въ себя, несмотря на успокоеніе матери. Когда же мать зачѣмъ-то вышла изъ его комнаты и вскорѣ снова вошла къ нему, то застала дѣда уже мертвымъ... Врачъ опредѣлилъ, что онъ скончался отъ разрыва сердца.

Только три недѣли дѣдъ наслаждался покоемъ въ домѣ моей матери, о чемъ мечталъ давно. Мать, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиміромъ Константиновичемъ, пріѣхавшимъ въ Житомиръ на погребеніе дѣда, отвезли его тѣло въ Петербургъ, съ которымъ дѣдъ еще такъ недавно передъ тѣмъ прощался. Собрались его дѣти, родные, друзья и съ искреннею скорбью опустили его прахъ въ могилу на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ еще при жизни имъ было куплено мѣсто рядомъ съ могилою его жены.

Викторъ Жерве.

ВЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ КОЛОНИИ.

ОБЫТИЕ! Браво! Михаилъ Ивановичъ, котораго я считала безвозвратно погибшимъ для меня, наконецъ вынырнулъ и заявилъ о своемъ существованіи, да еще гдѣ? Вотъ бы не отгадали... Получивъ его письмо, я, какъ бомба, влетѣла къ моей подругѣ Лелѣ: угадай, говорю, на какомъ берегу бросилъ якорь нашъ молчаливикъ, нашъ несравненный увалень Мишенька?

Она только глаза таращила отъ недоумѣнія и сейчасъ, по обыкновенію, вздернула плечиками, надула губки и обиженнымъ тономъ замѣтила: вѣчно ты говоришь загадками! Объяснись, если хочешь сообщить, что нибудь серьезное.

— На, читай!—сказала я, достаточно насладившись нетерпѣніемъ Лели, и протянула ей письмо.

— Шура, да это прелесть!—крикнула она:—уже теперь на меня пахнуло чѣмъ-то другимъ, свѣжимъ, оригинальнымъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось побывать въ колоніи! Онъ приглашаетъ тебя пріѣхать... Неужели ты не воспользуешься случаемъ, неужели тебя не интересуетъ это дѣло?

— Какъ тебѣ сказать? Разумѣется, интересуетъ. Любопытно взглянуть на омужичившихся интеллигентовъ: какимъ это образомъ они умудрились пятиться назадъ?

— Ты все иронизируешь!—обидчиво сказала Леля,—а, помо-ему, такъ они живутъ настоящею жизнью. Ну, скажи, скажи ты сама,—воинственно приступила она ко мнѣ,— ну, можетъ ли наша

жизнь назваться жизнью? Карты, сплетни, флирт!.. Скука, а если говорить правду, то и гадость!

— Положимъ,— сказала я,— мы великихъ дѣлъ не вершаемъ, съ неба звѣздъ не хватаемъ, но за то и въ навозъ не лѣземъ... Подожди, не горячись,— спокойно прибавила я, замѣтивъ, что кончики ушей покраснѣли у Лели—признакъ бури:—обсудимъ вопросъ со всѣхъ сторонъ: я такъ же, какъ и ты, моя милая, симпатизирую всякому прогрессивному движенію — да! А въ чемъ по-твоему состоитъ прогрессъ — ну-ка, скажи?.. Подожди, я сейчасъ сама вспомню формулу...—Я закрыла глаза и скороговоркой, чтобы не сбиться, прочитала: «развитіе личности въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости»... такъ, кажется?..

Леля утвердительно кивнула головой, принимаясь за прерванное вышиванье...

— Хорошо! приложимъ теперь къ этой мѣркѣ идею колонистовъ... гдѣ письмо?... давай! Г-мъ! жить по правдѣ и совѣсти... Погоди, это не подходитъ... Тутъ какая-то путаница, Леля, я никакъ не могу найти главной сути!..

— Ты сегодня положительно поглупѣла, Шура! Ну, чего ты ищешь? Развѣ не ясно? Развитие личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи — разъ! Гдѣ, по-твоему, личность можетъ шире, нормальнѣе развиваться, какъ не въ деревнѣ, гдѣ физическій трудъ даетъ просторъ ея силамъ, какъ не въ общинѣ, гдѣ всѣ нравственно связаны между собой?..

— Пстой! пстой!—прервала я:—вотъ тутъ главнымъ образомъ подчеркнуто, что они поставили нравственное самоусовершенствованіе краеугольнымъ камнемъ дѣла... Понимаешь? А умъ — за штатомъ — что ли? Нѣтъ, воля твоя, а тутъ что-то не ладно! А почему? Взгляни-ка ты на Западную Европу... Тамъ человѣкъ бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы стать на ступеньку выше и комфортомъ овладѣть и досугъ имѣть, чтобы можно было жить почеловѣчески, а не только о хлѣбѣ единомъ заботиться... Это я понимаю! По-моему, если нашъ русскій интеллигентъ хочетъ дѣло дѣлать, то нечего ему спускаться до уровня прозябанія массы, а нужно возвышать ее до себя, пробуждать въ ней инстинкты добропорядочной жизни... Возьми хоть датскаго или норвежскаго крестьянина... Какая разница въ обстановкѣ, въ требованіяхъ, по сравненію съ нашимъ! А въ Швейцаріи?.. У насъ и культурные люди такъ не живутъ, какъ у нихъ крестьяне.

— Ну, такъ чтожъ изъ этого? Я не понимаю, куда ты клонишь.

— А туда и клоню, что не нравится мнѣ это наше русское самоотреченіе, или, какъ тамъ его называютъ — опростѣніе! Возьми хоть Михаила Иваныча: человѣкъ, безъ сомнѣнія, честный, трудолюбивый, могъ бы, кажется, быть культурнымъ работникомъ въ жизни.

Неужели у насъ для интеллигенціи только и дѣла, что землю пахать?.. А просвѣщеніе, а наука, а искусство?... кто за это долженъ браться по-твоему? Кто долженъ проводить здравые принципы въ тьму невѣжества? Кто, спрашиваю я, если лучшіе и честнѣйшіе пойдутъ землю пахать?

Я такъ разгорячилась, что даже выхватила у Лели противную работу, а она, взглянувъ на меня, расхохоталась...

— О, да я вижу, что ты и въ самомъ дѣлѣ возгорѣлась! Ужъ не сталъ ли твой прежній поклонникъ милѣ... вдали-то?

— Милѣ! Онъ всегда былъ мнѣ милъ... Я хоть и смѣялась надъ нимъ, а всегда отличала его отъ... щелкоперовъ. Въ немъ золотое, правдивое сердце — и за то я его люблю... да люблю!

— О, это было бы такъ хорошо! — обрадовалась Леля...

Къ концу вечера мы пришли къ убѣжденію, что иначе и быть не можетъ... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ киснуть въ нашемъ захолустьѣ, когда можно посмотрѣть жизнь? Какъ бы то ни было, а это все-таки оригинально, поѣхать въ колонію, а если взять во вниманіе, что тамъ Михайлъ Иванычъ, то моя поѣздка пріобрѣтаетъ особый интересъ... И такъ мы рѣшили...

II.

У насъ уйма работы. Во-первыхъ, долой цивилизацію, моды и все такое! Мы съ Лелей собственноручно шьемъ сарафаны и русскія рубашки... Нельзя же явиться въ колонію въ модныхъ платьяхъ... Лелю очень смущаютъ ея кудряшки.

— Послушай, Шура,— сказала она, смотрясь въ зеркало:—тамъ вѣдь люди серьезные, солидные, какъ они посмотрятъ на это?

Она попыталась пригладить свои волосы, но стала такой смѣшной, что мы обѣ расхохотались... Какъ ни какъ, а придется остаться, но тутъ меня осѣнила гениальная мысль.

— Эврика!—воскликнула я, закруживъ Лелю по комнатѣ:—развѣ крестьянки ходятъ простоволосыя... на работѣ-то!

Я сейчасъ достала бѣлый платокъ и повязала ей голову, и что за прелесть вышла — настоящая Галя!

— Очень хорошо! впечатлѣніе такое, будто у тебя короткіе волосы... право!

Мы накупили ситцевыхъ платковъ,— я красныхъ, что мнѣ къ лицу,—и произвели большой эффектъ, появившись въ гостиной въ нашихъ сарафанахъ; хотя мнѣ ужасно хотѣлось выкинуть какуюнибудь штучку, но памятуя, что крестьянки народъ солидный, я замедлила свои движенія, стараясь быть важной, чинной. Всѣ наши, что къ намъ удивительно идутъ эти костюмы, и что не мѣшало бы намъ появиться на... костюмированный балъ!.. Глупцы! у нихъ все шутки да усмѣшки! Что касается меня, то, должно быть, сара-

фантъ обладает чудодѣйственной силой. И стала серьезнѣе, идейнѣе... О Лелѣ же и говорить нечего!..

— Слава Богу!—сказала мама, когда я ей сообщила о своемъ намѣреніи ѣхать въ земледѣльческую колонію:—мало ты фантазировала! Куда ты годишься землю пахать?—и при этомъ добродушно разсмѣялась.

— Ужъ лучше, мама, землю копать, чѣмъ мостовыя шлифовать!

Я ужасно люблю свою маму, и въ особенности за то, что она не стѣсняетъ меня и даже защищаетъ передъ братомъ: ничего, говорить, пусть уходится! Какъ замужъ выйдетъ, всѣ фантазіи пройдутъ. Милая мама!

— Вы ей слишкомъ много воли даете,—недовольно ворчитъ Гриша:—оттого она и дурить.

Терпѣть не могу его важнаго, напыщеннаго вида, его противныхъ разговоровъ о приличіяхъ. А чѣмъ я не прилична—скажите на милость! Тѣмъ, что смѣюсь громче, чѣмъ это принято въ гостиныхъ, не умѣю чинно сидѣть, сложивъ ручки на животикѣ, выпрямивъ станъ и съ сахарной улыбкой на медовыхъ устахъ отвѣчать, потупивъ очи долу: да-съ! нѣтъ-съ!—какъ эта разряженная кукла Катенька Золотова.

Вотъ никогда бы не стала женою такого скучнаго субъекта, какъ Гришенька... Можете себѣ представить, что онъ говоритъ?..

Да что повторять всякія архаическія разсужденія... Возьмите «Домострой», и вы получите понятіе о мнѣніяхъ моего брата касательно женщинъ... И одинъ разъ совершенно серьезно спросила его, не думаетъ ли онъ, что живетъ во времена Іоанна Грознаго.

Когда онъ, какъ мнѣ показалось, заинтересовался Лелей, и ея глазки самодовольно блистали при его ухаживаніи, я ей напрямикъ заявила, что не захочу имѣть съ ней ничего общаго, если она посмѣетъ плѣниться моимъ единоутробнымъ братомъ. Леля удивленно посмотрѣла на меня и смѣясь сказала: неужели ты полагаешь, что я слѣпа и хоть капельку могу идеализировать этого медвѣдя... я не люблю практиковъ, а вскружить имъ голову—почему нѣтъ!

— О, если только въ этомъ дѣло,—сказала я,—то благословляю тебя... на успѣхъ! Такихъ господъ стоитъ немножко поморочить... Сбить имъ спесь!

Леля на это мастерица—я знаю... Я и сама не прочь поводить за носъ... глупцовъ... Это весело и хоть немножко разнообразить нашу скучную жизнь... То-то бывало у насъ съ Лелей хохоту, когда мы сойдемся да разговоримся о томъ, какъ ловко ловимъ на нашу женскую удочку кокетства разную рыбицу, сирѣчь, сильную половину человѣческаго рода... а по-моему мы, женщины, куда сильнѣй! Сидишь себѣ на бережку да любишься, какъ барахтается на крючкѣ доврѣчивый карась. Прелесть! Я знаю, что насъ могутъ принять за очень легкомысленныхъ и даже жестокихъ дѣвушекъ,—

а это не правда. Во-первыхъ, кто же не любитъ удовольствій, которыя современная педагогика ставитъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія, а, во-вторыхъ, и мужчины тоже не лучше насъ. Вотъ хоть бы взять моего брата... Его женщины любятъ, хотя я, право, не знаю, за что. Леля говоритъ—за его нѣжные, мягкіе глаза... Пожалуй! Я прибавлю при этомъ—и за лесть... Да, онъ любитъ льстить женщинамъ, потому что, какъ котъ, нѣжится въ атмосферѣ женскихъ ухаживаній—я не разъ замѣчала, какъ онъ флиртуетъ глазами съ дамочками, которыя увиваются вокругъ него... А если бы онѣ слышали, какъ онъ потомъ отдѣлываетъ ихъ же! Вотъ это-то и подло, это меня и бѣситъ... Да если бы я была на мѣстѣ Лели, я бы такъ втюрила его—ой-ой-ой! А потомъ бы и антраша дала. Леля раскисляй, боится шагнуть посмѣлѣй—совѣсть, говоритъ, не позволяетъ, а при чемъ тутъ совѣсть? По отношенію къ такимъ господамъ, какъ мой братъ и подобные ему, никакой совѣсти не подобаешь имѣть—очень ужъ они толстокожи! Другое дѣло—Михаилъ Иванычъ... такихъ людей надо беречь... они деликатны, нѣжны, честны... до умопомраченія... Хотя я и кокетничала съ нимъ въ былое время, но безъ всякой задней мысли... я дѣйствительно хотѣла полюбить его, а онъ поторопился—не далъ мнѣ времени толкомъ разобраться въ себѣ и уѣхалъ... Мнѣ стало грустно... Единственный человѣкъ, котораго я искренно уважала, исчезъ съ моего горизонта. Это было вскорѣ по окончаніи гимназіи, я была совѣмъ молода, да и онъ еще мальчишка, хотя лѣтъ на пять старше меня. Не права ли я была, отвѣтивъ на его пылкое признаніе: намъ рано еще думать о женитьбѣ. А онъ принялъ это за рѣшительный отказъ и уѣхалъ, даже не простившись со мной... и вдругъ послѣ четырехъ лѣтъ молчанія—письмо! Я была бы теперь глупа, если бы не поѣхала за нимъ, т. е. въ колонію. Почему-то мнѣ кажется, что его отношенія ко мнѣ не измѣнились, а это очень много значить въ наше безчувственное время. Быть вѣрнымъ своей первой любви—если бы сердце у меня было изъ камня, то и тогда бы оно тронулось... Но и, помимо всего, Мишеньку я всегда выдѣляла изъ толпы своихъ поклонниковъ.

Воображаю его радость, когда онъ получитъ мое письмо. Я увѣрена, что онъ совѣмъ не ожидаетъ меня... Что же, разъ Миша увлекся этимъ дѣломъ, то, пожалуй, оно и въ самомъ дѣлѣ хорошее, а если оно хорошее, то нужно поддерживать: только почему это, несмотря даже на сарафанъ, мой смѣтливый бѣсенокъ нѣтъ-нѣтъ, да и вынырнетъ и, среди самыхъ добросовѣстныхъ размышленій, что вотъ молъ и я наконецъ стану въ ряду борцовъ за правду, скорчитъ гримасу и подшучиваетъ надъ всею нашею затѣей... А вѣдь я въ самомъ дѣлѣ хочу проникнуться идеей, не потому, конечно, что Михаилъ Иванычъ служитъ ей, а потому, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ жить въ пустотѣ!. Леля, та въ этомъ отношеніи куда счастливѣе ме-

ня: она такъ беззавѣтно прониклась духомъ трудовой жизни, что уже принялась за хозяйничанье—начала мыть полы, стирать. И какъ, говорить, весело бываетъ послѣ того, какъ наработаешься! И скуки меньше и чепуха въ голову не лѣзетъ. А я фланирую и иногда безъ смѣха не могу смотрѣть на усиліе Лели опроститься. Она все это продѣлываетъ всерьезъ, а я... впрочемъ, думаю, что и я тамъ... проникнусь.

Мы скоро будемъ готовы, да и погода пока пошаливаетъ. Какъ совсѣмъ повѣтеть весной, махнемъ въ Одессу, а оттуда на пароходѣ въ Новороссійскъ... Если говорить правду, то меня теперь больше интересуетъ путешествіе и ожиданіе, что увижу горы; ради этого одного стоитъ потрудиться въ колоніи... Мама увѣрена, что я тамъ и мѣсяца не пробуду, а я увѣряю ее, что останусь все лѣто... Увидимъ—будущее скажетъ.

III.

Какъ все-таки грустно уѣзжать! Я стала удивительно кротка и добронравна. Даже съ Гришей перестала пикироваться. Онъ примирился съ моей фантазіей и уже не изображаетъ изъ себя огорченнаго ментора.

И и Леля положительно стали героинями дня. Надъ нами хотя и подсмѣиваются, а все-таки не могутъ отказать въ удивленіи и даже нѣкоторомъ почтеніи. Какъ ни какъ, а согласитесь, что въ нашей поѣздкѣ въ колонію есть нѣчто неординарное: барышни, бѣлоручки, да притомъ съ достаткомъ, ѣдутъ за тридцать земель... к-селя ѣсть.

Я такъ прониклась за этотъ мѣсяцъ идеей, что себя не узнаю: ораторствую, кипячусь, защищаю колонію, какъ свое собственное дѣтище. Одно мнѣ не нравится: отчего Михаилъ Ивановичъ не описываетъ болѣе подробно всю ихъ жизнь, а отдѣливается общими фразами: мирно, любовно... работаемъ. Меня подозрѣнія берутъ: развѣ можно повѣрить, что на землѣ есть рай?

Леля не сомнѣвается; она недавно проговорила, что надѣется тамъ встрѣтить челоѣка, который и т. д... Теперь я понимаю, откуда у нея столько прыти набралось. Наши тайныя желанія совпадаютъ, только у меня все дѣло на реальной подкладкѣ, а у нея воздушные замки. Она навѣрное мечтаетъ покорить сердце самаго умнаго, самаго выдающагося, самаго лучшаго изъ всѣхъ... А что если таковой занять уже?

За Михаила Ивановича я увѣрена. Въ его письмѣ звучатъ такія радостныя ноты по поводу моего приѣзда, что мое сердечко затрепетало... Михаилъ Ивановичъ, вы сами летите на огонь, не спасуйте второй разъ!

А что если онъ не интересуется мною попрежнему, если увлекся другой женщиной? Ну, чтожъ, это будетъ еще веселѣе. Всегда дороже то, что достается послѣ борьбы...

IV.

Море и небо, небо и море, а справа синѣть извилистая полоса Крыма. Погода, противъ ожиданія, чудесная. Я и Леля—въ восхищеніи!

Такъ хорошо чувствовать себя совершенно свободной, вдали отъ мелочныхъ интересовъ и обычныхъ людей... Пассажировъ мало... Пароходные служащіе поглядываютъ на насъ, но мы рѣшили ни съ кѣмъ не знакомиться—ну ихъ! Мы усаживаемся вдвоемъ на кормѣ и любимся широкою далью моря.

Мы такъ увлеклись имъ и нашимъ приподнятымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, что совершенно позабыли цѣль нашего путешествія, по крайней мѣрѣ, перестали говорить о ней, такъ что когда пароходъ вошелъ въ Новороссійскую бухту, и мы вспомнили, что конецъ блаженству, то стало какъ-то жутко. Жаль, что я извѣстила Михаила Иваныча о днѣ выѣзда, а то бы мы махнули до Багума, а потомъ ужъ въ колонію.

Онъ дѣйствительно былъ на берегу... Я окинула его бѣглымъ взглядомъ—ничего, не дурень; если измѣнился, то къ лучшему: лицо стало мужественнѣе, а глаза тѣ же—вдумчивые, ласковые, но какъ будто подернутые дымкой грусти... Мнѣ сразу стало весело.

— Послушайте, дружище, вы вѣдь совсѣмъ европеецъ!— сказала я, оглядывая его костюмъ, когда мы, наконецъ, усѣлись на тряскую смѣшную таратайку.

— А вы что же думали?

— Воображали васъ настоящимъ мужикомъ — въ лаптяхъ, съ подоплкой и... все прочее!

— Неужели вы и работаете такъ?— наивно спросила Леля, дотрогиваясь до рукава его пальто:—женщины тоже такъ одѣваются?

— Нѣтъ, мы только въ городъ ѣздимъ такъ... а дома просто.

— Вотъ какъ! Значитъ вы не признаете «опростѣнія», а мы думали...

— Чтожъ продолжайте, что вы думали?

— Мы думали, что вы главнымъ образомъ занимаетесь опростѣніемъ!— расхохоталась я.

— Вы все та же шутница, Шура, — произнесъ онъ, смущаясь подъ моимъ взглядомъ.

Ахъ, развѣ я виновата, что мой бѣсенокъ показалъ свою смѣшливую рожицу и подталкивалъ меня на штучки! Но къ моему счастью нашъ чудесный экипажъ подкатилъ къ не менѣе чудесному замку, то-есть къ постоялому двору, гдѣ имѣли обыкновеніе останавливаться господа колонисты. Ну, ужъ и грязища же тамъ! Я никогда не выдавала такой. Михаилу Ивановичу пришлось избавить изъ себя носильщика такого хрупкаго товара, какъ я и Леля, потому что мы не испытывали никакого желанія завязнуть по ко-

лѣна въ болотѣ... Что хохоту было! Вышла хозяйка — дебелая, ро-слая женщина съ хитрыми, смѣтливими глазами и удивительнымъ, словно пуговица, носомъ... Мы помѣстились въ очень маленькомъ номерѣ, гдѣ, кромѣ кровати и стола, ничего не было. Это намъ ужасно нравилось — это уже пахло опрощеніемъ — не такъ ли? Преодѣвшись, мы вышли въ столовую къ Михаилу Иванычу... Собственно это была не столовая, а общая, гдѣ ночлежники платили за койки. Михаилъ Иванычъ тоже помѣстился въ общей, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человекъ, такъ что мы снова втроемъ забрались въ нашу клѣтку... Я и Леля забрасывали Михаила Иваныча вопросами о колонистахъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, но онъ не далъ никакихъ обстоятельныхъ объясненій, изъ чего я сдѣлала выводъ, что закваска не готова... Большую часть вечера мы провели въ воспоминаніяхъ прошлаго...

V.

Выѣхали въ колонію на зарѣ, чтобы къ вечеру поспѣть на мѣсто. Цѣлый день провели среди горъ, то поднимаясь, то опускаясь по извилистой дорогѣ... Природа роскошная — горы сплошь покрыты лѣсомъ, рѣчки и ручьи встрѣчаются на каждомъ шагу... Полдничать мы остановились на перевалѣ, гдѣ расположились въ такъ называемой инженерской хаткѣ; сквозь стѣны, сшитыя изъ вѣтокъ, дуло самымъ немилосерднымъ образомъ. Михаилъ Иванычъ набралъ дровъ, чтобы растопить огонь и сварить чай. Оставивъ его хозяйничать, мы отправились гулять... Буквально дикій восторгъ охватилъ насъ, когда предъ нами открылась широкая перспектива залитыхъ солнцемъ горъ, которую мы привѣтствовали звонкимъ крикомъ свободной души. Взявшись за руки, мы пустились въ низъ по черкесской тропѣ, гдѣ слышалось веселое журчанье ручья. Сообразивъ, что прямая линія короче ломаной, мы не послѣдовали вправо за тропинкой, а махнули напрямикъ: вотъ тутъ-то насъ атаковало безчисленное множество колючихъ растений; они хватали насъ за платья, за волосы, за ноги, царапали руки, какъ будто возмущенныя, что двѣ смѣлыя дѣвушки осмѣливаются проникнуть въ таинственную, нетронутую глубину лѣса... Это было уморительно, и насъ обуялъ гомерическій хохотъ, который мѣшалъ нашей борьбѣ съ врагами... Какъ извѣстно, борьба разгорячаетъ, и намъ, во что бы то ни стало, хотѣлось побѣдить неожиданныя препятствія, и хотя съ трудомъ, но мы все-таки подвигались впередъ до тѣхъ поръ, пока попали въ такую заросль, что должны были сдать; пришлось отказаться отъ мысли посѣтить волшебный зѣмокъ, такъ тщательно охраняемый вѣрными стражами, и ретироваться обратно, но въ какомъ видѣ!.. Платья изорванныя, волосы растрепанные, лица покраснѣвшія; но глаза наши блистали такимъ удовольствіемъ, а грудь была наполнена такимъ блажен-

ствомъ, что мы въ одинъ голосъ такъ закричали, что Михайль Иванычъ выбѣжалъ посмотрѣть, не случилось ли съ нами какой бѣды... Завидѣвъ насъ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— А что попробовали кавказскаго лѣса?

— Да, онъ коваренъ! — отвѣтила я. Миѣ на мгновеніе стало неловко, что вотъ онъ видитъ меня въ такомъ безпорядкѣ, но когда я замѣтила, съ какимъ неподдѣльнымъ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на меня, — я забыла все на свѣтѣ.

Никогда я не была такъ счастлива, какъ тамъ, на верхушкѣ горы, любуясь коричневыми съ зеленымъ пушкомъ горами; на самыхъ высокихъ вершинахъ ослѣпительно блестѣлъ снѣгъ; тамъ, откуда не было видно никакого признака человѣческаго существованія, я была безгранично счастлива, сознавая, что то, что я вижу, — мое; мое — потому что я люблюсь этимъ, потому что я вдыхаю животельный воздухъ горъ, мое — до тѣхъ предѣловъ, куда хватаетъ глазъ... Ахъ, въ этомъ созерцаніи природы есть что-то упоительно прекрасное и высокое — кажется, будто духъ живого Бога вѣетъ надъ тобою и призываетъ душу въ необъятное царство вѣчной красоты и правды.

Однако, пора спустить тонъ, потому что наши костюмы хотя, можетъ быть, и гармонировали съ природой, во всякомъ случаѣ отказывались гармонировать съ порядочностью и благопристойностью; выпроводивъ самымъ безцеремоннымъ образомъ Михаила Иваныча, послѣдовавшаго за нами, мы достали нитки, иголки и принялись за ремонтъ, послѣ котораго напились чаю, подкрѣпили болѣе существенной пищей наши организмы и стали собираться въ дальнѣйшій путь. По правдѣ сказать, никому изъ насъ не хотѣлось уѣхать изъ этого мѣста, а Михайль Иванычъ особенно уныло сообщилъ, что это наша послѣдняя остановка... Остальная дорога не была такъ весела... Мы всѣ больше молчали, и беззаботность, осѣнявшая все время лицо Михаила Иваныча, смѣнялась угрюмою сдержанностью; такая метаморфоза заставила меня подтолкнуть Лелю и кивкомъ головы указать на этотъ многозначительный въ моихъ глазахъ фактъ.

VI.

Пріѣхали мы въ колонію, когда солнце уже сѣло. Всѣ колонисты — числомъ восемь, кромѣ Михаила Иваныча, — встрѣтили насъ на крыльцѣ; четыре мужика и четыре бабы, какъ они сами величаютъ себя.

Читатель навѣрное ждетъ, что я познакомлю его съ обитателями колоніи, съ ихъ физіономіями, манерами, индивидуальными особенностями и проч., что обыкновенно считаютъ нужнымъ описывать повѣствователи, и что, говоря между ними, я имѣю обыкновеніе пропускать; читая интересный романъ, напимѣръ, я мало

интересуюсь, какой у кого носъ, какой складъ губъ и проч., меня главнымъ образомъ интересуеть интрига и развитіе ея... Я не послѣдую общему правилу, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи очертить нѣсколькими штрихами главарей—это сейчасъ видно—дѣла. Овъ, или Василій Ѳедоровичъ—основатель колоніи—высокій широкоплечій мужчина, въ сѣрой русской рубахѣ, высокихъ сапогахъ, имѣетъ лѣтъ за сорокъ. Благообразное русское лицо съ голубыми, умными, но холодными, какъ сталь, глазами, съ окладистой сѣдой бородой, внушаетъ почтеніе, которое я сейчасъ же ощутила, смиренно опустивъ глаза передъ его пронизательнымъ взглядомъ... Она, или Зоя Андреевна—маленькая, юркая, почти такихъ же лѣтъ женщина, съ манерами институтки; почти такъ же часто подымаетъ вверхъ свои восторженные сѣрые, красивые глаза, произноситъ: ахъ! и при этомъ слѣдить, какое получается впечатлѣніе; она сохраняетъ почти всегда на лицѣ привѣтливую улыбку, подслащиваетъ голосъ и обращается ко всѣмъ на ты; любитъ также употреблять уменьшительныя и даже ласкательныя имена... Къ ней, несмотря на почтенный снѣгъ, украсившій пышную шевелюру изъ короткихъ волосъ, обрамлявшихъ высокий лобъ, я не испытала никакого внутренняго почтенія и потому смѣло выдержала инквизиторскій, то-есть, простите, я хотѣла сказать, наблюдательный взглядъ. Молодежи, включая сюда и Михаила Ивановича,—три человѣка; всѣ остальные средняго возраста... Лица, особенно женщинъ, поразили меня своимъ усталымъ и почти безжизненнымъ видомъ; только лицо Зои Андреевны сіяло.

Все это я замѣтила въ первый вечеръ за чаемъ, но интереснаго ничего не произошло; говорили о лопатахъ, грабляхъ и другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, въ которыхъ я ни бельмеса не смыслю, тѣмъ болѣе, что была поглощена наблюденіемъ за Михаиломъ Ивановичемъ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Куда дѣвалась его игривая веселость, его искренній смѣхъ, непринужденныя манеры? Я инстинктивно стала оглядывать углы—не увижу ли какой предметъ, который объяснилъ бы мнѣ причину метаморфозы... Но, нѣтъ! всѣ углы пустовали и самымъ беззащитнымъ образомъ выказывали сырость. Тогда я стала пялить глаза на остальныхъ... то же уныніе и та же сдержанность! Мнѣ вдругъ захотѣлось, да такъ сильно, что поджилки затряслись, выкинуть какую нибудь штучку, сказать смѣшное слово, залиться неудержимымъ смѣхомъ... и вдругъ! не могу, точно что-то внѣшнее меня удерживаетъ.

Этотъ первый вечеръ произвелъ и на Лелю не менѣе тягостное впечатлѣніе... Когда мы, наконецъ, остались вдвоемъ въ нашей комнатѣ, я встрѣтила ея недоумѣвающій и какой-то тусклый взглядъ...

— Что ты приуныла?—не безъ ироніи спросила я ее. Въ душѣ я торжествовала. Мой здравый, положительный взглядъ на вещи

подтвердился самымъ реальнымъ путемъ, въ ущербъ туманной мечтательности моей подруги.

— Такъ, ничего, я устала и хочется спать, — уклончиво отвѣтила она и стала раздѣваться, очевидно не желая признаться въ своей ошибкѣ...

Вѣдь она мечтала о героѣ, необыкновенныхъ подвижникахъ, ну, а настоящее далеко уступало такому представленію... Однако, пора послѣдовать примѣру Леди... Кажется, что здѣсь встаютъ рано, по звонку... вотъ ужасъ!

Прощай, мой милый, сладкій утренній сонъ! Тебя завтра жестоко нарушить дѣйствительность. Прощай, моя комфортабельная постель!.. воображаю, какъ будутъ бока болѣть послѣ соломы... Ледя, кажется, не спитъ... Вѣдняяжка, ей вѣчно приходится разочаровываться въ чемъ нибудь...

VII.

Намъ дали два дня, чтобы мы могли отдохнуть послѣ дороги и присмотрѣться къ жизни колонистовъ. Прежде всего мы съ Лелей взяли въ чичероне Михаила Иваныча, обозрѣли хозяйство и мѣстность. Во владѣніи колонистовъ находится сто десятинъ гористой и лѣсистой земли, называемой «бывшіе черкесскіе аулы»... Дома и службы расположены на плоскогорьѣ, гдѣ говорятъ меньше свирѣствуютъ лихорадки, чѣмъ въ низинахъ. Отъ сосѣднихъ казацкихъ земель этотъ участокъ отдѣляется быстробѣгущей горной рѣчкой, лѣвый пологій берегъ которой представляетъ обширную «леваду», гдѣ колонисты сѣютъ пшеницу. Запашки десятинъ шесть; западный склонъ горы разработанъ подъ виноградникъ, и въ этомъ году разсаживаютъ его. Прежде нужно было выкорчевать деревья, ибо, какъ я сказала выше, тамъ почти сплошной лѣсъ. Все остальное въ проектѣ.

Проектируется разведеніе лѣкарственныхъ растений, и даже на пробу приобрѣтены сѣмена хлопчатобумажнаго дерева. Есть проектъ устроить водяную мельницу, а также пилку дерева изъ своего лѣса. Много толкуютъ объ интенсивномъ хозяйствѣ, какъ болѣе подходящемъ къ почвѣ, климату и силамъ колонистовъ, а силами они похвастать не могутъ. Настоящихъ работниковъ всего два человѣка: Семень Петровичъ — бывшій семинаристъ и энгельгардецъ, — и Митрій, молодой парень изъ крестьянъ, ученикъ агрономической школы, да двѣ женщины. Остальные плохіе работники, такъ что безъ вольнонаемнаго труда — большое мѣсто колонистовъ, — они пока не могутъ справляться... Сдѣлавъ обходъ ихъ хозяйства и не преминувъ заглянуть въ сарай, конюшни, гдѣ были четыре лошади, въ хлѣвъ для трехъ коровъ, мы постарались проникнуть и поглубже въ суть дѣла, то-есть цѣли, привлекушей сюда колонистовъ. Странныя ощущенія испытывала я, погружаясь въ эту болѣе знакомую мнѣ область, область идей: такія ощущенія, какъ если бы меня привели въ ка-

коенибудь необычайное зданіе и сказали: а, ну-ка, угадай, къ чему оно предназначается? Есть ли это монастырь, семейный домъ или тюрьма?.. А такъ какъ въ обстановкѣ его я наталкиваюсь на разнообразныя предметы, напоминающіе и то, и другое, и третье, то совершенно теряюсь въ догадкахъ. Я не думаю, чтобы чаще всего употребляемые слова: нравственное самоусовершенствованіе, альтруизмъ, точно такъ же, какъ противопоставленія себя «внѣшнему міру», объясняли чтонибудь... Не могу же я себѣ представить, чтобы человѣкъ серьезно полагалъ, что онъ живетъ для того, чтобы усовершенствоваться; по-моему нужно для чегонибудь совершенствоваться—иначе образуется какая-то пропасть—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если «внѣшній міръ, то-есть, все человѣчество ошибается, идетъ не туда, куда слѣдуетъ, то тѣ, кто овладѣлъ истиной, пусть покажутъ, куда нужно идти—не правда ли? Отвѣтъ: къ нравственному самоусовершенствованію. Нѣтъ, воля ваша, а я тутъ ничего не понимаю... точно какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выбраться. Я такъ затосковала отъ непривычки къ головоломнымъ разсужденіямъ, что рѣшила махнуть рукой и воспользоваться по своему досугомъ... Весна уже въ разгарѣ, деревья покрываются молодою листвою, земля радостно улыбается, покрываясь зеленымъ ковромъ, и фіалки такъ чудесно пахнутъ.

Было бы просто безуміемъ сидѣть да искать отвѣтовъ на скучные вопросы, когда весна манитъ на просторъ—въ лѣсъ, въ горы, къ морю. И набѣгались же мы съ Лелей... въ волю! Заберемся куданибудь вдаль, чтобы и духа человѣческаго не слышать, чтобы ни одинъ любопытный взглядъ не смѣлъ проникнуть, какъ мы рѣшали всѣ вопросы. По-моему, вопросъ, кто скорѣй: я или Леля, сбѣжить по совѣмъ отвѣсной тропинкѣ къ морю, куда интереснѣе—ужь по крайней мѣрѣ потому, что мы сейчасъ получимъ на него отвѣтъ. Разъ... два!.. Я расправляю свои члены, ловко подбираю платье и лечу... удивляюсь, какъ ноги остались цѣлы у насъ. А какъ непріятно возвращаться домой!.. Уже заранѣе знаешь, что встрѣтишь недоброжелательный проницательный взглядъ Зои Андреевны, сдержанный шопотъ, грустное, вытянутое лицо Михаила Ивановича—онъ меня просто начинаетъ бѣсить—совѣмъ бука сталъ!

Въ обществѣ колонистовъ я держусь чинно, солидно, не отпускаю никакихъ остротъ, шутокъ, а это тягостно. Не мудрено, если, пообѣдавъ, мы улавливаемъ моментъ и удираемъ. Жаль, что здѣсь нѣтъ моей Жучки, то-то бы мы повозились! Леля, говоря откровенно, мямля; любитъ сидѣть и мечтать, и мнѣ стоитъ не мало труда заставить ее карабкаться по горамъ... Но за то, если ужь она разойдется, удержу нѣтъ! Эхъ, вотъ бы такъ на свободѣ хорошо пожить здѣсь! Но дѣлать нечего; два дня прошли, какъ милый сонъ, и намъ пришлось взяться за трудъ, учиться варить, стирать и проч. Вставали мы въ шесть часовъ и расходились по своимъ обязанно-

стямъ—женщины больше по домашнему хозяйству—коровъ доить, обѣдъ варить, а мужчины на пашню, въ лѣсъ дрова рубить. Работа въ полѣ шла плохо, во-первыхъ, задулъ противный нордъ-версть и нанесъ тучи, пошли дожди... такъ что мужики наши, собственно говоря, больше валандались да балясы точили... И я немало дивилась тому обстоятельству, что настилку пола въ предполагаемой гостиной производили не они сами, а наемщики; впрочемъ, это уже специальность и не относится къ земледѣльческому труду... Грязища стояла непролазная, что меня и Лелю очень огорчало, такъ какъ мы не могли сейчасъ приступить къ вскапыванью земли подь огородъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть подь надзоромъ да шить рубахи изъ сѣраго холста... И какъ же мы обрадовались, когда увидали клочекъ голубого неба, а потомъ и ликующіе лучи солнца... Дня черезъ три земля просохла, и мы, освободившись отъ нашихъ хозяйственныхъ занятій, съ увлеченіемъ принялись за трудъ и самымъ усерднымъ образомъ взрывали рыхлую почву и вдыхали животельный горный воздухъ, любуясь видомъ на море. Иногда къ намъ подходилъ Михайль Ивановичъ полюбоваться и предостеречь...

— Не палегайте очень, Шура... вы нервами работаете, устанете скоро.

— Пустяки!.. А вы откуда, что дѣлали?

— Да, собственно говоря, ничего... толкаюсь.

— Какъ, развѣ для васъ работы нѣтъ?

— И самъ не разберу... беспорядокъ у насъ какой-то! Нѣтъ толковаго распорядителя.

— Экій вы!.. вамъ бы только на помочахъ... Видите, что нужно дѣлать, и валяйте!

— Да въ томъ-то и дѣло, что не знаю, за что взяться. Поѣхалъ бы въ лѣсъ, да лошадей нѣтъ, заняты...

Нѣтъ, положительно «мужики» меня начинаютъ раздражать. Соберутся вечеромъ за чаемъ и толкуютъ о томъ, что вотъ то-то и вотъ те-то не сдѣлано — хлѣвъ не вычищенъ, сбруя въ безпорядкѣ, заборъ валится—охаютъ, возмущаются своимъ нерадѣніемъ, а глядишь назавтра то же самое. Активности, побольше активности!—твердитъ Зоя Андреевна, а за ней и другіе... Интеллигентная распушенность, нерадѣніе!—ворчитъ Василій Ѳеодоровичъ, и всѣ соглашаются, что это дѣйствительно такъ... Отчего это? Дѣйствительно ли тутъ виновата халатность русскихъ людей или нѣчто другое? Я склонна скорѣе приписать «отсутствіе активности», такъ огорчающее главарей дѣла, тому обстоятельству, что большинство не чувствуютъ себя здѣсь хозяевами, то-есть людьми, дѣйствительно считающими хозяйство своимъ собственнымъ дѣломъ. Они даже не производятъ впечатлѣнія пайщиковъ, а скорѣе не то наемниковъ, не то опекаемыхъ. Причина же этому кроется въ различіи умственнаго развитія колонистовъ. Василій Ѳеодоровичъ -- человекъ обра-

зованный, съ громадной эрудиціей, подавляеть другихъ; передъ его духовной силой робѣють и стушевываются остальные. Спорить съ нимъ считается невозможнымъ. Только Зоя Андреевна да еще Семень Петровичъ пользуются его уваженіемъ и стоять съ нимъ на равной ногѣ; Зоя Андреевна даже оказываетъ на него немалое вліяніе...

Если Василій Ѳедоровичъ—глава колоніи, то Зоя Андреевна—сердце ея, а такъ какъ голова и сердце не всегда солидарны между собой, то между ними случаются идейныя столкновенія. Впрочемъ, главенство Василя Ѳедоровича еще поддерживается и тѣмъ, что онъ доставляетъ еще неокрѣпшей, въ смыслѣ продуктивности, колоніи средства къ ея процвѣтанію, удаляясь на «отхожіе промыслы». Онъ не постоянный житель колоніи, а пріѣзжаетъ сюда на отдыхъ; во время его отсутствія умственнымъ центромъ остается Зоя Андреевна. Она несетъ и воспитательную часть, составляетъ дневники и блюдетъ за нравственностью колонистовъ, занимаясь физическимъ трудомъ по вдохновенію, когда захочется расправить члены на чистомъ воздухѣ. Собственно, по росписанію, весь день долженъ уходить на физическій трудъ, чередуясь съ отдыхами во время ѣды; намъ, женщинамъ, сейчасъ же послѣ обѣда приходится приниматься за уборку посуды, а мужчины отдыхаютъ часокъ, другой... потомъ опять физическій трудъ до вечерняго чая... По вечерамъ—обязательная вязка табаку... Мы всѣ собираемся въ столовой, сортируемъ листья и связываемъ въ пачки, а Зоя Андреевна читаетъ вслухъ.

Но, видно, день, проведенный въ физическомъ трудѣ, не очень-то располагаетъ къ умственному; по крайней мѣрѣ, я не разъ замѣчала у слушателей довольно печальные и даже совиные взгляды, а нѣкоторые—настоящіе ребятишки—таки подремывали. И не мудрено! Когда намаешься за цѣлый день, да притомъ на людяхъ, такъ хотѣлось бы побыть одному, у себя въ комнатѣ, поваляться, почитать, сообразить, подумать.

Въ девять-десять часовъ всѣ расходятся по своимъ угламъ. Я не привыкла ложиться спать такъ рано, и мы съ Лелей—у насъ отдѣльная комната—затащимъ къ себѣ Михаила Иваныча и проболтаемъ до полуночи. Однако, это не нравится нѣкоторымъ: на насъ посматриваютъ косо, а Михаилу Ивановичу поручили привести въ порядокъ бібліотеки, на что ему приходится тратить и наши вечера... Ловко! Но мы тоже не промахъ, и я уговорила Лелю идти вмѣстѣ со мной помогать Михаилу Ивановичу. Живемъ мы въ большомъ домѣ, гдѣ помѣщаются холостые и дѣти; здѣсь же столовая, бібліотека, будущая гостиная, въ которой стоитъ пока одно піанино, кухня и еще двѣ комнаты; одну изъ нихъ, рядомъ съ дѣтской, занимаемъ мы. Кромѣ этого дома, есть еще три хатки; въ одной помѣщается Зоя Андреевна, въ остальныхъ живутъ женатые колонисты. Убранство комнатъ простое: пары, замѣняющія

кровати, простой столъ, полки и... больше ничего. Въ общемъ не уютно, непривѣтно; стѣны сомнительной бѣлизны, изъ оконъ дуетъ, и выходитъ нѣчто, напоминающее сарай. Режимъ жизни, вообще, строгій—какова обстановка, такова и пища, т.-е. ѣдятъ, чтобы желудокъ не пустовалъ. Утромъ, въ 8 часовъ—чай съ молокомъ и темнымъ пшеничнымъ хлѣбомъ; въ обѣдъ—супъ постный или щи, каша съ масломъ; въ 8 часовъ ужинъ—тоже, что и въ обѣдъ, и чай... Мясо рѣдко, и поговариваютъ даже о вегетаріанствѣ... Я и Леля буквально голодаемъ. Одинъ разъ, послѣ обѣда, меня такъ подвело, что я пошла въ кухню хотъ хлѣба раздобыть... И, о счастье, застаю тамъ нашихъ трехъ колонистокъ, уписывающихъ кислую капусту. Онѣ, видимо, смутились моимъ неожиданнымъ приходомъ.

— Ага,—сказала я,—и васъ подвело отъ поста!

Мигомъ сбѣгала за Лелей, привела ее. Надо вамъ сказать, что только одна изъ нихъ, Ольга Ивановна, интеллигентная, двѣ послѣднія, отличныя работницы, выражали свое неудовольствіе по поводу стола.

— Отчего же вы тогда не заявите объ этомъ?—наивно спросила Леля.

— Какая ты непонятная! А совершенствоваться кто будетъ?—простоудушно замѣтила я.

— Мы живемъ по нашимъ средствамъ,—спокойно отвѣтила Ольга Ивановна:—пока у насъ получается дефицитъ... Вотъ когда сумѣемъ больше зарабатывать, тогда будемъ лучше питаться.

— Это вы говорите! А наибольшіе полагаютъ, что нужно потребности желудка довести до минимума, и сколько я ни вслушивалась, никто не возражаетъ на это.

— Что возражать, когда все равно мы не можемъ добыть большаго!

— А такъ-то лучше—тайкомъ?—не выдержала я.

Этой фразой я окончателно погубила себя, потому что... Впрочемъ, это одно мое предположеніе... Мнѣ показалось, что при встрѣчѣ Зоя Андреевна особенно недружелюбно посмотрѣла на меня... Пусть, а только я молчать не буду... Леля уговариваетъ меня не горячиться; она, бѣдняжка, совсѣмъ приуныла... Во-первыхъ, нѣтъ «его», а, во-вторыхъ... похоже ли это на рай земной? Она проговорила даже объ отъѣздѣ. Но у меня своя цѣль; а потомъ, какъ же уѣхать, хорошенько не познакомившись со всѣмъ?.. Нельзя!..

VIII.

Часъ отъ часу не легче! Вбѣгаю на минутку въ бібліотеку къ Михаилу Ивановичу и застаю Василя Федоровича, громко и довольно грубо дающаго «нагоняй» нашему милѣйшему Вадиму. Весельчакъ, болтуня Вадимъ часто нарушалъ тяжелое молчаніе на-

шего разнокалибернаго общества своими наивными, не лишенными юмора, шутками, и за это онъ мнѣ нравился... Съ нимъ всегда я чувствовала себя хорошо, легко. Человѣкъ, безъ всякихъ претензій на умственность, онъ пожилъ, какъ говорится, на своемъ вѣку и любилъ пожить... Я часто спрашивала себя, что заставило этого «неидейнаго» человѣка прилѣпиться къ колоніи, суровый режимъ которой не соответствовалъ его натурѣ.

Отвѣтъ—неумѣнье приспособиться къ жизни... Кутила и могъ въ міру, онъ часто попадалъ въ критическое положеніе, и Василій Федоровичъ не разъ выручалъ его, и теперь его опекаютъ самымъ усердѣйшимъ образомъ. Когда я зашла въ бібліотеку, то застала его въ такомъ униженномъ видѣ, со слезами на глазахъ, что сердце мое дрогнуло. Лицо же Василя Федоровича было гнѣвно, и глаза метали холодныя искры. Михаилъ Ивановичъ былъ смущенъ и блѣденъ, а мнѣ стало ужасно неловко и стыдно, сама не знаю за что. Мое вторженіе произвело маленькій переполохъ, и всѣ дѣйствующія лица измѣнили свое положеніе.

— Вообразите себѣ,—обратился ко мнѣ Василій Федоровичъ:— онъ вздумалъ покупать ружье... въ то время, когда заработать на свое пропитаніе не можетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ!—оправдывался робко обвиняемый.—Я высказалъ имъ только свое желаніе.

— Какъ можно имѣть такія нелѣпныя, легкомысленныя желанія?—негодующе сказалъ Василій Федоровичъ.

— Почему нельзя?—спросила я.—Вадимъ любить охоту, и ему естественно желать ружье, это—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, онъ могъ бы снабжать колонію мясомъ.

— Охъ, вы чревоугодники! — не то съ ироніей, не то шутливо произнесъ онъ и выпелъ.

Вадимъ былъ сильно огорченъ не тѣмъ, что ему не позволяли покупать ружья, а той грубой формой, съ которой на него набросились... Да, Василій Федоровичъ третируетъ его иногда, какъ мальчишку, и это передъ другими колонистами—что же это такое!

Положимъ, этотъ господинъ не внушалъ къ себѣ уваженія, ибо не имѣлъ своего внутренняго содержанія, флюгеръ, какъ окрестила его Леля, но вѣдь онъ же членъ колоніи и человѣкъ, уже перешедшій юношескій возрастъ. Эта сцена навела на меня грусть, и мнѣ не хотѣлось идти на нашъ праздникъ, но Михаилъ Ивановичъ такъ заволновался и такъ горячо убѣждалъ не быть экстравагантной, что я отпавилась.

Праздновался день рожденія одного изъ членовъ колоніи; собственно праздникъ наступилъ вечеромъ, а день прошелъ въ обычной маятѣ. Прежде всего мы всѣ собрались въ гостиную, и виновнику торжества Зоя Андреевна вручила для навиданія его характеристику, въ которой вычитывались всѣ его недостатки, и затѣмъ

на сколько градусовъ онъ усовершенствовался въ теченіе года... Характеристику составляютъ сообща всѣ члены общины, а читаетъ онъ самъ-другъ съ собой, такъ что этого замѣчательнаго перла творчества колонистовъ мнѣ не удалось прочесть. Потомъ Зоя Андреевна играла на піанино, всѣ хоромъ пѣли гимнъ, послѣ чего устроили живую картину, изображавшую весну—мальчикъ въ цвѣтахъ, потомъ поговорили всѣ «полюбовно», «сердечно» и разошлись. Это былъ собственно первый и послѣдній вечеръ развлечения, на которомъ я присутствовала. Впрочемъ, къ числу развлеченій также слѣдуетъ отнести составленіе церковнаго хора; колонисты собираются по воскресеньямъ пѣть обѣдни въ церкви сосѣдней станицы и по субботамъ самымъ усерднымъ образомъ, подъ руководствомъ Зои Андреевны, упражняются въ духовномъ пѣніи. Лѣтомъ, когда въ колонію стѣзжается молодежь, говорилъ мнѣ Михаилъ Ивановичъ, то бываетъ веселѣе. Молодежь собирается на открытомъ воздухѣ, всѣ поютъ, шалятъ, живутъ своею жизнью, а теперь затишье и царство стариковъ... настроеніе возвышенное, тонъ приподнятый, идейный—и постоянное напоминаніе, что «мы не отъ міра сего». Скучно!

— Если вы не сожгли за собой кораблей, то не уживетесь у насъ,—сказала мнѣ однажды Зоя Андреевна, зашедшая ко мнѣ въ комнату съ цѣлью проникнуть въ мою душу и нагрузить шитьемъ.

— То-есть какъ это не сожгли кораблей? Это похоже на то, что я должна разорвать съ міромъ, семьей и друзьями.

— Да, не тяготѣть къ нему, не любить его, не стремиться къ нему. Для насъ міръ — наше дѣло, наша идея! надо отдаться ей всецѣло...

— Охъ, Господи! Да я только тогда и могу отдаться вашей идеѣ, если мы имѣемъ значеніе для міра.

— Міръ насъ не пойметъ, міръ будетъ смѣяться надъ нами... потому что мы живемъ для духа, а міръ для плоти.

— Позвольте, если вы живете для духа, тогда какъ же совмѣстить такое противорѣчіе: вѣдь добываніе хлѣба насущнаго отнимаетъ у человѣка всѣ силы до такой степени, что даже вечеромъ онъ не можетъ отдаться «духу» и думаетъ только о снѣ, опять же о плотскомъ? Само ваше дѣло отрицаетъ духовную жизнь.

Лицо Зои Андреевны слегка передернулось, она какъ-то изумленно и даже враждебно взглянула на меня и, придавъ своему лицу снова привѣтливое выраженіе, отвѣтила снисходительно съ отгѣнкомъ горечи и сожалѣнія.

— Въ этихъ вашихъ словахъ я слышу отголоски того міра, думающаго и чувствующаго иначе, чѣмъ мы. Духовный міръ — нравственное чувство, альтруизмъ, вотъ наша сфера; каждый изъ насъ живетъ не для себя, а для другихъ, заботится о другихъ...

— Извините, но я не вижу этой жизни для другихъ... Вотъ именно, у васъ каждый живетъ для себя, кромѣ Василія Оедоро-

вича, который дополняет дефициты и действительно хлопочетъ о другихъ.

Послѣднюю фразу я произнесла съ удареніемъ, бросивъ на нее многозначительный взглядъ... Ахъ, виновата ли я, что эти разговоры объ альтруизмѣ, о «нашемъ» мирѣ, въ которыхъ сквозила такая непомѣрная гордость, возмутили меня?.. И это говоритъ человѣкъ, отмежевавшій себѣ удобную позицію—какого-то умственного центра—позицію бапти, передъ авторитетомъ которой должны склоняться всѣ. Она слегка поблѣднѣла, глаза метнули искры, и на губахъ появилась кривая усмѣшка.

— Не понимаю, что васъ привлекло къ намъ въ колонію,—сказала она послѣ короткой паузы, измѣряя меня ироническимъ взглядомъ.

Конечно, я ей не сказала, что именно заставило меня ѣхать, какъ вообще не желаю открывать свою внутреннюю суть. Во всякомъ случаѣ отношенія у насъ съ ней странныя, натянутыя, съ долей враждебности... Неужели правда, что я помѣшала проекту женить Михаила Иваныча на Ольгѣ Ивановнѣ и такимъ образомъ прикрѣпить его навсегда къ колоніи! Посмотримъ, что будетъ дальше.

IX.

Горизонтъ проясняется, перчатка брошена, и бой возгорается! Это мнѣ нравится: я вообще люблю движеніе, жизнь, борьбу...

Дѣло было въ субботу, на общемъ собраніи. Послѣ частныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, почему члены колоніи относятся небрежно къ общей собственности—лопатамъ, граблямъ, которыя оставляютъ гдѣ попало, вмѣсто того, чтобы аккуратно сложить въ сарай, и иныхъ менѣе интересныхъ вопросовъ, подняли вопросъ объ индивидуальности въ общинѣ. Я невольно бросила взглядъ въ сторону Михаила Иваныча и встрѣтила его немножко смущенное лицо. Кажется, что этотъ вопросъ, поднятый Зоей Андреевной, былъ вызванъ нашимъ поведеніемъ, такъ какъ мы съ Лелей рѣшили пользоваться досугомъ по своему и почти не принимали участія въ развлеченияхъ колонистовъ, т. е. въ церковномъ пѣніи. Зоя Андреевна стояла на томъ, что въ интересахъ нравственного самоусовершенствованія и преуспѣянія общины всѣ члены должны жить одною жизнью и безусловно отдавать свою личность благо колоніи.

— Да, да!—въ тонъ ей подхватилъ Семенъ Петровичъ, представляющій всей своей особой типъ пермскаго мужика съ хитрымъ, себѣ на умѣ лицомъ:—да, да! только тотъ можетъ быть истиннымъ членомъ колоніи, кто проникнется всецѣло нашею жизнью, нашею идеей! — (При этой фразѣ соотвѣтственный взглядъ въ мою сторону).—Я даже думаю, Зоюшка, хорошо было бы, если бы каждый

обязывался указывать наши недостатки... такимъ образомъ мы будемъ лучше совершенствоваться и исправлять себя.

— Это вѣрно! Для того установимъ разъ въ недѣлю покаянную исповѣдь... Пусть каждый сообщаетъ свои дурные поступки, мысли, а чего онъ не замѣтилъ за собой, мы укажемъ.

— Да вѣдь это отравить существованіе каждого!—не выдержала я, подавленная такимъ ужаснымъ предложеніемъ:—община имѣетъ право и должна даже требовать отъ своихъ сочленовъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ общежитіемъ... но до такой степени поработать личность, что даже ступить ей нельзя безъ надзора... это ужасно!

Мое неожиданное заявленіе вызвало волненіе... всѣ что-то заговорили разомъ.

— Александра Григорьевна ошибается, — возвысилъ, наконецъ, голосъ Василій Ѳедоровичъ, и всѣ при этомъ подобострастно замолчали и самодовольно улыбались. Онъ пользовался репутаціей «непобѣдимаго».—Она не усвоила себѣ достаточно ясно цѣли нашей общины, но въ этомъ виноватъ Михаилъ Ивановичъ, очевидно, не объяснившій сути дѣла. Мы не преслѣдуемъ никакой экономической задачи и мало обращаемъ вниманія на форму. Вся суть въ содержаніи: въ нравственной духовной связи сочленовъ, въ искреннемъ желаніи очиститься отъ грѣховъ внѣшняго міра и примирить требованія личности съ требованіями общежитія... наша задача, если хотите, воспитательная—искорененіе недостатковъ личности и пробужденіе духовнаго начала.

— Но я не думаю, что для усовершенствованія человѣка нуженъ кнутъ! Предложеніе, которое сдѣлала Зоя Андреевна, связываетъ свободную волю человѣка; онъ будетъ совершенствоваться не въ силу внутренней необходимости, а внѣшнихъ, принудительныхъ причинъ!

Я торжествовала... Внезапно осѣнившая меня мысль, которую я только что высказала, дала мнѣ возможность овладѣть позиціей. Очевидно, и другихъ поразила ясность моей мысли, по крайней мѣрѣ, на минуту водворилось молчаніе, которое прервала Зоя Андреевна.

— Напрасно вы думаете, что такое правило не исходитъ изъ нашей внутренней потребности. Мы не принуждаемъ никого поступать такъ или иначе—вольному воля! Но идея нашей колоніи, которой мы всѣ посвятили наши силы и ради торжества которой мы здѣсь собрались... требуетъ, отъ желающихъ примкнуть къ намъ, глубже вникнуть въ свою душу и спросить, соответствуетъ ли его нравственный міръ нашему. Если вѣтъ, то, конечно, мы насильно навязывать не будемъ и не удерживаемъ строптивыхъ духомъ.

— «Ого, вотъ оно что!... Это значить—подобру-поздорову уберите!» Но, на мое счастье, Василій Ѳедоровичъ выступилъ при-

мирителемъ, и споръ возгорѣлся... Михаилъ Ивановичъ принялъ мою сторону, и не знаю, до какихъ бы поръ занимались мы переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, потому что, по правдѣ сказать, забрались въ такіе дебри, откуда не знали, какъ выбраться, какъ вдругъ меня осѣнила благодатная мысль... И напрямикъ поставила интересовавшій меня вопросъ—для чего собственно они сошлись: для того ли, чтобы самимъ совершенствоваться, или же, въ силу своей культурности, оказывать вліяніе на «внѣшнюю жизнь»? Тутъ опять мнѣнія раздѣлились. Зоя Андреевна и Семень Петровичъ стояли за внутреннее развитіе колоніи, а Василій Ѳедоровичъ и Михаилъ Ивановичъ склонялись къ болѣе широкой постановкѣ дѣла на общественную почву. Такимъ образомъ, это первое собраніе, на которое мы были приглашены, хотя не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, дало мнѣ возможность убѣдиться, что колонисты, хотя и говорятъ, что дѣло уже стоитъ на прямой дорогѣ, не имѣютъ яснаго, твердаго взгляда на свою собственную дѣятельность, и что я приобрѣла сильнаго сторонника въ лицѣ Василія Ѳедоровича и не менѣе сильнаго врага въ лицѣ Зои Андреевны, вліяніе которой на главу всего дѣла я смогла бы еще больше пошатнуть, и что она употребитъ всѣ усилія, чтобы дескредитировать меня и изгнать... Къ Лелѣ, которая не принимаетъ активнаго участія въ «умственной жизни» колонистовъ, Зоя Андреевна благоволяетъ... Словомъ, говоря вульгарно, у насъ затѣвается бабья война... изъ-за первенства. И хотя мнѣ все равно, такъ какъ я рѣшила окончить свои дѣла и уѣхать, но эта битва мнѣ нравится... Посмотримъ, чья возьметъ! Михаилъ Ивановичъ ходитъ грустный и разсѣянный... я понимаю, почему... Онъ меня любитъ, но еще не можетъ отказаться отъ идеи и потому страдаетъ. Еще два-три сраженія, и онъ мой! И приняла такую тактику: при немъ я избѣгаю рѣзко нападать на колонистовъ и ихъ идею, но только нѣтъ, нѣтъ, да и вставлю замѣчаніе, выставяющее ихъ въ смѣшномъ видѣ...

Леля оживилась. Она увлекается теперь широкой идеей интеллигентной колоніи, какъ культурнаго центра, къ которому будутъ тяготѣть окружныя деревни, и находитъ, что Василій Ѳедоровичъ выдающійся человекъ, но что его стремленія тормозятся узкимъ взглядомъ окружающихъ. Какъ бы то ни было, а становится веселѣе.

Х.

Гдѣ мы? Что здѣсь средніе вѣка или... я, право, не могу подыскать названія. Такимъ вопросомъ я встрѣтила сконфуженнаго Михаила Ивановича. Бѣдная Леля—у той даже глаза посоловѣли... Однако какіе мы умницы всѣ, что удрали... да и то сказать, силъ не было! А все я думаю, оттого такъ глупо вышло, что Василія Ѳедоровича не было: у него есть тактъ и здравый смыслъ. Однако

приступаю къ изложенію происшедшаго. Василій Ѳедоровичъ еще вчера уѣхалъ по дѣламъ въ городъ. Вечеромъ мы, по обыкновенію, собрались на бесѣду. Зоя Андреевна читала сочиненіе Симона о Китаѣ, къ которому авторъ относится съ явнымъ пристрастіемъ. «Ахъ, что за прелесть! Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, Китай!» только и слышалось въ продолженіе чтенія, т. е. собственно такія восклицанія издавала Зоя Андреевна и ея вѣрный клеветецъ, Семень Петровичъ, остальные по обыкновенію дремали, а насъ просто-напросто игнорировали, такъ что намъ не удалось вставить ни одного замѣчанія. Словомъ, эти два субъекта до такой степени умилились передъ китайской цивилизаціей, что самымъ добросовѣстнымъ образомъ похерили... всю европейскую. Видите ли, Китай развивалъ содержаніе, а Европа формы, а какой же глупецъ не знаетъ, что форма безъ содержанія никуда не годится! А что касается нравственности, то бѣдные европейцы недостойны развязать ремень обуви даже у самаго послѣдняго китайца. Слава Богу, что нашъ мужикъ не вкусилъ такой цивилизаціи... и въ этомъ будущее Россіи, и что бы ни говорили, а мы все-таки—благодареніе небу!—больше принадлежимъ востоку, и народъ нашъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ китайскія добродѣтели и вытащить насъ на китайскую дорогу... только либералы тамъ всякіе мѣшаютъ. Ужъ какъ тамъ ни разсуждайте, а если сравнить настоящее съ прошедшимъ, то куда прежде было лучше въ Россіи... А что въ особенности повредило, такъ это шестидесятые годы. Они все разрушили—нашу религію, нашу китайскую добродѣтель, наши священные устои, внесли язву въ русскую жизнь, которую теперь изволь залѣчивать. Я пялила глаза что есть мочи, навастривала слухъ и, наконецъ, исподтишка посмотрѣла на Лелю и Михаила Иваныча; у нихъ лица натянутыя, конфузливыя, точно кто оплеуху имъ далъ, а во мнѣ что-то странное творилось... Я чувствовала такъ, какъ будто откуда-то повѣялъ удушливый вѣтеръ, и что вотъ, вотъ возьметъ да погрузитъ меня въ китайщину... Мнѣ даже стало страшно, до такой степени страшно, что я попробовала выпрямиться идохнуть... точно я задыхалась... Мнѣ захотѣлось на свѣжій воздухъ, я толкнула Лелю въ бокъ—и убѣжала къ себѣ въ комнату, гдѣ стала кружиться, махать руками и произносить заклинанія, чтобы отогнать навожденіе злого духа. Черезъ пять минутъ пришла и Леля, но, Боже, съ какимъ лицомъ, точно ее мучилъ кошмаръ... Я невольно расхохоталась.

— Тебѣ все смѣшно, а мнѣ такъ ужасно тяжело! И это говорятъ яко бы передовые люди... Чтожъ это такое?

— Это, другъ мой,—сказала я,—пузыри, и больше ничего! Видишь ли, настало такое время, когда на поверхности взбаламученнаго моря жизни...

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1898 г., т. LXXIV.

6

Но не успѣла я подобрать вторую часть своего періода, какъ появился Михаилъ Ивановичъ, котораго я встрѣтила выпендривденнымъ вопросомъ. Бѣдняга—его можно было бы пожалѣть: онъ совсѣмъ выглядит несчастнымъ!

— Ну, нечего киснуть!—сказала я по возможности ласковѣе:—оставимъ ихъ разсуждать о совершенствѣ китайской цивилизаціи и займемся чаемъ... Надѣюсь, что у васъ нѣтъ охоты идти туда?

Когда чай былъ готовъ (мы его сварили въ печкѣ, въ чайникѣ, сташенномъ мною изъ кухни), я приступила къ просвѣщенію Михаила Ивановича, благо случай такой удобный подвернулся.

— Ну-съ, милѣйшій Михаилъ Ивановичъ, будете ли вы увѣрять простодушныхъ барышень, что здѣсь отлично, и сманивать ѣхать въ колонію?.. Скажите, пожалуйста, гдѣ были ваши глаза, что вы не замѣчали такихъ... вопіющихъ прорѣхъ? Если уже, голубчикъ, толковать по совѣсти, то вѣдь принципъ нравственнаго самоусовершенствованія привелъ здѣсь къ противному результату; по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ-то нравственныхъ качествъ: правдивости, искренности и проч., здѣсь нѣтъ, а имѣются о нихъ весьма смутныя представленія... Знаете ли, дружокъ, что за нами подглядываютъ?

— Я не знаю, что такое здѣсь дѣлается... до сихъ поръ ничего этого не было!..—съ кислой усмѣшкой произнесъ онъ.

— А знаете—почему? Потому что вы тутъ пѣли диоирамбы другъ другу да самоулаждались, закрывъ глаза на Божій міръ. А вотъ, какъ этотъ міръ, въ лицѣ насъ, ворвался къ вамъ да сталъ допытываться, зачѣмъ, почему, какъ и проч., они-то и всполошились... Плѣсень, голубчикъ, затянула васъ здѣсь, да и закрыла видъ на солнце. Не хотятъ считаться съ личностью и ея требованіями, а это ужъ въ другой формѣ крѣпостное право!

— Жаль, что сегодня не было Василия Федоровича, — вставила Леля:—я увѣрена, что у него не такіе ретроградные взгляды. Кстати, знаете, что мнѣ преподнесла сегодня Зоя Андреевна? Сочиненіе Радда-бай, какъ величайшую мудрость... для назидательнаго чтенія... Право! Неужели они вѣрятъ въ эту индійскую чупь?.. Вотъ не ожидала, что у насъ есть такіе странные люди! Михаилъ Ивановичъ, вы тоже вѣрите въ оборотней?

— Вы очень злы, Леля...

— Если нѣтъ, то я очень рада, — размѣялась она, — а то я, право, боялась, не отстала ли я... А Василій Федоровичъ вѣритъ?..

— Право, не знаю... хотя онъ увлекается теософіей, но мы объ этомъ мало говоримъ... такъ же, какъ и о шестидесятыхъ годахъ, — улынулся онъ: — такія разсужденія, повѣрите ли мнѣ, я первый разъ слышу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—радно вскрикнула я,—значитъ, моя заслуга, что они показали во всемъ блескѣ свой умственный багажъ!

Михаиль Иванычъ, не находите ли, что я немножко запугала ихъ своею правдивостью?

— Вы, Шура, бываете иногда не въ мѣру рѣзки!

— Рѣзка? такъ что же, по-вашему, мнѣ тоже извиваться да лгать? Рѣзка! Рѣзка потому, что рѣжу правду-матку. Что они думаютъ, мы слѣпы, не видимъ всего этого маскарада! Вотъ хотя бы Семень Петровичъ... увивается передъ ней, ловить на лету ея мысли, унижается... Ты права, Зоюшка... учи насъ, направляй, вразумляй... а самъ исподтишка тянетъ... горѣлку. И не противъ того, что онъ выпьетъ нѣсколько рюмокъ въ день для подкрѣпленія, а противъ ихъ скрытности... Отчего прямо, открыто этого не дѣлать? Думаєте, я ничего не знаю? Не знаю, какъ они, вырвавшись въ городъ, совершенствуются по части ѣды и питья... Срамъ одинъ! А все отчего?.. Ложь въ принципѣ — нельзя убивать потребности въ человѣкѣ... На моихъ глазахъ, Васька, вашъ питомецъ, стащилъ крынку молока, это что такое?.. къ чему эта вся фальшь, ложь — я васъ спрашиваю? Или хотъ бы инцидентъ съ несчастнымъ Вадимомъ, когда онъ, воображая, что пользуется одинаковыми правами со всѣми, вздумалъ полакомиться сыромъ, предназначеннымъ его святѣйшеству? Какъ смѣлъ Василій Федоровичъ кричать на него, какъ на мальчишку, укорять въ чревоугодіи въ то время, какъ... Нѣтъ, это меня до такой степени бѣситъ, что я... Право, Михаилъ Иванычъ, какъ могли вы здѣсь жить при такихъ условіяхъ?

— Шура, нѣтъ святыхъ людей! Василій Федоровичъ не виновать въ недостаткахъ воспитанія... къ чести его нужно сказать, что онъ чистосердечно кается въ своихъ вспышкахъ... и, какъ я вамъ говорилъ, извинился передъ Кривцовымъ за свою грубость!

— Отъ этого всѣмъ не легче! Развѣ вы сами не видите, что на практикѣ здѣсь самое отчаянное неравенство?.. А сегодняшній вечеръ?.. Почему они не дали мнѣ слова выговорить... по поводу китайскихъ упоеній? Простыхъ приличій не соблюдаютъ, мнѣнній противника боятся, какъ огня... Меня такое зло разбираетъ, что наперекоръ всѣмъ и даже себѣ остаюсь позлить ихъ.

— Фи, Шура, это даже не благородно съ твоей стороны... Вспомни поговорку — въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходить... Не по насъ это дѣло, и ретируемся, а то затѣвать дразги, ссоры...

— И не къ чему, — подхватилъ Михаилъ Иванычъ, — ихъ убѣжденій вы не измѣните, а только себя унижите въ ихъ мнѣнїи.

— Объ этомъ я меньше всего забочусь... а ужъ позлю... позлю!

Конечно, урезонить меня не могли. Я стояла на своемъ, такъ мы и разошлись, недовольные и огорченные другъ другомъ... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Михаилъ Иванычъ былъ активнѣе...

Вечеромъ написала мамѣ письмо, чтобы выслала денегъ...

XI.

Василій Ѳедоровичъ вернулся и привезъ съ собой еще одного интеллигента, чающаго движенія воды. Онъ мнѣ понравился — живой, смѣтливый, съ умными глазами... Леля ожила... они, кажется, уже успѣли обмѣняться взглядами, а это важно! Я ужасно рада, что дѣло принимаетъ такой оборотъ, по крайней мѣрѣ, она не будетъ приставать ко мнѣ съ отъѣздомъ.

Зоя Андреевна, очевидно, рѣшила изгнать насъ во что бы то ни стало. Насъ не впрягаютъ въ ярмо обязательнаго труда и пока терпятъ. Сегодня день гулящій, и мы съ Лелей составили заговоръ утащить нашихъ кавалеровъ гулять... Николая Григорьевича тщательно стерегутъ отъ нашего зловреднаго вліянія и лишь только завидятъ, что я говорю съ нимъ, подъ разными предлогами разлучаютъ... Развѣ это не смѣшно? Послѣ обѣда я таки умудрилась словить его и шепнуть, чтобы собирался съ нами — онъ съ радостью согласился, и мы всѣ четверо чудесно провели время. Николай Григорьевичъ уменъ, остеръ, но себѣ на умѣ... Насъ-то онъ слушалъ, да усъ моталъ, такъ что я не знаю, какъ онъ относится къ колонистамъ и ихъ затѣѣ. Впрочемъ, когда я ужъ очень разошлась по поводу идеи самоусовершенствованія, онъ замѣтилъ, что я отношусь пристрастно.

— Чтожъ, провѣрьте сами, — отвѣтила я и затянула малороссійскую пѣсню. Больше мы не возвращались къ набившему оскомины пережевыванію вопросовъ реальной жизни и перестали оттачивать зубы на нашихъ ближнихъ. Когда мы появились къ чаю, то насъ встрѣтили подозрительными взглядами и многозначительнымъ молчаньемъ... Впрочемъ, передъ Николаемъ Григорьевичемъ заискиваютъ... Василій Ѳедоровичъ сталъ холоднѣе и сдержаннѣе съ нами... а, догадываюсь! Зоя Андреевна, вѣроятно, постаралась выставить насъ подъ своимъ освѣщеніемъ. Недавно она недовольнымъ тономъ сказала Михаилу Ивановичу: не понимаю, зачѣмъ эти барышни пріѣхали сюда! Ахъ, бѣдняжка, какъ онъ не провалился на мѣстѣ!

Онъ порядочно запутался въ своихъ собственныхъ чувствахъ, сталъ угрюмъ, мраченъ и даже избѣгаетъ меня... Вѣроятно, потому, что я все допытываюсь, уѣдетъ ли онъ. Не знаю! и при этомъ такъ грустно смотреть на меня, что даже мое сердце сжимается... Ну, и хороша же я!.. Я таки его порядочно мучу: то подамъ надежду, то оболью холодомъ... А зачѣмъ же онъ такой раскисляй!

— Шура, вы играете со мной, какъ кошка съ мышью, — грустно сказалъ онъ мнѣ сегодня.

— А развѣ вамъ непріятно побывать въ лапкахъ такой кошечки?

— Больно, Шура! Вы безопадно вонзаете ваши коготки.

— Погодите... можетъ быть, и я сумѣю погладить!—отвѣчала я со смѣхомъ, убѣгая отъ него.

Сегодня вечеромъ опять было общее собраніе, причеиъ намъ, новичкамъ, съ соотвѣтственно торжественностью былъ преподнесенъ уставъ колоніи, одинъ изъ параграфовъ котораго гласилъ, что испытуемые обязуются не мѣшать ходу засѣданій своими замѣчаніями, т. е. попросту сказать, сидѣть, какъ муміи, и благоговѣнно молчать. Николай Григорьевичъ наставлялъ, что это постановленіе принесетъ вредъ дѣлу, и что высказывать свои мысли можетъ каждый, не пользуясь, однако, правомъ голоса.. Кажется, для него сдѣлали исключеніе. Я мало слушала, о чемъ говорили, углубленная въ чтеніе удивительнаго образца человѣческой мудрости, который начинается такъ: «Мы преслѣдуемъ цѣль нравственнаго самоусовершенствованія и пр.», и оканчивается тоже такимъ увѣреніемъ, какъ будто можно сомнѣваться въ этомъ.

Мнѣ ужасно жаль, что я не могла взять его съ собою, чтобы выписать кое-какіе шедевры! Этому, кажется помѣшали опасенія, а что если, молъ, строптивая барышня возьметъ да опишетъ ихъ... А я еще нарочно стараюсь писать свои записки на виду и, конечно, для того, чтобы позлить.

Вернемся къ уставу, одно изъ положеній котораго я старалась заучить слово въ слово, да память у меня плоха. Еще въ гимназіи я никогда не отвѣчала урокъ по учебнику, а всегда по-своему, и за это иногда получала двойки. Но pardon... итакъ параграфъ 3-й гласитъ: «каждый членъ общины обязуется вести строгую нравственную жизнь и стремиться къ тому, чтобы все собратья его стояли на извѣстной нравственной высотѣ». Параграфъ 4-й: «каждый членъ общины обязуется разъ въ недѣлю открывать свои тайныя мысли и чувства передъ общимъ собраніемъ и искать такювыя, особенно вредныя, у другихъ». Нѣтъ, право, не могу больше. Мнѣ кажется, что вокругъ моего «я» проводятъ цѣпи; мою особу впрягаютъ въ оглобли и говорятъ—вези, а куда? ты, Господи, вѣси! ну ихъ, сбѣгу! Какъ быть, однако съ Лелей? Она что-то очень пріободрилась. Не думаю, чтобы она въ самомъ дѣлѣ захотѣла влюбить-ся въ человѣка, который сознательно и серьезно желаетъ землю пахать... у нея другія требованія.

XII.

Событія быстро подвигаются къ своему концу. Вчера былъ чудный весенній день, небо и земля, какъ влюбленные, улыбались другъ другу... Улыбалась и я, преусердно стирая бѣлье подъ зеленымъ каштаномъ и во весь голосъ распѣвая романсы... Я состоя-

залась съ небесными пѣвцами и хотѣла своимъ голосомъ покрыть многшумную мелодію жизни, и до такой степени углубилась въ свое идейное занятіе, что не слышала, какъ появился Михаилъ Иванычъ.

— Работаете, Шура?—улыбнулся онъ, любуясь мною...

— Да еще какъ!—я развернула передъ нимъ поразительной бѣлизны полотенце, которое такъ и сверкнуло на солнцѣ.

— А что, правда, весело работать?

— Да, недурно этакъ часа два поупражнять свои мускулы... а цѣлый день—слуга покорная!—При этомъ я сдѣлала передъ нимъ весьма приличный реверансъ, развела руками, обнаженными по самый локоть, какъ на балу, и продолжала уже другимъ тономъ:—въ настоящее время, вмѣсто всего этого, мнѣ смерть хочется пойти гулять. Взгляните, какая роскошь вокругъ, какой праздникъ весны! Хотите, убѣжимъ туда, въ лѣсъ, къ морю!

— Нельзя, Шура,—съ легкимъ вздохомъ, но съ искрящимися отъ удовольствія глазами отвѣтилъ онъ.

Но для меня не существуетъ «нельзя», конечно, въ предѣлахъ возможнаго, и ужъ разъ какая мысль взбредеть въ голову, да еще встрѣтитъ препятствія, я непременно поставлю на своемъ. Такъ и теперь. Что можетъ быть сумасброднѣе, особенно для Михаила Иваныча, какъ самовольно уйти въ рабочій день? Это даже не мыслимо, по крайней мѣрѣ, такой отвѣтъ я прочла въ его улыбка и еще больше взвинулась, потому что въ это время онъ былъ очень хорошъ!.. Я забыла сказать, что онъ красивъ, но особою мягкою женственною красотою, а въ этотъ разъ его лицо, съ котораго сошли угрюмыя тѣни, дышало такимъ неподдѣльнымъ восхищеніемъ и любовью, что я ощутила въ своемъ сердцѣ явственный трепетъ любви... И отъ этого мнѣ стало удивительно весело, а мой бѣсенокъ подталкивалъ меня на смѣлый шагъ... Я приблизилась къ Михаилу Иванычу, взяла его руку и стала умолять не лишать меня такого удовольствія... Онъ растерялся...

— Нельзя, Шура; у насъ есть обязанности.

— Бросьте ихъ, бросьте все, Михаилъ Иванычъ, молодость бываетъ разъ въ жизни, и другой такой весны не будетъ. Зачѣмъ вы ломаете, коверкаете себя? Я вижу, что и вамъ не меньше моего хочется... другого. Неужели теперь,—я это слово подчеркнула,—вы вернетесь къ противному плугу, теперь, когда я прошу васъ... Полно, полно, не фальшивьте... Я этого терпѣть не могу!

Я говорила убѣдительно, т. е., не слова мои были убѣдительны, а тонъ, движенія, лицо, наконецъ, огонь, который я чувствовала въ душѣ...

— Скажите, что вамъ теперь пріятнѣе идти туда къ нимъ, или со мной? Да отвѣчайте, увалень вы этакій!

— Конечно, Шура, съ вами пріятнѣе, но...

— Безъ всякаго «но»... И слышать ничего не хочу. Если теперь

не пойдете, сами пожалѣете... Ну же, ну!—для большей убѣдительности я тащила его за собой:—будьте мужчиной, человѣкомъ... Бросьте всякія путы, все это ложь, ложь! Уходите отъ нихъ, пока не потухла искра въ вашей душѣ.

И много ему я еще говорила, а онъ, слушая меня, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— Что вы дѣлаете со мной!—взмолился, наконецъ, онъ, когда мы очутились на берегу моря, и я, чтобы привести его въ чувство, должна была вспрыснуть его водой... Въ тонѣ его голоса было что-то такое серьезное, почти скорбное, что я перестала смѣяться, и мнѣ стало жаль, что я такъ мучила его.

— Михайль Ивановичъ,—сказала я слегка дрогнувшимъ голосомъ,—я уѣзжаю... поѣдьте со мною вмѣстѣ! Это дѣло совсѣмъ не по васъ.

Мимолетный свѣтлый взглядъ и снова туча на лицѣ... Боже, какъ онъ простъ и недогадивъ!

— Вы все шутите, Шура, а мнѣ больно... Зачѣмъ вы играете со мной, чего хотите отъ меня?

— Зачѣмъ, несносный вы человѣкъ? Неужели вы не понимаете, зачѣмъ... я сюда пріѣхала? Чего вы боитесь, почему молчите? Или вы не вѣрите, что я дамъ вамъ счастье?

Ахъ, мнѣ показалось, что лучи солнца собрались, какъ въ фокусѣ, въ его глазахъ. Боже! неужели это я такъ освѣтила это чудное лицо, заигравшее энергіей и силой?

— Дорогая!—прошепталъ онъ, заключая меня въ свои объятія...

Нѣтъ, мой Миша совсѣмъ не такой раскисляй, какъ я думала... Да здравствуетъ любовь, продѣлывающая такія чудеса на свѣтѣ!

ХІІІ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Если бы сейчасъ, сію минуту раздался подземный ударъ и потрясъ шаткія стѣны этого зданія, я бы меньше удивилась, чѣмъ... Окончивъ свое признаніе Лелѣ обо всемъ происшедшемъ на берегу моря и сдѣлавъ соотвѣтственный прыжокъ на постель и обратно прямо на шею Лелѣ, которую и заключила въ свои объятія съ «дикимъ воплемъ», какъ сказала бы мама, я, наконецъ, произнесла:—Итакъ, ѣдемъ! Сдѣлаемъ славное путешествіе втроемъ по Кавказу и махнемъ домой приготовляться къ свадьбѣ...

— Я не ѣду!

— Что? Что ты сказала?

Я внимательно посмотрѣла ей въ глаза, пощупала пульсъ, а она, представьте, расхохоталась.

— Да что съ тобою, Шура?

— Помилуй, что же это такое? Послѣ всего и оставаться! Нѣтъ, тутъ дѣло не ладное... Или ты пошутила?.. Скажи, пошутила?

— Нѣтъ, я вполне серьезно говорю. Видишь, Шура, ты... какъ бы тебѣ сказать?.. фрондировала. Ты несерьезно ѣхала сюда (это я-то несерьезно?), держала себя здѣсь... ну, право-жъ, возмутительно, и понятно, если вооружила всѣхъ... Дѣло не въ томъ, не въ людяхъ, не въ мелочахъ, а въ идеѣ, которая сама по себѣ заслуживаетъ глубокаго уваженія—я говорю объ идеѣ земледѣльческаго труда, о созданіи новаго, культурнаго класса земледѣльцевъ. Здѣшніе—поставили дѣло не на настоящую почву... если внести реформу въ ихъ уставъ... что ли... то можно жить.

— Та, та, та! вижу, какимъ духомъ вѣетъ! Признайся, что твоими устами говорить нѣкто другой. Угадала?

Она смутилась, покраснѣла, но стала увѣрять, что сама по себѣ всегда симпатизировала этой идеѣ, что если она молчала, колебалась, даже страдала, то просто потому, что ей трудно было ориентироваться въ путаницѣ, которую внесла я своею стремительностью. Но меня не проведешь... Ужъ если Леля такъ упорно начинаетъ ратовать за идею, то... ищите мужчину; искать-то долго его не приходилось: слишкомъ ясно былъ въ ея словахъ практической умъ Николая Григорьевича.

— Надѣюсь, Леля,—торжественно начала я, принимая соответственную осанку,—что ты не заразилась фальшью окружающаго насъ міра и не станешь увѣрять меня, что остаешься не потому, главнымъ образомъ, что твое сердечко трепещетъ болѣе обыкновеннаго при видѣ «самаго умнаго», самаго лучшаго мужчины, и что не онъ внушилъ тебѣ измѣну... моему дѣлу.

— Можетъ быть, и такъ,—отвѣтила она, смѣясь,—а такъ какъ твое дѣло окончилось въ желательномъ для тебя смыслѣ, то...

— То,—подхватила я:—желаю и тебѣ того же! Я великодушна, Леля, и, несмотря на твое коварство, готова отъ души расцѣловать тебя.

— Во всякомъ случаѣ, Николай Григорьевичъ не мямля и, несмотря на свое короткое пребываніе здѣсь, успѣлъ оказать влияние на дѣла колоніи.

Тутъ я вскочила на стулъ, который придвинула на средину комнаты, поораторски подняла руку къверху, приняла живописную позу и пророчески продолжала: предсказываю, что настанетъ новая эра въ существованіи общины, и что болѣе разумная и практическая задача возстанетъ на обломкахъ разрушающагося... самоусовершенствованія! Да здравствуетъ здравый смыслъ, и да восторжествуетъ разумъ!..

— Bravo!—раздался за моей спиной голосъ Михаила Иваныча:— о чемъ это Шура проповѣдуетъ?

- - О будущемъ колоніи, которую мы съ вами, другъ, оставляемъ

на зарѣ новой жизни, ибо здѣсь остается свѣтлый геній въ лицѣ нашей Лели, которая... а вотъ кстати и виновникъ...

— Шура! — взмолилась Леля, бросая на меня укоризненный взглядъ.

— Такъ чему я виновникъ?—улыбаясь спросилъ Николай Григорьевичъ, опускаясь на стулъ, съ котораго я спрыгнула.

— А тому, что, по вашей милости, мы такой чудный вечеръ провели въ комнатѣ... Почему не пришли во время?

— Да задержали въ кладовой... Такіе бозпорядки да упущенія во всемъ, что досадно даже... Вотъ что значитъ не имѣть хозяйскаго глаза.

— Да зато совершенство на лицо! — не выдержала я. Всѣ улыгнулись.

— Васъ, какъ слышно, хотятъ назначить распорядителемъ работь?—спросилъ Михайль Иванычъ.

Онъ теперь сталъ совсѣмъ другимъ, какъ побывалъ со мной на берегу моря. Спокоенъ, ровенъ и веселъ. Его выступленіе изъ колоніи встрѣчено съ сожалѣніемъ, а Николай Григорьевичъ положительно уговариваетъ его остаться, увѣряя, что они внесутъ другой духъ.

— А что-жъ вы меня не просите?—лукаво просила я.

— Васъ? Вы не годитесь для этой жизни. Вамъ бы порхать съ цвѣточка на цвѣточекъ, а здѣсь дѣло солидное, тяжелое!

— А она развѣ годится?—я указала глазами на Лелю, вспыхнувшую, какъ маковъ цвѣтъ.

— Елена Петровна съ большей выдержкой.

Однако, какъ счастье мѣняетъ людей! Теперь я на все смотрю другими глазами, и всѣ мнѣ кажутся симпатичнѣе, добрѣе, даже Зоя Андреевна измѣнилась въ моихъ глазахъ... Какъ никакъ, а она все-таки заслуживаетъ уваженія по своей искренней преданности идеѣ. Нужды нѣтъ, что они ошибаются и заблуждаются—развѣ есть люди, которые бы не дѣлали ошибокъ въ жизни? Иногда мнѣ даже становится жаль ее за то, что ея волосы сѣдѣютъ, лицо въ морщинахъ, жаль за то, что у нея нѣтъ блеска молодости, жаль до такой степени, что мнѣ хочется встать, подойти къ ней и извиниться за все, что я сдѣлала. Но это, конечно, глупая сентиментальность, и больше ничего, потому что въ самомъ дѣлѣ... я никого не оскорбляла и зла не желала. Дай Бой, чтобы ихъ дѣло развивалось, расширялось и принесло имъ душевный покой. Что же касается меня, то въ другой разъ... я не захочу ѣхать въ колонію... Довольно съ меня и одного!..

Марія Ермолина.

.....

ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ¹⁾.

VI.

Дядя П. Г. Вибииковъ.—Его женитьба.—Виби.—1812 годъ.—Поездка въ Нижній Новгородъ.—Наборъ.—Сцена съ крестьянами.—Княгиня Кочубей.—Пожалованіе матушки фрейлиной.—Женитьба А. Х. Бенкендорфа на вдовѣ П. Г. Вибиикова.—Представленіе имъ государю надчерницъ.—Дядя Д. Г. Вибииковъ.

ТАРШИЙ братъ матушки, Павелъ Гавриловичъ Вибииковъ, былъ, какъ и всѣ они, красивъ и, какъ первенецъ, любимецъ матери. Въ 1808 году, онъ былъ адъютантомъ у дяди своего, князя Михаила Иларіоновича Кутузова²⁾. Будучи съ нимъ гдѣ-то на югѣ (не помню навѣрное, въ какомъ городѣ), онъ влюбился въ очень красивую дѣвушку дворянскаго польскаго происхожденія. Возвратясь въ Москву, онъ просилъ у матери позволенія на ней жениться.

«Иностранка! не русская!»—гордая мать, исполненная предразсудковъ того времени, ни за что не хотѣла дать своего согласія. Дядя Павелъ съ отчаянія заболѣлъ горячей и въ бреду только и звалъ свою возлюбленную Лизу. Доктора сказали бабушкѣ, что, если она не согласится на бракъ сына, то они не отвѣчаютъ за его жизнь. Тяжела была борьба гордости съ любовью, но любовь осилила. Бабушка дала свое согласіе. Дядя

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 523.

²⁾ Женаго на сестрѣ его отца, Екатеринѣ Ильиничѣ.

выздоровѣлъ. Но самой присутствовать на свадьбѣ и допустить къ тому кого либо изъ дѣтей было выше силъ надменной женщины. Дядя уѣхалъ на югъ вѣнчаться.

Возвратился онъ съ молодой женой въ Москву, не предупредивъ о томъ никого изъ родныхъ. Собирается бабушка куда-то выѣхать со старшими дочерьми. По великолѣпной, высокой, гранитной парадной лѣстницѣ Пречистенскаго дома величаво спускается она, поддерживаемая подъ обѣ руки двумя выѣздными, ливрейными лакеями. Матушка моя съ сестрой сходятъ за ней. Вдругъ, видятъ онѣ, идетъ имъ на встрѣчу дядя Павелъ объ руку съ молодой, бѣлокурой красавицей. Красавица, увидя бабушку, отрывается отъ мужа и, обливаясь слезами, бросается въ ноги свекрови. Та ее поднимаетъ... Сынъ прощенъ.

Но любить свою невѣстку не въ силахъ была бабушка. За то матушка и тетушки скоро къ ней привязались и горячо ее полюбили. Эта дружба и впоследствии сохранилась. Жаль имъ всеѣмъ было молодой красавицы,¹ попавшей въ чуждую семью, въ чуждую среду, въ чужую землю, вдали отъ кровныхъ родныхъ своихъ. Дядя же не могъ вынести холодности матери, которую нѣжно любилъ, къ женѣ, въ которую страстно былъ влюбленъ. Онъ опять уѣхалъ на войну. Первую дочь Павла Гавриловича, Екатерину, бабушка страстно полюбила. Дѣвочка сама себя прозвала «Биби», и такъ ее всегда звали въ семьѣ¹).

Дядя Павелъ пріѣзжалъ въ отпускъ, потомъ опять уѣзжалъ на службу. Наступилъ 1812-й годъ. Объ этой эпохѣ въ нашей русской исторіи столько было писано, что о ней распространяться не стану.

Все, кто могъ, уѣзжали изъ Москвы. Бабушка со всеѣмъ семействомъ, съ внучкой Биби, съ беременной невѣсткой, поднялась въ Нижній Новгородъ. Взяли съ собой что могли изъ имущества, кого изъ прислуги и, ради больной невѣстки, молодую, восемнадцатилѣтнюю акушерку, нѣмку Елисавету Ивановну Нидманъ, которая, по искусству своему, впоследствии была въ Москвѣ знаменитостью.

Въ 1812 году, отецъ мой, тогда уже обрученный женихъ, и все дяди Бибиковы были въ дѣйствующей арміи. Одного пятнадцатилѣтняго сына Александра взяла бабушка съ собой почти насильно, но и онъ ждалъ своего назначенія, чтобъ поступить въ полкъ²).

¹) Она была высокаго роста, бѣлокурая, но не такъ хороша, какъ мать ея: вышла замужъ за генерала Офенберга. Она до сихъ поръ жива, живетъ въ Дрезденѣ. У нея была очень хорошенькая дочь, вышедшая за Чихачева. Одинъ изъ ея сыновей командуетъ теперь бригадой. Дѣдушка все имѣнія оставилъ женѣ, а она по произволу надѣляла дѣтей своихъ. Внучкѣ Екатерины Павловны она дала полторы тысячи душъ, часть, превышающую то, что получили сыновья, а второй внучкѣ Еленѣ Павловнѣ 500 душъ. Ни одна изъ дочерей бабушки не получила и половины этой доли.

²) Изъ Нижняго Новгорода онъ отправился въ полкъ, былъ убитъ такъ же, какъ и дядя Павелъ Гавриловичъ.

Тянется поѣздъ на своихъ лошадяхъ: нѣсколько каретъ, колясокъ, бричекъ и фуръ. Приѣзжаютъ въ какую-то деревню Владимирской губерніи. Все населеніе на улицѣ. Берутъ рекрутовъ. Вотъ какимъ образомъ: всѣхъ поголовно и старыхъ и молодыхъ, кромѣ, конечно, дряхлыхъ стариковъ, становятъ въ рядъ. Наборщики начинаютъ съ конца, отсчитываютъ: разъ, два, три и т. д., десятому лобъ бреютъ: онъ рекрутъ! При томъ не обращаютъ вниманія ни на какія смягчающія обстоятельства. Ропотъ и отчаяніе во всемъ селѣ. А тутъ еще тянется поѣздъ барскій. Крестьяне скучиваются и съ громкимъ крикомъ окружаютъ экипажи. Останавливаютъ лошадей.

— У насъ сыновей, отцевъ берутъ въ солдаты, на бойню тащатъ, а господа бѣгутъ отъ французовъ! Держи ихъ!

Лакеи всѣ спрячутся, кучера дрожатъ на козлахъ. Поѣздъ останавливается. Матушка, ей было тогда двадцать лѣтъ, спускаетъ окно кареты и, обращаясь къ толпѣ, спрашиваетъ: «что вамъ надо?». Увидя молодое, красивое лицо дѣвушки, толпа немного стихаетъ.

— Вотъ, барышня, у меня сына въ солдаты берутъ!

— И у меня!

— И у меня!

— А сколько у тебя сыновей?

— Три.

— А у тебя?

— Два.

— А у тебя?

— Четыре, да двое вовсе малолѣтки.

— Православные! — взываетъ матушка громкимъ голосомъ. — Осмотрите всѣ повозки! Увидите, что мы здѣсь однѣ женщины. Матушка старуха, вдова, у нея пять сыновей: четыре моихъ брата дерутся въ рядахъ арміи, а пятый почти ребенокъ, ему пятнадцать лѣтъ, а онъ рвется на войну, ждетъ только назначенія и надняхъ уѣдетъ въ полкъ. Мой женихъ, продолжаетъ она краснѣя, со слезами на глазахъ, — и тотъ теперь на войнѣ; живъ ли, нѣтъ ли? не знаю.

Крестьяне между тѣмъ утихли и успѣли осмотрѣть всѣ экипажи. Сняли шапки и почесали затылки.

— И впрямь, вишь, однѣ бабѣ да дѣти! Правду гуторить.

Разступилась толпа и съ поклономъ отпустила поѣздъ, который двинулся впередъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ, собралась цѣлая колонія москвичей ¹⁾. Жили

¹⁾ Матушка мнѣ передала одинъ случай, бывшій въ Нижнемъ Новгородѣ во время ихъ тамъ пребыванія, случай, весьма рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины.

грустно, между собою дружно, передавая другъ другу получаемыя изъ арміи извѣстія, которыя съ жадностью и трепетомъ читались и перечитывались. Привозились въ Нижній транспорты плѣнныхъ французовъ, голодныхъ и холодныхъ, которыхъ пригрѣвали и кормили, насколько кто могъ.

Тутъ беременная жена дяди Павла родила вторую дочь, Елену, которая въ свое время была одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ. Она была въ отца, черноволосая, небольшого роста, но отлично сложена; цвѣтъ лица бѣлый, свѣжій; черные большіе глаза—Бибиовскіе; умъ и знаніе свѣта у нея были замѣчательные.

Портретъ Елены, когда она была замужемъ за милліонеромъ княземъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, былъ помѣщенъ въ кипсекѣ «Le livre des beautés» ¹⁾, изданномъ въ С.-Петербургѣ. Овдовѣвъ, Елена вышла за князя Кочубея. Послѣ смерти Кочубея она отказывала всѣмъ въ нее влюбленнымъ искателямъ ея руки. Австрійскій посланникъ, Эстергази, огорченный ея отказомъ, занемогъ и чуть не умеръ съ горя. Княгиня Кочубей до самой смерти занимала, какъ штатсъ-дама, весьма почетное мѣсто и пользовалась большимъ вѣсомъ при царскомъ дворѣ.

Въ послѣдній разъ видѣла я княгиню Кочубей въ Москвѣ у матушки моей въ 1855-мъ году: она привезла къ ней свою дочь ²⁾ Кочубей и племянницу Офенбергъ (дочь Биби); обѣ были очень красивы, каждая въ своемъ родѣ: молодая Офенбергъ была высокаго роста блондинка, а княжна Кочубей — небольшого роста въ мать; волосы каштановые, глаза каріе. Но красивѣе ихъ обѣихъ была сама княгиня Кочубей: ей было тогда 43 года, она была уже бабушкой, а казалось ей не болѣе двадцати пяти лѣтъ; особенно плѣняло выраженіе ея бархатныхъ, большихъ, черныхъ глазъ. Видѣла ее днемъ и безъ всякой примѣси косметиковъ на свѣжемъ, прекрасномъ лицѣ.

Не суждено было дядѣ Павлу видѣть этого прелестнаго ребенка. Въ Нижнемъ Новгородѣ получено было извѣстіе о его смерти. Онъ былъ убитъ на войнѣ съ Турціею. Въ то же почти время дядя Александръ былъ убитъ на дуэли въ арміи.

Когда императоръ Александръ I прибылъ въ Москву, то, чувствуя горю бабушки, посѣтилъ ее. Она встрѣтила его, обливаясь слезами.

По просьбѣ дяди, фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, въ 1813-мъ году, матушка моя была пожалована фрейлиной императорскаго двора.

Одна молодая женщина ихъ круга, также бѣжавшая изъ Москвы, родила благополучно, но послѣ родовъ никакъ не могла поправиться. Врачи же не могли понять причины ея болѣзненнаго состоянія. Наконецъ, спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, она выкинула трехъ-мѣсячнаго ребенка и потомъ совершенно выздоровѣла.

¹⁾ «Книга красавицъ».

²⁾ Вышедшая впоследствии за графа Шувалова.

Вдова дяди Павла, по окончаніи войны, жила съ дѣтьми у бабушки моей; потомъ уѣхала къ своимъ роднымъ, гдѣ познакомилась съ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, за котораго и вышла замужъ ¹⁾. Дочь ея Елену отчимъ боготворилъ: онъ и впоследствии ее любилъ болѣе своихъ собственныхъ дочерей, красивыхъ блондинокъ.

Когда Бенкендорфъ доложилъ государю Александру I о своей женитьбѣ, государь пожелалъ видѣть его двухъ падчерицъ Бибиковыхъ. Ихъ повезли во дворецъ. Старшая была въ мать бѣлокурая и не дурна собой, но застѣнчива и молчалива. Меньшая Елена, по третьему году, была красавица брюнетка со вздернутымъ, шаловливымъ носикомъ и умна не по лѣтамъ. Царь взялъ ее на руки и спросилъ:

— Нравлюсь ли я тебѣ? (разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ).

— Очень,—отвѣтила дѣвочка и ручкой погладила царя по лысинѣ.—*Vous êtes chauve comme papa* (она такъ звала отчима), *mais quelle différence! Vous êtes beau, et papa est laid!* ²⁾.

Государь поцѣловалъ ее и попросилъ ее спѣть ему пѣсенку. Дѣвочка тотчасъ запѣла:

«Vive Alexandre! vive le roi des rois!» ³⁾
и такъ далѣе.

Эта пѣсня тогда сложена была въ честь Александра I.

Когда, послѣ этого дѣтскаго визита, государь увидалъ Бенкендорфа, то сказалъ ему:

— Не ссорь меня съ бабушкой: я знаю, что она старшую внучку боготворить; а признаюсь тебѣ, меньшая гораздо милѣй!

Второй по лѣтамъ сынъ бабушки, дядя мой Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (при императорѣ Николаѣ I генераль-губернаторъ въ Кіевѣ, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ), былъ въ 1812 году адъютантомъ фельдмаршала князя Михаила Иларіоновича Кутузова-Смоленскаго. При Бородинѣ ему ядромъ оторвало лѣвую руку.

«Руки нѣтъ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—а я все сижу верхомъ на своей лошади. Подѣзжаю къ тому мѣсту, гдѣ доктора перевязывали раненыхъ.

¹⁾ Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ любимъ императоромъ Александромъ I, а при императорѣ Николаѣ I, сдѣлался однимъ изъ самыхъ влиятельныхъ людей его царствованія. Ему принадлежалъ замокъ Фаль близъ г. Ревеля.

²⁾ «Вы лысы, какъ папа, но какая разница! Вы прекрасны, а папа нехорошъ собой».

³⁾ «Да здравствуетъ Александръ!
Да здравствуетъ царь царей!»

— «Господа! -говорю, миѣ руку оторвало; прошу васъ, перевяжите».

— «Некогда намъ, говорятъ, ступайте на перевязочный пунктъ.

«А я зналъ, перевязочный пунктъ за пять верстъ дальше. Дорогой я истекъ бы кровью.

— «Хорошо, говорю, поѣду. Но знайте, я — Бибииковъ, племянникъ и адъютантъ фельдмаршала.....

«Не успѣлъ я этихъ словъ договорить, какъ ужъ сняли меня съ лошади, мундиръ скинули.... Я лежалъ, и миѣ руку рѣзали».

Сколько же несчастныхъ мучениковъ тогда остались безъ помощи и погибли отъ небрежности и жестокосердія своихъ же соотечественниковъ! Какъ не благословлять спасительное учрежденіе общества Краснаго Креста и достойныхъ, милосердыхъ его членовъ?

Дмитрій Гавриловичъ, замѣчательный красавецъ, женился на черноволосой, стройной красавицѣ Софьѣ Сергѣевнѣ, рожденной Кушниковой. Она была ему доброй женой, а вмѣстѣ и богатой наслѣдницей. Женившись, дядя, будучи генераль-адъютантомъ при Николаѣ I, попреимуществу живалъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ имѣлъ свой великолѣпный домъ; исключеніемъ было только то время, когда онъ былъ генераль-губернаторомъ кievскимъ, волынскимъ и подольскимъ съ 1838 по 1842 г. Съ 1848 по 1858 г. былъ членомъ государственнаго совѣта, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1852 по 1855 г. Съ матушкой моей, а потому и съ нами, онъ и жена его всегда были въ родственныхъ отношеніяхъ. Въ доказательство приведу слѣдующій случай. По разнымъ обстоятельствамъ миѣ надобно было розыскать одну молодую дѣвушку моихъ лѣтъ, которую никогда не видала, а знала только приблизительно ея года и крещеное имя, и что жила она въ какомъ-то городѣ, гдѣ много жителей. Я написала въ Кіевъ дядѣ Дмитрію Гавриловичу, прося его, не можетъ ли онъ, при такихъ ничтожныхъ данныхъ, розыскать вышеозначенную особу. Дядя поставилъ на ноги всю полицію, и я вскорѣ получила адресъ и письмо этой молодой женщины, чѣмъ и успокоила ея родственниковъ.

Въ Москвѣ дядя Дмитрій Гавриловичъ бывалъ очень рѣдко, но когда пріѣзжалъ, посѣщалъ меня. Когда въ 1858 году онъ заѣхалъ ко миѣ, всѣ дѣти мои окружили его и съ благоговѣніемъ смотрѣли на его сѣдины, на красивыя черты его лица, на блестящіе большіе черные глаза подъ черными бровями и на «пустой» рукавъ его генеральскаго мундира.....

— Они на меня смотрятъ, какъ на какого Святослава, — засмѣялся дядя.

VII.

Мое воспитаніе.—Бонна М. А. Гейнцъ.—Мои братья.—Собака Жюль.—Любовь крѣпостныхъ къ моей матери.—Саввинъ монастырь.—Село Михайловское.—Помѣщикъ Ардалъоновъ.—Картинная галлерей отца.—Князь Юсуповъ.—Сестра Лиза.—Система преподаванія моей матери.—Хозяйство и образъ жизни моихъ родителей.—Е. Е. Кашкина.—Любитель чай.—Тетушка Сумбулова.

17-го января 1814 года, по окончаніи войны, отецъ мой обвинчался съ матушкой Софьей Гавриловной Бибиковой, второй дочерью Гавріила Ильича: военную службу онъ продолжалъ, и будучи женатымъ.

Матушка схоронила двухъ старшихъ дочерей, Софью и Варвару, младенцами и горько ихъ оплакала. Когда, послѣ ихъ кончины, родилась я, 3-го октября 1817 года, то отецъ и мать горячо меня любили. Матушка, по слабости здоровья, не могла сама кормить, но ни минуты отъ меня не отлучалась. Сама брала меня на руки и подавала кормилицѣ, красивой, здоровой крестьянкѣ, Февроньѣ Васильевнѣ¹⁾, изъ Коломенскаго имѣнія Бибиковыхъ. Говорятъ, что я такъ привыкла получать пищу изъ рукъ матери, что, проголодавшись, всегда тянулась къ ней, а не къ кормилицѣ.

Матушка бросила всѣ великосвѣтскія знакомства, даже въ театръ перестала ѣздить и постоянно мной занималась. Когда я, ребенкомъ, бывала больна, говорятъ, отецъ по цѣлымъ часамъ нашивалъ меня на рукахъ по комнатамъ, а онъ до маленькихъ дѣтей вообще не былъ охотникомъ.

До двухъ лѣтъ ходила за мной кормилица, которую преобразовали въ няньку: она была такъ умна, что матушкѣ жалъ было съ ней разстаться; только по просьбѣ ея мужа ее отпустили обратно въ деревню. Когда мнѣ минуло два года, матушка взяла мнѣ шестнадцатилѣтнюю бонну, нѣмку, Марью Андреевну Гейнцъ, которую тутъ же сама воспитала и руководила на каждомъ шагѣ, такъ что создала изъ нея такую гувернантку, лучше которой нельзя было желать. Вѣроятно, Марья Андреевна природой одарена была правомъ кроткимъ и воспріимчивымъ: она прожила у насъ десять лѣтъ сряду. Съ ней я скоро выучилась говорить по нѣмецки.

Братъ Александръ былъ моложе меня одиннадцатью мѣсяцами. Когда же мнѣ минуло четыре года, родилась сестра Елисавета. Взяли къ намъ англичанку. Англичанки у насъ мѣнялись; почему-то ма-

¹⁾ У меня уже были внуки, когда моя кормилица, все еще бодрой старухой, продолжала посѣщать меня въ селѣ нашемъ Никитскомъ. Мужъ и сыновья ея содержали постоянный дворъ въ Тамбовской губерніи. Они жили въ довольствѣ, богато. Объ одномъ жалѣла кормилица: у нея не было дочерей, поэтому она еще нѣжнѣе ко мнѣ ласкалась.

тушка была ими недовольна; но Марья Андреевна оставалась неизмѣнною. Мы ее очень любили.

Не помню, когда я начала говорить и читать пофранцузски: учила меня этому матушка, а она имѣла рѣдкую способность обучать дѣтей такъ, что ученье казалось имъ не ученьемъ, а забавой.

Къ стыду своему сознаюсь, что порусски я читала и говорила очень плохо. Въ домѣ у насъ и вообще во всѣхъ гостиныхъ говорили всѣ на иностранныхъ языкахъ; съ горничными же я никогда не бывала. Марья Андреевна порусски говорила очень плохо, и я не лучше ея.

Кромѣ сестры и брата Александра ¹⁾, былъ у меня еще братъ Илья, шестью годами моложе меня. Братъ старшій, Александръ, воспитывался со мною; вмѣстѣ мы играли, вмѣстѣ учили уроки. Братъ учился математикѣ, латинскому языку, и я съ нимъ по собственной охотѣ всему этому училась. Бывало лѣтомъ, только взойдетъ солнце, мы уже на балконѣ, въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ, сидимъ или ходимъ, учимъ наизусть басни Федра.

Братъ Александръ былъ не по лѣтамъ ловокъ и силенъ. Бывало, лѣтъ осьми, посадить меня на одну руку, сестру Лизу на другую и бѣгаетъ съ нами по комнатѣ. Храбрость, ловкость и великодушіе были у него врожденными качествами.

Разсказывала матушка, какъ съ братомъ изучала русскую исторію: шла рѣчь о Димитріи Донскомъ, какъ во время нашествія татаръ на Москву Димитрій уѣхалъ во Владиміръ.

— Почему, думаешь ты, онъ уѣхалъ? — спросила матушка у брата.

Александръ покраснѣлъ, потомъ подошелъ поближе къ матери и, озираясь, не слышитъ ли кто его, шепотомъ сказалъ ей на ухо:

— Струсилъ.

Шли мы однажды съ матерью гулять: пришлось подъ вечеръ идти сплошнымъ, темнымъ лѣсомъ. Александръ, по восьмому году, поднялъ палку и, молча озираясь, пошелъ рядомъ съ нами. Когда мы вернулись домой, матушка обратилась къ мальчику.

— Зачѣмъ ты взялъ палку, когда мы шли лѣсомъ? — спросила она.

— Я думалъ, — отвѣтилъ онъ, — что, если волки или разбойники на васъ нападутъ, то я палкой ихъ прогоню.

Когда Александру было лѣтъ пять, онъ попросилъ позволенія поиграть отцовской саблей. Играетъ онъ ею довольно долго, потомъ кладетъ саблю на мѣсто и, молча, отправляется въ дѣтскую. Вдругъ матушка видитъ, что послѣ него по всему паркету гостинной остается кровавый слѣдъ. Она очень испугалась и побѣжала за ребенкомъ.

¹⁾ Онъ названъ былъ Александромъ въ честь крестнаго отца своего, императора Александра I.

Видить, у него палец на босой ногѣ разрубленъ, и кровь струей течетъ изъ свѣжей раны.

— Что съ твоей ногой?

— Ничего, мама.

— Какъ—ничего? палецъ разрубленъ!

Александръ вдругъ залился слезами.

— Мама, простите! Дайте мнѣ опять саблей играть!

Надо замѣтить, что братъ всегда и зиму и лѣто ходилъ босикомъ, даже лѣтомъ гулялъ по лѣсамъ и оврагамъ босой, какъ крестьянскій мальчикъ. Только, когда мы гуляли зимой въ городѣ, то ему надѣвали на босу ногу кожаные башмаки. Матушка его къ этому приучила, чтобъ подкрѣпить его здоровье, которое, послѣ его рожденія, врачи объявили очень шаткимъ. Александръ въ отца былъ бѣлокуръ и глаза имѣлъ голубые, а сестра, братъ Илья и я были черноволосы въ матушку. Каждый вечеръ мылъ Александръ холодной водой свои красивыя, бѣлыя, безукоризненно-чистыя ноги и никогда не зябъ.

Когда у насъ вѣхъ была корь или скарлатина, то его не укладывали, какъ насъ, въ постель, а только обували и надѣвали поверхъ сорочки съ косымъ воротомъ суконную поддевку и сажали на диванъ, и онъ выздоравливалъ гораздо раньше насъ. Разъ только, лѣтъ четырнадцати, пролежалъ онъ съ недѣлю въ горячкѣ, и когда всталъ, то ни одно платье ему не годилось, онъ въ одну недѣлю выросъ почти на три вершка (фактъ).

Была у насъ прелестная, лягавая, коричневая собака: кличка ей была Jules (Жюль). Ее еще щенкомъ подарили отцу, и она выросла у насъ въ домѣ. Мы съ ней всегда играли; она намъ сочувствовала во вѣхъ нашихъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ, никогда насъ не кусала, несмотря на то, что мы иногда порядкомъ ее мучили.

Когда мы, гуляя, запаздывали возвратомъ домой, и матушка безпокоилась, то люди ей говорили: «Не извольте безпокоиться, Жюль съ дѣтьми пошелъ». Онъ былъ самымъ вѣрнымъ нашимъ защитникомъ.

Но чужихъ Жюль не терпѣлъ и не подпускалъ къ дому. Стоило закричать: «чужой!» и онъ бросался, хваталъ всякаго за горло. За то всѣ его боялись.

Разъ, въ сумерки, десятилѣтній Александръ усѣлся на полъ въ темномъ углѣ дѣтской, гдѣ мы одни играли, а братъ Илья, большой шалунъ, держа Жюля за ошейникъ, указалъ ему на Александра и закричалъ: «чужой!» — собака кинулась съ лаемъ и, не узнавъ Александра, впилась въ него... Мы, дѣвочки, подняли крикъ. Сбѣжался весь домъ. Между тѣмъ Жюль, узнавъ свою ошибку, сконфуженный, поджавъ хвостъ, уже лежалъ у нашихъ ногъ. Всѣ перепугались.

— Жюль тебя укусилъ? — спросилъ отецъ у Александра.

— Нѣтъ, папа, не кусалъ,— говоритъ Александръ, а самъ прячетъ руку за спину.

— Поди сюда,— сказала матушка.

Ослушаться нельзя было. Братъ подошелъ.

— А это что?—продолжала матушка, увидавъ, что рукавъ на той рукѣ, что пряталась за спину, весь разорванъ.

— Это — ничего!

— Какъ ничего?

Матушка съ ужасомъ увидала, что изъ руки Александра, ниже локтя, былъ выкушенъ цѣлый кусокъ мяса! (рубецъ отъ этой раны у него остался навсегда).

— Что-жь ты говоришь, что Жюль тебя не кусалъ?

Тутъ мальчикъ зарыдалъ.

— Вы его бить будете, этого бѣднаго Жюля!

Собаку заперли во флигелѣ. Она съ тоски ничего ѣсть не хотѣла, а на слѣдующій день вырвалась и приближала къ намъ въ дѣтскую. Мы ей очень обрадовались, но люди, блѣдные, какъ полотно, сбѣжались, увѣряя, что собака взбѣсилась. Какъ ни приказывала имъ гувернантка взять ее обратно во флигель и тамъ запереть, никто не рѣшался къ ней подойти: отца же и матери не было дома, они куда-то уѣхали. Тогда шестилѣтняя сестра Лиза подошла къ Жюлю, надѣла ему на шею свой носовой платокъ и повела его сама черезъ весь дворъ во флигель, гдѣ люди, шедшіе за нѣсколько шаговъ позади ея, заперли собаку.

Въ сущности, Жюль вовсе не взбѣсился, но мы напрасно умоляли, чтобъ намъ его отдали; матушка боялась его опять пустить въ домъ, и, къ великому нашему горю, его кому-то подарили. Мы со слезами смотрѣли на него, когда его увозили, и казалось намъ, что и Жюль бросалъ на насъ отчаянные взгляды... Долго не могли мы простить брату Ильѣ потери нашего любимца.

Постоянное общество насъ, дѣвочекъ, развило въ Александрѣ добрый и уживчивый нравъ, а мнѣ братъ сообщилъ нравственное мужество и энергію, которыми природа меня не одарила.

Я слышала, какъ посторонніе выговаривали моей матери, почему она меня, дѣвочку, обучаетъ наукамъ, годнымъ только мужчинамъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, когда въ высшемъ кругу обучали только танцамъ, бряцанью на рояли и французской болтовнѣ. Но я уже говорила, что матушка опередила свой вѣкъ; она не смущалась чужими рѣчами и продолжала поступать по своимъ убѣжденіямъ. вмѣстѣ съ научными занятіями насъ приучали и къ рукодѣлю, шитью бѣлья, платьевъ и кройкѣ ихъ.

Матушка была не только высоко образованная женщина и чадолюбивая мать, но и милостива ко всѣмъ. Крестьяне ее обожали, и до сихъ поръ память о «матушкѣ нашей Софьѣ Гавриловнѣ» жи-

веть въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ ¹⁾ и въ степномъ селѣ Сергіевскомъ ²⁾). Она лѣчила больныхъ очень успѣшно, перевязывала раны, присутствовала при опасныхъ родахъ крестьянскихъ бабъ, и вездѣ сопутствовали ей благословенія бѣдняковъ. Она и насъ приучила видѣть въ крестьянахъ людей, а не машины для выколачиванія денегъ.

По зимамъ мы живали въ Москвѣ, гдѣ тогда отецъ служилъ, а лѣто проводили въ имѣніи матери, селѣ Михайловскомъ, куда отецъ пріѣзжалъ въ отпускъ.

Село Михайловское, въ 60 верстахъ отъ Москвы, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, лежитъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, въ 17 верстахъ отъ города Звенигорода, такъ названнаго, гласитъ преданіе, потому, что во времена татарскихъ и литовскихъ нашествій, когда къ Москвѣ приближались вражьи полчища, въ Звенигородѣ раздавался звонъ изъ всѣхъ колоколовъ, и на этотъ звонъ собиралась рать изъ всей окрестности для обороны столицы отъ приближающихся враговъ.

Близъ Звенигорода стоитъ Саввинъ монастырь, чтимый царями изъ рода Романовыхъ. За его стѣнами скрывались отъ стрѣльцовъ царица Наталья Кирилловна съ малолѣтнимъ Петромъ I. Звонъ громаднаго колокола, подареннаго Саввину монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, слышала я не разъ, гуляя ребенкомъ въ селѣ Михайловскомъ. Насъ, дѣтей, возили въ Саввинъ монастырь поклониться святымъ мощамъ ³⁾ преподобнаго Саввы, въ то время открытымъ. Какъ теперь, вижу блѣдный, заостренный носъ и тонкій профиль святого угодника Божія.

Село Михайловское, гласитъ старинная лѣтопись, было когда-то городомъ: видны еще мѣста, гдѣ стояли церкви, но остались лишь слѣды ихъ фундамента, а срытый въ два уступа холмъ былъ во время оно занятъ городскими укрѣпленіями. На верхней площадкѣ выстроены теперь большой каменный храмъ во имя Михаила Архангела: онъ окруженъ деревьями и виденъ за четырнадцать верстъ. На нижней площадкѣ стоялъ во времена моего дѣтства нашъ большой домъ, послѣ кончины моихъ родителей проданный на свозъ, а теперь выстроены небольшой домикъ моей дочери Александры: онъ окруженъ садомъ съ цвѣтниками.

Въ старой церкви села Михайловскаго находились два изваянія, грубо вытесанныя изъ дерева и такъ же грубо окрашенныя масляными красками, аршина въ полтора или немного болѣе вышины.

¹⁾ Михайловское принадлежитъ теперь моей дочери Александрѣ, и старушки крестьянки ей говаривали, когда она въ болѣзняхъ ихъ посѣщала: «Какъ ты, голубушка, похожа на нашу матушку Софью Гавриловну».

²⁾ Село Сергіевское принадлежитъ сыну моего брата Ильи, Гаврилу Ильичу Бибинову.

³⁾ Теперь эти мощи закрыты.

Одно изъ нихъ изображало св. Николая Чудотворца, съ митрой на головѣ, держащаго въ рукѣ мечъ; другое — св. Пятницу. Я, будучи ребенкомъ, видала, какъ, въ засуху, крестьяне носили крестнымъ ходомъ эти изваянія по полямъ и лугамъ, молясь о дождѣ. Теперь этого уже не дѣлаютъ.

Господинъ Ардалоновъ ¹⁾, прежній помѣщикъ села Михайловскаго, возмущенный при видѣ этихъ безобразныхъ изваяній, стоявшихъ тогда въ самой церкви, и считая ихъ идолами, приказалъ ихъ изъ церкви взять и запереть къ себѣ въ подвалъ. Крестьяне сельскіе, тогда почти всѣ старовѣры, вознегодовали на своего помѣщика за такое оскорбленіе святыни, окружили домъ его съ зажженными факелами и грозили его сжечь вмѣстѣ съ баринимъ, если тотъ не отдастъ имъ обратно «боговъ» ихъ.

Ардалоновъ былъ принужденъ покориться: изваянія перешли опять изъ подвала въ церковь, но помѣщикъ въ этомъ имѣніи до лѣтъ жить не захотѣлъ и тутъ же продалъ его матушкѣ.

Когда, вѣскольکو лѣтъ тому, я была у дочери, новая церковь строилась, а въ старой еще служили. Оба въ ней изваянія стояли въ трапезѣ, за стекломъ.

Въ этомъ-то прелестномъ Михайловскомъ протекли лучшіе, счастливейшіе дни моего дѣтства. Эти годы остались въ моей памяти ярко озаренными солнечными лучами и пропитанными ароматомъ лѣсныхъ и луговыхъ цвѣтовъ.

Какъ теперь, вижу выстроенный моимъ отцомъ высокій домъ изящной архитектуры съ мезониномъ и антресолями, окруженный высокими, огромными балконами, уставленными померанцевыми деревьями. На крышѣ дома, когда пріѣзжалъ отецъ, развѣвался большой флагъ съ Мальтійской звѣздой ²⁾: этотъ флагъ былъ виденъ верстъ за десять; домъ стоялъ на утесѣ, какъ на пьедесталѣ. Передъ самымъ домомъ холмъ кончался обрывомъ, устланнымъ дѣрномъ, а у подошвы его стелются и теперь заливные луга, испещренные цвѣтами, а по нимъ, извиваясь голубой лентой, бѣжитъ Москварѣка. Сквозь воду ея, какъ хрусталь прозрачную, видно бѣлое пещаное дно, а въ водѣ играютъ на солнцѣ тысячи ершей и пескарей. Мы, дѣти, часто ходили удить рыбу, но я ни одной рыбы никогда не выудила, потому что, не слѣдуя примѣру товарищей, выбиравшихъ глубокія, темныя мѣста, садилась всегда на берегу у мелководія и въ прозрачной водѣ по цѣлымъ часамъ любовалась игрой тысячи разнородныхъ рыбокъ, блестящихъ чешуйками подъ лучами солнца; а удочка безъ дѣйствія лежала забытая около меня на травѣ.

¹⁾ У него матушка купила это имѣніе на свои приданыя деньги за 60.000 р. ассигнаціями. Тамъ было около 3.000 съ чѣмъ-то десятинъ земли и считалось 300 душъ крестьянъ. Тутъ были большіе лѣса и заливные луга.

²⁾ Отецъ мой наслѣдовалъ отъ отца своего «Мальтійскій орденъ». Въ то время онъ былъ наслѣдственнымъ.

Съ высоты холма можно было окинуть взоромъ нѣсколько десятковъ верстъ, множество прибрежныхъ деревень, дальнихъ рощъ и лѣсочковъ. Прїѣзжіе гости, войдя со второго этажа на верхній балконъ, долго, бывало, не могли оторваться отъ этого очаровательнаго вида.

Мы же, дѣти, предпочитали большую, развѣсистую березу, росшую у самой террасы. Тутъ мы строили шалаши, готовили кушанье изъ мокраго песку и крошечной рѣпы.

Въ деревнѣ, да еще лѣтомъ, дѣтямъ—раздолье. Цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ хотъ прудъ пруди. Гулянье по лѣсамъ, купанье въ рѣкѣ, даже подъ палящими лучами солнца... но что дѣтямъ отъ солнца? Они крѣпнуть отъ его лучей и не утомляются ими.

Ночевали мы, дѣвочки, въ большой высокой комнатѣ, рядомъ съ комнатою нашей гувернантки-нѣмки, Марьи Андреевны. Два большихъ нашихъ окна выходили на цвѣтникъ, что намъ очень нравилось.

Прелестное Михайловское и уроки моего друга и наставника въ русскомъ языкѣ, Василя Андреевича Золотова ¹⁾, развили во мнѣ наслѣдованную мною отъ отца любовь къ природѣ и къ деревенской жизни. Я любила убѣгать отъ товарищей и одной уходить въ любимую рощицу изъ березъ и кленовъ, растущихъ надъ свѣтлымъ ручьемъ. Тутъ бросалась я на траву и, закинувъ руки за-голову, смотрѣла на синее небо и на зеленую, на немъ обрисованную, листву; смотрѣла, какъ бѣлыя облака будто гонимы этими, тихо колебленными вѣтромъ вѣтвями; будто вѣтви эти сметали ихъ съ небесной лазури... и я утопала въ этой ясной синевѣ, будто сливаясь съ ней...

Въ эти неизъяснимо-сладкія минуты я забывала все, и только голосъ Марьи Андреевны, меня ищущей, возвращалъ меня къ дѣйствительности...

Однажды, ночью, я проснулась отъ сильнаго громоваго удара. Вся комната освѣтилась молніею, и я, нимало не испугавшись, соскочила съ кровати и, вскарабкавшись на высокой подоконникъ, ухитрилась тихонько отворить окно и усѣлась на немъ, поджавши босыя ноги подъ длинную ночную рубашку. Долго я такъ сидѣла, любуясь раскатами грома и яркою молніею, которая, раздирая тучи, освѣщала на мигъ дальнія поля, лѣса, деревни, извилистую Москворѣку, цвѣтникъ подъ окнами, меня самоѣ, девятилѣтнюю дѣвочку, а потомъ угасала въ прозрачной темнотѣ благовонной іюньской ночи.

Большая картинная галлерей моего отца въ селѣ Михайловскомъ доставляла мнѣ также немалое наслажденіе. Эта галлерей составляла часть дома; къ ней вела стеклянная дверь изъ кабинета моего отца

---

¹⁾ О В. А. Золотовѣ, о моихъ съ нимъ урокахъ и о вліяніи его на мое дѣтство, напечатана была особая моя статья въ «Русскомъ Архивѣ» въ I томѣ 1883 г. подъ заглавіемъ: «Въ память В. А. Золотова».

и она простиралась во всю ширину дома; освѣщали её съ двухъ концовъ по одному большому итальянскому окну. По срединѣ галле-рей былъ каминъ и надъ нимъ бюстъ Аполлона. Длина ея была— двадцать четыре аршина (во всю ширину дома), ширина — двѣнадцать, вышина — девять. Эта галлерея украшена была картинами хорошихъ мастеровъ. Такъ какъ отецъ былъ страстнымъ охотникомъ, то большая часть картинъ представляла охоту за звѣрями.

Помню, какъ прїѣзжалъ къ намъ старый князь Юсуповъ, самъ любитель и знатокъ живописи, долго ходилъ по отцовской галлереѣ и хвалилъ его коллекцію.

Какъ ребенку, памятенъ былъ старый князь тѣмъ, что мнѣ странными показались его высокіе бархатные сапоги. Старый князь страдалъ подагрой.

Онъ особенно любовался четырьмя Шнейдерсами огромнаго раз-мѣра: охотою за медвѣдями и охотою за оленемъ; обѣ картины въ натуральную величину. Другія двѣ представляли *garde-manger*; тутъ была битая дичь, фрукты и цвѣты. Въ одной изъ нихъ, въ правомъ углу снизу—голова собаки, тянувшейся къ дичи, а на лѣ-вомъ, сверху — бѣлокудрявый юноша, въ средневѣковомъ одѣяніи держащій на пальцѣ попугая. Эту фигуру приписывали кисти Ру-бенса, и дѣйствительно колорить ея напоминалъ этого знаменитаго художника ¹⁾.

Была также большая, въ натуральную величину картина фран-цузской школы, художника Обри ²⁾, вѣроятно, портретъ. Во весь ростъ сидитъ старый охотникъ, отдыхая подъ деревомъ; онъ снялъ фуражку, и на высокомъ лбу, окаймленномъ рѣдкими, сѣдыми кудрями, выступилъ каплями потъ. Онъ держитъ ружье: при немъ вся охотничья амуниція; въ глазахъ сіяетъ радость успѣшной охоты. По обѣ стороны двѣ лягавыя собаки французской породы: изъ нихъ одна подаетъ ему во рту какую-то дичь. Эти собаки, вѣроятно, также портреты, потому что надъ одной большими золо-тыми буквами написано: «Lise», а надъ другой — «Fine Lise». Эту картину, позднѣе, продалъ отецъ Ивинскому за шестьсотъ рублей.

Двѣ картины Simon Chardin (Симонъ Шарденъ) помѣчены его именемъ и 1733 годомъ. Это два—pendants. На обѣихъ написана битая дичь, кремневая ружья, рогъ и пейзажъ, а на первомъ планѣ по собакѣ въ натуральную величину; на одной—пудель, обнюхи-вающая дичь, а на другой—французская, лягавая собака, наострив-шая уши. Эти картины, обѣ трехъаршинной вышины, казались ма-ленькими въ сравненіи со Шнейдерсами и другими историческими ³⁾.

¹⁾ Известно, что Шнейдеръ—ученикъ Рубенса: фигуръ онъ писать не умѣлъ а въ его картинахъ рисовалъ ихъ часто учитель его, Рубенсъ.

²⁾ Aubry, peintre du roi (Смотри: Histoire des peintres).

³⁾ Двухъ «Симонъ Шарденъ» отецъ подарилъ моему старшему сыну: онѣ находятся въ селѣ Никитскомъ, принадлежанцемъ теперь моему внучку Раевскимъ.

Нѣкоторыя картины отецъ раздарилъ друзьямъ своимъ, а четырехъ Шнейдерсъ купилъ англичанинъ, пріѣхавшій въ Россію скупать картины этого мастера; отецъ продалъ ихъ за бездѣлицу, въ сравненіи съ ихъ стоимостью — за четыре тысячи рублей. Я плакала, когда увезли эти картины... Но мы тогда уже не жили въ Михайловскомъ, а переѣхали въ Рязанскую деревню, доставшуюся отцу по завѣщанію отъ мачихи. Въ этомъ имѣніи, селѣ Сергіевскомъ, домъ былъ маленькій; комнаты, сравнительно, низкія; картины тамъ помѣстить — немислимо, а оставить ихъ въ нетопленной галлерей села Михайловскаго, подъ присмотромъ старосты-мужика, было тоже, что погубить ихъ. Мало ли что могло съ ними случиться?

Въ картинной галлерей мы, дѣти, игравали въ ненастные дни, но туда часто убѣгала я одна и цѣлые часы проводила, стоя передъ картиной Шнейдерса или Симона Шардена. Одно обстоятельство мнѣ памятно. Въ галлерей не было паркета, какъ въ остальныхъ комнатахъ; полъ былъ выкрашенъ и довольно неудачно. Забывшись передъ картиной, я уже не могла сдвинуть ногъ, прилипшихъ къ полу. Я разулась и съ хохотомъ убѣжала, оставивъ башмаки приклеенными къ полу. Впослѣдствіи исправили это неудобство.

Но краше всего въ Михайловскомъ и лучшей моей радостью была моя маленькая сестра Лиза. Да и трудно было бы найти существо болѣе милое, плутоватое, болѣе вызывающее любовь и баловство. И въ томъ и въ другомъ недостатка не было. Уроковъ она еще не брала, но подружилась со всѣми моими учителями. Когда она кокетливо подносила конфеты учителю музыки, онъ, угрюмый нѣмецъ, улыбался и, не сводя съ нея глазъ, благодарилъ ее и чалъ головой.

— Сколько несчастныхъ,—говорилъ онъ,—погубятъ эти черные глаза и кудрявые волосы!

И въ самомъ дѣлѣ подобныхъ глазъ и не было и не будетъ: сколько въ нихъ было плутовства, нѣтъ, точнѣе, шаловливости (*espiéglerie*) и миловиднаго наивнаго кокетства, сколько страсти въ маленькомъ носикѣ съ подвижными, раздувающимися ноздрями, сколько ума и граціи въ улыбкаѣ пурпуровыхъ губъ этого крошечнаго ротика! Позднѣе, наша наставница, Александра Васильевна Сахарова, признавалась, что сердилась на мою, признаться, часто лѣнивую сестричку только до тѣхъ поръ, пока та сидѣла, опустивъ глаза въ книгу.

— Стоитъ Лизѣ на меня поднять свои влажные съ длинными рѣсницами глаза,—говорила она,—какъ весь гнѣвъ мой немедля исчезаетъ.

Я же не понимала, чтобъ можно было сестрѣ въ чемъ либо отказать. Будучи старше ея четырьмя годами, я питала къ ней чув-

ство, болѣе похожее на любовь матери, чѣмъ сестры, и это чувство сохранилось и тогда, когда разница лѣтъ съ годами изгладилась.

Матушка намъ давала уроки Закона Божія и французскаго языка. Систему обученія она выработала себѣ сама, давая уроки братьямъ своимъ и сестрамъ, и этой, ей только принадлежащей, системой опередила свой вѣкъ. Книгъ-учебниковъ она намъ въ руки не давала, наизусть, кромѣ текстовъ катехизиса или стихотвореній, мы ничего не учили.

Французскому языку матушка обучала практикой, т. е. диктовкой, изложеніями; тутъ же устно толковала она правила этимологіи, правописанія, синтаксиса. Такимъ способомъ обучила она много молодежи, братьевъ, сестеръ, дѣтей своихъ и чужихъ, и всѣ ученики ея основательно усвоили себѣ все то, чему у нея выучились въ сравнительно скорое время.

На обученіе дѣтей были у нея прирожденные умѣнье и способность. Къ тому же матушка, привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ заниматься дѣтьми, однимъ взглядомъ читала на лицѣ ихъ мысли ихъ и желанія, такъ что мои дѣти, удивленные ея проницательностью, считали ее за святую и, конечно, безпрекословно ей повиновались. Въ свободное время матушка круглый годъ много читала, всего болѣе историческихъ, философскихъ книгъ, изъ литературы же только выдающихся писателей. Пустыхъ романовъ я у нея въ рукахъ никогда не видала. Изъ прочитаннаго она намъ часто рассказывала или прочитывала то, что могло насъ интересовать.

Отецъ въ шутку намъ говаривалъ: «O! maman sait tout et encore quelque chose» ¹⁾.

Собственно дѣтскихъ книгъ въ двадцатыхъ годахъ не имѣлось не только на русскомъ, но даже и на французскомъ языкѣ. Paul et Virginie, Gumal et Lina, скучнѣйшій Berquin, les veillées du Château ²⁾ скоро были исчерпаны. Волшебныхъ сказокъ намъ не давали читать; матушка считала ихъ вредной пищею для ума.

«Павель и Виргинія» Бернарденна, собственно говоря, нельзя назвать дѣтскою книгою, но изъ всѣхъ прочихъ она намъ болѣе нравилась. Русскихъ же книгъ для дѣтей въ то время вовсе не было. Поневолѣ просиживала я, лѣтъ десяти, по цѣлымъ часамъ гдѣ нибудь въ углу, глотая отъ доски до доски трагедіи Расина, Корнеля, Вольтера и тѣ изъ комедій Мольера, которыя мнѣ дозволяли читать. Но и тутъ встрѣчались выраженія вовсе не дѣтскія и даже далеко неприличныя. За истолкованіемъ непонятыхъ мною словъ я приходила къ матушкѣ и, вѣроятно, очень затрудняла ее своими вопросами.

¹⁾ O! мама знаетъ все и еще кой-что въ придачу.

²⁾ «Павель и Виргинія», Бернарденна, «Гюмалъ и Лина», Беркена, Вечера въ Замкѣ.

Матушка не была хозяйкой, если взять это слово въ принятомъ обыкновенно его значеніи. Она не бѣгала, гремя ключами, по всему дому, никогда не бранилась съ прислугой, не утопала по колѣна въ грязи скотныхъ дворовъ, но, по-моему, ея хозяйство было самое рациональное. Она соразмѣряла расходъ съ приходомъ. Никогда не слыхала я, чтобъ родители мои жаловались на безденежье, никогда не было у нихъ ни копейки долга; напротивъ они всегда помогали нуждающимся и роднымъ и чужимъ; а богатыми ихъ назвать нельзя было, особенно до полученія отцемъ въ наслѣдство села Сергіевскаго и устройства въ немъ правильнаго хозяйства ¹⁾.

Имѣнія ихъ никогда не были заложены, и при жизни они каждаго изъ насъ надѣлили поровну очень хорошимъ имѣніемъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, а матушка, по завѣщанію, оставила намъ село Михайловское.

Домъ, въ которомъ мы живали въ деревнѣ, и тотъ, что нанимали въ городѣ, были всегда помѣстительные, опрятно и въ порядкѣ содержавшіеся, но безъ всякой излишней роскоши. Обѣдъ всегда сытный, вкусно изготовленный, но неприхотливый; дорогихъ винъ и ликеровъ не подавалось. Ни прислуга, ни жившіе въ домѣ (а у насъ постоянно бывали бѣдные приживальщики), ни мы, дѣти, ни въ чемъ не нуждались. Платья наши, а особенно бѣлье, всегда были безукоризненно чисты. Бѣлье мѣняли два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ: ночныя сорочки шились съ высокимъ закрытымъ воротомъ и очень длинныя. Эта мода (*chemises fermées*) вошла во всеобщее употребленіе только лѣтъ тридцать спустя.

Учителей намъ брали всегда лучшихъ въ Москвѣ, т. е. вмѣстѣ и самыхъ дорогихъ. Матушка говорила, что именно для перваго основанія науки и искусства необходимо имѣть умѣлаго, правильнаго руководителя.

Для себя собственно матушка очень мало тратила, одѣвался замѣчательно просто; платья носила дешевыя, но всегда опрятныя и со вкусомъ спитыя; причесана и одѣта была съ самаго утра.

Званыхъ обѣдовъ, вечеровъ и баловъ у насъ никогда не бывало; никуда матушка не выѣзжала, даже въ театрѣ не бывала. Въ концерты матушка стала меня возить, только когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и я много занималась музыкой.

Мы, дѣти, вставали рано, часовъ въ пять утра, и ложились въ семь по полудни. Когда насъ уложатъ спать зимой, въ Москвѣ, матушка выѣзжала, т. е. черезъ день проводила равній вечеръ то у своей матери, то у искренняго друга своего, Елсаветы Евгеніевны Кашкиной. Е. Е. Кашкина была однихъ лѣтъ съ матушкой, замѣчательно умная, остроумная и веселая личность. Она съ са-

¹⁾ Картины отецъ купилъ, продавъ дорогое оружіе, подарки шаха Персидскаго, а матушка отдала на эту охоту брилліанты, полученные ею въ приданое.

мыхъ молодыхъ лѣтъ связана была съ матушкой самой тѣсной дружбой. Хотя обладала очень хорошимъ, независимымъ состояніемъ, замужъ не вышла, потому что осталась вѣрна до гроба памяти любимаго ею жениха, убитаго на войнѣ 1812-го года. Всю жизнь посвятила она воспитанію племянницы, дочери брата своего, сиротѣ, которую страстно любила. Племянница Варенька и матушка моя были единственными предметами ея привязанности. Она была крестной матерью моей сестры, которая въ честь ея и названа Елисаветой.

Елисавету Евгеніевну мы, дѣти, очень любили. Ея живой, веселый нравъ былъ совершенно противоположенъ сдержанному и спокойному характеру нашей матери; на этомъ, повидимому, противорѣчіи и основана была ихъ неизмѣнная дружба. Бывало, только войдетъ къ намъ въ домъ Елисавета Евгеніевна, какъ ужъ изъ передней раздастся ея звонкій, веселый голосъ, и мы всѣ бѣжимъ къ ней на встрѣчу.

И уже сказала, что матушка, какъ говорится, всегда сводила концы съ концами. Въ двадцатыхъ годахъ сельское хозяйство было не такъ сложно, какъ оно стало теперь со времени освобожденія крестьянъ. Отецъ, почти всегда занятый службой, хозяйствомъ мало занимался. Матушка, соединяя благоразумную экономію со врожденной гуманностью, вела отлично всѣ дѣла.

Помню, какъ въ голодный 1830—1831 годъ мы въ городъ не ѣздили, зимовали въ деревнѣ, въ селѣ Сергіевскомъ, хлѣба продали самую малость. Зато каждое первое число каждаго мѣсяца я видѣла, какъ мимо нашихъ оконъ проѣзжали наши крестьяне въ саняхъ, а позднѣе на телѣгахъ и, весело съ нами раскланиваясь, подтѣзжали къ господской житницѣ, гдѣ отсыпали для семей ихъ даровое продовольствіе мукой и крупой на весь слѣдующій мѣсяць. То же самое повторилось и въ 1840 году и у мужа моего и у родителей моихъ. Не даромъ же ихъ крестьяне такъ жалѣютъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

«Тогда,—говорятъ они,—мы жили, какъ у Христа за пазушкой¹⁾».

¹⁾ Особенно видѣли они эту разницу въ 1891—1892 году. Такого голода, какой мы тогда терпѣли, я еще не видѣла, хотя пережила на своемъ вѣку два голода. Земская и государственная помощь были недостаточны, и если бы не даровныя столовыя, открытыя графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ некоторыхъ селеніяхъ Елифанскаго, Евремовскаго и Данковскаго уѣзда, много народа померло бы съ голода. Не считая той же благотворительной дѣятельности сыновей графа въ другихъ мѣстностяхъ, но въ названныхъ выше уѣздахъ Левъ Николаевичъ въ продолженіе года прокормилъ болѣе 20.000 человекъ.

Мы, терпѣвнѣе сряду два неурожайные 1890 и 1891 годы, въ которые не продали ни зерна хлѣба, не только не были въ состояніи раздавать его нуждающимся, но еле объѣмнили свои поля и принуждены были (въ первый разъ въ моей жизни) въ деревнѣ покупать по 1 р. 15 к. за пудъ слежавшуюся, затхлую ржаную муку, которую мѣшали пополамъ съ картофелемъ и пекли изъ этой смѣси

Отец любилъ хорошихъ лошадей, у него былъ свой небольшой заводъ. Былъ у него и красивый скотъ тирольской породы. Рослые, добрые кони своего завода легко везли приличные наши экипажи. Все было въ порядкѣ—и дѣла и обстановка, но роскоши не было, и ни за кѣмъ мы не тянулись. Если тратить только на одно полезное, не увлекаясь тщеславіемъ, то и съ небольшимъ достаткомъ можно жить, не терпя нужды и не жалуясь на судьбу. Если же допустить безсмысленныя прихоти, то безумнымъ желаніямъ не будетъ границъ.

Матушка, отказавшись отъ общества ради нашего воспитанія, вѣроятно, принесла большую жертву, о которой она впрочемъ никогда не жалѣла. Создана она была для общества, въ которомъ всегда могла блистать смолоду красотой, а до старости умомъ, образованіемъ и замѣчательнымъ умѣньемъ владѣть разговорнымъ языкомъ (*esprit de conversation*).

— *Quand on cause avec madame Bibicoff*,—говаривали мнѣ молодые люди, когда матушкѣ было за шестьдесятъ лѣтъ,—*on oublie ses cheveux blancs pour ne se souvenir que de ses yeux noirs* ¹⁾).

Въ ея гостиной всякій себя чувствовалъ «à son aise» ²⁾, и всѣмъ было весело, несмотря на то, что у нея всегда соблюдалось строгое приличіе.

«Послѣ моего замужества», рассказывала намъ мать, «къ намъ часто ѣзжали товарищи моего мужа, военные; я считала долгомъ принимать ихъ любезно и всегда имъ сама въ гостиной чай разливала, но эти господа отучили меня отъ этого занятія. Однажды, пріѣхалъ одинъ изъ кавказскихъ сослуживцевъ вашего отца. Я невзначай спросила его: любить ли онъ чай? сколько чашекъ пьетъ его?»

— «Двѣнадцать стакановъ съ ромомъ и двѣнадцать безъ рома,—отвѣчалъ онъ.

«Съ этого дня я самоваръ сослала въ буфетъ».

Каждое воскресенье ходили мы къ обѣднѣ съ матушкой, а, возвратясь отъ обѣдни, она насъ усаживала около себя и читала намъ вслухъ главу изъ Евангелія или изъ «*Imitation de Jésus-Christ*» ³⁾. Сознаюсь, что и Евангеліе и Библію мы читали пофранцузски, хотя воснитывались въ православіи.

хлѣбъ, который ѣли мы, взрослые, и дѣти, и прислуга наша за обѣдомъ и даже съ чаемъ. Старыя нанні крестьянки, помнившія 1840 годъ, говорили мнѣ:

«Тогда вы, господа, не только насъ кормили, но и скотину нашу; посылку ей давали. вся дѣла осталась, а теперь мужики и лошадей, и коровъ, и овецъ распродали, ни молока нѣтъ ребятамъ, да не на чемъ пахать будетъ. Что говорить? тогда голодный годъ безъ нужды прожили».

¹⁾ «Когда разговариваешь съ госпожею Бибиковой, то забываешь о ея бѣлыхъ волосахъ, а помнишь только ея черные глаза».

²⁾ «Привольно, не стѣсненнымъ».

³⁾ «Подражаніе Христу».

Каждый день, а попреимуществу въ воскресенье, къ матушкѣ приходили изъ своей и изъ сосѣднихъ деревень больные крестьяне и крестьянки, которыхъ она самыми простыми средствами лѣчила очень успѣшно по лѣчебникамъ Гуфеланда и Каменецкаго.

Прибавлю здѣсь одну весьма странную особенность матери моей. Вотъ что она сама намъ рассказала.

«Когда я была еще молодой дѣвушкой, у меня была тетушка, сестра моей матери, г-жа Сумбулова; дѣтей у нея не было. Меня она любила болѣе всѣхъ своихъ племянницъ, и я также къ ней очень привязалась. При послѣдней ея болѣзни я за ней постоянно ходила. Однажды, она очень ослабла, и такъ какъ я сидѣла у ея изголовья, она положила голову на мое плечо и долго такъ отдыхала. Я боялась пошевелинуться, чтобъ ея не беспокоить. Но вдругъ она подняла голову и переложила ее на подушку... и тутъ же скончалась. Точно не хотѣла она оставить мнѣ непріятнаго чувства держать на плечѣ холодѣвшій трупъ ея... Это меня до слезъ тронуло, этой минуты забыть не могу.

«Но вообразите себѣ, что съ тѣхъ поръ, какое бы несчастіе ни приключилось въ моей семьѣ, тетушка Сумбулова является ко мнѣ во снѣ и предсказываетъ мнѣ то, что должно случиться. Это ужасно! Я такъ любила тетушку, а съ тѣхъ поръ всякій разъ пугаюсь, когда ее вижу во снѣ».

И точно, матушка, бывало проснувшись, намъ скажетъ:

«Я опять видѣла во снѣ тетушку Сумбулову. Она сказала мнѣ, что вашъ отецъ будетъ опасно боленъ».

Или: «умретъ родственникъ черноволосый, высокаго роста».

Или: «умретъ молодой, бѣлокурый».

Или: «умретъ такая-то родственница» и т. д.

И всегда вскорѣ случалось то, что она говорила. Такимъ образомъ матушка предсказала, что она въ послѣдній разъ въ селѣ Сергіевскомъ и болѣе туда не вернется, хотя, живя по зимамъ въ Москвѣ, она привыкла каждое лѣто съ батюшкой туда пріѣзжать; впередъ сказала матушка, сколько лѣтъ ей осталось жить, и проч.

«Передъ смертью вашей сестры Вѣры, скончавшейся младенцемъ¹⁾,—разсказывала матушка,—тетушка Сумбулова явилась мнѣ во снѣ и сказала:

— «Теперь предстоитъ тебѣ такое горе, что ты его не переживешь».

«И стала тащить меня въ открытую могилу. Но я отъ нея вырвалась и—проснулась».

Какая-то благочестивая душа посовѣтовала матушкѣ отслужить по тѣлѣ панихиду; она велѣла ихъ отслужить нѣсколько, и какъ бы странно это ни показалось, но съ тѣхъ поръ тетка перестала ей являться.

¹⁾ Вѣра была на два года моложе меня; матушка сама ее кормила; она прожила только десять мѣсяцевъ; я едва ее помню.

VIII.

Поѣздка на маневры въ Вязьму. — Императоръ Николай I. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. — Лейбъ-медикъ Вилье. — Поѣздка въ Пижній Новгородъ. — Муромскіе лѣса. — Макарьевская ярмарка. — Обѣдъ у губернатора. — А. П. Поповъ.

Батюшка занималъ на государственной службѣ довольно важное мѣсто. Онъ часто ѣзжалъ по какимъ-то ревизіямъ. Матушка, горячо его любившая, иногда сопровождала его, брала и насъ, дѣвочекъ, съ собой. Такимъ образомъ ѣздили мы на маневры, бывшіе близъ города Вязьмы¹⁾ въ началѣ царствованія императора Николая I Павловича (должно быть, весною въ 1827 году). Отецъ былъ туда временно откомандированъ.

Мы, обѣ дѣвочки, съ матушкой и другими дамами дожидались въ соборѣ города Вязьмы, куда долженъ былъ прямо пріѣхать государь. Мнѣ было лѣтъ восемь, сестрѣ — четыре года.

Насъ двухъ поставили впереди всѣхъ на красное сукно, гдѣ стоялъ молодой царь. Великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ Дибичъ и прочіе изъ свиты государя стояли позади насъ. Мы же съ сестрой стояли такъ близко отъ царя, что могли уловить движеніе каждой его черты, слышать каждое его слово. Николай I былъ тогда во всей красѣ молодости и величія. Особенно поразили меня его чудные, сѣрые глаза, какъ стали холодные и какъ стали блестящіе. Увидавъ ихъ разъ, забыть ихъ было невозможно.

Когда подали царю просфору, онъ взялъ ее и окликнулъ стоящаго позади генерала Дибича: тотъ поспѣшно, маленькими шажками, подошелъ и съ поклономъ принялъ изъ рукъ его просфору. Боже мой! какъ мизеренъ и гадокъ показался мнѣ маленькій, толстый, неуклюжій Дибичъ рядомъ съ величественнымъ красавцемъ Николаемъ I!

«Тотчасъ видно, что царь!» — подумала я своимъ дѣтскимъ умишкомъ.

Мой дядя, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, любимый братъ моей матери, адъютантомъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича, который его очень любилъ. Возвращаясь вмѣстѣ изъ собора, великій князь у него спросилъ:

— Какія это хорошенькія дѣвочки стояли въ соборѣ возлѣ насъ?

— Неужели, ваше высочество, вы не узнали моей крови? Это мои племянницы, Бибиковы.

Съ тѣхъ поръ, когда мы гуляли по улицамъ Вязьмы и встрѣчали государя и великаго князя Михаила Павловича, чтò случалось иногда по пяти разъ въ день, потому что городъ былъ небольшой, уѣздный, то и государь и великій князь усердно съ нами раскла-

¹⁾ Вязьма, уѣздный городъ Смоленской губерніи, славится своими пряниками.

нивались къ неопisanному восторгу нашей гувернантки, глупѣйшей майорши-нѣмки, которую матушка должна была взять съ собой, боясь ей поручить безъ себя двухъ моихъ братьевъ: съ ними оставила она вѣрную и заботливую Марью Андреевну.

Чтобъ отвести отцу моему въ Вязьмѣ, по возможности, удобную казенную квартиру, выпроводили какое-то судебное присутствіе и наскоро выбѣлили стѣны, но потолокъ выбѣлить не успѣли, такъ что на потолкахъ осталось безчисленное множество чернильных пятенъ всякаго размѣра; всѣ потолоки были ими испещрены.

Съ утра до вечера была наша квартира полна военными всѣхъ чиновъ, начиная съ начальниковъ, украшенныхъ всевозможными лентами и звѣздами, до молодыхъ офицеровъ, которые ждали въ прихожей, стоя или сидя на подоконникахъ, потому что въ городкѣ, биткомъ набитомъ всѣмъ генеральнымъ штабомъ, иностранными принцами и прочими крупными военными чинами, мебели съ трудомъ намъ доставили на гостиную, а на переднюю достать не могли.

Въ Вязьмѣ обѣдалъ у насъ однажды графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, а въ другой разъ Вилье, англичанинъ, государевъ лейбъ-медикъ, присутствовавшій при послѣднихъ часахъ покойнаго императора Александра I въ Таганрогѣ. Это послѣднее посѣщеніе осталось у меня въ памяти, потому что я замѣтила, что у Вилье отрубленъ былъ на рукѣ палець. Отець мнѣ позднѣе разсказалъ, что, при анатомированіи трупа, Вилье, будучи еще студентомъ, порѣзалъ палець скальпелемъ, зараженнымъ гнилью этого трупа, и тутъ же, не медля ни минуты, другимъ инструментомъ отсѣкъ себѣ зараженный палець. Энергія и хладнокровіе спасли ему жизнь¹⁾.

Скучно намъ съ сестрой было въ Вязьмѣ. Мы привыкли безотлучно быть съ матерью, а тутъ свѣтскія обязанности отвлекали ее отъ насъ на весь день. Привыкли мы въ красные дни лѣтніе гулять по лѣсамъ и лугамъ Михайловскаго, набирать цвѣты, землянику, грибы, которыхъ тамъ изобиліе, а тутъ принуждены были сидѣть съ глупой нѣмкой въ душной комнатѣ или гулять съ ней по пыльному, грязному городу. Даже видъ маневровъ и вкусные вяземскіе пряники насъ не утѣшали.

Государь пріѣхалъ такъ быстро, что экипажи и лошади его отстали, а городъ Вязьма въ то время былъ такъ малолюдентъ и плохъ,

---

¹⁾ Вилье, по духовному завѣщанію, оставилъ все свое имущество, девять милліоновъ, городу С.-Петербургу съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на эти деньги выстроили въ немъ медико-хирургическую академію, что и было исполнено по волѣ завѣщателя. «Англіи, писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, я ничѣмъ не обязанъ, хотя она и считается моимъ отечествомъ. Всю жизнь провелъ я въ Россіи, ей обязанъ я своимъ знаніемъ, образованіемъ, имуществомъ: ей же хочу его посвятить. Желаю, чтобы то, что наукой приобрѣлъ, послужило и въ пользу наукъ, то-есть, медицинѣ и хирургіи; и пошло бы въ пользу русскимъ».

что нигдѣ не могли царю достать приличнаго экипажа. Тогда взяли для государевыхъ разъѣздовъ нашу коляску и четверню гнѣдыхъ нашего завода вмѣстѣ съ кучеромъ нашимъ, величавымъ и красивымъ Ильей Васильевичемъ, который цѣлый день возилъ государя¹⁾; за этотъ день службы онъ получилъ награды отъ царя сто рублей. Но дороже всего было то, что во всю жизнь онъ могъ хвастаться передъ другими кучерами:

— Вы—что? Я-то на своей четвернѣ царя возилъ²⁾!

Въ Нижній Новгородъ посланъ былъ мой отецъ ревизоромъ во время ярмарки, тогда еще носившей имя Макарьевской. Туда также сопутствовали ему матушка, сестра и я; на этотъ разъ и Марья Андреевна была съ нами.

Ѣхали мы: отецъ съ матушкой въ коляскѣ; мы, дѣти, гувернантка, горничная и секретарь отца, Петръ Павловичъ Поповъ,— въ каретѣ; на козлахъ помѣщались лакей, рядомъ съ ямщикомъ.

Отецъ взялъ съ собой свою лягавую собаку, которую ночью сажалъ къ себѣ въ коляску, но днемъ она все время, безъ устали, бѣжала рядомъ съ экипажемъ, что меня немало удивляло.

Ѣхали мы до Нижняго, четыреста верстъ, на почтовыхъ, двое сутокъ, день и ночь безостановочно. Пришлось нѣсколько станцій сряду ѣхать сплошными тогда, дремучими Муромскими лѣсами. На каждаго трехъ верстахъ стоялъ пикетъ казаковъ, которые ночью разводили огонь въ кострахъ. Лѣса были не безопасны. Я про то слышала, и мнѣ разъ показалось, что на деревѣ виситъ отрубленная блѣдная человѣческая голова. Но я никому дорогой объ этомъ не сказала ни слова; только прѣхавъ на станцію, сообщила это матери. Конечно, надо мной посмѣялись. Впрочемъ, матушка гораздо позднее мнѣ рассказала, что ночью, во время нашего путешествія, попался имъ въ коляску ямщикъ очень подозрительный.

«Вижу,—разсказывала мать,—что ночью въ лѣсу, проѣхавъ съ версту послѣ казачьяго пикета, нашъ ямщикъ задерживаетъ лошадей и все на насъ оглядывается: спимъ ли мы или нѣтъ? Отецъ вашъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а я заснуть не могла, но притворилась спящей, глаза почти закрыла, но изъ-подъ рѣсницъ наблюдала за ямщикомъ. Обернувшись еще разъ, онъ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, будто поправляя сбрую у пристяжной, затянулъ пѣсню съ припѣвомъ:

«Пора! пора! время настало! приходите!»

¹⁾ Пока не прибыли экипажи изъ Москвы.

²⁾ Это тотъ же кучеръ-охотникъ Илья Васильевъ, о которомъ я говорила въ первой главѣ, гдѣ упоминается охота въ киргизскихъ степяхъ.

«Я тотчасъ разбудила вашего отца, шепнувъ ему по-французски, въ чемъ дѣло. Онъ крикнулъ на ямщика и показалъ ему пистолеть, съ которымъ въ дорогѣ не разставался. Тутъ же закричалъ каретѣ, чтобъ она отъ насъ не отставала, и оба экипажа понеслись дальше».

Въ Нижнемъ Новгородѣ намъ отвели большой домъ по сю сторону Волги, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьяхъ отъ зданій ярмарки. Тутъ прожили мы нѣсколько недѣль; намъ было очень весело. Августъ мѣсяцъ былъ теплый, погода чудная. Мы весь день гуляли; ходили по ярмаркѣ, гдѣ насъ занимали пестрота и разнообразіе встрѣчающихся намъ восточныхъ нарядовъ. Тутъ были китайцы съ узкими глазами, длинными, черными усами и золотомъ шитыми халатами; персіяне въ длинныхъ платьяхъ изъ пунцовыхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ шалей, и татары, и киргизы. Чего тамъ не было? Смотримъ—у насъ на дворѣ татаринъ садится на землю, поджавши ноги, другой ложится около него; сидячій беретъ голову лежащаго, прижимаетъ ее между колѣнъ и—въ рукахъ его блеснуло лезвее... Что такое, Боже мой? Мы чуть не вскрикнули... То была бритва! И въ одну минуту голова лежащаго обнажилась—она была выбрита догола.

А тутъ, передъ окнами, на улицѣ, турокъ разостлалъ свой коврикъ и творить молитву, не отвлекаясь ни нами, на него смотрящими, ни прохожими, передъ нимъ останавливающимися. И все это на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, среди бѣлаго дня.

Удивляли насъ цѣлыя горы наложенныхъ другъ на друга чайныхъ цибиковъ, любовались соборомъ, тогда стоявшимъ на площади, посреди ярмарки; напротивъ него была мечеть, а по угламъ площади—четыре каменныхъ павильона въ китайскомъ вкусѣ. Эти павильоны служили складомъ для товаровъ богатыхъ негоціантовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ тогда суконному фабриканту, г-ну Кожевникову¹⁾. Онъ водилъ насъ въ свой павильонъ, который ничѣмъ не былъ перегороженъ, но до верху заваленъ цѣльными кусками сукна. Сколько ихъ тамъ было?—въ тогдашніе мои годы врядъ ли я ихъ и счесть могла.

Окна нашей квартиры обращены были къ рѣкѣ; изъ нихъ мы любовались чуднымъ видомъ. Противъ насъ, по ту сторону рѣки, на горѣ и по уступамъ ея подымался Нижній Новгородъ, увѣчанннй крѣпостными стѣнами съ ихъ башнями. Въ крѣпости и по всему городу высились колокольни церквей, съ позолоченными куполами, а по правую сторону, на высокомъ холмѣ,—монастырь съ каменною оградой. У подошвы горы сливалась Волга съ Окою; издали виднѣлась голубая полоска воды, а ближе—цѣлый лѣсъ мачтъ,

¹⁾ И. П. Кожевниковъ кончилъ банкротствомъ и впалъ въ нищету. Но тогда онъ былъ миллионеромъ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1898 г., т. LXXIV.

цѣлый городъ судовъ. Итакъ, были тутъ три города: одинъ — древній, на горѣ, со шпильями своихъ церквей; второй — на плоскокомъ противоположномъ берегу — зданія ярмарки и цѣлый кварталъ домовъ для служащихъ при ней и прїѣзжихъ гостей; третій — не менѣе людной, на водѣ, съ вѣчно движущимися лодками и судами.

Древній и новый городъ, т.-е. безконечные ряды магазиновъ и проч., соединялся деревяннымъ, пловучимъ мостомъ, до того длиннымъ, что требовалось болѣе четверти часа, чтобъ въ экипажѣ шагомъ по немъ переѣхать. Середина его разбиралась, чтобъ дать проходъ баркамъ и судамъ.

Ходили мы часто къ рѣкѣ, чтобъ поближе посмотрѣть на эти невиданныя нами доголѣ суда; любовались, какъ крохотныя лодки, съ однимъ или двумя гребцами, ловко вертѣлись и какъ будто ныряли около огромныхъ баркасовъ. Все это намъ было ново, все занимало и оставалось въ памяти.

Губернаторъ, Храповицкій, далъ отцу парадный обѣдъ, куда взяли и насъ. Храповицкій насъ встрѣтилъ у крыльца, посадилъ матушку и меня изъ кареты, а четырехлѣтнюю сестру Лизу взялъ на руки и понесъ на верхъ по высокой, парадной лѣстницѣ губернаторскаго дома.

Длинный столъ былъ накрытъ въ огромной залѣ. Усадивъ Лизу возлѣ себя, хозяинъ, во время обѣда, ее всѣмъ потчевалъ, и она, прелестная, черноглазая вострушка, была этимъ очень довольна, вовсе не конфузилась и угощалась на славу¹⁾.

Тутъ же, въ Нижнемъ Новгородѣ, познакомились мы съ родственниками моего отца, Новосильцевыми. Ихъ было три сестры, дѣвушки, и два молодыхъ брата, всѣ замѣчательно высокаго роста и красивые собой, особенно меньшой братъ, Александръ. Всѣ они были милыя, добрыя, симпатичныя личности; они матушку очень полюбили, ѣздили къ намъ ежедневно, а съ нами, дѣтьми, играли и всегда ласково разговаривали.

Ѣздили мы съ матушкой черезъ пловучій мостъ въ старый городъ осматривать крѣпость, куда съ трудомъ вывезли нашу карету въ гору по крутой, въ двадцатыхъ годахъ плохо мощенной улицѣ. Въ крѣпости стояла каменная церковь, гдѣ покоился прахъ гражданина Минина; но она тогда была такъ ветха, что въ ней не служили и даже отказались намъ ее отпереть.

«Опасно», говорили...

Эго было 70 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много перемѣнъ къ лучшему въ Нижнемъ Новгородѣ, церковь великолѣпно реставри-

¹⁾ Ей предложили вина, но она отказалась и попросила квасу. Но, конечно, квасу на парадномъ обѣдѣ не оказалось. Тогда губернаторъ приказалъ адъютанту велѣть принести квасу. Тотъ вскочилъ изъ-за стола и побѣждалъ исполнить капризы дѣвочки, и квасу ей немедля принесли.

рована, и можно безопасно поклониться праху знаменитаго спасителя отечества нашего.

Въ числѣ же перемѣнъ не къ лучшему полагаю, что жизнь въ Нижнемъ Новгородѣ теперь во время ярмарки гораздо дороже, чѣмъ она была въ 20-хъ годахъ, когда пути сообщенія со столицами были гораздо затруднительнѣе. Такъ какъ заказъ обѣда и расходъ по кухнѣ порученъ былъ мнѣ, то помню, какъ вся съѣстная провизія была дешева, а изъ разговоровъ съ тетушками Новосильцевыми я убѣдилась, что платила настоящую цѣну. Мы и люди напи ѣли ежедневно уху изъ живыхъ стерлядей; у насъ за столомъ подавались также свѣжія стерляди, было и мясное блюдо, и пирожки, и пирожное. Насъ обѣдало господъ и прислуги семь человекъ взрослыхъ и двое дѣтей; весь же ежедневный расходъ не превышалъ двухъ рублей съ копейками на ассигнаціи. Какъ теперь, вижу бумажку со счетомъ, которую вручалъ мнѣ нашъ поваръ.

Какъ я выше говорила, съ отцемъ пріѣзжалъ въ Нижній Новгородъ его секретарь, Петръ Павловичъ Поповъ; старшій сынъ его Александръ Петровичъ одно время съ нами воспитывался. Онъ былъ четырьмя годами старше меня; съ нами учился онъ у матушки катехизису, у стараго француза *monsieur Doublet* ¹⁾, гувернера моего старшаго брата,—французскому и латинскому языку. Александръ Попову было тогда лѣтъ тринадцать. Присмотръ за нимъ такъ же, какъ за нами, былъ очень строгій. Утромъ, въ Михайловскомъ, матушка какъ-то увидала, какъ Поповъ крадется въ кухню и смотритъ, какъ рѣжутъ и потрошатъ птицу и поросятъ къ обѣду. Она пришла въ ужасъ, усмотрѣвъ въ этомъ поступкѣ кровожадные инстинкты. Мальчикъ подвергся выговору, и строго-настрого ему было запрещено впередъ ходить въ кухню.

Впослѣдствіи, Александръ Петровичъ Поповъ, кончивъ блистательно курсъ въ Московскомъ университетскомъ медицинскомъ факультетѣ, сдѣлался знаменитымъ хирургомъ со степенью доктора медицины, наконецъ главнымъ врачомъ, директоромъ Ново-Екатерининской больницы въ Москвѣ. Дружба наша съ нимъ поддержалась до старости. Онъ, смѣясь, потомъ рассказывалъ моему отцу и матери, какъ въ дѣтствѣ его мучило любопытство узнать то, что

¹⁾ Г-нъ Дубле (*Doublet*) былъ дворянинъ-эмигрантъ; находился въ числѣ *gardes du corps*, тѣлохранителей, защищавшихъ во дворцѣ, Луврѣ, несчастнаго Людовика XVI во время нападенія на него народной толпы. Потерявъ во время революціи свое имѣніе «*But aux chenes*», онъ прибылъ въ Россію, гдѣ жилъ своимъ трудомъ; онъ познакомилъ насъ съ своей женой, которая была совершенная *grande dame*, аристократка. Сынъ ихъ, чтобъ прокормить семью, открылъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, конфектный магазинъ, который тогда былъ лучшимъ въ столицѣ. Всѣ дочери его были красавицы и воспитывались у бабушки своей въ Парижѣ. Одна изъ меньшихъ, Жозефина, вышла замужъ за книгопродавца, негоціанта Владиміра Готье.

кроется внутри тѣла, какіе тамъ, и какъ устроены пищеварительные органы, вотъ причина, почему онъ крался въ кухню и разглядывалъ внутренности битыхъ птицъ и животныхъ.

— «Видишь, Софи,—смѣясь сказалъ отецъ,—какъ ты чуть не загубила въ зародышѣ таланта и будущности Попова!»

Выйдя въ отставку, отецъ занялся хозяйствомъ, а въ свободные часы дѣлалъ переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и писалъ стихи. Нѣкоторые изъ нихъ были въ то время напечатаны, а стихотвореніе его «Десятая Пятница» было напечатано въ 1896 г. въ «Тобольскихъ Вѣдомостяхъ», но любимой забавой его были ружейная и псовая охота.

IX.

Село Сергіевское.—Наша жизнь въ немъ.—Степные помѣщики.—Доморощенное представленіе.—Агашка.—Старушка П.—И. П. Аксеновъ.—Его жена и дѣти.—Печальная судьба жены И. П. Аксенова.

Въ 20-хъ годахъ нашего вѣка, Рязанскую губернію называли степною, и мало кто тамъ живалъ изъ тѣхъ, которые, справедливо ли или нѣтъ, считались хорошимъ обществомъ. Изъ степныхъ имѣній получали доходы, которые проживались въ столицахъ или подмосковныхъ.

Село Сергіевское, Рязанской губерніи, Данковского уѣзда, около 3.000 десятинъ черноземной почвы (какъ уже говорила я въ I главѣ), досталось отцу моему по завѣщанію мачихи. Первое время управлялъ имъ тотъ же самый приказчикъ изъ дворовыхъ, что былъ еще при покойной барынѣ. Отецъ служилъ и только урывками наѣзжалъ въ степное имѣніе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ Сергіевское мы не ѣздили, а живали зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Михайловскомъ. Но, въ концѣ 20-хъ годовъ, отецъ, хотя и служилъ, но рѣшился отпустить стараго приказчика, самому заняться степнымъ сельскимъ хозяйствомъ и проводить въ Сергіевскомъ всѣ даваемые ему отпуска, потому что при старомъ управителѣ дѣло шло черезчуръ плохо.

Къ тому же степной край изобиловалъ тогда всякой дичью, отецъ же былъ, какъ я уже говорилъ, страстнымъ охотникомъ; въ настоящее время степью этотъ край назвать уже нельзя, но въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ подлинно былъ степью, населенной дикарями. И въ ней поселился отецъ со всѣмъ семействомъ.

Матушка, изъ любви къ мужу, согласна была на всѣ лишенія, но мы, дѣти, были въ отчаяніи, покинувъ наше прелестное Михайловское съ его цвѣтущими лугами, ароматными лѣсами, песчаной почвой, на которой самый обильный дождь, по прошествіи ча-

са, не оставлялъ и слѣда: гуляй, куда хочешь! А тутъ что?—Вмѣсто дома-дворца, съ дорогой мнѣ картинной галлереей, большими террасами, просторными дѣтскими, попали мы въ низенькій домикъ, составленный изъ двухъ избъ и сѣней ихъ, крытый соломою; негдѣ развернуться, поиграть, а выйдешь изъ дома—пустое мѣсто, сада нѣтъ, цвѣтовъ нѣтъ. Вмѣсто прозрачныхъ, хрустальныхъ волнъ милой намъ Москвы-рѣчки, струившейся по бѣлому песку между красивыми зелеными берегами, поросшими лѣсомъ или окаймленными цвѣтущими лугами—тинистый прудъ, въ желтую и мутную воду котораго намъ гадко было погружаться. А земля? эта черная земля (дорогая владѣльцу), эта при малѣйшемъ дождѣ невылазная черная грязь—наводили на насъ такое уныніе, такую тоску, что мы бродили, какъ тѣни Дантова ада.

Хуже всего для насъ было то, что въ Сергіевскомъ, выстроенномъ на низменности, было полное отсутствіе всякаго вида. Этотъ стѣсненный со всѣхъ сторонъ, узкій горизонтъ давилъ насъ, точно само небо спустилось надъ нами свинцовымъ сводомъ, мѣшало намъ свободно дышать, будто изъ длинно-зоркихъ сдѣлалъ насъ близорукими. Понимаю вполне, что горные жители въ равнинахъ умираютъ съ тоски по родинѣ.

Лѣса были такъ далеко отъ усадьбы, что пѣшкомъ добраться до нихъ было невозможно, особенно по этой черной пыли или черной грязи. Ни грибовъ, ни ягодъ, ни цвѣтовъ! Наше до тѣхъ поръ ликующее, безоблачное дѣтство вдругъ омрачилось. Съ того времени прошло почти три четверти вѣка, а я еще живо помню эту тяжелую для насъ пору.

Матушка, какъ всегда, ясная и спокойная, и не показывала, до чего, вѣроятно, и ей тяжела была переменна жизни, а старалась только насъ развлечь. Намъ запрягали ежедневно тройкой длинную линейку и катали по окрестностямъ; возили въ лѣсъ съ разными съѣстными припасами, чтобъ, погулявши, могли и закусить. Понемногу мы стали привыкать къ новому мѣстожительству.

Матушка, съ своей стороны, принудила себя заниматься чуждымъ ей до тѣхъ поръ степнымъ сельскимъ хозяйствомъ; оно было необходимо по случаю служебныхъ отсутствій отца. Повела она дѣла отлично; доходы увеличивались съ каждымъ годомъ. Но могла ли она, привыкшая къ образованному обществу, сжиться съ тѣмъ, что составляло наше степное сосѣдство?

Тотъ, кто читалъ «Семейную хронику» Аксакова, помнитъ впечатлѣніе, произведенное на молодую Багрову прїѣздомъ ея къ свекру въ степь. Къ счастью, хотя матушка жила въ первое время въ двухъ сплоченныхъ избахъ, произведенныхъ въ хоромы, но она жила дома, у себя, хозяйкой и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ. Привыкшая весь день заниматься нами, дѣтьми, и боясь, что деревенскія знакомства помѣшаютъ ей быть съ нами неразлучной, при-

томъ сознавая чутьемъ то, чѣмъ были ея сосѣди, она сначала замкнулась въ четырехъ стѣнахъ и ни къ кому не поѣхала съ визитомъ. Это поведеніе было противно всѣмъ правиламъ учтивости по степнымъ понятіямъ. Новопріѣзжіе обязаны были ѣхать знакомиться со старожилами. Матушка прослыла гордячкой, московской комтъильфо ¹⁾, что постепену равнялось бранному слову.

Стали сосѣди ждать да поджидать перваго визита новопріѣзжей, но, видя, что трудъ напрасенъ, они, конечно, изъ неопреодолимаго любопытства, начали одинъ за другимъ являться въ село Сергіевское—знакомиться. Первые появившіеся немедленно довели до свѣдѣнія остальныхъ, что «гордячка»—вовсе не горда, напротивъ, очень любезная, внимательная хозяйка, къ тому же—хороша собой.

Потекли къ намъ сосѣди со всѣхъ сторонъ. Это случилось съ самаго перваго пребыванія родныхъ въ степи. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, мы изъ Михайловскаго переселились въ Сергіевское, то мы, привыкшіе къ постоянному обществу матери, скучали съ нашими гувернантками, а матушка, хотя изъ вѣжливости того не показывала, но также скучала среди незванныхъ гостей, съ которыми не имѣла ничего общаго. Однѣ сплетни, отсутствіе всякаго образованія и любознательности, невыносимая ея игра въ карты—вотъ то, что она въ нихъ нашла.

А тутъ являлись эти сосѣди, часто съ цѣлой ордой дѣтей, воспитанныхъ по ихъ образу и подобію, и оставались, по принятому у нихъ обычаю, не прошенные, гостить по два, по три дня, иногда и цѣлую недѣлю. Матушка пришла въ отчаяніе.

Домикъ тѣсный, куда помѣститъ эту орду гостей? Одно она свято соблюдала. Въ нашу дѣтскую комнату никогда съ нами не помѣщала пріѣзжихъ, боясь для насъ сближенія съ чужими дѣтьми, въ которыхъ просвѣчивала уже испорченная нравственность.

Но что дѣлать?—на полу въ гостиной, въ столовой навалить перинъ, а иногда для дѣтей просто сѣна, покроютъ коврами, постелютъ поверхъ простынями, одѣялами, наложатъ подушекъ, и пріѣзжіе «впавалку» на этомъ спать. Это ихъ не смущало, не мѣшало продолжать своего гощенія.

Между тѣмъ, матушка съ умысломъ не спѣшила отдавать визитовъ. Наконецъ, поѣхала утромъ, посидѣла въ гостяхъ съ часъ и велѣла подавать лошадей, которыхъ впередъ запретила кучеру отпрягать.

— Какъ?—съ удивленіемъ воскликнули хозяева.—Вы хотите ѣхать? А мы думали, вы останетесь у насъ ночевать? (Что за восемь верстъ отъ дома!)

— Извините, не могу.

— Ну, хоть откушайте у насъ!

¹⁾ «Comme il faut».

— Извините, меня дѣти ждутъ къ обѣду.

Такимъ образомъ, матушка уѣзжала, возбудивъ негодованіе хозяевъ, отдавшихъ уже приказъ перерѣзать горло домашней птицѣ, а, можетъ быть, и зарѣзать быка, чтобы угостить московскую гостью.

«Мало-по-малу, рассказывала матушка, отучила я сосѣдей поселяться у меня на нѣсколько дней и приучила къ утреннимъ визитамъ. Они стали бояться быть не «комъ-иль-фо» и захотѣли, хоть тѣмъ, подражать столичнымъ модамъ. А я-то какъ рада была опять возвратиться къ обычнымъ своимъ занятіямъ».

Однажды матушкѣ невозможно было, не обидѣвъ кровно старушку сосѣдку и старика ея мужа, добрыхъ впрочемъ людей, отказаться пріѣхать къ нимъ на какія-то именины. Насъ же она никогда никуда не возила.

На этомъ званомъ вечерѣ, такъ какъ матушка въ карты не играла, хозяйка захотѣла занять ее тѣмъ, чѣмъ сама привыкла забавляться.

— Хотите вы, Софья Гавриловна, посмотрѣть Агашку? Это такъ забавно!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила матушка, не понимая, въ чемъ дѣло.

Хозяйка пригласила матушку въ залу, а сама вышла распорядиться. Черезъ четверть часа, дверь въ коридоръ распаивается, является толпа босой дворни, наряженной въ разныя лохмотья; у кого овчинная шуба надѣта наизворотъ и т. д.

— Вотъ и Агашка!—съ восторгомъ объявляетъ хозяйка.

То была какая-то босая баба, державшая шесть съ перекладной, на которой висѣла грязная, дырявая простыня, скрывавшая дѣйствующее лицо, а на верху шеста привязаны были лохмотья. Сквозь дырявую грязную простыню виденъ былъ любопытный глазъ, выглядывающій на невиданную до тѣхъ поръ гостью. Эта босая, грязная невидяка шлепала ногами, изображая какой-то дикій танецъ подъ аккомпаниментъ дикихъ же возгласовъ окружающей ее толпы. Этотъ танецъ назывался—Агашкой (фактъ).

Артисты, удалившись наконецъ, оставили послѣ себя, принесенный ими, смрадный воздухъ.....

Представьте же себѣ образованную молодую женщину лицомъ къ лицу съ Агашкой!

Съ тѣхъ поръ матушка всѣми силами старалась избѣгать именинныхъ приглашеній.

Когда матушка стойкостью и энергіей избавилась отъ нашествія двенадцати языковъ, жизнь наша въ Сергіевскомъ приняла нормальный характеръ. Отецъ къ дому сдѣлалъ пристройки, кругомъ развелъ садъ, насажалъ деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ; по пруду, длиною съ цѣлую версту, мы катались на лодкѣ. Отецъ, по пра-

вую сторону плотины, вырылъ второй прудъ съ островкомъ посрединѣ; на немъ насадилъ деревья. Въ этомъ второмъ прудѣ, болѣе глубокомъ, вода была чище, тамъ поставили намъ купальню, гдѣ мы лѣтомъ купались. Въ домѣ стали помѣщаться просторно и удобно; уроки шли, какъ слѣдуетъ, своимъ порядкомъ, и черноземъ насъ болѣе не смущалъ.

Но милое Михайловское навсегда осталось у насъ въ памяти, какъ земной рай, изъ котораго мы были изгнанниками.

Когда сестрѣ Лизѣ было пятнадцать лѣтъ, а я уже была замужемъ и прикрѣплена къ черноземной почвѣ, она съ родителями нашими провела одно лѣто въ селѣ Михайловскомъ, посѣтила съ наслажденіемъ всѣ мѣста нашихъ любимыхъ прогулокъ, а въ розовой гостиной, на розовыхъ гардинахъ окна, нашла вѣнокъ изъ полевыхъ, безсмертныхъ цвѣтовъ, который мы десять лѣтъ передъ тѣмъ къ нимъ приколоты, когда 28 іюля праздновали день, когда ей, Лизѣ, минуло 5 лѣтъ.

Но мнѣ не суждено было увидеть прежняго Михайловскаго, развѣ только во снѣ. И какъ я, бывало, обрадуюсь такому сну!

Послѣ кончины матушки, земля при селѣ Михайловскомъ, по завѣщанію, досталась мнѣ, а я отдала ее дочери своей Александрѣ. Но вмѣсто дома-дворца, проданнаго на свозъ, на томъ же мѣстѣ, надъ обрывомъ, стоитъ небольшая ферма, чистенькая и опрятная. Тамъ живетъ дочь моя съ мужемъ и дѣтьми. Разница огромная!

Не хочу кончать этой главы, не прибавивъ нѣсколькихъ словъ о степныхъ нашихъ сосѣдяхъ села Сергіевского.

Самая старшая и всѣми уважаемая сосѣдка въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія была восьмидесятилѣтняя старушка г-жа П. Первымъ ея мужемъ былъ нѣкто г. Т. Овдовѣвъ она вышла за А. П. Вотъ то, что она, полюбивъ мою мать, ей о себѣ рассказала:

«Было мнѣ, голубушка, всего двѣнадцать лѣтъ отъ роду; сижу я на полу, играю въ куклы. Входитъ моя матушка съ какимъ-то офицеромъ и говорить мнѣ:

— «Дочка! вотъ твой женихъ, Т—ъ.

«Я расплакалась: ужъ больно жаль мнѣ было своихъ игрушекъ! Ихъ у меня всѣ отобрали и обвѣнчали меня съ Т—мъ. Мужъ мой былъ добрый-предобрый, баловалъ меня, а я его терпѣть не могла.

«Пошелъ мой мужъ съ полкомъ на войну, а я-то молю Бога, чтобъ его тамъ убили, такъ я его ненавиждѣла. Грѣшна, сударыня, была, неразумна. И наказалъ меня за то Господь Богъ. Добрый-то мужъ померъ, а я влюбилась въ негодья, развратнаго, вышла за него замужъ и чего-чего не натерпѣлась отъ него! Одному Богу извѣстно!»

Почтенная старушка г-жа П. не жила съ мужемъ. Всѣмъ извѣстно было, что она, безупречная, принуждена была удалиться въ

свое имѣніе, Тульской губерніи¹⁾, гдѣ доживала свой вѣкъ у сына своего А. П. Мужъ ея, не довольствуясь грубымъ разгуломъ въ домѣ своемъ, отъ живой жены обвѣнчался съ дѣвицей изъ дворянъ К. Законная же жена никогда не изъявляла на него неудовольствія, такъ что прижитыя имъ отъ К—и дѣти считались законными, носили имя отца П. и наследовали его имѣніе. Я видала его двухъ сыновей у А. А. П., который ихъ принималъ ласково, какъ братьевъ: они были недурны собой и образованные молодые люди; кромѣ хорошаго, ничего о нихъ не слыхала.

Старая г-жа П. имѣла по одному сыну отъ каждаго мужа; сама по себѣ богатая, она обоихъ сыновей наградила хорошимъ имѣніемъ; оба жили въ нашемъ сосѣдствѣ.

Быль у насъ еще сосѣдъ, очень образованный человѣкъ. То былъ старикъ, тогда лѣтъ семидесяти, служившій еще при дворѣ императрицы Екатерины II и сохранившій всю осанку и обращеніе придворнаго вельможи, хотя обстоятельства его въ 20-хъ годахъ были очень плохи. Онъ принужденъ былъ жить и зиму, и лѣто въ своемъ селѣ, Лошакахъ, что на Дону, въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Онъ разорился на службѣ, обогатившей его сверстниковъ. То былъ Николай Петровичъ Аксѣновъ. Его высокій, стройный ростъ, утонченная учтивость, вѣчно безукоризненная бѣлизна батистоваго галстуха такъ отличали его отъ прочихъ степенныхъ посѣтителей, что поразили даже меня, ребенка.

Николай Петровичъ Аксѣновъ, вѣроятно, самъ радъ былъ образованному обществу, часто посѣщалъ насъ, иногда обѣдалъ, но никогда не оставался ночевать. Къ нему родные мои ѣзжали съ удовольствіемъ и насъ, дѣтей, туда съ собой брали, тогда какъ къ прочимъ сосѣдямъ никогда не возили.

Николай Петровичъ Аксѣновъ, къ сожалѣнію, былъ женатъ на необразованной, хотя и хорошей женщиной, его любившей и ходившей за нимъ, какъ за ребенкомъ. Онъ ее къ намъ не возилъ, но матушка, будучи у нихъ, всегда ласково съ ней обращалась, что мужъ ея очень цѣнилъ.

Старикъ Аксѣновъ былъ страстнымъ охотникомъ до лошадей, имѣлъ свой отличный заводъ, единственный остатокъ прежней роскоши. Такъ какъ дѣла были черезчуръ плохи, то Николай Петровичъ рѣшился разстаться съ своими любимцами. Пріѣхалъ покупатель и далъ ему 12.000 рублей чистыми деньгами за оставшіяся шесть лошадей.

Эта сумма совершенно поправила бы семейныя дѣла Аксенова: онъ получилъ деньги, лошадей увели. Но въ тотъ же вечеръ старикъ съ горя опасно заболѣлъ. Жена, немедля, ночью же отправила деньги назадъ и вернула коней.

---

¹⁾ Смеской съ Рязанской.

Старикъ ожилъ.

Были у нихъ два сына. Старшій, Семень Николаевичъ, воспитывался и служилъ въ Петербургѣ, былъ выдающимся артистомъ-гитаристомъ, проводилъ дни въ обществѣ графовъ Віельгорскихъ, меценатовъ и самихъ искусныхъ музыкантовъ. Я его мало знала.

Второй сынъ, Николай Николаевичъ, никогда не выѣзжавшій изъ деревни, часто бывалъ у насъ. Онъ нигдѣ и ничему не учился, но обладалъ юморомъ и остроуміемъ недюжиннымъ: его остроты были мѣтки и часто злы, но ему все прощалось, потому что себе-сѣдникомъ онъ былъ очень пріятнымъ. Въ карты игралъ замѣчательно хорошо.

Проболтавшася до 17-ти лѣтъ среди отцовской дворни Николая Николаевича записали юнкеромъ въ какой-то полкъ, а 18-ти лѣтъ неотесаннаго малаго женили на дѣвушкѣ съ высшимъ образованіемъ, сестрѣ ученаго профессора, съ которымъ она дѣлила всѣ научные его труды. У нея, какъ говорятъ, былъ женихъ, горячо ею любимый. Онъ куда-то долженъ былъ уѣхать, и ее увѣрили, что онъ умеръ, и уговорили выйти за Аксѣнова. Рассказываютъ, будто въ церкви, уже послѣ вѣнчанія, она увидала въ толпѣ любимаго ею человѣка, съ отчаяніемъ на нее смотрѣвшаго... Она потеряла сознание.

Эта драма относится къ началу нашего столѣтія, и за достовѣрность этого разсказа я не ручаюсь. Достовѣрно только то, что свѣтски образованная молодая женщина не вынесла жизни съ нелюбимымъ, невоспитаннымъ мужемъ, вышедшимъ въ отставку и привезшимъ ее въ степную глушь, подъ начало необразованной свекрови. Она сошла съ ума... Ее отправили въ дальнюю деревню, приставивъ къ ней двухъ служанокъ изъ крѣпостныхъ. Несчастная въ зимнюю ночь убѣжала отъ заснувшихъ, нерадивыхъ сидѣлокъ и замерзла среди снѣжнаго поля. Это знаю отъ огорченныхъ ея дочерей. Ихъ было двѣ: старшая, Анна Николаевна, была умна и красива; меньшая, Софья, несмотря на большіе, черные, умные глаза, была не хороша собой, ее портилъ слишкомъ смуглый цвѣтъ лица, но она была образована въ мать и остроумна въ отца: она, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не ходила и умѣла за себя постоять. Обѣ онѣ воспитывались въ почтенномъ и образованномъ семействѣ К., друзей ихъ матери, и, будучи обѣ любознательны, обучились грамотно не только русскому языку, но французскому, нѣмецкому и англійскому.

Онѣ обѣ пріѣзжали къ роднымъ въ с. Лошаково, а у насъ гавивали по цѣлымъ мѣсяцамъ. Матушка ихъ очень любила. Онѣ обѣ были гораздо старше меня.

Анна Николаевна вышла замужъ за г. С., а Софья гораздо позднѣе за рязанскаго помѣщика.

Судьба ихъ несчастной матери и трагическая ея кончина по-

трясли впечатлительную душу моеї матери; она себѣ представляла жизнь этой страдальцы въ глуши степной деревни: ни книгъ, ни общества, ни любви... Однажды старуха Аксѣнова заговорила съ матушкой о своей невѣсткѣ.

— Мы, сударыня, давно замѣчали, что наша молодая не въ своемъ умѣ.

— Почему вы это увидали?

— Да какъ же, сударыня! въ дѣтскихъ она велѣла надѣлать форточекъ, да каждый день и зимой даже ихъ отворяла. Выведеть, бывало, дѣтей изъ комнаты и форточки откроетъ! Ну, кто же въ умѣ это станеть дѣлать?

X.

Братъ Александръ. — Предсмертная болѣзнь и кончина отца и матери.

Кстати или некстати, запишу здѣсь случай, еще ярче характеризующій личность моего милаго брата Александра.

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ на своихъ лошадахъ изъ деревни въ Москву, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, между двухъ станцій, вдругъ, среди поля поднялась вьюга и страшная мятель при 25-ти-градусномъ морозѣ. Такіе сюрпризы бывають въ нашей матушкѣ-Руси. Кучеръ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, отворивъ дверцы возка, гдѣ мы всѣ четверо сидѣли съ матушкой, объявилъ, что фореиторъ, ѣхавшій на уносныхъ¹⁾, сталъ замерзать, несмотря на теплую одежду. Въ нашихъ степныхъ мѣстахъ тогда селенія были рѣдки, до ближайшаго оставалось цѣлыхъ шестнадцать верстъ. Какъ тутъ быть?

Матушка растерялась. Тогда пятнадцатилѣтній братъ Александръ, не говоря ни слова, вылѣзъ изъ возка, посадилъ къ намъ на свое мѣсто фореитора, который тотчасъ согрѣлся, самъ же сѣлъ на его лошадь, взялъ другую за поводъ и благополучно довезъ насъ до станціи. Молодецъ былъ милый, великодушный Александръ!

Братъ вступилъ шестнадцати лѣтъ въ юнкерскую школу, въ Петербургѣ, а оттуда въ гвардейскій егерскій полкъ офицеромъ. Двадцати шести лѣтъ женился на Марьѣ Николаевнѣ Небольсиной²⁾ и былъ военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторѣ. Во время крымской войны онъ перешелъ въ дѣйствующую армію и повелъ свой баталіонъ въ Севастополь, гдѣ и погибъ, оставивъ молодую вдову и пять человекъ дѣтей.

¹⁾ Уносными лошади, запряженные впереди на длинныхъ постромкахъ; на правой лошади сидитъ фореиторъ, а лѣвую держитъ за поводъ.

²⁾ Дочери Н. А. Небольсина, московскаго губернскаго предводителя дворянства.

Можетъ быть, со временемъ вспомню еще другія подробности, дополняющія характеристику другихъ членовъ семьи моей, теперь же опишу только трогательную кончину любимыхъ мною отца и матери.

Въ 1845 году, отецъ мой простудился осенью на охотѣ и опасно заболѣлъ въ деревнѣ воспаленіемъ легкихъ. Онъ былъ при смерти боленъ; матушка день и ночь за нимъ ходила. Сама она была всегда слабаго здоровья, и тутъ, съ горя и усталости, у нея пошла кровь горломъ. Отецъ выздоровѣлъ, но потрясенный организмъ никогда болѣе не приходилъ въ прежнее здоровое состояніе. Отецъ не могъ уже, какъ бывало, по цѣлымъ днямъ не сходить съ лошади, ѣздилъ на охоту въ экипажѣ, а въ экипажѣ—что за охота? Наконецъ, родители мои переселились въ Москву и ужъ не каждый годъ могли изъ города пріѣзжать на лѣто въ деревню.

Зимой отецъ иногда катался по Москвѣ въ саняхъ, ѣздилъ въ Охотный рядъ покупать себѣ птицъ, которыхъ у него въ огромной клѣткѣ бывало много всякихъ породъ. Матушка же зимой никуда не выѣзжала, но родные, и дальніе и близкіе, и знакомые, ее ежедневно посѣщали. Иногда въ ея квартирѣ застанешь утромъ цѣлый рауть. Она всѣхъ принимала радушно, любезно. Я уже говорила, что она владѣла разговорнымъ языкомъ, какъ никто, и что въ гостиной ея и старымъ и молодымъ всегда было весело.

Матушка рано посѣдѣла, но волосы у нея были очень густы; она подъ круглымъ, бѣлымъ чепцомъ всегда носила свои бѣлые, какъ снѣгъ, густые локоны. Одѣвалась она всегда тщательно, хотя просто, согласно лѣтамъ своимъ, въ темное, шелковое платье, спитое капотомъ, и въ мантилью изъ той же матеріи. Она до глубокой старости была стройна и держалась прямо. Сиживала она всегда на простомъ, жесткомъ стулѣ, а мягкой мебели не терпѣла. Въ молодости ея мягкой мебели не было въ употребленіи. Она завела ее для насъ, молодыхъ, но часто намъ выговаривала въ этой дурной, по ея мнѣнію, привычкѣ.

— Портите вы себя этими мягкими креслами,—говорила она.— Отъ этой мягкой мебели и завелось теперь страданіе спинной кости. Въ мое время о немъ и слуха не было.

Очень можетъ быть, что она была права.

Матушка до старости сохранила большое вліяніе на меньшихъ сестеръ, которыя нѣкогда были ея ученицами. Онѣ были къ ней почтительны и уважали ея совѣты, несмотря на различіе ихъ характеровъ. Самая милая и любимая нами всѣми тѣтушка (послѣ кончины Александры Гавриловны) была Вѣра Гавриловна Хрущова, которая умѣла выносить самаго несноснѣйшаго изъ мужей, Петра Дмитриевича.

Между двумя меньшими матушкиными сестрами, Варварой и Марьей Гавриловными, часто изъ бездѣлицъ возникали ссоры, но матушка

являлась между ними посредницей, водворяла вновь согласіе и умѣла быть въ ладу и дружбѣ съ обѣими ими такъ же, какъ и съ невѣстками и зятьями, несмотря на различіе убѣжденій и привычекъ. Уживчивый ея нравъ и свѣтлый умъ тому способствовали.

Послѣ батюшкиной тяжелой болѣзни жили мои родители почти безвыѣздно въ Москвѣ болѣе десяти лѣтъ. Когда я, для воспитанія дочерей, также переѣхала на зиму въ столицу, то приходила ежедневно навѣщать своихъ стариковъ, а когда, по домашнимъ обстоятельствамъ, зимовала въ деревнѣ, то пріѣзжала на нѣсколько дней съ ними повидаться.

Отецъ, съ послѣдней болѣзни, страдалъ одышкой: вѣроятно, у него сдѣлалась водянка въ груди, но лѣчиться онъ ни за что не хотѣлъ, говорилъ, что доктора ничего не знаютъ, не понимаютъ.

— Докторъ,—говорилъ онъ,—это человѣкъ, который въ темной комнатѣ машетъ палкой. Попадетъ по болѣзни — хорошо. Попадетъ по больному — убьетъ.

Послѣднюю зиму отецъ не выѣзжалъ, рѣдко вставалъ съ постели, но сидѣлъ на ней въ шлафрокѣ и въ туфляхъ, курилъ трубку, читалъ, а по вечерамъ игрывалъ въ карты, въ вистъ или въ преферансъ. У него составлялась своя партія изъ родственниковъ, не гнушавшихся его шлафрока.

Въ зиму 1855—1856 годовъ, оба брата мои находились въ дѣйствующей арміи во время Крымской войны. Жена меньшаго брата Ильи, воспитанная у меня, моя крестница Наталья Яковлевна, съ двумя малолѣтними дѣтьми, оставалась въ Москвѣ, живя у моихъ родителей, въ одномъ съ ними домѣ. Старшую ея дочь назвали Софьей въ честь бабушки, а сына матушка пожелала, назвать въ честь ея отца, а моего дѣда—Гавріиломъ, чтобъ онъ напомнилъ ей любимаго ею отца Гавріила Ильича Бибикова.

Эту зиму я жила въ деревнѣ, кормила трехмѣсячнаго сына Александра: ѣхать съ ребенкомъ зимой въ Москву было не мыслимо: тогда въ нашей мѣстности желѣзныхъ дорогъ не было. Матушка же изъ Москвы мнѣ писала аккуратно два раза въ недѣлю длинныя письма отличнымъ почеркомъ. Хотя стальные перья уже были въ употребленіи, она по привычкѣ всегда писала гусиными и предпочитала тѣ, что я ей чинила, говоря, что чиню ихъ именно по рукѣ ея; потому я, бывало, и въ деревнѣ начинаю ей нѣсколько пеналовъ и перешлю ихъ въ Москву.

10-го января 1856 года, утромъ, получаю, по обыкновенію, съ почты письмо матушки, съ припиской невѣстки Натальи Яковлевны, которая, подъ ея диктовку, продолжаетъ писанныя матушкой страницы, даетъ мнѣ подробныя извѣстія о всѣхъ петербургскихъ и московскихъ родныхъ, говоритъ, что матушка на ногахъ, но не-

много слаба, потому она, Наташа, продолжаетъ письмо подъ ея диктовку.

Вечеромъ того же дня, прѣзжаетъ къ намъ двоюродная сестра Елисавета Матвѣевна Новосильцева, съ которой мы были дружны ¹⁾. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобъ понять, что она прѣѣхала не съ доброй вѣстью... Она созналась, что получила эстафету ²⁾ изъ Москвы, что матушка скончалась.

Это было громовымъ ударомъ...

Я послала немедля за кормилицей, передала ей трехмѣсячнаго Александра и со старшей шестнадцатилѣтней дочерью, Софьей, въ ту же ночь уѣхала въ Москву. Я надѣялась еще разъ взглянуть на дорогія черты покойной матери, а отца взять и увести съ собой въ деревню, зная, что матушка незамѣнима будетъ отцу.

Но Господь устроилъ иначе. Онъ предупредилъ меня...

Прѣзжаю прямо въ квартиру старшаго моего сына, Ивана, студента Московскаго университета. Вхожу и, не снимая шубы, спрашиваю сына:

— Что дѣдушка?

— Развѣ ты не знаешь? Я писалъ тебѣ. Дѣдушка также скончался.

Я упала, потерявъ сознание.

На слѣдующій день, сынъ, котораго и дѣдушка и бабушка боготворили, и на долю котораго выпало счастье утѣшить ихъ послѣднія минуты, рассказалъ мнѣ все подробности ихъ кончины.

— «Незадолго передъ этимъ, — сказалъ онъ, — бабушка говѣла, пріобщилась святыхъ тайнъ и чувствовала себя хорошо. 6-го января 1856 года она, по обыкновенію, приходила бесѣдовать съ дѣдушкой. Никакой боли не чувствовала, только слабость. 7-го утромъ она встала, умылась, одѣлась, но, вышедъ изъ спальни въ кабинетъ, почувствовала дурноту; горничная довела ее до постели, уложила и тотчасъ послала за мной. Я немедля прискакалъ.

«Бабушка со мною немного поговорила, потомъ заснула. Я при ней остался. Когда она проснулась, то опять сказала мнѣ нѣсколько словъ, пожала мнѣ руку и тутъ же тихо скончалась...

«Докторъ сказалъ, что у нея сдѣлался параличъ легкихъ.

«Я былъ въ отчаяннн. Я очень любилъ бабушку, а къ тому же мысль о дѣдушкѣ меня ужасала. Я послалъ за тетушкой Вѣрой Гавриловной ³⁾. Она тотчасъ прѣѣхала.

¹⁾ Рожденная Муромцова, дочь сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Имѣніе Новосильцевыхъ, село Себино, было въ 15-ти верстахъ отъ нашего села Шкитскаго.

²⁾ Тогда телеграфовъ еще не было. Эстафетой звали служащаго при почтѣ посланнаго, котораго отправляли съ письмомъ на почтовыхъ лошадяхъ. До насъ онъ могъ довѣхать только на третью сутки.

³⁾ В. Г. Хруцова, любимая сестра матушки, ея ученица.

«Пришла Наташа ¹⁾).

«Собрались мы всё, да и разводимъ руками. — Какъ объявить дѣдушкѣ объ этомъ несчастіи? Вѣдь это его убьетъ?»

«Постоймъ, постоимъ, пойдёмъ къ дѣдушкѣ, поговоримъ съ нимъ, посидимъ, да опять уйдёмъ. Ни у кого духа не хватаетъ правду вымолвить. Опять уйдёмъ, сойдемся въ гостиной, руками разведемъ и ума не приложимъ: что дѣлать?»

«Такъ прошель весь день. Никто ничего не сказалъ. А люди такъ оробѣли, что у нихъ подавно языкъ отнялся.

— «Что станемъ дѣлать съ Иваномъ Петровичемъ? да безъ Софьи Гавриловны?—твердили они.

«Вечеромъ дѣдушка рано собрался спать. Яковъ Ермолаевъ ²⁾, уложивъ его, присѣлъ въ его же комнатѣ. Ни у кого изъ людей въ этотъ день и сна не было. Сидитъ Яковъ Ермолаевъ и прислушивается къ храпу барина...

«Вдругъ слышитъ — храпъ стихъ... Что это значить? Сидитъ еще — все тихо. Ему стало жутко. Онъ побѣжалъ наврѣхъ къ Наташѣ.

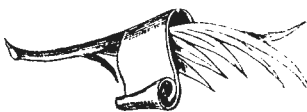
— «Придите, ради Бога, Наталья Яковлевна! что-то баринъ не храпитъ!

«Сбѣгаетъ Наташа, подходитъ къ дѣдушкѣ, зоветъ его. Напрасно. Онъ скончался.

«Она тутъ же упала на стулъ и громко зарыдала»...

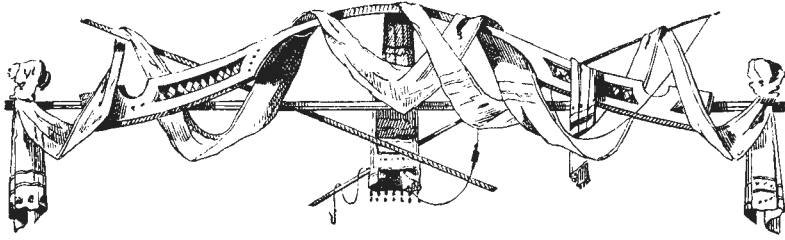
Вмѣстѣ отиѣвали любящихъ другъ друга супруговъ въ приходской церкви св. Ермолая, что на Садовой. Какъ подъ вѣнцомъ, стояли они рядомъ въ церкви, и рядомъ лежатъ они на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Какъ жили въ согласіи и любви, такъ и души ихъ въ одинъ и тотъ же день отлетѣли вмѣстѣ къ Всевышнему Творцу.

Екатерина Раевская.

¹⁾ Наталья Яковлевна, жена брата Ильи, моя крестница, воспитанная у меня съ моими дѣтьми.

²⁾ Камердинеръ моего отца.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЫЦЫ¹⁾.

Новые бары.

1.

А, ВѢДЬ, можетъ и поѣздъ опоздать... И это бываетъ... Вотъ Олечка-то и не послѣзавтра приѣдетъ, а только 2 іюня въ четвергъ... Заночуетъ въ городѣ, да и запоздаетъ на цѣлыя сутки... Вѣдь, отъ города-то цѣлыхъ 35 верстъ,—говорилъ Алексѣй Ивановичъ Кривцовъ своей женѣ Аннѣ Петровнѣ, сидя въ широкомъ креслѣ уютнаго кабинета своего деревенскаго дома.

— И, батюшка... Ужъ вотъ и опоздаетъ... Ты всегда придумашь... То поѣздъ опоздаетъ, то еще что нибудь...—возражала Анна Петровна, серьезно огорчаясь недобрыми предположеніями своего мужа. — Вѣдь, ѣздить же люди и... ничего... Неужели же Богъ попуститъ грѣха... что вотъ именно тогда, когда мы ждемъ нашу Олечку, цѣлыхъ шесть лѣтъ ея не выдавши, непременно вотъ поѣздъ опоздаетъ...

Алексѣй Ивановичъ чуть замѣтно улыбнулся подъ сѣдыми, нѣкогда черными усами. Онъ очень любилъ свою жену, добрѣйшую и сердечно преданную ему Анну Петровну, но ему доставляло большое удовольствіе иногда подразнить ее. Во всемъ остальномъ это было примѣрное супружество. Въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIV, стр. 74.

они прожили душа въ душу, дѣля пополамъ всѣ радости и горе, изъ которыхъ самое большое, да, кажется, и единственное, была потеря двухъ старшихъ дѣтей: сына и дочери. Восемнадцатилѣтняя Ольга Алексѣевна, или Олечка, которую старики ждали теперь, была младшая и единственная ихъ дочь, на которую, естественно, падала вся ихъ любовь и забота. Она только что блестяще окончила одинъ изъ московскихъ институтовъ и ѣхала домой послѣ шестилѣтней разлуки съ родителями. Въ теченіе этого времени послѣдніе только одинъ разъ навѣстили ее. Въ то время институтокъ на побывку домой не пускали, а Кривцовы, какъ и большинство помѣщиковъ, не имѣли средствъ на разѣзды. Такимъ образомъ, старики надѣялись теперь увидѣть ребенка, превратившагося во взрослую, умную и образованную дѣвушку—въ этихъ качествахъ своей Олечки ни Алексѣй Ивановичъ, ни Анна Петровна, въ особенности послѣдняя, нимало не сомнѣвались.

И чѣмъ ближе наступалъ день пріѣзда ихъ обожаемой дочки, возвѣщенный имъ письмомъ отъ нея, тѣмъ ожиданіе становилось невыносимѣе.

Анна Петровна, съ самаго дня полученія радостнаго извѣстія, принялась готовить для дочери комнату, ту самую, которую она занимала прежде вмѣстѣ со своею старой изъ крѣпостныхъ няней Ариной Кондратьевной.

Въ списокъ покупокъ, составленный Анной Петровной собственноручно, были записаны розовые обои и бордюръ съ гирляндой. Прежде, чѣмъ показать этотъ списокъ Алексѣю Ивановичу, она вновь тщательно просмотрѣла его и, сообразивъ, что у мужа, навѣрное, осталось очень немного денегъ послѣ весеннихъ расходовъ по хозяйству, вычеркнула пару башмаковъ, которые было хотѣла выписать для себя, и пожертвовала еще пудомъ сахару, нужнымъ для варенья и наливокъ. Она хотѣла съэкономить эти деньги, но потомъ передумала и просто замѣнила башмаки и сахаръ лакомствами для Олечки, написавъ финики, мармеладъ, апельсины и даже шоколадъ. Она вспомнила, что Олечка, когда была маленькой, очень его любила.

Алексѣй Ивановичъ, заглянувъ въ списокъ, не возражалъ. Онъ поглядѣлъ только на жену своими добрыми, голубыми глазами изъ подъ сѣдыхъ бровей, покачалъ головой, улыбнулся и назвалъ ее баловницей. Прикинувъ на старыхъ, засиженныхъ мухами и погнутыхъ счетахъ, что будутъ стоять покупки, и вспомнивъ, что еще за прошлый годъ не уплачены земельныя повинности, за два полугодя банковскіе платежи и пени, что исправникъ давно прислалъ бумагу, угрожающую немедленной описью имущества за неплатежъ, Алексѣй Ивановичъ, затаивъ вздохъ, тѣмъ не менѣе отдалъ старостѣ, котораго посылали въ городъ, послѣднія двѣ десятирублевки, которыя у него оставались, приказавъ возвращаться, какъ можно

скорѣе, изъ города, чтобы можно было успѣть все приготовить къ приѣзду барышни.

— Кого-жъ намъ со старухой и побаловать, какъ не нашу Олечку?—думалъ Алексѣй Ивановичъ.—А деньги какъ нибудь наберемъ... Вотъ, можетъ, Богъ пошлетъ покупателя, роцу запродадимъ... вотъ и деньги будутъ...

Когда староста вернулся изъ города, немедленно приступили къ оклейкѣ комнаты.

На полу былъ положенъ старый полусгнившій ставень, на которомъ няня Кондратьевна мазала клейстеромъ собственноручно нарѣзанныя Алексѣемъ Ивановичемъ полотнища. Самъ Алексѣй Ивановичъ стоялъ на стремянкѣ, прилаживая обои къ стѣнѣ, подгоняя рисунокъ и вытирая обои концомъ длиннаго ручника, который висѣлъ у него на плечѣ.

— Настоящій мастеръ...—говорила Анна Петровна, любуясь работою мужа и подавая ему намазанныя полотнища.

Алексѣй Ивановичъ, очень довольный похвалой жены, ничего, однако же, не сказалъ и даже не обернулся.

— Тутъ столикъ для письма, въ этомъ углу божница... какъ стояла прежде, такъ пускай и стоитъ—на востокъ... Тамъ, у стѣны кроватка... столикъ, коммодъ, горка для книгъ... — про себя бормотала Анна Петровна, тыкая вытянутыми руками по направленію тѣхъ мѣстъ, гдѣ она предполагала установить мебель, и не замѣчая, что Алексѣй Ивановичъ давно смотритъ на нее, ожидая свѣже-намазанное полотнище, которое она держала въ рукахъ.

— Ну, старуха... о чемъ задумалась?..—наконецъ ласково обратился онъ къ женѣ съ высоты своей стремянки, протягивая руки за обоями,—подавай же. Такъ мы несоро кончимъ...

Анна Петровна, понимая, что онъ угадалъ, о чемъ она думаетъ, и самъ думаетъ о томъ же, улыбнулась ему и спѣшила подать новое полотнище.

Кондратьевна дулась. Она была недовольна тѣмъ, что обои были не голубые—«пукетами», какъ она совѣтовала, а розовые съ сѣрыми птицами и цвѣтами. Изъ уваженія къ господамъ она, однако же, не говорила объ этомъ, но выражала свое неудовольствіе полнымъ молчаніемъ. Господа, привыкшіе уже къ такому приему старухи, отлично понимали, что она дуется, и угадывали причину ея неудовольствія, но показывали видъ, что ничего не замѣчаютъ.

Разсѣянность Анны Петровны продолжалась. Алексѣй Ивановичъ безпрестанно долженъ былъ напоминать ей о томъ, чтобы она не задерживала работы.

— «Объ Олечкѣ нашей думаетъ моя бѣдная старуха...—говорилъ про себя Алексѣй Ивановичъ, украдкой оглядываясь на жену.— Господи... Да о комъ же намъ и думать, какъ не объ Олечкѣ?.. Вѣдь она одна у насъ осталась... тѣхъ Господь къ себѣ взялъ...

Только и утѣшенія на старость лѣтъ осталось, что Олечка... Господи, пошли ей, нашей милой, дорогой, всего, всего... Ты все можешь, Царь Небесный... Пошли ей... У насъ отыми и дай ей...—умилялся онъ»...

Онъ чувствовалъ, какъ у него въ горлѣ и носу что-то защеколало, и въ то же время глаза застлала какая-то туманная пелена.

— Ну, ну... полно, старикъ... Экій ты сталъ плакса... — подбодрилъ онъ себя, стараясь улыбнуться. Но слезы умиленія и радости, что онъ скоро увидитъ свою Олечку, совсѣмъ ослѣпляли его, и онъ долженъ былъ вытереть ихъ концомъ полотенца прежде, чѣмъ могъ наложить и пригнать, какъ слѣдовало, новое полотнище, которое подавала ему Анна Петровна.

Къ вечеру они управились съ оклейкой, и Алексѣй Ивановичъ не безъ гордости окинулъ взглядомъ свою работу.

— Гляди-ка, Алексѣй Ивановичъ,—сказала Анна Петровна, которая смотрѣла въ окно,—никакъ Архиповъ прикатиль... Что этому плуту нужно?..

— И то...—подтвердилъ Алексѣй Ивановичъ, посмотрѣвъ въ окно черезъ плечо жены. — Ну, надо итти внизъ почиститься малость... да принять господина «взниковскаго барина». Вишь, онъ у насъ теперь въ господа попалъ, тоже «нашимъ уважаемымъ» считается.—Онъ звонко размѣялся.

— Ужъ ты, Алексѣй Ивановичъ, ради Бога, будь поосторожнѣе съ нимъ... Не обѣщай ему ничего... Вѣдь, онъ плутъ, Мишка-то... даромъ, что христосикомъ прикидывается... — упрасивала Анна Петровна, спускаясь съ нимъ по крутой и узкой лѣстницѣ мезонина.

— Бабій умъ!.. — сказалъ Алексѣй Ивановичъ. Въ тонѣ его голоса не слышалось болѣе добродушной шутки. Онъ самъ зналъ, что Архиповъ плутъ, зналъ, какъ онъ вылѣзъ въ люди, и потому ему было досадно, что жена напоминаетъ ему объ этомъ.

— Бабій умъ... Яйца курицу не учать!.. Что-жъ я, думаешь, трехъ дѣнъ молодѣнъ?..—прибавилъ онъ, чуть-чуть раздражаясь.

— Да, ты не сердись, голубчикъ... Я вѣдь такъ... только напомнить хотѣла!..—говорила Анна Петровна, успокаивая старика и сожальѣя, что разсердила его. Ужъ очень она боялась, чтобы Архиповъ, котораго она инстинктивно ненавидѣла, не злоупотребилъ мягкостью ея мужа и какъ нибудь не обманулъ его.

II.

Михаилъ Ивановичъ Архиповъ былъ типъ новой формаціи. Онъ былъ крѣпостной и, благодаря тому, что барышня крестила его, пользовался въ домѣ барина особеннымъ вниманіемъ и благосклонностью. Стараніями барышни, своей крестной матери, онъ выучился читать, считать и писать красивымъ писарскимъ «бисеромъ», какииъ тогда писали всѣ господскіе конторщики. Въ округѣ даже поговари-

вали, что Мишка-казачекъ приходится барину сродни. Но едва ли это было такъ: лицомъ и вообще наружностью Мишка, какъ двѣ капли воды, походилъ на своего «законнаго» отца, то-есть на мужа своей матери.

Въ господскомъ домѣ, кромѣ грамоты, Мишка выучился вѣжливости, искусному припрятыванію оставшихся на тарелкахъ и блюдахъ кусковъ и способности несокрушимо-спокойно лгать, глядя при этомъ въ глаза.

Когда Мишка изъ казачковъ выросъ, баринъ назначилъ его конторщикомъ.

Мишка былъ малый смысленный и сумѣлъ влѣзть въ душу управляющаго. Усердствуя по своей должности, онъ въ короткое время постигъ всѣ премудрыя тайны хозяйства, и въ нѣсколько лѣтъ сколотилъ кругленькую сумму, которую такъ сумѣлъ хорошо припрятать, что никому и въ голову не приходило, что у него водятся деньги.

Такъ все шло до 61-го года.

Когда Мишка, въ числѣ прочихъ, сталъ вольнымъ, онъ остался при барской конторѣ на жалованьѣ. Выкупъ, размежеваніе крестьянъ съ помѣщикомъ были источниками новаго благополучія для него. Управляющій становился старъ, и Мишкѣ, который въ то время уже всѣмъ хозяйствомъ ворочалъ, стало «перепадать» за «проведеніе» того или другого проекта поземельнаго устройства, за каждый лишній клочъ луга, лѣса, пахатной или усадебной земли, отвоевываемыхъ отъ помѣщика въ пользу крестьянъ. Онъ воспользовался «горячимъ» временемъ и не зѣвалъ.

Вскорѣ, послѣ обнародованія манифеста объ уничтоженіи крѣпостного права, судьба Михайлы Иваныча рѣзко измѣнилась.

Старый баринъ внезапно умеръ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла и барыня. Въ Вязники,— такъ называлось имѣніе,—прибыли наслѣдники: пріѣхалъ барчукъ, служившій въ Петербургѣ и притворявшійся, что онъ очень увлекается «новыми», тогда модными тенденціями; пріѣхала и барышня, крестная мать Михайлы Иваныча, успѣвшая засохнуть старой дѣвой, сентиментальная фантазистка, насквозь пропитанная духомъ французской литературы XVIII-го вѣка и потому ни о чемъ русскомъ не имѣвшая ни малѣйшаго понятія.

Но барчуку-либералу и передовому челоуѣку, «народнику» въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова, казалось гораздо болѣе удобнымъ и пріятнымъ жить въ Петербургѣ, бѣгать по канцеляріямъ, клубамъ и гостинымъ, разглагольствуя о «новыхъ» теоріяхъ, чѣмъ уѣздить въ деревнѣ и дѣлать дѣло. Здѣсь онъ едва выдержалъ нѣсколько дней. Придумавъ благовидный предлогъ и отслуживъ наскоро панихиду на могилѣ отца и матери, онъ ускакалъ обратно въ Петербургъ, предоставивъ сестрѣ устроить въ имѣніи все по своему усмотрѣнію.

Недолго думая, барышня прежде всего принялась за народное образованіе.

Она открыла во флигелѣ своего дома школу грамотности для крестьянскихъ дѣтей, поручивъ Мишѣ, нынѣ уже Михайлѣ Иванычу, состоять при школѣ въ качествѣ наблюдателя и ея помощника. Сама она взяла на себя обязанность учительницы.

Пользуясь своимъ вліяніемъ между крестьянствомъ, Михайло Иванычъ чуть ли не насильно притащилъ въ школу десятка два чумазыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ. Ему, конечно, не было никакого дѣла до школы, но ему нужно было до поры до времени угождать барышнѣ, своей «Богомъ данной мамашѣ», какъ онъ звалъ ее, такъ какъ въ это время у него зародился планъ, исполненіе котораго всецѣло зависѣло отъ нея.

И началось ученье.

Барышня отправлялась въ школу каждое утро. Она, правда, всегда немного опаздывала, и это случалось оттого, что она, страдая бессонницей, обыкновенно просыпала. Но всеже ходила она въ школу добросовѣстно и съ рѣдкимъ терпѣніемъ высиживала нѣсколько часовъ подъ рядъ въ невообразимо душливой атмосферѣ, доводившей ее до головокруженія и тошноты. Пробовали, по ея приказанію, жечь «монашки», даже курили уксусомъ съ мятой, отворяя настежь всѣ окна помѣщенія, но все было напрасно. Къ концу учебнаго года барышня стала страдать какими-то болями въ правомъ боку и обильными эвакуаціями желчи. Приглашенный изъ города единственный во всемъ уѣздѣ докторъ осмотрѣлъ больную, покачалъ головой и, окрестивъ болѣзнь латинскимъ именемъ, которое барышня, разумеется, не поняла,—посоветовалъ ей немедленно оставить занятіе школой и съ наступленіемъ весны ѣхать за границу на теплыя воды.

Барышня испугалась. Она рѣшила сейчасъ же закончить ученье до будущей осени и для торжественности назначила «актъ» съ раздачей наградъ наиболѣе прилежнымъ ученикамъ.

Награды, выписанныя изъ Москвы, состояли изъ прекрасныхъ золотообрѣзныхъ книгъ съ плохими переводами плохихъ исторіекъ и пересказовъ съ иностранныхъ языковъ, передѣланныхъ на русскіе нравы. Русскаго въ этихъ книжкахъ были только имена дѣйствующихъ лицъ, да буквы и слова. По странному недоразумѣнію, въ простыхъ и очень неказистыхъ корешкахъ оказались евангелія, причемъ эти послѣднія раздавались менѣе прилежнымъ.

Раззолоченные пересказы и исторійки, однако же, не приплысь по вкусу чумазымъ ребятишкамъ. Они учуяли, что такихъ Ваней, Петрушъ и Лизъ, о какихъ говорилось въ книгѣ, — на Руси не водится, да и не водилось никогда, то-есть поняли то, чего ни переводчики этихъ книгъ, предназначенныхъ русскимъ дѣтямъ, ни издатели, ни даже русская барышня-помѣщица, не могли понять.

Нужно было ѣхать. Барышня съ ужасомъ сознавала, что въ деревнѣ еще ничего не устроено, и что въ такомъ видѣ нельзя оставить имѣніе. Управляющій былъ старъ, часто болѣлъ и, очевидно, не могъ уже справиться съ большимъ и сложнымъ хозяйствомъ. Искать другого барышню не знала гдѣ. Да и рискованно было довѣрить такое имѣніе — полную чашу — неизвѣстному человѣку, если бы новый управляющій и нашелся. Это ужасно мучило еѣ, и она совершенно не знала, какъ выйти изъ этого положенія.

Въ одинъ прекрасный день Миша выручилъ свою «Богомъ данную мамашу», предложивъ ей взять имѣніе въ аренду.

Барышня удивилась, но Миша такъ сумѣлъ растолковать ей всю выгоду этого дѣла, такъ горячо завѣрялъ ее въ своей преданности и вѣчной благодарности за благодѣянія, полученныя отъ нея и ея семьи, такъ наглядно высчиталъ доходность имѣнія, которая, при страшныхъ хлопотахъ и непріятностяхъ для нея, все же была бы меньше той арендной цѣны, которую онъ Михайло Ивановичъ, предлагалъ, что барышня, наконецъ, стала сдаваться на его убѣжденія.

Да и скучала она ужасно.

Народное образованіе не далось ей. «Лучъ свѣта», который она хотѣла внести въ темную среду «меньшей братіи», погасъ въ ея рукахъ. Въ хозяйствѣ она ничего рѣшительно не понимала, едва отличая рожь отъ овса, но сочиненія madame de Genlis были прочитаны отъ доски до доски. Отъ «просвѣтительныхъ» бесѣдъ съ добрыми мужичками, что тогда начинало входить въ моду, она сторонилась, инстинктивно понимая, что теперь, когда наступила эра разнузданности, когда повсемѣстно, какъ мухоморы, вырастаютъ подъ красными выѣсками съ бѣлыми буквами «питейные дома» съ продажей дешевки распивочно и навывносъ, когда ближайшее начальство крестьянъ разгуливаетъ въ красныхъ кумачевыхъ косовороткахъ и смазныхъ сапогахъ, братается съ «меньшей братіей», ограждая всяческій ея произволъ и торжественно называя послѣдній свободой, — оставаться здѣсь, на театрѣ народнаго броженія и предвзятыхъ тенденцій — очень небезопасно, въ особенности для дочери помѣщика дореформеннаго времени. Она, конечно, не могла предвидѣть, что свѣтлый, здоровый умъ русскаго крестьянина не поддастся ни «мухоморамъ», ни рахитизму дутыхъ вѣяній, и имѣла полное основаніе бояться деревни.

Михайло Ивановичъ, съ своей стороны, понималъ, что можно обратить къ своей выгодѣ такое положеніе вещей, и поддерживалъ въ ней эту боязнь.

Она, наконецъ, рѣшилась. Михайло Ивановичъ сталъ долгосрочнымъ арендаторомъ Вязниковъ и, благодаря очень безтолково написанному барышней условію, полнымъ его хозяиномъ.

Старый управляющій, уволенный съ пенсіею за долгую службу, пожелалъ уѣхать на покой къ сыну, служившему приказчикомъ въ Москвѣ; барышня, «Богомъ данная мамаша» Михайлы Иваныча, уѣхала за границу и къ слѣдующей же зимѣ написала, что по слабости здоровья должна оставаться въ тепломъ климатѣ и вернуться въ Вязники не можетъ. Молодой баринъ-либераль и народникъ договорился гдѣ-то до... Вятской губерніи, откуда ожидать его возвращенія къ вязниковскимъ ларамъ и пенатамъ, по крайней мѣрѣ, въ скорости тоже было нельзя.

Такимъ образомъ, Михайло Иванычъ, которому въ ту пору не было еще двадцати пяти лѣтъ, сдѣлался, если не навсегда, то на неопредѣленное время безконтрольнымъ распорядителемъ большого и богато устроеннаго имѣнія.

Первою его заботой было закрыть школу, по его мнѣнію, совершенно ненужную затѣю.

— На кой она прахъ?..—разсуждалъ онъ,—чумазыхъ дьяволѣвъ учить—только грѣхъ¹⁾ на свою голову опрокидывать... Ужъ и такъ больно умны стали... хоть отбавляй!..

И потихоньку да помаленьку, какъ онъ всегда все дѣлалъ, «дьяволѣ» были отважены и перестали ходить въ школу. Онъ сейчасъ же сложилъ парты и скамьи въ кладовую, а самое помѣщеніе обратилъ въ курятникъ.

Онъ давно рассчиталъ, что если теперь продать часть скота, то къ концу аренднаго срока приплодъ съ избыткомъ покроетъ недостачу, и что онъ сдастъ аренду—если бы, обороны Богъ, это должно было случиться—съ такимъ же точно количествомъ скота, какое онъ принялъ отъ барышни, тѣмъ болѣе, что никакой описи инвентарю составляемо не было.

За «излишкомъ» скота исчезъ «излишекъ» обстановки барскаго дома: кровати, подушки, перины, ковры, посуда, лампы, бронза... за этимъ—нѣкоторые экипажи, хомуты. Ни баринъ, ни барышня не могли, конечно, знать всему этому счетъ, и потому бояться было нечего.

Пользуясь тѣмъ же неумѣло написаннымъ условіемъ, въ силу котораго арендатору Вязниковъ разрѣшалось «прочищать» господскій лѣсъ для надобностей арендатора, Михайло Иванычъ принялся за это дѣло съ такимъ усердіемъ, что оставилъ одни молодья и убогія деревья да опушки. Все же остальное вывозилось и продавалось, кому было угодно купить.

Приумноживъ такимъ образомъ капиталецъ не на одинъ десятокъ тысячъ, Михайло Иванычъ занялся скупкой помѣщичьихъ лѣсовъ на сводку и, конечно, только тамъ, гдѣ за полтинникъ можно было купить то, что стоило рубль.

¹⁾ Грѣхъ, слово, употребляемое у крестьянъ въ смыслѣ «бѣды», «несчастія».

Устроившись такимъ образомъ и зная, что господа нескоро прїѣдутъ, Михайло Иванычъ задумалъ жениться и заранѣе переселился изъ душной конторы въ великолѣпный барскій домъ.

Невѣсту сыскалъ онъ не по сердцу, а по карману, взявъ уже немолодую, некрасивую и притомъ золотушную дочь богатаго трактирщика въ городѣ, скинулъ навсегда прежній длиннополый, казенетовый сюртукъ, въ который рядили, бывало, помѣщичьихъ конторщиковъ и приказчиковъ, надѣлъ входившій тогда въ моду «нѣмецкїй спинжакъ», а шею сталъ повязывать шелковымъ платкомъ.

Когда у него родилась дочь, хворая и золотушная Оеклуша, Михайло Иванычъ, которому въ большихъ, просторныхъ хоромахъ барскаго дома вездѣ чудился сквознякъ, заложилъ одну изъ мраморныхъ арокъ вестибюля старымъ, кое-гдѣ собраннымъ кирпичемъ, а въ стѣнѣ бальной залы, тоже отдѣланной подъ мраморъ, прорубилъ крошечную дверцу въ кабинетъ стараго барина. Самый кабинетъ онъ раздѣлилъ пополамъ занавѣской изъ дешеваго ситца, надѣтой на веревку, концы которой была привязаны къ толстымъ костылямъ, безошадно вбитымъ въ дубовыя панно съ рѣзбою, которыми были отдѣланы стѣны. Изъ двухъ креселъ стиля empire, связанныхъ веревкой, была устроена зыбка ¹⁾ для Оеклуши. Позднѣе, когда появился на свѣтъ сынъ Михайлы Иваныча, Петя, его помѣстили въ этомъ же кабинетѣ, наиболѣе безопасномъ въ отношенїи сквозняковъ, да и нужно было, по мнѣнїю Михайлы Иваныча, держать дѣтей отдѣльно отъ матери, которая, по его словамъ, была «дама сырая и нервная».

Будучи очень скупъ, но желая, во что бы то ни стало, разыграть «барина», онъ позволялъ себѣ нѣкоторую роскошь. Въ домѣ, кромѣ кухарки, носившей названїе «господской», но стряпавшей и на рабочихъ, былъ нанятъ какой-то портной-пропойца изъ дворовыхъ, котораго Михайло Иванычъ называлъ «лакеемъ» и заставлялъ снимать съ себя сапоги и «служить» у стола, то-есть подавать тарелки и миски за обѣдомъ и ужиномъ. Впрочемъ, этотъ лакей въ то же время былъ и ночнымъ сторожемъ. Съ вечера онъ бралъ колотушку и отправлялся отбивать всевозможные ритмы вокругъ усадьбы, потомъ колотилъ въ чугунную доску у конюшни, а остальную часть ночи, когда «баринъ», наконецъ, уляжется, отправлялся на людскую зимой, лѣтомъ — подъ навѣсъ амбара и мирно почивалъ до утра.

Кромѣ «лакея», Михайло Иванычъ держалъ еще и «губернантку» для дѣтей. Это была обѣднѣвшая, безъ родныхъ, угла и пристанища, какъ бы пришибленная судьбой старая дѣва, изъ духовнаго званїя, которую «баринъ», когда ему угодно было пошутить, называлъ «кутьею». Она не позволяла себѣ обижаться, потому что была

¹⁾ Колыбель.

счастлива, имѣя теплый уголъ и кусокъ хлѣба, доставшіеся ей послѣ многихъ тяжкихъ мытарствъ, и потому переносила всѣ униженія и насмѣшки съ одинаковымъ застывшимъ многотерпѣніемъ, исполняя все, что бы ей ни приказали: мыла полы, стирала и чинила бѣлье, нянчила Феклушу и Петю, варила варенье и разливала чай.

Съ рабочими и вообще крестьянами Михайло Иванычъ былъ всегда деликатенъ. Деликатность эта состояла въ томъ, что онъ никогда не кричалъ, не бранился и даже «устрашающихъ» глазъ никому не дѣлалъ... Да и вообще онъ никому въ глаза смотрѣть не могъ... Но когда нужно было кого нибудь «донять», то онъ бралъ изморомъ. Возьметъ, бывало, вѣжливенько за борть поддевки или за подпояску и начнетъ однообразнымъ, тоскливымъ голосомъ «отчитывать», главнымъ образомъ перечисляя собственные добродѣтели, какъ противовѣсъ порокамъ «нонѣшнихъ» людишекъ.

Всѣ, даже семейные, боялись этихъ отчитываній больше всего, зная, что Михайло Иванычъ могъ на тему о своихъ добродѣтеляхъ говорить безъ конца, до тѣхъ поръ, пока провинившагося не ударить въ потъ.

— Лучше бы по шеѣ наклалъ...— говорили тѣ, кому хоть разъ привелось выслушать отчитываніе Михайлы Иваныча,—не шумить, не ругается и глазами даже какъ будто на тебя не глядитъ, а языкомъ да этой своею «волынкой» проберетъ нивѣсть какъ...

Несмотря, однако же, на то, что глаза свои Михайло Иванычъ держалъ всегда опущенными, они видѣли все, эти бѣло-голубые, почти безцвѣтные глаза, и кто зналъ ихъ зоркость, могъ быть увѣренъ, что отъ нихъ ничего не уйдетъ незамѣченнымъ.

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ Михайло Иванычъ уже состоялъ крупной единицей въ округѣ и даже попалъ въ разрядъ «нашихъ уважаемыхъ»—такъ, по крайней мѣрѣ, звали его не только знакомые кабатчики и трактирщики, но даже нѣкоторые гласные, секретарь опеки и даже самъ становой. Михайло Иванычъ былъ доволенъ этимъ названіемъ, доставшимся ему, благодаря его положенію крупнаго арендатора, лѣсоторговца и богатаго человѣка.

Но этого ему было недостаточно. Дома онъ заставлялъ себя звать «баринкомъ», а «лакею» и «губернанткѣ» внушалъ при всякомъ удобномъ случаѣ цѣловать его руку, какъ это, бывало, дѣлалось при покойномъ баринѣ.

— Мое почтеніе доброму сосѣду, — вкрадчивымъ голосомъ сказалъ Михайло Иванычъ, когда Кривцовъ вошелъ въ гостиную.

— Здравствуй, Михайло Иванычъ, — довольно холодно отвѣчалъ Кривцовъ на его привѣтствіе.—Что скажешь?.. Садись!..

Михайло Иванычъ осторожно, какъ бы боясь раздавить кресло своимъ уже сильно потучнѣвшимъ тѣломъ, опустился въ него и сдѣлалъ грустное лицо.

— Да что, Алексѣй Ивановичъ, — сказалъ онъ, — поля не радуютъ, извинитя... и рожь плоха, а яровые — еще хуже... Какъ говорится, ничто не радуется...

«Какъ говорится» и «извинитя» — съ особенно протяжнымъ «тя» на концѣ — были постоянными поговорками Архипова, которыя онъ по привычкѣ употреблялъ совершенно безсознательно, а потому часто не кстати.

— Да, — согласился Кривцовъ, вздохнувъ и тоже опускаясь въ кресло противъ Архипова, — не радуютъ-то не радуютъ, это правда... Но, вѣдь, еще надо подождать... что-то будетъ!.. Вѣдь, у насъ еще только тридцатое мая сегодня... Пойдутъ дожди, все еще справится... У Бога всего много!.. Такъ-то!.. Я вотъ, кажется, немножко припоздалъ сѣвомъ?..

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ... извинитя... что за опозданіе?.. Въ самую пору сѣяли, — запротестовалъ Архиповъ. — Это, какъ говорится, я нонеча малость поторопился... Нонеча апрѣль-то теплый стоялъ... Пахать, какъ говорится, стали рано... Стрижи прилетѣли, извинитя, далече до Аонасія...¹⁾ Ждалъ, ждалъ... думаю: какъ говорится, весна, молъ, непременно свое возьметъ... Анъ, и дубъ ужъ, гляжу, развернулся... и черемуха, извинитя, зацвѣла... Чего ужъ, думаю, ждать? Весна, какъ говорится, стала вполнѣ... Да къ Троицѣ и отсѣялся съ овсомъ... А тутъ, извинитя, вдругъ холодъ, чичеръ²⁾, непогода... а опосля — жары... вотъ перо-то, какъ говорится, и покраснѣло...

Михайло Иванычъ изобразилъ на лицѣ еще болѣе скорбное выраженіе и прибавилъ:

— Тяжело, Алексѣй Ивановичъ, по нонѣшнимъ временамъ... извинитя... что-то будетъ, Господь вѣдаетъ!..

— Говорятъ, еще рощу покупаешь? — спросилъ Алексѣй Ивановичъ, желая перемѣнить разговоръ.

Архиповъ вдругъ словно преобразился. Онъ вытянулъ шею, прищурилъ бѣлесоватые, подъ рыжими рѣсницами, глаза и подставилъ ухо, какъ дѣлалъ всегда, когда что нибудь особенно интересовало его.

— Рощу?.. — переспросилъ онъ, притворяясь удивленнымъ. — Чью?..

— Говорятъ, въ Раздолахъ у Овчинскаго...

— У Овчинскаго?... — тѣмъ же тономъ и не измѣняя позы, опять спросилъ Архиповъ. — Извинитя... Кто-жъ это вамъ передалъ?..

— Слышалъ... — коротко отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, улыбувшись.

Ему было пріятно, что онъ нѣсколько раздосадовалъ Архипова.

¹⁾ 2-го мая.

²⁾ Ледяная крупа при вѣтрѣ, гололеда.

Михайлѣ Иванычу дѣйствительно было досадно, что Кривцовъ знаетъ объ этомъ. Хотя конкуренціи Алексѣя Ивановича бояться ему было нечего, потому что послѣдній лѣснымъ дѣломъ не занимался, да и денегъ у него на это не было—Архиповъ это зналъ отлично—но Михайло Иванычъ никогда не говорилъ о томъ дѣлѣ, которое было еще не окончательно слажено, и обыкновенно раздражался, когда о немъ до того времени спрашивали.

Онъ, однако, не показалъ своего неудовольствія.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, это вамъ неправду сказали...— началъ онъ снова скорбнымъ тономъ, какъ будто предположеніе, что онъ покупаетъ рощу у Овчинскаго было самою оскорбительною для него клеветою.—Это вамъ неправду сказали!..

Онъ широко раскрылъ глаза, надулъ розовыя бритыя щеки и, выпустивъ духъ сквозь бѣлые подстриженные усы, продолжалъ:

— Намедни Овчинскій, правда, набивался мнѣ со своею рошцей, да ужъ очень дорожится... Вѣрьте слову, не изъ чего хлопотать... Да и «дѣловъ» много безъ того—не одолжю... И со своею-то сводкой никакъ не управлюсь...

— Что-жъ, рубля два на рубль не обгонишь?..—сказалъ Алексѣй Ивановичъ, снова принимаясь поддразнивать Архипова.

Михайло Иванычъ обиженно опустилъ глаза и съ минуту помолчалъ.

— Вотъ вы всегда такъ-то... — началъ онъ.—Рубля два на рубль... Извольте-ка... Да изъ чего ихъ выбрать-то? Ежели, какъ говорится... дѣтишкамъ на молочишко останется, и тогда, извинитя, Бога благодарить надо...

Архиповъ досталъ изъ кармана аптечный пузырекъ, высыпалъ табакъ на ладонь, отвернулся и съ чувствомъ понюхалъ.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ,—продолжалъ онъ,—не вѣрьте, кто вамъ сказывалъ... Два рубля на рубль никто, какъ говорится, не наживалъ на лѣсахъ... Было время, а теперь, извинитя, прошло... Да и я-то не такой человѣкъ... На что мнѣ?.. Господь съ ними, съ деньгами... Мнѣ развѣ нужно?.. Я свое лучше отдамъ, чѣмъ обижать, какъ говорится, добрыхъ людей... Я, благодаря Бога, сытъ со своимъ семействомъ... обутъ, одѣтъ... Господь мнѣ, видно, за мое смиренство посылаетъ!..

Глаза его были опущены и только по временамъ вскидывались на Кривцова, очевидно, высматривая, какое впечатлѣніе производить на него эти рѣчи.

— «Ишь, шельма, какъ сладко поетъ!..—подумалъ Алексѣй Ивановичъ, глядя на Архипова.—Правду Анна Петровна говоритъ: совершенный христосикъ сидитъ... Воды, разбойникъ, не замутишь»...

Настало молчаніе.

Михайло Иванычъ думалъ о томъ, какъ половчѣе подойти къ дѣлу, за которымъ онъ сюда пріѣхалъ: попытать, не удастся ли за-

дешево купить у Алексѣя Ивановича его небольшой, но крупный и отлично сбереженный лѣсъ.

Алексѣй Ивановичъ, съ своей стороны, неотступно думалъ о томъ, чѣмъ заплатить долги. Къ тому же Олечку хотѣлось хоть немного побаловать. Вѣдь онъ цѣлыхъ шесть лѣтъ не видалъ ея... Цѣлыхъ шесть лѣтъ разлуки, томительнаго ожиданія и постоянныхъ думъ о любимой, единственной дочери...

Въ эту минуту дверь изъ спальни отворилась, и вошла Анна Петровна.

— Здравствуйте, матушка Анна Петровна... Какъ здоровьице ваше?...—своимъ медовымъ голосомъ спросилъ, обращаясь къ ней и вставая ей навстрѣчу, Михайло Иванычъ.

Анна Петровна молча отвѣтила на поклонъ.

— Ужиналь-то гдѣ будемъ?...—спросила она, подойдя къ мужу,— на балконѣ?... Тепло, хорошо!...

— Ну, что-жъ... на балконѣ, такъ на балконѣ... — отозвался Алексѣй Ивановичъ.

— Какія ваши конопельки выравниваются, матушка Анна Петровна...— снова запѣлъ Архиповъ,— и въ жизнь, извинитя, кажется, я такихъ не видывалъ... Чисто лѣсъ дремучій, какъ говорится, стоитъ... Право!.. А головки пушистыя, какъ кисть малярная... однихъ «сѣмяновъ» какую уйму соберете... Сейчасъ вотъ мимо ѣхалъ, видалъ... Это, конечно, Господь, за вашу доброту посылаетъ... Я, извинитя, какъ говорится, душевно порадовался, какъ предъ истиннымъ Богомъ... Хэ-хэ-хэ!.....

Михайло Иванычъ осторожно и нешумно засмѣялся.

— Да, хороши конопля...—отвѣчала она сдержанно и собираясь выйти, чтобы распорядиться насчетъ ужина.

Но для того, чтобы хоть немного загладить свою сухость съ нимъ, она спросила:—А у васъ какъ урожай?..

Михайло Иванычъ сейчасъ же снова сдѣлалъ постное выраженіе, потупилъ глаза и, надувъ бритыя щеки, выпустилъ духъ сквозь усы.

— Что-жъ, матушка Анна Петровна...—сказалъ онъ,—похвалиться нечѣмъ. Супротивъ вашихъ хлѣбовъ гдѣ же?.. И говорить нечего... Это, во истину, извинитя... Господь за кротость вамъ посылаетъ.

Михайло Иванычъ снова отвернулся, какъ бы прячась, и шумно нюхнулъ табаку.

— Дочку ожидаете, я слышалъ?...—спросилъ онъ, вытягивая шею и подставляя ухо, когда Анна Петровна вышла изъ гостиной.

— Да, вотъ, ждемъ на этихъ дняхъ...—сказалъ Алексѣй Ивановичъ, весь просіявъ.

— Небось рѣди?.. ¹⁾—спросилъ Михайло Иванычъ, сочувственно улыбаясь.

¹⁾ Рѣди—мѣстное произношеніе.

— Да, какъ же?.. Шестъ лѣтъ не видали... Дѣвочкой, ребенкомъ въ Москву отпустили учиться... Нельзя—нѣче всѣ учиться стали.

— Вотъ и я тоже къ своему сынку, какъ говорится, учителя взялъ на лѣто... Жду вотъ надняхъ. Студентъ изъ Москвы... Мальчикъ мой вострый, извинитя... не хочется, какъ говорится, сгноить... Вотъ и бьешься изъ послѣдней копейки, выписываешь учителей... да вотъ дома еще «губернантка» живетъ, жалованье тоже получаетъ... Все расходы, Алексѣй Ивановичъ... Какъ говорится, извинитя—не по доходамъ...

— А наша-то Олечка теперь ужъ большая... Ей восемнадцать лѣтъ...—продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, думая о своемъ и почти не слушая Архипова.

— Дай, Господи, вамъ!..—сказалъ Михайло Иванычъ съ чувствомъ.—Потому, какъ говорится, я къ вамъ... извинитя, съ открытой душой... расположенъ... какъ передъ Богомъ... Оно, конечно, отъ дѣтей утѣшеніе получать, извинитя—Божье благословеніе, какъ говорится... Да ужъ больно они нѣче дорого обходятся!..

— «Вотъ толкуеть тутъ разныя разности...—подумалъ Алексѣй Ивановичъ:—комедь ломаетъ, съ открытой душой своею лѣзетъ... Чтобы лучше рощу-то мою посватать?»...

— Да, это правда твоя... Денегъ-то требуется много... а ихъ-то вотъ проклятыхъ и не хватаетъ... Перевелись онѣ что ли?...—сказалъ Алексѣй Ивановичъ, глубоко вздохнувъ.

— Эхъ, Алексѣй Ивановичъ,—заговорилъ Архиповъ убѣжденно, но очень мягко,—извинитя, какъ говорится, завсегда это возможно и доступно!.. Ваше имѣнье, какъ полная чаша: земля, и луга, и лѣсъ, все есть... вотъ наше дѣло, извинитя—другое: что выработаетъ—подай за «ренду», да поземельныя уплати, да то, да се... Тутъ, какъ говорится, что потопаешь, то и полопаешь, извинитя!.. Хоша, конечно, наша барышня мнѣ приходится крестовая мамаша... А ейный папаша, извинитя, завсегда... царство небесное, благодѣтелемъ моимъ былъ... И я должѣнъ это чувствовать... Изъ-за того больше бьюсь... Стараюсь, какъ родной матери, вѣрите ли?.. Желая, какъ говорится, оправдать ихнее довѣріе... А не то давно бы бросить надоть... Никакой выгоды себѣ не предвижу, окромя, извинитя, однихъ убытковъ.

И потомъ, снова впадая въ скорбный тонъ, онъ прибавилъ:

— Мнѣ что-жъ?.. Богъ съ ними... Вѣрите, свой грошъ другой разъ на ихъ имѣнье убиваешь, а не то что!.. Но, какъ я честный человекъ... я не дозволю, извинитя, вести дѣло, спустя рукава... Присмотрѣть за имѣньемъ некому... Растащать... Молодой баринъ—далече... Барышня, какъ говорится, по своему дѣвичьему чину, извинитя, живутъ тожъ по границамъ... не могутъ, какъ говорится, этимъ дѣломъ заниматься. Вотъ я тутъ и путаюсь, кому-жъ

больше?.. Единственно, извинитя, изъ благородства души... соблюдаю барское добро. Какіе ужъ тутъ барыши!..

— «Ну, завель волынку... Акаоистъ съ похвалою самому себѣ»... — подумалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Вотъ, видишь, и земля порядочная, и луга, и лѣсокъ у меня... а толку-то мало...—сказалъ Кривцовъ, желая навести разговоръ на прежнюю тему о своемъ имѣніи.—У Овчинскаго, поди, торгуютъ рощу-то, а моя, хотъ и получше, такъ остается, какъ будто и нѣтъ ея на свѣтѣ...

— Батюшка, Алексѣй Ивановичъ, да нешто вы лѣсокъ-то продаете?—съ живостью подхватилъ Михайло Иванычъ. Онъ едва сдерживалъ свою радость.

Послѣднія слова Кривцова налаживали разговоръ на желанную тему.

Кривцовъ былъ радъ. «Набиваться» со своимъ лѣсомъ Архипову значило бы продешевить его непременно, потому что Михайло Иванычъ сейчасъ бы замѣтилъ, что нужны деньги, и сталъ бы «изморомъ», то-есть торговаться до безконечности, мѣсяцы, годъ, до тѣхъ поръ, пока нужда, наконецъ, не заставила бы отдать рощу за ту именно цѣну, которую онъ предлагалъ. Но теперь Архиповъ самъ задавалъ вопросъ о рощѣ, и Алексѣй Ивановичъ воспользовался этимъ воспользоваться. Онъ прикинулся равнодушнымъ.

— Какъ сказать?...—началъ онъ.—Набиваться—не набиваюсь... Лѣсокъ-то еще молоденецъ, годковъ пятокъ, десятокъ можетъ и пообождать... да и спѣшить некуда, славу Богу.... А нашелся бы дѣльный покупатель—отчего же... можно и продать...

— То-то и дѣло... прѣдать¹⁾ занепремѣнно слѣдовало бы, Алексѣй Ивановичъ...—подхватилъ Архиповъ, принимая дѣловитый и въ то же время доброжелательный тонъ...—Ничуть вашъ лѣсокъ не молоденецъ... извинитя, въ самой, какъ говорится, порѣ... Миѣ что-жъ... Богъ съ вами... «антиресу» тутъ никакого нѣтъ, повѣрьте... А прѣдать рощицу, извинитя, слѣдуетъ... Конечно, пятокъ, десятокъ лѣтъ—прѣдать недолго... но, вочтите, какъ говорится, сколько-жъ за то время поломаеть бурей, сколько посохнетъ... сколько, какъ говорится, такъ порастащатъ, задурно?... Нонча—не прежнее время... Въ народѣ страху не стало... наглый народъ, извинитя!..

Онъ опять надулъ щеки и выпустилъ духъ сквозь усы.

— А сколько бъ вы взяли за десятину?—спросилъ онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ, одновременно вытягивая шею и подставляя ухо въ ожиданіи отвѣта.

Алексѣй Ивановичъ сконфузился отъ этого въ упоръ поставленнаго вопроса, къ которому онъ не чувствовалъ себя приготовлен-

¹⁾ Въ мѣстности, гдѣ происходитъ разсказъ, часто говорятъ «прѣдать» вмѣсто продать, «пѣтомъ» вмѣсто побѣдъ и т. д. Надо предполагать, что такое произношеніе занесено отхожими промыслами изъ Малороссіи. Авторъ.

нымъ. Онъ тутъ же вспомнилъ, что ничего еще не говорилъ женѣ о продажѣ лѣса, и задумался. Ему было совѣстно, что онъ намѣренно скрываетъ это отъ своего вѣрнаго, испытаннаго друга-жены, но въ то же время онъ боялся, что Анна Петровна непременно помѣшаетъ дѣлу, хотя бы только потому, что покупателемъ являлся Архиповъ, котораго она не любила. Начнетъ она твердить, что продешевилъ онъ, продалъ мерзавцу Олечкино приданое, и все такое... «А долги-то чѣмъ же платить... въ земство, въ банкъ, туда, сюда?... Эхъ, то-то вотъ и бѣда, что у бабы волосъ длиненъ, да умъ-то коротокъ!... Дай, продамъ, чтобы Анна Петровна тогда узнала, когда отступиться ужъ будетъ нельзя... Попробую безъ нея!..—Ему стало почти жутко.

— А ты какъ цѣнишь?...—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Какъ же я буду чужой товаръ цѣнить, Алексѣй Ивановичъ?...—сказалъ Архиповъ, улыбувшись.

Кривцовъ снова задумался.

— «Вотъ искушеніе-то...—промелькнуло у него въ головѣ,—даль бы полторы сотенныхъ за десятину... всѣхъ сто десятинъ.—пятнадцать тысячъ... Банковскаго платежа срочнаго—около двухъ... да частныхъ тоже тысячи три, съ чѣмъ нибудь.... А остальные—всѣ до единой копейки—въ уплату банковскаго долга... Эхъ-ма... чудное бы дѣло, право!»...

— Тебѣ, какъ, безъ торгу чтобы было?...—спросилъ онъ какъ бы шутя, стараясь подъ этой шуткой скрыть свое смущеніе.

— Мнѣ съ вами торговаться, Алексѣй Ивановичъ, извинитя, никакъ нельзя... потому, какъ говорится, мы съ вами сосѣди... да и я-то не дозволю васъ, какъ говорится, обмануть, или сказать что неправильно... я къ вамъ завсегда съ открытой душой, извинитя, а не съ подлостью какой!...

— Да что съ тебя положить?...—прервалъ Алексѣй Ивановичъ Архипова,—безъ четвертной двѣсти за десятинку надо бы.

Онъ, очевидно, не былъ увѣренъ, что лѣсъ дѣйствительно стоитъ этой цѣны, и потому въ интонаціи его голоса было мало убѣдительности.

Архиповъ притворился, что задумался. Настало молчаніе.

— Дорого, Алексѣй Ивановичъ...—сказалъ онъ, тяжело вздыхая.

Но Алексѣй Ивановичъ, несмотря на это, понялъ, что Архиповъ только притворяется, и что они расходятся не за большимъ.

— «Продешевилъ!...—сейчасъ же подумалъ онъ съ досадой,—нужно было дороже запрашивать»...

— Уступите сколько нибудь и, какъ говорится, по рукамъ «ударимъ»...—сказалъ Михайло Иванычъ, сгоняя пристававшую къ его вспотѣвшей лысинѣ муху.

— «Продешевилъ... Эхъ, я, дурень!»...—снова подумалъ Крив-

повъ.—Ужъ и такъ дешево прошу!..—отозвался онъ, плохо скрывая досаду.

— Возьмите сто шестьдесятъ...—просящимъ голосомъ предложилъ Архиповъ.

— Не могу!...

— Сто шестьдесятъ,—цѣна, извинитя, настоящая... дороже, какъ говорится, никто не дастъ!...

— Не могу!...

— Сто шестьдесятъ, повѣрьте истинному Богу, всѣмъ цѣнамъ—цѣна!... Я, извинитя, не дозволю на-смѣхъ говорить...—убѣждалъ Михайло Иванычъ, сверкая своими водянистыми глазами, которые теперь приняли хищническое выраженіе.

— Не могу, братецъ ты мой... дешево!...

— Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ... какъ дешево?... Мнѣ что-жъ... Конечно, Богъ съ вами... Мнѣ вашего не нужно!... Я лучше свое отдамъ... Извинитя... я къ вамъ съ открытой душой... Повѣрьте моему слову!...

— Не могу!...

Снова наступило молчаніе.

— Ну, ужъ извольте... такъ и быть, видно...—воскликнулъ Михайло Иванычъ, какъ будто вдругъ рѣшаясь на жертву.—Для со-сѣда, какъ говорится, для добраго господина... и какъ мы съ вами, извинитя, всегда въ добромъ согласіи жили... сдѣлаю уваженіе—накину пять рубликовъ... сто шестьдесятъ пять...

Вопросъ о безденежьи, предстоящихъ неотложныхъ платежахъ и подозрѣніе, что онъ продешевилъ лѣсъ, сталкивались въ головѣ Алексѣя Ивановича и поднимали цѣлую бурю сомнѣній, изъ которыхъ нужно было выпутаться сейчасъ же, иначе Архиповъ могъ заартачиться и отказаться отъ покупки. Тогда долги—Кривцовъ это понималъ отлично—задушили бы его.

— Ну, какъ же, баринъ?...—почти фамиллярно спросилъ Архиповъ, угадывая борьбу, совершавшуюся въ Кривцовѣ.

— Изволь, Михайло Иванычъ... уважу и я тебя... Изволь, скину и я пять рублей... Сто семьдесятъ рублей... Но больше не уступлю ни копейки, какъ хочешь... Не могу! — сказалъ рѣшительно Кривцовъ, вставая съ своего кресла.

Архиповъ притворился, что думаетъ, и потомъ, какъ бы подъ влияніемъ порыва, сказалъ:

— Ну, ужъ извольте, Алексѣй Иванычъ... такъ и быть... для васъ соглашусь и я... Господь съ вами... У меня, извинитя, такой ужъ обычай—лучше свое отдамъ... пусть, какъ говорится, доброму человѣку удовольствіе сдѣлаю!..

Онъ тоже всталъ, подошелъ къ Алексѣю Ивановичу, подаль ему свою потную, мохнатую руку и, повернувшись въ уголь, къ образу, началъ долго и набожно молиться. Алексѣй Ивановичъ послѣдовалъ его примѣру.

— Дозволите вамъ задаточекъ вручить, да, кстати, и росписочку напишете?..—спросилъ онъ дѣловито, когда Алексѣй Ивановичъ повелъ его въ кабинетъ.

— Да, да, задаточекъ... пожалуйста... — говорилъ Алексѣй Ивановичъ, конфузясь чему-то и радуясь, что, наконецъ, грозившіе имѣнію долги будутъ уплачены.

— А задаточку-то сколько прикажете?...—спросилъ Архиповъ.

— Да этакъ... тысячки три...

— Можно-съ...—отозвался Архиповъ.—Значить, извинитя... съ прежними пять тысячъ пятьсотъ?..

— Да...

— Ну-съ, теперь, стало быть, и мошну, какъ говорится, развязывать нужно...

Архиповъ разстегнулъ «спинжакъ» и досталъ изъ боковаго кармана жилетки засаленный, очень объемистый бумажникъ.

— Ого!..—пошутилъ Алексѣй Ивановичъ,—деньжищъ-то уймаца какая!..

Михайло Иванычъ довольно улынулся и, отвернувшись съ бумажникомъ, сталъ вынимать деньги.

— Кровныя, извинитя... «зарабоченныя» ¹⁾... — сказалъ онъ, не подымая глазъ и продолжая считать пачки.

— А старыя росписки мои захватилъ?... — спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, какъ говорится, дома оставилъ...—отозвался съ сожалѣніемъ Михайло Иванычъ.—Потому, какъ я не имѣлъ въ виду этихъ дѣловъ... Да, можетъ, вы повѣрите?... Нѣдняхъ, извинитя, доставлю...

Глаза его снова приняли хищное выраженіе. Онъ прищурился и зорко поглядѣлъ на Кривцова.

— Да, вѣдь, какъ же?...—отозвался Алексѣй Ивановичъ, садясь за письменный столъ и доставая бумагу изъ ящика,—теперь, стало быть, придется росписываться только въ трехъ тысячахъ... а? Потомъ, когда вернешь старыя, тогда и возобновимъ ихъ... или всю сумму покажу полученной на контрактъ... Такъ что ли?..

— Конечно, какъ вамъ угодно будетъ... — сказалъ обиженнымъ тономъ Михайло Иванычъ, — только тогда, извинитя, придется съизнова пріѣзжать переписывать росписку... хлопотъ будетъ немало... Опять и срокъ старымъ роспискамъ выходить надняхъ!..

— Ну, такъ какъ же иначе?...—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Не цыганъ же я, извинитя... — возразилъ Архиповъ, приложивъ свою руку къ груди, — слава Богу, не первый годъ вы меня знаете... Я никогда не позволю противъ васъ подлецомъ быть... А ужъ ежели я, какъ говорится, не заслужилъ, давайте, отложимте

¹⁾ Заработанныя (идіотизмъ).

до другого раза... Тогда и старья ваши росписки, извинитя, привезу... Да такъ-то оно, пожалуй, и лучше будетъ... по осень, управившись съ полями... вразъ и договоръ напишемъ, какъ говорится... Сейчасъ и вамъ вѣдь, извинитя, недосужно...

Архиповъ, не спѣша, собралъ пачки денегъ и сталъ укладывать ихъ обратно въ бумажникъ.

— «Ахъ, ты, идолъ!..—подумалъ Кривцовъ, слѣдя за тѣмъ, какъ деньги подъ пальцами Архипова быстро исчезали въ бумажникъ.— Ахъ, ты, идолъ!.. Вѣдь, и впрямь собирается отложить до осени... Нѣтъ, врешь—сейчасъ надо!.. Да неужели же онъ такую подлость сдѣлаетъ?.. Быть не можетъ!.. Не станеть «баринъ» рукъ марасть... Эхъ-ма, дай, рискну»...

— Вѣрю, Михайло Иванычъ, что ты не цыганъ!.. — сказалъ Кривцовъ громко.

Онъ взялъ перо, обмакнулъ его въ чернила и продолжалъ:

— Сейчасъ напишу росписку на всѣ пять тысячъ пятьсотъ, а старья росписки дошлешь...

— Договоръ по осень, извинитя, писать будемъ?..—сейчасъ же перейдя въ веселый тонъ, спросилъ Архиповъ, видимо избѣгая отвѣчать на вопросъ.—Сейчасъ, какъ говорится, и вамъ, Алексѣй Ивановичъ, недосужно: и по хозяйству-то дѣла... да и дочку свою, извинитя, ожидаете... Конечно, давно не видались!.. Наглядѣться пожелаете, поговорить... Когда тутъ, какъ говорится?..

При напоминаніи о дочери лицо старика снова расцвѣло, и онъ сказалъ, весело потирая руки:—Да, да, скоро, Богъ дастъ, увидимъ... Правда твоя, Михайло Иванычъ... Теперь когда ужъ?.. Контрактъ, пожалуй, и до осени можно...

Когда Алексѣй Ивановичъ дописалъ росписку, вручилъ ее Архипову и получилъ съ него три тысячи,—Архиповъ раскланялся и уѣхалъ.

— Что это Іуда рыжіи нонче прилипъ къ тебѣ?.. — спросила Анна Петровна за ужиномъ.

Алексѣю Ивановичу очень хотѣлось сказать все женѣ, но и тутъ, какъ давеча, боязнь, что она начнетъ его журить, укорять въ томъ, что онъ продешевилъ Олечкино приданое и, главное, что онъ связался съ плутомъ,—остановила его.

— Такъ... про хозяйство разговорились!..—сказалъ онъ, притворяясь равнодушнымъ...

Анна Петровна посмотрѣла на мужа долгимъ, испытующимъ взглядомъ и прибавила:—Смотри, не поцади Іудѣ въ зубы!.. Я только того и боюсь, что обойдетъ онъ тебя, христопродавецъ!..

— Охъ, да и лихо же съ господами дѣло имѣть!..—раздумывалъ Михайло Ивановичъ, трясясь по дорогѣ домой въ своемъ старомъ, низенькомъ кабріолетѣ, нѣкогда возившемъ покойнаго вязниковскаго барина.

Онъ былъ счастливъ. На кругломъ лицѣ его сіяла улыбка. Онъ по привычкѣ безпрестанно отдувалъ свои розовыя щеки и выпускалъ духъ изъ-подъ стриженныхъ усовъ.

Вдругъ онъ шумно засмѣялся.

— Дурень!.. Какъ есть «полосатый дурень», этотъ самый Алексѣй Ивановичъ,—сказалъ онъ въ голосъ сквозь неудержимый смѣхъ.— Не плоше младенца продешевилъ лѣсъ-то... Вѣдь, цѣна ему рублей двѣсти, кому не нужно... Да и росписки тоже!.. Чорта лысаго, увидитъ онъ ихъ... Какъ же?... Я-то дуракъ, что ли, ихъ возвращать?.. Чудные, одно слово, эти господа... Извинитя, какъ хошь, обойти можно...

III.

— А ну-ка, Олечка, повернись еще... Я хочу поглядѣть на тебя... говорилъ Алексѣй Ивановичъ только что пріѣхавшей дочери, отводя ее отъ матери, которая съ самаго пріѣзда не переставала обнимать ее, цѣловать и плакать.

— Ахъ, папа, какой ты смѣшной!.. Ну, чтожъ, я чудище какое право, что ты такъ меня разсматриваешь?... смѣялась и въ то же время конфузилась Олечка, поворачиваясь кругомъ на каблукахъ передъ отцомъ.

— Не чудище, а чудо!.. весело подмигивая женѣ, сказалъ Алексѣй Ивановичъ. И обнявъ красивую, статную Олечку, онъ принялся дрожавшими отъ волненія губами цѣловать ее въ лобъ, глаза, щеки и шею.

— Какъ есть красавица... говорилъ онъ, отступая на шагъ, чтобы хорошенько разглядѣть дочь.—И ростъ, и фигура, и личико... Просто, ангельское личико... а глаза-то, глаза... огонь, право... Ну, Кондратьевна... обратился онъ къ нянѣ,—вотъ такъ красавицу мы съ тобой да съ Анной Петровной выходили... Фу-ты, ну-ты!... Просто краля... ей-ей!..

— Что и говорить, батюшка Лексѣй Ивановичъ... сказала Кондратьевна весело.—Подлинная краля... какихъ вотъ на картинкахъ рисуютъ... И потомъ, вдругъ принимая серьезное выраженіе, она заговорила:—Да, вотъ, далъ Господь, выходили!... А мало ли заботъ объ ей было-то, объ нашей Олечкѣ?.. Балче ¹⁾, Анна-то Петровна да я все за ней... да и ваша милость тоже... Балче, такъ и ходимъ, такъ и смотримъ... Чуть, балче, у Олечки головка заболитъ аль

¹⁾ Бывало.

животикъ, ночи не спимъ, все около ей... Слушаемъ, какъ она дышитъ!.. А какъ анадьсь у нея корь-то была!.. Господи батюшка, страху-то какого набрались... и-и-и-и!!

— Да ну, ладно... Что ужъ теперь вспоминать объ этомъ!.. сказалъ Алексѣй Ивановичъ, предвидя, что Кондратьевна нескоро перестанетъ говорить, попавъ на свою любимую тему воспоминаній о прошломъ.—Пойдемте-ка лучше, проводимъ Олечку въ ея комнату...

Анна Петровна взяла дочь подъ руку и въ сопровожденіи Алексѣя Ивановича и Кондратьевны повела ее въ мезонинъ.

— Папа самъ оклеиваль, Олечка... ты знаешь?.. Вотъ посмотри... своими руками все... сказала Анна Петровна, когда Алексѣй Ивановичъ отворилъ дверь, и они вошли.

— Да и мама тоже... и Кондратьевна... поспѣшилъ заявить Алексѣй Ивановичъ.—Развѣ я одинъ управился бы?..

— Ахъ, милые вы мои, хорошіе, добрые!.. Какъ же все это хорошо!.. И не узнаешь моего стараго гнѣздышка!.. восклицала Олечка, радостно оглядывая комнату и поочередно цѣлуя отца, мать и старую няню.—И что вы всѣ такъ меня балуете, я и не заслужила!..

— Заслужишь, голубушка!..—сказаль Алексѣй Ивановичъ, смѣясь.

— Папа, милый... а что наши старики всѣ здоровы?.. спросила Олечка.—Иванычъ, садовникъ, помнишь, какія онъ розы чудныя выгоняль и всегда на мои именины одиннадцатаго іюля бывало подносилъ букетъ и говорилъ «комплиментъ»... Капитонычъ, я знаю, умеръ, обѣднѣй!.. Поваръ Михеичъ, старуха Лукерья, прачка бабушкина, которая такія вкусныя лепешки ржаныя пекла для меня... И Сидоръ кучеръ, и ключникъ Михайло, и птичница Аксинья... и всѣ, всѣ наши хорошіе старики, я такъ ихъ люблю, такъ помню, какъ они всѣ меня баловали!..

— Всѣ живы, голубушка, всѣ... ждали твоего пріѣзда, вотъ завтра придуть тебя поздравить съ пріѣздомъ.

— Какъ завтра?... Нѣтъ, папочка, милый мой, я хочу сегодня же... сейчасъ посмотрѣть на нихъ.

— Всѣ здравствуютъ пока, только ужъ Иванычъ больше розановъ преподноситъ не будетъ... сказалъ Алексѣй Ивановичъ.—Оранжерея вѣдь сгорѣла...

— Какъ?.. Сгорѣла?.. воскликнула Олечка и, выпустивъ вещи, которыя она вмѣстѣ съ матерью и Кондратьевной выкладывала изъ сундука, всплеснула руками.—И мои любимыя розы, и персики, сливы, абрикосы... и померанцевыя деревья, и камеліи сгорѣли?.. перечисляла она, чуть не плача.—Ахъ, какое несчастье, папа!... И какъ ты можешь такъ хладнокровно говорить объ этомъ!..

— Да, что же дѣлать, голубчикъ?.. Разумѣется, жалко!.. А, какъ подумаешь, Богъ съ нею и съ оранжереей!.. Одинъ только

расходъ, и больше ничего!.. Иванычъ уже старъ становится, а по нынѣшнимъ временамъ такого садовника нанять дорого обойдется... Да, и не стало ихъ, этихъ садовниковъ для имѣній средней руки, все равно, пришлось бы закрыть оранжерею... Не для насъ, обнищавшихъ баръ, говорятъ, такія затѣи... Вотъ жаль одного: оранжерея-то не была застрахована...

— Ахъ, папа, папа, милый... бѣдный ты мой, все на твою голову эти хозяйственныя неудачи!.. Ну, погоди, родной, вотъ теперь я у тебя и у мамы помощникомъ состоять буду... Хочешь?.. Приказчикомъ?.. Буду вездѣ ходить смотрѣть, чтобы все, что вы прикажете, было исполнено... Право, не хочу я сидѣть «барышней», да еще «кисейной барышней», какъ теперь говорятъ... Хочу работать и быть полезной!..

— Милая!.. сказала Анна Петровна, обнимая дочь въ благодарномъ порывѣ.

— Что-жъ, Олечка, я очень радъ, что ты не собираешься сидѣть сложа руки... Съ Богомъ, въ добрый часъ... Поучись... Пожелаешь,—эту музыку можно довольно скоро одолѣть... Будемъ съ тобою вмѣстѣ ходить, всюду досматривать... потомъ съ мамой будешь—она тебѣ все покажетъ, какъ и что...

— Эхъ, папочка, буду... горшки, вѣдь, не боги обжигаютъ!..—весело сказала Олечка, снова принимаясь цѣловать отца.—Ну, а теперь позвольте мнѣ пойти посмотрѣть на моихъ стариковъ...—заявила она, беря отца подъ руку.—Мамочка, ты, конечно, все приберешь тутъ къ мѣсту съ Кондратьевной... Она крѣпко поцѣловала мать, пощекотала ей шею носомъ, какъ дѣлала прежде, когда была еще маленькой, обняла няню и бѣгомъ потащила отца изъ комнаты внизъ.

Вечеромъ, когда Олечка ложилась спать, и Анна Петровна оставалась у нея въ комнатѣ, Алексѣй Ивановичъ молился въ общей съ женой спальнѣ, ожидая ее. Онъ стоялъ на колѣнахъ, клалъ поклоны и крестился. Но молиться онъ не могъ. Сердце его слишкомъ было переполнено счастьемъ. Онъ не ожидалъ увидѣть дочь такую, какая она была. Эта ласковость, эта памятьливость о всѣхъ тѣхъ, кто любилъ ее въ дѣтствѣ и такъ или иначе оказывалъ вниманіе, наконецъ, бодрый и веселый видъ ея и твердая рѣшимость дѣлать то дѣло, которое выпало на долю отца и матери, переполняли его любовью къ ней и счастьемъ видѣть въ ней свою ближайшую помощницу, свою опору въ будущемъ. Онъ чувствовалъ себя недостойнымъ того счастья, которое посылалось ему, такъ же точно, какъ Олечка давеча находила, что она еще не заслужила, чтобы ее такъ любили и баловали. Онъ не могъ собрать мыслей, онъ даже не былъ въ силахъ припомнить словъ давно извѣстныхъ мо-

литвъ и совершенно машинально, въ какомъ-то экстазѣ, повторялъ только одно: Господи, благодарю тебя!.. Господи, сдѣлай такъ, чтобы это не измѣнилось!..

Когда Анна Петровна вернулась, она нашла мужа передъ образами. Она чувствовала то же, что и онъ. Тихо опустившись на колѣна возлѣ него, она положила голову на его плечо и заплакала радостными, счастливыми слезами...

Олечка не измѣнила своимъ намѣреніямъ. Съ перваго же дня по прїѣздѣ она стала вставать рано и вмѣстѣ съ отцомъ отправлялась въ поле на работы.

Алексѣй Ивановичъ не жалѣлъ объясненій. Онъ говорилъ съ нею о подробностяхъ сѣна, пахоты, уборки и всего того, что касалось хозяйства до мельчайшихъ подробностей. Къ нему хотѣлось передать дочери не одинъ только «механизмъ» хозяйства, но и «духъ» его, тѣ тайны, которыя онъ самъ зналъ, добывъ ихъ долготѣней практикой и личнымъ опытомъ. Часто въ полѣ онъ останавливался и принимался объяснять наружные признаки, по которымъ нужно судить о готовности земли къ сѣву, опредѣленію на глазъ ея качества, большей или меньшей сдобренности; иногда, во время пахоты, онъ останавливалъ соху и показывалъ ей, какъ должна быть запряжена лошадь, чтобы подымать землю на должную высоту. Онъ подтягивалъ черезъ сѣдельникъ у обжей, потомъ ослаблялъ его и на бороздахъ показывалъ разницу глубины той и другой. Она жадно смотрѣла и слушала.

Въ ней какъ-то сразу пробудилась страсть къ землѣ. Чуть-чуть мечтательная по свойству ума, она въ воображеніи отождествляла землю-кормилицу съ какимъ-то высшимъ, недостижимымъ существомъ, котораго культъ дается не всякому, а лишь тѣмъ избраннымъ, кто съ чистою душою изучаетъ его и отдаетъ себя этому культу всего, безъ остатка.

Чѣмъ больше она вдумывалась въ смыслъ и значеніе природы, чѣмъ ближе подходила къ ней, тѣмъ ненужнѣе и пустѣе представлялось ей все остальное, въ томъ числѣ и всѣ дипломы на знаніе, полученные ею изъ института. Самый институтъ съ его сухими господами преподавателями и классными дамами, шамандиректрисой, которые всѣ съ важнымъ видомъ, словно священнодѣйствуя, дѣлали никому ненужное дѣло, самые предметы обученія, изъ которыхъ, развѣ, два-три имѣли за собой практическое примѣненіе къ жизни, казались ей теперь не только мелкими, но и смѣшными, а вся работа для достиженія этихъ знаній — безмысленнымъ тасканіемъ чурбана, какою-то непростительною расточительностью времени и жизненныхъ силъ, насмѣшкой надъ тою фразою, которую постоянно повторяло начальство института, что

тамъ обучаютъ всему тому, ce qu'une demoiselle de bonne condition doit savoir¹⁾.

— Doit savoir...—повторяла она, улыбаясь.—И откуда они взяли, что я должна знать войны Александра Македонскаго, исторію вторженія мавровъ въ Испанію или законоположенія Ликурга и могу не знать, какъ сѣютъ и убираютъ тотъ хлѣбъ, который я ѣмъ, какъ нужно ухаживать за тою коровою, молоко которой я пью, или законы той страны, гдѣ я живу?..

Сравнивая свои институтскія знанія съ тѣмъ, что ей теперь, выброшенной на жизненный берегъ, необходимо было знать, — она рѣшила въ концѣ концовъ, что знаетъ только одно то, что ей совершенно не нужно, и еще съ большимъ увлеченіемъ принялась изучать природу и хозяйство.

Она ходила всюду, замѣчала все, спрашивала обо всемъ не только отца, мать, няню Кондратьевну и своего любимца Иваныча-садовника, но почасту и подолгу говорила съ деревенскими стариками и старухами.

Ее поражалъ здоровый, чуждый шаткихъ увлеченій, умъ русскаго простолюдина, его полныя жизненной правды устои, его непоколебимая простая вѣра и безропотная покорность судьбѣ, то именно, что нѣкоторые называютъ «философіей лаптя». Она скоро поняла, что въ этомъ, и только въ этомъ одномъ, заключается истинный смыслъ и значеніе жизни, что только такая философія— есть дѣйствительная мудрость, только такіе устои — жизненно примѣнимы и возможны, только такая вѣра—несокрушимый оплотъ и поддержка среди жизненныхъ бурь. Она поняла, что нужно опроститься, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается это слово, а въ другомъ, въ томъ именно, которымъ живетъ и держится народъ, его философія, его устои, его вѣра.

И она опростилась. Она не надѣла сарафана, паневы, не повязала головы краснымъ платкомъ и не обула лаптей, какъ это теперь стали дѣлать многіе, полагая, что именно въ этомъ заключается весь смыслъ опрощенія. Олечка продолжала ходить въ хорошо спитомъ платицѣ, тщательно причесывала волосы, мыла руки и лицо и даже чистила и полировала ногти. Но это нисколько не мѣшало ей вставать съ зарей, ходить въ полѣ по работамъ, помогать матери по домашнему хозяйству, хлопотать на кухнѣ подъ руководствомъ Михейча, который, какъ большинство крѣпостныхъ, былъ мастеръ своего дѣла, варить варенье, солить огурцы, чинить бѣлье, поспѣвая всюду, работая не покладая рукъ и оставаясь веселой, бодрой и довольной.

Вечеромъ или праздниками, когда было посвободнѣе, Олечка заслушивалась деревенскихъ пѣсенъ, которыя полюбила страстно.

¹⁾ Что дѣвица порядочнаго круга должна знать.

Эта таинственная сказочность, эта близость человѣка къ природѣ, о которыхъ говорила пѣсня, ея грустный, задушевный, какъ будто изъ-подъ гнета звучащій напѣвъ, своеобразный неожиданными оборотами, его простота—ужасно нравились ей.

И она слушала, слушала безъ конца, забывая обо всемъ, умиляясь и воображая самое себя то матушкой-дубравушкой, то полемъ-чистымъ, то рѣченькой-вольной и чувствуя себя счастливой, благодарной частицей великой матери-природы, матери-земли.

Среди этихъ поэтическихъ, молодыхъ грезъ ее посѣщали воспоминанія. Какъ ни смѣшенъ казался ей институтъ, она все же думала о немъ съ удовольствіемъ. Кромѣ засохшихъ учителей и прочаго начальства, у нея вѣдь оставались подруги, съ которыми она шесть лѣтъ жила бокъ-о-бокъ, дѣлясь съ ними всею тѣлою, что посылала замкнутая, однообразная институтская жизнь. Она, какъ сейчасъ, видѣла передъ собой весь институтскій день, дѣлившійся между дѣломъ, долбленіемъ всего того, *ce qu'une demoiselle de bonne condition doit savoir*, и краткими минутами отдыха.

Ей представлялась полутемная комната возлѣ дортуара. Около огарка, всунутаго въ чернильницу на партѣ, тѣснится кружокъ институтокъ. Одна изъ нихъ читаетъ вслухъ какой-то «страшный» романъ. Въ этомъ романѣ говорится объ ужасахъ угнетенной любви, имѣются герой и героиня, украшенные рѣшительно всею добродѣтелями; имѣется и злодѣй, надѣленный всею пороками. Съ этими лицами сплетены самыя страшныя происшествія. Институтки слушаютъ чтеніе подруги. Нервы ихъ возбуждены до крайности; въ комнатѣ холодно, въ углахъ темно, и всею жутко. Уже за полночь, но никто и не думаетъ о томъ, что пора кончить и идти спать...

То вдругъ передъ Олечкой воскресала картина институтскаго бала: блескъ зажженныхъ свѣчей, музыка, фраки, мундиры приглашенныхъ и родственниковъ институтокъ. Это было, когда она только что перешла въ послѣдній классъ. Среди яркой обстановки бала выступаетъ образъ молодого человѣка, брата ея подруги Королевой, статнаго офицера съ необыкновенно умными, добрыми глазами. Онъ долго и оживленно говорить съ нею во время мазурки... Осенью Королевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ держать экзаменъ въ академію. Она слушаетъ его и, хотя онъ говорить все объ очень обыкновенныхъ вещахъ, но она почему-то особенно внимательна... Когда мазурка кончилась, она прощается съ нимъ и крѣпко жметъ его руку, желая счастья, удачи... Какъ это все ясно представляется ей! Она старается забыть, отогнать этотъ образъ... Но скромное, удивительно симпатичное лицо молодого офицера не исчезаетъ...

— Къ чему?... — спрашиваетъ она себя,—вѣдь, это такъ давно было... больше года тому назадъ... Я никогда, никогда больше не увижу этихъ умныхъ, добрыхъ глазъ...

Королева послѣ этого, однако же, постоянно передавала ей поклоны отъ брата и увѣряла, что онъ не перестаетъ вспоминать о ней...

Среди увлеченій землей, Олечка не могла, однако же, не замѣтить тѣхъ мелкихъ, но постоянныхъ «палокъ», которыя попадали въ колесо хозяйственнаго механизма и мѣшали его ходу. То ломали необходимые въ хозяйствѣ предметы: соху, борону, телѣгу; то выстегивали лошади глазъ, то корову или теленка напарывали на заборъ, упускали стадо въ чужой хлѣбъ, рабочіе капризничали и убѣгали въ самую горячую пору уборки. Рубили и воровали лѣсъ, изъ рукъ вонъ плохо обрабатывали землю тѣ самые крестьяне, которые вчера еще съ нею разговаривали «по душамъ», хвалили за то, что она «хлопочетъ» сама, помогаетъ старикамъ,—тѣ самые крестьяне, которые всегда превозносили Алексѣя Ивановича и Анну Петровну чуть ли не до небесъ и называли ихъ не иначе, какъ «добрѣющими» господами, какихъ и свѣтъ другихъ не родилъ.

То ей вспомнилось, какъ недавно еще Архиповъ сманилъ у нихъ одного изъ лучшихъ рабочихъ, плотника Максима, который былъ нуженъ ему для поправки молотильной машины; то какъ этотъ же Архиповъ не допустилъ бабу-скотницу наняться у Кривцовыхъ, которые посылали за ней куда-то далеко, и, подкарауливъ ее на дорогѣ, нанялъ къ себѣ; то припоминала она, какъ отецъ рассказывалъ, что тотъ же Архиповъ всегда старался сбить цѣну, охулить ихъ хлѣбъ передъ покупателемъ и вообще исподтишка, когда только было можно, устраивалъ Кривцовымъ всякія каверзы...

— Ну, еще отъ Архипова я понимаю это: плутъ онъ, кулакъ... А крестьяне?.. Вѣдь, любятъ же они насъ... Знаю я это... чувствую... Они-то за что намъ разныя каверзы устраиваютъ?.. Ужъ не старая ли это «хроническая» ненависть къ «господамъ» за крѣпостное состояніе?.. Можетъ быть, не мстятъ ли они намъ за прежнее?..

Она нѣсколько разъ заводила объ этомъ разговоръ стороною, но скоро убѣдилась, что ни ненависти, ни мести тутъ не было ни на волосъ... Напротивъ, крестьяне относились къ господамъ съ самымъ очевиднымъ доброжелательствомъ, продолжая называть Кривцовыхъ «нашими господами», какъ называли всегда и раньше, и завѣряли въ своей готовности служить имъ «по гробъ жизни»...

— Да въ чемъ же дѣло тогда?..—спросила она однажды у деревенской старушки Аѳимьи¹⁾, съ которой она была въ пріятельскихъ отношеніяхъ и которая хорошо знала и «старые» и «новые» порядки.

— Почему же у насъ-то все такъ идетъ?.. И въ усадьбѣ-то, и изъ лѣсу воруютъ... и ломаютъ-то все, что ни попало, и съ работъ бѣгутъ?.. Кажется, обиды никому отъ насъ нѣтъ, напротивъ!.. А

¹⁾ Евѳимія.

все наше «господское» пропадаетъ... Больше ничье, кажется, какъ только «господское»... Вотъ у Архипова не слышно, чтобъ такъ было...

— И-и... матушка ты наша, Вольга Ляксѣвна... — воскликнула Аѳимья, качая головой. — Архиповъ нешто дозволить такъ-то?.. У яво деньги-то нябось заработенныя... А у господь-то капиталъ, значить, вольный.. Ну, къ примѣру, мужикъ и говоритъ: съ кого-жъ, молъ, узять, какъ не съ вашей милости?.. Да и опять нонча усякаго паршиваго ребятенка найми, «казну» положи да харчъ тожа.. А коли ежели что не такъ исдѣлаеть, не токма что «встряхнуть»... и слова яму не скажи, потому по судамъ затаскаеть... Пра!.. Опять жа, къ примѣру... папаша да мамаша твои... Всякъ ихъ карахтеръ преотлично понимаетъ: растопаются, расхвыркаются... да болѣ ничаво!.. Михаль-то Иванычъ, нябось, не такъ... чай, знаешь яво, пралика?.. Серчать да гомонить, да хвыркать не станеть... Чуть ежели кто не потрахвилъ — подъ такой, значить, «жѣмъ» положить, что альни духъ сопреть у зобу... Вотъ яво, родная, усякъ и боится!.. Да!..

— Такъ, стало быть, мужиковъ подъ «жѣмъ» надо класть, бабушка, чтобы они не баловались?..—спросила Олечка, размѣявшись.

— А какъ жа, родимая?.. — убѣжденно отвѣтила старушка. — А какъ жа?.. Вѣстимо надоть... Неужли-жъ нѣтъ?.. Мужикъ—песть!.. Ёнъ сичасъ услыхнетъ, у кого вожи въ рукахъ, у кого къ перядку привязаны!.. Да! Сичасъ, гряхомъ, увовся почестъ «даржавы» не стало, пра... Дюпрежъ, къ примѣру, сыновья отцовъ боялись... изъ воли не выходили, отцы—господъ, господскихъ прикашниковъ... А нонча, кого оны боятся, праликъ ихъ задави?.. Нонча оны, прости Господи, и попа-то ни во что считаютъ, пра... Ты яму — рязонъ, а онъ табѣ «чернымъ словомъ»... потому, говоритъ, нонча — воля!.. Я, говорить, самъ большой! А какая жъ воля, коды ёнъ у Мишки, у «вязниковскаго барина», почестъ увесь совсѣмъ съ зицуномъ у кулакѣ сидитъ?..

Вечеромъ, за ужиномъ, Олечка передала весь этотъ разговоръ отцу и матери.

— «Вольный» капиталъ!.. Что значить «вольный» капиталъ?..—сказалъ Алексѣй Ивановичъ. — Мужики, въ самомъ дѣлѣ, воображаютъ, что у насъ, помѣщиковъ, какіе-то «вольные» капиталы... Точно, наши имѣнья намъ съ неба свалились, не по заслугамъ!.. Что «даржавы» у насъ въ деревнѣ нѣтъ,—это вотъ вѣрно!.. Нѣтъ подъ рукой власти, къ которой можно бы прибѣгнуть... тутъ же, сейчасъ, въ тотъ моментъ, когда нужно... Поневолѣ когда и самъ «встряхнешь» —бѣжать жаловаться далеко!... Что же дѣлать-то? Архиповъ жаловаться, конечно, не побѣжить... Онъ подъ «жѣмъ» положить... Это безопаснѣй — по судамъ не затаскають... Ну, а мы можемъ?.. У Архипова рука не дрогнетъ—съ кого угодно послѣднюю рубашку, крестъ съ шеи снять... Онъ не постыдится и солгать, и

обмануть, и какую угодно подлость сдѣлать!.. А я развѣ могу?.. У меня за плечами цѣлый родъ честныхъ предковъ, столбовыхъ дворянъ, есть имя, положеніе, которыя я обязанъ оберегать... А Мишкѣ Архипову что?.. Хоть плюй въ глаза — все Божья роса... Его идеаль—рубль... Онъ готовъ выслушать и вынести, что угодно, лишь бы не выпустить этотъ рубль и положить его къ себѣ въ карманъ. Мишку ничѣмъ не доймешь... Ни жалостью, ни совѣстью, ни крестомъ... И мужики это знаютъ такъ же хорошо, какъ и то, что меня донять до крайности легко, потому что у меня есть и чувство состраданья, и совѣсть, и Бога я боюсь... Словомъ, есть рамки, изъ которыхъ я, какъ человѣкъ извѣстнаго круга, ни за что не выйду... Вотъ почему насъ мужикъ не боится!.. Конечно, въ этомъ отношеніи я съ Мишками Архиповыми тягаться не могу... А по этому самому неравенъ и бой, если силы неравны... Вотъ почему мы, помѣщики, по нынѣшнимъ временамъ, катимся подъ горку... катимся и, наконецъ, совсѣмъ ломаемъ себѣ шею, если насъ не поддерживать... Не денегъ, не «на чай» намъ нужно... Намъ нужна дѣйствительная, непосредственная власть, а не призракъ ея... Нужно, чтобы насъ вывели изъ того безпомощнаго, незащитнаго положенія, въ которомъ мы находимся, нужно, чтобы насъ оградили на дѣлѣ, а не на бумагѣ... оградили увѣренное владѣніе и пользованіе нашимъ имуществомъ и чтобы мы не были вынуждены хитрить, плутовать и прибѣгать къ «встряхиванью», отстаивая себя и свой родовой корень, какъ хитрить, плутуетъ, встряхиваетъ, кладя подъ «жѣмъ», Архиповъ, чтобы защитить свой кривдой добытый рубль... Тогда только мы перестанемъ катиться подъ гору... тогда только Архиповы не съѣдятъ насъ!..

IV.

Петя—такъ звали сына Архипова—занимался съ учителемъ, написаннымъ для него отцомъ, въ томъ самомъ «кабинетѣ» Архипова, который прежде служилъ дѣтской. Ситцевая занавѣска теперь была снята, кресла временъ имперіи—Оеклушина колыбель, развязаны, и одно изъ нихъ, сиротливо прислоненное къ стѣнѣ въ дальнемъ углу, стояло на трехъ ножкахъ.

Петя былъ необыкновенно тупой малый, и потому ученіе шло туго. Учитель злился и, закусывая губы, чтобы не обругать глупаго «выкормка», какъ онъ мысленно обзывалъ своего ученика, въ десятый разъ принимался объяснять ему правило умноженія.

— Вашъ возрастъ въ гимназіяхъ уже ариметику кончилъ и начинается алгебру...—наконецъ сказалъ онъ, не выдержавъ,—а вы вотъ и умноженія никакъ прожевать не можете... Я васъ уважать перестану!..

Но Петя, несмотря на угрозу потерять уваженіе своего учителя, продолжалъ невозмутимо зѣвать по сторонамъ, въ то же время шевеля мокрыми, отвислыми губами въ знакъ того, вѣроятно, что онъ про себя повторяетъ слова учителя, чтобы лучше запомнить ихъ.

— А гдѣ «барчукъ»?.. Дома?..—послышался со двора въ раскрытое окно «медовый» голосъ Михайлы Иваныча.—Эй... человѣкъ!..

По коридору затопали босыя ноги «лакея».

—«Барчукъ» гдѣ?..—переспросилъ Архиповъ.

— Грамоту учить съ учителемъ...—отвѣтилъ «лакей», высовываясь въ окно.

— А «барышня»?— снова спросилъ голосъ Михайлы Иваныча.

— Не могу знать... Должно, въ лѣсъ по грибы ушла... А, можетъ, у попады въ гостяхъ...

— Ну, ладно... А «барыня»?..

— Нешто не слышите?.. Прасолу кожи сбываетъ... Ишь, вонъ, голосить...

Откуда-то дѣйствительно слышались сварливыя взвизгиванія «сырой и нервной дамы».

— Ну, такъ вы малость пообождите, ребята!.. — говорилъ Михайло Иванычъ мужикамъ, съ которыми онъ собирался говорить о дѣлѣ.—Я сейчасъ... вотъ только на минутку къ сынку зайду...

Петя, услыхавъ, что идетъ отецъ, немного подтянулся и сдѣлалъ видъ, будто занимается.

Черезъ минуту въ «кабинетъ» вошелъ Михайло Иванычъ, отирая вспотѣвшее лицо и лысину огромнымъ бумажнымъ платкомъ съ рисунками подъ фуляръ.

Поздоровавшись за руку съ учителемъ, онъ освѣдомился о томъ, какъ идетъ ученіе.

— Да что?.. — желчно отозвался учитель, — надо бы хуже, да нельзя... Хотя ему колъ на головѣ теши... Вотъ по сторонамъ зѣвать,—это наше дѣло... Тутъ и самъ Ушинскій ничего не подѣлаетъ...

— Ахъ, Петя, Петя... — началъ Михайло Иванычъ жалобнымъ голосомъ, но все же глядя «выкормка» по рыжимъ, коротко остриженнымъ волосамъ.—Развѣ ты не понимаешь, какъ говорится, что «занепремѣнно» учиться надо... потому нонча всѣ ученые должны быть... А ужъ тебѣ-то... моему сыну, довольно неприлично даже дуракомъ ходить, какъ говорится... Какъ же ты не поймешь?.. Вѣдь, ты меня, какъ говорится, конфузишь!.. Нешто я что жалѣю для тебя?.. Вотъ и удовольствія всякія для тебя дѣлаю... И губернантка при тебѣ состоитъ, и прислуга... и кухарка, чтобъ харчъ хорошій былъ... И господинъ учитель, какъ говорится, тебѣ даденъ... Чего-жъ еще?.. Только учись... Вотъ погляди на отца—человѣкомъ вышелъ... А почему?.. Да все черезъ это самое ученье... А нонча, какъ говорится, всякъ прохвостъ мужикъ Михайла Иваныча, извинитя, вязниковскаго «барина» уважаетъ...

— «Ну, зачалъ отчитывать»... — подумалъ Петя, смиренно опустивъ глаза, но въ то же время бросая украдкой жадные взоры на дворъ, гдѣ красивая, дебелая скотница Палашка, вмѣстѣ съ другой бабой, развѣшивали только что вымытое и отбѹченное¹⁾ бѣлье.

Но сегодня Михайло Иванычъ «отчитывалъ» недолго; онъ спѣшилъ къ мужикамъ, ожидавшимъ его на дворѣ.

Мужики пришли къ «вязниковскому барину» поговорить о землѣ, принадлежавшей къ Вязникамъ и врѣзавшейся длиннымъ холстомъ въ ихъ выгонъ. Благодаря такому расположенію земли, крестьянскія лошади, за которыми никогда надлежащаго присмотра не бываетъ, безпрестанно «заскакивали» на вязниковскій холстъ, почему мужики раньше, изъ года въ годъ, арендовали этотъ холстъ, желая избѣгнуть неприятностей отъ поправки, и, взявъ плату деньгами, обязывались отработать Архипову около двадцати десятинъ въ его клину, несмотря на то, что эта отработка равнялась почти двойной платѣ, какую можно было требовать за аренду.

Такъ водилось десятки лѣтъ. Но въ прошломъ году кто-то надумилъ мужиковъ, и они заупрямились, основательно доказывая Михайлѣ Иванычу, что имъ выгоднѣе платить штрафъ по установленной таксѣ за каждую поправку, чѣмъ отработать двадцать десятинъ за такія поправки, которыхъ могло и не случиться.

Михайло Иванычъ, которому терять даровую обработку двадцати десятинъ, конечно, было невыгодно, пустился на хитрости.

Съ осени онъ засѣялъ этотъ предательскій для мужиковъ холстъ земли клеверомъ по ржи, а весною, когда рожь взошла, сталъ каждую ночь посылать на межу двухъ надежныхъ конныхъ сторожей.

Въ теченіе лѣта, когда съ лошадьми ночевали ребятишки, дѣло еще шло сносно: лошади, хотя и попадались, заскакивая на землю Архипова, но рѣдко. Сторожа приводили ихъ къ Михайлѣ Иванычу на дворъ, являлись мужики-хозяева, снимали шапки, становились на колѣна и просили «барина» «стать за отца—за мать» и простить ихъ на этотъ разъ. Михайло Иванычъ не безъ удовольствія принималъ эти знаки покорности «прохвостовъ»-мужиковъ и потомъ, чтобы показать свое «барское» милосердіе, отпускалъ загнанныхъ лошадей даромъ, послѣ чего мужики, не чуя себя отъ радости, влѣзали на своихъ «обидчиковъ»-лошадей и во весь духъ пускались домой.

Осенью, когда морозы еще не наступили, но уже стало холодить въ особенности по ночамъ, и крестьянскій табунъ съ вечера выпускался совершенно безъ всякаго призора, Михайло Иванычъ привелъ свой давно задуманный планъ въ исполненіе.

Однажды, темною ночью, конные сторожа Михайлы Иваныча загнали весь крестьянскій табунъ на клеверъ, погоняли его взадъ-

¹⁾ Бучить—мыть въ щелокѣ.

впередъ нѣсколько разъ и, затѣмъ, поймавъ нѣсколькихъ лошадей въ доказательство, что потрава произведена именно крестьянскимъ табуномъ привели невинныхъ виновниковъ въ Вязники на «барскій» дворъ.

На утро Михайло Иванычъ, вмѣстѣ съ старшиной, прибылъ къ мѣсту потравы для опредѣленія убытковъ. Насчитали свыше ста рублей. Когда черезъ нѣсколько недѣль волостной судъ опредѣлилъ взыскать эту сумму съ крестьянъ, то послѣдніе не стали даже и возражать, понимая, что дѣло обставлено «чисто», и потому «канителиться» по судамъ не стоитъ. Они просто, всей гурьбой, явились на «барскій» дворъ и здѣсь, кланяясь въ землю, молили «вязниковскаго барина» хоть чуточку повременить взысканіемъ съ нихъ этихъ убытковъ.

Михайло Ивановичъ принялся ихъ «отчитывать», перечисляя свои добродѣтели и доказывая, что вся эта «непріятность» произошла только потому, что они, «мужики»,— лѣнтяи, не думаютъ о себѣ, что если бы они арендовали, какъ прежде, вязниковскій холстъ, то, и они, и онъ, Михайло Иванычъ, были бы покойны и продолжали бы жить въ мирѣ, какъ жили прежде.

Въ концѣ концовъ онъ отпустилъ крестьянъ, взявъ, однако же, съ нихъ росписку въ суммѣ присужденныхъ убытковъ и обѣщаніе будущю же весною возобновить договоръ на землю.

За этимъ-то дѣломъ мужики теперь и пришли къ нему.

— Конечно, мнѣ что-жъ!.. Богъ съ вами!.. Мнѣ вашего не нужно!.. — пѣлъ Михайло Иванычъ, расхаживая передъ кучкой мужиковъ, безъ шапокъ стоявшихъ на дворѣ. — А все жъ таки, извинитя, какъ вамъ угодно, пятокъ десятинокъ обработки безпремѣнно накинута слѣдуетъ...

Волостной писарь, сидѣвшій въ сторонѣ за столикомъ съ бумагой и чернилами, прислушивался къ разговору и пробовалъ перо на ногтѣ большого пальца. Онъ и старшина, «облагодѣтельствованные» Михайлой Иванычемъ, были всегда его покорными слугами и теперь явились, по его приглашенію, настроचितъ и засвидѣтельствовать условіе.

Дѣло расходилось изъ-за тѣхъ пяти десятинъ, которыя Михайло Иванычъ вздумалъ набавить сверхъ прежнихъ двадцати.

— Пожалѣй, батюшка Михайло Иванычъ... Заставь вѣкъ Богу молиться, чтобъ Ёнъ и табѣ и, значить, дѣтемъ твоимъ... «барчукамъ», то-ись, послалъ добраго здоровьица... — говорилъ староста, мужикъ съ библейской бородой и какимъ-то странно неподвижнымъ лицомъ. — Трудно, добре, двадцать-то пять десятинъ одолѣть!.. Подика-съ!.. Таперича, вонъ, мужиковъ-то дома нѣгуги... поразбредились на работы... На бабахъ только... Нешто на бабѣ много наработаешь?..

— Это, точно... слышался одинъ какой-то насмѣшливый голосъ изъ кучки, — потому баба, звѣстно... къ примѣру — баба и есть!..

Михайло Иванычъ впился своими прищуренными бѣлесоватыми глазами и искалъ въ кучкѣ остряка, но замѣтить его не могъ.

— Это вы, братцы... какъ говорится, просто не желаете!..—сказалъ онъ и потомъ началъ перечислять стоимость работы на деньги, пытаюсь доказать мужикамъ, что пять лишнихъ десятинокъ не составляютъ для нихъ непосильнаго налога.— Зиму-то, небось, какъ говорится, на печкѣ пролежимъ, а рабочая пора придетъ: трудно да пожалѣй!.. только всего и услышишь!..— закончилъ онъ.

Одинъ мужикъ, съ рыжекрасными волосами и бородой, карими жгучими глазами и энергичнымъ, беспокойнымъ лицомъ, высунулся было впередъ и хотѣлъ что-то сказать, но остальные сейчасъ же спрятали его за своими спинами и заговорили опять въ миролюбивомъ тонѣ, снова называя Архипова своимъ «баринномъ», кормильцемъ и прося «пожалѣть» и «помиловать» ихъ.

Наконецъ, видя, что мужики туго поддаются его доводамъ, Архиповъ велѣлъ принести вина, зная, что этотъ аргументъ наиболѣе дѣйствительный изъ всѣхъ.

И, дѣйствительно, дѣло скоро сладилось. Писарь заскрипѣлъ перомъ, старшина, безмолвный свидѣтель этой сцены, сѣлъ въ холодокъ на ступени крыльца и принялся вытирать полкой кафтана обильно струившійся по лицу его потъ.

Мужики шумно пережевывали хлѣбъ и луковыя перья, принесенныя на закуску, и разговаривали между собою. Нѣкоторые шутили, и изъ кучки слышался смѣхъ.

Вино сдѣлало свое дѣло...

V.

Архиповъ до сего времени не возвращалъ Кривцову его росписокъ на двѣ тысячи пятьсотъ рублей, какъ обѣщалъ, и Алексѣй Ивановичъ началъ очень беспокоиться. Онъ нѣсколько разъ уже посылалъ къ Архипову, даже писалъ ему, но все оставалось безъ успѣха: то Михайлы Иваныча не было дома, то за недосугомъ онъ не отвѣчалъ на письма, обѣщая какъ нибудь надняхъ побывать самъ. Но проходили дни за днями, а Михайло Иванычъ все не ѣхалъ и не слалъ росписокъ.

Алексѣй Ивановичъ, понявъ, что Архиповъ просто-на-просто «отлыниваетъ», струхнулъ и во всемъ признался женѣ.

Анна Петровна не стала хныкать и упрекать мужа, какъ часто это дѣлаютъ жены, а просто настаивала на томъ, чтобы Алексѣй Ивановичъ, не медля ни минуты, самъ ѣхалъ въ Вязники и получилъ росписки отъ Архипова.

Какъ ни претило Алексѣю Ивановичу ѣхать къ «барину», но онъ понималъ, что это было единственное средство снасти свои деньги. Выбравъ время, однажды подъ вечерокъ, онъ отправился въ Вязники.

— Дома Михайло Иванычъ?..—въѣзжая во дворъ, спросилъ онъ малаго, игравшаго въ бабки вмѣстѣ съ другими двумя ребятами, по сходству съ Архиповымъ тотчасъ же признавъ въ немъ его сына Петю.

Петя сначала покопалъ пальцемъ въ носу, разглядывая Кривцова, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ, и потомъ уже отвѣтилъ:

— Тятка дома... должно, спать! Сейчасъ только съ покосу вернулся!..

Алексѣй Ивановичъ привязалъ лошадь и направился къ крыльцу. На порогѣ его встрѣтила молодая, очень некрасивая дѣвушка, съ угрями на болѣзненномъ, блѣдномъ лицѣ. Изжелта бѣлесоватые волосы ея были густо напояжены, и на узкомъ лбу торчала соломою подстриженная чолка. На ней было красно-розовое платьѣ, отдѣланное бѣлыми, грубыми кружевами.

— Вамъ кого?..—спросила она, показывая изъ-подъ улыбающихся губъ короткіе, будто съѣденные зубы и безцвѣтныя десна.

— Мнѣ Михайла Иваныча нужно повидать...—сказалъ Алексѣй Ивановичъ, оглядывая ея некрасивое лицо, узкую, впалую грудь и босыя ноги съ кривыми, будто вывернутыми пальцами.

— Тятеньки сичасъ дома нѣтути...—заговорила она тѣмъ особеннымъ носовымъ говоркомъ, который составляетъ отличительную принадлежность пригородныхъ мѣщанокъ и фабричныхъ женщинъ, когда онѣ начинаютъ жеманиться.

— Тятенька, давеча, какъ уѣхали на нашъ хуторъ, такъ еще не возвращались... На покосъ уѣхали-съ... Вы, должно, господинъ Кривцовъ... Алексѣй Ивановичъ?—спросила она.

— Да! Какъ же мнѣ вотъ сейчасъ мальчижъ на дворѣ говорилъ, что Михайло Иванычъ дома... спать?..

— Это, должно быть, Петька... мой братишка!..

— Дѣ... вонъ въ бабки играетъ съ деревенскими ребятами...—пояснилъ Алексѣй Ивановичъ, указывая на дворъ, гдѣ играли мальчижи.

— Онъ, онъ... Только онъ не знаетъ... несмыслѣнъ добрѣ... А только что тятеньки дома нѣтути, истинный Господь... Уѣхавши!..

И потомъ, неожиданно сдѣлавши передъ Алексѣемъ Ивановичемъ что-то въ родѣ книксена, она снова ослабила ротъ и прибавила:

— Можетъ, подождете тятеньку-то?.. Они сейчасъ должны быть-съ... У насъ ужъ и ужинъ собрали... Пожалуйте въ гостиную-съ!.. А я сичасъ!..—Она исчезла въ маленькую, едва замѣтную дверь.

Онъ сталъ подниматься по дубовой лѣстницѣ съ рѣзными перилами.

Въ вестибюлѣ, мраморная арка котораго была задѣлана Михайлой Иванычемъ кирпичемъ и даже не заштукатурена, пахло грязью неопрятнаго жилья. Алексѣя Ивановича охватило непріятное, тягостное чувство.

Онъ прошелъ большую и совершенно лишенную мебели залу и очутился въ комнатѣ, гдѣ раньше, лѣтъ тридцать назадъ, при вязниковскихъ господахъ, дѣйствительно, была гостиная.

Въ эту минуту изъ противоположной двери вошла Оея. На ней были прюнелевыя ботинки, которыя обрисовывали ея большую, плоскую, съ выпяченною костью большого пальца ногу.

— Не угодно ли-съ...—сказала она, показывая на кресло и сама усаживаясь на диванъ, надъ которымъ криво и несимметрично висѣли плохія картинки съ видами какого-то монастыря, московскій кремль, преподобный Тихонъ Задонскій и портретъ Ермолова въ разстегнутомъ поверхъ бѣлаго жилета военномъ сюртукѣ, съ высокимъ того времени воротомъ, подпиравшимъ лывиную со вспутанными волосами голову.

Бумажные обои мѣстами были ободраны. Вездѣ по стѣнамъ виднѣлась облупленная штукатурка съ зиявшими отъ гвоздей дырками. По угламъ почернѣвшими слоями висѣла паутина.

Изъ прежней мебели въ комнатѣ находились, кромѣ кресла, на которомъ сидѣлъ Алексѣй Ивановичъ, еще диванъ у стѣны, да два простѣночныхъ зеркала настоящаго Жакобъ, съ немногими уцѣлѣвшими на нихъ украшеніями превосходной бронзы. Недостатокъ мебели восполнялся вѣнскими стульями, двумя простыми бѣлыми столами съ пестрыми скатертками на нихъ и диванчикомъ-кушеткой современнаго фасона, подъ ситцевой, засаленной и прорванной обивкой и такой же засаленной кумачевой подушкой на ней.

Оекла Михайловна усердно выставляла свои прюнелевыя ботинки изъ-подъ розово-кирпичнаго платья, очевидно, желая, чтобы Кривцовъ обратилъ на нихъ вниманіе.

— А у насъ сиводни праздникъ!.. — продолжая жеманиться и усиливая пошлость произношенія, начала она, видимо приступая къ обязанности любезной хозяйки дома «занимать» гостя...

Алексѣй Ивановичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ уныло оглядывалъ остатки прежней роскоши, такъ безжалостно попираемой невѣжественной рукой, этотъ хаосъ эстетики и грубой пошлости, эту грязь кулачьяго логовища, гдѣ такъ явно и безъ стѣсненія выставлялось на показъ самодовольное пренебреженіе ко всему изящному. Душа его ныла и болѣла.

— «Новое царство...—подумалъ онъ,—царство Архиповыхъ!»...
Ему вспомнился стихъ:

«Гдѣ стоить былъ яствъ, тамъ гробъ стоить»...

— А у насъ давча базаръ былъ!..—опять замусавила Оеклуша.—Ярманка... то-исть... ба-а-альнушшая-я-я... Кольки скота, лошадей было... Пенки, конопѣй тожь много было... Краснаго товара, гостинцевъ... Много всего... Вы бывали когда на нашей ярмаркѣ?..—продолжала она занимать Алексѣя Ивановича.

— Бываль... прежде, давно... теперь — нѣзачѣмъ!.. — коротко отрѣзаль онъ. И потомъ, чувствуя, что онъ черезъ чуръ сухъ спросилъ:

— А вы... тоже хозяйствомъ занимаетесь?.. Помогаете?..

— Нѣтъ-съ... зачѣмъ же?..—отвѣтила она, какъ бы удивившись.— Тятенька съ маменькой и безъ насъ претлично управляются-съ!.. Опять же хозяйство у насъ на «барскомъ дворѣ» такъ заведено-съ, что только присматривать надоть. Это ужъ ихъ дѣло, папеньки-съ съ маменькой-съ!..

— А вы-то что же дѣлаете?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Наше дѣло... обнаковенно—дѣвичье-съ... Вотъ, къ примѣру-съ, руководѣе, вышиванье по канвѣ-съ... тамбурь... Знаете тамбурь?.. это крючкомъ... одну петлю внизъ, двѣ петли вверхъ-съ... А тамъ пройдешь прогуляться, или въ гости!..

— А за коровами... за удоемъ не присматриваете?.. На огородъ, въ кухню, подвалъ, ледникъ не ходите?.. Это, казалось бы, все къ женскому хозяйству принадлежить...—рѣзко замѣтилъ Кривцовъ.

— Помилуйте-съ!.. — обиженно воскликнула Оеклуша. — Нешто я коровница?.. На то тятенька двухъ деревенскихъ бабъ держать-съ... Пуцай онѣ вездѣ и ходять-съ... Вы вотъ, должно, свою-то барышню на варокъ ¹⁾ не пошлете-съ?.. То-то... Также и тятенька-съ... Потому мы вѣдь не деревенскіе мужики въ навозѣ копаться...

Въ эту минуту изъ дверей высунулась мохнатая голова учителя. Студентъ посмотрѣлъ въ комнату, поискалъ глазами и, увидавъ Оеклушу, позваль ея пальцемъ.

— Пойдите же сюда... Вамъ говорятъ!..—довольно грубо сказалъ онъ, видя, что она не подымается съ своего мѣста.

Оеклуша, просіявшая при появленіи учителя, смотрѣла на него и, улыбалась, показывая свои скверные зубы, жеманилась и пыталась придать своимъ безцвѣтнымъ глазамъ томное выраженіе.

— «Ишь, бѣльмами заворочала, дура!»...—подумаль Алексѣй Ивановичъ, которому Оеклуша съ ея пошлыми рѣчами, извращенными понятіями и мѣщанской наружностью въ эту минуту показалась отвратительною.

Оеклуша встала и выскочила въ ту комнату, откуда позвали ея, сейчасъ же вернулась оттуда въ гостиную и опять усѣлась на диванъ.

— Слесарь, посланный съ хутора, приѣхаль, — сказала она.— Тятенька прислали сказать, что останется ночевать на покосѣ.

Алексѣй Ивановичъ всталъ.

— До свиданья!..—сказаль онъ.—Мнѣ ждаль, стало быть, нечего. Сегодня не удасться повидаться съ Михайломъ Ивановичемъ, до другого раза...

¹⁾ Скотный дворъ.

— Адѣ, мусьѣ...—сказала Оеклуша, протянувъ ему «лодочкой» правую руку, которую поддерживала лѣвой подѣ локоть.

Алексѣй Ивановичъ показалъ видѣ, что не замѣтилъ этого, и вышелъ изъ гостиной.

— Не забывайте насъ, пыжальста...—гнусавила Оеклуша, провозжая его.—Будемъ знакомы... очинно пріятно-сь... по сосѣдству, значитъ, безъ «чиримоніи»... Милости просимъ, когда на гулянкѣхъ чайку прикушать-сь!..

Кривцовъ едва съѣхалъ со двора, какъ Михайло Ивановичъ неторопливо вышелъ изъ сада, гдѣ онъ прятался, ожидая отъѣзда Кривцова. Въ его расчеты совершенно не входило видѣться съ нимъ теперь.

— Чуть съ голоду не уморилъ, старый!..—засмѣялся онъ, садясь съ семьей за ужинъ.

— Вотъ они «новые»-то баре...—думалъ Кривцовъ, ѣдучи домой и вспоминая еще никогда имъ не виданный типъ Оеклуши.—А?.. Каково?.. По хозяйству она заниматься не можетъ, потому что «мы не деревенскіе мужики, чтобы въ навозѣ копаться»... А моя дочь можетъ съ утра до ночи бѣгать по хозяйству, помогать отцу и матери, въ навозѣ копаться, коровъ доить и на кухню и въ подвалы ходить. Моя Олечка, институтка, выросшая въ холѣ да въ пуху, не боится ни дождя, ни погоды, ни грязи и работаетъ... А эта—не можетъ... Самъ Мипка, обокравшій своихъ благодѣтелей господъ, сдирающій одной рукой шкуру съ мужика, а другою залѣзающій въ карманъ помѣщика, признается за настоящаго «вязниковскаго барина», попадаетъ въ «наши уважаемые»... Господи, да что же это дѣлается на свѣтѣ?.. Или я съ ума сошелъ, или свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ!..

IV.

Время шло. Олечка нѣсколько лѣтъ уже была женой Королева. Это сдѣлалось совершенно просто. Въ самый годъ окончанія курса академіи Королевъ, вмѣстѣ съ сестрой, пріѣхалъ въ концѣ лѣта къ Кривцовымъ погостить. То, что началось на институтскомъ балѣ мимолетнымъ ухаживаніемъ, теперь приняло форму прочнаго чувства. Молодой Королевъ и его сестра понравились и старикамъ Кривцовымъ. Осенью была свадьба, и молодые уѣхали въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ Олечка каждое лѣто навѣщаетъ стариковъ. У нея уже двѣ дочки. Бабушка безъ ума отъ своихъ внучатъ и балуетъ ихъ напрадую.

Года два послѣ свадьбы Олечки, Алексѣй Ивановичъ умеръ въ полномъ сознаніи приближенія смерти, исполнивъ послѣдній долгъ

христианина и тщательно распорядившись своимъ имуществомъ. Послѣ его смерти въ имѣніи совсѣмъ не стало «державы», по выраженію деревенской старухи Аѳимьи. Тащили и ломали еще больше, чѣмъ прежде, работали еще хуже, хотя крестьяне и не переставали увѣрять, что господа «добрѣющіе», и что они готовы служить имъ «по гробъ жизни». Многое въ усадьбѣ пришло въ упадокъ; всюду замѣчалось отсутствіе настоящаго хозяйскаго глаза и твердой руки.

Михайло Ивановичъ пересталъ ѣздить къ Аннѣ Петровнѣ съ тѣхъ поръ, какъ при совершеніи контракта на срубъ лѣса, онъ рѣшительно заявилъ, что прежнія росписки Алексѣя Ивановича не безденежныя, и что онъ послѣднему далъ задаткомъ пять тысячъ пятьсотъ, что съ двумя тысячами пятьюстами, взятыми покойникомъ раньше, составляетъ ровно восемь тысячъ. Анна Петровна было хотѣла начать дѣло по обвиненію Архипова въ мошенничествѣ, но Королевы отсовѣтовали, разъяснивъ ей, что доказать этого обвиненія нельзя, потому что сдѣлка между покойнымъ Алексѣемъ Ивановичемъ и Архиповымъ происходила глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей. Говорили, что Королевъ обругалъ «взникновскаго барина» и чуть ли не публично «встряхнулъ» его... Можетъ быть; однако же, «баринъ» не только не жаловался по принадлежности, но даже никогда не упоминалъ объ этомъ случаѣ потомъ... Такимъ образомъ вполне оправдалась оцѣнка, сдѣланная ему Кривцовымъ: хоть плюй въ глаза—все Божья роса... По нынѣшнимъ временамъ, конечно, всякій обвинить Алексѣя Ивановича и, вмѣстѣ съ Архиповымъ, назоветъ его «дурнемъ».

А вотъ «по-старому» вещи повимали иначе.

Во время сводки Михайло Иванычъ, пользуясь неумѣло написаннымъ договоромъ, велъ себя совершенно такъ, какъ и надлежитъ новому барину... Онъ оттягивалъ платежи, травилъ молодую заросль скотомъ, исчертилъ весь лѣсъ новыми дорогами, лучшія сѣнокосныя поляны изрылъ угольными ямами, и, когда ему выговаривали за такую порчу лѣса, онъ спокойно вынималъ изъ кармана договоръ и доказывалъ, что такія дѣйствія ни единымъ пунктомъ ему не воспрещаются.

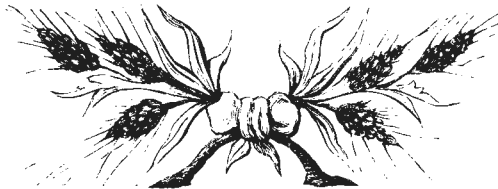
Хотя Анна Петровна и получила съ него остальные деньги за лѣсъ и погасила часть ссуды въ банкъ, но все же проценты, какіе оставались, платила неаккуратно, такъ что имѣнье однажды чуть не попало въ продажу. На этотъ разъ спасли его Королевы. Но надолго ли?—вотъ вопросъ.

Въ народѣ уже поговариваютъ, что рано или поздно Кривцовское имѣніе неминуемо попадетъ въ руки Архипова...

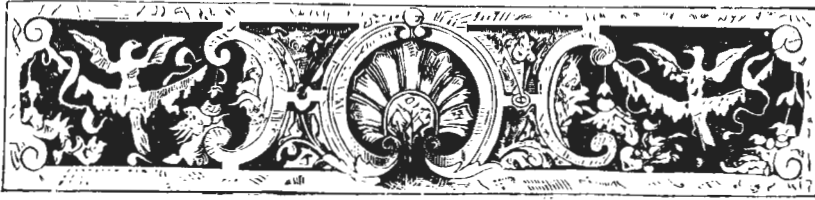
Когда объ этомъ спрашиваютъ самого Михайлу Иваныча, то онъ немедленно принимаетъ «постное» выраженіе и говоритъ своимъ «медовымъ» голосомъ:—Оно, конечно... Мнѣ все равно... Богъ съ

ними... Я чужаго не возьму... Но, какъ говорится, старухѣ имѣнья не удержать!.. Потому, гдѣ жъ?.. Сама она ничего не смыслить, а дочка съ мужемъ въ Петербургѣ... Только вотъ и держится тѣмъ, что помогаю, извинитя, добрымъ совѣтомъ... расположеніемъ... Да вотъ рощицей покойный набился... Купилъ, что-жъ дѣлать?.. И денегъ переплатилъ, извинитя, много больше, чѣмъ роща стоитъ... Потому жаль мнѣ ихъ... ей-Богу... Я, какъ говорится, къ нимъ всегда съ открытой душой... А не то давно бы, извинитя, имѣнью пропасть надо!..

В. А. Тимашевъ-Берингъ.

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ПУШКИНСКАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

О КРАЙНЕЙ мѣрѣ, въ двадцатый разъ я начинаю новый для меня курсъ; но никогда еще не испытывалъ я такой неувѣренности въ себѣ и, прямо скажу, такого страха за успѣхъ своихъ лекцій, какъ теперь. Причины на это двѣ: одна лежитъ во мнѣ, другая — въ содержаніи моего курса. Я—студентъ Московскаго университета и въ одну изъ лучшихъ эпохъ его: я слушалъ Буслаева, Тихонравова, Соловьева, Ешевскаго, Бабста, Леонтьева, Бодянскаго, и хотя 25-ти-лѣтнее преподаваніе въ провинціи убѣдило меня, что и тамъ часто встрѣчаются какъ студенты, такъ и профессора, ни въ чемъ не уступающіе столичнымъ, даже и лучшимъ, все же къ родному университету, да еще Московскому, съ его славнымъ полуторавѣковымъ прошлымъ, у меня, какъ и у всякаго стараго студента, сохранилось особое почтеніе, и читать исторію русской литературы съ той же кафедры, съ которой читали ее Буслаевъ и Тихонравовъ, истинные богатыри науки, какъ хотите, дѣло опасное.

Перехожу къ другой причинѣ, не столь случайной и субъективной. Я намѣренъ читать обзоръ пушкинскаго періода, курсъ, котораго самъ я никогда не слушалъ, и который, сколько знаю, въ Московскомъ университетѣ никогда не читался. Чѣмъ могу я оправдать такую смѣлость и на чемъ я основываю хоть нѣкоторую надежду, что мои чтенія принесутъ пользу?—вотъ тема моей нынѣшней лекціи.

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 22 сентября текущаго года.

35 лѣтъ назадъ мы, многочисленные слушатели Буслаева и Тихонравова, всѣ или почти всѣ преклонялись передъ ихъ учеными заслугами, громадными знаніями и ихъ творческимъ трудолюбіемъ; но мы по крайней мѣрѣ на первое время далеко неодинаково относились къ предметамъ ихъ чтеній и специальныхъ занятій (вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Буслаевъ читалъ народную поэзію и разнообразныя курсы по исторіи древнерусской литературы и искусства, а Тихонравовъ—допетровскую литературу и XVIII вѣкъ, только изрѣдка затягивая въ начало XIX вѣка): одни изъ насъ принимали даваемое безъ разсужденій, какъ высокое благо, а потомъ и сами увлекались или открывающими обширныя горизонты темами по народному эпосу и мѣологии, или болѣе скромными, но зато мало обслѣдованными вопросами по древнерусской письменности, гдѣ что ни ударъ кирки, то новый интересный фактъ, почти открытіе; другіе же, и такихъ, пожалуй, было большинство, не могли не испытывать нѣкотораго недовольства тѣмъ, что наши знаменитые профессора, обладавшіе такой громадной эрудиціей и такимъ критическимъ талантомъ, примѣняли и свои огромныя и наши ничтожныя силы къ Палеямъ, Прологамъ, Даниламъ Заточникамъ и Паломникамъ, тогда какъ подъ руками были Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, благоговѣніе къ которымъ, конечно, не вполне сознательное, мы приносили съ собой изъ гимназій и семинарій. Если Буслаевъ, разсуждали мы, такъ тонко умѣетъ анализировать грубоватое и бѣдное мотивами апокрифическое сказаніе о Петрѣ и Февроніи, насколько большее дѣйствіе оказали бы на насъ его лекціи, еслибъ онъ такой же анализъ приложилъ къ поэмамъ Пушкина? Если Тихонравовъ могъ такъ хорошо выяснять происхожденіе сатиръ добросовѣстнаго, но безталаннаго рѣмоплета Кантемира, отчего онъ не обрабатываетъ такимъ же образомъ «Мертвыя души» и «Ревизора», которыхъ мы чуть не наизусть знали?

Подготовленные хорошими учителями словесности, учениками того же Буслаева, чтеніемъ Бѣлинскаго и духомъ времени, мы довольно скоро поняли, что эстетическая точка зрѣнія на произведенія словесности не научна, и что исторія литературы не имѣетъ права останавливаться только, такъ сказать, на аристократахъ человѣческой мысли, что почти обезумѣвшій отъ гоненій протополь Аввакумъ или даже совсѣмъ безыменное, но выражающее міровоззрѣніе извѣстной эпохи и вліятельное произведеніе, въ родѣ Палеи, несравненно важнѣе, нежели сотни вылощенныхъ, но однообразныхъ похвальныхъ одъ или цѣлый десятокъ очень изящныхъ по формѣ и занимательныхъ, но не внесшихъ ровно ничего новаго послѣдователей Жуковскаго и Пушкина; но развѣ самъ-то Пушкинъ не былъ крупнымъ историческимъ явленіемъ, развѣ не отражалъ онъ своей, для насъ болѣе интересной, нежели времена татарскаго ига или царя Алексѣя, эпохи? развѣ не важно выяснить генезисъ его міровоззрѣнія и степень его вліянія на эпоху послѣдующую?

Такое исключительное предпочтеніе нашихъ незабвенныхъ учителей стараго болѣе новому показалось намъ особенно грустнымъ тогда, когда изъ росписанія лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ узнали мы, что въ Германіи лучшіе профессора рядомъ съ курсами по средневѣковой литературѣ читаютъ спеціальныя курсы по Фаусту Гете, по лирическимъ произведеніямъ Шиллера и общіе обзоры классическаго періода нѣмецкой словесности.

Отчего жъ у насъ не такъ? Положимъ, Палеи и Аввакумы заслуживаютъ полнаго вниманія, и работы Буслаева и Тихонравова надъ ними необходимы: безъ ихъ громадной эрудиціи никто другой съ ними не справится; положимъ, и намъ необходимо знать ихъ, и будущіе спеціалисты изъ насъ на нихъ должны усваивать приемы работы по допетровской литературѣ. Но за что же нашихъ классиковъ оставлять совсѣмъ въ сторонѣ?

Мы поняли, въ чемъ дѣло, только черезъ три-четыре года собственной работы, послѣ ознакомленія съ состояніемъ науки на западѣ: мы убѣдились, что нѣмецкій профессоръ можетъ читать спеціальныя курсы, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера потому, что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; извѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера во время его творчества; документально извѣстно, какія книги и насколько времени бралъ онъ изъ іенской библіотеки, обдумывая сюжетъ, какія мысли проходили въ головѣ его, и что изъ нихъ онъ сообщалъ своему другу Гете, извѣстно, какого числа писалъ онъ каждую сцену, къ какому актеру веймарскаго театра приспособлялъ онъ какую роль и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самыя тексты нашихъ классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, и ровно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали. Довольно, если я укажу на одинъ фактъ, безъ сомнѣнія, многимъ изъ васъ извѣстный: академикъ Тихонравовъ уже на шестомъ десяткѣ лѣтъ тратилъ свое драгоцѣнное время на подстрочное сличеніе и возстановленіе текста Гоголя, для чего, конечно, вовсе не нужны были его громадныя свѣдѣнія по палеографіи.

Но полное историческое оправданіе такому способу дѣйствія нашихъ профессоровъ принесло ближайшее будущее, которое для васъ является уже давно прошедшимъ. Не успѣли мы окончить курса, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ критиковъ-публицистовъ разнесъ нашъ кумирь, Пушкина, въ прахъ, мимоходомъ не пощадивъ и своего великаго предшественника Бѣлинскаго, и сдѣлалъ онъ это не ради оригинальничанья—онъ былъ человекъ идеально честный и искренній, но по глубокому убѣжденію и не собственно только убѣжденію, а цѣлой партіи передовыхъ русскихъ мыслителей. Конечно, это была не художественная и не историческая критика, но всеже отрицаніе систематическое, самоувѣренное, сильно дѣйствовавшее на юные умы, которые и пришли къ заключенію,

что самыя основныя воззрѣнія Бѣлинскаго устарѣли до полной негодности, и что Пушкинъ почти столь же мало достоинъ изученія, какъ и пустозвонные одописцы XVIII вѣка. Люди 40-хъ годовъ и непосредственные ученики ихъ могли возмущаться и негодовать, сколько имъ угодно: ихъ никто не хотѣлъ слушать, и ихъ клеймили страшнымъ у насъ въ то время названіемъ отсталыхъ. Разумѣется, работать надъ Пушкинымъ и вообще надъ нашими классиками въ это время было неудобно до крайности.

А между тѣмъ былины, Пален и Аввакумъ, какъ характерные факты исторической жизни народа, нисколько не теряли своего значенія, и изученіе ихъ энергично подвигалось впередъ.

Развѣ не правы были наши учителя, что они знакомили насъ съ методомъ изслѣдованія не надъ новой литературой, которой еще предстояло возбуждать страсти, быть предметомъ публицистической полемики, а надъ фактами, болѣе отдаленными, вполнѣ пригодными для объективнаго научнаго изученія?

Прошло послѣ развѣнчанія Пушкина какихъ нибудь 15 лѣтъ и, сколько помню, совершенно неожиданно для современниковъ на московскомъ праздникѣ открытія памятника Пушкину, совершился рѣзкій поворотъ въ обратную сторону. Та же русская, большая публика, которая такъ недавно выказывала презрительно-враждебное равнодушіе ко всему, что отзывалось чистой художественностью, тепло и радостно привѣтствовала пріѣхавшихъ на праздникъ представителей литературы 40-хъ годовъ безъ различія партій и горячимъ сочувствіемъ встрѣчала самыя восторженныя рѣчи поклонниковъ Пушкина, изъ которыхъ иные въ увлеченіи приписывали великому поэту много такого, что ему и во снѣ не могло сниться. Прошло еще семь лѣтъ; по случаю 50-лѣтія со дня смерти Пушкина, во всѣхъ большихъ и малыхъ центрахъ умственной жизни русской, произошли торжества въ честь великаго поэта не столь восторженныя, какъ покаянное торжество московское, но зато дружныя и вполнѣ увѣренныя въ своей разумности и законности. Съ этого же дня Пушкинъ сталъ народнымъ русскимъ поэтомъ не по названію, и не по духу и направленію своихъ произведеній, а въ буквальномъ значеніи этого слова, по степени своей популярности: по приблизительному, но, кажется, довольно вѣрному расчету, въ этомъ году и въ два слѣдующіе сочиненія его полностью и частями разошлись въ количествѣ 1½ миллионѣвъ экземпляровъ, что, если считать по десяти читателей на каждую книжку, дастъ 15 миллионѣвъ челоуѣкъ, т. е. больше, чѣмъ всю грамотную Россію.

Въ томъ же 1887 году, важнѣйшіе матеріалы для изученія Пушкина, которые только сумѣли собрать до тѣхъ поръ, сдѣлались общимъ достояніемъ, посредствомъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ изданій. Съ тѣхъ поръ ежегодно появляются спеціальныя работы по Пушкину или его эпохѣ, изъ которыхъ едва ли не добрал

половина показываетъ съ поразительною ясностью, какъ мало точнаго и научнаго въ томъ, что недавно считалось общепринятымъ. Мы и теперь не сдѣлали десятой доли того, что нужно, что сдѣлали нѣмцы, напримѣръ, для Шиллера или французы для Мольера, но что за бѣда? работы продолжаются, число работниковъ увеличивается, и дѣло движется впередъ—все скорѣй и скорѣй. Въ настоящее время, по моему убѣжденію, нѣтъ никакихъ причинъ, которыя могли бы удерживать преподавателей университетовъ отъ чтенія курсовъ по Пушкинскому періоду русской литературы и, напротивъ, есть цѣлый рядъ основанийъ предполагать, что такой курсъ при маломальски удовлетворительномъ исполненіи возбудитъ интересъ слушателей и принесетъ имъ пользу. Начинаю съ важнѣйшаго.

Между трудными для насъ жизненными вопросами въ послѣднее время едва ли не труднѣйшій—вопросъ объ отношеніи нашей интеллигенціи къ такъ называемому «простому» народу: имѣетъ ли нравственное право интеллигенція жить на счетъ тяжелаго труда народнаго, несоответственно вознаграждаемаго скудными благами, которыя мы предоставляемъ ему? Пропастъ между жизнью массы нашего деревенскаго люда и нашей жизнью, съ университетами, публичными лекціями, газетами, концертами, поѣздками за границу и пр.,—огромна; можемъ ли мы съ спокойною совѣстью наслаждаться всѣмъ этимъ и утѣшать себя мыслью, что иначе, пока, и быть не можетъ, что такъ было когда-то и въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, гдѣ въ настоящее время и крестьянинъ и мастеровой собственнымъ трудомъ и энергіей доработались и до хорошей школы, и до своей газеты, и вообще до значительной степени нравственнаго и физическаго благосостоянія, и гдѣ различіе въ вознагражденіи за интеллигентный и за физическій трудъ настолько незначительно, что одинъ и тотъ же человѣкъ зачастую переходитъ отъ одного къ другому? Этотъ роковой вопросъ, конечно, каждый рѣшаетъ по своему, соответственно темпераменту и убѣжденіямъ. Одинъ, прикрываясь принципомъ борьбы за существованіе, полагаетъ, что тотъ, кому выпалъ лучшій № въ жизни, и можетъ спокойно имъ пользоваться, а если онъ пожертвуетъ десятокъ рублей на голодающихъ или на деревенскую школу, то готовъ считать себя чуть не благодѣтелемъ рода человѣческаго. Другой думаетъ, что такъ какъ въ настоящее время нѣтъ возможности заполнить эту пропасть, то всякій совѣстливый человѣкъ долженъ отказаться отъ несправедливыхъ привилегій интеллигентнаго труда, «проститься», уйти въ народъ и съ нимъ вмѣстѣ подниматься до высшей культуры и благосостоянія. Между этими двумя крайностями есть рядъ посредствующихъ воззрѣній. Я лично, вмѣстѣ со многими другими, держусь такого убѣжденія, которое мнѣ представляется донельзя простымъ и яснымъ: мы все получили и ежедневно получаемъ отъ народа; мы и должны честно расплачиваться съ нимъ.

Чѣмъ? Почти всѣ мы сходимся въ томъ, что одною изъ первыхъ потребностей и въ то же время высшимъ благомъ для народа въ настоящее время является грамотность, но не простая грамота въ смыслѣ умѣнья читать и писать, которая черезъ 5—6 лѣтъ тяжелой физической работы можетъ исчезнуть безслѣдно, а полное пониманіе читаемаго, привычка къ книгѣ, какъ къ средству полученія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и какъ къ орудію удовольствія, пріятнаго отдыха. Этимъ высшимъ благомъ мы всѣ располагаемъ въ достаточной степени и должны дѣлиться имъ съ народомъ. Слѣдуетъ ли всѣмъ намъ идти въ народные учителя? Въ буквальный и узкомъ смыслѣ нѣтъ, а въ широкомъ—да. Нынѣшнимъ лѣтомъ, на земскихъ учительскихъ курсахъ въ Рязани я видѣлъ болѣе 300 человекъ народныхъ учителей и учительницъ; это, безъ сомнѣнія, самые полезные интеллигентные люди въ Россіи, всѣхъ добросовѣстнѣе и великодушнѣе расплачивающіеся съ народомъ, люди, умственный трудъ которыхъ не легче, да и не лучше вознаграждается, чѣмъ самый тяжелый физическій трудъ мастерового или крестьянина, и которые при этомъ цѣлыми десятками лѣтъ сохраняютъ энергію и живой интересъ къ своему дѣлу. Но то напряженное вниманіе, съ которымъ они слушаютъ на курсахъ своихъ руководителей (не всегда удачно выбираемыхъ), указываетъ, насколько они нуждаются въ умственной помощи людей, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя, культурныя условія. Безъ методикъ и руководствъ, составляемыхъ людьми съ университетскимъ образованіемъ, они были бы, какъ безъ рукъ; безъ дешевыхъ народныхъ книжекъ, издаваемыхъ комитетами и обществами грамотности, и составляемыхъ тѣми же университетскими людьми, они не имѣли бы возможности распространять грамотность въ томъ смыслѣ, въ какомъ она необходима въ деревнѣ¹⁾. Великую услугу оказываютъ книжки, сообщающія народу разныя полезныя практическія свѣдѣнія; но по крайней мѣрѣ не меньшую пользу приносятъ ему и книжки, способныя заохотить деревенскаго человѣка къ чтенію и поднять его духовную культуру; а кто лучше нашихъ великихъ поэтовъ можетъ исполнить эту важную задачу? 40 лѣтъ назадъ до начала реформъ, но послѣ ознакомленія съ народной, все еще живой поэзіей, еще можно было сомнѣваться, годится ли для деревни наша художественная литература; можно было ставить вопросъ, поднимется ли народъ до нея, или ей надо будетъ приспособиться къ народу и его поэзіи? Теперь этотъ вопросъ рѣшенъ са-

¹⁾ Эти комитеты, общества и фирма «Посредникъ» издаютъ и разсылаютъ книжки въ огромномъ количествѣ (одно Московское общество грамотности въ трудный для него 1897 г. разошло, если не ошибаюсь, 114.000 экземпляровъ книгъ, при чемъ спеціалистами установлено, что каждый экземпляръ служитъ минимумъ десяти читателямъ), и все-таки же отовсюду слышны жалобы на ужасающій недостатокъ книгъ по деревнямъ.

мой жизнью: народная поэзія вымираетъ у насъ необыкновенно быстро, а народъ оставаться безъ поэзіи не можетъ, и полтора милліона экземпляровъ Пушкина—достаточно ясный и вѣскій фактъ. Для того же, чтобы толковать Пушкина деревенской школь и народу, надо самимъ хорошо знать его. Можно и даже должно надѣяться, что настанетъ время, когда въ деревенской школь будутъ читать и Слово о полку Игоревѣ, но это будетъ еще не скоро; а Пушкинъ и Гоголь необходимы теперь же.

На второе мѣсто я вынужденъ поставить аргументъ несравненно меньшей важности, но тоже имѣющій тѣсную связь съ переживаемымъ нами историческимъ моментомъ. Если въ настоящее время происходитъ переломъ въ русскомъ народѣ, который переходитъ отъ своей поэзіи къ художественной; отъ пѣсенъ и сказокъ—къ Пушкину и баснямъ Крылова, то переломъ другого рода совершается и въ русской интеллигенціи, а именно, происходитъ реакція противъ антихудожественности и тенденціозности 60-хъ и 70-хъ годовъ; появляется масса поэтовъ, полагающихъ всю силу поэзіи въ оригинальности формы (и только отчасти содержанія), такъ называемыхъ декадентовъ. Я долженъ признаться, что знакомъ съ этимъ явленіемъ очень поверхностно, но все же позволяю себѣ имѣть объ немъ свое мнѣніе; по-мѣому, это явленіе болѣзненное, и болѣзнь эта эпидемическая, а средство противъ нея одно: терпѣливое и усердное изученіе настоящихъ художниковъ,—изученіе, конечно, историческое. (Въ теченіе своего курса я надѣюсь доказать вамъ, что величіе Пушкина по крайней мѣрѣ столько же обусловлено его необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умѣлой энергіей въ работѣ, сколько и его природными дарованіями). Перехожу къ научной сторонѣ дѣла. Конечная цѣль науки, какъ вы знаете, не наблюденіе явленій, а выясненіе общихъ законовъ. Исторія литературы, какъ наука, возможна только въ видѣ сравнительной исторіи литературы, въ которую русская литература войдетъ, какъ часть матеріала, но часть очень поучительная. Если даже оставить въ сторонѣ наши сказки, пѣсни, нашъ богатый и долговѣчный былинный эпосъ, равнаго которому не найдется ни у одного изъ новыхъ народовъ, самый ходъ нашей небогатой письменности окажется чрезвычайно оригинальнымъ, смѣю сказать, драгоценнымъ именно въ смыслѣ установленія общихъ законовъ, для уясненія которыхъ однѣ западныя литературы дадутъ матеріалъ слишкомъ однообразный.

Въ западной и южной Европѣ, по выраженію Пыпина, умственная культура только возрождается изъ-подъ пепла; у насъ было необходимо произвести «новое треніе». На нашей дѣвственной почвѣ быстро вырастаетъ литература XII вѣка, конечно, большею частію подражательная, но не бѣдная, энергичная и многообщающая; вы всѣ знаете, какія интересныя и полныя жизни произведенія дошли отъ нея до насъ, и, безъ сомнѣнія, знаете, что это только малая

часть того, что было тогда создано. Правильный ходъ ея былъ насильственно прерванъ татарскимъ погромомъ съ его печальными послѣдствіями, и въ результатъ получилось нѣчто дѣтски наивное и въ то же время старчески одностороннее, будто одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и энергичныхъ народовъ въ Европѣ цѣликомъ ушелъ въ монахи и три столѣтія умственно питался одной аскетической письменностью.

Въ то время, какъ на Западѣ національный героическій эпосъ смѣнялся рыцарскими авантурными романами и, наконецъ, веселыми фавльо и швенками, въ то время какъ тамъ умственная жизнь бойко прогрессировала въ каждомъ новомъ поколѣніи, у насъ точно все застыло, и грамота служила только для безконечнаго варьирования свято-отеческихъ отрывковъ и однообразныхъ разсказовъ патериковъ и сборниковъ. Отсюда у насъ строгое внѣшнее благочестіе, долгія стоянія, безконечные поклоны, покорность родителямъ, отцамъ духовнымъ, отсутствіе умственныхъ запросовъ, колебаній, жизнь, урегулированная до послѣднихъ мелочей, и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, неистовый разгулъ ума и страстей, когда человѣкъ выходилъ изъ желѣзныхъ рамокъ отеческаго преданія. Тогда онъ сжигалъ все, чему поклонялся, и поклонялся всему, что сжигалъ. Отсюда тверскіе рационалисты XIV вѣка, отвергавшіе загробную жизнь¹⁾; отсюда незнакомая западу ересь жидовствующихъ; отсюда уже въ XVI вѣкѣ стремленіе принимать иноземныя, даже не христіанскія моды²⁾; отсюда, наконецъ, такіе характеры, какъ Грозный.

Стремленіе спастись отъ золъ невѣжества и ощущаемаго лучшими людьми великаго шатанія посредствомъ усвоенія западной науки появилось у насъ больше, чѣмъ за 100 лѣтъ до Петра. Кн. Курбскій поминаетъ «свѣтлаго роду мужей», которые ѣздили на науку за море во Ерманію и навывали добрѣ алеманскому языку и писанію и до Влохъ (до Италіи) доѣзжали и полатыни и «шляхетскимъ наукамъ» научались³⁾. Правда, большинство даже изъ правящаго класса на такихъ смѣльчаковъ смотрѣло съ ужасомъ и утверждало, что въ книгахъ «заходятся человѣци, сирѣчь безуміють, ибо въ ересь впадаютъ»⁴⁾; но передовые люди, ссылаясь на примѣръ учителей церкви и искусно пользуясь оружіемъ противниковъ, доказывали, что такая вражда къ книгамъ есть не иное что, какъ зловредная ересь. Дорога на западъ была проложена широкая: вспомнимъ, что во 2-ой половинѣ XVII вѣка въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ однихъ протестантовъ, а при самомъ дворѣ царскомъ, рядомъ съ боярами древняго благоче-

¹⁾ Тихонравовъ, Сочиненія, I, 222 и слѣд.

²⁾ См. Максима Грека о тафіяхъ II, 382 и слѣд.

³⁾ Соч. 1842 г., стр. 107, 257.

⁴⁾ Курбскій. См. «Библиографическія Записки», 1858 г., № 18, стр. 362.

стія, готовыми за него на мученичество, стояли и крайніе западники, и милостью царской пользовались послѣдніе, а не первые. Тогда снова проявилась еще ярче прежняго и въ литературѣ и въ искусствѣ удивительная способность русскаго человѣка усваивать изъ чужого наиболѣе пригодное, быстро претворять его въ свою плоть и кровь и изъ заимствованнаго создавать оригинальное. Напомню царскихъ мастеровъ, Симона Ушакова; напомню русскую повѣсть и русскую прозаическую сатиру XVII вѣка. Менѣе всего, по видимому, представляетъ оригинальности умственная жизнь петровской и послѣ эпохи петровской: такую дѣловую и учебную, подражательную литературу имѣть всякій отсталый отъ сосѣдей народъ въ періодъ усвоенія высшей цивилизаціи. Но это только по видимому: вспомнимъ, что одновременно съ жалкими попытками подражательнаго творчества Кантемировъ и Тредьяковскихъ у насъ существовала живая до страстности литература раскольниковъ, пла ожесточенная полемика между поповщиной и безпоповщиной и между фракціями той и другой, что въ этой будто бы безразличной массѣ дѣйствовали такіе сильные творческіе умы, какъ Андрей Денисовъ.

Къ началу нашего столѣтія, въ этой подземной литературѣ почти замираетъ жизнь не въ смыслѣ производительности, а въ смыслѣ обновленія и движенія идей. Но зато, тогда происходитъ въ высшей степени оригинальное явленіе: міровоззрѣніе этой темной, доселѣ презираемой массы вдругъ начинаетъ оказывать сильное вліяніе на нашъ правящій классъ; петербургскіе аристократы, до тѣхъ поръ говорившіе порусски только съ прислугой, боевые генералы нашихъ войнъ съ Наполеономъ, высшіе чиновники, получившіе образованіе въ Московскомъ университетѣ, ѣздятъ на поклоненіе къ возвращенному изъ Сибири основателю скопчества—Кондратию Селиванову; у придворной дамы Татариновой устраиваются хлыстовскія радѣнья съ простонародными пѣснями, въ которыхъ участвуютъ, «отложивши всю мудрость людскую съ ея приличіями», сивки столичнаго общества и въ томъ числѣ министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ. Гдѣ вы найдете что нибудь подобное?

Въ классическомъ періодѣ нашей литературы и прежде всего въ главѣ ея, Пушкинѣ, не могли не выразиться съ особой интенсивностью всѣ эти интересныя черты исторіи русской духовной культуры. Самъ Пушкинъ—наиболѣе яркое проявленіе нашей національной способности претворять чужое въ собственное, подражаніе доводить до высокой оригинальности. Онъ учился у всѣхъ предшествовавшихъ ему и современныхъ литературныхъ школъ и образцовъ, отъ всѣхъ усвоилъ все лучшее и усовершенствовалъ усвоенное. Онъ и отъ псевдоклассиковъ унаслѣдовалъ ясность мысли, изящество формы и уваженіе къ чистотѣ и правильности языка, отъ раннихъ романтиковъ—твердую вѣру въ неограниченную свободу поэзіи и отъ позднихъ—тонкій психологическій анализъ; раньше,

чѣмъ кто либо изъ его западныхъ учителей, онъ стремится къ разработкѣ гуманныхъ и социальныхъ задачъ въ поэзіи и, такъ сказать, черезъ головы современниковъ, протягиваетъ руку передовымъ писателямъ 60-хъ годовъ. Самыя несходныя явленія западнаго творчества: и Вольтера, и Шекспира, и Шенье, и Гете, и Парни, и Байрона объединяетъ онъ въ своемъ всеобъемлющемъ талантѣ и упрощаетъ, не понижая ихъ художественнаго уровня. А бессознательное и часто уродливое, какъ у поклонниковъ Татариновой и Фотія, народное чувство онъ доводитъ до такой высокой степени національнаго самосознанія, что самые крайніе славянофилы преклонялись передъ этимъ ученикомъ и другомъ Чаадаева, какъ передъ великимъ народнымъ поэтомъ.

Сопель въ могилу Пушкинъ, и оживленная, одухотворенная имъ русская литература проявляетъ новыя высокопоучительныя стороны: сразу во всоружіи огромнаго таланта и горячаго убѣжденія является у насъ критика, въ лицѣ Бѣлинскаго; одновременно начинается въ высшей степени оригинальная ожесточенная, но честная и плодотворная борьба двухъ фракцій передовыхъ людей, которыя выходятъ изъ одного пункта, и черезъ много лѣтъ на одномъ и томъ же сходятся; эта борьба благотворно дѣйствуетъ и на расширеніе кругозора нашей критики, которая направляетъ Гоголя и порождаетъ Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго. Скоро и для Тургеневскаго періода, когда русская литература почти неожиданно и для насъ самихъ покорила весь читающій міръ, станетъ исторія; а нужно ли доказывать, что ни литература 40-хъ годовъ, ни тургеневскій періодъ не могутъ быть поняты безъ обстоятельнаго, подробнаго и вполне объективнаго изученія періода Пушкинскаго?

Я повторяю, что для этого изученія въ послѣдніе годы положены твердыя основы, а сдѣлано въ сущности еще очень мало; это самый выгодный для работниковъ моментъ: пригодныя орудія въ рукахъ, мѣста намѣчены, только принимайся за дѣло; свѣжаго или едва тронутаго матеріала безъ конца; что ни день работы, то или новый фактъ или существенная поправка и дополненіе къ прежнему, слишкомъ успѣшно добытому.

Я приведу два примѣра изъ собственной очень небольшой практики (изъ чужой я могъ бы привести сотни ихъ, но въ своемъ дѣлѣ виднѣе подробности). Четыре года назадъ, Общество любителей словесности при Московскомъ университетѣ готовилось издавать сборникъ, и предсѣдатель его былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ принять въ немъ участіе; съ этимъ совпало 50-лѣтіе со дня смерти Крылова. Имѣя свободную недѣлю, я отправился въ Петербургъ въ Публичную бібліотеку и попросилъ дать мнѣ находящіяся тамъ Крыловскія бумаги, надѣясь найти въ нихъ не безынтересные варианты къ баснямъ и указанія на процессъ творчества

Крылова. Я нашелъ кое-что безъ особаго труда и, кромѣ того, совершенно неожиданно, нашелъ въ той же папкѣ документъ, ясно доказывающій, что представленіе, которое мы имѣли о ранней молодости Крылова, радикально невѣрно: его считали самоучкой и бѣднякомъ, который на грошовое жалованье канцеляриста содержалъ свою мать, а при сопоставленіи этого документа съ другими оказывается, что Крыловъ въ Твери только числился на службѣ, уѣзжалъ надолго въ Петербургъ, и его мать не жалѣла послѣднихъ крохъ, оставшихся по смерти мужа, чтобы получше пристроить сыновей своихъ. Согласитесь, что такая поправка къ біографіи писателя, которая справедливо считается лучшимъ комментариемъ къ его произведеніямъ, не лишена значенія.

Довольный находкою, я готовъ былъ сложить свои тетрадки, какъ завѣдующій рукописнымъ отдѣленіемъ предложилъ мнѣ просмотрѣть автографъ оперы Крылова «Кофейница».

— Для чего же? отвѣтилъ я,—вѣдь текстъ воспроизведенъ по этой же рукописи очень почтеннымъ академикомъ.

— Мало ли что могло случиться: можетъ быть, издатель очень спѣшилъ, можетъ быть, не все разобралъ.

Я подумалъ и взялъ синюю тетрадку Крылова; съ первой же страницы убѣдился я, что г. завѣдующій былъ безусловно правъ, текстъ воспроизведенъ съ такими недостатками, что установившееся мнѣніе о плохомъ стихѣ и стилистическихъ ошибкахъ этого первенца Крылова чистое недоразумѣніе: опибки всецѣло принадлежать переписчику.

Обвинять ли почтеннаго академика за то, что онъ довѣрился послѣднему? Едва ли хватить на это духа, если вспомнимъ, что этотъ академикъ велъ въ то же время десять другихъ работъ большей важности. Все дѣло въ томъ, что жатва велика, а дѣлателей мало.

Другой примѣръ, болѣе близкій къ Пушкину. Всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе имѣлъ на юнаго поэта Чаадаевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени; извѣстно, что Пушкинъ всю жизнь свою относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей и считалъ его своимъ спасителемъ и учителемъ. Въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, оказываются 3 портфеля съ бумагами Чаадаева, въ которые, кажется, никто и не заглядывалъ. Не трудно было, посидѣвъ надъ ними нѣсколько недѣль, извлечь оттуда рядъ интересныхъ фактовъ.

Но самый разительный примѣръ представляютъ бумаги самого Пушкина, пожертвованныя въ тотъ же музей сыномъ поэта. Надъ ними работали три лучшихъ знатока Пушкина: Анненковъ, Бартеповъ, и Якушкинъ, и каждый изъ нихъ совершенно справедливо упрекалъ своихъ предшественниковъ (для Анненкова таковыми были редакторы посмертнаго изданія) въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу. Цѣн-

нѣе всѣхъ дополненія и поправки г. Якушкина, но онъ самъ много разъ говоритъ, что не разобралъ того-то и того-то. Развѣ не вполне естественно ожидать, что всякій, кто теперь внимательно поработаетъ надъ этими бумагами, прибавитъ къ его дополненіямъ новыя, столь же интересныя? А надъ бумагами Пушкина и его современниковъ работать вовсе не трудно: не надо знать для этого ни палеоографіи, ни водяныхъ знаковъ; не надо строить предположеній относительно автора, писца и времени: годъ, число и фамилія почти всегда подписаны, и рукописи большею частію автографы. Только надо не жалѣть времени и вниманія, и результатъ несомнѣненъ.

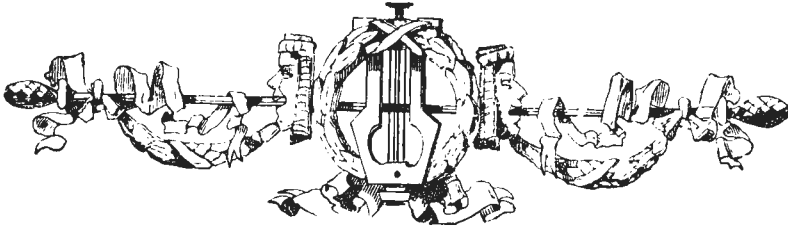
Мало того: множество интересныхъ работъ можно сдѣлать по одному печатному матеріалу. Умственная жизнь наша уже со второй половины прошлаго столѣтія выражается въ значительной степени, а съ Пушкинскаго періода главнымъ образомъ въ періодическихъ изданіяхъ. А много ли мы знаемъ по исторіи нашей журналистики?

40 лѣтъ назадъ, Аонасьевъ, въслѣдствіи знаменитый собиратель сказокъ, внимательно перечелъ сатирическіе журналы екатерининской эпохи, умно обставилъ прочитанное легко добытыми фактами, и въ результатѣ получилась одна изъ самыхъ живыхъ страницъ исторіи нашей литературы. Много позднѣе, нѣкто г. Весинъ безъ особой подготовки, искусства и таланта перелистовалъ журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ, и хотя книга его, въ виду отсутствія метода, и не дала многого, все же она представляетъ полезное и даже необходимое пособіе.

У насъ до сихъ поръ нѣтъ хронологическихъ указателей ни по новой литературѣ вообще, ни по отдѣльнымъ писателямъ, кромѣ хронологической канвы для біографій Пушкина, переполненной недосмотрами. У насъ нѣтъ словарей къ писателямъ; даже къ самому Пушкину. А все это работы не трудныя и поучительныя какъ для самого работника, такъ и для тѣхъ, кто будетъ позднѣе ими пользоваться, чисто студенческія работы.

Мечты мои, гг., простираются не очень высоко: если мнѣ удастся хоть въ немногихъ изъ васъ возбудить охоту къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ по новой русской литературѣ, познакомить съ до крайности немудреными ихъ приемами, помочь потоварищески кое-какими свѣдѣніями по литературамъ западнымъ, съ нею такъ неразрывно связаннымъ, я сочту свою задачу исполненной и буду глубоко благодаренъ судьбѣ за то, что она дала мнѣ возможность поработать на пользу родного университета, изъ котораго уже полтора столѣтія льется по всей Руси великой свѣтъ истины и дѣятельной любви къ человѣчеству.

А. Кирпичниковъ.

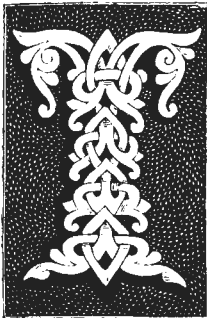

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Нужда.—Два друга.—«Черезъ край».—Хлопоты М. Н. Соимова.—Посѣщеніе Комитета.—Письмо А. П. Штала.—Визитъ къ А. А. Потѣхину.—Буква «ѣ».—Первая ренетиція.—Спектакль.—Послѣ спектакля.—Безмятежное счастье.—Страшный ударъ.—Реабилитация.—Заключеніе.

I.

ЯЖЕЛЮ начался для меня високосный 1894 годъ. Мало того, что подорваны были всѣ матеріальныя средства, начало подрываться и здоровье. Встрѣчая этотъ новый годъ, съ ужасомъ смотрѣлъ я на длинную перспективу трехсотъ шестидесяти шести дней и не чаялъ отъ нихъ ни чего хорошаго. Правда, я былъ не совсѣмъ одинъ. Возлѣ меня былъ другъ, хорошій, добрый, самоотверженный другъ, не роптавшій на нашу общую горькую судьбу, но и безсильный помочь выбиться изъ тягелаго положенія. Другъ этотъ была женщина, тихая, кроткая и, увы! какъ я же—больная. Хворь да голь всегда вмѣстѣ сходятся. Начиная этотъ, такъ пугавшій меня и принесшій мнѣ, вопреки мрачнымъ предчувствіямъ, столько неожиданнаго счастья годъ, я не могу обойти въ моихъ воспоминаніяхъ и этого друга моего, что такъ безропотно мыкала со мною горе и такъ свѣтло и радостно раздѣлила нахлынувшее счастье.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 153.

Но, помимо этого друга, былъ у меня и еще другъ, бодрствовавшій надо мной, такой же литературный горемыка, какъ и я, и такой же хворый человѣкъ, какъ мы двое, М. Н. Соймоновъ.

Помню я вечеръ, важный, знаменательный въ моей жизни вечеръ. Соймоновъ зашелъ къ намъ, и мы втроемъ, въ тѣсной конуркѣ, сидѣли за самоваромъ и раскидывали умомъ: какъ бы выбиться изъ угнетавшей насъ нужды.

— Отчего ты не напишешь чтонибудь большое, что бы тебѣ дало возможность, если не сразу встать на ноги, то хоть бы немного приподняться?—проговорилъ Соймоновъ.

Я улыбнулся и вопросомъ отвѣтилъ на его слова.

— А ты отчего не напишешь чегонибудь большаго, что бы дало тебѣ возможность встать на ноги?

Улыбнулся и Соймоновъ. Мы оба ясно понимали, почему для насъ это было невозможно: намъ изо дня въ день приходилось зарабатывать копейку за копейкой разными юмористическими стишонками, подписями подъ карикатуры, мелочишками и т. п., чтобы не умереть съ голоду, и заработанная сегодня копейка сегодня же и проѣдалась.

— Послушай, а нѣтъ ли у тебя чегонибудь ранѣе уже написаннаго, что бы можно было ликвидировать?—послѣ небольшого молчанія спросилъ опять Соймоновъ.

— Есть, но такая дрянь, которую ликвидировать нельзя.

— А что такое?

— Да три пьесы.

Соймоновъ даже вскочилъ съ мѣста.

— Три пьесы?! Гдѣ? Гдѣ онѣ у тебя?

Я вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ и извлекъ изъ него много лѣтъ уже покоившіяся тамъ: драму «Грѣшницу», комедію «Тину» и уже три года валявшійся «Черезъ край».

— «Тина», «Грѣшница»,—уже съ замѣтнымъ недоумѣемъ читалъ заголовки Соймоновъ.—Это что-то такое шаблонное... Ага, а вотъ это что такое? «Черезъ край»...

— И «Тина», и «Грѣшница»—вещи весьма слабыя,—сказалъ я.— «Тина» уже давно забракована А. И. Пальмомъ; «Грѣшницу» я самъ забраковалъ, а «Черезъ край»...—тутъ голосъ вѣрно у меня немножко дрогнулъ, потому что какъ-никакъ, а въ тайникахъ моей души, я все-таки чувствовалъ маленькую симпатію къ этой пьесѣ, но, поборовъ «родительскія чувства», я все-таки счелъ долгомъ заявить, что «Черезъ край» un petit rien, и привелъ подробно отзывъ объ этой пьесѣ, сдѣланный моимъ родственникомъ, какъ о вещи, выѣденнаго яйца не стоящей.

— А ты все-таки дай мнѣ ее прочесть,—настаивалъ Соймоновъ и опустилъ мою пьесу въ свой объемистый портфель.

II.

На утро, я еще спалъ, когда къ намъ въ комнату ворвался Соймоновъ.

— Послушай, мой другъ, ты большой руки stultus!—крикнулъ онъ, дергая меня за плечо. У тебя въ чемоданѣ деньги лежали, а ты голодному истязанію предавался! Теперь я тебѣ больше ничего не скажу, потому что пойду спать, а вечеромъ, когда проснусь, ты зайди ко мнѣ, мы побесѣдуемъ.

Соймоновъ рѣдко спалъ по ночамъ. Онъ обыкновенно ночь обращаль въ день, а ночь работалъ.

До самаго вечера я чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ Соймоновымъ. Наконецъ, когда, по моимъ соображеніямъ, онъ долженъ былъ проснуться, я отправился къ нему.

— Ну-съ,—встрѣтилъ онъ меня,—твой «Черезъ край» вовсе не дрянъ, а премилая вещичка. И повѣрь, что тебѣ за нее дадутъ большія деньги, т. е. по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти. Только предоставь мнѣ всѣ хлопоты.

Двѣсти рублей, въ моихъ глазахъ, были въ то время цѣлымъ капиталомъ. На нихъ я бы безбѣдно могъ прожить по крайней мѣрѣ четыре мѣсяца и написать за это время нѣсколько повѣстей и рассказовъ, уже назрѣвшихъ у меня въ головѣ. Конечно, я предоставилъ Соймонову всѣ хлопоты.

Прошло нѣсколько дней, Соймоновъ зашелъ ко мнѣ и коротко сказалъ:

— Пойдемъ за отвѣтомъ.

— Куда? Къ кому? За какимъ?

— А это я тебѣ объясню по дорогѣ.

По дорогѣ онъ мнѣ объяснилъ, что пьесу мою онъ сдалъ на прочтеніе издателю драматическихъ пьесъ, извѣстному въ то время театральному критику и редактору «Петербургскаго Листка» и «Суфлера», А. А. Соколову, и тотъ назначилъ сегодня прійти за отвѣтомъ.

— Постарайся продать ему всѣ права на твою пьесу,—говорилъ Соймоновъ.

— И права, и преимущества,—подтверждалъ я.

— Что ты подразумѣваешь подъ «преимуществами»?

— А то, что я ему предоставлю даже право подписать мою пьесу своей фамиліей!—иронизировалъ я, вполне увѣренный, что насъ ждетъ неблагопріятный отвѣтъ.

— Ну, это напрасно! Авторскаго имени никогда не продавай!—совершенно серьезно замѣтилъ Соймоновъ.

Но вотъ мы пришли и къ А. А. Соколову. Встрѣтилъ онъ насъ

очень привѣтливо и сразу же заявилъ, что пьеса моя ему нравится, и что онъ ее охотно издастъ литографскимъ способомъ, но тутъ же счелъ долгомъ предупредить, что авторамъ за подобное изданіе ничего не платится; но за то онъ возьметъ на себя всѣ хлопоты по цензурованію пьесы. Можете себѣ представить, какъ вытянулась у меня фізіономія!

— Вотъ тебѣ и двѣсти рублей! Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!— почти вслухъ проговорилъ я.

Замѣтивъ мое огорченіе, Соколовъ началъ меня утѣшать, сообщая, что гонораръ я буду получать черезъ Общество русскихъ драматическихъ писателей, за представленія моей пьесы на частныхъ сценахъ, и что она несомнѣнно пойдетъ, иначе бы, дескать, онъ ее и издавать не сталъ; что мнѣ нужно только записаться въ члены Общества, внести пятнадцать рублей—и дѣло въ шляпѣ.

«Часъ отъ часу нелегче! Откуда я еще пятнадцать рублей возьму?»—думалъ я.

И, махнувъ на все рукой, рѣшился предложить Соколову приобрести мою пьесу въ полную собственность «со всѣми правами и преимуществами».

— И недорого, ну... ну, хоть рублей за сто,—робко уже добавилъ я.

Соколовъ улыбнулся.

— Нѣтъ, такими дѣлами я не занимаюсь и чужихъ пьесъ своимъ именемъ не подписываю. Да и вамъ не совѣтую продавать, тѣмъ болѣе за сто рублей,—замѣтилъ онъ и потомъ сейчасъ же добавилъ:—да, кромѣ того, я совѣтую вамъ представить свою пьесу въ театрально-литературный комитетъ для одобренія ея къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ.

Горькой ироніей прозвучали для меня эти слова: сто рублей за пьесу дать не рискуютъ, а говорятъ о возможности ея постановки на образцовой сценѣ!

Грустный вышелъ я отъ Соколова и никакъ не могъ понять, чему такъ радуется мой спутникъ, Соймоновъ.

— Что? Что? Я тебѣ говорилъ!—твердилъ онъ, идя рядомъ со мной.—Я тебѣ говорилъ, что пьеса очень недурна! И въ театрально-литературный комитетъ ты ее представишь, и тамъ ее непременно одобрятъ.

Но послѣднія слова, какъ показалось мнѣ, и у Соймонова прозвучали не особенно увѣренно.

III.

Недѣли черезъ двѣ, много черезъ три, А. А. Соколовъ прислалъ мнѣ десять экземпляровъ только что отлитографированной моей пьесы. Съ недоумѣніемъ посматривалъ я на эти десять тетрадокъ

и машинально перечитывалъ заглавіе: «Черезъ край», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Влад. Старцева (Тихонова).

Пьесу свою я не рѣшался подписать своимъ именемъ, а подписалъ моимъ актерскимъ псевдонимомъ «Старцевъ». Мою же фамилію въ скобкахъ приставилъ самовольно Соймоновъ.

«Что же я буду теперь съ ними дѣлать?»—размышлялъ я, поглядывая на свѣженькіе еще экземпляры.

— А два изъ нихъ ты сейчасъ же внесешь въ театральнo-литературный комитетъ,—тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ пришедшій ко мнѣ Соймоновъ, когда я и ему задалъ мучившій меня вопросъ.

— Не могу, Миша! Какъ хочешь, а не могу!—отозвался я.

-- Это еще почему?

— А потому, что стыдно мнѣ беспокоить этотъ комитетъ членомъ такой дряни.

— Ты опять за свое?—прикрикнулъ на меня Соймоновъ.—Подколесинъ ты этакій! Ну, да я съ тобой церемониться не буду. Одѣвайся и пойдемъ, благо я еще спать не легъ.

И мой «Кочкаревъ», столь непредпріимчивый и нерѣшительный, когда дѣло касалось его интересовъ, сталъ до неузнаваемости настойчивъ и энергиченъ, и сломилъ даже мою нерѣшительность. Впрочемъ, онъ всегда былъ таковъ, когда приходилось позаботиться о комънибудь изъ товарищей.

Мы одѣлись и пошли. Это было въ субботу, около десяти часовъ утра, и въ комитетѣ мы застали поэтому завѣдующаго его дѣлами, А. П. Штала.

Ужъ я не помню, кто изъ насъ говорилъ: Соймоновъ или я, не помню также, что говорили мы, помню только, что А. П. Шталь спросилъ меня: самъ ли я желаю читать свою пьесу въ комитетѣ. Я, конечно, и руками замахалъ.

«Какъ? Еще позориться, лично, въ средѣ литераторовъ и артистовъ? Да ни за что на свѣтѣ!»

Тогда А. П. Шталь сказалъ мнѣ, что онъ своевременно извѣститъ меня о постановленіи комитета, и, записавъ мой адресъ, отпустилъ съ миромъ.

И опять начались для меня тѣ сѣренькіе будни, которымъ, казалось, и просвѣта не будетъ. Прошелъ мясоѣдъ, прошла масленица, наступилъ великій постъ, а изъ комитета ни слуху, ни духу, да я и самъ, кажется, забылъ и о комитетѣ, и о моей пьесѣ.

Но вотъ настала пасха, свѣтлый, радостный праздникъ, всегда горячо любимый мною.

Я не знаю уже почему, но и на этотъ разъ я чувствовалъ, что свѣтлые дни принесутъ и мнѣ счастье. И оно пришло, и пришло оттуда, откуда я менѣе всего ожидалъ его.

На третій или на четвертый день пасхи,—уже не помню,—мнѣ

подали письмо. Я нѣсколько разъ перечитывалъ тѣ три строчки, изъ которыхъ оно состояло, и все-таки долго не могъ понять ихъ. А смыслъ этихъ строчекъ былъ такъ простъ, такъ ясенъ: А. П. Шталь извѣщаль меня, что моя комедія «Черезъ край» въ засѣданіи театральна-литературнаго комитета одобрена единогласно къ представленію на сценахъ императорскихъ театровъ.

«Одобрена единогласно!» перечитывалъ я и не вѣрилъ глазамъ своимъ. «А, можетъ быть, тутъ есть гдѣ нибудь частица «не», только я ея не вижу, не могу разсмотрѣть, можетъ быть, пьеса не одобрена». Я искалъ, искалъ этой частицы «не» и не могъ найти. И сколько я ни перечитывалъ письмо, а все выходило «одобрена», да еще «единогласно».

Не сумѣю теперь уже и передать, какая радость охватила меня, когда я, наконецъ, повѣрилъ своему счастью. Я цѣловалъ письмо Штала; я призывалъ благословеніе Божіе на членовъ театральна-литературнаго комитета, и первымъ дѣломъ моей радостью полетѣлъ дѣлиться съ М. Н. Соимоновымъ.

Но, когда я подходилъ къ его квартирѣ, въ душу мою уже снова заползалъ червь сомнѣнія.

«А что, если вдругъ это все ошибка? Что, если пьеса одобрена просто по недоразумѣнію? Что, если ее будутъ пересматривать еще разъ и не только забракують, но еще и мнѣ выговоръ сдѣлають за то, что я осмѣлился беспокоить столь серьезное учрежденіе, какъ театральна-литературный комитетъ?»

Соимоновъ сначала меня выругалъ за мои сомнѣнія, потомъ поздравилъ съ успѣхомъ и въ заключеніе сказалъ, что теперь надо хлопотать о постановкѣ пьесы на Александринскомъ театрѣ.

— Ну, объ этомъ-то я менѣе всего думалъ! Слава Богу, что одобрена, а гдѣ тутъ ее еще ставить! Да и притомъ, какъ нужно хлопотать? Я объ этомъ и понятія не имѣю.

Не зналъ этого и Соимоновъ, но за то обѣщаль повидаться кое съ кѣмъ изъ свѣдущихъ людей и поразспросить.

Прошло дня четыре-пять, и вдругъ новое письмо: управляющій Александринскимъ театромъ А. А. Потѣхинъ просилъ меня «пожаловать» къ нему, за кулисы театра, такого-то числа, въ двѣнадцать часовъ дня.

Право, въ холодный потъ бросило меня, когда я прочиталъ это приглашеніе.

Какъ? Предстать передъ лицомъ маститаго литератора, знаменитаго драматурга, мнѣ—не издавшему настоящихъ литераторовъ даже издали, кромѣ А. И. Пальма?

Я даже старался уже не думать: зачѣмъ меня вызываютъ, что со мной будутъ говорить. Но, дождавшисъ назначеннаго часа и застегнувъ на всѣ пуговицы мой донельзя поношенный сюртукъ,

отправился я въ Александринскій театръ. Курьеръ, ходившій докладывать обо мнѣ Алексѣю Антиповичу, вернулся и, сказавъ «пожалуйста», повелъ меня черезъ громадную сцену Александринскаго театра въ небольшой кабинетъ управляющаго репертуарной частью.

— Здравствуйте, садитесь, пожалуйста. Я попросилъ васъ зайти къ себѣ...

И тутъ только я понялъ, что этотъ господинъ, съ длинными, пушистыми и слегка сѣдѣющими волосами, съ большой, полусѣдой бородой, что такъ привѣтливо пожалъ мнѣ руку и такимъ славнымъ, симпатичнымъ голосомъ заговорилъ со мной, и есть самъ А. А. Потѣхинъ, столь глубоко чтимый мною драматургъ.

— Я васъ просилъ зайти ко мнѣ, — продолжалъ, между тѣмъ, Алексѣй Антиповичъ, — для того, чтобы поговорить о вашей пьесѣ. Я прочиталъ ее. Она мнѣ очень нравится. Премная вещь, и я непременно ее поставлю въ будущемъ сезонѣ. Но вотъ, видите ли, дѣло въ чемъ: не разрѣшите ли вы предварительно сыграть ее нынче лѣтомъ на Красносельскомъ театрѣ? Это бы дало возможность на досугѣ хорошенько срепетовать ее, и поэтому она гораздо легче и скорѣе вошла бы въ репертуаръ.

Боже мой, да я на все, на все былъ согласенъ!

— Да, но я васъ считаю долгомъ предупредить, что авторскаго гонорара за красносельскіе спектакли не полагается. Но это ничего — наверстаете потомъ здѣсь, на Александринскомъ театрѣ. Такъ вы согласны? Ну, и отлично! Пройдите въ режиссерскую и напишите тамъ маленькую бумажку, что вы разрѣшаете. Вамъ ужъ тамъ скажутъ — какъ. Ахъ, да, кстати! — остановилъ меня А. А., когда ужъ я откланявшись хотѣлъ было идти. — А распредѣленіе ролей? Вы сами сдѣлаете или предоставите это мнѣ?

— О, я очень васъ прошу, Алексѣй Антиповичъ, распредѣлить роли по вашему усмотрѣнію.

— Ну, и отлично! — весело сказалъ А. А. Потѣхинъ и велѣлъ курьеру провести меня въ режиссерскую.

Я былъ въ какомъ-то чадѣ и, право, не помню: кто диктовалъ мнѣ записку о разрѣшеніи и въ чемъ состояло оно, помню только, что, выйдя уже изъ театра, я вдругъ весь похолодѣлъ отъ ужаса: ясно, ясно представилось мнѣ, что въ словѣ «Красносельскій» я поставилъ букву «ѣ», то-есть, написалъ «Красносѣльскій».

«Боже мой! Что я надѣлалъ? Какъ могъ я такъ опозориться? Какимъ образомъ могъ я сдѣлать такую идиотскую ошибку? Что обо мнѣ тамъ подумаютъ? Какъ будутъ смѣяться надо мной! Драматургъ, литераторъ! а не знаетъ, гдѣ букву «ѣ» ставить!»

Право, кажется, съ полчаса бродилъ я по Екатерининскому скверу, не зная, какъ поступить, то-есть, пойти ли обратно въ режиссерскую Александринскаго театра и испросить позволенія исправить орфографическую ошибку, или оставить букву «ѣ» на своемъ мѣстѣ?

Наконецъ, я махнулъ рукой и пошелъ дальше: будь, дескать, что будетъ!

Счастье, охватившее меня, было такъ велико, что заставило забыть и букву «ѣ» и всѣ другія неприятности. Теперь уже я зналъ почти навѣрное, что пьеса моя будетъ поставлена. Оставалось только ждать вызова на репетицію. И я ждалъ, ждалъ терпѣливо и... долго ждалъ.

IV.

Пришло лѣто, начались красносельскіе спектакли, а меня все не вызывали на репетицію. По наведеннымъ мною справкамъ я узналъ, что А. А. Потѣхина нѣтъ въ Петербургѣ, и красносельскимъ театромъ завѣдуетъ какое-то совсѣмъ другое лицо.

Прошло лѣто, окончились красносельскіе спектакли, а о моей пьесѣ не было и слуху.

Я упалъ духомъ, страшно стало, да и нужда продолжала давить. И вотъ, узнавъ, что Алексѣй Антиповичъ вернулся, я расхрабрился и отправился самъ къ нему, ужъ безъ всякаго вызова. Онъ меня принялъ въ томъ же кабинетикѣ за кулисами Александринскаго театра.

— А вашу пьесу такъ и не успѣли поставить въ Красномъ Селѣ. Но это ничего! Еще, можетъ быть, даже къ лучшему. Она здѣсь пойдетъ теперь зато, какъ новая, — сообщилъ мнѣ Алексѣй Антиповичъ, попрежнему привѣтливо поздоровавшись со мной.

— А пойдетъ она здѣсь? — робко спросилъ я.

— Непремѣнно пойдетъ.

— А скоро?

— Ну, этого я вамъ никоимъ образомъ сказать не могу, потому что еще самъ не знаю. Да вы напрасно торопитесь. Теперь только еще начало сезона, и потому время скверное. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше будетъ.

Доводы Алексѣя Антиповича дѣйствовали на меня, конечно, очень убѣдительно, но какъ мнѣ ему было сказать, что въ моемъ настоящемъ положеніи я бы самую маленькую синицу въ рукахъ предпочелъ бы самому большому журавлю въ небѣ. Языкъ не поворачивался, а между тѣмъ сказать нужно было, и я сказалъ:

— Алексѣй Антиповичъ, не найдеть ли возможнымъ дирекція императорскихъ театровъ купить мою пьесу въ собственность?

— О, нѣтъ, никоимъ образомъ. Мы покупаемъ одноактныя, много — двухактныя; трехъ же актныя покупать избѣгаемъ, — огорчилъ меня сразу Алексѣй Антиповичъ.

— Но я бы продалъ дешево, очень дешево.

— Что вы называете дешево?

— Ну, рублей за двѣсти бы!

Потѣхинъ наминуту задумался, но потомъ еще болѣе рѣшительно заявилъ, что пьесы онъ не купить.

— Да и вамъ не совѣтую продавать за двѣсти рублей,—съ улыбкой добавилъ онъ.—Она вамъ гораздо больше можетъ принести на процентномъ вознагражденіи.

— Но я очень нуждаюсь въ настоящее время.

— Что дѣлать! Потерпите.

Удрученнымъ вышелъ я на этотъ разъ изъ стѣнъ Александринскаго театра. И съ каждымъ днемъ впадалъ все въ большее и большее отчаяніе. Къ счастью, дней этихъ было немного: не прошло и недѣли послѣ моего визита къ Потѣхину, какъ мнѣ подали повѣстку, приглашавшую меня въ Александринскій театръ... на первую репетицію комедіи «Черезъ край».

Когда я вошелъ, въ назначенный часъ, на сцену образцоваго русскаго театра, меня охватило жуткое чувство. Ни съ кѣмъ не былъ я знакомъ, и мнѣ казалось, что артисты, понемногу собиравшіеся на репетицію, проходя мимо меня, бросали недружелюбные взгляды. Я еще самъ недавно былъ актеромъ и хорошо зналъ, какъ неприятно получить плохую роль. Роли же въ моей пьесѣ въ настоящую минуту я считалъ сплошь плохими, и потому непріязненное отношеніе артистовъ къ автору, награждавшему ихъ такими ролями, мнѣ казалось вполне естественнымъ.

Робко и нѣсколько сконфуженно прятался я въ полутемныхъ кулисахъ, посматривая оттуда на актеровъ и узнавая нѣкоторыхъ въ лицо: вотъ прошелъ высокій, полный Варламовъ, игравшій главную роль въ комедіи «Черезъ край». Я видѣлъ, какъ всѣ къ нему подходили, здоровались съ нимъ и о чемъ-то заговаривали. Я былъ увѣренъ, что говорятъ о моей пьесѣ и, конечно, бранять ее. Вотъ невысокаго роста и коренастый Н. И. Арди; вотъ г-жа Стрѣльская; вотъ маленькая, какъ подростокъ-дѣвочка, Лола. Вотъ пріѣхалъ и самъ А. А. Потѣхинъ.

Я вышелъ къ нему на встрѣчу; онъ озабоченно заговорилъ о чемъ-то съ главнымъ режиссеромъ, Ѳедоровымъ-Юрковскимъ, и затѣмъ, какъ мнѣ показалось, вскользь поздоровался со мной и прошелъ въ свой кабинетъ.

— Пожалуйте, — обратился ко мнѣ Ѳедоровъ-Юрковскій.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ на авансцену, гдѣ вдоль рампы стояло нѣсколько стульевъ. Юрковскій указалъ мнѣ на одинъ изъ нихъ, и я сѣлъ.

Черезъ минуту къ намъ присоединился Алексѣй Антиповичъ, и... началась репетиція.

Со страннымъ чувствомъ слушалъ я, какъ артисты, то и дѣло заглядывавшіе въ тетрадки, читали слова, написанныя мною. Я все ждалъ, что они скажутъ: «нѣтъ, это никуда не годится», и начнутъ мои слова замѣнять словами собственнаго сочиненія. Но нѣтъ,

они говорили именно то, что было написано, что «подаваль» имъ суфлеръ. А. А. Потѣхинъ и Федоровъ-Юрковскій то и дѣло вставали съ своихъ стульевъ и «планировали» мѣста. Я сидѣлъ молча, боясь шевельнуться и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда самъ А. А. обращался ко мнѣ съ вопросомъ, позволялъ себѣ давать совѣты или дѣлать требуемыя указанія.

Срепетовали первый актъ, пошли курить.

— Пьеса пройдетъ гладко,—сказалъ мнѣ Алексѣй Антиповичъ, ведя меня подъ руку въ свой кабинетъ. — А Варламовъ будетъ прекрасенъ.

Срепетовали второй актъ, срепетовали третій. А. А. подошелъ къ Лола и сказалъ:

— Ну, вотъ, Ольга Дмитриевна, вы капризничали, не хотѣли играть эту роль, а посмотрите, какъ она у васъ мило пройдетъ.

И изъ этихъ словъ я узналъ, что, значить капризы дѣйствительно были и отъ ролей отказывались.

На другой день была вторая репетиція. Она шла почти такъ же, какъ первая, только актеры всѣ уже со мной здоровались и заговаривали, я чувствовалъ себя посвободнѣе. На третьей репетиціи дѣло пошло уже совсѣмъ на ладъ, начала выясняться пьеса. Алексѣй Антиповичъ все веселѣй и веселѣй посматривалъ на меня, артисты чаще и чаще обращались за совѣтами.

На послѣдней репетиціи — ихъ было всего, кажется, шесть — К. А. Варламовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ну, вы не волнуйтесь! Пьеса пройдетъ хорошо и будетъ имѣть успѣхъ. Конечно, не очень большой, не очень шумный, но во всякомъ случаѣ она не провалится.

Я слушалъ, весь охваченный нервнымъ трепетомъ. Сегодня, черезъ нѣсколько часовъ только, надо мною долженъ совершиться судъ публики и я со страхомъ ожидалъ его.

Какъ потерянный, вышелъ я изъ театра и шелъ домой, не различая ни улицъ, ни прохожихъ.

— Что-то будетъ? Что-то будетъ?—твердилъ я самому себѣ.

Убийственно медленно тянулось время до вечера. Уже съ шести часовъ меня потянуло въ театръ, но я сдерживалъ себя, зная, что часъ еще слишкомъ ранній, но какъ ни сдерживалъ, а четверть седьмого уже вышелъ изъ дому.

V.

Зная по своему провинціальному опыту, какъ поздно собираются артисты на спектакль, я былъ увѣренъ, что приду за кулисы первымъ и застану еще на сценѣ полный мракъ. Я старался идти какъ можно медленнѣе, останавливаясь передъ витринами магазиновъ, и даже выбиралъ наиболѣе для себя длинную дорогу. Каково же было

мое удивленіе, когда я, придя въ театръ, увидалъ, что сцена вся готова, и за кулисами царитъ полное оживленіе. Одно только поразило меня: мебель на сценѣ была разставлена совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало по пьесѣ. Сердце замерло у меня.

— Боже мой! ужъ не отмѣнили ли представленіе? Не ставятъ ли вмѣсто «Черезъ край» чтонибудь другое?— дрожащимъ голосомъ обратился я съ этимъ вопросомъ къ помощнику режиссера Ф. Ф. Полякову, къ человѣку, къ которому я еще на репетиціяхъ уже почувствовалъ самую живѣйшую симпатію.

— Да нѣтъ же! Для начала спектакля, вѣдь, идетъ «Которая изъ двухъ», а потомъ ужъ «Черезъ край», — успокоилъ онъ меня.

— Ну, а какъ сборъ? — спросилъ я его.

— Какъ вамъ сказать? По времени, т. е. для начала сентября, ничего себѣ—около семисотъ рублей.

«Около семисотъ рублей, т. е. немного больше трети полного сбора», — сообразилъ я, спускаясь внизъ, къ уборной К. А. Варламова. — «Охъ, разсердятся на меня за такой сборъ и снимутъ пьесу».

К. А. Варламовъ сидѣлъ въ своей маленькой уютной уборной передъ зеркаломъ и гримировался. Возлѣ него стоялъ главный режиссеръ Федоровъ-Юрковскій и помогалъ ему.

— Ну, какъ вы находите этотъ гримъ?—спросили они меня оба.

Я нашель, конечно, прекраснымъ, хотя правду сказать, отъ волненія я даже плохо различалъ, какъ загримированъ Варламовъ.

Постоявъ немного въ уборной Варламова, я заглянулъ въ соседнюю уборную Арди. Николай Ивановичъ только что еще пришелъ и осматривалъ принесенный ему костюмъ.

— Ну, что, волнуетесь? — спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ... Не знаю... Впрочемъ, волнуясь, — отвѣтилъ я.

— А вы не волнуйтесь, потому что ничего дурнаго вамъ сегодня не будетъ, — ободрялъ меня Арди, но я, только махнувъ рукой, побрелъ дальше.

Какъ грѣшная душа, осужденная на вѣчное скитаніе, ходилъ я за кулисами Александринскаго театра, не находя себѣ мѣста и не зная, чѣмъ убить время, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчая, что время это уходитъ, и «часъ суда» приближается.

Продребезжалъ звонокъ къ началу первой пьесы.

— Гдѣ бы мнѣ сѣсть и посмотрѣть?—спросилъ я Федорова-Юрковского.

— Садитесь въ мою режиссерскую лужу, — сказалъ тотъ, указывая на крошечный чуланчикъ на авансценѣ.

Я вошелъ туда.—Тамъ уже сидѣли какія-то двѣ дамы, и я пріютился сзади нихъ.

Продребезжалъ еще разъ звонокъ, поднялся занавѣсъ, началась комедія «Которая изъ двухъ». Какъ ее играли, право, сказать не могу,

потому что отъ волненія плохо видѣлъ, что дѣлалось на сценѣ. Долго, какъ мнѣ казалось, тянулась эта маленькая комедія, но когда она окончилась и сталъ опускаться занавѣсъ, я почувствовалъ, что и самъ опускаюсь куда-то словно въ холодную воду.

«Ну, вотъ, теперь сейчасъ и «Черезъ край»! Ну, вотъ, теперь сейчасъ и»... и я не зналъ—что, но чувствовалъ, какъ что-то страшное надвигается на меня.

Я прошелъ на сцену, тамъ торопливо переставляли мебель, мѣняли павильонъ. Гдѣ-то я рассмотрѣлъ лицо А. А. Потѣхина, и мнѣ показалось, что оно мнѣ улыбнулось. Нѣсколько разъ мелькнулъ мимо меня Ф. Ф. Поляковъ; какой-то высокій, полный мужчина съ коротко-остриженными волосами и длинными усами, въ широкихъ панталонахъ и бѣломъ кителѣ какъ-то странно и, какъ мнѣ показалось, даже неумѣстно появился тутъ же, среди торопливо бѣгающихъ плотниковъ и бутафоровъ; маленький, полненькій человѣчекъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ подошелъ ко мнѣ и что-то сказалъ,—странный человѣчекъ, и я не узналъ въ немъ Арди, загримированнаго для роли Мухина, такъ же, какъ не узналъ Варламова въ сѣдусомъ господинѣ въ бѣломъ кителѣ. Въ глазахъ моихъ то вдругъ темнѣло, то становилось необычайно свѣтло.

— Мѣста! Мѣста! — крикнулъ чей-то голосъ.

И я понявъ, что сейчасъ поднимутъ занавѣсъ, бросился въ режиссерскую ложу. Она была уже совсѣмъ биткомъ набита, но сидѣвшія тамъ дамы почему-то предупредительно хотѣли пропустить меня впередъ, а я прижался въ уголъ, сказавъ, что мнѣ и отсюда будетъ отлично все видно, и пристально уставился на спокойно висѣвшій занавѣсъ.

И вдругъ этотъ занавѣсъ медленно сталъ подниматься къверху.

«Ну, теперь все кончено, и я погибъ!»,—мелькнула у меня мысль, и я весь съежился, стараясь сдѣлаться маленькимъ, незамѣтнымъ.

А на сценѣ уже говорили. Кто говорилъ? Что говорили?—я еще не могъ понять.

Вдругъ что-то затрещало въ партерѣ, и какъ разъ въ это время на авансценѣ появилась грузная фигура въ бѣломъ кителѣ, съ большими сѣдыми усами и съ коротко-выстриженной сѣдою головой. Я сталъ вслушиваться. Это былъ Варламовъ; онъ говорилъ мои слова!

Да, да, мой! Я уже зналъ теперь, что онъ сейчасъ долженъ сказать, и я не ошибался: онъ говорилъ именно то, что я зналъ, что я ожидалъ... И Стрѣльская говорить также... Только это гораздо лучше, чѣмъ на бумагѣ... Это что-то живое, что-то воплотившееся.

А изъ зрительнаго зала начали уже вырываться взрывы смѣха. Что-то веселое охватило и нашу маленькую, тѣсную ложу. Эти незнакомыя, сидѣвшія со мной, дамы, часто взглядывали на меня

какими-то знакомыми глазами. И мнѣ было хорошо съ ними. Безъ нихъ я, можетъ быть, больше бы боялся. А смѣхъ публики все росъ и росъ. Я слѣдилъ за пьесой и понималъ, что актъ уже подходитъ къ концу.

Какъ скоро!.. Но какъ-то, какъ Варламовъ скажетъ вотъ эту, вотъ эту фразу, что сейчасъ должна быть? Сказалъ! Прекрасно сказалъ! Боже мой, какой хохотъ въ публикѣ! Хохотъ и взрывы аплодисментовъ! Каждый «уходъ» артиста со сцены и каждый разъ вызовъ...

Но вотъ и послѣднее явленіе. Лола стала нацпочкахъ подходить къ притворившемуся спящимъ Варламову и тихо шепчетъ:

— Бредить!

Занавѣсъ быстро опускается... Начинается какой-то хаосъ: зрительный залъ кричитъ, аплодируетъ; я бросаюсь на сцену—и тамъ что-то кричатъ и бѣгаютъ.

— Мѣста! Мѣста!—раздается чей-то голосъ.

Меня хватаютъ за руки, куда-то тащатъ. Около меня Варламовъ, Арди, Стрѣльская... Я вижу, что мы на сценѣ, и вдругъ занавѣсъ передъ нами взвивается и открываетъ зрительный залъ... Аплодисменты несутся на встрѣчу къ намъ, крики «браво»... Боже мой, я слышу, что кричатъ:

— Автора! Автора!

Артистки кланяются, я кланяюсь тоже... У меня на глазахъ слезы...

Занавѣсъ опускается, потомъ поднимается опять и опять я на сценѣ съ артистами, и опять тѣ же крики, тѣ же аплодисменты.

Но вотъ меня почти насильно выталкиваютъ на сцену уже одного. Я выхожу, сцена такая большая, и я такой маленькій на ней, я боюсь выйти впередъ, а какъ-то неуклюже, бокомъ, почти у самой двери стою и кланяюсь неумѣло, неуклюже... А вѣдь когда-то, когда я былъ актеромъ, я умѣлъ кланяться и бойко выходилъ къ самой суфлерской будкѣ, а теперь это не то, совсѣмъ не то.

Съ каждымъ актомъ росъ успѣхъ пьесы. Шумливѣе и веселѣе становился залъ, громче и единодушнѣе раздавались аплодисменты и вызовы. И уже смѣлѣе выходилъ я на сцену и одинъ, и съ артистами.

Кончился и послѣдній, третій актъ. Меня вызывали на сцену, а когда я выходилъ за кулисы, меня поздравляли, жали мнѣ руки, улыбались мнѣ, а я... я только благодарилъ. И вдругъ я услышалъ голосъ:

— Ну, гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Покажите мнѣ его!

Я обернулся и увидалъ, что ко мнѣ идетъ А. А. Потѣхинъ, а рядомъ съ нимъ высокій, сѣдой старикъ, съ красивымъ характернымъ лицомъ... Я вздрогнулъ, потому что въ старикѣ этомъ узналъ мастистаго, высококчимаго мною Дмитрія Васильевича Григорovichа.

— Вотъ онъ,—съ веселой улыбкой указаль на меня А. А. Погѣхинъ.

— Позвольте поцѣловать васъ,—сказаль Дмитрій Васильевичъ и, крѣпко обнявъ, трижды поцѣловаль меня.—Спасибо вамъ! Вы повеселили насъ! Посмотрите, какъ обрадовалась вся публика, какъ расшевелили вы ее!.. О, у васъ есть хорошій даръ: незлобивый юморъ, задушевная веселость! Берегите этотъ даръ, онъ изъ рѣдкихъ!..

Я ничего не могъ отвѣтить: губы мои дрожали, а изъ глазъ текли слезы...

Какъ въ туманѣ, стояль я за кулисами и не зналь: что мнѣ дѣлать? куда итти? Помню, что ко мнѣ подходили плотники, какіе-то еще рабочіе и мелкіе служащіе при театрѣ и поздравляли меня. Я зналь, что имъ нужно дать на чай, но денегъ у меня не было. Положение было неловкое. Помню, что изъ него выручилъ меня Ф. Ф. Поляковъ.

— Не беспокойтесь,—сказаль онъ мнѣ,—я имъ скажу, что вы послѣ отдадите, послѣ втораго или третьяго представленія, когда получите гонораръ.

Я отъ всего сердца поблагодарилъ его; а потомъ, не помню уже какъ, я надѣль пальто и очутился на улицѣ и не узналь ея. Это былъ совсѣмъ какой-то другой городъ, незнакомый мнѣ, и я шель по тротуару, а въ глазахъ у меня мелькали ярко освѣщенная рампа, темная масса публики, заgrimированныя лица артистовъ, а въ ушахъ еще гулко шумѣль смѣхъ, крики и аплодисменты...

VI.

И вдругъ я вспомнилъ, что я голодень. Сегодня я почти не обѣдалъ, а уходя изъ дому въ театръ, просилъ, чтобъ приготовили самоваръ; хлѣба къ чаю я обѣщаль принести самъ. И вотъ, идя домой, я спустился въ низокъ еще незакрытой мелочной лавочки и купилъ фунтъ бѣлаго, такъ называемаго, ситнаго хлѣба. Больше уже ничего я не могъ купить, такъ какъ послѣ этой покупки денегъ у меня оставалось всего двѣ копейки. Но я не чувствовалъ себя бѣднымъ. Я не гореваль объ этомъ, да развѣ можно было о чемъ нибудь горевать, послѣ только что пережитыхъ впечатлѣній. Я шель домой и зналь, что тамъ встрѣтитъ меня мой другъ, эта тихая, кроткая женщина; я зналь, что лицо ея будетъ сиять счастьемъ и радостью; вѣдь она сегодня тоже была въ театрѣ, сидѣла въ галлерей и оттуда видѣла мой скромный триумфъ. Я просилъ ее тотчасъ же послѣ спектакля скорѣе, на извозчикѣ, вернуться домой и встрѣтитъ меня съ самоваромъ. Съ трепетомъ душевнымъ провожала она меня въ этотъ вечеръ, когда я уходилъ въ театръ. Мы оба не ждали успѣха, мы не загадывали о будущемъ, мы ни-

чего не ждали. Мы условились только послѣ спектакля скорѣе сойтись домой и подѣлиться горемъ или радостью—чѣмъ Богъ пошлетъ.

И я теперь торопился домой, зная, что она счастливая встрѣтитъ меня.

Вотъ и наши ворота, вотъ и дворникъ отпираетъ мнѣ калитку, вотъ и наша неопрятная лѣстница. Этажъ, другой, третій, четвертый... Лампы уже потушены, я иду, освѣщая себѣ путь свѣчками. А вотъ и наша дверь. Звоню, жду, что сейчасъ она распахнется и... звоню во второй разъ... въ третій...

«Неужели «она» еще не вернулась изъ театра?»

Заглядываю въ замочную скважину — ключа нѣтъ, стало быть, никого нѣтъ въ квартирѣ: прислуги мы въ то время не держали.

Что же дѣлать? Ждать надо! Вѣроятно, она осталась еще смотрѣть шедшій послѣ «Черезъ край» водевиль.

И я присѣлъ на ступенки и, пощипывая, бывший у меня въ рукахъ, ситникъ, предался размышленіямъ, охваченный промозглымъ мракомъ петербургской черной лѣстницы.

А что, если это все вдругъ ошибка, и «Черезъ край» пустая, дрянная и глупая вещь, не заслуживающая не только такихъ аплодисментовъ, но и самаго малѣйшаго вниманія со стороны публики? Просто актеры своей талантливой игрой привели ее въ заблужденіе; а потомъ она, остынувъ, пойметъ свою ошибку и выместитъ ее на мнѣ. Нѣтъ, надо скорѣе написать чтонибудь другое, болѣе серьезное, болѣе достойное. Ну, а слова Григоровича? Вѣдь этого актеры не обманутъ. А похвалы Потѣхина? Его горячее одобреніе? Одобреніе такого опытнаго и талантливаго драматурга? Неужели и это ошибка? Что пьеса имѣла успѣхъ, — это еще ничего не говоритъ. Мало ли что имѣетъ успѣхъ, но дороги слова Потѣхина, дорога похвала Григоровича... Что-то скажутъ рецензенты? О, эти не пощадятъ меня, никому неизвѣстнаго, ни съ кѣмъ незнакомаго... Вспомнилось мнѣ напутствованіе и совѣтъ А. И. Пальма: писать веселыя и легкія комедіи, и я желѣлъ, что его не было въ театрѣ, и что не могъ я его спросить: «это ли, Александръ Ивановичъ, подразумѣвали вы подъ легкой комедіей?»

А время, между тѣмъ, пло, я уже съѣлъ по крайней мѣрѣ съ полфунта хлѣба, и безпокойство начало закрадываться мнѣ въ душу. Но вотъ внизу хлопнула дверь, послышались легкіе, знакомые шаги...

Черезъ полчаса мы уже сидѣли за самоваромъ и обмѣнивались, сбивчиво, несвязно, перебивая другъ друга, впечатлѣніями сегодняшняго вечера. Промедленіе же ея объяснилось тѣмъ, что мой братъ, бывший тоже въ театрѣ, пригласилъ ее и еще одну даму послѣ спектакля «спрыснуть» успѣхъ моей пьесы, сообразно съ имѣвшимися у нихъ весьма скромными средствами, въ кондитерскую Исакова, что противъ Александринскаго театра, гдѣ они за здоровье

автора торжественно выпили по чашкѣ шоколаду. Относительно же меня они почему-то были увѣрены, что я, въ кругу артистовъ, весело пирую въ какомъ нибудь ресторанѣ, за ужиномъ, который мнѣ, въ честь моего успѣха, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть кѣмъ нибудь устроенъ: артистами или публикой—ужь они сами не знали—кѣмъ. Наивная неопытность!.. Они и не подозрѣвали, что въ то время, какъ они пили свой скромный шоколадъ въ кондитерской, сегодняшній триумфаторъ еще болѣе скромно сидѣлъ на ступенькахъ черной лѣстницы и покусывалъ «ситникъ» изъ мелочной лавочки!

VII.

Начались дни безмятежнаго счастья. Рецензенты отнеслись къ пьесѣ очень снисходительно, а нѣкоторые изъ крупныхъ театральныхъ критиковъ, какъ, на примѣръ, Д. В. Аверкиевъ, даже и съ большою похвалою. Сборы увеличивались съ каждымъ спектаклемъ, и скоро пьеса уже шла неизмѣнно при полномъ театрѣ. Я расцвѣлъ и морально, и матеріально, потому что денежныя мои дѣла круто измѣнились, и еще недавняя нужда уступила мѣсто скромному довольству. Хорошо мнѣ было, я благословлялъ судьбу и работалъ уже надъ новой пьесой. Но, вѣрно, еще чапа испытаній не была вся исчерпана, и мнѣ суждено было перенести еще одинъ тяжелый ударъ.

Не прошло и двухъ недѣль со дня перваго представленія пьесы «Черезъ край», какъ однажды утромъ я получилъ письмо отъ моего брата. Къ письму была приложена вырѣзка изъ одной маленькой, но распространенной газеты, а въ вырѣзкѣ этой значилось, что другая газета, нераспространенная, обвиняетъ меня въ плагиатѣ, именно въ томъ, что я мою комедію «Черезъ край» рабски перевелъ съ французскаго, только передѣлавъ имена дѣйствующихъ лицъ.

Свѣта я не взвидѣлъ! Въ глазахъ у меня помутилось, и долго, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, перечитывалъ я эту вырѣзку, не зная, что мнѣ дѣлать, какъ поступить. Но потомъ, придя нѣсколько въ себя, я написалъ письмо въ маленькую, но распространенную газету, въ которомъ категорически отвергалъ взводимое на меня обвиненіе. Затѣмъ, одѣвшись, поѣхалъ въ редакцію другой газеты, такъ безсовѣстно меня оболгавшей.

— За что? За что?—шепталъ я, сидя на извозчикѣ и то и дѣло понукая его.—За что такъ безжалостно позорить человѣка? Какъ не стыдно клеветать?!

Въ редакціи газеты, къ счастью, я засталъ самого редактора, но онъ принялъ меня довольно сухо и показалъ самую статью, обвинявшую меня въ плагиатѣ. Авторъ этой статьи писалъ, что онъ самъ, лично, видѣлъ мою пьесу «Черезъ край» нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но только въ оригиналѣ, т. е. на французскомъ языкѣ.

— Вотъ видите,—сказаль мнѣ редакторъ.—Эго написано однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, недовѣрять которому я не имѣю никакого основанія.

— Кто? Кто написалъ это?—взмолился я.

Но редакторъ только улыбнулся и сказалъ, что это секретъ редакціи.

— Впрочемъ, если вы можете доказать вашу невинность въ этомъ дѣлѣ, то моя газета къ вашимъ услугамъ.

— Тогда скажите же мнѣ названіе пьесы, изъ которой я якобы передѣлалъ мой «Черезъ край».

— Этого я вамъ сейчасъ сдѣлать не могу, но я спрошу у нашего сотрудника. Вы приѣзжайте завтра утромъ, и я вамъ сообщу это.

— Ждать дозавтра! ходить съ этимъ несмытымъ пятномъ!—чуть не простоналъ я.

— Что же дѣлать?—довольно равнодушно отвѣтилъ редакторъ, какъ бы желая этимъ сказать: «не занимайтесь плагиатомъ».

— Хорошо. Подожду дозавтра,—согласился я и вышелъ изъ кабинета редактора.

Въ передней я столкнулся съ однимъ изъ сотрудниковъ этой газеты, знакомымъ мнѣ журналистомъ Г. Х. С.

— А, здравствуйте!—весело поздоровался тотъ со мною. — Смотрѣлъ надняхъ вашу пьесу «Черезъ край». Премилая, превеселая вещица!

Но я былъ такъ разстроены, что, только что-то пробормотавъ ему въ отвѣтъ на его слова, бросился внизъ по лѣстницѣ.

Этотъ Г. Х. С.—нынѣ уже покойный—былъ, въ сущности, добрымъ человѣкомъ и даже небездарнымъ писателемъ, но, при крайнемъ легкомысліи, отличался еще большою склонностью къ привирацію, и потому заговорить съ нимъ въ такую критическую для меня минуту было бы выше моихъ силъ.

Изъ редакціи газеты я поѣхалъ въ Александринскій театръ, зная, что сегодня тамъ, по случаю субботы, очередное засѣданіе театрално-литературнаго комитета. Когда я приѣхалъ, засѣданіе еще не началось, и я, подойдя къ А. А. Потѣхину, торопливо и сбивчиво сталъ ему рассказывать о постигшемъ меня ударѣ.

— Конечно, я постараюсь оправдать себя, но я счелъ долгомъ предупредить васъ объ этомъ, Алексѣй Антиповичъ, для того, чтобъ вы ни на одну минуту не усомнились во мнѣ, чтобъ вы не подумали обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, который можетъ такъ скверно обмануть и васъ, и театрално-литературный комитетъ, и прессу, и всю публику,—заклучилъ я мой рассказъ.

А. А. сталъ меня успокоивать. Тронуло ли его мое волненіе, убѣдилъ ли его мой искренній тонъ, ужъ не знаю, но онъ сердечно, почти поотечески, обласкалъ меня и сказалъ, что онъ ни на минуту бы не усомнился во мнѣ и въ моей пьесѣ, которая вся по

духу чисто русская. А что отъ зависти да отъ клеветы, дескать, не убережешься, и что разъ я выступаю на литературное поприще, я долженъ быть приготовленъ не только къ однимъ лаврамъ, но и къ тернію.

Нѣсколько успокоенный, вышелъ я изъ Александринскаго театра, рѣшивъ опять зайти въ оболгавшую меня редакцію и попросить тамъ напечатать хоть въ нѣсколькихъ словахъ мое заявленіе о томъ, что я требую болѣе вѣскихъ доказательствъ въ взводимомъ на меня обвиненіи, дабы публика тоже ни на одну минуту не подумала, что я спокойно принялъ на себя такое тяжелое обвиненіе.

— Ну, вотъ, теперь я вамъ даже могу сообщить названіе французской пьесы, такъ какъ авторъ статьи былъ уже въ редакціи. Вы только что ушли, а онъ и пришелъ,—встрѣтилъ меня редакторъ газеты.—Пьеса называется «Le fil blanc»,—сообщилъ онъ мнѣ.

— Ага! Теперь уже есть названіе, стало быть, мнѣ остается только достать эту пьесу, и она сама докажетъ мою невинность, т. е. то, что въ ней ничего нѣтъ общаго съ моей комедіей, — сказалъ я и, забывъ даже о предварительномъ опроверженіи, бросился вонъ изъ редакціи и поскакалъ въ Малый театръ, что на Фонтанкѣ.

Тамъ въ то время подвизалась французская оперетка, въ труппѣ которой служилъ г. Мураторъ, про котораго я слышалъ, что онъ агентъ французскихъ драматическихъ писателей.

На мое счастье, всѣ артисты были въ сборѣ на репетиціи, и я, вмѣшавшись въ ихъ толпу, сталъ спрашивать, не знаетъ ли кто пьесы: «Le fil blanc». Я сталъ даже имъ рассказывать содержаніе моего «Черезъ край», думая такимъ путемъ заставить ихъ вспомнить какую нибудь пьесу, можетъ быть, хоть нѣсколько похожую на «Черезъ край».

Но нѣтъ! Ни заглавія «Le fil blanc» никто изъ нихъ не слыжалъ, ни пьесы, похожей на «Черезъ край», никто не зналъ. Тогда я сталъ просить г. Муратора, чтобы онъ телеграфировалъ въ Парижъ въ агентство требованіе выслать мнѣ пьесу «Le fil blanc».

— Вѣдь если такая пьеса есть, ее вышлютъ?—спрашивалъ я.

— Конечно, если есть, такъ вышлютъ непременно; но только предупреждаю васъ, что вы напрасно потратите деньги на телеграмму. Да зачѣмъ она вамъ такъ понадобилась?—говорилъ г. Мураторъ.

Я рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, о чемъ же вы беспокоитесь? Тотъ, кто обвиняетъ васъ, тотъ и долженъ представить всѣ доказательства вашей виновности. Потребуйте отъ него путемъ печати, или, наконецъ, путемъ суда, чтобы онъ представилъ въ редакцію пьесу «Le fil blanc» или какую нибудь другую, съ которой вы могли передѣлать вашу комедію,—посовѣтовалъ мнѣ французскій артистъ.

Въ самомъ дѣлѣ: такая простая мысль мнѣ почему-то и не

приходила въ голову, и я, поблагодаривъ Муратора за совѣтъ, снова поскакалъ въ редакцію, рѣшивъ ужъ быть настойчивымъ и твердымъ

Но, увы! редактора уже тамъ не было, и мнѣ сказали, что раньше завтрашняго утра я его и не увижу.

Я не буду рассказывать, какъ провелъ я этотъ день и послѣдовавшую за нимъ ночь. Я, что называется, горѣлъ нетерпѣніемъ, а раздраженіе противъ неизвѣстнаго мнѣ клеветника все крѣпло и крѣпло.

— «Le fil blanc!»—шепталъ я въ полубреду, ворочаясь на постели. — Le fil blanc — значитъ «бѣлая нитка»... Эту бѣлую нитку клеветникъ взялъ изъ моей же пьесы. Тамъ Вѣрочка говоритъ: «Оттого, что вы, дядюшка, шить не умѣете; да и шили-то бѣлыми нитками, да вдобавокъ еще черезъ край». Вотъ онъ взялъ откуда эту «бѣлую нитку», да на ней все обвиненіе и построилъ. Ну, не прощу же я этого ему! Ну, погоди онъ у меня!—и я грозилъ кулакомъ невидимому и даже невѣдомому врагу моему.

Прошла тяжелая ночь, настало утро, и къ утру только я забылся часа на два, на три настоящимъ сномъ. Пора уже было идти въ редакцію, и я, наскоро одѣвшись, даже не напившись чая, отправился туда.

Но, Боже мой, какая перемѣна! Редакторъ встрѣтилъ меня не только любезно, но и предупредительно, и только что я началъ заявлять ему мои требованія о представленіи обвиняющихъ меня доказательствъ, какъ онъ замахалъ руками и сказалъ:

— Ничего этого не надо. Теперь я и самъ знаю, что это клевета, завистливая клевета. Авторы ея—неудачные драматурги, пьесы которыхъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, никогда не удостоиваются одобренія театрално-литературнаго комитета. А тутъ вдругъ комедія какого-то совершенно неизвѣстнаго автора поставлена, да еще и идетъ съ такимъ успѣхомъ. Извините меня, что я, право, невольно причинилъ вамъ столько непріятностей; но въ удовлетвореніе я предоставляю вамъ право напечатать хотя бы на первой страницѣ моей газеты какое вамъ угодно опроверженіе. Садитесь и пишите! Да нѣтъ, стойте, даже не такъ!

И онъ, отворивъ дверь изъ кабинета, кивнулъ головой кому-то въ сосѣдную комнату.

Вышелъ тотъ самый знакомый мой журналистъ Г. Х. С., котораго я вчера встрѣтилъ въ передней редакціи.

— Вотъ, — обратился къ нему редакторъ, — сядьте и напишите все, что вамъ продиктуетъ г. Тихоновъ, затѣмъ помѣйте набрать корпусомъ и поставите въ сегодняшній номеръ на видномъ мѣстѣ. А меня вы уже извините,—обратился онъ ко мнѣ:—я очень спѣшу и долженъ сейчасъ уѣхать, но вы не безпокойтесь—все будетъ сдѣлано такъ, какъ вы этого пожелаете.

И, дружески простившись со мной, редакторъ оставилъ меня вдвоемъ съ Г. Х. С.

— Да, да!.. я слышалъ объ этой неприятной исторіи!—заговорилъ Г. Х. С., какъ-то робко посматривая мнѣ въ глаза.— Мнѣ говори-ли... Ужасная гадость! А пьески вашей я еще не видалъ! Говорятъ, премилая вещь! Все собираюсь посмотреѣть.

— А какъ же вы вчера...—началъ было я, но сразу остановился.

Я хотѣлъ напомнить ему, что не далѣе, какъ вчера, онъ говори-лъ мнѣ, что видѣлъ мою пьесу, что она ему даже очень понравилась, но я почему-то вдругъ понялъ, что авторъ оклеветавшей меня замѣтки и былъ именно онъ самъ, этотъ легкомысленный, но въ сущности добрый Г. Х. С. И мнѣ стало жаль его. Теперь, когда честь моя восстановлена, когда душа успокоилась, желаніе отомстить какъ-то прошло само собой, словно его и не было.

— Ну, диктуйте!—сказалъ Г. Х. С., присаживаясь къ столу и беря листъ бумаги.

— Пишите сами, напишите что хотите, а мнѣ диктовать не-удобно,—сказалъ я.

И Г. Х. С. составилъ замѣтку вполне восстановляющую мою репутацію: А я самъ вычеркнулъ даже нѣсколько выраженій, осо-бенно рѣзко бичевавшихъ автора оклеветавшей меня статьи, то-есть бѣднаго Г. Х. С.

Зато какъ крѣпко и горячо пожалъ онъ мнѣ руку, когда мы прощались.

De mortuis aut bene, aut nihil! и если мнѣ пришлось рассказать несовсѣмъ благовидную продѣлку покойнаго Г. Х. С., то въ концѣ я все-таки долженъ заявить, что и самъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе по поводу моей пьесы. Въ сущности, авторомъ клеветы былъ не онъ, а — какъ я узналъ впоследствии — одинъ изъ его пріятелей, довольно популярный въ Петербургѣ театраль, носившій громкую и извѣстную фамилію и покрывшій ее пятномъ безславія: онъ былъ впоследствии сосланъ въ Сибирь за поддѣлку духовнаго завѣщанія.

Гора спала съ плечъ, и опять я вздохнулъ свободно. «Черезъ край» мой шелъ на сценѣ, кормилъ меня, но не за это я его люблю: дорога мнѣ эта пьеска потому, что она разъ и навсегда опредѣ-лила мою участь. Я безповоротно уже рѣшилъ навсегда посвятить себя той дѣятельности, той дорогѣ, на которой, правда, растетъ много терній, но на которой кое-гдѣ попадаются и лавровые ли-сточки.

Заканчивая мои театральныя воспоминанія, я долженъ откро-венно сознаться, что, несмотря на пропасть неудачъ, разочарова-ній, неприятностей, пережитыхъ мною въ театрѣ и около него, я все-таки нигдѣ не пережилъ и столько радостныхъ и счастливыхъ моментовъ, какъ тамъ—на этой покатои сценѣ, передъ этой ярко-

освѣщенной рампой, въ томъ лабиринтѣ кулисъ и въ душевной атмосферѣ маленькихъ уборныхъ. Тамъ чаще всего радостно билось и замирало мое сердце, тамъ чаще всего постигала я минуты полного счастья.

И теперь, когда я изрѣдка (о, очень рѣдко!) попадаю за кулисы какого нибудь театра, и когда меня вдругъ охватываетъ давно-давно знакомая и привычная закулисная суতোлка, я вдругъ становлюсь моложе, бодрѣе, и въ душу опять закрадывается надежда, что, можетъ быть, и еще когда нибудь повторится пережитое...

А выйдешь оттуда, и голосъ холоднаго разсудка сейчасъ же подскажетъ тебѣ: «нѣтъ, пережитое никогда не повторяется, развѣ только... въ воспоминаніяхъ».

Влад. Тихоновъ.

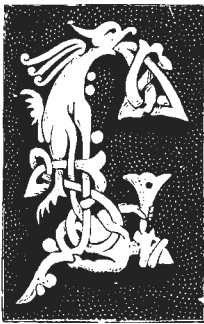
ПОѢЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО¹⁾.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года бывше,—
Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
Почили въ Господѣ подвижники святые,
Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣнынѣ: —
Скорбѣвшіе за всѣхъ своей душой въ пустынѣ.
К.

VIII.

Основаніе Спасокаменнаго монастыря. — Кто жилъ на островѣ до прибытія Бѣлозерскаго князя. — Старцы-проповѣдники евангелія. — Феодоръ первый игумень. — Игумены: Діонисій, Евѣимій, Кассіанъ. — Св. Иосафъ спасокаменный чудотворецъ. — Пожары. — Обращеніе Спасокаменнаго монастыря въ Бѣлавинскую пустынь. — Упраздненіе монастыря. — Переименованіе пустыни и перенесеніе мощей.

СПАСОКАМЕННЫЙ монастырь—древнѣйшій изъ монастырей Вологодской губерніи ²⁾. Онъ основанъ около 1260 года бѣлозерскимъ княземъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, родившимся въ 1236 году и получившимъ послѣ мученической смерти отца себѣ удѣлъ Бѣлозерскій, тогда какъ старшій братъ Борисъ наслѣдовалъ удѣлъ Ростовскій. «Еще по берегамъ Кубенскаго озера и его притокамъ шумѣли вѣковые лѣса, когда появились на озерѣ насады бѣлозерскаго князя, плывшаго въ Устюгъ. Поднявшеюся бурей княжескую флотилію прибило къ Каменному острову» ³⁾. Это случилось 6 августа. Между тѣмъ въ минуты опасности князь далъ обѣтъ:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 664.

²⁾ Изъ сѣверныхъ монастырей древнѣе Спасокаменнаго только три: Троицкій Кайсаровъ, въ Вологдѣ, основанный около 1147 года пр. Герасимомъ, Троицкій Гдуденскій близъ Устюга, основанный въ 1190 году, и Великоустюжскій Архангельскій, существовавшій уже въ 1216 году.

³⁾ Мерцаловъ, «Монастыри-колонизаторы».

гдѣ и въ какой день пристануть къ берегу, на томъ мѣстѣ соорудить церковь во имя празднуемаго святого въ тотъ день и устроить обитель.

Князь нашелъ островъ уже обитаемымъ. На немъ жили старцы, поставившіе себѣ задачею—обращать въ христіанство язычниковъ корельскаго и чудскаго племень, населявшихъ сѣверовосточный берегъ озера. Старцы «не имѣли даже церкви и совершали свои молитвы въ малой и бѣдной часовнѣ, стараясь не объ устройствѣ вещественнаго храма, а о томъ, чтобы имъ самимъ сдѣлаться живыми одушевленными храмами Св. Духа. Невзрачна и мала была ихъ часовня, часто не доставало въ ней и свѣтъ и ладона. Ни завыванія и свистъ бури не возмущали душевнаго спокойствія старцевъ, ни пѣнящіяся волны и страшныя громады льдовъ не охлаждали жара ихъ сердець» ¹⁾.

Исполняя обѣтъ, князь Глѣбъ воздвигъ деревянную церковь во имя Преображенія Господня, выстроилъ келіи для старцевъ и, снабдивъ впослѣдствіи церковь всѣмъ необходимымъ, поставилъ начальникомъ обители старѣйшаго изъ старцевъ Оеодора. Монастырь сталъ именоваться Спасокаменнымъ и началъ процвѣтать, покровительствуемый князьями Ыѣлозерскими и другими. Изъ числа настоятелей, слѣдовавшихъ за Оеодоромъ, прежде всего выдѣляется Святгорецъ Діонисій, своей строгой жизнію привлекшій въ обитель много братіи. Во время его игуменства въ монастырѣ подвизались два свѣточа сѣвера: Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. Въ 1418 году, по смерти архіепископа ростовскаго Григорія, на эту кафедру былъ возведенъ Діонисій Спасокаменскій, который, покинувъ пустынную обитель, поставилъ на мѣсто себя игуменомъ ученика своего Иларіона. При его преемникѣ Еввоиміи монастырь посѣтилъ великій князь Василій Васильевичъ Темный. «Этотъ несчастный князь,—говоритъ Н. И. Суворовъ ²⁾,— въ 1446 году вѣроломно лишенный зрѣнія Дмитріемъ Шемякою, сосланный сперва въ Угличъ, а потомъ въ Вологду, пріѣзжалъ отсюда, въ 1447 году, со своей супругою Маріею и дѣтьми на богомолье въ Спасокаменный монастырь и принесъ въ даръ обители двѣ иконы: чудотворную Спаса Еммануила, доставленную изъ Царьграда дѣду его Димитрію Донскому, и икону Божіей Матери Одигитріи. Здѣсь онъ получилъ первую радостную вѣсть, что многіе князья и бояре собираются на помощь къ нему, желая возстановить его на великомъ княженіи. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, великій князь просилъ игумена Еввоимія помолиться о возвращеніи ему престола. Игуменъ съ братіею отвѣчали: «Иди, государь, въ желаемый путь твой на великое княженіе, и Богъ устроитъ твое шествіе». Изъ Каменнаго

¹⁾ Свящ. І. Вѣрхожскій. «Преподобный Юсафъ Каменскій».

²⁾ Н. И. Суворовъ. «Описаніе Спасокаменнаго монастыря».

монастыря великій князь отправился въ Тверь и, вскорѣ достигнувъ Москвы, утвердился на престолѣ княжескомъ. Великій князь въ благодарность Богу за полученную имъ въ Спасокаменномъ монастырѣ радостную вѣсть пожаловалъ обители богатое село Покровское. Княгиня Марія приписала ему монастырь св. Николая Чудотворца, а впоследствии еще пожаловала село Воздвиженское съ деревнями и угодьями»¹⁾. Каменный островъ имѣлъ намѣреніе посѣтить и Іоаннъ Грозный, еще 15-ти лѣтнимъ юношей объѣзжая Кубенское Заозерье. Приѣхавъ въ село Устье, царь сказалъ, что плыветь въ монастырь. Но поднялась ужасная буря. Переждавъ ее, онъ снова собрался на островокъ,—и снова поднялась буря. Іоаннъ Васильевичъ собирался нѣсколько разъ, и постоянно, какъ только онъ «налаживалъ» поѣздку въ монастырь — поднималась ужасная буря. Грозный уже впоследствии и не пытался ѣздить на Каменный островъ, а только посылалъ дары монастырю.

Въ игуменство Кассіана (который ранѣе жилъ въ Кириллоблужерскомъ монастырѣ, еще при самомъ преп. Кириллѣ) принялъ монашескій чинъ благовѣрный князь Іосафъ, въ мѣрѣ—Андрей Дмитриевичъ, сынъ заозерскаго князя Дмитрія Васильевича Меньшого. Князь Андрей остался послѣ смерти отца груднымъ младенцемъ, а матери лишился въ отроческомъ возрастѣ. Юный Андрей и отъ природы всегда кроткій и молчаливый, осиротѣвъ сталъ еще болѣе задумчивъ и сдержанъ. Находя отраду и утѣшеніе только въ чтеніи священныхъ книгъ, онъ удалился общества и чувствовалъ отвращеніе къ мірской жизни. Несмотря на отговоры братьевъ, юноша отправился въ Спасокаменный монастырь, къ славившемуся строгою жизнью игумену Кассіану, и выразилъ желаніе постричься. Кассіанъ не сразу исполнилъ просьбу юноши. Но убѣдившись въ горячемъ желаніи его «служить Богу и ближнему и нести крестъ свой по слѣдамъ Господа», старецъ постригъ князя Андрея, назвавъ его Іосафомъ. Изъ Спасокаменской лѣтописи видно, что князь Андрей постриженъ двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ. Несмотря на столь ранній возрастъ, новый монахъ явился образцомъ для всей братіи. Проведя въ усиленныхъ подвигахъ пять лѣтъ, св. Іосафъ почилъ 10 сентября 1457 года. Его погребли въ деревянной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Скоро онъ прославился многими чудесами, и мощи его много лѣтъ были видимы для всѣхъ.

Монастырь нѣсколько разъ подвергался опустошительнымъ пожарамъ. Въ первый пожаръ, въ 1472 году, 3 сентября, выгорѣла вся обитель, пострадали и мощи св. Іосафа. Старецъ Мартиніанъ собралъ останки мощей, вложилъ ихъ въ ковчегъ и поставилъ подъ престолъ, а часть была задѣлана въ тринадцатый крестъ. Благода-

¹⁾ См. Ист. Росс. іер. IV ч., стр. 335 и слѣд.

ря усердію жителей и князей, монастырь скоро оправился отъ постигшаго его бѣдствія, и деревянныя постройки замѣнены каменными. Въ 1650 году, мощи были положены въ гробницу, а на нее возложенъ крестъ съ мощами же.

Черезъ 185 лѣтъ случился второй пожаръ. Въ архивѣ Вологодской консисторіи сохранилось документальное извѣстіе объ этомъ пожарѣ. Оно слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7166 (1657) г. декабря въ 23 день били челомъ великому господину преосвященному Маркеллу, архіепископу вологодскому и великопермскому, Всемилостиваго Спаса Каменнаго монастыря келарь старецъ Θεодосей съ братією: судьбами божіими и за умноженіе де многихъ грѣховъ монастырь Всемилостиваго Спаса выгорѣлъ и церкви божіи и Божія милосердія образы погорѣли, и церковныя помосты обвалились, и своды каменные на тѣхъ церквахъ порушились, и колокола разлились, и всякія монастырскія службы со всякимъ монастырскимъ строеніемъ безъ остатку згорѣли; а тотъ де Спасской монастырь стоитъ Кубенсково озера на острову и отъ того де каменнаго монастыря бревенной лѣсъ верстахъ въ сорокѣхъ и болши и того монастыря построить имъ стало нечѣмъ, что монастырская казна всякая до основанія погорѣла..... И мы, великій господинъ преосвященный Маркеллъ, ево келаря старца Θεодосея зъ братьею пожаловали велѣли збирать въ домъ Всемилостивому Спасу на церковное и монастырское строеніе на Вологдѣ и въ вологодцкомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ и уѣздахъ и по ярмангамъ и по торжкамъ вездѣ безпенно».

Черезъ 12 лѣтъ монастырь вновь оправился и пришелъ въ цвѣтущее состояніе, что видно изъ описи монастыря, сдѣланной по указу святѣйшаго синода. Въ монастырѣ были три каменныя церкви, и всѣ онѣ отличались полнымъ благоустройствомъ. Внутренность главнаго Спасопреображенскаго храма отличалась особымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ множествомъ иконъ. «Пределтарный иконостасъ этого храма пятиярусный, увѣнчанный рѣзными изображеніями херувимовъ и серафимовъ, весь снизу до верху блисталъ серебромъ и золотомъ. Въ этомъ иконостасѣ было до ста разной величины иконъ, и почти всѣ онѣ имѣли на себѣ золотыя оклады, а на нѣкоторыхъ вѣнцахъ и цаты были украшены цвѣтными камнями и жемчугомъ. Любопытною для нашего времени принадлежностію этого иконостаса были многочисленныя привѣски, или «приклады» къ нѣкоторымъ иконамъ, не только къ мѣстнымъ, но и находившимся въ третьемъ ярусѣ, состоявшіе частію въ серебряныхъ чеканныхъ, а болѣе въ рѣзанныхъ изъ чернаго дерева, изъ черной и бѣлой кости и разноцвѣтнаго камня малыхъ иконахъ, панакіяхъ, крестахъ, складняхъ и гривнахъ». На колокольнѣ было 10 колоколовъ, изъ которыхъ благовѣстный вѣсилъ 107 пудовъ. Между колокольней и ризницей въ каменной палаткѣ помѣщались

«часы боевые съ перечасьемъ». Ризница отличалась также богатствомъ. Въ «книгохранительной» палатѣ было 364 книги, изъ нихъ 66 печатныя, а прочія письменныя; изъ этихъ 6 на «харатѣ» (на пергаментѣ). Число братій простиралось до 93. Въ отчинахъ монастыря считалось: 7 сель, 4 сельца и 98 деревень, а въ нихъ 819 душъ обоого пола. Въ амбарахъ—масса хлѣба, въ конюшняхъ и хлѣвахъ 169 лошадей, 295 головъ крупнаго рогатаго и 316 мелкаго разнаго скота. Въ Вологдѣ монастырю принадлежали два подворья, а въ Тотъмѣ двѣ солянныя варницы. Монастырь пользовался многочисленными льготами, на примѣръ, имѣлъ право безпошлинной покупки разныхъ предметовъ на 200 р., а также право безпошлиннаго провоза, покупки и продажи 6.000 п. соли, и сверхъ сего ему предоставлялись льготы: «ставиться въ Москвѣ къ отвѣту въ три опредѣленные срока въ году, не платить пошлыны за конское пятно, не давать пошлынъ съ принадлежавшихъ монастырю въ Вологдѣ амбаровъ, лавокъ и съ посадскими людьми ни во что не тянуть».

Это было самое цвѣтущее время для Спасокаменнаго монастыря, который занималъ видное мѣсто въ средѣ монастырей на сѣверѣ. Такъ, въ Уложеніи Алексѣя Михайловича въ лѣтсвицѣ монастырскихъ настоятелей архимандритъ Спасокаменскій поставленъ 30-мъ, выше всѣхъ вологодскихъ настоятелей¹⁾.

Третій пожаръ въ 1774 году былъ самымъ тяжелымъ для монастыря въ томъ отношеніи, что послѣдовало его упраздненіе. Монахи переведены въ Вологду, въ Святодуховъ монастырь, куда перенесены церковная утварь и частицы мощей.

Двадцать шесть лѣтъ древнѣйшая обитель находилась въ полномъ запустѣніи. Ее возстановили, по ходатайству дворянства и купечества Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ, при Павлѣ I. Святѣйшій синодъ постановилъ: «Упраздненный Спасокаменный монастырь возстановить переведеніемъ въ него братіи и имущества и причисленіемъ къ нему угодій Заштатной Бѣлавинской Богоявленской пустыни, съ наименованіемъ онаго уже не прежнимъ своимъ именемъ, а Бѣлавинскою Спасопреображенскою пустынею».

Обитель начала устраиваться и подниматься. Провидѣнію было угодно, чтобы она вновь получила свое старое наименованіе, подъ которымъ долгіе годы являлась маякомъ православія въ сѣверномъ Заозерьѣ. Въ 1892 г., по ходатайству настоятеля пустыни и окрестныхъ жителей, святѣйшій синодъ разрѣшилъ перенесеніе мощей св. Иосафа въ обитель, гдѣ онъ провелъ свою иноческую жизнь, и вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніемъ монастырю возвращено его первоначальное названіе. Перенесеніе мощей совершено въ декабрѣ 1892 г. съ

¹⁾ Къ преимуществамъ Спасокаменнаго монастыря принадлежитъ существованіе въ немъ архимандритскаго настоятельства (съ половины XVI в.). См. соч. Н. Суворова.

чрезвычайною торжественностію. Жители мѣстностей, чрезъ которыя проходила священная процессія, стекались въ великомъ множествѣ, изъ-за десятковъ верстъ, несмотря на сильный морозъ и снѣжныя метели.

IX.

Значеніе Спасокаменнаго монастыря въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной глуши.—Монастырь, какъ мѣсто заключенія политическихъ ссыльныхъ.—Высокій узникъ.

Спасокаменный монастырь, имѣвшій большое религиозное значеніе въ жизни Сѣвера, игралъ и видную роль въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной Руси. Онъ являлся, по вѣрному выраженію А. Мерцалова, однимъ изъ первыхъ охранительныхъ пунктовъ земледѣлія въ краѣ. Многіе изъ бояръ и именитыхъ людей преимущественно въ Спасокаменномъ монастырѣ стали принимать постриженіе въ монашество и дѣлать земельные вклады на поминъ души. Вклады эти, особенно со стороны князей, были весьма значительны, и замѣчательно, что монастырю жаловались не деревни и села (преимущественно), а «земли» и пустоши, т. е. мѣста не населенныя. Изъ грамоты ярославскаго князя Данила Александровича 1497 года, писанной въ Новгородѣ, видно, что дѣдъ и отецъ его дали въ свое время Спасокаменному монастырю въ прилегающей къ нему мѣстности 58 «земель» и пустошей, но ни одной деревни, ни одного поселка не было дано, потому что князья дорожили сами населенными мѣстами. Перечисливъ земельные вклады отца и дѣда, князь Данила пишетъ отъ себя: «да что есмь—былъ велѣлъ тіуну Захару сажати своихъ крестьянъ на тѣ пустоши, которыя въ грамотахъ монастырскихъ не писаны, и Захаръ сажалъ на тѣ пустоши: на Дуданской пустоши—посадилъ жилца, на Чирковѣ посадилъ жилца, на Гешковѣ посадилъ жилца, на Галактіоновѣ—посадилъ жилца. И азъ тѣми починки пожаловалъ игумена съ братьею въ домъ Святому Спасу. (Лѣта 7005, мѣсяца авг. въ 9 день)»¹⁾. То-есть, замѣчаетъ Мерцаловъ, «даря монастырю тѣ земли, на которыхъ только что явились первые поселенцы, князь обращаетъ особое вниманіе монастырскаго начальства на это обстоятельство и намекаетъ, что онъ тѣ пустоши населялъ собственно для себя, и если уступаетъ ихъ монастырю, то въ видѣ особой милости. Отсюда можно заключить, что въ первые два вѣка своего существованія Спасокаменный монастырь получалъ въ даръ отъ князей, бояръ и именитыхъ людей преимущественно не населенныя земли и самъ долженъ былъ заботиться о привлеченіи на нихъ поселенцевъ».

¹⁾ Жалованная грамота князя Данилы Александровича Спасокаменному монастырю, на владѣніе данными дѣдомъ и отцемъ его землями и угодьями въ Закубенѣ, въ 1497 году.

Монастырю было удобно заселять свои пустоши, потому что привлекаемые разными льготами поселенцы охотно шли на монастырскія земли. Такимъ образомъ,—говоритъ Мерцаловъ,—подъ мирнымъ монастырскимъ кровомъ начали въ лѣсной пустынѣ населяться займища и пустоши, появились починки и поселки, возникла, хотя и первобытная, культура земли, а затѣмъ образовались села, деревни и цѣлыя вотчины. Заботясь о заселеніи пустопорожнихъ земель, монастырь успѣлъ въ сравнительно недолгій періодъ времени образовать на нихъ 80 деревень и большую запашку. При тогдашней малолюдности, особенно на сѣверѣ, это весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что въ теченіе періода 1500—1670 г. происходили безпокойства смутнаго времени, весьма губительно отразившіяся на земледѣльческомъ населеніи края.

Инокъ Спасокаменнаго монастыря Діонисій Глушицкій основалъ свой монастырь, въ 30 в. отъ Спасокаменнаго. Иноки Глушицкаго монастыря основали новыя обители: Лѣпотовъ монастырь и Семигородскую пустынь. Это было уже продолженіемъ колонизаціи, начатой Спасокаменнымъ монастыремъ. «Ихъ совокупная колонизаціонная дѣятельность имѣла очень важное значеніе для той обширной части Вологодской области, которая извѣстна въ актахъ XIV и XV вѣковъ подъ именемъ Кубенскаго Заозерья. Чтобы яснѣе представить эту важную сторону дѣятельности монастырей, должно имѣть въ виду, что почти всѣ земельные вклады, полученные ими въ теченіе XIV и XV столѣтій, состояли изъ земель и пустошей чуждыхъ культуры, а въ половинѣ XVII вѣка находимъ на тѣхъ же монастырскихъ земляхъ 12 селъ, 130 деревень, съ населеніемъ въ 1300 человекъ мужскаго пола, и площадь пахатной земли въ 8755 десятинъ». («Вологодская старина», Мерцалова, стр. 112).

Спасокаменный монастырь, какъ и другіе сѣверные монастыри, несъ еще особую службу, такъ сказать, политическую, являясь мѣстомъ заточенія для опальныхъ лицъ, для людей безпокойнаго протестующаго характера, не мирившихся съ тѣми или другими фактами, съ тѣми или другими реформами въ государственной и церковной жизни. Эту службу Спасокаменный монастырь несъ съ давняго времени: такъ виновникомъ пожара 1774 года былъ «сумасшедшій» узникъ. Въ одно время съ нимъ въ стѣнахъ монастыря томились еще и другіе ссыльные, переведенные послѣ ножара въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Конечно, эта «служба» принимала не желательный характеръ, когда не имѣла значенія исправленія, и въ излишество усердія «монахъ» превращался въ жестокаго тюремщика. Конечно, было бы лучше, если бы монастыри болѣе корректно относились къ этой своей службѣ и, принимая для «братскаго исправленія» грѣшника, не обращали своихъ стѣнъ въ темницы для людей невинныхъ, неугодныхъ лишь въ данную минуту сильнымъ и властнымъ сановникамъ и правительству.

Но для такой борьбы людей всегда мало, и часто подобная борьба не достигла бы цѣли. Можно было бы требовать отъ монастырскихъ властей болѣе гуманнаго отношенія, но и здѣсь часто центральная власть совершенно подавляла всякое доброе желаніе инока. Это видно прекрасно изъ многихъ примѣровъ. Я остановлюсь на одномъ, на ссылкѣ въ Спасокаменный монастырь вице-президента синода при Екатеринѣ I и Петрѣ II, архіепископа Георгія Дашкова.

Правая рука Меншикова, Георгій Дашковъ сумѣлъ сохранить свой высокій постъ и послѣ паденія временщика, но не сошелся съ синодскимъ сотоварищемъ Теофаномъ Прокоповичемъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Прокоповичъ приобрѣлъ въ правящихъ сферахъ большое вліяніе и сталъ искать случая уничтожить своего противника. Чтобы погубить Георгія Дашкова, знаменитый ораторъ, у котораго честолюбіе стояло выше христіанскаго долга, не задумался погубить и несчастнаго воронежскаго епископа Льва Юрлова. Тотъ не получилъ указа и потому не отслужилъ своевременно молебна о восшествіи на престолъ новой императрицы. Вицегубернаторъ сдѣлалъ доносъ въ синодъ. При докладѣ этого доноса въ синодѣ присутствовали Георгій Дашковъ, Игнатій Смола, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и оберъ-секретарь Тишинъ. Всѣ они, зная злобу вицегубернатора на епископа Льва, рѣшили: «подождать другихъ извѣстій о поступкѣ епископа». О такомъ рѣшеніи узналъ Прокоповичъ и поднялъ дѣло. Епископъ Левъ былъ лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ одинъ изъ архангельскихъ монастырей. Пострадали всѣ члены синода, но сильнѣе всѣхъ — Георгій, котораго, по лишеніи сана, сослали въ Спасокаменный монастырь. «Вологодскимъ епископомъ тогда былъ ученый грекъ Аѳанасій Кондоиди, — рассказываетъ Мерцаловъ, этюдомъ котораго я пользуюсь для своей передачи. — По натурѣ онъ былъ человекъ добрый и деликатный, зналъ объ интригѣ, погубившей Георгія, и не могъ внутренно считать себя солидарнымъ съ его врагами. Это ставило его въ затруднительное положеніе: съ одной стороны синодъ предписывалъ ему самый строгій надзоръ надъ ссыльнымъ, которому запрещались всякія сношенія съ міромъ, и въ монастырѣ онъ долженъ былъ находиться постоянно подъ стражей; съ другой — преосвященный Аѳанасій не могъ не чувствовать состраданія къ судьбѣ знаменитаго ссыльнаго, жестоко и безвинно наказаннаго врагами. Синодъ заподозрѣлъ его въ благоволеніи къ изгнаннику и цѣлымъ рядомъ указовъ напоминалъ о неослабномъ надзорѣ».

Георгій принялъ схиму. Къ нему были приставлены караульные: отставной лейбъ-гвардіи сержантъ съ жившими въ монастырѣ на пропитаніи солдатами. Теофанъ, узнавъ о «послабленіяхъ», послалъ синодскаго оберъ-секретаря Дудина, которому официально было дано одно порученіе, а секретно другое. Дудинъ узналъ: 1) что

братъ Дашкова, казанскій вице-губернаторъ, и сестры присылали Дашкову съѣстные припасы, что онъ покупалъ свѣжую рыбу; 2) что Дашковъ ходитъ не въ схимѣ и благословляетъ. Вслѣдствіе этого донесенія изъ Петербурга былъ присланъ новый караулъ, и наряжено официальное слѣдствіе, открывшее: 1) что Дашковъ свободно гулялъ по монастырю и кельямъ; 2) что вслѣдствіе послабленій имѣлись въ то время къ Дашкову отъ разныхъ персонъ нѣкоторыя присылки съ людьми, которые и были къ нему допускаемы. Выяснено, что къ нему былъ доступъ вообще постороннимъ лицамъ, прїѣзжали къ нему купцы и приносили ему гостинцы. По докладѣ дѣла, въ мартѣ 1733 года изъ кабинета министровъ послѣдовало рѣшеніе: Аѳанасію, епископу вологодскому сдѣлать выговоръ въ присутствіи синода и подтвердить, чтобы онъ впредь «отъ того Гедеона караульныхъ отнюдь никуда не отлучалъ и къ оному Гедеону монахамъ и другимъ постороннимъ, также и тому Гедеону къ монахамъ и другимъ ходить запретилъ и нигдѣ съ тутопными монахами и съ другими ни съ кѣмъ до разговоровъ того Гедеона допускать не велѣлъ».

Епископу Аѳанасію поневолѣ приходилось исполнять обязанности тюремнаго начальника, чтобы не подвергнуться и самому участи Дашкова или Льва Юрлова.

Дашковъ прожилъ въ Спасокаменномъ монастырѣ пять лѣтъ, и въ 1735 году переведенъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь.

Все это очень характерно не только для оцѣнки нравственной личности Теофана Прокоповича, но и для пониманія того времени, а также и для сужденія о «тяжелой и нежелательной» службѣ сѣверныхъ монастырей.

Х.

Гостиница и «образная». — Молебень. — Довѣріе монастыря. — Уходъ «Кубины». — Прогулка по озеру. — Спасательная станція. — Камень въ 500 пудовъ вѣсомъ.

Когда пароходъ причалилъ къ пристани и брошенные канаты были укрѣплены, положили сходни. Пассажиры, толкая другъ друга, спѣшили сойти на берегъ.

Влѣво отъ пристани — церковь и корпусъ келій, вправо — гостиница и спасательная станція.

Мы поднялись по узенькой и довольно крутой деревянной лѣсенкѣ и вошли въ гостинный домъ. Дверь въ большую и свѣтлую комнату была открыта. По одной стѣнѣ въ рядъ стояли иконы, какъ въ часовнѣ, а по другой (задней) — разставлена буковая мебель, съ диваномъ и большимъ столомъ, покрытымъ скатертью.

— Это часовня? — спросилъ я кого-то.

— Какъ бы... «образная», стало быть.

Явился священникъ (іеромонахъ) съ дьякономъ, отбывающимъ

въ монастырѣ наказаніе, по приговору духовной власти,—и начался молебенъ. Послушникъ принесъ блюдо со свѣчами и поставилъ на столъ. Народъ подходилъ, самъ бралъ свѣчи и клалъ деньги.

— А если положить меньше?—замѣтилъ я потомъ послушнику.

— Стало быть, нѣтъ больше, — отвѣтилъ онъ: — нарочно никто не возьметъ, вѣдь это бы значило красть у святого. Кто же будетъ ставить свѣчу да обманомъ? А если бы и нашелся кто—его грѣхъ.

— Другой ничего не положитъ, а только возьметъ... Всякіе есть люди.

— Суди его Богъ да Преподобный, если онъ за наше довѣріе обманомъ отплатитъ.

Молебенъ отслужили быстро. Всѣ эти молебны на пристаняхъ, какъ, напримѣръ, и на Волгѣ, у Толгскаго монастыря, во время остановокъ парашоудовъ, служатся необычайно быстро: скороговоркой все читается и поется. Говорятъ, это «по необходимости»; но впечатлѣніе получается нежелательное, ибо всякое «служеніе на почтовыхъ» лишено должнаго благоговѣнія. Впрочемъ, вообще надо сказать, наши послушники по большей части поютъ безъ всякаго чувства, словно отмахиваютъ уроки. Пѣніе въ женскихъ монастыряхъ въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше.

По окончаніи молебна, публика, вѣхавшая въ Устье, возвратилась на парашодъ, а мы всѣ, прибывшіе на островъ, пошли провозжать своихъ спутниковъ.

— Досвиданья! Дозавтра! — крикнулъ мнѣ адвокатъ, стоя уже на палубѣ, у борта.

— Счастливаго пути! Не забудьте насъ здѣсь! — отвѣтилъ я шутливо.

— А знаете: вѣдь можетъ случиться, что мы васъ и не возьмемъ завтра.

— Это почему?

— Если сильное волненіе поднимется.

— Ну, такъ что же?

— Не подойти... Тогда до пятницы... Да вы не будете въ накладѣ... У отца Павла хорошо, не соскучитесь... Кланяйтесь ему; онъ, вѣрно, уже въ церкви у всенощной.

— Его совѣмъ нѣтъ дома, — отвѣтилъ какой-то молодой человекъ, стоявшій позади меня.

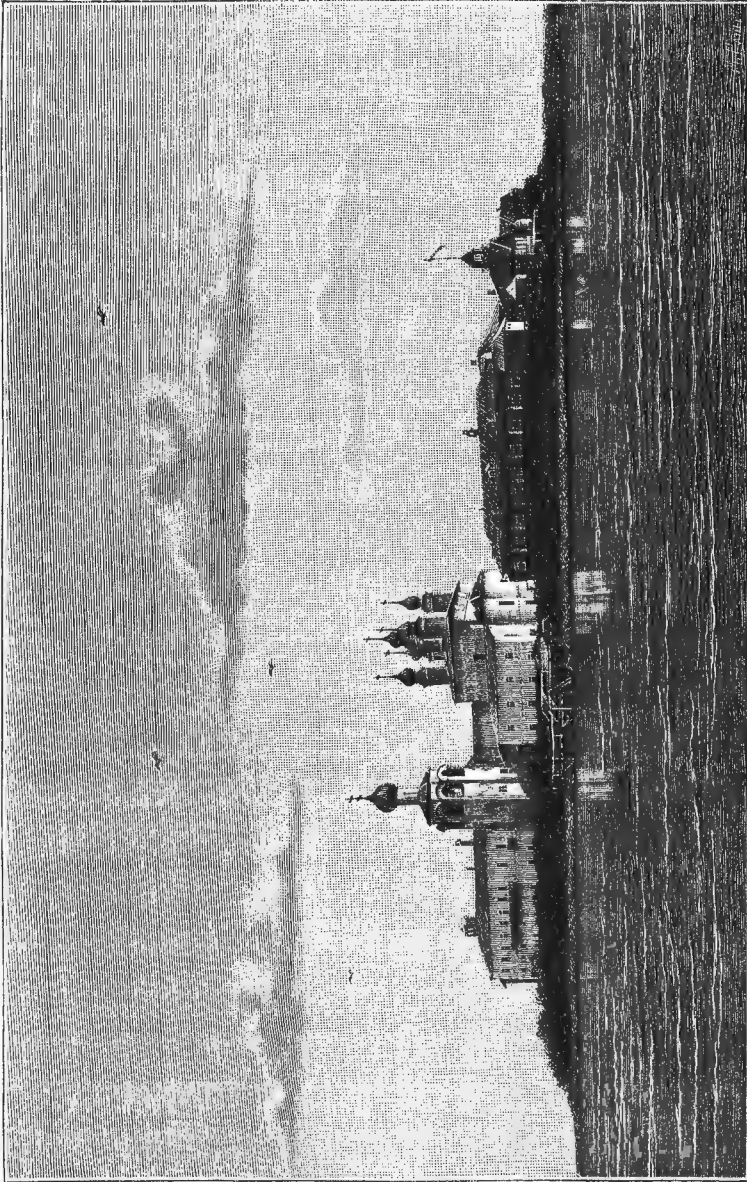
— Какъ нѣтъ?—промолвилъ я, быстро оборачиваясь... А мнѣ его надо видѣть!

— Онъ, говорятъ, скоро вернется... Ждутъ съ часа на часъ...

— Гдѣ же онъ?

— Да поѣхалъ на лодкѣ, въ Куштскій монастырь... Думали, что къ службѣ вернется... но запоздалъ...

Раздался свистокъ. Сходни убрали. Заработала машина, завертѣлись колеса, поднимая водяную пѣну, и парашодъ сталъ отчаливать.

Общій видъ Сасокаменнаго монастыря.

Мы обмѣнялись еще разъ поклонами съ отбѣзжающими. На Волгѣ священникъ осѣняетъ отходящій пароходъ крестомъ. Это производитъ умиленное впечатлѣніе и дѣйствуетъ на сердце. Очень жаль, что этого напутствія не дѣлается на Каменномъ островѣ.

— А вы къ отцу Павлу?—обратился ко мнѣ молодой человекъ, сообщившій о томъ, что настоятеля нѣтъ дома.

— Не собственно къ нему, но хочу повидать и его. Да и неудобно, осматривая обитель, не зайти къ ея настоятелю. А вы его хорошо знаете?

— Да. Я работалъ здѣсь.

— Что же именно?

— Я иконописецъ. У меня мастерская въ Вологдѣ.

Онъ назвалъ свою фамилію. По фамиліи я зналъ уже молодого человека, какъ добросовѣстнаго исполнителя заказовъ.

— Пройдемтесь по острову,—предложилъ я.

— Хорошо-съ... Да онъ такъ малъ, что обойти его въ нѣсколько минутъ можно. Шестьдесятъ въ длину и тридцать сажень въ ширину. Въ окружности сажень 200.

— Какого онъ происхожденія?

— Несомнѣнно, наноснаго. Онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ камней разной величины. Ничѣмъ не связанные камни оползаютъ и подмываются водой.

— Значить, онъ будетъ все уменьшаться?

— И уменьшается... Нужно бы позаботиться на этотъ счетъ..

— Что же сдѣлать?

— Да во время обмелѣнія связать камень съ камнемъ желѣзными скрѣпами, съ основанія до верха, а потомъ все залить цементомъ...

— Гдѣ же здѣсь скотъ? Я не вижу что-то.

— Да здѣсь лѣтомъ не держатъ ни лошадей, ни коровъ. Молоко привозятъ въ лодкахъ изъ-за восьми верстъ.

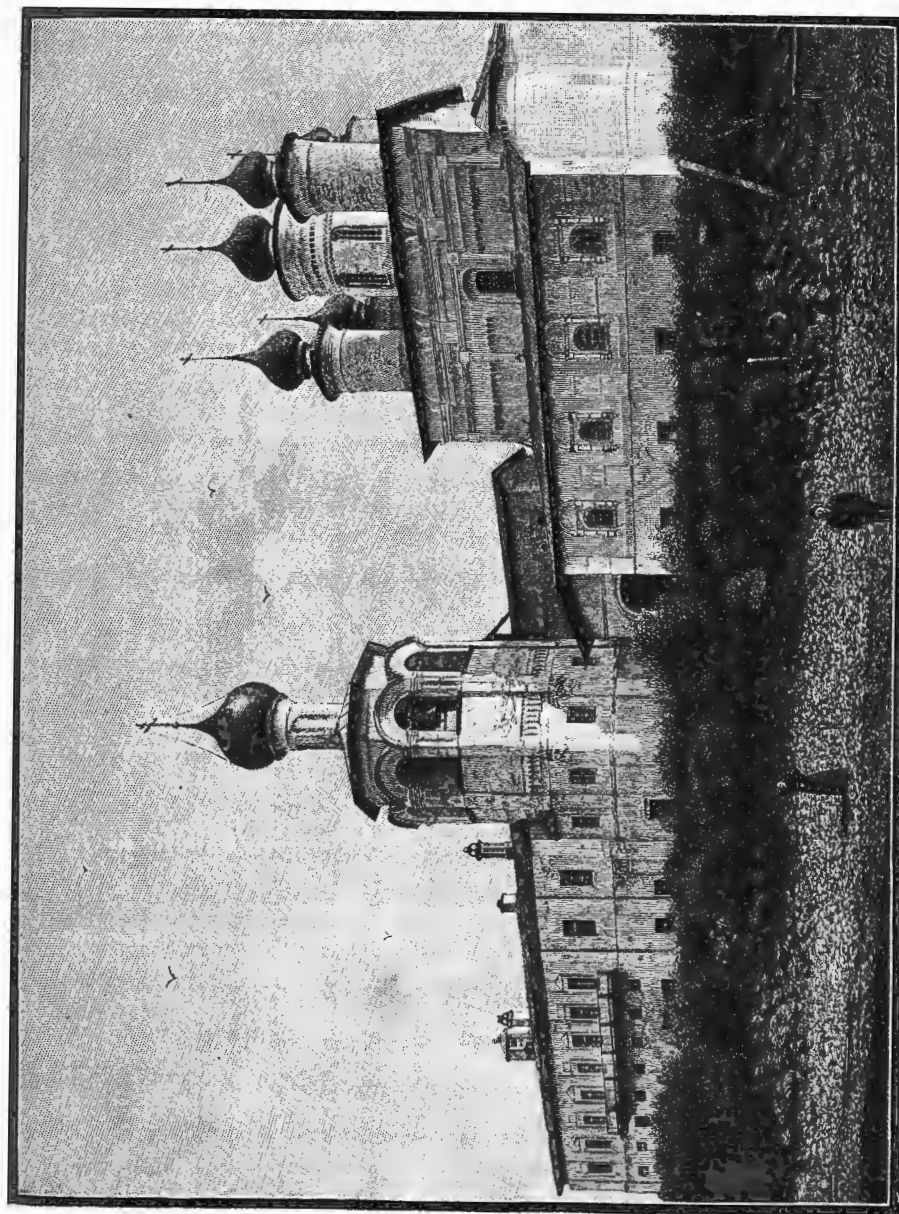
— Откуда же?

— Изъ Куштскаго монастыря. Здѣсь нѣтъ пастбища.

Построекъ на островѣ немного. Храмы зимній и лѣтній, игуменскій корпусъ вмѣстѣ съ братскими келіями — одно зданіе. Затѣмъ: новая каменная гостиница, двухъэтажный деревянный домикъ, въ которомъ прежде останавливались богомольцы, а теперь живутъ рабочіе, и спасательная станція. Изъ хозяйственныхъ построекъ — сарай, хлѣвъ и конюшня — всѣ деревянные, изъ горбылей ¹⁾.

— Постоянная починка, замѣтилъ иконописецъ.

¹⁾ Въ настоящее время дѣлается пристройка къ братскимъ келіямъ; пристройка — деревянная. Она заслонена отъ берега каменнымъ фасадомъ старыхъ келій, и я не замѣтилъ сразу.

Храмъ и настоятельскій корпусъ въ Спасокаменномъ монастырѣ.

— Отчего?

— Льдомъ весною спираетъ ихъ съ мѣста зачастую, а то и разрушаетъ совсѣмъ. Пойдемте, я покажу вамъ камень. Онъ вѣситъ 500 пудовъ, и его водой нанесло на крышу келій во время ледохода.

За сараями, вблизи храма, врытъ въ землю громадный камень, на поверхности котораго написано, что онъ былъ нанесенъ льдомъ въ 1836 году на крышу братскаго корпуса.

— Напоромъ льда вытѣснило изъ воды?.. Значить вода поднимается высоко?

— До самыхъ оконъ зачастую... Бывали случаи, и окна всѣ перебьютъ льдины... А въ томъ году особенное было наводненіе... Комнаты въ ледникъ обратились... такъ набило льду черезъ окна.

Спасательная станція на самомъ мысу. На ней живетъ караульный матросъ-иннокъ. Станція работаетъ исправно. Въ это лѣто она также сдѣлала доброе дѣло. Американскій (квадратный желѣзный съ воздушными ящиками) плотъ измѣрялъ глубину озера, попалъ въ бурю на камень и затонулъ въ 5-ти верстахъ отъ монастыря. Трое матросовъ около пяти часовъ стояли у мачты на рубкѣ въ водѣ выше пояса. Несчастныхъ увидѣли со спасательной станціи и послали имъ лодку. Большую борьбу съ волнами вынесли спасающіе, но достигли цѣли, сняли погибавшихъ съ плота. Двое изъ нихъ лишились чувствъ, а третій потерялъ способность говорить. Иннокы-матросы сняли съ несчастныхъ мокрое платье и уже въ сухой одеждѣ доставили ихъ въ обитель. Всѣ трое оправались, благодаря заботливому уходу братіи. Плотъ пришлось поднимать воротами.

Мы подошли къ самому краю острова. Съ него прекрасный видъ на берега озера, усѣянные многочисленными селеніями, между которыми бѣлѣютъ каменные церкви, виднѣется монастырь.

Зазвонили на монастырской колокольнѣ.

— Пора и въ храмъ зайти,— сказалъ иконописецъ... Пожалуй, это къ евангелію!

Мы отправились ко всенощной.

Служба происходила въ лѣтнемъ храмѣ, въ который ведетъ пологая, широкая лѣстница.

XI.

За всенощной въ холодной церкви. — Чтеніе и иѣніе. — Въ новой гостиницѣ. — Приглашеніе къ настоятелю. — О. Павелъ и его покон. — Разговоры за чаемъ. — Братскій корпусъ и московскіе иноки въ Спасокаменномъ монастырѣ. — Каменный островъ прежде. — Банный островъ. — Приписанные монастыри. — Составъ монастыря и его матеріальное положеніе.

Церковь-небольшая, похожая на обыкновенную сельскую церковь, но чистенькая, свѣтлая и производитъ пріятное впечатлѣніе.

Я подошелъ къ свѣчному ящику, за которымъ стоялъ благообразный сѣдой монахъ, уже сторбленный, съ доброй улыбкой, очень вѣжливый въ обращеніи.

— Вамъ свѣчечекъ угодно?

— Да, пожалуйста.

Онъ подаль свѣчи. Я попросилъ его поставить. Онъ низко поклонился, промолвилъ: «хорошо-съ», и медленной поступью направился къ иконостасу.

Скоро началось чтеніе евангелія, которое и вынесли на средину для прикладыванія богомольцамъ. Въ числѣ другихъ подошли и мы.

Иеромонахъ—маленькаго роста, съ походкой человѣка, у котораго болятъ ноги. Типъ обыкновеннаго иеромонаха или сельскаго «попа», безъ тѣхъ «пріемовъ», которыми щеголяютъ иные городскіе и особенно столичныя священники. Но потому, какъ онъ молился, видно было, что все дѣлалось отъ сердечнаго усердія.

Пѣніе партесное и недурное; очень хорошъ дискантъ, только онъ перекрикивалъ — дурная привычка многихъ пѣвчихъ, лишенныхъ опытнаго и понимающаго дѣла руководителя. Лѣвый клиросъ слабъ, а чтеніе старика, сбившаго совсѣмъ языкъ, было крайне непріятно. У дьякона голосъ зычный, но произношеніе неясное, чѣмъ отличается большинство дьяконовъ, ошибочно думающихъ, что важень не смыслъ эктений, не слова, а только умѣніе произносить ихъ громко, «гудисто», по выраженію богомолки. Они гудятъ, нерѣдко натуживаются, и отъ этого еще менѣе понятно то, что они говорятъ. Къ сожалѣнію, на этотъ недостатокъ у насъ мало обращается вниманія даже въ соборахъ, гдѣ контроль архіерея всегда на лицо. Непріятно дѣйствуетъ и то, что діаконъ начинаетъ дальнѣйшее прошеніе эктении, когда пѣвчіе еще не кончили, вслѣдствіе чего начало прошенія пропадаетъ для богомольцевъ.

Стѣны храма толщиною почти въ двѣ сажени, все-таки во время ледохода бываетъ столь сильное сотрясеніе, что колеблется паникадило. Одна изъ балокъ, стягивающихъ куполъ и стѣны, сильно погнулась. Въ храмѣ ощущается сырость; на стѣнахъ видны пятна. Храмъ не блещетъ позолотой и украшеніями. Внутри все скромно. Можно отмѣтить только надъ царскими вратами рельефныя фигуры Воскресенія, выше Вознесенія Господня, да головки херувимовъ надъ сѣверными и южными дверями. Живопись отчасти распространяется на стѣны и заканчивается въ куполѣ изображеніемъ Иисуса Христа.

— Вотъ тоже постоянный ремонтъ,—сказалъ иконописецъ, указывая на куполъ.

— Отъ сырости портится?

— Нѣтъ, а мухи набираются въ куполъ и залѣпляютъ ликъ.

Холодная церковь—во имя Преображенія Господня. Это самое древнее каменное зданіе въ монастырѣ. Церковный корпусъ построенъ, по словамъ Суворова, въ 1481 году, княземъ Андреемъ, сыномъ Василия Темнаго. Главный корпусъ храма выведенъ высокою двухъ-этажною четверугольною башнею, въ 8 сажень вышины. Съ на-

ружныхъ сторонъ стѣнъ идутъ по 4 пилястры, оканчивающіяся вверху глухими арками, по 3 на каждомъ фасѣ. Пять высокихъ круглыхъ трибуновъ (средній изъ нихъ съ 8-ю узкими длинными окнами, прочіе глухіе) съ византійскими на нихъ главами вѣнчаютъ зданіе; главы и кресты обиты бѣлымъ желѣзомъ. Наружныя стѣны не имѣютъ украшеній, кромѣ высѣченныхъ въ глубь крестовъ въ карнизахъ. Не безъ сожалѣнія должно сказать, прибавляетъ знатокъ церковной археологіи, покойный Суворовъ, что множество оставшихся отъ глубокой древности на наружныхъ стѣнахъ храма рельефныхъ украшеній, весьма вычурныхъ и красивыхъ, уничтожено настоятелями недавняго времени.

Живопись въ храмѣ (въ которомъ два придѣла, кромѣ главнаго престола: одинъ во имя Вологодскихъ Чудотворцевъ, другой во имя Собора Іоанна Предтечи) новая, не представляющая ничего замѣчательнаго.

Мы не достояли всеюночной и отправились въ гостиницу; я хотѣлъ осмотрѣть нижній этажъ храма, но онъ оказался запертымъ.

— А я уже и самоваръ нагрѣлъ для васъ, — сказалъ о. гостиникъ, встрѣчая насъ въ сѣняхъ.

— Куда же идти?

— Да вотъ въ эту комнату и пожалуйте... въ большую-то.

— Какъ? Да здѣсь же «образная»?

— Такъ что же? Развѣ въ квартирахъ нѣтъ образовъ?

— Конечно... Но все же какъ-то неловко пить и ѣсть... въ часовнѣ. А гдѣ же спать будемъ?

— И спать тутъ же... на диванѣ я сдѣлаю постель... отлично выспитесь!

Подали самоваръ, прекрасный бѣлый хлѣбъ и кувшинъ густого молока.

Я былъ въ затрудненіи и никакъ не могъ помириться съ необходимостью спать въ «часовнѣ» или все равно въ «образной».

— Да здѣсь и холодно будетъ, — сказалъ я: — видите, какъ ходитъ вѣтеръ...

— Пожалуй, и то правда, — согласился художникъ. — Какъ же быть? Явившійся послушникъ разрѣшилъ наше недоумѣнье.

— О. настоятель проситъ васъ къ себѣ, — произнесъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Уже вернулся?

— Да, онъ усталъ и проситъ извинить, что не можетъ самъ посѣтить васъ.

— Поблагодарите отца игумена; мы сейчасъ придемъ къ нему.

На порогѣ большой комнаты, въ три окна, встрѣтилъ насъ сухощавый челоуѣкъ средняго роста, лѣтъ 50 слишкомъ, но еще прямой, бодрый, одѣтый въ подрясникъ темнаго цвѣта.

Это былъ игуменъ, о. Павелъ (Поповъ).

Блѣдное, худое лицо, рыжеватые волосы, небольшая сѣдѣющая борода, голубые, добрые глаза — вотъ дополнительные черты его портрета.

— Милости прошу! Я усталъ съ поѣздки немного, — произнесъ игумень пріятнымъ низкимъ баритономъ.

Мы приняли благословеніе и прошли въ комнату.

Коротенькое curriculum vitae настоятеля.

Онъ — сынъ причетника Кичменской Благовѣщенской церкви, Никольскаго уѣзда; учился въ духовномъ училищѣ и молодымъ поступилъ въ Семигородную Пустынь, гдѣ и принялъ монашество, посвященный потомъ въ санъ іеромонаха. Переведенный отсюда въ Прилуцкій монастырь (въ 5-ти верстахъ отъ Вологды), онъ проходилъ различныя должности, два раза стоялъ во главѣ управленія монастыремъ и, возведенный въ игумены, въ 1885 году сдѣланъ настоятелемъ древнѣйшей обители на Кубенскомъ озерѣ. О. Павлу принадлежитъ инициатива въ дѣлѣ перенесенія мощей изъ Вологды и переименованія обители изъ пустыни въ Спасокаменный монастырь.

Квартира игумена состоитъ изъ трехъ комнатъ: пріемной или залы, гостиной, столовой, отъ которой отгороженъ маленькій кабинетикъ, гдѣ и спитъ о. Павелъ. Самая большая комната пріемная. Она въ три окна, выходитъ на озеро, плескъ котораго ясно доносится въ комнату черезъ закрытыя окна. Небольшая дверь ведетъ на балконъ. Меблировка скромная: три неважныхъ диванчика, четыре жесткихъ кресла, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, три или четыре стола и два зеркальца. Въ переднемъ углу — масса образовъ въ кіотѣ, и передъ ними аналой. На угольномъ столикѣ — священныя книги. Стѣны увѣшаны портретами и фотографіями лицъ царской фамиліи, разныхъ знаменитыхъ іерарховъ и духовныхъ особъ — знакомыхъ настоятеля.

— Позвольте чайкомъ угостить, — предложилъ о. Павелъ.

Мы благодарили и не отказались, такъ какъ въ гостиницѣ успѣли выпить только по одному стакану.

— А у васъ тамъ холодновато, о. Павелъ, — сказалъ я, когда онъ спросилъ о гостиницѣ.

— Да, комната большая... еще не все устроено... А вы ночуйте здѣсь... и теплѣе и удобнѣе...

Я отъ души былъ радъ этому любезному предложенію.

— Въ первый разъ вы здѣсь? — обратился ко мнѣ игумень.

— Въ первый.

— Какъ же понравилось? или еще не успѣли осмотрѣть?

— Кое-что осмотрѣлъ уже... видѣлъ камень громадный... Однако, и ледоходъ же былъ тогда!

— Да, изрядный... Этакій камень на крышу нанесло... А впрочемъ что же: каждую зиму льдомъ насъ окружаетъ... такія ледяныя

горы настроить озеро, словно въ крѣпости мы... Отъ всего Божьяго міра отрѣзаны.

— И надолго?

— Да когда какъ... недѣли на двѣ по крайности. Того и гляди, что и въ окна вломятся льдины... Тогда-то совсѣмъ въ ледникъ комнаты обратились... Окна всѣ перебили... Да какъ почнетъ ледъ ломать—такъ и ждешь бѣды!..

Послупникъ принесъ на подносѣ стаканы съ чаемъ, лотокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и вазочку съ вареньемъ.

— Прошу покорно!

Проходя къ столу, я невольно остановился у окна, въ которое виднѣлась узкая береговая полоска, отдѣляющая зданіе келій отъ воды. За полоской—озеро; оно теперь пѣнилось и гудѣло.

— Не раздражаетъ вамъ нервы этотъ гулъ? — спросилъ я у о. Павла.

— Мы привыкли... Да это что... Вотъ осенью... нѣпогодъ, постоянныя бури... дождь, ненастье... Холодно и непривѣтно...

— И скучно.

— Ну, мы скуки не знаемъ... Какая же скука монаху?..

— Признаюсь, я не могъ бы долго выжить здѣсь осенью,—сказалъ я.

О. Павелъ добродушно улыбнулся.

— Да, нужна привычка и охота,—произнесъ онъ.

— И всегда путешествіе на лодкахъ... это тоже прискучить.

— Зимой ѣдимъ на лошадахъ...

— Только зимой!

— Не только... Тутъ есть песчаная коса... Она идетъ отъ нашего острова къ Банному, поросшему ракишникомъ... онъ тянется до берега, въ видѣ луга съ осокою... какъ пересыхаетъ, въ мелководье можно по немъ до берега дойти...

— А вы не боитесь, что островъ вапъ когданибудь совсѣмъ смоесть вода?

— Ну, когда еще!..

— Вѣдь онъ уменьшается?

— По всей видимости... Прежде островъ былъ больше... Отъ напора льдовъ и весенней воды часть его стирается... Какъ горы, льдины-то идутъ... силища какая!.. Вы посмотрите, что за толщина стѣнъ у этого корпуса... а вѣдь сотрясаются отъ льда.....

— Это старинный корпусъ, о. Павелъ?

— Да верхъ-то не особенно старинный, съ французскаго нашествія... Тутъ въ монастырѣ въ 1812 году московскіе монахи укрывались... Нѣсколько лѣтъ жили... года три, четыре никакъ... Они и надстроили верхъ-то... Раньше онъ былъ одноэтажный... Выстроили верхъ и подвели подъ одну крышу съ теплой церковью.....

— А кто же теперь живетъ внизу?

— Подо мной—кельи, а въ самомъ низу трапеза, кухня и кладовыя... И вверху живутъ нѣкоторые.... А послушники внизу...

— Сколько всей братіи?

— Немного. Іеромонаховъ всего два. Теперь даже одинъ, потому что другой ушелъ за сборомъ. Дьяконъ мірской, на послушанье присланъ. Ну, одинъ монахъ мантийный, одинъ рясофорный... Свѣчи продаетъ онъ... А послушниковъ десять. Да они гости у насъ:

Настоятель Спасокаменнаго монастыря, игумень о. Павелъ.

хотять—живуть, хотять—уходять... Держать не можемъ... Уговариваемъ... не послушается, власти держать не дано...

— А часто переходять?

— Часто. Народъ вездѣ избаловался... Не любитъ труда, строгости... чуть что—и прощай!.. Не лучше прислуги нонче... Хлопотъ съ ними масса... Умѣнье надо держать въ порядкѣ... Испивать любить другіе... На монастырь смотрять не какъ слѣдуетъ... Всякіе бывають... Одинъ вотъ такой безобразникъ вышелъ, да и началъ по деревнямъ за іеромонаха молебны служить, собирать на обитель.

— И что же?

— Схватили...

— И нареканіе на монастырь?

— А какъ же!.. Все больше отъ послушниковъ идетъ это... народъ неустойчивый... Конечно, и монахи всякіе, но этому ужъ нѣтъ воли, да и все же онъ больше бережется... борется съ собою... а тамъ—все тринъ-трава!..

— Мнѣ очень свѣчникъ вашъ понравился.

— Хорошій человекъ. Онъ изъ сапожниковъ. Имѣлъ свою мастерскую въ Петербургѣ, все передалъ женѣ-старухѣ и ушелъ спастись... Этотъ по влеченію... весь преданъ дѣлу... его для поощренія въ рясофорные посвятили. Если бы всё-то такъ держали себя—благодаря!..

— А доходы у монастыря не велики?—полюбопытствовалъ я.

— Очень. Капиталы въ банкѣ не большіе: графиня Орлова-Чесменская положила 5.000 рублей, вотъ и самый крупный вкладъ, а то пустяки... Велики ли проценты?

— А другіе доходы?

— Да какіе же? За земли немножко, рыбная ловля почти ничего не даетъ... ну, за мельницу—рублей сто... Вотъ и доходы... Всего тысяча съ небольшимъ.

— Гдѣ же мельница?

— Да въ Кадниковскомъ уѣздѣ... Раньше Куштскому монастырю принадлежала.

— Это одинъ изъ приписанныхъ монастырей?

— Да, ихъ два: Бѣлавинская пустынь и Александро-Куштскій монастырь...

— А вѣдь у васъ, кажется, былъ здѣсь великій князь Алексѣй Александровичъ?—припомнилъ художникъ.

— Былъ... только это давно, въ 1870 году, когда ѣздилъ въ Архангельскъ.

— И долго ли?—спросилъ я.

— Всего около часу... Осмотрѣлъ, прослушалъ молебенъ, приложился къ ракъ преподобнаго Іоасафа, пожертвовалъ сто рублей и отбылъ.

— Да вѣдь тогда здѣсь мощей не было?—замѣтилъ я.

— А рака-то стояла, въ память пребыванія мощей, и на ней икона Угодника...

О. Павелъ вышелъ изъ комнаты, а меня художникъ повелъ разсматривать портреты, висѣвшіе на стѣнахъ. Изъ портретовъ обращаютъ на себя вниманіе особенное слѣдующіе: Фотія Юрьевского, святителей Пимена и Антонія (мѣстныхъ святыхъ). Лица обоихъ послѣднихъ дышатъ чистотою, а взглядъ глазъ такой ясный, какой бываетъ только у настоящихъ праведниковъ и подвижниковъ. Надъ диваномъ олеографія—о. Іоанна Кронштадтскаго, и фотографія не-

давно бывшаго архіерея Антонія, нынѣ ростовскаго, и настоящаго вологодскаго епископа—Алексія.

Вернулся о. Павелъ, за которымъ послушники несли приборы для ужина. Мы стали отказываться.

— Нѣтъ, надо закусить, а то вы будете голодны,—настаивалъ хлѣбосольный хозяинъ.

На ужинъ была подана прежде всего соленая щука превосходнаго вкуса, затѣмъ уха изъ судака и жареный лещъ. Все приготовлено прекрасно.

— Это своя рыба?—спросилъ я.

— Да, своя, потому что куплена,—съ улыбкой отвѣтилъ игуменъ.

— Покупаете? Отчего же не ловите сами?

— Неудобно. Пробовалъ, только грѣхъ одинъ: то сгноять сѣти, то изорвать ихъ... Вольный народъ—послушники. Говорю, что съ ними ничего не подѣлаете, они, какъ въ древней Руси холопы, переходятъ изъ мѣста въ мѣсто... Тогда хоть надо было ждать Юрьева дня, да уговоры были, а тутъ нѣтъ ничего, полная свобода. Рабочихъ штрафуютъ хозяева, а здѣсь и штрафъ не мыслимъ. Въ женскихъ монастыряхъ куда легче: бѣлицы иначе относятся къ дѣлу... Женщины лучше!

Послѣ ужина мы еще поговорили немного и разошлись по комнатамъ. О. Павелъ съ иконописцемъ удалились въ кабинетъ, а я остался въ пріемной, гдѣ на диванѣ мнѣ сдѣлали постель.

Спать еще не хотѣлось, нервы были приподняты... Озеро волновалось, вѣтеръ крѣпчалъ... Я подошелъ къ окну и долго любовался на бѣлые гребни волнъ, вздымавшихся на озерѣ. Я чувствовалъ себя какъ бы на большомъ пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ. Ночь свѣжая. Вдали бѣлѣли церкви. Маленькій пароходикъ буксировалъ двѣ барки. Онь, какъ говорится, «натужился», изъ всѣхъ силъ борясь съ волненіемъ и вѣтромъ, медленно подвигаясь впередъ. Мысли мои унеслись далеко, къ старинѣ, когда на островѣ жили первые подвижники... Это далекое прошлое, сквозь поэтическую призму священныхъ преданій, казалось заманчивымъ и влекло къ себѣ воображеніе и чувство. И бѣлая сѣверная ночь, когда одна заря сходитъ съ другою, и этотъ гулъ валовъ раскинувагося озера, и рѣдкій бой часовъ на колокольнѣ, и обстановка комнаты (портреты іерарховъ, божница, аналой) и тишина, царившая въ обители,—все неволью направляло мысль въ извѣстную сторону, вызывало въ памяти все прочитанное и слышанное о первыхъ христіанскихъ аборигенахъ глухого края и рисовало ихъ пустынную иноческую жизнь въ заманчивомъ свѣтѣ. Сердцу хотѣлось уединенія и сладости подвига... Но все осмѣивающій умъ и тутъ постарался отравить мои мечтанія... «Ты хочешь подвига?... а развѣ?.. И заманчивыя картины иной жизни опять возстали передо мной. Откажешься ли отъ всего этого? Сможешь ли? И я съ болью чувствовалъ, что не смогу,

что безсиленъ отказаться и отъ удобствъ и наслажденій, которыя стали уже синонимомъ жизни для меня... Не только подвиги далекихъ пустынниковъ—не по силамъ, а и эта жизнь современныхъ иноковъ, которыхъ всѣ такъ любятъ обвинять,—тяжела и невыносима мнѣ... Въ ней много отраднанаго... душа понимаетъ это... но... понимать и жить—не одно и то же. Развѣ потомъ, въ послѣдствіи, но не теперь! И это сознавалъ, и величавые образы древнихъ подвижниковъ за вѣру Христову проходили предо мною, исполненные духовной красоты, и я мысленно съ благоговѣніемъ склонялся передъ ними.

Я вспомнилъ рассказы о Маркѣ и Александрѣ Куштскомъ—основателяхъ обителей, которыя когда-то существовали самостоятельно, а теперь причислены къ Спасокаменному монастырю... Обитель послѣдняго видна съ острова... Да, это—совсѣмъ иные люди. Ихъ не влекла шумная жизнь, ихъ душа жаждала тиши чаши лѣсной, безмолвія дебри... Маркъ жилъ въ Вологдѣ, въ Ильинскомъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ). Но инока манила пустыня. И вотъ онъ умоляетъ епископа Варлаама: «есть, государь, въ Вологоцкомъ уѣздѣ въ Заднемъ селѣ Бѣлавинское озеро, и на томъ озерѣ островъ. Умилосердися, государь, пожалуй меня, нищеву царского богомольца и своево святительсково, и благослови на томъ острову кѣлейцу поставити и потерпѣти Бога ради. Государь, смилуйся, пожалуй!»

Какою трогательностью запечатлѣны эти безыскусныя строки инока, вылившіяся прямо изъ его сердца, преисполненнаго жажды подвига ради Бога! Маркъ умоляетъ, какъ милости просить—чего? Денегъ, награды, повышенія? Ничуть! Онъ просить разрѣшить уйти въ пустыню, на нужду, голодъ, на мученія... Сравните съ нашими днями и ихъ злобами. Всякій стремится въ центръ, на видное мѣсто, въ богатое село... А тутъ? «Смилуйся, пожалуй, благослови потерпѣти!» Слезы подступаютъ къ глазамъ, читая такія прошенія, и начинаешь понимать, почему была крѣпка земля наша тогда, когда еще тѣма обнимала ее всю... Она была крѣпка такими свѣтильниками и подвижниками, какихъ мы теперь и понимать разучились, да чего добраго и почитать разучимся скоро.

И пошелъ на озеро Бѣлавинское Маркъ и основалъ обитель въ 1630 году.

Она существуетъ и нынѣ. Въ ней двѣ церкви—деревянная, старинная, съ шатровымъ верхомъ, и каменная новая, построенная въ 1830 году, когда выстроены и двухъ-этажный каменный корпусъ, въ которомъ братскія келіи и покои на случай пріѣзда игумена.

Другой подвижникъ—Александръ Куштскій, постриженникъ Спасокаменнаго монастыря. Ища полнаго уединенія, этотъ достойный современникъ Діонисія Глушицкаго ушелъ въ пустыню на рѣку Сян-жему и тамъ въ болотистыхъ мѣстахъ срубилъ себѣ келью. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, онъ переселился на рѣку Кушту, близъ Кубенскаго озера, помѣнялся кельями съ пустынникомъ Еввои-

міемъ, ушедшимъ на Сяжму, и продолжалъ свои подвиги. Заозерскіе князья полюбили его и помогли ему создать церковь. Такъ основался монастырь, расширившійся уже послѣ кончины угодника, послѣдовавшей въ 1439 году.

Въ монастырѣ сохранилось многое отъ древней старины. Такъ въ деревянной церкви, построенной въ XV вѣкѣ, во имя Успенія Богоматери, въ иконостасѣ имѣется нѣсколько иконъ древняго письма. Каменная церковь, какъ и въ Бѣлавинской пустыни, выстроена недавно. Въ верхнемъ этажѣ ея покоятся мощи преподобнаго Александра Куштскаго въ посеребренной гробницѣ, подъ балдахиномъ. Братія немного. Сюда переводится къ веснѣ весь скотъ съ Каменнаго острова, и отсюда на лодкахъ привозятъ молоко въ монастырь.

Часы на колокольнѣ пробили уже два раза. Было свѣтло, какъ днемъ, и я свободно читалъ книгу у окна. Но нужно было ложиться спать, чтобы не опоздать къ обѣднѣ. Я помолился и легъ на приготовленную постель. Прислушиваясь къ мѣрному гулу волнъ я уснулъ, какъ бы убаюканный чьей-то пѣсней.

ХІІ.

Утро.— Изъ окна на озеро.— Ложное извѣстіе о пріѣздѣ о. Іоанна Сергіева.— Прибытіе парохода съ баржей.— За обѣдней.— О. Павелъ на службѣ.— Молебенъ у гробницы св. Іосафа.— Теплая церковь.— У гробницы св. Василія Юродиваго.— Фактъ, достойный замѣчанія.— Опять въ покояхъ игумена.— Приходъ «Кубины».— Возвращеніе домой.— Крылатое слово простого человека.

Я проснулся около девяти часовъ. Въ комнатѣ сдѣлалось довольно свѣжо. Въ окна дуло съ озера. Утро было ясное, но холодное. На озерѣ ходили громады валы. Волны набѣгали на островъ и съ шумомъ разбивались объ его каменистый берегъ... Глазамъ открывался широкій горизонтъ, и взоръ приковывался къ нему. Утромъ, при солнцѣ, получалось другое впечатлѣніе, охватывали мысли о борьбѣ съ этой грозной стихіей...

Что-то чернѣло на озерѣ, подвигаясь, повидимому, къ острову.

Я быстро умылся и одѣлся и вышелъ въ сосѣдную комнату.

Художникъ и игумень уже давно встали.

— Что это тамъ движется? пароходъ?—спросилъ я.

— Да, это какой-то пароходъ, везетъ богомольцевъ, должно быть, сюда.

— А не «Кубина»?

— Нѣтъ, ей еще рано,—отвѣтилъ художникъ.

О. Павелъ ушелъ куда-то. Онъ вскорѣ вернулся и сейчасъ же раздался благовѣстъ къ обѣднѣ.

— Знаете,—сказалъ игумень:—говорять, о. Іоаннъ Кронштадтскій будетъ сегодня сюда.

— Можеть ли быть?—воскликнулъ я.—Кто вамъ сказалъ это?

— Приѣхалъ тутъ купецъ одинъ... Пароходъ его видѣли...

Я усомнился, но извѣстіе меня обрадовало; я очень желалъ, чтобы оно оказалось правдой. Мнѣ хотѣлось повидать почтеннаго пастьера, съ которымъ я не встрѣчался около 11 лѣтъ, и которому я былъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ. Я неточно выразился: молитвамъ его. Да, врачи рѣшили, что я не встану, а если и буду ходить, то на костыляхъ. Но онъ сказалъ: никто какъ Богъ, вѣрьте только,—и я сталъ ходить черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія имъ моей квартиры... Какъ хорошо бы встрѣтить его и именно здѣсь, въ этой обители...

Когда мы, выпивъ по стакану чая, отправились съ художникомъ на берегъ,—пароходъ уже былъ недалеко. Ему приходилось сильно бороться съ волнами. Онъ едва шелъ. Когда онъ еще приближался, мы увидѣли, что палуба и баржа переполнены публикой.

Не сразу удалось пароходу подойти къ пристани. Уже думали, что придется выслать лодку. Но онъ все-таки присталъ. Оказалось, что приѣхавшіе—все съ завода Бѣльева: тутъ и администрація и рабочіе обоого пола.

— Что, еще нѣтъ?

— Не приѣхалъ еще?

И вопрошавшіе ждали отвѣта съ нетерпѣніемъ.

— Кто?

— Да онъ!

Мы поняли, про кого спрашивали.

— Отецъ Іоаннъ? нѣтъ еще! А развѣ вы ждете его?

— Какъ же!

— Нарочно для него приѣхали!

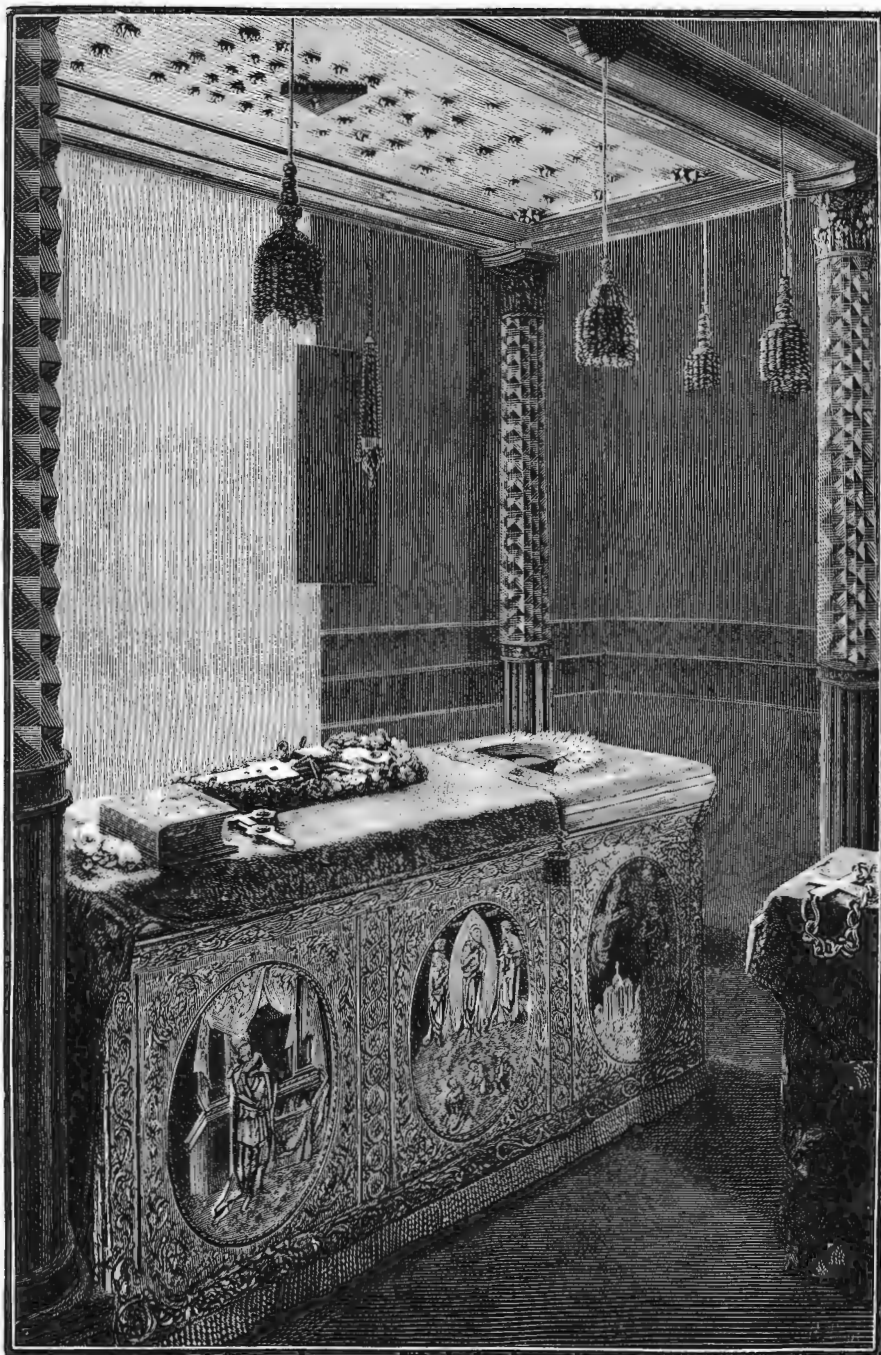
— Тамъ еще ѣдутъ... Въ деревняхъ народъ всполохился... Вѣдь гдѣ же его не знаютъ!.. Готовы бросить работу и ѣхать!..

Холодная церковь мигомъ наполнилась народомъ. Сдѣлалось не только жарко, а даже душно. Я едва пробрался въ алтарь. Около свѣчнаго ящика происходила такая давка, что я оставилъ всякую попытку—купить свѣчу и приобрѣсть просфору. Протягивались десятки рукъ съ мѣдными и серебряными монетами и съ бумажками—записками... Просфоръ скоро не хватило. Некуда стало ставить и свѣчей.

Кончились часы, и началась обѣдня.

Служилъ тотъ же іеромонахъ, и служилъ съ чувствомъ, съ пріемами простеца и съ его же сердечностью и вѣроу. Пѣли положительно недурно. Послѣ обѣдни начался молебенъ, и его отправлялъ уже самъ настоятель. Его служба—строгая, истовая. Онъ читаетъ и дѣлаетъ возгласы выразительно; такъ служить нельзя, не участвуя душою.

Сейчасъ же послѣ молебна всѣ направились въ теплую церковь, гдѣ игуменъ отслужилъ молебенъ у раки угодника Іоасафа.

Рака и на ней крестъ съ мощами св. Юсафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.

Рака святого серебряная, подъ балдахиномъ. Сбоку на стѣнѣ виситъ изображеніе Василия Юродиваго, стоящаго на камнѣ.

Церковь имѣетъ видъ широкой, но короткой комнаты, съ низкимъ потолкомъ. Изъ иконъ замѣчательна икона Божіей Матери «Утоли моя печали» въ ризѣ, осыпанной жемчугомъ. Она небольшого размѣра.

Возлѣ свѣчнаго ящика, на столѣ—вериги угодника.

Все время, пока служили молебенъ, раздавался звонъ цѣпей: это богомольцы по очереди надѣвали на себя вериги и обручъ съ крестообразной перетяжкой.

Въ теплой церкви два придѣла: въ честь Богоматери и во имя Николая Чудотворца. Въ первомъ придѣлѣ обращаетъ вниманіе образъ Успенія Богородицы. Среди апостоловъ стоитъ и Христосъ, какъ бы ожидающій исхода души Своей Матери.

На царскихъ вратахъ лѣваго придѣла изображено сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Я въ первый разъ встрѣчаю такое изображеніе на царскихъ вратахъ. Обыкновенно изображается Благовѣщеніе, лики евангелистовъ.

Иконостасъ въ теплой церкви не блещетъ богатой позолотой; онъ устроенъ, по словамъ художника, тѣми же московскими монахами, которые жили въ обители во время нашествія французовъ.

На боковыхъ стѣнахъ двѣ картины водяными красками: Христосъ на судѣ Пилата и Бичеваніе Христа...

— Богатства не видно,—замѣтилъ я художнику.

— Да... Вотъ видите хоругви-то.

Онѣ—изъ краснаго сукна, съ кожаными налѣпленными украшеніями, тисненными золотомъ.

Изъ теплой церкви можно пройти прямо въ покои игумена. Я думалъ, что молебномъ св. Юсафу все кончено. Но народъ и о. Павелъ направились еще куда-то. Я потерялъ художника изъ виду и обратился съ вопросомъ къ свѣчнику.

— А всѣ въ нижній храмъ пошли, батюшка,—отвѣтилъ монахъ... Внизу-то, въ холодной церкви... тамъ Василій Юродивый почиваетъ... Пожалуйте, я проведу васъ.

И онъ провелъ меня черезъ алтарь подъ арку на лѣстницу.

Нижняя перковь начинается широкимъ притворомъ, который переходитъ въ узкую длинную комнату съ совершенно голыми стѣнами и бѣднымъ иконостасомъ.

Здѣсь престолъ во имя трехъ московскихъ святителей—Петра, Алексія и Юны, устроенный въ 1850 году. Въ западной части храма покоятся мощи Василия Юродиваго, подвизавшагося въ Спасокаменной обители. Московскимъ купцомъ, Колесовымъ, по происхожденію вологжаниномъ, устроена мѣдная, посеребренная и мѣстами позолоченная рака, искуснаго рисунка. Неизвѣстно, когда жилъ святой въ монастырѣ. Митрополитъ Евгеній въ своемъ спискѣ вологод-

скихъ угодниковъ только упоминаетъ о Василии Юродивомъ, не обозначая времени его пребыванія въ обители, а также и года кончины. Но вотъ замѣчательный фактъ, о которомъ говоритъ вологодскій историкъ-археологъ Н. И. Суворовъ: въ пожаръ 1774 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что могло сгорѣть, бывшая деревянная рака и образъ на ней угодника (Василія Юродиваго) остались неприкосновенными, хотя вся гробовая его палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ.

Н. И. Суворовъ говоритъ въ своемъ очеркѣ, что въ южномъ отдѣленіи нижняго этажа находится гробница бывшаго настоятеля Кассіана, при которомъ постригся князь Іоасафъ. Я долженъ признаться, что не видѣлъ этой гробницы. Послѣ молебна у раки св. Василія Юродиваго я вышелъ изъ церкви за народомъ, а послѣ мнѣ никто не сказалъ о гробницѣ Кассіана.

На крыльцѣ сидѣла какая-то женщина, выражавшая знакомому старику въ крестьянской рубахѣ свое горе по поводу смерти дочери.

— И мѣста, мѣста не могу найти я съ того дня... вотъ такъ и сосеть сердечушко, словно кто сидитъ тамъ и сосеть... Плачу, плачу, и все не легче.

— А ты угодникамъ молилась?—спросилъ старикъ.

— Молилась, какъ не молиться... для чего и пріѣхала.

— Ну, вотъ!.. Они за насъ ходатаи... полегчаетъ!

— Ужъ на нихъ одна надежда... а то хоть сама умирай... жизнь не мила... Правда ли что онъ-то, батюшка, будетъ сюды?

— Слышать... мы для этого пріѣхали...

Очевидно, рѣчь шла объ отцѣ Іоаннѣ.

— Ахъ, если бы!—промолвила баба, вздыхая.—Пала бы ему въ ножки... пусть помолится... Его молитва—не наши грѣшныя... Да и слова у него такія есть...

— Какія слова?—спросилъ мужикъ.

— А такія, стало... облегченье тебѣ будетъ... Отъ насъ женщина ходила къ нему...

— Ну-ну?

— Сколь лѣтъ маялась... какъ подкатится подъ сердце — и сосеть... хошь ты руки на себя налагай,—такая тоска смертельная... А какъ къ нему сходила, да онъ помолился и благословилъ ее — и пропшло все... Отъ Бога, стало... отъ молитвы святой.

— Извѣстно, отъ Бога все да отъ молитвы... Наша-то молитва чтѣ... нечистые люди, и молитва наша такая же... а тутъ его... стало, и доходливая...

— О, Господи!—замѣтила баба, вздохнувъ опять.

Подошелъ художникъ.

— Идемъ чай пить, да закусимъ... скоро вѣдь и «Кубина» будетъ, — сказалъ онъ.

Мы отправились опять въ покои настоятеля.

Приемная комната была полна народа. О. Павелъ, какъ радушный хозяинъ, угощалъ всѣхъ чаемъ и просилъ закусить «чѣмъ Богъ послалъ».

— А вотъ и «Кубина» идетъ! — сказалъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ гостиной.

Заводскіе гости держались по провинціальному: женщины немного жеманились, мужчины стѣснялись, тѣ и другіе говорили мало, ограничиваясь короткими отвѣтами...

«Кубина» приближалась къ острову. Намъ нужно было торопиться.

— А гдѣ же отецъ Павелъ?

— Онъ уже ушелъ на берегъ,—отвѣтилъ художникъ.

Когда пришли и мы на пристань, пароходъ уже присталъ. На немъ было много пассажировъ. Оказалось, что все это пріѣхали въ монастырь, чтобы увидѣть о. Іоанна. Ихъ всѣхъ ждало разочарованіе.

— Его здѣсь нѣтъ!..

— Еще, можетъ быть, будетъ!—сказалъ кто-то въ утѣшеніе.

— Подождемъ...

Поколебался и я: не остаться ли? А если неправда? Ждать надо до пятницы — долго, дѣла не позволяли жить столько дней въ монастырѣ.

Надо было проститься съ о. Павломъ.

— Гдѣ же онъ?

А онъ ужъ радушно встрѣчалъ новыхъ посѣтителей, улыбаясь имъ своей доброй улыбкой...

Раздался свистокъ...

— Идите, идите скорѣй, а то останетесь! — крикнулъ мнѣ адвокатъ съ палубы.

Я все-таки успѣлъ проститься съ игуменомъ, поблагодарить его за радушный пріемъ.

— Мало прожили! Пріѣзжайте еще!..

— Убирай сходни!..

Я бѣгомъ кинулся къ пароходу и только что вошелъ на палубу, какъ заработала машина, и колеса забурлили воду... Пароходъ сталъ отчаливать. Головы всѣхъ пассажировъ, бывшихъ на немъ, обнажились. Крестьясь, мы прощались съ обителюю.

Вѣтеръ все усиливался, волны высоко вздымались и пѣнились. Пароходъ, пока онъ при поворотѣ шелъ поперекъ волнъ, такъ качало, что нѣкоторые изъ пассажировъ попадали на своихъ мѣстахъ. Но затѣмъ качка уменьшилась, и пароходъ пошелъ впередъ, уже слегка подбрасываемый разгнѣванными волнами.

Едва мы отошли отъ острова, какъ вдали на встрѣчу намъ показался пароходикъ...

— Это о. Іоаннъ ѣдетъ! — выразилъ кто-то свою догадку.

Пассажиры заволновались, высыпали на палубу и стали пристально всматриваться. Пароходикъ приближался—и наше душевное напряженіе росло. Но скоро ошибка была понята. Обозначился пароходъ, а за нимъ баржа.

Это шель буксирный пароходъ «Вологда».

Путь обратно уже не представлялъ прелести новизны... По случаю праздника на пристаняхъ и на берегахъ, гдѣ были деревни,—гуляли пестро разодѣтыя крестьянки...

Подошелъ ко мнѣ адвокатъ.

— Ну, что, помолились?—спросилъ онъ...—Довольны остались о. Павломъ?

— Да, онъ понравился... Простой, радушный человѣкъ.

— А монастырь? Не богатъ онъ, надо сказать.

— Да, очень. Нуждъ у него много.

— А средствъ мало... Древняя обитель, а нужду терпитъ... Есть, вѣдь, у толстосумовъ деньги... а жильничаютъ...

Вблизи насъ стоялъ старичекъ, котораго я не видалъ въ первую дорогу.

— Это ничего-съ, что бѣденъ,—сказалъ онъ:—богатство монастырей не въ деньгахъ, а въ свѣтѣ!.. И много денегъ, да коли не стало свѣта, и ничего-съ не стало... Знаете, поется св. Владимиру Равноапостольному: обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ... Вотъ этого бисеру и надо обители, а не того, что копится въ кладовыхъ...

— Аминь! — хотѣлось мнѣ сказать въ отвѣтъ, но я удержался изъ опасенія, что мои слова простой человѣкъ приметъ за кощунственную профанацію.

Александръ Кругловъ.

1897, іюнь.

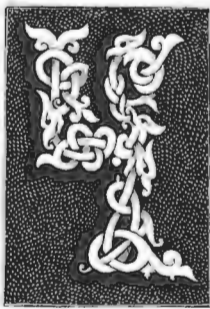

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И ЕГО ЭПОХА.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ ¹⁾.

1816—1825.

Реакція ²⁾.

ЧЕТВЕРТЫМЪ томомъ сочиненія Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» завершается обширный и почтенный историческій трудъ, который надолго будетъ единственной біографіей «человѣка на тронѣ» въ русской литературѣ. Послѣ этого сочиненія, вполне исчерпывающаго свою задачу представить полную картину жизни и царствованія Александра I, на основаніи доступныхъ въ настоящее время для русскаго историка печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, — изслѣдователямъ первой четверти XIX столѣтія остается лишь дополнять отдѣльныя черты и эпизоды этой знаменательной эпохи, пока не явится возможность представить психологически-философскую характеристику всѣхъ сторонъ «неразгаданнаго до гроба сфинкса», освѣтить лучезарнымъ свѣтомъ ничѣмъ нестѣсненной

¹⁾ Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера, томъ IV. Спб. 1898.

²⁾ Прологъ Александровской эпохи — «Историческій Вѣстникъ», июнь — июль, 1897. — Александръ I и его эпоха. Періодъ первый. Преобразовательныя и политическія колебанія, — тамъ же, октябрь, 1897. — Александръ I и его эпоха. Періодъ второй. Переломъ, — февраль, 1898.

исторической правды таинственныя причины тѣхъ противочувствій, благодаря которымъ онъ началъ свое двадцатичетырехлѣтнее государствованіе либеральнымъ преобразователемъ, пламеннымъ сторонникомъ свободной мысли и другомъ Лагарпа, а окончилъ его поборникомъ политической реакціи, мистическимъ пietetомъ, единомышленникомъ Меттерниха и «проклятаго змѣя», какъ называли современника Аракчеева, открыто выяснитъ, съ одной стороны, ту «грозную мысль, которая преслѣдовала его всю жизнь, нерѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставая передъ нимъ», а съ другой,— вѣрно обрисовать тѣ страсти, которыхъ онъ былъ жертвой, по словамъ поэта, наконецъ, широкой кистью набросать картину того времени и той среды, того народа и той страны, того общества и тѣхъ отдѣльныхъ личностей, вліянія которыхъ могли создать столь противочувственный типъ «человѣка на тронѣ», о которомъ другой поэтъ сказалъ:

«Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь».

Но если часть такой полной, всесторонней, безусловно вѣрной обрисовки характера и эпохи Александра въ ихъ взаимодѣйствіи еще не наступилъ, то Н. К. Шильдеръ въ этомъ не виноватъ, и онъ далъ публикѣ въ своей глубоко интересной книгѣ, читающейся, какъ романъ, и имѣющей всѣ достоинства серіознаго историческаго изслѣдованія, массу любопытныхъ и вполне новыхъ данныхъ для того, чтобы составить основательное понятіе о «неразгаданномъ сфинксѣ».

Четвертый и послѣдній томъ біографіи Александра I ни въ чемъ не уступаетъ предыдущимъ томамъ, если не превосходить ихъ по интересу содержанія, богатству собраннаго матеріала и внѣшнему блеску изданія. Это достойный конецъ почтеннаго литературнаго сочиненія, которое дѣлаетъ честь, какъ Н. К. Шильдеру, такъ и всѣмъ потрудившимся для внесенія столь цѣннаго вклада въ русскую историческую литературу.

По примѣру прежнихъ очерковъ постараемся представить сжатый краткій абрисъ внутренней и внѣшней стороны, царившей въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I огульной, мрачной реакціи, а также ея вліянія на его впечатлительную, двойственную натуру.

I.

«Александръ I въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ I прежнихъ лѣтъ; онъ искалъ отнынѣ не реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго

порядка. При такомъ настроеніи естественно явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя заботъ по внутреннему управленію имперія въ жесткія руки вѣрнаго друга, довѣріе къ которому было всегда неограниченно».

Такими вѣрными, рельефными штрихами характеризуетъ Н. К. Шильдеръ жесткую реакцію, наступившую во внутреннихъ дѣлахъ Россіи послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ и созданія священнаго союза. «Весь запасъ твердой воли Александра I, по его словамъ, оказался потраченнымъ на борьбу съ Наполеономъ, требовавшую высшаго напряженія всѣхъ его духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у государя проявлялась крайняя усталость и душевное утомленіе». Если прибавить къ этому наслѣдственные инстинкты и вліяніе, какъ событій послѣднихъ лѣтъ, такъ и овладѣвшихъ имъ мистическихъ идей, и политики Меттерниха, сумѣвшаго поставить Александра I во главѣ европейской реакціи,—то сдѣлается понятнымъ, что онъ совершенно отдалился отъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ и передалъ ихъ всецѣло Аракчееву, который вполне подходилъ къ тогдашнему настроенію императора.

«Говорятъ, что у насъ теперь одинъ вельможа, графъ Аракчеевъ»,—писалъ Карамзинъ, а графъ Ростопчинъ прибавлялъ: «Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ». Самъ же Аракчеевъ признавался, что онъ имѣетъ на шеѣ всѣ дѣла государства. Дѣйствительно, онъ одинъ былъ докладчикомъ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, не исключая духовныхъ. Всѣ министры, даже государственный со- вѣтъ, потеряли всякое значеніе, и все дѣлалось, все докладывалось государю однимъ Аракчеевымъ. Съ четырехъ часовъ ночи сѣзжались къ надменному, грубому временщику всѣ высокопоставленныя лица и подолгу ждали въ пріемной, пока не раздастся въ кабинетѣ грозный голосъ: «Позвать такого-то». Затѣмъ начинались другого рода мытарства, и никому не было пощады отъ могущественнаго диктатора. Зато всѣ и ненавидѣли его. Князь Волконскій не называлъ его иначе, какъ «проклятымъ змѣемъ», или злодѣемъ, и предсказывалъ, что онъ погубитъ государя и страну. Закревскій считалъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи». Ермоловъ и Киселевъ одинаково осуждали вредную дѣятельность Аракчеева, но никто не смѣлъ вступить въ борьбу съ аракчеевщиной и ея грознымъ творцемъ. Даже лица царской семьи отзывались очень рѣзко о временщикѣ: такъ великая княгиня Александра Феодоровна, жена великаго князя Николая Павловича, говорить въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Въ это время Аракчеевъ былъ главнымъ *factotum* императора. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этому человѣку боялись, и его никто не любилъ; онъ говорилъ только порусски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Я никогда не могла

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета, находящагося въ «Военной галереѣ» Зимняго дворца.

понять, какимъ способомъ онъ сумѣлъ удержаться въ милости до кончины императора Александра I».

Одной изъ главныхъ причинъ, усилившихъ силу и вліяніе Аракчеева по возвращеніи Александра изъ походовъ, было учрежденіе военныхъ поселеній. Мысль объ этомъ роковомъ для Россіи дѣлѣ возникла впервые въ умѣ императора до 1812 г. при чтеніи статьи генерала Сервана: «О пограничныхъ силахъ государствъ». Онъ поручилъ князю Волконскому перевести ее съ французскаго языка на русскій, снабдилъ своими примѣчаніями и передалъ Аракчееву, который сначала возсталъ противъ идеи о поселеніи русской арміи съ цѣлью не отрывать солдатъ въ мирное время отъ хозяйства, и уговаривалъ императора отказаться отъ нея. Но убѣдившись въ непреклонномъ желаніи Александра дать ходъ своей фантазіи и понявъ, что этимъ способомъ онъ еще болѣе укрѣпитъ свою силу, Аракчеевъ посвятилъ себя введенію въ Россію военныхъ поселеній. «Это мысль государя, — говорилъ онъ впоследствии А. Θ. Орлову, упрекавшему его за это гибельное для Россіи дѣло:—а я тутъ только исполнитель». Но дѣло именно въ томъ и заключалось, что онъ прибѣгалъ къ самымъ суровымъ способамъ для осуществленія воли государя. А что такова была его воля, въ этомъ сомнѣваться нельзя. Данилевскій рассказываетъ, что однажды за обѣдомъ Александръ исключительно бесѣдовалъ о выгодахъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ военныхъ поселеній, и между прочимъ сказалъ: «Въ мирное время военныя поселенія избавятъ меня отъ рекрутскихъ наборовъ, но въ военное время необходимо, чтобъ всѣ шли и всѣ защищали отечество». Къ этому Данилевскій прибавляетъ отъ себя: «образованіе и настоящая цѣль существованія этихъ военныхъ поселеній были покрыты непроницаемой тайной, извѣстной только тѣмъ лицамъ, которыхъ употребляли по этой части; а потому и мнѣ нельзя что либо утвердительно о нихъ сказать. Одни предвидѣли народныя бѣдствія, долженствовавшія изъ того послѣдовать, а другіе почитали ихъ источникомъ могущества Россіи».

Первый опытъ военныхъ поселеній былъ сдѣланъ еще въ 1810 г., именно тогда поселили баталіонъ Елецкаго мушкетерскаго полка въ Могилевской губерніи, и хотя Аракчеевъ, которому было поручено это дѣло, писалъ Александру въ 1812 г., что «все идетъ хорошо», но происшедшій рядъ войнъ приостановилъ исполненіе этого предпріятія. Зато послѣ заключенія мира, Александръ вернулся къ своей излюбленной мысли и на всѣ представляемыя ему возраженія отвѣчалъ: «Я уже справлялся съ несравненно болѣе трудными дѣлами и желаю, чтобъ мнѣ повиновались въ этомъ». 3-го августа 1815 г. государь подписалъ указъ на имя новгородскаго губернатора Муравьева о расположеніи 2-го баталіона гренадерскаго полка въ Новгородской губерніи на рѣкѣ Волховѣ, въ Высоцкой волости, которая изъята изъ веденія земской полиціи и передана баталіонному коман-

диру, а осенью Аракчеевъ доносилъ, что «онъ осмотрѣлъ Высоцкую волость и съ удовольствіемъ видѣлъ доброе начало принятыхъ мѣръ». Вообще при введеніи военныхъ поселеній мѣстные жители зачислялись въ водворяемыя войска подъ именемъ коренныхъ воен-

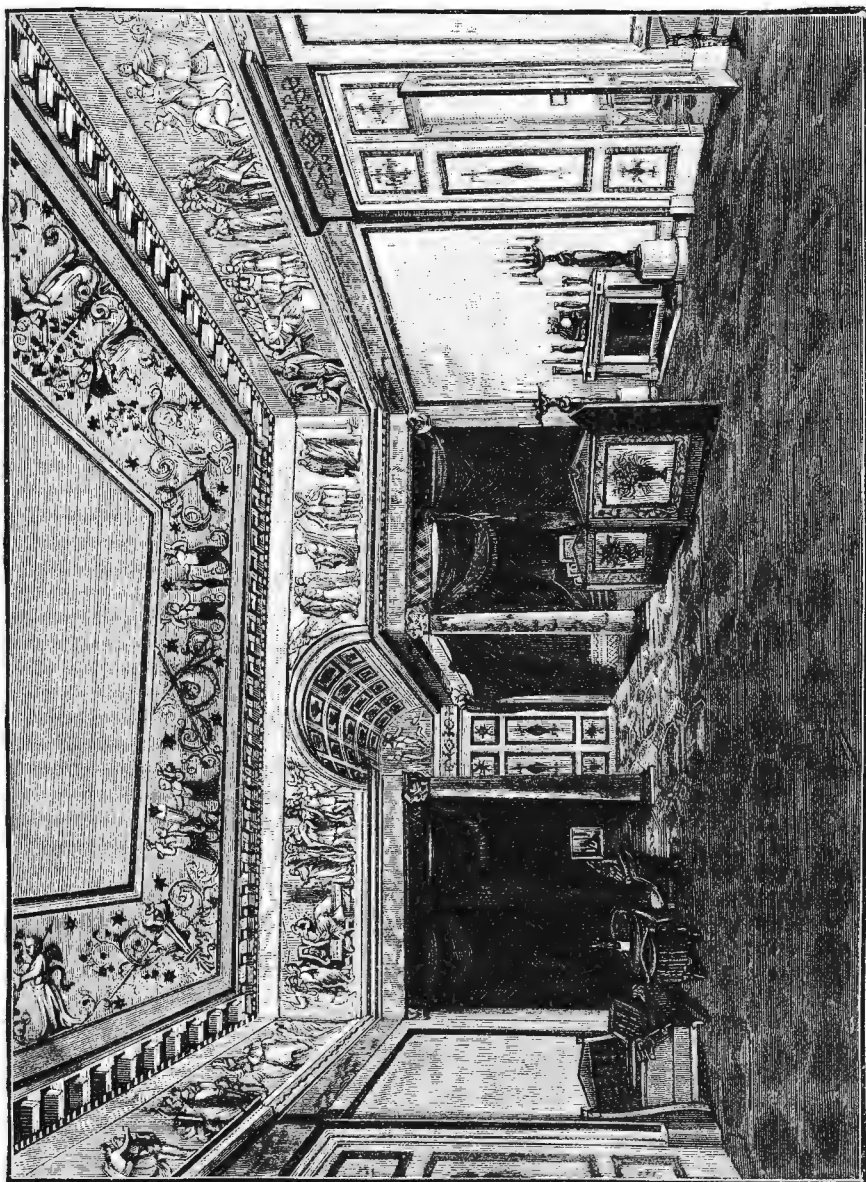
Императоръ Александръ I.

Съ портрета, рисованнаго Кипренскимъ въ 1825 году къ двадцатипятилѣтію его царствованія.

ныхъ поселянъ съ подчиненіемъ военному начальству, а дѣти мужескаго пола кантонистами, которые затѣмъ служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Такимъ образомъ, по выраженію Н. К. Шильдера, «два состоянія впряжены были въ одно ярмо: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, а война за соху».

Военныя поселенія быстро стали распространяться и къ концу царствованія Александра они уже включали треть всей арміи. Въ 1825 г. отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, образуя какъ бы особое военное государство подъ управленіемъ графа Аракчеева, состоялъ изъ 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія и 96 баталіоновъ и 249 эскадроновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній. При этомъ замѣчательно, что все дѣло велось келейно, и никогда не было издано общаго положеніе о военныхъ поселеніяхъ. Аракчеевъ распоряжался одинъ всѣмъ и никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ что противники новаго учрежденія затруднялись, какъ вести борьбу съ нимъ. Но все-таки недовольные громко жаловались на безпримѣрное насиліе надъ русскимъ народомъ. «Идея государя, — говоритъ одинъ изъ современниковъ:— была ошибочна не только въ политическомъ, но даже въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ сокращеніе расходовъ по продовольствію войска не возмѣщало ущерба, который государство должно было понести вслѣдствіе освобожденія многочисленнаго населенія, поглощеннаго этимъ учрежденіемъ, отъ податныхъ и всѣхъ прочихъ государственныхъ повинностей, и только обманными расчетами Аракчеева можно было выводить прибыль тамъ, гдѣ въ дѣйствительности явился одинъ лишь убытокъ. Что же касается облегченія воинскихъ тягостей, то въ рукахъ Аракчеева для народа, затянутаго въ тогдашнюю лямку съ муштрой рекрутскаго устава, такое облегченіе, при которомъ и зимой не было покоя отъ маршировки гусинымъ шагомъ, казалось невыносимой мукой, противъ которой онъ протестовалъ бунтами, усмирявшимися Аракчеевскими экзекуціями, жестокости которыхъ мы, люди того времени, всѣ были свидѣтелями и которые впоследствии стали извѣстны всему свѣту». О жестокости Аракчеева свидѣтельствуетъ его адъютантъ Мартосъ: по его словамъ, въ Грузинѣ, гдѣ Аракчеевъ дѣлалъ первую пробу военныхъ поселеній, онъ безпрестанно сѣкъ поселянъ и «послѣ всякой экзекуціи лично осматривалъ спины несчастныхъ жертвъ, съ цѣлью убѣдиться, достаточно ли кровавыхъ знаковъ».

Хотя самъ Аракчеевъ съ восторгомъ доносилъ Александру объ успѣхахъ порученнаго ему дѣла, торжествуя, что всѣ крестьяне работали въ «военныхъ мундирахъ», крестьянскія дѣти играли въ военныхъ курткахъ, а государь искренно благодарилъ его «за удачу, превосходящія всѣ ожиданія», но народъ былъ недоволенъ и просилъ только одного, чтобъ его избавили отъ обрушившагося на него благодѣянія. Новгородскіе поселяне посылали депутатовъ въ Петербургъ жаловаться императрицѣ на Аракчеева, но, конечно, ихъ схватили и посадили въ яму. Крестьяне не унимались и подавали не разъ жалобы государю, но онъ оставался неумолимъ и по поводу «защиты крещенаго народа отъ Аракчеева» сказалъ: «По-

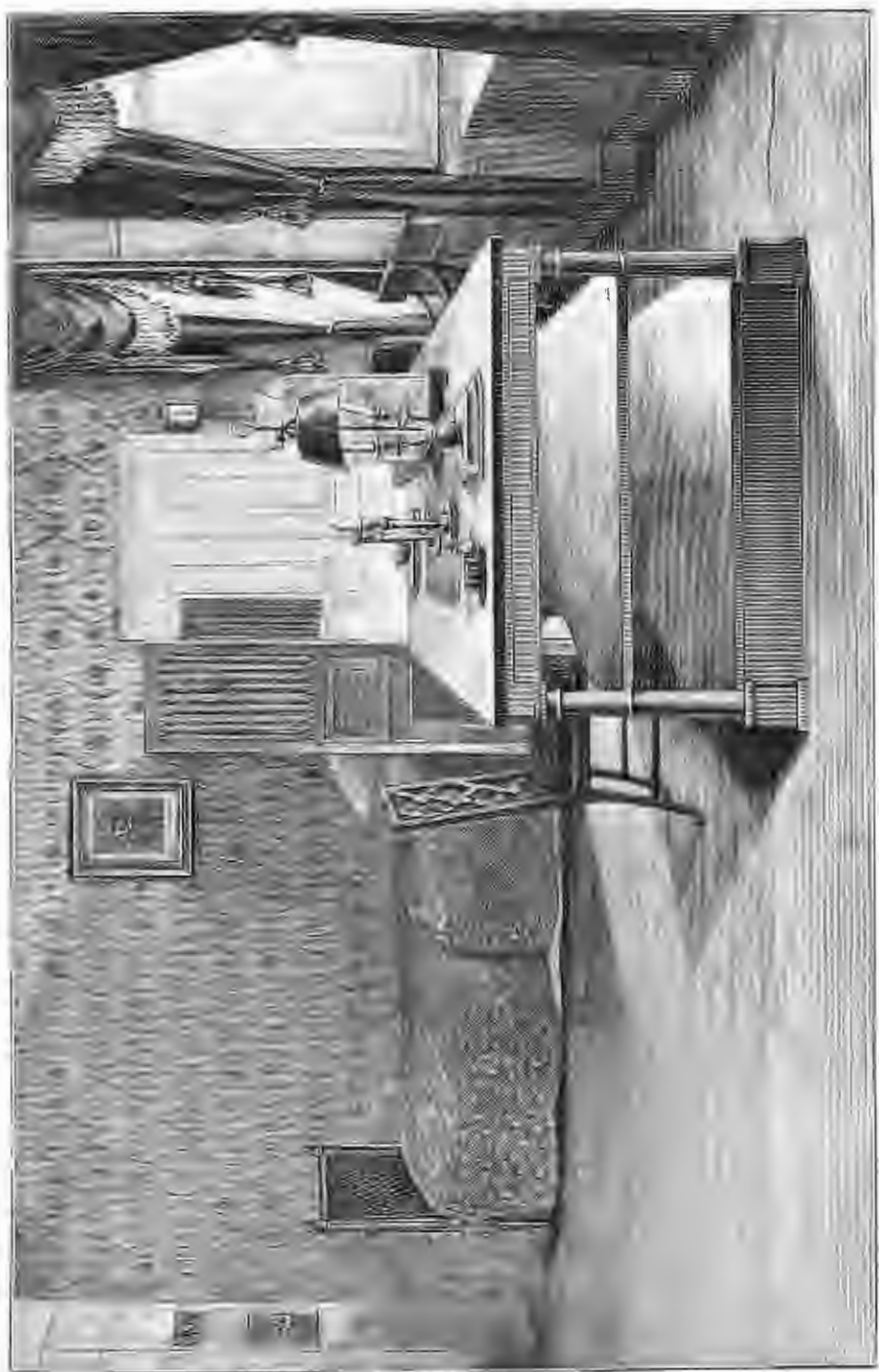

Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.
Съ акварели съ натуры Кольмана старшаго 1815 г. (Изъ собрания П. Я. Дашкова).

селеніе будетъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Великая княгиня Александра Ѳеодоровна пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ по мысли самого императора, но выполнение этого проекта было довѣрено Аракчееву, и оно прсизводилось не съ кротостью, а, напротивъ того, грубыми и жестокими способами, чтѣ вызывало неудовольствіе бѣдныхъ крестьянъ. По пути намъ попадались мѣстами жители нѣкоторыхъ деревень, умолявшіе на колѣняхъ о томъ, чтобы положенія ихъ не измѣняли». То же говоритъ прусскій генераль Наумеръ, сопровождавшій принца Вильгельма, будущаго императора Вильгельма I; по его словамъ, при проѣздѣ черезъ Новгородскую губернію принца съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, сотни крестьянъ жаловались на поселенный гренадерскій полкъ, и вообще замѣтно было общее недовольство новымъ учрежденіемъ. Дѣйствительно, крестьяне соглашались отдать все свое добро, только бы ихъ оставили въ покоѣ, не надѣвали на нихъ мундировъ и не учили пагистикѣ. Но все было тщетно, и наконецъ крестьянамъ пришлось покориться мундирной напасті.

Аракчеевъ ликовалъ и даже послѣ смерти Александра въ 1826 г. хвалился своими заслугами по введенію «новаго никогда и нигдѣ не примѣннаго, небывалаго великаго государственнаго предпріятія, справедливо обратившаго на себя вниманіе цѣлой Европы». Однако, не только поселяне, но и поселенные полки обнаруживали недовольство, и въ Чугуевѣ произошелъ въ 1819 г. бунтъ, который былъ усмирень самимъ Аракчеевымъ кровавыми экзекуціями, причемъ было наказано шпицрутенами 275 человекъ, изъ которыхъ нѣсколько умерло. Доброе сердце Александра возмутилось этими жестокостями и хотя съ обычной своей двойственностью онъ одобрилъ дѣйствія Аракчеева, но въ письмѣ къ нему просилъ его строго, искренно и безпристрастно спросить себя, «выполнено ли все, обѣщанное взбунтовавшемуся полку». Однако, этотъ печальный случай не поколебалъ вѣру Александра въ благія послѣдствія своей несчастной фантазіи, и 14 января 1822 года онъ писалъ своему любимцу: «Пришли мнѣ общую карту предполагаемаго поселенія всей арміи». «Можно думать, замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ, что военнымъ поселеніямъ предстояло бы получить громадное распространеніе, и только воцареніе Николая отвратило отъ Россіи это страшное бѣдствіе».

По странной ироніи судьбы, въ то самое время, когда водворялся въ Россіи новый видъ крѣпостничества подъ формой военныхъ поселеній, были сдѣланы со стороны правительства кое-какія попытки къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ Прибалтійскомъ краѣ было введено въ 1817—18—19 годахъ безземельное освобожденіе крестьянъ по почину мѣстныхъ дворянъ и

Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I.

Съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ П. Полеваго «Художественная Россія».

Александръ, выражая свое удовольствіе дворянамъ по этому случаю, замѣтилъ: «Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основой счастья народовъ». Изъ этихъ словъ видно, что либеральная закваска по временамъ давала себя знать и въ реакціонную эпоху царствованія Александра. Доказательствомъ этого факта служатъ, кромѣ собственнаго заявленія государя, записка, поданная ему флигель-адъютантомъ Киселевымъ: «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи», судьба которой однако неизвѣстна, и то обстоятельство, что 65 богатыхъ помѣщиковъ Петербургской губерніи выработали проектъ о переходѣ своихъ крѣпостныхъ въ сословіе обязанныхъ крестьянъ, но императоръ не только не утвердилъ этого проекта, но высказалъ князю Васильчикову свое неудовольствіе по поводу узурпаціи дворянами законодательныхъ правъ государя.

— Кому, по вашему мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?—рѣзко спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія, вашему величеству, какъ самодержцу имперіи,—отвѣчалъ удивленный Васильчиковъ.

— Такъ предоставьте мнѣ издавать законы, которые я считаю полезными для моихъ подданныхъ.

Эти слова, однако, подали нѣкоторую надежду сторонникамъ освобожденія крестьянъ, и дѣйствительно, въ 1818 году, Александръ приказалъ составить проектъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, съ тѣмъ чтобъ не было принято стѣснительныхъ для помѣщиковъ мѣръ. Но гуманное дѣло поручено «проклятому змѣю», и, конечно, отъ этого ничего не вышло. По мнѣнію Аракчеева, для проведенія желаемой реформы надо было приобрести покупкой въ казну помѣщичьихъ и дворовыхъ людей по добровольному соглашенію помѣщиковъ или по оцѣнкѣ имѣнія особой комиссіей при содѣйствіи сосѣднихъ помѣщиковъ, и подъ условіемъ надѣла по двѣ десятины на каждую ревизскую душу. На основаніи этихъ принциповъ составленъ проектъ положенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ статскимъ совѣтникомъ Самборскимъ и хранился въ глубокой тайнѣ. Почему именно онъ не приведенъ въ исполненіе, благодаря ли ковамъ змѣя, или въ виду окончательнаго въ это время измѣненія либеральныхъ мнѣній Александра, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ проектъ исчезъ безъ слѣда, хотя императоръ въ 1807 г. говорилъ Савари: «Я хочу вывести страну изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ держитъ ее торговля людьми. Скажу болѣе: еслибъ образованіе было достаточно развито, то я уничтожилъ бы рабство, хотя заплатилъ бы за то своей головой».

II.

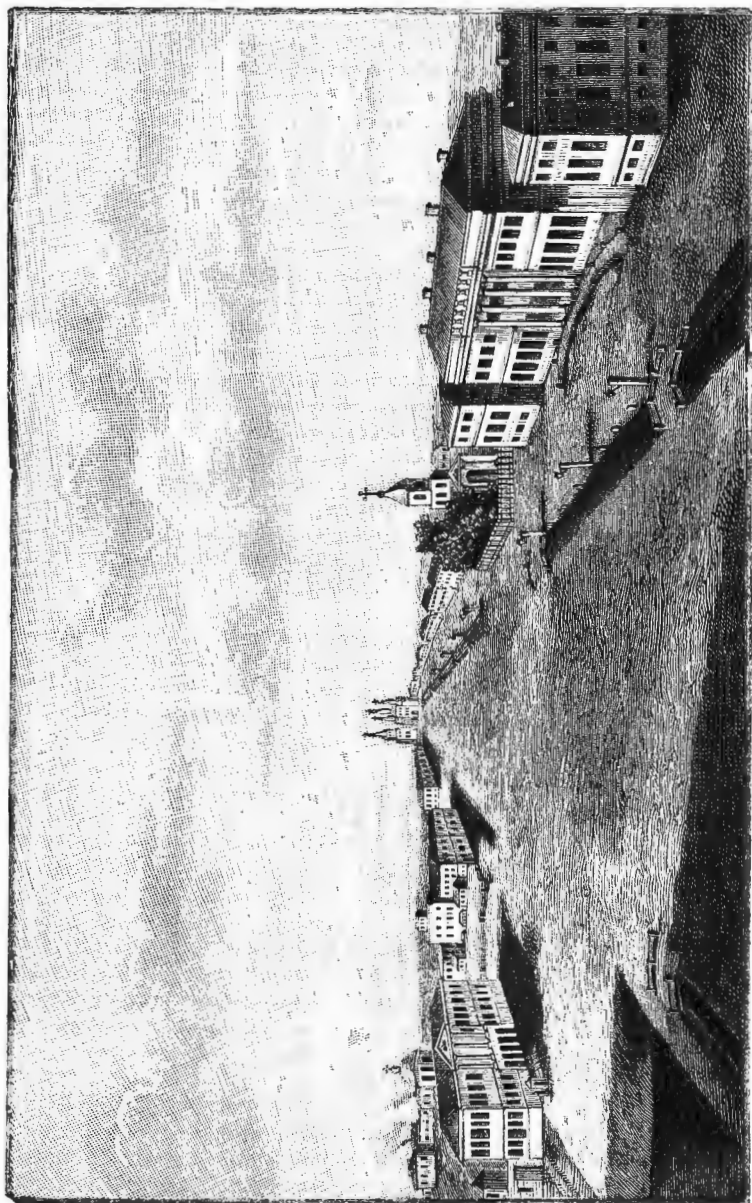
«Другая личность, кромѣ Аракчеева, пользовавшаяся милостью и дружбой императора, былъ князь А. Н. Голицынъ. Проведя молодость бурно, онъ ударился въ послѣднее время въ набожность. Таково же было настроеніе императора. Великія событія 1812, 1813 и 1814 гг. произвели на него глубокое впечатлѣніе, до тѣхъ поръ онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи. Святая г-жа Криденеръ повліяла на него въ томъ же духѣ; почва была подготовлена и принесла свои плоды. Кромѣ того, съ кн. Голицынымъ связывала его съ молодыхъ лѣтъ давнишняя дружба; князь былъ камергеромъ при его дворѣ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и питалъ къ нему искреннюю и неизмѣнную привязанность».

Вотъ что говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна о князѣ А. Н. Голицынѣ, который послѣ Аракчеева былъ самымъ виднымъ дѣятелемъ послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Александра, проникнутаго мрачной реакціей и мистическимъ піетизмомъ. По словамъ одного современника, Голицынъ «влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ», и по его предложенію было образовано министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго онъ и находился во все время семилѣтняго существованія этого новаго административнаго учрежденія. Съ внѣшней точки зрѣнія оно казалось очень либеральнымъ, такъ какъ было основано на самой широкой вѣротерпимости и полной равноправности не только всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ, но религіи еврейской, магометанской и т. д., а въ сущности, по справедливому замѣчанію Карамзина, оно было въ полномъ смыслѣ слова министерствомъ затменія. «Соединеніе двухъ министерствъ, говоритъ этотъ ненавистникъ «мистической вздорологіи», какъ онъ выражался, послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ мірское просвѣщеніе сдѣлалось христіанскимъ; отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клиндеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ».

Не одинъ Карамзинъ былъ врагомъ мистицизма, овладѣвшаго не только императоромъ, Голицынымъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, но и значительной частью общества, при посредствѣ Библейскаго общества, основаннаго въ Петербургѣ въ 1812 г., состоявшаго подъ предсѣдательствомъ того же Голицына, до такого развитія, что въ 1824 г. оно имѣло во всѣхъ углахъ Россіи 89 отдѣленій и распространило 448,109 книгъ священнаго писанія. Даже великій князь Константинъ Павловичъ, этотъ консерваторъ изъ консерваторовъ, никогда не увлекавшійся свободомысліемъ, какъ Александръ, возставалъ противъ воцарившагося мракобѣсія и выра-

жалъ опасенія, чтобъ «не вышло у насъ, такъ сказать, *шоуп аге*». «Искренно вамъ сказать,—писалъ онъ къ Н. М. Сипягину,—я никакъ не могу равнодушно и безъ нѣкотораго даже состраданія слышать и читать про всѣ эти разныя поповщины, распространеніе сочиненій и Библейскихъ обществъ».

Но у князя Голицына были не только сторонники, а и рьяные помощники. Главными изъ нихъ представляются директоръ департамента народнаго просвѣщенія Василій Михайловичъ Поповъ, «по словамъ одного современника, кроткій изувѣръ, смиренный, простой человѣкъ, котораго, однако же, именемъ вѣры можно было подвинуть на злодѣянія», знаменитый Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій и Дмитрій Павловичъ Руничъ. Бывшій вольнодумецъ, другъ Сперанскаго, за что и пострадалъ во время опалы послѣдняго, Магницкій вдругъ измѣнился, сталъ ханжей и до того овладѣлъ слабохарактернымъ Голицынымъ, что распорядился въ министерствѣ подиктаторски. Онъ собственно занималъ мѣсто попечителя Казанскаго учебнаго округа, но, числясь членомъ главнаго управленія училищъ, почти постоянно жилъ въ Петербургѣ и руководилъ всѣмъ, что дѣлалось въ министерствѣ. Однако, въ рѣдкія посѣщенія своего округа онъ тамъ наводилъ на всѣхъ страхъ, напримѣръ, удалилъ разомъ одиннадцать профессоровъ изъ университета и уничтожилъ всѣ книги университетской библіотеки, признавъ ихъ вредными; кромѣ того, онъ отдавалъ студентовъ въ солдаты безъ всякаго суда, ввелъ среди студентовъ систему доносовъ и требовалъ отъ нихъ исполненія аскетическихъ обрядовъ, что, по замѣчанію Н. К. Шильдера, «только порождало лицемѣріе и развратъ». Общую же свою дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія онъ посвятилъ «основанію народнаго воспитанія на благочестіи, согласно съ актомъ священнаго союза», а эту дѣятельность прекрасно охарактеризовалъ А. Никитенко въ слѣдующихъ словахъ: «Извѣстно, что произволъ человѣческій, ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ простираться далеко за предѣлы права, законности и здраваго смысла, но въ Магницкомъ этотъ ничѣмъ не сдерживаемый произволъ превзошелъ самыя отважныя порывы насилія. На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, убѣжденіе, на все онъ наложилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать официальную науку, официальную добродѣтель, официальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ устанавливаетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемѣрія. Онъ не давалъ, такъ сказать, опомниться министру, не безъ изумленія, а, можетъ быть, и не безъ страха, смотрѣвшему на этотъ административный ураганъ, несшійся съ такой быстротой и яростью по едва начавшейся у насъ воздѣлываться нивѣ науки».

Казармы Л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія.
Съ рѣдкой гравюры 1810 года.

По стопамъ Магницкаго шель исправляющій должность попечителя Петербургскаго округа, Руничъ, о которомъ Вигель говоритъ, что «онъ былъ чистосердечнѣе Магницкаго, но зато бессмысленнѣе его ничто не могло быть». Этотъ подражатель превзошелъ своего оригинала и возбудилъ обвиненіе противъ петербургскихъ профессоровъ: Галича, Германа, Гаушаха и Арсеньева, въ томъ, что они преподають въ университетѣ философскія и историческія науки въ духѣ, противномъ христіанству, и поселяють въ умахъ студентовъ идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Магницкій и Голицынъ поддержали Рунича, и профессора были удалены изъ университета, но дѣло о нихъ затянулось въ виду разногласія въ комитетѣ министровъ, и уже при Николаѣ по высочайшему повелѣнію приказано было считать его законченнымъ. Естественно, что подвиги Голицына, Магницкаго и Рунича возмущали сердца всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія и не могли остаться безъ протестовъ: такъ профессоръ Дерптскаго университета Парротъ подалъ императору обширную записку подъ заглавіемъ: «Нравственный взглядъ на современные принципы народнаго просвѣщенія въ Россіи». Въ письмѣ, при которомъ она была препровождена, этотъ безкорыстный восторженный почитатель Александра громитъ Магницкаго, называя его пугаломъ народнаго просвѣщенія и между прочимъ говоритъ: «Я сто разъ спрашивалъ себя, какими средствами этотъ жестокій человѣкъ успѣлъ достигнуть столь губительнаго вліянія въ министерствѣ. На основаніи фактовъ я долженъ былъ сказать себѣ, что это достигалось, только покрывая благородную и рыцарскую душу вашего величества, эту душу, чуждую страха и упрека, тучей опасеній и подозрѣній, сквозь которыя видишь, какъ свѣтится она постоянно то болѣе, то менѣе затемненная; часто же она прерываетъ эту вѣроломную тучу, чтобъ блестѣть полнымъ свѣтомъ. Чувствуете ли вы себя, государь, счастливымъ среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, чтобъ на каждомъ шагу ощупывать почву, вооружающаго противъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ ту руку, которая хотѣла бы проливать идеи благодѣянія, рисующаго вамъ молодежь самыми мрачными красками, ту молодежь, которую, однако, вы любите, несмотря на отвращеніе и страхъ, которые вамъ внушаютъ къ ней. Сблаговолите, государь, ввѣриться вашимъ собственнымъ свѣтлымъ и блестящимъ идеямъ, которыя вели васъ по столь вѣрному пути до эпохи конгрессовъ. Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ. Иностранцы соткали его, чтобы сдѣлать изъ васъ страшилище для Европы, а нѣкоторые изъ окружающихъ васъ—Магницкій, самый яростный, самый безудержный изъ всѣхъ, сгущають и поддерживають этотъ туманъ, чтобъ сдѣлаться необходимыми, чтобъ хвастаться, что они ваша поддержка. Развѣ госу-

дари теряютъ что либо, если они не оскорбляютъ человѣчества и не губятъ молодежи? Конечно, нѣтъ, а потерпятъ честолюбцы и интриганы, желающіе господствовать подъ прикрытіемъ вашего имени, поносимаго ими». Но времена перемѣнились, и Александръ уже давно не допускалъ до себя и не отвѣчалъ на письма стараго друга, съ которымъ онъ прекратилъ всякія отношенія съ 1812 г. Поэтому и этотъ протестъ противъ Магницкаго остался безъ всякаго результата, а Магницкій продолжалъ неистовствовать до царствованія Николая, когда былъ уволенъ со службы и сосланъ въ Ревель подъ присмотръ коменданта.

Что касается самого Голицына и его министерства затменія, то ихъ злоторной дѣятельности наступилъ конецъ и при Александрѣ, но самымъ страннымъ образомъ. Они оказались недостаточно отсталыми и фанатичными, нашелся человѣкъ, который превзошелъ ихъ въ этомъ отношеніи, и Магницкій перешелъ на его сторону, а министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія распалось. Этотъ человѣкъ былъ знаменитый монахъ Фотій. Дѣло въ томъ, что князь Голицынъ былъ мистикомъ и клерикаломъ чистой воды, но не исключительно православнымъ и фанатикомъ, а всесвѣтнымъ, такъ сказать, космополитнымъ. Онъ не только покровительствовалъ Библейскому обществу, имѣвшему протестантскій оттѣнокъ, но присутствовалъ на сходахъ и моленіяхъ, которые не имѣли ничего общаго съ предписаніями православной церкви, а также пропускалъ въ печать такія книги и статьи, которыя проповѣдывали свободное изліяніе духа святаго. Однимъ словомъ, рьяные ревнители православія обвиняли его въ томъ, что онъ сектантъ, не признававшій всѣхъ постановленій православной церкви и замѣнявшій ихъ собственными или чужими мистическими измышленіями. Правда, Голицынъ въ этомъ отношеніи шелъ по стопамъ самого Александра, который былъ также европейскимъ мистикомъ и одинаково благоговѣнно слушалъ богословскія фантазіи г-жи Криденеръ, въ божественномъ призваніи которой онъ, однако, вскорѣ разочаровался, проповѣди лютеранскаго пастора Эйлерта въ Берлинѣ, душеспасительныя наставленія католическаго аббата князя Александра Гогенлоэ въ Вѣнѣ и духовныя бесѣды квакеровъ Грелэ и Аллена, пріѣхавшихъ по его приглашенію изъ Лондона въ Петербургъ. Но то, что ревнители православія должны были терпѣть въ государѣ, они находили невозможнымъ допустить въ его министрѣ и выставили Фотія бойцемъ за православіе.

Этотъ Фотій былъ сыномъ дьячка и въ мірѣ назывался Петромъ Никитичемъ Спасскимъ, а, сдѣлавшись іеромонахомъ, онъ составилъ себѣ славу строгаго аскета, носившаго власяницу и вериги, а также подвергавшагося галюцинаціямъ, которыя принимались имъ за видѣнія. «Сила вещей и обстоятельства, по словамъ его біографа Миропольскаго, выдвинули на арену дѣятельности человѣка съ самымъ

скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатика до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь и на мученія за вѣру и церковь, которыя онъ понималъ очень узко и ограниченно». Какъ новый Торквемадо онъ вступилъ въ борьбу противъ безбожія и потока нечестія, но, не имѣя возможности прибѣгать къ кострамъ, Фотій довольствовался произнесеніемъ анафемы противъ нечестивыхъ, вольнодумныхъ людей и богомерзкихъ ихъ скопищъ, «противныхъ Богу и царю, церкви и отечеству, вредныхъ роду человѣческому и всякой власти законной». Въ дѣятельности пророка-обличителя онъ нашель сильную поддержку въ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, которую онъ называлъ «дщерью-дѣвицей» и рабой Господней смиренной, сосудомъ благодати Христовой; она предоставила въ его распоряженіе громадныя богатства и блестящія связи при дворѣ. Петербургскій митрополитъ Серафимъ и даже князь Голицынъ, не подозрѣвавшій, что отогрѣвалъ на своей груди змѣю, покровительствовали ему и быстро возвели его въ санъ архимандрита скита Сковородскаго, а потомъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Добившись черезъ своихъ покровителей аудіенціи у государя, Фотій вкрался въ его довѣріе своей пламенной проповѣдью противъ царившаго нечестія, что вполне соответствовало тогдашнему мистично-религиозному настроенію Александра, и упрочилъ свое положеніе.

Первымъ доказательствомъ его силы и вліянія было закрытіе масонскихъ ложъ, которыя онъ громилъ, какъ вертепы нечестія, вредныя для церкви и государства, хотя, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, «масонство въ Россіи не имѣло другой цѣли, кромѣ благотвореній и пріятнаго препровожденія времени». Онъ же говоритъ далѣе: «Я не былъ ревностнымъ масономъ, и мнѣ не для чего принимать на себя защиты сей секты, но скажу откровенно, что въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слышалъ никакихъ другихъ разговоровъ, какъ кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и искусствахъ. Знатные люди были рѣдко у насъ масонами, и ложи обыкновенно наполнялись людьми средняго состоянія: офицерами, чиновниками, художниками, купцами, а болѣе всего литераторами. Въ ложѣ «Избраннаго Михаила» я находилъ отличнѣйшихъ людей, напримѣръ, Оедора Глинку, Греча, графа Толстого, прославившагося лѣпными работами, Доброхотова, лучшаго рѣзчика на камнѣ, Рикарда и другихъ почтенныхъ людей. Польза, проистекающая отъ соединенія такихъ людей, очевидна: лишившись съ уничтоженіемъ ложъ средоточія, гдѣ они совокупно дѣйствовали во взаимномъ благотвореніи и просвѣщеніи, имъ оставалось разсѣяться по различнымъ кружкамъ, гдѣ каждый изъ нихъ находится по службѣ или по семейнымъ своимъ связямъ. Но массоны отличались свободомысліемъ и ненавистью ко всякому мракобѣсію, а потому Фотій съ своими единомышленниками, къ которымъ примкнулъ Аракчеевъ, погубили ихъ».

Почувствовавъ свою силу, заговорщики рѣшили извести министерство вѣдѣній, которое въ ихъ глазахъ недостаточно напустило мрака на Россію, и вооружились противъ князя Голицына, въ которомъ Аракчеевъ боялся встрѣтить соперника по его дружескому вліянію на Александра. Фотійъ энергично повелѣлъ этотъ крестовый походъ путемъ будто бы явившихся ему видѣній, откровеній, тай-

А. И. Михайловскій-Данилевскій.

Съ гравированнаго портрета Райта.

ныхъ бесѣдъ съ государемъ, котораго онъ старался запугать зловѣщими предсказаніями и цѣлымъ рядомъ посланій къ Александру, въ которыхъ онъ давалъ совѣты, какъ «остановить революцію» и «тихо, счастливо уничтожить планъ разоренія Россіи». Въ числѣ этихъ совѣтовъ занимало первое мѣсто—уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ и Библейскаго общества, возвращеніе синоду его

прежняго значенія и порученіе духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ что противное нравственности и вѣрѣ. «Въ концѣ концовъ онъ писалъ государю: «Повелѣніе Божіе я извѣстилъ; исполнить же тебѣ состоитъ съ тобою духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 ровно 12 лѣтъ: Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію, да побѣдитъ онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты пера твоего». Когда все было подготовлено и подведены всѣ ковы, съ помощью митрополита Серафима, Аракчеева и Магницкаго, предавшаго своего начальника, Фотій сдѣлалъ смѣлый шагъ, нанесшій мать противнику. Ничего не подозрѣвая, Голицынъ заѣхалъ однажды къ Фотію, жившему въ домѣ «дщери—дѣвицы», и вслѣдствіе возникшаго между ними пререканія Фотій предалъ министра анаемѣ. «Услышавъ голосъ сей, пишетъ самъ Фотій, князь возненавидствовалъ, побѣжалъ вонъ во гнѣвъ и ярости, яко лишенъ ума; я же вслѣдъ ему возгласилъ: «Ежели ты не покаешься и вся съ тобой не обратятся, анаеема всѣмъ; ты же, яко вождь нечестія, не узришь Бога, не увидишь въ царствіе Божіе, а снидеши во адъ, и вси съ тобою погибнуть во вѣки. Аминь». Совершивъ этотъ скандалъ, Фотій, по его же словамъ: «скача и радуясь, воспѣвалъ пѣснь сію: съ нами Богъ!» Митрополитъ Серафимъ сначала удивился, но потомъ сказалъ: «Сіе много подвинетъ сердце царево къ дѣйствію во благо». Такъ и случилось: князь Голицынъ оскорбился и просилъ государя уволить его отъ всѣхъ должностей. Конечно, онъ ожидалъ, что Александръ не разстанется въ своимъ старымъ другомъ, который первый повелъ его въ 1812 г. на путь благочестія, но государь отвѣчалъ: «И я любезный князь не разъ хотѣлъ объясниться съ вами чистосердечно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрѣнное вамъ министерство какъ-то не удалось вамъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное министерство, но принять вашу отставку никогда не согласусь. Вы останетесь при мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего моего семейства, и, кромѣ того, я прошу васъ оставить за собою званіе члена государственнаго совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ дѣла пойдутъ постарому, и я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ».

Трагикомедія была сыграна, министерство затменія принесено въ жертву еще большому мракобсію: оно распалось на свои составныя части. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ изъяты дѣла православнаго исповѣданія и возвращены въ синодъ, и доклады оберъ-прокурора стали представляться государю черезъ Аракчеева, объ участіи котораго въ пораженіи нечестія Фотій говорилъ: «Сей вельможа справедливый, приверженный паче всѣхъ царю Александру, пытливый патриотъ, сынъ церкви усердный, явился

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.

Съ портрета, приложеннаго къ «Библиографическимъ Запискамъ» 1892 года.

рабъ Божій за святую вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ». Библейское общество не было закрыто, но президентомъ его назначенъ митрополитъ Серафимъ. Министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій сдѣланъ адмиралъ Шишковъ. При новомъ министрѣ реакціонное направленіе еще болѣе усилилось въ дѣлѣ просвѣщенія, а цензура, достаточно тѣснившая литературу и журналистику во вре-

мя Голицына, стала еще болѣе неистовствовать. Такъ запрещенъ былъ даже переводъ самого Магницкаго одной иностранной книги «Нѣчто о конституціяхъ», написанной въ духѣ самодержавія, по той причинѣ, что «нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ».

«Итакъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель,—за послѣдніе годы царствованія Александра безсильная геронтократія дремала у государственнаго кормила: старики—Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ, казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣми бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ». Неудивительно, что въ это время Петербургъ былъ, по выраженію того же современника, «подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ, и мрачные, печальные взоры Александра отражались на его подданныхъ, недоумѣвавшихъ, что государь, который долженъ былъ жить въ вѣкахъ другомъ свободѣ, сдѣлался ея притѣснителемъ и отказался отъ любви современниковъ и похвалъ потомства».

III.

Внѣшняя политика въ заключительную эпоху царствованія Александра отличалась такимъ же духомъ реакціи, какъ и внутренняя, а на европейскихъ конгрессахъ того времени Александръ являлся единомышленникомъ Меттерниха и ярымъ врагомъ конституціонныхъ порядковъ, хотя самъ вводилъ ихъ въ Польшу и обѣщалъ распространить на Россію. Эти противорѣчія объясняются его вѣчной двойственностью, но его либеральныя стремленія все болѣе и болѣе ступавались реакціоннымъ затмѣніемъ, такъ что подъ конецъ царствованія Александра Россія сдѣлалась дивизіей великой арміи порядка, которая подъ начальствомъ Меттерниха преслѣдовала повсюду идеи свободы, прогресса и конституціонныхъ порядковъ.

Открытіе перваго польскаго сейма въ 1818 г. и произнесенная Александромъ по этому случаю рѣчь возбудила всюду пламенный восторгъ. Въ этой знаменитой исторической рѣчи онъ говорилъ полякамъ: «Организація, существовавшая въ вашемъ краѣ, дозволила мнѣ ввести немедленно ту, которую я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ постоянно предметомъ моихъ помысленій и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я при помощи Божіей распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ дали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приготавливаю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала

Архимандритъ Фотій.

Съ портрета Георга Доу, гравированнаго Генрихомъ Доу,

столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости. Докажите вашимъ современникамъ, что законно-свободныя учрежденія, священные начала которыхъ смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца, направляются чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спательной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народа. Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя моимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено». Съ удивленіемъ, по мѣткому замѣчанію Н. К. Шильдера, услышала Европа такія просвѣтительныя заявленія изъ устъ русскаго самодержца, который, закрывая сеймъ спустя мѣсяць и благодаря его за свободное и достойное пользованіе дарованной свободой, повторилъ обѣщаніе «исполнить свои намѣренія, которыми онъ дорожилъ».

Эти обѣщанія были двоякія, относительно Польши и Россіи, но имъ не было суждено осуществиться. Въ первомъ отношеніи Александръ хотѣлъ возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ, конечно, только съ восточной стороны. Съ этой цѣлью было поручено Новосильцеву сдѣлать переводъ съ латинскаго языка двухъ государственныхъ актовъ 1413 и 1551 годовъ о присоединеніи великаго княжества Литовскаго къ королевству Польскому. Хотя рѣчи Александра на второмъ польскомъ сеймѣ въ 1819 г. рѣзко отличались отъ того, что онъ говорилъ въ предыдущемъ году, и въ нихъ упоминается о «духѣ зла, который накапливаетъ злодѣянія и подобныя дѣйствія», а такъ же о «могущей встрѣтиться необходимости прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ», но все-таки онъ въ концѣ концовъ сказалъ: «Я никогда не измѣню относительно Польши своихъ намѣреній». Такимъ образомъ проектъ о возстановленіи древняго королевства Польскаго присоединеніемъ къ нему провинцій, вошедшихъ уже въ составъ Россіи, былъ только отложенъ и то въ виду несочувствія, высказаннаго къ нему въ Россіи людьми самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій, какъ Аракчеевъ и Карамзинъ, написавшій по этому поводу извѣстную записку, озаглавленную «Мнѣніе русскаго гражданина». Но это не мѣшало Александру лелѣять эту идею до послѣднихъ дней своей жизни и при открытіи и закрытіи третьяго польскаго сейма весной 1825 года онъ снова намекнулъ, что «исполненіе его желаній» относительно Польши зависитъ отъ поведенія самихъ поляковъ, а въ частныхъ разговорахъ прямо указывалъ, что попрежнему намѣренъ присоединить къ Польшѣ западныя губерніи импе-

Наводнение въ С.-Петербургѣ 7 ноября 1824 года.

Съ гравюра того времени.

ри. Великій князь Константинъ Павловичъ подтвердилъ это въ письмѣ къ императору Николаю отъ 15 февраля 1826 г., говоря: «Не далѣе, какъ во время своего послѣдняго пребыванія онъ дважды положительно высказалъ это намъ, моей женѣ и мнѣ; то же самое было имъ повторено множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и статскихъ». И при всеѣмъ этомъ теоретическомъ выраженіи либеральныхъ идей Александръ ограничивалъ данную имъ же Польшѣ конституцію, напримѣръ, отдѣльнымъ узаконеніемъ о тайныхъ засѣданіяхъ сейма, кромѣ перваго и послѣдняго, и позволялъ великому князю Константину и русскимъ правителямъ готовить своими дѣйствіями роковыя событія, уничтожившія всѣ его благотворныя реформы. Таковы были плоды противочувствія неразгаданнаго современниками сфинкса.

То же можно сказать и относительно обѣщаній Александра распространить на Россію правовые порядки. По закрытіи перваго польскаго сейма въ 1818 году, Александръ поручилъ Новосильцеву разработать проектъ конституціи для Россійской имперіи. Этотъ проектъ былъ дѣйствительно составленъ подъ заглавіемъ «Государственная уставная грамота Россійской имперіи», при содѣйствіи французскаго юриста Демана, и переведенъ на русскій языкъ кн. П. А. Вяземскимъ. Лѣтомъ слѣдующаго года, кн. Вяземскій посѣтилъ Петербургъ и долго бесѣдовалъ съ государемъ объ его трудѣ, уже доставленномъ на разсмотрѣніе Александра. «Государь, пишетъ онъ, сказалъ, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ въ Варшаву присланныя ему бумаги со своими критическими замѣчаніями, что надѣется привести непременно это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе священной для него мысли, что онъ знаетъ, сколько преобразование сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденіе, легкомысліе, приписываетъ симъ политическимъ правиламъ многія обѣдственные событія современныя, когда при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ». Дальнѣйшая судьба «Государственной уставной грамоты Россійской имперіи» неизвѣстна, и хотя Сперанскій, тогда возвращенный къ административной дѣятельности, писалъ Столыпину, что работы по этому вопросу можно затянуть, проволочить, но отложить невозможно, такъ силенъ напоръ времени и обстоятельствъ», но мысль Александра ввести въ Россіи политическую свободу, по выраженію Данилевскаго, исчезла безъ слѣда, или, лучше сказать, слѣдъ ея фактическаго проявленія въ видѣ «Государственной уставной грамоты Россійской имперіи» сохранился до сихъ поръ, но только въ видѣ историческаго документа. Онъ былъ найденъ польскими мятежниками въ 1820 г. въ бумагахъ Новосильцева и напе-

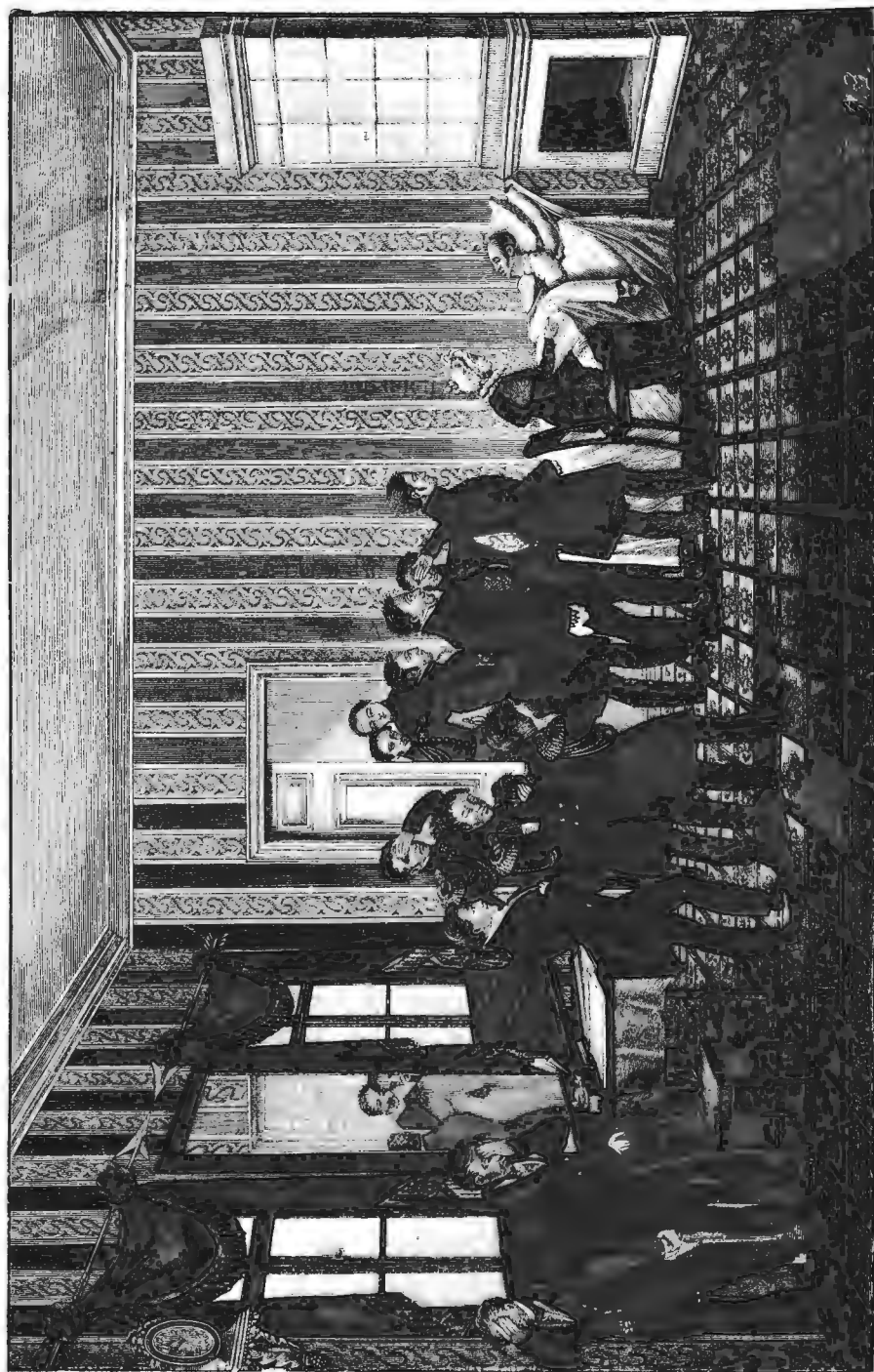
Дворецъ въ Таганрогъ.
(Съ фотографіи).

чтанъ въ Варшавѣ въ слѣдующемъ году въ числѣ 2000 экземпляровъ. По взятіи Варшавы Паскевичемъ, онъ нашелъ изъ нихъ 1578 экземпляровъ и препроводилъ въ Москву къ императору Николаю, который приказалъ сжечь ихъ на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу Николай Паскевичу: «Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцева въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно, на 100 человекъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтуть, не поймутъ или презрютъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ и главное не забудутъ; это пуще всего меня беспокоитъ».

Нѣмецкій переводъ этого любопытнаго документа былъ напечатанъ въ «Historische Zeitschrift» за 1894 годъ, а Н. К. Шильдеръ теперь помѣстилъ его въ русскомъ текстѣ въ приложеніяхъ къ IV тому своего почтеннаго труда.

Участіе Александра I въ четырехъ европейскихъ конгрессахъ: ахенскомъ, тропаускомъ, лайбахскомъ и веронскомъ, имѣло самыя печальныя результаты, какъ для Европы, рѣшителемъ судебъ которой онъ былъ со времени пораженія Наполеона, такъ и для Россіи, гдѣ печально отразилась утвержденная на этихъ конгрессахъ Меттерниховская реакція. Хотя, собственно, прямой цѣлью ахенскаго конгресса въ 1818 году было сокращеніе занятія союзниками Франціи, и эта либеральная цѣль достигнута лишь по настоянію Александра I, но уполномоченные пяти великихъ державъ подписали протоколъ и декларацію, въ которыхъ была выяснена цѣль будущей ихъ политики, состоявшей въ поддержаніи существующаго порядка, согласованнаго съ христіанскимъ духомъ священнаго союза. Эта смутная программа уже вполнѣ ясно опредѣлена на слѣдующемъ конгрессѣ въ Тропау, гдѣ государи и дипломаты собрались, спустя два года, при мрачныхъ политическихъ событіяхъ. Волненія въ Германіи, убійство студентомъ Зендомъ русскаго шпіона Коцебу, возстанія въ Испаніи, Неаполѣ и Сѣверной Италіи, наконецъ, убійство герцога Беррійскаго — были наруку Меттерниху и давали ему возможность стянуть сѣть, которой онъ уже давно запутывалъ Европу и Александра. На его счастье еще получилось, въ началѣ конгресса, извѣстіе изъ Петербурга о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку, и хотя его командиръ полковникъ Шварцъ былъ преданъ суду за жестокое обращеніе съ солдатами, но Александръ I приписалъ это печальное событіе дѣйствию тайныхъ обществъ и вообще духу зла, свирѣпствовавшему во всемъ свѣтѣ. Конечно, Меттернихъ ловко воспользовался всѣми этими обстоятельствами и окончательно подчинилъ своему роковому вліянію Александра, который въ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ покаялся въ своихъ прежнихъ либеральныхъ заблужденіяхъ. Державы рѣшили предпринять понудительныя мѣры противъ неаполитанскихъ мятежниковъ, заставившихъ своего короля дать имъ конституцію, а для болѣе

Кончина императора Александра I.
Факсимиле гравюры И. Кулакова 1827 г.

близкаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Италіи перевели конгрессъ въ Лайбахъ. Тамъ продолжалъ свои подкобы Меттернихъ и зная, что онъ никогда вполнѣ не овладѣетъ Александромъ I, пока его министромъ иностранныхъ дѣлъ останется энергичный, либеральный Каподистрія, онъ сталъ всячески интриговать противъ него.

Въ Тропау и въ особенности въ Лайбахѣ священный союзъ перешелъ съ теоретической почвы на практическую. Сначала австрійскія войска усмирили Неаполь, а затѣмъ съ той же цѣлью Александръ послалъ русскую армію подъ начальствомъ Ермолова въ Пьемонтъ, гдѣ вспыхнула революція. Но австрійцы и тутъ обошлись безъ русскихъ штыковъ, къ большому удовольствію самого Александра, который не могъ не сознавать, какъ глубоко противорѣчили его дѣйствія за конституціонные порядки въ Польшѣ и противъ нихъ въ остальной Европѣ. «Чѣмъ я былъ, тѣмъ остаюсь теперь и останусь всегда:—говорилъ онъ представителю Франці Ла-Ферона— я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ, но не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Вотъ какими софизмами онъ старался объяснить свой переходъ въ реакціонный лагерь Меттерниха, а новое греческое возстаніе окончательно заставило его тамъ укрѣпиться. «Теперь императоръ Александръ не выйдетъ изъ моей школы», гордо восклицалъ австрійскій канцлеръ, и дѣйствительно государь выѣхалъ изъ Лайбаха слѣпымъ орудіемъ меттерниховской политики. Первымъ послѣдствіемъ этого факта былъ отказъ Россіи помочь грекамъ въ ихъ борьбѣ съ турками, несмотря на всю ея популярность во всѣхъ классахъ русскаго общества и на удобную тогда минуточку окончательно покончить съ восточнымъ вопросомъ, а вторымъ результатомъ явилось удаленіе отъ дѣлъ благороднаго Каподистрія, который не могъ руководить новой меттерниховской политикой Россіи. Его мѣсто занялъ графъ Несельроде, и, по выраженію Н. К. Шильдера, «исчезъ послѣдній слѣдъ самостоятельнаго отношенія Россіи къ западу и вмѣстѣ съ тѣмъ утратилось сознаніе историческаго призванія ея на востокъ». Меттернихъ вполнѣ понималъ всю важность одержанной имъ побѣды и гордо говорилъ: «русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ».

Послѣдній конгрессъ, на которомъ принималъ участіе Александръ, состоялся въ Веронѣ въ 1822 г. Во то время державы имѣли главнымъ образомъ въ виду подавленіе революціи въ Испаніи и возстановленіе тамъ законнаго правительства. Русскій императоръ находился уже въ такомъ подчиненіи Меттерниху, что сказалъ ему однажды: «Меня осыпаютъ упреками, зачѣмъ я отказался отъ своей независимости и позволяю вамъ руководить собою, но я считаю связывающія насъ узы священными, ибо они соединяютъ насъ въ общихъ интересахъ. Вы хотите спокойствія вселенной, и я также не-

знаю иного честолюбія, какъ поддерживать его». На возвратномъ пути въ Россію, онъ писалъ своему новому другу и учителю: «Священный союзъ находится въ полной своей силѣ. Никогда еще единеніе трехъ монарховъ, лежащее въ его основѣ, не было болѣе тѣснымъ. Вернувшись домой, я намѣренъ усиленно заняться, чтобъ быть готовымъ въ нужный моментъ оказать поддержку союзу. Вся моя жизнь, насколько это зависитъ отъ меня, посвящена только работамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы». Естественно, что, найдя себѣ новаго друга и учителя въ реакціонномъ духѣ, Александръ отвернулся отъ друга и учителя своей либеральной юности. Со времени Ахенскаго конгресса онъ пересталъ переписываться съ Лагарпомъ, но послѣдній былъ такъ возмущенъ ходомъ политическихъ событій и рѣшеній веронскаго конгресса, что еще разъ написалъ своему бывшему ученику пламенное письмо, въ которомъ энергично протестовалъ противъ происшедшей въ Александрѣ перемѣны во имя когда-то дорогихъ ему принциповъ свободы и прогресса. Это благородное воззваніе стараго идеалиста осгалося, конечно, безъ отвѣта.

IV.

Во время веронскаго конгресса Меттернихъ сталъ замѣчать впервые у Александра «утомленіе жизнью». Шатобрианъ, бывший представителемъ Франціи на конгрессѣ, также говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ его меланхоліи. Дѣйствительно, мрачное уныніе уже давно царило въ наболѣвшемъ сердцѣ Александра, и еще въ 1816 году Данилевскій писалъ, что во время бала, среди хорошенькихъ женщинъ, которыми онъ, повидимому, занимался, государь иногда бросалъ взгляды, ясно обнаруживавшіе, что душа его была въ волненіи. Но чѣмъ болѣе развивался въ немъ мистицизмъ, тѣмъ безотраднѣе складывались обстоятельства, отуманивпія его свѣтлые либеральные взгляды, чѣмъ онъ становился сумрачнѣе и подозрительнѣе, тѣмъ чаще стала въ немъ пробуждаться мысль о томъ, что провидѣніе караетъ его за грѣхи юности. Такъ, во время страшнаго наводненія, бывшаго въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года, онъ публично при всемъ народѣ въ Гавани въ отвѣтъ на восклицаніе одного старика: «За наши грѣхи Богъ насъ караетъ», громко сказалъ: «Нѣтъ, за мои».

Естественно, что при подобномъ настроеніи воскресла въ его умѣ давнишняя идея объ отреченіи отъ престола. Впервые упоминаетъ объ этомъ Данилевскій въ 1817 г. и записываетъ подлинныя слова государя: «Когда кто нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого государства, какъ наше, онъ долженъ въ моментъ опасности первый становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его

физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобъ сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь. Послеъ этого онъ долженъ удалиться. Что касается меня,—прибавилъ съ выразительной улыбкой Александръ:—то въ настоящее время я прекрасно чувствую себя, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, тогда»... Передавая эти знаменательныя слова, Данилевскій замѣчаетъ: «Я подумалъ, неужели государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ V». Спустя два года, государь уже совершенно ясно сказалъ объ этомъ намѣреніи великому князю Николаю и его женѣ. Разговаривая съ ними наединѣ, онъ неожиданно произнесъ, что смотритъ на второго своего брата, какъ на своего наслѣдника, и что это должно случиться гораздо раньше, такъ какъ оно случится при его жизни. При видѣ ихъ изумленія, государь прибавилъ: «Кажется, вы удивлены, такъ знайте, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомкамъ. Что касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда, нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполне обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во время. Минута этого переворота еще не наступила; до нея, можетъ быть, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была только та, чтобъ вы заблаговременно приучили себя къ мысли, непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности». Также ясно и опредѣленно высказался объ этомъ предметѣ Александръ I въ томъ же году брату Константину въ Варшавѣ. «Я долженъ сказать тебѣ братъ,—промолвилъ онъ:—что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобъ ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ этомъ случаѣ». Цесаревичъ отвѣчалъ: «Тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего; я буду вамъ служить и, ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодарителю моему». Александръ I крѣпко поцѣловалъ брата и прибавилъ. «Когда придетъ время абдикировать, то я тебѣ дамъ знать, и ты свои мысли напиши матушкѣ». Затѣмъ нѣсколько лѣтъ Александръ I молчалъ о своемъ намѣреніи, но весною 1825 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ сказалъ объ этомъ, гостившему въ Петербургѣ, принцу Оранскому, который тщетно старался его отговорить отъ исполненія его твердой воли. Кромѣ того, быть можетъ, и странная надпись на конвертахъ съ манифестомъ о перемѣнѣ престолонаслѣдія съ согласія Константина въ

пользу Николая, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ, сенатѣ, синодѣ и государственномъ совѣтѣ: «хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть»,— указываетъ на намѣреніе обнародовать манифестъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія вмѣстѣ съ манифестомъ о своемъ отреченіи. Насколько искренни были его намѣренія въ послѣднемъ отношеніи, могутъ подтвердить его слова, сказанныя кн. Васильчикову послѣ его выздоровленія отъ горячки зимой 1824 г. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Васильчикова, что весь Петербургъ принималъ большое участіе въ его болѣзни, онъ сказалъ: «Пріятно вѣрить этому, но въ сущности я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящее меня».

Одной изъ причинъ этой тяготы были свѣдѣнія, полученныя Александромъ I о распространеніи среди арміи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй имперіи. Впервые узнавъ объ этомъ императоръ, вернувшись въ Петербургъ въ 1821 г. послѣ годичнаго отсутствія за границей. Генераль-адъютантъ Васильчиковъ доложилъ ему о существованіи политическаго заговора и представилъ списокъ участниковъ заговора. Александръ I задумался и потомъ многозначительно произнесъ: «Любезный Васильчиковъ, вы служите мнѣ съ начала моего царствованія и знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія. Не мнѣ карать». Приведя это историческое изреченіе, Н. К. Шильдеръ замѣчаетъ: «дѣйствительно Александръ I долженъ былъ признать, что стремленія тайныхъ обществъ не шли въ разрѣзъ съ его прежними убѣжденіями, и что, слѣдовательно, преслѣдовать членовъ этихъ обществъ значило бы преслѣдовать самого Александра I 1801 и послѣдующихъ годовъ». Въ это же время генераль-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, подалъ государю записку, въ которой подробно и вѣрно описаны тайныя общества въ Россіи съ обозначеніемъ ихъ участниковъ. Эта записка была найдена въ кабинетѣ государя въ Царскомъ Селѣ и вмѣстѣ съ нею маленькая собственноручная записочка Александра, относящаяся къ 1824 году. Въ этомъ послѣднемъ документѣ говорится: «Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія, или либерализма, разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками, что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества, или клубы, которые имѣютъ притонъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи. Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михайлъ Орловъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковниковъ, полковыхъ командировъ; сверхъ того, большая часть разныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ принадлежатъ къ этимъ обществамъ».

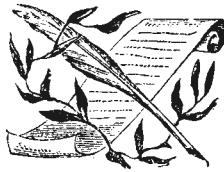
И, однако, зная все это, Александръ ничего не предпринималъ для уничтоженія заговора, придерживаясь высказаннаго имъ принципа: «Не мнѣ карать». Даже доносъ, сдѣланный Шервудомъ, передъ самымъ отъѣздомъ государя въ Таганрогъ, и докладъ, представленный графомъ Витта о замыслахъ заговорщиковъ, уже въ Таганрогѣ, не побудили его къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ, тому и другому было только поручено продолжать изслѣдованіе дѣла. Но гдѣ же былъ Аракчеевъ? Отчего онъ не принималъ мѣръ къ огражденію безопасности своего друга и благодѣтеля? Аракчеевъ оставался въ Грузинѣ и оплакивалъ убитую дворовыми людьми его домоправительницу, Минкину; онъ дошелъ до такого отчаянія отъ этой смерти, что самовольно передалъ свою должность генералу Эйлеру и отстранился отъ всѣхъ дѣлъ. Поэтому Шервудъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Незнаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣній Александромъ I и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь императора и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурнаго поведенія и злой, женщины: есть надъ чѣмъ задуматься». Задуматься дѣйствительно есть надъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что «проклятый змѣй», увѣрившій, что по болѣзни не имѣетъ никакого соображенія по важнымъ дѣламъ и что будетъ впредь жить въ уединеніи, какъ только умеръ Александръ I, вдругъ оправился, вернулся къ исправленію своей должности и донесъ объ этомъ новому императору. Современники даже приписывали ему въ нѣкоторой степени смерть Александра I; такъ князь Волконскій писалъ изъ Таганрога Закревскому: «Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиной сего несчастія, мерзкою своею исторіей и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ бумагъ отъ «змѣя» и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губить Россію и погубить государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось».

Если не прямое, то во всякомъ случаѣ косвенное вліяніе на неожиданную смерть Александра должны были имѣть грузинская исторія и главное—существованіе заговора, которое возбуждало въ немъ такія противоположныя чувства. Вообще мрачно, тяжело было на сердцѣ въ послѣдніе его дни человѣку на тронѣ». Вокругъ него всѣ были недовольны, всѣ громко жаловались на его слабость въ отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву, всѣ открыто говорили о необходимости кореннаго измѣненія существующихъ порядковъ. Самъ же Александръ съ одной стороны сознавалъ, какъ онъ открыто высказалъ Лубяновскому: «что мало еще сдѣлано внутри госу-

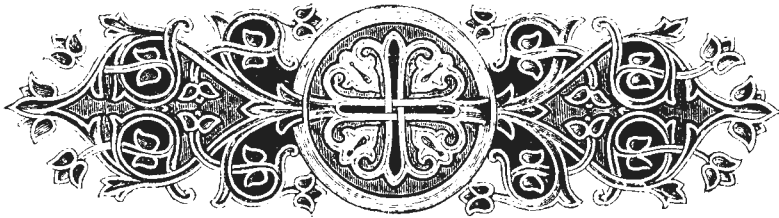
дарства, мысль о чемъ десятипудовой гирей ложилась ему на сердце», а съ другой, при всей овладѣвшей имъ меттерниховской и аракеевской реакціи, онъ понималъ, что «не ему было карать». По истинѣ положеніе было трагически невыносимое, безвыходное.

Судьба подготовила ему этотъ исходъ въ отдаленномъ уголкѣ его родины, которую въ послѣднее десятилѣтіе онъ исколесилъ во всѣ стороны. Отправившись осенью 1824 г. въ Таганрогъ съ больной императрицей Елисаветой Алексѣвной, онъ тамъ занемогъ и умеръ 19-го ноября. «Въ этотъ день, по выраженію Н. К. Шильдера, дѣйствительно совершилось великое для Россіи несчастіе; лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное изъ его жизни выступило на первый планъ, все прочее было предано забвенію. Было о чемъ горевать въ особенности въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидаемаго Россією, которой, по образному выраженію одного русскаго писателя, со смертью Александра предстояло войти въ холодный непривѣтливый коридоръ, въ длинный мрачный туннель, что чувствовалось многими современниками».

В. Тимирязевъ.

ПАМЯТНИКЪ ГРАФУ М. Н. МУРАВЬЕВУ ВЪ ВИЛЬНѢ.

ОЯБРЯ 8-го дня, состоялось въ г. Вильнѣ торжественное открытіе памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, воздвигнутаго по всенародной подпискѣ, какъ дань признательной Россіи своему историческому государственному дѣятелю, доставившему ей въ 1863—1865 гг. внутренней покой, цѣлостность и умиротвореніе обширнаго сѣверо-западнаго края, объятаго пламенемъ польскаго возстанія. Тридцать пять лѣтъ прошло со времени приснопамятныхъ событій тревожной эпохи, когда вся Россія, казалось, переживала какой-то тяжкій, смутный сонъ, парализовавшій всѣ правильныя отправленія ея народной жизни. Тридцать пять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, всѣ тогдашнія грозныя событія стали достояніемъ безпристрастной исторіи, и вотъ нынѣ въ наши дни надъ всѣми легендами, кривотолками и потухшими страстями высится въ г. Вильнѣ на гранитномъ фундаментѣ бронзовое величественное изваяніе знаменитаго виленскаго диктатора шестидесятихъ годовъ. Истинная оцѣнка дѣятельности грознаго усмирителя польскаго возстанія произведена лишь въ настоящіе дни, когда признательная Россія положила къ подножію виленскаго памятника вѣнокъ неувядаемой славы, и когда на страницахъ повременныхъ изданій воспроизведена во многихъ подробностяхъ эпопея шестидесятихъ годовъ. Въ дѣлѣ этого воспроизведенія на долю нашего журнала выпало немало труда, такъ какъ почти каждый годъ редакція «Историческаго Вѣстника» давала своимъ читателямъ тотъ или иной очеркъ или воспоминаніе, посвященныя именно виленскимъ и варшавскимъ событіямъ шестидесятихъ годовъ. Статьи гг. Кренке, Берга, воспоминанія Ягмина, В. Щ. В. и множество

другихъ работъ, включая и напечатанныя въ текущемъ году, достаточно обстоятельно въ цѣломъ и въ частностяхъ обрисовываютъ послѣднее польское возстаніе и положеніе русскихъ въ сѣверо-западномъ краѣ до и послѣ Муравьева. Поэтому, во избѣжаніе повторенія прежде сказаннаго, ограничимся сегодня лишь напоминаніемъ читателямъ главныхъ моментовъ жизни виленакаго генераль-губернатора и обстоятельствъ, при которыхъ состоялось въ настоящіе дни открытіе ему памятника, снимокъ съ котораго при семъ прилагается.

Родъ Муравьевыхъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ родовъ Россіи, на долю которыхъ выпадало немало трудной работы въ дѣлѣ строенія Русской земли. Михаилъ Николаевичъ родился въ 1796 г. въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, а первые года юности провелъ въ родовомъ имѣніи, въ с. Сырцѣ, Лужскаго уѣзда, подъ непосредственнымъ попеченіемъ матушки, которой и считалъ себя всецѣло обязаннымъ своимъ серьезнымъ складомъ ума. Овдовѣвъ, отецъ Муравьева поселился въ 1801 г. въ Москвѣ, гдѣ занялся основательнымъ воспитаніемъ сыновей, для чего въ домъ приглашены были иностранные гувернеры. Стремленіе къ серьезной умственной работы проснулось въ молодомъ Муравьевѣ, когда онъ еще былъ студентомъ университета. Такъ, онъ собралъ тогда вокругъ себя небольшой кружокъ товарищей для распространенія математическихъ познаній и написалъ уставъ общества математиковъ, который, по одобреніи его отцомъ, былъ представленъ черезъ министра народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе императора Александра I. Общество удостоилось высочайшаго утвержденія и открыло свои дѣйствія, т.-е. чтеніе разныхъ лекцій, въ 1811 г. въ квартирѣ отца Муравьева. Самъ же четырнадцатилѣтній сынъ его считался вице-президентомъ, и принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи лекцій. Впослѣдствіи изъ этого общества образовалось московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное въ 1814 г.

Въ 1811 г. М. Н. Муравьевъ поступилъ на службу въ колонновожатые, сначала состоя при штабѣ 5-го корпуса, а потомъ, по распоряженію Кутузова, былъ откомандированъ въ распоряженіе Беннигсена. Въ сраженіи подъ Бородиномъ М. Н. былъ тяжело раненъ ядромъ въ лѣвую ногу и въ безпамятствѣ съ трудомъ вывезенъ на простой телѣгѣ съ поля битвы. Оправившись къ 1813 г., онъ вновь прибылъ въ армію, участвовалъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ, но бородинская рана не позволила ему долго пребывать въ рядахъ войска и побудила отправиться въ Пятигорскъ; лѣченіе водами не принесло, однако, всей ожидаемой пользы, и молодой поручикъ генеральнаго штаба ходилъ, опираясь на костыли. До 1818 г. онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, занимаясь въ заведеніи для колонновожатыхъ, основанномъ уже тогда его отцомъ. 26-го августа 1818 г. онъ всту-

пилъ въ бракъ съ 17 лѣтнею дѣвицею Пелагеею Васильевною Шереметевой и рѣшилъ, было, совсѣмъ выйти въ отставку, посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству въ имѣніи молодой супруги; но отставка его не была принята, и ему разрѣшенъ былъ лишь продолжительный отпускъ, каковымъ онъ и воспользовался съ пользою, изучивъ въ тонкости условія крестьянскаго быта. Въ 1820 г. онъ снова вернулся къ военной службѣ, состоя въ чинѣ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба при свитѣ его величества по квартирмейстерской части; однако разболѣвшаяся рана опять дала о себѣ знать, и на этотъ разъ дѣйствительно пришлось выйти въ чистую отставку.

Событія 1825 г. чуть не осложнили спокойной и счастливой жизни Муравьева; онъ былъ арестованъ, но слѣдствіе выяснило съ полной очевидностью его невиновность, и ему была возвращена свобода. Въ 1826 г., по предложенію барона Дибича, онъ снова зачисляется съ чиномъ подполковника на службу и посвящаетъ свое достаточно свободное время на разборку и обработку разныхъ накопившихся замѣтокъ и бумагъ, слѣдствіемъ чего явилась обширная записка объ улучшеніи мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учреждений и объ искорененіи взяточничества, каковая записка и была имъ представлена государю императору. Оставшись ею доволенъ, Николай Павловичъ потребовалъ отъ автора нѣкоторыхъ дополненій, а вслѣдъ за симъ состоялось его назначеніе витебскимъ вице-губернаторомъ, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго совѣтника, а черезъ годъ мы уже видимъ его могилевскимъ губернаторомъ. Ознакомившись съ состояніемъ ввѣренной ему губерніи, Муравьевъ нашелъ здѣсь массу безпорядковъ, вслѣдствіе чего и счелъ нужнымъ войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ уже тогда можно встрѣтить слѣды того обширнаго административнаго ума и таланта, которые въ настоящіе дни получили всеобщую справедливую оцѣнку и позволили записать имя Муравьева въ списокъ выдающихся русскихъ государственныхъ дѣятелей нынѣшняго столѣтія. Въ своемъ докладѣ губернаторъ указалъ на необходимость отмены дѣйствовавшаго литовскаго статута, введенія порядка судопроизводства, установленнаго для губерній великорусскихъ, на необходимость преобразованія учебныхъ заведеній, на устраненіе католическаго духовенства отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества и замѣну этого духовенства русскими учителями. Когда въ 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнуло польское возстаніе, Муравьевъ былъ назначенъ гродненскимъ губернаторомъ; рядомъ умныхъ и проницательныхъ мѣропріятій онъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ усмиренію мятежа и успокоенію умовъ въ губерніи установленіемъ строгаго полицейскаго надзора за подозрительными личностями и монастырями, сосредоточеніемъ получаемыхъ свѣдѣній о ходѣ мятежа въ однѣхъ рукахъ и комплек-

Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

тованіемъ полиціи изъ коренныхъ русскихъ. По его предложенію, между прочимъ, были обложены денежными штрафами въ пользу казны всѣ прямо или косвенно содѣйствовавшіе мятежу, что въ свою очередь повлекло за собою обнаруженіе многихъ виновныхъ.

Получивъ приказаніе произвести изслѣдованіе польской смуты тридцатыхъ годовъ, Муравьевъ представилъ государю чрезвычайно важную докладную записку, въ которой видны отголоски его мнѣній, высказанныхъ еще въ 1828 году и проведенныхъ съ полною

силою тридцать лѣтъ спустя, въ періодъ польскаго возстанія шестидесятихъ годовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Муравьевъ прошелъ основательную школу практическаго знакомства съ условіями жизни Западнаго края и съ устоями русскаго государственнаго управленія. Въ своей запискѣ государю онъ впервые устанавливаетъ положеніе, что возстаніе 1831 года есть дѣло рукъ католическаго духовенства, а также шляхетства, но отнюдь не простого народа, который остается вѣрнымъ власти и престолу. Рядомъ съ такимъ указаніемъ онъ настаивалъ на необходимости возвысить положеніе православнаго духовенства въ Западномъ краѣ, поднявъ его нравственный уровень и матеріальное благосостояніе, а также озаботившись большимъ благолѣшіемъ православныхъ церквей, въ виду роскоши и богатства польскихъ костеловъ; онъ считалъ также необходимымъ зорко слѣдить за поведеніемъ католическаго духовенства и различныхъ монашескихъ орденовъ, усматривая въ этихъ учрежденіяхъ главные элементы бунтующей политической организаціи. Но главное его вниманіе было обращено не столько на мѣропріятія отрицательнаго свойства, сколько положительнаго, въ силу чего на первое мѣсто онъ ставилъ: усиленіе и возвышеніе началъ русской народности въ краѣ, заботы о распространеніи русскаго языка, заселеніе края возможно большимъ числомъ русскихъ и старообрядцевъ и предоставленіе административныхъ должностей лицамъ русскаго происхожденія.

Въ 1835 году, Муравьевъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Курскую губернію, которая страдала страшною дезорганизаціей и плохимъ административнымъ управленіемъ. Со свойственной ему энергіей и упорствомъ принялся новый губернаторъ за очистку мѣстнаго административнаго механизма, удивляя всѣхъ несокрушимой энергіей, трудолюбіемъ и цѣлесообразностью мѣропріятій. По свидѣтельству г. Слатина («Русская Старина» с. г., № 11), представившаго намъ Муравьева въ роли курскаго губернатора, у него «въ канцеляріи и губернскомъ правленіи денно-нощная работа, какъ говорится, огнемъ горѣла и ключемъ кипѣла!.. Шестнадцатую часами суточныхъ занятій, безъ исключенія воскресныхъ и праздничныхъ дней, опредѣлялось трудовое бремя, но молодя, большею частью, рамена нагруженное... Ежедневныя ревизіи канцеляріи, производимыя самимъ губернаторомъ, всегда по воскресеньямъ съ 11—12 часовъ утра до часа и двухъ ночи и ежемѣсячныя губернскаго правленія не допускали мысли о свободѣ и праздности». Благодаря такой кипучей дѣятельности, въ теченіе безъ малаго двухъ мѣсяцевъ, Курскъ совершенно обновился: «весь старый хламъ разобранъ, растасованъ, выброшенъ! его замѣнили новыя личности...» недоимки, накопившіяся въ теченіе множества лѣтъ, были очищены, дѣла, тянувшіяся цѣлыми годами, были рѣшены, и рѣшенія по нимъ приведены въ исполненіе.

Въ 1839 году, Муравьевъ былъ назначенъ директоромъ департамента податей и сборовъ, а въ 1842 году—сенаторомъ, а потомъ главноуправляющимъ межевымъ корпусомъ. Въ этомъ званіи имъ особенно много было сдѣлано по части исправленія губернскихъ межевыхъ картъ при содѣйствіи молодого еще тогда императорскаго географическаго общества. Въ званіи члена государственнаго совѣта и генерала отъ инфантеріи, Муравьевъ сначала управлялъ департаментомъ удѣловъ, а затѣмъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. И въ качествѣ управляющаго удѣлами, и въ качествѣ министра, онъ проявлялъ опять-таки лишь ему одному свойственную энергію, поразительную и упорную, которая во всякомъ начинаніи оставляла глубокой и плодотворный слѣдъ. Хорошо знакомый съ условіями народнаго хозяйства и въ особенности крестьянскаго быта, онъ оказался въ состояніи съ пользою послужить именно этой сторонѣ русской жизни. Не будучи сторонникомъ крестьянской эмансипаціи, онъ, однако, цѣлымъ рядомъ хорошо обдуманыхъ мѣръ въ значительной мѣрѣ подготовилъ и облегчилъ эту эмансипацію. Въ концѣ 1861 г. Михаилъ Николаевичъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и сильнаго утомленія покинулъ постъ министра государственныхъ имуществъ, а осенью слѣдующаго года распростился съ остальными управляемыми имъ вѣдомствами. Но судьба не судила ему пребывать въ праздности и потребовала его въ послѣдній разъ на службу отечеству и при томъ въ дни наиболѣе смутные и тревожные русской жизни.

Сотрудникъ М. Н. Муравьева по работѣ въ сѣверо-западномъ краѣ въ теченіе 1863—1865 гг., нынѣшній директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, А. Н. Мосоловъ въ недавно выпедшей книгѣ «Виленскіе очерки», о коей читатели найдутъ рецензію ниже, изобразилъ своего бывшаго начальника и его государственный подвигъ удивительно правдиво и понятно для всякаго. Личность Муравьева, всѣ условія тогдашней русской жизни, обстоятельства, при которыхъ онъ былъ вызванъ на служеніе Россіи, очерчены авторомъ въ сжатыхъ, но въ рельефныхъ чертахъ, и крупная оригинальная фигура виленскаго диктатора вырисовывается передъ читателями во весь ростъ и въ полномъ освѣщеніи. Передавать содержаніе «очерковъ» А. Н. Мосолова значило бы почти дословно переписывать ихъ, поэтому, указывая на настоящую книгу читателямъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости, ради экономіи мѣста и времени, вынуждены воспользоваться иною работою почтеннаго автора—его юбилейною статью о Муравьевѣ въ «Новомъ Времени» (№ 815-1), гдѣ указана также въ краткихъ чертахъ чрезвычайная историческая роль этого выдающагося государственнаго дѣятеля. Г. Мосоловъ рисуетъ дѣло такъ:

«Въ ту пору Россія еще не вполнѣ оправилась послѣ восточной войны. Къ преобразованію арміи только что было приступлено.

Освобожденіе крестьянъ предвѣщало экономической кризисъ, поглощало все вниманіе правительства и общества, готовились и другія преобразованія, а между тѣмъ уже два года длившіяся въ Польшѣ смуты разразились возстаніемъ, которое весной разлилось по Литвѣ и западнымъ губерніямъ. Измѣна угрожала крѣпостямъ. Сообщенія стали не безопасны. Огромная европейская коалиція, искусно руководимая, ополчалась на Россію.

«Въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ забываются всѣ предубѣжденія, и М. Н. Муравьевъ, призванный къ дѣлу, снабжается чрезвычайными полномочіями. Его просятъ «сохранить хотя бы Литву». Въ сознаніи важности минуты, онъ знаетъ, что ему надо дѣлать, и безтрепетною рукою принимаетъ тяжелое бремя.

«Уже черезъ мѣсяць по его назначеніи виленскимъ генералъ-губернаторомъ (1-го мая 1863 г.) всѣмъ стало видно, что опасность миновала: черезъ полгода онъ считаетъ миссію свою—успокоеніе Западнаго края—уже оконченною съ наименьшимъ числомъ жертвъ; но результаты его системы, распространенной на польскія губерніи и юго-западный край, побуждаютъ сохранить его у власти, и въ этотъ второй періодъ его управленія развертывается весь богатый запасъ его дарованій, историческаго опыта и знаній, а также пламенной любви къ отечеству.

«Не умерщвленіемъ жизни, а пробужденіемъ всѣхъ дремлющихъ народныхъ силъ М. Н. Муравьевъ утверждаетъ навсегда наше господство въ Западномъ краѣ и не только спасаетъ Литву, но берегаетъ растерявшійся Петербургъ отъ униженія, въ виду коалиціи западныхъ державъ.

«Въ эту достопамятную эпоху его жизни даже близкіе ему, знавшіе его въ совершенствѣ, дивились человѣку: какъ будто онъ отрѣшился отъ всѣхъ присущихъ каждому слабостей и отдавалъ отечеству безраздѣльно одно свое лучшее. Неудивительно поэтому, что и вся окружающая его обстановка проникалась тѣми же чувствами, и что эти чувства нашли скоро отголосокъ во всей Россіи.

«Между тѣмъ рѣдко кто изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей подвергался съ такой злобой и постоянствомъ самой черной и несправедливой клеветѣ, какъ этотъ достопамятный человѣкъ.

«Не говоримъ о политической враждѣ—она слѣпа. Но есть и нынѣ русскіе люди, которые съ чужого голоса рисуютъ себѣ М. Н. Муравьева безопащнымъ деспотомъ, вся заслуга котораго заключалась въ его черствомъ темпераментѣ.

«Не трудно бы понять, что черствые люди не привязываютъ къ себѣ до самоотверженія, не вызываютъ въ сердцахъ воиновъ трепетнаго восторга при одномъ своемъ появленіи, ихъ имя не повторяется въ благословеніяхъ миліонами устъ.

«Не таковъ былъ величавый образъ знаменитаго виленскаго генералъ-губернатора, не за одно умѣніе быстро справиться съ мятежемъ ему воздвигается нынѣ всенародный памятникъ.

«Въ смутное время онъ явился полнѣйшимъ выразителемъ русскихъ государственныхъ началъ и русскаго народнаго сознанія. Все имъ совершенное носить на себѣ печать подвига и, какъ все истинно великое, просто и удобопонятно. Употребленныя имъ средства безупречно чисты и все, имъ содѣланное, происходило при такой широкой гласности, которая, какъ сама правда, не боится никакого свѣта».

Г. Мосоловъ счелъ долгомъ именно въ юбилейной замѣткѣ взять подъ защиту «средства» Муравьева, употребленныя имъ для подавленія польскаго возстанія и о которыхъ до сего времени еще ходятъ легенды и преувеличенные, пристрастные толки, гдѣ личность виленскаго диктатора постоянно освѣщается заревомъ какого-то злодѣйства и кровожадности. Выясненныя нынѣ точныя статистическія данныя вполнѣ отвергаютъ всѣ легенды, рожденныя пристрастнымъ судомъ и неправильнымъ освѣщеніемъ фактовъ, и если съ одной стороны мы видимъ дѣйствительно значительное число понесшихъ наказаніе, до повѣшанія включительно, то съ другой стороны мы встрѣчаемъ немалое количество жертвъ, принесенныхъ въ жертву фанатизму и жестокости. Не могъ же Муравьевъ, призванный подавить возстаніе и спасти честь Россіи, деликатничать и церемониться съ врагами своего отечества, съ тою самою шляхтою и тѣмъ духовенствомъ, которые систематически и всѣми силами наносили русскимъ зло и гибель! Требовались мѣры крутыя—онѣ и были употреблены въ дѣйствіе, и можно только удивляться, что количество жертвъ ограничилось незначительнымъ числомъ, исключительно благодаря административной распорядительности и такту знаменитаго генералъ-губернатора. Поэтому вовсе не эта сторона дѣятельности Муравьева заслуживаетъ вниманія и разговоровъ и комментариевъ, не она создаетъ ему опредѣленное мѣсто въ исторіи, а та дѣятельность, созидательная и положительная въ высшемъ значеніи слова, которая разъ навсегда прикрѣпила къ подножію русской власти столь долго метавшійся и безпокойный край и которая нашла себѣ полную опѣнку въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 17 апрѣля 1865 г., когда Муравьевъ закончилъ свою преобразовательную дѣятельность и спокойно сошелъ съ шумной арены общественной дѣятельности. Въ рескриптѣ было сказано:

«Графъ Михаилъ Николаевичъ. Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ царствѣ Цольскомъ, распространился въ нихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительства и гражданскаго порядка.

«Несмотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, не задолго передъ тѣмъ, я долженъ былъ снизить на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣ-

ловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣренныя мною вамъ новыя обязанности и при исполненіи ихъ оправдали, въ полной мѣрѣ, мои ожиданія.

«Мятежъ подавленъ, сила правительственной власти восстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразование быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго и неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, восстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и, вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ, положили начала преобразованія ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ мною оцѣнены и приобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано.

«Къ крайнему моему прискорбію, ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили здоровье ваше, и вы снова заявили мнѣ о невозможности болѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности.

«Снисходя къ желанію вашему и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена государственнаго совѣта, я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе моей къ вамъ признательности и въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ престоломъ и отечествомъ, указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство».

Такова была награда графу Муравьеву за его дѣйствительно великое служеніе истиннымъ интересамъ русской народности, задачамъ русской государственности; но эта награда, при всемъ ея историческомъ значеніи, не имѣла бы характера народной признательности и увѣковѣченія памяти на всѣ времена, если бы преемникамъ императора Александра II не благоугодно было разрѣшить всенародной подписки на памятникъ Михаилу Николаевичу. Подписка эта осуществилась, и благодарная Россія нынѣ имѣетъ въ г. Вильнѣ изваяніе того, который не потерялся въ тяжкіе дни смуты и горя народнаго и возвратилъ своей родинѣ покой и силу. Исторія этого памятника во всей подробности разсказана въ только что вышедшей книгѣ «Какъ создавался въ г. Вильнѣ памятникъ графу М. Н. Муравьеву», составленной секретаремъ комитета по сооруже-

женію памятника А. А. Виноградовымъ и изданной на средства комитета. Мысль о памятникѣ графу Муравьеву въ Вильнѣ возникла въ 1889 г., и за приведеніе этой мысли взялся бывший въ то время главный начальникъ края, нынѣ членъ государственнаго совѣта, И. С. Кохановъ, обратившійся въ 1891 г. къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново съ просьбою исходатайствовать высочайшее государя императора соизволеніе на открытіе для сего предмета повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій. Высочайшее соизволеніе на это послѣдовало 7 марта 1891 г., а 25 апрѣля состоялось уже первое засѣданіе особаго по сооруженію памятника комитета. Пожертвованія не замедлили поступать отовсюду, при чемъ особеннаго вниманія достойны мелкіе взносы въ размѣрѣ отъ 2 коп. до 1 рубля, отъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, каковыя взносы и составили главную часть всей собранной къ 1-му сентября 1898 года суммы въ размѣрѣ 59,464 р. 56 коп., потребленной на сооруженіе памятника. Закладка послѣдняго состоялась 3 октября 1897 года при торжественной обстановкѣ, причемъ одинъ изъ соучастниковъ Муравьева по умиротворенію края, нынѣшній редакторъ-издатель «Свѣта», В. В. Комаровъ, произнесъ обстоятельную рѣчь, въ коей разъяснилъ все политическое значеніе памятника, включая сюда даже его роль въ польской жизни. В. В. Комаровъ сказалъ: «слышатся голоса, будто воздвиженіе памятника Муравьеву—есть укоръ польскому народу, предметъ разлада. Какой вздоръ! Этотъ памятникъ именно дорогъ намъ тѣмъ, что онъ не есть памятникъ злобы, а памятникъ мира. Никогда, ни въ одну минуту своей жизни и ни въ одну минуту даже раздраженія, графъ Муравьевъ не дѣйствовалъ противъ поляковъ и польскаго племени. Онъ дѣйствовалъ противъ измѣнниковъ, поднявшихъ оружіе на своего государя. Онъ дѣйствовахъ противъ революціонеровъ, но не противъ поляковъ, сознавшихъ свои обязанности къ государю и оставшихся вѣрными своему долгу». За завтракомъ, послѣдовавшимъ по подпискѣ послѣ закладки, прочитано было множество телеграммъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Черезъ годъ по закладкѣ памятникъ былъ уже вполне готовъ, и 8-го ноября состоялось при торжественной обстановкѣ его открытіе. По свидѣтельству лицъ, бывшихъ на торжествѣ, памятникъ исполненъ по проекту академика Чинова и художника Грязнова прекрасно и производитъ величественное впечатлѣніе. На высокомъ гранитномъ фундаментѣ стоитъ бронзовая фигура виленскаго диктатора въ генеральскомъ мундирѣ, лѣвой рукой онъ поддерживаетъ португеею отъ пашки, правой же рукой опирается на суковатую трость. Онъ высоко держитъ голову, и на бронзовой маскѣ—печать рѣшимости и отваги. Знавшіе лично покойнаго генераль-губернатора утверждаютъ, что на памятникѣ онъ стоитъ точно живой. На переднемъ фонѣ гранитнаго пьедестала значится

надпись: «Графъ М. Н. Муравьевъ, 1863—1865 года»; на боковомъ фонѣ справа: «Родился въ 1796 году», на лѣвомъ: «Скончался въ 1866 году». Стоимость памятника очень скромна. Главныя части обошлись: фундаментъ 7.500 рублей, гранитныя части 12.830 р., перегрузка и установка 5.026 р., бронзовая статуя и украшения 13.000 рублей. Такимъ образомъ, стоимость памятника, не считая рабочей силы, доставки всѣхъ частей на мѣсто и прочихъ расходовъ, исчисляется всего въ 42.033 рубля. Памятникъ окружаетъ художественная рѣшетка, исполненная въ Вильнѣ въ артистической слесарнѣ Сченсновича. По угламъ памятника расположены по особому художественному рисунку канделябры, исполненные заводомъ Санъ-Галли. Рѣшетка и канделябры, приспособленные къ газовому освѣщенію, обошлись въ 2.427 рублей.

Освященіе и открытіе памятника состоялось, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени», г. Лялинъ, по заранѣе выработанному церемониалу. Съ ранняго утра городъ украсился флагами. Въ одиннадцатомъ часу въ Николаевскомъ православномъ соборѣ собрались военные и гражданскіе чины, братчики виленскаго Свято-Духовскаго братства, во главѣ съ гг. Спрогисомъ и Щербицкимъ, воспитанники виленскихъ учебныхъ заведеній, старшины и старосты по десяти человекъ отъ каждой губерніи Сѣверно-Западнаго края, мѣщанскіе старосты, представители города Вильны и представители дворянства. Въ одиннадцать часовъ, по окончаніи обѣдни, всѣ эти лица и депутаціи выступили процессіей изъ собора и направились по Большой и Замковой улицамъ, черезъ Каѳедральную площадь, на Дворцовую улицу. По улицамъ, по которымъ двигалось шествіе, были разставлены шпалерами войска. Погода была хорошая, теплая и сухая. Узкія Большая и Замковая улицы и обширная Каѳедральная площадь были полны народа. По прибытіи процессіи къ памятнику, она была встрѣчена высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ Ювеналіемъ съ духовенствомъ. У подножія памятника, на особой эстрадѣ, убранной зеленью и цвѣтами, помѣстились, вмѣстѣ съ хозяиномъ, генераль-адъютантомъ, виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генераль-губернаторомъ В. Н. Троцкимъ, почетные гости: прибывшіе изъ Петербурга министры, высшія мѣстныя гражданскія и военныя власти и члены семьи Муравьевыхъ: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ М. Н. Муравьевъ, предсѣдатель центрального комитета иностранной цензуры графъ А. Н. Муравьевъ, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, М. С. Шереметевъ, полковникъ генеральнаго штаба графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій и вольно-опредѣляющійся 1-й гренадерской бригады А. В. Муравьевъ.

По прибытіи процессіи къ памятнику, было прочтено высочайшее разрѣшеніе на открытіе и освященіе памятника, а затѣмъ архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ Ювеналіемъ, въ сослуженіи

съ викарными епископами брестскимъ и ковенскимъ, было отслужено торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему царствующему дому. Послѣ многолѣтія была провозглашена вѣчная память «болярину Михаилу», причѣмъ въ это время войска отдали честь, изъ орудій послѣдовали три залпа, а на колокольняхъ всѣхъ виленскихъ православныхъ церквей зазвонили колокола. Затѣмъ протодіаконъ снова провозгласилъ многолѣтіе живымъ еще сподвижникамъ Муравьева, а равно жертвоателямъ и всѣмъ потрудившимся надъ сооруженіемъ памятника.

По окончаніи молебствія былъ произведенъ парадъ войскамъ, проходившимъ передъ памятникомъ церемоніальнымъ маршемъ. Войска, выглядѣвшія бодро и молодцовато, проходили въ слѣдующемъ порядкѣ: 101-й Пермскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго былъ графъ М. Н. Муравьевъ, юнкерское училище, по одному полку 26-й и 43-й пѣхотныхъ дивизій, два полка 27-й пѣхотной дивизіи, 3-я саперная бригада, 46-й артиллерійскій паркъ, 27-я артиллерійская бригада и 1-й мортирный полкъ.

Къ часу дня все было кончено, а къ двумъ часамъ лица, приглашенныя генераль-адъютантомъ В. Н. Троицкимъ на завтракъ, стали съѣзжаться въ виленское военное собраніе. Въ большомъ залѣ собранія былъ накрытъ покоемъ огромный обѣденный столъ приблизительно на 300 кувертовъ. Въ центрѣ стола занялъ мѣсто генераль-губернаторъ, имѣя по правую руку высокопреосвященнаго Ювеналія, а по лѣвую—министра иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева; напротивъ генераль-губернатора помѣстились министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ. Въ ближайшемъ къ нимъ сосѣдствѣ помѣстились московскій губернский предводитель дворянства князь Е. Н. Трубецкой, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій А. Н. Мосоловъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій и нѣкоторые другіе. Среди гостей было нѣсколько православныхъ іерарховъ и католическій виленскій епископъ Звѣровичъ. Въ числѣ представителей печати, кромѣ корреспондента «Новаго Времени», присутствовали на завтракѣ, который былъ собственно обѣдомъ (*déjeuner dinatoire*), редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» В. А. Грингмутъ, редакторъ «Свѣта» В. В. Комаровъ и редакторъ «Виленскаго Вѣстника» П. Бывалькевичъ.

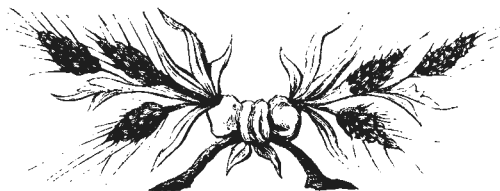
Во время завтрака было произнесено нѣсколько рѣчей и прочитаны адреса, причѣмъ всеобщій восторгъ вызвала рѣчь министра юстиціи Н. В. Муравьева, напечатанная нынѣ во всѣхъ газетахъ и представляющая собою образецъ настоящаго ораторскаго искусства. Сильное впечатлѣніе произвелъ и адресъ московскаго дворянства, прочитанный генераль-адъютантомъ В. Н. Троицкимъ. Содержаніе адреса слѣдующее:

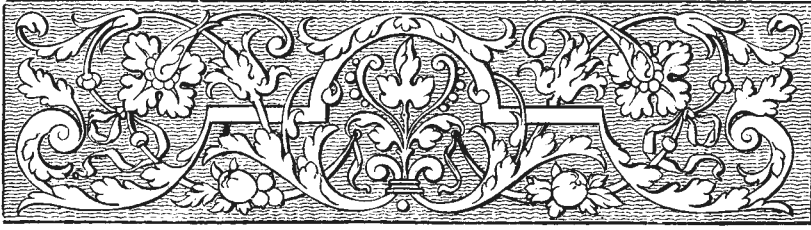
«Болѣе ста лѣтъ тому назадъ Екатерина II двумя словами: «оторженная возвратихъ», опредѣлила значеніе совершеннаго ею великаго дѣла воссоединенія съ Россіею сѣверо и юго-западнаго края. Въ манифестахъ объ этомъ событіи она возвѣстила, что «возвращаетъ Россіи земли, нѣкогда сущимъ ея достояніемъ бывшія, населенныя большею частью единоплеменниками, православною вѣрою просвѣщенными и по сіе время оную исповѣдующими». Вопросъ, казалось, окончательно рѣшенный Екатериною, враги Россіи пытались снова перерѣшить: тридцать пять лѣтъ тому назадъ мятежъ охватилъ весь Западный край, былъ поддержанъ сочувствіемъ Европы и, къ стыду нашему, смутилъ часть русскаго общества, но, къ счастью для Россіи, въ отпоръ врагамъ, царемъ былъ избранъ мужъ русскій по плоти и духу, мужъ сильнаго ума и непреклонной воли: то былъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Онъ властною рукою смирилъ мятежъ, остановилъ потоки крови, освободилъ народъ отъ гнета польскаго и закрѣпилъ за русскою землею то, что враги пытались отъ нея оторгнуть. Эту заслугу признала за нимъ Россія, и утвердилъ за нимъ императоръ Александръ II словами, что онъ осуществилъ и упрочилъ предназначенное преобразование быта крестьянскаго населенія, снова проявившаго глубокое сознаніе древняго и неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіею. Въ ознаменованіе этого великаго подвига, совершеннаго графомъ Муравьевымъ, Россія воздвигла ему памятникъ, нынѣ освящаемый. Духовно участвуя въ этомъ всероссійскомъ торжествѣ, изъ Москвы, изъ сердца Россіи, шлемъ привѣтъ всему, собравшемуся на торжество. Низко кланяемся великому поборнику земли Русской и къ подножію его памятника мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя: «немного было бы у него враговъ, когда бы не твои, Россія!»

Торжество въ Вильнѣ оставило во всѣхъ присутствующихъ самое отрадное впечатлѣніе, и гости разъѣхались, унося въ сердцахъ сознаніе, что Россія умѣетъ чтить подвиги родныхъ сыновъ и умѣетъ выдвигать изъ своихъ рядовъ въ години смуты и опасности такихъ дѣятельныхъ и несокрушимыхъ подвижниковъ русскаго государственнаго дѣла, какимъ былъ тотъ, чье изображеніе и имя отнынѣ навсегда увѣковѣчены въ сѣверо-западномъ краѣ.

Кромѣ памятника, Вильна имѣетъ нынѣ и еще одно напоминающее о дѣятельности графа Михаила Николаевича. По сосѣдству съ памятникомъ, напротивъ генераль-губернаторскаго дворца, пріютился въ залахъ публичной бібліотеки муравьевскій музей. Устроенный трудами особой комиссіи, подъ предѣлательствомъ помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа, А. В. Вѣлецкаго, музей, какъ не совѣмъ еще полный, для публики пока не открытъ. Даже въ нынѣшнемъ, далеко еще не законченномъ видѣ муравьевскій музей не лишень интереса. Въ немъ собрано много автографовъ Муравьева, его писемъ, собственноручныхъ приказовъ и чер-

новиковъ. Въ музеѣ есть его письменный столъ, большой, но очень простой, крытый зеленымъ сукномъ, и нѣсколько стульевъ. Въ шкафу собраны статьи Каткова въ толстыхъ переплетенныхъ томахъ и... пожертвованный книгопродавцемъ г. Стракуномъ «Голосъ» за первую половину 1863 года. Въ музеѣ затѣмъ есть набросокъ съ натуры художника Альберта Замета (Albert Zamet)—«кабинетъ графа Муравьева въ эпоху пребыванія его въ Вильнѣ въ 1863—1865 гг. въ генераль-губернаторскомъ дворцѣ», есть портретъ знаменитаго литовскаго митрополита Иосифа Сѣмашки и гипсовая статуэтка-модель памятника Муравьева, а также коллекція гравюръ начала 1860-хъ годовъ частью патріотическаго, частью юмористическаго характера.

ЛОРДЪ ВИТВОРТЪ И Е. И. НЕЛИДОВА.

В НЕДАВНЕЕ время профессоръ Варшавскаго университета, г. Александряко, получилъ доступъ къ депешамъ лорда Витворта, бывшаго англійскимъ посланникомъ при дворѣ императора Павла, и въ новыхъ своихъ трудахъ дѣлаетъ изъ нихъ любопытныя извлечения ¹⁾. Къ сожалѣнію, извлечения эти, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ или эпизодическихъ вставокъ, не даютъ намъ ни цѣльнаго понятія о донесеніяхъ Витворта, ни возможности приложить къ нимъ требованія исторической критики. Сообщенія и депеши иностранныхъ дипломатовъ вообще представляютъ собою довольно подвижный, иногда даже сомнительный по своей цѣнности историческій матеріалъ: судить о его достоинствѣ возможно только тогда, когда передъ нами появляются не отрывочныя извлечения изъ депешъ какого либо иностраннаго агента, а всѣ онѣ полностью, такъ какъ только тогда можно уяснить себѣ личность дипломата, совместно съ окружавшей его обстановкой и тѣми впечатлѣніями, которыя руководили его дѣйствіями и донесеніями; тогда только можно рѣшать вопросъ о томъ, насколько его донесенія своему правительству отвѣчали истинному положенію дѣлъ. Слѣдъ доставить своему правительству свѣжія новости о происходившихъ событіяхъ, прежде чѣмъ они могли выясниться, иностранные агенты часто впадали въ ошибки, которыя потомъ они же сами исправляли въ позднѣй-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в.», 2 тома, и «Императоръ Павелъ и англичане» (Русская Старина, 1898, X).

шихъ своихъ донесеніяхъ; иногда же ошибки эти являлись слѣдствіемъ недостаточнаго знакомства дипломатовъ съ чуждой для нихъ обстановкой, среди которой имъ приходилось дѣйствовать, или излишняго довѣрія къ людямъ, отъ которыхъ они получали свѣдѣнія. Оттого и любопытныя депеши Витворта, пока онѣ извѣстны только въ извлеченіяхъ или просто въ короткихъ цитатахъ, вообще едва ли могутъ служить надежнымъ историческимъ матеріаломъ. Г. Александренко въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще болѣе обезцѣниваетъ ихъ, замѣняя подлинныя слова депешъ собственнымъ своимъ пересказомъ.

Мы рѣшаемся напомнить почтенному профессору эти общія положенія исторической критики, главнымъ образомъ, по поводу сообщаемаго имъ, заимствованнаго изъ депешъ Витворта, извѣстія объ Е. И. Нелидовой, характеристика которой была предметомъ особаго нашего изслѣдованія ¹⁾... «При заключеніи торговаго трактата съ Англіей въ 1797 г.,—говоритъ проф. Александренко,—Витворту помогала камеръ-фрейлина Е. И. Нелидова, за что Витвортъ будто бы даже заплатилъ ей 30 тысячъ рублей (его деп. отъ 27-го февраля 1797 г. въ Publ. Rec. Off.)» ²⁾ Извѣстіе краткое, но, какъ видитъ читатель, знакомый съ нашей работой, многозначительное. Неудивительно, что я получаю устныя и даже письменныя приглашенія высказаться по этому поводу: до такой степени фактъ подкупа, о которомъ свидѣтельствуетъ Витвортъ, противорѣчитъ сложившемуся мнѣнію о нравственной личности Нелидовой и характеру дружескихъ ея отношеній къ императору Павлу.

Въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстіе о подкупѣ Нелидовой изложено въ депешѣ Витворта, намъ не дано его знать, и мы должны имѣть дѣло исключительно съ пересказомъ г. Александренко. Къ сожалѣнію, пересказъ этотъ, при всей своей краткости, возбуждаетъ рядъ недоумѣній, разобраться въ которыхъ для уясненія факта, сообщаемаго Витвортомъ, весьма затруднительно. Странно, прежде всего, что Витвортъ уже въ февралѣ 1797 года могъ называть Нелидову камеръ-фрейлиной, тогда какъ это исключительное званіе она получила спустя лишь два мѣсяца, 5-го апрѣля, въ день коронаціи императора Павла ³⁾; дипломатъ, лучше, чѣмъ кто либо,

¹⁾ «Истор. Вѣстникъ», 1897, X, XI и XII.—«Екатерина Ивановна Нелидова» Спб., 1898.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в.», I, 110, примѣчаніе. То же извѣстіе, почти въ тѣхъ же словахъ, повторилъ профессор Александренко и въ позднѣйшей своей работѣ: «Императоръ Павелъ I и англичане», Русск. Стар., 1898, X, 98.

³⁾ Приложенія къ камеръ-фурьерскому журналу 1797 г., стр. 55—«Указъ нашей придворной кошторѣ. Всемилостивѣйше пожаловали мы ея императорскаго величества нашей любезнѣйшей супруги фрейлину Нелидову въ камеръ-фрейлины къ ея величеству».—До пожалованія Нелидовой было лишь одно лицо, носившее званіе камеръ-фрейлины, извѣстная Анна Степановна Протасова.

понимавшій всё придворныя отличія, едва ли ошибся такъ грубо. Въ то же время, рѣшительно невозможно уяснить себѣ изъ пересказа г. Александренко условія, при которыхъ Витвортъ «заплатилъ» деньги Нелидовой, весьма существенныя для опредѣленія истиннаго смысла передаваемого имъ факта: лично ли имъ были переданы Нелидовой деньги, или чрезъ посредство кого либо изъ своихъ «конфидентовъ», велись ли по этому поводу какіе либо предварительные переговоры съ нею, и, наконецъ, когда была произведена уплата денегъ: до подписанія ли трактата, заключеннаго 10-го февраля, или послѣ того, такъ какъ денеша Витворта, на которую ссылается г. Александренко, написана была лишь 27-го февраля н. ст., т. е. 16-го февраля ст. стилия. Болѣе всего приводитъ насъ въ недоумѣніе въ пересказѣ профессора Александренко употребленное имъ словечко будто бы: очевидно, что профессоръ Александренко сомнѣвается въ достовѣрности передаваемого имъ факта, но основаній г. Александренко намъ также знать не дано: думаетъ ли онъ, что благородный лордъ солгалъ на Нелидову, положивъ деньги въ собственный свой карманъ, или онъ полагаетъ, что данныя Витвортомъ деньги остались въ рукахъ ловкаго «конфидента», умѣло воспользовавшагося именемъ Нелидовой, характеръ которой въ первые мѣсяцы царствованія Павла былъ еще мало кому извѣстенъ,—чтобы «сорвать» съ усерднаго англійскаго дипломата болѣе крупный кушъ, намъ неизвѣстно. Недоумѣніе наше увеличивается еще болѣе, когда припоминаемъ, что въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ профессоръ Александренко вновь связываетъ дѣянія лорда Витворта съ именемъ Нелидовой, говоря положительно, что въ началѣ царствованія Павла «болѣе близкими друзьями Витворта были кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ и Екатерина Ивановна Нелидова», но въ подтвержденіе этой «дружбы» Нелидовой съ Витвортомъ приводитъ лишь одно, то же имъ уже заподозрѣнное, извѣстіе о подкупѣ, опять оговаривая его достовѣрность тѣмъ же словомъ: будто бы ¹⁾. Одно изъ двухъ: или Нелидова была «другомъ» Витворта, и тогда непонятно, почему г. Александренко заподозрѣлъ фактъ подкупа; или она не брала съ него денегъ,—но тогда на чемъ же основано положительное утвержденіе почтеннаго профессора, что Нелидова была «близкимъ другомъ» Витворта?

Читатели могутъ теперь сами судить, съ какого рода матеріаломъ мы должны имѣть дѣло. Мы желаемъ слышать самого лорда Витворта, чтобы провѣрить его донесеніе, а, взамѣнъ того, слышимъ г. Александренко, который говоритъ не совѣмъ ясно и не даетъ никакъ данныхъ для провѣрки. Его сомнѣніе въ подкупѣ Нелидовой, конечно, очень цѣнно само по себѣ, но, мнѣ кажется, было бы еще цѣннѣе для нашей исторіи пролить свѣтъ на фактъ,

¹⁾ «Императоръ Павелъ и англичане» (Русск. Стар., 1898, X, 98).

сообщаемый Витвортомъ: независимо отъ частнаго интереса, какой онъ внушаетъ собою біографу Нелидовой, было бы любопытно выяснитъ, въ какихъ случаяхъ англійскій кабинетъ считалъ полезнымъ для своихъ цѣлей дѣйствовать посредствомъ подкупа въ царствованіе императора Павла... Мы предполагаемъ, однако, что лондонскіе архивы не всѣ свои тайны въ этомъ отношеніи открыли г. Александренко, и думаемъ, что не скоро этого и дождемся.

Тѣмъ не менѣе, мы даже теперь можемъ присоединиться къ мнѣнію г. Александренко, что Нелидова едва ли получила отъ Витворта 30.000 рублей за содѣйствіе при заключеніи торговаго трактата Россіи съ Англіей въ 1797 году, какъ это сообщаетъ лордъ Витвортъ въ пересказѣ г. Александренко. Въ основаніе своего мнѣнія мы приводимъ пока слѣдующія данныя.

Заключенный 10-го февраля 1797 года торговый трактатъ въ главныхъ своихъ чертахъ предрѣшенъ былъ гр. Безбородко съ лордомъ Витвортомъ еще 4-го ноября 1796 года, т. е. за два дня до кончины императрицы Екатерины, когда Нелидова не имѣла ровно никакого вліянія на дѣла политическія ¹⁾. По вступленіи на престолъ императора Павла переговоры о заключеніи торговаго трактата продолжались, съ тою лишь разницею, что, кромѣ Безбородка, въ переговорахъ съ Витвортомъ сталъ принимать участіе и новый вице-канцлеръ, князь Александръ Куракинъ; кромѣ того, подробности о тарифныхъ ставкахъ, по повелѣнію императора Павла, внесены были, въ концѣ 1796 года, на обсужденіе совѣта при высочайшемъ дворѣ, и рѣшеніе совѣта по этому вопросу было утверждено императоромъ 10-го января 1797 года ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ января, князь Александръ Куракинъ писалъ русскому послу въ Лондонѣ, С. Р. Воронцову, о «пользѣ для отечества нашего произойти долженствующей отъ возобновленія торговаго трактата съ Англіею». «Англія,—писалъ онъ,—должна видѣть въ ономъ торжественное изъявленіе дружбы и уваженія его императорскаго величества къ ней, какъ къ древнѣйшему и всегда полезному союзнику Россіи ³⁾. Съ своей стороны, Безбородко просилъ С. Р. Воронцова «уговорить Англію быть щедрою, ежели общее дѣло (т. е. борьба съ республиканскою Франціей) того востребуетъ» ⁴⁾. Легко видѣть, что уступки, сдѣланныя Англіи, зависѣли отъ общихъ причинъ, а не были слѣдствіемъ подкупа. Кромѣ того, существовалъ еще поводъ для русскаго двора благосклонно относиться къ Англіи—предположенный тогда бракъ старшаго брата императрицы Маріи Феодо-

¹⁾ Письмо графа Безбородко въ январѣ 1797 графу С. Р. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ. Арх. кн. Воронцова., XIII, 368.

²⁾ «Архивъ государственнаго совѣта», II, 107—122.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 475.

⁴⁾ Тамъ же, XIII, 368.

ровны, принца Фридриха виртембергскаго, съ англійской принцессой Каролиной: императрица чрезвычайно была озабочена успѣхомъ этого сватовства и поручила русскому послу въ Лондонѣ руководить поведеніемъ своего брата, лаская въ то же время и англійскаго посланника въ Петербургѣ ¹⁾. Обстоятельства, очевидно, складывались до такой степени въ пользу Англій, что вліяніе Нелидовой не могло принести Витворту никакой существенной пользы въ этомъ случаѣ. Если бы надобно было указать на лицо, которое, по ходу дѣла, держало нити торговаго договора въ своихъ рукахъ и могло тормозить его заключеніе, то можно было бы указать на князя Александра Куракина, бывшаго дѣйствительно другомъ Нелидовой, но пользовавшагося ея привязанностью потому только, что онъ постоянно щеголялъ предъ нею своимъ безкорыстіемъ и особою своею преданностію государю ²⁾. Не чрезъ его, конечно, посредство Нелидова получала бы деньги отъ Англій, и если бы Куракинъ получилъ для нея отъ Витворта деньги, то онъ никогда бы не осмѣлился передать ихъ ей. Лордъ Витвортъ самъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что деньги его едва ли дошли по адресу Нелидовой: чрезъ 4 мѣсяца послѣ предполагаемаго подкупа Нелидовой, 10-го іюня 1797 года, другъ самого Витворта, придворный докторъ Рожерсонъ, писалъ Воронцову о Нелидовой: «Нужно сознаться, что по своимъ качествамъ, по своему характеру, по своей умѣренности, она стоитъ выше всѣхъ прочихъ фаворитовъ и министровъ» ³⁾. Такой отзывъ Рожерсонъ не могъ бы дать, если бы съ нимъ не былъ согласенъ, хотя отчасти, самъ Витвортъ.

Нелидова не принимала и не могла принимать даже косвеннаго участія въ переговорахъ о торговомъ трактатѣ, но, быть можетъ, своими сношеніями съ лордомъ Витвортомъ она дала поводъ предполагать о ея «дружбѣ» съ нимъ? Будемъ ждать отвѣта отъ г. Александренка, знакомаго съ депешами Витворта, потому что мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчали ни одного указанія на возможность сношеній ея съ посланниками иностранныхъ державъ, за исключеніемъ переписки ея съ шведскимъ посланникомъ Клингспоромъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV: переписку эту Нелидова вела по приказанію и подъ надзоромъ императрицы Маріи ⁴⁾. «Дружба» Нелидовой съ Витвортомъ могла бы и позже проявиться въ другихъ случаяхъ, имѣвшихъ

¹⁾ Тамъ же, XIII, 367; XIII, 24; X, 332; XIII, 493—496.

²⁾ «Correspondance de S. M. l'Imperatrice Marie Feodorovna avec m-lle de Nelidow, sa demoiselle d'honneur, suivie des lettres de m-lle de Nelidow au prince A. V. Kourakine», passim.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXX, 86—87. Въ письмахъ своихъ къ С. Р. Воронцову, ярому англоману, Рожерсонъ, говоря о Витвортѣ, выражается о немъ: «notre ami».

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы», 1897, май, 152, 155.

для Англіи несравненно большую важность, чѣмъ заключеніе торговаго трактата, напримѣръ, при образованіи коалиціи противъ Франціи. Молчаніе г. Александренка о дальнѣйшемъ развитіи этой «дружбы» послѣ февраля 1797 года даетъ поводъ думать, что благородный лордъ могъ говорить о подкупѣ Нелидовой лишь въ первые мѣсяцы Павловскаго царствованія, когда онъ вовсе не зналъ еще характера Нелидовой, только что появившейся на политическомъ горизонтѣ, и думалъ о ней, конечно, «по бывшимъ при-мѣрамъ».

Слѣдуетъ добавить, что, по заключеніи торговаго трактата, договаривавшіяся стороны обыкновенно дарили взаимно всѣхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ составленіи трактата. 30-го іюня 1797 г. князь Безбородко увѣдомилъ Воронцова о подаркахъ, полученныхъ русскими дипломатами отъ Англіи, предлагалъ ему передать по принадлежности «великобританскому министерству и прочимъ по случаю заключенія торговаго договора» — «двѣ табакерки богатыя, алмазами украшенныя, съ портретами его величества, для милорда Гренвеля и господина Питта», «равномѣрно двѣ табакерки съ алмазами... да по 500 голландскихъ червонцевъ... каждому изъ двухъ статскихъ подсекретарей и 5.120 рублей для канцеляріи кабинетной». Такіе подарки были въ обычаяхъ вѣка, и если лордъ Витвортъ по заключеніи договора и поднесъ кому либо 30.000 рублей, якобы для Нелидовой, то, по взглядамъ того времени, это подношеніе было негласнымъ подаркомъ, вполне естественнымъ со стороны англійскаго агента.

Было бы утомительно приводить всѣ косвенныя доказательства невозможности сдѣлки съ Нелидовой, о которой говоритъ Витвортъ. Не будемъ говорить ни о свойствахъ нравственной личности Нелидовой, ни о ея преданности своему царственному другу, императору Павлу, уваженіе котораго было для нея дороже 30.000 серебряниковъ, принесенныхъ въ жертву ея имени англійскимъ посланникомъ. Но, даже съ коммерческой точки зрѣнія англичанина, сумма въ 30.000 рублей показалась бы ему самому въ февралѣ 1797 года ничтожнымъ подаркомъ для Нелидовой, если бы онъ зналъ, что въ ея волѣ было въ это время распоряжаться несравненно большими средствами. Нелидова отказывалась отъ всѣхъ подарковъ императора, имѣвшихъ матеріальную цѣнность, — и императоръ обогащалъ ея родственниковъ: 5-го декабря 1796 года, ея любимый племянникъ, Аркадій Нелидовъ, получилъ 1.000 душъ, а 11-го декабря, ея матери пожаловано было 2.000 душъ, хотя Нелидова, узнавъ объ этомъ пожалованіи, умоляла государя уменьшить даръ на половину¹⁾. Ревизская душа, по казенной оцѣнкѣ, приравнивалась тогда къ 80 рублямъ и, такимъ образомъ, тотчасъ по вступленіи Павла на

¹⁾ Сенатскій Архивъ, I, 23, 26. Шумигорскій: «Е. И. Нелидова». 69.

престоль, родственники Нелидовой получили отъ щедротъ государя до 240.000 рублей, и никто не сомнѣвался, что Нелидовой стоило только захотѣть, чтобы получить самой несравненно больше; напротивъ, она постоянно сдерживала порывы государя къ щедрости по отношенію къ ея родственникамъ. Вліянію Нелидовой, однако, обязанъ былъ отчасти князь Александръ Куракинъ и братъ его Алексѣй тѣмъ, что чрезъ два мѣсяца послѣ заключенія трактата съ Англіей, по случаю коронаціи Павла, они получили отъ него миллионныя богатства населенными имѣніями и рыбными ловлями: Куракины помогали императору денежными ссудами, когда онъ испытывалъ нужду, будучи великимъ княземъ. При такой щедрости императора Павла, желавшаго обогатить старыхъ своихъ приверженцевъ, англійскіе 30.000 рублей были бы ничтожной приманкой для императорскаго друга, привыкшаго изъ комнатъ Смольнаго монастыря презрительно смотрѣть на погоню за богатствомъ и почестями. Когда, въ 1798 году, Нелидова оставила дворъ и Петербургъ, она писала Павлу Петровичу: «Гдѣ вы найдете доказательства или даже проявленія моихъ честолюбивыхъ чувствъ и расчетовъ? Я не искала ни почестей, ни блеска,—напротивъ я оставляю ихъ съ радостью»¹⁾. Строки эти были писаны Нелидовой императору въ то время, когда враждебная ей партія, съ Кутайсовымъ и Безбородко во главѣ, дѣлала всевозможныя усилія, чтобы очернить ее въ глазахъ императора; но даже въ это время Кутайсовъ не осмѣлился возбудить подозрѣнія въ ея безкорыстіи. Павелъ даже послѣ разрыва съ Нелидовой не потерялъ къ ней уваженія. «Совѣсть моя чиста предъ Богомъ,—отвѣчалъ онъ ей,—какъ желалъ бы я быть чистымъ въ смертный свой часъ. Вы можете увидѣть отсюда, что я не боюсь быть недостойнымъ вашей дружбы». Безбородко, принимавшій участіе въ заключеніи торговаго трактата и знавшій весь ходъ переговоровъ о немъ, сумѣлъ бы воспользоваться малѣйшимъ признакомъ давленія, оказаннаго Нелидовой по этому дѣлу въ пользу Англіи изъ корыстныхъ расчетовъ,—и впечатлительный, суровый императоръ не простилъ бы своему другу этой измѣны. И не только Кутайсовъ и Безбородко,—нѣтъ ни одного изъ самыхъ заклятыхъ враговъ Нелидовой, который тогда или послѣ рѣшился бы бросить на ея память укоръ въ какомъ либо корыстномъ поступкѣ или расчетѣ: лучшимъ примѣромъ этого является графъ Ростопчинъ, отъ желчныхъ выходокъ котораго не убереглись даже его друзья.

Позволю себѣ сказать еще два слова *pro domo sua*. Нѣкоторые рецензенты, удостоившіе своимъ отзывомъ трудъ мой о Нелидовой, упрекнули меня въ стремленіи идеализировать ея личность. Сознаю, что это стремленіе могло имѣть мѣсто, но, прибавлю, было бы неестественно для человѣка, не сумѣвшаго достигнуть высочайшей

¹⁾ Шумигорскій: «В. П. Нелидова, 144—145.

степени объективности или безстрастія, остаться вполне равнодушнымъ при видѣ чистаго человѣка, находившагося въ сонмѣ такихъ, «какъ всѣ» были въ ту или другую эпоху; нельзя не радоваться за человѣка вообще, когда хотя бы въ далекомъ историческомъ прошломъ замѣчаешь усилія той или другой личности уберечь себя отъ современной грязи, потому что въ основѣ этихъ усилій лежитъ высоко развитое чувство человѣческаго достоинства, гдѣ бы оно ни проявлялось,— въ избѣ ли то, или во дворцѣ. И, съ другой стороны, стремленіе къ идеализованію, мнѣ кажется, все-таки менѣе вредно, чѣмъ тонкая потребность въ самооплеваніи, столь высоко развитая у насъ, русскихъ, и столь ярко, конечно, свидѣтельствующая о нашемъ безпристрастіи. Не въ томъ дѣло, чтобы скрывать дурныя стороны въ прошломъ нашей общественной жизни или выдающихся нашихъ дѣятелей, а въ томъ, чтобы не быть похожими на тѣхъ камердинеровъ, которые въ своихъ господахъ не видятъ великихъ людей, будь то Новиковъ, Пушкинъ или Некрасовъ,— дѣло въ томъ, чтобы деревья не мѣшали намъ видѣть лѣсъ. Мы какъ бы рады всякой новости, которая роняетъ достоинство лучшихъ нашихъ людей, какъ бы она ни была сама по себѣ мелочна и, пожалуй, фантастична. Мнѣ сдается, что пословица: «худая слава бѣжитъ, а добрая — лежитъ», есть исключительно наша родная пословица. Оттого и молодое наше поколѣніе не пріучается цѣнить «соль земли», созданную нашей исторіей, уважать въ нашихъ историческихъ дѣятеляхъ выраженіе духовныхъ силъ народа или личности, достигшихъ высшей степени напряженія, а смотреть на нихъ съ точки зрѣнія той истины, что «всѣ мы люди, всѣ человѣки», потому что всѣ выдающіеся дѣятели имѣли какія либо слабости и даже пороки: одни въ карты играли, другіе пьянствовали, третьи «науку страсти нѣжной» изучали. Отсюда одинъ лишь шагъ—къ нравственной апатіи и сомнѣнію: мы хотимъ не возвышаться сами, а людей, отмѣченныхъ Божиимъ перстомъ, низводить до своего уровня. Жалкій трудъ, напрасныя мечтанія!

Евгеній Шумигорскій.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ¹⁾.

IX.

Городъ Кантонъ.

Гь 170-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Гонконга,— этого главнаго опорнаго базиса англійскаго военнаго флота въ водахъ Тихаго океана,— у подножія «Бѣло-облачныхъ холмовъ», на Жемчужной рѣкѣ, подъ $23^{\circ}7'10''$ сѣв. шир. и $113^{\circ}14'30''$ вост. долготы, лежитъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и значительныхъ городовъ не только южнаго Китая, но и всей Небесной имперіи. Количественно жителей онъ уступаетъ только Пекину, по богатству же, говорятъ, это первый городъ въ Китаѣ. Сами обыватели зовутъ его Куантунъ Сан-чинъ, что значитъ областная столица Куантунской провинціи, или просто Сан-чинъ. У туземцевъ онъ извѣстенъ еще подъ именемъ «Городъ благодѣтельныхъ геніевъ» и «Городъ барановъ» (Ян-чинъ). Оба эти названія имѣютъ отношеніе къ одной мѣстной легендѣ, о которой рѣчь будетъ впереди. Европейцы зовутъ этотъ городъ Кантонъ, — слово, представляющее испорченное и сокращенное мѣстное названіе Куантунъ, или Гуаядунъ Сан-чинъ.

Изъ Гонконга въ Кантонъ, ежедневно утромъ и вечеромъ, ходятъ прекрасныя пассажирскіе пароходы, совершающіе весь путь въ 7—8 часовъ.

Три особенности рѣзко отличаютъ эти пароходы отъ всѣхъ ви-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 293.

дѣнныхъ мной до сихъ поръ: во-первыхъ, бѣлые пассажиры совершенно изолированы отъ цвѣтныхъ, главную массу которыхъ составляютъ, конечно, китайцы; китайское помѣщеніе, гдѣ зачастую скопляется до тысячи человѣкъ, отдѣлено отъ остальныхъ судовыхъ помѣщеній основательными желѣзными рѣшетками, и входы въ него задвинуты толстыми желѣзными болтами, запертыми на замокъ; во-вторыхъ, у каждаго такого входа стоятъ вооруженные часовые, имѣющіе, кромѣ того, въ своемъ распоряженіи шланги, соединенные съ паровыми котлами, чтобы въ случаѣ надобности ошпарить кипяткомъ все пространство, отведенное китайцамъ; въ-третьихъ, въ салонѣ 1-го класса, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоитъ цѣлый ассортиментъ заряженныхъ ружей.

Китайское побережье до сихъ поръ еще не свободно отъ пиратовъ; особенно много ихъ въ южномъ китайскомъ морѣ; но нигдѣ, кажется, нѣтъ столько, какъ въ томъ лабиринтѣ острововъ, что запруживаютъ дельту Жемчужной рѣки. Несмотря на жестокую расправу китайскихъ и английскихъ властей съ этими морскими разбойниками, пиратство, какъ промыселъ, продолжаетъ донинѣ существовать въ тамошнихъ водахъ. Дерзость разбойниковъ доходитъ иногда до нападенія не только на мелкія купеческія суда, но даже и на сравнительно крупныя пароходы. Въ прежнее, и очень еще недавно, время бывали случаи, когда пираты, подъ видомъ обыкновенныхъ китайскихъ пассажировъ, забирались на пароходъ, совершающій рейсы между Кантономъ и Гонконгомъ, и въ какомъ нибудь глухомъ, заранѣе условленномъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поджидали на джонкахъ другіе товарищи, расправлялись съ капитаномъ и его помощниками и, овладѣвъ деньгами и цѣннымъ грузомъ, скрывались. Вотъ въ виду возможности подобныхъ случайностей и принять цѣлый рядъ предосторожностей, которыя придаютъ столь необычный видъ пассажирскимъ пароходамъ на линіи Гонконгъ-Кантонъ.

Почти треть всего этого пути занимаетъ огромная дельта рѣкъ Западной, Сѣверной и Восточной, которая могла бы быть названа заливомъ, если бы не масса острововъ, занимающихъ такъ много ея поверхности.

Схематическій чертежъ этой дельты представляетъ треугольникъ, каждая сторона котораго имѣетъ около 150 верстъ длины. Изъ острововъ ея особенно велики Лин-тао и Лин-тинъ. Съ нынѣшняго года Лин-тао, вмѣстѣ съ частью сосѣдняго материка, такъ называемымъ китайскимъ Каудуномъ, перешли къ Англии. Въ бухтѣ Лин-тинъ прежде должны были становиться на якорь всѣ европейскія суда съ опиумомъ и нѣкоторыми другими товарами, привозимыми въ Кантонъ. Островъ Лин-тинъ лежитъ ниже главнаго устья Жемчужной рѣки, называемаго китайцами Фу-мунъ, а португальцами прозваннаго Бокка Тигрисъ, — тигровая пасть: очертанія его дѣйствительно напоминаютъ раскрытую пасть этого хищника. Ши-

рина воднаго потока у Бокка Тигрисъ около версты. Среди массы острововъ, усѣявшихъ рѣку, особенно прославился въ исторіи первыхъ сношеній Европы съ Китаемъ Вампоа, или Вампу. Ни одинъ иностранный корабль въ былое время не имѣлъ права подниматься вверхъ по рѣкѣ выше Вампоа. Окружающая мѣстность очень живописна. Двѣ старыя девяти-этажныя пагоды на сосѣднихъ высотахъ представляютъ предметы, видные далеко съ рѣки. Первая изъ нихъ, Вампоа-пагода, построена 300 лѣтъ тому назадъ на островѣ, поднимающемся отвѣсно на 100 футъ. На вершинѣ ея, изъ трещинъ каменной кладки, успѣло вырости цѣлое большое дерево. Вторая пагода,—та, что ближе къ Кантону,—воздвигнута около 1628 года на холмѣ, который считается стражемъ всей области. Назначеніе ея—охранять водные пути къ Кантону отъ вредныхъ вліяній злыхъ духовъ, блуждающихъ въ воздушныхъ пространствахъ.

Вампоа издавна славился своими верфями для постройки туземныхъ парусныхъ судовъ всѣхъ размѣровъ. И до сихъ поръ, несмотря на сильную конкуренцію въ этомъ отношеніи Гонконга, онъ сохранилъ за собой мѣсто главнаго поставщика джонокъ для всего сосѣдняго огромнаго района. Китайскому правительству принадлежатъ на островѣ два дока: большой имѣетъ 514 футовъ длины, 179 футовъ ширины и 21 футъ глубины; онъ устроенъ такъ, что можетъ быть раздѣленъ и на двѣ части—для двухъ судовъ; размѣры другаго такъ называемаго миннаго дока (для одного судна) слѣдующіе: длина 383 ф., ширина 85 ф., глубина 25 ф. Здѣсь же, на Вампоа, помѣщаются два правительственныя училища, основанныя въ 1888 году: морское представляетъ обширное учрежденіе, механическій отдѣлъ котораго прекрасно снабженъ машинами новѣйшихъ образцовъ; курсъ въ немъ продолжается шесть лѣтъ. Учебный штатъ составляютъ: четыре китайскихъ профессора, преподающіе инженерное искусство, навигацію, китайскій и англійскій языки, и два иностранца, читающіе морскую астрономію, англійскій языкъ и прикладную механику. Учениковъ всего 25 человекъ. Въ военномъ училищѣ 72 воспитанника, обучающіеся нѣмецкому языку, военнымъ наукамъ, стрѣльбѣ и гимнастикѣ. Учебный персоналъ состоитъ изъ шести китайскихъ офицеровъ и одного германскаго. Послѣдній преподаетъ фортификацію и нѣмецкій языкъ.

Отъ Вампоа до Кантона рѣкою около 20-ти верстъ. Рѣка течетъ здѣсь по цвѣтущей, густо-заселенной странѣ. Особенность встрѣчающихся на пути селеній составляютъ высокія, узкія гранитныя зданія въ четыре этажа,—необходимая принадлежность каждой здѣшней деревни. Это—и кладовыя, и ломбарды въ то же время. Сюда жители деревень складываютъ на зиму свои лѣтнія платья, а весною зимнія. Такъ какъ зимнія представляютъ бѣльшую цѣнность, то собственники ихъ получаютъ иногда въ долгъ отъ владѣльца кладовой немного сѣмянъ для посѣва. Богатые люди также посы-

лаютъ сюда свои вещи и товары для сбереженія. Предметы, данные на храненіе, тщательно упаковываются и кладутся въ маленькія помѣщенія, безчисленное множество которыхъ, въ видѣ сѣти клѣтокъ, наполняетъ все внутреннее пространство такой кладовой-башни до самой ея вершины. Ни огонь, ни воры не могутъ пробраться въ башню. Для защиты отъ воровъ и разбойниковъ въ смутное время на плоскихъ крышахъ башенъ навалены камни такъ, чтобы ихъ можно было сбросить на головы злоумышленниковъ. Съ тою же цѣлью здѣсь стоятъ сосуды съ купоросомъ и большія спринцовки для разбрызгиванія его во всѣ стороны. Собственники этихъ ломбардовъ-кладовыхъ даютъ также деньги въ ростъ, взимая отъ 20 до 36 процентовъ въ годъ. Несмотря на такіе высокіе проценты, народъ, говорятъ, охотно обращается сюда за ссудами. Въ Китаѣ вообще капиталъ работаетъ за очень высокій процентъ, что объясняется между прочимъ крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ судебной части: при неисправной уплатѣ долга капиталистъ предпочитаетъ скорѣе вовсе отказаться отъ своихъ денегъ, чѣмъ искать ихъ судебнымъ порядкомъ, рискуя въ такомъ случаѣ потерять гораздо больше отъ вымогательства судей.

Но вотъ и Кантонъ. Онъ лежитъ на плоской равнинѣ, и домовъ его сначала вовсе не видно изъ-за лѣса мацъ безчисленнаго множества джонковъ, запруживающихъ рѣку передъ нимъ. Только готическія башни римско-католическаго кафедральнаго собора да масса четырехъ-этажныхъ неуклюжихъ кладовыхъ поднимаются изъ-за этого лѣса: въ Кантонѣ свыше 100 первоклассныхъ учрежденій такого рода, а второстепенныхъ и третьестепенныхъ цѣлыя сотни. Вдали на горизонтѣ виднѣется группа небольшихъ возвышенностей: это — гряда «Бѣло-облачныхъ холмовъ», высота которыхъ—1200 футовъ.

Водяной городъ, раскинувшійся на рѣкѣ, насчитываетъ 300.000 жителей и представляетъ огромный лабиринтъ улочекъ и переулковъ, гдѣ постоянно снуютъ сотни маленькихъ плюпокъ, снабжающихъ обывателей рѣшительно всѣмъ, въ чемъ они могутъ нуждаться: здѣсь есть цѣлыя флотиліи плюпокъ, развозящихъ съѣстные припасы, есть пловучія кухни, рестораны, цирюльни, башмачныя мастерскія и т. д., и т. д. Интересную особенность составляютъ такъ называемыя «лодки цвѣтовъ»: это—большія джонки съ верхними рубками, входныя двери которыхъ украшены превосходной рѣзбой и позолотой, а внутренняя отдѣлка всѣхъ помѣщеній блестяще изысканной китайской роскошью: мебель темнаго цвѣта, рѣзная, инкрустированная, съ мраморными сидѣньями, дорогія шёлковыя занавѣси, прекрасныя циновки, роскошные фонари. Живутъ здѣсь молодыя дѣвушки,—музыкантши и пѣвицы, — «цвѣты»,—дорогіе сорта «жертвъ общественнаго темперамента». Кутящая «золотая молодежь» Кантона собирается сюда на оргіи, при чемъ на угощеніе пѣвицъ тратятся огромныя деньги. Богатые горожане, же-

лая попотчевать друзей изысканнымъ обѣдомъ и провести вообще время веселѣе, нанимають цѣлую такую «лодку цвѣтовъ» въ свое распоряженіе на весь вечеръ.

Спеціальныи чиновникъ съ массой полицейскихъ агентовъ слѣдятъ за порядкомъ въ водяномъ городѣ. На особыхъ полицейскихъ шлюпкахъ разъѣзжаютъ они ночью по его переулкамъ, давая знать о себѣ громкимъ, пронзительнымъ свисткомъ. Эта рѣчная полиція пользуется, однако, очень плохой репутаціей: говорятъ, что агенты ея часто вступаютъ въ сдѣлку съ рѣчными пиратами, когда тѣмъ надо бываетъ обдѣлать безпрепятственно какое нибудь выгодное дѣло, въ родѣ похищенія богатаго купца, которому зачѣмъ нибудь понадобилось быть на рѣкѣ ночью: похищеннаго держатъ до тѣрѣ поръ, пока родственники не внесутъ за него болѣе или менѣе крупный денежный выкупъ.

Европейцы прежде жили на материкѣ, въ одномъ изъ пригородовъ Кантона. Теперь они устроились на островѣ Шеминѣ, сообщаемся съ городомъ двумя мостами.

Самъ Кантонъ... Но прежде чѣмъ говорить о немъ, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію этого города, которая въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій такъ тѣсно сплелась съ исторіей сношеній Срединной имперіи съ европейскимъ Западомъ.

Кантонъ—одинъ изъ древнихъ городовъ Китая. Есть данныя, что онъ существовалъ уже во второмъ вѣкѣ до Р. Х.

Посольство Римскаго императора Марка Аврелія (котораго китайскіе историки зовутъ Ан-тунъ), прибывшее въ 166 году христіанской эры въ Кантонъ, явилось, повидимому, первой попыткой Запада войти въ непосредственныя сношенія съ богатыми странами Дальняго Востока. Попытка эта кончилась тогда ничѣмъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе 13½ столѣтій Кантонъ не видалъ европейцевъ. Но зато, начиная съ XVI-го вѣка и вплоть до нашихъ дней, почти всѣ важнѣйшія событія въ жизни не только Кантона, но и всего Китая, такъ или иначе оказались связанными съ этими незванными пришельцами изъ-за моря.

Первымъ европейскимъ флагомъ въ водахъ южнаго Китая былъ флагъ португальскій, подъ которымъ въ 1516 году Рафаэль Перестрелло на небольшомъ суднѣ пришелъ изъ Малакки въ Кантонъ. Вскорѣ португальцамъ удалось основать колоніи близъ Кантона и Нин-по, въ Амоѣ и Макао. За купцами и авантюристами явились сюда и миссіонеры. Сначала все шло хорошо; но насилія всякаго рода, какія европейцы стали позволять себѣ относительно мирныхъ туземцевъ, вооружили противъ нихъ и народъ, и власти. Въ Нин-по, напримѣръ, португальцы цѣлыми шайками отправлялись въ сосѣднія деревни для похищенія силою женщинъ и дѣвушекъ. Въ концѣ

концовъ тамъ произошло огромное народное возстаніе, 11.000 туземцевъ-христіанъ были истреблены, погибли также 800 португальцевъ. Португальцы затѣмъ оказались вынужденными покинуть всѣ пункты на китайской территоріи, за исключеніемъ Макао.

Вслѣдъ за португальцами въ водахъ Тихаго океана появились испанцы, занявшіе въ 1543 году Филиппинскіе острова и вступившіе отсюда въ торговыя сношенія съ Китаемъ, при чемъ городъ Амой сдѣлался главнымъ мѣстомъ этихъ сношеній.

Въ 1622 году, къ берегамъ южнаго Китая приплыли голландцы. Послѣ неудачной попытки основаться на материкѣ они устроились на островѣ Формозѣ, не надолго, впрочемъ. Въ 1661 году, знаменитый китайскій пиратъ Коксинга, собравъ близъ Амоя большой флотъ, двинулся съ нимъ къ берегамъ Формозы, взялъ главный голландскій фортъ на островѣ и истребилъ весь его гарнизонъ. Голландцы изъ Батавіи снарядили экспедицію противъ Амоя, гдѣ Коксинга сосредоточилъ затѣмъ свои силы, и хотя разбили его, но утвердиться на китайскомъ побережьи не смогли нигдѣ.

Въ 1636 году на рейдъ Макао явился англійскій капитанъ Веддель съ флотиліей изъ нѣсколькихъ судовъ. Веддель пришелъ сюда въ силу договора, заключеннаго между англійскими купцами и вице-королемъ города Гоа, давшимъ капитану рекомендательныя письма къ португальскому губернатору Макао. Но португальцы и сами-то держались въ Макао, только благодаря тому, что сдѣлали изъ него сильную крѣпость; да и, кромѣ того, они вовсе не желали появленія на китайской территоріи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ своей единственной прочной колоніей здѣсь, какихъ нибудь новыхъ конкурентовъ себѣ. Обращаться къ ихъ посредничеству въ данномъ случаѣ значило идти на вѣрную неудачу. Не добившись ничего въ Макао, Веддель рѣшилъ отправиться въ Кантонъ. Португальцы между тѣмъ пустили въ ходъ все, чтобы вооружить противъ него китайцевъ, и когда англійскіе корабли вошли въ Жемчужную рѣку, китайскіе форты открыли по нимъ огонь. Веддель взялъ форты, поднялъ на нихъ британскій флагъ и потребовалъ отъ кантонскихъ властей права свободной торговли для англичанъ. Китайцы поспѣшили уладить дѣло, согласившись на всѣ главныя условія Ведделя. Практическаго результата, однако, это согласіе не имѣло, и дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи были оставлены до тѣхъ поръ, пока Остъ-Индская компанія, учредившаяся около половины XVII-го столѣтія, не взяла дѣла въ свои руки. Въ 1684 году, компанія открыла факторію въ Кантонѣ. Немного раньше были открыты такія же факторіи на Формозѣ и въ Амоѣ, гдѣ компаніи удалось заключить выгодный договоръ съ сыномъ Коксинги. Дѣла съ Амоемъ продолжались до 1730 года, когда былъ изданъ императорскій указъ, воспрещавшій торговлю иностранцамъ вездѣ, кромѣ Кантона. Исключеніе было сдѣлано лишь для испанскихъ судовъ: имъ разрѣ-

шалось попрежнему приходиться съ товарами въ Амой. Этотъ указъ явился результатомъ всей суммы впечатлѣній, вынесенныхъ китайскимъ правительствомъ изъ сношеній съ чужестранцами, приходившими изъ-за моря въ теченіе слишкомъ уже двухъ столѣтій. Лѣтъ за сто раньше и японское правительство пришло тоже къ мысли о необходимости ограничить торговлю своей страны съ европейскимъ западомъ однимъ только портомъ—Нагасаки.

Когда первые западные авантюристы явились къ берегамъ Китая и Японіи въ XVI вѣкѣ, они нашли туземныя правительства расположенными къ сношенію съ чужестранцами; но извѣстныя завоеванія европейцевъ въ Восточной Азіи заставили Китай и Японію измѣнить свой взглядъ на иноземцевъ и свою политику по отношенію къ нимъ: обѣ эти державы поняли, что и ихъ можетъ постичь участь, какая постигла Филиппины, Яву, Малакку, если онѣ не примутъ немедленно самыхъ энергичныхъ предохранительныхъ мѣръ. Такими мѣрами явились: система возможно полного изолированія своихъ странъ отъ сношеній съ европейскимъ западомъ и стѣсненія, какимъ онѣ стали подвергать смѣлыхъ, незваныхъ пришельцевъ къ нимъ оттуда. Несомнѣнно, что въ свое время это была мудрая политика, единственно возможная для правительствъ обѣихъ этихъ странъ, чтобы сохранить свою независимость и поддержать свой престижъ прежде всего въ глазахъ собственныхъ подданныхъ. И весьма вѣроятно, что если бы Китай и Японія позволили тогда португальцамъ, испанцамъ или англичанамъ свободно селиться у нихъ, то оба эти азіатскія государства давно уже были бы раздроблены на части.

Съ предоставленіемъ для европейской торговли одного только Кантона, китайское правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно больше ограничить эту торговлю и отравить жизнь европейцевъ, поселившихся въ немъ. Европейцы не имѣли права вступать въ прямыя сношенія съ жителями. Между ними и массой населенія встало цѣлое учрежденіе, облеченное особыми полномочіями, которое составили такъ называемые купцы хонга, явившіеся какъ бы поручителями передъ туземными властями въ хорошемъ поведеніи живущихъ здѣсь иностранцевъ и получившіе за то привилегію на исключительное право веденія дѣлъ съ ними. И прежняя резиденція иностранцевъ въ западномъ пригородѣ Кантона носила названіе «тринадцать хонговъ»¹⁾. Въ этомъ европейскомъ кварталѣ, на прострѣствѣ 15-ти акровъ жили до 1.000 человекъ купцовъ и ихъ слугъ. Но эта тѣснота, постоянная опека и другія

¹⁾ Слово «хонгъ»—китайское, означающее рядъ, или серію. Оно прилагалось къ товарнымъ складамъ, потому что они состояли изъ ряда помѣщеній. Иностранцы факторіи были построены такимъ же образомъ, и потому китайцы и называли каждый кварталъ ихъ — хонгомъ. Китайскіе купцы-поручители получили названіе купцы хонга, потому что жили въ такихъ же учрежденіяхъ.

стѣсненія (въ родѣ запрещенія имѣть здѣсь женъ) были для купцовъ не такъ чувствительны, какъ тѣ произвольныя увеличенія пошлинъ на привозимые и вывозимые товары, какія позволяли себѣ китайскіе правительственные чиновники по отношенію къ нимъ. Въ концѣ концовъ, жалобы англійскихъ купцовъ на чинимыя имъ притѣсненія, особенно обострившіяся послѣ того, какъ въ 1834 году привилегированная остъ-индская компанія прекратила свое существованіе, вызвали, наконецъ, вмѣшательство англійскаго правительства, что повело за собой въ 1839 году первую войну Англии съ Китаемъ. Въ 1841 году Кантону грозила оккупация непріятельскими войсками; но побѣдители удовольствовались контрибуціей въ 6 милліоновъ долларовъ. По нанкинскому трактату 1842 года монополія купцовъ хонга была уничтожена; однако китайцы продолжали притѣснять англійскихъ купцовъ и упорно не желали допустить ихъ поселенія внутри городскихъ стѣнъ. Осенью 1856 года адмиралъ Сеймуръ открылъ враждебныя дѣйствія противъ Кантона, а два мѣсяца спустя чернь разграбила и сожгла дотла все иностранные дома. Въ декабрѣ 1857 года войска соединенной англо-французской экспедиціи, послѣ бомбардировки Кантона, вступили въ городъ и занимали его втеченіе четырехъ лѣтъ. Когда иностранные купцы послѣ взятія Кантона вернулись въ городъ, они нашли отъ своихъ домовъ однѣ развалины. Возникли переговоры, гдѣ бытъ новой факторіи. Китайцы указали одну болотистую отмель на рѣкѣ, которая и была пріобрѣтена европейцами отъ китайскаго правительства. Проведеніемъ канала между сѣверной частью выбраннаго мѣста и сосѣднимъ городскимъ предмѣстьемъ былъ созданъ искусственный островъ. Въ рѣку вбили сваи, промежутки между ними заполнили пескомъ, и на этомъ фундаментѣ выстроили прочныя, гранитныя набережныя. Поднятая на 8—10 футовъ почва была распланирована на участки, проведены дороги, засажены аллеи баньяновыхъ деревьевъ, которыя прекрасно принялись. Весь этотъ колоссальный трудъ, законченный въ два года, обошелся всего въ 325.000 долларовъ. Четыре-пятыхъ этой суммы приняло на себя англійское правительство, остальную часть—французское, получившее также значительный участокъ земли для своихъ подданныхъ. Островъ Шеминъ (т. е. песчаное мѣсто) имѣетъ въ окружности до 2¹/₂ верстъ; длина его безъ малаго верста, а ширина около 150 сажень. Отъ западныхъ пригородовъ Кантона онъ отдѣленъ каналомъ, имѣющимъ всего 15 сажень ширины. Два моста, перекинутые черезъ каналъ, соединяютъ островъ съ материкомъ. Охраняютъ мосты китайскіе солдаты и полицейскіе стражники.

Кромѣ концессіи на Шеминѣ, французы получили часть земли въ китайскомъ городѣ,---тамъ, гдѣ стоялъ разрушенный союзниками дворецъ генераль-губернатора. На этомъ именно мѣстѣ и воздвигнуть римско-католическій соборъ.

Когда Кантонъ былъ взятъ войсками англо-французской экспедиціи, представитель Франціи внесъ въ мирный договоръ пунктъ, чтобы всѣ мѣста, какими когда либо владѣли римско-католическія миссіи въ Китаѣ, были имъ возвращены обратно, и подписалъ трактатъ только тогда, когда давно уже сданныя въ архивъ забытыя дѣла о дарственныхъ записяхъ на земли въ китайскихъ городахъ, пожалованныя іезуитамъ въ началѣ XVIII столѣтія императоромъ Кхан-си, были доставлены изъ Ватикана и вновь подтверждены китайскимъ правительствомъ. Оказалось, что въ Кантонѣ іезуитамъ принадлежали нѣкогда 18 акровъ земли,—тѣ самыя, на которыхъ потомъ стояли зданія генераль-губернаторскаго дворца, разрушеннаго бомбардировкой союзниковъ. На этомъ мѣстѣ французы воздвигли соборъ, который въ глазахъ туземцевъ является постояннымъ напоминаніемъ о страшныхъ событіяхъ изъ дней послѣдней осады Кантона.

Кантонъ представляетъ типичнѣйшій старинный китайскій городъ, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ имперіи. Собственно городъ, т. е. обнесенная стѣнами часть его, имѣетъ въ окружности до 11 верстъ, въ глубину же занимаетъ около 4-хъ верстъ. То, что извѣстно теперь подъ именемъ Новаго Города, называлось прежде Южнымъ Пригородомъ. Западные пригороды тянутся по рѣкѣ на цѣлыя мили. Основанія городскихъ стѣнъ сдѣланы изъ песчаника. Самыя стѣны кирпичныя. Толщина ихъ 20 футовъ, высота отъ 25 до 40 футовъ. Дома такъ близко и тѣсно прижимаются къ стѣнамъ съ обѣихъ сторонъ, что, за исключеніемъ сѣверной части, съ трудомъ можно замѣтить ихъ, гуляя по городу. Шестнадцать воротъ съ сухого пути и двое воротъ съ рѣки ведутъ внутрь застѣннаго Кантона. Всѣ ворота на ночь запираются, и близъ нихъ ставится стража. Внутренняя стѣна, идущая вдоль всего города съ запада на востокъ, разсѣкаетъ его на двѣ неравныя части: сѣверную,—большую, и южную,—меньшую. Каждая изъ этихъ частей, въ свою очередь, дѣлится еще массой другихъ стѣнъ на рядъ кварталовъ, которые, въ случаѣ пожара или бунта, могутъ быть легко изолированы отъ сосѣднихъ: стоитъ только запереть массивныя желѣзныя ворота по обѣимъ сторонамъ единственнаго прохода черезъ нихъ, существующаго въ каждомъ такомъ отсѣкѣ. Эти ворота на ночь тоже всегда запираются. Всѣхъ такихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга этими своего рода непроницаемыми переборками,—тридцать-шесть, и въ каждой есть своя маленькая каланча. Пожарная тревога подается гонгомъ, причемъ сторожъ на каланчѣ, помощью извѣстной системы ударовъ, даетъ знать, въ какомъ кварталѣ горитъ. Въ дѣлѣ тушенія пожаровъ китайскія власти вообще обнаруживаютъ много мужества и распорядительности. Дѣло въ томъ, что о всякомъ пожарѣ, уни-

чтожившемъ десять домовъ, непременно доносится въ Пекинъ. Если число сгорѣвшихъ домовъ доходить до 80-ти, каждый чиновникъ въ городѣ, въ которомъ произошелъ такой пожаръ, получаетъ пониженіе по службѣ на одну степень. Если слѣдствіе обнаружитъ, что несчастіе зависѣло отъ небрежнаго обращенія съ огнемъ,—виновнымъ надѣвають тяжелый деревянный ошейникъ, или, вѣрнѣе, наплечникъ, и заставляютъ стоять въ такомъ видѣ на улицѣ цѣлыми днями (срокъ наказанія, смотря по тяжести вины, отъ одной до 4-хъ недѣль).

Улицы Кантона, особенно торговыхъ и ремесленныхъ кварталовъ его, представляютъ такое оживленіе, тѣсоту и давку, о какихъ не могутъ дать понятія ни одни изъ самыхъ бойкихъ городовъ европейскаго запада. Толпы народа буквально переполняютъ эти узкіе проходы, ширина которыхъ не превышаетъ 8 футовъ и уменьшается иногда до 6. Какъ умудряются они двигаться здѣсь съ тяжестями, носилками, паланкинами, представляетъ одно изъ поразительнѣйшихъ явленій уличной китайской жизни, свидѣтельствующее о глубокомъ сознаніи чувства собственного достоинства и уваженія къ себѣ подобнымъ, проникающемъ массу населенія. Очень оригинальный видъ представляютъ вывѣски у магазиновъ; доски отъ 10 до 15 футовъ высоты, черныя, голубыя, бѣлыя, алыя, испещренные золотыми и красными письменами, подвѣшенныя длинной своей стороной перпендикулярно къ землѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входныхъ дверей въ лавку. Улицы вымощены узкими, длинными каменными плитами и содержатся вообще очень чисто, для Китая, конечно.

Въ западныхъ пригородахъ сосредоточена вся почти шелковая промышленность города, которая и здѣсь, какъ и вездѣ въ этой обширной имперіи, представляетъ еще работу кустарей, ткущихъ на самыхъ примитивныхъ станкахъ великолѣпныя шелковыя матеріи. Въ тѣхъ же частяхъ города находится масса лавокъ лакированныхъ издѣлій, вышивокъ и издѣлій изъ слоновой кости, представляющихъ зачастую чудо терпѣнія и искусства. Одна изъ улицъ чуть не сплошь состоитъ изъ мельницъ, ничѣмъ не отличающихся снаружи отъ домовъ, гдѣ жернова приводятся въ движеніе буйволами. Къ каждой парѣ жернововъ привязанъ одинъ буйволъ, который съ утра до ночи ходитъ вокругъ. Чтобы голова у него не кружилась, его ослѣпляютъ. Въ другой улицѣ обращаетъ на себя вниманіе масса заведеній для приготовленія соленыхъ утиныхъ яицъ (любимое туземное кушанье). Процессъ состоитъ въ герметическомъ закупориваніи ихъ на 40 дней въ смѣсь изъ соли, золы, извести, глины и ароматной воды. Цѣлая улица наполнена лавками съ медицинскими травами и снадобьями. Здѣсь также продаются знаменитыя ласточкины гнѣзда, привозимыя съ острововъ Южнаго океана—Борнео, Явы, Суматры.

Изъ храмовъ этой огромной части города особенно замѣчательнъ такъ называемый храмъ 500 духовъ, основанный въ 503 году нашей эры. Въ первомъ павильонѣ его—обычныя три изображенія Будды: Будда прошедшаго, настоящаго и будущаго. Во второмъ—небольшая, мраморная, семиэтажная пагода—даръ императора Кіенлуна. Затѣмъ идетъ обширное, четырехъугольное зданіе, гдѣ и находится зало 500 духовъ: 500 фигуръ въ человѣческій ростъ сидятъ вокругъ храма вдоль стѣнъ на возвышенной платформѣ. Отдѣльно стоитъ фигура императора Кіенлуна въ парадномъ императорскомъ одѣяніи. Въ центрѣ подымается прекрасная бронзовая пагода. Ни одна статуя не похожа на другую. Лица смотрятъ, какъ живыя. Одна фигура изображаетъ, говорятъ, знаменитаго венеціанскаго путешественника Марко Поло.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ храмомъ находится другой, посвященный Чо-Шину, одному изъ божествъ китайской медицины. Передъ идоломъ цѣлый день толкутся больные; особенно много женщинъ и дѣтей. Въ особомъ фарфоровомъ сосудѣ находится святая вода, которая продается жажущимъ чудесныхъ исцѣленій отъ недуговъ. Во второй залѣ зданія помѣщаются 60 идоловъ, завѣдующихъ 60 годами китайскаго цикла.

Неподалеку отсюда масса мебельныхъ магазиновъ, гдѣ выдѣлывается и продается дорогая, рѣзная, деревянная мебель, выложенная мраморомъ и инкрустированная перламутромъ. Всѣ эти вещи выдѣлываются изъ краснаго дерева, привозимаго изъ Сингапура, которое принимаетъ цвѣтъ и полируется, какъ самое лучшее черное дерево, только гораздо прочнѣе его.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ кварталовъ существуетъ оригинальный базаръ, гдѣ продаются исключительно издѣлія изъ нефрита. И базаръ, и многія окрестныя улицы состоятъ изъ лавокъ, гдѣ продается только нефритовый товаръ: браслеты, брошки, серьги, кольца, шпильки, пуговицы, бусы и проч., и проч. Количество предлагаемыхъ вещей громадно, и такъ какъ каждая такая вещица изъ настоящаго нефрита стоитъ страшно дорого, то понятнымъ становится недоумѣніе одной извѣстной англійской путешественницы, впервые увидѣвшей этотъ базаръ: «кто можетъ покупать всѣ эти массы товару, который цѣнится здѣсь такъ же, какъ у нашихъ дамъ брильянты?»

Цвѣтъ нефрита различный: красный, бѣлый и молочно-бѣлый оттѣнки не такъ цѣнятся, какъ свѣтлый зеленый цвѣтъ морской воды. Нефритъ добывается въ горахъ Куэнь-Лунь, гдѣ существуютъ, кажется, единственныя правильно-разрабатываемыя копи этого минерала на свѣтѣ. Съ незапамятныхъ временъ онъ ввозился въ застѣнный Китай, какъ одинъ изъ видовъ дани. Въ горахъ Куэнь-Лунь нефритъ залегаетъ въ жилахъ толщиною иногда въ нѣсколько футовъ; но рѣдко при этомъ удастся получить цѣльный кусокъ зна-

чительной величины: большею частью драгоцѣнный минералъ вынимается сильно истресканнымъ. Цѣна большихъ кусковъ безъ трещинъ колоссальна. Такіе куски доставляются къ императорскому двору, и самъ императоръ передаетъ ихъ извѣстнымъ мастерамъ по этой части, которые и рѣшаютъ, что именно позволяетъ сдѣлать естественная форма куска. Подобное императорское порученіе равносильно приказанію работать всю жизнь надъ драгоцѣннымъ кускомъ, такъ какъ нефритъ по твердости считается самымъ неподатливымъ изъ всѣхъ минераловъ для рѣзки. О цѣнѣ можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ: нитка шариковъ хорошаго нефрита, являющаяся однимъ изъ официальныхъ украшеній китайскаго мандарина, стоитъ на наши деньги до 10.000 рублей; двѣ мандаринскія пуговицы—300 рублей. Самый дорогой сортъ—зеленый, похожій на зелень молодого рисоваго поля; за маленькую вещицу изъ такого нефрита платятъ 5.000—6.000 рублей. Китайское названіе минерала ю-шекъ. Англичане зовутъ его jade: испорченное испанское слово, имѣющее связь съ вѣрованіемъ мексиканскихъ индѣйцевъ, которые считали, что носить браслеты изъ этого камня—вѣрнѣйшее средство противъ болей поясицы; испанцы называли нефритъ: piedra di hijada (камень поясицы). Откуда древніе мексиканцы получали свой нефритъ, неизвѣстно, такъ какъ минералъ этотъ до сихъ поръ не открытъ на американскомъ континентѣ. До послѣдняго времени самородный нефритъ въ Европѣ не встрѣчался; поэтому предполагали, что куски его, найденныя въ европейскихъ свайныхъ постройкахъ, были занесены сюда, какъ одинъ изъ предметовъ мѣнновой торговли въ эпоху великаго движенія аріицевъ съ плоскогорій центральной Азіи: преданіе говоритъ, что аріицы смотрѣли на ношеніе украшеній изъ нефрита, какъ на самое дѣйствительное средство противъ пораженія молніей. Недавно, впрочемъ, были найдены обломки самороднаго нефрита въ Сѣверной Германіи и Саксоніи. На одномъ изъ группы Гебридскихъ острововъ (именно на островѣ Іоны) имѣются залежи настоящаго нефрита лучшаго качества. Островъ Іоны уже во времена глубокой древности считался святымъ островомъ, и предполагаютъ, что репутаціей своей святости онъ обязанъ именно нефриту. Рѣзныя издѣлія изъ нефрита, инкрустированныя рубинами и алмазами, составляли однѣ изъ величайшихъ драгоцѣнностей сокровищницъ Великаго Могола ¹⁾).

Нефритовыя вещи продаются еще въ той части Кантона, что зовется Новымъ Городомъ, прилегающимъ непосредственно къ западному предмѣстью. Здѣсь, между прочимъ, масса заведеній для выдѣлки вѣровъ изъ пальмовыхъ листьевъ,—одна изъ спеціальностей Кантона и его округа, дающая заработокъ многихъ тысячамъ лицъ. Отсюда за границу, главнымъ образомъ въ Америку, вывозится ежегодно до 12 милліоновъ штукъ такихъ вѣровъ.

¹⁾ Cumming: «Wandings in China».

Изъ Новаго города въ Старый ведутъ ворота, называемыя «Вратами Добродѣтели». Неподалеку отъ нихъ—кварталъ манчжурскихъ и знаменныхъ войскъ, составляющихъ въ количествѣ 5.000 человекъ гарнизонъ города. Улицы въ этомъ кварталѣ широкія, дома низенькіе, похожіе на тѣ, что я видѣлъ въ Фу-чжоу.

Въ городѣ, говорятъ, 125 храмовъ. Изъ нихъ «Храмъ пяти духовъ» едва ли не самый знаменитый. Близъ этого храма подымается башня въ 20 ф. высоты, съ сквознымъ проходомъ подъ нею въ видѣ арки; надъ аркой виситъ колоколь, въ который никогда не звонятъ; звукъ его приноситъ несчастье городу. По странной случайности, во время бомбардировки англичанами Кантона въ 1857 году, осколокъ одного снаряда ударился въ колоколь, и звукъ, раздавшійся отъ этого удара, явился дѣйствительно роковымъ для Кантона. Позади башни съ фатальнымъ колоколомъ и стоитъ небольшой храмъ пяти геніевъ, или духовъ. Преданіе рассказываетъ, что въ этомъ именно мѣстѣ спустились на землю, съ зернами различныхъ хлѣбныхъ растений и всѣми благословеніями небесъ, пять благодѣтельныхъ геніевъ, вѣдающихъ пятью элементами (землей, водой, огнемъ, деревомъ и металломъ). Духи явились на баранахъ, которые затѣмъ были обращены въ камни. На алтарѣ у задней стѣны храма сидятъ пять фигуръ, съ длинными черными бородами, и предъ ними пять грубо-обтесанныхъ камней: изображенія геніевъ и ихъ барановъ. Несомнѣнно, что храмъ этотъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ построекъ Кантона. Неподалеку отъ него—пагода въ 160 ф. высоты, выстроенная въ 900 году нашей эры арабскими купцами, издавна торговавшими съ Кантономъ, и мечеть,—низкое, мрачное зданіе, на которомъ виднѣются большія, черныя арабскія надписи изъ корана, воздвигнутая въ 626 году нашей эры.

Огромный участокъ земли въ Старомъ городѣ занимаетъ домъ манчжурскаго генерала; у входа въ главныя ворота стоятъ два мраморные льва. Въ 1650 году Кантонъ оказалъ чрезвычайно упорное сопротивление манчжурскимъ завоевателямъ и былъ взятъ только измѣной, при чемъ побѣдители истребили до 100.000 человекъ; число же жителей, погибшихъ во все время осады, простиралось, говорятъ, до 700.000. Городъ тогда совсѣмъ обезлюдѣлъ¹⁾. Многіе кварталы его представляли однѣ развалины; на этихъ развалинахъ возникли впоследствии обширныя правительственныя учрежденія и дома различныхъ официальныхъ лицъ. Домъ манчжурскаго генерала занимаетъ одно изъ такихъ мѣстъ. Два древнихъ памятника находятся по соседству съ нимъ: девяти-этажная, восьмиугольная пагода, воздвигнутая въ 500 году, и небольшой буддѣйскій храмъ, годъ постройки котораго соотвѣтствуетъ 250 году нашей эры.

¹⁾ Теперь въ Кантонѣ 1.200.000 жителей.

Господствующій пунктъ въ Старомъ городѣ занимаетъ такъ называемая пяти-этажная Красная пагода. Собственно, это—башня на городской стѣнѣ,—тамъ, гдѣ послѣдняя упирается въ высокій холмъ на сѣверѣ. Съ одного изъ верхнихъ этажей башни открывается обширный видъ на городъ и окрестную страну. Городъ отсюда представляется однообразно-унылымъ моремъ красноватыхъ крышъ; надъ крышами во многихъ мѣстахъ виднѣются деревянные остовы, на которыхъ развѣшиваются платья для сушки послѣ мытья или краски. Тамъ и сямъ поднимаются высокіе красные шесты, указывающіе на присутственныя мѣста или резиденціи крупныхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Двѣ пагоды внутри городскихъ стѣнъ—единственные выдающіеся предметы. Крыши такъ тѣсно жмутся другъ къ другу, что изъ-за нихъ не видно ничего, что дѣлается на узкихъ улицахъ города. Живой контрастъ съ монотоннымъ видомъ его представляетъ сверкающая рѣка, полная движенія. Внизъ по рѣкѣ, по направленію къ Вампоа, въ туманной мглѣ, видны обѣ девяти-этажныя пагоды. На востокѣ тянется гребень «Вѣло-облачныхъ холмовъ». На сѣверѣ раскинулась обширная равнина, усѣянная деревнями. Въ одной верстѣ отъ Сѣверныхъ воротъ находится магометанская мечеть и кладбище, на которомъ есть могила одного изъ родственниковъ Магомета, умершаго въ Кантонѣ въ 629 г.

Резиденціи генераль-губернатора, губернатора и областного казначея представляютъ обширныя учрежденія, занимающія массу земли въ городѣ. До 1843 года генераль-губернаторъ Куантуна и Куанси жилъ въ г. Шао-кин-фу, лежащемъ къ западу отъ Кантона, и до сихъ поръ тамъ расквартированы тѣ 5.000 войскъ, которыя составляютъ генераль-губернаторскую гвардію: для защиты Кантона считается достаточнымъ манчжурскій гарнизонъ.

Система взаимнаго контролированія чрезвычайно развита среди китайскаго чиновничества. Генераль-губернаторъ, губернаторъ и начальникъ знаменныхъ войскъ имѣютъ совершенно отдѣльныя команды, независимо одинъ отъ другого. Манчжурскій генераль-майоръ въ Кантонѣ считается главнымъ представителемъ военной власти. Генераль-губернаторъ имѣетъ общее командованіе надъ всѣми войсками въ своихъ двухъ областяхъ, которыхъ номинально считается 100.000 человекъ; въ дѣйствительности же у него только 5.000 войскъ, да и тѣ расположены въ 85 верстахъ отъ Кантона (въ г. Шао-кин-фу). Генераль-губернаторъ имѣетъ право приговаривать къ смерти за извѣстныя преступленія; но къ смертному приговору должна быть приложена печать губернатора и самый приказъ о смертной казни имъ же контрастированъ. Донесенія генераль-губернатора ко двору непременно должны быть такъ же подписаны и его помощникомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начальники отдѣльныхъ частей пользуются обширными правами надъ непосредственно подчиненными имъ лицами, и чтобы имѣть возможность контролировать ихъ дѣйствія,

посылають своихъ спеціально-уполномоченныхъ чиновниковъ во всѣ области, подлежащія ихъ юрисдикціи. Самъ императоръ постоянно посылаетъ своихъ комиссаровъ, или легатовъ, во всѣ части имперіи, подъ предлогомъ исполненія какого нибудь порученія частнаго характера, но на самомъ дѣлѣ съ предписаніемъ посмотрѣть вездѣ, что дѣлается. То же дѣлають генераль-губернаторы, губернаторы и другіе чины высшей администраціи. Всѣ эти уполномоченные, или чиновники особыхъ порученій, на время своихъ командировокъ, имѣють право пользоваться тѣмъ же чиномъ и званіемъ, какіе имѣеть лице, пославшее ихъ. Императорскіе комиссары, которые постоянно пересѣкають имперію во всѣхъ направленіяхъ, дѣйствуютъ, въ случаѣ надобности, именемъ государя и являются могущественнымъ орудіемъ въ его рукахъ для возбужденія въ высшихъ мѣстныхъ властяхъ вниманія къ своимъ обязанностямъ.

Одной изъ самыхъ широкихъ и лучшихъ улицъ въ Кантонѣ является Шеун-мен-гай (здѣсь, между прочимъ, масса книжныхъ магазиновъ). Въ одномъ мѣстѣ она проходитъ черезъ двойныя ворота въ стѣнѣ. Въ зданіи надъ этими воротами находятся знаменитые водяные часы (клепсидра). Часы состоятъ изъ четырехъ большихъ мѣдныхъ сосудовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ на четырехъ массивныхъ каменныхъ ступеняхъ. Близъ dna каждого изъ верхнихъ сосудовъ проходитъ трубочка, сообщающая его съ слѣдующимъ нижнимъ. Вода капля по каплѣ переливается со dna одного бассейна въ другой. Въ самомъ нижнемъ сосудѣ плаваетъ деревянный поплавокъ, къ которому прикрѣплена мѣдная табличка съ подраздѣленіемъ времени, проходящая черезъ отверстіе въ крышкѣ сосуда. Табличка эта помѣщается на опредѣленной высотѣ два раза въ день въ 5 час. утра и въ 5 час. вечера, и сторожъ, приставленный къ часамъ, объявляетъ о времени, выставляя на башнѣ широкія, бѣлыя доски, гдѣ данный часъ обозначается большими черными письменами. Ночью онъ показываетъ время звономъ колоколовъ. Два раза въ день вода переносится изъ нижняго сосуда въ верхній, и разъ въ три мѣсяца добавляется свѣжая вода. Здѣсь же продаются желающимъ такъ называемыя «палки времени», имѣющія 32 дюйма въ длину и сгорающія ровно въ 12 часовъ. Есть два сорта такихъ палокъ: одинъ рассчитанъ для хорошей, другой—для дурной погоды, когда сгораніе идетъ быстрѣе. «Палки времени» устроены согласно указаніямъ официальныхъ астрологовъ.

Въ верхнемъ этажѣ этой же башни есть часовня, посвященная богу Син-Феюну; къ помощи его обращаются лица, у которыхъ сбѣжали рабъ или рабыня. Близъ фигуры бога стоитъ слуга верхомъ на лошади, поза котораго изображаетъ готовность исполнить тотчасъ же его приказанія. Молящіе бога о помощи обвязываютъ веревкой шею лошади, символизируя этимъ желаніе, чтобы ихъ бѣглецы рабы были надежно связаны и возвращены имъ обратно.

Въ Кантонѣ мнѣ удалось осмотрѣть впервые китайскія тюрьмы. Въ городѣ четыре большихъ и 22 малыхъ тюрьмы: всѣ уголовные преступники изъ губерній Куантуна и Куанси доставляются для допроса въ столицу области, что и дѣлаетъ необходимымъ имѣть такъ много помѣщеній для арестантовъ. Самая большая изъ здѣшнихъ тюремъ та, что находится въ улицѣ, названіе которой звучитъ странной и злой ироніей въ виду этихъ мѣстъ ужасовъ: «Улица Милости и Любви» идетъ во всю длину Стараго города, соединяя двое главныхъ городскихъ воротъ—Восточныя и Западныя. Тюрьма Пёню лежитъ близъ Восточныхъ воротъ. Здѣсь собственно не одна тюрьма, а цѣлый рядъ различныхъ мѣстъ заключеній, находящихся въ одной оградѣ съ камерами двухъ важныхъ лицъ мѣстной магистратуры. Черезъ главный входъ съ «Улицы Милости и Любви» мы попадаемъ на небольшой дворъ, и первое, что бросается въ глаза, это—десятка два арестантовъ, сидящихъ на землѣ съ тяжелыми деревянными досками на плечахъ, въ видѣ ошейника: сѣрыя, изможденные лица, понурый взглядъ, растрепанные волосы, что-то тупое, покорное и жалкое. День и ночь не снимая, носятъ они свои тяжелые ошейники, которые не даютъ имъ никакой возможности прилечь. Спать можно только сидя. Ёсть самому, безъ посторонней помощи, нельзя. Черезъ длинный проходъ, по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщаются комнаты для писцовъ и служителей, насъ приводятъ въ залъ судебныхъ засѣданій: большая комната, съ простымъ, деревяннымъ, досчатымъ, некрашеннымъ поломъ; простой, деревянный столъ, покрытый матеріей сомнительной чистоты; кресло для судьи; другой столъ поменьше въ углу,—вотъ и все, и все довольно грязно и пыльно. Отсюда насъ приводятъ на обширный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ рядами стойлъ: другое выраженіе трудно подобрать для этихъ помѣщеній. По двору бродятъ исключенныя фигуры, въ лохмотьяхъ и рубищахъ; нѣкоторыя пригнулись въ уголку и что-то варятъ себѣ въ котелкахъ. Ёдкій дымъ стелется по двору, и всѣ эти страшные оборванцы, между которыми есть несомнѣнные душевные больные, кажутся какими-то фигурами изъ Дантова ада.

Отдѣльно отъ мужчинъ, за высокой, каменной стѣной, помѣщаются женщины. Впечатлѣніе, какое производитъ женская тюрьма, еще ужаснѣе: что-то отвратительно-безстыдное и безконечно-жалкое видно во всѣхъ этихъ нечесанныхъ, простоволосыхъ фигурахъ, съ тупымъ, или жалкимъ взглядомъ, лучше всякихъ словъ говорящимъ, что это—люди, въ конецъ и безнадежно потерянные для общества и, что—главное, погибшіе въ своихъ собственныхъ глазахъ. Намъ показали одну изъ женщинъ, присужденную къ смертной казни черезъ четвертованіе за убійство мужа и свекрови. Она о чемъ-то весело разговаривала съ одной изъ товарокъ по заключенію. Казнь должна была послѣдовать осенью, и ей предстояло жить еще нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи мучительной смерти.

Въ другомъ отдѣленіи мужской тюрьмы содержатся болѣе тяжкіе преступники. На нихъ надѣты кандалы и цѣпи, соединяющія руки съ шеей. Одна рука оставляется на день свободной, чтобы дать арестанту возможность приготовить себѣ пищу. Здѣсь, между прочимъ, мы видѣли высокую и узкую деревянную клѣтку для одного человѣка, гдѣ заключенный можетъ только стоять, притомъ голова его такъ вытягивается, что и стоять-то можно только наципочкахъ. Заключение въ подобную клѣтку равносильно смертному приговору, потому что смерть наступаетъ здѣсь быстро, иногда въ нѣсколько дней. По другую сторону этого ада находится рядъ помѣщеній для лицъ, подвергаемыхъ предварительному заключенію предъ допросомъ. Предварительное заключеніе и допросъ съ пристрастіемъ, какъ говорили у насъ въ «доброе, старое время», т. е. попросту пытка, не стоятъ въ числѣ пяти наказаній китайскаго уголовного кодекса; но, несомнѣнно, они причиняютъ здѣсь гораздо больше смертей, чѣмъ всѣ прочія средства обузданія преступленія. Иногда чиновнику нѣтъ времени разобрать какое нибудь дѣло, и онъ подвергаетъ предварительному заключенію и лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, и свидѣтелей вмѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ возможности заняться ими. Такъ какъ правительство ничего не отпускаетъ свидѣтелямъ, то нерѣдко бѣднѣйшіе изъ нихъ умираютъ прямо съ голоду. Поручительство друзей или родственниковъ не принимается. Каждый преступникъ долженъ получать ежедневно два фунта риса и около двухъ копеекъ на покупку топлива; но тюремные сторожа, если арестантъ не платитъ имъ взятки, отбираютъ у него половину отпускаемаго ему риса и денегъ. Каждый тюремный сторожъ завѣдуетъ извѣстнымъ числомъ стойлъ, дѣлать ему рѣшительно нечего, и все свое свободное время онъ вмѣстѣ съ старыми арестантами проводитъ въ томъ, чтобы вымучивать деньги отъ вновь поступившихъ арестантовъ путемъ иногда невѣроятныхъ жестокостей.

Китайскій уголовный кодексъ начинается перечисленіемъ наказаній, налагаемыхъ за преступленія, и описаніемъ законныхъ орудій пытки. Эти пять наказаній слѣдующія: отъ 10 до 50 ударовъ малымъ бамбукомъ, отъ 50 до 100 ударовъ большимъ, ссылка, вѣчное изгнаніе и смерть. Кусокъ бамбука долженъ быть прямой, полированный, безъ вѣтвей, длиною 5 ф. 5 дюйм., шириною отъ одного до двухъ дюймовъ и вѣсомъ отъ 2 до 3-хъ фунтовъ. При сѣченіи его слѣдуетъ держать за болѣе узкій конецъ. Надѣванье толстой деревянной доски на плечи и выставленіе въ такомъ видѣ на улицу не считается серьезнымъ наказаніемъ. Доска эта (канге) состоитъ изъ двухъ кусковъ сухого дерева съ вырѣзомъ для шеи, вокругъ которой они смыкаются. Оба куска, сложенные вмѣстѣ, должны имѣть въ длину 3 фута, въ ширину 2 фута 9 дюйм. и вѣсигъ отъ 25 до 30 фунтовъ. Доска сдѣлана такъ, что лежитъ на

плечахъ, не натирая шеи, но она настолько широка, что наказанный рукою не можетъ достать до рта. Сбоку доски пишутся имя, мѣсто жительства наказаннаго и проступокъ, совершенный имъ. Смертная казнь бываетъ двухъ родовъ: удавленіе и обезглавливаніе. При задушеніи челоуѣка привязываютъ къ столбу и затягиваютъ веревку вокругъ шеи помощью ворота. Отдѣленіе головы отъ туловища бываетъ или простое, или соединенное съ изувѣченіемъ всего тѣла, такъ называемое лин-чи (разсѣченіе на 10.000 кусковъ). При обезглавливаніи, приведеннаго на лобное мѣсто преступника ставятъ на колѣни съ лицомъ, обращеннымъ къ смертному приговору, который знаменуетъ собою особу императора, въ положеніи, означающемъ благодарность государю за его заботливость о подданныхъ. По прочтеніи приговора и удостовѣреніи личности приговореннаго, помощникъ палача схватываетъ осужденнаго за скованныя назадъ руки, поднимаетъ вверхъ, такъ что голова ложится горизонтально, и одинъ ударъ тяжелымъ мечемъ отдѣляетъ ее отъ туловища. При лин-чи преступника привязываютъ къ кресту и живому наносятъ глубокія раны въ разныя части тѣла, послѣ чего отдѣляютъ голову отъ туловища и отрубаютъ руки и ноги. У разбойниковъ, прославившихся своими подвигами, палачъ вырѣзываетъ обыкновенно желчный пузырь, чтобы продать его желающимъ: у китайцевъ есть повѣріе, что съѣвшій такой пузырь самъ становится храбрымъ и сильнымъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ всѣ казни откладываются до осени, когда императоръ пересматриваетъ и подтверждаетъ смертныя приговоры губернаторовъ и генераль-губернаторовъ. Экстраординарныя преступленія, какъ грабежъ, сопровождаемый убійствомъ, поджогъ, изнасилованіе, разбой на большой дорогѣ, мятежъ и пиратство, наказуются немедленнымъ обезглавливаніемъ. Большинство лицъ, осужденныхъ въ провинціи, казняются въ губернскомъ или областномъ городѣ. Съ какой быстротой производится иногда расправа, показываетъ слѣдующій случай: генераль-губернаторъ Кантона занялъ разъ свое мѣсто за судейскимъ столомъ, допросилъ трехъ арестантовъ и, найдя ихъ виновными, приговорилъ къ смерти, потребовалъ самъ у себя утвержденія приговора (такъ какъ за отсутствіемъ губернатора временно исправлялъ и его обязанности) и казнилъ трехъ челоуѣкъ черезъ 2 часа послѣ того, какъ ихъ впервые привели къ нему. Во время возстанія въ Куантунской провинціи въ 1854—1855 годахъ, мятежники, попадавшіе въ руки императорскихъ войскъ, обыкновенно доставлялись въ Кантонъ для казни, и до января 1856 года, втеченіе 14-ти мѣсяцевъ, около 83.000 челоуѣкъ были казнены въ одномъ этомъ городѣ, не считая тѣхъ тысячъ, что умерли подъ пытками и въ заточеніи. Удавленіе и обезглавленіе—законные виды смертной казни преступниковъ; но иногда ихъ прямо замариваютъ голодомъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Самыми тяжкими преступленіями считаются: государственная из-

мѣна, покушеніе на жизнь государя, убійство отца, матери и мужа. За измѣну четвергуютъ самого преступника, а всѣхъ его родственниковъ въ первой степени родства (дѣда, отца, сыновей, внуковъ, дядей съ отцовской стороны и ихъ сыновей) обезглавливаютъ. Пощада оказывается только самымъ маленькимъ мальчикамъ; но ихъ кастрируютъ и отдаютъ для службы въ императорскихъ дворцахъ въ качествѣ евнуховъ. Цѣлый рядъ тяжкихъ наказаній налагается на тѣхъ, кто прямо или косвенно возбудилъ подозрѣніе въ какомъ либо дурномъ умыслѣ противъ государя. Всякій, проходящій безъ надлежащаго разрѣшенія черезъ однѣ изъ воротъ «Запретнаго города», наказывается 100 ударами бамбука. Смерть черезъ удушение ждетъ того, кто, не имѣя права или разрѣшенія, будетъ найденъ въ одномъ изъ апартаментовъ императора. «Всякій, кто выстрѣлитъ изъ лука, ружья или пистолета, броситъ кирпичъ или камень въ императорскій храмъ или дворецъ.... подлежитъ смертной казни черезъ удушение». Поварь, положившій какое либо снадобье въ пищу императора, наказывается 100 ударами бамбука и долженъ съѣсть приготовленное имъ блюдо. Наказанія за менѣе серіозныя преступленія могутъ быть замѣнены штрафами. Денежные штрафы замѣняютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертные приговоры. Человѣкъ, приговоренный къ 100 ударамъ бамбука, можетъ спасти свою шкуру уплатой пяти унцъ серебра. Чиновникъ выше 4-го класса, приговоренный къ удушению, избавляется отъ петли уплатой въ государственную казну 12.000 унцъ серебра. Старики свыше 70-ти лѣтъ тоже пользуются въ этомъ отношеніи извѣстными льготами, если дѣло идетъ не объ измѣнѣ или возстаніи. Существуютъ, кромѣ того, спеціальныя правила для смягченія наказаній для лицъ извѣстныхъ профессій. Такъ астрологи, приговоренные къ ссылкѣ, могутъ отдѣлаться отъ нея, получивъ 100 ударовъ бамбука, если только они не виновны въ отравленіи, убійствѣ путемъ магическихъ чаръ и проч. Ремесленники и музыканты, приговоренные къ ссылкѣ, могутъ вмѣсто этого быть наказаны бамбуками, съ тѣмъ чтобы потомъ остаться, въ качествѣ служителей, при правительственныхъ мѣстахъ. Женщины почти всегда имѣютъ право откупиться отъ ссылки деньгами.

Но ссылка, бамбуки и иногда самая смерть ничто въ сравненіи съ ужасами предварительнаго заключенія и допроса съ пристрастіемъ, т. е. пытки. Законныхъ орудій пытки—два: одно служитъ для сдавливанія колѣнныхъ суставовъ и раздробленія ихъ; другое— для сдавливанія и раздавливанія пальцевъ. Но на практикѣ существуетъ масса другихъ способовъ пытки, большинство которыхъ молчаливо признается закономъ. Заворачиваніе пальцевъ въ масляную ткань и зажиганье ея, подвѣшиваніе тѣла за большіе пальцы, стягиваніе лопатокъ такъ, что руки вывихиваются изъ плечевыхъ суставовъ, сгибаніе тѣла вдвое съ прикованіемъ затылка къ

камню и т. д., и т. д.—представляют способы, практикуемые въ китайскихъ тюрьмахъ сплошь и рядомъ. Но дьявольская изобрѣтательность судей въ этомъ отношеніи не знаетъ предѣловъ. Одинъ судья, напримѣръ, приказалъ прибить къ доскѣ гвоздями руки двухъ допрашиваемыхъ имъ арестантовъ. Одинъ изъ несчастныхъ отодралъ свои руки, но былъ снова приколотенъ гвоздями, что и вызвало смертельное кровотеченіе. Этотъ же судья пускалъ въ ходъ кипятокъ, каленое желѣзо, перерѣзываніе сухожилий на ногахъ. На него жаловались; но императоръ, принимая во вниманіе ужасный характеръ преступленій людей, которыхъ мучилъ этотъ судья, приказалъ оставить жалобу безъ послѣдствій.

Въ Хунчунской тюрьмѣ ¹⁾ я видѣлъ потомъ тонкія стальные цѣпи, на которыя ставятъ колѣнами лицъ, подвергаемыхъ пыткамъ. Для того, чтобы несчастные не могли измѣнять положенія, имъ на икры кладется длинная доска, на оба конца которой становятся тюремные служители; а третій служитель поднимаетъ голову пытаемаго за косу вверхъ. Мнѣ говорили, что пытаемаго держать иногда въ такомъ положеніи день и ночь до тѣхъ поръ, пока стальная цѣпь не прорѣжетъ ему колѣнные суставы. Ставятъ также на битое стекло, песокъ и соль, смѣшанные вмѣстѣ, и держатъ, пока колѣнные поверхности не обратятся въ сплошныя язвы. Одинъ чиновникъ, будучи оскорбленъ на допросѣ подсудимымъ, приказалъ положить его въ пустой гробъ, случившійся по сосѣдству, гдѣ тотъ и задохся.

Генераль-губернаторъ Фокіена, Тсинъ, вступивъ въ должность, пришелъ въ ужасъ отъ положенія дѣлъ въ своей области и донесъ объ этомъ императору. Между прочимъ онъ пишетъ, что нашелъ массу лицъ, заключенныхъ въ тюрьмы безъ всякаго повода. Втеченіе короткаго времени онъ освободилъ 1246 такихъ арестантовъ, причемъ многіе изъ нихъ томились по нѣсколько лѣтъ въ тюрьмахъ. Онъ приводитъ примѣръ, что судья не могъ дать иного объясненія относительно присутствія въ тюрьмѣ одного заключеннаго, кромѣ того, что арестантъ передавался отъ одного судьи другому уже много лѣтъ, и что никакихъ свѣдѣній о его дѣлѣ не имѣется. Другой 20 лѣтъ оставался въ тюрьмѣ, не будучи даже ни разу допрошенъ; а такихъ случаевъ, гдѣ узники томились подобнымъ же образомъ 10, 11, 12 лѣтъ, была масса.

Неподалеку отъ главныхъ восточныхъ воротъ Стараго города находится въ высшей степени интересное учрежденіе: экзаминаціонный институтъ. Сюда разъ въ каждые три года собираются со

---

¹⁾ Хунчунъ—ближайшій къ нашей Южно-Уссурийской округѣ пограничный китайскій городъ и крѣпость (въ 60 приблизительно верстахъ отъ залива Посета).

всей области лица, желающія подвергнуться экзамену на вторую ученую степень. Высокая стѣна, въ которой имѣются всего двое воротъ, охватываетъ четырехъугольное пространство въ 16 акровъ земли. Отъ воротъ идетъ широкій проходъ, вымощенный плитами. Перпендикулярно къ нему, съ обѣихъ сторонъ, тянутся ряды узенькихъ переулковъ. Каждый переулокъ состоитъ изъ длиннаго ряда клѣтушекъ, или келій (отъ 57 до 63 въ одномъ рядѣ); всѣхъ такихъ келій 11.616. Каждая келья имѣетъ $5\frac{1}{2}$ ф. длины и $3\frac{1}{2}$ ф. ширины; оконъ нѣтъ; единственный входъ, ничѣмъ не закрытый, смотритъ въ глухую заднюю стѣну стоящаго предъ нимъ ряда келій. Въ стѣнахъ клѣтушки сдѣланы выемки для доски, служащей днемъ столомъ, ночью кроватью. Ширина переулка около $3\frac{1}{2}$ футовъ. Переулки съ кельями занимаютъ около 11 акровъ земли; остальное пространство служитъ для помѣщенія экзаменаторовъ, чиновниковъ, копистовъ, полицейскихъ, служителей и другихъ лицъ, число которыхъ въ экзаменную пору доходитъ до 3000; экзаменующихся же собирается до 8.000 человѣкъ. Большинство ихъ люди средняго возраста, немало и стариковъ. Всѣхъ этихъ добровольныхъ мучениковъ гонитъ сюда надежда получить званіе, дающее право на занятіе официальной должности, а съ нею вмѣстѣ на полученіе почестей, славы и богатства.

Главныхъ ученыхъ степеней четыре: 1) сіу-тсай («расцвѣтающій талантъ») соотвѣтствуетъ приблизительно степени бакалавра на Западѣ. Экзамены на эту степень производятся въ окружныхъ, или уѣздныхъ городахъ, въ особомъ зданіи близъ дома представителя высшей мѣстной власти. Когда всѣ испытуемые собрались въ экзаминаціонную залу, окружный начальникъ, губернаторъ и такъ называемый ученый вице-канцлеръ, выбравъ тему для сочиненія, объявляютъ ее собравшимся и даютъ одинъ день для написанія его здѣсь же, при чемъ никакія пособія или справочныя книги не допускаются. Экзаменаторы разсматриваютъ затѣмъ представленныя сочиненія, и имена лицъ, написавшихъ ихъ удовлетворительно, заносятся въ особый списокъ, копіи съ котораго расклеиваются на стѣнахъ зданія. До какой степени строго относятся къ сочиненіямъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: въ двухъ округахъ явились на этотъ экзамень 4.000 человѣкъ (всего въ этихъ округахъ считается $1\frac{1}{2}$ милліона душъ населенія), и только 27 человѣкъ оказались занесенными въ списокъ удачно справившихся съ заданной темой. Но это еще не значитъ, что они уже удостоились искомаго званія: имъ надо пройти еще два испытанія, которыя оба имѣютъ мѣсто въ главномъ губернскомъ, или областномъ городѣ. Здѣсь экзаменаторами являются: ученый канцлеръ, губернаторъ и еще одинъ высшій чиновникъ. Только тѣ, кто выдержали второй экзамень, имѣютъ право приступить къ третьему. На этомъ послѣднемъ испытаніи они должны, кромѣ званія классиковъ, обнару-

жить хорошее знакомство съ такъ называемымъ «Священнымъ Указомъ», сочиненіемъ, содержащимъ изреченія и правила для руководства чиновникамъ въ дѣлѣ управленія народомъ. Только выдержавшіе послѣдній экзаменъ получаютъ, наконецъ, званіе «сіу-тсай».

Экзамены на вторую степень — кю-женъ, или кю-янъ (повышенный челоуѣкъ), производятся тоже разъ въ три года въ главныхъ областныхъ городахъ, въ присутствіи двухъ императорскихъ комиссаровъ. Кромѣ комиссаровъ, въ экзаминаціонной комиссіи принимаютъ участіе 10 областныхъ чиновниковъ, съ губернаторомъ во главѣ. При входѣ во дворъ того учрежденія, гдѣ производятся эти экзамены, каждый, желающій подвергнуться имъ, тщательно обыскивается. Если у него найдется что нибудь въ родѣ миниатюрныхъ изданій классиковъ и другихъ пособій, или руководство, его лишаютъ первой степени, права когда либо снова экзаменоваться и выставляютъ на нѣсколько дней съ деревянной доской на плечахъ. Отецъ и наставникъ его тоже подвергаются наказанію. Экзаменующійся приноситъ съ собой топливо для варки пищи, рисъ, пирожки, чай, свѣчи, постель и проч. необходимыя вещи. Когда всѣ собрались, наружныя ворота запечатываются, экзаминаторы выбираютъ четыре темы изъ четырехъ классиковъ и объявляютъ ихъ экзаменующимся, которыхъ вслѣдъ затѣмъ распредѣляютъ по кельямъ. Чиновники обходятъ кельи и собираютъ сочиненія, которыя сначала передаются извѣстной группѣ ученыхъ для разсмотрѣнія, соблюдены ли всѣ предписанныя правила, и тѣ, гдѣ они оказались нарушенными, отбрасываются. Съ остальныхъ снимаютъ копія красными чернилами, а оригиналы отдаются губернатору. Копіи затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе къ другой группѣ — старыхъ ученыхъ, для отмѣтки красными кружками тѣхъ сочиненій, какія они признаютъ лучшими. И только эти отмѣченные кружками рукописи вручаются императорскимъ комиссарамъ для произнесенія окончательнаго сужденія. Въ помощь себѣ экзаминаціонная комиссія приглашаетъ еще 12 ученыхъ. Въ слѣдующую ночь экзаменующіеся распускаются по домамъ. Черезъ день, предъ восходомъ солнца, они снова собираются предъ воротами экзаминаціоннаго учрежденія. Только тѣ изъ нихъ, сочиненія которыхъ признаны удовлетворительными, впускаются во дворъ для второго испытанія. Имъ задаются новыя темы изъ пяти классиковъ, и все идетъ такъ же, какъ и при первомъ экзаменѣ. Черезъ два дня экзаменующіеся освобождаются изъ своего заточенія. На слѣдующее утро признанные удовлетворительно сдавшими второй экзаменъ приступаютъ къ третьему: имъ даются пять новыхъ темъ, при чемъ предлагаются для рѣшенія какіе нибудь вопросы, относящіеся къ исторіи, географіи, финансамъ и обычаямъ страны въ прежнія времена, а также сомнительные пункты въ классическихъ сочиненіяхъ и толкованія темныхъ страницъ въ нихъ;

иногда отъ экзаменуемыхъ требуютъ знанія біографій извѣстныхъ государственныхъ людей прошлаго времени и ихъ мнѣній по различнымъ вопросамъ морали и политики. При этомъ, однако, запрещено касаться какихъ либо пунктовъ, относящихся къ политикѣ нынѣшней династіи, или характера и учености живущихъ государственныхъ людей. Не трудно представить, какого знанія отечественной литературы и какой огромной памяти требуютъ подобныя темы.

Двадцать пять дней даются экзаминаціонной комиссіи, для того, чтобы высказать свое окончательное мнѣніе о сочиненіяхъ. Имена лицъ, успѣшно выдержавшихъ послѣднее испытаніе, объявляются глашатаемъ въ полночь съ самой высокой башни города. На слѣдующее утро печатные листы съ именами счастливцевъ продаются по улицамъ и быстро разсылаются во все части провинціи. Официальное объявленіе, съ именами выдержавшихъ, наклеивается на стѣны губернаторской резиденціи при салютѣ изъ трехъ пушекъ. Губернаторъ выходитъ, совершаетъ троекратное поклоненіе передъ этой бумагой и удаляется при второмъ салютѣ. Вновь испеченные кю-женъ чествуются на все лады и составляютъ предметъ лестнаго вниманія всего города. Въ назначенный день губернаторъ, комиссары и высшія провинціальныя власти даютъ имъ банкетъ въ губернаторскомъ дворцѣ, причемъ обязанности слугъ исполняютъ низшіе чиновники. Число лицъ, выдерживающихъ испытаніе на эту степень разъ въ три года, простирается во всей имперіи до 1300 человекъ. (Экзаменъ на вторую степень производится въ одно и то же время во всехъ 18-ти провинціяхъ Китая около половины сентября).

Третья степень тсин-гзе (докторъ) возлагается разъ въ три года въ Пекинѣ на тѣхъ изъ кю-женъ, которые выдержали на нее испытаніе. Процедура экзаменовъ та же, только экзаминаторами являются высшіе сановники имперіи. Число лицъ, выдерживающихъ докторскій экзаменъ (къ нему допускаются тѣ изъ кю-женъ, которые не получили еще правительственныхъ должностей), въ среднемъ—200. Удостоенные докторской степени представляются императору, и трое, стоящихъ первыми въ списокѣ, получаютъ награды отъ государя. Имена всехъ этихъ лицъ заносятся департаментомъ гражданской службы въ листъ кандидатовъ на официальные должности для назначенія ихъ на первыя открывающіяся вакансіи. Большая часть ихъ дѣйствительно получаютъ мѣста.

Четвертая и высшая ученая степень хан-линъ соотвѣтствуетъ званію академика: тѣ, кто достигаютъ ея, становятся членами императорской академіи и получаютъ жалованье. Экзаменъ на эту степень сдается въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи самого императора.

Конкурсные экзамены для полученія мѣстъ на государственной службѣ — чисто китайское изобрѣтеніе. Почести и власть офи-

ціального положенія являються достаточно большой наградой за многіе годы терпѣливаго сидѣнья надъ книгами. Далеко не всѣ, однако, получаютъ назначеніе; но всѣ эти люди, посвятившіе лучшую часть своей жизни книгамъ, принадлежатъ къ ученому классу и раздѣляютъ съ нимъ его вліяніе и привилегіи. Эти немѣющіе мѣсть ученые образуютъ могущественный средній классъ, члены котораго являются совѣтниками для простого народа, не имѣющаго времени учиться, и помощниками своимъ правителямъ въ веденіи мѣстныхъ дѣлъ. Они образуютъ собою настоящее общественное мнѣніе страны; иногда они соединяются съ народомъ для сопротивленія какимъ нибудь незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ, идущимъ въ разрѣзъ жизненныхъ интересовъ народа; въ другое время вступаютъ въ союзъ съ властями для подавленія смуть и безпорядковъ.

Доступъ въ этотъ классъ открытъ талантамъ и усиліямъ каждаго человѣка. Онъ никогда не имѣлъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ, не пользовался никакими земельными или феодальными привилегіями, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ явился животворящимъ, демократическимъ началомъ въ жизни этого огромнаго государственнаго тѣла. Введенный, какъ учрежденіе, 12 вѣковъ тому назадъ, онъ спасъ китайскій народъ отъ второго расчлененія на отдѣльныя царства силою воспитанія народа въ политическихъ правахъ и обязанностяхъ путемъ глубокаго изученія классиковъ и ихъ комментаторовъ. Система конкурсныхъ экзаменовъ предлагаетъ почетную карьеру для наиболѣе честолюбивыхъ, талантливыхъ или безпокойныхъ умовъ въ странѣ, требуя напряженія всѣхъ ихъ силъ; а современемъ, получивъ должность, эти же таланты, стремленія и силы обращаются на службу и поддержку той государственной системы, которую они, при иномъ порядкѣ, могли бы испровергнуть. Путемъ такихъ экзаменовъ, требующихъ долгаго, многолѣтняго изученія классиковъ и привлекающихъ такія массы людей, распространяется среди народа уваженіе и вкусъ къ наукамъ. Масса такъ полно ознакомляется съ лучшими нравственными книгами своего языка, что эти книги не могутъ не оказывать извѣстнаго благотѣльнаго вліянія. Отъ близкаго знакомства съ сочиненіями своихъ лучшихъ умовъ китайская молодежь научается принципамъ демократическаго правленія, и однимъ изъ результатовъ подобнаго изученія явилось, между прочимъ, то, что никогда государственная власть въ Китаѣ не была въ состояніи создать такую постоянную армию, которая могла бы обратить народъ въ рабство. Образованные люди составляютъ единственную аристократію въ Китаѣ, и достиженіе первой степени, вводя ея обладателя въ классъ этихъ людей, считается само по себѣ достаточно широкимъ вознагражденіемъ за годы ученія, потраченные для ея полученія. Въ цѣломъ можно положительно утверждать, что эти экзамены для под-

держанія прочности китайской правительственной системы и всего этого огромнаго и сложнаго политическаго тѣла сдѣлали болѣе, чѣмъ какая нибудь другая причина.

Но китайская система конкурсныхъ экзаменовъ, какъ и всякая другая, имѣетъ свои крупныя недостатки, зависящія, впрочемъ, не столько отъ нея самой, сколько отъ постороннихъ обстоятельствъ. Однимъ изъ величайшихъ золъ является здѣсь возможность купить почетное ученое званіе за деньги. Въ 1822 году два цензора представили императору докладную записку, гдѣ яркими красками изобразили все зло, какое причиняетъ возвышеніе за деньги людей недостойныхъ, чѣмъ ставятся непреоборимыя трудности людямъ, дѣйствительно достойнымъ и ученымъ, получить награду за свои труды. Продажа должностей, говорили они, началась при Ган'ской династїи, но въ настоящее время эта система окончательно дискредитировала себя, такъ какъ всѣ выгоды отъ нея идутъ въ личную казну государя, вмѣсто того, чтобы обращаться на общественныя нужды. Они рекомендовали поэтому уменьшить расходы на императорскій дворъ. Нѣкоторые изъ этихъ расходовъ, говорили они, прямо сумасбродны. Таковы: 100.000 тэль ¹⁾ на цвѣты и румяна для женщинъ гарема; 120.000 тэль на жалованье пажамъ и евнухамъ; 200.000 тэль на сады въ Юен-минѣ; 400.000 тэль на жалованье чиновникамъ и подарки женщинамъ въ Юен-минѣ; 500.000 тэль на парки въ Е—хо: «если бы эти статьи были уничтожены, это спасло бы больше милліона тэль, расходуемыхъ совершенно бесполезно; таланты могли бы быть выдвинуты впередъ для службы странѣ, и благосостояніе народа отъ этого только бы выиграло. Они утверждали, что вслѣдствіе широкой продажи должностей больше 5.000 докторовъ (тсян-тзе) и больше 27.000 лиценціатовъ (кю-женъ) ждуть должностей, и тѣ, которые стоятъ первыми въ этомъ спискѣ, получили свои степени 30 лѣтъ тому назадъ, такъ что, когда они, наконецъ, и получаютъ должности, будутъ слишкомъ стары для службы. Разныя же проходимцы, купившіе себѣ мѣста, «отличаются жадностью и жестокостью. И это называютъ твердостью и умомъ! Они налагаютъ суровыя наказанія, которыя терроризируютъ народъ, а ихъ начальники отмѣчаютъ ихъ, какъ людей обладающихъ рѣшительностью: они де — наши способные чиновники!..» — «Если ваше величество признаете вѣрнымъ то, что мы говоримъ, и поступите согласно съ этимъ, вы осуществите намѣренія душъ вашихъ священныхъ предковъ, и весь народъ будетъ имѣть истинный поводъ къ сердечной радости. Если бы мы даже подверглись казни мечемъ или претерпѣли смерть въ кипящемъ котлѣ, мы не откажемся отъ своего мнѣнія».

Въ 1826 году, продано было должностей на 6.000.000 тэль.

¹⁾ Тэль—около 2½ рублей.

Одинъ изъ семьи Хоува (богатѣйшіе купцы въ Кантонѣ) приобрѣлъ званіе кю-женъ, подписавши 50.000 тэль на починку плотинъ близъ Кантона; другому дали ученое званіе и титулъ «директора соляной монополіи» за 100.000 тэль, пожертвованныя имъ на военныя издержки. Никто изъ этихъ лицъ не получилъ, впрочемъ, дѣйствительной должности, и такъ бываетъ со многими другими, довольствующимися титулами, шариками, перьями, платьями и другими внѣшними отличіями мандаринскаго званія.

Другимъ зломъ являются подкупы и подлоги, практикуемые для полученія степеней. Помощью извѣстныхъ условныхъ знаковъ на сочиненіяхъ экзаинаторъ можетъ узнать тѣ, какія онъ долженъ одобрить. Десять тысячъ рублей представляютъ, говорятъ, цѣну за дипломъ бакалавра въ Кантонѣ; но эта сумма доступна, конечно, лишь очень немногимъ изъ 8.000 кандидатовъ, являющихся сюда для соисканія этой степени.

Бѣдные ученые продаютъ свои услуги богатымъ людямъ и за извѣстную плату приходятъ на экзаменъ, назвавшись именемъ того, кто ихъ нанялъ, и рискуя крупнымъ наказаніемъ и позоромъ, если ихъ обманъ случайно будетъ открытъ.

Несмотря на эти подкупы и подлоги, нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что высшіе чины китайскаго правительства обладаютъ весьма видными талантами и познаніями и ведутъ неуклюжую государственную колесницу съ ловкостью, патріотизмомъ и умомъ, которые показываютъ, что лица для занятія важныхъ отвѣтственныхъ должностей здѣсь выбираются хорошо.

Экзамены на различныя ученые степени, повторяющіеся черезъ сравнительно короткіе промежутки времени, съ большою правильностью, имѣютъ громадное значеніе въ мѣстной жизни, между прочимъ, еще и потому, что въ это время лучшіе умы страны приходятъ массами въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и имѣютъ такимъ образомъ возможность и случай къ живому обмѣну мыслей. Въ Пекинѣ такіе съѣзды нѣсколькихъ тысячъ лицъ изъ самыхъ различныхъ провинцій оказываютъ огромное вліяніе какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ правителей ¹⁾.

Въ Южномъ пригородѣ Кантона есть одинъ пунктъ, показать который каждый проводникъ по городу считаетъ своей непремѣнной обязанностью. Это—лобное мѣсто, находящееся близъ Южныхъ во-

¹⁾ Лучшія сочиненія по воспитанію и образованію въ Китаѣ: Du Halde. A description of the Empire of China etc. From the French of R. J. B. Du Halde, jesuit, London, MDCCXXXVIII.

1) Biot. Essai sur l'histoire de l'instruction publique en Chine.

2) Doolittle. Social life of the Chinese.

3) Archdeacon Gray China.

4) Wells Williams. The Middle Kingdom.

ротъ. Представьте себѣ улочку, длиною сажень 10, шириною 3—3½ сажени, между низенькими домиками, у высокой, старой стѣны; домики почти сплошь гончарныя мастерскія, и въ обыкновенное время вся эта улица бываетъ заставлена большими глиняными горшками, которые здѣсь просушиваются. Въ дни казни горшки убираютъ, и самая казнь совершается, безъ особыхъ приготовленій, прямо на мостовой. Среднимъ числомъ въ годъ здѣсь убиваютъ до 300 чело-вѣкъ. Отрубенныя головы выставляются на сосѣдней стѣнѣ, по ней же развѣшиваются и члены казенныхъ путемъ лин-чи,—на страхъ людямъ и на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Тутъ же, въ одномъ изъ домовъ, живетъ палачъ. Проводникъ нашъ вызвалъ его; вышелъ долговязый, худой китаецъ, грязный и неряшливый,—самая заурядная фигура. Оказалось, нужно дать ему что нибудь за безпокойство. Дали. Онъ принесъ длинную, прямую саблю, заржавленную и покрытую темными пятнами засохшей крови казенныхъ, взялъ ее обѣими руками и размахнулся, желая показать, какъ онъ наноситъ смертельный ударъ; потомъ, неизвѣстно для чего, вытолкнулъ ногой валявшійся за однимъ горшкомъ черепъ какого-то казеннаго имъ въ прошломъ году преступника, молча ткнулъ его, тоже неизвѣстно зачѣмъ, своимъ мечемъ и ушелъ. Никакихъ другихъ достопримѣчательностей въ Южномъ пригородѣ намъ не показали, да ихъ тамъ и нѣтъ, кромѣ, кажется, зданія гильдіи купцовъ Сватау.

Въ восточномъ пригородѣ, неподалеку отъ большихъ Восточныхъ воротъ, помѣщается монетный дворъ Кантона, т. е. рядъ правительственныхъ учрежденій, связанныхъ съ чеканкой монеты. Учрежденія эти занимаютъ около 15 акровъ, при чемъ собственно на монетный дворъ приходятся цѣлые 4 акра. Весь этотъ большой участокъ земли окруженъ высокими стѣнами и рвомъ. Монетный дворъ былъ выстроенъ въ 1889 году туземными подрядчиками по планамъ, составленнымъ въ Англии, и обошелся въ 100.000 рублей. Машины, доставленныя изъ Бирмингема, стоили, съ установкой, около 600.000 рублей. Вся техническая сторона дѣла находится въ вѣдѣніи директора англичанина и трехъ иностранныхъ инженеровъ. Хозяйственная часть цѣликомъ въ рукахъ китайской администраціи. Монетный дворъ можетъ выпускать ежедневно 100.000 штукъ серебряныхъ монетъ и два милліона мѣдныхъ, такъ называемыхъ кэшъ ¹⁾ (для чеканки кэшъ здѣсь имѣются 86 машинъ). Онъ получаетъ серебро въ слиткахъ изъ областного казначейства и возвращаетъ его перечеканеннымъ въ монеты обратно въ то же казначейство, откуда онѣ уже и пускаются въ обращеніе.

¹⁾ Китайскій долларъ содержитъ 900 частей серебра и 100 ч. мѣди; мелкія серебряныя монеты 820 ч. серебра и 180 ч. мѣди; кэши—60 частей мѣди и 40 ч. цинка; на 1 долларъ, смотря по курсу, приходится отъ 700 до 1000 кэшъ.

Въ 1890 году, знаменитый кантонскій генераль-губернаторъ Чан-чи-тунъ основалъ институтъ (кюанья) для лицъ, занимающихся изученіемъ отечественной литературы. Зданіе приспособлено для 200 человекъ, уроженцевъ провинцій Куантунъ и Куанси (по 100 изъ каждой провинціи). Сюда принимаются только тѣ, которые удостоиваются первой ученой степени на особыхъ экзаменахъ, устраиваемыхъ генераль-губернаторомъ. Каждый принятый получаетъ на свои нужды пять тѣль въ мѣсяць; никто изъ нихъ не имѣетъ права ночевать внѣ института. Разъ въ два мѣсяца производятся письменныя испытанія, при чемъ за лучшія сочиненія выдаются награды отъ 1 до 3-хъ тѣль. Институтъ стоитъ совершенно отдѣльно на сѣверъ отъ западныхъ пригородовъ. Библіотека, залы и приемныя комнаты очень хороши, жилья помѣщенія почти роскошны. Устроено все въ чисто-китайскомъ стилѣ и вкусѣ, съ искусственными прудиками, мостиками, скалами, и скрыто отъ постороннихъ взглядовъ высокой стѣной. Разныя благотворительныя и ученныя общества обѣихъ провинцій, а также двѣ богатыя торговыя компаніи, пожертвовали порядочныя суммы для поддержки этого учрежденія. Тѣмъ же Чан-чи-туномъ была выстроена библіотека (кюанья шу-чю) для занимающихся науками. Ея зданія находятся какъ разъ у юго-западнаго угла города. Благодаря обширнымъ приемнымъ и красивому саду, это учрежденіе сдѣлалось любимымъ мѣстомъ для устройства различныхъ празднествъ и чествованій официальнаго характера. Здѣсь именно генераль-губернаторъ Кантона Ли-хан-чжанъ принималъ въ 1891 году Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ 2¹/₂ верстахъ ниже города, на сѣверномъ берегу рѣки, выстроена недавно порядочная набережная и прекрасная пристань, извѣстная подъ именемъ Тіен-гсю-ма-ту, исключительно для приема важныхъ официальныхъ лицъ, Мандаринская пристань. Сюда въ 1891 году приставалъ пароходъ, на которомъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитою приходилъ въ Кантонъ. По сосѣдству съ этой пристанью находятся новые склады Китайской «Механической и Угольной Компаніи», огромный кусокъ земли съ собственной, отдѣльной пристанью. Компанія имѣетъ свои пароходы, совершающіе правильные рейсы въ Тяньцзинъ, куда они везутъ разный грузъ и откуда берутъ уголь Таку. Пристань компаніи освѣщается электричествомъ. Въ 1890 году, синдикатъ, состоящій главнымъ образомъ изъ китайскихъ капиталистовъ, живущихъ въ Санъ-Франциско, получилъ отъ высшихъ китайскихъ властей концессию на устройство въ городахъ Куантунской провинціи электрическаго освѣщенія. Синдикатъ началъ свою дѣятельность съ Кантона, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлись 700 электрическихъ фонарей на 40 улицахъ, въ магазинахъ и общественныхъ зданіяхъ (въ Кантонѣ, между прочимъ, считается всего 600 улицъ). Плата за освѣщеніе 1¹/₂ копейки за часъ горѣнія лампы силою въ 16 свѣчей.

Въ тѣсномъ, грязномъ и шумномъ пригородѣ, раскинувшись по другую сторону рѣки напротивъ Кантона, есть обширный буддѣйскій монастырь Хонамъ, зданія котораго занимаютъ около 8 акровъ земли. Все это пространство обнесено массивной, каменной стѣной. Широкая аллея, усаженная прекрасными баніановыми деревьями и выложенная гранитными плитами, начинаясь отъ главнаго входа съ рѣки, приводитъ ко вторымъ воротамъ, охраняемымъ четырьмя уродливыми фигурами,—стражами святого мѣста. За воротами, по срединѣ четырехъугольнаго двора, главный храмъ съ тремя изображениями Будды: Будда настоящаго, прошедшаго и будущаго (каждая фигура имѣетъ 25 футовъ высоты). Обстановка—обычная для всякаго буддѣйскаго храма, ничего особеннаго въ ней нѣтъ. Во второмъ храмѣ рѣзная, мраморная пагода и фигура Куань-инь. По восточной и западной сторонамъ двора тянутся коридоры и ряды келій, гдѣ живутъ 175 монаховъ, составляющихъ монастырскую братію. Здѣсь же помѣщается бібліотека и типографія для печатанія священныхъ книгъ, которыя монахи продаютъ вѣрующимъ. Кромѣ главнаго храма, внутри монастырской ограды, есть много другихъ меньшихъ храмовъ и часовенъ, посвященныхъ различнымъ божествамъ буддѣйскаго пантеона. Для свиней и цыплятъ, приносимыхъ въ даръ вѣрующими, отведено отдѣльное, обширное помѣщеніе, гдѣ эти животныя и птицы пользуются священнымъ правомъ неприкосновенности, не зная иной смерти, кромѣ естественной. За трапезной и кухней находятся цвѣточный и фруктовый сады и трупосожигательная печь, гдѣ сжигаются тѣла умершихъ монаховъ. Оставшаяся зола собирается въ урны и хранится въ особомъ зданіи, мавзолеѣ.

Глубокая тишина царствуетъ за монастырскими стѣнами, составляя странный контрастъ съ шумомъ и гамомъ мятущейся вокругъ нихъ человѣческой жизни.

Монастырь Хонамъ лежитъ на большомъ островѣ того же имени. У западнаго угла этого острова Жемчужная рѣка дѣлится на двѣ протоки: по одной,—такъ называемой протокѣ Макао, идетъ главная масса воды; другая, гораздо меньшая протока вѣется непосредственно у города.

Климатъ Кантона и его сосѣда, португальскаго города Макао, въ общемъ гораздо здоровѣе многихъ другихъ мѣстъ, находящихся подъ тропиками. Температура іюля и августа отъ 80 до 88° F., января и февраля между 50° и 60°. Самая высокая температура (94°) наблюдалась въ іюлѣ 1831 года, а самая низкая 29° въ январѣ того же года. Въ 1835 году снѣгъ выпалъ на два дюйма и держался втеченіе трехъ часовъ. Горожане, никогда не видѣвшіе его раньше, не знали, какъ онъ называется; нѣкоторые называли его падающимъ хлопкомъ, и каждый старался пріобрѣсти себѣ немного этой «ваты» въ

качествѣ противолихорадочнаго средства. Туманы представляютъ обычное явленіе въ февралѣ и мартѣ; жара дѣлаеть ихъ иногда очень непріятными. Дождливый сезонъ продолжается съ марта по іюнь, при чемъ большая часть дождей приходится на май и іюнь. Правильный муссонъ дуетъ въ это время съ юго-запада, принося частые ливни. Ежегодное среднее количество дождя, выпадающаго въ Кантонѣ,—70 дюймовъ. Съ августа начинаются сѣверные вѣтры. Лучшее время года—октябрь и ноябрь, когда небо ясно, атмосфера суха и прозрачна. Зима начинается въ концѣ ноября и продолжается по мартъ, причемъ два послѣдніе зимніе мѣсяцы вообще сыры, холодны и непріятны. Между іюлемъ и октябремъ нередки тайфуны, тифоны, ураганы (отъ китайскаго слова та-фунь, великій вѣтеръ). Послѣ тайфуна температура обыкновенно рѣзко падаетъ. На островѣ Хайнанѣ китайцы воздвигли храмы матери тайфуна, —богинѣ, которой они молятся о защитѣ противъ этого страшнаго бича китайскихъ морей.

Уничтоженіе вѣковой монополіи Кантона по части торговли съ иностранцами, открытіе другихъ китайскихъ портовъ и ростъ Гонконга должны были, конечно, отразиться и дѣйствительно отразились очень невыгодно на размѣрахъ иностранной торговли «Столицы двухъ Куановъ». Чай и шелкъ представляютъ теперь главные предметы вывоза изъ нея. Но количество чая, вывозимаго за границу, съ каждымъ годомъ падаетъ все больше и больше. Въ 1885 году экспортъ черныхъ чаевъ отсюда равнялся 130.575 пикулямъ; въ 1890 году — только 63.573 пикулямъ, а въ 1896 году — всего 10.900 пикулямъ. Уже нѣсколько лѣтъ извѣстные сорта черныхъ чаевъ (Конгу), вывозившіеся прежде въ большомъ количествѣ, вовсе не находятъ себѣ сбыта на лондонскихъ рынкахъ даже по самой низшей цѣнѣ. Они идутъ въ Австралію, Южную Америку, Соединенные Штаты, Канаду и въ нѣкоторыя государства Европы. Спросъ на надушенные сорта, составлявшіе главную массу кантонскаго вывоза, теперь тоже рѣзко упалъ. Кантонскимъ чаемъ, кромѣ другихъ причинъ общаго характера, сильно сбавляетъ цѣну еще то обстоятельство, что только небольшія количества ихъ могутъ приготавливаться на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они растутъ; большая же часть посылается въ портъ въ необработанномъ видѣ; такая доставка беретъ отъ одной до двухъ недѣль времени, поэтому чай теряютъ значительную долю своей свѣжести, которую потомъ уже не могутъ возстановить никакія манипуляціи.

Вывозъ шелка-сырца постепенно растетъ. Въ 1896 году экспортъ этого продукта изъ Кантона равнялся 23.287 пикулямъ. Шелковый товаръ, фабрикуемый въ Кантонѣ для иностранныхъ рынковъ, составляютъ главнымъ образомъ вышитыя матеріи, куски шелка и носовые платки.

Вывозъ циновокъ постоянно растетъ, несмотря на сильную кон-

курренцію Японіи. Кантонъ издревле славился своими презервами, въ особенности изъ имбиря. Эта отрасль промышленности и донинѣ здѣсь процвѣтаетъ.

Что касается ввоза, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить поразительное увеличеніе хлопчато-бумажной пряжи, получаемой главнымъ образомъ изъ Индіи, гдѣ замѣчается необыкновенно быстрое развитіе этой отрасли промышленности, благодаря низкой цѣнѣ, по какой тамошніе производители въ состояніи давать свой продуктъ. Ланкаширъ практически вытѣсненъ изъ Кантона, и только самое ничтожное количество тонкихъ сортовъ англійской пряжи находитъ себѣ здѣсь мѣсто главнымъ образомъ для подмѣшиванія къ такимъ шелковымъ фабрикатамъ, какъ ленты. Въ 1891 году было ввезено 124.000 пикулей хлопчато-бумажной пряжи. Весь же ввозъ этого продукта въ томъ же году въ Южный Китай—черезъ Сватау, Кантонъ, Каулунъ, Ланпу, Кичау и Пакхой—равнялся 482.865 пикулямъ, изъ которыхъ только 31.843 пикуля представляли собственно англійскій продуктъ; остальная масса приходилась на долю индійскихъ производителей.

Во ввозѣ шертинга и полотень Германія соперничаетъ съ Японіей, и послѣдняя вытѣсняетъ ее. Изъ шерстяныхъ товаровъ имѣютъ хорошій сбытъ только шерстяные снурки, такъ какъ китайцы вплетаютъ ихъ въ свои косы. Желѣзо идетъ въ послѣдніе годы въ большомъ количествѣ. Вездѣ, гдѣ можно, оно замѣняетъ теперь бамбукъ и дерево. Потребности большого количества паровыхъ рѣчныхъ судовъ создаютъ постоянное требованіе на этотъ металлъ. Замѣчательно постоянное и быстрое увеличеніе спроса на американскую бѣлую муку, которая ввозится теперь сотнями тысячъ пудовъ. Пирожныя и пирожки, продающіеся на улицахъ Кантона, дѣлаются изъ этой муки. Богатые классы также широко употребляютъ ее въ пищу. Спички (почти исключительно японскаго производства) встрѣчаются теперь въ самыхъ отдаленныхъ округахъ. Въ 1891 году ихъ было ввезено 803.000 гроссъ. Ввозъ керосина черезъ Кантонъ, Каулунъ и Ланпу достигаетъ теперь 10.000.000 галлоновъ. Этотъ товаръ доставляетъ хорошій заработокъ многочисленнымъ мелкимъ разносчикамъ, торгующимъ имъ въ розницу, при чемъ они получаютъ на ящикъ около 9 копеекъ прибыли, кромѣ банки и пустого ящика, которые стоятъ 13 копеекъ. Керосиновые банки служатъ здѣсь для всевозможныхъ цѣлей: въ домашнемъ обиходѣ ихъ обращаютъ въ пріемники всякаго рода; ремесленники дѣлаютъ изъ нихъ лампы, дѣтскія игрушки и проч. Изъ листовъ банокъ дѣлаютъ крышки для шляпокъ; въ эти же листы запаковываютъ вывозимый имбирь и топленое свиное сало. Жестяная посуда, посылаемая отсюда въ сѣверные порты, дѣлается главнымъ образомъ изъ старыхъ керосиновыхъ банокъ, листы которыхъ покрываютъ лакомъ. Консервированное молоко пользуется

здѣсь очень хорошимъ сбытомъ: въ 1891 году было ввезено 12.000 дюжинъ банокъ этого молока. Взрослые употребляютъ его, какъ лакомство; въ состоятельныхъ классахъ начинаютъ широко употреблять для вскармливанія дѣтей¹⁾. Стоимость всей иностранной торговли порта въ 1896 году равнялась 46.160.000 тѣль.

Въ Кантонѣ теперь выходятъ три ежедневныя газеты на китайскомъ языкѣ. Содержаніе всѣхъ—болѣе или менѣе одинаково: передовыя статьи, мѣстныя и другія новости, выдержки изъ иностранныхъ газетъ, телеграммы, докладныя записки высшихъ сановниковъ императору, офиціальныя отдѣлы и объявленія. Подписная цѣна въ годъ около 3¹/₂ рублей; ежедневно печатается около 5.000 нумеровъ каждой газеты.

Провинція Куантунъ, или Гуан-дунъ, съ главнымъ городомъ Кантономъ, представляетъ крайнюю южную область Китайской имперіи.

Почва провинціи богата; долины рѣкъ и обширная дельта, которую онѣ образовали, крайне плодородна. Туземцы хорошо развиты физически, энергичны и дѣятельны. Здѣсь превосходно растутъ: чай, шелковица, cassia, имбирь, сахарный тростникъ, арековая пальма, апельсины, бананы, личи, гуавы, персики, манго и памело. Нѣдры земли богаты желѣзомъ, найдено также серебро.

Этотъ благословенный уголокъ, вмѣстѣ съ долиной Янтсекіана и Чузанскимъ архипелагомъ, и облюбовали себѣ англичане, какъ свою «законную часть» при раздѣлѣ китайскаго наслѣдства.

X.

Городъ Нью-Чуанъ.

Въ послѣднее время иностранная печать, главнымъ образомъ, конечно, англійская, усиленно занималась вопросомъ о Нью-Чуанѣ, который Россія будто бы имѣетъ намѣреніе занять такъ же, какъ она заняла Талиенванъ и Портъ-Артуръ. Лордъ Чарльзъ Бересфордъ, посѣтившій недавно Нью-Чуанъ, высказалъ затѣмъ въ Шангаѣ рядъ горькихъ сѣтованій на пассивность англійскаго правительства, особенно ярко отгнѣняемую энергичнымъ, несомнѣнно агрессивнымъ образомъ дѣйствій Россіи въ Манчжуріи, при чемъ указалъ на тотъ вредъ, какой можетъ принести англійской торговлѣ закрытіе въ ближайшемъ будущемъ (т.-е. съ водвореніемъ здѣсь Россіи) этого важнаго порта. Несомнѣнно, что эти сѣтованія точно такъ же, какъ и возбужденіе подозрѣній относительно дальнѣйшихъ намѣреній и видовъ. Россія въ Китаѣ, имѣли цѣлью подготовить

¹⁾ Decennial Reports.

общественное мнѣніе Англии къ необходимости предпринять какой либо рѣшительный шагъ, который бы обезпечилъ англійскіе интересы и гарантировалъ англійскую торговлю въ Китаѣ отъ возможныхъ потерь для нея въ будущемъ. Мобилизація англійскаго флота, произведенная въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, имѣла въ виду, очевидно, не одну Фашоду, но и Дальній Востокъ. Если мы посмотримъ на карту англійскихъ угольныхъ и военныхъ станцій, охватывающихъ побережье Тихаго океана отъ Сингапура до Вейхай-вея, то увидимъ, что между Гонконгомъ и послѣднимъ англійскимъ приобрѣтеніемъ находится большое пустое мѣсто, не заполненное ни одной станціей. Между тѣмъ здѣсь именно лежитъ устье такой важной рѣки, какъ Янтсекианъ, бассейнъ которой обнимаетъ $\frac{3}{8}$ поверхности Китая, и которая сама является главной жизненной артеріей этого колоссальнаго политическаго тѣла. И для всякаго, знакомаго съ дѣлами Дальняго Востока, являлось яснымъ, что Англія рано или поздно обезпечить себѣ именно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ устьемъ такую морскую станцію, которая дастъ ей возможность всегда держать богатѣйшія и наиболѣе населенныя области Китая открытыми для своей торговли. Ключемъ къ Янтсекиану является Чузанскій архипелагъ. Овладѣніе этимъ архипелагомъ должно будетъ замкнуть токъ непрерывнаго главенствующаго вліянія Англии, на всемъ пространствѣ китайскаго побережья отъ Кантона до Печилійскаго залива, и что занятіе Чузана состоится въ самомъ непродолжительномъ времени, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Посмотримъ теперь, что же представляетъ собою этотъ пресловутый Ньючуанъ, замыслы на который со стороны Россіи должны явиться предлогомъ къ прочному занятію Англією другого, гораздо болѣе важнаго и жизненнаго для Китая пункта — Чузанскаго архипелага.

Нью-Чуанъ, — самый сѣверный изъ портовъ Китая, открытыхъ иностранной торговлѣ, лежитъ въ Манчжуріи, въ провинціи Шинь-Кинь, на рѣкѣ Ліао, — въ 20 приблизительно верстахъ отъ устья ея. (Рѣка Ліао впадаетъ, какъ извѣстно, въ Ліаотунскій заливъ, составляющій продолженіе Печилійскаго залива).

Туземцы зовутъ его Ин-тзю. Слово это означаетъ военный постъ, и портъ Ньючуанъ лѣтъ 50 тому назадъ, дѣйствительно, только это значеніе и имѣлъ. Открытъ онъ былъ въ 1858 году, и иностранный селлементъ въ немъ устроился, три года спустя. Собственно же городъ Ньючуанъ лежитъ въ 50 верстахъ отъ Ин-тзю и представляетъ слабо населенное, неинтересное и неважное мѣсто. Иностранцы, говоря о Ньючуанѣ, разумѣютъ не этотъ городъ, а именно Ин-тзю. Путешественникъ, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, отъ устья ея къ Ньючуану, видитъ только пустынную и голую равнину. Три мѣсяца въ году рѣка бываетъ покрыта льдомъ,

Населеніе порта около 60.000 душъ, манчжуръ и китайцевъ. И изъ европейцевъ первыми явились сюда, конечно, англичане. При открытіи порта земля вдоль рѣки, къ востоку отъ нынѣшней набережной, была намѣчена для британскаго селтмента и раздѣлена на 11 участковъ. Теперь послѣдніе шесть участковъ поглотила рѣка; третій и четвертый уже сильно пострадали отъ нея, и ихъ положеніе крайне не надежно. Рѣка Лiao вообще капризная рѣка. Въ 1888 году, во время большаго наводненія, она вырыла для себя, въ нѣсколькихъ верстахъ выше города Тіен-чюан-тай'я совершенно новое русло, вслѣдствіе чего водный путь къ Ин-тзю сократился почти на 25 верстъ. Нынѣшнее русло туземцы называютъ новой рѣкой (Хсин-кай-хо), въ отличіе отъ старой рѣки (Ляо-пей-хо). Низменныя алювіальныя равнины, черезъ которыя текутъ рѣки Лiao и Ялу, очень часто страдаютъ отъ ихъ разливовъ. Въ 1884 году были наводненія въ окрестностяхъ Лiao-яна, Ньючуана и Тун-хюа (на рѣкѣ Ялу). Въ слѣдующемъ году страна вокругъ Ньючуана снова пострадала отъ наводненія. Въ 1886 году были серьезныя наводненія во всей долинѣ Лiao, при чемъ во многихъ округахъ жатва оказалась цѣликомъ погнбшей. Для облегченія бѣдствія правительство ассигновало 10.000 тѣль, а чиновники, какъ этой, такъ и другихъ провинцій, собрали по подпискѣ еще 16.000 тѣль. Наводненіе въ августѣ 1888-го года, когда дождь шелъ втеченіе 12 дней и ночей почти непрерывно, явилось изъ ряда вонъ выходящимъ. Иностранцы, живущіе въ Нью-чуанѣ, выбрали комитетъ для помощи пострадавшимъ, которому и удалось собрать 90.000 тѣль деньгами, не считая другихъ пожертвованій натурой; 100.000 тѣль дали мѣстные чиновники; 145.000 тѣль были присланы съ юга Китая, кромѣ 10.000 паръ платьевъ и 20.000 пикулей риса. Такимъ образомъ, намъ и здѣсь придется имѣть дѣло съ тѣми же наводненіями, которыя бывають такъ гибельны для населенія нашего Южно-Уссурийскаго края.

Нью-чуанъ въ настоящее время — единственный портъ, черезъ который Манчжурія сбываетъ избытокъ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ остальныя части Китая и получаетъ, какъ отъ нихъ, такъ и изъ-за границы нужные ей товары.

Весь оборотъ торговли порта за 1896-й годъ выразился 22.771.346 тѣль (въ 1894 году онъ равнялся 16.418.664 тѣль). Главные предметы вывоза отсюда: бобы и бобовые жмыхи. Въ 1896 году было вывезено первыхъ 3.835.860 пикулей, вторыхъ—2.724.020 пикулей. Много вывозится также бобоваго масла, шелка-сырца, пеньки, кастороваго масла, самшу, табаку, соды, жень-шеня, козульихъ рогъ, мѣховъ, ячменя и другого зерноваго хлѣба. Пенька здѣсь двухъ сортовъ: обыкновенная пенька, которая усиленно культивируется въ окрестностяхъ Гирина (она называется хсіен-ма), и такъ называемый манчжурскій джутъ (чин-ма), продуктъ растенія *Abutilon Avicennae*. Оба

эти сорта пеньки употребляются для дѣланія веревокъ. Вережки изъ обыкновенной пеньки лучше противостоятъ дѣйствию воды и потому идутъ главнымъ образомъ для нуждъ мѣстныхъ туземныхъ джонокъ этой провинціи. Углекислая сода, вывозимая отсюда, добывается близъ Мукдена и употребляется для чистки платья, мытья джонокъ и выдѣлки мѣстнаго мыла. Сода вывозится еще и въ кирпичкахъ, которые имѣютъ широкое распространеніе между красильщиками въ провинціяхъ Чжили и Шантунъ. Касторовое масло добывается изъ растенія (*Ricinus communis*), которымъ здѣсь обсаживаются поля для защиты отъ бродячаго скота. Здѣсь есть въ продажѣ еще одно масло изъ растенія *Perilla osymoides*, культивируемаго на сѣверѣ. Китайцы называютъ это масло сю-ю и употребляютъ для лампъ. О другихъ предметахъ Ньючуанскаго вывоза мы имѣли уже случай говорить раньше ¹⁾.

Ввозятся же сюда: морская капуста изъ Владивостока и Японіи; спички, фарфоръ, мѣдь—тоже изъ Японіи; съ юга идутъ: бетель, красильное дерево, строевой лѣсъ, индѣйскій хлопокъ, дрели, шертинги, сахаръ и керосинъ. Индѣйскаго опиума въ 1896 году было ввезено всего только 32 пикюля, тогда какъ въ 1879 году количество этого продукта, ввезеннаго въ Ньючуанъ, равнялось 2.453 пикюлямъ. Индѣйскій опиумъ, такимъ образомъ, совершенно вытѣсненъ съ мѣстнаго рынка туземнымъ продуктомъ: въ послѣднее время культура мака въ Манчжуріи приняла необыкновенно широкіе размѣры. Въ урожайные годы опиума здѣсь добываютъ столько, что за покрытіемъ мѣстной потребности въ немъ его вывозятъ въ другія провинціи, главнымъ образомъ въ Шанзи.

Для подвоза къ порту продуктовъ изнутри страны существуетъ огромная флотилія рѣчныхъ джонокъ. Такихъ судовъ (большихъ и малыхъ) считается здѣсь 13.000. Число рейсовъ, совершаемыхъ ими во время сезона, не менѣе 100.000. Главные пункты, куда онѣ ходятъ отсюда,—Мукденъ и Тун-чян-тзю (въ 290 ли отъ Мукдена). Между Ньючуаномъ и другими прибрежными городами этой провинціи плаваютъ мѣстныя морскія джонки. Онѣ привозятъ сюда: соль, капусту, топливо, уголь; берутъ съ собой главнымъ образомъ зерно. Изъ Таку-шана приходятъ джонки со строевымъ лѣсомъ. Другія джонки совершаютъ рейсы между Ньючуаномъ и Шантуномъ. Онѣ везутъ туда пеньку, табакъ, самшу, зерно, и приходятъ назадъ съ рыбой. Всѣ морскія джонки этой провинціи выправляютъ себѣ судовые патенты въ канцеляріи своего округа и платятъ таможенные пошлины за каждый рейсъ въ размѣрѣ 800 такъ называемыхъ малыхъ кэшъ за пикюль. Изъ другихъ провинцій здѣсь можно видѣть слѣдующія джонки: Шангайскія (300 рейсовъ), джонки Нин-по (150

¹⁾ Въ статьѣ «Талиенвань и Портъ Артуръ», въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ.

рейсовъ), джонки Фу-Чжоу (50—70 рейсовъ), Шантунскія (250 рейсовъ), Тянь-цзинскія (800 рейсовъ). Каждое изъ этихъ судовъ, приходя въ Ньючуанъ, уплачиваетъ въ мѣстную таможенную 34 тѣль по-тонныхъ пошлинъ.

Ходячая монета порта есть кэшъ. Тысяча тунъ, или малыхъ кэшъ, составляютъ тiao, который равняется 160 большимъ, или обыкновеннымъ кэшамъ. Десять тiao образуютъ одинъ мѣстный тѣль (немного меньше шангайскаго или таможеннаго тѣля: на 4 или 4½%). Такой монеты, какъ тунъ или малый кэшъ, не существуетъ въ дѣйствительности, точно такъ же, какъ нѣтъ и тiao; но оба эти термина постоянно употребляются въ тамошнемъ обиходѣ: все здѣсь считается на туны и тiao съ переводомъ на дѣйствительно существующія кэши.

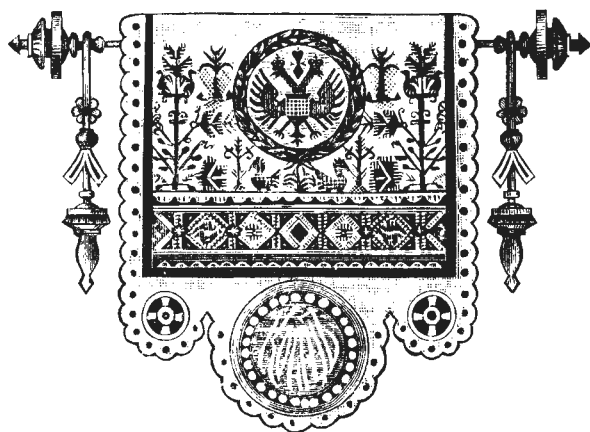
Рейдъ Нью-Чуана, въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ сезона, т. е. въ октябрѣ и ноябрѣ, представляетъ чрезвычайно оживленную картину. Суда тянутся непрерывной вереницей каждый день до тѣхъ поръ, пока не заполняютъ всю гавань, которая представляетъ тогда собою настоящій лѣсъ мачтъ. Лѣтъ 15 тому назадъ, въ это время года, въ Нью-Чуанѣ собирались чуть не всѣ европейскія парусныя суда, плавающія по китайскому побережью. Но съ тѣхъ поръ число пароходовъ такъ увеличилось, и они такъ уменьшили свои фрахты, что паруснымъ судамъ стало не въ мочь тягаться съ ними. Китайцу, правда, больше нравится парусное судно, съ его продолжительными стоянками, чѣмъ пароходъ, который только что пришелъ въ портъ и уже торопится уйти. Парусное судно даетъ китайцу достаточно времени для того, чтобы хорошенько обдумать сдѣлку и сообразить, какъ ему распорядиться, и уже однимъ этимъ оно мило китайскому сердцу. Но выгода, конечно, прежде всего, и когда пароходы, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали понижать плату за провозъ, китайское сердце не выдержало искушенія и измѣнило парусникамъ. Какъ быстро парусный флотъ пошелъ здѣсь на убыль, показываютъ слѣдующія двѣ цифры: въ 1881 году число парусныхъ судовъ составляло 48% всѣхъ судовъ, приходившихъ въ Нью-Чуанъ, а въ 1891 году оно равнялось уже только 8%¹⁾. Газета «Standard» приводитъ слѣдующія цифры судовъ различныхъ націй, входившихъ въ Ньючуанскій портъ въ 1897 году: пароходовъ подъ англійскимъ флагомъ было 342 (350.368 тоннъ), китайскихъ—154 (108.242 тоннъ), германскихъ—152 (114.748 тоннъ), японскихъ—104 (85.954 тоннъ), шведскихъ и норвежскихъ—68 (46.152 тоннъ), голландскихъ 6 (4.932 тоннъ) и русскихъ—2 (1.426 тоннъ).

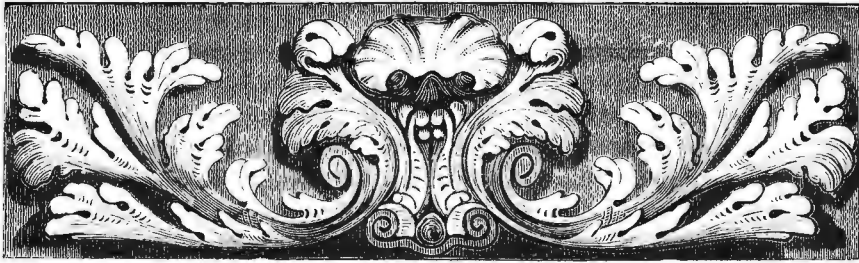
Въ 1890 году, правительство приказало произвести предварительныя изысканія для проектированной желѣзной дороги изъ Нью-

¹⁾ Decennial Reports.

Чуана въ Гиринъ, что и было сдѣлано весною того же года; но тѣмъ дѣло тогда и кончилось. Потомъ явился другой планъ: продолжить линію изъ Кайпина въ Шангай-Куань и оттуда въ Мукденъ, соединивъ ее съ Нью-Чуаномъ и Портъ-Артуромъ. Надѣялись, что линія пойдетъ не только до Гирина, а до Кюанъ-чен-тзю, большого торговаго центра Манчжуріи. Несомнѣнно, что постройка всѣхъ этихъ линій дала бы огромный толчокъ дѣятельности Ньючуанскаго порта: размѣры торговыхъ оборотовъ его тогда трудно даже и предвидѣть.

В. Черевковъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898.

ОЯВЛЕНІЕ спеціального журнала, посвященнаго вопросамъ искусства,—явленіе, достойное вниманія, которое можно назвать событіемъ въ нашемъ художественномъ мірѣ. Какъ извѣстно, у насъ дѣлались неоднократныя попытки издавать художественный журналъ, назначеніемъ котораго было бы стать посредникомъ между роднымъ искусствомъ и обществомъ, знакомить это послѣднее съ явленіями въ области современнаго художественнаго творчества, содѣйствовать наиболѣе широкому распространенію въ массѣ понятій о немъ, а, стало быть, и стремиться такимъ путемъ къ нѣкоторому объединенію искусства и жизни, или творчества и дѣйствительности. Къ сожалѣнію, столь благія по своему замыслу начинанія не достигали намѣченной цѣли, и большая часть этихъ художественныхъ изданій прекращала свое существованіе, не доразвившись до извѣстной степени зрѣлости; они останавливались на полдорогѣ. Мы не станемъ разбираться въ причинахъ такой печальной судьбы добрыхъ начинаній, ибо это составитъ тему для обстоятельнаго очерка, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что такія систематическія неудачи далеко не доказываютъ отсутствія необходимости въ художественномъ журналѣ, какъ это не разъ пытались доказывать многіе литературные и художественные «авторитеты». Вополнѣ возможно, что способы рѣшенія задачи были несоотвѣтственны,

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ, 1898 Г., Т. LXIV.

21

не вѣрны, не достаточно обдуманы, слишкомъ односторонни и потому, естественно, не приводили къ искомому результату, но сама задача была, есть и будетъ, пока есть искусство и жизнь, пока есть сознание, что искусство существуетъ не для горсти «избранниковъ» человеческого общества.

Послѣ долгаго перерыва мы дождались, наконецъ, новой попытки создать художественный журналъ, который и вышелъ въ свѣтъ, въ видѣ двойного выпуска. Содержаніе журнала состоитъ изъ литературнаго матеріала и рисунковъ. Въ литературной части выпуска мы находимъ вступительную статью редактора журнала Н. П. Собко, въ видѣ очерка исторіи подобныхъ журналовъ въ Россіи, рядъ статей В. В. Стасова, очеркъ объ искусствѣ М. Антокольскаго и нѣсколько замѣтокъ хроникерскаго характера. Ознакомившись съ содержаніемъ литературнаго отдѣла, трудно сказать что либо опредѣленное о будущемъ журнала, нарисовать его портретъ. Пока, это эскизъ, который, при последовательной разработкѣ его, можетъ превратиться въ нѣчто вполне законченное и опредѣленное. Но эскизъ этотъ не лишень характерности. Въ немъ есть черта, которая сразу выдѣляется изъ линий контура и даетъ намекъ на будущую фізіономію. Такой характерной чертой является статья г. Антокольскаго объ искусствѣ и очеркъ В. В. Стасова, посвященный ознакомленію читателя съ личностью и творчествомъ В. М. Васнецова.

Говоря о современномъ состояніи искусства вообще, г. Антокольскій въ своемъ очеркѣ, написанномъ нервно и съ увлеченіемъ, высказывается совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было старыхъ или новыхъ теорій и взглядовъ; онъ приводитъ свое личное убѣжденіе, какъ самостоятельный и опытный художникъ. Онъ скорбитъ объ участи искусства, жалуется на отсутствіе самобытности, на упадокъ идеала, на духовную скудость, на вымирание истиннаго творчества, уступившаго мѣсто подражанію, погонѣ за модою и рекламѣ. Но не одни служители искусства виноваты въ этомъ: многое объясняется общимъ характеромъ современной жизни, бьющейся удвоеннымъ ритмомъ, настроеніемъ общества, влияющаго на художника... «Искусство—это выразитель и толкователь человѣческой души, посредникъ между Богомъ и человѣкомъ».

Таково мнѣніе М. Антокольскаго, мнѣніе, съ которымъ нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Давъ мѣсто этому весьма опредѣленно выраженному взгляду художника въ первомъ же номерѣ журнала, редакция этимъ самымъ опредѣлила до извѣстной степени точку отиравленія въ своемъ начинаніи, а это одно изъ необходимыхъ условій для распознаванія направленія.

Впечатлѣніе, производимое статьей М. Антокольскаго, усиливается очерками В. В. Стасова о В. М. Васнецовѣ, которые еще разъ наводятъ на мысль объ отсутствіи самобытности и цѣльности въ нашемъ современномъ искусствѣ. Говоря короче, взглядъ г. Антокольскаго, разсматриваемый, какъ теорія, находитъ фактическое подтвержденіе и развитіе въ біографіи одного изъ лучшихъ и самобытныхъ русскихъ художниковъ. Помимо своего идейнаго интереса, очеркъ В. В. Стасова заслуживаетъ вниманія, какъ превосходно изложенная біографія, дающая полное и яркое изображеніе личности и творчества Васнецова. Въ первомъ выпускѣ она доведена до начала того перелома въ душѣ художника, который ему создалъ такую широкую, вполне заслуженную, извѣстность.

Что касается остальных статей, то онѣ не выходятъ изъ рамокъ малосодержательныхъ замѣтокъ, появляющихся и въ общей литературѣ. Менѣе всего удачна статейка художника Рериха. «О народной выставкѣ». Этотъ вопросъ, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія, но не столь поверхностно выраженного, какъ это сдѣлалъ г. Рерихъ.

Рисунки, вишетки въ нѣсколько красокъ, заставки и отдѣльныя фото и авто-типическія приложенія дополняютъ журналъ. Біографическій очеркъ В. В. Стасова сопровождается снимками съ произведеній В. Васнецова, и среди нихъ попадаются малоизвѣстныя и даже не издававшіяся еще работы художника. Это замѣтно усиливаетъ значеніе очерка и пополняетъ его. Кромѣ того, воспроизведено десятка два снимковъ съ картинъ «товарищества передвижныхъ выставокъ». Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы дать случай лишній разъ вспомнить о «передвижникахъ», создавшихъ эру въ исторіи нашей живописи, но не можемъ примириться съ плохимъ исполненіемъ клише; а, не говоря о выборѣ матеріала, исполнительная сторона въ такомъ журналѣ не должна допускать замѣчаній. Работы красками, какъ, напримѣръ, декоративный мотивъ Васнецова и другихъ, выполнены безукоризненно. Такъ же хороши и многочисленныя заставки, имѣющія свой исторически-художественный интересъ. Гравюра г. Матѣ, изображающая В. Васнецова по портрету, писанному И. Крамскимъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ художественныхъ приложеній журнала.

Таково въ общихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ содержаніе этого новаго посредника между искусствомъ и обществомъ. Нельзя не признать, что первое его появленіе, въ видѣ этихъ выпусковъ, производитъ благопріятное впечатлѣніе.

Пойдетъ ли журналъ по намѣченному пути безъ уклоненій, достигнетъ ли онъ цѣли, и заполнитъ ли онъ существующій пробѣлъ, — это покажетъ его дальнѣйшая дѣятельность, а пока хорошо и то, что на первыхъ же порахъ онъ напомнилъ о самобытности искусства, о его общности съ жизнью и народностью.

У насъ слишкомъ много безличности, неопредѣленныхъ исканій и увлеченія чужимъ, чтобы имѣть право упрекнуть новый журналъ въ намѣченномъ имъ направленіи.

Г. Эрастовъ.

Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время).

А. Н. Мосолова. Спб. 1898.

Очерки, или, правильнѣе, воспоминанія г. Мосолова, печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» за 1883 г. и вышедшія теперь отдѣльной книжкой, имѣютъ своимъ предметомъ описаніе, главнымъ образомъ, вѣшняго устройства той административной машины, какая была налажена и пущена въ ходъ умирителемъ послѣдняго мятежа въ Литвѣ графомъ М. Н. Муравьевымъ. Какъ извѣстно, назначенный 1 мая 1863 г. виленскимъ генераль-губернаторомъ гр. Муравьевъ постарался еще въ Петербургѣ подобрать себѣ штатъ сотрудниковъ, которымъ онъ могъ бы довѣрить отдѣльныя части управленія. А. Н. Мосоловъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ непосредственно отъ гр.

Муравьева предложене отправиться съ нимъ въ Вильну, и затѣмъ, зачисленный въ походную канцелярію, пробылъ на службѣ въ Вильнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ, авторъ настоящихъ записокъ былъ очевидцемъ подавленія возстанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственнымъ участникомъ проведенія въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію совсѣмъ было захирѣвшаго русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Событія послѣдняго польскаго мятежа извѣстны теперь, можно сказать, лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Немалое количество очерковъ и отдѣльныхъ отрывковъ изъ воспоминаній, не перестающихъ и доселѣ появляться, время отъ времени, на страницахъ періодическихъ изданій, рисуютъ мелочи дѣла, отдѣльные эпизоды, дѣйствія отдѣльныхъ русскихъ отрядовъ съ повстанческими бандами и т. п., но мало уясняютъ связь этихъ мелочей съ общимъ ходомъ возстанія, съ тѣми пружинами, которыя направляли и руководили отдѣльными всышками. Эта послѣдняя сторона дѣла въ отношеніи царства Польскаго лишь нѣсколько уяснена въ извѣстныхъ статьяхъ покойнаго Н. В. Берга; что же касается событій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то въ обширной литературѣ мемуаровъ они выступаютъ, какъ въ калейдоскопѣ. Есть отдѣльныя картины, но нѣтъ панорамы. Нападеніе гр. Плятера на транспортъ съ оружіемъ, казнь ксендза Ишоры, поимка Сѣраковского, высылка епископа Красинскаго, покушеніе на жизнь Домейко и т. д., обо всемъ этомъ уже много рассказывалось, а между тѣмъ остается малоизвѣстною самая внутренняя организація возстанія, общая программа дѣйствій, а равно и тѣ задачи, за осуществленіе которыхъ поляки рѣшились выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Конечно, по весьма повятнымъ причинамъ эта сторона дѣла въ настоящее время еще и не могла бы быть изложена съ надлежащей полнотою и безпристрастіемъ, но пора бы уже установить нѣсколько общихъ положеній, которыя уясняли бы отношеніе отдѣльныхъ эпизодовъ въ движеніи возстанія.

Съ указанной стороны, воспомнанія г. Мосолова имѣютъ то преимущество, что въ нихъ съ подробностью указано расположеніе отдѣльныхъ винтовъ сокрушающей машины, приводимой въ дѣйствіе твердой рукой гр. М. П. Муравьева. Самый ходъ мятежа мало останавливаетъ на себѣ вниманіе автора; выдающіеся моменты указаны, но они съ большею подробностью изложены въ другихъ воспомнаніяхъ, и въ этомъ отношеніи рассказъ г. Мосолова ничего не прибавляетъ къ извѣстному изъ другихъ источниковъ. Съ большимъ вниманіемъ авторъ остановился на личности «диктатора», подробно описалъ принятыя имъ приемы работы и установленный имъ порядокъ въ отдѣльныхъ частяхъ управленія. Равнымъ образомъ довольно подробно изложены предпріятыя гр. Муравьевымъ реформы, которыми онъ старался снять съ края польскій обликъ и вызвать къ жизни глубоко запятанныя русскія силы. Извѣстно, съ какою неуклонностью дѣйствовалъ въ этомъ послѣднемъ направленіи гр. Муравьевъ; отъ его пронизательнаго взора не ускользала ни одна мелочь, а разъ ужъ она была имъ замѣчена, никакія увертки не могли воспрепятствовать ему безслѣдно стереть то, что онъ считалъ вреднымъ для русскаго дѣла. «Всѣ мѣры, принимаемыя начальникомъ края въ этомъ отношеніи, были чисто реактивныя», — говоритъ г. Мосоловъ. «Такъ, напримѣръ, воспрещеніе говорить

попольски въ присутственныхъ мѣстахъ и публичныхъ собраніяхъ, уничтоженіе польскихъ мѣръ и вѣсовъ (воспреценныхъ закономъ), снятіе польскихъ вывѣсокъ и т. п.,— все это, какъ ни странно само по себѣ, было въ высшей степени необходимо, если вникнуть въ дѣло» (с. 104—105). Плоды этихъ распоряженій не заставляли себя долго ждать. «Еще не задолго предъ тѣмъ русскій, приходившій по своему дѣлу въ присутственныя мѣста Западнаго края и обращающійся съ вопросомъ на родномъ своемъ языкѣ, встрѣчалъ, вмѣсто отвѣта, взгляды удивленія и недовѣрія, и никто его не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, между тѣмъ, какъ съ изданіямъ этихъ воспреценій всѣ польскіе чиновники (по большей части, воспитанники гимназій) заговорили отлично порусски» (с. 105). Какъ надобно полагать, гр. Муравьевъ выступалъ здѣсь гонителемъ не польскаго языка, а замѣченнаго имъ въ чиновникахъ-полякахъ презрѣнія къ государственному языку, который они старались свести на второе мѣсто. Вообще, возвышеніе престижа русской власти и православной церкви — таковы были главныя задачи гр. Муравьева на его трудномъ посту.

Входитъ здѣсь въ оцѣнку дѣятельности гр. Муравьева не мѣсто, тѣмъ болѣе, что и г. Мосоловъ преслѣдуетъ цѣли эническаго повѣствователя, а не изслѣдователя эпохи. Относясь съ полнымъ—какъ и слѣдовало ожидать—сочувствіемъ и къ личности, и къ принципамъ вилевской дѣятельности гр. Муравьева, г. Мосоловъ не имѣетъ дурной привычки нѣкоторыхъ составителей мемуаровъ—расточать на каждомъ шагу, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ не слѣдуетъ, похвалы своимъ покровителямъ или лицамъ, коихъ имъ желательно возвеличить въ глазахъ читателя. Благодаря спокойному тону изложенія, книга много выигрываетъ. Можемъ указать лишь, въ видѣ слабой стороны настоящихъ воспоминаній, недостатокъ живыхъ характеристикъ тѣхъ личностей, которыя дѣляли тогда съ гр. Муравьевымъ бремя управленія. А таковыя характеристики совершенно необходимо дѣлать пишущимъ воспоминанія, ибо если ходъ событій можетъ быть впоследствии восстановленъ по даннымъ officialнаго характера, то откуда иначе позднѣйшій изслѣдователь можетъ почерпнуть свѣдѣнія о характерахъ тогдашнихъ дѣятелей, какъ не изъ этого источника?

К. Х.

Сочиненія К. К. Случевского. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898.

К. К. Случевскій поэтъ оригинальный, далекій всякаго трафарета. Онъ не прислушивается къ требованію толпы и не подслуживается ей. И стихъ его оригинальный, по которому сразу узнаете его музу. У Случевского есть своя сила, и его своеобразный стихъ, несмотря на свою иногда и неловкость, дѣйствуетъ, какъ сила. У него та своеобразная красота, которую надо понять, а понять можно, только вчитавшись въ произведенія поэта, изучивъ ихъ. Я не говорю о такихъ погрѣшностяхъ, которыя остаются недостатками, не вытекающими изъ свойства музы поэта, а являются недосмотромъ и промахомъ. Но останавливаться на этомъ—значитъ сводить критику на перечень опечатокъ.

Къ числу достоинствъ же Случевского надо отнести и отсутствіе узости, односторонности, столь свойственной многимъ бесспорно высокоталантливымъ поэтамъ. Онъ всегда, какъ поэтъ, отзывается на все, что требуетъ отвѣта. Онъ врагъ всякой предвзятости. И ему все интересно, ему все близко, какъ истинному поэту. Онъ черпаетъ вдохновеніе и въ настоящемъ, и въ прошломъ, любить и людей, и природу, говоритъ образами чувству и обращается къ уму, какъ философъ... Природу онъ любитъ и понимаетъ ее такъ, какъ немногіе; но когда онъ говоритъ о людяхъ,—онъ вноситъ свое, и вы прислушиваетесь къ его голосу, потому что вамъ не повторяютъ прѣвѣнаго и стараго. Вы можете не соглашаться, находить эпитетъ неудачнымъ, образъ недостаточно яркимъ, сравненіе неточнымъ, стихъ—неловкимъ. Это ваше дѣло. Но вы не скажете: «какъ старо и шаблонно!»

Первый томъ начинается прекраснымъ стихотвореніемъ: «Неуловимое». «Неуловимое пороку уловимо»,—говоритъ поэтъ, и дальше: «все уловимое скорѣй проходитъ мимо, чѣмъ чувство, мысль, мечта, сомнѣнье, идеаль!», и

Богъ создалъ не одинъ, а два великихъ міра:
Міръ, видимый для насъ, весь въ краскахъ и чертахъ,
Міръ тяготѣнія. Отъ камня до зюера,
Онъ—въ подчиненіи, въ безсилъѣ и въ цѣняхъ.

И другой міръ—рожденный изъ мысли человѣка. Для мысли дебрей нѣтъ, и она тяготѣнія не признаетъ.

Это небольшое стихотвореніе лучше всякихъ длинныхъ предисловіи характеризуетъ поэта.

Намъ нѣтъ возможности останавливаться на всѣхъ пьесахъ автора для того, чтобы познакомить читателя съ его отношеніями къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы отмѣтимъ то, что ближе подходитъ къ задачамъ нашего изданія,—отмѣтимъ рядъ стихотвореній, озаглавленныхъ: «Черноземная полоса», «Мурманскіе отголоски», «Изъ природы», баллады и рассказы въ стихахъ, такъ сказать, «поэмы».

Давно извѣстно, что для истиннаго поэта нѣтъ прозаическихъ сюжетовъ, и что самый будничныи сюжетъ подъ перомъ поэта получаетъ поэтическую окраску, иначе сказать, въ самой обыденной прозѣ поэтъ находитъ поэзію и поэтически воспроизводитъ то, что, казалось, чуждо всякой поэзіи. Возьмите вы «Мурманскіе отголоски». Они запечатлѣны своеобразной поэзіей. Конечно, картины сѣверной природы сами по себѣ богатый матеріалъ, но поэтъ иногда беретъ какъ бы нарочно такія темы, которыя всего менѣе поэтичны. Напр., XI глава: это описаніе ловли трески. А выходитъ—и красиво, и поэтично. Вообще «Мурманскіе отголоски» представляютъ собою рядъ превосходныхъ картинъ труда и быта.

Пли возьмите «Утро надъ Невой»: «Вспыхнуло утро въ туманахъ, блуждающихъ». Эта картина поспоритъ со всякою живописью. Она написана мастерски, и настроеніе поэта цѣликомъ передается читателю. Вы вмѣстѣ съ авторомъ проникаетесь поэзіей пробужденія дня, и вамъ кажется, что вы сами и не могли бы иначе изобразить, высказаться, что и вы взяли бы тѣ же самыя краски, какія нашлись на поэтической палитрѣ автора... Это стихотвореніе, а равно и «На рѣкѣ весной» и др. служатъ яснымъ доказательствомъ, что

поэтъ понимаетъ природу и тонко, вѣрно, колоритно изображаетъ ее, хотя иногда и не избѣгаетъ довольно рискованныхъ и своеобразныхъ сравненій, образовъ и оборотовъ рѣчи.

Изъ балладъ самая лучшая—«Дьячекъ».

Надъ Двиной, рѣкой великой,
Въ дальнемъ сѣвера углу,
Гдѣ въ пустынныхъ смолокурныхъ
Гонять деготь и смолу,
Подлѣ церкви, подъ горою,
Бѣлый домикъ не высокъ.
Долгій вѣкъ въ немъ доживаетъ,
На покой уйди, дьячекъ.
Стѣны бѣлы, окна чисты;
По-надъ лавкой рядъ иконъ;
Подлѣ нихъ въ изображеньяхъ
И Соловки, и Афонъ.

Сынъ дьячка—въ Кіевской лаврѣ казначеемъ. Звалъ онъ отца къ себѣ и поѣхалъ дьячекъ къ сыну. На вокзалѣ его ждала карета... Сынъ при встрѣчѣ упалъ отцу въ ноги... Хорошо жилося старику у сына, а все-таки не остался онъ и вернулся домой, на Двину. Отчего? Необыкновенной наивностью вѣтъ отъ отвѣта дьячка. Восьмой десятокъ вотъ, привыкъ «знать, что солнцу тутъ вставать, тамъ садиться за лѣсочкомъ... Да и колоколь тогда новый ставили въ родномъ селѣ. Увы, уже такіе «дьячки» исчезаютъ на Руси... исчезаютъ, вмѣстѣ со многимъ, чѣмъ было мило и хорошо доброе старое время...

«Поцъ Елисей»—это прекрасный рассказъ о борьбѣ сельскаго пастыря съ охватившею его страстью къ красивой вдовѣ солдаткѣ... Какъ ураганъ налетѣла страсть, и борьба была нелегка. Она мастерски изображена поэтомъ не только съ внѣшней стороны, но и душа метущагося попа открывается передъ вами. Это одинъ изъ хорошихъ пастырей, любящій народъ и понимающій свои задачи. Но онъ человѣкъ... Рассказъ кончается смертью попа Елисея, схватившаго оспу. Последнія страницы, когда къ одру умирающаго собираются дѣти-школьники,—прямо потрясающія; яркость письма этой поэмы свидѣтельствуетъ о той силѣ поэтическаго таланта автора, въ которой напрасно хотягъ ему отказать его враги, цѣпляющіеся за промахи и неловкости стиха и не видящіе этой силы ни въ ширѣ замысла, ни въ своеобразности картинъ, ни въ тонкой наблюдательности, наконецъ, ни въ своеобразныхъ хотя и смѣлыхъ поэтическихъ мазкахъ, усиливающихъ впечатлѣніе. Укажемъ на такія прекрасныя вещи, какъ: «Брави», «Въ силкахъ», на рядъ пьесъ, озаглавленныхъ: «Въ пути», «Статуя» «Весталка», «Новгородское преданіе».

Стихи на разные случаи обыкновенно у большинства выходятъ дѣланными и безцвѣтными. Этого нельзя сказать о такихъ стихотвореніяхъ Случевского: «Въ день похоронъ Скобелева» и «Послѣ похоронъ Достоевскаго», и др. Очень хорошо начинается второе: «И видѣли мы всѣ явленья эпопей... Библейскимъ чѣмъ-то, средневѣковымъ, она въ четыре дня сложилась съ небольшимъ. И первый день, когда ты остывалъ, и вѣсть о смерти городъ облетала, тревожный злобы духъ недоброе шепталъ, и мысль людей недоброе шептала»...

А въ стихотвореніи на смерть Скобелева, вообще чудномъ и сильномъ, особенно сильно и ярко окончаніе.

Гробъ унесенъ? Вопросъ убійственный гнѣздится
 При взглядѣ на живыхъ, въ невѣдннѣ концѣ:
 Зачѣмъ у насъ всегда такъ рвутся тѣ сердца,
 Которымъ за одно съ народомъ надо биться?..
 . . . . .
 Чтожъ? русскимъ умирать не страшно и не жалко, }
 И если страшно,—мы сообща умремъ,
 Но тяжкимъ трауромъ по смерти облечемъ—
 И вразумимъ живыхъ величьемъ катафалка!

Поэтъ любитъ народъ и хотя не скрываетъ его язвъ, но признаетъ за нимъ «правду» и послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній въ силѣ народа невольно восклицаетъ.

Народъ, народъ,—онъ самъ сложили свое былое;
 Онъ далъ исторію—въ ней всѣ его права.

И послѣ этихъ словъ, а равно и послѣ этихъ двухъ строчекъ:

Москва единая надъ неоглядной ширью
 Разбросанныхъ вездѣ рабочихъ деревень,—

не остается сомнѣнія насчетъ того, какъ поэтъ смотритъ на народъ, и ясно намъ его отношеніе къ исторической жизни Русской земли, съ ея историческимъ теченіемъ... И здѣсь можно спорить, но и здѣсь не обычный трафаретъ. А если можно спорить то, значитъ, есть о чемъ, и есть что у поэта: не одно красивое словцо. И за это «что-то», составляющее собственность автора, вы простите ему и неудачные стихи, и промахи, и нѣкоторую туманность, и иногда полную небрежность стиха. Это поэтъ несомнѣнный, поэтъ содержательный и своеобразный. Это ли не отрадное явленіе въ наше время, когда царятъ безцвѣтность, шаблонность, пустота мысли, прикрывающіяся или флагомъ моднаго направленія, или звучностью стиха!

Кромѣ стихотвореній, въ собраніе сочиненій Случевского вошли и его прозаическія произведенія: романы, новѣсти и рассказы. Но мы слишкомъ увлеклись его стихами, и у насъ нѣтъ мѣста говорить подробно о его прозѣ. Поэтому мы ограничимся лишь общей ея характеристикой: она написана живымъ, образнымъ языкомъ, затрагиваетъ интересныя темы и во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ яркій, беллетристическій талантъ автора.

А. Кругловъ.

Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1898.

При нашей скудной литературѣ для дѣтскаго возраста, переводъ граціозныхъ и прелестныхъ рассказовъ Кенета Грэма—явленіе въ высшей степени отрадное. Небольшая книжечка маленькаго формата обнимаетъ собою 17 очерковъ, съ предисловіемъ, посвященнымъ «олимпійцамъ», т. е. взрослымъ, гдѣ авторъ, какъ бы воплотившись въ ребенка, именно, съ ребяческой, дѣтской точки зрѣнія, повѣствуетъ событія своей жизни, разсматриваетъ весь окружающій

міръ въ причудливыхъ образахъ и картинахъ, отчеканенныхъ подъ вліяніемъ разнаго фантастическаго чтенія въ его пылкомъ воображеніи. Весь міръ дѣлится у него на двѣ категоріи: въ одномъ живутъ и дѣйствуютъ «олимпійцы», въ другомъ — настоящія живыя существа, т. е. дѣти. «Мы всегда недоумѣвали, — говоритъ авторъ, въ качествѣ члена второй группы, — когда олимпійцы говорили при насъ, напримѣръ, за столомъ о разныхъ политическихъ и общественныхъ пустякахъ, воображая, что эти блѣдные призраки дѣйствительности тоже имѣли какое нибудь значеніе въ жизни. Мы же, посвященные, ѣли молча; головы наши были переполнены новыми планами и заговорами; мы могли бы сказать имъ, что такое настоящая жизнь! Мы только-что покинули ее на дворѣ и горѣли нетерпѣніемъ снова вернуться къ ней. Мы, само собою разумѣется, не пытались ихъ просвѣщать; давно было доказано и признано, какъ бесполезно сообщать имъ наши мысли. Мы были едины духомъ, насъ связывали общія цѣли, необходимость бороться съ горькой судьбой, съ властью, намъ всегда враждебной; мы жили для того, чтобы ускользнуть изъ-подъ этой власти, и не имѣли повѣренныхъ, кромѣ насъ самихъ. Эти странныя, безкровныя существа были куда дальше отъ насъ, чѣмъ наши любезные звѣри, дѣлившіе съ нами естественную жизнь подъ солнцемъ». Съ точки зрѣнія автора-ребенка, существованіе олимпійцевъ лишено всякаго интереса, точно такъ же, какъ всѣ ихъ движенія несвободны, медленны, а привычки однообразны, бессмысленны. «Они были слѣпы ко всему, чего не видно, — повѣствуетъ Грээмъ. — Для нихъ фруктовый садъ (мѣсто, гдѣ жили эльфы — дивное!) просто давалъ столько-то яблоковъ или вишенъ, или ничего не давалъ, при чемъ нерѣдко за такія ошибки природы прямо обвиняли насъ. Ноги ихъ никогда не были ни въ сосновой рошѣ, ни въ орѣшникѣ, и имъ даже не снились скрытыя въ нихъ чудеса. Тайственные источники, подобные источникамъ стараго Нила, которые наполняли водою утинный прудъ, не заключали въ себѣ для нихъ ничего волшебнаго. Они ничего не знали объ индѣйцахъ, ничуть не беспокоились о бизонахъ и пиратахъ (съ пистолетами!), хотя все кругомъ было полно мрачныхъ предзнаменованій. Они не любили розыскивать нещерь разбойниковъ и искать кладовъ. То, что они большую часть времени проводили дома взаперти, было, можетъ быть, лучшимъ ихъ достоинствомъ».

Таковы основныя точки зрѣнія ребенка, согласно воспроизведенія ихъ Грээмомъ; и вотъ, исходя изъ этихъ точекъ отправленія, онъ въ удивительно граціозныхъ сценахъ живописуетъ внутренній дѣтскій міръ, гдѣ все говоритъ о чудесахъ, о таинственномъ, гдѣ всякій неодушевленный предметъ получаетъ особенное значеніе, гдѣ все живетъ особенной фантастической жизнью. Самая фабула повѣствованія незамысловата; всѣ дѣйствія расположены въ саду, въ рошѣ, на берегу ручья, въ сосѣднемъ паркѣ. Маленькіе герои далѣе нѣсколькихъ сотенъ шаговъ, по большей части, отъ дому не отходятъ, но на протяженіи этого маленькаго пространства кишитъ столько жизни, столько веселія, юмора, что вы невольно заливаетесь самымъ непринужденнымъ смѣхомъ и готовы отъ всей души обнять и маленькихъ героевъ повѣствованія и самого талантливаго автора, сумѣвшаго съ такимъ мастерствомъ воспроизвести замысловатый дѣтскій міръ.

Когда настоящая рецензія удостоится вниманія читателей, окна нашихъ книжныхъ магазиновъ уже начнутъ убираться «елочными подарками» для дѣтей. Позволяю себѣ, съ полной отвѣтственностью за рекомендацію, указать взрослымъ книжку Кенета въ качествѣ одного изъ лучшихъ подарковъ для юныхъ аудиторій, въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ. Посоветую только, ознакомившись предварительно самимъ съ содержаніемъ, устроить изъ этой книги для указанной аудиторіи громкое чтеніе; удовольствіе отсюда получится для обѣихъ сторонъ: и дѣти лучше, сознательнѣе, уловятъ юморъ и иронию, и взрослые наслаждаются истиннымъ веселымъ восторгомъ дѣтей! По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки сдѣлалъ такой опытъ въ собственной семьѣ и не жалѣетъ о потраченномъ времени.

Г---скій.

В. Н. Хитрово. Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898.

Брошюра В. Н. Хитрово написана по поводу состоявшагося въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ посѣщенія Палестины и св. града Іерусалима германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II. Почтенный авторъ справедливо говоритъ, что Святая Земля, несмотря на свое библейское и евангельско-историческое значеніе, совершенно неизвѣстна въ своей современной внутренней жизни и внѣшнихъ условіяхъ не только интеллигентному русскому обществу, но даже и иностранному. Въ виду этого вполне понятно желаніе нашего авторитетнаго знатока исторіи и быта Св. Земли ознакомить русскую публику съ этою замѣчательною страной. Въ его трудѣ, имѣющемъ форму писемъ, рѣшается вопросъ, что принесетъ и какъ отразится на близкой и дорогой намъ Палестинѣ посѣщеніе ея германскимъ императоромъ. Обращаясь къ общественному мнѣнію Германіи, авторъ сообщаетъ, что нѣмцы видятъ въ этомъ посѣщеніи какое-то міровое явленіе, имѣющее цѣлью прославленіе или выраженіе пангерманизма; даже латинствующіе нѣмцы видятъ въ этомъ событіи торжественное шествіе à la Лоэнгринъ германскаго императора, котораго ожидаетъ въ Іерусалимѣ титулъ покровителя христіанства. Однако, современное положеніе Палестины, по мнѣнію г. Хитрово, не даетъ основанія раздѣлять надежды представителя пангерманизма. Прежде всего, германскій элементъ въ Палестинѣ не представляетъ значительной силы. Онъ состоитъ изъ такъ называемыхъ храмовниковъ, представляющихъ одну изъ крайнихъ рационалистическихъ протестантскихъ сектъ, возникшую въ Вюртембергѣ на почвѣ протеста противъ господствующей евангелической секты и собственно евангелической общины, созданной различными германскими евангелическими миссіонерскими обществами. Число храмовниковъ въ Палестинѣ простирается до 1.300 человѣкъ; хотя они живутъ чрезвычайно изолированно отъ окрестнаго населенія, но остались нѣмцами лишь по наружности, не имѣютъ почти никакого экономическаго вліянія даже на ближайшую къ нимъ мѣстность и враждебно относятся къ послѣдователямъ евангелическаго ученія. Евангелической элементъ также въ Палестинѣ не великъ и состоитъ изъ представителей миссіонерскихъ обществъ, сотни полторы колонистовъ, отторгнутыхъ отъ секты

храмовниковъ, и менѣе тысячи мѣстныхъ сирійцевъ. Евангелическіе германскіе миссіонеры добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, но большого культурнаго вліянія на окружающую среду и они не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что главнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности служатъ колоніи храмовниковъ. Болѣе значительную величину представляютъ латинскія наслоенія въ Палестинѣ, состоящія изъ нѣмцевъ, французовъ, италіанцевъ и другихъ народностей. Чисто-латинскій элементъ Святой Земли имѣетъ двѣ опасныя стороны: во-первыхъ, фанатизмъ и страстность *ad majorem Dei gloriam*, и, во-вторыхъ— жесткую дисциплину *ad cadaver*. Но тѣмъ не менѣе и этотъ элементъ не можетъ быть орудіемъ пангерманизма. Дѣло въ томъ, что латиняне, несмотря на общность религіозныхъ своихъ воззрѣній и миссіонерской задачи въ Палестинѣ, ведутъ между собою ожесточенную національную вражду, и господство здѣсь пангерманизма послужитъ основаніемъ къ полному распаденію латинства на національности, а затѣмъ наступитъ и закатъ латинскаго солнца. За протестантами и латинянами въ Палестинѣ стоятъ армяне, месопотамскіе яковиты, копты, абиссинцы, евреи, самаритяне, феллахи и греки; всѣ эти народности представляютъ неудобную для германскаго вліянія почву. Описавъ современное состояніе въ Палестинѣ указанныхъ общинъ и народностей, г. Хитрово далѣе опредѣляетъ вліяніе на Палестину сосѣдней Сиріи и устанавливаетъ прочную связь между европейскимъ элементомъ Палестины и Сиріи, причемъ преходитъ къ слѣдующему результату. Протестанты и Палестины и Сиріи (около 7—8 тысячъ) не имѣютъ твердой и прочной опоры, поэтому нечего и говорить о видимомъ ихъ вліяніи на окружающую среду.

Что же касается латинянъ, то все значеніе, вся сила ихъ въ Святой Землѣ происходитъ отъ той существенной опоры, которую они имѣютъ въ Сиріи. Безъ сирійской латинской силы (до 380 тысячъ человекъ) палестинская сила латинства (до 15 тысячъ) была бы не страшна православію. Объ этой-то опасности для православной церкви и говорится въ заключеніи разсматриваемой брошюры, причемъ авторъ опредѣляетъ силу и слабость православныхъ въ этой борьбѣ. Слабость православныхъ заключается, во-первыхъ, въ добродушіи или, вѣрнѣе, равнодушіи и недовѣріи, во-вторыхъ,—въ неподготовленности къ борьбѣ и неимѣніи пригодныхъ для нея орудій и, въ-третьихъ,—въ противодѣйствіи лжесоюзниковъ, которые стремятся къ господству панэллиннизма. А сила православныхъ состоитъ въ сочувствіи православной Руси и въ глубокомъ сознаніи правоты дѣла; чѣмъ сильнѣе будетъ это сочувствіе, чѣмъ крѣпче будетъ убѣжденіе въ этой правотѣ, тѣмъ скорѣе наступитъ благоприятный для православія исходъ борьбы. Эти заключительныя строки даютъ понять, какъ почтенный авторъ относится къ нѣмецкимъ мечтамъ о господствѣ въ Палестинѣ пангерманизма.

Брошюра г. Хитрово написана весьма авторитетно, съ замѣчательною основательностью сужденій и съ рѣдкимъ знаніемъ предмета. Современное населеніе Палестины и Сиріи, его элементы, стремленія и вліяніе—прекрасно здѣсь описаны. Къ сожалѣнію, авторъ мало сказалъ о положеніи святогробскихъ грековъ, отославъ читателей для ознакомленія съ этимъ интереснымъ сюжетомъ къ другому своему сочиненію. Для полноты нарисованной въ бро-

шюрѣ картины хотѣлось бы и здѣсь встрѣтить вѣскія и основательныя сужденія авторитетнаго автора о дѣятельности греческой патріархіи въ Палестинѣ и ея отношеніи къ туземному населенію. С.

Настольный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей прив.-доц. Спб. унив. П. И. Вейнберга. Книгоиздательство Н. С. Аскарханова. Выпуски I и II. Спб. 1898.

Книжный рынокъ за послѣднее время замѣтно обогащается дешевыми и, что особенно важно, полезными изданіями. Явленіе отрадное, — книгоиздатели идутъ на встрѣчу небогатому люду, стремящемуся къ самообразованію: въ довольно опрятномъ видѣ и за недорогую цѣну они предлагаютъ ему массу сочиненій и научныхъ, и беллетристическихъ книгъ. Просматривая отдѣлы популярно-научныхъ книгъ въ каталогахъ Павленкова, Поповой и Сытина, — можно встрѣтить имена Дарвина, Бокля, Спенсера и другихъ знаменитыхъ писателей. Отдѣлы словесности также заполняются. Павленковъ за недорогую цѣну издалъ Пушкина, Лермонтова, Писарева, Бѣлинскаго и Успенскаго. Попова выпустила за 7 рублей Добролюбова; «Дешевая бібліотека» г. Суворина заключаетъ въ себѣ тоже произведенія многихъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей. Г. Марксъ удешевилъ сочиненія Гоголя, Майкова, Полонскаго и Лѣскова. Такое увеличеніе количества хорошихъ изданій и пониженіе ихъ цѣны составляетъ отрадное явленіе въ нашемъ книгоиздательскомъ дѣлѣ, развивающемся все шире и шире. Но, къ сожалѣнію, это движеніе замѣтно не во всѣхъ отдѣлахъ. Такъ, напримѣръ, мы очень бѣдны справочными изданіями. Небогатый человѣкъ до сихъ поръ лишень возможности пріобрѣсти энциклопедическій словарь, потребность же въ немъ ощущается постоянно. Недорогой Толь устарѣлъ, Брокгаузъ-Ефронъ и даже Гранатъ большинству не по средствамъ. Этотъ недостатокъ лексиконовъ пожелалъ восполнить книгопродавецъ Аскархановъ, предпринявъ, подъ редакціей П. И. Вейнберга, изданіе «Настольный энциклопедическій словарь». Имя редактора вселяло увѣренность, что изданіе это поведется по строго выработанной программѣ и по окончаніи займетъ надлежащее мѣсто среди справочниковъ. Но даже при бѣгломъ просмотрѣ перваго выпуска намъ пришлось разочароваться. Многіе промахи и пробѣлы сразу бросаются въ глаза.

Изъ предисловія редактора видно, что помѣщенныя въ книгѣ свѣдѣнія заимствованы, главнымъ образомъ, изъ пользующагося всемірною извѣстностью изданія «Meuser's Konversations-Lexicon», за исключеніемъ, конечно, свѣдѣній, касающихся Россіи, которыя составлены самостоятельно. Вотъ эти-то свѣдѣнія, составленныя самостоятельно, и оказываются въ высшей степени неудовлетворительными. Они и кратки до-нельзя и зачастую не вѣрны. Вотъ примѣры. Бѣлинскому посвящено только 2 строки. Въ біографіи умершаго лѣтъ шесть тому назадъ профессора П. Е. Андреевскаго сказано, что онъ «въ настоящее время редактируетъ издаваемый Ефрономъ и Брокгаузомъ энциклопедическій словарь». На стр. 242 напечатано: «Голодай, островъ въ устьѣ Невы, названный по имени Матвѣя Голлидея. См. это слово». Но біографіи Голлидея въ

словарѣ нѣтъ. Кромѣ всѣхъ подобныхъ пробѣловъ и промаховъ, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, подписчиковъ возмущаетъ и медленность изданія: до сихъ поръ (втеченіе цѣлаго года) вышло только два выпуска, до слова Дююи де-Ломъ. Такимъ образомъ, изданіе обѣщаетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ, и, судя по первымъ двумъ выпускамъ, трудно ожидать, чтобы въ немъ свѣдѣнія, касающіяся Россіи, были не только полны, но и точны.

Борисъ Городецкій.

Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и послѣдній. Спб. 1898.

Обширный трудъ нашего извѣстнаго статистика Н. Осипова по обследованію огромнаго раіона Тобольской губ., въ 2¹/₂ милліона десятинъ и съ населеніемъ въ 300.000 душъ, нынѣ законченъ, и читатели, на основаніи всѣхъ вышедшихъ трехъ томовъ, имѣютъ возможность подвести итоги экономическому быту здѣшнихъ «государственныхъ» крестьянъ. Второй томъ работы г. Осипова обнялъ собою въ бытовомъ отношеніи наиболѣе любопытную сторону дѣла, а именно, вопросъ о сибирскихъ передѣлахъ земли, и далъ твердую нить къ опредѣленію разницы въ способахъ общиннаго передѣла въ Сибири и въ Европейской Россіи. Благодаря этому, врядъ ли въ настоящее время можетъ возникнуть споръ, но крайней мѣрѣ, въ отношеніи Курганскаго округа, гдѣ дѣло передѣла поставлено болѣе цельсообразно, упрощенно и разумно, у насъ ли, во внутреннихъ губерніяхъ, или тамъ на далекой окраинѣ, которую вдоль и поперекъ исходилъ и извѣздилъ даровитый представитель статистической науки.

Не меньшее, если не большее, практическое значеніе имѣетъ и третій нынѣ вышедшій томъ, гдѣ авторъ, предпославъ небольшое предисловіе, обстоятельно разсматриваетъ въ первой части составъ курганскаго населенія, всевозможныя группировки этого населенія, размѣры и характеръ мѣстнаго хлѣбопашества и скотоводства. Вторая часть посвящена анализу качества и количества пахатной земли, при чемъ главенствующее мѣсто отведено почвенному вопросу въ 36 волостяхъ, съ опредѣленіемъ урожайности почвы. Такимъ образомъ, работа г. Осипова, въ предѣлахъ силъ и возможности для одного человѣка, даетъ отчасти возможность приступить къ правильному поземельному устройству мѣстныхъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ равномерному и необременительному ихъ обложенію. Въ крадкой рецензіи не приходится, конечно, отмѣчать всѣхъ тѣхъ естественныхъ трудностей и невольныхъ препятствій, которыя встрѣчались автору на пути его изслѣдованія, объ этомъ можно найти нѣкоторыя указанія въ предисловіи къ 3-му тому, не приходится также касаться тѣхъ методовъ, которые ему пришлось приложить къ дѣлу, дабы устранить невольныя недоразумѣнія и произвольности, вытекавшія изъ несовершенства бывшаго въ его распоряженіи матеріала. Наше дѣло лишь отмѣтить то общее благоприятное впечатлѣніе, которое производитъ работа г. Осипова, и которое позволяетъ отнести ее къ числу выдающихся экономическихъ работъ, имѣющихъ въ наши дни непосредственно большое практическое значеніе. Сибирь съ

ея громадной площадью земли, несомнѣнно, еще долго будетъ служить тѣмъ налицнымъ запасомъ, куда втеченіе многихъ лѣтъ будетъ отливать русское обезземелившееся крестьянство. Поэтому, въ интересахъ этой естественной иммиграціи, въ интересахъ правильнаго расселенія, по крайней мѣрѣ, на извѣстной опредѣленной площади, трудъ г. Осипова даетъ возможность избѣгнуть многихъ будущихъ ошибокъ, даетъ цѣлесообразныя указанія на средства направить дѣло колонизаціи Курганскаго округа правильнымъ путемъ. Кромѣ того, что еще болѣе важно для настоящаго момента, почтенный изслѣдователь, во всеоружіи убѣдительнѣйшихъ цифровыхъ данныхъ, представленныхъ главнымъ образомъ въ обширныхъ приложеніяхъ къ его труду, оказываетъ и правительству, и крестьянству добрую и незамѣнимую услугу въ вопросѣ о равномѣрномъ и справедливомъ податномъ обложеніи мѣстнаго населенія. Это одна изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ сторонъ ученой работы, посвященной Курганскому округу

В. Г.

А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898.

«Краеугольнымъ камнемъ» при составленіи «Лѣтописи» г. Штылько послужило, какъ пишетъ онъ въ предисловіи къ своему труду, «Полное (первое) Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», то-есть сводъ государственныхъ актовъ съ 1649 по 1825 г., составленный повелѣніемъ императора Николая Павловича. «Этотъ богатѣйшій первоисточникъ историческихъ матеріаловъ,— говоритъ онъ,— заключающійся въ 40 томахъ, содержащихъ свыше 30 тысячъ статей (высочайшихъ указовъ и грамотъ, указовъ и докладовъ правительствующаго сената и другихъ государственныхъ документовъ), просмотрѣнъ нами въ видахъ извлеченія всѣхъ матеріаловъ, касающихся Астраханскаго края». Затѣмъ, поясняя свой способъ пользованія вышеуказаннымъ первоисточникомъ, авторъ продолжаетъ: «Замѣтимъ кстати, что къ первому полному Собранію Законовъ Россійской Имперіи есть указатели, но по заголовкамъ и другимъ признакамъ не всегда можно предвидѣть все содержаніе документовъ, вслѣдствіе чего мы предпочитаемъ перелистывать и пробѣгать ихъ». На это и мы «кстати замѣтимъ», что перелистыванье всѣхъ 40 томовъ со стороны г. Штылько былъ совершенно напрасный и безілезный трудъ, такъ какъ онъ болѣе того, что есть въ указателяхъ относящагося къ Астраханскому краю, все равно не извлекъ изъ своего первоисточника.

Но самый большой матеріалъ въ количественномъ отношеніи составителю «Лѣтописи» дали постановленія астраханской городской думы за 24 года, то есть за время ея существованія со дня введенія городского положенія до 1896 г., включительно, а также дѣла и доклады городской управы. И справедливость требуетъ сказать, что г. Штылько пользовался этимъ богатымъ источникомъ весьма широко и печерпалъ его, надо полагать, до конца. Наоборотъ, такому цѣнному по своему содержанію матеріалу, который составлялъ бы лучшее украшеніе его «Лѣтописи», и каковой представляютъ собою неоконченныя синоп-

тическія таблицы А. Ф. Мюллера, составитель придалъ мало значенія, по его словамъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ только незначительныя позаимствованія. Затѣмъ приводится г. Штылько библиографическій списокъ печатныхъ матеріаловъ по исторіи Астраханскаго края, которыми онъ пользовался въ своемъ трудѣ. Изъ этого списка видно, что составителю его была мало извѣстна или даже совсѣмъ незнакома и та небольшая часть списковъ печатныхъ изданій, которыя помѣщены въ «Географическомъ словарѣ» Семенова (т. I, стр. 152—155) и въ «Описаніи православныхъ монастырей» В. Звѣринскаго (т. I, стр. 82, 101 и 239). Ни однимъ словомъ не упоминаетъ онъ и объ «Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода», которыхъ вышло уже изъ печати 8 томовъ.

Что касается письменной литературы по исторіи г. Астрахани, то авторъ «Астраханской лѣтописи», очевидно, и не подозреваетъ о существованіи такихъ драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ, какіе находятся во многихъ общественныхъ и частныхъ рукописныхъ собраніяхъ. Ему совершенно неизвѣстны, напримѣръ, «Сказаніе о взятіи Астраханскаго царства», рукопись XVII вѣка гр. Уварова, поступившая къ нему изъ собранія Сахарова (Описаніе рукописей гр. Уварова, № 1452 и № 2053). Сказаніе это начинается такъ: «В лѣто 7059 (1551) приходилъ къ великому государю царю и в. кн. Ивану Васильевичу всеа Русні къ Москвѣ изъ Астрахани отъ Ямчурчѣя царя посоль»¹⁾. Незвѣстна ему и рукопись изъ собранія того же гр. Уварова за № 1610, посвящая названіе: «Повѣщія извѣстія о Астрахани» Энгельберта Келафлера XVIII в., переводъ съ нѣмецкаго подлинника, напечатаннаго въ 1724 году въ Нюрнбергѣ, съ любопытнѣйшими историческими свѣдѣніями. Наконецъ, въ томъ же собраніи по интересующему насъ вопросу есть превосходный сборникъ, поступившій изъ собранія Царскаго (по опис. Строева № 430), подъ заглавіемъ: «Сказаніе лѣтописно о градѣ Астрахани». Подобный списокъ находится также и въ археографической комиссіи (по опис., № 47).

Но что всего болѣе непростительно г. Штылько, такъ это его полное невѣдѣніе о существованіи астраханскаго лѣтописца московскаго священника Андрея Горлицкаго, помѣстившаго немало историческихъ событій, касающихся исторіи Астраханской епархіи. Этотъ священникъ Горлицкій проживалъ въ Астрахани около 1726 года, при епископѣ Лаврентіи Горкѣ. Какъ видно изъ лѣтописца, Горлицкій пользовался при составленіи его спискомъ, несовременнымъ ему, но болѣе древнимъ, такъ какъ занесенныя на страницы его событія относятся и къ началу XVII в. Заканчивается лѣтописецъ слѣдующими событіями 24 марта 1721 г., о чудномъ знаменіи, бывшемъ въ Астрахани, 1723 г., объ освященіи церкви Михаила Архангела и 1726 г., объ освященіи епископомъ Лаврентіемъ придѣла въ Иокровскомъ монастырѣ. Въ этомъ же лѣтописцѣ помѣщены, между прочимъ, любопытнѣйшія свѣдѣнія о кончинѣ перваго астраханскаго епископа Θεодосія, случившейся въ Царцинѣ 18 декабря 1606 г., о перенесеніи мощей его въ Астрахань въ 1617 г., о кончинѣ епископа Онуфрія въ 1628 г.²⁾, и такъ далѣе. Затѣмъ, въ «Астраханской лѣтописи» нѣтъ за-

¹⁾ Въ «Лѣтописи» г. Штылько этого года нѣтъ.

²⁾ Эти года въ «Астраханской лѣтописи» отсутствуютъ.

мѣтки о прибытіи на астраханскую кафедру такого знаменитаго епископа, какъ Платонъ Любарскій, перваго составителя исторіи астраханской іерархіи, напечатанной въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.» (1848 г., книга 7). Изъ всего вышесказаннаго ясно, съ какими скудными свѣдѣніями и пособіями взялся г. Штылько за осуществленіе такого серьезнаго историческаго труда, какъ лѣтопись. А между тѣмъ, свѣдѣнія изъ вышеуказанныхъ нами источниковъ были бы гораздо интереснѣе и содержательнѣе, чѣмъ занесенныя въ «Астраханскую лѣтопись» происшествія, достойныя болѣе страницъ уличнаго листка, чѣмъ серьезнаго изданія, въ родѣ, на примѣръ, хотя слѣдующихъ, помѣщенныхъ авторомъ подъ 1886 г.: 17 января, похороны антрепренера Кастровскаго, 17 февраля, самоубійство адвоката М. К. Полякова, 2 апрѣля, закончены работы по проведенію частнаго телефона отъ конторы пароходнаго товарищества «Лебедь» до пристани на эллингъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, «Астраханская лѣтопись» г. Штылько, являясь въ настоящемъ видѣ хорошиимъ справочнымъ пособіемъ для мѣстныхъ управскихъ канцеляристовъ, архивариусовъ и даже, пожалуй, гг. гласныхъ астраханской думы, въ историческомъ отношеніи не имѣетъ почти никакого значенія.

А. Титовъ.

Общественная жизнь Англій. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

Нашъ демократическій вѣкъ стремится и исторію писать на компанейскихъ началахъ. Въ настоящій моментъ одновременно выходятъ «Всеобщая исторія съ IV вѣка» (собственно исторія Франціи и странъ, съ нею соприкасавшихся) Э. Лависса и А. Рамбо, уже переводимая на русскій и издаваемая тѣмъ же К. Т. Солдатенковымъ, «Исторія французскаго языка и литературы» Пети де Жюссевиля (къ сожалѣнію, порусски еще не переводится) и обширная исторія Англій Трайля, всѣ три составляемая многими специалистами и объединяемая только работой редактора. А ргіогі понятно, въ чемъ хорошая и въ чемъ слабая сторона такихъ компанейскихъ изданій. Никто не можетъ быть въ одинаковой степени специалистомъ по разнымъ отдѣламъ хотя бы исторіи одного и того же народа, и всякая единичная работа, не имѣющая характера монографіи, непременно страдаетъ нѣкоторою односторонностью; а подобрать компанію специалистовъ по разнымъ отдѣламъ, способныхъ согласиться на одинъ общій планъ, возможно даже у насъ въ Россіи. Поэтому книга, такъ составляемая, можетъ быть почти одинаково сильна во всѣхъ частяхъ своихъ. Но съ другой стороны, какъ бы ни былъ настойчивъ и усерденъ редакторъ, ему никогда не удастся «подогнать» своихъ сотрудниковъ подъ одинъ тонъ, заставить ихъ, такъ сказать, пѣть хоромъ. Если даже сотрудники совершенно одинаково понимаютъ этотъ общій планъ (что почти невозможно), если даже

они дадутъ редактору дозволеніе передѣлывать статьи, допоянять и урѣзывать ихъ по произволу (этого въ подписанныхъ статьяхъ трудно ожидать), и редакторъ, не щадя силъ своихъ (всякому хоть немного опытному литературному работнику извѣстно, что легче самому написать статью, нежели радикально передѣлать чужую), широко воспользуется своимъ правомъ,—все же читатель не можетъ не чувствовать разности тона, разницы въ томъ представленіи, которое имѣютъ авторы о степени его развитія, о его нуждахъ и интересахъ. Такъ и въ данномъ сочиненіи, и въ лежащемъ передъ нами томѣ его, нельзя не замѣтить сильнаго различія, на примѣръ, между тономъ Сентебюрн, который ограничивается всего 6-ю строками объ Утопіи Томаса Мора (стр. 95) и вообще имѣетъ въ виду читателя, нуждающагося только въ обобщеніяхъ, и Стиля, который даетъ характерные, наглядные факты и предоставляетъ обобщенія самому читателю. Но за то на каждой страницѣ тотъ же читатель чувствуетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ настоящимъ знатокомъ дѣла.

III-й томъ Трайля заключаетъ въ себѣ 4 главы: 1) «Переходная эпоха отъ 1509—1547 г.», 2) «Новыя общественныя силы 1547—1858 г.», 3) «Новое общество 1558—1584 г.» и 4) «Увеличеніе территоріи Англіи». Для русской публики этотъ томъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ интересныхъ хотя бы по одному тому, что онъ разносторонне изображаетъ Англію, подготовившую и воспитавшую Шекспира и его публику. Томъ составленъ также старательно, какъ и предыдущіе и, дѣйствительно, можетъ служить прекрасною пропедевтикой для изученія великаго драматурга.

Переводъ въ общемъ вполне удовлетворителенъ и мѣстами красивъ и силенъ; но не можемъ не замѣтить, что переводчику слѣдовало бы избѣгать такихъ неологизмовъ, какъ Чосеріанскій, Маротъ вмѣсто Маро (стр. 91), конфигуры (стр. 349), обмірщеніе (стр. 361) и проч. Кроме того, нельзя не пожалѣть, что переводчикъ ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ такъ называемыхъ «источникахъ» (въ концѣ каждой главы) не указалъ такихъ солидныхъ русскихъ работъ, какъ, на примѣръ, изслѣдованія Н. П. Стороженка по исторіи англійскаго театра.

А. К.

Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Вѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 г.). Спб. 1898.

Начинается названная книжка небольшимъ введениемъ: «Вмѣсто предисловія», въ которомъ авторъ трактуетъ въ общихъ чертахъ о міровоззрѣніи В. Г. Вѣлинскаго и о превосходствѣ его писемъ передъ критическими статьями. «За связку писемъ Вѣлинскаго къ Воткину», говоритъ онъ, «я бы не взялъ половины напечатаннаго нашимъ критикомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» (стр. II). Затѣмъ идутъ 13 главъ, частію имѣющія свои заголовки, частію оставленныя безъ названія. Въ первой, едва ли не самой интересной, мы находимъ воспоминанія о Вѣлинскомъ Герцена, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и Панаева, къ которымъ г. Соловьевъ прибавляетъ свои замѣчанія относительно того, «что все приведенныя характеристики Вѣлинскаго недостаточно отгѣняютъ одну черту его характера», а именно его

общественность. Вторая и третья главы посвящены описанію эпохи дѣтства и обученія Бѣлинскаго; въ четвертой дается характеристика кружка Станкевича; пятая озаглавлена «Первая статья»; шестая— «Абстрактный героизмъ», въ которой авторъ подробно останавливается на характеристикѣ М. Бакунина и В. Вяткина и на вліяніи ихъ на Бѣлинскаго; седьмая— «Гегелианство Бѣлинскаго»; восьмая посвящена характеристикѣ состоянія журналистики первой половины тридцатыхъ годовъ и ея главныхъ дѣятелей; девятая— «Первые годы въ Петербургѣ»; десятая— «Возрожденіе»; одиннадцатая— «Кружокъ Бѣлинскаго»; двѣнадцатая— «Любовь Бѣлинскаго»; тринадцатая трактуетъ о журнальной дѣятельности Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840—1846 г.); четырнадцатая— «Бѣлинскій и славянофилы» и пятнадцатая, самая краткая, посвящена самымъ послѣднимъ годамъ жизни Бѣлинскаго. Послѣ этого слѣдуютъ оригинальное г. Соловьева разсужденіе на тему «Бѣлинскій въ потомствѣ» и «Заключеніе».

Въ своемъ трудѣ г. Е. Соловьевъ основывался, главнымъ образомъ, на извѣстной статьѣ Пышина, на письмахъ и нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, почти вовсе не коснувшись довольно обширной литературы о нашемъ знаменитомъ критикѣ. Ему, напримѣръ, осталось неизвѣстнымъ и то обстоятельство, что трагедія Бѣлинскаго была цѣликомъ издана еще въ 1891 г. Тихонравовымъ въ «Сборникѣ общества любителей россійской словесности»; онъ же цитируетъ ее по отрывкамъ у Пышина. Конечно, новаго чего либо въ этой книгѣ искать нечего, да, видимо, авторъ и не задавался подобною цѣлю; съ попытками же его сказать кое-гдѣ «новое слово» согласныхъ найдется очень мало. О томъ, что выписано изъ источниковъ и заключено въ кавычки или перефразировано изъ статьи Пышина, говорить не зачѣмъ; можно только сказать, что составитель не всегда удачно выписывалъ, иногда слишкомъ пространно, а иногда кратко и односторонне. Убѣжденный въ томъ, что вся жизнь Бѣлинскаго одна «нищета», одно страданіе отъ послѣдней, онъ всегда сводитъ свою рѣчь къ словамъ: «нѣтъ денегъ». Характерны въ этомъ отношеніи вторая и третья главы, гдѣ преимущественно разсказывается о «нищетѣ» Бѣлинскаго, очень мало говорится объ ученіи и чтеніи его, и вовсе нѣтъ характеристики тогдашняго университетскаго преподаванія. Между тѣмъ всѣ эти подробности дали бы другое основаніе для объясненія того, что Бѣлинскій не окончилъ курса ни въ гимназій, ни въ университетѣ, чѣмъ то, которое выставляетъ г. Е. Соловьевъ, именно «нежеланіе самого Бѣлинскаго» (стр. 34—34). Даже слова Бѣлинскаго «у насъ нѣтъ литературы» онъ ухитряется перефразировать съ собственными «нѣтъ денегъ».

Въ числѣ не совсемъ удачныхъ «пространностей» мы считаемъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о стихотворствѣ Бѣлинскаго (стр. 26—27), умалчивая въ то же время совершенно о сотрудничествѣ его въ «Листкѣ» Львова, — о философіи Гегеля (почти вся седьмая глава, стр. 91—112) и о перепискѣ Бѣлинскаго съ его невѣстой М. В. Орловой; сдѣлавъ изъ нея выписки на стр. 165—171, онъ самъ утверждаетъ, что все это «мелочи» (171), и тѣмъ не менѣе продолжаетъ цитировать письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ еще на 8 страницахъ.

Что же касается собственных толкованій и объясненій г. Соловьева, то многія изъ нихъ являются очень мало подходящими и только увеличивающими число листовъ въ книгѣ. Таковы разсужденія его на тему о «странной привычкѣ нашихъ біографовъ все приводить къ одному знаменателю и все окрашивать въ одну и ту же краску» (стр. 33), приведенныя по поводу неокончанія Бѣлинскимъ гимназіи и университета; о талантахъ и геніяхъ — по поводу словъ Бѣлинскаго: «У насъ нѣтъ литературы, такъ нѣтъ истинныхъ талантовъ» (стр. 52—55); о роли редактора (стр. 74); объ идеалѣ, какъ «палкѣ о двухъ концахъ», идеалѣ банкировъ, инквизиторовъ и «толстаго заплывшаго жиромъ профессора, утверждающаго, что всѣ должны быть благоразумны» (стр. 102—104); о любви вообще по поводу переписки Бѣлинскаго съ невѣстой (стр. 161—164) и проч.

Правда, все это изложено, свойственнымъ г. Е. Соловьеву, легкимъ языкомъ, но слишкомъ уже развязно-фельетоннаго характера.

Если къ всему сказанному прибавить, что въ книгѣ имѣется еще довольно значительное число опечатокъ, то общее впечатлѣніе отъ нея получается, какъ отъ работы спѣшной и составленной «на случай», какимъ характеромъ оглашаются и многіе другіе труды г. Соловьева¹⁾.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать, что эта книга г. Е. Соловьева даетъ довольно интересное чтеніе и была бы для большинства читателей настолько болѣе полезна, насколько менѣе заключала бы неудачныхъ, личныхъ толкованій составителя.

Р. Рудаковъ.

Н. Тиктинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898.

Византія имѣла весьма разностороннее и глубокое культурное воздѣйствіе на наше отечество. Православная вѣра и правоученіе, литература и искусство, наука и право и многія другія отрасли русской культурно-бытовой жизни (въ родѣ, напримѣръ, монашества) возникли и развились на Руси подъ прямымъ вліяніемъ вѣкогда славной и мощной Византійской имперіи. Въ настоящее время, когда не только за границей, но и у насъ съ усиѣхомъ культивируется симпатичная отрасль научно-историческаго знанія, именуемая византологіей, когда вопросы византологіи стали служить предметомъ не только учено-академическихъ диссертаций, но и популярно написанныхъ изданій, темный и сложный доселѣ пунктъ византологіи о вліяніи Византіи на Русь начинаетъ мало-по-малу просвѣтляться, перестаетъ быть общеою, ничего опредѣленнаго не говорившею, фразою и вступаетъ въ предѣлы научно-историческаго освѣщенія и изслѣдованія. Ученые начинаютъ детально разяснять, въ чемъ именно состоитъ пресловутый «свѣтъ съ востока—ex oriente lux», подъ вліяніемъ котораго родились и возросли различныя отрасли культурно-бытовой жизни русскаго народа, и какъ онъ проявлялся въ той или иной области русскаго историческаго

¹⁾ Мы уже имѣли случай говорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Филологической Библіотеки».

самосознанія. Этотъ научный анализъ различныхъ историко-юридическихъ и иныхъ формъ русскаго самосознанія, производимый при ярко-сіяющемъ свѣтѣ византологіи, составляетъ явленіе отградное и своевременное и оправдывается мотивами и научными, и практическими, и патріотическими... Къ числу ученыхъ работъ, касающихся многотруднаго и обширнѣйшаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь, нужно отнести и указанное сочиненіе г. Тиктина, представляющее опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія изъ области русско-византійскаго права.

Изслѣдованіе г. Тиктина имѣетъ свою задачу прослѣдить, въ какой степени византійское право отразилось въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1648 года и въ постановленіяхъ Новоуказныхъ статей 1669 года. Нѣтъ нужды говорить, насколько важна въ научномъ отношеніи подобная задача. Уложеніе 1648 года служить, какъ извѣстно, фундаментомъ, на которомъ воздвигнутъ дѣйствующій нынѣ Сводъ Законовъ. Поэтому, изслѣдованіе началъ греко-римскаго права въ этомъ Уложеніи должно вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть одну изъ основъ, на которыхъ зиждется современное русское законодательство. Сочиненіе г. Тиктина состоитъ изъ введенія и трехъ частей изслѣдованія, каждая изъ коихъ подраздѣляется на главы и отдѣлы. Во введеніи (стр. 5—16) уясняется ходъ развитія вопроса, трактуемаго въ изслѣдованіи, и опредѣляется его современное положеніе въ наукѣ. Здѣсь, прежде всего, на основаніи официальныхъ данныхъ, констатируется явная зависимость Уложенія 1648 года отъ византійскаго права. Именно, въ указѣ царя Алексѣя Михайловича о составленіи Уложенія, помѣщенномъ въ предисловіи къ послѣднему, предписано, чтобы первое мѣсто среди источниковъ Уложенія занимали «правила Святыхъ Апостоль и Святыхъ Отецъ и градскіе законы греческихъ царей», т. е. византійское церковное и свѣтское право, и чтобы составители Уложенія прежде всего выписали изъ источниковъ этого послѣдняго статьи, «пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ», то-есть не находящіяся въ противорѣчій съ народными воззрѣніями и со всемъ укладомъ русской юридической жизни. Объясненіе такого первенствующаго значенія византійскаго права среди источниковъ Уложенія имѣется въ томъ же предисловіи, гдѣ говорится, что царь, при обсужденіи проекта Уложенія, совѣщался «съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руссін, и съ митрополиты, и со архіепископы, и со епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ». Ясно, что духовенство, имѣвшее сильное вліяніе на царя, стремилось провести въ Уложеніе тѣ начала византійскаго церковно-свѣтскаго права, которыми оно воздѣйствовало на юридическій бытъ русскаго народа съ самаго начала распространенія на Руси христіанства. И стремленіе духовенства, дѣйствительно, не осталось напраснымъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ того же предисловія, гдѣ сообщается, что составители Уложенія въ числѣ его источниковъ прежде всего имѣли «правила Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ и градскіе законы греческихъ царей». Такимъ образомъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, какъ видно изъ обстоятельствъ его происхожденія, заключаетъ въ себѣ элементы и византійскаго права. И въ самомъ текстѣ памятника встрѣчаются ссылки на церковные памятники ви-

византійскаго права, а напечатанныя въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1831 годъ (№ 7) указанія на источники различныхъ статей Уложенія, находящіяся на поляхъ подлиннаго его списка, показываютъ, что изъ «градскихъ законовъ», т. е. свѣтскаго византійскаго права, замѣтено до 25 статей. Установивъ въ общихъ чертахъ полную зависимость Уложенія 1648 года отъ византійскаго церковнаго и гражданскаго права, г. Тиктинъ далѣе обобщаетъ ученую литературу предмета, сопровождая этотъ обзоръ и критическими своими замѣчаниями. Въ частности, здѣсь оцѣниваются ученныя работы Крылова, Моршкина, Рождественскаго, Калачева, Линовскаго, Неволица, Забѣлина, Кавелина, Сокольскаго, Загоскина, Гуляева и другихъ.

Въ первой части изслѣдованія г. Тиктина излагаются общія замѣчанія о рецепціи византійскаго права въ Уложеніе 1648 года. Эта часть сочиненія состоитъ изъ трехъ главъ. Въ главѣ первой (стр. 17—22) опредѣляются основанія, которыми руководилась верховная власть при включеніи византійскаго права въ число официальныхъ источниковъ Уложенія. Основанія эти заключались въ тѣсной религіозно-нравственной и юридической связи нашего отечества съ Византіей, установившейся со времени водворенія у насъ греко-восточнаго православія.

Когда на Руси было принято изъ Византіи христіанство, то, вмѣстѣ съ религіозно-нравственнымъ возрожденіемъ нашего отечества, и юридическій бытъ русскаго народа сталъ подвергаться сильному воздѣйствію византійскаго церковнаго и свѣтскаго законодательства; это воздѣйствіе совершалось чрезъ посредство духовенства, которое было главнымъ проводникомъ у насъ началъ византійской культуры и имѣло большое вліяніе во всѣхъ сферахъ древне-русской жизни и особенно въ юридической. Дѣло въ томъ, что въ Византіи не было точно установленныхъ границъ между юрисдикціей духовной и свѣтской власти, и одинъ и тотъ же вопросъ иногда разрѣшался здѣсь представителями и той и другой власти; въ виду этого и юридическіе византійскіе сборники (патріарховъ Іоанна Схоластикка и Фотія, сборникъ изъ XIV титуловъ) заключали въ себѣ параллельные тексты законовъ свѣтскихъ и церковныхъ, почему и назывались «номоканами» (*νόμοι-κανόνες*). Эти сборники византійскаго права были перенесены къ намъ греческимъ духовенствомъ, которое, столкнувшись съ укладомъ русской жизни, совершенно несогласнымъ съ требованіями нравственности и права, уже на первыхъ порахъ увидѣло необходимость преобразованія этой жизни въ духѣ и направленіи византійско-христіанскихъ правовыхъ нормъ. Въ своей трудной и отвѣтственной миссіи духовенство встрѣтило полное сочувствіе и поддержку со стороны русской княжеской власти, и только этимъ содѣйствіемъ, да расположеніемъ русскаго народа къ православнои вѣрѣ и достойными ея служителями и можно объяснить успѣхъ возрожденія нашего отечества въ духѣ и направленіи прогрессивныхъ правовыхъ началъ Византіи; однако долго еще на Руси существовало такъ называемое двоевѣріе или, по выраженію профессора Крылова, «бореніе между руссомъ-язычникомъ и руссомъ-христіаниномъ». Но въ срединѣ XVII вѣка, когда послѣдовалъ указъ о составленіи Уложенія, нѣкоторыя начала византійскаго права проникли въ самую глубь русской народнои жизни, были переработаны въ нѣдрахъ этой по-

слѣдней и слились съ началами туземными почти до полного единства; другія же начала обѣщали дать въ будущемъ подобные благіе результаты. Поэтому верховная власть, указывая составителямъ Уложенія его источники, поставила на первомъ мѣстѣ византійскіе законы, такъ какъ прекрасно видѣла, что общеразумныя начала права, заключающіяся въ византійскихъ источникахъ, въ достаточной степени восприняты народнымъ сознаніемъ и, будучи закрѣплены въ нормахъ положительныхъ законовъ, не поставятъ эти послѣдніе въ разрѣзъ съ дѣйствительною жизнью. Такимъ образомъ, официальное включеніе верховною властью византійскаго права въ число источниковъ Уложенія основывалось на стремленіи дать русскому народу такое законодательство, въ которомъ не только былъ бы подведенъ итогъ прошлому, и не только была уложена вся русская жизнь, выработанная вѣками, но была бы уложена прогрессивно, и которое было бы въ состояніи съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ и развитіемъ своихъ началъ сохранять силу и для послѣдующихъ вѣковъ (стр. 21—22). Но для достиженія означенной цѣли необходимо было крайне осторожно производить заимствованія изъ византійскаго права и брать отсюда только такія правовыя опредѣленія, которыя имѣли прямое отношеніе къ дѣйствительности. О характерѣ реценціи византійскаго права въ Уложеніе и идетъ рѣчь во второй главѣ первой части рассматриваемаго изслѣдованія (стр. 22—32). Здѣсь авторъ основательно раскрываетъ ту мысль, что заимствованія изъ византійскаго права въ Уложеніи отличаются вполне сознательнымъ характеромъ: въ Уложеніе переносится съ чужой почвы только то, что отвѣчаетъ требованіямъ народа и удовлетворяетъ его новымъ постепенно возникающимъ юридическимъ потребностямъ. Приемы реценціи въ Уложеніе заключаются, съ одной стороны, въ заимствованіи законодательныхъ опредѣленій какъ со стороны внутренней, т. е. содержанія, такъ и вѣшной, т. е. формы и отчасти системы, а съ другой,—въ своеобразномъ измѣненіи этихъ опредѣленій и системы. Дабы уяснить эти приемы, авторъ прежде всего сообщаетъ краткія свѣдѣнія о сборникахъ византійскаго свѣтскаго права, которые встрѣчаются въ славянскихъ спискахъ нашихъ кормчихъ и вліяли на Уложеніе 1648 года. Здѣсь обозрѣваются: 1) Эклога (*ἐκλογὴ τῶν νόμων*), т. е. выборка изъ законовъ, составленная въ 740 году по повелѣнію византійскихъ императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима съ тою цѣлью, чтобы отчасти на основаніи юстиніанова законодательства, а главнымъ образомъ, на основаніи изданныхъ ими самими въ разное время постановленій создать краткое юридическое руководство, легко доступное всякому и достаточное для рѣшенія обычныхъ въ судебной практикѣ дѣлъ; 2) Прохиронъ (*ὁ πρόχειρος νόμος*), т. е. ручная книга законовъ, изданная императоромъ Василіемъ Македоняниномъ и его сыновьями—соправителями Константиномъ и Львомъ, между 870—878 годами, и имѣющая цѣлью упорядочить юстиніаново законодательство, очистить его отъ противорѣчій, внесенныхъ комментаторами, и дополнить новыми положеніями, вызванными потребностями времени; 3) Законъ Судный людемъ, представляющій собою болгарскую компиляцію изъ различныхъ источниковъ византійскаго права, главнымъ образомъ, Эклоги Льва и Константина (17-го титула или грани); этотъ памятникъ входитъ въ составъ древнѣйшаго славян-

скаго Номоканона, который появился у насъ вслѣдъ за введеніемъ христіанства, тогда какъ Эклога и Прохиронъ встрѣчаются у насъ только съ XIII вѣка; 4) Законъ Моисеевъ и 5) Выписки изъ новеллъ императора Алексѣя Комнина. Описавъ существовавшіе у насъ свѣтскіе памятники византійскаго права, г. Тиктинъ далѣе въ общихъ чертахъ опредѣляетъ степень ихъ вліянія на наше Уложеніе. Прежде всего, система Уложенія имѣетъ очень мало общаго съ системою Эклоги и другихъ византійскихъ памятниковъ свѣтскаго законодательства, входившихъ въ составъ нашихъ кормчихъ; въ нѣкоторой степени эта система напоминаетъ лишь систему Юстиніанова Кодекса (*Corpus juris civilis*), но и здѣсь сходство наблюдается только въ схемѣ, но въ уставахъ оба памятника имѣютъ значительныя различія, зависящія отъ историческаго развитія заключающихся въ нихъ нормъ. Далѣе составители Уложенія заимствовали изъ византійскаго права законодательныя опредѣленія со стороны ихъ содержанія, но своеобразно измѣнили ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. И форма узаконеній въ нашемъ Уложеніи значительно видоизмѣнена сравнительно съ византійскими оригиналами и отличается конкретнымъ частнымъ характеромъ. Наконецъ, распредѣленіе заимствованій по частнымъ отдѣламъ права отразилось преимущественно на уголовныхъ законахъ Уложенія, а отдѣлы права гражданскаго и государственнаго изложены здѣсь съ крайнею неполнотою и несовершенствомъ, сравнительно съ византійскими памятниками.

Представленныя здѣсь сужденія г. Тиктина о характерѣ рецепціи византійскаго права въ Уложеніе подтверждаются въ изслѣдованіи примѣрами, которые довольно прочно утверждаютъ его мысль о томъ, что византійскіе элементы въ Уложеніи являются со всѣми признаками сознательнаго усвоенія ихъ русскимъ народомъ и приобрѣтаютъ національный колоритъ. Въ третьей главѣ первой части (стр. 32—35) говорится о способѣ заимствованій изъ византійскаго права въ Уложеніе. Характеръ этихъ заимствованій даетъ основаніе полагать, что они производились съ извѣстнымъ выборомъ и не состояли въ простомъ списываніи статей византійскихъ источниковъ; съ несомнѣнностью даже можно полагать, что составители Уложенія имѣли дѣло непосредственно съ византійскими источниками и, можетъ быть, пользовались ими не только въ славянскомъ переводѣ, но и въ оригиналѣ.

Вторая часть изслѣдованія г. Тиктина содержитъ въ себѣ раскрытіе началъ византійскаго права, заключающихся въ Уложеніи. Въ виду спеціальнаго характера этой основной части изслѣдованія, нѣтъ нужды входить въ подробный ея обзоръ. Отмѣтимъ лишь, что она состоитъ изъ четырехъ главъ; каждая изъ коихъ подраздѣляется на отдѣлы. Въ главѣ первой (стр. 36—105) изслѣдуется византійское право, какъ источникъ уголовныхъ законовъ Уложенія; въ частности, здѣсь содержатся общія замѣчанія о преступленіи и наказаніи, и рассматриваются преступленія—противъ вѣры, государственныя, противъ отдѣльныхъ лицъ и противъ правъ семейства. Изслѣдованіе законоположеній ведется по слѣдующему плану: авторъ приводитъ текстъ законоположенія по Уложенію, отмѣчаетъ его византійскій источникъ, показываетъ, насколько оно входило въ свѣтское законодательство до Уложенія, какимъ измѣненіямъ подверглось въ этомъ послѣднемъ и какъ формулируется въ Сводѣ Законовъ

1832 года. Въ главѣ второй (стр. 106—158) изслѣдуется византійское право, какъ источникъ гражданскихъ законовъ Уложенія; въ частности, здѣсь по описанному плану рѣчь идетъ о правѣ семейственномъ, наследственномъ, вещномъ и обязательственномъ. Въ главѣ третьей (стр. 158—166) разсматривается византійское право, какъ источникъ законовъ Уложенія о судопроизводствѣ, а въ четвертой (стр. 166—177) изслѣдуется то же право, какъ источникъ государственныхъ законовъ Уложенія.

Въ третьей части изслѣдованія, также отличающейся специальнымъ характеромъ, обзрѣваются Новоуказныя статьи, какъ плодъ вліянія византійскаго права на наше законодательство. Въ первой главѣ этой части (стр. 178—189), по отмѣченному выше плану, разсматриваются византійскія нормы въ постановленіяхъ Новоуказныхъ статей 1669 года, относящихся къ уголовному праву; во второй главѣ (стр. 190—195)—тѣ же нормы въ постановленіяхъ, относящихся къ судопроизводству, и въ третьей главѣ (стр. 195—200)—въ постановленіяхъ, относящихся къ правамъ государственному, семейственному и обязательственному.

Въ заключеніи изслѣдованія (стр. 201—220) помѣщена параллельная таблица статей Соборнаго Уложенія и Новоуказныхъ, заключающихъ въ себѣ византійскія нормы и соответствующихъ этимъ статьямъ мѣсть византійскихъ и римскихъ источниковъ.

Наконецъ, на стр. 221—224 разсматриваемой книги указаны пособія, которыми авторъ пользовался при составленіи своего изслѣдованія.

Изслѣдованіе г. Тиктина представляетъ трудъ добросовѣстный и усердный. Авторъ старательно изучилъ изслѣдуемые памятники русскаго права, хорошо ознакомился съ византійскими ихъ источниками, а также и съ ученою литературою вопроса и представилъ въ своей книгѣ цѣнный опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія изъ области русско-византійскаго права. Центръ тяжести заключается во второй и третьей частяхъ его книги, гдѣ предложено детальное и основательное изслѣдованіе Соборнаго Уложенія и Новоуказныхъ статей въ отношеніи къ ихъ византійскимъ первоисточникамъ, но и первая часть, имѣющая значеніе введенія къ изслѣдованію, представляетъ нѣчто симпатичное. Здѣсь, на основаніи лучшихъ трудовъ русской историко-юридической литературы, изложены краткій, но ясный и отчетливый взглядъ на происхожденіе и характеръ реценціи византійскаго права въ Уложеніе. Хотя читатель не находитъ здѣсь ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, что уже давно сообщено по вопросу о вліяніи Византіи на Русь извѣстными нашими византологами—историками и юристами, тѣмъ не менѣе умѣренное пользованіе нашего автора прежнею литературою, его трезвый взглядъ на дѣло и простота изложенія невольно располагаютъ читателя въ его пользу. Не безъ основанія совѣтъ императорскаго Новороссійскаго университета удостоилъ г. Тиктина за разсмотрѣнное сочиненіе золотой медали. Σ.

В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе рассказы. Спб. 1898.

Молодой ученый, приватъ-доцентъ Петербургскаго университета г. Грибовскій собралъ свои рассказы, появившіеся на страницахъ «Книжекъ Недѣли» въ 1893—1897 годахъ, и издалъ ихъ отдѣльной книжкой. Въ ней двѣ части: въ первой собраны очерки жизни русскаго студенчества, во второй французскаго. «При написаніи очерковъ авторъ, по его словамъ, не задавался никакими преднамѣченными цѣлями; онъ просто пользовался пережитымъ и наблюдаемымъ». Въ результатъ явилось нѣсколько бойко рассказанныхъ анекдотовъ и исторій, героями и дѣйствующими лицами которыхъ являются студенты и притомъ спеціально Петербургскаго университета, какъ это можно видѣть изъ географіи рассказовъ. Сколько нибудь серьезнаго значенія и интереса рассказы эти не представляютъ ни въ художественномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Художественному впечатлѣнію вредитъ протокольность этихъ анекдотовъ и отсутствіе малѣйшаго психологическаго чутья.

Но г. Грибовскій приписываетъ своимъ очеркамъ научное значеніе. Видите ли, онъ разсчитываетъ на то, что «соединеніе его рассказовъ изъ быта петербургскаго и парижскаго студенчества можетъ дать основаніе къ нѣкоторымъ выводамъ и сопоставленіямъ». Черезъ нѣсколько строкъ, г. Грибовскій, забывъ, что онъ сказалъ о составленіи петербургскихъ и парижскихъ студентовъ, излагаетъ свои обобщенія надъ жизнью русскихъ и французскихъ студентовъ. «Русскій студентъ, шшегъ онъ, по главному правилу представителя интеллигентнаго пролетаріата, французъ—болѣе чѣмъ обезнеченный буржуа; русскій, подобно нѣмцу до 1848 г., мечтатель, теоретикъ, любитель отвлеченныхъ вопросовъ, нерѣдко отрицатель и возвышенный скептикъ; французъ—положительный человекъ, знающій напередъ, чего онъ хочетъ отъ науки, и что она ему можетъ дать; первый, надорвавъ свои силы еще на школьной скамьѣ, при столкновеніи съ нашей суровой дѣйствительностью часто превращается въ духовнаго калѣку, въ Гамлета Шигровскаго уѣзда; второй, наоборотъ, почти всегда благополучно устроивается», и т. д. Цѣлая сравнительная характеристика, построенная на пескѣ. Никакихъ основаній для такой параллели въ рассказахъ г. Грибовскаго не находится: въ нихъ говорится не о всемъ студенществѣ русскомъ и даже не о всемъ петербургскомъ, а лишь объ одной маленькой его части. Дѣлать обобщенія, пользуясь анекдотами,—вещь, не рекомендуемая молодого ученаго. Эти обобщенія носятъ характеръ только мнимои научности... не болѣе.

Щ.

**Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ
Іоанна Скота Эригены. Изслѣдованіе Александра Бриллиантова.
Спб. 1898.**

Изъ богатой области вопросовъ, касающихся взаимоотношенія между богословствующею мыслью запада и востока, г. Бриллиантовъ избралъ темой для своей диссертациіи вопросъ объ источникахъ и характерѣ системы извѣстнаго западнаго мыслителя IX вѣка Іоанна Скота Эригены. Непонятый своими современниками, отвергнутый католической церковью, въ лицѣ папы Гонорія III,

присудившаго къ уничтоженію главное его произведеніе («0 раздѣленіи природы»), Эригена съ своей системой послужилъ предметомъ оживленныхъ споровъ между новѣйшими протестантскими и католическими учеными, полемизирующими о томъ, какимъ изъ общепринятыхъ ярлыковъ обозначить сущность міровоззрѣнія этого философа. Для православнаго богослова личность и ученіе Эригены имѣетъ преимущественный интересъ какъ по составу источниковъ, изъ которыхъ произошла система этого мыслителя, такъ по характеру эпохи, въ которую она появилась. Девятый вѣкъ въ исторіи отношеній между западною и восточною церковью отмѣченъ крайнею натянутостью отношеній; ученые силы призывались тогда западною церковью единственно въ цѣляхъ полемики, — между тѣмъ въ эту эпоху появляется мыслитель, который ставитъ главною своею цѣлью пересадить на западную почву христіанско-богословскую науку Востока и относится къ послѣдней съ глубокою симпатіей. Такимъ образомъ съ именемъ Эригены связанъ весьма важный моментъ отношеній между западною и восточною церковью, — отношеній, вызванныхъ не мелкими раздорами, а необходимостью уясненія коренныхъ пунктовъ христіанской теософіи.

Исслѣдованіе г. Бриллиантова, по роду вопросовъ, подвергнутыхъ авторомъ обсужденію, можетъ быть раздѣлено на три части. Послѣ обычнаго введенія (VII—I.VIII), въ которомъ разсмотрѣна литература темы и приведены разнообразныя сужденія западныхъ изслѣдователей о происхожденіи и характерѣ системы Эригены, г. Бриллиантовъ въ главѣ I излагаетъ біографическія свѣдѣнія объ Эригенѣ и даетъ краткій обзоръ его произведеній, съ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ подлинности (1—40). Вторая часть (гл. II—IV) посвящена обзору тѣхъ произведеній восточныхъ христіанскихъ писателей, откуда Эригена черпала основы для своей системы. Путемъ самаго тщательнаго анализа г. Бриллиантовъ рѣшаетъ, что преимущественнымъ источникомъ для Эригены служили произведенія, извѣстныя съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, творенія свв. Максима Исповѣдника и Григорія Нисскаго, а изъ западныхъ писателей — бл. Августина. Что касается вліянія неоплатониковъ, то въ отношеніи Эригены г. Бриллиантовъ признаетъ таковое, вопреки мнѣніямъ западныхъ изслѣдователей, лишь съ значительными ограниченіями. Третья часть (гл. V—VII), занимающая по объему почти половину книги, заключаетъ въ себѣ изложеніе системы Эригены и общую оцѣнку ея. Въ то время какъ католическіе ученые, наиболѣе недоброжелательные къ Эригенѣ, находятъ въ его системѣ лишь элементы рационализма и пантеизма и потому сомнѣваются въ ея христіанскомъ значеніи, — г. Бриллиантовъ, на основаніи изученія произведеній философа, приходитъ къ тому выводу, что руководящей идеей его міровоззрѣнія является теистическое понятіе объ абсолютномъ началѣ, какъ личномъ духѣ, что стоитъ въ противорѣчій съ пантеизмомъ. Что же касается рационалистической струи, выразившейся въ провозглашеніи принципа, что «разумъ по природѣ выше авторитета», то въ этомъ пунктѣ Эригена, по мнѣнію г. Бриллиантова, явился лишь послѣдователемъ бл. Августина, который впервые далъ образецъ рациональнаго изслѣдованія предметовъ вѣры. Особенная же настойчивость Эригены въ проведеніи этого принципа объясняется характеромъ эпохи, въ которую приходилось подвизаться Эригенѣ, и разнородностью взглядовъ восточныхъ и за-

падныхъ церковныхъ авторитетовъ на тотъ или другой предметъ: встрѣчая противорѣчія по одному и тому же богословскому вопросу въ трудахъ восточныхъ и западныхъ писателей, Эригена на пути примиренія этихъ противорѣчій естественно долженъ былъ поставить высшимъ критеріемъ разумъ и признать его первенство даже въ вопросахъ вѣры. Изслѣдованіе заканчивается «заключеніемъ» (441—479), въ которомъ указана дальнѣйшая судьба философско-богословскихъ воззрѣній Эригены и связь съ ними новѣйшихъ философскихъ системъ. Въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ.

Въ общемъ, диссертация г. Бриллиантова представляетъ собою образецъ научной работы самаго высокаго качества. Въ этомъ отношеніи благопріятствовалъ автору самый характеръ темы, затрогивающей весьма широкую область вопросовъ и потому давшей возможность автору блеснуть весьма богатой и разносторонней эрудиціей. Не по примѣру другихъ молодыхъ ученыхъ, часто повторяющихъ лишь зады западной науки, г. Бриллиантовъ отнесся совершенно самостоятельно къ сужденіямъ другихъ ученыхъ по данному вопросу и обосновалъ свои положенія единственно на изученіи первоисточниковъ. Это дало возможность автору сдѣлать значительный шагъ впередъ какъ въ опредѣленіи общаго характера системы Эригены, такъ и въ рѣшеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ (напримѣръ, о подлинности нѣкоторыхъ произведеній Эригены). Отвлеченность темы не повліяла удручающимъ образомъ на ясность и легкость изложенія, а вслѣдствіе этого прочтеніе сочиненія отнюдь не оказываетъ удручающаго вліянія и на читателя.

К. Х.

Вратская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками Сурьянца, съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898.

На страницахъ «Истор. Вѣстн.» текущаго года (февраль) былъ уже данъ отзывъ о первомъ изданіи симпатичнаго московскаго сборника въ пользу армянъ. Не прошло и самаго короткаго времени, какъ это изданіе разошлось въ публикѣ, и на смѣну ему явилось второе, новое, значительно расширенное и дополненное. Сопоставляя оба изданія, мы видимъ, что во второмъ изъ нихъ часть прежнихъ несоразмѣрно большихъ статей сокращена, часть даже совсѣмъ опущена. Невовшедшія статьи дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ (статьи В. Гольмстрема, пастора Гельдерблома, д-ра Лепсіуса, проф. Комаровскаго, В. Соловьева и др.) даютъ новыя данныя объ ураганѣ, пронесшемся въ наши дни надъ армянами Турціи, другія касаются разныхъ сторонъ армяновѣдѣнія и знакомятъ съ бытомъ армянъ древнихъ и нынѣшнихъ (статьи проф. Д. Н. Анучина, В. И. Геры, Е. А. Еліазарова, Н. Я. Марра и др.). Кромѣ того, добавлено немало новыхъ рисунковъ, и въ томъ числѣ двѣ прекрасно выполненныя группы армянъ-переселенцевъ.

Въ предисловіи къ настоящему изданію и въ дополненіе къ тому, что уже было сказано прежде, г. Г. Д., какъ бы взывая къ доброму сердцу русскихъ читателей, говоритъ: «Пусть вспомнятъ, какихъ неслыханныхъ размѣровъ достигли ужасы, испытанные армянами, изъ копѣхъ болѣе 500.000 пущены по міру, многіе съ отрубленными руками, а умершіе оставили на попеченіе своихъ сородичей болѣе 50.000 сиротъ. Иныхъ, именно, эта необъятность армянскихъ бѣдсгвій обезкураживаетъ, расхолаживаетъ, представляя задачу помощи не выполнимую. Но противъ такого малодушнаго пессимизма, иногда лишь служащаго прикрытіемъ вялости чувства и недостаточности силы воли, громко говоритъ дѣятельность американскихъ миссіонеровъ, не потерявшихъ голову и способность спасать ближняго въ самый бурный періодъ катастрофы. Велика сила зла, но сила добра, сила человѣка — безпредѣльна,

Когда любовь горитъ звѣздою
И всемогуща, и свѣтла.

Все дѣло въ этой дѣятельной любви, въ этомъ сердечномъ проникновеніи несчастіемъ ближняго. А какъ оно еще нужно армянамъ, ибо едва ли есть теперь въ подлунномъ мірѣ страдальцы, заслуживающіе болѣе дѣятельнаго состраданія, нежели столь жестоко потерпѣвшіе отъ турокъ армяне.... Искунить хоть отчасти турецкія звѣрства въ Арменіи, этотъ позоръ дряблага конца XIX вѣка, возможно только облегченіемъ нечеловѣческихъ страданій ихъ безчисленныхъ жертвъ:

Борись со зломъ святой любовью,
Трудись рядомъ съ бѣднотой,
И Богъ за міръ, истеклій кровью,
Дастъ миръ душѣ твоей больной.

Вотъ во имя этой-то «святой любви» редакторъ сборника и авторъ предисловія и призываютъ вниманіе читателей къ «Братской помощи», на изящное изданіе которой ея инициаторы не пожалѣли средствъ и умѣнія. Г.

Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898.

Приостановившееся въ 1892 году, за недостаткомъ средствъ, изданіе органа археологическаго института возобновлено теперь, какъ свидѣтельствуетъ вышедшій недавно десятый выпускъ «Вѣстника». По своему содержанію этотъ выпускъ разнообразенъ. Открывается онъ скорбными страницами, посвященными воспоминаніямъ о двухъ почившихъ дѣятеляхъ на поприщѣ науки, — А. Н. Труворовѣ, бывшемъ впродолженіе пяти лѣтъ директоромъ института и сдѣлавшемъ такъ много для него, особенно, въ тѣ минуты, когда этому учрежденію грозила перспектива прекращенія своей полезной дѣятельности, и, затѣмъ, — Ѳ. И. Буславѣ, заслуги котораго для науки слишкомъ велики и слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Послѣдующія статьи — уже чисто научнаго характера. Среди нихъ отмѣтимъ довольно обширную работу А. П. Воронова, трактующую о положеніи архивнаго дѣла во Франціи и снабженную нѣсколькими приложеніями, представляющими об-

разцы классификацій дѣль во французскихъ архивахъ; трудъ г. Воронова тѣмъ болѣе имѣеть значенія, что въ нашей литературѣ очень мало изслѣдованій о постановкѣ архивнаго дѣла за границей, гдѣ ему удѣляется много заботъ и средствъ. Далѣе укажемъ еще на статью П. Л. Гусева—«Новгородская икона святыхъ Бориса и Глѣба въ дѣянїяхъ», авторъ которой даетъ подробное и детальное описаніе всѣхъ частей иконы и приводитъ снимки съ «дѣянїй», изображающихъ различные моменты изъ жизни первыхъ русскихъ святыхъ; эта икона оставалась и доселѣ неописанной, неизслѣдованной и хранилась въ кладовой одной изъ новгородскихъ церквей.

Въ описываемый выпускъ входятъ еще двѣ статьи по исторіи языка проф. А. П. Соболевскаго, статья г. Погодина о древнѣйшей исторіи литовскаго племени и двѣ замѣтки г. Никольскаго—«Описаніе семи новгородскихъ соборовъ по списку XVI вѣка с.-петербургской бібліотеки святѣйшаго синода» и «Новое неизвѣстное въ печати чудо преш. Варлаама Хутынскаго». Настоящій выпускъ «Вѣстника археологїи и исторїи» изданъ весьма тщательно подъ редакціей директора института Н. В. Покровскаго и украшенъ прекрасно исполненнымъ портретомъ А. Н. Труворова.

Въ заключеніе замѣтки, позволяемъ себѣ выразить надежду, что изданіе института будетъ теперь продолжаться безпрерывно и тѣмъ обогащать нашу далеко необширную археологическую литературу.

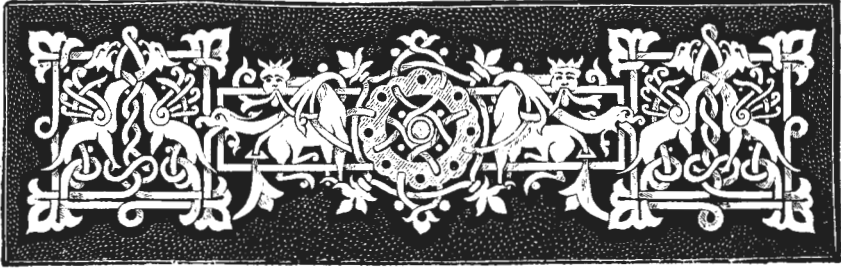
В. Б-въ.

М. А. Орловъ. Исторія русской литературы. Т. II. Пушкинскій періодъ. Спб. 1898.

Второй выпускъ «Исторїи русской литературы» М. А. Орлова выходитъ уже восьмымъ изданіемъ. Для книги, которая по обшрности своего объема не можетъ служить учебникомъ, это свидѣтельствуетъ о большомъ успѣхѣ. Нынѣшнее изданіе дошолнено прибавленіемъ новыхъ отдѣловъ, а въ прежнихъ отдѣлахъ представляетъ полную переработку предыдущаго изданія. Самое важное изъ прибавленій—обширный отдѣлъ о Лермонтовѣ. Центральное мѣсто въ книгѣ занимаетъ Пушкинъ, вокругъ котораго сгруппированы остальные поэты «пушкинскаго періода». Такъ какъ при каждомъ изъ корифеевъ нашей литературы разсматриваются и болѣе мелкіе писатели, представляющіе съ нимъ тѣ или иныя точки соприкосновенія, то мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Орлова и обзоръ баснописцевъ до Крылова, характеристики Языкова, Батюшкова, Дельвига, Цыганова и др. Не отличаясь тяжеловѣсной научностью, второй томъ книги г. Орлова въ живыхъ чертахъ рисуетъ намъ нашихъ писателей и особенно цѣненъ своими подробными разборами всѣхъ болѣе замѣчательныхъ, какъ крупныхъ драматическихъ и эпическихъ, такъ и мелкихъ лирическихъ произведеній поэтовъ пушкинскаго періода. Слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ все еще медлитъ съ прибавленіемъ къ изданнымъ уже двумъ выпускамъ своего труда третьяго—о «гоголевскомъ періодѣ» нашей литературы.

А. Л—нъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЭТАЯ біографія Александра Македонскаго. Американскій иллюстрированный журнал «Century» составилъ себѣ специальнуюъ черту крутыми, монументальными біографическими трудами, которые тянутся годами и снабжены великолѣпными иллюстраціями. Уже появились подобныя біографіи Петра Великаго, Наполеона, Линкольна и Гранта, а въ ноябрьской книжкѣ, составляющей первый номеръ новаго года, начался «Александръ Великій», профессора Корнельскаго университета и знатока греческой старины, Бенджамин Вилера ¹⁾. Редакція журнала, объявляя о новомъ историческомъ трудѣ, который надолго будетъ украшеніемъ его страницъ, замѣчаетъ: «Новая біографія величайшаго героя въ свѣтѣ очень кстати появляется въ настоящее время и, возбуждѣвъ общій интересъ, представляетъ полезный примѣръ современному свѣту; Александръ Македонскій превратилъ образованный міръ изъ хаоса враждебныхъ странъ въ одну великую имперію, съ болѣе великой цѣлью и болѣе обширнымъ горизонтомъ, въ которомъ пещезали варварскія державы Западной Азіи. Старые отжившіе факторы военнаго искусства и администраціи были сокрушены подъ его ударами, отличавшимися титанической силой воли и энергіей. Въ настоящую минуту на западѣ передъ глазами свѣта не одинъ Александръ, а нѣсколько, придають варварскимъ имперіямъ болѣе просвѣщенное величіе. Благодаря идеямъ вѣка, современный Александръ не личный герой, прорубающій мечемъ себѣ путь къ славѣ. Въ нашъ сложно-организованный вѣкъ геройская личность замѣняется дисциплинирован-

¹⁾ «Alexander the Great», by prof. B. Wheeler. Century. November.

ной и тѣсно соединенной силой прогрессивнаго народа; ареной же для этихъ необыкновенныхъ факторовъ всемірной политики служатъ расширенныя міры Азіи, Африки и Америки. Но если орудія и театр дѣйствія увеличились и приняли разнообразную, блестящую форму, то душа событий и основной источникъ силы остались тѣ же, какъ и при Александрѣ. Новая жизнь македонскаго героя тѣмъ своевременнѣе для американскаго народа въ настоящую минуту, что существуетъ аналогія въ условіяхъ и результатахъ между войнами Александра и только что оконченной испано-американской войной. Однако же Македонію презирали враги, долговременнѣе развивавшіе свою національность, и признавали ея новизну за признакъ полуварварства, а ея способность къ матеріальному прогрессу считалась доказательствомъ грубости и жажды къ наживѣ. Но при всякой встрѣчѣ съ своими врагами, при всякомъ столкновѣніи ея ума и доблести съ противными элементами, она одерживала побѣду, столь полную и съ ея стороны столь безкровную, что, казалось, совершается чудо, чудо мужества, ума и дисциплины. Изображенный новымъ историческимъ методомъ, безъ всякаго блеска фантазіи, Александръ представляется намъ современнымъ человѣкомъ, перенесеннымъ въ міръ первобытныхъ страстей и факторовъ жизни. Но въ той средѣ карьера Александра, подобная метеору, была результатомъ его способности опережать свое время. Если другіе ждали обыкновеннаго предсказанія оракула, Александръ силой привлекъ дельфійскую жрицу къ священнодѣйствію; если тупые умы терялись въ догадкахъ, какъ развязать гордіевъ узелъ, онъ перерубилъ его ударомъ меча; если морской портъ, окруженный водой, гордился тѣмъ, что никогда не подчинялся силѣ оружія, онъ выстроилъ молъ черезъ бухту и взялъ портъ; если городъ, гнѣздившійся на горной вершинѣ, смѣялся надъ нимъ, онъ рядомъ насыпалъ высокій холмъ и покорило городъ. Въ средствахъ вести войну онъ шелъ впереди своего вѣка, и его смѣлость была основана на силѣ ума и энергіи воли. Способность видѣть, познавать и дѣйствовать — всегда современна и вѣчно помогала человѣчеству идти впередъ». Конечно, эти слова написаны новымъ историкомъ Александра и служатъ его *profession de foi*, той канвой, по которой онъ вышиваетъ блестящіе узоры подробной, популярной біографіи, представляющей въ легкой, интересной формѣ результаты всего, что сдѣлала до сихъ поръ историческая наука для выясненія жизни, подвиговъ и личности македонскаго героя. Вышедшая до сихъ поръ первая часть этой обширной монографіи обнимаетъ эпоху дѣтства и юности Александра до убійства отца его, Филиппа, и восшествія на престолъ будущаго великаго полководца. Широкой кистью и со всеми приемами современнаго историка, Вилеръ рисуетъ положеніе Македоніи и всей Греціи въ моментъ появленія Александра, очерчиваетъ характеры его отца, хитраго, ловкаго, энергичнаго Филиппа, представителя державнаго рода македонскихъ государей, и матери, вѣжливой, романтичной, увлекающейся Олимпіи, дочери царя эпирскаго, набрасываетъ картину той мѣстности, гдѣ онъ родился, изображаетъ его на колѣняхъ у няньки Лаписсы, описываетъ его воспитаніе сначала суровымъ наставникомъ Леонидомъ, а затѣмъ великимъ философомъ Аристотелемъ, блестяще рассказываетъ по Плутарху знаменитый эпизодъ о прирученіи бѣшенаго коня, Буцефала, резюмируетъ основныя черты страстной, впечатлительной, но самодерживающей на-

туры будущаго героя, указываетъ на вліяніе Аристотеля на своего ученика, наконецъ, повѣствуетъ о постепенномъ участіи Александра въ общественныхъ дѣлахъ, объ его участіи въ Херонейской битвѣ, о заключеніи имъ мира съ аеинянами, о ссорѣ съ отцемъ изъ-за матери, которую онъ покинулъ, чтобъ жениться на Клеопатрѣ, дочери одного изъ могущественныхъ македонскихъ князей, о примиреніи отца съ матерью и сыномъ, наконецъ объ убійствѣ Филиппа, открывшемъ Александру путь къ престолу на 21 году жизни. Все это изложено съ глубокимъ знаніемъ историческаго матеріала, представляемаго какъ классиками, такъ и новѣйшими научными трудами, а современныя сравненія придаютъ живой характеръ разсказу, который читается, какъ романъ, хотя съ перваго раза какъ-то странно, что авторъ называетъ Филиппа «оппортунистомъ чистѣйшей воды», наставника Александра титоромъ или царя персидскаго шахомъ, а говоря о причинахъ убійства Филиппа, поясняетъ это событіе тѣми обстоятельствами, которыя сопровождали убійство американскаго президента Гарфильда.

— Гамлетъ въ Исландіи. Подъ этимъ заглавіемъ англійскій ученый изслѣдователь скандинавской старины, Израель Голлансъ, издалъ переводъ амблезской саги, снабдивъ его комментаріями и отрывками изъ балладъ, имѣющихъ тотъ же предметъ. Собственно говоря, эту исландскую сагу нельзя назвать прародительницей Гамлета, такъ какъ то и другое одинаково происходитъ отъ исторіи Давида, Сакса Граматика; при томъ, эта сага, по указанію Голланса, составляетъ шестнадцать или семнадцать вѣковой вариантъ, обработанный подъ вліяніемъ народныхъ сказокъ и легендъ цикловъ Карла Великаго и Артура. Что касается до перваго упоминанія Гамлета въ скандинавской литературѣ, то оно представляется очень смутнымъ, именно: исландскій путешественникъ Снеборнъ, описывая въ 980 г. какую-то морскую скалу, замѣчаетъ, что вокругъ «клокотали сѣдые валы, которые вѣками толкли гамлетову муку». Эта гамлетова мука означаетъ песокъ, и Саксъ Грамматикъ приводитъ слова Гамлета о томъ, что песокъ «мелкая мука, истолченная морскими бурями». Затѣмъ скандинавская литература безмолвствуетъ о Гамлетѣ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ до самаго Сакса. Исторія, разсказанная этимъ послѣднимъ, распадается на двѣ части. Въ III книгѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ Гамлетъ отомстилъ за убійство отца своего, Гирвендиля, владѣтеля Ютландіи, его братомъ Фенгомъ, который женился на его вдовѣ и матери Гамлета, Герутѣ. Для своего спасенія Гамлетъ прикидывается сумасшедшимъ, но Фенгъ его подозрѣваетъ и посылаетъ къ королю британскому съ письмомъ, въ которомъ выражаетъ желаніе, чтобъ Гамлета постигла смерть. Но Гамлетъ по дорогѣ измѣняетъ предметъ письма въ просьбу о выдачѣ за него замужъ дочери британскаго короля. Затѣмъ онъ возвращается въ Ютландію, все-таки разыгрывая роль сумасшедшаго, и во время попойки удовлетворяетъ своей мести. Этимъ кончается первая часть Гамлета у Сакса Граматика, и ею-то воспользовался Шекспиръ. Въ IV книгѣ труда, Саксъ Грамматикъ повѣствуетъ, что Гамлетъ избранъ въ государи Ютландіи, и вторично отправляется въ Британію, гдѣ король хочетъ отомстить ему за Фенга и покушается на его жизнь,

1) Hamlet in Iceland. By Israel Gollancee. London. 1898.

но неудачно, и Гамлетъ женится на шотландкѣ Герматрудѣ, разбиваетъ британцевъ и, вернувшись въ Ютландію, погибаетъ въ войнѣ съ датскимъ королемъ, Виглекомъ. Первая изъ этихъ исторій, то-есть повѣствованіе о юности и мести Гамлета, составляетъ народную легенду арійскаго происхожденія. Сама по себѣ она очень походитъ на англо-датскую балладу о Гавлакѣ и на похожденія викинга Амлафа, сына Ситрика Г'эла. Голлансъ даже доказываетъ, что Амлафъ ирландское исковерканное имя Амледа, или Гамлета. Что касается до близкаго сходства исторіи Гамлета съ легендой о мести Луція Юнія Брута, какъ она рассказывается у Ливія и Валерія Максима, то, по мнѣнію Голланса, «народная сказка о Гамлетѣ прямо заимствована изъ древней римской легенды». Но къ чему ведутъ всѣ эти изслѣдованія предковъ Гамлета? Практически они не выясняютъ болѣе прежняго ни на одну іоту душу шекспировскаго Гамлета. Трудъ Голланса, въ сущности относится не къ шекспировской литературѣ, а къ литературѣ народной поэзіи и міровыхъ легендъ.

— Женщины въ эпоху возрожденія. Французскій историкъ и публицистъ Мольдъ-Ла-Клавьеръ, специально изучающій XVI вѣкъ, которому онъ посвятилъ цѣлый рядъ почтенныхъ трудовъ, надняхъ издалъ любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ «За счастьемъ!—Женщины въ эпоху Возрожденія»¹⁾. Поставивъ себѣ цѣлью изучить первое появленіе феминизма въ началѣ XVI столѣтія въ Италіи и Франціи, авторъ безконечнымъ рядомъ фактовъ, цитатъ и мельчайшихъ подробностей знакомитъ читателя съ жизнью женщинъ въ эпоху Возрожденія, когда ихъ положеніе неожиданно измѣнилось и приняло новый характеръ. Онъ обстоятельно выясняетъ, какъ женщины, бывшія до тѣхъ поръ подчиненными мужчинамъ существами, вдругъ начинаютъ играть важную роль, указываютъ ихъ энергичныя усилія въ погонѣ за счастьемъ и опредѣляетъ, почему эти усилія ни къ чему не привели. Въ первой части своего труда, названной «Семейная жизнь», Мольдъ-Ла-Клавьеръ рисуетъ картину заключенія браковъ, отношеній между супругами и воспитанія дѣтей; вторую часть «Свѣтская жизнь» онъ посвящаетъ философіи жизни, теоріи платонизма, культу красоты, интеллектуальному развитію, свѣтскимъ нравамъ и свѣтскому разговору. Наконецъ, третья часть состоитъ изъ блестящей характеристики вліянія женщинъ того времени въ областяхъ политической, интеллектуальной, нравственной и религіозной. Видя передъ собою безконечную панораму свѣтскихъ женщинъ, итальянскихъ и французскихъ, отчасти пisanскихъ принцессъ, придворныхъ дамъ, фрейлинъ, куртизанокъ и матерей церкви, вникнувъ во всѣ тайны ихъ интеллектуальной и сантиментальной жизни, познакомившись со всѣми тонкостями ихъ культуры, туалета, гигиены и т. д., читатель сначала приходитъ втупикъ, и въ глазахъ его все спутывается, но мало-по-малу для него выясняется, какъ тогдашнія женщины поняли и вели предпринятую ими революцію, а также почему онѣ не достигли своей цѣли. Въ средніе вѣка женщина не имѣла личнаго самостоятельнаго существованія; она жила настолько, насколько составляла часть семьи, въ которой исполняла роль

¹⁾ Vers le bonheur! Les femmes de la Renaissance, par R. de Maulde La Claviere. Paris. 1898.

хозяйки и распространительницы человеческой расы. Впервые въ эпоху возрожденія и въ Италіи возникли двѣ идеи, долженствовавшія измѣнить положеніе женщины: права индивидуальности и культъ красоты. Средніе вѣка сгибали свою выю подъ ярмомъ Аристотеля, эпоха Возрожденія апеллировала отъ Аристотеля къ Платону. Въ концѣ XV столѣтія развилась теорія неоплатонизма, съ ея идеальными стремленіями и возвышенной безтѣлесной любовью. Женщины чутвемъ поняли всю пользу, которую онѣ могли извлечь изъ этого новаго направленія, и, посвятивъ себя культу красоты, подчинили все общество своему влиянію. Въ Римѣ, въ Ферарѣ, въ Флоренціи, во Франціи женщины стали царить. При ихъ содѣйствіи начали процвѣтать искусство, литература и даже наука, такъ какъ женщины тогда были не только просвѣщенными, но даже учеными. Въ Италіи онѣ получали одинаковое съ мужчинами образованіе, Марія (тюдартъ въ 12 лѣтъ произносила рѣчи полатыни, Маргарита Наварская читала Платона погречески. Естественно, что подъ влияніемъ женщинъ любовь сдѣлалась единственнымъ предметомъ поэзіи, романовъ и рассказовъ; а воспѣваемая къ литературѣ любовь была такова же, какъ въ жизни, то есть, возвышенная, платоническая, безтѣлесная, хотя часто сантиментальность граничила съ сладострастьемъ и уживалась съ нею. Извѣстная куртизанка Тулія Арагона считалась передовой платонисткой и написала книгу: «Безконечность истинной любви». Эпоха наибольшаго процвѣтанія платонической теоріи совпадала съ царствомъ куртизанокъ. Къ нимъ питали такой же культъ, какъ къ принцесамъ, и по словамъ Мольда-Ла-Клавьера, «онѣ этого вполне заслуживали. Онѣ хорошо играли на музыкальныхъ инструментахъ и хорошо танцевали. У нихъ были предметы красоты: статуи, картины, драгоценности. На ихъ столахъ виднѣлись новыя книги, и попадались рѣдкія изданія съ оригинальными посвященіями въ стихахъ. Онѣ знали латинскій и греческій языки; онѣ писали письма цецероновскимъ стилемъ и довольно остроумно. Разговаривали онѣ интересно, приводили классическіе тексты, всего чаще изъ Бокачіо, или Петрарки, а нерѣдко пускались въ разглагольствованія о римской археологіи». День смерти куртизанки имперіи, скончавшейся на двадцать-шестомъ году, былъ траурнымъ днемъ для всего Рима. Въ сборникахъ, подъ заглавіемъ «Жизнеописанія знаменитыхъ женщинъ», рядомъ превозносились до небесъ святые и куртизанки, и это было естественно, такъ какъ въ куртизанкѣ видѣли не жертву разврата, а жрицу красоты. Въ древнихъ Аѳонахъ уже гораздо ранѣе происходило то же явленіе. Но недолго продолжалось царство феминизма и сантиментальности. XVI вѣкъ кончился царствомъ насилія, и феминизмъ оказался вполне несостоятельнымъ, чтобъ обуздать дикую человеческую натуру. Паденіе феминизма произошло вполне естественно изъ ложности его основы. Женщины во время своего царства думали только о себѣ и объ удовлетвореніи своего мелкаго, личнаго самолюбія; онѣ стремились къ счастью и принимали блестящую вѣшность за это счастье, тогда какъ въ сущности оно было лишь миражемъ. Ихъ идеалы отличались пустотой, и неудивительно, что послѣ мимолетнаго триумфа наступила долгая эпоха униженія, отъ котораго лишь въ наше время женщины начинаютъ освобождаться, но уже во имя иныхъ идеаловъ, иныхъ стремленій.

— Дневникъ Самюеля Пеписа. Въ литературѣ мемуаровъ дневникъ Самюеля Пеписа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и однако до сихъ поръ не было полного изданія этого драгоценнаго историческаго матеріала для изученія Англіи XVII вѣка. Впервые онъ появился въ свѣтъ въ 1823 году, но въ очень сокращенномъ видѣ, и его издатель лордъ Брейбрукъ выпустилъ около половины рукописи. Во второмъ изданіи А. Бранта, вышедшемъ въ семидесятыхъ годахъ, пропускъ равнялся пятой части труда и состоялъ изъ всего, что Пеписъ пишегъ о своей административной дѣятельности. Только теперь, наконецъ, напечатано полное изданіе, снабженное комментаріями, примѣчаніями и замѣтками Генри Витлея ¹⁾). Въ теперешней своей формѣ дневникъ Пеписа представляетъ драгоценное и въ своемъ родѣ единственное пособіе для изслѣдованія исторіи и общественной жизни Англіи въ концѣ XVII столѣтія. 9 томовъ дневника обнимають ровно девять лѣтъ, по тому на годъ, отъ 1660 и до 1669 г., а такъ какъ Пеписъ умеръ только въ 1703 г., то нельзя не пожалѣть, что слабость зрѣнія не позволила ему записывать до конца своей жизни все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Происходя изъ старинной буржуазной семьи, которая мало-по-малу пробилась себѣ дорогу въ чиновный міръ и стала уже пользоваться дворянскимъ гербомъ, Самюель Пеписъ родился въ 1633 г., окончилъ курсъ въ кембриджскомъ университетѣ, рано женился на дочери французскаго эмигранта гугенота Сень-Мишеля и началъ свою карьеру секретаремъ своего знатнаго родственника, сэра Эдуарда Монтегю, внослѣдствіи лорда Сандвича. Затѣмъ онъ получилъ значительное мѣсто въ морскомъ вѣдомствѣ, занималъ постъ старшаго инспектора по продовольствію флота и выказалъ не только замѣчательную административную способность, но и рѣдкую энергію во время лондонской чумы и знаменитаго лондонскаго пожара 1666 г. Однако послѣ пораженія англійскаго флота адмираломъ де-Гюйтеромъ общественное мнѣніе взволновалось, назначено было слѣдствіе, и Пеписъ былъ преданъ суду парламента. Ему пришлось защищать не только себя, но и товарищей. Онъ исполнилъ свою задачу съ успѣхомъ, и дѣло было прекращено производствомъ. Но карьера Пеписа была, повидимому, окончена, онъ вышелъ въ отставку, пересталъ писать свой дневникъ и долго путешествовалъ по Франціи и Голландіи. Возвратясь на родину, онъ снова возобновилъ свою общественную дѣятельность и былъ членомъ палаты общинъ, а также секретаремъ адмиралтейства. Онъ умеръ на семьдесятъ первомъ году жизни, среди почестей и пользуясь блестящимъ положеніемъ въ англійскомъ обществѣ, несмотря на распространяемыя противъ него клеветы, что онъ измѣнникъ и папистъ. Ни тѣмъ, ни другимъ онъ никогда не былъ, а своей административной дѣятельностью по морской части много содѣйствовалъ достиженію англійскимъ флотомъ первенства во всемъ свѣтѣ. Но, конечно, его главная заслуга передъ исторіей—составленіе знаменитаго дневника. Писанный для себя и шифромъ, ключъ котораго случайно сохранился, этотъ дневникъ отличается удивительнымъ безпристрастіемъ, искренностью и откровеннымъ изложеніемъ положительно всего, что онъ видѣлъ и слышалъ, при чемъ не обращается никакого вниманія на то впечатлѣніе, которое производять со-

¹⁾ Journal of Samuel Pepys; edited by H. Wheathley. London. 1877—1898. 9 vol.

общаемые имъ факты. Начиная съ короля и до самого себя, онъ ничего не скрываетъ, ни хорошаго, ни дурнаго, а записываетъ изъ дня въ день все, что случилось, все, что говорилось. Отличаясь истой буржуазной натурой и не имѣя никакихъ благородныхъ стремленій, онъ однако питалъ какой-то инстинктивный культъ къ правдѣ, и часто, читая его дневникъ, приходишь въ удивленіе, какъ такой человѣкъ, какъ Пеннсъ, представлялъ все общество, всѣхъ сильныхъ міра сего и самого себя въ столь обнаженномъ видѣ. Онъ просто, съ какимъ-то наслажденіемъ, упивается той правдой, которой дышитъ каждая его страница. Королевскій дворъ, аристократія, являются подъ его перомъ тѣмъ вертепомъ разврата, которымъ они дѣйствительно были, и онъ никогда не старается ихъ обфлить или извинить. Официальной любовницей короля Карла II была сначала лэди Кастльменъ, у которой онъ ежедневно ужиналъ даже во время серьезной болѣзни королевы, а потомъ продавщица селедокъ, Нелли Гианъ, отъ которой онъ имѣлъ двухъ незаконныхъ сыновей, признанныхъ имъ и пожалованныхъ въ бароны Гиднингтоны и герцоги Сентъ-Альбансы. Дворъ походилъ на короля, и главными его чертами были пьянство, игра, развратъ и дуели. Скоро разложеніе нравовъ распространилось съ верху въ низъ на аристократію и буржуазію; наконецъ эта нравственная зараза достигла такого апогея, что когда Лондонъ посѣтили чума и колоссальный пожаръ, то пуритане видѣли въ этомъ справедливую Божью кару, разразившуюся надъ новыми Содомомъ и Гоморой. Описаніе того и другаго у Пеннса очень графическое. 7 и 2 мая онъ записываетъ въ свой дневникъ: «Сегодня я невольно видѣлъ въ Дрюри-Ленъ два или три дома, означенные красными крестами на дверяхъ съ надписью: «Боже, взмилуйся надъ нами». Это было печальное зрѣлище и первое этого рода, видѣнное мною, насколько я припомню. Оно возбудило во мнѣ опасенія на счетъ моего здоровья и обонанія, почему я вынужденъ былъ купить табакъ съ цѣлью нюхать и жевать его, что разсѣяло мои грустные предчувствія». Зараза такъ быстро распространилась, что подъ 10 іюнемъ онъ пишетъ: «Вечеромъ, вернувшись домой, къ ужасу я узналъ съ большимъ сожалѣніемъ, что эпидемія проникла въ Сити и даже уноситъ жертвы въ домъ моего добраго друга и сосѣда, доктора Бурнета, что огорчаетъ меня вдвойнѣ». Спустя пять дней, онъ заноситъ въ свой дневникъ: «народъ очень болѣетъ, всѣ перетрусились; за недѣлю умерло 112 человѣкъ, да на прошедшей—43». Далѣе онъ замѣчаетъ: «Чума дѣлаетъ насъ злыми другъ къ другу, на подобіе собакъ». Наконецъ мы находимъ такія страницы въ его дневникѣ: «Я на улицѣ встрѣтилъ двухъ женщинъ, несшихъ гробъ, вѣроятно, съ тѣломъ мужа одной изъ нихъ». Въ это же время приключился пожаръ 1 сентября 1866 г. «Джени разбудила насъ въ три часа ночи, — рассказываетъ онъ, — и объявила, что въ городѣ большой пожаръ. Я побѣжалъ на мѣсто пожара и увидалъ горящій домъ въ концѣ Лондонскаго моста, а по другую сторону моста зданія, объята пламенемъ. Оттуда я съ смущеннымъ сердцемъ поспѣшилъ къ начальнику Лондонской башни, и онъ сказалъ мнѣ, что огонь показался у королевскаго булочника въ Пуддингской улицѣ и уже поглотилъ церковь Св. Магнуса и большую часть Рыбной улицы. Я пошелъ на берегъ, взялъ лодку и проѣхалъ подъ мостомъ, гдѣ увидѣлъ страшное пожарище. Домъ бѣднаго Манкеля (его друга) сгорѣлъ дотла, и все выгорѣло

дотаверны Стараго Лебеда. Каждый старался вытащить свое добро; его сносили на берегъ и съ испуга бросали въ воду. Многіе несчастные не хотѣли разставаться съ своимъ имуществомъ и погибали въ огнѣ. Бѣдные голуби кружились вокругъ оконъ и балконовъ, пока ихъ крылья не загорались, и они саміе падали на землю». Пепису пришлось оставить и свой домъ, который также сгорѣлъ, но онъ успѣлъ вынести оттуда значительную сумму золотомъ. Весь городъ представлялъ груды развалинъ, и пожары нѣсколько разъ возобновлялись. Но, быть можетъ, наиболѣе интересныя страницы въ дневникѣ Пеписа тѣ, которыя посвящены внутренней жизни буржуазной среды, въ которой онъ вращался. Онъ даетъ намъ полное понятіе о томъ, какъ существовали, чѣмъ занимались, въ чемъ находили развлеченіе Пеписъ и ему подобные люди. Въ то время пища составляла одну изъ главныхъ заботъ, и Пеписъ часто описываетъ вкусныя блюда. Онъ постоянно посѣщалъ таверны, кофейни, любилъ ходить въ театры, но не цѣнилъ Шекспира и называетъ «Twelfth Night» глупѣйшей пьесой. Что касается до политическихъ убѣжденій, то, конечно, такой буржуазный чиновникъ, какъ Пеписъ, былъ консерваторомъ отъ головы до пятокъ. Король могъ быть самымъ презрѣннымъ, низкимъ, развратнымъ, чудовищемъ, но онъ все-таки для Пеписа король, и ему все должно было проститься. Въ сущности Пеписъ никого и ничего не любилъ; онъ былъ самый плохой семьянинъ, дурно обращался съ своей женой, постоянно ей измѣнялъ и вообще отличался мелкой, эгоистичной, безнравственной натурой. Однако онъ все-таки былъ интеллектуальнымъ человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ каждая страница его дневника и завѣщанная имъ Кембриджскому университету интересная бібліотека, сохранившаяся до сихъ поръ въ особыхъ шкапахъ съ надписью «Biblioteca Pepysiana».

— Расинъ и дѣло объ отравкахъ. Неумолимый изслѣдователь таинственныхъ загадочныхъ эпизодовъ французской исторіи, Ф. Функъ-Брентано посвящаетъ нѣсколько страницъ въ первой ноябрьской книжкѣ *Revue des Revues* отношенію знаменитаго Расина, автора «Федры», къ извѣстному процессу отравъ, въ которомъ главной героиней была Ла-Вуатенъ, одна изъ величайшихъ преступницъ въ уголовныхъ лѣтонисяхъ всего свѣта¹⁾. Извѣстно, что Расинъ въ апогеѣ своей славы, на тридцать девятомъ году жизни неожиданно покинулъ поэзію и театръ, а изъ веселаго кутилы, коротавшаго ночи съ первыми актрисами того времени, игравшими въ его пьесахъ, Део-Паркъ и Шамелэ, превратился въ ханжу. Новѣйшій французскій критикъ, Брюнетьеръ объясняетъ эту непонятную метаморфозу тѣмъ удручающимъ впечатлѣніемъ, которое на него произвело ужасное дѣло объ отравкахъ. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, въ Парижѣ, въ Парижѣ Людовика XIV, Орестъ убивалъ Пирра, Роксана продавала себя кудесницѣ, чтобъ обезпечить любовь Ваязета, и Федра отравляла Иполита; а Расинъ въ продолженіе десяти лѣтъ преподносилъ публикѣ всѣ эти ужасы, прикрытые цвѣтами поэзіи. Онъ заставлялъ зрителей рукоплескать сценамъ убійства, безумнаго сладострастія, предлюбодѣнія или кровосмѣшенія, а когда новая Герміона или новый Неронъ выходили изъ театра съ твердой рѣ-

¹⁾ Racine et l'affaire des poisons, par T. Funck-Brentano. *Revue des Revues*. Novembre.

шимостью совершить преступленіе, которое только что прославлялось передъ ихъ глазами, то это было апогеемъ его славы. О стыдѣ! О позорѣ! О горе! О укору совѣсти! Естественно, что когда совѣсть такого человѣка задавала ему вопросъ: что ты дѣлаешь?—то онъ долженъ былъ покинуть театръ. Самое искусство возставало противъ него, и самая правдивость его картинъ обвиняла ихъ въ преступномъ вліяніи». Другой критикъ и біографъ Расина, Ларумэ, недавно написавшій блестящую характеристику великаго драматурга, идетъ далѣе нравственной его отвѣтственности за дѣло отравы и разсматриваетъ обвиненіе, предъявленное главной отравительницей Ла-Вуазенъ противъ Расина въ отравѣ его любовницы актрисы Дю-Паркъ. Но безъ дальнѣйшихъ разсужденій онъ признаетъ доносъ преступницы низкою клеветой, пущенной въ ходъ изъ мести за то, что Расинъ не велѣлъ пускать Ла-Вуазенъ къ Дю-Паркъ, и доказываетъ это документальной ссылкой на письмо Лувуа къ комиссару суда, разсматривавшаго дѣло отравы, Базену-де-Безану, въ которомъ говорится, что приказъ короля объ арестѣ Расина будетъ присланъ, какъ только онъ потребуется». Но арестъ не состоялся,—прибавляетъ Ларумэ,—и значитъ Расинъ оправдался передъ королемъ и Лувуа». Совершенно иначе смотритъ на этотъ странный эпизодъ въ жизни сладкозвучнаго поэта Функъ-Брентано. Онъ съ обычной своей добросовѣстностью изучилъ дѣло объ отравѣхъ по архивнымъ даннымъ, привелъ отрывки изъ показаній Ла-Вуазенъ на счетъ Расина, собралъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о смерти Дю-Паркъ и пришелъ къ заключенію, что еслибъ Ла-Вуазенъ сказала судьямъ: «я дала Расину ядъ, чтобы отравить Дю-Паркъ», то и судьи и исторія должны были бы ей повѣрить. Дѣло въ томъ, что эта роковая преступница раскаялась чистосердечно передъ смертью, и всѣ ея показанія на судѣ подтверждались другими доказательствами. Но по счастью для Расина она никогда не утверждала, чтобы передала ему ядъ, а только показала и подтвердила среди ужасныхъ пытокъ, что слыхала отъ мачихи и дочерей Дю-Паркъ объ отравѣ этой несчастной Расиномъ, который никого не пускалъ къ ней во время ея болѣзни, въ томъ числѣ и ее, Ла-Вуазенъ. Такого показанія было недостаточно, чтобы привлечь къ отвѣтственности Расина, и онъ былъ спасенъ отъ суда не тѣмъ, что оправдался передъ королемъ и Лувуа, какъ полагаетъ Ларумэ, а по мнѣнію Функа Брентано добросовѣстностью Ла-Вуазенъ, которая могла бы погубить его, еслибъ захотѣла, и дружбой комиссара Базена де-Безанса. Этотъ послѣдній, принадлежа къ академіи, не хотѣлъ преслѣдовать товарища по одному смутному показанію Ла-Вуазенъ и рѣшился ждать другихъ уликъ, а такъ какъ эти улики не были предъявлены, то Расина оставили въ покоѣ. Но, по словамъ Функа Брентано, если Расинъ невиновенъ въ отравѣ Дю-Паркъ, то все-таки былъ, по всей вѣроятности, причастенъ къ ея смерти, что и послужило причиной его неняятнаго прекращенія своей драматической дѣятельности. Находясь въ связи съ актрисой Дю-Паркъ, Расинъ игралъ очень сомнительную роль при ея неожиданной смерти. Онъ помѣщался въ ея спальнѣ въ качествѣ скорѣе сторожа, чѣмъ свидѣлки, и никого не пускалъ къ ней, даже двухъ повивальныхъ бабокъ: Ла-Вуазенъ и Машинъ, которыхъ Дю-Паркъ требовала самымъ энергичнымъ образомъ. Неудивительно, что когда она умерла при такихъ условіяхъ, ея родственники стали подозрѣвать участіе Расина въ

ея смерти. Самъ Расинъ своимъ поведеніемъ послѣ ея кончины оправдывалъ это подозрѣніе; по словамъ хроникера Габине, онъ шелъ за ея гробомъ «полу-мертвый». Въ настоящее время послѣ выхода въ свѣтъ ученаго изслѣдованія доктора Леге: «Врачи отравители», не можетъ быть сомнѣнія, что Дю-Паркъ умерла отъ несчастныхъ родовъ, причиненныхъ, по всей вѣроятности, отравленіемъ плода, что повлекло за собою перитонитъ. «Участіе въ этомъ преступленіи,—говоритъ Функъ-Брентано,—такъ угнетало совѣсть поэта, что наконецъ онъ рѣшился покончить съ драматическимъ искусствомъ, въ которомъ воспѣвалъ столько преступленій, и сдѣлался фанатическимъ ханжей».

— Авантюристъ XVIII столѣтія. Въ двухъ октябрьскихъ и первой ноябрьской книжкахъ «Revue Nouvelle» помѣщенъ любопытный очеркъ жизни и приключеній извѣстнаго авантюриста XVIII столѣтія Стефана Зановича¹⁾. Этотъ очеркъ составленъ по неизданнымъ документамъ, хранящимся въ амстердамскомъ архивѣ, Эдуардомъ Ванъ-Бьема, но, къ сожалѣнію, самая интересная для русскаго читателя часть его странной карьеры, такъ какъ ему приписываются походы въ Черногоріи Степана Малаго, выдававшего себя за Петра III, рассказана очень кратко, а главное вниманіе обращено на его подвиги въ Нидерландахъ, гдѣ онъ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ тюрьмѣ. По словамъ его новаго біографа, Стефанъ Зановичъ былъ сынъ албанца Антонія, торговца туфлями и восточными сладостями въ Венеціи, откуда его изгнали за скандальное поведеніе, такъ какъ онъ болѣе обогащался въ игорныхъ домахъ и другихъ притонахъ разврата, чѣмъ торговлей въ своей лавкѣ. Вернувшись на родину съ деньгами, онъ сдѣлался владѣльцемъ Пастровича и далъ своимъ двумъ сыновьямъ Стефану и Премиславу хорошее воспитаніе въ Падуанскомъ университетѣ, предназначая перваго церкви, а втораго арміи. Но монашество не пришлось по вкусу юношѣ, и онъ семнадцати лѣтъ началъ таинственную, бурную жизнь авантюриста. Прежде всего онъ съ своимъ братомъ, сдѣлавшимся шулеромъ вмѣсто офицера, стащилъ 15.000 флориновъ у торговца Симонетти и 2.000 у одного изъ своихъ соотечественниковъ, а потомъ, удалившись въ Далмацію, сдѣлался начальникомъ разбойничьей шайки и такъ прославился своими подвигами, что его сожгли въ Венеціи заглазно, замѣнивъ его фигуру куклой. Въ 1767 году онъ выдалъ себя за русскаго императора Петра III и поднялъ всю Черногорію, а такъ же часть Албаніи, сразился съ Румянцевымъ, побѣдилъ венеціанцевъ подъ начальствомъ графа Вюрцбургга, заставилъ себя посвятить въ греческіе патріархи и два года благоденствовалъ. Наконецъ онъ былъ побѣжденъ и убѣжалъ въ Вѣну съ значительной добычей, предварительно купивъ свидѣтельство о своей смерти. Въ этомъ свидѣтельствѣ и въ актѣ Венеціанскаго сената объ его соженіи, онъ именуется Степаномъ Малымъ. Вотъ какъ рассказываетъ Ванъ-Бьема этотъ эпизодъ жизни Стефана, на основаніи написанной имъ самимъ брошюры: «Le fameux Pierre III, empereur de Russie et Stepan Mali, qui parut dans le duché de Montenegro», но такъ какъ въ русскаго исторіи Степанъ Малый извѣстенъ, какъ уроженецъ

¹⁾ «Stefan Anibal, prince d'Albanie. Un aventurier du XVIII siècle», par E. Van-Biema. Revue Nouvelle, 1 et 15 octobre, 1 novembre.

Крайны, который выдалъ себя за Петра III, четыре года господствовалъ въ Черногоріи и, потерявъ власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣніе, убитъ подкупленнымъ турками слугой, — то одно изъ двухъ: или Ванъ-Виема спуталъ двѣ отдѣльныя личности Степана Малаго и Стефана Зановича, или Стефанъ Зановичъ такъ же игралъ роль Петра III въ Черногоріи, но совершенно неудачно. Во всякомъ случаѣ, если вѣрить Ванъ-Виемѣ, Зановичъ вторично появился въ Черногоріи въ 1774 г. подъ именемъ Стефана Анибала, князя албанскаго, добился сочувствія всего населенія и былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ. «Эта миссія, замѣчаетъ Ванъ-Виема, была тѣмъ смѣлѣе, что онъ долженъ былъ бояться, чтобъ въ немъ не узнали лже-Петра III. Въ его собственномъ разсказѣ объ этой эпохѣ онъ говоритъ, что когда его личность стала возбуждать подозрѣнія, то онъ сумѣлъ устранить ихъ и, воспользовавшись удобной минутой, тайно удалился». Изъ этихъ словъ не видно, былъ ли дѣйствительно Зановичъ въ Петербургѣ, и что онъ тамъ дѣлалъ; вообще у Ванъ-Виемы очень мало свѣдѣній объ отношеніяхъ Зановича къ Россіи и, кромѣ приведеннаго, только въ разсказѣ о любви къ нему извѣстной герцогини Кингстонъ упоминается, что Стефанъ, зная ея блестящее положеніе при русскомъ дворѣ, во время ея пребыванія въ Петербургѣ просилъ, чтобъ она постаралась загладить тамъ память о его самозванствѣ и участіи въ польскихъ возстаніяхъ. Она отказала, но объяснила этотъ отказъ очень любезно: «Съ большимъ сожалѣніемъ я вамъ такъ отвѣтила, но была къ этому вынуждена, такъ какъ ваше письмо было вскрыто и ждали моего отвѣта». Что касается до дѣйствій Зановича въ Польшѣ, то изъ разсказа Ванъ-Виема видно, что онъ явился туда подъ именемъ Варты, снискалъ довѣріе нѣкоторыхъ магнатовъ и увѣрилъ, что онъ князь Кастріото, потомокъ Скандербега и предводитель албанцевъ, которые готовы оказать ему помощь во всѣхъ его предпріятіяхъ. Онъ также выдавалъ себя за друга прусскаго короля и въ особенности сблизился съ графомъ Михайломъ Огинскимъ, отъ котораго сумѣлъ достать до 90.000 дукатовъ. Съ этими и другими деньгами, полученными имъ отъ поляковъ, онъ сталъ разыгрывать роль знатнаго князя албанскаго въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Бреславлѣ, занимаясь музыкой и литературой, а также, по его словамъ, поддерживая переписку съ Екатериной II, Вольтеромъ, Руссо, Гриммомъ и т. д., но въ сущности онъ занимался игрой и обманнымъ выманиваніемъ денегъ у всякаго, у кого только могъ. По временамъ онъ попадался и вынужденъ былъ бѣжать, и въ княжествѣ Цвейбрюккинскомъ онъ распространилъ вторично извѣстіе о своей смерти и даже о томъ, что его схоронили въ Гезенбургѣ, у подножія высокой горы. Въ Вѣнѣ полиція его арестовала въ 1778 г., но императоръ Іосифъ приказалъ его выпустить на свободу. Затѣмъ онъ продолжалъ странствовать по различнымъ европейскимъ городамъ, постоянно перемѣняя свое имя и называя себя то патеромъ Сарра Тибладасомъ, то Бабианомъ, то Бензини, то Старновазіемъ, то Бабинданомъ, то Валенскимъ, то Вартой. Въ Римѣ онъ явился въ видѣ патера и тамъ познакомился съ герцогиней Кингстонъ, которая такъ влюбилась въ него, что вышла бы за него замужъ, еслибы его не изгнали изъ предѣловъ Италіи. Тогда онъ перенесъ театр дѣйствія своихъ мошенническихъ подвиговъ въ Голландію и Бельгію; въ Амстердамѣ онъ

долго жилъ въ одиночествѣ, но въ Спа нѣсколько лѣтъ поражалъ всѣхъ своей роскошью, а въ Антверпенѣ обманулъ городской ломбардъ, выдавъ стекляшку за громадный брилліантъ. Въ это время онъ подружился съ знаменитымъ принцемъ Де-Линъ и провелъ у него нѣсколько мѣсяцевъ въ его французскомъ замкѣ Бель-Оль. Но главными элементами въ его мошенническихъ продѣлкахъ и безконечныхъ приключеніяхъ были женщины. Вся его жизнь состояла изъ длиннаго ряда романовъ, и онъ пользовался своимъ усиѣхомъ у женщинъ для устройства ловкихъ продѣлокъ; изъ наиболѣе пзвѣстныхъ его жертвъ были Юлія ванъ-Даль, Жюстина де-Синель, Клара де-Ла-Круа, графиня Каролина Малькомезіусъ, Анжелика Дактеръ, знаменитая герцогиня Клингстонъ и Сибилла Лихтерманъ. Всѣ онѣ искренно его любили, добровольно отдавали ему все, что имѣли, и легко поддавались его обманамъ. Въ 1784 г. произошелъ одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ странной жизни таинственнаго авантюриста. Несмотря на то, что онъ съ своимъ братомъ, Премиславомъ, имѣлъ неприятную исторію съ амстердамскими банкирами Шомелемъ и Юрданомъ, у которыхъ они дисконтировали подложный вексель лорда Линкольна при посредствѣ обойденнаго ими венеціанскаго посланника, Кавалли, что повело къ столкновенію между правительствами нидерландскимъ и венеціанскимъ, Зановичъ вошелъ въ сношенія съ Нидерландскими штатами и предложилъ имъ не только не дозволить въ качествѣ князя Албанскаго 20.000 черногорцамъ поступить на службу императора Юсіфа II, объявившаго войну Нидерландамъ, но переманить ихъ на сторону послѣднихъ. Генеральные штаты поддались на удочку и постановили резолюцію, въ которой они предоставляли себѣ право впоследствии воспользоваться его предложеніемъ, хотя отчасти, но въ настоящемъ просили князя Албанскаго удержатъ черногорцевъ отъ вступленія на службу къ императору, за что обѣщали быть ему очень благодарными и соответственно вознаградить. Заручившись этимъ постановленіемъ и создавъ фантастическаго англо-американскаго банкира Бритмана, Зановичъ пустился въ грандіозныя финансовыя операціи подъ предлогомъ исполненія порученія нидерландскаго правительства. Онъ завелъ себѣ секретаря барона Сентъ-Альфонса и цѣлый циклъ агентовъ, которые вели для него крупныя дѣла, учитывая векселя несуществующаго Бритмана, и такимъ образомъ выманывалъ десятки тысячъ флориновъ у банкирскихъ фирмъ Ветманъ въ Франкфуртѣ, Лиріо въ Петербургѣ и Германа въ Любекѣ. Однако, миръ, заключенный Нидерландами съ императоромъ, положилъ конецъ этой блестящей эксплоатаціи, а когда Зановичъ представилъ генеральнымъ штатамъ счетъ тѣхъ затратъ, которыя онъ будто бы сдѣлалъ, чтобы помѣшать черногорцамъ вступить на службу императора, то они отказались отъ всякаго платежа, на томъ основаніи, что не уполномочивали его на эти расходы. Зановичъ не уялся, а подалъ записку генеральнымъ штатамъ, требуя милліонъ флориновъ подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, прибѣгнуть къ военной силѣ. Въ этой запискѣ онъ торжественно называлъ себя Стефаномъ, Анибаломъ, княземъ и пастыремъ Албанскимъ, княземъ и намѣстникомъ Черногоріи, деспотомъ Грады, княземъ Св. Саввы, наслѣдникомъ короны Албанской, династомъ Черной Горы и т. д. На аудіенціи у штатгальтера, принца Оранскаго, онъ велъ себя самымъ нахальнымъ образомъ и

пригрозилъ вызвать принца на дуэль, если его претензія не будетъ уважена. Въ доказательство же своихъ расходовъ, онъ представилъ длинный счетъ занятыхъ имъ денегъ, на основаніи постановленія генеральныхъ штатовъ и самихъ кредиторовъ, которые отъ себя обратились съ просьбами платежа къ нидерландскому правительству. Но среди этихъ усилій обезпечить успѣхъ самаго крупнаго мошенничества всей своей жизни, Зановичъ былъ арестованъ по взысканію съ него тремя кредиторами небольшой суммы денегъ, которой онъ не могъ заплатить. Вскорѣ его дѣло приняло уголовный характеръ, и обнаружилось всѣ его обманы, мошенничества и самозванства. На допросѣ Зановичъ продолжалъ называть себя княземъ Албанскимъ и не признавалъ себя виновнымъ ни въ участіи въ черногорскомъ возстаніи подъ именемъ Петра III, ни въ обманномъ выманываніи денегъ у Шомеля и Юрдана. Онъ приписывалъ всѣ свои несчастія злобѣ противъ него венеціанскаго правительства, желавшаго выдать его за Степана Малаго, лже-Петра III, и частныхъ кредиторовъ. Однако, улики противъ него были такъ велики, что, не надѣясь оправдаться на судѣ, онъ открылъ себѣ вену кускомъ стекла и покончилъ самоубійствомъ свою странную жизнь въ 1686 г. (Однако, судъ, лишенный возможности наказать Зановича по своему приговору, подвергъ его мерзкое тѣло публичному безчестію. Вотъ буквально оригинальная резолюція амстердамскаго уголовного суда: «Имѣя въ виду, что Стефанъ Анибалъ и пр., арестованный по подозрѣнію въ самозванствѣ, освободилъ себя ex consequentia sceleris отъ справедливаго наказанія, открывъ себѣ жилу, судъ постановляетъ, чтобы тѣло вышеназваннаго Анибала было протащено по улицамъ на рѣшеткѣ изъ прутьевъ до висѣлицы и брошено тамъ въ общую могилу».

— Герцогъ Ришелье на Ахенскомъ конгрессѣ. Эрнестъ Додэ, братъ знаменитаго романиста и самъ авторъ многихъ романовъ, а также историческихъ монографій, напечаталъ въ *Revue Nouvelle* письма герцога Ришелье къ Деказу съ Ахенскаго конгресса съ своими комментаріями¹⁾. Какъ извѣстно, герцогъ Ришелье послѣ вступленія на престолъ Людовика XVIII перешелъ изъ русской службы на французскую и былъ первымъ министромъ. Въ этомъ качествѣ онъ принялъ участіе въ Ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 году и при содѣйствіи императора Александра, который очень любилъ и уважалъ его, добился очищенія Франціи союзными войсками, занимавшими ее въ теченіе трехъ лѣтъ. Поэтому его письма о всемъ, что дѣлалось на этомъ конгрессѣ, не могутъ не имѣть интереса, и найденныя Эрнестомъ Додэ въ архивѣ герцога Деказа, они теперь впервые обнародованы. Къ этимъ письмамъ еще добавлены два письма Людовика XVIII, одно къ императору Александру, а другое къ Деказу. Въ первомъ король проситъ Александра, присутствовавшаго на Ахенскомъ конгрессѣ, уговорить Ришелье не выходить въ отставку, такъ какъ потеря его для короля и Франціи была бы незагладима. «Вы мнѣ дали герцога Ришелье, сохраните мнѣ его», говоритъ между прочимъ король съ характеристичной искренностью. Въ письмѣ къ Деказу Людовикъ XVIII описываетъ

¹⁾ Le Duc de Richelieu au congrés de D'Aix-la-Chapelle, 1818, par E. Dodé. *Revue Nouvelle*.—15 sept., 1 et 15 octobre.

свой разговоръ съ Александромъ послѣ конгресса и передастъ его слова, сказанныя Ришелье по просьбѣ короля: «Вы думаете, что вы квиты, но вы ошибаетесь. Вы провели три года въ тяжелой работѣ, но Франція и Европа нуждаются, чтобъ вы еще поработали новые три года. Вы не считаете себя способнымъ справиться съ палатой, но у васъ есть Деказъ, который на это прекрасенъ, и Ленэ, который годится. Пользуйтесь ихъ услугами и не покидайте своего поста». Что касается до писемъ самого Ришелье изъ Ахена, то они представляютъ картину конгресса, дипломатическихъ интригъ, покровительства, оказываемаго Александромъ представителямъ Франціи и т. д. Для русскаго читателя, конечно, наиболѣе интересно то, что Ришелье говоритъ объ Александрѣ, но, къ сожалѣнію, въ его письмахъ очень мало упоминается объ его царственномъ другѣ. Приведемъ эти немногія мѣста: «По всей вѣроятности, Александръ получаетъ свѣдѣнія изъ Гаги, и потому онъ болѣе опасается бонапартистовъ и военныхъ, чѣмъ либераловъ, тогда какъ первые только опасны своимъ союзомъ со вторыми. Но, кажется, во время нашихъ долгихъ бесѣдъ, я открылъ ему глаза на счетъ этихъ людей и ихъ глупыхъ теорій. Во всякомъ случаѣ онъ такъ ненавидитъ нѣмецкихъ либераловъ, что врядъ ли имѣетъ пристрастіе къ французскимъ. Впрочемъ онъ преимущественно желаетъ поддержанія типины все равно чьей помощью, но горе намъ, если мы станемъ революціонерами: онъ подыметъ всю Европу и приведетъ вторично во Францію. Я въ этомъ увѣренъ, какъ въ томъ, что я существую». Говоря о томъ, что одного слова Александра было довольно, чтобъ положить конецъ всѣмъ интригамъ Англіи и Австріи на конгрессѣ, Ришелье замѣчаетъ: «Возблагодаримъ Провидѣніе, что могущественный русскій императоръ, располагающій такими колоссальными силами, думаетъ только объ общемъ благѣ, и никакая самолюбивая идея не входитъ ему въ голову; я васъ увѣряю, надо цѣловать на землѣ слѣды его ногъ». Естественно, что при такомъ культѣ къ Александру, и при сознаніи, какъ онъ необходимъ былъ для Франціи, Ришелье съ ужасомъ узналъ объ открытомъ въ Брюсселѣ заговорѣ противъ него и въ пользу Бонапарта. Письмо 9 ноября начинается со словъ: «посылаю копію со всѣхъ свѣдѣній о брюссельскомъ заговорѣ, который столько же нелѣпъ, сколько бессмысленъ», но, къ сожалѣнію, эта копія не напечатана. 21 ноября онъ возвращается къ тому же предмету и говоритъ о «тайнственномъ заговорѣ противъ Александра, подробности котораго объявили сообщники, о планѣ ареста Александра и доставленіи его въ Бургундію, преданную Бонапарту».

— Англичане о Россіи. Въ октябрьской книжкѣ English Illustrated Magazine напечатана курьезная статейка Е. Буллока, который на трехъ страницахъ старается доказать, что англичане создавали Россію, а теперь Россія старается погубить Англію ¹⁾. Собственно фактическая сторона перечня англичанъ, служившихъ Россіи и, конечно, еще болѣе своимъ личнымъ интересамъ, вполне вѣрна и главнымъ образомъ основана на сочиненіяхъ Морфиля, прекрасно знающаго все, что касается русскаго исторіи; только странны выводы ав-

¹⁾ How british subjects have made Russia, by E. Bullock. English Illustrated Magazine, october.

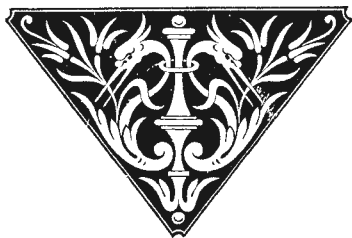
тора. Дѣйствительно, появленіе англичанъ и преимущественно шотландцевъ началось при Іоаннѣ Грозномъ, и потомъ мало-по-малу переселились въ Москву: Брюсы, Гордоны, Гамильтоны, Кармайкли, Дальзіели, Дугласы, Эрты, Кейты, Бурнеты, Кальдервуды, Гильды, Стюарты, Ментіесы, Ласси, Грейги, Перри, Колинсы, Синклеры, Линдсеи, Ельфинетоны и Барклаи де-Толли. Всѣ эти имена приведены Буллокомъ правильно, и число ихъ можно было еще немало увеличить, между прочимъ авторъ забылъ сэра Вильяма Вайли, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ баронета Вилъе, но если многіе изъ нихъ были очень почтенныя личности и оказали услуги Россіи, а нѣкоторые, какъ Ласи и Барклай, были фельдмаршалы, но никто изъ нихъ не игралъ первенствующей роли въ Россіи, какъ, напримѣръ, нѣмцы: Биронъ, Минихъ, Остерманъ, Нессельроде, Канкринъ и др., а потому называть ихъ «людьми, создавшими Россію», не только неправильно, но нелѣзно. () томъ, что Россія, являясь конкурентомъ Англіи на далекомъ востокѣ двѣсти лѣтъ послѣ посѣщенія Петромъ Великимъ Англіи, гдѣ онъ на вербовалъ пятьсотъ англичанъ для созданія Россіи, совершаетъ великое преступленіе неблагодарности противъ націи, сдѣлавшей ее тѣмъ, чѣмъ она является теперь, — можетъ говорить только современный, зарпортованный джинго.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ статьи о Россіи, помѣщенныя въ ноябрьскомъ номерѣ *Cornhill Magazine*. Первая изъ нихъ, блестящая картинка Инкерманскаго сраженія, принадлежащая перу пастора В. Фитчера, который въ нынѣшнемъ году даетъ этому журналу ежемѣсячно очеркъ о выдающейся англійской битвѣ, происходившей въ данномъ мѣсяцѣ ¹⁾, и воспоминаніе маркиза Дуфферина объ осадѣ Бомарзунда ²⁾. По словамъ новаго историка англійскихъ славныхъ битвъ, Инкерманъ былъ «солдатскимъ побоищемъ». «Тутъ, говоритъ онъ, все сдѣлалъ штыкъ солдата, а генеральскіе мозги ничего. Это одно изъ самыхъ бессмысленныхъ, предпринятыхъ безъ плана и исполненныхъ безъ руководящей воли, сраженій въ англійской исторіи, но зато это одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ англійской военной лѣтописи, служащая блестящимъ доказательствомъ рыцарской смѣлости англійскаго офицера и непобѣдимости англійскаго солдата. Это была гомеровская битва—рядъ отдѣльныхъ схватокъ, веденныхъ мелкими группами людей, причѣмъ начальники отдавались общему геройскому увлеченію, а не руководили имъ. Команда исчезла, о тактикѣ забыли, и полки, разбитыя на мелкія части, дѣйствовали порознь; каждый человекъ дрался самъ за себя». Такимъ образомъ, превознося донебесъ доблести англійской арміи при Инкерманѣ, Фитчеръ добросовѣстно отдаетъ предпочтеніе солдатамъ передъ генералами и безпристрастно приводитъ въ объясненіе неудачи русскихъ слова Тотлебена, который считалъ главными причинами этой неудачи: туманъ, прикрывавшій рѣдкіе ряды англичанъ, и смертельный ихъ огонь, направленный на скученныя массы русскаго войска. Что касается до маркиза Дуфферина, то онъ присутствовалъ при осадѣ Бомар-

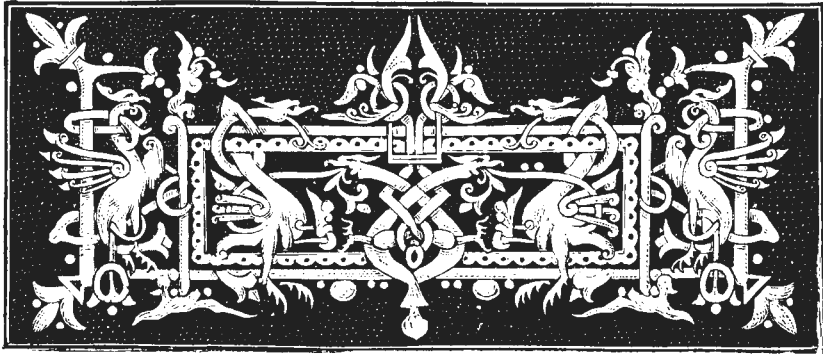
¹⁾ Fights for the Flag: XI. Inkerman. — 5 November 1854. — *Cornhill Magazine*. November.

²⁾ The siege of Bomarsund, by the Marquis of Dufferin. Тамъ же.

звуда въ 1854 г. англійскимъ флотомъ въ качествѣ любителя сильныхъ ощущеній на своей собственной яхтѣ. Онъ посѣщаль англійскіе военные корабли и лагерь французскаго экспедиціоннаго корпуса генерала Бараге д'Илье на островѣ, обозрѣваль возводимыя французами батареи противъ русской крѣпости и находился на англійскомъ фрегатѣ «Пенелопа», когда во время его бомбардировки русскими онъ случайно съѣлъ на мель, подъ непріятельскими выстрѣлами. Наконецъ онъ присутствовалъ при атакѣ крѣпости французами и ея сдачѣ, при чемъ, по его словамъ, «французы устроили по своему обычаю блестящую театральную сцену». Они выстроили русскій гарнизонъ съ генераломъ Бодиско во главѣ, въ центрѣ внутренняго двора форта, передъ запертыми воротами, а потомъ по сигналу ворота отворились, и въѣхалъ Бараге д'Илье на бѣломъ конѣ, въ блестящемъ мундирѣ и въ сопровожденіи своей свиты, при звукахъ музыки и оглушительныхъ крикахъ солдатъ.

СМѢСЬ.

ЦЕРКОВЬ-ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III.

Въ первомъ же по кончинѣ государя императора Александра III общемъ собраніи вилenskaго Свято-Духовскаго братства единогласно принято было предложеніе председателя братства, высокопреосвященнаго Иеронима (нынѣ архіепископа холмско-варшавскаго), соорудить въ память императора Александра III церковь во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго — и при ней школу, какъ такія учрежденія, которыя наиболѣе были любезны Царю-Миротворцу при его жизни. Мѣстомъ для сооруженія этого храма-памятника избрано предмѣстье города Вильны «Новый Свѣтъ», населеніе котораго составляютъ служащіе на близлежащемъ вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги и старообрядцы-безпоповцы Феофанскаго толка. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ здѣсь существуетъ церковно-приходская школа, открытая бывшимъ старообрядцемъ, съ нѣкоторыми особенностями. Работая въ духъ мира и любви, школа эта уже имѣетъ благотворное вліяніе на окружающую среду раскольниковъ и католиковъ. Православный храмъ, здѣсь устроенный, помимо удовлетворенія нуждъ православнаго населенія, несомнѣнно еще болѣе расширитъ и упрочитъ это благотворное вліяніе школы. 6-го іюня 1896 года совершена была закладка этого храма на участкѣ земли, безплатно отведенномъ городскимъ управленіемъ, а 25-го октября состоялось его торжественное освященіе. Храмъ сооруженъ по

проекту городского архитектора М. М. Прозорова и своимъ видомъ напоминаетъ храмъ Спаса въ Боркахъ, конечно, въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ. Это—изящная каменная церковь въ формѣ креста, увѣнчанная большимъ куполомъ по срединѣ и четырьмя легкими башенками по угламъ; въ одной связи съ нею стоитъ колокольня; съ южной и сѣверной сторонъ къ церкви непосредственно примыкають два зала для мужской и женской церковно-приходскихъ школъ. Вместимость церкви рассчитана на 350 человекъ, а каждой школы на 60 учащихся. Внутри церковь высока и свѣтла. Одноярусный дубовый иконостасъ открываетъ верхъ алтаря, увѣнчанный образомъ Нерукотвореннаго Спаса, хорошаго стараго письма. Какъ этотъ изящный иконостасъ, приготовленный въ Владимірской губерніи, такъ всѣ священные сосуды и одежды и проч. убранство, стоящія до 5.000 рублей,—даръ высокопреосвященнаго Іеронима, бывшаго литовскаго, а нынѣ холмско-варшавскаго архіепископа. Стоимость всей церкви болѣе 40.000 рублей. Сумма эта составила пзъ пожертвованій; главнѣйшими изъ нихъ были: отъ вилenskaго Свято-Духовскаго братства,—строителя церкви,—болѣе 12.000 руб., отъ святѣйшаго синода до 5.000 руб. и затѣмъ отъ частныхъ лицъ; пожертвованія поступали не только деньгами, но иконами и другими предметами, и не только отъ православныхъ, но и отъ католиковъ. Населеніе предмѣстья «Новый Свѣтъ» безъ различія исповѣданія и національности сочувственно привѣтствовало освященіе храма, которое совершилъ архіепископъ Ювеналій; въ церкви на торжествѣ присутствовалъ генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ В. Ш. Троцкій и прочія должностныя лица.

Открытіе памятника Ш. Ш. Чайковскому. Въ с.-петербургской консерваторіи императорскаго Русскаго музыкальнаго общества состоялось 24 ноября, въ 11 часовъ утра, торжественное открытіе статуи Чайковскаго, установленной въ фойе большого зала. Къ назначенному часу фойе, задрапированное зелеными бархатными занавѣсами, было залито массою электрическаго свѣта. Статуя, окруженная цвѣтами, была закрыта покрываломъ. Лѣстница была заполнена по ступенямъ вѣнками отъ различныхъ депутацій. На хорахъ двухъ этажей размѣстились ученики и ученицы консерваторіи. Заднюю часть фойе заняли хоръ и оркестръ, состоявшіе исключительно изъ воспитанниковъ консерваторіи. Передняя часть фойе, у самой статуи, была отгорожена и отведена для почетныхъ гостей. На торжество прибыли: членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь Н. Ш. Стоиловскій, сенаторъ А. А. Герке, братъ покойнаго композитора М. Ш. Чайковскій, К. К. Слущевскій, В. С. Кривенко, А. А. и Ш. А. Потѣхны, помощникъ градоначальника Ш. Ш. Турчаниновъ, сенаторъ статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ, помощникъ главнаго попечителя Человѣколюбиваго общества сенаторъ А. Ш. Марковичъ, Л. В. Бертенсонъ, В. Ш. Герардъ, весь наличный персоналъ дирекціи с.-петербургскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества, артистка М. Г. Савина, артисты гг. Мельниковъ, Стравинскій, Ленскій, Сазоновъ и др., представители депутацій, весь педагогическій персоналъ консерваторіи, во главѣ съ директоромъ ея, музыканты, артистки, артисты и много почетныхъ гостей. Въ 11 ч. прибыли ихъ императорскія высочества, вице-предсѣдатель главной ди-

рекции императорскаго Русскаго музыкальнаго общества великій князь Константинъ Константиновичъ съ супругою, великою княгинею Елисаветой Мавриковною. Тотчасъ же у скрытой подъ покрываломъ статуи началась краткая заукоинная литія съ провозглашеніемъ вѣчной памяти покойному композитору. По окончаніи ея предѣдатель комиссіи по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника сенаторъ Н. И. Стояновскій произнесъ слѣдующую рѣчь: «Ваши императорскія высочества! 1893 и 1894 года было тяжелыми годами для императорскаго Русскаго музыкальнаго общества и для всей музыкальной Россіи. 25-го октября 1893 года неожиданно скончался композиторъ Петръ Ильичъ Чайковскій, а 8 ноября 1894 года не стало незабвеннаго Антона Григорьевича Рубинштейна. Его Императорскому Величеству угодно было благосклонно отнестись къ всеподаннѣйшему докладу министра императорскаго двора о желаніи увѣковѣчить память покойнаго Чайковскаго, при чемъ Государь Императоръ, 24 ноября 1893 года, выразилъ согласіе на открытіе повсемѣстной подлинки: 1) на составленіе капитала въ память Петра Ильича, для пособія музыкальнымъ артистамъ и композиторамъ; 2) на постановку статуи усопшаго композитора во вновь строящемся зданіи С.-Петербургской консерваторіи. Комиссію по сбору пожертвованій и ихъ распредѣленію высочайше повелѣно учредить при министерствѣ императорскаго двора изъ десяти членовъ, высочайше утвержденныхъ. Къ 12 ноября 1895 года сумма пожертвованій составила 15.449 рублей 51 коп., и комисія вошла въ переговоры съ скульпторомъ, профессоромъ Владиміромъ Александровичемъ Беклемишевымъ, объ изготовленіи имъ статуи Петра Ильича. 13 апрѣля 1896 года, осмотрѣвъ комиссіею проектъ статуи, и поручено исполнить стацию изъ каррарскаго мрамора перваго сорта. Статуя изготовлена была сначала изъ глины, къ 8-му февраля 1897 года, а въ окончательномъ видѣ, въ мраморѣ, доставлена въ Петербургъ 2 апрѣля настоящаго года. Изготовленіемъ статуи высочайше утвержденная комиссія исполнила высочайшее повелѣніе, касающееся лично Петра Ильича: теперь ей предстоитъ продолжать сборъ пожертвованій и разработать предположенія о порядкѣ ихъ распредѣленія. На открытіе статуи и передачу ея императорскому музыкальному обществу 24 сего октября послѣдовало соизволеніе августѣйшаго предѣдателя императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, ея императорскаго высочества, великой княгини Александры Іосифовны. Благоволите, ваше императорское высочество, какъ представитель музыкальнаго общества, принять открываемую нынѣ стацию П. И. Чайковскаго въ вѣдѣніе общества». По окончаніи этой рѣчи со статуи сшло покрывало. П. И. Чайковскій изображенъ на ней сидящимъ въ креслѣ въ моментъ творчества, съ тетрадью на колѣняхъ. Правая рука поддерживаетъ голову съ замѣчательно задумчивымъ и прекрасно схваченнымъ выраженіемъ лица. Статуя покоится на пьедесталѣ изъ сѣраго мрамора. Соединенные хоръ и оркестръ учениковъ и ученицъ консерваторіи исполнили «Славу». Исполненіе было покрыто аплодисментами. Затѣмъ сенаторъ А. А. Герке прочелъ привѣтственные телеграммы, полученныя отъ августѣйшей предѣдательницы Русскаго музыкальнаго общества ея императорскаго высочества великой княгини Александры Іосифовны, отъ московской консерваторіи, отъ дирекцій харьковскаго, одесскаго и саратовскаго отдѣлевій Импе-

раторскаго Музыкальнаго общества и отъ музыкальныхъ училищъ въ Одессѣ и Саратовѣ. Послѣ этого начался торжественный пріемъ депутацій, полагавшихъ къ подножію статуи вѣнки. Первымъ былъ положенъ вѣнокъ отъ высочайше утвержденной комиссіи по сбору пожертвованій на увѣковѣченіе памяти П. И. Чайковскаго, далѣе г. Герардъ произнесъ прекрасную рѣчь, обращаясь къ Чайковскому, какъ къ творцу дивныхъ пѣсенъ, сумѣвшему пробудить и воспитать въ современномъ обществѣ сознаніе художественной красоты. Слѣдующіе вѣнки были возложены депутаціями: отъ императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, отъ императорскаго училища Правовѣдѣнія, отъ артистовъ императорской русской оперы, отъ оркестра русской оперы, отъ хора этой же оперы, отъ русской частной оперы въ Москвѣ, отъ московскаго Филармоническаго общества, отъ Книппевскаго общества, отъ Филармоническаго въ Петербургѣ и отъ Русскаго театральнаго общества. Представитель послѣдняго В. С. Кривенко, возлагая вѣнокъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Состоящее подъ покровительствомъ Государя Императора русское театральное общество отъ имени всѣхъ тѣхъ сценическихъ дѣятелей, отъ которыхъ здѣсь нѣтъ спеціальныхъ депутацій, отъ профессиональныхъ артистовъ и любителей привѣтствуетъ истинно художественное изображеніе незабвеннаго Петра Ильича, подарившаго родной сценѣ столько перловъ глубокаго вдохновенія громаднаго таланта. Ваше императорское высочество! Чествуя память дорогаго и всѣми любимаго Петра Ильича, Русское театральное общество, родственное по художественнымъ задачамъ Русскому музыкальному, приноситъ ему поздравленіе съ знаменательнымъ въ жизни его праздникомъ торжественнаго открытія статуи одному изъ его воспитанниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечно желаетъ, чтобы Русское музыкальное общество въ недалекомъ будущемъ могло отпраздновать открытіе статуи же роднящему оба общества великому музыканту и большому сценическому дѣятелю, имя котораго у всѣхъ на устахъ—Антону Рубинштейну». Оркестръ подъ управленіемъ г. Галкина исполнилъ полонезъ изъ третьей сюиты Чайковскаго, вызвавшій всеобщія одобренія. На праздникъ изъ Москвы прибыли: директоръ мѣстной консерваторіи г. Сафоновъ и отъ филармоническаго общества—г. Безекирскій. По окончаніи торжества присутствовавшіе долго не расходились, осматривая только что открытый художественно-исполненный памятникъ.

Присужденіе премій А. А. Котляревскаго. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской Академіи Наукъ, 19 октября, въ часъ дня, происходило въ первый разъ съ основанія присужденіе премій проф. А. А. Котляревскаго. Отчетъ о присужденіи былъ прочитанъ въ публичномъ засѣданіи предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, въ присутствіи вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, непремѣннаго секретаря ген. Н. Ѳ. Дубровина, академикомъ второго отдѣленія М. П. Сухомлинова, А. А. Шахматова и нѣсколькихъ постороннихъ гостей. Преміи А. А. Котляревскаго—покойнаго члена-корреспондента второго отдѣленія Академіи—учреждены для увѣнчанія трудовъ по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ, а также изслѣдованій по славянскимъ нарѣчіямъ въ граматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. На соисканіе

премій были представлены четыре слѣдующіе труда: I. *Historická mluvnice jazyka českého*. Napsal Jan Gebauer. Díl. I. Hláskosloví. V Praze a ve Vidni. 1894. 8°. XII. 702.—Díl III. Tvarosloví. I. Sklonování. V Praze a ve Vidni. 1896. 8°. 637. Разборъ настоящаго сочиненія принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ. Вышедшіе два обширные тома исторической грамматики чешскаго языка составляютъ только часть задуманнаго профессоромъ Пражскаго университета Яномъ Гебауеромъ труда, но уже по нимъ можно себѣ ясно представить, какой величественный памятникъ историческому изученію роднаго языка воздвигаетъ почтенный ученый. О такихъ трудахъ, замѣчаютъ рецензентъ, какова историческая грамматика Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ; ученый профессоръ основалъ историческую грамматику на обильномъ и прекрасно подобранномъ матеріалѣ, освѣтивъ его остроумнымъ изслѣдованіемъ, предложеннымъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной формѣ. Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора отступаютъ совершенно на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, даващаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. На основаніи этого отзыва, отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи постановило присудить профессору Пражскаго университета Яну Гебауеру полную премію въ тысячу рублей. II. А. Н. Ясинскій. «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ» (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895. 8°. Сочиненіе г. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ» по просьбѣ отдѣленія разсмотрѣно ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета К. Я. Гротомъ. Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, предпринялъ его съ цѣлью выяснить возникновеніе въ чешскомъ государствѣ того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во второй половинѣ XIV в., при чемъ онъ имѣлъ въ виду не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ оказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархальнаго родового быта, но также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ. Разобравъ этотъ трудъ и во многомъ несогласаясь съ авторомъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе находитъ, что если авторъ и увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ социальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, что добыто предшествовавшими ему изслѣдователями, то это однако-жъ не мѣшаетъ признать за его сочиненіемъ значеніе труда, «двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ, и въ этихъ интересныхъ этюдахъ находится множество новыхъ наблюденій, всѣхъ замѣчаній и соображеній. Всѣ они въ общемъ расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется и послѣ капитальнаго труда г. Липперта считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго». Въ заключеніе рецензентъ призналъ сочиненіе отличающимся учеными достоинствами и вполне заслуживающимъ поощренія. Академія, на основаніи этого отзыва, присудила автору половинную премію въ

пятьсотъ рублей. III. Лекціи по славянскому языкознанію Тимоея Флоринскаго. Часть вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, сербо-лужицкій и полабскій (вымершій). С.-Петербургъ и Кіевъ. 1897. 8°. XVI. 703. Представленное на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіе профессора Т. Д. Флоринскаго, по отзыву профессора Р. Θ. Брандта, обязательно принявшаго на себя его разсмотрѣніе, написано по тому же плану, какъ первая его часть, увѣнчанная императорскою Академією Наукъ Ломоносовскою преміей въ половинномъ размѣрѣ. Въ общемъ объ половины этого труда отличаются тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Свой весьма пространный и подробный разборъ рецензентъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Не должно забывать, что науки, не обладающія математически точными доказательствами, всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающею увѣнчанія преміей». На основаніи этого приговора Академія присудила автору половинную премію въ пятьсотъ рублей. IV. *Staročeske Alexandreidy gumované. Upravil a vylkladem opatril Frank. Hav. Prusik. V Praze, 1896. 8°. IV. 87.* Это сочиненіе г. Прусика, вмѣстѣ съ другими его трудами, было разсмотрѣно академикомъ Н. В. Ягичемъ, по мнѣнію котораго въ этомъ трудѣ г. Прусикъ предложилъ систематическое возстановленіе текста чешской Александреиды на основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, изданіе свое онъ снабдилъ критическими примѣчаніями и объясненіями. Положивъ въ основаніе своей Александреиды латинскій образецъ, г. Прусикъ, въ угоду этому образцу, прибѣгаетъ къ произвольнымъ перестановкамъ и мало обоснованнымъ предположеніямъ о пропускахъ. Не соглашаясь ни съ приемами, которымъ, при возстановленіи текста, слѣдуетъ авторъ, ни въ частности со многими изъ его объясненій и признавая ихъ несостоятельными съ точки зрѣнія научной, академикъ Ягичъ указываетъ на то, что изданіе Прусика удовлетворяетъ въ извѣстной степени цѣлямъ педагогическимъ, которыя авторъ и имѣлъ отчасти въ виду. Для молодежи высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу. Въ заключеніе своего отзыва почтенный рецензентъ говоритъ: «Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ приемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все же многолѣтнее, настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ поощренія». Отдѣленіе Академіи, на основаніи этого отзыва, признало возможнымъ поощрить трудъ профессора Прусика денежною наградой изъ суммъ отдѣленія. Въ заключеніе, высказывая признательность Академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, принявшимъ на себя разсмотрѣніе вышеупомянутыхъ трудовъ, отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя медали профессорамъ Р. Θ. Брандту и Я. К. Гроту.

Юбилей Симбирска. Городъ Симбирскъ отпраздновалъ 3-го, 4-го и 5-го октября 250-лѣтній юбилей своего основанія. Празднество юбилея состоялось исключительно по инициативѣ симбирской ученой архивной комиссіи и высочайшему соизволенію. Въ какой именно день положено основаніе городу, неизвѣстно; извѣстно только, что онъ основанъ въ 1648 г. околовичимъ Хитрово въ исполненіе указа царя Алексѣя Михайловича отъ 10-го февраля того же года о «строеніи новыхъ городовъ и засѣчныхъ крѣпостей отъ р. Барыша до р. Волги» для охраны русской границы отъ ногайскихъ татаръ и другихъ враговъ. Днемъ празднованія юбилея было избрано 4-е октября потому, что въ этотъ день въ 1670 г. бѣжалъ изъ-подъ Симбирска разбитый княземъ Бярятинскимъ Стенька Разинъ. Торжество юбилея началось съ 3-го числа октября. Въ этотъ день утромъ была совершена въ лѣтнемъ кафедральномъ соборѣ заупокойная литургія и вселенская панихида. На литургіи и вселенской панихидѣ возносилось моленіе за царя Алексѣя Михайловича, повелѣніемъ котораго былъ основанъ г. Симбирскъ, и боярина Богдана Матвѣевича Хитрово, основателя города, а также и за іерарховъ и, вообще, за всѣхъ усопшихъ, потрудившихся на пользу г. Симбирска. Вечеромъ же епископомъ Антоніемъ было торжественно совершено всенощное бдѣніе. Празднество въ день самого юбилея—4-го октября—началось литургіей въ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ другихъ городскихъ церквахъ. Въ кафедральномъ соборѣ литургія была совершена преосвященными: Никандромъ, епископомъ симбирскимъ и сызранскимъ, и Антоніемъ, епископомъ чебоксарскимъ, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи представителей города, членовъ симбирской ученой архивной комиссіи и военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Хоръ, участвовавшій въ пѣніи за литургіей, состоялъ изъ пяти хоровъ—архіерейскаго, соборнаго и нѣкоторыхъ приходскихъ церквей. По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ «вокругъ стараго города», т. е. приблизительно по чертѣ, окружавшей кремль. Въ крестномъ ходѣ участвовало облаченное въ праздничныя ризы городское духовенство съ иконами и хоругвями отъ всѣхъ городскихъ церквей, во главѣ съ преосвященнымъ Антоніемъ. Процессію открывала икона, принадлежавшая боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово; за ней же въ чинномъ порядкѣ шли ученики и ученицы различныхъ учебныхъ заведеній, городскіе цехи со значками, представители администраціи, городского управленія, судебного вѣдомства; замыкалось же шествіе двумя хоругвями, на одной изъ которыхъ былъ изображенъ государственный гербъ, а на другой—г. Симбирска. Во время самаго хода процессія останавливалась три раза для освѣщенія города крестомъ, жалованнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. По окончаніи же крестнаго хода всѣ иконы и часть хоругвей были внесены въ кафедральный соборъ; духовенство же, участвовавшее въ вышеупомянутой процессіи, вмѣстѣ съ преосвященными—Никандромъ, епископомъ симбирскимъ и сызранскимъ, и Антоніемъ, епископомъ чебоксарскимъ, отслужило торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору Николаю II, всему Царствующему Дому, дѣятелямъ и жителямъ Симбирска. Народу раздавались брошюры и гравюры, любезно присланныя Е. В. Богдановичемъ. На площади предъ кафедральнымъ соборомъ состоялся парадъ мѣстнымъ вой-

скамъ, при звукахъ музыки и крикахъ «ура». Погода 4-го октября была прекрасная, вполне гармонировавшая съ настроеніемъ горожанъ. Городъ былъ украшенъ флагами, а вечеромъ иллюминированъ. Днемъ давались бесплатные спектакли для учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, устраивались на пожертвованные деньги по подпискѣ обѣды для бѣдныхъ города. Затѣмъ, въ 2 час. дня состоялось торжественное засѣданіе думы, въ присутствіи преосвященнаго Никандра, казанскаго викарнаго Антонія, губернатора, предводителя дворянства, почетныхъ гостей и массы публики. Зала думы была изящно убрана гирляндами зелени и національными флагами. Преосвященнымъ поднесена икона Спасителя. Постановлено просить губернатора чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ повергнуть къ стопамъ Государя Императора адресъ съ выраженіемъ вѣроподданническихъ чувствъ и избрать депутацію для поднесенія золотого жетона, а Императрицѣ—туалета работы мѣстнаго училища. Городскимъ головой поднесены преосвященному Никандру и губернатору, а также составителю исторіи Симбирска, Мартынову, золотые жетоны. Постановлено поднести жетоны министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и другимъ лицамъ. Училищамъ присвоены имена писателей, симбирскихъ уроженцевъ. Прочитаны адреса архивной комиссіи, суда, земства, Общества врачей и брошюра М. Θ. Суверанскаго «Симбирскъ и его прошлое» (историческій очеркъ), изданная къ настоящему юбилею на средства города мѣстною архивною комиссіей. Съ цѣлью увѣковѣченія памяти писателей, уроженцевъ Симбирской губерніи, дума въ томъ же засѣданіи постановила назвать нѣсколько городскихъ училищъ именами Карамзина, Гончарова, Языкова, Дмитриева (баснописца) и Мпнаева, а также поставить на домѣ, въ которомъ родился Гончаровъ, доску съ соответствующею надписью. Въ заключеніе гласный Покровский произнесъ рѣчь объ юбилеѣ, какъ праздникѣ самосознанія, причемъ подробно остановился на дѣятельности городского управленія по части призрѣнія больныхъ и дѣтей. Въ 6 час. вечера состоялся парадный обѣдъ, устроенный городомъ. При каждомъ кувертѣ роскошное меню и вышедшее къ юбилею изящное изданіе Е. В. Богдановича «Родъ князей Вярятинскихъ». Многолюдный обѣдъ прошелъ оживленно. Тостъ, провозглашенный губернаторомъ за здоровье Государя Императора, покрытъ восторженнымъ «ура». Исполненъ народный гимнъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства провозглашенъ тостъ за городского голову и городскихъ представителей. Рядъ тостовъ провозглашенъ былъ городскимъ головой. Получена привѣтственная телеграмма отъ генерала Богдановича слѣдующаго содержанія: «Сердечный привѣтъ славному юбиляру, который не безъ гордости можетъ оглянуться на свое прошлое. Да, въ прошломъ есть у Симбирска свои крупныя заслуги передъ царемъ и родиной, есть свои свѣтлыя воспоминанія и, что особенно дорого, есть свидѣтельство внутренней жизненной силы. Симбирскъ въ моментъ своего возникновенія былъ небольшимъ укрупленнымъ пунктомъ, имѣвшимъ своимъ назначеніемъ служить оплотомъ русскаго могущества и сдерживать натискъ разноплеменныхъ инородцевъ, чуждыхъ Россіи и по вѣрѣ, и по языку, и по крови. А теперь? Теперь Симбирскъ—Россія и кругомъ него Россія, и далеко на востокъ отъ него Россія, говорящая, думающая и вѣрующая порусски и не умѣющая даже иначе думать и вѣровать; мало

того: сравнительно молодой Симбирскъ уже старая Россія,—онъ имѣетъ памятникъ Карамзину, своему уроженцу, явившемуся гениальнымъ учителемъ русскаго патриотизма для всего русскаго общества. Лишенный, къ прискорбію моему, возможности лично участвовать въ вашемъ юбилейномъ торжествѣ, я всей душой привѣтствую юбиляра, которымъ Россія можетъ гордиться, какъ своимъ достойнымъ дѣтищемъ, такъ честно послужившимъ съ юныхъ дней престолу и родинѣ, такъ умѣло и успѣшно поработавшимъ для родственнаго сближенія съ ней новыхъ сочленовъ великой русскаго семьи. Честь и хвала юбиляру! Да процвѣтаетъ онъ и впредь, вѣрный завѣтамъ своего прошлаго, на благо отечества, на радость нашего Царя, на пользу обрусѣвшихъ обитателей обширнаго края. Да сіяетъ онъ этому краю свѣтомъ просвѣщенія и дѣятельнаго патриотизма; да здравствуетъ славный городъ Симбирскъ!» Телеграмма эта вызвала громъ рукоплесканій. Единодушно были выпиты тосты за здравіе Е. В. Богдановича. Извѣстный казанскій дѣятель г. Дьяченко въ своей рѣчи привѣтствовалъ симбирскую думу отъ лица казанской. Во второй день юбилея, 5-го октября, состоялось торжественное засѣданіе архивной комиссіи, на которое собрался весь интеллигентный Симбирскъ. Прочитанъ былъ проектъ адреса, повергаемаго къ стопамъ Государя Императора. Адресъ привѣтствовалъ былъ народнымъ гимномъ. Предсѣдатель комиссіи В. Н. Поливановъ произнесъ рѣчь о значеніи юбилея. Затѣмъ были прочтены: а) сообщеніе профессора Казанскаго университета Д. А. Корсакова: «Памяти трехъ симбирцевъ-бытописателей земли русскою: Н. М. Карамзина, А. Н. Тургенева и Д. А. Валугева»; б) «Историческій очеркъ древнѣйшей жизни Симбирскаго края» С. С. Краснодубровскаго (ни тогъ, ни другой авторъ лично не присутствовали); в) М. Ф. Суверанскаго — «Памяти П. А. Гончарова» и др. По окончаніи засѣданія была открыта историческая юбилейная выставка, заключающая до 500 предметовъ. Въ числѣ послѣднихъ нѣсколько рѣдкихъ портретовъ и гравюръ пѣз коллекціи П. Я. Дашкова, писемъ и рукописей извѣстныхъ писателей-симбиряковъ. Въ витринѣ, посвященной П. В. Анненкову, помѣщены принадлежавшія послѣднему маски Пушкина и Бѣлинскаго и проч.

Юбилей А. К. Шеллера. 10-го октября, исполнилось тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности Александра Константиновича Шеллера (А. Михайлова). Юбиляръ родился въ Петербургѣ 30-го іюля 1838 года. Отецъ его, родомъ эстонецъ, еще мальчикомъ былъ привезенъ въ нашу столицу изъ Аренбурга (а не Оренбурга, какъ ошибочно показано у Гербея: «Русскіе поэты», изданіе 1888 года, подъ редакцію П. Полевого) и выполнѣ самостоятельно распутилъ себѣ путь въ жизни. Старики Рудые въ «Гнилыхъ болотахъ» имѣютъ автобіографическое значеніе, такъ же какъ и повѣсти «Насѣдка» и «Не намъ судить». Самъ А. К. учился въ Анненской школѣ, былъ нѣкоторое время вольнослушателемъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но, главнымъ образомъ, посвящалъ себя за границей самостоятельному изученію первоклассныхъ европейскихъ мыслителей. Прежде чѣмъ написать «Гнилыя болота» (1864 г. въ «Современникѣ») и «Жизнь Шупова» (1865 г. тамъ же), Шеллеръ писалъ въ «Весельчакѣ» Плюшара (1859 г.) свои сатирическія «бесѣды» за подписью А. Релешъ. Началомъ своей литературной дѣятельности онъ счи-

таетъ, однако, 63-й годъ, когда создалъ себѣ имя и снискалъ симпатіи читателей. Съ тѣхъ поръ его популярность не колебалась и, кто прочелъ «Полное собраніе» его сочиненій, найдетъ этому достаточно основаній. Многіе изъ его романовъ переведены за границей. Американцы въ 1872 г. перевели «Гнилыя болота» (переводъ г-жи Гарднеръ); на польскомъ языкѣ имѣется переводъ Густавомъ Воллкомъ «Господъ Обносковыхъ»; тотъ же романъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Геттгеймеромъ и изданъ въ Цюрихѣ 1887 г.; въ Universal-Bibliothek, въ Лейпцигѣ, Гансъ Мозеръ перевелъ «Старая гнѣзда»; на французскомъ языкѣ имѣется «Daniel Mouratoff» изъ «Безпечальнаго житія»; на венгерскомъ—отрывокъ изъ романа «Внѣ жизни», не появившійся въ русской печати, и т. д. Кромѣ беллетристическихъ произведеній, А. К. имѣетъ научныя работы: по дѣтскому вопросу («Наши дѣти»), по школьному («Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ»), по религіозному («Царство двухъ монаховъ»—Савонаролла и Кампанелла,—«Анабаптисты»), и по экономическому («Пролетаріатъ во Франціи», «Ассоціаціи», «Экономическіе палліативы», «Исторія коммунизма»). Помимо того, Шеллеръ—поэтъ и переводчикъ изъ Петефи, Ф. Коппэ, Фрейлиграта, В. Гюго и др. Первые произведенія Шеллера отражаютъ періодъ русской жизни, когда на смѣну «отцовъ» выступили «дѣти» съ призывомъ освобожденія крестьянъ и т. д. Въ романахъ: «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Господа Обносковы», «Засоренныя дороги» и т. д. идетъ обновленіе дореформенныхъ нравовъ въ семьѣ и школѣ. Но, по мѣрѣ теченія пореформенной жизни, нашъ писатель уже въ романѣ «Лѣсъ рубятъ—щелки летятъ» критически относится къ своему времени и умѣряетъ самодовольство признаніемъ въ томъ, что у насъ не всегда доставало развитія, что мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ. Подводя скорбные итоги дѣятельности идеалистовъ шестидесятихъ годовъ, Шеллеръ замѣчалъ, что все-таки эти неудачники и энтузіасты ему симпатичнѣе послѣдующихъ индифферентистовъ, циниковъ-ренегатовъ и практиковъ побѣдителей. Къ восьмидесятымъ годамъ у Шеллера появляются Серпуховы («Паденіе»), добродушные люди, вышучивающіе свое прошлое и подготовляющіе своихъ дѣтей не вѣрять ни въ какіе идеалы и скорѣе ненавидѣть ихъ, чѣмъ что либо любить въ жизни. Вслѣдъ за добродушными циниками, Шеллеръ отмѣчаетъ озлобленнаго ренегата, ругающаго уже все, кромѣ себя: и литературу, и общество, и земство, захватывая, однако, все себѣ и не оставляя ничего другимъ; пользуется всѣми, пока они нужны, и ничего для нихъ не дѣлая, когда нужда миновала въ нихъ. Шеллеръ вывелъ этотъ типъ въ «Ргшцевѣ». Нашу неподготовленность къ общественной дѣятельности послѣ освобожденія крестьянъ и вырожденіе такъ называемыхъ «идеалистовъ» изъ «голи» въ торжествующаго буржуа (наше tiers état) Шеллеръ показалъ въ романахъ «Алчущіе», «Голь» и т. д. Изъ эпохи дворянскаго оскуднѣнія выведена «Семья Муратовыхъ» и «Конецъ Вирюковской дачи». Глубокимъ пессимизмомъ проникнуто позднѣйшее міросозерцаніе Шеллера, но читатель чувствуетъ, во имя какихъ идеаловъ груститъ писатель. Жизнерадостный въ началѣ своей дѣятельности, юбиляръ сталъ суровымъ ригористомъ по мѣрѣ того, какъ передъ его очами проходила общественная жизнь. Онъ старался быть безпристрастнымъ

ея выразителемъ въ литературѣ. Въ заключеніе приводимъ стихотвореніе А. К. Шеллера подъ заглавіемъ: «Мой родъ», мало кому извѣстное, но характерное въ біографическомъ смыслѣ:

«Въ мой семьѣ не сохранились
«Остатки грамоты и гербовъ,
«Однимъ сознаньемъ мы гордились,
«Что не имѣли мы рабовъ,
«Что въ нашихъ предкахъ также бились
«Сердца простые мужиковъ.

* * *

«Отецъ мой вынелъ изъ народа..
«Дитя тѣхъ жалкихъ, скудныхъ мѣствъ,
«Гдѣ смотритъ мачихой природа,
«Гдѣ бѣдники тяжелый крестъ
«Несутъ смиренно въ родъ изъ рода,—
«Онъ былъ простой крестьянинъ—зѣвъ.

* * *

«Съ целью оставшись сиротою,
«Не научившись спину гнуть,
«Онъ съ неуклонной прямою,
«Въ трудѣ насаживая грудь,
«Однимъ боролся съ нищетою
«И самъ расчистилъ къ жизни путь.

* * *

«Онъ не готовилъ мнѣ наслѣдства,
«Но неподкупенъ, твердъ и смѣлъ,
«Онъ далъ къ работѣ мнѣ всѣ средства
«И закалить мой духъ сумѣлъ,—
«Такъ закалить, что въ годы дѣтства
«Я предъ нуждою не робѣлъ.

* * *

«Прошли года—онъ спитъ въ могилѣ,
«Меня могила тоже ждетъ,
«Но честь свою мы сохранили
«Среди лишений и невзгодъ,
«И малодушно не покрыли
«Позоромъ свой крестьянскій родъ».

Къ юбилею Пушкина. I. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 5 сего октября, всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе, въ виду истекающаго 26 мая 1899 года, столѣтія со дня рожденія великаго русскаго поэта А. С. Пушкина, по возбужденнымъ псковскими дворянствомъ и городскимъ общественнымъ управленіемъ ходатайствамъ, повсемѣстнаго по имперіи сбора пожертвованій, для пріобрѣтенія отъ наслѣдниковъ А. С. Пушкина всего, или части имѣнія сельца Михайловскаго и постройки въ городѣ Псковѣ дома, съ цѣлью устройства и помѣщенія въ означенномъ имѣніи и домѣ общепользныхъ учрежденій имени поэта, а также на образованіе особаго, подъ предѣлательствомъ губернскаго предводителя дворянства, соединеннаго комитета изъ представителей псковскаго дворянства,

земства, города Пскова и уполномоченныхъ попечительства Пушкинской Святогорской богадѣльни, для пріема и распредѣленія имѣющихъ поступить пожертвованій между всѣми проектируемыми, въ память столѣтія со дня рожденія поэта, учрежденіями. II. Недавно управленіемъ московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ пріобрѣтено отъ г. Сапожникова нѣсколько рукописей А. С. Пушкина, которыя были найдены въ библіотекѣ покойнаго издателя сочиненій поэта, Н. В. Анненкова. Нужно замѣтить, что симбирская усадьба г. Анненкова перешла къ новому владѣльцу, который предоставилъ г. Сапожникову, состоящему членомъ Симбирской архивной комиссіи, разобраться въ библіотекѣ Анненкова. Г. Сапожниковымъ было найдено одиннадцать автографовъ поэта, которыми пополнена обширная коллекція рукописей Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ. Содержаніе найденныхъ рукописей составляютъ: эпиграммы, разные матеріалы для исторіи Пугачевского бунта и другія произведенія, уже появившіяся въ печати; чего нибудь новаго, доселѣ неизвѣстнаго, въ рукописяхъ не оказалось. III. 16 октября состоялось первое засѣданіе Пушкинской комиссіи, составленной при Обществѣ любителей россійской словесности. Большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ комиссіи избранъ профессоръ А. И. Кириичниковъ, а дѣлопроизводителемъ — секретарь Общества Д. Д. Языковъ. Засѣданіе открылось, подъ предсѣдательствомъ А. И. Кириичникова, чтеніемъ постановленія общества объ образованіи Пушкинской комиссіи для разработки и выполненія проекта чествованія великаго русскаго поэта, по случаю исполняющагося въ будущемъ году столѣтія со дня его рожденія. Затѣмъ предсѣдатель поставилъ вопросъ о времени празднованія юбилея, причемъ единогласно было рѣшено пріурочить чествованіе ко дню рожденія поэта — 26 мая. На основаніи такого рѣшенія комиссія намѣтила устроить публичныя засѣданія, выставки и литературно-музыкальные вечера. Празднованіе будетъ продолжаться три дня. 26 мая — заупокойное богослуженіе по А. С. Пушкинѣ въ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ (въ приходѣ, гдѣ родился поэтъ), и осмотръ дома на Нѣмецкой улицѣ, въ которомъ родился поэтъ и гдѣ вмѣстѣ доска съ соответствующею надписью; въ два часа дня торжественное засѣданіе въ актовомъ залѣ университета съ чтеніемъ рѣчей и привѣтствій отъ депутацій, и въ 6 часовъ вечера — обѣдъ. 27 мая — открытіе двухъ бесплатныхъ выставокъ: въ залѣ Румянцевскаго музея и въ малой залѣ московской консерваторіи, въ честь А. С. Пушкина, съ чтеніями о выставленныхъ предметахъ (портреты, картины, гравюры, статуи, рукописи, издѣлія и пр.); первый литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти поэта, съ участіемъ членовъ общества, артистовъ и музыкантовъ — въ большой залѣ дворянскаго собранія. 28 мая — засѣданіе днемъ со многими рефератами о Пушкинѣ въ актовомъ залѣ университета; вечеромъ — въ залѣ дворянскаго собранія второй литературно-музыкальный вечеръ. Комиссія постановила оставить Пушкинскія выставки открытыми въ теченіе нѣсколькихъ дней. Первое засѣданіе комиссіи закончилось постановленіемъ пополнить составъ ея слѣдующими лицами: В. И. Сафоновымъ, М. Н. Ермоловой, Г. Н. Федотовой, А. И. Южниковымъ, Л. И. Поливановымъ, княземъ А. Е. Львовымъ и В. И. Немировичемъ-Данченко. IV. Вопросъ о чествованіи памяти Пушкина обсуждался

недавно и въ казанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Докладчикомъ выступилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ, который, по сообщенію Волжскаго Вѣстника, заявилъ, что точками отправления для празднованія, по его мнѣнію, должны служить слѣдующія двѣ строфы изъ стихотвореній А. С. Пушкина: «Когда увижу я народъ освобожденный» и «Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой...». Въ первомъ поэтъ какъ бы предчувствуетъ то событіе, которое свершилось 19-го февраля 1861 г., во второмъ — что о немъ узнаетъ вся Россія. Въ виду этого Д. А. Корсаковъ предлагалъ почтить память поэта прежде всего въ народныхъ школахъ. Но въ виду того, что 26-го мая школы уже закрыты, — отнести празднованіе на 30-е августа, день тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Александра II и имения Пушкина. Въ этотъ день слѣдуетъ въ церквахъ селеній Казанскаго уѣзда отслужить заупокойную литургію и панихиду по императору Александрѣ II и А. С. Пушкинѣ, днемъ или вечеромъ устроить въ земскихъ школахъ чтенія о Пушкинѣ съ присоединеніемъ стихотвореній поэта и показать соотвѣтствующія случаю туманныя картины, украсить училища зеленью и флагами, раздать дѣтямъ подарки и лакомства, замѣнить обычныя награды книгами, исключительно посвященными Пушкину; наименовать именемъ Пушкина ту изъ проектированныхъ земствомъ народныхъ читаленъ, которая будетъ первая разрѣшена къ открытію. Для того, чтобы къ празднованію могло присоединиться инородческое населеніе — «другъ степей — калмыкъ» и «нынѣ дикій тунгусъ», какъ выразился о нихъ Пушкинъ, — Д. А. Корсаковъ предложилъ одну изъ брошюръ о Пушкинѣ перевести на татарскій языкъ и раздать населенію. Переводъ, по его мнѣнію, могли бы исполнить или профессоръ Катановъ, или инсекторъ татарской учительской школы Ахмеровъ. Затѣмъ земство должно принять участіе и въ общерусскихъ торжествахъ на родинѣ поэта, Москвѣ, и въ торжествѣ, которое будетъ устроено городской думою или университетомъ, посредствомъ депутаціи и адреса. Земское собраніе приняло всѣ сдѣланныя предположенія, ассигновавъ на покупку новыхъ брошюръ о Пушкинѣ, на угощеніе дѣтей и на уплату гонорара за переводъ 300 рублей.

С.-Петербургское археологическое общество. 19-го октября, подъ предѣдательствомъ П. В. Помяловскаго, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія археологическаго общества. В. В. Латышевъ далъ крайне обстоятельный разборъ вышедшаго въ 1897 г. второго тома сочиненія покойнаго Э. Боннеля «*Beiträge zur Alterthumskunde Russlands*». Тщательное изученіе названнаго труда Боннеля привело рецензента къ заключенію, что трудъ этотъ не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки: во-первыхъ, онъ устарѣлъ, такъ какъ работы Боннеля остановились еще въ 1881 г., а, во-вторыхъ, въ немъ немало пробѣловъ и произвольныхъ толкованій; наконецъ, матеріаль, собранный Боннелемъ, расположенъ такъ, что имъ трудно пользоваться. Затѣмъ М. П. Ростовцевъ далъ отчетъ о своей археологической поѣздкѣ по Тунису лѣтомъ настоящаго года. Посѣтивъ Дуггу и Стиблу, рецензентъ осмотрѣлъ сохранившіеся въ этихъ городахъ въ развалинахъ памятники древности и изъподъ греко-римскаго наслоенія постарался по двумъ храмамъ (Сатурна-Ваала и Юноны) возстановить архитектонику либіо-финикійскую. До нѣкоторой сте-

пени М. И. Ростовцеву удалось достигнуть своей цѣли, и онъ представилъ собранію свои законченные выводы о древнихъ финикійскихъ храмахъ. Н. П. Кондаковъ замѣтилъ при этомъ, что финикійскіе храмы напоминаютъ ему храмы сирійскіе. Далѣе слѣдовалъ докладъ А. Н. Щукарева: «Къ исторіи послѣ-микенской керамики». Представивъ обзоръ находокъ, сдѣланныхъ Белау при раскопкахъ 102 некрополей, рецензентъ опредѣлилъ типъ найденныхъ нѣмецкимъ ученымъ вазъ и постарался опредѣлить тотъ центръ, откуда онѣ могли распространяться по всему древнему міру. По мнѣнію рецензента, такимъ центромъ могъ быть Милетъ или, согласно съ Белау, Самось.

Московское археологическое общество. 23-го октября, въ домѣ археологическаго общества, послѣ панихиды по скончавшимся членамъ общества Г. Д. Филимоновъ († 26-го мая), А. С. Павловъ († 16-го августа), Н. Θ. Красносельцевъ († 13-го сентября) и А. Л. Оберъ († 16 сентября), состоялось засѣданіе, посвященное памяти покойныхъ. А. И. Кирпичниковъ отмѣтилъ важное значеніе научныхъ работъ Г. Д. Филимонова въ области до-исторической археологій, иконографій, изученія русскихъ древностей и палеографій и сообщилъ личныя воспомнанія объ этомъ послѣднемъ членѣ-основателѣ археологическаго общества и, можно сказать, одномъ изъ основателей русской археологической науки. Онъ же прочиталъ некрологъ Н. Θ. Красносельцева, бывшаго профессоромъ Новороссійскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи и оставившаго по себѣ рядъ важныхъ научныхъ трудовъ какъ собственно по исторіи церкви, такъ и по исторіи древней русской литературы въ ея отношеніяхъ къ литературѣ византійской. Н. М. Громогласовъ въ прочувствованной рѣчи описовалъ научный обликъ покойнаго профессора А. С. Павлова и значеніе его капитальныхъ трудовъ по церковному праву, а также церковной исторіи и исторіи литературы, — трудовъ, пріобрѣвшихъ покойному громкую извѣстность среди специалистовъ, потерявшихъ въ его лицѣ наиболѣе компетентнаго знатока и руководителя въ мало разработанной еще области византійско-славяно-русскаго церковнаго права. Наконецъ, К. М. Быковскій сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ памяти покойнаго А. Л. Обера, извѣстнаго дѣятеля въ области археологій и зодчества, заявившаго о себѣ почтенными трудами по реставраціи многихъ старинныхъ зданій и бывшаго однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сочленовъ археологическаго общества въ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. Всѣ произнесенныя въ этомъ засѣданіи рѣчи имѣютъ быть въ послѣдствіи изданы обществомъ въ особой брошюрѣ.

Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ. 22-го октября, въ совѣтскомъ залѣ Юрьевскаго университета происходило второе въ настоящемъ учебномъ году засѣданіе. Секретарь Общества, проф. М. Е. Красноженъ, сдѣлалъ докладъ, посвященный памяти профессора А. С. Павлова. При изложеніи біографическихъ данныхъ и учено-литературной дѣятельности покойнаго, референтъ, кромѣ личныхъ воспомнаній, воспользовался сохранившимися у него письмами, въ которыхъ съ особою рельефностью обрисовывается благородная личность покойнаго, мягкая и добрая душа этого казавшагося на видъ строгимъ и суровымъ человѣка. Съ самаго дѣтства А. С. Павловъ долженъ былъ пробывать себѣ дорогою собственными

силами... «Я (писалъ А. С. къ проф. Красножену 5-го февраля 1894 г.) изжилъ свою жизнь, начиная съ 12-ти-лѣтняго возраста: горя, лишених и всякихъ бѣдъ было, есть и будетъ много, но благодареніе Господу и за то счастье, какое выпало на мою долю. Оно у меня уже все назадъ, а впереди—«погоди немного, отдохнешь и ты». По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи, А. С. въ 1854 году поступилъ въ Казанскую духовную академію. Годъ этотъ совпалъ съ двумя выдающимися событіями въ жизни академіи: она получила собраніе рукописей Соловецкой бібліотеки и Анзерскаго скита, а также огромное количество старопечатныхъ книгъ изъ синодальнаго склада, отобранныхъ отъ раскольниковъ, разборкой и изученіемъ которыхъ съ особою ревностію и занялся А. С.; въ то же время сталъ издаваться при академіи журналъ: «Православный Собесѣдникъ», ревностнымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался А. С. По окончаніи курса въ академіи, А. С. былъ назначенъ на службу въ Казанскую семинарію по классу общей и русской церковной исторіи, гдѣ онъ прослужилъ только одно полугодіе и затѣмъ сдѣлался профессоромъ академіи. Въ февралѣ 1864 г. состоялась его баллотировка въ совѣтъ, послѣ которой онъ прямо допущенъ былъ въ университетъ къ преподаванію по кафедрѣ церковнаго права, въ званіи доцента, а въ 1865 году былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью на годичный срокъ. Время заграничной командировки А. С. провелъ въ Германіи, главнымъ образомъ, въ Гейдельбергѣ, гдѣ съ усердіемъ предавался изученію наукъ юридическихъ, въ особенности римскаго права. Возвратившись изъ-за границы, А. С. скоро сдѣлался въ университетѣ видною ученою силою и въ 1867 году былъ возведенъ уже въ званіе экстраординарнаго профессора. Ко времени пребыванія А. С. въ Казани относится расцвѣтъ его учено-литературной дѣятельности: имъ напечатанъ рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій, доставившихъ автору извѣстность въ ученомъ мірѣ. Въ 1870 году А. С. оставляетъ Казань и переселяется въ Одессу, будучи избранъ совѣтомъ Новороссійскаго университета ординарнымъ профессоромъ каноническаго права. Несмотря на столь лестное для молодого ученаго повышение по службѣ, А. С. на первыхъ порахъ чувствовалъ себя въ Одессѣ не особенно хорошо и часто вспоминалъ о Казани. «Переѣздъ изъ Казани въ Одессу (писалъ онъ 5 февраля 1894 года профессору Красножену) былъ для меня словно переселеніемъ на другую планету, атмосфера которой совсѣмъ не приходилась къ моей великороссійской натурѣ». Скоро, впрочемъ, многое измѣнилось къ лучшему, и А. С. горячо полюбилъ молодой университетъ и впоследствии съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Одессѣ. А. С. считалъ время своего пребыванія въ Одессѣ періодомъ наиболѣе плодотворной своей научно-литературной дѣятельности. Въ это время въ головѣ его уже созрѣлъ планъ составленія полной исторіи византійскаго права. Новороссійскій университетъ высоко цѣнилъ научную дѣятельность А. С. Совѣтъ университета, въ засѣданіи 28 марта 1873 года, избралъ А. С. почетнымъ докторомъ каноническаго права «во вниманіе къ неутомимой и истинно полезной его научно-литературной дѣятельности». Въ Одессѣ А. С. оставался сравнительно недолго и лѣтомъ 1875 года получилъ приглашеніе занять въ Московскомъ университетѣ кафедру каноническаго права, ставшую вакантною вслѣд-

ствіе смерти проф. Н. К. Соколова. Совѣтъ Новороссійскаго университета, узнавъ заравѣ о приглашеніи А. С. въ Москву, просилъ его остаться, но А. С. на это не согласился. Его прельщала Москва, главнымъ образомъ, своими замѣчательными книго-хранилищами—московскою синодальною бібліотекою и бібліотекою Румянцовскаго музея, въ которыхъ до сего времени онъ могъ только работать урывками во время командировокъ. Въ Москвѣ А. С. выступилъ во всеоружіи своей огромной эрудиціи и богатыхъ знаній, составляя во все время пребыванія въ Московскомъ университетѣ его славу и гордость. Однако, въ теченіе многихъ лѣтъ (до введенія гонорара по уставу 1884 года) положеніе А. С. было весьма тяжелымъ. Москва, кромѣ почета, не дала знаменитому ученому ничего. Жалованье осталось прежнее, а между тѣмъ жизнь въ Москвѣ съ многочисленною семьей оказалась много дороже; поэтому, чтобы свести концы съ концами, приходилось урѣзывать себя во всемъ. Но и при строгой экономіи денегъ часто не доставало, и не задолго до 20 числа каждаго мѣсяца знаменитому русскому канонисту приходилось дѣлать займы у кого либо изъ товарищей, обыкновенно у Н. С. Тихонравова, съ которымъ покойный былъ въ большой дружбѣ. Когда впоследствии матеріальное положеніе А. С. едѣлалось виолнѣ обезпеченнымъ, онъ часто говаривалъ: «дали бѣлкѣ орѣшки, да зубовъ уже нѣтъ». Несмотря на жизненные невзгоды, ученая дѣятельность А. С. не ослабѣвала. За это время имъ напечатано до 20 сочиненій, изъ которыхъ каждое составляетъ дорогой вкладъ въ науку. Что касается преподавательской дѣятельности А. С., то курсъ лекцій церковнаго права, читанный имъ въ Московскомъ университетѣ, по богатству заключающагося въ немъ матеріала, систематичности и ясности изложенія, со всею справедливостію можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ; курсъ этотъ отличается строго-юридическою конструкціей. А. С. ввелъ въ Московскомъ университетѣ практическія занятія по римскому праву, которое онъ основательно изучилъ во время своей заграничной командировки; одинъ разъ онъ выступалъ даже главнымъ оппонентомъ на диспутѣ по поводу диссертациі по этому предмету и обнаружилъ здѣсь обширное знакомство съ его литературой. Такъ, въ непрерывныхъ трудахъ проходила жизнь знаменитаго ученаго, посвятившаго наукѣ все свои силы и способности, все свое время: и раннимъ утромъ, и поздною ночью, и въ будни, и въ праздники А. С. можно было застать погруженнымъ въ ученія изысканія, окруженнымъ многочисленными кнѣгами и фолиантами. Замкнувшись въ своемъ кабинетѣ, А. С. не былъ членомъ общества; онъ избѣгалъ всякой общественной дѣятельности, никогда не занимая никакой административной должности, да и врядъ былъ къ тому способенъ по своему характеру. Суровая жизненная школа, которую съ самаго дѣтства долженъ былъ пройти А. С., наложила свой отпечатокъ на личность и характеръ покойнаго, казавшагося на видъ тоже строгимъ и суровымъ. Прямота, а иногда рѣзкость сужденій А. С. создавала ему много непріятностей, иногда ставила его въ натянутыя отношенія даже съ людьми ему дружественными. Покойный самъ сознавалъ это и (быть можетъ, не совсемъ основательно) этимъ объяснялъ невниманіе другихъ къ его ученымъ заслугамъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ профессору Красножену (6-го января 1898 г.), при которомъ онъ прислалъ ему

новое изданіе Номоканона при Большомъ Требникѣ, съ просьбою дать рецензію на эту книгу, онъ, между прочимъ, писалъ: «Не скрою отъ васъ, что я не ожидаю отъ російскаго ученаго міра лестнаго и утѣшительнаго для меня вниманія къ моему новому ученому труду. Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ». Новое отъ начала до конца переработанное изданіе Номоканона при Большомъ Требникѣ было послѣднимъ капитальнымъ трудомъ А. С. Нѣкоторые изъ лицъ, присутствовавшихъ на засѣданіи, знавшія А. С., тоже помянули добрымъ словомъ этого великана русской науки.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности при Педагогическомъ обществѣ въ Москвѣ. 20-го октября, состоялось первое (закрытое) засѣданіе отдѣленія. Изъ прочитанной предѣвателемъ С. Г. Смирновымъ инструкціи видно, что цѣлью отдѣленія служить разработка вопросовъ преподаванія русскаго языка и словесности въ ихъ составѣ, приложеніи и исторіи, а также содѣйствіе лицамъ, посвящающимъ себя педагогической дѣятельности въ качествахъ преподавателей русскаго языка и словесности, въ ихъ подготовкѣ къ этой дѣятельности. Съ этою цѣлью отдѣленіе имѣетъ право устраивать закрытыя и публичныя засѣданія и печатать свои изданія. Въ томъ же засѣданіи происходили выборы на должности товарища предѣвателя и секретарей отдѣленія. Товарищемъ предѣвателя избранъ Ц. П. Балталонъ, секретарями: А. А. Боголюбова и Н. Г. Бажановъ.

Географическое общество. 7-го октября, дѣйствительный членъ Н. Л. Гондатти, извѣстный по своимъ ученымъ экспедиціямъ, сдѣлалъ очень интересный докладъ о странѣ, принадлежащей намъ уже болѣе двухъ столѣтій, но остававшейся до самаго послѣдняго времени для насъ terra incognita — именно о Чукотской землѣ и объ Анадырскомъ краѣ. Между тѣмъ край этотъ, въ то время, какъ за послѣдніе годы мы все болѣе и болѣе обращаемъ взоры наши къ Восточной Сибири, какъ крайняя область нашего сѣверо-востока, долженъ быть намъ безынтересенъ главнымъ образомъ потому, что онъ является ближайшей и очень близкой пограничною полосой нашей съ Сѣверной Америкой. Н. Л. Гондатти, сдѣлавъ краткій историческій очеркъ края, упомянулъ объ именахъ, связанныхъ съ далекимъ прошлымъ его, въ томъ числѣ объ извѣстномъ казакѣ Семенѣ Дежневѣ, въ честь котораго назвать теперь мысъ Восточный мысомъ Дежнева, перешелъ затѣмъ къ современному положенію страны, основательно изученной имъ въ продолженіе его трехлѣтняго пребыванія тамъ. Центромъ торговымъ и вообще жизненнымъ для Чукотскаго края является село Марково, лежащее на рѣкѣ Анадырь, въ верстахъ 600 отъ береговой страны. Село Марково было основано купцомъ Барановымъ, которому въ началѣ этого столѣтія сдана была въ аренду рѣка Анадырь, близъ когда-то тамъ бывшаго и уничтоженнаго въ 1770 г. Анадырскаго острога. Барановъ положилъ начало очень оживленной торговлѣ съ чукчами и американскими инородцами; предметами торговли были главнымъ образомъ махорка и пушные товары. Съ этого времени началось нѣкоторое обрусеніе края. Въ настоящее время по рѣкѣ Анадыри расположено семь поселковъ, населеніе Маркова простирается до 350 человекъ, имѣетъ церковь и даже школу, которая основана стараніями г. Гондатти и имѣетъ 53 ученика изъ обрусѣлыхъ чуван-

цевъ. Вообще, народонаселеніе чукотской земли чрезвычайно разнообразно, кромѣ чукчей, много мелкихъ народностей: чуванцы, лашуты и др.; всѣ они совершенно различны по языку и даже типу. Но господствующимъ и по численности и языку является племя чукотское. Самымъ податливымъ въ смыслѣ обрусенія было племя чуванцевъ, пришедшее изъ залива св. Креста, отгѣненное чукчами отъ морскихъ береговъ и, къ несчастію, теперь почти исчезнувшее. Послѣ этнографическихъ указаній, лекторъ въ короткихъ словахъ далъ свѣдѣнія о флорѣ, климатическихъ условіяхъ и производительной силѣ страны. Весь почти сѣверъ является тундрой, къ югу постепенно переходитъ въ кустарникъ и только далеко на югъ, вверхъ по Анадыри, начинается лѣсъ-листякъ, но не крупный, вохлый и недоброкачественный для построекъ. Довольно много рѣкъ, которыя и являются путями для передвиженія и сообщенія, но, благодаря климатическимъ условіямъ, этотъ способъ путешествія является ненадежнымъ, ибо лѣто очень коротко — всего одинъ мѣсяць іюнь. Самъ г. Гондатти во время своей экспедиціи былъ застигнутъ морозами 29-го августа и долженъ былъ сдѣлать оставшіяся до Маркова 150 верстѣ ишкомъ. По рѣкамъ путешествіе очень интересное, причемъ собаки исполняютъ роль нашихъ бурлаковъ, и 10—12 собакъ могутъ тащить барки въ 400—500 пуд. Болѣе удобнымъ и безопаснымъ способомъ передвиженія являются олени и собаки. На оленяхъ можно дѣлать до 20 верстѣ въ часъ. Богатствомъ страны являются олени, которыхъ у инныхъ чукчей бываетъ до нѣсколькихъ тысячъ головъ, затѣмъ пушные звѣри, особенно много въ нѣкоторые годы бываетъ песцовъ и лисицъ, весьма много въ рѣкахъ рыбы, преимущественно лосося. Но главнымъ промысломъ является морское звѣроловство, моржи, тюлени и киты; къ несчастію, послѣ 60-хъ годовъ, то есть послѣ разграниченія съ Америкой и уступки ей острововъ, этотъ промыселъ постепенно падаетъ вслѣдствіе появленія у нашихъ береговъ американскихъ судовъ и истребленія ими китовъ. Благодаря этому, поморскіе чукчи, бывшіе прежде осѣдлыми, стали заниматься оленеводствомъ и перекочевывать, что неблагоприятно отзывается на благосостояніи края. Въ заключеніе, лекторъ далъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о характерѣ, жизни и обычаяхъ чукчей. Они, какъ всѣ сѣверные народы, очень безпечны, а потому, зачастую, не дѣлая никакихъ запасовъ, голодаютъ; они воинственны, свободолюбивы и до крайности самолюбивы, при чемъ Н. И. Гондатти привелъ нѣсколько дѣйствительно удивительныхъ примѣровъ; такъ, напримѣръ, если отецъ дѣлаетъ замѣчаніе сыну за плохой уходъ за оленями, то сынъ лишаетъ себя жизни, такъ же поступаетъ и дочь, когда отецъ не беретъ ея куда нибудь въ поѣздку. Чрезвычайно въ плохомъ состояніи у нихъ санитарныя и медицинскія условія, вслѣдствіе чего вымираютъ отъ оспы цѣлыя деревни, и энзоотин косятъ цѣлыя стада оленей, разоряя въ нѣсколько дней богатыхъ оленеводовъ. Въ общемъ же, чукчи народъ здоровый, крѣпкій, а страна ихъ — богата. Хотя русскому человеку, благодаря климатическимъ условіямъ, трудно выжить тамъ, гдѣ въ жилищахъ температура ниже 5 град. нуля, гдѣ новорожденного ребенка опускаютъ прежде всего въ ледяную воду или снѣгъ, все же необходимо стараться привести мѣстное населеніе къ обрусенію и поддержать медицинскими и санитарными мѣрами. Рефератъ сопровождался демонстрированіемъ этнографическихъ

коллекцій, иллюстрирующихъ старинный и современный бытъ чукчей. Коллекціи собирались, главнымъ образомъ, во время разъѣздовъ по тундрѣ, причемъ часть собраннаго, особенно относящаяся до религіи и старины, могла появиться только въ третьемъ году, когда установились, отчасти благодаря званію чукотскаго языка, прекрасныя отношенія съ инородцами, и они стали относиться совершенно довѣрчиво. Изъ предметовъ культа особенно интересны: группа божествъ, тайнэвуть, состоящая изъ гыргылэуть, укumlэуть, вуэльгулэуть, эглэуть, отталаяулъ, эннааль, эткомкоукульгинъ и оккамакъ — представителей высшей силы и покровителей разныхъ сторонъ человѣческаго быта; группа гыргырь, служащая для добыванія огня при жертвоприношеніяхъ и состоящая изъ четырехъ частей; шаманскій бубень; принадлежности съ разныхъ празднествъ, въ особенности съ весенняго — праздника байдары, когда спускаютъ въ море первую байдару, и т. д. Изъ предметовъ старины въ коллекціи имѣются каменные и жестяныя орудія: молотки, ножи, пещни, топорики; далѣе слѣдуютъ рыболовныя сѣтки и другія принадлежности, сдѣланныя изъ оленьихъ жилъ, китоваго уса и птичьихъ перьевъ, разрѣзанныхъ вдоль; подобныя вещи употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и донынѣ; старинный вонскій костюмъ, приобретенный, видимо, отъ русскихъ, но съ мѣстными прибавленіями изъ дерева и моржовой шкуры и т. д. Современный бытъ чукчей представленъ моделями жилищъ, лодокъ, одежды обою пола, разныхъ возрастовъ, надеваемой въ различныя времена года и сдѣланной изъ оленьихъ, тюленьихъ и птичьихъ шкуръ; всевозможными приспособленіями для ловли звѣря, птицы и рыбы (гарпунами, острогами, копьями и т. д.); предметами домашняго обихода (напримѣръ, игрушки) и т. д. Какъ на образцы кустарнаго промысла, можно указать на металлическія и деревянные издѣлія — ножи, копья, топоры, шкатулки, столики, ковши, ложки; разные предметы, получаемые и выдѣлываемые изъ оленьихъ и нерпичьихъ шкуръ: зампа, теплая одежда, мѣшки, вышивки и т. д. Интересны также карта нижняго теченія р. Анадыри, сдѣланная однимъ чукчей на деревѣ оленьей кровью, причемъ указаны всѣ острова, береговая растительность, мѣста перехода черезъ рѣку дикаго оленя и т. д., а равно рисунки на зампѣ. Кромѣ того, подобраны образцы всѣхъ шкуръ, ремней и кишокъ морскихъ звѣрей и оленей, употребляемыхъ въ домашнемъ обиходѣ. Послѣ небольшого перерыва слѣдовало демонстрація картинъ на экранѣ, которыхъ было показано до 90, съ необходимыми поясненіями. Передъ зрителями прошли виды Камчатки, ея сопокъ, растительности, жителей, Петропавловска; скалистые берега около Берингова пролива, виды по Анадыри и въ тундрѣ, группы чукчей и ламутокъ, ихъ юрты и кочевья, наконецъ — с. Марково и Новомаринскій постъ.

Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія. 11-го октября въ большой залъ Политехническаго музея въ засѣданіи географическаго отдѣленія общества любителей естествознанія Л. С. Бергъ сдѣлалъ сообщеніе: «Соленыя озера Омскаго уѣзда». Референтъ занимался изученіемъ этихъ озеръ нынѣшнимъ лѣтомъ совмѣстно съ гг. Елпатьевскимъ и Игнатовымъ. Не касаясь естественно-историческихъ данныхъ, референтъ ограничился на этотъ разъ исключительно географическими, т. е. касающимися положенія,

величины, глубины озеръ и различныхъ свойствъ ихъ воды и солей. Нѣкоторыя озера, какъ, напримѣръ, Кизыль-Сакъ, отличаются грязно-малиновымъ цвѣтомъ и особымъ фиалковымъ запахомъ. Подобное окрашиваніе можетъ быть объяснено присутствіемъ громаднаго количества низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ. Запахъ зависитъ, повидимому, отъ выдѣленія сѣрводорода при гніеніи органическихъ остатковъ. Разница температуръ на небольшой сравнительно глубинѣ (менѣе 1 сажени) доходила до 6°, причемъ на двѣ иногда наблюдалась температура болѣе высокая, чѣмъ на поверхности, что, быть можетъ, зависитъ отъ происходящаго тамъ процесса гніенія. Интересна ничтожная глубина этихъ озеръ: такъ, озеро Денгизъ при 1.200 кв. килом. поверхности имѣетъ наибольшую глубину всего 3 метра. Одно озеро содержитъ прѣсную воду; тѣмъ не менѣе характерная черная глина (баткакъ) на днѣ указываетъ, что оно раньше было соленымъ. Фауна соленыхъ озеръ, вопреки ожиданію, чрезвычайно богата по количеству особей, хотя число отдѣльныхъ видовъ и невелико. Далѣе, указавъ на геологическія условія данной мѣстности, референтъ коснулся происхожденія озеръ: это — остатки нѣкогда занимавшаго огромный районъ олигоценоваго моря. Рефератъ сопровождался демонстраціей картъ, горныхъ породъ, картинъ на экранѣ. Г. А. Халатъянцъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ Абиссиніи (по одному армянскому памятнику XVII вѣка)». В. Н. Леоновъ (отъ себя и отъ Е. П. Луценко) сообщилъ «О двухъ замѣчательныхъ по глубинѣ озерахъ Рязанской губерніи», въ системѣ рѣки Пры. При изученіи озеръ упомянутаго района, занимающихъ довольно большое пространство, но глубина которыхъ не превышаетъ 4-хъ метровъ, изслѣдователи попали случайно на два небольшихъ озера (Бѣлое и Глухое) съ необычайно большими глубинами. Такъ, озеро Бѣлое, съ площадью всего въ $1\frac{1}{2}$ кв. килом., имѣетъ наибольшую глубину въ 53 метра. Оно, слѣдовательно, въ 7.000 разъ менѣе Чудскаго озера, но за то въ 4 раза глубже послѣдняго. Озеро Глухое, еще меньшей величины, имѣетъ глубины до 35 м. Оба озера были сняты на планъ, и подробныя измѣренія глубинъ позволили составить батиметрическія ихъ карты. Дно каждаго озера представляетъ по двѣ воронки, изъ коихъ одна глубже другой; оба озера вытянуты главною своею осью въ направленіи С.-В. — Ю.-З. Происхожденіе подобныхъ озеръ можетъ быть объясняемо ледниковой эвразіей, т. е. вырываніемъ ямъ въ днѣ ледника (въ ледниковый періодъ) падающею и кружащеюся водою (съ валунами), но возможно, что тутъ имѣлъ мѣсто и провалъ, хотя здѣсь и не замѣчается выхода известняковъ, съ размывомъ которыхъ обыкновенно бываютъ связаны провалы. Оба озера отлпчаются большою прозрачностью воды (до 5,5 м.) и низкой ея температурой. Въ іюлѣ при температурѣ на поверхности 18—20° вода съ глубины 12 м. до дна выказываетъ только 4—4,5° Цел., причемъ на извѣстной глубинѣ (9—10 м.) замѣчается слой быстрого паденія температуры. Озера эти поздно замерзаютъ и изобилуютъ рыбой; въ озерѣ Бѣломъ водится также ракъ, котораго нѣтъ во всѣхъ другихъ озерахъ того же района. И. Н. Лебедевъ въ живомъ разсказѣ познакомилъ съ «Альпинизмомъ въ Швейцаріи и Тиролѣ», съ современнымъ развитіемъ этого спорта, съ дѣятельностью альпійскихъ клубовъ, обученіемъ и испытаніемъ гидовъ и пр. Далѣе были описаны и продемонстрированы важнѣйшія приспособленія,

•истор. вѣстн.», декабрь, 1898 г., т. LXXIV.

употребляемыя альпинистами при восхожденіяхъ на горы: обувь съ гвоздями, съ крючками и мягкая, плетеная изъ шнурковъ, альпійская палка съ стальнымъ остриемъ на одномъ и съ таковымъ же топорикомъ и киркою на другомъ концѣ (Pisces), веревка, теплый капоръ, фотографическій аппаратъ и пр. Туристы передъ восхожденіемъ на вершины должны пройти весьма неприятный испускъ, и допускаются на экскурсію только лица съ крѣпкими нервами и не страдающія головокруженіемъ: туриста ставятъ на самый край пропасти и, держа его за ноги, заставляютъ смотрѣть прямо внизъ, причемъ сзади бросаютъ большіе камни. Видъ лежащаго предмета неудержимо влечетъ зрителя впередъ—въ пропасть, и только люди съ сильной волей и нервами могутъ противостоять искушенію броситься вслѣдъ за камнемъ въ бездну. Заработная плата проводниковъ таксирована и пропорціональна ихъ риску: обыкновенно 20—25 фр. за восхожденіе, она при опасности большаго риска доходитъ до 150-ти франковъ. Едва ли въ нашемъ вѣкѣ рыцарскій духъ развитъ гдѣ либо въ большей степени, чѣмъ среди корпораціи проводниковъ. Два боннскихъ профессора съ двумя проводниками отправились на опасную экскурсію, причемъ передній проводникъ и одинъ профессоръ провалились въ глубокую трещину, засыпанную рыхлымъ сѣнгомъ. Связавные съ ними канатомъ остальные двое товарищей не могли ихъ вытянуть. Захлестнувшаяся петля каната причиняла страшныя мученія профессору, и послѣдній умолялъ проводника избавить его отъ страданій. Тогда проводникъ перерѣзалъ свой канатъ и полетѣлъ въ пропасть, а товарищи могли, благодаря этому, вытащить полуживаго профессора изъ трещины. Желаніе избѣжать высокой платы проводникамъ и путешествія на свой рискъ сильно увеличиваютъ число жертвъ спорта, который ежегодно уноситъ въ Альпахъ до 60-ти жизней. Въ концѣ засѣданія А. О. Гартвигъ демонстрировалъ образцы школьной коллекціи по географіи Россіи, исполненные членами комиссіи по составленію коллекціи тѣневыхъ картинъ при учебномъ отдѣлѣ Политехническаго музея. Такимъ образомъ были выбраны виды Новой Земли, раскрашенные художникомъ Пиццалкинымъ. Референтъ просилъ присутствовавшихъ объ оказаніи возможнаго содѣйствія дѣлу проведенія тѣневыхъ картинъ въ большемъ числѣ и лучшаго исполненія въ школы и народную массу.

Экспедиція въ верховья Аму-Дарьи. Лѣтомъ нынѣшняго года гр. А. А. Боринскій, Н. В. Богоявленскій и А. А. Семеновъ, командированные императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологін и географін, совершили поѣздку въ юго-восточную часть Бухары. Снарядившись въ Самаркандѣ, означенныя лица отправились черезъ Зеравшанскія горы, Гиссарскую долину въ Каратегинское бекетво, лежащее по р. Сурхобу; потомъ, свернувъ въ долину р. Хингоу, путешественники дошли до самыхъ ея верховьевъ, гдѣ и перевалили черезъ переваль Сытарги въ верховья долины рѣки Ванча, по которой и спустились до впаденія ея въ Пянджъ, то-есть верхнее теченіе Аму-дарьи. Въ этомъ мѣстѣ путешественникамъ пришлось отказаться на это лѣто отъ предполагаемаго посѣщенія Шугнана и Рошана, вслѣдствіе того, что единственный переваль въ долину р. Язгулема былъ закрытъ, а пройти вверхъ по ущелью Пянджа оказалось невозможнымъ, поэтому путешествен-

ники свернули ввизъ по Пянджу, посѣтили столицу бывшихъ дарвазскихъ правителей—Каланхумъ, и черезъ переваль Тальбаръ спустились по р. Ях-Су въ городъ Кулябъ, чѣмъ и завершили горную часть путешествія. Изъ города Куляба путешественники вышли на Амударью и, по возможности держась берега, шли по русскимъ пограничнымъ съ Афганистаномъ постамаъ до Панти-Гиссара, гдѣ посѣтивъ развалины старинныхъ городовъ Гуль-гули и Термеза, сѣли на пароходъ и черезъ Чарджуй вернулись въ Самаркандъ. Продолжать путь верхомъ на лошадяхъ было невозможно, такъ какъ большинство лицъ, составлявшихъ караванъ (12 изъ 13), заболѣли маляріей, захваченною въ камышахъ Амударьи. Во время поѣздки было обращено особое вниманіе на изученіе главной массы горнаго таджикскаго населенія, обитающаго въ этихъ бекствахъ и говорящаго на иранскомъ нарѣчій. Во время путешествія было произведено 264 антропологическія измѣренія, записано около 40 рассказовъ на туземномъ языкѣ, составлены словари нарѣчій селеній, отличающихся по говору отъ другихъ, собраны этнографическія свѣдѣнія о вѣрованіяхъ и обычаяхъ; кромѣ того, составлена коллекція по этнографіи и орнаменту даннаго народонаселенія. Это населеніе до сихъ поръ почти совсѣмъ не было изучено, а между тѣмъ, занимая западные склоны Памировъ, которые и теперь многими учеными признаются за колыбель арійскаго племени, и будучи изолировано горами отъ жителей долинъ и нашествія кочевыхъ ордъ, народонаселеніе этой мѣстности давало надежду найти въ немъ наиболѣе чистый типъ первобытныхъ обитателей Памировъ. Во время путешествія выяснилось, что теперешнее народонаселеніе Дарваза едва ли можно считать коренными обитателями горъ, такъ какъ всюду у нихъ еще живо преданіе, что предки ихъ пришли съ рѣки Яхсу, лежащей въ предгорьяхъ и гораздо ниже къ теченію р. Пянджа. Это преданіе находитъ себѣ поддержку также и въ томъ, что народонаселеніе верхняго теченія р. Яхсу продолжаетъ называть себя арабами. Слѣдуетъ также упомянуть, что нѣсколько киплаковъ въ низовьяхъ р. Хингоу, говоря на геранскомъ нарѣчій, называетъ себя чагатаями—фактъ любопытный потому, что существуетъ названіе джагатайскій (чагатайскій) языкъ, присвоенное одному изъ тюркскихъ нарѣчій и которое по предложеніямъ будто бы дано этому языку по имени сына Тимура—Чагатая, такъ какъ до сихъ поръ не было извѣстно племени, называвшаго себя этимъ именемъ. Все народонаселеніе принадлежитъ къ суннитской сектѣ магометанства, хотя и теперь еще среди жителей живетъ преданіе, что предки ихъ были огнепоклонниками (атеш-пересты). По всему пути собиралась зоологическая коллекція, причемаъ особое вниманіе обращалось главнымъ образомъ на ракообразныхъ, слизняковъ и червей, и наукообразныхъ. Собраны также и гербарій цвѣтущихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ растений по долинамъ рѣкъ Хингоу и Ванча. Среди растений особое вниманіе обращаетъ на себя изобиліе повсюду дикой ржи и овса, причемаъ овса больше въ низовьяхъ, ржи же больше тамъ, гдѣ выше. Какъ извѣстно, жители Азии не сѣютъ ни ржи, ни овса, а только пшеницу и ячмень. Путешественникамъ пришлось встрѣтить въ верховьяхъ Хингоу и Ванча цѣлыя поля, какъ будто засѣянные рожью или овсомъ; въ началѣ появилось предположеніе, что здѣсь происходятъ посѣвы этихъ злаковъ, но при разспросѣ оказалось, что туземцы

ихъ не сѣютъ, а растутъ эти злаки, какъ сорная трава, въ пшеницѣ и ячменѣ; во время холодовъ, часто бывающихъ въ верховьяхъ этихъ рѣкъ, случается, что пшеница и ячмень вымерзаютъ, а произрастаютъ только рожь и овесъ, которые и употребляются въ видѣ корма. Изъ культурныхъ растений встрѣчается масса конопли въ дикомъ состояніи—жители ея не пользуются; левъ засѣвается въ большомъ количествѣ и исключительно для масла. Въ верховьяхъ р. Хингоу встрѣчено много новыхъ ледниковъ, изъ которыхъ было сдѣлано восхожденіе на 3, причемъ была опредѣлена высота подножія, направленіе трещинъ; съ 3 сняты только однѣ фотографіи. Во время пути былъ найденъ одинъ зимній переваль, еще не отмѣченный на картахъ, и пройденъ переваль Сыгарги (болѣе 15.000 ф.), извѣстный только по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Кромѣ того, встрѣчено небольшое, еще не описанное озеро (Хаузи-Кабутъ) въ низовьяхъ р. Хингоу. Во время пути велся по возможности правильныя метеорологическія наблюденія, опредѣлялись температура и влажность воздуха, а также опредѣлена барометромъ и гипсотермометромъ высота около 40 мѣствъ. Въ продолженіе всего пути сняты многочисленныя фотографіи, иллюстрирующія природу, типы и обычаи населенія.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 15-го октября, въ большой залѣ Политехническаго музея, состоялось годовичное засѣданіе императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Изъ прочитаннаго въ началѣ засѣданія секретаремъ Г. А. Кожевниковымъ, годовичнаго отчета о дѣятельности Общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій видно, что въ отчетномъ году Общество понесло потери въ лицѣ скончавшихся его членовъ: члена-основателя П. Е. Абросимова, почетныхъ членовъ: Рудольфа Лейкарта, Габріэля де Мортилье, гр. П. Д. Делянова, Г. Д. Филимонова и И. П. Архипова; непремѣнныхъ членовъ: А. С. Павлова, Н. О. Миллера и Н. П. де-Витте и шести дѣйствительныхъ членовъ. Общество въ отчетномъ году имѣло 8 засѣданій, изъ которыхъ 4 были публичныя и 4 закрытыя. Въ публичныхъ засѣданіяхъ было прочитано 10 сообщеній. Общество въ отчетномъ году избрало въ число своихъ почетныхъ членовъ Ф. В. Овсянникова во вниманіе къ его многолѣтнимъ трудамъ и научнымъ заслугамъ въ области физиологіи. Въ отчетномъ году на международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Кэмбриджѣ состоялось присужденіе двухъ учрежденныхъ при Обществѣ премій въ память международныхъ конгрессовъ по доисторической археологіи и антропологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 году. Премія имени его императорскаго величества государя императора Александра III въ 700 франковъ присуждена препаратору музея естественной исторіи въ Парижѣ Евгенію Пузаргу за его работу, жвачныхъ Средней Азіи а премія имени его императорскаго высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II, размѣромъ въ 400 фр., Эмилію Гехту, препаратору въ университетѣ Нанси, за его работу о голожаберныхъ моллюскахъ Франціи. Кромѣ обычной субсидіи министерства народнаго просвѣщенія, Общество получило въ отчетномъ году отъ того же министерства субсидію на изданіе «Этнографическаго Обзорнія» въ размѣрѣ 400 р. и отъ министерства земледѣлія и госу-

дарственныхъ имуществъ 400 р. на печатаніе отчетовъ по русской энтомологической литературѣ за послѣдніе три года, составленныхъ Н. М. Кулагинымъ и въ настоящее время уже отпечатанныхъ. К. Т. Солдатенковъ по примѣру прежнихъ лѣтъ пожертвовалъ на изданія Общества 300 р. Общество въ теченіе года получало въ обмѣнъ на свои изданія 205 періодическихъ изданій, не считая 130 газетъ, присылаемыхъ въ обмѣнъ на «Этнографическое Обозрѣніе». Всего въ отчетномъ году Общество, его отдѣлы, отдѣленія и комиссіи, имѣли 72 засѣданія, на которыхъ прочитано 188 сообщений. Основанный Обществомъ музей прикладныхъ знаній праздновалъ 30-го ноября прошлаго года 25-лѣтіе своего существованія. За отчетный годъ число посѣтителей музея дошло до 147.311 чел. Въ помѣщеніи музея въ теченіе года было устроено 345 научныхъ засѣданій, привлечшихъ около 12-ти тысячъ посѣтителей. По примѣру прежнихъ лѣтъ, Общество командировало для научныхъ изслѣдованій въ разныя мѣстности Россіи своихъ членовъ, которые доставили цѣнныя коллекціи для университетскихъ музеевъ. Между прочимъ въ зоологическій музей поступили при посредствѣ Общества обширныя коллекціи, собранныя гр. А. А. Бобринскимъ и Н. В. Богоявленскимъ на Памирахъ, коллекціи, собранныя въ Омскомъ уѣздѣ, Л. С. Бергомъ, В. С. Елнатъевскимъ и П. Г. Пгнатовымъ, коллекціи М. М. Воскобойникова съ Памира, коллекція птицъ П. О. Василевскаго изъ Ленкорани и коллекціи по позвоночнымъ Симбирской губерніи Б. М. Житкова. Въ отчетномъ году Общество передало въ Ботаническій садъ университета гербарій алтайской флоры, собранный Н. С. Гуляновымъ и пожертвованный имъ въ Общество при посредствѣ Н. Н. Харузина. Гербарій этотъ былъ обработанъ членами Общества О. А. и В. А. Федченко. По прочтеніи отчета, президентъ Общества, Д. Н. Анучинъ, указавъ на то, что Обществу исполнилось 35 лѣтъ, выразилъ надежду на дальнѣйшее развитіе его дѣятельности въ будущемъ. Для такого развитія нужны, съ одной стороны, люди, съ другой — средства. Въ людяхъ нѣтъ недостатка; на смѣну уходящихъ будутъ являться новыя, молодыя силы. Истекшій годъ далъ рядъ экспедицій, совершенныхъ членами Общества, и притомъ, большей частью, на ихъ собственные средства. Нельзя не отмѣтить также дѣятельности Н. Л. Гондатти, усилившаго собрать во время своего пребыванія въ Анадырскомъ краѣ обширныя и весьма цѣнныя коллекціи, которыми онъ обогатилъ какъ академію наукъ и мѣстные музеи во Владивостокѣ и Хабаровскѣ, такъ и московскіе музеи чрезъ посредство Общества любителей естествознанія, глубоко благодарнаго ему за такое содѣйствіе наукъ. При этомъ г. Анучинъ поклонился присутствовавшему Н. Л. Гондатти, а собраніе привѣтствовало его шумными рукоплесканіями. Что касается средствъ, то Общество имѣетъ въ виду ходатайствовать объ увеличеніи своей субсидіи до размѣровъ (5.000 р.), получаемыхъ многими другими Обществами, въ томъ числѣ и петербургскимъ Обществомъ естествоиспытателей. Покуда министерство народнаго просвѣщенія, оказывающее уже два года пособіе изъ своихъ средствъ на изданіе «Этнографическаго Обозрѣнія», опредѣлило еще единовременное пособіе въ 500 р. для издаваемого географическимъ отдѣленіемъ Общества «Землевѣдѣнія». Изъ частныхъ лицъ Общество особенно обязано Ю. П. Базановою, которая предоста-

вила отдѣленію физиологій капиталъ въ 15.000 р. для печатанія на проценты съ него ученыхъ трудовъ и передала проф. Д. П. Анучину въ его распоряженіе 3.000 р. на изданіе работъ, касающихся Востока и Сибири. Указавъ на такое предупредительное вниманіе къ нуждамъ науки и Общества Ю. П. Базановой, г. Анучинъ предложилъ выразить ей глубокую и сердечную благодарность, что и было одобрено собраніемъ шумными рукоплесканіями. Затѣмъ сдѣлало провозглашеніе именъ лицъ, коимъ присуждены Обществомъ преміи и медали, а также лицъ, избранныхъ въ почетные члены Общества. Премія имени В. П. Мошвина по физикѣ присуждена Н. П. Кастерину за сочиненіе о дисперсіи звуковыхъ волнъ въ неоднородной средѣ. Премія имени почетнаго члена Общества А. П. Расцвѣтова присуждена Н. В. Гильгенко за его работу подъ заглавіемъ: «Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію», половинная премія имени А. П. Расцвѣтова—И. И. Майнову за его работу: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края», золотая медаль имени А. П. Расцвѣтова присуждена В. В. Воробьеву за его трудъ: «Матеріалы къ антропологии великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи». Почетными членами общества избраны: Н. Ю. Зографъ и А. А. Тихомировъ, во вниманіе къ ихъ научнымъ работамъ въ области зоологій и многолѣтней дѣятельности въ Обществѣ. Серебряныя медали Общества присуждены: Л. С. Бергу, В. С. Елпатьевскому и П. Г. Игнатову за ихъ научныя изслѣдованія въ Акмолинской области: В. А. Монастыреву за трехлѣтніе труды по изученію озеръ и рѣкъ Тверской, Исковской и Рязанской губерній; В. Н. Леонову за изученіе озеръ Рязанской губерніи; А. А. Круберу за географическія изслѣдованія во Владимірской, Рязанской и Тульской губерніяхъ и за содѣйствіе журналу «Землевѣдніе». Кромѣ того, Общество, принимая во вниманіе содѣйствіе, оказанное ему непремѣннымъ его членомъ, товарищемъ преисдателя географическаго отдѣленія, Н. Л. Гондатти, выразившееся въ пожертвованіи имъ значительныхъ и весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи антропологическихъ и этнографическихъ коллекцій, собранныхъ съ большимъ трудомъ и расходами въ отдаленномъ и малоизвѣстномъ Анадырскомъ округѣ, постановило выразить ему въ настоящемъ торжественномъ собраніи свою глубокую благодарность. Затѣмъ, послѣ перерыва, продолжавшагося 15 минутъ, проф. В. В. Марковниковъ произнесъ рѣчь на тему «Полуторастолѣтіе русскихъ химическихъ лабораторій». Въ началѣ своей рѣчи референтъ, отмѣтивъ, что нынѣшній день является знаменательнымъ днемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, такъ какъ 150 лѣтъ тому назадъ, по мысли и благодаря трудамъ М. В. Ломоносова, была основана первая въ Россіи химическая лабораторія при академіи наукъ, познакомилъ съ подлиннымъ содержаніемъ отношенія Ломоносова, поданнаго имъ 15-го октября 1748 года въ академію наукъ, относительно необходимаго обзаведенія и обстановки для химической лабораторіи. По личному ходатайству Ломоносова именнымъ указомъ императрицы Елисаветы Петровны необходимыя средства на лабораторію были отпущены. Понятно, что лабораторія того времени была бѣдна, но она послужила первообразомъ для другихъ лабораторій и въ особенности для лабораторіи при Московскомъ университетѣ. Очертивъ затѣмъ

характеръ дѣятельности М. В. Ломоносова, какъ русскаго ученаго, проф. Марковниковъ сообщилъ, что химическое отдѣленіе императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи рѣшило, съ согласія совѣта Общества, ознаменовать полусторолѣтіе существованія химическихъ лабораторій какимъ либо торжествомъ. Не опредѣляя пока детально формы торжества, отдѣленіе предполагаетъ, что этотъ юбилейный праздинокъ будетъ посвященъ памяти М. В. Ломоносова и представитъ въ то же время общую картину развитія химическихъ знаній въ Россіи. Отдѣленіе уже сносно съ нѣкоторыми русскими химиками, и многіе изъ нихъ отнеслись вполне сочувственно къ этой мысли. Самое торжество предполагается осуществить въ теченіе рождественскихъ каникулъ 1899—1900 гг. «Пусть русская химія,—закончилъ ораторъ,—ознаменуетъ добрымъ дѣломъ свой переходъ въ новое столѣтіе!» Последнія слова оратора были покрыты громкими аплодисментами многочисленныхъ слушателей. Послѣ этого выступилъ Н. Е. Жуковский, познакомившій присутствовавшихъ на засѣданіи съ организацией «подсекціи воздухоплаванія на X-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей», причемъ продемонстрировалъ на экранѣ нѣсколько весьма интересныхъ фотографическихъ снимковъ съ большихъ воздушныхъ змѣевъ, шаровъ, обганаовки секціи и т. д. Конецъ засѣданія былъ посвященъ сообщенію Л. З. Морозова на тему «Животный организмъ подѣ дѣйствіемъ электричества на разстояніи». Сообщеніе сопровождалось демонстраціей чрезвычайно любопытныхъ опытовъ. Оба послѣдніе оратора были также награждены шумными аплодисментами.

Русское отдѣленіе Археологическаго общества. 4-го ноября, состоялось, подѣ предѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, засѣданіе Русскаго отдѣленія Археологическаго общества. Н. К. Рерихъ прочиталъ рефератъ: «Къ вопросу о типахъ погребенія въ курганахъ Вотской пятины». Раскопки прошлаго года при деревнѣ Глушицы (Царскосельскаго уѣзда) и Тарасовѣ (Петергофскаго уѣзда) дали одинъ интересный случай, характеризующій новый типъ погребеній Вотской пятины. Устройство насыпи слѣдующее: на ровной площадкѣ разводили костеръ, оставлявшій послѣ себя толстое кострище; на пенелъ сажали трущъ, лицомъ на востокъ; у головы и ногъ, на востокъ и западъ, ставили два большіе валуна и возводили насыпь, высотой болѣе двухъ сажень. Найденные предметы состояли изъ пояснаго кольца, перстня и серебряной монеты, вложенной въ правую руку костяка; монета—или Новгородская копейка или Псковская деньга XV вѣка. Такимъ образомъ, это погребеніе, оказываясь очень поздняго для мѣстныхъ древностей происхожденія,—вполнѣ соответствуетъ, кромѣ каменнаго кольца основанія, замѣненнаго двумя валунами, типамъ древнѣйшимъ XI и XII вѣковъ и является новинкою среди извѣстныхъ до этого типовъ погребеній Вотской пятины. По поводу положеній реферата А. А. Спицынъ замѣтилъ, что описанные г. Рерихомъ раскопки послужатъ къ пересмотру имѣющихся свѣдѣній о курганныхъ погребеніяхъ въ сидячемъ положеніи. Такія погребенія нѣ Петербургскихъ курганахъ послѣдователями были относимы только къ XI и XII вв. н. э., какъ теперь видно, безъ достаточнаго основанія. Ясно, что къ этому времени нельзя относить по аналогіи и погребенія

въ сидячемъ положеніи, обнаруженны уже на всемъ пространствѣ собственно—русскихъ кургановъ. находка г. Рериха приближаетъ къ рѣшенію вопросъ объ интересныхъ и доселѣ загадочныхъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1872 г. въ сѣверо-западной части Витебской губ., близъ имѣнія Штирляны, гдѣ тоже найдены костяки въ сидячемъ положеніи, съ монетами XV вѣка: это—курганы русскаго обряда погребенія.

Затѣмъ М. П. Помяловскій прочиталъ рефератъ: «Второй походъ Баторія въ разсказѣ очевидца, Яна Зборовскаго». Охарактеризовавъ Зборовскаго, какъ шляхетскаго демагога, блестящаго польскаго рыцаря, референтъ указалъ причины, по которымъ Зборовскій сдѣлался противникомъ канцлера Замойскаго; главный источникъ для исторіи похода Баторія—сочиненіе Гейденштейна, составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ Замойскаго, слѣдовательно, не даетъ вполне безпристрастной оцѣнки событій и долженъ быть провѣренъ другими сочиненіями и діаріушами Гюлана, Фаренсбека и Зборовскаго. Діаріушъ послѣдняго прекрасно знакомитъ съ внутреннимъ строемъ и расположеніемъ польскаго войска.

Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ нынѣшняго года въ южной части Кіевской губерніи, а именно близъ села Пастерскаго, Чигиринскаго уѣзда, въ имѣніи Б. П. Ханенко, были произведены крупныя раскопки. Въ кругломъ городищѣ, расположенномъ у с. Пастерскаго, на довольно значительной глубинѣ, обнаружено мѣсто погребенія, относящееся ко временамъ глубокой древности. Покойники помѣщались въ склепѣ, устроенномъ при помощи деревянныхъ брусевъ, въ вытнутомъ положеніи; вокругъ находились необходимые во время похороннаго обряда предметы: оружіе—въ видѣ мечей, кинжаловъ, копій, стрѣлъ, дротиковъ, принадлежности воинской одежды—въ видѣ панцыря, металлическихъ латъ и проч. предметы домашняго обихода и роскоши: куски росписныхъ сосудовъ, остродонныхъ, съ высокими шейками, амфоръ, небольшихъ тонкихъ золотыхъ пластинокъ съ тисненными на нихъ изображеніями или грифоновъ, или же птицъ, клюющихъ рыбу, или же какихъ-то неразгаданныхъ божествъ, съ приподнятыми вверхъ, въ видѣ дуги, руками и широко расходящимся платьемъ. Неподалеку отъ человѣческихъ склеповъ, въ отдѣльной камерѣ, помѣщалась лошадь, съ соответствующею упряжью, по большей части сдѣланною изъ бронзы. Бронзовые же предметы находились и при покойникахъ въ видѣ фибулъ, луговицъ, шпильекъ, зеркалъ и пр. Интересно находженіе желѣзнаго наконечника, такъ называемаго рала или небольшого плуга. Кромѣ того, въ городищѣ найдено нѣсколько серебряныхъ римскихъ монетъ первыхъ вѣковъ христіанской эры и нѣсколько кусковъ битой посуды съ чернымъ лоснящимся покровомъ, или же съ узоромъ на свѣтломъ и темномъ фонѣ. Гораздо древнѣе оказалась находящаяся неподалеку отъ городища группа кургановъ (около 20), расположенныхъ безъ особеннаго, повидимому, порядка. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ, по словамъ «Кіевлянина», найдены бронзовый, съ двумя нащечниками, шлемъ, бронзовое оружіе и чрезвычайно характерный бронзовый панцырь, устроенный такимъ образомъ, что на ленту изъ ремня, шириною въ три вершка, накладывались тонкія бронзовыя пластинки одна за другой, и такія ленты приближались за-

тѣмъ или нашивались на рубаху одна выше другой. Интересно, что подобнаго рода панцирь изображенъ на рисункѣ одного греческаго сосуда (IV вѣка до Р. Х.), на стѣнкахъ котораго представлена битва грековъ съ амазонками.

Мозаика Ломоносова. Сохранить для потомства все, что сдѣлано Ломоносовымъ въ той или другой области, — это несомнѣнно величайшій долгъ культурнаго русскаго человѣка. Но какъ мы исполняемъ этотъ долгъ — показываетъ пребываніе прекрасно-сохранившейся, удивительной по конценціи и силѣ красокъ мозаичной картины Ломоносова «Полтавская битва» въ темныхъ нижнихъ коридорахъ Академіи Художествъ. Неизвѣстно, почему вынесена эта мозаика, предназначавшаяся для проектпрованнаго мавзолея Петра Великаго, туда гдѣ постоянно ходятъ служители съ тяжестями, со двора заносится пыль, грязь, и гдѣ мозаика подвержена вліянію вышней температуры. Но если бы при всѣхъ этихъ условіяхъ она все-таки не поддавалась порчѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, достаточно ли прилично мѣсто, избранное для великаго произведенія великаго русскаго человѣка. Правда, мозаика велика. Это, однако, нисколько не оправдываетъ небреженія къ памяти Ломоносова и къ замѣчательному по силѣ произведенію искусства. Нужно припомнить, что мозаичное дѣло у насъ впервые выдвинуто именно Ломоносовымъ. Какъ родоначальникъ искусства русской мозаики, онъ долженъ занимать со своими произведеніями почетное мѣсто въ Академіи Художествъ, или въ какой либо національной галлерей или музеѣ. Если Академія не имѣетъ возможности въ приличномъ видѣ содержать этотъ національный памятникъ искусства, воздвигнутый въ честь Петра и служащій ко славѣ Ломоносова, она должна бы озаботиться тѣмъ, чтобы для него было отведено какое либо другое надлежащее мѣсто. Въ частности Ломоносовская мозаика, къ облегченію Академіи, можетъ быть, конечно, съ радостью принята въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, или въ одномъ изъ національных музеевъ русскаго искусства въ память покойнаго императора Александра III.

Московскій историческій музей. Императорская археологическая коммиссія прислала изъ Петербурга въ даръ Московскому историческому музею весьма интересную археологическую находку — бронзовый гробъ съ человѣческимъ остовомъ, предметами стариннаго вооруженія и пр. Гробъ этотъ найденъ былъ извѣстнымъ археологомъ Н. П. Веселовскимъ въ прошломъ году при раскопкахъ въ Бѣлорѣченской станицѣ, Кубанской области. Найденный въ немъ скелетъ прекрасно сохранился, только черепъ раздробленъ. Черепъ и плечи лежатъ на мелкихъ угляхъ. Въ головахъ стоитъ металлическая чаша съ остатками затвердѣвшей нищи. Другая такая же чаша находится у лѣвой руки и трепья — подъ правымъ плечемъ скелета. У лѣвой руки находится также большая металлическая шашка съ золоченой рукояткой, а у правой — козачанъ съ серебряной бляхой, наполненный стрѣлами. Талию скелета охватываетъ золотой поясъ. Нахождение бронзоваго гроба большая рѣдкость. Можно предполагать, что въ этомъ гробу былъ похороненъ знатный воинъ. Находку относятъ къ XII—XIV вѣку. Присланный даръ будетъ помѣщенъ въ «Кавказской залѣ» музея.

Мѣсто убіенія митрополита Филиппа. За послѣднее время неоднократно въ печати поднимался вопросъ о необходимости приведенія въ порядокъ и

вообще благоустройство историческихъ и памятныхъ мѣстъ русскаго народа. Къ числу такихъ же заброшенныхъ мѣстъ принадлежитъ мѣсто убіенія Малютой Скуратовымъ митрополита Филиппа, какъ извѣстно, задушеннаго въ кельѣ Отрочь-монастыря, въ Твери. На этомъ мѣстѣ сохранилась старинная, но хорошо реставрированная церковь, а подъ нею находятся своды темницы—кельи святителя. Окна и стѣны ея уцѣлѣли, но теперь это не что иное, какъ подвалъ, и мѣсто кончины митрополита обращено въ кладовую домашней монастырской утвари. Нынѣ, какъ сообщаютъ газеты, новый архіепископъ тверской, преосвященный Дмитрій, обратилъ вниманіе на означенный подвалъ, который предназначенъ къ расчисткѣ и приведенію въ достойный историческаго значенія видъ.

† **Н. А. Новосельскій.** Въ Ялтѣ скончался въ ночь на 25-е сентября членъ совѣта министра финансовъ, тайный совѣтникъ Николай Александровичъ Новосельскій, принадлежавшій къ числу видныхъ общественныхъ дѣятелей. Особенно благотворно отразилась дѣятельность покойнаго на благоустройствѣ города Одессы, въ которомъ Н. А. былъ городскимъ головою въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. Покойный родился въ 1818 году, образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ по философскому факультету. Въ 1853 году онъ избранъ былъ директоромъ-распорядителемъ пароходнаго общества «Меркурій» и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя организаціи пароходныхъ рейсовъ по Волгѣ, Каспійскому и Черному морямъ. Онъ явился въ 1856 году однимъ изъ учредителей «Русскаго общества пароходства и торговли» и общества «Кавказъ». По его инициативѣ и предложенію общества «Кавказъ» и «Меркурій» слились въ одно общество. Волга была соединена съ Дономъ желѣзною дорогою, «Русское общество пароходства и торговли» обогатилось новыми пароходами, сдѣланными въ Англии, и проч. Одно время покойный завѣдывалъ Кавказскими минеральными водами. Въ 1867 г. онъ былъ избранъ одесскимъ городскимъ головою. Покойный извѣстенъ не только какъ общественный дѣятель, но и какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ, «Соціальныя вопросы въ Россіи», «Средства къ подъему законодательныхъ силъ Россіи», «Объ установленіи единства и стройности денежной системы» и др. («Нов. Вр.» №№ 8116, 8119, 8128, 8129; «Моск. Вѣд.» № 280; «Русск. Вѣд.» № 210).

† **Е. И. Конради.** 7-го октября, въ Парижѣ, скончалась русская писательница, Евгенія Ивановна Конради, одна изъ представительницъ движенія шестидесятыхъ годовъ. Покойная Е. И. Конради, рожденная Бочечкарова, родилась въ 1838 году въ Москвѣ и получила домашнее воспитаніе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ она около двухъ лѣтъ занимала мѣсто классной дамы въ старшемъ классѣ Петровскаго училища для дѣвицъ (нынѣ Александровско-Маринскій институтъ въ Москвѣ), затѣмъ была гувернанткой и, выйдя замужъ за врача Конради, стала заниматься литературой, сперва въ качествѣ переводчицы, а потомъ сотрудницы по политическому, иностранному, критическому и педагогическому отдѣламъ разныхъ изданій. Въ 1863—1865 гг. въ «Русскомъ Словѣ» она печатала переводы романовъ Шильягена и Эркмана-Шатриана и

помѣстила статью «Рабство въ Америкѣ»; въ 1865 г. вела отдѣлъ иностранной хроники въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» при редакціи П. Л. Лаврова, а въ слѣдующемъ году сдѣлалась сотрудницей журнала «Женскій Вѣстникъ», гдѣ помѣстила цѣлый рядъ замѣтокъ о книгахъ, относящихся къ женскому вопросу, и другихъ, а также завѣдывала отдѣломъ «Заграничная жизнь». Начавъ сотрудничать въ 1868 г. въ преобразованной «Недѣлкѣ», она съ 1869 г., вмѣстѣ съ Ю. А. Росселемъ и П. А. Гайдебуровымъ, сдѣлалась собственницей этой газеты, вела въ ней политическое обозрѣвіе, помѣстила нѣсколько критическихъ и педагогическихъ статей, и въ 1874 г. вышла изъ числа ея соиздателей. Около этого времени она сотрудничала въ научномъ журналѣ «Знаніе» («Значеніе случая въ жизни рабочаго», критика политико-экономической теоріи Дюринга и друг.), въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», педагогическомъ журналѣ г-жи Цебриковой «Воспитаніе и Обученіе» и другихъ изданіяхъ. Кромѣ статей, Е. И. Конради напечатаны отдѣльно: «Исповѣдь матери», «Общественныя задачи домашняго воспитанія. Книга для матерей», «Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей». Кромѣ того, ей же принадлежатъ изданные отдѣльно переводы: «Несчастные (Les Misérables)» Виктора Гюго, «Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ», Макса Вирта, «Американцы у себя дома», Давида Мэкри и проч. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ Е. И. Конради уѣхала за границу, гдѣ и проживала постоянно. Помимо своей дѣятельности, покойная одно время пользовалась нѣкоторою популяренностью, какъ ревнительница «женской эмансипаціи». Въ 1867 году она внесла на собравшійся тогда въ Петербургѣ съѣздъ естествоиспытателей записку о необходимости научнаго образованія для женщинъ. Эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ съѣздъ не имѣлъ права входить въ обсужденіе педагогическихъ вопросовъ и поэтому долженъ былъ ограничиться выраженіемъ сочувствія къ основной идеѣ записки. Но въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. на имя ректора с.-петербургскаго университета поступило заявленіе отъ 400 женщинъ съ просьбой объ устройствѣ «лекцій или курсовъ для женщинъ», организованное при участіи Е. И. Конради, которое хотя и не привело къ солиднымъ результатамъ, но составило одинъ изъ замѣтныхъ эпизодовъ тогдашней агитаціи. («Нов. Вр.» № 8126, «Русск. Вѣд.» № 220).

† А. Д. Михельсонъ. 3-го октября, скончался старѣйшій изъ служащихъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, помощникъ бібліотекаря Алексѣй Давидовичъ Михельсонъ на 62 году своей жизни. Покойный, по окончаніи гимназическаго курса, слушалъ въ теченіе трехъ лѣтъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета. По выходѣ изъ университета А. Д. Михельсонъ служилъ нѣкоторое время въ городскомъ управленіи и другихъ учрежденіяхъ, а затѣмъ перешелъ въ Публичный и Румянцовскій музеи, гдѣ вскорѣ занялъ должность помощника бібліотекаря. Служебная дѣятельность покойнаго въ музеяхъ продолжалась свыше 20 лѣтъ. На ряду съ нею А. Д. Михельсонъ усердно занимался переводами. Такъ имъ переведено съ нѣмецкаго «Руководство къ анатоміи челоуѣка» Гиртля, вышедшее въ нѣсколькихъ книгахъ. Затѣмъ ему принадлежитъ переводъ сочиненія Рамбо: «Живописная исторія древней и новой Россіи», появившійся въ 1884 году.

Начиная съ 1861 года, покойный былъ занятъ составленіемъ «Объяснительнаго словаря иностранныхъ словъ», вошедшихъ въ употребленіе на русскомъ языкѣ, съ объясненіемъ ихъ корней. «Словарь» вышелъ въ 12 изданіяхъ, причѣмъ послѣднее изданіе появилось въ текущемъ году. Кромѣ того, послѣ А. Д. Михельсона остались другіе переводы. Такъ, между прочимъ, онъ принималъ участіе въ переводѣ съ нѣмецкаго «Исторіи евреевъ» Грегца. («Моск. Вѣд.» № 274; «Нов. Вр.» № 8122).

† **С. З. Бураковскій.** 23-го октября, скончался въ Новгородѣ преподаватель словесности и инспекторъ мѣстнаго реального училища Сергѣй Захаровичъ Бураковскій. Покойный пользовался извѣстностью, какъ авторъ нѣсколькихъ учебныхъ книгъ и статей, преимущественно по исторіи русской литературы, русской словесности и исторіи театра. Его статьи печатались въ педагогическихъ журналахъ, «Суфлеръ», въ «Театральной библіотекѣ» и др. Изъ учебныхъ книгъ, составленныхъ покойнымъ, наиболѣе популярны «Историческій очеркъ русской литературы отъ Петра Великаго до смерти Гоголя» и «Руководство къ изученію литературы до-петровскаго періода». С. З. родился въ 1843 году. По окончаніи курса въ сиб. третьей гимназій, въ которой онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ В. Я. Стоюнина, покойный поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ университетѣ С. З. принялъ участіе въ переводѣ съ чешскаго языка сочиненія Томки «Исторія Чехій». Выйдя изъ университета, онъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и уѣхалъ въ Новгородъ, куда опредѣлился въ 1868 году учителемъ мѣстной гимназій. Въ 1870-хъ годахъ С. З. участвовалъ въ качествѣ постоянного сотрудника въ журналахъ «Сіяніе» Турбы, «Школьная жизнь» Столянинскаго и «Музыкальный Свѣтъ» Карцева. Въ послѣднемъ журналѣ С. З. напечаталъ рядъ біографическихъ очерковъ о представителяхъ русской драматической сцены. Съ 1886 года онъ издавалъ отдѣльныя брошюры и книги, въ которыхъ далъ рядъ разборовъ выдающихся произведеній русскихъ писателей. («Нов. Вр.» № 8143).

† **А. А. Смирновъ.** 9-го октября въ клиникѣ Вилліе, скончался на 35-мъ году работавшій въ цѣломъ рядѣ петербургскихъ повременныхъ изданій Александръ Александровичъ Смирновъ. Покойный, кандидатъ правъ С.-Петербургскаго университета, началъ работу въ петербургской печати статьями по разнымъ вопросамъ общественной жизни, въ «Петербургскомъ Листкѣ» былъ одно время секретаремъ редакціи этой газеты, а потомъ несъ редакторскія обязанности въ «Русской Жизни». Послѣ прекращенія «Русской Жизни» онъ опредѣлился въ министерство финансовъ и служилъ податнымъ инспекторомъ въ г. Мариамполѣ. («Нов. Вр.» № 8125).

† **А. О. Лишинъ.** Въ октябрѣ мѣсяцѣ, скончался въ глубокой старости ген.-лейт. Андрей Фѣдоровичъ Лишинъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ 1801 году и получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. По окончаніи курса А. О., 18 лѣтъ, вступилъ въ военную службу юнкеромъ и черезъ годъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Житомирскій пѣхотный полкъ. Съ 1827-го по 1830-й годъ онъ, состоя адъютантомъ при начальникѣ штаба цесаревича

Константина Павловича, командовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ школою военныхъ кантонистовъ, набранныхъ изъ Кіевскаго, Псковскаго, Витебскаго, Смоленскаго и Херсонскаго баталіоновъ и поступившихъ въ числѣ 500 человекъ въ распоряженіе его высочества цесаревича. Когда въ 1830 году въ Польнѣ вспыхнуло возстаніе, и когда начальникомъ школы былъ назначенъ польскій маіоръ, покойный былъ взятъ въ плѣнъ въ числѣ другихъ генераловъ и офицеровъ въ первый же день бунта и заключенъ въ Крулевскомъ замкѣ. По подавленіи польскаго возстанія, А. Θ. былъ прикомандированъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ 1840 году онъ назначенъ былъ командиромъ роты подпрапорщиковъ. Въ это время ему была пожалована серебряная медаль «за спасеніе погибавшихъ» во время купанья на Петергофской паровой пристани воспитанниковъ школы и Пажскаго корпуса. Въ 1849 А. Θ. былъ назначенъ директоромъ строительнаго училища (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ) и занималъ эту должность въ продолженіе 23 лѣтъ. Воспоминанія А. Θ. Липина о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1830—1831 годахъ напечатаны были въ журналѣ «Русская Старина». («Новое Время» № 8144).

† **Н. Ф. Борель.** Въ первой половинѣ октября, въ С.-Петербургѣ, скончался художникъ-литографъ, Петръ Федоровичъ Борель. Покойный былъ извѣстенъ, какъ портретистъ, и еще недавно на первой выставкѣ печатнаго дѣла былъ награжденъ за свои художественныя работы на камнѣ большой золотой медалью. Всю долгую жизнь (умеръ 69 лѣтъ) Борель посвятилъ своей специальности, и имя его постоянно встрѣчалось на страницахъ большихъ иллюстрированныхъ изданій. Будучи еще ученикомъ императорской академіи художествъ, онъ работалъ уже въ нихъ. Когда извѣстный петербургскій литографъ А. Θ. Мюнстеръ предпринялъ обширное художественное изданіе—«Портретную галерею русскихъ дѣятелей», Борель много лѣтъ былъ его главнымъ сотрудникомъ и исполнителемъ почти всѣхъ портретовъ. («Нов. Вр.» № 8131).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу воспоминаній К. К. Жерве о графѣ М. Н. Муравьевѣ.

Въ № 298 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 29 октября 1898 г. г. Кулинь опровергаетъ нѣсколько ошибокъ, вкрапившихся въ записки К. К. Жерве, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Такъ, въ частности, г. Кулинь считаетъ недостовернымъ разсказъ автора воспоминаній о томъ, «что на первомъ общемъ представленіи чиновниковъ, духовенства, дворянства, въ томъ числѣ губернскаго предводителя дворянства графа Тышкевича, кавалера Анны первой

степени со звѣздой, и многихъ другихъ лицъ, Муравьевъ, будто бы, обратился къ графу Тышкевичу съ слѣдующими словами (авторъ ставитъ эти слова, какъ бы несомнѣнно сказанныя Муравьевымъ, между кавычками): «Вы, ваше сіятельство, по сіе время находили всегда особыя причины не исполнять точно и добросовѣстно приказаній, которыя были вамъ передаваемы бывшимъ генераль-губернаторомъ въ духъ требованій русскаго правительства. Не совѣтую вамъ при мнѣ не исполнить какое бы то ни было мною данное приказаніе иначе какъ въ самой ценетивельной точности, безъ малѣйшаго разсужденія, а тѣмъ болѣе противорѣчія. Въ противномъ случаѣ, предупреждаю ваше сіятельство, что ни это (онъ показалъ на ленту), ни это (онъ ткнулъ въ звѣзду) не спасутъ васъ отъ висѣлицы!» Вымышленность этого разсказа подтверждается, по словамъ г. Кулина, тѣмъ, что виленскимъ губернскимъ предводителемъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, былъ не графъ Тышкевичъ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Домейко, лицо, преданное законному русскому правительству. Былъ уѣздный предводитель дворянства графъ Иванъ Тышкевичъ, но онъ въ 1861 году, то-есть за два года до пріѣзда Муравьева въ Вильну, по высочайшему повелѣнію былъ уволенъ отъ должности за политическую неблагонадежность.

Далѣе, г. Кулинъ останавливается на разсказѣ о казни ксендза въ Вильнѣ. Разсказъ состоитъ въ томъ, что графъ Муравьевъ съ улыбкой отдавалъ приказанія о совершеніи казни какъ можно торжественнѣе, что на мѣстѣ, гдѣ зарыли повѣшеннаго ксендза, въ продолженіе цѣлой ночи собирались различныя лица, особенно женщины, и на колѣняхъ молились, и что по докладу о томъ графъ Муравьевъ, опять съ улыбкою, приказалъ залить все это мѣсто 40 бочками нечистотъ. Какъ очевидецъ, г. Кулинъ положительно доказываетъ безусловную невѣрность всего разсказа. По приглашенію графа Муравьева г. Кулинъ два раза былъ у него въ день казни, до и послѣ ея совершенія, причемъ присутствовалъ на самой казни. «Въ то памятное для меня утро, пишетъ г. Кулинъ, въ девятомъ часу, я вошелъ въ кабинетъ Муравьева; онъ былъ одинъ, сидѣлъ въ креслѣ, очень серіозный и, какъ показалось мнѣ, чѣмъ-то нѣсколько обезпокоенный. Онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за печальною процессіей, оставаться на мѣстѣ исполненія приговора до конца и затѣмъ тотчасъ же явиться къ нему и доложить обо всемъ, мною видѣнномъ. Исполнивъ данное приказаніе, я снова вступилъ въ его кабинетъ и напелъ его въ томъ же креслѣ, попрежнему весьма серіознымъ. Онъ быстро обратился ко мнѣ: «ну, что? какъ? видѣли? говорите». Я разсказалъ все, что видѣлъ. Тогда онъ поручилъ мнѣ составить замѣтку о происшедшемъ для «Виленакаго Вѣстника». Онъ былъ замѣтно взволнованъ. Никогда впоследствии такимъ я его не видалъ. Засимъ, г. Жерве пишетъ «ксендзъ былъ снятъ съ висѣлицы только въ 6 ч. вечера»; но ксендзъ не былъ повѣшенъ, а разстрѣленъ, и уже потому трупъ его не могъ оставаться на мѣстѣ казни до 6 ч. вечера. Вымыселъ о «40 бочкахъ» не заслуживаетъ опроверженія; простаго здраваго смысла достаточно, чтобы доказать его несостоятельность. Вѣдь, если бы было такъ, какъ пишетъ г. Жерве, то о такомъ чудовищномъ фактѣ голосила бы вся Вильна, весь край и вся польская и заграничная печать; знали бы и мы, жившіе въ то время въ Вильнѣ; но ничего подоб-

наго, даже слуха отомъ не было». Въ заключеніе, г. Кулинъ оговаривается, что не считаетъ Жерве авторомъ этихъ разсказовъ, такъ какъ признаетъ правильной общую оцѣнку подвиговъ графа Муравьева, дѣлаемую авторомъ «Воспоминаній».

II.

Къ воспоминаніямъ Е. И. Раевской.

Въ «Воспоминанія» Е. И. Раевской («Историческій Вѣстникъ» ноябрь, 1898 г., стран. 541 и 542) вкралась ошибка: императрица Екатерина II посѣтила Александра Пльича Бибикова въ его собственномъ имѣніи Стрѣльнѣ, а не въ Барцовкѣ, принадлежащей кн. Козловскимъ (близкимъ сосѣдямъ и родственникамъ Бибиковыхъ). Въ селѣ Стрѣльнѣ ея величество слушала божественную литургію въ церкви св. апостоловъ Петра и Павла, а по окончаніи оной изволила откушать въ домѣ господина Бибикова. Подробное описаніе этого посѣщенія находится въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. П. Бибикова» (см. приложение № 7 ко второму изданію 1865 г.) и въ «Прибавленіи» къ №№ 46 и 47 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 8 и 12 іюня 1767 года.

С. Бибикова.

III.

Дополненія къ статьѣ «Вѣлинскій въ русской литературѣ».

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» была напечатана статья г. Д. Я. «Вѣлинскій въ русской литературѣ». Считаю нелишнимъ возстановить нѣкоторые, мнѣ извѣстные, пропуски, сдѣланные въ статьѣ г. Д. Я.

1876 г. «Новыя данныя для біографіи Вѣлинскаго», Евгальчева (Русская Старина, кн. 1—2).

1877 г. «Эпоха Вѣлинскаго», С. Шаликова (Дѣло, кн. 1, 3—5, 7—8).

1879 г. «Систематическій указатель къ сочиненіямъ Вѣлинскаго», К. Петрова (Сиб., 1879 г.).

1880 г. «О времени рожденія Пушкина и Вѣлинскаго», Н. Мизко (Русская Газета, № 66).

1882 г. «Просвѣтительныя идеи Вѣлинскаго», Н. Туркина (Сиб., 1882). Рецензія въ Дѣлѣ 1882 г., № 8.

1884 г. «Памяти Вѣлинскаго», В. Ермилова (Россія, № 37).

1885 г. Рецензія на книгу Пв. Теокистова: «Сводъ мнѣній Вѣлинскаго о дѣтской литературѣ», П. Петрова (Педагогическій Сборникъ, кн. 2).

Біографія Вѣлинскаго, А. Островской (въ книгѣ: «Пскры Божьи». Сиб., 1885 и отдѣльно).

«Просвѣтительныя идеи Вѣлинскаго», Н. Туркина. 2-е изданіе (М., 1886 г.).

1888 г. «Катковъ и Бѣлинскій», С. Невѣдѣнскаго (Русскій Вѣстникъ, кн. 6).

1891 г. Статья о Бѣлинскомъ П. М. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», изданіе Брокгауза и Ефрона, т. V.

Рецензіи на книжку М. Протопопова: 1) Сѣверный Вѣстникъ, № 6, 2) В. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ № 7, 3) Н. Л. въ Образованіи 1892 г., № 2.

1892 г. Рецензія на «Ленту Бѣлинскаго» въ Русской Мысли, кн. 3.

1894 г. «Бѣлинскій», А. Скабичевскаго (Міръ Божій, кн. 9—10).

Н. Бахтинъ.

то у Испиланти и не было. Къ тому же онъ былъ болѣзненно-щекотливъ на счетъ своего достоинства, и смѣшно было слышать, какъ онъ кричалъ своимъ визгливымъ голосомъ, при своей тщедушной фигурѣ:

— Я такъ хочу!! Я такъ приказываю!..

Этой слабостью умѣло пользовался Германъ, занимавшій первое мѣсто послѣ него въ сенатѣ, и постоянно льстилъ ему, поэтому и князь соглашался съ нимъ во всемъ.

— Ты правъ, любезный архіепископъ, — говорилъ онъ: — я желаю, чтобы всѣ уважали церковь, но, любезный архіепископъ, нельзя не обратить вниманія на то, что намъ скажетъ нашъ другъ главнокомандующій, хотя я, по волѣ гетеріи, поставленъ надъ вами обоими.

Когда же Петровій начиналъ излагать, что необходимо было взять Триполи, такъ какъ пора было бросить внутренніе раздоры и вести впередъ армію, у которой припасы начинали истощаться, то князь Димитрій отвѣчалъ:

— Ты совершенно правъ, любезный Петровій, и я вполне согласенъ, что намъ нечего терять время. Сзови военный совѣтъ, и рѣшите, что дѣлать, а потомъ резолюцію совѣта представь на мое утверждение. Я помню, ты говорилъ о необходимости сформировать кавалерійскій отрядъ. Я считаю этотъ планъ очень полезнымъ и хотѣлъ бы подробнѣе о немъ поговорить. Да, да, ты правъ. Намъ надо торопиться. Но сейчасъ подадутъ обѣдъ, и я былъ бы очень радъ, господа, если бы вы оба сдѣлали мнѣ честь отобѣдать у меня. Отложимъ дѣла дозавтра. Слава Богу, мы сегодня кое-что сдѣлали.

Николай видѣлъ, что ему нельзя рассчитывать на помощь Испиланти, и сталъ всячески противодѣйствовать Герману, присутствіе котораго въ лагерѣ онъ считалъ самымъ вреднымъ, такъ какъ оцѣ порождало интриги, ссоры и распри. Въ засѣданіяхъ сената онъ оспаривалъ всѣ мнѣнія Германа, хотя бы даже они были полезны, и, въ своей ненависти къ архіепископу, принималъ сторону такихъ людей, какъ Порнилопулосъ и Агностосъ, презрѣнные разбойники, искатели приключеній.

Каждый день засѣданія сената становились все безпорядочнѣе, такъ что наконецъ князь Димитрій понялъ, что онъ въ глазахъ сената ничто. Николай не отличался личнымъ самолюбіемъ, и если поддерживалъ армію противъ церкви, то по убѣжденію, что раздвоенность въ національныхъ совѣтахъ губить святое дѣло освобожденія родины.

Наступила уже вторая половина іюня, а войска все еще находились въ бездѣйствіи. Петровію удалось побудить князя распорядиться на счетъ продовольствія лагеря, но все еще никакихъ не принималось мѣръ къ веденію осады Триполи. Однажды, по обыкновенію въ сенатѣ произошла ожесточенная схватка между Колотрона и Николаемъ съ одной стороны и Германомъ и Харалам-

босомъ съ другой. Тщетно Ипсиланти старался возстановить порядокъ, и наконецъ Германъ, выведенный изъ терпѣнія жестокими нападками Николая, вскочилъ изъ-за стола и объявилъ, что не будетъ болѣе принимать участія въ засѣданіяхъ сената.

— Пора положить этому конецъ! — прибавилъ онъ: — давно ли ты, Николай, клялся, что будешь повиноваться мнѣ?

— Да, во всемъ, что касается духовныхъ дѣлъ, — отвѣтилъ Николай: — и то во славу Божию, а не во славу Германа.

Сидѣвшій рядомъ съ Николаемъ, Колокотрони одобрительно хлопалъ въ ладоши.

— Молчать, пока я здѣсь! — воскликнулъ Германъ: — но я сейчасъ уйду отсюда и никогда болѣе не вернусь. Увидимъ, что скажетъ народъ, когда узнаетъ, какъ со мною здѣсь обходятся.

— Ступай къ народу! Ступай къ майнотамъ! — воскликнулъ Николай: — увидимъ, какъ они тебя примутъ!

— Къ майнотамъ! — воскликнулъ Германъ: — да они не многимъ лучше турокъ.

— Любезный архіепископъ, любезный архіепископъ, — произнесъ Ипсиланти.

— Но есть въ Греціи благородные и преданные люди, кромѣ этихъ собакъ, — продолжалъ Германъ, не обращая никакого вниманія на слова князя.

— Архіепископъ, — повторилъ Ипсиланти съ нѣкоторымъ достоинствомъ: — я приказываю, чтобъ ты замолчалъ.

— Ты приказываешь? — воскликнулъ Германъ внѣ себя отъ злобы и презрительно захохоталъ.

Князь Димитрій покраснѣлъ, и въ сенатѣ водворилось молчаніе. Въ первый разъ этотъ слабохарактерный человѣкъ показалъ себя гордымъ, повелительнымъ начальникомъ.

— Потрудись, архіепископъ, занять свое мѣсто, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Германъ посмотрѣлъ на всѣхъ присутствовавшихъ и не могъ не замѣтить, что они не спускали удивленныхъ глазъ съ князя.

— Я лучше уйду отсюда, — сказалъ онъ гнѣвно: — я болѣе не принимаю участія въ дѣлахъ сената.

— Ты не желаешь исполнить моей просьбы, — произнесъ громко и повелительно Ипсиланти: — я тебѣ приказываю — садись.

Гнѣвъ архіепископа мгновенно исчезъ, и онъ понялъ, что навсегда лишился расположенія. Конечно, князь самъ по себѣ былъ ничтожество, но онъ представлялъ высшую власть въ странѣ. Всѣ планы гордаго, самолюбиваго человѣка были разомъ разсѣяны, и онъ блѣдный, убитый опустился на свое мѣсто.

— Я чувствую, — произнесъ Ипсиланти послѣ минутнаго молчанія: — что не смогу сдѣлать того добра, къ которому стремился, и что всѣ мои усилія тщетны. За исключеніемъ главнокомандующаго

сенату не угодно было обращать на меня вниманіе; онъ ведетъ себя такъ, какъ будто меня вовсе не было здѣсь. Только отъ Петровіа я видѣлъ уваженіе и любезность. Партія церкви въ особенности приняла на себя такой дерзкій тонъ, какого я терпѣть не хочу. Вы, господа, видѣли, какой только что примѣръ представилъ имъ архіепископъ. Я очень сожалѣю, что долженъ съ вами разстаться, но это необходимо, и уже давно я предвидѣлъ подобный исходъ. Сегодня я уѣду изъ лагеря. Засѣданіе закрыто.

Онъ поклонился всѣмъ и, обращаясь къ Петровіу, прибавилъ: — Пойдемъ со мною, мы выйдемъ отсюда вмѣстѣ.

И, взявъ его за руку, Ипсиланти направился къ дверямъ.

Спустя полчаса, онъ выѣхалъ изъ лагеря съ небольшой свитой. Но причина его удаленія тотчасъ стала извѣстна въ Трикорфѣ, и вся армія, уважавшая его за дружбу къ Петровіу и за его высокое положеніе въ могущественной гетеріи, гнѣвно возстала противъ духовенства. Произошли беспорядки и еслибъ Петровій съ другими вождями, не исключая Николая, не скрыли духовныхъ лицъ въ безопасномъ мѣстѣ, то дѣло кончилось бы кровопролитіемъ. Одинъ Германъ, отличавшійся смѣлой храбростью, отказался отъ всякой защиты, и когда одинъ майнотъ плюнулъ ему въ лице, то онъ нанесъ ему такой ударъ, что онъ грохнулся на землю. Майноты такъ уважали силу и мужество, что почтительно разступились и пропустили человѣка, котораго за минуту передъ тѣмъ хотѣли убить.

Цѣлый день волновались греки, и значительное ихъ число требовали выдачи имъ оружія, сложеннаго въ особомъ мѣстѣ, чтобъ раздѣлаться съ людьми, занимавшимися только интригами и заставившими Ипсиланти покинуть лагерь. Они были хуже измѣнниковъ, а во время войны измѣнникъ опаснѣе непріятеля. На другой день возбужденіе противъ духовенства дошло до крайности, и наконецъ всѣ начальники собрались къ Петровіу и объявили, чтобъ онъ вернулъ князя, а иначе дѣло кончится смертью всѣхъ духовныхъ лицъ въ лагерѣ.

Петровій согласился лично поѣхать за Ипсиланти, такъ какъ дѣйствительно онъ боялся дурныхъ послѣдствій его удаленія изъ лагеря. Онъ догналъ его въ Леондари, близъ Мегалополиса, и отъ имени всей арміи, а также духовенства просилъ вернуться. Сначала князь не хотѣлъ согласиться, но потомъ онъ понялъ, что его возвращеніе въ гетерію при такихъ обстоятельствахъ было бы очень печально, а напротивъ водвореніе въ греческомъ лагерѣ послужило бы для него торжествомъ и доказало бы, какой онъ былъ великій дипломатъ. Поэтому въ концѣ недѣли, князь вернулся и былъ встрѣченъ съ восторгомъ всей арміей, а Германъ публично передъ нимъ извинился, что онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего возвращенія. Конечно, подобное униженіе было нестерпимо для гордаго архіепископа, а Николай ликовалъ.

Весь іюль мѣсяцъ продолжалось царствованіе неспособнаго, но честнаго Ипсиланти. Онъ сталъ еще нерѣшительнѣе прежняго, и болѣзнь воли, составлявшая главную черту его характера, проявлялась еще рѣзче прежняго. Триполи попрежнему держался, и Ахметъ-бей, хотя понималъ невозможность пробиться съ своими войсками черезъ толпы осаждающихъ, но не думалъ о сдачѣ. У него было достаточно продовольствія на три мѣсяца, и Магометъ-Саликъ громко заявлялъ, что въ Триполи было безопаснѣе, чѣмъ во всей остальной Греціи.

Дни шли за днями, и дѣло освобожденія страдало отъ непонятныхъ проволочекъ.

VIII.

Въ началѣ августа получено извѣстіе, что турки въ Монемазѣи предлагаютъ сдаться. До этого они додумались, благодаря осадѣ съ моря судами изъ Спеціи и съ сухого пути полкомъ возставшихъ грековъ. Князь Димитрій внесъ вопросъ о капитуляціи на разсмотрѣніе сената, и по этому поводу высказалось много противоположныхъ мнѣній. Николай и Петровій полагали, что туркамъ надо дать свободный пропускъ въ Смирну или въ какой другой мало-азіатскій портъ, но съ условіемъ, что они положатъ оружіе и заплатятъ за расходы по осадѣ, а, кромѣ того, внесутъ десять тысячъ турецкихъ фунтовъ, которые раздѣлятся на три части между арміей, флотомъ и національной казной. Германъ съ своей партіей возсталъ противъ этого. Монемазѣя была однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Пелопонеза, и онъ предложилъ, чтобъ ея обитатели купили свою жизнь цѣною всего ихъ имущества. Князь Димитрій ударился въ противоположную крайность. Гетерія возьметъ на себя уплату недоплаченного солдатамъ жалованья, такъ какъ именно для этого она и собрала свой фондъ; но получивъ все, что имъ слѣдовало, солдаты не должны были думать о наживѣ; узнавъ же о легкихъ условіяхъ капитуляціи Монемазѣи, турки въ Триполи склонились бы охотнѣе къ сдачѣ. Наконецъ споръ перешелъ въ рукопашную, и среди общаго смятенія князь Димитрій заставилъ повелительнымъ тономъ всѣхъ молчать. Со времени исторіи съ Германомъ, онъ пользовался авторитетомъ, и когда возвышалъ голосъ, то его слушались.

— Я отправлюсь лично въ Монемазѣю, — сказалъ онъ: — и въ качествѣ главнокомандующаго арміей, а также вице-короля, назначеннаго гетеріей, поведу переговоры о сдачѣ города. Тамъ войска, говорятъ, выбились изъ рукъ, а отсюда я возьму майнотовъ подъ начальствомъ Петровія. Тамъ мы возобновимъ обсужденіе условій капитуляціи, но я надѣюсь, что будемъ вести себя приличнѣе.

Но сенатъ слишкомъ долго привыкалъ къ его слабохарактерности, чтобъ поддаться на удочку, и его повинительный тонъ ка-

зался въ высшей степени комичнымъ Петровій, всегда поддерживавшій князя, на этотъ разъ нашелъ нужнымъ ему возразить.

— Ваша свѣтлость, конечно, не забыли, что осада продолжается три мѣсяца, и что она исключительно—дѣло народа. Гетерія не ударила пальцемъ о палець. Поэтому одни осаждающіе имѣютъ право преписывать условія сдачи, и имъ однимъ или ихъ предводителю долженъ сдать городъ.

Князь вспыхнулъ.

— Значитъ, я не главнокомандующій всей греческой арміи?

— Ты главнокомандующій всей арміей, которую создала и содержитъ гетерія. Но отрядъ, осаждающій Монемазію, сформированъ на частныя средства и задолго до твоего назначенія гетеріей, а съ тѣхъ поръ, что ты въ Мореѣ, ты принялъ этотъ отрядъ подъ свою команду и не оказалъ имъ никакой помощи. Начальникъ тамошнихъ сухопутныхъ силъ членъ нашего сената, и, вѣроятно, онъ исполнитъ его распоряженія.

— Скорѣе, чѣмъ распоряженія вице-короля?

— Вице-король также членъ сената,—возразилъ Петровій.

Князь задумался.

— Хорошо, — сказали онъ наконецъ: — сенатъ рѣшить, чѣмъ именемъ занять Монемазію—сенатскимъ или моимъ.

Впервые греки забыли всѣ препирательства, и единогласно было рѣшено, что Монемазія будетъ занята именемъ сената.

Затѣмъ возобновились пренія относительно условій сдачи, но такъ какъ безспорно начальникъ осаждающаго отряда имѣлъ болѣе авторитета по этому вопросу, чѣмъ предводители войскъ, окружавшихъ Триполи, то Германъ, вѣроятно, съ цѣлью перещегоолять Николая предложилъ порѣшить этотъ вопросъ князю при содѣйствіи начальника греческаго отряда. Николай на это охотно согласился, зная, что Петровій будетъ сопровождать князя, и прибавилъ съ улыбкой, что справедливое замѣчаніе Германа еще болѣе относится къ вожакамъ духовенства.

Такимъ образомъ центръ войны перенесли въ Монемазію, и въ продолженіе всего августа половина греческой арміи оставалась праздною подъ Триполи, и въ отсутствіе князя стали снова распространяться духовными лицами скандальныя слухи. Германъ, хотя и зналъ о происходившемъ, держался въ сторонѣ и не вмѣшивался во внутреннія дѣла лагеря, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣлалъ ни шага къ уничтоженію скандальныхъ интригъ.

Для Николая, однако, этотъ мѣсяцъ представилъ много труда: съ одной стороны онъ заботился о правильномъ устройствѣ продовольствія, а съ другой обучалъ новобранцевъ. Подъ его умѣлымъ руководствомъ свѣже организованныя войска стали принимать серіозную организацію. Другіе военачальники слѣдовали его примѣру, хотя многіе изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о воен-

номъ дѣлѣ. Но несмотря на распространеніе между греками большей или меньшей дисциплины, они все болѣе и болѣе убѣждались въ полной неспособности князя къ предводительствованію большою арміей. Со времени его отбытія въ Монемазію исчезла послѣдняя тѣнь его власти, а когда получились извѣстія о происшедшемъ въ этомъ городѣ, то онъ сдѣлался вполне комичной фигурой въ глазахъ всѣхъ.

Ночные набѣги по окрестностямъ Триполи прекратились, такъ какъ онѣ уже были совершенно опустошены, и ни въ лагерѣ, ни вокругъ его не замѣчалось никакого движенія. Турки знали, что было бесполезно дѣлать нападеніе на Трикафу, а греки не думали до возвращенія Петровія штурмовать городъ, и Митсось размышляя однажды ночью случайно набрелъ на мысль, естественный плодъ праздности.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ сожженія турецкаго корабля онъ не тревожился насчетъ Зулеймы и утѣшалъ себя мыслию, что Господь сохранитъ ее до возможности свидѣться съ нимъ. Долго онъ даже не думалъ о томъ, что она должна была находиться въ осажденномъ городѣ, который рано или поздно долженъ былъ сдать, и тогда, по всей вѣроятности, произойдутъ такія же сцены грабежа и насилія, какъ въ Каламатѣ, или состоится штурмъ съ неизбѣжной рѣзней на улицахъ. Даже въ послѣднемъ случаѣ Зулейма могла избѣгнуть опасности, если бы она исполнила его совѣтъ и сказала погречески осаждающимъ, что она ихъ соотечественница. Но теперь, когда миновали возбуждающія воинственную душу стычки съ турками, и наступило утомительное бездѣйствіе и споры съ духовными лицами, онъ сталъ сердечно терзаться при мысли о тѣхъ опасностяхъ, которыя могли разразиться надъ ея головой. Въ сущности при осадѣ города не могло быть и рѣчи о безопасности. Случайная пуля или сердитый грекъ могли во всякое время пробудить ужасную рѣзню. Точно также былъ возможенъ пожаръ тѣснаго жилища съ неизбѣжными человѣческими жертвами.

Въ означенную ночь опасенія Митсоса приняли особенно рельефный характеръ. Въ его глазахъ проходилъ рядъ ужасающихъ катастрофъ, въ которыхъ главной жертвой была Зулейма. Онъ вышелъ на чистый воздухъ и безнадежно устремилъ свои взоры на пять или шесть большихъ домовъ, возвышавшихся на городской стѣнѣ, и въ каждомъ окнѣ этихъ домовъ ему видѣлась Зулейма, томившаяся въ заключеніи.

Эти зловѣщія миражи становились все томительнѣе и томительнѣе; наконецъ онъ не выдержалъ, и, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлалъ, Митсось побѣжалъ наружной траншеей, въ которой было только шесть футовъ вышины, быстро перелѣзъ черезъ нее и очутился по другую сторону, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться.

Куда онъ стремился? Его сердцу это было вполне ясно. Онъ долженъ былъ такъ или иначе разыскать ту, которая ему была дороже жизни. Онъ снялъ для большаго удобства башмаки и босой сталъ пробираться среди базальтовыхъ утесовъ подъ серебристыми лучами только что взошедшей на небѣ луны. Достигнувъ горнаго потока, онъ остановился, чтобъ освѣжить свое горѣвшее тѣло свѣжей водой. Наконецъ онъ пустился бѣгомъ по равнинѣ, разстилавшейся передъ городскими стѣнами, и достигнувъ этихъ послѣднихъ, онъ прилегъ подъ тѣнью масличнаго дерева, чтобъ обдумать свое положеніе.

Эти стѣны, усѣяныя бойницами, видѣлись прямо противъ него на высотѣ двадцати футовъ надъ равниной. Въ пятидесяти шагахъ отъ него было обширное углубленіе въ стѣнѣ, на которомъ возвышалось нѣсколько домовъ, съ маленькими окнами, защищенными желѣзными перекладинами. Подкравшись къ подножію этихъ жилищъ, Митосъ услышалъ веселые женскіе голоса и подумалъ, что тутъ, вѣроятно, находились гаремы знатныхъ турокъ.

Юноша продолжалъ свой путь ползкомъ, пока не очутился снова передъ продолженіемъ городской стѣны. Тогда онъ вернулся къ турецкимъ жилищамъ, такъ какъ чувствовалъ себя тамъ ближе къ Зулеймѣ. Онъ снова прилегъ подъ тѣнью сосѣдняго утеса. Луна скрылась за тучами, а въ домахъ мало-по-малу померкъ свѣтъ и стихли голоса.

Прошло полчаса, и вдругъ на городской стѣнѣ показался турокъ, который махалъ бѣлой тканью. Митосъ безмолвно подобрался къ тому мѣсту. Турокъ тихо произнесъ:

— Поздненько. Вотъ подписанная бумага,—и онъ бросилъ на землю что-то бѣлое, потомъ повернулся и поспѣшно исчезъ.

Митосъ взялъ бумагу и спряталъ въ карманъ, недоумѣвая, что бы это было. Не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ послышалось въ одномъ изъ домовъ, гдѣ еще видѣлся свѣтъ, нѣжное пѣніе. Юноша не вѣрилъ своимъ ушамъ. Голосъ былъ Зулеймы, а пѣла она пѣснь винодѣловъ.

Въ ту же минуту показалась у окна молодая дѣвушка вся въ бѣломъ. Митосъ немедленно сталъ вторить пѣнію.

— Митосъ,—послышалось въ окнѣ.

— Я здѣсь, это ты, голубушка!

— Наконецъ-то я вижу тебя, нѣтъ, я не вижу тебя вовсе,—продолжала Зулейма счастливымъ, радостнымъ тономъ:—какъ ты поживаешь?

— Хорошо, все обстоитъ хорошо, еслибъ только мы видались съ тобою. Ну, да это придетъ скоро, видитъ Богъ, скоро.

Зулейма высунулась въ окно.

— Не оставайся здѣсь, да и мнѣ нельзя оставаться. Это окно въ коридорѣ, и меня могутъ поймать. Уходи, дорогой, но, не правда ли,

мы скоро, скоро увидимся, и тогда, можетъ быть, я сдѣлаю тебѣ подарокъ.

— Подарокъ?—повторилъ Митсось съ изумленіемъ, но потомъ понявъ, въ чемъ дѣло, онъ воскликнулъ:—а, милая, милая!..

— Да, мой Митсось,—отвѣчала Зулейма:—но возьми меня отсюда; этотъ городъ вскорѣ сдается.

— Безъ сомнѣнія, но не забывай, когда наступитъ день твоего освобожденія, то выйди на встрѣчу къ грекамъ и скажи: я ваша соотечественница. Тогда ты избѣжишь всякой опасности.

— Прощай, милый,—промолвила молодая дѣвушка и исчезла въ темнотѣ.

Митсось былъ на седьмомъ небѣ и, сіяя радостью, вернулся въ лагерь. Только лежа въ постели, онъ вспомнилъ о бумагѣ, находившейся въ его карманѣ, зажегъ огонь и прочелъ при его мерцающемъ свѣтѣ слѣдующую записку, написанную погречески.

«Абдуль Ахметъ обѣщаетъ заплатить Константину Парпиропуло 200 турецкихъ фунтовъ, подъ условіемъ, чтобы ему и его гарему была обезпечена безопасность отъ насилія. При окончаніи осады Триполи за доставленіе въ вѣрное убѣжище будетъ прибавлено, сверхъ того, по 10 фунтовъ съ человѣка.

«Абдуль Ахметъ, бывшій губернаторъ Аргоса».

Митсось прочелъ до конца, погасилъ огонь и долго обдумывалъ это странное посланіе. Прежде всего онъ почувствовалъ негодованіе, что греческій предводитель пятисотеннаго отряда вступилъ въ корыстные переговоры съ врагами, но потомъ онъ подвергся неудержимому соблазну. Для него эта бумага означала спасеніе Зулеймы, и онъ готовъ былъ на все, чтобъ обезпечить это спасеніе. Снова, какъ въ ночь сожженія турецкаго корабля, его любовь и долгъ находились въ роковой борьбѣ. Но и теперь, какъ тогда, онъ выбралъ долгъ, какъ ни обливалось его сердце кровавыми слезами.

Поэтому онъ вскочилъ, одѣлся и пошелъ къ Николаю, рѣшившись все сказать ему. Не успѣлъ онъ выйти изъ своего шалаша, какъ услышалъ въ темнотѣ голосъ часового.

— Кто идетъ?

Въ эту минуту на брустверѣ траншеи показалась фигура, въ которой Митсось узналъ Парпиропуло, который въ полголоса сталъ говорить съ часовымъ.

— Пятьдесятъ фунтовъ,—послышался голосъ Парпиропуло.

— А когда уплата?—спросилъ соблазненный часовой.

— Въ день паденія Триполи.

Митсось рѣшилъ вмѣшаться въ этотъ постыдный торгъ и, подойдя къ разговаривавшимъ, сказалъ:

— Слушай, товарищъ,—произнесъ онъ, обращаясь къ часовому:— скажи, нѣтъ, и спроси, куда онъ ходилъ за траншею.

— А тебѣ какое дѣло, щенокъ!—сказалъ гнѣвно Парпиропуло.

Часовой подозрительно смотрѣлъ то на одного, то на другого и наконецъ промолвилъ:

— Онъ обѣщалъ мнѣ пятьдесятъ фунтовъ.

— Дуракъ,—отвѣчалъ Митсось:—если ты не послушаешь меня, то я дамъ тебѣ такую встрепку, что ты забудешь о деньгахъ.

— Ступай въ свою кануру, щенокъ,—воскликнулъ Парпиропуло:—а то завтра пожалуюсь на тебя за несубординацію.

— Хорошо,—промолвилъ юноша со смѣхомъ:—это будетъ завтра, а теперь еще сегодня. Помни другъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ часовому:—быть бѣдѣ, если ты меня не слушаешься.

Онъ вернулся въ свой шалашъ, чтобы дать время Парпиропуло удалиться, такъ какъ ему не хотѣлось, чтобы ктонибудь зналъ о его ночномъ посѣщеніи Николая. Спустя пять минутъ, онъ отправился въ путь и, достигнувъ жилища Николая, постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ голосъ самого Николая.

— Это я, Митсось, и мнѣ надо тотчасъ тебя видѣть, дядя.

— Подожди минутку.

И въ жилищѣ послышался шумъ, ясно обнаруживавшій, что Николай высѣкалъ огонь.

— Я не могу зажечь свѣта,—сказалъ онъ, спустя минутку,—но это ничего, входи и садись на кровать или на ящикъ съ порохомъ. Ну, говори скорѣй, въ чемъ дѣло.

— Вотъ что,—отвѣтилъ юноша, подавая ему полученную отъ турка бумагу:—тутъ говорится о томъ, что Парпиропуло получить двѣсти фунтовъ за обезпеченіе безопасности Абдула Ахмета съ его домочадцами въ день паденія Триполи.

Николай задумался, а потомъ произнесъ:

— Дьяволь! А ты откуда досталъ эту бумагу?

— Сейчасъ объявлю.

Но юноша не зналъ, какъ начать свою исповѣдь.

Николай старался его пріободрить.

— Я слушаю. Нѣтъ, погоди, кто-то идетъ.

Въ ту же минуту послышался стукъ въ дверь, и Николай спросилъ:

— Кто тамъ?

— Хоремись,—отвѣчалъ голосъ:—часовой.

— Въ чемъ дѣло?

Я стоялъ на часахъ два часа и тридцать минутъ тому назадъ капитанъ Парпиропуло перелѣзъ черезъ траншею съ вѣшной стороны. Я считаю необходимымъ доложить тебѣ объ этомъ.

— Капитанъ объяснилъ, гдѣ онъ былъ?

— Нѣтъ.

— Войди, Хоремисъ. Предлагаешь онъ тебѣ денегъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала часовая, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что сказалъ мнѣ объ этомъ. Можешь идти. А ты, Митсось,—прибавилъ Николай, обращаясь къ юношѣ, когда шаги часового замерли въ темнотѣ:—разсказывай, какъ ты досталъ эту бумагу.

Митсось откровенно повѣдалъ ему свою тайну.

— О дядя,—промолвилъ онъ, окончивъ свою исповѣдь:—обезпечь ей безопасность въ день паденія Триполи. Нѣтъ на свѣтѣ такой другой красавицы, и я не переживу, если съ ней что нибудь случится.

Николай долго хранилъ молчаніе, а потомъ спросилъ:

— Ну, а когда ты поджегъ турецкій корабль, тебѣ не приходила въ голову мысль, что она могла быть въ числѣ пассажировъ?

— Я былъ въ этомъ убѣжденъ и узналъ, что ея не было на кораблѣ, лишь послѣ катастрофы.

— Господь да простить насъ!—промолвилъ Николай, взявъ за руку Митсосу:—а ты насъ прощаешь.

Юноша былъ такъ взволнованъ своей исповѣдью, что вдругъ расплакался.

— Что это съ нашимъ волченкомъ!—сказалъ нѣжнымъ тономъ Николай:—нечего тебѣ горевать. Ты принесъ хорошую вѣсть и видѣлъ свою красавицу. Успокойся, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что ни болѣзнь, ни раны, ни слава, ничто, кромѣ чести, не помѣшаетъ мнѣ обезпечить ея безопасность.

Митсось крѣпко пожалъ руку Николаю, но не могъ произнести ни слова.

— А ты съ своей стороны долженъ обѣщать,—продолжалъ Николай:—что ты болѣе никогда не выйдешь изъ лагеря безъ разрѣшенія. Такія выходки влекутъ исключеніе изъ арміи, и завтра выбудешь изъ ея рядовъ негодяй; онъ оправдалъ обвиненіе духовныхъ лицъ и обезчестилъ всѣхъ насъ. Ну, теперь иди спать, Митсось. Ты замладилъ свою вину, открывъ измѣну недостойнаго грека.

На слѣдующій день Парпиропуло публично изгнали изъ лагеря, а потомъ Митсось посѣтилъ тайно Хоремиса и объяснилъ ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, что выдалъ Парпиропуло, который пострадалъ и безъ его доноса.

Извѣстіе о капитуляціи Монемвазіи отличалось печальнымъ и радостнымъ, трагическимъ и комическимъ элементами. Князь Дмитрій, повидимому, несмотря на резолюцію сената, подписалъ капитуляцію своимъ именемъ, а когда турки вышли изъ города, чтобъ сѣсть на суда, разгнѣванные майноты встрѣтили ихъ угрозами, считая необязательнымъ актъ о капитуляціи безъ подписи представителей сената. Произошла схватка, въ которой было убито пять турокъ, и ограблено нѣсколько домовъ. Монемвазія сдалась на просимыхъ небла-

говидныхъ обстоятельствахъ. Армія и флотъ выразили подозрѣніе другъ къ кругу, а солдаты обвиняли офицеровъ въ корыстныхъ сношеніяхъ съ турками; наконецъ произошелъ споръ о томъ, кому поднять греческій флагъ съ сдавшимся городѣ. Въ одномъ только всѣ были согласны—это въ презрѣніи къ князю Димитрію. Прежде всѣ знали его слабохарактерность и неспособность къ военному дѣлу, но теперь онъ покрылъ себя такимъ позоромъ своимъ недостойнымъ нарушеніемъ резолюціи сената, что съ этой минуты, практически говоря, была окончена его роль въ греческой революціи.

Конечно, капитуляція была дурно составлена, и турки ушли свободно, не заплативъ ни гроша. Еслибъ на такихъ условіяхъ же турки сдали остальные крѣпости въ Мореѣ, то казна гетерія совершенно обѣднѣла бы. Такимъ образомъ, несмотря на все нравственное осужденіе, котораго заслуживаютъ послѣдовавшія затѣмъ сцены насилія и грабежа, но безъ добычи не могла продолжаться война, а жестокость грековъ въ минуту торжества объясняется, если не оправдывается, местию за вѣковое иго.

Майнотскій отрядъ продолжалъ занимать Монемвасію, Петровій по-прежнему вербовалъ новобранцевъ для штурма Триполи, а князь Димитрій посвящалъ свое свободное время, котораго у него было 24 часа въ сутки, украшенію городскихъ стѣнъ красной тканью, какъ вдругъ получило извѣстіе о паденіи Наварина, морскаго порта на западномъ берегу. Ипсиланти послали туда статскаго грека, въ качествѣ представителя своего и сената. Этотъ недостойный патриотъ захватилъ съ собою шайку грабителей. Эта наваринская капитуляція навѣки омрачила грековъ пятномъ безчестія. Не успѣлъ гарнизонъ выйти изъ города, сложивъ оружіе, какъ представитель Пелопоннескаго сената сжегъ трактатъ, подписанный имъ отъ имени сената, и подалъ сигналъ къ рѣзнѣ. Ни одинъ турокъ не остался въ живыхъ. Женщины были обнажены и, чтобъ скрыть свой позоръ, бросались въ море, гдѣ ихъ стрѣляли, какъ чаекъ; дѣтей вырывали изъ рукъ матерей и рубили на мелкія части; мужчинъ вѣшали на дверяхъ ихъ жилищъ и предавали мучительной пыткѣ. Одному мусульманину предложили выбрать смерть или обратиться въ христіанство, и когда онъ выбралъ послѣднее, то его распяли. Въ продолженіе часа позорное преступленіе было доведено до конца, а затѣмъ два судна изъ Спеціи вышли въ море съ грузомъ всевозможной добычи.

IX.

Въ первыхъ дняхъ сентября майнотскій отрядъ съ Петровіемъ и княземъ вернулся въ окрестности Триполи. Ипсиланти теперь склонялся въ пользу духовной партіи, такъ какъ онъ считалъ поведеніе арміи личнымъ для себя оскорбленіемъ. Герману это было на

руку, и онъ сталъ принимать мѣры, чтобъ вернуть князю ту власть, отъ которой онъ отказался по своей слабохарактерности, а вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитировать важныхъ начальниковъ въ глазахъ солдатъ.

Клевета слѣдовала за клеветой, и тѣмъ легче было клеветать, что въ основѣ лежала истина. Еще другой греческій капитанъ былъ уличенъ въ корыстныхъ сношеніяхъ съ осажденными. Было также достоверно, что греки продавали осажденнымъ продовольствіе, и однажды ночью былъ захваченъ турокъ, который для спасенія своей жизни выдалъ тайну снабженія голодныхъ турокъ хлѣбомъ и мясомъ извнѣ. Вслѣдствіе этой поимки Петровій объявилъ, что если попадется еще ктонибудь, то онъ будетъ безжалостно разстрѣленъ, а ночью удвоено число часовыхъ. Благодаря ли этимъ мѣрамъ, ловкости негодяевъ или распространенности заговора, но измѣнники болѣе не оказывались, хотя доставка съѣстныхъ припасовъ въ городъ продолжалась попрежнему, и наконецъ Германъ всталъ въ сенатѣ и громогласно обвинилъ всѣхъ офицеровъ въ измѣнѣ.

— Осада продолжается,—сказалъ онъ:—но что же сдѣлано для окончанія ея? Во имя патриотизма я отвѣчаю—ничего. На чью пользу держать здѣсь людей, отнимая ихъ отъ работы, когда виноградъ зрѣетъ, а некому его собирать? Птицы клюютъ его, а работники пропадаютъ здѣсь въ собачьихъ конурахъ, на солнечномъ припекѣ или въ тяготахъ маршировки. Можетъ быть, это приноситъ пользу духовнымъ лицамъ? Нѣтъ, церкви пусты, и сборъ десятины отложенъ. Не князь ли Димитрій держитъ армию на этихъ высотахъ? Отвѣтить не трудно, кто велъ переговоры съ Абдуломъ Ахметомъ для охраненія его интересовъ? Одинъ изъ воеводъ. Кто на прошедшей недѣлѣ былъ пойманъ въ измѣнѣ? Другой воевода. Кто теперь продаетъ съѣстные припасы осажденнымъ? Воеводы. Значитъ кому приноситъ пользу эта осада, во время которой турки благоденствуютъ? Воеводамъ. И это называется осадой? Нѣтъ, это рынокъ Триполи, и торговцами являются воеводы. Особенно замѣчательенъ одинъ изъ нихъ. Онъ могъ бы покончить эту осаду шесть недѣль тому назадъ. Благородный князь на нашей сторонѣ, и я считаю долгомъ открыть ему глаза. Его же властью прикрываются только воеводы. Но цѣлый августъ князя здѣсь не было, и Николай Видалисъ господствовалъ неограниченно. Поэтому я спрашиваю его, если онъ честный человѣкъ, зачѣмъ онъ не попытался взять городъ.

Въ продолженіе этой рѣчи слышался нѣсколько разъ ропотъ въ средѣ военныхъ, но Николай, поднявъ руку, заставлялъ ихъ молчать. Онъ же самъ слушалъ съ улыбкой, а когда Германъ заговорилъ объ его честности, то онъ громко захохоталъ. Давно уже онъ упрекалъ себя въ томъ, что не такъ дѣйствовалъ, какъ бы слѣдовало, и теперь рѣшился на энергичный шагъ. Германъ говорилъ открыто, и онъ отвѣтить ему тѣмъ же. Онъ тихо всталъ, попросилъ слова у князя и произнесъ спокойнымъ тономъ:

— Наконецъ-то архіепископъ заговорилъ прямо, и хотя я всегда дѣйствовалъ относительно его открыто, но онъ только впервые вышелъ на эту дорогу. Онъ увѣряетъ, что не взято никакихъ мѣръ для окончанія осады, но это,—я смѣю сказать во всеуслышаніе,—ложь. Нѣтъ, я попрошу тебя сѣсть,—прибавилъ онъ, когда Германъ вскочилъ съ своего мѣста:—я тебя слушалъ, а теперь я заставлю тебя выслушать меня. Повторяю то, что ты сказалъ объ осадѣ ложь и ложь преднамѣренную. Онъ самъ это знаетъ. Онъ былъ здѣсь въ августѣ и знаетъ, что я все время былъ занятъ обученіемъ людей, и если бы онъ имѣлъ хотя малѣйшее понятіе о военномъ дѣлѣ, то понялъ бы, что, благодаря этому обученію, они стали теперь прекрасными солдатами. Онъ говорилъ намъ, что не на свою пользу люди остаются здѣсь; отчасти это правда, но не вполнѣ, такъ какъ въ ихъ интересахъ, чтобы Греція освободилась, а, оставаясь здѣсь, они служатъ освобожденію родины. Значить ихъ высшій интересъ, болѣе того ихъ долгъ—оставаться. Далѣе Германъ говорилъ, что не въ интересахъ духовныхъ лицъ пребываніе въ лагерѣ. Такъ зачѣмъ они остаются и сѣютъ раздоръ между нами? Именемъ Бога заклинаю ихъ удалиться. Пусть они идутъ и собираютъ столь дорогую имъ десятину. Никто не удержитъ ихъ. Но они остаются; значить, въ этомъ ихъ интересъ. Не думаютъ ли они взять значительную долю ожидаемой добычи? Не явился ли сюда ихъ глава, самъ архіепископъ, для того, чтобы потребовать половину добычи церкви, предоставивъ другую половину національной казнѣ, а бойцамъ за родину ничего? Да, онъ самъ предложилъ мнѣ и Петровію такъ поступить, и для этой цѣли онъ и всѣ духовныя лица ждутъ здѣсь минуты раздѣла добычи, надѣясь если не на половину, то на значительную ея часть.

Николай бросилъ торжествующій взглядъ на Германа, который былъ блѣденъ, какъ полотно, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ злобы.

— Ты можешь ненавидѣть меня сколько хочешь,—воскликнулъ Николай, поддаваясь, наконецъ, пламенному негодованію, — но я тебя не боюсь. Если ты дѣйствуешь честно, то почему мнѣ не открыть твои тайныя цѣли. Если нѣтъ, то пора снять съ тебя маску.

Германъ стремительно вскочилъ.

— Это гнусная клевета,—произнесъ онъ, задыхаясь.

Но Петровій, не подымаясь съ мѣста, тихо произнесъ, но такъ, что его всѣ слышали:

— Все, что сказалъ Николай, правда. Я самъ слышалъ.

— Садись, архіепископъ,—сказалъ князь. — Николай Видалисъ, продолжай!

— Этотъ человѣкъ,—началъ Николай,—увѣряетъ, что здѣсь ведется преступная торговля между турками и воеводами. Мы всѣ, по несчастію, знаемъ, что въ этомъ есть часть правды. Два мѣсяца тому назадъ этого еще не существовало, а онъ съ своими

духовными говорилъ то же. Я васъ спрашиваю, честно ли было такъ поступать. Не ясна ли его цѣль? Посѣявъ раздоры между солдатами и воеводами, онъ хотѣлъ прикарманить себѣ всю добычу, конечно, во славу Божию. Но всѣ его усилія не увѣнчались успѣхомъ, и когда князь Димитрій уѣхалъ отсюда, то нельзя сказать, чтобы попы пользовались большей репутаціей въ арміи. Наконецъ, онъ напалъ лично на меня. По его словамъ, я могъ штурмовать городъ въ августѣ, когда угодно. Это черная ложь, но, быть можетъ, не преднамѣренная, такъ какъ архіепископъ не имѣетъ никакого понятія о военныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, что необходимо было обучить солдатъ, я далъ слово Петровію не идти на штурмъ безъ майнотовъ, которые были съ нимъ въ Монемвазіи. Скажи, Петровій, такъ ли это.

— Такъ,—отвѣчала главнокомандующій.

— Относительно же того, что я извлекалъ пользу изъ отсрочки штурма,—продолжалъ Николай,—то пусть архіепископъ представитъ доказательства своей клеветы. Говори, Германъ, я жду отвѣта.

Наступило мертвое молчаніе. Германъ не произнесъ ни слова. Только глаза его метали искры, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ слова.

— Если онъ собираетъ мысленно свои доказательства,—произнесъ Николай,—то я подожду.

Но все-таки Германъ безмолвствовалъ.

— Вы видите,—воскликнулъ наконецъ Николай,— все это ложь. Меня открыто обвинили въ самомъ ужасномъ преступленіи и не могутъ представить ни малѣйшаго доказательства въ подтвержденіе. И чѣмъ же это кончится? Этотъ человѣкъ не сожалѣетъ того, что сдѣлалъ, и не станетъ просить у меня прощенія, да я не хочу его простить. Слава Богу, у меня есть иной исходъ. Мнѣ опротивѣли всѣ интриги и ссоры, всѣ обвиненія и клеветы. Я болѣе не намѣренъ этого терпѣть. Клянусь Богомъ, что я имѣю цѣлью только освобожденіе родины, и я не могу служить этому святому дѣлу, преираясь съ людьми, которыхъ я не уважаю. Другой человѣкъ сказалъ здѣсь однажды, что онъ уйдетъ, но не ушелъ. Теперь я говорю, что этотъ совѣтъ болѣе меня не увидитъ и не услышитъ, но я сдержу свое слово. Но прежде чѣмъ я уйду, еще разъ прошу, пусть всякій, кто подозрѣваетъ меня въ измѣнѣ, открыто скажетъ.

Безмолвное молчаніе было отвѣтомъ на его вызовъ.

— Хорошо,—произнесъ онъ съ сіяющимъ лицомъ,— я уйду отсюда чистымъ отъ всякаго нареканія.

Онъ отцѣпилъ свою саблю, положилъ ее на столъ подлѣ князя и сказалъ яснымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Князь, я отказываюсь отъ своего мѣста въ сенатѣ и слагаю съ себя званіе воеводы, даже чинъ офицера. По рожденію я майнотъ, и если ты князь согласенъ, то я поступлю простымъ солдатомъ въ майнотскій отрядъ. Снова мы будемъ служить вмѣстѣ старый другъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Петровію.

И отдѣлавшись отъ бремени отвѣтственности, онъ легкой поступью и съ легкимъ сердцемъ вышелъ изъ засѣданія сената.

Направившись прямо въ майнотскій лагерь и увидавъ Митсосу и Яни, которые разговаривали съ группою солдатъ, Николай сѣлъ рядомъ съ ними, закурилъ трубку и весело произнесъ:

— Впервые я здѣсь курю съ наслажденіемъ. И какъ мнѣ хорошо сидѣть съ вами запросто! Я вамъ товарищъ, простой солдатъ.

— Что это значитъ, дядя Николай? — воскликнулъ Митсось и прибавилъ, насупивъ брови: — неужели это дѣло Германа?

— Нѣтъ, Митсось, это могъ сдѣлать только я одинъ. Я добровольно отказался отъ всѣхъ должностей и почестей. Я теперь солдатъ Николай. Но я счастливѣе теперь царя; уже никто не можетъ на меня клеветать. Слава Богу, я совершенно спокоенъ.

И онъ громко, радостно засмѣялся.

— Что же случилось? — спросилъ Митсось, ничего не понимая.

— Да ничего особеннаго. Я освободилъ себя отъ необходимости болтать и злословить; теперь я могу всецѣло служить родинѣ. Вотъ идутъ начальники, надо отдать имъ честь.

Онъ вскочилъ и выпрямился во весь ростъ.

Петровій подошелъ къ нему въ сопровожденіи князя и другихъ военачальниковъ.

— Брось эту глупость, братъ, — произнесъ Петровій, — и пойдешь ко мнѣ въ палатку. Ты видишь, мы всѣ пришли за тобой.

— Не пойду, мнѣ здѣсь очень хорошо, — отвѣчалъ Николай съ сіяющимъ лицомъ. — Говори, что хочешь, а я буду молчать.

Князь выступилъ впередъ и сказалъ самымъ любезнымъ тономъ:

— Мы пришли просить тебя измѣнить свою рѣшимость. Никто болѣе не будетъ оскорблять тебя въ сенатѣ.

— Князь, — возразилъ Николай: — вспоминая все мое прошедшее, я могу смѣло сказать, что сдѣлалъ только одно умное дѣло, сдѣлавшись сегодня солдатомъ. И если правда, что меня болѣе не ожидаютъ оскорбленія въ сенатѣ, то это еще подтверждаетъ разумность моего шага.

— Но вѣдь это нелѣпость, — возразилъ Петровій, — всѣ духовныя лица, даже Германъ сожалѣютъ о томъ, что ты сдѣлалъ.

— Сладко мнѣ слышать твои слова, — промолвилъ со смѣхомъ Николай, — но я не ребенокъ и сладостями меня не купить.

— Но подумай, твоя помощь намъ необходима. Ты популярнѣе всѣхъ насъ среди солдатъ.

— Тѣмъ лучше. Я солдатомъ буду еще полезнѣе, чѣмъ воеводой.

— Но твоя карьера, — произнесъ Петровій: — князь общалъ...

— Я покончилъ съ карьерой, — перебилъ его Николай съ оживленіемъ: — и я чувствую себя, какъ лошадь, съ которой слѣзъ тяжелый всадникъ. Не думай снова осѣдлать меня. Даже ты, другъ, не знаешь меня, если думаешь уговорить. Вѣрь, что мнѣ дорого только

святое дѣло освобожденія Греціи, которому мы служимъ съ тобою такъ давно. Три мѣсяца я думалъ, что, ссорясь съ архіепископомъ, я оказываю услуги этому дѣлу. Но теперь вижу, что это не ведетъ ни къ чему. А если я останусь въ сенатѣ, то поневолѣ буду опять ругаться. Нѣтъ, оставь меня въ покоѣ. Мнѣ лучше здѣсь.

Онъ взглянулъ на Митсосу, стоявшаго подлѣ, и прибавилъ:

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Петровій, наединѣ, но время терпитъ. А теперь, господа, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу дружбу, но не исполнить вашего желанія.

Петровій понялъ, что, по крайней мѣрѣ, теперь съ Николаемъ нельзя было ничего подѣлать, и удалился. Тогда Николай взялъ за руку Митсосу и также пошелъ къ своему жилищу.

По дорогѣ онъ разсказалъ ему о всемъ случившемся, и юноша пришелъ въ такое негодованіе, что обѣщалъ поднять всю армію противъ Германа.

— Я не прощаю его и не забуду того, что онъ сдѣлалъ противъ меня,—сказалъ Николай:—но не къ чему его преслѣдовать. Оставь въ покоѣ эту гадину. У насъ есть дѣло поважнѣе. Если предпринять чистку ослиныхъ конюшенъ, то начнемъ съ самихъ себя. Пойдемъ за нашими раціонами. Я приказалъ раздать сегодня людямъ мяса; это былъ блестящій конецъ моей дѣятельности, какъ начальника. Вотъ меня за это и вознаградила Господь.

Николай остался непреклоненъ, и Петровій пересталъ его уговаривать, видя всю бесполезность своихъ усилій. Но онъ продолжалъ во всемъ совѣтоваться съ Николаемъ, и послѣдній не могъ ему въ этомъ отказать. Что же касается солдатъ, въ особенности майнотовъ, то они носили его на рукахъ. Положеніе же Германа стало невыносимо: его клеветы не оправдались, и не только онъ не извлекъ пользы отъ отказа Николая отъ воеводства, но долженъ былъ признать, что его власть исчезла. Прощай патриархатство и другія его самолюбивыя идеи. Онъ удалился въ Калавриту, гдѣ по его расчету онъ еще сохранилъ свою популярность. Его послѣдователи, епископы и попы, остались въ арміи, надѣясь, что снова вернется ихъ царство. Однако они зло ошибались: имъ удалось подорвать довѣріе солдатъ къ офицерамъ, но вмѣстѣ съ нимъ исчезла и преданность къ духовенству.

Николай нашелъ случай сказать Петровію о любви Митсосу, но, спустя нѣсколько дней, пришло извѣстіе о скорой высадкѣ турокъ на берегу Кориноскаго залива, близъ Востицы, и князь Дмитрій благоразумно нашелъ необходимымъ отправиться туда. Петровій послалъ съ нимъ Митсосу для того, чтобъ получить черезъ вѣрнаго гонца вѣсть о событіяхъ въ Востицѣ. Такимъ образомъ князь Дмитрій въ концѣ сентября отправился изъ лагеря въ надеждѣ возстановить свою потерянную популярность, а Митсосу онъ взялъ съ собою въ качествѣ адъютанта вице-короля.

На время прекратились вокруг Триполи интриги и сношенія грековъ съ осажденными, такъ какъ Петровій увеличилъ тонкое наблюденіе за своими подчиненными. Однако попрежнему онъ не рѣшался на штурмъ, зная, сколько было въ крѣпости кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи, и ждалъ капитуляціи. Общее сознаніе, что не далеко день сдачи Триполи, было такъ велико, что ежедневно прибывали толпы поселянъ съ цѣлью принять участіе въ грабежѣ при вступленіи грековъ въ городъ. Они занимали окрестныя горы, и всѣ усилія Петровія отдѣлаться отъ нихъ были тщетны.

Наконецъ 24-го сентября былъ взятъ въ плѣнъ бѣглецъ изъ Триполи. Его привели въ лагерь, и ему обѣщали сохранить жизнь, если онъ скажетъ всю правду о томъ, что дѣлалось въ крѣпости. Тогда онъ сказалъ, что въ Триполи начался голодъ, что уже убили многихъ лошадей для пищи, и что если не будетъ получено помощи, то сдача вопросъ часовъ. Вслѣдствіе этой вѣсти Петровій посоветовался съ Николаемъ, и послѣдній нашелъ что наступила минута для штурма, но Петровій все-таки склонялся въ пользу отсрочки считая капитуляцію неминуемой, и послѣ долгихъ споровъ согласился исполнить совѣтъ Николая, если въ теченіе трехъ дней турки не предложатъ капитуляціи, и Митсось не увѣдомитъ о полученіи ими подкрѣпленій. До тѣхъ поръ онъ рѣшилъ двинуться поближе къ городу.

X.

Приказъ о снятіи лагеря былъ встрѣченъ криками общаго восторга, и весь день, 25-го сентября, длинные ряды муловъ двигались назадъ и впередъ по узкой горной тропѣ. Майнотскій отрядъ двинулся прежде всѣхъ и, занявъ позицію противъ южной городской стѣны, сталъ окапываться и разставлять свои шалаши. На городскихъ стѣнахъ лѣниво бродили турки, а по временамъ показывались женщины, подъ покрывалами; тѣ и другія съ любопытствомъ смотрѣли на враговъ, отстоявшихъ на 400 шаговъ отъ городскихъ воротъ. За майнотами слѣдовали другіе отряды и, не имѣя саперовъ, сами, прежде, возводили земляные верки, а затѣмъ разбивали свой лагерь, гдѣ послѣ тяжелой работы они отдыхали.

Два дня потребовалось на устройство фортификаціонныхъ линій вокругъ города, но 27-го числа все было готово, и городъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. Все-таки изъ Триполи не подавали сигнала ни къ сдачѣ, ни къ сопротивленію. Наконецъ, вечеромъ послѣ заката солнца на третій день поднять бѣлый флагъ на башнѣ, возвышавшейся надъ южными воротами, и спустя нѣсколько минутъ Магометъ-Саликъ, окруженный своимъ штабомъ, вышелъ изъ города. Его встрѣтилъ Петровій съ своимъ адъютантомъ Яни, который съ удовольствіемъ увидалъ своего стараго пріятеля.

Магометъ послѣдовалъ за Петровіемъ въ жилище послѣдняго. Это былъ толстый, маленькій человѣкъ, съ короткими ногами и морщинами на лицѣ, хотя ему было не болѣе тридцати лѣтъ. Онъ измѣрилъ Яни однимъ взглядомъ отъ головы до ногъ и, пожавъ плечами, сѣлъ противъ Петровія.

— Меня прислали спросить объ условіяхъ капитуляціи, на которыя ты согласишься,—сказалъ онъ,—прошу тебя, подумай и скажи мнѣ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Петровій,—я дамъ тебѣ отвѣтъ къ полуночи.

— Благодарю,—произнесъ Магометъ, посмотрѣвъ на часы,—мы будемъ ждать.

Онъ всталъ и снова пристально посмотрѣлъ на Яни.

— Мы опять встрѣтились съ тобой,—сказалъ онъ, протягивая руку,—ты покинулъ меня немного безцеремонно. Что же ты не хочешь пожать мнѣ руки?

Яни оцетинился, какъ кошка, и не подалъ ему руки.

— Ты исчезъ,—продолжалъ Магометъ,—въ то самое время, когда я началъ надѣяться, что узнаю тебя поближе.

— Ты пришелъ сюда не для того, чтобъ насъ оскорблять,—рѣзко произнесъ Петровій.

— Я не думаю никого оскорблять,—отвѣчалъ Магометъ,—но Расскажи мнѣ, молодецъ, какъ ты бѣжалъ. Мнѣ это нужно знать, потому что я бился объ закладъ. Ну, говори, ты подкупилъ привратника и вылѣзъ на крышу?

— Я спасся черезъ крышу,—промолвилъ Яни глухимъ голосомъ.

— Я проигралъ. Я былъ убѣжденъ, что ты подкупилъ привратника и подвергъ его тяжелымъ побоямъ, а затѣмъ посадилъ въ тюрьму. Сегодня же я его выпущу на свободу. Ну, прощайте.

— Позволь мнѣ дать ему хорошаго пинка,—произнесъ Яни, какъ только турокъ удалился.

— Я не могу этого позволить,—отвѣчалъ Петровій.

Но не успѣлъ Магометъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ юноша догналъ его, схватилъ зашиворотъ и нанесъ ему такой ударъ ногой пониже спины, что тотъ едва не упалъ.

— Ты оскорбилъ меня подъ защитой парламентскаго флага,—сказалъ онъ,—и я отвѣтилъ тебѣ тѣмъ же. Мы теперь квиты.

Онъ повернулся и пошелъ обратно къ отцу.

Петровій былъ очень занятъ писаніемъ и, не поднимая головы со стола, подалъ Яни бумагу.

— Ступай, Яни, къ воеводамъ, имена которыхъ я тутъ написалъ,—произнесъ онъ,—и попроси ихъ прійти сейчасъ сюда, чтобы обсудить условіе капитуляціи. Ахъ, да, что это былъ за шумъ извнѣ?

— Это былъ частный разговоръ,—отвѣчалъ Яни:—подвели старые счеты. Вотъ и все. Дѣло кончено.

— Совершенно, но не безъ неприятности одному изъ собесѣдниковъ.

Недолго толковали воеводы и, спустя два часа, отправили къ Магомету письменное изложеніе условій капитуляціи. Турки должны были сложить оружіе, покинуть Морею и заплатить 40 милліоновъ піастровъ контрибуціи.

Тотчасъ пришелъ отвѣтъ. Турки находили требованія грековъ невозможными, такъ какъ нельзя было собрать столько денегъ, но они дѣлали съ своей стороны контръ-предложеніе. Они отдадутъ все свое имущество движимое и недвижимое и оставляютъ себѣ только необходимое для достиженія Навплии; откуда они отправятся въ Малую Азію. Что касается оружія, то оно должно было остаться въ ихъ рукахъ, для самозащиты. Они такъ же настаивали на занятіи горнаго прохода Партенія, между Аргонидской равниной и Триполи, пока ихъ жены и дѣти не выйдутъ на судахъ въ море. Послѣднее условіе было необходимо, потому что, сдавъ оружіе, турки не были гарантированы, что ихъ капитуляція не нарушится такъ же, какъ Наваринская.

Греки отказались даже обсуждать это предложеніе на томъ основаніи, что если турки имъ не вѣрили, то и они не имѣли основанія вѣрить туркамъ. Если туркамъ дозволить занятіе Партенейскаго горнаго прохода, то ничто имъ не помѣшаетъ пройти далѣе въ Навплию и тамъ остаться. Навплия все еще находилась въ сношеніяхъ съ моремъ, и они не для того осаждали полгода Триполи, чтобъ въ концѣ концовъ отпустить осажденныхъ въ другой еще лучше укрѣпленный городъ.

Снова греки очутились въ безвыходномъ положеніи, и тутъ Петровій сдѣлалъ непростительную ошибку. Ему слѣдовало тотчасъ штурмовать крѣпость и разомъ покончить дѣло. Но онъ въ минуту колебанія предложилъ вопросъ на разрѣшеніе военнаго совѣта, и большинство высказалось за отсрочку. Ихъ цѣль была очевидна. Они знали, что въ городѣ былъ голодъ, и рассчитывали нажать очень много тайной доставкой провіанта осажденнымъ. Слова Германа оказались правдой. Осада превратилась въ рынокъ.

28 сентября отъ Триполи пришло новое предложеніе, но на этотъ разъ не отъ турокъ, а отъ албанскихъ наемниковъ, которые произвели нападеніе на Вальтези въ маѣ. Ихъ было 1.500 здоровенныхъ молодцовъ, но, какъ наемники, они не питали никакого чувства уваженія или преданности къ туркамъ, и потому въ ихъ интересѣ было войти въ соглашеніе съ осаждающими. Поэтому они предложили удалиться въ Албанію и никогда болѣе не служить Турціи, если ихъ отпустятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ другой стороны, греки не имѣли ничего противъ нихъ, а многіе находились съ ними въ дружбѣ или въ родствѣ, а потому они и согласились на предложенныя условія.

Погода была жаркая, душная, и майноты, находившіеся на югѣ, страдали болѣе всѣхъ. Въ эту недѣлю Петровій потерялъ все довѣріе своихъ сородичей, такъ какъ они одни не вели постыдной торговли съ осажденными. Онъ принялъ совѣтъ людей корыстныхъ, наживавшихся цѣною своей чести, и если онъ самъ былъ выше всякихъ подозрѣній, то его слабость принимала преступный характеръ. Тщетно Николай взывалъ къ нему; онъ не хотѣлъ ничему вѣрить и требовалъ доказательствъ, которыхъ Николай не могъ представить, такъ какъ онъ находился въ майнотскомъ отрядѣ. Что ни говорилъ Николай о голодѣ, который вдругъ прекратился, о томъ, что городъ не могъ держаться безъ тайной поставки припасовъ, о толпахъ крестьянъ наполнявшихъ лагерь и могущихъ вести позорную торговлю,—все не вело ни къ чему, и Петровій словно ослѣпъ и оглохъ.

Наконецъ Колокатрони поймали съ поличнымъ, и когда Николай уличилъ его передъ Петровіемъ, то послѣдній схватилъ себя за голову и въ отчаяніи объявилъ, что не можетъ ничего сдѣлать. Если самъ Колокатрони велъ торговлю съ турками, то, вѣроятно, весь его отрядъ занимался тѣмъ же; значитъ, наказавъ его, пришлось бы наказать сотни людей.

— О Николай, Николай,—произнесъ онъ тономъ жалобной мольбы:—если ты когда нибудь меня любилъ, то помоги мнѣ, спаси меня. Я былъ всегда честенъ, но слабъ, а твоя сила и честь не омрачены ничѣмъ.

Это происходило 5-го октября. Николай видѣлъ, что надобно было дѣйствовать энергично, иначе все погибло бы.

Онъ пошелъ къ своимъ майнотамъ и сказалъ имъ:

— Вотъ что, ребята. Сегодня Триполи будетъ взятъ. Мы, майноты, возьмемъ его. Я беру на себя всю отвѣтственность. Зовите всѣхъ.

Спустя пять минутъ, около пятисотъ майнотовъ уже окружили его.

— Не надо терять ни минуты,—сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ и забывая, что онъ простой солдатъ:—я иду впередъ, а вы всѣ, всѣ слѣдуйте за мною. Мы пойдемъ къ Аргосской башнѣ. На нее влѣзть очень легко, карабкаясь по выдающимся камнямъ. Я знаю это потому, что вчера пробовалъ лѣзть по ней, и дураки турки меня не замѣтили. Я и теперь полѣзу, захвативъ веревку, которую прикрѣплю наверху и брошу внизъ. Первый, кто поднимется по ней, захватитъ греческій флагъ, который я водружу на башнѣ. Предоставьте мнѣ, друзья, эту честь. Впрочемъ нѣтъ. Мы выберемъ того, кому будетъ поручено это дѣло.

— Тебѣ! Тебѣ! Николаю! Николаю!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, теперь за дѣло!—воскликнулъ Николай, сіяя счастьемъ:—но прежде позвольте мнѣ пожать всѣмъ руку. Господь слишкомъ милостивъ ко мнѣ.

Эта попытка была такъ безумна, смѣла, что Аркадскій отрядъ, стоявшій противъ Аргосской башни, не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда горсть майнотовъ подбѣжала къ башнѣ. Николай съ ловкостью кошки влѣзъ на ея вершину и сбросилъ оттуда прежде турецкаго часового, а потомъ веревку, по которой поднялся одинъ изъ майнотовъ съ греческимъ флагомъ, который тотчасъ былъ водруженъ.

Николай подождалъ, пока майноты, въ числѣ сорока человекъ, не достигли вершины башни и не выстроились на тамошней площадкѣ. Тогда онъ бросился на турокъ, караулившихъ ворота, перебилъ ихъ и собственными руками отворилъ ворота. Аркадскій отрядъ немедленно вступилъ въ городъ и вмѣстѣ съ майнотами устремился въ главную улицу нижняго Триполи. За ними слѣдовали толпы крестьянъ, наконецъ, дождавшіяся добычи. Петровій находился въ рядахъ майнотовъ. Но никто не признавалъ начальства, и каждый дѣйствовалъ самъ за себя.

Эта атака была такъ неожиданна, что когда уже южной частью города овладѣли греки, въ сѣверной происходила позорная продажа греками продовольствія туркамъ. О сопротивленіи не было и помину. Греки, упоенные побѣдой, набросились, какъ звѣри, на беззащитныхъ турокъ. Рѣзня и грабежъ царили неограниченно.

Майноты прежде всего устремились къ дому Магомета, и Яни, подбѣжавъ къ испуганному туркѣ, вонзилъ ему въ сердце кинжалъ съ громкимъ крикомъ:

— Отъ того, кто долженъ былъ служить въ твоемъ гаремѣ!

Покончивъ съ домомъ Магомета, майноты продолжали свою роковую работу и беспощадно рѣзали всѣхъ попадавшихъ имъ турокъ. У нихъ едва не произошла кровавая схватка съ албанскими наемниками, и едва ихъ увѣрили, что они не враги, а друзья, вошедшіе заранѣе въ сдѣлку съ греческими воеводами о безпрепятственномъ пропускѣ въ день взятія Триполи. Тогда ихъ отпустили съ миромъ, и пока греки убивали и грабили въ Триполи, албанцы преспокойно отправились къ себѣ на родину.

XI.

Домъ Абдула Ахмета, гдѣ жилъ Зулейма, находился близъ западныхъ Тродскихъ воротъ противъ Арголидскаго отряда. Онъ позже другихъ проникъ въ Триполи, и то ему пришлось выломать ворота, послѣ вскорѣ сравнялся съ другими отрядами по количеству убитыхъ имъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Болѣе всѣхъ неистовствовалъ отецъ Андрей, который никому не давалъ пощады своей окровавленной саблей, которую онъ называлъ: «Мечемъ Божьимъ». Наконецъ, какой-то спасавшійся турокъ набѣжалъ на него и свалился съ ногъ, а отецъ Андрей падая ударился въ кровь головой о камни мостовой и долго лежалъ въ забытѣи.

Между тѣмъ Зулейма, тщетно ждавшая все это время Митсосу, помнила его слова, что въ случаѣ штурма ей надо выбѣжать на улицу съ открытымъ лицомъ и крикнуть грекамъ на греческомъ языкѣ, что она ихъ соотечественница. Поэтому она не боялась происходившей вокругъ дома рѣзни ни для себя, ни для своего будущаго ребенка, появленіе котораго она ожидала ежедневно, и смѣло вышла изъ дома.

Въ эту минуту Андрей очнулся и, вскочивъ на ноги, бросился на Зулейму, которая по одеждѣ походила на турчанку, съ дикимъ крикомъ:

— Мечъ Божій! Мечъ Божій!

Она не убѣжала въ страхѣ, а напротивъ подошла къ нему, громко воскликнула погречески:

— Спаси меня, отецъ! Я одной съ тобою крови. Я гречанка.

— Чортъ возьми! Чортъ возьми!—дико повторилъ Андрей и уже поднялъ свою окровавленную саблю надъ головой Зулеймы, которая въ отчаяніи распахнула свой бурнусъ и со слезами промолвила:

— Неужели ты убьешь меня и моего ребенка!

— Ты гречанка,—произнесъ онъ съ удивленіемъ:—а вышла изъ турецкаго дома. Какъ сюда попала?

— Не знаю,—отвѣчала Зулейма:—меня турки похитили десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Но уведи меня отсюда, отецъ. Здѣсь страшно.

Дѣйствительно изъ дома Абдула слышались раздирающіе крики женщинъ, которыхъ убивали ворвавшіеся туда греки. Отецъ Андрей пристально посмотрѣлъ на Зулейму, и въ головѣ его блеснула странная безумная мысль.

— Я спасу тебя, дочь моя,—произнесъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Ну, пойдемъ скорѣе. Моли Бога, чтобъ онъ тебя помиловалъ.

По дорогѣ они нѣсколько разъ останавливались, и отецъ Андрей пряталъ Зулейму въ воротахъ, пока проходила обезумѣвшая отъ жажды крови греческая толпа. Наконецъ, они достигли западныхъ воротъ, а оттуда до шалаша отца Андрея, гдѣ онъ досталъ лошадь и, осторожно посадивъ на нее Зулейму, отправился съ нею по дорогѣ въ Навплию.

Молодая дѣвушка упорно молчала и только, когда исчезъ вдаль городъ, и они приблизились къ деревнѣ Доляни, она промолвила:

— Мы отправляемся въ Навплию?

— Да, дочь моя.

— Но гдѣ же Митсось? Поведи меня, отецъ, къ Митсосу.

— Къ Митсосу?

— Да, къ высокому, молодому Митсосу, который живетъ въ домѣ на берегу залива въ Навплии.

— Развѣ ты знаешь Митсосу?—спросилъ съ удивленіемъ Андрей.

Она молча заплакала.

Около полудня они остановились, и Андрей осторожно снялъ съ лошади Зулейму и положилъ на землю подъ тѣнью дерева, а самъ сѣлъ подлѣ нея.

— Мы здѣсь отдохнемъ, пока не спадетъ жара. Ради Бога, отвѣтъ мнѣ, дочь моя, на нѣсколько вопросовъ. Давно ты находишься въ домѣ турка?

— Десять лѣтъ или, можетъ быть, двѣнадцать, я хорошо не помню.

— А какъ ты попала къ нему?

— Не знаю, не помню, отецъ, я очень устала. Дай мнѣ поспать, а потомъ я расскажу все, что знаю.

Она положила свою голову къ нему на колѣни и вскорѣ заснула. Сколько она спала, она не знала, но, открывъ глаза, промолвила:

— Гдѣ же Митсось? Когда онъ придетъ?.. Ты, отецъ, просилъ меня рассказать о моемъ прошедшемъ. Я путешествовала ребенкомъ съ моимъ отцемъ около Аѣинъ, когда меня похитили и отдали въ домъ Абдула-Ахмета.

— Абдула-Ахмета?

— Да, онъ тогда жилъ въ Аѣинахъ, а потомъ переселился въ Навплию. Мой отецъ, я это хорошо помню, былъ священникъ, его ряса была черная, какъ у тебя, но его волоса были черные, а не сѣдые.

Андрей схватилъ ее обѣими руками и крѣпко прижалъ къ своей груди.

— Дитя мое, моя Θεодора, — воскликнулъ онъ: — наконецъ я тебя нашелъ. Я твой отецъ. Господь насъ соединилъ, Θεодора, Θεодора! Дочь моя!

Спустя полчаса послѣ того, какъ Андрей удалился изъ Триполи съ Зулеймой, къ дому Абдула-Ахмета явился Николай. Двое или трое аргонидцевъ, искавшіе тамъ добычи, объявили ему, что все въ домѣ принадлежитъ имъ.

— Мнѣ ничего не надо, — отвѣчалъ Николай: — я отыскиваю одну гречанку, которая жила въ этомъ домѣ.

Его проводили въ комнату, гдѣ находились уцѣлѣвшія женщины, а одна изъ нихъ воскликнула потурецки:

— Цѣлуй насъ, если хочешь, поскорѣе.

Я до васъ не дотронусь, — произнесъ Николай, — но скажите, есть ли между вами гречанка.

— Она ушла, — отвѣчала Зулейка, — и я сожалею, что не сопровождала ее. Гдѣ она теперь бѣдная! И она еще должна надняхъ родить!

— Ты увѣрена, что она ушла? — продолжалъ Николай: — нѣтъ, я лучше обыщу весь домъ.

А когда греки не хотѣли его пропустить въ другія комнаты, то онъ воскликнулъ:

— Не будьте дураками! Я ни до чего не дотронусь: я отыскиваю гречанку, которую турки похитили много лѣтъ тому назадъ. Я обѣщаль Митсосу найти ее.

Его допустили осмотрѣть весь домъ съ подвала до чердака, но нигдѣ не оказалось Зулеймы, и Николай удалился съ самыми грустными мыслями.

— Боже мой,—думаль онъ:—если она одна ушла на улицу, то ей не сдобровать.

Быль уже полдень. На улицахъ валялись груды труповъ, а въ воздухѣ стояль отвратительный запахъ крови. Николаю стало невыносимо это зрѣлище, и онъ поспѣшилъ туда, гдѣ, по его соображенію, находились майноты. По дорогѣ онъ видѣль ужасныя сцены рѣзни и грабежа. Никому не было пощады: ни женщинамъ, ни дѣтямъ.

Въ дверяхъ одного дома онъ увидалъ Яни, у котораго глаза горѣли опаснымъ огнемъ.

— Ты здѣсь,—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Николаю:—а мы думали, что ты умеръ. Жаль, что Митсосу здѣсь нѣтъ.

— Довольно палачей и безъ тебя, Яни,—отвѣчалъ Николай:—помоги мнѣ лучше отыскать Зулейму.

— Зулейму,—повторилъ съ ужасомъ Яни:—Боже милостивый! Я и забыль, что она въ этомъ городѣ, а весь родъ Мавромихали обезумѣль отъ крови.

— Будемъ искать ее, Яни,—продолжалъ Николай:—ты иди въ одну сторону, а я въ другую, и вернемся сюда черезъ часъ. Да, смотри, со всякой женщиной, которую встрѣтишь, заговори погречески.

— Да, да,—отвѣчалъ юноша:—бѣдный Митсось, бѣдный Митсось. Я самъ убилъ двухъ женщинъ, которыя хотѣли заколоть меня.

— Иди и будь блазоразуменъ, а гдѣ Петровій?

— Въ этомъ домѣ,—произнесъ Яни, указывая на тотъ домъ, изъ котораго онъ вышелъ.

Въ этотъ роковой и безумный день Петровій былъ въ числѣ немногихъ, которые сохранили рассудокъ. Безъ него и немногихъ другихъ эта позорная страница въ исторіи греческой свободы была бы еще ужаснѣе: они дѣлали все, что могли, для прекращенія безцѣльной рѣзни. Онъ очень обрадовался, увидавъ Николая.

— Останься съ нами,—сказаль онъ:—и поѣшь чтонибудь. Тебѣ, Николай, принадлежитъ моя жизнь и все, что я имѣю. Ты одинъ не бросиль меня, когда даже Богъ покинулъ бѣднаго Петровія.

— Дай мнѣ чтонибудь съ собой,—отвѣчалъ Николай:—мнѣ надо найти красавицу Митсосу. Богъ знаетъ, куда она исчезла. Я люблю его, и потомъ мы многимъ ему обязаны. Я никогда себѣ не прощу, если она погибнетъ.

— Она, можетъ быть, нашла себѣ пріютъ въ домѣ, — замѣтилъ Петровій:—или...

— Нѣтъ, она блуждаетъ по улицамъ.

— Что ты, если она на улицахъ, то ее уже давно убили. Бѣдный Митсось!

Николай выпилъ глотокъ вина, схватилъ корку хлѣба и быстро удалился.

Цѣлый часъ бродилъ онъ по улицамъ, печально всматриваясь въ каждую убитую женщину, но все тщетно, и когда онъ встрѣтился въ указанномъ мѣстѣ съ Яни, то они оба печально сознались, что всѣ ихъ усилія были тщетны. Однако, Николай не унывалъ и продолжалъ поиски до глубокой ночи. Даже ночью онъ мысленно искалъ Зулейму, а на разсвѣтѣ отправился въ майнотскій лагерь и позавтракалъ у Петровія.

Нѣкотораго рода порядокъ былъ введенъ въ лагерь и городѣ, но все-таки рѣзня продолжалась, и среди грековъ открылся странный недугъ, особый видъ горячки, который унесъ въ одинъ день до пятидесяти человѣкъ и былъ приписанъ заразѣ, наполнявшей воздухъ отъ гнившихъ труповъ, валявшихся на улицахъ.

7-го сентября, ночью турки сдѣлали неожиданную вылазку изъ цитадели, гдѣ они заперлись, и половина ихъ успѣла спастись, по дорогѣ въ Аргось, а остальная часть была изрѣзана подоспѣвшими греками. Николай, которому всю ночь что-то нездоровилось, выскочилъ однимъ изъ первыхъ на тревогу и сражался въ первой шеренгѣ майнотовъ. Въ темнотѣ не видно было противниковъ, и Николай не замѣтилъ, какъ ему нанесли рану въ плечо. Ему тотчасъ сдѣлали перевязку, но къ ночи у него открылась горячка, унесшая уже много жертвъ среди грековъ.

На слѣдующій день около полудня Николай лежалъ въ забытьѣ, какъ вдругъ извнѣ его жилища раздались крики торжества, онъ открылъ глаза и увидѣлъ Яни подлѣ своей кровати.

— Что случилось?—промолвилъ больной:—нашли Зулейму?

— Цитадель сдалась,—отвѣчалъ Яни,—на башнѣ поднять бѣлый флагъ.

Николай съ трудомъ поднялся на кровати.

— Слава Богу,—промолвилъ онъ:—значить, вся Морея свободна, отъ Коринѳа до Майны, теперь остается только найти Зулейму.

И онъ снова впалъ въ забытьѣ, а когда по временамъ приходилъ въ себя, тихо бормоталъ.

— Отчего не является Митсось? Мнѣ его нужно. Я хочу сказать ему, что наша родина свободна, что иго турокъ кончено.

Вскорѣ по всему лагерю разошлась вѣсть, что Николай былъ тяжело боленъ. Всѣ любили и уважали его, какъ единственнаго воеводу, не запятаннаго ничѣмъ. Его перенесли въ цитадель, какъ самое здоровое, возвышенное мѣсто, и положили въ верхней комнатѣ башни, на коей уже развѣвался греческій флагъ.

Въ этотъ день вечеромъ былъ произведенъ раздѣлъ добычи, и онъ ознаменовался позорнымъ, кровавымъ дѣломъ. Двѣ тысячи турокъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, оставшихся еще въ живыхъ, были отведены въ оврагъ за Триборфой и перебиты до послѣдняго. Между тѣмъ оказалось, что извѣстie о высадкѣ турокъ на сѣверѣ было ложнымъ, и князь Дмитрій съ Германомъ отправился обратно въ Триполи. Но по дорогѣ онъ получилъ вѣсть о взятіи города, и Митсось выпросилъ у него позволеніе опередить его.

Онъ скакалъ день и ночь и прибылъ 8-го сентября послѣ заката солнца въ Триполи.

Онъ прямо отправился къ Петровію, чтобъ передать порученіе князя, но онъ встрѣтилъ его словами.

— Бѣдный юноша, соберись съ силами, тебя ждутъ печальныя новости. Мы ея не нашли, а Николай умираетъ. Иди къ нему.

— Можетъ быть, я еще найду ее,—промолвилъ Митсось съ тяжелымъ вздохомъ:—гдѣ женщины и плѣнные?

— Здѣсь нѣтъ ни женщинъ, ни плѣнныхъ,—печально отвѣчалъ Петровій.

Митсось вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и поникъ головой.

— Дядя Николай умираетъ,—промолвилъ онъ,—спустя нѣсколько минутъ, я пойду къ нему.

ХІІ.

Низенькая комната, въ которой умиралъ Николай, была освѣщена масляной лампой. Подлѣ кровати, на полу лежалъ Яни, не отходившій отъ больнаго; увидавъ Митсосу, онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ нему и промолвилъ шопотомъ:

— Какъ я радъ, что ты вернулся, онъ все спрашиваетъ о тебѣ.

— Оставь насъ,—отвѣчалъ Митсось, и когда Яни вышелъ изъ комнаты, онъ всталъ на колѣни передъ кроватью и тихо произнесъ:

— Дядя, милый дядя, я здѣсь.

Николай съ трудомъ открылъ глаза, но не узналъ племянника, а сталъ говорить безсвязно:

— Я не виноватъ, я вездѣ ее искалъ, бѣдный Митсось, онъ мнѣ никогда этого не проститъ. А куда онъ пропалъ, отчего онъ не возвращается?.. Я тебѣ говорилъ, Петровій, положи ты конецъ позорной торговлѣ, не хочешь... такъ я самъ, положу этому конецъ и возьму одинъ Триполи. Дайте мнѣ флагъ, чтобъ водрузить на стѣнахъ города. Что? и за это надо заплатить? Продажныя души! Хорошо, я вамъ дамъ миллионъ, два миллиона. Ну, вотъ я и на верху, вотъ и флагъ водружень!

Больной снова впалъ въ забытiе, а Митсось сидѣлъ подлѣ него, погруженный въ мрачную, горькую думу.

Петровій принесъ ему пици и вина, но онъ не хотѣлъ ни до чего дотронуться. Такъ прошла вся ночь. На зарѣ Николай очнулся и, увидавъ Митсосу, призналъ его.

— Слава Богу, что ты вернулся, Митсось, — промолвилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, — ты не сердись на меня и Яни. Мы сдѣлали все, что могли, но она исчезла.

— Полно, дяди, — отвѣчалъ юноша, заливаясь слезами: — я знаю, что ты сдѣлалъ все, что могъ. Но не умирай, я не могу жить безъ тебя.

Николай погладилъ его по головѣ дрожащей рукой и тихо произнесъ:

— Такъ Богу угодно. Я исполнилъ свою задачу, а теперь ты работай. Я умираю счастливымъ. Наша родина отъ Коринѳа до Майны свободна. Но это еще не все, и ее надо освободить до Фермопилъ. Клянись, что докончишь святое дѣло.

— Клянусь, дядя. Но что могу я сдѣлать безъ тебя!

— Богъ тебѣ поможетъ. Ипсиланти вернулся?

— Онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Германомъ.

— Я не хочу умереть съ ложью на языкѣ, — промолвилъ Николай, насупивъ брови: — онъ не хорошій человекъ, я не прощаю ему, и смотри, Митсось, не довѣрайся ему.

— Не думай о немъ, дядя.

— Правда, нечего о немъ думать, — продолжалъ Николай послѣ продолжительнаго молчанія: — я прощаю ему. Такъ и скажи ему отъ меня. Еслибъ онъ былъ здѣсь, то я пожалъ бы ему руку. Но все-таки не довѣрай ему.

Лицо его было очень блѣдное, и онъ попросилъ пить.

— Мнѣ не много остается тебѣ сказать, — произнесъ онъ едва слышно: — я счастливъ въсѣхъ царей. Я умираю, но въ минуту торжества. Но вотъ тебя я сожалею... Побѣда!.. Свобода! А гдѣ Петровій? Позови его и всѣхъ соотчичей. Пусть войдутъ всѣ, но прежде поцѣлуй меня.

Митсось исполнилъ его желаніе, и черезъ минуту комната наполнилась людьми, которые со слезами на глазахъ слѣдили за послѣдними минутами умирающаго. При видѣ своихъ старыхъ друзей, онъ хотѣлъ привстать, но отъ этого усилія перевязка лопнула, и кровь хлынула изъ раны.

Онъ неожиданно вскочилъ и громко воскликнулъ:

— Кричите всѣ ура! Греція свободна! О Катерина, я иду къ тебѣ. Ну же, кричите. Ура! Греція свободна!

Изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ вырвался побѣдный крикъ и подъ его звуки душа героя перешла въ вѣчность.

Тѣло Николая перенесли въ турецкую мечеть въ цитадели и передъ нимъ водрузили большой деревянный крестъ. Всѣ греки отъ начальниковъ до простыхъ солдатъ приходили прощаться съ тѣмъ, кого всѣ любили и уважали. Князь и Германъ пріѣхали въ полдень; узнавъ о смерти своего противника, послѣдній сказалъ:

— Я никогда при жизни не отдавалъ ему должной чести и прощу за это у Бога прощенія. Но теперь я воздамъ ему должное.

Похороны Николая были назначены въ тотъ же вечеръ на закатѣ солнца, и его предали землѣ рядомъ съ мечетью. Первая часть службы происходила въ мечети, а остальная на чистомъ воздухѣ. Уже смеркалось, когда гробъ опустили въ могилу при мерцаніи зажженныхъ факеловъ. Въ головѣ могилы всталъ Германъ, а въ ногахъ Петровій и Митсось. Майноты окружали ее со всѣхъ сторонъ и горько плакали. Произнося обычныя молитвы, Германъ сказалъ растроганнымъ голосомъ.

— Сегодня день рожденія новаго народа, и самъ Николай былъ бы доволенъ, еслибъ мы такъ смотрѣли на сегодняшний день. Всѣ мы знаемъ, что одержали великую побѣду и понесли великую потерю. Но, видитъ Богъ, никто такъ не сожалѣетъ этой потери, какъ я. Я не сталъ бы вамъ говорить о себѣ, еслибъ Николай умирая не простилъ мнѣ то зло, которое я сдѣлалъ ему. Только его прощеніе даетъ мнѣ право быть здѣсь. Вы знали его хорошо, онъ былъ вамъ соотчичъ, но не плачьте о немъ. Богъ въ неизреченной своей милости дозволилъ ему увидѣть зарю радостнаго дня и призвалъ его къ себѣ въ минуту торжества. Оказать такія услуги, какъ Николай, святому дѣлу—великое счастье, но умереть въ тотъ моментъ, когда уже видишь плоды своихъ трудовъ—такое благополучіе, которое выпадаетъ немногимъ. По своему положенію и дѣятельности онъ занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ Греціи, но онъ умеръ по собственной волѣ, простымъ солдатомъ. Хотя это обстоятельство для меня очень печально, но оно служитъ какъ бы доказательствомъ, что Николай былъ символомъ побѣды народа. Помните всегда объ этомъ днѣ, какъ о рожденіи свободнаго народа, а о Николаѣ, какъ объ олицетвореніи народнаго торжества. Теперь нечего плакать, нечего убиваться. Какъ простился съ нами — побѣднымъ крикомъ! Онъ умеръ счастливый, торжествующій, и вы такимъ представляйте его себѣ. Онъ перешелъ не въ мрачную ночь, а въ сіяніе дня съ свѣтлой мыслию, что родина свободна. Эту радостною мыслию и мы проводимъ его въ могилу. Слава освобожденной Греціи! Слава Николаю, благородному олицетворенію народной побѣды!

И вокругъ открытой могилы, среди ночного мрака поднялся дружный радостный крикъ освобожденнаго народа. Три раза онъ повторялся, и затѣмъ всѣ молча разошлись.

Въ ту же ночь Митсось, простившись съ Петровіемъ и Яни, отправился въ Навплию къ отцу. Тяжело, мрачно было у него на сердцѣ.

— Ты не сердись, что я уѣзжаю,—сказалъ онъ, разставаясь съ Яни,—но мнѣ надо остаться наединѣ съ своимъ двойнымъ горемъ.

Я остался безъ Николая и безъ Зулеймы, которую тщетно вездѣ искалъ. Послѣ ихъ и отца я болѣе всего люблю тебя. Но ты меня поймешь.

— Да, уѣзжай, Митсось,—отвѣчалъ со слезами Яни,—но если когда нибудь я могу тебѣ понадобится, то пришли за мной, и я полечу къ тебѣ.

— Вспомнимъ Николая, — произнесъ твердымъ голосомъ Митсось,—и будемъ только думать объ освобожденіи родины.

Они расстались, и Митсось отправился въ путь.

Цѣлую ночь ѣхалъ онъ верхомъ безъ усталости и утромъ очутился передъ родительскимъ домомъ. Издали онъ увидѣлъ, что старикъ работаетъ въ саду, но онъ не пошелъ туда, а оставался, какъ вкопанный, передъ отворенной дверью дома.

Изъ нея доносились знакомые звуки пѣсни винодѣловъ. Онъ бросился въ дверь: передъ нимъ сидѣла Зулейма и укачивала ребенка, маленькаго Митсосу.

— Радость моя! Жена моя! — воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ счастья.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРЬ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Адамовичъ, С. Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи съ приложеніемъ таблицъ: первоначальныхъ чиселъ до 1,000 нечетныхъ составныхъ до 10,000 и ми. др. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.

Александровскій, Г. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Публичная лекція. Кіевъ. 1898 г. Ц. 35 к.

— Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.

— Къ вопросу о психологіи поэтическаго творчества. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.

Алихановъ-Аварскій, М. Походъ на Хиву (кавказскихъ отрядсвъ 1873). Степь и оазисъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аминторъ (фонъ), Г. За правду и за честь женщины. Сіз-нош—соната. Противъ «Крейцеровой» сонаты» Л. Н. Толстого. Перев. съ нѣм. М. Калмыкова. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Английская бользнь. Гигіена, діета и леченіе. По профессору д-ру Генноху, профессору д-ру Шредеру, профессору д-ру Вагинскому. Составлено подъ ред. д-ра мед. Н. А. Павлова. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Артюшинъ, П. Судебныя дѣла Страховаго общества «Россия». Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Багалъй, Д., (проф.). Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I. (1802—1815 г.). Съ портретами выдающихся дѣятелей. Харьковъ. 1893—1898. Ц. 6 р. Отдѣльн. вып. 3 и 4-й (стр. 483—1204). Ц. 3 р. 10 к.

Баринъ-Гульдъ, С. Героиня вѣры. Разсказъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Пер. А. Л. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Baets de Nermann. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. В. В. Выховскаго. 2-е изд. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Барсукъ, А. И. Сіонистка. Романъ въ двухъ частяхъ. Вып. 1-й. Одесса. 1899 г. Ц. 30 к.

Бемъ, А., и М. Давыдовъ. Учебникъ гистологіи человека со включеніемъ микроскоп. техники. Съ 257 рис. Пер. съ нѣм. В. Львова. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 3 р.

Бернось П., и Ингеницій И. Практическая зоотомія. Вып. I. Лягушка. Съ 23 рис. въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Берлюзъ Генторъ. Мемуары. (Перев. съ французскаго). Т. I. (части первая и вторая). Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Бешъ, в. н. Рыбные промыслы Западной Европы. II. Очерки норвежскихъ промысловъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Бобровскій, п. о. Военное право при Петрѣ Великомъ. Ч. II. Артикуль воинскій по русскимъ и иностраннымъ источникамъ. Вып. III. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Богдановскій, М. Инженерно-историческій очеркъ осады Казани 7060—7061 г. (1552). Съ 5-ю листами чертежей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 30 к.

Богдановъ, М. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. Съ рисунками, портретомъ автора и биогр. очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Булгановскій, Д. Г. Противъ пьянства. Чтеніе для нижнихъ чиновъ со свѣтовыми (стуманными) картинами. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

— Что такое пьянство и какъ избавиться отъ него? Вездѣ съ нижними чинами. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Графъ Л. Н. Толстой. Критика его произведеній. Русская и иностранная. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веббъ, Сидней. Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ. Спб. 1899 г. Цѣна 15 к.

*) Вейзеръ, Карлъ. Исторія англійской литературы. Пер. съ нѣмецкаго. (Научная дешевая библіотека А. С. Суворина). Спб. 1899 г. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Великіе адвокаты XIX вѣка съ предисловіемъ академика Жюль Симона. Пер. В. В. Выховскаго. Вып. I. (Дюпенъ Старшій, Веррье, Филиппъ Дюпенъ, Кремье и Пайе). Съ портретами. М. 1898 г. Ц. 75 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биогр. данными объ авторахъ и пере-

- водчикахъ. Вып. XXXI. Бычковъ-Бѣлорусовъ. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Верещагинъ, В. В.** Листки изъ записной книжки художника. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- На войнѣ въ Азій и Европѣ. Съ рисунками. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Виды Москвы.** Ц. 1 р.
- Виды Петербурга.** Ц. 1 р.
- Вильчинскій, О.** Очеркъ древнѣйшей культуры русскихъ областей. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Вильямсъ Эрнестъ Эдвинъ.** Промышленная война Германіи съ Англіей. (Made in Germany). Пер. съ англ. П. Дьякова. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Вирховъ, Рудольфъ.** Гигіена одежды. Перевелъ и дополнилъ по трудамъ проф. Анучина, Ферреро и Эрсмана и акад. Тарханова В. В.—скій. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Властовъ, Георгій.** Священная лѣтопись. Томъ 5-й. Пророкъ Исаія. въ 2-хъ част. Ч. I. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к., ч. II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воеводинъ, Л.** Записки по горнозаводской бухгалтеріи. Пермь. 1896 г. Ц. 2 р.
- Волкова, М. М., и Вольфсонъ, В. Д.** Курсъ гигиены для женскихъ гимназій. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Вольтеръ.** По Коаллини, Ваньсеру, Штраусу и др. Перев. съ нѣм. Н. Андреева. Редакція Д. Протопопова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Воронова, Е. А.** Школа въ Алуштѣ. Изъ воспоминаній учительницы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Всеобщій календарь на 1899 годъ.** Спб. Ц. въ бумажѣ 1 р., въ папкѣ—1 р. 30 к., въ перепл.—Ц. 1 р. 50 к.
- ^{*)} **Вся Россія.** Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Адресъ-календарь Россійской Имперіи. Т. I и II. Спб. 1899 г. Ц. 12 р.
- Гавриленко, А. П.** Курсъ механической технологии металловъ. Лекція, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ. М. 1897 г. Ц. съ атласомъ 9 р.
- Гаймъ, Р.** Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описание его жизни и характеристика. Перев. съ нѣмецк. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Гано, А.** Нодный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. Перев. съ франц. Ф. Павленкова и В. Черкасова. Въ 2-хъ ч. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.
- Гейне, Г.** Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. III. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Гельвальдъ.** Исторія культуры. Т. II. Античная культура. Пер. подъ ред. д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Вып. II и III. Съ таблиц. и 47 рисунк. М. 1898 г. Ц. 28 к.
- Gilbert (проф.) и д-ръ Camot.** Опотерапія (леченіе вытяжками животныхъ органовъ), съ приложеніемъ докладовъ и премія на IV франц. конгрессѣ терапевтовъ въ Монпелье. Перев. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Глаксъ, Ю. (J. Glax).** Руководство къ бальнеотерапіи. Съ 28-ю рисун. въ текстѣ. Пер. съ нѣм. д-ра М. М. Гальберштама. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Годронъ, Ш.** Прокатка. VI и VII главы изъ сочиненія Procédés de forgeage. Пер. горнаго инженера Н. А. Корзухина. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Головинъ, Н. (Орловскій).** Андрей Мологинъ. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Баловень счастья. Повѣсть. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Гольддмерштейнъ, Л.** Краткое руководство англійской грамматики (для желающихъ научиться читать на этомъ языкѣ). Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Гриммъ, Братья.** Два брата, Докторъ всезнайка. Съ 3 рис. Ц. 10 к. Варабанчикъ. Молодой великанъ и друг. Съ 6 рис. 10 к. Остриный Салавъ. Гвоздика. Золотой Гусь и друг. Съ 7 рис. Ц. 10 к. Незабудочка. Умники и друг. Съ 6 рис. Ц. 10 к. Шестеро товарищей. Ранецъ, шапка и рожокъ. Ц. 10 к. (Иллюстр. сказочн. библиотека Ф. Павленкова).
- Гринъ.** Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. II. Перев. съ англ. Н. Н. Шимонина. М. 1898 г. Ц. 70 к.
- Грумъ-Гриммайло, Г. Е.** Историческое прошлое Бей-Шаия въ связи съ исторіею Средней Азій. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Гунтъ, С.** Заразные болязни домашнихъ животныхъ и заразные болязни человѣка, получаемыя имъ отъ животныхъ. Руководство для врачей, ветеринарныхъ врачей и агрономовъ. Т. I. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Гусевъ, П.** Новгородская икона св. Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ. Съ 23 рис. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Данвилль, Г. (проф.).** Любовь съ психологической точки зрѣнія. Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Даневская, С.** Открытіе Америки. Историч. рассказъ для дѣтей. Изд. 4-е съ портр. Колумба и двумя картами. М. 1898 г. Ц. 60 к.
- Дантъ Алигьери.** Божественной комедіи, ч. II. Числанице. Переводъ съ итальянскаго М. А. Горбова, съ объясненіями и примѣчаніями. М. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 6 р.
- Дашкевичъ, Н.** Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды. Кіевъ. 1898 г. Ц. 35 к.
- ^{*)} **Днеромъ, К. Днеромъ.** Праздныя мысли дѣтя. Пер. съ англійскаго П. Жариндовой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
- Днѣваніюли.** Спартакъ. Романъ. Пер. съ итальянска. А. Карьякъ и С. А. Гулинямбаровою. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Доробецъ, Н. К.** Академическая практика по гражданскому праву. Т. I. Сизферополь. 1898 г. Ц. 1 р.
- Дрентельнъ, Елизавета.** Аномаліи развитія полового чувства у дѣвочекъ. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Дубровина, Е. О.** Безъ вина—расплата. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Дѣти.** М. 1898 г. Ц. 60 к., накл. на холстѣ 1 р.
- Дьяченко, Гр. (свящ.).** Христіанскія утѣшенія несчастныхъ и скорбящихъ, испытывающихъ бѣдность, болязни, потери род-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРЕДЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"